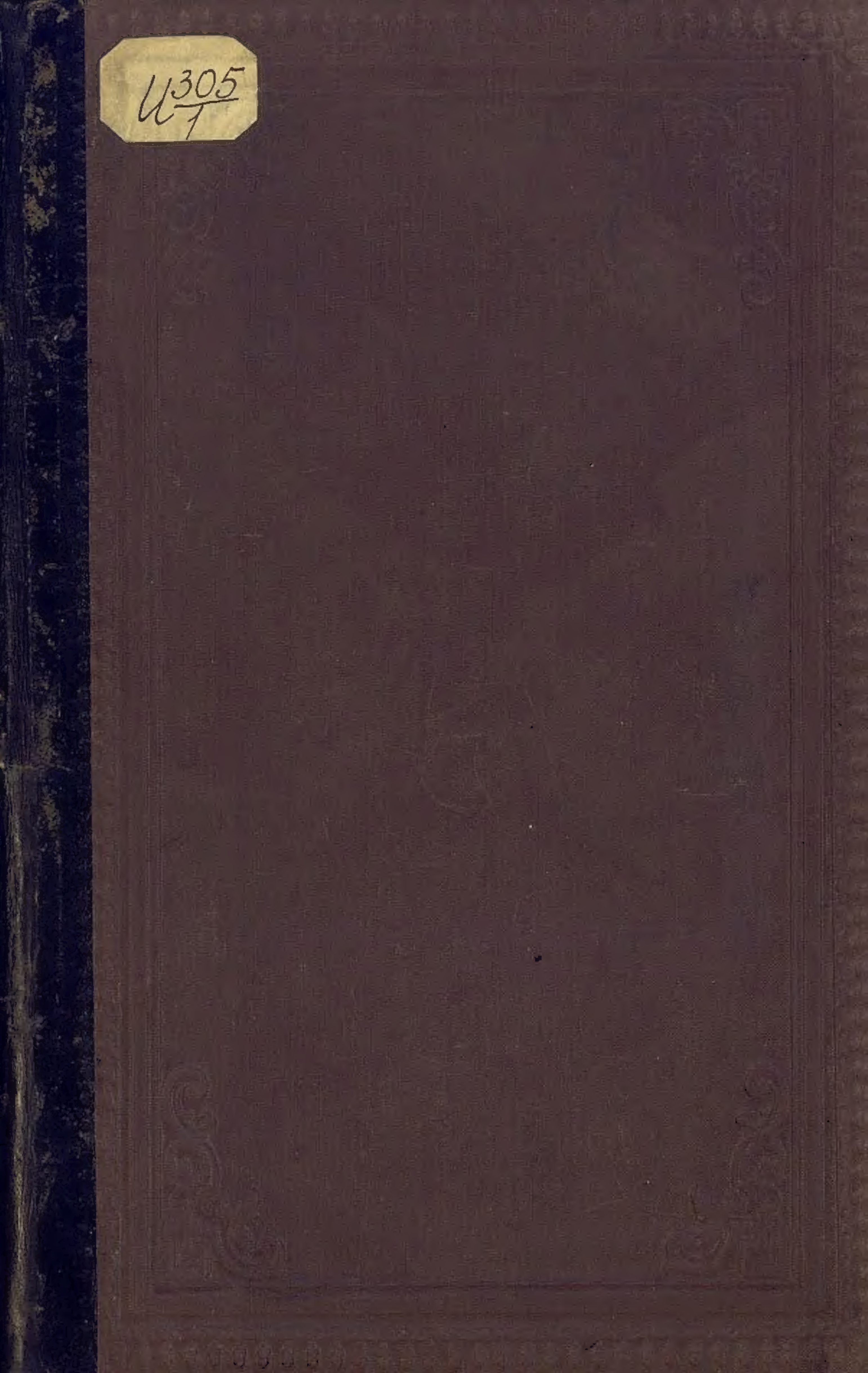

И 305
1

М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1876 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1897.

Типографія В. В. Чичерина,

прот. Марьиной слободки, за Камеръ-Коллежскимъ вал., соб. д. 2 ст. Московск. уѣзда.

1876 годъ.

Указатель статей[1].

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы [2].

Обзоръ внутреннихъ дѣлъ Россіи за истекшій 1875 годъ. 5.

Прибытіе Государыни Цесаревны въ Москву. 195.

Прибытіе Государя Императора въ Москву. Тайна величія нашего народа и его призванія. 276—А.

Демонстрація въ Петербургѣ 6 декабря передъ Казанскимъ соборомъ. 317—Б.

Сущность революціонной пропаганды, работающей среди учащейся молодежи. 318.

Администрація.

Паспортная система, требующая коренныхъ реформъ. 68.

Военное дѣло.

Дороговизна долгосрочнаго подряда провіанта на продовольствіе войскъ. 40.

По поводу двухъ писемъ въ *Биржѣ* о подрядахъ. Мнѣніе Кокорева. 84. 133.

Иностранная колонизація.

Чешскія колоніи въ Волынской губерніи. 119.

Кавказъ.

Загадочное убійство въ Чечнѣ. Слухи о прибытіи изъ Турціи муллъ для возбужденія мусульманскаго населенія. 178.

Возбужденіе религіознаго фанатизма по всей закавказско-турецкой границѣ. 186—А.

Ожиданіе въ Константинополѣ результатовъ пропаганды. Отъѣздъ Великаго Князя Михаила Николаевича въ Тифлисъ. 196—А.

Офиціальное опроверженіе толковъ о звѣрскихъ убійствахъ въ Терской области. Выставка значительныхъ отрядовъ по нашей границѣ съ Турціей необходима для Закавказскаго края. 214—Б.

Нападеніе Турокъ на русское селеніе. Проповѣдь „газавата“ по всему сѣверному Кавказу. 218—Б.

Отрицаніе газетою *Кавказъ* фанатическихъ агитацій. 232—Б. 255.

Крымъ.

Необходимость предоставленія крымскимъ Татарамъ полной свободы выселенія. Вызовъ туда переселенцевъ изъ внутренней Россіи. 174.

Адресъ крымскихъ Татаръ, поданный Государю въ Ливадіи. Мѣры противъ эмиграціи Татаръ въ Турцію. 244.

Морское дѣло.

По поводу отвѣта „Русскаго Общества Пароходства и Торговли“ одесскому „Комитету Торговли и Мануфактуръ.“ Непрочность пароходнаго дѣла, зависящаго отъ одной монопольной компаніи. 29—А. 36. 41.

Причины единодушія печати противъ продолженія субсидіи „Русскому Обществу Пароходства и Торговли.“ 50.

Запутанность и неполнота нашего морского законодательства. „Систематическій сборникъ матеріаловъ для свода морскихъ постановленій.“ 111.

Высочайшее повелѣніе о продолженіи дѣйствій „Русскаго Общества Пароходства и Торговли.“ 126.

Плохое исполненіе Обществомъ своей миссіи. 130.

Пути сообщенія.

Уставъ Донецкой желѣзной дороги. 52.

Печальная судьба желѣзной дороги на Либаву. 73.

[1]) Цифры означаютъ нумора *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ первая, вторая или третья статья въ данномъ нумерѣ. Указаніе страницы при нумерѣ означаетъ часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы касающіеся Россіи затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

Рабочій вопросъ.

Религія и церковь.

Сельское хозяйство.

Самоуправленіе.

Судебное дѣло.

Учебное дѣло.

Финансы.

Торговля.

Статьи разнаго содержанія.

Русскія владѣнія въ Азіи.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Общее обозрѣніе.

Возстаніе въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи.

Война Турціи съ Сербіей и Черногоріей.

Парижская декларація.

Всесвѣтная революція.

Германія.

Франція.

Англія.

Италія.

Австро-Венгрія.

Испанія.

1876 ГОДЪ.

№ 1.

Москва, 31-го декабря.

Минувшій годъ послужилъ пробой прочности положенія Европы. Въ теченіе истекшаго года возникали важныя международныя замѣшательства, наступилъ кризисъ, сопряженный съ громадными затрудненіями и опасностями, грозное предчувствіе коего давно смущало политическихъ людей. Вопреки мнѣнію пессимистовъ будто бы общее затишье среди котораго начался истекающій годъ, объяснялось единственно внутренними заботами отъ коихъ не была свободна ни одна изъ европейскихъ державъ, мы свидѣтельствовали что въ настоящихъ условіяхъ Европы есть гарантіи для общаго мира гораздо болѣе вѣрныя, и теперь, встрѣчая Новый Годъ, мы можемъ сказать что наше убѣжденіе выдержало пробу весьма суроваго опыта. Никто даже изъ отъявленныхъ пессимистовъ не утверждаетъ чтобы минувшій годъ положилъ начало какой-либо серіозной розни между державами. Союзъ сѣверныхъ имперій, на которомъ основано теперь спокойствіе и равновѣсіе всей Европы, не только не распался, какъ ожидали многіе, при первой серіозной пробѣ, но нашелъ себѣ новое подтвержденіе въ событіяхъ.

Въ минувшемъ году, болѣе чѣмъ когда-либо, стало очевидно что центральное положеніе въ нынѣшней политической комбинаціи принадлежитъ Россіи. Положеніе это не было куплено кровью; оно не было послѣдствіемъ напряженныхъ усилій; оно было занято нашимъ отечествомъ какъ бы по естественному праву. События доказали что Россія въ европейской системѣ есть могущественный элементъ мира и цивилизаціи, а не смуты и варварства, какъ выставляли ее клеветники. Русской политикѣ, неизмѣнной въ теченіе всего нынѣшняго благополучнаго царствованія, была впервые воздана справедливость лишь со времени событій 1870 года. Въ то критическое время можно было принять тотъ или другой путь, и главною чертой дѣйствій Россіи было то что она шла принятымъ путемъ безъ колебанія, такъ что ея политика не могла не заслужить всеобщаго уваженія и довѣрія всѣхъ партій. Это облегчило для Россіи и всѣ дальнѣйшія ея дѣйствія. Между ею и Австріей, послѣ долговременнаго охлажденія, возстановились столь искреннія отношенія что они могутъ теперь дѣйствовать совокупно въ Восточномъ вопросѣ, а ихъ согласіе дѣйствуетъ успокоительно и на всю остальную Европу. Вслѣдъ затѣмъ и въ отношеніяхъ Россіи къ Англіи наступила благопріятная перемѣна, чему много способствовала родственная связь установившаяся между ихъ царствующими домами. Намъ приходилось и въ минувшемъ году не разъ воевать съ проникавшими въ англійскую печать неосновательными толками о Россіи, но мы не можемъ не признать что англійская печать вообще стала относиться къ намъ справедливѣе, и результатомъ довѣрія внушаемаго теперь Россіей было то что вліятельнѣйшіе англійскіе органы стали высказывать о положеніи дѣлъ Турціи сужденія замѣчательно согласныя со взглядами какихъ всегда держалась русская политика. Наконецъ, Франція, занятая исключительно своимъ внутреннимъ дѣломъ послѣ постигшихъ ея несчастій, взираетъ на Россію, несмотря на ея тѣсную дружбу съ Германіей, съ упованіемъ и довѣріемъ, видя въ ея дружелюбной политикѣ залогъ мира въ которомъ эта страна можетъ-быть болѣе всѣхъ нуждается.

Таково положеніе коимъ справедливо можетъ нынѣ гордиться Россія въ евро-

пейской семьѣ. Свиданія государей закрѣпили соединяющія ихъ дружескія узы. Весной Государь Императоръ посѣтилъ въ Берлинѣ своего августѣйшаго дядю. Другимъ важнымъ событіемъ былъ отвѣтный визитъ Германскаго императора королю Италіи въ Миланѣ, удовлетворившій давнишнему желанію Италіянцевъ и закрѣпившій союзъ благодаря коему обѣ націи могли успѣшно довершить каждая свое объединеніе. Москва принимала въ своихъ гостепріимныхъ стѣнахъ короля Шведскаго Оскара, который, по замѣчательному случайному совпаденію, прибылъ къ намъ мирнымъ гостемъ и другомъ въ самую годовщину Полтавской битвы. Наша сѣверная сосѣдка-Швеція, бывшая когда-то соперницей, такъ давно уже покончила съ нами всѣ свои счеты что теперь не имѣетъ никакого повода ни враждовать противъ насъ, ни чего либо опасаться съ нашей стороны. Между ними возможно теперь лишь соперничество или, вѣрнѣе сказать, дружное содѣйствіе въ дѣлахъ общаго интереса, какъ это показалъ намъ примѣръ профессора Норденшельда, экспедиція котораго впервые успѣшно достигла устьевъ Енисея гдѣ нашла помощь русскихъ рыболововъ. Ученый изслѣдователь возвратился въ свое отечество черезъ Москву и Петербургъ, гдѣ встрѣтилъ заслуженныя оваціи, и въ будущемъ году готовится новое изслѣдованіе найденнаго имъ пути какъ русскими, такъ и шведскими усиліями.

Затѣмъ, Москву посѣтилъ августѣйшій зять нашего Государя, герцогъ Эдинбургскій, который на всемірной Нижегородской ярмаркѣ имѣлъ возможность оцѣнить все радушіе русскаго гостепріимства, и изведать личнымъ опытомъ глубокую и горячую привязанность русскаго народа съ семьѣ своего Государя. Нижегородскія празднества, во глубинѣ Россіи, были чужды всякаго офиціальнаго характера, и оставили по себѣ глубокое впечатлѣніе въ нашихъ гостяхъ. Царственные визиты завершились въ ноябрѣ Георгіевскимъ праздникомъ, на который прибыли, какъ представители иностранныхъ кавалеровъ этого ордена, принцъ Карлъ Прусскій и эрцгерцогъ Альбрехтъ Австрійскій, причемъ Государемъ Императоромъ сказаны были достопамятныя и многознаменательныя слова успокоившія весь цивилизованный міръ.

Приступая къ обзору событій минувшаго года имѣвшихъ общій интересъ для всѣхъ странъ Европы, мы наглядно можемъ убѣдиться какъ благотворно пользовалась Россія своимъ положеніемъ. Въ началѣ весны возникла тревога весьма загадочнаго происхожденія, но возбудившая повсюду немалый переполохъ. Дѣло шло ни болѣе ни менѣе какъ о неизбѣжной будто бы новой войнѣ между Франціей и Германіей. Многіе нѣмецкіе органы съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ французскаго закона о преобразованіи арміи и усматривали въ немъ поспѣшныя приготовленія Франціи къ войнѣ. Также въ виду необычайно быстраго финансоваго возстановленія Франціи, нѣкоторые германскіе патріоты сожалѣли о слишкомъ снисходительныхъ условіяхъ мира на нее наложенныхъ и приходили къ заключенію что должно новыми болѣе тяжкими условіями поправить прежнюю ошибку. Важность, однако, была не въ газетныхъ толкахъ, а въ распространившемся убѣжденіи что такое мнѣніе будто бы раздѣляется въ весьма вліятельныхъ сферахъ, такъ что французское правительство встревожилось не на шутку и рѣшилось обратиться къ посредничеству другихъ державъ. Хотя всѣ эти опасенія въ то время казались преувеличенными, но нельзя было отрицать что тревога была весьма серіозная, а подобныя недоразумѣнія всегда опасны. Россія, по своимъ отношеніямъ къ Германіи, могла всѣхъ успѣшнѣе подѣйствовать въ этомъ затрудненіи, и успокоить опасенія какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, и дѣйствительно, прибытіе Императора Всероссійскаго въ Берлинъ мгновенно произвело миротворное дѣйствіе. Тревога сразу прекратилась не оставивъ и слѣда.

Бывшее затѣмъ въ минувшемъ году бельгійско-германское затрудненіе едва ли заслуживаетъ названія международнаго. Хотя иные и хотѣли видѣть въ немъ посягательство со стороны Германіи на независимость слабаго сосѣда, но вскорѣ оказалось что само бельгійское правительство признало справедливость сдѣланнаго ему указанія на пробѣлъ въ его законодательствѣ, оставляющій безнаказанными подстрекательства его подданными къ убійствамъ въ другомъ государствѣ, и изъявило согласіе пополнить этотъ пробѣлъ если и другія государства поступятъ также.

Переходимъ къ важнѣйшему затрудненію минувшаго года, разрѣшеніе коего завѣщается имъ наступающему,—къ кри-

зису постигшему Оттоманскую имперію. Возникъ этотъ кризисъ не только совершенно неожиданно подобно взрыву дремавшаго вулкана, но и принялъ теперешніе размѣры можно сказать почти незамѣтно. Въ іюнѣ происходили въ англійской Палатѣ Общинъ теоретическія пренія о положеніи Турціи, которой, по увѣренію многихъ ораторовъ, грозило неминуемое банкротство вслѣдствіе расточительности ея правительства; но никто не думалъ что эти зловѣщіе для англійскихъ заимодавцевъ толки должны были оправдаться такъ скоро. Не прошло и мѣсяца какъ пронеслась вѣсть о волненіяхъ въ Герцеговинѣ. Въ началѣ никто не приписывалъ ему большаго значенія, и лордъ Дарби выразилъ даже сомнѣніе въ самомъ существованіи инсургентовъ; но быстрота съ какою казавшаяся неважною мѣстная смута измѣнила характеръ и приняла видъ обширнаго возстанія, которое длится уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, свидѣтельствуетъ до какой степени подгнили самыя основы Оттоманской имперіи. Въ два мѣсяца, страну объятую возстаніемъ уже нельзя было узнать. Мусульманскія власти принялись было укрощать возстаніе обычными способами и довели до отчаянія населеніе. Мужское населеніе поголовно вооружилось въ двухъ провинціяхъ, Босніи и Герцеговинѣ, и началась ужасная рѣзня, ожесточаемая религіозною ненавистью; семейства же возставшихъ бѣжали и массами наполнили сосѣднія страны, австрійскую Далматію, Сербію и Черногорію. До 80.000 эмигрантовъ, большею частью женщинъ, дѣтей и стариковъ, столпились въ этихъ странахъ, гдѣ стекающаяся отовсюду помощь едва въ состояніи облегчать ихъ бѣдствія и обезпечивать имъ жалкое существованіе; множество уже померло отъ нужды и страданій. Когда возстаніе приняло такіе размѣры, пограничныя австрійскія провинціи съ славянскимъ населеніемъ пришли въ волненіе, а Сербія и Черногорія открыто рвались на помощь братьямъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Пламя грозило разлиться далеко. Вмѣшательство было неизбѣжно. Россія, вѣрная своимъ исконнымъ симпатіямъ къ восточнымъ христіанамъ, и Австрія, при своемъ непосредственномъ сосѣдствѣ съ театромъ возстанія, всего менѣе могли оставаться равнодушными. Ихъ соединеннымъ усиліямъ удалось удержать Сербію и Черногорію отъ опаснаго вмѣшательства. По этимъ самымъ обѣ державы приняли на себя и важную отвѣтственность: удержавъ волненіе въ извѣстныхъ предѣлахъ, онѣ должны были принять на себя заботы о несчастныхъ провинціяхъ Турціи гдѣ лилась кровь.

Въ этой трудной задачѣ предстояло прежде всего раскрыть ближайшія причины возстанія и узнать требованія бѣдствующихъ населеній. Съ этою цѣлью была организована консульская коммиссія, которая съ тѣмъ вмѣстѣ должна была явиться посредницей между инсургентами и турецкимъ правительствомъ. Уже этотъ первый шагъ имѣлъ видъ дипломатическаго дѣйствія всей Европы, ибо въ коммиссіи, по приглашенію трехъ сѣверныхъ державъ, приняли участіе агенты и остальныхъ державъ участвовавшихъ въ Парижскомъ трактатѣ. О причинахъ возстанія коммиссія собрала много данныхъ вполнѣ подтвердившихъ жалобы инсургентовъ; но ея посредническая миссія не удалась по той простой причинѣ что населенія совершенно утратили довѣріе къ турецкому правительству и желали получить отъ самихъ державъ обезпеченія данныхъ имъ обѣщаній. Вслѣдствіе этого, такъ какъ турецкое правительство оказывалось совершенно безсильно и подавить возстаніе, и внушить довѣріе къ реформамъ которыя оно поспѣшило возвѣстить, между тремя сѣверными державами начались немедленно переговоры о планѣ умиротворенія возмущенныхъ провинцій, составленіе коего было поручено австро-венгерскому правительству. Теперь этотъ проектъ уже готовъ, одобренъ двумя другими державами и сообщенъ правительствамъ Англіи, Франціи и Италіи. Проектъ этотъ, каковъ бы онъ ни былъ, дастъ новую точку отправленія для дѣятельности державъ въ отношеніи къ восточному затрудненію, такъ какъ, по общему сознанію, долѣе предоставлять Турцію ея участи невозможно.

Таковъ въ общихъ чертахъ очеркъ наиболѣе тревожнаго событія минувшаго года и положенія въ какомъ кризисъ застигнутъ наступающимъ Новымъ Годомъ. Повторять его подробности, перепетіи борьбы, не прекращавшейся и суровою зимнею погодой, или припоминать всѣ ложные слухи порожденные въ послѣднее время досужею фантазіей, нѣтъ надобности; но нельзя умолчать о двухъ случаяхъ сопровождавшихъ эти событія. Первымъ было бан-

кротство Турціи. Уже давно зоркіе наблюдатели предостерегали ея заимодавцевъ что она до селѣ уплачивала свои обязательства лишь благодаря все новымъ займамъ; но эта система не выдержала перваго серіознаго напряженія вынужденнаго возстаніемъ, и уже въ октябрѣ Порта объявила о невозможности уплатить болѣе половины процентовъ по своимъ долгамъ. Это финансовое крушеніе открыло даже невѣрующимъ глаза на истинное положеніе турецкихъ дѣлъ. Послѣ стали было сомнѣваться въ состояніи ли будетъ Порта уплатить и обѣщанную половину январьскаго купона, и хотя неимовѣрными стараніями и усиленными поборами въ провинціяхъ, производившимися одновременно съ новыми либеральными обѣщаніями, эта уплата обезпечена, но многіе думаютъ что это можетъ-быть послѣдній дивидендъ который получаютъ турецкіе кредиторы, и что въ слѣдующее полугодіе уже неизбѣжно наступитъ полное банкротство.

Другимъ эпизодомъ было обезпеченіе себѣ Англіей важныхъ интересовъ въ Суэзскомъ каналѣ. Банкротство ли Турціи отозвалось на Египтѣ, или независимо отъ того хедивъ попалъ въ денежное затрудненіе, но только онъ нашелся вынужденнымъ продать принадлежавшія ему акціи Суэзскаго канала. Сначала онъ вступилъ въ переговоры съ французскими капиталистами, но пока длились переговоры, англійское правительство, узнавъ о томъ, сразу купило всѣ 177.000 акцій хедива за 4 милліона фунт. ст. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Англія вызвалась привести въ порядокъ финансы хедива, для чего уже и отправлена въ Египетъ коммиссія опытныхъ агентовъ, изъ коихъ главный былъ прежде членомъ англійскаго правительства. Неожиданность и смѣлость дѣйствій англійской политики произвели сильное впечатлѣніе. Они представлялись весьма естественно въ связи съ событіями въ Турціи; казалось, Англія какъ бы заранѣе готовилась обезпечить свою долю при ликвидаціи дѣлъ своего бывшаго *protégé*. Впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе что сама англійская политика поспѣшила протрубить на весь міръ о важномъ политическомъ значеніи этой сдѣлки. Съ тѣхъ поръ лордъ Дарби, въ рѣчи произнесенной имъ въ Эдинбургѣ, старался охладить энтузіазмъ своихъ соотечественниковъ и низвести значеніе покупки Суэзскихъ акцій до простой торговой сдѣлки; тѣмъ не менѣе, англійская печать, хотя и погнѣвалась на насъ за выводъ нашъ изъ ея же собственныхъ разсужденій, не соглашается съ мнѣніемъ и своего министра, и заявляетъ что народъ англійскій предпочитаетъ видѣть въ этой покупкѣ актъ смѣлой политики, а не одну торговую сдѣлку.

Въ заключеніе о событіяхъ на Востокѣ, весьма важно было бы выяснить въ какомъ видѣ представляется, въ предѣлахъ человѣческаго предвидѣнія, ближайшее будущее. Есть основанія надѣяться что и наступающій годъ минуетъ столь же благополучно опасныя замѣшательства какъ истекшій. Ни одна изъ державъ не можетъ быть расположена къ насильственному разрѣшенію предстоящихъ затрудненій. Для каждой порознь задача могла бы быть не по силамъ, но какія препятствія могутъ противостоять дѣйствію согласной Европы? Важность и опасность настоящаго кризиса на Востокѣ заключается даже не столько въ упорствѣ и силѣ Герцеговинскаго возстанія сколько въ томъ что оно обнаружило полное разложеніе господствующее повсемѣстно въ Турціи. Мы не говоримъ уже о ея банкротствѣ и безсиліи, но отовсюду, изо всѣхъ ея провинцій, во всѣхъ газетахъ, и болѣе всего въ англійскихъ, раздается одна и та же скорбная вѣсть: объ апатіи и неспособности ея властей, о всеобщемъ запустѣніи, разложеніи и упадкѣ. Эти свидѣтельства слышатся не изъ однѣхъ европейскихъ провинцій, но и отъ англійскихъ резидентовъ въ Малой Азіи. Однако прежде всего предстоитъ позаботиться о многострадальныхъ Босніи и Герцеговинѣ. Можно ли ожидать умиротворенія отъ проекта графа Андраши, обсуждаемаго теперь державами? Это будетъ зависѣть отъ того какъ онъ будетъ окончательно принятъ не только остальными державами, но также Портой и инсургентами, и мы не можемъ не согласиться съ замѣчаніемъ вѣнскаго корреспондента въ полученномъ сегодня нумерѣ газеты *Times*, что „какія бы „ни были выражены мнѣнія объ отдѣль„ныхъ пунктахъ проекта только что от„правленнаго къ тремъ западнымъ держа„вамъ, но очевидно что если этимъ спо„собомъ не можетъ быть достигнуто „умиротвореніе, то невозможно ожидать „чтобы возстаніе могло быть прекращено „и какимъ-либо инымъ способомъ, и это

„убѣжденіе вѣроятно раздѣляется всѣми „державами."

О сопротивленіи Порты рѣшенію всей Европы, каково бы оно ни было, едва ли можетъ быть рѣчь; но возможно несогласіе инсургентовъ на условія какія имъ будутъ предложены, и это весьма серіозно. Тѣмъ не менѣе, въ виду успѣшности съ какою державамъ уже удалось сдержать порывы Сербіи и Черногоріи, полагаютъ что они успѣютъ подѣйствовать и на инсургентовъ. Въ возможности этого нѣтъ причины отчаиваться, если державы дадутъ твердую гарантію населеніямъ что въ ихъ участи и бытѣ предстоитъ немедленно коренная перемѣна къ лучшему.

Пожелаемъ же чтобы Новый Годъ, вмѣстѣ съ сохраненіемъ общаго мира, доставилъ и умиротвореніе христіанскимъ населеніямъ Турціи и сталъ для нихъ эрой.

№ 2.

Москва, 2-го января.

Обозрѣвая событія минувшаго года въ Германіи, нѣмецкія газеты справедливо указываютъ что дѣло Германскаго единства подвинулось въ этомъ году во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего патріотиское чувство Германіи отмѣчаетъ съ радостью благопріятную перемѣну въ здоровьи самого виновника величія Германіи. Несмотря на свои почти исполнившіяся 80 лѣтъ императоръ Вильгельмъ чувствовалъ себя къ концу году бодрѣе и лучше нежели въ началѣ, когда возникали серіозныя опасенія за жизнь основателя второй Германской имперіи, Вильгельма Бѣлой Бороды, какъ называютъ его Нѣмцы, сопоставляя съ первымъ героемъ Германскаго единства, Фридрихомъ Барбароссой. Симпатическая личность маститаго монарха и его неослабная дѣятельность, его юношеская энергія и подвижность, много содѣйствовали въ этомъ году укрѣпленію положенія занятаго Германіей.

Внутренняя политическая жизнь Германіи ознаменовалась многими важными законодательными актами направленными отчасти къ завершенію зданія государственнаго объединенія, отчасти же къ обезсиленію злѣйшаго врага Германскаго единства, римско-католической іерархіи. Важнѣйшія изъ этихъ мѣръ прошли впрочемъ не въ Имперскомъ, а въ Прусскомъ сеймѣ. Рейхстагъ былъ и въ этомъ году два раза въ сборѣ: въ январѣ и февралѣ онъ окончилъ свою прошлогоднюю сессію, а въ ноябрѣ собрался въ новую сессію, которая опять не могла быть окончена къ концу года и будетъ возобновлена 19-го января. Въ началѣ года, Рейхстагу представлены три обширные законопроекта судебнаго преобразованія и объединенія Германіи; но эта громадная законодательная работа, которую надѣялись окончить еще въ этомъ году, далека отъ своего завершенія. Особая коммиссія, въ составъ коей вошли лучшіе представители германской юриспруденціи и куда были переданы судебные законопроекты, далеко еще не окончила своего подготовительнаго труда. Предполагали что трудъ этотъ будетъ оконченъ къ веснѣ 1876 года, и что къ тому времени Рейхстагъ будетъ созванъ въ экстренную сессію собственно для разсмотрѣнія проекта судебнаго преобразованія; но теперь убѣдились что и къ тому времени не поспѣетъ вся подготовительная работа парламентской коммиссіи. Лишь будущею осенью Рейхстагъ приступитъ къ окончательному обсужденію судебной реформы.

Банковый и монетный законы не только окончательно приняты въ сессію прошедшаго года, но и приведены окончательно въ исполненіе. Во главѣ кредитнаго дѣла въ Германіи поставленъ имперскій банкъ, въ который преобразованъ прусскій государственный банкъ, и онъ уже открылъ свои дѣйствія съ 1-го января 1876 года. Тѣсно связанный съ банковымъ дѣломъ, монетный законъ, въ силу коего золотая марка стала единственною монетною единицей, также окончательно осуществился, несмотря на крайнюю трудность этой операціи вообще и на особенныя затрудненія при переходѣ отъ серебряной къ золотой валютѣ, вслѣдствіе исключительныхъ экономическихъ условій и колебаній въ цѣнѣ обоихъ металловъ на всемірномъ рынкѣ.

Сессія Прусскаго Ландтага, начавшаяся въ январѣ и окончившаяся 15-го іюня, была особенно знаменательна. Важнѣйшимъ закономъ прошедшимъ въ эту сессію было Прусское земское положеніе, коимъ организовано, на совершенно новыхъ и вполнѣ самостоятельныхъ началахъ, мѣстное самоуправленіе. Законъ этотъ состоялся не безъ борьбы и противодѣйствія феодаловъ. Па-

лата Господъ внесла существенное измѣненіе въ этотъ важный законъ, направленное къ вящему огражденію интересовъ центральнаго управленія противъ происковъ партикуляризма. Тѣмъ не менѣе, и органы либеральной партіи сознаются что компромиссъ на коемъ сошлись обѣ Палаты не исказилъ основной мысли этой органической реформы, и новое провинціальное устройство, обнимающее пока лишь пять восточныхъ провинцій Прусской монархіи, послужитъ образцомъ не только для всей Германіи, но и для остальной Европы: такъ счастливо согласованы въ немъ мѣстная свобода и самостоятельность съ крѣпостью и энергіей центральнаго управленія.

Не менѣе важна была дѣятельность Прусскаго Ландтага въ дѣлѣ „культурной борьбы“ между государствомъ и римско-католическою церковью. Первоначально предполагалось дополнить пресловутые „майскіе законы“ лишь статутомъ о порядкѣ управленія католическимъ церковнымъ имуществомъ. Но знаменитая папская энциклика 5-го февраля, въ которой глава католичества бросилъ новый вызовъ Пруссіи, предавъ анаѳемѣ прусскіе церковные законы и открыто подстрекнувъ католическое населеніе къ неповиновенію онымъ, вызвала рядъ новыхъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя, по мысли князя Бисмарка, должны окончательно сломить строптивость римско-католическаго духовенства. Одинъ за другимъ внесены были въ палаты и приняты законъ о прекращеніи выдачи казеннаго содержанія тѣмъ изъ католическаго духовенства кто не изъявитъ безусловной покорности законамъ государства, законъ объ упраздненіи католическихъ конгрегацій, орденовъ и монастырей, законъ установляющій равноправность старо-католиковъ въ пользованіи католическими церквами и приходскимъ имуществомъ, наконецъ законъ объ упраздненіи трехъ статей Прусской конституціи (15-й, 16-й и 18-й) на коихъ легально опирались католики въ своемъ противодѣйствіи новымъ законамъ.

Насколько этими законами достигнута цѣль указанная княземъ Бисмаркомъ, и удастся ли ему вообще выйти окончательно побѣдителемъ изъ предпринятой имъ борьбы, покажетъ время. Покамѣсть, преданные правительству органы стараются уловить всякій фактъ который было бы можно выставить какъ признакъ начинающейся покорности, тогда какъ клерикальные органы и само папское правительство не пропускаютъ случая заявить съ своей стороны что въ принципѣ никакія уступки съ его стороны невозможны, и что миръ между церковью и государствомъ можетъ быть установленъ лишь подъ условіемъ отмѣны майскихъ законовъ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать что римско-католическое духовенство Германіи значительно смирилось и притихло въ послѣднее время, очевидно повинуясь въ этомъ отношеніи предписаніямъ изъ Рима. Этому несомнѣнно содѣйствовали событія въ Баваріи. Ультрамонтанская партія особенно многочисленна въ этой странѣ, и баварская палата, въ которой клерикалы добились на выборахъ прошедшимъ лѣтомъ незначительнаго большинства, была избрана точкою опоры для борьбы противъ имперскаго правительства, причемъ не только разчитывалось на элементы партикуляризма въ Баварскомъ народѣ, но предполагалось втянуть въ эту борьбу и самого короля Баварскаго, замкнутая и независимая личность котораго давала клерикаламъ поводъ думать что онъ неохотно несетъ иго имперскаго единства. Но король Лудвигъ II неожиданно для всѣхъ разрушилъ всѣ разчеты клерикаловъ, и въ ущербъ доктринѣ парламентаризма далъ энергическій отпоръ ультрамонтанскому большинству, къ великой радости національно-либеральной партіи. Съ тѣхъ поръ нѣмецкіе ультрамонтаны значительно сбавили тонъ и присмирѣли.

Въ ноябрѣ возобновилась сессія Рейхстага. Новыхъ столкновеній съ ультрамонтанами никто не ожидалъ; но опасность для внутренняго мира грозила съ другой стороны. Господствующая либеральная партія встревожена была слухами о томъ будто князь Бисмаркъ намѣренъ разорвать свой союзъ съ нею и вернуться къ своимъ старымъ друзьямъ. Подтвержденіемъ этого слуха казался законопроектъ объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ къ уголовному кодексу вовсе не либеральнаго свойства. Націоналъ-либералы встрепенулись и струсили не на шутку. Опасенія ихъ усиливались настойчиво распускаемыми толками о томъ что князь Бисмаркъ склоняется въ сторону протекціонистской агитаціи, усилившейся въ Германіи вслѣдствіе бѣдственнаго экономическаго кризиса.

Вся эта тревога оказалась однако фаль-

шивою. Князь Бисмаркъ явился изъ своего продолжительнаго Фарцинскаго уединенія бодрый и здоровый, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ того старческаго недуга, вліянію коего приписывали перемѣну его настроенія. Первыя слова его въ Рейхстагѣ были слова мира; онъ совершенно успокоилъ своихъ приверженцевъ признаніемъ авторитета парламентскаго большинства въ дѣлѣ финансовъ и законодательства. Уголовная новелла еще не вполнѣ окончена обсужденіемъ; но уже теперь изъ нея вынуты тѣ параграфы которые наиболѣе встревожили націоналъ-либераловъ. Изъ финансовыхъ законопроектовъ Рейхстагъ также отвергъ непопулярныя предложенія объ увеличеніи налога на пиво и о введеніи пошлины на биржевыя сдѣлки. Министерство подчинилось этимъ рѣшеніямъ, и о разрывѣ между имъ и большинствомъ Рейхстага нѣтъ болѣе рѣчи. Годъ окончился такимъ образомъ для Германіи при благопріятныхъ для господствующей партіи знаменіяхъ.

Для Австро-Венгріи минувшій годъ былъ труденъ. Застой въ дѣлахъ, недостатокъ заработковъ, оцѣпенѣніе торговли и промышленности, давали себя чувствовать еще сильнѣе чѣмъ въ два предшедшіе года которые слѣдовали за тяжкимъ финансовымъ кризисомъ. Предъ самымъ началомъ прошлаго года, общественное мнѣніе было взволновано процессомъ Офенгейма, въ которомъ судебная власть тщетно пыталась положить преграду безумному духу спекуляцій и страсти къ быстрой наживѣ, бывшимъ главною причиною экономическаго потрясенія Австріи. Цѣлый рядъ такихъ процессовъ слѣдовалъ затѣмъ въ прошломъ году надъ учредителями и распорядителями различныхъ банковъ и другихъ акціонерныхъ предпріятій разорившихъ тысячи легковѣрныхъ людей; но они всѣ уступали уже въ значеніи Офенгеймовскому процессу, непосредственнымъ слѣдствіемъ котораго была отставка министра торговли Dr. Банганса. Нынѣшній Цислейтанскій кабинетъ князя Ауэрсперга, державшійся съ 25-го ноября 1871 года, о которомъ самъ президентъ неоднократно повторялъ что онъ составляетъ солидарное „гармоническое цѣлое,“ впервые подвергся перемѣнамъ. Министръ земледѣлія Хлумецкій принялъ важный при настоящемъ положеніи Австріи портфель министерства торговли, а на его постъ, помимо парламента и партій, назначенъ былъ графъ Монфельдъ, Съ тѣхъ поръ правительство дѣятельнѣе заботится о поправленіи экономическаго положенія страны. Въ виду возобновленія торговыхъ трактатовъ съ большею частью другихъ европейскихъ государствъ, въ Австріи замѣтно усилились протекціонистскія стремленія, и въ этомъ отношеніи съ началомъ настоящаго года наступаетъ для нея весьма важный моментъ пересмотра финансовой стороны „уклада“ съ Венгріей.

Въ Венгерской половинѣ имперіи въ минувшемъ году произошла радикальная переформировка политическихъ партій. Бывшій вожакъ оппозиціи, г. Коломанъ Тиса, отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ противныхъ соглашенію съ Австріей, слѣдствіемъ чего было паденіе министерства Битто-Гичи и переходъ правительственной власти къ новому кабинету, составившемуся частію изъ господствовавшей дотолѣ Деаковой партіи, частію изъ членовъ оппозиціонной лѣвой. Такое же единеніе произошло и въ средѣ парламентскихъ партій, которыя приняли общее названіе „либеральной,“ составившей подавляющее правительственное большинство. Оно позволяетъ г. Тисѣ, взявшему бразды правленія, твердо стоять на своихъ требованіяхъ при пересмотрѣ уклада съ Австріей. Несмотря на то что Венгрія вноситъ только 30 процентовъ на обще-имперскіе расходы, она тяготится и этимъ и требуетъ именно чтобъ ей была дана доля въ доходахъ доставляемыхъ Цислейтанскимъ налогомъ на съѣстные припасы, и были сдѣланы благопріятныя для нея измѣненія во взиманіи таможенныхъ доходовъ. Но нѣтъ основанія разсчитывать чтобъ эти несогласія повели къ крушенію нынѣшнее дуалистическое устройство имперіи. Напротивъ, исчезаютъ и послѣднія надежды сторонниковъ федеральной Австріи. Рознь между Старо- и Младо-Чехами въ минувшемъ году обнаружилась еще рѣзче чѣмъ прежде. Если попытка разстроить настоящую клерикально-феодальную оппозицію созданіемъ особой, исключительно-ультрамонтанской партіи, на подобіе существующей въ Германіи, и не удалась, то и къ рядамъ оппозиціи не прибавилось новаго подкрѣпленія. Галицкіе Поляки, показавшіе было видъ что намѣрены повернуть фронтъ когда зашла рѣчь о правахъ ихъ краеваго училищнаго совѣта, примирились затѣмъ съ министерствомъ, а назначеніе графа Альфреда По-

тоцкаго намѣстникомъ Галиціи на мѣсто умершаго въ минувшемъ году графа Голуховскаго польстило ихъ тщеславію. Чехи и теперь какъ прежде не засѣдаютъ въ Рейхсратѣ, но нѣкоторые тирольскіе депутаты державшіеся той же политики воздержанія, *Abstinenz-Politik*, должны были уступить мѣсто депутатамъ согласившимся примириться съ настоящею системой. Чтобы закончить обзоръ внутреннихъ событій за прошлый годъ въ Австро-Венгерской имперіи, остается упомянуть о смерти стараго императора Фердинанда, о празднованіи столѣтней годовщины, присоединенія Буковины къ Австріи, сопровождавшемся открытіемъ новаго нѣмецкаго университета въ Черновицахъ, и, наконецъ, о поѣздкѣ императора Франца-Іосифа въ Далматію слѣдовавшей за посѣщеніемъ имъ Италіи и возбудившей надежды южно-австрійскихъ Славянъ. Какъ громкое эхо этой поѣздки послѣдовало Герцеговинское возстаніе и увлекло вниманіе Австріи отъ внутреннихъ затрудненій къ международнымъ.

№ 3.

Москва, 3-го января.

Продолжая нашъ обзоръ, переходимъ ко Франціи. Для этой страны минувшій годъ былъ завершеніемъ слишкомъ затянувшейся ликвидаціи дѣлъ послѣ бѣдственныхъ событій сопровождавшихъ паденіе второй имперіи. Въ Національномъ Собраніи, раздираемомъ непримиримою враждой партій, наконецъ установилось большинство которое дало странѣ государственное устройство, и исполнивъ эту послѣднюю остававшуюся ему задачу прекратило свое существованіе. Несмотря на жалкую картину какую часто представляли бурныя сессіи этого собранія въ теченіе его пятилѣтней жизни, справедливость требуетъ признать что оно было за цѣлое столѣтіе единственною свободно выбранною палатой во Франціи; въ немъ, можетъ-быть не въ должной пропорціи, но нашли себѣ мѣсто оттѣнки всѣхъ мнѣній и партій; ни одна не была исключена и могла свободно возвышать голосъ, что придавало ему особенный авторитетъ. Собраніе это не было лишено талантовъ: въ немъ находились почти всѣ лучшія умственныя силы Франціи; оно не было лишено мужества которое требовалось отъ него въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Оно окончило всѣ разчеты съ побѣдоноснымъ непріятелемъ, энергически подавило гнусный мятежъ, поддержало уваженіе ко власти, и этими несомнѣнными заслугами дало возможность странѣ оправиться матеріально съ безпримѣрною быстротой, удивившею весь міръ. Недостатки же этого собранія, положившіе свою печать и на его дѣяніяхъ, эгоизмъ и непримиримый духъ партій, были лишь слишкомъ вѣрнымъ отраженіемъ недостатковъ самой націи. Всѣ эти партіи и дроби партій создались не въ самомъ собраніи, а существуютъ и за стѣнами его и готовы вести безконечную борьбу всѣми средствами и всякимъ оружіемъ, и лишь когда одна изъ нихъ грозитъ пріобрѣсти преобладаніе, оказывается возможною коалиція противъ нея всѣхъ остальныхъ. Это и произошло въ минувшемъ году. Когда монархическія попытки основанныя на лицемѣрномъ союзѣ рушились, а этою неудачей открыто стремились воспользоваться бонапартисты, испуганные этимъ орлеанисты праваго центра сошлись съ республиканцами и устроили то большинство 25-го февраля которое и утвердило нынѣшнюю конституцію. Образовалось министерство Бюффе-Дюфоръ, которое и провело нужныя для сего органическіе законы. Но неискренность союза изобличается въ самомъ корнѣ нововводимыхъ учрежденій, такъ какъ они назначаются всего лишь на пять лѣтъ, то-есть до истеченія семилѣтнихъ полномочій нынѣшняго президента республики, а затѣмъ вся конституція можетъ подвергнуться пересмотру: слѣдовательно, оставляется дверь для возобновленія борьбы, если представится возможность, за самыя основы власти. Еще очевиднѣе обнаружилась неискренность февральскаго большинства при первомъ приступѣ ко введенію новыхъ учрежденій,—при выборѣ Собраніемъ четвертой доли членовъ будущаго Сената. Тутъ это большинство вовсе распалось, а противники его, легитимисты, соединились съ лѣвыми и доставили имъ торжество для отместки своимъ врагамъ орлеанистамъ. Всѣ эти мелкіе раздоры, однако, нѣсколько разчистили поле внутренней политики и послужили къ уясненію настоящаго положенія. Слабость легитимистовъ давно была очевидна; теперь же особенно пора-

зительно выступило крушеніе орлеанистскихъ надеждъ, что обнаружилось въ письмахъ герцога Омальскаго и принца Жуанвильскаго, отказавшихся отъ всякихъ кандидатуръ въ будущія палаты. За отсутствіемъ вождей орлеанской партіи, безъ программы и не имѣющей почвы въ странѣ, остается руководиться личными симпатіями чтобы распредѣлиться въ рядахъ двухъ остальныхъ партій могущихъ потягаться за управленіе страны: бонапартистовъ и республиканцевъ. Только между этими партіями и можно ожидать серіозной борьбы на предстоящихъ выборахъ. Въ странѣ бонапартисты несомнѣнно сильнѣе чѣмъ въ бывшей палатѣ, но только выборы обнаружатъ насколько они оправились послѣ погрома 1870 года.

Англія продолжала пользоваться невозмутимымъ внутреннимъ спокойствіемъ. Вторая сессія консервативнаго парламента прошла столь же мирно какъ и предыдущая, и министерство г. Дизраэля не только не утратило авторитета, но еще усилило свою популярность удачными дѣйствіями своей иностранной политики. Во внутреннихъ же дѣлахъ ему и не представлялось трудныхъ задачъ: не было и не предвидится ни ломки существующихъ учрежденій, ни созиданія новыхъ; законодательная дѣятельность Британскаго парламента теперь занята исключительно обычнымъ полезнымъ дѣломъ необходимыхъ починокъ и поправокъ зданія которымъ страна, въ его настоящемъ видѣ, вполнѣ довольна. Самымъ выдающимся событіемъ сессіи былъ окончательный отказъ г. Гладстона отъ политической дѣятельности и отъ предводительства либеральною партіей. Выбранный на его мѣсто быть вождемъ этой партіи, маркизъ Гартингтонъ, хотя и не обладаетъ блестящими способностями своего знаменитаго предшественника, но оправдалъ свой выборъ, и при настоящемъ положеніи либеральной партіи въ Англіи, не могущей разчитывать на скорое возвращеніе ко власти, вполнѣ удовлетворительно и съ большимъ тактомъ исполнялъ должность вождя оппозиціи, съ твердостью и рѣшимостью давая патріотическую поддержку правительству когда это требовалось, какъ напримѣръ при разрѣшеніи палатой кредита на поѣздку принца Вельскаго въ Индію. Поѣздка эта несомнѣнно имѣла большой успѣхъ. Несмотря на то что предположенный первоначально маршрутъ принца былъ измѣненъ вслѣдствіе господства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ холеры, принцъ всетаки побывалъ въ главнѣйшихъ провинціяхъ Индіи, и въ настоящее время, посѣтивъ Бомбей, островъ Цейлонъ, Мадрасъ и Калькутту, объѣзжаетъ Бенгальское президентство. Повсюду на пути ему устраивались блистательныя, обставленныя восточною роскошью встрѣчи, въ коихъ принимали участіе почти всѣ знатнѣйшіе властители Индіи подчиненные англійскому протекторату, устраивались охоты на тигровъ и слоновъ, а въ Калькуттѣ принцъ держалъ капитулъ ордена Индійской Звѣзды, причемъ имъ были вручены отъ имени королевы знаки этого ордена многимъ индійскимъ магнатамъ.

Однимъ изъ упрековъ бывшему министерству Гладстона былъ тотъ что оно не имѣло никакой иностранной политики; г. Дизраэли повидимому не расположенъ подвергаться подобному обвиненію. Всѣ знаютъ какъ быстро и рѣшительно дѣйствовалъ онъ чтобъ обезпечить за Англіей интересы въ Египтѣ. Съ несомнѣннымъ успѣхомъ дѣйствовало министерство и въ другихъ весьма важныхъ внѣшнихъ замѣшательствахъ Въ минувшемъ году Англія едва не была вовлечена въ войну съ Китаемъ. Поводомъ къ столкновенію было нападеніе Китайцевъ на англійскую экспедицію отправленную для изслѣдованія торговаго пути черезъ Бирманію въ Юннанъ, и убійство одного изъ членовъ этой экспедиціи, г. Маргари. Весьма подозрительно было при этомъ и поведеніе короля Бирманскаго, принявшаго послѣ того съ особымъ почетомъ китайскаго генерала Лиситахи, который именно и подозрѣвался въ подстрекательствѣ къ этому злодѣянію. Въ Бирманію, для истребованія объясненій по этому предмету, а также для улаженія спорныхъ пограничныхъ вопросовъ, былъ отправленъ изъ Индіи г. Форсайтъ, который успѣшно исполнилъ свое порученіе. Но главное затрудненіе предстояло уладить съ самимъ Китаемъ, тѣмъ болѣе что въ началѣ года умеръ едва достигшій совершеннолѣтія Китайскій императоръ, и престолъ вновь перешелъ къ ребенку, а въ регенствѣ произошли перемѣны ослабившія вліяніе князя Куня, долгое время правившаго дѣлами Небесной имперіи. Китайское правительство прибѣгло къ своей обычной уловкѣ медлить и затягивать дѣ-

ло чтобъ уклониться отъ исполненія англійскихъ требованій; но, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ переговоровъ, англійскій посланникъ представилъ ультиматумъ и объявилъ что немедленно выѣдетъ изъ Пекина если китайское правительство не исполнитъ его требованій обнародованія въ *Пекинской Газетѣ* текста мирнаго трактата съ Англіей, обезпечивающаго иностранцамъ безпрепятственное путешествіе по всѣмъ провинціямъ имперіи, назначенія слѣдствія объ убійствѣ Маргари и наказанія виновныхъ. Тогда правительство богдыхана смирилось и согласилось на все чего отъ него требовали; теперь смѣшанная англо-китайская коммиссія для разслѣдованія дѣла объ убійствѣ уже находится на пути въ Юннанъ.

Другое, гораздо менѣе важное столкновеніе было у Англіи на полуостровѣ Малаккѣ съ нѣкоторыми изъ малайскихъ вождей. Въ послѣднее время, для вящаго надзора за прекращеніемъ пиратства, Англія держала своихъ резидентовъ при туземныхъ дворахъ. Вслѣдствіе спорнаго престолонаслѣдія, въ одномъ изъ владѣній, Перакѣ, англійскій губернаторъ сэръ-Вильямъ Джервойзъ рѣшился присоединить это владѣніе и отправилъ съ объявленіемъ о семъ г. Берча. Посланный не только подвергся нападенію и былъ убитъ, но даже и отправленный затѣмъ небольшой отрядъ встрѣтилъ неожиданный отпоръ. Тотчасъ же были приняты быстрыя мѣры для отправки подкрѣпленій туда изъ Индіи и Китая, и такимъ образомъ предотвращено распространеніе волненія по всему полуострову. Въ Перакскомъ же владѣніи, впрочемъ, спокойствіе еще до сихъ поръ не вполнѣ возстановлено, и посланныя туда англійскія войска находятъ себѣ не мало дѣла.

Лѣтопись Италіи за минувшій годъ была весьма не богата выдающімися событіями. Достигнувъ завершенія своихъ политическихъ стремленій и свободная отъ внѣшнихъ политическихъ хлопотъ, страна эта начинаетъ и въ матеріальномъ отношеніи постепенно оправляться отъ усилій и жертвъ какихъ стоило ей объединеніе. Не такъ давно, министръ-президентъ, г. Мингетти, возвѣстилъ что въ близкомъ будущемъ можно надѣяться на возстановленіе равновѣсія въ бюджетѣ,—желанной цѣли, къ которой въ теченіе пятнадцати лѣтъ тщетно стремились усилія всѣхъ итальянскихъ министровъ. Послѣ продолжительныхъ преній въ парламентѣ, правительство также съ успѣхомъ провело необходимую мѣру о чрезвычайныхъ полномочіяхъ для подавленія разбойничества въ Сициліи. Кромѣ императора Германскаго въ Миланѣ, король Викторъ-Эммануилъ еще прежде того принималъ императора Австрійскаго въ той самой Венеціи гдѣ еще такъ недавно имя Австрійцевъ было ненавистно и гдѣ теперь привѣтствовали императора Франца-Іосифа какъ желаннаго гостя. Фактъ этотъ можетъ-быть краснорѣчивѣе всѣхъ прочихъ доказываетъ какъ глубоко измѣнились европейскія отношенія. Только одинъ папа Пій IX изъ своего Ватикана, упираясь въ свое *non possumus*, продолжаетъ не признавать новаго порядка и ведетъ борьбу съ цѣлымъ свѣтомъ. Борьба эта, отъ которой едва ли вполнѣ свободна хотя одна страна гдѣ существуетъ католицизмъ, еще не сказала своего послѣдняго слова; однако, повидимому клерикальныя силы начинаютъ нѣсколько слабѣть, по мѣрѣ того какъ расширяются предѣлы ихъ борьбы съ государствомъ. Пій IX имѣлъ огорченіе видѣть что его епископы подвергаются тому что онъ называетъ гоненіями даже въ Бразиліи и южно-американскихъ республикахъ. Даже въ Испаніи ему не удалось добиться полнаго возстановленія прежняго конкордата.

Въ Испаніи въ самомъ началѣ истекшаго года военное *пронунсіаменто* положило конецъ неопредѣленному правительству маршала Серрано, и возстановило прежнюю династію въ лицѣ семнадцатилѣтняго короля Альфонса, сына королевы Изабеллы, котораго немедленно признала вся страна, утомленная долгими смутами, конечно за исключеніемъ провинцій занятыхъ карлистами. Но надежды возбужденныя этимъ событіемъ на скорое прекращеніе междуусобія не оправдались. Примѣръ престарѣлаго Кабреры, отрекшагося отъ карлизма и признавшаго Альфонса XII, не нашелъ многихъ послѣдователей. Также до сихъ поръ не ознаменовались особенно блестящими результатами и военныя дѣйствія. Въ началѣ осени, правда, карлисты потеряли важную для нихъ крѣпость Сеу-Ургель, вслѣдствіе чего ихъ отряды были вскорѣ вытѣснены почти изо всей Каталоніи, но за то ихъ силы тѣмъ крѣпче повидимому сосредоточились въ Бис-

каіи и Наваррѣ, и пока еще не замѣтно чтобъ они приходили къ истощенію. Впрочемъ, мадридское правительство готовится весной приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и говорятъ самъ юный король приметъ начальство надъ арміей. Къ концу года приняты также мѣры къ скорѣйшему созванію Кортесовъ.

Столь же безсильно было до сихъ поръ Мадридское правительство покончить и съ возстаніемъ на островѣ Кубѣ, которое длится уже семь лѣтъ, и нѣсколько разъ грозило вовлечь Испанію въ столкновеніе съ Соединенными Штатами. Въ послѣднее время разнеслись было даже слухи объ угрожающей нотѣ отправленной Вашингтонскимъ правительствомъ. Но это извѣстіе не подтвердилось, и нота оказалась вовсе не столь угрожающею какъ говорили. Впрочемъ, въ Кубѣ теперь такой хаосъ что Соединенные Штаты, граждане коихъ находятся въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ островомъ, всегда имѣютъ возможность довести дѣло до разрыва, и если еще не дошло до того, то вѣроятно потому что, какъ бы ни былъ такой разрывъ желателенъ для самого президента, общественное мнѣніе въ Штатахъ едва ли желаетъ затѣвать ссору съ Испаніей и обременять страну пріобрѣтеніемъ новаго владѣнія съ совершенно чуждымъ населеніемъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ въ наступившемъ году будетъ праздноваться столѣтняя годовщина и, по странной случайности, такъ какъ въ то же время предстоятъ президентскіе выборы, зашла вновь полемика о возможности третьей кандидатуры генерала Гранта. Это было бы первымъ нарушеніемъ если не конституціи, то освященнаго временемъ преданія, нарушеніе знаменательное для столѣтней годовщины. Сколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ, общее настроеніе Американцевъ не благопріятствуетъ такому опыту. Собравшійся въ декабрѣ въ первую сессію новый Конгрессъ, гдѣ въ Палатѣ Представителей на этотъ разъ большинство принадлежитъ демократамъ, утвердилъ резолюцію противъ третичнаго избранія президента, и въ такомъ же смыслѣ высказывались и законодательныя собранія многихъ отдѣльныхъ штатовъ. Но трудно понять почему же объ этомъ идетъ такъ много толковъ. Бывшіе осенью въ большинствѣ штатовъ мѣстные выборы показали что демократы не удержали за собою торжества пріобрѣтеннаго за годъ предъ тѣмъ на выборахъ въ Конгрессъ, и теперь вновь почти повсюду одержали верхъ республиканцы. Въ этихъ выборахъ ищутъ указанія и на будущіе выборы президента. Судя по нимъ, республиканская партія имѣетъ болѣе надежды на успѣхъ, а въ ея рядахъ едва ли найдется другой кандидатъ чье имя могло бы поравняться заслугами съ генераломъ Грантомъ. Тѣмъ не менѣе, республиканцы рѣшатся выставить его вновь кандидатомъ только при несомнѣнной надеждѣ на успѣхъ, или когда странѣ грозила бы опасность, чего, кажется, нѣтъ повода предвидѣть.

Наша сосѣдка на крайнемъ востокѣ, Японія, продолжаетъ быстро идти путемъ такъ неожиданно и такъ рѣшительно принятымъ ею. Страна наиболѣе чуждавшаяся всякаго общенія съ другими, самая замкнутая доселѣ, вдругъ распахнулась и вступила въ дѣятельное общеніе съ міромъ европейской цивилизаціи. Японія почти стала членомъ общей системы государствъ. Ея посольства при всѣхъ дворахъ ея молодые люди почти во всѣхъ университетахъ. Обычаи, нравы, костюмы мѣняются съ поразительною быстротой. Войска и флотъ устраиваются по европейскому образцу; страна покрывается школами. Вѣроисповѣданіямъ дарована свобода и христіанство дѣлаетъ замѣтные успѣхи въ Японіи. Намъ скоро станетъ стыдно и неловко соприкасаться нашею восточною окраиной, пустынною и дикою, съ этимъ возраждающимся, цвѣтущимъ и сильнымъ государствомъ.

Въ минувшемъ году у Японіи были счеты съ Кореей и Китаемъ; но до полной войны дѣло не дошло, хотя и теперь нѣкоторыя партіи въ Японіи обнаруживаютъ воинственныя стремленія. Микадо и его правительство настроены миролюбиво. Съ Россіей Японія въ большихъ ладахъ, несмотря на Сахалинскій вопросъ, который теперь разрѣшился полюбовною сдѣлкой: намъ уступлена вся южная принадлежавшая Японіи часть Сахалина, а мы отдали ей Курильскіе острова. У Японіи былъ споръ съ Перу за Maria de la Luz; третейскимъ судьей былъ избранъ Императоръ Всероссійскій, и споръ рѣшенъ былъ въ пользу Японіи.

№ 5.

Москва, 5-го января.

Минувшій годъ не обиленъ законодательными актами, но онъ дѣятельно способствовалъ развитію, упроченію и распространенію совершившихся реформъ. Судебная реформа распространена на Царство Польское и Дагестанскую область, земскія учрежденія—на Донскую область, Городовое Положеніе—на западныя губерніи. Заключеніе, при участіи России, почтоваго союза, въ который вошли почти всѣ государства цивилизованнаго міра, повело къ удешевленію и облегченію съ 19-го іюня почтовой корреспонденціи, внѣшней и внутренней. Къ тѣмъ же результатамъ относительно телеграфной корреспонденціи должна повести международная телеграфная конференція собиравшаяся минувшимъ лѣтомъ въ Петербургѣ. Были заключены консульскія конвенціи и конвенціи о наслѣдствахъ съ Германіей и Италіей, о взаимной выдачѣ преступниковъ съ Австріей, трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи съ Перувіанскою республикой и трактатъ о Сахалинѣ съ Японіей.

При общемъ мирѣ по всѣмъ границамъ Имперіи, громъ оружія раздавался въ минувшемъ году только на одной изъ нашихъ дальнихъ окраинъ, во глубинѣ Средней Азіи. Волненія въ Коканѣ, потребовавшія движенія туда русскихъ войскъ, не прекращаются до сихъ поръ. Сопротивленіе Кипчаковъ русскому оружію приняло тамъ характеръ упорной горной войны. Пока событія подтвердили лишь справедливость общаго мнѣнія о трудности остановиться въ расширеніи нашей территоріи въ Средней Азіи, при всемъ нежеланіи новыхъ присоединеній: въ результатѣ еще неоконченной войны уже оказалось присоединеніе къ нашимъ владѣніямъ купленнаго русскою кровью Наманганскаго округа.

По атмосферическимъ условіямъ, минувшій годъ выходитъ изъ ряда. Поздняя и неблагопріятная весна вредно отозвалась на посѣвахъ; лѣта почти не было. Результатомъ были повсемѣстные недочеты жатвы и сѣнокоса, а во многихъ мѣстностяхъ, особенно на югѣ, неурожай, которымъ усилился и безъ того обнаружившійся на югѣ экономическій кризисъ. Ранняя и суровая зима, начавшаяся съ первыхъ чиселъ октября, усилила бѣдствія безкормицы для скота. Рѣки стали много раньше обыкновеннаго, и неожиданное прекращеніе навигаціи, остановившее на многихъ рѣчныхъ путяхъ огромные караваны грузовъ, вызвало большія затрудненія въ торговыхъ и кредитныхъ сдѣлкахъ. Многочисленныя банкротства заставляли невольно думать о необходимости лучшей организаціи у насъ частнаго и банковаго кредита, наконецъ осенью присоединилось къ этому неожиданное крушеніе Московскаго Ссуднаго Коммерческаго Банка, поразившее публику едва ли не сильнѣе чѣмъ пожаръ истребившій Моршанскъ... Правительство спѣшило принимать мѣры, но разработка и изданіе законоположеній которыя внесли бы въ область кредита надлежащій порядокъ еще впереди. Эта задача оставлена минувшимъ годомъ наступившему.

Изъ числа такихъ ожидающихъ рѣшенія вопросовъ, особенно выдвигался вопросъ о наймѣ рабочихъ и прислуги. Въ прежніе годы онъ былъ уже предметомъ разсмотрѣнія во многихъ коммиссіяхъ. Въ началѣ минувшаго, конечные результаты работъ всѣхъ этихъ коммиссій, въ видѣ такъ-называемыхъ „сводныхъ“ проектовъ, обсуждались въ особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря П. А. Валуева, въ которую, кромѣ представителей разныхъ органовъ правительства, были призваны представители дворянства и земства. Въ виду важности вопроса и настоятельной необходимости его рѣшенія, всѣ взоры были обращены на занятія этой коммиссіи, въ надеждѣ что она окончательно разъяснитъ дѣло. Однако понадобился пересмотръ постановленій большинства и нѣсколькихъ группъ меньшинства коммиссіи, что потребовало не мало времени. Кончилось тѣмъ что вопросъ о наймѣ перешелъ нерѣшеннымъ въ наслѣдство наступившему году. Запинка въ разрѣшеніи вопроса о наймѣ рабочихъ повела къ задержкѣ законодательнаго обсужденія и другаго важнаго вопроса, паспортнаго, которое также отложено до 1876 года.

Минувшій годъ точно также оставилъ открытымъ и еще вопросъ, имѣющій первостепенную важность для всего сельскаго быта,—объ организаціи уѣздной полиціи. Посчастливилось въ этомъ послѣднемъ отношеніи только Нижегородской губерніи, благодаря учрежденію конно-полицейской стражи въ Нижнемъ-Новгородѣ, которая,

по изданному для нея положенію, внѣ ярмарочнаго времени может быть предоставляема въ распоряженіе исправниковъ, что хотя въ нѣкоторой степени может усиливать мѣстную полицейскую охрану.

По предмету преобразованія податной системы, въ минувшемъ году также не было издано никакихъ новыхъ законоположеній. Не говоря уже о давно стоящихъ на очереди вопросахъ объ отмѣнѣ круговой поруки и облегченіи тяжести подушнаго налога, даже вопросъ о пониженіи тяготѣющаго на народномъ хозяйствѣ соляного акциза отложенъ на неопредѣленное время. Затѣмъ, въ области системы податей и сборовъ, минувшій годъ ознаменовался главнымъ образомъ лишь введеніемъ въ дѣйствіе съ 1-го іюля изданнаго еще въ предшедшемъ году новаго положенія о гербовомъ сборѣ. Если присоединить къ этому что въ минувшемъ году впервые въ общій государственный бюджетъ включенъ существовавшій прежде отдѣльно государственный земскій сборъ, если упомянуть далѣе что въ этомъ же году послѣдовало распространеніе общаго положенія о сборахъ за право торговли и промысловъ на Кавказъ и Туркестанскую область, а на Царство Польское — общей нормы акциза съ винокуренія, что повело за собой отмѣну корчемной стражи на границѣ Привислинскаго края съ сосѣдними губерніями, то мы исчерпаемъ всѣ главныя мѣры состоявшіяся въ минувшемъ году по предмету улучшенія въ системѣ податей и сборовъ.

Плодотворнѣе былъ минувшій годъ въ дѣлѣ преобразованія военныхъ учрежденій. Весь ходъ новыхъ мѣропріятій въ военномъ вѣдомствѣ былъ уже предъустановленъ введенною въ предшедшемъ году всесословною воинскою повинностью. Требовалось дать арміи приноровленную къ ней организацію, и главныя части этой задачи въ минувшемъ году разрѣшены. Издано, вопервыхъ, положеніе о мѣстныхъ военныхъ управленіяхъ и о мѣстныхъ крѣпостныхъ, запасныхъ и резервныхъ войскахъ; затѣмъ послѣдовало переформированіе всей кавалеріи и конной артиллеріи, а на дняхъ изданъ приказъ о переформированіи пѣхотныхъ полковъ. Одно за другимъ издавались необходимыя дополненія къ самому уставу о воинской повинности. Самымъ важнымъ изъ нихъ былъ Высочайше утвержденный 17-го апрѣля уставъ о воинской повинности Донскаго войска, давшій ему подобающее мѣсто въ общей военной организаціи. Другія узаконенія относящіяся къ воинской повинности большею частію имѣли цѣлію облегченіе ея тягости, и въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ положеніе о личныхъ и имущественныхъ правахъ лицъ состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ во время ея прохожденія. Рядъ мѣръ подобнаго рода трудно было бы перечислить, но всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, не остаются безъ вліянія на отношеніе населеній къ отправленію воинской повинности. Сразу встрѣченная народомъ съ полнымъ сознаніемъ ея справедливости и необходимости, всеобщая воинская повинность въ короткое время успѣла сдѣлаться дѣломъ обычнымъ. Казалось бы въ минувшемъ году эта повинность должна показаться народу тяжеле чѣмъ въ 1874. Масса людей потребованныхъ подъ знамена была со 150.000 человѣкъ увеличена до 180.000. На дѣлѣ, однакоже, населенія и не замѣтили этой увеличившейся тягости. Въ воинскихъ присутствіяхъ для пріема новобранцевъ (по крайней мѣрѣ въ Москвѣ) почти вовсе не было тѣхъ тягостныхъ сценъ оплакиванья родными новобранцевъ какія еще были при первомъ общесословномъ наборѣ. Но нѣтъ правила безъ исключенія. Не всѣ въ равной мѣрѣ благодушно отнеслись ко введенію всеобщей воинской повинности. Она пришлась не по нраву Татарамъ въ Крыму, нѣмецкимъ колонистамъ и Уральскимъ казакамъ. Татаръ и колонистовъ она побудила къ эмиграціи изъ Россіи; между Уральскими казаками обнаружилось прямое сопротивленіе начальству, потребовавшее принятія серіозныхъ мѣръ. Это омрачило минувшій годъ рядомъ приходившихъ одно за другимъ извѣстій о конфирмаціяхъ Уральскаго военнаго губернатора надъ цѣлыми партіями казаковъ, которые, за упорство въ неповиновеніи, подвергались выселенію изъ своихъ станицъ въ Туркестанскій край и въ магометанскія станицы Оренбургскаго Войска; должно при этомъ замѣтить что, во вниманіе къ невѣжеству виновныхъ, бывшему главною причиной непониманія изданнаго для нихъ положенія и отказа подчиниться оному, приговоры о нихъ вообще не отличались военною суровостью, и число виновниковъ осужденныхъ въ каторжныя работы было весьма незначительно. Что касается крымскихъ Татаръ и

нѣмецкихъ колонистовъ, именно меннонитовъ, то для удержанія ихъ отъ переселенія были приняты въ минувшемъ году мѣры совсѣмъ иного характера. Для нихъ допущены послабленія въ примѣненіи общаго закона, и между прочимъ для меннонитовъ, религія коихъ возбраняетъ военную службу, издано особое положеніе, коимъ они призываются на службу не въ войскахъ, а въ составѣ лѣсной стражи и пожарныхъ командъ. Къ сожалѣнію, минувшій годъ не представилъ фактовъ для заключенія повели ли эти мѣры къ желаннымъ результатамъ: эмиграція Татаръ и колонистовъ до послѣдняго времени не прекращалась.

Рядомъ указанныхъ мѣръ въ сферѣ военнаго вѣдомства дѣло не ограничилось. Въ минувшемъ же году изданы Воинскій и Военно-Морской уставы о наказаніяхъ, а также правила о заключеніи въ крѣпости. Въ этомъ отношеніи, равно какъ и по устройству мѣстъ заключенія, военное и морское вѣдомства опередили гражданскую администрацію. По преобразованію общей системы уголовныхъ наказаній и тюремной части, минувшій годъ помянуть нечѣмъ. Тюремный комитетъ, за окончаніемъ порученныхъ ему работъ, закрытъ, но рѣшеніе вопросовъ по предмету изданія новой лѣстницы наказаній, и новаго положенія о тюрьмахъ осталось попрежнему задачей будущаго.

Слѣдуетъ упомянуть объ учрежденіи особаго комитета о передвиженіи войскъ по сухопутнымъ и рѣчнымъ сообщеніямъ; учрежденіе это имѣетъ большую важность въ видахъ наилучшей разработки задачи быстраго сосредоточенія войскъ въ случаѣ надобности. Нельзя также не упомянуть объ учрежденіи при Военномъ Министерствѣ особой коммиссіи по вопросу о мѣрахъ къ увеличенію числа богадѣленъ въ Россіи, и вообще объ улучшеніи порядка призрѣнія и содержанія нижнихъ чиновъ потерявшихъ на службѣ способность добывать себѣ пропитаніе.

Дѣло расширенія нашей желѣзно-дорожной сѣти шло въ минувшемъ году вяло, хотя и состоялось рѣшеніе о новомъ выпускѣ консолидированныхъ желѣзно-дорожныхъ облигацій на 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Торги на постройку Донецкой каменно-угольной дороги отмѣнены. Въ направленіи прежде разрѣшенной Уральской горнозаводской дороги понадобилось сдѣлать измѣненія. Лишь конецъ года обрадовалъ Россію утвержденіемъ линіи Сибирской дороги по тому направленію, на которое давно уже указывали самые уважительные интересы. Не много улучшеній принесъ минувшій годъ и въ порядкѣ управленія желѣзными дорогами. Важный для публики вопросъ объ отвѣтственности желѣзно-дорожныхъ управленій за сохранность грузовъ остался безъ разрѣшенія, равно какъ и о пересмотрѣ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ. Не говоримъ уже о мѣрахъ къ уменьшенію числа несчастныхъ случаевъ съ поѣздами, на что нельзя не обратить вниманія въ виду хотя бы той ужасной катастрофы которая въ минувшемъ декабрѣ, между Балтою и Бирзулою, постигла поѣздъ съ партіей новобранцевъ.

Впрочемъ, нельзя сказать чтобъ и по вѣдомству путей сообщенія ничего не было сдѣлано. Учреждена особая коммиссія по важному вопросу объ устройствѣ подъѣздныхъ путей къ желѣзнодорожнымъ станціямъ. Предметомъ особыхъ заботъ были рѣчныя сообщенія. На разныя системы рѣчныхъ сообщеній состоялась въ минувшемъ году отправка нѣсколькихъ особыхъ коммиссій изъ спеціалистовъ; издано нѣсколько постановленій о рѣчномъ плаваніи; издана инструкція для инспекторовъ рѣчнаго судоходства; разрѣшены особые съѣзды рѣчнаго судоходства, въ соотвѣтствіе съѣздамъ желѣзно-дорожнымъ.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія продолжалась оживленная дѣятельность, которая, развивая и упрочивая учебную реформу во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, создала множество новыхъ учебныхъ заведеній. Результаты этой дѣятельности требуютъ особаго обзора. Теперь замѣтимъ только что и по этому вѣдомству готовится къ законодательному разрѣшенію важный вопросъ — объ университетскомъ устройствѣ, и что минувшій годъ ознаменовался поразительными изъявленіями общественнаго сочувствія дѣлу учебной реформы, которой благодѣянія становятся для всѣхъ очевидными...

№ 6.

Москва, 7-го января.

Среднеазіятскія дѣла требуютъ особаго обзора за минувшій годъ. Тутъ произо-

шли событія которыя не останутся безъ послѣдствій. Прежде, однако, чѣмъ приступимъ къ обзору этихъ событій, намъ пріятно указать на весьма благопріятную перемѣну во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Англіи по среднеазіятскимъ дѣламъ. Отпоръ данный Россіей прежнимъ страннымъ притязаніямъ ограничить свободу дѣйствій ея въ степяхъ и нагорьяхъ Средней Азіи принесъ свои добрые плоды, и Англія теперь, можно надѣяться, навсегда прекратила свою безполезную дипломатическую игру: она уже не обращается къ намъ съ требованіями и запросами по поводу дѣлъ которыя Англіи не касаются ни мало. Съ прекращеніемъ этихъ фальшивыхъ отношеній, и прежній напускной задоръ англійской печати въ отношеніи къ расширеніямъ Россіи въ Средней Азіи уступилъ мѣсто болѣе трезвымъ и спокойнымъ сужденіямъ. Въ прошедшемъ году мы не разъ имѣли случай съ радостью указывать на такую перемѣну. Даже разнесшіеся было слухи о русской экспедиціи на Мервъ нисколько не встревожили англійской публики, и главные органы англійской печати поспѣшили тогда замѣтить что Россія дѣйствуетъ совершенно въ своемъ правѣ, и что Англія не имѣетъ никакого основанія заступаться за разбойничье гнѣздо. Еще нагляднѣе выразились эти новые въ англійской печати взгляды по поводу полемики возбужденной вышедшею въ минувшемъ году книгой извѣстнаго сэръ-Генри Роулинсона: *Россія и Англія въ Средней Азіи*, въ коей почтенный авторъ доказывалъ что, въ виду движенія Россіи, и Англія должна принять нѣкоторыя мѣры, главнымъ образомъ въ отношеніи къ Афганистану. Взглядъ этотъ не нашелъ большаго сочувствія, но въ возгорѣвшейся по сему поводу полемикѣ въ англійской печати, рѣчь главнымъ образомъ шла о томъ что выгоднѣе дѣлать или не дѣлать самой Англіи, а не объ ограниченіи свободы дѣйствій Россіи, и нѣкоторые журналы и газеты даже защищали нашу страну отъ подозрительныхъ указаній сэръ-Генри Роулинсона. Такимъ же спокойнымъ и безпристрастнымъ характеромъ отличались бывшіе въ минувшую сессію пренія въ парламентѣ также по поводу отношеній Англіи къ Афганистану, причемъ особенно важно было слышать заявленіе только что вернувшагося изъ Индіи сэръ-Джорджа Кампбелла что въ Индіи вовсе не думаютъ опасаться движенія Россіи въ Средней Азіи, и что тревога, напротивъ, главнымъ образомъ распространялась нѣкоторыми лондонскими органами. Это увѣреніе бывшаго губернатора Бенгаліи должно еще болѣе успокоить Англичанъ, и можно надѣяться что съ этой стороны наши счеты съ Англіей навсегда закончены.

Обращаемся къ событіямъ въ Средней Азіи. Отношенія наши къ Туркменамъ приняли было характеръ болѣе спокойный и мирный. Съ ними мы соприкасаемся въ двухъ пунктахъ: въ Закаспійскомъ отдѣлѣ и въ Хивинскомъ оазисѣ.

Южная половина Закаспійскаго отдѣла населена почти исключительно Туркменами. Въ прошломъ году оказалась уже вполнѣ опредѣленная перемѣна въ образѣ дѣйствій Красноводскаго начальства относительно тамошнихъ Туркменъ. Политика суровыхъ мѣръ какую признавалъ необходимою прежній начальникъ Красноводскаго отряда, полковникъ Маркозовъ, смѣнилась болѣе мягкимъ и уступчивымъ образомъ дѣйствій. Пока еще трудно судить о результатахъ этой перемѣны. Правда, туркменскіе аулы перестали откочевывать при приближеніи нашихъ войскъ; въ русскій лагерь внутри степи пріѣзжали старшины Туркменъ-Теке съ изъявленіями покорности; но эти переговоры со старшинами ничѣмъ опредѣленнымъ не кончились, и вслѣдъ за этимъ Текинцы разграбили нѣсколько нашихъ каравановъ. Осенью Красноводскій отрядъ сдѣлалъ рекогносцировку вверхъ по Атреку, по пути прежнихъ движеній русскихъ войскъ въ землю Текинцевъ.

Успѣшнѣе шли наши дѣла относительно Туркменъ Хивинскаго оазиса. Разгромленные нашими войсками въ концѣ Хивинскаго похода, Туркмены тогда долго еще не смирялись—они вырѣзали нѣсколько большихъ партій Персіянъ освобожденныхъ русскими войсками отъ рабства и слѣдовавшихъ на родину; они постоянно разоряли, грабили и убивали мирныхъ Узбековъ. Въ январѣ 1874 года, начальникъ Аму-Дарьинскаго отряда, полковникъ Ивановъ, долженъ былъ предпринять походъ на лѣвый берегъ Аму; съ нѣсколькими ротами онъ исходилъ все ханство и наказалъ Туркменъ. Но это ихъ не уняло: все еще продолжали они грабить Узбековъ, не платили контрибуціи наложенной

на нихъ во время Хивинскаго похода, и не повиновались хану. Въ январѣ прошлаго года, полковникъ Ивановъ долженъ былъ повторить походъ на лѣвый берегъ Аму, и на этотъ разъ наши войска не встрѣтили никакого сопротивленія и возвратились проучивъ нѣкоторыя изъ Туркменскихъ племенъ. Видя такія настойчивыя дѣйствія, Туркмены наконецъ смирились, стали платить контрибуцію и повиноваться хану, который вскорѣ имѣлъ возможность даже объѣхать свои владѣнія. Самое слабое изо всѣхъ среднеазіятскихъ ханствъ, Хива, приведена вполнѣ въ вассальныя къ Россіи отношенія, и самъ ханъ держится на своемъ шаткомъ престолѣ и нѣсколько обуздываетъ своихъ Туркменъ лишь благодаря присутствію русскихъ войскъ на Аму.

Но отношеніе къ Туркменамъ — Теке Мервинскимъ, кочующимъ въ степяхъ, мало поправилось въ прошломъ году. Эти Текинцы не выдаютъ нашего захваченнаго ими солдата и дѣлаютъ набѣги на Хивинскій оазисъ, даже на берега самаго Аму, а отъ этого дѣла Хивинскаго оазиса никакъ не могутъ придти въ порядокъ и грозятъ ежеминутно взрывомъ. Сколько намъ извѣстно, въ Аму-Дарьинскомъ отрядѣ господствуетъ мнѣніе что рано или поздно намъ придется сдѣлать походъ въ самыя земли Текинцевъ.

Гораздо важнѣе событія происходившія на другомъ концѣ нашихъ Среднеазіятскихъ владѣній, въ Коканѣ. Въ послѣдніе годы, русскія власти усиленно устранялись отъ участія въ дѣлахъ Кокаискаго ханства и довольствовались не рѣдко почти номинальною покорностью хана Худояра. Несмотря на торговый трактатъ, Коканъ оставался весьма мало доступнымъ для нашихъ купцовъ. Непрерывныя волненія противъ Худояра въ средѣ кочевыхъ, киргизскихъ населеній, особенно Кипчаковъ, кончились въ прошломъ году измѣнною ближайшихъ совѣтниковъ Худояра и бѣгствомъ его въ Ходжентъ. Глава Кипчаковъ, Абдурахманъ-Автобачи, сталъ во главѣ возстанія и провозгласилъ *газаватъ*, или священную войну противъ невѣрныхъ. Сначала Автобачи какъ бы колебался: онъ посадилъ на престолъ сына Худояра, хана Заде, и вступилъ въ переговоры съ русскими властями, и онѣ признали новаго хана, но война все-таки вспыхнула. Нельзя не признать что открывшіяся военныя дѣйствія представляютъ нѣчто неожиданное и небывалое въ исторіи нашихъ среднеазіятскихъ войнъ. Въ началѣ военныя дѣйствія шли путемъ обычнымъ: непріятельскія шайки были прогнаны съ нашей территоріи, скопище непріятеля на голову разбито у крѣпости Махрама и потеряло всѣ орудія; войска подошли къ Кокану, и все изъявляло полную покорность. Съ ханомъ Заде былъ заключенъ мирный договоръ, и къ Россіи отошли всѣ земли ханства къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи и Нарына. Русскіе отряды подвинулись къ востоку преслѣдуя Кипчакскія шайки. До тѣхъ поръ все шло вполнѣ согласно съ обычнымъ ходомъ дѣлъ, и напоминаетъ нѣкоторыми чертами походы на Бухару и Хиву. Но когда дѣло было повидимому окончено, то началось нѣчто весьма необыкновенное. Въ Коканѣ, въ тылу русскихъ войскъ, вспыхнуло возстаніе, и новый ханъ бѣжалъ въ Ходжентъ. Кочевое населеніе признало другаго хана, Пулатъ-бека. Предъ самыми русскими войсками объявлена новая священная война, и войска начинаютъ встрѣчать упорное сопротивленіе, особенно при штурмѣ Андижана. Войска наши жгутъ кипчакскіе кишлаки. Но едва усмирено возстаніе на южномъ берегу Сыръ-Дарьи, едва войска перешли на русскій берегъ и выступили изъ главнаго города его Намангана на рекогносцировку, какъ вспыхнуло возстаніе въ Намангаиѣ, и русскій гарнизонъ въ цитадели былъ осажденъ. Генералъ Скобелевъ вернулся съ войсками и разгромилъ Намангаиъ. Очевидецъ писалъ въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* что по вторичномъ занятіи Намангана, въ немъ „водворилась тишина — тишина-могила.“ Послѣ усмиренія Наманганскаго возстанія, вскорѣ вспыхнуло возстаніе въ горахъ, въ верховьяхъ Зарявшана, неподвластныхъ Кокану. Возстаніе вызвано прокламаціями Пулатъ-бека. Первый штурмъ заваловъ небольшимъ русскимъ отрядомъ былъ отбитъ съ большими для насъ потерями; но другой отрядъ зашелъ съ тылу и взялъ взбунтовавшіеся аулы. Начальникъ отряда свидѣтельствуетъ что горцы дрались отчаянно, „лѣзли на штыки....“

До сихъ поръ мы не встрѣчали въ Средней Азіи такого упорнаго сопротивленія, такой ожесточенной борьбы. Исходъ ея, впрочемъ, предсказать не трудно. Кочевое населеніе Кокана составляютъ преимуще-

ственно Кара-Киргизы (дикокаменные Киргизы), которые занимаютъ вообще горныя долины въ разныхъ отрогахъ Тянь-Шаня по Нарыну, на Алаѣ и Памирѣ и нашъ Кульджинскій районъ, гдѣ они вполнѣ покорились русской власти. Кара-Киргизы давно уже слывутъ за самыхъ неукротимыхъ разбойниковъ Верхней Азіи, но они раздроблены на множество родовъ, подродовъ, колѣнъ и пр. находящихся въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ. Въ предѣлахъ Кокана кочуетъ около ста тысячъ Кара-Киргизовъ, и Кипчаки самое сильное среди ихъ племя.

Коканскіе Киргизы и въ прошломъ году не только возставали противъ нашихъ войскъ, но вели нескончаемую усобицу съ осѣдлымъ населеніемъ ханства. Въ южной незанятой нами части Кокана, со времени ухода русскихъ войскъ, господствуетъ полная анархія. Мы хорошенько и не знаемъ что тамъ творится. Ханъ Заде долго жилъ въ Ходжентѣ, но затѣмъ выѣхалъ въ Коканъ, вѣроятно надѣясь укрѣпиться на престолѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, Коканъ занятъ Пулатъ-бекомъ. Врядъ ли въ оставленной части Кокана способна упрочиться какая-либо власть кромѣ русской. Незанятый уголокъ ханства представляетъ, однако, свободное поприще для усобицы и разбоевъ, которые не могутъ не тревожить насъ. Независимый Коканъ находится теперь внутри русскихъ владѣній, облегающихъ его почти со всѣхъ сторонъ. Трудно представить себѣ выгоды дарованія независимости какому-либо уѣзду Сыръ-Дарьинской области, между тѣмъ независимость эта во всемъ походила бы на независимость Кокана.

Во всякомъ случаѣ, прошлый годъ не принесъ окончательнаго устройства тамошнихъ дѣлъ; оно остается задачей нынѣшняго года.

Въ прошломъ году не прерывалась также работа ученыхъ коммиссій для изслѣдованія Средней Азіи. Одна изъ коммиссій подробно изучала Кульджинскій районъ, другая посѣтила Гиссиръ и Куллбъ въ верховьяхъ Аму-Дарьи — мѣстности едва извѣстныя Европейцамъ по имени. Со стороны Кавказа отправлена была экспедиція для снятія на планъ той части сухаго русла Аму которая оставалась еще неизслѣдованною. Часть эта снята и доказано непрерывное продолженіе Узбоя отъ Хивинскаго оазиса до Каспійскаго моря. Но затѣмъ вопросъ о теченіяхъ Аму-Дарьи не двинулся впередъ. Мы еще не рѣшились перейти на лѣвый берегъ Аму въ Хивинскомъ оазисѣ и изучить самыя мѣста гдѣ Аму сдѣлала поворотъ теченія. Самая съемка Узбоя была произведена однимъ простымъ топографомъ, а восточный сухой рукавъ Узбоя, видѣнный нашими войсками близъ колодцевъ Бала-Ишимъ, остался вовсе неизслѣдованнымъ. А между тѣмъ вопросъ о теченіи Аму—одинъ изъ важнѣйшихъ въ Средней Азіи.

№ 7.

Москва, 8-го января.

Совершившееся въ истекшемъ году возсоединеніе Холмскихъ уніатовъ съ Православною Церковью и своими размѣрами, и возможными послѣдствіями, возвышается надъ всѣми остальными фактами въ церковной области, какъ важное историческое событіе.

Прошлаго 12-го января, возсоединилось съ Православною Церковью 45 уніатскихъ приходовъ съ 50 тысячами населенія и 26 греко-уніатскими священниками; 25-го марта послѣдовало присоединеніе еще 42 приходовъ съ 30 священниками. Возвращеніе такихъ массъ искони русскаго и нѣкогда православнаго населенія есть продолженіе движенія принявшаго столь обширные размѣры въ царствованіе императора Николая I, подъ руководствомъ приснопамятнаго митрополита Іосифа Сѣмашки. Движеніе было упрочено возстановленіемъ православной Холмской епархіи, учрежденной еще въ XIII столѣтіи (въ 1223 году) и отпавшей въ унію лишь въ 1650 году. Опредѣленіе Св. Синода и воля Государя Императора призвали на возстановленную православную епископскую каѳедру въ Холмѣ, въ качествѣ викарія люблинскаго, досточтимаго вождя возсоединившихся, протоіерея Маркелла Попеля.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ нашего церковнаго быта попрежнему остается улучшеніе условій въ какихъ пребываетъ наше духовенство. Правда, болѣе правильное между служащимъ духовенствомъ дѣленіе прежнихъ средствъ къ содержанію, заботы духовенства объ учрежденіи эмеритальныхъ кассъ, устройство пріютовъ для заштатнаго духовенства, направлены

къ этой дѣли; но этого недостаточно. Въ прошломъ году, въ Казанской и другихъ губерніяхъ, нѣкоторые приходы своими приговорами назначили своимъ причтамъ ежегодное жалованье въ замѣнъ сбора подаяній за требоисправленіе. Желая распространенія этого во всей России, мы повторяемъ мысль о необходимости назначить содержаніе служащему духовенству, гдѣ это возможно, изъ средствъ самихъ приходскихъ церквей. Предоставленная церкви еще со времени Петра свѣчная операція, если взяться за нее правильно и основательно, дастъ значительныя суммы не только на духовныя училища, но и на улучшеніе быта духовенства. Созрѣло время обращать на этотъ предметъ и другіе церковные сборы. Но прежде всего необходимо установить повсюду дѣйствительный и точный контроль надъ всѣми церковными сборами. При почти повсемѣстномъ его отсутствіи или при фиктивной повѣркѣ церковныхъ сборовъ, весьма значительныя въ своей сложности суммы расходуются неизвѣстно на что. При ограниченіи растратъ ихъ на ненужную и нерѣдко дурно направленную роскошь храмовъ, откроются обильныя средства для обезпеченія духовенства.

Изъ нашихъ церковныхъ обществъ мы должны обратить вниманіе на дѣятельность Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія. Дѣятельность его, и въ особенности его Петербургскаго отдѣла, направлена была на разработку вопроса о соединеніи церквей. Сношенія со старокатоликами и участіе делегатовъ Общества на Боннской конференціи содѣйствовали послѣдовавшему на ней отреченію старо-католиковъ отъ *filioque*.

Миссіонерское Общество, собравшее значительныя средства и оказывающее значительныя пособія нашимъ миссіямъ, должно было обратить свое вниманіе и помощь на борьбу съ магометанствомъ въ восточныхъ губерніяхъ, гдѣ въ послѣднее время усиливаются отпаденія отъ христіанства. Недавно основанное въ Москвѣ братство Св. Петра успѣшно продолжаетъ свою мирную борьбу съ расколомъ посредствомъ слова и печати. Журналъ этого братства, издаваемый подъ редакціей извѣстнаго изслѣдователя по исторіи раскола, Н. И. Субботина, въ истекшемъ году далъ много цѣнныхъ матеріаловъ и статей, а члены братства вели усердную миссіонерскую дѣятельность противъ раскола.

Не входя въ подробности, припомнимъ главные успѣхи какими ознаменовался минувшій годъ по разнымъ отраслямъ учебнаго дѣла.

Вопервыхъ, возникло новое высшее учебное заведеніе. Пришедшій въ послѣднее время въ крайній упадокъ Лицей князя Безбородка въ Нѣжинѣ преобразованъ въ Историко-Филологическій Институтъ, чѣмъ созданъ новый расадникъ педагогическихъ силъ. 21-го апрѣля утвержденъ уставъ и штатъ Института князя Безбородка, а 14-го сентября послѣдовало и самое его открытіе. Изданіемъ штата и устава Демидовскаго Юридическаго Лицея упрочена будущность другаго высшаго учебнаго заведенія, подобно лицею князя Безбородка обязаннаго своимъ происхожденіемъ благородной ревности частныхъ лицъ о дѣлѣ высшаго образованія.

Извѣстно что еще въ концѣ 1874 года происходило по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря П. А. Валуева, особое совѣщаніе министровъ и главноуправляющихъ въ вѣдѣніи коихъ находятся высшія учебныя заведенія, объ измѣненіяхъ какихъ требуетъ ихъ устройство, причемъ признанъ необходимымъ пересмотръ ихъ уставовъ и указаны основанія предположенной реформы, получившія Высочайшее утвержденіе. Въ минувшемъ году сдѣланы первые шаги къ рѣшенію поставленной такимъ образомъ задачи, по скольку она касается вѣдомства Народнаго Просвѣщенія. Весною, по Высочайшему повелѣнію, учреждена при Министерствѣ особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта статсъ-секретаря И. Д. Делянова, для пересмотра общаго университетскаго устава. Пока занятія этой коммиссіи ограничиваются подготовительною разработкой предмета. Для всесторонняго изученія дѣла, нѣсколькими членами коммиссіи, съ предсѣдателемъ во главѣ, былъ предпринятъ объѣздъ университетскихъ городовъ; послѣдовательно были посѣщены ими Казань, Дерптъ, Варшава, Кіевъ, Харьковъ, Одесса, Москва. Петербургомъ заключился этотъ объѣздъ. Знакомясь на мѣстѣ съ разными сторонами университетскаго быта, коммиссія приглашала въ свои засѣданія профессоровъ, выслушивала ихъ мнѣнія, собирала свѣдѣнія по разнымъ вопросамъ

своей программы. Затѣмъ участвовавшіе въ объѣздѣ университетскихъ городовъ члены коммиссіи приступили къ разработкѣ добытыхъ такимъ путемъ матеріаловъ и къ составленію изъ нихъ свода, а въ предстоящемъ февралѣ должны открыться засѣданія коммиссіи въ полномъ ея составѣ.

Есть надежда что дѣло не ограничится измѣненіями въ университетскомъ уставѣ и что нѣкоторыя улучшенія будутъ сдѣланы и въ уставѣ духовныхъ академій. Въ этихъ высшихъ спеціальныхъ богословскихъ школахъ, при ревизорскомъ объѣздѣ ихъ въ прошломъ году преосвященнымъ Макаріемъ Литовскимъ, уже обнаружились значительные органическіе недостатки. Желательно чтобы при этомъ наши спеціально-богословскія заведенія были освобождены отъ несвойственной имъ задачи готовить наставниковъ для семинарій по не богословскимъ предметамъ, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ было устранено дробленіе цѣльнаго организма богословія на отдѣленія.

Переходя отъ высшихъ учебныхъ заведеній къ среднимъ, мы должны упомянуть прежде всего о состоявшемся въ минувшемъ году учрежденіи особаго управленія по учебной части въ Туркестанскомъ краѣ двухъ прогимназій, въ городахъ Ташкентѣ и Вѣрномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ непрестанно росло и множилось число среднихъ учебныхъ заведеній на всемъ пространствѣ Россіи. Оставляя въ сторонѣ тѣ изъ нихъ которыя открыты въ силу прежде состоявшихся распоряженій, укажемъ лишь что въ минувшемъ году рѣшено открыть шестиклассную прогимназію въ Енисейскѣ, четырехклассныя—въ Нарвѣ, Царицынѣ, Ростовѣ-на-Дону, Алатырѣ (Симбирской губ.), Сергіевскомъ посадѣ, Лебедяни... Четырехклассныя семинаріи въ Ѳеодосіи и Старобѣльскѣ преобразованы въ шестиклассныя. Наряду съ умноженіемъ числа классическихъ учебныхъ заведеній шло учрежденіе и реальныхъ училищъ, какъ напримѣръ въ Севастополѣ, Скопинѣ и еще въ семи разныхъ городахъ. Помимо умноженія числа среднихъ учебныхъ заведеній, минувшій годъ не прошелъ безслѣдно и для всей системы гимназическаго образованія. 13-го мая состоялось Высочайшее повелѣніе о раздѣленіи седьмаго класса гимназій съ двухлѣтнимъ курсомъ на два класса, 7-й и 8-й, съ однолѣтними курсами, причемъ ассигнованы на это и денежныя средства. Остается признать шестиклассныя прогимназіи равными во всѣхъ правахъ съ шестиклассными реальными училищами. Два высшіе класса гимназіи, седьмой и восьмой, по своему значенію соотвѣтствуютъ *приму* германскихъ гимназій, имѣя своею цѣлью ближайшее приготовленіе къ университету.

Затѣмъ, недавно изданный циркуляръ министра народнаго просвѣщенія о продолженіи воспитанникамъ духовныхъ семинарій права поступать въ университеты безъ испытанія зрѣлости въ гимназіяхъ, по одному повѣрочному экзамену, подалъ многимъ надежду на пересмотръ устава духовно-учебныхъ заведеній. Не можемъ не напомнить что пересмотръ семинарскаго устава долженъ быть направленъ къ уравненію духовныхъ семинарій съ гимназіями какъ относительно учебнаго плана, такъ и учебныхъ средствъ. Усложненіе нашей жизни и увеличившееся требованіе пастырскаго вліянія заставляютъ желать повышенія уровня образованія нашихъ будущихъ священниковъ. Но послѣдуетъ или не послѣдуетъ пересмотръ уставовъ духовно-учебныхъ заведеній, во всякомъ случаѣ не останется безъ добраго вліянія на эти заведенія состоявшееся въ минувшемъ году Высочайшее повелѣніе о предоставленіи синодальному оберъ-прокурору права разъяснять сомнѣнія и вопросы которые могутъ возникать при примѣненіи нынѣ дѣйствующихъ уставовъ.

Обращаясь къ системѣ школъ начальнаго обученія, мы должны упомянуть о цѣломъ рядѣ мѣръ свидѣтельствующихъ о возрастающей заботливости правительства по этому предмету. Состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи должностей инспекторовъ народныхъ училищъ, изданы инструкціи для учительскихъ семинарій и для двуклассныхъ и одноклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, обстоятельно опредѣлившія въ нихъ объемъ и порядокъ обученія, вступили въ дѣйствіе постановленія о правахъ на пенсіи должностныхъ лицъ земскихъ учительскихъ семинарій и школъ, о введеніи во всѣхъ учительскихъ институтахъ награжденія лучшихъ, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ золотыми и серебряными медалями, и объ устройствѣ приготовительныхъ классовъ при учительскихъ семинаріяхъ. Ко всему этому должно присоединить изданіе правилъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и

учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ,—правилъ которыя должны предотвратить повтореніе куріозовъ происходившихъ бывало на подобныхъ курсахъ и лишавшихъ ихъ всякаго значенія, кромѣ безплодной и вредной траты денегъ и времени. Но сказанными мѣрами общаго характера не исчерпывается все то что было сдѣлано въ минувшемъ году въ интересахъ первоначальнаго обученія. Нельзя пройти молчаніемъ ни изданія штатовъ для городскихъ училищъ и нормальныхъ сельскихъ училищъ Закавказскаго края, ни перваго опыта введенія обязательнаго обученія сдѣланнаго изданіемъ постановленія о сельскихъ евангелическо-лютеранскихъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ Эстляндской и Курляндской губерній, ни учрежденія въ большомъ числѣ новыхъ разсадниковъ учителей для начальныхъ училищъ. Между прочимъ, послѣдовало учрежденіе учительскихъ семинарій въ Череповцѣ, въ Острогѣ (Волынской губ.), въ селѣ Елизаветинѣ (Уфимской губ.); затѣмъ еще по одной въ шести учебныхъ округахъ и въ Закавказьѣ; издано положеніе объ учительской семинаріи для питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома; изданы новые штаты Кубанской учительской семинаріи; Новоторжская учительская школа преобразована въ семинарію; въ Казани учреждена татарская учительская школа... Мы долго не кончили бы еслибы стали исчислять все сдѣланное въ этомъ отношеніи.

Успѣхамъ учебнаго дѣла постоянно содѣйствовала готовность многихъ земствъ и городскихъ обществъ принимать участіе въ расходахъ по содержанію учебныхъ заведеній. Бо́льшая часть вновь учрежденныхъ въ минувшемъ году учебныхъ заведеній возникли при пособіи отъ мѣстныхъ обществъ. Что касается частныхъ пожертвованій, то они также были обильны и многочисленны, и предназначались главнымъ образомъ на учрежденіе стипендій. Самымъ крупнымъ изъ нихъ былъ даръ г-жи Быковской, пожертвовавшей двѣсти тысячъ рублей на учрежденіе стипендій при Харьковскомъ университетѣ и 3-й Харьковской гимназіи.

Въ заключеніе нашего краткаго и далеко неполнаго обзора дѣятельности по учебной части нельзя не указать на ярко обозначившееся въ минувшемъ году полное несогласіе въ оцѣнкѣ этой дѣятельности, съ одной стороны, нѣкоторыми газетами и журналами самозванно выдающими себя за органы общественнаго мнѣнія, съ другой—прямыми и несомнѣнными органами этого мнѣнія. Объѣздъ министромъ Одесскаго учебнаго округа былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ событій минувшаго года. Изъявленія общественнаго сочувствія какими сопровождалось посѣщеніе министромъ Ростова-на-Дону, Таганрога, Бердянска, Маріуполя, Керчи, Ѳеодосіи, Екатеринослава, Кишинева, Одессы, не нуждаются въ поясненіи. Ихъ значенія не могутъ умалить ни тенденціозное умолчаніе объ этихъ общественныхъ заявленіяхъ, ни попытки выставить ихъ въ ненавистномъ или смѣшномъ видѣ... Но объ этомъ стоитъ поговорить особо.

№ 8.

Москва, 9-го января.

Для судебныхъ учрежденій новаго строя минувшій годъ ознаменовался державнымъ словомъ одобренія и поощренія, коихъ они удостоены были два раза въ теченіи этого года. По случаю исполнившагося въ концѣ 1874 г. десятилѣтія со дня утвержденія судебныхъ уставовъ, были получены изъ многихъ мѣстъ Россіи изъявленія всеподданнѣйшей благодарности. Министръ юстиціи доведя объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовалъ что судебное вѣдомство проникнуто горячимъ стремленіемъ осуществить благія предначертанія Его Императорскаго Величества и глубочайшею благодарностью за дарованное ему прочное положеніе. „Вслѣдствіе сего," какъ сказано въ обнародованномъ по этому поводу Высочайшемъ повелѣніи, „Государь Императоръ Высо-„чайше повелѣть соизволилъ благодарить „за выраженныя чувства, причемъ Его Им-„ператорскому Величеству благоугодно бы-„ло выразить увѣренность что лица судеб-„наго вѣдомства, проникнутыя сознаніемъ „важности возложенныхъ на нихъ обязан-„ностей, будутъ и впредь безпристрастно „отправлять правосудіе и этимъ послужатъ „охранительною силой правительства для „поддержанія нравственныхъ началъ и за-„коннаго порядка."

Во второй разъ судебныя учрежденія осчастливлены были словомъ Высочайша-

го одобренія въ указѣ Правительствующему Сенату 19-го февраля прошедшаго года о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года въ Царствѣ Польскомъ. „Разсмотрѣвъ," сказано въ этомъ указѣ, „исправленные Государственнымъ Совѣтомъ и представленные намъ „нынѣ проекты законоположеній, мы находимъ что они соотвѣтствуютъ нашему „желанію даровать подданнымъ нашимъ „Царства Польскаго судъ удовлетворяющій „настоящимъ потребностямъ, пріобщивъ „край этотъ въ важномъ дѣлѣ отправленія правосудія къ тому преобразованію „которое, съ очевидною для общаго блага „пользой, приводится въ исполненіе въ „другихъ частяхъ нашей Имперіи."

Судебное преобразованіе въ Царствѣ Польскомъ будетъ введено въ дѣйствіе лишь съ 1-го іюля сего года. Сохранивъ въ главныхъ чертахъ основныя начала судебныхъ уставовъ 20-го ноября, упомянутое законоположеніе отличается однако и многими существенными особенностями, частію временнаго характера вслѣдствіе исключительнаго положенія края, частію постоянными вслѣдствіе мѣстныхъ отличій юридическаго быта. Институтъ присяжныхъ засѣдателей не вводится въ Царствѣ Польскомъ „впредь до особаго о семъ распоряженія," какъ сказано въ ст. 51 Положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ Варшавскому судебному округу. Вслѣдствіе этого, для всѣхъ безъ исключенія уголовныхъ дѣлъ допускается аппелляціонный переносъ дѣла въ судебную палату, причемъ сохраненъ и обрядъ предварительнаго преданія суду, и для этой цѣли учреждается при судебной палатѣ особый департаментъ. Другая особенность заключается въ томъ что министру юстиціи предоставляется право переносить уголовныя дѣла изъ одного судебнаго округа въ другой (стало-быть за предѣлы Царства Польскаго), или изъ одного окружнаго суда въ другой, „въ видахъ огражденія государственнаго или общественнаго интереса," испрашивая на сіе каждый разъ особое Высочайшее разрѣшеніе.

Мировой институтъ организованъ въ Царствѣ на совершенно иныхъ основаніяхъ нежели въ остальныхъ частяхъ Имперіи. Здѣсь возможно было слить его съ сельскимъ (волостнымъ) судомъ. Для этого законодатель воспользовался уже существующимъ въ Царствѣ гминнымъ судомъ. Этотъ коллегіальный судъ состоящій изъ выборныхъ гминныхъ судей и лавниковъ имѣетъ одинаковую юрисдикцію съ мировыми судьями, причемъ послѣдніе учреждаются въ городахъ, а гминные суды въ уѣздахъ. Второю инстанціей для тѣхъ и другихъ служатъ мировые съѣзды, состоящіе изъ мировыхъ и гминныхъ судей. Института же почетныхъ мировыхъ судей не существуетъ вовсе. Мировые судьи и предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ назначаются отъ правительства.

Важныя особенности, и вмѣстѣ съ тѣмъ преимущества вновь вводимаго въ Царствѣ Польскомъ гражданскаго судопроизводства, обусловливаются главнымъ образомъ существованіемъ тамъ ипотечной системы, для которой созданы особыя губернскія и уѣздныя ипотечныя отдѣленія при окружныхъ судахъ и мировыхъ учрежденіяхъ.

Усовершенствованіемъ слѣдуетъ считать и институтъ судебныхъ разсыльныхъ вводимый въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, кромѣ судебныхъ приставовъ. На судебныхъ разсыльныхъ возлагается доставленіе тяжущимся повѣстокъ и бумагъ, а также другія исполнительныя порученія суда, кромѣ процедуры исполненія рѣшеній возлагаемой на судебныхъ приставовъ. Нужно надѣяться что это полезное раздѣленіе труда лежащаго въ другихъ судебныхъ округахъ исключительно на судебныхъ приставахъ будетъ введено повсюду, такъ какъ чрезмѣрное обремененіе судебныхъ приставовъ оказывается на практикѣ важною помѣхой къ желанной быстротѣ исполнительнаго производства.

Пріобщеніе Царства Польскаго въ судебномъ отношеніи къ прочимъ частямъ Имперіи, о коемъ сказано въ Высочайшемъ указѣ 19-го февраля прошедшаго года, всего болѣе осуществляется постановленіемъ ст. 241 Положенія, по коему судопроизводство въ судебныхъ установленіяхъ Варшавскаго судебнаго округа происходитъ на русскомъ языкѣ.

По указу 4-го февраля, Дагестанская область присоединена къ округу Тифлисской Судебной Палаты, и судебное преобразованіе введено въ ней въ полномъ объемѣ, также какъ и нотаріальное положеніе, съ тѣми мѣстными измѣненіями и изъятіями которыя установлены закономъ 22-го ноября 1866 года для судебныхъ учрежденій Закавказскаго края. Существенная особенность заключается, какъ извѣ-

стно, вопервыхъ, въ томъ что на Кавказѣ нѣтъ института присяжныхъ засѣдателей, и всѣ уголовныя дѣла имѣютъ аппеляціонную инстанцію въ Тифлисской Судебной Палатѣ; вовторыхъ, мировые судьи назначаются отъ правительства, и будучи подчинены окружнымъ судамъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ производятъ предварительныя слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ, причемъ въ облегченіе имъ даны помощники. Горское населеніе изъято отъ дѣйствія новаго судебнаго порядка и сохраняетъ свой народный судъ для дѣлъ гражданскихъ, а за важныя уголовныя преступленія горцы судятся попрежнему военнымъ судомъ. Общему суду горцы подлежатъ лишь въ двухъ случаяхъ: когда въ гражданскомъ искѣ участвуетъ, въ качествѣ истца или отвѣтчика, лицо другаго сословія, и когда горцы обвиняются въ преступныхъ дѣйствіяхъ противъ лицъ другихъ сословій.

За исключеніемъ обширнаго законоположенія о судебной реформѣ въ Привислинскомъ краѣ, остальныя законодательныя мѣры прошедшаго года по судебному вѣдомству направлены были лишь къ устраненію возникшихъ на практикѣ затрудненій, преимущественно вслѣдствіе чрезмѣрнаго накопленія дѣлъ. Мѣры эти не касались впрочемъ высшаго въ Имперіи трибунала, Кассаціоннаго Суда, наиболѣе страдающаго отъ избытка выпадающаго на его долю труда. Увеличеніе личнаго состава кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, къ коему прибѣгали уже два раза со времени ихъ учрежденія, оказывается лишь паллiативною мѣрой. Для облегченія Кассаціоннаго Суда требуется болѣе радикальное преобразованіе онаго, съ измѣненіемъ самыхъ предѣловъ его компетенціи; повидимому, основанія для такого важнаго преобразованія еще не вполнѣ выяснены въ нашихъ законодательныхъ сферахъ и покамѣстъ все остается по старому, хотя медленность кассаціоннаго производства, особливо по дѣламъ гражданскимъ, съ каждымъ днемъ все тяжелѣе отзывается на общемъ ходѣ правосудія. Въ судахъ низшихъ инстанцій личный составъ увеличенъ прибавленіемъ въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ по нѣскольку судебныхъ слѣдователей. Въ Казанской Судебной Палатѣ учрежденъ новый (третій) департаментъ, по примѣру Московской, Петербургской и Харьковской палатъ, такъ что теперь лишь Одесская и Саратовская судебныя палаты состоятъ изъ двухъ департаментовъ.

Обращаясь отъ законодательныхъ мѣръ по судебному вѣдомству къ самой дѣятельности нашихъ новыхъ судовъ за прошедшій годъ, нельзя не упомянуть о цѣломъ рядѣ громкихъ уголовныхъ процессовъ обратившихъ на себя всеобщее вниманіе и причинившихъ въ обществѣ большое волненіе, которое объясняется тѣмъ что изо всѣхъ публичныхъ интересовъ правосудіе по преимуществу подлежитъ гласному обсужденію и совершается съ участіемъ представителей отъ общества. Процессъ игуменьи Митрофаніи, разбиравшійся еще въ концѣ 1874 года въ Московскомъ Окружномъ Судѣ, получилъ въ прошедшемъ году свой окончательный исходъ разсмотрѣніемъ кассаціонной жалобы подсудимой въ Сенатѣ, который не нашелъ уважительныхъ поводовъ отмѣнить состоявшійся приговоръ присяжныхъ. Другая *cause célèbre*, процессъ Овсянникова, разыгралась въ самомъ концѣ года въ Петербургѣ. Это громкое дѣло еще свѣжо въ памяти у всѣхъ. Дѣло Ковнера обратило на себя вниманіе не столько по личности подсудимаго сколько по цифрѣ похищенной имъ суммы, а главнымъ образомъ потому что здѣсь впервые общественное вниманіе привлечено было къ нашимъ банкамъ и нельзя было не призадуматься надъ легкостью злоупотребленій и всякаго рода преступленій возможныхъ въ этой сферѣ. Оно и не было единственнымъ въ своемъ родѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого дѣла, разбиралось въ Московскомъ же Окружномъ Судѣ дѣло о служившемъ въ Московскомъ Учетномъ Банкѣ Коршуновѣ, который похитилъ 28.000 руб. черезъ поддѣлку кассовыхъ ордеровъ. Наконецъ, къ исходу года, обнаружились громадные по цифрѣ подлоги биржеваго маклера Вальтера, успѣвшаго похитить изъ нѣсколькихъ московскихъ банковъ до 400.000 р. и скрыться съ ними за границу задолго до обнаруженія подложности учтенныхъ имъ векселей.

Въ Московскомъ Окружномъ Судѣ разсматривались въ прошедшемъ году еще два громкіе процесса, Тупицынскій и Коротковскій, изъ разряда такъ-называемыхъ „бракоразводныхъ." Въ этихъ процессахъ, коихъ не мало уже разбиралось и прежде, здѣсь и въ Петербургѣ, рѣчь идетъ не о самомъ расторженіи брака, а о наказаніи за лжесвидѣтельство. Всѣ эти дѣла отли-

чаются совершенно однородными циническими чертами. Рѣчь идетъ о лицахъ которыя дали въ Духовной Консисторіи присяжное показаніе какъ *очевидцы* прелюбодѣянія; показанія эти удивительно однообразны и построены по одному шаблону; печать лжи такъ очевидна что всѣ эти свидѣтели въ одинаковой мѣрѣ заслуживаютъ названія „самыхъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей,“ какъ остроумно выразился обвиненный по одному дѣлу такого рода разбиравшемуся въ Петербургѣ. Обыкновенно рядомъ со свидѣтелями этого рода фигурируютъ на скамьѣ подсудимыхъ, въ качествѣ подстрекателей, „повѣренные по бракоразводнымъ дѣламъ,“ личности не менѣе типическія, спеціально посвятившія себя этой профессіи. Ни одно „бракоразводное“ дѣло не окончилось до сихъ поръ иначе какъ обвиненіемъ, тогда какъ самое существованіе профессіонныхъ свидѣтелей и повѣренныхъ по дѣламъ этого рода доказываетъ что при прежнемъ порядкѣ суда это ремесло практиковалось совершенно безнаказанно. Очевидно что зло кроется здѣсь въ самой процедурѣ расторженія браковъ, вслѣдствіе нарушенія супружеской вѣрности, процедурѣ, до сихъ поръ остающейся въ вѣдѣніи духовныхъ консисторій которыя притомъ обязаны руководствоваться формальными доказательствами и основывать свои рѣшенія о фактѣ основываясь на показаніяхъ свидѣтелей-очевидцевъ. Аномалія тутъ очевидна. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ которое было уже высказываемо не разъ и которое идетъ далѣе простой отмѣны для духовныхъ консисторій порядка формальныхъ доказательствъ отвергнутаго для свѣтскихъ судовъ, а полагаетъ что установленіе фактической стороны дѣла по бракоразводнымъ дѣламъ должно быть передано свѣтскому суду. Было бы правильнѣе если бы духовныя лица освобождены были отъ необходимости вдаваться въ подробности такого рода дѣлъ, и имъ было бы лишь предоставлено самое расторженіе брака на основаніи данныхъ установленныхъ свѣтскимъ судомъ. Вопросъ этотъ заслуживаетъ разсмотрѣнія.

Припоминая общій ходъ правосудія за прошедшій годъ по тѣмъ дѣламъ содержаніе коихъ получило огласку чрезъ печать, нельзя не признать что судебное дѣло крѣпнетъ и преуспѣваетъ во всѣхъ своихъ функціяхъ. Въ послѣднее время рѣдко приходилось слышать о приговорахъ присяжныхъ, которые противорѣчили бы голосу общественной совѣсти, а напротивъ во многихъ случаяхъ безапелляціонный приговоръ присяжныхъ вполнѣ удовлетворялъ ее даже въ тѣхъ случаяхъ когда не имѣлъ достаточныхъ фактическихъ основаній. Нужно думать что этому способствовало болѣе тщательное составленіе списковъ присяжныхъ, на что мы впервые обратили вниманіе въ концѣ 1874 года.

Упомянемъ въ заключеніе о состоявшемся въ іюнѣ первомъ Съѣздѣ Русскихъ Юристовъ, устроенномъ Юридическимъ Обществомъ при Московскомъ Университетѣ. Совѣщанія съѣзда, продолжавшіяся всего четыре дня, не привели ни къ какимъ серіознымъ результатамъ. Пренія были слишкомъ поверхностны; ни ораторы, ни слушатели не были достаточно подготовлены для того чтобы постановленія состоявшіяся на съѣздѣ могли имѣть авторитетъ зрѣло обдуманныхъ рѣшеній. Но нельзя и слишкомъ строго судить объ этомъ *первомъ* опытѣ, и можно надѣяться что самыя ошибки и неустройство перваго съѣзда послужатъ урокомъ и предостереженіемъ для будущихъ собраній такого рода.

Въ истекшемъ году исполнилось десять лѣтъ со времени введенія земскихъ учрежденій. Дѣятельность ихъ за этотъ періодъ времени, какъ можно судить и по офиціальнымъ земскимъ отчетамъ, далеко не осуществила слишкомъ широкихъ надеждъ какія возлагались на нихъ нѣкоторыми. Что касается дѣйствій его въ предѣлахъ „попеченія о мѣстныхъ хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ,“ каковы доставленіе средствъ на народныя школы и среднеучебныя заведенія, устройство санитарной части, дороги, народное продовольствіе, пожарное дѣло и пр., то при небольшихъ денежныхъ средствахъ юное учрежденіе дѣлало свое дѣло. Прежде всего слѣдуетъ пожелать отъ нашего земства и ихъ представителей бо́льшаго усердія къ порученному имъ общественному дѣлу, въ виду такъ часто повторяющейся неявки гласныхъ на земскія собранія, такъ что иногда собранія эти не могутъ состояться, что и бывало въ прошедшемъ году. Надобно также пожелать чтобы земства не брались не за свои дѣла, каковы напримѣръ облѣсеніе цѣлаго южнаго края, научное статистическое изслѣдованіе губерній посредствомъ дорогихъ бюро, посылка делегатовъ на заграничные конгрессы, а

особенно руководство учебными заведеніями и выработка новыхъ типовъ ихъ. Лучше браться за немногое, но дѣлать свое дѣло какъ слѣдуетъ.

Истекшій годъ въ земскихъ дѣлахъ принесъ немного новаго. Что касается законодательныхъ и административныхъ распоряженій касающихся этой области, то мы должны отмѣтить вызванное неразчетливымъ замѣненіемъ хлѣбныхъ продовольственныхъ запасовъ денежными сборами и дозволеніе продовольственные капиталы опять обращать въ хлѣбные запасы. Изъ распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ слѣдуетъ припомнить разъясненіе что земства имѣютъ право дѣлать пожертвованія только на мѣстныя нужды и лишь за удовлетвореніемъ обязательныхъ расходовъ. На пожертвованія же внѣ предѣловъ губерніи должно ходатайствовать о Высочайшемъ соизволеніи.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на повсемѣстное усиленіе земскихъ назначеній на народное образованіе, именно народныя школы, гимназіи, прогимназіи, реальныя училища и учительскія семинаріи. Въ сознаніи крайней нужды въ народномъ образованіи, многія изъ земскихъ собраній ходатайствуютъ о введеніи обязательнаго обученія.

Заслуживаетъ также вниманія борьба нѣкоторыхъ земствъ, особенно Херсонскаго, съ послѣдствіями неурожая.

Изъ темныхъ сторонъ въ земскихъ дѣлахъ слѣдуетъ указать на составляющіеся въ земскихъ собраніяхъ кружки и интриги, на что раздаются очень нерѣдко жалобы, на растрату земскихъ суммъ бухгалтеромъ земской управы Минаевымъ, а равнымъ образомъ на признанный правильнымъ въ Сенатѣ протестъ саратовскаго губернатора противъ постановленій Саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія какъ составившагося незаконнымъ образомъ.

№ 9.

Москва, 10-го января.

Давно поставленный самою жизнію вопросъ о наймѣ рабочихъ и прислуги вступилъ въ свою послѣднюю фазу. Съ нынѣшняго дня, какъ извѣщаетъ наша вчерашняя телеграмма, начинается обсужденіе его въ Государственномъ Совѣтѣ. Будетъ ли результатомъ этого обсужденія законъ который положилъ бы конецъ неурядицѣ въ отношеніяхъ между нанимателями и наемниками и оградилъ бы всѣ законные интересы тѣхъ и другихъ? Правительство долго медлило рѣшеніемъ, прислушиваясь къ разнымъ сужденіямъ и мнѣніямъ и выжидая чтобы вопросъ выяснился со всѣхъ сторонъ, и теперь можно сказать что онъ созрѣлъ вполнѣ. Не безплодно же разрабатывали его съ разныхъ сторонъ нѣсколько коммиссій, одна за другую, не понапрасну выслушивались въ нихъ мнѣнія разныхъ общественныхъ представителей которые приглашались и въ качествѣ членовъ коммиссій, и въ качествѣ экспертовъ. По важности вопроса признано необходимымъ выслушать еще разъ мнѣнія экспертовъ и при окончательномъ его обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ. Такой способъ обсужденія важныхъ и сложныхъ вопросовъ у насъ не новость. Онъ много содѣйствовалъ благополучному исходу и крестьянской реформы, и преобразованія воинской повинности. Столь же благопріятныхъ результатовъ, казалось бы, можно ожидать отъ него и для обсуждаемаго нынѣ вопроса.

Но какъ ни много данныхъ къ тому чтобы съ увѣренностью ожидать изданія закона который поставилъ бы договоры о личномъ наймѣ на прочныя основанія, къ возлагаемымъ на этотъ ожидаемый законъ надеждамъ невольно примѣшивается у многихъ нѣкоторая доля тревоги. Во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ возможны ошибки и уклоненія; они могутъ вкрасться и въ будущее положеніе о наймѣ. Въ теченіе долгаго времени пока разрабатывался вопросъ не мало было сдѣлано для разъясненія его; но въ то же время не мало замѣчалось стараній запутать и затемнить дѣло. На этомъ поприщѣ не мало потрудилась нѣкоторая часть нашей печати. На ея разглагольствія не стоило бы обращать вниманіе еслибъ они не находили отголоска, между прочимъ, во мнѣніяхъ выраженныхъ нѣкоторыми членами коммиссіи обсуждавшей вопросъ зимою минувшаго года подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря П. А. Валуева.

Образчикъ фальши вносимый печатью въ вопросъ о личномъ наймѣ представляетъ, между прочимъ, статья г. А. Головачева „Проектъ положенія о наймѣ рабочихъ и прислуги,“ появившаяся въ іюньской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*. Въ другое

время, конечно, никто не обратилъ бы на нее вниманія. Но теперь серіозные и практическіе люди поневолѣ боятся какъ бы элукубраціи нашихъ досужихъ публицистовъ не нашли себѣ отголоска (что нерѣдко бывало) даже между иными сановными лицами которымъ страхъ какъ хочется *казаться* либералами и прогрессистами съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ. Г. Фетъ, хорошо знакомый съ сельскимъ бытомъ, и какъ хозяинъ, и какъ мировой судья, прислалъ намъ пространную статью раскрывающую всю фальшь на которой построены соображенія изложенныя г. Головачовымъ. Статья появится въ ближайшей книжкѣ *Русскаго Вѣстника;* но въ виду живаго интереса предмета, мы считаемъ нелишнимъ теперь же привести изъ этой статьи нѣсколько выдержекъ. Авторъ останавливается именно на тѣхъ сторонахъ вопроса которыя сдѣлались главнымъ предметомъ агитаціи дурнаго свойства, и дѣлаемыя имъ замѣчанія,—плодъ не одного кабинетнаго изученія, а практическаго знакомства съ дѣломъ, вынесеннаго изъ многолѣтней практики мироваго судьи,—заслуживаютъ полнаго вниманія.

„Всѣ обсужденія вкривь и вкось по слѣдамъ г. Головачова,“ справедливо замѣчаетъ г. Фетъ, „сводятся на два существенные вопроса:

„1. Слѣдуетъ ли, въ виду ежедневно возрастающаго общественнаго зла, установить рабочія книжки обязательныя для рабочихъ вообще, а для нанимателей подъ страхомъ значительнаго штрафа, предоставивъ мѣстному суду безотлагательное преслѣдованіе, въ уголовномъ порядкѣ, всякой поддѣлки книжки какъ мошенничества?

„2. Слѣдуетъ ли, оставивъ во всей силѣ существующіе штрафы и взысканія убытковъ съ неисправнаго рабочаго, предоставить въ каждомъ данномъ случаѣ усмотрѣнію судьи опредѣлять мѣру добросовѣстности или недобросовѣстности уклонившагося отъ работы, замѣняя, въ послѣднемъ случаѣ, въ виду несостоятельности обвиняемаго, денежный штрафъ арестомъ?“

Вопреки соображеніямъ г. Головачова и К°, г. Фетъ не находитъ возможнымъ отвѣчать на оба эти вопроса иначе какъ утвердительно: „Обязывать судебнымъ приговоромъ человѣка окончить трудъ согласно договору, зная напередъ что онъ безнаказанно откажется отъ исполненія законнаго рѣшенія, или приговаривать человѣка къ штрафу зная напередъ что хотя съ него и есть что взять, но вамъ этого не дозволятъ, не значитъ ли подвергать себя завѣдомо упреку Петра Великаго: Всує законы писати если ихъ не исполнять?“

Именно такого порядка при которомъ предоставляемыя закономъ гарантіи исполненія договора оставались бы только на бумагѣ и домогаются наши столь щедрые на чужой счетъ публицисты. Обязательность рабочихъ книжекъ выставляется ими нарушеніемъ свободы труда, а кара за недобросовѣстность — крѣпостничествомъ. Равное обезпеченіе вытекающихъ изъ договора о наймѣ правъ обѣихъ участвующихъ въ немъ сторонъ они провозглашаютъ нарушеніемъ справедливости, притѣсненіемъ слабыхъ. Гарантіи должны быть дѣйствительны и серіозны только для одной стороны,—для рабочихъ; наниматели же пусть остаются при гарантіяхъ мнимыхъ, не имѣющихъ практическаго значенія. Пусть всѣ гарантіи будутъ сведены къ денежнымъ взысканіямъ въ гражданскомъ порядкѣ. Денежная претензія рабочаго къ нанимателю всегда можетъ быть удовлетворена—и прекрасно. Наоборотъ, денежныя изысканія съ рабочихъ большею частію невозможны; а на нѣтъ и суда нѣтъ; и въ такомъ случаѣ пусть наниматели остаются ни при чемъ. Такова сущность проповѣдуемыхъ теорій по отношенію къ нашему рабочему вопросу.

Противники обязательности рабочихъ книжекъ видятъ въ нихъ какое-то притѣсненіе для рабочихъ, а между тѣмъ „эта несчастная книжка,“ замѣчаетъ г. Фетъ, „охраняетъ общество не столько отъ недобросовѣстности рабочаго сколько отъ недобросовѣстнаго конкуррента-сосѣда. Если у послѣдняго не достаетъ честности чтобъ не поддаться соблазну и не переманить въ горячее время дешеваго для него и несоразмѣрно дорогаго для меня рабочаго, котораго я содержалъ напрасно круглый годъ, то законъ обязанъ наказывать такую недобросовѣстность наравнѣ со всякимъ другимъ нечестнымъ поступкомъ. Если съ рабочаго въ большинствѣ случаевъ взять нечего; то пусть капиталистъ, безсовѣстно разрушающій мое законное право заплатитъ мнѣ неизбѣжный штрафъ за свой поступокъ. Отсутствіе въ книжкѣ удостовѣренія нанимателя объ окончательномъ разчетѣ съ рабочимъ должно исключать воз-

можность какъ поступленія рабочаго на новое мѣсто, такъ и перемѣны самой книжки."

„Рабочія книжки," говоритъ г. Фетъ въ другомъ мѣстѣ статьи, „у насъ не новость и постоянно въ ходу при наймѣ рабочихъ большими партіями, такъ какъ безъ нихъ никакое судебное разбирательство не мыслимо. Но въ общемъ дѣлѣ найма рабочихъ онѣ далеко не достигаютъ цѣли только потому что не обязательны. Въ нашей мѣстности онѣ замѣняются печатными бланками, на которыхъ только проставляется имя работника, срокъ найма и договорная плата. Въ сущности это та же рабочая книжка, но какъ такое условіе не обязательно, то никто не можетъ знать, не заключено ли подобное же условіе работникомъ одновременно съ двумя, тремя лицами, въ той же волости или въ различныхъ волостяхъ, что не рѣдко бываетъ со стороны крестьянъ обязывающихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ издѣльною работой, сверхъ гуртоваго обязательства цѣлымъ обществомъ, за круговою порукой. Правда, въ виду возникающихъ отсюда вопіющихъ неурядицъ, мировыми посредниками не разъ подтверждалось волостнымъ правленіямъ чтобъ они не свидѣтельствовали такихъ двойныхъ и тройныхъ условій, но нечего и говорить что вслѣдствіе необязательности самыхъ условій и возникающей изъ нея трудности контроля для безграмотныхъ старшинъ, при волостныхъ писаряхъ которые, въ большинствѣ случаевъ, готовы за гривенникъ засвидѣтельствовать что угодно, такія предписанія оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, тогда какъ обязательность книжки для нанимателя и наемщика разъ навсегда устраняетъ всю эту безурядицу. Желающій поступить въ услуженіе, близко ли, далеко ли, долженъ имѣть рабочую книжку и хранить ее также тщательно какъ въ настоящее время хранитъ свой паспортъ или безсрочно-отпускной билетъ. Если въ книжкѣ нѣтъ удостовѣренія о прекращеніи договора, подписаннаго нанимателемъ и засвидѣтельствованнаго волостнымъ правленіемъ по мѣсту исполненія договора, то по такой книжкѣ никто не можетъ принимать рабочаго, и правленіе по мѣсту его жительства не можетъ давать новой книжки взамѣнъ старой, если желающій возобновить ее не представитъ удостовѣренія послѣдняго нанимателя объ утратѣ книжки. При этомъ необходимо чтобы каждое фальшивое удостовѣреніе волостнымъ писаремъ преслѣдовалось въ мировыхъ учрежденіяхъ какъ всякій другой подлогъ и мошенничество. Мы увѣрены что въ виду подобной мѣры не будетъ ни одной фальшивой подписи."

Впрочемъ, намъ не разъ приводилось печатать въ нашей газетѣ заявленія практическихъ людей о необходимости установленія обязательности рабочихъ книжекъ, и статья г. Фета лишь вновь подтверждаетъ что безъ этой обязательности нѣтъ гарантій ни противъ недобросовѣстности рабочихъ, ни противъ недобросовѣстности нанимателей. Но эта мѣра, такъ сказать, только предупредительная. Необходимо чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ были установлены и дѣйствительныя карательныя мѣры за недобросовѣстность, въ безнаказанности коей заключается главное зло нынѣшняго положенія дѣлъ. „Отчего," спрашиваетъ г. Фетъ, „мировой судья, продавшій свой трудъ въ извѣстной мѣстности и уѣхавшій изъ оной безъ законнаго отпуска, быть-можетъ по самымъ уважительнымъ причинамъ, долженъ, сверхъ вычета жалованья, подлежать и уголовной отвѣтственности, а батракъ или кучеръ имѣетъ право бѣжать со своего поста безнаказанно во всякое время?" Ратуя противъ судебныхъ гарантій оплаченнаго личнаго труда, Г. Головачовъ упорно указываетъ на какія-то экономическія гарантіи, основанныя де на выгодности для наемщика добросовѣстно исполнить договоръ. Но, замѣчаетъ г. Фетъ, „если одна выгодность ляжетъ въ основу гарантій исполненія договоровъ, то она скорѣе явится гарантіей неисполненія. Что можетъ быть выгоднѣе какъ продать одну и ту же вещь, за наличныя деньги, въ нѣсколько рукъ, не выдавая ея въ сущности никому? Такова именно на дѣлѣ та эфемерная гарантія съ которой лицомъ къ лицу осталась вся наша частная промышленность. Вы съ осени или съ весны подрядили партію рабочихъ, выдавъ имъ значительный задатокъ; партія на вашъ счетъ прибыла по желѣзной дорогѣ ко времени уборки; проработала день и, видя что хлѣбъ сыплется, ложится на межу, требуя двойной или тройной платы и угрожая при отказѣ уходомъ. Спрашивается, чему гарантіей служитъ въ данномъ случаѣ личная выгода? Не давайте задатковъ и не запасайтесь впередъ рабочими руками, говорятъ иные

мудрецы. Не запасайтесь провіантомъ пускаясь въ кругосвѣтное плаваніе, скажемъ мы въ свою очередь морякамъ жалующимся на мошенничество подрядчиковъ."

И обязательнымъ рабочимъ книжкамъ, и уголовной отвѣтственности за недобросовѣстное нарушеніе договоровъ личнаго найма, мнимые друзья рабочихъ стараются придать значеніе какъ бы возврата къ крѣпостному праву. Но почему не видятъ они его, напримѣръ, въ уголовной карѣ за злостное банкрутство? Весь вопросъ въ томъ, долженъ ли быть догоґоръ личнаго найма дѣломъ серіознымъ, какъ серіозно, напримѣръ, обязательство по векселю, или нѣтъ? „По нашимъ законамъ," писалъ въ нашей газетѣ минувшею весной г. Кристи, „подвергается уголовной отвѣтственности тотъ кто продастъ или заложитъ имущество прежде того проданное; такой же уголовной отвѣтственности подвергается и купившій завѣдомо чужое имущество. Не такой ли характеръ носятъ поступокъ рабочаго продавшаго мнѣ свой трудъ и потомъ нанимающагося у другаго, и поступокъ хозяина который завѣдомо нанимаетъ рабочаго получившаго прежде отъ меня деньги?"

Подобные поступки сдѣлались обычнымъ явленіемъ и повсемѣстно повторяются чаще и чаще. Можно ли въ виду ихъ отвергать практическія мѣры которыя могутъ положить имъ конецъ?

№ 11.

Москва, 12-го января.

Газета *Голосъ* возвращается къ объѣзду Одесскаго учебнаго округа министромъ народнаго просвѣщенія уже передовою статьей (№ 3). „Путешествіе министра по югу Россіи," говоритъ газета, „должно *ослабить убѣжденіе въ неблагонадежномъ настроеніи нашего общества.*" „Министръ повидимому *смягчилъ первоначальный свой рѣзкій приговоръ* надъ русскою семьей." Произнесенныя имъ въ Ростовѣ-на-Дону слова что весь успѣхъ воспитанія зависитъ отъ семьи „*ослабляютъ впечатлѣніе* „извѣстнаго *майскаго циркуляра*, свидѣ„тельствовавшаго что общество наше, по „своей апатіи, недостаточно противудѣй„ствуетъ распространенію дикихъ док„тринъ..." Другими словами: майскій циркуляръ *взводилъ напраслину* на русскую семью и на русское общество: таковъ прямой смыслъ приведенныхъ цитатъ.

Но это лишь начало умозаключеній *Голоса*. Упомянувъ о чествованіи графа Толстаго представителями русскаго общества и зацѣпившись фразой произнесенною однимъ изъ нихъ, названная газета предается слѣдующему разсужденію: „Ни одно „официальное лицо не видѣло по отноше„нію къ себѣ такого общественнаго одуше„вленія... Даже прошлымъ лѣтомъ нѣ„сколько министровъ посѣтили разныя „мѣстности Россіи, но ни кто ни сообщалъ „о какихъ бы то ни было торжественныхъ „пріемахъ, имъ сдѣланныхъ. Между тѣмъ, „каждый изъ нихъ также представляетъ „собою одну изъ реформъ совершенныхъ „въ послѣднее время: стало-быть каждый „изъ нихъ могъ быть почтенъ оваціями „общества. Гдѣ же причина различія?.. „Не объясняется ли она тѣмъ... что про„чія реформы водворились безъ особеннаго „труда, не вызывали борьбы, но встрѣчали „полное *не нуждавшееся въ доказатель„ствахъ* сочувствіе общества? Г. министру „юстиціи, при посѣщеніи имъ разныхъ гу„берній, врядъ ли нужно было доказы„вать пользу судебной реформы, и стран„но было бы слушать ораторовъ изъ об„щества, доказывающихъ преимущество „новыхъ судебныхъ установленій предъ „старыми уѣздными судами и палатами. „Городскимъ головамъ и предсѣдателямъ „земскихъ управъ, разсуждавшимъ о поль„зѣ классическаго образованія, врядъ ли „пришлось бы доказывать г. министру „внутреннихъ дѣлъ пользу новыхъ город„скихъ и земскихъ учрежденій, а г. ми„нистру не было надобности защищать „освобожденіе крестьянъ." (Однако *Голосъ* и другія газеты старались изо всѣхъ силъ доказывать и защищать все это, увѣряя публику что судебная реформа, такъ какъ и крестьянская, встрѣчаютъ себѣ въ обществѣ противниковъ которые хотѣли бы возвратиться къ старымъ порядкамъ). „Слѣдовательно, въ названныхъ случаяхъ „*не было никакой надобности создавать* „оваціи въ видѣ встрѣчъ съ колокольнымъ „звономъ, обѣдомъ съ пышными тостами, „адресовъ съ дорогими блюдами и т. п.." Другими словами, если не было прежде такихъ манифестацій, то слѣдовательно торжественность оказанная графу Толстому пріема *была создана искусственно.*

Итакъ, газета подноситъ своимъ читателямъ слѣдующую дилемму: или майскій циркуляръ министра народнаго просвѣщенія безо всякаго основанія ставилъ на видъ русскому обществу его равнодушіе къ дѣлу воспитанія;—или же русское общество и по нынѣ остается равнодушнымъ къ обученію своихъ дѣтей и произведенному въ немъ преобразованію, а всѣ манифестаціи, сопровождавшія поѣздку министра—лишь пустая внѣшность, *созданная* помимо самого общества и во всякомъ случаѣ не имѣющая ни малѣйшаго значенія. Руководителю *Голоса*, очевидно, хотѣлось бы чтобы публика приняла оба члена дилеммы, хотя они и должны исключить другъ друга. Итакъ, вопервыхъ, министръ народнаго просвѣщенія, также какъ и юстиціи, не имѣлъ никакого повода напоминать обществу, то-есть родителямъ и всѣмъ вліятельнымъ въ своей средѣ лицамъ, о нравственной обязанности противодѣйствовать дурнымъ и безсмысленнымъ увлеченіямъ которымъ подвергается молодежь. Общество наше и безъ того преисполнено энергіи и не нуждается ни въ какихъ другихъ указаніяхъ кромѣ тѣхъ какія ежедневно получаются ими отъ руководителей петербургскихъ газетъ. Къ тому же все обстоитъ благополучно. Нѣтъ эксплуататоровъ молодежи, нѣтъ развратителей юныхъ головъ, нѣтъ людей поставившихъ себѣ задачей вредить дѣлу нашего общественнаго воспитанія. Никогда не бывало жалкой исторіи объ *отцахъ и дѣтяхъ*. Не было дѣтей нигилистовъ, не было отцовъ которые предъ ихъ мудростью трепетно конфузились и смиренно соглашались что дважды два не четыре, а пять. Это вопервыхъ, а вотъ примите и второе: общество у насъ такъ апатично и глупо что по первому свисту готово сбѣжаться на какую угодно демонстрацію, хотя бы противную его интересамъ и убѣжденіямъ, и всѣ города столь обширнаго края, какъ Новороссійскій учебный округъ, отъ Одессы до Ананьева, способны съ жаромъ натворить и наговорить, въ лицѣ уважаемыхъ представителей своихъ, то чего у нихъ и на мысли не было, и что продиктовали имъ эксплуататоры ихъ малодушія и несмыслія. Грязный фельетонъ петербургской газеты, издѣліе писаки который нынче будетъ поносить то что восхвалялъ вчера по стольку-то за строчку: это голосъ жизни, и съ этимъ правительство должно считаться какъ съ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Но вотъ само общество, вотъ дѣйствительно уважаемыя въ своихъ средахъ лица, люди самостоятельнаго образа мыслей который живо слышится въ ихъ словахъ, отцы и матери семействъ, пользуясь проѣздомъ министра, свидѣтельствуютъ предъ нимъ съ удивительнымъ единодушіемъ о благотворной перемѣнѣ происходящей, въ ихъ дѣтяхъ и во всемъ строѣ заведеній гдѣ они учатся: это поддѣлка устроенная министромъ, нуждавшимся въ доказательствахъ, для проведенія своихъ реформъ.... Но нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія уже 10 лѣтъ управляетъ своею частью, и всѣмъ извѣстно что онъ ни разу не прибѣгалъ къ подобнымъ доказательствамъ,—не прибѣгалъ и въ то время когда дѣло реформы было впереди и подвергалось спору. Почему же сталъ бы онъ искать такихъ доказательствъ именно теперь, когда дѣло стоитъ совершенно твердо и не требуетъ никакихъ доказательствъ,—когда вчерашніе отъявленные противники почтительно признаютъ его и кланяются ему *въ принципѣ?*

Многія изъ лицъ изъявившихъ на югѣ свое сочувствіе министру всегда понимали и цѣнили значеніе предпринятой реформы. Но нѣтъ ничего удивительнаго что масса публики, у насъ какъ и вездѣ, не отдавала себѣ отчета въ педагогическихъ системахъ, и нѣтъ ничего проще что люди недоумѣвавшіе когда только шла рѣчь о реформѣ видятъ ясно то что теперь выразилось въ ея для всѣхъ очевидныхъ послѣдствіяхъ. Наконецъ, еслибъ и произошла радикальная перемѣна въ общественномъ настроеніи, то что же и тутъ удивительнаго? Не фиглярство ли со стороны руководителей *Голоса* удивляться такой перемѣнѣ какъ чему-то необыкновенному, ставить ее на видъ какъ нѣчто необычайное и такимъ образомъ изподтишка подрывать къ ней довѣріе, какъ къ какому-то неестественному феномену! Не такой ли феноменъ произошелъ, напримѣръ, во времена польскаго возстанія? *Голосъ* не очень давно свидѣтельствовалъ (1874, № 178), что русской печати приходилось тогда „развѣнчивать и разоблачать польскія притязанія“ въ глазахъ русскаго общества. *Голосъ* не былъ причастенъ этому дѣлу разоблаченія. Эта газета по справедливости должна приписать себѣ, напротивъ, нѣкоторую долю той сумятицы

понятій которая тогда господствовала у насъ по отношенію къ національнымъ вопросамъ. Русскіе люди почти стыдились величія и могущества Россіи. Россію сами Русскіе дѣлили на части по національностямъ... И вдругъ все перемѣнилось. Національное единство Россіи стало общимъ лозунгомъ. И не было угла въ нашемъ обширномъ отечествѣ откуда не слали бы русскіе люди изъявленія патріотической благодарности государственному канцлеру, который отстаивалъ достоинство Россіи предъ Европой, и Муравьеву, который не смущаясь криками чужихъ и своихъ энергически подавлялъ мятежъ. Наконецъ, — какая честь русскому патріотизму! — *Голосъ* изъ космополита вдругъ сталъ патріотомъ...

Лица, по образованію, по уму, по общественному положенію, казалось бы застрахованныя отъ легкомысленныхъ увлеченій, поддавались навѣянному на общество злокачественному повѣтрію. Мы могли бы привести примѣръ особъ высокаго официіальнаго значенія, которыя, увлекаясь барабанившею во кругъ нихъ „прогрессивною" фразой, журили своихъ сыновей за уклоненіе отъ студенческихъ демонстрацій и почти выталкивали ихъ на университетскія сходки. Да, начинателямъ учебной реформы дѣйствительно приходилось „бороться" противъ враговъ ея. Но основная черта русскаго характера есть здравый смыслъ. Русское общество поняло куда его ведутъ одни, къ чему клонятъ другіе, и майскій циркуляръ могъ содѣйствовать его отрезвленію. Не мы конечно, но дѣти или внуки наши доживутъ до временъ когда и газетныя фиглярства какими вызваны эти строки будутъ невозможны предъ русскою публикой.

Что касается недоумѣнія *Голоса*, почему другіе министры, тоже проводившіе реформы каждый по своему вѣдомству, не возбуждали въ своихъ поѣздкахъ по Россіи такихъ чествованій какими встрѣченъ былъ на югѣ министръ народнаго просвѣщенія, то недоумѣніе это происходитъ вѣроятно отъ забывчивости. Изо всѣхъ реформъ, учебная наиболѣе обязана своимъ успѣхомъ волѣ Государя Императора. Всѣмъ извѣстны особенности ея судебъ, тѣсно связующія ее съ самимъ Монархомъ. Чествуя министра народнаго просвѣщенія, по выраженію *Голоса*, „царскими почестями", русскіе люди привѣтствовали въ немъ вѣрнаго исполнителя мысли Верховнаго Законодателя, еще такъ недавно изъявившаго ему свое благоволеніе за „послѣдовательность и стойкость" въ исполненіи ввѣренной ему реформы. Общественныя оваціи встрѣчавшія министра были только отголоскомъ этихъ Царскихъ словъ, и всѣ обращенія къ нему на устроенныхъ въ честь его праздникахъ были только повтореніемъ этой высокой оцѣнки.

Державнымъ Преобразователемъ было поручено министру сдѣлать все возможное чтобы поставить школу въ нашемъ отечествѣ на прочныхъ и вѣрныхъ основаніяхъ, соотвѣтственно истиннымъ требованіямъ науки и правильнаго воспитанія. Заслуга министра въ томъ что онъ глубоко проникся важностію возложеннаго на него дѣла и исполнилъ его по совѣсти. Онъ не заботился о популярности и не искалъ расположенія партій; онъ не пригонялъ своей задачи къ какимъ-либо постороннимъ ей цѣлямъ и интересамъ. Онъ не обращался съ вопросами объ учебныхъ системахъ къ городскимъ думамъ и земскимъ собраніямъ. Весь свѣтъ какой было возможно старался онъ собрать на своей задачѣ, и уяснивъ себѣ ея сущность заботился лишь о томъ чтобы соблюсти ее во всей силѣ. Онъ рѣшился лучше остаться въ одиночествѣ чѣмъ измѣнить ей въ чемъ-нибудь, и не вступалъ ни въ какія сдѣлки, не допускалъ никакихъ компромиссовъ которые могли бы исказить, извратить или ослабить ее, и великая честь ему за то что онъ донесъ до Законодателя дѣло во всей его чистотѣ и полнотѣ.

№ 12.

Москва, 13-го января.

Подъ вліяніемъ ряда правительственныхъ разъясненій 1-й статьи *Положенія о земскихъ учрежденіяхъ*, гласящей что кругъ дѣйствій ихъ ограничивается завѣдываніемъ дѣлами относящимися „къ мѣстнымъ *хозяйственнымъ* пользамъ и нуждамъ губерніи и уѣзда," земскія учрежденія въ теченіе десяти лѣтъ своего существованія постепенно отучались отъ вторженія въ области имъ неподвѣдомыя, и въ послѣдніе годы правительственныя разъясненія становились рѣже и рѣже. Но

что земскія собранія еще не вездѣ и не совсѣмъ отучились отъ повадки вторгаться въ области по закону не подлежащія ихъ вѣдѣнію, это показываетъ послѣднее Бессарабское губернское земское собраніе, окончившее свои занятія предъ Рождественскими праздниками.

На этомъ собраніи былъ возбужденъ вопросъ о преподаваніи латинскаго языка въ Кишиневской женской гимназіи, и собраніе призвало на судъ свой попечительный совѣтъ гимназіи за введеніе помянутаго предмета *безъ разрѣшенія со стороны земства*. По извѣстіямъ *Одесскаго Вѣстника*, ревизіонная коммиссія протестовала якобы противъ самовольной издержки въ 1.380 рублей на преподаваніе латинскаго языка, а земское собраніе, *находя преподаваніе* его въ этомъ учебномъ заведеніи *излишнимъ*, опредѣлило: назначавшуюся попечительнымъ совѣтомъ на этотъ предметъ сумму раздавать въ пособіе бѣднымъ ученицамъ гимназіи. Корреспондентъ *Биржевыхъ Вѣдомостей*, если только вѣрить всѣмъ словамъ его, говоритъ что ревизіонная коммиссія нашла что „*попечительный совѣтъ не имѣлъ никакого права безъ особаго разрѣшенія земскаго собранія вводить* новый предметъ въ женской гимназіи, хотя бы и въ числѣ не обязательныхъ, и затѣмъ, обращаясь къ оцѣнкѣ значенія этого предмета, признала что: 1) *предметъ этотъ не приноситъ никакой пользы въ жизни*; 2) расходъ на преподаваніе латинскаго языка представляется *безполезною затратой денегъ;* 3) что посему съ 1-го января 1876 года слѣдуетъ прекратить преподаваніе въ женской гимназіи этого языка. Мнѣніе коммиссіи принято большинствомъ и постановлено: заявить попечителю Одесскаго учебнаго округа о желаніи Бессарабскаго земства отмѣнить преподаваніе латинскаго языка въ женской гимназіи, и выразить сожалѣніе попечительному совѣту по поводу введенія его (то-есть латинскаго языка) въ число предметовъ преподаванія въ женской гимназіи.“

Вѣрно или не вѣрно приписываются ревизіонной коммиссіи корреспондентомъ крѣпкія слова что латинскій языкъ „не приноситъ никакой пользы въ жизни,“ что расходъ на преподаваніе его представляется безполезною затратой денегъ, и пр., несомнѣнно только то что въ Бессарабскомъ земскомъ собраніи совершился фактъ воспрещаемаго закономъ вторженія земскихъ собраній въ чуждую имъ область.

Земство представляемое выборными гласными, для которыхъ законъ не опредѣляетъ и ценза по образованію, некомпетентно для рѣшенія педагогическихъ и учебныхъ вопросовъ. На это есть особое министерство, имѣющее совершенно достаточные и многоразличные органы. Земству же законъ предоставляетъ „участіе преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ въ попеченіи о народномъ образованіи.“ (*Земск. Полож.* ст. 2, VII). Все что лежитъ за этими предѣлами рѣшительно превышаетъ земскую компетенцію. Законъ предоставляетъ земству вліяніе на управленіе народными училищами лишь посредствомъ членовъ отъ земства въ губернскихъ уѣздныхъ училищныхъ и въ попечительныхъ совѣтахъ учебныхъ заведеній учреждаемыхъ на счетъ земства. Никакія ассигновки на учебныя заведенія по закону не даютъ земству права вмѣшательства въ дѣла управленія учебными заведеніями, каковы введеніе въ курсы тѣхъ или иныхъ учебныхъ предметовъ и сокращеніе ихъ числа, сужденіе о распоряженіяхъ учебныхъ управленій, хотя бы то были попечительные совѣты. И правительство не признаетъ за земствомъ не только правъ на распоряженія въ этой области, но не дозволяетъ и ходатайствъ относительно этихъ предметовъ. Одно изъ губернскихъ земскихъ собраній ходатайствовало „объ уменьшеніи числа предметовъ гимназическаго преподаванія и о „введеніи во всѣ гимназіи однообразныхъ „программъ и учебниковъ.“ Правительство въ отвѣтъ на это, разъяснило что предметъ „ходатайства касается устрой„ства учебной части въ гимназіяхъ и „потому не подлежитъ обсужденію зем„ства.“ (*Сборникъ Правит. Распор. по Земскимъ Дѣламъ* III, 134). Предоставить земствамъ право распоряжаться учебнымъ дѣломъ, вводить новые предметы и вычеркивать ихъ изъ учебныхъ курсовъ, отмѣнять распоряженія компетентныхъ властей, это значило бы внести сумбуръ въ дѣло образованія и уронить его. Бессарабскому земству вздумалось что преподаваніе въ женской гимназіи латинскаго языка, закономъ признаннаго вообще полезнымъ, совершенно безполезно, и оно немедленно, даже до начала ученья, послѣ Рождествен-

скихъ же каникулъ, именно прямо въ Новый Годъ, прекращаетъ выдачу денегъ на этотъ предметъ. Не положи законъ преградъ подобнымъ распоряженіямъ со стороны земскихъ собраній, другому изъ нихъ придетъ на мысль прекратить къ Великому Посту преподаваніе математики, третьему къ Пасхѣ захочется остановить преподаваніе Закона Божія, и вмѣстѣ привлечь къ отвѣту окружные попечительные совѣты и, чего добраго, самое Министерство Народнаго Просвѣщенія. Еслибы законъ не гарантировалъ насъ отъ такихъ распоряженій, то нечего было бы ожидать такихъ гарантій отъ состава земскихъ собраній гдѣ неизбѣжно есть люди мало понимающіе учебное дѣло, даже просто безграмотные.

Надо удивляться какъ ревизіонная коммиссія Бессарабскаго земскаго собранія не была остановлена предсѣдателемъ собранія какъ только пустилась въ сужденіе объ учебныхъ предметахъ.

Впрочемъ, дѣло это не осталось безъ протеста и во время самыхъ толковъ. Предсѣдатель попечительнаго совѣта гимназіи, г. Кирьякъ, указывалъ собранію что введеніе латинскаго языка совершилось по иниціативѣ педагогическаго совѣта и *по желанію родителей воспитанницъ*, что попечительный совѣтъ состоитъ не изъ однихъ членовъ отъ земства и едва ли подчиненъ земскому собранію, что гимназія содержится не исключительно на земскія средства, но частью и на деньги собираемыя съ ученицъ за ученіе, и что введеніемъ латинскаго языка совѣтъ не вышелъ изъ смѣтнаго назначенія. Въ возникшихъ по этому поводу преніяхъ, гласный И. В. Кристи долженъ былъ поднять голосъ и горячо отстаивалъ значеніе латинскаго языка какъ образовательнаго предмета, и доказывалъ практическую пользу его изученія для воспитанницъ какъ дающаго имъ право репетировать уроки съ учениками низшихъ классовъ гимназій. Быть-можетъ, предсѣдателю попечительнаго совѣта, не подчиненнаго земскому собранію, не входя ни въ какія объясненія, слѣдовало заявить что земское собраніе не имѣетъ ни малѣйшаго права не только отмѣнять введенный по рѣшенію педагогическаго и попечительнаго совѣтовъ гимназіи и съ утвержденія попечителя учебнаго округа предметъ, но даже и разсуждать и ходатайствовать объ этомъ, и что попечительный совѣтъ не только не представитъ собранію никакихъ объясненій по этому поводу, но и не скажетъ ни слова кромѣ того что сказано. Это можетъ быть образумило бы разгоряченныя головы. Самое же оглашеніе того факта что собраніе хотѣло у 62 дѣвочекъ, начавшихъ, по собственному и родителей ихъ желанію, обучаться латинскому языку, отнять это всѣми признанное образовательное пособіе и тѣмъ стѣснить въ послѣдствіи ихъ педагогическую дѣятельность которая такъ значительно расширяется знаніемъ древнихъ языковъ, служитъ наказаніемъ для тѣхъ земскихъ господъ въ Бессарабіи которые подняли всю эту не рекомендующую ихъ исторію. Не слышатся ли повсюду жалобы на трудность достать учителей для приготовленія къ среднимъ классамъ гимназій? А изъ этихъ дѣвушекъ быть-можетъ многія должны будутъ обречь себя на педагогическую дѣятельность. Какое подспорье нашли бы въ нихъ родители? Какое благодѣяніе было бы для этихъ учительницъ еслибъ онѣ оказались въ состояніи обучать латинскому языку и готовить для третьяго класса гимназіи; а тѣмъ изъ нихъ которыя сами будутъ матерями семействъ, не полезно ли было бы обладать способомъ контролировать, по крайней мѣрѣ въ началѣ, занятія дѣтей своихъ однимъ изъ основныхъ предметовъ гимназическаго курса?

Добрые земцы бессарабскіе, такъ наивно отрицавшіе пользу латинскаго языка, сами не вѣдали что они поступали противъ собственной пользы и отнимали кусокъ хлѣба у тѣхъ ученицъ которымъ предстоитъ снискивать его своимъ трудомъ...

По словамъ *Новороссійскаго Телеграфа*, въ Кишеневѣ уже говорили что начальникъ губерніи протестовалъ противъ возбужденія въ земскомъ собраніи вопроса объ учебныхъ предметахъ, обсужденіе коихъ не предоставлено земскимъ собраніямъ, организованнымъ для иныхъ цѣлей.

Земскимъ собраніямъ легче сохранить свою самостоятельность и не сдѣлаться чужимъ орудіемъ при рѣшеніяхъ вопросовъ не превышающихъ разумѣнія большинства, каковы шоссированіе дорогъ, устройство мостовъ и т. п. Совершенно иначе бываетъ когда собраніе берется за рѣшеніе вопросовъ выходящихъ изъ его компетенціи: въ такихъ случаяхъ оно унижается до роли ширмъ за которыми дѣй-

ствують более или менее искусныя руки. Въ этой потери самостоятельности заключается естественное возмездіе учрежденію сбивающемуся съ прямой дороги которую указываетъ ему его организація.

№ 13.

Москва, 14-го января.

Теперь извѣстно что наконецъ и Англія рѣшила вообще поддерживать ноту графа Андраши. На другой же день послѣ бывшаго 18-го января засѣданія Англійскаго кабинета, на коемъ обсуждалась австрійская нота, газета *Times* положительно извѣстила объ этомъ рѣшеніи Англійскаго правительства, и всѣ прочіе органы англійской печати встрѣтили это извѣстіе какъ вполнѣ офиціальное.

Хотя и не было особенныхъ поводовъ сомнѣваться въ такомъ рѣшеніи, которое повидимому наиболѣе согласуется съ интересами самой Англіи, и предполагать что она, своимъ изолированнымъ положеніемъ, пожелала бы затруднить миролюбивыя дипломатическія старанія, — тѣмъ не менѣе нельзя не порадоваться рѣшенію Англійскаго правительства. На Англіи въ этомъ случаѣ лежала отвѣтственность можетъ-быть гораздо болѣе важная чѣмъ на всякой другой державѣ. „Серіозная отвѣт„ственность,“ разсуждаетъ *Times*, „пала „бы на нашу страну еслибы, отказавшись „съ самаго начала присоединиться къ нотѣ „графа Андраши, она поощрила Турцію „къ сопротивленію, которое неизбѣжно вы„звало бы великія и можетъ-быть опас„ныя перемѣны. Войны столь же часто „вызываются робостью какъ и рѣшитель„ностью, и въ настоящее время неболь„шая рѣшимость со стороны Англіи мо„жетъ болѣе сдѣлать чтобы предотвра„тить отъ Европы опасность чѣмъ самый „основательный отказъ принять на себя „небольшую отвѣтственность.“

Несмотря, однако, на очевидность этихъ соображеній, на явную невыгоду для самой Англіи уклоняться отъ обсужденія вопроса въ коемъ она имѣетъ важные интересы, англійская печать высказывалась далеко не единодушно по поводу положенія какое слѣдовало принять Англіи относительно ноты графа Андраши, и весьма многіе органы не раздѣляли мнѣнія *Times*. Этому разногласію особенно удивляться нечего. Хотя взгляды Англичанъ на положеніе Турціи теперь измѣнились, хотя самъ лордъ Статфордъ де-Редклифъ публично заявилъ о необходимости поставить Турцію „подъ опеку Европы; но Англіи въ первый разъ приходилось примѣнить эти новые взгляды на дѣлѣ: она приглашалась къ практическому шагу совмѣстно съ другими державами. Съ одной стороны, такое приглашеніе не могло не подѣйствовать успокоительно на Англичанъ, но оно возбуждало многія сомнѣнія, и потому можно было опасаться что колебанія между различными взглядами могли повести къ промедленію въ рѣшеніи Англійскаго правительства; въ промедленіи увидѣли бы признаки нерѣшимости Англіи, его стали бы толковать какъ доказательство ея недовѣрія къ сѣвернымъ державамъ, и это поощрило бы Порту, которой проектъ дипломатическаго вмѣшательства во всякомъ случаѣ едва ли можетъ быть пріятенъ, къ возраженіямъ, въ разчетѣ что она найдетъ поддержку въ своемъ сопротивленіи со стороны Англіи. Кромѣ того, медлительность Англіи усложнила бы дѣйствіе другихъ державъ еще новымъ затрудненіемъ. Имъ предстояло бы въ такомъ случаѣ рѣшить дожидаться ли Англіи, или въ виду важности кризиса, дать и безъ нея ходъ условленному дѣйствію на Порту. Въ первомъ случаѣ все подвергалось бы вновь неизвѣстности, а вовторомъ предстояло бы условиться на случай сопротивленія Порты.

Эта послѣдняя возможность, повидимому, всего болѣе и смущала нѣкоторыхъ англійскихъ публицистовъ, предусматривавшихъ что для принужденія Порты неизбѣжно будетъ вооруженное вмѣшательство или иностранное занятіе возмущенныхъ провинцій, и что слѣдовательно Англія, своею поддержкой ноты графа Андраши, косвеннымъ образомъ дастъ свое согласіе и на прямое вмѣшательство въ дѣла Оттоманской имперіи, а это неизбѣжно повело бы къ возбужденію всего Восточнаго вопроса. Но эти аргументы, которые развивались въ *Pall Mall Gazette*, едва ли были искренни. Они именно и вызывали то самое затрудненіе котораго опасались. При малѣйшихъ признакахъ недовѣрія и взаимной подозрительности между державами, сопротивленіе Порты было бы почти неизбѣжно; при общемъ

же дружномъ дѣйствіи Европы, оно немыслимо: когда турецкіе государственные люди поймутъ что имъ нечего разчитывать на разногласіе между державами коимъ они могли бы воспользоваться, то они не рискнутъ возбуждать своимъ сопротивленіемъ вопросъ съ коимъ связано самое существованіе Турецкой имперіи.

Другое возраженіе противъ участія Англіи заключалось въ слѣдующемъ: такъ какъ три имперіи условились касательно изготовленной ноты не спрашивая совѣта Англіи, то онѣ де и не имѣютъ права ожидать съ ея стороны поддержки. Противъ этого газета *Times* возражала что подобное соображеніе не должно имѣть ни малѣйшаго вліянія на политику Англіи, ибо „оскорбленное тщеславіе есть жалкій мотивъ какъ въ національныхъ такъ и въ личныхъ спорахъ.“ При подобномъ кризисѣ, по словамъ *Times*, „единственный „вопросъ достойный великой націи есть „тотъ, хороши ли предположенія графа Андраши, и можетъ ли Англія помочь приведенію ихъ въ исполненіе. Если мы можемъ сдѣлать что-либо для спасенія христіанъ въ Герцеговинѣ отъ ненавистной „тираніи, и Европу отъ великой войны, „то мы можемъ позабыть о томъ что мы не „участвовали въ составленіи этой ноты.“

Но намъ кажется что здѣсь вовсе не можетъ быть и мѣста „оскорбленному тщеславію.“ Предварительный уговоръ между тремя державами принявшими иниціативу въ этомъ дѣлѣ было необходимо прежде приглашенія ими всей Европы къ совмѣстному дѣйствію. Вопервыхъ, согласіе трехъ державъ даетъ основу для дальнѣйшихъ переговоровъ и, вовторыхъ, представляетъ ручательство что имѣется въ виду лишь мирное разрѣшеніе возникшаго затрудненія. Какъ намъ кажется, основательное возраженіе на ноту графа Андраши могло бы послѣдовать только въ двухъ случаяхъ: еслибъ его проектъ имѣлъ въ виду какое-либо насильственное разрѣшеніе Герцеговинскаго затрудненія, или, напротивъ, былъ ничего не значащимъ документомъ, состоящимъ изъ пустыхъ фразъ, а Англія и другія державы, приглашенныя къ обсужденію его, могли предложить другой гораздо болѣе существенный планъ. Кому-нибудь нужно же было начать, и гораздо лучше что начало сдѣлано сообща тремя державами ближе всѣхъ заинтересованными въ спокойствіи на Востокѣ чѣмъ какою-либо одною изъ нихъ. Въ послѣднемъ случаѣ общее соглашеніе было бы гораздо болѣе затруднительно. Мы не можемъ забыть какъ до самаго послѣдняго времени усиленно распространялись и поддерживались слухи о разногласіи между тремя сѣверными державами именно въ то время когда между ними шли дѣятельные переговоры для установленія общаго плана, который долженъ быть переданъ потомъ на обсужденіе всѣхъ другихъ державъ участвовавшихъ въ Парижскомъ трактатѣ. Отсюда мы можемъ заключить восколько затруднительнѣе было бы преодолѣть различнаго рода недоразумѣнія и подозрѣнія еслибы дѣло было поведено одною державой.

Рѣшеніе принятое Англіей окончательно устраняетъ всѣ эти толки. Теперь и газета *Times*, корреспонденты коей еще недавно подыскивали разнообразнѣйшіе поводы къ антагонизму между тремя сѣверными державами, признаетъ что „хотя „время и событія могутъ возбудить раздоръ въ политикѣ императорскихъ правительствъ, такъ какъ ими разрывались „и сильнѣйшіе союзы, однако есть основаніе предположить что по отношенію къ „нынѣшней фазѣ турецкихъ дѣлъ, которая „можетъ составить важную эпоху въ Европѣ, три имперіи будутъ дѣйствовать „согласно.“ Въ этомъ лондонская газета усматриваетъ новый поводъ для Англіи не оставаться въ сторонѣ, ибо иначе три державы получили бы предлогъ утверждать что рѣшеніе Восточнаго вопроса предложитъ имъ однимъ, не приглашая къ тому другихъ.

Теперь остается только пожелать чтобъ и при дальнѣйшихъ переговорахъ, Британское правительство было также доброжелательно настроено. По словамъ *Times*, пока оно рѣшило дать только общую поддержку проекту сѣверныхъ державъ и оказать нравственное понужденіе на Порту въ пользу принятія его, но это не означаетъ что оно формально приступило къ тройному союзу, и оно де сохраняетъ за собой свободу дѣйствій при дальнѣйшихъ переговорахъ. Да иного вовсе и не требовалось. Содержаніе ноты графа Андраши до сихъ поръ въ точности неизвѣстно, но въ ней, во всякомъ случаѣ установленъ принципъ, и согласіе Англіи весьма важно. Теперь переговоры имѣютъ вступить на практическую почву, и, какъ предусматриваетъ *Times*, должны будутъ привести

къ установленію какого-либо рода автономіи для возмущенныхъ провинцій. Съ этой стороны, нѣтъ повода предвидѣть затрудненій со стороны Англіи. Но желательно болѣе всего чтобы переговоры теперь не затягивались. Потеря времени можетъ отозваться важными послѣдствіями. По общимъ отзывамъ всѣхъ корреспондентовъ, съ наступленіемъ весны должно ожидать еще болѣе сильнаго разгара возстанія если къ тому времени не будутъ приняты мѣры къ умиротворенію края. Поэтому, державамъ принявшимъ на себя нѣкотораго рода обязательства предъ угнетенными населеніями Герцеговины и Босніи слѣдуетъ до того времени доказать имъ что они не будутъ принесены въ жертву для сохраненія общаго мира, и дать имъ существенныя обезпеченія что участь ихъ улучшится. Ускореніе дипломатическаго дѣйствія требуется также въ виду тревожныхъ вѣстей и изъ другихъ провинцій Оттоманской имперіи. Дальнѣйшимъ же промедленіемъ державы, при всей своей доброй волѣ и готовности ко взаимному соглашенію, могутъ упустить изъ своихъ рукъ управленіе событіями... Дѣла на Востокѣ все болѣе и болѣе осложняются. Сегодняшнія телеграммы наши грозятъ такимъ опаснымъ оборотомъ дѣлъ, который можетъ разстроить всѣ планы дипломатіи.

№ 14.

Москва, 15-го января.

Быть или не быть обязательнымъ рабочимъ книжкамъ, — вотъ, можно сказать, главный спорный пунктъ вопроса обсуждаемаго теперь въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта. Пунктъ этотъ, дѣйствительно, важенъ. Будь возможность обходиться однимъ безсрочнымъ наймомъ рабочихъ, безъ выдачи имъ задатковъ, и съ правомъ для обѣихъ сторонъ расходиться въ любую минуту, значеніе вопроса объ обязательности рабочихъ книжекъ, конечно, много бы умалилось. Но многіе виды работъ, между прочимъ сельскія, требуютъ обезпеченности въ рабочихъ силахъ на всю рабочую пору, и потому не могутъ обходиться безъ срочныхъ договоровъ личнаго найма. Къ сожалѣнію, подобные договоры не имѣютъ надлежащей прочности. Люди нанявшіеся на рабочее время безпрестанно уходятъ до срока, не заработавъ даже забранныхъ задатковъ и оставляя хозяевъ въ безвыходномъ положеніи, когда ни за какую цѣну нельзя найти другихъ взамѣнъ ушедшихъ. Къ неустойчивости рабочихъ присоединяется поощряющая ее недобросовѣстность сосѣдей, которые часто ни во что не ставятъ переманить къ себѣ чужаго работника въ самую горячую пору. Жалобы на происходящее отсюда разстройство въ ходѣ дѣлъ слышатся со всѣхъ сторонъ. Положить конецъ такой неурядицѣ, по сужденію свѣдущихъ людей, можетъ только обязательность рабочихъ книжекъ.

На дняхъ мы указывали на агитацію направленную противъ того порядка отношеній между наемщиками и наемниками какой установился бы со введеніемъ обязательныхъ рабочихъ книжекъ. Публицисты, взявшіе на себя задачу быть орудіями этой агитаціи, силятся доказать что государство не должно давать нанимателямъ никакихъ гарантій. Случаи недобросовѣстнаго перехода рабочихъ выставляются какъ элементы производства, которые предприниматель долженъ всегда имѣть въ виду и вносить въ свои разчеты. Ту потерю какую онъ предполагаетъ потерпѣть отъ подобныхъ случайностей, хозяинъ заранѣе де разлагаетъ на самихъ рабочихъ, понижая соотвѣтственно ей размѣры заработной платы. Ergo, все обстоитъ благополучно, и обязательности рабочихъ книжекъ, которая не допускала бы работника нарушать заключенный имъ договоръ, вовсе не нужно. Если кто не повѣритъ что подобная аргументація возможна, тотъ пусть, для образца, прочтетъ хоть ту статью г. А. Головачова, въ іюньской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*, о которой намъ пришлось упомянуть въ № 9 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Но не такою, конечно, аргументаціей можетъ быть затруднено введеніе обязательности рабочей книжки. Соображенія А. Головачова и К° суть скорѣе доводъ именно въ пользу этой обязательности. Если отсутствіе этой обязательности должно вести къ пониженію заработной платы, то ясно что установленіе обязательныхъ рабочихъ книжекъ будетъ и въ интересахъ нанимающихся.

Но, спрашивается, не откроется ли просторъ для притѣснительныхъ дѣйствій со стороны хозяина, который, пользуясь тѣмъ

что рабочій не можетъ уйти отъ него, подъ страхомъ обратнаго привода, штрафа, ареста или иныхъ взысканій, пожалуй не упуститъ случая поприжать его?

Установляя необходимыя гарантіи для хозяевъ, конечно, требуется обезпечить въ полной мѣрѣ и интересы рабочихъ, такъ чтобъ они не могли становиться жертвой чьего-нибудь произвола. Для обѣихъ сторонъ требуются серіозныя гарантіи, которыя имѣли бы силу не на бумагѣ только, а на дѣлѣ. Въ законѣ взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ могутъ быть устроены самымъ правильнымъ образомъ; но нерѣдко приходится видѣть что законъ остается закономъ, а жизнь течетъ своимъ порядкомъ, почти вовсе съ нимъ не справляясь. И вотъ многіе опасаются какъ бы это не случилось и съ бытомъ наемныхъ рабочихъ. Теперь, говорятъ они, хозяева, опасаясь ихъ ухода, поблажаютъ имъ сколько возможно; со введеніемъ же обязательности книжекъ, въ этомъ не будетъ необходимости. Будутъ ли при этомъ рабочіе всегда получать отъ хозяина все что имъ слѣдуетъ, не будутъ ли требовать отъ нихъ иной разъ непомѣрной работы?

Но отъ всего этого рабочій огражденъ закономъ. Въ случаѣ нарушенія своихъ правъ, онъ можетъ обратиться съ жалобой къ мировому судьѣ. Правда, скажутъ, но мировые участки во многихъ уѣздахъ чрезвычайно обширны: не будетъ ли рабочій нанявшійся въ дальнемъ разстояніи отъ мѣстопребыванія судьи лишенъ необходимой защиты закона?

Никакъ не думаемъ чтобы въ виду этого обстоятельства слѣдовало отступать предъ такимъ рѣшеніемъ вопроса о наймѣ которое одно, по общему мнѣнію, можетъ прекратить неурядицу въ этомъ дѣлѣ. И чѣмъ мириться съ этою неурядицей, которую иные господа возводятъ даже въ идеалъ экономическихъ отношеній, гораздо проще было бы увеличить число мировыхъ судей если оно оказывается несоотвѣтственно малымъ. А наконецъ, если бы финансовыя соображенія помѣшали умножить участковыхъ мировыхъ судей, ничто не мѣшаетъ обратиться къ помощи института почетныхъ мировыхъ судей.

Вообще нельзя не пожалѣть что почетные мировые судьи поставлены у насъ далеко не въ то положеніе при которомъ они могли бы приносить наибольшую пользу. Какъ члены мировыхъ съѣздовъ, они уравнены въ правахъ съ участковыми, но внѣ съѣздовъ почти не имѣютъ значенія. Кругъ дѣлъ подлежащихъ единоличному разбирательству почетнаго судьи ограниченъ тѣми случаями когда и истецъ, и отвѣтчикъ пожелаютъ оба обратиться къ нему. Но если одна изъ сторонъ не желаетъ, то хотя бы почетный мировой судья жилъ вблизи, а участковый за пятьдесятъ верстъ, приходится искать суда не тамъ гдѣ ближе и сподручнѣе, или вовсе отказываться отъ возстановленія нарушеннаго права, а почетный мировой судья, видящій это нарушеніе, остается безмолвнымъ и безсильнымъ свидѣтелемъ его. Что побуждаетъ къ такому стѣсненію единоличной юрисдикціи почетныхъ мировыхъ судей, трудно понять, но конечно не сомнѣніе въ ихъ компетентности, ибо юридическая подготовка у нихъ та же что и у участковыхъ, и притомъ они, какъ члены мировыхъ съѣздовъ, признаются компетентными въ тѣхъ случаяхъ когда приговоры участковыхъ судей требуютъ пересмотра и перерѣшенія. Между тѣмъ уравненіе почетныхъ мировыхъ судей съ участковыми для единоличнаго разбирательства устранило бы общія неудобства происходящія отъ малочисленности и обширности мировыхъ участковъ, а тѣмъ самымъ, по отношенію къ вопросу о личномъ наймѣ, ослабило бы вышеупомянутыя опасенія, въ виду коихъ многіе колеблются высказаться за обязательность рабочихъ книжекъ, хотя и сознаютъ выгодность ея установленія и для хозяевъ, и для рабочихъ.

Намъ кажется что почетные судьи теперь же, при должномъ разъясненіи дѣйствующихъ законоположеній, могли бы приносить существенную пользу странѣ и освободить нашъ сельскій бытъ отъ неурядицы которая тяжело чувствуется всѣми и причиняетъ великое во всемъ разстройство. Чтобы житейскія отношенія согласовались съ закономъ, не всегда нужно чтобы законъ каралъ; много бываетъ случаевъ когда достаточно чтобъ онъ только напоминалъ о себѣ. Онъ напоминаетъ о себѣ, конечно, въ постановленіи судебныхъ приговоровъ, но такія напоминанія могутъ быть дѣлаемы и въ менѣе рѣшительной формѣ. Такъ напримѣръ, въ сферѣ взаимныхъ отношеній между рабочими и хозяевами, не всегда необходимо приговаривать одну изъ сторонъ ко взысканію для того чтобы пресѣчь чинимыя ею нарушенія правъ

другой стороны. Во многихъ случаяхъ, для такого пресѣченія были бы достаточны серіозныя напоминанія о законной отвѣтственности. Оказываютъ упорство и не хотятъ работать рабочіе, требуетъ отъ нихъ сверхъ мѣры хозяинъ или его управляющій, дурно ли онъ ихъ содержитъ,—жалоба хозяина и обиженнаго рабочаго рѣдко имѣютъ цѣлію непремѣнно добиться взысканія съ виновныхъ. Большею частію добиваются лишь прекращенія повода къ жалобамъ. Зачѣмъ заставлять во всѣхъ такихъ случаяхъ непремѣнно судиться формальнымъ порядкомъ? Къ чему тутъ неизбѣжный формализмъ постановленія приговора, когда еще можно обойтись и безъ него? Довольно разъяснить взаимныя права и напомнить объ отвѣтственности за предусмотрѣнныя закономъ уклоненія отъ справедливости. Результатомъ такого разбирательства былъ бы не приговоръ, а простое внушеніе, совѣтъ, данный авторитетнымъ лицомъ, который во многихъ случаяхъ могъ бы оказаться совершенно достаточнымъ для устраненія поводовъ ко взаимнымъ неудовольствіямъ. „Вы нарушаете законъ,—вотъ въ чемъ заключаются его требованія,—и если вы будете уклоняться отъ исполненія ихъ, дѣло будетъ передано мною въ съѣздъ или участковому судьѣ для разбирательства,“ скажетъ почтный мировой судья,—и въ девяти случаяхъ изъ десяти въ такой передачѣ не будетъ надобности.

Поддержаніе такимъ путемъ миролюбивыхъ отношеній, которое устраняло бы множество мелкихъ тяжбъ обременяющихъ мировую юстицію, было бы весьма важнымъ служеніемъ обществу, вполнѣ достойнымъ того положенія которое должны занимать въ немъ почетные мировые судьи. Въ былое время, администрація улаживала затрудненія между сторонами; но это были дѣйствія произвола. Подобнаго укора нельзя было бы сдѣлать почетному мировому судьѣ если бы подобная роль была предоставлена ему. Онъ не есть начальствующее лице; онъ представитель закона. Обращаясь къ нарушителю чужаго права, онъ можетъ опираться въ своихъ внушеніяхъ не на власть свою, а на законъ, и его слово можетъ имѣть силу лишь поскольку оно согласно съ требованіями закона...

№ 15.

Москва, 16-го января.

Въ Лондонѣ появилась на дняхъ брошюра подъ заглавіемъ: *Турки и христіане, опытъ разрѣшенія Восточнаго вопроса*, вышедшая изъ-подъ пера г. Фарлея. Это тотъ самый г. Фарлей который еще годъ тому назадъ выступалъ въ печати самымъ ревностнымъ и запальчивымъ защитникомъ цѣлости Оттоманской Порты. Онъ стоялъ за неприкосновенность Турціи не только изъ общихъ политическихъ соображеній, въ видахъ сохраненія европейскаго равновѣсія, нѣтъ, онъ выступилъ горячимъ адвокатомъ турецкой администраціи, и основываясь на своихъ личныхъ наблюденіяхъ въ качествѣ британскаго консула, утверждалъ что всѣ нападки европейской печати на тамошнюю безурядицу частію вымышлены, частію преувеличены. Тѣмъ изумительнѣе перемѣна происшедшая черезъ столь короткое время во мнѣніяхъ этого англійскаго публициста, пользующагося немалымъ авторитетомъ по восточнымъ дѣламъ въ глазахъ своей страны. Онъ былъ долгое время консуломъ въ Турціи и отлично знакомъ съ ея положеніемъ. По радикальности перемѣны въ своихъ воззрѣніяхъ, г. Фарлей далеко оставилъ за собою другаго великаго знатока Турціи и англійскаго дипломата старой школы, лорда Стратфорда де-Редклифа. Такой переломъ въ настроеніи англійскаго общественнаго мнѣнія относительно Турціи былъ послѣдствіемъ событій затронувшихъ интересы Англіи, и потому на эти новѣйшія манифестаціи англійской печати нельзя не обратить вниманія. Г. Фарлей и не скрывалъ предъ публикой своихъ побужденій. Тотчасъ послѣ финансоваго банкротства Турецкаго правительства, онъ не обинуясь произнесъ смертный приговоръ надъ турецкимъ владычествомъ на Балканскомъ полуостровѣ и выступилъ со смѣлымъ предложеніемъ основать на берегахъ Босфора „Акціонерное государство.“

Въ своей новѣйшей брошюрѣ г. Фарлей уже не возвращается къ этому фантастическому плану; но за то онъ рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ положеніе христіанъ въ Турціи, и полагаетъ что Англія отнынѣ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія поддерживать во что бы ни стало

Турецкое владычество, такъ какъ съ пріобрѣтеніемъ Суэзскаго канала она обезпечила себѣ инымъ образомъ свободный путь въ Индію. Теперь Англія можетъ де сказать Туркамъ: „У васъ было достаточно времени и возможности поправить свои дѣла, но вы ничего не сдѣлали; ваше управленіе скверно до послѣдней возможности; прекраснѣйшая часть Европы, по вашей винѣ, до сихъ поръ остается пустыней, и мы не хотимъ долѣе быть хладнокровными зрителями вашей анархіи, тираніи и продажнаго управленія.“ Турецкому владычеству въ Европѣ долженъ быть положенъ конецъ: таковъ рѣшительный выводъ г. Фарлея. Но онъ не ограничивается этимъ отрицательнымъ заключеніемъ, а проектируетъ цѣлый рядъ предположеній о томъ какъ замѣнить существующій порядокъ. Предположенія эти не лишены пикантности. Прежде всего г. Фарлей доказываетъ что удаленіе Турокъ было бы благодѣяніемъ не только для Европы, но и для нихъ самихъ. Въ Европѣ, султанъ Турецкій всегда былъ на чужбинѣ, въ Азіи же онъ сразу утвердился бы на своей родной почвѣ. Здѣсь у него оставалось бы 13 милліоновъ магометанскихъ подданныхъ; его владѣнія въ Азіи—богатѣйшая отъ природы страна на земномъ шарѣ. Вновь раскрыть источники богатства этой страны и пріобщить ее всемірной культурѣ, вотъ задача которой султанское правительство въ Азіи оказалось бы, можетъ-быть, вполнѣ достойнымъ. День паденія полумѣсяца съ башни Св. Софіи въ Константинополѣ ознаменовалъ бы собою эпоху возрожденія Турціи,—въ Европѣ чрезъ возвращеніе Балканскаго полуострова ея исконному христіанскому населенію, а въ Азіи чрезъ укрѣпленіе магометанскаго калифата.

Не довольствуясь этими общими чертами, англійскій публицистъ показываетъ и въ подробности какъ распорядиться турецкимъ наслѣдіемъ въ Европѣ. Онъ думаетъ что Греціи слѣдуетъ дать значеніе дѣйствительнаго королевства, а не по имени только, какъ до сихъ поръ. Для этого ей слѣдовало бы отдать Ѳессалію, Эпиръ, южную Албанію и Архипелагъ, за исключеніемъ впрочемъ острова Крита который г. Фарлей удерживаетъ для Англіи, „въ видахъ огражденія ея правъ на Суэзскій каналъ.“ Турецкую Кроатію, Боснію, Герцеговину и сѣверную Албанію, г. Фарлей собираетъ въ одно княжество подъ скипетромъ австрійскаго принца. Другое государство составляютъ Болгарія и Македонія. Всѣ эти новыя государства, вмѣстѣ съ теперешними вассальными Турціи княжествами, г. Фарлей соединяетъ въ одну общую федерацію съ Константинополемъ во главѣ. Самый же Константинополь,—повѣрятъ ли читатели?—англійскій публицистъ отдаетъ Россіи! „Напрасно было бы,“ замѣчаетъ онъ, „бороться противъ судьбы; а судьба опредѣлила чтобы Византія рано или поздно подпала владычеству Россіи.“ Въ подкрѣпленіе этого, г. Фарлей ссылается на авторитетъ Фуадъ-паши, который на смертномъ одрѣ будто бы выразился что еслибъ онъ былъ русскимъ министромъ, то перевернулъ бы весь міръ чтобы пріобрѣсти Константинополь. „Къ чему же,“ спрашиваетъ г. Фарлей, „станемъ мы отсрочивать развязку „которая неизбѣжна?“

Однако г. Фарлей предвидитъ что Австрія не согласится на его предположенія, и у него готовъ другой планъ: пусть Константинополь образуетъ республику подъ общимъ протекторатомъ великихъ державъ. Впрочемъ, нашъ публицистъ и на этомъ не настаиваетъ какъ на единственномъ выходѣ изъ затрудненія. Онъ придумываетъ еще другое предположеніе которое ему даже лучше нравится нежели послѣднее: пусть образуютъ отдѣльное королевство съ Константинополемъ во главѣ и съ присоединеніемъ Болгаріи и Македоніи, подъ скипетромъ англійскаго принца и русской принцессы...

Въ концѣ концовъ, г. Фарлей имѣетъ однако благоразуміе допустить что теперешнее политическое положеніе Европы не созрѣло еще ни для одного изъ его радикальныхъ переворотовъ, и на сей конецъ проектируетъ рядъ реформъ долженствующихъ обезпечить христіанскихъ подданныхъ Турціи отъ безурядицъ султанскаго управленія. Здѣсь г. Фарлей становится менѣе оригиналенъ, и эту часть его разсужденій нѣтъ надобности воспроизводить, такъ какъ мы главнымъ образомъ имѣли въ виду показать на примѣрѣ смѣлыхъ и рѣшительныхъ предположеній англійскаго публициста,—и притомъ такого который еще такъ недавно ревностно ратовалъ за цѣлость и неприкосновенность Оттоманскаго владычества,—какъ восточный вопросъ проталкивается силою вещей.

Однако, еще не совсѣмъ приспѣло время окончательнаго рѣшенія этого вопроса, и держась почвы реальной политики нельзя не признать что теперешняя политическая комбинація, союзъ трехъ сѣверныхъ державъ, удовлетворяетъ потребностямъ данной минуты по отношенію къ Восточному вопросу, а извѣстно что основаніе этого союза есть сохраненіе statu quo на Востокѣ. Весьма любопытны дипломатическія раскрытія послѣднихъ дней, бросающія свѣтъ на происхожденіе этого союза. Въ первыхъ числахъ января, г. де-Жирарденъ, въ газетѣ *Liberté*, утверждалъ, на основаніи полученныхъ будто бы имъ достовѣрныхъ свѣдѣній, что въ 1867 году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи Австро-Прусской войны, Пруссія, опасаясь сближенія между Франціей и Россіей, предложила Австріи союзъ, который былъ направленъ противъ этихъ обѣихъ державъ. Переговоры по этому поводу велись де чрезъ посредство баварскаго дипломата, гра Тауфкирхена. Союзъ этотъ не состоялся де лишь потому что графъ Бейстъ, бывшій уже въ то время австрійскимъ канцлеромъ, отвергъ предложеніе Пруссіи. Нѣмецкія и австрійскія газеты обратили вниманіе на эти „разоблаченія" г. де-Жирардена, и припоминая что графъ Тауфкирхенъ дѣйствительно прибылъ въ Берлинъ, въ апрѣлѣ 1867 года, съ какою-то таинственною миссіей, доказывали, на основаніи разныхъ соображеній, что тогдашніе переговоры не могли имѣть того смысла какой приданъ имъ французскимъ публицистомъ съ очевидною цѣлью набросить тѣнь сомнѣнія на теперешнія дружескія отношенія Германіи къ Россіи. Неяснымъ и разнорѣчивымъ газетнымъ толкамъ по этому предмету положенъ былъ конецъ обнародованіемъ депеши графа Бисмарка къ представителю Пруссіи въ Вѣнѣ, барону Вертеру, отъ 14-го сентября 1867 года. Депеша эта сразу опровергла французскія инсинуаціи противъ Германіи, доказавъ что союзъ о которомъ въ то время шла рѣчь отнюдь не былъ направленъ противъ Россіи. Но депеша эта раскрыла и нѣчто другое: она доказала что уже въ то время, въ головѣ сѣверо-германскаго канцлера, сложился планъ того соглашенія между тремя сѣверными державами которому суждено было осуществиться лишь при совершенно измѣнившемся положеніи Европы, послѣ Франко-Германской войны. Вотъ текстъ упомянутой депеши.

„Г. Вертеру, въ Вѣнѣ.

„Графъ Тауфкирхенъ, полномочія котораго основывались на письмѣ ко мнѣ князя Гоэнлоэ, передалъ мнѣ, по порученію послѣдняго и съ разрѣшенія короля Баварскаго, что Баварское правительство желаетъ сближенія Германіи и Австріи въ видахъ обороны отъ Франціи. На это я ему отвѣчалъ въ сущности слѣдующее: Со времени заключенія мира мы всегда желали возстановить дружественныя отношенія къ Австріи, соотвѣтствующія обоюднымъ интересамъ и нашему общему прошедшему. Къ этимъ общимъ соображеніямъ присоединилось и побужденіе возникшее въ послѣднее время: желаніе сохранить миръ. Цѣль эта всего дѣйствительнѣе могла бы быть достигнута чрезъ оборонительный союзъ между Австріей, Пруссіей и ея германскими союзниками, такъ какъ Франція не отважилась бы въ такомъ случаѣ напасть на Германію.

„Я воспользовался этимъ случаемъ чтобы высказаться о тѣхъ выгодахъ которыя мы могли бы предложить Австріи, и въ этомъ отношеніи изложилъ слѣдующее:

„Мы могли бы обезпечить Австріи тѣ преимущества которыя обезпечивались для нея Германскимъ Союзомъ, а именно внутреннюю и внѣшнюю безопасность, послѣднюю конечно въ чисто-оборонительномъ смыслѣ, или

„a) для всей Австрійской монархіи на опредѣленное время, отъ одного до трехъ лѣтъ, или

„b) для ея нѣмецкихъ провинцій путемъ постояннаго единенія, но безъ федераціи, а чрезъ трактатъ чисто-международнаго характера.

„Можно было бы также

„c) дополнить временный союзъ временнымъ соглашеніемъ на счетъ Турецкихъ дѣлъ. Но къ такой комбинаціи мы должны были бы привлечь и Россію.

„Я имѣю основаніе надѣяться, прибавилъ я, что на опредѣленное время Россія согласится приступить къ такому соглашенію при поддержаніи statu quo въ турецкихъ пограничныхъ провинціяхъ. Еслибъ однако Россія не рѣшилась формуловать подобное соглашеніе посредствомъ трактата, то для поддержанія мира достаточно было бы и того еслибы и Россія, не вступая въ формальныя обязательства, молча

одобрила извѣстное ей Прусско-Австрійское соглашеніе. Но и при такомъ разчитанномъ на молчаливое одобреніе Россіи соглашеніи нашемъ, карты наши должны быть открыты для Россіи.

„Графъ Тауфкирхенъ принялъ эти изложенія мои повидимому одобрительно, хотя и осторожно, и высказалъ что онъ изъ нихъ почерпаетъ надежду на удачный исходъ своей миссіи въ Вѣнѣ. Инціатива по этому предмету при Вѣнскомъ дворѣ должна быть ему предоставлена. Но вашему превосходительству поручается поддержать усилія графа Тауфкирхена, когда къ тому представится случай и въ предѣлахъ комбинацій мною выше изложенныхъ. Съ этою цѣлью вы должны, съ одной стороны, подтвердить готовность короля усвоить себѣ мысли изложенныя графомъ Тауфкирхеномъ, а съ другой, опровергнуть самымъ положительнымъ образомъ всякіе слухи о тайныхъ трактахъ заключенныхъ будто бы нами съ какою бы то ни было державой.“

Вопреки ожиданіямъ графа Тауфкирхена, миссія его, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ. Графъ Бейстъ не согласился на предложеніе графа Бисмарка, между прочимъ и подъ тѣмъ предлогомъ что, по его мнѣнію, союзъ Австріи съ Пруссіей не испугаетъ Франціи, и что послѣдняя, въ случаѣ войны, можетъ одержать побѣду и надъ обѣими державами.

Берлинскія газеты воспользовались обнародованіемъ приведеннаго документа чтобъ осыпать князя Бисмарка новыми восторженными похвалами, а съ другой стороны онѣ вновь стали указывать какъ пагубна была для Австріи близорукая и фальшивая политика графа Бейста. Депеша отъ 14-го апрѣля 1867 года, разсуждаетъ *National-Zeitung*, вновь подтвердила міру не только изумительную дальновидность князя Бисмарка, который уже девять лѣтъ тому назадъ, при совершенно иномъ положеніи Европы, не только ясно сознавалъ значеніе тройственнаго соглашенія трехъ сѣверныхъ державъ для предотвращенія внезапныхъ переворотовъ на Востокѣ, но и настаивалъ на прямодушіи и полной искренности этого союза. Графъ Бейстъ, напротивъ, выступилъ съ предположеніемъ о могуществѣ Франціи, преувеличенность котораго такъ блистательно опровергнута Франко-Германскою войной. Отвергнувъ предложенный союзъ, разсуждаетъ далѣе берлинская газета, графъ Бейстъ на нѣсколько лѣтъ отсрочилъ для Австріи тѣ внѣшнія и внутреннія выгоды кои она извлекла изъ осуществившагося черезъ пять лѣтъ союза.

Австрійскія газеты, въ свою очередь, отдаютъ справедливость дальновидности князя Бисмарка, но берутъ подъ свою защиту графа Бейста. Онѣ находятъ что элементы для искренняго и дружескаго сближенія между Австріей и Германіей далеко не въ такой мѣрѣ существовали спустя девять мѣсяцевъ послѣ сраженія при Садовой какъ въ 1872 году; это доказывается до уже однимъ тѣмъ что и самъ Бисмаркъ въ то время ограничивалъ срокъ общаго соглашенія тремя годами, тогда какъ теперь союзъ этотъ не только имѣетъ шансы большей продолжительности, но и несравненно болѣе крѣпокъ. Крѣпость эту *Пештскій Ллойдъ* усматриваетъ главнымъ образомъ въ томъ что сближеніе между Австріей и Россіей, нынѣ существующее, совершилось самостоятельно, а не чрезъ посредство Германіи, какъ это должно было случиться въ 1867 году. Послѣднее соображеніе въ особенности интересно.

Какъ бы то ни было, но нельзя не согласиться съ берлинскими газетами что Прусская депеша 1867 года характеризуетъ политику князя Бисмарка съ выгодной стороны, и вмѣстѣ служитъ новымъ доказательствомъ прочности теперешняго политическаго союза трехъ державъ, ибо изъ нихъ мы видимъ что основная идея этого союза, какъ гарантія европейскаго мира, возникла и усвоена Россіей и Пруссіей задолго до того когда ей было суждено осуществиться, и при политическомъ положеніи Европы глубоко отличавшемся отъ нынѣшняго.

№ 16.

Москва, 17-го января.

Факты сообщенные въ помѣщаемомъ ниже письмѣ г. Кованько, богодуховскаго уѣзднаго предводителя дворянства, такъ характеристичны, что не могли бы пройти незамѣченными въ любое время; въ настоящую же минуту, когда высшее законодательное учрежденіе готовится опредѣлить новымъ закономъ нормы будущихъ отно-

шеній между рабочими и хозяевами, эти факты должны обратить на себя особенное вниманіе.

Одинъ изъ подрядчиковъ участвовавшихъ въ работахъ по постройкѣ Кременчугскаго моста, мѣщанинъ Богуславскій, подряжаетъ нѣсколько рабочихъ. Самъ, безъ сомнѣнія, обязанный уплатить неустойку въ случаѣ неисправнаго или несвоевременнаго исполненія подряда, онъ принимаетъ всѣ возможныя мѣры чтобъ обезпечить исправность заподряженныхъ рабочихъ: заключаетъ съ ними формальное условіе, выговариваетъ съ нихъ неустойку, и затѣмъ уже выдаетъ имъ задатки. Рабочіе берутъ задатки и, не обращая никакого вниманія на заключенныя условія, убѣгаютъ не проработавъ ни одного дня. Подрядчикъ остается безъ рабочихъ, не зная гдѣ искать бѣжавшихъ, да и не имѣя времени на розыски въ горячую рабочую пору. Обдѣлавъ такое выгодное дѣльце, рабочіе идутъ наниматься на селитряный заводъ г. Praванька. Опять заключается формальное условіе, опять выговаривается неустойка. Проработавъ кое-какъ два мѣсяца, рабочіе вновь убѣгаютъ. На этотъ разъ, однако, афера не удается. По приговору мироваго судьи, съ рабочихъ взыскивается условленная неустойка, конечно, не сполна, а насколько хватаетъ у нихъ, чтобы продать, имущества котораго они не успѣли скрыть. Но рабочіе не унываютъ. Вмѣсто уплаты неустойки изъ своего кармана, они уплачиваютъ ее изъ чужаго. Нанявшись у г. Мальцова и взявъ въ задатокъ деньги для уплаты наложеннаго на нихъ взысканія, они, проработавъ нѣсколько дней, опять благополучно убѣгаютъ, и взятыя ими у него деньги, хотя съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, остаются и по нынѣ не заработанными...

Какого еще болѣе яркаго образчика неурядицы господствующей нынѣ въ дѣлѣ личнаго найма? Эта неурядица, какъ видимъ, уже создала особаго рода отхожій промыселъ найма съ цѣлью побѣга съ полученнымъ задаткомъ. Можетъ ли быть терпимъ подобный промыселъ? Возможенъ ли, при его существованіи, правильный ходъ экономическихъ предпріятій? Позволительно ли смотрѣть сквозь пальцы на эксплуатацію нанимателей подобными промышленниками? И можно ли не видѣть нравственную порчу какую вноситъ въ рабочій людъ безнаказанность этихъ промышленниковъ? Довольно было поселиться на селитряномъ заводѣ г. Praванька четверымъ охотникамъ до задатковъ безъ отработки, и съ завода бѣгутъ уже не четверо, а одиннадцать рабочихъ изъ тридцати шести...

Противникамъ обязательности рабочихъ книжекъ не мѣшаетъ принять все это въ соображеніе. При невозможности наняться безъ рабочей книжки, бѣжавшіе отъ Богуславскаго рабочіе не были бы наняты ни г. Praванькомъ, ни г. Мальцовымъ. Имъ не было бы тогда и разчета бѣжать съ работъ на Кременчугскомъ мосту, а въ случаѣ побѣга не представилось бы особыхъ затрудненій къ ихъ розысканію. Одинъ изъ соблазновъ легкой, но безчестной наживы былъ бы устраненъ. Это одна сторона дѣла. Въ письмѣ г. Praванька находимъ указаніе и на другую его сторону, также не лишенную значенія. Въ средѣ бѣгуновъ-рабочихъ, какъ оказывается, развивается наклонность къ особаго рода кляузничеству. Изъ числа вышеупомянутыхъ рабочихъ, которые были приговорены къ уплатѣ выговоренной въ наемномъ договорѣ неустойки, двоими была подана жалоба что они вовсе по договору не нанимались и никакими неустойками не обязывались. Началось и вотъ уже тянется не мало времени дѣло о подлогѣ въ составленіи договора о наймѣ,—дѣло, само собою разумѣется, весьма хлопотливое и непріятное для лицъ, которыхъ запутали въ него истцы. Нѣтъ надобности доказывать что новый законъ о наймѣ не оправдалъ бы возлагаемыхъ на него ожиданій еслибъ имъ не было установлено достаточныхъ мѣръ къ предупрежденію подобныхъ кляузъ.

Случаи когда заподряженные по письменнымъ договорамъ рабочіе отказываются исполнять договорныя обязанности, ссылаясь или на то что они вовсе не заключали договора съ нанимателемъ, или на то что въ договорѣ прописаны совсѣмъ не тѣ условія на которыя они были согласны,— такіе случаи въ нашемъ сельскомъ быту не рѣдки. Было бы, конечно, несправедливо въ каждомъ подобномъ заявленіи видѣть непремѣнно актъ недобросовѣстности. По этому предмету мы уже имѣли случай бесѣдовать съ читателями минувшимъ лѣтомъ. Позволимъ себѣ, однако, повторить то что уже было сказано нами въ № 124 *Московскихъ Вѣдомостей* за прошлый годъ. Письменные договоры съ рабочими свидѣ-

тельствуются обыкновенно въ волостныхъ правленіяхъ; волостной писарь прочитываетъ рабочимъ написанный договоръ и опрашиваетъ ихъ согласны ли они на его условія; они изъявляютъ согласіе и, при безграмотности рабочихъ, тѣмъ дѣло и кончается. Но сплошь и рядомъ бываетъ что такое согласіе заявлено не самимъ рабочимъ, а подставнымъ лицомъ, отцомъ, дядей, братомъ рабочаго, которые считаютъ себя въ правѣ, по крестьянскимъ понятіямъ, отдавать въ наймы своихъ родственниковъ, дѣйствуя при заключеніи договора безо всякой довѣренности, прямо отъ ихъ имени, такъ что Петръ откликается когда вызываютъ Ивана, говоритъ „да“ какъ бы самъ Иванъ, и получаетъ за него выговоренный задатокъ, а между тѣмъ отданный въ наймы Иванъ часто не признаетъ для себя обязательнымъ заключенный за него договоръ. Такой не ведущій къ добру обычай долженъ, конечно, пасть какъ скоро будутъ узаконены проектируемыя обязательныя рабочія книжки, а крестьяне усвоятъ себѣ понятіе что употребленіе при наймѣ не своей, а чужой книжки сопровождается такою же уголовною отвѣтственностью какъ и проживаніе съ чужимъ паспортомъ. Но кромѣ того требуются мѣры и для предупрежденія споровъ противъ тождественности условій писаннаго договора съ тѣми на которыя были согласны рабочіе. Въ такихъ мѣрахъ при широкомъ распространеніи грамотности въ народѣ конечно не было бы надобности; но при сплошной у насъ безграмотности, при невозможности соблюденія условія чтобы каждый письменный договоръ былъ прочитанъ и подписанъ самимъ рабочимъ, подобныя мѣры необходимы. Рабочій который утвердилъ письменный договоръ лишь словеснымъ заявленіемъ въ волостномъ правленіи всегда можетъ сказать что ему читали одно, а въ договорѣ писали другое. Возбуждать каждый разъ при такихъ заявленіяхъ уголовныя слѣдствія о подлогахъ значило бы плодить до безконечности число не ведущихъ ни къ какимъ результатамъ уголовныхъ дѣлъ. Гораздо проще и практичнѣе установить гарантію какъ для рабочаго, въ томъ что въ договоръ не внесено ничего ему не прочитаннаго, такъ и для нанимателя, въ томъ что рабочіе не будутъ отрицать условія договора ссылаясь на то что они „люди темные.“ Не будетъ ли полезнымъ въ такомъ случаѣ установленіе опредѣленнаго льготнаго срока, въ нѣсколько дней, между заключеніемъ письменнаго договора о личномъ наймѣ и вступленіемъ его въ законную силу? Въ этотъ льготный срокъ неграмотный рабочій, при содѣйствіи людей грамотныхъ, пользующихся его довѣріемъ, могъ бы удостовѣриться что въ договорѣ не прописано ничего лишняго. Само собою разумѣется что задатки, въ такомъ случаѣ, выдавались бы рабочему лишь по истеченіи льготнаго срока, то-есть по вступленіи договора въ законную силу.

Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманія на странное обвиненіе которое взведено на г. Кованько. Вѣроятно ли, спросимъ словами его письма, „чтобы владѣльцу значительнаго имѣнія, предводителю дворянства, могла придти мысль рисковать своимъ положеніемъ пользуясь завѣдомо подложнымъ документомъ,—да какимъ?—договоромъ личнаго найма, удовлетворяя свою корысть—чѣмъ?—взысканіемъ съ четырехъ почти ничего не имѣющихъ рабочихъ, наконецъ, изобрѣтая удивительную комбинацію ставившую всѣ замыслы владѣльца обогатиться чрезъ завѣдомо подложный договоръ личнаго найма въ зависимость отъ воли рабочаго, могущаго бѣжать и не бѣжать съ работъ, и затѣмъ отъ воли суда, могущаго присудить владѣльцу взысканіе по его иску, и не присудить ему таковаго. „Необходимы серіозныя улики чтобы дать ходъ такому обвиненію. Но вотъ оказывается возможнымъ начать судебное преслѣдованіе противъ лица пользующагося общимъ уваженіемъ, занимающаго видное положеніе въ обществѣ, три трехлѣтія къ ряду избираемаго въ дворянскіе предводители, не потому чтобы противъ него были улики (судъ долженъ быть нелицепріятенъ), а по простому извѣту людей доказавшихъ цѣлымъ рядомъ поступковъ въ какой мѣрѣ можно полагаться на ихъ заявленія. И остановить начавшееся по извѣту дѣло не можетъ даже отказъ прокуратуры поддерживать обвиненіе! Люди промышляющіе обманомъ, это ничего. А вотъ человѣкъ ищетъ своего права въ которомъ никакъ нельзя отказать ему,—и за то взводится на него тяжкое обвиненіе основанное единственно на извѣтѣ правонарушителей,—въ отместку за то что онъ де „привелъ къ окончательному разоренію четыре крестьянскія семейства...“

№ 18.

Москва, 19-го января.

На дняхъ мы говорили о необходимости поспѣшить дипломатическимъ вмѣшательствомъ для прекращенія крайне опасныхъ смутъ возникшихъ въ двухъ европейскихъ провинціяхъ Турецкой имперіи. События грозятъ принять тревожный оборотъ могущій разстроить самыя благонамѣренныя стремленія дипломатіи. Послѣднія извѣстія очень не успокоительны. Несмотря на суровую зимнюю погоду, военныя дѣйствія продолжаются съ ожесточеніемъ. Газеты переполненны подробностями объ упорныхъ битвахъ происходившихъ 18-го, 19-го и 20-го января н. с. на дорогѣ въ Требинье, и вопреки первымъ турецкимъ офиціальнымъ извѣстіямъ объ этихъ битвахъ, корреспонденціи англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ газетъ утверждаютъ что успѣхъ остался на сторонѣ инсургентовъ. Если возстаніе можетъ такъ упорно держаться въ суровую зиму, то чего же ожидать съ наступленіемъ весны? Въ то же время телеграфъ передавалъ тревожныя извѣстія изъ Сербіи и Черногоріи. Въ первомъ Княжествѣ, повидимому, обнаруживается какое-то сильное неудовольствіе противъ молодаго князя, а со стороны Черногоріи доходятъ вѣсти выражающія сомнѣнія можетъ ли она долѣе сохранять нейтралитетъ который ей былъ настоятельно указанъ державами. Дѣйствительно, отношенія къ ней Порты очень натянуты. Какъ извѣстно, въ Константинополѣ есть партія которая не хочетъ сознаться въ безсиліи подавить возстаніе, и приписываетъ его продолжительность единственно поддержкѣ со стороны Черногоріи. Но вотъ спеціальный корреспондентъ газеты *Times*, находящійся въ Рагузѣ и не одинъ разъ побывавшій и въ Черногоріи, и на мѣстѣ возстанія, и въ Мостарѣ, видѣвшійся и съ княземъ Николаемъ, и съ турецкими пашами въ Босніи, и съ консулами державъ, положительно опровергаетъ всѣ подозрѣнія на Черногорію. Тѣмъ не менѣе, въ Константинополѣ распространено мнѣніе что стоитъ лишь объявить Черногоріи войну и занять ее турецкими войсками, возстанію будетъ положенъ конецъ. Все это грозитъ серіозными усложненіями которыя могутъ затруднить дѣйствія державъ.

Эти политическія соображенія касаются интересовъ общаго мира, но есть еще соображенія простаго человѣколюбія, побуждающія сколь возможно поспѣшить мѣрами для умиротворенія края. Тяжкій нравственный долгъ лежитъ въ этомъ отношеніи на совѣсти державъ предъ населеніями Босніи и Герцеговины. Гдѣ теперь эти населенія? За исключеніемъ части способной вести борьбу, остальные жители поголовно бѣжали и наводнили сосѣднія австрійскія провинціи, Сербію и Черногорію. Каково положеніе этихъ несчастныхъ бѣглецовъ, оставившихъ все на родинѣ и не имѣющихъ никакихъ средствъ существованія, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ отчетъ делегата международнаго комитета пособія семействамъ Герцеговинцевъ и Босняковъ, нашего соотечественника, г. Веселитскаго-Бождаровича, который, по силамъ исполнивъ добровольно имъ принятую христіанскую обязанность, находится теперь здѣсь. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ Славянскомъ Благотворительномъ Комитетѣ, гдѣ ему было поднесено званіе почетнаго члена, онъ передавалъ печальное повѣствованіе всего чему былъ очевидцемъ. Положеніе несчастныхъ по истинѣ ужасное, но полная лѣтопись всѣхъ перенесенныхъ ими страданій, вѣрная статистика всѣхъ погибшихъ жертвъ, вѣроятно никогда не будутъ въ точности извѣстны. Международная помощь стекается къ нимъ изо всѣхъ странъ и, какъ естественно, всего болѣе изъ Россіи. Сочувствіе Россіи къ своимъ единовѣрцамъ никогда не изсякало; оно столь часто было испытано и доказано на дѣлѣ, оно такъ широко сказалось и теперь что сами наши страдающіе братья, какъ говоритъ г. Веселитскій-Бождаровичъ, всякую помощь, откуда бы она ни шла, считаютъ притекающею изъ Россіи и не хотятъ вѣрить чтобъ она могла явиться еще откуда-нибудь.

Мы увѣрены что эта братская помощь не оскудѣетъ и впредь. Но, увы! поле предлежащее ей слишкомъ велико, и можно опасаться что и самая щедрая помощь едва ли въ состояніи удовлетворить эту страшную нужду. Послѣ неимовѣрныхъ усилій, г. Веселитскій извѣщаетъ что теперь, хотя самымъ скуднымъ образомъ, существованіе выходцевъ обезпечено на два мѣсяца... Но, что будетъ далѣе? И сколько времени это населеніе двухъ про-

винцій, состоящее изъ женщинъ, дѣтей и немощныхъ, выброшенное на чужбину, безъ земли, безъ занятій, будетъ обречено на случайную помощь? Мысль нѣмѣетъ въ виду того что будетъ если это продлится еще весну и лѣто... Чтобы предотвратить страшное бѣдствіе, къ частной международной помощи должна присоединиться помощь международная государственная, забота всѣхъ державъ объ этихъ населеніяхъ. Она одна можетъ сдѣлать то что для частной помощи недостижимо. Державы могутъ дать несчастнымъ возможность *возвратиться* на родину. Въ настоящее время это немыслимо, не только пока длится ожесточенная борьба, но и пока населеніямъ не будетъ обезпечена возможность человѣческаго существованія, и вотъ отвѣтъ тѣмъ кто полагаетъ что всякое вмѣшательство неумѣстно, что слѣдуетъ предоставить борьбу ея собственному исходу. Еслибъ державы и могли равнодушно смотрѣть на опустошительное подавленіе Турками возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, то кто рѣшится силой гнать назадъ женщинъ и дѣтей на облитую слезами и кровью родину? Какая участь ожидаетъ возвратившихся, это испытали бѣжавшіе жители Попова Поля которые подались было на обѣщаніе Турокъ, и тотчасъ же вторично бѣжали отъ начавшихся избіеній. Но надо подумать и о жителяхъ странъ пріютившихъ бѣглецовъ. Въ правѣ ли кто налагать на эти тоже бѣдныя населенія непосильное бремя? Нѣтъ, мужественныя и долготерпѣливыя южныя славянскія населенія заслуживаютъ бóльшаго къ нимъ вниманія...

Итакъ, политическія соображенія и высшіе интересы справедливости требуютъ чтобы бѣдствующимъ скорѣе дана была возможность возвратиться на родину...

Мы не можемъ придавать большаго значенія разнымъ газетнымъ слухамъ преувеличивающимъ затрудненія, какъ еще въ недавнее время не давали вѣры долго смущавшимъ публику толкамъ о разногласіяхъ по восточнымъ дѣламъ между сѣверными державами. Говорятъ что инсургенты не согласятся положить оружіе. Но инсургенты теперь еще не могутъ и знать что именно имъ будетъ предложено и какого рода ручательство будетъ имъ дано касательно коренной перемѣны ихъ быта. Еще менѣе серіознымъ кажется мнѣніе что сама Порта можетъ рѣшительно отклонить всякое вмѣшательство. Эти увѣренія все болѣе рѣдѣющихъ туркофильскихъ органовъ, каковы лондонская *Morning Post*, берлинская *Post*, *Кельнская Газета*, сопровождаются инсинуаціями противъ Россіи, якобы намѣрено поддерживающей возстаніе дабы къ веснѣ „взорвать заложенныя ею мины“ и выступить противъ Турціи съ оружіемъ въ рукахъ. Но для Порты уже безвозвратно прошло время отстаивать свое достоинство *quand même*, а инсинуаціи касательно Россіи давно потеряли силу. Вопреки всѣмъ навѣтамъ, оказалось что твердое согласіе между тремя державами съ самаго начала ни разу не колебалось, что и дало имъ авторитетъ обратиться теперь къ остальной Европѣ съ предложеніемъ, принятымъ благопріятно всѣми, въ томъ числѣ и Англіей.

Этому факту мы приписывали особенное значеніе, такъ какъ онъ, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ совершенно немыслимымъ *non possumus* со стороны Порты. Правда, Англія пока согласилась только въ принципѣ поддерживать проектъ графа Андраши, и, по словамъ первой возвѣстившей объ этомъ рѣшеніи газеты *Times*, предоставила себѣ свободу дѣйствій при обсужденіи различныхъ мѣръ заключающихся въ проектѣ. Иначе говоря, Англія приняла и одобрила ноту графа Андраши съ нѣкоторыми оговорками, и теперь этому характеру *условности* иные хотятъ придать болѣе значенія чѣмъ самому *факту* поддержки. Но не зная содержанія проекта графа Андраши нельзя судить и объ оговоркахъ сдѣланныхъ Англіей; предположенія же большею частью только преувеличиваютъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, важно что присоединеніе Англіи къ дипломатическому дѣйствію трехъ державъ устраняетъ не малое затрудненіе. Что фактъ присоединенія Англіи важнѣе ея оговорокъ, это признаетъ бóльшая часть англійскихъ органовъ какъ одобряющихъ, такъ и порицающихъ рѣшеніе правительства. Только *Pall Mall Gazette* особенно радуется этимъ оговоркамъ, видя въ нихъ возможность отступленія. Другія газеты смотрятъ иначе. Изъ неодобрительныхъ для Британскаго кабинета отзывовъ, всего характернѣе заявленіе *Morning Post* что всѣ оговорки и даже намѣренія кабинета рѣшительно не представляютъ важности, и что „зло нельзя теперь отвратить, потому что оно уже сдѣлано.“ Эта газета почти единственная

которая продолжаетъ видѣть въ Турціи такое же полноправное государство какъ и всякое другое, какъ сама Англія, и потому неудивительно что самымъ большимъ зломъ она считаетъ всякое посредничество между султаномъ и его подданными, и главною ошибкой со стороны Англіи согласіе на такое вмѣшательство. Но и органы безусловно одобряющіе дѣйствіе правительства также придаютъ факту согласія Англіи большое значеніе. Взглядъ газеты *Times* мы уже сообщили нашимъ читателямъ. Съ нимъ согласна сущность сужденій и другихъ органовъ. *Saturday Review* заявляетъ что Англійскій кабинетъ своимъ принятіемъ ноты графа Андраши практически закрѣпилъ свое убѣжденіе что теперь кончился періодъ невмѣшательства въ отношеніяхъ между Европой и Турціей, и что Турки поймутъ что это имъ уже формально возвѣщено. Также и *Spectator* не полагаетъ вѣроятнымъ чтобы султанское правительство дерзнуло воспротивиться предложенію принятому всею Европой.

Что касается характера оговорокъ сдѣланныхъ британскимъ правительствомъ, то мы не встрѣчаемъ никакого прямаго указанія на нихъ въ англійскихъ газетахъ, и только парижская *Temps* сообщаетъ о нихъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія якобы полученныя изъ Лондона. По ея словамъ, лордъ Дабри выговаривалъ слѣдующія условія: поддерживаніе Оттоманской имперіи и полное признаніе независимости султана; чтобы предлагаемыя реформы были представлены ему въ качествѣ простыхъ замѣчаній и дружескихъ совѣтовъ; чтобы „давленіе“ было оказано на инсургентовъ „коль скоро султанъ обнаружитъ готовность принять реформы,“ и чтобъ Австрія, отъ имени и съ согласія султана, могла быть приглашена послать весной войско въ Герцеговину если къ тому времени Турки не усмирятъ страны. Но послѣдній пунктъ находится въ явномъ противорѣчіи съ первыми...

Вообще, о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ державъ можно разсуждать теперь только на основаніи предположеній которыя могутъ оказаться ошибочными. Вѣрно только то что пора дѣйствовать. Пора же, наконецъ, положить конецъ безчеловѣчной рѣзнѣ продолжающейся въ Босніи и Герцеговинѣ.

№ 19.

Москва, 20-го января.

Выборы во Французскій сенатъ, о результатахъ коихъ извѣстилъ насъ телеграфъ, представляютъ мало успокоительнаго относительно будущности Франціи, и всего менѣе подтверждаютъ надежды тѣхъ кто, въ виду невозможности примирить приверженцевъ многоразличныхъ испытанныхъ страной формъ правительства, полагали что единственная теперь возможная форма есть такъ-называемая консервативная республика.

Глашатаи этой формы, то-есть нынѣшней конституціи утвержденной, хотя и противъ воли, Національнымъ Собраніемъ, послѣ пятилѣтнихъ безплодныхъ пререканій, повидимому составятъ меньшинство въ томъ самомъ учрежденіи которое долженствуетъ стать главнымъ оплотомъ новой конституціи. Противъ нихъ будетъ стоять большинство правда очень разнохарактерное, но недавній опытъ показываетъ какъ самыя крайнія партіи во Франціи готовы бываютъ соединяться движимыя озлобленіемъ къ общему противнику, и потому составъ новаго Сената, насколько онъ опредѣлился, никакъ не убѣждаетъ чтобъ эру переворотовъ во Франціи можно было считать законченною.

Стóитъ припомнить какая была цѣль учрежденія Сената, то-есть второй палаты въ новой конституціи. Этимъ учрежденіемъ творцы этой конституціи желали придать ей бóльшую прочность; ихъ мысль была та чтобы Сенатъ служилъ нѣкотораго рода буфферомъ между верховнымъ національнымъ представительствомъ и верховною исполнительною властью. Можно было бы заранѣе удивляться этимъ доктринерскимъ затѣямъ послѣ столькихъ опытовъ пережитыхъ Франціей. Теоретически, система двухъ палатъ въ представительныхъ учрежденіяхъ имѣетъ бóльшіе задатки прочности чѣмъ одно верховное собраніе представителей націи. Но задача созданія палаты которая служила бы противовѣсомъ увлеченіямъ представителей массъ, и въ то же время пользовалась бы должнымъ авторитетомъ, всегда была камнемъ преткновенія бумажныхъ конституцій. Лишь въ двухъ странахъ эта задача разрѣшена такъ что вторая палата удовлетворяетъ своему назначенію: въ Ан-

тліи Палата Лордовъ и Сенатъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Во всѣхъ другихъ странахъ вторыя палаты играютъ второстепенную и незавидную роль. Во Франціи же, этой классической странѣ насильственныхъ переворотовъ, всѣ до сихъ поръ испробованныя вторыя палаты бывали совершенно ничтожны. Когда буйная парижская чернь врывалась въ собраніе народныхъ представителей и разгоняла ихъ, то о второй палатѣ никто обыкновенно и не думалъ, никто и не освѣдомлялся о ея участи, и обыкновенно она покорно стушевывалась и исчезала сама собой. Такъ было съ палатами перовъ Реставраціи и Орлеанской монархіи, такъ было и съ Сенатомъ Второй Имперіи.

Но какъ бы то ни было, авторы новой конституціи, не убѣжденные прежними опытами въ томъ что прочность учрежденій зависитъ не столько отъ бумажныхъ гарантій сколько отъ духа ихъ исполненія и отъ уваженія къ нимъ всѣхъ партій, пожелали и на этотъ разъ вновь учредить вторую палату. Въ республикѣ такая палата естественно также бываетъ выборная, но выборы въ нее обставляются особыми гарантіями. Сенаторы избираются не всею массой избирателей страны, а особою коллегіей состоящею изъ депутатовъ, членовъ генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ и избираемыхъ спеціально на сей разъ делегатовъ отъ общинъ. Слѣдовательно, это выборы двухъ степеней. Кромѣ того, повидимому, не совсѣмъ довѣряя и этому способу выборовъ, Національное Собраніе рѣшило что четвертая часть всѣхъ сенаторовъ, именно 75, должны быть несмѣняемые при всѣхъ дальнѣйшихъ выборахъ, и на первый разъ само выбрало этихъ несмѣняемыхъ, съ тѣмъ чтобы вакансіи въ ихъ числѣ замѣщались въ послѣдствіи самимъ Сенатомъ.

Первый приступъ ко введенію новой конституціи выборомъ этихъ 75 несмѣняемыхъ Національнымъ Собраніемъ совершился въ концѣ прошлаго года; теперь же производились выборы остальныхъ сенаторовъ самою страной. Извѣстно какъ выборами несмѣняемыхъ сенаторовъ были разстроены планы ради которыхъ выборы эти были предоставлены Національному Собранію. При этомъ Собраніе показало странѣ дурной примѣръ непримиримости. Вслѣдствіе явнаго разлада между самими творцами конституціи, то-есть между партіями праваго и лѣваго центра, образовалась коалиція всѣхъ лѣвыхъ съ крайними лигитимистами, которая безпощадно воспользовалась своимъ положеніемъ, такъ что изъ 75 выбраны были только четыре или пять изъ праваго центра, около десяти легитимистовъ и остальные изъ различныхъ фракцій лѣвой.

За то на выборахъ въ странѣ, партія праваго центра или правительственная, такъ какъ власть находится главнымъ образомъ въ ея рукахъ, и такъ какъ къ ней принадлежатъ глава кабинета и министръ внутреннихъ дѣлъ, надѣялась отомстить за это пораженіе. Пользуясь давленіемъ на выборы, какъ это дѣлали неизмѣнно всѣ французскіе министры, г. Бюффе выставлялъ врагами маршала-президента всѣхъ членовъ лѣвой стороны и рекомендовалъ выборъ кандидатовъ обозначаемыхъ имъ какъ консервативныхъ, но общее направленіе коихъ въ точности неизвѣстно, развѣ только что они большею частью приверженцы различныхъ иныхъ формъ правительства кромѣ республиканской, или если признаютъ эту послѣднюю, то не иначе какъ съ правомъ пересмотра нынѣшней конституціи. На этой же почвѣ стоятъ и бонапартисты, только они откровеннѣе и не скрываютъ для чего они готовы воспользоваться этимъ правомъ пересмотра, тогда какъ орлеанисты праваго центра отстаиваютъ его на всякій случай не заявляя прямо когда и какъ намѣрены воспользоваться имъ.

Г. Бюффе достигъ успѣха на выборахъ, но не въ той мѣрѣ какъ разчитывалъ. Хотя изъ кандидатовъ и выбрано большинство рекомендованныхъ правительствомъ, но въ виду враждебныхъ ему 75 несмѣняемыхъ, кабинетъ все-таки едва ли можетъ разчитывать на большинство въ Сенатѣ. Въ числѣ 130 правительственныхъ кандидатовъ выбраны 8 бонапартистовъ; слѣдовательно остаются 122 такихъ которые расположены поддерживать нынѣшнія учрежденія согласно со взглядами г. Бюффе. Только съ присоединеніемъ къ нимъ сенаторовъ изъ лѣваго центра, какъ несмѣняемыхъ, такъ и вновь выбранныхъ, могло бы образоваться конституціонное большинство, но этотъ союзъ теперь болѣе сомнителенъ чѣмъ когда-либо, въ виду антагонизма обѣихъ партій почти по всѣмъ вопросамъ внутренней политики, въ осо-

бенности же относительно права пересмотра конституціи.

Но еще характеристичнѣе были выборы сенаторовъ тамъ гдѣ рекомендованные правительствомъ кандидаты не имѣли успѣха. Тамъ выбраны только 15 изъ лѣваго центра, и 63 радикала. Еще ранѣе между этими фракціями лѣвой обнаружился рѣзкій разладъ при составленіи списка кандидатовъ въ Парижѣ, гдѣ, какъ водится, и одержали верхъ крайніе, и во главѣ нихъ знаменитый фразеръ Викторъ Гюго. Фактъ этотъ позволяетъ усомниться въ основательности доводовъ тѣхъ кто утверждали будто идея такъ-называемой консервативной республики начинаетъ усвоиваться массой французскаго населенія. Оказывается что тамъ гдѣ одерживаютъ верхъ республиканскіе кандидаты, изъ нихъ только меньшинство признаютъ возможность и необходимость консервативной республики; огромное же большинство изъ нихъ выбраны такіе которые никакъ не могутъ быть довольны нынѣшними учрежденіями, и куда они клонятъ объ этомъ можно судить изъ того что въ Парижѣ главнымъ пунктомъ кандидатской программы было требованіе амнистіи сосланнымъ *коммуникамъ*.

Итакъ, вотъ каковъ общій характеръ оплота который придуманъ былъ доктринерами Собранія для предотвращенія насильственныхъ переворотовъ. Вмѣсто того чтобы стать, какъ предполагалось, собраніемъ всѣхъ знаменитостей Франціи, быть представителемъ лучшихъ умственныхъ силъ націи, Сенатъ состоитъ въ большинствѣ изъ членовъ враждебныхъ нынѣшнимъ учрежденіямъ, и, кромѣ того, содержитъ въ себѣ численно значительную группу радикаловъ. Теперь остается видѣть каковъ будетъ составъ будущаго Національнаго Собранія, выборы коего предстоятъ въ февралѣ. Эти выборы должны будутъ вѣрнѣе показать какая будущность ожидаетъ Францію. Но каковъ бы ни былъ ихъ результатъ, во всякомъ случаѣ теперь уже очевидно что новосостоявшійся Сенатъ не способенъ упрочить нынѣшнихъ учрежденій.

№ 20.

Москва, 21-го января.

Говоря о необходимости поспѣшить дипломатическимъ вмѣшательствомъ въ дѣла Турціи, чего требуютъ какъ интересы человѣколюбія, такъ и политическія соображенія, мы лишь въ нѣсколькихъ словахъ намекнули па положеніе Сербіи и Черногоріи; но происходящее въ обоихъ княжествахъ падаетъ вѣскимъ доводомъ въ массу относящихся къ вопросу соображеній. Уже при самомъ началѣ Герцеговинскаго возстанія, общее вниманіе было обращено не столько на вспышки среди райи Турціи, сколько на горючіе матеріалы которые могутъ быть брошены туда изъ княжествъ и которые охватили бы пожаромъ весь Востокъ. Всѣ съ безпокойствомъ ожидали рѣшеній Сербіи и Черногоріи. Извѣстно что и европейская дипломатія прежде всего направила свои усилія къ тому чтобы принудить ихъ къ соблюденію нейтралитета. До сихъ поръ эти усилія были успѣшны, и державы могли придти къ соглашенію касательно способа умиротворенія возстанія. Но нельзя не сознаться что оба княжества находятся теперь въ положеніи почти невыносимомъ, такъ что непредвидимая случайность можетъ ежеминутно разстроить добрыя намѣренія державъ.

Князю Милану труднѣе чѣмъ князю Николаю, пользующемуся полнымъ довѣріемъ своего небольшаго народа. Князь Сербіи сразу очутился въ водоворотѣ честолюбивыхъ происковъ партій, среди разнузданныхъ политическихъ страстей, опасныхъ для него какъ конституціоннаго государя, когда ему невозможно было опереться на народъ который слѣпо толкалъ его на путь опасной войны, не принимая въ разчетъ обстоятельствъ. Кризисъ наступилъ еще прошлою осенью. Повинуясь общему потоку, князь Миланъ въ началѣ взялъ въ совѣтники Ристича. Честолюбивый дипломатъ повелъ двойную игру, дѣлая видъ что покоряется желанію европейскихъ державъ и въ то же время поддерживая надежду въ крайнихъ партіяхъ и Скупщинѣ на воинственную политику Сербіи. Въ такія критическія минуты, какова настоящая для Сербіи, хитрыя интриги никуда не годятся. Всѣмъ было ясно что приходилось выбирать между войной и миромъ. Но доводы за миръ были такъ убѣдительны что

даже волнующееся большинство Скупщины не могло не принять ихъ когда князь рѣшился, противъ обычая, лично явиться въ Скупщину и помимо министровъ объясниться съ народными представителями. Господство Ристича, продолжавшееся всего одинъ мѣсяцъ, пало, и власть перешла къ кабинету Кальевича, вышедшему именно изъ переубѣжденнаго большинства Скупщины. Кризисъ былъ предотвращенъ. Войска и милиція отозваны отъ границы, Скупщина на время распущена, и для молодаго князя наступила минута отдыха отъ заботъ. Тутъ онъ отпраздновалъ свою свадьбу. Но вотъ рядъ телеграммъ снова принесъ тревожныя вѣсти изъ Сербіи. Прежде всего поражаютъ рѣшенія новой Скупщины. Хаотическая борьба партій, дикія предложенія вносимыя въ нее съ разныхъ сторонъ и удостоивающіяся обсужденія въ столь тревожную минуту когда событія должны были бы заставить умолкнуть всѣ внутренніе раздоры: вотъ положеніе, и можно было бы усомниться въ патріотизмѣ Сербскаго народа еслибы не представлялись другія объясненія факту. Дѣло въ томъ что Скупщину нельзя считать вѣрною представительницей Сербскаго народа. Мы видимъ въ ней кромѣ различныхъ честолюбцевъ, обыкновеннаго явленія въ небольшихъ странахъ раздираемыхъ мелкими партіями, еще отребіе противуобщественныхъ партій. Казалось бы, въ этой еще патріархальной странѣ, гдѣ нѣтъ и признака голоднаго фабричнаго люда, гдѣ крестьянинъ есть собственникъ своей земли, нѣтъ мѣста для пропаганды соціализма и коммунизма. Такъ и есть на дѣлѣ, но темный людъ легко становится орудіемъ демагоговъ, а въ таковыхъ нѣтъ недостатка и въ Сербіи, гдѣ въ полуобразованныхъ классахъ нашли себѣ почву нездоровыя ученія, занесенныя изъ-за границы молодыми Сербами, вкусившими отъ нихъ въ европейскихъ столицахъ. Нашъ нигилизмъ также сдѣлалъ тутъ свое дѣло. Минута государственныхъ затрудненій благопріятствуетъ и честолюбцамъ, и дурнымъ партіямъ. Горячія фразы о борьбѣ съ Полумѣсяцемъ, о будущности сербскаго народа, дѣйствуютъ электрически на воспаленные умы, и клевреты интернаціоналки попадаютъ въ народные представители. Кабинетъ Кальевича, который также нельзя упрекнуть въ умѣренности, по общимъ извѣстіямъ нынѣ близокъ къ паденію благодаря внутреннимъ затрудненіямъ. Скупщина рѣшила нарядить слѣдствіе, за нарушеніе конституціи, надъ бывшимъ военнымъ министромъ въ консервативномъ кабинетѣ Мариновича, Костой Протичемъ, въ настоящее время адъютантомъ князя. Предлогомъ служитъ административное распоряженіе Протича о налогѣ въ 20 піастровъ съ души для покрытія расходовъ по вооруженію сербской милиціи, — той самой, на которую и можетъ только разчитывать теперь Сербія въ случаѣ войны. Крайніе члены готовы притянуть къ суду и все бывшее министерство Мариновича-Чумича, для чего указываютъ на передержанныя этимъ кабинетомъ, при раздачѣ пенсій, 374.000 піастровъ сверхъ бюджета 1874 года.

Трудно найтись въ томъ хаосѣ пристрастныхъ фантастическихъ извѣстій, которые съ разныхъ сторонъ рисуютъ теперешнее затруднительное положеніе князя Милана. Слухи о заговорахъ, умыслахъ на жизнь князя, о готовности его отречься отъ престола, все это распространяется и поддерживается людьми которые желали бы видѣть Сербію въ затрудненіи. Какъ ни велики раздоры сербскихъ партій, какъ ни разнородны желанія касательно политики которую должна принять Сербія, нельзя не согласиться съ офиціознымъ сообщеніемъ изъ Бѣлграда въ вѣнскую *Politische Correspondens* что случайная перемѣна царствующей особы была бы величайшимъ бѣдствіемъ для Сербіи, и можно повѣрить что всѣ сколько-нибудь честныя партіи согласны въ этомъ. Собственно есть только одинъ претендентъ на престолъ Сербіи, Петръ Карагеоргіевичъ, объ участіи котораго въ Боснійскомъ возстаніи распространяются миѳическіе разказы. Онъ де набралъ на собственныя средства отрядъ волонтеровъ въ Венгріи, и чтобъ избѣжать происковъ Сербскаго правительства, подъ вымышленнымъ именемъ дрался въ Босніи съ Турками, пока эти происки не заставили его удалиться оттуда. Но всѣ эти попытки возстановить кредитъ Карагеоргіевичей не обѣщаютъ успѣха; эту фамилію не любятъ въ Сербіи послѣ изгнанія отца претендента, князя Александра, слывшаго въ народѣ послушнымъ орудіемъ Порты и Венгріи и заподозрѣннаго въ убійствѣ князя Михаила. О нынѣшнемъ претендентѣ извѣстно только то что онъ человѣкъ не безъ образованія, жилъ въ Парижѣ и прожилъ тамъ свое состояніе. Есть еще одинъ претендентъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на Серб-

скій престолъ, князь Николай Черногорскій, но въ этой комбинаціи можно видѣть лишь выраженіе простодушныхъ желаній народныхъ. Во всякомъ случаѣ, положеніе дѣлъ въ Сербіи вовсе не таково чтобы не желать возможно быстраго устраненія производящихъ его причинъ. Только успокоеніе Герцоговины дастъ возможность улечься страстямъ въ Сербіи.

Надо отдать справедливость не только благоразумію князя Николая, который сумѣлъ до сихъ поръ, слѣдуя совѣтамъ державъ, удержать распространеніе кровопролитія, и въ то же время въ своей маленькой, бѣдной Черногоріи находилъ средства для братской помощи жертвамъ возстанія. Безъ этой помощи, ужасы кровавой рѣзни происходящей въ Герцеговинѣ вопіяли бы еще громче. Можетъ-быть князю Николаю не удалось строго соблюсти нейтралитетъ. Черногорскіе волонтеры сбѣгали съ своихъ горъ заслышавъ битвы въ долинѣ, но какъ было бы остановить ихъ, какъ было оградить себя въ дѣлѣ столь близкомъ, непроницаемою стѣной? При сосѣдствѣ строгій нейтралитетъ можетъ казаться пособіемъ. Вотъ, напримѣръ, въ Австрійской Далматіи, власти ея исполняютъ лишь свой долгъ, а между тѣмъ все-таки Турки обвиняютъ ихъ въ поблажкахъ возстанію. Князь Николай до сихъ поръ удерживалъ своимъ авторитетомъ массу черногорскаго населенія отъ борьбы съ Турціей,—но продлится ли это? Настойчиво утверждаютъ что Порта намѣрена объявить войну Черногоріи подъ предлогомъ несоблюденія ею нейтралитета, что новому главнокомандующему въ Герцеговинѣ, Мухтаръ-пашѣ, даны положительныя инструкціи занять всѣ стратегическіе пункты по черногорской границѣ, и что въ виду такихъ намѣреній Турціи военный совѣтъ въ Цетиньѣ рѣшилъ принять такое принимаемое Турками положеніе за вызовъ, мотивируя весьма основательно что Черногорія не въ силахъ содержать обсерваціонный корпусъ на границѣ, и что она можетъ держать въ сборѣ свои военныя силы только для войны. *Journal de S.-Pétersbourg*, въ своей замѣткѣ отъ 16 января, выражая сомнѣніе касательно такого намѣренія у Порты, основывается главнымъ образомъ на томъ соображеніи что среди совѣтниковъ султана должны одержать верхъ тѣ кто, не полагаясь на судьбу, предпочтутъ взвѣсить всѣ обстоятельства и не станутъ увеличивать трудности своего положенія. Можно, дѣйствительно, удивляться ослѣпленію воинственной части совѣтниковъ султана... Но въ томъ-то и дѣло что отчаявшіеся люди часто и хватаются за отчаянныя средства, ошибочно видя въ нихъ единственный путь ко спасенію...

№ 21.

Москва, 22-го января.

Въ № 14 *Голоса* напечатана передовая статья представляющая сплетеніе лжи не совсѣмъ обыкновенное даже въ этомъ почтенномъ изданіи. Сравнивъ сначала печать, безъ сомнѣнія петербургскую, съ христіанскою церковью, тысяча восемьсотъ семдесятъ пять лѣтъ повторяющею великія заповѣди Христа и указывающею не внемлющимъ на „иной міръ гдѣ воздается коемуждо по дѣломъ его,“ *Голосъ* патетически заявляетъ о желаніи своемъ воспользоваться „самымъ божественнымъ даромъ человѣка — *словомъ*.“ Печать имѣетъ де также въ своемъ распоряженіи „*иной* міръ, міръ будущаго, будущаго *историческаго*,“ гдѣ также воздается коемуждо по дѣломъ его. Воспользоваться божественнымъ даромъ благочестивый представитель печати намѣренъ для того чтобы „твердить вѣчныя истины правды и добра“. Но отъ намѣренія до исполненія не близко, и на пути ревнитель вѣчной правды предлагаетъ своимъ читателямъ въ тысячу восемьсотъ пятый разъ букетъ лжи. Всякій догадывается что дѣло идетъ о Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, отъ котораго владѣлецъ божественнаго дара не получаетъ болѣе человѣческихъ даровъ, въ формѣ денежной субсидіи, какъ въ доброе старое время. Вопросъ идетъ на сей разъ о предстоящемъ пересмотрѣ университетскаго устава.

Всѣмъ извѣстно что вопросъ о пересмотрѣ нынѣ дѣйствующаго устава университетовъ возникъ въ 1872 году, когда министръ народнаго просвѣщенія, озабоченный разстройствомъ цѣлыхъ факультетовъ, разослалъ циркулярное предложеніе попечителямъ округовъ, приглашавшее ихъ представить свои личныя соображенія, а также мнѣнія университетскихъ совѣтовъ и ихъ отдѣльныхъ членовъ объ измѣненіи положеній устава оказавшихся по

девятилѣтней практикѣ въ чемъ-либо неудобными. Всякому предоставлялась свобода высказать свои замѣчанія. Этимъ правомъ тогда воспользовался, въ числѣ другихъ, профессоръ Любимовъ, подавшій мнѣніе въ которомъ открыто указалъ всѣми чувствуемые недостатки, и развившій затѣмъ свои соображенія въ рядѣ серіозныхъ статей, заслуживавшихъ во всякомъ случаѣ уважительнаго вниманія по тщательному и подробному изученію фактовъ относящихся къ университетскому устройству въ Германіи и другихъ странахъ, — но встрѣченныхъ рѣдкимъ даже въ нашей печати потокомъ брани, клеветъ и оскорбленій, за то что авторъ осмѣлился имѣть независимое сужденіе и высказаться о способахъ лучшаго обезпеченія интересовъ образованія и науки въ лицѣ тысячъ молодыхъ людей стекающихся въ университеты, такъ чтобъ именно эти интересы, — интересы науки и учащихся, — а не какіелибо иные, были организующею душой университетскаго устройства.

Въ 1874 году вопросъ о пересмотрѣ университетскаго устава получилъ новое движеніе. Въ Петербургѣ произошли безпорядки въ разныхъ высшихъ училищахъ, вслѣдствіе чего возбужденъ былъ въ правительственныхъ сферахъ вопросъ объ устройствѣ этихъ заведеній. По Высочайшему повелѣнію, вопросъ этотъ разсматривался, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, всѣми министрами у кого въ вѣдомствѣ состоятъ высшія учебныя заведенія. Заключенія министровъ были одобрены Государемъ Императоромъ, и министру народнаго просвѣщенія Высочайше повелѣно приступить къ пересмотру устава университетовъ. Тогда же, для предварительныхъ соображеній, была составлена коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова, въ число членовъ которой былъ призванъ и профессоръ Любимовъ. Эта-то коммиссія, предсѣдатель которой съ нѣсколькими членами произвелъ въ послѣднее время объѣздъ университетскихъ городовъ для собранія свѣдѣній на мѣстахъ, и составляетъ нынѣ предметъ тревоги, ожиданій, угрозъ и льстивыхъ рѣчей, „героевъ“ пера, исправляющихъ якобы должность общественнаго мнѣнія въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ.

Вотъ общеизвѣстные факты. Какъ же разказаны они въ столбцахъ *Голоса?* Правительство спало спокойно; никому ни въ университетахъ, ни внѣ ихъ не были извѣстны и до сихъ поръ неизвѣстны какіелибо недостатки дѣйствующаго устава, которые могли бы сдѣлать желательнымъ пересмотръ его. Но появилось нѣсколько статей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и *Русскомъ Вѣстникѣ*, и правительство, устыжаемое нынѣ по сему предмету и предупреждаемое относительно дальнѣйшаго вреднаго вліянія этихъ статей, вдругъ вскочило и назначило коммиссію. Такъ повѣствуетъ *Голосъ*, хотя политично прибавляетъ что не желаетъ этому вѣрить. О совѣщаніи министровъ правдивая газета запамятовала, объ иниціативѣ правительства она и не слыхивала. Все обстояло бы благополучно если бы не статьи профессора Любимова въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Статьи эти, по сказанію *Голоса*, встрѣчены были общимъ негодованіемъ. Но всѣми отвергаемыя и обличаемыя, къ удивленію онѣ одобрительно принимаются правительствомъ, тѣмъ самымъ правительствомъ которое казалось бы отнюдь не склонно поддерживать новыхъ Магницкихъ и Аракчеевыхъ, и которое такъ много сдѣлало для народнаго образованія. Странное обстоятельство, возбуждающее сомнѣніе въ правдивости историка!

Голосъ, впрочемъ, не теряетъ надежды защитить нынѣшніе порядки, и возлагаетъ ее на имѣющую собраться полную коммиссію по пересмотру устава, задача которой, по плану этой газеты, должна состоять не въ томъ чтобы заняться возложеннымъ на нее пересмотромъ, а чтобы положить конецъ вредной затѣѣ пересмотра. По бывшія до сего времени дѣйствія коммиссіи не заслужили одобренія ученаго публициста пишущаго въ *Голосѣ*; онъ недоволенъ и объѣздомъ вообще, и предлагавшимися вопросами, такъ какъ они между прочимъ касаются и тѣхъ предметовъ о коихъ идетъ рѣчь въ ненавистныхъ статьяхъ.

Грозя „современнымъ дѣятелямъ“ и прельщая ихъ судомъ исторіи, имѣющей опереться на показанія *Голоса* дабы поставить кого одесную, кого ошуюю, кого съ Кольберомъ, Штейномъ и т. д., кого съ Аракчеевымъ, Магницкимъ, Меттернихомъ и Фуше, — почтенная газета не прочь бы угрозить имъ и прельстить ихъ и грязью своего вертограда. Какъ это должно быть страшно и какъ обольстительно! Съ пѣ-

ніемъ сирены обращается она къ предсѣдателю коммиссіи, разчитывая особенно на него. Предсѣдатель похваляется даже за призваніе въ коммиссію профессора Любимова и двухъ другихъ „приверженцевъ *Московскихъ Вѣдомостей*," что безъ церемоніи именуется привлеченіемъ въ коммиссію редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*. Мотивы похвалы такъ любопытны что ихъ стóитъ выписать буквально: „Чрезъ привлеченіе въ коммиссію редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, предсѣдатель коммиссіи избавилъ себя и прочихъ сочленовъ своихъ отъ тѣхъ подпольныхъ интригъ, доносовъ и сплетень которыми „такъ хорошо умѣютъ дѣйствовать *Московскія Вѣдомости* и къ которымъ онѣ „прибѣгли бы оставшись внѣ коммиссіи. „Обезопасивъ себя съ этой стороны, предсѣдатель коммиссіи и приглашенные имъ „ректоры университетовъ могутъ спокойно приступить къ изслѣдованію началъ „университетскаго устава, выслушивая „тутъ же и враговъ его." Не поздоровится отъ такихъ похвалъ! Государственному человѣку приписывается хитрая тактика будто бы употребляемая имъ для того чтобы свести на нѣтъ возложенную на него задачу и это вмѣняется ему въ заслугу... Деликатная газета поставившая предсѣдателя и ректоровъ одесную, повидимому относитъ ко „врагамъ," съ которыми предсѣдатель и ректоръ будутъ бороться, и товарища министра, и другихъ членовъ, такъ какъ они одесную не поставлены.

Таково слово правды не безъ торжественности произнесенное *Голосомъ*. „Мы знаемъ, съ лирическимъ паѳосомъ восклицаетъ эта газета, что голосъ нашъ будетъ мало вѣсить при окончательномъ рѣшеніи вопроса, но мы покраснѣли бы за свое безмолвіе." Спорить не станемъ. Можетъ быть эти господа и покраснѣли бы еслибы безмолвствовали, но они несомнѣнно утратили способность краснѣть говоря ту ложь какая предлагается ими читателямъ подъ именемъ якобы общественнаго мнѣнія.

№ 22.

Москва, 23-го января.

Вчера телеграфъ извѣстилъ насъ что Порта уже приступила къ обсужденію проекта реформъ для Герцеговины и Босніи составленнаго графомъ Андраши, и вмѣстѣ съ тѣмъ телеграмма присовокупляла что Порта не замедлитъ отвѣтомъ, и что полагаютъ что въ принципѣ она принимаетъ сдѣланныя ей предложенія. Въ то же время, такъ какъ дипломатическая тайна, столь долго и тщательно сохраняемая относительно намѣреній державъ, съ сообщеніемъ ихъ Портѣ, повидимому, начинаетъ нѣсколько раскрываться, та же самая телеграмма, разосланная агентствами Гаваса и Рейтера, впервые излагаетъ, уже не какъ слухъ, а въ формѣ положительнаго факта, содержаніе главныхъ требованій предъявленныхъ Портѣ.

При всей сжатости выраженія обыкновенной въ телеграфныхъ сообщеніяхъ, въ этой телеграммѣ прямо сказано что проектъ графа Андраши заключаетъ въ себѣ *пять* главныхъ требованій и всѣ они перечислены. Она даетъ такимъ образомъ основаніе думать что въ ней передана вся сущность реформъ предполагаемыхъ для умиротворенія возмущенныхъ провинцій, и всякій подивится что Порта принимаетъ ихъ пока только въ принципѣ, а не спѣшитъ дать на нихъ свое безусловное согласіе чтобы показать предъ державами свою готовность послѣдовать ихъ совѣтамъ; мы недоумѣваемъ также къ чему могли относиться осторожныя оговорки Англіи. Нѣтъ сомнѣнія что реформы проектированныя графомъ Андраши, въ подробностяхъ, значатъ гораздо болѣе чѣмъ говоритъ ихъ простой перечень переданный изъ Константинополя Гавасу и Рейтеру; весьма возможно что въ этой скромной формѣ проектъ имѣетъ въ виду полное переустройство края и возсозданіе его на совершенно иныхъ чѣмъ доселѣ условіяхъ. Думаемъ такъ, ибо трудно допустить чтобы державы посвятили столь долгое время старательнымъ переговорамъ лишь затѣмъ чтобы согласиться между собой касательно ничего не означающаго проекта.

Возвѣщенныя вчерашнею константинопольскою телеграммой пять *главныхъ* требованій предъявленныхъ Портѣ поведутъ, кажется, къ такому переустройству всѣхъ условій быта въ возмущенныхъ провинціяхъ которое только и можетъ дать надежду на ихъ умиротвореніе. Телеграмма даже не намекаетъ на гарантіи о которыхъ такъ много было толковъ и которыя не только должны были побудить инсурген-

товъ положить оружіе, но, что еще важнѣе, дать возможность возвратиться на родину сотнямъ тысячъ ихъ семействъ, бѣжавшихъ отъ избіеній и принужденныхъ теперь надѣяться на международную помощь для обезпеченія самаго скуднаго существованія.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно освободиться отъ впечатлѣнія что всѣ возвѣщаемые въ телеграммѣ проекты реформъ для Герцеговины и Босніи ничѣмъ, повидимому, не отличаются отъ изданнаго еще въ концѣ минувшаго года султанскаго ирадѣ. Этотъ актъ, обнародованный вполнѣ, можетъ показаться едва ли не болѣе обстоятельнымъ. Въ немъ также, и притомъ весьма громко, возвѣщены коренныя перемѣны во всѣхъ почти отрасляхъ администраціи. Почему же, однако, дипломатическое вмѣшательство не рѣшилось остановиться предъ этимъ самопроизвольнымъ актомъ султанскаго правительства? Потому что все имъ обѣщаемое было уже многократно прежде и не менѣе торжественно обѣщано Портой и своимъ подданнымъ, и державамъ, и потому новый султанскій актъ, повторявшій прежнія льготы, былъ какъ бы невольнымъ самообличеніемъ султанскаго правительства въ исполненіи прежнихъ обѣщаній. Потому что существеннѣйшимъ вопросомъ признавались гарантіи исполненія, и двадцатилѣтній опытъ убѣдилъ даже прежнихъ друзей Турокъ въ необходимости такихъ гарантій, особенно когда нынѣшнее возстаніе требовало принятія мѣръ быстрыхъ и энергическихъ. Наконецъ, потому что довѣріе къ обѣщаніямъ Порты было окончательно подорвано въ подвластныхъ ей христіанскихъ населеніяхъ, и слѣдовательно безъ дипломатическаго вмѣшательства трудно было ожидать столь желательнаго въ интересахъ общаго мира скорѣйшаго прекращенія возстанія, вызывавшаго опасныя волненія и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Вотъ почему всѣ въ правѣ были ожидать что проектъ реформъ, составлявшійся графомъ Андраши для возмущенныхъ провинцій, представитъ совершенно иной характеръ чѣмъ предшествовавшій оному султанскій фирманъ.

Заключающіяся же въ переданномъ телеграммой содержаніи проекта требованія могутъ означать или довольно многое, или почти ничего. Первое упомянутое въ телеграммѣ требованіе религіозной свободы очень неясно. Въ Турціи не запрещается исповѣдывать всякую религію, и христіанская даже признается турецкимъ правительствомъ. Но въ Турціи нѣтъ религіозной равноправности, и различіе по вѣроисповѣданію доведено до такой возмутительной несправедливости что только одни мусульмане, какъ принадлежащіе къ господствующему племени, пользуются полнотой правъ; христіане обзываются *гяурами*, они лишены защиты предъ закономъ, и съ христіаниномъ мусульманинъ можетъ поступать по произволу. Въ этомъ и заключается корень зла, кроющійся въ самомъ основаніи турецкой системы и его нельзя было устранить никакими султанскими повелѣніями. Мы можемъ надѣяться что проектъ графа Андраши, подъ именемъ религіозной свободы, имѣетъ въ виду прекращеніе именно этой неравноправности, но этотъ пунктъ въ константинопольской телеграммѣ изложенъ какъ будто умышленно неясно.

Второй пунктъ указываетъ на реформу системы десятиннаго налога, но оставляетъ насъ въ неизвѣстности о томъ какого рода будетъ эта реформа. Она, какъ извѣстно, обѣщана и въ султанскомъ ирадѣ, предписавшемъ чтобы сборъ налоговъ производился самими плательщиками, а не чрезъ откупщиковъ при помощи полиціи. Но это не исполняется, и для уплаты январьскаго купона турецкаго долга подати попрежнему сбирались по всей имперіи съ невыносимыми вымогательствами и притѣсненіями, и часто впередъ въ силу приказовъ изъ Константинополя.

Неопредѣленно передано и требованіе облегченій для земледѣльцевъ. Въ султанскомъ фирманѣ также имъ было обѣщано освобожденіе отъ всякихъ принудительныхъ работъ. Какого же рода другія льготы имѣетъ въ виду проектъ державъ, объ этомъ мы остаемся въ невѣдѣніи.

Требованіе чтобы часть доходовъ съ возставшихъ провинцій шла на мѣстныя улучшенія заслуживаетъ полнаго признанія, но исполненіе его обусловливается, вопервыхъ, умиротвореніемъ сначала этихъ провинцій, а затѣмъ хорошею реформой системы налоговъ.

Таковы въ общихъ чертахъ всѣ возвѣщенныя реформы. Достаточны ли онѣ будутъ чтобъ убѣдить инсургентовъ положить оружіе? А отъ этого главнымъ образомъ зависитъ успѣхъ дипломатическаго вмѣшательства державъ. Подадутъ ли эти

реформы инсургентамъ надежду на прочное и радикальное измѣненіе ихъ участи? Какая гарантія дается имъ въ этомъ? Телеграмма говоритъ объ учрежденіи изъ мусульманъ и христіанъ смѣшанной коммиссіи для наблюденія за исполненіемъ реформъ. При такомъ скудномъ сообщеніи, трудно сообразить въ какой мѣрѣ подобная коммиссія будетъ исполнять свое назначеніе лучше чѣмъ особый совѣтъ учрежденный съ этою же цѣлію въ Константинополѣ. Ни этотъ совѣтъ, ни какая-либо коммиссія не упраздняютъ турецкихъ порядковъ въ администраціи, а въ ихъ-то отмѣнѣ и настоитъ надобность. Для умиротворенія провинцій необходимо освободить ихъ отъ гнета этихъ порядковъ, безъ чего невозможно и самое исполненіе какихъ-либо реформъ, а достигнуть этого нельзя иначе какъ предоставивъ провинціямъ нѣкоторую обезпеченную автономію. Если какія-либо важныя затрудненія могутъ препятствовать тому чтобы предоставить имъ автономію въ той полной мѣрѣ какъ теперь пользуются ею Сербія и Румынія, то во всякомъ случаѣ могъ бы быть сдѣланъ шагъ въ этомъ направленіи. Уклоняясь отъ обсужденія такой мѣры которая, казалось бы, не можетъ встрѣчать непреодолимыхъ препятствій, дипломатія подвергается роковому недоразумѣнію: опасаясь, повидимому, всего болѣе геройскихъ мѣръ, къ коимъ, впрочемъ, вовсе нельзя отнести автономію какая требуется для Герцеговины и Босніи, дипломатія упускаетъ изъ виду опасныя затрудненія какія могутъ возникнуть вслѣдствіе неуспѣха ея благонамѣренныхъ стараній.

Сейчасъ полученная телеграмма изъ Лондона, передающая содержаніе письма лорда Росселя, свидѣтельствуетъ до какой степени всѣми сознается необходимость серіозныхъ гарантій для прекращенія возстанія. Ихъ требуетъ громогласно и энергически одинъ изъ главнѣйшихъ представителей англійской политики, носитель ея преданій, государственный человѣкъ, бывало такъ крѣпко стоявшій на стражѣ достоинства и независимости Порты.

№ 23.

Москва, 24-го января.

Въ виду общаго интереса представляемаго стоящимъ теперь à l'ordre du jour вопросомъ о личномъ наймѣ, читатели, вѣроятно, не посѣтуютъ на насъ если мы остановимъ ихъ вниманіе на преніяхъ по этому вопросу происходившихъ въ Петербургскомъ Собраніи Сельскихъ Хозяевъ. Засѣданіе въ которомъ шли эти пренія состоялось еще минувшею осенью, 25-го ноября, но отчетъ о немъ появился въ печати лишь на дняхъ (*Голосъ* № 19). Въ преніяхъ, какъ видно изъ отчета, принимали участіе только два лица, выступившія представителями двухъ противоположныхъ взглядовъ на дѣло,—Г. Б. Бланкъ и А. С. Ермоловъ. Не будемъ излагать въ подробности всего что было ими высказано; это было бы слишкомъ утомительно. Остановимся лишь на двухъ-трехъ мнѣніяхъ, обсужденіе коихъ, какъ намъ кажется, можетъ содѣйствовать разъясненію тѣхъ сторонъ дѣла которыя понынѣ остаются для многихъ спорными.

Въ ряду такихъ спорныхъ пунктовъ, какъ извѣстно, первое мѣсто принадлежитъ вопросу, слѣдуетъ или не слѣдуетъ узаконить обязательность рабочихъ книжекъ какъ гарантію исполненія рабочими ихъ договорныхъ обязанностей. Около этого вопроса и сосредоточивались преимущественно пренія гг. Бланка и Ермолова. Не отрицая категорически что въ тѣхъ случаяхъ когда рабочіе нанимаются заблаговременно, напримѣръ осенью или зимой, на весеннія и лѣтнія работы, получая при этомъ всѣ или бо́льшую часть денегъ впередъ, рабочія книжки могли бы представлять для нанимателей не малую гарантію въ томъ что нанявшійся такимъ образомъ рабочій не наймется въ то же время и на ту же работу у другаго, у третьяго хозяина, г. Ермоловъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возставалъ противъ самаго производства такого найма, находя его не правильнымъ и *не заслуживающимъ поддержки и покровительства со стороны законодательства.* Доводы на которыхъ онъ основывалъ такое мнѣніе не новы, но чѣмъ чаще и настойчивѣе они повторяются, тѣмъ болѣе основаній обратить на нихъ вниманіе и попытаться выдѣлить заключающуюся въ нихъ и дающую имъ нѣкоторое значеніе долю истины. „Я не могу считать „нормальнымъ,“ говорилъ г. Ермоловъ,— „тотъ способъ наемки, хотя очень распространенный въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, при которомъ наемка производится за полгода или за годъ до времени исполненія

работы, когда ни самый характеръ ея, ни дѣйствительная стоимость еще не могутъ быть извѣстны. Очевидно что въ этомъ случаѣ, для того чтобы не остаться въ убыткѣ, хозяинъ даетъ самую низкую плату какая только можетъ предвидѣться, и даже еще болѣе низкую, такъ какъ онъ въ то же время пользуется стѣсненнымъ положеніемъ рабочаго и насчитываетъ на выданныя впередъ деньги громадный процентъ. Но такъ какъ хозяинъ въ то же время сознаетъ что платимая впередъ сумма далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительной стоимости труда рабочаго, то онъ и стремится къ тому чтобъ обставить себя всевозможными гарантіями относительно исполненія недостаточно-оплаченной работы, заключаетъ всевозможныя условія, контракты и т. п. Съ этою же цѣлію добиваются у насъ, обыкновенно, и введенія рабочихъ книжекъ, но я позволяю себѣ замѣтить что въ данномъ случаѣ, какихъ обезпеченій не требуй, какихъ формальностей ни вводи, всѣ они окажутся недостаточными и безсильными, такъ какъ самыя условія этой наемки несправедливы, ненормальны и не соотвѣтствуютъ правильнымъ экономическимъ отношеніямъ между рабочими и хозяевами. Какія бы мѣры тутъ не придумывали, сдѣлать эти отношенія правильными нельзя, потому что самыя основы ихъ ненормальны. Трудъ имѣетъ свою рыночную цѣнность, округляющуюся только въ моментъ приложенія этого труда. Нанимая же рабочаго за полгода или за годъ впередъ, хозяинъ не можетъ заплатить рабочему ту цѣну которая соотвѣтствовала бы его работѣ, потому что еще неизвѣстны ни будущая рыночная цѣнность этой работы, ни качества ея. Чтобы не попасться въ просакъ, хозяинъ долженъ тутъ, волей-неволей, нанимать рабочаго за возможно болѣе дешевую цѣну, привлекая его къ себѣ при этомъ только тѣмъ что выдаетъ ему деньги тогда когда онъ всего болѣе въ нихъ нуждается, когда онъ поставленъ въ такое положеніе что уже не въ состояніи разбирать, соотвѣтствуетъ ли, или не соотвѣтствуетъ предлагаемая ему плата ожидаемой отъ него работѣ. Но спрашивается, чѣмъ же этотъ образъ дѣйствія отличается отъ того, когда ростовщикъ ссужаетъ бѣдняку деньги за непомѣрные, ростовщическіе проценты, пользуясь критическимъ положеніемъ бѣдняка? Не думаю чтобы форма наемки, близко напоминающая указанныя отношенія, была правильною и заслуживала особой поддержки и покровительства со стороны законодательства...“

Защитники рабочихъ опирающіеся на подобные приведеннымъ доводы, повидимому, вовсе не сознаютъ что на основаніи ихъ съ равнымъ успѣхомъ можно отрицать обязательность всякаго рода срочныхъ договоровъ и сдѣлокъ, не въ одной области личнаго найма, а во всей сферѣ экономическихъ отношеній. Рыночныя цѣны мѣняются ни на одинъ трудъ, а на все что угодно, и участники во всякой сдѣлкѣ неизбѣжно рискуютъ что цѣны могутъ подняться или упасть къ выгодѣ однихъ и невыгодѣ другихъ, но это обстоятельство не ослабляетъ законной силы заключенныхъ сдѣлокъ. Равнымъ образомъ, при заключеніи ихъ весьма не рѣдки случаи когда одна сторона знаетъ что сдѣлка невыгодна, но рѣшается на нее въ виду стѣсненныхъ обстоятельствъ въ которыхъ находится по своей ли винѣ, или по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Подобныя стѣсненныя обстоятельства могутъ, напримѣръ, побудить помѣщика запродать задешево на срубъ свой лѣсъ, причемъ прижавшій его лѣсопромышленникъ воспользуется пожалуй критическимъ положеніемъ продавца не хуже завзятаго ростовщика. Но никто не находитъ, однако, въ этомъ критическомъ положеніи оснований къ тому чтобы отрицать вытекающіе изъ подобной запродажи права покупщика и ставить ихъ внѣ закона. Законъ не можетъ входить въ разсмотрѣніе выгодности или невыгодности договоровъ, чего бы они ни касались; о соблюденіи своихъ выгодъ должны заботиться сами заключающія ихъ стороны. Для закона достаточно чтобы договоръ былъ результатомъ свободнаго, не противорѣчащаго дѣйствующимъ постановленіямъ соглашенія, и затѣмъ его дѣло обезпечивать вытекающія изъ такого договора взаимныя права и обязательства. Нѣтъ достаточнаго повода дѣлать въ этомъ отношеніи исключенія и для договоровъ личнаго найма.

Это не значитъ, конечно, чтобы критическое положеніе тѣхъ рабочихъ которые стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ вынуждены наниматься на крайне невыгодныхъ условіяхъ не заслуживало вниманія. Всякая разумная мѣра которая клонилась бы къ тому чтобы вывести ихъ изъ подобнаго

положенія и поставить въ возможность не соглашаться на явно невыгодныя сдѣлки, а брать за свой трудъ цѣну не ниже той чего онъ стóитъ, — всякая такая мѣра, безъ сомнѣнія, была бы встрѣчена общимъ одобреніемъ. Самое существенное въ этомъ отношеніи уже сдѣлано при самомъ освобожденіи крестьянъ дарованіемъ имъ земельныхъ надѣловъ. Этого, конечно, еще не вполнѣ достаточно; желательны отмѣна и ослабленіе всего что препятствуетъ развитію экономическаго благосостоянія населеній, напримѣръ финансовой круговой поруки и стѣсненій причиняемыхъ паспортною системой; желательны дѣйствительныя и энергическія мѣры противъ разоряющихъ народъ пьянства, пожаровъ и скотскихъ падежей; желательна организація болѣе правильнаго и своевременнаго оказанія помощи населеніямъ когда ихъ постигаютъ стихійныя бѣдствія; желательна повсемѣстная организація правильнаго мелкаго кредита; желательно и еще многое другое. Но къ числу такихъ желательныхъ мѣръ не можетъ быть причислено законодательное послабленіе той „повсемѣстной распущенности въ рабочемъ сословіи“ и тому „совершенному неуваженію къ договорамъ,“ о коихъ свидѣтельствуютъ данныя изъ судебной практики, собранныя Министерствомъ Юстиціи въ виду обсужденія вопроса о наймѣ. Такія послабленія обратились бы во вредъ самимъ рабочимъ. Соблазняя ихъ безнаказанностью нечестной наживы, возможностью добывать деньги не трудомъ, а обманомъ, эти послабленія, не улучшая ихъ положенія, — ибо что легко наживается, то еще легче проживается, — плодили бы только негодяевъ и кандидатовъ тюрьмы и ссылки.

Тѣмъ не менѣе, однако, нельзя сказать чтобы въ вышеприведенныхъ сужденіяхъ г. Ермолова не заключалось зерна истины, которымъ не мѣшаетъ воспользоваться и при установленіи новаго закона о личномъ наймѣ. Въ созданные обычаемъ порядки срочнаго найма, дѣйствительно, закралось зло, хотя можетъ-быть и не въ тѣхъ размѣрахъ какъ оно представляется иному пылкому воображенію. Но это зло заключается не въ заблаговременности найма рабочихъ, возставать противъ коей значило бы возбранять предусмотрительность въ веденіи хозяйства, ставить для хозяевъ обязательнымъ девизомъ извѣстное народное присловье: „на охоту ѣхать, собакъ кормить.“ Зло составляетъ единственно вошедшая въ обычай выдача рабочимъ при наймѣ задатковъ, а иногда и всей наемной платы впередъ, до приступа къ работамъ. Вредъ для рабочихъ отъ такихъ авансовъ со стороны наемщика не подлежитъ сомнѣнію. Проживаніе за годъ впередъ всего своего заработка ставитъ въ необходимость вновь прибѣгать къ такимъ же авансамъ и можетъ привести въ постоянную, какъ бы кабальную зависимость отъ того кто дастъ эти авансы. Имѣя это въ виду, мы еще въ прошломъ году высказали мнѣніе что желательно было бы ограничить закономъ размѣры задаточныхъ денегъ. Это мнѣніе мы готовы не только повторить, но усилить и теперь, хотя это, можетъ-быть, и не понравится г. Бланку, который категорически возбраняетъ „*вмѣшиваться* въ условія наймовъ и платежей,“ ибо „платежи зависятъ отъ доброволія „сторонъ, экономическихъ видовъ, случайныхъ бѣдствій и закона необходимости.“ Все это, можетъ-быть, и справедливо, но не менѣе справедливо и то что не слѣдуетъ допускать чтобы случайныя бѣдствія вели къ кабалѣ и въ какомъ бы ни было ея видѣ, тѣмъ болѣе что при кабальныхъ отношеніяхъ невозможно и упоминаемое г. Бланкомъ „доброволіе“ сторонъ. Наниматель можетъ, сколько ему угодно, давать денегъ нанимающемуся у него рабочему. Это будетъ дѣломъ благотворенія или личнаго довѣрія; это пусть остается дѣломъ свободы и совѣсти, не подлежащимъ государственному закону и суду. Но трудъ нельзя запродавать; трудъ законнымъ образомъ оплачивается когда онъ исполненъ. Не будетъ авансовъ на трудъ, не будетъ и злоупотребленій при наемкѣ на которыя указывалъ г. Ермоловъ.

Помимо обязательности рабочихъ книжекъ, другой не менѣе, если не болѣе важный пунктъ въ нашемъ „рабочемъ вопросѣ“ есть всѣми признаваемый недостатокъ у насъ мѣстныхъ органовъ охраненія земскаго міра, при малочисленности участковыхъ мировыхъ судей и обширности мировыхъ участковъ. Въ виду этого недостатка, г. Бланкъ предлагаетъ „обезпечить надзоръ „за рабочими и прислугой въ провинціяхъ „фактическимъ наблюденіемъ со стороны „волостныхъ и сельскихъ властей, съ обязательною ихъ распорядительностію по „исполненію на дѣлѣ нанимающимися без„спорныхъ договоровъ.“ Такое восполне-

ніе существующаго недостатка, какъ намъ кажется, было бы мѣрою не совсѣмъ удовлетворительною и одностороннею. Вопервыхъ, надзоръ необходимъ не за рабочими только въ ихъ отношеніяхъ къ хозяевамъ, но и за хозяевами въ ихъ отношеніяхъ къ рабочимъ, а о порученіи такого надзора волостнымъ и сельскимъ властямъ едва ли можно говорить серіозно. Вовторыхъ, содѣйствіе этихъ властей, хотя оно во многихъ случаяхъ положительно необходимо, не должно оставаться безконтрольнымъ. По безграмотности и неразвитости этихъ властей, онѣ могутъ иной разъ оказаться плохими судьями въ томъ что̀ спорно и что̀ безспорно. При недостаточной высотѣ ихъ нравственнаго уровня, можно сомнѣваться въ томъ что онѣ стали бы мѣрять одинаковою мѣрой мѣстнымъ и пришлымъ рабочимъ. Въ тѣхъ случаяхъ когда крестьяне цѣлыми обществами и даже волостями подряжаются на работы, сельскія власти могутъ стать или послушными орудіями воли наемщика, или, наоборотъ, судьями въ своемъ дѣлѣ. Все это указываетъ на необходимость выше стоящихъ, пользующихся бо́льшимъ уваженіемъ и довѣріемъ органовъ надзора за правильностью взаимныхъ отношеній хозяевъ и ихъ наемниковъ, — органовъ, вмѣшательство коихъ въ эти отношенія, прошеное и непрошеное, могло бы имѣть вѣсъ не только при безспорныхъ, но и при спорныхъ случаяхъ. Такими органами, по нашему мнѣнію, которое мы уже имѣли недавно случай высказать, всего лучше могли бы быть почетные мировые судьи. Нѣкоторый контроль съ ихъ стороны могъ бы много содѣйствовать внесенію правильнаго порядка въ сферу взаимныхъ отношеній между наемщиками и наемниками; онъ могъ бы давать правильный характеръ и тому содѣйствію сельскихъ и волостныхъ властей на которое многіе возлагаютъ въ этомъ дѣлѣ особыя надежды. Указанія этихъ магистратовъ не имѣли бы силы ни судебныхъ приговоровъ, ни административныхъ распоряженій; но это не лишало бы ихъ значенія. Каждый зналъ бы что отказъ подчиниться указаніямъ почетнаго мироваго судьи повлечетъ за собою разбирательство дѣла въ тѣхъ или другихъ судебныхъ или административныхъ инстанціяхъ, и конечно немногіе изъ тѣхъ кто разъясненіями мироваго судьи убѣдятся въ своей неправотѣ, захотятъ доводить дѣло до формальнаго судебнаго или административнаго разбирательства, имѣя противъ себя авторитетнаго свидѣтеля. Между тѣмъ возможность какъ для хозяевъ, такъ и для рабочихъ обходиться безъ тягостныхъ; хотя и неизбѣжныхъ формальностей при тяжбахъ въ камерахъ участковыхъ мировыхъ судей, возможность по каждому дѣлу обращаться къ любому изъ почетныхъ мировыхъ судей безъ различія, смотря по тому къ какому ближе и удобнѣе, устранили бы, какъ намъ кажется, нынѣшнія сѣтованія на безсудность, происходящую и отъ отдаленности мѣстожительства участковыхъ мировыхъ судей, и отъ сложности и продолжительности формальной судебной процедуры.

№ 25.

Москва, 26-го января.

Обращаемъ вниманіе на нижепомѣщенную статью: „Къ вопросу о контролѣ церковныхъ суммъ."

Мы не разъ говорили въ нашей газетѣ объ установленіи сообразнаго съ закономъ *дѣйствительнаго* контроля церковныхъ сборовъ, въ своей сложности многомилліонныхъ, въ виду того что *этого дѣйствительнаго* контроля почти нигдѣ нѣтъ, что церковныя суммы или вовсе не повѣряются, или подвергаются для виду только фиктивной повѣркѣ, что есть почти въ каждой церкви такъ-называемыя *темныя* суммы, довѣряемыя произвольному распоряженію частныхъ лицъ, которыя или растрачиваются непроизводительно подъ предлогомъ благолѣпія храмовъ, или текутъ неизвѣстно куда. Мы обращали на это вниманіе не потому только что такое положеніе обширныхъ финансовыхъ операцій прямо противорѣчитъ точному смыслу закона, обращаемъ на это вниманіе не потому что нынѣшнее веденіе церковнаго хозяйства есть бросающееся въ глаза исключеніе изо всѣхъ общественныхъ хозяйствъ, но потому что въ церковныхъ сборахъ видимъ обильный источникъ на обезпеченіе духовенства правильнымъ годовымъ жалованьемъ, а это несомнѣнно обѣщаетъ поднятіе уровня нравственно-религіознаго вліянія пастырей церкви. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія оглашаемый въ упомянутой статьѣ фактъ.

Одинъ изъ благочинныхъ Московской епархіи собралъ старостъ подвѣдомыхъ ему церквей чтобы напомнить Высочайше утвержденную инструкцію 1808 года и подтвержденную указомъ Свят. Синода 1874 года о ежемѣсячной повѣркѣ церковныхъ суммъ.

Чтеніе общеобязательныхъ постановленій высшаго церковнаго правительства отецъ благочинный сопроводилъ рѣчью, въ которой, отвѣчая на укоренившееся у старостъ предубѣжденіе противъ контроля, говорилъ о томъ что установленная закономъ повѣрка нисколько не оскорбительна для нихъ. Ссылаясь на повсюдный контроль общественныхъ суммъ, онъ замѣтилъ что „безконтрольность церковныхъ суммъ „представляетъ такую безпримѣрную аномалію, противъ которой въ послѣднее „время даже свѣтскія газеты заговорили. „Довольно указать на безконтрольность „банка, который недавно поразилъ ужасною катастрофой. Мало ли что̀ можетъ „случиться и съ церковными суммами! Кто „тогда въ отвѣтѣ? Настоятели церквей „въ этомъ случаѣ крайне рискуютъ своимъ положеніемъ. До кого изъ старостъ „предпринимавшихъ церковныя постройки „и въ то же время строившихъ у себя „что-либо въ домѣ не доходили крайне „обидные слухи о затратѣ денегъ на собственныя постройки?“

Не можемъ не одобрить энергію отца Никольскаго, рѣшившагося заявить это московскимъ старостамъ несмотря на то что нѣкоторые изъ нихъ, привыкшіе десятками лѣтъ быть безконтрольными хозяевами церковныхъ капиталовъ, могутъ ославить его и „безпокойнымъ человѣкомъ, и даже обидчикомъ.“ Но, признаемся, мы не видимъ ручательства за исполненіе Высочайше утвержденныхъ правилъ въ одной подпискѣ данной двадцатью однимъ старостами. Уже шесть изъ присутствовавшихъ въ собраніи прямо уклонились отъ исполненія законнаго требованія. Это заявленіе не многихъ старостъ само по себѣ не имѣетъ значенія. Важнѣе то что̀ они высказали, и что̀ могло быть на умѣ и у тѣхъ кто подписались въ исполненіи синодскаго указа. „Церковные старосты,“ какъ было заявлено означенными шестью, „чрезъ упомянутый указъ будетъ зависѣть „отъ священниковъ, которые въ церковь „не даютъ денегъ и потому (?) не могутъ „указывать старостамъ въ распоряженіи „церковными деньгами: староста (будто бы) „полный распорядитель церковнымъ имуществомъ. Далѣе, старостамъ нельзя будетъ вести расходовъ которыхъ бы имъ „захотѣлось: нельзя будетъ ни ризу на „икону сдѣлать, ни подсвѣчника (будто) „почистить, ни позолотить иконостасъ и „проч. Въ заключеніе, говорили, старостъ „ни гдѣ не считаютъ, а еслибы стали считать, то значитъ (?) они воры.“

Эти застарѣлыя отговорки отъ подчиненія закономъ установленному контролю церковныхъ суммъ составляютъ единственное *asylum* для непризнающихъ его старостъ. Возраженія ихъ сами по себѣ, предъ яснымъ смысломъ закона, не имѣютъ значенія и имѣть не могутъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли слышать будто староста есть безотчетный распорядитель церковныхъ капиталовъ, будто установленный закономъ контроль, обезпечивающій лицо контролируемое отъ подозрѣній обиднаго злословія, бросаетъ темную тѣнь на старостъ, выставляетъ ихъ, какъ показалось нѣкоторымъ изъ нихъ, „ворами?“ Не имѣетъ ни малѣйшаго значенія и ссылка на то что священники не даютъ денегъ на церковь, и потому не могутъ контролировать церковныя суммы. Во всѣхъ учрежденіяхъ отъ контролеровъ не только не требуютъ платы, но напротивъ имъ платятъ за ихъ труды. При томъ же священники своимъ служеніемъ оказываютъ мѣстному церковному обществу несравненно больше пользы чѣмъ жертвователи денегъ на храмы, и въ привлеченіи самыхъ церковныхъ доходовъ священнослужителямъ принадлежитъ болѣе значенія чѣмъ старостамъ, такъ какъ количество церковныхъ сборовъ во многихъ отношеніяхъ опредѣляется степенью усердія священника къ богослуженію и качествами этого послѣдняго. Точно также напрасно говорятъ что контроль лишитъ старостъ самостоятельности, подчинитъ ихъ священникамъ, не дастъ возможности даже „и подсвѣчника почистить.“ Безъ сомнѣнія при контролѣ старосты не будутъ уже тѣми всевластными хозяевами какими были до сего времени. Но и странно быть безусловнымъ хозяиномъ чужаго имущества. Что касается до различныхъ подѣлокъ и поправокъ въ церкви, то нѣтъ сомнѣнія что онѣ должны быть ведены опять-таки съ согласія причта. Въ этомъ нѣтъ ничего обиднаго для старостъ.

Не знаемъ въ какой мѣрѣ изъ указовъ прочитанныхъ на означенномъ собраніи старостъ выяснились всѣ предѣлы устанавливаемаго закономъ контроля надъ церковными суммами. Онъ требуетъ: 1) чтобы церковныя кружки были постоянно запечатаны церковною печатью; 2) чтобы свѣчи покупались счетомъ и вѣсомъ, и потомъ провѣрялись; 3) чтобы деньги вырученныя отъ продажи свѣчъ и собираемыя въ кошельки и кружки (ежедневно, даже *немедленно*) были опускаемы въ устроенные для сего ящики, запертые ключомъ старосты и запечатанные печатями священно-служителей и церковнаго старосты, если онъ того пожелаетъ (то-есть приложить свою печать) (8 § инструкц. старост.); 4) чтобы запертыя такимъ образомъ суммы повѣрялись ежемѣсячно и записывались въ книгу. Только подъ условіемъ точнаго исполненія первыхъ трехъ требованій, возможна *дѣйствительная* повѣрка церковныхъ сборовъ. Въ противномъ случаѣ, то-есть если неизвѣстно точно количество и вѣсомъ и счетомъ покупаемаго воска, если кружки не запечатаны, кошельковые сборы не опускаются въ запечатанные ящики, ежемѣсячная повѣрка церковныхъ суммъ остается чисто фиктивною и записи прихода будутъ по прежнему сочиняться. Указанныя формы контроля, можетъ быть мелочныя и даже стѣснительныя, конечно, могутъ быть замѣнены другими, но контроль надъ всѣми церковными сборами долженъ быть непремѣнно точный и дѣйствительный.

Конечно, тѣ лица, которыя будутъ ему сопротивляться не должны вести церковное хозяйство. Но для того чтобы поколебать открытое или безмолвное сопротивленіе уже установленному контролю, чтобы дать дѣйствительную силу дѣйствующему закону, надобно чтобъ и высшее церковное управленіе, и мѣстныя церковныя администраціи, и причты, и приходы одновременно и дѣятельно взялись за установленіе контроля надъ церковными доходами и расходами. Настоитъ нужда кромѣ подтвержденія объ исполненіи прежнихъ правилъ и указовъ, и кромѣ подписокъ отъ старостъ образовать особыя окружные епархіальные ревизіонные комитеты изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, для надзора за веденіемъ церковныхъ хозяйствъ, и въ особенности за точнымъ и дѣйствительнымъ контролемъ приходовъ и расходовъ церковныхъ. Необходимо также назначать ревизіи съ тою цѣлью отъ высшаго начальства и по епархіямъ.

Въ Петербургѣ недавно уже назначена епархіальнымъ начальствомъ особая коммиссія для ревизіи хозяйства, сборовъ и церквей столицы. Коммиссіи въ руководство дана инструкція, подробно обнимающая всѣ предметы церковнаго хозяйства. По словамъ *Современности*, она приступила уже къ исполненію возложеннаго на нее порученія и обревизовала нѣкоторыя изъ церквей. Члены коммиссіи вникаютъ во всѣ подробности церковно-хозяйственныхъ порядковъ и дѣлаютъ полезныя замѣчанія къ ихъ улучшенію.

Эти и другія возможныя въ этомъ отношеніи мѣры откроютъ значительныя темныя суммы.

Такимъ образомъ, во второй разъ можетъ-быть совершится то что случилось при основаніи духовно-учебныхъ заведеній въ царствованіе Александра Павловича. Тогда и храмы наши были бѣдны, и не на что было воспитывать дѣтей духовенству. Покойный Сперанскій въ свѣчныхъ сборахъ церкви указалъ средства къ этому. Образовались милліонные капиталы на духовно-учебныя заведенія, которыя до послѣдняго времени главнымъ образомъ содержались на эти средства.

№ 26.

Москва, 27-го января.

На дняхъ газета *Times* завела весьма любопытную для насъ полемику съ *Русскимъ Инвалидомъ*. Поводомъ къ ней послужило помѣщенное въ этой послѣдней газетѣ подробное обозрѣніе событій въ Азіи за прошедшій годъ, которое берлинскій корреспондентъ лондонской газеты, имѣющій порученіе слѣдить за русскою печатью, счелъ своимъ долгомъ передать въ англійскомъ переводѣ, съ замѣчаніемъ что такъ какъ это обозрѣніе, по всему вѣроятію, будетъ переведено на многіе азіятскіе языки и будетъ прочтено не при одномъ азіятскомъ дворѣ, то не мѣшатъ де заранѣе познакомиться съ нимъ и Англичанамъ. Въ обозрѣніи этомъ газета *Times* усматриваетъ многія вопіющія невѣрности касательно дѣйствій Англіи въ особенности въ ея отношеніяхъ къ Суэзскому ка-

налу; невѣрности такого рода что лондонская газета даже сожалѣетъ исправлять ихъ „чтобы не испортить артистической полноты вымысла;“ но главный гнѣвъ органа Лондонскаго Города возбуждаютъ не столько неточности и невѣрности встрѣчающіяся въ обозрѣніи *Русскаго Инвалида*, сколько то обстоятельство что „русскіе офиціальные авторы говорятъ объ англійскихъ захватахъ въ Азіи въ такомъ же духѣ какъ и нѣкоторые англійскіе критики говорятъ объ азіятскихъ захватахъ Россіи.“ Собственно полемика касательно невѣрностей въ коихъ провинился *Русскій Инвалидъ* не представляетъ для насъ большаго интереса, но насъ забавно удивляетъ странная досада лондонской газеты на то что русскіе критики дѣйствій Англіи начинаютъ подражать примѣру англійскихъ критиковъ дѣйствій Россіи. Казалось бы, гораздо основательнѣе было бы выразить въ этомъ случаѣ досаду на своихъ соотечественниковъ подающихъ намъ такой дурной примѣръ, и для вразумленія ихъ указать имъ на вредныя послѣдствія ихъ неосновательныхъ придирокъ къ Россіи что вотъ де ихъ несправедливость вызываетъ въ отвѣтъ и въ Россіи столь же несправедливые толки объ Англіи, и что такимъ образомъ лишь поддерживается безплодная и раздражающая полемика, вовсе не желательная въ интересахъ обѣихъ странъ. Но въ глазахъ газеты *Times* дѣло представляется совершенно иначе: что̀ для англійскихъ публицистовъ считается вполнѣ дозволительнымъ, то самое въ русской печати не должно быть терпимо. Непослѣдовательность эта объясняется тѣмъ что англійская печать себѣ самой, какъ вполнѣ свободной, считаетъ позволительнымъ говорить все что̀ угодно, между тѣмъ какъ всю русскую печать Англичане непремѣнно хотятъ считать поголовно офиціальною, и потому всякой строкѣ въ русской газетѣ приписываютъ неизмѣнно офиціальное происхожденіе. Между тѣмъ, газетѣ *Times* очень хорошо извѣстно, такъ какъ ей это сообщено ея берлинскимъ корреспондентомъ, что раздосадовавшее ее обозрѣніе азіятскихъ событій написано г. Венюковымъ, и мы рѣшительно недоумѣваемъ почему онъ долженъ считаться офиціальнымъ русскимъ писателемъ, хотя бы статьи за его подписью появлялись и въ *Русскомъ Инвалидѣ*.

Дѣйствительно, г. Венюковъ въ своемъ обозрѣніи оказался весьма нелюбезенъ въ отношеніи къ Англіи. Онъ, какъ видно, не принадлежитъ къ числу ея доброжелателей. Говоря о событіяхъ прошедшаго года въ Китаѣ, Бирманіи, Индіи, Малаккѣ, Афганистанѣ, Кашгарѣ, Египтѣ, Аравіи, повсюду онъ высматриваетъ признаки систематическихъ замысловъ Англичанъ подчинить своему вліянію всѣ страны азіятскаго материка для корыстныхъ цѣлей своей политики. И какъ на зло, дѣйствительно на его счастье, во всѣхъ этихъ странахъ или Англія имѣла столкновеніе, или же ея дѣятельность проявлялась какимъ-либо крупнымъ актомъ, что̀ и даетъ поводъ г. Венюкову дѣлать свои заключенія. Для примѣра сихъ послѣднихъ, между прочимъ, можемъ указать что въ англійской экспедиціи на полуостровѣ Малаккѣ онъ видитъ новый шагъ къ постепенному порабощенію этой страны. Также и англійская торговая экспедиція въ Юннанъ, причемъ былъ убитъ г. Маргари, представляется г. Венюкову лишь эпизодомъ въ давно продолжающейся борьбѣ Англіи съ Китаемъ, и, по его словамъ, Англія, въ своемъ желаніи ослабить Китай, никогда не имѣла недостатка въ предлогахъ. Въ такомъ же духѣ онъ толкуетъ и всякія другія дѣйствія Англіи въ Азіи.

Эти-то толкованія и раздражили газету *Times* гораздо болѣе чѣмъ невѣрности въ которыя кое-гдѣ впадаетъ г. Венюковъ. Гнѣвъ свой впрочемъ органъ Лондона выражаетъ съ олимпійскимъ достоинствомъ и великодушіемъ: „Всѣ эти обвиненія,“ говоритъ онъ, „кажутся намъ до такой „степени забавными что, не взирая на „ихъ офиціальное качество, мы не можемъ „обременять себя трудомъ опроверженія. „Но еслибы мы стали руководиться то„номъ петербургскаго офиціализма, то мог„ли бы сказать что присоединеніе сѣвер„наго Кокана осуществило часть велика„го завоевательнаго замысла исполняемаго „Русскими въ Средней Азіи; что *научная „экспедиція*“ (рѣчь идетъ о прошлогодней научной экспедиціи въ Гиссаръ) „суть „всегда лицемѣрные глашатаи ихъ войскъ, „такъ что вся Бухара будетъ скоро вклю„чена въ карту Россіи и что московское „честолюбіе только выжидаетъ предлога „чтобы низложить Якубъ-хана Кашгарска„го и такимъ образомъ придти въ сопри„косновеніе съ Китаемъ. Было бы легко „выработать разказъ о русскомъ ковар-

„ствѣ изъ этихъ матеріаловъ. Но мы отказываемся объяснять движенія великой „націи приписывая ей мотивы полуночнаго заговорщика. Мы охотно допускаемъ „что Россія не можетъ не присоединять „варварскихъ, своевольныхъ, задорныхъ „государствъ Средней Азіи. Ея движенія „можно объяснять не приписывая ей давно-„задуманныхъ завоевательныхъ замысловъ. „Наша страна, съ другой стороны, вовсе „не имѣетъ подобныхъ замысловъ, и почла „бы новое присоединеніе азіятской территоріи почти бѣдствіемъ. Мы еще услышимъ какъ и Русскіе станутъ оплакивать бѣдственное присоединеніе Кокана."

Съ послѣдними разсужденіями лондонской газеты относительно Россіи мы, конечно, готовы вполнѣ согласиться, тѣмъ болѣе что они заключаютъ въ себѣ не болѣе какъ повтореніе того что мы сами сотни разъ говорили, возражая на выходки противъ Россіи не только „иныхъ англійскихъ критиковъ," но и самой же газеты *Times*. Всѣмъ извѣстно, какъ съ самаго начала русскаго движенія въ Средней Азіи до послѣдняго времени во всей англійской печати безпрерывно возобновлялись крики о ненасытномъ честолюбіи Россіи, о какихъ-то угрожающихъ ея замыслахъ о необходимости положить имъ предѣлъ. Съ какимъ паѳосомъ тогда англійская печать печаловалась объ участи дикихъ ханствъ, якобы невинныхъ жертвъ русскаго задора. Говорятъ что въ Англіи нѣтъ офиціальныхъ органовъ. Но въ какомъ смыслѣ нѣтъ? Вліятельные органы печати въ Англіи принадлежатъ партіямъ которыя смѣняются во власти, и по очереди получаютъ правительственное значеніе. Въ самой газетѣ *Times* передовыя статьи пишутъ нерѣдко офиціальные политики и важные государственные люди, какъ напримѣръ писали the right honourable Mr. Lowe, членъ тайнаго совѣта, бывшій канцлеръ казначейства и такой же right honourable Mr. Vernon Harcourt, бывшій генералъ атторней. Мы помнимъ какъ покойный Кобденъ жаловался на газету *Times* какъ на правительственный органъ. Все то что писалось въ газетахъ повторялось и дипломатами. Они обращались къ Россіи съ протестами, съ инквизиторскими запросами, едва не съ угрозами; отъ нея допытывались обѣщаній, ручательствъ, чуть не вознагражденій. И это не было случайнымъ недоразумѣніемъ, а систематически повторялось при каждомъ новомъ шагѣ Россіи, хотя бы и въ голодной степи, какъ будто считалось признаннымъ фактомъ что Россія, въ своихъ дѣйствіяхъ въ Азіи, обязана спрашивать позволенія у Англіи. Считая своимъ долгомъ давать отпоръ подобнымъ притязаніямъ, мы въ то же время не находили излишнимъ разъяснять истинное положеніе наше въ тѣхъ краяхъ. Мы постоянно говорили что всѣ эти пріобрѣтенія сами по себѣ вовсе не желательны для Россіи, что они не могутъ доставить ей никакихъ особенныхъ выгодъ, что они не только не усиливаютъ, но ослабляютъ ее и что тѣмъ не менѣе это есть неизбѣжное бремя налагаемое на нее ея положеніемъ великой державы, необезпеченностью ея степной границы, обязанностью водворить миръ на своихъ окраинахъ и обуздать дикихъ хищниковъ. Все это не могло не быть ясно и для „иныхъ англійскихъ критиковъ," но они умышленно не хотѣли признавать это, и вмѣсто того вызывали призракъ дальновидныхъ завоевательныхъ замысловъ Россіи. И эта тактика продолжалась до весьма недавняго времени, и, какъ признаетъ *Times*, употребляется и теперь еще „иными англійскими критиками."

Мы не хотимъ сказать что русской печати слѣдуетъ подражать этому примѣру въ ея сужденіяхъ объ Англіи. Но, говоря вполнѣ безпристрастно, сужденія русскихъ критиковъ объ Англіи все-таки болѣе извинительны. Пусть дѣйствія Англіи вполнѣ безукоризненны, какъ утверждаетъ англійская печать, но кто же можетъ не видѣть что тѣмъ не менѣе Англія пріобрѣтаетъ постоянно весьма существенныя выгоды каждымъ своимъ новымъ шагомъ? Между тѣмъ какъ Россія завоевала въ Азіи обширныя степи съ полудикимъ населеніемъ, Англія давно уже пріобрѣла себѣ тамъ древнѣйшую по культурѣ и богатѣйшую страну, которая сама по себѣ есть цѣлый материкъ, съ населеніемъ уступающимъ по численности лишь населенію Китая; она повсюду захватила и пути къ этому владѣнію, и превосходныя морскія стоянки; она проникла и въ Китай, и тамъ имѣетъ пункты; и какъ она не отрекается отъ жажды новыхъ пріобрѣтеній, тѣмъ не менѣе она съ каждымъ годомъ все еще расширяетъ ихъ. Итакъ, во всякомъ случаѣ, толкованія какія дѣлаются на основаніи этихъ фактовъ иными русскими критика-

ми гораздо естественнѣе чѣмъ ревнивая подозрительность Англичанъ относительно Средней Азіи. Разница только та что хотя русскія сужденія и считаются Англичанами за офиціальныя, они никогда не выражались въ русской дипломатіи. Никогда наше правительство не обращалось къ Англіи ни съ какими запросами по поводу какихъ-либо ея дѣйствій въ Азіи, а между тѣмъ ему приходилось выслушивать запросы Англіи, къ коимъ не представлялось никакого законнаго повода.

Въ послѣднее время, дѣйствительно, стали обнаруживаться и въ Англіи болѣе трезвые взгляды на этотъ предметъ, а мы всегда съ удовольствіемъ обращали на нихъ вниманіе. Но и теперь еще англійская печать далеко не совсѣмъ отреклась отъ прежней привычки толковать вкривь и вкось объ агрессивности Россіи. Сама газета *Times*, которая, въ вышеприведенныхъ строкахъ, такъ основательно судитъ о положеніи Россіи, далеко не всегда безгрѣшна въ этомъ отношеніи. Какъ разъ наканунѣ этого самаго разсужденія въ ней была помѣщена статья по поводу появившагося въ *Русскомъ Инвалидѣ* отчета о состояніи русской арміи, и при этомъ лондонская газета не могла не сознаться въ смутныхъ опасеніяхъ. Отдавая полную справедливость миролюбію русскаго правительства и важному значенію великихъ реформъ произведенныхъ въ нынѣшнее славное царствованіе, она присовокупляетъ: „Тѣмъ не „менѣе, Россія присоединила къ себѣ въ „Азіи не менѣе 35.347 географич. миль— „территорію втрое болѣе чѣмъ Германія и „въ шестеро большую нашего королевства." И *Times* сравниваетъ затѣмъ эти пріобрѣтенія съ завоеваніями Александра Македонскаго, Цезаря и Наполеона. Поэтому-то русская армія и внушаетъ ей опасенія, но къ счастью она успокоивается тѣмъ что русскіе финансы не выдержатъ долго такихъ непомѣрныхъ военныхъ расходовъ.

Если разсужденія г. Венюкова о политикѣ Англіи кажутся забавными газетѣ *Times*, то какъ же наканунѣ ей не показались еще болѣе забавными свои собственныя сравненія завоеваній Александра и Наполеона съ укрощеніемъ среднеазіятскихъ ханствъ? И не есть ли верхъ недобросовѣстности поражать воображеніе своихъ читателей ничего не говорящими цифрами, указывая лишь что Россія пріобрѣла территорію въ шестеро бо́льшую Великобританскаго королевства и втрое бо́льшую Германіи, между тѣмъ какъ значительнѣйшая часть этой территоріи состоитъ изъ безплодныхъ степей! И между тѣмъ, это приводится въ доказательство что Россія, даже при самомъ миролюбивомъ правительствѣ, не можетъ де не быть агрессивною.

Нѣтъ, не скоро еще, повидимому, мы дождемся вполнѣ безпристрастныхъ сужденій о нашемъ отечествѣ въ англійской печати!

№ 27.

Москва, 28 января.

Второе чтеніе „уголовной новеллы," происходившее на прошедшей недѣлѣ въ германскомъ Рейхстагѣ, доказало что опасенія возбужденныя еще предъ началомъ сессіи этимъ законопроектомъ не были напрасны, и что берлинскія газеты немножко поторопились своими ликованіями о благополучно миновавшемъ кризисѣ послѣ „миролюбивой" рѣчи князя Бисмарка произнесенной имъ при первомъ чтеніи новеллы вскорѣ послѣ открытія настоящей сессіи. Органы національно-либеральной партіи доказывали тогда что правительство уступило предъ взрывомъ общественнаго неудовольствія коимъ встрѣченъ былъ законопроектъ, и думали что дѣло обойдется безъ большихъ столкновеній, хотя и безъ уступокъ со стороны большинства Рейхстага. Вышло однако не совсѣмъ какъ.

Читателямъ извѣстно что Рейхстагъ выдѣлилъ при первомъ чтеніи тѣ изъ параграфовъ законопроекта которые были напередъ осуждены либеральнымъ большинствомъ, и постановилъ разсмотрѣть эти статьи, заключавшія въ себѣ усиленіе наказаній за политическія проступки и преступленія разнаго рода въ самомъ собраніи Рейхстага; остальныя же переданы на предварительное разсмотрѣніе коммиссіи. Уже тогда было очевидно что политическіе параграфы не имѣютъ почти никакихъ шансовъ. Обсужденіе той части новеллы которая была пересмотрѣна коммиссіей прошло довольно спокойно, и большинство этихъ параграфовъ принято Рейхстагомъ, въ томъ числѣ и знаменитый „параграфъ Дюшена," хотя коммиссія, а затѣмъ и общее собраніе Рейхстага, внесли немало существенныхъ измѣненій и въ эту статью законопроекта.

Совсѣмъ иной характеръ приняли пренія когда 27 января приступлено было къ обсужденію политическихъ параграфовъ. Первымъ на очереди стоялъ вопросъ объ усиленіи наказанія за соціалистскую пропаганду. Въ кодексѣ 1871 года § 128 грозитъ тюремнымъ заключеніемъ до одного года за участіе въ сообществахъ „коихъ существованіе, устройство или цѣль сохраняются въ тайнѣ отъ правительства, или когда участники обязуются повиновеніемъ неизвѣстнымъ начальникамъ или безусловнымъ повиновеніемъ извѣстнымъ начальникамъ.“ Оставляя безъ измѣненія размѣръ наказанія, новелла предполагала измѣнить редакцію этого параграфа въ томъ смыслѣ чтобы подлежали наказанію участники и такихъ сообществъ коихъ организація и цѣль хотя и заявлены офиціально, но только для вида, истинная же ихъ *дѣятельность* остается втайнѣ. Мотивомъ къ этому предположенію было выставлено что существуетъ не мало соціалистскихъ сообществъ которыя, подъ прикрытіемъ заявленной правительству программы своей дѣятельности, тайно дѣйствуютъ въ совершенно иномъ духѣ. Рейхстагъ безъ дальнихъ преній отвергъ такое измѣненіе § 128 кодекса. Другое предложеніе относящееся до соціалистовъ касалось параграфа 130 кодекса и было болѣе существенно. Теперешняя редакція этого параграфа гласитъ такъ: „Кто, способами подвергающими опасности общественный миръ, публично подстрекаетъ различные классы населенія къ насильственнымъ дѣйствіямъ другъ противъ друга, тотъ подвергается денежному штрафу до 200 талеровъ, или тюремному заключенію до двухъ лѣтъ.“ По новеллѣ предполагается назначить одно тюремное заключеніе до пяти лѣтъ, безъ денежнаго штрафа, за публичное возбужденіе одного класса населенія противъ другаго, причемъ исключаются слова „къ насильственнымъ дѣйствіямъ,“ такъ что этому наказанію подлежатъ и тѣ кто просто возстановляетъ, посредствомъ публичнаго или печатнаго слова, одно сословіе противъ другаго, не взывая къ насилію. Кромѣ того, къ этому сдѣлано весьма существенное добавленіе по коему тому же наказанію подвергается тотъ кто въ публичной рѣчи или въ печати нападаетъ на институты брака, семейства и собственности. Въ защиту этого параграфа выступилъ съ чрезвычайно энергическою рѣчью прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Эйленбургъ. Онъ нарисовалъ мрачную картину съ каждымъ днемъ усиливающейся соціалистской пропаганды въ Германіи, пропаганды подрывающей въ самомъ основаніи принципы современнаго общежитія, и требовалъ чтобы правительству предоставлена была возможность бороться противъ этого зла путемъ уголовнаго суда, дабы по возможности избѣжать неминуемой въ противномъ случаѣ борьбы посредствомъ голаго оружія. Пренія по этому предмету были весьма бурныя какихъ повидимому никто не ожидалъ. Но къ націоналъ-либераламъ и прогрессистамъ примкнули на этотъ разъ (что очень замѣчательно) люди центра, клерикалы, и оппозиція составилась непреодолимая. Графу Эйленбургу возражали два вліятельнѣйшіе оратора національно-либеральной партіи, Ласкеръ и Бамбергеръ. Первый находилъ что единственный способъ успѣшнаго противодѣйствія соціализму есть свобода печати, причемъ онъ находилъ что зло вовсе не такъ велико какъ его стараются выставить; и что соціализмъ хотя и основанъ на фальшивыхъ принципахъ, но онъ выражаетъ собою въ извѣстной мѣрѣ вѣчное стремленіе къ будущему равенству людей, въ осуществленіе котораго г. Ласкеръ вполнѣ вѣритъ. Г. Бамбергеръ смотритъ на дѣло далеко не съ такой оптимистической точки зрѣнія: онъ признаетъ всю силу опасности представляемой для современнаго общества соціалистскою агитаціей и систематическимъ возбужденіемъ ненависти противъ имущихъ классовъ. Но онъ, вопервыхъ, вполнѣ раздѣляетъ то мнѣніе что стѣсненіемъ свободы публичнаго слова это зло нисколько не искореняется, а напротивъ принимаетъ болѣе острый и опасный характеръ, чему примѣромъ можетъ де служить съ одной стороны Франція, а съ другой Англія. Вовторыхъ, г. Бамбергеръ находитъ что въ возбужденіи ненависти къ среднему имущему сословію въ Германіи не менѣе соціалистовъ виновны и нѣмецкія ультра-консервативные органы, равно какъ и клерикалы, изъ коихъ послѣдніе въ особенности вступаютъ иногда съ соціалистами въ прямой союзъ когда рѣчь идетъ о томъ чтобы нанести своимъ противникамъ пораженіе на выборахъ. Г. Бамбергеръ не замѣтилъ того что именно въ настоящемъ случаѣ была иллюстрація

и оправданіе его отзыва о клерикалахъ, которые соединились съ самыми заклятыми противниками своими для того чтобы не дать пройти мѣрѣ направленной противъ соціалистской пропаганды. Запальчивыя выходки г. Бамбергера вызвали цѣлую бурю въ Рейхстагѣ. Графъ Эйленбургъ еще разъ настойчиво требовалъ принятія указаннаго параграфа, указавъ на всю недостаточность борьбы посредствомъ свободы преній, по той причинѣ что рабочіе классы находятся подъ исключительнымъ и деспотическимъ вліяніемъ революціонныхъ органовъ и въ другія газеты никогда и не заглядываютъ. Всѣ эти доводы не привели однако ни къ чему, и § 130, въ измѣненной редакціи, былъ отвергнутъ огромнымъ большинствомъ. Горячее заступничество графа Эйленбурга сдѣлало пораженіе понесенное правительствомъ еще болѣе чувствительнымъ.

Слѣдующее засѣданіе 28 января было не менѣе печально для правительства: Рейхстагъ отвергъ, хотя и незначительнымъ большинствомъ, измѣненіе „каѳедральнаго“ параграфа который принятъ былъ въ 1873 году въ видѣ дополненія къ § 130 кодекса. По этому параграфу подлежатъ тюремному заключенію, или заключенію въ крѣпости до двухъ лѣтъ, священники дозволяющіе себѣ при исполненіи своихъ обязанностей публично порицать дѣла государства. По новеллѣ предлагалось, вопервыхъ, исключить публичность какъ необходимый признакъ этого рода преступленій, такъ что тому же наказанію могъ бы подвергнуться священникъ дозволяющій себѣ такія нападки и предъ собраніемъ людей въ частной квартирѣ. Вовторыхъ, то же наказаніе должно было постигнуть и священника распространяющаго при исполненіи своихъ обязанностей письменныя нападки на государственныя дѣла и учрежденія. Этимъ вторымъ дополненіемъ имѣлось главнымъ образомъ въ виду предупредить возможность безнаказаннаго распространенія враждебныхъ манифестацій папскаго престола, въ родѣ Энциклики отъ 5 февраля прошедшаго года. Оба эти дополненія отвергнуты большинствомъ 136 голосовъ противъ 132. Органы національно-либеральной партіи приписываютъ этотъ исходъ простой случайности, а именно тому что вслѣдствіе ранняго часа многіе депутаты національно-либеральной партіи не успѣли еще прибыть въ Рейхстагъ ко времени голосованія этого параграфа. Прогрессисты же подавали голоса противъ онаго, за что *National-Zeitung* рѣзко нападаетъ на эту партію, обвиняя ее въ непослѣдовательности, такъ какъ въ 1873 году она вотировала за „каѳедральный параграфъ,“ и теперешнія измѣненія суть де только вызванныя необходимостью дополненія къ оному. Названная газета надѣется еще что при третьемъ чтеніи новеллы параграфъ этотъ будетъ принятъ.

Значительнымъ большинствомъ отвергнуто въ этомъ же засѣданіи предложенное измѣненіе § 131 кодекса, въ силу коего предполагалось назначить денежный штрафъ въ 200 талеровъ или тюремное заключеніе до двухъ лѣтъ, за „публичное глумленіе, съ цѣлью униженія, надъ государственными учрежденіями, имперіей, отдѣльными союзными государствами, а также надъ распоряженіями правительства.“ Защиту этого предложенія принялъ на себя союзный коммиссаръ, гессенъ-дармштадтскій министръ-президентъ, г. Гофманнъ. Ему не удалось, однако, убѣдить Рейхстагъ въ необходимости этой мѣры, и она была отвергнута несмотря на то что г. Гофманнъ говорилъ съ большою горечью и не безъ угрозъ о разладѣ между союзнымъ правительствомъ и большинствомъ, сказавшимся по поводу результата голосованія соціалистскихъ параграфовъ.

Наконецъ, 29 января на очереди былъ такъ-называемый „параграфъ Арнима.“ Князь Бисмаркъ отсутствовалъ, и на этотъ разъ, какъ и въ предшедшіе дни. Тѣмъ не менѣе, этотъ параграфъ, на которомъ онъ въ особенности настаивалъ еще при первомъ чтеніи, не былъ отвергнутъ, хотя ему придана другая редакція, текстъ которой нами уже сообщенъ. Заступавшій мѣсто князя Бисмарка, г. фонъ-Бюловъ, изъявилъ согласіе на эту редакцію, предложенную націоналъ-либералами по соглашенію съ свободными консерваторами, и имперскому канцлеру удалось такимъ образомъ установить въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ ту строгую дисциплину которая, по его мнѣнію, въ этой службѣ необходима не менѣе чѣмъ въ военной. Партія прогрессистовъ и на этотъ разъ впрочемъ подавала голоса противъ предложенія, что не мало тревожитъ органы національно-либеральной партіи. Послѣдніе чувствуютъ что парламентское большинство безъ того

черезчуръ много себѣ позволило вольностей относительно правительства. Не безъ страха вспоминаютъ они какъ еще въ прошедшемъ году князь Бисмаркъ жаловался на ненадежность теперешняго большинства, которое составилось изъ слiянiя обѣихъ либеральныхъ фракцiй: нацiоналъ-либераловъ и прогрессистовъ. Князь Бисмаркъ не обинуясь высказывалъ при этомъ что либеральная партiя имѣетъ численный перевѣсъ лишь благодаря „его имени," которое склонило выборы въ ея пользу. Не менѣе памятны угрожающiе слухи о томъ что князю Бисмарку „надоѣли" его строптивые приверженцы, и что въ виду предстоящаго возобновленiя Рейхстага онъ ищетъ сближенiя съ болѣе консервативными фракцiями полагая найти въ нихъ болѣе надежную опору въ будущемъ составѣ парламента.

Всѣ эти недоразумѣнiя и разногласiя съ правительствомъ не помѣшали однако горячимъ изъявленiямъ по поводу обнародованiя въ *Имперскомъ Указателѣ* двухъ донесенiй князя Бисмарка императору о графѣ Арнимѣ. Эти любопытные документы имѣли громадное влiянiе на пренiя въ Рейхстагѣ по поводу параграфа Арнима. *National-Zeitung*, главный органъ нацiоналъ-либеральной партiи, въ особенности восторгается великодушiемъ императора Вильгельма, дозволившаго, помимо всякихъ личныхъ соображенiй, обнародовать эти документы. „Въ числѣ событiй имѣющихъ связь съ процессомъ Арнима," замѣчаетъ названная газета, „самымъ выдающимся должно считать послѣднее опубликованiе. Матерiальное содержанiе этихъ „донесенiй отступаетъ на второй планъ, „и вниманiе приковывается прежде всего „выступающимъ здѣсь наружу отношенiемъ „между императоромъ и его первымъ совѣтникомъ. Какъ разсыпаются въ прахъ „предъ истинно благородными чертами „этого отношенiя тѣ клеветы которыя старалась набросить именно на это отношенiе брошюра *Pro nihilo!* Главное значенiе этихъ документовъ для каждаго читателя заключается не столько въ томъ „что они могли быть *такъ* написаны сколько „въ томъ что они опубликованы несомнѣнно „по повелѣнiю самого императора. Эту „черту изъ характера нашего императора „отмѣтитъ исторiя. Строгая вѣрность долгу „издавна укоренилась на престолѣ Гогенцоллерновъ, и исполненiе этой высшей „добродѣтели монарха стоитъ выше и внѣ „нашей критики. Но одного мы не можемъ „не сказать: есть что-то возвышающее и „трогательное въ томъ какъ императоръ „становится на сторону своего перваго „служителя и какъ онъ заставляетъ умолкнуть всякое иное соображенiе тамъ гдѣ „дѣло идетъ о справедливости."

№ 28.

Москва, 29-го января.

Въ субботнемъ нумерѣ нашей газеты, отъ 24 января, была напечатана телеграмма изъ Лондона извѣщавшая о замѣчательномъ письмѣ лорда Росселя къ президенту образовавшейся въ Лондонѣ Христiанской Лиги для вспомоществованiя христiанамъ Турцiи, г. Луису Фарлею, и на значенiе этого письма мы тогда же не преминули сдѣлать указанiе. Сегодня мы получили отъ самого г. Фарлея письмо которое помѣщаемъ ниже и въ которомъ онъ текстуально приводитъ слова лорда Росселя. Эта демонстрацiя въ пользу несчастныхъ турецкихъ христiанъ проявляющаяся въ англiйскомъ обществѣ не можетъ не радовать насъ. Она укрѣпляетъ нашу надежду что дѣло за которое такъ долго ратовала Россiя, часто одна и противъ враждебнаго настроенiя всей Европы, должно наконецъ выйти на твердый путь, и для несчастныхъ турецкихъ христiанъ, въ особенности же для находящихся въ ужасномъ положенiи жителей возмущенныхъ провинцiй, займется новая заря. Факты своею жестокою правдивостью разсѣваютъ послѣднiя иллюзiи, и мы видимъ что съ противоположныхъ краевъ Европы, изъ странъ которыя прежде болѣе всего раздѣлялись антагонизмомъ именно по поводу взглядовъ на этотъ вопросъ, теперь раздается одинаковый голосъ: Англiя теперь болѣе не расположена защищать турецкiе порядки *quand même*, и если ея правительство, хотя и присоединившееся ко всѣмъ другимъ державамъ для поддержанiя ноты графа Андраши, все еще обнаруживаетъ нѣкоторую нерѣшительность, что проглядываетъ въ его заботливой оговоркѣ что оно сохраняетъ за собой свободу дѣйствiй на будущее время, за то въ англiйскомъ обществѣ, какъ намъ указываетъ г. Фарлей, наконецъ обнару-

живается рѣшительный поворотъ во мнѣніи. Это свидѣтельствуется образованіемъ въ Лондонѣ вышеозначенной Лиги для вспоможенія турецкимъ христіанамъ, и можетъ-быть еще болѣе примѣромъ самого г. Фарлея, которому порядки турецкой администраціи очень хорошо знакомы. Авторитетъ его заявленій еще болѣе усиливается высокимъ значеніемъ словъ такого государственнаго человѣка какъ лордъ Россель, старѣйшій представитель англійскихъ преданій. Такимъ авторитетнымъ заявленіемъ мы не можемъ не придать высокой цѣны. Обоимъ имъ, и г. Фарлею, и лорду Росселю, болѣе чѣмъ кому-либо извѣстно во всей силѣ зло отъ котораго страдаетъ Турецкая имперія; имъ обоимъ также не менѣе хорошо извѣстно какого рода опасенія постоянно руководили прежде англійскую политику и побуждали ее отвращаться отъ восточныхъ христіанъ и стоять на стражѣ турецкихъ порядковъ, изъ страха что если тронуть ихъ какимъ-либо образомъ, то это могло бы поколебать достоинство верховныхъ правъ султана и вызвать тѣмъ самыя тревожныя компликаціи. И вотъ теперь оба они возвышаютъ голосъ и говорятъ буквально то же что постоянно твердилось въ русской печати, и заявленіе ихъ присылается въ нашу газету. Они идутъ даже далѣе насъ. Мы давно уже говорили о невозможности ожидать умиротворенія возмущенныхъ провинцій отъ однихъ обѣщаній султана, какъ бы они ни были благонамѣренны. Поэтому мы доказывали необходимость общаго дипломатическаго вмѣшательства, которое теперь и состоялось. Лордъ же Россель и г. Фарлей прямо обращаются къ самимъ инсургентамъ и предостерегаютъ ихъ чтобъ *они не клали оружія и не довѣрялись обѣщаніямъ Порты*. Лордъ Россель откровенно высказываетъ и причину побуждающую его къ такому совѣту. Онъ убѣжденъ что если они положатъ оружіе, то это послужитъ сигналомъ ко всеобщей рѣзнѣ со стороны Турокъ. Мы увѣрены что подобная печальная случайность ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущена державами. Но одна возможность такого опасенія въ лицахъ такъ хорошо знакомыхъ съ положеніемъ Турціи доказываетъ до какой степени всѣми сознается теперь необходимость серіозныхъ гарантій для обезпеченія спокойствія въ Турецкой имперіи, слѣдовательно такихъ которыя должны быть поставлены подъ охрану всей Европы.

Это сознаніе весьма ясно выражено и въ статьѣ сегодня полученнаго нумера газеты *Times*. Статья эта почти вся состоитъ изъ изложенія содержанія ноты графа Андраши, притомъ по тексту обнародованному въ *Кельнской Газетѣ*, который, какъ было заявлено, нельзя считать вполнѣ вѣрнымъ. Въ заключеніи же выражены нѣкоторыя соображенія касательно важности кризиса. „Между христіанами распространено общее убѣжденіе что Боснія, Болгарія и Критъ примкнутъ къ движенію. Можно предвидѣть „что правительства Сербіи и Черногоріи, „которымъ уже было трудно удержаться „въ сторонѣ, будутъ не въ состояніи противостоять потоку; подъ вліяніемъ событій и общественнаго мнѣнія въ своихъ „странахъ, они, какъ кажется, освоились „съ мыслью принять участіе въ борьбѣ „какъ скоро растаетъ снѣгъ. Три кабинета полагаютъ что единственная надежда избѣгнуть новыхъ замѣшательствъ „представляется въ манифестаціи исходящей отъ всѣхъ державъ и заявляющей „ихъ твердую рѣшимость остановить движеніе. Но, чтобъ обратиться къ князьямъ „и къ христіанскому населенію, державы „должны имѣть факты, а не программы; „ибо между христіанами глубоко вкоренилось недовѣріе въ отношеніи ко всякому обѣщанію Порты—недовѣріе порожденное неудачей прежнихъ султанскихъ „декретовъ улучшить ихъ положеніе... „Можно предположить что для трехъ военныхъ имперій не было бы большаго труда удержать Сербію или не допустить „распространеніе пламени возстанія въ „Болгарію. Но вступить въ возмущенные округи съ цѣлію передать ихъ пашѣ, „полагаясь на общее провозглашеніе реформъ,—принять такого рода политику „было бы затруднительно для Австрійскаго „и Русскаго правительствъ, при всемъ ихъ „авторитетѣ.“

Но подобная политика не только затруднительна, но и немыслима.

№ 29.

Москва, 30-го января.

А.

Извѣстная читателямъ *Записка* Одесскаго Комитета Торговли и Мануфактуръ о причинахъ упадка одесской торговли и средствахъ къ ея поднятію, — *Записка* весьма неблагопріятно высказавшаяся о дѣйствіяхъ Русскаго Общества Пароходства, Торговли и Одесской желѣзной дороги и рѣшительно возстающая противъ продолженія выдаваемой этому Обществу правительственной субсидіи,—естественно не могла остаться безъ отвѣта со стороны правленія названнаго Общества, тѣмъ болѣе что вопросъ о субсидіи уже обсуждается въ административныхъ сферахъ. Этотъ отвѣтъ, изданный на дняхъ въ Петербургѣ особою брошюрой, лежитъ теперь предъ нами, и намъ предстоитъ дать отчетъ въ производимомъ имъ впечатлѣніи.

Признаемся, задача эта не совсѣмъ легкая. Въ *Отвѣтѣ* наговорено такъ много и о столькихъ предметахъ что не знаешь на чемъ остановиться. Составители *Отвѣта* такъ поусердствовали въ своихъ опроверженіяхъ *Записки* что иной разъ недоумѣваешь зачѣмъ понадобилось то или другое опроверженіе. Рѣчь идетъ о даваемыхъ Обществу субсидіяхъ, объ его монопольномъ характерѣ, о непомѣрной высотѣ его фрахтовъ, о разныхъ вытекающихъ отсюда неудобствахъ,—а *Отвѣтъ* прежде всего старается доказать преувеличенность опасеній вызываемыхъ въ Одесскомъ Комитетѣ Торговли конкурренціей американскаго хлѣба! Какая связь между этою конкурренціей и получаемыми Обществомъ субсидіями? Къ чему понадобилось правленію Общества заявлять что „Америка можетъ завалить европейскіе рынки хлѣбомъ только тогда когда въ Россіи будутъ постоянные неурожаи, а слѣдовательно и высокія цѣны на хлѣбъ?“ Значитъ ли это что если конкурренція не опасна, то незачѣмъ заботиться объ улучшеніи средствъ и объ удешевленіи фрахтовъ по доставкѣ хлѣба? Но, вопервыхъ, пониженіе фрахтовъ осталось бы желательнымъ и при отсутствіи американской конкурренціи, а вовторыхъ, отрицать усиленіе этой конкурренціи невозможно. Приводимыя въ *Отвѣтѣ* цифры говорятъ не одно то что размѣры отпуска пшеницы подвержены колебаніямъ и въ Америкѣ и въ Россіи, и что въ общемъ выводѣ они растутъ и тутъ и тамъ. Эти цифры свидѣтельствуютъ, хотя этого не хотятъ видѣть составители *Отвѣта*, что возрастаніе отпуска пшеницы изъ Америки идетъ гораздо быстрѣе чѣмъ у насъ, что до 1870 года количество отпущенной изъ Америки пшеницы было ничтожно въ сравненіи съ отпускомъ ея изъ Россіи, а въ послѣдніе годы не только сравнялось съ нашимъ отпускомъ, но даже превзошло его. Къ чему же, въ виду этого, *Отвѣтъ* указываетъ что въ Россіи еще много непочатой земли способной производить пшеницу? Въ этомъ никто не сомнѣвается. Дѣло идетъ не объ увеличеніи производства, а объ усиленіи сбыта. Не далѣе какъ на дняхъ, 26 января, въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства заявлялось что „тотъ хлѣбъ который собранъ въ нашихъ житницахъ, гніетъ за неимѣніемъ спроса.“ А спросъ этотъ можетъ быть созданъ удешевленіемъ хлѣба, т.-е., съ одной стороны, уменьшеніемъ расходовъ производства, съ другой — улучшеніями средствъ перевозки и пониженіемъ фрахтовъ.

Далѣе, не мало сбиваютъ съ толку тѣ сужденія какія находимъ въ *Отвѣтѣ* относительно конкурренціи какую могутъ дѣлать Одессѣ желѣзныя дороги которыя даютъ возможность хлѣбу доходить до иностранныхъ потребителей минуя Черное Море и на которыхъ тарифы усиленно понижаются въ видахъ отвлеченія грузовъ отъ русскихъ черноморскихъ портовъ къ нѣмецкимъ въ Балтійскомъ морѣ. *Отвѣтъ* увѣряетъ что всѣ такія „усилія Кенигсберга и Кіево-Брестской дороги могутъ лишь вредить Одесской дорогѣ, а не самой Одессѣ.“ Какъ будто Одессѣ все равно больше или меньше грузовъ придетъ къ ней по Одесской дорогѣ! Для Одессы, по мнѣнію составителей *Отвѣта*, довольно того района какой представляютъ губерніи Бессарабская, Херсонская, Подольская и южная часть Кіевской. Но почему же, однако, не желать ей расширенія этого района, почему не желать ей такого равновѣсія желѣзнодорожныхъ тарифовъ при которомъ бы хлѣбъ не отвлекался къ Кенигсбергу изъ мѣстностей лежащихъ гораздо ближе къ ней чѣмъ къ нему? Составители *Отвѣта* называютъ „оригинальнымъ“ приводимой Одесскимъ Комитетомъ

примѣръ стоимости отправки пеньки изъ Брянска въ Одессу и изъ Курска въ Кенигсбергъ. Комитетъ находитъ невыгоднымъ для Одессы что провозти до нея пудъ пеньки за 1.097 верстъ дороже (56 коп.) чѣмъ провезти его за 1.321 верстъ въ Кенигсбергъ (36 к.). Что смѣшнаго въ недовольствѣ такимъ неравновѣсіемъ тарифа? Смѣшно, видите ли, то что Одесса не торгуетъ пенькой, и стало-быть ей нѣтъ никакого дѣла ни до пеньки, ни до тарифовъ на ея провозъ. При указанныхъ невыгодахъ тарифа, ей дѣйствительно нѣтъ никакой возможности торговать пенькой, но почему же не желать ей чтобъ эта торговля стала для нея возможною? *Отвѣтъ* объясняетъ при этомъ почему провозъ грузовъ отъ Брянска и Курска въ Кенигсбергъ дешевле провоза отъ нихъ до Одессы. Отправка изъ Курска въ Кенигсбергъ производится де по тремъ русскимъ дорогамъ, которыя состоятъ въ прямомъ сообщеніи, причемъ большею частію установлены *общіе* пониженные тарифы, а между Брянскомъ и Одессой прямаго сообщенія нѣтъ, и плата взимается по отдѣльнымъ тарифамъ каждой дороги. Прекрасно! Но что же мѣшаетъ Одесской дорогѣ вступить въ прямое сообщеніе съ линіями которыя къ ней примыкаютъ? Не то ли обстоятельство что „эксплуатація Одесской желѣзной дороги далеко не совершенна, и требуетъ многихъ улучшеній,“ какъ сознаютъ сами составители *Отвѣта?*

Дѣлая это сознаніе, котораго и нельзя было не сдѣлать въ виду недавняго крушенія поѣзда съ новобранцами и раскрытыхъ по этому случаю обстоятельствъ, составители *Отвѣта* стараются однако стушевать всѣ указанія на существенные недостатки эксплуатаціи дороги, не упуская случая кивать на Петра. Указываютъ, напримѣръ, на чрезмѣрную порчу и пропажу грузовъ перевозимыхъ по Одесской дорогѣ; въ *Отвѣтѣ* говорится что такіе случаи бываютъ и на другихъ желѣзныхъ дорогахъ, и что правила отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за пропажу и порчу товаровъ одинаковы на всѣхъ русскихъ чугункахъ и „одобрены правительствомъ.“ Указываютъ на частныя ошибки въ разчетахъ провозной палаты и на затрудненія обратнаго полученія переборовъ; виноваты низшіе агенты дороги, которые, для огражденія себя, объясняютъ недоумѣнія въ тарифѣ въ ущербъ грузителямъ; виноваты формальности въ контролированіи разчетовъ и т. д. Нехороша и запутана классификація товаровъ въ тарифѣ Одесской дороги; этотъ недостатокъ существуетъ де и на другихъ дорогахъ. Но особенно замѣчательно опроверженіе жалобъ на высоту тарифа Одесской дороги, сравнительно съ другими дорогами. „Прибѣгать къ пониженію тарифа безъ указаній опыта, вслѣдствіе одного пониженія тарифа другою дорогою, едва ли было бы благоразумно,“ говорятъ составители *Отвѣта.* Напротивъ, „при наличіи (наличности) значительнаго количества грузовъ подлежащихъ отправкѣ возвышеніе тарифа въ предѣлахъ устава не можетъ остановить движенія, и не вредя торговлѣ принесетъ пользу Обществу,“ ибо грузители, „въ отношеніи размѣра взимаемой съ нихъ провозной платы, ограждены уставомъ Общества чрезъ опредѣленіе нормы, выше которой плата взимаема быть не можетъ.“

Таковъ катехизисъ Общества по отношенію къ его сухопутнымъ фрахтамъ. Того же самаго катехизиса держится оно и относительно морскихъ фрахтовъ. Были бы грузы, заплатятъ и дорого; пусть другіе понижаютъ фрахтъ, намъ они не указъ. На желѣзной дорогѣ интересы грузителей ограждены, хоть и весьма недостаточно, установленіемъ нормы высшей платы. На пароходахъ же Общества ограждать эти интересы установленіемъ какихъ-либо нормъ, по мнѣнію авторовъ *Отвѣта,* вовсе не слѣдуетъ. Надобно только оградить интересы Общества продолженіемъ выдачи ему казенныхъ субсидій на будущее время.

Трудно было бы ожидать что правленіе Общества не будетъ всячески отстаивать продолженіе этихъ субсидій. Но мы ожидали что аргументація правленія будетъ гораздо убѣдительнѣе чѣмъ оказалось на дѣлѣ. Изъ того что Общество, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, приносило пользу, никакого вывода въ пользу субсидіи сдѣлать нельзя. Мало ли есть обществъ приносящихъ пользу и однако не получающихъ субсидій? Не особенно силенъ и тотъ аргументъ что безъ правительственной субсидіи Обществу „невозможно было бы развиться до настоящихъ его размѣровъ,“ а то что „на Черномъ Морѣ,“ безъ субсидіи именно этому Обществу, „не существовало бы сколько-нибудь значительнаго русскаго пароходства,“ есть еще во-

просъ, и весьма спорный. Но еслибъ и такъ, это не имѣетъ теперь значенія. Рѣчь не о томъ, слѣдовало ли давать субсидію Обществу Пароходства и Торговли въ прежнее время; рѣчь о томъ слѣдуетъ ли давать субсидію Обществу уже развившемуся и ставшему на ноги. Какіе же аргументы приводятся въ пользу ея продолженія на будущее время?

Первый и главный изъ нихъ тотъ что будто бы „содержаніе срочныхъ морскихъ сообщеній безъ субсидій немыслимо.“ Доказательствомъ сего служитъ де то что „*нигдѣ* не существуетъ значительной морской компаніи содержащей срочные рейсы, которая не получала бы субсидіи отъ правительства и притомъ въ размѣрѣ много превышающемъ субсидію получаемую Русскимъ Обществомъ Пароходства.“ Сильно сказано, но къ сожалѣнію, несогласно съ истиной. Въ подкрѣпленіе своего рѣшительнаго заявленія правленіе этого Общества дѣлаетъ обычныя ссылки на „Messageries Maritimes,“ на Австрійскій Ллойдъ, на Дунайскую Компанію.“ Но почему непремѣнно ссылаться на эти компаніи, а не на другія? Кому неизвѣстно что, напримѣръ, Гамбургскія и Бременскія общества, уже тридцать лѣтъ содержащія срочныя пароходныя сообщенія съ разными пунктами Америки, не получаютъ и никогда не получали субсидій? Между тѣмъ ластовое содержаніе и солидность пароходовъ этихъ компаній далеко оставляютъ за собою все что мы видимъ у Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Германія, не выдавая никакихъ субсидій пароходнымъ обществамъ, достигла весьма почтеннаго развитія пароходства. Но такъ поступаетъ не одна Германія. Подобныя же общества мы встрѣтимъ также въ большомъ числѣ въ Англіи, въ Голландіи и пр. *Отвѣтъ* находитъ благоразумнымъ не знать или по крайней мѣрѣ умалчивать обо всемъ этомъ. Тѣмъ не менѣе, однако, срочное пароходство безъ субсидій оказывается и мыслимымъ, и дѣйствительно существующимъ.

Второй аргументъ въ пользу продолженія субсидіи тотъ что безъ нихъ Общество не могло бы давать своимъ акціонерамъ большаго девиденда, и въ *Отвѣтѣ* это доказало весьма обстоятельно. Требуется чтобы дивидендъ составлялъ не менѣе 8% не на первоначальный капиталъ Общества, а на нынѣшнюю стоимость его имущества. Она опредѣляется круглою цифрою въ 16 милліоновъ, и стало-быть дивидендъ долженъ быть не менѣе 1.280.000 рублей. Но операціи Общества, за вычетомъ расходовъ, годичнаго погашенія имущества и суммъ на покрытіе морскихъ потерь, даютъ, по словамъ *Отвѣта,* лишь около 100.000 рублей. Какъ же тутъ быть безъ 1.100.000 субсидіи! При дальнѣйшихъ субсидіяхъ, имущество Общества, вѣроятно, еще увеличится, и тогда субсидіи станутъ еще необходимѣе, для поддержанія дивиденда на высотѣ указанной нормы. Здѣсь норма необходима, она въ интересѣ акціонеровъ. Это не то что установленіе нормъ фрахта въ интересахъ грузителей.

Мы позволяемъ себѣ однако раздѣлять мнѣніе Одесскаго Комитета что вопросъ о продолженіи или прекращеніи субсидій Обществу Пароходства и Торговли долженъ быть рѣшаемъ не съ точки зрѣнія размѣровъ дивиденда этого Общества, а съ точки зрѣнія интересовъ русской торговли и мореплаванія. И тутъ мы видимъ что наши южные порты высылаютъ депутаціи для ходатайства объ отмѣнѣ этихъ субсидій. Того же желаетъ Одесскій Комитетъ Торговли и Мануфактуръ. Въ томъ же смыслѣ высказывается разсматривавшая этотъ вопросъ коммиссія Общества Содѣйствія Торговли и Промышленности. Всѣ они согласно находятъ что суммы идущія нынѣ на субсидіи приносли бы гораздо болѣе пользы нашей торговлѣ и мореплаванію еслибы шли на поддержку ни одного монопольнаго общества, а всего черноморскаго судоходства и судостроенія вообще, и не вѣрится чтобы взгляды ихъ на это дѣло измѣнились въ виду приведенной аргументаціи *Отвѣта*.

Б.

На дняхъ телеграмма изъ Пешта сообщала намъ что венгерскій парламентъ, по предложенію министра-президента, кромѣ памятника Францу Деаку сооруженному по національной подпискѣ, собирается внести перечень его заслугъ для своей страны на страницы свода національныхъ законовъ. Это едва ли не бо́льшая награда какую можетъ пожелать себѣ государственный дѣятель.

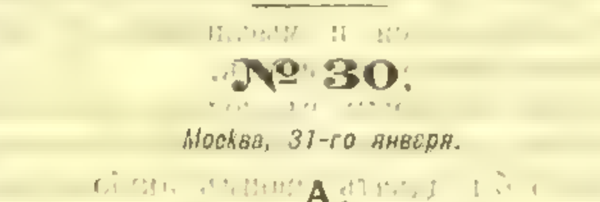
Съ именемъ Франца Деака, дѣйствительно, тѣсно связана исторія Венгріи за послѣднія сорокъ лѣтъ. Тотъ порядокъ вещей который созданъ нынѣ въ Австрій-

ской имперіи былъ дѣломъ Деака. Простой, скромный частный человѣкъ, онъ былъ истиннымъ центромъ политической жизни Венгріи.

Значеніе свое Деакъ пріобрѣлъ на парламентской почвѣ, и съ нея онъ не сходилъ всю жизнь, иначе какъ вынужденный обстоятельствами. Въ молодости онъ выступилъ защитникомъ свободы, краснорѣчіе его лилось горячо, онъ увлекалъ большинство Венгерскихъ сеймовъ того времени, не имѣвшихъ еще большаго политическаго значенія; тридцати лѣтъ онъ сталъ вождемъ оппозиціи, но и тогда, какъ послѣ онъ былъ болѣе похожъ на парламентскаго вождя конституціонной Англіи чѣмъ на революціонныхъ диктаторовъ Франціи. Законъ былъ для него дѣломъ священнымъ, стоящимъ выше произвола и силы, отмѣняемымъ только имъ же самимъ, то-есть новымъ закономъ. Законъ для него былъ оружіемъ для пріобрѣтенія потеряннаго и защитой существующаго. Дѣло разрушенія, крови и насилія было не по сердцу Деаку; онъ удалился когда событія 1848 года увлекли Венгрію на край гибели, и движеніе захватилъ въ свои руки Кошутъ. Деакъ не былъ похожъ и на другаго даровитаго земляка своего, графа Сеченьи, живаго, неудержимо рвавшагося впередъ къ созданію новаго. Въ болѣе поздніе дни, когда Деакъ предложилъ свою программу соглашенія съ Австріей, Кошутъ осыпалъ его въ письмѣ упреками. Письмо появилось въ газетахъ, а въ отвѣтъ народъ устроилъ блестящую овацію Деаку при его появленіи въ сеймѣ. Деакъ сказалъ тогда въ отвѣтъ двумъ стамъ представителямъ города Пешта: „Намъ слѣдуетъ быть умѣренными, слѣдуетъ различать между желаемымъ и возможнымъ, Помощь Австріи намъ также необходима какъ Австріи наша.“ Но вотъ, въ 1848 году, безуміе Кошута разнуздало страсти, и Деакъ пріунылъ. Графъ Сеченьи и Деакъ были приглашены на министерское совѣщаніе къ президенту кабинета Баттіани. Ночью въ 10 часовъ, Сеченьи, схвативъ Деака за руку, вывелъ его на балконъ и сказалъ: „Деакъ, теперь все погибло; намъ обоимъ, какъ честнымъ патріотамъ, не остается другаго выбора какъ пустить себѣ въ лобъ пулю!“ — „Застрѣлиться?“ возразилъ Деакъ спокойно, — „еслибы моя жизнь могла спасти націю, я не задумался бы, но мы не виноваты въ настоящемъ положеніи дѣлъ, и наша смерть не измѣнитъ его; въ эту минуту мы безсильны, но придетъ время, и мы принесемъ пользу.“ Сеченьи застрѣлился. Деакъ умѣлъ ждать и дождался. Когда, двѣнадцать лѣтъ спустя, былъ созванъ снова Венгерскій сеймъ, Деакъ выступилъ съ тѣмъ же уваженіемъ къ закону, съ тою же умѣренностью. Даже то обстоятельство что состоялся сеймъ 1861 года слѣдуетъ приписать его увѣщаніямъ: онъ объявилъ что одинъ пойдетъ въ Офенъ, если то будетъ нужно. Своимъ авторитетомъ онъ подѣйствовалъ такъ что новый Сеймъ не отказалъ правительству въ добавочныхъ налогахъ, не принялъ предложенія наложить трауръ по Кавурѣ (когда едва истекло два года послѣ потери Ломбардіи), и вмѣсто строптивой резолюціи обратился съ своими нуждами къ императору во всеподданнѣйшемъ адресѣ. Такимъ образомъ, Деакъ постепенно подготовлялъ почву къ дуализму Австро-Венгріи, что и довершилось въ 1867 году коронованіемъ императора Франца-Іосифа королемъ Венгерскимъ.

Деакъ оставался всегда монархистомъ. Онъ былъ преданъ монарху имѣвшему права на королевскую корону Св. Стефана и всегда стоялъ за эти права. Онъ понималъ ихъ лишь въ смыслѣ Прагматической Санкціи, въ смыслѣ договора 1732 года со всѣми привилегіями которыя договоръ этотъ давалъ Венгріи. Онъ былъ по преимуществу практическій политикъ. Онъ хотѣлъ самостоятельной Венгріи, но онъ не допускалъ и мысли о расторженіи связи ея съ Австріей, и употребилъ все свое вліяніе чтобы противодѣйствовать стремленіямъ въ этомъ смыслѣ нынѣшняго министра-президента, г. Тисы.

Увы, австрійскимъ Славянамъ не посчастливилось имѣть своего Деака, и поэтому въ своихъ неудачахъ имъ приходится винить не столько своихъ противниковъ сколько самихъ себя.



№ 30.

Москва, 31-го января.

А.

На дняхъ, изъ Петербурга, сообщали намъ что эксперты призванные въ особое присутствіе Государственнаго Совѣта по вопросу о личномъ наймѣ, высказали уклончивыя мнѣнія касательно обязательно-

сти рабочихъ книжекъ. Большинство экспертовъ, какъ сказываютъ, заявили что они не придаютъ особаго значенія этой обязательности, а желаютъ только, чтобъ исполненіе договорныхъ условій о личномъ наймѣ было упрочено, чтобы приняты были мѣры противъ переманиванья рабочихъ, словомъ, чтобы все что можетъ дать обязательность рабочихъ книжекъ сдѣлалось какъ-нибудь иначе. Если эти слухи справедливы, то вопросъ о рабочихъ книжкахъ можно считать похороненнымъ, ибо почти всѣ административныя вѣдомства и законодательныя инстанціи либо высказались противъ обязательности рабочихъ книжекъ, либо заняли въ этомъ вопросѣ нейтральное положеніе, которое они могли бы покинуть лишь въ виду заявленныхъ общественныхъ потребностей.

Итакъ, главнѣйшій центральный вопросъ изъ числа всѣхъ вопросовъ о личномъ наймѣ будетъ отложенъ, и придется, рядомъ разрозненныхъ мѣръ, усиливаться достигнуть того что такъ просто достигалось чрезъ рабочія книжки какъ удобнѣйшую и простѣйшую форму обезпеченія договоровъ о личномъ наймѣ. Ближайшимъ же послѣдствіемъ такого оборота будетъ, какъ можно опасаться, не только продолженіе прежняго шатанія договоровъ, но и новое закрѣпленіе и пущее развитіе системы паспортовъ.

Обязательныя рабочія книжки встрѣтили много предубѣжденій какъ въ администраціи, такъ и въ обществѣ. Предубѣжденія эти, — не для чего скрывать, — основаны на боязни что рабочія книжки дадутъ хозяевамъ новое средство къ эксплуатаціи рабочихъ.

Такъ ли это?

Договоры личнаго найма должны быть обезпечены. Въ настоящее время они обезпечиваются выдачей задатка и отобраніемъ паспорта. Рабочій считается нанятымъ когда взялъ задатокъ и отдалъ паспортъ. Если не будетъ введенъ новый порядокъ утвержденія договоровъ, — обязательныя рабочія книжки, — тогда по необходимости останется старый: задатки и паспорты. Что же лучше, введеніе ли рабочихъ книжекъ, или система задатковъ съ отобраніемъ паспортовъ?

Задатки имѣютъ двоякое значеніе въ личномъ наймѣ, экономическое и юридическое. Съ одной стороны, они являются однимъ изъ элементовъ опредѣленія платы за работу; съ другой, они суть дѣйствіе необходимое для обезпеченія прочности договора.

Нельзя возражать противъ задатковъ какъ противъ явленія экономическаго. Обѣ стороны заинтересованы въ возможности такого рода сдѣлокъ; во многихъ случаяхъ задатки бываютъ необходимы какъ по существу сдѣлокъ, такъ и по условіямъ быта. Нанимая, напримѣръ, рабочихъ землекоповъ необходимо дать имъ деньги на уплату податей, на выправку паспорта, на дорогу отъ мѣстожительства до сборнаго пункта на работахъ. То же при наймѣ бурлаковъ. Сельскохозяйственному рабочему выгодно взять задатокъ въ нужное время, на уплату податей, на покупку лошади, сѣменъ, недостающаго хлѣба, а сельскому хозяину выгодно дать задатокъ чтобы заранѣе запастись рабочими и понизить рабочую плату. Задатокъ, какъ ссуда подъ залогъ будущаго труда, подчиняется, конечно, въ экономическомъ отношеніи общему закону ссудъ и можетъ быть иногда очень невыгоденъ для рабочаго. Мы высказались за ограниченіе размѣровъ задатка, но должны сознаться что противъ невыгодныхъ условій ссудъ трудно бороться посредствомъ регламентаціи. Вѣрнѣйшія средства для борьбы противъ нихъ заключаются въ развитіи мелкаго кредита, промысловъ, образованія и пр. Впрочемъ, надо сказать и то что ссуды, въ видѣ задатка подъ трудъ, во всякомъ случаѣ выгоднѣе для рабочаго чѣмъ займы у деревенскихъ ростовщиковъ.

Иное дѣло юридическая сторона вопроса. Съ этой стороны, отнюдь не желательно чтобы договоръ о наймѣ сопровождался ссудой подъ залогъ труда, чтобы запродажа труда была необходимостью, а между тѣмъ теперешній порядокъ приводитъ къ такой необходимости. Было бы нелѣпостію изо всѣхъ условій договора выдвигать на первый планъ задатокъ какъ обязательную для обѣихъ сторонъ ссуду подъ трудъ, а у насъ такъ это сдѣлалось. Центръ тяжести договора лежитъ теперь на задаткѣ, и мы видимъ какія отъ того происходятъ послѣдствія. Что дѣлается посредствомъ этихъ обязательныхъ ссудъ подъ трудъ при наймѣ землекоповъ, бурлаковъ, сельскихъ рабочихъ издалека? По кабакамъ, за стаканами вина, закрѣпляются договоры о личномъ наймѣ безъ точнаго опредѣленія ихъ условій, и напявшіеся ра-

бочіе возвращаются съ работъ почти безъ гроша. Задатокъ соблазнителенъ для рабочаго, и теперешняя обязательность этого соблазна ведетъ къ тому что съ одной стороны рабочій продешевитъ свой трудъ, даже не опредѣлитъ точно его условій, а съ другой онъ хватается за задатокъ въ надеждѣ уклониться отъ его послѣдствій и часто жестоко попадается. Когда вся сила договора перенесена на задатокъ, у эксплуаторовъ не можетъ не являться желаніе увеличивать задатокъ, и потому мы видимъ у насъ безсмысленное въ экономическомъ отношеніи явленіе: задатки равные всей платѣ за работу, да еще выдаваемые за годъ впередъ. Понятно каковы при такихъ условіяхъ становятся размѣры заработной платы, и каковъ трудъ работника въ такомъ случаѣ. Это уже не договоръ на трудъ, это закабаленіе труда. Эту-то юридическую сторону задатковъ съ ея послѣдствіями мы имѣли въ виду бросивъ нѣсколько словъ о томъ въ передовой статьѣ 23 № *Моск. Вѣд.*

Со введеніемъ обязательной рабочей книжки обязательность задатка уничтожается, и онъ переходитъ въ разрядъ простыхъ экономическихъ явленій. Договоръ о наймѣ чрезъ передачу рабочей книжки можетъ быть заключенъ одинаково съ задаткомъ и безъ задатка, но онъ будетъ заключенъ на ясныхъ и опредѣленныхъ условіяхъ, которыхъ нѣтъ и не можетъ быть при заключеніи договора чрезъ передачу паспорта. Сила экономическихъ условій вынуждающая рабочихъ прибѣгать къ ссудѣ подъ будущій трудъ бываетъ иногда очень велика, но нельзя не надѣяться что лучшая форма обезпеченія договора поведетъ къ улучшенію условій самыхъ ссудъ. Ярче выступитъ для рабочаго соблазнъ этихъ ссудъ, и осторожнѣе возьметъ онъ задатокъ зная что договоръ о наймѣ прочно закрѣпленъ рабочею книжкой и долженъ быть исполненъ.

Коммиссія по вопросу о личномъ наймѣ, работавшая подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Игнатьева, отнеслась къ вопросу о рабочихъ книжкахъ полемически, и такое отношеніе къ дѣлу не прекращается до сихъ поръ. Нѣкоторые сторонники обязательныхъ рабочихъ книжекъ видѣли въ нихъ не столько лучшую, наиболѣе опредѣленную форму договоровъ о наймѣ, сколько средство избѣгнуть переманиванья рабочихъ и удобство ихъ аттестаціи. Коммиссія съ жаромъ возстала противъ этихъ мнѣній. Она находила что паспорты достаточно гарантируютъ хозяевъ отъ переманиванья рабочихъ. Въ запискѣ коммиссіи читаемъ:

„Наниматель, если только онъ съ своей стороны исполнилъ законъ — запасся при самомъ заключеніи найма паспортами рабочихъ, вовсе не находится въ томъ положеніи что дѣйствительно лишенъ всякихъ средствъ для защиты своихъ правъ въ случаѣ ухода рабочихъ—вопервыхъ, онъ можетъ обратиться къ содѣйствію полиціи, для задержанія рабочихъ, и если не получитъ этого содѣйствія, то причина сему уже не законъ о личномъ наймѣ, а неисправность полиціи, или, по крайней мѣрѣ, дурная ея организація, что и требуетъ исправленія. Затѣмъ, вовторыхъ, если фактъ ухода успѣлъ уже совершиться, то наниматель обращается къ суду и требуетъ вознагражденія не только съ нарушившихъ договоръ рабочихъ, но и съ лица нанявшаго ихъ безъ паспортовъ, каковое обстоятельство, примѣняясь къ ст. 1.352 Улож. о Наказ., можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ принятія завѣдомо чужихъ рабочихъ, такъ какъ законъ (2.204 т. X Свод. Зак. Гражд. ч. 1) обязываетъ не нанимать людей безъ паспортовъ. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе что и въ такомъ положеніи дѣла, то-есть когда фактъ ухода уже совершился, наниматель въ правѣ ожидать законнаго содѣйствія со стороны полиціи той мѣстности куда отправились его рабочіе, какъ для того чтобъ она воспрепятствовала пребыванію ихъ въ районѣ ея вѣдѣнія какъ людей безпаспортныхъ, такъ и для открытія нанимателя принявшаго ихъ. Введеніе обязательной рабочей книжки нисколько не измѣнило бы нынѣшняго положенія дѣла: рабочій бѣгущій отъ своего паспорта побѣжитъ и отъ своей рабочей книжки; находя возможнымъ жить безъ паспорта, онъ найдетъ возможнымъ жить и безъ книжки, и ни отысканіе его, ни задержаніе нисколько введеніемъ обязательной книжки не облегчится. Съ другой стороны, наниматель, который не стѣсняется нынѣ принимать къ себѣ людей безпаспортныхъ (вопреки положительному воспрещенію закона) и даже переманивать такихъ рабочихъ, точно также не стѣснится принять и переманить рабочихъ безъ книжекъ. Тогда, какъ и теперь, будетъ одинаково

трудно или легко отыскать его и преслѣдовать за недобросовѣстность; ибо, если по возвращеніи на родину, рабочіе, которыхъ онъ держалъ у себя безъ книжки, захотятъ скрыть или указать своего передержателя, точно также они скроютъ или укажутъ того кто держалъ ихъ безъ паспортовъ. Хлопоты и переписки для потерпѣвшаго нанимателя какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ будутъ тѣ же, — одинаково успѣшны или безплодны.“

Къ совершенно инымъ выводамъ пришла бы коммиссія если бы прямо сравнила степень ясности, опредѣленности и твердости договора заключеннаго чрезъ передачу рабочей книжки съ договоромъ закрѣпленнымъ посредствомъ задатка и передачи паспорта. Разница тутъ такъ очевидна что нѣтъ надобности о ней распространяться.

Еще сильнѣе возстала коммиссія противъ аттестаціи въ рабочихъ книжкахъ, которая и устранена въ новыхъ проектахъ. Коммиссія находила что право аттестаціи приведетъ къ неравноправности сторонъ, чуть ли не создастъ два раздѣленныя пропастью сословія: аттестующихъ и аттестуемыхъ. Всѣ возраженія коммиссіи относятся впрочемъ къ самому праву аттестацій, а не къ рабочимъ книжкамъ.

Противъ обязательности рабочихъ книжекъ возражаютъ еще потому что приписываютъ совершенно преувеличенное значеніе ихъ крѣпости. Иные полагаютъ что передача рабочей книжки до такой степени окончательно закрѣпляетъ договоръ что затѣмъ противъ него ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сдѣлано возраженій, хотя бы заключеніе договора сопровождалось обманомъ или мошенничествомъ. Но никто и не думаетъ придавать такой безповоротной силы рабочимъ книжкамъ, дѣлать ихъ своего рода векселемъ, противъ котораго допускается споръ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Напротивъ, при обязательныхъ рабочихъ книжкахъ судъ удобнѣе можетъ обнаружить всѣ тѣ продѣлки которыя по закону, должны разрушать силу договора, или принять во вниманіе цѣлый рядъ обстоятельствъ при которыхъ договоръ по закону можетъ быть уничтоженъ.

Б.

Вражда нѣкоторыхъ кружковъ къ совершившимся въ Россіи учебнымъ преобразованіямъ не знаетъ усталости и не стѣсняется въ средствахъ. Отбитая съ одной стороны, она заходитъ съ другой; разъ обманувшись въ своихъ разчетахъ на легковѣріе публики, она все-таки не перестаетъ спекулировать на предполагаемую ею глупость публики. Когда готовилась учебная реформа, недоброжелатели ея истощались въ увѣреніяхъ что она идетъ наперекоръ потребностямъ русскаго общества и навязывается ему насильно. Когда восторженный пріемъ оказанный министру народнаго просвѣщенія въ южной Россіи показалъ что общество признаетъ пользу реформы, недоброжелатели занялись внушеніями что эти манифестаціи были искусственны. Когда очевидность факта сдѣлала и эту тему невозможною, недоброжелатели попытались сослаться на прежнее офиціально-засвидѣтельствованное равнодушіе общества къ вопросу, придающее его теперешнему сочувствію будто бы сомнительное значеніе. Когда недавнія историческія всѣмъ памятныя событія, примѣръ Польскаго вопроса, наглядно показывающій способность общества разомъ выходить изъ апатіи, когда этотъ примѣръ сбилъ ихъ съ позиціи, на которой, мнилось имъ, они прочно засѣли, недоброжелатели прибѣгнули къ новымъ ухищреніямъ. Кишиневское общество было однимъ изъ тѣхъ русскихъ обществъ, которыя, во время недавней поѣздки министра народнаго просвѣщенія по нѣкоторымъ учебнымъ округамъ, съ горячимъ сочувствіемъ привѣтствовали, въ лицѣ министра заботы Монарха о дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Но вотъ, Кишиневское земское собраніе отказало мѣстной *женской* гимназіи въ отпускѣ относительно небольшой суммы, 1.380 р. с., на преподаваніе латинскаго языка, и этотъ отказъ повелъ къ соображеніямъ о некомпетентности засѣдавшихъ въ собраніи гласныхъ по педагогическимъ вопросамъ. Тутъ недоброжелатели реформы опять явились на сцену, воображая кого-то уловить въ какомъ-то противорѣчіи и тѣмъ подорвать значеніе столь непріятно поразившаго ихъ факта общественнаго сочувствія дѣлу преобразованія. Кишиневскіе гласные, разсуждаютъ они, признаются некомпетентными для обсужденія вопроса о преподаваніи „двумъ или тремъ“ ученицамъ латинскаго языка: какимъ же образомъ считать ихъ компетентными судьями когда дѣло идетъ о цѣлой системѣ преподаванія? Если несостоятельно мнѣніе земства о педагогическихъ вопросахъ вы-

раженное въ собраніи, то несостоятельно де и мнѣніе его выраженное во время пріема министра народнаго просвѣщенія: слѣдовательно выказанному обществомъ сочувствію учебной реформѣ не должно придавать никакого значенія...

Какая непристойная игра словами! *Земство*, дѣйствительно, не компетентно въ педагогическихъ вопросахъ: не компетентно по закону опредѣлившему для его дѣятельности сферу исключительно мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ; не компетентно по самому своему составу, слагающемуся изъ элементовъ между которыми полуграмотность или даже безграмотность есть не рѣдкое явленіе и которые легко бываютъ слѣпыми орудіями скрывающихся за кулисами „мудрецовъ.“ Хороши бы мы были, хорошо было бы положеніе учебнаго дѣла въ Россіи если бы допущено было вліяніе на него „темныхъ людей,“ какъ иногда величаютъ себя сами же гласные извѣстнаго умственнаго уровня, не рѣдко составляющіе однако въ собраніи большинство, послушно слѣдующее за умѣлымъ коноводомъ. Сужденія земства, внѣ предоставленныхъ его вѣдѣнію мостовъ, дорогъ и тому подобныхъ перечисленныхъ въ законѣ предметовъ, не имѣетъ и не должно имѣть значенія.

Но не земское собраніе, а *общество* привѣтствовало учебную реформу въ поѣздку министра народнаго просвѣщенія по округамъ,—совокупность мыслящихъ и вліятельныхъ въ своемъ кругу людей всякаго сословія, представляющихъ то что называется общественнымъ мнѣніемъ... И это общественное мнѣніе не впало въ противорѣчіе съ самимъ собою; напротивъ, какъ въ поѣздку министра народнаго просвѣщенія, оно также заявило себя и въ земскомъ Кишиневскомъ эпизодѣ, который пробуютъ эксплуатировать враги учебной реформы. Еслибъ эти недоброжелатели добросовѣстно относились къ предмету своей слишкомъ понятной со стороны такихъ „дѣятелей“ антипатіи, они не злоупотребляли бы словами по поводу Кишиневской балотировки, а отмѣтили бы въ ней слѣдующее обстоятельство, заключающее въ себѣ „le morale de la fable:“ большинство кишиневскихъ *гласныхъ*, которыхъ всего *сорокъ*, учинило „пронунсіаменто“ противъ латинскаго языка: а *шестьдесятъ четыре отца семейства* по желанію которыхъ преподаваніе его введено было въ женскую гимназію, въ заботѣ о своихъ дѣтяхъ высказались за него самымъ рѣшительнымъ образомъ, признавъ его полезнымъ даже для дочерей своихъ...

Но недоброжелатели реформы умалчиваютъ объ этомъ фактѣ, и стараются умалить его упоминаніемъ о „двухъ, трехъ ученицахъ.“ Такова ихъ правдивость.

№ 32.

Москва, 3-го февраля.

Полный текстъ ноты графа Андраши, наконецъ, теперь извѣстенъ. Это документъ весьма умѣренный, и легко понять что онъ немедленно встрѣтилъ общее одобреніе державъ. Неудивительно также что при этой общей поддержкѣ, онъ былъ принятъ Портой, тѣмъ болѣе что онъ обнаруживаетъ весьма заботливое вниманіе къ достоинству султана и авторитету его власти. Но изъ полнаго содержанія этой ноты, которой придано долгими переговорами о ней такое громкое значеніе, болѣе чѣмъ когда-либо становится очевиднымъ что державы сдѣлали бы величайшую ошибку еслибы стали смотрѣть на результатъ принятія этой ноты Портой какъ на вѣнецъ своихъ благонамѣренныхъ стараній.

Слѣдующій шагъ намѣченъ въ самой нотѣ. Она невольно наводитъ на мысль о томъ чѣмъ предстоитъ дополнить ее. Пять заключающихся въ ней требованій уже прежде были переданы намъ по телеграфу, и мы тогда же высказали о нихъ свое мнѣніе. Это мнѣніе, при знакомствѣ съ полнымъ текстомъ, мало въ чемъ измѣнилось. Правда, каждая изъ требуемыхъ реформъ трактуется обстоятельно, и въ этомъ отношеніи нота существенно отличается отъ послѣдняго султанскаго фирмана. „Но истинныя затрудненія,“ какъ вѣрно замѣтила газета *Times*, „начнутся лишь съ попыткой примѣнить эти реформы.“ Въ этомъ отношеніи австрійская нота не касается главнаго и единственно возможнаго условія для умиротворенія—необходимой перемѣны въ самой системѣ управленія Босніи, въ особенности Герцеговины, такъ какъ въ этой послѣдней провинціи мусульманскій элементъ совершенно незначителенъ.

Никто не станетъ спорить что всѣ эти реформы, еслибъ онѣ могли быть практи-

чески осуществлены на всемъ пространствѣ Турецкой имперіи, совершенно измѣнили бы положеніе дѣлъ въ ней. То же самое было бы результатомъ исполненія и всѣхъ султанскихъ декретовъ, хотя въ нихъ провозглашены лишь общіе принципы. Тогда грозный Восточный вопросъ разрѣшился бы самъ собой. Турція перестала бы быть Турціей, хотя султанъ и могъ бы остаться султаномъ. Мусульманская система, не допускающая правъ для христіанъ, рушилась бы сама собой, и замѣнилась бы инымъ порядкомъ, въ которомъ христіанскій элементъ имперіи вступилъ бы въ свои права, а такъ какъ Турки въ имперіи, по крайней мѣрѣ въ европейской ея части, составляютъ незначительное меньшинство, то характеръ управленія при такой перемѣнѣ долженъ былъ бы совершенно преобразиться. Переворотъ громадный, но въ силу вещей онъ совершается постепенно, и Восточный вопросъ разрѣшается по частямъ. Даже нынѣшняя Турція, при всемъ ея безотрадномъ состояніи, когда отъ нея отрекаются даже ея ревнители и друзья, не та что была въ прошедшемъ столѣтіи, не та что была при началѣ настоящаго, не та что была предъ Крымскою войной. Историческая судьба влечетъ ее все далѣе по тому же пути постепеннаго развитія иного порядка на Балканскомъ полуостровѣ. И теперь требуется рѣшить Восточный вопросъ не во всемъ его объемѣ, а только въ тѣхъ провинціяхъ которыя стали предметомъ заботливости державъ.

На единственное возможное разрѣшеніе Герцеговинскаго затрудненія мы уже указывали много разъ. Оно заключается въ освобожденіи отъ общей турецкой администраціи, въ мѣстномъ самоуправленіи. Общіе принципы провозглашавшіеся въ султанскихъ фирманахъ не могли войти въ жизнь. Этотъ общепризнанный фактъ и потребовалъ болѣе прямаго указанія требуемыхъ нотой графа Андраши реформъ. Но какъ довѣрить самой же турецкой администраціи исполненіе этихъ реформъ? Какъ внушить христіанскимъ жителямъ убѣжденіе что *эти* реформы будутъ лучше исполнены чѣмъ прежнія обѣщанія султана? Сама же нота признаетъ что довѣріе христіанъ къ турецкимъ властямъ поколеблено, и требуетъ чтобъ Порта офиціально объявила державамъ о принятіи ею упомянутыхъ въ нотѣ пунктовъ, имѣющихъ цѣлью умиротвореніе возставшихъ провинцій.

Нота прибавляетъ: „Нѣтъ сомнѣнія что „этимъ путемъ христіане не получатъ тѣхъ „гарантій коихъ они теперь повидимому до„биваются, но они найдутъ относительное „обезпеченіе уже въ томъ фактѣ что да„рованныя реформы будутъ признаны въ „качествѣ необходимыхъ державами, и что „Порта обяжется предъ лицомъ Европы „исполнить ихъ.“

Но одно изъ двухъ: или это обязательство Порты будетъ такое же бумажное какъ и прежніе декреты султана, или же ручательство за исполненіе ихъ перейдетъ на державы, и въ такомъ случаѣ онѣ примутъ на себя вовсе не легкую обязанность. Въ какое отношеніе поставятъ онѣ себя къ инсургентамъ? Общее убѣжденіе, повидимому таково что едва ли они положатъ оружіе единственно вслѣдствіе обнародованія ноты графа Андраши. Дѣйствительно, при ожесточеніи до какого дошла борьба, трудно ожидать этого пока турецкія войска будутъ оставаться въ возмущенныхъ провинціяхъ для возстановленія порядка. Войска эти до сихъ поръ не могли подавить возстаніе, но если инсургенты изъявятъ покорность и положатъ оружіе, то войска останутся побѣдителями, и кто оградитъ несчастное обезоруженное населеніе отъ жестокой мести? Нашимъ читателямъ извѣстно какія зловѣщія сомнѣнія высказалъ лордъ Россель, бывшій нѣкогда самъ ревностнымъ защитникомъ *statu quo* Турціи. Невозможность требовать покорности отъ инсургентовъ на основаніи однихъ обѣщаній понимается всѣми. Объ этой невозможности свидѣтельствуетъ берлинская *National-Zeitung*. То же высказано и англійскою печатью. „Нельзя ожидать,“ говоритъ *Times*, „чтобъ инсурген„ты положили оружіе пока они не полу„чатъ какой-либо хорошей гарантіи что „заступающіяся державы не допустятъ Пор„ту возвратиться къ прежнимъ обычаямъ; „и не можетъ Австрія потребовать чтобъ „они прекратили борьбу пока она не пріобрѣтетъ средства оградить ихъ на бу„дущее время отъ дурнаго управленія... „Даже еслибы Черногорцы покинули ин„сургентовъ и возстаніе было бы подав„лено, самая трудная работа Австріи толь„ко тогда начнется, ибо она не можетъ до„пустить чтобы Герцеговина осталась гнѣз„домъ революціи. Ея нота не можетъ быть „приведена въ исполненіе безъ перемѣще„нія власти.“ Другая лондонская газета,

Daily News, находитъ что рекомендаціи великихъ державъ таковы что въ нихъ выражается признаніе невозможности исполнить ихъ. „Еслибы Турція имѣла силу сдѣ„лать то чего отъ нея требуютъ, то она „не была бы такъ слаба чтобы подчинить„ся давленію. Но истинная цѣль ноты Ан„драши, преній ей предшествовавшихъ и „имѣющихъ послѣдовать обѣщаній и по„пытокъ реформъ, весьма очевидна. Это „передача отъ Турціи къ Австріи обязан„ности подавить возстаніе въ Герцеговинѣ „и поручить ей эту обязанность нѣкото„рымъ образомъ съ утвержденія Европы. „Вѣроятно, мы скоро услышимъ объ ав„стрійскомъ занятіи возмущенныхъ паша„лыковъ.“ Итакъ, англійская печать ожидаетъ что Австрія возьметъ на себя умиротвореніе Босніи и Герцеговины... Но, сколько извѣстно, австрійское правительство до сихъ поръ, и весьма разумно, отрекалось отъ намѣренія занять эти провинціи... Это имѣло бы видъ односторонняго вмѣшательства, и вызвало бы серіозныя компликаціи. Конечно, возможно было бы совмѣстное вмѣшательство двухъ державъ; напримѣръ, временное занятіе провинцій австрійскими и русскими войсками. Но задача державъ и при этомъ не облегчилась бы. Могли ли бы онѣ послѣ того возвратить Турціи эти провинціи не организовавъ въ нихъ самостоятельнаго управленія и не возрасли бы при этомъ требованія инсургентовъ? Иначе мы не можемъ себѣ представить какимъ образомъ державы будутъ имѣть надзоръ надъ всѣми подробностями въ исполненіи обязанностей принимаемыхъ предъ ними Портой. Какія безконечныя пререканія могутъ возникнуть отъ неизбѣжныхъ жалобъ на неисполненіе то тѣхъ то другихъ пунктовъ программы графа Андраши?

Какую же гарантію находимъ мы въ нотѣ? Ничего, кромѣ смѣшанной коммиссіи изъ нотаблей, па половину христіанъ и магометанъ, для надзора за исполненіемъ реформъ. Но что можетъ значить это учрежденіе когда турецкія войска будутъ оставаться въ провинціяхъ?

Положеніе, однако, намъ не кажется безвыходнымъ, и исходъ изъ него долженъ быть все тотъ же какой представлялся намъ еще прошедшею осень. Скала о которую разбиваются всѣ попытки серіозныхъ реформъ Турціи есть неравноправность господствующаго мусульманскаго меньшинства и численно преобладающихъ христіанъ. Эта неравноправность можетъ быть устранена только при самоуправленіи провинцій. Постепенное развитіе автономіи провинцій Турецкой имперіи есть постепенное естественное разрѣшеніе Восточнаго вопроса. Было бы, конечно, желательно распространить ее на всѣ, по крайней мѣрѣ европейскія, провинціи имперіи, но пока это станетъ возможно, настоятельно требуется примѣнять этотъ принципъ къ возставшимъ провинціямъ. Турецкія власти никогда не признаютъ равноправности на дѣлѣ, а при автономіи же, равноправность неизбѣжно установится сама собой. Въ какой мѣрѣ можетъ быть предоставлено провинціямъ самоуправленіе,—это другой вопросъ который и слѣдуетъ безотлагательно обсудить. Нѣтъ непремѣнной надобности установлять въ Босніи и Герцеговинѣ такую же полную государственную автономію какъ въ Сербіи и Румыніи; связь провинцій съ имперіей можетъ остаться болѣе тѣсною; пусть будетъ для нихъ обязательно общее законодательство имперіи, поскольку оно не будетъ нарушать ихъ внутренняго самоуправленія; онѣ могутъ платить правительству султана не просто дань, а опредѣленную часть государственныхъ доходовъ на нихъ причитающуюся. Но управленіе провинціями должно быть предоставлено самимъ населеніямъ. Первымъ условіемъ, конечно, должно быть удаленіе изъ провинцій турецкихъ войскъ, элемента пришлаго, чуждаго краю и поддерживающаго силой ненормальныя отношенія между мусульманами и христіанами. Съ удаленіемъ ихъ, между обѣими частями населенія не замедлятъ установиться отношенія болѣе правильныя. Тогда религіозная свобода перестанетъ быть фикціей. Исламъ, лишенный опоры войска, не будетъ болѣе символомъ силы: во всемъ что касается религіи, можетъ быть предоставлена полная взаимная независимость христіанамъ и магометанамъ; тѣ и другіе будутъ имѣть свои храмы, свои школы, и сами будутъ о нихъ заботиться. Обѣ части населенія будутъ участвовать въ выборѣ властей, въ организаціи вооруженной силы, безразлично изъ христіанъ и мусульманъ, для охраненія порядка и безопасности. Теперь эти населенія взялись за оружіе противъ угнетенія. При дарованіи же административной автономіи, они сохранили бы это оружіе какъ подданные

султана, для охраненія порядка, въ своемъ краѣ, въ качествѣ мѣстной милиціи. Мусульманамъ съ удаленіемъ турецкихъ войскъ опасаться нечего. Мусульманское населеніе въ Босніи одного племени съ христіанскимъ, и извѣстно что многіе мусульмане сражаются въ рядахъ инсургентовъ.

Дипломатія сдѣлала важный шагъ придя къ соглашенію о неизбѣжности вмѣшательства. Теперь ей остается сдѣлать дальнѣйшій шагъ, и обратиться къ Портѣ съ приглашеніемъ вывести войска изъ возмущенныхъ провинцій.

№ 33.

Москва, 4-го февраля.

Недавно обнародованный, Высочайше утвержденный докладъ министра государственныхъ имуществъ объ установленіи премій за лѣсоразведеніе напомнилъ объ этомъ не сходящемъ съ очереди вопросѣ. Новоучрежденныя преміи, состоящія изъ денежныхъ суммъ и серебряныхъ и золотыхъ медалей, правда, нисколько не рѣшаютъ вопроса; но нельзя не порадоваться имъ, ибо все же онѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, будутъ поощрять къ разведенію лѣсовъ какъ на крестьянскихъ земляхъ, такъ и на земляхъ помѣщичьихъ. Во всякомъ случаѣ, сдѣланъ, хотя и небольшой, шагъ впередъ. Остается пожелать чтобъ этотъ шагъ не остался надолго мѣрою одинокою, не сопровождаемою рядомъ другихъ мѣръ, которыя лишь въ общей связи могутъ получить должное значеніе. Бо́льшая часть учреждаемыхъ премій назначаются для южныхъ губерній. Къ этимъ же мѣстностямъ должны быть, по преимуществу, пріурочиваемы и дальнѣйшія мѣры; ибо настоятельная нужда въ разведеніи лѣсовъ чувствуется съ особенною силой именно на югѣ Россіи. Нашъ югъ, назначенный самою природой по богатству своего чернозема служить житницей не только Россіи но и Европы, почти ежегодно поражается неурожаями, пріобрѣтающими тамъ роковую осѣдлость. Послѣ цѣлаго ряда годовъ отмѣченныхъ большими недоборами посѣвовъ, и прошлый годъ далъ здѣсь самый плохой урожай. Несостоятельность крестьянскаго населенія южной Россіи прокормить себя, недостатокъ въ средствахъ обсѣменить поля, недоимки податей, долги земству, долги частные, вслѣдствіе того повсюдное разстройство хозяйства, попытки лучшихъ сельскихъ хозяевъ края, колонистовъ, къ выселенію, вотъ недобрыя знаменія для южнаго края. Необходимость облѣсенія и орошенія теоретически сознана всѣми. Объ этомъ твердятъ на разные лады и южнорусскія земства, и сельскохозяйственные съѣзды, и корреспонденты. Мы получаемъ съ разныхъ сторонъ письма то объ огражденіи небольшихъ остатковъ лѣса отъ конечнаго истребленія, то о введеніи обязательнаго лѣсоразведенія, то о расчисткѣ и углубленіи рѣчныхъ руслъ, то о прежнихъ планахъ облѣсенія Екатеринославской губерніи. Дѣло впрочемъ не останавливается на теоретическомъ вопросѣ. Давнымъ давно образовалось общество для искусственнаго орошенія южнаго края, ходатайствующее о разрѣшеніи открыть дѣйствія. Въ *Херсонскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* по временамъ появляются объявленія благодарности крестьянамъ за обязательство покрыть насажденіями большій или меньшій участокъ земли или посадить деревья вокругъ своихъ домовъ. Само правительство уже производитъ разслѣдованіе, особенно въ Екатеринославской губерніи, касательно лѣсоразведенія и орошенія полей. Въ видахъ поддержанія влаги на Крымскомъ полуостровѣ, возбужденъ вопросъ о принятіи энергическихъ мѣръ для сохраненія и возобновленія лѣсовъ по сѣверному скату таврическихъ горъ, откуда текутъ всѣ рѣки и ручьи. Въ числѣ этихъ мѣръ, между прочимъ, предполагается: а) запрещеніе пастьбы скота въ лѣсахъ, и б) постепенный переходъ частныхъ лѣсовъ въ казну. Что касается степной части Крыма, то тамъ проектируется обязательная посадка деревьевъ у каждаго селенія и у каждаго жилья, подобно тому какъ это дѣлается съ особеннымъ успѣхомъ въ сѣверныхъ нѣмецкихъ колоніяхъ Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ. Предполагается также заняться разведеніемъ лѣсовъ по направленію балокъ и близь запрудъ.

Все это показываетъ что дѣло столь важное для края, обѣщающее ему такъ много выгодъ, не замерло и будитъ мысль тѣхъ кто въ немъ заинтересованъ, подталкиваетъ ихъ къ разнаго рода попыткамъ. Но много ли подвигается оно впередъ этими попытками?

Херсонское земство, ежегодно затрачивающее весьма почтенные продовольствен-

ные капиталы какъ свои, такъ и правительственные, на помощь населеніямъ въ прокормленіи и засѣваніи полей, правда, заслуживаетъ похвалы за то что возбуждаетъ и поддерживаетъ вопросъ о лѣсоразведеніи въ краѣ. Но намъ кажется что оно отчасти и замедляетъ его своими ходатайствами о предоставленіи всего этого обширнаго и труднаго дѣла въ свои слабыя руки. Это неотложное дѣло не вышло еще изъ сферы проектовъ и начальныхъ потугъ сдѣлать что-нибудь, и частію именно потому что земскія предположенія во многомъ уклоняются въ область неосуществимаго. Въ отвѣтъ на ходатайства земства объ этомъ предметѣ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, какъ значится въ земскомъ отчетѣ Херсонской губернской земской управы по исполненію постановленія земскаго собранія за 1874—75 годъ, отозвалось слѣдующимъ образомъ: „Дѣло облѣсенія нуждающихся въ этомъ „мѣстностей, въ томъ числѣ и Херсонской „губерніи, начато уже Министерствомъ Го„сударственныхъ Имуществъ, и Министер„ство это разчитываетъ на содѣйствіе со „стороны земства какъ представителя мѣ„стныхъ хозяйственныхъ интересовъ. Един„ство въ направленіи и веденіи этого дѣла „въ разныхъ губерніяхъ требуетъ чтобъ „оно находилось въ рукахъ правительства, „а потому едва ли цѣлесообразно было бы „организацію этого дѣла предоставить не„посредственно земству при участіи лишь „правительства, какъ ходатайствуетъ о „томъ Херсонское земское собраніе. Во„просъ о предоставленіи Херсонскому зем„ству права изданія обязательныхъ поста„новленій по лѣсоразведенію съ установ„леніемъ повинности натуральной или де„нежной по облѣсенію принятъ въ сообра„женіе Министерствомъ Государственныхъ „Имуществъ. Этотъ вопросъ тѣсно связанъ „съ общимъ вопросомъ о предоставленіи „подобнаго права земскимъ учрежденіямъ „другихъ губерній и по другимъ также от„раслямъ ихъ вѣдѣнія, а потому разрѣ„шеніе частнаго вопроса, возбужденнаго „Херсонскимъ земствомъ, будетъ зависѣть „отъ того направленія какое приметъ оз„наченный общій вопросъ. Что же касает„ся до ходатайства земства о ежегодномъ „ассигнованіи въ его распоряженіе капи„таловъ, которые правительство назначило „бы въ его распоряженіе, то это ходатай„ство едва ли можетъ подлежать удовле„творенію, ибо оно не соотвѣтствуетъ при„нятому въ дѣлѣ облѣсенія плану дѣй„ствій—по инціативѣ и подъ непосред„ственнымъ наблюденіемъ правительства. „Равнымъ образомъ, не соотвѣтствовало „бы принятому въ этомъ дѣлѣ правитель„ствомъ плану и ходатайство земства о „предоставленіи ему тѣхъ земель которыя „были бы назначены правительствомъ для „облѣсенія, а также лѣсничихъ и такса„торовъ. Затѣмъ предоставленіе земству „права подвергать обязательному отчуж„денію для облѣсенія земли частныхъ вла„дѣльцевъ не соотвѣтствуетъ законамъ объ „отчужденіи земель въ видахъ обществен„ной пользы (ст. 576, т. X, ч. 1). По„добнаго же рода вопросъ составляетъ хо„датайство земства о передачѣ въ его рас„поряженіе на дѣло лѣсоразведенія 150.000 „руб. изъ капитала сельской промышлен„ности.“ (Херсонское земск. собр., № 9, 1875 г.)

Такъ рѣшительно были отклонены правительствомъ всѣ основанія принятаго земствомъ плана лѣсоразведенія, и офиціально объявлено что Министерство желаетъ удержать за собою инициативу и руководство въ этомъ дѣлѣ. Это совершенно естественно, и иначе не могло быть. Еще прежде чѣмъ стали извѣстны отвѣты Министерства Государственныхъ Имуществъ, мы говорили что земство не имѣетъ своихъ земель для облѣсенія, у него нѣтъ ни денежныхъ средствъ на это, ни техническихъ институтовъ, ни правъ издавать относительно означеннаго предмета общеобязательныя постановленія, что едва ли есть резонъ вооружать земства такими средствами и правами которыя не условлены ихъ организаціей и чужды ей, что земскія собранія, собирающіяся на короткое время и состоящія изъ лицъ большею частію некомпетентныхъ въ такомъ спеціальномъ дѣлѣ, едва ли въ силахъ обсудить основанія и планы лѣсоразведенія, а управы, сколько ни придавайте имъ техниковъ, обремененныя другими отраслями земскаго хозяйства, едва ли могутъ практически съ успѣхомъ вести это дѣло. И странно было бы еслибы Министерство Государственныхъ Имуществъ, издавна занимающееся обширнымъ государственнымъ лѣснымъ хозяйствомъ, передало юному земскому учрежденію всѣ свои средства къ этому дѣлу, видя ручательство за успѣшность ихъ примѣненія только въ томъ что

земство сильно желаетъ облѣсенія края и имѣетъ своимъ предметомъ мѣстныя хозяйственныя пользы и нужды. Самая громадность дѣла, его сложность подавятъ своею тяжестью непривычное къ нему земство. Конечно, оно не должно оставаться въ сторонѣ отъ этого дѣла; но его обязанности могутъ состоять лишь въ устройствѣ питомниковъ, безплатной раздачѣ саженцевъ, выдаваніи ссудъ на лѣсоразведеніе, въ преміяхъ за удачные опыты, въ освобожденіи лѣсныхъ мѣстностей отъ земскаго обложенія и т. п. Итакъ, если въ общемъ планѣ лѣсоразведенія на югѣ содѣйствіе мѣстныхъ земствъ должно быть принято въ разчетъ, то лишь какъ одинъ изъ элементовъ обширнаго дѣла. Имѣя въ виду веденіе дѣла государствомъ, нельзя оставлять безъ вниманія и мѣстныя силы. Равнымъ образомъ, должно озаботиться привлеченіемъ къ нему и частныхъ землевладѣльцевъ. Но, въ виду почти повсемѣстнаго разстройства сельскаго хозяйства на югѣ и безсилія даже крупныхъ землевладѣльцевъ затрачивать капиталы на лѣсоразведеніе, возвращающее ихъ чрезъ очень продолжительное время желательно чтобы землевладѣльцамъ выдавались долгосрочныя ссуды именно на этотъ предметъ.

Но теперь уже изъ всего теченія дѣла становится яснымъ что мѣстныя силы и средства, сколько бы ни напрягать ихъ, сами по себѣ недостаточны для того чтобы произвести что-нибудь важное и обезпечивающее край по части лѣсоразведенія. Правительство объявило что это дѣло будетъ идти по его инииціативѣ и подъ его руководствомъ. Слѣдуетъ теперь желать скорѣйшаго изслѣдованія нашего юга въ означенномъ отношеніи, составленія полнаго плана лѣсоразведенія во всемъ этомъ краѣ, назначенія суммъ соотвѣтствующихъ и обширности и важности дѣла, и наконецъ приступа къ нему въ скорѣйшемъ времени на земляхъ государственныхъ. Затраты капитала и труда на этотъ предметъ, какъ бы ни были онѣ велики, слѣдуетъ отнести къ числу самыхъ производительныхъ, которыя окупаются сторицею. Предоставлять же слабымъ мѣстнымъ силамъ вести это дѣло превышающее ихъ, оказывая имъ скупую и слабую поддержку, значило бы затягивать и отсрочивать его, а всякая въ этомъ вопросѣ отсрочка отзовется тяжкими послѣдствіями.

№ 34.

Москва, 5-го февраля.

Засѣданіе Германскаго Рейхстага 9-го февраля ознаменовалось большою рѣчью князя Бисмарка о которой сообщено было вкратцѣ по телеграфу. Рѣчь эта въ высшей степени характеристична какъ для самого имперскаго канцлера, такъ и для тѣхъ вполнѣ своеобразныхъ парламентскихъ отношеній которыя установились въ новой Германской Имперіи, главнымъ образомъ благодаря могучей и оригинальной личности князя Бисмарка. Рѣчь эта произнесена по поводу третьяго чтенія уголовной новеллы, о которой намъ не разъ приходилось говорить. Князь Бисмаркъ не присутствовалъ въ Рейхстагѣ во все время втораго чтенія законопроекта. Извѣстно что большинство Рейхстага отвергло тѣ изъ параграфовъ этого законопроекта которые выдвинули его на первый планъ въ текущей политической жизни Германіи: Рейхстагъ не принялъ ни одного изъ проектированныхъ условій уголовныхъ наказаній за проступки политическіе, если не считать таковыми „Арнимовскаго“ и „Дюшеновскаго“ параграфовъ. Представители союзнаго правительства, въ томъ числѣ прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, горячо и энергически отстаивали наиболѣе рѣзкія изъ предложенныхъ измѣненій, и тѣмъ чувствительнѣе было „пораженіе“ которое въ этомъ случаѣ понесло правительство съ точки зрѣнія парламентской рутины. Никто не ожидалъ чтобы третье чтеніе законопроекта, которое всегда имѣетъ чисто формальный характеръ въ чемълибо существенно измѣнило рѣшеніе большинства. Появленіе князя Бисмарка въ Рейхстагѣ именно къ третьему чтенію было для всѣхъ неожиданностью. Можно было опасаться что имперскій канцлеръ желалъ довести дѣло до крайности, принявъ личное участіе въ столкновеніи правительства съ большинствомъ Рейхстага. Всѣмъ было извѣстно что князь Бисмаркъ не имѣетъ привычки ставить въ такихъ случаяхъ кабинетный вопросъ; но тѣмъ болѣе основаній было опасаться что онъ желаетъ вызвать кризисъ съ другой стороны, открыто порвавъ свои связи съ теперешнимъ либеральнымъ большинствомъ. Опасенія эти пока не оправдались. Когда очередь дошла до того параграфа новеллы въ коемъ

рѣчь идетъ объ усиленіи наказанія за распространеніе ложныхъ слуховъ подвергающихъ опасности общественное спокойствіе, а также объ установленіи болѣе тяжкаго взысканія за пропаганду соціалистскихъ ученій, то съ либеральной стороны было указано что нѣтъ надобности обсуждать этотъ параграфъ при третьемъ чтеніи, такъ какъ онъ отвергнутъ при второмъ, и никто изъ членовъ палаты не взялся вновь поддерживать его при третьемъ чтеніи. Тутъ-то и вмѣшался князь Бисмаркъ и потребовалъ чтобы пренія объ этомъ параграфѣ были допущены на томъ основаніи что законопроектъ есть правительственное предложеніе которому не можетъ быть отказано въ троекратномъ чтеніи. Нашелся депутатъ, баронъ Рабенау, который заявилъ о своемъ желаніи вновь поддержать этотъ параграфъ. Пренія были открыты, и князь Бисмаркъ попросилъ слова чтобы говорить въ защиту параграфа. Князь Бисмаркъ, дѣйствительно, началъ съ того что оспаривалъ право большинства Рейхстага навязывать правительству свои рѣшенія, и утверждалъ что отвергнутое въ одну сессію предложеніе можетъ быть возобновлено въ слѣдующія сессіи. Тутъ-то и ожидали что грозный канцлеръ объявитъ войну націоналъ-либераламъ, ожидали рѣзкаго заявленія что будущій Рейхстагъ представитъ болѣе преданное ему большинство, такъ какъ князь Бисмаркъ не разъ утверждалъ что не онъ зависитъ отъ большинства, а большинство отъ него, и что ему стóитъ только открыто отречься отъ своихъ теперешнихъ приверженцевъ, и они совсѣмъ окажутся въ меньшинствѣ при новыхъ выборахъ. Но никакихъ грозныхъ рѣчей на этотъ разъ не пришлось выслушать отъ знаменитаго канцлера. Выступивъ въ защиту отвергнутаго предложенія правительства, онъ не захотѣлъ приводить ни одного аргумента въ пользу необходимости онаго, а сталъ доказывать что уголовная кара сама по себѣ, но что есть средства бороться противъ лжи распространяемой печатью и противъ провѣдуемыхъ крайними партіями вредныхъ ученій. Пусть только всякій хорошенько мететъ предъ своею дверью. Относительно соціалистовъ онъ прямо высказалъ что по его мнѣнію не должно оставлять ихъ безъ вниманія и обходить молчаніемъ. Онъ считаетъ ошибочною тактику либеральнаго большинства Рейхстага, оставляющаго обыкновенно безъ всякихъ возраженій рѣчи ораторовъ соціалъ-демократической фракціи. Князь Бисмаркъ лично выступалъ бы съ полемикой противъ этихъ ученій еслибъ ему позволили его занятія и здоровье. Вообще онъ думаетъ что можно было бы даже распространять писанія соціалистовъ, но сопровождая ихъ возраженіями, и что этимъ путемъ, можетъ-быть, лучше всего выяснилась бы вся несостоятельность соціалистскихъ утопій, вся ихъ „преступная нелѣпость“. Большинство Рейхстага встрѣтило эти выводы имперскаго канцлера знаками живѣйшаго одобренія, и князь Бисмаркъ удовольствовался тѣмъ что большинство палаты, отвергнувшее предложеніе правительства, выразило живѣйшее сочувствіе мотивамъ вызвавшимъ это предложеніе, и нѣтъ ничего невозможнаго что въ слѣдующую же сессію правительство возобновитъ свое предложеніе, а палата приметъ его.

Въ той же рѣчи своей князь Бисмаркъ, все по поводу того же параграфа уголовной новеллы, высказалъ и много другихъ вещей которыя имѣли мало связи какъ съ этимъ параграфомъ такъ и вообще между собою. Между прочимъ, князь Бисмаркъ заговорилъ о склонности печати къ сенсаціоннымъ извѣстіямъ, и указалъ на то что въ этой склонности болѣе чѣмъ сама печать виновата читающая публика гоняющаяся за подобнымъ матеріаломъ для своего празднословія. Вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ этого зла князь Бисмаркъ считаетъ пріученіе публики интересоваться болѣе внутренними нежели внѣшними дѣлами, коимъ, по его мнѣнію, нѣмецкія газеты отводятъ слишкомъ много мѣста. Другой источникъ зла заключается, по мнѣнію князя Бисмарка, въ огромной массѣ такъ-называемыхъ „офиціозныхъ“ сообщеній наполняющихъ большія газеты. Князь Бисмаркъ объяснилъ происхожденіе этихъ офиціозныхъ корреспонденцій. Бóльшая часть ихъ проистекаетъ изъ иностранныхъ посольствъ, кои всегда охотно даютъ доступъ корреспондентамъ большихъ газетъ предлагающимъ свои услуги. Но понятно де что извѣстія проистекающія изъ посольствъ не всегда согласны съ истиной, и дипломаты часто пользуются этимъ средствомъ для своихъ одностороннихъ цѣлей. Князь Бисмаркъ изложилъ и отношенія своего правительства къ разнымъ офиціоз-

нымъ органамъ, особенно къ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. Добровольными услугами этой газеты министерство иностранныхъ дѣлъ пользовалось до по временамъ для проведенія съ публику взглядовъ согласныхъ съ видами правительства. Статьи помѣщавшіяся съ этою цѣлью обыкновенно редижировались въ министерствѣ, а въ исключительныхъ случаяхъ и самимъ княземъ Бисмаркомъ. Однако упомянутая газета оставалась до свободною и независимою въ своихъ сужденіяхъ вообще. Между тѣмъ, публика придавала каждому слову этой газеты и другихъ слывшихъ за офиціозныя такое значеніе какъ будто бы сужденія ихъ исходили непосредственно отъ правительства. Испытавъ все неудобство подобнаго порядка, князь Бисмаркъ открыто и торжественно заявляетъ теперь что „вѣдомство иностранныхъ дѣлъ“ не имѣетъ никакихъ офиціозныхъ органовъ, и что впредь правительство будетъ пользоваться, для изложенія своихъ взглядовъ, лишь *Имперскимъ Указателемъ* и *Провинціальною Корреспонденціей*.

Не особенно заботясь о строгой послѣдовательности и единствѣ содержанія своей рѣчи, князь Бисмаркъ сдѣлалъ еще одно отступленіе чтобы поговорить о миролюбіи Германской имперіи. Поводомъ къ этому послужило упоминаніе о знаменитой, появившейся весною прошлаго года статьѣ берлинской газеты *Post*, которая первая породила тогдашнюю военную панику. И этой статьѣ упорно придавали тогда офиціозный характеръ. Князь Бисмаркъ счелъ нужнымъ подробно опровергнуть это мнѣніе, доказывая что правительство Германіи, если оно дѣйствительно желало, какъ утверждали въ то время, вызвать войну, не стало бы само же бить тревогу о приближающейся катастрофѣ, какъ это сдѣлала газета *Post*. „Да и вообще,“ продолжалъ князь Бисмаркъ, „войнолюбивый министръ, еслибы таковой „находился въ средѣ правительства, не „могъ бы начать съ возвѣщенія чрезъ печать о предстоящей войнѣ: ему нужно „было бы прежде всего заручиться согласіемъ императора на мобилизацію арміи. „Безъ согласія его величества на эту мѣру, воинственный министръ ничего бы не „могъ сдѣлать. Но его величество, хотя „и велъ многія войны, велъ ихъ по необходимости, и неохотно на нихъ рѣшался. Императоръ стяжалъ въ этихъ войнахъ великую славу; но при его лѣтахъ „никому не придетъ въ голову чтобъ его „величество искалъ случая для новой войны... Представьте себѣ что я въ прошедшемъ году выступилъ бы предъ вами „съ такою рѣчью: Мы должны предпринять войну, хотя я не могу вамъ указать опредѣленнаго къ тому повода. Насъ „никто не обидѣлъ, но положеніе наше „опасно: насъ окружаютъ могущественныя „арміи, французская армія преобразуется „въ угрожающую силу, и я требую отъ „васъ займа въ 500 милліоновъ марокъ „на вооруженіе. Я думаю что у васъ явилось бы желаніе послать за врачомъ для „изслѣдованія состоянія моихъ умственныхъ способностей, ибо вы не могли бы допустить чтобъ я, послѣ столь продолжительнаго политическаго опыта, могъ совершить столь колоссальную глупость „чтобы предлагать учинить нападеніе на „нашихъ сосѣдей изъ опасенія что они „рано или поздно сами на насъ нападутъ. „Это было бы равносильно самоубійству „изъ страха предъ смертью. Нѣтъ сомнѣнія что я былъ бы немедленно уволенъ „еслибъ я вздумалъ выступить съ подобнымъ предложеніемъ предъ народомъ столь „миролюбивымъ какъ германскій. Да, германскій народъ въ высшей степени миролюбивъ пока его не задѣваютъ; намъ нечего завоевывать, нечего пріобрѣтать; „мы довольны тѣмъ что имѣемъ, и кто „приписываетъ намъ воинственные планы, „тѣ клевещутъ на насъ.“ Такими клеветами князь Бисмаркъ называетъ всѣ слухи распускавшіеся о замыслахъ Германіи на Голландію, на Балтійскія провинціи Россіи на новыя завоеванія отъ Франціи, и тому подобное. О замыслахъ на Балтійскія провинціи съ особеннымъ рвеніемъ распространяются польскія газеты которымъ, по словамъ князя Бисмарка, болѣе всего хотѣлось бы поссорить Германію съ Россіей.

Такова въ существенныхъ чертахъ рѣчь князя Бисмарка, составляющая въ Германіи важнѣйшее событіе дня. Нѣмецкія газеты всѣхъ оттѣнковъ, и либеральныя преимущественно, поспѣшили выразить удовольствіе по ея поводу. Онѣ довольны прежде всего отрицательнымъ результатомъ этой рѣчи, — тѣмъ что князь Бисмаркъ не счелъ нужнымъ поддерживать всѣмъ вѣсомъ своего авторитета отвергнутые либеральными партіями параграфы

уголовной новеллы. Но и категорическія увѣренія князя Бисмарка о мирныхъ намѣреніяхъ Германіи должны, по мнѣнію упомянутыхъ газетъ, способствовать устраненію того неувѣреннаго и тревожнаго настроенія которое поневолѣ господствуетъ надъ умами въ виду смутъ на Востокѣ.

№ 35.

Москва, 6-го февраля.

Мы получили изъ достовѣрнаго источника извѣстіе которое должно порадовать всѣхъ заинтересованныхъ въ успѣшности заграничнаго сбыта русскаго хлѣба. На этомъ сбытѣ тяжело отзывалась конкуренція американскаго хлѣба. Годъ отъ году возрастающій привозъ американскаго хлѣба въ Европу уменьшаетъ спросъ на русскій хлѣбъ по сходнымъ для насъ цѣнамъ. Не въ одной Одессѣ раздавались громкія жалобы на застой въ хлѣбной торговлѣ. Въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства также горько сѣтуютъ на то что „иностранцы перестаютъ у насъ закупать хлѣбъ,“ что собранный въ нашихъ житницахъ хлѣбъ гніетъ за неимѣніемъ спроса. Такія же жалобы на совершенный застой въ сбытѣ хлѣба приходятъ и изъ многихъ внутреннихъ губерній. Вслѣдствіе стѣсненнаго положенія хлѣбной торговли, даже изобильный урожай прошлаго года въ пшеничномъ царствѣ Заволжья, по слухамъ, не далъ и малой доли тѣхъ выгодъ на которыя позволительно было разчитывать. Будущее рисовалось также не въ розовомъ цвѣтѣ; застой хлѣбной торговли грозилъ стать хроническимъ, и уже возникали опасенія что намъ придется потерять вѣковое первенство на заграничныхъ хлѣбныхъ рынкахъ.

Сообщенныя намъ свѣдѣнія позволяютъ съ увѣренностью разчитывать что такое стѣсненное положеніе нашей хлѣбной торговли должно вскорѣ измѣниться къ лучшему. Благопріятное намъ измѣненіе въ дѣлѣ хлѣбной торговли ожидается вслѣдствіе того что Америка, такъ тѣснившая насъ своею конкурренціей, снабдила Европу гнилымъ хлѣбомъ и тѣмъ подорвала свой кредитъ. Сдѣлавъ такую ошибку, оттолкнувъ ею европейскихъ потребителей, она сама открываетъ русскому хлѣбу возможность вновь занять подобающее ему мѣсто на иностранныхъ хлѣбныхъ рынкахъ, и даетъ намъ время принять мѣры къ упроченію его за нами и на будущее время.

Правда, американскіе хлѣбные торговцы, безъ сомнѣнія, постараются сдѣлать все возможное для возстановленія полнаго къ нимъ довѣрія. Но чтобы возстановить разъ потрясенный кредитъ нужно время, которымъ мы и можемъ воспользоваться. А потому надо ковать желѣзо пока горячо.

Прежде всего намъ слѣдуетъ остерегаться отъ такого промаха какой сдѣлали Американцы. Качество русскаго хлѣба на заграничныхъ рынкахъ должно стоять внѣ сомнѣнія. Сбывать за границу плохой и недоброкачественный хлѣбъ русскіе хлѣботорговцы не имѣютъ никакого побужденія: подвергшійся порчѣ хлѣбъ всегда найдетъ себѣ сбытъ на нашихъ, повсюду многочисленныхъ, винокуренныхъ заводахъ. Однако репутацію русскаго хлѣба нельзя считать совершенно застрахованною. Хлѣбъ можетъ портиться въ пути безъ вины отправителей, можетъ приходить на мѣсто испорченнымъ безъ ихъ вѣдома. Кому не случалось слышать не прекращающихся и понынѣ жалобъ на порчу хлѣба при доставкѣ его по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ? Всякія мѣры къ устраненію этихъ жалобъ, сокративъ часто слишкомъ долгіе сроки лежанія хлѣба на станціяхъ и усиливъ заботливость объ его охраненіи отъ стихійныхъ вліяній, будутъ не простымъ улучшеніемъ нашихъ желѣзнодорожныхъ порядковъ, не однимъ огражденіемъ законныхъ интересовъ грузоотправителей, онѣ будутъ и серіозными гарантіями сохраненія за русскимъ хлѣбомъ высокой репутаціи которая необходима намъ для успѣшности борьбы съ американскою конкурренціей. Тѣми же улучшеніями въ желѣзнодорожныхъ порядкахъ было бы достигнуто и другое условіе, необходимое для успѣховъ нашей хлѣбной торговли, — доставка хлѣба въ нужные сроки, на несоблюденіе коихъ, по винѣ желѣзныхъ дорогъ, серіозныя жалобы слышатся слишкомъ часто.

Но не одна сохранность хлѣба отъ порчи, не одна срочность его доставки требуются для огражденія русской хлѣбной торговли на иностранныхъ рынкахъ отъ американской конкурренціи. Чтобъ устранить невыгоды этой конкурренціи,

мы должны поставить себя въ возможность понизить цѣны нашего хлѣба на заграничныхъ рынкахъ, безъ пониженія тѣхъ цѣнъ которыя получаютъ за хлѣбъ его производители. Другими словами, слѣдуетъ озаботиться уменьшеніемъ расходовъ возвышающихъ цѣну хлѣба на пути отъ производителей къ потребителямъ. Дороговизна перевозки прежде всего тяжело ложится на цѣны хлѣба, съ одной стороны уменьшая выгоды производства, съ другой сокращая размѣры сбыта. Всякій шагъ къ удешевленію какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ фрахтовъ будетъ и шагомъ къ упроченію за русскимъ хлѣбомъ его положенія на иностранныхъ рынкахъ. А можно ли сказать чтобы въ этомъ отношеніи нельзя было ничего сдѣлать? Правда, такія мѣры которыя повели бы въ скоромъ времени къ замѣтному пониженію морскихъ фрахтовъ едва ли возможны. Для этого нужно, вопервыхъ, созданіе собственнаго торговаго флота, что понизило бы и цѣну услугъ оказываемыхъ иностранными судами. Вовторыхъ, для пониженія морскихъ фрахтовъ нужно уменьшеніе пропорціи судовъ приходящихъ въ наши порты съ балластомъ къ судамъ приходящимъ съ товарами, пропорціи крайне для насъ невыгодной, которая есть результатъ того что нашъ отпускъ, по вѣсу, слишкомъ въ четыре раза превышаетъ привозъ (въ 1874 году отпускъ свыше 636 милліоновъ пудовъ, привозъ менѣе 153 милліоновъ). И измѣнить эту невыгодную пропорцію увеличеніемъ въ нашемъ отпускѣ отдѣла обработанныхъ продуктовъ на счетъ необработанныхъ, и создать свой торговый флотъ, все это задачи весьма трудныя, требующія для своего рѣшенія и большихъ усилій, и много времени, хотя трудность дѣла не должна служить предлогомъ къ бездѣйствію. Но чѣмъ труднѣе добиться цѣли въ одномъ направленіи, тѣмъ болѣе побужденій стремиться къ ея достиженію въ другомъ. При трудности пониженія морскихъ фрахтовъ, надо озаботиться пониженіемъ сухопутныхъ тарифовъ. Могутъ, конечно, встрѣтиться затрудненія къ удешевленію перевозки и на нашихъ внутреннихъ путяхъ сообщенія, но эти затрудненія ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться неодолимыми, и при доброй волѣ и энергіи вѣдомство путей сообщенія можетъ незамедлительно достигнуть весьма важныхъ результатовъ. Такъ, въ отношеніи къ желѣзнодорожнымъ сообщеніямъ, весьма многое можетъ быть сдѣлано и изданіемъ обязательныхъ для желѣзныхъ дорогъ правилъ, и вступленіемъ съ ними въ соглашенія, и поставленіемъ имъ пониженія тарифовъ въ условіе при частыхъ выдачахъ имъ правительственныхъ ссудъ и субсидій, и усиленною дѣятельностью по устройству проѣздныхъ путей къ желѣзнодорожнымъ станціямъ, и личнымъ вліяніемъ на желѣзнодорожныхъ директоровъ, и т. д. Нельзя, конечно требовать отъ желѣзныхъ дорогъ пониженія тарифовъ въ ущербъ ихъ акціонерамъ. Но всегда можно обойтись и безъ такой крайности если въ исключительныхъ случаяхъ не отступать предъ необходимостью нѣкоторыхъ временныхъ пожертвованій со стороны казны—временныхъ ибо немного требуется времени для того чтобъ усиленное движеніе грузовъ при пониженныхъ тарифахъ покрыло съ лихвой оказывающійся на первыхъ порахъ недоборъ отъ пониженія провозной таксы.

Необходимость правительственнаго вхожденія въ дѣло нашихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе. На нее весьма убѣдительно указывалось и въ извѣстной *Запискѣ* Одесскаго Комитета Торговли и Мануфактуръ. Но еще сильнѣе говорятъ объ этой необходимости офиціальныя свѣдѣнія сообщаемыя въ вышедшемъ на дняхъ въ свѣтъ ежегодномъ изданіи Таможеннаго Департамента, *Обзорѣ Внѣшней Торговли Россіи за 1874 годъ.* Къ этому *Обзору* приложена карта съ показаніемъ движенія грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ къ портамъ и пограничнымъ пунктамъ. Достаточно взглянуть на эту карту чтобъ убѣдиться какое невѣрное и невыгодное для Россіи направленіе принимаетъ наша торговля благодаря несоотвѣтствію русскихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ русскимъ торговымъ интересамъ. Эти тарифы оказываются разчитанными на то чтобъ искусственно отвлекать грузы отъ своихъ портовъ и направлять ихъ къ чужимъ. Благодаря этимъ тарифамъ, главнымъ отпускнымъ портомъ Россіи, послѣ Петербурга, оказывается не Рига, не Одесса, а Кенигсбергъ. Дороговизна провоза на путяхъ ведущихъ къ русскимъ портамъ искусственно стѣсняетъ ихъ естественные районы. Относительно удешевленные тарифы на путяхъ ведущихъ къ Вержбо-

лову и Граеву, то-есть къ Кенигсбергу, расширяютъ его притягательную силу до невѣроятныхъ размѣровъ. Едва ли есть надобность объяснять какое значеніе имѣетъ это обстоятельство для нашей хлѣбной торговли. Бо́льшая половина всего отправляемаго за границу хлѣба подвозится къ портамъ и къ пограничнымъ пунктамъ по желѣзнымъ дорогамъ. Изо всѣхъ нашихъ продуктовъ провозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ для заграничнаго торга, хлѣбъ занимаетъ первое мѣсто (почти на 139 милліоновъ пудовъ хлѣба перевезеннаго въ 1874 году по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ для сбыта за границу, прочихъ товаровъ перевезенныхъ по нимъ для отправки за границу было менѣе 60 милліоновъ пудовъ). И что̀ же оказывается? По торговлѣ русскою рожью Кенигсбергъ готовится стать соперникомъ Петербургу! Чрезъ Граево и Вержболово Кенигсбергъ получилъ въ 1874 году съ русскихъ желѣзныхъ дорогъ болѣе 12½ милліоновъ пудовъ ржи, много болѣе чѣмъ подвезено ржи къ Ригѣ и Ревелю вмѣстѣ взятымъ и лишь на полмилліона пудовъ менѣе чѣмъ подвезли желѣзныя дороги къ Петербургу. Не говоримъ уже о Ландварово-Роменской дорогѣ: почти всякій перевозимый по ней товаръ идетъ непремѣнно къ Кенигсбергу. Туда же идетъ вся рожь съ Курско-Кіевской дороги; туда же идетъ почти вся рожь отправляемая по Кіево-Брестской и Орловско-Витебской дорогамъ; туда же пошло болѣе 300.000 пуд. ржи со столь далекой отъ Кенигсберга Харьково-Николаевской дороги, и т. д. Вся пшеница съ Кіево-Брестской дороги, какая не пошла на Радзивиловъ, также не миновала Кенигсберга. По торговлѣ русскимъ овсомъ, благодаря услужливости русскихъ желѣзныхъ дорогъ, Кенигсбергъ уже готовится оставить Ригу позади себя (къ Ригѣ въ 1874 году подвезено овса по желѣзнымъ дорогамъ 5.687.000 пуд.; къ Кенигсбергу 5.753.000 пуд.) и т. д. По торговлѣ русскимъ льномъ и пенькой Кенигсбергъ, при теперешнихъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, также долженъ скоро опередить русскіе порты. Согласно ли это съ нашими интересами? Кенигсбергъ не потребитель ни нашего хлѣба, ни нашихъ льна и пеньки. Онъ только торговый посредникъ. Торгуя нашимъ хлѣбомъ, онъ наживаетъ, конечно, не малый процентъ, ложащійся на цѣны нашего хлѣба за границей и уменьшающій долю выгоды русскихъ торговцевъ и производителей. Не пора ли, наконецъ, обратить на это дѣло то вниманіе какого оно заслуживаетъ? Не пора ли оградить естественные районы Одессы, Либавы и Риги отъ искусственнаго подчиненія ихъ интересамъ Кенигсбергскаго порта? Услужливыя для чужаго порта, не должны ли русскія желѣзныя дороги быть, по меньшей мѣрѣ, столь же услужливыми и для русскихъ портовъ?

№ 36.

Москва, 7-го февраля.

Судя по энергіи выказанной правленіемъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли чтобъ ослабить невыгодное впечатлѣніе произведенное въ публикѣ *Запиской* Одесскаго Комитета Торговли и Мануфактуръ, надо полагать что оно съ неменьшею энергіей озаботилось поставить на видъ и въ административныхъ сферахъ всѣ соображенія какія только могутъ быть приведены въ пользу субсидій. Въ чемъ именно состоятъ эти соображенія, и тѣ ли они самыя что̀ въ *Отвѣтѣ* на вышеозначенную *Записку*, пока неизвѣстно. Публика можетъ пока взвѣшивать только что̀ сказано въ защиту субсидій въ упомянутомъ *Отвѣтѣ*. Мы уже имѣли случай коснуться соображеній этого *Отвѣта* въ № 29 *Московскихъ Вѣдомостей*. Позволимъ себѣ поговорить о нихъ нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего, отстаивая субсидіи, Общество Пароходства и Торговли опирается на оказанныя имъ заслуги, исчисляя ихъ чуть не съ аптекарскою подробностью, причемъ наряду съ дѣйствительными идутъ въ счетъ и воображаемыя. Обществу ставятъ на видъ дороговизну его фрахтовъ, указываютъ на то что на Лондонской линіи оно держитъ болѣе высокій фрахтъ чѣмъ иностранные пароходы, что перевозя грузы изъ Китая оно беретъ за тонну чая на ½ ф. ст. и даже на цѣлый фунтъ стерлингъ дороже другихъ пароходовъ (5½ ф. ст. отъ Ханькоу до Одессы, тогда какъ другіе пароходы берутъ 4½ и 5 ф. ст. отъ Ханькоу до Ревеля). Общество не отрицаетъ этого факта, но ставитъ его себѣ въ заслугу, говоря что это значитъ дѣйствовать „коммерчески,“ и увѣряя что

его высокіе фрахты повели къ удешевленію англійскихъ и китайскихъ фрахтовъ! По этой логикѣ, брать дороже другихъ значитъ побуждать другихъ брать дешевле! Свою заслугу въ этомъ отношеніи Общество старается доказать ссылкой на то обстоятельство что до появленія въ Китаѣ его пароходовъ, фрахтъ изъ Китая обходился русскимъ торговцамъ до 8 ф. ст. съ тонны, а теперь, благодаря тому что Общество беретъ $5^1/_2$ ф. ст., иностранцы берутъ $4^1/_2$ и 5 фунт. ст. Какое значеніе можетъ имѣть эта игра цифрами? Кто не знаетъ что и въ текущемъ, и въ будущемъ году, при совпаденіи разныхъ обстоятельствъ опредѣляющихъ стоимость провоза изъ Китая въ Европу, китайскіе фрахты могутъ опять подняться очень высоко, даже до 8 ф. ст., или понизиться до 4 фунтовъ? Произошло общее пониженіе фрахтовъ,— Общество ставитъ его въ заслугу себѣ; но завтра или послѣ завтра фрахты могутъ повыситься: будетъ ли оно тогда хвалиться ихъ повышеніемъ? Противъ силы обстоятельствъ вліяющихъ на высоту фрахтовъ, два-три парохода Общества совершающіе рейсы между Китаемъ и Одессой и берущіе притомъ, по коммерчески, дороже другихъ, значатъ такъ мало что конкурренцію ихъ нельзя брать и въ разчетъ. То же слѣдуетъ сказать и объ его воображаемой конкурренціи на Лондонской линіи, составляющей совершенно ничтожный процентъ общей цифры вывоза товаровъ изъ Одессы въ Англію. Оставляя въ сторонѣ эту мнимую заслугу удешевленія фрахтовъ, мы не видимъ причинъ отрицать разныя дѣйствительныя заслуги Общества. Странно было бы и думать чтобъ Общество существовавшее почти двадцать лѣтъ и располагавшее громадными средствами не принесло никакой пользы, что оно получало казенныя деньги совершенно даромъ. Можно находить что оказанныя имъ услуги государству могли бы быть куплены менѣе дорогою цѣной; но отрицать ихъ было бы явною несправедливостью, и не мы будемъ умалять ихъ значеніе. Помимо исполненія тѣхъ обязанностей какія Общество приняло на себя предъ казною, не входившія въ кругъ его непремѣнныхъ обязанностей старанія какія прилагало оно къ тому чтобы направить на Одессу чай изъ Китая, хлопокъ изъ Индіи и т. п., безъ сомнѣнія, были дѣломъ весьма полезнымъ и похвальнымъ. Мы не понимаемъ только къ чему нужно упоминать о нихъ каждый разъ какъ только зайдетъ рѣчь о продолженіи субсидій. Развѣ будущія субсидіи должны быть наградой за прежнія заслуги? Развѣ всѣ оказанныя Обществомъ заслуги не достаточно вознаграждены тѣмъ что̀ оно получило отъ правительства? При самомъ учрежденіи Общества, правительство предоставило ему въ безмездное пользованіе пристани, магазины для склада товаровъ и угля и вообще всѣ мѣста въ Одессѣ и на другихъ пунктахъ которыми пользовались пароходы Новороссійской Экспедиціи; дозволило ему устраивать безплатно на казенныхъ пустопорожнихъ земляхъ разныя механическія заведенія, верфи, пристани, конторы и пр.; отвело ему безплатно участокъ земли съ хорошимъ антрацитомъ близь Грушевскихъ копей. Затѣмъ, въ теченіи двадцати лѣтъ, Общество получило отъ казны въ видѣ субсидій свыше *тридцати милліоновъ рублей*, и кромѣ того ему былъ подаренъ дивидендъ причитавшійся на принадлежавшія правительству акціи, въ размѣрѣ слишкомъ 754.000 рублей. Благодаря этимъ субсидіямъ, акціонеры Общества, помимо большихъ дивидендовъ, уже получили обратно половину складочнаго капитала. Затѣмъ, на средства заимствованныя изъ тѣхъ же субсидій, почти треть собственныхъ акцій куплена Обществомъ и уничтожена, въ интересахъ прочихъ акціонеровъ. Теперь имущество Общества превышаетъ его основный капиталъ слишкомъ въ пять разъ, почти на $12^1/_2$ милліоновъ рублей, нажитыхъ благодаря все тѣмъ же субсидіямъ. Какой же смыслъ, въ виду всего этого, трактовать, напримѣръ, о какихъ-нибудь тридцати четырехъ тысячахъ рублей затраченныхъ Обществомъ на изученіе, чрезъ особо командированныхъ лицъ, чайной торговли съ Китаемъ!

Указаніе своихъ заслугъ, это одинъ аргументъ Общества Пароходства. Другой аргументъ гораздо серіознѣе. Смыслъ его граничитъ съ угрозой. Если правительство откажетъ въ просимой субсидіи, какъ бы хочетъ сказать Общество, срочные рейсы тотчасъ же прекратятся, и тѣмъ будетъ нанесенъ страшный ударъ и Одессѣ, и всей Черноморской торговлѣ. Въ *Отвѣтѣ* на *Записку* Одесскаго Комитета, это высказано въ такихъ выраженіяхъ: „Отъ усмо„трѣнія правительства, конечно, будетъ „зависѣть разрѣшеніе вопроса о томъ воз-

„можно ли допустить прекращеніе срочныхъ рейсовъ отъ Одессы, но не можетъ „быть сомнѣнія что для Одессы, представителемъ нуждъ которой является Комитетъ, прекращеніе такихъ рейсовъ было „бы страшнымъ ударомъ, и потому непонятно на какомъ основаніи Комитетъ, „сознавая пользу первоначальной субсидіи, „выдававшейся въ размѣрѣ до 2.000.000 „рублей въ годъ и постепенно дошедшей „нынѣ до 1.100.000 р., безусловно отвергаетъ пользу какой-либо дальнѣйшей „субсидіи."

Этого мало. Общество даетъ, въ *Отвѣтѣ* своего правленія, весьма ясный намекъ, что въ случаѣ отказа въ субсидіи, оно не только прекратитъ срочные рейсы, но и совсѣмъ ликвидируетъ дѣла, распродастъ всѣ свои суда и прочее имущество. Заявивъ что „сумма въ 16.574.402 р. 71 к. „не выше дѣйствительной стоимости имущества Общества и представляетъ собою „размѣръ настоящаго дѣйствительнаго капитала Общества, который оно могло бы „реализовать даже въ случаѣ ликвидаціи „дѣлъ своихъ," правленіе Общества дѣлаетъ разчетъ, хотя и весьма сомнительной правильности, что безъ субсидіи Общество не имѣло бы никакихъ выгодъ продолжать свое существованіе... Не получать же ему, въ самомъ дѣлѣ, менѣе двухъ третей процента на свой капиталъ! Въ нѣкоторыхъ газетныхъ статьяхъ эта последняя угроза формулована еще прямѣе, причемъ заявляется что такъ какъ при распродажѣ флота Общества, по его большой цѣнности, на покупку его не нашлось бы въ Россіи достаточно свободныхъ капиталовъ, то онъ можетъ быть проданъ въ Англіи...

Каковъ былъ бы при этомъ конечный результатъ громадныхъ жертвъ принесенныхъ государствомъ развитію русскаго пароходства на Черномъ Морѣ, жертвъ измѣряемыхъ не одними десятками милліоновъ, переплаченныхъ казной въ видѣ помильной платы Русскому Обществу Пароходства и Торговли!

Не свидѣтельствуетъ ли все это о недостаточной прочности пароходнаго дѣла когда все оно стоитъ въ зависимости отъ одной монопольной компаніи? Не явствуетъ ли отсюда необходимость поставить развитіе русскаго пароходства въ иныя чѣмъ донынѣ условія?

Однако, что же дѣлать теперь, при продолжающейся монополіи Общества Пароходства и Торговли? Нельзя же допустить прекращенія срочнаго пароходства на Черномъ морѣ и продажи Англичанамъ созданнаго съ такими усиліями и пожертвованіями русскаго пароваго флота. А можно ли тутъ обойтись безъ продолженія субсидіи существующему Обществу? Вопросъ этотъ еще 10 января обсуждался въ особой коммиссіи назначенной Обществомъ Содѣйствія Русскому Торговому Мореходству для обсужденія льготъ и поощрительныхъ мѣръ желательныхъ для развитія русскаго торговаго флота. Вотъ весьма дѣльныя заключенія къ которымъ пришла эта коммиссія, и которыя, кажется, еще не были заявлены въ печати:

1) Обществу для Содѣйствія Русскому Торговому Мореходству слѣдуетъ ходатайствовать о томъ чтобы субсидія Русскому Обществу Пароходства и Торговли, какъ задерживающая развитіе нашего торгово-мореходнаго флота на Черномъ Морѣ, не была возобновляема по истеченіи срока ея 21 мая 1877 года.

2) Что касается до почтово-пассажирскихъ сообщеній какъ по Черному Морю, такъ и по другимъ морямъ, то въ этомъ отношеніи самою лучшею мѣрой будетъ вызовъ правительствомъ желающихъ принять на себя обязательства по таковымъ сообщеніямъ, причемъ необходимо обозначить направленіе линій, сроки отхода, мѣста остановокъ, равно величину и скорость хода потребныхъ для этого судовъ, а также размѣры пассажирской платы по разстоянію.

3) Для общаго развитія нашего торгово-мореходнаго флота, чтобы дать ему возможность соперничать съ иностранцами, а также въ частности и на случай временнаго мѣстнаго затрудненія могущаго произойти отъ недостатка на Черномъ морѣ судовъ еслибы Русское Общество Пароходства и Торговли, за прекращеніемъ казенной субсидіи, рѣшило ликвидировать свои дѣла, коммиссія единственною цѣлесообразною формой денежной поддержки считаетъ безпроцентную правительственную ссуду, притомъ безразлично обществамъ или частнымъ лицамъ, въ размѣрѣ третьей части стоимости судовъ, имъ принадлежащихъ, съ представленіемъ страховаго полиса и съ ежегоднымъ погашеніемъ 10%, такъ что черезъ десять лѣтъ ссуда будетъ возвращена правительству сполна. Ссуды

эти можно, пожалуй, выдавать подъ залогъ судовъ не менѣе опредѣленнаго размѣра (напримѣръ 1.000 тоннъ), дабы въ случаѣ нужды эти суда могли служить транспортами для правительства.

4) Необходимымъ условіемъ для полученія ссуды должно поставить то чтобы какъ судовладѣлецъ, такъ командиръ и весь экипажъ были русскіе подданные.

5) Наконецъ для развитія и поощренія нашихъ прямыхъ сообщеній съ Китаемъ и Остъ-Индіей, полезно было бы возвращеніе правительствомъ всѣмъ русскимъ судовладѣльцамъ пошлины уплаченной ими за проходъ чрезъ Суэзскій каналъ, по представленіи квитанціи въ дѣйствительной уплатѣ таковой пошлины.

Коммиссія, очевидно, имѣла въ виду то обстоятельство что Русское Общество Пароходства и Торговли, вслѣдствіе полнаго прекращенія субсидіи на будущее время или назначенія слишкомъ умѣренной, можетъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ внезапно прекратить свои дѣйствія и продать всѣ свои пароходы, постройки, матеріалы и пр. Въ этомъ случаѣ, по мнѣнію коммиссіи, могутъ организоваться другія общества, которыя, покупая и эти и другіе пароходы, получали бы отъ казны безпроцентную ссуду въ размѣрѣ третьей части стоимости пріобрѣтенныхъ судовъ. Этими ссудами была бы вызвана конкурренція способныхъ къ морскому дѣлу людей, а казнѣ пришлось бы выдать единовременно въ ссуду милліоновъ пять или и того менѣе, и ссуда эта въ теченіе десяти лѣтъ была бы погашена. Предполагая что пять милліоновъ казна сама должна была бы занять, ей пришлось бы платить процентовъ въ первый годъ 300.000 р., во второй 270.000 и т. д. и лишь 30.000 р. въ послѣдній, десятый годъ,—сумма весьма скромная въ сравненіи съ 1.100.000 р. платимыхъ нынѣ Русскому Обществу Пароходства и Торговли.

Можно ли однако повѣрить чтобъ это Общество дѣйствительно, въ случаѣ отказа въ субсидіи, прекратило операціи и ликвидировало свои дѣла? Пароходное дѣло выгодно и безъ субсидій. И безъ нихъ Русское Общество Пароходства и Торговли будетъ грознымъ конкуррентомъ всякаго новаго пароходнаго предпріятія, надъ которымъ, кромѣ своего богатства, будетъ имѣть еще всѣ преимущества лучшихъ и удобнѣйшихъ во всѣхъ портахъ пристаней, складовъ и верфей, которыя не дешево обойдутся каждому новому предпринимателю. Какой же разчетъ Обществу бросить свое дѣло и рѣшиться на потери неизбѣжныя при ликвидаціи? И безъ субсидій, при указанныхъ условіяхъ, оно еще долго будетъ пользоваться такою фактическою монополіей въ области каботажнаго плаванія что на первыхъ порахъ для новыхъ предпринимателей потребуется серіозная поддержка. Эта поддержка можетъ всего лучше принять форму рекомендуемыхъ Обществомъ Содѣйствія Русскому Торговому Мореходству срочныхъ безпроцентныхъ ссудъ, въ размѣрѣ трети или пожалуй и болѣе, стоимости пароходовъ. Если же, для содержанія срочнаго пароходства по нѣкоторымъ наименѣе выгоднымъ линіямъ, одной такой ссуды оказалось бы недостаточно, можно по такимъ линіямъ допустить и ежегодныя умѣренныя субсидіи. Но, во всякомъ случаѣ, и для успѣховъ торговли и пароходства, и для казны, выгоднѣе чтобы подобныя субсидіи шли не въ однѣ руки, дабы взаимная конкурренція нѣсколькихъ компаній, съ одной стороны удешевляла ихъ услуги торговлѣ, съ другой уменьшала бы ихъ претензіи на размѣръ казенныхъ субсидій при каждомъ новомъ вызовѣ на содержаніе срочныхъ сообщеній по той или другой линіи. Система же такихъ вызововъ вовсе не какое-нибудь новое, неслыханное дѣло. Этой системы держится, между прочимъ, Англія на линіяхъ содержимыхъ Пенинсулярною Компаніей. Конечно, на первыхъ порахъ, пока нѣтъ въ Черномъ Морѣ нѣсколькихъ конкуррирующихъ между собою компаній, устроить дѣло будетъ труднѣе и дороже чѣмъ въ послѣдствіи. Но эти временныя затрудненія не слѣдуетъ преувеличивать. До 21 мая 1877 года еще далеко. Если сдѣлать вызовъ заблаговременно, то къ тому времени новыя компаніи успѣютъ и организоваться, и обзавестись достаточнымъ числомъ пароходовъ и всего необходимаго. За организаціей же пароходныхъ компаній, въ случаѣ заблаговременнаго вызова, дѣло не станетъ. Если и безъ правительственной поддержки нашлись охотники учредить Товарищество Новороссійскаго Пароходства, то въ виду поддержки, которая гарантировала бы отъ печальной судьбы постигшей это Товарищество, въ такихъ охотникахъ не будетъ недостатка. Вызвать къ жизни новыя пароходныя пред-

пріятія, которыя могли бы конкуррировать съ Обществомъ Пароходства и Торговли въ оказаніи тѣхъ услугъ какія нынѣ оказываетъ оно одно—вотъ цѣль какую должно имѣть при рѣшеніи обсуждаемаго нынѣ вопроса. И чѣмъ бóльшая сумма такихъ услугъ будетъ куплена возможно меньшими пожертвованіями, тѣмъ лучше будетъ для всѣхъ.

№ 38.

Москв, 9-го февраля.

Въ Англіи возбужденъ теперь сильный интересъ къ дѣламъ на Востокѣ. Это выразилось въ самый день открытія Парламента, въ преніяхъ объ адресѣ; это выражается и ежедневно въ печати. Заботливое вниманіе Англичанъ ко всякимъ замѣшательствамъ имѣющимъ отношеніе къ Восточному вопросу понятно въ виду важныхъ интересовъ ихъ на Востокѣ. Но утѣшительно и то что Англичане теперь озабочены не одними возможными политическими послѣдствіями восточныхъ замѣшательствъ; они, повидимому, не остаются глухи къ невыносимымъ страданіямъ турецкой райи. За нее поднимаются голоса людей пользующихся высокимъ авторитетомъ, которые сами прежде были горячими защитниками турецкихъ порядковъ и провозвѣстниками мусульманскаго прогресса. Читателямъ нашимъ уже извѣстно что въ Лондонѣ образовалась Христіанская Лига для вспоможенія турецкимъ христіанамъ, въ числѣ патроновъ коей стоитъ имя лорда Росселя. Мы получили отъ секретаря этой Лиги, г. Луиса Фарлея, циркуляръ объясняющій цѣль учрежденія оной и энергично возглашающій что „состояніе христіанъ въ Турціи есть позоръ для цивилизаціи девятнадцатаго столѣтія.“ Въ искренность заявленія такихъ лицъ мы не можемъ не вѣрить, и отъ души желаемъ успѣха ихъ благороднымъ стараніямъ пробудить сочувствіе своихъ соотечественниковъ къ несчастнымъ страдальцамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, другой знаменитый изъ государственныхъ людей Англіи, также какъ и лордъ Россель бывшій министромъ въ то время когда Англія вела войну за Турокъ, г. Гладстонъ, высказался не менѣе откровенно въ Парламентѣ. Рѣчь его, которая извѣстна уже нашимъ читателямъ произвела сильное впечатлѣніе на его соотечественниковъ. „Великодушное слово „г. Гладстона,“ говоритъ *Times*, „найдетъ „отголосокъ среди всѣхъ классовъ его со„отечественниковъ.“ „Превосходный тонъ „рѣчи г. Гладстона,“ судитъ *Daily Telegraph*, „указываетъ что передовые либе„ралы готовы дать правительству велико„душную поддержку во всякой благора„зумной попыткѣ улучшить положеніе хри„стіанъ на Востокѣ.“ Еще сильнѣе выразился по поводу этой рѣчи *Spectator*: „Мы уповаемъ что рѣчь г. Гладстона ока„жется лишь первымъ выраженіемъ про„будившейся совѣсти его партіи. На Ве„ликобританіи лежитъ долгъ совѣсти предъ „турецкими райями. Крымская война при„несла большія блага многимъ племенамъ, „но причинила лишь зло христіанамъ Ев„ропейской Турціи. Именно вслѣдствіе то„го что мы сражались за Турцію, они те„перь повержены во прахъ, у нихъ отни„мается имущество, похищаются жены, и „сами они подвергаются пыткамъ по про„изволу мусульманской касты. Англичане „не имѣли въ виду ничего подобнаго, но „таково было послѣдствіе ихъ дѣйствій, „и это послѣдствіе даетъ райямъ положи„тельное право на ихъ помощь. Пусть нашъ „народъ только пойметъ это, и Турецкое „правительство перестанетъ существовать, „ибо его единственная поддержка есть убѣ„жденіе христіанъ что Константинополь въ „крайнемъ случаѣ можетъ разчитывать на „Британскій флотъ.“

Сильнѣе и откровеннѣе признанія въ прежней ошибкѣ мы еще не встрѣчали въ англійской печати. Однако, несмотря на такую радикальную перемѣну въ общемъ взглядѣ Англичанъ на положеніе Турціи, несмотря на то что Британское правительство не уклонилось отъ общаго дипломатическаго вмѣшательства для умиротворенія провинцій Турецкой имперіи, чѣмъ оно, можно сказать, прямо признало совершившуюся перемѣну въ положеніи этой имперіи, англійская политика обнаруживаетъ все-таки какую-то нерѣшительность; въ ея тонѣ слышатся ноты нѣсколько странныя и не совсѣмъ понятныя. Да и въ томъ что говорятъ нынѣшніе заступники турецкихъ христіанъ чувствуются какія-то недомолвки. Полное сознаніе всей тяжести вины предъ турецкими христіанами, какъ оно сказалось въ приведенныхъ словахъ газеты *Spectator*, еще повидимому не пробудилось въ полной силѣ ни въ массѣ Ан-

глійскаго народа, ни у политиковъ отрекшихся отъ прежнихъ заблужденій.

Христіанская Лига въ Лондонѣ предприняла благое дѣло. Она идетъ по слѣдамъ той братской помощи которая давно откликнулась въ Россіи и не оскудѣваетъ и до сегодня. Но всѣ приношенія, принимающія уже теперь характеръ международной помощи, не въ силахъ уврачевать зла угнетающаго христіанъ; они не измѣняютъ самой сущности положенія вещей. Въ своемъ похвальномъ усердіи, члены Лиги должны пойти далѣе. Требуется не только помощь, но и умиротвореніе. Люди авторитета принявшіе участіе въ Лигѣ могутъ много содѣйствовать разъясненію этой задачи въ общественномъ мнѣніи, и тѣмъ побудить политику своей страны къ признанію необходимости кореннаго переустройства Оттоманской имперіи. Г. Гладстонъ имѣлъ мужество заявить что „если обѣщанія торжественно данныя Портой дѣйствительно „были нарушены“ (а этого теперь никто не оспариваетъ), „то невозможно удовольствоваться однимъ повтореніемъ обѣщаній.“ Онъ выразилъ также опасеніе что недостатокъ исполнителей разрушитъ наилучшія намѣренія султана. Заключеніе отсюда ясно, хотя его и не достаетъ въ рѣчи г. Гладстона.

Телеграмма извѣстила насъ о новомъ ирадѐ султана, предписывающемъ исполнить не только реформы рекомендованныя державами, но и всѣ другія, возвѣщенныя самимъ султаномъ. Можно повѣрить искренности этого манифеста, какъ г. Гладстонъ вѣритъ въ искренность и прежнихъ рѣшеній Порты обѣщавшихъ внутреннія реформы. Но для того чтобы какія-либо реформы въ Турціи могли войти въ жизнь, онѣ должны глубже проникнуть въ ея бытъ, и само собою разумѣется что онѣ требуются не только для Босніи и Герцеговины, но для всей имперіи. Главная изъ нихъ, отъ коей должны зависѣть всѣ остальныя и о которую разбивались всѣ прежнія попытки, есть установленіе равноправности всѣхъ населеній и вѣроисповѣданій. Но равноправность утвердится только когда она будетъ полная, въ самомъ широкомъ смыслѣ. Право должно имѣть силу, и христіане никогда не будутъ равноправны пока вооруженная сила будетъ исключительно въ рукахъ мусульманъ. Предъ массами не мусульманскихъ населеній, лишенныхъ права оружія, эта сила является съ ненавистнымъ характеромъ насильственнаго господства и гнета. Это актъ завоеванія возведенный въ систему и ставшій постояннымъ. Такое устройство вооруженной силы чтобы въ ней участвовали подданные безъ различія племенъ и религій для защиты имперіи, есть вопросъ о самомъ существованіи Турецкой имперія. Но организація мѣстной силы въ возставшихъ провинціяхъ, которая должна охранять порядокъ, поддерживать авторитетъ власти и служить гарантіей исполненія султанскихъ предписаній, должна бы быть немедленно приведена въ исполненіе. Гдѣ мѣстное населеніе почти исключительно христіанское, тамъ и милиція должна быть христіанскою; тамъ же гдѣ населеніе смѣшанное, и эта мѣстная сила будетъ смѣшанная. Но она во всякомъ случаѣ уже не будетъ орудіемъ чуждой и враждебной силы. Христіане сразу сравняются въ существеннѣйшемъ политическомъ правѣ, которое есть вмѣстѣ и повинность. Съ этой реформы слѣдуетъ начать неотложно, а затѣмъ всѣ остальныя исполнятся безъ затрудненія. Надо чтобы султанъ на это рѣшился, ибо въ этомъ единственная возможность упроченія его верховной власти, единственное спасеніе его имперіи, если не отождествлять ея съ господствующею въ ней системой, которая всѣми осуждена безвозвратно.

Такъ представляется намъ программа реформъ кои могли бы поддержать „цѣлость и независимость“ Турецкой имперіи и дать время ея частямъ мирно и постепенно преобразоваться. Инсургентскіе воеводы, какъ передаетъ телеграфъ, отказываются принять предлагаемыя для Босніи и Герцеговины реформы, считая ихъ недостаточными. Въ правѣ ли кто упрекнуть ихъ за это недовѣріе къ новымъ обѣщаніямъ Порты, хотя бы она дала формальное обязательство въ нихъ предъ державами,— за недовѣріе которое трудно преодолѣть пока турецкія войска останутся въ этихъ провинціяхъ? Думать ли что державамъ теперь остается только умыть руки? Или не ожидаетъ ли кто что державы, во вниманіе къ великодушію султана и его сговорчивости, должны *силой* возвратить инсургентовъ подъ власть Порты и заставить ихъ покориться турецкимъ войскамъ? Справедливость и логика фактовъ указываютъ иной путь, согласный съ заявленными желаніями державъ. Желанія эти—

поддержать общій миръ и охранить Турецкую имперію отъ насильственныхъ потрясеній. Что же предстоитъ для этого сдѣлать?

Обращаемся еще разъ къ рѣчи г. Гладстона. Онъ сказалъ: „цѣлость и независимость Турецкой имперіи могутъ быть лишь „въ такомъ случаѣ поддержаны если будетъ доказано всему міру — и доказано „не словами, а дѣлами — что турецкое „правительство въ силахъ *(has the power)* „оказывать одинаковую мѣру правосудія „всѣмъ своимъ подданнымъ безъ различія, „христіанамъ и магометанамъ.“ Само Турецкое правительство не можетъ этого сдѣлать, но для Европы это возможно. Державы могутъ поддержать цѣлость и независимость Турціи, крушеніе коей ни для кого не желательно, и для этого безполезно обращаться къ инсургентамъ и указывать имъ на формальное ручательство Порты за исполненіе реформъ. Есть иной способъ, проще и дѣйствительнѣе. Державы могли бы обратиться къ султану и гарантировать ему сохранность связи возставшихъ провинцій съ его имперіей, но на непремѣнномъ условіи немедленнаго удаленія оттуда исключительно мусульманскихъ войскъ, ибо безъ прекращенія безпощадной и варварской войны невозможно ихъ умиротвореніе. Нисколько не пострадаетъ при этомъ и независимость султанской власти. Султанъ самъ далъ уложеніе для этихъ провинцій, опредѣлилъ участіе ихъ въ общихъ государственныхъ тяготахъ; онъ самъ установитъ внутреннюю организацію этихъ провинцій, которая и должна стать для нихъ обязательною; исполненіе же оной должно быть предоставлено самимъ населеніямъ. И нѣтъ повода сомнѣваться что тогда, получивъ на извѣстныхъ условіяхъ автономію отъ самой иниціативы султана, населенія не только не станутъ тяготиться его верховною властью, но будутъ дорожить ею, ибо она охранитъ ихъ отъ мелкихъ племенныхъ соперничествъ которыя могутъ возникнуть при полномъ отторженіи. Немедленное прекращеніе борьбы тотчасъ облегчило бы и турецкіе финансы которые возбуждаютъ сомнѣнія въ состояніи ли Порта уплатить, по предстоящему купону долга, и половину процентовъ. Къ убѣжденію султана въ принятіи этой мѣры слѣдовало бы теперь же обратить всѣ усилія; но для этого нужно твердое согласіе и полное взаимное довѣріе державъ.

Между тѣмъ, въ англійской политикѣ слышится не то недовѣріе, не то недовольство. Хотя Англійское правительство и присоединилось къ общему дипломатическому шагу остальныхъ державъ, но въ рѣчахъ министровъ звучатъ ноты нарушающія общую гармонію. Они болѣе всего старались оправдаться предъ страной за общую поддержку данную ими нотѣ графа Андраши, и особенно ставили на видъ что Англія сохранила за собою свободу дѣйствій на будущее время. Но кажется никто и не думалъ стѣснять свободу дѣйствій Англіи, и мы думаемъ что было бы соотвѣтственнѣе обстоятельствамъ еслибы ея министрами, вмѣстѣ съ этимъ заявленіемъ, былъ сдѣланъ намекъ на готовность и впредь поддерживать миролюбивыя старанія другихъ державъ. Но британскій премьеръ, доказывая необходимость принятаго рѣшенія, нашелъ нужнымъ упомянуть о „благоразумномъ колебаніи“ и о томъ что правительство приняло рѣшеніе не прежде какъ получивъ отъ Австріи и Россіи увѣренія „въ искренность коихъ онъ (г. Дизраэли) не стыдится вѣрить.“ Извѣстный своею осторожностью, британскій статсъ-секретарь графъ Дарби сказалъ и того болѣе. Онъ коснулся ожидаемыхъ результатовъ отъ ноты графа Андраши и замѣтилъ что „если Австрійское „правительство исполнитъ надлежащимъ „образомъ долгъ налагаемый на него между„народными обязательствами, то кругъ не„пріязненныхъ дѣйствій значительно умень„шится; такимъ образомъ если и не послѣ„дуетъ умиротвореніе то все дѣло будетъ „приведено къ размѣрамъ мѣстной смуты „и утратитъ европейское значеніе.“ Какъ понимать эти слова, особенно въ связи съ указаніемъ что „значительнѣйшая часть „силы возстанія вышла извнѣ Турецкаго „государства,“ — мы недоумѣваемъ. Слѣдуетъ ли понимать ихъ какъ обвиненіе на Австрію въ неисполненіи ею международныхъ обязательствъ, даже въ подстрекательствѣ возстанія, какъ это и было истолковано одною англійскою газетой? Или же британскій секретарь иностранныхъ дѣлъ хотѣлъ сказать что Австрія *обязана* дѣятельно пособить въ потушенія возстанія турецкимъ властямъ коихъ онъ упрекнулъ въ „недостаткѣ способности и энергіи.“ Но старанія дипломатіи до сихъ поръ направлены не просто къ подавленію возстанія, а главнымъ образомъ къ умиротворенію,

къ улучшенію быта населеній возставшихъ провинцій. Отъ этой задачи дипломатія не въ правѣ уклониться, но объ этомъ графъ Дарби не проронилъ ни слова.

Думать ли что Англійское правительство отстаетъ отъ мнѣнія своей страны, или же выражающееся въ ней сочувствіе къ христіанамъ Востока есть не болѣе какъ миражъ?...

№ 39.

Москва, 10-го февраля.

Документы касающіеся покупки Англіей у хедива Египетскаго принадлежавшихъ ему акцій Суэзскаго канала представлены Британскому парламенту. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ засѣданіи Палаты Общинъ 14-го февраля, канцлеромъ казначейства сэръ Стаффордомъ Норткотомъ внесена на утвержденіе Парламента финансовая резолюція отъ коей зависитъ закрѣпленіе этой сдѣлки. Хотя дальнѣйшія пренія по сему вопросу и затѣмъ рѣшеніе Парламента по требованію вождя оппозиціи маркиза Гартингтона и г. Гладстона отложены на недѣлю, но въ окончательномъ рѣшеніи не можетъ быть сомнѣнія. Извѣстно съ какимъ общимъ сочувствіемъ принята была эта мѣра во всей странѣ, и оппозиціи болѣе направлена лишь на финансовую сторону операціи. Къ тому же, утвержденіе Парламента въ данномъ случаѣ есть лишь формальность требуемая конституціонными порядками, ибо подобныя сдѣлки по самой сущности своей, бываютъ безповоротны, и на нихъ рѣшаются только министерства увѣренныя въ поддержкѣ парламентскаго большинства.

Англійскія газеты, къ сожалѣнію, на этотъ разъ не приводятъ ни обнародованныхъ документовъ, ни даже большихъ выдержекъ изъ нихъ, а ограничиваются анализомъ дипломатической корреспонденціи. Однако, и этотъ анализъ, дополняемый до нѣкоторой степени рѣчью канцлера казначейства, заключаетъ въ себѣ нѣсколько не лишенныхъ интереса свѣдѣній, дающихъ намъ возможность дополнить наше сужденіе высказанное подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія. Сужденіе наше о томъ что сдѣлка эта заключенная втихомолку имѣетъ важное политическое значеніе, и въ особенности въ связи съ замѣшательствами на Востокѣ, имѣло несчастіе не понравиться англійской печати. Наше мнѣніе было объявлено злокозненною выдумкой, пущенною лишь для сокрытія какихъ-то собственныхъ замысловъ, а между тѣмъ заключеніе наше было основано на восторженныхъ ликованіяхъ самихъ же Англичанъ, которые лишь послѣ стали доказывать что покупка акцій была не болѣе какъ мѣрой законной обороны, чтобъ интересъ предпріятія канала не сосредоточился исключительно въ однѣхъ рукахъ. Посмотримъ теперь, на основаніи обнародованныхъ данныхъ, велика ли была наша ошибка.

Прежде всего мы узнаемъ изъ анализа документовъ что сдѣлка эта вовсе не была такъ неожиданно заключена какъ представлялось. 15-го ноября минувшаго года, лордъ Дарби телеграфировалъ британскому консулу въ Каирѣ, по поводу слуховъ о намѣреніи хедива заложить принадлежавшія ему акціи. Затѣмъ непрерывно продолжались переговоры, и десять дней спустя состоялась окончательно покупка акцій. Отсюда уже видно что Британское правительство вовсе не было въ такомъ положеніи что ему было дано лишь 48 часовъ на размышленіе, какъ это заявлялъ въ преніяхъ объ адресѣ г. Дизраэли. Еще положительнѣе было заявленіе канцлера казначейства, которому предстояло защищать финансовую сторону сдѣлки и который поэтому имѣлъ интересъ доказать что она не была заключена второпяхъ и неосмотрительно. Онъ сказалъ: „Мы не приняли внезапнаго рѣшенія, то-есть мы не „приняли рѣшенія въ первую минуту какъ „намъ было сдѣлано предложеніе, безъ „должнаго свѣдѣнія объ обстоятельствахъ „дѣла. Мы не пришли къ этому рѣшенію „въ какой-нибудь часъ или два. На этотъ „вопросъ о Суэзскомъ каналѣ наше вниманіе было обращено за мѣсяцы и годы, „а этотъ спеціальный кризисъ занималъ „наше вниманіе въ теченіе болѣе чѣмъ „десяти дней. Мы имѣли въ рукахъ свѣ„дѣнія давшія намъ возможность вполнѣ „понять въ чемъ дѣло, и мы пришли къ „нашему рѣшенію со всею осмотритель„ностью.“ Итакъ, въ нашихъ словахъ что Англія втихомолку обдѣлала свои дѣла, вовсе нѣтъ большой ошибки если „за мѣсяцы и годы“ ея глаза были обращены на Суэзскій каналъ, и она только поспѣшила воспользоваться случаемъ чтобы закрѣпить

свой интересъ въ немъ, основывая притомъ это рѣшеніе на свѣдѣніяхъ заранѣе бывшихъ въ ея рукахъ и доставлявшихся ея правительству служившимъ при каналѣ англійскимъ инженеромъ, полковникомъ Стоксомъ, который потомъ помогалъ г. Кеву при исполненіи его миссіи.

Еще менѣе имѣемъ мы поводъ отказаться отъ заключенія о важномъ политическомъ значеніи этой сдѣлки. Теперь на это политическое значеніе указываютъ сами англійскіе министры: и канцлеръ казначейства, и статсъ-секретарь Индіи маркизъ Салисбери, и самъ премьеръ, возражавшій вождю оппозиціи, который находилъ сдѣлку невыгодною съ финансовой стороны, и наконецъ лордъ Дарби заявившій что въ своей прежней рѣчи въ Гласго онъ оспаривалъ не политическое значеніе сдѣлки, а лишь то особенное значеніе какое было ей приписано иными на материкѣ; также и премьеръ возражалъ лишь противъ какой-либо связи оной съ восточными дѣлами. Изъ корреспонденціи однако мы узнаемъ что еще 20-го ноября, за пять дней до состоявшейся покупки, лордъ Дарби извѣщалъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ г. Гавара что „при „настоящихъ обстоятельствахъ невозможно „предвидѣть *насколько, въ будущемъ, можно разчитывать на дѣйствительность „контроля Порты*, а потому контроль „вице-короля становится тѣмъ важнѣе.“ Поэтому, присовокуплялъ лордъ Дарби, Англія и не можетъ быть равнодушна къ намѣренію вице-короля продать свои акціи и не можетъ допустить чтобъ онѣ попали въ руки другой французской компаніи. Въ вышеприведенныхъ словахъ самого британскаго статсъ-секретаря мотивъ связи покупки Англіей Суэзскихъ акцій съ нынѣшнимъ положеніемъ Турціи выставленъ довольно ясно и не требуетъ комментарія.

Сейчасъ полученная нами телеграмма изъ Лондона передаетъ слова г. Дизраэли о политическомъ значеніи этой мѣры, которыя своею силой превосходятъ все что̀ прежде было сказано на материкѣ по этому поводу. „Эта сдѣлка, сказалъ онъ, не есть только финансовая операція, а полилитическая мѣра которая увеличиваетъ могущество Англіи,“ — и Палата Общинъ утвердила требуемый правительствомъ кредитъ безъ преній, какъ мы и ожидали.

Въ обнародованныхъ документахъ есть еще одна весьма любопытная характеристическая черта. Это донесенія британскихъ пословъ при великихъ державахъ о томъ какъ принятъ былъ шагъ британской политики другими дворами. Оказалось что ни съ чьей стороны онъ не вызвалъ протеста, а многими былъ принятъ съ удовольствіемъ. Только французскій посолъ въ Лондонѣ, маркизъ Д'Аркуръ, черезъ два дня послѣ покупки, 27-го ноября, выразилъ лорду Дарби опасеніе что „хедивъ можетъ оказаться несостоятельнымъ въ уплатѣ условленныхъ 200.000 ф. ст. ежегодно, и что вслѣдствіе сего Англія можетъ принять для понужденія его мѣры которыя на дѣлѣ установятъ англійскую власть въ Египтѣ.“ Лордъ Одо Россель извѣстилъ что князь Бисмаркъ поздравляетъ Англійское правительство съ тѣмъ что „оно сдѣлало что̀ нужно въ подходящую минуту.“ Въ Италіи политика Англіи была встрѣчена также въ дружественномъ духѣ; тамъ выражено удовольствіе что Англія усиливаетъ свои интересы въ Средиземномъ морѣ. Графъ Андраши увѣдомилъ англійскаго посла что „онъ счастливъ тѣмъ что нѣтъ ни одного вопроса на Востокѣ или на Западѣ Европы въ коемъ интересы Австріи и Великобританіи не были были тождественны.“ Отъ англійскаго посла въ Петербургѣ нѣтъ вовсе никакихъ донесеній, изъ чего видно что Россія отнеслась къ вопросу совершенно равнодушно. Фактъ этотъ не лишенъ значенія; онъ свидѣтельствуетъ какъ безпристрастно относится политика Россіи къ англійскимъ интересамъ даже въ такомъ имѣющемъ всемірное значеніе вопросѣ, какъ владѣніе Суэзскимъ каналомъ, и какъ не справедливы нареканія англійской печати на притязательность Россіи. Мы могли бы пожелать чтобъ и къ намъ Англичане относились съ такимъ же безпристрастіемъ и вниманіемъ къ достоинству и интересамъ великой державы. Но увы! какъ не похоже это на дѣйствія британской дипломатіи которая даже по такому, совершенно неевропейскому, и не имѣющему и тѣни международнаго значенія дѣлу какъ обузданіе средне-азіятскихъ разбойничьихъ ордъ не церемонилась, при каждомъ малѣйшемъ шагѣ, обращаться къ намъ съ запросами и протестами!

А между тѣмъ и это сдержанное положеніе Россіи было поставлено ей какъ будто въ вину нѣкоторыми англійскими органами, обратившими особое вниманіе

на молчаніе Русскаго правительства рядомъ съ сочувственными заявленіями Италіи, Германіи и Австріи. Но каждая изъ этихъ державъ могла имѣть особые поводы радоваться. Для Италіи, въ виду неувѣренности будущихъ отношеній къ Франціи, можетъ быть пріятно усиленіе Англіи въ Средиземномъ морѣ. Интересы Австріи, какъ заявляетъ ея министръ, во всемъ тождественны съ англійскими. Германія во всемъ касающемся Востока мало заинтересована. Со стороны же Россіи мы не видимъ особаго повода радоваться сдѣлкѣ касательно канала, хотя она не имѣетъ повода и горевать о ней. Довольно того что Россія отнеслась къ ней совершенно спокойно.

№ 40.

Москва, 11-го февраля.

Въ Петербургѣ ходитъ слухъ, засвидѣтельствованный тамошними газетами, будто какой-то капиталистъ, въ товариществѣ съ однимъ бывшимъ хлѣбнымъ торговцемъ, входитъ къ правительству съ предложеніемъ о заключеніи новаго долгосрочнаго подряда на продовольствіе войскъ. *Существованіе* такого предложенія очень сбыточно. Говоря словами товарища прокурора въ одной изъ его рѣчей на извѣстномъ Овсянниковскомъ процессѣ, „долгосрочный контрактъ съ казною на поставку провіанта есть одинъ изъ тѣхъ контрактовъ которые принято въ коммерческомъ быту подписывать золотыми перьями.“

Но трудно допустить чтобы желаніе склонить казну на такое предложеніе *могло увѣнчаться успѣхомъ.* Долгосрочная форма подряда на поставку провіанта, впервые возникшая въ 1867 году, есть результатъ понятнаго стремленія правительства установить наиболѣе удобный и прочный порядокъ войсковаго довольствія. Долговременнымъ опытомъ провіантское вѣдомство убѣдилось что прежняя система поставки допускала большія злоупотребленія со стороны подрядчиковъ, легко входившихъ въ извѣстнаго рода стачки съ завѣдующими пріемкою второстепенными чиновниками. Кромѣ того, составилось мнѣніе что назначаемая для довольствія войскъ мука несравненно выше по своему достоинству въ петербургскомъ перемолѣ чѣмъ въ перемолѣ на низовьяхъ Волги, какъ доставлялась она при прежнемъ способѣ. Устраненія злоупотребленій съ одной стороны, и съ другой улучшенія довольствія войскъ, обѣихъ этихъ цѣлей предполагалось достигнуть долгосрочнымъ (девятилѣтнимъ) контрактомъ на поставку провіанта и фуража для войскъ Петербургскаго военнаго округа и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, продовольствуемыхъ изъ петербургскихъ магазиновъ, съ тѣмъ чтобы хлѣбъ доставлялся въ зернѣ и перемалывался, подъ надзоромъ интендантства, на особой, нарочно для того устроенной въ Петербургѣ, образцовой паровой мельницѣ. Обстоятельства „Овсянниковскаго дѣла“ обнаружили до очевидности что ни одна изъ цѣлей, ради которыхъ и состоялась дорогая, сравнительно съ прежнею системой, долгосрочная поставка—достигнута не была. Принято было какъ бы за аксіому что низовая мука во вкусѣ и свѣжести не можетъ сравниться съ мукой имѣющею изготовляться на паровой петербургской мельницѣ, что первая мелется чрезвычайно мелко и притомъ проходя въ теченіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ водой къ мѣсту своего назначенія, принимаетъ въ себя сырость, оттого скорѣе слегается и портится, тогда какъ размолотое на петербургской мельницѣ зерно даетъ муку гораздо большей свѣжести. Между тѣмъ, на судебныхъ преніяхъ оказалось что это превосходство петербургской муки предъ низовою нельзя еще считать дѣломъ доказаннымъ. По свидѣтельству окружнаго интенданта, генералъ-майора Скворцова, въ 1873 году петербургская мука, отправленная водою въ Финляндскіе порты, загорѣлась и утратила всѣ свои преимущественныя качества. Генералъ-майоръ Скворцовъ объясняетъ эту такъ-сказать неустойку петербургской муки тѣмъ что, въ данномъ случаѣ, она была перемолота изъ не совсѣмъ сухой ржи. Но, по словамъ самого Овсянникова, человѣка компетентнаго въ вопросѣ, привозимая въ Петербургъ рожь *всегда* принимаетъ въ себя дорогою сырость, слѣдовательно петербургская мука отнюдь не застрахована отъ повторенія казусовъ подобныхъ приведенному, и въ этомъ отношеніи не можетъ быть признана неуязвимою соперницей низовой. Вообще Овсянниковъ говоритъ что хлѣбъ изъ муки петербургскаго размола долѣе не черствѣетъ, и въ этомъ онъ видитъ дѣйствительное достоинство

петербургской муки, но чтобы мука эта имѣла какое-нибудь исключительно высокое значеніе, этого онъ не допускаетъ. „Я полагаю, дѣлаетъ онъ по этому поводу не безосновательное практическое коммерческое замѣчаніе, что еслибы мука петербургской мельницы была по своему качеству значительно выше низовыхъ размоловъ, то въ Петербургѣ настроили бы мельницъ и мололи бы для жителей.“ Допустимъ что это сужденіе вызвано личными соображеніями Овсянникова, косвенно отклоняющаго имъ кое-какіе упреки относительно своей поставческой дѣятельности. Положимъ что петербургская мука безспорно наилучшаго въ Россіи качества. Все-таки та цѣль долгосрочнаго контракта и устройства спеціальной мельницы которая состояла въ улучшеніи войсковаго довольствія посредствомъ доставленія войскамъ именно этой превосходной муки, достигнута не въ такой мѣрѣ чтобъ имѣлось достаточное вознагражденіе за примѣненіе дорогой новой системы. Изъ сопоставленія показаній экспертовъ на судѣ съ показаніемъ окружнаго интенданта видно что по операціи съ 1873 по 1874 годъ Овсянниковымъ привезено было въ Петербургъ очень много собственной муки съ Волги, и этою мукой постоянно замѣнялась казенная рожь. Несмотря на дорогой контрактъ и нарочно для поставки заведенную, цѣнную мельницу, войска всетаки получали въ 1873—1874 году, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, забракованную новою системой низовую муку.

Такъ велось въ Овсянниковскій періодъ долгосрочной поставки: нѣтъ основанія для увѣренности чтобы въ предшедшіе годы не могло дѣяться то же самое. Содѣянное могло пребыть въ неизвѣстности единственно потому что никакія обстоятельства, въ родѣ пожара, не привели къ необходимости докапываться до сокровенныхъ подробностей дѣла. Отсутствіе свидѣтельствъ въ этомъ смыслѣ со стороны интендантскихъ чиновниковъ тутъ ничего не доказываетъ. Контроль делегатовъ Интендантства, долженствовавшихъ по теоріи долгосрочной поставки присматривать за мельничнымъ производствомъ и тѣмъ самымъ гарантировать новую систему отъ злоупотребленій старой, на практикѣ показалъ себя, какъ видно изъ процесса, несостоятельнымъ. Изъ интендантскихъ Аргусовъ, одинъ, смотритель при мельницѣ, велъ свою казенную книгу дословно списывая ее съ книги Овсянникова, никогда не провѣряя ее личнымъ наблюденіемъ и не давая себѣ труда считать кули *(Показанія Морозова, Квадри, Петрова)*; другой, смотритель при магазинѣ, пріемщикъ, занимался у самого же Овсянникова извозомъ за извѣстную плату *(Показаніе самого Херодинова)*. Нашелся было чудакъ который отказался принять отъ Овсянникова тысячу кулей „положительно негодныхъ:“ его предали суду за возникшую изъ этого „ссору“ и отставили отъ службы *(Показаніе окружнаго интенданта генералъ-майора Воробьева)*. И вотъ, подъ носомъ интендантскихъ контролеровъ, Овсянниковъ преблагополучно продавалъ себѣ казенную рожь на сторону, замѣняя ее собственною мукой низоваго помола отвергаемаго новою системой, такъ что интендантскіе контролеры, на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за всѣмъ происходящимъ на мельницѣ, и между прочимъ за непрекращеніемъ ея работъ безъ особаго разрѣшенія, не замѣтили ни одного изъ цѣлаго ряда приготовленій къ поджогу: ни роспуска рабочихъ, ни выпуска воды изъ котловъ, и о прекращеніи работъ донесли—на другой день послѣ пожара, мотивируя ихъ „неисправностью котловъ“ которыхъ они не осмотрѣли *(Показаніе Квадри)*...

Итакъ, не достигнута и вторая цѣль долгосрочнаго контракта, устраненіе злоупотребленій системы. Между тѣмъ, новый порядокъ обходится казнѣ весьма дорого. О невыгодѣ его противъ прежняго изъ-за дороговизны мы давно ужъ имѣли случай говорить. Нѣтъ надобности возвращаться къ этому предмету; достаточно напомнить статьи по этому поводу помѣщенныя въ №№ 233, 239, 254, 256, 296, 310 и 313 *Московскихъ Вѣдомостей* еще 1874 года.

Но слѣдуетъ упомянуть что дороговизна долгосрочнаго контракта представляетъ присущій этому договору, неизбѣжный элементъ. Перемолъ муки непремѣнно на особо-устроенной для этого петербургской паровой мельницѣ есть условіе *sine qua non* долгосрочной поставки. Между тѣмъ перемолъ этотъ обходится поставщику чрезвычайно дорого. На Низу помолъ стóитъ отъ 15 до 25 копѣекъ за четвертъ *(Показаніе Фейгина)*, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ цѣна его выражается цифрою

50—60 копѣекъ *(Показаніе Фейгина)* или даже цифрою 95 к. и рубль *(Показаніе Кокорева и Гутмана)*. Петербургская образцовая паровая мельница для поставщика—*невыгодна;* она ему въ тягость, онъ можетъ потерпѣть отъ ней убытки. Чтобъ избавиться отъ этой тягости, Овсянниковъ сжегъ мельницу.

Разумѣется не у всякаго достанетъ духу прибѣгнуть къ такому радикальному средству. Но всякій поставщикъ естественно приметъ мѣры къ тому чтобы не терпѣть отъ поставки убытки, а схватить барышъ: слѣдовательно приметъ долгосрочную поставку не иначе какъ на условіяхъ вознаграждающихъ его за рискъ и въ такой же мѣрѣ не выгодныхъ для казны.

№ 41.

Москва, 12-го февраля.

По поводу нашихъ статей по вопросу о субсидіяхъ Русскому обществу Пароходства и Торговли, мы получили нѣсколько заявленій въ которыхъ намъ ставятъ на видъ что мы недостаточно оцѣнили ту сторону дѣятельности этого Общества которая имѣла цѣлію установленіе прямыхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ и Остъ-Индіей чрезъ Суэзскій каналъ. Дѣйствительно, признавая заслуги Общества въ этомъ отношеніи, мы не считали до сихъ поръ нужнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе того что сдѣлано имъ для установленія этихъ сношеній, полагая что китайскіе и остъ-индскіе рейсы не имѣютъ прямаго отношенія къ общему вопросу о продолженіи или прекращеніи субсидій получаемыхъ Обществомъ не за эти, а совсѣмъ за другіе рейсы. Если держась такого мнѣнія мы сдѣлали ошибку, мы готовы исправить ее.

Намъ пріятно вспомнить общеполезные труды положенные почтеннымъ агентомъ Общества, Е. И. Барановскимъ, на дѣло установленія прямыхъ торговыхъ сношеній съ Индіей и Китаемъ. Мы не забыли совершеннаго имъ съ этою цѣлію, по порученію Общества, въ 1870 году кругосвѣтнаго путешествія, во время котораго открыты имъ агентства въ Аденѣ, Бомбеѣ, Калькуттѣ, Мадрасѣ, Поэнтъ-де-Таллѣ, Коломбо, Канди, Пенангѣ, Сингапурѣ, Гонконгѣ, Шанхаѣ и Ханькоу. Путешествіе это не осталось безъ результатовъ. Оно способствовало разъясненію и важности прямыхъ торговыхъ сношеній съ дальнимъ Востокомъ, и тѣхъ условій при которыхъ эти сношенія были бы возможны. Затѣмъ, Общество, ассигновавшее денежныя средства на экспедицію г. Барановскаго, поспѣшило сдѣлать первую попытку завязать сношенія на ново-изслѣдованномъ пути. Въ 1871 году были посланы имъ въ пробные рейсы два парохода, *Чихачовъ* и *Нахимовъ*, одинъ въ Ханькоу, другой въ Бомбей. Оба рейса дали убытокъ. Но Общество не прекратило необязательныхъ для него рейсовъ въ Китай и Индію. Начиная съ 1872 года оно посылало въ Китай ежегодно уже не одинъ, а по два парохода, и вмѣстѣ съ тѣмъ, вступивъ въ соглашенія съ правленіями разныхъ желѣзныхъ дорогъ, достигло удешевленія провоза по нимъ чая и хлопка отъ Одессы до Москвы. Вся эта полезная дѣятельность не давала Обществу выгодъ. Напротивъ, оно постоянно несло и несетъ по этой операціи чувствительные убытки. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія что получая субсидіи по другимъ, обязательнымъ и выгоднымъ, линіямъ, Общество по необязательнымъ и невыгоднымъ, Китайской и Остъ-Индской, линіямъ никакой субсидіи не получаетъ. Вотъ стало-быть добровольная жертва Общества русскимъ торговымъ интересамъ.

Русское Общество Пароходства и Торговли, говорятъ, взяло на себя трудную роль начинателя въ дѣлѣ освобожденія русской торговли отъ крѣпостной зависимости въ которой держатъ ее Лондонскій и Ливерпульскій рынки по доставкѣ товаровъ изъ Остъ-Индіи и Китая, лондонскіе банкиры по расплатѣ за эти товары наконецъ кенигсбергскіе, гамбургскіе и другіе иностранные коммиссіонные дома живущіе накладными расходами насчетъ русскихъ потребителей этихъ товаровъ. Но въ какой же связи стоитъ все это съ вопросомъ о субсидіяхъ не по китайской и остъ-индской линіямъ, а напримѣръ по линіямъ между Одессой и другими русскими черноморскими портами?

Намъ эта связь кажется дѣломъ темнымъ и сомнительнымъ, но въ доставленныхъ намъ заявленіяхъ она выставляется какъ нѣчто вполнѣ ясное и безспорное. „Если, говорятъ намъ, при рѣшеніи общаго вопроса о субсидіяхъ по почтовымъ и торговымъ пароходнымъ сообщеніямъ вдоль

всѣхъ прибрежій Чернаго и Азовскаго морей и далѣе по Анатолійскому берегу до Египта будетъ упущена изъ виду прямая, неразрывная связь этого вопроса съ вопросомъ о прямыхъ сообщеніяхъ Россіи съ Китаемъ и Остъ-Индіей, то и то немногое что Русское Общество съ такими пожертвованіями успѣло сдѣлать въ пять лѣтъ для доставки чая и хлопка въ Москву не чрезъ Англію и Кенигсбергъ, а ближайшимъ путемъ на Суэзъ и Одессу, безъ излишняго чужаго посредничества, пропадетъ даромъ." Долго пришлось бы намъ ломать голову для разъясненія себѣ почему между сказанными двумя вопросами, повидимому не имѣющими между собой ничего общаго, оказывается „неразрывная" связь, еслибы случайно не попалась намъ подъ руку докладная записка поданная 30-го января 1872 года министру финансовъ директоромъ Русскаго Общества контръ-адмираломъ Чихачовымъ. Въ этой докладной запискѣ, дѣйствительно, прямо заявляется что Общество „едва ли можетъ рѣшиться „принять на себя какое-либо обязатель-„ство по отношенію къ сообщеніямъ съ „дальнимъ Востокомъ безъ опредѣленія, „въ то же время, взаимныхъ будущихъ „отношеній правительства и Общества по „другимъ линіямъ содержимыхъ имъ со-„общеній," — а эти послѣднія отношенія, какъ извѣстно, должны состоять въ продолженіи даваемыхъ нынѣ Обществу казенныхъ субсидій...

Упомянутая докладная записка есть, вообще, весьма интересный матеріалъ для оцѣнки и той піонерской дѣятельности Русскаго Общества о которой мы выше говорили, и тѣхъ претензій съ которыми это Общество обращается къ правительству. Убытки понесенные Обществомъ на его китайскихъ и остъ-индскихъ рейсахъ, какъ оказывается, не были маленькою оплатой за громадныя выгоды полученныя Обществомъ отъ казны. За ними остается лишь характеръ издержекъ на предварительныя изысканія дѣлаемыхъ концессіонеромъ въ разчетѣ получить новую концессію. И организуя экспедицію г. Барановскаго, и учреждая агентства въ разныхъ пунктахъ по пути къ Китаю, и посылая свои пароходы въ Бомбей и Ханькоу, Русское Общество Пароходства и Торговли имѣло въ виду служеніе не интересамъ русской торговли, а интересамъ своихъ акціонеровъ. Въ то время какъ всѣ ведутъ рѣчь о томъ что получаемая Обществомъ субсидія слишкомъ велика, оно хлопочетъ объ ея увеличеніи. То что оно получаетъ должно остаться за нимъ, но сверхъ того ему надо дать еще новую субсидію по Китайской и Остъ-Индской линіямъ. Пусть правительство дастъ ему еще 571.140 р. въ годъ, и оно будетъ совершать ежегодно четыре рейса въ Китай и десять въ Бомбей. Пробные рейсы и разчетъ понесенныхъ на нихъ убытковъ нужны именно затѣмъ чтобы показать что нельзя взять съ казны меньше сказанной цифры. Превознесеніе выгоды отъ рейсовъ на дальній Востокъ необходимо чтобы побудить не скупиться на новый ежегодный слишкомъ полумилліонный расходъ.

Любопытенъ разчетъ по которому вычислена эта просимая Обществомъ дополнительная субсидія въ 571.140 рублей. Первые пробные рейсы дали убытку: китайскій—13.411 р., остъ-индскій—15.220 руб. Но не эти цифры, хотя и онѣ подлежатъ сомнѣнію, принимаются въ разчетъ, а совсѣмъ другія,—именно вѣроятные будущіе убытки, которые опредѣляются для каждаго китайскаго рейса въ 29.849 руб., для каждаго остъ-индскаго въ 25.360 рублей. Цифры убытковъ выросли вдругъ вслѣдствіе причисленія къ нимъ, вопервыхъ, 6% со стоимости судовъ на ихъ ремонтъ и 6% интереса. Это еще куда ни шло, но этимъ дѣло не ограничивается. Рейсы въ Индію и Китай, видите ли, дѣлаются пароходами „не соотвѣтствующими по силѣ своихъ машинъ плаванію въ водахъ Индійскаго океана." Нужны болѣе сильные пароходы которые будутъ тратить болѣе топлива; эти пароходы будутъ дороже, и стало-быть больше потребуется и на погашеніе ихъ стоимости, и на ихъ страхованіе, и на ремонтъ, и на проценты интереса. Все это увеличеніе расходовъ должно быть присоединено къ дѣйствительно понесеннымъ убыткамъ, ибо, какъ надо полагать, соотвѣтствующіе условіямъ плаванія, болѣе дорогіе и болѣе сильные пароходы не будутъ поднимать ни однимъ фунтомъ болѣе тѣхъ грузовъ какіе поднимаютъ нынѣшніе „несоотвѣтствующіе" пароходы; отъ замѣны ими послѣднихъ увеличатся только расходы, а не выручка. Прекрасно, допустимъ и это. Принимая вышеозначенные „вѣроятные" убытки при операціяхъ съ „соотвѣтствующими" пароходами, получимъ что убытки

Общества могутъ дойти на четырехъ китайскихъ рейсахъ до 119.397 руб., на десяти остъ-индскихъ до 253.607 р., итого 373.004 р. Стало-быть если правительство дастъ Обществу эту сумму, то гарантируетъ его ото всѣхъ не только дѣйствительныхъ, но и „вѣроятныхъ“ убытковъ, обезпечивъ ему притомъ 6% интереса? Нѣтъ этого мало. Высчитывая свои убытки, Общество дѣлало разчетъ расходовъ по каждому рейсу не за дѣйствительный, а за увеличенный срокъ ихъ продолжительности; такъ, китайскій рейсъ опредѣлялся въ семь, остъ-индскій въ три мѣсяца, хотя они требовали времени менѣе, первый на 50, второй на 22 дня. Но эти 50 и 22 дней на каждомъ рейсѣ оказываются нужными для простыхъ приготовленій къ рейсамъ изъ Одессы и для простой стоянки въ Одессѣ послѣ рейсовъ; для починки же пароходовъ за эти дни времени будто бы не окажется. Время починки будетъ убыткомъ не вошедшимъ въ вышеприведенный разчетъ, и за этотъ спеціальный убытокъ казна должна приплатить еще 75.000 р., столько же какъ за три рейса въ Бомбей. Присоединивъ и эту новую сумму, получимъ 450.000 р.—цифру, которою, кажется, Общество, наконецъ, удовольствуется... Нѣтъ и этой цифры недостаточно. Согласиться на нее было для Общества обидно. Помильная приплата отъ казны оказалась бы меньше чѣмъ получаемая нѣкоторыми иностранными компаніями, правда, принимающими на себя предъ своими правительствами гораздо болѣе серіозныя обязательства. Дайте, поэтому, не 450.000, а 571.140 рублей, а Общество, ужь такъ и быть, въ добавокъ къ обѣщаемымъ имъ Китайскимъ и Остъ-Индскимъ рейсамъ, устроитъ еще, за ту же цѣну, ежемѣсячное пароходное сообщеніе между Шанхаемъ, Нангасаки и Владивостокомъ... Будучи столь скромнымъ въ своихъ претензіяхъ на субсидіи по дальнему плаванію, Общество, если они будутъ даны, ужь конечно не можетъ удовольствоваться только ими, безъ продолженія субсидій по прочимъ содержимымъ имъ линіямъ.

Намъ кажется, однако, что прежде чѣмъ давать за индійскіе и китайскіе рейсы 571.140 руб. субсидіи Русскому Обществу Пароходства и Торговли, было бы благоразумнѣе сдѣлать опытъ, не удастся ли устроить эти рейсы за болѣе дешевую цѣну. Многіе не безъ основанія думаютъ что къ такимъ рейсамъ будетъ достаточнымъ поощреніемъ уже одинъ возвратъ суэзскихъ пошлинъ. Если же одного этого оказалось бы недостаточнымъ, можно, пожалуй, дать за рейсы дальняго и маловыгоднаго при нынѣшнихъ условіяхъ плаванія нѣкоторую субсидію, вызвавъ конкурренцію и предоставивъ ей понизить цифру этой субсидіи. Но причины почему бы слѣдовало дать эту субсидію именно Русскому Обществу Пароходства и Торговли, и притомъ въ явно преувеличенныхъ размѣрахъ, мы не видимъ. Оно, правда, было піонеромъ на этомъ пути. Но заслуга піонерства измѣряется именно числомъ послѣдователей пошедшихъ по пробитой стезѣ, которую нѣтъ разчета отдавать въ монопольное пользованіе піонера, считающаго необходимымъ завести для содержанія сообщеній не такіе пароходы которые даютъ больше выручки, а которые, безъ повышенія выручки, потребуютъ возвышенныхъ расходовъ.

Не наклонностью ли къ возвышенію расходовъ и стоимости пароходовъ, безъ дѣйствительной въ томъ надобности, объясняется и та малодоходность прочихъ операцій Общества Пароходства и Торговли, на которую оно указываетъ какъ на доказательство невозможности продолжать эти операціи безъ продолженія нынѣшнихъ субсидій, малодоходность высчитанную чуть ли не тѣми же пріемами какъ и убытки китайскихъ и бомбейскихъ рейсовъ? И намъ сдается что не будь теперь этой субсидіи, Общество нашло бы возможность увеличить доходность своихъ операцій, не прибѣгая къ ликвидаціи, которою оно пугаетъ.

Мы не противъ, а въ пользу поддержки русскаго пароходства. Мы не противники всяческихъ субсидій за что бы и кому бы онѣ ни давались. Но намъ кажется что субсидіи должны быть даваемы съ разчетомъ и лишь тамъ гдѣ онѣ необходимы, что выгоднѣе поддерживать пароходство вообще, а не одну какую-нибудь компанію, и мы противъ субсидіи, когда она создаетъ монополію. Намъ кажется, поэтому, болѣе выгоднымъ не соединять нѣсколько самостоятельныхъ линій въ однѣхъ рукахъ, а напротивъ роздать ихъ въ разныя руки. Благодаря сильной правительственной поддержкѣ, выросла на Черномъ Морѣ пароходная компанія. Но лучше будетъ если появится не одна искусственная, а нѣсколь-

ко взаимно конкуррирующихъ компаній. Это будетъ лучше уже потому что при совмѣстномъ ихъ существованіи ликвидація дѣлъ которой-нибудь изъ нихъ не поведетъ къ такимъ опаснымъ послѣдствіямъ какими пугаютъ въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ Русскаго Общества. Сдѣланное одною компаніей не пропадало бы даромъ, а переходило бы въ наслѣдство къ другимъ. Нѣтъ разчета ставить интересы торговли и судьбы русскаго пароходства въ зависимость отъ каприза владѣльцевъ одного предпріятія, и еще менѣе разчета увѣковѣчивать такую зависимость и расширять ея предѣлы.

№ 42.

Москва, 16-го февраля.

Результаты депутатскихъ выборовъ происходившихъ во Франціи 20 февраля теперь едва ли уже подлежатъ сомнѣнію; они доставили значительное большинство республиканской партіи: изъ 530 избранниковъ, долженствующихъ войти въ составъ новой палаты, около 300 принадлежатъ къ различнымъ фракціямъ республиканской партіи, до 60 бонапартистовъ и до 70 легитимистовъ и орлеанистовъ; слишкомъ сто избраній потребуютъ еще вторичной баллотировки вслѣдствіе неполученія кандидатами установленнаго числа голосовъ, но еслибы всѣ эти сто избраній доставили депутатовъ враждебныхъ республикѣ (что̀ возможно потому что по крайней мѣрѣ въ половинѣ избирательныхъ округовъ гдѣ назначена вторичная баллотировка конкуррентами остаются одни республиканцы), то и въ такомъ случаѣ на сторонѣ республиканцевъ окажется около ста голосовъ. Въ Сенатѣ, какъ извѣстно, большинство также обезпечено республиканской партіи, и понятно что органы этой партіи торжествуютъ побѣду и провозглашаютъ на всѣ лады что такой результатъ выборовъ ясно свидѣтельствуетъ что Франція дѣйствительно желаетъ республики, которая и восторжествовала несмотря на всѣ ухищренія противныхъ партій, покровителемъ коихъ былъ глава министерства, употреблявшій всѣ средства предоставленныя ему властью и все свое вліяніе надъ умомъ президента республики чтобы различными мѣрами, законодательными и административными, подавить ненавистный ему республиканскій элементъ; сила общественнаго мнѣнія продолжаютъ, тѣ же органы, разрушила замыслы г. Бюффе; побитый дважды на сенаторскихъ выборахъ и четыре раза на выборахъ депутатскихъ, онъ принужденъ былъ подать въ отставку, и маршалъ Макъ-Магонъ принужденъ былъ принять эту отставку и поручить вице-президентство совѣта противнику бывшаго главы кабинета г. Дюфору.

Такъ или почти такъ разсуждаютъ всѣ французскія республиканскія газеты, но едва ли которая-нибудь изъ нихъ дѣйствительно убѣждена чтобы Франція могла превратиться въ страну республиканскую:—это противорѣчило бы всей ея исторіи, противорѣчило бы всему что̀ происходитъ въ ней даже въ настоящую минуту. Тѣ изъ вождей республиканской партіи, которые могутъ занять мѣста въ кабинетѣ, собственно говоря монархисты, принявшіе республику потому только что возстановленіе монархіи оказалось невозможнымъ; къ числу ихъ принадлежитъ и новый вице-президентъ совѣта г. Дюфоръ и товарищъ его министръ финансовъ г. Леонъ Се, а равно и кандидаты на должность министра внутреннихъ дѣлъ, гг. Казиміръ Перье и Леонъ Рено, ясно изложившіе свои мнѣнія въ избирательныхъ циркулярахъ; каждый изъ нихъ считалъ своимъ долгомъ припомнить избирателямъ что они предпочитаютъ монархію, но считаютъ консервативную республику, основаніе коей положено законами 25-го февраля 1875, единственною формой правленія, которая, за отсутствіемъ конституціонной монархіи, можетъ обезпечить Франціи миръ и общественный порядокъ, причемъ каждый изъ этихъ кандидатовъ непремѣнно указывалъ что миръ и общественный порядокъ тѣмъ болѣе обезпечены что во главѣ республики стоитъ доблестный воинъ, на̀ честность и мужество котораго можетъ вполнѣ положиться страна. Циркуляры консервативныхъ республиканцевъ изложенные въ этомъ смыслѣ должны были подѣйствовать на массу избирателей, этимъ и объясняется успѣхъ ихъ на выборахъ 20-го февраля. „Самый „невѣжественный крестьянинъ,“ говоритъ *Times*, „понялъ вполнѣ что цѣлію борьбы „былъ вопросъ не о томъ, консерваторы „или либералы должны управлять страной, „а о томъ должна ли республика продол„жать свое существованіе или же она дол„жна сейчасъ же пасть. Отвѣтъ страны

„былъ рѣшительный. Всѣ, какъ рабочіе, „такъ и крестьяне, объявили что они враждебны всякой перемѣнѣ правительства. „Это не значитъ чтобы большинство избирателей состояло изъ республиканцевъ, „но оно состоитъ изъ людей которые полагаютъ что Франція можетъ ужиться съ „республикой и что для низверженія оной „нынѣ потребовалась бы революція. Еслибы правительствомъ была конституціонная монархія, то, вѣроятно, они отстаивали бы ее съ такою же ревностью, конечно, еслибъ они были убѣждены что „конституціонная монархія также какъ и „республика можетъ обезпечить внутренній миръ страны."

Вѣрность замѣчанія лондонской газеты признаетъ и *Journal des Débats*, присовокупляющій что именно страхъ революціи побудившій избирателей подавать голоса въ пользу республики и былъ причиной что нація выслала въ обѣ палаты громадное большинство республиканцевъ-консерваторовъ. Радикалы, за исключеніемъ большихъ городовъ, большею частію потерпѣли пораженіе (во всемъ составѣ депутатовъ, ихъ насчитываютъ не болѣе 17); но даже въ Марсели торжественно провалился г. Альфредъ Наке, вожакъ непримиримыхъ. Если и г. Гамбетта восторжествовалъ въ нѣсколькихъ округахъ, то благодаря только необыкновенному такту своихъ рѣчей и циркуляровъ, гдѣ онъ высказывалъ самыя консервативныя идеи, не обращая вниманія на вопли негодованія которые поднимали непримиримые, провозгласившіе его измѣнникомъ „истинной республикѣ." Даже въ Парижѣ, гдѣ радикальный элементъ оказался по обыкновенію въ большинствѣ, избрано нѣсколько умѣренныхъ депутатовъ; такъ между прочими въ девятомъ округѣ значительнымъ большинствомъ избранъ г. Тьеръ, а въ восьмомъ наибольшее число голосовъ получилъ министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Деказъ, который вѣроятно и будетъ избранъ при вторичной баллотировкѣ.

Что касается г. Бюффе, то его паденіе отнюдь не слѣдуетъ приписывать его ненависти къ республикѣ. Доктринерская нетерпимость составляющая отличительную черту его характера вооружила противъ него почти всѣхъ его товарищей по кабинету, за исключеніемъ виконта де-Мо, министра торговли, вышедшаго съ нимъ вмѣстѣ въ отставку, а ожесточенное преслѣдованіе которому онъ подвергалъ г. Леона Се, сохранившаго во время сенаторскихъ выборовъ свой постъ министра финансовъ только благодаря личному вмѣшательству маршалу Макъ-Магона, гоненіе на г. Леона Рено, принужденнаго сложить съ себя званіе полицейскаго префекта во время депутатскихъ выборовъ, возстановили противъ него самого президента республики, лично расположеннаго къ г. Леону Рено и согласившагося на его увольненіе только по настоятельному требованію вице-президента совѣта и во избѣжаніе министерскаго кризиса, допускать который до окончанія выборовъ было бы весьма опасно. Популярностію въ странѣ г. Бюффе никогда не пользовался, и своими послѣдними административными мѣрами онъ окончательно утратилъ ее даже въ своемъ родномъ Вогезскомъ департаментѣ, представителемъ коего онъ состоялъ въ продолженіе многихъ лѣтъ; на этотъ разъ онъ провалился тамъ и на сенаторскихъ, и на депутатскихъ выборахъ.

Какая же будущность предстоитъ новымъ палатамъ? Суждено ли имъ упрочить конституцію 25-го февраля и мирно управлять Франціей до 1880 года, когда окончится срокъ новой легислатуры и вмѣстѣ срокъ семилѣтнему полномочію маршала Макъ-Магона? Это зависитъ отъ положенія которое приметъ новая Палата Депутатовъ и отъ группировки партій входящихъ въ ея составъ. Вотъ какъ разсуждаетъ по этому поводу *Nord*: „Большинству Палаты Депутатовъ нѣтъ надобности заявлять о своемъ республиканскомъ „направленіи: въ немъ никто не сомнѣвается; ему предстоитъ въ первыя же „свои засѣданія заявить о своемъ уваженіи къ консервативнымъ интересамъ. Необходимо чтобы первыми дѣйствіями своими оно обнаружило твердое намѣреніе „вручить управленіе людямъ умѣреннымъ. „Ничто не можетъ быть гибельнѣе колебаній и разногласій въ самомъ началѣ. „Бонапартисты не настолько многочисленны чтобы тревожить страну своими замыслами, но если поведеніе крайнихъ „республиканцевъ заставитъ усомниться „въ силѣ и плотности правительственнаго „большинства, столько же твердаго сколько и умѣреннаго, то бонапартистское „меньшинство, плотное и дисциплинированное, выставляя себя ядромъ оппозиціи

„всему что могло бы угрожать консервативнымъ принципамъ, быстро захватитъ „въ странѣ почву которую потеряетъ въ „ней республиканская партія. Необходимо „все благоразуміе республиканцевъ для „упроченія новыхъ учрежденій, а единственнымъ средствомъ для этого можетъ „быть внушеніе странѣ увѣренности что „республика есть и останется существенно консервативною.“

Утверждать что новыя палаты сумѣютъ внушить странѣ такую увѣренность было бы слишкомъ смѣлымъ оптимизмомъ. Прошедшее всѣхъ французскихъ палатъ говоритъ слишкомъ краснорѣчиво противъ такого предположенія, и не безъ основанія можно опасаться что и въ новыхъ палатахъ повторится многое что бывало въ прежнихъ законодательныхъ собраніяхъ, и что большинство республиканцевъ-консерваторовъ распадется снова на различныя партіи подъ вліяніемъ воспоминаній прошедшаго и личныхъ побужденій... Конституція 25-го февраля, приводимая нынѣ въ дѣйствіе, есть не что иное какъ новый опытъ, очень похожій на всѣ прежніе опыты.

№ 43.

Москва, 17-го февраля.

Послѣ обнародованія дипломатической корреспонденціи касательно покупки Англіей акцій Суэзскаго канала, сдѣлку эту можно было бы считать дѣломъ поконченнымъ и сданнымъ въ архивъ. Въ самой Англіи она встрѣтила единодушное одобреніе, какого давно не умѣло заслужить ни одно англійское министерство послѣ лорда Пальмерстона.

Оппозиція была неудачна. Предчувствуя что всѣ ея усилія ослабить авторитетъ пріобрѣтенный правительствомъ вслѣдствіе этой сдѣлки, въ виду горячаго сочувствія всей страны, будутъ тщетны, оппозиція направила свою критику на мелочныя обстоятельства сдѣлки и на ея финансовую сторону. Эту неблагодарную задачу взяли на себя гг. Гладстонъ и Ло. Они доказывали что акціи куплены дороже ихъ настоящей цѣны, что гг. Ротшильды получили чрезмѣрно большую коммиссію за авансъ четырехъ милліоновъ не представлявшій никакого риска, выражали сомнѣніе въ состоятельности хедива платить въ теченіе девятнадцати лѣтъ условленные проценты на полученную имъ сумму, и прочее въ этомъ родѣ. Кромѣ того, оба оратора, и въ особенности г. Ло, утверждали что правительство дѣйствовало во всемъ этомъ дѣлѣ съ крайнею безпечностью и небрежностью, само не знало что покупкой акцій оно, въ силу статутовъ компаніи канала, пріобрѣтаетъ не болѣе десяти голосовъ на общемъ собраніи акціонеровъ и слѣдовательно въ участіи управленіемъ канала. Но вотъ что интересно: фактъ этотъ г. Ло доказывалъ ссылками на передовыя статьи газеты *Times!* „На другой день послѣ покупки,“ говорилъ онъ, „правительство нашло нужнымъ увѣдомить публику о томъ „что оно сдѣлало, и передовыя статьи появились въ разныхъ газетахъ.“ Ораторъ впрочемъ не хотѣлъ возлагать на правительство отвѣтственность за все что писалось журналистами, но онъ привелъ выдержку изъ газеты *Times*, „а что появляется въ *Times*,“ прибавилъ онъ, „то „часто имѣетъ весьма большое значеніе.“ Объ этомъ едва ли кто компетентенъ вступать въ споръ съ высокочтимымъ ораторомъ, бывшимъ канцлеромъ казначейства, который, какъ извѣстно, самъ былъ весьма усерднымъ писателемъ передовыхъ статей въ органѣ Лондонскаго Города. Но еще болѣе любопытны, какъ характеристическое указаніе на отношенія этого органа англійской печати къ правительству, дальнѣйшія замѣчанія г. Ло. Приведенная имъ выдержка изъ *Times* гласила что Англія покупкой акцій стала „главнымъ собственникомъ предпріятія и пріобрѣла вліяніе „преобладающее надъ всякимъ другимъ,“ что однако не соотвѣтствовало пріобрѣтенію лишь права десяти голосовъ. Конечно, это могло быть собственнымъ измышленіемъ газеты, но въ такомъ случаѣ, по словамъ г. Ло, „всего естественнѣе было „бы сказать ея издателю: Вы забѣгаете „слишкомъ впередъ; мы не хотѣли сказать „что пріобрѣли голоса, а только что пріобрѣли акціи.“ Но, вмѣсто того, газета *Times* и черезъ два дня послѣ того продолжала развивать ту же мысль, и г. Ло прочелъ другую выдержку, и доказывалъ что этотъ взглядъ, который, по его словамъ, былъ ошибоченъ и основывался на незнаніи статутовъ компаніи, раздѣлялся и самимъ правительствомъ, какъ это видно изъ замѣчанія лорда Дарби въ разговорѣ его съ французскимъ посломъ маркизомъ

Д'Аркуромъ,—замѣчанія приведеннаго въ обнародованномъ письмѣ послѣдняго.

Все это конечно имѣетъ мало отношенія къ самой сдѣлкѣ, но заслуживаетъ вниманія какъ несомнѣнное подтвержденіе нашихъ недавнихъ словъ о смыслѣ той независимости какую, въ гордомъ сознаніи своего превосходства предъ континентальною печатью, англійскія газеты ставятъ себѣ въ исключительное достоинство. Мы очень хорошо знали что въ Англіи главные органы находятся въ связи съ вліятельными лицами партій, получая отъ нихъ тонъ и направленіе, а нѣкоторые получаютъ, при случаѣ, свѣдѣнія и указанія отъ правительства. При настоящемъ кабинетѣ, повидимому, въ такомъ положеніи находится, какъ можно было не разъ замѣтить, сама газета *Times*. И вотъ теперь, объ этихъ отношеніяхъ, заявляется въ стѣнахъ самого Британскаго Парламента: тамъ поднимаются серіозныя пререканія о томъ что̀ было и что̀ не было *внушено* газетамъ. Вслѣдъ за г. Ло и г. Гладстонъ жаловался что столичная печать раздувала все это дѣло, а канцлеръ казначейства сэръ-Стаффордъ Норткотъ оправдывался отъ нареканія будто правительство внушало „извѣстныя статьи" въ газетахъ, и утверждалъ что оно „ограничилось лишь сообщеніемъ „о самомъ фактѣ покупки акцій." Другой ораторъ, принявшій сторону правительства, сэръ-Генри Вольфъ, упрекалъ г. Ло за то что онъ дѣлаетъ свои выводы „въ „предположеніи будто статьи въ *Times* „были дословно внушены, тогда какъ онъ „долженъ былъ бы знать что газетныя „статьи были только отчасти внушены." Поэтому, преувеличенность заключеній *Times* сэръ-Генри Вольфъ объясняетъ себѣ тѣмъ что „издатель этой газеты получилъ „свѣдѣніе о томъ что правительство замышляло покупку акцій и что когда таковая состоится, то оно пріобрѣтетъ извѣстныя права, но отсюда вовсе не слѣдовало что всѣ подробности заключавшіяся въ передовыхъ статьяхъ *Times* были доставлены правительствомъ."

А что̀ сказала по этому поводу сама газета *Times?* Увы, она ничего до сихъ поръ не сказала на разсужденія своего бывшаго сотрудника, полагая вѣроятно что не ея дѣло, а дѣло правительства отрекаться отъ *внушеній* газетамъ.

Основанная на мелочныхъ придиркахъ, при обсужденіи мѣры принятой правительствомъ въ національномъ интересѣ, оппозиція естественно оказалась очень слабою. Слабость ея признали даже органы обыкновенно поддерживавшіе г. Гладстона при другихъ случаяхъ.

Слабость оппозиціи поставила правительство въ особенно выгодное положеніе. Безъ труда возражая на мелкія и придирчивыя нападки, среди грома общаго одобренія, министры могли оставить безъ отвѣта нѣкоторыя болѣе серіозныя возраженія высказанныя г. Гладстономъ, и въ особенности вождемъ оппозиціи маркизомъ Гартингтономъ. Послѣдній желалъ вызвать правительство на болѣе опредѣленное указаніе политическаго значенія покупки Суэзскихъ акцій. Но г. Дизраэли вновь рѣшительно уклонился отъ вызова вступить въ обсужденіе вопроса о положеніи Суэзскаго канала въ случаѣ войны. Точно также остался безъ прямаго отвѣта и вызовъ г. Гладстона указать какого именно рода вредныя послѣдствія могли бы произойти для Англіи еслибы проданныя хедивомъ акціи достались въ руки иностранной компаніи. Вопросы можетъ-быть дѣйствительно нескромные если оппозиція не рѣшалась прямо осуждать правительство, и почему они остались безъ отвѣта, это намъ поясняетъ *Times*. „Сущность вопроса," сказано въ ней, „подлежавшаго обсужденію „и рѣшеннаго единогласно Палатой, была „въ томъ—таковы ли обстоятельства времени чтобъ одобрить министерство на новый шагъ на который оно отважилось. „Это вопросъ весьма деликатный, который „едва ли можетъ быть разсмотрѣнъ, и конечно не можетъ быть должнымъ образомъ разсмотрѣнъ безъ вниманія къ случайностямъ которыя государственный человѣкъ не рѣшится высказать на словахъ, хотя онъ ни на минуту не поколеблется дать имъ форму и реальность „въ своемъ умѣ. Покупка акцій Суэзскаго „канала не можетъ быть отдѣлена отъ вопроса о настоящемъ положеніи Оттоманской имперіи. Поддержаніе свободнаго сообщенія по великому водному пути открытому между Европой и Востокомъ не „должно зависѣть отъ превратностей и перемѣнъ Оттоманской имперіи."

Такимъ образомъ, хотя молчаніе правительства на нѣкоторые вопросы поставленные оппозиціей не можетъ не оставлять насъ въ невѣдѣніи какъ о его дальнѣйшихъ планахъ, такъ и объ ожидаемыхъ

имъ самимъ послѣдствіяхъ отъ сдѣланнаго шага, но вышеприведенныя слова *Times* весьма характеристически комментируютъ это молчаніе, и мы не можемъ при этомъ случаѣ не обратить вниманія на согласіе заключающагося въ нихъ намека съ нашимъ заключеніемъ, которое тогда такъ разгнѣвало почтенную газету.

Впрочемъ, и въ самихъ преніяхъ, несмотря на замѣтную сдержанность отвѣтственныхъ ораторовъ, прорывались намеки которые едва ли нейдутъ далѣе того что̀ мы говорили. Достаточно, напримѣръ, указать на заключительныя слова рѣчи премьера, еще разъ повторявшаго что онъ отстаиваетъ покупку акцій не какъ торговую или финансовую, а какъ политическую сдѣлку „которая должна усилить имперію.“ „Въ этомъ смыслѣ,“ сказалъ онъ, „она и была принята страной, которая „желаетъ чтобъ имперія была поддержана, „чтобъ она была усилена; страна не встре„вожится даже еслибъ она была увели„чена.“ Какимъ образомъ газета *Times* можетъ теперь укорять насъ въ злонамѣренной несправедливости нашего заключенія о значеніи покупки Англіей Суэзскихъ акцій, когда самъ британскій премьеръ почти буквально повторилъ наши слова что этою покупкой англійская дипломатія показала что она не только намѣрена отстаивать свои интересы на Востокѣ, но при случаѣ готова ихъ закрѣпить и *преумножить?*

Другіе ораторы, сидящіе позади г. Гладстона, но отступившіеся отъ него при этомъ случаѣ, не стѣсняемые отвѣтственностью, говорили прямѣе. Г. Робакъ приглашалъ тѣхъ кто не вѣритъ чтобъ Англія пріобрѣла покупкой акцій интересъ въ каналѣ, взглянуть на „важныя замѣшательства омрачающія политическій горизонтъ.“ „Вѣритъ ли кто, спрашивалъ онъ, что Турція или Египетъ останутся чѣмъ они были?“ Г. Ленгъ также одобрялъ сдѣлку какъ ручательство что Англія окончательно порвала со своею прежнею политикой по Восточному вопросу и признала тотъ фактъ что, въ сохраненіи ея сообщеній съ Индіей, ея главный интересъ теперь болѣе въ Египтѣ чѣмъ въ Турціи. „Она порвала,“ продолжалъ онъ, „съ тою старою и ненавистною „политикой которая состояла въ поддер„жаніи этой варварской державы, Турціи, „въ правдѣ и неправдѣ, противъ ли ино„страннаго нападенія или противъ спра„ведливаго внутренняго недовольства. На„шею прежнею политикой было обезпечи„вать путь черезъ перешеекъ вліяніемъ „болѣе на Турцію чѣмъ на Египетъ. Страна „съ восторгомъ услышитъ что мы не бу„демъ болѣе дѣйствовать изъ принципа „поддержанія Турціи во что̀ бы ни стало, „и что мы перенесли центръ тяжести и по„литической дѣятельности на Востокѣ изъ „Константинополя въ Каиръ.“ Не то ли же это самое, другими словами, что̀ говорили и мы, именно что Англія, предвидя неизбѣжное рано или поздно крушеніе Оттоманскаго владычества въ Турціи и послѣдующія отъ того замѣшательства, поспѣшила наложить свою руку на то что̀ для нея въ этой имперіи всего цѣннѣе?

Эту мысль забавно изображаетъ и политическая картинка въ полученномъ сегодня нумерѣ *Punch*. Она озаглавлена: „Львиная доля,“ и изображаетъ Британскаго льва наложившаго лапу на ключъ отъ Индіи; позади же его г. Дизраэли съ пріятною улыбкой передаетъ хедиву плату за этотъ ключъ, 4 милліона ф. ст., а на фонѣ картины виднѣются пирамиды; подо всѣмъ этимъ подпись въ формѣ девиза: „Gare à qui la touche!“

№ 44.

Москва, 18-го февраля.

Среди затишья наставшаго въ Пруссіи вслѣдъ за изданіемъ въ прошломъ году послѣднихъ церковно-политическихъ законовъ, завершившихъ циклъ мѣропріятій къ обезпеченію государства отъ нецерковныхъ стремленій ультрамонтанства и отъ сопротивленія клерикаловъ установленному еще майскими законами порядку отношенія церкви къ государственной власти, въ германской печати начались толки о прекращеніи такъ-называемой культурной борьбы и близкомъ замиреніи. Еще недавно толки эти оживились по случаю поѣздки кардинала Гоэнлоэ въ Римъ, которому, „въ виду замѣтнаго утомленія борющихся сторонъ,“ приписывали миссію соглашенія Пруссіи съ папскимъ престоломъ по жгучему вопросу. Теперь вниманіе прусской печати направилось на недавно вышедшую брошюру, подъ заглавіемъ *Культурная борьба или миръ въ Государствѣ и Церкви (Kulturkampf oder Friede in Staat ind Kirche).*

До сихъ поръ, по поводу неопредѣленныхъ слуховъ о расположенiи католиковъ и Прусскаго правительства къ примиренiю, ультрамонтанскiе органы печати обвиняли либеральную партiю въ тенденцiозныхъ выдумкахъ. Но самый фактъ появленiя брошюры есть обнаруженiе развивающихся въ католической средѣ стремленiй къ примиренiю.

Изъ католическаго лагеря выступаетъ парламентеромъ съ мирными предложенiями одинъ изъ вожаковъ центра въ германскомъ Рейхстагѣ, г. Рейхенспергеръ. Можетъ-быть напряженныя ожиданiя выхода этой брошюры и надежды на разъясненiе въ ней практическихъ способовъ уладить отношенiя церкви къ государству были слишкомъ поспѣшны; можетъ-быть эта брошюра и мало теоретически новаго представляетъ по данному вопросу, и не будетъ имѣть важныхъ слѣдовъ въ области церковно-политической; но она не лишена значенiя для характеристики и самой борьбы, и отношенiя къ ней политической партiи католиковъ въ Пруссiи, и ихъ видовъ и стремленiй.

Авторъ, мирнымъ тономъ какимъ онъ говоритъ о жгучемъ вопросѣ и патрiотическими заявленiями, привлекъ одобренiе и либеральной, и офицiозной печати. Даже *Provinzial-Korrespondenz* выражаетъ сочувствiе тому что клерикальный публицистъ задается вопросомъ о томъ содѣйствуетъ или противодѣйствуетъ единству и благосостоянiю Пруссiи и даже имперiи настоящее положенiе дѣлъ, и обнаруживаетъ патрiотическую заботу чтобы новая Германская имперiя могла встрѣтить всѣ огненныя пробы не съ внутренно разорванными и взаимно ожесточенными народными массами, а съ цѣльною и внутренне мирною народною силой. Въ виду повсюду ощущаемой потребности въ улучшенiи настоящаго положенiя дѣлъ, авторъ надѣется что его брошюра будетъ принята въ томъ же духѣ лойяльности и мира который диктовалъ ее.

Но искренни ли на самомъ дѣлѣ стремленiя вождя католической партiи въ Германiи? Желаетъ ли онъ, какъ и стоящiе за нимъ, прочнаго мира между церковью и государствомъ?

По его мнѣнiю, начало борьбѣ государства съ церковью не въ ультрамонтанскихъ притязанiяхъ на политическое владычество, не въ *Силлабусѣ* и послѣднемъ ватиканскомъ догматѣ, а во враждебномъ и церкви и государству новѣйшемъ либерализмѣ. „Прусское правительство,“ говоритъ Рейхенспергеръ, „сдѣлалось орудiемъ этого либерализма и въ духѣ этого послѣдняго уничтоженiемъ 15 параграфа прусской конституцiи, и изданiемъ майскихъ законовъ вторглось во внутреннѣйшее существо церкви, создало отношенiя стоящiя въ противорѣчiи съ ученiемъ вѣры и устройствомъ католической церкви.“

Изображая „глубокiя раны“ нанесенныя церкви государственнымъ надзоромъ за образованiемъ духовныхъ, ограниченiемъ духовныхъ конвиктовъ и семинарiй, контролемъ надъ отправленiемъ дисциплинарной церковной власти, остановкой денежныхъ назначенiй духовенству изъ государственнаго казначейства, упраздненiемъ духовныхъ орденовъ, наказанiями епископовъ и удаленiемъ ихъ отъ должностей, и пр. депутатъ партiи центра пророчитъ, какъ слѣдствiе всего этого, усиленiе либерализма и соцiализма: потому что „въ глазахъ не твердыхъ въ вѣрѣ такое офицiальное отношенiе къ церкви отождествляется съ презрѣнiемъ къ ней.“

Итакъ, г. Рейхенспергеръ видитъ въ церковно-политическихъ законахъ и политикѣ Пруссiи только влiянiе новѣйшаго либерализма, союзъ съ нимъ для ослабленiя церкви въ интересѣ подобныхъ разрушительныхъ направленiй, какъ соцiализмъ,..

Но вотъ недавнiй фактъ происходившiй недавно на глазахъ всего мiра, фактъ въ которомъ г. Рейхенспергеръ былъ однимъ изъ факторовъ: въ Имперскомъ парламентѣ обсуждали законъ объ усиленiи мѣръ противъ пропаганды ученiй подрывающихъ основы общественнаго быта. И что же? ультрамонтаны вотировали противъ, вмѣстѣ съ крайними прогрессистами и провалили этотъ пунктъ новаго уголовнаго закона. Почему дѣйствовали такимъ образомъ господа ультрамонтаны? Не потому ли что они отрекались отъ духа давно минувшихъ временъ, проникнуты до увлеченiя духомъ терпимости и уваженiя къ свободѣ мнѣнiя и совѣсти? Увы нѣтъ! Всѣ эти господа стоятъ за непогрѣшимость папскаго авторитета, и безусловно покоряются его сужденiямъ. Но сужденiя владыки Ватикана въ этомъ отношенiи извѣстны цѣлому мiру. Развѣ *Силлабусъ* не обязываетъ правительства преслѣдовать самымъ энергическимъ образомъ всѣ зло-

вредныя ученія? Развѣ господа ультрамонтаны могли извлечь изъ наученій непогрѣшимаго главы своей церкви духъ либерализма, заставившій ихъ вмѣстѣ съ либералами противиться усиленію мѣръ противъ отчужденія церковному ученію? Почему же въ настоящемъ случаѣ они дѣйствовали вопреки преданіямъ своей церкви и рѣшительнымъ указаніямъ ея главы?

Не есть ли этотъ случай одно изъ проявленій неискренности ультрамонтанской партіи въ ея борьбѣ съ государствомъ? Не есть ли это новое доказательство готовности ея вступать въ нечестные споры и употреблять въ борьбѣ средства осуждаемыя собственною совѣстью? Герольду этой партіи, прежде чѣмъ обвинять государство за усиленіе соціализма въ Германіи, слѣдовало бы поискать поближе къ себѣ причины этого явленія...

Радикальное отрицаніе правъ государства на надзоръ за католическою церковью дабы въ ней не находили пріютъ враждебные государственной жизни элементы, непримиримое отношеніе ко всему совершившемуся, вотъ что̀ составляетъ затаенную мысль автора, довольно искусно маскируемую. Онъ говоритъ: „для Пруссіи остается на выборъ два выхода: или „признать или же отвергнуть гарантируемое божественнымъ закономъ, многочисленными государственными договорами и „королевскимъ словомъ, прежнее юридическое бытіе церкви. Въ случаѣ же непризнанія этого, открывается истребительная война не только противъ самой „церкви, но и противъ десяти милліоновъ „католиковъ, которые, по признанію самого Бисмарка, показали себя до самопожертвованія вѣрными подданными и въ „бурный 1848 годъ, и во время войны съ „Франціей.“ „Дай Богъ,“ не безъ угрозы, продолжаетъ Рейхенспергеръ, „чтобы дѣло „не дошло до этой крайности, и чтобы „вѣрность католиковъ не была поставлена „на эту самую тяжкую пробу.“

Вотъ въ какомъ духѣ смотритъ политическій вождь католической партіи на положеніе дѣлъ созданное церковно-политическою борьбой.

Послѣ этого становится понятными и самыя условія предполагаемаго съ католической стороны мира.

Первымъ путемъ къ этой цѣли является отмѣна новыхъ церковно-политическихъ законовъ и возстановленіе отмѣненныхъ 15, 16 и 18 статей прусской конституціи, то-есть возвращеніе церкви къ прежнему ея положенію и къ болѣе запутаннымъ ватиканскими опредѣленіями отношеніямъ къ государству. Если же государство сочтетъ предоставленную конституціей свободу церкви несообразною съ интересами государства, то можно стать на второй путь, именно на почву конкордата съ папой. Наконецъ, третій путь, по мнѣнію автора менѣе совершенный и не сообразный съ *concordia inter imperium et sacerdotium*, есть полное отдѣленіе церкви отъ государства „по Кавуровскому паролю: свободная церковь въ свободномъ государствѣ.“

Но ненапрасно ли сильному государству, уже организовавшему у себя твердыя отношенія къ церкви зараженной политическими притязаніями, заключать ненужный конкордатъ съ папой, отмѣняемый всѣми, даже дружественными папѣ правительствами?

Что же касается до полнаго отдѣленія церкви отъ государства, то въ отвѣтъ г. Рейхенспергеру *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* замѣчаетъ: „Если ультрамонтанство не желаетъ ничего болѣе какъ „свободы исповѣданія и сообразныхъ съ „нимъ отношеній церкви къ государству, „то она уже обладаетъ ими. Но если ультрамонтанство думаетъ съ отдѣленіемъ „церкви отъ государства устранить *права* „этого послѣдняго *на высшій надзоръ* за „первою, то съ принятіемъ такого рѣшенія снова оживетъ борьба: потому что „Римская церковь съ своею внѣшнею организаціей и централизаціей, съ своимъ „духовнымъ безграничнымъ государемъ выходитъ далеко изъ предѣловъ вѣры и „церкви, и своими притязаніями на властительство вторгается въ область государства, такъ что государству необходимо противопоставить церкви весь свой „авторитетъ. Государство не желаетъ порабощенія церкви, но кто же можетъ допустить чтобы церковное общество, на „томъ основаніи что оно отрекается отъ „государственнаго признанія и помощи, „имѣло право идти въ разрѣзъ съ государственнымъ законодательствомъ?“

Отрицая возможность мира между церковью и государствомъ на основаніи указанныхъ условій, прусская офиціозная *Provincial-Korrespondenz* говоритъ: „Всѣ стремленія къ миру только тогда получатъ

„практическое значеніе и дѣйствительные „результаты если они будутъ корениться „на той почвѣ гдѣ только и возможно при-„миреніе, на почвѣ фактическаго призна-„нія новаго законодательства. Правитель-„ству будетъ весьма пріятно какъ скоро „устранится необходимость пускать въ дѣ-„ло острыя орудія новыхъ законовъ, когда „католическое духовенство станетъ на путь „уваженія къ нимъ и исполненія ихъ и от-„кажется отъ стремленія поддерживать, на-„ряду съ государственнымъ верховенствомъ, „чуждое странѣ верховенство (папы) въ „тѣхъ дѣлахъ которыя не имѣютъ ничего „общаго со внутреннею жизнію церкви и „ея высокими задачами. Правительство, „въ продолженіи настоящей борьбы, по-„стоянно стремилось къ установленію гра-„ницъ между чисто церковною и государ-„ственною областями чтобъ обезпечить „мирное существованіе обоихъ установ-„ленныхъ обществъ. Да вступаютъ же епи-„скопы скорѣе и охотнѣе на указываемый „конституціей и законами путь, на кото-„ромъ только и возможно устраненіе фак-„тическихъ замѣшательствъ."

№ 45.

Москва, 20-го февраля.

Междуусобная война въ Испаніи наконецъ прекратилась полнымъ пораженіемъ слабѣйшей стороны. Такой исходъ ея давно считался неизбѣжнымъ, такъ какъ дѣло претендента, кромѣ нѣкоторыхъ гористыхъ провинцій на сѣверѣ, очевидно не находило себѣ сочувствія въ остальной Испаніи, и даже въ ея начальныя минуты, среди анархіи порожденной дикими оргіями республиканскихъ опытовъ, при полномъ безсиліи Мадридскаго правительства, карлистскіе отряды не отваживались спускаться изъ своихъ горныхъ твердынь чтобы двинуться прямо на столицу. По возстановленіи же прежней династіи въ лицѣ юнаго короля Альфонса, около котораго послѣ тяжкаго испытанія сплотились прежніе элементы раздора, дѣло карлизма должно было считаться рѣшительно проиграннымъ. Вопросъ былъ только о томъ какъ долго могла еще тянуться эта неравная борьба, задерживавшая возрожденіе націи. Въ послѣднее время и въ этомъ отношеніи трудно было сомнѣваться, и когда армія короля Альфонса была доведена вновь до 200.000 и карлисты прошедшею осенью были совершенно вытѣснены изъ Каталоніи и принуждены ограничиться защитой своихъ позицій въ Баскихъ провинціяхъ, то уже можно было предвидѣть что борьба приближается къ скорому концу. Когда наконецъ самъ король Альфонсъ отправился для принятія главнаго начальства надъ арміей, то очевидно было что эта поѣздка не была бы предпринята еслибы совѣтники короля и полководцы не были твердо увѣрены въ рѣшительномъ успѣхѣ. Дѣйствительно, позиціи карлистовъ были оцѣплены превосходными силами которыя охватили ихъ со всѣхъ сторонъ, были приняты всѣ мѣры для точнаго исполненія плана, и начальники отдѣльныхъ армій дѣйствовали на этотъ разъ съ необычнымъ для испанскихъ генераловъ отсутствіемъ соперничества, усердно помогая другъ другу въ предписанномъ каждому движеніи. Энергія ихъ увѣнчалась быстрымъ успѣхомъ; карлистскія твердыни пали одна за другой, лучшіе сподвижники донъ-Карлоса оставили его дѣло, наконецъ и самъ онъ нашелся вынужденнымъ бѣжать во Францію, объявивъ что онъ „великодушно прекращаетъ борьбу и желаетъ счастія Испанцамъ."

Но эта продолжительная междуусобная борьба можетъ-быть не менѣе чѣмъ республиканская анархія содѣйствовала отрезвленію націи. Она пробудила сознаніе національнаго единства, пробудила въ извѣстной степени патріотизмъ, который сказался какъ во временномъ перемиріи политическихъ партій, такъ и во взаимномъ содѣйствіи военачальниковъ къ общей цѣли. Но какъ ни радостно должно быть для Испанцевъ прекращеніе междуусобія, нельзя не видѣть что это счастливое событіе еще не завершаетъ возрожденія страны. Съ умиротвореніемъ не замедлятъ выступить политическія затрудненія которыя уже теперь обнаруживаются. До сихъ поръ королевская власть можно сказать была диктатурой въ рукахъ немногихъ лицъ окружающихъ восемнадцатилѣтняго короля. Необходимость заставляла всѣ партіи временно подчиняться этому порядку вещей. Останется ли это и теперь когда борьба кончилась? Съ подавленіемъ карлистскаго возстанія совпадаетъ по времени открытіе новыхъ Кортесовъ, и хотя правительство успѣло обезпечить себѣ зна-

чительное большинство въ палатахъ, однако едва ли можно думать что партіи оставшіяся въ меньшинствѣ или вовсе исключенныя изъ представительства покорно удовольствуются этимъ положеніемъ, — а взаимно враждебныхъ партій въ Испаніи еще болѣе чѣмъ во Франціи. Нынѣ и въ совѣтахъ правительства, и въ палатахъ преобладающая роль принадлежитъ модерадосамъ; ихъ вліянію приписывается и ожидаемое возвращеніе въ Испанію королевы Изабеллы, которую король, сынъ ея, имѣетъ встрѣтить на французской границѣ чтобы вмѣстѣ съ нею возвратиться въ Мадридъ. Корреспонденты хорошо знакомые съ положеніемъ Испаніи не предвидятъ ничего добраго отъ этого возвращенія бывшей королевы. Опасаются что ея пребываніе при дворѣ возобновитъ интриги и усилитъ вліяніе партіи модерадосовъ и безъ нея склоняющихся къ клерикализму. Можно ли ожидать что этому смиренно подчинятся всѣ другія партіи: уніонисты, прогрессисты, радикалы, сагастисты, сорильисты, всякихъ цвѣтовъ республиканцы, надежды коихъ можетъ-быть вновь расшевелились торжествами республиканцевъ во Франціи?

Но къ смутамъ въ Испаніи давно всѣ привыкли; онѣ мало отзываются на общемъ положеніи европейскихъ дѣлъ. Еслибы карлистская война продлилась и еще годъ, отъ этого не пострадалъ бы никто кромѣ Испаніи. Гораздо важнѣе смуты на другомъ концѣ Европы. Прекратится ли возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи благодаря дипломатическому вмѣшательству державъ которое выразилось въ австрійской нотѣ? Для Порты конечно не представлялось другаго пути какъ принятіе этой ноты въ самомъ дружескомъ тонѣ и изъявленіе готовности правительства султана исполнить желаніе державъ. Дѣйствительно, въ слѣдъ за тѣмъ былъ изданъ новый султанскій ираде предписывающій немедленное исполненіе въ Босніи и Герцеговинѣ четырехъ изъ пяти пунктовъ формулованныхъ въ нотѣ графа Андраши, и только относительно пятаго пункта, касающагося назначенія части доходовъ провинцій на мѣстныя потребности. Порта поставила на видъ необходимость согласовать это предложеніе съ общею финансовою администраціей имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ заявленіи о принятіи ноты турецкіе министры выказали замѣчательную дипломатическую ловкость. Обходя молчаніемъ все что сказано въ ней о хроническомъ неудовлетворительномъ состояніи провинцій имперіи, о неисполненіи прежнихъ торжественныхъ обѣщаній Порты, циркуляръ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, Рашидъ-паши, къ представителямъ великихъ державъ въ Константинополѣ, изъявляя согласіе султанскаго правительства на сдѣланныя предложенія, высказываетъ убѣжденіе Высокой Порты что „державы расположены употребить всѣ „зависящія отъ нихъ средства для нрав„ственнаго давленія которое имѣло бы „цѣлью и слѣдствіемъ быстрое умиротво„реніе возставшихъ округовъ.“

Такимъ образомъ роли какъ будто перемѣнились, и Порта возлагаетъ на державы обязанность убѣдить инсургентовъ къ покорности. Затрудненіе подѣйствовать на инсургентовъ предвидѣлось, но практическаго исхода въ случаѣ неуспѣха не указывалось. Затрудненіе усиливается тяжкою отвѣтственностью даже въ случаѣ успѣха. Корреспондентъ *Times* пишетъ изъ Цетинья что онъ не можетъ повѣрить, пока самъ не видитъ, чтобы „какое-либо хри„стіанское правительство приняло на себя „отвѣтственность оставить обезоруженную „райю въ присутствіи вооруженнаго Тур„ка, послѣ всего что случилось въ Герце„говинѣ.“ Правда, султанское правительство поспѣшило обнародовать и амнистію тѣмъ кто изъявитъ покорность, но оно повидимому само мало надѣется на мирный исходъ, ибо предписано вновь мобилизовать 40.000 редифовъ и, какъ сообщали въ газетахъ, готовилось поголовно вооружить все мусульманское населеніе Босніи.

Австрія, по своему положенію, можетъ дѣйствительно принять серіозныя мѣры для прекращенія всякаго рода пособій инсургентамъ со стороны своихъ пограничныхъ подданныхъ въ Далматіи и Хорватіи, сочувствующихъ возстанію, и понудить пріютившихся у ней выходцевъ къ возвращенію на родину. По слухамъ, для обсужденія этихъ мѣръ и вызванъ въ Вѣну намѣстникъ Далматіи, баронъ Родичъ. Изъ того обстоятельства что Австрія, къ которой собственно долженъ относиться намекъ въ отвѣтѣ Порты о нравственномъ давленіи на инсургентовъ для побужденія ихъ къ покорности, имѣетъ наиболѣе дѣйствительныя средства для такого „нравственнаго“ давленія, нѣкоторые органы, какъ напри-

мѣръ лондонская *Pall Mall Gazette*, заключаютъ теперь что значитъ возстаніе главнымъ образомъ питалось и подстрекалось изъ австрійскихъ владѣній, почему и задаютъ вопросъ: отчего же Австрійское правительство ранѣе не приняло мѣръ для прекращенія его? Но въ настоящую минуту важнѣе вопросъ о томъ не можетъ ли продлиться возстаніе даже еслибъ Австрійское правительство приняло самыя строгія мѣры вдоль своей границы? Если же это случится, то во всякомъ случаѣ едвали кто можетъ ожидать чтобы державы категорически потребовали отъ инсургентовъ обезоруженія въ виду продолжающихся вооруженій Турокъ.

Но есть другое средство для прекращенія борьбы, на которое мы уже указывали и которымъ затрудненіе разрѣшается проще: удаленіе турецкихъ войскъ изъ Босніи и Герцеговины. Мысль эта представляется и корреспонденту *Times*, только не совсѣмъ въ томъ видѣ какъ мы ее высказывали. Онъ предполагаетъ удаленіе турецкихъ войскъ одновременно съ разоруженіемъ инсургентовъ, и потому опасается что этотъ планъ вызоветъ взрывы мусульманскаго туземнаго элемента, что сдѣлаетъ тогда необходимымъ австрійское занятіе. Какая же надобность требовать разоруженія инсургентовъ одновременно съ удаленіемъ турецкихъ войскъ? Послѣднее требуется только для прекращенія кровопролитія, а провинціи не отторгаются отъ власти султана. Державы, напротивъ, могутъ поручиться что не послѣдуетъ этого, а инсургентамъ будетъ поставлено условіемъ чтобъ они признали власть султана и подчинялись его законамъ. Боснія и Герцеговина останутся такими же провинціями султана какъ и прежде; онѣ получатъ самоуправленіе только въ предѣлахъ обозначенныхъ султанскимъ ирадѐ. Вся разница только въ томъ что исполненіе реформы будетъ ввѣрено охранѣ самихъ населеній безъ различія вѣроисповѣданій, а не оттоманскихъ войскъ. Присутствіе сихъ послѣднихъ не будетъ нужно для охраненія власти султана и назначаемыхъ имъ губернаторовъ когда эта власть будетъ признана.

Но еслибъ этотъ планъ встрѣтилъ препятствія какихъ мы не можемъ предвидѣть, то всякія другія мѣры намъ кажутся гораздо болѣе затруднительными. Спеціальный корреспондентъ *Times* вновь настойчиво повторяетъ что не предвидится другой возможности мирнаго исхода кромѣ австрійскаго занятія провинцій. Это однако совершенно измѣнило бы положеніе вопроса. Еслибы въ самомъ дѣлѣ военное занятіе оказалось неизбѣжнымъ, то оно не должно быть одностороннимъ. Военное занятіе возможно допустить въ крайности только какъ общеевропейское, то-есть такое въ коемъ приняли бы участіе не одна, а по крайней мѣрѣ двѣ ближайшія и дружественныя державы. Для этого могли бы понадобиться самыя незначительныя силы. Одностороннее же занятіе не замедлитъ возбудить подозрѣнія въ самихъ населеніяхъ, вызоветъ недоразумѣніе между державами и поставитъ Австрію въ фальшивыя отношенія къ Портѣ. Самъ же этотъ корреспондентъ говоритъ что хотя де австрійское занятіе не можетъ затрогивать ничьихъ интересовъ, однако возможна въ такомъ случаѣ война между Австріей и Турціей, и что тогда де и Россія едва ли останется въ сторонѣ. Онъ предусматриваетъ возможность войны и въ австрійскихъ вооруженіяхъ и приготовленіяхъ которыя дѣлаются въ Полѣ и другихъ мѣстахъ. Слѣдовательно, онъ самъ понимаетъ опасности сопряженныя съ одностороннимъ военнымъ занятіемъ Босніи и Герцеговины...

№ 46.

Москва, 21-го февраля.

Дѣло судебной реформы въ Германіи, долженствующей объединить всю имперію въ стройномъ и однообразномъ судебномъ порядкѣ, затянулось противъ ожиданія. Вмѣсто конца прошедшаго года, законопроекты по этому предмету поступятъ на окончательное обсужденіе Рейхстага лишь въ будущую осеннюю сессію. Но это была послѣдняя отсрочка, и никто въ Германіи не сомнѣвается что честь осуществленія великаго преобразованія выпадетъ на долю еще теперешняго законодательнаго собранія, коего трехлѣтній періодъ истекаетъ въ первыхъ числахъ января 1877 года.

Прошелъ годъ со времени перваго чтенія судебныхъ законопроектовъ въ Рейхстагѣ. Все это время усердно работала надъ ними юридическая коммиссія Рейхстага изъ 28 членовъ. Нѣмецкая печать все это время

внимательно слѣдила за работами въ коммиссіи, въ составъ которой вошли лучшія юридическія силы Германіи, и хотя засѣданія не публичны, но печать извѣщала немедленно о результатахъ ея совѣщаній и о всѣхъ перемѣнахъ внесенныхъ ею въ законопроектъ. Такихъ перемѣнъ коммиссія внесла не мало. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы уже имѣли случай познакомить нашихъ читателей, какъ напримѣръ съ постановленіемъ коммиссіи объ упраздненіи спеціальныхъ торговыхъ трибуналовъ, которое состоялось при самомъ началѣ работъ коммиссіи. Уже въ этомъ году коммиссія обсуждала проектъ судоустройства который совершенно переработанъ ею и въ который она внесла существенныя дополненія, обработавъ такіе институты коихъ правительственный законопроектъ не коснулся вовсе.

Однимъ изъ существенныхъ измѣненій нельзя не признать институтъ шеффеновъ введенный въ среднюю инстанцію уголовнаго суда.

Нашей читающей публикѣ должна быть памятна куріозная полемика возникшая у насъ около года тому назадъ по вопросу о шеффенахъ. Кто-то пустилъ тогда слухъ, будто бы существуетъ у насъ предположеніе замѣнить присяжныхъ шеффенами, причемъ послѣднее учрежденіе было приравнено къ нашимъ бывшимъ сословнымъ засѣдателямъ на судѣ. Когда мы разъяснили, въ интересахъ истины, что шеффены теперь существующіе въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ и проектированные въ общегерманскомъ уголовномъ процессѣ не имѣютъ ничего общаго съ древнимъ германскимъ институтомъ того же имени и ужъ вовсе не похожи на нашихъ бывшихъ „засѣдателей", доброжелатели наши, уличенные въ своемъ грубомъ невѣжествѣ, прикрыли свое отступленіе обычною инсинуаціей противъ насъ, будто мы „восхваляли" шеффеновъ съ цѣлью подорвать „ненавистный" намъ институтъ присяжныхъ засѣдателей.

Для уразумѣнія теперешняго измѣненія введеннаго коммиссіей Рейхстага мы должны припомнить въ общихъ чертахъ судебную организацію проектированную въ Германіи. Низшая степень суда состоитъ изъ единоличнаго судьи назначаемаго отъ короны. Ему подсудны уголовные проступки за которые по закону положено наказаніе не свыше трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, или денежный штрафъ не свыше 600 марокъ (200 талеровъ). Но и эту свою весьма ограниченную, сравнительно съ нашею мировою юстиціей, компетенцію нѣмецкій коронный судья (Amtsrichter) исполняетъ при участіи двухъ представителей отъ общества, шеффеновъ, призываемыхъ въ судъ изъ мѣстныхъ обывателей въ томъ же порядкѣ, по тому же цензу и на томъ же основаніи какъ присяжные въ высшую инстанцію суда. Вся разница между шеффенами и присяжными заключается въ томъ, что шеффены рѣшаютъ дѣло совмѣстно съ судьей какъ по вопросамъ факта, такъ и по вопросамъ права, и подаютъ свой голосъ не только о виновности, но и о размѣрѣ наказанія. Рѣшеніе этого трибунала „малыхъ шеффеновъ" не можетъ быть обжаловано по существу какъ и вердиктъ присяжныхъ. Такова низшая степень уголовнаго суда которая оставлена юридическою коммиссіей безъ всякаго измѣненія. Всѣ остальныя уголовныя правонарушенія подсудны коллегіальному трибуналу первой инстанціи, Landgericht, который соотвѣтствуетъ нашимъ окружнымъ судамъ. Подсудность *ландгерихтовъ* двоякая: съ присяжными и безъ оныхъ. Это опять сходствуетъ съ нашимъ порядкомъ. Но сходство это только внѣшнее. У насъ разрядъ дѣлъ подсудныхъ окружному суду безъ присяжныхъ не имѣетъ никакихъ характеристическихъ признаковъ которые давали бы этому разряду дѣйствительное отличіе отъ низшихъ проступковъ подсудныхъ мировому суду и высшихъ подлежащихъ суду съ присяжными. Этотъ особый разрядъ проступковъ образовавшійся у насъ со введеніемъ судебной реформы есть случайная смѣсь всѣхъ тѣхъ статей нашего устарѣлаго уголовнаго кодекса которыя, съ одной стороны, не были выдѣлены изъ него при составленіи спеціальнаго устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, а съ другой, не заключаютъ въ себѣ никакого, сопряженнаго съ большинствомъ нашихъ уголовныхъ законовъ, лишенія или ограниченія правъ на которое простирается уже компетенція суда присяжныхъ. Большинство этихъ „преступленій", судимыхъ окружнымъ судомъ безъ присяжныхъ по послѣдствіямъ своимъ не только не тяжеле „проступковъ" предусмотрѣнныхъ уставомъ о наказаніяхъ, а напротивъ легче, и подсудность ихъ высшему коллегіальному суду представляется внутреннимъ противорѣчіемъ съ болѣе тор-

жественною и важной обстановкой этого суда. Вотъ почему всякому не-юристу до сихъ поръ у насъ трудно понять почему воръ, укравшій безъ взлома лошадь, судится на мѣстѣ мировымъ судьею имѣющимъ право присудить къ тюремному заключенію на годъ, а питейный торговецъ, нарушившій какую-либо формальность по своей торговлѣ и подлежащій за это денежному штрафу, или виновный въ дерзкомъ словѣ противъ становаго пристава наказываемомъ кратковременнымъ арестомъ, долженъ предстать предъ окружный судъ. Всѣ эти аномаліи объясняются единственно тѣмъ что нашъ новый уголовный процессъ былъ механически *пригнанъ* къ Уложенію о Наказаніяхъ, которое не только само-по-себѣ обветшало во всѣхъ своихъ частяхъ, но и построено было въ предположеніи совершенно иного уголовнаго процесса. Необходимость устраненія этой аномаліи, въ свою очередь, затруднитъ и усложнитъ дѣло обновленія нашего уголовнаго кодекса въ будущемъ; ибо нѣтъ сомнѣнія что система *вѣчнаго* лишенія и ограниченія правъ, на которыя такъ щедръ нашъ теперешній кодексъ и притомъ большею частью въ видѣ дополненія къ *исправительнымъ* наказаніямъ, должна пасть окончательно, а вмѣстѣ съ паденіемъ этой системы придется коренным образомъ измѣнить и вновь опредѣлить предѣлы компетенціи нашего суда присяжныхъ, а стало-быть передѣлать весь уголовный процессъ.

Съ этой-то точки зрѣнія мы придаемъ особенную важность изученію хода германской судебной реформы, представляющей матеріалъ для весьма поучительныхъ сравненій. Выше сказано что и въ Германіи сочли нужнымъ выдѣлить промежуточный разрядъ преступленій превышающихъ компетенцію *амтсгерихта* (которая, сказать мимоходомъ, вчетверо меньше нашего мироваго суда), но не настолько важныхъ чтобы подвергать ихъ всей торжественной и сложной процедурѣ высшей формы уголовнаго суда съ присяжными. Это тѣ преступленія и проступки за которые въ Германскомъ уголовномъ кодексѣ положено наказаніе до пяти лѣтъ смирительной тюрьмы (Zuchthaus). Такое опредѣленное обозначеніе сразу даетъ ясное понятіе о среднемъ разрядѣ преступленій, коему соотвѣтствуетъ и у насъ разрядъ дѣлъ подсудныхъ окружному суду безъ присяжныхъ, который однако не поддается положительному опредѣленію, а обозначается лишь отрицательно какъ такіе проступки и преступленія, наказанія за которые опредѣлены въ Уложеніи о Наказаніяхъ, а не въ Уставѣ о Нак., и не сопряжены съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ.

Но для полнаго уразумѣнія громадной разницы между предѣлами подсудности нашего уголовнаго суда и будущаго Германскаго суда, нужно знать что такое по Германскому уголовному кодексу пять лѣтъ смирительной тюрьмы. Наказаніе это соотвѣтствуетъ каторжной работѣ въ нашей системѣ наказаній; оно слѣдуетъ непосредственно за смертною казнью. Бываетъ оно двухъ родовъ: безъ срока или срочное, отъ одного до пятнадцати лѣтъ. Чтобы судить насколько тѣснѣе компетенція Германскаго суда присяжныхъ сравнительно съ нашимъ, нужно знать что пятью годами смирительной тюрьмы, какъ высшимъ наказаніемъ, по Германскому кодексу обложены, за весьма ничтожными исключеніями, *всѣ* виды кражи, грабежи безъ насилія, мошенничества и подлога; у насъ же эти преступленія составляютъ не менѣе 90 процентовъ дѣлъ судимыхъ съ присяжными. Но да не подумаютъ что разница эта зависитъ отъ того что Нѣмцы менѣе „либеральны" чѣмъ мы въ дѣлѣ уголовнаго суда, и потому стѣсняютъ компетенцію суда съ участіемъ представителей отъ общества: такое мнѣніе опровергается уже однимъ тѣмъ что въ Германіи такіе представители отъ общества установлены и для самой низшей степени суда въ лицѣ шеффеновъ. Все дѣло въ томъ что компетенція нашего суда присяжныхъ обусловливается существующею системой наказаній, при которой не менѣе 80 процентовъ преступленій подсудныхъ не мировымъ, а общимъ судамъ, влекутъ за собою пожизненное лишеніе правъ. При существованіи *такой* системы наказаній естественно было предоставить гарантію суда присяжныхъ всѣмъ подсудимымъ коимъ грозитъ лишеніе правъ личныхъ и по состоянію пріобрѣтенныхъ; но, съ другой стороны, при подобной карательной системѣ мудрено намъ кичиться нашимъ либеральнымъ превосходствомъ предъ какимъ бы то ни было изъ европейскихъ государствъ. Отсутствіе въ нашемъ кодексѣ смертной казни за предумышленное убійство, удерживаемой до сихъ поръ во всѣхъ европейскихъ кодексахъ, которые напротивъ отмѣнили оную за преступленія за

которыя по нашему Уложенію смертная казнь удержана, еще рѣзче, по нашему мнѣнію, усиливаетъ общій характеръ негуманности нашей уголовной системы, ибо суровость оной по отношенію къ низшимъ видамъ преступленій тѣмъ несоизмѣримѣе. Нѣтъ сомнѣнія поэтому что съ измѣненіемъ нашего уголовнаго кодекса и съ отпаденіемъ системы лишенія правъ которая должна бы служить придаткомъ къ наказаніямъ лишь за тяжкія преступленія, по необходимости должны значительно сузиться предѣлы подсудности нашего суда присяжныхъ, и напротивъ расшириться предѣлы компетенціи уголовнаго суда безъ присяжныхъ.

Эту-то инстанцію суда германскій проектъ предполагалъ устроить такимъ образомъ чтобъ она состояла изъ коллегіи пяти коронныхъ судей, причемъ для обвинительнаго рѣшенія требуется не абсолютное большинство, а большинство двухъ третей. Коммиссія же Рейхстага признала необходимымъ ввести и въ эту инстанцію суда элементъ „свѣтскій“ въ лицѣ шеффеновъ. По этимъ соображеніямъ, коммиссія опредѣлила что составъ *ландгерихта* для сужденія о дѣлахъ уголовныхъ не превышающихъ по послѣдствіямъ пяти лѣтъ смирительной тюрьмы, долженъ состоять изъ двухъ коронныхъ судей и трехъ шеффеновъ. Въ отличіе отъ шеффеновъ *амтсгерихта*, этому трибуналу присвоено названіе „большихъ шеффеновъ“.

№ 48.

Москва, 23-го февраля.

Нельзя не обратить вниманія на внесенный въ Прусскую палату депутатовъ законопроектъ постановляющій чтобы нѣмецкій языкъ былъ *исключительнымъ* органомъ официальнаго дѣлопроизводства для всѣхъ властей, чиновниковъ и политическихъ учрежденій въ Пруссіи. Чтобъ облегчить переходъ къ новому положенію, законопроектъ (состоящій всего изъ тринадцати параграфовъ) допускаетъ что въ продолженіе ближайшихъ двѣнадцати лѣтъ со дня вступленія въ силу закона въ отдѣльныхъ частяхъ монархіи, путемъ королевскаго распоряженія, *можетъ* быть дозволено употребленіе чужаго языка на ряду съ нѣмецкимъ въ *словесномъ* дѣлопроизводствѣ учебныхъ совѣтовъ, общинныхъ и окружныхъ собраній. Въ продолженіе того же срока можетъ быть дозволено, по распоряженію окружнаго правленія, не знающимъ нѣмецкаго языка старшинамъ сельскихъ общинъ подавать требуемые отъ нихъ официальные доклады и объясненія и на другомъ, кромѣ нѣмецкаго, языкѣ. Всѣ судебныя разбирательства должны, конечно, отнынѣ также производиться на нѣмецкомъ языкѣ, а если судъ имѣетъ дѣло съ лицомъ не знающимъ этого языка, то призывается присяжный переводчикъ. Протоколъ составляется обязательно на нѣмецкомъ языкѣ, и если нужно утвержденіе лица о которомъ идетъ дѣло, то переводчикъ переводитъ ему протоколъ. Составленіе же другаго протокола на иномъ языкѣ не допускается.

Въ мотивахъ сопровождающихъ законопроектъ, между прочимъ, сказано: „Къ проявленіямъ особенностей жизни каждаго народа главнѣйшее принадлежитъ его языкъ. Въ государствѣ гдѣ придается значеніе отпечатку національнаго характера долженъ, слѣдовательно, народный языкъ употребляться во всѣхъ сферахъ общественной жизни какъ знамя единства государства. Если въ государствѣ живетъ населеніе говорящее на другомъ языкѣ, то вниманіе къ свободѣ этого населенія въ отношеніи къ развитію и употребленію своего языка не можетъ доходить до того чтобъ языкъ этотъ былъ признаваемъ *равноправнымъ съ государственнымъ языкомъ*... Населеніе Прусскаго государства принадлежитъ по преимуществу къ нѣмецкой національности; въ государствѣ живетъ лишь около двѣнадцати процентовъ не Нѣмцевъ: Поляковъ, Литовцевъ, Датчанъ, Вендовъ, Чеховъ и Валоновъ, бо́льшая часть которыхъ, однако, болѣе или менѣе владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, такъ какъ этотъ языкъ *обязателенъ* во всѣхъ начальныхъ школахъ. Хотя огромный перевѣсъ Нѣмцевъ придаетъ Прусскому государству его національный характеръ, тѣмъ не менѣе въ прусскомъ законодательствѣ до сихъ поръ не было достаточно ясно опредѣлено начало что нѣмецкій языкъ должно считать языкомъ дѣловаго производства... Созданная путемъ историческаго развитія государственная индивидуальность и политическое положеніе Пруссіи заставляютъ законодательство соединить и сплотить всѣ стихіи которыя могутъ сохранить и укрѣпить національный характеръ и основанную

на немъ политическую индивидуальность государства. Поэтому, если принять во вниманіе то обстоятельство что господствующая въ Пруссіи разница языковъ *эксплуатировалась въ ущербъ силы и единства государства*, нужно привести въ исполненіе согласное съ государственнымъ правомъ и политически необходимое рѣшеніе чтобы нѣмецкій языкъ считался исключительнымъ и единственнымъ языкомъ дѣлопроизводства..."

Эта мѣра прусскаго правительства *узаконяющая* то что уже практиковалось его администраціей касается преимущественно самыхъ восточныхъ и самыхъ западныхъ провинцій Пруссіи. Поэтому-то мѣра эта и встрѣтила здѣсь агитацію національныхъ элементовъ и преимущественно католическаго духовенства, которое, конечно, поспѣшитъ употребить ее въ видѣ новаго оружія для возстановленія простаго народа противъ распоряженій правительства. Агитація чинится въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Въ первыя три недѣли послѣ опубликованія законопроекта было устроено до 30 народныхъ собраній гдѣ постановлены резолюціи и сочинены петиціи противъ новаго закона; предполагается еще цѣлый рядъ такихъ собраній въ различныхъ мѣстностяхъ Познани. Депутаты польской фракціи, Тачановскій, Неголевскій съ товарищами, выработали между тѣмъ и представили меморандумъ, гдѣ приведены доводы въ пользу *національнаго обособленія* представляемыхъ ими провинцій. Они ссылаются на дипломатическіе договоры и трактаты которые де не могутъ быть вычеркнуты, безъ согласія державъ, однимъ рѣшеніемъ парламентскаго большинства. Ссылки эти относятся ко времени довольно старому, къ 1772 и 1815 годамъ; изъ болѣе близкаго времени приходится уже ссылаться на прокламацію оберъ-президента, высказывавшаго въ ней свой личный взглядъ. Тѣмъ не менѣе, протестующіе полагаютъ что доказали свое *право*. Такія манифестаціи, конечно, ни на минуту не задержатъ естественнаго хода вещей. Законодательный механизмъ дастъ санкцію предлагаемой мѣрѣ, и бумажные протесты будутъ сданы спокойно въ архивъ. Новый законъ только констатируетъ фактъ уже давно существующій. Антагонисты принимаемой Прусскимъ правительствомъ мѣры называютъ ее насиліемъ, покушеніемъ стереть съ лица земли иныя народности, и жалуются что она коверкаетъ бытовыя условія и отношенія. Но въ мотивахъ ясно указано что эта мѣра не для нападенія, а для защиты. Разница языковъ „эксплуатируется въ ущербъ силы и единства государства," а можетъ ли государство терпѣть такія попытки? Фаланга враговъ Германской имперіи представляетъ пеструю смѣсь ультрамонтантовъ, федералистовъ, соціалистовъ, и въ ихъ ряду защитники польской народности играютъ видную роль. Ихъ агитація представляетъ лучшее оправданіе принимаемой мѣры. Они сами толкуютъ объ *обособленіи*, но Пруссія не федеративное государство, не конгломератъ народностей лишь внѣшнимъ образомъ связанныхъ.

По поводу мѣры, о которой идетъ рѣчь, англійская *Globe* замѣтила что ей кажется страннымъ что эта мѣра „исходитъ отъ того самаго правительства которое съ большою энергіей протестовало когда Россія намѣревалась примѣнить подобную же къ своимъ балтійскимъ провинціямъ." *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* въ отвѣтѣ на эту выходку принимаетъ тонъ презрѣнія. „*Globe*," говоритъ она, „должна бы какъ англійская газета помнить что Русское правительство не привыкло допускать иностранное вмѣшательство въ свои внутреннія дѣла, а Прусскому правительству несвойственна навязчивая привычка англійской печати заботиться о чужихъ дѣлахъ. Кажется англійскія дѣла должны бы доставить ей достаточно матеріала для разнаго рода серіозныхъ соображеній." Что касается ссылки на Прусское правительство, то отвѣтъ справедливъ и мѣтокъ. Никогда Прусское правительство не возбуждало вопроса о правахъ русскаго языка въ Россіи. Англійская газета ошиблась въ адресѣ. Памятно всѣмъ, какъ лѣтъ десять назадъ вся германская печать считала своимъ долгомъ поддерживать элементы разложенія въ нашемъ отечествѣ, всѣхъ противниковъ національнаго единства Россіи въ ихъ полемикѣ съ нами. Въ Германіи портилось не мало крови, разливалось не мало желчи и тратилось не мало бумаги и чернилъ чтобъ опровергнуть то что говорилось нами, и что теперь буквально повторяется въ мотивахъ къ прусскому закону.

№ 49.

Москва, 24-го февраля.

И въ печати, и въ публикѣ давно и много говорятъ о страшныхъ размѣрахъ какіе приняло у насъ повсемѣстное лѣсоистребленіе, о вредномъ вліяніи его на климатъ и почву, о необходимости принять мѣры къ лѣсосохраненію и лѣсоразведенію. Но во всѣхъ этихъ толкахъ большею частію чувствуется какъ бы присутствіе задней мысли что не такъ страшенъ чортъ какъ его малюютъ, что время терпитъ, что обсуждать мѣры противъ лѣсоистребленія конечно должно, но торопиться пока еще нѣтъ достаточнаго повода. Только такимъ оптимистическимъ отношеніемъ къ дѣлу и можно объяснить себѣ тотъ фактъ что всѣ теоретическія сужденія о лѣсномъ вопросѣ не повели до сихъ поръ ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Правы ли наши оптимисты? Точно ли нѣтъ поводовъ торопиться этимъ дѣломъ или, напротивъ, близится время когда на предложеніе всякой мѣры къ устраненію печальныхъ послѣдствій лѣсоистребленія придется отвѣчать роковое: поздно?

Какъ бы отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ интересный рефератъ князя В. И. Васильчикова: *Черноземъ и его будущность въ связи съ истребленіемъ лѣсовъ*, прочитанный въ послѣднемъ засѣданіи Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, и было бы очень жаль еслибъ этотъ рефератъ прошелъ незамѣченнымъ. Онъ заслуживаетъ самаго серіознаго вниманія не только тѣхъ полутораста человѣкъ которые присутствовали при его чтеніи, но всей русской публики, и мы полагаемъ что читатели, въ виду важности предмета, не посѣтуютъ на насъ если мы хотя въ главныхъ чертахъ познакомимъ ихъ съ его содержаніемъ.

Владѣя нѣсколькими имѣніями въ разныхъ мѣстностяхъ средняго черноземнаго пояса Россіи, самъ занимаясь въ нихъ веденіемъ сельскаго хозяйства и присматриваясь къ условіямъ его у сосѣдей, князь Васильчиковъ путемъ слишкомъ двадцатипятилѣтнихъ личныхъ опытовъ и наблюденій убѣдился что при нынѣшнемъ ходѣ дѣла и въ виду обозначившихся уже гибельныхъ результатовъ лѣсоистребленія, оптимизмъ по отношенію къ лѣсному вопросу не позволителенъ, и въ своей запискѣ излагаетъ данныя на основаніи коихъ онъ пришелъ къ такому убѣжденію. „Когда въ концѣ сороковыхъ годовъ," говоритъ онъ въ своей запискѣ, „я первый разъ посѣтилъ принадлежащее мнѣ нынѣ имѣніе, село Трубетчино (Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губерніи), вокругъ его со всѣхъ сторонъ высились крупные дубовые и березовые лѣса. Въ какую бы сторону ни взглянуть, въ то время, съ возвышенности на которой стоитъ моя усадьба, вездѣ горизонтъ былъ замкнутъ зеленью лѣснаго насажденія, за исключеніемъ юговосточной его оконечности. Въ настоящую эпоху предъ вами стелется голый горизонтъ, и глазъ вашъ безпрепятственно углубляется въ безотрадную пустынную даль полей. На моей памяти сведены около меня, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ моего рубежа, обширные лѣса г. Новикова въ Сатинѣ, лѣсъ гг. Луниныхъ около Параря, лѣсъ г. Бартенева въ Бранномъ, лѣсъ г. Штейна въ Замартиньѣ, лѣса около селъ Варварина, Телѣженки, Хорошевки. Не стану говорить о рощахъ находившихся въ большемъ отъ меня разстояніи и погибшихъ въ теченіе того же кратковременнаго срока... Еслибы подняться теперь на воздушномъ шарѣ, какъ Гамбетта, надъ моимъ имѣніемъ, то мѣстность представилась бы намъ въ видѣ обширной однообразной равнины, прорѣзанной по разнымъ направленіямъ глубокими оврагами и лощинами, въ срединѣ которой виднѣется группа моихъ лѣсовъ, тщательно охраняемыхъ и сберегаемыхъ, а кругомъ ихъ совершенное безлѣсье, на которомъ изрѣдка стоятъ еще небольшія отдѣльныя рощи, какъ бы забытыя ненасытными сводчиками и съ трепетомъ ожидающія свершенія горестной участи."

Таковъ приводимый княземъ Васильчиковымъ образчикъ лѣсоистребленія. „Я слышалъ," прибавляетъ онъ, „что когда извѣстный англійскій геологъ Мурчисонъ, по окончаніи своего научнаго путешествія по Россіи, въ началѣ нынѣшняго вѣка, являлся Государю, Императоръ спросилъ его что болѣе всего привлекло его вниманіе, поразило его при обозрѣніи страны. Мурчисонъ отвѣтилъ: „Та быстрота съ какою „губятся лѣса по всему пространству Вашего государства. Я не могу не заявить „о томъ Вашему Величеству, и умоляю „Васъ, во имя человѣчества, принять теперь же самыя энергическія мѣры къ

„прекращенію этого безразсуднаго расхищенія, грозящаго гибелью Вашему прекрасному отечеству.“ Что бы сказалъ Мурчисонъ, еслибъ онъ увидѣлъ край въ настоящемъ его состояніи?

Уже нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, какъ полагалъ знаменитый англійскій геологъ, требовалось у насъ безотлагательное принятіе энергическихъ мѣръ противъ лѣсоистребленія, а мы и понынѣ смотримъ сложа руки какъ безвозвратно и неудержимо гибнутъ наши лѣсныя богатства. И не въ потерѣ этихъ богатствъ заключается главное зло. Какъ бы ни было жаль что богатства эти исчезаютъ безслѣдно, какой бы недостатокъ въ лѣсныхъ матеріалахъ ни предстоялъ намъ въ будущемъ, не на этой сторонѣ дѣла должно быть сосредоточено преимущественное вниманіе. Какъ строительный матеріалъ, лѣсъ еще можетъ быть замѣненъ кирпичомъ, какъ топливо—каменнымъ углемъ и торфомъ. Но чѣмъ замѣнить лѣсъ какъ необходимый факторъ производительности страны? На югѣ Россіи уже убѣдились горькимъ опытомъ какъ тяжело отзывается на земледѣліи недостатокъ лѣсныхъ насажденій,—а тамъ отсутствіе лѣсовъ еще возмѣщается въ значительной мѣрѣ сосѣдствомъ моря, влажностью дующихъ съ него вѣтровъ. Что же станется безъ лѣсовъ со всѣмъ среднимъ черноземнымъ поясомъ Россіи, не пользующимся такимъ сосѣдствомъ? А гибельное измѣненіе климатическихъ и почвенныхъ условій не за горами; оно уже началось, и въ запискѣ князя Васильчикова мы находимъ разительные факты дающіе понятіе и о самомъ ходѣ этого печальнаго процесса, и объ его уже обозначившихся результатахъ.

Почва изъ-подъ лѣсовъ обращена въ пахатныя поля, сдаваемыя теперь крестьянамъ. Крестьянинъ нанявшій ниву старается всѣми доступными ему мѣрами извлечь изъ нея всевозможную пользу, и первымъ средствомъ къ тому является у него алчное стремленіе захватить подъ посѣвы какъ можно большее пространство. Ни вымытая дождями лощина, ни крутой берегъ оврага, ничто его не останавливаетъ, и если только клячонка его можетъ проволочить гдѣ-нибудь соху, онъ непремѣнно разцарапаетъ даже отвѣсный бугоръ и разсѣетъ на немъ сѣмена, напередъ обреченныя на погибель. Такому царапанію подвергаются всѣ уклоны, всѣ скаты, всѣ края овраговъ и лощинъ. При таяніи снѣговъ весной и даже при немного сильныхъ и продолжительныхъ дождяхъ, рыхлый слой чернозема сносится водой въ низменности; за нимъ увлекается песокъ, а затѣмъ и глина; поля обнажаются, теряютъ свою производительную силу, а источники, ключи, словомъ живыя воды проявляющіяся въ низменностяхъ постепенно забиваются иломъ и наконецъ исчезаютъ окончательно подъ давящими ихъ наносами. Подъ этою тягостною ношей, вода стремящаяся наружу не находитъ себѣ выхода и затѣмъ пробиваетъ себѣ новые ходы въ глубь или въ сторону. Слоняющаяся безъ призора скотина затаптываетъ еле дышущую еще струю воды, которая обращается сперва въ болото, потомъ въ топкое мѣстечко, пока наконецъ новый слой ила, нанесенный весеннимъ половодьемъ, не покроетъ это мѣсто непроницаемою корой. Это у насъ повсюду общее явленіе: родники заносятся и забиваются, колодцы не надежны и скудны, пруды зарастаютъ. „Что же,“ спрашиваетъ князь Васильчиковъ, „ожидаетъ насъ въ будущемъ? Безводіе!...“

Это не гипербола. Князь Васильчиковъ приводитъ рядъ фактовъ свидѣтельствующихъ что исчезновеніе воды въ обезлѣсенной мѣстности совершается съ ужасающею быстротой. Чрезъ все имѣніе его тянется безводный и безплодный оврагъ; оврагъ этотъ значится на картахъ Тамбовской губерніи подъ названіемъ рѣки Мартынца, и князь Васильчиковъ, въ пятидесятыхъ годахъ, слышалъ отъ одного заштатнаго стараго дьякона что тотъ, въ юности своей, лавливалъ, въ озерныхъ плесахъ этой рѣчки, судачковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оврага и понынѣ еще сохранились слѣды стоявшихъ на этой рѣчкѣ мельничныхъ плотинъ. Въ семнадцати верстахъ отъ имѣнія князя Васильчикова стоитъ большое село Избище; лѣтъ около семидесяти тому назадъ тамъ были двѣ водяныя мельницы: теперь посреди села зіяетъ размытый, сухой, осыпающійся оврагъ, а жители ѣздятъ за три версты за водой. И точно также весь край пересѣченъ сухими, пескомъ и иломъ наполненными лощинами, которыя видимо составляли въ прежнія времена ложбины теперь пересохшихъ ручьевъ и рѣчекъ. Изрѣдка на нихъ стоятъ еще, теперь уже гнилые, мосты, по которымъ никто не ѣздитъ.

Тяжелое впечатлѣніе производятъ подобные факты; невольно переносишься мыслью во времена предшествовавшія исчезновенію тѣхъ городовъ, слѣды которыхъ находятъ среди Туркменскихъ нѣкогда орошенныхъ, а нынѣ безводныхъ, степей. И какъ бы въ подтвержденіе того что наши черноземныя мѣстности стоятъ на пути къ запустѣнію, мы находимъ въ запискѣ князя Васильчикова такіе знаменательные факты: „Въ Воронежской губерніи," разказываетъ онъ, „около почтовой станціи Икорецъ, по Острогожскому тракту, мы среди чисто черноземной мѣстности вдругъ неожиданно натыкаемся на сыпучіе, подвижные песчаные бугры, взгроможденные какою-то невидимою силой поверхъ плодороднаго слоя земли. Судя по неожиданности такого появленія песка, потому что бугры эти постоянно растутъ и передвигаются, нельзя не придти къ тому заключенію что песка этого въ былые дни здѣсь не было, и что онъ принесенъ сюда издалека; оказывается что эти наносы идутъ изъ ложбины рѣки Битюга, не въ очень дальнемъ разстояніи протекающаго, что они приносятся сюда періодически вѣющими вѣтрами, и что такіе заносы начались съ той поры какъ берега рѣки оголились отъ произраставшихъ на нихъ лѣсовъ. Точно такое же явленіе замѣчено мною и въ другомъ имѣніи моемъ, Павловскаго уѣзда, с. Н. Кисляй, прилегающемъ къ тому же Битюгу. Изъ-за оконечности моего лѣса, растущаго вдоль берега рѣки, вѣтромъ постепенно навѣвается песокъ, который засыпаетъ мало-по-малу вблизи лежащія десятины пахатной земли, и по окраинамъ ихъ начинаютъ пробираться точно такіе же бугры какъ подъ станціей Икорецъ. Для огражденія себя отъ такой напасти, я уже распорядился засадкою этихъ возрождающихся бугровъ соснами изъ моихъ лѣсныхъ питомниковъ."

Таковы уже обозначавшіяся грозныя предостереженія. Возможно ли, въ виду ихъ, спокойно смотрѣть на безпощадное истребленіе лѣсовъ и непремѣнно сопровождающее его обезводненіе цѣлой страны. Да, пора, давно пора перейти отъ словъ къ дѣлу. Если частныя лица находятъ для себя позволительнымъ держаться девиза: après nous le déluge, то правительство не можетъ допускать такого образа ихъ дѣйствій, если онъ причиняетъ разореніе и пагубу не имъ однимъ, а всей странѣ, цѣлому народу, и должно вмѣшаться въ это дѣло. Намъ не разъ уже приводилось высказываться въ этомъ смыслѣ, и ту же мысль высказываетъ и князь Васильчиковъ въ своей запискѣ. „Сознавая всю важность этого вопроса," говоритъ онъ, „я давно уже принялся за пропаганду по этому дѣлу... Постоянно встрѣчалъ я одно и то же возраженіе: это будетъ вмѣшательство въ частныя распоряженія, это нарушеніе права собственности. Громкія слова лишенныя всякаго практическаго смысла! Какъ будто бы право собственности ничѣмъ и никогда не стѣсняется, и всякій воленъ произвольничать по своему усмотрѣнію живя въ благоустроенномъ обществѣ! Какъ будто бы это общество не въ правѣ ограждать себя отъ причиняемаго ему зла, единственно потому что зло это наносится ему однимъ изъ его членовъ, не вѣдущимъ что онъ творитъ! Не позволитъ же это общество какому-нибудь домовладѣльцу поджечь, для удовольствія своего, принадлежащій ему на томъ же правѣ собственности домъ, потому что отъ такого пользованія этимъ правомъ можетъ сгорѣть весь городъ. Отъ чего же должны мы молча смотрѣть на окончательный сводъ всѣхъ лѣсовъ, когда послѣдствіемъ такого права собственности должна быть гибель всей страны, а не одного лишь города или деревни?... Въ Западной Европѣ народы пользуются не меньшею чѣмъ въ Россіи свободой, и правомъ собственности они дорожатъ, кажется, не менѣе насъ: однакоже тамъ существуютъ законы регулирующіе эксплуатаціи лѣсовъ, а Германія обязана строгости такого законодательства сохраненіемъ своего лѣсонасажденія. У насъ государственные дѣятели наши боятся коснуться этого вопроса и не принимаютъ никакихъ радикальныхъ противъ пагубы мѣръ."

Право собственности, конечно, есть право священное. Но не менѣе священно право страны и народа пещись о своемъ самосохраненіи, и послѣднее не можетъ быть приносимо въ жертву первому. Къ эксплуатаціи лѣсовъ менѣе чѣмъ къ чему другому приложимъ извѣстный экономическій афоризмъ: laissez faire, laissez passer, и регулированіе этой эксплуатаціи было бы лишь такимъ же ограниченіемъ права собственности какимъ является регулированіе охоты и рыбной ловли въ видахъ сохраненія отъ истребленія извѣстныхъ породъ дичи и рыбы. Если нельзя не видѣть что зло лѣсоистребленія уже достигло у насъ

тѣхъ предѣловъ при коихъ оно не можетъ быть терпимо, то нельзя не признать и того что тяжкую отвѣтственность берутъ на себя тѣ кто тормозятъ законодательное рѣшеніе лѣснаго вопроса.

№ 50.

Москва, 25-го февраля.

Вопросъ о субсидіяхъ Русскому Обществу Пароходства и Торговли продолжаетъ быть предметомъ оживленной полемики. Чуть не вся наша печать, почти единогласно, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалась противъ продолженія этихъ субсидій. Особыя коммиссіи по этому вопросу назначенныя Обществомъ Содѣйствія Русской Торговлѣ и Промышленности и Обществомъ Содѣйствія Русскому Торговому Мореходству, каждая съ своей стороны, также признали необходимымъ, съ точки зрѣнія представляемыхъ ими интересовъ, ходатайствовать чтобы нынѣшняя субсидія Русскому Обществу Пароходства и Торговли, по истеченіи срока ея 21 мая 1877 года, не была возобновлена. О томъ же, какъ извѣстно, проситъ и Одесскій Комитетъ Торговли и Мануфактуръ. Таврическое губернское земское собраніе, въ декабрьской сессіи коего также зашла рѣчь о дѣятельности Русскаго Общества, равнымъ образомъ постановило ходатайствовать чтобъ ему не была выдаваема субсидія... Единодушіе поразительное, и въ виду его нельзя не признать что есть же въ дѣятельности Русскаго Общества что-нибудь такое чѣмъ это единодушіе могло быть вызвано. Дыма безъ огня не бываетъ.

Обстоятельство въ такой мѣрѣ вооружившее всѣхъ противъ Общества Пароходства и Торговли заключается, конечно, не въ чемъ иномъ какъ въ его монопольномъ характерѣ. И напрасно защитники этого Общества и само его правленіе силятся отрицать и самый фактъ этой монополіи, и причиняемый ею несомнѣнный вредъ. Правда, на Черномъ и Азовскомъ моряхъ и по впадающимъ въ нихъ рѣкамъ плаваютъ нынѣ, кромѣ судовъ Общества, около 50 пароходовъ. Но что значатъ разрозненныя силы этихъ мелкихъ пароходиковъ противъ компактной массы цѣлой сотни пароходовъ состоящихъ въ распоряженіи Общества? Они могутъ только питаться крупицами падающими съ его роскошнаго стола, не смѣя и мечтать о какомъ бы то ни было соперничествѣ съ нимъ. Еще у всѣхъ въ живой памяти во что обошлась Товариществу Новороссійскаго Пароходства попытка такого соперничества. Правленіе Русскаго Общества отрицаетъ чтобы оно играло активную роль въ неудачахъ заставившихъ Товарищество ликвидировать свои дѣла, и въ доказательство ссылается на „публичное заявленіе правленія Товарищества въ общемъ собраніи пайщиковъ о томъ что оно не имѣетъ причинъ жаловаться на Русское Общество,“ и на „благодарственныя письма правленія Товарищества за неоднократное содѣйствіе оказанное съ полною готовностью Русскимъ Обществомъ пароходамъ Товарищества.“ Но для оцѣнки подобныхъ заявленій надо знать при какихъ обстоятельствахъ они дѣлались. Послѣ того какъ, благодаря тому образу дѣйствій Русскаго Общества на который достаточно пролито свѣта и въ *Запискѣ* Одесскаго Комитета Торговли и Промышленности, и въ преніяхъ Таврическаго земства Новороссійскому Товариществу пришлось прекратить дѣла, оно вынуждено было продать свои пароходы и прочее имущество не кому другому, а именно Русскому Обществу. А когда шли переговоры съ нимъ объ этой продажѣ, могли ли быть умѣстны какія бы то ни было невыгодныя Обществу заявленія? У всѣхъ въ памяти и тотъ результатъ какимъ сопровождалась ликвидація Новороссійскаго Товарищества. Русское Общество тотчасъ повысило свои фрахты на 60%, какъ заявлено Одесскимъ Комитетомъ. Само правленіе не находитъ возможнымъ отрицать этотъ фактъ, заявляя лишь что возвышеніе грузовыхъ тарифовъ при этомъ случаѣ не превышало 20%, причемъ, однако, сила такого заявленія много ослабляется собственнымъ признаніемъ правленія, въ его печатномъ *Отвѣтѣ* Одесскому Комитету, что оно не считаетъ себя обязаннымъ стѣсняться на практикѣ предѣлами своихъ тарифовъ. Благодаря той силѣ какую даетъ Русскому Обществу его монопольный характеръ, оно имѣетъ возможность налагать свою тяжелую руку не только на дерзающія соперничать съ нимъ русскія пароходныя предпріятія, но и на неугодившіе ему наши приморскіе города. Разительный въ этомъ отношеніи фактъ

заявленъ недавно въ Обществѣ Содѣйствія Русской Торговлѣ и Промышленности севастопольскимъ городскимъ головою, г. Кази, который самъ одно время занималъ должность помощника директора-распорядителя Русскаго Общества. Въ виду ограниченности денежныхъ средствъ севастопольскаго городскаго хозяйства, мѣстная дума постановила обложить налогомъ въ пользу города всѣ недвижимыя имущества городскаго района, причемъ не было сдѣлано исключенія для находящихся въ Севастополѣ недвижимыхъ имуществъ Общества Пароходства и Торговли. Общество это, конечно, не могло не подчиниться такому постановленію, но это не прошло Севастополю даромъ. Вслѣдъ за изданіемъ постановленія городской думы, Русское Общество, въ августѣ прошлаго года, возвысило свои пароходные тарифы на 20% *исключительно только отъ Севастополя* по всѣмъ направленіямъ. Сверхъ того, оно категорически отказалось войти въ прямое сообщеніе съ Поти-Тифлисскою желѣзною дорогой для направленія съ нея на Севастополь пассажировъ и товаровъ. Было ли бы возможно что-нибудь подобное еслибы Русское Общество не было полнымъ монополистомъ на Черномъ Морѣ? Между тѣмъ, дѣлая невозможнымъ параллельное съ нимъ существованіе другихъ пароходныхъ обществъ, само Русское Общество не можетъ, да кажется и не хочетъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ Черноморскаго прибрежья въ пароходныхъ сообщеніяхъ. Почти всѣ свои пароходныя силы, за исключеніемъ 21 большихъ пароходовъ, Общество обращаетъ на внутреннее каботажное плаваніе, и тѣмъ не менѣе ни въ Судакъ, ни въ Алушту, на южномъ берегу Крыма, какъ было заявлено во время преній въ Таврическомъ губернскомъ земскомъ собраніи, пароходы Общества не заходятъ. Заготовленные тамъ грузы вина по полугоду лежатъ на берегу, и въ виду затруднительности его доставки, Евреи западныхъ губерній уже отказались отъ попытки покупать для себя крымскія вина. Убивая русскій каботажъ, Общество Пароходства и Торговли оставляетъ потребности въ немъ нашего прибрежья до такой степени неудовлетворенными что на немъ находятъ себѣ много работы даже турецкія каботажныя суда допотопнаго устройства, хотя по общему правилу, утвержденному закономъ, никакія иностранныя суда къ каботажному плаванію не могутъ быть допускаемы.

Было бы, конечно, несправедливо видѣть въ дѣйствіяхъ Общества Пароходства и Торговли одно дурное и закрывать глаза на хорошее. Мы не разъ уже заявляли что не имѣемъ никакихъ побужденій умалять значеніе заслугъ оказанныхъ дѣлу торговли и пароходства распорядителями и агентами Русскаго Общества. Съ полною готовностью печатаемъ мы и помѣщаемое ниже, свидѣтельствующее объ этихъ заслугахъ, письмо московскаго агента Общества, Е. Н. Барановскаго. Но отдавая должное этимъ заслугамъ, мы думаемъ что нельзя не пожелать чтобы въ положеніи Общества было сдѣлано такое измѣненіе при коемъ оно продолжало бы оказывать пользу, но было бы лишено того монопольнаго характера который даетъ поводъ ко стольким справедливымъ жалобамъ и создалъ уже ему такъ много враговъ. Но возможно ли такое благопріятное измѣненіе въ его положеніи при продолженіи даваемыхъ ему нынѣ субсидій?

Сужденія объ этихъ субсидіяхъ много затемняются тѣмъ что берутъ обыкновенно въ разчетъ огуломъ всѣ линіи сообщеній содержимыя Обществомъ Пароходства и Торговли, и внутреннія, каботажныя, и внѣшнія, направляющіяся къ иностраннымъ портамъ и даже на дальній Востокъ, къ берегамъ Ость-Индіи и Китая. Мы полагаемъ что каждую изъ этихъ категорій пароходства, и даже отдѣльныя линіи въ каждой категоріи, правильнѣе было бы разсматривать отдѣльно, а не приводить въ неразрывную связь, какъ дѣлаетъ это г. Барановскій, „дальнѣйшую правительственную поддержку Русскаго Общества *вообще*“ съ „будущностью нашихъ прямыхъ торговыхъ сношеній съ дальнимъ Востокомъ.“ Между каботажными и внѣшними линіями пароходныхъ сообщеній громадная разница. Ея нельзя не видѣть уже изъ того одного что на внѣшнихъ линіяхъ Русскому Обществу приходится конкуррировать съ иностранными, на внутреннихъ — съ русскими пароходами. Всякому успѣху Общества на поприщѣ соперничества съ иностранцами каждый Русскій, конечно, можетъ только порадоваться, но едва ли кто порадовался пораженію Обществомъ Товарищества Новороссійскаго Пароходства. Между тѣмъ дѣло нынѣ стоитъ такъ что Общество находится въ положеніи мо-

нополиста только на внутреннихъ линіяхъ, на внѣшнихъ же нынѣ играетъ вовсе не первостепенную роль, далеко ниже той какая могла бы принадлежать ему при его средствахъ, о которыхъ г. Барановскій замѣчаетъ что ни одна изъ иностранныхъ компаній не располагаетъ столь сильнымъ паровымъ флотомъ какъ Русское Общество. Есть ли разчетъ направлять и впредь эти могучія средства на борьбу съ русскимъ каботажемъ, дарованіемъ Обществу субсидій по внутреннимъ линіямъ, на которыхъ именно дѣйствія его и возбуждаютъ особенно сильный ропотъ? Безъ сомнѣнія, гораздо выгоднѣе направить эти средства на борьбу съ австрійскими, италіянскими и другими компаніями, которыя понынѣ играютъ столь важную роль въ пароходныхъ сообщеніяхъ Одессы. И потому мы полагаемъ что если, при громадныхъ финансовыхъ средствахъ Общества Пароходства и Торговли, еще можетъ идти рѣчь о продолженіи ему субсидій, то единственно на внѣшнихъ, а никакъ не на каботажныхъ линіяхъ. Содержаніе срочнаго пароходства на внутреннихъ линіяхъ могло бы быть оставлено за нимъ развѣ на условіи полнаго отказа съ его стороны отъ всякой за эти линіи субсидіи. Въ противномъ случаѣ, если окажется невозможнымъ устроить срочное почтовое сообщеніе по внутреннимъ линіямъ безъ субсидій, гораздо выгоднѣе вызвать къ жизни этими субсидіями новыя взаимно соперничающія пароходныя предпріятія, а не усиливать давленіе на русскій каботажъ одного монопольнаго Общества.

Обращаясь ко внѣшнимъ линіямъ, мы также не видимъ почему слѣдовало бы сосредоточивать всѣ эти линіи въ рукахъ одного Общества. Такъ не поступаютъ ни Англія, ни Франція, ни Италія. Пусть скажетъ само правленіе Русскаго Общества, съ одною ли французскою компаніей сталкивается оно, напримѣръ, въ водахъ Архипелага и Средиземнаго Моря, или съ нѣсколькими получающими отъ французскаго правительства субсидіи на ряду съ Messagéries Françaises? И разчетъ которымъ руководится каждая страна поддерживая не одно, а нѣсколько пароходныхъ предпріятій, весьма понятенъ. Каждая частная компанія можетъ ликвидировать дѣла, и если такой случайности подвергнется единственная, монопольная компанія, страна разомъ, хотя бы и временно, лишится выгодъ пароходнаго сообщенія. При совмѣстномъ же существованіи нѣсколькихъ компаній, ликвидація одной изъ нихъ не поведетъ къ серіознымъ затрудненіямъ. Не слѣдуетъ ли и намъ усвоить подобную же политику, вызвавъ желающихъ принять на себя содержаніе порознь различныхъ линій, и отдавъ преимущество по каждой линіи тому кто, при равенствѣ прочихъ условій, потребуетъ меньшей правительственной поддержки, но не допуская соединенія всѣхъ линій въ однѣхъ рукахъ?

Кстати о системѣ вызововъ. Нѣкто г. N., съ исключительнымъ усердіемъ подвизающійся на страницахъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* въ защиту субсидій даваемыхъ Русскому Обществу Пароходства и Торговли, полагаетъ что примѣненіе этой системы въ Россіи невозможно. Положимъ, говоритъ онъ, образовалось бы по вызову правительства нѣсколько обществъ срочнаго пароходства которыя завели бы флотъ извѣстныхъ размѣровъ; „но на торгахъ получило бы помильную плату только одно изъ нихъ,“ а остальнымъ пришлось бы разориться. Да, это могло бы быть такъ еслибъ не имѣлось въ виду именно недопущеніе соединенія нѣсколькихъ линій въ однѣхъ рукахъ. Это вопервыхъ; а вовторыхъ, при первомъ вызовѣ къ подобнымъ торгамъ, у конкуррентовъ вовсе не было бы готоваго флота, какъ не бываетъ готовыхъ желѣзнодорожныхъ сооруженій у кандидатовъ въ концессіонеры желѣзныхъ дорогъ, и стало-быть, въ случаѣ неудачи на торгахъ, имъ не грозила бы опасность неминуемаго разоренія. Въ послѣдствіи же, когда новыя вызванныя къ жизни пароходныя предпріятія достаточно окрѣпнутъ, какъ окрѣпло, напримѣръ, Русское Общество, потеря ими на торгахъ субсидій по содержанію срочныхъ линій не будетъ для нихъ смертнымъ приговоромъ. На Черномъ Морѣ и сосѣднихъ водахъ всегда найдется для нихъ достаточно работы, если не въ сферѣ срочнаго, то въ области обыкновеннаго торговаго судоходства. Не съ однѣхъ же обязательныхъ срочныхъ линій получаетъ и Общество Пароходства и Торговли свои громадные сборы: вмѣсто 436.526 миль которыя обязано оно дѣлать за получаемую помильную плату, оно дѣлаетъ около милліона миль, а между тѣмъ бо́льшая часть работы по дальнимъ перевозкамъ все-таки выпадаетъ на долю иностранныхъ

компаній. Если 50 пароходовъ плавающихъ безъ всякой субсидіи у береговъ Чернаго Моря и по впадающимъ въ него рѣкамъ находятъ возможнымъ существовать кое-какъ несмотря на монополію Русскаго Общества, то тѣмъ легче будетъ не получающимъ субсидіи пароходамъ вести свои дѣла когда этой монополіи будетъ положенъ конецъ.

№ 51.

Москва, 27-го февраля.

Дѣло умиротворенія Босніи и Герцеговины теперь, послѣ подчиненія Порты требованіямъ великихъ державъ заявленнымъ въ нотѣ графа Андраши, зависитъ отъ успѣха какой будутъ имѣть совѣты державъ инсургентамъ. Задача эта весьма не легкая, въ виду сильнаго недовѣрія порожденнаго неисполненіемъ многократныхъ прежнихъ обѣщаній Турецкаго правительства. Довести до свѣдѣнія инсургентовъ результаты дипломатическаго вмѣшательства предпринятаго въ ихъ пользу державами всего естественнѣе было предоставить Австро-Венгерскому правительству, и эта обязанность дѣйствительно была возложена на барона Родича, намѣстника Далматіи, который, какъ извѣстно, и былъ вызванъ въ Вѣну для полученія инструкцій по этому предмету. Первое совѣщаніе его съ вождями инсургентовъ не имѣло успѣха: они отказались положиться на данныя имъ обѣщанія реформъ. Недовѣріе къ ихъ исполненію было высказано вождями инсургентовъ еще прежде въ ихъ меморандумѣ, составленномъ по поводу ноты графа Андраши до переговоровъ ихъ съ барономъ Родичемъ, слѣдовательно когда имъ еще не были извѣстны мѣры какія собирается принять Австро-Венгерское правительство въ видахъ прекращенія возстанія. О мѣрахъ этихъ они впервые узнали отъ барона Родича, и потому весьма возможно что, повторяя свой прежній отказъ, вожди инсургентовъ не вѣрили твердой рѣшимости Австріи привести эти мѣры въ исполненіе. Было бы однако преждевременно считать миссію барона Родича окончательно неудавшеюся. Осторожность сужденій въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе не излишня что до поѣздки барона Родича австро-венгерскій консулъ въ Требиньѣ имѣлъ въ Сутторинѣ свиданіе со многими лицами участвовавшими въ возстаніи и старался разъяснить имъ необходимость и выгоды принятія вытребованныхъ державами реформъ, и, какъ сообщали вѣнскія газеты, несмотря на многія возраженія, усилія консула повидимому не остались безплодны, и среди большинства инсургентовъ обнаруживалась склонность къ соглашенію. Съ другой стороны, по извѣстіямъ изъ Константинополя, тамъ также вполнѣ разчитываютъ на скорое прекращеніе возстанія именно въ виду мѣръ принимаемыхъ Австро-Венгерскимъ правительствомъ для наблюденія за австро-турецкою границей. Также и въ венгерскихъ офиціальныхъ сферахъ, по словамъ пештскаго корреспондента *National-Zeitung*, возлагали на миссію барона Родича большія надежды, на томъ де основаніи что онъ не принялъ бы на себя этого порученія еслибы не былъ увѣренъ въ возможности успѣха.

Что касается мѣръ принятыхъ Австро-Венгерскимъ правительствомъ на своей границѣ, то онѣ таковы что не могутъ оставить въ умахъ инсургентовъ сомнѣнія относительно серіозности намѣреній Австро-Венгріи оказать все возможное съ ея стороны содѣйствіе къ умиротворенію возстанія въ пограничныхъ ей провинціяхъ Оттоманской имперіи. Баронъ Родичъ, еще до совѣщанія съ вождями инсургентовъ, немедленно по возвращеніи своемъ изъ Вѣны, разослалъ циркуляръ ко всѣмъ подчиненнымъ ему пограничнымъ чиновникамъ со строжайшими предписаніями насчетъ наблюденія за турецкою границей. Переходъ черезъ границу не только вооруженныхъ, но и вообще способныхъ къ ношенію оружія лицъ, какъ въ Герцеговину, такъ и въ Черногорію строго воспрещенъ. Не менѣе строго воспрещенъ провозъ туда оружія и военныхъ принадлежностей, и предписано немедленно конфисковать такого рода предметы. Такъ какъ въ рядахъ инсургентовъ находится немалое число иностранцевъ проникшихъ черезъ австрійскую границу, то предписано впредь немедленно высылать изъ страны всѣхъ иностранцевъ являющихся въ Далматію съ намѣреніемъ проникнуть къ инсургентамъ. Далѣе, Австро-Венгерское правительство не оставило принять мѣры и относительно выходцевъ изъ Босніи и Герцеговины ищущихъ убѣжища на его территоріи. Впредь такихъ

выходцевъ предписано поселять въ мѣстностяхъ удаленныхъ отъ границы и дозволять имъ отлучку изъ мѣстъ водворенія лишь въ томъ случаѣ если они пожелаютъ возвратиться на родину и изъявить покорность. Кромѣ того, баронъ Родичъ лично совѣтовалъ выходцамъ находящимся въ Рагузѣ убѣждать своихъ земляковъ прекратить борьбу и самимъ возвратиться на родину, объявивъ имъ при этомъ что выдаваемое выходцамъ отъ Австро-Венгерскаго правительства пособіе прекратится съ конца марта. Эта послѣдняя мѣра вызывается отчасти затруднительнымъ положеніемъ финансовъ Австро-Венгріи: до сихъ поръ пособіе выходцамъ уже обошлось Австро-Венгерскому правительству, какъ можно видѣть изъ извѣстій сообщаемыхъ газетами, болѣе чѣмъ въ милліонъ флориновъ.

Помимо принятія всѣхъ этихъ мѣръ, барону Родичу, какъ извѣстно, было также поручено вступить въ переговоры съ Черногоріей, и эта миссія повидимому имѣла успѣхъ. Ему предстояло убѣдить князя Черногорскаго чтобъ и онъ оказалъ содѣйствіе умиротворенію Герцеговины, и князь Николай обѣщалъ де что постарается дѣйствовать на инсургентовъ въ миролюбивомъ смыслѣ. Не лишнее упомянуть здѣсь что въ связи съ этими переговорами вновь возникли слухи о предположеніи касательно уступки Черногоріи части Герцеговинской территоріи и морскаго порта, но эти слухи пока ничѣмъ не подтверждаются.

Всѣ эти мѣры Австро-Венгерскаго правительства, будучи строго исполнены, а также новыя настоянія державъ обращенныя къ Черногоріи и Сербіи, едва ли могутъ остаться безъ вліянія на судьбу возстанія, хотя при первыхъ переговорахъ вожди инсургентовъ и не оказали готовности послѣдовать даннымъ имъ совѣтамъ. Надо думать что всѣ эти настоянія въ пользу скорѣйшаго умиротворенія основаны на увѣренности Австро-Венгерскаго правительства что обязательства принятыя Портой предъ державами будутъ ею неукоснительно исполнены. Дѣйствительно, по словамъ вѣнскихъ газетъ, баронъ Родичъ, убѣждая выходцевъ возвратиться на родину, объявилъ имъ что державы ручаются имъ за исполненіе реформъ. Мѣра Австрійскаго правительства касающаяся выходцевъ есть наиболѣе серіозная, ибо отъ нея зависитъ участь сотни тысячъ людей совершенно безпомощныхъ, и было бы жестоко побуждать ихъ къ возвращенію на родину если имъ не будетъ обезпечена безопасность. Но кромѣ обезпеченія безопасности, имъ, по крайней мѣрѣ на первое время, нужно обезпечить и средства существованія на родинѣ опустошенной семимѣсячнымъ кровавымъ междоусобіемъ. И въ этомъ отношеніи для нихъ возможно что-нибудь сдѣлать не ограничиваясь упованіемъ на международную помощь которая до сихъ поръ старалась облегчить ихъ горькую участь. Кромѣ амнистіи обѣщанной всѣмъ кто пожелаютъ возвратиться, Порта, какъ извѣщала константинопольская телеграмма Рейтерова Агентства, сооббщила посламъ державъ порукъ что она освобождаетъ всѣхъ тѣхъ выходцевъ кои возвратятся на родину на одинъ годъ отъ уплаты десятины и на два года отъ уплаты всѣхъ другихъ налоговъ, что, кромѣ того, ихъ церкви, дома и фермы будутъ поправлены, и будутъ назначены спеціальные чиновники для огражденія жителей отъ насилій. Въ возможности исполненія этого обѣщанія сомнѣваются лишь по причинѣ финансовыхъ затрудненій Порты. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того бремени которое налагается на ея финансы продленіемъ возстанія, и которое должно облегчиться съ его умиротвореніемъ. Устраненіе громадныхъ расходовъ требуемыхъ войной можетъ доставить Портѣ средства для тѣхъ пособій выходцамъ, которыя возвѣщены ею посламъ державъ. Прекращенію же войны всего болѣе могло бы способствовать немедленное удаленіе изъ Босніи и Герцеговины турецкихъ войскъ, на которое мы не разъ указывали какъ на самое дѣйствительное средство къ умиротворенію этихъ провинцій. Мѣра эта можетъ быть принята Портой безъ всякаго опасенія, не дожидаясь разоруженія инсургентовъ, послѣ того какъ державы стали энергически дѣйствовать на инсургентовъ въ пользу примиренія. Замѣчательно что и на совѣщаніи съ барономъ Родичемъ вожди инсургентовъ объявляли что они покорятся если Турція отзоветъ изъ Герцеговины сорокъ баталіоновъ. Что касается мнѣній будто мусульманское населеніе въ Босніи, главнымъ образомъ беги и аги, противятся исполненію реформъ, и будто присутствіе турецкихъ войскъ необходимо для предотвращенія рѣзни между

мусульманскимъ и христіанскимъ населеніемъ, то этому мы не можемъ приписывать большаго значенія. Вопервыхъ, беги и аги уже успѣли вѣроятно придти къ сознанію что возстановленіе въ полной силѣ прежнихъ порядковъ въ Босніи и Герцеговинѣ теперь во всякомъ случаѣ невозможно и не будетъ допущено державами; вовторыхъ, всѣмъ извѣстно что турецкія войска въ Босніи и Герцеговинѣ дѣйствуютъ исключительно противъ инсургентовъ-христіанъ, а вовсе не противъ самоуправства беговъ, и ихъ присутствіе только поддерживаетъ и разжигаетъ фанатизмъ мѣстнаго мусульманскаго населенія.

Отозвать турецкія войска теперь легче чѣмъ когда-либо, такъ какъ Порта изъ дружелюбныхъ и миролюбивыхъ стараній державъ могла вполнѣ убѣдиться что ни одна изъ нихъ не имѣетъ въ виду разчлененія имперіи султана. Съ другой стороны, и державы въ полномъ правѣ, не опасаясь какихъ-либо недоразумѣній, предложить эту мѣру Портѣ, такъ какъ она сама принятіемъ ноты графа Андраши признала фактъ гораздо болѣе прямаго вмѣшательства въ ея отношенія къ своимъ подданнымъ въ прямомъ указаніи ей мѣръ для управленія возмущенными провинціями. Что касается инсургентовъ, то одна эта мѣра дѣйствительнѣе всего убѣдитъ ихъ въ твердости гарантій полученныхъ державами отъ Порты касательно исполненія возвѣщенныхъ реформъ.

№ 52.

Москва, 28-го февраля.

Уставъ Донецкой желѣзной дороги напечатанъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, гдѣ онъ занялъ по нѣскольку колоннъ мелкаго шрифта въ цѣлыхъ пяти нумерахъ газеты (37—41 №№). Объемъ этого устава,—онъ вдвое больше прежнихъ,—дозволяетъ намъ познакомить читателей лишь съ болѣе интересными нововведеніями вносимыми имъ въ желѣзно-дорожную практику. Самый объемъ устава показываетъ что при составленіи его имѣлось въ виду гораздо тщательнѣе прежняго опредѣлить всѣ подробности организаціи общества желѣзной дороги и отношенія его къ правительству, администраціи, и публикѣ. Уставъ до того подробенъ что онъ опредѣляетъ ближайшимъ образомъ; напримѣръ, весь порядокъ дѣйствій председателей общихъ собраній акціонеровъ...

Донецкая Каменноугольная дорога, какъ она называется въ уставѣ, это первая значительная линія разрѣшенная къ постройкѣ послѣ памятныхъ банковыхъ подписокъ на сооруженіе Уральской, Оренбургской, Фастовской и Привислинской дорогъ; читатели помнятъ вѣроятно что эти послѣднія линіи, на основаніи извѣстныхъ правилъ 30 марта, полагалось сдать не предпринимателямъ-концессіонерамъ, а искусственно созданнымъ администраціей акціонернымъ обществамъ. Попытка, какъ извѣстно, не имѣла успѣха, и всѣ помянутыя четыре дороги попрежнему попали въ руки желѣзнодорожныхъ предпринимателей. Уставъ Донецкой дороги долженъ выражать успѣхи сдѣланные нами съ 1874 въ порядкѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ частною предпріимчивостью. Въ чемъ же состоятъ эти успѣхи?

Уставъ Донецкой дороги передаетъ дѣло прямо въ руки концессіонера, а не акціонернаго общества: отношенія концессіонера къ обществу опредѣлены почти совершенно также какъ это дѣлалось до изданія правилъ 30 марта. Порядокъ этотъ и его послѣдствія достаточно извѣстны. Частная предпріимчивость въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ является вполнѣ успѣшною лишь когда концессіонеръ рѣшается на долго связать себя съ предпріятіемъ, становится настоящимъ хозяиномъ его, а не простымъ подрядчикомъ постройки. Уставъ Общества Донецкой дороги не содержитъ въ себѣ никакихъ мѣръ принятыхъ въ этомъ направленіи, точно также какъ ихъ не было и въ прежнихъ уставахъ. Для рѣшенія важнѣйшаго вопроса частной желѣзнодорожной промышленности уставъ Донецкой дороги не даетъ ничего. Въ нѣкоторыхъ же деталяхъ можно видѣть даже шагъ назадъ. Возобновленный порядокъ концессій не исключаетъ, какъ извѣстно, того случая что люди стоящіе во главѣ предпріятія могутъ обратиться въ своекорыстныхъ эксплуататоровъ его не только во время постройки, но и во время эксплуатаціи дороги. Возможность эта является благодаря легкости съ которою предприниматели руководятъ рѣшеніями общихъ собраній акціонеровъ, чрезъ акціонеровъ подставныхъ. Уставы выработанные на основаніи правилъ 30 марта, несмотря на всю ихъ непрактичность,

содержали въ себѣ нѣсколько гарантій для меньшинства акціонеровъ,—гарантій, правда, слабыхъ, но все же не оставшихся безъ результатовъ въ Обществѣ Привислинской дороги. Этихъ гарантій мы не находимъ въ уставѣ Общества Донецкой дороги.

Но оставляя въ сторонѣ капитальные вопросы частной желѣзнодорожной предпріимчивости, рѣшеніе которыхъ представляетъ дѣйствительно большія трудности, нельзя не замѣтить въ уставѣ Общества Донецкой дороги нѣсколько интересныхъ нововведеній. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся спеціально къ Каменноугольной Донецкой дорогѣ, другія же имѣютъ общее значеніе и вѣроятно повторятся въ будущихъ концессіяхъ.

Къ числу условій спеціально относящихся къ Донецкой дорогѣ надо отнести требованіе чтобы дорога употребляла исключительно минеральное топливо. Теперешняя администрація путей сообщенія вообще заботится чтобы минеральное топливо на желѣзныхъ дорогахъ постепенно вытѣсняло дрова, но требованіе исключительнаго употребленія каменнаго угля пока можетъ быть обращено только къ каменноугольной дорогѣ. Въ правленіи Донецкой дороги будутъ находиться два директора отъ правительства: одинъ назначаемый министромъ путей сообщенія, другой министромъ государственныхъ имуществъ. И это условіе вызвано спеціально обстоятельствами Донецкой дороги какъ каменноугольной: горное дѣло находится теперь въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Бо́льшій интересъ представляютъ нововведенія имѣющія общее значеніе.

Чрезвычайно тщательно опредѣлены въ новомъ уставѣ обязанности Общества относительно исправности движенія по линіи и возникающія отсюда отношенія между Обществомъ и администраціей путей сообщенія. Въ § 10 устава читаемъ:

Общество обязано, соразмѣрно съ развитіемъ движенія по дорогѣ, увеличивать подвижной составъ, паровозныя, станціонныя и путевыя зданія, водоснабженіе, станціонныя платформы и мастерскія. При развитіи потребности движенія до такой степени что понадобится на всей дорогѣ или части оной устройство между станціями разъѣздныхъ путей, Общество обязано увеличить число разъѣздовъ по дорогѣ, съ устройствомъ полустанцій и надлежащаго водоснабженія по всей линіи дороги, или на тѣхъ участкахъ оной гдѣ развитіе движенія укажетъ необходимость такого увеличенія разъѣздовъ. При развитіи такой потребности движенія, которая не можетъ быть удовлетворена однимъ увеличеніемъ подвижнаго состава или числа разъѣздовъ, а будетъ требовать проложенія втораго пути по всей дорогѣ или части оной, Общество обязано устроить второй путь и всѣ принадлежности онаго, какія и гдѣ потребуются, на основаніи проектовъ и смѣтъ надлежащимъ порядкомъ утвержденныхъ.

Подобныя постановленія были и въ прежнихъ концессіяхъ, но теперь они гораздо яснѣе и опредѣленнѣе выражены. Новый уставъ предвидитъ затѣмъ необходимость устройства вспомогательныхъ, подъѣздныхъ путей, и въ томъ же § 10 опредѣляетъ:

Равнымъ образомъ, если правительство признаетъ необходимымъ устроить или улучшить подвозные пути, шоссейные или водяные, а также построить желѣзно-дорожныя вѣтви или произвести иныя устройства сопряженныя съ улучшеніемъ и развитіемъ движенія по Донецкой дорогѣ съ ея вѣтвями и потребуетъ чтобъ Общество приняло на себя исполненіе какой-либо изъ означенныхъ потребностей, то Общество обязано исполнить это съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ основнаго капитала.

Предвидѣнъ также тотъ случай когда правительству понадобится предоставить какой-либо дорогѣ сосѣдней съ Донецкою общее пользованіе станціей или сооруженіями дороги. Общество обязано въ этомъ случаѣ подчиниться условіямъ какія опредѣлитъ министръ путей сообщенія. Общество обязуется также предоставить другимъ желѣзнымъ или инымъ дорогамъ право переѣзда черезъ его линію тамъ гдѣ переѣздъ разрѣшенъ министромъ путей сообщенія.

Вообще обязанности Общества относительно правительства тщательно опредѣлены въ уставѣ. Кромѣ даровой перевозки почтъ, перевозки военныхъ чиновъ и принадлежностей съ уступкой 75% противу тарифа, наряда экстренныхъ поѣздовъ, права подвѣсить казенный проводъ къ телеграфнымъ столбамъ дороги, и пр., выговорено еще слѣдующее:

Общество обязано предоставить безплатно въ распоряженіе почтоваго вѣдомства необходимое помѣщеніе на станціяхъ желѣзной дороги, въ размѣрѣ опредѣленномъ существующими правилами и тѣми какія

будутъ впредь установлены для перевозки почтъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Общество обязано отвести безплатно на станціяхъ помѣщеніе для чиновъ жандармскаго полицейскаго управленія дороги.

Относительно пожарныхъ поѣздовъ читаемъ въ уставѣ:

Въ случаѣ требованія экстреннаго поѣзда для перевозки пожарныхъ инструментовъ и командъ, при пожарныхъ бѣдствіяхъ въ городахъ или селеніяхъ на линіи или близь оной находящихся, таковой поѣздъ долженъ быть отправленъ безотлагательно, если сіе допускаютъ условія движенія.

Гораздо менѣе говорится въ уставѣ объ обязанностяхъ Общества относительно публики. Выговоренъ лишь пересмотръ черезъ каждые пять лѣтъ тарифовъ на провозъ пассажировъ и грузовъ. Правда, и въ прежнихъ уставахъ желѣзно-дорожныхъ обществъ умалчивалось объ обязанностяхъ ихъ относительно публики, но прежніе уставы вообще ограничивались общими чертами дѣла не входя въ подробности. Новый же уставъ даетъ мельчайшую регламентацію во многихъ отношеніяхъ.

Въ Правленіи Донецкой дороги, какъ сказано, будутъ находиться два директора отъ правительства. Новый уставъ призналъ отчасти ту роль какую эти директоры получили въ желѣзно-дорожныхъ обществахъ. Отъ казенныхъ директоровъ ожидали что они будутъ главными органами контроля казны надъ обществами, а они обратились преимущественно въ ходатаевъ за общество предъ правительствомъ. Уставъ Донецкой дороги постановляетъ:

Директоры отъ правительства назначаются въ составѣ правленія Общества для наблюденія чтобы всѣ постановленія и мѣропріятія правленія и постановленія общаго собранія акціонеровъ были согласны съ общими законами, уставомъ Общества и правилами установленными для акціонерныхъ обществъ и желѣзныхъ дорогъ, *а равно для содѣйствія правленію въ сношеніяхъ его съ правительственными учрежденіями.*

Затѣмъ уставъ опредѣляетъ еще:

Директоры отъ правительства пользуются въ правленіи и въ общихъ собраніяхъ лишь совѣщательнымъ голосомъ; но имъ предоставляется заявлять протесты по состоявшимся въ правленіи или въ общихъ собраніяхъ постановленіямъ, или по принимаемымъ правленіемъ мѣрамъ. Опротестованныя правительственнымъ директоромъ постановленія общаго собранія и правленія или мѣропріятія послѣдняго противныя общимъ законамъ, уставу Общества, правиламъ установленнымъ для акціонерныхъ обществъ и желѣзныхъ дорогъ, поступаютъ на разсмотрѣніе министра путей сообщенія, и если имъ, по соглашенію съ министрами государственныхъ имуществъ и финансовъ, протестъ директоровъ будетъ подтвержденъ, то опротестованныя постановленія общаго собранія и правленія или мѣропріятія послѣдняго считаются отмѣненными. При этомъ Обществу предоставляется воспользоваться правами обжалованія постановленій министра путей сообщенія въ размѣрахъ и порядкѣ указанныхъ § 30. Что же касается до тѣхъ постановленій или мѣропріятій правленія которыя опротестованы съ цѣлью огражденія выгодъ Общества, то они поступаютъ на окончательное разрѣшеніе ближайшаго общаго собранія. Въ послѣднемъ случаѣ правленію предоставляется, если оно найдетъ нужнымъ, созвать чрезвычайное общее собраніе.

Уставы желѣзныхъ дорогъ составленные на основаніи правилъ 30 марта имѣли тенденцію къ сильной регламентаціи подробностей организаціи Общества. Новый уставъ идетъ еще далѣе по этому пути. Такова, напримѣръ, общая совокупность правилъ о мѣстномъ управленіи дорогой. Въ уставѣ читаемъ:

Если при дорогѣ нѣтъ лица утвержденнаго Министерствомъ Путей Сообщенія для исправленія (въ извѣстныхъ случаяхъ) обязанности главнаго инженера, то сей послѣдній можетъ быть уволенъ правленіемъ не иначе какъ по предварительномъ утвержденіи министромъ путей сообщенія другаго инженера въ эту должность.

Всѣ служащіе при дорогѣ по технической части сооруженія оной подчинены главному инженеру и назначаются: или правленіемъ, по представленію главнаго инженера, или непосредственно послѣднимъ, смотря по данному ему отъ правленія полномочію. Они увольняются по указанію правленія или непосредственно главнымъ инженеромъ, но тѣ изъ нихъ которые утверждены въ должности правленіемъ могутъ быть только временно устранены главнымъ инженеромъ отъ исправленія ихъ должностей, съ представленіемъ правленію объ окончательномъ ихъ увольненіи.

Но правленіе, конечно, можетъ же уполномочить главнаго инженера увольнять слу-

жащихъ даже и имъ, правленіемъ, назначенныхъ, а въ такомъ случаѣ къ чему же вся эта регламентація?

Министру путей сообщенія предоставляется право требовать безотлагательнаго увольненія каждаго изъ служащихъ.

Въ дѣлахъ техническихъ Общество, такъ сказать, повернуться не можетъ безъ разрѣшенія министра путей сообщенія, который притомъ всѣ техническіе вопросы рѣшаетъ окончательно. Министерство Путей Сообщенія въ уставѣ Донецкой дороги налагаетъ на частное желѣзно-дорожное общество такую полную опеку въ техническомъ отношеніи что оно должно уже считаться впредь вполнѣ отвѣтственнымъ за всѣ техническіе недостатки желѣзныхъ дорогъ.

Чѣмъ сильнѣе опека надъ обществами, тѣмъ болѣе надо озаботиться объ улучшеніи органовъ министерства по этой опекѣ, а между тѣмъ улучшеніе желѣзно-дорожной инспекціи все еще остается въ ожиданіи. Правда, директоры отъ правительства обращаются теперь въ инспекторовъ, но они будутъ дѣйствовать въ канцеляріи, путемъ бумажнымъ. Важенъ контроль не бумажный,—безсиліе его мы видимъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ опекаемомъ давно столькими канцеляріями. Плодотворенъ будетъ лишь живой контроль на мѣстѣ.

№ 54.

Москва, 1-го марта.

Теперь уже окончательно извѣстны результаты вторичной баллотировки во Французскую Палату Депутатовъ, 5 марта, дополнившей выборы 20 февраля, и извѣстенъ также составъ новаго министерства, явившагося неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ выборовъ. Вторичная баллотировка, какъ можно было ожидать, оказалась также въ пользу республиканцевъ какъ и первые выборы: избрано умѣренныхъ республиканцевъ 18, радикаловъ 19, конституціоналистовъ 4, орлеанистовъ 12, легитимистовъ 7 и бонапартистовъ 28. Если соединимъ эти результаты съ результатами 20 февраля, то получимъ слѣдующій составъ новой Палаты: республиканцы 352; въ томъ числѣ 60 радикаловъ, конституціоналисты 24, орлеанисты 56, легитимисты 24 и бонапартисты 76. Такимъ образомъ приверженцы установленнаго порядка разныхъ оттѣнковъ составляютъ большинство въ новой Палатѣ. Такъ какъ почти такая же пропорція ихъ оказывается и въ Сенатѣ, то обѣ палаты составились однородныя, что весьма важно для правильнаго дѣйствія легислатуры, ибо въ противномъ случаѣ разногласіе между двумя собраніями могло бы повести къ безконечнымъ пререканіямъ. Теперь весь вопросъ въ томъ, въ какихъ размѣрахъ входитъ въ составъ новаго большинства консервативная республика, то-есть лѣвый центръ и умѣренная лѣвая, и какое положеніе займетъ радикальный элементъ. Судя по именамъ извѣстныхъ депутатовъ и по составу новаго кабинета, въ который вошли почти всѣ члены лѣваго центра, друзья и бывшіе министры г. Тьера, можно полагать что большинство называемое республиканскимъ есть чисто консервативное, и что осуществилась мысль перваго президента республики что „во Франціи можетъ быть только консервативная республика или не будетъ никакой.“ Но невозможно поручиться за будущее, какъ невозможно поручиться за образъ дѣйствій радикальной группы. Очевидно лишь одно что число такъ-называемыхъ „непримиримыхъ,“ во главѣ коихъ стоятъ гг. Луи Бланъ, Альфредъ Наке и имъ подобные, весьма не велико, но за то гораздо значительнѣе число тѣхъ кто, благодаря дисциплинѣ введенной между ними въ послѣднее время г. Гамбеттой, выступили на выборы съ относительно консервативными программами, безъ чего они не могли надѣяться на успѣхъ при общемъ настроеніи избирателей, подававшихъ, какъ мы имѣли случай замѣтить, въ пользу республики какъ установившагося правительства лишь изъ опасенія новыхъ переворотовъ, но сохранившихъ всю ненависть къ „краснымъ,“ которые и прошли только въ нѣкоторыхъ округахъ Парижа и въ нѣсколькихъ другихъ большихъ городахъ. Трудно быть увѣреннымъ что радикалы входящіе въ составъ республиканскаго большинства сохранятъ всегда то пассивное положеніе которое они приняли въ послѣднее время, и чтобы рано или поздно не обнаружились ихъ честолюбивыя стремленія; до сихъ поръ они сдерживали себя лишь потому что вожди ихъ хорошо знали что маршалъ Макъ-Магонъ никогда не согласится выбрать себѣ совѣтниковъ изъ ихъ среды; они примкнули въ послѣд-

нее время, въ прежнемъ Національномъ Собраніи, къ лѣвому центру и къ умѣренной лѣвой, потому что разчитывали видѣть въ торжествѣ консервативной республики переходное положеніе которое должно окончиться ихъ торжествомъ. Такимъ образомъ, главная опасность, теперь еще не обнаружившаяся, угрожаетъ новому порядку со стороны радикаловъ, опасность тѣмъ болѣе важная что при малѣйшемъ раздорѣ въ нѣдрахъ новаго большинства, имъ не замедлятъ воспользоваться бонапартисты. Теперь, правда, бонапартисты не имѣютъ силы; число ихъ въ Палатѣ, какъ мы видѣли, не велико, и всѣ ихъ попытки устроить „консервативный" союзъ съ прочими монархистскими партіями въ виду вторичной баллотировки встрѣтили энергическій отпоръ со стороны орлеанистовъ и легитимистовъ. И бонапартисты оправятся, если въ рядахъ новаго большинства возникнутъ раздоры, такъ какъ „главный штабъ" ихъ держится крѣпко и умѣетъ поддерживать единство въ дѣйствіяхъ всей партіи. При малѣйшемъ разногласіи въ палатахъ, бонапартисты, руководствуясь своею обычною политикой, постараются пріобрѣсти прежнее вліяніе и выступятъ серіозными конкуррентами „консервативной республики."

Что касается состава новаго кабинета, то, какъ мы замѣтили выше, онъ состоитъ почти исключительно изъ друзей и бывшихъ министровъ г. Тьера, членовъ лѣваго центра, принявшихъ республику „за неимѣніемъ лучшаго," то-есть по невозможности организовать монархію. Только два министра не принадлежатъ къ этой партіи: герцогъ Деказъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, и герцогъ де-Сиссе, военный министръ, но оба они не могутъ нарушить однородности кабинета. Герцогъ Деказъ, принадлежащій къ либеральной фракціи праваго центра, человѣкъ ловкій, искусный, занимающій свой постъ съ честію, и умѣвшій снискать себѣ уваженіе всѣхъ партій (кандидатуру его дѣятельно поддерживали въ Парижѣ всѣ умѣренные республиканскіе органы, вслѣдствіе чего радикальный кандидатъ г. Шоффуръ отказался отъ состязанія съ нимъ, и онъ огромнымъ большинствомъ восторжествовалъ надъ бонапартистскимъ кандидатомъ г. Раулемъ Дювалемъ). Генералъ де-Сиссе, неизмѣнно занимавшій портфель военнаго министра еще со времени президентства г. Тьера и сохранявшій его при всѣхъ перемѣнахъ правительства, спеціалистъ по своему вѣдомству, безъ ярко опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій (одни считаютъ его легитимистомъ, другіе бонапартистомъ), которымъ дорожитъ маршалъ Макъ-Магонъ, давно уже высказавшій мысль что постъ военнаго министра долженъ быть поставленъ внѣ парламентскихъ перемѣнъ. Всѣ остальные министры люди одинаковыхъ убѣжденій и давно связанные между собою узами дружбы или единствомъ дѣйствій. Вице-президентомъ совѣта, то-есть главой министерства съ сохраненіемъ портфеля юстиціи, остается г. Дюфоръ, министромъ финансовъ г. Леонъ Се. Постъ министра внутреннихъ дѣлъ, важнѣйшій между министерскими постами, предоставленъ г. Рикару, что было рѣшительною неожиданностью, такъ какъ газеты, полученныя нами одновременно съ телеграфнымъ извѣстіемъ объ этомъ назначеніи, все еще толковали о переговорахъ маршала Макъ-Магона и г. Дюфора съ г. Казиміромъ Перье, и не далѣе какъ 4 марта офиціозная *Корреспонденція Гаваса* извѣщала что президентъ республики имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ г. Казиміромъ Перье, и что „слѣдствіемъ этого совѣщанія можетъ быть сформированіе кабинета который удовлетворитъ потребностямъ настоящаго положенія." Министромъ публичныхъ работъ назначенъ г. Кристофль, занимавшій подобно г. Рикару должность президента лѣваго центра и подобно ему навлекшій на себя ненависть г. Бюффе, который въ одно изъ послѣднихъ засѣданій Національнаго Собранія, отвѣчая на рѣчь г. Кристофля, доказывавшаго необходимость тѣснаго союза между всѣми желающими упрочить новую конституцію, воскликнулъ: „Вашимъ союзникомъ я не буду никогда!" Портфель торговли и земледѣлія получилъ бывшій министръ г. Тьера, г. Тессеранъ де-Боръ, какъ предполагалось при выходѣ въ отставку виконта де-Мо; портфель народнаго просвѣщенія достался г. Ваддингтону, также бывшему министру г. Тьера; наконецъ, морскимъ министромъ назначенъ адмиралъ Фуришонъ, имя котораго не упоминалось ни въ одной изъ министерскихъ комбинацій, появлявшихся въ газетахъ, и который также давно занимаетъ мѣсто на скамьяхъ лѣваго центра.

Мы не имѣемъ еще никакихъ подроб-

ностей о сформированіи новаго кабинета, но почти несомнѣнно что онъ составленъ по соглашенію съ умѣренною лѣвой, которая на общемъ собраніи съ лѣвымъ центромъ постановила программу новаго кабинета, заключающуюся въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: 1) избраніе меровъ муниципальными совѣтами; 2) измѣненіе закона о высшемъ преподаваніи въ томъ смыслѣ чтобы государству возвращено было исключительное право раздачи ученыхъ степеней; 3) пересмотръ закона о печати; 4) снятіе осаднаго положенія, остающагося еще въ силѣ въ четырехъ департаментахъ Сенскомъ, Сено-Уазскомъ, Ронскомъ и Устьевъ-Роны; 5) перемѣна въ личномъ составѣ департаментской администраціи и непремѣнное удаленіе отъ должностей префектовъ, покровительствовавшихъ на послѣднихъ выборахъ бонапартистамъ, и 6) учрежденіе новой коммиссіи о помилованіи.

Приняло ли эту программу новое министерство намъ неизвѣстно, но по всему вѣроятію главныя черты оной одобрены были правительствомъ, такъ какъ въ составъ депутаціи передавшей г. Дюфору это постановленіе собранія лѣвыхъ входили два члена назначенные нынѣ министрами, г. Рикаръ и Кристофль.

Теперь еще никакъ нельзя опредѣлить какъ однородно республиканское большинство въ новыхъ палатахъ и долго ли оно будетъ подчиняться новому кабинету который составленъ исключительно изъ членовъ лѣваго центра и въ которомъ нѣтъ ни одного чистаго республиканца.

№ 55.

Москва, 2-го марта.

На прошлой недѣлѣ, мы привели изъ читанной въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства записки князя В. И. Васильчикова: *Черноземъ и его будущность въ связи съ лѣсоистребленіемъ*, рядъ фактовъ свидѣтельствующихъ о настоятельной необходимости установленія серіозныхъ мѣръ къ охраненію лѣсовъ отъ безразсуднаго уничтоженія какому они у насъ повсемѣстно подвергаются. Нѣсколько извѣстій и слуховъ о сдѣланномъ уже приступѣ къ законодательному обсужденію лѣснаго вопроса побуждаютъ насъ вновь обратиться къ этому предмету. Предположено, какъ сообщаютъ газетныя извѣстія, выработать проектъ положенія объ охраненіи лѣсовъ имѣющихъ государственное значеніе, то-есть такихъ лѣсныхъ дачъ, которыя могутъ предотвращать обмелѣніе рѣкъ, высыханіе ручьевъ и водныхъ источниковъ ихъ питающихъ, содѣйствовать укрѣпленію почвы, предотвращая движеніе песковъ, и вообще оказывать вліяніе на почвенныя и климатическія условія страны. Для разработки проекта организована при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ особая коммиссія, которая и приступила уже ко своимъ занятіямъ и куда, по слухамъ, рѣшено пригласить какъ представителей отъ земствъ, такъ и помѣщиковъ извѣстныхъ успѣшнымъ веденіемъ лѣснаго хозяйства. Затѣмъ о дѣятельности этой коммиссіи сообщаютъ покамѣсть, что на разсмотрѣніе ея поступилъ, между прочимъ, докладъ предлагающій, опредѣливъ лѣсныя дачи подходящія къ категоріи лѣсовъ имѣющихъ государственное значеніе, запретить или ограничить производящіяся въ нихъ порубки, предоставивъ наблюденіе за исполненіемъ ограничительныхъ мѣръ земскимъ управамъ или лѣсному управленію, если дѣло будетъ касаться тѣхъ мѣстностей гдѣ земскія учрежденія еще не введены,—докладъ уже вызвавшій противъ себя протестъ въ формѣ передовой статьи одной изъ петербургскихъ газетъ, находящей что не слѣдуетъ запрещать „населенію вырубать лѣса, когда у него (ему?) не откуда болѣе добывать строительный матеріалъ для постройки своихъ жилищъ и горючій матеріалъ для ихъ отапливанія“.

Будемъ надѣяться, что подобные протесты, писанные столь же компетентными судьями какъ тотъ биржевой корреспондентъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* о которомъ повѣдалъ публикѣ Харьковскій Биржевой Комитетъ и который оказался исключеннымъ гимназистомъ,—не смутятъ членовъ новоучрежденной лѣсной коммиссіи и не помѣшаютъ имъ отнестись къ вышеозначенному докладу съ тѣмъ серіознымъ вниманіемъ какого онъ заслуживаетъ.

Не въ одной Россіи оказывается у населеній потребность въ строительномъ и горючемъ матеріалѣ, и однако, нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ признаніе этой потребности не препятствуетъ узаконенію согласнаго съ государственными интересами порядка эксплуатаціи лѣсовъ. Государ-

ственная опека надъ лѣсами и порубками въ нихъ повсюду признается согласимою и съ правомъ лѣсной собственности, и съ необходимостью удовлетворенія потребностей населенія въ лѣсныхъ продуктахъ. Только у насъ охраненіе лѣсной растительности въ интересахъ всего государства признается почему-то несовмѣстимымъ съ правомъ лѣсной собственности и почти не охраняется по несовмѣстимости такой охраны съ нуждами населеній въ лѣсныхъ матеріалахъ. Но не вѣкъ же будемъ мы держаться такихъ воззрѣній и не замѣчать вытекающей изъ нихъ аномаліи. Повсюду въ цивилизованномъ мірѣ лѣсъ, болѣе чѣмъ что другое, находится подъ охраной закона; законъ ограждаетъ его не только отъ посягательствъ со стороны лицъ не имѣющихъ на него никакихъ правъ, но и отъ безразсудныхъ, хищническихъ распоряженій самого лѣсовладѣльца. У насъ лѣсъ стоитъ какъ бы вовсе внѣ закона. Мало того что произволъ владѣльца надъ всякою лѣсною рощей, какую бы важность ни имѣла она для цѣлой страны, ничѣмъ не стѣсненъ; лѣсъ отданъ на произволъ всякаго кто найдетъ что ему нуженъ строительный или горючій матеріалъ: беззаконная порубка въ чужой дачѣ не карается нашимъ закономъ наравнѣ съ другими преступленіями противъ собственности, лѣсокрадство не считается воровствомъ и въ большей части случаевъ не влечетъ за собою никакой уголовной отвѣтственности. Украдутъ у васъ со двора охапку дровъ или даже всего одну плаху—укравшій есть воръ и будетъ судимъ уголовнымъ порядкомъ; но если тотъ же воръ будетъ пойманъ на гораздо болѣе серіозной порубкѣ въ вашей рощѣ, то-есть на кражѣ лѣса съ корня, вы можете начать противъ него только гражданскій искъ и должны удовольствоваться однимъ гражданскимъ взысканіемъ, если таковое, по состоятельности порубщика, окажется возможнымъ.

Какой смыслъ имѣетъ такое отношеніе закона къ лѣсокрадству? Не есть ли это какъ бы отрицаніе права лѣсной собственности, какъ бы косвенное поощреніе всяческихъ нарушеній этого права? Устраненіе изъ нашего законодательства такой аномаліи должно предшествовать всѣмъ другимъ мѣрамъ лѣсоохраненія. Нынѣ дѣло стоитъ такъ что многія дачи продаются на срубъ именно по невозможности оградить ихъ отъ истребленія лѣсокрадами. Такъ, напримѣръ, намъ сообщаютъ что недавно въ подмосковныхъ имѣніяхъ, въ какихъ-нибудь 12 и 8 верстахъ отъ заставы, продажа за безцѣнокъ двухъ участковъ лѣса была вынуждена именно разчетомъ выручить за лѣсъ хоть что-нибудь пока онъ не совсѣмъ расхищенъ порубщиками. „Нельзя преслѣдовать порубщиковъ—убьютъ: а жаловаться—ничего не будетъ,“ вотъ что приходится выслушивать лѣсовладѣльцамъ отъ своихъ лѣсниковъ. При такомъ положеніи дѣла, запрещеніе или ограниченіе порубокъ производимыхъ лѣсовладѣльцами получило бы характеръ мѣры принятой не въ видахъ охраненія лѣсовъ ради общегосударственной пользы, а какъ бы въ видахъ экспропріаціи ихъ у законныхъ владѣльцевъ въ пользу лѣсокрадовъ.

Приравнять лѣсокрадство ко всякому другому виду воровства было бы мѣрою необходимою и справедливою еслибъ и не имѣлось въ виду ограничить права владѣльцевъ распоряжаться своими лѣсами. Но при подобномъ ограниченіи, при охраненіи лѣсовъ въ интересахъ не однихъ владѣльцевъ, а также въ интересахъ государства, справедливость требуетъ не только огражденія лѣсной собственности какъ и всякой другой, но сугубой для нея охраны закона. „Нужно,“ какъ говоритъ г. Зиссерманъ въ помѣщаемой ниже статьѣ *Къ вопросу о лѣсоразведеніи*, „чтобы всѣ жители знали что поврежденіе, конечно умышленное, и расхищеніе лѣсныхъ насажденій есть дѣйствіе не только вообще противозаконное, нарушающее чужую собственность, но противугосударственное, въ родѣ поврежденій телеграфовъ, или межевыхъ знаковъ, и потому будетъ караться гораздо строже чѣмъ обыкновенный проступокъ... Нужно, словомъ, обставить дѣло такъ чтобы населеніе видѣло особое покровительство оказываемое лѣсоразведенію (и не одному лѣсоразведенію, а вообще лѣсной собственности) и было убѣждено что прежнее хищническое отношеніе къ древесной растительности можетъ повести даже къ знакомству съ прокурорскимъ надзоромъ, а не съ однимъ мировымъ судьей.“ Такая сугубая охрана лѣсной собственности со стороны закона, помимо прямой цѣли лѣсоохраненія, была бы вмѣстѣ и мѣрой возмѣщенія лѣсовладѣльцамъ за то стѣсненіе въ этомъ правѣ какое вызывается государственною потребностью. Думать что усиленіе строгости взысканій за

лѣсокрадство можетъ вызвать ропотъ въ средѣ крестьянъ привыкшихъ къ неуваженію лѣсной собственности, значитъ не знать взгляда крестьянъ на лѣсокрадовъ когда они покушаются на порубки въ крестьянскихъ лѣсахъ. А. А. Фетъ, въ статьѣ помѣщенной имъ въ январской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, приводитъ образчикъ изъ своей мировой практики показывающій какъ относятся крестьяне къ подобнымъ случаямъ лѣсокрадства. „Крестьянинъ,“ разказываетъ онъ, „въ пользу котораго присуждена была съ обвиняемыхъ, сверхъ возврата порубленныхъ березъ, тройная ихъ цѣнность, то-есть высшая мѣра взысканія, не взирая ни на какіе доводы заявилъ на приговоръ неудовольствіе, на томъ основаніи что *такъ у насъ весь лѣсъ поворуютъ...*“

Повторяемъ, мѣры къ пресѣченію лѣсокрадства должны предшествовать мѣрамъ регулированія эксплуатаціи лѣсовъ самими владѣльцами. Но это не значитъ чтобы вторую категорію этихъ мѣръ можно было откладывать въ дальній ящикъ. Факты сообщаемые въ запискѣ князя Васильчикова и въ массѣ подобныхъ же заявленій приходящихъ со всѣхъ сторонъ показываютъ къ какимъ печальнымъ результатамъ можетъ повести медлительность въ этомъ дѣлѣ. И тѣмъ болѣе должно поторопиться принятіемъ сказанныхъ мѣръ что долгое ожиданіе ихъ можетъ отозваться на лѣсахъ самымъ вреднымъ образомъ. Ожиданіе будетъ служить для многихъ лѣсовладѣльцевъ побужденіемъ поторопиться безконтрольною вырубкой своихъ лѣсовъ, и если между серіознымъ поднятіемъ вопроса объ установленіи правительственной опеки надъ эксплуатаціей лѣсовъ и его рѣшеніемъ пройдетъ много времени, можетъ случиться что тѣхъ лѣсныхъ дачъ которыя особенно нуждаются въ правительственной охранѣ совсѣмъ не останется. А что такое опасеніе не лишено серіознаго значенія показываетъ примѣръ Привислинскаго края и вообще западныхъ губерній, гдѣ ожиданіе правительственной опеки вызвало въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ усиленное до крайнихъ предѣловъ лѣсоистребленіе... Размѣры этого лѣсоистребленія представляютъ для обезпеченія потребностей населенія въ лѣсныхъ продуктахъ дѣйствительно серіозную опасность, не идущую и въ сравненіе съ тою мнимою которую усматриваетъ публицистъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* въ результатахъ мѣръ проектируемыхъ для охраненія лѣсныхъ дачъ имѣющихъ государственное значеніе. Видѣть въ подобныхъ мѣрахъ затрудненіе къ удовлетворенію этихъ потребностей значитъ или не понимать, или притворяться не понимающимъ дѣла. Если тѣ или другія дачи не будутъ вырубаться разомъ и начисто, это не значитъ что въ нихъ вовсе не будетъ производиться порубокъ, что онѣ вовсе не будутъ давать окрестнымъ селеніямъ ни строительнаго, ни горючаго матеріала. При уменьшеніи количества этого матеріала даваемаго лѣсными дачами малолѣсныхъ мѣстностей, недостатокъ въ немъ будетъ возмѣщаться усиленіемъ привоза изъ округовъ богатыхъ лѣсомъ и страдающихъ отъ его изобилія при неимѣніи сбыта. Если при этомъ лѣсные матеріалы и поднимутся нѣсколько въ цѣнѣ, то это неудобство будетъ имѣть и свои хорошія стороны. Вопервыхъ, поднятіе цѣнъ на лѣсъ будетъ служить побужденіемъ къ замѣнѣ дровъ каменнымъ углемъ и торфомъ; а вовторыхъ, она ослабитъ силу теперешнихъ жалобъ лѣсоводовъ на малодоходность лѣснаго хозяйства,—малодоходность, на которую ссылаются какъ на причину побуждающую многихъ вырубать лѣсъ чтобъ обратить занимаемую имъ почву подъ пашню.

№ 56.

Москва, 3-го марта.

Восточный вопросъ въ своей двоякой формѣ, европейской и азіатской, какъ мы неоднократно имѣли уже случай замѣчать,ересталъ быть страшилищемъ даже для англійской печати, которая уже не вѣритъ въ „завѣщаніе Петра Великаго“, не грезитъ Русскими въ Константинополѣ и не страшится вторженія русскихъ войскъ въ Индію. Если Турція, какъ свидѣтельствуютъ путешественники гг. Радде и Сиверсъ, и считаетъ умѣстнымъ укрѣплять противъ насъ, въ Арменіи, свою восточную границу, тратясь на сооруженіе „неприступныхъ твердынь“ въ Карсѣ, Эрзерумѣ, Ардаганѣ, то Европа не раздѣляетъ ни болѣе или менѣе чистосердечныхъ опасеній Оттоманской Порты, ни тѣхъ предубѣжденій которыя недавно еще господствовали въ Великобританіи относительно нашихъ средне-

азіатскихъ дѣлъ. Ссылаемся на извѣстное читателямъ обращеніе такихъ органовъ каковы *Times* и *Journal des Débats*, выразившееся въ безпристрастныхъ сужденіяхъ по такимъ эпизодамъ какъ Туркестанскіе походы и Герцеговинское возстаніе; напомнимъ патронируемое лордомъ Росселемъ движеніе въ пользу христіанскихъ населеній Турціи, напечатанное въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* письмо г. Фарлея...

Нельзя однако сказать чтобы всѣ предубѣжденія были окончательно разсѣяны. Разумѣется, желательно чтобъ исчезли и послѣдніе слѣды существовавшихъ нѣкогда въ Европѣ недоразумѣній относительно нашей восточной политики, и не мудрено что тѣ изъ нашихъ соотечественниковъ которые по своему положенію могутъ имѣть вліяніе на европейское общественное мнѣніе прилагаютъ свои усилія къ разъясненію вопроса. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть брошюру извѣстнаго ученаго, путешественника и географа, члена Парижскаго Института, г. Чихачева, *Шансы мира и войны* (*Chances de paix et de guerre*. Paris, Dentu. 8° 63 pp.). Почтенный авторъ, съ авторитетомъ признаннаго знатока Востока, доказываетъ что если для обезпеченія себя отъ хищныхъ племенъ кочующихъ между Хивой, Персіей и Афганистаномъ, Россіи необходимо провести свою границу вдоль Атрека до оазиса Мерва включительно, то, по самому географическому свойству средне-азійскихъ дѣлъ, она не пойдетъ далѣе; что Гератъ, отстоящій на двѣсти пятьдесятъ верстъ гористаго пространства далѣе, нисколько не нуженъ для ея границы; что какимъ бы успѣхомъ ни увѣнчались русскія усилія въ Азіи, послѣдняя грань ихъ все-таки будетъ отдѣлена отъ Британской границы девятисотверстнымъ разстояніемъ и гигантскимъ хребтомъ Гиндукуша; что слѣдовательно Англіи нечего опасаться матеріальныхъ послѣдствій этого сосѣдства, котораго нравственное вліяніе, еслибъ имѣлось въ виду его значеніе для подвластныхъ Англіи недовольныхъ индійскихъ племенъ, достаточно нейтрализуется англійскимъ вліяніемъ на Белуджистанъ и Афганистанъ. Точно также убѣдительно опровергаетъ г. Чихачевъ всѣ тревоги насчетъ видовъ Россіи относительно Оттоманской имперіи, доказывая что если коренныя свойства исламизма и дѣлаютъ невозможнымъ проникновеніе въ Турцію европейской цивилизаціи не на одной бумагѣ, если на этомъ основаніи и нельзя надѣяться чтобы могло установиться прочное Оттоманское государство; если Турціи дѣйствительно грозитъ разложеніе, то разложеніе это произойдетъ въ неблизкомъ будущемъ, не вслѣдствіе русскихъ интригъ и завоеваній, а „послѣдовательнымъ раздробленіемъ“ *(démembrement successif)*, то-есть постепеннымъ отпаденіемъ здоровыхъ христіанскихъ провинцій отъ гніющаго тѣла. Г. Чихачевъ приглашаетъ Великобританію, Францію и Италію не откладывать рѣшенія вопроса въ этомъ смыслѣ, потому что заинтересованныя постоянными турецкими займами матеріальные интересы ихъ уже теперь страдаютъ отъ плачевнаго положенія дѣлъ и неизбѣжной при этомъ полунесостоятельности Оттоманскаго казначейства.

Приглашенія автора останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но нельзя не отдать справедливости чистосердечію и серіозности, съ которою г. Чихачевъ способствуетъ уясненію вопроса. Тѣмъ страннѣе видѣть въ его брошюрѣ нѣсколько поверхностное отношеніе къ современному положенію Франціи и Германіи, на которомъ авторъ также останавливается. Успокоивая Европу со стороны Восточнаго вопроса, г. Чихачевъ показываетъ ей неизбѣжность войны между Франціей и Германіей. Полнаго примиренія между этими государствами дѣйствительно нѣтъ. Но авторъ не просто константируетъ этотъ фактъ и не ограничивается выраженіемъ внушаемыхъ имъ опасеній, а напротивъ относится къ нему и къ возможнымъ его послѣдствіямъ какъ къ чему-то быть долженствующему. Нѣкоторыя соображенія его по этому поводу едва ли могутъ считаться удачными. Не станемъ входить въ разборъ справедливости его мнѣнія что не вся Франція и ея предшествующая исторія, а одинъ Наполеонъ III вина столкновенія 1870 года и послѣдовавшихъ за нимъ катастрофъ: но нельзя не указать на несостоятельность тѣхъ словъ автора которыми онъ даетъ понять что когда Франція окончитъ свою военную реорганизацію и объявитъ войну Германіи, она быть-можетъ найдетъ въ Россіи „союзницу“ противъ своего врага. Со времени своего погрома, Франціи дѣйствительно грезится такое стеченіе событій которое могло бы поссорить обѣ великія сѣверныя державы и доставило бы ей случай отомстить за свое пораженіе. Отсюда во Франціи, съ

одной стороны, періодическіе толки о мнимомъ тайномъ антагонизмѣ между Россіей и Германіей, съ другой—упованіе что этотъ воображаемый антагонизмъ рано или поздно приведетъ къ раздору съ мечтаемыми его послѣдствіями. Вышедшая недавно брошюра *Европа и Война (L'Europe et la Guerre*. Paris. Dentu. 8°. 15 p.) въ сотый разъ развиваетъ эту мысль, прибавляя что „война должна состояться вскорѣ“ (à brève échéance).

Нѣтъ надобности доказывать призрачность этихъ соображеній. Даже когда только еще начиналось собираніе германской земли, когда Франція старалась *a priori* сдержать прусскаго Кавура и когда ему грозили изъ Парижа различными союзами, и тогда во французскихъ газетахъ можно было встрѣтить болѣе практическое сужденіе. „Въ увеличеніи и укрѣпленіи Пруссіи,“ писалъ въ августѣ 1866 года даже нерасположенный къ послѣдней *Etendard*, „нѣтъ ничего что̀ должно бы пугать русскихъ государственныхъ людей. Россіи „предстоитъ энергическая дѣятельность въ „Центральной Азіи, и въ то же время она „постоянно занята осуществленіемъ громадныхъ внутреннихъ реформъ: ей нечего „опасаться величія союзной державы, которая прикрываетъ ея западныя границы „и имѣемъ тождественные съ нею интересы „въ Польскомъ вопросѣ.“ Въ послѣдствіи взгляды французскихъ публицистовъ измѣнились. Національная бѣда удесятерила въ нихъ привычку приводить международные вопросы къ французскому знаменателю, не обращая вниманія на различіе отношеній. Они внезапно увѣровали что Россіи предстоитъ неизбѣжная распря съ Германіей, подобно тому какъ неизбѣжна была распря Франціи съ нею...

Въ современной Европѣ никакого антагонизма между Россіей и Германіей не предусматривается. Интересы ихъ если не во всемъ тождественны, то во всемъ примиримы. Пока обѣ державы остаются въ силѣ, пока правительства ихъ держатся на высотѣ не становясь орудіемъ страстей и партій и не выпуская дѣлъ изъ своихъ рукъ, нечего опасаться столкновенія между ними, нечего и разчитывать на то. Въ иныя соображенія легко можетъ увлекаться Французъ, естественно предающійся неосмотрительнымъ порывамъ возбужденнаго національнаго чувства; но расположенному ко Франціи Русскому слѣдуетъ предостерегать эту страну отъ свойственныхъ ея темпераменту увлеченій. Замѣтимъ, кстати, что едва ли уважаемый публицистъ, котораго произведеніе вызвало эти строки, не впадаетъ также въ заблужденіе, какъ бы вѣруя въ установленіе Французской республики и полагая что если республика установится во Франціи, то эта форма правленія будетъ воспроизведена въ большей части европейскихъ странъ, *начиная* съ Англіи. Достаточно вспомнить документы Арнимовскаго процесса чтобы понять въ какой мѣрѣ Французская республика есть плодъ искусственнаго насажденія, которому не чужды и посторонніе садоводы, какъ князь Бисмаркъ.

№ 57.

Москва, 4-го марта.

Вчера мы напечатали указъ объ образованіи Ферганской области изъ земель новозавоеваннаго Коканскаго ханства, а сегодня помѣщаемъ приказъ о назначеніи военнымъ губернаторомъ тамъ генералъ-маіора Скобелева, которому досталась честь военныхъ дѣйствій усмирившихъ кочевое населеніе ханства, а также поимки всѣхъ главныхъ предводителей „священной войны“ противъ Русскихъ.

Россія впервые столкнулась съ Коканскимъ ханствомъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, и теперь все ханство до послѣдней пяди земли вошло уже въ русскіе предѣлы. Поводомъ къ столкновенію съ Коканомъ было занятіе низовьевъ Сыръ-Дарьи, начатое нами въ 1847 году постройкой Раимскаго или Аральскаго укрѣпленія. Не задолго передъ тѣмъ, наши киргизскія степи были взволнованы упорнымъ мятежомъ Кенисары Касимова. Чтобъ умиротворить степи рѣшено было выдвинуть укрѣпленія—мѣра помощью которой мы смирили въ прошломъ столѣтіи Калмыковъ и Башкиръ (чрезъ устройство Уральской и Оренбургской линій). Въ степяхъ были заложены укрѣпленія Оренбургское на Тургаѣ, Уральское на Иргизѣ и Раимское въ низовьи Сыръ-Дарьи. Но въ послѣднихъ мѣстахъ было не мало коканскихъ укрѣпленій, и между ними главное—крѣпость Акъ-Мечеть. Опираясь на свои укрѣпленія, Коканцы притѣсняли и грабили подвластныхъ Россіи Киргизовъ; въ 1850 году, они угнали до 56.000 головъ скота, въ 1851—

сразу до 75.000, и тогда начальникъ Аральскаго укрѣпленія, майоръ Энгманъ, преслѣдуя грабителей, взялъ приступомъ коканское укрѣпленіе Кошъ-Курганъ. Но грабежи продолжались, и въ 1852 году оренбургскій генералъ-губернаторъ Перовскій началъ открытую войну съ Коканомъ. Первый приступъ къ Акъ-Мечети былъ отбитъ, и она взята лишь въ слѣдующемъ 1853 году отрядомъ подъ начальствомъ самого Перовскаго. Акъ-Мечеть теперь фортъ Перовскій. Коканцы попытались было отбить эту крѣпость. Въ декабрѣ 1853 года, скопища ихъ въ 13.000 человѣкъ съ 17 орудіями обложили неустроенное еще нами укрѣпленіе въ Акъ-Мечети, гдѣ Русскихъ было около тысячи человѣкъ. Войска сдѣлали смѣлую вылазку, въ прахъ разбили Коканцевъ и отняли у нихъ всѣ орудія. Этимъ кончилась наша первая война съ Коканомъ.

Во время Восточной войны, въ средне-азіатскихъ степяхъ было спокойно.

Вторую войну Коканцы начали нападеніями на нашу сибирскую линію. Въ 1860 году напали они на укрѣпленіе Кастекъ, но неудачно. Затѣмъ нашъ Зачуйскій отрядъ взялъ коканскія укрѣпленія Токмакъ и Пишпекъ, и срылъ ихъ. Коканцы бросились вслѣдъ за возвращавшимся на линію отрядомъ, и тогда-то начальникъ Алатавскаго округа, подполковникъ Колпаковскій, на голову разбилъ 20.000 Коканцевъ и отнялъ у нихъ всю артиллерію. Въ концѣ 1861 года оренбургскій генералъ-губернаторъ Безакъ представилъ записку о необходимости соединенія Сибирской и Сыръ-Дарьинской линій; онъ полагалъ исполнить этотъ планъ совокупными усиліями Оренбургскаго и Сибирскаго отрядовъ, которые должны были сойтись подъ Ташкентомъ и взять этотъ городъ. Въ февралѣ 1863 года, по окончательномъ обсужденіи записки Безака, рѣшено ограничиться на первое время рекогносцировками и не брать даже Ауліе-ата, коканской крѣпости лежавшей на пути Сибирскаго отряда. Но сила вещей заставила исполнить планъ генерала Безака. Оренбургскимъ отрядомъ командовалъ полковникъ Веревкинъ, Сибирскимъ—полковникъ Черняевъ. Первый отрядъ въ 1864 году занялъ Туркестанъ, второй—Ауліе-ата, и соединеніе Сибирской и Сыръ-Дарьинской линій совершилось. Начальникомъ новой Коканской линіи былъ назначенъ Черняевъ. Дѣйствія Коканцевъ вынудили его въ томъ же 1864 году занять Чекментъ, а въ слѣдующемъ взять самый Ташкентъ и присоединить его къ Россіи. Преемникъ генерала Черняева, генералъ Романовскій, присоединилъ къ нашимъ владѣніямъ Зачирчикскій край, житницу Ташкента, и взялъ Ходжентъ, считая его ключомъ къ долинѣ Фергана, что вполнѣ оправдалось въ прошломъ году. Такъ кончилась наша вторая война съ Коканомъ, причемъ это ханство потеряло бóльшую половину своихъ владѣній,—все среднее теченіе Сыръ-Дарьи и земли къ сѣверу отъ окаймляющихъ ее хребтовъ.

Со времени втораго погрома, ханъ Коканскій Худояръ сознаетъ необходимость стать въ вассальныя къ Россіи отношенія. Это выразилось не столько торговымъ трактатомъ съ нами, поразительно умѣреннымъ по требованіямъ съ нашей стороны, сколько усерднымъ исполненіемъ приказаній получаемыхъ изъ Ташкента и полнымъ нейтралитетомъ при войнахъ России съ Бухарой и Хивой. Худояръ даже поздравлялъ генерала фонъ-Кауфмана съ побѣдами надъ эмиромъ Бухарскимъ и ханомъ Хивинскимъ. Коканскій ханъ ставилъ хлѣбъ для нашихъ войскъ, наказывалъ горцевъ, нападавшихъ на наши малые отряды. По требованію туркестанскаго генералъ-губернатора, Худояръ, не смотря на ропотъ приближенныхъ и народа, выдалъ намъ бѣжавшихъ къ нему, изъ владѣній Бухарскаго эмира, шахрисябскихъ бековъ Джура-бія и Баба-бія. Интересно припомнить теперь сношенія между туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и Худояромъ по поводу вассальнаго Кокану Каратегина. Къ югу отъ Коканскихъ владѣній, среди горъ окаймляющихъ съ сѣвера Аму-Дарью, расположены бекства Гассарское, Кулябское и Каратегинское. Въ 1869, эмиръ Бухарскій подчинилъ себѣ эти бекства, и изъ Каратегина прогналъ коканскаго вассала Ширъ-Али. Генералъ Кауфманъ приказалъ эмиру возвратить Каратегинъ законному владѣтелю Музафаръ-шаху, но Ширъ-Али вторгся въ Каратегинъ, былъ разбитъ сосѣдними беками и взятъ въ плѣнъ. Тогда изъ Ташкента еще разъ приказано было Худояру возвратить Каратегинъ Музафаръ-шаху, жившему плѣнникомъ въ Коканѣ, а эмиру — освободить Ширъ-Али. Эмиръ исполнилъ приказаніе, а Худояръ долго тянулъ дѣло.

Политика поддержанія мѣстныхъ хановъ имѣла ту опасность что опираясь на русскія силы ханы могли безъ всякаго удержу предаваться своему деспотизму; прежде ихъ все-таки до извѣстной степени ограничивали безпрестанныя возстанія населеній, теперь сдержанныхъ русскою властію. Дѣйствительно Худояръ скоро перешелъ всѣ границы злоупотребленія властью, и противъ него вспыхнуло возстаніе кочеваго населенія Кипчаковъ и Киргизовъ, постоянно впрочемъ враждующихъ съ осѣдлымъ населеніемъ ханства. Много лѣтъ боролся ханъ съ этимъ возстаніемъ, но неподдержанный Русскими въ прошломъ году онъ бѣжалъ въ наши предѣлы.

Послѣднія событія у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Туркестанскій генералъ-губернаторъ, покоривъ ханство, попробовалъ было укрѣпить на престолѣ сына Худояра Насръ-Эддина, но попытка не удалась. Насръ-Эддинъ долженъ былъ бѣжать изъ Кокана, а русскимъ войскамъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева, пришлось выдержать упорную борьбу съ кочевымъ населеніемъ ханства и снова завоевать его.

При первыхъ извѣстіяхъ о послѣднихъ волненіяхъ въ Коканѣ, *Русскій Міръ*, перомъ весьма компетентнаго лица, предостерегалъ отъ окончательнаго занятія Кокана и предвѣщалъ что оно создастъ для насъ новый Кавказъ—непрерывную борьбу съ тамошними горцами. Мы высказали тогда иное мнѣніе, и полагали что занятіе Кокана станетъ дѣломъ неизбѣжнымъ. Для спокойствія края намъ слѣдовало держать крѣпкою рукой не одно осѣдлое населеніе, и безъ того спокойное, а именно тѣ племена которыя всегда были источникомъ мѣстныхъ смутъ, то есть кочевниковъ Кокана и Туркменъ Хивы. Новый Кавказъ въ Средней Азіи — дѣло весьма мало вѣроятное. Горцы Средней Азіи— кочевники, а не осѣдлые жители, какъ было на Кавказѣ. Къ тому же среднеазіятскія владѣнія находятся въ періодѣ разложенія, а воинственный духъ давно уже оставилъ поклонниковъ Магомета. Кавказская война была чуть ли не послѣднею вспышкой воинственнаго одушевленія магометанъ.

Указъ объ образованіи Ферганской области не опредѣляетъ въ точности земель которыя должны войти въ ея составъ. Указъ выражается такъ: „вновь занятую „Русскими войсками территорію, составлявшую до прошлаго 1875 года ханство „Коканское, включить въ границы Импе„ріи и образовать изъ нея область Фер„ганскую." Не извѣстно войдетъ ли въ предѣлы этой территоріи Каратегинъ. Извѣстно лишь что Каратегинскій бекъ поддерживалъ въ Коканѣ враждебнаго намъ претендента на ханскій престолъ Пулатъбека и вмѣстѣ съ нимъ взятъ въ плѣнъ. Территорія Каратегина имѣетъ важное значеніе; въ ней берутъ начало притоки верховьевъ Аму-Дарьи. Каратегинъ отдѣляется отъ Бадахшана небольшою областью Дарвазъ.

Ферганская область будетъ на первое время управляться на основаніи временнаго положенія, какъ вообще управляются всѣ земли присоединенныя къ Россіи со времени образованія Туркестанскаго генералъ-губернаторства: Заравшанская область, округъ Кульджи и Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Устройство прочнаго управленія этими краями становится, однако, теперь еще болѣе чѣмъ прежде дѣломъ неотложнымъ.

Присоединеніе Кокана открываетъ новые виды для нашей промышленности. Коканъ занималъ первое мѣсто въ русской торговлѣ со Среднею Азіей. Долина Ферганa чуть ли не плодороднѣе долины Заравшана; во всякомъ случаѣ, ея плодородіе менѣе зависитъ отъ случайностей. Заравшанскій край питается одной рѣкой Заравшаномъ, тогда какъ въ Ферганѣ разведены на орошеніе не только воды Сыръ-Дарьи, но и множество рѣчекъ и ручьевъ текущихъ съ горъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, окаймляющихъ Фергану. Кромѣ хлѣба, шелкъ, хлопокъ, фрукты — вотъ главныя статьи торговли бывшаго Коканскаго ханства. Надо надѣяться что съ присоединеніемъ Ферганы ущербъ какой терпитъ русская казна отъ владѣнія Туркестанскимъ краемъ значительно сократится.

№ 58.

Москва, 5-го марта.

Послѣ довольно продолжительнаго перемирія, которое многими считалось предвѣстіемъ окончательнаго умиротворенія, „культурная борьба" въ Германіи возгорѣлась съ новою силой, и если недавно окончешая сессія имперскаго сейма прошла не будучи ознаменована ни однимъ

изъ бурныхъ препираній между партіей центра и либеральнымъ большинствомъ, то члены того же собранія перейдя черезъ нѣсколько дней послѣ закрытія онаго въ залу засѣданій Прусскаго сейма успѣли уже вознаградить себя за добровольное молчаніе, и начиная съ 7-го марта, въ теченіе трехъ дней, шли ожесточенныя пренія по вопросамъ церковнымъ, и враждебныя дѣйствія закипѣли съ удвоенною силой по всей линіи. Такъ какъ видимаго и для всѣхъ понятнаго повода для такой перемѣны тактики со стороны совсѣмъ было затихшихъ клерикаловъ не было, то, какъ заключаютъ берлинскія либеральныя газеты, маневръ этотъ слѣдуетъ приписать общему пониженію ультрамонтанскихъ фондовъ въ Европѣ, причиненныхъ торжествомъ республики во Франціи и окончательнымъ пораженіемъ карлистовъ въ Испаніи, вслѣдствіе чего признано нужнымъ напомнить о себѣ и снова заявить міру что никакія внѣшнія неудачи не въ состояніи сломить римскіе легіоны.

Поляки, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, первые открыли баталію при обсужденіи 7-го марта въ Ландтагѣ законопроекта о введеніи обязательнаго и безусловнаго употребленія нѣмецкаго языка въ административномъ и судебномъ производствѣ, а также для всѣхъ политическихъ корпорацій Прусской монархіи. Клерикальные ораторы поддержали депутатовъ польской фракціи, съ жаромъ возставшихъ противъ законопроекта какъ спеціально направленнаго „на окончательное истребленіе польской національности.“ Депутатъ Лисковскій доказывалъ что этою мѣрой Прусскому правительству не удастся окончательно онѣмечить польскія провинціи или способствовать вытѣсненію польскаго элемента нѣмецкимъ; нѣмецкое населеніе уступаетъ польскому какъ въ трудолюбіи, такъ и въ умѣренности. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ нужнымъ протестовать противъ новой мѣры какъ заключающей въ себѣ нарушеніе международныхъ трактатовъ. Тутъ слѣдовало обычное указаніе на заключительный протоколъ Вѣнскаго Конгресса, по коему польскимъ провинціямъ даровано право на офиціальное употребленіе польскаго языка. Всѣ эти протесты и патріотическіе возгласы были по обыкновенію весьма холодно приняты большинствомъ Палаты. Изъ партій не принадлежащихъ къ „центру“ Поляки встрѣтили сочувственный голосъ только со стороны престарѣлаго фонъ-Герлаха, основателя *Крестовой Газеты*, который считаетъ притязанія Поляковъ правильными на основаніи даннаго имъ въ 1815 году королевскаго обѣщанія. Всего интереснѣе возраженія которыя высказалъ противъ польскихъ притязаній профессоръ Зибель. Указавъ на то что ссылки Поляковъ на трактаты 1815 года лишены основанія и давно уже опровергнуты, знаменитый историкъ высказалъ между прочимъ слѣдующее: „Какъ Пруссакъ, я, въ качествѣ „народнаго представителя, не долженъ руководствоваться никакими иными соображеніями кромѣ интересовъ моего отечества. Стремленія Поляковъ съ покон „вѣка были діаметрально противоположны „интересамъ Прусскаго государства; а потому Поляки не признающіе своихъ обязанностей какъ подданные государства не „могутъ имѣть притязаній на какія-либо „особыя права.“ Г. Зибель указалъ при этомъ на письменное заявленіе присланное въ Палату г. Нѣголевскимъ, братомъ депутата того же имени и сыномъ полковника Нѣголевскаго, извѣстнаго познанскаго политическаго дѣятеля 1848 года. Въ этомъ заявленіи г. Нѣголевскій пишетъ что онъ далъ клятву своему отцу на его смертномъ одрѣ во всемъ держаться его политической программы; вотъ почему онъ не можетъ не согласиться на принятіе теперешняго законопроекта. Ему, г. Зибелю, хорошо извѣстна политическая программа Нѣголевскаго-отца, съ которымъ онъ познакомился въ 1849 году во Франкфуртѣ, во время пресловутаго Германскаго Парламента. „Я принадлежалъ тогда,“ замѣтилъ г. Зибель, „къ числу тѣхъ благо„намѣренныхъ, но плохо свѣдущихъ юно„шей которые мечтали о возстановленіи „Польши.“ Нѣголевскій посвятилъ его тогда въ свои политическіе идеалы, которые заключались въ томъ чтобы, свергнувъ иго деспотизма въ Германіи и Польшѣ, возстановить послѣднюю въ ея прошломъ величіи и могуществѣ и въ прежнихъ ея границахъ. „Теперь,“ заключилъ свою рѣчь г. Зибель, „сынъ Нѣголевскаго заявляетъ „себя во всемъ солидарнымъ съ програм„мой своего отца; а въ виду этого я, какъ „подданный Прусскаго государства, не могу „не подать своего голоса въ пользу мѣры „направленной противъ прямыхъ против„никовъ моего отечества.“

Пренія по этому предмету окончились передачей законопроекта въ коммиссію, причемъ какъ противники, такъ и защитники онаго напередъ увѣрены что онъ будетъ принятъ безо всякихъ измѣненій его существенныхъ оснований. Но въ томъ же самомъ засѣданіи Палаты началось обсужденіе законопроекта устанавливающаго способы контроля государства надъ денежною частью въ управленіи католическими приходами, и этимъ клерикалы воспользовались для новыхъ горячихъ пререканій и нападокъ на правительство. Возраженія клерикаловъ были тѣмъ неожиданнѣе что католическіе епископы сами заявили о своемъ подчиненіи принятому въ прошедшемъ году закону касательно управленія имуществомъ католическихъ приходовъ, коего настоящій законъ есть лишь логическое послѣдствіе. Но упомянутое заявленіе католическихъ епископовъ сдѣлано было въ то время когда „культурная борьба“ затихла и когда возобновились слухи о готовящемся примиреніи съ Ватиканомъ. Теперь же все, напротивъ, указываетъ на то что попытки въ этомъ смыслѣ ни къ чему не повели.

Пренія продолжались цѣлыхъ два дня и окончились передачей и этого законопроекта въ коммиссію, причемъ опять никто не сомнѣвается что онъ будетъ принятъ. Ораторы клерикальной партіи по этому случаю вновь выступили съ обычными жалобами и угрозами, утверждая что правительство уже отвратило отъ себя сердца всѣхъ католическихъ подданныхъ Пруссіи, и что изъ этого положенія единственный выходъ въ томъ чтобы правительство отказалось отъ своей пагубной политики по отношенію къ католикамъ, которая, по словамъ однихъ изъ депутатовъ, ведетъ его по прямому пути „въ Каноссу,“ гдѣ, какъ извѣстно, императоръ Генрихъ IV на колѣняхъ вымаливалъ прощеніе за свою строптивость у папы Григорія VII. Г. Шорлемеръ-Альстъ этимъ заносчивымъ заявленіемъ намекнулъ на знаменитую фразу князя Бисмарка сказанную имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: „въ Каноссу мы не пойдемъ.“

Въ слѣдующее засѣданіе 10-го марта, партія центра въ третій разъ ринулась въ атаку противъ правительства. На этотъ разъ выступилъ „самъ“ г. Виндгорстъ, воспользовавшійся разсмотрѣніемъ бюджета министерства исповѣданій чтобы наговорить кучу непріятностей г. Фальку. Г. Виндгорстъ полагаетъ что положеніе католической церкви въ Пруссіи требуетъ измѣненія уже потому что, въ виду новаго закона о церковномъ устройствѣ евангелической церкви, прусскій министръ исповѣданій становится какъ бы спеціальнымъ министромъ послѣдней. Вотъ почему католики нуждаются де въ особомъ органѣ въ средѣ правительства, который доводилъ бы до свѣдѣнія короля объ ихъ нуждахъ и жалобахъ. Если же это невозможно, то г. Виндгорстъ требуетъ чтобы по отношенію къ католической церкви былъ установленъ принципъ „свободной церкви.“ Лишь подъ этимъ условіемъ возможно де достигнуть замиренія теперешней борьбы. Министръ Фалькъ отвѣчалъ на это категорическимъ заявленіемъ что замиреніе немыслимо прежде чѣмъ католики признаютъ первую обязанность вѣрныхъ сыновъ отечества — подчиненіе законамъ государства. Этимъ заявленіемъ остались весьма довольны органы національно-либеральной партіи, усматривая въ немъ подтвержденіе что правительство оставило всякую мысль о компромиссахъ съ Ватиканомъ и намѣрено идти неуклонно по принятому пути.

№ 59.

Москва, 6-го марта.

Мы только что получили офиціальную вѣдомость о количествѣ иностранныхъ товаровъ выпущеныхъ изъ таможень и русскихъ товаровъ вывезенныхъ за границу, по европейской торговлѣ, въ 1875 году, сравнительно съ 1874. Изъ 39 упоминаемыхъ въ вѣдомости статей отпускныхъ товаровъ, увеличеніе вывоза оказывается только по двѣнадцати статьямъ, а по всѣмъ остальнымъ двадцати семи вывозъ уменьшился. Впечатлѣніе производимое этимъ фактомъ много усилится если отъ простаго счета статей товаровъ обратиться къ ихъ относительному значенію въ нашей отпускной торговлѣ. Одинъ недочетъ 4.391.000 четвертей въ отпускѣ хлѣба, сравнительно съ 1874 годомъ, представляетъ собою фактъ такого рода что значеніе его едва ли могло бы быть ослаблено увеличеніемъ вывоза всѣхъ прочихъ нашихъ товаровъ; а къ этому недочету присоединяется еще слишкомъ милліонъ пудовъ по отпуску льна

и пеньки и 360.000 пуд. по отпуску льняного сѣмени. Такимъ образомъ, крупные недочеты оказываются именно по самымъ главнымъ изъ нашихъ произведеній сбываемымъ за границей; да и по большей части прочихъ отпускныхъ товаровъ, какъ сказано, тоже оказалось уменьшеніе вывоза. Возрасли размѣры отпуска только по двѣнадцати видамъ нашихъ товаровъ, но велико ли значеніе сдѣланныхъ тутъ успѣховъ? Увеличился на 6.000 пудовъ вывозъ коровьяго масла; за то уменьшился на 41.000 пудовъ отпускъ масла льнянаго и коноплянаго. Пеньковой пакли отпущено на 27.000 пуд. болѣе противъ 1874 года; за то вывозъ льняной пакли былъ на 54.000 пудовъ менѣе. Увеличился отпускъ паруснаго полотна (на 1.765 кусковъ) и ткацкихъ издѣлій (на 1.794 пудовъ), но значеніе этого факта ослабляется одновременнымъ уменьшеніемъ отпуска холста (на 2.868.000 аршинъ) и льняной и пеньковой пряжи (на 62.000 пудовъ). Небольшое увеличеніе отпуска мѣди (на 2.280 пудовъ) не вознаграждаетъ за уменьшеніе отпуска желѣза (на 86.000 пуд.). Точно также и увеличившійся отпускъ мѣховъ, щетины, мелкаго скота, лошадей и табаку, не возмѣщаетъ недочетовъ оказавшихся по вывозу кожъ, сала, кости, крупнаго скота, меда и патоки, поташа, спирта (отпускъ его уменьшился слишкомъ на полмилліона ведеръ) и т. д., не говоря уже объ уменьшеніи на 6¼ милліоновъ рублей отпуска лѣса. Въ отдѣлѣ хлѣбныхъ товаровъ, оставляя въ сторонѣ ничтожное увеличеніе отпуска кукурузы, можно было бы порадоваться тому что вывозъ пшеницы, сравнительно съ 1874 годомъ, былъ на 1.377.000 четвертей болѣе (помимо одесскаго отпуска, который былъ не больше, а меньше противъ 1874 года). Но и этотъ крупный фактъ теряетъ свое значеніе въ виду огромныхъ недочетовъ по отпуску всѣхъ прочихъ хлѣбовъ, въ особенности ржи, вывозъ коей уменьшился слишкомъ на четыре милліона четвертей.

Такіе неблагопріятные результаты отпускной торговли невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе. Важно тутъ, конечно, не то что одинъ годъ случайно оказался неудачнымъ; важно то что нашъ отпускъ постоянно подверженъ такимъ случайностямъ что никакой успѣхъ въ его развитіи не можетъ считаться прочнымъ. Таково всегдашнее, неизбѣжное свойство торговли основанной на сбытѣ немногихъ видовъ грубыхъ, необработанныхъ произведеній природы, всегда находящемся въ зависимости отъ стихійныхъ случайностей, отъ относительныхъ размѣровъ урожая у насъ и за границей и т. п. Но пока мы были почти монопольными поставщиками сырья для заграничныхъ потребителей, съ характеромъ усвоеннымъ нашею отпускною торговлей еще можно было мириться. Иное дѣло теперь, когда по торговлѣ сырьемъ явилось у насъ столько опасныхъ конкуррентовъ, когда по сбыту шерсти намъ приходится бороться съ Австраліей, по сбыту сала и кожъ — съ Южной Америкой, по торговлѣ хлѣбомъ — съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, то-есть со странами гдѣ условія производства сырья много выгоднѣе чѣмъ у насъ. Говорятъ, правда, что и въ Россіи не мало мѣстностей могущихъ выдержать въ этомъ отношеніи какую угодно конкурренцію, но, къ сожалѣнію, массы населенія, благодаря паспортной системѣ находящейся въ тѣсной связи съ финансовою круговою порукой, прикрѣплены у насъ не къ тѣмъ мѣстностямъ гдѣ трудъ ихъ былъ бы особенно производителенъ... Въ благословенныхъ мѣстностяхъ у насъ крайній недостатокъ рукъ для сбора даровъ природы, а населенія скучены въ мѣстностяхъ скудная производительность коихъ едва даетъ имъ средства поддерживать свое существованіе.

Облегченіе тягостныхъ стѣсненій лежащихъ нынѣ на нашихъ рабочихъ силахъ, безъ сомнѣнія, не замедлило бы отразиться на увеличеніи размѣровъ внутренняго производства и отпуска излишковъ его за границу. Но помимо успѣховъ въ количественномъ отношеніи, очень желательно качественное измѣненіе нашего отпуска, въ смыслѣ бóльшаго разнообразія отпускаемыхъ товаровъ, бóльшаго развитія второстепенныхъ отраслей торговли, при которомъ случайныя неудачи въ одной отрасли всегда могли бы вознаграждаться оборотами по другимъ товарамъ, въ смыслѣ, наконецъ, бóльшаго процента какой приходился бы изъ общей массы отпуска на долю обработанныхъ продуктовъ. Неужели никакіе успѣхи въ этомъ послѣднемъ отношеніи для насъ невозможны? Возьмемъ для примѣра хотя бы ленъ и пеньку. Цѣлыя горы этихъ продуктовъ идутъ изъ Россіи на заграничныя фабрики чтобы затѣмъ

въ обработанномъ видѣ перейти въ руки потребителей. Неужели мы сами не можемъ принять участія въ этой обработкѣ и сбывать хоть часть нашихъ льна и пеньки въ томъ видѣ какой дается имъ заграничными фабрикантами? Вѣдь умѣемъ же мы обрабатывать на нашихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ горы привознаго хлопка. Нѣтъ причинъ не обратить на родные ленъ и пеньку хоть часть тѣхъ усилій и трудовъ какіе кладутся на чужестранный хлопокъ.

Кстати о хлопкѣ. Прошлый годъ ознаменовался необыкновеннымъ возрастаніемъ его привоза, дошедшимъ до небывалой цифры почти пяти милліоновъ пудовъ. Еще недавно наша хлопчатобумажная фабрикація довольствовалась половиной этого количества, но въ послѣднія пять-шесть лѣтъ она, какъ оказывается, удвоила размѣры своего производства. Тѣмъ болѣе побужденій оградить, по возможности, эту промышленность, по примѣру Англіи, отъ опасности того критическаго положенія въ которое она была бы поставлена еслибы какія-нибудь политическія событія затруднили, хотя временно, морской привозъ къ намъ американскаго и остъ-индскаго хлопка.

Въ этихъ видахъ, нельзя не озаботиться поощреніемъ привоза хлопка идущаго къ намъ сухимъ путемъ. Между тѣмъ, мы поступаемъ какъ разъ наоборотъ. 14-го декабря 1863 года была снята легкая пошлина какою оплачивался хлопокъ привозимый по европейской границѣ, а пошлины съ хлопка идущаго къ намъ изъ Персіи до сихъ поръ взимаются. Но гораздо важнѣе чѣмъ привозъ изъ Персіи развитіе производства отечественнаго хлопка въ нашемъ Закавказьѣ и средне-азіятскихъ владѣніяхъ, гдѣ въ особенности новопріобрѣтенная Ферганская область представляетъ всѣ данныя къ тому чтобы стать опорнымъ пунктомъ нашей хлопчатобумажной фабрикаціи.

№ 61.

Москва, 8-го марта.

Предпринятое державами дѣло умиротворенія двухъ объятыхъ возмущеніемъ турецкихъ провинцій сопряжено съ большими трудностями. Предстоитъ, вопервыхъ, убѣдить христіанскія населенія что обнародованныя теперь реформы гарантируются Европой. Въ то же самое время представителямъ державъ необходимо блюсти за скорѣйшимъ и точнымъ исполненіемъ турецкими властями предписанныхъ мѣръ.

Труднѣе всего будетъ убѣдить выходцевъ къ возвращенію на родину. До сихъ поръ, какъ доноситъ своему правительству намѣстникъ Далматіи, баронъ Родичъ, ни увѣщанія его, ни обѣщанія денежной помощи не могли побудить ихъ къ тому. Имъ не только обѣщана амнистія, но и освобожденіе на два года отъ налоговъ и возстановленіе ихъ разрушенныхъ церквей, домовъ и фермъ; для нихъ необходимо и денежное пособіе чтобы приступить къ земледѣльческимъ работамъ. Коммиссары Порты, Гайдаръ-эфенди и Васса-эфенди, получили подробныя инструкціи касательно реформъ въ Босніи и Герцеговинѣ, но денежныя суммы которыми они снабжены простираются не свыше 50.000 ф. ст. Державамъ предстоитъ убѣдить Порту что она обязана, въ собственномъ интересѣ, прибѣгнуть къ величайшимъ пожертвованіямъ для исполненія обѣщаній выходцамъ, тѣмъ болѣе что продленіе возстанія обойдется ей гораздо дороже и можетъ кончиться утратой провинцій.

Въ Лондонѣ, какъ извѣстно, образовалась недавно „Христіанская Лига въ помощь христіанамъ Турціи,“ патронируемая ветераномъ англійскихъ политиковъ лордомъ Росселемъ. Еще въ минувшій мѣсяцъ, когда шли лишь толки о нотѣ графа Андраши, мы получили отъ этой Лиги письмо которымъ инсургенты предостерегались отъ турецкихъ обѣщаній. На дняхъ мы получили отъ секретаря этой Лиги, г. Луиса Фарлея, новое письмо, помѣщаемое ниже, въ которомъ онъ разказываетъ объ ужасномъ происшествіи, случившемся въ Сиріи, не упоминая однако въ которомъ году это было. Разказъ свой г. Фарлей передаетъ намъ за тѣмъ чтобы, чрезъ посредство нашей газеты, предостеречь инсургентовъ Босніи и Герцеговины. Еще прежде мы получили также отъ него письмо съ воззваніемъ „Христіанской Лиги“ и съ приглашеніемъ доставлять пожертвованія изъ Россіи для турецкихъ христіанъ въ Лондонъ, въ комитетъ Лиги. Приглашеніе это показалось намъ нѣсколько страннымъ. Зачѣмъ пожертвованіямъ изъ Россіи идти кружнымъ путемъ на Лондонъ, когда они могутъ гораздо прямѣе и ско-

рѣе достигнуть цѣли? Пособія изъ православной Россіи своимъ единовѣрцамъ не оскудѣвали и безъ постороннихъ приглашеній. Обращаясь къ намъ, а черезъ посредство насъ ко всѣмъ Русскимъ, образовавшаяся въ Лондонѣ „Христіанская Лига“ убѣждаетъ людей давно убѣжденныхъ, тогда какъ она могла бы направить свои усилія съ большею пользой. Сочувствіе Россіи къ христіанамъ страждущимъ подъ мусульманскимъ владычествомъ возникло не со вчерашняго дня. Россія возвышала голосъ въ ихъ защиту и тогда когда ей приходилось говорить и дѣйствовать одной не только противъ Порты, но и противъ подозрительнаго недовѣрія всей Европы, особенно Англіи. Все что теперь говоритъ „Христіанская Лига“ въ Лондонѣ и ея секретарь доказывалось нами несчетное число разъ. Если же въ настоящее время мы нѣсколько надѣемся что возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ можетъ привести къ иному результату чѣмъ возстаніе въ Критѣ, то потому что теперь вся Европа приняла точку зрѣнія Россіи и европейское вмѣшательство въ защиту христіанъ признано самимъ правительствомъ султана. Державы поручились за исполненіе обѣщаній данныхъ Портой. Въ такомъ только смыслѣ мы понимаемъ дипломатическое вмѣшательство, а вовсе не въ томъ чтобы побудить инсургентовъ положить оружіе. Если же „Христіанская Лига“ въ Лондонѣ полагаетъ что поручительство державъ недостаточно, и что инсургенты во что бы ни стало должны продолжать борьбу, то почему она обращается къ нимъ не прямо отъ своего имени? И почему г. Фарлей до сихъ поръ хранилъ молчаніе о возмутительномъ происшествіи въ Сиріи которое теперь онъ такъ краснорѣчиво описываетъ для нашего назиданія?

Мы отъ всей души радуемся что и въ Англіи пробудилось наконецъ сочувствіе къ страданіямъ турецкой райи, и горячо желаемъ успѣха дѣятельности лицъ пожелавшихъ оказывать имъ посильную помощь. Но это сочувствіе должно быть очень ничтожно если оно обращается съ убѣжденіями къ тѣмъ кого убѣждать вовсе не требуется. Лондонской Лигѣ слѣдовало бы обращаться къ англійскому обществу, дѣйствовать на англійское правительство. Для этого въ Англіи имѣются какъ нельзя болѣе удобныя средства. Лига можетъ созывать митинги, можетъ ежедневно проводить свои взгляды во многочисленныхъ газетахъ, можетъ возвышать голосъ за христіанъ чрезъ членовъ парламента. Дѣйствовать такимъ образомъ на общественное мнѣніе и правительство Англіи есть первая обязанность Лиги если ея желанія вполнѣ искренни, ибо на Англіи болѣе чѣмъ на комъ-либо лежитъ тяжелая вина предъ восточными христіанами. Она и теперь не въ пользу ихъ дѣйствуетъ. Англійскіе политики не только заступались за цѣлость Турціи, къ чему могли побуждать ихъ политическіе разчеты, но и болѣе всѣхъ распространяли ложныя мнѣнія о преуспѣяніи дѣлъ въ Турецкой имперіи; англійское правительство дало новую жизнь тѣмъ турецкимъ порядкамъ которые теперь возмущаютъ Лигу и ея секретаря, открывъ европейскія биржи турецкимъ займамъ и давъ гарантію по первому изъ нихъ. Теперь, когда эти займы оказались растраченными непроизводительно и банкротство Турціи открыло многимъ глаза, для Лиги самое удобное время дѣйствовать на общественное мнѣніе своей страны, и она можетъ принести не малую пользу не однимъ только сборомъ пожертвованій. Неоспоримо что для населеній Босніи и Герцеговины желательны большія льготы чѣмъ указанныя въ нотѣ графа Андраши, большая степень автономіи. Для достиженія этого важно не столько убѣдить Порту сколько установить соглашеніе между державами. А кто до сихъ поръ недовѣрчивѣе всѣхъ относился ко всякимъ перемѣнамъ въ Турецкой имперіи какъ не англійское правительство? Но и въ предѣлахъ нынѣшняго дипломатическаго вмѣшательства болѣе дѣятельное участіе Англіи могло бы принести благіе плоды. Россія и Австрія могутъ болѣе другихъ дѣйствовать на христіанскія неселенія, Англія же можетъ въ особенности дѣйствительно вліять на Порту. Никакая мѣра не могла бы такъ много способствовать скорѣйшему умиротворенію возмущенныхъ провинцій какъ удаленіе оттуда турецкихъ войскъ, на что мы уже не разъ обращали вниманіе. Правда, на эту мѣру не легко склонить правительство султана, но еслибы такой совѣтъ былъ твердо высказанъ представителемъ Англіи, котораго поддержали бы и другія державы, то Порта не могла бы не убѣдиться что эта мѣра предлагается въ ея собственныхъ интересахъ. Мѣра эта, какъ мы высказали на прошед-

шей недѣлѣ, не только явилась бы лучшею гарантіей умиротворенія, но, избавивъ Порту отъ излишнихъ военныхъ расходовъ, дала бы ей средства оправдать обѣщанія пособій данныя ею выходцамъ для побужденія ихъ къ возвращенію на родину.

№ 62.

Москва, 9-го марта.

Вопросъ объ отношеніяхъ новаго французскаго министерства къ новымъ палатамъ, столь существенный для будущности Франціи, начинаетъ проясняться въ благопріятномъ смыслѣ. Почти съ увѣренностью можно сказать что большинство въ обѣихъ палатахъ обезпечено кабинету Дюфора, если не случится непредвидимыхъ обстоятельствъ какія всегда возможны во французскихъ законодательныхъ собраніяхъ. Декларація новаго министерства, прочитанная президентомъ совѣта министровъ въ Сенатѣ и герцогомъ Деказомъ въ Палатѣ Депутатовъ, произвела наилучшее впечатлѣніе. Документъ этотъ замѣнилъ президентское посланіе, такъ какъ въ совѣтахъ правительства было рѣшено что при безотвѣтственности, упрочиваемой новою конституціей президенту республики, программа его правительства должна быть излагаема не отъ его лица, которое должно оставаться внѣ парламентскихъ перемѣнъ, а отъ лица отвѣтственнаго предъ палатами министерства, находящагося въ прямой отъ нихъ зависимости. Одобреніе встрѣченное правительственною деклараціей и въ Сенатѣ, и въ Палатѣ Депутатовъ свидѣтельствуетъ что сложилось наконецъ министерство которое можетъ дѣйствовать съ пользой для водворенія общественнаго порядка во Франціи, что̀ такъ необходимо для нея послѣ столькихъ бѣдствій и потрясеній. Одобренія этого не раздѣляютъ только бонапартисты и крайнія фракціи правой и лѣвой, да и то органы послѣдней значительно измѣнили тонъ, и даже *République Française,* сначала объявившая что организація новаго кабинета была „ошибкой,“ — разумѣется, потому что къ участію въ немъ не были приглашены главные вожаки лѣвой, надѣявшіеся по меньшей мѣрѣ на два или на три портфеля, — выразила полнѣйшее сочувствіе министерской деклараціи столь твердо заявляющей о своемъ намѣреніи поддерживать конституцію 25-го февраля и честно примѣнять ее. Особенно сильное впечатлѣніе произвели обѣщанія министерства касательно пересмотра закона объ организаціи муниципалитетовъ и закона о высшемъ преподаваніи. Оба эти закона, какъ сказано въ министерской деклараціи, обратились въ политическіе вопросы требующіе рѣшенія. Первый, предоставляющій назначеніе меровъ исключительно правительству, имѣющему право выбирать ихъ даже не изъ среды муниципальныхъ совѣтовъ, можетъ быть измѣненъ безъ большихъ потрясеній, такъ какъ на собраніяхъ лѣвыхъ высказывалось только требованіе чтобъ общинамъ съ населеніемъ менѣе 6.000 душъ было возвращено право избранія меровъ муниципальными совѣтами, и чтобы правительству было предоставлено назначеніе этихъ чиновниковъ въ остальныхъ общинахъ изъ среды тѣхъ же совѣтовъ. Къ тому же, ни одна изъ партій враждебныхъ правительству, за исключеніемъ можетъ-быть бонапартистовъ, не будетъ отстаивать нынѣ дѣйствующаго закона о мерахъ. Но пересмотръ закона о высшемъ преподаваніи въ томъ смыслѣ какъ желаютъ лѣвыя, то-есть возстановленіе за правительствомъ исключительнаго права раздачи ученыхъ степеней, долженъ возбудить сильное сопротивленіе въ клерикальной партіи, которая считала этотъ законъ своимъ величайшимъ торжествомъ и несомнѣнно будетъ отстаивать его всѣми ей доступными средствами, что̀ и возвѣщаютъ уже главные органы ея, газеты *Univers*, *Union*, *Monde* и *Gazette de France*, выступающія съ самыми запальчивыми статьями противъ правительства, и объявляющія что допуская пересмотръ закона о высшемъ преподаваніи, „самаго консервативнаго акта правительства маршала Макъ-Магона,“ оно явно уступаетъ требованіямъ демагогіи.

Большое впечатлѣніе на большинство палатъ произвело то мѣсто деклараціи гдѣ министерство обѣщаетъ „устранять всѣ воинственныя предпріятія, которыя слишкомъ часто роняли честь и благосостояніе націй.“ Въ этихъ словахъ, направленныхъ противъ бонапартизма, республиканскіе органы видятъ рѣшительный разрывъ маршала Макъ-Магона съ этою партіей, и разсыпаются въ похвалахъ правительству. Бонапартистскія газеты пока мол-

чать, и только *Pays* замѣчаетъ что „кабинетъ дурно поступаетъ возстановляя противъ себя лишнюю сотню враговъ.“ Замѣтимъ, однако, что это самое мѣсто министерской декларацiи встрѣтило горячее одобренiе въ палатахъ, которыя и не замедлили выказать свое сочувствiе министерству на дѣлѣ. Первымъ и существеннымъ знакомъ этого сочувствiя было избранiе г. Рикара, министра внутреннихъ дѣлъ, несмѣняемымъ сенаторомъ на мѣсто умершаго г. де-Ларошетта. Обстоятельство это имѣло значенiе первостепенной важности: г. Рикаръ не былъ ни сенаторомъ, ни депутатомъ при назначенiи его въ должность министра, и былъ бы принужденъ выйти въ отставку еслибъ избранiе его въ Сенатъ не состоялось, а тогда по необходимости измѣнился бы составъ кабинета, и не мало затрудненiй представилось бы г. Дюфору при выборѣ преемника г. Рикару, такъ какъ всего труднѣе прiискать лицо способное занимать щекотливую должность министра внутреннихъ дѣлъ и вмѣстѣ угодное президенту республики. Торжество г. Рикара было полное; онъ получилъ 174 голоса изъ числа 258, тогда какъ соперникъ его г. де-Лессепсъ, котораго противники кабинета выставили кандидатомъ помимо его желанiя, въ полной увѣренности что Сенатъ отдастъ предпочтенiе „знаменитому и генiальному дѣятелю, прославившему свое имя величайшимъ изъ современныхъ предпрiятiй,“ получилъ только 84 голоса. Очевидно что оказывая такое предпочтенiе г. Рикару, Сенатъ имѣлъ въ виду упрочить положенiе министерства, вполнѣ ему симпатичнаго.

Что касается Палаты Депутатовъ, то при сформированiи своего бюро она также выразила свое сочувствiе отзыву министерской декларацiи о бонапартистахъ. Несмотря на всѣ усилiя этой партiи, ей не удалось провести своего кандидата въ секретари (изъ восьми секретарей избранiе двухъ предоставлено было правымъ), и кандидатъ этотъ, г. Артуръ Лагранжъ, получилъ только 152 голоса, тогда какъ соперникъ его, герцогъ д'Аркуръ, былъ избранъ большинствомъ 247 голосовъ.

Весьма важно для новаго министерства то обстоятельство что президентъ республики, повидимому, твердо рѣшился не дѣлать дальнѣйшихъ уступокъ лѣвымъ. Доказательство мы находимъ въ его словахъ переданныхъ въ *Figaro*: Если вѣрить этой газетѣ, — а не вѣрить ей довольно трудно, потому что она буквально воспроизводитъ слова маршала,—то онъ не допуститъ никакой перемѣны въ министерствѣ въ радикальномъ смыслѣ, и въ случаѣ невозможности управлять при содѣйствiи лѣваго центра обратится къ нацiи.

Лондонскiя газеты очень довольны декларацiей новаго французскаго кабинета. *Times* въ особенности указываетъ на то мѣсто которое говоритъ объ устраненiи воинственныхъ замысловъ. „Изъ этого намека, явно направленнаго противъ имперiи,“ говоритъ органъ Лондонскаго Города, „бонапартисты поймутъ что они отвергнуты правительствомъ и сдѣлаются „жесточайшими его врагами. Но именно „этотъ разрывъ съ бонапартизмомъ, это „заявленiе предъ цѣлымъ мiромъ что никакого союза, никакого соглашенiя съ „этою партiей невозможно ожидать въ будущемъ, упрочитъ правительству симпатiи республиканскаго большинства обѣихъ палатъ.“

Globe отзывается такъ: „Существенный „пунктъ министерскаго манифеста заключается въ откровенномъ заявленiи что „во Францiи установилась окончательная „форма правительства. Министры обѣщаютъ безусловную вѣрность конституцiи и „принимаютъ обязательство принудить государственныхъ чиновниковъ помогать „ихъ намѣренiямъ, объясняя населенiямъ „цѣль и значенiе республики. Если правительство, честно соблюдая свои обѣщанiя, будетъ руководиться во всѣхъ „своихъ мѣрахъ духомъ существующей „конституцiи, то несомнѣнно на его сторонѣ будетъ достаточное большинство, и „маршалъ Макъ-Магонъ представитъ новое доказательство что онъ знаетъ минуту когда безъ опасности можно противиться нацiональной волѣ и когда *положительно* необходимо подчиниться ей.“

Разумѣется, и въ Германiи очень довольны оборотомъ какой приняли дѣла во Францiи. Органъ берлинскаго правительства *Провинцiальная Корреспонденцiя*, отзывается такъ:

„Результатъ французскихъ выборовъ въ „большей части страны доказываетъ желанiе населенiй предпринять серiозный „опытъ республики. Даже въ классахъ населенiя, въ принципѣ не сочувствующихъ „республикѣ, отъ упроченiя республиканскихъ учрежденiй, возникшихъ изъ со-

„бытій, ожидаютъ возможности спокойна„го развитія въ будущемъ. Республика „установилась во Франціи силой самихъ „вещей. Она не только существующее пра„вительство, она дѣйствительно единствен„но возможное правительство. Весьма важ„ный пунктъ есть фактъ что ультрамон„танское мнѣніе, на сторонѣ коего было „большинство прежняго Національнаго Со„бранія, не получило такого же значи„тельнаго представительства въ Палатѣ „Депутатовъ. Германія наблюдаетъ за хо„домъ дѣлъ во Франціи съ желаніемъ что„бы французская нація успѣла утвердить „и прочно обезпечить политическія учреж„денія которыми она надѣлила себя.“

№ 63.

Москва, 10-го марта.

Одинъ изъ корреспондентовъ лондонской газеты *Times* прислалъ въ нее телеграмму извѣщавшую — horribile dictu — о вступленіи русскихъ войскъ въ Корею... Могло ли такое извѣстіе не произвести потрясающаго впечатлѣнія? Какъ же было досточтимому сэръ-Чарлзу Дилку не обезпокоиться и не навести справокъ? Какъ было и намъ не смутиться что насъ заподозрили въ столь предосудительномъ и несвойственномъ нашему политическому возрасту поступкѣ, какъ было не поспѣшить оправданіемъ во взведенной на насъ напраслинѣ, и разгладивъ нахмурившееся чело радикала Британской Палаты Общинъ, утвердить его пошатнувшееся доброе мнѣніе о нашемъ скромномъ и благонравномъ поведеніи?

Правда, это отчасти уже было сдѣлано за насъ г. Боркомъ, подсекретаремъ иностранныхъ дѣлъ въ Лондонскомъ кабинетѣ, объявившимъ что онъ не получалъ никакого увѣдомленія въ подтвержденіе сообщеннаго въ *Times* извѣстія, почему и не оказалось достаточныхъ основаній къ тому чтобы немедленно призвать Россію къ допросу и сдѣлать ей надлежащее внушеніе. Но задача полнаго успокоенія сэръ-Чарлза Дилка, встревоженнаго слухомъ о неприличномъ поступкѣ Россіи, была исполнена г. Боркомъ „только на половину.“ Развѣ и послѣ объясненій г. Борка нельзя ожидать увѣдомленій о грозящихъ Кореѣ со стороны Россіи опасностяхъ? Подозрѣнія въ этомъ отношеніи не были разсѣяны и остались черною точкой на политическомъ горизонтѣ...

Задачу вполнѣ оправить Россію взялъ на себя *Journal de St.-Pétersbourg*, и блистательно исполнилъ ее въ своей замѣткѣ. Почтенная петербургская газета рѣшительно отрицаетъ возможность какихъ-либо притязаній Россіи на Корею не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, увѣряя что г. Боркъ не только не получилъ, но и впредь не получитъ увѣдомленій которыя могли бы послужить подтвержденіемъ помѣщенной въ *Times* телеграммы. Сего мало. Всячески открещиваясь даже отъ далекой возможности чтобы Россія покусилась на такой поступокъ, *Journal de St.-Pétersbourg*, въ своемъ опроверженіи вызвавшаго это безпокойство „сенсаціоннаго“ извѣстія, доводитъ свое усердіе до того что обзываетъ тѣхъ кому могла бы придти въ голову подобная блажная мысль „политиканами (politiciens) одаренными болѣе воображеніемъ чѣмъ способностью судить здраво...“

Досточтимый сэръ-Чарлзъ Дилкъ можетъ счесть себя теперь совершенно удовлетвореннымъ въ виду столь рѣшительнаго заявленія газеты слывущей за границей русскимъ офиціознымъ органомъ. Онъ не могъ конечно ожидать, съ нашей стороны, ни большаго вниманія къ его запросу, ни большаго уваженія къ неприкосновенности Кореи. Но въ той ли же мѣрѣ могутъ быть довольны напечатанною въ *Journal de St.-Pétersbourg* замѣткой русскіе читатели этой газеты? Не подаетъ ли она имъ повода сдѣлать и съ своей стороны нѣсколько запросовъ?

Вопервыхъ, могутъ спросить они, есть ли основаніе относиться такъ строго и пренебрежительно, какъ дѣлаетъ это *Journal de St.-Pétersbourg*, къ тѣмъ „политиканамъ“ которые возмечтали бы о выгодахъ пріобрѣтенія того или другаго пункта на Корейской территоріи? Корея примыкаетъ къ Русской границѣ, и нельзя намъ поручиться по крайней мѣрѣ за нашихъ потомковъ что они не пожелаютъ продвинуть нѣсколько далѣе на югъ нашу восточную морскую границу. Могутъ возникнуть тѣ самыя соображенія которыя побудили же въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прирѣзать къ Россіи морское побережье отъ устьевъ Амура до Кореи. Надежды возлагавшіяся на заливы и бухты этого побережья до сихъ поръ не оправдались. Эти заливы и бухты не пред-

ставляютъ всѣхъ желательныхъ удобствъ для устройства портовъ которые могли бы имѣть блестящую будущность; многіе изъ нихъ не представляютъ необходимой для судовъ защиты отъ волнъ, вѣтровъ и бурь, и почти всѣ замерзаютъ на большій или меньшій срокъ; производительность окружающихъ эти заливы и бухты мѣстностей оказалась далеко не такъ богатою какъ предполагали вначалѣ, а по своему безлюдью пріобрѣтенный нами край мало чѣмъ отличается отъ прибрежій Охотскаго моря. Да еслибъ и нашелся на нашемъ восточномъ прибрежьѣ удобный пунктъ для устройства незамерзающаго и защищеннаго отъ непогодъ порта, онъ не давалъ бы вполнѣ свободнаго выхода въ открытый Океанъ. Японское море почти также замкнуто какъ Балтійское и Черное. Кто знаетъ, быть-можетъ наши ближайшіе потомки пожелаютъ пріобрѣсти въ Великомъ Океанѣ лучшіе пункты? А искать такихъ пунктовъ надо, конечно, не на Сахалинѣ, съ его суровою природой, а въ лежащей къ югу отъ насъ Кореѣ, прозванной, по своему плодородію и благорастворенности климата, азіятскою Италіей, и представляющей въ своихъ бухтахъ всѣ тѣ удобства какихъ не обрѣтается на принадлежащемъ намъ прибрежьѣ.

При громадномъ пространствѣ своихъ владѣній, Россія не нуждается въ ихъ расширеніи, которое можетъ только обременять ее, какъ обременяютъ ее присоединенія новыхъ земель въ необозримыхъ, безплодныхъ пустыняхъ Средней Азіи. Намъ, можетъ быть, не было бы разчета присоединять къ своимъ владѣніямъ Корею, какою бы богатою производительностью ни отличалась эта благословенная природой страна. Но намъ нѣтъ повода навсегда отказываться отъ пріобрѣтенія того чего у насъ нѣтъ—морскихъ портовъ въ открытомъ Океанѣ, гдѣ наши морскія силы не чувствовали бы себя связанными,—и еслибы представился случай пріобрѣсти удобные для сего пункты на Корейскомъ прибрежьѣ, почему бы мы не могли воспользоваться такимъ случаемъ? Не будь для насъ выгоды въ такомъ пріобрѣтеніи, не забили бы тревоги „политиканы" Англійскаго парламента. Нѣтъ ничего удивительнаго что Англичанину, смотрящему на дѣло съ точки зрѣнія англійскихъ, а не русскихъ интересовъ, не было бы пріятно еслибы мы стали твердою ногой въ открытомъ Океанѣ, но изъ-за чего намъ чураться, будто отъ нечестиваго помысла, при одномъ предположеніи о выгодномъ для Россіи предпріятіи? Мы, не довольствуясь простымъ опроверженіемъ ложнаго слуха (едва ли заслуживавшаго и такой чести), спѣшимъ „ротитися и клятися" что никогда и впредь не помыслимъ о предпріятіи которое намъ приписали! Такъ ли отнеслись бы Англичане къ слухамъ объ ихъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ замыслахъ, напримѣръ относительно Бирманіи или Белуджистана, еслибъ эти слухи подали поводъ къ толкамъ,—не только въ русской печати—но въ русскихъ офиціальныхъ сферахъ? Никѣмъ болѣе Англіи не сдѣлано и не дѣлается захватовъ во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ океанахъ. Но руководясь въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно своими интересами и мало заботясь о томъ что скажутъ о нихъ другіе, Англичане не допускаютъ и мысли чтобы кто-нибудь могъ контролировать ихъ дѣйствія. За то Россія не можетъ ступить шагу безъ того чтобъ отъ нея не потребовали объясненій. Всякая другая держава можетъ дѣлать что захочетъ безъ спросу, никому не отдавая отчета, но за Россіей такого права не признается, какъ не признается за несовершеннолѣтнимъ право дѣлать то что разрѣшается взрослому. Винить Англичанъ въ томъ что они приняли относительно насъ такое положеніе было бы несправедливо. Мы сами поощряемъ ихъ относиться къ намъ какъ менторъ къ школьнику. Вольно же намъ при всякомъ сдѣланномъ на насъ изъ Англіи окрикѣ, даже лишенномъ всякаго повода, разсыпаться въ увѣреніяхъ...

А вотъ кстати сейчасъ только получена новая повѣстка изъ Лондона требующая насъ къ суду, по случаю занятія Кокана.

№ 64.

Москва, 11-го марта.

Вопросъ о пріобрѣтеніи Германскимъ имперскимъ правительствомъ въ собственность всѣхъ желѣзныхъ дорогъ Германіи выдвинулся въ послѣднее время на первый планъ. Со времени основанія имперіи, ничто такъ рѣзко не противопоставляло духа централизаціи олицетворяемаго имперіей, лучше сказать Пруссіей, съ присущими второстепеннымъ государствамъ стремленіями отстоять по возможности ту

долю самостоятельности которую успѣли они спасти для себя при основаніи имперіи. Планъ централизовать желѣзныя дороги возникъ весьма недавно. Еще въ прошедшую сессію Рейхстага рѣчь шла лишь объ учрежденіи имперскаго желѣзнодорожнаго департамента съ цѣлью установленія бо́льшаго однообразія въ тарифахъ и согласованія поѣздовъ. Законопроектъ по этому предмету два раза перерабатывался вслѣдствіе многочисленныхъ нападокъ вызванныхъ имъ со стороны публики и желѣзнодорожныхъ компаній. Но вотъ, съ осени прошедшаго года, стали появляться въ разныхъ органахъ преданныхъ князю Бисмарку партій неопредѣленные вначалѣ намеки на возникшее предположеніе о сосредоточеніи всего германскаго желѣзнодорожнаго дѣла въ рукахъ имперскаго правительства. Эти намеки вскорѣ приняли болѣе опредѣленную форму, а въ настоящее время не подлежитъ уже болѣе сомнѣнію что Прусское правительство серіозно занято упомянутымъ проектомъ и уже сдѣлало первый шагъ, и самый существенный, къ его исполненію, изготовивъ законопроектъ который на этихъ дняхъ будетъ внесенъ въ Ландтагъ „объ уступкѣ имперіи всѣхъ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ и о перенесеніи на имперское правительство верховныхъ правъ надъ частными желѣзными дорогами въ Пруссіи.“ На первыхъ порахъ, Прусское правительство испрашиваетъ лишь разрѣшенія вступить по этому предмету въ переговоры съ правительствомъ имперскимъ. Но Прусское правительство слишкомъ хорошо увѣрено что „переговоры“ эти не болѣе какъ формальность; ибо въ противномъ случаѣ, то-есть еслибы рѣшеніе вопроса въ Союзномъ Совѣтѣ зависѣло отъ кого-либо кромѣ того же Прусскаго правительства, то незачѣмъ было бы его туда и переносить, ибо остальныя государства участвующія въ Союзномъ Совѣтѣ уже высказались офиціально по этому вопросу и рѣшительно отвергли всякую мысль объ уступкѣ имперіи желѣзныхъ дорогъ. Мѣстные сеймы союзныхъ государствъ открыты были въ концѣ февраля, по закрытіи сессіи имперскаго сейма. Немедленно по открытіи оныхъ, члены партій болѣе или менѣе враждебныхъ Прусской гегемоніи сдѣлали запросы правительствамъ о желѣзныхъ дорогахъ. Намъ извѣстны отвѣты какіе дали правительства Баваріи, Саксоніи, Виртемберга, Веймара и Бадена. Всѣ, не исключая и Баденскаго, которое всегда отличалось особенною преданностью имперіи, высказались въ томъ смыслѣ что они считаютъ предположеніе о сосредоточеніи желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ имперіи прямымъ нарушеніемъ той самостоятельности которая гарантирована имперскою конституціей союзнымъ государствамъ, при чемъ каждое изъ упомянутыхъ правительствъ обязалось предъ народными представителями своей страны бороться всѣми способами, предоставляемыми союзнымъ устройствомъ Германіи, противъ осуществленія прусскаго „замысла.“

Тѣмъ не менѣе, какъ сказано, Прусское правительство неуклонно продолжаетъ начатое имъ дѣло, а преданныя князю Бисмарку газеты говорятъ о немъ уже не въ формѣ нерѣшительныхъ предположеній, а какъ о дѣлѣ осуществленіе коего въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ не можетъ подлежать сомнѣнію, несмотря на пробудившійся по этому поводу „дремлющій духъ нѣмецкаго партикуляризма.“ Князь Бисмаркъ мало смутился открытою оппозиціей союзныхъ правительствъ, изъ заявленій коихъ видно что правительство Пруссіи до сихъ поръ не вошло съ ними ни въ какіе переговоры по сему предмету, и даже не сообщило имъ о готовящемся въ Пруссіи законопроектѣ. Офиціальный органъ Саксонскаго правительства, *Дрезденскій Журналъ*, съ большою горечью говоритъ о столь явномъ пренебреженіи Пруссіи къ своимъ союзникамъ. „Даже тотъ,“ замѣчаетъ эта газета, „кто не особенно „склоненъ уважать самостоятельность от„дѣльныхъ германскихъ государствъ, дол„женъ согласиться что простое вниманіе „къ союзникамъ требовало чтобы Пруссія, „по крайней мѣрѣ конфиденціально, снес„лась съ ними прежде чѣмъ выступить офи„ціально съ своимъ *sic volo*. Вмѣсто это„го, газеты офиціозныя, отношенія коихъ „къ Прусскому правительству всѣмъ из„вѣстны, просто глумятся надъ заявлені„ями союзныхъ правительствъ предъ па„латами, и прямо говорятъ что теперь-то „возникшій планъ уже не будетъ оставл„енъ, а услужливый берлинскій телеграфъ „разноситъ такія выходки по всему міру... „*Norddeutsche Allgemeine Zeitung* причи„сляетъ къ ультрамонтанамъ и партику„ляристамъ всѣхъ кто возстаетъ противъ „Прусской земли. Но союзныя правитель-

„ства ссылались въ этомъ случаѣ на свои „гарантированныя имперскою конституціей права, и если Прусское правительство „будетъ относиться къ этимъ правамъ въ „духѣ сейчасъ названной газеты, тогда „*придется проститься со внутреннимъ миромъ господствовавшимъ до сихъ поръ въ „Германской имперіи.*“

Приведенныя нами слова *оффиціальной* саксонской газеты доказываютъ что раздраженіе противъ Пруссіи дошло до крайности. Тѣмъ не менѣе берлинскіе органы національно-либеральной партіи ни мало не тревожатся этими манифестаціями, и прямо изъявляютъ увѣренность что дѣло которое взялъ въ свои мощныя руки князь Бисмаркъ не уснетъ и не заглохнетъ. Они припоминаютъ какъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, при обстоятельствахъ несравненно менѣе благопріятныхъ, вся Германія почти съ ужасомъ встрѣтила другую прусскую затѣю—таможенный союзъ, и однако сила вещей взяла свое и союзъ этотъ осуществился гораздо скорѣе чѣмъ можно было ожидать. Вотъ почему нельзя де сомнѣваться и въ успѣхѣ настоящаго дѣла. Вся аргументація берлинскихъ газетъ направлена къ тому чтобы доказать что вопросъ о коемъ рѣчь долженъ быть разрѣшенъ не съ политической, а съ экономической точки зрѣнія, а въ этомъ отношеніи не можетъ де подлежать сомнѣнію что все будущее экономическое развитіе Германіи зависитъ отъ устраненія той неурядицы которая нынѣ господствуетъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ Германіи, вслѣдствіе огромнаго количества желѣзнодорожныхъ управленій, государственныхъ и частныхъ, и отсутствія единообразнаго управленія которое направляло бы это дѣло въ общихъ интересахъ. При этомъ, названныя газеты спѣшатъ оговориться что планъ сосредоточенія желѣзнодорожнаго управленія отнюдь не вызванъ стратегическими соображеніями, такъ какъ въ этомъ отношеніи Германія, какъ доказала послѣдняя война, сумѣла успѣшно управиться и при существующемъ порядкѣ вещей. Что же касается того что чрезъ объединеніе дорогъ выиграетъ духъ германскаго единства въ ущербъ партикуляризму, то берлинскія газеты, не отрицая этого, находятъ только что это будетъ лишь желаннымъ послѣдствіемъ, но не побужденіемъ къ предпринимаемому преобразованію.

Защитники этого преобразованія не скрываютъ отъ себя огромныхъ затрудненій съ нимъ связанныхъ. Цѣнность всѣхъ нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогъ простирается до 6 милліардовъ марокъ, и съ переходомъ оныхъ къ имперскому правительству, независимо отъ огромныхъ суммъ которыя пришлось бы выплатить 63 частнымъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ существующимъ въ Германіи, нужно будетъ организовать на совершенно иныхъ началахъ финансы имперіи и ихъ управленіе. Сами націоналъ-либералы ставятъ условіемъ своего согласія на эту реформу учрежденіе отдѣльныхъ имперскихъ министерствъ, вмѣсто теперешняго имперскаго канцлерства. Но экономическія выгоды предпріятія заставляютъ забывать всѣ эти неизбѣжныя затрудненія, и изложенію этихъ выгодъ посвящаются подробныя изслѣдованія въ газетахъ и журналахъ. Въ мартовской книжкѣ *Deutsche Rundschau* находимъ статью по этому поводу г. Фридриха фонъ-Зибеля, въ которой подробно изложены всѣ неудобства теперь существующаго порядка. Главными неудобствами авторъ выставляетъ преобладаніе частныхъ интересовъ надъ государственными въ желѣзнодорожномъ управленіи, пагубную конкурренцію между отдѣльными обществами, отсутствіе мелкихъ питательныхъ вѣтвей, невообразимую запутанность и сложность тарифовъ, коихъ имѣется до 1.300, и напрасную трату большихъ капиталовъ на отдѣльныя управленія и сооруженія вслѣдствіе разрозненности управленій.

На запросъ къ Палатѣ Господъ, правительство, какъ извѣстилъ насъ телеграфъ, мотивировало свое предположеніе также своими экономическими соображеніями. Интересно будетъ познакомиться съ этими соображеніями по законопроекту, который будетъ на дняхъ внесенъ въ Ландтагъ. *National-Zeitung* думаетъ что соображенія коими будетъ сопровождаться этотъ законопроектъ представятъ много поучительнаго и для тѣхъ кто до сихъ поръ противились проекту. Едва ли однако ими убѣдятся союзныя нѣмецкія правительства, твердо повидимому рѣшившіяся на „мирную борьбу конституціонными способами.“ Вопросъ лишь въ томъ насколько эти способы дѣйствительны. По всему судя, князь Бисмаркъ не очень опасается ихъ...

№ 65.

Москва, 12-го марта.

Третьяго дня получили мы отъ извѣстнаго уже нашимъ читателямъ г. Фарлея афишу о назначенномъ на вчера, 23 марта нов. стиля, въ Лондонѣ, митингѣ, созываемомъ „Христіанскою Лигой на помощь христіанамъ Турціи.“ Афиша эта заявляя, что „христіане Босніи и Герцеговины сражаются за свою родину, честь и свободу,“ приглашаетъ принять участіе въ митингѣ „всѣхъ кто желаетъ спасти этихъ борцовъ-христіанъ отъ тиранніи худшей чѣмъ смерть, и ихъ женъ и дѣтей отъ безчестія.“ Горячо привѣтствуемъ это первое начало, радующее насъ какъ свидѣтельство что Лондонская Лига во имя Христа видитъ свою истинную задачу и принимается дѣйствовать. Фактъ этотъ нѣкоторымъ образомъ обязываетъ насъ оговориться, чтобы сужденіе недавно нами высказанное о первыхъ заявленіяхъ этой Лиги не было истолковано принадлежащими къ ней почтенными лицами въ неблагопріятномъ для нихъ смыслѣ. Они взялись за дѣло въ которомъ мы не можемъ не сочувствовать имъ. Въ искренности ихъ мы конечно не могли усомниться. Знаменитое имя лорда Росселя, патрона Лиги, достаточно ручается что это не пустая затѣя. Какъ политикъ, онъ самъ долгое время стоялъ, согласно съ господствовавшимъ, къ сожалѣнію и теперь еще господствующимъ мнѣніемъ Англичанъ о своихъ интересахъ, на стражѣ Оттоманской имперіи; но какъ во времена своей юности онъ горячо отозвался на борьбу поднятую Греками противъ невыносимой тиранніи, такъ и теперь, удалившись отъ дѣлъ, съ юношескимъ одушевленіемъ поспѣшилъ возвысить голосъ за страдающихъ жителей Босніи и Герцеговины. Такое же ручательство видимъ мы и въ имени секретаря Лиги, г. Луиса Фарлея, предупредительно и не разъ уже бывшаго нашимъ корреспондентомъ. Г. Фарлей много путешествовалъ по Европейской и Азіятской Турціи, много наблюдалъ и основательно изучалъ эти страны, и едва ли найдутся люди болѣе его компетентные судить о турецкихъ дѣлахъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ было издано имъ много книгъ о Турціи, обратившихъ на себя общее вниманіе по основательному знакомству автора съ предметомъ. Онъ много писалъ о неистощимыхъ средствахъ провинцій Оттоманской имперіи, — средствахъ остающихся втунѣ, но способныхъ къ богатой производительности, и на нихъ возлагалъ большія надежды. Но въ послѣдней его брошюрѣ: *Упадокъ Турціи*, изданной въ прошедшемъ году за нѣсколько мѣсяцевъ до Герцеговинскаго возстанія, уже выразилось полное отчаяніе въ возможности улучшенія дѣлъ въ Турецкой имперіи, и хотя мы не могли вполнѣ соглашаться съ его мнѣніями о причинахъ упадка, но заключенія его во многомъ сходились съ нашими взглядами. Вскорѣ затѣмъ событія оправдали мрачныя ожиданія г. Фарлея, и онъ, вѣрный своимъ заключеніямъ, горячо принялъ сторону возставшихъ провинцій. Истинную помощь Лига можетъ оказать христіанскимъ населеніямъ Турціи дѣятельною борьбой съ предразсудками самой Англіи, которые были главною виной всѣхъ золъ на Востокѣ. Чтобы сдѣлать что-нибудь въ пользу турецкихъ христіанъ, для этого надо убѣждать конечно Англію, а не Россію. Но когда Лига продолжала присылать къ намъ свои циркуляры, приглашая доставлять въ ея лондонскій комитетъ пожертвованія изъ Россіи и обращаясь къ инсургентамъ съ предостереженіями чтобъ они не изъявляли покорности своимъ вѣковымъ врагамъ и притѣснителямъ,—признаемся мы были приведены въ нѣкоторое смущеніе, и рѣшились откровенно высказаться. Страннымъ казалось что Лига не находитъ ничего лучшаго какъ обращаться къ русской публикѣ и къ турецкой райи, и свидѣтельствовать предъ ними о несостоятельности султанскихъ обѣщаній, о безплодіи турецкихъ реформъ, о свирѣпомъ фанатизмѣ ислама, о нестерпимости Оттоманскаго владычества. Странно было еще что изъ Лондона поощрялись эти истерзанныя, обливающіяся кровью населенія къ продолженію борьбы въ которой сама Англія стоитъ не за нихъ, и когда Европа понуждаетъ ихъ покориться, а сосѣдняя Австрія, давшая у себя пріютъ ихъ выходцамъ, гонитъ ихъ обратно на родину и обезоруживаетъ ихъ вождей. Ужели это та помощь какую вызывалась подать имъ Лондонская Лига? И вотъ, въ нашей недавней статьѣ по поводу письма къ намъ г. Фарлея, о вѣроломствѣ турецкихъ обѣщаній, невольно сказалось недовѣріе—не къ цѣлямъ Лиги или къ ея членамъ,—а

къ тому сочувствію восточнымъ христіанамъ которое, какъ мы хотѣли бы надѣяться, пробуждалось въ Англіи. Лигѣ прежде всего предстояла задача дѣйствовать на англійское общество, открывать ему глаза на истинное положеніе провинцій Оттоманской Имперіи, разъяснять заблужденія касательно мусульманскаго прогресса, выставлять въ истинномъ свѣтѣ ужасное положеніе христіанъ, и черезъ общество дѣйствовать и на политику Англійскаго правительства, сочувствіе коего и до сихъ поръ не на сторонѣ христіанъ, а развѣ на сторонѣ тѣхъ владѣльцевъ турецкихъ облигацій которые, ссудивъ великодушно Портѣ свои капиталы и долгое время получая съ нея лихвенные проценты помощью системы угнетавшей христіанъ, теперь должны за то поплатиться своимъ карманомъ. Мы съ сожалѣніемъ должны были признать что Лига не находитъ въ самой Англіи благопріятныхъ для своей дѣятельности условій, если обращается только къ намъ да къ инсургентамъ. Съ радостью видимъ теперь что ошибались. Созываемый Лигой митингъ указываетъ что она твердо рѣшилась вести пропаганду своего дѣла въ самой Англіи. Мы напутствуемъ ее сердечными желаніями успѣха, изъявляемъ живѣйшую готовность быть ея союзниками.

Во всякомъ дѣлѣ труднѣе всего начало. Британскій характеръ не легко возбуждается, но онъ отличается настойчивостью въ принятомъ пути. Доказательство тому нельзя не видѣть въ похвальной ревности съ какою Англія преслѣдуетъ на всѣхъ моряхъ торговлю невольниками. Ссылались обыкновенно на какіе-то русскіе замыслы когда англійская политика хотѣла оправдывать свое жестокое противодѣйствіе христіанамъ въ освобожденіи отъ мусульманскаго ига. Но въ вопросѣ о Герцеговинѣ и Босніи не можетъ быть недоразумѣній. Для интересовъ Англіи даже полная независимость этихъ провинцій не представила бы ничего опаснаго, а Россія, ни при какомъ рѣшеніи вопроса о провинціяхъ, столь удаленныхъ отъ ея границы, ничего не можетъ для себя лично выиграть: участіе ея къ страданіямъ этихъ населеній безкорыстно, выражая собой даже не столько политику сколько неискоренимое чувство Русскаго народа къ своимъ единовѣрцамъ. Поэтому, казалось бы именно въ этомъ вопросѣ Россія и Англія могли бы дѣйствовать единодушно, облегчая тѣмъ путь дальнѣйшаго соглашенія державъ. У Австріи есть свои затрудненія, вслѣдствіе смежности театра событій съ ея границей, и при разнородности дѣйствующихъ въ ней тяготѣній, при колебаніи взглядовъ въ Вѣнѣ и Пештѣ. Эти затрудненія чужды и Англіи и Россіи; а потому ихъ доброе согласіе могло бы указать путь и для австрійской политики.

Мы высказываемъ это мнѣніе о пользѣ содѣйствія Англіи, потому что, къ сожалѣнію, вопросъ Герцеговинскій представляется еще весьма далекимъ отъ рѣшенія. Нота графа Андраши не оказала того дѣйствія на какое державы, повидимому, разчитывали. Уже послѣ переговоровъ австрійскаго уполномоченнаго съ вождями инсургентовъ, происходили военныя дѣйствія, и инсургенты одержали блистательную побѣду, что̀ должно было еще болѣе поднять ихъ духъ. Турція сама признала ихъ воюющею стороной, и командующій турецкими войсками ведетъ съ ними переговоры о перемиріи. Между тѣмъ, выходцы рѣшительно отказываются возвратиться на родину, и нельзя ихъ осуждать за недовѣріе къ турецкимъ обѣщаніямъ, даже при поручительствѣ державъ, ибо что̀ г. Фарлей такъ ярко и сильно пишетъ намъ объ ужасной участи сирійскаго селенія Дейръ-эль-Камръ, то и въ Россіи и на Востокѣ хорошо извѣстно изъ тысячи случаевъ, и еще очень недавно извѣдано Герцеговинцами на участи жителей Попова Поля, которые было вернулись и которыхъ *главари* были перерѣзаны Турками. Что же можетъ остановить рѣзню какъ не удаленіе турецкихъ войскъ, и кто могъ бы всѣхъ настоятельнѣе побудить къ этому Порту какъ не Англія? Присутствіе турецкихъ войскъ безсильно подавить возстаніе: это теперь для всѣхъ очевидно. А между тѣмъ инсургенты и выходцы не довѣряютъ не столько правительству султана, за которое имъ еще могутъ поручиться державы, сколько мѣстному мусульманскому населенію, которое дѣйствительно крайне раздражено уступками Порты и обѣщаніями реформъ. Но фанатизмъ этого населенія главнымъ образомъ поддерживается присутствіемъ турецкихъ войскъ, и съ удаленіемъ ихъ онъ не посмѣлъ бы давать волю своимъ необузданнымъ проявленіямъ и постепенно примирился бы съ невозвратимостью прежнихъ порядковъ.

Но этимъ не исчерпывается задача. Дальнѣйшая участь провинцій все еще остается вопросомъ. Придуманныя для нихъ реформы многимъ кажутся неосуществимыми,—и прежде всего вслѣдствіе полнаго банкротства турецкаго казначейства. Гдѣ найдетъ Порта деньги для исполненія всѣхъ своихъ обѣщаній когда уплата предстоящаго купона долга подлежитъ сомнѣніямъ, и когда Оттоманскій Банкъ отказывался, по словамъ телеграммы *Times*, хотя и опровергаемой изъ Константинополя, платить содержаніе ея дипломатическимъ представителямъ, когда ея войска въ Герцеговинѣ терпятъ всевозможныя лишенія и сами солдаты продаютъ инсургентамъ свои заряды и оружіе? Это безвыходное затрудненіе, а также и опасеніе мусульманскаго фанатизма давно уже внушаютъ корреспондентамъ англійскихъ газетъ мысль о неизбѣжности австрійскаго занятія провинцій. Но это дѣло очень серіозное, очень опасное... Оно было бы уже дѣйствительнымъ началомъ распаденія Оттоманской имперіи, и вызвало бы немедленно громадныя затрудненія... Неужели нельзя найти иного выхода изъ этой путаницы препятствій и затрудненій? Еслибы провинціи были заняты Австріей, то онѣ были бы потеряны для Порты; если же въ глазахъ англійскихъ корреспондентовъ Порта осуждена на эту потерю, то почему бы не присоединить ихъ лучше къ Черногоріи, или точнѣе сказать не отдать ихъ въ управленіе князю Черногорскому, который, чрезъ нихъ, могъ бы стать въ такое же отношеніе къ Портѣ какъ князь Сербскій и князь Румынскій, что положило бы конецъ столь часто возникавшимъ затрудненіямъ между Портой и Черною Горой? Порта избавилась бы отъ постоянной, то явной, то скрытой вражды Черногоріи, и избавила бы державы отъ опасностей сопряженныхъ съ возбужденіемъ Восточнаго вопроса. И здѣсь Англія и Россія могли бы дѣйствовать вполнѣ солидарно, ибо интересы ни той ни другой не могли бы при этомъ потерпѣть какой-либо ущербъ.

№ 66.

Москва, 13-го марта.

Въ № 62 *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщено письмо исправляющаго должность предводителя дворянства Рязанской губерніи, Ѳ. Н. Рюмина, представляющее весьма характеристическіе факты относительно Рязанской Александровской учительской семинаріи.

Приготовленіе такихъ учителей которые могли бы быть распространителями не просто грамотности, но и религіозно-нравственнаго воспитанія въ народѣ есть дѣло первой важности: отъ него зависятъ судьба нашей народной школы и свойство ожидаемыхъ отъ ней плодовъ.

Дурно воспитанные учителя внесутъ въ народъ несравненно болѣе растлѣвающихъ элементовъ чѣмъ пустые люди которые, никѣмъ не призванные и не признанные, „идутъ въ народъ.“ На родинѣ учительскихъ семинарій, въ Германіи, обращено главное вниманіе на воспитаніе будущихъ учителей. Тамъ не остается безъ употребленія ни одно педагогическое средство къ развитію добраго духа и характера воспитанниковъ учительскихъ семинарій. Установлены не только дисциплинарныя правила для регулированія школьной жизни воспитанниковъ, но считается дѣломъ самымъ существеннымъ утверждать въ нихъ нравственныя обязанности, правила религіи и добраго поведенія, преданность королю и отечеству, заботу о чести заведенія. Воспитанниковъ держатъ подъ строгимъ и непрерывнымъ воспитательнымъ надзоромъ; ихъ отпускаютъ изъ заведенія лишь по два раза въ недѣлю, и то на нѣсколько часовъ, а за нарушеніе дисциплины и проступки подвергаютъ очень чувствительнымъ школьнымъ взысканіямъ. Увы! Ревизіонная коммиссія избранная Рязанскимъ земствомъ, въ своемъ докладѣ, рисуетъ иную картину воспитательной части въ одной изъ нашихъ учительскихъ семинарій, именно въ Александровской, содержимой и управляемой земствомъ. Будущіе народные учителя, воспитанники земской семинаріи, по словамъ доклада пользуются безконтрольною свободой которую они, по свойственному молодежи увлеченію, употребляютъ во зло, посѣщая кабаки и другія подобныя заведенія. Хотя учительская семинарія есть закрытое заведеніе, откуда воспитанники могутъ отправляться въ отпуски только въ извѣстное время, однако, по засвидѣтельствованью самихъ учителей, воспитанники здѣсь отлучаются изъ заведенія во всякое время, даже по вечерамъ, подъ благовиднымъ предлогомъ свиданія

съ родителями. Обязательнаго посѣщенія воспитанниками церкви въ праздничные дни не установлено, а ходятъ они къ обѣдни куда имъ вздумается, безъ контроля и надзора, такъ что остается въ неизвѣстности гдѣ они бываютъ и какъ ведутъ себя во время богослуженія. Между тѣмъ, по слухамъ, религіозное настроеніе воспитанниковъ вовсе не такое какое желательно было бы видѣть въ будущихъ сельскихъ наставникахъ. Самыя первыя правила вѣжливости имъ невѣдомы; ихъ манеры отличаются умышленною грубостью. Самая наружность воспитанниковъ представляетъ нѣчто ненормальное. Сообразите при этомъ что рѣчь идетъ не просто о школѣ, но о такой которая воспитываетъ будущихъ просвѣтителей и наставниковъ народа. Нельзя не признать что докладъ ревизіонной коммиссіи весьма характеристиченъ, но не менѣе, и въ другомъ смыслѣ, характеристично отношеніе къ нему нѣкоторыхъ изъ гласныхъ собранія, руководившихъ имъ. Во всей этой исторіи, усилія въ земскомъ собраніи были сосредоточены не на томъ чтобы раскрыть дѣло, а чтобы по возможности скрыть его.

Г. Рюминъ, производившій ревизію семинаріи, былъ посаженъ на скамью подсудимыхъ; отвѣтчики и ихъ адвокаты преобразились въ судей. Всѣ разсужденія направились къ тому чтобы сдѣланному докладу придать значеніе „камня брошеннаго въ воду,“ какъ выразился противникъ доклада, г. Офросимовъ, реферирующій объ этой исторіи въ *Голосѣ*, и доказать что г. Рюминъ голословно обвинилъ воспитанниковъ содержимой на счетъ земства учительской семинаріи въ антирелигіозномъ и безнравственномъ направленіи. Всѣ участвовавшіе въ разсужденіяхъ приняли положеніе людей вытаскивающихъ изъ воды брошенный камень.

Г. Кошелевъ, какъ видно изъ *Голоса*, первый открываетъ эту кампанію предложеніемъ потребовать отъ коммиссіи фактовъ. Но какъ было въ день, въ два, подтвердить фактами что воспитанники Александровской школы ведутъ себя дурно? Какъ вдругъ собрать факты что воспитанники ведутъ разгульную жизнь и пр.?

На требованіе привести факты слѣдовало бы отвѣчать что членамъ собранія едва ли неизвѣстна дурная репутація семинаріи и что собраніе не имѣетъ достаточныхъ основаній считать заявленія коммиссіи ложью, потому что ревизовавшимъ лицамъ, притомъ избраннымъ въ самомъ земскомъ собраніи, не было причинъ напрасно взводить серіозныя обвиненія на свое же учебное заведеніе.

Увѣренность въ томъ что земскіе гласные требуютъ фактовъ въ виду важности обвиненій, что адвокаты семинаріи не употребятъ во зло новый докладъ, побудила г. Рюмина вмѣстѣ съ коммиссіей въ „три дня собирать факты.“ И вотъ все-таки нашлись вѣскія подтвержденія отзыва ревизіонной коммиссіи. Члены лично собрали показанія отъ законоучителя отца Алякринскаго, двухъ инспекторовъ народныхъ училищъ, становаго пристава, старшины и старосты о поведеніи воспитанниковъ школы. „Священникъ передалъ что прихожане его, крестьяне Троицкой свободы, много разъ жаловались ему на воспитанниковъ Александровскаго училища что они не даютъ имъ покоя, чуть не каждую ночь ходятъ по слободѣ пьяные съ пѣснями и гармоніей, не стѣсняются продолжать разгулъ свой и подъ большіе праздники; даже подъ Вознесеніе Христово, престольный праздникъ въ означенной слободѣ, воспитанники всю ночь пѣли пѣсни въ саду при заведеніи; предъ свадьбами они собираются толпой къ тому дому гдѣ бываетъ сговоръ, безобразничаютъ, заводятъ драки. Отъ крестьянъ же священникъ слышалъ что воспитанники постоянно ходятъ въ трактиры и посѣщаютъ ихъ въ особенности потому что тамъ бываютъ особыя приманки для молодыхъ людей... тамъ они пьянствуютъ и проводятъ цѣлыя ночи. Въ церкви воспитанниковъ въ послѣдніе годы почти совсѣмъ не видно, а когда являются, то сожалѣешь что пришли. На Страстной Недѣлѣ прошлаго года воспитанники говѣли; но въ церковь ходили неаккуратно; рѣдкіе приходили къ началу службы, другіе въ срединѣ, а третьи въ концѣ. Въ тотъ самый день когда имъ нужно было принимать Св. Тайны, они во время литургіи смѣялись и постоянно выходили изъ церкви, такъ что священникъ вынужденъ былъ послать дьячка чтобы собрать ихъ къ причастью.“

Приведенныхъ въ этомъ отзывѣ фактовъ, кажется, было бы достаточно для убѣжденія что будущіе наставники народной школы воспитываются для своего дѣла въ условіяхъ не совсѣмъ благопріятныхъ. На основаніи сообщеннаго, безъ

дальнихъ разбирательствъ; земское собраніе должно было бы выступить къ изысканію средствъ какъ бы улучшить устройство школы, поднять въ ней духъ и ввести въ нее должную дисциплину. Попробовалъ г. Рюминъ съ ревизіонною коммиссіей заявить что въ земской учительской семинаріи воспитательная часть находится въ разстройствѣ. Заявленіе это задѣло вкусы и интересы другихъ. Поднялись хитрые вопросы, открылись ораторскія заговариванья противника, началась обычная на земскихъ собраніяхъ исторія заминанія вопроса и поворачиванія гласныхъ въ ту сторону въ какую нужно. Предсѣдателя ревизіонной коммиссіи поставили предъ собраніемъ въ самое фальшивое положеніе,— въ положеніе судимаго за клевету; всѣ подтвержденія ревизіонной коммиссіи всѣми правдами и неправдами старались заподозрѣть и дискредитировать. Пущены были въ ходъ всѣ средства къ тому чтобы показанія о поведеніи семинаристовъ, и отъ священника, и отъ народныхъ инспекторовъ и становаго, и отъ старшины и старосты признаны были *земскими* людьми недоказанными *юридически*. Этотъ отрицательный результатъ и былъ достигнутъ: могъ ли онъ однако послужить доказательствомъ того что александровскіе семинаристы въ самомъ дѣлѣ ведутъ себя хорошо и настроены какъ должно? Но этимъ не ограничивалось дѣло. Г. Дашковъ не безъ успѣха старался представить собранію что г. Рюминъ, хлопотавшій объ установленіи надзора за семинаристами и устройствѣ дисциплины въ заведеніи, желаетъ только ввести дрессировку. Все это очень понятно, какъ понятно знакомому съ земскими собраніями и то что представленныя предсѣдателемъ управы княземъ Волконскимъ и членомъ училищнаго совѣта Дашковымъ объясненія касательно религіозно-нравственнаго въ училищѣ направленія были признаны вполнѣ удовлетворяющими собраніе. Но все-таки нельзя понять почему ревизіонная коммиссія, ссылавшаяся на многихъ лицъ, стала бы возводить на семинарію всѣ эти обвиненія, и невольно начинаешь видѣть въ постановленіи земскаго собранія вердиктъ присяжныхъ которые подъ вліяніемъ ловкихъ рѣчей адвокатовъ, искусно запутавшихъ свидѣтельскія показанія, выносятъ отвѣтъ: „Нѣтъ, не виновенъ.“

Рѣшеніе Рязанскихъ земцевъ, провалившихъ докладъ ревизіонной коммиссіи, уже увѣнчано похвалами петербургскихъ газетъ; но за то виновники уже наказаны внутреннимъ противорѣчіемъ, въ которое они впали. Тѣ же самые гласные которые признали удовлетворительными объясненія управы относительно религіозно-нравственнаго направленія воспитанниковъ, и съ сочувствіемъ слушали будто дисциплина одно и то же что дрессировка, постановили что необходимо выработать дисциплинарныя правила для Александровской школы и воспитательную часть ея возложить на отвѣтственность предсѣдателя управы князя Волконскаго. Внутреннее противорѣчіе, вотъ первое возмездіе вольной или невольной неправды.

Посмотримъ какъ успѣшно будетъ управлять воспитательною частью учебнаго заведенія предсѣдатель управы обремененной заботами о земскомъ хозяйствѣ губерніи; и не придется ли подумать о передачѣ семинаріи, по примѣру другихъ земствъ, въ болѣе компетентныя руки Министерства Народнаго Просвѣщенія, о чемъ уже на Рязанскомъ земскомъ собраніи 1874 года говорилъ гласный князь Кропоткинъ.

№ 68.

Москва, 15-го марта.

Читатели встрѣчаютъ въ газетахъ извѣстія о состоящей подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Д. М. Сольскаго коммиссіи, вырабатывающей новыя законоположенія о паспортахъ. Задача коммиссіи заключается въ томъ чтобъ „облегчить“ порядокъ снабженія паспортами податныя сословія. Что касается до хода ея трудовъ, то занятія ея были уже приведены къ концу, ею былъ уже внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ новаго закона о паспортахъ; но проектъ этотъ возвращенъ ей для дополненія, сообразно съ чѣмъ коммиссія сносится теперь, какъ было уже сообщено *Московскими Вѣдомостями*, съ различными губернскими вѣдомствами о доставленіи ей свѣдѣній. Всякъ понимающій значеніе вопроса не можетъ не пожелать коммиссіи успѣха.

Но наша паспортная система требуетъ не просто „облегченій:“ для нея желательна коренная реформа. Любопытно было бы вычислить сколько времени уходитъ у Рус-

скаго народа совершенно непроизводительно на хожденіе изъ края въ край за полученіемъ видовъ и прісканіемъ заработковъ. Паспортная система, причиняя множество тратъ, порождая множество недоразуменій и придирокъ и затрудняя передвиженіе, есть одна изъ главныхъ причинъ того что промышленное движеніе у насъ такъ малосильно и туго. Паспорты и система прикрѣпленія къ мѣсту жительства на которой они основаны, препятствуютъ размѣщенію населенія сообразно средствамъ почвы, и тѣмъ задерживаютъ успѣхи народнаго благосостоянія. Паспорты—косвенная вина народной распущенности, вина того что десятки тысячъ людей, ежегодно отправляющихся изъ густо-населенныхъ мѣстностей въ менѣе населенныя, не могутъ прочно сѣсть на мѣстѣ гдѣ работаютъ, не заботятся объ улучшеніи своего быта, живутъ изо дня въ день, какъ бы на бивакахъ, по большей части въ разлукѣ съ семьями, не копятъ (въ Россіи почти нѣтъ сбереженнаго народною экономіей капитала!), а пропиваютъ излишки остающіеся отъ удовлетворенія насущныхъ потребностей. Наше давнишнее законодательство косвенно признавало систему не сообразною съ матеріальнымъ положеніемъ податныхъ сословій и съ требованіями промысловыхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ занятій. Въ *Уставѣ о паспортахъ* (Св. Зак. изд. 1857 года) статья 129 „для *облегченія* бѣдныхъ мѣщанъ города Москвы,“ статья 190 „для *вящаго пособія* Витебской губерніи въ отношеніи къ обезпеченію продовольствія ея жителей,“ статья 105 „въ *облегченіе* государственнымъ крестьянамъ Мезенскаго, Кемьскаго и Кольскаго уѣздовъ, занимающихся промыслами, средствъ къ отлучкамъ“—въ данныхъ случаяхъ отступаютъ отъ принятыхъ паспортныхъ правилъ и допускаютъ облегчительныя изъ нихъ исключенія.

Теперь вопросъ поставленъ такъ чтобъ исключеніе стало общимъ правиломъ. Названная выше коммиссія именно задается цѣлью уже не частнаго, а общаго „облегченія“ порядка снабженія паспортами податныхъ сословій, имѣя при томъ въ виду „опредѣлить отношеніе администраціи къ праву обществъ и общинъ выдавать виды или отказывать въ нихъ,“ то-есть стараясь по возможности устранить теперешнюю паспортную кабалу податной личности. Изъ сказаннаго понятно сочувствіе возбуждаемое этимъ благимъ намѣреніемъ и ясна необходимость не ограничиваться „облегченіемъ.“ Если судить и говорить отвлеченно, вопросъ рѣшается легко и при томъ примѣнительно къ существовавшимъ уже въ Россіи постановленіямъ. Зародышъ новой системы—въ самомъ *Уставѣ о паспортахъ*. Онъ дозволяетъ людямъ отдаваемымъ по уговорамъ въ срочное ученіе проживать учебное время безъ паспортовъ (ст. 43); дозволяетъ землевладѣльцамъ податнаго состоянія, въ извѣстныхъ случаяхъ, отлучаться безъ паспортовъ, давая лишь предварительно знать властямъ (ст. 182); не препятствуетъ Татарамъ Таврической губерніи на томъ же основаніи кратковременно покидать свои селенія (ст. 313). Казалось бы, нѣтъ неудобствъ развить заключающуюся въ этихъ статьяхъ мысль и возвести ее въ паспортную норму, расширяя эту норму до послѣднихъ предѣловъ возможности. Съ точки зрѣнія полицейско-уголовной, противъ полной свободы передвиженія не возстаютъ никакія основательныя соображенія. Забота о безопасности государства и его членовъ, разумѣется, требуетъ чтобы полиція слѣдила за всѣмъ и каждымъ кто чѣмъ бы то ни было возбудилъ ея подозрѣніе. Но билеты, паспорты, явки, имѣютъ ли въ этомъ отношеніи практическое значеніе? Необходимость запастись „узаконеннымъ видомъ“ мѣшаетъ ли Дьяковымъ съ товарищи „ходить въ народъ,“ Нечаевымъ и Шевелевымъ пробираться изъ тюремнаго заключенія за границу, Гокшайскимъ выдавать себя за знатныхъ вельможъ, одному скрываться отъ долговъ, другому—жениться подъ чужимъ именемъ? У воровъ, мошенниковъ и злоумышленниковъ нерѣдко бумаги въ совершенномъ порядкѣ. Въ дѣлѣ охраненія отъ нихъ общества, усердіе, навыкъ и способность полицейскихъ чиновниковъ, строгая опредѣленность и полное пониманіе ихъ обязанностей, правильная организація полиціи существеннѣе паспорта. Съ уголовно-полицейской точки зрѣнія паспортная система безъ малѣйшаго вреда для общества могла бы совершенно отмѣниться.

Но паспортная система установлена не для одного лишь полицейскаго надзора за обывателями ради предупрежденія преступленій: цѣль ея не полицейская только, а также *финансовая* и притомъ непосредственная, извѣстный сборъ съ самихъ паспортовъ, и посредственная, — побужденіе

къ бездоимочному взносу податей и отбыванію повинностей. Отъ финансоваго дохода съ бланковъ государству легко отказаться какъ бы ни были велики его бюджетныя потребности, потому что статья эта очень незначительна и потому еще, главное, что потеря на ней съ избыткомъ вознаградилась бы тѣмъ увеличеніемъ народнаго благосостоянія которое послѣдовало бы вслѣдъ за устраненіемъ паспортныхъ помѣхъ въ промышленномъ, хозяйственномъ и торговомъ дѣлѣ и иными путями восполнило бы паспортный дефицитъ Государственнаго Казначейства.

Иное дѣло связь нашей паспортной системы съ податнымъ вопросомъ: въ ней-то и коренится причина безуспѣшности трудовъ коммиссіи. Какими видоизмѣненіями „облегчить" паспортную систему для податныхъ сословій при личной подати и круговой порукѣ? Община и круговая порука и здѣсь, какъ вездѣ, становятся поперекъ дороги. Свобода передвиженія есть первое условіе успѣшнаго экономическаго развитія страны, а пока существуетъ круговая порука, община не можетъ допустить ни совершенно безпаспортныхъ отлучекъ своихъ членовъ, за которыхъ она отвѣчаетъ карманомъ, ни такихъ облегченій въ выдачѣ паспорта которыя существенно уменьшили бы ея гарантіи противъ отсутствующаго; самое же сохраненіе какихъ бы то ни было гарантій этого рода, заключающихся въ денежной уплатѣ впередъ, ставитъ людей въ зависимость отъ общины и ея своеобразныхъ паспортныхъ пріемовъ и затрудняетъ передвиженіе, облегченіе котораго такъ желательно... Дѣло въ томъ что паспортная реформа есть одна изъ тѣхъ которыя не могутъ быть какъ бы выхвачены изъ общей связи государственныхъ заботъ и рѣшены отдѣльно. Корень паспортной системы находится въ вопросѣ финансовомъ, въ вопросѣ о преобразованіи нашей податной системы. Рѣшеніе перваго будетъ легко когда будетъ рѣшенъ второй, когда въ обезпеченіе правильнаго взноса податей ляжетъ имущество, и ничего кромѣ имущества.

Тѣмъ практичнѣе было бы введеніе рабочихъ книжекъ, которыя именно могли бы послужить переходною ступенью отъ теперешнихъ паспортныхъ требованій и затрудненій къ возможно полной свободѣ передвиженія. Рабочія книжки могли бы удовлетворить и той части задачи коммиссіи которая состоитъ въ „опредѣленіи отношенія администраціи къ праву обществъ и общинъ выдавать виды или отказывать въ нихъ," то-есть въ освобожденіи личности отъ давленія міра. Согласно съ принципомъ круговой поруки, общины и общества не могутъ выдавать паспорты иначе какъ гарантировавъ себя предварительнымъ взносомъ податей за опредѣленное время. Въ рабочихъ книжкахъ достаточною гарантіей можетъ послужить включенное въ нихъ законодательное условіе что такія-то полученія съ нанимателя принадлежатъ обществу или общинѣ, съ правомъ внесенія ихъ въ мѣстное казначейство или вообще мѣстному финансовому сборщику, „виза" котораго, въ опредѣленные сроки, обязательна для дальнѣйшаго значенія даже безсрочной книжки.

№ 69.

Москва, 16-го марта.

Нынѣшній министерскій кризисъ въ Италіи—явленіе небывалое въ парламентскихъ лѣтописяхъ Европы. Никогда еще Италія, со времени своего объединенія, не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи какъ теперь: внутри страны, и даже въ Сициліи, такъ долго страдавшей отъ безурядицы и разбоевъ, теперь царствуетъ спокойствіе благодаря энергическимъ мѣрамъ правительства; отношенія ко всѣмъ иностраннымъ государствамъ самыя дружескія, особенно если принять во вниманіе посѣщеніе Италіи императорами Германскимъ и Австрійскимъ, польстившее національной гордости Италіянцевъ, которые видятъ въ этомъ новое доказательство что ихъ страна окончательно заняла въ Европейскомъ концертѣ мѣсто великой державы; наконецъ, установилось финансовое положеніе не бывалое со времени основанія единаго королевства Италіи, страдавшаго хроническими дефицитами, которые вошли въ пословицу и которые устранить казалось невозможнымъ для лучшихъ финансистовъ какими считались гг. Селла, Шалойя и другіе, занимавшіе одинъ за другимъ постъ министра финансовъ,—нынѣ въ первый разъ еще министерство представило бюджетъ въ которомъ не только установилось равновѣсіе между приходами и расходами, но даже оказался значительный излишекъ, не-

смотря на предпринятый правительствомъ выкупъ желѣзныхъ дорогъ. Все это было возвѣщено въ тронной рѣчи короля Виктора-Эммануила при открытіи Италіянскаго Парламента 8 марта нынѣшняго года, и всѣмъ этимъ Италія была главнымъ образомъ обязана министерству Мингетти, и вотъ чрезъ десять дней послѣ торжественной королевской рѣчи о его заслугахъ, министерство это падаетъ подъ ударами случайной коалиціи, образовавшейся вслѣдствіе личныхъ неудовольствій вызванныхъ второстепенными мѣрами коими искусно умѣла воспользоваться оппозиція. Эта оппозиція, состоящая изъ недовольныхъ потерявшихъ по объединеніи Италіи выгодное положеніе которое они занимали нѣкогда въ своихъ отдѣльныхъ государствахъ и изъ горсти республиканцевъ, была постоянно въ меньшинствѣ, и никогда не успѣвала достигнуть власти; единственною ролью ея до сихъ поръ было пользоваться раздорами въ нѣдрахъ консервативнаго большинства и приставать къ той фракціи онаго которая была недовольна правительствомъ по какимъ-нибудь личнымъ причинамъ; вотъ почему всѣ министерства смѣнявшіяся въ Италіи, во главѣ коихъ стояли одинъ за другимъ Ламармора, Ланца, Менабреа, Рикazоли, Мингетти, были министерствами одной и той же партіи: мѣнялись только лица стоявшія во главѣ кабинета и тѣ члены онаго которыми случайно недовольно было большинство. На этотъ разъ совершилось то же самое; лѣвая примкнула къ группамъ большинства недовольныхъ различными мѣрами правительства, каковы напримѣръ выкупъ желѣзныхъ дорогъ, промедленіе въ открытіи парламента, нисколько не нарушавшее конституціи, но казавшееся необходимымъ павшему кабинету вслѣдствіе начатыхъ имъ переговоровъ о заключеніи новыхъ торговыхъ трактатовъ съ различными европейскими государствами, и успѣла составить коалицію низвергнувшую кабинетъ; существенная разница нынѣшняго кризиса съ прежними заключается въ томъ что лѣвая настолько усилилась что король принужденъ былъ поручить сформированіе новаго кабинета вождю ея, г. Депретису, а не кому-либо изъ членовъ большинства, какъ-то бывало прежде. Засѣданіе Палаты Депутатовъ 18 марта, въ которое произошелъ кризисъ, представляетъ много характеристическаго и обнаруживаетъ незрѣлость такъ-называемаго парламентскаго порядка въ Италіи. Коалиція лѣвой и недовольныхъ министерствомъ депутатовъ правой готовилась къ рѣшительной битвѣ при обсужденіи вопроса о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, уже рѣшеннаго правительствомъ приступившимъ къ исполненію этой операціи, но вдругъ 18 марта одному изъ депутатовъ, г. Моранѣ, вздумалось предложить Палатѣ сдѣлать выговоръ министерству за несправедливое примѣненіе налога на помолъ, и предложеніе вызвало министерскій кризисъ гораздо ранѣе чѣмъ предполагала сама коалиція. Выходка г. Мораны оказалась удачною: налогъ на помолъ, самый непопулярный въ Италіи, и былъ однако признаваемъ необходимымъ при всѣхъ министерствахъ, такъ какъ замѣнить 70 милліоновъ, которые онъ доставляетъ, было нечѣмъ; въ этомъ послѣднемъ сознался и г. Морана, объявившій что онъ и его друзья протестуютъ не противъ самого налога, но только противъ его несправедливаго примѣненія. Изъ отчета о засѣданіи Палаты 18 марта очевидно что обвиненіе взведенное на министерство было голословное, и что аргументы г. Мингетти, возражавшаго на него, были нисколько не менѣе убѣдительны аргументовъ его противниковъ; тѣмъ не менѣе напоминаніе о налогѣ столь ненавистномъ произвело необыкновенный эффектъ, и когда г. Мингетти потребовалъ отсрочки преній по этому запросу, то Палата большинствомъ 242 голосовъ противъ 181 (большинство весьма значительное въ Италіянской Палатѣ, даже „громадное,“ какъ его называетъ нашъ римскій корреспондентъ) отвергла предложеніе г. Мингетти, и участь кабинета его была рѣшена. Замѣчательно что рѣчь его, которую нашъ римскій корреспондентъ называетъ образцомъ ораторскаго искусства, и въ которой онъ въ энергическихъ и краткихъ словахъ изложилъ заслуги своего управленія, вызвала громъ рукоплесканій, такъ что торжество его казалось несомнѣннымъ, но это не помѣшало Палатѣ, спустя нѣсколько минутъ, принять враждебное ему рѣшеніе. „Рѣдко Парламентъ нашъ,“ говоритъ римскій корреспондентъ *Nord*, отъ 21 марта, „представлялъ такое прискорбное зрѣлище; всѣ вожди его, гг. Рикazоли, Селла, Ланца, Перуцци, въ отсутствіи; масса солдатъ, лишенная начальниковъ, нападаетъ на министерство, не зная кѣмъ

„она его замѣнить, и что должны сдѣлать его преемники чтобъ обезпечить себѣ поддержку большинства. Во всемъ „этомъ дѣйствуетъ сплетеніе интригъ по „истинѣ недостойное парламента великой „націи! Такое положеніе вещей не предвѣщаетъ новому кабинету прочной будущности. Вожди, отсутствовавшіе въ „минуту паденія г. Мингетти, всѣ принадлежатъ къ центру или къ правой; присутствіе ихъ можетъ-быть предупредило „бы кризисъ, а ихъ возвращеніе легко „можетъ вызвать новый въ близкомъ будущемъ."

„Г. Депретисъ," говоритъ *Italie*, „никакъ не можетъ разчитывать на поддержку тосканскихъ и венеціанскихъ депутатовъ подававшихъ 18 марта голоса вмѣстѣ „съ лѣвою. Изъ отпавшихъ отъ большинства, къ нему можетъ-быть примкнетъ „только часть депутатовъ центра, да и то „поддержка ихъ ненадежна, такъ какъ они „никогда не согласятся принять министровъ „которыми дорожитъ лѣвая."

Долго ли просуществуетъ новый кабинетъ, въ первый еще разъ формирующійся изъ оппозиціи, зависитъ отъ его дѣйствій въ будущемъ, но изо всѣхъ свѣдѣній, до сихъ поръ ограничивающихся телеграммами, мы видимъ что г. Депретису предстоятъ въ сформированіи его большія затрудненія. Печатаемые въ италіянскихъ газетахъ списки членовъ новаго кабинета разнообразны до безконечности; въ нихъ появляются то члены правой въ перемежку съ именами главныхъ лицъ оппозиціи со включеніемъ нѣкоторыхъ республиканцевъ, каковъ напримѣръ г. Никотера, фигурирующій въ одномъ изъ списковъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, то исключительно одни члены оппозиціи; печатаются наконецъ и такіе списки, въ которыхъ въ составъ новаго кабинета входятъ бывшіе министры, гг. Висконти-Веноста, занимавшій въ продолженіе многихъ лѣтъ и при различныхъ министерствахъ портфель иностранныхъ дѣлъ, Бонги, министръ народнаго просвѣщенія, успѣвшій пріобрѣсти себѣ въ послѣднее время большую популярность преобразованіемъ университетовъ, адмиралъ Сенъ-Бонъ, морской министръ, и генералъ Рикотти— военный. Это разнообразіе списковъ свидѣтельствуетъ только что оппозиція отнюдь не приготовилась къ послѣдствіямъ побѣды одержанной ею совершенно случайно. Г. Депретису, кромѣ затрудненій встрѣчающихся всегда при составленіи кабинета, необходимо также сообразоваться съ желаніями короны, которая, уступая силѣ вещей и предоставляя сформированіе кабинета вождю лѣвой, должна, для огражденія страны, поставить свои условія, дабы излишнимъ усиленіемъ республиканскаго или радикальнаго элемента въ кабинетѣ не нарушился порядокъ, съ такимъ трудомъ установленный въ различныхъ отрасляхъ администраціи. Правда, водвореніе министерства лѣвой не представляетъ въ настоящее время тѣхъ опасностей съ которыми оно было бы сопряжено пять, шесть лѣтъ тому назадъ. Монархическая власть окрѣпла, и всякая попытка потрясти ее, еслибъ она и послѣдовала со стороны кабинета, чего впрочемъ ни почему предполагать нельзя, встрѣтила бы энергическій отпоръ въ Парламентѣ.

———

№ 70.

Москва, 17-го марта.

Опубликованныя на дняхъ офиціальныя свѣдѣнія о ходѣ внѣшней торговли и о поступленіи таможенныхъ доходовъ въ истекшемъ 1875 году представляютъ не мало интереса. Въ таможенной вѣдомости приводятся 35 разныхъ статей привозныхъ товаровъ (по Европейской границѣ), и изо всѣхъ этихъ статей только по семи привозъ, сравнительно съ предшедшимъ годомъ, уменьшился, а по всѣмъ остальнымъ двадцати восьми увеличился. Притомъ расширеніе торговыхъ оборотовъ замѣчается именно по главнымъ, самымъ цѣннымъ статьямъ привоза. Хлопка, сравнительно съ 1874 годомъ, ввезено болѣе слишкомъ на полмилліона пудовъ; привозъ иностраннаго сахару увеличился на 1.090.000 пудовъ, чаю на 70.000 пудовъ, деревяннаго масла слишкомъ на 200.000 пудовъ, и т. д. Уменьшеніе, какъ сказано, оказалось только по семи, а правильнѣе, по пяти статьямъ, ибо уменьшеніе привоза бумажныхъ издѣлій на 866 пудовъ и табаку крошеннаго и сигаръ на 160 пудовъ такъ ничтожно (по крайней мѣрѣ по вѣсу) что вовсе не можетъ быть принимаемо въ разчетъ. Да и по остальнымъ пяти статьямъ уменьшеніе привоза не имѣетъ серіознаго значенія.

Уменьшеніе ввоза индиго (менѣе чѣмъ на 7.000 пудовъ) возмѣщается усиленнымъ спросомъ на другія выписываемыя изъ-за границы красильныя вещества. Недочетъ по привозу шампанскаго (на 35.000 бутылокъ) покрывается увеличеніемъ (на 45.000 бут.) ввоза другихъ цѣнныхъ винъ иностранной разливки, не говоря уже объ увеличеніи привоза виноградныхъ винъ въ бочкахъ (на 70.000 пуд.). Въ уменьшеніи ввоза соли также нѣтъ ничего серіознаго, ибо не велика разница, привезено ли ея нѣсколько болѣе или нѣсколько менѣе двѣнадцати милліоновъ пудовъ. Не многимъ серіознѣе и уменьшеніе постоянно колеблющихся размѣровъ ввоза свинца (на 96.000 пуд.). Только по привозу рельсовъ оказывается крупный недочетъ (на 1.762.000 пуд.) объясняемый нѣкоторою заминкой въ ходѣ работъ по расширенію нашей желѣзнодорожной сѣти; но и этотъ недочетъ отчасти возмѣщается увеличеніемъ привоза всѣхъ сортовъ желѣза и чугуна (въ общей сложности на 1.337.000 пуд.).

Такой ходъ привозной торговли, конечно, отозвался самымъ благопріятнымъ образомъ на поступленіи таможенныхъ сборовъ, дошедшихъ въ минувшемъ году до небывалой у насъ цифры безъ малаго 64 милліоновъ рублей, слишкомъ на 6.273.000 рублей болѣе противъ 1874, не говоря уже о всѣхъ предшедшихъ годахъ. Правда, въ этомъ возрастаніи таможенныхъ сборовъ первую роль играла на этотъ разъ весьма непрочная статья таможеннаго дохода — пошлина съ привознаго сахара, давшая казнѣ, противъ 1874 года, лишнихъ два съ половиной милліона рублей, и нельзя терять изъ виду что при первомъ удовлетворительномъ урожаѣ свекловицы эти милліоны не замедлятъ сократиться до скромной цифры нѣсколькихъ тысячъ. Но и за исключеніемъ вызваннаго неурожаемъ свекловицы случайнаго увеличенія сахарнаго дохода, излишекъ таможенныхъ сборовъ противъ 1874 года все-таки составляетъ почтенную цифру около четырехъ милліоновъ,—и полученъ этотъ избытокъ благодаря почти равномѣрному расширенію оборотовъ по всѣмъ главнымъ статьямъ привозной торговли.

Въ краткомъ отчетѣ о таможенныхъ сборахъ въ прошломъ году перечислены четырнадцать статей привоза съ коихъ поступаютъ наиболѣе крупныя цифры сбора,—и изъ этихъ четырнадцати статей только по двумъ, сравнительно съ 1874 годомъ, оказалось уменьшеніе дохода. При этомъ должно еще замѣтить что значительно понизился (болѣе чѣмъ на 760.000 р.) только таможенный сборъ съ привозныхъ металловъ; но и онъ все же далъ казнѣ много болѣе чѣмъ въ 1873 и въ какомъ бы то ни было изъ предыдущихъ годовъ; о пониженіи же дохода съ привозной соли на какія-нибудь 30.000 рублей едвали стоитъ и упоминать. Затѣмъ, по всѣмъ остальнымъ упоминаемымъ въ отчетѣ двѣнадцати статьямъ привоза оказалось увеличеніе дохода. Всего болѣе, какъ сказано, возросъ доходъ съ иностраннаго сахара (на 2.465.000 р.); затѣмъ, чай далъ казнѣ на 835.000 р., деревянное масло на 400.000 р. болѣе противъ 1874 года; по прочимъ девяти упоминаемымъ въ отчетѣ статьямъ *), въ общей сложности, увеличеніе таможенныхъ сборовъ простирается до 1.200.000 р., наконецъ, со всѣхъ товаровъ въ отчетѣ неупомянутыхъ, таможенные сборы дали почти на 2.120.000 рублей болѣе противъ 1874 года. Такое дружное, почти равномѣрное возрастаніе дохода чуть не со всѣхъ товаровъ обложенныхъ пошлиной, несомнѣнно показываетъ что оно есть результатъ не какихъ-либо случайныхъ явленій, а общаго подъема народнаго благосостоянія.

Замѣчательно что въ первое десятилѣтіе послѣ Крымской войны размѣры поступленія таможенныхъ сборовъ отличались поразительною неподвижностью. Они стояли почти на одной цифрѣ и даже оказывали наклонность скорѣе къ пониженію чѣмъ къ повышенію. Вотъ итоги таможенныхъ доходовъ за то время:

Въ 1857 году	34.565.107	руб.
„ 1858 „	33.649.005	„
„ 1859 „	33.352.546	„
„ 1860 „	34.304.690	„
„ 1861 „	33.038.364	„
„ 1862 „	33.169.720	„
„ 1863 „	34.442.423	„
„ 1864 „	30.390.934	„
„ 1865 „	28.358.094	„
„ 1866 „	32.298.140	„

Не сказалось ли въ очевидномъ застоѣ выражаемомъ этими цифрами вліяніе тяжелыхъ обстоятельствъ которыя переживала Россія въ то переходное время? Но

*) Напитки, фрукты, освѣтительныя масла, табакъ, машины, бумажная пряжа, и издѣлія: шерстяныя, шелковыя и льняныя.

едва миновалъ самый тяжкій его періодъ, едва начали давать всходы посѣянныя въ немъ сѣмена добра, народное благосостояніе начало дѣлать непрерывные успѣхи, которые не преминули выразиться, какъ на барометрической скалѣ, на поступленіи таможенныхъ доходовъ. Вотъ цифры этихъ доходовъ за послѣднія десять лѣтъ. *)

Въ 1866	году	32.298.140	рублей.
„ 1867	„	38.653.007	„
„ 1868	„	37.651.094	„
„ 1869	„	40.268.540	„
„ 1870	„	42.145.042	„
„ 1871	„	49.279.359	„
„ 1872	„	54.358.341	„
„ 1873	„	55.185.548	„
„ 1874	„	57.680.682	„
„ 1875	„	63.953.688	„

Меньше чѣмъ въ десять лѣтъ таможенный доходъ удвоился: вотъ фактъ бросающійся въ глаза при первомъ взглядѣ на приведенныя цифры. Но еще важнѣе фактъ неуклонности въ возрастаніи таможенныхъ сборовъ, свидѣтельствующій, что этотъ источникъ государственныхъ доходовъ обладаетъ нынѣ эластичностью, которая позволяетъ разчитывать на постоянное возрастаніе въ будущемъ.

Возрастающаго съ года на годъ поступленія пошлинъ съ привозныхъ товаровъ, конечно, нельзя было не принять во вниманіе при составленіи бюджетовъ. Начиная съ 1866 года, вносимая въ государственную смѣту ожидаемыхъ доходовъ цифра таможенныхъ сборовъ была ежегодно повышаема. По смѣтѣ 1866 года, таможенный доходъ ожидался въ размѣрѣ всего 27.651.393 р.; по смѣтѣ 1875 года ожидалось отъ таможенъ уже вдвое бо́льшая сумма—55.597.400 рублей. Но дѣйствительныя цифры поступленія таможеннаго дохода за все десятилѣтіе постоянно оставляли далеко за собою всѣ ожиданія и предположенія. Именно таможенные сборы превышали ожидаемыя отъ нихъ суммы:

въ 1866	году	на	4.022,097	рублей.
„ 1867	„	„	8.527.842	„
„ 1868	„	„	2.971.910	„
„ 1869	„	„	4.040.453	„
„ 1870	„	„	1.852.601	„
„ 1871	„	„	7.779.153	„
„ 1872	„	„	9.695.047	„
„ 1873	„	„	3.212.804	„
„ 1874	„	„	3.576.682	„
„ 1875	„	„	8.356.228	„

*) Не считая таможенныхъ доходовъ Закавказскаго края, не подвѣдомыхъ Министерству Финансовъ.

Столь значительное и притомъ постоянное превышеніе дѣйствительнаго поступленія таможеннаго дохода противъ смѣтныхъ назначеній заслуживаетъ вниманія. Очевидно что составители смѣты недостаточно вѣрятъ въ эластичность таможенныхъ сборовъ, въ ихъ наклонность къ постоянному возрастанію. Въ этомъ недовѣріи не было бы, конечно, бѣды еслибы результатомъ его былъ единственно избытокъ поступленія доходовъ противъ назначенія. Но это недовѣріе сопровождается однимъ вреднымъ обстоятельствомъ. Ожидая отъ таможенныхъ сборовъ постоянно меньше того чѣмъ они могутъ и должны дать, приходится удерживать въ росписи, для поддержанія равновѣсія бюджета, многіе налоги не имѣющіе финансовой будущности, коснѣющіе на одной цифрѣ и несомнѣнно вредные для народнаго благосостоянія.

Такимъ налогомъ давно признанъ акцизъ съ соли. Нѣтъ надобности говорить какимъ благодѣяніемъ была бы отмѣна его и для нашего скотоводства, и для всего сельскаго хозяйства, и для многихъ отраслей промышленности, и для всего экономическаго быта народа. Это давно всѣмъ извѣстно и, безъ сомнѣнія, имѣлось въ виду и при недавнемъ обсужденіи солянаго вопроса, когда вновь рѣшено было отложить его. При всемъ сознаніи вреда причиняемаго солянымъ налогомъ, отъ него однако не могли отказаться чтобы не нарушить равновѣсія бюджета. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, вычеркнуть изъ росписи доходовъ статью обѣщающую дать одиннадцать или двѣнадцать милліоновъ рублей, хотя въ иные годы дающую и менѣе десяти? Чѣмъ возмѣстится недоборъ въ доходахъ такой крупной суммы? Но страхъ предъ этою крупною суммой много бы ослабѣлъ еслибъ обращалось большее вниманіе на эластичность таможенныхъ сборовъ. Если эти сборы даютъ на семь, на восемь, даже на девять и болѣе милліоновъ рублей болѣе противъ смѣтнаго назначенія, боязнь дефицита вслѣдствіе отмѣны солянаго налога перестаетъ быть основательною. Еслибы съ отмѣной солянаго акциза и оказался временно дефицитъ, онъ, судя по ходу возрастанія таможенныхъ сборовъ, несомнѣнно былъ бы покрытъ въ два, въ три, много въ четыре года,—а еслибъ одновременно была наложена пошлина на вывозимый лѣсъ и отмѣнены дифференціальныя пошлины на чай, дефицита, по всей

вѣроятности, и вовсе бы не оказалось. Не ясно ли отсюда что одно изъ величайшихъ благодѣяній всему экономическому быту можетъ быть оказано безъ ущерба для равновѣсія государственнаго бюджета? Этого мало. Подъемъ народнаго благосостоянія, который былъ бы непремѣннымъ результатомъ удешевленія соли, не замедлилъ бы отозваться усиленнымъ прогрессомъ въ поступленіи всѣхъ способныхъ къ возрастанію косвенныхъ налоговъ, въ томъ числѣ и таможеннаго. Отмѣна солянаго налога не только не противорѣчитъ интересамъ казны, но напротивъ требуется ими?

№ 71.

Москва, 18-го марта.

Повидимому, направители австрійской политики, выработавъ проектъ реформъ для Босніи и Герцеговины и добившись принятія его Портой, полагали что ими сдѣлано все къ чему ихъ обязывало человѣколюбіе. По крайней мѣрѣ таково впечатлѣніе производимое дальнѣйшими мѣрами Австрійскаго правительства. Австрія какъ будто спохватилась что до сихъ поръ она поступала не такъ какъ надо, и спѣшитъ быстротой дѣйствій вознаградить потерянное. Эта быстрота особенно бросается въ глаза въ сравненіи съ медленностью съ какою дѣйствуетъ въ томъ же направленіи Турецкое правительство. Пока въ Турціи выработаны только эфектныя инструкціи, наобѣщано покорившимся инсургентамъ и освобожденіе отъ податей, и поддержка матеріальная, и возстановленіе домовъ, церквей и школъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ не приступлено ни къ чему, да и приступать не съ чѣмъ при совершенномъ банкротствѣ. Въ Австріи же, между тѣмъ, намѣстникъ Далматіи и главнокомандующій въ Хорватіи энергически приступили къ убѣжденію инсургентовъ положить оружіе, а выходцевъ возвратиться на родину, и еслибъ эти послѣдніе послушались сразу этихъ увѣщаній, то Турецкое правительство само было бы поставлено въ немалое затрудненіе поспѣшностью своего добраго сосѣда. Но увѣщанія не привели ни къ чему. Выходцы не хотятъ возращаться во свояси. Одни требуютъ австрійской военной эскорты, а другіе, въ петиціи поданной императору Францу-Іосифу, настаиваютъ на возвращеніи отобраннаго у нихъ оружія. Первое означало бы военное вмѣшательство, второе—новое поощреніе возстанія, и въ обоихъ требованіяхъ было отказано, между тѣмъ какъ въ обоихъ требованіяхъ выходцы были правы: возвратившись безъ оружія и безъ защиты они стали бы жертвами мусульманскаго фанатизма. Если кого не убѣдили въ этомъ прежніе примѣры, тому можно указать на новые. Уже по объявленіи послѣдняго султанскаго ираде, мусульмане Придора, озлобленные такою податливостью въ пользу гяуровъ, принялись рѣзать христіанъ еще остававшихся въ ихъ сосѣдствѣ. При этомъ обнаружилось все безсиліе турецкой власти. Каймакамъ Придора прочелъ Туркамъ нравоученіе, христіанскимъ же кметамъ обѣщалъ въ подобныхъ случаяхъ военную помощь, а до прибытія ея разрѣшилъ *сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ*, лишь бы христіане обѣщали въ свою очередь оставаться вѣрными подданными султана и не присоединялись къ возстанію. Каймакамъ разсуждалъ, какъ намъ кажется, очень правильно и соотвѣтственно истинному положенію дѣлъ. Онъ какъ бы намекалъ союзнымъ державамъ чего онѣ прежде всего должны требовать для обезпеченія христіанъ. Между тѣмъ, однако, 700 душъ явились въ Австрію какъ разъ когда тамъ происходили увѣщанія возвратиться, а другіе кучками продолжаютъ пробираться въ горы, гдѣ именно вслѣдствіе суровыхъ мѣръ Австрійскаго правительства организовались новые отряды инсургентовъ. Итакъ, результатъ оказывается противоположный. Извѣстно что далматскими властями арестованъ одинъ изъ вождей возстанія, Любобратичъ, съ его спутниками, и священникъ Мусичъ съ его отрядомъ, случайно очутившіеся въ австрійскихъ предѣлахъ. Это не ослабитъ возстанія, ибо Любобратичъ, лишенный главной команды, предводительствовалъ въ послѣднее время всего какими-нибудь двумя сотнями иностранныхъ волонтеровъ, на которыхъ и сами Герцеговинцы смотрѣли съ недовѣріемъ и большой помощи отъ нихъ не ждали. Между тѣмъ, этою мѣрой Австрійское правительство уронило себя и во мнѣніи инсургентовъ, и въ глазахъ семнадцати милліоновъ своихъ славянскихъ подданныхъ. Любобратича и навязавшихся ему представителей европейской рево-

люціонной клики провожали до самаго Тріеста шумныя оваціи славянскаго и италіянскаго населенія Далматіи. Австрійская полиція даже въ Вѣнѣ вынуждена была прятаться съ плѣнниками своими отъ толпы. Вталкиваніе Любобратича силой въ вагонъ и подробности сценъ ареста, распространяемыя газетами, не мало прибавляютъ къ волненію умовъ. Но за горечью обиды слѣдуютъ подозрѣнія. Намѣстникъ Далматіи баронъ Родичъ, послѣ поѣздки въ Цетинье пригласилъ на границу генералъ-губернатора Герцеговины Али-пашу и главнокомандующаго Мухтаръ-пашу для совѣщаній. Можно думать что совѣщаніе требовалось для заключенія перемирія и для соглашенія о способахъ какъ переправить Герцеговинскихъ бѣглецовъ на родину, но у инсургентовъ естественно должно было явиться подозрѣніе что далматскій намѣстникъ намѣренъ дать Туркамъ добрые совѣты касательно веденія войны, какъ его правительствомъ даны прежде совѣты о переустройствѣ внутренняго управленія Турціи. Весьма важное извѣстіе, наконецъ, сообщается изъ Цетинья корреспондентомъ аугсбургской *Allgemeine Zeitung*. Онъ утверждаетъ будто Австрійское правительство воспретило провозъ въ Черногорію 25.000 ружей новой системы купленныхъ въ Вѣнѣ черногорскимъ сенаторомъ Пламенцемъ. Такое распоряженіе было бы уже нарушеніемъ международнаго права. И неудивительно что оно вызвало протестъ Черногорскаго правительства, тѣмъ болѣе огорченнаго что Австрійское правительство вздумало поступать такъ именно въ то время какъ князь Николай, внявъ его совѣтамъ, самоотверженно заботиться объ умиротвореніи Герцеговины, и добился того что инсургенты согласились приступить къ переговорамъ о перемиріи.

Можно пожалуй подумать что Австрія всѣми этими мѣрами желаетъ оказать косвенную помощь Портѣ къ подавленію возстанія. Но увѣнчаются ли успѣхомъ ея мѣры, и согласны ли онѣ съ ея интересами? Порту такія мѣры, конечно, могутъ только радовать; но ей позволительно будетъ спросить, отчего же Австрія ранѣе не принимала ихъ? Развѣ Любобратичъ не разгуливалъ свободно до послѣдняго времени въ Рагузѣ, и не тамъ ли происходило снаряженіе иностранныхъ волонтеровъ? Не укрѣпятъ ли послѣднія мѣры Австріи совѣтниковъ султана въ ихъ странномъ убѣжденіи, неоднократно уже высказанномъ, что европейскія державы, и особенно Австрія, нарочно вызвали возстаніе чтобы вырвать у султана реформы и привести Турцію къ паденію? А такой взглядъ безъ сомнѣнія выразится и въ исполненіи реформъ когда возстаніе кончится. Окажется надобность въ новыхъ настояніяхъ дипломатіи, и можетъ-быть возникнутъ новыя затрудненія. Относительно возстанія строгія мѣры Австрійскаго правительства, какъ уже замѣчено выше, производятъ поощряющее дѣйствіе. Можно разчитывать что инсургенты, къ которымъ будетъ отрѣзанъ доступъ съѣстныхъ припасовъ и боевыхъ снарядовъ, принуждены будутъ смириться; но событія могутъ и не оправдать такихъ ожиданій. Извѣстно что и Турки въ Герцеговинѣ отрѣзаны неудобствомъ путей сообщенія. Провіантъ и подкрѣпленія до сихъ поръ они подвозили себѣ моремъ, причемъ на пути почти всѣ транспорты подвергались нападеніямъ инсургентовъ. Отсюда, а также нападая на транспорты съ провіантомъ и снарядами отправляемые въ турецкіе форты, инсургенты до сихъ поръ и пріобрѣтали средства къ существованію, оружіе и снаряды. Наконецъ, будутъ ли турецкіе начальники съ началомъ весны счастливѣе въ своихъ военныхъ операціяхъ, и удержится ли отъ дѣйствія Сербія, которой положеніе съ каждымъ днемъ становится тревожнѣе?

Теперешній образъ дѣйствій Австріи никакъ не можетъ быть приведенъ въ связь съ ея предыдущими дѣйствіями вкупѣ съ другими европейскими державами, результатомъ которыхъ были столь успѣшныя дипломатическія представленія. Она становится похожею на заигравшагося игрока, который отъ утомленія перестаетъ различать какія у него на рукахъ карты. Графъ Андраши, безъ сомнѣнія, искренно желаетъ какъ поддерживанія тройственнаго союза и опирающагося на немъ европейскаго мира, такъ и улучшенія участи христіанскихъ населеній Турціи. Но вокругъ и помимо его работаютъ разныя направленія. Есть партія надѣющаяся осуществить свои требованія присоединеніемъ Босніи и Герцеговины, которыя должны возмѣстить понесенныя Австріей утраты. Съ другой стороны, графъ Андраши не можетъ не прислушиваться къ голосу сво-

ихъ земляковъ, которые, боясь потонуть въ славянскомъ морѣ, высказываются противъ всякаго расширенія границъ. Этими противоположными теченіями австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, по всему вѣроятію, и былъ вызванъ на поспѣшныя распоряженія о которыхъ шла рѣчь...

№ 72.

Москва, 19-го марта.

Билль объ измѣненіи королевскаго титула прошелъ, наконецъ, въ Нижней Палатѣ Англійскаго Парламента, послѣ долгихъ преній и совершенно неожиданной оппозиціи, и поступилъ въ болѣе спокойную атмосферу Палаты Лордовъ.

О внесеніи этого билля въ нынѣшнюю сессію было возвѣщено еще въ тронной рѣчи, но во время преній объ отвѣтномъ адресѣ, когда вниманіе оппозиціи въ Парламентѣ и всей страны было поглощено вопросомъ о покупкѣ Суэзскихъ акцій, никакъ нельзя было предвидѣть что возвѣщенная перемѣна возбудитъ большія пререканія. Дѣло представлялось весьма простымъ, и обстоятельства его были указаны въ тронной рѣчи. Въ 1859 году, по усмиреніи возстанія сипаевъ, парламентскимъ актомъ управленіе Индіей перешло отъ бывшей Англо-Индійской Компаніи въ непосредственное вѣдѣніе короны, и потому естественно было ознаменовать это событіе перемѣной въ королевскомъ титулѣ. Такъ, въ царствованіе Георга III, по соединеніи Ирландіи съ Англіей, титулъ государя былъ измѣненъ такимъ образомъ: „король Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи.“ Но включить въ титулъ Индію тотчасъ послѣ кроваваго возстанія было найдено неудобнымъ; теперь же путешествіе наслѣднаго принца по этой странѣ, политическое значеніе какое путешествію этому было придано торжественною обстановкой, даютъ благопріятный поводъ восполнить сдѣланное упущеніе. Все это было должнымъ образомъ изложено и въ рѣчи премьера при внесеніи билля. Но тутъ и начали выступать одно за другимъ затрудненія. Хотя г. Дизраэли въ началѣ отказался сообщить какой именно титулъ приметъ королева, поставляя на видъ что обсужденіе этого предмета было бы нарушеніемъ прерогативы короны, и что выборъ титула долженъ быть предоставленъ ея величеству, но всѣмъ уже было извѣстно что ея величеству угодно принять титулъ „императрицы.“ Дѣйствительно, при второмъ чтеніи билля г. Дизраэли объявилъ что прибавка къ титулу будетъ состоять въ словахъ „императрица Индіи.“ Противъ собственно „императорскаго“ титула и было направлено все остроуміе вліятельнѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ вождей оппозиціи, маркиза Гартингтона, г. Гладстона, г. Ло, профессора Фосетта и множества другихъ. Не было недостатка въ недовольствѣ и на скамьяхъ позади министровъ. Ораторы горячились изъ-за опредѣленія что означается титуломъ „короля“ и титуломъ „императора,“ какой изъ нихъ древнѣе, почетнѣе, выше, поглощается ли одинъ титулъ другимъ или оба могутъ быть совмѣстны, и которому принадлежитъ первенство или преимущество. Для рѣшенія такихъ щекотливыхъ пунктовъ поднята была исторія чуть не всѣхъ странъ и народовъ, отъ древнѣйшаго времени до новѣйшаго, и когда одинъ ораторъ ссылался на историческій фактъ, другой тотчасъ же доказывалъ негодность приводимаго примѣра, и съ своей стороны приводилъ другіе примѣры. Въ воображеніи удивленныхъ читателей парламентскихъ отчетовъ проходятъ длинною вереницей Римскіе императоры, средневѣковые короли и Германскіе императоры; Русскіе цари и императоры; затѣмъ являются оба Наполеона какъ императоры Французскіе, императоры Австрійскіе, нынѣшній императоръ Германскій, Великій Моголъ Индіи, императоръ Бразильскій. Всѣ эти высокія лица являлись по вызову ораторовъ для объясненія аттрибутовъ своей власти и своего положенія. Читая всѣ эти пренія, невольно недоумѣваешь: какое же отношеніе все это имѣетъ къ перемѣнѣ въ англійскомъ государственномъ титулѣ? Изъ преній можно было убѣдиться только въ томъ что титулъ „императрицы“ не нравится противникамъ перемѣны, и что имъ гораздо дороже старинный титулъ королевы. Англичане вообще болѣе чѣмъ какая-либо иная нація привязаны къ своей старинѣ, но странно что въ этомъ случаѣ за сохраненіе древняго титула ратовала либеральная оппозиція, а нововводителемъ является консервативное министерство. Впрочемъ, при комитетскомъ обсужденіи билля, правительство неизмѣнно

одерживало верхъ почтеннымъ большинствомъ, превышавшимъ его обычное большинство, и даже третье чтеніе билля, рѣшившее участь его въ Нижней Палатѣ, было принято большинствомъ 75 голосовъ. Оппозиціи не удалось отвергнуть самый титулъ „императрицы Индіи,“ и она добилась только нѣкоторыхъ уступокъ, настоявъ чтобъ этотъ титулъ былъ строго ограниченъ одною Индіей, а чтобы въ самой Англіи оставался исключительно прежній королевскій титулъ, чтобы въ подписи королевы (*sign manual*), при дѣлахъ касающихся Англіи, оставался прежній титулъ *Victoria Rigina*, чтобы только для дѣлъ касающихся Индіи подпись была измѣнена въ *Victoria Rigina Imperatrix*, наконецъ, чтобъ императорскій титулъ былъ присвоенъ исключительно ея величеству и не распространялся на ея дѣтей и родственниковъ.

Были и политическія соображенія, но они не сразу выступили, а развивались постепенно по мѣрѣ преній. Противниковъ „императорскаго“ титула повидимому болѣе всего пугала мысль о „цезаризмѣ,“ и опасенія какъ бы перемѣна въ титулѣ не привела въ послѣдствіи къ перемѣнѣ правленія стали высказываться довольно открыто. Но въ политическомъ строѣ между Англіей и Франціей такъ мало сходнаго что это было едва ли не самымъ слабымъ аргументомъ оппозиціи. Забавно было слышать эти опасенія изъ устъ ораторовъ которые не могли не знать что система „демократическаго цезаризма“ не составляетъ принадлежности имперіи ни въ средніе вѣка, ни въ новое время, а была изобрѣтеніемъ Наполеона III. Онъ не могъ вѣрно оцѣнить элементы доставившіе ему власть. Призванный классами консервативными, которые были напуганы дикими попытками 1848 года, онъ придавалъ особенную важность элементамъ революціи, и вмѣсто того чтобы закрѣпить принципъ наслѣдственности, замѣнивъ новою династіей старую, утратившую связь съ націей, онъ понадѣялся овладѣть революціей льстя ей, и поплатился за свою ошибку. Опытъ даже во Франціи оказался гибельнымъ; въ Англіи же нѣтъ вовсе элементовъ для подобной пробы.

Въ пользу билля политическія соображенія были иного свойства, и ихъ развилъ г. Дизраэли лишь въ заключеніи своей рѣчи при третьемъ чтеніи билля. До тѣхъ поръ министрами указывалось лишь на желанія самихъ жителей Индіи относительно перемѣны въ титулѣ; въ послѣдней же своей рѣчи премьеръ совершенно неожиданно далъ иной оборотъ вопросу. Онъ заявилъ что необходимость перемѣны вызывается важными событіями въ Азіи. „Татарія, говорилъ онъ, обширная страна, высылавшая прежде завоевателей міра, теперь покорена, и Россія раздвинула свои границы на разстояніи немногихъ дней пути отъ Индіи; фактъ этотъ извѣстенъ всѣмъ народамъ Индіи, имъ извѣстна держава покорившая страны, извѣстенъ и титулъ великаго государя совершившаго это завоеваніе; поэтому и англійскимъ государямъ подобаетъ принять титулъ, который имѣлъ бы равное значеніе въ глазахъ народовъ Индіи, и несомнѣнно заявилъ бы о твердомъ рѣшеніи Англіи удержать владѣніе Индіей.“ Таковъ былъ въ общихъ словахъ смыслъ высказаннаго премьеромъ соображенія. Оппоненты остались очень недовольны и этимъ заявленіемъ. Они нашли неумѣстнымъ упоминаніе о Россіи, видя въ этомъ или намекъ на намѣренія Россіи, или сознаніе въ шаткости и ненадежности англійскаго владѣнія Индіей. Раздраженіе духа партій, возбужденное долгими преніями, усилилось этимъ новымъ доводомъ.

Со стороны весь вопросъ представляется гораздо проще. *De facto*, Англія, по своимъ обширнымъ владѣніямъ, раскиданнымъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара, давно уже стала одною изъ могущественнѣйшихъ имперій. Принятіе королевой Викторіей титула „императрицы,“ хотя бы одной Индіи, есть не болѣе какъ заявленіе давно существующаго факта. Сами Англичане давно говорятъ и пишутъ о совокупности владѣній Британской короны: *our British Empire*, *our Colonial Empire*, *our Indian Empire*, и даже свой парламентъ титулуютъ *Imperial Parliament*. Нежеланіе титуловать и государя *Imperial Majesty*, повидимому, внушается нелюбовью къ нововведеніямъ. Но вѣроятно и къ новому титулу скоро привыкнутъ и будутъ имъ гордиться можетъ-быть болѣе чѣмъ прежнимъ королевскимъ. Что касается до упоминанія г. Дизраэли о Россіи, то въ немъ мы готовы видѣть признакъ благопріятный для будущихъ отношеній обѣихъ странъ. И прежде, когда англійскіе министры, въ виду движеній Россіи въ Азіи, думали не о томъ чтобы самимъ принимать какія-либо

мѣры, а чтобы только застращать Россію угрозами, они никогда не выражали опасеній завоевательныхъ видовъ Россіи на Индію. Въ словахъ же г. Дизраэли нѣтъ и тѣни подобнаго намека. Напротивъ, онъ прямо сказалъ что не раздѣляетъ тревогъ вызываемыхъ движеніями Россіи и полагаетъ что Азія достаточно обширна для обѣихъ имперій. Но изъ его словъ можно понять что приближеніе Россіи можетъ подорвать *prestige* Англіи во мнѣніи народовъ Индіи. Прежде эти народы знали могущество только Англіи; теперь же они узнали о другой могущественной державѣ, объ Императорѣ предъ коимъ трепещутъ дикіе азіятскіе народы. Для соблюденія этого „обаянія" предпринимались и прежде запросы англійской дипломатіи. Теперь Англія принимаетъ болѣе достойную политику: она стремится поддержать и усилить свое „обаяніе" собственными средствами, и потому изъ словъ г. Дизраэли мы въ правѣ заключить что англійская политика навсегда отказывается отъ прежней притязательной опеки надъ нашими дѣйствіями, которая могла только поселять неосновательное недоброжелательство между обѣими странами.

№ 73.

Москва, 20-го марта.

Много разъ приходилось намъ указывать на печальную судьбу постоянно постигающую сооруженіе большой желѣзнодорожной линіи въ Либаву. Государственная необходимость этой линіи была признана чуть не четверть вѣка тому назадъ; въ послѣдніе двадцать лѣтъ правительство дѣлало попытку за попыткой къ осуществленію этой линіи, и не разъ дѣло казалось благопріятно поконченнымъ, а все-таки большая Либавская желѣзная дорога не существуетъ.

Въ началѣ нынѣшняго царствованія, тотчасъ по окончаніи Восточной войны, правительство приступило къ сооруженію главнѣйшихъ линій желѣзныхъ дорогъ чрезъ посредство тогдашняго французскаго Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ. Въ числѣ главныхъ линій сданныхъ этому Обществу была и Либавская—отъ Орла или Курска къ Либавѣ, какъ сказано въ уставѣ Главнаго Общества. Дѣла его, какъ извѣстно, быстро приняли дурной оборотъ, и всего болѣе потерпѣла отъ того линія Либавская. Главное Общество не только не тронуло земли по этой линіи, но даже не сдѣлало подробныхъ изысканій. Послѣ крушенія и послѣдовавшаго затѣмъ переустройства Главнаго Общества, оно было освобождено отъ обязанности достроить начатую имъ Московско-Ѳеодосійскую дорогу и построить еще не начатую Либавскую.

Между тѣмъ явилась дорога отъ Риги до Динабурга, а постепенно затѣмъ и другія части большой линіи отъ Риги къ Царицыну, которая прошла чрезъ Орелъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, большая дорога въ Либаву изнутри страны должна была принять болѣе южное направленіе. Приходилось вести ее уже не отъ Орла или Курска, а отъ Полтавы, причемъ эта дорога становилась частью большой линіи отъ Севастополя къ Либавѣ, отъ Чернаго моря къ Балтійскому. Линія эта должна была пересѣчь Петербурго-Варшавскую дорогу въ окрестностяхъ Ландварова.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Пруссіи, начали хлопотать о продолженіи Кенигсберго-Граевской дороги внутрь Россіи, что обратило вниманіе наше на усиливающееся значеніе Кенигсберга въ нашей торговлѣ и вообще на состояніе путей сообщенія на нашей западной окраинѣ. Тогда снова поднялась рѣчь о сооруженіи Либавской желѣзной дороги, и сначала рѣшено было выстроить первый ея участокъ — отъ Либавы до Петербурго-Варшавской желѣзной дороги. Этотъ участокъ слѣдовало строить конечно по направленію будущей большой Либавской дороги; но нѣкоторые спеціалисты желѣзнодорожнаго дѣла съ необъяснимымъ упорствомъ настояли чтобы Либавская линія была изломана направленіемъ перваго ея участка не на Ландварово, а 47 верстъ въ сторону къ невѣдомой никому станціи Кошедары. Такимъ образомъ, вмѣсто перваго участка большой Либавской линіи была построена какая-то мѣстная дорога отъ Ковна до Либавы.

Предвидѣнныя и предсказанныя послѣдствія не замедлили: грузы продолжали попрежнему идти на Кенигсбергъ, а не въ Либаву, такъ какъ путь на Кенигсбергъ остался кратчайшимъ. Сборы Либавской дороги были ничтожны, она работала въ убытокъ. Чтобы поправить дѣла дороги

рѣшили связать ее съ Динабургомъ, а чрезъ него со всею сѣтью внутреннихъ желѣзнодорожныхъ сообщеній. Вѣтви на Динабургъ придавалъ особое значеніе генералъ Чевкинъ, голосъ котораго былъ такъ вліятеленъ во всѣхъ вопросахъ касавшихся Либавской желѣзной дороги. Рѣшено было строить Динабургскую вѣтвь, да кстати еще вѣтвь на Митаву, но и тутъ случилась удивительная неудача: Динабургская вѣтвь примкнула не къ Динабургу, а 19 верстъ южнѣе, къ станціи Калькуны, не имѣющей ровно никакого значенія. Сдѣлано это также въ видахъ небольшаго сокращенія издержекъ.

Такимъ образомъ Либавская дорога со всѣхъ концовъ оказалась въ полной зависимости отъ Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ — ни на одну вѣтвь (кромѣ мѣстной Митавской) нельзя было попасть иначе какъ по рельсамъ Главнаго Общества, которое было очень заинтересовано тѣмъ чтобы грузы шли по его линіямъ въ Кенигсбергъ, а не сворачивали въ Либаву. И Главное Общество не поцеремонилось съ Либавскою дорогой: оно стало брать возвышенный тарифъ за провозъ грузовъ по участкамъ С.-Петербурго-Варшавской дороги ведущимъ на Либавскую, задерживало грузы, и т. д. Всѣ эти обстоятельства окончательно добили Либавскую дорогу; дальнѣйшее самостоятельное существованіе ея оказывалось невозможнымъ. Прижимистыя дѣйствія Главнаго Общества быть-можетъ и похвальны съ точки зрѣнія компаніи, но врядъ ли они согласовались съ видами правительства, положившаго столько заботъ на осуществленіе Либавской дороги. Интересно бы знать какія были мнѣнія членовъ отъ правительства въ совѣтѣ Главнаго Общества по поводу мѣръ принятыхъ относительно Либавской дороги? Имѣли ли они въ виду только интересы компаніи, или же, какъ требовалъ ихъ долгъ, всѣ заботы ихъ были посвящены интересамъ государства? Оказалось ли и на этотъ разъ что директоры отъ казны въ желѣзнодорожныхъ компаніяхъ наклонны забывать общіе государственные виды и отдаваться частнымъ интересамъ компаніи?

Сооруженіе большой Либавской линіи, отъ Ландварова къ Ромнамъ, къ которому приступлено было въ началѣ семидесятыхъ годовъ, должно было повидимому поправить дѣла перваго Ковно-Либавскаго участка этой линіи. Но и тутъ вышла неудача. Покойный строитель Ландварово-Роменской дороги, фонъ-Меккъ, взявшій это предпріятіе на условіяхъ довольно затруднительныхъ, полагалъ лучше обезпечить будущее дороги склонивъ ее нѣсколько къ Ригѣ, чтобъ она удобнѣе могла служить и для Рижской торговли. Поэтому Ландваровская линія примкнула не къ Ландварову, а къ станціи Вилейкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вильны. Путь для грузовъ изнутри страны къ Либавѣ еще болѣе удлинился, усилилась и зависимость Либавской линіи отъ Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ.

Притѣсненія Главнаго Общества поставили наконецъ въ затрудненіе не только первый участокъ Либавской дороги, но Ландварово-Роменскую большую линію. Съ прошлой осени фонъ-Меккъ сталъ хлопотать чтобы Либавская дорога была передана Обществу Ландварово-Роменской, и хотѣлъ соединить конечную станцію послѣдней, Вилейку, съ одною изъ станцій Ковно-Либавской вѣтви, если не ошибаемся, со станціей Яново. Это было единственнымъ средствомъ освободиться отъ кабалы Главнаго Общества и спрямить столь немилосердно изломанный путь къ Либавѣ. Несмотря на упорное противодѣйствіе Главнаго Общества, хлопоты фонъ-Мекка шли вообще успѣшно. Министерство Финансовъ признало что для развитія торговли Либавы нужна самостоятельная дорога къ этому порту.

Смерть фонъ-Мекка чуть не разстроила дѣла. Пущены были слухи о томъ что вся приготовлявшаяся комбинація передачи Либавской дороги Обществу Ландварово-Роменской дороги основывалась исключительно на довѣріи къ личности покойнаго строителя и пр. Но Министерство Финансовъ не далось въ обманъ; оно справедливо усмотрѣло что передача Либавской дороги Ландварово-Роменской вызывалась прежде всего самою сущностью дѣла. Либавская торговля не можетъ поправиться если она будетъ въ зависимости отъ Главнаго Общества, связаннаго съ Кенигсбергомъ; для Либавы нужна своя большая дорога, а таковою можетъ быть только Ландварово-Роменская, съ ея продолженіемъ къ Полтавѣ.

Передача Либавской дороги Обществу Ландварово-Роменской и отпускъ значительныхъ суммъ на улучшеніе Либавскаго

порта теперь дѣло рѣшенное. Казалось бы можно порадоваться наконецъ близкому осуществленію большой Либавской линіи — не тутъ то было! Снова возникаетъ небольшой дополнительный проектъ, грозящій испортить все дѣло, — проектъ состоящій въ буквальномъ повтореніи прежнихъ ошибокъ.

Чтобы сомкнуть Либавскую линію внѣ рельсовъ Главнаго Общества, надо какъ мы упоминали, связать станцію Вилейку Ландваровской дороги съ какой-либо станціей Либавской. Чѣмъ дальше будетъ эта послѣдняя станція отъ Кошедаръ, то-есть отъ Петербурго-Варшавской линіи, тѣмъ болѣе спрямится дорога въ Либаву. Но вотъ находятъ что вѣтвь отъ Вилейки до Янова будетъ стоить дорого, что дешевле проложить по полотну Варшавской дороги отъ Вилейки до Кошедаръ собственные рельсы Ландваровской дороги, заключивъ съ Главнымъ Обществомъ условіе на пользованіе этими рельсами.

На задачу не придумать проекта болѣе успѣшно воспроизводящаго всѣ прежнія ошибки. При исполненіи его, всѣ искривленія Либавской дороги останутся безъ измѣненія; останется и вся прежняя зависимость отъ Главнаго Общества, лишь ограниченная на пять лѣтъ какимъ-то болѣе или менѣе недостаточно закрѣпленнымъ условіемъ.

На дняхъ мы прочли въ *Голосѣ* удивительную статью по поводу проекта проложить вѣтвь Ландваровской дороги по полотну Варшавской. Авторъ высчитываетъ что осуществленіе проекта, сравнительно съ постройкой самостоятельной вѣтви, дастъ только 17.000 ежегоднаго сбереженія для Ландваровской дороги, а Главному Обществу предоставитъ свыше 800.000 р. барыша. Авторъ статьи находитъ что высчитанная имъ въ 17.000 р. экономія недостаточна. Это совершенно справедливо, — но возможно ли разсматривать желѣзнодорожные вопросы съ подобной точки зрѣнія? Допустимъ что проектъ дастъ даже втрое, вчетверо болѣе высчитанной экономіи. Что же изъ этого? Что значатъ эти удвоенные, утроенные 17.000 р. хотя бы въ виду предстоящаго пожертвованія правительствомъ 5 милл. руб. на улучшеніе порта? Можетъ ли мелочная экономія въ такомъ дѣлѣ какъ исправленіе главной линіи склонить вѣсы на ту или другую сторону?

Суть дѣла въ томъ что Либавскую дорогу надо эманципировать отъ Варшавской. Конечно требуется это сдѣлать съ наименьшими издержками, но экономія не должна уничтожать цѣли. Принятіе проекта о проведеніи вѣтви Ландваровской дороги по полотну Варшавской несомнѣнно можетъ дать и бо́льшую экономію чѣмъ 17.000 р., но съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ деньги истраченныя въ этомъ случаѣ на соединеніе Либавской и Ландваровской линій будутъ деньги брошенныя въ воду.

№ 75.

Москва, 22-го марта.

25 марта внесенъ наконецъ въ Прусскую Палату Представителей законопроектъ объ уступкѣ имперіи права собственности на Прусскія государственныя желѣзныя дороги, права участія казны въ существующихъ частныхъ дорогахъ, равно какъ и всѣхъ верховныхъ государственныхъ правъ на желѣзнодорожное дѣло вообще. Прусское правительство, со свойственною ему желѣзною настойчивостью въ достиженіи политическихъ цѣлей задуманныхъ вождемъ ея политики, не отступало и въ этомъ случаѣ ни предъ обширностью предпріятія, ни предъ открытымъ протестомъ съ коимъ выступили противъ проекта вліятельнѣйшія изъ остальныхъ союзныхъ государствъ имперіи. Покамѣстъ законопроектъ предлагаетъ Прусскому Сейму лишь уполномочить правительство открыть переговоры съ имперскимъ правительствомъ; но всякому понятно что какъ только проектъ пройдетъ въ Прусскомъ Сеймѣ, успѣхъ оного обезпеченъ, ибо Имперскій Сеймъ въ сущности есть не что иное какъ нѣсколько усиленная въ составѣ Прусская Палата Представителей; что же касается Союзнаго Совѣта, то и тутъ Пруссія такъ сильна по числу голосовъ ей принадлежащихъ что не можетъ серіозно опасаться противодѣйствія со стороны остальныхъ членовъ Союза. Никто въ Германіи не сомнѣвается что предлагаемая теперь мѣра имѣетъ характеръ по преимуществу политическій и направлена главнымъ образомъ къ дальнѣйшему сосредоточенію въ рукахъ Имперіи (то-есть Пруссіи) важнѣйшихъ государственныхъ функцій Германіи. Этимъ и объясняется

та непривычная энергія съ которою выступили второстепенныя государства въ этой борьбѣ за свое существованіе, но въ обширныхъ мотивахъ коими сопровождается законопроектъ политическая сторона дѣла тщательно обойдена молчаніемъ и вопросъ поставленъ исключительно на экономическую почву.

Объяснительная записка къ законопроекту исходитъ изъ того положенія что существующій теперь порядокъ грозитъ серіозною опасностью желѣзнодорожному благоустройству. Число частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи превосходитъ вдвое протяженіе линій составляющихъ собственность казны. Отъ этого происходитъ крайнее разнообразіе въ тарифахъ, порядкѣ управленія и эксплуатаціи, весьма вредное для интересовъ публики; а частныя желѣзныя дороги, не будучи такъ или иначе принуждены къ подчиненію своихъ интересовъ общему благу, по самой силѣ вещей заботятся прежде всего о доставленіи наибольшаго дивиденда своимъ акціонерамъ и сколько могутъ противятся всему что не соотвѣтствуетъ ихъ денежной выгодѣ. Одного верховнаго надзора государства за дорогами не достаточно для дѣйствительнаго устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ. Съ умноженіемъ населенія и развитіемъ желѣзнодорожной сѣти все труднѣе становится вліять на частныя желѣзныя дороги путемъ простаго надзора принадлежащаго государству. Единственно дѣйствительное средство заключается въ увеличеніи числа государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ чтобы государству принадлежали по возможности всѣ магистральныя линіи. Этимъ способомъ государство болѣе всего имѣетъ возможность держать постоянно въ своихъ рукахъ всѣ условія желѣзнодорожнаго оборота и направлять ихъ въ общемъ интересѣ. Владѣніе и управленіе собственными линіями необходимо государству въ тѣхъ видахъ, дабы надзоръ его за прочими линіями былъ вполнѣ дѣйствителенъ, ибо только такимъ образомъ оно можетъ пріобрѣсти необходимый для того практическій опытъ и знаніе всѣхъ подробностей объ измѣнчивыхъ условіяхъ желѣзнодорожной практики. А всего полезнѣе тутъ конкурренція. Государство, владѣя собственными обширными линіями, имѣетъ возможность непосредственно вліять на способъ эксплуатаціи прочихъ дорогъ, и это вліяніе особенно дѣйствительно какъ разъ тамъ гдѣ право верховнаго надзора недостаточно, при установленіи тарифовъ, при улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ всякаго рода. Конкурренція со стороны государственныхъ дорогъ дѣлаетъ свое дѣло вѣрно и безпрекословно, ибо собственный интересъ желѣзнодорожныхъ управленій побуждаетъ ихъ сообразоваться съ порядками и тарифами государственныхъ дорогъ. Вотъ почему государство можетъ, чрезъ благоразумное управленіе своими дорогами посредствомъ мѣръ проистекающихъ не изъ однихъ соображеній финансовой пользы, оказывать дѣлу развитія экономическихъ силъ страны услуги далеко превосходящія пользу самаго энергическаго надзора за желѣзными дорогами. Притомъ государственныя дороги всегда могутъ идти впереди остальныхъ въ дѣлѣ улучшеній, ибо для нихъ важно не просто возвышеніе доходности дороги, а возвышеніе народнаго благосостоянія вообще, умножающаго податную силу.

Все это приводитъ къ тому что государство не можетъ и не должно выпускать изъ своихъ рукъ важнѣйшія желѣзнодорожныя линіи и вообще не должно допускать чтобы частныя желѣзныя дороги значительно превосходили казенныя протяженіемъ. Прусская желѣзнодорожная администрація не всегда держалась этого взгляда. Много времени прошло послѣ изданія перваго желѣзнодорожнаго статута въ 1838 году прежде чѣмъ государство, путемъ опыта, дошло до изложенныхъ выводовъ. Въ мотивахъ къ законопроекту приведены любопытныя цифры показывающія ходъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи. Въ 1844 году все протяженіе тамошнихъ дорогъ равнялось 861 километру; въ 1849 — 2.742 кил., въ 1854 — 3.696 кил., въ 1859 — 5.002; въ 1864 — 6.429, въ 1869 — 10.321, а въ концѣ 1874 — 15.188 километрамъ. Капиталъ употребленный на постройку этихъ дорогъ возросъ за это время со 101.600.000 марокъ до 3.542.000.000 марокъ, а ежегодный доходъ съ 10.000.000 марокъ до 515.000.000 марокъ. Число локомотивовъ увеличилось съ 142 до 6.162, пассажирскихъ вагоновъ съ 683 до 9.077, а товарныхъ съ 1.351 до 132.497. Число ежегодно перевозимыхъ пассажировъ возрасло съ 3.940.000 до 109.570.000; а количество товаровъ съ 7.845.000 до 1 720.000.000

центнеровъ. Къ концу 1874 всѣхъ желѣзнодорожныхъ станцій было въ Пруссіи 1.942; личный составъ служащихъ по желѣзнымъ дорогамъ простирался свыше 44.000 человѣкъ. Въ теченіе 1875 года открыты еще 1.507 километровъ желѣзныхъ дорогъ; въ настоящее время разрѣшены къ постройкѣ и строятся еще 4.683 километра, такъ что по окончаніи оныхъ прусская желѣзнодорожная сѣть будетъ имѣть протяженіе въ 21.378 километровъ. Изъ числа теперь дѣйствующихъ дорогъ казнѣ принадлежитъ 4.280 километровъ. Кромѣ того, въ завѣдываніи государства находятся 2.917 километровъ частныхъ дорогъ. Но еще въ 1873 году правительство добилось разрѣшенія кредита въ 360 милліоновъ марокъ на увеличеніе сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и чрезъ немного лѣтъ сѣть эта будетъ простираться до 10.000 километровъ. Покамѣсть этого количества достаточно для Прусскаго правительства чтобы направлять желѣзнодорожное дѣло въ указанномъ выше смыслѣ не только въ Пруссіи, но и во всей Сѣверной Германіи. Тѣмъ не менѣе, желательно, вопервыхъ, чтобы съ дальнѣйшимъ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти увеличивалось соотвѣтственно и количество дорогъ принадлежащихъ государству, а вовторыхъ, желательно чтобы регулирующее вліяніе государственныхъ желѣзныхъ дорогъ распространилось и на южную Германію. Германская конституція предоставила имперскому управленію заботу объ улучшеніи и облегченіи желѣзнодорожнаго сообщенія по всей территоріи имперіи. До сихъ поръ, однако, требованія конституціи по этому предмету на практикѣ не осуществились, потому что имперія лишена была самаго могущественнаго средства вліянія на желѣзныя дороги—собственной сѣти дорогъ. Уступая имперіи свои дороги, Прусское правительство сразу даетъ ей то средство которое всего нужнѣе для того чтобы требованіе конституціи о верховномъ надзорѣ имперскаго управленія надъ желѣзными дорогами не оставалось мертвою буквой. Кромѣ того, этимъ путемъ, то-есть чрезъ доставленіе имперскому правительству дѣйствительнаго вліянія на желѣзнодорожное дѣло по всей Германіи, оно поставлено будетъ въ возможность исполнить и другую важную обязанность, возложенную на него заботу о наибольшей стратегической пригодности всей сѣти нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогъ.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ соображенія коими Прусское правительство сопровождаетъ свой проектъ. Какъ сказано выше, во всей запискѣ нѣтъ ни слова полемики противъ тѣхъ *политическихъ* возраженій которыя были высказаны правительствами союзныхъ государствъ въ мѣстныхъ сеймахъ. Но вотъ что сказано въ концѣ пространной записки которою сопровождается законопроектъ: „Если однако стремленія Прусскаго правительства „перенести на имперію Прусское желѣзно-„дорожное управленіе будутъ отвергнуты „вслѣдствіе противодѣйствія остальныхъ „членовъ Союза, тогда нѣтъ сомнѣнія что „Пруссія сама энергически приступитъ къ „осуществленію указанныхъ выше задачъ „и прежде всего озаботится о дальнѣй-„шемъ увеличеніи и укрѣпленіи своей сѣ-„ти государственныхъ дорогъ. Пруссія со-„чтетъ себя свободною отъ обязанности „прислушиваться къ своимъ соперникамъ „и будетъ самостоятельно стремиться къ „устраненію зла проистекающаго отъ дроб-„ленія желѣзнодорожнаго управленія и отъ „преобладанія частныхъ дорогъ. Необхо-„димымъ послѣдствіемъ желѣзнодорожной „политики, которую приметъ въ такомъ „случаѣ Прусское правительство, будетъ „расширеніе вліянія прусскихъ желѣзно-„дорожныхъ интересовъ далеко за предѣ-„лы Пруссіи.“

Смыслъ угрозы заключающейся въ этихъ словахъ достаточно понятенъ; если второстепенные члены Союза вздумаютъ противиться прусскому плану путемъ легальнаго противодѣйствія въ Союзномъ Совѣтѣ, то Прусское правительство сумѣетъ достигнуть сущности своихъ стремленій иными путями. И дѣйствительно, Пруссія, имѣя въ своихъ рукахъ непрерывную линію государственныхъ дорогъ отъ Эйдкунена до границы Швейцаріи, будетъ фактически господствовать на всей нѣмецкой сѣти какую она желаетъ юридически передать въ руки имперіи. Преданныя князю Бисмарку газеты думаютъ что этотъ аргументъ подѣйствуетъ.

№ 76.

Москва, 23-го марта.

Недавно въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства происходили интересныя пренія по вопросу о лѣсоохраненіи, занявшія три засѣданія. Съ сущностью этихъ преній читатели могли познакомиться изъ отчета помѣщеннаго въ №№ 72 и 73 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Читая этотъ отчетъ, нельзя не замѣтить въ какой значительной степени, въ относительно короткій промежутокъ времени, вошла въ общее сознаніе мысль о необходимости принять серіозныя мѣры къ лѣсоохраненію. Еще недавно, при всякомъ намекѣ на необходимость ограниченія лѣсоистребленія правительственными мѣрами, сторонникамъ такихъ мѣръ приходилось выслушивать одни только упреки въ неуваженіи права собственности. Нерасположеніе къ регулированію правительствомъ лѣсныхъ порубокъ доходило до того что, напримѣръ, въ С.-Петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ читались и не вызывали никакихъ возраженій доклады имѣвшіе цѣлію доказать малое значеніе лѣсовъ въ климатическомъ отношеніи и даже вредъ причиняемый ими той мѣстности гдѣ они находятся... При обсужденіи вопроса о лѣсоохраненіи въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, уже никто изъ участвовавшихъ въ преніяхъ не сомнѣвался въ необходимости принятія мѣръ къ охраненію лѣсовъ; не выставлялась, какъ прежде, на видъ несовмѣстимость такихъ мѣръ съ правомъ собственности; разномысліе оказывалось только относительно системы мѣръ которыя желательны въ интересахъ лѣсоохраненія.

Желательна или не желательна правительственная опека надъ лѣсами, таковъ былъ главный вопросъ подлежавшій разсмотрѣнію. Къ сожалѣнію, во время преній, правительственная опека была взята въ слишкомъ обширномъ смыслѣ, что много помѣшало тому чтобъ установился правильный взглядъ на это дѣло. Вопросъ о мѣрахъ къ лѣсоохраненію обсуждался неразрывно съ мѣрами къ лѣсоразведенію и съ мѣрами къ усовершенствованію нашего лѣснаго хозяйства вообще, причемъ правительственная опека представлялась съ характеромъ какъ бы постояннаго вмѣшательства администраціи во всѣ распорядки лѣснаго хозяйства, а съ этой точки зрѣнія она, естественно, представляется не только крайне неудобною, но и неосуществимою. „Если признать государственную опеку надъ лѣсами вопросомъ рѣшеннымъ,“ говорилъ одинъ изъ участвовавшихъ въ преніяхъ, „то какъ ее исполнить? У насъ въ Россіи чувствуется большой недостатокъ въ спеціальныхъ знаніяхъ, и весьма мало людей хорошо подготовленныхъ для этой цѣли; никакія инструкціи не могутъ замѣнить этотъ пробѣлъ, и цѣль никогда не будетъ достигнута.“ Ясно что правительственная опека распространяется тутъ на самое веденіе лѣснаго хозяйства, и не менѣе ясно что такая опека у насъ и невозможна. Но зачѣмъ заводить рѣчь о такой опекѣ когда въ ней, притомъ, вовсе не оказывается необходимости?

Желательно, конечно, чтобы наши лѣса приняли благоустроенный видъ, чтобы лѣсное хозяйство стало на правильныя, научныя основанія. Но желательно это, конечно, въ той же мѣрѣ какъ желательны серіозныя улучшенія и въ сельскомъ хозяйствѣ вообще, и во всевозможныхъ отрасляхъ промышленности. И какъ тутъ, такъ и тамъ, одинаково неумѣстно домогаться желаемыхъ улучшеній не поощрительными, а принудительными мѣрами. Кто вводитъ въ своемъ лѣсу систему правильнаго, научнаго хозяйства, тотъ, конечно, заслуживаетъ похвалы и поощренія; но и о томъ кто не дѣлаетъ въ своихъ лѣсахъ никакихъ улучшеній нельзя сказать чтобъ онъ причинялъ кому-нибудь вредъ, почему и нѣтъ повода вмѣшиваться въ его дѣла и предписывать ему какъ долженъ онъ вести свое лѣсное хозяйство. Но большая разница между веденіемъ лѣснаго хозяйства и сплошнымъ вырубаніемъ лѣса въ мѣстностяхъ гдѣ онъ имѣетъ государственное значеніе. Вырубающій такіе лѣса причиняетъ положительный вредъ странѣ, и правительственная опека которая возбранила бы ему такія порубки будетъ столь же умѣстною и полезною, въ видахъ предупрежденія печальныхъ послѣдствій лѣсоистребленія, какъ умѣстенъ и полезенъ правительственный надзоръ за прогономъ гуртовъ въ видахъ предупрежденія распространенія гибельныхъ эпизоотій. Учрежденію такой правительственной опеки которая ограничивалась бы только воспрещеніемъ вырубанія важныхъ для страны лѣсовъ, свыше опредѣленнаго годоваго процента, не можетъ по-

мѣшать недостатокъ у насъ специалистовъ по лѣсной части: не нужно быть ученымъ лѣсничимъ чтобы видѣть вырубленъ или цѣлъ тотъ или другой лѣсной участокъ.

Результатомъ преній было признаніе правительственной опеки не желательною, но нельзя не замѣтить что во время преній противъ отвергнутой правительственной опеки не было приведено ни одного дѣйствительно убѣдительнаго аргумента. Указывалось на то что нѣкоторые заграничные лѣсоводы высказались противъ правительственной опеки. Но что значатъ мнѣнія этихъ нѣсколькихъ лѣсоводовъ въ сравненіи съ общею практикой европейскихъ законодательствъ по этому предмету и съ результатами достигнутыми этою практикой? Эти мнѣнія, безъ сомнѣнія, имѣло въ виду Прусское правительство; однако оно нисколько не смутилось ими, и въ минувшемъ году не ослабило, а усилило правительственную опеку надъ лѣсами. Говорилось, далѣе, что Россію, вслѣдствіе ея обширнаго пространства, нельзя сравнивать ни съ какимъ западноевропейскимъ государствомъ. Но что же отсюда слѣдуетъ? То ли что лѣса имѣютъ у насъ меньшее значеніе чѣмъ на западѣ, и что намъ не зачѣмъ прилагать такихъ какъ тамъ заботъ къ ихъ охраненію? Нѣтъ, предполагается только что обширность пространства необычайно затруднитъ такія заботы и можетъ повести къ тому что заботы эти останутся такою же мертвою буквой какъ законъ о лихвенныхъ процентахъ. Но, вопервыхъ, заботы эти требуются пока далеко не на всемъ пространствѣ Россіи, а, вовторыхъ, какъ и было замѣчено во время преній, нарушенія закона о лѣсныхъ порубкахъ далеко не такъ неуловимы какъ нарушенія закона о процентахъ, ибо всякая порубка оставляетъ по себѣ очевидный и долго сохраняющійся слѣдъ. Было, затѣмъ, указано на Англію, гдѣ вовсе не существуетъ закона о лѣсоохраненіи, и гдѣ, однако, лѣсоистребленія не видно. Но примѣръ Англіи въ данномъ случаѣ всего менѣе убѣдителенъ. Лѣсоохраненіе тамъ опирается на твердое сознаніе самихъ землевладѣльцевъ въ существенной пользѣ лѣсовъ. Но если мы будемъ сложа руки ждать пока и наши землевладѣльцы начнутъ руководствоваться такимъ сознаніемъ, то, судя по тому какъ шло дѣло до сихъ поръ, къ тому времени у насъ вовсе не останется лѣсовъ къ коимъ это сознаніе могло бы быть прилагаемо. А между тѣмъ лѣса имѣютъ для насъ несравненно большую важность чѣмъ для Англіи. Островной климатъ нельзя сравнивать съ континентальнымъ. Въ нашихъ равнинныхъ, удаленныхъ отъ морей пространствахъ лѣса, можно сказать, суть единственные охранители и источники влаги. Не горы, а лѣса даютъ начало почти всѣмъ нашимъ главнымъ рѣчнымъ системамъ, и такой роли они не играютъ ни въ какой другой европейской странѣ. Наконецъ, выражались опасенія что для надзора за сохраненіемъ лѣсовъ потребуются громадный штатъ чиновниковъ и огромныя средства для ихъ содержанія. Обойтись совсѣмъ безъ этого неудобства невозможно. Но нельзя также не замѣтить что чѣмъ проще будетъ задача правительственной опеки, тѣмъ меньше будетъ и ея стоимость. Опека которая входила бы во всѣ подробности хозяйственныхъ распоряженій конечно стоила бы непомѣрно дорого. Но наблюденіе за цѣлостью не деревьевъ, а лѣсныхъ дачъ, и періодическій осмотръ ихъ съ цѣлію убѣдиться что порубки ограничиваются дозволенными къ вырубкѣ участками, и что на мѣстѣ порубокъ приняты мѣры къ лѣсовозобновленію, — такое наблюденіе и такія ревизіи не потребуютъ непомѣрной массы людей, и эта масса людей будетъ тѣмъ меньше чѣмъ большее участіе въ наблюденіи за исполненіемъ закона будетъ предоставлено земству. Многіе предлагаютъ чтобы земство само и разводило лѣса, и скупало ихъ у частныхъ лицъ. Мы полагаемъ что въ роли лѣсовода и лѣсохозяина земство едва ли было бы на своемъ мѣстѣ. По всей вѣроятности, оно оказалось бы столь же плохимъ хозяиномъ какъ и казна, а пожалуй и еще худшимъ, по неимѣнію въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ какими располагаетъ правительство.

Несмотря на слабость аргументаціи противъ правительственной опеки, большинство участвовавшихъ въ преніяхъ склонилось въ пользу поощрительныхъ, а не принудительныхъ мѣръ въ дѣлѣ лѣсоохраненія. Отрицать полезное значеніе поощрительныхъ мѣръ нельзя. Онѣ, безъ сомнѣнія, могутъ дать толчокъ и улучшенію лѣснаго хозяйства, и лѣсоразведенію. Но достаточно ли однѣхъ этихъ мѣръ въ дѣлѣ лѣсоохраненія? Могутъ ли однѣ онѣ

остановить лѣсоистребленіе и ввести лѣсныя порубки въ тѣ предѣлы въ какихъ онѣ не грозили бы вредомъ всему народному хозяйству? Если лѣсовладѣлецъ вырубаетъ свой лѣсъ чтобы разомъ добыть крупную сумму денегъ, какія льготы, какія преміи могутъ побудить его отказаться отъ порубки? Точно также если лѣсъ вырубается для обращенія земли изъ-подъ него подъ пашню, въ томъ разчетѣ что полеводство даетъ несравненно большій доходъ чѣмъ лѣсоводство, какія льготы и преміи могутъ сдѣлать такой разчетъ невыгоднымъ? Остановить порубки и въ томъ и въ другомъ случаѣ можетъ только прямой запретъ вырубать болѣе опредѣленнаго процента лѣснаго пространства. Удовольствоваться же одніми поощрительными мѣрами значило бы оставить задачу лѣсоохраненія вовсе не рѣшенною, предоставляя лѣса попрежнему на произволъ судьбы.

№ 77.

Москва, 24-го марта.

Въ послѣдніе дни интересъ извѣстій о Герцеговинскомъ возстаніи сосредоточивался преимущественно на переговорахъ въ Рагузѣ происходившихъ между австрійскимъ намѣстникомъ Далматіи, барономъ Родичемъ, русскимъ генеральнымъ консуломъ Іонинымъ и турецкимъ главнокомандующимъ въ Герцеговинѣ Мухтаромъ-пашой, губернаторомъ той же провинціи Али-пашой и спеціальнымъ коммисаромъ Порты по части реформъ и умиротворенія Герцеговины, Вассой-эфенди. Хотя одна изъ заинтересованныхъ сторонъ, именно сами инсургенты, не принимали прямаго участія въ переговорахъ, которые происходили собственно между турецкими дѣятелями и ихъ добрымъ австрійскимъ совѣтникомъ; тѣмъ не менѣе, судя по довольно сбивчивымъ извѣстіямъ, добраго результата отъ этихъ конференцій не предвидится. Дѣло въ томъ что стремятся согласить непримиримое вмѣсто того чтобы сразу поставить вопросъ и подойти къ его дѣйствительному рѣшенію. Таково было назначеніе консульской коммиссіи, предъявленіе программы реформъ, таковы и послѣднія усилія воротить выходцевъ и убѣдить инсургентовъ положить оружіе. На послѣднихъ конференціяхъ въ Рагузѣ шла рѣчь о томъ же самомъ. Турецкіе представители прибыли въ Рагузу съ новыми обѣщаніями Порты. Эти новыя щедроты есть амнистія о шести пунктахъ. Герцеговинскіе выходцы приглашаются воротиться во свояси въ теченіе четырехъ недѣль, начиная съ 24 марта; возвратившимся будетъ де выдаваться до наступленія осени, то-есть до жатвы, по полуоку хлѣба въ день; дома ихъ будутъ возобновлены на счетъ правительства; они будутъ освобождены въ теченіе года отъ уплаты десятины и на два года отъ другихъ податей; кто не воспользуется амнистіей въ теченіе указаннаго срока того оставшееся имущество будетъ раздѣлено между изъявившими покорность. Наконецъ, предлагалась защита возвратившимся отъ насилій ихъ мусульманскихъ согражданъ. Васса-эфенди указывалъ на свои инструкціи организовать новый корпусъ жандармовъ изъ надежныхъ людей, съ платой имъ по 9 гульденовъ мѣсячнаго содержанія, спеціальная цѣль которыхъ будетъ защищать возвращающихся бѣглецовъ. Но кого и чѣмъ прокламація эта можетъ убѣдить? Чѣмъ шире ея положенія, тѣмъ съ большимъ недовѣріемъ приходится принимать ее. Пока дѣло шло о реформѣ внутренняго строя имперіи, оптимисты еще могли утѣшаться соображеніемъ что вся сила въ доброй волѣ и твердыхъ намѣреніяхъ Турецкаго правительства. Но для исполненія обѣщаній необходимы деньги, и деньги тѣмъ большія чѣмъ короче срокъ, а срокъ всего четыре, даже три недѣли. Потребны были многочисленныя пожертвованія чуть не изъ всѣхъ странъ Европы, значительныя жертвы со стороны Австріи и бѣдной Черногоріи чтобы поддержать голодное существованіе тѣхъ самыхъ несчастныхъ кому Порта сулитъ теперь быстрое обезпеченіе изъ своей казны,—въ ту минуту когда неумолимая дѣйствительность возвѣщаетъ ея банкротство. Не гласитъ ли ея послѣднее оффиціальное сообщеніе что она вынуждена отсрочить уплату по апрѣльскому купону до іюля мѣсяца и будетъ платить проценты на проценты? Стóитъ ли, наконецъ, соображать гдѣ найдутся тѣ „надежные люди“ для охраненія христіанъ о которыхъ говоритъ прокламація, когда въ Босніи турецкіе редифы принуждены отъ голода переходить къ инсургентамъ, какъ то свидѣтельствуетъ *Пештскій Ллойдъ?* Суть конференцій видимо заключалась въ обсто-

ятельствѣ которому приданъ видъ побочнаго, но которое оказывается весьма важнымъ для Турокъ. Будто бы для доставленія возможности турецкимъ уполномоченнымъ войти въ непосредственные переговоры съ инсургентами, требовалось установить перемиріе, но условіемъ онаго Мухтаръ-паша поставилъ безпрепятственную доставку провіанта въ осажденный инсургентами фортъ Никшичъ. Онъ уже пробовалъ было пробиться туда силой, но терпѣлъ неоднократныя пораженія, и Никшичъ уже близокъ къ паденію. Таковы побѣдители требующіе покорности. Мухтаръ-паша не счелъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Порты хлопотать о доставкѣ провіанта въ Никшичъ и другіе форты Герцеговины черезъ посредничество князя Черногорскаго; остается ждать какъ приметъ это Черногорія, и какъ она исполнитъ роль фуражира для турецкихъ гарнизоновъ. Телеграмма изъ Рагузы сообщала что переговоры о перемиріи окончились безъ участія инсургентовъ. Въ Босніи, между тѣмъ, возстаніе усиливается, бѣглецы продолжаютъ покидать родной край, и вопіющія, невѣроятныя жестокости продолжаютъ совершаться...

Весна начинается во взволнованномъ краѣ подъ знаменіями неутѣшительными. Грозный вопросъ остается нерѣшеннымъ и не отсроченнымъ, что̀ подтверждается тѣмъ что никто не рѣшается высказать какую-либо догадку относительно будущаго. Роль пиѳіи въ этомъ отношеніи беретъ на себя лишь парижскій корреспондентъ вѣнской *Neue Freie Presse*, самоувѣренно утверждающій что въ Парижѣ извѣстны нити направляющія политику сѣверныхъ державъ по Восточному вопросу. Сообщаемое имъ сводится къ тому что между державами состоялось будто бы соглашеніе что въ случаѣ если ближайшія мѣры къ умиротворенію не удадутся, и если на Балканскомъ полуостровѣ борьба будетъ продолжаться, то остаться совершенно пассивными ея зрителями и не допускать ничьего односторонняго вмѣшательства, пока она не разыграется. У нихъ де единственное желаніе сохранить европейскій миръ; онѣ, съ своей стороны, сдѣлали все возможное, и исполнили обязанности налагаемыя на нихъ человѣколюбіемъ и цивилизаціей, и отказываются отъ остальнаго. Побѣдитъ ли Турція Сербію, еслибы дѣло дошло до того, или Сербія овладѣетъ Босніей, державы вмѣшаются де только въ послѣдній часъ, и согласятся тогда относительно территоріальнаго вопроса, но во всякомъ случаѣ не дозволятъ ни Сербіи, ни Черногоріи разыграть въ южно-славянскихъ земляхъ роль Сардиніи. Но что̀ же свидѣтельствовалъ бы такой приговоръ державъ еслибъ онъ дѣйствительно былъ произнесенъ заранѣе какъ не отреченіе отъ всѣхъ прежнихъ усилій, ибо какъ Сербія, такъ и инсургенты только и желаютъ чтобъ имъ предоставлено было самимъ расправиться съ Турками? Далѣе, какъ ни велико согласіе державъ въ настоящую минуту, но именно предстоящее территоріальное дѣленіе будетъ пунктомъ довольно опаснымъ, хотя упомянутый корреспондентъ и считаетъ его дѣломъ рѣшеннымъ. Одного этого соображенія достаточно чтобъ усомниться въ вѣрности свѣдѣній парижскаго корреспондента *Neue Freie Presse*, высказываемыхъ съ такою увѣренностью; но ихъ нельзя обойти молчаніемъ какъ выраженіе желаній и взглядовъ господствующихъ въ самой Австріи относительно восточныхъ затрудненій. Очень вѣроятно что это не факты, а pia desideria. Органъ вѣнской печати заставляетъ свои взгляды дѣлать обходъ черезъ Парижъ чтобы придать имъ болѣе вѣсу.

Кстати, нѣсколько словъ о вѣнской печати. Она обращаетъ вниманіе своей публики на происшедшій будто бы поворотъ во взглядахъ русскихъ газетъ на Герцеговинское возстаніе. *Neue Freie Presse* удостоиваетъ передать высказанное нами воззрѣніе на рѣшеніе Герцеговинскаго вопроса въ доказательство будто бы перемѣны нашего тона, и намекаетъ что мы „по отношенію къ иностраннымъ дѣламъ подъ часъ хорошо информированы.“ Отказываясь отъ непрошенной любезности вѣнскихъ публицистовъ, замѣтимъ только что, увлекаясь своими собственными глубокими политическими соображеніями, они вѣроятно мало слѣдили за тѣмъ что̀ высказывалось нами съ самаго начала, если усмотрѣли въ нашихъ совѣтахъ вывести турецкія войска изъ Герцеговины или даровать автономію возставшимъ провинціямъ — перемѣну тона. Что касается до ревниваго замѣчанія что мы не упоминая объ Австріи приглашаемъ только Англію „соединиться съ Россіей для достиженія сказанной цѣли,“ то и здѣсь вѣнская га-

зета недоумѣваетъ совершенно напрасно. Прежде всего здѣсь дѣло идетъ лишь о взглядахъ русской печати на оный вопросъ; ея обращеніе въ этомъ случаѣ къ Австріи было излишне, такъ какъ всѣмъ извѣстно что Австрія и Россія до сихъ поръ шли рука объ руку въ вопросѣ, и не предвидится покуда причинъ почему могло бы возникнуть разногласіе этихъ союзныхъ державъ, Англія же относилась болѣе сдержанно въ этомъ направленіи. Русская печать постоянно воздавала должное добрымъ усиліямъ Австрійскаго правительства умиротворить возстаніе, и если послѣднія его мѣры, ясно клонящіяся къ одностороннему пособничеству Турціи, вызвали неодобреніе со стороны русской печати, то къ этому былъ вполнѣ достаточный поводъ въ этихъ самыхъ мѣрахъ. Общественное мнѣніе въ Россіи не можетъ отказаться отъ сочувствія своимъ единоплеменникамъ, какъ того можетъ-быть желали бы вѣнскіе политики, и русскимъ органамъ печати нѣтъ надобности скрывать это сочувствіе.

№ 78.

Москва, 26-го марта.

Частое повтореніе и опустошительность скотскихъ падежей, причиняющихъ народному хозяйству громадные убытки, считаемые ежегодно милліонами и десятками милліоновъ рублей, давно уже обращали на себя заботливое вниманіе правительства. Давно признана и положительная несостоятельность тѣхъ мѣръ какія принимались у насъ до сихъ поръ противъ распространенія эпизоотій и для ихъ прекращенія. Первый шагъ къ улучшенію печальнаго положенія дѣла былъ сдѣланъ семь лѣтъ тому назадъ, 2 декабря 1868 года, когда состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи существовавшихъ узаконеній относительно прогона и освидѣтельствованія гуртовъ скота, съ установленіемъ денежнаго сбора со скотопромышленниковъ, и объ учрежденіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Ветеринарнаго Комитета, на обязанность коего возложено изысканіе мѣръ къ предотвращенію скотскихъ падежей въ Имперіи. Дѣятельность новоучрежденнаго комитета не осталась безъ результатовъ. 20 іюля 1870 года изданы были правила для пресѣченія чумы рогатаго скота въ Привислинскихъ губерніяхъ, примѣненіе коихъ, сколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, дало весьма благопріятные результаты. Нынѣ предстоитъ въ Государственномъ Совѣтѣ обсужденіе имѣющей несравненно болѣе общее значеніе и гораздо болѣе важной мѣры — проектированнаго Ветеринарнымъ Комитетомъ „Положенія о провозѣ гуртоваго скота по желѣзнымъ дорогамъ и убиваніи зачумленныхъ животныхъ изъ гуртоваго и мѣстнаго скота,“ въ связи съ выработанными тѣмъ же комитетомъ „Ветеринарно-полицейскими правилами о мѣрахъ къ прекращенію чумы рогатаго скота“ въ Имперіи. О второмъ изъ этихъ проектовъ мы пока говорить не будемъ, тѣмъ болѣе что проектированнымъ ветеринарно-полицейскимъ правиламъ еще не дано окончательной редакціи, и вносятся они въ Государственный Совѣтъ не для утвержденія, а лишь „для видимости“ при сужденіи о первомъ проектѣ, на который мы и позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей.

Не будемъ распространяться о важности трудной подготовительной законодательной работы исполненной Ветеринарнымъ Комитетомъ по столь сложному и обширному вопросу. Главную заслугу его составляетъ не обширность и трудность исполненной имъ работы, а то что въ основаніе проекта бывшаго результатомъ этихъ работъ положены идеи вѣрныя и неоспоримыя. Нѣкоторыя частности проекта, быть-можетъ, не выдержатъ строгой критики, но иначе не могло бы и быть въ дѣлѣ совершенно у насъ новомъ, гдѣ все приходится начинать съ начала, не опираясь на то что сдѣлано, такъ какъ до сихъ поръ ничего сдѣлано не было. Наиболѣе возраженій вызоветъ, какъ намъ кажется, финансовая сторона проекта; на этой сторонѣ мы на первый разъ и остановимся.

Проектированное положеніе имѣетъ двѣ главныя цѣли: 1) предупрежденіе заноса чумной заразы прогоняемыми гуртами на скотъ сельскихъ и городскихъ обывателей и 2) пресѣченіе появившейся чумы на скотѣ. Первой цѣли предполагается достигнуть возможно большимъ изолированіемъ гуртоваго скота отъ мѣстнаго и установленіемъ съ этою цѣлію обязательнаго провоза гуртоваго скота по желѣзнымъ

дорогамъ. Для второй цѣли, кромѣ соблюденія особыхъ, установляемыхъ ветеринарно-полицейскими правилами, мѣръ предосторожности, проектируется убиваніе зачумленныхъ животныхъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ за убитый скотъ. Осуществленіе какъ той такъ и другой мѣры потребуетъ довольно значительныхъ расходовъ на установленіе усиленнаго ветеринарно-полицейскаго надзора и на вознагражденія скотовладѣльцевъ за убиваемый въ общественныхъ интересахъ скотъ; и на покрытіе этихъ расходовъ проектируются налоги: на гуртовой скотъ, на чумацкихъ воловъ, на транспорты невыдѣланныхъ кожъ направляемые къ мѣстамъ внутренней обработки и сбыта за границу и наконецъ на скотъ сельскихъ и городскихъ обывателей.

Усиленный ветеринарно-полицейскій надзоръ за гуртовымъ скотомъ предполагается установить на всѣхъ скотопрогонныхъ трактахъ въ Европейской Россіи (установленіе такого же надзора на Зауральскихъ трактахъ признается пока невозможнымъ) и на тѣхъ желѣзныхъ дорогахъ по которымъ можетъ быть обязательно направляемъ гуртовой скотъ, всего на протяженіи 43.500 верстъ скотопрогонныхъ трактовъ и около 13.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ. При этомъ, на тѣхъ скотопрогонныхъ и желѣзныхъ дорогахъ по которымъ скотъ направляется для заграничнаго сбыта, надзоръ будетъ вдвое бдительнѣе чѣмъ на прочихъ. Именно, предполагается назначить вездѣ по одному ветеринару на участокъ; но каждый изъ такихъ участковъ будутъ обнимать во внутреннихъ губерніяхъ до 400 верстъ протяженія желѣзныхъ дорогъ или до 200 верстъ разстоянія по скотопрогоннымъ трактамъ; въ пограничныхъ же губерніяхъ размѣръ ветеринарныхъ участковъ проектируется ровно вдвое менѣе. Всего по такому разчету потребуется для надзора за гуртовымъ скотомъ 272 ветеринара и столько же ветеринарныхъ фельдшеровъ, — тогда какъ нынѣ имѣется тѣхъ и другихъ только по 49. Такимъ образомъ, сверхъ нынѣшняго персонала ветеринарнаго надзора за гуртовымъ скотомъ, потребуется назначеніе вновь 223 ветеринаровъ и столькихъ же ветеринарныхъ фельдшеровъ и новый расходъ, на ихъ содержаніе и разъѣзды, въ размѣрѣ 289.900 р. (1.000 р. ветеринару и 300 р. фельдшеру).

Усиленный полицейско-ветеринарный надзоръ за скотомъ сельскихъ и городскихъ обывателей предполагается установить на первое время въ семнадцати губерніяхъ, раздѣляемыхъ на три округа: Московско-Петербургскій, Западный и Юго-Западный. *) Степень бдительности надзора за мѣстнымъ скотомъ, точно также какъ и за гуртовымъ, ставится въ зависимость отъ большаго или меньшаго удаленія губерній отъ пограничной черты. Въ губерніяхъ Западнаго и Юго-Западнаго округовъ, какъ лежащихъ ближе къ границѣ, проектируется назначить въ каждый уѣздъ по два ветеринара; въ Московско-Петербургскомъ округѣ полагается удовольствоваться однимъ ветеринаромъ на уѣздъ. Всего для семнадцати губерній потребуется, по этому разчету, 247 ветеринаровъ и столько же ветеринарныхъ фельдшеровъ; содержаніе всего этого персонала должно обойтись, по проекту, въ 350.200 руб.

Такъ какъ убиваніе заболѣвшихъ чумой животныхъ, въ интересахъ охраны прочаго скота отъ падежей, можетъ вести къ цѣли только при условіи правильной организаціи ветеринарно-полицейской части, то мѣру эту, естественно, предполагается примѣнять на первое время только къ гуртовому скоту и къ мѣстному скоту семнадцати губерній входящихъ въ составъ трехъ вышеупомянутыхъ округовъ. Владѣльцамъ убиваемаго скота должно быть выдаваемо вознагражденіе, но не въ размѣрѣ дѣйствительной стоимости животныхъ, а по нормальнымъ оцѣнкамъ, которыя на каждое трехлѣтіе будутъ утверждаемы Комитетомъ Министровъ. **) По гадательнымъ соображеніямъ, основаннымъ на цифровыхъ данныхъ къ которымъ составители проекта имѣли весьма малое довѣріе, предполагается что придется убивать зачумленнаго скота ежегодно: гуртоваго до 940 головъ, съ выдачей вознагражденія въ размѣрѣ

*) Въ составъ Московско-Петербургскаго округа вводится девять губерній: Петербургская, Псковская, Новгородская, Тверская, Московская, Ярославская, Рязанская, Тульская и Калужская. Западный округъ составляется изъ четырехъ губерній: Ковенской, Виленской, Гродненской и Минской. Юго-западный также изъ четырехъ: Кіевской, Волынской, Подольской и Бессарабской.

**) Въ проектѣ Положенія, на первое трехлѣтіе нормальная оцѣнка опредѣлена: для гуртоваго скота отъ 20 до 50 руб. за голову; для мѣстнаго скота въ юго-западномъ краѣ среднимъ числомъ 23 р., въ остальныхъ двухъ округахъ среднимъ числомъ 17 р. 50 к.

37.500 р.; мѣстнаго въ семнадцати губерніяхъ 29.283 головы, съ выдачей въ вознагражденіе 543.252 р. 50 к.

Одпѣми вышеприведенными цифрами расходы къ осуществленію проектируемыхъ мѣръ не ограничиваются. Не входя въ подробное исчисленіе разныхъ статей предполагаемыхъ расходовъ и отчисленій въ запасные капиталы, замѣтимъ лишь что примѣненіе предположенныхъ мѣръ къ гуртовому скоту должно обойтись по смѣтѣ ежегодно въ 343.100 рублей, а къ мѣстному скоту семнадцати губерній въ 1.232.472 р. 55 к. Цифры весьма почтенныя, но предъ ними можно не останавливаться, если цѣною хотя бы и большихъ жертвъ будутъ пріобрѣтены желаемые результаты. А убѣжденіе въ этомъ въ составителяхъ проекта такъ сильно что самые расходы вычислены ими на основаніи предположенія что даже на первое время дѣйствія предположенной мѣры число случаевъ заболѣванія скота чумой уменьшится противъ нынѣшняго въ Московско-Петербургскомъ округѣ вдвое, а въ Юго-Западномъ даже втрое. Такое благопріятное предположеніе основывается отчасти на успѣхахъ достигнутыхъ убиваніемъ зачумленнаго скота въ Привислинскихъ губерніяхъ. Вѣра въ такую же успѣшность этой мѣры у насъ ослабляется лишь тѣмъ соображеніемъ что успѣхъ ея находится въ зависимости отъ обезпеченія ея достаточнымъ числомъ ветеринаровъ и опытныхъ исполнителей. Для исполненія проекта въ проектируемыхъ размѣрахъ, какъ видно изъ вышесказаннаго, требуется 540 ветеринаровъ и 540 ветеринарныхъ фельдшеровъ. Но такого и даже близкаго къ этому комплекта спеціалистовъ по ветеринарной части у насъ пока въ виду не имѣется, и потому предполагается на первое время замѣнять ихъ людьми не имѣющими спеціально ветеринарнаго образованія, что, конечно, можетъ повредить успѣху задуманной мѣры.

Желательно, конечно, чтобы при осуществленіи проектируемыхъ мѣръ была соблюдена возможная экономія, чтобы мѣры эти, безъ ослабленія ихъ полезнаго значенія, обошлись возможно дешевле. Но главное возраженіе вызываетъ не самая цифра проектированной смѣты, а то что всѣ расходы по осуществленію проектируемой мѣры предполагается покрыть сборомъ со скотовладѣльцевъ. Во всѣхъ семнадцати губерніяхъ долженъ быть установленъ новый налогъ съ каждой головы крупнаго рогатаго скота въ размѣрѣ одного процента съ нормальной оцѣнки, — налогъ, отъ уплаты коего освобождается только скотъ недостигшій однолѣтняго возраста,— говоримъ налогъ, а не страховая премія, ибо проектируемая мѣра не имѣетъ со страхованіемъ скота ничего общаго. Можетъ-быть этотъ налогъ, въ размѣрѣ отъ 8 до 40 копѣекъ съ головы, самъ по себѣ и не будетъ особенно тяжелъ для населеній, хотя они съ трудомъ выносятъ тягости уже существующихъ прямыхъ податей, о чемъ свидѣтельствуютъ постоянно накопляющіяся недоимки. Но не должно забывать что тяжесть новаго налога будетъ много усилена формальностями сбора этого налога при посредствѣ сельскихъ властей и составленіемъ ежегодно переписей скота и дополнительныхъ вѣдомостей объ измѣненіяхъ въ его количествѣ. Правда, взамѣнъ того населеніе выиграетъ отъ ограниченія эпизоотіи, но выгода эта не скоро будетъ имъ замѣчена и сознана. Полученіе вознагражденія за убитыхъ животныхъ также не окупитъ въ глазахъ всѣхъ скотовладѣльцевъ невыгодъ установленія новаго налога. Конечно, лучше получать хоть что-нибудь за погибающій отъ заразы скотъ чѣмъ, какъ нынѣ, не получать за него ничего. Но не надо упускать изъ виду что такое вознагражденіе проектируется только при убиваніи скота заболѣвшаго чумой, а не другими заразительными болѣзнями. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, на которыя предполагается распространить дѣйствіе проектируемаго Положенія, какъ напримѣръ въ Тверской и Новгородской, чума, по своей опустошительности, стоитъ далеко позади другихъ эпизоотій, напримѣръ сибирской язвы. Въ виду всего этого нельзя не пожелать чтобы расходы на примѣненіе проектируемыхъ мѣръ не были относимы вполнѣ на сборъ съ мѣстнаго скота. Въ Англіи, Франціи, Австріи, Бельгіи и въ другихъ странахъ вознагражденіе за убиваемый скотъ относится не на счетъ скотовладѣльцевъ, а на счетъ государственной казны. Если у насъ по какимъ-нибудь соображеніямъ оказалось бы въ этомъ отношеніи неудобно послѣдовать этому заграничному примѣру, то во всякомъ случаѣ нѣтъ основаній не принять на счетъ казны хотя часть расходовъ. Въ пяти изъ Привислин-

скихъ губерній оказывается болѣе чѣмъ достаточнымъ налогъ по 10 коп., а въ остальныхъ пяти губерніяхъ даже по 5 к. съ головы; почему бы и въ тѣхъ семнадцати губерніяхъ на которыя теперь полагается распространить мѣру убиванія скота не удовольствоваться такимъ же размѣромъ налога? Чего при этомъ не достанетъ на покрытіе расходовъ по примѣненію задуманной мѣры, могла бы взять на себя казна. Приплата съ ея стороны уменьшалась бы съ году на годъ по мѣрѣ совершенствованія ветеринарной части подготовленіемъ для нея специалистовъ, и по мѣрѣ большей успѣшности примѣняемыхъ ими мѣръ.

Для владѣльцевъ гуртоваго скота, то-есть для скотопромышленниковъ, также желательно уменьшеніе тягостей возлагаемыхъ на нихъ проектомъ Положенія. Теперь они платятъ всего отъ 10 до 20 к. съ головы скота. Въ дополненіе къ этому сбору проектируется новый отъ 20 до 80 коп., такъ что въ общей сложности имъ придется уплачивать отъ 30 до 90 к. съ головы. Но этимъ дѣло не ограничивается. Вопервыхъ, на нихъ не легко отзовется учащенный осмотръ гуртовъ, съ неизбѣжными при немъ формальностями. Теперь этотъ осмотръ производится лишь въ 49 пунктахъ; со введеніемъ въ дѣйствіе Положенія, гурты будутъ подвергаться осмотру въ 272 пунктахъ. Вовторыхъ, не малою тягостью ляжетъ на нихъ обязательный провозъ скота по желѣзнымъ дорогамъ. Предположено законодательнымъ путемъ понизить тарифъ за провозъ гуртоваго скота по желѣзнымъ дорогамъ, какъ скоро этотъ провозъ будетъ сдѣланъ обязательнымъ, такъ чтобы maximum этого тарифа на разныхъ дорогахъ не превышалъ 1 — $1\frac{1}{2}$ коп. съ головы и версты. Но и провозъ по этому пониженному тарифу все же выше стоимости прогона по скотопрогоннымъ трактамъ въ такой мѣрѣ что вслѣдствіе одного этого обстоятельства стоимость мяса, съ отмѣной слѣдованія скота по скотопрогоннымъ трактамъ, должна будетъ подняться на 20 коп. въ пудѣ. А къ этому должно еще присоединить потерю въ вѣсѣ скота при провозѣ его по желѣзнымъ дорогамъ. Проектируемыя правила о желѣзнодорожныхъ приспособленіяхъ къ перевозкѣ скота, правда, гарантирують скотъ отъ изнуренія; они обезпечиваютъ ему и достаточный притокъ воздуха, и водопой, и необходимый отдыхъ, и возможно непродолжительное нахожденіе въ пути; но составители этихъ правилъ, тѣмъ не менѣе, сами не находятъ возможнымъ льстить себя надеждой: чтобы скотъ сталъ ѣсть кормъ во время передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ,—а при такомъ условіи потеря въ вѣсѣ скота неизбѣжна. Все это должно лечь на скотопромышленниковъ и отозваться чувствительнымъ вздорожаніемъ мяса на его потребителяхъ. Нельзя не пожелать, въ виду этого, чтобъ установленіе столь необходимой мѣры какъ обязательный провозъ скота по желѣзнымъ дорогамъ былъ обусловленъ возможно большимъ пониженіемъ тарифа за этотъ провозъ и возможно меньшими уступками нежеланію желѣзнодорожныхъ управленій допускать серіозное пониженіе этого тарифа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не видимъ вполнѣ справедливаго основанія къ отнесенію на гуртовщиковъ всѣхъ расходовъ по содержанію ветеринарно-полицейскаго надзора на всѣхъ скотопрогонныхъ трактахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Эти расходы должны поглотить до послѣдней копѣйки весь полумилліонный сборъ со владѣльцевъ гуртоваго скота. Между тѣмъ всѣ ветеринарно-полицейскія мѣры по отношенію къ этому скоту установляются вовсе не въ специальныхъ интересахъ скотопромышленниковъ. На необходимое же имъ исправленіе скотопрогонныхъ трактовъ, находящихся въ возмущающемъ душу положеніи, изо всего предполагаемаго съ гуртоваго скота сбора не остается ни копѣйки. На этотъ предметъ предполагается, правда, удѣлять кое-что изъ посторонних источниковъ: изъ проектируемыхъ сбора съ чумацкаго скота и налога на провозимыя по внутреннимъ путямъ сообщенія сырыя кожи. Но первый изъ этихъ сборовъ, въ случаѣ подрыва чумацкаго промысла Севастопольскою дорогой, можетъ не дать и половины того что отъ него ожидаютъ, а налогъ съ сырыхъ кожъ едва ли можетъ быть одобренъ съ точки зрѣнія правильной финансовой политики.

№ 79.

Москва, 27-го марта.

Присоединеніе Кокана, какъ извѣстно, не возбудило въ Англіи такой тревоги ка-

кая недавно еще бывало поднималась при малѣйшемъ дѣйствіи предпринимаемомъ Россіей въ Средней Азіи. Отчасти это можетъ быть объясняется тѣмъ что наша новая Ферганская область далеко отъ границъ Индіи чѣмъ всѣ другія занятыя нами страны; но, помимо этого, мы не могли не замѣтить что въ послѣднее время англійская печать стала обнаруживать болѣе трезвый и безпристрастный взглядъ въ своихъ сужденіяхъ не только по этому вопросу, но и вообще о русской политикѣ. Было бы весьма жаль еслибъ это болѣе спокойное и достойное отношеніе къ предмету вновь уступило мѣсто задорнымъ вызовамъ и лживымъ изобличеніямъ обращеннымъ къ нашему отечеству, которыя, подъ предлогомъ раздутаго общественнаго мнѣнія, служили для британскихъ политиковъ поводомъ обращаться къ Россіи съ самыми безцеремонными запросами. Если Англія не имѣетъ для этого въ настоящее время ни малѣйшаго повода, то точно также она не имѣла и прежде никакого законнаго повода и права обращаться къ намъ, а потому, помня исторію ея прежнихъ попытокъ внести европейскую дипломатію въ азіятскія степи и требовать охраны международныхъ принциповъ для кочевыхъ хищниковъ тревожащихъ наши предѣлы, мы не можемъ не быть чутки къ малѣйшимъ признакамъ притворной тревоги появляющимся въ англійскихъ газетахъ. Мы смѣло можемъ теперь сказать: „притворной тревоги," потому что, послѣ всѣхъ тѣхъ обстоятельныхъ доводовъ въ англійскихъ же газетахъ, на которые мы съ удовольствіемъ обращали вниманіе нашихъ читателей, о неизбѣжности покоренія Россіей среднеазіятскихъ владѣній и о томъ что Англія не имѣетъ ни повода, ни права тревожиться этимъ, нельзя же думать чтобъ англійскіе публицисты сознательно отрекались отъ того что говорили недавно сами.

Насъ приводитъ въ удивленіе одна статья въ профессіональной *Army and Navy Gazette*, которая вовсе не есть одинъ изъ органовъ общественнаго мнѣнія, а есть газета по значенію нѣсколько схожая съ нашимъ *Инвалидомъ*. Хотя эта газета не есть офиціальный органъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, но ея извѣстіямъ обо всемъ что касается англійской арміи и англійскаго военнаго вѣдомства придается значеніе. Тѣмъ страннѣе встрѣтить въ такой газетѣ непріязненныя сужденія о Россіи, притомъ по поводу извѣстія вовсе не дающаго къ тому повода. Дѣло вотъ въ чемъ. Названная газета извѣщаетъ о возвращеніи къ своимъ полковымъ обязанностямъ гвардейскаго капитана Барнеби „послѣ интересной поѣздки въ Среднюю Азію, гдѣ онъ посѣтилъ Хивинскаго хана." Извѣстіе это сообщается со слѣдующими весьма интересными подробностями.

„Поѣздка капитана Барнеби," читаемъ въ англійской газетѣ, „тѣмъ замѣчательнѣе что, сколько мы полагаемъ, за исключеніемъ капитана Аббота и Шакспира, которые были отправлены изъ Индіи съ дипломатическимъ порученіемъ по дѣлу нынѣшняго хана, ни одинъ Англичанинъ никогда не бывалъ въ стѣнахъ этого города. Одинъ инженерный офицеръ былъ посланъ прошедшимъ лѣтомъ съ научною экспедиціей въ Среднюю Азію. Онъ сдѣлалъ обзоръ части Окса отъ Аральскаго моря до одного пункта на линіи съ Петро-Александровскомъ, русскимъ фортомъ въ Хивинской территоріи, но Русскіе не позволили ему идти далѣе какъ за 50 миль отъ столицы. Капитана Барнеби также, говорятъ, не допустили бы туда еслибъ онъ, измѣнивъ свой путь въ послѣднюю минуту, не обманулъ Русскихъ, и такимъ образомъ онъ пробылъ четыре дня въ Хивѣ и былъ допущенъ два раза на частныя аудіенціи къ хану прежде чѣмъ Русскіе узнали о его присутствіи въ городѣ. Тогда ему послали депешу отъ нашихъ военныхъ властей въ Англіи, которыя, подъ вліяніемъ сильнаго дипломатическаго дѣйствія произведеннаго графомъ Шуваловымъ, были убѣждены предписать капитану Барнеби немедленно возвратиться."

Казалось бы во всемъ этомъ разказѣ фактическая сторона не только не даетъ повода Англичанамъ жаловаться на русскія власти, но, напротивъ, должна бы нравиться имъ. Разказъ этотъ содержитъ чрезвычайно интересныя новости. Между тѣмъ какъ мы сами не рѣшаемся переступать на лѣвый берегъ Аму-Дарьи, гдѣ, какъ доказано произведенными изслѣдованіями, находится ключъ къ прочному установленію нашего положенія въ этой части Средней Азіи (здѣсь Аму сдѣлала поворотъ отъ Каспія къ Аралу и вопросъ о возстановленіи стараго тока ея не можетъ быть рѣшенъ безъ изслѣдованія лѣваго берега Аму), англійскіе инженерные и гвардейскіе

офицеры, состоящіе на дѣйствительной службѣ и неизвѣстно зачѣмъ отлучающіеся отъ своихъ занятій рыскать по невѣдомымъ странамъ, не только разъѣзжаютъ и дѣлаютъ топографическіе обзоры на всемъ пространствѣ края въ предѣлахъ занятыхъ русскими войсками, но допускаются и на лѣвый берегъ Аму-Дарьи, куда не могутъ переправляться и русскіе офицеры, и тамъ изслѣдуютъ рѣку и мѣстность на разстояніи 50 миль отъ Хивы! Послѣ этого странно было бы претендовать что эти англійскіе офицеры не пускаются въ самую Хиву когда туда не пускаются и наши офицеры. Пограничныя власти въ краѣ легко волнуемомъ самыми несообразными слухами, въ краѣ съ населеніемъ дикимъ и фанатическимъ, гдѣ притомъ такъ недавно еще водворено уваженіе къ русской власти, обязаны быть особенно бдительны, и Англичанамъ, которые въ своихъ дѣлахъ не допускаютъ ничьихъ совѣтовъ и указаній, это лучше чѣмъ намъ извѣстно. Не допустили же въ прошедшемъ году англійскія власти въ Индіи русскаго путешественника, г. Пашино, проникнуть изъ Пешавера въ Афганистанъ, хотя онъ былъ не болѣе какъ туристъ не состоявшій ни на чьей службѣ. Почему же русскимъ властямъ въ Хивинскихъ степяхъ быть менѣе осмотрительными и смотрѣть сквозь пальцы какъ англійскіе офицеры будутъ ѣздить изъ Лондона, черезъ русскія владѣнія, на приватныя аудіенціи къ хану Хивинскому, еще такъ недавно намъ враждебному? Изъ самого разказа англійской газеты видно что Русское правительство во всякомъ случаѣ имѣло весьма серіозныя основанія не допускать этого, ибо оно прямо обратилось черезъ своего посла къ Англійскому правительству, и конечно доводы его были вполнѣ убѣдительны если военное начальство въ Лондонѣ *немедленно* предписало капитану Барнеби вернуться.

Такое естественное заключеніе вполнѣ подтверждается для насъ дальнѣйшими разсужденіями англійской военной газеты по поводу поѣздки капитана Барнеби, которыя очевидно внушены привезенными имъ разказами. Изъ этихъ разсужденій, столь несправедливыхъ къ намъ, какихъ мы давно не встрѣчали въ англійской печати, ясно видно что англійскій гвардеецъ пробивался на аудіенцію къ хану въ видахъ намъ вовсе не благопріятныхъ. По поводу его поѣздки, *Army and Navy Gazette* доказываетъ что Русскіе потому будто бы не пускаютъ Англичанъ путешествовать между своими владѣніями и Индіей что желаютъ выставлять Туркменъ въ самомъ черномъ цвѣтѣ чтобы имѣть потомъ предлогъ къ присоединенію Мерви. Такъ, будто бы Русскіе разказываютъ что Туркмены держатъ въ плѣну одного русскаго солдата, между тѣмъ какъ, по словамъ туземцевъ, этотъ солдатъ, которому гораздо лучше у нихъ чѣмъ въ своемъ полку, самъ де не хочетъ вернуться. А еслибъ онъ и взаправду былъ въ плѣну, то Туркмены имѣли бы полное оправданіе къ тому, потому что *недавно* двое изъ нихъ были схвачены Русскими, преданы военному суду и разстрѣляны; а между тѣмъ „такъ-называемый русскій плѣнный“ не былъ ни судимъ, ни разстрѣлянъ, „хотя Туркмены имѣли бы полное право это сдѣлать, принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства.“ Точно также и Хивинцы выставлялись Русскими какъ разбойники и грабители, „а между тѣмъ оказывается что это весьма спокойная, мирная нація, живущая земледѣліемъ и вовсе не имѣющая тѣхъ воинственныхъ привычекъ что приписывались ей Русскими.“ Послѣ этихъ изобличеній читаемъ слѣдующее заключеніе: „Дѣла принимаютъ для насъ весьма „серіозный оборотъ на Востокѣ. Хива и „Коканъ пали; Кашгаръ, Бухара и Мервь „быстро послѣдуютъ другъ за другомъ если „наши нынѣшніе правители не будутъ имѣть „достаточно рѣшимости чтобы воспротивиться этимъ быстрымъ захватамъ на нашей границѣ.“ Наконецъ, въ подтвержденіе всей этой аргументаціи, приводится выписка изъ книги г. Терентьева объ Англіи и Россіи въ Азіи, замѣчаніе что „хотя Россія въ своихъ завоеваніяхъ и не помышляла объ Индіи, но это не значитъ чтобы въ случаѣ войны съ Англіей близкое сосѣдство съ Индіей не могло не играть важной роли.“ Въ добавокъ ко всему присовокупляется что русскіе газеты въ послѣднее время были особенно враждебны къ Англіи, что тѣмъ де знаменательнѣе что „въ Россіи существуетъ строжайшая цензура печати.“

Выводъ изъ всего этого дѣлается тотъ что жестоко де ошибаются тѣ кто спокойно ожидаетъ соприкосновенія обѣихъ имперій въ Азіи. И ради этого вывода забывается что англійскій гвардеецъ, хотя

долженъ былъ прибѣгнуть къ обману чтобы проникнуть въ Хиву, все-таки пробрался туда *черезъ русскія владѣнія*, видѣлся зачѣмъ-то въ Хивѣ съ ханомъ и вернулся оттуда цѣлъ и невредимъ, тогда какъ прежде посланные *изъ Индіи съ порученіемъ къ хану* Англичане Абботъ и Шакспиръ держались ханомъ въ заключеніи, изъ коего бѣжали съ опасностью жизни къ Русскимъ; упускается изъ виду и то что другому англійскому офицеру, инженеру, дозволялось свободно производить обмѣры на самой нашей хивинской границѣ, чего, конечно, русскія власти имѣли бы полное право не дозволить.

Мы готовы были бы оставить безъ вниманія выходку англійской военной газеты еслибы не замѣтили въ ней одного признака весьма тревожнаго. Мы не говоримъ о камнѣ брошенномъ въ огородъ русской цензуры. Эти толки объ офиціальномъ значеніи политическихъ сужденій въ русскихъ газетахъ намъ давно прискучили, и нельзя думать чтобъ имъ вѣрили и сами тѣ кто ихъ постоянно повторяютъ. Къ тому же упрекъ будто русская печать въ послѣднее время относилась враждебно къ Англіи лишенъ основанія. Что касается книги г. Терентьева, то авторъ ея дѣйствительно не дружелюбно относится къ Англіи, но что же значитъ его произведеніе въ сравненіи съ безчисленнымъ множествомъ враждебныхъ намъ брошюръ и книгъ наполняющихъ англійскую литературу? въ сравненіи съ тѣмъ, напримѣръ, что писалъ почтенный президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, генералъ-майоръ и бывшій дипломатъ, сэръ-Генри Роулинсонъ? Въ фактахъ же приводимыхъ о Хивинцахъ и Туркменахъ, повидимому, со словъ капитана Барнеби, нѣтъ и тѣни правды. Содержаніе Туркменами въ плѣну въ Мерви русскаго солдата положительно доказано, и конечно онъ томится у Текинцевъ съ 1873 года не въ возмездіе за двухъ Іомутовъ которые много времени спустя разстрѣляны за измѣну. Текинцы и Іомуты постоянно враждуютъ и воюютъ между собою. Но мы недоумѣваемъ что означаетъ слѣдующее за этимъ извращеніемъ фактовъ и печалованіемъ о кочевыхъ хищникахъ приглашеніе къ англійскимъ правителямъ показать достаточную рѣшимость чтобы воспротивиться русскимъ захватамъ? Не то ли же это самое что высказанное въ Лондонскомъ Географическомъ Обществѣ сэръ-Генри Роулинсономъ, какъ сообщалъ *Geographical Magazine*, патріотическое приглашеніе къ своимъ соотечественникамъ преградить русскимъ войскамъ *дипломатическимъ дѣйствіемъ* дорогу не только къ Герату, но и къ Мерви? Но, вопервыхъ, ни Мервь, ни Хива, ни Коканъ, а также ни Бухара, ни Кашгаръ вовсе не на границѣ Индіи. Вовторыхъ, невозможно допустить возобновленіе прежней дипломатической игры, которая могла бы только усложнять и путать наши международныя отношенія къ Англіи. Долженъ же быть положенъ конецъ непостижимымъ призывамъ Россіи къ отвѣту по дѣламъ ея одной касающимся. Дипломатическіе переговоры Россіи съ Англіей по Средней Азіи окончены навсегда, и новаго повода къ нимъ быть не можетъ. Англія можетъ сама что угодно предпринимать для своего успокоенія въ Индіи и Афганистанѣ, но она не въ правѣ диктовать Россіи какъ она должна относиться къ своимъ непокойнымъ сосѣдямъ, и всякая новая попытка въ такомъ смыслѣ, конечно, встрѣтитъ энергическій отпоръ.

Мы потому еще считаемъ своевременнымъ заявить этотъ протестъ по поводу замѣченныхъ нами признаковъ что 28 апрѣля г. Белли Кокренъ готовится позвать Россію къ суду англійской Палаты Общинъ за присоединеніе Кокана.

№ 81.

Москва, 29-го марта.

Не можетъ быть вопроса касательно необходимости мѣръ къ возможно лучшему обезпеченію страны отъ такого бѣдствія какъ падежи скота. Но едва ли гдѣ необходимость эта такъ настоятельна какъ въ Россіи. Съ каждымъ годомъ это бѣдствіе, подрывающее благосостояніе жителей часто разомъ въ цѣлыхъ обширныхъ мѣстностяхъ, принимаетъ у насъ все болѣе грозный характеръ. Самая опустошительная изъ повальныхъ болѣзней крупнаго рогатаго скота, извѣстная подъ названіемъ чумы, въ прежнее время появлялась у насъ лишь изрѣдка, періодически поражая лишь нѣкоторыя мѣстности; въ послѣднее десятилѣтіе, какъ свидѣтельствуютъ офиціальныя данныя, чума приняла характеръ непрерывнаго падежа не-

треблающаго скотъ промышленниковъ и земледѣльцевъ въ разныхъ полосахъ Россіи въ теченіе круглаго года. По самому скромному разчету, цифру убытка причиняемаго скотоводству одною чумой опредѣляютъ приблизительно въ двѣнадцать милліоновъ рублей ежегодно, но какъ далека эта цифра отъ дѣйствительной можно судить по тому что въ одной Самарской губерніи убытки отъ падежей только крестьянскаго скота мѣстное земство оцѣниваетъ слишкомъ въ 1.600.000 р. ежегодно. Но вредъ причиняемый народному хозяйству скотскими падежами не ограничивается тѣмъ убыткомъ какой выражается стоимостью ежегодно погибающихъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ головъ крупнаго скота. Земледѣліе терпитъ отъ падежей еще болѣе чѣмъ скотоводство. На югѣ, гдѣ почти всѣ полевыя работы производятся волами, падежи лишаютъ землевладѣльи крестьянъ подручной имъ рабочей силы. Въ нечерноземной полосѣ Россіи, гдѣ производительность почвы прямо зависитъ отъ удобренія, падежи наносятъ еще болѣе тяжкіе удары сельскому хозяйству, причиняя разореніе не только отдѣльныхъ хозяйствъ, но цѣлыхъ селеній и даже мѣстностей, и порождая во многихъ убѣжденіе въ безполезности новыхъ затратъ на обзаведеніе скотомъ и на какія-либо улучшенія скотоводства при чрезмѣрномъ рискѣ уничтоженія эпизоотіями всѣхъ результатовъ этихъ затратъ. Все это уже сказывается во многихъ мѣстностяхъ сокращеніемъ запашекъ по недостатку удобренія, застоемъ многихъ отраслей промышленности основанныхъ на скотоводствѣ, общимъ обѣднѣніемъ крестьянъ и несостоятельностью населенія по взносамъ податей и другимъ повинностямъ. По офиціальнымъ даннымъ, въ двадцати одной губерніяхъ принадлежащихъ къ юго-западной, центральной и восточной полосамъ Россіи, количество скота у помѣщиковъ и крестьянъ значительно уменьшилось, и цѣны на рогатый скотъ, за послѣднія десять лѣтъ, возросли, особенно на югѣ, на 50, а мѣстами и на 100 процентовъ, что̀ естественно отозвалось вздорожаніемъ существенныхъ предметовъ продовольствія и для тѣхъ кто не заинтересованъ непосредственно въ успѣхахъ земледѣлія и скотоводства. Опустошительность нашихъ эпизоотій стала, наконецъ, опасною не только для Россіи, которую она ведетъ къ обѣднѣнію, но и для сосѣднихъ государствъ которыя и начали уже принимать мѣры противъ вторженія къ нимъ отъ насъ чумной заразы. Пруссія совсѣмъ запретила ввозъ въ свои предѣлы изъ Россіи скота и продуктовъ скотоводства. Австрія пока не приняла еще столь рѣшительной мѣры и только грозитъ ею, но уже установила на нашей границѣ, по торговлѣ скотомъ и вообще животными продуктами, такія карантинныя и иныя предосторожности о какихъ нѣтъ и помину на границахъ съ другими государствами Европы. Отмѣнить эти тяжкія для нашей торговли мѣры и допустить торговыя сношенія съ Россіей на тѣхъ же основаніяхъ какія приняты для другихъ болѣе благополучныхъ странъ Австрія согласна лишь на томъ условіи что Россія введетъ въ своихъ южныхъ и западныхъ губерніяхъ тѣ же мѣры противъ чумы рогатаго скота какія узаконены въ другихъ европейскихъ государствахъ, и въ то же время защититъ эти губерніи отъ заноса чумы изнутри Россіи.

Принять тѣ же мѣры какія приняты въ другихъ странахъ Европы, что̀ можетъ быть проще? Но такъ ли легко это у насъ какъ въ другихъ государствахъ?

Опытъ показалъ что наши административныя власти, при средствахъ имѣющихся въ ихъ распоряженіи, не въ состояніи успѣшно бороться съ эпизоотіями. По дѣйствующимъ законамъ, принятіе ветеринарно-полицейскихъ мѣръ при появленіи на скотѣ повальной болѣзни лежитъ на обязанности мѣстной полиціи, которая распоряжается чтобъ обыватели, до прибытія уѣзднаго врача или ветеринара, сами принимали надлежащія мѣры противъ распространенія и для пресѣченія открывшагося падежа, на основаніи издаваемыхъ правилъ и наставленій. Но эти правила и наставленія обыкновенно мало помогаютъ постигнутымъ бѣдою обывателямъ. Они не могутъ извлечь изъ нихъ ни умѣнья распознавать свойства появившейся болѣзни ни умѣнья примѣнять данные совѣты на практикѣ, безъ указаній знающаго руководителя. Такими руководителями не могутъ быть ни становые пристава, ни исправники, ни даже уѣздные врачи, которые также не спеціалисты въ ветеринарномъ дѣлѣ. Ветеринары же не могутъ быть руководителями на мѣстѣ потому что ихъ у насъ полагается только по два на губернію. Не только ихъ, но даже уѣзднаго

врача и исправника, которые по закону обязаны немедленно отправляться на мѣсто открывшагося падежа, часто трудно бываетъ отыскать, а между тѣмъ эпизоотія успѣваетъ развиться до страшныхъ размѣровъ и распространиться по цѣлой округѣ, такъ что и та помощь которую они могли бы оказать становится запоздалою. Но и въ тѣхъ случаяхъ когда знающій и опытный руководитель въ дѣлѣ принятія ветеринарно-полицейскихъ мѣръ успѣетъ своевременно прибыть на мѣсто, мѣры эти рѣдко приводятъ къ желаемымъ результатамъ, встрѣчая сильное противодѣйствіе въ пострадавшихъ отъ падежа. Опытомъ всѣхъ странъ дознано что единственное серіозное средство къ пресѣченію чумной эпизоотіи заключается въ немедленномъ убиваніи заболѣвшаго и даже подозрительнаго скота и въ уничтоженіи или, по меньшей мѣрѣ, въ дезинфекціи всѣхъ вещей бывшихъ съ нимъ въ соприкосновеніи; собственно же лѣченіе чумы признается до того безполезнымъ что въ нѣкоторыхъ государствахъ положительно запрещено закономъ. Но скотовладѣльцы, особенно крестьяне, стараются извлекать изъ зараженныхъ и павшихъ животныхъ возможныя для себя выгоды, не заботясь о вредныхъ отъ того послѣдствіяхъ для другихъ; зачумленный скотъ нерѣдко выводится изъ зараженныхъ мѣстъ для продажи, и точно также обращаются въ продажу снимаемыя съ павшихъ отъ чумы животныхъ шкуры и т. п. Нельзя не видѣть что такой ходъ дѣла есть гораздо болѣе важная и общая причина распространенія и опустошительности падежей чѣмъ занесеніе заразы гуртовымъ скотомъ.

Для успѣшности борьбы съ эпизоотіями необходимы два условія—достаточное число людей которые были бы знающими и опытными исполнителями ветеринарно-полицейскихъ мѣръ, то-есть ветеринаровъ, и содѣйствіе этимъ исполнителямъ со стороны самого населенія страдающаго отъ падежей,—и ни одного изъ этихъ условій у насъ въ наличности не оказывается: обстоятельство дѣлающее рѣшеніе задачи у насъ несравненно болѣе труднымъ чѣмъ было оно для правительствъ другихъ странъ.

Затрудненія къ примѣненію въ Россіи тѣхъ мѣръ противъ эпизоотій какія приняты за границей такъ велики что еслибъ у насъ было сдѣлано распоряженіе объ ихъ примѣненіи, такое распоряженіе осталось бы только на бумагѣ подобно всѣмъ выходившимъ до сихъ поръ по этой части, за неимѣніемъ какъ исполнителей, такъ и средствъ къ исполненію. Чтобы не придти къ такому печальному результату, Ветеринарный Комитетъ, на который возложено пріисканіе мѣръ къ пресѣченію скотскихъ падежей, не нашелъ другаго средства какъ ограничить размѣры своей задачи, предоставивъ будущему дальнѣйшіе шаги въ данномъ направленіи. Ветеринарный Комитетъ ограничивается въ составленномъ имъ проектѣ примѣненіемъ принятой въ Европѣ системы, на первое время, лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ это, по его соображеніямъ, представляется наиболѣе необходимымъ. Въ виду чрезмѣрной громадности жертвъ со стороны населенія которыхъ потребовало бы примѣненіе сказанной системы во всей ея строгости, жертвъ, на возмѣщеніе коихъ могло бы не оказаться достаточныхъ средствъ, проектъ допускаетъ въ ней нѣкоторыя послабленія. Такъ, требуя убиванія очумѣвшихъ животныхъ, онъ не распространяетъ этой мѣры на скотъ оказавшійся только подозрительнымъ, и довольствуется относительно послѣдняго возможно полнымъ разобщеніемъ его отъ здороваго. Далѣе, не требуется непремѣнно уничтоженія всѣхъ вещей бывшихъ въ соприкосновеніи съ больнымъ животнымъ, равно какъ навоза, кожъ, роговъ и копытъ павшихъ животныхъ: проектъ находитъ возможнымъ удовольствоваться возможно полною ихъ дезинфекціей (расходъ по дезинфекціи не долженъ падать на пострадавшаго отъ эпизоотіи скотовладѣльца). Все это много содѣйствуетъ удобоисполнимости проекта. Но нѣкоторыя изъ проектированныхъ по указаннымъ соображеніямъ частностей вызываютъ въ насъ недоумѣнія.

Съ осуществленіемъ проекта Россія раздѣлится на два района: въ одинъ войдутъ семнадцать губерній которыя предполагается прежде другихъ облагодѣтельствовать усиленнымъ ветеринарно-полицейскимъ надзоромъ; другой составятъ всѣ прочія губерніи которыя должны ожидать своей очереди въ будущемъ. Находятъ что лучше сосредоточить контингентъ ихъ на который можно разчитывать на такомъ пространствѣ гдѣ онъ могъ бы съ несомнѣнною пользой приложить свою дѣятельность, чѣмъ разсѣять его по всей Россіи, причемъ его дѣятельность оставалась бы

столь же безплодною какъ и дѣятельность нынѣшнихъ губернскихъ ветеринаровъ. Во всякомъ случаѣ, однако, трудно согласиться съ соображеніями Ветеринарнаго Комитета побудившими его проектировать вдвое болѣе бдительный надзоръ въ восьми губерніяхъ Западнаго и Юго-Западнаго округовъ сравнительно съ девятью губерніями Московско-Петербургскаго округа. Сдѣлано это въ интересахъ нашей заграничной торговли скотомъ и животными продуктами, дабы побудить Австрію и Пруссію отказаться отъ принятыхъ ими стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ этой торговлѣ. Причина сама по себѣ уважительная, но нельзя упускать изъ виду что интересы сказанной торговли, по относительной ограниченности ея размѣровъ, не должны въ данномъ случаѣ играть преобладающей роли. Стѣсненія испытываемыя торговлей на границѣ, можно сказать, ничто въ сравненіи съ бѣдствіями какія терпятъ отъ падежей земледѣліе и скотоводство, интересы коихъ и должны быть на первомъ планѣ, а эти интересы требуютъ чтобы наибольшая бдительность надзора была не на безопасной для нихъ границѣ съ чужими странами, а на границѣ съ тѣмъ внутреннимъ райономъ на который, на первое время, проектируемыя мѣры не распространяются, и откуда грозятъ постоянныя вторженія заразы. Двойной комплектъ ветеринаровъ въ уѣздахъ пограничныхъ съ этимъ райономъ, кажется, намъ, много бы содѣйствовалъ успѣху проектируемыхъ мѣръ, а для успокоенія возникшей тревоги въ Пруссіи и Австріи, кажется, было бы достаточно такого удвоеннаго комплекта лишь въ пограничныхъ съ ними уѣздахъ.

Сдѣлавъ это замѣчаніе относительно территоріальныхъ соображеній проекта, позволимъ себѣ и другое, относительно системы вознагражденія за убиваемый, для пресѣченія заразы, скотъ. Проектъ ограничиваетъ примѣненіе этой мѣры только случаями чумы и оставляетъ скотовладѣльцевъ безъ вознагражденія въ случаяхъ иныхъ эпизоотій: сибирской язвы, воспаленія легкихъ и т. п. Этимъ, конечно, уменьшается размѣръ средствъ которыхъ можетъ потребовать проектируемая мѣра, но за то сильно парализуется ея практическое дѣйствіе, и первымъ не выкупается второе. Цѣль вознагражденія — побудить скотовладѣльцевъ чтобъ они не скрывали первыхъ признаковъ появленія повальной болѣзни, дабы была возможность сразу прекратить заразу, не допустивъ ея распространенія. Но когда у скотовладѣльца, не могущаго распознавать скотскихъ болѣзней, будетъ въ виду рискъ что болѣзнь можетъ оказаться такою при которой вся тягость ветеринарно-полицейскихъ мѣръ ляжетъ на него самого, естественно что онъ будетъ имѣть сильное побужденіе не торопиться призывомъ ветеринарнаго надзора. Это можетъ оказаться весьма вреднымъ, а экономическій разчетъ на основаніи коего проведено указанное различіе между чумой и другими повальными болѣзнями рогатаго скота не долженъ бы, кажется, имѣть серіознаго значенія въ сужденіяхъ Ветеринарнаго Комитета, когда онъ призналъ что, помимо чумы, потери отъ иныхъ болѣзней оказываются сравнительно ничтожными. Не будемъ же мы сосредоточивать свое вниманіе исключительно на чумѣ единственно потому что на другія повальныя скотскія болѣзни намъ не дѣлаютъ указаній изъ-за границы.

№ 82.

Москва, 30-го марта.

Вопросъ объ уступкѣ Пруссіей имперіи права собственности и управленія въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ рѣшительно заслонилъ собою всѣ остальные общественные интересы въ Германіи. Несмотря на то что правительство приступило къ дѣлу очень скромно, ограничиваясь одною Пруссіей и тщательно избѣгая всякаго намека на политическое значеніе этой мѣры въ смыслѣ большаго государственнаго единенія имперіи, всѣ понимаютъ что имѣютъ дѣло съ желѣзною энергіей князя Бисмарка который есть главный двигатель этого предпріятія, несмотря на то что законопроектъ подписанъ только министромъ торговли. Одни экономическія соображенія не были бы достаточны для того чтобы побудить могучаго канцлера взять иниціативу этого дѣла въ свои руки и вызвать на новую борьбу дремлющій, но далеко не подавленный духъ нѣмецкаго партикуляризма. Эта то очевидная для всѣхъ, хотя офиціально не высказываемая политическая задняя мысль гигантскаго предпріятія, и есть причина почему, съ одной стороны, затѣи

князя Бисмарка оживили въ его приверженцахъ горячій энтузіазмъ къ „собирателю нѣмецкой земли,“ а съ другой, поставили сразу въ оборонительное положеніе все что въ Германіи инстинктивно или сознательно тянетъ въ противную сторону.

Тѣмъ не менѣе экономическая сторона поднятаго въ настоящее время въ Германіи вопроса далеко не лишена самостоятельнаго значенія, и можно съ увѣренностью сказать что и князь Бисмаркъ не рѣшился бы на свой смѣлый шагъ еслибъ ему приходилось опираться лишь на тѣ элементы государственной централизаціи коими располагаетъ теперь Германская имперія. Мотивы къ прусскому законопроекту заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ весьма вѣскихъ экономическихъ соображеній, и хотя они не отличаются особенною послѣдовательностью и тою систематичностью какую можно было бы требовать отъ теоретическаго трактата, тѣмъ не менѣе они могутъ быть принимаемы и принимаются многими не только нѣмецкими, но и иностранными экономистами, какъ весьма основательный трактатъ о превосходствѣ системы государственныхъ желѣзныхъ дорогъ предъ частными. Съ этой точки зрѣнія разбираетъ мотивы къ прусскому законопроекту французскій экономистъ г. Вальберъ въ послѣдней книжкѣ *Revue des deux Mondes*. „Мы,“ замѣчаетъ онъ, „безъ сожалѣнія увидимъ осуществленіе прусскаго законопроекта; этотъ великій опытъ, каковъ бы ни былъ результатъ онаго, будетъ интересенъ и назидателенъ для всего міра.“

Изъ нѣмецкихъ экономистовъ, г. Максъ Виртъ безусловно высказывается въ пользу законопроекта и приводитъ нѣсколько не лишенныхъ интереса собственныхъ соображеній, подкрѣпляющихъ официальные аргументы Прусскаго правительства. Не подлежитъ сомнѣнію, замѣчаетъ г. Максъ Виртъ, что наиболѣе успѣшно развивалось желѣзнодорожное дѣло въ тѣхъ странахъ гдѣ желѣзныя дороги, при самомъ сооруженіи оныхъ, оставались въ рукахъ государства. Такъ было въ Бельгіи, Баваріи, Саксоніи, Виртембергѣ и Баденѣ. Выгода такой системы двоякая: вопервыхъ, государство имѣетъ бо́льшую возможность добыть и равномѣрно распредѣлить капиталъ потребный для всей желѣзнодорожной сѣти, покрывая убытки и недоборы менѣе доходныхъ линій излишками отъ болѣе доходныхъ. Въ частныхъ же желѣзныхъ дорогахъ прибыли отъ доходныхъ линій цѣликомъ выпадаютъ на долю спекуляціи, а тѣ линіи которыя не могутъ давать прибыли или причиняютъ убытокъ, ложатся всею тяжестью на государственную казну, которая должна или сама ихъ строить, или даровать имъ гарантіи. Вторая выгода заключается въ томъ что, при постройкѣ дорогъ самимъ государствомъ, устраняется весь тотъ матеріальный и нравственный вредъ коимъ сопровождаются всякія желѣзнодорожныя концессіи. Но и тамъ гдѣ бо́льшая часть желѣзныхъ дорогъ построена частными средствами, переходъ къ системѣ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ можетъ оказаться, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, весьма выгоднымъ. Сосредоточеніе отдѣльныхъ линій въ однѣхъ рукахъ для эксплуатаціи оныхъ и превращеніе всѣхъ ихъ акцій и облигацій въ одну государственную ренту значительно возвысятъ цѣнность этой ренты; пониженіе издержекъ соединеннаго управленія возвыситъ доходность дорогъ что дастъ возможность дополнять и расширять желѣзнодорожную сѣть безъ новаго обремененія государственной казны. Для Германіи, по мнѣнію г. Макса Вирта, имѣется еще то спеціальное соображеніе что съ переходомъ желѣзныхъ дорогъ въ руки имперіи, она получитъ самостоятельный источникъ доходовъ, что для нея въ высшей степени важно для упроченія имперскаго управленія, такъ какъ одною изъ главныхъ причинъ паденія Германскаго Союза была его финансовая немощь. Впрочемъ, г. Максъ Виртъ надѣется на установленіе самостоятельнаго источника доходовъ для имперіи отъ желѣзныхъ дорогъ лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Въ настоящее же время многіе, напротивъ, опасаются какъ разъ противоположнаго, то-есть невозможности для имперіи покрывать изъ имперскаго бюджета всѣ расходы по желѣзнодорожному дѣлу и преимущественно значительныя доплаты по гарантіямъ многихъ изъ частныхъ прусскихъ дорогъ, каковыя обязательства Пруссія также желаетъ передать имперіи. Одно изъ главныхъ возраженій со стороны второстепенныхъ германскихъ государствъ противъ Прусскаго проекта состоитъ въ томъ что доплаты по гарантіямъ на прусскія частныя желѣзныя дороги перенесенныя на имперію падутъ на другія Германскія государства, посред-

ствомъ возвышенія матрикулярныхъ взносовъ составляющихъ пока почти единственный источникъ имперскихъ финансовъ.

Гораздо важнѣе другое соображеніе приведенное въ мотивахъ къ законопроекту, доказывающее выгоду передачи прусскихъ дорогъ имперіи. Въ этихъ мотивахъ доказывается какъ важно для успѣшнаго хода дѣла чтобы государство имѣло возможность непосредственно влiять на способъ эксплуатаціи всѣхъ дорогъ примѣромъ и конкурренціей магистральныхъ линій сосредоточенныхъ въ его рукахъ. Магистральныя линіи въ Германіи служатъ транзитнымъ путемъ для европейскаго промышленнаго оборота. Линіи эти не совпадаютъ въ Германіи съ предѣлами государства и самое значеніе ихъ, какъ магистральныхъ линій, измѣняется и перемѣщается сообразно съ измѣненіемъ экономическихъ условій не одной Германіи, а всемірнаго рынка. Вотъ почему въ Германіи существуютъ иныя условія нежели въ Англіи, для устраненія тѣхъ неудобствъ которыя проистекаютъ отъ дробленія магистральной линіи въ рукахъ нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ управленій: въ Англіи оконечности желѣзнодорожныхъ путей совпадаютъ съ предѣлами самой страны и экономическое значеніе такихъ линій находится въ постоянной зависимости отъ промышленныхъ условій одной этой страны. Вслѣдствіе этого тамъ возможны постоянныя и прочныя соглашенія между компаніями которыя владѣютъ частями одного магистральнаго пути. Въ Германіи же магистральные пути часто перемѣщаются вслѣдствіе измѣненій въ направленіяхъ международнаго оборота; многія желѣзныя дороги въ Германіи, составлявшія въ прежнее время часть международнаго транзитнаго пути, остались теперь въ сторонѣ объ большой всемірной дороги, а напротивъ другія второстепенныя вошли въ составъ такихъ дорогъ. Вотъ почему никакія соглашенія между частными германскими дорогами, имѣющія цѣлью облегченіе прямаго сообщенія до сихъ поръ не имѣли прочности. Если же имперія получитъ въ свою собственность всю сѣть прусскихъ государственныхъ дорогъ простирающихся отъ Познани до Рейна и къ этой сѣти присоединитъ Альзасъ-Лотарингскія дороги уже теперь принадлежащія имперіи, то этимъ дана будетъ возможность болѣе дѣйствительнымъ образомъ регулировать, и притомъ исключительно въ интересахъ общественныхъ, дѣло прямаго международнаго сообщенія.

На дняхъ Прусское желѣзнодорожное бюро обнародовало статистическія данныя относящіяся до 1874 года, коими защитники Прусскаго проекта воспользовались какъ новымъ аргументомъ. Изъ этихъ данныхъ оказывается именно что число желѣзнодорожныхъ служащихъ на казенныхъ дорогахъ, по отношенію къ цифрамъ эксплуатаціи, на 18 процентовъ менѣе служебнаго персонала на частныхъ дорогахъ. Расходы на эксплуатацію высчитываемыя сообразно тѣмъ же цифровымъ даннымъ, оказываются также меньшими для казенныхъ дорогъ, причемъ низшій и средній служебный персоналъ получаетъ на послѣднихъ лучшее содержаніе нежели на частныхъ дорогахъ, а напротивъ лица высшей администраціи получаютъ на казенныхъ дорогахъ вдвое и втрое меньшее содержаніе сравнительно съ управителями частныхъ дорогъ.

Всѣ эти и многія другія соображенія и указанія составляютъ предметъ самыхъ оживленныхъ толковъ нѣмецкой печати въ ожиданіи преній по этому предмету въ Прусскомъ Сеймѣ, назначенныхъ на 26 апрѣля. Князь Бисмаркъ повидимому напередъ увѣренъ въ исходѣ этихъ преній, ибо онъ не считаетъ даже нужнымъ лично въ нихъ участвовать. На дняхъ онъ заявилъ въ Палатѣ что онъ едва ли будетъ присутствовать въ засѣданіяхъ послѣ Пасхи, такъ какъ ему необходимо уѣхать на воды для поправленія здоровья.

№ 83.

Москва, 31-го марта.

На этихъ дняхъ странныя вѣсти дошли сюда съ театра событій на Востокѣ. При переговорахъ съ вождями инсургентовъ, намѣстникъ Далматіи, баронъ Родичъ, какъ извѣстила телеграмма *Русскаго Міра* изъ Кастельнуово, по прочтеніи ноты графа Андраши и прокламаціи Вассы-эфенди, турецкаго коммиссара, сказалъ, обращаясь къ инсургентамъ, слѣдующее: „Я передаю вамъ волю императора. Европа съ неудовольствіемъ видитъ возстаніе могущее навлечь грозу. Вамъ не отъ кого ожидать помощи. Не полагайтесь на обѣщанія Рос-

сіи. Она уже была разъ побѣждена Турками и не захочетъ предпринять ничего рѣшительнаго; Сербія и Черногорія не могутъ ничего сдѣлать. Пользуйтесь успѣхами благодаря коимъ вы получили такія уступки, и не продолжайте борьбы, иначе вы потеряете все." Нѣсколько иначе, но въ такомъ же смыслѣ передавала объ этомъ свиданіи телеграмма изъ Кастельнуово Международнаго Агентства (почему-то нами не полученная). Въ ней также говорилось что, по прочтеніи ноты графа Андраши и турецкихъ прокламацій, „намѣстникъ Далматіи посовѣтовалъ вождямъ инсургентовъ изъявить полную покорность, и объявилъ имъ что Россія не въ состояніи ихъ защищать, и что Австрія есть ихъ единственная покровительница." Послѣдняя телеграмма присовокупляла что объявленіе это возбудило между вождями инсургентовъ величайшее негодованіе и произвело самое неблагопріятное впечатлѣніе.

Вчера мы получили изъ Вѣны телеграмму которая утверждаетъ что приписанныя барону Родичу одною вѣнскою газетой и воспроизведенныя *Голосомъ* и *Русскимъ Міромъ* заявленія касательно Россіи совершенно вымышленны. Мы охотно готовы принять это опроверженіе, но, къ сожалѣнію, оно слишкомъ кратко и не разъясняетъ дѣло. Можно вѣрить что баронъ Родичъ не говорилъ именно тѣми словами о Россіи какъ это было передано, но вѣнская телеграмма не убѣждаетъ насъ что онъ не могъ сказать нѣчто такое что могло произвести впечатлѣніе въ томъ именно смыслѣ. Баронъ Родичъ могъ указать что Россія уже вела войны за христіанъ, что послѣдняя ея война кончилась несчастливо и причинила ей большія потери, а потому нельзя ожидать чтобъ она вновь рѣшилась на такой рискъ. Трудно отрѣшиться отъ мысли что таковъ именно могъ быть, на самомъ дѣлѣ, смыслъ рѣчи барона Родича, ибо извѣстіе о ней выходило изъ различныхъ источниковъ, и, кромѣ того, она косвенно подтверждается другими, вполнѣ достовѣрными указаніями, о которыхъ скажемъ ниже, а главное она согласуется съ дѣйствіями австрійскихъ властей въ послѣднее время. Еще прежде замѣтно было что онѣ смотрятъ на турецкія прокламаціи вызванныя нотой графа Андраши какъ на конечный результатъ дипломатическаго заступничества Европы за угнетенныхъ христіанъ Босніи и Герцеговины, ибо вслѣдъ затѣмъ австрійскія власти рѣшительно приняли сторону Турокъ.

Непостижимо что нота графа Андраши, которая такъ долго вырабатывалась въ глубокой тайнѣ и отъ которой ожидалось столь многаго, должна была привести къ такому исходу. Такъ какъ эта пресловутая нота содержитъ лишь требованіе реформъ въ родѣ тѣхъ какія многократно и прежде были не только обѣщаны, но и декретированы самою Портой, и такъ какъ и на этотъ разъ въ нотѣ не требовалось иной гарантіи ихъ исполненія кромѣ словеснаго заявленія Порты предъ державами, то оставалось предполагать что это есть лишь первый шагъ совокупнаго дѣйствія Европы, за которымъ не замедлитъ послѣдовать практическое рѣшеніе участи несчастныхъ населеній. Таково было наше впечатлѣніе, и мы тогда же заявили о настоятельности дальнѣйшихъ мѣръ. Иначе оставалось непонятнымъ въ чемъ же состоялось соглашеніе и почему оно требовало столь продолжительныхъ переговоровъ. Немыслимо было чтобы съ чьей-либо стороны могло быть сомнѣніе въ необходимости реформъ о коихъ идетъ рѣчь въ нотѣ переданной Турецкому правительству отъ имени шести державъ? Неужели могъ быть вопросъ о томъ, напримѣръ, слѣдуетъ ли предоставить христіанамъ въ Турціи свободу ихъ вѣры? Но понятно что могли потребоваться долгіе переговоры для соглашенія о томъ какъ устроить провинціи чтобы христіанскія населенія ихъ были, наконецъ, совершенно обезпечены отъ мусульманской нетерпимости и отъ язвы турецкой администраціи, дать ли имъ автономію и въ какой мѣрѣ, или образовать изъ нихъ вассальное владѣніе, или присоединить ихъ къ другимъ вассальнымъ владѣніямъ Порты. Соглашеніе по этимъ вопросамъ, дѣйствительно, могло встрѣтить трудности которыя требовали всесторонняго обсужденія. Но, къ общему удивленію, когда нота графа Андраши была обнародована, оказалось что въ ней и помину нѣтъ ни о чемъ подобномъ. Новыя обѣщанія, новыя султанскія прокламаціи, и слово заступничества, за которое христіане принуждаются теперь отдаться безоружными вѣковымъ притѣснителямъ своимъ, не побѣдившимъ ихъ и остающимся во всеоружіи!

Дѣло, очевидно, не въ изъявленіи покорности султану, а въ подчиненіи вновь христіанъ мусульманамъ. Но какъ ожидать

чтобы христіане согласились положить оружіе предъ тѣми съ кѣмъ они вчера успѣшно бились, съ кѣмъ борьба породила множество кровавыхъ счетовъ? Христіане возстали за самыя основныя права существованія, они борются за право жизни, и равноправность не водворится оттого что они будутъ вновь поставлены въ положеніе безоружныхъ рабовъ предъ разгоряченными жаждой мести мусульманами. Какую же имъ пользу принесло бы въ такомъ случаѣ дипломатическое заступничество? Не лучше ли для нихъ было бы, вмѣсто того, полное невмѣшательство державъ и предоставленіе имъ самимъ покончить счеты съ Турками, съ которыми они до сихъ поръ вели борьбу успѣшно?

Вмѣшательство державъ, конечно, вызывалось и другими соображеніями касавшимися общеевропейскаго мира. Но и въ этихъ видахъ нельзя, намъ кажется, удовольствоваться нотой графа Андраши. О безполезности ожидать умиротворенія отъ новыхъ султанскихъ прокламацій и о невозможности для инсургентовъ довѣриться присланнымъ къ нимъ турецкимъ коммиссарамъ мы имѣемъ свидѣтельство достовѣрное и совершенно безпристрастное. Это письма рагузскаго корреспондента *Times*, обращающаго на себя вниманіе своею правдивостью. Въ послѣднемъ нумерѣ этой газеты онъ пишетъ о свиданіи своемъ съ губернаторомъ Герцеговины, Али-пашой, и спеціальнымъ коммисаромъ Порты, Армяниномъ Васса-эфенди, прибывшими въ Рагузу для переговоровъ съ барономъ Родичемъ и принятыми „съ неменьшею любезностью какъ еслибы гостями Австрійцевъ былъ англійскій маршалъ со своимъ штабомъ." Можно ли думать чтобы турецкіе сановники способны были внушать довѣріе инсургентамъ когда они и на чужаго человѣка, на англійскаго корреспондента, произвели самое неблагопріятное впечатлѣніе? По его словамъ, оба они или не понимаютъ положенія, или не хотятъ понять вслѣдствіе *mot d'ordre* изъ Константинополя. На существенный вопросъ о гарантіяхъ личной охраны выходцамъ, принуждаемымъ къ возвращенію на родину, оба они не могли дать лучшаго отвѣта какъ тотъ что „выходцы должны довѣриться обѣщаніямъ и добрымъ намѣреніямъ султанскаго правительства и охранѣ оттоманскихъ войскъ." Васса-эфенди вышелъ изъ себя при словѣ корреспондента объ удаленіи оттоманскихъ войскъ или принятіи любаго изъ двухъ другихъ проектовъ: обезоруженія мусульманъ или дозволенія христіанамъ сохранить оружіе. Разгнѣванный Васса-эфенди не хотѣлъ слышать объ этомъ. Али-паша былъ полюбезнѣе въ разговорѣ, но и онъ объявлялъ что никакихъ иныхъ гарантій выходцы не получатъ, и что если они этимъ не удовольствуются, то это ихъ дѣло, а для Порты рѣшительно де все равно вернутся ли они или нѣтъ. За то относительно пособія возвращающимся выходцамъ онъ сообщилъ что Порта *не намѣрена* возобновлять разрушенные дома, а лишь доставитъ имъ продовольствіе до осени, и ничего болѣе.

За то корреспондентъ *Times*, въ двухдневное пребываніе Али-паши въ Рагузѣ, узналъ три интересные факта. Вопервыхъ, Васса-эфенди ожидалъ въ Мостарѣ два милліона піастровъ для начатія своей примирительной миссіи, но изъ Сараева былъ присланъ только милліонъ, и черезъ нѣсколько дней изъ этой суммы не осталось почти ничего, ибо все ушло на жалованье голоднымъ чиновникамъ. Что касается продовольствія, то Портой было прислано на одномъ изъ пароходовъ Ллойда нѣкоторое количество зерна, но такого испорченнаго что не годилось бы и для лошадей. А вотъ, наконецъ, и личная безопасность: незадолго предъ тѣмъ, въ одно христіанское селеніе лежащее подъ охраной форта Билека, вошли турецкія войска и хладнокровно зарѣзали семерыхъ жителей, трехъ мущинъ и четырехъ женщинъ, и унесли головы ихъ на пикахъ. Фактъ этотъ, говоритъ корреспондентъ, удостовѣренъ офиціальными свѣдѣніями.

Таково свидѣтельство не русскаго, а англійскаго корреспондента, котораго никто не заподозритъ въ пристрастіи. Ему самому кажется непонятнымъ странное равнодушіе турецкихъ властей. Онъ полагаетъ что оно исходитъ изъ высшихъ офиціальныхъ сферъ, и не можетъ иначе объяснить его себѣ какъ увѣренностью турецкихъ властей что державы не будутъ заступаться за христіанъ. Въ самомъ дѣлѣ, заявленія турецкихъ коммиссаровъ корреспонденту *Times* очень гармонируютъ съ рѣчами барона Родича, приглашавшаго инсургентовъ довѣриться турецкимъ прокламаціямъ и объявлявшаго что имъ не отъ кого ждать помощи. Но чѣмъ же объяснить себѣ такія рѣчи австрійскаго намѣст-

ника? Вѣдь не могъ же онъ не знать тѣхъ фактовъ которые извѣстны въ Рагузѣ всѣмъ если о нихъ пишетъ корреспондентъ *Times?* Такая поддержка австрійскими властями турецкихъ взглядовъ могла имѣть только одно объясненіе, которое и высказываетъ тотъ же корреспондентъ *Times* въ другомъ письмѣ, писанномъ всего наканунѣ предъ послѣднимъ, гдѣ онъ говоритъ о свиданіи съ турецкими коммиссарами. Упомянувъ что выходцамъ по возвращеніи не предстоитъ иной участи какъ смерть отъ холода и голода, такъ какъ Турецкое правительство не доставило ни одного піастра на содержаніе ихъ на пути, ни одного бревна для возобновленія ихъ сожженныхъ жилищъ, ни одного зерна для утоленія ихъ голода, онъ продолжаетъ: „Австро-Венгерское правительство, дѣйствуя отъ имени и съ авторитетомъ шести державъ, повидимому, заботится только навязать одной сторонѣ, то-есть инсургентамъ, условія умиротворенія провинцій. Общее впечатлѣніе на дѣлѣ таково что эта попытка умиротворенія должна сопровождаться такимъ умноженіемъ безпорядковъ въ этихъ несчастныхъ округахъ что сдѣлаетъ абсолютно необходимымъ занятіе ихъ Австрійцами, иначе же представится на выборъ ихъ освобожденіе или совершенное истребленіе этого многострадальнаго населенія."

Но такая сепаратная цѣль не можетъ быть результатомъ общаго соглашенія, и она всего менѣе согласна съ заботой о сохраненіи европейскаго мира. Тѣмъ менѣе благовидно стремиться къ ней пользуясь авторитетомъ другихъ державъ.

Въ Россіи дорожатъ согласіемъ съ Австріей, и мы увѣрены что и Австрійское правительство не менѣе дорожитъ согласіемъ съ Россіей. Этого требуютъ интересы обѣихъ монархій, особенно въ настоящемъ случаѣ. Къ сожалѣнію, Австрійская имперія не есть единое и цѣльное, но многоглавое государство, со множествомъ партій и отдѣльныхъ правительствъ, соперничающихъ другъ съ другомъ и имѣющихъ различныя, часто противоположныя цѣли. Нѣтъ сомнѣнія что верховная власть въ Австрійской монархіи не желаетъ разстройства общаго согласія, и что когда разъяснится причина неблаговидныхъ дѣйствій австрійскихъ пограничныхъ властей, дѣйствій роняющихъ Австрійское правительство въ глазахъ всей Европы, то императоръ Австрійскій не остановится можетъ быть и предъ смѣной министерства если оно ведетъ политику Австріи скользкимъ и опаснымъ путемъ.

Укажемъ еще на одинъ важный признакъ побуждающій положить скорѣе конецъ недомолвкамъ и недоразумѣніямъ. Нѣмецкія газеты указываютъ на весьма печальный результатъ русской политики принятой ради общаго соглашенія. Съ самаго начала, чтобъ ограничить разлитіе возстанія, ради сохраненія общаго мира, державы озаботились удержаніемъ порывовъ Сербіи и Черногоріи. Ни одно изъ этихъ княжествъ не могло начать борьбу противъ турокъ безъ помощи другаго, и потому, какъ пишутъ въ *Allgemeine Zeitung*, Австрія взялась вліять на Сербію, а Россія обязалась сдерживать Черногорію, и дѣйствовала де съ такимъ успѣхомъ что князь Николай, пользовавшійся прежде неограниченнымъ авторитетомъ между всѣми Сербами, теперь утратилъ всю свою популярность. Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ нѣмецкой газеты, выходитъ что будто бы послѣдованіе русской политикѣ уронило достоинство и значеніе князя Черногорскаго и быть-можетъ погубило его будущность...

Во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты былъ воспроизведенъ новый меморандумъ Босняковъ къ Европейскимъ державамъ. Указывая, подобно корреспонденту *Times*, на совершаемыя Турками, и послѣ обнародованія реформъ, безчисленныя жестокости, Босняки умоляютъ христіанскія державы не гнать ихъ назадъ подъ рабское иго, и просятъ возвратить имъ отобранныя у нихъ австрійскими властями ружья. Они заклинаютъ государей, взявшихъ въ свои руки ихъ дальнѣйшую участь, не оказывать на нихъ давленія, и если они не хотятъ помочь имъ, по крайней мѣрѣ не преслѣдовать ихъ. Дѣйствительно, мѣры принимаемыя австрійскими властями относительно боснійскихъ выходцевъ есть уже прямое пособничество Туркамъ...

№ 84.

Москва, 1-го апрѣля.

По поводу распространившагося въ Петербургѣ слуха будто какіе-то спекуляторы намѣрены предложить правительству заключеніе новаго долгосрочнаго подряда на продовольствіе войскъ, наша газета

высказала убѣжденіе что, послѣ засвидѣтельствованныхъ фактами Овсянниковскаго процесса недостатковъ долгосрочной системы поставокъ, попытки склонить казну на предложеніе повторить неудачный опытъ едва ли могутъ увѣнчаться успѣхомъ. На дняхъ, въ *Биржѣ* (№ 81) помѣщено письмо г. С. К—дъ, посвященное нашей статьѣ, авторъ котораго, повидимому, вполнѣ раздѣляетъ нашъ взглядъ на значеніе введенной въ 1867 году подрядной формы. Упомянемъ мимоходомъ что авторъ не совсѣмъ правильно приписалъ собственно *намъ* слова что въ Петербургѣ перемолъ муки стóитъ отъ 60 до 70 к. за четверть, тогда какъ на низовыхъ мельницахъ онъ обходится не дороже 15—25 коп. Это не нами измышленная цифра, а заимствованная изъ показаній спеціалистовъ дѣла, каковы гг. Фейгинъ, Кокоревъ и Гутманъ. По справедливому замѣчанію г. предсѣдателя суда въ его сумаціи, исчислять стоимость помола пробовали нѣсколько разъ и обвиненіе и защита, но каждый разъ цифры колебались на значительную разницу: при опредѣленіи ихъ, наша роль ограничилась лишь тѣмъ что мы взяли среднюю изъ нормъ засвидѣтельствованныхъ наиболѣе компетентными и свѣдущими людьми. Точно также авторъ нѣсколько ошибся приписывая намъ мнѣніе что и мука, и рожь *равномѣрно* принимаютъ сырость проходя водой, отчего и та и другая слегается и портится. Мы выставили лишь то, подтвержденное окружнымъ интендантомъ генералъ-майоромъ Скворцовымъ обстоятельство что и рожь *тоже* принимаетъ въ себя дорогою при доставкѣ въ Петербургъ сырость, черезъ что перемолотая изъ нея мука въ данномъ случаѣ загарается и утрачиваетъ всѣ свои преимущественныя качества.

Но не въ этомъ дѣло. Вполнѣ соглашаясь съ нашими *доводами* противъ долгосрочной поставки, авторъ какъ бы упрекаетъ насъ въ томъ что мы не сдѣлали изъ нихъ *выводовъ*. „*Московскія Вѣдомости*, говоритъ онъ, не даютъ никакого *предложенія* къ болѣе раціональному, удобному и прочному порядку войсковаго продовольствія.“

Почтенный авторъ забываетъ что задача нашей статьи состояла вовсе не въ томъ чтобы рекомендовать какую-нибудь новую подрядную систему. Установленныя въ законѣ системы: формальныхъ торговъ, коммерческаго и коммиссіонернаго заготовленія давно уже признаны неудобными. Особая коммиссія вотъ уже десять лѣтъ вырабатываетъ новый порядокъ торговъ, но до сихъ поръ не пришла къ какому-либо крупному результату. Попытки улучшенія другихъ способовъ заготовленія не имѣли успѣха. Дѣло это очень трудное, и мы вовсе не намѣревались выступать со *своимъ* „предложеніемъ“ относительно войсковаго продовольствія: цѣль наша ограничивалась единственно тѣмъ чтобы поставить на видъ несостоятельность „предложеній“ о которыхъ носились въ Петербургѣ слухи вызвавшіе нашу статью, и указать на тѣ замѣчанія какія были сдѣланы въ столь поучительномъ въ провіантскомъ отношеніи Овсянниковскомъ процессѣ. Намъ кажется что въ рѣчахъ г. Кокорева заключаются весьма дѣльныя соображенія по этому предмету, по крайней мѣрѣ касательно Петербургскаго округа. Г. Кокоревъ напомнилъ тотъ фактъ что для продовольствія петербургскихъ войскъ запрещено покупать хлѣбъ въ Петербургѣ. Запрещеніе это существуетъ на основаніи закона состоявшагося сто лѣтъ тому назадъ, когда не знали еще пара, когда на Волгѣ дѣйствовала лишь лошадиная тяга, и по рѣкѣ плавали только простыя баржи, на Маріинской системѣ не было даже шлюзовъ, желѣзныхъ дорогъ вовсе не существовало, и нужно было оградить сѣверъ Россіи, гдѣ зараждалась столица, отъ голода и обезпечить снабженіе народонаселенія продовольствіемъ. Съ тѣхъ поръ, все перемѣнилось: на Волгѣ и Камѣ ходятъ болѣе 500 пароходовъ, къ Волгѣ примыкаютъ шесть желѣзныхъ дорогъ; желѣзныя дороги идутъ отъ С.-Петербурга внутрь черноземной полосы хлѣбородныхъ губерній, въ Воронежъ, Тамбовъ и т. д. По этимъ желѣзнымъ дорогамъ ежедневно приходитъ въ Петербургъ четыреста вагоновъ съ хлѣбомъ. Голода отъ недоставки въ Петербургѣ и окрестностяхъ случиться уже не можетъ, тѣмъ болѣе что интендантству, по вѣрнымъ вычисленіямъ, нужно не болѣе шестнадцати вагоновъ въ день. „Слѣдовательно,“ заключилъ г. Кокоревъ, „никакого Овсянникова и никакого другаго подрядчика или агента не нужно, а просто надо предоставить полковымъ хозяйствамъ покупать хлѣбъ изъ вагоновъ на Николаевской станціи, у Знаменья, и выбирать самый лучшій.“ И въ

подтвержденіе осуществимости своей идеи онъ приводилъ то обстоятельство что принятъ же подобный видъ хлѣбной торговли въ Москвѣ, гдѣ все покупаютъ привозимое изъ Рязани, Тамбова, Саратова зерно на станціи Московско-Рязанской дороги прямо изъ вагоновъ. „Крупные хлѣбные торговцы въ Москвѣ рѣдѣютъ и убываютъ, ихъ замѣняетъ торговля изъ вагоновъ, продолжалъ г. Кокоревъ. Натурально, хлѣбъ этотъ дешевле, такъ какъ не нужно платить за лавки и нанимать прикащиковъ. Сами крестьяне, собравъ 2.000 или 3.000 пудовъ хлѣба, привозили бы его въ Петербургъ и распродавали бы на станціи. Интендантству, конечно, пришлось бы арендовать какую-нибудь мельницу, но нѣтъ надобности нанимать ее на большой срокъ, потому что если это будетъ выгодно, то явятся другія мельницы...“

Не найдется ли въ этихъ идеяхъ зародыша той новой системы которую ищутъ въ настоящее время на смѣну оказавшагося несостоятельнымъ порядка?

Авторъ упомянутаго выше письма предлагаетъ, съ своей стороны, особую организацію для поставокъ военнаго довольствія вообще. По его мнѣнію, корень зла нашихъ провіантскихъ дѣлъ заключается главнымъ образомъ въ злоупотребленіяхъ поставщиковъ, берущихъ на себя въ одной и той же операціи обязательство доставлять не только рожь на мельницу, но и готовую муку въ склады. Неурожайный годъ, и подрядчикъ, въ огражденіе себя отъ потерь, принужденъ какъ бы изворачиваться различными неблаговидными продѣлками, благодаря которымъ войско получаетъ плохое довольствіе. Для доставленія здоровой пищи и въ отвращеніе злоупотребленій слѣдуетъ ввести въ каждомъ районѣ размѣщенія войскъ доставку муки наиболѣе близкаго къ нему, какъ бы мѣстнаго перемола, такъ-какъ она наиболѣе гарантирована отъ сопряженной съ перевозкой порчи. Затѣмъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ избѣгать общаго подряда въ лицѣ одного и того же подрядчика, поставляющаго и зерно, и перемолъ, но раздѣлить операцію на двѣ независимыя одна отъ другой операціи: 1) Поставка ржи на мельницу, съ отвѣтственностью за пріемъ ея въ недоброкачественномъ видѣ. 2) Сдача мельникомъ муки провіантскому вѣдомству, уже подъ его отвѣтственностью...

Предложенія автора не представляютъ, впрочемъ, новости. Поставка ржи давно уже отдѣлена отъ перемола и доставки муки на большомъ пространствѣ Одесскаго и Кавказскаго военныхъ округовъ. Мы говоримъ о контрактѣ Посохова на перемолъ, храненіе, и развозку муки въ сплавные магазины Одесскаго и отчасти Кавказскаго военныхъ округовъ. Посоховъ владѣетъ обширною паровою мельницей въ Ростовѣ на Дону и большимъ морскимъ пароходомъ. Результаты контракта Посохова были вообще удовлетворительнѣе результатовъ контракта Фейгина-Овсянникова. Но и эти сравнительно лишь лучшіе результаты много подняли цѣну на хлѣбъ въ Одесскомъ округѣ, какъ это было подробно разъяснено въ № 310 *Моск. Вѣд.* 1874.

Правда, Посоховъ допускается и къ поставкѣ муки въ сухопутные магазины и кромѣ перемола обязанъ ставить рожь для сплавныхъ магазиновъ Одесскаго округа. Но эта обязанность наступаетъ лишь когда на торгахъ будутъ выпрошены слишкомъ высокія цѣны. Трудно понять какая польза произошла бы отъ отмѣны такого обязательства. Врядъ ли многое можетъ быть достигнуто простымъ отдѣленіемъ подряда поставки ржи отъ подряда перемола. Система дѣйствующая въ Одесскомъ округѣ требуетъ болѣе значительныхъ улучшеній и самаго тщательнаго пересмотра...

№ 85.

Москва, 2-го апрѣля.

Въ бельгійской *Nord*, отъ 7 апрѣля, помѣщена интересная корреспонденція изъ Петербурга которая, судя по ея содержанію, не замедлитъ обратить на себя вниманіе за границей. Корреспонденція писана, очевидно, лицомъ компетентнымъ и свѣдущимъ, содержаніе же ея имѣетъ цѣлью, вопервыхъ, отстоять дѣйствія русской политики касательно Герцеговинскаго затрудненія отъ нѣкоторыхъ нареканій и укоровъ, а вовторыхъ, показать что настоящій образъ дипломатическихъ стараній направленныхъ къ умиротворенію есть наилучшій при данныхъ условіяхъ и обѣщаетъ быть плодотворнымъ. Относительно прямодушія, искренности и миролюбія дѣйствій Россіи при настоящемъ опасномъ кризисѣ нельзя не согласиться съ авторомъ: ей воздана

справедливость и безпристрастными органами заграничной печати. Но, къ сожалѣнію, какъ мы уже указывали на дняхъ, нельзя того же сказать о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ другихъ державъ, и не придти къ заключенію что общее дипломатическое участіе въ дѣлѣ до сихъ поръ, повидимому, шло не тѣмъ путемъ какъ слѣдовало. Продленіе недоразумѣній не можетъ обѣщать благотворныхъ результатовъ, а скорѣе грозитъ дѣйствительно опасными замѣшательствами.

Это впрочемъ явствуетъ изъ заключеній самого корреспондента. Его письмо помѣчено 1 апрѣля нов. ст., то-есть когда начиналось 12-тидневное перемиріе условленное для переговоровъ съ вождями инсургентовъ: свѣдущій корреспондентъ бельгійской газеты надѣялся что представители Россіи и Австро-Венгріи воспользуются этимъ промежуткомъ времени и устроятъ дѣло такъ что выходцы будутъ спокойно и съ довѣріемъ возвращаться на родину. Теперь этотъ срокъ уже истекъ, и не видно чтобъ эти надежды оправдались. Да и какъ было достигнуть въ 12 дней того надъ чѣмъ были безуспѣшно потрачены нѣсколько мѣсяцевъ переговоровъ происходившихъ въ глубокой тайнѣ? О безплодности же прежнихъ переговоровъ свидѣтельствуетъ самъ корреспондентъ, хотя прямо и не признаетъ этого. Что говоритъ онъ? Онъ не обманываетъ себя что послѣдняя задача дипломатіи, то-есть внушеніе довѣрія, безъ коего невозможно прочное умиротвореніе, есть самая трудная. Пока предстояло лишь налегать на Порту чтобы добиться отъ нея реформъ, твердое и прямое дѣйствіе кабинетовъ было достаточно, но оно безсильно искоренить недовѣріе основанное не только на прежнихъ горькихъ опытахъ, но и на событіяхъ настоящаго времени, всѣмъ очень хорошо извѣстныхъ. Турецкое правительство, говоритъ корреспондентъ, безсовѣстно обманывается своими агентами, а съ тѣмъ вмѣстѣ, обнищаніе его такъ велико что его солдаты вынуждены грабежомъ добывать себѣ продовольствіе, или продавать свои патроны инсургентамъ. Въ виду этихъ фактовъ, за вѣрность коихъ корреспондентъ ручается, и которые впрочемъ извѣстны всѣмъ, какъ ожидать, говоритъ онъ, чтобы выходцы довѣрились обѣщаніямъ Порты?

Итакъ, его же заключенія приводятъ къ тому что реформы обѣщанныя населеніямъ обѣихъ провинцій не имѣютъ никакого значенія, и что слѣдовательно, для умиротворенія рѣшительно ничего не сдѣлано. Корреспондентъ объясняетъ что остается сдѣлать. Для умиротворенія края, учитъ онъ, необходимо дарованіе *автономіи* христіанамъ.

Остановимся на этомъ. Корреспондентъ предполагаетъ дарованіе лишь административной автономіи христіанскихъ общинъ и видитъ въ этомъ возвращеніе къ какому-то прежнему устройству христіанскихъ населеній которое давало имъ возможность переносить турецкое владычество. Не будемъ вдаваться въ подробности вопроса. Достаточно что вновь произносится слово которое многимъ приходило на мысль съ самаго начала герцеговинскаго затрудненія. Итакъ, автономія, въ какомъ бы то ни было видѣ, есть единственная гарантія всѣхъ указанныхъ въ австрійской нотѣ реформъ, а безъ нея всѣ обѣщанія Порты не болѣе какъ пустыя слова. Но въ такомъ случаѣ, съ этого слѣдовало и начать. Почему же и объ этомъ нѣтъ помина въ нотѣ графа Андраши? Съ чьей стороны могло быть возраженіе противъ этой мѣры? Конечно, не Россія могла возражать противъ обезпеченія участи турецкихъ христіанъ, что всегда было ея заботой; едва ли могло явиться возраженіе и со стороны Германіи, прямо не заинтересованной въ томъ или другомъ рѣшеніи вопроса. Слѣдовательно, возраженіе противъ автономіи могло идти только отъ Австріи, въ чемъ мы убѣждаемся и всѣми ея дальнѣйшими дѣйствіями. Но какимъ же образомъ отказывая христіанамъ въ обезпеченіи, австрійскія власти хотятъ теперь принудить ихъ возвратиться какъ стадо барановъ? Мало того, какимъ образомъ австрійскія власти идутъ далѣе и сами становятся на мѣсто Турокъ дѣятельно пособляя имъ обезоруживать возстаніе? Вотъ вопросы требующіе разъясненія. Если дипломатическое невмѣшательство было необходимо для интересовъ Европы, слѣдовало сдѣлать что-нибудь существенное для несчастныхъ провинцій. А если не имѣлось въ виду сдѣлать что-нибудь подобное, то не должно было поощрять и разжигать движеніе. А что оно разжигалось и поощрялось объ этомъ говорятъ факты. Конечно, возбужденіе шло не отъ Россіи, но что оно шло отъ Австріи, это всѣмъ извѣстно. Довольно припомнить что британскій статсъ-се-

кретарь, лордъ Дарби, 5 минувшаго марта, говоря въ Парламентѣ что онъ вполнѣ вѣритъ искренности миролюбивыхъ стараній Россіи и Австріи, почему-то счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о трудности соблюденія строгаго нейтралитета на самой границѣ возстанія. Рѣчь британскаго министра показывала что онъ искалъ только благовидной апологіи для австрійскихъ властей. Да и кому неизвѣстно какъ свободно во все время борьбы инсургенты расхаживали съ турецкой территоріи на австрійскую и обратно, причемъ имъ давалась полная возможность пріобрѣтать въ Австріи оружіе? И вдругъ теперь имъ говорятъ что кровавая шутка кончена, у нихъ отбирается оружіе, несчастныя семейства прогоняются назадъ безъ всякаго обезпеченія ихъ участи, кромѣ обѣщаній отъ исполненія коихъ Турки уже отступаются...

Въ виду такого результата дипломатическаго вмѣшательства, мудрено ли что многіе спрашиваютъ себя зачѣмъ оно было предпринято, и полагаютъ что было бы лучше оставить турецкихъ христіанъ самихъ разчитываться съ Турками?

№ 86.

Москва, 7-го апрѣля.

На дняхъ мы обратили вниманіе нашихъ читателей на корреспонденцію изъ Петербурга въ бельгійской газетѣ *Nord*, которая старалась оправдать русскую политику въ отношеніи къ Герцеговинскому затрудненію отъ нѣкоторыхъ нареканій и упрековъ. Свѣдующій корреспондентъ, въ назиданіе нетерпѣливыхъ критиковъ дипломатіи, доказывалъ что избранный путь есть наилучшій для достиженія цѣли, то-есть умиротворенія края. Тогда уже извѣстно было что умиротвореніе въ томъ тѣсномъ смыслѣ какъ повидимому его понимали австрійскія власти коимъ поручены были переговоры съ вождями инсургентовъ—не удалось, и не трудно было усмотрѣть что оставалось сдѣлать дипломатіи или, лучше сказать, съ чего бы ей слѣдовало начать.

Между тѣмъ, мы видимъ теперь другой странный фактъ. Всю вину неудачи австрійскихъ властей убѣдить инсургентовъ къ покорности англійская печать приписываетъ прямо будто бы вдругъ измѣнившемуся тону русской печати, которая вновь стала де нападать на Турцію и потакать возстанію. Въ этихъ двухъ обстоятельствахъ, совпавшихъ по времени, желаютъ видѣть непремѣнную взаимную связь, и находятъ невозможнымъ объяснить *упорство* инсургентскихъ вождей, въ виду отеческой заботливости о нихъ европейской дипломатіи, иначе какъ ихъ убѣжденіемъ что они почему-то разчитываютъ на поддержку Россіи. Правда, ни одна изъ заграничныхъ газетъ еще не находила никакого повода изобличать Русское правительство въ поощреніи возстанія или даже въ противодѣйствіи общимъ стараніямъ объ умиротвореніи. Но за то изобличаются происки неугомонныхъ славофиловъ, которые сами никакъ не могутъ помириться съ бездѣйствіемъ нашей политики въ настоящее время, и усиливаются дать ей иное, болѣе соотвѣтствующее ихъ желаніямъ и обстоятельствамъ времени, направленіе, въ надеждѣ что ихъ усилія не останутся безуспѣшными. Не говоря уже о завзятой туркофильской *Morning Post* которая видѣла въ неудачѣ переговоровъ достойный плодъ неумѣстной политики графа Андраши вмѣшательства въ дѣла Турціи, и другія газеты не хотѣли видѣть иной причины этой неудачи. *Standard* прямо спрашиваетъ: чему приписать смѣлость инсургентовъ, отказавшихся внять убѣжденіямъ барона Родича?—и отвѣтъ на свой вопросъ находитъ въ томъ что, основательно или нѣтъ, но они де разчитываютъ на покровительство Россіи. И по словамъ *Daily News*, главная опасность усматриваемая континентальными политиками отъ продленія возстанія заключается въ томъ что хотя Россія, подобно Австріи, имѣетъ основаніе желать ограниченія волненій въ Турціи, но что если тѣмъ не менѣе они разовьются, то Русское правительство сочтетъ своею обязанностью принять мѣры для поддержанія своего нравственнаго преобладанія между южными Славянами. Даже болѣе осторожная *Times*, излагая фактически результатъ переговоровъ, замѣтила что одна де изъ главныхъ силъ дѣйствующихъ въ настоящее время есть тонъ части русской печати въ коемъ въ юго-восточной Европѣ видятъ указаніе на вѣроятное направленіе русской политики. Вслѣдъ за англійскими газетами, и нѣмецкія, по поводу нѣкоторыхъ извѣстій сообщенныхъ чешскими органами *Politik* и *Narodny Listy*, усмотрѣли въ нихъ дока-

зательство что Россія будто бы ведетъ двойную игру въ Турціи. Берлинскій корреспондентъ *Times* понимаетъ это иначе, и говоритъ что заявленія русскихъ славофиловъ внушены просто убѣжденіемъ что ихъ мнѣнія подъ конецъ все-таки одержатъ верхъ, а также и по его словамъ упорство Герцеговинскихъ инсургентовъ объясняется тѣмъ что они имѣютъ основаніе разчитывать на содѣйствіе вліятельныхъ славофиловъ.

Въ чемъ же однако обнаружилось это упорство, и нѣтъ ли для него проще объясненія? Послѣ того что уже извѣстно о гарантіяхъ какія предлагались инсургентамъ за изъявленіе покорности и которыя въ сущности представляли отсутствіе всякихъ гарантій, намъ нѣтъ надобности искать отвѣта на эти вопросы, и доказывать натяжку вышеупомянутыхъ объясненій. Вмѣсто того чтобы возражать на нихъ, приведемъ слѣдующее разсужденіе *Daily Telegraph* по поводу неуспѣшной попытки умиротворенія Герцеговины: „Генералъ „Родичъ созываетъ непокорныхъ вождей „и увѣщеваетъ ихъ, русскіе эмиссары го„ворятъ имъ что нечего ожидать отъ ихъ „могущественной сѣверной покровительни„цы; даже Сербія и Черногорія не пока„зываютъ признака приготовленія къ не„медленному дѣйствію пока давленіе на „нихъ великихъ державъ продолжается въ „интересѣ мира. Между тѣмъ инсуррек„ціонное движеніе повидимому началось въ „Босніи. Досадно при этихъ обстоятель„ствахъ слышать что истинное затрудне„ніе въ деньгахъ, и что не будь Турція „такъ неимуща, инсургентскіе вожди были „бы болѣе послушны совѣтамъ барона Ро„дича. Турки уступаютъ все чего отъ „нихъ требуютъ. Но когда инсургенты „спрашиваютъ нѣчто большее чѣмъ только „обѣщанія, они не могутъ получить ни„чего. Продажность турецкой администра„ціи преграждаетъ путь даже относитель„но тѣхъ средствъ къ возстановленію ми„ра, которыя иные изъ недовольныхъ Гер„цеговинцевъ готовы принять.“

Не то ли же самое говорили недавно и мы?

Но мы могли бы спросить: если сопротивленіе инсургентовъ благимъ совѣтамъ барона Родича зависѣло отъ чьихъ-либо внушеній, то почему ихъ искать въ русской печати? Почему не въ англійской, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части ея, гдѣ помѣщались статьи и корреспонденціи гораздо сильнѣе и рѣзче за послѣдне время чѣмъ въ русскихъ газетахъ. Русская печать не имѣетъ надобности враждовать противъ Турціи, но заступаясь за христіанъ она не измѣняла своего направленія и говорила то же что и всегда. Но перемѣна произошла въ сужденіяхъ англійской печати, за что, впрочемъ, мы отнюдь не упрекаемъ ея. Замѣчательныя изъ Рагузы письма спеціальнаго корреспондента *Times*, сообщавшаго съ полнымъ безпристрастіемъ объ ужасномъ положеніи Герцеговины, давно по справедливости обратили на себя общее вниманіе. Въ Англіи образовалась лига на помощь турецкимъ христіанамъ, которая старается публичными митингами пробудить общественное сочувствіе къ ихъ страданіямъ и тѣмъ загладить прежнюю вину Англичанъ предъ ними. Ораторы говорящіе на этихъ митингахъ не стѣсняются въ своихъ рѣчахъ изобличать какъ пороки турецкой администраціи, такъ и прежнюю ошибочную политику Англіи. Наконецъ, извѣстныя письма патрона этой лиги лорда Росселя и секретаря оной г. Фарлея прямо убѣждали инсургентовъ не вѣрить турецкимъ обѣщаніямъ и не класть оружія. Сильнѣе этого ничего не говорилось въ русской печати.

Указываемъ на это ради возстановленія истины. Но собственно говоря, искать причины упорства и непокорности совѣтамъ инсургентовъ нѣтъ надобности, ибо прежде всего самый фактъ выставляется въ невѣрномъ свѣтѣ. Переговоры пока не привели къ ожиданнымъ результатамъ, но не доказано чтобы вслѣдствіе упорства инсургентовъ. По крайней мѣрѣ, вѣнскій корреспондентъ *Times*, разказывая о переговорахъ, не замѣчаетъ этого упорства, и напротивъ находитъ что инсургенты оказались довольно сговорчивыми. Вопервыхъ, они попросили времени у барона Родича подумать и дозволенія представить меморандумъ съ изложеніемъ своихъ желаній, который и представили на другой день за подписью 28 вождей. Въ этомъ документѣ они съ благодарностью признаютъ значеніе реформъ и уступокъ пріобрѣтенныхъ для нихъ державами, и изъявляютъ готовность принять ихъ; но въ то же время они полагаютъ что, въ особенности относительно гарантій исполненія, не достаточно сдѣлано чтобы дать имъ возмож-

ность возвратиться въ полной безопасности и дѣйствительно воспользоваться преимуществами кои добыты для нихъ державами. Поэтому дальнѣйшія желанія они выразили въ слѣдующихъ шести пунктахъ: 1) чтобы третья часть земель арендуемыхъ райями у мусульманскихъ помѣщиковъ была имъ уступлена въ собственность; 2) чтобы кромѣ обѣщанныхъ сѣменъ для посѣва и средствъ существованія до жатвы, имъ были также даны земледѣльческія орудія и чтобъ они были освобождены отъ податей не на одинъ только годъ, а на три; 3) чтобы турецкія войска были удалены и сосредоточены гарнизонами только въ шести пунктахъ и чтобъ инсургенты сохранили оружіе пока магометане не будутъ равнымъ образомъ обезоружены; 4) чтобы пособія имъ раздавались европейскими коммиссарами, а не турецкими чиновниками; 5) чтобы были созваны старшины селеній для выбора, по согласію съ властями, новыхъ совѣтовъ обѣщанныхъ фирмановъ; и 6) чтобы во всѣхъ шести пунктахъ гдѣ будутъ стоять турецкіе гарнизоны находились австрійскій и русскій коммиссары для надзора за исполненіемъ реформъ.

Практичны или нѣтъ всѣ эти желанія выраженныя инсургентами, но они, по мнѣнію корреспондента *Times*, вовсе не указываютъ на намѣреніе продолжать борьбу во что бы то ни стало. Вмѣсто того чтобы толковать объ упорствѣ, онъ, напротивъ, находитъ весьма важнымъ что первый шагъ сдѣланъ, такъ что остальное можетъ быть предметомъ дальнѣйшихъ переговоровъ и соглашенія. Слѣдовательно, изъ его словъ выходитъ что инсургенты вовсе не противились желаніямъ державъ, а просили только дать имъ вѣрное обезпеченіе для пользованія тѣми самыми уступками за которыя они изъявляли признательность. Въ довершеніе всего, корреспондентъ воздаетъ хвалу какъ князю Черногорскому, такъ и русскому агенту по раздачѣ пособій выходцамъ, г. Веселитскому-Божидаровичу, которые своими совѣтами содѣйствовали сговорчивости инсургентовъ.

На это сообщеніе корреспондента англійской газеты не мѣшало бы обратить вниманіе прежде чѣмъ голословно упрекать русскую печать. Изъ него оказывается что даже о несговорчивости инсургентовъ толковать вовсе было напрасно. Мы не знаемъ съ какою цѣлью не перестаютъ періодически распускаться странныя инсинуаціи противъ Россіи, но обращаемъ вниманіе на передаваемую въ телеграммѣ изъ Берлина статью *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, которая объясняетъ тревожное предположеніе будто Россія играетъ въ двойную игру желаніемъ поссорить Россію съ Германіей.

№ 87.

Москва, 8-го апрѣля.

Просматривая отзывы земскихъ учрежденій и губернскихъ начальствъ по вопросу о введеніи обязательнаго убиванія зачумленнаго скота, невольно приходишь къ убѣжденію что самыя казалось бы преувеличенныя исчисленія размѣровъ вреда причиняемаго скотскими падежами народному хозяйству Россіи далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Чтобы дать понятіе о томъ какъ тяжело ложится это бѣдствіе на народъ, достаточно привести немногіе примѣры: въ Самарской губерніи, по свѣдѣніямъ собраннымъ мѣстнымъ земствомъ, скотскіе падежи истребляютъ ежегодно 13% или болѣе восьмой части всего крестьянскаго скота; въ Нижегородской губерніи, во многихъ уѣздахъ, десятки селеній остались совершенно безъ скота; дошло до того что многіе землевладѣльцы Сергачскаго уѣзда вовсе перестали держать рогатый скотъ, а вынуждены покупать и выращивать крестьянскихъ жеребятъ чтобы не остаться совершенно безъ навоза... Между тѣмъ, указанныя мѣстности не составляютъ исключенія; въ такомъ же положеніи какъ Самарская и Нижегородская находятся и десятки другихъ губерній. Самая страшная изо всѣхъ эпизоотій, скотская чума, съ каждымъ годомъ становится все опустошительнѣе и все шире распространяетъ районы своего пагубнаго вліянія. Мало уже остается такихъ мѣстностей которыя, какъ напримѣръ Архангельская, Вологодская и Олонецкая губерніи, не платятъ ежегодной дани этому грозному врагу нашего скотоводства и земледѣлія.

Но чѣмъ опустошительнѣе наши падежи, чѣмъ гибельнѣе отзывается скотская чума на всемъ ходѣ нашего народнаго хозяйства, тѣмъ поразительнѣе равнодушіе съ какимъ у насъ повсемѣстно относятся къ

этому общественному бѣдствію, пренебреженіе къ принятію мѣръ которыя могли бы уменьшить его развитіе. Страшная заразительность скотской чумы давно уже внѣ всякаго сомнѣнія. Давно признано что незарываніе зараженныхъ труповъ, снятіе съ нихъ кожъ и непринятіе мѣръ къ истребленію и дезинфекціи зараженныхъ мѣстъ и предметовъ суть главныя причины того что каждый пунктъ гдѣ разъ появилась чума становится надолго разсадникомъ заразы для цѣлой округи. А между тѣмъ что мы видимъ повсюду? Какого рода заявленіями переполнены вышеупомянутые отзывы земскихъ учрежденій и губернскихъ начальствъ? Губернаторъ одной изъ приволжскихъ губерній пишетъ что крестьяне, „несмотря на настояніе со стороны полиціи, продолжаютъ или вовсе не зарывать трупы палаго скота, или же зарываютъ у себя на дворѣ въ неглубокихъ ямахъ, не устраняющихъ возможности заразительныхъ отъ труповъ испареній, причемъ почти всегда снимаютъ кожи съ труповъ.“ Въ другомъ офиціальномъ отзывѣ (изъ западнаго края) читаемъ: „безуспѣшность медико-полицейскихъ мѣръ противъ чумной заразы зависитъ наиболѣе отъ несвоевременнаго объявленія крестьянами о возникновеніи ея, несоблюденія ими вообще предписанныхъ мѣръ, въ томъ числѣ и незакапыванія вовсе, или недостаточно глубоко, павшаго скота, наконецъ отъ дѣйствій Евреевъ-скотопромышленниковъ, покупающихъ шкуры, сало, рога и кости павшаго скота....“ Въ третьемъ отзывѣ (также изъ западнаго края) значится: „скотовладѣльцы стараются скрывать болѣзнь чтобы не потерять денегъ выручаемыхъ чрезъ продажу за дешевую цѣну Евреямъ какъ заболѣвшихъ животныхъ, такъ равно и кожъ снятыхъ съ павшаго скота,“ и т. д. Въ общемъ выводѣ оказывается что скотовладѣльцы повсемѣстно стараются скрывать появленіе заразы и извлекать изъ зараженныхъ и павшихъ животныхъ возможныя для себя выгоды, нисколько не заботясь о томъ что дѣйствуя такимъ образомъ они распространяютъ заразу по всей окрестности, становятся виновниками общаго разоренія цѣлаго края.

Останавливаясь на приведенныхъ фактахъ, невольно ставишь себѣ вопросъ чѣмъ дѣйствія этихъ распространителей заразы отличаются отъ дѣйствій поджигателя бросающаго тлѣющую головню на соломенную крышу, и какимъ образомъ эти равносильные поджигательству поступки могутъ повсемѣстно совершаться такъ сказать на глазахъ администраціи и суда? Неужели законъ безсиленъ противъ виновниковъ общественныхъ бѣдствій?

По странному сцѣпленію идей, у насъ, къ сожалѣнію, установился весьма легкій взглядъ на нарушенія ветеринарно-полицейскихъ правилъ. Исполненіе ихъ слишкомъ де тяжело отзывается на частномъ интересѣ. Человѣка уже пострадавшаго отъ падежа, особенно крестьянина, нельзя де строго осуждать за то что онъ не увеличиваетъ самъ понесеннаго имъ ущерба истребленіемъ имѣющихъ цѣнность остатковъ павшаго животнаго и вещей бывшихъ съ нимъ въ прикосновеніи и тратой денегъ и труда на дезинфекцію и другія предписываемыя ветеринарно-полицейскими правилами мѣры. Весьма де естественно что, напротивъ, онъ старается извлечь изъ павшаго животнаго хоть какую-нибудь выгоду, продажей его кожи, роговъ, копытъ, и т. д. Конечно, такимъ путемъ зараза распространяется, но нельзя же вѣдь требовать отъ бѣднаго крестьянина чтобъ онъ, самъ постигнутый бѣдой, великодушно и самоотверженно забылъ что своя рубашка къ тѣлу ближе. Подобныя мысли если и не высказываются прямо, то, можно сказать, сквозятъ во множествѣ тѣхъ отзывовъ которые, сколько намъ извѣстно, были доставлены въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ когда въ немъ серіозно приступили къ обсужденію вопроса о мѣрахъ къ ослабленію скотскихъ падежей. Допущеніемъ такихъ мыслей объясняется отчасти и то обстоятельство что Ветеринарный Комитетъ, проектируя выдачу вознагражденія за убиваніе зачумленнаго скота, какъ премію за своевременное заявленіе объ обнаружившейся заразѣ и за содѣйствіе исполнителямъ ветеринарно-полицейскихъ мѣръ, вовсе не коснулся другой стороны вопроса—взысканій за сокрытіе появившейся заразы и за неисполненіе ветеринарно-полицейскихъ предписаній.

Не трудно, однако, при трезвомъ взглядѣ на дѣло, убѣдиться что всѣ соображенія приводимыя въ извиненіе поступковъ распространителей заразы имѣютъ слишкомъ мало вѣса чтобы на нихъ позволительно было опираться. Нельзя допустить

чтобы ради одного частнаго интереса страдали тысячи другихъ, не менѣе уважительныхъ интересовъ, чтобы ради своекорыстнаго разчета одного лица подвергался разоренію цѣлый край. Несчастіе обрушившееся на одно лицо не даетъ ему права причинять несчастія тысячамъ другихъ, хотя бы оно и видѣло въ этомъ для себя выгоду; обокраденному не дозволяется обворовывать другихъ; тотъ кому подсунули фальшивую бумажку не смѣетъ самъ сбывать ее другимъ. Грошовый разчетъ на выгоды отъ продажи зачумленныхъ остатковъ палаго скота не уменьшаетъ безнравственности ихъ сбыта; иначе пришлось бы оправдывать почти всѣ преступленія, ибо большею частію они совершаются именно изъ корыстныхъ разчетовъ. Принимать мѣры противъ падежей, тратить большія суммы на содержаніе многочисленнаго ветеринарнаго персонала, а въ то же время не принимать строгихъ мѣръ противъ распространителей эпизоотіи—не то же ли это самое что устраивать прекрасную пожарную команду и усердно тушить горящіе дома не мѣшая въ то же время негодяямъ растаскивать головни для поджога сосѣднихъ зданій изъ корыстнаго разчета?

Нельзя не одобрить проектируемой Ветеринарнымъ Комитетомъ выдачи премій за добровольное подчиненіе и содѣйствіе ветеринарно-полицейскимъ правиламъ, равно какъ и принятія на общественный счетъ расходовъ по дезинфекціи предметовъ бывшихъ въ соприкосновеніи съ зачумленнымъ животнымъ. Это можетъ значительно уменьшить число случаетъ уклоненія отъ исполненія мѣръ необходимыхъ для ослабленія и прекращенія падежей. Но однѣхъ премій тутъ недостаточно. Необходимо чтобы нарушителямъ ветеринарно-полицейскихъ предписаній грозили достаточно строгія наказанія. И лишь въ такомъ случаѣ когда придется выбирать между карою съ одной стороны и наградою съ другой, можно будетъ съ увѣренностью разчитывать что необходимыя для прекращенія народнаго бѣдствія мѣры не останутся только на бумагѣ, какъ это было доселѣ, а дѣйствительно будутъ исполняемы. Притомъ нельзя забывать что систему премій предполагается примѣнить на первое время лишь къ семнадцати губерніямъ. Распространить ихъ на большее число губерній не позволяетъ пока недостатокъ средствъ. Но карательныя мѣры нынѣ же могутъ быть распространены на всю Россію. Положимъ, результатъ ихъ примѣненія, безъ содѣйствія мѣръ поощрительныхъ, будетъ слабѣе результатовъ совокупнаго дѣйствія тѣхъ и другихъ. Но все же губерніи не вошедшія въ составъ проектируемыхъ на первое время трехъ ветеринарныхъ округовъ получили бы въ карательныхъ мѣрахъ теперь же хоть что-нибудь; предлагающій же однѣ поощрительныя мѣры проектъ Ветеринарнаго Комитета не дастъ имъ до поры до времени никакихъ улучшеній.

Скажутъ, можетъ-быть, что въ установленіи карательныхъ мѣръ нѣтъ надобности, потому что онѣ уже установлены закономъ. Да, установлены. Но таковы ли онѣ чтобы могли быть признаны соотвѣтствующими безнравственности караемыхъ проступковъ и преступленій? Достаточны ли онѣ для того чтобы побудить воздерживаться отъ дѣяній послѣдствіемъ коихъ бываетъ разореніе цѣлыхъ мѣстностей? Стóитъ прочесть относящіяся сюда статьи закона чтобъ убѣдиться до какой степени онѣ нуждаются въ пересмотрѣ.

Человѣкъ скрылъ появленіе чумы на скотѣ, не далъ такимъ образомъ возможности прекратить бѣдствіе въ самомъ началѣ и тѣмъ разорилъ цѣлую округу, хуже чѣмъ обокралъ и ограбилъ населеніе нѣсколькихъ деревень; человѣкъ не исполнилъ предписаній закона о принятіи мѣръ предосторожности противъ заразы скота, а напротивъ бросилъ зараженный скотъ гдѣ попало, такъ что собаки растаскали мясо по дворамъ и разнесли болѣзнь по всей окрестности; человѣкъ снялъ съ зачумленнаго животнаго шкуру, рога и копыта, продалъ ихъ за безцѣнокъ; купившій везетъ ихъ за сотни верстъ, и по всему пути слѣдомъ за этимъ товаромъ идутъ тяжкія бѣды неповинныхъ въ этой безнравственной сдѣлкѣ сельчанъ и горожанъ. Какой отвѣтъ дастъ виновникъ всѣхъ этихъ бѣдствій и людскихъ слезъ, пустившій по міру не одну семью, подорвавшій благосостояніе цѣлаго края?

Онъ можетъ быть привлеченъ въ камеру мироваго судьи (большею же частію никто его вовсе къ суду и не привлекаетъ), который, если не окажется смягчающихъ вину обстоятельствъ, можетъ приговорить его, на основаніи 112 и 115 статей Уста-

ва о Наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, къ штрафу или аресту; высшая мѣра наказанія — мѣсячный арестъ или сторублевый штрафъ! Распространитель заразы признается менѣе виновнымъ предъ обществомъ чѣмъ мелкій воришка, укравшій 51 копѣйку и присуждаемый за то не къ штрафу или къ аресту, а къ тюремному заключенію на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ. Въ случаѣ если этотъ воришка укралъ 51 копѣйку ночью, тюремное заключеніе его можетъ быть продолжено даже до одного года. Но „коллежскій секретарь Еланскій, признанный виновнымъ въ томъ что снималъ шкуры съ павшаго отъ заразительной болѣзни скота и приготовлялъ для рабочихъ солонину изъ мяса больнаго скота,“ не можетъ быть приговоренъ болѣе чѣмъ къ мѣсячному аресту если только таковой не замѣненъ сторублевымъ штрафомъ.

Несовершенство нашего законодательства въ этомъ отношеніи особенно бросается въ глаза при сопоставленіи 169, 170 и 171 статей Уст. о Нак. налаг. мир. судьями съ 1.623 ст. общаго Уложенія о Наказаніяхъ. Недоумѣваешь что̀ должно считаться болѣе безнравственнымъ и вреднымъ для общества: кража ли въ ночное время 51 копѣйки, или сообщеніе „*нарочно или съ умысломъ* заразительной болѣзни чужому скоту?“ За первое изъ этихъ преступленій, по силѣ вышепомянутыхъ 169, 170 и 171 статей, виновный можетъ поплатиться годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ; за второе, если по не зависящимъ отъ преступника обстоятельствамъ, заразительная болѣзнь не распространилась, онъ, въ силу 1.623 ст., можетъ быть подвергнутъ только „*аресту* на время отъ *трехъ недѣль* до трехъ мѣсяцевъ!“ Болѣе строгое наказаніе негодяю „нарочно или съ умысломъ сообщившему заразительную болѣзнь чужому скоту“ грозитъ только въ томъ случаѣ „если зараза и смертность отъ сего дѣйствительно распространилась;“ тогда онъ, „смотря по степени бывшей или угрожавшей отъ того опасности и по важности причиненнаго тѣмъ вреда или убытка,“ можетъ быть подвергнутъ „лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ“—то-есть потерѣ права участвовать въ выборахъ и быть избираемому въ почетныя или соединенныя со властью должности,—и „заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ.“ Таковъ maximum наказанія за *умышленное* разореніе цѣлаго края!

Не удивительно что при такомъ отношеніи закона къ распространителямъ чумной заразы, Саратовскому земству пришлось сдѣлать въ своемъ отзывѣ указаніе „что торгаши-Татары появляются въ селахъ не только немедленно при началѣ падежа, но и незадолго до обнаруженія болѣзни. Народный говоръ утверждаетъ что бывали случаи злоумышленнаго зараженія скота, по преимуществу Татарами, посредствомъ разбрасыванья зачумленной соли и даже остатковъ отъ павшихъ животныхъ.“ Что же? не слѣдуетъ ли смотрѣть сквозь пальцы на этихъ промышленниковъ, по роду своихъ занятій извлекающихъ изъ падежа скота существенную для себя пользу?

№ 88.

Москва, 9-го апрѣля.

Такъ-называемыя „дипломатическія разоблаченія“ часто служатъ весьма дѣйствительнымъ средствомъ для политическихъ или биржевыхъ игроковъ спекулирующихъ, смотря по своимъ затаеннымъ цѣлямъ, на повышеніе или пониженіе настроенія данной минуты. Прошедшая недѣля ознаменовалась еще однимъ маневромъ подобнаго рода, и судя по органамъ гдѣ впервые появились эти разоблаченія не трудно догадаться откуда идетъ агитація и съ какою цѣлью она затѣяна. Обнародованы документы относящіеся до сентября 1870 года, именно донесенія Халиль-бея (теперешняго турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ), въ то время только-что назначеннаго турецкимъ посланникомъ въ Вѣну, Аали-пашѣ, тогдашнему великому визирю. Появились эти документы впервые въ газетѣ *Rome*, ультрамонтанскомъ органѣ на французскомъ языкѣ издающемся въ Римѣ; затѣмъ они были перепечатаны въ *Mémorial Diplomatique*, а ужь изъ послѣдней газеты заимствовала ихъ *Neue Freie Presse* которая сопроводила ихъ громовою статьей отъ 12-го апрѣля направленною противъ союза трехъ имперій вообще и противъ Россіи въ особенности. Статья эта отличалась столь рѣзкимъ характеромъ что ею были пора-

жены даже обычные читатели этой газеты, всегда относящейся враждебно къ Россіи и не скрывающей своей связи съ турецкимъ посольствомъ въ Вѣнѣ. На Вѣнской биржѣ въ тотъ день произошла настоящая паника, и игра на пониженіе удалась вполнѣ. Телеграфъ принесъ намъ съ тѣхъ поръ нѣсколько категорическихъ опроверженій противъ выводовъ Вѣнскаго органа Турецкаго правительства. Но что касается самихъ документовъ теперь обнародованныхъ, то изъ нихъ опровергнуты покамѣсть лишь тѣ которые относятся до Русскаго посольства въ Вѣнѣ. Въ депешѣ изъ Петербурга отъ Русскаго генеральнаго агентства, напечатанной въ берлинскихъ газетахъ, документы эти названы подложными. Остальные же до сихъ поръ не опровергнуты. Мы приведемъ содержаніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Въ шифрованной депешѣ Халиль-бея къ Аали-пашѣ, отъ 21-го сентября 1870 года, сказано что „лицо доставляющее свѣдѣнія только-что передало посольству двѣ копіи,“ которыя также сообщаются по телеграфу. Эти два документа оказываются шифрованными депешами коими будто бы обмѣнялись русскій посолъ въ Вѣнѣ, г. Новиковъ, съ русскимъ консуломъ въ Рагузѣ. Въ этихъ депешахъ рѣчь идетъ о подготовленіи возстанія въ Герцеговинѣ чрезъ посредство и при содѣйствіи князя Черногорскаго. Въ донесеніи консула, между прочимъ, говорится что „склады въ Черновицахъ (?) наполнены, населеніе находится въ восторженномъ настроеніи и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ приказа...“ Не нужно слишкомъ вдаваться въ разборъ содержанія этихъ документовъ чтобы замѣтить лежащую на нихъ печать подложности. Невѣроятно чтобы Турецкое посольство въ Вѣнѣ располагало средствами перехватывать и дешифрировать конфиденціальную телеграфную корреспонденцію Русскаго посольства. Нельзя не обратить вниманія и на то что г. Новиковъ, бывшій прежде посланникомъ въ Греціи, аккредитованъ при Вѣнскомъ дворѣ лишь 28-го августа 1870 года, а депеша его къ рагузскому консулу датирована отъ 14-го сентября! Но если перехваченные документы подложны, то изъ этого не слѣдуетъ чтобы было подложно и донесеніе Халиль-бея при коемъ они были приложены. Дальнѣйшія донесенія его, коихъ подлинность до сихъ поръ не опровергнута, убѣждаютъ, напротивъ, что турецкій посолъ вполнѣ вѣрилъ въ ихъ подлинность; онъ два раза ссылается на нихъ въ позднѣйшей своей перепискѣ съ великимъ визиремъ и показывалъ ихъ г. фонъ-Бейсту. Все это конечно не увеличиваетъ достовѣрности ихъ и лишь показываетъ какъ легко даются въ обманъ турецкіе дипломаты. Въ дальнѣйшихъ своихъ донесеніяхъ, коихъ обнародовано три, отъ 23-го, 26-го и 27-го сентября того же года, Халиль-бей передаетъ содержаніе своихъ разговоровъ съ графомъ Бейстомъ, тогдашнимъ австрійскимъ канцлеромъ, и съ графомъ Андраши, тогдашнимъ венгерскимъ министромъ-президентомъ. Халиль-бей хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ чтобы воспрепятствовать упраздненію той статьи Парижскаго трактата которая относится до Чернаго Моря. Изъ его донесеній видно что ожидаемое отреченіе Россіи отъ упомянутой статьи было въ то время предметомъ самыхъ дѣятельныхъ переговоровъ, причемъ рѣчь шла о Европейскомъ конгрессѣ съ цѣлью прекращенія войны между Франціей и Германіей, и Россія желала предложить упомянутый вопросъ на рѣшеніе этого конгресса съ исключеніемъ Турціи отъ участія въономъ. Графъ Бейстъ высказалъ тогда турецкому послу что постановленія Парижскаго трактата о нейтрализаціи Чернаго Моря не что иное какъ химера, ибо, съ одной стороны, трактатъ уже потерпѣлъ нѣсколько существенныхъ нарушеній, а съ другой, въ немъ ни словомъ не упомянуто объ Азовскомъ морѣ, на коемъ Россія можетъ содержать военный флотъ и въ случаѣ войны выступить съ нимъ и въ Черное Море. Англійскій посолъ, коему Халиль-бей передалъ объ этомъ разговорѣ съ графомъ Бейстомъ, увѣрилъ, напротивъ, турецкаго посла что правительство его можетъ вполнѣ разчитывать на поддержку Англіи въ этомъ вопросѣ, прибавивъ при этомъ что Азовское море слишкомъ мелко для того чтобы на немъ возможно было сооруженіе большихъ военныхъ судовъ.

Всѣ эти откровенія относительно переговоровъ предшествовавшихъ уничтоженію Парижскаго трактата представляютъ въ настоящее время лишь слабый историческій интересъ, ибо не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ событіе коего такъ опасалась Турція совершилось безъ сопротивленія со стороны Англіи и Турціи.

Гораздо интереснѣе разговоръ который имѣлъ Халиль-бей съ графомъ Андраши, о чемъ онъ доноситъ въ письмѣ отъ 26-го сентября. „Третьяго дня," пишетъ онъ, „графъ Андраши, встрѣтившійся со мною „на обѣдѣ у графа Бейста, сказалъ мнѣ „что онъ имѣетъ со мною переговорить о „многомъ и согласно нашему уговору по- „сѣтилъ меня сегодня. Наша бесѣда была „очень продолжительна. Графъ Андраши „думаетъ что Австрія и Турція должны „стараться о томъ чтобъ избѣжать вой- „ны, но что если онѣ вынуждены будутъ „начать ее, то это должна быть война „отчаянная, и что миръ долженъ быть за- „ключенъ не иначе какъ подъ условіемъ „исправленія границъ не только со сторо- „ны азіятской территоріи, но и на бере- „гахъ Чернаго Моря. У Россіи должны „быть отняты всѣ прежде завоеванныя „ею турецкія владѣнія у Чернаго Моря и „кромѣ того должна быть возстановлена „Польша." Затѣмъ графъ Андраши спросилъ сколько войска можетъ быть выставлено Турціей въ случаѣ войны; Халиль-бей отвѣчалъ что если Турціи удастся заключить заемъ въ 10.000.000 ф. ст., то она легко можетъ снарядить 500.000 человѣкъ. Графъ принялъ это сообщеніе „съ живѣйшимъ удовольствіемъ," и сказалъ что Австрія можетъ, съ своей стороны, выставить 800.000 отборнаго войска. Далѣе, если вѣрить Халиль-бею, графъ Андраши отзывался предъ нимъ весьма неодобрительно объ образѣ дѣйствій остальныхъ австрійскихъ министровъ, упрекая графа Бейста въ томъ что онъ склоняется въ пользу намѣренія Россіи отречься отъ Парижскаго трактата и обвиняя графа Потоцкаго (тогдашняго цислейтанскаго министра-президента) въ „московскомъ образѣ мыслей!?" Графъ Бейстъ уже изъявилъ было согласіе на предложеніе Россіи о конгрессѣ съ исключеніемъ изъ онаго Турціи, но вслѣдствіе серіозныхъ представленій графа Андраши императоръ Францъ-Іосифъ воспретилъ графу Бейсту предпринимать что-либо рѣшительное безъ особаго разрѣшенія императора.

Этою довольно нескромною откровенностью одного изъ министровъ Австро-Венгерской короны касательно его товарищей предъ представителемъ иностранной державы графъ Андраши не ограничился въ своемъ разговорѣ съ Халиль-беемъ. Онъ опровергъ и фактическое сообщеніе графа Бейста, который увѣрялъ Халиль-бея что на запросъ его, графа Бейста, о томъ какое положеніе приметъ Россія въ виду готовившагося вмѣшательства Европы въ Германо-Французскую войну, не получено никакого отвѣта. Графъ Андраши увѣрилъ турецкаго посла что отвѣтъ отъ Россіи полученъ, и что онъ заключается въ томъ что Россія если и вооружится, то во всякомъ случаѣ не противъ Пруссіи. Графъ Андраши убѣждалъ представителя Турціи что одна изъ главныхъ цѣлей соглашенія между Австріей и Турціей должна была заключаться въ отвлеченіи Пруссіи отъ Россіи, что могло де имѣть мѣсто лишь при томъ условіи еслибъ оказалось возможнымъ доставить Пруссіи тѣ самыя выгоды какія она получаетъ отъ союза съ Россіей. Возможность эту графъ Андраши усматривалъ въ коалиціи между Австріей, Турціей и Англіей, которая составила бы достаточно компактную силу чтобы притянуть Пруссію. Въ этомъ удалось графу Андраши убѣдить императора Франца-Іосифа, и онъ имѣлъ объ этомъ предметѣ нѣсколько разговоровъ также съ г. фонъ-Швейницемъ, тогдашнимъ прусскимъ посломъ въ Вѣнѣ. Послѣдній соглашался де во всемъ съ идеями графа Андраши, причемъ однако каждый разъ „стереотипно" прибавлялъ: „тѣмъ не менѣе мы сохранимъ нашу дружбу съ Россіей." Кромѣ того, прусскій посолъ горячо высказывался за отмѣну Парижскаго трактата, изъ чего графъ Андраши заключилъ что Пруссія по сему предмету связана относительно Россіи положительнымъ обязательствомъ.

Такова сущность содержанія обнародованныхъ нынѣ дипломатическихъ документовъ. То что ими воспользовались прежде всего ультрамонтанскіе органы, а также газета открыто преданная Турціи, это ясно указываетъ что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ попыткой разстроить согласіе трехъ державъ, идущее изъ тѣхъ двухъ лагерей коимъ союзъ этотъ наиболѣе ненавистенъ. Но нѣтъ сомнѣнія что попытка эта, подобно многимъ предшествовавшимъ ей, потерпитъ полнѣйшую неудачу, хотя бы оказались подлинными не только донесенія Халиль-бея, но и было удостовѣрено что разговоръ происходившій между нимъ и графомъ Андраши въ сентябрѣ 1870 года переданъ имъ безъ существенныхъ искаже-

ній или преувеличеній его смысла. Политическая интрига, несомнѣнно скрывающаяся за теперешнимъ разоблаченіемъ, повидимому главнымъ образомъ была на то чтобы поставить теперешняго руководителя австрійской политики въ ложное положеніе относительно Россіи чрезъ изобличеніе тѣхъ враждебныхъ замысловъ которые питалъ онъ противъ нея лѣтъ шесть тому назадъ. Едва ли однако разчетъ этотъ вѣренъ. Мы можемъ допустить полную достовѣрность того что передаетъ турецкій дипломатъ о замыслахъ графа Андраши въ 1870 году; но это отнюдь не вынуждаетъ насъ усомниться въ искренности теперешняго дружелюбнаго отношенія Австріи къ Россіи. Шесть лѣтъ много значатъ въ современной политической жизни вообще, а тѣмъ болѣе послѣднія шесть лѣтъ, и для Австріи въ особенности. Въ сентябрѣ 1870 года отношенія Австріи къ Россіи были хуже чѣмъ холодныя, положеніе ея въ Европѣ было шатко и неопредѣленно во всѣхъ отношеніяхъ; внутренняя ея политика, послѣ недавняго погрома, подвергалась ежедневнымъ колебаніямъ. Изо всѣхъ австрійскихъ земель одна Венгрія имѣла свою традиціонную политику, и графъ Андраши, будучи въ то время представителемъ этой политики и предвидя войну съ Россіей, могъ питать тѣ замыслы которые нынѣ обнаружены. Но ставъ затѣмъ руководителемъ политики совокупной Австро-Венгерской монархіи, тотъ же графъ Андраши нашелъ точку опоры этой политики въ искреннемъ соглашеніи съ двумя могущественнѣйшими державами Европы, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ искренности австрійскаго министра, ибо союзъ этотъ основанъ на интересахъ Австріи, которая болѣе всего отъ него выиграла. Вотъ почему теперешній графъ Андраши какъ канцлеръ Австрійской имперіи можетъ не имѣть ничего общаго съ графомъ Андраши какъ венгерскимъ министромъ-президентомъ въ 1870 году, подобно тому какъ въ этомъ послѣднемъ качествѣ онъ не былъ тѣмъ же чѣмъ былъ во время венгерскаго возстанія 1849 года, когда въ качествѣ одного изъ предводителей гонведовъ старался побудить Турцію къ войнѣ противъ Австріи...

—

№ 89.

Москва, 10-го апрѣля.

Между тѣмъ какъ теперь общее вниманіе сосредоточено на трагедіи разыгрывающейся въ Герцеговинѣ и Босніи, египетская интермедія далеко еще не разыграна, и предусмотрѣть развязку ея нисколько не легче какъ и разрѣшеніе Герцеговинскаго затрудненія. Между этими двумя главнѣйшими политическими дѣйствіями, разыгрывающимися на различныхъ сценахъ и съ различными политическими персонажами, общаго только развѣ то что въ обоихъ занимаютъ важную часть, играя роль судьбы древнихъ трагедій, финансовыя затрудненія, что впрочемъ и согласуется съ нашимъ дѣловымъ вѣкомъ.

Египетскій хедивъ, какъ извѣстно изъ телеграммъ, послѣдовалъ примѣру своего сюзерена и подобно ему вступилъ на путь банкротства, хотя въ иной формѣ и съ инымъ результатомъ. Его верховный повелитель, султанъ, вовсе не платитъ процентовъ по всѣмъ своимъ долгамъ: вассалъ же покамѣстъ только отсрочилъ уплату по текущему долгу, объявилъ что апрѣльскіе и майскіе платежи по этому долгу отсрочиваются имъ на три мѣсяца изъ семи процентовъ. Такъ какъ, по замѣчанію одной англійской газеты, три мѣсяца или три года не составляютъ большой разницы когда вопросъ рѣшенъ въ принципѣ, то легко предвидѣть что принятая мѣра можетъ кончиться насильственною конверсіей текущихъ обязательствъ въ постоянный семипроцентный заемъ, ибо временные заимодавцы по неволѣ могутъ быть принуждены согласиться на это.

Впечатлѣніе произведенное банкротствомъ Турціи и Египта также было совершенно различно. Между тѣмъ какъ поступокъ султана заставилъ отшатнуться отъ него прежнихъ самыхъ надежныхъ друзей его, мѣра принятая хедивомъ встрѣчаетъ полное одобреніе его новыхъ друзей. Не легко понять почему тѣ самые Англичане которые увѣрены что банкротство султана гораздо сильнѣе поколебало его положеніе чѣмъ возстаніе въ Герцеговинѣ теперь доказываютъ что мѣра хедива была смѣлымъ и мудрымъ рѣшеніемъ выпутаться изъ затрудненій безъ посторонней помощи. Можетъ-быть это зависитъ отъ того что въ рукахъ Англичанъ находится болѣе посто-

янныхъ какъ турецкихъ облигацій потерпѣвшихъ ущербъ, такъ и египетскихъ, коихъ пока не коснулась мѣра хедива, между тѣмъ какъ облигаціи текущаго египетскаго долга, по коимъ отсроченъ платежъ, находятся болѣе въ рукахъ французскихъ капиталистовъ. Но, помимо этого соображенія, если оно и не лишено значенія, не подлежитъ сомнѣнію что все время, съ тѣхъ поръ какъ начались денежныя затрудненія хедива и до настоящаго перваго шага его на пути банкротства, въ Каирѣ велась закулисная политическая игра. Всѣ подробности ея теперь, конечно, еще не могутъ быть извѣстны, но обнаружившіеся факты заставляютъ думать что она еще не кончена.

Когда мы впервые высказали наше впечатлѣніе по поводу покупки Англіей у хедива принадлежавшихъ ему акцій Суэзскаго канала и отправленія изъ Англіи довѣреннаго правительственнаго лица для ознакомленія съ финансами Египта, англійская печать обрушилась на насъ съ незаслуженными упреками, утверждая что только русское зложелательство могло видѣть въ этомъ какіе-то отдаленные замыслы, тогда какъ ни одна изъ европейскихъ націй не была нисколько этимъ встревожена. Мы и тогда, впрочемъ, пришли къ нашему заключенію вслѣдствіе шумныхъ ликованій самихъ же англійскихъ газетъ; теперь же фактически оказывается что мы вовсе не ошибались говоря что къ шагу Англіи едва ли могли остаться равнодушны другія державы которыя имѣютъ важные интересы въ Средиземномъ бассейнѣ, а слѣдовательно и въ Египтѣ. Вслѣдъ за посланнымъ отъ Англійскаго правительства г. Кевомъ, былъ отправленъ въ Египетъ Французскимъ правительствомъ г. Утре, а изъ Италіи туда же ѣздилъ бывшій италіянскій министръ финансовъ г. Шалойя. Что дѣлали тамъ всѣ эти господа въ точности не извѣстно, но очевидно что они ѣздили къ хедиву каждый со своими планами насчетъ его финансовъ, и извѣстно также что хотя роль и интересы Италіи въ этомъ дѣлѣ не достаточно выяснены, но она дѣйствовала безусловно заодно съ Франціей.

Краткая исторія этой игры была дня за три до обнародованія доклада г. Кева о своей миссіи разказана самимъ парижскимъ корреспондентомъ *Times*, и любопытно что въ его разказѣ встрѣчаются многія замѣчанія которыя были нами высказаны уже съ полгода тому назадъ. Во-первыхъ, корреспондентъ признаетъ что не столько самая покупка Англіей Суэзскихъ акцій сколько „таинственность“ этой сдѣлки произвела во Франціи раздражительное впечатлѣніе, продолжавшееся до самаго открытія парламента, и затѣмъ обратившаяся на миссію г. Кева, ожидаемый докладъ его и его заключенія. Эта миссія, послѣдовавшая непосредственно за покупкой акцій, обозначала де не только для общественнаго мнѣнія, но „и для Французскаго правительства“, новое и „характеристическое“ положеніе Англіи. „Турція,“ разсуждали во Франціи, „рухнула въ виду всей Европы. Англія не имѣетъ болѣе интереса въ Турціи, главномъ пунктѣ ея восточной политики, и полагали что она рѣшилась перемѣнить направленіе и обратиться къ Египту.“ Обширное порученіе г. Кева было явно несоразмѣрно съ простою покупкой акцій, и оно-то, по словамъ корреспондента, и „возбудило недовѣріе другихъ державъ,“ въ особенности когда увидѣли что хедивъ всячески облегчалъ разслѣдованія англійскаго агента, держась въ то же время въ сторонѣ отъ представителей другихъ державъ. Тогда-то и появился на сценѣ г. Утре, и началась борьба противъ англійскаго вліянія обнаружившаяся „поразительнымъ и смѣлымъ образомъ.“ Первымъ де результатомъ ея было охлажденіе ревности хедива къ Англіи, а вторымъ отсрочка, по требованію хедива, обнародованія доклада г. Кева. Борьба обнаружилась впрочемъ и болѣе практически. Четыре милліона ф. ст. полученные хедивомъ за Суэзскія акціи далеко не освободили его отъ денежныхъ затрудненій заключающихся въ 18 милліонахъ ф. ст. текущаго долга. И вотъ на помощь ему былъ предложенъ планъ г. Пастре. Группа французскихъ капиталистовъ бралась для покрытія этого долга выпустить новый заемъ, а какъ это трудно было осуществить при потрясенномъ кредитѣ хедива, то явилась мысль основать Египетскій Національный Банкъ для консолидаціи египетскаго долга, подъ нравственною гарантіей Франціи, Италіи и Англіи, изъ коихъ каждая имѣла назначить отъ себя коммисара въ Банкъ. Но планъ этотъ не удался: Франція и Италія охотно согласились назначить своихъ коммиссаровъ, но Англія отказалась на

отрѣзъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Тогда хедивъ соглашался вмѣсто Банка основать Кассу Погашенія, также подъ управленіемъ коммиссаровъ отъ трехъ правительствъ, но и эта мысль не понравилась Англійскому правительству. Первый планъ объявлялся слишкомъ честолюбивымъ и отвѣтственнымъ, второй же недостаточнымъ; но истинныя причины оставались неизвѣстными самому корреспонденту *Times*, и онъ предполагалъ только что „очевидно Англійскій кабинетъ оставался въ убѣжденіи что Франція и Италія имѣютъ болѣе рѣшительные поводы и болѣе спеціальныя причины назначать коммиссаровъ чѣмъ Англія, и онъ естественно могъ пожелать узнать, прежде чѣмъ принять рѣшеніе, не только тѣ причины, какія ему указывались, но и тѣ кои ему не выставлялись." Итакъ, повидимому, обѣ стороны платили другъ другу одинаковою монетой, и подозрѣніе возбуждалось обоюдно какъ миссіей г. Кева, такъ и французскими планами.

Но что же однако принесла въ результатѣ миссія г. Кева, съ его обширнымъ штабомъ помощниковъ отряженныхъ изъ разныхъ англійскихъ министерствъ, та миссія о которой самъ хедивъ, какъ писалъ изъ Александріи корреспондентъ *Times*, выразился такъ: „Я просилъ прислать мнѣ слугу, а вы мнѣ прислали инспектора?" Докладъ этого джентльмена, послѣ какихъ-то таинственныхъ препятствій, былъ наконецъ обнародованъ въ *Times*. Онъ занимаетъ болѣе страницы мелкаго шрифта въ этой газетѣ и содержитъ, въ ясномъ, сжатомъ и талантливомъ изложеніи, множество интереснѣйшихъ свѣдѣній объ Египтѣ. Въ немъ не только находятся весьма обстоятельныя свѣдѣнія о финансовой администраціи страны за послѣдніе годы, о настоящемъ положеніи ея финансовъ, но также подробно и тщательно собранныя свѣдѣнія о всѣхъ ея ресурсахъ, о состояніи земледѣлія, промышленности и торговли, о поземельномъ вопросѣ, о положеніи земледѣльцевъ (феллаховъ), о хлопчатныхъ и сахарныхъ плантаціяхъ хедива и другихъ его предпріятіяхъ, о желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ, таможенныхъ сборахъ, о различныхъ податяхъ и даже о народномъ образованіи. Можно подивиться мастерству систематической разработки въ короткое время такого множества матеріала. Въ результатѣ, г. Кевъ полагаетъ что хотя Египетъ страдаетъ отъ недостатковъ переходной системы, „отъ невѣжества, подкупности и расточительности Востока и въ то же время отъ слишкомъ поспѣшныхъ и неразумныхъ попытокъ принять цивилизацію Запада," но что тѣмъ не менѣе страна имѣетъ въ своихъ богатыхъ ресурсахъ средства выйдти изъ затрудненій, съ обезпеченіемъ вѣрныхъ 7% по всѣмъ своимъ обязательствамъ. Интереснѣе всего однако заключенія г. Кева о способѣ какимъ это можетъ быть достигнуто. Несмотря на свои благопріятные выводы, онъ остается при убѣжденіи что собственными усиліями Египетское правительство не въ силахъ расплатиться съ долгами и выпутаться изъ затрудненій, а потому единственное средство успѣха для необходимой конверсіи текущаго долга онъ видитъ въ томъ чтобы „хедивъ поставилъ лицо которое внушало бы общее довѣріе какъ напримѣръ финансоваго агента посланнаго правительствомъ ея величества на службу его высочества, во главѣ контрольнаго департамента который долженъ имѣть общій надзоръ надъ раскладкой и взиманіемъ налоговъ."

Отсюда видно какъ смотрѣлъ самъ г. Кевъ на свою миссію, и его рекомендація была одинаково понята всею англійскою печатью. Такой Англичанинъ, какъ мѣтко замѣтила *Times*, былъ бы въ одно время и министромъ финансовъ, и министромъ внутреннихъ дѣлъ, и *принципъ* плана г. Кева есть тотъ чтобы „хедивъ принялъ въ Каирѣ лицо которое, хотя со скромнымъ титуломъ, было бы удивительно похоже на резидента при одномъ изъ Индійскихъ дворовъ." Также, по словамъ *Saturday Review*, весь докладъ г. Кева составленъ на предположеніи что къ Египту надобно относиться какъ къ индійскимъ владѣніямъ. Итакъ, въ чемъ же было зложелательство нашего сужденія полгода тому назадъ, когда самъ англійскій посланецъ понималъ новую политику своего правительства относительно Египта такъ что Англія имѣетъ въ виду вполнѣ хозяйничать въ этой странѣ,—конечно для ея же блага.

Рѣшилось ли бы или нѣтъ Англійское правительство прямо приступить къ осуществленію этой идеи, но тутъ случилось новое происшествіе. Наканунѣ обнародованія доклада г. Кева, парижскій корреспондентъ *Daily Telegraph* поразилъ всѣхъ

извѣстіемъ что Французское правительство намѣрено оказать существенную помощь хедиву. „Маневръ коимъ Англія обезпечила себѣ интересъ въ Суэзскомъ каналѣ, писалъ онъ, уравновѣшенъ тѣмъ какимъ Франція въ настоящую минуту стала рѣшительницей судебъ хедива.“ Дѣло въ томъ, какъ видно, что въ теченіе всего марта шли переговоры и соперничества для выручки хедива со стороны Французской и Англійской компаній капиталистовъ. Условіе англійскаго проекта предложеннаго сэръ-Джорджемъ Элліотомъ было тягостнѣе, однако къ 1 апрѣля, когда хедиву приходилось платить билеты казначейства, Французская компанія почти отказывалась отъ своего плана. Въ эту минуту само Французское правительство выступило и, чтобъ устранить подозрѣніе, предложило участвовать въ томъ же и Англійскому. Лордъ Дарби былъ въ отсутствіи, и Англійскій кабинетъ просилъ отсрочки на десять дней. По минуты были дороги, и потому Французскій кабинетъ рѣшился одинъ поддержать хедива, немедленно созвалъ важныхъ финансистовъ и объявилъ имъ что гарантируетъ необходимый для хедива авансъ. Вслѣдствіе того и было рѣшено выпустить новый египетскій заемъ въ 250 милліоновъ франковъ для консолидаціи текущаго долга. Замѣчательнѣе всего что нѣкоторые французскіе органы видѣли въ этомъ планѣ нѣкотораго рода *revanche* противъ Англіи. Къ этому сводились разсужденія *Temps*, *Moniteur* а органъ г. Гамбетты *République Française*, хваля правительство за рѣшимость, замѣчалъ что „докладъ г. Кева доказываетъ что если предстоящая задача и трудна, то она можетъ быть исполнена энергіей и патріотизмомъ французскихъ капиталистовъ.“

Но опять въ этой путаницѣ встрѣчается роковое *но*, и этотъ планъ по неизвѣстнымъ причинамъ рушился. Выпускъ новаго займа, объявленіе о коемъ уже было готово, не состоялся, и хедивъ вдругъ объявилъ объ отсрочкѣ платежей по билетамъ казначейства. Толковали даже о принудительной конверсіи текущаго долга въ отвержденный изъ 7% по номинальной цѣнѣ, что, по теперешней биржевой цѣнѣ египетскихъ облигацій, было бы потерей 50% для владѣльцевъ билетовъ казначейства. Дѣло остается *en suspens*, и ничего еще не рѣшено. Мы знаемъ только что лордъ Дарби, сопровождавшій королеву Викторію въ Кобургъ, имѣлъ на возвратномъ пути черезъ Парижъ конференціи съ французскими министрами, герцогомъ Деказомъ и Леономъ Се, но что между ними рѣшено — неизвѣстно.

Тѣмъ не менѣе, изо всего этого мы видимъ что Франція готова была серіозно вступить въ соперничество съ Англіей за протекторатъ надъ Египтомъ. Во всякомъ случаѣ, она не расположена уступать его даромъ, и ее поддерживаетъ, какъ видно, Италія. Англія же дѣйствуетъ уклончиво. Мы знаемъ только какъ англійская печать отнеслась къ неудачѣ французскихъ плановъ. „Безъ пособія иностранной державы, заявила *Saturday Review*, Египетъ безнадежно и неизбѣжно идетъ къ банкротству. Вопросъ въ томъ, придетъ ли къ нему на помощь какая держава. Купить протекторатъ Египта вещь серіозная даже для страны богатой и смѣлой какъ Франція. Неизвѣстно также предпочтетъ ли хедивъ протекторатъ банкротству.“ Разсуждая о томъ, *Spectator* замѣчалъ: „Все что мы можемъ сказать, это то что наше правительство очевидно уклонилось, а мы не можемъ повѣрить во французское занятіе Египта безъ войны.“

Хедивъ во всякомъ случаѣ предпочелъ покамѣстъ банкротство, и изъ того что англійскія газеты одобряютъ эту мѣру можно думать что это есть успѣхъ англійской дипломатіи. Нѣкоторыя англійскія газеты притомъ приписываютъ эту мѣру внушеніямъ прибывшаго въ Каиръ и видѣвшагося на пути въ Парижѣ съ г. Кевомъ г. Риверза Вильсона. Съ другой стороны, *Moniteur Universel*, по поводу рѣшенія хедива, „столь вреднаго для французскихъ интересовъ,“ сообщаетъ что Французское правительство снова старается побудить Великобританію къ принятію совокупныхъ мѣръ для огражданія хедива отъ банкротства, и присовокупляетъ: „Рѣчь англійской печати заставляетъ предполагать что общественное мнѣніе въ Англіи встрѣтитъ съ удовольствіемъ прекращеніе платежей со стороны хедива, но мы сомнѣваемся чтобы хедивъ держался того же взгляда. Если соглашеніе съ Англіей окажется невозможнымъ, то повидимому хедиву трудно будетъ долѣе отвергать французскія комбинаціи которыя однѣ только могутъ спасти его отъ банкротства.“

Изо всего этого мы можемъ вывести од-

но заключеніе, а именно что мы далеко еще не услышали послѣдняго слова объ Египтѣ, и что во всякомъ случаѣ Англія, покупая Суэзскія акціи и посылая г. Кева, повидимому, не разочла что Франція не легко откажется отъ своихъ интересовъ въ этой странѣ. Какъ разыграется эта игра мы не знаемъ, но любопытно что въ ней вовсе не берется въ разчетъ что Египетъ номинально все еще входитъ въ составъ Турціи: о немъ трактуется какъ о странѣ совершенно отдѣльной, надъ которою возможно учредить протекторатъ безъ вниманія къ Парижскому трактату, гарантировавшему цѣлость владѣній султана.

№ 91.

Москва, 12-го апрѣля.

Тревога возбужденная съ недѣлю тому назадъ нѣкоторою частью заграничной печати по поводу будто бы наконецъ возникшаго явнаго разногласія между сѣверными державами относительно Герцеговинскаго затрудненія не могла бы такъ скоро пройти безо всякихъ послѣдствій еслибъ она не была лишена надежныхъ основаній. Уже одинъ этотъ фактъ достаточенъ чтобъ убѣдить всякаго въ ея призрачности, такъ что повидимому едва ли представлялась надобность въ тѣхъ полуофиціальныхъ сообщеніяхъ изъ Берлина, Вѣны и Петербурга, которыя доказали полную неосновательность опасеній. Съ тѣхъ поръ какъ начались злополучныя волненія въ Герцеговинѣ, мы уже не разъ были свидѣтелями подобныхъ попытокъ поколебать довѣріе къ существующимъ отношеніямъ великихъ державъ и главнымъ образомъ трехъ сѣверныхъ имперій, на коихъ зиждется теперь сохраненіе европейскаго мира. При затруднительности задачи представлявшейся державамъ—обезпечить сохраненіе мира и въ то же время достигнуть умиротворенія возмущенныхъ провинцій прочнымъ образомъ, конечно, нечего особенно удивляться что не разъ представлялись, казалось, достаточные поводы для подобныхъ попытокъ возбудить тревогу, но эти попытки не удавались. Такъ и при послѣднемъ случаѣ, неудача миссіи барона Родича и сочувствіе которое высказывалось въ русской печати къ страданіямъ Герцеговинскихъ христіанъ и къ желаемому улучшенію ихъ участи вдругъ показались вѣстовщикамъ достаточными для того чтобы заключить о какой-то двойной игрѣ Россіи. Почему именно Россіи, а не иной державы, объ этомъ вѣстовщики вовсе не заботились, какъ бы и не ожидая отъ публики подобнаго вопроса, ибо въ ихъ глазахъ единственный возможный возмутитель общаго спокойствія есть Россія.

Предупреждать противъ слишкомъ поспѣшнаго довѣрія тревожнымъ слухамъ излишне, ибо какъ распускающіе ихъ, такъ и внимающіе имъ неисправимы, и къ сожалѣнію мы не можемъ даже думать чтобы попытка прошедшей недѣли была послѣднею, несмотря на новыя офиціальныя опроверженія. Но пріятно видѣть по крайней мѣрѣ что къ каждой новой попыткѣ такого рода общественное мнѣніе начинаетъ относиться съ большею осторожностью, если не съ прямымъ недовѣріемъ, и болѣе серіозные органы печати не нуждаются въ офиціальныхъ опроверженіяхъ и не дожидаются ихъ чтобы разсудить можетъ ли быть дѣйствительно резонный поводъ къ тревогамъ въ данномъ положеніи. Такого отпора серіознаго общественнаго мнѣнія неисправимымъ вѣстовщикамъ мы давно были въ правѣ ожидать отъ тѣхъ органовъ которые всегда высказывались въ пользу мира.

Англійская печать въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія. Хотя нѣкоторыя изъ лондонскихъ газетъ, какъ мы недавно указывали, съ радостью подхватили неблагопріятныя для Россіи вѣсти, но нашлись органы которые отнеслись къ нимъ болѣе скептически. Газета *Economist* заявила что, по зрѣломъ обсужденіи положенія, она не можетъ придти къ серіозному заключенію, ибо „есть сильныя основанія полагать что, несмотря на раздраженное настроеніе и на зложелательныя усилія заинтересованныхъ интригановъ, охлажденіе между Австріей и Россіей прекратится не возбудивъ войны.“ Заключеніе тѣмъ болѣе заслуживающее вниманія что названная газета не совсѣмъ отрицаетъ основательность безпокойствъ. Она готова допустить происки славофильской партіи, но замѣчаетъ что „эти фанатики не отвѣтственны“ и не они де руководятъ политикой Русскаго правительства, которое очень хорошо знаетъ что Россія не готова къ войнѣ въ большихъ

размѣрахъ. Послѣдній доводъ, конечно, слабъ, ибо можно сдѣлать и обратное заключеніе: еслибъ одно это обстоятельство давало надежду на миръ, то, при существованіи охлажденія, допускаемаго газетой, имъ конечно не замедлили бы воспользоваться недоброжелатели Россіи, и слѣдовательно скорѣе можно думать что и они, съ своей стороны, не готовы къ войнѣ. Но не въ этомъ дѣло, и гораздо вѣрнѣе другое замѣчаніе той же газеты что въ настоящее время ни Россія, ни Австрія не имѣютъ интереса разрывать свое соглашеніе, а равно и Германія имѣетъ всѣ побужденія поддерживать его. Дѣйствительно, не требуется большой дальновидности чтобы понять что только поднятіе всего Восточнаго вопроса могло бы возбудить на самомъ дѣлѣ какія-либо серіозныя разногласія.

Гораздо проще разсуждаетъ по этому же предмету газета *Times*, не на основаніи какихъ-либо особыхъ свѣдѣній, а просто дѣлая выводъ изъ извѣстныхъ данныхъ. Она въ началѣ допускаетъ что неопредѣленное безпокойство могло пожалуй быть естественнымъ послѣдствіемъ явной неудачи усилій утишить смуты въ Босніи и Герцеговинѣ. Когда намѣстникъ Далматіи баронъ Родичъ, при исполненіи своей трудной и неблагодарной задачи, увидѣлъ что увѣщанія не помогаютъ, то онъ прибѣгъ къ угрозамъ, но этимъ только встревожилъ безпокойныхъ политиковъ и биржевыхъ спекулянтовъ, а устрашить инсургентовъ не могъ: они, вопервыхъ, не повѣрили чтобъ онъ былъ уполномоченъ на это, а затѣмъ объявили что для нихъ уже ничего не можетъ быть хуже какъ покориться повѣривъ обѣщаніямъ султана. Этотъ оборотъ нисколько не удивляетъ лондонскую газету. По ея мнѣнію, нота графа Андраши была доказательствомъ его добрыхъ намѣреній. Графъ Андраши надѣялся быть всеобщимъ благодѣтелемъ, но планъ его не удался. Инсургенты не вѣрятъ чтобъ обѣщанія данныя въ Константинополѣ могли быть исполнены въ Босніи и Герцеговинѣ, и не принимаютъ султанскаго фирмана. Султанъ же не можетъ ихъ принудить къ этому, „а нравственныя препятствія ко вмѣшательству со стороны другихъ державъ весьма велики.“ Въ этомъ послѣднемъ отношеніи *Times* разсуждаетъ довольно откровенно. „При затруднительности изыскать способъ умиротворенія возмущенныхъ провинцій,“ говоритъ она, „повидимому укрѣплялось подозрѣніе что Австрія можетъ разрубить узелъ взявъ ихъ себѣ. Но осуществимѣе ли политика австрійскаго занятія провинцій, въ видахъ присоединенія, чѣмъ исполненіе плана изложеннаго въ нотѣ графа Андраши? Вотъ убѣдительныя возраженія противъ присоединенія: графъ Андраши противится этому, Венгрія противится этому, Герцеговинцы и Босняки отвергаютъ этотъ планъ, въ чемъ ихъ поддерживаютъ Сербія и Черногорія, и Россія также противъ этого. Нота графа Андраши, конечно, устраняла всякую мысль объ австрійскомъ занятіи, но такъ какъ ея рекомендаціи казались послѣднимъ словомъ совокупной политики и были отвергнуты инсургентами, то и явилось заключеніе что должно послѣдовать разногласіе между императорскими правительствами. „Мы знаемъ однако какъ фактъ,“ говоритъ *Times*, „что разногласіе не обнаружилось; совѣты Вѣны и Петербурга остаются тѣ же что прежде, а Берлинъ слѣдуетъ за Россіей и Австріей—да и самое мнѣніе о неизбѣжности разногласія есть для насъ лишь доказательство ограниченности политическаго разумѣнія тѣхъ лицъ которыя его заявляютъ. Нота графа Андраши не истощила плановъ умиротворенія какіе могутъ быть предложены, и если неудача оной признана, то мы услышимъ о другихъ рекомендаціяхъ для возстановленія мира.“

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ могло быть проще такого заключенія? Если нота графа Андраши была выраженіемъ искренняго желанія державъ изыскать примѣнимый планъ умиротворенія, то почему же думать что державы не могутъ пойти и далѣе по тому же пути? и что онѣ непремѣнно остановятся при первой неудачѣ? Самая неудача, во многомъ зависящая отъ трудности и сложности задачи, можетъ только показать имъ что̀ дѣлать далѣе и въ какомъ направленіи. Наконецъ, даже бывшіе переговоры съ инсургентами и желанія изъявленныя ими въ своемъ меморандумѣ могутъ послужить подспорьемъ къ этому, такъ какъ эти желанія отнюдь нельзя назвать неумѣренными и неосновательными.

Газета *Times* идетъ далѣе. Она не скрываетъ что отсрочка усиливаетъ затрудненіе. Событія упреждаютъ дипломатовъ, и планы инсургентовъ и сосѣднихъ Славянъ

несомнѣнно расширятся съ ходомъ событій. Но и въ виду этой опасности лондонская газета усматриваетъ возможную политику для державъ желающихъ предотвратить распространеніе агитаціи. „Сосѣднія державы,“ по словамъ *Times*, „могутъ удовольствоваться учрежденіемъ кордона вокругъ Турціи и предоставить сражающимся порѣшить свой споръ между собою.“ *Times* полагаетъ что такого рода политика одобряется Русскимъ правительствомъ, и что она можетъ встрѣтить одобреніе и въ Вѣнѣ. „Мы не имѣемъ свѣдѣній объ этомъ,“ заключаетъ она, „но тотъ фактъ что оба двора продолжаютъ дѣйствовать вмѣстѣ дѣлаетъ это вѣроятнымъ. Въ настоящее время между ними нѣтъ непримиримыхъ разногласій, а еслибъ и была какая-либо опасность что таковыя возникнутъ, то мы обязаны были бы воспользоваться нашимъ чисто нейтральнымъ положеніемъ чтобъ устранить ихъ и предложить совѣты на которые обѣ державы могли бы согласиться.“

№ 92.

Москва, 13-го апрѣля.

Въ послѣднемъ № *Русскаго Вѣстника* напечатана статья *Красноводскъ и его значеніе*, написанная лицомъ компетентнымъ, прожившимъ не малое время въ Красноводскѣ. Авторъ во всей подробности описываетъ теперешнее положеніе русской торговли и мѣстной промышленности на восточномъ берегу Каспія, предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ для ихъ развитія и преуспѣянія, и въ числѣ этихъ мѣръ считаетъ важнѣйшимъ упроченіе спокойствія и порядка въ закаспійскихъ степяхъ населенныхъ Туркменами. Извѣстно что Туркмены не знаютъ почти никакого общественнаго устройства; различные роды ихъ безпрестанно воюютъ другъ съ другомъ, а еще болѣе разбойничаютъ и грабятъ у всѣхъ сосѣдей: въ Персіи, въ Хивѣ, въ Россіи. Для поддержанія спокойствія въ Закаспійскихъ степяхъ, мѣстныя власти ограничивались до сихъ поръ посылкой рекогносцировочныхъ отрядовъ и постройкой укрѣпленій довольно удаленныхъ отъ кочевій Туркменъ: въ Красноводскѣ, въ Ташъ-Арватъ-Кала у подножія Балханскихъ горъ, въ Мулла-Кари у Михайловскаго залива и въ Чакишлярѣ. Послѣднія три укрѣпленія уже упразднены. Авторъ статьи *Красноводскъ и его значеніе* справедливо находитъ что эти мѣры, рекогносцировки и укрѣпленія, очень мало достигали цѣли. Онъ говоритъ: „Укрѣпленія и рекогносцировки не могутъ оказать „дѣйствительнаго вліянія на эту разрозненную, вѣчно подвижную на огромнѣйшихъ пространствахъ массу населенія, „особенно когда нѣтъ возможности быстро „преслѣдовать и наказывать каждый хищническій поступокъ кочевниковъ.“

Авторъ справедливо находитъ что самое главное затрудненіе заключается въ отсутствіи удобныхъ путей какъ для движенія войскъ, такъ и для торговли. Кочующія близь Красноводска, малочисленныя впрочемъ, племена Челекенцевъ и Шиховъ живутъ уже мирно потому что ихъ кочевья всегда доступны нашимъ войскамъ, а торговыя сношенія ставятъ ихъ отъ насъ въ зависимость. Не укрѣпленія и рекогносцировки, а удобные пути нужны намъ въ Туркменскихъ степяхъ. Авторъ полагаетъ что „необходимо поскорѣе разрабатывать „колесную дорогу изъ Красноводска въ „Хиву, или къ ближайшему пункту Аму-„Дарьи, поставивъ на этой дорогѣ въ извѣстныхъ промежуткахъ военные посты „для охраненія ея отъ разбойниковъ и вырывъ необходимое число новыхъ колодцевъ или исправивъ старые. Посты на „первое время могутъ занимать войска; „въ послѣдствіи можно мало-по-малу замѣнять ихъ Туркменами кочевниками, „организуя изъ нихъ туземную милицію, „которая вездѣ оказываетъ важныя услуги въ подобныхъ обстоятельствахъ. Этимъ „средствомъ можно достигнуть предположенной цѣли сообщенія съ Хивой и съ „Текинскими укрѣпленіями и показать Туркменамъ что имъ приходится или отодвинуться дальше, оставивъ насъ въ покоѣ, „или подчиниться вліянію нашей организующей силы.“

Колесная дорога отъ Красноводска къ Аму будетъ, конечно, большимъ шагомъ впередъ въ Закаспійскихъ степяхъ, но содержаніе ея представитъ не мало трудностей. На ней необходимо разставить военные посты, а дорога безъ постовъ имѣется и теперь, такъ какъ ровныя степи не представляютъ особыхъ препятствій для движенія колесныхъ повозокъ. Во что же обойдется содержаніе военныхъ постовъ мы

знаемъ по примѣру укрѣпленій въ Ташъ-Арватъ-Кала и въ Мулла-Кари, куда надо было подвозить все, даже воду. А эти укрѣпленія были еще близки отъ берега. Замѣна войскъ милиціей возможна лишь въ отдаленномъ будущемъ, по успокоеніи степей.

Цѣли преслѣдуемой авторомъ статьи *Красноводскъ и его значеніе* можно достигнуть гораздо успѣшнѣе другимъ путемъ, а именно возстановленіемъ стараго русла Аму. Теперь мы уже нѣсколько ознакомились съ этимъ русломъ и знаемъ что возстановленіе прежняго теченія Аму, если даже оно не дастъ водянаго сообщенія, во всякомъ случаѣ разрѣжетъ Закаспійскія степи полосою орошенной земли, удобной для осѣдлаго населенія. Отъ прежнихъ границъ Хивинскаго оазиса до половины сухаго Каспійскаго русла Аму (Узбоя), по обоимъ берегамъ его, сохранились развалины многочисленныхъ городовъ и цѣлая сѣть водоразводныхъ, теперь сухихъ, канавъ.

Въ послѣднемъ нумерѣ *Извѣстій Кавказскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества* помѣщена весьма интересная статья начальника военно-телеграфнаго депо на Кавказѣ, генерала Стебницкаго: *Обзоръ свѣдѣній о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи въ Каспійское море*. Почтенный авторъ, положившій не мало труда на изслѣдованіе нижней части Узбоя (отъ Каспія до колодцевъ Игды), свелъ въ своей статьѣ всѣ данныя добытыя экспедиціями во время Хивинскаго похода, экспедиціями 1874, отправленными спеціально съ цѣлію изученія Аму-Дарьи, а также свѣдѣнія добытыя г. Лупандинымъ въ прошломъ году и полковникомъ Скобелевымъ (теперь генералъ-майоръ и начальникъ Ферганской области) въ 1873, во время отважной экскурсіи его въ Кара-Кумы. Карта приложенная къ статьѣ г. Стебницкаго показываетъ наглядно что прежде Хивинскій оазисъ занималъ вчетверо большее пространство, что древній Ховарезмъ тянулся непрерывною полосой отъ теперешнихъ границъ оазиса до 41 параллели и даже южнѣе, охватывая всю восточную половину сухаго русла Аму. Если на карту г. Стебницкаго нанести еще подробности картъ 1873 и г. Скобелева, то она окажется испещренною слѣдами арыковъ, очертаніями бывшихъ озеръ, развалинами городовъ и пр. На самыхъ берегахъ Урунъ-Дарьи (такъ-называемое сухое русло между Куня-Ургенчемъ и Сары-Камышомъ) находятся развалины городовъ Машерка, Бенамъ-Балады, Шеруана и пр., а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ развалины Даукискена, Поламбая, Калакъ-Кала. Южнѣе, въ степи видна цѣлая сѣть арыковъ питавшихъ лежащія теперь въ развалинахъ города Якча-Гелинъ, Дауда-Кала, Казылъ-Чагалъ, Шахъ-Сенемъ, Ярты-Кумбетъ и пр. На самомъ краю теперешняго Хивинскаго оазиса встрѣчаются развалины Змухшира, Кундумъ-Кала, Акъ-Кала, и пр.

Еслибъ удалось возстановить хотя половину этихъ городовъ и поселеній, всѣ обстоятельства Закаспійскихъ степей сразу измѣнились бы. И Хива и Туркмены подпали бы подъ неотразимое вліяніе Россіи. Туркменскія кочевья были бы легко доступны намъ, и торговля средней Азіи направилась бы къ Каспію.

Еще важнѣйшіе результаты получились бы въ отношеніи военномъ. Кавказъ обратился бы тогда въ удобный оазисъ для нашихъ войскъ дѣйствующихъ въ Средней Азіи; всѣ сообщенія съ Россіей значительно облегчились бы.

Но возможно ли возстановить старое теченіе Аму? Что говорятъ о томъ новыя изслѣдованія?

Чѣмъ больше знакомимся мы съ прежнимъ русломъ Аму, тѣмъ все болѣе устраняются возраженія противъ возможности возстановленія „стараго тока,“ и скопляются доказательства въ пользу этой возможности. Не говоримъ о возстановленіи стараго тока до самаго Каспія,—это вопросъ еще спорный,—но возможность пустить воды до Сары-Камыша и нѣсколько далѣе можно считать уже доказанною, а между тѣмъ возобновленіе даже только этой первой трети стараго теченія дастъ жизнь большей половинѣ запустѣлой теперь части Хивинскаго оазиса. Нельзя не пожалѣть что г. Стебницкій мало обратилъ вниманія на свѣдѣнія добытыя въ прошломъ году топографомъ Лупандинымъ. Одно изъ нихъ имѣетъ весьма большое значеніе. По разказамъ Туркменъ, давно уже было извѣстно что въ сороковыхъ годахъ воды Аму прорвались въ старое русло и дошли до Сары-Камыша; соленая вода этихъ озеръ была тогда вытѣснена прѣсною, и послѣдняя держалась около четырехъ лѣтъ послѣ прекращенія притока водъ изъ Аму. Если преданіе это вѣрно,

то, значитъ нѣтъ никакихъ препятствій къ возстановленію стараго тока до Сары-Камыша. А что преданіе это вѣрно, то доказываетъ водопроводная канава по старому руслу ниже Сары-Камыша. Никто не станетъ проводить соленую воду; водопроводная канава доказываетъ что вода въ Сары-Камышъ и ниже его была прѣсная, а прѣсная вода могла тутъ взяться только изъ Аму.

Опасаются что возстановленіе прежняго русла Аму ослабитъ орошеніе теперешняго Хивинскаго оазиса. Правда, чтобъ избѣжать того, какъ показываетъ карта, надо только отвести воды изъ Аму ниже главныхъ арыковъ. Впрочемъ бывшее въ сороковыхъ годахъ теченіе водъ по старому руслу Аму также устраняетъ всякія опасенія относительно Хивы. Воды Аму дошли тогда до Сары-Камыша безо всякаго вреда этому орошенію. По крайней мѣрѣ о томъ молчатъ преданія. Въ сороковыхъ годахъ воды Аму прорвались въ старое русло чрезъ самый нижній рукавъ устья Лауданъ.

Въ гораздо болѣе сомнительномъ положеніи находится вопросъ о возстановленіи всего стараго тока до Каспія. Въ 1873 году, какъ извѣстно, была отправлена на Аму ученая экспедиція, но она не могла ступить шагу на лѣвый берегъ Аму, и должна была ограничиться теперешнимъ русломъ и правымъ берегомъ. Тѣмъ не менѣе члены этой экспедиціи, гг. Богдановъ и Сѣверцовъ, высказали свои теоріи о причинахъ измѣненія Аму-Дарьей своего теченія, и лишь одинъ членъ эспедиціи, г. Барботъ де-Морни, былъ настолько остороженъ что ограничился сообщеніемъ фактовъ, прямо заявивъ что рѣшеніе вопросовъ объ Аму должно принадлежать будущимъ изслѣдователямъ. Г. Богдановъ возобновилъ старую теорію о постепенномъ поднятіи почвы; г. Сѣверцовъ—о наносахъ, разведеніи водъ Аму на арыки и о прорывѣ рѣки близь горъ Шейхъ-Джейли. Г. Стебницкій серіозно отнесся къ предположеніямъ ученыхъ членовъ Аму-Дарьинской экспедиціи и совершенно уничтожилъ эти предположенія. Мы не имѣемъ возможности ознакомить читателей съ подробностями этой ученой полемики, и упоминаемъ о ней лишь въ общихъ чертахъ. Свою теорію о постепенномъ поднятіи почвы г. Богдановъ доказывалъ всего болѣе ссылкой на измѣненіе теченія Кавказскихъ рѣкъ: Кумы, Терека, Куры и Аракса. Г. Стебницкій, близко знакомый съ дѣломъ, убѣдительно доказываетъ что эти измѣненія не имѣли ничего общаго съ поднятіемъ почвы, и что вообще признаковъ такого поднятія о которомъ говоритъ г. Богдановъ вовсе не замѣчается. Къ тому же, по свидѣтельству г. Барбота-де-Морни, Усть-Уртъ состоитъ изъ горизонтальныхъ пластовъ, очевидно не испытавшихъ того поднятія которое, по словамъ г. Богданова, могло измѣнить теченіе Аму. Г. Сѣверцовъ полагалъ что Аму-Дарья въ прежнія времена упиралась въ горы Шейхъ-Джейли и текла мимо нихъ къ Каспію, но потомъ прорвала поперекъ этотъ кряжъ и пошла къ Аралу. Изъ изслѣдованій же г. Барбота-де-Морни оказывается однако что Аму вовсе не прорывала кряжа, что у мѣста прорыва онъ оканчивается, и рѣка идетъ тутъ свободно между предгоріями. Большее значеніе справедливо придаетъ г. Стебницкій мнѣнію гг. Вуда и Сѣверцова, приписывающему наносамъ рѣки и разведенію ея на арыки большое вліяніе на измѣненіе ея теченія. Въ этомъ мнѣніи, говоритъ г. Стебницкій,—

„дѣйствительно, есть доля справедливости; но чтобы съ увѣренностью на подобныхъ данныхъ сдѣлать выводъ, нужно имѣть ихъ въ достаточной полнотѣ и точности, чего въ настоящее время не имѣется; такъ, неизвѣстенъ съ точностью уклонъ сухаго русла, не изслѣдованы рѣчныя отложенія ила по тому же руслу и т. п., а слѣдовательно, и г. Вуду пришлось строить свои гипотезы не на точныхъ данныхъ, а большею частью на предполагаемыхъ. Аму-Дарья большая рѣка, и какъ выражается Н. П. Барботъ-де-Морни въ своемъ отчетѣ, описывая устья рѣки, гдѣ уже часть воды разобрана хивинскими арыками: „она поражала насъ своею величественностью, именно многоводностью и быстротою теченія, напоминая Миссисипи которую мы знаемъ по описаніямъ;“ слѣдовательно, въ теченіи Аму сохраняется значительный запасъ силы, который можетъ преодолѣть большія препятствія отъ наносовъ и т. п., а потому тѣ препятствія теченія Аму о которыхъ говоритъ г. Вудъ, должны быть съ точностью оцѣнены, тѣмъ болѣе что подобнаго явленія, какъ измѣненіе теченія Аму, не встрѣчается на другихъ рѣкахъ земли въ столь значительномъ размѣрѣ.“

Всѣ изслѣдованія, произведенныя въ послѣднее время касались лишь праваго бе-

рега Аму и теперешняго ея русла. „Мѣстность же лѣваго берега, говоритъ г. Стебницкій, такъ сказать дельта сухаго русла, не подвергалась точнымъ научнымъ изслѣдованіямъ; о ней мы знаемъ только изъ бѣглыхъ обозрѣній и съемокъ произведенныхъ во время Хивинскаго похода; свѣдѣнія о сухомъ руслѣ на всемъ его протяженіи состоятъ только изъ пріобрѣтенныхъ при военныхъ рекогносцировкахъ, въ которыхъ не участвовали ученые изслѣдователи; также не знаемъ мы въ достаточной точности уклона Узбоя, значенія сухихъ и мокрыхъ руселъ, отдѣляющихся на лѣвомъ берегу Аму и имѣющихъ столь большое значеніе при разработкѣ вопроса о прежнемъ теченіи. Вообще многое еще по этому предмету не изслѣдовано. Поэтому нельзя не сознаться что для научнаго рѣшенія вопроса о прежнемъ теченіи Аму въ Каспійское море мы имѣемъ пока недостаточное число данныхъ и изслѣдованій. Такіе отличные ученые какъ Н. А. Сѣверцовъ и М. Н. Богдановъ не могли представить объясненій о прежнемъ теченіи Аму, которыя бы не опирались на болѣе или менѣе произвольныя и недоказанныя предположенія.“

Г. Стебницкій оканчиваетъ свою статью слѣдующими соображеніями:

„Для рѣшенія вопроса о прежнемъ теченіи Аму въ Каспійское море, слѣдуетъ произвести нивеллировку и подробное изслѣдованіе всего сухаго русла Аму и всѣхъ другихъ руселъ, которыя отдѣляются отъ рѣки Аму на лѣвой его сторонѣ и имѣютъ связь съ Узбоемъ, или теряются въ пескахъ; только послѣ такихъ положительныхъ изслѣдованій представятся данныя, на которыхъ можно основывать научные выводы, не прибѣгая къ разнымъ предположеніямъ. Вопросъ о прежнемъ теченіи Аму имѣетъ и важное практическое значеніе: съ разрѣшеніемъ его опредѣлится, возможно ли, или нѣтъ, пустить воду по нынѣшнему сухому руслу, или, какъ еще выражался императоръ Петръ Великій въ собственноручной инструкціи, данной князю Бековичу-Черкасскому: „Осмотрѣть прилежно теченіе оной рѣки и изслѣдовать, возможно ли теченіе это направить по прежнему въ старый токъ,“ и вмѣстѣ съ тѣмъ оживить Закаспійскую степь, или вѣрнѣе сказать пустыню, теперь едва проходимую; еслибы удалось пустить воду хотя на незначительномъ протяженіи сухаго русла, то путь отъ Хивы и нашихъ средне-азіятскихъ владѣній къ центру Россіи—по Закаспійскому краю и Каспійскому морю—значительно бы сократился противъ настоящаго, что имѣло бы огромное значеніе какъ въ экономическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ. Нельзя также не пожелать чтобъ изслѣдованія, о которыхъ идетъ рѣчь, были исполнены въ недалекомъ будущемъ.“

Нельзя во всемъ этомъ не согласиться съ почтеннымъ ученымъ положившимъ столько труда на изученіе нижней части стараго русла Аму, и въ виду важности вопроса о возстановленіи стараго тока Аму нельзя понять почему мы медлимъ этимъ дѣломъ. Правда, для дальнѣйшихъ изслѣдованій надо перейти на лѣвый берегъ, но какія же могутъ быть къ тому препятствія? Опасались что нападеніе на нашу развѣдочную экспедицію вовлечетъ насъ въ новое столкновеніе съ Хивой. Но если и такъ, что жь изъ того? Начальникъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, полковникъ Ивановъ, по причинамъ гораздо менѣе важнымъ уже два раза съ нѣсколькими ротами исходилъ все ханство не встрѣчая никакого сопротивленія. Ожидаемое нападеніе на нашу экспедицію теперь мало вѣроятно. Проникаютъ же въ Хиву англійскіе инженеры изслѣдуя тотъ же Океусъ и не подвергаются нападеніямъ. Удивительныя вещи совершаются вообще по вопросу объ Аму-Дарьѣ, какъ и по многимъ другимъ важнымъ политическимъ вопросамъ Россіи. Въ то время когда русскіе ученые не смѣютъ ступить шагу на лѣвый берегъ Аму, Англичане свободно идутъ туда и вступаютъ въ такія сношенія съ ханомъ что правительство должно останавливать ихъ. Отчетъ объ Аму-Дарьинской экспедиціи, какъ сообщаетъ *Русскій Инвалидъ*, появился уже на англійскомъ языкѣ, хотя по-русски онъ еще не опубликованъ.

№ 93.

Москва, 14-го апрѣля.

Офиціальное сообщеніе появившееся вчера въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и переданное намъ по телеграфу подѣйствовало успокоительнымъ образомъ на Петербургскую биржу и несомнѣнно должно оказать такое же дѣйствіе и на биржи заграничныя. Заявленіе это существенно отли-

чается отъ обыкновенныхъ опроверженій. Изъ него видно что опасность представлялась дѣйствительно серіозная, и что она была устранена столь же рѣшительною сколько миролюбивою инціативой Императорскаго кабинета. События дали сами собой лучшій отвѣтъ на пущенные съ недѣлю тому назадъ намеки на какую-то двойную игру русской дипломатіи. Императорскій кабинетъ обратился къ содѣйствію пяти другихъ великихъ державъ, и вотъ онъ заявляетъ что „встрѣтившіяся затрудненія не могутъ быть выше воли Соединенной Европы...“ Итакъ, мы въ правѣ сказать что Россія еще разъ заслужила признательность всей Европы важною услугой къ охраненію общаго мира, и зложелательныя инсинуаціи ея недоброжелателей не могутъ поколебать всеобщаго довѣрія къ миролюбію ея политики.

Опасность на этотъ разъ не была лишь воображаемою. Въ послѣднее время событія на Востокѣ дѣйствительно грозили кризисомъ. Вспомнимъ константинопольскія депеши отъ 10 (22) апрѣля. „Порта не рѣшила еще занять Черногорію, но въ Скутари, въ Албаніи, сосредоточатся большія силы...“ „Сообщаютъ будто Порта извѣстила Черногорію о вступленіи турецкихъ войскъ въ ея предѣлы, въ случаѣ если Черногорія не будетъ соблюдать нейтралитета.“ — „Партія войны торжествуетъ, ожидаютъ занятія турецкими войсками Черногоріи,“ гласила послѣдняя телеграмма, пущенная въ субботу 10 (22) числа вечеромъ... И занятіе Черногоріи ожидалось вопреки достовѣрнымъ извѣстіямъ опровергавшимъ правдивость донесеній Мухтаръ-паши объ участіи Черногорцевъ въ послѣднихъ сраженіяхъ, ожидалось не какъ возможная случайность въ будущемъ: по свѣдѣніямъ сообщаемымъ издаваемою въ Петербургѣ литографированною газетой *Correspondance de l'Agence générale russe*, совѣтъ министровъ въ Константинополѣ уже принялъ было роковое рѣшеніе, уже какъ бы распорядился вторженіемъ, отзывая сосредоточенныя въ Нишѣ войска, служившія обсерваціоннымъ корпусомъ противъ Сербіи и направляя ихъ, черезъ Скутари, на Черногорію. Такимъ образомъ локализація военныхъ дѣйствій не могла ужъ имѣть болѣе мѣста. Вмѣсто нея являлись наступательныя дѣйствія Порты, которыя, съ одной стороны, невольно порождали вопросъ: изъ-за чего же Европа употребляла всѣ усилія чтобъ отвратить Герцеговинцевъ отъ участія въ борьбѣ, и которыя, съ другой стороны, переносили пламя войны за черту за которою трудно уже было бы опредѣлить съ точностью гдѣ остановится его разливъ.

Положеніе представлялось столь натянутымъ что нашъ государственный канцлеръ, въ тотъ же самый вечеръ, распорядился пригласить къ себѣ на слѣдующее утро представителей шести великихъ державъ для совмѣстнаго обсужденія возникающихъ затрудненій. Конференція эта происходила въ воскресенье, и слухи о ней распространились на другой день на биржѣ, какъ сообщила намъ вчерашняя телеграмма, а появленіе во вторникъ правительственнаго сообщенія доказываетъ какой быстрый результатъ имѣла инціатива нашего правительства.

Правительственное сообщеніе, извѣщая о результатѣ обращенія Императорскаго кабинета къ другимъ державамъ, присовокупляетъ что изъ Константинополя также получены болѣе удовлетворительныя извѣстія: „Султанъ поручилъ своему министру иностранныхъ дѣлъ опровергнуть слухи о наступательномъ намѣреніи Порты противъ Черногоріи, и удостовѣряетъ что принятыя ею военныя мѣры въ Скутари имѣютъ цѣль чисто оборонительную.“ Это извѣстіе вполнѣ подтверждаетъ нашу депешу изъ Константинополя отъ 11 (23) апрѣля гласившую что „послѣ конференціи съ генераломъ Игнатьевымъ и сэръ Генри Эллiотомъ, великій визирь объявилъ что *нѣтъ и рѣчи* объ объявленіи войны Черногоріи...“

Итакъ, соглашеніе великихъ державъ еще разъ дало себя знать по случаю, казалось, неизбѣжнаго столкновенія между Портой и Черногоріей. Въ виду этого событія, конечно, теряютъ важность ходившіе слухи о коренномъ разногласіи возникшемъ будто бы между Австріей и Россіей по поводу умиротворенія Герцеговины, слухи уже опровергнутые съ разныхъ сторонъ. Говорили что Австрія желала бы занять Герцеговину и Боснію своими войсками, и что это могло бы какъ нельзя лучше покончить дѣло, но что Россія тому препятствуетъ. Объ этомъ были толки въ англійской печати; къ тому же сводились и сообщенія нѣкоторой части нѣмецкой печати, между прочимъ *Кельнской Газеты*. Многимъ, особенно людямъ отдаленнымъ

отъ событій, мысль объ австрійскомъ занятіи можетъ-быть и до сихъ поръ представляется весьма простымъ рѣшеніемъ вопроса. Но теперь уже толкуютъ иначе. Газета *Times* откровенно указываетъ на важныя неудобства этого плана. Въ этомъ же смыслѣ высказалась и *Daily Telegraph*, замѣтившая что „употребленіе австрійской арміи для усмиренія герцеговинской райи было бы мѣрой повсюду непопулярною, весьма сомнительной пользы для Турціи, и сопряженною съ опасностью для Австро-Венгерской монархіи, уже безъ того въ извѣстной степени *раздѣленной на ся* (*divided aghaints itself*).“ Но странно что этихъ соображеній не хотѣли знать люди упрекавшіе Россію будто она подстрекаетъ инсургентовъ тѣмъ что не допускаетъ Австрію принять самую дѣйствительную мѣру къ ихъ усмиренію, тѣмъ болѣе что мысль эта не новая, и намеки о ней уже не разъ пускались во время возстанія, и было время обсудить всѣ выгоды и невыгоды этой мѣры. Константинопольскій корреспондентъ газеты *Times*, человѣкъ близко стоящій къ театру событій, на дняхъ весьма обстоятельно указалъ на возникающіе при мысли объ этомъ вопросы. „Хотя, съ одной стороны, говорилъ онъ, занятіе Герцеговины и Босніи значительною австрійскою силой повидимому вызывается общими требованіями гуманности, но, съ другой стороны, трудно предвидѣть, не увеличитъ ли ея присутствіе безпорядковъ вмѣсто того чтобы прекратить ихъ?“ Предположивъ однако что такое занятіе турецкихъ провинцій большою австрійскою арміей прекратило бы дальнѣйшее кровопролитіе и укротило бы мятежный духъ подданныхъ Порты, онъ ставитъ слѣдующіе вопросы: „Къ какимъ безконечнымъ усложненіямъ это подало бы поводъ? Не было ли бы это поднятіемъ всего Восточнаго вопроса? Что было бы дѣлать съ покоренными провинціями? На какихъ условіяхъ онѣ могли бы вновь быть приведены къ покорности султану? Какой *modus vivendi* могъ бы быть придуманъ между мусульманскими и австрійскими жителями? Какое вознагражденіе могло бы быть дано Австріи за хлопоты и расходы по занятію? Какъ долго это занятіе должно бы держаться? Съ другой стороны, было ли бы дозволено Австріи, присоединить къ себѣ эти провинціи? Могло ли бы обладаніе ими быть удобно для нея самой, и не стала ли бы Россія возражать противъ этого?“

Именно вслѣдствіе убѣжденія въ твердомъ и согласномъ желаніи державъ поддержать общій миръ и нежеланіи подымать весь Восточный вопросъ можно думать что о подобномъ занятіи между державами не могло быть и рѣчи, а слѣдовательно не было повода къ разногласіямъ.

№ 94.

Москва, 15-го апрѣля.

Въ № 87 *Московскихъ Вѣдомостей* мы привели нѣсколько выдержекъ изъ отзывовъ земскихъ учрежденій и губернскихъ начальствъ согласно свидѣтельствующихъ о повсемѣстномъ у насъ небреженіи ветеринарно-полицейскихъ мѣръ, результатомъ коего является страшная опустошительность скотскихъ падежей въ Россіи. Но нѣтъ правилъ безъ исключенія; можно и у насъ указать мѣстность гдѣ на соблюденіе ветеринарно-полицейскихъ мѣръ обращается должное вниманіе. Такою исключительною мѣстностью, судя по полученнымъ отзывамъ, должно признать Эстляндскую губернію. „Чума рогатаго скота,“ писалъ тамошній предводитель дворянства, когда былъ возбужденъ вопросъ о принятіи мѣръ противъ означенной эпизоотіи,— „чума рогатаго скота, въ тѣхъ немногихъ случаяхъ которые встрѣчались въ Эстляндской губерніи, была заносима степнымъ рогатымъ скотомъ и никогда не достигала большой степени распространенія, потому что заблаговременно принимались мѣры къ оцѣпленію заболѣвшихъ животныхъ и производилась дезинфекція зачумленныхъ мѣстъ и предметовъ.“ Справедливость приведеннаго заявленія подтверждается и отзывомъ мѣстнаго губернатора, который, съ своей стороны, также свидѣтельствовалъ о „тщательномъ со стороны скотовладѣльцевъ надзорѣ за нераспространеніемъ этой болѣзни.“ Благодаря этой тщательности надзора, Эстляндская губернія находитъ возможнымъ довольствоваться всего тремя ветеринарами, считая въ томъ числѣ и одного вольно-практикующаго, и бороться съ заразительными болѣзнями не прибѣгая ни къ страхованію скота, ни къ выдачѣ вознагражденія за убиваемый зачумленный скотъ.

Примѣръ Эстляндіи нельзя не признать весьма поучительнымъ. Онъ свидѣтельствуетъ о возможности достигать въ борьбѣ съ заразительными скотскими болѣзнями весьма важныхъ результатовъ при сравнительно ограниченныхъ средствахъ. Онъ доказываетъ возможность удовлетворительнаго соблюденія ветеринарно-полицейскихъ мѣръ даже при неимѣніи многочисленнаго ветеринарнаго персонала и безъ выдачи премій за соблюденіе ветеринарно-полицейскихъ предписаній. Это обстоятельство очень важно для большей части Россіи, которая не можетъ быть сразу облагодѣтельствована наравнѣ съ тѣми семнадцатью губерніями гдѣ проектируется ввести усиленный ветеринарно-полицейскій надзоръ и систему вознагражденій за убиваемый въ видахъ прекращенія заразы скотъ, и которая, однако, терпитъ отъ скотскихъ падежей отнюдь не менѣе этихъ семнадцати губерній. Пусть проектируемые образцовые ветеринарно-полицейскіе порядки установятся на первое время лишь въ тѣхъ семнадцати губерніяхъ гдѣ признается возможнымъ осуществить ихъ безотлагательно. Но и прочія губерніи въ правѣ ожидать одновременнаго установленія, хотя не образцовыхъ, но сносныхъ ветеринарно-полицейскихъ порядковъ, при которыхъ бы, по крайней мѣрѣ, не повторялись повсемѣстно и ежедневно возмутительныя безобразія подобныя тѣмъ о коихъ сообщаютъ, напримѣръ, *Пермскія Губернскія Вѣдомости*. Эта офиціальная газета, на основаніи мѣстныхъ корреспонденцій, заявляетъ о крайней невнимательности къ принятію мѣръ противъ повальныхъ болѣзней со стороны тѣхъ на комъ лежитъ эта обязанность, и между прочимъ приводитъ слѣдующій образчикъ этой невнимательности. Въ январѣ нынѣшняго года, въ одномъ заводѣ пало уже 50 головъ скота отъ чумы, а волостное правленіе все молчало, не донося о появленіи эпизоотіи, пока у самого старшины не заболѣлъ весь скотъ. Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, сообщаетъ далѣе та же газета, есть деревушки гдѣ скотъ палъ поголовно; между тѣмъ павшую скотину не только не зарываютъ, но даже не вывозятъ въ опредѣленное мѣсто, и собаки, растаскивая мясо по дворамъ, разносятъ вмѣстѣ съ нимъ и заразу...

Неужели нельзя потребовать отъ мѣстныхъ властей чтобъ онѣ не допускали подобныхъ безобразій? Неужели нельзя добиться чтобъ эти требованія дѣйствительно исполнялись? При нынѣ существующихъ условіяхъ, это, конечно, трудно, а по мнѣнію многихъ даже невозможно. Но эта непреоборимая трудность лежитъ главнымъ образомъ не въ природѣ вещей, а въ крайней снисходительности закона къ дѣяніямъ послѣдствіемъ коихъ бываютъ народныя бѣдствія, а это обстоятельство нельзя признать неустранимымъ. *Пермскія Вѣдомости* сѣтуютъ на волостныя и сельскія власти не доносящія о появленіи заразы и допускающія незарываніе зараженныхъ труповъ палаго скота, но изъ сообщеній этой газеты не видно какимъ взысканіямъ были подвергнуты эти власти за столь гибельныя для народнаго благосостоянія упущенія, такъ что можно даже думать что эти упущенія остались вовсе безнаказанными, какъ это большею частію и бываетъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ когда подобныя упущенія не сходятъ съ рукъ даромъ, — какому наказанію подлежитъ у насъ волостной старшина не донесшій о появленіи заразы и давшій ей принять такіе размѣры при коихъ успѣшное прекращеніе ея становится почти невозможнымъ? Какое наказаніе грозитъ сельскому старостѣ не принявшему мѣръ къ тому чтобы мѣстные обыватели не бросали палый скотъ гдѣ попало? Разверните Уложеніе о Наказаніяхъ, прочтите 861 статью, и вы увидите что упомянутыя должностныя лица, за сказанныя упущенія, подвергаются „денежному взысканію *не свыше* тридцати рублей;“ вотъ и все; это есть высшая мѣра отвѣтственности за упущенія результатомъ коихъ бываетъ поголовное истребленіе чумою скота въ цѣлой округѣ и поголовное обнищаніе нѣсколькихъ деревень, сопровождаемое иной разъ усиленіемъ смертности въ самомъ населеніи. Лица живущія среди народа неоднократно замѣчали что всегда за падежами молочнаго скота смертность дѣтей въ селеніяхъ начинаетъ возрастать въ значительной степени, вслѣдствіе того что вмѣсто молока, составляющаго главную и существенную для нихъ пищу, крестьянскія дѣти, по необходимости, должны питаться дурно испеченнымъ ржанымъ хлѣбомъ, кислымъ и худо приготовленнымъ квасомъ и другою несвойственною дѣтскому возрасту пищей. Вліяніе падежей на усиленіе смертности уже обратило на себя вниманіе правитель-

ства, и министромъ внутреннихъ дѣлъ сдѣлано циркулярное предписаніе объ изслѣдованіи относящихся сюда фактовъ.

Проникшее въ законъ снисходительное воззрѣніе на распространителей заразы оправдываетъ себя отчасти отсутствіемъ у виновныхъ сознанія мѣры того зла какое они причиняютъ, отчасти стѣснительностію для частныхъ лицъ исполненія того чего требуетъ общее благо и признаніемъ какъ бы нѣкоторой законности ихъ стремленія дорожить болѣе своимъ личнымъ чѣмъ общественнымъ интересомъ. У бѣднаго крестьянина пала корова; онъ потерялъ въ ней значительную часть своего скуднаго достоянія: можно ли строго наказать его за то что онъ хочетъ выручить хоть что-нибудь за ея шкуру? Онъ не зарылъ ея трупа, и сельскій староста не обращаетъ на это вниманія: можно ли строго судить и наказывать ихъ когда въ совершеніи этихъ поступковъ не участвовала злая воля, а совершены они по простой небрежности, происходящей отъ невѣжества? Обоимъ этимъ соображеніямъ, повидимому, нельзя отказать въ нѣкоторой справедливости,— но только повидимому. Въ дѣйствительности же ни однимъ изъ нихъ руководствоваться не слѣдуетъ.

Благодушное соболѣзнованіе къ бѣдному крестьянину сдирающему шкуру съ зачумленной скотины чтобы выручить за нее полтора рубля которые не поправятъ его потрясеннаго падежомъ хозяйства, — это благодушное соболѣзнованіе есть въ то же время безсердечно жестокое отношеніе къ тысячамъ другихъ не менѣе бѣдныхъ крестьянъ, которые должны лишиться своего скота и разориться вслѣдствіе падежа, который распространится отъ снятой однимъ изъ нихъ зачумленной шкуры. Не человѣчнѣе ли, въ интересахъ бѣднаго крестьянина, заботиться не о томъ чтобъ онъ не лишился рубля который можно добыть продавъ зачумленную кожу, а о томъ чтобы новая корова которую онъ заведетъ не пала жертвой новой заразы, чтобъ ему самому никто не могъ продать вещи которая внесетъ въ его дворъ разореніе и горе?

Болѣе серіознымъ представляется то соображеніе которое опирается на непониманіе крестьянами важности проступковъ заключающихся въ неисполненіи ветеринарно-полицейскихъ предписаній, на совершеніи этихъ проступковъ безъ сознанія ихъ преступности. Но признавая это, нельзя, однако, мириться съ проистекающимъ отсюда зломъ, нельзя не принимать мѣръ къ тому чтобы народъ понялъ наконецъ что онъ дѣлаетъ преступая правила врачебной полиціи. Необходимо пріучить народъ къ мысли что такое дѣло есть дѣло преступное, отъ котораго необходимо воздерживаться, и только законъ можетъ породить въ народѣ такое сознаніе, ибо не школа, а законъ имѣетъ вездѣ и всегда преимущественное воспитательное значеніе для народа,—законъ и страхъ наказанія за его нарушеніе. Каждый дѣлаетъ многое чего, строго судя, дѣлать не должно, но народъ естественно измѣряетъ степень важности нарушеній должнаго грозящимъ за нихъ возмездіемъ. Трепеща совершить незамолимый грѣхъ, онъ вовсе не сочтетъ за грѣхъ поступка для заглаженія коего достаточно „семь пятницъ молока не ѣсть“. Всячески остерегаясь быть замѣшаннымъ въ дѣло за которое грозитъ каторга, Сибирь, тюрьма, люди часто не задумываясь совершаютъ проступки за которые могутъ поплатиться не болѣе какъ кратковременнымъ арестомъ если не уплатятъ штрафа, и совершающіе ихъ отнюдь не считаютъ себя преступниками, какъ бы ни было само по себѣ возмутительно то что они сдѣлали. Преступленіемъ народъ признаетъ лишь то что строго запрещается закономъ, за что положена тяжкая кара; но на проступки за которые полагается легкое взысканіе, всякій, вслѣдъ за закономъ, смотритъ сквозь пальцы. Посягнуть на чужую собственность, украсть есть дѣло позорное, потому что законъ грозитъ за это тюрьмою, ссылкой. Но не зарыть зараженный трупъ коровы, снять съ нея и продать зачумленную кожу и тѣмъ учинить худшее посягательство на чужую собственность, почти равносильное поджогу, — въ этомъ нѣтъ ничего особенно зазорнаго, а тѣмъ менѣе уголовнаго, ибо законъ, въ самомъ невыгодномъ случаѣ, грозитъ за такія дѣла лишь мѣсячнымъ арестомъ. Чѣмъ если не строгими законами создано въ народѣ сознаніе что дѣланіе и сбытъ фальшивыхъ ассигнацій суть тяжкія преступленія? Попробуйте назначить за эти преступленія легкіе штрафы и кратковременные аресты, и въ понятіяхъ народа эти преступленія скоро станутъ на одномъ ряду съ нарушеніями ветеринарно-полицейскихъ правилъ. Но возвысьте строгость наказаній за эти послѣднія нарушенія, пригрозите распростра-

нителямъ заразы строже чѣмъ ворамъ,— и въ сознаніи народа, если только законы возвышающіе строгость взысканій будутъ должнымъ порядкомъ доведены до его свѣдѣнія и затѣмъ строго исполняемы, не замедлитъ произойти перемѣна при которой то что теперь есть дѣло обычное сдѣлается рѣдкимъ исключеніемъ.

№ 95.

Москва, 16-го апрѣля.

Въ заграничной печати рѣзко выдѣляются по своему отношенію къ Герцеговинскому возстанію и къ политикѣ Россіи два органа съ большимъ кругомъ читателей: *Кельнская Газета* и вѣнская *Neue Freie Presse*. Эти два близнеца пользуются всякимъ случаемъ чтобы дискредитировать въ глазахъ своихъ читателей дѣйствія Россіи и представить вопросъ въ ложномъ свѣтѣ. Но въ то время какъ германская товарка вѣнскаго органа путается въ глубокомысленныхъ политическихъ соображеніяхъ сохраняя всетаки спокойный тонъ, выходки *Новой Свободной Прессы* противъ Россіи можно назвать просто „лаемъ."

Въ послѣднее время, откопавъ пресловутыя донесенія Халиль-бея, вѣнская газета помѣстила въ своихъ столбцахъ рядъ статей въ которыхъ если недостаетъ логики и здраваго смысла, то нѣтъ недостатка въ задорѣ. Упомянутая газета на этотъ разъ, какъ это ни забавно, присвоиваетъ себѣ роль спасителя своего отечества. „Цѣлые годы," сказано въ одной изъ ея статей, „на ряду съ внутреннимъ „губительнымъ кризисомъ обнаруживается „и роковой кризисъ восточный, и наши „государственные руководители надѣются „овладѣть положеніемъ старыми привычными пріемами довѣрія. По мелочности „ихъ дѣйствій можно заключить что имъ „не достаетъ пониманія важности событій. Мы исполняемъ нашъ долгъ возвышая нашъ предостерегающій голосъ; если онъ пропадетъ втунѣ—вина не наша. „Мы предостерегали и призывали въ 1854, „1859 и 1866 году, но нашъ голосъ оставался вопіющимъ въ пустынѣ."

Какіе же грозные признаки появляются теперь чтобы приравнять настоящій моментъ къ бѣдственнымъ для Австріи моментамъ 1859 и 1866 года? Россія, оказывается, понимаетъ иначе значеніе тройственнаго союза чѣмъ Австрія; она прикрываетъ имъ лишь свою эгоистическую политику. „Какъ въ 1870 году она за свой „союзъ съ Германіей заставила заплатить „себѣ касающимися ее статьями Парижскаго трактата, такъ теперь союзъ Россіи съ Австріей и Германіей долженъ послужить чрезъ разрушеніе Турецкой имперіи вознагражденіемъ Россіи за то что „она не заключаетъ съ Франціей союза „противъ Германіи (!). Миръ въ центрѣ „и на западѣ Европы покупается цѣной „катастрофы на Востокѣ." Таковъ ужасный кошмаръ нарушившій спокойствіе вѣнской газеты. Въ ея глазахъ графъ Андраши, въ началѣ считавшійся устроителемъ тройственнаго союза, за что она сама нерѣдко воздавала ему милостивую хвалу, теперь является простакомъ попавшимъ въ сѣти раскинутыя Россіей и... Германіей. Послѣднее весьма ясно выступаетъ изъ дальнѣйшихъ разсужденій расходившейся газеты. „Германія теперь не заинтересована прямо въ развитіи восточныхъ дѣлъ. На оборотъ ради собственнаго мира Германія должна желать чтобы Россія возможно болѣе была занята „на Востокѣ; у ней есть не мало серіозныхъ причинъ чтобъ и Австрія была возможно болѣе затянута въ эту сумятицу. „Если Австрія во вниманіе къ Россіи обратится къ славянской политикѣ, если „къ Австріи развитіемъ событій будутъ „присоединены новыя славянскія провинціи (!?), Германіи это можетъ только нравиться, возможное развитіе такихъ событій есть, можетъ-быть, тайная цѣль, „затаенное желаніе, живая задняя мысль „германской имперской политики. Но мы, „нѣмецкой рѣчи Австрійцы, не можемъ слѣдовать по такому пути. Мы желаемъ сохраненія Австріи, мы желаемъ чтобъ она „была сильна, мирно развивалась къ свободѣ и благосостоянію, мы не хотимъ никакого увеличенія владѣній на счетъ другихъ, никакого перенесенія центра тяжести на Востокъ, ибо мы знаемъ что „этимъ къ матеріальному обезсиленію въ „которое насъ ввергли присоединится еще „обезсиленіе политическое." Унимаясь нѣсколько, газета допускаетъ что Россія въ настоящую минуту не замышляетъ односторонняго вмѣшательства на Востокѣ. Въ этомъ де смыслѣ совершенно вѣрно что

Россія не желаетъ войны, но она не откажется отъ своей традиціонной политики покровительства Славянамъ на Востокѣ, и помощью князей Черногорскаго и Бѣлградскаго, на которыхъ Австрія не имѣетъ де никакого вліянія и которыхъ Россія не позволяетъ трогать, она снабжаетъ возстаніе деньгами, оружіемъ и порохомъ. „Россія сама соблюдаетъ миръ, русскія ар„міи не выступаютъ въ походъ, Россія не „вмѣшивается, но она поджигаетъ, пита„етъ и раздуваетъ внутри Турціи ужас„ный всепожирающій огонь, который при „*слабости, финансовомъ упадкѣ, безпо„мощности и безуміи господствующихъ „въ Турціи* можетъ окончиться лишь ея „паденіемъ.“ Здѣсь мы остановимся въ перечисленіи различныхъ злодѣяній Россіи, и прибавимъ изъ статьи вѣнской газеты слѣдующее заключеніе: „Германія, спо„койно выжидая событій, оставитъ ихъ ид„ти своимъ теченіемъ до того момента ког„да наступитъ время *ея интересовъ*, какъ „она ихъ понимаетъ... Тогда придетъ вре„мя для Германіи; она предложитъ намъ „свою помощь и свои условія...“

Констатируя и слабость, и финансовое паденіе, и безуміе, и безпомощность Турціи, вѣнская газета приписываетъ, однако, неурядицы въ ней не этимъ повидимому достаточнымъ причинамъ, которыя признала сама Порта въ своихъ декретахъ и на которыя указывала нота графа Андраши, а проискамъ Россіи, какъ будто милліоны турецкихъ подданныхъ простыя куклы которыя стóитъ дернуть за нитку и онѣ начнутъ во всякое время проливать свою кровь, подвергать себя и свои семьи всѣмъ бѣдствіямъ междуусобія. Порта жалуется что очагъ возстанія находится въ Рагузѣ и Хорватіи, что оттуда доставляются оружіе и съѣстные припасы инсургентамъ, оттуда вербуются волонтеры въ ихъ ряды, а въ глазахъ упомянутой газеты оказывается что инсургенты получаютъ и деньги, и оружіе, и порохъ изъ Россіи. Русское общество отозвалось присылкой денежныхъ пособій несчастнымъ бѣглецамъ изъ Босніи и Герцеговины; но такую же помощь оказываетъ имъ Австрійское правительство, деньги собираются съ этою гуманною цѣлію въ Англіи, Франціи, во всей христіанской Европѣ до дальней Америки. Шагъ далѣе, и новая несообразность: Германія, по признанію вѣнской газеты, не имѣетъ никакого вліянія на князей Сербіи и Черногоріи, между тѣмъ какъ Россія совокупно съ Австріей оказываютъ давленіе въ Бѣлградѣ и Цетиньѣ, и единственно благодаря этому давленію Сербія и Черногорія остались до сихъ поръ спокойны, и это значитъ что Россія раздуваетъ пожаръ! Мы рады воздать хвалу патріотическому желанію *Новой Свободной Прессы* видѣть Австрію и сильною и „мирно развивающеюся къ свободѣ и благосостоянію,“ но если препятствіе ко всему этому представляетъ присоединеніе къ Австріи новыхъ славянскихъ земель, то кто же приглашаетъ ее къ этому? Во всякомъ случаѣ не Россія и не печать русская. Съ самаго начала возстанія, какъ только предъ глазами всей Европы открылась бездна въ которую впала Турція, русская печать, подобно большей части европейской, предложила какъ единственно-возможный способъ существованія Турціи въ Европѣ постепенную автономію въ христіанскихъ провинціяхъ съ сохраненіемъ верховной власти султана. Русское правительство, дѣйствуя въ полномъ согласіи съ правительствами Германскимъ и Австрійскимъ, осталось гораздо сдержаннѣе общественнаго мнѣнія Европы. Правительства старались локализовать возстаніе и, по возможности не затрогивая достоинства Турціи, понудить ее къ устраненію причинъ зла органическими реформами ея внутренняго строя. Дѣйствія ихъ были медленны, но то было въ порядкѣ вещей. Въ высшихъ сферахъ политики вопросъ не могъ быть рѣшенъ однимъ почеркомъ пера какъ онъ рѣшается въ редакціи газеты въ *Fichtergasse*, въ Вѣнѣ. Не мало препятствій было создано и упорствомъ совѣтниковъ Порты. Если въ это время Турція не только не могла совладѣть съ возстаніемъ, но допустила его усилиться до степени воюющей стороны, то чѣмъ же тутъ виновата Россія? Послѣднее обстоятельство, можетъ-быть поведетъ къ тому что державы вынуждены будутъ предложить, наконецъ, средство уже подсказанное общественнымъ мнѣніемъ, то-есть автономію, но это будетъ естественное рѣшеніе вопроса. Паденія Турціи, чего такъ опасается вѣнская газета, не желаетъ никто, но оно можетъ послѣдовать въ томъ случаѣ когда настоящій урокъ не послужитъ ей въ пользу и въ ней будутъ продолжаться тѣ же порядки которые такъ краснорѣчиво рисуетъ

Neue Freie Presse въ видѣ „слабости, финансоваго паденія, безумія и безпомощности.“

Ясно что въ тѣхъ іеремiадахъ, на которыя мы обратили вниманіе читателей, играетъ роль вовсе не „спасеніе“ Австріи и ея благо. Бьющая въ набатъ статья газеты страннымъ образомъ совпадаетъ съ переполохомъ на биржѣ. Толкуютъ что австрійскіе государственные люди не въ состояніи справиться съ финансовымъ и экономическимъ кризисомъ постигшимъ ихъ отечество. Надо признаться что эта задача отнюдь не облегчается когда наиболѣе распространенные органы печати служатъ орудіемъ клики биржевыхъ игроковъ...

№ 96.

Москва, 19-го апрѣля.

Помѣщаемъ ниже письмо предсѣдателя Рязанской губернской земской управы, князя Волконскаго, снова поднимающее вопросъ объ Александровской земской учительской семинаріи. Читателямъ извѣстны обстоятельства породившія этотъ вопросъ. Исправляющій должность губернскаго предводителя дворянства, г. Рюминъ, въ качествѣ предсѣдателя ревизіонной коммиссіи, обратилъ вниманіе на состояніе Александровской семинаріи, такъ какъ до него, и конечно не одного его, доходили о ней дурные слухи, и инспекторъ народныхъ училищъ свидѣтельствовалъ о крайней распущенности воспитанниковъ. Собранныя на мѣстѣ свѣдѣнія убѣдили предсѣдателя и членовъ коммиссіи что состояніе заведенія дѣйствительно не много представляетъ утѣшительнаго. Изъ разспросовъ учителей оказалось что въ немъ не существуетъ *никакихъ* правилъ дисциплины и порядка; воспитанникамъ предоставлена безконтрольная свобода дѣйствій, и всякія взысканія тщательно удалены изъ педагогической системы заведенія. При личномъ осмотрѣ предсѣдатель ревизіонной коммиссіи убѣдился что воспитанники отличаются крайнею неряшливостью, грубостью манеръ, предвзятою безцеремонностью отвѣтовъ; носятъ копны волосъ такой длины и въ такомъ безпорядкѣ что они придаютъ имъ весьма невзрачный и нечистоплотный видъ, и мѣшаютъ даже при занятіяхъ, закрывая лицо и книги. Внутренность училища крайне неопрятна, на стѣнахъ и потолкахъ обвалилась штукатурка, стѣны покрыты слоемъ пыли; въ библіотечной комнатѣ валяются оборванныя книги и изломанные инструменты; въ мастерскихъ все разбросано въ пыли и безпорядкѣ. Всякія справки о воспитанникахъ затрудняютъ учителей, во всемъ обнаруживается отсутствіе хозяина. Съ другой стороны, лица заслуживающія довѣрія свидѣтельствовали о неудовлетворительномъ поведеніи воспитанниковъ внѣ школы, о томъ что они ходятъ по кабакамъ, проводятъ ночи по трактирамъ. По свидѣтельству приходскаго священника, дѣлаютъ парадъ изъ своей нерелигіозности: подъ престольные праздники всю ночь поютъ пѣсни въ саду заведенія, въ день причащенія смѣются во время литургіи и постоянно выходятъ изъ церкви, такъ что священникъ вынужденъ посылать дьячка чтобы собрать ихъ къ причастію. Таковы факты и свѣдѣнія, собранные ревизіонною коммиссіей, пришедшею къ неутѣшительному заключенію что „образованіе въ Александровскомъ земскомъ училищѣ совершенно сглаживаетъ въ воспитанникахъ присущій русскому крестьянину отпечатокъ врожденной религіозности и непритворной вѣжливости и создаетъ изъ своихъ питомцевъ что-то недодѣланное, не обѣщающее желаемыхъ результатовъ.“ Докладъ коммиссіи породилъ бурю въ земскомъ собраніи. Казалось бы указанія, несомнѣнно доброжелательныя, могли быть встрѣчены только благодарностью и возбудить самое серіозное вниманіе къ заведенію, назначенному для того чтобы готовить достойныхъ наставниковъ для народа, а не для того чтобы взятыхъ изъ народа людей обращать въ малосвѣдущихъ, но много мнящихъ о себѣ дикарей. Если даже допустить что опасенія коммиссіи крайне преувеличены, что состояніе школы вдесятеро лучше печальной картины изображенной въ докладѣ, то и тогда его нельзя было бы счесть нормальнымъ; усилія же коммиссіи во всякомъ случаѣ заслуживали только благодарности. Не такъ случилось въ земскомъ собраніи. Осужденіе школы принято, какъ осужденіе дѣятельности земства по части народнаго образованія; приверженцы педагогической дѣятельности земства почувствовали затронутымъ свое самолюбіе; на предсѣдателя коммиссіи посыпались обвиненія; вопросъ о состояніи школы ушелъ на задній планъ:

суду подвергся докладъ коммиссіи, отъ которой потребовали фактическихъ удостовѣреній; вопросъ былъ поднятъ такъ какъ будто бы дѣло шло не объ изслѣдованіи плохаго состоянія школы, а объ адвокатской защитѣ нѣкоего союза гражданъ привлекаемыхъ къ суду по обвиненію въ разныхъ гражданскихъ злоупотребленіяхъ (каковыхъ, полагать надо, и не предполагалъ въ воспитанникахъ семинаріи докладъ коммиссіи). Школа засыпана цвѣтами краснорѣчія, оказалась заведеніемъ съ образцовымъ нравственно-религіознымъ направленіемъ; распущенность приняла видъ высшей системы воспитанія — въ противоположность системѣ школьной дисциплины, презрительно наименованной дрессировкой. Стороной произведено новое дознаніе, даже съ таинственнымъ инкогнито, опровергающее заключенія коммиссіи; въ газеты посланы корреспонденціи; либеральный нынѣ рязанскій гласный г. Офросимовъ ратуетъ на страницахъ *Голоса* за права земства, хотя имъ, казалось бы, не грозитъ никакой опасности; запальчиво нападаетъ на г. Рюмина и, не безъ дозы наивнаго самообличенія, съ грустію вспоминаетъ о восьмнадцати дняхъ засѣданій земскаго собранія ни на шагъ не подвинувшихъ впередъ земское хозяйство и въ значительной части занятыхъ преніями объ Александровской семинаріи. Священникъ давшій неблагопріятный отзывъ о школѣ подвергается поруганію и въ собраніи, и въ газетахъ; его чуть-чуть не предлагаютъ предать церковному покаянію: по крайней мѣрѣ *Вѣстникъ Европы*, внезапно войдя въ роль благочиннаго, въ пылу неожиданнаго усердія къ вѣрѣ, обвиняетъ его въ невниманіи къ совершенію великаго таинства причащенія, ибо онъ долженъ былъ въ такой мѣрѣ быть поглощеннымъ актомъ священнодѣйствія чтобы не замѣтить отсутствія причастниковъ за которыми пришлось посылать дьячка.

Вотъ эпизодъ изъ жизни Рязанскаго земства, который не могъ не остановить на себѣ вниманія. По поводу его и мы высказали свои замѣчанія.

Князь Волконскій находитъ что мы были пристрастны, придирчивы, несправедливы, и что наши заключенія ничуть не оправдываются даже тѣми фактами которые обнаружила земская ревизіонная коммиссія и которыя князь Волконскій съ товарищами оспариваютъ. Мы никакихъ заключеній не дѣлали, кромѣ одного которое мы высказывали всегда и которое конечно не могло быть ослаблено свѣдѣніями о Рязанской учительской семинаріи. Наше заключеніе состоитъ только въ томъ что земскія учрежденія вообще не такъ организованы чтобы завѣдывать учебно-воспитательнымъ дѣломъ. Всякія притязанія земскихъ собраній и управъ руководить этимъ дѣломъ лишены смысла и ни къ чему хорошему вести не могутъ. Это имѣетъ для насъ силу совершенно доказанной истины. Дѣло Рязанской учительской семинаріи служитъ только новымъ примѣромъ, новою иллюстраціей въ подтвержденіе этого заключенія. Въ такомъ смыслѣ мы и высказались.

Князь Волконскій ошибается говоря будто мы сопоставляемъ учениковъ Рязанской учительской семинаріи съ тѣми людьми которые затѣваютъ „идти въ народъ." Мы просимъ его перечесть наши слова, и онъ убѣдится что мы не сопоставляемъ, а далеко разставляемъ тѣхъ и другихъ. Мы находимъ что народные учителя, воспитанные въ условіяхъ какія рисуются въ докладахъ ревизіонной коммиссіи Рязанскаго земскаго собранія, гораздо хуже и вреднѣе пустыхъ людей затѣвающихъ у насъ революціонную пропаганду. Мы не приравниваемъ одно къ другому, мы напротивъ убѣждены что язва дурныхъ народныхъ учителей образованныхъ по системѣ педагоговъ Рязанскаго земства есть несравненно болѣе серіозное и опасное зло чѣмъ вся эта мелюзга которая въ наши дни, гонимая какимъ-то вѣтромъ, тщится распространять въ народѣ революціонныя идеи. Эти „пустые люди" ходящіе въ народъ могутъ быть причиной разныхъ злоключеній, но въ сущности они болѣе вредятъ самимъ себѣ нежели народу, въ глубину котораго они проникнуть не въ состояніи. Съ народомъ они имѣютъ мало общаго, и сами по себѣ они не могутъ считаться серіознымъ зломъ въ народной жизни. Они составляютъ неудобство, это правда; но они безопасны для народа если все въ его жизни обстоитъ благополучно. Это комары которые докучаютъ намъ, но не могутъ отравить насъ, и которые исчезнутъ какъ только наше такъ-называемое образованное общество будетъ умнѣе и очистится отъ стараго крѣпостнаго дерма которое еще продолжаетъ либерально киснуть и прогрессивно разлагаться въ немъ. Но на-

родные учителя воспитанные по программѣ непризванныхъ педагоговъ могутъ стать язвой которая будетъ отравлять народное существованіе въ его источникахъ.

Что въ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ этого рода можетъ быть нужнѣе дисциплины строгой, твердой и умной? Простая учительская семинарія не можетъ готовить людей высшаго образованія, двигателей науки, профессоровъ и академиковъ. Смѣшивать задачи существенно разнородныхъ и разностепенныхъ учебныхъ заведеній значитъ не имѣть ясныхъ и раздѣльныхъ понятій о предметѣ, а безъ такихъ понятій можно ли позволять себѣ судить о немъ? Учитель народной школы долженъ быть человѣкъ по возможности хорошо грамотный, свѣдущій въ предметахъ первоначальнаго обученія, но прежде и главнѣе всего человѣкъ порядка, человѣкъ дисциплины, воспитанный въ строгомъ соблюденіи церковныхъ уставовъ и правилъ общественной нравственности. Курсъ ученія, который онъ долженъ проходить въ своей профессіональной школѣ, долженъ быть разчитанъ на то чтобы сдѣлать изъ него не всезнайку, способнаго легко толковать о предметахъ превышающихъ его разумѣніе, а человѣка скромнаго, воздержнаго на сужденіе и слово, и также сколько возможно воздержнаго въ жизни, человѣка безъ фальшивыхъ претензій, безъ дурныхъ привычекъ, человѣка способнаго владѣть собою, что только и достигается хорошею дисциплиной. Если наши народные учителя будутъ готовиться къ своему призванію не въ такомъ направленіи, то лучше не готовить ихъ вовсе. Лучше оставить это дѣло на волю Божію. Пусть лучше церковные причетники и старые служивые продолжаютъ обучать дѣтей народа попросту безъ затѣй. Пусть ученіе это не будетъ очень плодотворно, но эти люди не будутъ по крайней мѣрѣ отрывать своихъ питомцевъ отъ народной почвы, не будутъ лишать ихъ отеческихъ вѣрованій, не будутъ въ нѣдрахъ народа готовить людей безъ всякихъ правилъ. Если мы не будемъ въ состояніи старыми способами улучшить народную нравственность, отучить народъ отъ кабака и пріучить его къ порядку, то мы по крайней мѣрѣ не возведемъ для него распущенность въ идеалъ, развратъ въ науку и не поставимъ для него кабакъ вмѣсто храма.

Можно ли остаться равнодушнымъ слыша о школѣ отъ лица близко къ ней поставленнаго, въ качествѣ духовника воспитанниковъ, показанія подобныя тѣмъ какія далъ приходскій священникъ Рязанской учительской семинаріи? Какою чудовищною клеветой должны быть его слова, если допустить что онъ налгалъ на своихъ духовныхъ дѣтей, говоря что „прихожане его, крестьяне Троицкой слободы, много разъ жаловались ему на „воспитанниковъ Александровскаго училища что они не даютъ имъ покоя, чуть „не каждую ночь ходятъ по слободѣ пьяные съ пѣснями и гармоніей, не стѣсняются продолжать разгулъ свой подъ „большіе праздники; даже подъ Вознесеніе Христово, престольный праздникъ въ „означенной слободѣ, всю ночь пѣли пѣсни въ саду при самомъ заведеніи; предъ „свадьбами они собираются толпой къ тому „дому гдѣ бываетъ сговоръ, безобразничаютъ, заводятъ драки. Въ церкви ихъ „въ послѣдніе годы почти совсѣмъ не видно, а когда являются, то сожалѣешь что „пришли. На Страстной Недѣлѣ прошлаго „года говѣли, но въ церковь ходили неаккуратно; рѣдкіе приходили къ началу „службы, другіе въ срединѣ, а третьи въ „концѣ. Въ тотъ самый день когда имъ „нужно было принимать Святыя Тайны, „они во время литургіи смѣялись и постоянно выходили изъ церкви, такъ что „пришлось посылать дьячка чтобы собрать „ихъ къ причастію.“

Допустимъ однако что и свидѣтельство священника, и другія собранныя коммиссіей свѣдѣнія не основательны, не точны, ложны. Допустимъ что все въ Александровской семинаріи обстоитъ благополучно и опасенія коммиссіи построены на шаткихъ основаніяхъ; что правы тѣ члены училищныхъ совѣтовъ которые и словесно и письменно свидѣтельствуютъ что семинарія выпускаетъ учителей отборнаго свойства. Но, къ сожалѣнію, предъ нами письмо князя Волконскаго непререкаемо свидѣтельствующее о печальномъ состояніи педагогическаго дѣла въ рукахъ земскихъ дѣятелей Рязанскаго собранія. Письмо это производитъ грустное впечатлѣніе. Почтенное лицо рѣшившееся съ пожертвованіемъ труда и времени принять на себя завѣдываніе учебнымъ заведеніемъ, несомнѣнно воодушевленное наилучшими намѣреніями, высказываетъ сужденія свидѣтельствующія о совершенно фальшивомъ пониманіи та-

кого важнаго дѣла какъ воспитаніе народа. Руки опускаются при видѣ какая смута понятій господствуетъ у насъ въ умахъ общественныхъ дѣятелей даже воодушевленныхъ лучшими намѣреніями.

Почтенный противникъ нашъ дѣлаетъ такое допущеніе. Пусть, говоритъ онъ, вполнѣ справедливы обвиненія высказанныя въ докладѣ ревизіонной коммиссіи. Пусть воспитанники семинаріи оставлены безъ всякаго надзора, шатаются по кабакамъ и пьянствуютъ; пусть отличаются нерелигіознымъ настроеніемъ; пусть не знаютъ первыхъ правилъ вѣжливости, умышленно грубы въ отвѣтахъ и манерахъ, неприличны въ наружности. Пусть все это такъ, но можно ли отсюда, „изъ этихъ чисто дисциплинарныхъ отступленій," спрашиваетъ князь Волконскій, заключить о дурномъ духѣ и направленіи заведенія. Неужели нельзя? Чего же еще желаетъ почтенный предсѣдатель управы? Скопа и заговора, дѣланія фальшивой монеты, печатанія прокламацій? Дѣло идетъ о школѣ и какой школѣ: гдѣ приготовляются учителя для народа. Семинарія для народныхъ учителей не есть храмъ высшей науки; наука присутствуетъ тамъ въ скромныхъ размѣрахъ. Требуется людей простыхъ и здоровыхъ, взятыхъ изъ народа, возвратить въ народъ не оторванными отъ среды гдѣ имъ предстоитъ дѣйствовать, не разслабленными, пришлыми, нравственно шатающимися, а съ твердымъ нравственнымъ, религіознымъ, патріотическимъ закаломъ; не съ искусственнымъ дикарствомъ, а съ пріемами цивилизованныхъ людей. Достижимо ли это въ такой школѣ гдѣ дикая распущенность была бы положена въ основу воспитанія?

Нашъ почтенный противникъ идетъ еще далѣе. Въ отсутствіи порядка и дисциплины въ школѣ онъ не только не видитъ дурнаго ея состоянія, но, можно подумать, усматриваетъ даже нѣкоторый признакъ процвѣтанія. Съ явственною ироніей говоритъ онъ что изъ обвиненій ревизіонной коммиссіи подтвердилось только то „что къ ученикамъ семинаріи не вполнѣ примѣненъ *тотъ дисциплинарный порядокъ* который *нынѣ* требуется *нашею инспекціей народныхъ училищъ.*" Въ требованіяхъ здраваго смысла и правильнаго понятія о школѣ, отступленія отъ коихъ сегодня, какъ и вчера, останутся свидѣтельствомъ печальной распущенности, почтенный противникъ нашъ видитъ какъ бы упадокъ школьнаго дѣла!

Мы отъ всей души готовы признать вашу благонамѣренность, ваши желанія добра и пользы, ваши просвѣтительныя стремленія, но мы умоляемъ васъ, господа просвѣтители, быть искренними съ самими собой, и не обольщать себя пустыми фразами, и опредѣлить себѣ здравою мыслію что вы можете съ пользой дѣлать и чего вамъ касаться не слѣдуетъ. У каждаго изъ васъ навѣрное есть много серіозныхъ дѣлъ, занимайтесь ими, занимайтесь тѣмъ въ чемъ вы можете показать себя людьми вполнѣ зрѣлыми, здравомыслящими, дѣльными, и бросьте то что васъ сбиваетъ съ толку и заставляетъ васъ, людей почтенныхъ и серіозныхъ, говорить и дѣлать вещи непростительныя мальчикамъ. Какъ? Вы думаете что заведеніе которое должно готовить народныхъ учителей можетъ обойтись безъ дисциплины, что дисциплина въ немъ есть дѣло второстепенное, постороннее, почти излишнее, чуть не вредное! И при такомъ состояніи вашихъ понятій о дѣлѣ вы беретесь не только судить о немъ, но направлять его и руководить имъ! Не грѣшно ли это? Не будетъ ли это непростительно если вы изъ самолюбія будете упорствовать въ вашихъ сужденіяхъ, которыхъ ложь не можетъ не отзываться въ вашей совѣсти?

№ 97.

Москва, 20-го апрѣля.

Возрастающая съ каждымъ годомъ дороговизна мяса невольно обращаетъ на себя вниманіе. Въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ цѣны на мясо здѣсь, въ Москвѣ, не удвоились, а утроились; тѣ самые сорты говядины которые двадцать пять лѣтъ назадъ покупались по 5, по 6 коп. за фунтъ, продаются теперь уже по 18 коп.; низшіе же сорты мяса вздорожали чуть ли еще не въ болѣе значительной пропорціи. И такое вздорожаніе мяса не есть у насъ мѣстное явленіе; въ большей или меньшей степени оно ощущается повсюду и, конечно, не легко отзывается на большинствѣ людей недостаточнаго состоянія, чьи небогатыя средства, одновременно со вздорожаніемъ су-

щественнѣйшихъ предметовъ продовольствія, не могли возрости въ соотвѣтственномъ размѣрѣ.

Много причинъ сложилось къ тому чтобы вызвать указанное явленіе, и въ ряду ихъ, конечно, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ замѣчаемый въ послѣднее время упадокъ нашего скотоводства, подрываемаго ежегодными падежами. Между тѣмъ какъ населеніе растетъ, количество скота не только не увеличивается, а напротивъ уменьшается; такъ, офиціальныя данныя свидѣтельствуютъ что въ двадцати одной губерніяхъ, принадлежащихъ къ югозападной, центральной и восточной полосамъ Россіи, количество скота содержимаго помѣщиками и крестьянами значительно уменьшилось. Въ то же время на югѣ, откуда преимущественно снабжаются скотомъ главные пункты потребленія мяса, цѣны на скотъ въ какія-нибудь десять лѣтъ—періодъ наибольшаго развитія эпизоотіи — поднялись на пятьдесятъ, а мѣстами даже на сто процентовъ. Но одно это обстоятельство, можетъ-быть, еще не повело бы ко вздорожанію мяса въ вышеуказанныхъ размѣрахъ, еслибы ко вліянію одной причины не присоединилось дѣйствіе другой — крайне дурнаго состоянія путей по коимъ слѣдуетъ скотъ отъ мѣстъ его покупки къ мѣстамъ потребленія. Трудно вообразить себѣ до какого печальнаго состоянія дошли скотопрогонные тракты вслѣдствіе давней запущенности, о коей свидѣтельствуютъ собранныя недавно офиціальнымъ путемъ свѣдѣнія.

Узаконенной ширины, необходимой для того чтобы прогоняемый скотъ могъ довольствоваться подножнымъ кормомъ, скотопрогонные тракты не имѣютъ *почти нигдѣ*; во многихъ мѣстахъ они сужены запашками и посѣвами хлѣбовъ до того что для гона гуртовъ остается лишь полоса земли шириной въ десять, въ пять, *даже въ одну сажень*; по нѣкоимъ же губерніямъ, какъ напримѣръ Саратовской, скотопрогонныя дороги мѣстами *совсѣмъ запаханы, перерыты канавами или загорожены*. Къ недостатку подножнаго корма на многихъ трактахъ присоединяется недостатокъ водопоя; встрѣчаются, по мѣстамъ, пространства въ восемьдесятъ и болѣе верстъ гдѣ нѣтъ ни одного водопоя, и гурты должны идти по нимъ, иногда при сильномъ дневномъ жарѣ доходящемъ до 35° по Р., *по двое сутокъ безъ пойла*. Содержатся скотопрогонныя дороги вообще чрезвычайно дурно, но тамъ гдѣ онѣ пролегаютъ по глинистой или болотистой почвѣ, онѣ становятся по мѣстамъ вовсе непроходимыми. Вблизи самого Петербурга, подъ Гатчиной, — не говоря уже объ отдаленныхъ губерніяхъ, — въ двухъ мѣстахъ находятся на огромныхъ пространствахъ непроходимыя трясины, черезъ которыя съ основанія скотопрогонныхъ дорогъ, повидимому, не положено ни одной фашины. Московскій трактъ, по отзывамъ скотопромышленниковъ, проходимъ только мѣстами, по возвышенностямъ Крестецкаго и Валдайскаго уѣздовъ, такъ что необходимость заставила допустить прогонъ скота по шоссейной дорогѣ. По тракту на Тамбовъ, близъ Козлова, скотопрогонная дорога проходитъ по такимъ вязкимъ и топкимъ мѣстамъ что въ извѣстныя времена года скотъ переправляется черезъ нихъ помощью тяги лошадей! Вообще, при слѣдованіи по скотопрогоннымъ трактамъ, гурты во многихъ мѣстахъ встрѣчаютъ естественныя и искусственныя препятствія такого рода что черезъ нихъ, по отзывамъ скотопромышленниковъ, не дошелъ бы до столицъ ни одинъ быкъ еслибы гурты не имѣли возможности, „за особую и хорошую плату,“ сворачивать съ назначенныхъ для нихъ путей на владѣльческія земли... И тяжело отзываются на цѣнахъ мяса эти обходы скотопрогонныхъ трактовъ проселочными дорогами, гдѣ гурты подвергаются всяческимъ притѣсненіямъ и поборамъ отъ землевладѣльцевъ, арендаторовъ и сельскихъ обществъ, требующихъ непомѣрной платы и собственно за прогонъ скота, и за прокормъ его, и особенно за потравы, неизбѣжныя тамъ гдѣ поля не огорожены. По тяжкимъ и незаконнымъ поборамъ гурты подвергаются не только при обходахъ проселочными путями, а часто и на самихъ скотопрогонныхъ трактахъ, въ особенности при переправахъ. Мосты на этихъ трактахъ вообще плохи, гати еще хуже, перевозы вездѣ неисправны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже опасны. Гуртамъ нерѣдко приходится стоять по нѣскольку дней ожидая возможности переправы съ одного берега рѣки на другой, или же дѣлать обходы въ нѣсколько десятковъ верстъ. Къ затруднительности переправъ присоединяются сопряженные съ ними поборы. Почти на всѣхъ переправахъ перевощики, не-

смотря на запрещеніе, стараются взять съ гуртовщиковъ, гдѣ по 4, гдѣ по 5 коп. съ головы. Въ случаѣ неуплаты этого произвольнаго сбора, гуртъ часто останавливается, будто бы за невозможностью переправы; приходится внести что требуютъ, и переправа тотчасъ же оказывается возможною. Въ иныхъ же мѣстахъ вымогаемые съ гуртовщиковъ частные поборы доходятъ даже до рубля съ головы скота. При отказахъ къ уплатѣ не обходится безъ разнаго рода насилій, причемъ, напримѣръ, отбиваютъ отъ гурта нѣсколько головъ скота.

Въ виду всѣхъ вышеозначенныхъ мытарствъ черезъ которыя должны проходить гурты при слѣдованіи по скотопрогоннымъ трактамъ, становится понятнымъ почему даже южный сѣрый скотъ, относительно легко переносящій чуму когда заболѣваетъ ею на своей родинѣ, не выноситъ ея если заболѣваетъ ею въ дорогѣ. Не менѣе понятно и то почему нынѣ нѣкоторые изъ промышленниковъ вовсе прекращаютъ гонъ скота въ главныя мѣста сбыта, а предпочитаютъ вести скотъ прямо на салганы, гдѣ идутъ въ дѣло лишь сало и кожа, а мясо продается за безцѣнокъ, въ то самое время когда въ мѣстахъ гдѣ чувствуется въ немъ особая потребность оно съ каждымъ годомъ все болѣе дорожаетъ. Оказывается что даже наши высокія цѣны на мясо иной разъ не окупаютъ всѣхъ неудобствъ и издержекъ прогона. Насколько улучшится положеніе дѣла, въ указанномъ отношеніи, съ осуществленіемъ выработаннаго недавно проекта Положенія о прогонѣ скота по желѣзнымъ дорогамъ, — вотъ вопросъ который, естественно, не можетъ не интересовать и скотопромышленниковъ, и всѣхъ вообще потребителей мяса.

Предполагается установить обязательный провозъ гуртовъ по желѣзнымъ дорогамъ, но составители проекта не скрываютъ отъ себя что эта мѣра у насъ далеко не вездѣ осуществима, ибо наши желѣзнодорожныя линіи въ настоящее время лишь въ немногихъ пунктахъ касаются мѣстъ формированія гуртовъ, а развѣтвленія ихъ до того рѣдки что не представляется возможности пользоваться ими при перевозкѣ скота безъ напрасныхъ переѣздовъ и безъ прослѣдованія значительныхъ пространствъ гономъ; сверхъ того, существующія желѣзныя дороги не могутъ доставлять скотъ ко всѣмъ пунктамъ потребленія мяса и обработки животныхъ продуктовъ. Такимъ образомъ, и послѣ обращенія проекта въ законъ, главными путями передвиженія гуртовъ попрежнему будутъ не желѣзныя дороги, а скотопрогонные тракты, почему и необходимость серіозныхъ заботъ о приведеніи этихъ послѣднихъ въ возможно удовлетворительное состояніе нисколько не уменьшается. Напротивъ, введеніе обязательнаго провоза скота по желѣзнымъ дорогамъ дѣлаетъ улучшеніе скопрогонныхъ трактовъ особенно настоятельнымъ. Провозъ скота по желѣзнымъ дорогамъ, даже и при проектируемомъ пониженіи провозной таксы, будетъ обходиться много дороже стоимости прогона по трактамъ, и это обстоятельство несомнѣнно подниметъ цѣны на мясо, если одновременно не будетъ уменьшена стоимость прогона по трактамъ. Только при условіи что вздорожаніе стоимости слѣдованія по одной части пути будетъ возмѣщаться удешевленіемъ передвиженія по другой части того же пути, можно надѣяться что проектированная Ветеринарнымъ Комитетомъ несомнѣнно полезная мѣра не отзовется тяжело на всѣхъ потребителяхъ мяса. И въ ихъ интересахъ, которые конечно нельзя упускать изъ виду, весьма важно чтобы къ улучшенію скотопрогонныхъ трактовъ было приступлено не когда-нибудь современемъ, а одновременно съ приступомъ къ осуществленію вышеупомянутаго проекта. Многое для облегченія слѣдованія гуртовъ можетъ быть сдѣлано администраціей даже безъ всякихъ затратъ, путемъ устраненія всяческихъ притѣсненій и поборовъ какимъ нынѣ подвергаются гуртовщики; но, конечно, дѣло исправленія скотопрогонныхъ трактовъ не можетъ не потребовать и расходовъ и притомъ расходовъ значительныхъ. Желательно, поэтому, чтобъ одновременно съ утвержденіемъ проекта объ обязательномъ провозѣ скота по желѣзнымъ дорогамъ были указаны и источники на которые могли бы быть отнесены расходы по исправленію скотопрогонныхъ трактовъ. Къ сожалѣнію, на эту сторону дѣла составители проекта обратили менѣе вниманія чѣмъ бы слѣдовало. Какъ мы уже имѣли случай сообщить, казенные сборы съ гуртоваго скота предположено возвысить; теперь съ него взимается, въ общей сложности, около 150.000 р. въ годъ; впредь будетъ взи-

маться около полумилліона, но изо всей этой суммы на улучшеніе трактовъ не пойдетъ ни копѣйки. Вся она, по сдѣланному разчету, будетъ поглощена расходами на содержаніе ветеринарнаго персонала, выдачей вознагражденій за убиваемый скотъ и т. д. Правда, скотопрогонные тракты не оставлены совсѣмъ безъ вниманія: на улучшеніе ихъ предположено обращать ежегодно около 82½ тысячъ рублей изъ проектируемыхъ сборовъ съ чумацкаго промысла и съ провоза невыдѣланныхъ кожъ. Это, конечно, лучше чѣмъ ничего, но нельзя не обратить вниманія на крайнюю незначительность упомянутой суммы для громаднаго протяженія скотопрогонныхъ трактовъ, простирающагося, въ общей сложности, до 43.500 верстъ. Что можно сдѣлать на такомъ пространствѣ со столь ничтожными средствами, когда притомъ установленіе обязательнаго провоза по желѣзнымъ дорогамъ потребуетъ еще устроенія многихъ новыхъ трактовъ къ мѣстамъ посадки скота въ вагоны? А при всемъ этомъ нельзя быть увѣрену даже въ томъ что упомянутыя 82½ тысячи будутъ дѣйствительно поступать ежегодно на улучшеніе трактовъ. Вопервыхъ, есть много основаній предполагать что сборы, изъ коихъ должна быть отчисляема эта сумма, не дадутъ того чего отъ нихъ ожидаютъ; вовторыхъ, изъ этой суммы предполагается дѣлать заимствованія на усиленіе фонда по вознагражденію за убитый скотъ въ случаѣ развитія падежей, причемъ легко можетъ случиться что на улучшеніе трактовъ и вовсе ничего не останется. Трудно мириться съ такою перспективой, и нельзя не пожелать ассигнованія на улучшеніе скотопрогонныхъ дорогъ болѣе круглой суммы и изъ болѣе прочнаго источника.

№ 98.

Москва, 21-го апрѣля.

Грозовая туча собиравшаяся было на давно омраченномъ горизонтѣ Востока пронеслась мимо не смутивъ общаго мира и согласія охраняющихъ его великихъ державъ, но послѣ нея стало еще труднѣе распознаться въ хаосѣ ежедневно плодящихся самыхъ разнообразныхъ газетныхъ толковъ.

Замѣшательства на Востокѣ недавно дѣйствительно угрожали принять опасный характеръ вслѣдствіе извѣстій о намѣреніи Порты объявить войну Черногоріи. Опасность эта была устранена благодаря энергической иниціативѣ Россіи, которая немедленно обратила на нее вниманіе другихъ великихъ державъ и пригласила ихъ принять участіе въ указаніи Портѣ важныхъ и опасныхъ послѣдствій отъ такого опрометчиваго рѣшенія которое могло возбудить развитіе пламени. Другія державы, по приглашенію Россіи, тотчасъ согласились сдѣлать торжественныя представленія султанскому правительству, признавъ тѣмъ самымъ основательность указаній Россіи. Такимъ образомъ смѣлая и рѣшительная въ нужную минуту иниціатива Россіи и ея прямодушная политика еще разъ оказали важную услугу дѣлу европейскаго мира. Казалось бы что фактъ этотъ долженъ положить конецъ недавнимъ инсинуаціямъ насчетъ какой-то двойной игры какую якобы ведетъ Россія, насчетъ тайныхъ подстрекательствъ ею неразумныхъ надеждъ инсургентовъ и ея противодѣйствія практическимъ планамъ умиротворенія. Но изобрѣтательность нашихъ недоброжелателей неистощима, и мы видимъ что и этотъ мирный оборотъ дѣйствительно грозившаго серіознаго затрудненія даетъ лишь поводъ иннымъ заграничнымъ органамъ къ новымъ инсинуаціямъ противъ русской политики. *Pall Mall Gazette* разсуждаетъ что запретъ Турціи нападать на Черногорію, предоставляя послѣдней свободу нападать на Турцію, былъ бы не только въ высшей степени несправедливъ, но и не привелъ бы ни къ чему, ибо весьма слабый врагъ можетъ причинять сильный ущербъ если руки его противника связаны, и для Турціи было бы де лучше воевать противъ всей силы Россіи чѣмъ воевать даже съ Черногоріей не смѣя отвѣчать ударомъ за ударъ. Поэтому, вслѣдъ за обращеніемъ къ Портѣ, съ чьей стороны опасались нападенія, должно бы быть дано предостереженіе и Черногоріи, которою первоначально былъ данъ поводъ къ задуманному Портой нападенію. Нѣкоторыя же вѣнскія газеты, какъ мы сообщали вчера въ „Послѣдней Почтѣ,“ утверждаютъ будто и сама Порта расположена смотрѣть на дѣло такимъ же образомъ, заключая что державы, помѣшавъ ей занять Черногорію, тѣмъ самымъ приняли

на себя отвѣтственность за послѣдующія событія и обязательство сдѣлать со своей стороны все возможное для умиротворенія.

О поводахъ же вызвавшихъ предъ тѣмъ воинственное рѣшеніе Порты пространно разсуждалъ на дняхъ берлинскій корреспондентъ *Times*. По его словамъ, Турокъ нельзя слишкомъ строго судить за то что они потеряли терпѣніе: „Цѣлый годъ они сражались противъ врага который, кромѣ выгодъ доставляемыхъ ему неприступными ущельями, пользуется даже еще болѣе могучею помощью Россіи.“ Политика Россіи, при всѣхъ ея миролюбивыхъ заявленіяхъ, была де крайне невыгодна для Турціи. Она, правда, удержала Сербію и Черногорію отъ открытой войны, но это принесло де султану, вмѣсто пользы, лишь вредъ. Въ открытой борьбѣ Порта легко бы справилась съ обоими княжествами (въ чемъ, впрочемъ, сильно сомнѣвались другіе корреспонденты той же газеты, пишущіе изъ Рагузы и Бѣлграда), а между тѣмъ постоянная поддержка ими инсургентовъ, при полной безопасности ихъ самихъ отъ нападенія, и была главною помѣхой Портѣ справиться съ ничтожными силами возстанія. Поэтому Россія, чтобы быть послѣдовательною, должна бы запретить обоимъ княжествамъ не только прямую войну противъ Турціи, но и всякія тайныя интриги на помощь инсургентамъ. Въ результатѣ же вышло то что такъ какъ инсургенты отказались подчиниться даннымъ имъ совѣтамъ, а „Русское правительство не захотѣло наказать ихъ за непослушаніе,“ то создалось положеніе „которое истощаетъ Турцію, между тѣмъ какъ, при нейтральности Россіи, и другія державы не могутъ явиться на помощь страдальцу (?).“

Такимъ образомъ, по словамъ иныхъ заграничныхъ органовъ, выходитъ что Россія, что бы она ни предпринимала, какъ бы ни поступала, во всякомъ случаѣ оказывается виноватою. Она виновата и въ своей нейтральности, и въ томъ что, заботясь о европейскомъ мирѣ, не допустила войны между Портой и ея вассальными княжествами. Но неужели однако неисправимые критики русской политики, вкривь и вкось объясняющіе каждый ея шагъ, даже предпринимаемый сообща со всею Европой, какими-то тайными цѣлями,—неужели они дѣйствительно предпочли бы открытый разрывъ Порты съ Черногоріей и Сербіей? Можно конечно быть увѣрену что случись онъ на самомъ дѣлѣ, наши недоброжелатели не преминули бы приписать это подстрекательствамъ Россіи. Но этого не случилось благодаря именно Россіи, а все-таки надо найти ее въ чемъ-нибудь виноватою. Есть и другой поводъ сильно сомнѣваться въ искренности такихъ желаній развязать Портѣ руки, будто бы стѣсняемыя русскою политикой: это настойчиво возобновившіеся толки о неизбѣжности будто бы австрійскаго военнаго занятія Босніи и Герцеговины ради ихъ умиротворенія. О безотлагательной необходимости этой мѣры теперь заговорили сильнѣе чѣмъ когда-либо во многихъ и англійскихъ, и германскихъ газетахъ. Австрійская же печать объ этомъ вопросѣ толкуетъ врозь: между тѣмъ какъ одни органы, и въ томъ числѣ офиціозные, рѣшительно отрицаютъ такое намѣреніе со стороны Австрійскаго правительства, другіе органы, и между прочимъ берлинскія офиціозныя изданія, не хотятъ вѣрить этимъ опроверженіямъ. Вѣнская же *Neue Freie Presse* и берлинская *Post* утверждаютъ будто сама Порта теперь желаетъ этого занятія и проситъ у Австріи помощи чтобы подавить возстаніе, подобно тому какъ сама Австрія воспользовалась помощью Россіи. Но всего обстоятельнѣе разсуждаетъ объ этомъ, какъ о планѣ будто бы почти рѣшенномъ, парижскій корреспондентъ *Times*. Онъ говоритъ что получилъ о немъ свѣдѣніе изъ весьма надежнаго источника, который однако намъ представляется подозрительнымъ, такъ какъ въ его сообщеніи дважды повторяется забавный географическій куріозъ. По его словамъ, прежде вооруженное вмѣшательство Австріи встрѣчало недовѣріе со стороны Россіи которое однако теперь, благодаря стараніямъ Германіи и даже другихъ державъ, устранено. Поэтому, имѣется де въ виду слѣдующій планъ: „Державы представятъ Портѣ окончательныя условія, кои дадутъ нѣкотораго рода автономію возмущеннымъ провинціямъ, „ибо есть мысль распространить тѣ же „условія на всѣ турецко-христіанскія провинціи. Если Турція приметъ это, то „Австрія и Россія обяжутся предъ инсургентами наблюдать за строгимъ исполненіемъ выговоренныхъ условій, даже цѣною вмѣшательства, а это и будетъ пре-

„людiей настоящей автономiи. По этому „плану Австрiя вступитъ въ турецко-христiанскiя провинцiи. Она займетъ Герцеговину, Буковину (??) и Боснiю; Турцiи будетъ предписано полное отдѣленiе „отъ нея христiанскихъ провинцiй; Черногорiя, Герцеговина, Буковина (??), „Боснiя и Сербiя станутъ независимыми „государствами; онѣ образуютъ поясъ автономическихъ христiанскихъ провинцiй, „поставленныхъ между Европейскою Турцiей и самою Европой. Полагаютъ что „магометане нынѣ поселенные въ этихъ „провинцiяхъ“ (слѣдовательно въ Буковинѣ, а также въ Черногорiи и Сербiи?) „скоро удалятся въ магометанскiя провинцiи, и такимъ образомъ совершится изолированiе этихъ послѣднихъ, съ прекращенiемъ постоянныхъ столкновенiй потрясающихъ Европу и обагряющихъ кровью „Балканскiй полуостровъ.“ Но для осуществленiя этого „самаго простаго,“ по словамъ корреспондента плана,—слѣдовательно, между прочимъ, и для образованiя независимаго государства изъ австрiйской Буковины,—требуется одно необходимое условiе: австрiйское вооруженное вмѣшательство.

Что же удивляться разнымъ небылицамъ распускаемымъ про Россiю и русскую политику, когда корреспондентъ такой серiозной газеты какъ *Times*, сообщая извѣстiе изъ „надежнаго источника,“ не потрудившись справиться съ картой, причисляетъ австрiйскую провинцiю къ турецко-христiанскимъ провинцiямъ въ коихъ поселены магометане, населяя еще вдобавокъ послѣдними также Сербiю и Черногорiю!

Сопоставляя съ этими толками увѣренiя будто бы Россiя оказала подозрительную услугу Портѣ, помѣшавъ ей въ самомъ дѣйствительномъ средствѣ потушить возстанiе занятiемъ сочувствующихъ и помогающихъ оному Сербiи и Черногорiи, мы въ правѣ заключить что эти изобличенiя Россiи имѣли въ виду только нагляднѣе убѣдить въ необходимости австрiйскаго военнаго занятiя, которому также до сихъ поръ противилась де болѣе всего Россiя. Поэтому мы полагаемъ что и эти новыя изобличенiя, подобно всѣмъ прежнимъ распускавшимся про Россiю въ теченiе Герцеговинскаго замѣшательства, разсѣются какъ дымъ какъ только ясно выступятъ всѣ громадныя затрудненiя плана кажущагося многимъ столь заманчивымъ. Затрудненiя эти столь велики что есть основанiе сомнѣваться чтобы планъ этотъ серiозно обсуждался дипломатiей, вопреки всему что пишутъ въ газетахъ, и данныя въ пользу нашего мнѣнiя мы находимъ въ тѣхъ самыхъ органахъ гдѣ этотъ планъ такъ горячо рекомендуется. Въ послѣднемъ нумерѣ *Times* мы прочли письмо константинопольскаго корреспондента этой газеты касающееся именно этихъ щекотливыхъ вопросовъ. Вопервыхъ, онъ замѣчаетъ что война противъ Черногорiи едва ли была бы выгодна для Порты. „Если это предпрiятiе, говоритъ онъ, было достаточно опасно съ полгода тому назадъ, то оно было бы почти отчаяннымъ теперь, когда и военныя, и финансовыя средства имперiи истощены шестимѣсячною борьбой съ горстью инсургентовъ, и когда послѣднiе дали доказательства твердой рѣшимости которая завербовала въ ихъ пользу сочувствiе европейскаго мнѣнiя.“ Это до такой степени расширило бы кровопролитную борьбу, что дѣйствительно сдѣлало бы вооруженное вмѣшательство одной или нѣсколькихъ державъ необходимостью,—но какой державы? Ближе всего, конечно, вмѣшаться Австрiи; но вотъ что замѣчаетъ на это корреспондентъ: „Вооруженное занятiе Оттоманской территорiи, наперекоръ не только герцеговинскимъ инсургентамъ, но также наперекоръ Сербiи и Черногорiи, есть не только весьма трудное и дорого стоящее предпрiятiе, но и едва ли можетъ быть популярно въ либеральной Европѣ, и представилось бы просто возмутительнымъ въ глазахъ легко волнующагося населенiя славянскихъ провинцiй самой Австрiйской имперiи.“ Далѣе, по словамъ корреспондента, несмотря на благiя намѣренiя графа Андраши въ его старанiяхъ примирить Турокъ и Герцеговинцевъ, одно имя Австрiи возбуждаетъ недовѣрiе и тѣхъ, и другихъ. Кромѣ того, какъ Австрiя хотя и при поддержкѣ другихъ державъ, не могла ничего достигнуть мирными переговорами, такъ точно она оказалась бы безсильною и въ попыткѣ вооруженнаго вмѣшательства, ибо она не знаетъ де сколь много сочувствующихъ славянскимъ стремленiямъ могутъ найтись въ той самой армiи на которую ей для сего придется разчитывать. Турцiя же, по мнѣнiю корреспондента, отъ иностраннаго вмѣшательства ничего не выиграетъ, а можетъ лишь проиграть.

Эти возраженія противъ плана представляются съ точки зрѣнія соображеній австрійскихъ и турецкихъ, но должно имѣть и другое, болѣе важное, соображеніе съ общеевропейской точки зрѣнія. До сихъ поръ всѣ старанія державъ достигнуть умиротворенія были выраженіемъ ихъ совокупнаго согласнаго дѣйствія. Всякое одностороннее вмѣшательство, какъ мы уже прежде замѣчали, было бы уклоненіемъ съ этого мудраго пути и невольно могло бы породить разныя неблаговидныя заключенія. Еслибы такое вмѣшательство, наконецъ, дѣйствительно оказалось неизбѣжнымъ, то оно, конечно, не должно быть одностороннимъ, а вмѣшательствомъ всей Европы, не одной державы, а нѣсколькихъ или по крайней мѣрѣ двухъ. Но затрудненія такого вмѣшательства были бы весьма велики, ибо потребовалось бы заранѣе ясно опредѣлить его программу. Во всякомъ случаѣ, покамѣсть мы еще не видимъ повода убѣдиться чтобы державы, при доброй волѣ и взаимномъ довѣріи, не могли обойтись безъ него и изыскать другія средства для умиротворенія. Мы знаемъ что державы продолжаютъ быть озабочены участью Герцеговинскихъ и Боснійскихъ христіанъ, и среди хаоса газетныхъ толковъ мы имѣемъ утѣшительный фактъ что твердое согласіе державъ пребываетъ неизмѣннымъ. Сейчасъ полученная телеграмма изъ Берлина передаетъ что ожидаемому тамъ, по случаю пріѣзда нашего Государя Императора, съѣзду трехъ имперскихъ канцлеровъ приписывается важное значеніе.

№ 99.

Москва, 22-го апрѣля.

Вчера телеграфъ извѣстилъ насъ объ окончательномъ принятіи Прусскимъ Ландтагомъ, въ третьемъ чтеніи, законопроекта о желѣзныхъ дорогахъ. Рѣшеніе это еще ничего собою не завершаетъ, а, напротивъ, есть только первый шагъ къ осуществленію колоссальнаго предпріятія задуманнаго княземъ Бисмаркомъ. Самъ имперскій канцлеръ заявилъ въ Палатѣ что когда предложеніе и пройдетъ въ Рейхстагѣ, пройдетъ не менѣе трехъ лѣтъ прежде чѣмъ осуществится теперешній законопроектъ. Тѣмъ не менѣе никто не возражалъ когда депутатъ Рихтеръ въ своей рѣчи противъ законопроекта заявилъ что съ 1866 года, то-есть со времени основанія Сѣверо-Германскаго Союза, не было предпринято законодательной мѣры равной теперешней по своему значенію. Вотъ почему успѣхъ достигнутый теперь княземъ Бисмаркомъ и его приверженцами въ Ландтагѣ, по всей вѣроятности, знаменуетъ собою начало борьбы, и борьбы ожесточенной, неминуемо долженствующей возгорѣться во внутренней жизни Германіи, между стремленіемъ къ крѣпкому государственному единенію и тѣми элементами партикуляризма которые еще очень живучи въ нѣмецкомъ народѣ несмотря на громадный переворотъ въ его политическомъ устройствѣ.

Съ содержаніемъ принятаго теперь законопроекта мы уже познакомили читателей; мы привели также и тѣ соображенія коими Прусское правительство поддерживаетъ законопроектъ, ограничиваясь исключительно экономическою стороной дѣла и всячески стараясь доказать что вопросъ политическій стоитъ тутъ на второмъ планѣ. Въ этомъ смыслѣ говорили и въ Ландтагѣ князь Бисмаркъ, министры финансовъ, торговли и сельскаго хозяйства, а также всѣ ораторы національно-либеральной партіи съ г. Ласкеромъ во главѣ. Противники законопроекта никакъ не соглашались локализовать споръ этими тѣсными предѣлами; они какъ будто не слыхали увѣреній въ томъ что имперское правительство далеко отъ мысли завладѣть всѣмъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ въ Германіи и сосредоточить его въ своихъ рукахъ. Они упорно стояли на томъ что рѣчь идетъ именно о такомъ громадномъ предпріятіи къ коему настоящій законопроектъ поведетъ неминуемо. Нечего говорить что вся партія центра ставила вопросъ на эту почву и возражала противъ предложенія съ точки зрѣнія политической, высказывая все то что приверженцы нѣмецкаго партикуляризма при каждомъ удобномъ случаѣ выставляютъ противъ объединяющихъ тенденцій имперіи, отождествляемой ими съ преобладаніемъ Пруссіи. Партія прогрессистовъ, возставшая *in corpore* противъ законопроекта, также ни за что не соглашалась отдѣлить экономическую сторону дѣла отъ политической. Особенное впечатлѣніе произвела рѣчь вождя этой партіи, г. Рихтера, произнесенная имъ 26 апрѣля, въ самомъ началѣ преній по этому вопросу.

Г. Рихтеръ прежде всего старался доказать что предлежащій законопроектъ — о дозволеніи Прусскому правительству вступить въ переговоры съ имперіей объ уступкѣ ей всѣхъ правъ на Прусскія государственныя и частныя желѣзныя дороги — „не такъ невиненъ“ какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. „Могутъ спросить,“ сказалъ онъ, „какая тутъ въ сущности перемѣна? Прусскія дороги переходятъ къ имперіи. Но Король Вильгельмъ царствуетъ и здѣсь и тамъ; князь Бисмаркъ и тутъ и тамъ находится во главѣ управленія; большинство депутатовъ имперскаго Рейхстага суть Пруссаки, и намъ стóитъ только перейти отсюда въ Лейпцигскую улицу, № 4 (гдѣ находится помѣщеніе Рейхстага), чтобы вернуть себѣ тамъ то вліяніе на судьбу желѣзнодорожнаго дѣла въ Пруссіи которое мы здѣсь теряемъ.“ Этимъ оборотомъ г. Рихтеръ доказываетъ что истинная цѣль г. Бисмарка лежитъ гораздо дальше той которая указана въ теперешнемъ законопроектѣ. „Но вамъ вовсе не того нужно,“ продолжалъ ораторъ „чтобъ однѣ лишь „прусскія желѣзныя дороги перешли къ „имперіи; онѣ и *не могутъ* однѣ перейти: „въ концѣ концовъ имѣется въ виду не „что иное какъ переходъ *всѣхъ* нѣмецкихъ „дорогъ къ имперіи.“ Ораторъ доказываетъ что первый предлогъ къ законопроекту выставленный, въ мотивахъ къ нему, будто бы предлагаемая мѣра вызвана прежде всего неудачей которую потерпѣла попытка создать законъ объ имперскомъ надзорѣ и контролѣ надъ всѣми нѣмецкими дорогами, есть не что иное какъ дипломатическій изворотъ, и что имперское правительство въ сущности никогда серіозно и не стремилось къ осуществленію такого закона, ибо нельзя сказать чтобы подобный законъ было труднѣе осуществить нежели, напримѣръ, введеніе общаго для всей Германіи судоустройства и судопроизводства, которое, однако, близко къ своему осуществленію. Имперское правительство воспользовалось де для своихъ видовъ замѣчаемымъ въ послѣднее время въ Германіи стремленіемъ къ экономической опекѣ со стороны государства. Несомнѣнно что народъ во многихъ случаяхъ ждетъ облегченія всѣхъ своихъ бѣдъ и удовлетворенія своихъ многочисленныхъ нуждъ отъ имперіи. „Недавно,“ разказываетъ г. Рихтеръ, „въ Бреславлѣ былъ съѣздъ учителей элементарныхъ школъ. Обо многомъ „спорили эти добрые люди, во многомъ не „могли согласиться между собою. Въ одномъ только всѣ они были согласны: что „всѣ нужды ихъ и печали по школьному „дѣлу какъ рукой будутъ сняты коль скоро содержаніе элементарныхъ школъ будетъ отнесено насчетъ имперскаго бюджета.“ Г. Рихтеръ, рѣшительный противникъ стремленій къ сосредоточенію всѣхъ заботъ въ рукахъ государства вообще, а особливо въ рукахъ имперской власти. Онъ совершенно отвергаетъ необходимость централизаціи желѣзнодорожнаго дѣла, для которой не имѣется де въ Европѣ никакого примѣра. Вездѣ возникали подобнаго рода идеи, но нигдѣ онѣ не получали практическаго осуществленія. Въ сосѣднихъ Германіи государствахъ, думаетъ ораторъ, съ удовольствіемъ взираютъ на предпринимаемый въ Германіи экспериментъ, предполагая воспользоваться его результатами, между тѣмъ какъ Германія одна понесетъ весь рискъ и всѣ громадныя издержки, рискъ серіозный въ высшей степени, ибо въ случаѣ неудачи неминуемо расшатаются и тѣ основы единства Германіи которыя до сихъ поръ прочно установились. По мнѣнію оратора, совершенно невѣрно положеніе будто бы частная конкурренція въ дѣлѣ желѣзнодорожной эксплуатаціи должна быть ограничена. И здѣсь, какъ во всѣхъ отрасляхъ экономической жизни, конкурренція не можетъ и не должна быть ничѣмъ замѣнима (?). Конкурренція особенно важна для преуспѣянія мѣстныхъ дорогъ, а развитіе этихъ дорогъ представляется оратору задачей отнюдь не менѣе важною нежели процвѣтаніе магистральныхъ путей, коимъ мотивы законопроекта придаютъ преобладающее значеніе.

Наконецъ, г. Рихтеръ считаетъ сосредоточеніе всѣхъ дорогъ въ рукахъ имперскаго правительства чрезвычайно опаснымъ и съ точки зрѣнія конституціонной свободы. Контроль Рейхстага надъ желѣзнодорожнымъ бюджетомъ приблизительно въ 800 милліоновъ марокъ не можетъ не быть совершенно фиктивнымъ, а имѣя въ своихъ рукахъ громадные рессурсы которые дастъ управленіе всею сѣтью нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогъ, правительство станетъ въ совершенно независимое положеніе по отношенію къ бюджетному праву народнаго представительства. Примѣръ этому ораторъ указалъ въ Пруссіи, за время распри

палаты съ правительствомъ до 1866 года. Палата систематически отказывала въ утверждении бюджета; но правительство весьма мало этимъ стѣснялось, потому что имѣло въ своихъ рукахъ значительные рессурсы отъ нѣсколькихъ разрѣшенныхъ ему прежде желѣзнодорожныхъ займовъ.

Въ заключеніе г. Рихтеръ указалъ на опасность которою грозитъ нарушеніе внутренняго мира и согласія въ Германіи возбужденіемъ столь чреватаго послѣдствіями вопроса въ то время когда политическій горизонтъ Европы не представляется особенно яснымъ.

Князь Бисмаркъ, какъ уже сказано выше, всячески старался доказать что значеніе предлагаемой мѣры страшно преувеличено ея противниками, и что рѣчь идетъ ни о чемъ болѣе какъ о переходѣ Прусскихъ желѣзныхъ дорогъ къ имперіи; что же касается дорогъ принадлежащихъ прочимъ государствамъ, то, по его мнѣнію, имперская конституція не даетъ никакого права къ экспропріаціи оныхъ въ пользу имперіи помимо обоюднаго соглашенія. Все дѣло въ томъ что система коей придерживалось до сихъ поръ желѣзнодорожное управленіе въ Пруссіи, система слишкомъ благопріятствовавшая частной, промышленной сторонѣ дѣла и слишкомъ мало заботившаяся о регулированіи дѣла въ интересахъ общественныхъ, признана нынѣ во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительною. Дабы желѣзныя дороги вполнѣ отвѣчали своему назначенію, и дабы устройство и эксплуатація оныхъ вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ общества, необходимо чтобы государство владѣло своею собственною сѣтью дорогъ настолько обширною чтобы вліяніе оной на частныя дороги могло умѣрять преобладающія въ послѣднихъ исключительно промышленныя тенденціи. Это-то приращеніе власти государства князь Бисмаркъ желаетъ перенести на имперію.

Дальнѣйшая судьба мѣры проводимой германскимъ канцлеромъ будетъ зависѣть, конечно, отъ обстоятельствъ политической жизни Германіи, а отнюдь не отъ однѣхъ лишь потребностей экономическихъ, какъ утверждаетъ прусскій законопроектъ. Въ смыслѣ экономическомъ можно многое сказать за этотъ проектъ. Выше привели мы рѣчь г. Рихтера составляющую какъ бы сводъ главнѣйшихъ возраженій высказываемыхъ въ Германіи противъ новаго желѣзнодорожнаго проекта разнаго рода противниками его. Читатели замѣтили всю слабость этихъ возраженій со стороны экономической. Можно ли серіозно думать что мѣстныя желѣзныя дороги важнѣе магистральныхъ линій? Послѣ опыта Англіи и Америки можно ли серіозно утверждать что конкурренція частной желѣзно-дорожной промышленности обезпечиваетъ интересы сообщеній? И въ Англіи, и въ Америкѣ эта конкурренція часто переходитъ въ стачки, крайне разорительныя для публики, торговли и промышленности. Проектъ князя Бисмарка тѣмъ и силенъ что онъ во многомъ опирается на основанія о которыхъ теперь трудно спорить, которыя обѣщаютъ быть несомнѣнно выгодны и удобны для желѣзнодорожныхъ сообщеній. Опыты же прежнихъ германскихъ союзовъ, таможеннаго и почтоваго, показываютъ какое значительное политическое вліяніе могутъ имѣть объединяющія мѣры поставленныя на правильныхъ основаніяхъ. Не будетъ ли также силенъ и новый желѣзнодорожный порядокъ? Побороть его могутъ лишь политическія обстоятельства, лишь стремленія партикуляризма, но кто предскажетъ имъ силу достаточную для того чтобы пошатнуть дѣло, столь важное для объединенія Германіи, и поставленное притомъ на разумныя экономическія основанія?

№ 100.

Москва, 23-го апрѣля.

Несмотря на то что по уставамъ и концессіямъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ на нихъ лежитъ обязанность удовлетворять вполнѣ всѣмъ какъ мѣстнымъ, такъ и государственнымъ потребностямъ и содержать подвижной составъ приспособленный въ надлежащемъ количествѣ для перевозки всякаго рода грузовъ, исполненіе этой обязанности относительно перевозки скота признавалось до сихъ поръ нашими желѣзнодорожными управленіями совершенно излишнимъ. И въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи, и въ Австріи, повсюду для перевозки скота существуютъ и возможно умѣренный тарифъ, и приспособленные къ этой перевозкѣ вагоны, и отправленіе поѣздовъ со скотомъ въ постоянные, опредѣленные сроки, при надлежащей и притомъ обязательной скорости, и предоста-

вленіе скоту во время пути корма, пойла и отдыха въ той мѣрѣ въ какой это необходимо, и дезинфекція вагоновъ, и приспособленія для посадки и выгрузки животныхъ, и многія другія удобства. Ничего подобнаго на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ нѣтъ и въ поминѣ; при отсутствіи всякихъ самыхъ элементамныхъ приспособленій для перевозки, наши желѣзнодорожныя управленія, повидимому, полагаютъ что въ указанномъ отношеніи, кромѣ установленія непомѣрно высокой платы за провозъ скота, ничего болѣе отъ нихъ не требуется. И недавній опытъ показалъ что такого воззрѣнія на свои обязанности относительно перевозки скота желѣзнодорожныя управленія держатся съ замѣчательною стойкостію, достойные лучшаго дѣла. Не далѣе какъ въ 1873 году, Министерствомъ Путей Сообщенія были сдѣланы административныя распоряженія по предмету устройства приспособленій въ вагонахъ для перевозки скота, очищенія ихъ отъ навоза и уничтоженія его на счетъ желѣзнодорожныхъ обществъ и т. п. Извѣстно, однако, что распоряженія эти почти вовсе не приводились въ исполненіе, и Министерство не только не нашло возможнымъ настоять на исполненіи своихъ распоряженій, но принуждено было нѣкоторыя изъ нихъ совершенно отмѣнить, поставивъ тѣмъ перевозку скота въ крайне затруднительное положеніе, притомъ въ такое время когда предписанныя мѣры вынуждались появленіемъ чумной эпизоотіи на большей части скотопрогонныхъ трактовъ.

Естественно что при такой постановкѣ дѣла на желѣзныхъ дорогахъ скотопромышленники всячески ихъ обѣгаютъ и почти всегда предпочитаютъ гонять гурты по скотопрогоннымъ трактамъ. Какъ ни печально то состояніе запущенности въ какомъ находятся эти тракты, все же прогонъ по нимъ скота, несмотря на всяческіе поборы, обходится, въ общей сложности, много дешевле провоза по желѣзнымъ дорогамъ, притомъ не причиняетъ убыли въ вѣсѣ животныхъ и не вредитъ качеству мяса. Въ тѣхъ же случаяхъ когда необходимость — не пролазное состояніе скотопрогонныхъ дорогъ, или отсутствіе подножнаго корма въ зимнее время — вынуждаетъ отправлять скотъ по желѣзнымъ дорогамъ, невыгоды скотопромышленниковъ не ограничиваются дороговизною провоза: благодаря существующимъ у насъ условіямъ перевозки, одна убыль въ вѣсѣ, какъ показали опыты, при провозѣ скота на разстояніи 608 верстъ, простирается среднимъ числомъ до полутора пуда на каждое животное, не говоря уже объ еще болѣе значительномъ убыткѣ на пониженіи качества мяса.

Старые порядки доживаютъ теперь, однако, свои послѣдніе дни. Проектируя установленіе обязательнаго провоза скота по желѣзнымъ дорогамъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ установить на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ по предмету перевозки скота европейскіе порядки. Предполагается издать особый законъ который бы возложилъ на желѣзнодорожныя общества непремѣнную обязанность устроить всѣ необходимыя для перевозки скота приспособленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничилъ бы ихъ произволъ взимать съ провозителей скота что имъ вздумается. Казалось бы, трудно возразить что-нибудь противъ необходимости этихъ двухъ условій; безъ соблюденія ихъ, обязательный провозъ скота по желѣзнымъ дорогамъ былъ бы крайнимъ притѣсненіемъ для всей торговли скотомъ, былъ бы мѣрою не столько полезною, сколько вредною. Противъ необходимости сказанныхъ условій никто и не возражаетъ. Но тѣмъ не менѣе, сколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, осуществленіе сказанныхъ условій едва ли обойдется безъ борьбы. Вопервыхъ, высказывается мнѣніе что проектируемыя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ мѣры не подлежатъ утвержденію законодательнымъ порядкомъ, и что исполненіе ихъ должно быть предоставлено административной власти подлежащихъ вѣдомствъ. Принять такое мнѣніе значило бы подвергнуть осуществленіе проекта тѣмъ же случайностямъ какія выпали на долю вышеупомянутыхъ министерскихъ распоряженій 1873 года. Но послѣдствія такихъ случайностей, при запретѣ передвиженія гуртовъ по скотопрогоннымъ трактамъ, были бы много печальнѣе прежнихъ. Гдѣ министерскія предписанія оказываются не всегда достаточно дѣйствительными, тамъ необходимо поставить на ихъ мѣсто твердый, непререкаемый законъ. Впрочемъ, возраженія противъ этого не отличаются ни особенною силой, ни настоятельностью. Самыя сильныя, самыя настоятельныя возраженія слышатся противъ пониженія за-

конодательною властію желѣзнодорожнаго тарифа за провозъ скота. Многими согласно и твердо высказывается убѣжденіе что проектируемое пониженіе тарифа на открытыхъ уже желѣзныхъ дорогахъ безъ согласія желѣзнодорожныхъ обществъ положительно невозможно. Этимъ обществамъ, по ихъ уставамъ, предоставлено де самимъ назначать свои тарифы, съ тѣмъ лишь условіемъ чтобъ эти тарифы не превышали предѣльныхъ нормъ указанныхъ въ уставѣ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ (3 коп. съ версты и головы крупнаго скота); подобный тарифъ, безъ сомнѣнія, непомѣрно высокъ, и пониженіе его, конечно, необходимо, но оно можетъ де послѣдовать лишь по предварительному и положительно формулованному соглашенію съ желѣзнодорожными обществами. Итакъ стремитесь къ своей цѣли, но не законодательнымъ путемъ, а путемъ соглашенія. Опытъ, однако, показываетъ на что можно разчитывать идя этимъ рекомендумымъ путемъ соглашенія съ желѣзнодорожными обществами.

Вопросъ о пониженіи тарифа за провозъ скота былъ предложенъ на обсужденіе общаго съѣзда представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ еще въ 1870 году. Съѣздъ оказался тогда относительно уступчивымъ, и изъявилъ готовность взимать за провозъ скота по разнымъ линіямъ, и смотря по временамъ года и разстоянію провоза, отъ 1 до $1^3/_4$ к. съ головы и версты (тарифъ назначался ниже для лѣтняго времени, когда гурты могутъ идти скотопрогонными трактами, и повышался зимой, когда на трактахъ нѣтъ подножнаго корма) Но съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ 1872 года поспѣшилъ взять назадъ сдѣланныя было уступки. Имѣя въ виду предоставленное уставами и концессіями желѣзнымъ дорогамъ право взимать тарифъ за провозъ скота въ размѣрѣ $1^3/_4$, 2, $2^1/_2$ и даже 3 к. съ каждой головы и версты, съѣздъ постановилъ: „обязаться только на одинъ годъ не взимать за провозъ скота болѣе 2 коп. съ головы и версты, то-есть $^1/_7$—$^1/_8$ коп. съ пуда, о сохраненіи же высшаго предѣла провозной платы на будущее время, въ случаѣ введенія обязательной перевозки скота исключительно по желѣзнымъ дорогамъ, гдѣ это окажется возможнымъ, — представить на разрѣшеніе ближайшимъ общимъ собраніямъ." Такія рѣшенія постановляются при отсутствіи обязательности провоза, когда дороги заинтересованы привлеченіемъ къ себѣ скота со скотопрогонныхъ трактовъ; чего же ждать когда у нихъ не будетъ этой заботы, когда гонъ по трактамъ будетъ запрещенъ?

Само собою разумѣется, было бы весьма желательно достигнуть умѣреннаго тарифа путемъ соглашенія. Но если всѣ попытки сдѣланныя въ этомъ отношеніи остаются безуспѣшными, то правительству, въ видахъ общегосударственной потребности предстоитъ положительная необходимость установить этотъ тарифъ законодательною властію, изыскавъ такую норму на которой могли бы примириться интересы какъ публики, такъ и желѣзнодорожныхъ обществъ. Пониженный тарифъ на провозъ скота по желѣзнымъ дорогамъ существуетъ во всѣхъ государствахъ Европы, и необходимость пониженія его у насъ вызывается крайнею несоразмѣрностью провозной платы за скотъ сравнительно съ платой за другіе товары; тѣмъ необходимѣе это пониженіе при установленіи обязательнаго провоза скота по желѣзнымъ дорогамъ, когда будутъ закрыты другіе пути его передвиженія, могущіе уравновѣшивать плату за провозъ, такъ какъ безъ пониженія тарифа, сказанная мѣра можетъ повести къ серіозному бѣдствію—ко вздорожанію мяса въ центрахъ населенія до неприступныхъ цѣнъ. Такими соображеніями руководился Ветеринарный Комитетъ проектируя пониженіе тарифа законодательною властію, и трудно не согласиться съ основательностью и справедливостью этихъ соображеній. Можно только пожалѣть что проектированная на основаніи этихъ соображеній норма тарифа оказывается далеко не вполнѣ удовлетворительною. Именно, предполагается установить таксу отъ 1 до $1^1/_2$ к. съ головы и версты, то-есть принять почти тѣ же цифры какія предлагалъ съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ 1870 года. Такой тарифъ, продиктованный самими желѣзными дорогами, конечно, будетъ вполнѣ согласенъ съ ихъ интересами. Но въ той ли же мѣрѣ будетъ онъ согласенъ съ интересами скотопромышленниковъ и потребителей мяса? Установить сказанный тарифъ значило бы частію уравнять плату за провозъ скота съ платой за провозъ товаровъ *перваго* разряда, частію назначить ее нѣсколько ниже перворазряднаго тарифа, но много выше платы за провозъ товаровъ *втораго* разряда. Не слишкомъ ли

высока подобная такса для товаровъ провозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ обязательно? Для скота, конечно, большая честь значиться въ первомъ разрядѣ, но торговцы скотомъ и потребители мяса, безъ сомнѣнія, были бы очень благодарны еслибъ оказалась возможность перевести скотъ въ менѣе почетный изъ пяти или болѣе разрядовъ желѣзнодорожной тарифной градаціи. А такой переводъ, при узаконеніи мѣры которая должна доставить желѣзнымъ дорогамъ массу грузовъ коихъ они доселѣ не имѣли, какъ можно полагать, не нарушилъ бы ихъ интересовъ.

№ 101.

Москва, 24-го апрѣля.

Сегодня нами получены весьма интересныя телеграммы изъ Лондона. Давно возвѣщенное предложеніе г. Кокрэна, приглашавшее британскую Палату Общинъ обратить вниманіе на присоединеніе къ Россіи Кокана и требовавшее представленія относящейся къ этому вопросу корреспонденціи, наконецъ, состоялось и вызвало такое заявленіе главы Британскаго кабинета какого намъ доселѣ еще ни разу не приходилось отслышать отъ англійскаго министра. Мы не знаемъ еще самыхъ преній по поводу этого предложенія, и дѣйствительно ли г. Кокрэнъ желалъ, какъ бы призвать Россію къ отвѣту за ея дѣйствія въ Средней Азіи, или намѣренъ былъ только пригласить свое собственное правительство къ принятію какихъ-либо мѣръ въ виду расширенія русскихъ предѣловъ въ Азіи. Телеграмма сообщаетъ только что многіе ораторы говорили за, и многіе противъ дѣятельной политики въ виду русскихъ пріобрѣтеній. Если рѣчь шла только объ англійской политикѣ, о дѣйствіяхъ самой Англіи къ коимъ хотѣли побудить ея правительство говорившіе ораторы, то въ этомъ конечно мы не могли бы видѣть ничего такого что могло бы смутить добрыя отношенія обѣихъ странъ. Для насъ и прежде, во всѣхъ такихъ пререканіяхъ, представлялись недопустимыми въ отношеніи Россіи, и въ то же время недостойными самой Англіи, лишь притязанія будто она для своего спокойствія въ правѣ, и даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ заклятыхъ руссофобовъ, обязана предписать Россіи извѣстные, избранные самою Англіей, предѣлы, или, по крайней мѣрѣ, потребовать отъ Россіи чтобъ она сама добровольно ограничила свою свободу дѣйствій ради сохраненія дружественныхъ отношеній къ Англіи. Только противъ этихъ притязаній мы всегда протестовали, и болѣе всего по причинѣ нашего глубокаго убѣжденія что они не могли привести ни къ чему доброму. Подобныя объясненія между великими державами просто невозможны, и потому, при всемъ желаніи правительствъ поддерживать добрыя отношенія, на почвѣ подобныхъ переговоровъ сами собой могли постоянно рождаться новые поводы къ недоразумѣніямъ. Такова и была исторія слабыхъ попытокъ дѣлавшихся не разъ англійскими министрами въ угоду извѣстнымъ крикамъ объ аггресивности Россіи, ловко раздуваемымъ до того что они казались будто выраженіемъ встревоженнаго общественнаго мнѣнія. Мы никогда не вѣрили въ искренность этой тревоги, и какъ оказывается, основательно, ибо мы дождались теперь того что она отвергается въ самой Англіи какъ мысль оскорбительная для ея могущества. Тѣмъ не менѣе, и тѣ дипломатическія попытки какія дѣлались прежде вредно вліяли на взаимныя сношенія: въ глазахъ неисправимыхъ алармистовъ онѣ были слишкомъ слабы и робки, а въ отношеніи къ Россіи онѣ все-таки, по существу своему, шли далѣе обычныхъ между великими державами сношеній. Россія, въ силу самихъ вещей, не могла, еслибы даже захотѣла, успокоить Англію въ отношеніи Средней Азіи такъ какъ того желали бы наиболѣе рьяные Англичане. Событія шли своею чередой намѣчаемою исторіей и закономъ необходимости. Какъ Россія подвигалась въ тѣхъ краяхъ не изъ вражды къ Англіи, такъ она и не могла остановиться ей въ угоду. Ея движенія и остановки направлялись и направляются иными побужденіями, иными причинами. Но потому именно съ каждымъ новымъ шагомъ Россіи порождались новыя неудовольствія, разгаралась вновь раздражительная полемика.

Въ послѣдніе два года, однако, постепенно стала обнаруживаться перемѣна въ благопріятномъ смыслѣ. Можетъ-быть именно вслѣдствіе неудовлетворительности упомянутыхъ попытокъ серіозные англійскіе политики пожелали взглянуть на предметъ съ другой стороны, и тогда навѣянный туманъ сталъ проясняться съ неожи-

данною легкостью. Сами англійскіе публицисты стали доказывать что Англія такъ сильна въ Индіи что ей нечего опасаться Россіи, а если нѣкоторые пункты англійской позиціи требуютъ усиленія, то слѣдуетъ де за нихъ приняться самимъ Англичанамъ, не ожидая отъ Россіи великодушія. На эту тему намъ не было и нѣтъ повода вступать въ споръ. Отсюда уже не трудно было сдѣлать еще одинъ шагъ который теперь и сдѣланъ британскимъ премьеромъ. Отнынѣ можно считать дипломатическія пререкапія между обѣими странами по среднеазіятскому вопросу законченными, и къ чести Англіи, это заключеніе послѣдовало не какъ отпоръ со стороны Россіи на новое притязаніе, а по мудрой воздержности самого Великобританскаго правительства. Откровенное и мужественное заявленіе г. Дизраэли вновь ставитъ обѣ державы въ такое взаимное положеніе которое наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ достоинству и величію, а также интересамъ каждой изъ нихъ. Онъ говоритъ что не боится Россіи которая также поняла его послѣднее заявленіе не въ смыслѣ угрозы. Онъ намекаетъ при этомъ на доводъ высказанный имъ въ преніяхъ о титулѣ императрицы Индіи, присоединенномъ къ титулу королевы Викторіи, когда онъ объяснялъ важное значепіе поваго титула необходимостью возвысить *préstige* Англіи вслѣдствіе того что теперь населенія Азіи узнали о другой могущественной державѣ. Какъ читатели могутъ припомнить, это заявленіе было понято нами также какъ толкуетъ его г. Дизраэли. Далѣе онъ сказалъ что Россія знаетъ о твердомъ намѣреніи Англіи поддержать свою Индійскую имперію и вліяніе па Востокѣ и не считаетъ этого намѣренія непримиримымъ съ добрымъ согласіемъ обѣихъ странъ; но особенно обращаютъ на себя вниманіе его слова: „Завоеванія Россіи въ Средней Азіи также „выгодны для тамошняго населенія какъ и „завоеванія Англіи въ Индіи для населенія „этой послѣдней. Россія имѣетъ столько же „права на завоеванія въ Азіи какъ и Англія на завоеванія въ Индіи.“ Эти слова не болѣе какъ истина. Мы говорили это давно; потомъ то же стали доказывать и многія англійскія газеты. Нужно было только политическое мужество прямо сказать правду отъ имени правительства, но разъ это сдѣлано и возраженій какъ не бывало, и г. Кокрэнъ беретъ назадъ свое предложеніе.

Заявленіе британскаго премьера важно еще въ другомъ отношеніи. Въ послѣднее время иные указывали что если для столкновенія между Англіей и Россіей въ Азіи не имѣется прямого повода, оно все-таки можетъ де случиться при ихъ разногласіи въ европейскихъ дѣлахъ. Не говоримъ объ основательности этого мнѣнія; во всякомъ случаѣ враждебныя дѣйствія обѣихъ державъ въ Азіи были бы слишкомъ отдаленны и затруднительны чтобъ ими рѣшать разногласія по вопросамъ европейской политики. Но и допуская даже возможность такой мысли, мы изъ заявленія г. Дизраэли должны будемъ заключить что между политикой Россіи и Англіи нѣтъ теперь никакого разногласія и въ Европѣ. Дѣйствительно, онъ возвѣщаетъ что „доброе согласіе обѣихъ странъ никогда не было лучше чѣмъ теперь.“ Мы привѣтствуемъ это заявленіе тѣмъ радостнѣе что на дняхъ еще носились самыя тревожныя опасенія на счетъ оборота дѣлъ на Востокѣ, и наши недоброжелатели старались пользоваться этими слухами для новыхъ нареканій на русскую политику. Вопреки, однако, всему что говорилось о тайныхъ видахъ Россіи, извѣстно что какъ русскій, такъ и англійскій посолъ въ Константинополѣ освѣдомлялись по поводу слуховъ о намѣреніи Порты объявить войну Черногоріи, и султанъ обоимъ посламъ далъ успокоительныя увѣренія. Поэтому, конечно, британскій премьеръ могъ заявить, въ отвѣтъ на сдѣланный запросъ въ томъ же вчерашнемъ засѣданіи, что Порта положительно отрицаетъ приписываемое ей намѣреніе занять Черногорію.

Никогда общее согласіе и взаимное довѣріе великихъ державъ не были такъ важны для европейскаго мира и для каждой изъ нихъ какъ въ настоящую минуту. Затрудненія на Востокѣ далеко еще не улажены. Въ Герцеговинѣ все еще льется кровь. Въ Бѣлградѣ и Букурештѣ одновременно происходятъ смѣны министерствъ, значеніе коихъ для насъ еще не ясно. Но нѣтъ серіозной причины терять упованіе что всѣ сіи затрудненія, сколь бы ни были они велики, могутъ уладиться безъ потрясеній, пока между великими державами пребываютъ теперешнія довѣрчивыя отношенія, а въ этомъ общемъ согласіи державъ взаимное довѣріе Россіи и Англіи есть важнѣйшій факторъ.

№ 103.

Москва, 26-го апрѣля.

Вниманіе финансоваго міра, политико-экономовъ и западно-европейскихъ правительствъ, занято чрезвычайнымъ и быстрымъ паденіемъ цѣнности серебра. Паденіе это причинило панику почти подобную той которая лѣтъ двадцать тому назадъ была вызвана удешевленіемъ золота вслѣдствіе открытія золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи. Доискиваются причинъ этого явленія и способовъ устранить вредныя его послѣдствія. Поборники золота очень агитируютъ о демонетизаціи серебра и о введеніи исключительнаго счета на золото тамъ гдѣ до сихъ поръ ведется счетъ преимущественно на серебро или дѣйствуетъ двойная система. Само собою разумѣется, нѣтъ недостатка и въ защитникахъ прежняго порядка, увѣренныхъ что колебанія въ цѣнѣ серебра есть дѣло преходящее. Общее пониженіе цѣны серебра, ставшее замѣтнымъ съ 1873 года, и въ началѣ настоящаго обнаружившееся въ весьма обширныхъ размѣрахъ, составляетъ 13 процентовъ. Прежняя относительная къ золоту цѣнность его, утвержденная почти во всѣхъ западно-европейскихъ законодательствахъ въ пропорціи $1:15^1/_2$, нынѣ представляетъ пропорцію $1:17^3/_4$. Въ отысканіи причинъ такого чрезвычайнаго явленія нѣтъ большаго разногласія; разница лишь въ томъ что можно довольствоваться главными, бросающимися въ глаза причинами или подыскивать кромѣ того другія, побочныя, сложившіяся роковымъ образомъ. Прежде всего при этомъ является, конечно, вопросъ не нарушенъ ли здѣсь общій экономическій законъ равномѣрности между предложеніемъ и спросомъ. Въ дѣйствительности оказывается, по соображеніямъ англійскихъ спеціалистовъ, что все количество добытаго серебра въ цѣломъ свѣтѣ съ 1864 года увеличивалось ежегодно на 20 процентовъ, съ 1871 на 50 и съ 1875 на 100 процентовъ. Этому способствовало открытіе новыхъ серебряныхъ рудниковъ въ Невадѣ (въ Калифорніи) баснословнаго богатства (на нынѣшній годъ ожидается здѣсь добыча въ 500 милліоновъ франковъ). На ряду съ этимъ излишекъ въ серебрѣ оказался вслѣдствіе принятія исключительнаго счета на золото въ Германіи и Голландіи. Въ Германіи монетная реформа была узаконена Рейхстагомъ въ два раза, въ іюлѣ 1873 года и въ декабрѣ 1874 года. Хотя реформа эта проведена еще не вполнѣ, и въ сущности въ Германіи имѣется двойственная система счета, такъ какъ не было возможности изъять изъ обращенія все прежнее серебро; тѣмъ не менѣе непосредственнымъ послѣдствіемъ реформы было то что съ начала 1873 года прекратился спросъ на серебро въ Германію, а въ половинѣ 1874 года значительные запасы изъятаго серебра частію были пущены въ обращеніе, частію искали покупателя. Количество серебра обращавшагося въ Германіи до реформы опредѣляется различно. Нѣкоторые полагаютъ его къ концу 1871 года приблизительно отъ 1.100 до 1.200 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ 420 милліоновъ должны быть превращены въ новую имперскую монету; затѣмъ остается все-таки около 700 милліоновъ марокъ увеличившихъ предложеніе серебра на денежномъ рынкѣ. Другимъ такой разсчетъ кажется преувеличеннымъ. Даже принимая это во вниманіе, равно какъ и вышеупомянутое обстоятельство что реформа еще не проведена вполнѣ, все-таки придется предположить что перемѣна счета въ Германіи на золото должна была сильно понизить цѣну серебра.

Нѣчто подобное, не въ принципѣ, а по практическимъ послѣдствіямъ, имѣло мѣсто въ государствахъ такъ-называемаго латинскаго монетнаго союза ведущихъ счетъ на франки, т.-е. во Франціи, Италіи, Бельгіи, Швейцаріи и Греціи. Здѣсь, какъ извѣстно, дѣйствуетъ двойная система, на золото и серебро, отъ которой не рѣшаются отказаться даже и при настоящихъ обстоятельствахъ. По крайней мѣрѣ это слѣдуетъ заключить изъ заявленій сдѣланныхъ недавно во Французскомъ сенатѣ, въ засѣданіи 21 марта, министромъ финансовъ Леономъ Се и директоромъ банка г. Руланомъ. Одинъ изъ горячихъ поборниковъ золота во Франціи, г. Паріё (Parieu), вооружился въ этомъ засѣданіи противъ законопроекта уполномочивающаго правительство ограничить или пріостановить чеканку серебряной пятифранковой монеты изданіемъ простаго декрета. Министръ финансовъ соглашался что обстоятельства могутъ вызвать во Франціи необходимость исключительно золотой системы, но онъ считаетъ эту мѣру не-

здоровою и дорогою. Тѣмъ не менѣе, пониженіе цѣны на серебро вынудило и Францію вмѣстѣ съ другими союзными государствами принять палліативную мѣру. На монетныхъ конференціяхъ союза, происходившихъ ежегодно въ Парижѣ, начиная съ 1874, было постановлено ежегодно назначать предѣлъ до котораго могутъ доходить государства латинскаго союза въ чеканкѣ серебряной монеты. Этотъ предѣлъ выпуска серебра представилъ слѣдующія цифры:

	1874.	1875.	1876.	
Франція	60	75	54	милл. фр.
Италія	40	50	36	" "
Бельгія	12	15	10,8	" "
Швейцарія	8	10	7,2	" "
Греція	—	—	12	" "

Слѣдовательно, и здѣсь произошло сокращеніе въ спросѣ на серебро. Не менѣе важною можетъ почесться затѣмъ еще одна частная причина пониженія цѣнности серебра, заключающаяся въ перемѣнѣ происшедшей въ торговыхъ сношеніяхъ Англіи съ Индіей. Въ Англіи, какъ извѣстно, принятъ счетъ на золото, въ Индіи на серебряныя рупіи. Поэтому, при различныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ метрополіей, индійскія сдѣлки дѣлаются англійскими капиталистами на серебро. Точно также индійское правительство, получающее свои доходы серебромъ, уплачиваетъ тѣмъ же металломъ или вѣрнѣе векселями на серебро въ Англію однихъ процентовъ по государственному долгу около 9 милл. рублей. Между тѣмъ, вслѣдствіе пониженія цѣны на серебро, индійскій вексельный курсъ такъ упалъ что причинилъ чрезвычайные убытки англійской торговлѣ и капиталистамъ. Невыгодною стороной дѣла является еще то обстоятельство что вывозъ хлопка изъ Индіи, составлявшаго главный продуктъ ея отпускной торговли во время междуусобной войны въ Америкѣ, теперь упалъ снова; слѣдовательно и обратное движеніе серебра изъ метрополіи въ Индію, вызывавшееся прежде этою отраслью торговли, совершенно прекратилось, и Индія перестала забирать серебро изъ Европы. Въ виду бѣдствія предлагаются, конечно, и проекты для его поправленія. Такъ говорится о займѣ золотомъ, который намѣрено сдѣлать правительство Индіи. Въ газетѣ *Times*, имѣющей въ виду исключительно интересы Британскаго правительства, предлагалось даже чтобы налоги въ Индіи взимались золотомъ, и такимъ образомъ взваливалась на индійскихъ плательщиковъ налоговъ еще лишняя тяжесть въ видѣ 13 процентовъ, составляющихъ теперь разницу сравнительно съ прежнею цѣной обоихъ металловъ. По предложенію лорда Джорджа Гамильтона, англійскимъ парламентомъ назначенъ спеціальный комитетъ для разсмотрѣнія причинъ пониженія цѣны на серебро и для изысканія способовъ устранить вредныя послѣдствія этого явленія. Отъ этого комитета, куда приглашены и наиболѣе свѣдущіе финансовые спеціалисты, слѣдуетъ ожидать основательнаго разсмотрѣнія вопроса, а пока споръ вращается на почвѣ часто пристрастной журнальной полемики, гдѣ преобладаютъ теоретическія сужденія и большею частію односторонній подборъ фактовъ, нѣтъ основанія спѣшить какими-либо выводами.

Слѣдствія какія должно повлечь за собою удешевленіе серебра можно, однако, предвидѣть основываясь на простыхъ соображеніяхъ. Относительно существующей монетной системы различныя европейскія государства можно раздѣлить такъ: страны гдѣ принятъ счетъ на золото, каковы Англія, Скандинавскія государства и Португалія и если не фактически, то по принципу, Германія и Голландія; затѣмъ страны гдѣ дѣйствуетъ двойная система, въ первомъ ряду Франція, Бельгія и Швейцарія; далѣе, страны удержавшія исключительно счетъ на серебро, то-есть въ настоящее время собственно только Турція; и, наконецъ, страны съ бумажною валютой и принудительнымъ курсомъ, каковы Австрія и Россія. Страны перваго порядка не испытываютъ, конечно, во внутреннихъ оборотахъ, никакого неудобства отъ упадка цѣнности серебра. Оно представляетъ тамъ такой же точно товаръ какъ и другіе предметы потребленія. Чѣмъ оно дешевле тѣмъ лучше. Но убытки проистекаютъ отъ иностранной торговли, и если принять въ соображеніе что Англія имѣетъ больше требованій чѣмъ обязательствъ за границей, то становится яснымъ почему вопросъ этотъ привлекаетъ къ себѣ такое вниманіе англійскаго финансоваго міра. Сдѣлки, напримѣръ, съ Индіей, при паденіи рупіи съ 24 пенсовъ положимъ на 20, должны при ежегодномъ полученіи 150 милліоновъ рупій причинить убытокъ въ два съ половиною милліона фунтовъ.

Точно такіе же убытки несутъ германскіе и голландскіе владѣльцы, положимъ, австрійскихъ или венгерскихъ цѣнныхъ бумагъ выданныхъ по существующему счету на серебро. Поэтому-то Австрійское правительство и вынуждено было, при заключеніи послѣдняго займа, обѣщать уплату ренты золотомъ. Вообще же Германія потерпитъ убытки при изъятіи изъ обращенія всего обращающагося въ ней серебра. Страны съ двойною системой уже теперь находятся въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Парижскіе торговцы драгоцѣнными металлами покупаютъ, напримѣръ, серебро на лондонскомъ рынкѣ и отдаютъ чеканить его въ Парижѣ на пятифранковыя монеты, обмѣниваютъ ихъ затѣмъ на золото и продаютъ послѣднее опять въ Лондонъ. Выгоды извлекаемыя ими такимъ образомъ достигаютъ отъ 2 до $2^1/_2$ франковъ на каждый наполеондоръ, что̀ составляетъ для Французскаго народа потерю болѣе чѣмъ на 5 милліоновъ франковъ. Есть даже подозрѣнія что въ Калифорніи и Мексикѣ процвѣтаетъ промыселъ состоящій въ чеканкѣ французской монеты, которую даже нельзя назвать фальшивою, такъ какъ она по внѣшнему виду и цѣнности совершенно однородна французской серебряной монетѣ. Для Турціи удешевленіе серебра имѣетъ послѣдствіемъ колебаніе имущественныхъ отношеній. При удержаніи номинальной цѣны серебра должники выигрываютъ, кредиторы проигрываютъ. Прежнія сдѣлки съ иностранными кредиторами сдѣланныя на серебро должны, конечно, доставить Турціи значительныя выгоды, но на будущее время онѣ становятся невозможны или весьма убыточны, что̀ отзывается вредно на оборотахъ страны. То же разсужденіе можно приложить и къ государствамъ съ бумажною валютой, гдѣ и безъ того вексельный курсъ подверженъ частымъ и сильнымъ колебаніямъ.

Вопросъ очевидно сводится къ тому: есть ли настоящее паденіе цѣнности серебра явленіе преходящее, или должно ожидать дальнѣйшаго паденія. Слишкомъ поспѣшныя мѣры противодѣйствія, предлагаемыя съ разныхъ сторонъ, могутъ привести къ результатамъ подобнымъ тѣмъ какія испытала Голландія, поспѣшившая въ 1850 году перейти къ исключительному счету на серебро и затѣмъ вынужденная опять воротиться къ золоту или, вѣрнѣе, къ ограниченной двойной системѣ, такъ какъ серебро ей необходимо для сношеній въ ея остъ-индскихъ колоніяхъ. Поспѣшность стоила ей, при первой перемѣнѣ, болѣе 10 милліоновъ гульденовъ.

№ 104.

Москва, 27-го апрѣля.

А.

Завтра, 10-го мая по новому стилю, должны возобновить свои засѣданія, послѣ Пасхи, обѣ новыя французскія палаты, и имъ предстоитъ вскорѣ же показать себя на дѣлѣ. Въ періодъ засѣданій до праздниковъ обѣ палаты главнымъ образомъ занимались лишь повѣркой полномочій своихъ членовъ, причемъ новое большинство вовсе не обнаружило снисходительности къ своимъ побѣжденнымъ на выборахъ противникамъ. Перемѣнились только роли, но духъ партій господствуетъ столь же неукротимо въ новыхъ палатахъ какъ и въ прежнемъ Національномъ Собраніи. При повѣркѣ полномочій, выборы депутатовъ большинства, то-есть лѣваго центра и разныхъ фракцій лѣвой, утверждались всѣ поголовно, а кассировались только полномочія различныхъ представителей монархическихъ группъ при малѣйшей неправильности. Теперь только начинаютъ замѣчать что эта излишняя придирчивость къ кандидатамъ меньшинства можетъ пожалуй поставить нынѣшнее республиканское большинство не совсѣмъ въ ловкое положеніе. Предстоятъ новые выборы для замѣщенія 13 кассированныхъ полномочій, а такъ какъ всѣ эти 13 жертвъ были консервативы, то многихъ республиканцевъ пугаетъ мысль: что̀ если избиратели захотятъ прислать вновь въ Версаль тѣхъ же самыхъ господъ? Дѣйствительно, это было бы осужденіемъ со стороны избирателей нетерпимости обнаруженной большинствомъ. Во всякомъ случаѣ это большое число предстоящихъ одновременно выборовъ только будетъ содѣйствовать поддержанію агитаціи въ странѣ, и съ этой точки зрѣнія такое большое число кассацій нельзя не считать ошибкой.

Другою еще болѣе важною ошибкой было поддержаніе въ теченіе цѣлаго мѣсяца агитаціи по вопросу объ амнистіи, поднятой гг. Луи Бланомъ и Викторомъ

Гюго. Нашъ парижскій корреспондентъ, въ письмѣ которое читатели найдутъ ниже, пишетъ что агитація эта потерпѣла неудачу,—но въ какомъ смыслѣ понимать это? На прямой успѣхъ ея радикалы едва ли разчитывали. Они должны были очень хорошо заранѣе знать что предложенія ихъ не могутъ пройти въ палатахъ. Притомъ весь кабинетъ г. Дюфора, съ самого начала, высказался рѣшительно противъ всякаго проекта амнистіи. Объ успѣхѣ же внѣ парламентской революціонной агитаціи нечего было и думать пока военная власть находится въ рукахъ маршала Макъ-Магона, и всего менѣе когда поводомъ выставлялся вопросъ крайне непопулярный въ арміи, потерявшей до 8.000 убитыми и ранеными при подавленіи мятежа Парижской коммуны. Но если, зная заранѣе всю безнадежность успѣха, радикалы тѣмъ не менѣе, по установленіи новой республиканской конституціи, сочли за нужное поднять этотъ вопросъ о всепрощеніи осужденныхъ коммуниковъ, то значитъ цѣль у нихъ была при этомъ иная. Очевидно что вождямъ радикаловъ нужно было ободрить своихъ приверженцевъ и оправдать себя въ ихъ глазахъ, а затѣмъ также показать республиканско-консервативному правительству что они вовсе не думаютъ отказываться отъ своихъ прежнихъ теорій и слѣпо слѣдовать въ хвостѣ нынѣшняго большинства. Они явно хотѣли напомнить о себѣ что они-то и суть республиканцы по преимуществу, и для этого имъ вовсе не нуженъ непосредственный успѣхъ ихъ предложеній. Можно даже думать что предвидимая заранѣе безуспѣшность агитаціи была для нихъ выгодна, ибо дѣлала ее для нихъ безопасною. Не запугивая слишкомъ сразу общество, они все-таки заявили о себѣ, и цѣлый мѣсяцъ повсюду въ газетахъ только и рѣчи было что о поднятомъ вопросѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, снятіе осаднаго положенія было сигналомъ къ появленію въ Парижѣ и Ліонѣ массы новыхъ радикальныхъ органовъ, перещеголявшихъ даже органъ г. Виктора Гюго *Rappel* и открыто выражающихъ недовольство крайнихъ на умѣренность нынѣшнихъ республиканскихъ вождей, въ томъ числѣ и г. Гамбетты.

Главный вредъ этой безплодной агитаціи есть тотъ что она не можетъ не затруднить задачу нынѣшняго кабинета внушить довѣріе къ прочности новыхъ учрежденій. Поэтому большинство умѣренныхъ людей и сожалѣютъ о томъ что правительство, прямо высказавшись противъ амнистіи, не настояло до вакацій на немедленномъ рѣшеніи вопроса. Многіе сенаторы и депутаты, посѣтившіе свои департаменты во время парламентскихъ вакацій, заявляютъ по возвращеніи что пропаганда въ пользу амнистіи производила самое прискорбное впечатлѣніе, и выражаютъ готовность поддержать правительство чтобъ отвергнуть „безъ преній“ всѣ предложенія объ амнистіи. При крайнемъ дробленіи партій во Франціи, трудно предвидѣть удастся ли устранить вовсе пренія когда радикальнымъ вождямъ вѣроятно только и нужно чтобъ ихъ рѣчи были напечатаны въ газетахъ; но если это окажется возможнымъ, то невольно родится вопросъ, отчего же это не было сдѣлано въ самомъ началѣ и такимъ образомъ страна не была избавлена отъ агитаціи самаго опаснаго свойства въ теченіе цѣлаго мѣсяца?

Отсрочка, правда, дала возможность сенатской коммиссіи по вопросу объ амнистіи представить докладъ обнаруживающій всю бездоказательность криковъ о безпощадной суровости военныхъ судовъ рѣшавшихъ участь плѣнныхъ коммуниковъ. Нѣкоторыя любопытныя цифры этого доклада приводятся и нашимъ парижскимъ корреспондентомъ. Изъ 43.522 лицъ замѣшанныхъ по участію въ коммунѣ около 30.000 вовсе избѣгли суда, а изъ 12.582 судимыхъ—2.443 были оправданы, а 2.649 уже получили прощеніе или облегченіе наказанія; затѣмъ 3.313 были осуждены заочно, и сосланныхъ нынѣ находится 3.575. Замѣчательно что въ числѣ осужденныхъ находится 2.911 самыхъ обыкновенныхъ преступниковъ уже не разъ осужденныхъ прежде, и въ томъ числѣ не менѣе 1.534 воровъ. Кромѣ этихъ достойныхъ лицъ амнистію пришлось бы распространить на 396 „революціонеровъ-космополитовъ,“ которые не Французы, а Поляки, Нѣмцы, Бельгійцы, Швейцарцы, безпокойные люди всѣхъ странъ, революціонеры по профессіи, которые, по выраженію газеты *Times*, „едва услышатъ первыя ноты политической смуты, слетаются на сцену безпорядковъ какъ хищныя птицы. Многіе изъ этихъ международныхъ миссіонеровъ безпорядка суть просто наемники; другіе же, на самомъ дѣлѣ, сознательные фанатики.“

И вмѣстѣ съ этими господами и ворами находящимися въ ссылкѣ вернулись бы болѣе 3.000 осужденныхъ заочно, кои вовсе не понесли никакого наказанія и между коими находятся вожаки ловко умѣвшіе вовремя скрыться. „Многіе изъ этихъ,“ говоритъ *Times*, „дѣлаютъ намъ честь живя въ Лондонѣ и принимая на себя видъ мучениковъ. Англія, Бельгія и Швейцарія легко могли бы обойтись безъ многихъ изъ нихъ; но лучшей услуги не могли эти страны оказать Франціи какъ подержать у себя этихъ людей еще немного.“

Къ сожалѣнію, всѣ эти данныя убѣдительны только для того кто не нуждается въ убѣжденіи. Въ глазахъ радикаловъ они не имѣютъ значенія, и поднятіе ими вопроса объ амнистіи показываетъ что генералы этой арміи анархистовъ не считаютъ себя окончательно побѣжденными. Несомнѣнно что, кромѣ этого вопроса, между ними и нынѣшнимъ умѣренно-республиканскимъ правительствомъ возникнетъ еще не мало разногласій. Радикалы, какъ истые республиканцы, будутъ требовать отъ обращенныхъ орлеанистовъ все большихъ уступокъ своимъ идеямъ. Устоитъ ли тогда нынѣшнее большинство? А съ распаденіемъ его гдѣ должно будетъ искать опоры умѣренное правительство? Оно можетъ обратиться ко „всѣмъ людямъ порядка,“ но ихъ не смогли сплотить воедино ни г. де-Броль, ни г. Бюффе. Можно ли ожидать что г. Дюфору будетъ легче осуществить эту задачу? „Люди порядка“ разбрелись во Франціи по группамъ приверженцевъ различныхъ прежнихъ режимовъ. Весьма многіе изъ нихъ, съ отчаянія, примкнули къ консервативной республикѣ, но они сами по себѣ не составляютъ большинства, и когда имъ придется разойтись отъ невольныхъ союзниковъ, радикаловъ и чистыхъ республиканцевъ, легче ли имъ будетъ вновь сойтись съ представителями другихъ консервативныхъ группъ послѣ того какъ нынѣшнее большинство при повѣркѣ выборовъ показало себя столь непримиримымъ къ консервативнымъ депутатамъ? Это ожесточенное озлобленіе партій, волнующее страну когда она особенно нуждается въ спокойствіи, и есть опасность для новыхъ учрежденій Франціи.

B.

Ниже мы помѣщаемъ присланное намъ изъ Парижа письмо, адресованное редактору новой заграничной революціонной газеты *Набатъ*. Одинъ Русскій, г. Д. Губаревъ, находясь въ Парижѣ, познакомился съ содержаніемъ этого листка и счелъ какъ бы своею гражданскою обязанностью высказать свое сужденіе о немъ его издателю, обращаясь и къ намъ съ просьбой дать его заявленію гласность. Исполняемъ его желаніе. Дѣйствительно, какъ говоритъ нашъ лично намъ неизвѣстный корреспондентъ, „нельзя оставлять безъ вниманія революціонно-соціальные происки за границей, которые даютъ Европѣ ложное понятіе о Россіи и причиняютъ вредъ Русскому народу.“ Съ этой точки зрѣнія полезно и показывать отношеніе къ нимъ трезвыхъ или отрезвившихся русскихъ людей, и выводить ихъ на позорище предъ цѣлою Россіей.

Но г. Губаревъ очень ошибается обращаясь къ нашимъ бѣглымъ революціонерамъ и мня подѣйствовать на нихъ увѣщаніемъ. Очевидно, онъ не знаетъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, что впрочемъ явствуетъ и изъ самого его письма. *Набатъ* попался ему въ руки случайно, и притомъ въ одномъ только нумерѣ, естественно не дающемъ полнаго понятія объ этихъ господахъ. У насъ предъ глазами подробная программа новаго изданія, доставленная намъ самою его редакціей, надобно полагать не безъ самодовольствія думавшею о себѣ при ея высылкѣ: „смотрите, какіе мы молодцы!“ И точно, молодцы: есть чѣмъ полюбоваться! Авторъ печатаемаго нами письма тысячу разъ правъ говоря что въ „Россіи хочетъ революціи только тотъ кто не хочетъ работать, или тотъ кто уже совсѣмъ дуракъ,“ и прибавляя къ этому опредѣленію что „кто хлопочетъ о благосостояніи народа, тотъ долженъ проповѣдывать размноженіе школъ, любовь къ труду, да чтобы поменьше пили вина:“ только ему никогда не удастся склонить на такое убѣжденіе своеобразныхъ благодѣтелей рода человѣческаго къ которымъ онъ обратилъ свое простосердечное увѣщаніе. Школы! Увы! Даже такъ-называемые *либералы* наши не слишкомъ-то расположены къ серіозной школѣ. Европейскіе *революціонеры*, а за ними и наши подражатели ихъ, фракціи заграничной газеты *Впередъ*, напрямки требуютъ школъ непремѣнно революціонныхъ, имѣя въ виду единственно перевоспитаніе народа на свой ладъ и откровенно заявляя что

если ужъ имѣть школы безъ революціонной пропаганды, то лучше не имѣть ихъ совсѣмъ. Наши же революціонеры бьющіе въ *Набатъ* пошли еще дальше. Они подсмѣиваются надъ вялыми демагогами, чающими успѣха отъ своей работы въ школахъ и говорящими „пропагандируй, внушай, просвѣщай по своему и потомъ уже срывай“ (Программа *Набата*, стр. 2); они находятъ что идеалы *такихъ* демагоговъ „не выходятъ за предѣлы буржуазнаго міросозерцанія и по существу своему безусловно консервативны“ (Id., стр. 4). „Чего они хотятъ?“ спрашиваетъ авторъ помѣщаемаго нами письма. Они хотятъ „разрушенія величественнаго зданія буржуазнаго общества, и погребенія подъ его обломками стараго міра“ (Id., стр. 7); они хотятъ „постепеннаго преобразованія крестьянской общины, основанной на принципѣ временнаго частнаго владѣнія—въ общину-коммуну на принципѣ общаго совмѣстнаго пользованія орудіями производства и общаго труда,“ хотятъ „упраздненія центральныхъ функцій государственной власти,“ хотятъ „уничтоженія существующей семьи, основанной на подчиненіи женщинъ, произволѣ мущинъ и рабствѣ дѣтей“ (Id., стр. 4—5). Для достиженія этихъ цѣлей имъ нужны не школы, хотя бы то даже революціонныя, а „борьба и *насиліе*“ (Id., стр. 4), и они рекомендуютъ не учить, хотя бы то анархическому направленію, „не мечтать, а призывать къ революціи,“ „дѣлать, дѣлать революцію, дѣлать ее какъ можно скорѣе,“ „поскорѣе захватить въ свои руки правительственную власть и силою превратить консервативное государство въ революціонное“ (Id., стр. 2, 3, 4). Съ такими господами не сговорить ни автору письма, и никому на свѣтѣ. Ихъ нельзя ни убѣдить, ни вразумить, ни образумить: ихъ можно только лишить способовъ нанести вредъ. Съ ядовитыми гадами не вступаютъ въ словопренія...

За то авторъ безусловно правъ замѣчая что „тормазъ развитію русскаго народа не въ правительствѣ, а въ соціалистахъ, которые только мѣшаютъ прогрессу, заставляя правительство напрягать силы въ политическомъ смыслѣ, въ ущербъ матеріальнымъ улучшеніямъ.“ Русское правительство похоже на домохозяина, у котораго заботъ, какъ говорится, полонъ ротъ, дѣла полны руки, и въ чьи окна мальчишки съ улицы швыряютъ каменья. Въ прошломъ году въ нашей газетѣ было подробно указано на возрожденіе заграничной революціонной прессы, по поводу начавшей тогда выходить въ свѣтѣ лондонской газеты *Впередъ*, старающейся организовать въ Россіи революціонную пропаганду. Съ тѣхъ поръ „дѣло подвинулось.“ *Впередъ* признается уже органомъ „буржуазныхъ псевдореволюціонеровъ“ (Программа *Набата*, стр. 4), и теперь появляется *Набатъ*, стремящійся къ „насильственному нападенію на существующую политическую власть съ цѣлью захвата этой власти въ свои руки (Id., стр. 5), задумавшій „боевую организацію, которая съ одной стороны должна подготовлять захватъ власти на верху, съ другой—народный бунтъ внизу“ (Id., стр. 6); и для этого рекомендующій „дисциплинированіе революціонныхъ силъ“ и открытый „государственный заговоръ“ (Id., стр. 5), подкрѣпленный „союзомъ съ польскою революціонною партіей“ (Id., стр. 6). Уличные мальчишки конечно не въ состояніи разрушить дома, но не довлѣетъ чтобы камни ихъ разбили стекла въ окнахъ, и не мудрено что домохозяинъ принужденъ отрываться отъ прямой цѣли своихъ работъ. У нашихъ псевдо-либераловъ въ модѣ небрежное отношеніе къ этимъ грустнымъ явленіямъ, которыя какъ бы привѣтствуются снисходительнымъ „вздоръ, пустяки, вещи не имѣющія никакого значенія.“ Въ извѣстномъ петербургскомъ процессѣ, гдѣ фигурировалъ г. Ткачевъ, прикосновенности его къ дѣлу тоже не придавалось никакого значенія и онъ почитался чуть не ангеломъ политической невинности. А этотъ самый г. Ткачевъ, по его собственному признанію (*Задачи революціонной пропаганды въ Россіи*, Берлинъ, 1874, 8°. См. стр. V), въ теченіе всей своей литературной жизни и съ гимназической скамьи не зналъ другаго общества кромѣ общества таинственно конспирирующихъ юношей,“ „еще живя въ ссылкѣ получалъ отъ единомышленниковъ приглашеніе ѣхать за границу для революціонной дѣятельности (слѣдовательно былъ уже извѣстенъ имъ какъ революціонный дѣятель), и теперь оказывается издателемъ газеты организующей государственный заговоръ, и снабженный фондомъ для политическихъ преступниковъ, библіотекой, типографіей.“ (Программа, стр. 8). Французскіе такъ-называемые либералы съ неменьшею снисходительно-

стью и пренебреженіемъ какъ и наши относились къ феноменамъ порождаемымъ гнилыми элементами ихъ общества. Въ послѣдствіи они каялись въ этомъ, и Жюлю-Фавру и пришлось публично исповѣдать свою вину знаменитымъ: „J'en demande pardon à Dieu et aux hommes.“

№ 105.

Москва, 28-го апрѣля.

Происшествіе въ Салоникахъ неожиданно усложняетъ разрѣшеніе восточныхъ затрудненій, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно ярко рисуетъ положеніе дѣлъ въ христіанскихъ провинціяхъ Турціи. Давно ли еще, въ виду недовѣрія инсургентовъ къ реформамъ проектированнымъ въ нотѣ графа Андраши, неисправимые недоброжелатели Россіи воспользовались случаемъ чтобы вновь поднять толки будто возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ тайно подстрекается Россіей, или будто она всѣми силами препятствуетъ его прекращенію, не желая воздержать Сербію и Черногорію отъ пособничества инсургентамъ и не допуская въ то же время Порту принять рѣшительныя мѣры противъ этихъ двухъ княжествъ,— и вотъ кровавое событіе повергаетъ въ ничто всѣ эти остроумныя соображенія! Пока мы имѣемъ объ этомъ происшествіи лишь телеграфныя свѣдѣнія, но фактъ остается несомнѣннымъ, и даже турецкое офиціальное извѣстіе не отвергаетъ убійства разъяренною мусульманскою чернью двухъ европейскихъ консуловъ, французскаго и германскаго. Замѣчательно что германскимъ консуломъ былъ Англичанинъ, и, кромѣ того, по словамъ турецкаго извѣстія, въ дѣлѣ принималъ участіе и американскій консулъ, по наущенію коего якобы собралась толпа христіанъ вырвавшихъ изъ рукъ мусульманъ болгарскую дѣвушку принявшую исламъ. Частныя депеши, между прочимъ и отъ нашего корреспондента, излагаютъ дѣло иначе и утверждаютъ что болгарская дѣвушка была насильно увлечена Турками въ мечеть, и что консулы были умерщвлены за увѣщаніе отпустить ее. Это послѣднее изложеніе гораздо вѣроятнѣе, ибо въ турецкомъ извѣстіи остается весьма неяснымъ зачѣмъ проникли въ мечеть консулы. Во всякомъ случаѣ, американскій консулъ, на котораго взводится обвиненіе въ подстреканіи бунта, остался живъ и можетъ разъяснить всѣ обстоятельства прискорбнаго происшествія. Замѣчательно что во всемъ этомъ дѣлѣ не принималъ никакого участія русскій консулъ который, кажется, былъ въ отсутствіи.

Сущность дѣла, впрочемъ, не требуетъ разъясненій. Между тѣмъ какъ въ Герцеговинѣ, несмотря на всѣ усилія державъ, волненія не прекращаются, въ другомъ углу Европейской Турціи, въ пунктѣ не только удаленномъ отъ Россіи, но и отъ театра продолжающейся племенной междуусобицы, а также въ сторонѣ отъ вассальныхъ княжествъ Порты, совершается кровавая сцена въ которой падаютъ жертвами представители двухъ великихъ державъ. Невольно припоминается что и въ Герцеговинѣ, когда уже начались волненія, послѣдній сигналъ къ полному возстанію былъ поданъ также случаемъ насильственнаго похищенія христіанской женщины.

Событіе въ Салоникахъ, какъ извѣстно изъ телеграммъ, не могло не произвести впечатлѣнія въ Европѣ. Державы спѣшатъ отправить въ воды Салоникъ свои военныя суда и требуютъ отъ Порты удовлетворенія. По странной случайности, первенствующая роль въ этомъ общемъ дѣйствіи достается на этотъ разъ совмѣстно Германіи и Франціи,—фактъ свидѣтельствующій что интересы всей христіанской Европы, наперекоръ политическому соперничеству, принуждаются къ солидарности въ дѣлахъ Востока.

Само собою разумѣется что оскорбленныя державы получатъ полное и быстрое удовлетвореніе какое только возможно. Но должно надѣяться что этотъ кровавый урокъ не останется безъ полезныхъ послѣдствій для дипломатіи озабоченной положеніемъ дѣлъ въ христіанскихъ провинціяхъ Порты; онъ побудитъ дипломатію къ принятію болѣе опредѣленнаго плана, давно указываемаго необходимостью. Салоникское происшествіе не есть случайный эпизодъ. Это результатъ того же ненормальнаго положенія дѣлъ какимъ вызвано и возстаніе въ Герцеговинѣ. Повсюду въ христіанскихъ провинціяхъ Турціи дѣйствуетъ одна и таже сила разлагающая существованіе Оттоманскаго владычества, сила дѣйствующая помимо воли державъ, которыя можетъ-быть и желали бы замедлить неизбѣжный процессъ разложенія. Сила эта есть невозможная нынѣ неравноправность

племенъ и религій, абсолютное порабощеніе христіанскаго большинства мусульманскому выродившемуся меньшинству, которое тѣмъ свирѣпѣе становится чѣмъ болѣе предчувствуетъ близящуюся кончину своего господства. Даже страхъ предъ великими державами не сдерживаетъ разъяренныхъ страстей. Кто поручится что завтра же подобный случай не повторится въ другомъ мѣстѣ? Какъ теперь убѣждать выходцевъ изъ Герцеговины и Босніи чтобъ они возвратились на родину? Какой безопасности могутъ они ожидать отъ султанскаго правительства когда турецкія власти безсильны ограждать даже консуловъ отъ ярости мусульманъ? А между тѣмъ волненіе распространяется. Извѣстіе о возстаніи въ Болгаріи, которое на дняхъ еще опровергалось изъ турецкаго офиціальнаго источника, подтверждается теперь сообщеніемъ корреспондента *Times*, по словамъ коего оно распространилось до горъ Родопе, на границѣ Македоніи, и такъ разыгрывается что Порта спѣшитъ отправить туда войска.

Въ виду всего этого, можно смѣло сказать что если Восточный вопросъ теперь не поднимается во всемъ его грозномъ объемѣ, то единственно по нежеланію Европы. Турецкая имперія есть уже не просто „больной человѣкъ,“ а „мертвый.“ Но Европа не готова къ этой катастрофѣ, и по счастливо сложившимся обстоятельствамъ нѣтъ между державами розни которая могла бы привести ихъ къ столкновенію. Ни одна изъ державъ не можетъ желать ускоренія событія. Въ интересѣ всей Европы и сохраненія общаго мира требуется чтобы дряхлое зданіе Оттоманской имперіи не рухнуло разомъ. Опасность одинаково грозна для всѣхъ и всѣми сознается, а потому остается только принимать мѣры чтобы пожаръ не могъ вспыхнуть случайно противъ желанія всей Европы. Обновить зданіе немыслимо; отъ такого обновленія отказались съ отчаяніемъ даже англійскіе архитекторы. Остается только застраховать его на время. Европа, со включеніемъ и Россіи, желаетъ этого, но всякая страховка неизбѣжно ограничиваетъ права хозяина и подчиняетъ его исполненію извѣстныхъ предписаній. Застраховать турецкое зданіе отъ немедленнаго крушенія возможно только однимъ способомъ. Для Европы важно охранить только вершину его. Опоры его сгнили, и ихъ-то нужно перемѣнить. Турецкая имперія возможна въ Европѣ только какъ принципъ верховной власти султана, но отнюдь не какъ господство Турокъ надъ христіанами. Поэтому державамъ для собственной безопасности надо настоять на полной равноправности населеній. А такъ какъ это невозможно установить при сохраненіи турецкаго управленія, то необходимо самоуправленіе провинцій.

Journal de St.-Pétersbourg, въ замѣткѣ помѣщаемой ниже, указывая на успокоительныя для общественнаго мнѣнія предстоящія совѣщанія въ Берлинѣ, замѣчаетъ что фактъ Салоникскій не можетъ не занять виднаго мѣста въ соображеніяхъ государственныхъ людей. Дѣйствительно, эти совѣщанія свидѣтельствующія о продолжающемся добромъ согласіи трехъ державъ поддерживаютъ увѣренность что нѣтъ невозможности предотвратить потрясенія коими грозитъ кризисъ на Востокѣ.

№ 106.

Москва, 29-го апрѣля.

Года два тому назадъ мы обратили вниманіе на небрежность съ которою составляются списки присяжныхъ засѣдателей. Въ то время мы еще не имѣли въ виду самыхъ злостныхъ явленій этого рода, требующихъ безотлагательныхъ мѣръ. За послѣдніе мѣсяцы неоднократно появлялись извѣстія о подкупѣ присяжныхъ засѣдателей; извѣстія эти стали повторяться довольно часто, и притомъ они приходятъ изъ различныхъ мѣстъ, такъ что нѣтъ возможности искать объясненія этому въ какихъ-либо исключительныхъ условіяхъ; напротивъ, тотъ фактъ что виновными въ лихоимствѣ присяжными вездѣ являются лица изъ крестьянскаго сословія, то-есть самые неимущіе и наименѣе подготовленные къ этой обязанности, прямо указываетъ что виною зла небрежность съ которою составляются списки „представителей общественной совѣсти.“

Отмѣтимъ нѣкоторые изъ упомянутыхъ фактовъ. Въ мартѣ прошлаго года, отдѣленіе Кишиневскаго Окружнаго Суда въ Бендерахъ разбирало дѣло объ умышленномъ убійствѣ царанина Старпша. Въ этомъ убійствѣ обвинялись трое, въ томъ числѣ купеческій сынъ Савва Пачу, и всѣ трое

по суду оправданы. Но вскорѣ послѣ суда обнаружилось что свидѣтели и часть присяжныхъ были подкуплены отцомъ обвиняемаго Пачу. По произведенному слѣдствію оказалось что пятеро изъ крестьянъ вошедшихъ въ составъ суда были угощаемы до засѣданія ѣдою и питьемъ въ трактирѣ; во время совѣщаній они держались въ сторонѣ отъ прочихъ присяжныхъ и съ самаго начала дѣла настаивали на невиновности подсудимыхъ, а потомъ открыто хвалились предъ подсудимымъ Пачу и его отцомъ что они отстояли его, и завели съ ними публичную ссору, чуть не драку, за то что тѣ недостаточно ихъ отблагодарили, и столь же открыто требовали отъ товарища, присяжнаго Окинки, бывшаго коноводомъ по дѣлу подкупа, дѣлежа вознагражденія, которое Окинка получилъ отъ обвиняемаго. Присяжные эти, въ числѣ пяти человѣкъ, были преданы суду Одесской Судебной Палаты (на основаніи ст. 1.073 Уст. Угол. Суд.) съ участіемъ присяжныхъ; изъ нихъ крестьянинъ Окинка признанъ виновнымъ, остальные оправданы. Оправданіе повидимому вызвано было тѣмъ что по показанію свидѣтелей бендерскіе присяжные изъ крестьянъ находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи; „они просили помощи отъ другихъ присяжныхъ, голодали, ночевали на улицѣ, готовы были идти рубить дрова чтобы помочь себѣ и оставшимся безъ пропитанія семействамъ, даже протягивали на улицѣ руки за подаяніемъ.“ Одинъ свидѣтель удостовѣрялъ что съ тѣхъ поръ какъ окружный судъ пріѣзжаетъ на сессію въ Бендеры, присяжные изъ крестьянъ всегда жаловались что имъ приходится валяться по дворамъ и лѣстницамъ, и что имъ не разъ помогали товарищи изъ присяжныхъ.

Вскорѣ послѣ Бендерскаго дѣла, въ газетахъ появилось извѣстіе о возбужденіи слѣдствія о подкупѣ присяжныхъ Усть-Медвѣдицкаго Окружнаго Суда причемъ подкупъ подозрѣвается по нѣсколькимъ дѣламъ. Оказывается что присяжные съ нѣкоторыхъ подсудимыхъ, какъ и въ Бендерахъ, брали угощеніе; подсудимые также открывали имъ кредитъ въ своихъ лавкахъ, откуда они забирали водку, вино, чай, сахаръ, свѣчи, мыло и т. п., не больше какъ на десятки копѣекъ. *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права*, въ послѣдней книжкѣ, сообщаетъ что въ Сенатъ поступило изъ разныхъ губерній еще нѣсколько представленій о преданіи бывшихъ присяжныхъ суду за лихоимство, которое заключалось въ принятіи угощеній отъ подсудимыхъ и копѣечныхъ подарковъ. Кромѣ того, названный журналъ приводитъ рядъ фактовъ указывающихъ на бѣдственное положеніе присяжныхъ изъ крестьянъ. Такъ, Спасское и Чебоксарское земства Казанской губерніи, еще въ 1873 году, постановили выдавать пособія неимущимъ присяжнымъ, удостовѣривъ при этомъ что „присяжные засѣдатели изъ крестьянъ, въ періодъ исполненія своей обязанности въ Чебоксарахъ, *ходятъ по городу за подаяніемъ.*“ Товарищъ предсѣдателя Воронежскаго Окружнаго Суда удостовѣряетъ что ему не разъ случалось на практикѣ видѣть какъ присяжные засѣдатели изъ крестьянъ, истощивъ свои карманныя средства отъ продолжительности сессій, обращались къ предсѣдавшимъ въ судѣ съ просьбой о денежномъ пособіи, необходимомъ не только для возвращенія домой, но и для дневнаго ихъ пропитанія, и судьи, не видя исхода бѣдственному ихъ положенію, дѣлали подписку на вспоможеніе присяжнымъ, а въ уѣздныхъ городахъ крестьяне, въ концѣ періода засѣданій, нерѣдко ходили по домамъ за милостыней или просили какой-нибудь работы для прокормленія себя. Далѣе, въ названномъ журналѣ, разказывается что въ Одессѣ, въ прошломъ году, въ одно изъ засѣданій окружнаго суда, старшина присяжныхъ сдѣлалъ такое заявленіе: „Присяжные-крестьяне просятъ заявить суду что имъ нечего ѣсть; взятый съ собою хлѣбъ они съѣли; во время перерыва засѣданія на два дня одинъ изъ крестьянъ сходилъ пѣшкомъ за 90 верстъ въ деревню чтобы взять хлѣба. Ночуютъ они гдѣ попало и просятъ нельзя ли написать въ земскую управу чтобъ имъ выдали на прокормленіе.“ Предсѣдатель суда отвѣтилъ что назначеніе пособій присяжнымъ не входитъ въ кругъ обязанностей суда и земства, но что просьба присяжныхъ-крестьянъ будетъ удовлетворена частнымъ образомъ. И дѣйствительно служащіе въ судѣ собрали между собою 65 р. и роздали присяжнымъ. Такія же точно свѣдѣнія о положеніи присяжныхъ-крестьянъ получены и изъ Вятки, гдѣ новый судъ введенъ весьма недавно, и изъ многихъ другихъ мѣстъ.

Всѣ эти въ высшей степени печальные

факты подаютъ названному журналу поводъ къ сѣтованію на то что вопросъ о пособіи присяжнымъ изъ земскихъ суммъ отвергнутъ высшими правительственными учрежденіями. Это случилось такимъ образомъ. Казанскій губернаторъ въ 1873 году опротестовалъ сказанное выше постановленіе мѣстнаго земства, и Первый Департаментъ Правительствующаго Сената, указомъ отъ 5 сентября 1873 года, разъяснилъ что назначеніе присяжнымъ пособія изъ земскихъ суммъ не относится ни къ одному разряду дѣлъ исчисленныхъ во 2-й ст. Полож. о земск. учр. и что обязанности присяжныхъ засѣдателей „по самому существу этого учрежденія не допускаютъ никакого вознагражденія.“ Въ послѣдствіи Комитетъ Министровъ разсуждалъ о томъ же вопросѣ, вслѣдствіе ходатайства нѣкоторыхъ земскихъ собраній о разрѣшеніи онаго въ законодательномъ порядкѣ. Вотъ сущность соображеній Комитета: „Предположенная земствомъ мѣра противорѣчитъ коренному характеру института присяжныхъ засѣдателей и даже не вызывается практическою необходимостію, такъ какъ званіе присяжнаго есть не только *повинность*, но въ то же время и *право* принимать участіе въ сужденіи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ; съ понятіемъ же о правѣ не согласуется выдача за пользованіе имъ денежнаго вознагражденія. Такъ какъ однимъ изъ важныхъ условій для исполненія обязанности присяжнаго постановлено обладаніе имущественнымъ цензомъ, то присутствіе между присяжными людей не имѣющихъ средствъ къ пропитанію противорѣчитъ самому характеру ихъ учрежденія. Хотя же въ общіе списки присяжныхъ и вносятся по своему служебному положенію крестьяне занимающіе или занимавшіе общественныя должности, но если въ числѣ ихъ есть немогущіе содержать себя во время сессій, то отъ уѣздныхъ коммиссій составляющихъ очередные списки присяжныхъ вполнѣ зависитъ не вносить такихъ лицъ въ эти списки. Подобное право безспорно принадлежитъ коммиссіямъ, такъ какъ онѣ должны выбирать людей по своимъ нравственнымъ и другимъ качествамъ способныхъ быть присяжными.“

Когда мы возбудили вопросъ о способѣ составленія у насъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, мы настойчиво указывали на то что удовлетворительность ихъ состава зависитъ главнымъ образомъ отъ того насколько временныя коммиссіи отъ земства, въ усиленномъ присутствіи установленномъ ст. 97 Учр. Суд. Уст., тщательно и добросовѣстно исполняютъ возложенную на нихъ обязанность по составленію очередныхъ списковъ, обязанность, которая существеннымъ образомъ въ томъ и состоитъ чтобъ изъ массы лицъ *формально* допускаемыхъ закономъ къ отправленію правосудія выбрать тѣхъ кои къ тому дѣйствительно способны. „Выборъ такихъ лицъ, сказано въ ст. 99 Учр. Суд. Уст., коммиссія производитъ по своему усмотрѣнію и по *внимательномъ* обсужденіи въ какой мѣрѣ *каждое* лицо удовлетворяющее условіямъ опредѣленнымъ въ стт. 81—88 настоящаго учрежденія способно по своимъ нравственнымъ качествамъ и другимъ причинамъ извѣстнымъ коммиссіи къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя.“ Жалобы на постановленіе коммиссіи по этому предмету не допускаются. Но вопросъ именно въ томъ исполняютъ ли коммиссіи свою обязанность съ тою тщательностью которая рекомендуется имъ закономъ? Мы говоримъ „рекомендуется,“ а не предписывается, потому что законъ, страннымъ образомъ, не только устраняетъ всякія *жалобы* на коммиссію, но не установилъ никакого надзора или контроля надъ ея дѣйствіями. И не только нѣтъ контроля надъ постановленіями коммиссіи, но не установлено никакихъ способовъ наблюденія за тѣмъ чтобы составленіе очередныхъ списковъ не превратилось въ механическую, чисто канцелярскую работу. Два года тому назадъ мы указывали что въ большинствѣ судебныхъ округовъ дѣло приняло именно такой оборотъ, и что вмѣсто внимательнаго обсужденія нравственныхъ и другихъ качествъ лицъ подлежащихъ внесенію въ очередные списки присяжныхъ засѣдателей, составленіе этихъ списковъ упрощено до нельзя, ограничиваясь механическою выборкою изъ общаго списка. Комитетъ Министровъ лишь подтвердилъ, въ приведенномъ постановленіи, широкое право коммиссій составляющихъ очередные списки, указавъ на то что коммиссія можетъ и обязана не вносить въ списки такихъ лицъ, которыя, хотя и обладаютъ формальными условіями установленными для внесенія въ общіе списки, но не могутъ нести этой обязанности за неимѣніемъ средствъ къ пропитанію или по при-

чинамъ нравственнаго свойства. Едва ли однако это разъясненіе поведетъ само по себѣ къ улучшенію существующаго порядка, если не будетъ придумано какое-либо дѣйствительное средство къ побужденію земскихъ коммиссій тщательнѣе исполнять ихъ обязанности при составленіи списковъ.

Что же касается вспоможенія изъ земскихъ суммъ неимущимъ присяжнымъ, то мы готовы согласиться съ *Журналомъ Гражданскаго и Уголовнаго Права* что едва ли этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ столь категорически отрицательно какъ онъ разрѣшенъ теперь. При составленіи судебныхъ уставовъ, вопросъ этотъ возникалъ, и предположено было установить вознагражденіе присяжнымъ за понесенныя ими издержки изъ земскихъ суммъ, „если они будутъ того требовать." Государственный Совѣтъ въ принципѣ не отвергъ этого правила, но только не считалъ нужнымъ вводить его въ судебные уставы на томъ основаніи что „приведеніе его въ дѣйствіе зависитъ отъ усмотрѣнія и самыхъ средствъ земскаго собранія." Но вознагражденіе присяжныхъ изъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ за проѣздъ въ мѣсто суда, оправдывалось бы уже въ видахъ уравненія для нихъ этой повинности съ повинностью присяжныхъ-горожанъ, которые въ судъ не ѣздятъ, а напротивъ судъ къ нимъ пріѣзжаетъ. Припомнимъ кстати что въ Германіи, гдѣ функція присяжнаго конечно также разсматривается не только какъ обязанность, но и какъ право, по новому проекту уголовнаго судопроизводства (§§ 43 и 77) предполагается вознаграждать всѣхъ присяжныхъ за издержки проѣзда.

Но мы не можемъ не согласиться съ названнымъ юридическимъ органомъ въ томъ что тотъ рядъ печальныхъ фактовъ, разказъ о коихъ мы изъ него заимствовали, былъ порожденъ исключительно тѣмъ что земствамъ отказано въ правѣ выдавать пособіе присяжнымъ, и что съ разрѣшеніемъ такого пособія подобныя явленія прекратятся сами собою. Нельзя не посмотрѣть нѣсколько глубже на дѣло и не задаться вопросомъ: какого рода безапелляціонныхъ приговоровъ можно вообще ожидать отъ присяжныхъ въ родѣ тѣхъ какіе изображены въ приведенныхъ выше случаяхъ, даже если предположить что пособіе отъ земства предохранитъ ихъ отъ необходимости протягивать руку за подаяніемъ, или прельщаться „угощеніемъ" со стороны подсудимыхъ?

№ 107.

Москва, 30-го апрѣля.

Вопросъ объ избраніи судебнаго центра для губерній сѣверо-западнаго края давно занимаетъ общественное мнѣніе, которое съ нетерпѣніемъ ожидаетъ рѣшенія правительства по этому предмету. Сегодняшняя телеграмма извѣщаетъ о прибытіи въ Петербургъ депутаціи для ходатайства о томъ чтобы судебная палата была учреждена въ Смоленскѣ. Этотъ вопросъ важенъ въ политическомъ отношеніи для интересовъ русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, потому что городъ гдѣ устроится судебная палата станетъ центромъ для нѣсколькихъ губерній, и далеко не безразлично гдѣ будетъ этотъ центръ.

Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ давно посвятилъ разсмотрѣнію этого вопроса нѣсколько статей, напечатанныхъ въ нашей газетѣ въ концѣ прошлаго десятилѣтія; онъ доказывалъ что судебная палата для сѣверо-западнаго края должна быть учреждена въ Смоленскѣ какъ чисто русскомъ городѣ, находящемся близь самой границы бѣлорусскихъ губерній. Мы считаемъ своевременнымъ возвратиться къ этому вопросу и изложить нѣкоторыя соображенія, такъ какъ этотъ вопросъ вскорѣ будетъ разсматриваться въ законодательномъ порядкѣ.

Полезно ли, нужно ли, чтобы судебная палата для губерній сѣверо-западнаго края находилась именно въ Смоленскѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть отрицательный. Хотя въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ несомнѣнно будетъ преобладать русскій элементъ въ составѣ судовъ, однако въ политическомъ отношеніи нужно не только обезпечить правильность судебныхъ рѣшеній, но и способствовать объединенію края съ Россіей. Ничто не можетъ такъ содѣйствовать скорѣйшему обрусенію подвергшихся польскому вліянію жителей бѣлорусскихъ и литовскихъ губерній какъ привычка пріѣзжать въ неизмѣнно-русскій городъ для устройства собственныхъ дѣлъ, какъ необходимость сближаться съ неизмѣнно-русскими людьми и

обращаться въ общія съ ними государственныя учрежденія. Совсѣмъ не то будетъ если судебный центръ будетъ устроенъ въ Вильнѣ или Минскѣ: въ этомъ случаѣ поддерживалось бы обособленіе жителей сѣверо-западныхъ губерній отъ коренныхъ русскихъ, и они пріучались бы имѣть свой особый, отдѣльный судъ, не входя въ сношенія съ чисто-русскимъ обществомъ. Такимъ образомъ поддерживалось бы то обособленіе, которое мы, къ сожалѣнію, доселѣ замѣчаемъ въ губерніяхъ возвращенныхъ отъ Польши. Едва ли это можетъ быть желательно для пользы государства и для самихъ жителей сѣверо-западныхъ губерній. Но это еще не все; городъ гдѣ будетъ судебная палата несомнѣнно поднимется и въ своемъ значеніи, и въ своихъ средствахъ, и по самому числу жителей. Согласно ли съ интересами государства искусственно создавать значительные центры въ краѣ не успѣвшемъ еще слиться съ общею русскою жизнью, между тѣмъ какъ на самой границѣ сѣверо-западнаго края можетъ быть поднятъ чисто-русскій городъ, древній, знаменитый историческій городъ, который черезъ то можетъ сдѣлаться центромъ для бѣлорусскихъ губерній какимъ служитъ Кіевъ для юго-западнаго края? Не подлежитъ сомнѣнію что если возможно устроить въ чисто-русскомъ городѣ судебную палату для сѣверо-западнаго края, то государственные интересы не позволяютъ пренебречь этою мѣрой. Какой же чисто-русскій городъ представляетъ наиболѣе удобствъ въ этомъ отношеніи? Только Смоленскъ представляетъ эти удобства. Находясь въ 20 верстахъ отъ границъ Могилевской и Витебской губерній, онъ соединенъ Смоленско-Брестскою, Орловско-Витебскою, Витебско-Динабургскою, Динабурго-Виленскою и Ландварово-Минскою желѣзными дорогами со всѣмъ сѣверо-западнымъ краемъ; всѣ желѣзные пути этого края сходятся въ Смоленскѣ, который по направленію главныхъ дорогъ уже сдѣлался естественнымъ центромъ для сѣверо-западныхъ губерній. Неужели возможно не замѣтить этихъ удобствъ, не воспользоваться ими, когда очевидныя государственныя пользы требуютъ этого?

Возраженіе можетъ быть относительно обширности сѣверо-западнаго края, который трудно будто бы весь присоединить къ Смоленскому судебному округу. Округъ этотъ былъ бы, можно подумать, слишкомъ обширенъ по присоединеніи шести западныхъ губерній къ двумъ чисто-русскимъ губерніямъ. Но, вопервыхъ, округъ Московской Судебной Палаты, при теперешнемъ его составѣ, еще обширнѣе; вовторыхъ, если справедливы слухи, будто Министерство Юстиціи предлагаетъ устроить два судебные центра, одинъ въ Вильнѣ, для губерній Виленской, Ковенской, Гродненской, Митавской и Рижской, а другой для остальныхъ трехъ болѣе обширныхъ губерній сѣверо-западнаго края, то, при образованіи Смоленскаго судебнаго округа изъ губерній Смоленской, Калужской, Могилевской, Витебской и Минской, округъ этотъ не будетъ очень обширенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жители трехъ послѣднихъ губерній окончательно сольются съ центральными, чисто-русскими губерніями. Впрочемъ, еслибы къ губерніямъ Смоленской и Калужской были присоединены и всѣ шесть губерній сѣверо-западнаго края, то и въ этомъ случаѣ судебный округъ былъ бы еще не слишкомъ обширенъ, а Смоленскъ сдѣлался бы судебнымъ центромъ для всего края.

Составивъ судебный округъ изъ сѣверо-западныхъ губерній, вмѣстѣ со Смоленскою и Калужскою губерніями, мы сократили бы округъ Московской Судебной Палаты на двѣ губерніи, что очень желательно по теперешней обширности Московскаго округа и по множеству дѣлъ производящихся въ немъ. Калуга соединена со Смоленскомъ желѣзною дорогой и отъ него ближе чѣмъ отъ Москвы.

Нѣтъ никакихъ мѣстныхъ особенностей въ сѣверо-западномъ краѣ которыя препятствовали бы составленію одного судебнаго округа для него, совмѣстно съ чисто русскими губерніями. А между тѣмъ важныя государственныя соображенія требуютъ чтобы судебная палата для сѣверо-западнаго края была устроена въ чисто-русскомъ городѣ, и только одинъ Смоленскъ представляетъ удобства къ тому. Если Смоленскъ будетъ поднятъ на степень судебнаго центра для обширнаго края и получитъ болѣе высокое значеніе, то это послужитъ въ пользу Россіи. Все это неоспоримо, и возраженія противъ этого могутъ имѣть въ виду не интересы правильнаго устройства правосудія и не государственную пользу, даже не выгоды и удобства края, а разнообразныя постороннія соображенія. При сохранившихся до-

селѣ въ сѣверо-западномъ краѣ стремленіяхъ къ обособленію, всего лучше будетъ если устройство судебныхъ учрежденій въ немъ поведетъ къ сліянію его съ чисто-русскими губерніями чрезъ открытіе судебной палаты въ Смоленскѣ. Устройствомъ сѣверо-западнаго судебнаго центра въ Смоленскѣ было бы обезпечено наилучшее отправленіе правосудія и были бы удовлетворены требованія государственной пользы.

№ 108.

Москва, 1-го мая.

Съ недѣлю тому назадъ телеграфъ сообщилъ намъ замѣчательное заявленіе британскаго перваго министра въ Палатѣ Общинъ, при возбужденныхъ г. Кокреномъ преніяхъ по поводу присоединенія Кокана къ Россіи. Мы тогда же замѣтили что откровенная и правдивая рѣчь г. Дизраэли вновь ставитъ обѣ державы во взаимное положеніе соотвѣтствующее ихъ достоинству и величію, а также интересамъ каждой изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда глава Британскаго кабинета открыто говоритъ что его „не тревожитъ развитіе русскаго могущества въ Средней Азіи, что онъ не видитъ причины почему Россіи не дѣлать завоеваній въ тѣхъ краяхъ подобно Англіи которая завоевала Индію, и что онъ желаетъ только чтобы населенія Татаріи пріобрѣли такія же блага отъ завоеванія ихъ Россіей какія пріобрѣли населенія Индіи отъ завоеванія ихъ Англіей; то этими словами онъ косвенно осуждаетъ всѣ прежнія дипломатическія попытки исходившія изъ той точки зрѣнія будто Англія имѣетъ *право* требовать, когда ей вздумается, отъ Россіи объясненія ея дѣйствій и предписывать имъ извѣстныя границы. Какъ уже было сообщено и въ телеграфномъ изложеніи рѣчи г. Дизраэли, онъ осуждалъ политику „подозрительности, которая злобствуетъ и ворчитъ не приступая къ дѣйствіямъ,“ и предпочитаетъ ей откровенную политику, болѣе способную къ поддержанію добраго согласія. Г. Дизраэли заявляетъ что онъ не принадлежитъ къ той школѣ которая смотритъ на движеніе Россіи въ Азіи съ тяжелымъ предчувствіемъ; онъ всегда полагалъ что въ Азіи достаточно мѣста и для Россіи, и для Англіи. Россіи эти взгляды вполнѣ де извѣстны, а также и то что Англія твердо намѣрена поддерживать и укрѣплять свою Индійскую имперію и отстаивать свое вліяніе на Востокѣ, и Русское правительство, зная эти взгляды, находитъ ихъ вполнѣ совмѣстными съ дружелюбными отношеніями между обѣими странами.

Когда это заявленіе г. Дизраэли было намъ передано по телеграфу, мы тотчасъ же привѣтствовали его какъ рѣшительное отреченіе отъ прежнихъ притязаній англійской политики въ отношеніи къ Россіи, порождавшихъ только недоразумѣнія между обоими правительствами. Прекратить ихъ всегда зависѣло отъ самой Англіи: стоило только ея правительству принять здравомысленный взглядъ высказанный ея первымъ министромъ. Результатъ его откровенной политики, по его словамъ, есть тотъ что никогда еще доброе согласіе между обѣими державами не было такъ надежно какъ въ настоящую минуту, и отсюда мы въ правѣ были заключить что всякія объясненія между ними по средне-азіятскимъ дѣламъ можно считать навсегда поконченными.

Послѣ того мы познакомились изъ англійскихъ газетъ съ полнымъ текстомъ рѣчи г. Дизраэли, приведеннымъ почти вполнѣ во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты. Рѣчь эта, выражая политику нынѣшняго Англійскаго кабинета, высказываетъ касательно всѣхъ прежнихъ объясненій и переговоровъ взглядъ замѣчательно тождественный съ тѣмъ на чемъ мы настаивали во время самихъ переговоровъ.

Предметъ этотъ, дѣйствительно, не мѣшало разъяснить если желательно сохраненіе непринужденно-добрыхъ отношеній между Англіей и Россіей. Въ Англіи до сихъ поръ многіе оставались въ убѣжденіи что переговоры о средне-азіятскихъ дѣлахъ имѣли результатомъ какой-то уговоръ между обѣими странами, нѣкоторыя *quasi* обязательства данныя Россіей. Но мы никогда не могли понять въ чемъ могъ быть уговоръ и положительно отвергли всякаго рода обязательства. Дипломатическіе документы, относящіеся къ вопросу, были въ свое время обнародованы, и на основаніи ихъ рѣшительно нельзя было придти ни къ какому подобному заключенію. Въ началѣ, какъ извѣстно, зашла рѣчь объ установленіи какого-то нейтральнаго пояса между азіятскими владѣніями

обѣихъ державъ. Эта мысль была совершенно непостижима. Возможно ли было приравнивать Афганистанъ къ Бельгіи и примѣнять европейское международное право, съ его понятіемъ о нейтральности, къ дикимъ племенамъ не знающимъ другой узды кромѣ силы? Неосуществимость этого плана вскорѣ поняли и въ Англіи, и вотъ вмѣсто того повели рѣчь „о разграниченіи сферъ вліянія.“ Серіозно толковали въ депешахъ о точномъ обозначеніи „границъ“ этого вліянія; но когда пришлось разъяснить этотъ новый туманный принципъ, то онъ оказался еще хуже „нейтральнаго пояса.“ Никто не могъ понять что̀ этимъ означается. Можно было заключить что обѣ державы обязались обуздывать среднеазіятскія племена каждая до извѣстной границы. Но когда на это мнѣніе было обращено вниманіе въ парламентѣ, то тогдашній премьеръ, г. Гладстонъ, положительно отрекся отъ всякаго со стороны Англіи въ этомъ отношеніи обязательства. А такъ какъ всякое соглашеніе предполагаетъ взаимность, то значитъ и со стороны Россіи не могло быть никакого обязательства. Еще менѣе могла быть рѣчь о какомъ-либо обязательствѣ относительно Хивы, ибо здѣсь уже вовсе не могло быть никакой взаимности. Все дѣло было, какъ извѣстно, въ томъ что во время Хивинской экспедиціи, со стороны Россіи, было сдѣлано откровенное заявленіе своихъ намѣреній которыя она вовсе не имѣла надобности скрывать и которыя ни въ чемъ существенномъ не измѣнились послѣ приведенія хана къ покорности.

Но съ этимъ простымъ взглядомъ на вещи долгое время никакъ не хотѣли согласиться въ Англіи, и въ самомъ фактѣ переговоровъ Англичане искали повода постоянно обвинять Россію въ „неуваженіи къ международнымъ конвенціямъ,“ „въ нарушеніи торжественно данныхъ обязательствъ,“ когда въ сущности никакихъ обязательствъ и конвенцій вовсе не было. Вотъ какъ теперь говоритъ объ этомъ британскій премьеръ:

„Намъ говорятъ что мы должны бы войти въ какое-либо *соглашеніе* съ Россіей. „Это весьма неясное слово, и я не знаю „чтобы наши *соглашенія* съ Россіей, ко„торыя иногда предполагались заключен„ными, были когда-либо вполнѣ осущест„влены. Мой досточтимый другъ (г. Кок„ренъ) повидимому полагаетъ что планъ „нейтральнаго пояса былъ приведенъ въ „исполненіе и утвержденъ Россіей и Ве„ликобританіей. Но дѣло въ томъ что ней„тральный поясъ былъ только измышлені„емъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ дипло„матической депешѣ. Онъ никогда не былъ „принятъ ни на какой конференціи или „конгрессѣ и никогда не былъ выраженъ „ни въ какомъ протоколѣ или трактатѣ. „Мнѣніе будто Великобританія и Россія „согласились установить нейтральный по„ясъ между своими владѣніями, и будто „Россія все время систематически нару„шала условленный нейтральный поясъ, „есть одно изъ тѣхъ заблужденій которыя „весьма трудно пресѣчь когда они овла„дѣваютъ общественнымъ мнѣніемъ. Фактъ „есть тотъ что никакой нейтральный по„ясъ не былъ условленъ государственны„ми людьми обѣихъ державъ. Что же ка„сается соглашеній, то было таковое о „Хивѣ; но всѣ мы должны сознаться что „это было самое несчастное соглашеніе, „потому что не было двухъ людей соглас„ныхъ въ томъ что оно значило. (*Смѣхъ.*) „Поэтому я далекъ и отъ желанія всту„пать въ какіе-либо уговоры съ Россіей „чтобъ отвратить тѣ опасенія о коихъ мы „такъ много слышимъ.“

Итакъ, нынѣ самъ глава англійскаго кабинета открыто повторяетъ наше всегдашнее мнѣніе что между Россіей и Англіей не желательны никакія соглашенія и обязательства относительно Средней Азіи, что таковыхъ нѣтъ и быть не можетъ. Заявленіе это тѣмъ болѣе замѣчательно что оно было отвѣтомъ на рѣчь г. Кокрена который, въ подтвержденіе своихъ доводовъ, приводилъ многія выдержки изъ депешъ 1869 года покойнаго лорда Кларендона. Въ то время англійскіе министры постоянно оправдывали свои придирчивыя обращенія къ Россіи тѣмъ что ея завоеванія въ Средней Азіи возбуждаютъ тревогу въ общественномъ мнѣніи Англіи и Индіи, и потому, ради сохраненія добрыхъ отношеній, убѣждали наше правительство успокоить эту тревогу. Что касается безпокойства въ Индіи, то теперь въ Палатѣ Общинъ присутствуетъ бывшій губернаторъ Бенгала сэръ-Джорджъ Кампбеллъ, который положительно удостовѣряетъ что въ Индіи населенія вовсе не тревожатся движеніемъ Россіи, что для нихъ Среднеазіятскій вопросъ не имѣетъ никакого зна-

ченія, и если тамъ знаютъ о немъ что-нибудь, то единственно изъ англійскихъ же газетъ. Безпокойство въ самой Англіи, какъ мы очень хорошо знали, было столь же призрачно и поддерживалось только для того чтобы правительству былъ предлогъ для своихъ притязаній. Оно и тогда выражалось не сильнѣе чѣмъ теперь въ рѣчахъ г. Кокрена и единомышленныхъ съ нимъ ораторовъ. „Великая пустыня, говоритъ г. Кокренъ, прежде отдѣлявшая Россію отъ нашихъ индійскихъ владѣній, была для насъ величайшею охраной; она была тѣмъ же что Ламаншскій каналъ между Англіей и материкомъ." Ему и его школѣ не нравится просто приближеніе Россіи къ индійской границѣ потому что, даже не говоря о попыткѣ Россіи на завоеваніе Индіи, самъ по себѣ фактъ близкаго сосѣдства Россіи, въ случаѣ европейской войны, вынудитъ Англію на большое напряженіе силъ." Итакъ, по этому взгляду, Англія въ правѣ требовать отъ насъ чтобы мы озаботились о ея комфортѣ. Но для комфорта Англіи можетъ-быть понадобится чтобы Россія вовсе не существовала. Можно ли толково разсуждать съ подобными господами требующими пустынь для спокойствія Англіи? А между тѣмъ именно для успокоенія этой выдуманной тревоги и заводились дипломатическія бесѣды о „неприкосновенности пустынь." Теперь, наконецъ, въ Англіи поняли всю безполезность этой недостойной игры и весь вредъ отъ нея для добраго согласія между обѣими странами, весьма важнаго для ихъ европейскихъ дѣлъ.

Когда дѣло приведено въ такую ясность, можно думать что подобные вопросы едва ли вновь будутъ подниматься въ англійскихъ палатахъ. Теперь и газета *Times*, бившая въ набатъ во время Хивинскаго похода, сожалѣетъ о преніяхъ возбужденныхъ г. Кокреномъ. „Намъ нужны терпѣніе и благоразуміе, говоритъ она, чтобы противодѣйствовать зловредной дѣятельности глупыхъ лицъ какъ въ Англіи, такъ и въ Россіи, которыя всячески усиливаются поддерживать постоянное раздраженіе въ сношеніяхъ между обѣими странами. Англія есть естественный врагъ Россіи, кричатъ нѣкоторые русскіе шовинисты, а у насъ опрометчивые голоса готовы кричать въ отвѣтъ, что Россія есть естественный врагъ Англіи." Позволимъ себѣ замѣтить, однако, что въ Россіи помянутые шовинисты, въ родѣ г. Терентьева, на книгу коего ссылался г. Кокренъ, не могутъ имѣть никакого вліянія на правительство, между тѣмъ какъ въ Англіи гремѣли тревогу люди политическіе и вліятельные органы печати, между прочимъ и газета *Times*. Намъ пріятно что она сознается въ ошибкѣ; пожелаемъ только чтобъ она удержалась на новомъ пути здраваго взгляда высказаннаго ею въ слѣдующемъ заключеніи: „Мнѣнія могутъ быть различны во многихъ пунктахъ относительно нашей политики въ Средней Азіи, но есть одно заключеніе съ коимъ мы всѣ должны согласиться — отвергать пустую шумную тревогу о ней. Если человѣку нечего другаго сказать какъ только то что онъ безпокоится, то ему лучше молчать. По правдѣ мы уже потерпѣли отъ публичнаго обнаруженія безпокойства. Спеціальная миссія графа Шувалова въ Англію предъ походомъ на Хиву была снисхожденіемъ къ нашей слабости не дѣлавшей намъ чести."

№ 110.

Москва, 3-го мая.

Кровавое происшествіе въ Салоникахъ занимаетъ въ настоящую минуту всю европейскую печать. Всѣ находятъ что оно не могло не имѣть вліянія на происходившія въ Берлинѣ совѣщанія. Но достаточно еще приведенныя въ ясность свѣдѣнія о самомъ фактѣ дѣйствительно довольно сбивчивы, по турецкому офиціальному донесенію о нихъ никто не даетъ вѣры, и дѣйствительно, полученныя нами достовѣрныя свѣдѣнія представляютъ дѣло совершенно въ иномъ свѣтѣ.

Взрывъ мусульманскаго фанатизма въ Салоникахъ не былъ такою неожиданною случайностью какъ это могло показаться на основаніи телеграммъ. Тревожное настроеніе мусульманскаго населенія въ этомъ городѣ было замѣчено уже задолго предъ этимъ, и находящіеся тамъ европейскіе консулы заявляли объ этомъ какъ мѣстнымъ властямъ, такъ и своимъ посольствамъ въ Константинополѣ. Къ сожалѣнію, Порта, по внушенію англійскаго посла сэръ-Генри Эллиота, котораго успокоивалъ англійскій консулъ, г. Бландъ, извѣстный туркофилъ, отвѣчала иностраннымъ представителямъ

что свѣдѣнія ихъ преувеличены, и что мѣстныя власти „ручаются" за спокойствіе въ городѣ. Это ручательство, какъ извѣстно, оказалось совершенно ненадежнымъ. Въ пятницу 23 апрѣля (5 мая нов. ст.), съ поѣздомъ изъ Урунъ-Кюпрю, пріѣхала въ Салоники молодая Болгарка, увезенная силой однимъ турецкимъ беемъ. Родственники дѣвушки, узнавъ о томъ, пришли на станцію и съ крикомъ и шумомъ требовали ея освобожденія. Къ ихъ заявленіямъ присоединились другіе бывшіе тамъ христіане и силой отбили дѣвушку, посадили ее въ карету американскаго консула и спрятали въ городѣ. *На другой день* (между тѣмъ какъ по турецкимъ извѣстіямъ все это произошло въ одинъ и тотъ же день), толпа вооруженныхъ мусульманъ расхаживала по городу разыскивая похищенную Болгарку. Въ американскомъ консульствѣ куда явилась толпа, отвѣтили что тамъ дѣвушки нѣтъ, и тогда вся ватага направилась къ дому вали, или губернатора, съ шумными требованіями о выдачѣ дѣвушки. Въ это самое время къ губернатору прибыли французскій и германскій консулы для представленія о происходящихъ въ городѣ безпорядкахъ; но разъяренная толпа схватила обоихъ консуловъ въ присутствіи губернатора, и несмотря на его вмѣшательство, хотя онъ, какъ самъ увѣряетъ, защищалъ ихъ будто бы „собственною особой," потащила въ мечеть насупротивъ конака (губернаторскаго дома), гдѣ нанеся имъ нѣсколько сабельныхъ ударовъ, разорвала ихъ на части.

Такъ совершилось это звѣрское злодѣяніе. Толпа была около 5.000 человѣкъ, и послѣ убійства разошлась, какъ говорятъ, испуганная собственнымъ дѣломъ. Войско же въ городѣ, при своей малочисленности, оставалось въ полномъ бездѣйствіи. Власти не сдѣлали даже попытки къ предотвращенію безпорядковъ, которые произошли на другой день. Вотъ фактъ характеризующій турецкую администрацію! Въ Салоникахъ мусульмане составляютъ меньшинство населенія, хотя и значительное. Убійство консуловъ было совершено въ 5 часовъ вечера, и только *послѣ того* власти распорядились поставить часовыхъ въ разныхъ улицахъ и объявить что „всякій вышедшій изъ дома послѣ заката солнца будетъ разстрѣлянъ."

Подробности сообщаемыя иностранными газетами разнятся только въ нѣкоторыхъ несущественныхъ чертахъ отъ нашихъ свѣдѣній, но всѣ онѣ несогласны съ турецкою передачей.

Главное дѣло, конечно, теперь не столько въ точномъ разысканіи случайной причины вызвавшей взрывъ сколько въ прорвавшемся симптомѣ сильнаго броженія мусульманскаго фанатизма, о которомъ предупреждали свѣдущіе наблюдатели. Здѣсь причина зла, грозящая ежеминутно неожиданными катастрофами. Всѣ извѣстія, одно за другимъ, невольно приводятъ къ заключенію что Турецкая имперія близка къ полному разложенію. Вслѣдъ за убійствами въ Салоникахъ приходятъ тревожныя вѣсти изъ самой столицы. Телеграммы гласятъ что нельзя ручаться за безопасность въ Константинополѣ вслѣдствіе броженія умовъ въ средѣ мусульманъ, закупающихъ оружіе и грозящихъ истребить „невѣрныхъ," что оттуда бѣгутъ всѣ кто могутъ съ семействами и имуществами, а послы находятся въ постоянномъ совѣщаніи и принимаютъ мѣры для своей безопасности. Полученными нами свѣдѣніями подтверждаются эти сообщенія объ опасномъ положеніи дѣлъ въ турецкой столицѣ. Намъ пишутъ что тамошніе богачи Абрамъ-паша, Короніо и другіе совсѣмъ почти разорились; другіе поспѣшно уѣзжаютъ и увозятъ свои капиталы; къ этому присоединяются другія бѣдствія: ужаснѣйшая засуха; въ разныхъ мѣстностяхъ Румеліи и Болгаріи поля почти совсѣмъ не засѣяны; въ Болгаріи разыгрывается возстаніе, села пылаютъ, турецкіе фонды упали до 12½ піастровъ. Замѣчательно что волненія умовъ въ Константинополѣ не отрицаетъ и турецкая официальная телеграмма, сообщенная въ *Journal de St.-Pétersbourg*, объясняя его только по своему, якобы неудовольствіемъ студентовъ мусульманскаго богословія противъ шейхъ-юль-ислама, который и былъ де смѣненъ султаномъ по ихъ требованію.

Можно сказать что „Восточный вопросъ" насильно рвется наружу, и при иныхъ отношеніяхъ могъ бы давно уже охватить пожаромъ Европу. Опасность и теперь велика, но она охраняется твердымъ согласіемъ трехъ сѣверныхъ державъ которое вновь показало себя на бывшихъ въ Берлинѣ конференціяхъ.

Салоникское происшествіе обнаружило разительную перемѣну во взглядахъ на Порту въ качествѣ европейской державы.

Этого качества, кажется, уже никто не признаетъ за нею. Нагляднѣе всего выразилось это въ туркофильской *Pall Mall Gazette*. Не приписывая особаго политическаго значенія Салоникскимъ убійствамъ, какъ случаю возможному и среди глубочайшаго мира, и не приводя его въ связь съ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ въ Турціи, названная газета, однако, замѣчаетъ что оно можетъ оказать *полезное* дѣйствіе если откроетъ глаза Портѣ на ея истинныя отношенія къ сѣвернымъ державамъ и убѣдитъ ее, въ виду ея собственнаго безсилія обуздывать фанатизмъ своихъ подданныхъ, въ необходимости дать серіозныя гарантіи въ исполненіи ея обѣщаній. Это говоритъ та самая газета которая недавно еще находила излишнимъ и вреднымъ дипломатическое вмѣшательство по Герцеговинскому дѣлу. Что касается газеты *Times*, которая давно уже перестала защищать турецкіе порядки, то она теперь возлагаетъ всю надежду на продолжающееся согласіе сѣверныхъ державъ, говоря что оно никогда и не могло подвергаться серіозному сомнѣнію. Западнымъ правительствамъ, по замѣчанію *Times*, придется уже имѣть дѣло съ общими предположеніями союза. Лондонскій органъ при этомъ замѣчаетъ что интересы Англіи вполнѣ могутъ быть ограждены Австріей, съ интересами коей они тождественны.

Мы, съ своей стороны, можемъ присовокупить что при этомъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо пожертвованіи со стороны интересовъ Россіи которые нынѣ тождественны съ интересами общаго мира, когда вся Европа приняла, наконецъ, русскую точку зрѣнія на состояніе подвластныхъ Портѣ христіанъ, за коихъ въ былое время ея голосъ раздавался одиноко.

Сейчасъ полученная телеграмма извѣщаетъ что французскій и италіянскій послы въ Берлинѣ уже заявили офиціально о полномъ согласіи своихъ правительствъ съ рѣшеніями Берлинской конференціи.

№ 111.

Москва, 4-го мая.

Учрежденное при Морскомъ Министерствѣ въ 1870 году особое кодификаціонное управленіе издало недавно въ свѣтъ, впрочемъ въ ограниченномъ числѣ 600 экземпляровъ, *Систематическій Сборникъ матеріаловъ для свода морскихъ постановленій*, въ пяти объемистыхъ томахъ, и *Хронологическій указатель морскихъ постановленій* за время съ 1700 по 1875 годъ, съ объяснительною къ нимъ запиской. Съ большимъ интересомъ познакомились мы съ этою громадною кодификаціонною работой, представляющею интересъ не для однихъ моряковъ, но и для всей русской публики.

Какъ оказывается изъ данныхъ приведенныхъ въ вышепомянутой „объяснительной запискѣ,“ ни одна изъ отраслей нашего законодательства не оставалась до послѣдняго времени въ такомъ хаотическомъ положеніи какъ морскія постановленія. Съ самаго основанія русскаго флота по настоящее время, одни за другими издавались по мѣрѣ надобности, тысячи морскихъ законовъ, но большею частію безо всякой связи. Мало-по-малу морскія узаконенія, накоплявшіяся безъ опредѣленной системы въ теченіе почти двухъ столѣтій, размножились до того что совокупное соображеніе ихъ сдѣлалось рѣшительно недоступнымъ. Нашими законами положительно требуется „чтобы въ каждомъ новомъ уставѣ или положеніи означаемы были, подъ статьями его, статьи Свода Законовъ къ коимъ сей уставъ или положеніе относится и болѣе или менѣе ихъ измѣняетъ,“ но исполненіе этого требованія, весьма удобное какъ относительно общихъ узаконеній, такъ и относительно военныхъ постановленій, коимъ давно составлены полные своды, постоянно встрѣчало неодолимыя препятствія при изданіи морскихъ законовъ, ибо до сихъ поръ не существовало не только свода, но и никакого систематическаго сборника дѣйствующихъ по морскому вѣдомству постановленій. При невозможности исполнять приведенное требованіе закона, новыя узаконенія по морской части заключались обыкновенно общею оговоркой что „все несогласное съ новымъ уставомъ въ прежнихъ законахъ отмѣняется, а все согласное съ нимъ остается въ своей силѣ.“ Такимъ образомъ, наряду съ выходившими одно за другимъ новыми законоположеніями, постоянно сохраняли силу, если не вполнѣ, то отчасти, не отмѣненныя формальнымъ образомъ прежнія, но какія именно,—это большею частію оставалось вопросомъ, ко-

торый каждому предоставлялось рѣшать по крайнему своему разумѣнію. А рѣшать это тѣмъ труднѣе что размноженіе морскихъ законовъ являлось не въ видѣ органическаго развитія прежнихъ постановленій, а механическимъ нагроможденіемъ новыхъ законовъ на старые, причемъ запутанность и противорѣчія въ законахъ постоянно возрастали. Дѣло дошло до того что, относительно множества морскихъ узаконеній, даже спеціалисты затрудняются съ достовѣрностью рѣшить дѣйствуютъ ли эти узаконенія или нѣтъ. Иныя узаконенія однимъ учрежденіемъ признаются дѣйствующими, другимъ—потерявшими силу. Многія постановленія на практикѣ давно перестали дѣйствовать, хотя не были формально отмѣнены, и остается неизвѣстнымъ почему и когда именно они перестали дѣйствовать; наоборотъ, есть узаконенія которыя давно уже формально отмѣнены, а между тѣмъ на практикѣ продолжаютъ дѣйствовать. Въ иныхъ случаяхъ остается вопросомъ, прежнія или позднѣйшія правила сохранили силу, такъ какъ только первыя изъ нихъ были Высочайше утверждены. Словомъ, неразрѣшимыя недоумѣнія при приложеніи къ дѣлу морскихъ узаконеній встрѣчаются на каждомъ шагу.

Непреодолимыя трудности встрѣчаются не только въ тѣхъ случаяхъ когда надобно руководиться морскими законами, но и при всякой попыткѣ ознакомиться съ ними. Масса обязательныхъ для морскаго вѣдомства узаконеній отличается крайнею разбросанностію. Регламенты, уставы, положенія и указы за время съ 1700 по 1825 годы (числомъ 1.310) разсѣяны въ 39 томахъ *Полнаго Собранія Законовъ* между 37.000 разнообразныхъ законодательныхъ актовъ. Постановленія изданныя въ послѣдующее полустолѣтіе (9.476 узаконеній на 43.000 страницахъ) помѣщены во 117 книгахъ *Собраній Морскихъ Узаненій*, издававшихся хронологически. Но мало того что трудно опознаться въ этомъ множествѣ узаконеній и отыскать между ними какія требуется,—даже полный экземпляръ сказаннаго изданія трудно найти во всемъ морскомъ вѣдомствѣ; многія важныя приложенія въ теченіе времени затерялись, и самому кодификаціонному управленію пришлось добывать ихъ какъ библіографическую рѣдкость у любителей-спеціалистовъ. Вышепомянутыми 10.786 узаконеніями дѣло не ограничивается: есть еще не мало постановленій какъ печатныхъ, такъ и *письменныхъ* (состоявшихся или вновь, или въ отмѣну, или въ дополненіе печатныхъ), обязательныхъ для морскаго вѣдомства, но не вошедшихъ ни въ *Полное Собраніе Законовъ*, ни въ *Собраніе Морскихъ Узаконеній;* постановленія эти приходится разыскивать и въ разныхъ изданіяхъ морскаго вѣдомства, и въ приказахъ портовыхъ начальствъ, и въ приказахъ Военнаго Министерства и Кавказскаго вѣдомства, и въ разныхъ дѣлахъ и архивахъ... Наконецъ, независимо отъ постановленій состоявшихся непосредственно по Морскому вѣдомству, оно обязано еще руководиться *Сводомъ Военныхъ Постановленій*, не только когда эти постановленія распространены на морское вѣдомство, но и во многихъ другихъ случаяхъ для которыхъ въ морскихъ узаконеніяхъ не имѣется указаній, а также общимъ *Сводомъ Законовъ*, не по дѣламъ только общаго государственнаго управленія, но по многимъ спеціально морскимъ вопросамъ, по которымъ узаконенія вошли прямо въ общій сводъ, часто не бывъ даже объявлены по морскому вѣдомству. Такова многосложность касающихся морскаго вѣдомства узаконеній, нагроможденныхъ одно на другое часто безъ всякой связи, до такой степени что, напримѣръ въ 1870 году, разныхъ окладовъ денежнаго содержанія морскихъ чиновъ строеваго состава насчитывалось болѣе тысячи. А между тѣмъ, при крайнемъ обиліи постановленій по другимъ частямъ, оказываются въ нашемъ морскомъ законодательствѣ довольно серіозные пробѣлы. Такъ напримѣръ, въ отдѣлахъ о поступленіи на службу и объ опредѣленіи къ должностямъ замѣчается, по отзыву Кодификаціоннаго управленія, отсутствіе самыхъ необходимыхъ постановленій, тогда какъ отдѣлъ о формѣ одежды переполненъ постановленіями и приложеніями.

Къ запутанности, противорѣчивости, разбросанности и неполнотѣ нашего морскаго законодательства присоединяется издавна допущенное въ немъ смѣшеніе разнородныхъ предметовъ въ одномъ и томъ же законодательномъ актѣ. Благодаря такому смѣшенію, постановленія объ отпускахъ офицеровъ надо искать въ положеніи объ отставкѣ нижнихъ чиновъ; узаконенія объ усиленіи средствъ Петербургскаго Порта въ постановленіи объ учрежденіи новаго

штата управленія Николаевскимъ портомъ и т. п. Но мы долго бы не кончили если-бы стали приводить всѣ аномаліи нашего морскаго законодательства, на которыя указывается въ „Объяснительной Запискѣ“ Кодификаціоннаго Управленія Морскаго Министерства.

Эти аномаліи давно уже обращали на себя вниманіе правительства, и давно уже возникла мысль положить имъ конецъ кодификаціей морскихъ постановленій. Первыя попытки такой кодификаціи относятся у насъ еще къ началу текущаго столѣтія; затѣмъ, въ теченіе семидесяти лѣтъ, кодификаціонныя работы были нѣсколько разъ возобновляемы, но вслѣдствіе частыхъ перерывовъ и другихъ причинъ, работы эти не приводили къ желаемымъ результатамъ, и до послѣдняго времени морское вѣдомство, какъ сказано, оставалось не только безъ свода, но даже и безъ систематическаго сборника морскихъ узаконеній. Наконецъ, въ 1873 году рѣшено было энергически приняться за это дѣло, и указанный недостатокъ отчасти восполненъ вышепоименованными трудами Кодификаціоннаго Управленія Морскаго Министерства. Говоримъ,—отчасти только, ибо изданъ пока не *сводъ морскихъ узаконеній*, а лишь *Систематическій Сборникъ матеріаловъ* для составленія этого свода что конечно не одно и то же. Но успѣшность подготовительной работы, оконченной съ небольшимъ въ два года, позволяетъ надѣяться на такую же успѣшность и заключительность работъ составленія свода, изданія коего съ нетерпѣніемъ ожидаютъ всѣ заинтересованные въ дѣлахъ морскаго вѣдомства.

Нѣтъ надобности распространяться о трудностяхъ и громадности работы исполненной Кодификаціоннымъ управленіемъ въ короткое относительно время. Значеніе этого труда уже оцѣнено Адмиралтействъ-Совѣтомъ, который рѣшилъ особымъ журнальнымъ постановленіемъ выразить завѣдующему кодификаціонными работами благодарность всего флота. И дѣйствительно, нельзя не признать что изданіемъ *Систематическаго Сборника* сдѣлана главная часть работы, преодолѣны главныя затрудненія составленія Свода, затрудненія происходящія отъ крайне неустроеннаго и запущеннаго положенія морскаго законодательства. Устранены разбросанность и безпорядочное нагроможденіе законовъ, и изъ нихъ дѣйствующее, по возможности, отдѣлено отъ недѣйствующаго, не только въ цѣломъ, но и въ частяхъ, причемъ установлена связь между старыми и новыми постановленіями, устранено, насколько возможно, смѣшеніе разнородныхъ предметовъ въ одномъ и томъ же законодательномъ актѣ, и всѣ узаконенія вполнѣ или отчасти сохраняющія свою силу размѣщены по удобнымъ для справокъ отдѣламъ, приблизительно тѣмъ самымъ изъ какихъ долженъ состоять ожидаемый сводъ. Самая масса узаконеній съ исключеніемъ изъ нея потерявшихъ силу, уменьшилась слишкомъ въ пять разъ, ибо изъ 10.786 морскихъ постановленій заключающихся въ *Полномъ Собраніи Законовъ* и въ *Собраніяхъ Морскихъ Узаконеній*, понадобилось внести въ *Сборникъ* лишь 1.818, съ прибавленіемъ къ нимъ 82 письменныхъ узаконеній не объявленныхъ печатно и 37 постановленій напечатанныхъ, но не вошедшихъ въ *Собранія Морскихъ Узаконеній*. Возможно правильное распредѣленіе вошедшихъ въ *Сборникъ* 1.937 узаконеній, въ особенности благодаря сдѣланнымъ при большей части ихъ многочисленнымъ ссылкамъ, указаніямъ и примѣчаніямъ, позволяютъ смотрѣть на него не только какъ на подготовительную кодификаціонную работу, но и какъ на практическое пособіе при примѣненіи къ дѣлу существующихъ морскихъ узаконеній,—что и было, отчасти, цѣлію оконченнаго нынѣ труда, впрочемъ, цѣлію лишь второстепенною и побочною. Наконецъ, сдѣланныя и въ надлежащихъ мѣстахъ *Сборника* указанія на пробѣлы и недостатки нашего морскаго законодательства, безъ сомнѣнія, должны повести во многомъ къ его пополненію и усовершенствованію, а можетъ-быть поведутъ и къ обращенію массы лишь внѣшнимъ образомъ связанныхъ узаконеній въ стройное органическое цѣлое.

№ 112.

Москва, 6-го мая.

Давно признано аксіомой что гласный судъ имѣетъ для народа высокое воспитательное значеніе, что онъ есть школа народной нравственности. Но не всякая школа есть добрая школа; не всегда оказывается такою школой и гласный судъ.

къ прискорбію, въ нашей судебной практикѣ весьма часто приходится знакомиться съ приговорами поучительность коихъ для народа болѣе чѣмъ сомнительна, и намъ не разъ приходилось воздерживаться отъ сообщенія въ печати отчетовъ о нѣкоторыхъ процессахъ, изъ опасенія что оглашеніе ихъ исхода можетъ только вносить смуту въ умы и колебать въ сознаніи грани дозволеннаго и недозволеннаго, согласнаго и несогласнаго съ требованіями общественной совѣсти. При частомъ оглашеніи подобныхъ процессовъ могло бы притупиться нравственное чувство. Но постоянно умалчивать о судебныхъ приговорахъ повергающихъ общественную совѣсть въ недоумѣніе значило бы слѣдовать примѣру Гоголевскаго Кифы Мокіевича; время отъ времени мы должны указывать на нихъ, въ надеждѣ что такія указанія могутъ повести къ какимъ-нибудь полезнымъ соображеніямъ. Въ этихъ видахъ рѣшились мы напечатать помѣщаемый ниже въ отдѣлѣ судебной хроники отчетъ о дѣлѣ Шагаева и Попова, разбиравшемся 27 апрѣля въ Московскомъ Окружномъ Судѣ.

Дѣло это, по крайней мѣрѣ по отношенію къ одному изъ подсудимыхъ, сыну коллежскаго секретаря Владиміру Попову, какъ нельзя болѣе просто. Владиміръ Поповъ служилъ прикащикомъ у купцовъ Любимовыхъ; на его рукахъ былъ складъ листоваго желѣза, на продажу коего, впрочемъ, онъ довѣренности не имѣлъ. Въ маѣ прошлаго 1875 года Поповъ вдругъ покинулъ ввѣренный ему складъ и скрылся за границу. При повѣркѣ порученнаго ему склада оказался недочетъ 6.500 пудовъ листоваго желѣза на сумму 21.000 рублей. Пробывъ нѣсколько времени за границей, Поповъ вернулся въ Москву, и минувшею осенью, 30 сентября, былъ задержанъ. И на предварительномъ, и на судебномъ слѣдствіи, онъ сознался что недостающее желѣзо растрачено имъ, что выручавшіяся за желѣзо деньги онъ сперва проигрывалъ въ карты, а потомъ сталъ расходовать и на другія свои надобности.

Такова сущность дѣла, ни въ чемъ не измѣненная ходомъ состязательнаго процесса. Ни у кого не возникало ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ что Поповъ растратилъ желѣзо, да и не могло возникнуть въ виду его собственнаго сознанія; не было также ни малѣйшаго повода думать чтобъ онъ взклепалъ на себя преступленіе растраты. Можно было, конечно, находить и въ обстоятельствахъ растраты, и въ личныхъ свойствахъ и обстановкѣ подсудимаго поводы къ болѣе или менѣе строгой оцѣнкѣ его виновности, самая же виновность его казалась внѣ спора, казалась дѣломъ яснымъ, очевиднымъ. Но вотъ судъ предлагаетъ присяжнымъ вопросъ: виновенъ ли Поповъ въ растратѣ ввѣреннаго ему желѣза на сумму свыше 300 рублей? Присяжные уходятъ въ совѣщательную камеру, долго тамъ совѣщаются и, наконецъ, старшина ихъ выноситъ постановленный ими вердиктъ: „Нѣтъ, не виновенъ...“

Судьбѣ угодно было, въ тотъ самый день когда разбиралось дѣло о растратѣ желѣза купцовъ Любимовыхъ, напомнить о другомъ подобномъ дѣлѣ — о растратѣ сахара изъ склада графа Бобринскаго, по которому, нѣкогда, въ томъ же Московскомъ Окружномъ Судѣ, тоже вопреки всякой очевидности, состоялся также оправдательный вердиктъ присяжныхъ. Дѣло о растратѣ желѣза разбиралось, какъ сказано, 27 апрѣля; 27 же апрѣля разсматривался, уже гражданскимъ порядкомъ, въ Московской Судебной Палатѣ, искъ графа Бобринскаго о растраченномъ изъ его склада сахарѣ. Совпаденіе знаменательное...

Между дѣлами о растратѣ сахара и растратѣ желѣза много сходнаго во всей ихъ постановкѣ, но есть и нѣкоторое различіе. Чтобъ отмѣтить его, позволимъ себѣ припомнить главныя черты перваго изъ этихъ дѣлъ, на которое въ свое время мы обращали вниманіе читателей.

Въ складѣ графа Бобринскаго оказался недочетъ 543 бочекъ сахара на сумму около 70.000 рублей. Складъ былъ порученъ въ полное завѣдываніе капитану Алексѣеву, который имѣлъ при себѣ прикащикомъ мѣщанина Краснопѣвцева. Оба эти лица вполнѣ признали фактъ растраты. Капитанъ Алексѣевъ самъ увѣдомилъ о ней графа Бобринскаго, правда, въ то время когда уже не было возможности далѣе скрывать ее, когда въ складѣ не было ни бочки сахара, въ кассѣ ни копѣйки денегъ, а между тѣмъ предстояли неотложные платежи. Алексѣевъ и Краснопѣвцевъ оба одинаково признавали что складъ находился въ полномъ ихъ завѣдываніи, что никто посторонній не могъ распоряжаться въ немъ, такъ что растрата могла быть сдѣлана только ими, или

однимъ изъ нихъ. Оба они признавали свою виновность въ дѣлѣ и только главную тягость вины перебрасывали другъ на друга. Алексѣевъ признавалъ что онъ своею небрежностью, лѣнью и чрезмѣрнымъ довѣріемъ ко Краснопѣвцеву допустилъ послѣдняго распродать въ свою пользу почти весь складъ. Краснопѣвцевъ же утверждалъ что онъ отдавалъ деньги за проданный сахаръ капитану Алексѣеву, который и употребилъ деньги на свои надобности, а онъ, Краснопѣвцевъ, растратилъ лишь 14 или 11 бочекъ сахара, чтобы поправить свою биржевую игру, и что эта растрата была извѣстна Алексѣеву, согласившемуся ждать деньги за эти растраченныя 11 или 14 бочекъ.

Какъ могутъ видѣть читатели даже изъ этого краткаго изложенія, дѣло о растратѣ сахара было многосложнѣе дѣла о растратѣ желѣза. Какъ ни велика была масса и сила уликъ противъ подсудимыхъ, но присяжные въ нѣкоторой степени могли колебаться по крайней мѣрѣ въ томъ кого признать главнымъ виновникомъ растраты. Сознаніе въ виновности у обоихъ подсудимыхъ было неполное. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить себѣ состоявшееся по этому дѣлу оправданіе обоихъ подсудимыхъ. Въ дѣлѣ о растратѣ желѣза не было повода ни къ какимъ колебаніямъ. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ что растрата сдѣлана именно тѣмъ лицомъ которое обвинялось, и со стороны его имѣлось полное признаніе своей виновности.

Далѣе, если присяжные не признали никого виновнымъ въ растратѣ 532 бочекъ сахара, относительно коихъ подсудимые сваливали вину растраты одинъ на другаго, то по крайней мѣрѣ относительно 11 бочекъ, въ растратѣ коихъ прямо сознался Краснопѣвцевъ, они не пошли противъ этого сознанія и признали его виновнымъ въ растратѣ этихъ 11 бочекъ, хотя и постановили что эта растрата сдѣланная подсудимымъ (далеко не юношей), по его сознанію, для биржевой игры, сдѣлана имъ по легкомыслію. Въ дѣлѣ о растратѣ желѣза на прямое сознаніе уже вовсе не обращается вниманія. Не оказывается даже нужнымъ указывать на легкомысліе для смягченія вины подсудимаго (можетъ-быть потому что растрата сдѣлана имъ не для биржевой, а для карточной игры). Онъ выходитъ изъ суда вполнѣ оправданнымъ.

Два съ половиной года отдѣляющіе по времени приговоръ по растратѣ сахара отъ приговора по растратѣ желѣза прошли не даромъ. Осенью 1873 года растрата чужой собственности для своей биржевой игры если и не признавалась дѣломъ особенно преступнымъ, то по крайней мѣрѣ считалась предосудительнымъ легкомысліемъ, хотя и слабо, но все же караемымъ. Весною текущаго 1876 года проигрыванье въ карты чужаго имущества и вообще употребленіе его на свои потребности оказываются уже поступками вовсе не подлежащими карѣ закона... Въ самыхъ воззрѣніяхъ публики на нарушеніе элементарныхъ требованій справедливости въ судебныхъ приговорахъ уже начинаетъ сказываться поворотъ къ худшему. Мы еще помнимъ какое сильное впечатлѣніе было произведено исходомъ дѣла о растратѣ сахара,—впечатлѣніе близкое ко взрыву негодованія. Дѣло о растратѣ желѣза проходитъ почти незамѣченнымъ. Что же видите вы въ немъ необыкновеннаго? спросилъ насъ на дняхъ одинъ почти ежедневный посѣтитель судебныхъ засѣданій...

Какое значеніе могутъ имѣть для общества подобные приговоры, необъяснимые по своей неожиданности, по своему полному противорѣчію съ обстоятельствами дѣла? Какой урокъ общественной нравственности должна была вынести изъ залы суда присутствовавшая въ немъ публика?

Подсудимый оправданъ, и долженъ считаться по суду оправданнымъ. Но почему онъ оправданъ, это остается неизвѣстнымъ. Тайна приговора присяжныхъ остается для общества тайною. Надобно думать,—и мы не можемъ не думать этого,—что эти двѣнадцать человѣкъ, подъ гнетомъ только что данной ими присяги, слѣдили за всѣми обстоятельствами дѣла съ напряженнымъ вниманіемъ и подмѣчали въ немъ черты которыя могли ускользнуть отъ остальной публики. Были же,—конечно были!—какія-нибудь побужденія, сказавшіяся въ совѣсти присяжныхъ, когда они, по выслушаніи всего дѣла и удалившись въ свою камеру, окончательно обсуждали его, подъ клятвенною отвѣтственностію предъ Богомъ. Каждый случай имѣетъ свою физіономію, каждый случай есть индивидуальность. Что въ данномъ случаѣ шевельнулось въ совѣсти присяжныхъ, что сказалось въ ней такъ побудительно и сильно что они постановили свой приговоръ вопреки очевид-

ности и собственнаго сознанія подсудимаго? Что-нибудь же было... Но, къ сожалѣнію, это священнодѣйствіе совершилось въ тайнѣ, и никто въ эту тайну проникнуть не можетъ. Публика осталась при мертвомъ тѣлѣ приговора, а душа его возлетѣла на небо не открывъ и не показавъ себя никому. Вотъ въ этомъ-то и бѣда, и мы готовы сѣтовать на то что характеромъ института присяжныхъ не требуется мотивированіе приговоровъ. Можетъ-быть, одно объяснительное слово со стороны присяжныхъ успокоило бы общественную совѣсть, примирило бы ее съ приговоромъ и поставило бы внѣ всякаго сомнѣнія его справедливость. Присяжные, будучи обязаны мотивировать свой приговоръ, серіознѣе чувствовали бы свою отвѣтственность, и общественная нравственность была бы болѣе обезпечена отъ потрясающихъ ее ударовъ. Во всякомъ случаѣ, было бы ясно какъ мотивируется рѣшеніе вопросовъ нравственнаго свойства, въ чемъ зло, и какія воззрѣнія господствуютъ въ общественной средѣ изъ которой берутся присяжные.

№ 113.

Москва, 6-го мая.

Событія на Востокѣ идутъ быстро. Судя по телеграммамъ, тревога внезапно возбужденная Салоникскимъ злодѣяніемъ и одновременными съ нимъ безпокойными вѣстями изъ Константинополя уже нѣсколько улеглась. Послѣ непонятнаго десятидневнаго промедленія, въ Салоники высланы наконецъ изъ Константинополя войска, безъ коихъ повидимому власти не рѣшались дѣйствовать, и затѣмъ приняты рѣшительныя мѣры для наказанія виновныхъ въ убійствѣ консуловъ. Началось слѣдствіе, арестовано болѣе полусотни лицъ, и шестеро изъ нихъ уже казнены публично при „довольно возбужденномъ настроеніи населенія," какъ гласитъ полученная вчера телеграмма. Правда, эти казненныя лица принадлежали къ низшимъ классамъ мусульманскаго населенія, но слѣдствіе продолжается съ цѣлью, какъ обѣщаютъ, открытія „участниковъ и подстрекателей высшаго разряда." Европейскіе кабинеты въ правѣ настоять чтобы слѣдствіе не ограничилось этимъ: должны быть также раскрыты причины бездѣйствія властей и по чьей винѣ или по чьему внушенію не было обращено вниманія на заранѣе дѣлавшіяся предостереженія консулами объ опасномъ возбужденіи умовъ мусульманскаго населенія. Но на первыхъ порахъ важно уже и то что наложена нѣкоторая узда на буйный фанатизмъ мусульманской черни, и что лица власть имѣющія въ имперіи не осмѣливаются далѣе разжигать его для своихъ цѣлей.

Не можетъ подлежать сомнѣнію что быстрыя мѣры принятыя державами, немедленное отправленіе цѣлаго флота европейскихъ эскадръ въ турецкія воды какъ въ Салоники, такъ и въ подкрѣпленіе судовъ находящихся въ распоряженіи пословъ въ Константинополѣ, не могли не произвести отрезвляющаго дѣйствія и не заставить замолкнуть неразумные совѣты въ Портѣ. Еще болѣе отрезвляющее дѣйствіе должны были произвести на нее Берлинскія совѣщанія коими устранены всякія сомнѣнія о какой-либо розни между сѣверными державами. На этихъ совѣщаніяхъ, къ коимъ подало удобный поводъ кратковременное пребываніе Государя Императора въ Берлинѣ, безъ сомнѣнія, приходилось обсудить турецкія затрудненія съ различныхъ точекъ зрѣнія, въ особенности въ виду новой фазы ихъ обнаруженной Салоникскимъ событіемъ и тревожными вѣстями изъ Константинополя, и единомысліе кабинетовъ оказалось столь полное что совѣщанія канцлеровъ вовсе не потребовали времени, и рѣшеніе принятое ими немедленно сообщено представителямъ прочихъ державъ. Содержаніе постановленныхъ условій, какъ было заявлено въ воспроизведенной нами вчера замѣткѣ *Journal de St.-Pétersbourg*, рѣшено пока соблюдать въ тайнѣ, но, справедливо указываетъ названная газета, „и на этотъ разъ прибытіе Императора Александра въ столицу Германіи, оказавшую Его Величеству столь радушный и вмѣстѣ столь восторженный пріемъ, было сигналомъ къ успокоенію, которому громко радуются всѣ друзья мира и цивилизаціи." Вслѣдствіе вновь подтвердившагося довѣрія общественнаго мнѣнія Европы къ согласію державъ въ дѣлахъ Востока, по словамъ той же газеты, возможно гораздо съ меньшимъ опасеніемъ чѣмъ нѣсколько дней тому назадъ смотрѣть на министерскую перемѣну происшедшую въ Константинополѣ.

Нельзя, конечно, думать чтобы турецкіе

министры, какія бы партіи ни распоряжались властью въ Константинополѣ, могли рѣшиться идти прямо наперекоръ согласнымъ желаніямъ трехъ сѣверныхъ державъ. А потому остается непонятнымъ при какихъ побужденіяхъ и вліяніяхъ совершились послѣднія министерскія перемѣны въ Константинополѣ, которыя въ первое время могли возбудить опасеніе не возобладали ли тамъ въ самомъ дѣлѣ воинственныя настроенія могущія грозить опасностями для всеобщаго мира. Опасенія не оправдались, и волненіе въ самомъ Константинополѣ, повидимому, улеглось; но нѣкоторыя указанія и совпаденія оставляютъ обширное поле для предположеній о его причинахъ. За нѣсколько времени предъ тѣмъ ходили слухи что Порта, ссылаясь на отказъ инсургентовъ довѣриться обѣщаніямъ исторгнутымъ у нея дипломатіей, считаетъ всякіе переговоры оконченными и намѣрена дѣйствовать рѣшительно, а чтобы пресѣчь въ самомъ корнѣ причину смутъ въ Герцеговинѣ и Босніи, готовится къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Черногоріи и Сербіи. Тогда, по инициативѣ Россіи, представители державъ поспѣшили удержать Порту отъ необдуманнаго шага. Дѣйствительно, въ то время какъ въ Герцеговинѣ турецкіе полководцы были безсильны показать себя рѣшительными дѣйствіями, значительные турецкіе лагери, около 40.000 войскъ въ каждомъ, формировались въ Скутари, въ Албаніи, и въ Виддинѣ въ Болгаріи, и послѣдній изъ нихъ былъ посѣщенъ корреспондентомъ *Times*, ѣздившимъ туда изъ Бѣлграда и отозвавшимся съ большою похвалой о турецкихъ солдатахъ и съ сожалѣніемъ что они не имѣютъ хорошихъ офицеровъ и полководцевъ. Удержавъ еще прошедшею осенью воинственный пылъ въ княжествахъ, населенія коихъ рвались всею массой на помощь Герцеговинскимъ братьямъ, державы считали себя нравственно обязанными наложить подобное *veto* и на Турцію. Что же могло внушить Портѣ мысль что намѣренія державъ измѣнились? Она, какъ теперь извѣстно, рѣшилась обратиться къ державамъ съ циркулярною нотой настаивавшею на необходимости для нея объявить войну Черногоріи. Вѣроятно этимъ имѣлось въ виду испытать отношенія кабинетовъ. Британскій кабинетъ заявилъ съ своей стороны что, по его мнѣнію, державамъ не слѣдуетъ удерживать Турцію отъ этого шага, и даже не мѣшаетъ ей самимъ предпринять военную демонстрацію противъ Черногоріи! Корреспондентъ берлинской газеты *National-Zeitung*, сообщая это извѣстіе, присовокупляетъ что шагъ графа Дарби оказался вполнѣ неудачнымъ, такъ какъ даже Италія и Франція поспѣшили присоединиться къ противоположному предложенію исходившему отъ Россіи. Извѣстно что именно въ то время сильнѣе чѣмъ когда-либо шла рѣчь въ англійскихъ газетахъ и корреспонденціяхъ о радикальныхъ разногласіяхъ между Австріей и Россіей. Толковъ этихъ конечно не могли не знать въ Константинополѣ когда ими почти ежедневно переполнялись газеты. Очевидно, только рознь между державами и могла внушить ей смѣлость. Тайная мысль что Порта успѣетъ рѣшительнымъ маневромъ испугать дипломатію ожидаемыми послѣдствіями общихъ замѣшательствъ, пристращаетъ княжества лишеніемъ охраны ихъ независимости, вселитъ отчаяніе въ населенія возставшихъ провинцій и такимъ образомъ окончитъ возстаніе водвореніемъ въ нихъ вновь спокойствія могилы которое дало бы возможность турецкимъ правителямъ вздохнуть свободно, а англійскимъ владѣльцамъ турецкихъ облигацій получить въ счетъ процентовъ крупицу тѣхъ суммъ что идутъ теперь на военныя издержки. Немѣшаетъ припомнить что еще съ конца прошлаго года туркофильскія лондонскія газеты *Pall Mall Gazette*, *Morning Post*, *Standard*, смотрѣвшія съ неудовольствіемъ на дипломатическое вмѣшательство, постоянно говорили что султанъ, доведенный до крайности непрошенными совѣтами, можетъ наконецъ сказать *non possumus*, что онъ не можетъ идти наперекоръ мнѣнію своихъ вѣрныхъ подданныхъ, что насильная опека надъ нимъ можетъ только вызвать усиленіе мусульманскаго фанатизма.

Трудно сказать дѣйствительно ли могли желать въ Англіи такого заявленія рѣшимости со стороны султана, но повидимому и тамъ испугались вызваннаго призрака. Салоникскія убійства показали какъ опасно шутить съ фанатизмомъ чтобы пугать имъ другихъ. Они застали англійскую публику врасплохъ. Случились они 6 мая нов. ст., а мы имѣемъ англійскія газеты отъ 13, и за всю недѣлю объ этомъ событіи, взволновавшемъ всю Европу, не было произнесено ни слова въ англійскихъ палатахъ.

Кровавое событіе случилось въ Турціи, гдѣ Англія такъ дорожитъ поддержаніемъ своего вліянія, и въ теченіе недѣли никѣмъ не было сдѣлано запроса о немъ въ Англійскомъ парламентѣ, такъ интересующемся дѣлами всего міра и недавно еще разсуждавшемъ о Кокансхихъ дѣлахъ. Что же это значитъ? Неужели то что интересы Англіи на Востокѣ расходятся съ интересами всей остальной христіанской Европы? Не подаетъ также никакихъ признаковъ жизни и пресловутая Лондонская христіанская лига на помощь Турецкимъ христіанамъ, которая такъ недавно интересовала насъ своею хлопотливостью на пользу восточныхъ христіанъ. Англійская печать не могла вовсе промолчать о Салоникскомъ происшествіи, но всю недѣлю говорила о немъ весьма мало, гораздо болѣе интересуясь французскими и испанскими дѣлами. Это конечно, доказываетъ не равнодушіе, а нерѣшимость что сказать. Полученныя сегодня газеты наполнены еще тревожными телеграммами конца прошедшей недѣли,—и какія же сужденія вызываютъ онѣ? *Standard* заявляетъ что пока императоры совѣщаются, власть султана надъ его подданными парализуется, и нечего де удивляться что онъ теряетъ контроль надъ фанатическою частью населенія. Газета же *Times* признаетъ, хотя она объ этомъ прежде молчала, что возбужденіе фанатизма низшихъ классовъ въ Турціи давно было извѣстно, что Салоникскій взрывъ усилилъ волненіе, и что понятно де что угрозы мусульманъ возбуждаютъ тревогу въ Константинополѣ. Но она не опасается священной войны противъ невѣрныхъ потому что это было бы невыгодно для самихъ мусульманъ. „Ничего болѣе де было бы нужно чтобы соединить вновь три императорскія правительства. Три канцлера покончили бы совѣщанія въ Берлинѣ въ одинъ присѣстъ. Политика приписываемая Россіи одержала бы верхъ неотразимою силой событій. Послѣднее вниманіе къ независимости султана, всѣ колебанія причиняемыя различіемъ взглядовъ, и можетъ быть взаимнымъ недовѣріемъ, исчезли бы предъ абсолютною необходимостью положить сразу конецъ преступленіямъ варварской орды.“ И послѣ этого осужденія „варварской орды,“ *Times* серіозно аргументируетъ что даже фанатизмъ ислама не можетъ обезпечивать военнаго успѣха въ наше время. Но неужели и это достойно сожалѣнія? И къ чему опять этотъ подозрительный намекъ на политику Россіи и опасеніе чтобъ она не одержала верхъ, какъ будто можетъ быть колебаніе на выборахъ между политикой Россіи и фанатизмомъ ислама?..

№ 114.

Москва, 7-го мая.

Недавно вышедшая книжка *Херсонскаго Земскаго Сборника* свидѣтельствуетъ о печальномъ экономическомъ положеніи въ которое повергнутъ Херсонскій уголъ Новороссіи неурожаями, и даетъ чувствовать приближеніе сельско-хозяйственнаго кризиса, который виситъ надъ краемъ назначеннымъ отъ природы быть житницей Россіи. Вотъ какими чертами рисуетъ земскій отчетъ настоящее сельско-хозяйственное положеніе губерніи: „Неблагопріятный урожай 1874 года, послѣдовавшій непосредственно за полнымъ неурожаемъ предыдущаго года, сильно повліялъ на экономическій бытъ народонаселенія. Подати и повинности не уплачивались; срочные платежи въ банки по залогамъ имѣній не вносились; имѣнія были назначаемы въ продажу, но покупщиковъ не было, вслѣдствіе чего дѣлались отсрочки въ платежахъ. Но эти отсрочки отдаляли только время продажи имѣній... Положеніе (крестьянъ) въ мѣстностяхъ уже нѣсколько лѣтъ страдавшихъ отъ неурожая ухудшилось... Матеріальное благосостояніе края пошатнулось, упало; семидесятые годы, если не неурожаями, то падежами скота, въ корнѣ подорвали благосостояніе Херсонской губерніи и грозятъ ей серіознымъ кризисомъ.“ Вотъ обычные возгласы въ Херсонскихъ земскихъ отчетахъ (см. октябр. книжку *Херсонск. Земск. Сборн. 1875 г.* стр. 10 и друг.). Истекшій 1875 годъ не далъ облегченія губерніи; напротивъ, легъ на нее всею тяжестью неурожая, охватившаго почти все ея пространство, всѣ шесть уѣздовъ. По словамъ отчета, во многихъ пунктахъ губерніи не было собрано ни зерна, и населенію приходилось въ иныхъ мѣстамъ питаться кулешомъ изъ мышея или изъ запаленнаго проса. Во многихъ мѣстностяхъ было собрано по полупуду пшеницы и ржи съ десятины, а въ иныхъ мѣстахъ Елисавет-

градскаго уѣзда даже по четверти пуда!

Несмотря на то что Херсонскому земству пришлось въ 1873 году выдать въ ссуду населенію на продовольствіе сумму въ 308.385 р., а въ 1874 году, за истощеніемъ губернскаго продовольственнаго капитала, сдѣлавъ заемъ изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала въ 180.000 р., раздать въ ссуду 226.771 р. и 25.574 р. (не считая копѣекъ), въ видѣ безвозвратныхъ пособій, оно и на этотъ разъ напрягло всѣ силы своего капитала и кредита на помощь населенію.

Исчисливъ приблизительно сумму пособій пострадавшимъ отъ неурожая въ 225.000 руб., земство рѣшаетъ: а) истратить 74.751 руб. изъ пожертвованій и продовольственныхъ суммъ; б) ходатайствовать о ссудѣ 50.000 р. изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала, а въ случаѣ недостаточности этого просить о дополнительномъ кредитѣ; в) дѣлать населенію разсрочки земскихъ ссудъ прежняго времени; г) ходатайствовать о разсрочкѣ обществамъ и лицамъ, пострадавшимъ отъ неурожая, ссудъ изъ общаго продовольственнаго капитала, выкупныхъ платежей, государственныхъ податей и повинностей до урожая нынѣшняго 1876 года, а для Тираспольскаго уѣзда выкупныхъ платежей; д) просить о продолженіи подписки въ пользу пострадавшихъ мѣстностей какъ Тираспольскаго, такъ и другихъ уѣздовъ, и наконецъ, е) по ходатайству уѣздныхъ земскихъ собраній слагать съ землевладѣльцевъ пеню за невзносъ земскихъ сборовъ.

Изъ этого перечня видно что земство не оставило не тронутымъ ни одного изъ извѣстныхъ источниковъ помощи населенію, открыло ему разнообразныя средства перенести тяжесть неурожайнаго года безъ разстройства хозяйства, безъ продажи необходимыхъ принадлежностей. Нельзя не одобрить этой энергіи; но въ виду этихъ мѣръ, невольно начинаешь бояться за будущность насел ній. Что если эти неурожаи будутъ идти одинъ за другимъ непрерывною чередою? Послѣдніе годы показываютъ что холодъ весною, засуха лѣтомъ, выбиванье зерна изъ колосьевъ жучками и ихъ компаніей, ливни во время уборки хлѣба и пр. пріобрѣтаютъ въ Новороссіи роковую осѣдлость. Что же если неурожаи будутъ изъ года въ годъ требовать ссудъ населенію, отсрочки государственныхъ податей и земскихъ повинностей, что если эти долги населенія, возрастающіе въ ужасающей прогрессіи, подавятъ своею тягостью обѣднѣвшее крестьянство, что если земельная собственность въ благословенномъ горномъ краѣ падетъ до крайняго предѣла?— не превратятся ли тогда всѣ эти ссуды и отсрочки въ тѣ безвозвратныя пособія, какія земство даетъ только неспособнымъ къ работѣ дѣтямъ, старикамъ и больнымъ, не станетъ ли весь край одною громадною богадѣльней, содержимою на милостыню именуемую теперь ссудой и отсрочкой? Не обанкротится ли и само земство, подавленное долгами и за крайнею бѣдностью населенія лишенное своихъ доходовъ? Но это не все. Не станетъ ли наконецъ неспособнымъ къ труду и заработкамъ самый народъ привыкнувъ легко получать подачки подъ разнообразными наименованіями? Вотъ вопросы которые возникаютъ и будутъ возникать пока край не будетъ обезпеченъ отъ общихъ бѣдствій рядомъ радикальныхъ мѣръ, долженствующихъ сдѣлать излишними и ссуды, и безвозвратныя пособія.

Въ прошломъ году, въ средѣ самаго Херсонскаго земства, уже стало порождаться сознаніе опасности проистекающей отъ постоянной легкой помощи населеніямъ, помощи которая грозитъ со временемъ превратиться въ даровую раздачу хлѣба. Губернская управа, докладывая собранію о мѣрахъ къ обезпеченію населенія по неурожаю, обращаетъ вниманіе представителей земства на то что Херсонское уѣздное земское собраніе отвергло надобность въ ссудѣ, а одинъ изъ губернскихъ гласныхъ свидѣтельствовалъ что на этомъ собраніи даже гласные изъ крестьянъ заявили: „ради Бога не давайте нашимъ односельцамъ ссуды. Вы этимъ ихъ портите. Они разчитываютъ на то что вы дадите, не имѣя понятія сколько, и думаютъ что вы обязаны дать, сколько потребуется. Вслѣдствіе этого они не хотятъ никуда наниматься и ставятъ себя въ ложное положеніе.“ Другой изъ губернскихъ гласныхъ передавалъ заявленія одного изъ волостныхъ старшинъ что онъ въ своемъ обществѣ гналъ крестьянъ на работы такъ какъ они не платили своихъ долговъ, а крестьяне говорили: „мы не пойдемъ — намъ де земство поможетъ.“

Еще болѣе обращаютъ на себя вниманія факты приведенные въ докладѣ гу-

бернской управы объ особенныхъ мѣрахъ по обезпеченію продовольствія Щербановской волости Елисаветградскаго уѣзда. Управа предложила подрядившемуся на ломку камня для Очаковской крѣпости г. Эйсмонту пріобрѣсти на эту работу людей изъ названной волости, при посредствѣ самой же управы. Г. Эйсмонтъ выразилъ желаніе взять даже свыше 500 человѣкъ; для опредѣленія же выгодности предлагаемыхъ имъ условій просилъ управу, совмѣстно съ представителями Щербановской волости, осмотрѣть каменоломни, на которыхъ въ то время шли работы. Выборнымъ отъ волости г. Эйсмонтъ предлагалъ дать рабочимъ помѣщеніе, свой инструментъ и 3 руб. 50 коп. отъ сажени набитаго камня; а по свѣдѣніямъ управы рабочимъ въ 4 дня набивается $1\frac{1}{2}$ сажени. Послѣ различныхъ непринятыхъ требованій уполномоченные волостью просили 14 руб. въ мѣсяцъ на своемъ продовольствіи или 7 рублей на продовольствіи нанимателя. Такъ какъ это не оказалось выгоднымъ для г. Эйсмонта, то управа предлагала гарантировать для 20 человѣкъ потребованныя волостными уполномоченными условія. Но и послѣ этого на работы никто изъ волости не явился. Нѣкоторые изъ земскихъ гласныхъ замѣтили въ крестьянахъ означенной волости нежеланіе идти на какія бы то ни было работы. Членъ управы, Хондаковъ командированный для раздачи пособій говоритъ въ своемъ заявленіи слѣдующее: „вообще замѣчено мною что жители Щербановской волости народъ нерадивый и избалованный вспомоществованіемъ земства; мнѣ передавали люди зажиточные что, несмотря на бѣдственное положеніе, трудно имѣть рабочихъ въ настоящее время менѣе 40 копѣекъ въ день; между тѣмъ какъ вблизи Елисаветграда можно имѣть сколько угодно рабочихъ по 30 копѣекъ; а жители этой мѣстности не находятся въ такомъ положеніи.“ Священникъ Коробиновичъ высказалъ слѣдующее мнѣніе о крестьянахъ Троицкаго села: „нечего говорить что жители этого села безвозвратными и другими пособіями совершенно избалованы. Они, зная что отпущены деньги на покупку провіанта и разчитывая весною опять получить въ ссуду хлѣбъ для обсѣмененія полей, предались совершенной безпечности. Выходить на работу въ Очаковъ никто и не думаетъ, о чемъ кажется уже составленъ приговоръ. У насъ на мѣстѣ есть работа на цѣлую зиму... но бо́льшая часть, считая себя на будущее время обезпеченными, не хотятъ идти на работы... Вотъ жители села Троицкаго, которые предъ членами управы кричатъ: „давайте намъ работу, а то умремъ съ голоду! Между тѣмъ шинокъ отъ давки скоро, кажется треснетъ.“

Что́ же дѣлать? Надобно поднимать естественныя условія благосостоянія края, и принимать мѣры къ тому чтобъ энергія труда его населеній не ослабѣвала—что́ было бы довершеніемъ всѣхъ его бѣдствій,—а напротивъ, возрастала и возвышалась. И надобно спѣшить этимъ, надобно не жалѣть на это средствъ. Облѣсеніе и обводненіе края,—вотъ всѣми признанная потребность края, вотъ условіе, безъ котораго нашъ югъ предназначенный быть неистощимымъ источникомъ богатства Россіи, будетъ только изнурять и истощать ее. Развитіе промышленности и разработка его естественныхъ богатствъ,—вотъ дальнѣйшее условіе съ помощью котораго наше отечество владѣя громадными пространствами на югѣ, будетъ въ состояніи соперничать съ богатѣйшими странами Европы. Всякая затрата въ этомъ направленіи будетъ благодарна, изумитъ нашихъ потомковъ своею производительностью, и даже на глазахъ живущихъ поколѣній окупится съ лихвою. Наконецъ, для того что́бы теперь бороться съ нуждой губительно посѣщающею этотъ край, слѣдуетъ озаботиться хорошею и правильною организаціей мелкаго земскаго кредита, на что́ гораздо плодотворнѣе могли бы быть употреблены земскія средства расточаемыя на даровыя пособія, которыя, не спасая населенія отъ нужды, губятъ ихъ еще болѣе чѣмъ естественныя бѣдствія развращая ихъ и подрывая въ нихъ нравственную силу труда.

№ 115.

Москва, 8-го мая.

А.

Намъ приходится во второй разъ за нѣсколько дней остановить вниманіе читателей на оправдательномъ приговорѣ присяжныхъ вопреки несомнѣнности престу-

пленія и сознанія въ немъ обвиняемаго. На этотъ разъ рѣчь идетъ о дѣлѣ разбиравшемся въ Петербургѣ 28 апрѣля, краткій отчетъ о коемъ читатели найдутъ ниже. Обвинялась молодая женщина-актриса въ покушеніи на убійство жены своего любовника въ ту минуту когда послѣдній, тяготясь узами незаконной связи, сошелся вновь со своею женой. Обвиняемая всячески старалась воспрепятствовать примиренію супруговъ и еще прежде грозила убійствомъ своей соперницы. Въ день преступленія она купила и отточила бритву которая и послужила ей орудіемъ преступленія; сю она нанесла ночью своей спящей жертвѣ нѣсколько ранъ въ шею которыя признаны были врачомъ весьма опасными. Сама обвиняемая вполнѣ сознавала значеніе нанесенныхъ ею ранъ и безъ малѣйшихъ признаковъ раскаянія говорила прибѣжавшему на помощь мужу жертвы: „съ нею я покончила; я ей перерѣзала сонную артерію; теперь она не встанетъ.“ При слѣдствіи обвиняемая созналась во всемъ, разказала до мельчайшихъ подробностей все случившееся до и во время преступленія, объясняя оное неукротимымъ чувствомъ ревности. Казалось бы что въ виду наличности полнаго сознанія, а также побужденія къ преступленію, немыслимо было возбужденіе вопроса объ умоизступленіи. Тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ былъ возбужденъ еще при предварительномъ слѣдствіи, и обвиняемая подвергнута испытанію черезъ врачей-психіатровъ. Вызванные на судъ въ качествѣ экспертовъ, жрецы науки раздѣлились во мнѣніяхъ. Двое изъ нихъ высказались безусловно за полную вмѣняемость, а трое остальныхъ находили что преступленіе совершено въ „психическомъ аффектѣ,“ причемъ главнымъ основаніемъ этого мнѣнія послужили показанія свидѣтельствовавшія что родственники обвиняемой въ восходящей и боковыхъ линіяхъ „пили горькую.“ Эта разнорѣчивая экспертиза послужила богатымъ матеріаломъ какъ для обвиненія, такъ и для защиты. Масса словъ была потрачена съ той и другой стороны чтобы подорвать довѣріе къ обоюдному заключенію психіатровъ. „Послѣднее слово“ науки психіатріи было выдвинуто защитой на основаніи новѣйшихъ и лучшихъ трудовъ по этой части, изученныхъ *ad hoc* защитникомъ. Обвиненіе, хотя и мало пользовалось „литературой предмета,“ но имѣло однако за себя авторитетъ двухъ извѣстныхъ въ Петербургѣ психіатровъ и, сверхъ того, здравый смыслъ. Судебно-научное пререканіе не мало затруднило задачу присяжныхъ; но они вышли изъ затрудненія побѣдоносно; они разрубили Гордіевъ узелъ, находя вѣроятно что съ точки зрѣнія психіатріи „оба правы.“ Присяжные нашли возможность вовсе обойти этотъ вопросъ. Имъ поставлены были четыре вопроса: два о событіи преступленія, изъ коихъ въ одномъ оно характеризовалось какъ заранѣе обдуманное, а во второмъ какъ совершенное въ запальчивости и раздраженіи, третій вопросъ относился до состоянія вмѣняемости и, согласно закону, требовалъ признанія точно доказаннаго припадка умоизступленія. Наконецъ, по четвертому вопросу должно было признать виновность или невиновность подсудимой въ случаѣ отрицанія припадка умоизступленія. Такая постановка вопросовъ, сказать мимоходомъ, кажется намъ довольно странною. Вопросъ о событіи преступленія (1 и 2 вопросы) выдѣленъ изъ вопроса о виновности (4 вопросъ) не потому чтобы событіе это подвергалось сомнѣнію, а въ виду вопроса о состояніи вмѣняемости (3 вопросъ). Но какимъ же образомъ, прежде чѣмъ рѣшенъ этотъ вопросъ, можетъ быть рѣчь объ обдуманномъ заранѣе намѣреніи, или о запальчивости и раздраженіи? Неужели возможно совершать преступленіе въ умоизступленіи и притомъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ? Очевидно что въ данномъ случаѣ надлежало разбить на два не вопросъ о фактѣ, а вопросъ о виновности, и уже къ этому послѣднему отнести признакъ обдуманности или запальчивости.

Намъ неизвѣстно насколько усложнилось затрудненіе присяжныхъ этою несообразностью въ вопросахъ. Но они храбро превозмогли всѣ затрудненія, и на первые два вопроса (въ коихъ еще нѣтъ рѣчи о виновности) отвѣтили, *нѣтъ, невиновна*, и тѣмъ упразднили остальные вопросы. Подсудимая признана по суду оправданною. Нашлись лица въ средѣ публики которыя вздумали аплодировать этому приговору, но большинство присутствовавшихъ заглушили аплодисменты дружнымъ шиканьемъ.

Хорошо и то что, по свидѣтельству одной изъ петербургскихъ газетъ, публика отнеслась несочувственно къ приговору столь безцеремонно отвергнувшему самый фактъ преступленія о которомъ не могло

возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія, причемъ нельзя объяснить этого противорѣчія между истиной и приговоромъ тѣмъ что для присяжныхъ, не желавшихъ осудить подсудимую, не было иного выхода. Они могли признать умоизступленіе, и тогда можно было бы допустить что происходившій предъ ними споръ психіатровъ породилъ въ нихъ сомнѣніе, и они, слѣдуя основному правилу уголовнаго правосудія, истолковали сомнѣніе въ пользу обвиняемой.

Въ фельетонѣ одной изъ петербургскихъ газетъ поясняется что этотъ приговоръ присяжныхъ состоялся вслѣдствіе раздѣлившихся по-ровну голосовъ, и что главными мотивами оправданія послужили, вопервыхъ, сострадапіе къ подсудимой, вовторыхъ, то что преступленіе ея не имѣло никакихъ послѣдствій для потерпѣвшей, которая вскорѣ вполнѣ выздоровѣла, и наконецъ, втретьихъ, то что подсудимая находилась около года подъ стражей.

Мы бы, можетъ-быть, удовольствовались вышеприведеннымъ объясненіемъ, которое фельетонистъ приводитъ не въ видѣ догадки, „а изъ вѣрнаго источника." Но все это сообщено въ фельетонѣ, а въ передовой статьѣ той же газеты, появившейся на другой день послѣ окончанія дѣла Каировой, приговоръ присяжныхъ превознесенъ до небесъ какъ такой коимъ подтверждается высокое превосходство суда присяжныхъ надъ всякими другими формами суда. „Еще одинъ приговоръ присяжныхъ," такъ начинается статья, „разумный, гуманный, справедливый, и притомъ приговоръ по дѣлу въ которомъ коронные судьи, завзятые юристы запутались бы пожалуй въ дебряхъ всякихъ теорій, научныхъ вопросовъ и всевозможныхъ соображеній." И далѣе: „Читая обвинительный актъ, слушая показанія свидѣтелей, экспертовъ, рѣчи обвинителя и защитника, *всего менѣе можно было ожидать такого* рѣшенія присяжныхъ, а именно оно-то и оказывается безусловно „справедливымъ." Не думайте чтобы газета старалась затѣмъ доказать *почему* этотъ приговоръ безусловно справедливъ, и если такъ, то *почему* всего менѣе можно было ожидать его. Далѣе провозглашается лишь то что вопросъ о невмѣняемости, коему посвящено было въ этомъ дѣлѣ такъ много времени и на который потрачено столько трудовъ „извѣстнѣйшими" психіатрами, былъ въ сущности празднымъ и неумѣстнымъ вопросомъ. Отсюда казалось бы еще весьма далеко до вывода что ревнивая женщина можетъ безнаказанно покушаться перерѣзать сонную артерію своей законной соперницы. Но такова все-таки логика одного изъ руководителей петербургскимъ общественнымъ мнѣніемъ, и для насъ въ этомъ дѣлѣ всего возмутительнѣе именно появленіе подобныхъ статей. Присяжные, очевидно колебавшіеся и не сумѣвшіе согласиться между собою, прочтутъ эти выспреннія восхваленія, противъ которыхъ петербургскія газеты не *посмѣютъ* ничего возразить, прочтутъ и укрѣпятся въ убѣжденіи что которые изъ нихъ подали свои голоса, вопреки данной ими присяги, тѣ поступили *безусловно* хорошо!

Б.

Ниже читатели найдутъ сейчасъ только полученную нами телеграмму отъ нашего корреспондента изъ Рагузы. Обстоятельная подробность передаваемаго ею положенія дѣлъ въ Мостарѣ, въ главномъ городѣ одной изъ провинцій объятыхъ возстаніемъ, вполнѣ согласуется съ тревожными ожиданіями которыя давно уже высказывались. Къ тому же, изъ нашей петербургской депеши мы узнаемъ что подобное извѣстіе получено по телеграфу и *Русскимъ Міромъ*. Итакъ, салоникскія убійства, вмѣсто того чтобъ образумить бѣшено прорвавшійся мусульманскій фанатизмъ страхомъ неизбѣжной кары, только разожгли его. Еще два консула подверглись нападенію и только случайно избѣгли смерти. Салоникскія убійства торжествуются въ мечетяхъ будто празднество съ вѣдома турецкаго главнокомандующаго, того самаго кому недавно было поручено вести съ инсургентами переговоры о возвращеніи ихъ подъ управленіе султана. Такъ поступаютъ турецкія власти коимъ поручается исполненіе реформъ декретированныхъ султаномъ и коихъ, какъ сообщаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*, послѣ убійства консуловъ, Порта, по требованію дипломатическаго корпуса въ Константинополѣ, пригласила удвоить бдительность для поддержанія общественнаго спокойствія, съ возложеніемъ на нихъ отвѣтственности за могущіе произойти безпорядки!

Если теперь даже представители державъ въ Турціи ни на минуту не могутъ быть увѣрены въ своей безопасности, то

можно судить какова тамъ всегдашняя участь злополучной райи! Уже за недѣлю до новаго нападенія на консуловъ, въ Придорѣ происходило поголовное избіеніе безоружныхъ христіанъ мусульманами, а Селимъ-паша, подойдя съ войсками, нисколько не препятствовалъ убійствамъ. При такихъ обстоятельствахъ, непостижимо какимъ способомъ придется внушать возставшимъ христіанамъ довѣріе къ измѣненію ихъ положенія съ сохраненіемъ ихъ подчиненности мусульманамъ....

Между тѣмъ какъ державы озабочены болѣе всего тѣмъ какъ бы не тронуть шатающагося зданія Турецкой имперіи, Турки сами неудержимо поднимаютъ Восточный вопросъ...

№ 117.

Москва, 10-го мая.

Недавно въ Обществѣ Содѣйствія Русской Торговлѣ и Промышленности зашла рѣчь о необходимости принятія мѣръ къ развитію торговли продуктами русскаго винодѣлія и садоводства. Нельзя не пожелать чтобъ обращенное на этотъ предметъ вниманіе не осталось, какъ это часто бываетъ, въ сферѣ словопреній, а повело къ практическимъ результатамъ. Къ словамъ и мечтамъ по этой части мы уже довольно прислушались. Когда на одной изъ всемірныхъ выставокъ Европа въ первый разъ познакомилась съ винами получаемыми изъ русскихъ виноградниковъ, за границей громко высказывалась мысль что не далеко то время когда русскія вина займутъ почетное мѣсто во всемірной торговлѣ и будутъ успѣшно конкуррировать съ винами другихъ странъ. Мы помнимъ съ какими похвалами отзывались лондонскія газеты въ передовыхъ статьяхъ о бессарабскихъ винахъ, которыя появились впервые на Парижской всемірной выставкѣ. Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени, но напророченная нашимъ винамъ блестящая роль остается такою же мечтой какъ и въ тотъ день когда на нее сдѣланъ былъ первый намекъ. Успѣхи нашего винодѣлія попрежнему почти незамѣтны, и вина наши не только не имѣютъ пока заграничнаго сбыта, но не могутъ похвалиться и сбытомъ внутреннимъ.

Повсюду гдѣ климатъ благопріятствуетъ разведенію винограда, мѣстныя вина, въ особенности дешевыхъ сортовъ, потребляются въ огромныхъ количествахъ, чѣмъ уменьшается потребность во вредныхъ для здоровья спиртныхъ напиткахъ. По русскія вина не имѣютъ хода, порядочныхъ русскихъ винъ по сходнымъ цѣнамъ, кромѣ самыхъ мѣстъ ихъ производства, вы почти не найдете въ продажѣ. Вина продаются на каждомъ шагу, но только вина иностранныя, и преимущественно поддѣльныя. Настоящія, чистыя иностранныя вина можно имѣть только за очень дорогія цѣны, недоступныя большинству потребителей, которое и должно, поэтому, или пить водку, или покупать,—да и то не по такимъ цѣнамъ чтобъ они могли войти въ кругъ ежедневныхъ потребностей,—вина съ разными подмѣсями, часто весьма вредными. Правда, подъ видомъ такъ-называемыхъ иностранныхъ винъ относительно невысокой цѣны продаются большею частію наши собственныя русскія вина прошедшія чрезъ ярославскія, кашинскія и иныя фабрики, но отъ такого сбыта подъ чужимъ флагомъ русское винодѣліе и русская публика ничего не выигрываютъ.

Объ этомъ предметѣ стоитъ подумать; онъ имѣетъ весьма важное значеніе въ государственномъ хозяйствѣ. Не вѣкъ же нашимъ землямъ производить только зерновые хлѣба. Гдѣ позволяютъ климатическія условія, слѣдуетъ заботиться, сколько возможно о развитіи культуры болѣе цѣнныхъ растеній, и распространеніемъ такой культуры должны мы измѣрять наши экономическіе успѣхи. Оставаясь при овсѣ, ржи и пшеницѣ мы далеко не уйдемъ. Еслибы Франція довольствовалась сборомъ со своихъ земель только этихъ необходимыхъ продуктовъ, Богъ вѣсть скопились ли бы у ея населенія тѣ богатства которыя дали ей возможность не только пережить страшный разгромъ причиненный ей послѣднею войной съ Германіей, но почти не почувствовать тяжести пятимилліардной контрибуціи. Средства перенести всѣ выпавшія на ея долю бѣдствія Франція нашла въ богатствѣ своей культуры. Но и у насъ не мало земель вполнѣ удобныхъ къ перемѣнѣ разнообразной садовой и винодѣльной культурѣ чѣмъ во Франціи, и нѣтъ причины почему бы мы должны были довольствоваться съ этихъ земель немногимъ и малоцѣн-

нымъ, когда онѣ могутъ давать многое и цѣнное.

Оставляя въ сторонѣ Закавказскій край, могущій въ изобиліи производить всѣ продукты благодатныхъ странъ юга, Россія обладаетъ на всей своей южной окраинѣ обширною полосой винодѣлія, не уступающею пространствомъ всей Франціи. Къ этой полосѣ принадлежатъ и Терская и Кубанская области на сѣверъ отъ Кавказскихъ горъ, и устья Волги, и земля Войска Донскаго, и всѣ Новороссійскія губерніи, со включеніемъ Бессарабіи, и черноморское побережье Кавказа, Подольская губернія, отчасти Кіевская, Полтавская и т. д. Какъ много выиграло бы населеніе всей этой полосы, еслибы винодѣліе и садоводство получили въ ней развитіе! Трудно вообразить себѣ до какихъ предѣловъ могло бы дойти тамъ производство вина еслибъ ему открылся широкій сбытъ, и какая масса капиталовъ могла бы при этомъ приливать туда ежегодно. Выигралъ бы не одинъ этотъ край, выиграло бы населеніе всей Россіи, получивъ возможность, вмѣсто разрушительно дѣйствующихъ на здоровье поддѣльныхъ, употреблять болѣе дешевыя и здоровыя цѣльныя вина; а съ развитіемъ вкуса къ нимъ могло бы сократиться и столь безобразное у насъ господство водки. Всѣ эти столь желательные результаты не пустая мечта; для ихъ осуществленія имѣются всѣ условія. Одно изъ нихъ — крайняя дешевизна винъ на мѣстѣ ихъ производства, дешевизна не препятствующая получать съ виноградниковъ хорошіе доходы какихъ не могла бы дать земля будучи употреблена подъ иную культуру, и въ то же время могущая сдѣлать наши вина серіознымъ конкуррентомъ не только цѣнныхъ иностранныхъ винъ, но и нашей собственной, столь гибельной для народа и вовсе не дешевой дешевки. Оставляя въ сторонѣ высшіе сорта винъ, которыя конечно относительно дороже, обыкновенные сорта на мѣстѣ производства поражаютъ своею дешевизной. Такъ какъ о ней далеко не всѣ имѣютъ понятіе, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько цифръ изъ составленнаго г. Вильсономъ *Объясненія къ Хозяйственно-Статистическому Атласу Европейской Россіи*, изданному Департаментомъ Земледѣлія и Сельской Промышленности.

Въ Крыму на Южномъ Берегу, цѣны невыдержанному, молодому вину бываютъ до 3 и до 2 р. за ведро; двухлѣтнему и трехлѣтнему вину до 5 и до 4 р.; вино продаваемое сусломъ доходитъ до 1 р. 10 к. и даже до 1 р. Болѣе слабыя и водянистыя вина изъ болѣе сѣверныхъ частей Крыма—качинское и бельбекское—доходятъ до 80 и даже 40 к. за ведро. Въ землѣ Донскаго Войска цѣна красному вину (которое нѣсколько дороже бѣлаго при одинаковомъ качествѣ) бываетъ по 4 р. и по 3 р. за ведро. Еще ниже цѣны на вино, при урожаѣ, въ Бессарабіи: въ Аккерманѣ онѣ бываютъ отъ 75 к. до 1 р. 25 к., въ Бендерахъ отъ 90 до 95 к.; въ нагорныхъ виноградникахъ—75 к., въ степныхъ—60 к., около Кишинева и выше—отъ 25 к. до 50 к. за ведро... Но довольно и приведенныхъ примѣровъ. Указанныя цѣны, при общемъ вздорожаніи всѣхъ продуктовъ со времени изданія *Атласа* (1869 годъ), могли, конечно, нѣсколько измѣниться; но въ общемъ они достаточно показываютъ какъ много теряетъ публика вслѣдствіе отсутствія въ продажѣ этихъ дешевыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ здоровыхъ доброкачественныхъ винъ. Почему же эти вина, при несомнѣнныхъ ихъ достоинствахъ и дешевизнѣ, не имѣютъ хода? Почему они даже мало кому извѣстны? Этому, конечно, много причинъ, и одна изъ нихъ заключается въ томъ обстоятельствѣ которое мѣтко выражено въ народномъ присловьѣ „за моремъ телушка полушка, да рубль перевозъ."

Казалось бы это затрудненіе къ распространенію нашихъ винъ въ Россіи не должно имѣть силы съ постройкой цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, отъ которой идутъ въ область винодѣлія не одна, а цѣлый рядъ линій. Но на дѣлѣ оказывается что желѣзныя дороги оказываютъ отечественному винодѣлію весьма недостаточныя услуги. Онѣ можно сказать конкуррируютъ между собою высотой тарифа за провозъ винъ. Возьмемъ для образца хотя бы бессарабскія вина, и посмотримъ какъ оплачивается провозъ ихъ до Москвы. Отъ Кишинева до Москвы, вино пройдетъ по четыремъ желѣзнымъ дорогамъ,—Одесской, Харьково-Николаевской, Азовской и Московско-Курской,—и у каждой изъ нихъ свой тарифъ, одинъ другаго выше, причемъ вино (привозимое въ бочкахъ) числится то въ третьемъ, то во второмъ,

то въ первомъ разрядѣ, и оплачивается то $^1/_{24}$, то $^1/_{20}$, то $^1/_{18}$, то $^1/_{12}$ к. съ пуда и версты. За все разстояніе отъ Кишинева, съ пуда вина придется уплатить: Одесской дорогѣ болѣе $18^1/_4$ к., Харьково-Николаевской слишкомъ 19 к., Азовской около $17^1/_2$ к., да Московско-Курской болѣе 25 к., всего 80 к., не считая значительной приплаты за нагрузку и другихъ накладныхъ расходовъ, издержка которая и должна почти сполна лечь на ведро вина (сорокаведерная бочка вина вѣситъ приблизительно отъ 30 до 35 пудовъ), стоящее на мѣстѣ вдвое и втрое дешевле цѣны провоза. О провозѣ винъ разлитыхъ по бутылкамъ нечего и говорить: тарифъ для нихъ много выше. И вся цѣна провоза должна быть уплачена впередъ, то-есть непремѣнно отправителемъ вина, а не получателемъ,—условіе весьма не выгодное для винодѣлія. Всѣ эти невыгоды усугубляются многими своеобразными порядками существующими на нашихъ дорогахъ, отъ которыхъ товароотправители терпятъ тѣмъ болѣе чѣмъ большее число разныхъ не состоящихъ въ прямомъ сообщеніи дорогъ долженъ пройти товаръ. Одесскій Комитетъ Промышленности и Торговли уже указывалъ на многіе случаи переборовъ противъ тарифовъ какіе сплошь и рядомъ бываютъ при такихъ обстоятельствахъ. Ко всему этому присоединяются неуслѣдимыя усышки и утечки, за которыя дороги не отвѣчаютъ, и т. п. Относительно счастливыми могутъ признать себя тѣ отправители которые пошлютъ вино съ конечной станціи дороги—изъ Одессы. Тутъ, по крайней мѣрѣ, оно будетъ пользоваться тѣми же удобствами доставки какія предоставлены иностраннымъ винамъ—и нѣсколько пониженнымъ тарифомъ ($48^1/_3$ коп. съ пуда, считая съ платой за нагрузку, за все разстояніе отъ Одессы до Москвы), и прямымъ сообщеніемъ; но кромѣ самой Одессы, ни одна изъ другихъ станцій Одесской дороги и ея вѣтвей сказанными выгодами не пользуется, и отправленное съ нихъ русское виноградное вино на равныя условія доставки съ иностраннымъ претендовать не можетъ... Правильно ли такое отношеніе русскихъ желѣзныхъ дорогъ къ русскому винодѣлію?

На необходимость пониженія тарифа за провозъ русскихъ виноградныхъ винъ и предоставленія имъ выгодъ прямаго сообщенія указывалось уже не разъ. Объ этомъ, между прочимъ, въ минувшемъ апрѣлѣ, шла рѣчь въ одномъ изъ засѣданій Комитета Общества Содѣйствія Русской Промышленности и Торговли, по прочтеніи интереснаго доклада г. Гриневича, и нельзя не пожелать чтобы представленія какія Общество имѣетъ сдѣлать правительству по этому предмету увѣнчались самымъ полнымъ успѣхомъ.

Удешевленіе и улучшеніе способовъ доставки будетъ одною изъ самыхъ серіозныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ поощренія нашему винодѣлію. Но это, конечно, не исключаетъ надобности въ другихъ поощрительныхъ мѣрахъ. Не мало пользы могутъ принести, напримѣръ, и тѣ мѣры которыя, какъ сообщено въ № 114 *Московскихъ Вѣдомостей*, предполагается принять въ Екатеринославской губерніи, гдѣ винодѣліе особенно слабо. Учрежденіе виноградныхъ питомниковъ для раздачи лозъ желающимъ заняться виноградарствомъ, денежныя преміи за разведеніе винограда—все это мѣры, безъ сомнѣнія, полезныя. Но, кажется, еще важнѣе были бы мѣры которыя сближали бы производителей вина съ его потребителями. Такими мѣрами, помимо самой главной—удешевленія провоза, могли бы быть, между прочимъ, возможно частыя выставки вина въ главныхъ пунктахъ сбыта, причемъ выдача наградъ и премій заслужившимъ то производителямъ давала бы извѣстность лучшимъ сортамъ нашихъ винъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служила бы побужденіемъ возвышать ихъ достоинство тщательною выдѣлкой.

№ 118.

Москва, 11-го мая.

Можно ли было подумать что закоренѣлый недругъ Россіи и патронъ Турціи, бывшій англійскій посолъ въ Константинополѣ, лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, нынѣ отдыхающій на покоѣ въ Палатѣ Лордовъ, но вся дѣятельность коего была посвящена огражденію „больнаго человѣка“ отъ честолюбія Россіи, а болѣе всего на доказательство что русское сужденіе о неизлѣчимости „больнаго“ ложно и что Турція обладаетъ жизненностью дающею ей право на участіе въ европейскомъ

концертѣ, — можно ли было, повторяемъ, ожидать чтобъ этотъ человѣкъ могъ когда-либо сойтись со взглядами русской политики на Турцію?

Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ лордъ Стратфордъ де-Редклифъ напечаталъ въ газетѣ *Times* письмо, въ коемъ объявлялъ фикціей мнѣніе о независимости Оттоманской имперіи, и утверждалъ что она въ сущности находится подъ европейскою опекой, доказывая этимъ необходимость вмѣшательства для приведенія ея дѣлъ въ порядокъ. Его мысль была та что великія державы сообща должны бы принять болѣе непосредственно подъ свое наблюденіе администрацію Турецкой имперіи. Этотъ планъ онъ развиваетъ нынѣ съ большею обстоятельностью, въ письмѣ помѣщенномъ въ послѣднемъ нумерѣ *Times*. Письмо это, по удостовѣренію автора, было имъ написано еще ранѣе берлинскихъ совѣщаній и прежде чѣмъ онъ узналъ о Салоникскихъ убійствахъ. Заключеніямъ своимъ благородный лордъ предпосылаетъ длинный историческій обзоръ послѣдняго двадцатилѣтія, съ тѣхъ поръ какъ Турція, усиліями западныхъ союзниковъ, была призвана къ новой жизни, и видитъ результаты весьма неутѣшительные. Бросая взглядъ еще далѣе назадъ, онъ замѣчаетъ что корень Восточнаго вопроса кроется въ самомъ характерѣ Турецкаго племени, въ началахъ его религіи, и въ способѣ коимъ оно пріобрѣло свои нынѣшнія владѣнія. Турки принесли де съ собой азіятскіе нравы въ Европу, и ихъ фанатизмъ и деспотизмъ дѣлали ихъ всегда чуждыми какъ для европейскихъ сосѣдей ихъ, такъ и для христіанскихъ подданныхъ султана. Упадокъ ихъ имперіи, какъ признаетъ теперь лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, начался уже давно. Война за войной кончалась трактатами неблагопріятными для интересовъ Турціи: то уступками территоріи, то превращеніемъ ея провинцій въ независимыя вассальныя владѣнія. Уже почти за сто лѣтъ Порта перестала де быть независимымъ государствомъ, и то одна, то другая держава помогали ей изъ разныхъ видовъ при грозившей не разъ опасности, и даже русскій флотъ спасъ ее однажды отъ взбунтовавшагося вассала, Мегметъ-Али. Итакъ, Турція давно обязана своимъ существованіемъ лишь христіанскимъ державамъ. Парижскимъ трактатомъ она была принята въ европейскую семью, причемъ она обѣщала ввести реформы для улучшенія быта райевъ, торжественно включенныя въ трактатъ, и взамѣнъ того ей была обезпечена неприкосновенность владѣній, а также гарантированъ западными союзниками и первый ея заемъ. „Въ какой же степени,“ спрашиваетъ лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, „эта политика удовлетворила предполагавшимся цѣлямъ?“ Турецкая имперія, за немногими и неважными исключеніями, пользовалась въ двадцатилѣтній періодъ спокойствіемъ внутри и безопастностью извнѣ. Но въ ней не видно никакихъ признаковъ улучшенія. Она только задолжала попусту 200 милліоновъ ф. ст. и вовсе пренебрегла торжественно данными въ Парижѣ ручательствами. Послѣдствія же того суть „банкротство, гибельное, хотя и мѣстное, возстаніе, всеобщее безпокойство, иностранное вмѣшательство и опасность войны могущей объять бо́льшую часть Европы.“

Лордъ Стратфордъ де-Редклифъ спрашиваетъ: возможно ли чѣмъ-нибудь пособить такому критическому положенію? Прежняя западная политика относительно Турціи, выраженная въ Парижскомъ трактатѣ, явно осуждается однимъ изъ ея авторовъ когда онъ говоритъ что „не должно забывать что Турція находится въ положеніи зависимости равносильной опекѣ, и что державы взявшія на себя посредничество между султаномъ и его подданными или должны дать сильнѣйшій тонъ своему вмѣшательству, или снова предаться бездѣйствію.“ Онъ приходитъ къ тому мнѣнію что теперь должно потребовать отъ Порты слѣдующаго: 1) гражданской равноправности всѣхъ классовъ; 2) реформы фискальной администраціи; 3) допущенія всѣхъ подданныхъ въ армію, съ изъятіемъ отъ дѣйствительной службы по уплатѣ опредѣленной военной подати и съ отмѣной навсегда *гарача*; 4) учрежденія государственнаго совѣта и всѣхъ другихъ свѣтскихъ совѣтовъ, въ столицѣ и провинціяхъ, съ допущеніемъ въ нихъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ (*in due parts*) христіанъ и другихъ немусульманскихъ подданныхъ; 5) формальнаго признанія религіозной свободы, такъ чтобы никто не подвергался притѣсненіямъ вслѣдствіе исповѣдуемой религіи; 6) чтобы никакія наказанія не могли быть налагаемы безъ утвержденія суда; 7) учрежденія торговаго бю-

ро, съ участіемъ въ немъ иностранцевъ, и 8) чтобы всѣ исчисленныя статьи были включены въ конвенцію между султаномъ и державами, и исполненіе ихъ поручено надзору смѣшанной отвѣтственной коммиссіи. Противъ всѣхъ ожидаемыхъ возраженій на подобное вмѣшательство во внутреннюю администрацію Порты, лордъ Стратфордъ де-Редклифъ замѣчаетъ: „Было бы конечно возмутительнымъ скандаломъ для христіанства еслибы Туркамъ, совершившимъ свои завоеванія во имя религіи, была предоставлена свобода подвергать опасности европейскій миръ и угнетать многочисленное населеніе христіанъ пользуясь какъ средствомъ къ тому богатствомъ христіанскихъ странъ и равнодушіемъ, чтобы не сказать соучастіемъ, христіанскихъ правительствъ.“

Читая эти строки мы едва вѣримъ своимъ глазамъ. Неужели это пишетъ бывшій витязь Турціи, ревностный поджигатель Восточной войны? Никто не станетъ спорить что еслибы всѣ указанныя имъ мѣры могли осуществиться, то нынѣшнія затрудненія въ Турціи были бы разрѣшены. Но неоспоримо также что тогда она перестала бы быть Турціей, тою Турціей, за которую когда-то такъ ревностно ратовалъ благородный лордъ и всѣ англійскіе министры, а стала бы тою Турціей какой всегда желала Россія, и въ ней водворился бы тотъ естественный порядокъ какой русская политика всегда предъявляла Европѣ. Съ установленіемъ дѣйствительной равноправности христіанъ и съ допущеніемъ ихъ въ армію и администрацію, въ соотвѣтствующей пропорціи, Турція была бы уже не мусульманскою, а христіанскою державой. Къ такому исходу она и шла постепенно, какъ это видно изъ историческаго обзора изложеннаго лордомъ де-Редклифомъ, о онъ же самъ даетъ отвѣтъ на вопросъ чѣмъ задержано это естественное развитіе. Онъ сознается что Парижскій трактатъ, какъ результатъ Крымской войны, былъ попыткою весьма печальною по своимъ послѣдствіямъ. Но эта попытка была дѣломъ Англіи. Россія и предъ Крымскою войной заявляла права турецкихъ христіанъ и требовала для нихъ европейскаго покровительства. Кто же виноватъ въ ихъ двадцатилѣтнихъ страданіяхъ, въ безплодно пролитой въ этой войнѣ крови и въ томъ что теперь положеніе стало еще болѣе трудным для рѣшенія какъ не англійскіе политики и дипломаты? Не самъ ли лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, столь хорошо знакомый съ Турціей, тогда противился тому что теперь онъ признаетъ необходимымъ? Да и теперь, повидимому, англійская политика болѣе расположена держаться того же пути. Не приглашалъ ли недавно графъ Дарби Россію доказать свою миротворную политику военною демонстраціей противъ Черногоріи?

Что касается осуществленія плана лорда де-Редклифа, то оно возбуждаетъ много сомнѣній. Дѣйствительно, допущеніе христіанъ въ армію и ко всѣмъ ступенямъ администраціи дало бы имъ полную равноправность. Но эти мѣры опять останутся мертвою буквой если исполненіе ихъ будетъ поручено тѣмъ же турецкимъ пашамъ и ихъ чиновникамъ. Надзоръ смѣшанной европейской коммиссіи окажется недостаточнымъ; чтобы быть дѣйствительнымъ онъ долженъ проникать во всѣ сферы управленія и простираться на всѣ провинціи.

Для осуществленія плана лорда де-Редклифа, то-есть того что всегда указывалось русскою политикой, необходимо начать его примѣненіе не сверху, а снизу, не съ центральнаго управленія, а съ провинцій. Онъ самъ собою осуществится при автономіи христіанскихъ провинцій. Надобно чтобы провинціи были освобождены отъ произвола пашей и отъ безчинства баши-бузуковъ, и чтобы населеніямъ ихъ было дано самоуправленіе. При управленіи провинцій самими населеніями, угнетеніе христіанъ мусульманскимъ меньшинствомъ станетъ невозможно. Въ провинціяхъ легко было бы организовать и мѣстную милицію, которая, въ случаѣ внѣшней опасности, могла бы служить и для общей защиты имперіи, такъ какъ провинціи оставались бы подъ властью султана. Лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, въ концѣ своего письма, упоминаетъ о проектѣ даровать автономію Босніи и Герцеговинѣ какъ о средствѣ болѣе палліативномъ чѣмъ предлагаемый имъ общій планъ для всей имперіи, и замѣчаетъ что сдѣлки такого рода отнюдь не безпримѣрны и теперь въ лѣтописяхъ Турціи, причемъ кстати ссылается на Египетъ. Однако планъ его можетъ стать правдой именно только когда онъ предварительно осуществится въ провинціяхъ. И чѣмъ шире бы-

ла бы автономія христіанскихъ провинцій, тѣмъ надежнѣе была бы охранена Турецкая имперія отъ насильственныхъ потрясеній.

№ 119.

Москва, 12-го мая.

Ниже читатели найдутъ корреспонденцію „Съ Волыни" обращающую вниманіе на состояніе тамошнихъ чешскихъ колоній. Дѣло иностранной колонизаціи въ Россіи есть одно изъ весьма существенныхъ; но успѣхъ его зависитъ отъ правильныхъ начинаній.

Наростаніе населенія и истекающій отсюда избытокъ конкурренціи уже давно вызываетъ въ низшихъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ классахъ Германіи и Австріи стремленіе переселяться въ другія страны. До сихъ поръ это стремленіе преимущественно направляется въ Сѣверную Америку, а въ послѣднее время и въ Южную. Конкуррирующія пароходныя компаніи стараются въ различныхъ городахъ привлекать къ себѣ пассажировъ, и содѣйствіе эмиграціи стало промысломъ. Стóитъ беззземельному рабочему, не удовлетворяемому своимъ положеніемъ на родинѣ, заявить о своемъ желаніи эмигрировать какъ тотчасъ же со всѣхъ сторонъ предлагаются услуги облегчающія ему далекую поѣздку при его малыхъ средствахъ. Правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ приняты мѣры для облегченія переселенцамъ первыхъ шаговъ по прибытіи на мѣсто: устроены особыя бюро которыя направляютъ ихъ шаги въ странѣ гдѣ все имъ чуждо и ново, установлена уменьшенная плата по желѣзнымъ дорогамъ и т. п. Сравнительно менѣе удобствъ представляетъ эмиграція въ Южную Америку, и здѣсь переселенцы часто являются жертвами безсовѣстной эксплуатаціи со стороны агентовъ. Правительствами Германскимъ и Австрійскимъ въ послѣднее время были дѣлаемы неоднократно предостереженія противъ необдуманнаго выселенія, особенно въ Бразилію; но уже частое повтореніе такихъ предостереженій свидѣтельствуетъ о ихъ тщетѣ по самой естественной причинѣ: выселяющимся не достаетъ мѣста на родинѣ.

Переселеніе въ Россію представляло бы гораздо болѣе удобствъ для этихъ людей которымъ не достаетъ мѣста на родинѣ. Сравнительная краткость пути, меньшія путевыя издержки и матеріальныя условія въ которыя они становятся у насъ по переселеніи, гораздо болѣе благопріятныя чѣмъ дома, должны направлять ихъ въ Россію. Послѣднее обстоятельство весьма важно и для насъ, такъ какъ гарантируетъ притокъ не только беззземельнаго и бездомнаго рабочаго люда, но и сравнительно имущаго, который предпочтетъ расширить свое хозяйство посредствомъ *покупки* земли, стóящей у насъ гораздо дешевле. Теперешнее экономическое разстройство Австріи должно бы усилить переселеніе Славянъ въ Россію. Но съ нашей стороны не дѣлается ничего въ этомъ смыслѣ. Нѣтъ правильной организаціи переселенія, нѣтъ агентуръ куда бы можно было обращаться за справками и которыя служили бы посредниками между спросомъ и предложеніемъ рабочихъ рукъ. Слышатся только безплодныя сѣтованія на выселеніе Татаръ, на безлюдье Крыма и Кавказа. Въ бывшихъ доселѣ попыткахъ колонизаціи игралъ главную роль „случай", но достаточно было и слѣпаго случая чтобы, напримѣръ, на Волыни мы пріобрѣли до тридцати тысячъ способныхъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, и чтобы „съ каждымъ поѣздомъ желѣзной дороги прибывали новые." Теперь намъ нѣтъ надобности какими-либо особыми привилегіями предъ кореннымъ населеніемъ притягивать къ себѣ иностранцевъ. Достаточно большее ознакомленіе ихъ съ существующими у насъ условіями и облегченіе сношеній.

Славянскіе жители Австріи, стоя въ культурномъ отношеніи, по степени развитія, по умѣнью вести хозяйство, наравнѣ съ Нѣмцами и, слѣдовательно, точно также будучи въ состояніи дать толчокъ рутинному хозяйству нашихъ крестьянъ, въ то же время не могутъ чувствовать себя чуждыми среди русскаго населенія. Сходство языка и племенныя симпатіи суть задатки слитія такихъ колонистовъ съ кореннымъ населеніемъ и превращенія ихъ черезъ два, три поколѣнія въ чистыхъ Русскихъ, если мы сами тому не поставимъ преградъ. Нашъ корреспондентъ свидѣтельствуетъ что колонисты съ гордостью называютъ себя чешскими „Руссами," и что достаточно было семи лѣтъ чтобы между мѣстнымъ населеніемъ и пришельцами установилось доброе согласіе. Чешскіе ко-

лонисты не только въ способахъ обработки земли и уходѣ за скотомъ, но и въ соціальномъ отношеніи являются, незамѣтно для себя и для другихъ, реформаторами, вытѣсняя жида и его шинокъ, эту язву нашего крестьянства, которое безсильно собственною энергіей бороться противъ этого зла.

Но если условія колонизаціи сложились для насъ въ настоящее время благопріятно, то воспользовались ли мы ими какъ бы слѣдовало? Примѣръ чешскихъ колоній на Волыни приводитъ къ выводамъ не очень утѣшительнымъ. Не станемъ говорить о первоначальныхъ невзгодахъ и затрудненіяхъ встрѣчаемыхъ по переселеніи, на которыя пеняютъ колонисты, и на попытки экплуатировать пришлое населеніе. Отчасти онѣ неизбѣжны всюду въ такихъ случаяхъ и объясняются малымъ знакомствомъ пришельцевъ съ нашими порядками. При доброй волѣ заинтересованныхъ лицъ, зло это можетъ быть устранено правильною организаціей переселенія и устройствомъ центровъ для посредничества. Гораздо хуже что мы заставляемъ обособляться пришлое населеніе и создаемъ искусственную стѣну которая отдѣляетъ его отъ кореннаго населенія. У всякаго рода переселенцевъ и безъ того сильно стремленіе селиться по сосѣдству, болѣе или менѣе значительными группами. Но такому стремленію, ослабляющему для насъ выгоды колонизаціи, мы еще помогаемъ сами; мы искусственно усиливаемъ его. Тѣ же стѣснительныя условія которыя мы налагаемъ на нашихъ крестьянъ, тѣ же путы которыя препятствуютъ развитію у насъ мелкаго крестьянскаго личнаго землевладѣнія и отдаютъ способнаго и прилежнаго крестьянина въ кабалу лѣнтяю и пропойцѣ, дѣйствуютъ и въ настоящемъ случаѣ. Всякій въ Петербургѣ можетъ убѣдиться у себя подъ бокомъ, на примѣрѣ иностранныхъ колонистовъ въ Петербургской губерніи, къ чему приводитъ такое обособленіе. Прошли десятки лѣтъ, смѣнились поколѣнія, а колонисты остаются по-русски малограмотны, и примѣръ ихъ хозяйства нисколько не подѣйствовалъ на русскихъ крестьянъ перетащенныхъ ихъ господами изъ внутреннихъ губерній въ петербургское болото. Нельзя предоставить все племенному сродству. Сродство есть лишь задатокъ слитія пришлыхъ Чеховъ съ русскимъ народомъ, но довершить его есть, очевидно, наша прямая обязанность. Въ такомъ краѣ гдѣ, какъ очень мѣтко выражается нашъ корреспондентъ, „крестьянинъ говоритъ малороссійскимъ нарѣчіемъ, Еврей по-нѣмецки, землевладѣлецъ и его управляющіе по-польски, нѣмецкіе колонисты на различныхъ германскихъ діалектахъ и *только* императорскій русскій чиновникъ на общемъ русскомъ языкѣ,“ должно быть обращено усиленное вниманіе на развитіе *русской* школы, а мы заставляемъ колонистовъ выписывать себѣ учителей изъ Богеміи, да и тѣ, по недостатку согласія среди колонистовъ, естественно поглощенныхъ на первое время матеріальными заботами, принуждены искать себѣ средствъ для жизни *работая на дорогахъ*. Бездѣйствіе въ этомъ отношеніи невозможно оправдывать недостаткомъ средствъ, такъ какъ благосостояніе колонистовъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, и свыкшись съ условіями западно-европейской жизни у себя на родинѣ, они не могутъ не чувствовать недостатка школы. Устройство русской школы должно бы быть обязательнымъ условіемъ устройства каждой общины колонистовъ. Столь же непростительно наше равнодушное отношеніе къ религіозному вопросу среди чешскихъ колонистовъ. „Мы пришли искать хлѣба, а не нѣба,“ говорили колонисты польскому католическому ксендзу въ Бударашѣ, который неотложно приступилъ къ обращенію ихъ въ прозелитовъ католицизма и полонизма. Очевидно, не нежеланіе духовнаго утѣшенія внушило Чехамъ этотъ отвѣтъ, а инстинктивное сознаніе что не на этомъ пути они могутъ сродниться съ пріютившею ихъ страной. Многіе изъ нихъ желали перейти въ православіе. Мы толкнули ихъ сами въ сектаторство заставивъ выписать изъ Богеміи какихъ-то „гусситскихъ“ священниковъ, не уяснившихъ для самихъ себя суть своего религіознаго ученія. Въ такомъ равнодушіи нельзя винить наше бѣдное и необезпеченное сельское духовенство. Поставленное въ трудныя матеріальныя условія, оно вынуждено снисходить къ слабостямъ своей паствы, оно едва борется съ расколомъ въ средѣ собственныхъ прихожанъ, и потому является плохимъ ревнителемъ своей вѣры среди инородцевъ. Но если Святѣйшій Синодъ не нашелъ возможнымъ принять въ православіе чешскихъ священниковъ потому что послѣ рукоположенія они вступили въ

бракъ (хотя, признаемся, мы не понимаемъ такого ригоризма: католическій священникъ могъ бы, кажется, быть принятъ въ православіе не какъ священникъ, и принять затѣмъ священство отъ православной церкви), то, намъ кажется, были другіе пути поддержать Чеховъ и охранить ихъ отъ враждебныхъ Россіи навожденій. Административными ограниченіями польскихъ ксендзовъ многаго достигнуть нельзя. Неужели въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ — православныхъ или католическихъ — не найдется молодыхъ людей знакомыхъ достаточно съ чешскимъ языкомъ чтобы стать духовными руководителями пришельцевъ? Зачѣмъ посылаемъ мы Чеховъ на трудные поиски за священниками обратно на покинутую ими родину? Повторяемъ: такой образъ дѣйствій лишитъ насъ всѣхъ плодовъ которые могли бы извлечь отъ переселенія къ намъ австрійскихъ Славянъ. Еще болѣе. Въ частномъ случаѣ, относительно колонистовъ на Волыни, въ мѣстностяхъ отстоящихъ всего на шесть миль отъ границы, указанный образъ дѣйствій заключаетъ въ себѣ опасность. Обособляя пришлые элементы въ большія сплошныя общины и оставляя ихъ въ добычу всякаго рода нежелательнымъ вліяніямъ, не создаемъ ли мы сами себѣ серіозныхъ затрудненій въ будущемъ?

№ 120.

Москва, 14-го мая.

А.

Среди рѣчей произнесенныхъ на обѣдѣ въ честь туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана, всего болѣе останавливаютъ вниманіе нѣсколько словъ сказанныхъ самимъ виновникомъ праздника. Доблестный генералъ назвалъ себя „буквальнымъ исполнителемъ предначертаній и указаній нашего Великаго Государя-Миротворца.“ Слова эти особенно знаменательны въ настоящую минуту, когда миръ Европы покоится на политикѣ Монарха Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, во всѣ девять лѣтъ управленія генерала Кауфмана Туркестанскимъ краемъ, несмотря на всѣ завоеванія совершенныя въ эти годы, наша политика въ Средней Азіи руководствовалась побужденіями усиленно мирными: Россія не хотѣла завоеваній безмѣрно и изнурительно расширяющихъ ея государственную область, Россія отбивалась отъ нихъ. Генералъ Кауфманъ прибылъ въ край тотчасъ послѣ разгрома Бухарскихъ войскъ подъ Ирджаромъ и взятія важной крѣпости Джизака, совершенныхъ нашими войсками подъ начальствомъ генерала Романовскаго. Блистательныя побѣды этого генерала все-таки не образумили Бухарцевъ. Они продолжали грабить на нашихъ границахъ, нападали на наши мелкіе отряды и втайнѣ готовили священную войну противъ невѣрныхъ. Избѣгая завоеваній, генералъ Кауфманъ старался отклонить эту войну: онъ предлагалъ возвратить Бухарцамъ передовую изъ занятыхъ нами крѣпостей Яны-Курганъ, требуя лишь подписанія мирнаго трактата; нападеніе на наши отряды было приписано своеволію пограничныхъ бековъ. Переговоры съ Бухарой тянулись; но въ Ташкентѣ не теряли надежды на мирный исходъ ихъ, и генералъ-губернаторъ уже назначилъ день своего отъѣзда въ Петербургъ, какъ наканунѣ было получено извѣстіе о провозглашеніи *газавата* въ Бухарѣ. Тогда русскія войска перешли границу, взяли Самаркандъ, пошли впередъ, на голову побили Бухарцевъ, и эмиръ Бухарскій предложилъ генералу Кауфману полную капитуляцію со всѣми войсками и орудіями, прося себѣ лишь позволенія отправиться въ Мекку. Капитуляція не была принята; генералъ-губернаторъ объявилъ эмиру что Русское правительство не имѣетъ въ виду новыхъ завоеваній и предписалъ ему извѣстныя мирныя условія. По окончаніи войны, когда эмиръ созналъ необходимость жить въ ладу съ Русскими, наши войска не разъ спасали его отъ бунта мятежныхъ сыновей и бековъ; мы брали штурмомъ взбунтовавшіеся города и возвращали ихъ эмиру. Въ то же время туркестанскій генералъ-губернаторъ съ настойчивостью и искусствомъ предупреждалъ войны между сосѣдними ханствами. Много, напримѣръ, потребовалось труда чтобы распря Бухары и Кокана изъ-за Каратегина не была рѣшена оружіемъ.

Всѣмъ извѣстны также усилія туркестанскаго генералъ-губернатора предотвратить вооруженное столкновеніе съ Хивой. Но всѣ письма его къ хану, всѣ увѣщанія остались тщетными. Подробности доб-

лестнаго похода нашихъ войскъ на Хиву у всѣхъ на памяти. Смиривъ хана, туркестанскій генералъ-губернаторъ приступилъ тотчасъ же къ умиротворенію самаго ханства, и выслалъ войска противъ Туркменъ. Русскій отрядъ оставшійся на правомъ берегу Аму-Дарьи близъ Хивы продолжаетъ исполнять эту миссію мира: главная роль его состоитъ въ предотвращеніи безпорядковъ въ ханствѣ и въ усмиреніи главныхъ нарушителей тамошняго мира, Туркменъ.

Изъ числа всѣхъ среднеазіятскихъ владѣтелей лишь Худояръ, ханъ Кокапскій, понялъ требованія русской политики. Онъ подчинился ей и старался жить въ мирѣ съ Русскими. Всѣ свои хищническія наклонности онъ направилъ на свой народъ который наконецъ взбунтовался и низложилъ его. Мусульманскій фанатизмъ воспользовался этимъ случаемъ чтобъ объявить священную войну. И опять туркестанскій генералъ-губернаторъ сдѣлалъ все возможное чтобы предупредить завоеваніе: онъ призналъ новаго хана, но несмотря на то, война все-таки была объявлена и ханство покорено. Вновь было предположено укрѣпить новаго хана на Кокапскомъ престолѣ, но и это не удалось. Истерзанный затѣмъ внутреннею усобицей Коканъ, какъ великой милости, просилъ русскаго занятія. Съ особой силой высказалъ это самый энергическій изъ нашихъ противниковъ, Абдурахманъ-автобачи, сдавшійся генералу Скобелеву въ убѣжденіи что лишь Русская власть можетъ водворить миръ въ ханствѣ.

Итакъ, въ нынѣшнее мирное царствованіе, ознаменованное великими внутренними преобразованіями, совершились завоеванія которыя безмѣрно расширили государственную область Россіи. Послѣ умиротворенія Кавказа, быстро, ударъ за ударомъ, была покорена бо́льшая часть Средней Азіи. Необозримыя пространства вошли въ предѣлы нашего отечества; но покореніе это было также умиротвореніемъ. Россія не нуждалась въ этихъ завоеваніяхъ; предпринимая ихъ она уступала необходимости, она исполняла свой долгъ предъ человѣчествомъ. Эти страны, отдаленныя отъ просвѣщеннаго міра страшными пустынями, были отъ вѣка гнѣздилищемъ варварски-хищныхъ ордъ, которыя въ памятные моменты исторіи извергались оттуда дикимъ всесокрушающимъ потокомъ; эти страны, благодаря русскому оружію, теперь возвращены человѣчеству, и варварство падаетъ предъ знаменемъ христіанской гражданственности. Вотъ смыслъ нашихъ побѣдъ въ этихъ далекихъ краяхъ, еще такъ недавно пугавшихъ самое смѣлое воображеніе; вотъ дѣло которому такъ славно послужилъ досточтимый гость Москвы проводившей его честнымъ пиромъ въ обратный путь на новую службу. Дѣла въ Средней Азіи останутся на вѣки славнымъ воспоминаніемъ въ нашей исторіи. Здѣсь были явлены изумительные образцы геройства и самоотверженія. Не встрѣчи съ ордами туранскихъ хищниковъ удивили міръ и покрыли славой наше оружіе: побѣды надъ ними были дѣломъ слишкомъ легкимъ для нашихъ войскъ; но подвиги самоотверженія въ борьбѣ съ ужасами песчаныхъ и безводныхъ пустынь подъ палящимъ солнцемъ, несокрушимая сила терпѣнія въ преодолѣніи неслыханныхъ трудностей, перенесеніе смертельныхъ лишеній, достойны воиновъ христіанскихъ. Эти блистательныя побѣды были прежде всего побѣдами надъ собственною немощію, которыми такъ славно ознаменованъ Хивинскій походъ и съ которыми неразрывно связано имя генерала Кауфмана. Богъ судилъ ему быть совершителемъ одного изъ самыхъ блистательныхъ дѣлъ въ нашей военной исторіи.

Не думаемъ чтобы дѣло меча было уже совсѣмъ окончено въ пустыняхъ и оазисахъ Средней Азіи. Мечъ претящій кровопролитію, мечъ пресѣкающій разбои и хищничество, мечъ водворяющій порядокъ и гражданственность, ограждающій жизнь, честь и собственность людей, есть символъ и орудіе мира, и побѣды русскаго оружія уже ознаменовались отмѣной рабства, успокоеніемъ населеній измученныхъ усобицами. Нашихъ завоеваній требуютъ сами населенія. Изъ Бухары безпрестанно являются гонцы въ Ташкентъ съ просьбой принять и этотъ край, одинъ изъ главнѣйшихъ центровъ мусульманскаго фанатизма, въ полное подданство Русскаго Государя. Торжество Русскаго меча и успѣхи гражданственности въ этихъ мѣстахъ, это одно и то же. Теперь, когда Русское господство водворилось тамъ безспорно, *грозное и честное*, открываются широкія виды для мирныхъ интересовъ просвѣщенія, промышленности, торговли.

Какая разница между русскими завое-

ваніями въ Средней Азіи и миротворствомъ европейскихъ державъ которыя въ теченіе почти цѣлаго столѣтія заботятся о цѣлости и сохранности орды изъ тѣхъ странъ выдвинувшейся въ Европу! Русскія завоеванія въ Средней Азіи суть безспорно дѣло мира и человѣчества, а европейское умиротвореніе Турціи не есть ли дѣло насилія и крови? Тамъ торжествуетъ крестъ и гражданственность; здѣсь попираются самыя священныя права человѣчества; тамъ освобожденіе, здѣсь порабощеніе; тамъ водворяется миръ, здѣсь увѣковѣчивается дѣло брани и крови...

Б.

Обществу и порядочной печати необходимо обратить серіозное вниманіе на нѣкоторыя возмутительныя явленія въ нашемъ быту. Помѣщаемая въ этомъ нумерѣ нашей газеты корреспонденція изъ Твери разсказываетъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Управляющій пароходствомъ Общества „Самолетъ" г. Ратьковъ-Рожновъ, заслуженный, всѣми уважаемый морякъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, на улицѣ, у пристани получаетъ ударъ отъ нѣкоего господина по имени Шрейдера...

Въ конторы Общества „Самолетъ" разосланъ журналъ совѣта сего Общества, состоявшійся по поводу этого печальнаго случая. „Вкравшіеся по продажѣ билетовъ злоупотребленія и безпорядки, сказано въ журналѣ, о чемъ не только получались письменныя жалобы, но было заявлено и въ печати, побудили правленіе изслѣдовать дѣло." Произведено было изслѣдованіе и— „виновные были отставлены отъ службы." Это справедливое и въ видахъ охраненія интересовъ Общества необходимое распоряженіе правленія, „вызвало неудовольствіе противъ управляющаго Обществомъ," прибавляетъ журналъ, который этимъ неудовольствіемъ объясняетъ и посягательство о которомъ идетъ рѣчь...

Итакъ, безобразное нападеніе произошло изъ за увольненія отъ службы по причинамъ указаннымъ въ журналѣ. „Отомстилъ," дескать! Что же это такое, и неужели подобные случаи могутъ быть терпимы въ благоустроенномъ государствѣ? Мѣстное общество, какъ видно изъ нашей корреспонденціи, уже высказалось въ этомъ дѣлѣ: оно выразило свое сочувствіе и свое уваженіе оскорбленному. Мѣстное общество имѣло полное основаніе и безспорное право высказать свое убѣжденіе объ этой исторіи,—убѣжденіе съ которымъ не могутъ не согласиться всѣ порядочные люди. Лично г. Ратьковъ-Рожновъ вознагражденъ общественнымъ мнѣніемъ за незаслуженно понесенное имъ оскорбленіе.

Но, кромѣ личнаго вопроса тутъ есть и общій. Общество сдѣлало въ *данномъ* случаѣ все что оно могло и должно было сдѣлать: все ли сдѣлалъ для *подобныхъ* случаевъ законъ? Не такъ давно предсѣдателю одного окружнаго суда, какъ извѣстно, нанесенъ на улицѣ ударъ человѣкомъ, просившимъ у него мѣста нотаріуса и получившимъ отказъ, потому что о немъ офиціально имѣлись самыя неблагопріятныя свѣдѣнія. Теперь происходитъ аналогическое посягательство на высшаго начальника въ частномъ обществѣ. Этотъ особый способъ терроризаціи входитъ въ моду и въ частной, и въ государственной службѣ. Чѣмъ же ограждаетъ отъ него законъ?

Начать съ того что по закону (*Уложеніе о Наказаніяхъ*, ст. 1533 и слѣд.) „непосредственныя" личныя оскорбленія, какъ ихъ называетъ наше карательное законодательство, только тогда подвергаются *уголовному* въ собственномъ смыслѣ взысканію (исключая случаи оскорбленія лицъ состоящихъ на государственной службѣ) когда они суть умышленныя и *тяжкія* побои. *Простой* ударъ хоть и есть *оскорбленіе чести*, какъ это явствуетъ изъ рубрики подъ которую онъ отнесенъ въ *Уставѣ о Наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями* (гл. XI), но считается лишь обидою дѣйствіемъ (а не оскорбленіемъ), и влечетъ за собою возмездія такого рода:

Если къ обидѣ *данъ поводъ* обиженнымъ—*тахітит* пятнадцатидневный арестъ или пятьдесятъ рублей штрафу (*Уставъ* ст. 133).

Если обида нанесена *безо всякаго повода*—*тахітит* арестъ на одинъ мѣсяцъ (*Id.*, ст. 134).

Если обида нанесена съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, или же въ публичномъ мѣстѣ—*тахітит* арестъ на три мѣсяца (*Id.*, ст. 135).

Въ данномъ случаѣ, подавшемъ поводъ къ этимъ соображеніямъ, наказаніе не можетъ состояться иное какъ то которое указано въ послѣдней изъ приведенныхъ нами статей, потому что въ поступкѣ очевидно есть умыселъ, какъ достаточно яв-

ствуетъ изъ нашей корреспонденціи; а еслибъ онъ не былъ признанъ—есть другой указанный статьею элементъ „публичное мѣсто“ (нападеніе произошло на улицѣ): кассаціонный же департаментъ разъяснилъ (1867 г. №№ 179 и 558, 1869 г. № 130), что по статьѣ 135 „подлежатъ наказанію виновные въ нанесеніи обиды при существованіи *хотя одного* изъ исчисленныхъ въ этой статьѣ обстоятельствъ, *независимо* отъ того былъ ли данъ поводъ къ обидѣ самимъ обиженнымъ или нѣтъ.“

Замѣтьте при этомъ что обидчикъ дѣйствовалъ даже не вслѣдствіе своего увольненія, такъ что его поступокъ не можетъ быть объясненъ раздраженіемъ. Прошло полтора года послѣ того какъ онъ былъ уволенъ.

Такимъ образомъ обидчикъ въ данномъ и ему подобныхъ случаяхъ подвергается аресту maximum на три мѣсяца.

Спрашивается теперь, удовлетворяется ли этимъ чувство справедливости. Законъ имѣетъ общій характеръ, значеніе его въ примѣненіи зависитъ отъ обстоятельствъ. Заслуженный морской офицеръ, отдавшій 30 лѣтъ своей жизни отечеству, капитанъ 1-го ранга, которому громадное общество ввѣрило милліонные интересы, изъ-за заботъ объ этихъ интересахъ тяжко оскорбленъ человѣкомъ удаленнымъ въ интересахъ Общества, какъ свидѣтельствуетъ журналъ совѣта, — и только три мѣсяца ареста... Нѣтъ надобности настаивать: несоразмѣрность, въ данномъ случаѣ, проступка съ наказаніемъ колетъ глаза.

Но въ вопросѣ есть еще болѣе общая, еще болѣе серіозная сторона. Въ самомъ дѣлѣ, какой выгнанный изъ службы забулдыга не рискнетъ двумя—тремя мѣсяцами ареста чтобы сорвать сердце на удалившемъ его начальникѣ, или на начальникѣ узнавшемъ заранѣе его порочныя качества и не допускающемъ его къ общественному служенію? Гдѣ же гарантія начальственныхъ и отвѣтственныхъ лицъ отъ подобныхъ посягательствъ? Не на дуэль же вызывать! Дуэль держится въ нравахъ какъ восполненіе недостаточнаго законодательства: но она умѣстна лишь между нравственно равными личностями. Возможно ли порядочному человѣку выходить на барьеръ со всякимъ кому вздумается или кого пожалуй наймутъ оскорбить его. Неужели носить съ собою въ карманѣ револьверъ? Если же нѣтъ никакой, ни законодательной, ни иной гарантіи, то что же будетъ наконецъ со всевозможными сферами дѣятельности въ странѣ? Фабрикантъ не станетъ ли опасаться прогнать пьяницу рабочаго: „ударитъ, и взятки гладки!“ Администраторъ любаго предпріятія не побоится ли удалить неисправнаго служащаго: „обидитъ дѣйствіемъ!“ Не водворится ли наконецъ у насъ своеобразный терроръ?

Сказанное достаточно указываетъ на необходимость серіознаго пересмотра узаконеній касающихся личныхъ оскорбленій и возвышенія строгости наказаній. Необходимость эта станетъ еще очевиднѣе если принять въ соображеніе что дѣло это имѣетъ огромное значеніе не для однихъ личныхъ интересовъ людей оскорбляемыхъ, но и для общественныхъ интересовъ. Наши общественныя дѣла идутъ плохо и вяло. Что же будетъ если пойдетъ въ ходъ такого рода терроризація? Пожалуй образуются шайки готовыхъ обидчиковъ, которыхъ можно будетъ нанимать для того чтобъ отмстить кому нужно и держать подъ страхомъ людей слишкомъ дѣятельныхъ, слишкомъ чувствующихъ свою отвѣтственность, слишкомъ ревностныхъ къ дѣлу своего служенія. Чего стоитъ иному проходимцу рискнуть тремя мѣсяцами ареста? Да и нѣтъ необходимости самому рисковать: не трудно за небольшую мзду подыскать человѣка который съ радостью сядетъ подъ арестъ на даровое содержаніе. Не ясна ли необходимость придать обидѣ дѣйствіемъ, при отсутствіи смягчающихъ обстоятельствъ, серіозное уголовное значеніе?

№ 121.

Москва, 15-го мая.

Отказъ Англіи присоединиться къ принятымъ на Берлинской конференціи новымъ предложеніямъ которыя имѣютъ быть представлены Портѣ сообща отъ великихъ державъ есть фактъ удостовѣренный самимъ Британскимъ правительствомъ. О немъ возвѣстили одновременно въ обѣихъ палатахъ премьеръ и статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, уклонившись отъ сообщенія мотивовъ этого рѣшенія на томъ основаніи что „самыя предложенія еще не предъявлены Портѣ.“ Мотивы эти, однако, только и могутъ дать ключъ для сужденія о цѣляхъ и видахъ англійской политики.

Journal de St.-Pétersbourg, въ приведенной нами вчера замѣткѣ, предполагаетъ что „сдержанность“ англійскихъ министровъ произошла не столько быть-можетъ изъ опасенія нарушить тайну берлинскихъ резолюцій, сколько „изъ желанія избѣжать объясненій которыя, при настоящемъ настроеніи умовъ, не встрѣтили бы единодушнаго благопріятнаго пріема даже въ Соединенномъ Королевствѣ.“ Едва ли это вѣрно. О дѣйствительномъ настроеніи умовъ англійской публики по вопросу о вѣковомъ спорѣ христіанъ и мусульманъ въ Турціи судить теперь весьма трудно, но поскольку оно направляется печатью, мы въ послѣднее время замѣчаемъ въ ней поворотъ далеко неблагопріятный для турецкихъ христіанъ. Англійская печать судитъ о мотивахъ отказа Англіи столь же свободно какъ и другія газеты въ Европѣ, и повсюду указываются почти одинаковые поводы.

Указанія эти мы тѣмъ менѣе въ правѣ оставить безъ вниманія что „дипломатически“ или „офиціально“ Англійское правительство не имѣетъ надобности откровенно высказываться. Всегда можно уклониться подъ какимъ-нибудь формальнымъ предлогомъ. Такъ, и теперь уже говорятъ будто Англійскій кабинетъ болѣе всего былъ смущенъ замѣчаніемъ Берлинскаго меморандума что державы въ случаѣ безуспѣшности ихъ предложеній приступятъ къ новымъ совѣщаніямъ для принятія дальнѣйшихъ и „болѣе дѣйствительныхъ“ мѣръ. Въ этомъ Англія видитъ де косвенный намекъ на рѣшительное вмѣшательство въ дѣла Турціи, и потому де не желаетъ принимать на себя обязательства. Это, конечно, не болѣе какъ предлогъ скрывающій истинныя причины отказа. Возраженіе это одинаково могло относиться и къ первой нотѣ графа Андраши, которая была, тѣмъ не менѣе, поддержана Англіей.

Судя по всему отказъ Англіи вызванъ именно тѣмъ чѣмъ меморандумъ Берлинской конференціи отличается отъ ноты графа Андраши и въ чемъ онъ идетъ далѣе ея, хотя она и была принята въ основаніе новыхъ переговоровъ.

По словамъ берлинскаго корреспондента *Кельнской Газеты*, отказъ Англіи мотивированъ тѣмъ что будто Турцію слишкомъ прижимаютъ и тѣмъ поощряютъ инсургентовъ: такъ, на время перемирія предполагается де сосредоточить турецкія войска лишь въ извѣстныхъ пунктахъ и въ то же время оставить инсургентовъ неразоруженными. Это объясненіе подтверждается почти единогласно англійскою печатью. *Pall Mall Gazette* находитъ между нынѣшними предложеніями и нотой графа Андраши такую разницу: тогда де сама Порта желала чтобъ Англія участвовала въ общемъ дипломатическомъ шагѣ, а новыя настоянія державъ навѣрное де встрѣтятъ отпоръ со стороны Порты. Корреспондентъ *Daily Telegraph* даже ручается въ этомъ, ибо въ Константинополѣ считаютъ условія совершенно невозможными. Эти двѣ газеты подвизаются нынѣ за „права“ мусульманскаго фанатизма. Надо соблюдать безпристрастіе: не все де защищать христіанъ, а также и мусульманамъ дать надъ ними потѣшиться. Не все облегчать угнетенныхъ, надо дать просторъ и насилію угнетателей. Для этихъ газетъ факты Салоникскихъ убійствъ и Придорской рѣзни есть серіозное доказательство невозможности дѣлать дальнѣйшія уступки невѣрнымъ, то-есть христіанамъ. *Daily Telegraph*, газета оппозиціонная нынѣшнему кабинету, считаетъ пародіей политической справедливости что „Портѣ не дается никакого обезпеченія или награды за „всѣ ея уступки.“ „Но если другія державы,“ продолжаетъ она, „могутъ забывать что Исламъ существуетъ и долженъ „имѣть своего главу и свой центръ, то „Англія, правящая столь многими магометанами, должна тѣмъ болѣе помнить этотъ „простой и достовѣрный фактъ. Она должна потребовать чтобы справедливость была оказана и Туркамъ, и чтобы христіане не были поддерживаемы противъ магометанъ мѣрами нарушающими основныя „правила всемірной нравственности.“ Даже болѣе умѣренныя газеты отзываются въ томъ же тонѣ. *Saturday Review*, замѣчаетъ со вздохомъ: „несмотря на отреченія отъ энергическихъ намѣреній, не можетъ быть сомнѣнія что на Берлинской конференціи сдѣланъ шагъ впередъ, но скорѣе въ пользу инсургентовъ чѣмъ въ пользу султана.“ А *Times*, считая новый планъ сдѣлкою между различными взглядами державъ, которая навѣрное потерпитъ такую же неудачу какъ и нота графа Андраши, замѣчаетъ что „новый планъ, „хотя австрійскій въ принципѣ, есть русскій въ подробностяхъ, и подозрительность британскаго министра возбуждена

„вѣроятностью что подробности одержатъ „верхъ надъ принципомъ.“ Мы могли бы безъ конца продолжить выписки, но довольно и приведенныхъ!

Итакъ, въ Англіи болѣе всего недовольны что имѣется въ виду давленіе на Турокъ, а не на инсургентовъ, что отъ Порты требуются гарантіи и вынуждается перемиріе. Получивъ отъ Порты, въ отвѣтъ на ноту графа Андраши, нѣкоторыя обѣщанія, державы будто бы обязаны были силой принудить къ покорности облагодѣянныхъ этими обѣщаніями инсургентовъ, и возмутительно читать что въ возбужденіи мусульманскаго фанатизма видятъ еще доводъ къ тому чтобы не поощрять надеждъ христіанъ на лучшую участь. Но зачѣмъ же и было предпринято дипломатическое вмѣшательство, по соглашенію всей Европы, какъ не для улучшенія ихъ участи? Слѣдовало бы сказать что эти мѣры недостаточны, что требуются другія, болѣе широкія и соотвѣтственныя обстоятельствамъ, но говорить: зачѣмъ эти мѣры клонятся къ пользѣ порабощенныхъ христіанъ и къ невыгодѣ господствующихъ надъ ними мусульманъ? - есть верхъ цинизма.

Исходъ во всякомъ случаѣ долженъ быть найденъ, и если его не въ состояніи будетъ найти дипломатія, онъ будетъ вынужденъ событіями. Турція не можетъ оставаться въ прежнемъ видѣ: она и теперь, какъ признаетъ *Times*, не та что даже полгода тому назадъ, и думать о возможности сохраненія *statu quo* въ смыслѣ увѣковѣченія турецкаго произвола есть заблужденіе. Что же остается дѣлать? И теперь, какъ и въ началѣ возстанія, предстоитъ выборъ между вмѣшательствомъ и невмѣшательствомъ, но какъ та, такъ и другая политика должна имѣть ясную и опредѣленную цѣль. Скажемъ сперва нѣсколько словъ о первой. Политика вмѣшательства, уже въ то время когда Англія приступила къ нотѣ графа Андраши, могла исходить только изъ той точки зрѣнія что Турція не есть вполнѣ независимое государство, что она находится подъ опекой Европы, торжественнымъ протоколомъ коей были ограждены и права христіанскихъ подданныхъ Оттоманской имперіи. Какимъ же образомъ Англичане, столь дорожащіе Парижскимъ трактатомъ, считаютъ „нарушеніемъ общественной нравственности“ настояніе на гарантіяхъ чтобы равноправность, такъ давно обѣщанная, стала наконецъ дѣйствительностью, а не пустымъ словомъ? Только въ этомъ смыслѣ вмѣшательство могло быть *законно*, и согласно ли съ общественною нравственностью жалѣть что эта равноправность будетъ къ пользѣ христіанъ? Предъ голосомъ всей Европы Турція не только не посмѣла бы, но и не имѣла бы права отказывать въ требуемыхъ обезпеченіяхъ.

Къ сожалѣнію, отказъ Англіи участвовать въ новыхъ представленіяхъ Портѣ можетъ лишить вмѣшательство общеевропейскаго характера дающаго ему силу. Отказъ этотъ, какъ цинически ожидаетъ *Spectator*, находящій требованія державъ „неразумными потому что они возродятъ надежды во всѣхъ христіанахъ нынѣ покорныхъ изъ отчаянія,“—поощритъ султана къ сопротивленію. Если Англія надѣется своимъ уклоненіемъ обезсилить дипломатическое вмѣшательство, и принудить другія державы къ политикѣ невмѣшательства, тогда конечно ея отказъ получаетъ иной смыслъ. Въ пользу невмѣшательства можно сказать многое. Но прежде всего должно оговориться что, какъ вмѣшательство должно было имѣть ясную, опредѣленную цѣль, такъ и невмѣшательство должно быть полное. Изреченіе Кавура: *Italia farà da se* должно быть примѣнено и къ Балканскому полуострову. Державы должны бы предоставить участь Турціи рѣшенію борющихся въ ней силъ. Племена на Балканскомъ полуостровѣ только этого и желаютъ, просятъ этого какъ милости. До сихъ поръ имъ ни разу не представлялась къ тому возможность. Возстанія въ Турціи повторялись весьма часто, но христіанамъ всегда приходилось бороться не противъ только Турокъ, но также противъ покровителей Турокъ поддерживавшихъ ихъ деньгами и дипломатіей. И теперь, какъ слышно, изъ Англіи шлются Туркамъ деньги!! Англійскія газеты протестуютъ противъ перемирія, потому что имъ де парализуются силы султана когда онѣ можетъ быть близки къ окончательному успѣху. Инсургенты, однако, какъ свидѣтельствуетъ нашъ корреспондентъ, иного мнѣнія и находятъ перемиріе болѣе невыгоднымъ для себя чѣмъ для Турокъ, коимъ оно дастъ возможность собрать бо́льшія силы. Они не сомнѣваются въ счастливомъ для себя исходѣ

борьбы даже при нынѣшнихъ неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія что при полномъ невмѣшательствѣ борьба не останется мѣстною, а приметъ болѣе общій характеръ и охватитъ всю Турцію. Несправедливо говорятъ англійскія газеты что вмѣшательство до сихъ поръ было въ пользу инсургентовъ. Напротивъ, оно было болѣе въ пользу Турокъ, сдержавъ и парализовавъ Сербію и Черногорію. Съ прекращеніемъ вмѣшательства, само собой разумѣется не можетъ быть болѣе повода налагать узду на княжества. Невмѣшательство, чтобы быть полнымъ и справедливымъ, должно распространяться на всю ту систему которая зовется Оттоманской имперіей, и въ составъ которой входятъ и Египетъ, и Дунайскія Княжества, и Сербія, и даже Черногорія, которая хотя и не вассальна султану, но окружена его владѣніями. Державы имѣли право сдерживать Сербію и Черногорію только принимая на себя заботу достигнуть умиротворенія Герцеговины гарантіями равноправности христіанъ. Если же, по какимъ-либо причинамъ, хотя бы, напримѣръ, вслѣдствіе отказа Англіи, онѣ принуждены будутъ отказаться отъ этой задачи, то по справедливости онѣ обязаны будутъ не препятствовать болѣе Сербамъ и Черногорцамъ открыто пойти на помощь своимъ братьямъ. Утверждали будто сами Турки только и ждутъ чтобъ имъ развязали руки относительно Сербіи и Черногоріи. Вѣрно однако то что христіане въ Турціи убѣждены что тогда нынѣшній *statu quo* въ имперіи не устоитъ.

При невмѣшательствѣ обязателенъ и строгій нейтралитетъ сосѣдей. Дружескія услуги одной сторонѣ были бы его нарушеніемъ. Дозволеніе высадки турецкихъ войскъ въ Клекѣ есть услуга очень облегчающая Туркамъ борьбу и на которую горько жалуются инсургенты. Клекъ есть турецкій портъ въ узкой полосѣ идущей отъ моря въ Боснію между австрійскими владѣніями, но воды всего прибрежья, не исключая турецкихъ портовъ Клека и Сутторины, суть австрійскія; и турецкое правительство, на основаніи конвенціи, не имѣетъ права держать тамъ военныя суда или высаживать войска, не испросивъ предварительно каждый разъ особаго разрѣшенія австрійскаго правительства. А между тѣмъ, конечно, доставка войскъ моремъ гораздо дешевле и скорѣе чѣмъ сухимъ путемъ по гористой мѣстности...

№ 123.

Москва, 17-го мая.

Объясненія данныя графомъ Андраши въ бюджетной коммиссіи австрійской делегаціи 20-го мая, не поднимая покрывала съ рѣшеній принятыхъ на Берлинскихъ конференціяхъ, представляютъ однако большой интересъ. Они особенно любопытны въ связи съ отказомъ Англіи присоединиться къ рѣшеніямъ принятымъ прочими великими державами. Графу Андраши, игравшему до сей поры, съ общаго согласія трехъ сѣверныхъ державъ, первенствующую роль въ заботахъ объ умиротвореніи возмущенныхъ провинцій Турецкой имперіи, приходилось оправдываться противъ обвиненій почти тождественныхъ съ возраженіями Англіи противъ новыхъ требованій отъ Порты. Какъ запросы различныхъ ораторовъ, такъ и отвѣты графа Андраши одинаково характеристичны. Почитая тѣ и другіе, мы повергаемся въ недоумѣніе: какова же, наконецъ, политика Австрійской монархіи въ отношеніи къ нынѣшнимъ затрудненіямъ на Востокѣ? До сихъ поръ повидимому общее мнѣніе было таково что къ Герцеговинскому движенію и вообще къ участи христіанскихъ подданныхъ Порты болѣе благопріятно относились въ западной, цислейтанской половинѣ монархіи, и что принятыя въ послѣднее время болѣе суровыя мѣры относительно бѣжавшихъ въ Австрію выходцевъ и случайно переходящихъ Австрійскую границу инсургентовъ, коихъ интернируютъ скованными въ цѣпяхъ какъ разбойниковъ или преступниковъ противъ Австріи, слѣдовало де приписать тому что въ общихъ совѣтахъ монархіи одержала верхъ чисто венгерская политика. Правда, въ Венгріи вообще не могутъ смотрѣть доброжелательно ни на какое славянское движеніе; но теперь оказывается что и въ господствующей партіи цислейтанской половины Габсбургской монархіи не слышится ни одного добраго слова за христіанъ Турціи. Вся забота политиковъ здѣшнихъ обращена исключительно на другую сторону. Они расположены критиковать излишнюю снисходительность въ отношеніи къ инсургентамъ и чрезмѣрную строгость въ

требованіяхъ обращенныхъ къ Портѣ, и графу Андраши предстояло оправдываться отъ этихъ нареканій и доказывать противное. Знаменательно что какъ упреки, такъ и оправданія, относились не къ рѣшеніямъ принятымъ въ Берлинѣ, относительно коихъ графъ Андраши не могъ дать, по дипломатическимъ соображеніямъ, подробныхъ объясненій, а къ прежнимъ дѣйствіямъ Австро-Венгерскаго правительства.

На нѣкоторые вопросы въ этомъ отношеніи графомъ Андраши не было дано никакого отвѣта. Такъ оставленъ безъ отвѣта щекотливый вопросъ г. Искры о томъ „какой былъ для Австріи интересъ въ томъ что возстаніе пользовалось австрійскою территоріей, и что австрійскимъ подданнымъ было дозволено помогать ему оружіемъ, деньгами и людьми“ и „Какія причины заставили правительство перемѣнить образъ дѣйствій относительно инсургентовъ?“ Тотъ же ораторъ указывалъ на „непослѣдовательность такого образа дѣйствій съ постоянно-честной политикой Австрійскаго правительства въ отношеніи къ государствамъ съ которыми оно находится въ дружески-сосѣдственныхъ отношеніяхъ, а г. Гербстъ указывалъ на публично-устраивавшіяся демонстраціи въ Рагузѣ, на покупку и выгрузку оружія въ Тріестѣ для инсургентовъ. Вопросы эти остались безъ отвѣта со стороны графа Андраши; но онъ всячески старался доказывать что дѣйствія его были скорѣе благопріятны для Порты. Относительно ея, какъ онъ утверждалъ, Австрія всегда соблюдала „доброжелательный нейтралитетъ,“ и никогда не признавала инсургентовъ воюющею стороной. Въ доказательство того что къ Сербіи Австро-Венгерское правительство относилось не особенно дружески, онъ указалъ на извѣстную демонстрацію въ Бѣлградѣ. Наконецъ, и Черногорію отстаивали противъ Турціи потому только что, вступивъ съ нею въ войну, Порта еще менѣе была бы въ состояніи справиться съ движеніемъ Босніи и Герцеговины: „Сербіи было объявлено что непріязненныя дѣйствія съ ея стороны не будутъ терпимы, и такимъ образомъ эта страна была принуждена къ сохраненію мира.“ Итакъ, когда англійская печать осуждала дипломатическое вмѣшательство за излишнее пристрастіе къ инсургентамъ, графъ Андраши, на оборотъ, доказываетъ что это вмѣшательство клонилось исключительно къ выгодѣ Порты.

Но это все относится къ прошедшему. Что же касается настоящаго положенія дѣлъ и въ особенности будущихъ намѣреній Австрійскаго правительства, то изворотливость и сбивчивость объясненій австро-венгерскаго канцлера обнаружили все двусмысліе его положенія. Помимо даже того что онъ не могъ сообщить делегатамъ содержанія принятыхъ въ Берлинѣ рѣшеній, онъ очевидно не могъ дать никакого опредѣлительнаго объясненія своей политики.

Нынѣ господствующія въ Австріи партіи болѣе всего встревожены опасностью усиленія славянскаго элемента въ сосѣднихъ провинціяхъ Турціи. Въ началѣ повидимому не разчитали что движеніе въ Босніи и Герцеговинѣ пробудитъ сочувствіе въ Сербіи и Черногоріи, и теперь австрійскіе политики пуще всего боятся чтобы населенія Босніи и Герцеговины не получили слишкомъ многаго. Графъ Андраши, повидимому, все еще мечтаетъ объ удовлетвореніи ихъ одними обѣщаніями придуманныхъ имъ реформъ. Забывая что его же собственная нота, поддержанная тогда и Англіей, была грознымъ обвинительнымъ актомъ противъ Порты въ совершенномъ неисполненіи ею всѣхъ ея прежнихъ торжественныхъ обязательствъ предъ Европой, онъ теперь заявляетъ что „предложенныя Австріей реформы начинаютъ приводиться въ исполненіе.“ Непринятіе реформъ инсургентами онъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ что только трое изъ вождей ихъ вступили въ сношенія съ представителями державъ, остальные же сносились съ различными лицами разныхъ странъ, съ журналистами, окружавшими себя авторитетомъ своихъ монархій и даже дѣйствовавшими отъ ихъ имени. И только поэтому де и случилось что инсургенты не хотятъ болѣе вѣрить обѣщаніямъ Порты!

Странно что никто изъ слушавшихъ эти объясненія членовъ австрійской делегаціи не принялъ за шутку такого неслыханнаго сознанія министра въ неспособности исполнить взятое на себя дѣло. Графъ Андраши взялъ на себя достигнуть умиротворенія дѣйствіемъ на обѣ стороны. Дѣло это ему было довѣрено всею Европой, и, по его словамъ, выходитъ что его авторитетъ потерпѣлъ фіаско вслѣдствіе вліянія

какихъ-то темныхъ личностей изъ разныхъ странъ. Онъ не сказалъ наконецъ какія это реформы *начали приводиться въ исполненіе,* а между тѣмъ самъ далѣе долженъ былъ сознаться что нежданныя происшествія въ Салоникахъ и Смирнѣ заставили отступить отъ обычной формы переговоровъ и прибѣгнуть къ телеграфной корреспонденціи; самъ же онъ призналъ что „петиція инсургентовъ заключаетъ въ себѣ частью допустимое,“ и что реформы требуютъ практическихъ гарантій.

Изо всего этого можно видѣть что въ совѣтахъ государственныхъ людей Австріи господствуетъ удивительное двусмысліе. Графъ Андраши съ особеннымъ удареніемъ ставилъ на видъ что въ Берлинѣ подтвердилось согласіе державъ, и что этимъ устраняется опасность для общаго мира. Но пора бы кажется прекратить эти увѣренія которыя для многихъ являются только подтвержденіемъ сомнѣній въ противномъ. Если ни одна изъ державъ не ищетъ извлечь корыстныхъ выгодъ изъ нынѣшнихъ затрудненій въ Турціи, то какая же опасность можетъ возникнуть вслѣдствіе удовлетворенія признанныхъ справедливыми требованій инсургентовъ? Мы не видимъ также надобности въ постоянно новыхъ подтвержденіяхъ согласія державъ, которое давно уже установилось. На Берлинскихъ конференціяхъ были приняты какія-нибудь рѣшенія, и графъ Андраши заявилъ что рѣшено побудить Порту къ исполненію реформъ и заставить инсургентовъ принять реформы. Послѣднее для насъ не совсѣмъ понятно, но первое явно не согласно съ показаніемъ что „реформы уже приводятся въ исполненіе.“

Графъ Андраши, притомъ, сдѣлалъ важную обмолвку, которою вѣроятно не преминетъ воспользоваться имъ же изобличаемая спекуляція на разногласіе державъ. Онъ дважды говорилъ что предполагаемыя время отъ времени конференціи державъ устраняютъ опасность „эгоистическихъ интересовъ отдѣльныхъ державъ,“ и что съ устраненіемъ Австріи изъ общаго концерта европейскихъ державъ улаженіе дѣла было бы предоставлено „другимъ державамъ которыя тогда рѣшительнѣе выступили бы съ своими отдѣльными интересами.“ Изъ объясненій графа Андраши, столь переполненныхъ противорѣчіями, рѣшительно нельзя понять что онъ хотѣлъ сказать этими странными намеками?

№ 124.

Москва, 18-го мая.

Сейчасъ полученная нами телеграмма о сверженіи султана Абдулъ-Азисъ-хана съ престола поразила, но не изумила насъ. Съ тѣхъ поръ какъ начались странныя движенія въ мусульманскомъ населеніи турецкой столицы, этого переворота можно было ожидать ежечасно, и весь вопросъ былъ въ томъ случится ли онъ ранѣе или позднѣе, если не предотвратитъ его какая-нибудь случайность. Давно уже ходили слухи что самъ султанъ опасался этой катастрофы. То разнеслись вдругъ слухи что законный наслѣдникъ его Мурадъ, сынъ покойнаго султана Абдулъ-Меджида, исчезъ неизвѣстно куда; потомъ объяснилось это тѣмъ что султанъ, тревожимый постоянно мыслью о заговорѣ, сдѣлалъ распоряженіе чтобы держать своего племянника подъ строжайшимъ заключеніемъ. Всѣ эти слухи оправдались ранѣе чѣмъ можно было ожидать.

„Султанъ Абдулъ-Азисъ по народному желанію низложенъ съ престола, и султаномъ провозглашенъ наслѣдникъ его Мурадъ-эфенди,“ такъ гласитъ телеграмма. Что значитъ тутъ народное желаніе, это видно изъ письма нашего константинопольскаго корреспондента въ послѣднемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей.* Низложеніе Абдулъ-Азиса есть завершеніе исторіи константинопольскихъ улемовъ и софтъ, которая навела ужасъ на христіанское населеніе столицы и началась требованіемъ увольненія высшихъ сановниковъ въ государствѣ, садразама и шейхъ-юль-ислама. Но новыя назначенія не вполнѣ удовлетворили вождей мульманскаго фанатизма, познавшихъ свою силу и трепетъ султана. Какъ писалъ нашъ корреспондентъ, улемы и софты готовились сдѣлать новую демонстрацію чтобы принудить султана назначить великимъ визиремъ любезнаго имъ Митхатъ-пашу, который только что отказался повиноваться своему государю и не захотѣлъ ѣхать въ Бруссу куда былъ назначенъ губернаторомъ. Въ награду за это ослушаніе, избранникъ улемовъ и софтъ былъ назначенъ министромъ безъ портфеля: султанъ уступилъ, хотя навязанный ему министръ былъ ему особенно ненавистенъ по своимъ планамъ ограничить султанскую власть назначеніемъ нѣкоего несмѣняемаго совѣта, какою-то пародіей на конституцію.

Что низложеніе Абдулъ-Азиса входило, между прочимъ, въ планъ интригъ давно ведущихся въ Константинополѣ, это не подлежитъ сомнѣнію. Мы увѣрены что и корреспондентъ нашъ не упомянулъ объ этомъ только по своей обычной осторожности, слѣдуя правилу сообщать только вполнѣ достовѣрныя извѣстія. Но ожидаемое низложеніе было давно уже предметомъ общаго говора въ Константинополѣ. Письмо корреспондента помѣчено отъ 9 мая, 21 нов. ст.; а въ полученномъ сегодня нумерѣ газеты *Times*, еще до полученія телеграммы, мы прочли помѣщенныя одновременно два письма ея корреспондента изъ Константинополя, отъ 16 и 18 мая, которыя оба трактуютъ о томъ же предметѣ какъ и письмо нашего корреспондента, то-есть о движеніи софтъ и улемовъ, и въ обоихъ прямо говорится что въ случаѣ несговорчивости султана можно ожидать его низложенія. Въ одной изъ этихъ корреспонденцій сказано: „Абдулъ-Азисъ подчи„нится всякимъ условіямъ, ибо онъ не мо„жетъ бороться, и хорошо знаетъ что и „евнухи его не станутъ за него сражать„ся. Буде же, однако, онъ окажетъ упрям„ство, софты уже заключили условіе съ „его наслѣдникомъ. Абдулъ-Азисъ будетъ „низложенъ, и вмѣсто него воцарится его „племянникъ Мурадъ.“ Въ слѣдующемъ письмѣ, помѣщенномъ въ томъ же нумерѣ, корреспондентъ пишетъ: „Игра эта не мо„жетъ долго длиться, такъ какъ, по об„щему здѣсь мнѣнію, софты не станутъ „долѣе церемониться съ непопулярнымъ сул„таномъ, и не пройдетъ и двадцати дней „какъ Мурадъ-эфенди будетъ привезенъ въ „мечеть Эйуба чтобъ препоясаться мечемъ „Османа.“ Должно-быть Абдулъ-Азисъ оказался менѣе сговорчивымъ, ибо не прошло и часу по прочтеніи этихъ строкъ какъ телеграмма извѣстила насъ объ исполненіи предсказанія.

Событія, какъ видно, идутъ быстро на Востокѣ; но несмотря на свою неожиданность, они явно находятся въ связи. Какъ разъ во время Берлинскихъ совѣщаній народная мусульманская демонстрація принуждаетъ султана смѣстить великаго визиря Махмудъ-пашу, котораго находили слишкомъ податливымъ на требованія державъ. По смѣнѣ его, стало извѣстно что Англія отказывается поддерживать Берлинскій меморандумъ. Всѣ поняли что за этимъ послѣдуетъ отказъ Порты принять во вниманіе этотъ меморандумъ. Но должно быть и со стороны преемника Махмуда, Мегметъ-Рюшди-паши, опасались уступчивости, и вотъ софты уже начали готовить новую демонстрацію. Ожидались требованія новыхъ перемѣнъ и возведеніе Мидхата въ садразамы; между тѣмъ шла уже рѣчь объ отозваніи русскаго посла, противъ котораго появилась возмутительно-наглая выходка въ *Levant Herald*. Но вотъ, прежде дальнѣйшихъ перемѣнъ, султанъ свергнутъ съ престола, и на его мѣсто возводится его племянникъ. Во всѣхъ этихъ, столь быстрыхъ, переворотахъ чуется одна направляющая рука.

Ограниченіе произвола султана, нѣчто въ родѣ конституціи! И кто же этого требуетъ? Софты, улемы, самая фанатическая часть мусульманскаго населенія, корпорація слѣпо преданная Корану и кромѣ него ничего не признающая! Но главное зло не въ произволѣ султана, а въ томъ что онъ есть глава исламизма. Населенія не столько терпятъ отъ султанскихъ прихотей сколько отъ гнета мусульманской орды господствующей въ имперіи. Власть султана еще служитъ уздой чтобы нѣсколько сдерживать буйство мусульманскаго фанатизма. Что же будетъ если замѣнятъ эту единственную, хотя и слабую, гарантію, отъ которой возможно бывало иногда требовать нѣкоторыхъ, хотя бы ничтожныхъ, уступокъ въ пользу презрѣнныхъ гяуровъ,— что будетъ когда власть султана будетъ ограничена въ пользу несмѣняемаго министерства, которому султанъ долженъ будетъ подчиняться и которое онъ долженъ избрать по указанію софтъ и улемовъ?

„Султанъ долженъ царствовать, но не управлять,“ говорятъ *soi-disant* турецкіе конституціоналисты, пародируя извѣстный афоризмъ. Но тогда пожалуй каждый Турокъ будетъ султаномъ. Или ожидать равноправности христіанъ отъ софтъ и улемовъ требующихъ ограниченія произвола султана? Но первымъ ихъ требованіемъ было удаленіе министра ненавидимаго ими за сдѣланныя имъ будто бы уступки настояніямъ дипломатіи. Вмѣсто его, выдвинуты ими люди желавшіе энергическихъ дѣйствій, уклоненія отъ всякихъ переговоровъ и немедленной войны противъ Сербіи и Черногоріи. Зловѣщіе признаки какъ для христіанскихъ населеній, такъ и для самой Оттоманской имперіи! Уже теперь, послѣ Салоникскихъ убійствъ, повторяют-

ся нападенія на иностранныхъ представителей въ Мостарѣ, какъ пишетъ сегодня нашъ корреспондентъ изъ Рагузы, и въ Бруссѣ, какъ писалъ вчера константинопольскій корреспондентъ. Чего опасаются христіане въ самой столицѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ полученное нами сегодня письмо отъ случайнаго корреспондента (Араба православнаго исповѣданія) изъ Константинополя. Дѣло значитъ шло не объ ограниченіи произвола султана для пользы населенія, а имѣлись въ виду иныя цѣли.

Нашъ корреспондентъ передавалъ намъ вчера о распространенномъ между многими убѣжденіи что требованія улемовъ поощрялись именно англійскою дипломатіей, разчитывающею усилить свое вліяніе и успѣшнѣе направлять дѣла въ Турціи сообразно своимъ видамъ. Насъ это не удивляетъ, ибо совершающееся совпадаетъ съ тѣмъ что уже давно писалось въ англійскихъ газетахъ. Еще въ прошломъ году мы читали постоянныя сѣтованія англійскихъ корреспондентовъ на прихоти султана. И тогда уже указывали они на необходимость чтобы министры назначались непремѣнно на продолжительный срокъ, говорили о Мидхатъ-пашѣ какъ самомъ просвѣщенномъ изъ турецкихъ сановниковъ и наиболѣе умѣющимъ цѣнить пользу дружбы Англіи; словомъ, выставлялись почти всѣ тѣ требованія кои потомъ предъявлены улемами и софтами.

Мы не удивимся если стамбульская революція будетъ восторженно привѣтствована англійскою печатью. Мы читывали въ прошломъ году похвалы англійскихъ корреспондентовъ наслѣднику престола и сѣтованія что султанъ держалъ его вдали, выдвигая собственнаго сына и даже замышляя перемѣну престолонаслѣдія. Слѣдовательно, и эта послѣдняя радикальная перемѣна правленія согласна съ англійскими желаніями.

О новомъ султанѣ мы знаемъ очень мало. Говорятъ онъ образованъ, знаетъ языки французскій и англійскій. Но онъ вступаетъ на престолъ въ трудныя времена для имперіи, а гаремное воспитаніе, хотя и съ знаніемъ языковъ, плохо способствуетъ развитію характера. По турецкимъ обычаямъ, онъ не могъ пріобрѣсти никакой опытности для занятія дѣлами. Къ тому же онъ достигаетъ власти не совсѣмъ свободнымъ: если вѣрить корреспонденту *Times*, имъ были заранѣе заключены какія-то условія съ софтами.

Новый султанъ, будь онъ человѣкъ дѣйствительно просвѣщенный и энергическій, имѣлъ бы средство покончить сразу съ затрудненіями, ознаменовавъ начало своего царствованія добровольнымъ дарованіемъ провинціямъ не только того что уже было признано справедливымъ, но не исполнено его предшественникомъ, а даже бо́льшихъ уступокъ, и тѣмъ доказать что онъ желаетъ и способенъ водворить миръ въ имперіи. Но едва ли можно утѣшаться подобными надеждами. Переворотъ едва ли совершенъ съ такою цѣлью; и скорѣе можно опасаться не подалъ бы онъ повода къ новымъ взрывамъ мусульманскаго фанатизма...

№ 125.

Москва, 19-го мая.

Не обнародованныя до сихъ поръ рѣшенія принятыя Берлинскою конференціей служатъ предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ въ европейской печати, вопреки „тайнѣ" въ коей постановлено сохранять эти рѣшенія до офиціальнаго сообщенія ихъ Оттоманской Портѣ. Кромѣ газетныхъ толковъ и болѣе или менѣе „офиціозныхъ" сообщеній по этому предмету, не было недостатка и въ офиціальныхъ заявленіяхъ намѣтившихъ если не все содержаніе упомянутыхъ занятій, то по крайней мѣрѣ крайніе предѣлы оныхъ. Изъ заявленій графа Андраши предъ австро-венгерскими делегаціями довольно явственно можно заключить какія стороны Восточнаго вопроса остались *нетронутыми*. Пештскій корреспондентъ *National-Zeitung* слѣдующимъ образомъ суммируетъ результаты Берлинской конференціи, основываясь на объясненіяхъ данныхъ графомъ Андраши предъ Венгерскою делегаціей: Австрійскій министръ сказалъ что Берлинскія совѣщанія руководящихъ министровъ были предприняты во избѣжаніе „недоразумѣній" порождаемыхъ переговорами путемъ телеграфа; изъ этого слѣдуетъ де что до конференціи „недоразумѣнія" были. Далѣе, австрійскій министръ съ удареніемъ указалъ на то что онъ рѣшительно отвергаетъ мысль о военномъ занятіи возставшихъ провинцій. Сопоставляя это заявленіе съ указаніемъ на недоразу-

мѣнія легко де догадаться что недоразумѣнія, бывшія до конференціи относились именно къ вопросу о военномъ занятіи. А такъ какъ конференція состоялась по предложенію князя Горчакова, то это даетъ де поводъ къ дальнѣйшему предположенію что Россія настаивала на занятіи (!), а графъ Андраши этому противился, и взаимныя уступки по этому вопросу были сдѣланы при личной встрѣчѣ трехъ канцлеровъ. Неправильность этого толкованія бросается въ глаза. Съ самаго начала возстанія и въ австрійскихъ и въ англійскихъ газетахъ прокрадывалась рѣчь о занятіи провинцій австрійскими войсками, между тѣмъ какъ въ Россіи постоянно обличалась и оспаривалась эта задняя мысль. Чтобы приблизиться къ истинѣ надо взять это толкованіе наоборотъ.

Въ австрійскихъ политическихъ сферахъ убѣждены что соглашеніе достигнуто благодаря посредничеству князя Бисмарка, по предложенію котораго постановлено ничего не предрѣшая держаться системы повторительныхъ соглашеній по поводу каждой вновь возникающей случайности.

Пока державы согласились, какъ извѣстно, потребовать перемирія отъ шести недѣль до двухъ мѣсяцевъ. Далѣе извѣстно что Англія не нашла возможнымъ присоединиться къ соглашенію, и одно изъ главныхъ возраженій ея направлено именно противъ вопроса о перемиріи. Англійскія газеты замѣчаютъ что перемиріе по требованію державъ было бы ничѣмъ инымъ какъ признаніемъ инсургентовъ воюющею стороной, а такое признаніе было бы равнозначительно признанію независимости возставшихъ провинцій.

Разбору этого вопроса международнаго права *Сѣверо-Германская Газета (Norddeutsche Allgemeine Zeitung)*, отъ 27 мая, посвятила интересную замѣтку направленную противъ теперешняго толкованія англійскихъ публицистовъ. Прусская офиціозная газета припоминаетъ что во время Американской междуусобной войны вопросъ этотъ былъ предметомъ живѣйшихъ пререканій, которыя повели къ тому что было установлено весьма опредѣленное различіе между признаніемъ въ качествѣ воющей стороны и признаніемъ независимости. Въ Англіи тогда господствовало сочувствіе къ Южной Конфедераціи, и голоса въ пользу признанія независимости оной настойчиво поднимались въ печати и конгрессѣ. Но болѣе дальновидные политики предостерегали противъ этого шага и въ концѣ концовъ одержали верхъ. Газета *Times* доказывала что государство можетъ быть признано лишь послѣ того какъ выяснится что̀ оно такое. „Что̀ такое Югъ?“ спрашивалъ тогда руководящій органъ: „должно ли причислять къ нему и Миссисипи съ Новымъ Орлеаномъ? Если да, то въ чемъ заключается *фактическая* независимость въ виду того что по названной рѣкѣ плаваютъ канонирки Сѣверной Федераціи, а войска ея занимаютъ Новый Орлеанъ? Штатъ Кентукки принадлежитъ ли къ Сѣверу, или къ Югу? Куда причислить Виргинію и Теннесси... Югъ, продолжалъ руководящій органъ Лондонскаго Города, есть пока только облако, правда ясно различаемое и довольно грозное, но все-таки не болѣе какъ облако, объемъ и фигура котораго измѣняются съ каждою побѣдой и съ каждымъ пораженіемъ; воюющія стороны еще не сумѣли начертить оружіемъ границы онаго и не намъ опредѣлять эти границы путемъ признанія.“ *Фактическая независимость* Южной Конфедераціи не была еще завоевана въ то время, а потому не могло быть и рѣчи о признаніи оной иностранною державой, ибо такое признаніе было бы равносильно вмѣшательству въ распрю. Англійское правительство вмѣшательства не желало, и потому оно ограничилось тѣмъ что признало Южные Штаты воюющей стороной. Тогдашній военный министръ сэръ-Джорджъ Ко̀рнуалъ-Луисъ слѣдующимъ образомъ формулировалъ точку зрѣнія англійскаго правительства по этому вопросу: „Принимая во вниманіе количество вооруженныхъ силъ дѣйствующихъ на театрѣ войны, способность военачальниковъ „и упорство съ какою ведется борьба, нельзя отрицать что Югъ вполнѣ заслуживаетъ названіе воюющей стороны по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ. Но „если идти дальше и утверждать что Южные Штаты остались *независимымъ государствомъ*, то сообразное съ этимъ „дѣйствіе Англіи не было бы согласно съ „началами народнаго права. Обѣ стороны „еще стоятъ другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, и объ окончательномъ „исходѣ борьбы еще ничего рѣшительнаго нельзя сказать, а пока не наступитъ „такая рѣшительная минута или пока иностраннымъ державамъ не будетъ доказано что сѣверные штаты истощены окон-

„чательно и не въ состояніи продолжать „борьбу, нельзя, по началамъ международнаго права, утверждать что южные „штаты *de facto* утвердили свою независимость.“ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* находитъ что это различіе установленное въ то время въ Англіи какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ и теперь признаваемымъ началамъ народнаго права. По мнѣнію этой газеты, коль скоро возстаніе получило военную организацію и въ теченіи извѣстнаго времени успѣло удержаться на театрѣ войны, то тѣмъ самымъ дано фактическое основаніе къ юридическому признанію онаго въ качествѣ воюющей стороны. Лишь послѣ такого признанія иностранныя державы будутъ имѣть право дѣлать представленія вождямъ возстанія, принуждать ихъ къ соблюденію международныхъ принциповъ относительно иностранныхъ подданныхъ, и въ случаѣ нарушенія таковыхъ требовать отъ нихъ удовлетворенія. Вотъ почему признаніе возстанія въ качествѣ воюющей стороны не есть мѣра чрезвычайная или враждебная державѣ борющейся съ возстаніемъ; оно не есть вмѣшательство, эта мѣра освященная международнымъ правомъ и направленная прежде всего къ тому чтобъ оградить интересы иностранныхъ подданныхъ; въ ней нѣтъ ни прямой ни косвенной поддержки возстанію. Что же касается нравственной поддержки и „доброжелательнаго нейтралитета“ связаннаго иногда съ такимъ признаніемъ, то это зависитъ отъ ближайшихъ обстоятельствъ и намѣреній признающей державы. Вообще прусская офиціозная газета думаетъ что вопросъ о томъ слѣдуетъ или не слѣдуетъ дѣйствительно признать значеніе воюющей стороны за возстаніемъ есть вопросъ политическій. Такъ большинство европейскихъ державъ отказалось въ прошломъ году признать въ этомъ качествѣ испанскихъ карлистовъ, хотя съ юридической точки зрѣнія оно несомнѣнно имъ принадлежало. По всѣмъ этимъ соображеніямъ не подлежитъ де сомнѣнію что турецкіе инсургенты имѣютъ полное право на признаніе ихъ воюющею стороною, ибо военная организація этого возстанія въ теченіе цѣлаго года не переставала усиливаться и самое возстаніе все болѣе расширяло свои предѣлы. „Правда,“ продолжаетъ министерскій органъ, „Турція до сихъ поръ борется съ возстаніемъ и говоря словами англійскаго военнаго министра „еще не „доказала что силы ея немощны и что „она не въ состояніи продолжать борьбу.“ Поэтому признаніе независимости инсургентовъ столько же затруднительно съ точки зрѣнія международнаго права, какъ въ прежнее время признаніе самостоятельности Южной Конфедераціи. Но берлинская газета не думаетъ чтобъ этотъ вопросъ могъ разсматриваться съ точки зрѣнія формальнаго права; напротивъ, основываясь на историческихъ примѣрахъ, она доказываетъ что и тутъ дѣла разрѣшаются соображеніями „высшей политики.“ Такъ, признаніе независимости Греціи европейскими державами послѣдовало какъ разъ въ то время когда греческимъ патріотамъ грозило окончательное подавленіе. Точно также нельзя де утверждать что независимость Бельгіи, установленная на Лондонской конференціи, была лишь органомъ международнаго признанія уже существовавшаго фактическаго порядка вещей; напротивъ, можно сказать что Лондонская конференція сама впервые создала Бельгійскую независимость.

Въ заключеніе офиціозная газета спѣшитъ оговориться что всѣ эти соображенія имѣютъ характеръ лишь „академическихъ“ разсужденій, такъ какъ теперь ни одна изъ европейскихъ державъ не помышляетъ де о признаніи независимости турецкихъ инсургентовъ.

Тѣмъ не менѣе мы сочли нужнымъ обратить вниманіе на выводы прусскаго правительственнаго органа, которые во всякомъ случаѣ представляютъ значительный контрастъ съ заявленіями графа Андраши, энергически отвергающаго всякую мысль о признаніи инсургентовъ воюющею стороной.

№ 126.

Москва, 20-го мая.

Два дня тому назадъ, въ № 123 *Московскихъ Вѣдомостей*, напечатанъ текстъ состоявшагося 2 апрѣля Высочайшаго повелѣнія „о продолженіи дѣйствій Русскаго Общества Пароходства, Торговли и Одесской желѣзной дороги по пароходному предпріятію послѣ 21 мая 1877 года.“ Вопросъ о правительственныхъ субсидіяхъ этому Обществу, обращавшій на себя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ особенное

вниманіе публики, получилъ такимъ образомъ законодательное рѣшеніе. Посмотримъ въ какой мѣрѣ и въ какомъ направленіи измѣнятся условія существованія Общества съ той минуты какъ это рѣшеніе войдетъ въ силу.

Извѣстно что обстоятельства при которыхъ происходило законодательное обсужденіе вопроса о субсидіяхъ Русскому Обществу Пароходства и Торговли были не особенно благопріятны для правильнаго рѣшенія его. Правильному разсмотрѣнію многихъ вопросовъ въ законодательныхъ сферахъ у насъ часто вредитъ ошибочный пріемъ заключающійся въ спросѣ мнѣній только у одной изъ сторонъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, въ собираніи матеріаловъ для сужденія о немъ преимущественно чрезъ посредство одной этой стороны. Эта ошибка повторялась не разъ при пересмотрѣ таможенныхъ тарифовъ; не такъ давно она была допущена при обсужденіи вопроса объ акцизѣ на сахаръ; въ извѣстной мѣрѣ, ея не избѣгали и при разсмотрѣніи вопроса о субсидіяхъ Обществу Пароходства. Нарочная коммиссія работала около пяти лѣтъ, но главнымъ образомъ руководилась данными и соображеніями представленными самимъ подсудимымъ, естественно заинтересованнымъ въ одностороннемъ рѣшеніи вопроса. О результатахъ къ которымъ, при такихъ условіяхъ, пришла Коммиссія, публика освѣдомилась лишь въ концѣ минувшаго года, такъ что данныя и соображенія въ смыслѣ иныхъ уважительныхъ интересовъ не могли быть надлежащимъ образомъ собраны и предъявлены правительству своевременно, въ краткій срокъ остававшійся до окончательнаго рѣшенія вопроса. Не будь этого обстоятельства, весьма возможно что рѣшеніе дѣла во многомъ отличалось бы отъ того которое состоялось нынѣ и, можетъ-быть, въ большей мѣрѣ соотвѣтствовало бы тѣмъ надеждамъ какія возлагались на него съ разныхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, однако, нельзя не признать что многія изъ этихъ надеждъ все-таки были приняты во вниманіе, и что не смотря на упомянутыя не совсѣмъ благопріятныя обстоятельства, состоявшееся рѣшеніе вопроса оказывается далеко не въ той мѣрѣ одностороннимъ какъ можно было опасаться. Если оно не устраняетъ существующаго въ Черномъ Морѣ монопольнаго положенія Русскаго Общества Пароходства и Торговли, то все-таки облегчаетъ условія къ принятію мѣръ которыя могли бы повести къ этой цѣли.

Въ видахъ ослабленія монополіи сильнаго, богатаго и пользующагося многими исключительными правами пароходнаго Общества, многіе желали чтобы, съ истеченіемъ срока дѣйствія его нынѣшняго устава, оно было совсѣмъ лишено правительственныхъ субсидій. Это желаніе не исполнилось. Русское Общество Пароходства и Торговли будетъ получать субсидіи и послѣ 21 мая 1877 года по меньшей мѣрѣ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ. Но характеръ этихъ субсидій будетъ совсѣмъ не тотъ какъ нынѣ. Даваемая теперь Обществу субсидія,—хотя ея главная часть и носитъ наименованіе *помильной платы* (кромѣ помильной платы, Общество получаетъ еще по 64.000 р. въ годъ на ремонтъ пароходовъ),—не имѣетъ, по своимъ условіямъ, ничего общаго съ собственно помильною платой выдаваемою разными государствами своимъ пароходнымъ компаніямъ за содержаніе *срочнаго* пароходства по обязательнымъ линіямъ, а есть, въ сущности, не что иное какъ валовое ежегодное пособіе Обществу отъ казны, отпускаемое неизвѣстно за что и по невѣдомымъ соображеніямъ. Съ 21 мая будущаго года, это пособіе будетъ *въ строгомъ смыслѣ* помильною платой за содержаніе срочнаго пароходства на обязательныхъ линіяхъ и ничѣмъ болѣе. Разница между тѣмъ и другимъ громадная, и весьма вѣроятно что многіе изъ безусловныхъ противниковъ нынѣшнихъ субсидій Обществу помирятся съ субсидіями въ ихъ новой формѣ.

Дѣйствительно, нѣтъ повода возставать противъ самаго принципа помильной платы за содержаніе обязательныхъ *срочныхъ* сообщеній. Перевозка грузовъ и пассажировъ въ опредѣленные сроки, при условіи одной только обычной платы за провозъ грузовъ и пассажировъ на иныхъ линіяхъ (преимущественно на линіяхъ дальняго плаванія), можетъ оказываться невыгодною и даже просто убыточною, ибо ни грузовъ, ни пассажировъ иной разъ въ опредѣленный срокъ можетъ вовсе не быть на лицо, а условія срочности требуютъ чтобы пароходъ тѣмъ не менѣе отправлялся въ обязательный рейсъ. Чтобы предприниматель не отказался отъ такихъ обязательныхъ рейсовъ, необходимо бываетъ вознаграждать его

за тѣ экстраординарные расходы и убытки которые могутъ иной разъ проистекать изъ обязанности содержать между опредѣленными пунктами срочное пароходство. Такимъ вознагражденіемъ и служитъ обыкновенно помильная плата, — и если размѣръ ея не слишкомъ высокъ и соотвѣтствуетъ дѣйствительному риску убытковъ которому подвергается берущій на себя обязанность исправно содержать срочныя сообщенія,—едва ли можно найти противъ нея какое-нибудь возраженіе. Но такая помильная плата можетъ имѣть смыслъ только при *срочности* рейсовъ по *обязательнымъ* линіямъ. Ни того, ни другаго изъ этихъ условій получаемая нынѣ Обществомъ Пароходства и Торговли помильная плата не представляетъ: ему дается помильная плата и за срочные и за несрочные рейсы, и по обязательнымъ и по необязательнымъ линіямъ, лишь бы общее количество оплачиваемыхъ казной пройденныхъ миль не превышало 204.470 въ бассейнѣ Чернаго и Азовскаго морей и 232.056 миль внѣ этого бассейна. Изъ этой общей цифры 436.526 миль, за которыя дается помильная плата, 228.342 миль приходятся на долю срочныхъ рейсовъ, и почти столько же, именно 208.184 миль, на долю рейсовъ не срочныхъ, за которые нѣтъ никакого основанія дѣлать какую-нибудь приплату предпринимателю. Самая срочность рейсовъ отличается нынѣ замѣчательною неопредѣленностью, не допускаемою вышеуказаннымъ принципомъ помильной платы. Напримѣръ, Общество должно дѣлать между Одессой и Константинополемъ „*не менѣе* одного рейса въ недѣлю;“ отъ Керчи вдоль Кавказскаго берега до Редутъ-Кале съ заходомъ въ попутные порты — „*не менѣе* одного раза въ каждыя двѣ недѣли“ и т. п.; но если оно найдетъ для себя выгоднымъ, оно можетъ дѣлать и большее число рейсовъ съ полученіемъ за нихъ помильной платы, которая является при этомъ уже не вознагражденіемъ за рискъ убытка, а приплатой къ несомнѣнно хорошему барышу. Несоотвѣтствіе между тѣмъ что получало Общество и тѣмъ что оно давало взамѣнъ бросалось въ глаза, особенно въ виду многихъ неудобствъ для публики какими отличались содержимыя Обществомъ сообщенія. Не мудрено что при такихъ условіяхъ почти никто, кромѣ самого Общества, не находилъ чтобъ оно получало свои субсидіи заслуженно. Съ 21 мая 1877 года указанныя аномаліи будутъ устранены, а вмѣстѣ будетъ устраненъ и одинъ изъ серіозныхъ поводовъ къ падавшимъ на Общество нареканіямъ. Оно, какъ сказано, будетъ получать помильную плату *только* за срочные рейсы по обязательнымъ линіямъ. Число такихъ линій противъ нынѣшняго уменьшено, но число срочныхъ рейсовъ по нимъ увеличено, причемъ всякая неопредѣленность въ означеніи числа этихъ рейсовъ устранена.

Важнымъ измѣненіемъ въ расписаніи обязательныхъ линій срочнаго пароходства является, вопервыхъ, установленіе двухъ новыхъ линій: Константинопольской отъ Севастополя, который такимъ образомъ будетъ пользоваться наравнѣ съ Одессой выгодами правильнаго прямаго еженедѣльнаго сообщенія съ Босфоромъ, и *прямой Александрійской*, между Одессой и Портъ-Саидомъ черезъ Константинополь и Александрію, минуя попутные порты, чѣмъ доставляется удобство ускоренныхъ еженедѣльныхъ сообщеній съ Суэзскимъ каналомъ, потребность въ коихъ уже давно чувствовалась. *Круговая* Александрійская линія, съ заходомъ въ промежуточные порты и съ двухнедѣльными рейсами остается попрежнему. Затѣмъ, кромѣ указанныхъ, въ число обязательныхъ линій по коимъ будетъ отпускаема помильная плата внесены еще только двѣ: *Анатолійская*, между Поти и Константинополемъ, вдоль южнаго берега Чернаго Моря съ однимъ рейсомъ въ двѣ недѣли, и *Кавказская*, между Керчью и Поти, съ заходомъ по пути не въ порты только, какъ нынѣ, а *во всѣ мѣста* которыя будутъ указаны Обществу Кавказскимъ начальствомъ, что имѣетъ огромную важность для этого Черноморскаго прибрежья, за отсутствіемъ сухопутныхъ сообщеній болѣе чѣмъ другія мѣстности нуждающагося въ услугахъ срочнаго пароходства. Учащенію кавказскихъ рейсовъ также нельзя не порадоваться; нынѣшній уставъ требуетъ чтобъ они производились не менѣе одного раза въ каждыя двѣ недѣли; съ будущаго года кавказскіе рейсы будутъ обязательно еженедѣльными. Ни по какимъ другимъ линіямъ, кромѣ вышеозначенныхъ, никакой помильной платы не полагается, причемъ однако выговорено что если правительство найдетъ нужнымъ, то Общество обязано открыть за помильную плату линію сооб-

щеній отъ Одессы до Галаца или Рущука на Дунаѣ, что, конечно, вовсе не обязываетъ правительство поручить эту линію непремѣнно Обществу Пароходства и Торговли, а не иной компаніи. Срочная линія между Одессой и Керчью остается пока обязательною для Общества, но безъ помильной платы; впрочемъ, Общество можетъ отказаться отъ этой линіи предваривъ министра финансовъ за два года. Затѣмъ линіи: по Азовскому морю, отъ Одессы къ Бугу и Днѣпру и по этимъ рѣкамъ, а также по Днѣстровскому Лиману и всѣ другія перестаютъ быть для Общества обязательными, и прекращеніе субсидій по этимъ линіямъ, можетъ-быть, не останется безъ добрыхъ послѣдствій для развитія нашего каботажа, особенно если будутъ приняты мѣры для оказанія ему необходимой поддержки. Конечно, нѣтъ основанія предполагать чтобъ Общество прекратило содержаніе сообщеній по тѣмъ линіямъ которыя черезъ годъ перестанутъ быть для него обязательными: не оставлять же ему безъ дѣла свои пароходныя силы. Но еслибъ оно и покинуло эти линіи, ничто не помѣшаетъ правительству поручить содержаніе по этимъ линіямъ срочныхъ сообщеній другимъ пароходнымъ компаніямъ и товариществамъ, которыя, какъ надобно думать, не замедлили бы организоваться по первому вызову, а съ появленіемъ ихъ возникла бы въ Черномъ Морѣ та конкурренція между пароходными предпріятіями на отсутствіе коей слышится столько жалобъ. Къ новымъ пароходнымъ компаніямъ могутъ даже, *безъ ущерба для Русскаго Общества Пароходства и Торговли*, перейти и нѣкоторыя изъ вновь предоставляемыхъ ему линій, до истеченія тѣхъ двѣнадцати или болѣе лѣтъ на которыя эти линіи ему предоставлены. Правительство выговорило себѣ право увеличивать и уменьшать число рейсовъ и даже *вовсе отмѣнять* ихъ на той или другой изъ обязательныхъ линій, съ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ чтобы при новомъ распредѣленіи обязательныхъ для Общества рейсовъ общее количество миль оплачиваемыхъ помильною платой не уменьшилось болѣе чѣмъ на 5% противъ общаго числа миль возлагаемыхъ на Общество по новымъ правиламъ.

Размѣръ помильной платы которую будетъ получать Общество мало измѣненъ противъ нынѣшняго. Въ наступающемъ двадцатомъ, то-есть послѣднемъ году дѣйствія прежняго устава Общества, помильная плата будетъ 2 р. 15½ к., кромѣ части Анатолійской линіи, по которой дается добавочная приплата изъ суммъ Кавказскаго намѣстничества, по 66 к. за милю. Съ 21-го мая 1877 года, въ теченіе по меньшей мѣрѣ двѣнадцати лѣтъ, Общество будетъ получать неизмѣнную помильную плату въ размѣрѣ 2 р. за милю. Приплата отъ Кавказскаго Намѣстничества болѣе производиться не будетъ; точно также отмѣняется и отпускъ 64.000 р. на ремонтъ пароходовъ. Вообще, какъ надо полагать, общій итогъ субсидіи какую будетъ впредь получать Русское Общество сократится противъ нынѣшняго. Можно, конечно, думать что услуги которыя будетъ оказывать Общество за двухрублевую помильную плату могли бы быть куплены еще дешевле, при условіи допущенія конкурренціи которая точнѣе опредѣлила бы ихъ дѣйствительную стоимость, но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать что эта помильная плата будетъ выдаваться не даромъ,—а за обязательное срочное пароходство, и притомъ не на какихъ-нибудь, но, какъ есть основаніе надѣяться, на достаточно удобныхъ для публики условіяхъ. Произволъ Общества въ этомъ послѣднемъ отношеніи будетъ ограниченъ, ибо правительство предоставляетъ себѣ по новымъ правиламъ гораздо болѣе широкое право контроля чѣмъ это было доселѣ. Пароходы которые будутъ производить рейсы по обязательнымъ для Общества линіямъ сообщеній будутъ, съ наступленіемъ каждой зимы, подвергаться правительственнымъ освидѣтельствованіямъ; если указанные въ нихъ недостатки не будутъ своевременно исправлены, правительство само распорядится чтобъ исправленіе было сдѣлано на счетъ Общества; такимъ же путемъ неблагонадежные пароходы могутъ быть замѣняемы другими, помимо самого Общества, хотя и на его счетъ. Такой необходимой для публики гарантіи до сихъ поръ не было. Расписаніе рейсовъ по обязательнымъ срочнымъ линіямъ, съ указаніемъ дней и часовъ прибытія пароходовъ, должно быть впредь представляемо на утвержденіе министра финансовъ, — это также не маловажное нововведеніе; кромѣ пунктовъ захода пароходовъ и времени простоя въ портахъ, въ помянутомъ расписаніи должна быть указана также скорость движенія па-

роходовъ, которая, въ среднемъ выводѣ, по прямымъ линіямъ Одесско-Константинопольской, Севастопольско-Константинопольской и по прямой Александрійской должна быть не менѣе *десяти*, а по прочимъ обязательнымъ линіямъ не менѣе *девяти* миль въ часъ. Ни о чемъ подобномъ въ дѣйствующемъ донынѣ уставѣ нѣтъ и рѣчи. Далѣе, проектъ тарифа за перевозку пассажировъ, а по Кавказской линіи, кромѣ того, и проектъ тарифа за перевозку грузовъ, должны быть также представляемы на утвержденіе министра финансовъ. Наконецъ, въ уставъ вводится новое, весьма важное правило что „Общество отвѣчаетъ за сохранность отъ порчи и утраты товаровъ ввѣренныхъ ему для перевозки на его судахъ;" проектъ подробныхъ правилъ о порядкѣ и условіяхъ пріема, храненія, передвиженія и сдачи кладей и товаровъ, а также объ отвѣтственности Общества за цѣлость оныхъ, имѣетъ быть утвержденъ министромъ финансовъ. Изложенным, можетъ-быть, еще не исчерпываются всѣ тѣ улучшенія какія желательны въ пароходныхъ сообщеніяхъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть въ новыхъ правилахъ важнаго шага на пути къ этимъ улучшеніямъ. Съ изданіемъ новыхъ правилъ, Министерство Финансовъ какъ бы принимаетъ на себя отвѣтственность предъ публикой въ томъ что тѣ улучшенія на которыя эти новыя правила позволяютъ разчитывать не замедлятъ осуществиться на практикѣ, и что такимъ образомъ изъ помильной платы будутъ извлекать пользу не одни только акціонеры пароходнаго Общества, но и тѣ кто будутъ прибѣгать къ услугамъ его пароходовъ.

Во время полемики по вопросу о субсидіяхъ Обществу, подымалось не мало голосовъ за полное раздѣленіе двухъ соединенныхъ нынѣ въ его вѣдѣніи предпріятій, — пароходнаго и желѣзнодорожнаго. Новыя правила оставляютъ эти два предпріятія соединенными попрежнему. Но, въ сущности, вопросъ этотъ остается открытымъ: новыми правилами акціонерамъ Общества поставлено въ обязанность отдѣлить въ годичный срокъ пароходное предпріятіе отъ Одесской желѣзной дороги, какъ только правительство найдетъ нужнымъ того потребовать.

№ 127.

Москва, 21-го мая.

Сегодня пришла къ намъ довольно важная телеграмма излагающая содержаніе перваго рескрипта новаго султана Мурада V. Султанъ принимаетъ именно ту самую програму которой намѣревались потребовать софты и улемы, при помощи новой демонстраціи отъ низложеннаго султана. Правда, еще нѣтъ рѣчи объ ограниченіи личной власти султана какою-либо пародіей на отвѣтственность министерства, да едва ли въ этомъ теперь и встрѣтится надобность для лицъ совершившихъ переворотъ: новый султанъ, обязанный имъ властью, находится въ ихъ рукахъ, и теперь будетъ безпрекословно слушаться ихъ совѣтовъ. Рескриптъ предвѣщаетъ какія-то перемѣны въ администраціи, рекомендуя „преобразованіе государственнаго совѣта и министерства юстиціи" и приглашая министровъ „пріискать правительственную форму которая всего лучше удовлетворила бы всѣхъ подданныхъ безъ различія въ смыслѣ обезпеченія свободы каждаго." Болѣе же практическая и легко исполнимая часть програмы должна быть осуществлена сразу. Однимъ изъ главныхъ поводовъ неудовольствія противъ бывшаго султана выставлялись, особенно англійскими корреспондентами со времени прекращенія Портой платежа процентовъ по займамъ, его полное невниманіе къ нуждамъ государства и поглощеніе громадныхъ суммъ изъ государственнаго дохода на содержаніе султанскаго двора. Доказывали математически что еслибы только эти личныя требованія султана на свои прихоти имѣли благоразумные предѣлы, то у Порты достало бы средствъ не только справиться съ возстаніемъ, но и удовлетворить своихъ кредиторовъ. Уже первое движеніе софтъ, вынудившее Абдулъ-Азиса къ перемѣнѣ министровъ, заставило его выдать изъ своей кассы мѣсячное жалованье войскамъ. Но этимъ не хотѣли ограничиться; предполагали потребовать подчиненія строгому контролю суммъ идущихъ на содержаніе двора, а также принудить султана возвратить изъ своей частной казны суммы полученныя имъ въ прошломъ году сверхъ обычнаго содержанія. Опасались что Абдулъ-Азисъ ни за что на это не

согласится. Съ низложеніемъ же его, это требованіе осуществляется прежде всего, и мы видимъ что новый султанъ передастъ 6.000 кошельковъ изъ частнаго фонда ассигнуемаго на расходы его двора, а также доходы со всѣхъ частныхъ имѣній короны въ пользу государственнаго казначейства; онъ рекомендуетъ также „возстановленіе равновѣсія въ бюджетѣ и неотложное улучшеніе въ финансахъ.“ Названныя мѣры должны произвести благопріятное впечатлѣніе, но любопытно что въ телеграфномъ сообщеніи султанскаго рескрипта, хотя и рекомендуется возстановленіе равновѣсія въ бюджетѣ, однако вовсе не упоминается объ удовлетвореніи государственныхъ кредиторовъ. Взять 6.000 кошельковъ изъ частной кассы низложеннаго султана было не трудно (у наслѣдника престола конечно такой суммы быть не могло); а также не трудно передать въ государственное казначейство частные доходы имѣній короны; но не должно забывать что изъ того же казначейства султанъ всегда можетъ требовать покрытія своихъ расходовъ, а контроля надъ ними все-таки, какъ видно, не устанавливается. Мы можемъ припомнить что и Абдулъ-Азисъ, въ началѣ своего царствованія, обнаружилъ превознесенную тогда европейскою печатью наклонность къ бережливости, распустилъ весь гаремъ своего покойнаго брата, а самъ изъявилъ готовность удовольствоваться одною супругой. Увы! Какъ извѣстно, эти благія намѣренія продержались весьма недолго, и вскорѣ все вновь пошло обычнымъ старымъ порядкомъ.

Но, помимо указанныхъ финансовыхъ мѣръ и обѣщаній какихъ-то преобразованій въ высшей администраціи имперіи, рескриптъ новаго султана важнѣе для насъ по одному знаменательному заявленію и не менѣе знаменательному умолчанію. Султанъ Мурадъ прежде всего возвѣщаетъ что удерживаетъ настоящее министерство. Слѣдовательно, переданные телеграфомъ слухи о предстоящихъ новыхъ назначеніяхъ оказались преждевременными. Обстоятельствомъ этимъ какъ нельзя болѣе подтверждается высказанное уже нами замѣчаніе что низложеніе Абдулъ-Азиса и возведеніе Мурада уже заранѣе имѣлись въ виду. *Journal de St.-Pétersbourg* еще вчера замѣтилъ что телеграмма извѣстившая о перемѣнѣ была прислана отъ Мегмедъ-Рюшди-паши, великаго визиря, только двѣ недѣли тому назадъ назначеннаго, по требованію софтъ, на мѣсто Махмудъ-паши, и на этомъ основаніи заключалъ что если министры не были вождями революціи, то они де подчинились ей безъ сопротивленія и согласились съ „единодушнымъ желаніемъ населенія.“ Но гораздо вѣроятнѣе что они сами и были вождями переворота, ибо не только они не защищали низложеннаго государя, но еще пользуются милостію его преемника. Еслибы послѣдній достигъ власти безъ ихъ участія, то конечно онъ не преминулъ бы, какъ это всегда бываетъ при подобныхъ переворотахъ, прежде всего наградить почестями своихъ приверженцевъ которые содѣйствовали его возведенію. Но такъ какъ онъ удерживаетъ прежнихъ министровъ, то почти несомнѣнно теперь оказывается что движеніе софтъ было съ самаго начала направлено къ этой цѣли, и что самое назначеніе Рюшди-паши великимъ визиремъ было вынуждено за двѣ недѣли предъ тѣмъ у бывшаго султана чтобъ облегчить затѣмъ его низверженіе.

Новое подтвержденіе этого находимъ въ полученномъ нами сегодня нумерѣ *Times*. Парижскій корреспондентъ этой газеты, всего за два дня до Стамбульской революціи, писалъ что сильно заблуждаются тѣ кто думаетъ что султанъ (Абдулъ-Азисъ) расположенъ согласиться на новыя готовившіяся тогда требованія софтъ, о коихъ, какъ видно, заранѣе знали во всѣхъ концахъ Европы. „Очевидно,“ заключалъ корреспондентъ, „что движеніе софтъ направлено противъ самого султана. Они желаютъ его низверженія, и оно можетъ скоро случиться.“ Эта послѣдняя фраза, писанная всего за два дня до происшествія, весьма замѣчательна. Если англійскій корреспондентъ живущій въ Парижѣ могъ узнать о томъ что готовилось въ столицѣ Турціи и приготовлялъ къ тому публику, то откровенность предвѣщанія свидѣтельствуетъ объ увѣренности что были приняты всѣ мѣры чтобы предпріятіе удалось. Слышится уже мнѣніе что дворцовый переворотъ совершенъ при участіи англійскихъ агентовъ, и предсказанія англійскихъ корреспондентовъ невольно наводятъ на эту мысль. Если это справедливо, то выгоды кои можетъ-быть разчитываетъ извлечь для себя Англія изъ поворота дѣлъ на Востокѣ

конечно не замедлятъ вскорѣ же обнаружиться изъ первыхъ распоряженій новаго султана. Онъ всегда слылъ за приверженца Англіи. Еще сопровождая бывшаго султана въ его поѣздкѣ въ Парижъ и Лондонъ, Мурадъ старался пріобрѣсти расположеніе Англійскаго двора и министерства и даже добылъ Англичанку для своего гарема и увезъ ее въ Константинополь.

Но важно не то какая держава можетъ имѣть большее вліяніе на султана и его министровъ сколько то въ какомъ смыслѣ будетъ направлено это вліяніе. Поддерживать прежній порядокъ вещей въ Турціи, то-есть безправное состояніе христіанъ, долѣе невозможно. Оно одно только въ настоящее время, взрывами подобными Герцеговинскому, можетъ смущать европейскій миръ, столь желаемый всѣми. Къ устраненію этой единственной опасности и были направлены старанія державъ, отъ коихъ Англія однако отшатнулась, находя что этими усиліями слишкомъ много дѣлается для христіанъ, и что для сохраненія мира прежде всего должно принудить инсургентовъ къ безусловной покорности, не потворствуя имъ выслушиваніемъ ихъ заявленій. Къ сожалѣнію, и рескриптъ султана, обѣщая какія-то „обезпеченія свободы“ изысканіемъ правительственной формы, краснорѣчиво умалчиваетъ о равноправности, столько разъ обѣщанной. Возведенный на престолъ софтами и улемами, онъ не смѣетъ заикнуться о христіанахъ. И весьма мало надежды чтобъ англійская политика поощрила его къ этому. Объясненія англійскихъ министровъ въ сегодняшней телеграммѣ очень неопредѣленны. Г. Дизраэли говоритъ только что Англія болѣе всего заботится о поддержаніи мира и лучше всего можетъ достигнуть этого принятіемъ *главнаго* участія въ этомъ дѣлѣ, а лордъ Дарби ожидаетъ важныхъ послѣдствій отъ совершившейся въ Константинополѣ перемѣны и удостовѣряетъ что движеніе произошло по собственному побужденію *населеній*, безъ всякаго вліянія со стороны. Особенно хорошо это послѣднее заявленіе. Какъ не вспомнить пословицы: „qui s'excuse s'accuse.“

128.

Москва, 22-го мая.

Ежегодные все болѣе и болѣе усиливающіеся неурожаи то въ той, то въ другой полосѣ Россіи постоянно выдвигаютъ на первый планъ вопросъ о народномъ продовольствіи. Еще недавно отчеты Херсонскаго земства обнаружили намъ недостатки въ установившейся системѣ помощи страдающему отъ хлѣбныхъ недородовъ населенію. Продолжающіе выходить теперь и, по обычаю, слишкомъ поздно земскіе сборники за прошлогоднюю сессію даютъ намъ возможность ясно видѣть всю несостоятельность установившейся организаціи и самыхъ источниковъ этой помощи.

Извѣстно что средствами для обезпеченія населенія въ продовольствіи на случай неурожаевъ и равнозначащихъ имъ бѣдствій служатъ общій по Имперіи и губернскіе продовольственные капиталы и мѣстныя средства самого населенія, именно хлѣбные запасы въ общественныхъ магазинахъ.

Эти послѣдніе должны, по смыслу закона, служить первымъ и главнымъ средствомъ обезпеченія населенія; лишь за истощеніемъ его, можно обращаться къ займамъ у земства и правительства изъ указанныхъ капиталовъ. И нѣтъ сомнѣнія что для самаго населенія нѣтъ ничего лучше какъ довольствоваться самопомощью чѣмъ прибѣгать къ долгамъ. Поэтому-то все вниманіе должно быть прежде и больше всего направлено въ продовольственномъ вопросѣ на организацію и развитіе этихъ мѣстныхъ средствъ обезпеченія населенія.

Къ сожалѣнію, этотъ важный источникъ, долженствовавшій при правильной его организаціи и должной разработкѣ стать совершенно достаточнымъ, а въ хлѣбородныхъ полосахъ даже богатымъ, оказался на практикѣ совершенно скуднымъ и не обезпечивающимъ населенія. Дѣло въ томъ что общественные хлѣбные запасы превышаютъ своею цѣнностью губернскіе продовольственные капиталы даже при теперешнемъ неудовлетворительномъ своемъ состояніи. Такъ, въ Рязанской губерніи, какъ значится въ девятилѣтнемъ земскомъ отчетѣ, общественные хлѣбные запасы на сумму 1.362.500 представляли цѣнность въ четверо большую губернскаго продо-

вольственнаго капитала, а при полномъ сборѣ представили бы на сумму въ двѣнадцать разъ большую. Еслибъ эти запасы довести до положенной закономъ мѣры и выдавать въ ссуду лишь при неурожаяхъ, то они въ видѣ капитала въ нѣсколько лѣтъ могли бы имѣть весьма значительное приращеніе. Но это такъ только въ теоріи.

Совершенно иное на практикѣ. Здѣсь земскіе отчеты рисуютъ намъ безотрадную картину. Во многихъ общественныхъ магазинахъ нѣсколько лѣтъ нѣтъ ни зерна, и ключи отъ магазиновъ давнымъ-давно затеряны; въ другихъ магазинахъ хранится лишь по нѣскольку четвертей хлѣба, потому что онъ или находится въ недоимкѣ, или какъ попало розданъ въ ссуду, или былъ прямо расхищенъ чрезъ проверченныя дыры и подобнымъ образомъ, втретьихъ до 500 четвертей сгнило, и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія что не всегда можно взыскать въ хлѣбные магазины и половину опредѣленнаго запаса, и нельзя бываетъ не давать ссудъ изъ внесеннаго. Но откуда же безотчетныя ссуды, откуда растраты, расхищенія, гніеніе сотенъ четвертей хлѣба въ отдѣльныхъ магазинахъ и сотенъ тысячъ во всѣхъ? Конечно отъ недостатка контроля.

Крестьянское населеніе, получая мало возбужденій къ своему собственному дѣлу, крайне небрежно относится къ засыпкѣ зерна. Сельское начальство растрачиваетъ его, допускаетъ расхищать и гнить. И все это обусловливается отсутствіемъ контроля за столь важнымъ дѣломъ, а это ежегодно оплачивается ссудами въ сотни тысячъ изъ губернскихъ и общаго по Имперіи продовольственныхъ капиталовъ безвозвратными изъ нихъ пособіями, а иногда просто сборами пожертвованій и подаяній. Контроль уѣздныхъ земскихъ управъ за хлѣбными магазинами, установленный закономъ, бездѣйствуетъ частью отъ небрежности, частью отъ сильныхъ затрудненій. Эти затрудненія очень хорошо очерчены однимъ уѣзднымъ земствомъ Московской губерніи. Волоколамская уѣздная земская управа поставила на видъ прошлогоднему Московскому губернскому земскому собранію слѣдующее: „Въ Волоколамскомъ уѣздѣ существуетъ 348 запасныхъ „магазиновъ. Засыпки хлѣба въ магазины „оканчиваются къ 1 января, а въ маѣ „мѣсяцѣ наступаетъ время посѣва. Слѣ„довательно, осмотръ всѣхъ магазиновъ „долженъ быть произведенъ въ четыре мѣ„сяца, и на каждый мѣсяцъ приходится „осмотрѣть 87 магазиновъ. Раздѣляя этотъ „трудъ между двумя членами управы, такъ „какъ третьему должно постоянно нахо„диться въ присутствіи управы для завѣ„дыванія кассой и канцеляріей, каждый „членъ долженъ осмотрѣть 43 магазина, „или по два магазина въ день. Еще труд„нѣе провѣрить всѣ приговоры по выда„чѣ въ ссуду хлѣба. Положимъ что толь„ко $^{1}/_{3}$ сельскихъ обществъ потребуютъ „выдачи хлѣба. Приговоры составляются „не ранѣе половины апрѣля; къ 15 же „мая хлѣбъ долженъ быть розданъ. Слѣ„довательно, въ мѣсяцъ должно провѣрить „и составить акты въ 116 селеніяхъ.“ Ну какъ, скажемъ мы, въ виду этихъ дѣйствительныхъ трудностей большинству земскихъ управъ не махнуть рукой на такой затруднительный контроль, какъ не переписывать во многихъ случаяхъ фиктивные отчеты сельскихъ писарей о состояніи хлѣбныхъ запасовъ, какъ не подмахивать подъ приговорами обществъ о ссудѣ изъ магазиновъ: „разрѣшается.“ Не указываютъ ли на это и почти постоянныя оговорки земскихъ отчетовъ о состояніи хлѣбныхъ магазиновъ что земства за точность показаній не ручаются? Но зло этихъ неточностей, обусловливаемыхъ безконтрольностью или слабостью контроля, ежегодно стоитъ земству и правительству очень большихъ суммъ и повергаетъ само крестьянство все въ большіе долги.

Въ интересахъ облегченія этого контроля, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ еще въ прошломъ году предложило земскимъ собраніямъ обсудить проектъ одного земства объ устройствѣ центральныхъ магазиновъ. Основанія этого проекта заключаются въ слѣдующемъ: „Высочайше „утвержденнымъ 19-го апрѣля 1866 года „журналомъ Главнаго Комитета объ Устрой„ствѣ Сельскаго Состоянія положено: уст„ройство одного волостнаго запаснаго ма„газина вмѣсто отдѣльныхъ магазиновъ „въ нѣсколькихъ сельскихъ обществахъ „одной и той же волости разрѣшать по „опредѣленіямъ сельскихъ сходовъ тѣхъ „же обществъ съ утвержденія уѣздныхъ „сельскихъ управъ. По поводу этого нѣ„которыя земскія собранія высказали пред„положеніе объ обязательной для крестьянъ

„ніи централизаціи магазиновъ помимо желанія обществъ. Основаніями къ такому „предположенію послужило то что сельскія „общества, несмотря на данное закономъ „разрѣшеніе относительно соединенія магазиновъ, до сихъ поръ не приняли ничего къ осуществленію этой не только „полезной, но и необходимой мѣры для „дѣйствительнаго со стороны земскихъ „управъ надзора за исправнымъ состояніемъ запасовъ; между тѣмъ сельскіе магазины подвергаются очень часто полнѣйшему расхищенію безъ всякаго разрѣшенія надлежащихъ учрежденій; хранящійся въ нихъ хлѣбъ отъ небрежности „смотрителей никогда не провѣтривается „и не обмѣнивается на свѣжіе запасы; „расхищеніе запасовъ производится именно подъ предлогомъ обмѣна; уѣздныя же „управы по разбросанности и значительному числу сельскихъ магазиновъ не въ „состояніи предупредить всѣ эти безпорядки и злоупотребленія. Для устраненія исчисленныхъ неудобствъ, по мнѣнію одного губернскаго земскаго собранія, слѣдовало бы всѣ малые хлѣбные магазины „соединить въ одинъ общественный центральный магазинъ. Райономъ для такого соединенія принято разстояніе до 12 „верстъ во всѣ стороны отъ центральнаго магазина. Таковы главныя черты „предложеннаго земскимъ собраніемъ проекта."

Большинство земскихъ собраній, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ, высказались противъ этого проекта. Мотивами къ этому служили соображенія двоякаго рода. Одни сводились къ тому что устройство новыхъ центральныхъ магазиновъ будетъ стоить дорого, что много будетъ непроизводительно тратиться времени на поѣздку крестьянъ для засыпки магазиновъ и полученія оттуда ссуды, что и новые магазины не спасутъ общественныхъ запасовъ отъ усушки, утечки, гніенія и растратъ. Другія же земскія собранія высказались противъ центральныхъ магазиновъ потому что считали невыгодною всякую систему магазиновъ по непроизводительности затрачиваемаго на нихъ капитала. Въ самомъ дѣлѣ, зданія магазиновъ, самый хранимый хлѣбъ, расходы по засыпкѣ хлѣба и его храненію, представляютъ капиталъ не только мертвый и непроизводительный, но и постоянно уменьшающійся отъ ветшанія зданій, отъ порчи и растраты самыхъ запасовъ. При томъ же вся эта операція сбора, храненія и раздачи общественныхъ запасовъ только съ большимъ трудомъ и то не вполнѣ подчиняется контролю. Между тѣмъ, обращеніе хлѣбныхъ магазиновъ и самыхъ запасовъ въ деньги дастъ капиталъ постоянно возрастающій отъ процентовъ и удобный къ правильному учету. Вслѣдствіе этого, весьма многія изъ земствъ находятъ полезнымъ переводъ хлѣбныхъ сборовъ на деньги, и во многихъ уѣздахъ различныхъ губерній, согласно съ закономъ, съ разрѣшенія уѣздныхъ земскихъ управъ, хлѣбные запасы уже обращены въ денежные капиталы. Препятствіями же къ распространенію этой полезной мѣры и въ другихъ мѣстахъ являются слѣдующія обстоятельства: 1) Для крестьянъ денежные взносы тяжеле взносовъ зерномъ. Но это препятствіе можетъ быть устранено чрезъ продажу зерна самими крестьянами, ихъ обществами или даже уполномоченными отъ земства. 2) Обращеніе запасовъ въ деньги дозволяется лишь подъ условіемъ внесенія половины установленнаго закономъ количества хлѣба, а продажа магазиновъ при внесеніи полнаго душеваго правительственнаго оклада. Но при строгомъ взысканіи продовольственныхъ недоимокъ, гдѣ это возможно, и это препятствіе можетъ быстро исчезнуть. А взысканіе этихъ недоимокъ, по нашему мнѣнію, должно быть вполнѣ строгимъ; потому что обезпеченіе населенія собственными средствами въ продовольствіи и частію въ обсѣмененіи ослабитъ причины не уплачивать подати и налоги и входить въ долги предъ земствомъ и правительствомъ. Третье, не повсемѣстное впрочемъ, препятствіе заключается въ неудобствѣ путей сообщенія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и въ затрудненіи покупать хлѣбъ и доставлять его нуждающемуся населенію. Но это имѣетъ силу лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ и удобнаго водянаго сообщенія. Въ такихъ мѣстахъ конечно могутъ быть оставлены запасные магазины. Да и въ каждомъ уѣздѣ, если окажется нужнымъ, земство на всякій случай можетъ устроить одинъ или нѣсколько большихъ складовъ, въ виду болѣе скорой и дешевой доставки населенію купленнаго на деньги зерна. Но 4) едва ли не самое главное препятствіе къ переходу крестьянъ отъ натуральной повинности къ денежной есть то что за-

конъ предоставляетъ этотъ переходъ рѣшенію *самихъ крестьянскихъ обществъ*. Понятно что крестьяне, не безъ основанія считающіе взносъ денегъ болѣе затруднительнымъ чѣмъ взносъ зерна, съ трудомъ могутъ взяться за новую, хотя и болѣе выгодную форму собственнаго обезпеченія. Намъ кажется что если земствомъ будетъ найденъ удобнымъ переходъ тѣхъ или другихъ крестьянскихъ обществъ на денежную повинность, то таковой долженъ быть сдѣланъ для нихъ *обязательнымъ*, какъ и предполагаютъ нѣкоторыя земства. Безъ этого условія дѣло едва ли скоро разовьется.

Самый же сборъ хлѣба для обращенія его въ деньги или денегъ для составленія мѣстнаго продовольственнаго капитала долженъ быть строгій. При этомъ условіи, да при строгой раздачѣ ссудъ изъ этого капитала дѣйствительно нуждающимся, а *не та что нуждающимся по сельскимъ приговорамъ и поверхностнымъ мнѣніямъ уѣздныхъ управъ*, и при надлежащемъ взысканіи этихъ ссудъ, населеніе будетъ имѣть свой многомилліонный капиталъ, проценты съ коего могутъ послужить фондомъ для сельскихъ кредитныхъ учрежденій. Въ этихъ послѣднихъ, а не въ легкихъ и огульныхъ ссудахъ изъ хлѣбныхъ запасовъ и правительственыхъ капиталовъ, заключается дѣйствительно полезная помощь населенію. Теперешніе способы обезпеченія его въ продовольствіи и обсѣмененіи полей, какъ убѣждаютъ насъ опыты Херсонскаго земства, не столько помогаютъ народу сколько вредятъ ему, отучая его отъ работы надеждой на легкую ссуду, которая превращается въ безнадежную недоимку.

№ 130.

Москва, 25-го мая.

Въ № 126 *Московскихъ Вѣдомостей*, говоря о новомъ законѣ опредѣлившемъ на будущее время условія дальнѣйшаго существованія Русскаго Общества Пароходства и Торговли, мы ограничились въ своихъ сужденіяхъ единственно оцѣнкой измѣненій внесенныхъ въ нынѣ дѣйствующій уставъ онаго. Но не въ этихъ измѣненіяхъ устава, не въ тѣхъ сторонахъ дѣла коихъ они касаются, заключается живой нервъ вопроса. Развитіе русскаго пароходства на Черномъ и сосѣднихъ моряхъ; поднятіе до желательной высоты того значенія которое долженъ имѣть русскій флагъ на этихъ водахъ и исполненіе тѣхъ общихъ и спеціальныхъ требованій съ какими въ правѣ обращаться къ означенной компаніи государство, — вотъ въ чемъ состоитъ для публики сущность задачи, а не въ томъ на сколько тысячъ или сотенъ тысячъ рублей болѣе или менѣе будетъ получать изъ казны какое-нибудь пароходное общество. Въ виду указанной задачи преимущественно судила публика о степени производительности тѣхъ затратъ какія были сдѣланы до сихъ поръ для созданія и поддержанія Русскаго Общества Пароходства и Торговли; по отношенію къ той же задачѣ будетъ судить она и о томъ порядкѣ вещей какой наступитъ въ Черномъ Морѣ послѣ 21 мая 1877 года.

Девятнадцатилѣтній опытъ показалъ что Русское Общество Пароходства и Торговли стоитъ много ниже тѣхъ цѣлей ради коихъ оно было учреждено. Правда, было время когда торговля нашихъ южныхъ портовъ не могла доставить достаточной работы даже тѣмъ, относительно скромнымъ, перевозочнымъ средствамъ какія имѣло тогда въ своемъ распоряженіи Общество Пароходства. Но это время миновало, и увеличившіяся перевозочныя средства Общества давно уже стоятъ далеко позади предъявляемой торговлею потребности въ этихъ средствахъ. Пароходное Общество имѣвшее цѣлью содѣйствовать развитію торговли давно уже сдѣлалось для нея тормазомъ, не допуская, вслѣдствіе своего монопольнаго характера, учрежденія новыхъ пароходныхъ предпріятій, въ коихъ торговля такъ нуждается. Необходимость вызвать къ жизни новыя пароходныя общества на Черномъ Морѣ стала для всѣхъ очевидною. Не одни торговые интересы, давно признающіе стѣснительною для себя зависимость отъ монопольнаго общества, свидѣтельствуютъ объ этой необходимости; на нее указываютъ и тѣ несомнѣнныя выгоды для казны какія дала бы ей въ будущемъ возможность выбора между конкуррентами для содержанія тѣхъ или другихъ пароходныхъ сообщеній. При существованіи конкурренціи, ни одно изъ пароходныхъ обществъ не дерзнуло бы диктовать свои условія правительству, подъ

угрозой въ случаѣ ихъ непринятія, продать свои пароходы иностранцамъ, а равно не оказалось бы надобности давать значительную помильную плату за рейсы нисколько въ ней не нуждающіеся. Но одними торговыми соображеніями побудительныя причины къ созданію на Черномъ Морѣ новыхъ пароходныхъ предпріятій не исчерпываются...

Во время полемики по вопросу о субсидіяхъ, представители Общества Пароходства и Торговли не разъ поставляли на видъ что назначеніе его—служить не однимъ торговымъ и экономическимъ интересамъ, а также цѣлямъ политическимъ и военнымъ. Это совершенно справедливо. При учрежденіи этого Общества, политическіе разчеты шли едва ли не впереди экономическихъ. У всѣхъ на виду былъ фактъ тѣхъ огромныхъ выгодъ какія давало во время Восточной войны морскимъ державамъ существованіе частныхъ пароходныхъ обществъ, по отношенію къ перевозкѣ войскъ и всякаго рода военнымъ транспортамъ. Всѣмъ была очевидна необходимость создать и для Россіи подобныя же транспортныя средства въ возможно большихъ размѣрахъ, и проектированное въ этихъ видахъ Русское Общество Пароходства и Торговли должно было, по предположеніямъ, имѣть сколь возможно большее число сильныхъ пароходовъ. Исходъ Восточной войны передалъ восточныхъ христіанъ изъ-подъ особеннаго покровительства Россіи подъ общее всѣхъ европейскихъ державъ; это обстоятельство само собою дѣлало для насъ необходимымъ озаботиться поддержаніемъ и усиленіемъ на Востокѣ тѣхъ связей какія издавна установились съ тамошними христіанами, дабы обаяніе русскаго имени не было поколеблено тамъ сторонними и враждебными намъ вліяніями. Содержаніемъ постоянныхъ сообщеній съ разными портами Архипелага и морей Средиземнаго и Адріатическаго, вообще безпрерывными сношеніями съ разными пунктами православнаго Востока, Русское Общество Пароходства и Торговли, какъ предполагалось, должно было содѣйствовать сближенію Россіи съ ея единовѣрцами и поддерживать ея значеніе на Востокѣ, помимо того что всѣ эти сношенія должны были принести огромную пользу нашей морской торговлѣ.

Такова была миссія новоучреждавшагося въ 1856 году пароходнаго общества, и сознаніе важности этого назначенія побуждало мириться съ тѣми громадными жертвами какія приносились государствомъ на его учрежденіе и подавленіе всякой конкурренціи ему. Въ теченіи двадцати лѣтъ, казна затратила на поддержку пароходнаго предпріятія, основаннаго съ упомянутыми цѣлями, около тридцати пяти милліоновъ рублей однѣми деньгами, не считая другимъ пожертвованій. Позволительно спросить въ какой мѣрѣ достигнуто то, ради чего приносились эти жертвы.

Что касается задачи развитія паровыхъ транспортныхъ силъ, нельзя не видѣть что эта сторона дѣла находится далеко не въ удовлетворительномъ положеніи. Правда, Русское Общество Пароходства и Торговли имѣетъ довольно многочисленный паровой флотъ, но не побуждаемое къ тому конкурренціей, не доводитъ его до той численности и силы до какой могло бы и должно бы было довести его по своимъ средствамъ, не говоря уже о томъ что оно держитъ относительно мало судовъ дальняго плаванія, и что бо́льшая часть его пароходовъ разчитаны лишь на плаваніе каботажное. Стоимость всѣхъ его пароходовъ и судовъ составляетъ лишь съ небольшимъ *двѣ пятыхъ* доли его капитала—отношеніе, какого не встрѣчается ни въ одномъ изъ значительнѣйшихъ иностранныхъ пароходныхъ обществъ. У Австрійскаго Ллойда стоимость судовъ превосходитъ *три пятыхъ* всего капитала, у Messageries Maritimes она выше *двухъ третей*, а компаніи Transatlantique и Peninsular and Oriental кладутъ въ стоимость судовъ почти *три четверти* своихъ капиталовъ. Такая недостаточность средствъ удѣляемыхъ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли на развитіе пароваго флота перестанетъ быть дѣломъ серіознымъ и не будетъ касаться никого кромѣ самого этого Общества лишь когда оно не будетъ болѣе единственнымъ у насъ пароходнымъ предпріятіемъ, когда на ряду съ нимъ будутъ у насъ другія пароходныя товарищества.

Переходя къ политической миссіи русскаго пароходства въ водахъ сосѣдняго Востока, нельзя не подивиться тому странному факту что вся исторія Русскаго Общества Пароходства и Торговли была лишь рядомъ уклоненій отъ тѣхъ цѣлей какія имѣлись въ виду при его учрежденіи. Одну за другою исключало оно изъ круга сво-

ихъ сообщеній тѣ линіи, которыя могли имѣть важное значеніе въ политическомъ отношеніи. Тріестской линіи Общество вовсе не открыло, и пароходы его въ Адріатическое море не ходили и не ходятъ. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ какъ прекратились и рейсы въ Греческія воды, къ Пирею и Сирѣ. Спустя два года были прекращены Салоникскіе рейсы къ портамъ Македоніи и Өессаліи; одновременно были отмѣнены и срочные рейсы на Аөонъ, переданные затѣмъ французской компаніи Messageries Maritimes. Румелійская линія, вдоль западнаго прибрежья Европейской Турціи, вовсе не была открыта. Дунайская линія до Бѣлграда и по крайней мѣрѣ до Австрійской границы у Турнъ-Северина не пошла далѣе проекта. Ходятъ, правда, пароходы Русскаго Общества до Галаца, но лишь для того чтобы передачей своихъ пассажировъ служить Австрійскому Ллойду, нераздѣльно господствующему на Дунаѣ (крошечное турецкое пароходное общество не можетъ быть принимаемо въ разчетъ) и не находящему даже нужнымъ отвѣчать нашему Обществу полною взаимностью, а простирающему свою прямую дѣятельность до Одессы.

Изо всего сказаннаго ясно что тѣ цѣли какія имѣлись въ виду при учрежденіи нашего перваго обширнаго пароходнаго предпріятія остались далеко не достигнутыми; Измѣненія которыя вносятся въ уставъ Общества Пароходства и Торговли опубликованнымъ на дняхъ закономъ 2 апрѣля сего года, также нисколько не приближаютъ насъ къ этимъ цѣлямъ. Напрасно стали бы мы искать въ нихъ какихъ-либо побужденій для Общества увеличивать свой паровой флотъ и направлять его на покинутые или забытые пути. Напротивъ, новый уставъ есть какъ бы окончательное отреченіе Общества вернуться на эти пути. Сфера его обязательнаго служенія сужена и спеціализована. Значитъ ли это что тѣ цѣли и задачи, за которыми двадцать лѣтъ назадъ признавалось столь важное значеніе, что ради ихъ не останавливались ни предъ какими жертвами, потеряли теперь для Россіи всякій интересъ? Конечно, въ двадцать лѣтъ много воды утекло, но присматриваясь къ ходу событій, едвали можемъ найти въ нихъ основаніе къ заключенію что вѣроятность случайностей при которыхъ намъ могли бы надобиться обширныя транспортныя средства стала менѣе теперь чѣмъ была послѣ паденія Севастополя, или что теперь менѣе чѣмъ прежде настоитъ надобность въ сближеніи съ нашими единовѣрцами въ Турціи и въ доставленіи Россіи подобающаго ей значенія на Востокѣ путемъ установленія непрерывныхъ сношеній съ разными его пунктами. Пусть политическія и стратегическія соображенія отодвигаются на задній планъ предъ торговыми и экономическими,—но развѣ эти послѣднія требуютъ чтобы русскій торговый флагъ не развѣвался ни на водахъ Адріатики, ни въ Пирееѣ, ни у Македонскаго и Болгарскаго прибрежій? Теперь наши торговыя и всяческія сношенія съ разными пунктами всѣхъ этихъ прибрежій, производимыя чрезъ посредство чужихъ пароходныхъ компаній, крайне слабы и вялы. Но значитъ ли это что они не могли бы развиться и въ будущемъ, и чтобы не было побужденій озаботиться ихъ развитіемъ? Находятъ же другія страны и нужнымъ, и выгоднымъ для себя энергически поддерживать сношенія съ всѣми столь близкими намъ прибрежьями, отъ которыхъ одни мы, въ лицѣ Русскаго Общества Пароходства, сочли за лучшее совершенно устраниться!

Созданіемъ и поддержкой Русскаго Общества Пароходства и Торговли рѣшена лишь часть задачи развитія русскаго пароходства и установленія тѣхъ сношеній которыя требуются русскими интересами. Что въ этой задачѣ осталось нерѣшеннымъ, то должно выпасть на долю другихъ русскихъ пароходныхъ обществъ, которыя, при своемъ возникновеніи, конечно, въ правѣ разчитывать что имъ не будетъ отказано въ правительственной поддержкѣ если таковая дается окрѣпшему и сильному предпріятію. Право ихъ на такую поддержку тѣмъ уважительнѣе что, вопервыхъ, имъ придется выдерживать подавляющую конкурренцію какъ существующей русской компаніи пароходства, такъ и другихъ обществъ успѣвшихъ утвердиться на тѣхъ путяхъ гдѣ имъ предстоитъ дѣйствовать; вовторыхъ, для ихъ дѣятельности остаются открытыми, по крайней мѣрѣ на первое время, преимущественно менѣе выгодныя линіи: болѣе выгодныя оставило за собою Русское Общество Пароходства и Торговли. Если этому Обществу дана помильная плата, напримѣръ, по такимъ линіямъ какъ Одесско-Константинопольская

и Анатолійская, по которымъ обиліе грузовъ и пассажировъ въ послѣдніе годы не разъ побуждало учащать рейсы противъ обязательнаго росписанія и даже назначать рейсы экстраординарные, и отъ которыхъ предприниматели едва ли отказались бы и безъ всякой субсидіи, то тѣмъ болѣе основаній дать ее на такихъ линіяхъ отъ которыхъ помянутое Общество отказывалось несмотря на высокую помильную плату. Исторія ихъ отказовъ весьма поучительна. Онп были не совсѣмъ удобны пока,—какъ было при началѣ дѣятельности Общества,—для разныхъ линій сообщеній существовали различные размѣры помильной платы, такъ или иначе соображенные со степенью выгодности этихъ линій, причемъ по нѣкоторымъ плата была слишкомъ вдвое выше чѣмъ по другимъ. Это стѣсняло Общество въ направленіи его рейсовъ, и оно добилось уравненія помильной платы по всѣмъ своимъ линіямъ, послѣ чего и могло уже съ полнымъ удобствомъ, во вредъ дѣлу, брать помильную плату преимущественно за рейсы выгодные безо всякихъ субсидій. Едва ли нужно говорить что этой ошибки уравненія помильной платы желательно избѣжать при учрежденіи новыхъ пароходныхъ обществъ, по возможности строго держась того основнаго принципа помильной платы что размѣръ ея долженъ соотвѣтствовать риску убытковъ какимъ можетъ подвергнуться предприниматель на той или другой линіи сообщеній.

№ 131.

Москва, 26-го мая.

А.

Дальнѣйшія извѣстія о переворотѣ совершившемся въ Константинополѣ вполнѣ подтверждають наши предположенія и заключенія при первомъ извѣстіи объ этомъ событіи. Переворотъ былъ произведенъ самими министрами низложеннаго султана, уже покончившаго затѣмъ жизнь якобы „самоубійствомъ въ припадкѣ безумія,“ какъ извѣстили телеграммы. Что переворотъ притомъ былъ результатомъ заранѣе составленнаго заговора и что къ нему были приготовлены не только въ Константинополѣ, но и въ разныхъ европейскихъ столицахъ, это также вполнѣ подтверждается. Оттоманское посольство въ Парижѣ, получивъ отъ великаго визиря телеграмму съ извѣстіемъ о возведеніи султана Мурадъ-хана, спѣшитъ немедленно, въ полномъ составѣ, заявить по телеграфу же о „невыразимой радости преисполнившей всѣхъ служащихъ посольства, при извѣстіи объ этомъ счастливомъ событіи.“ Телеграммы всевозможныхъ официозныхъ агентствъ наперерывъ усиливаются удостовѣрить о превосходномъ впечатлѣніе произведенномъ повсюду этимъ событіемъ. Характеристичнѣе же всего впечатлѣніе высказывающееся въ Англіи. Тамъ прямо торжествують стамбульскую революцію какъ побѣду. Англія явно готовится выступить на первый планъ и принять улаженіе восточныхъ затрудненій въ свои руки. Какимъ образомъ это должно произойти и послужить ли это сколько-нибудь къ пользѣ христіанъ подвластныхъ Портѣ, на этотъ счетъ постараемся найдти указанія въ самой англійской печати и объясненіяхъ англійскихъ министровъ.

Объясненія англійскихъ министровъ по поводу послѣднихъ событій, сообщенныя уже намъ по телеграфу и которыя мы приводимъ ниже въ полномъ изложеніи, весьма любопытны. Лордъ Дарби, какъ извѣстно, счелъ нужнымъ заявить что переворотъ въ Константинополѣ совершился вслѣдствіе произвольнаго движенія населенія, а не былъ вызванъ никакимъ иностраннымъ вліяніемъ. Оказывается что это любопытное удостовѣреніе было вызвано не менѣе интереснымъ заявленіемъ лорда Стретедена что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, „британскіе резиденты въ Константинополѣ были въ восторгѣ отъ совершившейся перемѣны,“ и что только въ одномъ де посольствѣ тамъ эта перемѣна вызоветъ горькое сожалѣніе. Кромѣ того, лордъ Стретеденъ удостовѣрилъ что революцію отнюдь не слѣдуетъ считать послѣдствіемъ внезапнаго и непредумышленнаго импульса, а что она была де задолго задумана и осмотрительно подготовлена и организована. Лордъ Дарби, въ своемъ отвѣтѣ подготовляетъ ожидать важныхъ и добрыхъ результатовъ отъ этой революціи; по заявленію британскаго премьера въ Нижней Палатѣ было опредѣленнѣе. Сказавъ что берлинскій меморандумъ еще не былъ сообщенъ Портѣ, г. Дизраэли прямо выразилъ надежду что, можетъ-быть вовсе

не будетъ необходимости когда-либо сообщать ей этотъ документъ. Тотчасъ вслѣдъ затѣмъ онъ присовокупилъ что хотя положеніе дѣлъ въ Турціи критическое, но Англія приняла де мѣры предосторожности для охраненія своей чести и интересовъ (что явно относится къ отправленію сильнаго англійскаго флота въ Архипелагъ), и что теперь для охраненія мира она должна де принять главное участіе въ содѣйствіи къ достиженію этой цѣли.

Чтобъ оцѣнить вполнѣ значеніе этого заявленія британскаго премьера, стóитъ бросить взглядъ на общій тонъ принятый теперь англійскою печатью. Всѣ органы ея болѣе чѣмъ когда-либо преисполнены изобличеніями русской политики, и видятъ въ Константинопольскомъ событіи ея пораженіе. Они видятъ въ немъ поворотный пунктъ послѣ коего Россіи будетъ де невозможно продолжать свою прежнюю игру. „Для Россіи несомнѣнно это ударъ," говоритъ *Pall Mall Gazette* о низложеніи Абдулъ-Азиса, „для нашего же правительства ничего не могло быть счастливѣе." И въ то же время эта газета доказываетъ что хотя новая партія въ Турціи имѣетъ суровую рѣшимость поддерживать мусульманское преобладаніе во всей имперіи, но тревожиться де нечего, ибо мусульманство вовсе де не жестоко, даже не противулиберально, не притѣснительно. Главное же въ томъ что хотя отъ новаго султана и ожидаются реформы, но также ожидается твердое внушеніе что никакихъ новыхъ уступокъ *независимости* не будетъ даровано, и что никакими угрозами вмѣшательства не будетъ допущено новое ограниченіе верховныхъ правъ султана. Названная газета откровеннѣе всѣхъ высказываетъ свою злобу противъ Россіи, но и другія газеты, безъ различія партій, *Standard*, *Daily Telegraph*, *Daily News*, не говоря уже о *Morning Post*, всѣ хоромъ трубятъ что возведеніе новаго султана какъ нельзя болѣе оправдываетъ воздержность Англіи отъ присоединенія къ берлинскому меморандуму, и радуются неизбѣжной неудачѣ этого соглашенія остальныхъ державъ. Даже сравнительно болѣе другихъ воздержная газета *Times*, которая одна только по временамъ еще говоритъ что наилучшимъ рѣшеніемъ Герцеговинскаго затрудненія было бы устройство изъ возставшихъ провинцій вассальнаго владѣнія, которая до сихъ поръ толковала только о замыслахъ „приписываемыхъ" Россіи, теперь прямо объявляетъ что воинственное настроеніе Сербіи и Черногоріи, а также по слухамъ, Румыніи и Греціи, „суть признаки политики скрываемой, но тѣмъ не менѣе направляемой одною изъ великихъ державъ." Подозрѣніе это, достаточно основательное, по словамъ *Times*, чтобы стать руководствомъ политикѣ, оправдываетъ де и соотвѣтствующее дѣйствіе. По толкованію *Times*, причина безпокойства, явствующаго изъ отвѣта г. Дизраэли, заключается не столько въ политикѣ великихъ державъ, сколько въ воинственномъ положеніи небольшихъ княжествъ поддерживающихъ де возстаніе, и слѣдовательно мы въ правѣ заключить что мѣры предосторожности и главное участіе Англіи въ поддержаніи мира имѣютъ быть направлены вовсе не къ улучшенію участи христіанъ, а къ устрашенію княжествъ, что особенно ясно высказывается въ благодушномъ недовѣріи Лондонской газеты къ слухамъ о Греціи, ибо конечно де, Греція, „беззащитная противъ морской державы," изъ благоразумія останется въ сторонѣ.

Не приводя длинныхъ выписокъ изъ разныхъ статей и корреспонденцій, мы можемъ весьма кратко изложить весь сводъ изобличеній коварной русской политики, которая едва де не ввела въ заблужденіе всей Европы. Россія издавна ведетъ де Турцію къ гибели и хочетъ этого достигнуть безъ войны, болѣе дешевымъ и легкимъ способомъ. Съ этою цѣлью она де и потакаетъ Сербіи и Черногоріи въ почти явной поддержкѣ ими Герцеговинскаго возстанія (которому иначе давно де былъ бы положенъ конецъ) обезпечивая притомъ обоимъ княжествамъ полную безнаказанность отъ обузданія ихъ турецкими войсками. Въ то же время, въ Константинополѣ, Россія поддерживала самыхъ неспособныхъ министровъ которые внимали ея льстивымъ совѣтамъ, и даже мѣры вызвавшія банкротство Порты были де ей внушены ея злѣйшимъ врагомъ, генераломъ Игнатьевымъ. Истощая Турцію борьбой, коей не предвидится конца при этихъ условіяхъ, и ведя ее къ банкротству, мастерски пользуясь положеніемъ Европы, Россія вовлекла другія державы въ дипломатическое вмѣшательство которое прямо упразднило Парижскій трактатъ, вело къ ниспроверженію верховныхъ правъ султана и установленію опеки надъ нимъ. Разчетъ Рос-

сіи былъ де ясенъ, ибо всякое усиленіе славянскаго элемента въ Турціи, всякая уступка полунезависимости или даже автономіи христіанскимъ провинціямъ, были де къ прямой выгодѣ Россіи, усиливая ея вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ, даже безъ прямаго территоріальнаго пріобрѣтенія насчетъ Турціи. Возмутительнѣе всего то что все это доказывалось постоянно ссылками на русскую печать которая находится де подъ строгимъ контролемъ правительства, а такъ какъ Русское правительство *дозволяетъ* де газетамъ открыто высказывать сочувствіе къ турецкимъ христіанамъ, то ясно что оно де питаетъ вышеизложенные замыслы противъ Турціи. Въ особенности въ такихъ инсинуаціяхъ постоянно изощряется нашъ благопріятель берлинскій корреспондентъ *Times*.

Но, къ счастію, Англія де не дремала. Очнувшись послѣ неудачи ноты графа Андраши, она постигла, наконецъ, честолюбивые замыслы Россія и наотрѣзъ отказалась присоединиться къ берлинскому меморандуму. Это вызвало замедленіе дипломатическихъ переговововъ, которое повсюду произвело де отрадное впечатлѣніе. Франція и Италія, слишкомъ поторопившіяся, обрадовались де твердости Англіи. Въ самомъ союзѣ трехъ имперій, Австрія также очевидно была рада предлогу устраниться отъ расшатыванія основъ Турецкой имперіи. А если вѣрить *Pall Mall Gazette*, такъ даже и Германія, политика которой относительно Россіи та же что политика послѣдней въ отношеніи къ Турціи, то-есть постепенное подкапываніе русскаго могущества,—давно готовилась отвергнуться отъ Россіи какъ только та своими замыслами на Турцію компрометтируетъ себя предъ всѣми. Словомъ, пресловутаго согласія между державами никогда де и не бывало. Былъ только обманъ со стороны Россіи, но онъ обнаруженъ, благодаря зоркости Англіи, и вотъ теперь Россія, еслибы захотѣла продолжать свою игру, рискуетъ остаться одна противъ всей Европы. Къ тому же и перемѣна султана совершенно измѣняетъ положеніе дѣлъ, и возвѣщаетъ де прямой отпоръ всякому непрошенному вмѣшательству.

Таковы тезисы развиваемые теперь на всѣ лады англійскою печатью. Есть ли какая надобность доказывать ихъ лживость? Но вотъ что странно: гдѣ же теперь, въ свободной, просвѣщенной, религіозной Англіи голоса за христіанъ, гдѣ столько нашумѣвшая зимой о себѣ Лондонская Лига на помощь христіанамъ Турціи, съ ея патрономъ лордомъ Росселемъ и секретаремъ г. Луисомъ Фарлеемъ? Эта Лига обращалась прямо къ намъ, въ нашу газету, имѣла даже безцеремонность просить насъ о присылкѣ изъ Россіи пожертвованій для передачи герцеговинскимъ семействамъ! Хороши бы мы были еслибы рекомендовали нашимъ соотечественникамъ этотъ путь для ихъ пожертвованій! Можетъ-быть эти деньги теперь пошли бы вмѣсто помощи умирающимъ съ голоду выходцамъ на покупку пушекъ для Турокъ? А теперь, и эти пособія ставятся въ вину Россіи. Не предостерегалъ ли г. Фарлей инсургентовъ чтобъ они не вѣрили турецкимъ обѣщаніямъ и не полагались на реформы графа Андраши, опять-таки адресуя письма въ нашу газету, но не смѣя повидимому печатать ихъ въ Англіи. Не было ли одно время когда и въ англійскихъ газетахъ сильнѣе чѣмъ когда-либо въ русской печати изобличались всѣ недостатки турецкой администраціи и невозможность ожидать ея улучшенія, но, правда, это дѣлалось тогда съ единственною цѣлью доказать неизбѣжность австрійскаго военнаго занятія возмущенныхъ провинцій: это не считалось посягательствомъ на верховныя права султана, между тѣмъ какъ самая мысль о двухмѣсячномъ перемиріи, ради возможности приступить къ исполненію обѣщаннаго, представляется возмутительнымъ русскимъ предложеніемъ! Богатая Англія плачется о турецкихъ кредиторахъ; свободная Англія возмущается человѣческими жертвами приносимыми Дагомейскимъ королемъ и готовится отправить противъ него экспедицію. Но вотъ вчера нашъ корреспондентъ передавалъ ужасающую повѣсть о болгарскихъ избіеніяхъ. Увы! такіе же скорбные разказы о такъ-называемомъ болгарскомъ возстаніи читаемъ мы и въ корреспонденціи *Times*. Объ этихъ звѣрствахъ слѣдовательно знаютъ и въ Англіи. Гдѣ же схоронилась Лондонская Христіанская Лига, гдѣ же митинги для протеста противъ этихъ варварствъ возмущающихъ человѣческое чувство, не говоримъ уже христіанскую совѣсть? И въ свободной странѣ, ставящей себя въ образецъ всѣмъ, ни одна газета не смѣетъ идти противъ общаго принятаго будто по сигналу тона! Ни одинъ членъ

парламента не дерзаетъ возвысить голосъ за несчастныхъ! Гдѣ же эта пресловутая англійская свобода слова, свобода печати?

Мы уже прежде указывали на яростную защиту англійскою печатью „правъ" исламизма. Но защита эта, какъ видно, не ограничивается газетными диөирамбами. Исламъ получаетъ отъ Англіи болѣе существенную поддержку. Объ этомъ уже писалъ нашъ корреспондентъ изъ Рагузы и Катарро. Но это не скрывается теперь и Англичанами. Вотъ что мы прочли сегодня въ письмѣ берлинскаго корреспондента *Times*: „Политика принятая Россіей за послѣдніе 12 мѣсяцевъ на Востокѣ привела къ важному результату. „Англія стала на противоположную сторону. Третьяго дня (31 мая) англійскіе „военные корабли выгрузили въ Дураццо „грузъ пушекъ и ружей для турецкихъ „войскъ въ Албаніи; въ то же время авансъ „въ 30.000 ф. ст. былъ переданъ Мухтаръ-пашѣ черезъ Рагузу." Это буквальное подтвержденіе свѣдѣній нашего корреспондента, и, кромѣ того, корреспондентъ *Times* присовокупляетъ что „три „англійскіе военные корабля, какъ слышно, крейсеруютъ у береговъ Южной Далматіи чтобы не допускать высадки грузовъ въ интересѣ инсургентовъ." Это называется нейтралитетомъ и невмѣшательствомъ въ распрю султана съ его подданными!

Итакъ, вотъ *главное* участіе Англіи въ умиротвореніи и ея предохранительныя мѣры для защиты своей *чести!*

Но, въ виду безчестной лжи распускаемой про Россію, можемъ ли мы вѣрить чтобъ эта помощь Турціи была безкорыстна со стороны Англіи? Кто знаетъ какое вознагражденіе и обезпеченіе *можетъ* она потребовать себѣ за эту помощь? Кстати же, надо будетъ обезпечить и интересы англійскихъ кредиторовъ Порты! Какъ знать! можетъ-быть Англія собирается *купить* себѣ цѣной этой матеріальной помощи для усмиренія инсургентовъ какія-либо морскія стоянки на островахъ Архипелага, подобно тому какъ она купила у хедива его суэзскія акціи? Можетъ-быть и это будетъ найдено согласнымъ съ неприкосновенными правами султана?...

Б.

По словамъ *Нижегородскаго Справочнаго Листка*, у мироваго судьи 3-го участка Нижняго-Новгорода разбиралось извѣстное нашимъ читателямъ дѣло объ обидѣ дѣйствіемъ, на Самолетской пристани, главноуправляющаго Обществомъ *Самолетъ* уволеннымъ изъ службы этого Общества губернскимъ секретаремъ Шредеромъ. Мировой судья, признавъ г. Шредера виновнымъ, опредѣлилъ: подвергнуть его аресту въ мѣстахъ заключенія, *за нарушеніе тишины въ публичномъ мѣстѣ*, на пять дней, и *за обиду дѣйствіемъ* пострадавшаго лица на десять дней, а принимая во вниманіе *смягчающія вину обстоятельства* и по совокупности проступковъ—всего на четырнадцать дней.

Считаемъ не лишнимъ остановиться на этомъ приговорѣ. Обстоятельства дѣла и его значеніе подробно изложены въ помѣщенной въ № 120 *Московскихъ Вѣдомостей* корреспонденціи „Изъ Твери." Напомнимъ вкратцѣ происшествіе. Кассиръ Костромской пристани *Самолета*, попавшій на эту должность по протекціи своего зятя занимавшаго въ томъ же Обществѣ видное мѣсто, былъ потомъ отставленъ отъ службы. Полтора года онъ ничѣмъ не протестуетъ противъ своего удаленія, какъ бы признавая его заслуженнымъ. Но вотъ Общество чрезъ своего управляющаго пароходствомъ удаляетъ и его зятя. Тогда-то уволенный полтора года тому назадъ кассиръ требуетъ объясненій отъ управляющаго, въ теченіе нѣсколькихъ дней выжидаетъ его на пристани, и наноситъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ.

Таковы факты. Напомнимъ теперь относящійся къ нимъ законъ. Въ *Уставѣ о Наказаніяхъ* налагаемыхъ мировыми судьями сказано:

Ст. 133. За нанесеніе обиды дѣйствіемъ лицу не состоящему съ обидчикомъ въ родствѣ по восходящей линіи, *если къ тому былъ данъ поводъ самимъ обиженнымъ*, виновные подвергаются аресту не свыше пятнадцати дней или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Ст. 134. За нанесеніе обиды дѣйствіемъ *безъ всякаго повода со стороны обиженнаго*—аресту не свыше одного мѣсяца.

Ст. 135. За нанесеніе обиды дѣйствіемъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, *или же* въ публичномъ мѣстѣ или многолюдномъ собраніи аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Очевидно что виновный подвергнутъ наказанію по послѣдней изъ приведенныхъ

нами статей. Это слѣдуетъ уже изъ того. что приговоръ караетъ его также и „за нарушеніе тишины въ публичномъ мѣстѣ,“ *), слѣдовательно если онъ и устранилъ обдуманность, то во всякомъ случаѣ признаетъ фактъ нанесенія виновнымъ обиды въ публичномъ мѣстѣ; а по рѣшеніямъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента публичность обиды есть такой элементъ ея который подводитъ проступокъ подъ указанную статью.

Отчего же, въ такомъ случаѣ, приговоръ изрекаетъ лишь десятидневный арестъ въ кару виновнаго, тогда какъ мѣра наказанія могла дойти, по цитованной статьѣ, до трехъ мѣсяцевъ?

Оттого что въ проступкѣ, о которомъ идетъ рѣчь, усмотрѣны „смягчающія вину обстоятельства.“

Спрашивается, въ чемъ заключаются эти „смягчающія обстоятельства?“ Въ томъ ли что виновный совершилъ свой проступокъ *не* тотчасъ по отставленіи его отъ службы, а черезъ полтора года? Или въ томъ что оскорбленіе нанесено начальствующему въ пароходномъ обществѣ лицу на пристани этого общества, гдѣ не только служащіе при обществѣ подчинены ему, но и пассажиры и публика обязаны относиться къ нему съ уваженіемъ?

Но разбирательство, конечно, разъяснило неизвѣстныя намъ обстоятельства дѣла, и приговоръ, безъ сомнѣнія, состоялся совершенно соотвѣтственный закону. Тѣмъ нагляднѣе подтверждаетъ онъ высказанную нашею статьею № 120 необходимость пересмотра *Устава о Наказаніяхъ* налагаемыхъ мировыми судьями въ видахъ увеличенія кары за подобные проступки. Въ офиціальномъ журналѣ совѣта Общества *Самолетъ*, о которомъ упоминается выше и который былъ разосланъ во всѣ конторы Общества, вслѣдъ за подтвержденіемъ открытыхъ командированнымъ членомъ правленія неправильностей, послѣ изложенія вызванныхъ этимъ открытіемъ распоряженій объ увольненіи нѣкоторыхъ изъ служащихъ лицъ, совѣтъ „проситъ правленіе и на будущее время немедленно увольнять отъ службы всѣхъ „тѣхъ служащихъ которые не будутъ содѣйствовать къ охраненію интересовъ Общества.“ Совершенно понятная и разумная забота о дѣлѣ, ввѣренномъ акціонерами. Но какимъ гражданскимъ мужествомъ должны обладать начальствующія лица чтобы не ослабѣвать въ контролѣ надъ своими подчиненными при обстановкѣ, благодаря которой публичная обида дѣйствіемъ со стороны отставленнаго отъ службы служащаго ведетъ послѣдняго лишь къ четырнадцатидневному аресту, и то еще „по совокупности проступковъ...“

*) *Ст. 38.* За ссоры, драки, кулачный бой или другаго рода буйство въ публичныхъ мѣстахъ виновные подвергаются аресту не свыше семи дней или денежному взысканію не свыше 25 рублей.

№ 132.

Москва, 27-го мая.

Еще два приговора присяжныхъ вызывающіе на грустныя размышленія, и еще два факта возмутительнаго оскорбленія органовъ правосудія! Въ отдѣлѣ судебной хроники мы привели содержаніе двухъ процессовъ разбиравшихся почти одновременно, одинъ въ Харьковѣ, другой въ Липецкѣ, объ оскорбленіяхъ дѣйствіемъ нанесенныхъ прокурору окружнаго суда и мировому судьѣ. Оба эти процесса и исходъ оныхъ заслуживаютъ серіознаго вниманія.

Прокуроръ суда, посѣтивъ тюрьму въ качествѣ непосредственнаго начальника оной, получилъ ударъ въ лицо отъ арестанта, молодаго человѣка 19 лѣтъ, будто бы вслѣдствіе того что „оскорбилъ честь“ послѣдняго, замѣтивъ ему что онъ „спеціалистъ по воровству.“ Оскорбленіе это, по словамъ подсудимаго, нанесено было ему не во время этого разговора, который былъ совершенно мирный, *а нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе.* Юный рыцарь арестантской сермяги не стерпѣлъ „кровной обиды,“ такъ какъ онъ содержался на этотъ разъ не за кражу, а только за растрату; онъ глубоко затаилъ въ душѣ мстительное чувство противъ обидчика; и вотъ, когда представился къ тому удобный случай, онъ „отомстилъ за свою честь.“ Такъ представлено было дѣло со стороны обвиняемаго на первыхъ порахъ послѣ происшествія, а затѣмъ и на судѣ. Но въ промежуткѣ между этими двумя крайними фазами процесса дѣло выяснилось въ совершенно иномъ смыслѣ, убѣдительномъ не только по множеству раскрытыхъ фактическихъ подтвержденій, но и по неизмѣ-

римо-большой вѣроятности побужденія руководившаго дѣйствіемъ обвиняемаго. Оказалось что Рачинскій ударилъ прокурора не въ пылу гнѣва за претерпѣнную обиду, а изъ-за денегъ обѣщанныхъ ему другимъ арестантомъ, глубоко ненавидѣвшимъ прокурора, котораго онъ имѣлъ основательныя причины считать главнымъ виновникомъ своего заключенія подъ стражу. Этотъ послѣдній, человѣкъ бывалый и въ добавокъ „адвокатъ,“ сразу занявшій въ тюремной средѣ „почетное“ положеніе, благодаря своему авторитету, а главное, особенной протекціи со стороны смотрителя замка, имѣлъ прямой интересъ учинить скандалъ виновнику своего заключенія и располагалъ средствами подвинуть на это испорченнаго мальчика, легко подчинявшагося всякому дурному внушенію. Полную характеристику этого юноши представилъ на судѣ его пріемный отецъ и благодѣтель, въ правдивости показанія котораго невозможно усомниться. Этотъ почтенный человѣкъ употребилъ всѣ усилія чтобы вывести въ люди своего питомца. Но съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ немъ уже обнаружились его порочныя наклонности; Рачинскій обкрадывалъ нѣсколько разъ его самого и другихъ; незадолго до происшествія онъ судился за кражу, но по молодости былъ отпущенъ присяжными несмотря на собственное сознаніе. Слова сказанныя ему прокуроромъ, при вторичной встрѣчѣ съ нимъ въ тюрьмѣ, были очевидно вызваны сожалѣніемъ что снисхожденіе сдѣланное ему судомъ оказалось столь мало заслуженнымъ. Рѣшительно немыслимо чтобы Рачинскій *могъ* оскорбиться этимъ справедливымъ замѣчаніемъ, отъ котораго трудно было и удержаться при видѣ столь ранней нравственной порчи. Съ другой стороны, слѣдствіемъ раскрыта масса фактовъ какъ нельзя болѣе доказавшихъ истинные мотивы и главнаго виновника преступленія. Многіе подтвердили что они сами слышали какъ Бокъ подкупалъ Рачинскаго ударить прокурора: въ тюрьмѣ заранѣе ждали этого событія; наконецъ, самъ Рачинскій сознался что онъ ударилъ прокурора изъ-за 50 рублей обѣщанныхъ ему Бокомъ. Само собою разумѣется что этотъ послѣдній принялъ мѣры чтобы подстрекательство его не всплыло наружу; арестантская среда, при явномъ потворствѣ Боку со стороны смотрителя замка, давала къ тому полную возможность. Сначала всѣ усилія были направлены къ тому чтобъ удержать Рачинскаго отъ сознанія, а когда послѣдній все-таки сознался, Бокъ не сдался и тутъ; явился новый рядъ свидѣтелей изъ той же арестантской среды, которые запутали дѣло противорѣчивыми показаніями и ловко придуманными намеками набросили тѣнь на личность прокурора, а также пошатнули довѣріе къ сознанію учиненному Рачинскимъ, который и самъ отрекся отъ онаго на судѣ, такъ что защита послѣдняго предъ присяжными снова стала на почву рыцарскихъ чувствъ, и присяжнымъ доказывалось съ невѣроятною безцеремонностью что чѣмъ болѣе человѣкъ растратилъ свою честь, тѣмъ до ревнивѣе онъ оберегаетъ остатокъ оной; этимъ де „психически“ подтверждается побужденіе руководившее Рачинскимъ при нанесеніи удара прокурору, а сознаніе что онъ дѣйствовалъ въ виду обѣщанныхъ ему денегъ и „золотаго песне“ есть молъ не что иное какъ результатъ вымогательства со стороны обвинительной власти, послѣдствіе истязаній перенесенныхъ обвиняемымъ въ строгомъ заключеніи коему онъ былъ подвергнутъ до сознанія. Защита, какъ это ни невѣроятно для всякаго внимательно вникшаго въ подробности дѣла, достигла вполнѣ своей цѣли. Рачинскій признанъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія; а обвиняемые въ подстрекательствѣ (ихъ было двое) оправданы. Такъ какъ Рачинскій признанъ такимъ образомъ дѣйствовавшимъ безъ посторонняго внушенія, то снисхожденіе ему данное очевидно вызвано тѣмъ что ему былъ данъ поводъ къ его поступку. Наказуя обидчика, присяжные выразили этимъ снисхожденіемъ и свое порицаніе обиженному...

Порицаніе присяжныхъ харьковскому прокурору было, такъ сказать, косвенное. Но чуткая къ голосу „общественной совѣсти“ петербургская печать нашла недостаточнымъ это косвенное порицаніе. Она сочла нужнымъ усугубить кару привлеченіемъ подъ *свой* судъ г. Монастырскаго за его „жестокосердное“ обращеніе съ „несчастными“ заключенными. Поистинѣ возмутительны тѣ „назиданія“ съ коими обращается фельетонистъ *Голоса* къ г. Монастырскому по поводу обнаруженнаго на судѣ „негуманнаго обращенія его съ арестантами, возмутительны потому что „либеральный“ писака прямо становится на

сторону тѣхъ свидѣтелей-арестантовъ которые, съ цѣлью выгородить своего острожнаго патрона и сдѣлать болѣе вѣроятнымъ „возмездіе за обиду“ со стороны Рачинскаго, а стало-быть отсутствіе подкупа, не скупились на всякаго рода лжи и небылицы чтобы выставить г. Монастырскаго хроническимъ обидчикомъ харьковскихъ узниковъ. Но Бокъ и его клевреты дѣйствовали съ опредѣленною практическою цѣлью. Острожный юристъ употребилъ въ дѣло всѣ сподручныя ему средства чтобы „спасти свою шкуру.“ Ну, а юристъ *Голоса* изъ какихъ побужденій сталъ клеймить позоромъ человѣка который подвергся гнусному посягательству во время исполненія своей служебной обязанности,— оскорбленію хладнокровно обдуманному и, сколько можно судить по весьма подробному отчету, ничѣмъ не заслуженному? Газета *Голосъ*, какъ извѣстно, стоитъ на стражѣ „незыблемости коренныхъ началъ *нашей* судебной реформы;“ она отстаиваетъ ихъ особенно энергически въ виду того что мы, какъ не менѣе де извѣстно, „подкапываемся подъ эти основы.“ Насилія противъ представителей судебной власти стали у насъ повторяться такъ часто что на это нельзя не обратить вниманія, тѣмъ болѣе что наши присяжные въ очень рѣдкихъ, почти исключительныхъ случаяхъ, должнымъ образомъ караютъ преступленія этого рода; объясняется это частью тѣмъ что у насъ вообще слишкомъ слабо развито сознаніе о личной неприкосновенности, а болѣе всего тѣмъ что въ преступленіяхъ этого рода любимый пріемъ нашихъ защитниковъ, направленный къ тому чтобы „разжалобить“ присяжныхъ, практикуется съ наибольшимъ успѣхомъ. Казалось бы что, въ виду этого, печати ратующей за „достоинство и неприкосновенность суда“ слѣдовало бы энергически бороться противъ указаннаго зла и стараться внушить выразителямъ общественной совѣсти иныя понятія о тяжести подобныхъ преступленій. Но въ томъ-то и дѣло что баши-бузукамъ нашего „либерализма“ въ сущности нѣтъ дѣла ни до какихъ основъ цивилизованнаго государственнаго порядка. „Скандалъ“ во всѣхъ формахъ и видахъ, вотъ истинное побужденіе безчисленныхъ дѣятелей фельетоннаго либерализма; имя отдѣльнаго лица, единичный, но „пикантный“ случай, дороже для нихъ всякихъ „незыблемыхъ основъ.“

Другой процессъ нами обнародованный не требуетъ коментаріевъ. Факты сообщаемые нашимъ корреспондентомъ мы оставляемъ конечно вполнѣ на его отвѣтственности. Но не можемъ не пожелать чтобы подтвердились его указанія на то что липецкіе присяжные не были должнымъ образомъ ограждены отъ сношеній съ посторонними лицами, такъ что самъ подсудимый безпрепятственно переговаривался съ ними. Въ этомъ случаѣ приговоръ ими постановленный, по которому вышелъ безнаказаннымъ изъ суда человѣкъ дозволившій себѣ два раза плюнуть въ лицо судьѣ при исполненіи имъ своихъ обязанностей, не можетъ быть оставленъ въ силѣ.

№ 133.

Москва, 28-го мая.

Въ *Биржѣ* недавно (№ 81) было помѣщено письмо г. С. К—лода, по поводу одной изъ нашихъ статей о долгосрочныхъ контрактахъ на поставку провіанта по военному вѣдомству. Почтенный авторъ этого письма вполнѣ одобрилъ наши доводы и соображенія о несостоятельности такихъ контрактовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приписалъ собственно *намъ* цифры и мнѣнія принадлежащія не *лично* намъ, а *заимствованныя* нами изъ показаній спеціалистовъ дѣла каковы окружной интендантъ генералъ-майоръ Воробьевъ, гг. Фейгинъ и Коревъ. Затѣмъ онъ выразилъ сѣтованіе что мы не измыслили собственнаго проекта поставокъ, и, наконецъ, какъ бы въ восполненіе нашего пропуска онъ самъ подробно изложилъ свой проектъ таковыхъ на будущее время. Считая мнѣніе г. С. К—лода довольно основательнымъ и во всякомъ случаѣ заслуживающимъ обсужденія со стороны компетентныхъ лицъ, мы тотчасъ же обратили на него вниманіе читателей замѣтивъ мимоходомъ что предлагаемая авторомъ система имѣетъ нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ подрядомъ г. Посохова по Одесскому округу. При этомъ мы исправили обмолвку письма относительно приписанныхъ имъ лично намъ мнѣній и цифръ, и въ отвѣтъ на сѣтованія автора пояснили что задача нашей статьи состояла не въ сочиненіи новыхъ проектовъ, а единственно въ возраженіи противъ старой системы, о стремленіи къ

которой нѣкоторыхъ спекуляторовъ носились въ Петербургѣ упорные слухи...: Въ № 130 *Биржи* г. С. К—лода возражаетъ на нашъ отвѣтъ.

На что онъ собственно возражаетъ и для чего потребовалось ему выступать противъ насъ съ новымъ письмомъ—трудно понять. Онъ говоритъ что „никакихъ упрековъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* онъ не дѣлалъ,“ и что мы напрасно „возстаемъ,“ „жалуемся“ и „выражаемъ неудовольствіе“ на приписанныя имъ намъ слова и цифры. Но вѣдь обстоятельство что онъ приписалъ собственно нашему измышленію то что мы заимствовали изъ показаній знатоковъ-спеціалистовъ есть фактъ, и мы не „жаловались“ и не „возставали“ противъ ошибки автора, а лишь возстановили истину. Да развѣ почтенный авторъ, утверждающій что онъ „не дѣлалъ намъ никакихъ упрековъ,“ въ томъ самомъ нумерѣ *Биржи* гдѣ красуется это завѣреніе не повторяетъ вновь своего прежняго упрека, отъ котораго онъ отрицается? „Рѣшившись заговорить противъ прежде существовавшей и нынѣ употребляемой системы продовольствія,“ паки и паки, выговариваетъ онъ намъ, „*Московскія Вѣдомости* не должны были отказаться съ тѣмъ вмѣстѣ отъ обсужденія другаго способа, по ихъ мнѣнію болѣе раціональнаго и прочнаго, ибо немыслимо возставать противъ одной системы, не предлагая въ замѣну болѣе самостоятельную (?) и компетентную (?).“ Авторъ рѣшительно не хочетъ понять что въ то время о которомъ идетъ рѣчь дѣло шло не о томъ чтобы выступать впередъ съ новыми системами, а о томъ чтобы, въ виду возникшихъ тогда и засвидѣтельствованныхъ печатью поползновеній, настаивать на разъясненіи непригодности старой. Или же авторъ просто обидѣлся что мы упомянули о нѣкоторомъ сходствѣ его проекта съ существующимъ уже подрядомъ г. Посохова? „Дѣлая предложеніе на новый способъ продовольствія, мы не намѣревались пользоваться такъ-сказать правомъ иниціативы,“ оправдывается онъ, но въ этомъ самомъ оправданіи и звучитъ обиженная струнка... Наша ли вина если въ его проектѣ дѣйствительно есть сходство съ подрядомъ г. Посохова? Система автора заключается въ томъ, чтобы, вопервыхъ, подрядъ на войсковое продовольствіе былъ мѣстный, и вовторыхъ, чтобъ операція поставки ржи и муки не сосредоточивалась въ однѣхъ рукахъ, но раздѣлялась между двумя подрядчиками, однимъ—поставляющимъ рожь, другимъ—занимающимся ея перемоломъ, съ отвѣтственностью за качество принятаго зерна. А подрядъ г. Посохова есть именно мѣстный... По нашему мнѣнію, система г. С. К—лода имѣетъ надъ нимъ то преимущество что въ ней двѣ операціи раздѣлены, слѣдовательно устраняется возможность тѣхъ злоупотребленій съ рожью которыя выяснены Овсянниковскимъ процессомъ: но вѣдь оттого мы и обратили на проектъ автора вниманіе читателей.

Что касается до дѣлаемаго намъ вновь почтеннымъ авторомъ, въ заключеніе своего письма, приглашенія высказать свой взглядъ на дѣло о которомъ идетъ рѣчь, то въ настоящую минуту это конечно практичнѣе чѣмъ было бы нѣсколько времени тому назадъ. Особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Игнатьева на дняхъ, какъ мы уже передавали въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ нашей газеты, отвергла принципъ долгосрочныхъ подрядовъ на будущее время. Слѣдовательно, наступаетъ минута выработки новой системы. Но вопросъ едва ли уже настолько зрѣлъ чтобы можно было высказаться о немъ окончательно. Съ одной стороны комбинація Посоховскаго подряда съ проектомъ г. С. К—лода является не непривлекательною. Система г. Посохова имѣетъ двѣ слабыя стороны: вопервыхъ, долгосрочность, невыгоды которой послѣ всего что было о нихъ писано нечего доказывать; вовторыхъ, параллельность справочныхъ цѣнъ, т.-е. зависимость первоначально уговоренной цѣны отъ (часто-искусственнаго) поднятія ея въ данномъ мѣстѣ. Такая система, которая при отсутствіи этихъ двухъ недостатковъ соединила бы въ себѣ и предлагаемое г. С. К—лодомъ раздѣленіе поставки ржи отъ поставки перемолотой муки—можетъ представляться нормальною и желательною.

Но съ другой стороны являются новые элементы которые не излишне тоже принять во вниманіе при рѣшеніи вопроса. Въ этомъ нумерѣ нашей газеты читатель найдетъ довольно подробную замѣтку о печеніи хлѣба прямо изъ зерна по способу г. Зарина. Г. Заринъ, описаннымъ въ замѣткѣ способомъ, дробитъ зерно и тутъ же прямо изъ него печетъ хлѣбъ. До сихъ поръ приготовленный такимъ образомъ

хлѣбъ считался довольно недоброкачественнымъ и за нимъ признавалось лишь одно достоинство, то что онъ не скоро черствѣетъ. Теперь, если вѣрить докладу изобрѣтателя, данному имъ въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, доказано что хлѣбъ изъ зерна абсолютно чистъ, не содержитъ въ себѣ никакихъ нечистыхъ примѣсей, которыя такъ трудно удалить изъ муки, не имѣетъ въ себѣ часто содержимыхъ обыкновеннымъ хлѣбомъ комьевъ, здоровъ, питателенъ, удобоваримъ и дешевъ. Въ 3-й ротѣ Измайловскаго полка былъ произведенъ надъ нимъ опытъ. Солдаты питались имъ въ теченіе 41 дня, и были имъ довольны. Этимъ опытомъ, кромѣ его доброкачественности, засвидѣтельствована и его сравнительно бо́льшая питательность, ведущая къ потребленію хлѣба въ меньшемъ количествѣ, такъ что въ каждой ротѣ оказывается возможность составить по 440 пудовъ хлѣба экономіи въ годъ. Пробовавшіе этотъ хлѣбъ находятъ его очень пріятнымъ на вкусъ и отдаютъ ему предпочтеніе предъ обыкновеннымъ хлѣбомъ какимъ продовольствуютъ войска. Если дальнѣйшіе опыты подтвердятъ его пригодность къ употребленію, то такимъ способомъ выпеченный хлѣбъ не можетъ не быть принятъ для довольствія войска (при немъ устраняется возможность мошенническихъ продѣлокъ при сдачѣ ржи и издержки перемола, равно какъ и порча муки при перевозѣ); если же хлѣбъ выпеченный прямо изъ зерна будетъ принятъ въ войско,—то это нововведеніе разумѣется должно повліять на соображенія о лучшей системѣ поставокъ провіанта.

№ 134.

Москва, 29-го мая.

Въ англійской печати появилась полемика которая можетъ послужить отличною иллюстраціей къ нашей послѣдней статьѣ, гдѣ мы указывали на прямую и дѣятельную помощь оказываемую Портѣ противъ ея христіанскихъ подданныхъ. *Пель-Мельская Газета*, въ послѣднемъ нумерѣ своемъ, читаетъ весьма назидательное поученіе берлинскому корреспонденту газеты *Times*, а еще болѣе самой редакціи этой газеты, за обнародованіе *нѣкоторыхъ* свѣдѣній. Дѣло вотъ въ чемъ: торійская газета начинаетъ съ того что обращаетъ вниманіе на „неизмѣнный“ характеръ извѣстій передаваемыхъ газетѣ *Times* ея берлинскимъ корреспондентомъ. „Давно замѣчено,“ говоритъ *Pall-Mall Gazette*, „что миссія этого джентльмена есть передача извѣстій разчитанныхъ на то чтобы причинять раздраженіе *(to make bad blood)* между Англіей и Россіей.“ Дѣятельность этого корреспондента не могла де удивлять тѣхъ кому было извѣстно что „его сообщенія составлялись въ духѣ наиболѣе „пріятномъ для прусскаго бюро печати, а „черезъ посредство этого департамента— „для еще высшаго авторитета, для самого Берлинскаго кабинета.“ Торійскій органъ въ этомъ еще не видитъ особенной бѣды пока сообщавшіяся извѣстія были, по крайней мѣрѣ, *вѣрны*, — читай пока они состояли изъ небылицъ про Россію,— „хотя они замѣчательно хорошо подбирались и разказывались съ цѣлію произвести какъ можно болѣе тревоги и раздраженія.“ Но вотъ этотъ самый корреспондентъ забылся де до того что сообщаетъ извѣстія касающіяся Англіи. Эти извѣстія говорятъ о выгрузкѣ англійскими военными кораблями ружей и пушекъ для турецкихъ войскъ въ Албаніи, о деньгахъ полученныхъ отъ Англіи Мухтаромъ-пашой черезъ Рагузу, о крейсеровкѣ англійскихъ военныхъ судовъ у береговъ Далматіи дабы не допускать никакихъ выгрузокъ въ пользу инсургентовъ. Торійская газета даетъ полную волю своему негодованію видя что эти извѣстія напечатаны въ *Times*, да еще на видномъ мѣстѣ, между телеграммами!

Итакъ, вотъ она пресловутая свобода англійской печати, ея правдивая и безпристрастная откровенность! Всякія клеветы на Россію, хотя „явно систематически подбираемыя чтобы возбудить какъ можно болѣе тревоги и раздраженія,“ должны считаться безспорно-вѣрными, но коль скоро рѣчь коснется дѣйствій Англіи, то „легковѣріе“ корреспондента представляется просто непостижимымъ. Еще строже выговоръ торійскаго органа самой редакціи *Times:* „Даже предполагая что корреспон„дентъ вѣрилъ тому что передаетъ, мы„слимо ли чтобы руководители *Times* са„ми повѣрили этому? А если нѣтъ, то какъ „они оправдаютъ обнародованіе извѣстія? „Да и какъ они оправдали бы его еслибъ „оно и было фактически вѣрно? Если оно

„вѣрно, то это указывало бы только что „правительство ея величества принуждено „было принять нѣкоторыя чрезвычайныя и „оправдываемыя только крайнею националь-„ною необходимостью мѣры участія въ борь-„бѣ происходящей въ Герцеговинѣ. Допу-„стивъ что это такъ, что мы должны по-„думать о поведеніи англійской газеты ко-„торая оглашаетъ фактъ предъ цѣлымъ „свѣтомъ? И въ чемъ это поведеніе отли-„чается отъ сообщенія непріятелю тайнаго „движенія нашей арміи во время кампаніи?“

Эта вспышка досады наглядно характеризуетъ англійскую политику. Она дѣйствуетъ тайными путями пока ея печать ведетъ искусно задуманную кампанію чтобы постепенными маневрами и всякою ложью выставить Россію въ ненавистномъ видѣ предъ всею Европой, причемъ первоначальная причина волненій въ Турціи — ужасное положеніе христіанъ на Востокѣ,— оттѣсняется на задній планъ, а между тѣмъ политики подготовляютъ условія удобныя для осуществленія давно задуманныхъ цѣлей. Впрочемъ, берлинскій корреспондентъ газеты *Times* быть-можетъ еще болѣе *au courant* интриги направленной противъ Россіи чѣмъ *Pall Mall Gazette*. Если онъ сообщилъ объ упомянутыхъ фактахъ, то конечно потому что умолчать о нихъ было неловко. Мы знали о нихъ еще прежде отъ нашего корреспондента. Они были слѣдовательно общеизвѣстны, и корреспондентъ *Times*, вѣрный своей системѣ клеветы на Россію, придалъ имъ наиболѣе выгодное для Англіи толкованіе, объясняя ея дѣйствія какъ неизбѣжный результатъ русской политики за послѣдній годъ. Къ тому же, не онъ одинъ упражняется въ этомъ дѣлѣ. Другіе, не менѣе его враждебные намъ, корреспонденты говорятъ еще откровеннѣе. Очевидно, событія считаются уже достаточно подготовленными, и таинственность можетъ-быть скоро будетъ совсѣмъ отброшена. Мы привели вчера въ *Послѣдней Почтѣ* увѣреніе лондонскаго корреспондента вѣнской *Neue Freie Presse*, будто бы еще въ мартѣ мѣсяцѣ Англія предостерегала Австрію не слишкомъ запутываться „въ сѣти русской политики“, и совѣтовала искать опоры въ другомъ мѣстѣ. Англія будто бы высказывала при этомъ увѣренность что составится „коалиція европейскихъ державъ противъ Россіи,“ и приглашала Австрію присоединиться къ коалиціи, увѣряя что ея интересы на Востокѣ отъ того нисколько де не пострадаютъ. Англія выставила будто бы и болѣе опредѣленную цѣль коалиціи, а именно „дать сообща понять Россіи что въ слу-„чаѣ объявленія войны Сербіей и Черно-„горіей, это будетъ признано Европой за „нарушеніе Европейскаго мира со стороны „Россіи.“

Что же это значитъ? Въ самомъ ли дѣлѣ противъ Россіи готовится коалиція, а она остается изолированною. Но развѣ уже не существуетъ союзъ трехъ сѣверныхъ державъ на которомъ держится нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Европѣ? Напротивъ, казалось бы что только Англія, оставшись въ сторонѣ и втихомолку помогая Портѣ противъ ея христіанскихъ подданныхъ, показываетъ тѣмъ что имѣетъ свои особыя цѣли, не входящія въ интересы всей Европы, и разчитываетъ достигнуть ихъ посредствомъ интриги, путая и смущая общественное мнѣніе и убѣждая его будто бы тройственный союзъ есть только притворство...

Это побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ о полученномъ нами страшномъ анонимномъ циркулярѣ, озаглавленномъ *Воззваніе къ печати*. Онъ присланъ намъ подъ бандеролью изъ Висбадена, гдѣ онъ напечанъ, въ типографіи Риттера, на листѣ въ трехъ столбцахъ, на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ. Воззваніе укоряетъ Англію за ея отказъ присоединиться къ Берлинскому меморандуму, указываетъ что выставляемые ею поводы къ отказу совершенно вздорны, и что взводимое ею на союзныя державы обвиненіе въ нечестности падаетъ на ея собственную голову. Слѣдуетъ де принудить Англію обнаружить свои притязанія и выяснить: 1) Какія конвенціи Англія заключила съ Портой? и 2) Какіе другіе союзы она имѣетъ въ виду въ Европѣ и Азіи, до какой степени ея переговоры установились и какого они характера? Анонимный авторъ „Воззванія“ замѣчаетъ что если Англія въ самомъ дѣлѣ замышляетъ воспламенить порохъ, то ее скорѣе постигнетъ наказаніе въ ея слабомъ пунктѣ, именно въ ея колоніяхъ. По этому онъ и приглашаетъ печать разъяснить этотъ пунктъ чтобъ образумить Англію.

Но образумить Англію можно было бы гораздо легче безо всякихъ угрозъ.

Авторъ „Воззванія,“ какъ кажется, человѣкъ искренно убѣжденный. Онъ осно-

вательно говоритъ что „пока тройственный союзъ продолжается, опасаться нечего, ибо въ его власти предписать миръ, „а столкновеніе между тремя державами „по Восточному вопросу невозможно.“ Но въ томъ-то и дѣло что англійская печать не вѣритъ въ единодушіе трехъ державъ, и потому претендуетъ что дѣло мира единственно зависитъ отъ Англіи. Къ сожалѣнію, англійская печать постоянно находитъ предлогъ для себя въ слишкомъ частыхъ увѣреніяхъ о „желаніи поддержать миръ,“ расточаемыхъ офиціозными органами. И изъ Берлина, и изъ Вѣны, то и дѣло сыплются увѣренія въ стремленіяхъ поддержать миръ. Вотъ въ этихъ-то ежевседныхъ увѣреніяхъ Англичане и желаютъ видѣть намекъ что не все обстоитъ благополучно, и есть де какія-нибудь противоположныя стремленія. Пора бы кажется прекратить всѣ эти толки о желаніяхъ поддержать миръ. Если тройственный союзъ проченъ, то нѣтъ причины опасаться за сохраненіе мира.

Англійская печать усиливается выставить Россію въ положеніи изолированномъ. „Кризисъ неизбѣженъ,“ говоритъ берлинскій корреспондентъ *Times*, „если Россія „не отступится. Этотъ грозный вопросъ „будетъ рѣшенъ единственно Россіей, ко„торая, такъ долго старавшись достигнуть „своихъ цѣлей безъ международнаго столк„новенія, не готова при настоящемъ слу„чаѣ и колеблется“.

Но положеніе Россія сильнѣе чѣмъ думаетъ корреспондентъ: на ея сторонѣ право. Россія не возбуждала замѣшательствъ въ Турціи и показала это готовностью съ самаго начала дѣйствовать въ согласіи не только со своими союзниками, Германіей и Австріей, но и со всею Европой. Ея положеніе тѣмъ благопріятнѣе что для этого согласія ей не было надобности отрекаться отъ своихъ историческихъ задачъ, отъ своего всегдашняго сочувствія восточнымъ христіанамъ, ибо невозможность оставлять ихъ подъ турецкимъ управленіемъ безъ надежныхъ гарантій признана теперь всею Европой. Вотъ чемъ сила России.

Теперь спрашивается, во имя чего Англія могла бы сплотить коалицію противъ Россіи? Развѣ во имя исламизма? Прежде Англія поддерживала Турцію противъ Россіи, и на эту приманку ловила Европу. Противъ кого же она готовится поддерживать Турцію когда этого предлога быть не можетъ? Противъ ея христіанскихъ подданныхъ? Но мыслимо ли ополченіе всей Европы, по зову Англіи, для охраненія возмутительнаго варварства, для закрѣпощенія христіанъ въ положеніи вѣчнаго рабства, въ то время когда Англія лицемѣрно высылаетъ свои крейсеры въ океаны для противодѣйствія торга невольниками? Отчего же народамъ Турціи отказываютъ въ правѣ разчитываться и устраиваться между собою безъ посторонняго вмѣшательства?

Англія своимъ отказомъ присоединиться къ Берлинскому меморандуму надѣется разстроить согласіе державъ и создать для нихъ новыя затрудненія. Для отпора этимъ цѣлямъ не нужны угрозы, а гораздо вѣрнѣе воспользоваться ея же оружіемъ. Она стоитъ за невмѣшательство: пусть же и будетъ невмѣшательство, но искреннее и полное. Если Порта, поощряемая Англіей, изберетъ своимъ лозунгомъ *non possumus*, если она откажется отъ удовлетворенія справедливыхъ требованій державъ, то державамъ не останется ничего инаго какъ предоставить Турцію ея собственной судьбѣ. Ея христіанскія населенія не просятъ помощи, но они имѣютъ право требовать чтобы по крайней мѣрѣ не связывали имъ руки, и чтобы Европа не помогала ихъ притѣснителямъ.

№ 136.

Москва, 31-го мая.

Не можемъ оставить безъ нѣкоторыхъ замѣчаній статью въ полученномъ нами сегодня нумерѣ *Русскаго Міра*, которая упрекаетъ бо́льшую часть органовъ русской печати, а въ томъ числѣ и нашу газету, за слишкомъ легкомысленное будто бы отношеніе къ нынѣшнимъ восточнымъ затрудненіямъ, и въ особенности къ англійской политикѣ. Въ сужденіяхъ русской печати объ этихъ дѣлахъ публицистъ *Русскаго Міра* усматриваетъ „признакъ какой-то политической незрѣлости,“ который, впрочемъ, съ весьма лестнымъ для насъ комплиментомъ, онъ отказывается приписывать *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Мы охотно выслушали бы поученіе о признакахъ времени и послѣдовали бы ему, еслибы статья уважаемой газеты могла убѣдить насъ въ ошибочности нашего взгляда; но, къ сожалѣнію, авторъ ея, повидимому, не совсѣмъ отдалъ себѣ отчетъ въ томъ что̀ мы высказыва-

ли, и при этомъ излагаетъ совершенно своеобразный взглядъ на отношенія между Россіей и Англіей по Восточному вопросу.

Русскій Міръ удивляется „странному взгляду на задачи политической печати" въ тѣхъ изъ нашихъ газетъ (*Голосъ*, *Новомъ Времени*, *С.-Петербургскихъ* и „даже" *Московскихъ Вѣдомостяхъ*) которыя „занимаются теперь безцѣльными нападками на британскихъ государственныхъ людей, политика которыхъ, какъ извѣстно, почти безусловно одобряется общественнымъ мнѣніемъ Англіи. „Газетныя нападки и остроты, читаемъ далѣе, рѣшительно неумѣстны когда дѣло идетъ о возможности серіознаго столкновенія съ одною изъ могущественнѣйшихъ державъ европейско-азіятскаго материка." Совершенно вѣрно, но прежде чѣмъ скажемъ объ умѣстности и бездѣльности нашихъ мнѣній (мы говоримъ конечно только за себя, не принимая отвѣтственности за другія газеты), посмотримъ какъ смотритъ на дѣло *Русскій Міръ*.

Петербургская газета выступаетъ съ апологіей англійской политики. Она находитъ ее вполнѣ законною и логическою, и замѣчаетъ: „Несомнѣнно что новѣйшая политика Великобританіи направлена преимущественно противъ Россіи; противъ нашихъ же предполагаемыхъ плановъ выставленъ могущественный флотъ стоящій въ полной готовности въ Безикской гавани, близь Босфора." Но удивляться тутъ де нечему: это въ порядкѣ вещей, такъ и должно было быть. Вольно же было кому-либо „забывать о существованіи великой морской державы, связанной множествомъ интерессовъ съ европейскимъ Юго-Востокомъ, или ошибочно полагать что турецкія дѣла могутъ быть успѣшно устраиваемы помимо властвующей на моряхъ могучей покровительницы Турокъ — Англіи!" *Русскій Міръ* самымъ рѣшительнымъ образомъ оправдываетъ точку зрѣнія англійской политики, ибо, по его словамъ, хотя „наша дипломатическая программа, изложенная недавно съ достаточною откровенностью въ Берлинѣ, и должна быть, конечно, признана крайне скромною и умѣренною," но нельзя де винить и англійскихъ политиковъ что они не смотрятъ „единственно на буквальный смыслъ нашихъ заявленій и дѣлаютъ изъ послѣднихъ такіе выводы, отъ которыхъ мы въ дѣйствительности далеки." Англичанъ нельзя де винить потому что „въ области политическихъ мѣропріятій, какъ бы безобидны ни были внутренніе мотивы, нельзя никогда знать къ чему приведетъ, въ концѣ концовъ, первый твердый шагъ сдѣланный въ извѣстномъ направленіи, и изъ самыхъ неважныхъ на видъ дипломатическихъ мѣропріятій и промаховъ возникали нерѣдко самыя тяжелыя послѣдствія." Но любопытнѣе всего выводъ какой изъ этого дѣлается. Не замѣчая что все вышесказанное должно быть какъ нельзя болѣе на руку англійской печати, *Русскій Міръ* учитъ насъ что, вмѣсто того чтобъ укорять Англичанъ за „узкій эгоизмъ, за недовѣріе и вражду къ Россіи," мы должны бы поучиться у нихъ „трезвости политическаго взгляда и твердой сознательности дѣйствій" въ заботливости объ интересахъ своей страны. И вотъ, слѣдуя этому мудрому правилу, *Русскій Міръ* братски протягиваетъ руку Англичанамъ и говоритъ: „въ сферѣ Восточнаго вопроса намъ необходимо во что бы ни стало сблизиться съ Британіей, хотя бы цѣной извѣстныхъ уступокъ въ Средней Азіи." Вотъ до чего можно договориться когда нападаетъ охота читать другимъ нравоученія... И это называется серіознымъ политическимъ сужденіемъ!

Признаться, въ болѣе унизительномъ видѣ положеніе Россія предъ Англіей въ Восточномъ вопросѣ не представляется и англійскою печатью. Это гораздо „безтактнѣе и наивнѣе" чѣмъ наши будто бы сужденія объ узкомъ эгоизмѣ Англіи. Публицистъ *Русскаго Міра*, въ поспѣшности, не хочетъ видѣть что мы упрекали англійскую политику вовсе не за своекорыстіе, вовсе не за ея заботы о своихъ интересахъ и даже не за противодѣйствіе Россіи, а за умышленную ложь, за усилія выставить предъ всею Европой русскую политику въ ненавистномъ видѣ посредствомъ перетасовки фактовъ. Давать отпоръ этой лжи есть долгъ русской печати. Теперь и за границей прислушиваются къ тому что пишется въ Россіи, и вотъ почтенная петербургская газета благодушно оправдываетъ недовѣріе Англичанъ къ буквальному „смыслу крайне скромной и умѣренной" русской программы! Мы никогда не говорили голословно, а лишь на основаніи фактовъ и сужденій самихъ же англійскихъ газетъ. Да вотъ, чтобы не

повторять прежняго, читаемъ въ передовой статьѣ полученнаго сегодня же нумера *Times*: „Говоря вообще, мы можемъ сказать что существенная перемѣна произошла въ послѣднія недѣли, поскольку Россія болѣе явно выставилась какъ единственная держава преслѣдующая революціонную политику на Востокѣ, и оборотомъ событій поставленная болѣе или менѣе въ изолированное положеніе. Россія вооружила Сербовъ и Черногорцевъ противъ турецкой власти и держитъ ихъ въ готовности выступить въ походъ. Россія устремляла бывшее правительство Турціи къ его гибели и потерпѣла неудачу вслѣдствіе низложенія султана. Русскіе эмиссары посылаются разжигать рвеніе Славянъ; русскія общества доставляютъ деньги для ихъ вооруженія; русскія газеты провозглашаютъ о размѣрахъ и силѣ крестоваго похода.“ Что же,—и справедливость этого мы должны благодушно признать по наставленію *Русскаго Міра?* Не ставитъ ли и бюллетени печатаемые въ *Русскомъ Мірѣ* на счетъ Русскаго правительства? Не полагаетъ ли *Русскій Міръ* что печатаемыя въ его столбцахъ корреспонденціи направлены къ тому чтобъ успокоить общественное мнѣніе Англіи и сблизить ее съ нами?..

Нѣтъ, не пресмыканіемъ предъ интересами Англіи можетъ Россія отстоять свои интересы на Востокѣ. Согласіе между Россіей и Англіей на Востокѣ было бы конечно желательно (и мы полагаемъ что оно возможно), но оно зависитъ не отъ русской, а отъ англійской политики.

Что касается до взятки предлагаемой *Русскимъ Міромъ* Англіи въ Средней Азіи, то увѣренъ ли почтенный публицистъ что Англичане не улыбнутся при мысли о ней?... Почему бы еще не обѣщать Англичанамъ наше согласіе на занятіе ими Бирманіи?

Неужели это значитъ брать урокъ у Англичанъ „въ трезвости политическаго взгляда и твердой сознательности дѣйствій!“

№ 137.

Москва, 1-го іюня

Дѣло о крушеніи Коммерческаго Ссуднаго Банка не состоялось вопреки энергическимъ усиліямъ суда. Причина почему сочтено необходимымъ отсрочить засѣданіе имѣетъ чисто формальный характеръ, и совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ колоссальнымъ усиліямъ и приготовленіямъ какія придется повторить чтобы подготовить дѣло ко вторичному судебному засѣданію. Но судъ, руководясь установленными кассаціонною практикой правилами, былъ вынужденъ принять во вниманіе указанный со стороны защиты поводъ къ отсрочкѣ, рискуя въ противномъ случаѣ дать защитѣ готовый поводъ къ отмѣнѣ всего производства и потерять такимъ образомъ напрасно не только весь подготовительный трудъ, но и еще болѣе тяжелый самого судебнаго разбирательства. Такъ какъ всѣ подробности этого дѣла живо интересуютъ публику, то мы считаемъ не лишнимъ разъяснить юридическое значеніе признаннаго судомъ повода къ отсрочкѣ засѣданія.

Въ числѣ свидѣтелей, вызванныхъ на судъ *со стороны обвинительной власти*, находятся пять живущихъ въ Берлинѣ (банкиры: Жакъ, Киттель, Манчикъ и Шлезингеръ, и купецъ Розентоверъ). По закону, свидѣтелямъ живущимъ за границей повѣстки доставляются путемъ дипломатическимъ, чрезъ посредство русскаго и подлежащаго иностраннаго министерства внѣшнихъ сношеній. Этимъ же путемъ возвращаются въ судъ дубликаты повѣстокъ, кои одни служатъ законнымъ удостовѣреніемъ въ томъ что свидѣтелю сообщенъ вызовъ суда или причинъ почему вызовъ не могъ быть доставленъ по назначенію. Этотъ сложный путь сношенія суда съ заграничными свидѣтелями всегда сопряженъ съ значительными промедленіями; такъ было и въ данномъ случаѣ: до сихъ поръ не доставлены въ судъ вторые экземпляры повѣстокъ отосланныхъ болѣе мѣсяца тому назадъ къ упомянутымъ заграничнымъ свидѣтелямъ. Неявка въ судъ кого-либо изъ вызванныхъ въ судъ свидѣтелей сама по себѣ не можетъ стать поводомъ къ отсрочкѣ засѣданія; но судъ обязанъ обсудить причины неявки каждаго изъ нихъ и постановить опредѣленіе о томъ возможно или нѣтъ разсмотрѣть дѣло въ отсутствіи того или другаго изъ свидѣтелей; для этого суду приходится опредѣлить насколько показаніе неявившагося свидѣтеля существенно важно для выясненія дѣла. Разъ признавъ какое-либо показаніе существеннымъ, судъ уже не въ правѣ приступить къ разсмотрѣнію дѣла въ отсутствіи давшаго оное

свидѣтеля и обязанъ отсрочить засѣданіе до явки свидѣтеля, развѣ бы имѣлись въ виду законныя причины неявки его, причины точно указанныя въ законѣ (ст. 626 Уст. Угол. Судопр.), а именно: смерть, болѣзнь (и притомъ такая которая не представляетъ видовъ на скорое выздоравливаніе), совершенная дряхлость, или дальняя отлучка, каковою признается пребываніе въ другомъ судебномъ округѣ и притомъ, по ст. 642, въ такой отдаленности что свидѣтелю безъ особеннаго затрудненія явиться въ судъ невозможно. Таковы правила твердо установленныя, подъ опасеніемъ отмѣны производства, Правительствующимъ Сенатомъ, на основаніи кореннаго принципа устности процесса который Сенатъ ревниво охраняетъ. „Иначе и быть не можетъ,—сказано въ одномъ изъ первыхъ рѣшеній Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, трактовавшемъ объ этомъ вопросѣ, — ибо предоставлять суду право увольнять отъ явки къ судебному слѣдствію главныхъ по дѣлу свидѣтелей, безъ указанныхъ въ законѣ непреодолимыхъ или особенныхъ къ тому препятствій, было бы равносильно праву обращать устный и состязательный процессъ въ письменный и лишать подсудимаго тѣхъ средствъ защиты которыми онъ можетъ воспользоваться при допросѣ свидѣтелей на судѣ и перекрестномъ ихъ допросѣ.“ Вопросу о томъ существенно или нѣтъ показаніе неявившагося свидѣтеля должно предшествовать обсужденіе причинъ его неявки, а какъ причины неявки провѣряются дубликатами повѣстокъ возвращаемыхъ въ судъ, то этимъ въ сущности установлено правило чтобы судъ не приступалъ къ слушанію дѣла если въ судѣ еще не получены всѣ вторые экземпляры повѣстокъ посланныхъ свидѣтелямъ, развѣ бы обѣ стороны согласились на слушаніе дѣла. Вопросъ о томъ распространяется ли это строгое правило и на свидѣтелей вызываемыхъ изъ-за границы былъ уже на разсмотрѣніи Сената и разрѣшенъ утвердительно, такъ что Сенатъ кассировалъ одно рѣшеніе Петербургскаго суда на томъ основаніи что судъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла несмотря на то что второй экземпляръ повѣстки посланный свидѣтельницѣ, находившейся на югѣ Франціи, еще не былъ полученъ въ судѣ.

Изъ изложеннаго понятно, почему Московскій Окружный Судъ вынужденнымъ нашелся уступить требованію защиты, за неимѣніемъ свѣдѣній о врученіи повѣстокъ названнымъ пяти заграничнымъ свидѣтелямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ случай можетъ послужить для провѣрки безусловнаго правила установленнаго Сенатомъ. Нельзя не указать что это правило оказывается черезъ чуръ требовательнымъ и слишкомъ формальнымъ, что неизбѣжно при полномъ уподобленіи разъясненій кассаціоннаго суда предписаніямъ закона, какъ это часто дѣлается у насъ. Кассаціонное разъясненіе и законъ существенно отличаются между собою уже по самому способу ихъ возникновенія. Законъ всегда составляется въ видѣ общей формулы разчитанной на то чтобъ обнять и напередъ предусмотрѣть всѣ однородные случаи; напротивъ, кассаціонныя разъясненія являются какъ результатъ судебнаго разсмотрѣнія единичнаго и уже прошедшаго казуса; верховный судъ, толкуя законъ по *поводу* казуса, не можетъ никогда вполнѣ отъ него отрѣшиться и придать своему разъясненію всеобъемлемость законодательной нормы. На дѣлѣ Коммерческаго Ссуднаго Банка это замѣчаніе оправдывается какъ нельзя болѣе. Никто не сомнѣвается что гг. Шлезингеръ, Манчикъ и Жакъ, эти креатуры г. Струсберга, не поторопятся явиться въ Москву на судъ для разъясненія дѣла въ интересахъ правосудія; они вызваны со стороны обвиненія; но обвинитель на судѣ заявилъ что онъ проситъ продолжать дѣло несмотря на неявку свидѣтелей. Затѣмъ, со стороны обвиняемыхъ лицъ г. Струсбергъ конечно болѣе всего могъ дорожить показаніями этихъ лицъ; но и онъ, чрезъ своего защитника, просилъ продолжать дѣло. Отсюда ясно что неявкой этихъ свидѣтелей остальные защитники, всячески хлопотавшіе объ отсрочкѣ дѣла, воспользовались не въ интересахъ правосудія, а исключительно для достиженія своей цѣли. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ что судъ пришелъ бы къ совершенно иному выводу и не отсрочилъ бы дѣла еслибъ онъ имѣлъ право обсуждать степень существенности показаній этихъ свидѣтелей, несмотря на то что не имѣется свѣдѣній о врученіи имъ повѣстокъ. Но судъ, какъ сказано, связанъ былъ формальнымъ правиломъ установленнымъ Сенатомъ, по коему вопросъ о существенности показанія неявившагося свидѣтеля, а стало-быть о томъ можетъ ли

слушаться дѣло въ отсутствіи его, разрѣшается не прежде полученія дубликата повѣстки. Судъ не могъ не отсрочить засѣданія, и вторично будетъ приступлено къ разсмотрѣнію дѣла конечно ужь не прежде какъ по полученіи обратно вторыхъ экземпляровъ повѣстокъ, которыя будутъ вторично посланы этимъ свидѣтелямъ. Нельзя не порадоваться по крайней мѣрѣ тому что они живутъ сравнительно близко и въ странѣ цивилизованной и намъ дружественной, такъ что можно надѣяться что повѣстки когда-нибудь да будутъ имъ вручены. Въ дѣлѣ столь обширномъ къ которому привлечена такая „международная" личность какъ докторъ Струсбергъ могли бы оказаться свидѣтели изъ другихъ гораздо болѣе отдаленныхъ или менѣе благоустроенныхъ странъ, хотя бы напримѣръ изъ Турціи чтобы не ходить далеко. Долго пришлось бы дожидаться разсмотрѣнія этого дѣла пока турецкіе органы правосудія оказали бы Московскому суду требуемую услугу и пока турецкое вѣдомство иностранныхъ дѣлъ озаботилось бы обратнымъ препровожденіемъ дубликатовъ повѣстокъ.

Однако нѣтъ худа безъ добра. Нужно надѣяться что какъ судъ, такъ и публика воспользуются этою отсрочкой чтобъ избѣгнуть тѣхъ колоссальныхъ затрудненій которыя оказались при первой неудавшейся попыткѣ довести до конца этотъ процессъ-монстръ. Говоря о „публикѣ," мы имѣемъ въ виду ту несмѣтную массу лицъ потерпѣвшихъ отъ крушенія Банка которыя сочли нужнымъ явиться лично для предъявленія и поддержанія своихъ требованій объ убыткахъ въ уголовномъ судѣ. Лицу потерпѣвшему отъ преступленія нашъ законъ предоставляетъ широкое право участія, въ качествѣ стороны, въ уголовномъ дѣлѣ. Гражданскій истецъ имѣетъ право домогаться въ своихъ интересахъ признанія обвиняемаго виновнымъ, выставлять для этого своихъ свидѣтелей, допрашивать остальныхъ свидѣтелей, дѣлать замѣчанія по поводу каждаго процессуальнаго дѣйствія, и наконецъ участвовать въ заключительныхъ преніяхъ, наравнѣ съ прокуратурой и защитой. Какъ велико можетъ-быть значеніе участія въ процессѣ со стороны гражданскихъ истцевъ и вліяніе оныхъ на исходъ дѣла доказалъ всѣмъ памятный процессъ игуменьи Митрофаніи. Но тамъ ихъ было три, и въ настоящемъ дѣлѣ ихъ насчитываютъ до *трехъ тысячъ*, и бо́льшая часть ихъ явилась лично, такъ что, смотря на дѣло съ формальной стороны, суду и присяжнымъ нужно было приготовиться къ тому чтобы выслушать *нѣсколько тысячъ* рѣчей и вообще помножить на тысячи всѣ тѣ процессуальныя дѣйствія изъ коихъ слагается судебное разбирательство! Въ дѣйствительности этого конечно не было бы уже по той причинѣ что громадная, единственная во всей Россіи и вѣроятно въ цѣломъ мірѣ, зала засѣданія не вмѣщала и половины всѣхъ этихъ бѣдныхъ людей которые, въ простотѣ своей, вообразили что они непремѣнно должны лично присутствовать на судѣ чтобы не потерять вовсе права на искъ. Претензіи ихъ, каждая въ отдѣльности, такъ малы что нанять повѣреннаго имъ нѣтъ возможности, и, съ другой стороны, никто имъ не разъяснилъ что они могутъ предъявить свои требованія въ послѣдствіи въ гражданскомъ судѣ къ тѣмъ изъ подсудимыхъ кои будутъ признаны виновными, и что послѣднее въ сущности несравненно удобнѣе, такъ какъ нельзя же думать что эта масса людей предполагаетъ дѣйствовать на убѣжденіе присяжныхъ и побудить ихъ своимъ участіемъ въ судебныхъ преніяхъ къ осужденію тѣхъ изъ обвиняемыхъ которые въ состояніи вознаградить потерпѣвшихъ за убытки.

Но есть еще третій выходъ изъ затрудненія и нельзя не пожелать чтобы къ нему прибѣгли, пользуясь опытомъ вынесеннымъ изъ неудавшейся попытки. Сто́итъ только разъяснить гражданскимъ истцамъ истинное значеніе ихъ призыва въ уголовный судъ, а съ другой стороны, дать бѣднѣйшимъ изъ нихъ, то-есть огромному большинству, возможность имѣть своихъ представителей на судѣ *безплатно*, или по крайней мѣрѣ за весьма умѣренную плату, не выше одного процента съ исковой суммы. Устроить это было бы очень легко и нельзя сказать чтобы законъ не представлялъ для этого никакихъ точекъ опоры; нужно лишь нѣсколько менѣе стѣсняться мертвою буквой онаго и свободнѣе вникнуть въ истинный его духъ, который конечно отнюдь не можетъ быть согласованъ съ многочисленными тормозящими настоящее дѣло препятствіями возникшими исключительно вслѣдствіе попытки втиснуть небывалый процессъ въ установившіяся формы кои для него тѣсны, но о

коихъ нельзя сказать чтобъ онѣ не поддавались никакому расширенію по смыслу и духу закона. Мы думаемъ что къ большинству гражданскихъ истцовъ, претензіи коихъ не простираются свыше тысячи и даже двухъ тысячъ рублей, можно и слѣдовало бы примѣнить правила объ истцахъ пользующихся правами бѣдности; такимъ истцамъ законъ предоставляетъ безвозмездное представительство на судѣ чрезъ повѣренныхъ изъ присяжной адвокатуры. Обязанность назначать повѣренныхъ лицамъ пользующимся правами бѣдности возложена на совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ (п. 4 ст. 367 Учр. Суд. Уст.), и мы не сомнѣваемся что Московскій совѣтъ не отклонилъ бы отъ себя обязанности распредѣлить между немногими повѣренными защиту интересовъ всей массы гражданскихъ истцовъ нуждающихся въ такой защитѣ. Намъ извѣстно что тѣ изъ присяжныхъ повѣренныхъ кои участвуютъ въ дѣлѣ Банка какъ повѣренные отъ гражданскихъ истцовъ уже изъявили готовность принять на себя безмездно представительство всѣхъ кто пожелаютъ поручить имъ охраненіе своихъ интерессовъ. Они просили только чтобы судъ объявилъ объ этомъ тяжущимся, разъяснивъ имъ что интересы каждаго изъ нихъ будучи сосредоточены въ немногихъ рукахъ ничуть отъ этого не пострадаютъ, такъ какъ до произнесенія присяжными приговора, т.-е. до послѣдняго фазиса процесса, интересы гражданскихъ истцовъ вполнѣ тождественны и солидарны, отдѣльныя же претензіи могутъ быть заявлены и поддержаны лишь послѣ приговора присяжныхъ, предъ постановленіемъ приговора суда. Интересы гражданскихъ истцовъ не только не пострадаютъ отъ сосредоточенія всѣхъ исковъ въ рукахъ небольшаго числа повѣренныхъ-юристовъ, но это есть единственный путь къ осуществленію оныхъ въ уголовномъ судѣ, ибо если лица потерпѣвшія заинтересованы въ томъ чтобы сильная и солидарная между собою защита подсудимыхъ имѣла хоть сколько-нибудь равносильный противовѣсъ, то это можетъ быть достигнуто лишь подъ тѣмъ условіемъ чтобы противъ защиты стояла не менѣе солидарная и свѣдущая въ процессѣ фаланга адвокатовъ, а не тысячная масса полуграмотнаго люда.

Мы думаемъ что способъ нами указываемый не менѣе необходимъ и для суда дабы онъ не изнемогъ подъ физическимъ бременемъ неисчислимыхъ затрудненій связанныхъ съ одною механическою задачей дисциплинованія такой „арміи“ истцовъ, не говоря уже о томъ сумбурѣ невѣжественныхъ заявленій, пререканій и ходатайствъ съ которыми пришлось бы имѣть дѣло въ случаѣ удержанія теперешняго порядка.

№ 138.

Москва, 2-го іюня.

Въ послѣдней полученной нами таможенной вѣдомости о ходѣ внѣшней торговли по европейской границѣ въ первую четверть текущаго года невольно обращаетъ на себя вниманіе цифра ввоза хлопка. Цифра у насъ не бывалая: 1.016.267 пудовъ въ какіе-нибудь три мѣсяца, почти на четверть милліона пудовъ болѣе чѣмъ сколько ввезено хлопка въ соотвѣтствующіе три мѣсяца прошлаго года.

Указанный фактъ тѣмъ разительнѣе что его всего менѣе можно было ожидать. Минувшій годъ не былъ изъ числа урожайныхъ, которые, увеличивъ избытокъ денежныхъ средствъ въ рукахъ населенія, могли бы обѣщать усиленіе сбыта произведеній нашей хлопчато-бумажной промышленности. Позволительно было, поэтому, ожидать не расширенія, а скорѣе нѣкотораго, хотя и временнаго, сокращенія производства нашихъ филатуръ, и стало-быть уменьшенія спроса на необходимое имъ сырье. Произошло, однако совершенно противоположное явленіе. Хлопковая промышленность, довольствовавшаяся въ трехлѣтній періодъ 1871 — 1873 годовъ ежегоднымъ ввозомъ отъ 3.393.000 до 4.002.000 пудовъ хлопка и въ 1874 году увеличившая спросъ на него до 4.454.000 пудовъ, въ минувшемъ 1875 году не только не понизила своего спроса, а напротивъ подняла его слишкомъ на полмилліона пудовъ, и продолжаетъ усиливать этотъ спросъ и въ текущемъ году какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ. Что значитъ это явленіе, и гдѣ искать ему объясненія?

При нормальномъ ходѣ дѣлъ, пришлось бы сказать что прошлогодній неурожай не имѣлъ никакого вліянія на сбытъ издѣлій нашей хлопчатобумажной промыш-

ленности, что сбытъ этотъ усилился и вызвалъ большое расширеніе фабричнаго производства. Но, при данномъ положеніи дѣлъ, можемъ ли мы остановиться на такомъ заключеніи не рискуя сильно ошибиться? Нельзя не видѣть серіознаго кризиса въ положеніи дѣлъ на славянскомъ и вообще на христіанскомъ Востокѣ; нельзя не признать что политическая атмосфера далеко не спокойна. Не отъ этихъ ли причинъ усилился въ такой степени ввозъ хлопка при экономическихъ указаніяхъ къ уменьшенію спроса на этотъ товаръ? Было бы, можетъ-быть, слишкомъ смѣло сказать это вполнѣ утвердительно, но значительная вѣроятность такого заключенія едва ли подлежитъ сомнѣнію. Ни одна изъ отраслей промышленности не находится у насъ въ такой зависимости отъ политическихъ случайностей какъ хлопчатобумажныя мануфактуры, получающія почти всю массу необходимаго имъ сырья изъ-за границы и рискующія, поэтому, при извѣстныхъ измѣненіяхъ въ ходѣ политическихъ событій и комбинацій, остаться вовсе безъ дѣла. Опытъ двухъ пережитыхъ этою промышленностью кризисовъ,—одного въ Крымскую войну, хотя тогда она и могла получать хлопокъ изъ третьихъ рукъ, черезъ Пруссію,—и другаго въ эпоху междуусобной войны въ Америкѣ, долженъ былъ научить ее предусмотрительности въ обезпеченіи себя матеріаломъ производства. Не съ фактомъ ли такой предусмотрительности имѣемъ мы дѣло въ небывалыхъ размѣрахъ привоза хлопка, о коихъ свидѣтельствуютъ таможенныя свѣдѣнія?

Въ этихъ таможенныхъ свѣдѣніяхъ мы усматриваемъ и еще одну черту, которую также нельзя не отмѣтить какъ весьма характеристическую. Это необычайный размѣръ привоза остъ-индскаго хлопка чрезъ Одессу.

До открытія Суэзскаго канала, до командировки Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли одного изъ своихъ агентовъ, Е. Н. Барановскаго, для изученія условій торговли на новооткрытомъ пути, привозъ хлопка въ Одессу былъ самый ничтожный: въ 1868 году около 4.000, въ 1869—около $4^1/_2$ тысячъ, въ 1870—съ небольшимъ 10 тысячъ пудовъ. Начиная съ 1871 года, остъ-индскій хлопокъ сталъ прибывать въ Одессу большими массами:

Въ 1871	году	214.840	пудовъ.
„ 1872	„	468.732	„
„ 1873	„	256.512	„
„ 1874	„	399 125	„
„ 1875	„	585.575	„

Цифра минувшаго года оставляетъ далеко за собою всѣ предшедшіе годы. Но все же она не составляла и восьмой доли общаго количества привоза хлопка въ Россію въ 1875 году. Въ текущемъ году, въ какіе-нибудь три мѣсяца привезено въ Одессу немного менѣе хлопка чѣмъ во весь минувшій 1875 годъ, именно 521.857 пудовъ; изъ общей цифры ввоза хлопка въ Россію въ первые три мѣсяца текущаго года, то-есть изъ милліона слишкомъ пудовъ, на долю Одессы выпало болѣе половины. Такому успѣху Одессы въ дѣлѣ торговли хлопкомъ, конечно, нельзя не порадоваться. По своему географическому положенію, Одесса должна стремиться къ тому чтобы стать однимъ изъ главныхъ у насъ складовъ хлопка, и каждый шагъ ея къ этой цѣли есть несомнѣнный выигрышъ для нея. Каждый такой шагъ есть несомнѣнная выгода и вообще для нашей торговли и промышленности, зависимость коихъ отъ иностранныхъ рынковъ будетъ ослабѣвать по мѣрѣ того какъ будетъ входить въ силу нашъ собственный рынокъ; хотя при этомъ, конечно, и нѣтъ особенныхъ поводовъ желать чтобы на нашихъ мануфактурахъ получилъ исключительное господство остъ-индскій хлопокъ, ибо господство его было бы въ ущербъ качеству фабричныхъ издѣлій. Есть ли, однако, достаточныя основанія видѣть въ небываломъ усиленіи привоза остъ-индскаго хлопка въ Одессу, какое обозначилось частію въ минувшемъ и особенно въ первые три мѣсяца текущаго года, *только* результатъ усилій Одессы занять въ торговлѣ хлопкомъ подобающее ей положеніе? Своей хлопчатобумажной промышленности Одесса не имѣетъ и стало-быть мѣстнаго спроса на хлопокъ въ ней пока нѣтъ; складовъ хлопка для будущаго спроса одесское купечество до сихъ поръ еще не заводило, а ощущаемыя тамъ затрудненія въ денежныхъ дѣлахъ не допускаютъ предположенія чтобъ именно теперь сдѣлана была попытка къ ихъ устройству; хлопокъ шелъ и идетъ въ Одессу лишь вслѣдствіе заказовъ, вслѣдствіе спроса на него изъ другихъ мѣстъ. Почему же именно теперь вдругъ появился такой

усиленный спросъ не на какіе другіе сорта, а именно на остъ-индскій хлопокъ? Это, конечно, можетъ быть объяснено стремленіемъ фабрикантовъ къ удешевленію своихъ издѣлій употребленіемъ болѣе дешеваго матеріала. Но это объясненіе не даетъ отвѣта на вопросъ почему такое стремленіе обнаружилось именно теперь. Въ предшедшіе годы его почти не было замѣтно, и въ спросѣ на остъ-индскій хлопокъ, вмѣсто прогрессивнаго роста, замѣчались серіозныя колебанія и между прочимъ, значительный упадокъ привоза его въ Одессу въ 1873 и 1874 годахъ противъ 1872. Не объясняется ли и этотъ усиленный привозъ предпочтительно остъ-индскаго хлопка тою же предусмотрительностью, которою можно отчасти объяснять и общее необычайное оживленіе по этой статьѣ нашей привозной торговли? Не играетъ ли тутъ также роли разчетъ на то что, въ случаѣ возможныхъ политическихъ столкновеній, найдутъ себѣ у насъ сбытъ издѣлія изъ менѣе добротнаго матеріала, которыя при нормальномъ ходѣ дѣлъ остались бы на рукахъ производителей?

Какъ ни единодушны, какъ ни искренни всеобщія заботы о сохраненіи мира, наша хлопчатобумажная промышленность, привлекшая къ себѣ столь громадные капиталы, не можетъ не тревожиться и не принимать своихъ мѣръ....

№ 139.

Москва, 3-го іюня

Съ наступленіемъ жаровъ начинается у насъ пожарный сезонъ. Уже въ *бѣлокаменной* Москвѣ наступившіе жары знаменуются учащенными пожарами: что же сказать о Россіи деревянной, о ея деревняхъ съ ихъ избами крытыми соломой? Постоянное возрастаніе жертвъ, которыя народъ приноситъ огню, показываетъ что, несмотря на принимаемыя мѣры, борьба съ пожарами идетъ у насъ безуспѣшно. Къ борьбѣ съ нею вызываетъ законъ и земскія учрежденія, на которыя возложены заботы объ охраненіи преимущественно селъ отъ пожаровъ и страхованіе отъ пожарныхъ убытковъ. Что же творится въ этой малоизвѣстной области? Не худо спросить объ этомъ, особенно въ виду скорыхъ законодательныхъ перемѣнъ въ положеніи о земскомъ страхованіи. Продолжающіе выходить земскіе отчеты за прошлогоднюю сессію даютъ намъ мало утѣшительныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Земское страхованіе, несмотря свой десятилѣтній возрастъ, еще плохо умѣетъ ходить, и даже прихрамываетъ на одну ногу. Такъ обязательное страхованіе съ низкою оцѣнкой зданій еще кое-какъ сводитъ концы съ концами, а добровольное страхованіе находится въ совершенномъ упадкѣ. Возьмемъ на удачу послѣдній отчетъ Московскаго губернскаго земства. Здѣсь, въ 1874 году, къ 1 января состояло на лицо капитала по обязательному страхованію 129.377 р. (не считая копѣекъ), а съ поступившимъ недоимочнымъ, окладнымъ и другими сборами было всего 282 494 руб. Изъ этой суммы, за расходомъ 160.728 руб. на пожарныя вознагражденія и пр., осталось 121.766 р., несчитая недоимокъ. Добровольное же страхованіе представляется въ совершенно иномъ видѣ. Здѣсь въ приходѣ было 165.497 руб., въ расходѣ 135.661 р., а въ остаткѣ 29.836 р., то-есть добровольное страхованіе было почти въ четыре раза слабѣе обязательнаго. Слабость перваго сравнительно съ послѣднимъ еще яснѣе представляется въ десятилѣтнемъ отчетѣ Херсонскаго земства. Послѣ страховаго десятилѣтія здѣсь осталось по обязательному страхованію 174.754 р., а по добровольному страхованію 8.520 р. Разница громадная! На послѣднемъ очередномъ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи оказалось что добровольное страхованіе дало дефицитъ: на немъ числилось долгу 28.838 руб. Такое положеніе дѣла привело гласнаго г. Дашкова къ неутѣшительному выводу что земству слѣдуетъ ликвидировать это дѣло. „Обязательное „страхованіе," говоритъ онъ, „мы съ своихъ рукъ спихнуть не можемъ, мы должны его вести. „Добровольное же земское страхованіе „есть ничто иное какъ коммерческая операція земства съ нѣкоторыми выгодами „для тѣхъ лицъ которыя пользуются этимъ „страхованіемъ, но не для земства, которое никогда не можетъ пользоваться *барышами*... Такимъ образомъ (?!) въ самомъ существѣ этого дѣла нѣтъ ничего „земскаго, и эту операцію слѣдовало бы „прекратить."

Но задача земскаго страхованія не въ барышничествѣ и эксплуатаціи общества,

а въ дешевыхъ взаимныхъ обезпеченіяхъ на случай пожарныхъ убытковъ. Послѣдняя цѣль выражается въ составленіи капитала которымъ общество должно заимообразно, за самыя малые проценты, пользоваться въ случаяхъ пожаровъ. Постоянное пониженіе страховыхъ премій по мѣрѣ накопленія этого капитала и наконецъ полное уничтоженіе ихъ, вотъ къ чему стремится взаимное страхованіе. Отсутствіе эксплуатаціонныхъ видовъ, нераздѣльныхъ *съ коммерческимъ* страхованіемъ, вотъ въ чемъ сила взаимнаго земскаго страхованія, вотъ въ чемъ его преимущества надъ другими страховыми учрежденіями. Всякое другое чисто коммерческое предпріятіе должно непремѣнно платить проценты и дивиденды на затраченный капиталъ, давать барыши своимъ предпринимателямъ.

Добровольное земское страхованіе нейдетъ потому что страховыя преміи не даютъ необходимаго капитала. При недостаткѣ капитала, конечно, нечего думать земству принимать въ страховку зданія по значительной оцѣнкѣ. Ему, при настоящемъ положеніи дѣла, и слѣдуетъ пока ограничиваться страхованіемъ зданій не свыше 10.000 р. Но постройки дешевыя чаще подвергаются пожарамъ. Вотъ два противоположныя обстоятельства тормозящія дѣло. Нѣкоторые изъ крестьянъ сами уже заявляютъ недовольство на слишкомъ низкую оцѣнку ихъ строеній. „Живя среди крестьянскаго населенія и зная мѣстныя цѣны," говорилъ одинъ гласный въ Херсонскомъ земскомъ собраніи, „я долженъ заявить что у насъ при нормальной „оцѣнкѣ въ 34 р. для всей усадьбы, считая избу, ригу и пр., оцѣнка слишкомъ „низка, потому что одна крыша по самому „экономическому разчету стоитъ не менѣе 40 р." Если понимающіе крестьяне заявляютъ что они готовы платить вмѣсто 20 коп. по карбованцу (рублю), лишь бы цѣнность избы была повышена,—то что сказать о людяхъ знакомыхъ съ оцѣнкой въ страховыхъ обществахъ? Зачѣмъ имъ обращаться къ земству если оно не страхуетъ ничего свыше 10 тысячъ р.?

Но значеніе добровольнаго страхованія, въ противоположность приведенному случаю, понимается весьма немногими изъ крестьянъ. „Крестьяне," говоритъ тотъ же гласный, „большею частію смотрятъ на „страхованіе какъ на какой-то налогъ, значеніе котораго для нихъ непонятно; если „случится несчастіе, они говорятъ: вотъ, „платимъ, платимъ страховыя,—а дали „только 17 карбованцевъ." Къ тому же нельзя не припомнить и того что при сборахъ страховыхъ премій они нерѣдко или попадаютъ въ карманы сельскихъ начальствъ, или совершенно незаконно обращаются на уплату недоимокъ, и крестьянинъ иногда ничего не получаетъ по добровольному страхованію.

Обязательное страхованіе держится единственно своимъ принудительнымъ характеромъ и не будь этого оно пало бы рѣшительно. Но и поддерживаемое посторонней для него силой оно, по скудости своихъ средствъ, слишкомъ шатко. Первый разгулъ огня по селамъ ставитъ его на край пропасти банкротства. Вполнѣ очевиднымъ подтвержденіемъ этого служатъ данныя девятилѣтняго Рязанскаго земскаго отчета. „Черезъ два года послѣ введенія взаимнаго страхованія въ губерніи, „у насъ было," говорятъ рязанскіе земцы, „запаснаго страховаго капитала 233.784 р., „по истеченіи другихъ двухъ лѣтъ его оставалось только 12.824 р., а въ слѣдующемъ затѣмъ 1872 году мы принуждены „уже были занять 150.000 руб. на вознагражденіе за пожарные убытки, а на „1873 годъ увеличить страховую премію „на 50%... Собраніе, не имѣя своего опыта," продолжаетъ отчетъ, „обратило вниманіе на то что и у государственныхъ „крестьянъ взаимное страхованіе существовало уже тринадцать лѣтъ, и сначала также шло удачно, но потомъ число и размѣры пожаровъ до того увеличились что страховыхъ премій въ нихъ „собиравшихся далеко не стало доставать „на покрытіе всѣхъ пожарныхъ убытковъ. „По разчетамъ выведеннымъ на основаніи „данныхъ полученныхъ отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ оказывалось „что если земское страхованіе пойдетъ по „тому же пути, то средняя цифра ежегодныхъ вознагражденій за пожарные „убытки по всей губерніи скоро возраститъ до 350.000, и такъ какъ весь „страховой сборъ въ то время ограничивался 258.064 р. въ годъ, то страховое „дѣло могло быть поставлено въ крайне „затруднительное положеніе." Проще сказать, обязательное земское страхованіе постоянно живетъ подъ тяжелою возможностью полнаго банкротства. Такое шаткое положеніе будетъ продолжаться до

тѣхъ поръ пока земство не озаботится сдѣлать страхуемыя постройки сколько возможно менѣе опасными отъ огня, что также лежитъ на обязанности земства.

По закону, кромѣ страхованія, на земство возлагается составленіе правилъ предосторожности отъ пожаровъ и надзоръ за ихъ соблюденіемъ, заботы о заведеніи въ селахъ пожарныхъ инструментовъ и главное, распланированіе селеній. Нельзя сказать чтобы земства не сознавали важности всѣхъ этихъ обязанностей, нельзя не видѣть и попытокъ дѣйствовать въ указанномъ направленіи, но нельзя не замѣтить и того что земства не столько энергично дѣйствуютъ сколько это необходимо и полезно въ самомъ интересѣ земскаго страхованія.

Дѣло въ томъ что по статистическимъ разчетамъ вся деревянная Россія сгораетъ безъ остатка приблизительно въ 53 года и стало-быть ежегодно погибаетъ $^1/_{53}$ часть всѣхъ сельскихъ построекъ. По свѣдѣніямъ Департамента Исполнительной Полиціи, въ 1874 году пожарный убытокъ опредѣляется 58.897.888. Если предположить что на сельскія постройки падаетъ $^1/_5$ убытковъ, если ихъ исчислить хоть въ 10 милліоновъ, то въ 53 года составится огромная сумма 530 милліоновъ. Предположимъ что эти 530 милліоновъ будутъ выданы земствомъ по обязательному и добровольному страхованію. Не было ли бы выгоднѣе для земства теперь же затратить часть суммъ на перестройку селеній по планамъ, на энергическій надзоръ за мѣрами предосторожности отъ пожаровъ и устройство пожарныхъ, чтобы въ послѣдствіи меньше платить страховыхъ вознагражденій? Затраты съ цѣлью какъ можно скорѣе и лучше гарантировать села отъ пожаровъ, самыя производительныя, не только будутъ спасать крестьянъ отъ ежегодныхъ разореній, но и обезпечатъ составленіе земскихъ страховыхъ капиталовъ. Только съ обезпеченіемъ страховаго фонда солидными капиталами можно будетъ подумать земству и о распространеніи своихъ страховыхъ операцій на городскія строенія, что обѣщаетъ значительные успѣхи.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ дѣятельность земствъ по отношенію къ обезпеченію селеній отъ пожаровъ еще крайне слаба. Правда, почти всѣ земства составили и обнародовали правила предосторожности отъ пожаровъ, но ни одно не озаботилось принять энергическія и дѣйствительныя мѣры для надзора за исполненіемъ этихъ правилъ. Точно также мало видно заботъ объ устройствѣ въ селахъ пожарныхъ водоемовъ, о выдачѣ пособій на покупку пожарныхъ трубъ и обозовъ, съемкѣ селеній на планы въ натурѣ и составленіе плановъ нормальныхъ. Къ мысли же объ ассигнованіи суммъ на перестройку селеній не послѣ опустошительныхъ пожаровъ, какъ требуетъ законъ, а *прежде* ихъ, сколько мы помнимъ, ни одно земство не приходило. Правда, говорилось въ нѣкоторыхъ земствахъ о помощи крестьянамъ въ устройствѣ ихъ избъ изъ огнеупорныхъ матеріаловъ, но это, какъ и многое другое, до сего дня остается одними словами. А между тѣмъ отъ энергическаго употребленія всѣхъ этихъ мѣръ зависятъ и благосостояніе сельскаго населенія, и выгоды самаго земства, въ особенности же страховые его интересы.

№ 140.

Москва, 4-го іюня.

Истекшая недѣля ознаменовала собою едва ли не самый любопытный періодъ нескончаемыхъ газетныхъ толковъ о восточныхъ затрудненіяхъ, въ особенности же въ англійской журналистикѣ. По гвалту поднятому въ началѣ ея можно было пожалуй дѣйствительно смутиться и подумать не затѣвается ли въ самомъ дѣлѣ что-нибудь недоброе: почти открыто говорилось о будто бы уже готовой коалиціи противъ Россіи если она не отступится отъ своихъ заносчивыхъ притязаній которыя, наконецъ, были де обнаружены прозорливостью Англіи, и вотъ вдругъ наступаетъ благодатная тишина; буря стихла, миръ *опять* обезпеченъ, и если нельзя сказать чтобы „все шло наилучшимъ образомъ въ наилучше устроенномъ изъ міровъ,“ то по крайней мѣрѣ утѣшаютъ себя тѣмъ что жить де еще можно спокойно, а *le déluge viendra après nous*. Политическій пессимизмъ сразу смѣняется самымъ благодушнымъ оптимизмомъ. Не далѣе какъ пять дней тому назадъ газета *Times* провозгласила что Россія своими дѣйствіями явно поставила себя въ изолированное положеніе, а сегодня та же га-

зета заявляетъ что можно де надѣяться и ожидать что „антагонизмъ между Англіей и Россіей окажется иллюзіей, безпричинно смутившею міръ!“ Но кто же громче всего кричалъ объ этомъ антагонизмѣ какъ не англійская же печать, въ которой органъ Лондонскаго Города приходится еще считать довольно умѣреннымъ?

Что же случилось въ эти пять дней? Изъ газетныхъ извѣстій рѣшительно не видно ничего особеннаго. Должны ли мы заключить что Россія, въ виду явно сказавшагося положенія и группировки державъ, отказалась отъ задуманной ею невозможной задачи, отреклась отъ своихъ притязаній? Само собой разумѣется что на этой мысли ни на минуту нельзя остановиться, ибо это значило бы допустить что именно Россія помышляла смутить общій миръ, между тѣмъ какъ она съ самаго начала Герцеговинскаго возстанія и до настоящей минуты не предпринимала никакого отдѣльнаго дѣйствія, заявленія свои дѣлала предъ всею Европой и приглашала всѣхъ кому угодно къ ихъ обсужденію. Нелѣпость алармистскихъ толковъ минувшей недѣли, основанныхъ на какихъ-то замыслахъ Россіи, очевидна не для однихъ насъ. Еженедѣльная газета *Saturday Review*, въ послѣднемъ нумерѣ, объявляетъ „невѣроятнымъ чтобы Россія хотѣла напасть на Турцію. Весь затѣйливый механизмъ тройственнаго союза оказался бы напраснымъ еслибы вдругъ была принята политика которая должна привести къ немедленному столкновенію съ Австріей, и можетъ-быть къ прекращенію дружескихъ отношеній къ Германіи.“ Но если *a priori* можно было придти къ такому заключенію, если со стороны Россіи не было никакихъ замысловъ, то что же означали крики о коалиціи, и почему теперь вдругъ все обошлось какъ нельзя болѣе благополучно? Какъ мы не могли повѣрить въ эту коалицію, для которой не было вовсе повода, такъ мы не можемъ теперь повѣрить чтобы для успокоенія тревоги понадобилась какая-либо уступка со стороны Россіи.

Однако, чѣмъ же нибудь да была вызвана перемѣна вѣтра. Не трудно распознать ближайшую причину. Дѣло повидимому въ томъ что разчеты на рознь между тремя сѣверными державами, и особенно будто бы между Россіей и Германіей, вновь оказались напрасными.

На этой темѣ единственно и основывалось увѣреніе въ томъ что Россія будто бы теперь „изолирована.“ Яснѣе другихъ доказывала это *Pall Mall Gazette*, по словамъ коей никакія соглашенія не могутъ измѣнить факта что для одной изъ трехъ державъ необходимо чтобы другая была парализована, а никакъ не усилена. „Если Германія и вступала когда-либо въ *соглашеніе* съ Россіей, то вовсе не затѣмъ чтобы дать этой угрожающей и измѣнчивой державѣ возможность избѣгать смутъ внутри (?) или пріобрѣсть силу и безопасность внѣ.“ Отъ Германіи де Россія всего менѣе можетъ ожидать помощи дипломатической или военной, а скорѣе она де подтолкнетъ Россію къ гибели еслибы та отважилась на наступательныя дѣйствія. Положеніе Россіи представлялось именно въ настоящее время самымъ невыгоднымъ: Австрія отъ нея отвернулась, Англія сурово даетъ отпоръ, Франція слаба и колеблется, Турція вновь одушевлена отчаяннымъ фанатизмомъ (какъ радостно должно это быть для англійскихъ сердецъ!), а вдали еще „тучи туркменскихъ затрудненій“ (?); въ добавокъ ко всему почти обанкрутившаяся казна и бродячее населеніе. Одно только казалось страннымъ: еслибъ эта картина положенія Россіи была вѣрна, то какъ же она могла при этомъ питать честолюбивые замыслы? А еще болѣе какъ, зная такое ея отчаянное положеніе, всѣ ея враги и притворные друзья, словомъ, всѣ кому желательно подорвать ея могущество, не поспѣшили воспользоваться столь благопріятнымъ для нихъ стеченіемъ обстоятельствъ? На дѣлѣ, однако, случилось противное, и вновь расточаются надежды что державы готовы дѣйствовать согласно. Дѣло же просто въ томъ что какъ только стала извѣстна лживость увѣреній корреспондентовъ что новое свиданіе Императоровъ Всероссійскаго и Германскаго въ Эмсѣ не состоится (изъ телеграммъ мы знаемъ уже что оно состоялось), такъ вѣтеръ сразу повернулъ въ другую сторону, и политическій флюгеръ вновь указываетъ на „миръ.“ И вотъ вновь толкуютъ о соглашеніи державъ, о томъ что даже Россія и Австрія продолжаютъ дѣйствовать согласно, хотя предъ тѣмъ утверждали что ихъ взгляды на улаженіе Герцеговинскаго затрудненія діаметрально противоположны.

Но эти новые толки о розни между

сѣверными державами и о какихъ-то опасностяхъ европейскому миру (что впрочемъ не мы будемъ оспаривать) конечно, были не болѣе какъ предлогомъ. Истинный мотивъ англійской политики скрывается глубже. Изобличенія русскаго честолюбія были повидимому направлены къ тому чтобъ отвлечь общественное мнѣніе Европы и самой Англіи отъ заботы объ участи христіанскихъ населеній Турціи. Выступить открыто защитникомъ мусульманскаго гнета надъ восточными христіанами въ настоящее время не такъ-то легко какъ двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Англія и теперь инстинктивно взираетъ съ отвращеніемъ на всякій подъемъ въ положеніи христіанъ въ Турціи, потому что они *единовѣрны* съ Россіей. Но прямо высказать это, утверждать что эти христіане („какіе они ни на есть христіане!" *such Christians as they are*, по выраженію *Pall Mall Gazette*) недостойны лучшей участи какъ быть въ подчиненіи дикому произволу мусульманъ, — теперь, послѣ двадцатилѣтняго опыта Турецкаго прогресса, – несовсѣмъ удобно. Нужно сперва затемнить факты, — и вотъ, благодаря изобличеніямъ русскаго честолюбія, о самихъ турецкихъ христіанахъ какъ будто вовсе нѣтъ рѣчи, они отодвигаются на задній планъ, а впередъ выдвигается необходимость „обезпечить миръ." Объясненіе данное въ Парламентѣ г. Дизраэли касательно англійской политики, въ сущности вовсе ничего не объясняющее, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ это. Въ самомъ дѣлѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько весьма опредѣленныхъ заявленій, но развелъ ихъ туманомъ фразъ скрывающимъ остальные пункты. Онъ возвѣстилъ что другія державы согласились будто бы съ Англіей въ томъ что „не должно быть никакого недолжнаго натиска на новаго государя Порты, что ему и его совѣтникамъ должно быть дано время обсудить свои мѣры и свою политику." Затѣмъ, по его словамъ, всѣ державы согласно „внушаютъ Сербіи „совѣты умѣренности," которые какъ онъ надѣется, не окажутся безуспѣшными, и наконецъ онъ думаетъ что признаніе новаго султана окажетъ „благодѣтельное" вліяніе на инсургентовъ, коимъ всѣ великія державы „совѣтуютъ воспользоваться случаемъ который нынѣ повидимому представляется для прочнаго умиротворенія Европы." Все это очень ясно. Отсюда видно что Англія вовсе не противъ вмѣшательства, лишь бы оно было исключительно направлено на Сербію и на инсургентовъ, которымъ не мѣшаетъ де воспользоваться случаемъ обезпечить умиротвореніе Европы, но Боже сохрани чтобы вмѣшательство имѣло своимъ предметомъ какія-либо гарантіи для христіанъ! Это будетъ „недолжнымъ давленіемъ на султана." Касаться верховныхъ правъ султана!—возможно ли это? На нихъ зиждется спокойствіе Европы, а „обезпеченіе" онаго должно быть для герцеговинскихъ и боснійскихъ христіанъ дороже обезпеченія собственной жизни, чести и собственности! Вотъ въ сущности смыслъ положительныхъ заявленій англійскаго премьера, освобожденныхъ отъ риторическихъ прикрасъ.

Дѣйствительно ли, однако, англійская политика одержала такой успѣхъ и ей удалось поставить вопросъ такимъ образомъ? Изъ другихъ заявленій г. Дизраэли позволительно усомниться въ этомъ. Онъ, напримѣръ, почти увѣренъ что Берлинскій меморандумъ взятъ назадъ; онъ свидѣтельствуетъ что заявленіе Англіи противъ него не было принято въ недружелюбномъ духѣ ни одною изъ державъ къ коимъ она имѣла обращаться; однако, онъ находилъ необходимымъ отсрочить обнародованіе документовъ относящихся къ переговорамъ, по той причинѣ что они по необходимости имѣли характеръ пререканій, а правительство ея величества желаетъ поддержать сколь возможно полное согласіе съ державами, которыя въ сущности дѣйствуютъ въ согласіи (*which are virtually acting in concert*)."

Итакъ, явствуетъ, вопервыхъ, что державы не переставали дѣйствовать въ согласіи; а вовторыхъ что Англія находилась съ ними въ пререканіяхъ. Или, стало-быть, обнаружить эти пререканія не совсѣмъ удобно для самой Англіи, или Берлинскій меморандумъ не безусловно взятъ назадъ, и если будетъ измѣненъ, то развѣ лишь въ формѣ. Да отступленіе со стороны державъ и не мыслимо. Вмѣшательство не можетъ быть одностороннее. Если продолжается, въ интересѣ мира, давленіе на Сербію и Черногорію, а также на инсургентовъ, если не хотятъ предоставить имъ самимъ собой развѣдаться съ Турками, то нельзя отказаться отъ требованія существенныхъ гарантій въ пользу хри-

стіанъ. Къ этому заключенію сводится и понизившійся тонъ англійской печати. Газета *Times* не восхваляетъ безусловно ноты турецкаго правительства дарующей полную амнистію инсургентамъ, но находитъ важнымъ только то что въ ней самопроизвольно принята одна изъ главныхъ мѣръ Берлинскаго меморандума (шестинедѣльное перемиріе), и что, „слѣдовательно, со стороны Турціи нѣтъ препятствія тѣмъ новымъ предложеніямъ которыя имѣютъ послѣдовать за неудавшимися переговорами послѣднихъ немногихъ мѣсяцевъ.“ Далѣе, *Times* признаетъ невозможность достигнуть прочнаго умиротворенія безъ перемѣны въ администраціи провинцій, спѣшитъ объяснить что британскій флотъ былъ посланъ въ сосѣдство Дарданеллъ только для огражденія британскихъ подданныхъ и британскихъ интересовъ во взволнованной странѣ, что антагонизмъ между Россіей и Англіей ничѣмъ еще не проявился, а „дипломатически было не болѣе какъ разногласіе въ подробностяхъ“ и, наконецъ, что „никакихъ гнѣвныхъ или вызывающихъ рѣчей ни съ чьей стороны не было; и каждая держава можетъ присоединиться къ другимъ въ общемъ предпріятіи, не ощущая униженія въ присутствіи успѣшнаго соперника.“

Всѣ же усилія англійской политики, какъ выражено въ рѣчи г. Дизраэли, сводятся лишь къ охраненію европейскаго мира, посредствомъ новаго признанія цѣлости Оттоманской имперіи, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ что „никакой иноземный правитель не долженъ пріобрѣсти власти ни надъ какою изъ ея провинцій.“ А такъ какъ объ этомъ никогда и рѣчи не заводилось, то мы не видимъ повода къ тому торжеству англійской политики которое такъ шумно было прославлено англійскими газетами. Напротивъ, мы склонны думать что скорѣе Англія, въ виду общаго согласія державъ, нашла нужнымъ понизить нѣсколько тонъ своихъ возраженій.

Не мѣшаетъ еще замѣтить что, какъ слышно, въ самомъ англійскомъ кабинетѣ нѣтъ полнаго единогласія по иностранной политикѣ, а именно говорятъ будто статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ лордъ Дарби, канцлеръ казначейства сэръ-Стаффордъ Норткотъ, и нѣкоторые изъ ихъ товарищей противятся дѣятельной политикѣ рекомендуемой премьеромъ г. Дизраэли и статсъ-секретаремъ Индіи маркизомъ Салисбери. Слухи эти передаютъ сами англійскія газеты.

Сейчасъ полученная телеграмма, передающая заявленіе лорда Дарби о Парижскомъ трактатѣ, какъ будто даетъ понять что слухи эти не лишены основанія. Благородный лордъ смотритъ повидимому иначе на одностороннее вмѣшательство, выражающееся въ давленіи на княжества, коему такъ радуется его премьеръ: лордъ Дарби заявляетъ что Парижскій трактатъ не обязываетъ подписавшія его державы вступаться между Турціей и ея вассальными владѣніями, а только гарантируетъ Турцію отъ нападенія извнѣ. Какъ жаль что онъ не разъяснилъ прежде этого пункта премьеру на кабинетномъ совѣщаніи. Тогда можетъ-быть мы были бы избавлены отъ недоумѣнія, какое же заявленіе вѣрнѣе выражаетъ взглядъ Англіи?

№ 141.

Москва, 5-го іюня.

Послѣдняя выходка англійской политики приводитъ въ восторгъ недоброжелателей Россіи на континентѣ, и побуждаетъ ихъ въ свою очередь вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе распространеніемъ всякаго рода нелѣпыхъ слуховъ, опубликованіемъ миѳическихъ документовъ и извращеніемъ фактовъ. Для охотниковъ ловить рыбу въ мутной водѣ пора удобная. Соглашеніе державъ, послѣдовавшее на Берлинской конференціи, не могло не быть отчасти парализовано отказомъ Англіи присоединиться къ нему, требовалось во всякомъ случаѣ время для разъясненія возникшихъ вопросовъ, но особенно въ виду происшествій въ Константинополѣ, повидимому еще не замкнувшихся судя по кровавымъ расплатамъ о которыхъ телеграфъ сообщилъ намъ вчера. Наши недоброжелатели однако, какъ мы уже замѣтили, возвѣстили о полномъ пораженіи Россіи. Въ первомъ ряду торжествуетъ вѣнская газета *Новая Свободная Пресса*, которая совсѣмъ продала свои столбцы на служеніе полумѣсяцу. Еслибы дѣло шло только о ликованіяхъ этой газеты, то можно было бы оставить ее за этимъ пріятнымъ занятіемъ; но она спѣшитъ сбить съ толку своихъ читателей распространеніемъ новыхъ клеветъ на Россію.

Продолжается старая пѣсня о томъ будто Россія издавна подготовляла нынѣшнее возстаніе въ Турціи, въ доказательство чего вѣнской газетѣ какъ бы открыты шкафы всѣхъ русскихъ консульствъ, и она черпаетъ оттуда шифрованныя донесенія; при этомъ въ ея руки попадаетъ *готовый планъ раздѣленія Турціи, составленный генераломъ Игнатьевымъ и пересланный имъ на усмотрѣніе въ Петербургъ*. Это де увѣнчаніе всѣхъ подкоповъ, которые ведетъ Россія подъ Турцію...

Мы находимся, право, въ недоумѣніи передавать ли эту небылицу нашимъ читателямъ. Этотъ quasi-проектъ, однако, помѣщается на первомъ мѣстѣ распространеннаго европейскаго изданія: ссылаясь на него, газета черпаетъ свои доводы и принимаетъ видъ полнаго убѣжденія.

Документъ этотъ, по свѣдѣніямъ доставленнымъ англійскимъ соглядатаемъ вѣнской газеты, носитъ названіе: *Проектъ практическаго рѣшенія Восточнаго вопроса* и начинается съ историко-политическаго изложенія, гдѣ объясняется что Оттоманская имперія долѣе не можетъ существовать какъ европейское государство. Послѣ де пространнаго развитія мысли что на Востокѣ одна страна должна управляться другою (?), и послѣ приведенія этнографическо-статистическихъ доказательствъ что всѣ европейскія провинціи Турціи заселены славянскою расой, авторъ проекта высказываетъ якобы слѣдующее положеніе: „Такъ какъ Южно-Славяне въ умственномъ и соціальномъ отношеніи недостаточно развиты, то они нуждаются въ родственномъ по племени гегемонѣ, который былъ бы достаточно могущественъ чтобы защищать ихъ отъ окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ враждебныхъ національностей.“

Далѣе будто бы въ проектѣ говорится что „на развалинахъ Турецкаго владычества въ Европѣ воздвигнутся слѣдующія королевства: 1) Болгарское, заключающее въ себѣ собственно Болгарію и Дунайскій вилаетъ, Ѳракію, за исключеніемъ побережья Босфора и Дарданеллъ, Македонію и часть Ѳессаліи; 2) Албанское, вмѣщающее Албанію и Эпиръ, за исключеніемъ Призренскаго пашалыка; 3) Сербское, состоящее собственно изъ Сербіи, Босніи, Призренскаго пашалыка, Герцеговины и Черногоріи съ Бокой Которскою; 4) Румынское, остающееся въ прежнихъ границахъ; 5) Греческое, состоящее изъ настоящей Греціи, южной части Ѳессаліи и острововъ турецкаго Архипелага въ Европѣ и Азіи, включая сюда Кандію. Королевство Болгарское получаетъ де въ государи принца изъ царствующей Русской фамиліи и составляетъ государство въ $6^1/_2$ милліоновъ жителей. Королевство Албанское передается австрійскому эрцгерцогу и имѣетъ $1^1/_2$ милліона жителей. Сербское королевство принадлежитъ де по праву князю Николаю Черногорскому, который такимъ образомъ станетъ править надъ трехмилліоннымъ населеніемъ. Въ королевствахъ Румынскомъ и Греческомъ остаются настоящіе государи. Часть Ѳракіи, исключенная изъ королевства Болгарскаго, именно Константинополь съ Босфоромъ и Дарданеллами, причемъ входитъ въ разчетъ и азіятское побережье, переходитъ къ Россіи. Константинополь становится центромъ и вмѣстѣ передовымъ постомъ южно-славянской федераціи, въ которой могутъ принять участіе Румынія и Греція подъ особымъ условіемъ чтобъ онѣ подчинились единству дипломатическаго и военнаго руководства.“

Полагаемъ что приведенный раздѣлъ не нуждается въ комментаріяхъ. Какъ мнимый источникъ проекта, такъ и подробности его разчитаны на произведеніе эффекта. *Neue Freie Presse* спѣшитъ даже возопить что вотъ-вотъ за корону австрійскому эрцгерцогу Австрія теряетъ Боку Которскую. Удивительная неразборчивость въ средствахъ для органа претендующаго на значеніе!

Газета спѣшитъ пригласить Австрію къ союзу съ Англіей и Франціей напоминаніемъ что таковой договоръ уже существуетъ съ 15-го апрѣля 1856 года, когда Франція, Англія и Австрія обязались взаимно считать всякое нарушеніе Парижскаго трактата за casus belli, и что сэръ Андру Бьюкананъ можетъ въ подходящій часъ привести это на память австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ. Воинствующіе политики Австріи не разчитываютъ на благоразуміе графа Андраши и полагаются на его характеръ и прошлыя традиціи, желая увлечь его на скользкій путь. Поэтому не лишены интереса разсужденія близкаго къ графу Андраши органа, именно *Пештскаго Ллойда*, въ отвѣтъ на вызовы *Neue Freie Presse*. *Пештскій Ллойдъ*

осмѣиваетъ усилія этой газеты, но переходя въ серіозный тонъ замѣчаетъ что „союзъ трехъ имперій *фактически* существуетъ и исполняетъ *до сихъ поръ* честно обѣщанное; онъ показалъ себя союзомъ мира даже въ самые критическіе моменты когда событія на Востокѣ угрожали выдвинуть специфическіе интересы отдѣльныхъ державъ надъ общностью интересовъ. Что *до сихъ поръ фактически предпринималось* тремя державами, то де находило одобреніе и содѣйствіе самой Англіи. Какй же разумный смыслъ имѣлся бы въ томъ еслибъ Австро-Венгрія, въ пустомъ предположеніи что общее дѣйствіе не можетъ быть доведено *до конца*, уже *теперь* отказалась бы отъ союза съ Германіей и Россіей и стала бы искать восполненія въ новой группировкѣ, существующей лишь въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ?“

Впрочемъ, можетъ-быть было бы весьма недурно еслибы сэръ-Андру Бьюкананъ, англійскій посолъ въ Вѣнѣ, напомнилъ Австрійскому правительству о смыслѣ Парижскаго трактата, какъ онъ вчера былъ ясно высказанъ графомъ Дарби въ Палатѣ Лордовъ. Изъ толкованія британскаго статсъ-секретаря явствуетъ что трактатъ этотъ гарантируетъ Турцію только отъ нападенія извнѣ, а не даетъ никакого основанія вступаться между Турціей и ея вассальными владѣніями. Слѣдовательно, только при нападеніи на Турцію какой-либо посторонней державы которая угрожала бы ея цѣлости могъ явиться поводъ для какихъ либо мѣръ на основаніи Парижскаго трактата. Но оказывать давленіе на Сербію, грозить ей, въ случаѣ ея столкновенія съ Турціей—есть прямое нарушеніе того самаго трактата о соблюденіи коего заботится вѣнская газета. Если Европа не въ состояніи ничего сдѣлать для улучшенія положенія христіанъ въ Турціи, то вмѣшательство ни въ какомъ случаѣ не можетъ-быть въ пользу ислама противъ христіанъ. Пусть же Турція будетъ предоставлена собственной участи, пусть эта участь будетъ рѣшена ея собственными населеніями, и пусть вассальнымъ владѣніямъ Турціи будетъ предоставлена свобода дѣйствій, согласно трактату на который ссылается британскій министръ и къ которому взываетъ вѣнская газета...

Объявленіе Сербіей войны Турціи было бы не болѣе какъ внутреннимъ турецкимъ дѣломъ, и вмѣшиваться въ него угрожая Сербіи значитъ отступать какъ отъ буквы, такъ и отъ смысла Парижскаго трактата.

№ 143.

Москва, 7-го іюня.

На предпрошлой недѣлѣ, печатая воззваніе Японской духовной миссіи къ Русской церкви, мы выразили увѣренность что оно будетъ встрѣчено общимъ сочувствіемъ, что дѣло нашей миссіи на дальнемъ Востокѣ не будетъ оставлено русскимъ обществомъ безъ поддержки. Нельзя, однако, скрывать отъ себя что время въ которое начальникъ этой миссіи, отецъ архимандритъ Николай, обращается къ обществу съ указаніями на нужды новорождающейся православной церкви Японской далеко не благопріятствуетъ тому чтобъ эти нужды были всѣми приняты къ сердцу въ той мѣрѣ какъ было бы желательно. Не къ дальнимъ, а болѣе близкимъ намъ странамъ Востока стремятся теперь преимущественно взоры и сердца русскихъ людей не могущихъ оставаться равнодушными предъ зрѣлищемъ бѣдствій, страданій, слезъ и крови соплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ христіанскихъ населеній. Заботы о посильной помощи для облегченія ихъ страданій естественно выступаютъ на первый планъ и заслоняютъ другія задачи христіанской благотворительности. Но и отодвигаемыя временно, эти задачи не теряютъ своей важности и не должны быть совсѣмъ забываемы. Не должны быть прекращаемы и заботы о поддержаніи юной Японской церкви.

Православная миссія въ Японіи есть дѣло новое; ему только что положено начало; но не много мы знаемъ дѣлъ которыя бы при самомъ началѣ велись столь малопоспѣшно и столь многоуспѣшно. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1861 году, когда прибылъ въ Японію іеромонахъ Николай Касаткинъ на мѣсто священника въ православной церкви устроенной за два года предъ тѣмъ при русскомъ консульствѣ въ Хакодате, никто, можно сказать, не имѣлъ и отдаленной мысли о возможности успѣшнаго распространенія православія между Японцами. Миссіонеры другихъ христіанскихъ исповѣданій, раньше насъ начавшіе тамъ свою пропаганду, уже имѣли многихъ послѣдователей, но

объ учрежденіи въ Японіи православной миссіи не было еще сколько-нибудь серіозныхъ предположеній. Самъ отецъ Николай не торопился приступать къ миссіонерской дѣятельности, хотя онъ, по собственнымъ словамъ его, „съ самаго начала поѣхалъ въ Японію съ мыслію узнать, благонадежна ли страна для насажденія въ ней вѣры Христовой.“ Цѣлыя восемь лѣтъ были посвящены имъ лишь развѣдыванію той почвы на которую предстояло бросать сѣмена евангельской проповѣди, изученію японскихъ языка, исторіи, религіозныхъ вѣрованій и литературы, да переводомъ на японскій языкъ нѣкоторыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Когда, затѣмъ, въ 1869 году, отецъ Николай прибылъ въ Россію ходатайствовать объ открытіи въ Японіи русской духовной миссіи, на вопросъ: сколько тамъ христіанъ? онъ могъ отвѣчать что только трое, но къ этому отвѣту онъ уже присовокуплялъ съ глубокимъ убѣжденіемъ что чѣмъ больше онъ знакомился со страной, „тѣмъ болѣе убѣждался что очень близко время когда слово Евангелія громко раздается тамъ и быстро понесется изъ конца въ конецъ Имперіи.“ Не долго пришлось ожидать и начала осуществленія этой надежды.

Въ концѣ 1870 года, отецъ Николай возвратился въ Японію въ качествѣ начальника новооткрытой, но еще не сформировавшей миссіи. Цѣлый годъ онъ долженъ былъ трудиться одинъ, безъ помощниковъ. Лишь въ 1871 году отправился на помощь ему миссіонеръ іеромонахъ Анатолій, а на мѣста остальныхъ двухъ полагаемыхъ по штату миссіонеровъ прибыли въ Японію іеромонахи Евѳимій и Моисей уже осенью 1874 года. Само собою разумѣется что на первыхъ порахъ, по незнанію японскаго языка, новоприбывшіе миссіонеры, при всемъ усердіи къ дѣлу миссіонерскаго служенія, не могли много ему содѣйствовать. Но миссія скоро нашла себѣ дѣятельныхъ и горячихъ пособниковъ среди самихъ новообращенныхъ Японцевъ, и въ теченіе немногихъ лѣтъ успѣхъ распространенія христіанства между ними далеко превзошелъ всякія ожиданія. Съ 1872 года, кромѣ миссіонерскаго стана въ Хакодате, открылся еще другой, въ Еддо, и въ обоихъ странахъ къ 1875 году было уже до 500 человѣкъ крещеныхъ христіанъ, число же вѣрующихъ, но не крещеныхъ, потому что живутъ въ такихъ мѣстахъ куда иностранцамъ не позволено проникать, простиралось до нѣсколькихъ тысячъ, такъ что отецъ Анатолій, въ письмѣ отъ 16 апрѣля минувшаго года, могъ уже заявить что „въ четыре года сдѣлано одною православною проповѣдью для христіанства въ Японіи несравненно больше чѣмъ всѣми девятью инославными миссіонерскими обществами, изъ которыхъ иныя дѣйствуютъ со времени открытія Японіи для иностранцевъ“. А въ своемъ воззваніи, отъ 16 марта сего года, начальникъ миссіи могъ уже заявить что миссія, съ основанія коей не прошло еще и пяти лѣтъ, имѣетъ уже священника и діакона изъ Японцевъ, тридцать катехизаторовъ и катехизаторскихъ помощниковъ, также изъ Японцевъ, трудящихся въ разныхъ мѣстахъ для проповѣди, больше тысячи христіанъ, катехизаторскую школу съ 14 воспитанниками, духовное училище съ 45 воспитанниками и съ отдѣленіемъ для переводчиковъ (8 воспитанниковъ), небольшую женскую школу въ Еддо, училища для мальчиковъ и дѣвочекъ въ Хакодате, богослуженіе на японскомъ языкѣ въ Еддо и Хакодате, и не малое число приготовленныхъ ко крещенію вѣрующихъ по разнымъ мѣстамъ Японіи, которыя еще не успѣлъ посѣтить отецъ Павелъ Савабе, въ іюлѣ прошлаго года поставленный во священника и успѣвшій до сихъ поръ пройти лишь прямымъ путемъ съ сѣвера Ниппона до Еддо. Въ общемъ результатѣ оказывается что пребывающіе въ Японіи 40 протестантскихъ и 20 католическихъ миссіонеровъ съ соотвѣтствующимъ числомъ миссіонерокъ и сестеръ милосердія, съ епископами и съ изобиліемъ матеріальныхъ средствъ, всѣ въ совокупности не достигли того чего достигла православная миссія при ея скудныхъ средствахъ.

Конечно, не однимъ числомъ принявшихъ крещеніе и приготовленныхъ къ оному должны быть опредѣляемы успѣхи христіанской проповѣди. Гораздо важнѣе численности сила религіознаго убѣжденія новопросвѣщенныхъ. Эта сила имѣла случай не разъ обнаружиться при бывшихъ уже въ Японіи преслѣдованіяхъ христіанъ. Такъ напримѣръ, въ февралѣ 1872 года, въ Сендаѣ, на островѣ Ниппонѣ, восемь человѣкъ наиболѣе ревностныхъ христіанъ были заключены въ тюрьму и до 120 человѣкъ были требованы къ допросу; были допрашиваемы десяти и двѣнадцатилѣт-

нія дѣти, и между прочимъ многіе еще не просвѣщенные крещеніемъ. Но какъ свидѣтельствуетъ *Миссіонеръ*, допрашивавшіе не имѣли утѣшенія слышать даже отъ женъ и малыхъ дѣтей ни одного слова слабодушія и боязни въ исповѣданіи Христа. Такова сила убѣжденія въ массахъ. Въ отдѣльныхъ лицахъ она сказывается еще нагляднѣе. Читая въ письмахъ изъ Японіи разказы изъ жизни многихъ тамошнихъ новообращенныхъ христіанъ, невольно переносишься мыслію въ первые вѣка христіанства. То и дѣло встрѣчаемъ мы извѣстія о заключеніяхъ въ тюрьму катехизаторовъ, — одинъ изъ нихъ былъ подвергнутъ, кромѣ того, и каторжной работѣ, — объ отнятіи должностей и вмѣстѣ средствъ къ существованію у чиновниковъ принявшихъ христіанство. Но отецъ Николай, въ одномъ изъ своихъ писемъ, прямо могъ засвидѣтельствовать что „гоненіе видимо послужило ко славѣ Божіей.“ Исторія перваго священника изъ Японцевъ, Павла Савабе, отличающагося особенною, напоминающею апостольскія времена ревностью къ апостольской проповѣди, можетъ служить лучшимъ образцомъ твердости въ новопринятой вѣрѣ. Не будемъ повторять трогательнаго, при всей его простотѣ разказа объ его обращеніи въ христіанство, который былъ уже приведенъ въ майской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1873 годъ. Кто читалъ этотъ простой разказъ, у того навѣки остался въ памяти этотъ образъ ученаго, враждебнаго христіанству бонзы, который не имѣлъ недостатка въ средствахъ къ жизни пока былъ жрецомъ при языческой кумирнѣ, и который перейдя въ христіанство, безъ сожалѣнія отказался отъ своего обезпеченнаго состоянія, обрекши себя и свою семью нуждамъ, лишеніямъ и бѣдствіямъ проживая съ семьей въ ветхой и темной кладовой, подвергаясь неоднократно тяжкимъ тюремнымъ заключеніямъ за переходъ въ христіанство, и послѣ каждаго гоненія съ новою силой принимаясь за дѣло евангельской проповѣди. Не красна жизнь и самихъ миссіонеровъ. Вотъ, напримѣръ, обстановка въ которой жилъ начальникъ миссіи въ 1873 году, по переселеніи его изъ Хакодате въ Еддо: его помѣщеніемъ была одна комната на чердакѣ, по точнѣйшему измѣренію одиннадцать футовъ въ квадратѣ; высота комнаты такая что человѣку большаго роста едва можно стать, — и въ этомъ помѣщеніи, однако, происходитъ обученіе Закону Божію двадцати человѣкъ, сидящихъ и на полу, и на ступенькахъ ведущихъ на чердакъ... Награду своихъ трудовъ миссіонеры уже видятъ въ упроченіи юной Японской церкви, и нѣкоторые простые разсказы о бытѣ христіанъ составляющихъ эту церковь заставляютъ забывать что въ нихъ идетъ рѣчь объ Японцахъ живущихъ на столь далекомъ отъ насъ разстояніи, при житейской обстановкѣ не имѣющей ничего общаго съ нашею. Вотъ что, напримѣръ, было писано изъ Хакодатскаго стана, отъ 28 іюля 1873 года: „Хакодате служитъ главнымъ центромъ православія въ Японіи. Сюда приходятъ весьма многіе изъ другихъ мѣстъ, особенно изъ Сендая, сѣверной оконечности Ниппона, слушать православное вѣроученіе, и многіе изъ приходящихъ принимаютъ здѣсь Св. Крещеніе. Рѣдкое воскресенье проходитъ безъ крещенія; были примѣры крещенія цѣлыхъ семействъ. Въ воскресные и праздничные дни христіане и нехристіане во множествѣ идутъ въ церковь, которая въ эти дни бываетъ полна и даже не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ, почему между Японцами-христіанами родилась мысль построить новую, болѣе обширную церковь. Для неимущихъ христіанъ усердіемъ отца Анатолія устроено братство, цѣль коего оказывать помощь нуждающимся; каждый членъ вноситъ посильную лепту, и на тотъ же предметъ устроена въ церкви кружка, находящаяся въ вѣдѣніи церковнаго старосты. Для повѣрки прихода и расхода суммъ ежемѣсячно собираются братчики. Сумма братства возросла свыше 100 долларовъ, или 150 р.; сумма незначительная, но, принимая во вниманіе недавнее учрежденіе братства и дешевизну японскаго житья (жизнь Японца въ мѣсяцъ стóитъ два доллара), порядочная... Въ праздничные дни, какъ Пасха и Рождество, отецъ Анатолій посѣщаетъ домы христіанъ со крестомъ.“

Но только что зарождающаяся церковь Японская, конечно, еще не могла окрѣпнуть. Собственныхъ средствъ для удовлетворенія своихъ существенныхъ потребностей она пока не имѣетъ. Мѣстные христіане большею частію изъ обѣднѣвшаго, въ конецъ разореннаго послѣдними переворотами сословія японскихъ дворянъ. Юной Японской церкви необходима пока дѣятельная поддержка, дабы не остались

неудовлетворенными тѣ настоятельныя нужды на которыя указываетъ отецъ Николай въ своемъ воззваніи, дабы столь успѣшно начатое дѣло миссіи не остановилось на полудорогѣ, на радость противниковъ православія. Помощь оказываемая японскимъ христіанамъ не должна, конечно, быть постоянною. Начальникъ тамошней миссіи надѣется что не далеко то время когда Японская церковь, окрѣпнувъ, перестанетъ нуждаться въ пожертвованіяхъ со стороны, и когда отъ Россіи потребуется лишь назначеніе епископовъ, какъ это было первоначально и съ Русскою церковью относительно греческой. Но пока не пришла эта пора, всякое хотя бы и временное охлажденіе русскаго общества къ новоустрояемой церкви Японской будетъ тяжело отзываться на ея судьбахъ, равно какъ и на утвержденіи связей ея съ церковью Русскою. А устанавливаемыя на дальнемъ Востокѣ духовныя связи несомнѣнно отличаются тѣмъ же характеромъ и значеніемъ какъ и тѣ которыя были созданы тысячу лѣтъ тому назадъ Свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ между Россіей и населеніями Балканскаго полуострова. Въ силу этихъ старинныхъ связей, сочувствіе и благотворительность русскаго общества естественно направляются нынѣ къ христіанамъ живущимъ подъ мусульманскимъ игомъ въ Турціи. Но не отклоняя отъ ихъ назначенія идущихъ сюда пожертвованій, не оскудѣвающая рука благотворителей, конечно, найдетъ возможность удѣлить нѣчто и для православной церкви пребывающей въ языческой Японіи. На это, безъ сомнѣнія, разчитываетъ и отецъ Николай, ссылающійся въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ на извѣстный текстъ Священнаго Писанія: *Сія подобаетъ творити и онѣхъ не оставляти.*

№ 144.

Москва, 8-го іюня.

Года два тому назадъ мы обратили вниманіе на существующій у насъ по закону порядокъ избранія присяжныхъ засѣдателей, и на тѣ аномаліи которыя возникаютъ на практикѣ при осуществленіи относящихся до этого предмета предписаній закона, частію вслѣдствіе ихъ недостаточности и неопредѣленности, частію вслѣдствіе того что общественныя учрежденія, городскія и земскія, на кои возложено это дѣло, исполняютъ его съ небрежностью и апатіей свойственными, увы! вообще нашимъ органамъ самоуправленія. Съ тѣхъ поръ это положеніе вещей не измѣнилось къ лучшему, и вопросъ впервые нами поднятый въ печати понынѣ остается существеннымъ вопросомъ, настоятельно требующимъ тщательнаго изслѣдованія и разрѣшенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія что судъ присяжныхъ у насъ тогда только будетъ имѣть смыслъ когда законодательство, съ одной стороны, и общественные органы, съ другой, подадутъ другъ другу руку дабы дружнымъ и энергическимъ усиліемъ устранить оказавшееся на дѣлѣ неустройство.

Правительство давно уже озабочено этимъ вопросомъ. Ниже мы приводимъ содержаніе доклада Московской временной коммиссіи для составленія списковъ присяжныхъ, заслушаннаго недавно въ соединенномъ собраніи здѣшней Городской Думы и Уѣзднаго Земскаго Собранія. Изъ этого доклада видно что министръ Юстиціи еще въ 1871 году циркулярнымъ предложеніемъ всѣмъ губернаторамъ требовалъ осмотрительности при выборѣ присяжныхъ засѣдателей и напоминалъ о лежащей на временныхъ коммиссіяхъ нравственной отвѣтственности за неудачный выборъ лицъ которымъ ввѣрены высшіе интересы правосудія и охраненіе общественной и частной безопасности. Три года спустя г. министръ Юстиціи призналъ что сдѣланное имъ напоминаніе имѣло мало успѣха. „И это,“ сказано въ циркулярѣ отъ 14 мая 1874 года, „возбудило сомнѣніе министра насколько самый порядокъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей начертанный въ ст. 89—107 Учр. Суд. Уст. оказывается на практикѣ удобопримѣнимымъ и соотвѣтствующимъ цѣли и не объясняется ли замѣченный нерѣдко неудачный выборъ присяжныхъ засѣдателей несостоятельностью самого закона опредѣляющаго порядокъ ихъ избранія.“ Затребовано было мнѣніе по этому предмету предсѣдателей временныхъ коммиссій, и Московская коммиссія выработала свой проектъ измѣненій въ существующихъ законахъ, который читатели найдутъ ниже. Изъ подробнаго доклада коммиссіи предпосланнаго проекту мы узнаемъ нѣкоторые факты разительнымъ образомъ доказывающіе

какъ далеко теорическія соображенія законодателя разошлись у насъ съ дѣйствительною жизнью. Общественную повинность сопряженную съ функціей присяжнаго на судѣ законъ предполагалъ распредѣлить на всѣхъ способныхъ нести оную; въ немъ опредѣлены съ точностію формальныя условія, какъ положительныя такъ и отрицательныя, коими опредѣляется внесеніе или невнесеніе присяжныхъ засѣдателей въ общіе списки. Условія эти суть: возрастъ (не моложе 25 и не старше 70 лѣтъ) и извѣстный имущественный цензъ. Лица соотвѣтствующія этимъ условіямъ *должны* быть внесены въ общій списокъ; освобождаются отъ этого лишь тѣ кто несутъ по государственной или общественной службѣ извѣстныя, точно опредѣленныя обязанности, не согласимыя съ должностью присяжнаго. Точно также законъ опредѣляетъ и условія недопущенія въ присяжные лицъ кои предполагаются потерявшими необходимыя къ тому нравственные качества. Такимъ образомъ, формальные предѣлы установленные закономъ столь широки что, при чрезвычайной низости имущественнаго ценза, общіе списки присяжныхъ должны бы обнимать весьма значительную долю всего взрослаго мужескаго населенія даннаго района. На дѣлѣ же оказывается совсѣмъ иное. Не боясь преувеличеній можно утверждать что общіе списки не заключаютъ въ себѣ и двадцатой доли лицъ соотвѣтствующихъ по возрасту требованію закона. Примѣръ Москвы, гдѣ дѣло составленія списковъ во всякомъ случаѣ организовано лучше нежели въ провинціи, вполнѣ подтверждаетъ указанный выводъ. Названная выше коммиссія удостовѣряетъ что населеніе Москвы считаетъ въ средѣ своей не менѣе 200.000 мущинъ въ возрастѣ отъ 25 до 70 лѣтъ. Между тѣмъ общіе списки присяжныхъ для Москвы и ея уѣзда заключали въ себѣ до 1874 года немногимъ болѣе 7.000 именъ и лишь въ послѣдніе два года, когда на дѣло составленія списковъ обращено было особое вниманіе, число это возрасло до 11.000. Допустимъ что изъ вышесказанной цифры взрослаго мужскаго населенія Москвы три четверти стоятъ ниже ценза,— и тогда окажется что при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, то-есть когда учрежденіе предназначенное для этого дѣла дѣйствуетъ со всѣмъ возможнымъ для него усердіемъ, порядокъ вещей установившійся у насъ таковъ что четыре-пятыхъ лицъ подлежащихъ важной общественной повинности имѣютъ возможность отъ нея уклониться.

Столь поразительное несоотвѣтствіе между требованіемъ закона и дѣйствительностью, о коемъ даютъ приблизительное понятіе приведенныя цифры, объясняется, вопервыхъ, отсутствіемъ въ законѣ точныхъ и на практикѣ легко различаемыхъ признаковъ подъ которые подходили бы всѣ разряды лицъ привлекаемыхъ къ исполненію этой обязанности; а вовторыхъ, легкость уклоненія отъ этой обязанности проистекаетъ и изъ того что не установлено никакого взысканія за сообщеніе невѣрныхъ и неполныхъ свѣдѣній о лицахъ подлежащихъ внесенію въ списки. Эти пробѣлы въ законѣ особливо чувствительны у насъ при отсутствіи системы налоговъ обнимающей всѣ классы населенія, вслѣдствіе чего не имѣется никакихъ готовыхъ данныхъ для учета всей совокупности населенія, особливо той части онаго которая принадлежитъ къ такъ-называемымъ либеральнымъ профессіямъ и которую особенно слѣдовало бы привлечь къ участію въ отправленіи правосудія. Внесенію въ списки подлежатъ лица состоящія на общественной и государственной службѣ, крестьяне служащіе и служившіе въ извѣстныхъ должностяхъ по сельскимъ выборамъ и владѣльцы недвижимой собственности не ниже опредѣленной стоимости. Относительно этихъ разрядовъ лицъ учетъ возможенъ и если и тутъ бываютъ неисправности, то лишь потому что офиціальныя мѣста и лица коимъ подвѣдомы служащіе, а также мѣста и лица обязанныя по тому или другому поводу вести списокъ владѣльцамъ недвижимостей уклоняются отъ сообщенія коммиссіямъ имѣющихся у нихъ или легко для нихъ доступныхъ свѣдѣній. Но разряды эти далеко не исчерпываютъ всего подлежащаго призыву въ присяжные населенія. Не вошедшихъ въ эти разряды, но подлежащихъ одинаково съ ними внесенію въ общіе списки, законъ (п. 5 ст. 84 Учр. Суд. Уст.) подводитъ подъ одинъ общій цензъ доходности „съ своего капитала, занятія или ремесла,“ опредѣляя размѣръ дохода, въ столицахъ, не менѣе пятисотъ, а въ прочихъ мѣстахъ не менѣе двухсотъ рублей въ годъ, причемъ не указано какой доходъ, чистый или валовой. Московская

коммиссія справедливо указываетъ на совершенную непрактичность этого ценза „Уловить пятисотенный размѣръ получаемаго кѣмъ-либо отъ его промысла дохода, — сказано въ докладѣ коммиссіи, — представляется рѣшительно невозможнымъ и каждое лицо, получающее даже болѣе 500 р., при желаніи уклониться отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, всегда можетъ легко исполнить это желаніе. Для этого ему стóитъ только заявить коммиссіи что онъ получаетъ дохода менѣе 500 руб. и коммиссія съ своей стороны могла бы уличить его лишь въ томъ случаѣ еслибъ у насъ существовалъ какой-либо налогъ, при которомъ составлялись бы особыя вѣдомости съ распредѣленіемъ плательщиковъ на разряды по суммамъ получаемыхъ ими доходовъ.“

Коммиссія нашла средство замѣнить этотъ цензъ для обывателей столицъ другимъ, по ея мнѣнію, болѣе точнымъ. Она предлагаетъ замѣнить п. 5 ст. 84 Учреж. Суд. Уст. ст. 17 Городоваго Положенія которою опредѣляется право участія въ выборѣ городскихъ гласныхъ, находя что признаки того же самаго ценза опредѣлены въ этомъ позднѣйшемъ законѣ несравненно точнѣе и проще, причемъ по существу дѣла никакой разницы между двумя опредѣленіями цензовыхъ условій не представляется. По ст. 17 Гор. Пол. правомъ участія въ выборахъ пользуются, кромѣ владѣющихъ въ городѣ недвижимою собственностью и тѣхъ кои содержатъ промышленное или торговое заведеніе, уплачивающіе въ пользу города установленный сборъ со свидѣтельствъ купеческаго или промысловаго на мелочный торгъ, или прикащичьяго 1-го разряда. Коммиссія находитъ что каждый промышленникъ взявшій для отправленія своего промысла торговый документъ даже низшаго разряда (цѣной въ 25 р.), непремѣнно получитъ въ теченіе года не менѣе 500 руб. валоваго дохода, дающаго право и на избраніе въ присяжные.

Но эта замѣна едва ли что-нибудь измѣнитъ къ лучшему даже въ столицахъ. Ст. 17 Город. Пол. имѣетъ въ виду лишь торговый и ремесленный классъ и совершенно исключаетъ изъ городскихъ выборовъ лица либеральныхъ профессій. Если замѣнить п. 5 ст. 84 Учр. Суд. Уст. редакціей предлагаемою коммиссіей, то окажутся вовсе устраненными отъ обязанности присяжныхъ всѣ лица не принадлежащія къ торговому или ремесленному сословію, которыя получаютъ отъ своего капитала или занятія не менѣе 500 р. въ годъ. Въ общіе списки войдутъ почти всѣ ремесленники Москвы и Петербурга, и коммиссіямъ будетъ несравненно легче учитывать этотъ разрядъ сообразуясь со списками городскихъ избирателей; но за то вовсе исчезнутъ изъ списковъ присяжныхъ всѣ лица либеральныхъ профессій, если они не состоятъ на службѣ. Странно, какимъ образомъ коммиссія не усмотрѣла этого, а если усмотрѣла, то какъ могла она пожертвовать столь желательнымъ для состава присяжныхъ многочисленнымъ разрядомъ образованныхъ людей?

Вообще Московская коммиссія заботится лишь объ одномъ: о возможной полнотѣ общаго списка присяжныхъ. Но этимъ далеко не исчерпывается вопросъ о способахъ возвышенія умственнаго и нравственнаго уровня представителей общества участвующихъ въ уголовномъ судѣ. Общіе списки служатъ только матеріяломъ изъ коего выбираются дѣйствительные присяжные; общіе списки должны быть составлены такъ полно чтобы выборъ могъ быть сдѣланъ изъ возможно бóльшаго числа лицъ, и какъ ни затруднительно составленіе оныхъ въ виду указанныхъ условій, работа эта только формальная, направленная на то чтобы въ списокъ внесены были всѣ кто отвѣчаютъ установленнымъ съ этою цѣлію въ законѣ формальнымъ признакамъ. Но внѣшніе формальные признаки всегда недостаточны когда требуется опредѣлить внутреннія качества человѣка. Въ дѣлѣ правосудія, при той громадной власти которая предоставлена присяжнымъ при произнесеніи приговоровъ о винѣ или невинности обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, невозможно довольствоваться предположеніемъ на которомъ всегда основаны всякаго рода цензы. Предположеніе это считается достаточнымъ въ дѣлѣ политическихъ и общественныхъ выборовъ. Предполагается что люди стоящіе не ниже извѣстнаго общественнаго уровня обладаютъ тѣми качествами которыя необходимы для участія въ подачѣ голоса на выборахъ вмѣстѣ съ тысячами другихъ. Здѣсь душевныя качества не играютъ почти никакой роли, и единичное лицо теряется въ массѣ избирателей. Совсѣмъ иное присяжные: отъ нихъ

требуется вполнѣ отчетливое уразумѣніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, полное разумѣніе нравственной отвѣтственности при произнесеніи приговора,—отвѣтственности которую каждый несетъ за себя, такъ какъ отъ одного голоса часто зависитъ участь человѣка. Вотъ почему законъ установилъ иной внутренній критерій для провѣрки нравственныхъ качествъ лицъ дѣйствительно призываемыхъ въ судъ для исполненія обязанностей присяжныхъ. Эти послѣдніе вносятся въ особый списокъ, такъ-называемый очередной, и законъ предписываетъ вносить въ этотъ списокъ лишь тѣхъ кто, удовлетворяя формальнымъ условіямъ достаточнымъ для внесенія въ общій списокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ способны по своимъ нравственнымъ качествамъ къ исполненію обязанностей присяжнаго.

Московская коммиссія, подробно изложивъ тѣ пріемы которые приняты ею при составленіи общихъ списковъ и разобравъ всѣ встрѣчаемыя ею при этомъ затрудненія, вовсе умалчиваетъ о томъ какіе выработаны ею на практикѣ способы составленія очередныхъ списковъ и какъ провѣряются нравственныя качества лицъ въ нихъ вносимыхъ. А въ этомъ, по нашему мнѣнію, вся суть дѣла. Коммиссія удостовѣряетъ лишь что въ послѣдніе два года очередные списки „составлены ею лучше и разборчивѣе“ нежели въ предыдущіе.

Къ сожалѣнію, еще на дняхъ только вниманіе всей Россіи было обращено на составъ присяжныхъ коимъ пришлось бы разрѣшить дѣло Коммерческаго Ссуднаго Банка еслибъ оно состоялось въ настоящую сессію; въ этотъ составъ почти исключительно вошли мѣщане, ремесленники и мелкіе торговцы, и всякій недоумѣвалъ какимъ образомъ подобное дѣло можетъ быть рѣшено такимъ темнымъ людомъ. Одного этого факта достаточно чтобы не вполнѣ успокоиться на увѣреніяхъ Московской коммиссіи и считать до сихъ поръ открытымъ вопросъ поставленный въ 1874 году министромъ Юстиціи, вопросъ „о принятіи мѣръ къ болѣе строгому выбору въ присяжные засѣдатели такихъ лицъ которыя по своему образованію и нравственнымъ качествамъ вполнѣ соотвѣтствовали бы высокимъ интересамъ правосудія.“

— —

№ 145.

Москва, 9-го іюня.

Запросъ графа Делаварра въ англійской Палатѣ Лордовъ 15-го іюня, вызвавшій извѣстное уже намъ изъ телеграммы заявленіе графа Дарби о значеніи Парижскаго трактата, былъ можно сказать первымъ словомъ произнесеннымъ въ Англійскомъ парламентѣ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ о христіанахъ живущихъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Слово это, правда, блѣдно и робко; оно не коснулось ни несчастныхъ жителей и выходцевъ Босніи и Герцеговины, ни звѣрски истребляемыхъ болгарскихъ селъ и ихъ жителей никогда не бывшихъ въ возмущеніи; но по крайней мѣрѣ благородный лордъ настолько высказался противъ господствующихъ предубѣжденій что побезпокоился за тѣ области Турціи которыя уже пріобрѣли извѣстную независимость. Онъ хотѣлъ узнать каково положеніе вассальныхъ владѣній Порты въ виду Парижскаго трактата обезпечивающаго „цѣлость и независимость“ Оттоманской имперіи. „Включаетъ ли, спросилъ онъ, гарантія цѣлости Турціи ея верховную власть надъ вассальными государствами, Сербіей и Румыніей? Обязана ли Англія держать ихъ въ состояніи подчиненія? Имѣетъ ли трактатъ какое-либо отношеніе къ недавнимъ вооруженіямъ въ Безикской бухтѣ? Должно ли желаніе этими странами независимости быть подавлено иностраннымъ вмѣшательствомъ? Долженъ ли прогрессъ цивилизаціи быть прегражденъ?“

Приведенные вопросы относились къ обязательствамъ принятымъ Англіей по сепаратному договору заключенному ею съ Австріей и Франціей 15-го апрѣля 1856, въ коемъ сказано что онѣ примутъ за *casus belli* „всякое нарушеніе сказаннаго трактата“ (Парижскаго трактата 30-го марта 1856 года). Графъ Дарби, какъ извѣстно, пояснилъ что хотя вассальныя владѣнія и включены въ гарантіи относящіяся къ Турціи, но что эти гарантіи ограждаютъ ее только отъ внѣшняго нападенія, а не составляютъ обязательства вмѣшиваться во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи и вступаться между Турецкимъ правительствомъ и государствами платящими ему дань. Мы желали бы дать этимъ словамъ самое благопріятное истолкованіе. Каза-

лось бы, слова сказанныя графомъ Дарби вполнѣ ясны, и изъ нихъ можно бы заключить что Англія желаетъ устранить отъ Турціи всякое вмѣшательство, а также и свое, и предоставить разрѣшеніе ея затрудненій собственнымъ ея элементамъ, изъ коихъ не могутъ быть исключены, конечно и вассальныя княжества. Но, въ виду всѣхъ прежнихъ дѣйствій Англіи, возможно что такое заключеніе было бы пожалуй слишкомъ поспѣшно. Нельзя не замѣтить что графъ Дарби вовсе умолчалъ о причинѣ отправленія сильной эскадры въ Безикскую бухту, призналъ притомъ что гарантіи принятыя тремя державами (Англіей, Австріей и Франціей) не только даютъ право, но „при извѣстныхъ обстоятельствахъ" возлагаютъ и обязанность вмѣшательства, — хотя онъ уклонился, какъ отъ предмета неудобнаго и даже опаснаго, отъ обсужденія „извѣстныхъ обстоятельствъ." Но всего куріознѣе заключительныя слова британскаго статсъ-секретаря. Онъ сказалъ что „никогда не помышлялось, да и было бы невозможнымъ „чтобы мы приняли участіе за ту или за „другую сторону во внутреннихъ ссорахъ „возникающихъ между властями въ Константинополѣ и населеніями въ предѣлахъ „турецкихъ владѣній."

А между тѣмъ именно въ этомъ смыслѣ, столь прямо осуждаемомъ британскимъ министромъ, и дѣйствовала англійская политика въ послѣднее время. Она брала сторону въ борьбѣ, и все свое вліяніе направляла противъ христіанъ, а всю свою поддержку давала Туркамъ. Какъ мы объяснимъ себѣ это противорѣчіе? Правда, самимъ англійскимъ министрамъ неудобно признать это, но они не могутъ и отрицать что появленіе англійскаго флота вблизи Босфора значительно ободрило Турецкое правительство, и конечно ускорило Константинопольскій переворотъ. Но вѣдь министры англійскіе, въ своихъ объясненіяхъ, не даютъ также ни малѣйшаго намека и на то чтобъ ихъ встревожило какое-либо предполагавшееся нарушеніе „цѣлости и независимости Оттоманской имперіи." А мы знаемъ что именно охраненіе этой цѣлости и независимости и выставляется англійскою печатью какъ главный двигатель англійской политики въ настоящее время, которая прославляется и одобряется на всѣ лады именно за то что она де поставила вопросъ въ истинномъ свѣтѣ. Предлогъ огражденія „цѣлости и независимости". Турціи, коимъ не видно чтобы грозила какая-либо внѣшняя опасность, пришелся какъ нельзя болѣе кстати чтобы прикрыть явную поддержку Англіей Турецкаго правительства въ его сопротивленіе дать христіанамъ уступки.

Да предлогъ теперь едва ли и нуженъ, ибо англійская печать уже явно признаетъ солидарность своего правительства съ Турецкимъ. Въ послѣднемъ нумерѣ *Times*, вмѣстѣ съ упомянутымъ заявленіемъ графа Дарби, напечатана замѣчательная статья о политикѣ Англіи. Исходя изъ того что „образъ дѣйствій Британскаго правительства, давшій ему могущественное вліяніе на европейское мнѣніе, выдвигаетъ Англію какъ главнаго борца на сторонѣ противоположной Россіи при любомъ раздѣленіи великихъ державъ," — органъ Лондонскаго Города находитъ что въ этомъ видномъ положеніи, согласномъ съ британскими преданіями на Востокѣ, Англіи предстоитъ де болѣе непосредственно обсудить свои отношенія къ Турецкой имперіи и случайности которыя могутъ почти принудить ее ко вмѣшательству. Отсюда лондонская газета находитъ весьма естественнымъ что „министры королевы должны считаться главными совѣтниками Турецкаго правительства, не только по его сношеніямъ съ иностранными державами, но и по отношенію къ его внутренней администраціи." Обязанность Англіи *Times* опредѣляетъ такъ: „Имѣть дѣло съ Турціей при нынѣшнихъ новыхъ условіяхъ, спасти имперію осаждаемую новыми силами внутри ея границъ, вотъ задача взятая на себя Британскимъ правительствомъ." Однако *Times* понимаетъ что одной Англіи, даже „при ея безграничномъ богатствѣ и неотразимомъ флотѣ, но при ограниченной арміи," — это не по силамъ, и потому прочный успѣхъ ея политики долженъ де зависѣть отъ возможности убѣдить одну или двѣ изъ великихъ военныхъ имперій что ихъ выгода въ томъ же самомъ. Слѣдовательно, задача сводится къ тому чтобы „вразумить Европу, одобряя и поощряя въ то же время Турецкое правительство."

Но какія же дѣла ободрять и поощрять его готовиться Англія, и какія обязанности, въ свою очередь, возложитъ менторъ на своего послушнаго ученика за его „спасеніе." *Times* упоминаетъ о разногласіяхъ

въ совѣтѣ турецкихъ министровъ (тогда еще не устраненныхъ новою кровавою катастрофой), но основательно не приписываетъ большой важности различію ихъ взглядовъ на реформы, ибо всетаки эти декреты о равенствѣ и свободѣ въ глазахъ Турокъ ничего де не значатъ. Да это конечно и не важно въ глазахъ *Times*. Главное же въ томъ что хотя бы паши и разногласили объ учрежденіяхъ, но они де согласны насчетъ потребностей минуты, изъ коихъ первая сборъ солдатъ для войны, а вторая — деньги для уплаты имъ. По этимъ же пунктамъ, повидимому, была достаточная дѣятельность со времени паденія бывшаго султана.

Но умиротворенія на Балканскомъ полуостровѣ требуется де достигнуть не удовлетвореніемъ законныхъ стремленій христіанъ, а укрощеніемъ *quand même* всякаго непокорства со стороны христіанъ мусульманскому произволу и безчинству, хотя это плохо согласуется съ заявленіемъ графа Дарби о невступательствѣ въ распри между султаномъ и его подданными. Какъ ужасно положеніе выходцевъ изъ Герцеговины и Босніи, и какъ, несмотря на то, выселеніе все продолжается, по причинѣ отчаяннаго положенія остающихся жителей этихъ провинцій,—это всѣмъ извѣстно, и какъ пишетъ нашъ корреспондентъ, не замѣтно и признака улучшенія или намѣренія со стороны турецкихъ властей приступить къ исполненію обѣщанныхъ реформъ. Но этого мало. Духъ мусульманскаго фанатизма поднялся и въ другихъ мѣстахъ. Не далѣе какъ третьяго дня мы напечатали двѣ корреспонденціи изъ Константинополя, отъ разныхъ лицъ, которыя передаютъ содрагающія душу подробности о звѣрствахъ совершаемыхъ баши-бузуками въ мирныхъ и безоружныхъ селахъ Болгаріи подъ предлогомъ подавленія возстанія. Эти невообразимые ужасы совершаются уже въ новое царствованіе, при правительствѣ которое было восторженно привѣтствовано въ Англіи какъ способное открыть новую эру для погибавшей при прежнемъ султанѣ Турціи. А это новое правительство, ненавидящее Болгаръ, помышляетъ даже по просту переселить ихъ всѣхъ въ Азію, водворивъ на ихъ мѣсто Турокъ и Черкесовъ изъ Азіи! Неужели и за всѣ эти избіенія, истязанія, уродованія, насилія, пожары и истребленія, правительства Европы готовы быть солидарны съ турецкими министрами?

Но быть-можетъ получаемыя нами съ Востока извѣстія не вѣрны или преувеличены? Быть можетъ, скажутъ, русское зложелательство относительно Турціи сочиняетъ эти извѣстія? Увы! Вотъ что пишетъ собственный корреспондентъ той же газеты *Times*: „Насилія и жестокости совершаемыя Турками въ злополучной Болгаріи, полное опустошеніе коимъ въ ней „возстановленъ или возстановляется миръ, „едва ли могутъ быть преувеличены даже „русскимъ зложелательствомъ; и Оттоманское правительство заслуживаетъ строжайшаго порицанія за средства которыя „оно употребило для своей цѣли. Вооруженіе баши-бузуковъ, и въ особенности „дикихъ Черкесовъ противъ беззащитнаго „народа было одною изъ тѣхъ ошибокъ „которыя хуже всякаго преступленія, и „было тѣмъ болѣе неизвинительно что оно „было безцѣльнымъ и ненужнымъ поступкомъ, внушеннымъ даже не необходимостью покорить страну, а желаніемъ устрашить ее.“ Корреспондентъ сожалѣетъ объ этомъ, впрочемъ, главнымъ образомъ вовсе не изъ состраданія къ несчастнымъ жертвамъ, а потому что Турціи нужно, видите ли, сочувствіе въ Англіи которое она пожалуй де утратитъ такимъ образомъ. Нѣтъ! не утратитъ! Отчего же утратитъ? „Къ счастію,“ прибавляетъ онъ, „мнѣніе „свѣта всегда бываетъ достаточно снисходительно къ тѣмъ кто имѣетъ успѣхъ, и „лишь бы только былъ водворенъ миръ въ „возмущенныхъ провинціяхъ, всякія жестокости коими эта цѣль можетъ быть „достигнута будутъ также скоро прощены „и забыты какъ это было въ Критѣ девять „лѣтъ тому назадъ, ибо *la politique n'a pas d'entrailles*“ (у политики нѣтъ внутренности!!).

Какой возмутительный цинизмъ! И вся бѣда въ томъ что въ Англіи находится наибольшее количество облигацій турецкаго долга.

№ 146.

Москва, 10-го Іюня.

Недавно въ Петербургѣ вышла въ свѣтъ диссертація по предмету интересному не для однихъ ученыхъ спеціалистовъ, но и для публики вообще, какъ можно видѣть уже изъ одного ея заглавія: *Химическіе анализы винъ встрѣчающихся въ продажѣ*

въ Петербургѣ, и ихъ подмѣси. Авторъ, сдѣлавъ цѣлый рядъ анализовъ, изложилъ въ диссертаціи результаты своихъ изслѣдованій. Нельзя не обратить вниманія публики на тѣ отвратительные составы какіе покупаются ею подъ видомъ виноградного сока. Въ нихъ все, начиная съ крѣпости, сладости и кислоты, и кончая цвѣтомъ и букетомъ, оказывается поддѣлкой. Чего не пичкаютъ въ эти смѣси пускаемыя въ продажу подъ именемъ хереса, мадеры, лафита, сотерна, шато-д'икема и пр.! Не отъ свойствъ винограда зависитъ степень крѣпости этихъ винъ, а отъ большей или меньшей подмѣси алкоголя, котораго подливается отъ 9 до 20%. Это, впрочемъ, самая невинная подмѣсь, и еслибъ она дѣлалась своевременно, въ періодъ броженія которому подвергается виноградное сусло прежде превращенія въ вино, качество его отъ того не страдало бы; но у насъ алкоголь подмѣшивается къ вину уже перебродившему. Далѣе, подслащиваніе вина обыкновеннымъ сахаромъ, если оно требуется вкусами публики, не было бы вредно; но для подслащенія употребляется очень часто, вмѣсто сахара—глицеринъ, подмѣшиваемый обыкновенно въ размѣрѣ отъ 1 до 3%. Такимъ образомъ, глицеринъ поступаетъ въ изобиліи въ русскіе желудки по рецептамъ нашихъ винопромышленниковъ, и притомъ часто въ соединеніи съ разными жирными кислотами и ихъ солями. Такъ-называемый букетъ или ароматъ вина, зависящій отъ присутствія въ немъ особыхъ эфировъ раждающихся изъ виноградного спирта и дающій такую высокую цѣнность старымъ, выдержаннымъ винамъ, образуется въ натуральныхъ винахъ обыкновенно очень медленно; наши винопромышленники производятъ процессъ образованія этихъ эфировъ искусственно, подмѣшивая къ вину молоко и горькій и сладкій миндаль. Затѣмъ, чтобы сообщить вину надлежащую кислоту, прибѣгаютъ къ подмѣсямъ яблочной и виннокаменной кислотъ. Чтобы полученную такимъ образомъ бурду можно было продать за вино, необходимо дать ей подходящій цвѣтъ,—и трудно перечислить всѣ вещества которыя употребляются для ея подкраски! Тутъ идутъ въ дѣло и черника, и бузина, и терновыя ягоды, и лакмусъ, и сандалъ, и все болѣе входящій въ употребленіе фуксинъ—вещество весьма вредное, такъ какъ оно содержитъ въ себѣ мышьяковистыя соединенія могущія производить припадки отравленія. Но вышепомянутыми веществами перечень подмѣсей въ такъ-называемыя виноградныя вина не ограничивается. На изготовленіе ихъ берутся часто уже черезчуръ плохія, испортившіяся, прокислыя вина; для исправленія ихъ и уменьшенія въ нихъ кислоты, подмѣшиваются мѣлъ, мраморъ, гипсъ, алебастръ, жженая известь и т. п., главнымъ же образомъ - извѣстный своею ядовитостью свинецъ, который у нашихъ винодѣловъ пользуется славой хорошаго средства для исправленія винъ прокислыхъ, для обезцвѣчиванія бѣлыхъ, для предупрежденія окисанія слабыхъ и т. д. Г. Лабенскій, при произведенныхъ имъ анализахъ, находилъ наибольшее количество свинца въ бѣлыхъ, почти безцвѣтныхъ сортахъ винъ.

Во всемъ этомъ, конечно, мало новаго. Публикѣ давно извѣстно какую важную роль играютъ въ потребляемыхъ ею винахъ жженая пробка, черника, чернильный орѣшекъ, сандалъ и другія снадобья. Но напоминанія объ этомъ не могутъ быть лишними, и нельзя не поблагодарить г. Лабенскаго за то что онъ сдѣлалъ вопросъ о поддѣльныхъ винахъ предметомъ публичнаго диспута, подкрѣпивъ ходящіе въ публикѣ смутные толки о подмѣшиваемыхъ къ винамъ вредныхъ веществахъ авторитетомъ научныхъ изслѣдованій. Чѣмъ точнѣе будетъ знать публика какое количество чистаго и нечистаго глицерина, извести, свинцовыхъ и мышьяковыхъ соединеній глотаетъ она подъ видомъ вина, тѣмъ болѣе надежды что наконецъ она перейдетъ къ потребленію здоровыхъ натуральныхъ винъ, которыя производятся у насъ до сихъ поръ въ ограниченномъ количествѣ лишь по недостатку обезпеченнаго сбыта.

Около мѣсяца тому назадъ, въ № 117 *Московскихъ Вѣдомостей,* мы обращали вниманіе читателей на огромныя выгоды какія могла бы извлекать Россія изъ развитія винодѣлія и на обширность района въ которомъ возможно у насъ насажденіе виноградныхъ лозъ, столь щедро вознаграждающихъ земледѣльца за требуемый ими уходъ что нѣсколько десятинъ подъ виноградникомъ даютъ болѣе дохода чѣмъ обширное имѣніе не производящее ничего кромѣ зерноваго хлѣба. Теперь виноградники разведены преимущественно лишь въ приморскихъ мѣстностяхъ нашей южной

окраины и притомъ далеко не повсемѣстно; производство ихъ, со включеніемъ Кавказа, ограничивается какими-нибудь семнадцатью милліонами ведеръ вина, большею частію выпиваемаго на мѣстѣ, и лишь отчасти покупаемаго нашими винодѣльщиками для превращенія въ тѣ смѣси о которыхъ трактуетъ г. Лабенскій въ своей диссертаціи. Но райономъ винодѣлія можетъ быть почти все пространство Россіи къ югу отъ Житоміра, Кіева, Харькова и Камышина, и помимо того, однѣ тѣ мѣстности гдѣ виноградарство уже нынѣ получило права гражданства легко могли бы, еслибы только открылся обезпеченный сбытъ, не удвоить или утроить, а удесятерить производство вина. Винодѣліе не развивается у насъ потому что наши вина не имѣютъ хода; публика вынуждена пить, вмѣсто вина, отвратительные и вредные составы, потому что чистаго винограднаго вина, по доступнымъ ей цѣнамъ, не оказывается въ продажѣ.

Въ такомъ положеніи дѣла, конечно, не виноваты ни винодѣлы, ни публика. Вся бѣда въ отсутствіи правильнаго торговаго посредничества. Обойтись безъ этого посредничества ни та, ни другая сторона не могутъ, и разчитывать на установленіе между ними прямыхъ непосредственныхъ связей и сношеній значило бы предаваться обманчивымъ и вреднымъ для обѣихъ сторонъ иллюзіямъ. Потребитель не можетъ, каждый разъ какъ ему понадобится бутылка вина, выписывать ее прямо съ мѣста его производства. Точно также и винодѣлу невозможно развозить свое вино по всѣмъ мѣстамъ гдѣ могутъ оказаться на него потребители. Воздѣлываніе винограда и торговля виномъ—два совсѣмъ различныя предпріятія. Но объ организаціи правильной торговли виномъ изъ русскихъ виноградниковъ, до сихъ поръ у насъ не думали. Поддѣлывать и подмѣшивать это вино, совершать съ нимъ всякія мошенническія продѣлки, поить народъ медленною отравой—охотниковъ много. Но положить свой капиталъ и свой трудъ на дѣло честной наживы при честномъ посредничествѣ между производителями и потребителями вина, на дѣло за которое сказалъ бы спасибо весь народъ и которое было бы благодѣяніемъ для всего нашего юга,—на это охотниковъ пока не оказывается.

Конечно, такое дѣло какъ организація правильной торговли виномъ изъ русскихъ виноградниковъ, особенно на первыхъ порахъ, не можетъ быть дѣломъ очень простымъ и легкимъ. Нужно имѣть толковыхъ агентовъ для скупки вина на мѣстахъ у винодѣловъ, нужно устроить въ разныхъ районахъ производства центральные склады гдѣ скупленное вино сортировалось бы знающими людьми и выдерживалось бы въ подвалахъ до той поры когда получитъ надлежащія качества дающія ему вкусъ и цѣнность, нужны наконецъ магазины въ мѣстахъ сбыта для оптовой и розничной продажи. Но какая же серіозная торговля обходится безо всего этого? Какіе торговые обороты ведутся безъ употребленія въ дѣло капитала и труда людей спеціально знакомыхъ съ предметомъ торговли? Сомнѣваться въ томъ что правильная торговля русскими виноградными винами можетъ дать огромные барыши тому кто рѣшится заняться ею въ большихъ размѣрахъ нѣтъ ни малѣйшаго повода. Въ № 117 *Московскихъ Вѣдомостей* мы привели образцики цѣнъ по какимъ продается натуральное виноградное вино въ мѣстахъ его производства. Сравните эти поразительныя по своей дешевизнѣ цѣны съ тѣми по какимъ продаются такъ-называемыя дешевыя иностранныя вина, приготовленныя изъ алькоголя съ фуксиномъ и глицерина со свинцомъ... Разница въ цѣнахъ такъ велика что и за покрытіемъ всѣхъ издержекъ по содержанію торговаго персонала, по найму помѣщеній для складовъ и магазиновъ, по перевозкѣ и разливкѣ вина и т. д., остается еще полная возможность продавать съ хорошимъ барышомъ настоящія виноградныя вина вдвое дешевле соотвѣтствующихъ имъ негодныхъ составовъ. Лишь на первыхъ порахъ, предпринимателю правильной русской виноторговли пришлось бы выдержать нѣкоторую, едва ли впрочемъ продолжительную, борьбу съ рутинною привычкой къ „мадерамъ,“ „хересамъ,“ „сотернамъ“ „лафитамъ“ и т. п. Къ русскимъ винамъ эти чужеземныя названія не подходятъ, и продавать ихъ подъ несвойственными имъ ярлыками значитъ одновременно обманывать публику и дискредитировать самыя вина. Эта ошибка — продажа русскихъ винъ подъ несоотвѣтствующими ихъ вкусу и качествамъ именами—была уже причиной неудачи нѣсколькихъ, впрочемъ не довольно серіозныхъ, попытокъ ввести русскія вина въ

общее употребленіе. Повторять такую ошибку не слѣдуетъ. Каждой странѣ, каждой мѣстности, вслѣдствіе особенностей почвы и климата, свойственны особые сорты винограда, дающіе вино со своеобразными достоинствами. Пересаженныя лозы перерождаются. Довольно того что, при обширности винодѣльнаго ройона въ Россіи, производимые у насъ сорты винъ могутъ удовлетворять потребителей съ самыми разнообразными вкусами: найдутся въ изобиліи и легкія столовыя вина, какъ бѣлыя, такъ и красныя, и вина крѣпкія, и вина десертныя. Но пусть этимъ винамъ даютъ имена тѣ мѣстности которыя ихъ производятъ, какъ это водится во всемъ мірѣ. Многіе центры нашего винодѣлія имѣютъ всѣ условія къ тому чтобы снискать себѣ своими винами почетную извѣстность не только въ Россіи, но и на всемірномъ рынкѣ.

Само собою разумѣется что правильной торговлѣ русскими винами на первыхъ порахъ причиняла бы не малый вредъ укоренившаяся торговля поддѣльными винами. Но не обязана ли въ этомъ случаѣ придти на помощь честной торговлѣ торговая полиція? Должна же она чѣмъ-нибудь доказывать свое право на существованіе и оправдывать чѣмъ-нибудь тѣ немалые расходы которые идутъ на ея содержаніе. Не допускать продажи вредныхъ продуктовъ и подвергать ихъ уничтоженію есть ея прямая обязанность. А не заслуживаютъ ли уничтоженія всѣ эти вина съ подмисью фуксина, свинца и т. п., въ той же мѣрѣ какъ и продаваемыя отъ времени до времени уничтоженію не совсѣмъ свѣжія колбасы и т. п.? И торговая полиція, и врачебныя управы должны, кажется, понимать что извѣстное нравоученіе Крыловской басни:

> Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ,

преподано баснописцемъ не въ прямомъ, а въ ироническомъ смыслѣ.

Конечно, не всѣ подмѣси ядовиты. Нѣкоторыя изъ нихъ довольно невинны, и, само-собою разумѣется, нѣтъ большаго вреда для здоровья потребителей если они, вмѣсто воображаемаго краснаго вина, пьютъ какой-нибудь яблочный сидръ подкрашенный бузиной или черникой съ прибавкой простой водки. Но обманъ, при этомъ, не перестаетъ быть обманомъ и, какъ всякое мошенничество, долженъ быть преслѣдуемъ полиціей и судомъ.

№ 147.

Москва, 11-го Іюня.

Телеграмма помѣщенная въ № 142 *Московскихъ Вѣдомостей* извѣстила о судебномъ приговорѣ, вслѣдствіе котораго въ Пруссіи запрещено на два года выходящее въ Лондонѣ русское революціонное изданіе *Впередъ*. Въ Германіи, которую это изданіе удостоиваетъ своего ближайшаго, послѣ Россіи, вниманія, его однажды уже постигла судебная кара. Именно, въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ, какъ видно изъ *Ostpreussische Zeitung*, оно было судимо въ Кенигсбергѣ за „призывъ къ государственной измѣнѣ и къ насильственному измѣненію основныхъ законовъ не только Россійской, но и Германской имперіи и Прусскаго королевства, равно какъ и существующаго въ нихъ порядка престолонаслѣдія,“ признано виновнымъ и приговорено, на основаніи §§ 41 и 42 Уложенія о Наказаніяхъ, къ изъятію изъ обращенія всѣхъ наличныхъ въ странѣ экземпляровъ подавшихъ поводъ къ преслѣдованію нумеровъ 1-го и 4-го 1875 года и къ уничтоженію, буде таковой оказался бы, ихъ набора. Германскій же законъ о печати, въ § 14, гласитъ что если противъ періодическаго изданія, выходящаго за границей, послѣдуетъ приговоръ на основаніи сейчасъ указанныхъ статей дважды въ теченіе годоваго срока, то имперскій канцлеръ въ правѣ пріостановить дальнѣйшее распространеніе этого изданія въ странѣ на два года. Послѣдующіе нумера газеты отличались обычными красотами, и повели къ новому преслѣдованію и новому приговору, который и вызвалъ упомянутое въ приведенной выше телеграммѣ распоряженіе.

Программа *Впередъ*, какъ она выразилась въ первыхъ нумерахъ его, извѣстна. Наши бѣглые преобразователи Россіи съ цѣлаго міра продолжаютъ откровенно развивать ее и дополнять. Частная собственность „есть источникъ всѣхъ бѣдствій“ (*Впередъ*, 1875, № XIX, стр. 592). Свобода—пустяки: это вопросъ „самъ по себѣ лишенный содержанія“ (*Id*, стр. 606) и который пріобрѣтаетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ когда подъ нимъ разумѣется „соціальная революція“ (*Id*, XXI, 649). О монархической власти и говорить нечего, потому что монархъ, „способный внушить къ себѣ уваженіе и привязанность,

тѣмъ самымъ вреденъ для революціоннаго дѣла" (XX, 621). Религіи, разумѣется, не требуется: „люди, защищающіе святость религіознаго преданія, противорѣчатъ всему историческому росту раціоналистической мысли" (XIX, 584). Не требуется также нравственности и науки въ общепринятомъ значеніи этихъ словъ; а нужна „настоящая" нравственность и „настоящая" наука, которыя суть — „проповѣдь соціализма" (XXI, 648). Замѣчательно что при этомъ „нисколько не имѣется утопической надежды довести народъ въ его цѣломъ пропагандой до яснаго сознанія и до высокой степени просвѣщенія" (*Id*, 657).

Что же имѣется въ виду?

То чтобы народъ „выполнилъ задачи которыя преслѣдуютъ лучшіе умы въ наукѣ, въ искусствѣ, въ литературѣ вообще." А лучшіе умы, это конечно герои *Кружка*, изображенные съ такою удивительною мѣткостію въ майской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*.

Что это за противорѣчіе? Какимъ же это образомъ, когда на той же самой страницѣ сказано что „большинство народа не имѣетъ возможности пріобрѣсти образованія," когда далѣе (XXI, 648) повторяется что некогда „заниматься политикой тому чья вся жизнь поглощена заботой о кускѣ хлѣба?" Какимъ образомъ народъ которому „некогда заниматься политикой," который „не имѣетъ возможности пріобрѣсти образованіе," просвѣщеніе котораго есть предметъ „утопической надежды"—какимъ образомъ онъ-то и можетъ „исполнить задачи преслѣдуемыя лучшими умами?"

Очень просто: проникнувшись „проповѣдью" этихъ „лучшихъ умовъ" и повинуясь ихъ указаніямъ которыя говорятъ: „Рабочіе классы должны захватить все имущество въ свои руки" (причемъ конечно львиная доля достанется „лучшимъ умамъ"), должны „катастрофою соціальной революціи разрушить гнѣздо болѣзни" (XIX, 593, 594)...

„Необразованный" народъ, которому никогда не дойти „до яснаго сознанія" долженъ слѣпо послужить своимъ наставникамъ въ качествѣ матеріальной силы. Къ дрессировкѣ и эксплуатированію этой матеріальной силы и сводится все ученіе. Конечный выводъ его, повторяемый на всѣ лады, таковъ: „Старое общество не имѣетъ никакихъ средствъ излѣчить болѣзнь входящую въ самую сущность его строя, поэтому во всѣхъ странахъ участвующихъ въ современной цивилизаціи необходимъ соціальный переворотъ" (*Впередъ*, 1876, № XXIX, стр. 143). Это, положимъ, „старому" русскому обществу грозятъ и старою пѣсней. Но вотъ и ея новый припѣвъ. *Впередъ*, повидимому, рѣшилъ въ своей революціонной премудрости осуществить приготовляемый имъ для Россіи „соціальный переворотъ"—въ непродолжительномъ времени. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить изъ того обстоятельства что онъ издалъ особое свое по сему предмету распоряженіе, похожее на ордеръ баталіи наканунѣ битвы. „Въ средѣ общинныхъ и артельныхъ центровъ, уже существующихъ „въ русскомъ народѣ и представляющихъ „готовые и традиціонные элементы народной солидарности," командуетъ онъ своему войску, „должны быть образованы группы людей яснопонимающихъ задачи рабочаго соціализма. Эти группы должны быть „связаны между собою по всей странѣ (или, „по крайней мѣрѣ, въ достаточномъ числѣ „мѣстностей) крѣпкою практическою организаціей, позволяющею согласно и энергически направить наличныя революціонныя силы въ данную минуту на то именно что всего удобнѣе сдѣлать въ эту самую минуту. Изъ этихъ группъ, какъ мѣстныхъ центровъ, должна разливаться по „мѣрѣ возможности быстрѣе и энергичнѣе „волна пропаганды, уясняющей начала рабочаго соціализма, волна агитаціи, возбуждающей массы... Изъ этихъ группъ, „пока шансы побѣды недостаточны должна постоянно выходить руководящая сила, сдерживающая попытки преждевременныхъ мѣстныхъ бунтовъ. Изъ этихъ „группъ, въ надлежащую минуту, по общему соглашенію, долженъ грянуть одновременно въ разныхъ углахъ Россіи призывъ къ соціальной революціи."

Странно, не такъ давно тѣ же самые господа въ издаваемомъ ими при газетѣ *Впередъ* сборникѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ (т. I, отд. 1-й, стр. 16) ставили какъ бы девизомъ своей почтенной дѣятельности что „революціи искусственно вызывать нельзя, потому что онѣ суть продукты не личной воли, не дѣятельности небольшой группы, но цѣлаго ряда сложныхъ историческихъ процессовъ." Теперь, оставляя въ сторонѣ свое первоначальное положеніе, они торопятъ организаціей, точно „сложные процессы" уже совершились и

„данная минута“ должна вскорѣ наступить. Неужели плоды ихъ усилій такъ уже созрѣли?

Дѣйствительно, они не перестаютъ похваляться успѣхами своей пропаганды. Поучительно видѣть съ какимъ наслажденіемъ они дразнятъ русскую полицію тѣмъ что вотъ такой-то и такой-то изъ ихъ пособниковъ въ Россіи успѣлъ бѣжать, и „проситъ заявить власть имѣющимъ чтобъ они прекратили *пока* поиски за нимъ, такъ какъ онъ своевременно будетъ имѣть вѣроятно возможность вновь доставить имъ это удовольствіе“ (1875 г., XXIII, 718, 1876 г., XXX, 182); любопытно читать съ какимъ упоеніемъ они повѣствуютъ о вожделѣнномъ ходѣ своего дѣла. Одинъ „мѣсяцевъ семь тому назадъ ушелъ изъ города „въ поле.“ Болѣе полугода ходилъ по югу Россіи, видѣлъ и Каспійское и Черное моря, и равнины, и горы, училъ по деревнямъ, скрывался по городамъ и теперь, вернувшись цѣлымъ и невредимымъ, повидавшись съ товарищами, снова уѣхалъ“ (1875 года, XXI, 653). Другой разказываетъ: „Дѣло пропаганды идетъ превосходно, выше всякаго ожиданія. Успѣхи поразительные. Теперь я вполнѣ убѣжденъ что у насъ дѣйствительно складывается типъ революціонера, не болтуна, не фигляра, самообольщеннаго собственнымъ невѣжествомъ, а тонкаго дипломата, предъ которымъ вся просвѣтительная полиція недоумѣваетъ...“ (*Id*, 663). „Въ .... губерніи, ... уѣзды можно сказать не преувеличивая готовы хоть сейчасъ“ (*Id*, 664). Такъ что „лучшій цвѣтъ старой русской интеллигенціи не въ состояніи уже бороться съ пропагандой рабочаго соціализма (1876, XXX, 162). Такъ что „жестоко ошибутся“ тѣ кто „пренебрегая соціалистическою пропагандой въ Россіи, считаютъ ее дѣломъ слишкомъ маловажнымъ и не имѣющимъ будущности чтобы тратить свои силы на борьбу съ нею“ (XIX, 578).

Но это очевидное преувеличеніе. Рядомъ съ этою похвальбой безпрестанно встрѣчаются жалобы. Сами же главнокомандующіе признаютъ что извѣстные и уважаемые русскіе люди, крупные и талантливые представители русской мысли, отъ нихъ отворачиваются (XX, 610, 611); сами же они сѣтуютъ на молодежь которая отъ нихъ отходитъ и имъ не отзывается, „и что въ ней господствуетъ противорѣчіе между словомъ и дѣломъ“ (XX, 623). Они плачутся даже на самихъ себя, на „свое собственное неустройство“ (XXI, 655), на „безсвязность дѣйствія“ своихъ эмиссаровъ (*Id*, 664). Очевидно что если пропаганда соціальной революціи въ Россіи и есть подлинное явленіе, фактъ требующій серіознаго вниманія и дружнаго отпора, то революціонная затѣя не такъ уже подвинулась, революціонное дѣло не до такой уже степени „на чеку“, чтобы пора было отдавать революціонному войску диспозицію чуть не на завтрашній день.

Отчего же и для чего *Впередъ* разрѣшился своимъ приказомъ по арміи? Почему онъ ее торопитъ?

Потому что русскимъ революціонерамъ нужно де спѣшить во что бы то ни стало...: „Русскіе соціалисты, проговаривается *Впередъ* (XXIX, 135), постановлены въ настоящую минуту въ положеніе, которое должно ихъ заставить *крайне* спѣшить съ работой хотя бы зачаточной организаціи для того чтобы связать разныя мѣстности гдѣ могутъ произойти взрывы; съ работой возбуждающей агитаціи тамъ гдѣ населеніе, не надѣясь на свои силы, можетъ не рѣшиться на открытое движеніе когда другіе будутъ готовы подняться. Приходится спѣшить для того чтобы народное движеніе въ Россіи не ограничилось безсильными мѣстными взрывами. Приходится спѣшить для того чтобъ оно не уклонилось отъ пути рабочаго соціалима. Приходится спѣшить и еще по одному обстоятельству: дѣла соціалъ-демократовъ въ Германіи идутъ такъ быстро что могутъ привести къ открытой борьбѣ нѣмецкаго пролетаріата съ его противниками; правительство Бисмарка или его преемниковъ можетъ оказаться менѣе сильнымъ для подавленія нѣмецкихъ соціалистовъ чѣмъ оно само этого ожидаетъ, и тогда дѣло русскихъ соціалистовъ будетъ во что бы то ни стало воспрепятствовать движенію русскихъ императорскихъ войскъ на помощь императору. Такъ какъ побѣда соціальной демократіи въ Германіи, въ центрѣ европейскаго материка, была бы самою рѣшительною опорой для соціальной революціи во всемъ цивилизованномъ мірѣ, то *обязательно* будетъ для русскихъ соціалистовъ помочь этой борьбѣ, *вызывая столь значительныя волненія въ Россіи какія только можно будетъ вызвать*, а потому русскіе соціалисты должны спѣшить пріобрѣсть такое положеніе въ странѣ которое дозволило бы имъ сдѣлать

хотя это, если они не въ состояніи сдѣлать большаго.“

Итакъ, сообразуясь уже не со зрѣлостью *своихъ* замысловъ въ Россіи, но съ желаніемъ отозваться на *чужой* взрывъ, ведутъ наши монстры, считающіе себя дѣятелями, свою подпольную махинацію. Первоначально забраковавъ „искусственную революцію“, въ ней одной они видятъ теперь свое прибѣжище.

Замѣчательно что сами эти благодѣтели Россіи „съ того берега“ даютъ себѣ отчетъ въ омерзеніи которое возбуждаютъ ихъ умыслы, и заранѣе принимаютъ надлежащія мѣры противъ послѣдствій естественнаго отношенія русскаго общества къ ихъ дѣлу. Они заранѣе озабочены необходимостью быть „на стражѣ противъ людей которые въ будущій новый строй захотѣли бы внести привычки и влеченія стараго порядка“ (XXIX, 130). „Искуственная революція“ еще не готова, но уже организуется терроръ. Пока террору удастся возобладать, организуется шпіонство. „Въ надлежащую минуту борьба будетъ имѣть форму энергическаго напора на центральныя власти и ихъ органы; ранѣе она должна имѣть форму *искуснаго заговора*, который позволялъ бы революціонной организаціи знать мѣры предпринимаемыя властями противъ нея и противъ волненій вообще и своевременно парализовать ихъ *своими*. Для этого *необходимо* отдѣлить долю силъ организаціи на образованіе сѣти своихъ людей, которые имѣли бы доступъ въ центральные органы правительственной дѣятельности и въ тѣ общественные кружки которые знаютъ что̀ дѣлается, что̀ предпринимается, что̀ узнали и что̀ предполагаютъ. Необходимо имѣть центры полученія и распространенія свѣдѣній, которые стояли бы внѣ опасности попасться, когда агитаторы и пропагандисты въ народѣ каждый день рискуютъ въ этомъ отношеніи.“ (XXIX, 140).

Не знаешь чему болѣе удивляться: безстыдству ли, съ какимъ подобныя „необходимо“ печатаются во всеобщее свѣдѣніе, или тому обстоятельству что люди обладающіе этимъ безстыдствомъ осмѣливаются разчитывать со стороны Россіи на что-либо иное кромѣ презрѣнія въ настоящемъ, а въ будущемъ, еслибы хотя тысячная доля ихъ покушеній могла возымѣть практическое осуществленіе — единодушнаго проклятія.

№ 148.

Москва, 12-го іюня.

Послѣ бури наступило затишье. Послѣ яростныхъ изобличеній Россіи въ намѣреніяхъ смутить европейскій миръ, вдругъ вновь расточаются увѣренія что миръ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, какъ нельзя болѣе обезпеченъ, и въ радости такого неожиданнаго результата благодушіе нашихъ бывшихъ изобличителей впадаетъ въ припадокъ особенной нѣжности къ Россіи. Столь свѣдущіе корреспонденты англійскихъ газетъ усердно начинаютъ доказывать, въ успокоеніе нашего самолюбія, что Берлинскій меморандумъ устраненъ лишь силой обстоятельствъ. Вотъ еслибы де этотъ документъ былъ уже представленъ Портѣ, и она бы отвергла его, какъ этого по всему вѣроятію слѣдовало де ожидать, и еслибы де Англія одобрила Порту въ этомъ отказѣ, тогда пожалуй можно было бы говорить о пораженіи русской дипломатіи. Тогда бы пожалуй положеніе дѣлъ могло стать опаснымъ; но ничего такого не случилось. Меморандумъ вовсе не былъ представленъ, и Портѣ не пришлось ни принимать, ни отвергать его; меморандумъ былъ остановленъ на пути не Англіей, а событіями внѣ всякаго контроля, ибо низложеніе султана было де ускорено обстоятельствами совершенно неожиданными. Итакъ, здѣсь дѣйствовала рука судьбы которая выше воли самыхъ могущественныхъ націй. Многое, правда, тутъ остается неяснымъ, почему именно новому султану не можетъ быть явленъ меморандумъ, и на чемъ основана увѣренность что онъ непремѣнно былъ бы отвергнутъ и при прежнемъ султанѣ, тогда какъ выходящая въ Константинополѣ на арабскомъ языкѣ газета *Al-Jawaib*, объясняя причины низложенія Абдулъ-Азиза, свидѣтельствуетъ что онъ, противясь требованіямъ денегъ на военные расходы, говорилъ де своимъ министрамъ что въ военныхъ расходахъ нѣтъ надобности, такъ какъ онъ готовъ принять Берлинскій меморандумъ.

Къ тому же, продолжаютъ, Берлинскій меморандумъ имѣлъ въ виду напомнить Портѣ пункты заключающіеся въ нотѣ графа Андраши и обезпечить приведеніе ихъ въ исполненіе. Но вѣдь самая нота графа Андраши остается; уступки въ ней выго-

воренныя не были взяты назадъ, а это конечно успѣхъ для Россіи. Тутъ де успѣхъ для всѣхъ, и ни для кого нѣтъ пораженія.

Читая все это, намъ остается только недоумѣвать, что же означала прежняя мистификація о замыслахъ Россіи и угрозы ей европейскою коалиціей. Но, помимо этихъ безконечныхъ толковъ о торжествѣ или неудачѣ той или другой дипломатіи въ Константинополѣ, мы видимъ, мистификацію иного рода, гораздо болѣе серіозную, и потому болѣе опасную въ томъ отношеніи что она стремится ввести въ обманъ даже искреннее сочувствіе къ участи христіанъ въ Турціи. Теперь, говорятъ, когда европейскій миръ „вновь обезпеченъ,“ европейскія державы рѣшились оставаться зрителями происходящаго между Турціей и ея подданными и вассалами. Сколько де извѣстно, ни одна изъ державъ не будетъ поддерживать инсургентовъ и ихъ сосѣдей, но также и ни одна не будетъ стараться мѣшать ихъ стремленіямъ, если только (и тутъ, однако, встрѣчается *если*) дѣла не примутъ такого оборота что „законы гуманности сдѣлаютъ вмѣшательство необходимымъ.“ Мы знаемъ уже что въ такомъ смыслѣ сдѣлалъ заявленіе и графъ Дарби. Къ сожалѣнію, мы именно до сего времени и не видимъ фактовъ которые бы указывали намъ что это рѣшеніе уже принято. Развѣ не извѣстно что вмѣшательство продолжается и теперь, только отнюдь не въ пользу христіанъ, которыхъ Европа, въ нотѣ графа Андраши, такъ заботливо приняла подъ свое покровительство. До послѣдняго времени державы продолжали настоятельныя давленія на Сербію и Черногорію чтобы подавить ихъ порывъ на помощь своимъ братьямъ. А пока эти княжества, входящія въ систему Оттоманской имперіи, остаются парализованы, не пользуясь свободою дѣйствій какая, въ соблюденіе Парижскаго трактата, требуется теперь для султана и его министровъ, утверждать что Европа остается только безпристрастною зрительницей событій—есть злая мистификація. Странно говорить о святости и нерушимости Парижскаго трактата который, напротивъ, давленіемъ на одни княжества, нарушается одностороннимъ образомъ.

Необходимость прежде всего пояснить что̀ въ точности разумѣется подъ невмѣшательствомъ выставляется не нами одними. Бельгійская *Nord*, въ статьѣ переданной намъ вчера по телеграфу, стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. Она говоритъ что невмѣшательство, о которомъ нынѣ идетъ рѣчь въ Англіи, въ самомъ началѣ возстанія не было допущено Европой, которая вмѣшалась тогда въ пользу Турокъ, не допустивъ всѣхъ христіанъ взяться за оружіе. Но дѣйствіе на христіанъ должно де было быть въ связи съ дѣйствіемъ и на Турокъ, что и было цѣлью берлинскихъ уговоровъ. Говорить же нынѣ о невмѣшательствѣ значитъ собственно требовать вмѣшательства только въ пользу Турокъ, что̀ должно имѣть послѣдствіемъ окончательное пораженіе христіанъ на Востокѣ. Со справедливостью этого разсужденія, конечно, нельзя не согласиться. Не возможно отрицать что, въ сущности, до сихъ поръ дипломатія Европы принесла гораздо болѣе пользы Турецкому правительству чѣмъ подвластнымъ ему христіанамъ. Что̀ бы ни говорили въ Англіи о посягательствѣ на верховныя права султана, дипломатія, довольствуясь со стороны Порты одними пустыми обѣщаніями, дала ей время собраться съ силами, между тѣмъ какъ инсургенты и княжества сдерживались и убѣждались къ покорности даже угрозами.

Признаемся, насъ нѣсколько удивили слѣдующія строки въ *Agence Générale Russe*: „Россія, по соглашенію съ прочими четырьмя континентальными державами, дала снова ясное доказательство искренности своихъ миролюбивыхъ стремленій и добросовѣстности своей политики. Какъ только новый порядокъ, провозглашенный въ Константинополѣ вмѣстѣ съ новымъ царствованіемъ, далъ возможность предположить о благопріятной и добровольной инціативѣ турецкаго правительства, то она не желала производить давленія, стѣснительнаго для его независимости. Вслѣдствіе этого она рѣшила, купно съ державами, ея союзницами, отсрочить врученіе нотъ основанныхъ на Берлинскомъ меморандумѣ, относительно котораго согласіе пяти великихъ державъ остается твердымъ и нерушимымъ. Предоставляя такимъ образомъ новому Константинопольскому правительству показать себя на дѣлѣ, дабы возможно было судить о дѣйствительности его реформъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствуя въ Бѣлградѣ и Цетинье такимъ образомъ чтобы никакая компликація не могла ему въ этомъ помѣшать,

державы вполнѣ показали всему міру чистоту своихъ намѣреній."

Признаемся, все это для насъ непостижимо. Если пять великихъ державъ, составляющихъ совокупно почти всю силу Европы, согласны между собой, одушевлены самыми миролюбивыми намѣреніями и притомъ питаютъ другъ къ другу полное довѣріе, то предъ кѣмъ же еще требовалось доказывать „чистоту ихъ намѣреній?" Если слова „весь міръ" относятся къ Европѣ, то значитъ—предъ самими собою. Нужно ли это? Чтобы доказать чистоту своихъ намѣреній, державы, по словамъ *Agence Générale Russe*, оказываютъ давленіе въ Бѣлградѣ и Цетиньѣ, дабы никакія компликаціи не могли помѣшать новому Турецкому правительству показать себя на дѣлѣ. Но это было бы лишь новымъ одностороннимъ несправедливымъ вмѣшательствомъ въ пользу Турокъ. Если же не предоставить какъ христіанскимъ подданнымъ такъ и вассальнымъ владѣніямъ султана воспользоваться вполнѣ безпристрастнымъ невмѣшательствомъ, то на какомъ же основаніи можно ожидать для христіанъ чего-либо добраго отъ инниціативы новаго Константинопольскаго правительства, которая ничѣмъ еще себя не показала кромѣ предложенія фиктивнаго перемирія, съ полною свободой движенія для турецкихъ войскъ подъ предлогомъ снабженія продовольствіемъ фортовъ, да проектовъ *quasi*-конституціи? Этого не поясняютъ, а то же изданіе говоритъ далѣе: „Каково бы ни составилось *a priori* мнѣніе касательно дѣйствительности реформъ, весьма полезно было допустить сказанный опытъ. Если онъ обратится къ выгодѣ для Порты, тѣмъ лучше; Россія первая этому порадуется: ибо, повторяемъ, намѣренія ея совершенно согласуются съ ея собственными заявленіями. Если же опытъ еще разъ обратится въ комедію, то Европа приметъ свои мѣры, общественное мнѣніе произнесетъ свой приговоръ, и самымъ упорнымъ защитникамъ Турціи нечего будетъ возражать противъ этого."

Да тогда и защитникамъ христіанъ возражать будетъ нечего. Къ тому времени, конечно, христіане будутъ вновь задавлены, и водворится тишина могилы. Насъ приглашаютъ на новое пробное представленіе *комедіи*. Хороша комедія происходящая теперь въ Болгаріи!

№ 150.

Москва, 14-го іюня.

Новый опытъ къ допущенію коего приглашается теперь Европа, во вниманіе къ затруднительному положенію Турецкаго правительства, какъ всѣмъ извѣстно, представляется въ разработкѣ нѣкоего плана представительства. Державамъ интересующимся участью христіанъ въ Турціи, слышимъ мы, несвоевременно оказывать какое-либо дипломатическое давленіе теперь, когда правительство новаго султана само добровольно показываетъ похвальную инниціативу, и идетъ даже далѣе желаній державъ, ибо оно думаетъ о реформахъ не для однихъ возмущенныхъ провинцій, а для всей имперіи, для всѣхъ ея населеній, исповѣданій, классовъ. Новымъ опытомъ, говорятъ, воспользуются не однѣ провинціи взявшіяся за оружіе, а и всѣ другія. Чего же лучше? Но въ чемъ же собственно долженъ состоять опытъ?

Не требуется большой сообразительности чтобъ *a priori* разсудить что тутъ явно имѣется въ виду грандіознѣйшая комедія, предъ мастерствомъ которой, если удастся обморочить ею общественное мнѣніе Европы, поблекнутъ всѣ торжественные гатты, фирманы, гатти-шерифы и гатти-гумаюны, запечатлѣнные въ трактатахъ и давнымъ-давно на словахъ даровавшіе христіанамъ полную равноправность. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы какимъ бы то ни было способомъ христіанамъ дѣйствительно дано было представительство согласно съ ихъ численностью, и еслибъ это представительство могло призывать къ отвѣту турецкихъ министровъ, которые были бы такимъ образомъ подчиненны ему, то не ясно ли что Турецкая имперія въ ея настоящемъ видѣ перестала бы существовать? При такомъ новомъ порядкѣ вещей, громадное численное большинство христіанскаго населенія, вѣрнѣе всякихъ султанскихъ декретовъ и даже дипломатическихъ нотъ, освободилось бы отъ нынѣшняго порабощенія. Но можно ли *a priori* ожидать такого самопожертвованія со стороны турецкихъ либераловъ?

Само собой разумѣется что ничего подобнаго и не имѣется въ виду. Общій планъ *soi-disant* турецкой конституціи теперь уже достаточно извѣстенъ въ главныхъ чертахъ. Предполагается нѣкоторое

расширеніе нынѣ существующаго при Портѣ государственнаго совѣта, такъ чтобы въ немъ приняли участіе по четыре делегата отъ каждой провинціи и шесть или восемь отъ столицы, что составитъ нѣчто въ родѣ палаты изъ 116 делегатовъ или около того. Какъ аттрибуціи, такъ и составъ этого учрежденія покрыты таинственнымъ туманомъ. То говорятъ что это будетъ палата чисто совѣщательная, то утверждаютъ что министры будутъ предъ нею отвѣтственны. Полагаютъ, однако, что дѣятельность собранія делегатовъ будетъ ограничена слѣдующими функціями: оно будетъ имѣть контроль надъ финансами имперіи, вотировать бюджетъ, улучшать существующіе и обнародовать новые законы; но его вѣдѣнію не будетъ де ни въ какомъ случаѣ подлежать ни администрація арміи, ни иностранная политика, ни пересмотръ основныхъ законовъ, ни какія бы то ни было соглашенія съ возмущенными провинціями. Уже одни это ограниченія показываютъ что это будетъ за собраніе. Что же касается состава собранія, то объ этомъ пока положительно извѣстно только то что въ немъ во всякомъ случаѣ будетъ обезпечено преобладаніе господствующему племени и исповѣданію, то-есть Туркамъ и мусульманамъ. Можетъ быть туда попадутъ и немногіе христіане, но развѣ для виду, да и то вѣроятно какъ делегаты отъ столицы, гдѣ нѣтъ недостатка въ христіанахъ связанныхъ своими интересами съ нынѣшнимъ правительствомъ. Вообще о способѣ назначенія делегатовъ толки весьма смутные. Всего вѣроятнѣе, повидимому, что они попросту будутъ назначены правительствомъ; полагаютъ также что они будутъ выбираться, но что право выбора будетъ дано только Туркамъ, да и то лишь съ тѣмъ чтобъ они выбирали лицъ указанныхъ имъ губернаторами; а есть мнѣніе что и христіане будутъ допущены къ выбору делегатовъ, но не иначе какъ изъ среды мусульманъ.

Таковъ опытъ коимъ имѣетъ „показать себя на дѣлѣ“ Константинопольское правительство. Каковъ же можетъ быть результатъ опыта? Газета *Times* на дняхъ еще высказала что палата изъ лицъ назначенныхъ правительствомъ можетъ быть организована такимъ образомъ чтобы „предотвратить возбужденіе въ ней вопроса о равенствѣ правъ, отвѣтственности и власти христіанскаго и мусульманскаго населеній какъ въ арміи, такъ и въ другихъ сферахъ.“ И тѣмъ не менѣе лондонская газета находила мысль Мидхатъ-паши „смѣлою и привлекательною,“ на томъ только основаніи что неудача не сдѣлаетъ де положенія хуже, а все-таки остается отдаленная надежда на успѣхъ который можетъ его улучшить. Къ тому же, хотя духъ исламизма не очень благопріятствуетъ привитію европейскихъ учрежденій, но, по мнѣнію органа Лондонскаго города, „даже исламизмъ способенъ къ неожиданной упругости при новыхъ обстоятельствахъ.“

Въ этомъ отношеніи, впрочемъ то-есть въ отношеніи ко взглядамъ истыхъ мусульманъ на предполагаемыя нововведенія, не можетъ уже быть никакихъ сомнѣній. Константинопольская печать разсуждаетъ откровенно по этому предмету, и даетъ понять что конституція о коей идетъ рѣчь можетъ только поднять знамя: „Турція для Турокъ,“ а христіане, какъ племя покоренное, должны довольствоваться тѣмъ только что имъ можетъ быть дано „справедливостью и милостью“ завоевателей, не болѣе. Вотъ, напримѣръ, *Бассиретъ*, газета издаваемая по-турецки, толкуетъ что собраніе куда мусульмане и христіане были бы допущены на равныхъ правахъ несомнѣнно начало бы съ предложенія о свободномъ допущеніи въ армію подданныхъ всѣхъ племенъ и религій; а эта мѣра, вопервыхъ, лишила бы казну 800.000 лиръ подати платимой немусульманами за изъятіе отъ военной службы, а главное, если немусульмане будутъ вооружены, да еще въ равномъ числѣ съ мусульманами, то ихъ представители въ собраніи вскорѣ потребуютъ гражданскихъ законовъ независимыхъ отъ шаріата, священнаго закона, на которомъ должно быть основано все законодательство имперіи. Мусульмане же никогда не согласятся отречься отъ этого закона, и въ этомъ отношеніи сдѣлано будто бы рѣшительное заявленіе въ прокламаціи изданной новымъ султаномъ при его вступленіи. Затѣмъ, говоритъ *Бассиретъ*, христіане, если ихъ допустить въ палату, станутъ требовать пропорціональнаго участія въ занятіи должностей каймакамовъ, вали и пр., потребуютъ министерскихъ портфелей и пожалуй даже высшей должности великаго визиря, что конечно выведетъ мусульманъ изъ всякаго терпѣнія. Поэтому, заключаетъ турецкая

газета, новый совѣтъ или палата не должна имѣть никакого контроля надъ военными дѣлами, а затѣмъ правительство должно или вовсе не допускать христіанъ въ палату или только въ весьма небольшомъ числѣ.

Послѣ такихъ откровенныхъ заявленій, *Times* сознается что „строить конституціонные проекты для Турціи все равно что плести веревки изъ песку." Вопросъ о равноправности, конечно, весьма просто сводится, какъ это мы давно уже высказывали, къ равноправности носить оружіе и служить въ арміи, а этого именно Турки никогда и не дадутъ христіанамъ. Еслибы христіане получили только одно это право — носить оружіе и служить въ арміи,—то съ тѣмъ вмѣстѣ кончилось бы и господство надъ ними Турокъ. Тогда только установились бы равноправныя отношенія между племенами и религіями; теперь же каждый Турокъ и мусульманинъ—господинъ, а каждый христіанинъ—рабъ, гяуръ. Конституція какая нужна для Турціи вся въ одной статьѣ — въ правѣ для всѣхъ носить оружіе.

Объ опытахъ же затѣваемыхъ въ Константинополѣ, повидимому, ходитъ весьма ошибочное мнѣніе. Турецкіе *quasi*-либералы, судя по всему и особенно по тону турецкой печати, честолюбивѣе чѣмъ думаютъ, и ихъ планы не совсѣмъ пустая затѣя. Они явно стремятся къ тому чтобы господство своего племени, которое держится на фактѣ завоеванія, вѣковомъ обычаѣ и терпимости Европы, закрѣпить теперь формой основныхъ законовъ. Въ ихъ глазахъ это можетъ имѣть двойную выгоду: религіозный фанатизмъ, не допускающій, по предписанію Корана, никакихъ льготъ для гяуровъ, будетъ прикрытъ въ глазахъ Европы гражданскими учрежденіями коихъ нельзя будетъ касаться безъ ниспроверженія основныхъ опоръ имперіи, а съ другой стороны предполагается пробудить въ самихъ Туркахъ нѣчто въ родѣ національнаго чувства, усилить ихъ гордое сознаніе превосходства, основанное на религіи, еще убѣжденіемъ въ крѣпости и непоколебимости государственнаго устройства. Это смекаютъ и англійскіе друзья Турціи, ибо газета *Times*, послѣ замѣчанія о „веревкахъ изъ песку," говоритъ что „еслибы Мидхатъ-паша, бросивъ всѣ „планы объ устройствѣ національнаго со„бранія, для коего не существуетъ мате„ріаловъ, взялся за болѣе ограниченную „задачу преобразованія турецкаго племе„ни, то ему, можетъ-быть, удалось бы „возстановить на время могущество этой „военной аристократіи. Онъ не примирилъ „бы христіанскаго большинства съ его го„сподами,—да это и не было бы уже его „задачей,—но онъ могъ бы направить и „усилить власть этихъ господъ и возро„дить ихъ угасающую энергію давъ имъ „болѣе прямое участіе въ управленіи им„періей." Явно же туркофильская *Pall Mall Gazette* безъ обиняковъ говоритъ что если въ настоящее время для блага Турціи полезна какая уступка въ Константинополѣ, то не иная какъ „уступка старому патріотическому или фанатическому духу," и „установленіе въ провинціяхъ господства которое должно быть военное и деспотическое."

Въ поощреніяхъ такого рода турецкіе министры конечно не нуждаются, судя по систематическому истребленію коему подвергаются Болгаре. Закрѣпленіе основъ турецкаго государственнаго организма обозначилось уже звѣрскимъ истребленіемъ интеллигенціи несчастнаго народа, изъ коего уже до 60.000 человѣкъ пали безоружными жертвами.

Вотъ „опытъ" который энергически и „добровольно" приводитъ въ исполненіе правительство новаго султана.

№ 151.

Москва, 15-го іюня.

Двѣ съ разныхъ сторонъ полученныя телеграммы заставляютъ думать что невыносимое положеніе Сербскаго княжества приближается къ развязкѣ. Телеграмма *Русскаго Міра*, прежній редакторъ котораго, генералъ Черняевъ, какъ извѣстно, вступилъ въ сербскую службу и принялъ командованіе однимъ изъ корпусовъ, извѣщаетъ о близости столкновенія: начинаютъ Турки, которые двинули на сербскую границу 15 баталіоновъ низама и Черкесъ. Это сенсаціонное извѣстіе могло бы еще возбуждать сомнѣнія, но вотъ и офиціозный органъ Вѣнскаго правительства, *Политическая Корреспонденція*, получаетъ изъ Бѣлграда вѣсти что разрывъ Сербіи съ Портой въ высшей степени вѣроятенъ. Военныхъ дѣйствій слѣдуетъ де

ожидать въ началѣ іюля (новаго стиля). Далѣе сообщается что „князь Миланъ на дняхъ издастъ прокламацію равносильную манифесту о войнѣ, и оставивъ Бѣлградъ отправится къ арміи.“ Но если вѣнской газетѣ кажется весьма вѣроятнымъ разрывъ *Сербіи* съ Портой, то еще вѣроятнѣе что турецкіе командиры обсерваціоннаго корпуса у Ниша (во главѣ ихъ поставленъ нынѣ Гамди-паша) *сами* начнутъ наступательныя дѣйствія, на что и намекаетъ телеграмма русской газеты и что заключается въ турецкихъ инструкціяхъ.

Положеніе Сербіи въ настоящую минуту дѣйствительно серіозное. Для нея дѣло идетъ не объ увеличеніи могущества, не объ идеѣ сербскаго единства,“ какъ расписываютъ недоброжелательные ей австрійскіе вѣстовщики; для нея наступилъ вопросъ о самомъ существованіи. Скажутъ, существованіе Сербіи гарантировано великими державами, также какъ и Турціи. Статья 27 Парижскаго трактата отъ 30 марта 1856 гласитъ что вооруженное вмѣшательство Турціи въ Дунайскія княжества не можетъ послѣдовать безъ согласія державъ-порукъ. Статья 29 того же трактата: что вооруженное вступленіе въ Сербію (со стороны какой-либо другой державы) можетъ послѣдовать лишь послѣ соглашенія державъ-порукъ объ этомъ. Но въ статьѣ 28 находится положеніе что княжество Сербія продолжаетъ находиться въ зависимости отъ Порты, согласно съ императорскими гаттами утверждающими ея права и обязанности, которыя въ послѣдствіи имѣютъ быть поставлены подъ коллективную гарантію державъ и т. д. Графъ Дарби, въ засѣданіи Палаты Лордовъ 15 іюня, говоря объ этихъ статьяхъ, замѣтилъ что трактатъ не обязываетъ державъ вмѣшиваться въ распрю Турціи съ ея вассальными княжествами. Въ смыслѣ толкованій британскаго министра сомнѣваться нельзя, особенно въ виду объясненій офиціозной *Wiener Abendpost*. Какъ благородный лордъ, такъ и газета Вѣнскаго правительства хотятъ сказать что державы не имѣютъ основанія вмѣшиваться если *Турція нападетъ на Сербію*. Подсобляемая англійскимъ золотомъ, провіантомъ и совѣтами, Порта въ послѣднее время обнаружила явное намѣреніе стянуть всѣ свои силы къ границамъ Сербіи и Черногоріи. Мухтаръ-паша, возвѣстивъ перемиріе, снабдилъ на этотъ разъ безпрепятственно Герцеговинскіе форты достаточнымъ провіантомъ, и перевелъ значительную часть своихъ силъ въ Боснію, а оттуда къ Зворнику. Большіе отряды отправлены въ подкрѣпленіе армій у Ниша и Новаго Базара... Но если турецкій набѣгъ на Сербію окажется неудачнымъ, если миніатюрныя сербская и черногорская арміи покажутъ стойкость и геройство неожиданныя, а не подавленные элементы возстанія впереди и въ тылу военныхъ операцій воспрянутъ съ новыми силами,—не будутъ ли тѣ же голоса цинически ссылаться на ту же 28 статью трактата? Поневолѣ подумаешь это въ виду явно враждебнаго положенія принятаго Австріей относительно Сербіи и возстанія. Австрійское правительство уже поспѣшило сосредоточить на югѣ и востокѣ имперіи 158.000 регулярныхъ войскъ и 169.000 ландвера. Языкъ такихъ признанныхъ органовъ какъ *Пештскій Ллойдъ*, не говоря уже объ остальной венгерской печати, въ послѣднее время очень обозлился и переходитъ въ угрозы. Подъ тѣмъ предлогомъ что воинственный пылъ охватившій Сербію переходитъ и на сербскія населенія Венгріи (въ сущности эти населенія не отказываютъ лишь въ сборѣ пожертвованій), Мадьяры требуютъ осаднаго положенія и смѣщенія гешпановъ въ южной Венгріи. Если иной сербскій дѣятель, какъ Милетичъ, вноситъ въ Венгерскій Сеймъ резолюцію приглашающую правительство содѣйствовать „образованію изъ Босніи, Герцеговины, Болгаріи и Старой Сербіи отдѣльнаго государства, на подобіе Дунайскихъ княжествъ,“ и „оставаться вполнѣ нейтральнымъ если Сербія и Черногорія придутъ на помощь возстанію,“ то это уже значитъ затрогивать „жизненные“ интересы Австро-Венгріи. Этого считается достаточнымъ для угрозы Сербіи занятіемъ.

Чѣмъ же провинилась Сербія? Для нея, да и не для нея одной, ясно что всѣ усилія друзей Турціи направлены къ тому чтобы дать Туркамъ возможность сосредоточить свои силы, подавить возстаніе какими бы то ни было средствами и покорить Сербію. Съ турецкой точки зрѣнія, безъ этого де не возможно ни проведеніе какихъ-либо реформъ въ мусульманскомъ вкусѣ, ни безопасность отъ возобновленія возстанія. Рядъ вызывающихъ дѣйствій слѣдуетъ со стороны Турокъ, и отъ Сербіи же требуютъ объясненія ея вооруже-

ній. Подлинный текстъ отвѣта князя Милана оказывается составленнымъ вовсе не въ той лицемѣрной и унизительной формѣ, какую ему приписывала вѣнская телеграмма. Князь говоритъ сдержанно, но съ достоинствомъ, о своемъ желаніи внести полное довѣріе въ свои отношенія къ Портѣ, „такъ какъ отъ него далеко всякое намѣ„реніе могущее причинить ущербъ суще„ствующимъ между высокою Портой и Сер„біей отношеніямъ или цѣлости монархіи, „въ чемъ состоитъ и сила Сербіи. При „началѣ возстанія въ Герцеговинѣ, обще„ственное мнѣніе въ Сербіи было сильно „возбуждено. Изъ княжествъ перешло нѣ„которое число лицъ въ Боснію и частію „въ Герцеговину. Князь былъ тогда въ „Вѣнѣ, но прибывъ на мѣсто онъ принялъ „мѣры къ соблюденію нейтралитета. Но „вооруженные набѣги баши-бузуковъ и „Черкесъ въ сербскіе предѣлы продолжа„ются. Сербскія войска были удалены отъ „границы, а императорская армія окру„жаетъ Сербію желѣзнымъ кольцомъ, вслѣд„ствіе чего постоянно поддерживается „страхъ въ населеніи, торговля и промы„шленность въ странѣ приходятъ въ замѣ„шательство. Въ виду возстанія, которое „шесть мѣсяцевъ длится вдоль самой серб„ской границы; въ виду не знающихъ дис„циплины ордъ, которыя опустошаютъ и „грабятъ наши пограничныя области; на„конецъ, въ виду грознаго положенія при„нятаго императорскими войсками: націо„нальная Скупщина поручила правитель„ству озаботиться безопасностію страны, „предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ его ра„споряженіе и соотвѣтствующія средства. „Вотъ истинныя и единственныя причины „военныхъ мѣръ принятыхъ для защиты „страны. Онѣ прекратятся въ тотъ мо„ментъ когда прекратятся причины ихъ „вызвавшія.“ Таковъ языкъ офиціальнаго документа. Въ немъ нѣтъ ни слова отступающаго отъ истины, но въ немъ далеко не вся истина. Князь Миланъ не могъ сослаться на то что̀ творится внѣ предѣловъ его страны. Онъ лишь вскользь упоминаетъ о возстаніи. Но каждая вѣсть о новыхъ жестокостяхъ творимыхъ надъ христіанами, соплеменниками, нерѣдко знакомыми и родственниками жителей княжества, которыхъ случай застигаетъ за пограничною чертой, волнуетъ умы и возбуждаетъ страсти. Какія силы сдержали бы христіанское сосѣднее населеніе при извѣстіяхъ о томъ какъ въ Болгаріи тысячи мирныхъ и беззащитныхъ жителей отданы на жертву баши-бузукамъ и Черкесамъ? Если европейскимъ политикамъ и англійскимъ владѣльцамъ турецкихъ облигацій мало до этого горя, то не всѣ же могутъ оставаться равнодушными при этомъ Если, какъ говорится, политика не чувствомъ направляется, то въ немъ причина и сила народныхъ движеній. Въ своемъ отвѣтѣ, князь упоминаетъ о замѣшательствѣ въ сербской торговлѣ и промышленности; но этими словами сказано мало: торговля и промышленность въ Сербіи совершенно подавлены, онѣ не существуютъ. Всѣ рабочія руки взялись за оружіе, и все что̀ способно къ борьбѣ стоитъ на границѣ. Безъ трехмѣсячной отсрочки платежа по обязательствамъ послѣдовала бы масса банкротствъ. Къ военнымъ приготовленіямъ вытянулись всѣ жилы народа. Порта, между тѣмъ, предъявляетъ свои требованія: уплаты дани, салютованія Мурада V и пр. Сербское правительство должно было оставить эти требованія безъ отвѣта.

Если бы въ нападкахъ на Сербію и въ предъявляемыхъ къ ней требованіяхъ не смущать европейскаго мира не заключалось лицемѣрія, то слѣдовало бы прежде всего потребовать отзыва турецкихъ войскъ отъ сербской границы. Сербія вздохнула бы свободно, и опасенія европейскихъ столкновеній разсѣялись бы сами собою. А теперь, кромѣ враговъ, кто осудитъ сербское княжество вынужденное вступить въ борьбу на жизнь и смерть?...

№ 152.

Москва, 16-го іюня.

Опубликованный на прошлой недѣлѣ протоколъ послѣдняго общаго собранія акціонеровъ Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги, происходившаго 29 минувшаго апрѣля, заслуживаетъ по своему содержанію чтобы на него было обращено вниманіе. Это общее собраніе вообще выходило изъ ряда обыкновенныхъ, что̀ сознавалось всѣми принимавшими въ немъ участіе. Надлежало рѣшить многіе важные вопросы, между прочимъ вопросъ о новомъ займѣ, выслушать докладъ ревизіонной коммиссіи о замѣченныхъ ею упу-

щеніяхъ со стороны желѣзнодорожнаго управленія и избрать вновь чуть не весь личный составъ этого управленія. Все это вмѣстѣ взятое, — въ особенности же послѣднее обстоятельство, — привлекло въ залу засѣданія небывалую массу дѣйствительныхъ и фиктивныхъ акціонеровъ, многочисленность коихъ затрудняла даже подачу голосовъ и послужила причиной отсрочки обсужденія нѣкоторыхъ подлежавшихъ рѣшенію вопросовъ до другаго собранія, которое, какъ предполагается, будетъ менѣе многочисленно. Сущность рѣшеній принятыхъ собраніемъ акціонеровъ давно уже опубликована, но до напечатанія протокола собранія оставалось неизвѣстнымъ въ чемъ именно состояли тѣ упущенія которыя усмотрѣла ревизіонная коммиссія и которыя собраніемъ рѣшено поставить на видъ правленію. Теперь и эта сторона дѣла стала предметомъ доступнымъ для публичнаго обсужденія.

Внесеніе въ протоколъ и опубликованіе доклада ревизіонной коммиссіи имѣетъ и частный, и общій интересъ. Прежде всего это есть вопросъ частныхъ отношеній между Обществомъ Московско-Рязанской желѣзной дороги и прежними членами его правленія,—и до этой стороны предмета прочей публикѣ, вообще говоря, мало дѣла, тѣмъ болѣе что для справедливыхъ сужденій какъ о самомъ фактѣ упущеній, такъ и о мѣрѣ вмѣняемости оныхъ еще не настало время. На замѣчанія ревизіонной коммиссіи объ упущеніяхъ еще могутъ послѣдовать отъ лицъ къ коимъ они относятся болѣе или менѣе удовлетворительныя объясненія, въ виду коихъ взглядъ на дѣло можетъ радикально измѣниться. Но помимо своего частнаго значенія для акціонеровъ Московско-Рязанской дороги, опубликованный докладъ ревизіонной коммиссіи не лишенъ общаго значенія. Онъ даетъ просвѣтъ въ ходъ дѣлъ нашихъ желѣзнодорожныхъ компаній, онъ документально подтверждаетъ ходящіе въ публикѣ толки о разнаго рода неправильностяхъ допускаемыхъ въ веденіи желѣзнодорожнаго хозяйства, по крайней мѣрѣ указываетъ на возможность ихъ и на необходимость принятія мѣръ къ устраненію ихъ въ будущемъ. Администрація Московско-Рязанской дороги всегда считалось одною изъ лучшихъ; тѣмъ не менѣе и въ управленіи этой дороги оказалась крайняя недостаточность контроля, благодаря чему сдѣлались возможны тѣ странныя явленія которыя обратили на себя вниманіе ревизіонной коммиссіи. Замѣчателенъ не столько размѣръ суммъ до которыхъ доходятъ замѣченныя неправильности въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ сколько ихъ характеръ. Тутъ мы наталкиваемся, напримѣръ, на такого рода факты: окраска паровозовъ, при большомъ ремонтѣ, стóитъ въ одномъ мѣсяцѣ по 340 руб., въ другомъ только по 100 руб. за паровозъ; пудъ костылей для скрѣпленій, въ одномъ мѣсяцѣ стóитъ дорогѣ по 47½ к. за пудъ, въ другомъ—по 8 р. 60 к. за пудъ, или въ восемнадцать разъ дороже. Съ топливомъ, составляющимъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ расхода желѣзнодорожной эксплуатаціи, совершаются удивительныя метаморфозы, трудно уловимыя потому что при расходованіи топлива всѣ слѣды ихъ легко изглаживаются. Тысячи саженъ отправленныхъ изъ склада березовыхъ дровъ по прибытіи на станціи куда назначаются превращаются въ осиновыя и сосновыя; поставщики дровъ ставятъ на дорогу дрова самаго плохаго разбора, а получаютъ за нихъ какъ за дрова перваго сорта и т. д. Но мы не имѣемъ въ виду перечислять образцики всѣхъ подобныхъ странностей: желающіе ознакомиться съ ними обстоятельнѣе могутъ обратиться къ самому протоколу Собранія. Общій выводъ остается тотъ что желѣзнодорожное хозяйство сильно страдаетъ у насъ отъ недостаточности контроля. Ревизіонная коммиссія Московско-Рязанской дороги высказала это самымъ рѣшительнымъ образомъ, а вслѣдъ за нею и собраніе акціонеровъ, утверждая отчетъ правленія за минувшій годъ, признало вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ „обратить особенное вниманіе на бдительность и правильность дѣйствій контроля расходовъ.“

Одного такого признанія, конечно, еще очень мало. За словомъ должно слѣдовать дѣло. Протоколъ даетъ основанія разсчитывать что на Московско-Рязанской дорогѣ докладъ ревизіонной коммиссіи не останется и безъ практическихъ результатовъ. Собраніемъ уже утверждены нѣсколько предложенныхъ ревизіонною коммиссіей улучшеній въ веденіи счетоводства и контроля, и между прочемъ рѣшено что при ежегодныхъ отчетахъ правленія слѣдуетъ печатать, въ видѣ приложеній, протоколы и постановленія общихъ собраній акціоне-

ровъ и доклады ревизіонной коммиссіи. Такого рѣшенія нельзя не одобрить. Оно, какъ можно надѣяться, побудитъ ревизіонныя коммиссіи серіознѣе относиться къ своему дѣлу; оно, можетъ-быть, дастъ акціонерамъ бо́льшую чѣмъ нынѣ возможность слѣдить за ходомъ желѣзнодорожнаго хозяйства, въ правильности коего они, конечно, болѣе всѣхъ заинтересованы. Но во всемъ этомъ еще нельзя видѣть достаточныхъ гарантій противъ допущенія неправильностей въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Исторія нашихъ акціонерныхъ предпріятій свидѣтельствуетъ какъ мало вообще вліяніе акціонеровъ на ходъ этихъ предпріятій, и какъ рѣдко дѣятельность избираемыхъ ими ревизіонныхъ коммиссій ведетъ къ серіознымъ улучшеніямъ въ теченіи дѣлъ. Необходимость установленія, наряду съ контролемъ со стороны акціонеровъ, еще и правительственнаго контроля, чувствуется болѣе и болѣе. Въ желѣзнодорожномъ же дѣлѣ усиленіе правительственнаго контроля, желательное въ интересахъ акціонеровъ, тѣмъ необходимѣе что казна сама тутъ заинтересована на многіе милліоны, и недостаточность надзора за хозяйственною стороной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ не можетъ не отозваться на ней весьма чувствительно.

Желѣзнодорожныя Общества, можно сказать, кругомъ въ долгу у правительства, и въ добавокъ, они должники весьма неисправные. Изъ послѣдняго отчета Государственнаго Контроля, за 1874 годъ, видно что изъ общей суммы недоимокъ и долговъ государственному казначейству къ 1 января 1875 года (385.536.607 р.), болѣе половины, именно 215.468.095 р., считалось за Обществами желѣзныхъ дорогъ, и между тѣмъ какъ долги и недоимки по другимъ счетамъ въ 1874 году сократились, по счетамъ съ желѣзнодорожными Обществами они въ одинъ годъ возрасли слишкомъ на $31\frac{1}{3}$ милліоновъ, частію вслѣдствіе неуплатъ правительству суммъ по принятымъ имъ отъ Обществъ облигаціямъ, частію вслѣдствіе полученія Обществами новыхъ ссудъ для платежей процентовъ и погашенія по акціямъ и облигаціямъ и вслѣдствіе неуплаты процентовъ на прежде отпущенныя суммы. Вносимая въ роспись государственныхъ доходовъ графа поступленій отъ желѣзныхъ дорогъ оказывается одною изъ самыхъ невѣрныхъ статей дохода. Дѣйствительныя поступленія постоянно оказываются много ниже предположенныхъ по росписи, хотя въ роспись вносятся не всѣ слѣдующія съ Обществъ платежи, а только такіе которыхъ можно ожидать по предположеніямъ о ходѣ эксплуатаціи. Такъ, напримѣръ, поступленія отъ желѣзныхъ дорогъ опредѣлялись по бюджетамъ.

1871 года	23.046.035 р.
1872 „	18.724.058 „
1873 „	20.594.928 „
1874 „	21.443.329 „

Дѣйствительное же поступленіе, какъ видно изъ отчетовъ Государственнаго Контроля, за эти годы было менѣе предназначеннаго:

Въ 1871 году на	9.010.509 р.
„ 1872 „ „ . . .	1.081.905 „
„ 1873 „ „	2.846.453 „
„ 1874 „ „	5.936.902 „

Подобные недоборы, весьма ощутительные для государственнаго казначейства, суть прямой результатъ хода эксплуатаціи; улучшится ея ходъ, не будетъ и этихъ недоборовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явится возможность довести поступленія отъ желѣзныхъ дорогъ до полной цифры слѣдующихъ съ нихъ ежегодныхъ взносовъ. Ясно до какой степени, въ виду этого, важенъ для правительства бдительный и строгій надзоръ за хозяйственною частью желѣзнодорожныхъ компаній. Полагаться въ этомъ дѣлѣ на внутренній контроль самихъ желѣзнодорожныхъ Обществъ правительство, очевидно, не можетъ. Оно должно имѣть для этого собственныхъ агентовъ въ лицѣ правительственной инспекціи. При томъ положеніи въ какомъ нынѣ находится эта инспекція, контроль съ ея стороны имѣетъ слишкомъ малое практическое значеніе. Необходимо усилить его и сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ. Надо думать что онъ былъ бы дѣломъ серіознымъ и повелъ бы къ важнымъ практическимъ результатамъ, еслибы лица на коихъ онъ возложенъ были сдѣланы отвѣтственными за допускаемыя въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ неправильности, и еслибъ они могли всегда ожидать экстренныхъ ревизій со стороны центральныхъ управленій желѣзнодорожнаго вѣдомства.

Необходимость усиленія правительственнаго надзора за хозяйственною частію желѣзнодорожной эксплуатаціи ощущалась уже давно, въ виду долговыхъ обязательствъ нашихъ дорогъ къ казнѣ, и факты раскрытые ревизіонною коммиссіей Москов-

ско-Рязанской дороги служать лишь новымъ подтвержденіемъ того что слѣдуетъ безотлагательно принять серіозныя мѣры въ этомъ отношеніи. Это тѣмъ важнѣе что, по слухамъ, увеличеніе долговъ желѣзнодорожныхъ Обществъ казнѣ должно въ ближайшемъ будущемъ пойти crescendo, ибо средства желѣзнодорожнаго фонда предполагается, какъ говорятъ, употреблять не столько на расширеніе сѣти сколько на улучшеніе существующихъ линій и приведеніе ихъ въ положеніе соотвѣтствующее потребностямъ перевозки грузовъ и пассажировъ. Не должно ли усиленіе пособій желѣзнодорожнымъ Обществамъ сопровождаться и усиленіемъ надзора за употребленіемъ этихъ пособій и за устраненіемъ всего что можетъ препятствовать ихъ возврату? Это, безъ сомнѣнія, найдетъ справедливымъ и Общество Московско-Рязанской дороги, постановившее обратиться къ правительству съ ходатайствомъ о новой ссудѣ. Условія на которыхъ испрашивается эта ссуда уже извѣстны публикѣ. Общество предположило сдѣлать на полтора милліона новыхъ капитальныхъ затратъ, которыя должны повести къ увеличенію его доходовъ во все время его существованія; но сдѣлать этотъ расходъ изъ собственныхъ средствъ, съ какимъ бы то ни было, хотя бы только временнымъ, уменьшеніемъ чистаго дохода на нѣсколько копѣекъ на акцію, акціонеры признаютъ „несправедливымъ." Пусть де средства на помянутыя затраты будутъ доставлены правительствомъ и поступятъ въ распоряженіе Общества какъ бы задаромъ; пусть существующій нынѣ долгъ казнѣ (2.800.000 р.) увеличится еще на полтора милліона, но пусть де размѣръ процентовъ и погашенія будетъ пониженъ, такъ чтобы ежегодная уплата казнѣ, при увеличеніи суммы долга осталась прежняя. Но если заимствованія у казны дѣлаются желѣзнодорожными обществами какъ изъ своего кармана, то нельзя оспаривать и у казны права самаго полнаго контроля по всѣмъ отраслямъ дѣла столь тѣсно связаннаго съ казеннымъ интересомъ. Усиленіе правительственнаго надзора будетъ притомъ прямо отвѣчать заявленному Обществомъ желанію чтобы на бдительность и правильность контроля расходовъ было обращено особое вниманіе.

№ 153.

Москва, 17-го Іюня.

Турецкое варварство, начавъ свои злодѣйства въ Болгаріи, поспѣшило отрѣзать отъ остальнаго міра эту несчастную провинцію чтобы вопли ея не были слышны. Мы старались узнать истину о Болгарскомъ возстаніи. Нашъ константинопольскій корреспондентъ и затѣмъ корреспонденціи изъ болгарскихъ городовъ пролили яркій свѣтъ на дѣло. Въ Болгаріи не борьба идетъ какъ въ Герцеговинѣ и Босніи, а творится, подъ предлогомъ усмиренія возстанія, неслыханное дѣло чуть не поголовнаго избіенія христіанскаго населенія. Послѣдняя телеграмма нашего корреспондента изъ Букурешта гласила: „Въ Парушницѣ, Брациговѣ, Панигюриштѣ *) старики, женщины и дѣти перебиты башибузуками. Стрелча и 150 деревень обращены въ пепелъ по велѣнію правительства. До сихъ поръ мирныхъ жителей перебито до 60.000. Женщинъ и дѣтей уведено въ рабство до 2.000. Въ Филиппополѣ брошено въ тюрьму болѣе 1.000 человѣкъ, въ числѣ коихъ священники и учителя. Узниковъ оставляютъ умирать отъ жажды. Мертвыхъ не хоронятъ, и во многихъ мѣстахъ атмосфера заражена ядовитыми испареніями. Населеніе Болгарское внѣ себя отъ избіенія столькихъ тысячъ жертвъ и требуетъ мщенія." Но, скажутъ на Западѣ, это русскіе корреспонденты, это *русскія* цифры! Отчего мы не знаемъ ничего подобнаго? Оттого что вы не хотите знать, оттого что вы заткнули уши, оттого что ваши корреспонденціи фабрикуются въ Вѣнѣ.... Но вотъ, послушайте, что разказываетъ вашъ же человѣкъ: вотъ извѣстія не изъ „славянскаго" источника: въ этихъ сообщеніяхъ повторяется усиленно все что писали „русскіе" корреспонденты....

Въ аугсбургской *Allgemeine Zeitung* (отнюдь не изъ симпатическихъ славянству органовъ) появилась статья о Болгарскомъ возстаніи за подписью г. Каница, извѣстнаго путешественника по Болгаріи, познакомившаго чуть не въ первые нѣмецкій читающій міръ съ этимъ невѣдомымъ для „цивилизованной" Европы славянскимъ угломъ Турціи. „По сдѣланному распоря-

*) Всѣ эти имена были искажены въ телеграфномъ сообщеніи.

женію герметически замкнуть болгарскую границу," говоритъ Канитцъ, „мы лишены всякихъ извѣстій о послѣднихъ происшествіяхъ на Балканѣ. Совершенно особенный счастливый случай даетъ мнѣ возможность сообщить *вполнѣ достовѣрныя* свѣдѣнія о возстаніи въ сѣверной при-дунайской Болгаріи и ея Балканѣ." Въ чемъ же состоятъ эти свѣдѣнія? „Самое губительное зло Болгарскаго возстанія кроется въ томъ что Порта отчаявшись подавить его помощью регулярныхъ войскъ, видитъ себя вынужденною призвать для его подавленія мусульманское мѣстное населеніе. Въ округахъ начавшихъ возстаніе на ногахъ все что можетъ носить оружіе; полевыя работы брошены, *отворены даже тюрьмы, и преступники обвиняемые въ убійствѣ примыкаютъ къ башибузукамъ?* Отсюда понятно какой печальный характеръ приняло умиротвореніе Болгарскаго возстанія. Имѣется, кажется, въ виду *полное истребленіе возставшихъ.* Въ санджакахъ Филиппопольскомъ и Софійскомъ, на южной сторонѣ Балканъ, обращены, дѣйствительно, въ пепелъ болѣе 120 поселеній, въ томъ числѣ два города. Безпощаднѣе всего свирѣпствуютъ переселившіеся 15 лѣтъ назадъ съ Кавказа въ Болгарію Черкесы. Полная прежде ярой ненависти къ Россіи, а со времени своего переселенія ставшая истиннымъ бичомъ не только для христіанъ, но и для Турокъ, эта тунеядная грабительская орда призвана властію на помощь; ей предоставлено охладить свои чувства на христіанскихъ сосѣдяхъ. Съ наибольшимъ удовольствіемъ нападаетъ она на тѣ болгарскія селенія откуда мущины ушли въ бой; здѣсь Черкесы *убиваютъ и насилуютъ беззащитныхъ женщинъ, уводятъ дѣтей въ плѣнъ и истребляютъ все что не могутъ захватить съ собою.* Награбленный скотъ массами сгоняется въ города и тамъ бросается за ничто. Всѣ сообщенія прекратились, торговля погибла, купцы не смѣютъ оставлять города, ибо всѣмъ запрещено путешествовать.... Какія муки выноситъ при такомъ положеніи дѣлъ болгарское христіанское населеніе!.... Доносщики, продолжаетъ Канитцъ, какъ и всегда въ безпокойныя времена, ведутъ теперь въ Болгаріи отлично свое дѣло, и многіе не зная чѣмъ удовлетворить своего кредитора стараются ложнымъ доносомъ по крайней мѣрѣ хоть упрятать его на нѣкоторое время въ тюрьму. Въ теченіе нѣсколькихъ дней были притащены въ Терново цѣлыя толпы заподозрѣнныхъ молодыхъ людей, прикованныхъ другъ къ другу желѣзомъ за шею, туловище, руки и ноги. *Между ними были четырнадцатилѣтніе мальчики которые не въ состояніи поднять ружье.* Изъ Сельви привели 16 „кометовъ" (такъ Турки называютъ членовъ болгарскаго національнаго комитета), изъ Травны 28, между ними двухъ поповъ, изъ коихъ одинъ, семидесятилѣтній старецъ Алексѣй палъ на дорогѣ подъ тяжестью оковъ. *У него нашли что-то въ родѣ сухарей и взвели на него обвиненіе что онъ приготовлялъ ихъ для провіанта инсургентамъ.* Въ послѣдніе дни, и въ Терновѣ было произведено множество арестовъ подъ предлогомъ храненія оружія и снарядовъ. Мечъ тайнаго доноса виситъ надъ каждымъ Болгаромъ; и *всевозможныя несправедливости приводятъ въ ряды возстанія даже тѣхъ кто до сихъ поръ не поддавались никакимъ подстреканіямъ противъ власти.*" Вотъ *достовѣрные* факты сообщаемые безпристрастнымъ наблюдателемъ. Что же молчитъ Европа, такъ громко вопіявшая когда карлисты однажды пошутили надъ женщиной изъ противнаго лагеря вываливъ ее въ перьяхъ, или когда они разстрѣливали своихъ военноплѣнныхъ?

Въ цитуемой нами статьѣ г. Канитцъ сообщаетъ свѣдѣнія о ходѣ и силахъ Болгарскаго возстанія. Борется горсть людей, плохо вооруженныхъ, съ пушками первобытнаго устройства, разрывающимися послѣ двадцати пяти выстрѣловъ. На сѣверѣ Болгаріи возстаніе началось 1 мая (стараго стиля) водруженіемъ въ городкѣ Дреновѣ національнаго трехцвѣтнаго знамени и затѣмъ разлилось по окрестности. Отрядъ возстанцевъ укрѣпился въ монастырѣ Св. Михаила Архангела, не далеко отъ упомянутаго городка. Предводилъ его попъ Харитонъ; отрядъ состоялъ изъ 485 человѣкъ. Турки, въ числѣ 4.000 человѣкъ, осадили монастырь. Черезъ недѣлю осажденные пробились ночью сквозь турецкій лагерь и ушли, предоставивъ Туркамъ равнять съ землей монастырь. Турки въ темнотѣ стрѣляли другъ по другу, и мнимая побѣда дорого обошлась имъ. „Габровская *чета*" (въ послѣдніе дни взявшая съ бою Габрово) состояла, по словамъ Канитца, изъ 600 человѣкъ болгарской интеллигентной молодежи. Третья чета образовалась

въ Севлієвѣ (по-турецки Сельви). Безпощадный способъ какимъ баши-бузуки отыскивали здѣсь у жителей оружіе вызвалъ бой на улицахъ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ пало много жертвъ. Число возстанцевъ здѣсь 350; они ушли на Троянскіе Балканы, въ знаменитый Троянскій монастырь, куда къ нимъ стеклись люди изъ Дренова, Елены, Травны и Габрова. Извѣстная своею конною ярмаркой, Раговица, также собирается поднять знамя возстанія. А пока тамъ разыгралась слѣдующая драма. 13 мая, 24 человѣка собрались будто бы въ домѣ одного изъ заговорщиковъ чтобы предпринять ночную экспедицію для соединенія съ инсургентами. Заптіи окружили домъ, и преданные молодые люди должны были, окруженные большой эскортой, отправиться въ Терново, гдѣ и увеличили число жертвъ томящихся въ тюрьмѣ. Въ слѣдующіе дни все населеніе Рагова, мущины, женщины и дѣти, священники и учителя, пошли толпами въ городъ чтобы молить за молодыхъ людей. Шестеро изъ юныхъ инсургентовъ были отпущены въ родную деревню, остальные остались ждать своей участи. Со времени извѣстнаго прибытія на австрійскомъ пароходѣ *Радецкій* маленькаго отряда инсургентовъ, возстала и западная Балканская область. Новоприбывшіе составили здѣсь кадръ инсургентскаго корпуса. Число ихъ усилилось по дорогѣ настолько что они могли отбиться отъ низамовъ высланныхъ изъ Виддина и достигли Балканъ въ Берковицѣ. Здѣсь въ рядахъ находятся многіе участники прежнихъ возстаній какъ воеводы Панайотъ Гитовъ, Филиппъ Тотію, Илья Марковъ и другіе, чьи имена имѣютъ обаятельную для Болгарскаго народа силу. На южномъ склонѣ Балканъ, главный центръ возстанія станція Белова, крайній пунктъ желѣзной дороги въ Константинополь. Здѣсь сосредоточилось отъ 8 до 10 тысячъ возстанцевъ. Турки не смѣютъ трогать ихъ. Съ бóльшимъ успѣхомъ колонны ихъ вышедшія изъ Софіи и Адріанополя дѣйствовали тоже на югѣ Балканъ, въ Топловицкой области. Здѣсь Шевкетъ-паша и Абдулъ Керимъ-паша взяли и сожгли селенія Панагюриште и Копривштицу, населеніе которыхъ успѣло достичь горъ. Къ этимъ послѣднимъ успѣхамъ и относятся турецкія побѣдные бюллетени.

Нашъ авторъ замѣчаетъ что промедленіе Сербіи вступить во много разъ обѣщанное дѣло, чего страстно ждутъ руководители Болгарскаго возстанія и на чемъ они строятъ свои планы, окажется губительнымъ и для Сербіи и для Болгаріи. Онъ сомнѣвается что Сербія отважится разорвать опутавшія ее дипломатическія тенета, но изъ телеграммъ мы уже знаемъ что война между Сербіей и Турціей начинается, и Болгарское возстаніе вспыхнетъ новымъ пожаромъ...

Да благословитъ Богъ нашихъ братьевъ! Да поможетъ имъ! Но еще много будетъ жертвъ, много прольется крови. Ужели мы останемся глухи къ ихъ воплямъ? Посылали же мы наши лепты пострадавшимъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Откажемъ ли въ христіанскомъ подаяніи жертвамъ гнуснѣйшаго варварства въ несчастной Болгаріи?... Но пусть эти люди говорятъ сами...

Вотъ дошедшее до насъ моленіе Болгаръ о помощи бѣгущимъ изъ своей родины женщинамъ, старикамъ и дѣтямъ:

„Въ вѣкъ славящійся человѣколюбіемъ и образованіемъ, наперекоръ совѣсти, наперекоръ правамъ человѣческимъ, дана возможность Туркамъ безнаказанно совершать злодѣйства, убивать, грабить, вѣшать, истязать, предавая все истребленію.

„Мечъ и огонь свирѣпствуютъ нынѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Цвѣтущая Болгарія представляетъ картину разрушенія, мѣстности недавно населенныя стали пустыней, гдѣ дымъ и пламя стоятъ надъ развалинами жилищъ христіанскихъ и валяются безъ погребенія истерзанные христіанскіе трупы. Совершаются убійства безъ разбора пола и возраста, льется невинная кровь дѣтей. Дикій разгулъ турецкихъ страстей, неистовства и преслѣдованія въ послѣднее время достигли крайнихъ предѣловъ, и народъ вынужденъ бросать свои жилища и имущество, и бѣгствомъ въ горы или Молдо-Валахское княжество спасаться отъ притѣснителей. Нѣсколько десятковъ тысячъ безпомощныхъ старцевъ, женщинъ и дѣтей остаются безъ крова, одежды и пищи.

„Святая вѣра православная, единственное наше утѣшеніе, единственное наше упованіе, оскорблена, убогіе храмы наши преданы грабежу и огню, святыня осквернена.

„Что остается дѣлать Болгарскому народу, гдѣ искать исхода какъ не въ единодушномъ возстаніи? Чтобы сбросить съ себя постыдное иго, онъ вступилъ, несмотря

на свою скудость, въ неравную борьбу, чая найти въ ней свое спасеніе и возстановленіе своихъ человѣческихъ правъ.

„Возстали дѣти Крума и Баяна! Долго терпѣли мы иго! Да будутъ прокляты вѣковые угнетатели наши и святой вѣры нашей!

„Во имя Бога, во имя Спасителя и Честнаго Креста, мы, угнетенные, умоляемъ васъ, единоплеменные братья, протянуть намъ руку помощи. Никто изъ другихъ христіанъ не пойметъ нашихъ страданій, не раздѣлитъ нашего горя какъ вы, единоплеменные и православные! На васъ наша надежда!

„Богъ въ своемъ милосердіи не оставитъ насъ. Онъ поразитъ ужасомъ полчища невѣрныхъ. Не страшна намъ дикая орда. Да будетъ воля Всевышняго! Помогите, братья, нашимъ семействамъ...

Членъ Болгарскаго народнаго комитета Иванъ Вуксоновичъ.

№ 154.

Москва, 18-го іюня.

Столкновеніе между Портой и Сербіей уже началось вторженіемъ Черкесовъ въ сербскую территорію. Положеніе дѣлъ становится серіознымъ, но еще нѣтъ повода смущаться неопредѣленными опасеніями за европейскій миръ. Сохраненіе этого мира попрежнему въ рукахъ великихъ державъ. Отъ нихъ самихъ зависитъ избѣжать столкновенія. Интересы всѣхъ, какъ бы ни были они разнородны, сводятся къ тому чтобы борьба въ Турціи не вышла изъ ея предѣловъ.

Жребій брошенъ. Тяжкое дѣло предпринимаютъ наши братья со своими скудными средствами противъ силы хотя варварской, но организованной, снабженной, благодаря услужливости европейской цивилизаціи, всѣми новѣйшими усовершенствованіями военнаго дѣла и обладающей гораздо болѣе обильными денежными средствами. На сторонѣ христіанъ только энтузіазмъ праваго дѣла. Они взялись за оружіе тѣснимые необходимостью, отъ которой ихъ не могла избавить дипломатія. Они ни отъ кого не просятъ помощи, они молятъ только не мѣшать имъ и не помогать ихъ врагамъ и притѣснителямъ.

Столкновеніе было неизбѣжно; но отвѣтственность за него лежитъ не на Сербіи. Она не искала борьбы. Правительство Сербское, также какъ и Черногорское, въ теченіе цѣлаго года слушались дипломатіи и показали удивительное самообладаніе. Когда начались въ Босніи и Герцеговинѣ звѣрскія неистовства баши-базуковъ, когда тысячи семействъ бѣжали оттуда и въ Австрію, и въ бѣдныя средствами княжества, величайшихъ усилій стоило ихъ правительствамъ воздержаться отъ участія въ борьбѣ. Оба князя, однако, сдерживали свои населенія и даже помогали дипломатическимъ стараніямъ положить конецъ возстанію. Дѣйствуя такимъ образомъ, они не только не искали выгодъ, но подвергались опасности внутренняго взрыва. Они исполняли трудную и неблагодарную задачу во вниманіе къ настояніямъ державъ, и особенно Россіи, которая, ради успокоенія Европы, убѣждала ихъ на этотъ подвигъ воздержанія, жертвуя своимъ значеніемъ среди славянства.

Этому подвигу удивлялись въ Европѣ въ то время когда въ Англіи находили возможнымъ въ началѣ нѣсколько поощрять возставшихъ христіанъ, соболѣзновать ихъ страданіямъ, когда образовалась въ Лондонѣ пресловутая Христіанская Лига на помощь христіанамъ въ Турціи. Но пользы отъ самовоздержанія княжествъ не оказалось никому, ни имъ самимъ, ни возмущеннымъ провинціямъ. Оно подкрѣплялось надеждой что Порта не будетъ противиться настояніямъ всей Европы и согласится на уступки коихъ отъ нея требовали въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Какъ ни безсильна была Порта укротить фанатизмъ ислама на коемъ зиждется ея господство, она въ началѣ обнаруживала готовность внять увѣщаніямъ. Христіане ждали что державы выговорятъ имъ какія-либо обезпеченія. Но податливость Порты исчезла благодаря одному шагу Англіи, которая поспѣшила громко провозгласить это своею побѣдой. Мусульманскій духъ обагрилъ кровію и предалъ пламени мирную дотолѣ Болгарію. Въ самой столицѣ фанатическая партія познала свою силу, и въ Константинополѣ Турки открыто стали говорить что они увѣрены въ поддержкѣ Англіи и другихъ державъ.

Наконецъ, положеніе Сербіи стало невыносимо. Она вступаетъ въ борьбу въ невыгодную для нея минуту. У самой сербской границы устроенъ турецкій укрѣп-

ленный лагерь въ Нишѣ, и съ двухъ сторонъ направляются противъ нея войска. Порта замыслила лишить Сербію самостоятельности какою она пользуется, а также подчинить себѣ и Черногорію. Кто же упрекаетъ княжества за то что они приготовились къ отпору?

Русскіе не могутъ не пожелать имъ успѣха. Мы не можемъ также не пожелать чтобы правда вышла наружу и въ западной печати которая старательно держитъ ее подъ спудомъ, и тогда, подобно намъ, пожелаютъ успѣха Сербамъ, а не Туркамъ, и всѣ христіанскіе народы. Въ самой Англіи не могло бы, кажется намъ, не вспыхнуть негодованіе еслибы тамъ знали подробности того что̀ творится въ Болгаріи. И теперь нѣкоторые органы, напримѣръ *Daily News* и *Spectator*, не согласны съ тономъ остальной англійской печати. „Англичане, говоритъ *Daily News*, должны спросить себя: что̀ подумаетъ потомство если окажется что правительства нынѣшняго времени такъ подчиняются страсти и воспоминаніямъ прежняго антагонизма что становятся неспособны разсудить спокойно о потребностяхъ справедливости и политики?“ *Spectator* замѣчаетъ что „правительство ея величества обнаружило большое искусство и нѣкоторую смѣлость въ поддержкѣ неправаго дѣла.“

Нынѣшнее Англійское правительство, прибавимъ мы, обнаружило также большую чувствительность если не въ отношеніи къ людямъ, то къ животнымъ. Кабинетъ г. Дизраэли не можетъ выносить страданій животныхъ. Онъ внесъ въ парламентъ билль о вивисекціяхъ надъ животными запрещающій, даже ради научныхъ изслѣдованій на пользу человѣчества, производить опыты причиняющіе животнымъ страданія, иначе какъ со строгимъ соблюденіемъ установляемыхъ закономъ условій и съ непремѣннымъ употребленіемъ хлороформа...

№ 155.

Москва, 19-го іюня.

Возвращаемся къ вопросу о мѣрахъ къ улучшенію способовъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей. Въ предыдущей статьѣ по этому предмету мы уже указали на то что соединенная коммиссія Московской Городской Думы и Уѣзднаго Земства занимавшаяся этимъ вопросомъ, вслѣдствіе предложенія исходившаго отъ высшаго правительства и выработавшая свои предложенія объ измѣненіи относящихся до этого предмета законоположеній, занялась лишь одною стороной дѣла; она заботилась лишь о томъ чтобы мѣстамъ на коихъ возложено составленіе общихъ списковъ было облегчено возможно *полное* составленіе оныхъ. Что же касается списковъ очередныхъ, то ихъ Московская коммиссія оставила безъ всякаго обсужденія. Съ своей стороны мы продолжаемъ настаивать на томъ что зло проистекающее отъ неустройства въ дѣлѣ избранія присяжныхъ коренится гораздо болѣе въ неудовлетворительности очередныхъ списковъ нежели въ неполнотѣ общихъ списковъ. Указанное министромъ юстиціи и признанное всѣми благомыслящими людьми неудовлетворительное состояніе нашего суда присяжныхъ заключается не въ томъ что повинность сопряженная съ обязанностью присяжнаго неравномѣрно распредѣляется между всѣми подлежащими этой повинности, а въ томъ что умственный и нравственный уровень нашихъ присяжныхъ оказывается слишкомъ низменнымъ сравнительно съ высотою лежащаго на институтѣ присяжныхъ призванія. Если для поднятія этого уровня требуется измѣнить что-либо въ законахъ опредѣляющихъ порядокъ избранія присяжныхъ, либо въ установившихся на практикѣ способахъ осуществленія предписаній закона, то всѣ усилія должны быть направлены на ту операцію выборовъ которая закономъ предустановлена именно въ видахъ поддержанія нравственнаго уровня этого института. Законъ намѣтилъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ пріемы которые должны при этомъ имѣть мѣсто; онъ говоритъ что въ очередные списки вносятся лишь тѣ изъ лицъ внесенныхъ въ общіе списки кои способны по своимъ нравственнымъ качествамъ къ дѣйствительному исполненію обязанности присяжнаго. Провѣрка этихъ внутреннихъ качествъ предоставлена исключительно и безконтрольно представителямъ мѣстнаго самоуправленія, въ томъ предположеніи что земской коммиссіи извѣстны нравственныя качества каждаго избираемаго ею лица.

Съ подобнымъ постановленіемъ мы встрѣчаемся во всѣхъ законодательствахъ: вездѣ масса лицъ подлежащихъ призыву въ

присяжные просѣвается чрезъ двойное рѣшето, общихъ и специальныхъ списковъ, и хотя въ большинствѣ странъ гдѣ введенъ институтъ присяжныхъ умственный и имущественный цензъ для внесенія въ общій списокъ гораздо выше нежели у насъ, тѣмъ не менѣе вездѣ признана необходимость примѣнить, сверхъ того, индивидуальную оцѣнку каждаго будущаго присяжнаго въ особенности. Въ специальные списки вносятся лишь тѣ кто, по своимъ личнымъ качествамъ, признается способнымъ отнестись съ полнымъ разумѣніемъ и со здоровымъ нравственнымъ чувствомъ къ своей обязанности на судѣ. Этотъ-то индивидуальный критерій всего труднѣе можетъ быть осуществленъ у насъ уже потому что нашъ *уѣздъ* неизмѣримо больше соотвѣтствующихъ районовъ въ другихъ странахъ. А если принять во вниманіе что, по низости формальнаго ценза у насъ, эту переборку на основаніи личныхъ качествъ приходится производить, въ большинствѣ случаевъ, изъ массы людей принадлежащихъ на три четверти или болѣе, къ средѣ крестьянъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, то нельзя не придти къ крайне неутѣшительному выводу что важнѣйшая изъ функцій установленныхъ закономъ съ цѣлію удержанія на должной высотѣ нравственнаго уровня присяжныхъ — составленіе очередныхъ списковъ порядкомъ указаннымъ въ ст. 99 Учр. Суд. Уст.—*не можетъ не остаться мертвою буквой!* Очередные списки, при составленіи коихъ законъ предлагаетъ и предписываетъ особую тщательность, на дѣлѣ превратились въ простую механическую выборку нужнаго количества изъ общихъ списковъ. Слѣпой случай господствуетъ всецѣло въ этомъ дѣлѣ, а до чего доводитъ этотъ слѣпой случай, это видно изъ приведеннаго въ докладѣ Московской коммиссіи письма предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда къ городскому головѣ, которое напечатано нами въ № 144 *Моск. Вѣд.* Въ 1874 году, и въ предшедшіе годы, какъ видно изъ этого письма, фамилія образованнаго человѣка появляется въ спискахъ присяжныхъ засѣдателей (очередныхъ) какъ исключеніе, и предсѣдатель предвидитъ „возможность существованія въ *Москвѣ* такого состава присяжныхъ изъ среды котораго нельзя было бы выбрать грамотнаго человѣка для исполненія обязанности старшины.“ Въ провинціи, и особенно въ уѣздныхъ городахъ, куда судъ выѣзжаетъ періодически для рѣшенія мѣстныхъ уголовныхъ процессовъ, составъ присяжныхъ сплошь состоящій изъ безграмотнаго люда есть явленіе весьма часто повторяющееся. Удивляться ли, послѣ этого, тѣмъ печальнымъ фактамъ изъ нашихъ уголовныхъ лѣтописей которые постоянно всплываютъ наружу то здѣсь, то тамъ! Скорѣе слѣдуетъ удивляться противному, — тому что нелѣпые приговоры, безсмысленныя оправданія, подкупы присяжныхъ и тому подобное не повторяются гораздо чаще.

Однако на этомъ соображеніи успокоиться нельзя. Въ учрежденіяхъ столь юныхъ какъ нашъ уголовный судъ всякій застой ведетъ къ ухудшенію и зло неустраненное въ самомъ зародышѣ неминуемо возрастаетъ. Въ какую же сторону слѣдуетъ главнымъ образомъ направить усилія дабы поднять уровень нашихъ присяжныхъ? Какія мѣры могутъ быть приняты „къ болѣе строгому выбору въ присяжные засѣдатели такихъ лицъ которыя *по своему образованію* и нравственнымъ качествамъ *вполнѣ* соотвѣтствовали бы высокимъ интересамъ правосудія,“ какъ выразился г. министръ юстиціи въ циркулярѣ отъ 14-го мая 1874 года?

Мы думаемъ что послѣднее желаніе очень долго останется въ области *pia disederia* если дѣло ограничится увѣщаніями и напоминаніями земскимъ коммиссіямъ о необходимости „тщательнаго“ исполненія требованія ст. 99 Учр. Суд. Уст. До тѣхъ поръ пока не уменьшатся значительно наши административные и земскіе районы, пока населеніе не сгустится, пока не установится большее общеніе между различными классами и сословіями, нельзя ожидать чтобы кто-либо въ нашемъ уѣздѣ въ такой мѣрѣ зналъ весь свой околотокъ какъ это сплошь да рядомъ бываетъ на Западѣ, среди лицъ принимающихъ участіе въ мѣстной администраціи или земствѣ. Крестьяне и вообще низшее рабочее населеніе, процентное отношеніе котораго къ болѣе культурнымъ слоямъ у насъ гораздо большее нежели на Западѣ, еще долго останутся безличною массой „сѣраго люда.“

Нельзя далѣе разчитывать и на то чтобы земскія коммиссіи усердно занимались изслѣдованіемъ и оцѣнкой нравственныхъ качествъ и тѣхъ лицъ относительно ко-

ихъ примѣненіе этого критерія болѣе ей подручно. Трудъ этотъ, по отношенію къ сотнямъ и тысячамъ людей внесеннымъ въ общіе списки, слишкомъ кропотливъ и тяжелъ, а безконтрольность обусловливаемая самою сущностью этого рода критерія даетъ слишкомъ легкую возможность уклониться отъ этой обязанности, чтобы наши земскіе дѣятели не воспользовались ею очень охотно.

Вотъ почему съ этой стороны трудно ожидать, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени, дѣйствительныхъ улучшеній. Безконтрольность составленія очередныхъ списковъ присяжныхъ есть главная причина н удовлетворительности оныхъ. Необходимыя улучшенія должны быть произведены тамъ гдѣ возможна провѣрка, а стало-быть и принятіе внѣшнихъ мѣръ къ устраненію зла. Очередные списки суть извлеченіе изъ общихъ списковъ; поэтому необходимо измѣнить и улучшить порядокъ составленія послѣднихъ, другими словами, необходимо измѣнить цензовыя условія для послѣднихъ установленныя. Главный и бросающійся въ глаза недостатокъ нашего ценза присяжныхъ заключается въ томъ что изъ него вовсе устраненъ признакъ образованія, до такой степени что и простая грамотность не требуется для того чтобы быть присяжнымъ. Не ироніей ли отзывается въ виду этого вышеприведенное указаніе на то что въ присяжные слѣдуетъ выбирать людей которые *„по своему образованію вполнѣ соотвѣтствовали бы высокимъ цѣлямъ правосудія.“* Нашему отечеству принадлежитъ опытъ допущенія къ участію въ уголовномъ правосудіи людей не умѣющихъ ни читать ни писать, и мы думаемъ что на дѣлѣ опытъ этотъ оказался болѣе смѣлымъ нежели удачнымъ. Достаточно указать на то что преступленія подлога составляютъ немаловажный процентъ общаго числа преступленій, подлогъ *всегда* судится съ присяжными, и въ нашихъ судахъ безпрестанно повторяется что сличеніе почерковъ въ подложныхъ документахъ чрезъ экспертовъ производится предъ присяжными большинство которыхъ не имѣетъ понятія о начертаніи буквъ!

Одного устраненія безграмотныхъ было бы достаточно для совершеннаго измѣненія состава нашего жюри. Такія явленія на которыя указывалъ предсѣдатель Московскаго окружнаго суда были бы невозможны.

Но образовательный цензъ, столь рѣшительно необходимый въ дѣлѣ правосудія, могъ бы быть установленъ и не въ одномъ отрицательномъ смыслѣ устраненія безграмотныхъ. Слѣдовало бы только установить *преимущественное* привлеченіе въ присяжные соотвѣтственно со степенью образованія, такъ чтобы лица съ низшимъ образованіемъ призывались лишь по недостатку лицъ болѣе образованныхъ. Эта сортировка лицъ по степени образованія должна быть отнесена къ операціи составленія очередныхъ списковъ, и этимъ сразу дана была бы возможность дѣйствительнаго контроля и наблюденія затѣмъ чтобъ очередные списки не были простою механическою выборкою изъ списковъ общихъ. Нужно было бы только сдѣлать обязательною отдѣльную графу въ общемъ спискѣ для обозначенія степени полученнаго образованія, если оное не указано самымъ родомъ занятій. Очередные списки могли бы тогда провѣряться согласно съ указаніями этой графы.

№ 157.

Москва, 21-го Іюня.

Объясненія данныя англійскими министрами, на прошедшей недѣлѣ, въ обѣихъ палатахъ Парламента, по поводу запросовъ о звѣрствахъ совершаемыхъ Турками и Черкесами надъ безоружными и беззащитными Болгарами, весьма характеристичны. Какъ г. Дизраэли, такъ и графъ Дарби, о томъ что дѣлалось и дѣлается въ Болгаріи отозвались невѣдѣніемъ! Нашлась въ Англіи газета, какъ *Daily News*, которая не смутилась потревожить совѣсть Англичанъ столь же подробнымъ изображеніемъ ужасовъ происходящихъ въ Болгаріи какое давно уже сообщалось и въ русскихъ газетахъ, и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ, и даже въ парижской *France*. Подробно разказывалось какихъ именно варварскихъ и гнусныхъ неистовствъ былъ жертвою миролюбивый народъ, были перечислены селенія буквально стертыя съ лица земли, гдѣ жители были истреблены поголовно, даже названъ по имени одинъ турецкій офицеръ командовавшій войсками. Свѣдѣнія были столь возмутительны что о справедливости ихъ пожелали узнать два члена бывшаго Гладстоновскаго кабинета:

герцогъ Аргайль, въ Палатѣ Лордовъ, и г. Форстеръ въ Палатѣ Общинъ. Послѣдній, притомъ, присовокупилъ что онъ и самъ, помимо упомянутой газеты, получилъ свѣдѣнія изъ другаго источника, подтверждающія сущность обнародованныхъ подробностей. Министры же на это отзываются: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ! О чемъ имѣютъ возможность узнавать газетные корреспонденты разныхъ странъ, подтвержденіе чего доходитъ до членовъ Парламента, того не имѣютъ средства узнать министры, имѣющіе въ своемъ распоряженіи и канцелярію посольства, и многочисленныя консульства. „Мы не имѣемъ свѣдѣній въ подтвержденіе упомянутыхъ сообщеній,“ говорятъ они. Однако, изъ словъ самихъ министровъ видно что они не были въ невѣдѣніи о Болгарской рѣзнѣ. Они признаютъ „весьма возможнымъ что излишества и нѣкоторыя насилія, въ родѣ приведенныхъ, могли быть совершены *съ обѣихъ сторонъ*, только не имѣли о томъ подтвержденія.“ О Черкесахъ же и баши-бузукахъ англійскій посолъ сэръ-Генри Эллiотъ дѣлалъ де представленія Портѣ, вслѣдствіе чего отправлены были регулярныя войска чтобы прекратить дѣйствія Черкесовъ, а вскорѣ де затѣмъ смуты въ Болгаріи кончились, и правительству болѣе ничего неизвѣстно. Стало-быть, англійскій посолъ кое-что зналъ о дѣйствіяхъ Черкесовъ если онъ дѣлалъ представленія; только эти дѣйствія уклончиво смягчаются фразой объ „излишествахъ съ обѣихъ сторонъ.“ Выходитъ такимъ образомъ что англійскіе министры, ничего не знающіе о турецкихъ неистовствахъ, какъ будто кое-что знаютъ о болгарскихъ.

Понятно, однако, что обращать вниманіе на страданія Болгаръ значитъ осуждать англійскую политику, которая, въ свою очередь, осуждала другія державы, особенно Россію, будто бы за неумѣстное заступничество за турецкихъ христіанъ, равносильное нарушенію Парижскаго трактата. Этотъ самый трактатъ, какъ напомнилъ лордъ Гранвиль, возложилъ обязательства и на Турцію относительно ея христіанскихъ подданныхъ, и обязательства эти исполнены не были, что и было причиной нынѣшнихъ замѣшательствъ. Въ Англіи это очень хорошо знаютъ, а потому и употребляются всѣ усилія отвлечь общественное вниманіе въ другую сторону. Наиболѣе рьяные туркофильскіе органы недовольны даже прежнимъ заявленіемъ графа Дарби о невмѣшательствѣ въ распрю между султаномъ и его вассалами. Они изъ силъ выбиваются доказать что тутъ дѣло не въ христіанахъ, о которыхъ будто бы Англія всегда заботилась, и даже не въ непокорности вассаловъ, а въ „иностранныхъ врагахъ“ возбуждающихъ междуусобную войну въ странѣ не подававшей никакого повода къ неудовольствію, и грозящихъ ей распаденіемъ и завоеваніемъ. Въ такомъ именно смыслѣ говорили и ораторы въ Палатѣ Лордовъ. Покончивъ наскоро съ Болгаріей, они занялись общимъ вопросомъ о Турціи, причемъ конечно шла рѣчь вовсе не о христіанахъ. Лордъ Стретеденъ, возбудившій пренія, находилъ не дурнымъ чтобъ обѣ Палаты высказались въ пользу поддержанія Парижскаго трактата. Но болѣе всѣхъ отличился лордъ Непиръ (бывшій посолъ въ Петербургѣ). Онъ рѣшительно стоялъ за право вмѣшиваться для подавленія возстаній въ Турціи... Къ Россіи нашъ старый другъ относится попрежнему самымъ недоброжелательнымъ образомъ: онъ недоволенъ и ея могуществомъ, и ея независимостью, и ея патріотизмомъ, и потому насъ не удивляетъ его сѣтованіе что Русское правительство не всегда такъ дѣйствовало чтобы заслужить сочувствіе и одобреніе британской политики во вкусѣ лорда Непира; но онъ повидимому желалъ бы чтобъ и всѣ другіе народы дѣйствовали не иначе какъ по волѣ Великобританіи. Онъ требуетъ отъ своего правительства „возстановить преобладаніе Англіи въ совѣтахъ Европы и пріобрѣсти главнѣйшее вліяніе при рѣшеніи великихъ вопросовъ.“ Онъ требуетъ не многаго,— всемірной гегемоніи. Лордъ Непиръ предначертываетъ и программу для міроправительной политики своей страны: онъ отзывается съ величайшимъ презрѣніемъ о турецкихъ христіанахъ и совѣтуетъ заботиться объ участи Турокъ, ибо если христіане достигнутъ преобладанія, то они будутъ де гораздо притѣснительнѣе, а ужь про свободу торговли тогда нечего будетъ и говорить...

Лорду Непиру не удалось, однако, вызвать на какое-либо опредѣленное заявленіе графа Дарби, который на этотъ разъ говорилъ уклончивѣе прежняго, и распространился только о благопріятномъ об-

стоятельствѣ революціи въ Константинополѣ, которою устранена причина розни между Англіей и другими державами. Онъ, правда, повторилъ что Англія не желаетъ вступаться въ Турціи ни за ту ни за другую сторону, но согласился что было бы политикой „апатіи и отчаянія“ ставить общимъ правиломъ что Англіи нѣтъ никакого дѣла до того что̀ происходитъ, и что она предоставитъ событія ихъ собственному теченію. Не мудрено что мы должны остаться въ полной неизвѣстности о намѣреніяхъ Англіи когда и вождь оппозиціи, лордъ Грапвиль, заявилъ что хотя онъ и не желаетъ стѣснять правительство, но до сихъ поръ не знаетъ какова его политика и для какихъ цѣлей оно отправило флотъ въ Безикскую бухту. Онъ же одинъ, какъ мы сказали, имѣлъ мужество напомнить что Парижскій трактатъ не просто охраняетъ независимость Турціи, но ограждаетъ и права христіанъ.

Лордъ Дарби предъ тѣмъ заявлялъ что Парижскій трактатъ ограждаетъ неприкосновенность Турціи только отъ внѣшнихъ нападеній, а не отъ внутреннихъ потрясеній и не отъ столкновеній съ ея вассальными владѣніями; однако изъ его послѣдняго заявленія остается неяснымъ какъ Англія расположена смотрѣть на возможные результаты этого столкновенія. Вопросъ этотъ уже затронутъ австровенгерскою печатью самымъ грубымъ образомъ. Правительство Австрійское приняло нѣкоторыя мѣры на своей границѣ, правда весьма строгія, но пока еще ничѣмъ не обнаружило намѣренія вмѣшаться при извѣстныхъ случайностяхъ. Между тѣмъ печать вѣнская и пештская, отчасти офиціозная, заранѣе трубитъ тревогу что въ сосѣдствѣ Австріи не могутъ быть допущены никакія территоріальныя измѣненія въ смыслѣ образованія новыхъ государствъ, не можетъ быть допущено увеличеніе мелкихъ вассальныхъ государствъ на Дунаѣ. Что̀ значитъ такая рѣчь? Не огражденіе ли Турціи отъ всякаго риска? И согласно ли это съ прежнимъ толкованіемъ Парижскаго трактата графомъ Дарби? На объясненіе по этому вопросу, повидимому, вызывали его ораторы Палаты Лордовъ; но онъ уклонился дать имъ такое ручательство. Англія могла разстроить своимъ устраненіемъ предполагавшееся общее дѣйствіе Европы въ пользу христіанъ и тѣмъ возбудить фанатическія надежды Турокъ; но она *одна* была бы безсильна предпринять покореніе султану его мятежныхъ христіанскихъ подданныхъ. Да на такой скандалъ едва ли бы и рѣшились англійскіе министры не имѣя возможности прикрыть его видомъ защиты Турціи отъ внѣшняго врага. Еще менѣе вѣроятно чтобъ и Австрія, при ея многочисленномъ славянскомъ населеніи, рѣшилась *одна* выступить жандармомъ для охраненія Турціи отъ ея подданныхъ. Но можно опасаться какого-либо сговора съ этою цѣлью... Странно только что объ этомъ хлопочутъ именно въ тѣхъ двухъ странахъ гдѣ такъ много толковалось о поддержаніи общеевропейскаго мира. Чѣмъ же этотъ миръ и можетъ быть нарушенъ какъ не чьимъ-либо вмѣшательствомъ въ своемъ одностороннемъ интересѣ?...

№ 158.

Москва, 22-го іюня.

Итакъ, противники обмѣнялись ударами. Военныя дѣйствія начались въ одно и то же время на разныхъ пунктахъ. Обѣ стороны приписываютъ себѣ побѣду, но на разныхъ пунктахъ. Впрочемъ, турецкая депеша изъ Виддина не гарантируетъ вѣрности своихъ сообщеній, она не есть офиціальная; Бѣлградская же депеша сообщаетъ извѣстія офиціальныя. Ожесточенная борьба, какъ и слѣдовало ожидать, началась въ окрестностяхъ Ниша. Эта турецкая крѣпость, вокругъ которой на нѣсколько верстъ кругомъ, и съ одной стороны до самой сербской границы, Турками воздвигнуты сильныя укрѣпленія и раскинутъ большой вооруженный лагерь, есть ключъ двухъ путей, одного на югъ къ Лешковцу, другаго на Софію и далѣе на Филиппополь, ведущаго прямо къ столицѣ имперіи. Въ Сербіи отъ Ниша ведетъ прямая дорога черезъ Алексинецъ и Чупрію (главная квартира князя) къ Семендріи (Сме дерево) и Бѣлграду. Здѣсь, за Алексинцемъ, у Делиграда, и поставленъ сербскій укрѣпленный лагерь чтобы служить точкой опоры если бы нападеніе на Нишъ окончилось неудачей. На незначительномъ пространствѣ между Делиградомъ и Нишемъ сосредоточены главныя силы обѣихъ армій. На сторонѣ Сербовъ такъ-называемая юговосточная армія, съ генераломъ

Черняевымъ во главѣ, и почти вся сербская артиллерія, до 170 орудій. Командованіе здѣсь Турками принялъ на себя самъ сераскиръ Абдулъ-Керимъ-паша, подавлявшій предъ тѣмъ Болгарское возстаніе, но по умерщвленіи Гуссейнъ-Авни-паши назначенный военнымъ министромъ и затѣмъ главнокомандующимъ. Численность обоихъ противниковъ должна быть почти равная, по 40—50 тысячъ, если къ турецкимъ войскамъ ослабленнымъ въ послѣднее время до 20.000 поспѣли придти всѣ подкрѣпленія, о которыхъ шла рѣчь въ послѣднее время, и если Абдулъ-Керимъ-паша (самъ онъ хотѣлъ быть въ лагерь 2 іюля съ десятитысячнымъ подкрѣпленіемъ) прибылъ вовремя. Ясно что здѣсь, на Моравской планинѣ, при сліяніи рѣчки Нишавы съ Моравой, у самой границы, если не окончательно будетъ рѣшена судьба сербской кампаніи, то совершится самый важный моментъ ея. Сербія должна выиграть *здѣсь* первую битву чтобы разчитывать на успѣхъ ея дѣла, на поднятіе серіознаго возстанія въ Болгаріи въ тылу турецкой арміи и, можетъ-быть, на содѣйствіе выжидающей событій Греціи. Ударъ долженъ быть рѣшительный, ибо Турція, затянувъ войну, можетъ разчитывать на подкрѣпленія изъ Азіи и пожалуй изъ Африки. Сербія же пустила въ дѣло всѣ свои силы, и чѣмъ быстрѣе будутъ ея дѣйствія, тѣмъ болѣе надежды на успѣхъ. Въ рѣшительности генерала Черняева никто изъ знающихъ его сомнѣваться не можетъ. Офиціальныя бѣлградскія извѣстія приносятъ съ этой стороны вѣсть объ успѣхахъ Сербовъ. Начавъ бомбардированіе крѣпости, Черняевъ взялъ три турецкія укрѣпленія воздвигнутыя у самой сербской границы, овладѣлъ турецкими понтонами чрезъ Нишаву, и въ штурмѣ части турецкаго лагеря у Бабиной Главы обратилъ въ бѣгство турецкіе баталіоны. Лагерные принадлежности и запасы достались побѣдителю. Таково начало битвъ подъ Нишемъ. Помоги Боже!

Съ другой стороны, согласно своей цѣли отбить у Турокъ Боснію, Сербы сосредоточили второй, болѣе сильный корпусъ, на западной границѣ, по рѣкѣ Динѣ впадающей въ Саву. Здѣсь, на пути Сербовъ двѣ турецкія крѣпости на Дринѣ: Зворникъ и Вышеградъ. Силы Турокъ состоятъ здѣсь большею частію изъ войскъ уже прежде боровшихся въ Босніи. Они стянули сюда также боснійскихъ баши-бузуковъ и редифовъ. Аали-пашѣ (Прусаку родомъ) и Солиману-пашѣ, командующимъ этими силами, сопротивленіе сербскому вторженію въ Боснію затрудняется тѣмъ что въ тылу у нихъ находятся боснійскіе инсургенты, поднявшіе, конечно, голову и получившіе подкрѣпленіе отъ сербскихъ волонтеровъ, которые, какъ извѣстно, пробились уже двумя отрядами чрезъ турецкіе пикеты въ Боснію. У архимандрита Дучича и Влайковича, командующихъ этими волонтерами, имѣется съ собой въ запасѣ 20.000 ружей для вооруженія Босняковъ.

Сербскою, такъ-называемою Дринскою дивизіей командуетъ Ранко Алимпичъ, Сербъ, бывшій полковникъ русской службы, и потерявшій ногу при осадѣ Севастополя. Послѣдняя телеграмма указываетъ что онъ бьется съ Турками при Беллинѣ, городкѣ лежащемъ на боснійской сторонѣ Дрины, въ сѣверовосточномъ углу Босніи, что указываетъ на намѣреніе Алимпича обойти Зворникъ съ сѣвера. Рѣшительныхъ извѣстій объ этой битвѣ еще не получено.

Обѣ операціонныя сербскія линіи соединены такъ-называемою Чичакскою дивизіей. (Чичакъ городокъ въ срединѣ Сербіи, ближе къ западу на сербской Моравѣ). Послѣднія извѣстія въ газетахъ объ этой дивизіи, расположенной впереди Чичака на рѣчкѣ Ибаръ, сообщали что эта дивизія еще не въ полной готовности. Она, впрочемъ, назначается къ тому чтобы служить покрѣпленіемъ для обѣихъ дѣйствующихъ армій и усилить тотъ отрядъ южно-моравской арміи который двинется на Новый Базаръ, въ Старую Сербію, для соединенія съ Черногорцами, хотя до сихъ поръ нѣтъ извѣстій о томъ что Черногорцы думаютъ двигаться въ этомъ направленіи.

Наиболѣе слабая сторона сербскаго вооруженія есть, повидимому, ея восточная граница, гдѣ рѣчка Тимокъ впадающая въ Дунай отдѣляетъ Нѣготинскій округъ Сербіи отъ Виддинскаго округа Болгаріи. На пути этой дивизіи одна изъ наиболѣе сильныхъ турецкихъ крѣпостей, Виддинъ; кромѣ того, тутъ мѣстность неудобная чтобы развернуть силы. Поэтому Тимокской дивизіи приписывали роль оборонительную и въ успѣшномъ случаѣ—блокаду Виддина. Нельзя, впрочемъ, сомнѣваться чтобы сербскія силы стянутыя сюда были малозначительны. Для обороны своей позиціи Сербы устроили въ Нѣго-

тинскомъ округѣ ряды мелкихъ земляныхъ укрѣпленій, или шанцовъ. Легіонъ болгарскихъ волонтеровъ въ 4.000 человѣкъ готовился, какъ говорилось, перейти у Кладно въ Болгарію чтобъ усилить тамошнюю инсуррекцію. Къ дѣйствіямъ этой-то дивизіи относятся тѣ неутѣшительныя телеграммы, разосланныя изъ Виддина въ Константинополь и Вѣну. При оцѣнкѣ этихъ телеграммъ нельзя, однако, не принять во вниманіе что правительство не рѣшилось принять ихъ на свою отвѣтственность, и притомъ онѣ слишкомъ напоминаютъ грубо-хвастливый тонъ прежнихъ бюллетеней турецкихъ полководцевъ на мѣстѣ возстанія, оказывавшихся *пуфомъ*. 2.000 убитыхъ, при какихъ-нибудь трехъ-четырехъ десяткахъ тысячъ сражающихся, указываютъ на долгую, ожесточенную битву, что̀ не ускользнуло бы отъ вниманія другихъ корреспондентовъ, кромѣ Виддинскаго паши, или, дѣйствительно, на дикое, безпорядочное бѣгство, что̀ противорѣчитъ тому что Нѣготинскіе шанцы вокругъ Зайчара были только форпосты Сербовъ; укрѣпленный же лагерь ихъ расположенъ кругомъ Бани, далѣе по дорогѣ къ Чупріи. Мы склонны, поэтому, думать что если Сербы и въ самомъ дѣлѣ потерпѣли здѣсь неудачу въ своихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, то этимъ ихъ оборонительная роль далеко не исчерпана, и что Турки поспѣшили раздуть дѣло въ большую побѣду. Болѣе подробныя разъясненія, конечно, не заставятъ себя ждать. Этотъ успѣхъ Турокъ, еслибъ онъ и оправдался, не долженъ однако имѣть большаго значенія. Турецкая телеграмма не говоритъ ничего о томъ чтобы Турки перешли въ наступленіе, для этого у нихъ нѣтъ здѣсь достаточныхъ силъ чтобы зайти въ тылъ Южно-Моравской арміи; вокругъ и около Виддина вспыхнуло возстаніе Болгаръ. Наконецъ, трудно допустить чтобы сербскіе стратеги могли упустить изъ виду турецкое нападеніе съ этой стороны.

Другая гроза собирающаяся на Турцію идетъ отъ Черногоріи. Вооруженныя силы Турокъ сосредоточены здѣсь со стороны Албаніи, впереди Скутари, у Подгорицы. Отсюда они уже врывались неоднократно въ Черногорію. Предъ Подгорицей разстилается единственная долина гористой Черногоріи, Зетская, позволяющая дѣйствовать турецкой кавалеріи. Какъ гласитъ телеграмма, Турки и пытались вторгнуться съ этой стороны, но побиты и вынуждены воротиться въ Подгорицу. Имъ противустоитъ здѣсь отборный одиннадцатитысячный корпусъ Черногорцевъ, между тѣмъ какъ самъ князь Николай съ меньшимъ числомъ войскъ направился въ Герцеговину. Худая сторона дѣла для Турокъ та что Мирдиты (Албанцы), прежде изъ удали постоянно соперничавшіе съ Черногорцами, но также дорожащіе своими вольностями, избавляли Турокъ отъ необходимости имѣть особый корпусъ войскъ противъ Черногоріи. Теперь же Черногорцы надѣются на Мирдитовъ и умѣли привлечь ихъ къ своему дѣлу, на что̀ указываетъ извѣстіе что пять албанскихъ делегатовъ подписали союзный договоръ, поставивъ условіемъ чтобъ имъ, въ случаѣ успѣха, было гарантировано на пять лѣтъ освобожденіе отъ податей. Другой входъ въ Черногорію открывается со стороны Дужскаго ущелья, отъ Никшича. Но извѣстно что здѣсь у Турокъ вовсе нѣтъ въ распоряженіи силъ. Старинная крѣпостца Никшичъ была уже вынуждена голодомъ чуть не сдаться герцеговинскимъ инсургентамъ. Теперь она покинута Турками на защиту ея собственнаго гарнизона, и вѣроятно, достаточно отряда инсургентовъ, если ихъ снабдитъ Черногорія нѣсколькими пушками, чтобы положить конецъ Никшичу. Князь Николай направился съ частью своихъ силъ прямою дорогой черезъ Грахово, на Требинью и Столецъ (Столацъ) къ Мостару, столицѣ Герцеговины, куда стягиваются и оставшіяся въ Герцеговинѣ турецкія силы. Появленіе князя Черногорскаго среди герцеговинскихъ инсургентовъ должно прекратить оппозицію нѣкоторыхъ изъ Герцеговинцевъ мечтающихъ о самостоятельномъ существованіи своей родины, отдѣльномъ отъ Черногоріи. Что касается военныхъ дѣйствій въ Герцеговинѣ, то при полномъ знакомствѣ инсургентовъ и Черногорцевъ съ мѣстностью, при подкрѣпленіи Черногорскаго корпуса значительными силами инсургентовъ уже обстрѣлявшихся въ долгой борьбѣ и въ себѣ увѣренныхъ, а также при безсиліи Турокъ, можно предсказывать успѣхъ правому дѣлу.

№ 159.

Москва, 23-го іюня.

А.

Неслыханныя злодѣянія совершенныя въ Болгаріи турецкими баши-бузуками, о которыхъ много разъ сообщались намъ ужасающія подробности нашими корреспондентами изъ Константинополя и другихъ мѣстъ Балканскаго полуострова, на первыхъ порахъ встрѣчены были недовѣрчиво въ европейской печати не только потому что бóльшая часть ея такъ или иначе дѣйствуетъ на руку врагамъ Славянъ вообще и Россіи въ особенности, но еще и потому что трудно было не считать преувеличенными и вымышленными эти звѣрства. Становилось страшно при мысли что *могутъ быть* „интересы государства," „соображенія высшей политики," „требованія европейскаго равновѣсія," коимъ выгодно было замять и въ мертвомъ молчаніи заглушить вѣсти о подобныхъ фактахъ совершающихся посреди цивилизованнаго міра.

На дняхъ мы привели изъ нѣмецкой и притомъ далеко не дружественной Славянамъ газеты свидѣтельство г. Каница, писателя извѣстнаго въ европейской наукѣ, который во всемъ подтверждаетъ сообщенія русскихъ и другихъ славянскихъ газетъ объ ужасныхъ событіяхъ въ Болгаріи. Съ тѣхъ поръ каждый день приноситъ намъ все новыя подтвержденія идущія изъ источниковъ которые не могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи къ Славянамъ. Многія, хотя далеко не всѣ, газеты западной Европы заговорили о событіяхъ совершающихся въ Болгаріи; всѣ согласны въ томъ что свѣдѣнія оттуда получаемыя не полны и отрывочны благодаря тому что Турецкое правительство совершенно изолировало Болгарію отъ всякаго сообщенія съ цивилизованнымъ міромъ. Однако Турціи все-таки не удалось задушить свою жертву въ совершенной тиши, и то что проникло по этому предмету въ европейскую печать рисуетъ одну и ту же картину злодѣяній о коихъ многіе вѣка уже не слыхала исторія. Спеціальный корреспондентъ *National-Zeitung*, слѣдящій на мѣстѣ за событіями въ Турціи, письма котораго всегда отличаются крайнею „объективностью," указываетъ на то что дѣла творящіяся въ Болгаріи должны бы обратить на себя все вниманіе державъ заботящихся о сохранности Турецкой имперіи; онъ подтверждаетъ что свирѣпость баши-бузуковъ и Черкесовъ, спущенныхъ Турецкими „реформаторами" на беззащитный народъ, не знаетъ предѣловъ; они предаютъ пламени цѣлыя деревни нисколько не причастныхъ возстанію, безчестятъ женщинъ, убиваютъ дѣтей... Совершенно то же подтвердили и корреспонденты англійской газеты *Dayly News*. Эти послѣднія сообщенія подали поводъ къ запросамъ въ англійскомъ парламентѣ. Читателямъ нашимъ уже извѣстно *какъ* отвѣчали на эти запросы г. Дизраэли и графъ Дарби.

Впрочемъ, и изъ ихъ запутанныхъ и видимо неискреннихъ объясненій явствуетъ что звѣрства совершались ужасныя, но только г. Дизраэли утѣшаетъ англійскій народъ тѣмъ что эти „большія жестокости" совершаются надъ болгарскимъ населеніемъ „безъ различія племени и вѣроисповѣданія." Мы до сихъ поръ не слыхали чтобы „регулярнымъ войскамъ" Турецкаго правительства пришлось „воевать" и противъ нехристіанъ; а потому, до дальнѣйшаго разъясненія дышащей гумманностью фразы англійскаго министра мы не можемъ истолковать ее иначе какъ въ смыслѣ офиціальнаго подтвержденія турецкихъ злодѣяній надъ Болгарскимъ народомъ.

Нужно замѣтить что лучшіе органы берлинской печати не скрыли своего негодованія по поводу англійскихъ „утѣшеній" и „опроверженій" относительно болгарскихъ событій. Одна лишь *Кельнская Газета* продолжаетъ попрежнему ратовать за Турцію противъ „козней" русской политики. Названная газета находитъ тому подтвержденіе въ рѣшимости Сербіи начать войну. Она спѣшитъ напередъ опровергнуть всѣ тѣ соображенія „которыя русскіе органы станутъ приводить въ оправданіе *хищническаго похода* Сербовъ противъ Турціи." Всѣ жалобы Сербіи противъ Турціи сводятся де лишь къ тому что Сербія не уплатила установленной дани и имѣетъ желаніе обогатиться на счетъ Турціи пріобрѣтеніемъ части ея территоріи.

Кельнская либеральная газета считаетъ „насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ" тѣ поводы которые побуждаютъ Сербовъ выступить въ открытый бой съ исконнымъ

и смертельнымъ врагомъ своимъ и своихъ братьевъ на Балканскомъ полуостровѣ. Публицистъ съ береговъ Рейна не сомнѣвается въ томъ что во всемъ этомъ Россія принимаетъ дѣятельное участіе, и газета протестуетъ противъ русской „двоедушной“ политики. „Прямодушіе“ вліятельнѣйшаго изъ органовъ прусской печати, который нерѣдко служитъ проводникомъ офиціозныхъ внушеній своего правительства, есть для насъ совершенная загадка, тѣмъ болѣе что остальныя прусскія газеты, единомышленныя *Кельнской* по всѣмъ остальнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики, а также признанные органы правительства, продолжаютъ разсыпаться въ учтивостяхъ относительно Россіи, а о событіяхъ на Востокѣ соблюдаютъ весьма сдержанный тонъ, и если изрѣдка высказываютъ свое мнѣніе, то въ смыслѣ какъ разъ противоположномъ *Кельнской Газетѣ*.

Гораздо понятнѣе тревога овладѣвшая венгерскою печатью по поводу готовящихся въ Сербіи событій. Органы такъ-называемой независимой партіи, съ *Pesti Naplo* во главѣ, настойчиво требуютъ отъ Венгерскаго правительства принятія самыхъ энергическихъ мѣръ дабы воспрепятствовать распространенію на Сербскія провинціи Венгріи того движенія которое охватило независимую Сербію. Въ сознаніи того несправедливаго гнета коимъ Мадьяры тяготѣютъ надъ славянскимъ населеніемъ Венгріи, венгерская печать не можетъ не взирать съ тревогой на всякій подъемъ и оживленіе славянскаго національнаго настроенія. *Pesti Naplo* требуетъ чтобы въ южную Венгрію отправлены были полки Гонведовъ, повидимому не довѣряя регулярнымъ полкамъ австрійской арміи тамъ расположеннымъ, среди которыхъ имѣется множество Славянъ. Пештскій корреспондентъ *National-Zeitung* сообщаетъ что министерство г. Тиссы обладаетъ достаточнымъ благоразуміемъ чтобы не подчиниться этому требованію, которое могло бы лишь подлить масла въ огонь и усилить взаимное раздраженіе, и безъ того достигшее крайней степени въ тѣхъ провинціяхъ Венгріи гдѣ преобладаетъ славянскій элементъ.

Поступленіе „генерала“ Клапки, стараго венгерскаго революціонера, въ турецкую службу, о чемъ вчера насъ извѣстилъ телеграфъ, лучше всего свидѣтельствуетъ до какого ослѣпленія и фанатизма достигла ненависть мадьярскихъ „патріотовъ“ къ Славянамъ.

Но вотъ, въ берлинскихъ газетахъ отъ 1 іюля встрѣтили мы чрезвычайно любопытное извлеченіе изъ статьи знаменитаго историка и публициста, берлинскаго профессора Трейчке, помѣщенной въ только что вышедшей книжкѣ издаваемаго имъ журнала *Preussische Jahrbücher*. Статья эта посвящена Восточному вопросу. Знаменитый публицистъ обсуждаетъ настоящее положеніе Турціи и отношеніе къ ней великихъ державъ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомить читателей со взглядомъ столь просвѣщеннаго и ужь конечно безпристрастнаго мыслителя. Г. Трейчке прежде всего высказывается о роли которую играетъ Англія въ Восточномъ вопросѣ, и вотъ что говоритъ онъ: „Какъ ни высоко цѣнится внутренняя свобода въ Англіи, въ международномъ союзѣ современная Англія есть безспорно сила реакціонная. Внѣшнее могущество Англіи есть явный анахронизмъ. Оно возникло въ то доброе старое время когда всемірныя войны разрѣшались морскими сраженіями и наемными войсками... Кругозоръ англійскихъ государственныхъ людей сталъ нынѣ столь же узокъ, ихъ міровоззрѣніе столь же ограниченно и мертвенно какъ политика Нидерландовъ въ эпоху полнаго ихъ упадка... Англія въ настоящее время есть представительница варварства въ международномъ правѣ. Ея вина что морская война, къ стыду человѣчества, до сихъ поръ носитъ характеръ привилегированнаго разбоя; ея возраженія были причиной того что попытки Россіи и Германіи на Брюссельской конференціи облегчить и умѣрить жестокости сухопутныхъ войнъ остались тщетны. За исключеніемъ слабой и безсильной симпатіи единству Италіи, Британская нація за послѣднія два десятилѣтія относилась враждебно ко всякой, рѣшительно ко всякой юной и имѣющей будущность силѣ возникшей въ сонмѣ народовъ.“ Съ этимъ очеркомъ Англіи г. Трейчке сопоставляетъ характеристику Россіи. „Вмѣстѣ съ коренными реформами внутри, Императоръ Александръ далъ совершенно иное направленіе внѣшней политикѣ своей страны. Одна лишь слѣпая ненависть можетъ утверждать что Россія продолжаетъ тяготѣть надъ Европой своимъ парализующимъ вліяніемъ. Петербургская политика доказала въ Сѣверной Америкѣ, въ Италіи и въ Германіи,

а также въ своей борьбѣ противъ Рима, что умѣетъ цѣнить по достоинству живыя силы нашего вѣка, и послѣ столькихъ доказательствъ ея благоразумія и миролюбія она въ правѣ по меньшей мѣрѣ ожидать чтобы мы обсуждали ея планы на Востокѣ на основаніи фактовъ, а не съ точки зрѣнія устрашающихъ сказокъ англійскихъ руссофобовъ.“

Обращаясь къ Турціи, г. Трейчке произноситъ суровый приговоръ надъ имперіей Османовъ, становясь на точку зрѣнія историка свободнаго отъ увлеченій событіями настоящей минуты. „Чувство права живущее въ европейскомъ мірѣ никогда не признавало существованіе турецкаго государства фактомъ оправдываемымъ нравственною необходимостью. Густое былье давно поросло надъ безчисленными насиліями послужившими къ основанію государственнаго единства всѣхъ великихъ народовъ Европы. Но тѣ раны которыя пятьсотъ лѣтъ тому назадъ азіятская орда нанесла христіанской гражданственности на Балканскомъ полуостровѣ, эти раны зіяютъ и теперь какъ бы нанесенныя вчера. И онѣ никогда не закроются пока въ Европѣ останутся свободные и мужественные люди, которые, независимо отъ страха предъ Россіей и отъ англійскаго *cant*'а, сумѣютъ называть историческую неправду ея настоящимъ именемъ.“

Г. Трейчке горько сѣтуетъ о томъ что въ нѣмецкой печати нашлись органы которые становятся на точку зрѣнія англійскихъ политиковъ и повторяютъ безсмысленные толки объ опасностяхъ со стороны Россіи. Онъ увѣренъ что если наступитъ минута для разрѣшенія вопроса о Константинополѣ, Германія „не приметъ сторону трупа“. Союзъ съ Англіей, со времени Семилѣтней войны, всегда былъ пагубенъ для Германіи; напротивъ Россія всегда была вѣрнымъ и надежнымъ другомъ Германіи. Вотъ почему всякій честный Нѣмецъ не можетъ колебаться въ томъ на чьей сторонѣ должно быть его сочувствіе.

Рекомендуемъ статью берлинскаго профессора *Кельнской Газеты*.

Б.

Благодаря полученнымъ сегодня телеграммамъ изъ Бѣлграда, планъ Сербской кампаніи выступаетъ въ чертахъ все болѣе явственныхъ. Генералъ Черняевъ, распорядившись бомбардировкой Ниша, обошелъ эту крѣпость, взялъ, какъ извѣстно, штурмомъ лежащій у него на дорогѣ, къ югу отъ Ниша, турецкій лагерь при Бабиной Главѣ, какъ сказано въ телеграммѣ, или при Бабиномъ Градѣ, и направился далѣе со своею арміей по дорогѣ въ Константинополь. Первая укрѣпленная преграда на этомъ пути, Акъ-Паланка, взята Сербами. Предстоитъ Пиротъ (Чаркія). Такое смѣлое движеніе, конечно, не могло быть сдѣлано безъ того чтобъ обезопасить тылъ. Предъ турецкою арміей сосредоточенной вкругъ Ниша, и теперь уже отчасти побитой, выростаетъ новая стѣна въ видѣ западной моравской дивизіи, предводимой генераломъ Захомъ и считающей въ своихъ рядахъ около 17.000 человѣкъ при 36 орудіяхъ. Впрочемъ, догадываться какія силы будутъ осаждать Нишъ и съ какими генералъ Черняевъ подвигается къ Софіи, невозможно. Скорѣе можно догадываться что Турки не въ силахъ остановить его движеніе. Еще при самой вспышкѣ возстаній въ Болгаріи имъ приходилось отряжать отъ своей Нишской арміи отряды шедшіе туда, которые потомъ, при вѣсти о сербскихъ вооруженіяхъ, были поспѣшно стянуты, такъ что Болгарія осталась на произволъ баши-бузуковъ и Черкесовъ. Константинопольскимъ „подкрѣпленіямъ,“ если таковыя дѣйствительно имѣются, придется остановиться чтобы не быть разбитыми поодиночкѣ.

Движеніе на югъ и блокада Ниша составляютъ только часть военнаго плана. Отборная Дринская дивизія Ранка Алимпича бьется до сихъ поръ съ полнымъ успѣхомъ руша турецкую крѣпостцу Бѣлину. Ея назначеніе взволновать всю Боснію и Герцеговину, и посадить въ капканъ турецкія силы у крѣпости Зворника, а чтобъ отрѣзать Боснію отъ остальной Турціи, Сербы на югозападѣ княжества, противъ Сѣницы, предполагаютъ достичь долины Лима и, соединившись съ Черногорцами, смотря по надобности, или будутъ стягивать поясъ вокругъ турецкихъ войскъ оставшихся въ Босніи, или пресѣкать путь турецкимъ подкрѣпленіямъ съ юга буде таковыя явятся. Предусмотрительность и увѣренность Сербовъ въ побѣдѣ простирается до того что вмѣстѣ съ войсками переправились въ Боснію и чиновники для организаціи властей. Есть надежда, слѣдо-

вательно, что съ постепенными успѣхами сербско-черногорскаго оружія станетъ водворяться какой-либо порядокъ въ этой много выстрадавшей провинціи. Ея мусульманское населеніе будетъ, конечно, отчаянно сопротивляться. По двѣ, три побѣды, обезоруженіе, и единое по крови магометанское населеніе Босніи предпочтетъ смириться предъ новою властью. Туркамъ не будетъ надобности, на зло себѣ, строить христіанскіе храмы, а прежнія свои лачуги райя сумѣетъ сама себѣ выстроить. Вотъ рѣшеніе вопроса безъ пресловутыхъ „реформъ," надъ которыми такъ долго ломала голову дипломатія. Скажутъ, мы увлекаемся, но какъ отказаться отъ надежды на счастливый исходъ дѣла, за которое пролилось столько крови, и не желать успѣха сербскому оружію?

Наше предположеніе о томъ что турецкое извѣстіе о побѣдѣ Турокъ подъ Зайчаромъ невѣрно, потверждается. Офиціальная бѣлградская депеша объявляетъ что Нѣготинская дивизія (командуетъ Лешанинъ) остается въ оборонительномъ положеніи, чего только и требовалось отъ нея. Турки дѣлали нападеніе на Зайчаръ, но потерпѣли пораженіе и были отбиты. На дальнѣйшія оборонительныя мѣры направленныя согласно съ сербскимъ планомъ въ эту сторону указываетъ извѣстіе о намѣреніи Сербовъ завладѣть крѣпостью Адакеле близь Оршовы, то-есть въ томъ самомъ (сѣверовосточномъ) углу княжества, гдѣ теченіе Дуная дѣлаетъ рѣзкій поворотъ къ югу. Это дало бы возможность парализовать дѣйствія турецкой Дунайской флотиліи, еслибы Порта вздумала не уважить нейтралитета рѣки.

Сербскій планъ военныхъ дѣйствій съ обходомъ крѣпостей и движеніемъ въ глубь Турціи отчасти напоминаетъ дѣйствія Пруссаковъ во Франко-Прусскую войну, но какая неизмѣримая разница въ силахъ? Удастся ли крохотной сербской арміи то что такъ блистательно удалось стройнымъ массамъ германскихъ войскъ?...

№ 160.

Москва, 24-го іюня.

А.

Случилось то чего именно опасалась Европа съ самаго начала Герцеговинско-Боснійскихъ смутъ: распространеніе возстанія, участіе Княжествъ въ борьбѣ, возбужденіе кровавой усобицы между мусульманами и христіанами, поднятіе Восточнаго вопроса. Какъ же могло случиться то чего всѣ опасались, чего никто не желалъ? Требовалось большое искусство чтобъ устроить все это вопреки всеобщему желанію.

Усилія дипломатіи клонились къ тому чтобы затушить начинавшійся пожаръ. Три державы, въ тѣсномъ союзѣ, старались умиротворить Турцію. Россія приносила всѣ свои интересы и сочувствія въ жертву этой политикѣ турецкаго statu quo. Возставшимъ провинціямъ предлагалась, въ успокоеніе и удовлетвореніе, нота графа Андраши, и имъ пришлось бы, такъ или иначе, дѣйствительно успокоиться на реформахъ султанскаго ирадè. Черногорцы и Сербы княжества, рвавшіеся на помощь своимъ братьямъ, удерживались настояніями державъ, особенно Россіи. Нужно было прервать дѣйствіе дипломатіи взявшейся за умиротвореніе Турціи, и министерство Дизраэли-Дарби отлично успѣло въ этомъ. Своимъ шумливымъ протестомъ Англія пріостановила дальнѣйшее дѣйствіе дипломатіи; переворотомъ въ Константинополѣ, который совершился подъ ея ауспиціями, она окончательно пресѣкла умиротворяющее дѣйствіе Европы. Россія волею-неволею устранилась. И вотъ тлѣвшій пожаръ вспыхнулъ во всей силѣ. Возстаніе пошло далѣе. Болгарія стала театромъ неслыханныхъ злодѣйствъ. Перерывомъ европейскаго вмѣшательства,—моментомъ невмѣшательства,—поспѣшили воспользоваться и Сербія, и Черногорія, которыхъ положеніе становилось совершенно невыносимымъ.

Вотъ плоды которые стяжала политика г. Дизраэли въ теченіе съ небольшимъ мѣсяца, между тѣмъ какъ совокупное дѣйствіе державъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ сдерживало волненія въ Турціи.

Англія не могла желать развитія и усиленія возстанія: оно однако разбросалось и усилилось благодаря политикѣ ея правительства.

Англія была озабочена удержаніемъ Княжествъ отъ участія въ борьбѣ: политика г. Дизраэли была такъ искусна что и тутъ достигла нежеланнаго результата, и Княжествамъ ничего болѣе не оставалось какъ начать войну.

Прежде Англія хотѣла вѣрить или по

крайней мѣрѣ увѣряла другихъ что Турки способны къ прогрессу: теперь ея правительство, поощривъ въ Туркахъ увѣренность въ англійской помощи *quand même*, возбудила мусульманскій фанатизмъ до неистовства.

Болѣе всего Англія страшилась возбужденія Восточнаго вопроса, и вотъ вопросъ этотъ возбужденъ успѣшными стараніями англійскихъ министровъ.

Вотъ торжество политики которою можетъ гордиться г. Дизраэли! Что же еще остается ему предпринять? Если его дѣятельность будетъ и впредь сопровождаться такимъ блестящимъ успѣхомъ, то она пожалуй можетъ привести и къ европейской войнѣ. Этого ли желаетъ торійскій кабинетъ который, при пустотѣ и безсодержательности своей внутренней политики, возмнилъ ослѣпить страну театрально-эффектными внѣшними предпріятіями? Кто знаетъ можетъ-быть онъ сумѣетъ добиться и этого, наперекоръ здравому смыслу Англійской націи...

Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на помѣщаемую ниже корреспонденцію изъ Лондона, характеризующую положеніе принятое англійскою политикой въ Восточномъ вопросѣ. Въ эту минуту европейскому миру никто не угрожаетъ, и только Англія продолжаетъ тревожить общественное мнѣніе Европы и держать дѣла въ напряженіи. Толки „о европейской войнѣ,“ „воинственное настроеніе“ которое теперь „въ модѣ“ въ Англіи, не имѣютъ никакого значенія, и нужны развѣ только для того чтобъ отвлечь общее вниманіе отъ приготовленій которыми занята Англія. Она собрала огромный флотъ въ Безикской бухтѣ, и теперь, какъ сообщаетъ нашъ корреспондентъ, занята приготовленіемъ транспортныхъ судовъ для двадцати-семитысячнаго дессанта.

Этихъ силъ для европейской войны конечно мало, но онѣ достаточны для какой-нибудь „ловкой штуки“ въ родѣ покупки акцій Суэзскаго канала.

Можно занять Дарданеллы безъ боя среди мира, по добровольному согласію, даже по предложенію самихъ Турокъ.

Но такого рода „ловкая штука“ не обойдется безъ послѣдствій, которыя мудрому творцу *Лотаря* быть-можетъ представляются не совсѣмъ ясно. Англія не желаетъ чтобъ европейскій миръ былъ нарушенъ; но онъ пожалуй будетъ нарушенъ благодаря усиліямъ ея теперешнихъ министровъ,—и коль скоро будетъ нарушенъ, то не въ одной Европѣ...

Б.

Докучный вопросъ о сбереженіи лѣсовъ,—остатковъ безразчетно истребляемаго богатства,—и облѣсеніе безпощадно оголенныхъ пространствъ, не даетъ никому покоя. Прошлогодняя сессія земскихъ собраній, предстающая теперь въ своихъ печатныхъ отчетахъ на судъ болѣе обширный чѣмъ судъ мѣстныхъ обществъ, породила не мало лѣсныхъ элегій. Изъ ряда земскихъ разсужденій объ этомъ предметѣ выдѣлимъ на этотъ разъ, какъ заслуживающіе вниманія, два проекта: одинъ Рязанскій, другой Херсонскій. Первый трактуетъ о мѣрахъ къ сохраненію лѣсовъ, второй о ихъ разведеніи, и оба вмѣстѣ обнимаютъ лѣсной вопросъ въ его цѣлости.

Рязанскій проектъ, принадлежащій гласному г. Дашкову, начинается опредѣленіемъ того сколько лѣсу имѣетъ въ настоящее время Рязанская губернія. „Если „провести черту съ сѣверо-запада на юго-„востокъ внизъ по теченію Оки и вверхъ „по теченію Пары,“ гласитъ проектъ, „то „губернія раздѣлится на лѣсную и без-„лѣсную полосы. Въ первой (занимающей „весь лѣвый берегъ Оки и по правому—„части Касимовскаго и Сапожковскаго уѣз-„довъ) придется на каждыя 100 десятинъ „отъ 33 до 42, среднимъ числомъ 37 де-„сятинъ лѣсу строеваго и дровянаго, не „считая кустарниковъ. Во второй полосѣ, „обнимающей всѣ прочіе уѣзды, придется „отъ $1\frac{1}{2}$ до 8 десятинъ лѣсу на каждыя „100 десятинъ и только въ части Спас-„скаго уѣзда до 15 десятинъ. Сѣверо-во-„сточную часть губерніи можно было бы „считать обезпеченною въ лѣсномъ отно-„шеніи, если бы всѣ лѣса были въ хоро-„шемъ состояніи и не шла дѣятельная вы-„рубка ихъ. Югъ же и центръ губерніи „почти оголены.“

Вотъ печальная картина, вызывающая вопросъ: какъ скорѣе и лучше сберечь неистребленные лѣса?

Въ разрѣшеніи этого вопроса мѣстный земскій проектъ представляетъ мало новаго, но достаточно дѣльнаго. Мѣры поощрительныя, направленныя къ искусственному возвышенію цѣнности лѣсной собственности, и принудительныя мѣры сбере-

гать лѣсъ, запрещающія хищническую вырубку лѣса,—вотъ два давно намѣченныя начала лѣсохраненія. Рязанскій земскій проектъ соединяетъ оба.

Освобожденіе лѣсныхъ пространствъ отъ налоговъ или облегченіе ихъ, и преміи за сохраненіе и разведеніе лѣсныхъ насажденій,—вотъ мѣры поощренія. Обращаясь къ рязанской дѣйствительности мы находимъ ее въ полномъ противорѣчіи съ этою системой. Обложеніе лѣсовъ въ Рязанской губерніи даетъ земству отъ 90 до 100 тысячъ рублей ежегодно путемъ неравномѣрнаго по уѣздамъ обремененія налогомъ пространствъ покрытыхъ лѣсомъ. Обложеніе же десятины лѣса здѣсь колеблется между maximum'омъ въ 20 к. и minimum'омъ въ 7 и 5 к. Въ высшемъ обложеніи и переходѣ земли изъ-подъ вырубленныхъ лѣсовъ въ категорію низшаго обложенія (2 или 3 к.), по мнѣнію проекта, заключается косвенное поощреніе къ истребленію лѣса.

„Главное различіе между капиталомъ употребленнымъ на земледѣліе и пущеннымъ въ промышленные и торговые обороты, по справедливому замѣчанію г. Дашкова, заключается въ томъ что въ первомъ случаѣ онъ даетъ доходъ только разъ въ году, между тѣмъ какъ моменты въ которые можно получать доходъ отъ него въ другихъ предпріятіяхъ повторяются чаще; поэтому можно довольствоваться меньшимъ барышомъ отъ каждаго промышленнаго или торговаго оборота чѣмъ отъ земледѣльческаго, и легче мириться съ убыткомъ когда выгоды отъ слѣдующаго оборота ближе. Лѣсное хозяйство стоитъ въ томъ же отношеніи къ земледѣлію какъ земледѣліе къ промышленности и торговлѣ. Тогда какъ земледѣліе даетъ полный доходъ каждогодно, капиталъ въ видѣ лѣса доставляетъ свой доходъ въ продолжительные періоды, напримѣръ лѣтъ въ пятьдесятъ, или, иначе, въ годъ доставляетъ лишь $^1/_{50}$ затраченныхъ на лѣсоразведеніе денегъ.“ Поэтому полное освобожденіе не приносящей дохода лѣсной собственности какъ отъ земскихъ, такъ и государственныхъ налоговъ, по мнѣнію рязанскаго гласнаго, было бы облегченіемъ лѣсовладѣльцевъ и поощреніемъ ихъ къ сохраненію лѣсовъ. А плата съ той части лѣса которая приноситъ доходъ не была бы обременительна.

Нѣтъ сомнѣнія что такое облегченіе лѣсовладѣнія отъ налоговъ, равно какъ и другіе поощрительныя мѣры могутъ задерживать истребленіе лѣсовъ. Но въ короткое время, прежде чѣмъ эти мѣры окажутъ свое дѣйствіе, можетъ произойти ужасное истребленіе остатковъ ихъ. Идущее crescendo уничтоженіе ихъ ясно показываетъ какъ неодолимъ соблазнъ капитализовать лѣсную собственность.

Въ Рязанскомъ проектѣ предполагаются еще слѣдующія мѣры. Всякій землевладѣлецъ, у котораго подъ лѣсомъ отъ 10% до 25% площади его дачи въ лѣсной полосѣ и отъ 5% до 15% въ безлѣсной, обязанъ сохранить такое пространство навсегда подъ лѣсомъ. Такіе лѣса числятся по земскимъ поземельнымъ книгамъ заказными. Всякій землевладѣлецъ, у котораго подъ лѣсомъ менѣе указаннаго количества земли, обязанъ развести лѣсъ до этого размѣра и обратить его въ заказной. Для приступа къ разведенію лѣса и для окончанія онаго, назначаются сроки въ 5 и 10 лѣтъ. Въ заказномъ лѣсѣ могутъ быть вырубаемы только спѣлые пни и притомъ ежегодно только такая часть лѣса чтобы преобладающая въ немъ порода деревъ могла достигать зрѣлости. Въ такомъ лѣсѣ облагается ежегодно только то пространство которое дѣйствительно поступило подъ вырубку; остальное освобождается отъ всякихъ налоговъ.

Кромѣ того, Рязанское губернское земское собраніе, принимая во вниманіе безжалостныя порубки лѣса поступившаго въ надѣлъ крестьянамъ, рѣшило ходатайствовать объ ограниченіи ихъ правъ на такія порубки.

Второй Херсонскій проектъ обсуждаетъ способы разведенія лѣса въ степныхъ пространствахъ Новороссійскаго края. Въ свое время мы говорили о безмѣрной широтѣ мѣстнаго земскаго плана лѣсоразведенія. Наши читатели припомнятъ что Херсонское земство ходатайствовало о предоставленіи ему въ распоряженіе всѣхъ казенныхъ земель какія могутъ быть назначены къ облѣсенію, объ ассигнованіи государственныхъ капиталовъ на это дѣло, объ отдачѣ въ земское распоряженіе лѣсничихъ и таксаторовъ и дарованія права земству издавать правила обязательнаго разведенія лѣса. Правительство, не имѣя ручательствъ въ томъ что земство удачно распорядится такими огромными средствами, не могло не отклонить такихъ странныхъ ходатайствъ, и теперь земскій проектъ съежил-

ся до скромныхъ предположеній объ устройствѣ только питомниковъ.

Вотъ главныя черты организаціи образцовыхъ земскихъ питомниковъ. Въ каждомъ уѣздѣ учреждается образцовый питомникъ, состоящій подъ контролемъ мѣстной уѣздной земской управы и въ техническомъ завѣдываніи губернской земской управы, при посредствѣ губернскаго земскаго лѣсовода. При каждомъ питомникѣ находится депо сѣменъ древесныхъ растеній и орудій необходимыхъ при работахъ. На обязанности мѣстнаго уѣзднаго лѣсовода лежитъ производство работъ въ питомникѣ и отпускъ саженцевъ по ассигновкамъ уѣздной или губернской земскихъ управъ. Ассигновки на саженцы бываютъ безплатныя и оплачиваемыя. Первыя выдаются исключительно для обсаживанія усадьбъ частнымъ и общественнымъ лицамъ, съ обязательствомъ непремѣнно посадить ихъ. Вторыя—отпускаются желающимъ по цѣнѣ опредѣленной уѣздною управой совмѣстно съ губернскою, безо всякихъ обязательствъ, и вырученныя деньги поступаютъ въ особый фондъ по облѣсенію. За дѣйствительнымъ насажденіемъ отпущенныхъ безплатныхъ саженцевъ наблюдаютъ члены управы, волостныя и сельскія власти. Ежегодный расходъ на питомники въ 7.000 руб. относится частію на губернскій земскій сборъ, частію на страховой сборъ.

Въ этомъ проектѣ, Херсонское земство отъ теоретическихъ слишкомъ широкихъ и неосуществимыхъ соображеній переходитъ на практическую почву. Пожелаемъ скорѣйшаго осуществленія этому проекту; пожелаемъ чтобъ и будущіе земскіе питомники, для блага края, поскорѣе разрослись въ образцовыя лѣсничества.

№ 161.

Москва, 25-го іюня.

До сего времени результаты военныхъ дѣйствій были, слава Богу, благопріятны для Сербовъ и Черногорцевъ. Извѣстія получались нами не отъ однихъ спеціальныхъ корреспондентовъ, но и отъ иностранныхъ телеграфныхъ агентствъ разсылающихъ одинаковыя депеши во всѣ газеты. Еслибы до нихъ дошли извѣстія благопріятныя для Турокъ, то конечно ни Гавасъ, ни Вольфъ, ни еще болѣе Рейтеръ въ Лондонѣ или вѣнское Бюро Корреспонденцій, черезъ которыя идутъ всѣ депеши, кромѣ спеціальныхъ какія мы можемъ имѣть, не стали бы скрывать ихъ отъ насъ, а тѣмъ болѣе отъ заграничной публики. Дѣйствительно, въ полученныхъ сегодня вѣнскихъ газетахъ, даже въ наиболѣе расположенной къ Туркамъ *Neue Freie Presse*, находимъ извѣстія лишь дополняющія наши первыя депеши, но не измѣняющія ихъ характера.

Весьма естественно что Оттоманское правительство, какъ впрочемъ и всякое правительство, желаетъ представить публикѣ факты по возможности въ благопріятномъ для своего оружія свѣтѣ; весьма естественно что оно желало бы успѣхи своихъ противниковъ превратить въ блистательныя побѣды своихъ войскъ и скрыть свои пораженія. Но какъ сдѣлать это? Распространять фальшивыя извѣстія подъ своимъ штемпелемъ значило бы только ронять себя предъ европейскою публикой и наконецъ потерять кредитъ. Что же дѣлать? Остается посредствомъ какого-нибудь услужливаго органа распространять фабрикованныя извѣстія, не принимая ихъ на свою отвѣтственность. Оттоманское правительство имѣетъ такой органъ,—и какъ вы думаете гдѣ?—въ Лондонѣ? въ Вѣнѣ? въ Пештѣ? Представьте себѣ—въ Россіи, куда обращаются взоры христіанскихъ народовъ бьющихся за свое существованіе подъ Оттоманскимъ игомъ, именно въ Россіи имѣется органъ plus turcophile que les Turcs eux-mêmes! Но это не все... Удивительная иронія случая! Самымъ туркофильскимъ органомъ въ Европѣ оказывается газета, которая почему-то слыветъ офиціознымъ органомъ Русскаго правительства по иностраннымъ дѣламъ, *Journal de St.-Pétersbourg*!...

Не довольствуясь сообщеніями международнаго телеграфнаго агентства, *Journal de St.-Pétersbourg* имѣетъ *service special* въ Константинополѣ для передачи извѣстій которыя не смѣютъ идти даже въ Лондонъ или Вѣну. Извѣстія фабрикованныя въ благопріятномъ для турецкаго оружія смыслѣ распространяются по Европѣ рикошетомъ изъ Петербурга, извѣстія фальшивыя, въ тотъ же день опровергаемыя сообщеніями Вѣнскаго телеграфнаго агентства!... Да еслибъ и въ самомъ дѣлѣ Турки одерживали побѣды надъ Сербами, то

почему петербургскій органъ долженъ быть по преимуществу глашатаемъ успѣховъ турецкаго оружія? Почему петербургская газета должна имѣть service spécial именно для турецкихъ, и только для турецкихъ извѣстій?

Но „спеціальныя" депеши *Journal de St.-Pétersbourg* извѣщаютъ о небывалыхъ успѣхахъ Турокъ, неизвѣстныхъ ни одной другой газетѣ, такъ что о нихъ конечно не безъ удивленія узнаютъ и въ Вѣнѣ, и Лондонѣ, можетъ-быть и въ самомъ Константинополѣ когда телеграфъ вновь перешлетъ ихъ туда изъ Петербурга, съ назидательнымъ примѣчаніемъ что объ этомъ первая получила свѣдѣніе петербургская газета. *Service spécial* такъ усердствуетъ что упорно повторяетъ благопріятныя Туркамъ извѣстія уже опровергнутыя телеграммами изъ Вѣны, слѣдовательно очевидно фальшивыя. Напримѣръ, во вторникъ, одновременно съ извѣстіями о вторженіи отряда генерала Черняева и движеніи его на Нишъ, изъ Виддина, турецкой крѣпости, было телеграфировано въ одну вѣнскую газету и передано намъ что Турки, въ свою очередь, перешли восточную границу Сербіи и напали на Сербовъ при Зайчарѣ. Эта телеграмма сообщила объ успѣхахъ Турокъ и бѣгствѣ Сербовъ. На другой день, въ среду, однако, она была опровергнута, и оказалось что Сербы, держась въ Зайчарѣ оборонительнаго положенія, дважды отбили нападеніе Турокъ. Въ вѣрности извѣстія нельзя сомнѣваться, такъ какъ оно согласуется и съ общимъ планомъ кампаніи, ибо Сербы въ этомъ пунктѣ не могли бы дѣйствовать наступательно. Это извѣстіе получило послѣ новое подтвержденіе. Между тѣмъ *спеціальная* депеша *Journal de St.-Pétersbourg*, напечатанная въ среду, всетаки настаивала на томъ будто Сербы нападали и были „побѣдоносно отражены императорскими войсками." Вотъ эта депеша:

„Константинополь, 4 іюля.

„Виддинскій корпусъ вчера вступилъ при Зайчарѣ въ битву съ Сербами, продолжавшуюся семь часовъ. *Непріятель отступилъ* со значительными потерями. Императорскія войска овладѣли сербскими укрѣпленіями и утвердились въ Изворѣ, въ Зайчарскомъ округѣ."

Въ тотъ же день было намъ телеграфировано что на южной черногорской границѣ Турки были разбиты и принуждены возвратиться въ Подгорицу. А *Journal de St.-Pétersbourg* сообщалъ изъ Мостара слѣдующее пріятное извѣстіе:

„Императорскія войска отразили нападеніе Черногорцевъ на Подгорицу."

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Journal de St.-Pétersbourg* (отъ четверга, 25 іюня) повторяется то же самое.

Между тѣмъ какъ телеграммы одна за другою извѣщали насъ что на другомъ пунктѣ военныхъ дѣйствій дивизія Алимпича, послѣ успѣшнаго боя, заняла Бѣлину, *Journal de St.-Pétersbourg* обстоятельнѣе прежняго гласитъ объ успѣхѣ Турокъ въ слѣдующей телеграммѣ:

„Константинополь, 4 іюля.

„Сербы атаковали вчера турецкія войска расположенныя въ равнинѣ Уркуба. Послѣ битвы длившейся болѣе пяти часовъ, Сербы принуждены были отступить, оставивъ на полѣ 500 убитыхъ. Турки взяли у Сербовъ большое число нарѣзныхъ ружей.

„Со стороны Бѣлины, въ различныхъ происходившихъ схваткахъ, оттоманская армія взяла плѣнныхъ и захватила болѣе 200 игольчатыхъ ружей. Потери Сербовъ считаются въ 200 убитыми и болѣе 400 ранеными."

Потери Сербовъ считаются сотнями, а у Турокъ не выбыло изъ строя ни одного солдата! Каковъ *service spécial* петербургской газеты!

Въ бѣглыхъ замѣткахъ какими *Journal de St.-Pétersbourg* обыкновенно резюмируетъ новости дня — тоже странность. Сопоставляя противорѣчивыя телеграммы (противорѣчивыя потому что однѣ, общія для всей Европы, сообщаютъ факты, а другія, спеціально вымышлены для *Journal de St.-Pétersbourg*), газета заключаетъ что „результатомъ первыхъ столкновеній были для обѣихъ сторонъ нѣсколько частныхъ успѣховъ и неудачъ," и между прочимъ говоритъ: „тогда какъ наша константинопольская депеша говорила что императорскія войска *отразили атаку* Черногорцевъ при Подгорицѣ, депеша изъ Вѣны говоритъ что напротивъ Турки *атаковали черногорскіе аванпосты*. Видите: депеша изъ Вѣны говоритъ что Турки атаковали и стало быть отражены, такъ какъ Черногорцы удержали свою позицію, а service spécial протрубилъ что *императорскія войска* отразили Черногорцевъ-мятежниковъ, которые якобы напали на укрѣ-

пленіе при Подгорицѣ! Вѣна поправляетъ Петербургъ въ смыслѣ благопріятномъ для оружія Черногорцевъ!... Сама редакція газеты принуждена сознаться въ этомъ, и все-таки продолжаетъ...

Вотъ какія странности бываютъ у насъ,—и кажется только у насъ.

№ 162.

Москва, 26-го Іюня.

„Сербія, говоритъ *National-Zeitung*, играетъ *va-banque*," то-есть ведетъ борьбу въ которой выигрышъ и проигрышъ одинаково вѣроятны. Найдется не мало людей раздѣляющихъ такое воззрѣніе; но оно едва ли вѣрно.

Для начала Сербія имѣетъ достаточныя средства. Достанетъ ли ихъ на продолженіе, это будетъ зависѣть отъ хода военныхъ дѣйствій. Здѣсь, дѣйствительно, Сербы рискуютъ. Но высокія цифры бюджета не доказываютъ еще финансоваго могущества. Запутанность турецкихъ финансовъ всѣмъ извѣстна. Только послѣ паденія Абдулъ-Азиза турецкое правительство кое-какъ выплатило жалованье своимъ войскамъ и то конечно не всѣмъ. Но средства эти чрезвычайныя: они заимствованы изъ сундуковъ покойнаго султана, и ихъ едва ли достанетъ на покрытіе военныхъ издержекъ государства, особенно въ виду уменьшенія доходовъ съ уменьшеніемъ части плательщиковъ которые взялись за оружіе.

Турецкая армія многочисленнѣе сербской, но и „расходъ силъ" у нея больше. Турки не могутъ совершенно обнажить свои азіятскія владѣнія, перевезя всѣ войска на европейскій берегъ. Такъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, изъ числа дѣйствующей арміи и тѣхъ резервовъ которые удалось собрать, то-есть изъ 250—260.000, въ Азіи приходится оставить не менѣе 45.000 регулярнаго войска. Нельзя вывести войскъ съ Крита, изъ Албаніи, изъ Константинополя, изъ Македоніи, Ѳессаліи, Эпира и изъ различныхъ гарнизоновъ, что въ совокупности составляетъ, конечно, свыше 30.000. Такимъ образомъ, для дѣйствій противъ Сербіи, Черногоріи и возставшихъ провинцій, Турки не располагаютъ и двумя стами тысячъ войскъ, считая тутъ около 45.000 редифовъ Курдистана и второй категоріи. На самомъ же дѣлѣ, на театрѣ войны, силы Турокъ не достигаютъ и полутораста тысячъ человѣкъ. Еслибы перевѣсъ въ численной силѣ и перешелъ на сторону Турокъ, то онъ не можетъ быть на столько значителенъ чтобы парализовать неблагопріятныя условія другихъ „элементовъ," опредѣляющихъ успѣхъ дѣйствій.

Численность войска грозна только когда въ войскѣ держится строгая дисциплина, когда войско сильно духомъ. Не то мы видимъ у Турокъ. Дисциплина едва держится даже въ низамѣ послѣ дворцовой революціи въ Стамбулѣ, при шаткости правительства. „Низложеніе государя," говоритъ нашъ константинопольскій корреспондентъ, „глубоко потрясло общественный порядокъ... Войско сознало „свою силу въ государственномъ строѣ... „Легкость съ какою былъ исполненъ переворотъ 18-го мая внушаетъ умамъ надежду что въ случаѣ нужды можно успѣшно совершить и другой." „Въ Стамбулѣ," какъ бы впадая въ эту рѣчь говоритъ корреспондентъ французской газеты *Temps*, „всѣ расположены думать что „если султану Мураду данъ престолъ, то „можно и ссадить его... Само правительство ухудшило свое положеніе не умѣвъ „скрыть свой страхъ." Какія же мѣры можетъ принять ближайшее военное начальство, какими средствами можно поддерживать дисциплину и безусловное повиновеніе въ войскахъ сознающихъ себя „силою" для правительственныхъ перемѣнъ и потому невольно пренебрегающихъ своимъ начальствомъ?

Напротивъ, въ Сербіи полное единодушіе между народомъ и правительствомъ. Дисциплина не только въ арміи, но и между инсургентами поддерживается самая строгая.

Первыя побѣды имѣютъ несомнѣнное и притомъ большое вліяніе на подъемъ или упадокъ духа народа и войскъ. Съ самаго начала успѣхъ сопровождалъ движенія Сербовъ. Извѣстія объ этомъ не остались безъ вліянія на настроеніе умовъ и воли возстанцевъ Герцеговины, Босніи, Болгаріи и даже можетъ быть на населенія Крита и Албаніи. Сила войскъ растетъ вмѣстѣ съ подъемомъ народнаго духа.

Туркамъ не легко было справляться даже съ шайками возстанцевъ; борьба всегда тянулась годы, какъ свидѣтельствуетъ

исторія возстаній Греческаго, Сербскаго, Критскаго и послѣдняго Герцеговинско-Боснійскаго. Теперь же дѣло возстанія опирается на *регулярную*, т.-е. правильно организованную, вооруженную и обученную армію, раздавить которую не легко и не для такихъ войскъ каковы турецкія. Считаютъ военною аксіомою что захвативъ въ свои руки *инициативу* дѣйствій, какъ бы подчиняя дѣйствія противника своей волѣ, армія выигрываетъ въ силѣ. До сихъ поръ иниціатива дѣйствій въ рукахъ Сербовъ и ихъ союзниковъ. Турки ведутъ только пассивную оборону. У Сербовъ только Нѣготинская дивизія поставлена въ оборонительныя условія.

Починъ дѣйствій попалъ въ руки Сербовъ не случайно. Причины доставившія имъ это преимущество сохранятъ свою силу во все продолженіе борьбы. Возможность своевременно получать точныя свѣдѣнія о расположеніи, движеніи и намѣреніяхъ непріятеля для Сербовъ, и наоборотъ чрезвычайныя затрудненія которыми для Турокъ обставлено собираніе этихъ свѣдѣній—вотъ что даетъ въ руки князей Милана и Николая иниціативу дѣйствій, а вмѣстѣ и господствующее положеніе на театрѣ войны. Получать свѣдѣнія чрезъ однихъ шпіоновъ и руководиться только ими нельзя. Необходимо дѣлать „развѣдки,“ скрывать свои движенія. Необходимо высылать далеко впередъ и въ стороны отряды различной, но всегда незначительной силы. Дѣлать это Турки почти не могутъ. Всякая незначительная партія ихъ, выдвинувшаяся далеко впередъ, легко будетъ истреблена „четами“ возстанцевъ, для которыхъ такіе успѣхи служатъ отличною военною школой. Каждый шагъ турецкихъ силъ, всякое движеніе даже ничтожнаго отряда, будетъ выслѣжено, намѣренія раскрыты. Сербскимъ военачальникамъ всегда будетъ возможно принять вòвремя мѣры чтобы задуманный Турками планъ остался втунѣ, занесенный ударъ палъ на воздухъ.

Не менѣе затрудненій встрѣтятъ Турки при охраненіи тыла своихъ войскъ, при снабженіи ихъ военными снарядами и продовольствіемъ. Каждый транспортъ имъ придется посылать съ большимъ прикрытіемъ, способнымъ выдержать нападеніе болѣе или менѣе значительныхъ массъ. А это опять ведетъ къ раздѣленію силъ, къ изнуренію ихъ, такъ что въ рѣшительную минуту они могутъ оказаться слабѣе противниковъ. Турки находятся какъ бы въ осадѣ: непріятель у нихъ не передъ фронтомъ только, но и на флангахъ, и въ тылу. При каждомъ движеніи впередъ, назадъ, въ стороны отъ любаго опорнаго пункта, турецкія колонны будутъ тревожимы *четами* на маршѣ и на отдыхѣ...

Успѣхъ зависитъ также отъ цѣли дѣйствій, отъ плана ихъ. Если цѣль поставлена не вѣрно, побѣды не дадутъ желаемаго результата. Сербы имѣютъ ясною цѣлью притянуть на себя, парализовать и по возможности отбросить бóльшую часть турецкихъ силъ направленныхъ для подавленія возстанія. Подъ прикрытіемъ сербскихъ и черногорскихъ войскъ и во время перерыва дѣйствій который неминуемо послѣдуетъ за первыми крупными удачами должны окончательно и возможно правильно организоваться силы возставшихъ. Эта грозная, организованная сила будетъ уже въ состояніи рѣшительно противостать Туркамъ съ цѣлью вырвать у нихъ согласіе на то чего желаетъ населеніе, но чего не могла достигнуть дипломатія. Такая задача Сербіи была руководящею мыслію политики покойнаго князя Михаила, такъ настойчиво добивавшагося удаленія Турокъ изъ тѣхъ немногихъ пунктовъ которыми они тогда владѣли въ Сербіи. То же направленіе сказалось и въ политикѣ правительства князя Милана, по вопросу о Зворникѣ, какъ стратегическомъ пунктѣ на Дринѣ. Наконецъ, въ своей прокламаціи, князь Миланъ опредѣленно высказываетъ что война имъ начатая имѣетъ цѣлью не разрушеніе Турецкой имперіи, а лишь понужденіе Турецкаго правительства на такія уступки, безъ которыхъ нельзя предвидѣть конца безпорядкамъ въ сосѣднихъ и соплеменныхъ съ Сербіей областяхъ. Сообразно съ такою цѣлью составленъ и весь планъ военныхъ дѣйствій: изолировать театръ борьбы въ Босніи и Герцеговинѣ и двигаться на югъ на помощь Старой Сербіи и Болгаріи, вытѣсняя предъ собой турецкія военныя силы. Такой задачѣ отвѣчаетъ движеніе вверхъ по Нишавѣ и сербской Моравѣ съ одной и за Дрину съ другой стороны. Нѣготинская дивизія должна прикрывать тылъ арміи, то-есть Сербію съ ея военными заведеніями и запасами отъ вторженія Турокъ со стороны Виддина.

Успѣхи Сербовъ показываютъ что силы

ихъ достаточны чтобы взять верхъ надъ противникомъ.

Сербія, кажется, не рискуетъ: она хорошо взвѣсила всѣ шансы успѣха и неудачи, и теперь ея войска твердо идутъ къ избранной цѣли въ мѣстности отлично изученной, борясь съ арміей давно и хорошо имъ знакомой. Гдѣ же тутъ отчаянная игра *va-banque*, и въ чьихъ рукахъ та козырная двойка, которая, по пословицѣ, *туза бьетъ?*

№ 164.

Москва, 28-го іюня.

Вопросъ о томъ будетъ ли Турція допущена произвести нападеніе на Сербію со стороны Дуная составляетъ въ настоящую минуту предметъ живѣйшихъ толковъ. Турція обладаетъ цѣлою флотиліей рѣчныхъ канонирокъ, и еслибъ ей возможно было безпрепятственно проникнуть вверхъ по Дунаю, то прилегающая вся сѣверная часть Сербіи вмѣстѣ со столицей оказались бы совершенно открытыми для нападенія. Никакой матеріальной силы Сербія не была бы въ состояніи противопоставить непріятелю съ этой стороны, и исходъ кампаніи не могъ бы подлежать сомнѣнію еслибы Сербы не имѣли могущественнаго оплота въ народномъ правѣ, опираясь на которое она можетъ смѣло надѣяться что, предпринявъ неравный бой и двинувъ всѣ свои силы на югъ, она не имѣетъ надобности прикрываться отъ нападенія Турокъ съ сѣвера.

Но не успѣлъ раздаться первый выстрѣлъ на Station Дринѣ какъ австро-венгерская печать ревностно занялась теоретическимъ разборомъ вопроса о „нейтралитетѣ Дуная,“ перерыла всѣ акты международныхъ соглашеній со времени Вѣнскихъ трактатовъ, и все это для того чтобы „доказать“ Туркамъ что имъ нѣтъ надобности ограничиться одною сухопутною войной, и что они имѣютъ полную возможность пустить въ ходъ противъ своего противника такое оружіе какимъ онъ, будучи отрѣзанъ отъ всякаго моря, не владѣетъ вовсе. Понятно что подобныя „теоретическія“ соображенія, развиваясь въ печати страны господствующей надъ Дунаемъ, именно въ той части его теченія которая омываетъ и сербское побережье, равносильны прямому приглашенію Турціи перенести туда военныя дѣйствія. Нѣтъ сомнѣнія что Турція только и ждетъ разрѣшенія въ этомъ смыслѣ возникшаго вопроса международнаго права чтобы послѣдовать любезному приглашенію венгерской печати и приступить къ бомбардированію Бѣлграда. Повидимому, однако, сама Турція не считаетъ для себя достаточнымъ авторитета своихъ пештскихъ доброжелателей, и выжидаетъ разрѣшенія со стороны болѣе компетентной. Мы не думаемъ чтобы пештскимъ Гуго Гроціямъ принадлежало послѣднее слово въ этомъ вопросѣ. Правда, *Пештскій Ллойдъ*, всегда слывшій органомъ весьма близкимъ къ правительству, тономъ не допускающимъ сомнѣнія высказывается въ статьѣ отъ 1 іюля за полную свободу Турціи „располагать по своему усмотрѣнію всѣми своими военными рессурсами и обстрѣливать Бѣлградъ если она имѣетъ къ тому физическую возможность,“ причемъ съ неменьшимъ вѣсомъ утверждается что „никто, рѣшительно никто, тому воспротивиться не можетъ.“ Однако позволительно думать что усердіе газеты, выражающей въ данномъ случаѣ лишь чувства одушевляющія венгерскихъ патріотовъ, зашло черезчуръ далеко. Даже въ самомъ Пештѣ нашлась газета *(Pester Journal)*, которая настойчиво требуетъ, въ интересахъ австрійской торговли, чтобъ австрійское правительство протестовало противъ захвата Дунайскаго русла для военныхъ цѣлей; и пештскій корреспондентъ *National-Zeitung* сообщаетъ что, по слухамъ, которые онъ имѣетъ основаніе считать достовѣрными, австрійское правительство уже высказалось противъ бомбардированія Бѣлграда (только?) со стороны Дуная, угрожая въ противномъ случаѣ закрыть для Турціи Клекскую гавань. Эта послѣдняя угроза кажется намъ довольно странною, и едва ли вѣроятною. Закрытіе Клека, смѣемъ думать это, должно послѣдовать независимо отъ вопроса о нейтральности Дуная. Военныя суда не могутъ вступить въ эту гавань безъ разрѣшенія Австріи, а такое разрѣшеніе не есть ли само по себѣ нарушеніе нейтралитета? Что же касается Дуная, то если Австрійское правительство (въ чемъ мы не сомнѣваемся) признаетъ что Турція не имѣетъ права пользоваться русломъ Дуная у Бѣлграда для военныхъ цѣлей, то она имѣетъ полную возможность воспротивиться тому непосредственно, не

прибѣгал къ косвеннымъ угрозамъ. Кромѣ того, если въ силу международныхъ трактатовъ русло Дуная не можетъ, подобно открытому морю, считаться свободною ареной для военныхъ дѣйствій, то нейтралитетъ Дуная находится подъ охраной всѣхъ европейскихъ державъ, и каждая изъ нихъ въ отдѣльности можетъ, также какъ и Австрія, воспротивиться военнымъ дѣйствіямъ на международной рѣкѣ.

Въ чемъ же заключаются постановленія международныхъ трактатовъ о Дунаѣ? Въ статьяхъ 108 и 109 Вѣнскаго трактата 1815 г. установленъ общій принципъ, въ силу коего всѣ рѣки протекающія чрезъ территорію нѣсколькихъ государствъ должны быть совершенно свободны для судоходства, начиная отъ пункта гдѣ начинается ихъ судоходность и до устья. Свободный проходъ по такимъ рѣкамъ, для торговыхъ цѣлей, не можетъ быть никому возбраненъ. На государства прилегающія къ такимъ рѣкамъ возлагается совокупная организація учрежденій необходимыхъ для поддержанія судоходности рѣки, судоходной полиціи и для совокупнаго взиманія съ этою цѣлью судовыхъ налоговъ. Для Рейна и его судоходныхъ притоковъ, а также для Мааса и Шельды были въ послѣдствіи выработаны судоходные регламенты, окончательно утвержденные въ 1831 году, которые, согласно ст. 117 Вѣнскаго трактата, получили такую же силу какъ еслибъ они были включены въ текстъ этого трактата. Затѣмъ, ст. 15 Парижскаго трактата 1856 года, ссылаясь на постановленія Вѣнскаго трактата, примѣнила оные вполнѣ къ Дунаю съ оговоркой что свободное судоходство по оному составляетъ отнынѣ часть европейскаго публичнаго права и какъ таковое подчиняется гарантіи державъ участвовавшихъ въ Парижскомъ трактатѣ. Въ стт. 16—19 Парижскаго трактата заключается дальнѣйшее развитіе ст. 15. Въ нихъ постановлено объ образованіи двухъ коммиссій, одной общеевропейской, временной, на которую возложено дѣло очистки Дунайскихъ гирлъ, а другой постоянной, изъ представителей прибрежныхъ государствъ, которая должна была выработать регламентъ судоходства въ духѣ постановленій объ этомъ предметѣ Вѣнскаго трактата и затѣмъ завѣдывать, на основаніи оныхъ, судоходствомъ по Дунаю. Въ 1857 году, выработанный коммиссіей регламентъ облеченъ былъ въ форму конвенціи заключенной между Австріей, Баваріей, Виртембергомъ и Портой. По поводу этой конвенціи возникли дипломатическія пререканія, такъ какъ Франція настаивала на томъ чтобы конвенція, какъ вытекавшая изъ постановленій Парижскаго трактата, была представлена на утвержденіе державъ подписавшихъ этотъ трактатъ. Вѣнскій кабинетъ этому воспротивился, ссылаясь на то что и конвенція 1831 года о судоходствѣ по Рейну не была представляема на утвержденіе державъ участвовавшихъ въ Вѣнскомъ трактатѣ. Въ этомъ спорѣ Австрія одержала верхъ. Конвенція 1857 года была офиціально опубликована подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Convention relative à la navigation du Danube signée entre l'Autriche, la Bavière, la Turquie, le Wurtemberg et *non approuvé par la conférence de Paris*.

Пештскій Ллойдъ, въ статьѣ о которой мы выше упомянули, доказываетъ что такъ какъ конвенція о судоходствѣ по Дунаю осталась неподписанною державами участвовавшими въ Парижскомъ трактатѣ, то кромѣ государствъ подписавшихъ эту конвенцію никакое другое европейское государство не имѣетъ права возразить противъ *нарушенія оной* открытіемъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ.

Этотъ выводъ пештской газеты самъ по себѣ въ высшей степени характеристиченъ. Турецкіе патріоты въ столицѣ Венгріи согласны что военныя дѣйствія на Дунаѣ были бы нарушеніемъ конвенціи 1857 года; но это нарушеніе конвенціи касается де лишь тѣхъ державъ которыя въ оной участвовали, въ томъ числѣ Австріи; Австрія же, по мнѣнію все тѣхъ же мадьярскихъ ревнителей ислама, не задумается пожертвовать принадлежащимъ ей правомъ дабы дать турецкому оружію возможность справиться съ „сербскими мятежниками.“

Но, повторяемъ, мадьярскіе органы черезчуръ торопятся чтобы придти къ желанному для нихъ и для Турціи заключенію. Правда, конвенція 1857 года о судоходствѣ по Дунаю не была представлена на утвержденіе всѣхъ великихъ державъ участвовавшихъ въ Парижскомъ трактатѣ, подобно тому какъ конвенція о судоходствѣ по Рейну не была утверждена всѣми державами участвовавшими въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ утвержденіе конвенцій было признано *излишнимъ* въ силу того соображе-

нія (выставленнаго Австріей и принятаго прочими державами) что конвенціи эти были ничѣмъ инымъ какъ дальнѣйшимъ развитіемъ принциповъ освященныхъ общеевропейскими трактатами (Вѣнскимъ и Парижскимъ). Свободное плаваніе по Дунаю есть принципъ торжественно провозглашенный Парижскимъ трактатомъ и поставленный подъ охрану всѣхъ державъ участвовавшихъ въ ономъ. А потому не подлежитъ сомнѣнію что нарушеніе этой свободы плаванія чрезъ военныя дѣйствія, или хотя бы только военныя приготовленія предшествующія свободному и безопасному движенію по руслу Дуная, было бы нарушеніемъ народнаго права, такимъ нарушеніемъ которое не могло бы быть покрыто и въ томъ случаѣ еслибъ австрійское правительство, въ угоду *Пештскому Ллойду*, дѣйствительно вздумало предоставить Портѣ всяческія облегченія къ бомбардированію Бѣлграда.

Всѣ вышеупомянутые трактаты и конвенціи не касаются прямо вопроса о военныхъ дѣйствіяхъ на руслѣ рѣки. Тѣмъ не менѣе трактаты эти вполнѣ опредѣлительно разрѣшають его, ибо свобода плаванія по международнымъ рѣкамъ, ими установленная, исключаетъ всякую мысль о военныхъ дѣйствіяхъ на тѣхъ рѣкахъ. Допустить какое-либо иное заключеніе немыслимо, ибо это значило бы совершенно упразднить принципъ свободнаго плаванія и притомъ не только въ исключительныхъ случаяхъ войны, но и въ мирное время. Новѣйшее развитіе военно-морскаго дѣла, о которомъ еще не помышляли въ эпоху судоходныхъ конвенцій, не ограничилось изобрѣтеніемъ новыхъ типовъ военныхъ судовъ и примѣненіемъ оныхъ къ военнымъ операціямъ на большихъ рѣкахъ. На Потомакѣ и Миссиссипи, послужившихъ впервые ареной для большихъ „рѣчныхъ сраженій,“ въ столь же колоссальныхъ размѣрахъ примѣнена была система оборонительныхъ подводныхъ минъ (торпедъ). Неужели же и на международныхъ рѣкахъ открытыхъ для „свободнаго плаванія“ можетъ быть допущено сооруженіе торпедъ? А можно ли не допустить ихъ, и притомъ заранѣе, до открытія военныхъ дѣйствій, если признать что русло этихъ рѣкъ открыто для дѣйствій рѣчныхъ канонирокъ и мониторовъ?

№ 165.

Москва, 30-го іюня.

А.

Война на Балканскомъ полуостровѣ *локализована*, и Турки, какъ на зло своимъ венгерскимъ доброхотамъ, „отказались“ отъ военныхъ дѣйствій на руслѣ Дуная, „соглашаясь“ на его нейтрализацію, въ угоду будто бы Румыніи, образъ дѣйствій которой заслуживаетъ полнаго „довѣрія“ со стороны Турокъ.

Такимъ образомъ, дальнѣйшій ходъ борьбы зависитъ теперь исключительно отъ развитія энергіи и сухопутныхъ средствъ воюющихъ сторонъ.

Послѣднія телеграммы не оставляютъ сомнѣнія что средства эти быстро увеличиваются. Возстаніе охватываетъ уже большую часть Старой Сербіи и Болгаріи. Силы Босняковъ и Герцеговинцевъ организуются. Изъ *усташей* собравшихся въ окрестностяхъ Виддина явилась возможность составить „авангардъ“ сербской арміи на Тимокѣ. Только что вспыхнувшее возстаніе въ исторической Пристинѣ, въ Старой Сербіи, какъ разъ на одномъ изъ важнѣйшихъ путей сообщенія Турокъ—желѣзной дорогѣ изъ Салоникъ въ Митровицу — можетъ весьма способствовать успѣху дѣйствій въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ самомъ Сербскомъ княжествѣ формируется седьмая дивизія.

Въ свою очередь Турки получили, повидимому, довольно сильныя подкрѣпленія, частью чрезъ Салоники и Митровицу, частью на Филиппополь и Софію. Рущукскій гарнизонъ весь переведенъ въ Виддинъ.

Полученныя обѣими сторонами подкрѣпленія даютъ поводъ ожидать въ скоромъ времени начатія рѣшительныхъ дѣйствій. Турки, какъ видно, уже готовятся къ нимъ и производятъ такъ-называемыя *усиленныя* рекогносцировки, одною изъ каковыхъ и былъ бой у Янкова и Клиссуры, на южной границѣ Сербіи, замѣчательный своею продолжительностью и упорствомъ.

Предъ объявленіемъ войны, Турецкая армія охватывала княжество Сербію на протяженіи всей ея границы, отъ устья Дрины до впаденія Тимока въ Дунай. Первоначально силы Турокъ были весьма незначительны: такъ около 15 іюня въ Виддинѣ и Нишѣ, по газетнымъ извѣстіямъ, было сосредоточено всего около

32 тысячъ. Къ открытію военныхъ дѣйствій численность турецкихъ войскъ выставленныхъ противъ Сербіи значительно возрасла, и кольцо образуемое ими тѣснѣе охватило Княжество.

Подъ вліяніемъ этихъ условій, созданъ былъ планъ дѣйствія Сербскихъ войскъ выдвинутыхъ въ Боснію, Старую Сербію и Болгарію: разорвавъ турецкое кольцо, изолировать дѣйствія въ Старой Сербіи и Герцеговинѣ.

Съ этою цѣлью южная армія, изъ трехъ дивизій, подъ командой генерала Черняева, должна была двинуться къ Нишу и оперировать по линіи Нишъ, Софія, Филиппополь. Колонна генерала Заха, силою до 20.000, назначалась занять перешеекъ между Сербіей и Черногоріей, взять Новый Базаръ и закрыть пути ведущіе въ Боснію и Герцеговину.

Остальныя затѣмъ двѣ дивизіи Сербовъ назначались: одна—для операцій въ Босніи, другая—собранная на Тимокѣ, для наблюденія за Турками у Виддина.

Утромъ, 20 іюня, войска генерала Черняева уже стояли въ виду Ниша; въ то же время часть войскъ двинута по Моравѣ, правѣе, съ цѣлью отвлечь вниманіе турецкаго главнокомандующаго въ ту сторону. Маневръ удался, и за нимъ 21 іюня, послѣдовалъ штурмъ Бабиной Главы, удача котораго открыла для Сербовъ путь сообщенія Ниша съ Софіей и Филиппополемъ. Въ десяти верстахъ отъ Ниша дорога эта „выходитъ на обширную долину „Мустафа-паша-Паланка;“ долина эта тянется болѣе двадцати верстъ и замыкается городомъ Акъ-Паланкой, въ 35 верстахъ отъ Ниша. Дѣйствія Сербовъ противъ этого послѣдняго города ограничились, до сихъ поръ, рекогносцировкою произведенною 22 іюня генераломъ Стратимировичемъ съ 5-ю баталіонами пѣхоты и десятью орудіями. Дѣло было удачное: мостъ чрезъ Нишаву взятъ, турецкія орудія сбиты, сербскіе стрѣлки проникли частью до самыхъ стѣнъ Акъ-Паланки. Но взятіе города „не входило въ намѣренія генерала Черняева;“ поэтому генералъ Стратимировичъ, исполнивъ данное ему порученіе, отошелъ назадъ, „не тревожимый непріятелемъ.“ Затѣмъ, до послѣдняго времени, какъ свидѣтельствуетъ официальная бѣлградская телеграмма, „генералъ Черняевъ „держится на Турецкой территоріи безъ „дальнѣйшихъ битвъ.“

Позднѣе, именно только 24 іюня, начались дѣйствія отряда генерала Заха, направленныя на путь сообщенія турецкихъ войскъ дѣйствующихъ въ Босніи.

Путь этотъ, начиная съ Баньскаго дефиле у Митровицы, идетъ чрезъ Новый Базаръ на Сѣницу, Новый-Варошъ и Пребой; у Сѣницы и Вароша отдѣляются дороги ведущія въ долину рѣки Лима, къ Преполью. Мѣстность здѣсь вездѣ гористая, горы покрыты лѣсомъ, движеніе повозокъ если не невозможно вовсе, то весьма затруднительно.

Чтобъ окончательно прервать сообщенія Турокъ съ Босніей и войти въ связь съ войсками дѣйствующими на южной границѣ Черногоріи, генералъ Захъ долженъ былъ, согласно первоначальному предположенію, занять не только Новый Базаръ, но и долину Лима. Задача эта приводится имъ въ исполненіе въ настоящее время, какъ то свидѣтельствуютъ дѣйствія имъ предпринятыя: 24 іюня части отряда генерала Заха перешли Сербскую границу у Явора (близь Сѣницы) и у Рашки, противъ Новаго Базара, то-есть направляясь на два главнѣйшіе пункта турецкихъ сообщеній.

Дѣйствія у Новаго Базара были вполнѣ удачны: къ 26 іюня городъ былъ окруженъ Сербами окончательно, и отряды ихъ, перейдя чрезъ Ибаръ у Яриньи, грозили Митровицѣ. Опасность, коей подвергаются турецкія войска въ случаѣ занятія Сербами этой конечной станціи желѣзной дороги и дефилей на пути къ Новому Базару, до того напугала Турокъ что весь Салоникскій гарнизонъ, въ воскресенье, 27 іюня, „былъ внезапно отправленъ къ Митровицѣ“ по желѣзной дорогѣ.

У Сѣницы (24 іюня) и позднѣе у Новаго Вароша (26 іюня) Сербы не имѣли рѣшительнаго успѣха. Турки расположенные въ окопахъ, удержали свои позиціи, но были не въ силахъ отбросить Сербовъ, послѣдніе остались на турецкой территоріи, слѣдовательно почти достигли своей цѣли.

Турецкій корпусъ у Виддина, въ теченіе всего этого времени, употреблялъ энергическія мѣры чтобы хоть косвенно пріостановить успѣхи войскъ генераловъ Черняева и Заха. Паша предпринималъ цѣлый рядъ нападеній на Зайчаръ чтобы проникнуть въ Сербію. Но усилія эти были отбиты, и дѣло кончилось тѣмъ что Серб-

ская Тимокская армія перешла границу у Брегова и стала твердою ногой на кратчайшемъ пути ведущемъ къ Виддину, на флангѣ дорогъ отъ Виддина на Зайчару и южнѣе.

Если въ планъ дѣйствій Сербскихъ войскъ дѣйствительно входилъ прорывъ турецкой линіи и разобщеніе войскъ дѣйствующихъ въ Босніи и Герцеговинѣ съ остальною Турціей, то цѣль эта въ главныхъ чертахъ достигнута обложеніемъ Новаго Базара и открытіемъ свободнаго доступа на дорогу отъ Ниша къ Софіи и Филиппополю. Сербамъ остается только довершить начатое такъ удачно и окончательно утвердиться на занятыхъ позиціяхъ чтобы получить возможность двинуться далѣе къ Софіи и можетъ-быть къ Пристинѣ на Салоникской дорогѣ, тѣмъ спокойнѣе что за ходъ дѣлъ въ Босніи и Герцеговинѣ нѣтъ причины опасаться.

Дринская дивизія съ самаго начала имѣла рядъ успѣшныхъ стычекъ завершенныхъ 24 іюня взятіемъ штурмомъ укрѣпленной Бѣлины. Положеніе Дринской дивизіи значительно облегчилось вступленіемъ Черногорцевъ въ Герцеговину, отвлекшимъ въ эту сторону часть турецкихъ войскъ уже двинутыхъ было изъ Мостара къ Бѣлинѣ, закрытіемъ Клекской гавани для Турокъ и взятіемъ Сербами Малаго Зворника на デринѣ, какъ удобнаго мѣста для переправы и вторженія въ Сербію съ запада.

Но у турокъ нашлись неожиданные, хотя и не совсѣмъ безкорыстные союзники. Извѣстная партія въ Венгріи, такъ горячо заинтересованная успѣшнымъ подавленіемъ „сербскихъ мятежниковъ,“ не ограничивается преподаніемъ Турціи мудраго совѣта не обращать вниманія на международные трактаты и интересы самой Австріи, а пустить въ дѣло дунайскія канонирки и сжечь Бѣлградъ. Венгерскіе выходцы толпами спѣшатъ въ Боснію и предлагаютъ свои услуги въ обмѣнъ на турецкіе дукаты. Во всѣхъ дѣлахъ подъ Бѣлиною раздавались явственно команды на нѣмецкомъ и венгерскомъ языкахъ!

Но такое теплое участіе венгерскихъ патріотовъ, даже и съ Клапкой во главѣ, едва ли серіозно поможетъ Туркамъ; да оно вѣроятно и скоро прекратится, потому что „дукатовъ“ въ турецкомъ карманѣ не много, въ особенности у нашей дѣйствующихъ въ Босніи и Герцеговинѣ.

Б.

Въ торговомъ мірѣ ходитъ по рукамъ отчетъ за 1875 годъ о торговлѣ Русскихъ въ Ханькоу, напечатанный за подписью г. Пономарева. Въ нашихъ торговыхъ дѣлахъ тамъ, какъ оказывается, обнаружился серіозный поворотъ къ худшему. „Ввозъ товаровъ изъ Россіи,“ такъ начинаетъ свой отчетъ г. Пономаревъ, „съ каждымъ го„домъ уменьшается въ весьма значитель„ныхъ размѣрахъ, а въ 1875 году пре„взошелъ всякія ожиданія своею ничтож„ностью.“ Для нагляднаго подтвержденія этого печальнаго факта, въ отчетѣ приводятся для сравненія цифры сбыта шерстяныхъ матерій въ Китаѣ съ 1867 по 1875 годъ включительно. Между прочимъ, авторъ говоритъ что русскихъ шерстяныхъ товаровъ продано въ Ханькоу:

Въ 1867	году	4.162	половинокъ.
„ 1868	„	5.780	„
„ 1869	„	5.290	„
„ 1870	„	5.613	„
„ 1871	„	4.437	„
„ 1872	„	2.812	„
„ 1873	„	1.731	„
„ 1874	„	1.199	„
„ 1875	„	1.191	„

Положимъ, послѣдняя изъ приведенныхъ цифръ, относящаяся къ 1875 году, очень мало отличается отъ цифры сбыта русскихъ суконъ въ предшедшемъ 1874 году, и потому не вполнѣ согласуется съ высказаннымъ предварительно общимъ замѣчаніемъ объ исключительно неблагопріятномъ ходѣ русской торговли въ Ханькоу именно въ 1875 году. Но этотъ недосмотръ, эта неважная обмолвка не ослабляетъ общаго впечатлѣнія производимаго тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ что все послѣднее пятилѣтіе было періодомъ быстраго упадка въ сбытѣ русскихъ суконъ въ Ханькоу, и русскіе торговцы ведущіе дѣла въ Китаѣ, конечно, должны обратить на этотъ фактъ серіозное вниманіе. Указаніемъ на упомянутый фактъ г. Пономаревъ въ своемъ отчетѣ не ограничивается. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія онъ сопровождаетъ изложеніемъ причинъ поведшихъ, по его мнѣнію, къ прекращенію сбыта русскихъ товаровъ въ Ханькоу,—и нельзя, конечно, не поблагодарить г. Пономарева за попытку разъяснить эти причины. При неблагопріятномъ оборотѣ въ ходѣ любаго дѣла, изученіе и указаніе причинъ такого обо-

рота всегда имѣютъ несомнѣнную важность. Лишь уяснивъ себѣ тѣ обстоятельства которыя невыгодно отзываются на дѣлѣ можно составить планъ дальнѣйшей дѣятельности направляемой не наугадъ, а съ сознательною надеждой на успѣхъ. Но само собою разумѣется что такой планъ долженъ быть соображенъ не съ мечтательными, а съ дѣйствительными условіями дѣла, ибо ошибка въ оцѣнкѣ повредившихъ ему обстоятельствъ, если она не будетъ замѣчена и ляжетъ въ основаніе мѣръ принимаемыхъ съ цѣлью поправить дѣло, можетъ еще болѣе подорвать его и даже погубить окончательно. Нельзя, поэтому, принять на вѣру тѣ объясненія какія дастъ г. Пономаревъ въ своемъ отчетѣ, и сличеніе ихъ съ тѣми свѣдѣніями какія находимъ въ отчетахъ о торговлѣ въ Китаѣ другихъ европейскихъ націй, а также и съ фактами сообщаемыми въ самомъ отчетѣ г. Пономарева, не позволяютъ согласиться съ его заключеніями.

Худое положеніе русской привозной торговли въ Ханькоу г. Пономаревъ объясняетъ прежде всего громаднымъ урожаемъ въ Китаѣ шелка, на который требованіе въ Европу ежегодно уменьшается, несмотря на его дешевыя цѣны: „Спросъ на шелкъ „уменьшился, а урожай его увеличился; „и вотъ," —говоритъ г. Пономаревъ,— „избытокъ этого продукта Китайцы упо„требляютъ сами, находя что шелковыя „матеріи красивѣе и значительно дешев„ле противъ шерстяныхъ европейскихъ „тканей, и поэтому въ покупку послѣд„нихъ входятъ не много." Вторую причину прекращенія сбыта нашихъ суконъ, особенно фабрики Бабкиныхъ, авторъ отчета полагаетъ въ усиленіи сбыта поддѣльнаго сукна, дошедшаго въ 1875 году, въ одномъ Ханькоу, до *четырехъ тысячъ* половинокъ.

Итакъ, главная причина упадка русскаго сбыта въ Китаѣ—тамошній урожай шелка и предпочтеніе Китайцами шелковыхъ тканей шерстянымъ. Причина роковая и неустранимая; ни уменьшить размѣры урожая шелка въ Китаѣ, ни побудить Китайцевъ къ предпочтенію дорогихъ шерстяныхъ тканей дешевымъ шелковымъ невозможно. Чтобы не прати противъ рожна, русскимъ торговцамъ приходится сложить руки и отказаться отъ сбыта суконъ и шерстяныхъ тканей въ Ханькоу... Но такъ ли это? Вѣрно ли то что говоритъ г. Пономаревъ о шелкѣ и вліяніи его на сбытъ „шерстяныхъ европейскихъ тканей?"

Въ отчетѣ г. Пономарева сказано что спросъ на шелкъ изъ Китая уменьшился. Между тѣмъ всѣ иностранные отчеты, какъ консульскіе такъ и торговыхъ палатъ въ китайскихъ портахъ согласно показываютъ что вывозъ шелка изъ Китая, напротивъ, постоянно увеличивается, и особенно увеличился въ послѣдніе два сезона, превысивъ вывозъ сезона 1873—74 года сразу на 15.000 тюковъ ($71^1/_2$ тысячъ противъ $56^1/_2$). Ходъ шелковаго дѣла былъ таковъ: Когда, по болѣзни шелковичнаго червя въ Италіи и Франціи, производство шелка въ этихъ странахъ значительно сократилось, это обстоятельство заставило броситься для добычи здоровыхъ яичекъ и къ намъ въ Туркестанъ, и въ Японію, и цѣна на шелкъ естественно должна была возвыситься въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ червь сохранился здоровымъ. Но это самое возвышеніе цѣны усилило производство шелка какъ въ Китаѣ, такъ и въ другихъ странахъ. Въ то же время наступилъ періодъ европейскихъ войнъ 1866—1871 годовъ, вдругъ сократившій производство шелковыхъ матерій въ Австріи, Германіи, Италіи и особенно во Франціи; не мудрено, поэтому, что съ одной стороны усиленіе производства шелка, а съ другой сокращеніе выдѣлки изъ него матерій, содѣйствовали значительному пониженію цѣнъ на сырой шелкъ. Когда, затѣмъ, выдѣлка матерій возобновилась, то съ разведеніемъ вновь здоровой породы червей въ Италіи и Франціи увеличилось снова производство шелка въ Европѣ, и разумѣется, цѣны на азіятскихъ рынкахъ не могли уже подняться до прежняго размѣра. Но и тамъ, однакоже, спросъ все еще увеличивается, какъ свидѣтельствуетъ вывозъ его изъ Китая, увеличившійся въ одну только Францію слишкомъ вдвое въ теченіи какихъ-нибудь двухъ лѣтъ, а именно до 30.000 тюковъ въ сезонъ 1875—1876, противъ $13^2/_3$ тысячъ въ сезонъ 1873—1874. Откуда же, спрашивается, заимствовалъ г. Пономаревъ свѣдѣнія объ уменьшеніи вывоза шелка изъ Китая, и можно ли, въ виду сказаннаго, признать справедливымъ его объясненіе что сбытъ нашихъ суконъ уменьшился отъ замѣны ихъ мѣстными шелковыми тканями, и что усиленіе производства послѣднихъ произошло вслѣдствіе уменьшенія вывоза шелка?

Но и оставляя шелкъ въ сторонѣ, есть ли вообще основаніе полагать что сбытъ „европейскихъ шерстяныхъ тканей" въ Китаѣ уменьшается? Правда, сбытъ русскихъ суконъ въ 1875 году опредѣляется болѣе чѣмъ скромною цифрой 1.191 половинокъ. Но прибавьте къ этой цифрѣ упоминаемыя въ отчетѣ г. Пономарева 4.000 половинокъ нѣмецкаго поддѣльнаго сукна, замѣнившаго русское,—и получите 5.191 половинокъ,—количество превосходящее ввозъ хорошихъ 1867 и 1871 годовъ. А при этомъ еще не берется въ разчетъ увеличеніе сбыта англійскихъ шерстяныхъ матерій. Не очевидно ли что сбытъ шерстяныхъ европейскихъ матерій въ Китай вообще нисколько не уменьшился, а только уменьшился исключительно сбытъ однихъ русскихъ суконъ? И шелкъ, и шелковыя матеріи тутъ ни причемъ.

Итакъ объясненіе уменьшенія сбыта русскихъ суконъ въ южномъ *) Китаѣ должно искать не въ дешевизнѣ шелка и замѣнѣ шерстяныхъ матерій шелковыми, а въ другихъ обстоятельствахъ. На нихъ, впрочемъ, давно уже было указано, и заключаются они частію въ общемъ, повсемѣстномъ явленіи предпочтенія въ настоящее время непрочнаго, но дешеваго товара прочному, но дорогому, частію въ обстоятельствахъ частныхъ и мѣстныхъ относящихся къ Китаю и спеціально къ южному Китаю и заключающихся, съ одной стороны, въ общемъ обѣдненіи Китая, что̀ по неволѣ заставляетъ предпочитать дешевое, а съ другой—въ отсутствіи необходимости въ южномъ климатѣ носить плотныя, болѣе теплыя ткани. Относительно обѣдненія Китайцевъ сообщалъ и нашъ генеральный консулъ въ Китаѣ, указывая на него какъ на одну изъ причинъ уменьшенія требованій на дорогія сукна. Въ корреспонденціяхъ изъ Шанхая давно уже указывалось на то обстоятельство что суконная одежда для южнаго Китая вовсе не по климату, и если требуется въ извѣстныхъ случаяхъ, то естественно что коль скоро стали появляться сукна по виду похожія на требуемыя, но дешевле русскихъ, то Китайцы на нихъ и набросились, а разница въ цѣнѣ громадная, по свидѣтельству самого г. Пономарева въ его отчетѣ. Поддѣльное нѣмецкое сукно продается, говоритъ онъ, не безъ выгоды, по 23 лана за половинку, а настоящее Бабкинское, если за него взять и 35 ланъ, то едва ли возвратитъ свою стоимость. Было время когда прочныя русскія сукна имѣли обезпеченный сбытъ въ Китаѣ, но это время уже прошло. Съ этимъ надо примириться, но отсюда еще далеко до мнѣнія что и никакія русскія сукна, никакія русскія шерстяныя матеріи не могутъ имѣть тамъ хорошаго сбыта. Въ Китаѣ повторяется то что̀ отчасти имѣло уже мѣсто у насъ въ Россіи. Вѣроятно, у насъ еще найдутся старые люди въ народѣ которые съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о прежнихъ набойкахъ и выбойкахъ, которымъ „износа не было;" однакоже ни одинъ фабрикантъ не станетъ готовить и навязывать публикѣ эти ткани на томъ только основаніи что онѣ прочнѣе нынѣшнихъ рѣдкихъ бумажныхъ тканей и прежде расходились хорошо. Общее правило что фабрикантъ долженъ сообразоваться съ современными требованіями, привычками и вкусами, и нигдѣ, конечно, не мечтаетъ онъ подчинить публику своимъ соображеніямъ. Было время когда у насъ въ гвардіи было почти обязательно для мундировъ дорогое англійское сукно (до 42 р. асс. при жалованьи поручику въ 720 р. асс.), и не допускалась ни подъ какимъ видомъ мишура, а такъ ли теперь? Приноровившіяся къ измѣнившимся условіямъ спроса въ Россіи, торговля и промышленность должны, если желаютъ успѣха, приноровиться и къ нынѣшнимъ условіямъ спроса въ Китаѣ. Если для Китайцевъ явилась возможность замѣнять наши сукна несравненно дешевѣйшими сукнами и другими шерстяными тканями, то нашимъ фабрикантамъ нечего упорствовать въ производствѣ того что̀ болѣе въ извѣстномъ мѣстѣ не требуется, а необходимо сообразоваться съ мѣстными и современными требованіями, слѣдуя примѣру Англичанъ и Нѣмцевъ.

*) До сѣвернаго Китая, куда русскія сукна идутъ черезъ Кяхту, сказанное здѣсь не относится; новыхъ жалобъ объ упадкѣ сбыта русскихъ суконъ оттуда не слышно. Напротивъ, намъ сообщали изъ Кяхты что въ нынѣшнемъ году, въ одинъ мартъ мѣсяцъ, отпущено изъ Кяхты въ Китай 4.645 половинокъ русскаго сукна.

№ 166.

Москва, 1-го іюля.

На прошедшей недѣлѣ телеграфъ сообщилъ намъ весьма кратко о вытребованномъ въ Палатѣ Общинъ у британскаго премьера обѣщаніи не замедлить сообщеніемъ Парламенту дипломатической корреспонденціи по поводу восточныхъ затрудненій. Изъ отчета объ этихъ преніяхъ, въ полученныхъ нами газетахъ, мы узнаемъ что они были важнѣе всѣхъ предыдущихъ объясненій. Если они намъ не сообщаютъ ни одного новаго факта, за то выставляютъ въ рѣзкомъ контрастѣ дѣйствія англійской и русской политики.

Г. Дизраэли производилъ эффектные *coups de théâtre*, требуя отъ страны довѣрія, отъ Парламента „патріотической сдержанности," и въ результатѣ оказывается невѣроятный фактъ что за мѣсяцъ предъ закрытіемъ сессіи, въ минуту когда кризисъ принялъ болѣе тревожный оборотъ, въ свободномъ англійскомъ Парламентѣ, отъ коего должно зависѣть рѣшеніе Англіи, никто не знаетъ не только какова настоящая политика ея правительства, но каковы были ея прежнія дѣйствія, какими побужденіями она руководилась. Г. Дизраэли хотѣлъ разыграть роль Пальмерстона, но попытка была не совсѣмъ удачная.

Пренія 3-го іюля въ Палатѣ Общинъ возникли совершенно неожиданно. Когда, въ отвѣтъ на запросъ лорда Гартингтона, г. Дизраэли подтвердилъ извѣстіе объ объявленіи войны Сербіей и Черногоріей, и хотѣлъ еще оттянуть подолѣе объясненія, заявилъ что корреспонденція очень объемиста и отчасти имѣетъ конфиденціальный характеръ, то многіе поняли опасность что страна втягивается въ политику ей невѣдомую, и независимый депутатъ г. Дженкинсъ обратилъ вниманіе на вѣнскую корреспонденцію въ *Times*, въ которой съ авторитетомъ говорилось объ англійской политикѣ. Посреди шума и перерывовъ министерскаго большинства, г. Дженкинсъ настоялъ на своемъ и потребовалъ объясненія отъ правительства. Г. Дизраэли презрительно отозвался что о политикѣ правительства должно судить не по извѣстіямъ разныхъ „собственныхъ корреспондентовъ" газетъ, а по документамъ которые вскорѣ будутъ представлены. Но тутъ всталъ г. Брайтъ. Онъ говорилъ не какъ человѣкъ партіи, не какъ оппонентъ торійскаго кабинета; заклиналъ его не дѣлать роковой ошибки какая была сдѣлана либеральнымъ правительствомъ 1854 года, когда оно втянуло страну въ кровопролитную войну которая „была несправедливо начата, велась бѣдственно и кончилась безславно." Г. Брайтъ убѣжденъ что премьеръ въ четверть часа могъ бы разказать все что отъ него желаютъ узнать, напримѣръ: почему согласившись на ноту графа Андраши, правительство потомъ отказалось отъ Берлинскаго меморандума? Ветеранъ англійскаго радикализма заклиналъ не жертвовать британскою кровью и британскою казной на поддержаніе цѣлости Оттоманской имперіи. Онъ утверждалъ что страна не одобритъ даже „нравственной поддержки Турокъ въ противодѣйствіе усиліямъ нѣкоторыхъ подданныхъ Порты добиться освобожденія," и заявилъ что страна желаетъ нейтралитета въ начавшейся великой борьбѣ которая была неизбѣжна.

Рѣчь знаменитаго оратора произвела сильное впечатлѣніе. Г. Брайтъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ откровеннымъ противникомъ и Крымской войны. Но тогда его не слушали, и за свои мнѣнія онъ даже поплатился на нѣсколько лѣтъ популярностью. Авторитету лорда Пальмерстона удалось убѣдить не только Англію, но почти всю Европу что Турціи предстоитъ блестящая будущность, и Англичане лили за нее свою кровь и давали ей свои деньги. Теперь, двадцать слишкомъ лѣтъ спустя, имъ представляется та же перспектива. Естественно что воспоминаніе о прежнихъ напрасныхъ жертвахъ даетъ словамъ г. Брайта иное значеніе чѣмъ прежде. Когда затѣмъ сэръ-Генри Вульфъ сталъ было доказывать что теперь происходитъ точь въ точь то же что въ 1853 году, и выразилъ убѣжденіе что страна вполнѣ одобритъ образъ дѣйствій правительства, то его прервали нѣсколько голосовъ: — Какія дѣйствія? „Правительство, возразилъ ораторъ, отправило флотъ въ Безикскую бухту." Отвѣтомъ на это былъ смѣхъ!...

Но важнѣе было послѣдующее заявленіе о полной неизвѣстности политики правительства. Это прямо высказалъ одинъ изъ уважаемыхъ членовъ Палаты, профессоръ Фосеттъ, и еще рѣзче вождь оппозиціи лордъ Гартингтонъ. Вотъ буквально

слова послѣдняго: „Я не думаю чтобы правительство было въ заблужденіи будто страна не слѣдитъ за ходомъ событій на Востокѣ съ величайшею тревогой, или чтобъ она готова была принять съ слѣпымъ довѣріемъ политику правительства пока она не будетъ имѣть болѣе широкой возможности составить себѣ понятіе о томъ какова была эта политика;“ и далѣе: „Совершенно невозможно для насъ (оппозиціи) требовать отъ правительства чтобъ оно сказало намъ какой политики оно теперь слѣдуетъ пока мы остаемся въ невѣдѣніи о томъ какой политикѣ оно слѣдовало.“ Г. Дизраэли отвѣчалъ на это только повтореніемъ обѣщаній сообщить въ скорости всѣ документы.

Скрывая такимъ образомъ свою политику въ глубокой тайнѣ, англійскіе министры пользовались откровенностью Россіи чтобы, какъ говорится по-англійски, выставить все дѣло *on false pretences*. Шумѣли, кричали, толковали о правахъ Турокъ, но конечно о нихъ теперь никто не заботится. Шумѣли, кричали, толковали о честолюбіи Россіи, но никто не указалъ въ чемъ же это честолюбіе? Какія пріобрѣтенія замышляла Россія? Какъ ни изощрялись различные публицисты и корреспонденты въ изобличеніяхъ, но, наперекоръ имъ, Россія была такъ миролюбива, такъ внимательна къ интересамъ вовсе ей чуждымъ что готова была приносить имъ въ жертву свое вліяніе и значеніе между родственными ей племенами. Послѣ упомянутыхъ преній, газета *Times* выражала надежду что „всякой таинственности наступитъ конецъ, и виды правительства будутъ объяснены для всей націи.“ Весьма возможно, какъ мы замѣтили на дняхъ, что у г. Дизраэли есть какіе-либо особые планы. Не предчувствіемъ ли таковыхъ объясняется и безмолвное, столь продолжительное согласіе Парламента соблюдать „патріотическую сдержанность?“ Но теперь чувствуется критическая минута опасности. Драма на Востокѣ разгарается сильнѣе, черезъ мѣсяцъ Парламентъ разойдется, и правительство останется на полгода безконтрольнымъ распорядителемъ судебъ Англіи. Оно можетъ вовлечь ее въ большія затрудненія. Въ виду этого, британскіе *patres conscripti* естественно желаютъ знать чѣмъ Англія рискуетъ и ради какихъ цѣлей.

Еще одно замѣчаніе. Сама по себѣ Англія, однѣми собственными силами не въ состояніи осуществить никакого смѣлаго плана во вкусѣ г. Дизраэли. По поводу обѣщанной корреспонденціи, британскій премьеръ знаменательно далъ понять что не малая часть этой корреспонденціи имѣетъ конфиденціальный характеръ, и потому для обнародованія оной нужно де испросить согласіе другихъ державъ. Слѣдовательно, въ тайнѣ англійской политики замѣшаны и другіе. Кто же эти другіе? Англичане при такихъ сдѣлкахъ руководятся правиломъ *give and take*; только стараются всегда взять сколь можно больше, а дать сколь можно меньше. Такимъ образомъ англійскіе министры умѣли ладить съ покойнымъ Наполеономъ III, предоставляя ему *la gloire*, а себѣ существенныя выгоды. Весь вопросъ въ томъ есть ли теперь данныя для выгоднаго *bargain* такого рода, и кого Англичанамъ удастся соблазнить приманкой? А ошибка въ разчетѣ можетъ обойтись Англіи дороже чѣмъ воображаетъ г. Дизраэли.

№ 167.

Москва, 2-го іюля.

Война, свирѣпствующая нынѣ на Балканскомъ полуостровѣ, во всѣхъ отношеніяхъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ войнъ. Все въ ней ненормально, все въ ней несоразмѣрно: ни численныя силы обоихъ противниковъ, ни ихъ средства, ни поддержка со стороны. Война эта началась и велась съ постояннымъ успѣхомъ, въ продолженіе безъ малаго года, нѣсколькими тысячами кое-какъ вооруженныхъ жителей Герцеговины, одной изъ бѣднѣйшихъ провинцій Турціи; на помощь этой горсти героевъ выступаютъ нынѣ открыто два княжества, коихъ населеніе, вмѣстѣ взятое, не превосходитъ 2.000.000 душъ; эти два княжества объявляютъ войну державѣ, коей владѣнія простираются въ трехъ частяхъ свѣта: въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, при 45 милліонахъ подданныхъ; мало того, у этихъ двухъ княжествъ нѣтъ свободнаго доступа къ морю, ихъ владѣнія отрѣзаны отъ Европы территоріей великой державы, гдѣ видимо преобладаетъ нерасположеніе къ Славянамъ, тогда какъ Турція имѣетъ свободный доступъ къ морю и пользуется не только нравственными

поощреніями, но и матеріальною поддержкой Великобританіи и Австро-Венгріи. Дѣйствительно, Англія и Австро-Венгрія, по крайней мѣрѣ Венгрія, явно сочувствуютъ и помогаютъ Туркамъ; Франція, Италія и Германія до поры до времени равнодушны къ этой борьбѣ пигмеевъ съ исполиномъ; на сторонѣ пигмеевъ одна Россія,—но Россія далека отъ нихъ, Россія отдѣлена отъ нихъ нейтральными территоріями, и какъ ни сильны сочувствія ея къ страждущимъ братьямъ по вѣрѣ и племени, но правительство ея должно соображаться съ фактами, не благопріятствующими открытому, вооруженному заступничеству ея за угнетенныхъ братьевъ...

Таковы съ перваго взгляда обстоятельства, при которыхъ совершилось Славяно-Турецкое столкновеніе. Но сами бойцы не унываютъ; и они, и Русскіе, и всѣ честные люди Европы увѣрены въ побѣдѣ христіанъ; и событія, слава Богу, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе оправдываютъ эту увѣренность. Дѣйствительно, дѣло Славянства, въ этой страшной борьбѣ, стоитъ теперь гораздо лучше чѣмъ за недѣлю.

Но матеріальное снаряженіе славянскихъ армій далеко не удовлетворительно: они нуждаются почти во всемъ, особенно же въ перевозочныхъ средствахъ; но всего ужаснѣе совершенное отсутствіе врачебной помощи, несмотря на существованіе Международнаго Общества въ Европѣ, имѣющаго цѣлью оказаніе помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Славянамъ, христіанамъ Востока, отказывается даже въ правѣ больныхъ и раненыхъ воиновъ!

Впрочемъ, надо отдать справедливость русскому обществу. Съ самаго открытія серіозныхъ военныхъ дѣйствій между Портой и доведенными ею до отчаянной борьбы на жизнь и на смерть Герцеговинцами, Россія настаивала на примѣненіи къ нимъ благодѣтельныхъ постановленій Женевской Конвенціи. По настоянію ея, вопросъ этотъ былъ подвергнутъ серіозному обсужденію; но по правиламъ Конвенціи вспоможеніе раненымъ обѣихъ сторонъ какъ одинаково подвластнымъ, въ принципѣ, Оттоманской Портѣ, принадлежало Оттоманскому отдѣлу Общества вспоможенія раненымъ, вслѣдствіе чего центральный Женевскій комитетъ обратился къ своему Константинопольскому отдѣлу съ приглашеніемъ оказывать равную помощь обѣимъ борющимся сторонамъ. Но тутъ впервые, встрѣтилось непредвидѣнное и совершенно неосновательное препятствіе къ исполненію долга христіанской благотворительности. Именно *христіанамъ* отказано въ христіанской помощи. Оттоманскій отдѣлъ Общества отвѣчалъ что оказаніе помощи герцеговинско-боснійскому возстанію имѣло бы значеніе признанія послѣдняго „воюющею стороной," что превосходило де права Общества и не согласовалось бы съ опредѣленіями Женевской конвенціи. На этомъ основаніи, Оттоманскій отдѣлъ Общества, состоящій, какъ слышно, преимущественно изъ Англичанъ, счелъ себя въ правѣ оказать свою помощь только одной сторонѣ, — Турецкой, оставляя безъ всякаго вспоможенія именно ту изъ борющихся сторонъ, которая болѣе нуждалась въ этомъ вспоможеніи, такъ какъ у Герцеговинцевъ и Босняковъ не *было никакой врачебной и хирургической помощи*! Въ этотъ жестокій моментъ русское правительство разрѣшило русскому отдѣлу „Краснаго Креста" образовать на самой границѣ возстанія, въ родственной намъ Черногоріи, госпитали для лѣченія несчастныхъ жертвъ пораженныхъ Турками, но съ непремѣннымъ условіемъ чтобъ это человѣколюбивое вспоможеніе ни въ какомъ случаѣ не переступало за предѣлы Черногоріи, на театръ войны, въ Герцеговину или Боснію. Возвратившійся на дняхъ первый рагузскій корреспондентъ нашъ изобразилъ намъ въ живыхъ краскахъ ту истинно-братскую любовь, тѣ истинно-родственныя попеченія съ какими наши сестры милосердія и вся наша санитарная колонна обращалась съ жертвами „устанка," также какъ и то безпредѣльное довѣріе, то глубокое уваженіе которыя они успѣли заслужить какъ у Черногорцевъ, такъ и Герцеговинцевъ. Онъ передалъ намъ какъ вопросъ сдѣланный выздоравливавшему отъ раны Герцеговинцу пойдетъ ли онъ опять „на Турку," вызвалъ въ цѣлой залѣ, наполненной ранеными, восторженные возгласы: „Только и молимъ Бога еще побиться съ Туркой и умереть въ бою!"— возгласы, которымъ едва слышнымъ голосомъ вторилъ умирающій шестнадцатилѣтній юноша, судорожно приподнимая уже леденѣвшую руку и бормоча въ предсмертномъ хрипѣніи: „на Турку! на Турку!..."

Нѣтъ, что ни говорятъ англійскіе политики и либералы, филантропы и турко-

филы, нѣтъ эти люди столь добрые и благодушные между собою, но съ желѣзною волею и львинымъ сердцемъ предъ врагомъ своей вѣры и народности,—эти люди заслуживаютъ безпредѣльныхъ сочувствій всякаго честнаго человѣка! Пусть политическія страсти омрачаютъ на западѣ Европы сознаніе христіанскаго долга, пусть заглушаютъ они даже у честныхъ людей голосъ совѣсти и человѣколюбія, но мы, Русскіе, слава Богу, свободны въ этомъ дѣлѣ отъ этихъ вліяній позорящихъ цивилизацію и сквернящихъ имя христіанское. Благодаря русскимъ пожертвованіямъ, въ Черногоріи сначала были основаны три госпиталя: одинъ центральный: въ Цетиньѣ, другой,—въ Граховѣ, третій—въ Асупѣ. Послѣдній былъ упраздненъ по миновaніи въ немъ надобности. Русскій отдѣлъ „Краснаго Креста“ прибылъ въ Черногорію въ январѣ; онъ засталъ въ Цетиньѣ 22 раненыхъ, изъ коихъ умерло 4, осталось къ февралю 3; въ январѣ прибыло еще 40 раненыхъ. Въ Цетиньѣ, а особенно въ Граховѣ и Асупѣ, надо было заводиться всѣмъ: не было ничего, даже помѣщеній. Въ Грахово прибыло въ февралѣ и въ мартѣ 90 больныхъ, въ апрѣлѣ число лѣчившихся дошло до 132 человѣкъ, изъ нихъ 65 раненыхъ, хотя весь госпитальный персоналъ былъ разчитанъ только на 100 человѣкъ. Въ Грахово, послѣ двухъ битвъ въ Дужскомъ ущеліи, прибыло до 100 человѣкъ раненыхъ. Въ то же самое время открыто особое отдѣленіе для женщинъ; въ маѣ по всей Черногоріи сталъ свирѣпствовать тифъ, причиненный голодомъ и всякаго рода лишеніями вслѣдствіе накопленія до 68.000 голодающихъ выходцевъ изъ Герцеговины, все старцевъ, женщинъ и дѣтей. Жертвою тифозной заразы палъ и досточтимый русскій врачъ Палисадовъ. Въ Цетиньѣ, къ концу мая, состояло хирургическихъ больныхъ 53, изъ нихъ раненыхъ 45, терапевтическихъ 28, всего 81; въ Граховѣ всего 57, изъ нихъ хирургическихъ 34, терапевтическихъ 23. Конечно, всѣ эти учрежденія оказали огромную услугу Черногоріи; но что касается герцеговинскихъ „усташей,“ то благотворительность русскаго общества была парализована запрещеніемъ устройства перевязочныхъ пунктовъ и подачи какой бы то ни было помощи раненымъ на театрѣ войны, отстоявшемъ часто отъ ближайшихъ русскихъ госпиталей на три или четыре дня хода по ужаснѣйшимъ горнымъ тропинкамъ, по коимъ приходилось тащить несчастныхъ съ раздробленными костями и порванными артеріями... Конечно, большая половина ихъ умерла на пути. Живымъ донесенъ до черногорскихъ госпиталей только одинъ раненый артиллерійскимъ огнемъ; да и тотъ скончался чрезъ нѣсколько дней по совершеніи этого мучительнаго странствія.

Но теперь, благодаря Бога и Русскаго Царя, снятъ этотъ жестокій безчеловѣчный запретъ, наложенный на русскую благотворительность европейскою дипломатіей. Въ то же время, вдругъ, страшно расширились размѣры борьбы: война горитъ на всемъ протяженіи отъ Скутарійскаго озера до Виддина; громъ артиллеріи и трескъ перестрѣлки, передаваемые горнымъ эхомъ, сливаются въ одинъ перекатъ, на всемъ протяженіи отъ сѣверной Албаніи, по всей Герцеговинѣ, Босніи, Турецкой Хорватіи до сѣверныхъ окраинъ Болгаріи, а между тѣмъ въ Сербской арміи нѣтъ никакихъ перевязочныхъ средствъ, нѣтъ *ни одного настоящаго медика, ни одного настоящаго хирурга*, а тамъ и сямъ отыскивается развѣ *какой-нибудь недоучившійся фельдшеръ!* При первомъ извѣстіи объ этомъ дрогнуло сердце у православныхъ Москвичей: явился докторъ Д. П. Молловъ (помощникъ профессора хирургіи В. А. Басова, ординаторъ факультетской клиники при Московскомъ университетѣ) съ четырьмя хирургами, которые предложили безвозмездно свои услуги, съ тѣмъ чтобы на подъемъ и проѣздъ было выдано имъ всѣмъ вмѣстѣ отъ 1.500 до 2.000 рублей. Само собою разумѣется, они обратились со своими предложеніями въ Общество „Краснаго Креста,“ но тутъ опять встрѣтилось препятствіе. Оказалось что Русскій отдѣлъ этого Общества не имѣетъ права дѣлать какое бы то ни было распоряженіе безъ разрѣшенія Центральнаго Комитета, засѣдающаго въ Женевѣ. Надо, слѣдовательно, сноситься съ этимъ комитетомъ, а что онъ рѣшитъ — неизвѣстно, и когда поспѣетъ его рѣшеніе—тоже неизвѣстно, хотя Сербія есть по всѣмъ правамъ воюющая сторона, и участвовала въ Женевской Конвенціи. Намъ кажется что право ея войскъ на пособіе Общества „Краснаго Креста“ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

А между тѣмъ гроза войны гремитъ на

пространствѣ слишкомъ трехъ сотъ верстъ; ежедневно происходятъ не только стычки, но и большія сраженія, и несчастные раненые Сербы и Болгары умираютъ безо всякой помощи!...

Неужели Москва, неужели Россія оставитъ своихъ братьевъ безъ помощи? На первый разъ все дѣло въ какихъ-нибудь 2.000 рубляхъ: на другой же день, по полученіи ихъ, г. Молловъ со своими помощниками поѣдутъ въ сербскую армію... Увы, этихъ благосердыхъ охотниковъ всего пять человѣкъ; неужели однако этимъ и ограничится русская помощь умирающимъ за „честный крестъ" братьямъ въ Сербіи и Болгаріи?

№ 168.

Москва, 3-го іюля.

А.

Берлинскій меморандумъ, впервые обнародованный въ газетѣ *Times* и воспроизведенный въ № 164 *Московскихъ Вѣдомостей*, среди настоящихъ событій имѣетъ не болѣе какъ историческій интересъ. Тѣмъ не менѣе содержаніе его не могло не возбудить любопытство, такъ какъ этотъ документъ, по признанію англійскихъ министровъ, былъ тѣмъ пунктомъ на которомъ разрознились англійская и русская политика, вслѣдствіе чего разстроилась попытка дипломатическаго вмѣшательства для мирнаго улаженія тѣхъ затрудненій которыя теперь рѣшаются мечомъ. Чтеніе этого документа, однако, оставляетъ насъ въ недоумѣніи. Газета *Times* обнародовала его на другой день послѣ того какъ г. Брайтъ спросилъ Британскаго премьера почему правительство королевы, давъ свое согласіе на ноту графа Андраши, отказалось присоединиться къ этому меморандуму. Но тотъ же вопросъ могъ бы онъ предложить и по прочтеніи меморандума. Можетъ-быть дипломатическая корреспонденція обѣщанная г. Дизраэли прольетъ болѣе свѣта на побужденія руководившія его политикой, но Берлинскій документъ не разъясняетъ этой тайны.

Сами англійскія газеты признаютъ что этотъ документъ въ своемъ изложеніи гораздо блѣднѣе пресловутой ноты графа Андраши. Эта послѣдняя, въ изложеніи своемъ, была настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ Турецкаго правительства; съ величайшею подробностью перечислялись въ ней всѣ торжественныя обѣщанія многократно данныя Портой, рѣзко изобличались злоупотребленія турецкихъ властей и описывалось бѣдственное положеніе возмущенныхъ провинцій. Англійскій кабинетъ, однако, не затруднился дать согласіе на предъявленіе этого изобличенія и отъ его имени. Этого мало. Въ нотѣ графа Андраши прямо указывалось и то что̀ должна была сдѣлать Порта. Можно было только пожалѣть что во многословномъ дипломатическомъ документѣ австро-венгерскаго канцлера опущено было указаніе *какъ* исполнить то чего требовала Европа отъ Порты.

Берлинскій меморандумъ гораздо кратче этой ноты, ни въ чемъ существенно не отличается отъ ноты графа Андраши. Прежде всего онъ подтверждаетъ цѣль соглашенія державъ: „достигнуть дѣйствительнаго улучшенія быта населенія возмущенныхъ провинцій безъ нарушенія политическаго *statu quo.*" Но послѣ предъявленія ноты графа Андраши случилось и выяснилось многое, что̀ не могло быть оставлено безъ вниманія. Инсургенты съ признательностью встрѣтили заботливость о нихъ державъ, и готовы были принять реформы, но не хотѣли вѣрить обѣщаніямъ Порты безъ существенныхъ гарантій. Между тѣмъ турецкія власти мало того что не исполняли, но отказывались исполнять только что данныя султаномъ обѣщанія, и своимъ бездѣйствіемъ оправдывали недовѣріе инсургентовъ. Случившіяся въ то время убійства въ Салоникахъ и возбужденная ими тревога въ Смирнѣ и Константинополѣ, конечно, не могли способствовать утвержденію довѣрія. Въ виду этихъ важныхъ затрудненій, „дабы предотвратить опасность общаго пожара," предлагалось прежде всего побудить Порту къ пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, чтобы „такимъ образомъ открыть путь къ прямымъ переговорамъ между Портой и делегатами Босніи и Герцеговины." Затѣмъ излагались пять пунктовъ на основаніи коихъ могли открыться эти переговоры. Первые два касались выдачи пособій для возвращающихся выходцевъ и постройки ихъ разрушенныхъ домовъ и церквей, что̀ упоминалось и въ нотѣ графа Андраши и что уже было обѣщано самимъ

султанскимъ правительствомъ и наряженными отъ него коммиссарами. Въ меморандумѣ только обстоятельнѣе говорилось объ исполненіи этого обѣщанія, и наблюденіе за исполненіемъ возлагалось на смѣшанную коммиссію изъ туземцевъ обѣихъ религій подъ предсѣдательствомъ христіанина; но назначеніе такой коммиссіи требовалось и нотой графа Андраши. Послѣдній пунктъ возлагалъ еще общій надзоръ за исполненіемъ всего обѣщаннаго на консуловъ державъ, что опять не могло быть противно общему соглашенію, ибо первое дознаніе о причинахъ волненій было произведено консулами. Наконецъ, третій и четвертый пункты, касательно сосредоточенія турецкихъ войскъ въ извѣстныхъ условленныхъ пунктахъ и сохраненія обѣими сторонами оружія, были послѣдствіемъ предполагавшейся пріостановки военныхъ дѣйствій и вызывались желаніемъ предупредить столкновеніе.

Что же могло во всемъ этомъ дать поводъ къ поднятому шуму? Берлинскій меморандумъ, повторяемъ, нисколько не разъясняетъ намъ тайны политики г. Дизраэли, и этого не могла не замѣтить и англійская печать. „Запоздалое обнародованіе этого меморандума, говоритъ *Saturday Review*, проливаетъ мало свѣта на отказъ нашего правительства согласиться на него.“ За то *Pall Mall Gazette*, торійскій органъ, хотя и находитъ большое различіе между Берлинскимъ меморандумомъ и нотой графа Андраши, признаетъ однако что меморандумъ есть послѣдствіе ноты и заключаетъ изъ того что „Англійское правительство, безъ сомнѣнія, предвидѣло что произойдетъ изъ ноты графа Андраши, и то что случилось въ послѣдніе дни позволяетъ намъ думать что оно предвидѣло что было бы результатомъ Берлинскаго меморандума еслибы Турція приняла его.“

Такого оправданія никто не могъ ожидать, и еслибъ оно могло быть справедливо, то отнюдь не выставляетъ въ выгодномъ свѣтѣ политику Англійскаго министерства. Выходитъ что и на ноту графа Андраши оно давало свое согласіе лицемѣрно, заранѣе вполнѣ убѣжденное что эта попытка умиротворенія потерпитъ неудачу. Но если Англійскій кабинетъ былъ дѣйствительно дальновиднѣе всѣхъ другихъ, то, вмѣсто этого притворнаго согласія, онъ тогда же могъ бы оказать болѣе дружескую услугу союзнымъ съ нимъ кабинетамъ если бы прямо указалъ на несоотвѣтствіе этой попытки съ ея цѣлью. Тогда можетъ-быть ранѣе обнаружилось бы чѣмъ слѣдовало бы дополнить ноту графа Андраши, не было бы потеряно напрасно всемя на попытку, отъ коей, по убѣжденію Англійскаго правительства, нельзя было ожидать успѣха, и не понадобилось бы и Берлинскаго меморандума. О вѣроятныхъ же послѣдствіяхъ меморандума судить теперь совершенно безполезно. Мы видимъ только что онъ былъ задуманъ и составленъ совершенно въ духѣ ноты графа Андраши. Возможно что и меморандумъ потерпѣлъ бы такую же неудачу какъ и нота графа Андраши; но не должно забывать что тогда въ Константинополѣ совершилась революція, которая сдѣлала невозможнымъ предъявленіе меморандума, ибо потребовалась новая отсрочка, которая сопровождалась сильнѣйшимъ возбужденіемъ мусульманскаго фанатизма, выразившимся неистовствами въ Болгаріи и турецкимъ судомъ надъ салоникскими убійцами. Вотъ свидѣтельство о томъ не то что русскихъ или славянскихъ газетъ, а константинопольскаго корреспондента газеты *Times*. „Нѣтъ надобности говорить,“ пишетъ онъ, „что представители иностранныхъ державъ и въ „особенности французскій посолъ далеко „не убѣдились чтобъ оказано было правосудіе. Одиннадцать казненныхъ въ Салоникахъ были обыкновенные злоумышленники, ненавистные самой турецкой „черни и едва ли достойные веревки на „которой были повѣшены, а изъ истинныхъ подстрекателей убійствъ никто не „былъ привлеченъ къ суду, такъ какъ „правительство не посмѣло возбудить „ярость магометанъ, если стало извѣстно „что хоть капля драгоцѣнной мусульманской крови была пролита въ искупленіе „крови двухъ христіанскихъ жертвъ. Въ „Болгаріи, напротивъ, непрерывно происходитъ поголовная казнь людей подозрѣваемыхъ въ участіи въ неудавшемся „возстаніи. Двѣнадцать этихъ несчастныхъ „были повѣшены въ Татаръ-Базарджикѣ „20 іюня. Двое изъ нихъ были священники.“ Затѣмъ корреспондентъ передаетъ нѣкоторыя подробности о событіяхъ въ Болгаріи, уже извѣстныя нашимъ читателямъ, и говоритъ что эти факты должны быть строго разслѣдованы и обнаружены предъ лицомъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

Какимъ же образомъ эта самая газета *Times* находитъ что Берлинскій меморандумъ не имѣлъ права ссылаться на Салоникскія убійства въ доказательство возбужденія мусульманскаго фанатизма и на этомъ основаніи обращаться къ Портѣ съ невозможными будто бы требованіями?

Б.

Пушечные выстрѣлы на берегахъ Дрины и Моравы заглушили было на время всѣ толки дипломатическаго свойства. Но вотъ снова дипломатія выдвинулась впередъ вслѣдствіе свиданія въ Рейхштадтѣ. Вѣнское *Бюро Телеграфной Корреспонденціи* поспѣшило возвѣстить что свиданіе это, „имѣвшее прежде всего характеръ личной встрѣчи между обоими Монархами и ихъ министрами, приняло оборотъ столь сердечный и пріязненный что по увѣренію лицъ бывшихъ приономъ можно заключить что между обоими правительствами установилось наилучшее и полнѣйшее согласіе.“ Вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung* сообщаетъ что ИмператоръФранцъ-Іосифъ, проводивъ въ Боденбахѣ Императора Всероссійскаго, остановился на короткое время на станціи чтобы принять привѣтствіе бургомистра и другихъ представителей города. На высказанную ими надежду касательно сохраненія европейскаго мира, Императоръ отвѣчалъ слѣдующее: „Я возвращаюсь съ радостнымъ чувствомъ и вполнѣ довольный; могу васъ, господа, успокоить.“ На основаніи нѣкоторыхъ указаній, тотъ же корреспондентъ заключаетъ что Рейхштадтское свиданіе имѣло результатъ вполнѣ благопріятный и соотвѣтствующій желаніямъ и интересамъ Австріи.

Въ толкахъ возбужденныхъ Рейхштадтскимъ свиданіемъ знаменательно единодушіе съ коимъ берлинскія газеты, вмѣстѣ съ вѣнскими, принимаютъ какъ нѣчто непреложное „жизненный интересъ Австріи не допустить чтобы Сербія усилилась на счетъ Турціи.“ . . . .

Но если дѣйствительно „жизненный интересъ“ Австріи—не допускать какого-либо матеріальнаго успѣха для Сербіи, сталъ внезапно жизненнымъ интересомъ для всей Европы, то къ чему же теперешнее кровопролитіе? Не лучше ли прекратить его заранѣе? И не въ этомъ ли смыслѣ слѣдуетъ толковать полученное нами телеграфное извѣстіе въ которомъ со словъ дружественной Славянамъ вѣнской газеты *Tagblatt* сообщается будто князь Миланъ проситъ вмѣшательства Россіи для прекращенія военныхъ дѣйствій?

Вчерашняя телеграмма наша изъ вѣнскаго *Correspondenz-Bureau* сообщила о закрытіи Австро-Венгріей не только Клека, но и всѣхъ далматинскихъ гаваней для всякой военной контрабанды какъ Турецкой, такъ и Черногорской. Для Турціи мѣра эта нынѣ не имѣетъ значенія. Клекъ для нея и безъ того закрытъ отрядомъ воеводы Пеко Павловича; какъ видно изъ Рагузской корреспонденціи въ *Politische Correspondenz*, между Рагузой и Требиньемъ инсургенты также прервали теперь всякое сообщеніе; Сутторина для нихъ уже давно закрыта инсургентами; къ тому же, въ этой части Герцеговины у нихъ оставлены войска только въ одномъ Требиньѣ; наконецъ, у нихъ есть свое свободное Адріатическое побережье, именно Албанское: сосредоточенные же въ Мостарѣ войска могутъ быть снабжаемы припасами сухимъ путемъ. Клекъ, Сутторина и Рагуза были важны для нихъ, пока главный театръ войны находился въ нагорной Герцеговинѣ и они располагали въ ней достаточнымъ числомъ войска чтобы конвоировать доставляемые имъ подвозы; но въ то время Австро-Венгерское правительство не стѣсняло безпрестаннаго подвоза Туркамъ не только хлѣба, но и боевыхъ припасовъ и даже войска, въ Гравозу, гавань Рагузы, то и дѣло приставали тогда пароходы Австро-Венгерскаго Ллойда съ припасами для турецкихъ войскъ расположенныхъ въ Требиньѣ, между тѣмъ какъ въ Черногорію не пропускали въ Которѣ даже проданныхъ ей самимъ Вѣнскимъ правительствомъ ружей, а по всей далматино-турецкой границѣ австро-венгерская пограничная стража конфисковала у голодающихъ Герцеговинцевъ до послѣдняго *ослинаго вьюка* зерноваго хлѣба.

Въ настоящее же время и Клекъ, и Рагуза, и Сутторина, до которыхъ Турки не имѣютъ никакой возможности добраться, лишены для нихъ значенія. Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло для Черногоріи. Она не владѣетъ ни единою пядью земли на морскомъ берегу. Она отрѣзана отъ всего свѣта владѣніями Австріи и Турціи, а между тѣмъ она едва въ состояніи про-

кормить своихъ жителей; въ настоящее же время населеніе ея увеличилось почти на 50% благодаря скопленію въ ней слишкомъ 68.000 человѣкъ герцеговинскихъ бѣглецовъ. Прокормить своими средствами все это населеніе для Черногоріи было бы безусловно невозможно.

Въ заключеніе приведемъ выраженія въ какихъ только что полученный нами нумеръ *Agence Générale Russe* отзывается о Рейхштадтскомъ свиданіи: „Мы имѣемъ возможность (nous sommes à même) подтвердить вѣнскую телеграмму свидѣтельствующую объ удовлетворительныхъ результатахъ Рейхштадтскаго свиданія, а именно о согласіи установившемся между обоими Императорами касательно принципа невмѣшательства, локализаціи турецко-сербскихъ военныхъ дѣйствій и наконецъ будущаго соглашенія между великими христіанскими державами, смотря по обстоятельствамъ, съ цѣлію обезпечить европейскіе интересы, требующіе прочнаго умиротворенія Востока.“

№ 170.

Москва, 5-го Іюля.

Австро-венгерская печать употребляетъ всяческія усилія чтобы подорвать довѣріе къ успѣху Сербовъ: она выставляетъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ ихъ войска, способности генераловъ и ихъ взаимныя между собою отношенія. Кому и зачѣмъ все это нужно, подлинно можетъ быть извѣстно только самимъ вѣнскимъ и пештскимъ публицистамъ, но всякому безпристрастному человѣку понятно что тутъ дѣло идетъ не объ интересахъ истины. О какихъ-либо ошибкахъ Турокъ австро-венгерская печать молчитъ.

Каждая изъ воюющихъ сторонъ старается собрать возможно полнѣйшія свѣдѣнія о положеніи, дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ другой. Главныя для этого средства шпіонство и подкупъ. Турки, какъ ни плохи ихъ финансы, не жалѣютъ денегъ на наемъ шпіоновъ. По словамъ австрійскихъ же газетъ, о силахъ и намѣреніяхъ Тимокскаго корпуса Лешанина Турки освѣдомились чрезъ шпіоновъ. Планъ дѣйствій генерала Заха также „повидимому былъ заблаговременно извѣстенъ Али-пашѣ“ благодаря хорошей организаціи собиранія свѣдѣній (nach wolgeleiteten Kundschafterdienst).

Ежедневная печать, какъ показалъ опытъ послѣднихъ войнъ, точно также можетъ доставить не малыя услуги при собираніи свѣдѣній о непріятелѣ, случайнымъ или намѣреннымъ образомъ, въ видѣ обмолвки, намека, преждевременнаго разглашенія такихъ движеній которыя слѣдуетъ держать въ тайнѣ. Для главнокомандующаго иногда довольно узнать что тамъ-то показался или туда-то прошелъ непріятельскій отрядъ развѣдчиковъ. Говорятъ что о движеніи Макъ-Магона къ сѣверу Мольтке впервые узналъ изъ бельгійскихъ газетъ и запершись въ кабинетѣ въ одну ночь начерталъ планъ, исполненіе котораго обошлось Французамъ Седанскимъ пораженіемъ....

Допускать въ армію газетныхъ корреспондентовъ приходится съ большою разборчивостью, и вѣроятно сербскій министръ Ристичъ зналъ что̀ дѣлаетъ отказавъ въ этомъ *Пештскому Ллойду*, *Буда-Пештской Корреспонденціи* и вѣнской *Presse*.

„Умъ—хорошо, а два—лучше,“ особенно въ военное время. Разборъ дѣйствій противника сдѣланный постороннимъ лицомъ точно также можетъ быть весьма полезенъ, какъ и всякая *свѣжая* и спокойная мысль. Военные совѣты собираются часто именно съ цѣлью такого обмѣна и освѣженія мысли, а также для оказанія нравственной поддержки главному распорядителю.

Но обмѣну мыслей и нравственной поддержкѣ служитъ и печать. Разбирая ошибки Сербовъ, и только ихъ однихъ, австрійская печать составляетъ своего рода *conseil permanent* турецкихъ пашей.

Еще на дняхъ австрійская печать предлагала Туркамъ бомбардировать Бѣлградъ и доказывала что они нисколько не нарушатъ международнаго трактата открывъ военныя дѣйствія на руслѣ Дуная. Вразумленіе это вполнѣ достигло своей цѣли, хотя Турки и обѣщали было Румыніи полную нейтрализацію рѣки. Австро-венгерскимъ публицистамъ удалось растолковать пашамъ что въ Парижскомъ трактатѣ 57 года есть недомолвка которою правовѣрные могутъ воспользоваться вопреки смыслу договора. И вотъ послѣднія телеграммы извѣщаютъ что турецкая дунайская флотилія обстрѣливаетъ прибрежныя селенія занятыя сербскими войсками и болгарскими инсургентами. Паши пошли и дальше: и вотъ въ *Agence Générale Russe* мы уже читаемъ что турецкій фрегатъ въ Ад-

ріатическомъ морѣ стрѣлялъ въ Черногорцевъ, вопреки нейтрализаціи этихъ водъ.

Кончивъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ одно дѣло, австрійская печать принялась за другое; она старается поселить раздоръ въ сербскихъ штабахъ разглашая сплетни о взаимныхъ отношеніяхъ главныхъ сербскихъ начальниковъ (Николича, Лешанина, Заха, Стратимировича, Черняева), чѣмъ съ особенымъ усердіемъ занимаются вѣнскія *Neue freie Presse* и просто *Presse*, точно желая перещеголять одна другую.

Но этого мало; на дняхъ послѣдняя изъ названныхъ газетъ чуть не подъ рядъ два раза разобрала одни и тѣ же дѣйствія генерала Заха командующаго корпусомъ дѣйствующимъ теперь на перешейкѣ отдѣляющемъ Сербію отъ Черногоріи. Генералъ Захъ, по мнѣнію *Presse*, сдѣлалъ большую ошибку направляя свои главныя силы на Сѣнницу; слѣдовало де прямо заняться только Новымъ Базаромъ, взять его, и тогда Сѣнница, Митровица, Новый Варошъ „сами собой попали бы въ его руки." Другой генералъ конечно такъ бы и поступилъ, разсуждаетъ вѣнскій стратегъ, но Захъ—это „посредственность принадлежа-„щая въ добавокъ къ числу theoretisch-„sattelfesten." Все это говорилось, конечно, не спроста и не безъ цѣли. Какъ разъ предъ тѣмъ, сначала въ *Times*, а потомъ въ *Pester-Correspondenz*, былъ пущенъ слухъ о замѣнѣ Заха военнымъ министромъ Николичемъ. Новые командиры всегда склонны считать дѣйствія своихъ предмѣстниковъ неудовлетворительными и поправлять ихъ: не на эту ли слабость разчитывала и *Presse* вторично разъясняя одну и ту же „ошибку" Заха и навязывая ему такой планъ дѣйствій исполненіе котораго могло бы повести за собою гибель всего отряда?

Дѣло въ томъ что долина Ибара по которой приходится идти къ Новому Базару представляетъ громадныя трудности для движенія значительныхъ силъ съ артиллеріей, особенно въ случаѣ отступленія подъ ударами противника, тогда какъ отъ Сѣнницы въ долину Сербской Моравы, то-есть къ *базису* войскъ дѣйствующихъ у Новаго Базара, ведетъ лучшая и кратчайшая дорога, по которой и могли бы направиться Турки на сербскую территорію, въ тылъ войскъ блокирующихъ Новый Базаръ, и тѣмъ скорѣе что у Сѣнницы и въ ея окрестностяхъ они располагаютъ значительными силами. Планъ Заха, каковъ бы онъ ни былъ, отнимаетъ эту возможность у Турокъ, и этимъ вѣроятно лишаетъ удовольствія ихъ вѣнскаго благожелателя, для котораго состояніе дороги вверхъ по Ибару и значеніе Сербской Моравы, не могло оставаться тайною. Обо всемъ этомъ весьма подробно и съ большимъ знаніемъ дѣла и мѣстности толковалось за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ аутсбургской *Allgemeine Zeitung*, и оттуда перепечатано въ нѣсколькихъ вѣнскимъ же газетахъ.

Любопытно что въ томъ же нумерѣ *Presse*, въ виду телеграммы „специальнаго корреспондента" изъ Землина, бросаютъ намекъ на неудовлетворительность всего плана дѣйствій Сербовъ. „О Черняевѣ и его планѣ, сказано тамъ, говорятъ весьма неблагопріятно, страшась *несчастья для Сербіи* отъ его исполненія."

Хотя сужденія вѣнской печати и не были бы опасны для сербскихъ армій, однако онѣ служатъ нравственною поддержкой высшимъ турецкимъ властямъ и генераламъ, поддержкой въ которой они нуждаются гораздо болѣе и которая для нихъ несравненно важнѣе и полезнѣе нежели помощь тѣхъ нѣсколькихъ сотенъ венгерскихъ патріотовъ которые дрались противъ Сербовъ подъ Бѣлиной.

Можетъ-статься, неблагопріятные отзывы о сербскихъ войскахъ и дѣйствіяхъ предназначаются охлаждать къ нимъ сочувствіе 15 милліоновъ австрійскихъ Славянъ? Едва ли однако этимъ могутъ забавляться вѣнскіе и пештскіе публицисты: Славяне эти знаютъ *чѣмъ* и *какъ* пріобрѣтается пріязнь или вражда австрійскихъ журналистовъ.

№ 171.

Москва, 6-го Іюля.

Недавно мы имѣли случай говорить о манифестѣ которымъ почтила Россію русская заграничная газета *Впередъ*, уже не ограничиваясь теоретическимъ подкопомъ подъ русское общество, но приступая къ попыткамъ практической организаціи своихъ замысловъ. Манифестъ этотъ заключалъ въ себѣ указаніе мѣръ подготовленія соціальной революціи въ Россіи. Это было нѣчто въ родѣ приказа по революціонной арміи, созидаемой бѣглыми дема-

гогами и ихъ сумасбродными сподвижниками. Теперь лондонскіе подстрекатели русской молодежи предаются соображеніямъ о томъ какъ великъ можетъ быть увлекаемый ихъ безобразными химерами контингентъ, въ какихъ размѣрахъ можетъ составиться у нихъ войско, и когда именно они будутъ въ состояніи произвести переворотъ которымъ задумали осчастливить свое отечество... Разчетъ очень поучительный! „Дѣятельность пропагандистовъ изъ интеллигенціи въ народѣ, пишутъ они (*Впередъ*, № 34, стр. 308), на столько опасна что изъ нихъ чрезъ два года едва ли остается цѣлою среднимъ числомъ одна четверть...“

Какое безсердечіе, какая безсовѣстность! Констатировать что три четверти сбиваемыхъ этимъ варварскимъ ковомъ людей должны погибнуть, и все-таки сбивать ихъ съ толку и посылать на гибель! Не такъ ли гуртовщики, выгоняя барановъ, выкладываютъ на счетахъ убыль при трудномъ переходѣ и загадываютъ сколько головъ дойдетъ до бойни. Но не въ этомъ дѣло.

Итакъ, три четверти „идущихъ въ народъ интеллигентныхъ агитаторовъ“ пропадетъ. Тѣмъ не менѣе, „самымъ нетерпѣливымъ революціонерамъ нечего опасаться“ что процессъ разложенія Россіи по рецепту лондонскихъ революціонныхъ знахарей „будетъ слишкомъ медленъ“ (стр. 311). *Впередъ* категорически успокоиваетъ ихъ въ этомъ отношеніи, по пальцамъ высчитывая свои будущія силы. „Способные пропагандисты изъ интеллигенціи въ два года своей дѣятельности завербуютъ *изъ народа* человѣка четыре товарищей, которые станутъ въ ряды убѣжденныхъ соціалистовъ революціонеровъ“ (стр. 309). „Пропагандисты изъ народа, по своему положенію несравненно болѣе обезпечены отъ гибели чѣмъ интеллигентные агитаторы; въ то же время, рѣчи ихъ болѣе убѣдительны, ихъ совѣты имѣютъ болѣе вліянія, ихъ практическій призывъ къ дѣлу даетъ болѣе рѣшительный результатъ“ (стр. 308). „Поэтому, въ два года цѣлыми изъ нихъ останутся три четверти, и каждый изъ нихъ въ эти два года завербуетъ изъ своей среды втрое болѣе прочныхъ *пособниковъ* чѣмъ его интеллигентный товарищъ, и кромѣ того образуетъ около себя значительный кругъ *сочувствующихъ* практическимъ требованіямъ соціальной революціи“ (стр 309). „Если на основаніи этихъ данныхъ сдѣлать разчетъ какъ великъ окажется въ Россіи соціально-революціонный союзъ послѣ двухъ, четырехъ и шести лѣтъ, то принявъ что лишь сто убѣжденныхъ личностей составили первый революціонный кадръ, что каждые два года приступаютъ къ нему новыя лица въ такомъ же числѣ, и что лишь половина поступающихъ годна для дѣйствія въ народѣ, получатся слѣдующія цифры:

Въ интеллигенціи.	Въ началѣ.	Черезъ 2 г.	Черезъ 4 г.	Черезъ 6 л.
„Вступающихъ. . .	100	100	100	100
„Непропагандистовъ	50	50	50	50
„Пропагандист. . .	50	50	50	50
„Осталось пропагандистовъ. . . .	—	12	15	16
„Всего въ это время пропагандистовъ. . .	50	62	65	66
„Всего.	100	112	115	116
Въ народѣ.				
„Привлеченныхъ интеллигенціей.	—	200	248	260
„Привлеч. народною пропагандой	—	—	2.400	33.576
„Осталось пропагандистовъ . .	—	—	150	2.098
„Всего. . . .	—	200	2.798	35.934
„Общій итогъ . .	100	312	2.913	36.050“

Цитуемъ буквально (стр. 312)... Эта наглая выкладка не совсѣмъ вразумительна. Для уясненія себѣ ея цифръ необходимо постоянно имѣть въ виду и принимать въ разчетъ ту „убыль“ пропагандистовъ и тѣ неодинаковые размѣры „вербовки“ о которыхъ говорилось выше. Но не во вразумительности, а въ сущности выкладки дѣло. Мы приводимъ ее чтобы показать какими мечтаніями наполнены головы нашихъ заграничныхъ агитаторовъ. Лондонскіе главнокомандующіе фантастической русской революціонной арміи уже считаютъ ее въ 36.050 человѣкъ! И изъ оныхъ лишь 116 человѣкъ изъ „интеллигенціи,“ а остальные 35.934 человѣка прямо изъ народа. Такою-то революціонною ариѳметикой, такою математическою фальшью подталкивается „въ народъ“ наша злополучная молодежь „изъ интеллигенціи!“ И до того простирается постыдное желаніе обольстить ее вздоромъ, увлечь и бросить въ революціонную бездну, что ей твердится „для побѣды“ де вовсе и не нужно цифръ которыми ее заманиваютъ. „Еслибы про-

паганда, внушаетъ *Впередъ*, почему бы то ни было дала втрое менѣе выгодные результаты," еслибы черезъ шесть лѣтъ рекомендуемый соціально-революціонный союзъ „состоялъ лишь изъ 10.000 человѣкъ"—этого достаточно: „это такая почтенная революціонная армія которая въ опредѣленную минуту можетъ совершить историческое дѣло: начавъ его сразу, она подниметъ за собою милліоны массъ" (стр. 313)... Не мудрено что петербургскимъ корреспондентамъ кровожадно-лживаго лондонскаго изданія уже грезится какъ „пройдетъ немного времени—и тысячная толпа превратится въ десятки, сотни тысячъ, которыя съ оружіемъ въ рукахъ выйдутъ на площадь судить всѣхъ палачей, купцовъ и помѣщиковъ" (стр. 325)...

Дико-нелѣпыя фантазіи, которыя однакоже дорого стóятъ тѣмъ чье политическое воображеніе хотя на минуту поддалось пропагандируемому изъ Лондона развращенію и распаденію! Пока, до расправы „на площади" съ обществомъ, наши революціонеры расправляются на площадяхъ съ несчастными имѣвшими неосторожность слушать ихъ и потомъ отрезвившимися. На дняхъ мы передали со словъ одесскихъ газетъ о загадочномъ происшествіи, случившемся въ ночь съ 10 на 11 іюня въ Одессѣ. На Конной площади, близь Большаго Вокзала желѣзной дороги, нашли молодаго человѣка лѣтъ двадцати, съ проломленною головой и съ лицомъ облитымъ сѣрною кислотой. Молодой человѣкъ, имѣвшій еще силу говорить несмотря на страшныя мученія, оказался бывшимъ воспитанникомъ 2-й Кіевской гимназіи Горинсвичемъ (или Гороновичемъ), содержавшимся подъ стражей и находившимся подъ надзоромъ полиціи, и показалъ что названныя имъ личности (къ розыску которыхъ приняты мѣры) избили его кистенемъ и облили сѣрною кислотой, приговаривая „шпіонъ". На мѣстѣ преступленія найдена записка, со словами: „такова участь шпіона". Результаты производимаго слѣдствія еще не извѣстны.

Но, очевидно, это есть повтореніе Нечаевской экзекуціи надъ Ивановымъ. Молодой человѣкъ столкнулся съ однимъ или нѣсколькими изъ тѣхъ „интеллигентныхъ агитаторовъ" которыхъ *Впередъ* командируетъ для пропаганды, болѣе или менѣе увлекся фразами революціоннаго пустомельства, потомъ поразсудивъ хладнокровно, отсталъ отъ своихъ искусителей: этимъ самымъ уже сталъ онъ для нихъ подозрителенъ, сталъ „виновенъ" предъ ними, виновенъ хотя быть-можетъ онъ только слушалъ какъ тѣ высказывались. Его рѣшено было убить, рѣшено *по принципу*. Звѣрское преступленіе Нечаева вовсе не было исключительнымъ фактомъ дѣятельности нашихъ революціонеровъ: напротивъ, это было примѣненіе одного изъ основныхъ правилъ ихъ кодекса. Въ указанной выше статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* по поводу воинственнаго манифеста газеты *Впередъ*, было упомянуто о стремленіи нашихъ заграничныхъ революціонеровъ организовать въ Россіи терроръ. Это давнишнее и постоянное поползновеніе всѣхъ подобныхъ господъ. Еще въ сентябрѣ 1869 года на Базельскомъ конгрессѣ „Интернаціоналки" делегатъ бельгійской секціи Евгеній Гепсъ похвалялся что въ непродолжительномъ времени соціалисты наведутъ на своихъ противниковъ ужасъ который избавитъ ихъ отъ противодѣйствія (*Le livre bleu de l'Internationale*, стр. 116). Наши революціонеры еще прежде составили себѣ цѣлую систему какимъ именно образомъ „приводить въ ужасъ." „Размышленія надъ нравственностью и честностью той или другой мѣры, необходимой для дѣла, мѣшаютъ и останавливаютъ всякое реальное начинаніе. Основаніемъ серіозной борьбы должно служить полное равнодушіе къ выбору средствъ" (*Народная расправа*, лѣто 1869, № 1, стр. 11)... „Скромная и черезчуръ осторожная организація тайныхъ обществъ безъ всякихъ внѣшнихъ фактическихъ проявленій въ нашихъ глазахъ не болѣе какъ мальчишеская игра. Фактическими же проявленіями мы называемъ *только* рядъ дѣйствій *разрушающихъ положительно* что-нибудь, лицо, вещь, отношенія, мѣшающія дѣлу" (стр. 2). „Наша реальная задача обратить все наше вниманіе и силы на уничтоженіе препятствій которыя могутъ затруднить ходъ дѣла" (стр. 14). „Кто не за насъ, тотъ противъ насъ, и долженъ пасть отъ пули нашихъ револьверовъ" (Ib., зимою 1870, № 2, стр. 6). „Мы безотлагательно примемся за истребленіе прежде всего тѣхъ кто окажется мѣшающимъ нашей подготовительной работѣ" (№ 1, стр. 15). „Распространенію вещей хоть и искреннихъ, но противоположныхъ нашему знамени мы можемъ

помѣшать разными практическими способами, которые въ нашихъ рукахъ; мы будемъ платить за нихъ не печатно" (Ib, 2). Наконецъ „условія нашей теперешней работы не только не могутъ быть нарушаемы, но всякое отступленіе отъ нихъ, каково бы оно ни было по своему значенію, ведетъ къ тому что лицо выбрасывается изъ нашей среды, какъ загнившій членъ тѣла, невыгодный для работы (то-есть для вышесказанныхъ *фактическихъ проявленій*) и могущій только передать гніеніе остальнымъ частямъ. Нужно ли присовокуплять что это исключеніе изъ нашихъ рядовъ при теперешнемъ положеніи, когда весь ходъ нашего дѣла и весь механизмъ и составъ нашихъ силъ есть непроницаемая тайна, что это исключеніе есть исключеніе изъ списка живыхъ" (Ib. № 2, стр. 8).

Отсюда-то и одесскій кистень съ сѣрною кислотой...

Быть-можетъ наши „интеллигентные агитаторы" сочтутъ полезнымъ отвертываться отъ этихъ слишкомъ уже позорныхъ теорій, и *Впередъ*, напримѣръ, станетъ отрицать свою солидарность съ *Народною Расправой*. Никакимъ отнѣкиваніямъ нельзя давать вѣры. „Интеллигентные агитаторы" не только кровожадны, но они и весьма хитры. Вмѣстѣ съ системой разрушенія и истребленія, этими своего рода башибузуками руководитъ еще система лжи, обмана, сознательнаго и умышленнаго отреченія отъ тѣхъ своихъ поступковъ и теорій которые или слишкомъ вредятъ имъ въ глазахъ публики, слѣдовательно мѣшаютъ ихъ пропагандѣ, или опасны для ихъ личныхъ матеріальныхъ выгодъ. Одинъ изъ закоренѣлыхъ европейскихъ демагоговъ, Ф. Роберъ, писалъ изъ Шоде-Фона, 29 сентября 1869 года, своему пріятелю Обри въ Руанъ посланіе, попавшее въ руки слѣдователя (*L'Internationale et le Jacobinisme*, I, стр. 47—48). „По моему одно лишь насиліе въ состояніи довести насъ до цѣли, и я принадлежу къ числу тѣхъ которые собираются бросить въ огонь все это старое тряпье: права на собственность и т. д., и т. д. Но пока еще *не слѣдуетъ признаваться* въ такихъ идеяхъ, потому уже что иначе пришлось бы сосать себѣ пальцы отъ голода. Вотъ хоть бы я, напримѣръ: я принужденъ прикидываться овечкой даже въ свободной Швейцаріи, для того чтобы сохранить свое мѣсто учителя въ шо-де-фонскомъ промышленномъ коллегіумѣ." Въ офиціальномъ адресѣ парижскихъ радикаловъ Сарагосскому демагогическому комитету совѣтывалось „сообразить *осторожно* планы, придумать манеры *поискуснѣе*, отвагу сочетать *съ хитростью*..." Сообразно съ этими наставленіями и поступается у революціонеровъ-космополитовъ. Извѣстна дикая доктрина Женевской отрасли „Интернаціоналки," демократическо-соціальнаго Союза (Alliance) открыто проповѣдывающаго атеизмъ и уничтоженіе государства вмѣстѣ съ обществомъ: пораженный неудобствами такой откровенности для репутаціи ассоціаціи, главный совѣтъ, резолюціей 28 декабря 1868 года, уничтожилъ статуты *Alliance* и провозгласилъ „Союзъ" отщепенцемъ, о чемъ его органы тотчасъ и прокричали, умиляясь на тему: „мы не признаемъ никакихъ эксцентрическихъ ученій." Когда же благопріятное впечатлѣніе было произведено, тотъ же самый совѣтъ вновь принялъ подъ рукою *Alliance* въ свое лоно, и 14 мая 1869 снабдилъ его надлежащимъ патентомъ, подтвержденнымъ въ іюлѣ того же года.

Еще примѣръ изъ множества. Вспомнимъ такъ-называемый „бомбическій заговоръ" 1870 года. Когда возникло судебное дѣло о немъ, радикалы распорядились такъ мастерски что рѣшительно вся Франція, быть-можетъ и вся Европа, были убѣждены будто это выдумка съ плебисцитною цѣлью, будто никакого заговора не было, и сама наполеоновская полиція сочинила его, устрашенія публики ради... Между тѣмъ оказалось что заговоръ дѣйствительно существовалъ, и былъ организованъ именно коноводами партіи: самъ Флурансъ въ послѣдствіи открылъ эту тайну. Въ своей книгѣ *Paris livré* (стр. 11—13) онъ подробно разказываетъ какъ онъ-то самъ и организовалъ покушеніе... На революціонномъ языкѣ всѣ слова перемѣняютъ свое значеніе: хитрость называется политическимъ искусствомъ, лукавство—умѣніемъ, жестокость—великодушною горячностью, истребленіе противниковъ—высокимъ напряженіемъ. Повторяемъ, обманъ считается въ этихъ рядахъ элементарно-необходимымъ пріемомъ. На западѣ имъ прикрывается конечная цѣль партіи, потому что западное общество не отнеслось бы хладнокровно къ ея откровенному

выраженію; наши революціонеры не считаютъ нужнымъ маскировать имъ свои теоріи, но вѣроятно спрячутся за него со своими поступками.

№ 172.

Москва, 7-го іюля.

11 іюля въ Британской Палатѣ Общинъ вторично былъ „разговоръ" по поводу турецкихъ злодѣяній въ Болгаріи, и чтобы выставить во всѣхъ характеристическихъ особенностяхъ теперешнюю политику „самой цивилизованной націи," намъ достаточно привести, ничего не убавляя и не прибавляя, существенныя черты упомянутаго „разговора" и тѣхъ сужденій которыя вызваны имъ въ англійской же печати.

Бывшій членъ кабинета Гладстона, г. Форстеръ, спросилъ г. Дизраэли получило ли правительство отвѣтъ на запросъ посланный въ Константинополь по поводу неистовствъ турецкихъ войскъ въ Болгаріи, о коихъ англійская публика узнала ужасающія подробности изъ корреспонденцій появившихся въ *Times* и *Daily News*. Дней десять тому назадъ, корреспонденціи эти подали поводъ къ запросу въ парламентѣ, вызвавшему извѣстный уже отвѣтъ г. Дизраэли: что онъ считаетъ всѣ эти разказы преувеличенными; что если въ Болгаріи и совершились жестокости, то виновниками ихъ были не турецкія войска, а иностранные пришельцы (то-есть, какъ надо полагать, Черкесы спущенные Оттоманскимъ правительствомъ на болгарскія села: какъ будто отъ этого легче, какъ будто это оправдываетъ Турцію и успокоиваетъ нравственное чувство зрителей которымъ англійская политика даетъ этотъ спектакль!), и что англійское правительство затребовало отъ своихъ агентовъ въ Турціи болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія, которыя и будутъ де представлены Палатѣ тотчасъ по полученіи. Но до 11 іюля эти спеціальныя свѣдѣнія, какъ отвѣчалъ г. Дизраэли г. Форстеру, еще не были получены; а имѣются де лишь общія донесенія сэръ-Генри Эллиота, а также англійскихъ консуловъ въ Бѣлградѣ, Рагузѣ и Цетиньѣ, которыя, въ числѣ другихъ документовъ, будутъ на дняхъ представлены парламенту. Вообще онъ, г. Дизраэли, не отрицаетъ того что жестокости совершались и совершаются въ борьбѣ Турокъ съ инсургентами; но эти жестокости, вопервыхъ, неизбѣжны де въ подобнаго рода борьбѣ, а вовторыхъ, онъ продолжаетъ думать что разказы корреспондентовъ англійскихъ газетъ, подавшихъ поводъ къ запросу г. Форстера, очень преувеличены. Такъ де корреспонденты сообщали, между прочимъ, что болѣе 10.000 Болгаръ томятся въ тюрьмахъ, гдѣ Турки подвергаютъ ихъ жестокимъ пыткамъ, послѣднее кажется г. Дизраэли невѣроятнымъ, потому де что едва ли мѣстныя тюрьмы настолько обширны чтобы вмѣстить такое количество узниковъ. Что же касается пытокъ, то г. Дизраэли не вѣритъ въ нихъ главнымъ образомъ потому что „Турки такой народъ который рѣдко прибѣгалъ къ этому средству, а обыкновенно предпочиталъ избавляться отъ виновныхъ болѣе рѣшительнымъ способомъ (in a more expeditive manner)." Невѣроятно, но тѣмъ не менѣе достовѣрно что это циническое замѣчаніе англійскаго премьера *было встрѣчено смѣхомъ!*

Г. Форстеръ не довольствовался этимъ объясненіемъ главы правительства. Онъ указалъ на то что корреспонденціи названныхъ газетъ получены вслѣдствіе телеграфнаго запроса посланнаго имъ отъ редакцій, и не понимаетъ почему правительство не прибѣгло къ тому же способу чтобы получить возможно-скорѣйшія свѣдѣнія о дѣлѣ столь первостепенной возможности. Онъ не раздѣляетъ оптимизма г. Дизраэли, и объясняетъ что газетныя сообщенія о турецкихъ неистовствахъ вовсе не преувеличены, такъ какъ они подтверждаются даже турецкими газетами. А такъ какъ всюду господствуетъ мнѣніе что Англія оказываетъ Турціи нравственную поддержку, то онъ долженъ сказать что для чести страны унизительна и для совѣсти Англичанъ возмутительна мысль о возможности нравственной поддержки оказанной ими народу виновному въ такихъ злодѣяніяхъ. Кромѣ г. Форстера, еще три члена оппозиціи настаивали на томъ что въ извѣстіяхъ изъ Болгаріи сообщаемыхъ газетами нѣтъ ничего преувеличеннаго, а одинъ изъ нихъ, г. Монделла, прибавилъ что по частнымъ, полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, корреспонденціи газетъ еще отстаютъ отъ дѣйствительности, и что совершившіяся злодѣянія не могли бы быть переданы во

всей ихъ наготѣ на страницахъ англійскаго журнала.

Газета *Daily News*, въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу этого парламентскаго разговора, энергически отстаиваетъ достовѣрность свѣдѣній полученныхъ отъ ея корреспондента, и весьма справедливо замѣчаетъ что они вполнѣ подтверждаются самимъ молчаніемъ Турецкаго правительства, которое ни однимъ словомъ не отозвалось по поводу этихъ разоблаченій проникшихъ и въ пренія Британскаго парламента, о коихъ, безъ сомнѣнія, оно получаетъ обстоятельныя извѣщенія по телеграфу когда пренія эти касаются турецкихъ дѣлъ. Принявъ такимъ образомъ за вполнѣ доказанный фактъ совершаемыхъ въ Болгаріи звѣрствъ, названная газета, подобно г. Форстеру, вдается въ размышленія о нравственной отвѣтственности падающей на Англію. „Если все разказанное справедливо, то справедливо ли," спрашиваетъ *Daily News*, „что мы союзники „Турціи, ея единственные покровители? „Если да, то покровительствуемъ ли мы „ей съ полнымъ знаніемъ объ отвратительныхъ злодѣяніяхъ ею совершаемыхъ? Отрицаемъ ли мы эти преступленія, или же „мы отрицаемъ наше покровительство? „Вотъ вопросы на которые правительство „обязано дать намъ опредѣленный отвѣтъ, „и мы не можемъ довольствоваться когда „намъ однимъ духомъ отвѣчаютъ: мы еще „не получили точныхъ свѣдѣній о томъ „что совершается въ Турціи и не считаемъ „еще возможнымъ дать вамъ точный отчетъ о томъ что мы творимъ въ пользу „Турціи." Весь вопросъ въ томъ, продолжаетъ *Daily News*, даетъ ли Англія, или нѣтъ, нравственную поддержку, возбуждая вслѣдствіе этого надежду и на болѣе дѣйствительную помощь государству одобряющему подобныя звѣрства? Эти звѣрства имѣютъ для Англичанъ особенно ужасающее значеніе, такъ какъ они находятся въ безобразномъ положеніи всѣми признаваемыхъ покровителей Турціи. Въ виду того что г. Дизраэли очевидно не понимаетъ или не хочетъ понимать всей тяжести падающей на него отвѣтственности и не считаетъ нужнымъ отречься отъ солидарности съ турецкимъ варварствомъ, *Daily News* взываетъ къ Англійскому народу дабы онъ выразилъ свой негодующій протестъ противъ того что творится на Балканскомъ полуостровѣ.

Черезъ два дня послѣ упомянутыхъ преній, въ *Daily News* напечатано было письмо къ издателю, и въ этомъ письмѣ дѣйствія правительства подвергаются еще болѣе рѣзкой и безпощадной критикѣ. Авторъ возмущенъ грубою шуткой г. Дизраэли въ Палатѣ по вопросу о пыткахъ. Онъ „краснѣетъ за свою страну при мысли что эта циническая выходка могла вызвать смѣхъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ Палаты." По поводу постоянной уклончивости правительства дать объясненія о своей восточной политикѣ, авторъ письма говоритъ слѣдующее: „Замыслы министер„ства очевидны. Оно желаетъ избѣжать „объясненій и затянуть дѣло до того времени когда сессія парламента будетъ за„крыта. Будучи избавлены отъ парламент„скаго контроля, они повлекутъ страну „туда куда имъ кажется полезнымъ, мо„жетъ-быть даже до войны, въ защиту „гнилой и шатающейся тираніи, которой „они дали поддержку англійскаго имени. „Имъ стóитъ только вызвать горячку вой„ны, выставить обычное пугало Русскаго „медвѣдя, и голосъ разума и правды бу„детъ заглушенъ... Нужно предпринять „что-либо, и какъ можно скорѣе, чтобы „спасти англійское имя отъ вѣчнаго по„зора."

Обращаясь далѣе къ характеристикѣ политики правительства, поскольку она обнаружилась до сихъ поръ, авторъ письма говоритъ: „По моему мнѣнію, не подле„житъ сомнѣнію что мы, Англичане, въ „лицѣ нашего правительства, дали нрав„ственную, или, лучше, безнравственную „поддержку гнилому деспотизму, о невы„разимыхъ злодѣяніяхъ котораго вопіютъ „небо и земля. Можно ли теперь сомнѣ„ваться что эти варвары были поощрены „къ совершенію своихъ подвиговъ поддерж„кой Англичанъ? Не радовались ли Турки „отклоненію Англіей Берлинской ноты, „какъ доказательству такой поддержки? „И почему гг. Дизраэли и Дарби отвергли „эту ноту? Причина очевидная: Ноту гра„фа Андраши они приняли потому что это „были лишь слова, добрые, но голослов„ные совѣты поданные варварамъ; Бер„линскую же ноту они отвергли потому „что въ ней заключалась попытка дать „жертвамъ этихъ варваровъ нѣкоторыя га„рантіи. Въ сущности и Берлинская нота „ничего не стóила, ибо въ ней заключа„лось признаніе власти Турокъ. Но лордъ

„Дарби отвергъ ее потому что въ ней вы„ражалась хоть слабая надежда для христіанъ. По правдѣ говоря, всѣ эти злодѣянія въ Болгаріи не столько падаютъ „на голову тѣхъ кто ихъ совершаетъ, сколько тѣхъ кто ограждаетъ ихъ безнаказанность. Вина грубаго Турка далеко не „столь черна какъ вина тѣхъ кто именуясь христіанами и цивилизованными людьми поддерживаютъ этого Турка. Вина „эта вся падаетъ на людей управляющихъ „дѣлами въ Англійскомъ кабинетѣ. И эта „вина въ концѣ концовъ ляжетъ своимъ „бременемъ на весь Англійскій народъ, „если онъ не поспѣшитъ отречься отъ „этихъ людей какъ своихъ представителей."

Въ заключеніе этого замѣчательнаго письма, авторъ, отчаиваясь въ томъ чтобы парламентъ, въ теперешнемъ его составѣ, далъ должный отпоръ позорной политикѣ, восклицаетъ: „Но неужели ничего нельзя сдѣлать внѣ стѣнъ парламента? Не можемъ ли мы собрать митингъ „и составить протестъ въ коемъ было бы „заявлено, предъ лицомъ неба и земли, „что есть еще честныя сердца въ Англіи; „что у насъ остались еще люди не научившіеся называть зло добромъ и добро „зломъ, которые не желаютъ чтобъ Англія была отмѣчена на страницахъ исторіи какъ сообщница кроваваго деспотизма варваровъ-Турокъ."

Эти строки свидѣтельствуютъ что нравственное чувство еще тлѣетъ и въ англійскомъ обществѣ, и что дѣло Славянъ мученически борющихся за все что дорого и свято человѣку не можетъ не привлекать на ихъ сторону симпатію цивилизованнаго человѣчества, и что въ дѣйствительности никакой національный интересъ какого бы то ни было народа принадлежащаго къ великой исторической семьѣ не можетъ противорѣчить интересамъ Славянъ въ ихъ теперешней борьбѣ.

Но приведенныя выписки взяты нами изъ органа оппозиціи. Можно подумать что оппозиціонный органъ, въ интересахъ партіи, намѣренно сгустилъ краски, и что безпощадный приговоръ произнесенный имъ надъ политикой правительства есть приговоръ противника желающаго вырвать власть изъ его рукъ. А потому *audiatur et altera pars*. Послушаемъ что говорятъ органы торійской партіи, что высказываютъ они на эти нападки раздавшіяся въ парламентѣ и въ оппозиціонной печати.

Pall Mall Gazette, выходящая вечеромъ, поспѣшила въ тотъ же день отвѣчать на статью *Daily News*, и принять подъ свое покровительство политику г. Дизраэли по Восточнымъ дѣламъ. Въ чемъ же заключаются аргументы правительственнаго органа? *Pall Mall Gazette* и не думаетъ поддерживать уклончивыя отрицанія г. Дизраэли о злодѣяніяхъ Турокъ, отрицанія, впрочемъ, походившія на подтвержденія. Газета становится въ фактическомъ отношеніи на точку зрѣнія *Daily News*, поддерживающей точность и достовѣрность сообщеній своего корреспондента. Но торійскій органъ негодуетъ на противниковъ правительства за ихъ нелогичность. Онъ находитъ что интересы Англіи обусловливаютъ образъ дѣйствій принятый правительствомъ, и что этотъ образъ дѣйствій одинаково одобряется какъ приверженцами его, такъ и его противниками. „Противники правительства," замѣчаетъ названная газета, „не отваживаются порицать правительство за его отказъ присоединиться къ мѣрамъ проектированнымъ въ Берлинѣ, ибо это значило бы „слишкомъ рисковать своею репутаціей „политической осмотрительности; но желая плодовъ этой политики, они хотѣли „бы въ то же время избѣгнуть сопряженнаго съ нею риска. Имъ хотѣлось бы „чтобъ Англія воздержалась отъ всякаго „вмѣшательства и чтобъ это невмѣшательство носило характеръ доброжелательный къ турецкимъ христіанамъ, такъ какъ „подобное отношеніе представляется нравственно-привлекательнымъ." Это-то благоволеніе къ турецкимъ христіанамъ представляется *Pall Mall Gazette* логическимъ противорѣчіемъ съ требованіями англійскаго разума склоняющими всѣ сочувствія во что бы то ни стало въ пользу Турціи. Да, во что бы то ни стало,—даже цѣной сообщничества тѣмъ злодѣяніямъ о коихъ шла рѣчь и которыя торійскій органъ и не думаетъ отвергать. *Pall Mall Gazette* негодуетъ за то что нѣкоторыя англійскія газеты стараются вызвать сочувствіе англійскаго народа къ страданіямъ Болгаръ, за то что онѣ, считая злодѣянія Турокъ въ значительной мѣрѣ послѣдствіемъ „моральной поддержки" оказываемой имъ Англіей, стараются возбудить въ общественномъ мнѣніи негодованіе противъ подобнаго сообщничества. По мнѣнію торійской газеты, подобная агитація безразсудна

„стараются разжечь пламя негодованія въ „народѣ дабы этимъ пламенемъ превра-„тить въ развалины зданіе построенное на „крѣпкомъ фундаментѣ національнаго ин-„тереса, *потому лишь что верхняя его „пристройка имѣетъ черты непріятныя „для эстетическаго глаза.*"

Цѣлая страна превращенная въ пустыню, десятки тысячъ безоружныхъ людей зарѣзанныхъ или замученныхъ пытками, женщины изнасилованныя или проданныя въ рабство, цѣлые возы наполненные головами дѣтей и женщинъ, разъѣзжающіе по болгарскимъ селамъ для острастки мятежникамъ, *) все это лишь немножко не красивая, но полезная „надстройка" надъ зданіемъ англійской политики сооруженнымъ на фундаментѣ всѣми въ Англіи признаваемаго національнаго интереса...

Замѣчаніе г. Дизраэли о нелюбви Турокъ къ пыткамъ, какъ способу недостаточно дѣйствительному чтобъ избавиться отъ врага, и послѣднее *эстетическое* замѣчаніе поддерживающей его газеты дополняютъ другъ друга. Приведенный выше корреспондентъ *Daily News* не даромъ ужасается предъ грядущимъ судомъ исторіи надъ политикой своей страны.... Но, Богъ дастъ, судъ наступитъ скорѣе... Какъ бы баши-бузуки, друзья и сообщники Англичанъ, виждители ихъ интереса, не отозвались имъ сипаями.... И Божья кара постигнетъ не одну Англію, но и тѣ могущественныя націи которыя попускаютъ эту гнусную вопіющую къ небу игру...

*) О чемъ сообщаютъ корреспонденты англійскихъ газетъ.

№ 173.

Москва, 8-го Іюля.

Къ вѣнскимъ стратегамъ состоящимъ въ хвостѣ турецкой арміи присоединился новый сотоварищъ, бѣлградскій корреспондентъ *Голоса* (№ 184, отъ 5-го іюня), по мнѣнію котораго вторгаться въ Болгарію Сербамъ совершенно не слѣдовало, а надлежало бы дѣйствовать только въ Босніи, двинувъ туда главныя силы и сдѣлавъ этотъ край „не только политическимъ, но и стратегическимъ объектомъ." „Дви-„женія на Нишъ производить не слѣдова-„ло; достаточно было бы расположить въ „укрѣпленіяхъ близь Алексинца одну ди-„визію," — вѣроятно для того чтобы значительныя силы Турокъ, доходящія между Софіей и Нишемъ до 50 или 60 тысячъ, могли удобнѣе проникнуть въ Сербію и явить тамъ образцы такого же звѣрства и насилія какія совершались и совершаются въ Болгаріи, особенно въ округахъ Тырновскомъ, Софійскомъ, Филиппопольскомъ.

Южная (Черняевская) Сербская армія, по мнѣнію *Голоса*, не нужна даже и со всѣмъ тѣмъ что было „блистательнаго" въ ея дѣйствіяхъ.

Понятно что извѣстная часть австровенгерской печати отзывается неблагопріятно о генералѣ Захѣ; онъ сражался въ 1848 году противъ Венгерцевъ; но чѣмъ не угодилъ Черняевъ корреспонденту *Голоса?*

Иначе думаетъ о сербскомъ планѣ и дѣйствіяхъ генерала Черняева официальная австрійская газета *Wehrzeitung*, отзывъ которой приведенъ нами третьяго дня. „Слѣдуетъ считать," говоритъ австрійскій специалистъ, „основной планъ дѣйствій Сербовъ вѣрнымъ," а маневрированіе генерала Черняева „согласнымъ съ планомъ" и „правильнымъ."

Австрійская газета находитъ не только позволительнымъ, но даже болѣе выгоднымъ для Сербовъ дѣйствовать *на рискъ*, не обращая вниманія на свои сообщенія съ базисомъ и даже со страной.

Сербскія войска дѣйствуютъ напротивъ осторожно, не рѣшаясь отдать на волю случая все такъ успѣшно начатое ими общее дѣло. Рисковать своими сообщеніями со страной, въ виду многочисленнаго непріятеля, было бы необдуманно когда военныя средства возставшаго края только что начинаютъ организоваться. Каждая серіозная неудача испытанная Сербами могла бы дурно подѣйствовать на ту часть населенія Болгаріи и Старой Сербіи которая еще не взялась за оружіе.

Такая осторожность съ особенною ясностью обнаруживается въ дѣйствіяхъ южной арміи, въ которой теперь числится вѣроятно уже свыше 45 тысячъ человѣкъ, но которая имѣетъ противъ себя болѣе сильнаго непріятеля.

Сейчасъ же по взятіи Бабиной Главы, 21-го іюня, генералъ Черняевъ направилъ по правому берегу Нишавы довольно сильные отряды къ Акъ-Паланкѣ и Пироту, съ намѣреніемъ прервать сообщенія Ниша

на Софію и Филиппополь. Появленіе нѣсколькихъ тысячъ Турокъ у Бѣлградчика на дорогѣ изъ Виддина къ Акъ-Паланкѣ и Пироту заставило генерала Черняева воротить эти отряды. На другой день, 22-го іюня, генералъ Стратимировичъ снова является подъ Акъ-Паланкой, имѣетъ успѣхъ, достигаетъ укрѣпленій; но опять возвращается на Нишаву, такъ какъ „не входило въ намѣренія генерала Черняева" занимать Акъ-Паланку пока дорога отъ нея на Виддинъ не будетъ совершенно обезпечена отъ непріятельскихъ покушеній, что и совершилось позднѣе; вслѣдъ за этимъ Сербы не только утвердились у Акъ-Паланки и Пирота, но и продвинулись нѣсколько къ юго-востоку отъ него къ дефилеямъ на дорогѣ изъ Софіи, оставаясь однако на правомъ берегу Нишавы и главными силами у Бабиной Главы. Съ занятіемъ же особымъ отрядомъ ущелья Св. Николая и позиціи у Бѣлградчика на дорогѣ изъ Виддина Сербы совершенно обезпечили такое расположеніе и даже набросали нѣсколько укрѣпленій, какъ у Акъ-Паланки, такъ и у Пирота. Изъ этого видно что генералъ Черняевъ придаетъ позиціи у Бѣлградчика, на Виддинской дорогѣ, серіозное значеніе. Удерживая ее, онъ съ одной стороны подаетъ руку Тимокскому корпусу, а съ другой разрываетъ связь между Виддинскимъ и Нишскимъ корпусами.

Свѣдѣнія о первоначальномъ планѣ и дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Турокъ доказываютъ правильность такого взгляда, одобряемаго и австрійскою офиціальною газетой *Wehrzeitung*. Турки, какъ говоритъ константинопольскій корреспондентъ *National - Zeitung*, „надѣялись что ихъ „Виддинскій и Нишскій корпуса, войдя „въ связь между собою, предпримутъ на„ступательное движеніе, которое при энер„гическомъ исполненіи положитъ конецъ „войнѣ." Осуществленіе этого плана сдѣлалось невозможнымъ „вслѣдствіе расположенія между ними Сербскихъ войскъ."

Вмѣстѣ съ этимъ Нишскій корпусъ „былъ вынужденъ перемѣнить фронтъ" и теперь едва ли даже сохраняетъ связь своего лѣваго фланга съ крѣпостью.

Съ назначеніемъ Абдулъ-Керима главнокомандующимъ, снова появились слухи о наступленіи Турокъ, для чего послѣдними предпринято было сосредоточеніе войскъ въ различныхъ пунктахъ. Самъ Абдулъ-Керимъ 1-го (13-го) іюля уже прибылъ въ Софію. *Neue Freie Presse*, повидимому всегда знакомая съ турецкими намѣреніями, полагаетъ что Абдулъ-Керимъ предприметъ концентрическое наступленіе въ долину Большой Моравы со стороны Виддина, Софіи и Новаго Базара.

Если это справедливо, то Сербамъ представляется новая задача: помѣшать исполненію такого плана разбивъ Турокъ по частямъ, начиная съ Виддинскаго корпуса. Пораженіе Османъ-паши дало бы возможность управиться и съ главными силами Абдулъ-Керима собранными у Софіи.

Для достиженія этой цѣли бой у Зайчара и Вратарницы предпринятый Лешанинымъ и поддержанный частію войскъ генерала Черняева, въ случаѣ удачи, могъ бы имѣть серіозное значеніе. Случай далъ другой оборотъ этому успѣшно начатому бою. Прибытіе къ Османъ-пашѣ свѣжихъ силъ склонило побѣду на сторону Турокъ. Сербы дрались упорно и сдѣлали все что было можно. Сербскіе начальники не жалѣли себя; въ числѣ ихъ палъ геройскою смертью и нашъ соотечественникъ Николай Александровичъ Кирѣевъ.

Неудача этого боя, такъ правдиво указанная въ сербской офиціальной депешѣ, еще не разстраиваетъ дѣла.

Въ положеніи войскъ Заха перемѣнъ не послѣдовало, хотя Турки и утверждали что Сербы отброшены отъ Новаго Базара и Новаго Вароша, т.-е. будто бы прогнаны съ пути сообщеній турецкихъ войскъ въ Босніи, а между тѣмъ это оказалось совершенно невѣрно: архимандритъ Дучичъ стоитъ съ 26-го іюня подъ Новымъ Варошемъ въ занятыхъ съ боя турецкихъ окопахъ. Отрядъ Калокантича, составляющій лѣвый флангъ войскъ Заха, попрежнему расположенъ у Новаго Базара въ укрѣпленной позиціи и дѣйствуетъ не безъ успѣха.

Дринскій корпусъ въ послѣднее время имѣлъ нѣсколько успѣшныхъ дѣлъ съ Турками, пытавшимися снова завладѣть Малымъ Зворникомъ. Какъ расположенъ въ настоящее время Дринскій корпусъ, положительныхъ извѣстій нѣтъ; но судя по даннымъ имъ битвамъ, только часть силъ Алимпича дѣйствуетъ въ окрестностяхъ Бѣлины, а другая охраняетъ рѣку Дрину у Зворника и Любовья, т.-е. со стороны Сераева. Впрочемъ, корпусъ Алимпича силенъ по своему составу и въ настоящее

время съ волонтерами вѣроятно превосходитъ 30 т., которыя, въ случаѣ надобности, удобно могутъ быть направлены къ Сераеву какъ со стороны Бѣлины, такъ и отъ Малаго Зворника.

Со всѣми полученными подкрѣпленіями сербскія войска слабѣе турецкихъ, а между тѣмъ успѣхъ въ общемъ результатѣ положительно на сторонѣ Сербовъ. Кромѣ хорошо задуманныхъ и искусно исполняемыхъ маневровъ, это въ большей мѣрѣ слѣдуетъ приписать отличному духу войскъ, довѣрію ихъ къ начальникамъ и строгой дисциплинѣ которая въ нихъ поддерживается. Въ бою сербскіе офицеры служатъ хорошимъ примѣромъ: они всегда впереди, и отъ того убыль въ офицерахъ у Сербовъ по всѣмъ извѣстіямъ сравнительно велика. То же самое, какъ извѣстно, было и въ германскихъ войскахъ въ минувшую кампанію.

Потери Сербовъ конечно значительны, но не такъ велики какъ ихъ выставляютъ Турки съ ихъ австрійскими благожелателями, и до сихъ поръ едва ли превосходятъ 2—3% общей численности ихъ войскъ. Бо́льшая часть раненыхъ пострадали отъ ручнаго оружія; раны артиллерійскими снарядами встрѣчаются гораздо рѣже чѣмъ въ другихъ войнахъ, что Сербы приписываютъ неумѣнью турецкихъ артиллеристовъ стрѣлять изъ нарѣзныхъ пушекъ, требующихъ отъ прислуги гораздо бо́льшихъ знаній и развитія нежели гладкія орудія. Турецкіе снаряды, по словамъ Сербовъ, то не долетаютъ, то перелетаютъ чрезъ войска. Турки остались Турками.

Состояніе духа турецкихъ войскъ повидимому не высоко, хотя въ послѣднее время много говорено о сильномъ развитіи въ нихъ мусульманскаго религіознаго фанатизма. Фанатизмъ этотъ, дѣйствительно усердно возбуждаемый турецкимъ правительствомъ, изливается, какъ видно, на беззащитныхъ дѣтей и женщинъ, вдали отъ мѣста дѣйствій, а въ бою такъ же скоро проходитъ какъ и опьянѣніе, когда въ войскѣ нѣтъ дисциплины которая могла бы поддержать энергію и порядокъ въ трудную минуту.

№ 174.

Москва, 9-го іюля.

По свѣдѣніямъ съ южнаго берега Крыма, наплывъ пріѣзжихъ въ нынѣшнемъ году тамъ значительно слабѣе противъ предыдущихъ лѣтъ. Мѣстные жители объясняютъ это слухами о волненіи замѣчаемомъ между Татарами вслѣдствіе событій на Балканскомъ полуостровѣ и о безпокойствахъ причиняемыхъ прибрежному населенію шныряющими близь береговъ Турками. Хотя мы и не полагаемъ чтобы волненія между крымскими Татарами могли принять угрожающій характеръ, но условія жизни на Южномъ Берегу таковы что даже пассивно-враждебное настроеніе татарскаго населенія должно, дѣйствительно, отозваться на тамошнихъ русскихъ жителяхъ многими неудобствами. Въ городахъ, конечно, эти неудобства не могутъ быть чувствительны; но по недостатку и дороговизнѣ европейскихъ гостиницъ, большинство съѣзжающихся на виноградный сезонъ не можетъ ими пользоваться, и размѣщается по деревнямъ, въ маленькихъ татарскихъ гостиницахъ и сакляхъ, среди исключительно магометанскаго населенія. Какъ домашняя прислуга, тамошніе Татары вообще очень не удобны; при враждебномъ же ихъ настроеніи, питаемомъ разгорающимся въ настоящее время въ Турціи мусульманскимъ фанатизмомъ, положеніе Русскихъ, попавшихъ на татарскія квартиры, можетъ сдѣлаться очень тягостнымъ, а въ ближайшихъ къ морю мѣстностяхъ, гдѣ шляются Турки, даже и опаснымъ.

Все это невольно приводитъ на память тщету нашихъ постоянныхъ и соединенныхъ со многими пожертвованіями усилій пріобрѣсть въ крымскихъ Татарахъ спокойныхъ и признательныхъ гражданъ и привязать ихъ къ русскому отечеству, даровавшему имъ такъ много правъ и преимуществъ. Извѣстно что вопросъ о пресѣченіи переселеній крымскихъ Татаръ въ Турцію и о лучшемъ устройствѣ ихъ быта не перестаетъ заботить правительство, и недавно снова служилъ предметомъ занятій особой коммиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ разное время Татарамъ были дарованы существенныя льготы, много разъ принимались особыя, довольно дорогія мѣры для ихъ успо-

коенія и устраненія поводовъ къ періодически возобновляющимся переселеніямъ. Печать всегда относилась очень сочувственно къ такимъ мѣрамъ, какъ бы признавъ заранѣе что необходимо во что бы то ни стало удержать Татаръ и тѣмъ предотвратить „запустѣніе“ края. И несмотря на всѣ наши усилія, броженіе между Татарами возобновляется при всякомъ подстрекательствѣ со стороны Турокъ, и въ послѣднее время вновь усилилось подъ вліяніемъ событій на Востокѣ и преобразованія воинской повинности.

Такой неуспѣхъ принимаемыхъ относительно Татаръ въ высшей степени гуманныхъ мѣръ и очевидное нежеланіе ихъ сблизиться съ русскимъ народомъ естественно возбуждаетъ вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать въ отношеніи къ нимъ политику которой до сихъ поръ держалось правительство, и дѣйствительно ли отъ продолжающихся переселеній грозитъ краю опасность „запустѣнія?“

Намъ кажется что составившееся у насъ мнѣніе о необходимости во что бы то ни стало удержать въ Крыму Татаръ принадлежитъ къ числу фальшивыхъ предразсудковъ. Крымъ, и въ особенности Южный Берегъ очень могутъ служить обиталищемъ для населеній другой народности. Пустынныя части полуострова и при Татарахъ остаются непроизводительными, мѣстности же способныя къ обработкѣ скорѣе теряютъ чѣмъ выигрываютъ оттого что Татары составляютъ тамъ единственную рабочую силу. Мы рѣшительно не знаемъ на чемъ основано распространенное въ Россіи мнѣніе будто только Татары способны къ садоводству и къ уходу за виноградниками. Искусство это въ его современномъ, довольно высокомъ состояніи, отнюдь не создано тамъ Татарами; послѣдніе научились ему отъ иностранцевъ выписанныхъ русскими землевладѣльцами, что̀ стоило большихъ затратъ, трудовъ и времени. Но если этимъ путемъ научились Татары, то что̀ же заставляетъ думать чтобы не могли также научиться и русскіе рабочіе, въ особенности изъ малороссійскихъ губерній? Садоводство, какъ извѣстно, распространено у насъ во всемъ южномъ краѣ, баштаны привлекаютъ множество рукъ по низовьямъ Днѣпра, Днѣстра, Волги, Дона; виноградники процвѣтаютъ въ Землѣ Войска Донскаго, въ Бессарабіи, въ Подольской и даже Кіевской губерніяхъ, не говоря уже о Кавказскомъ краѣ, гдѣ винодѣліемъ занимается преимущественно христіанское населеніе. Эти мѣстности, въ случаѣ надобности, могутъ дать Крыму уже совершенно готовыхъ, опытныхъ рабочихъ; но мы увѣрены что и кромѣ того всякій малороссійскій крестьянинъ, переселившись въ Крымъ, въ самое короткое время можетъ припоровиться и къ климату, и къ почвѣ, и ко всѣмъ мѣстнымъ условіямъ. Малороссы, вопреки распространенному мнѣнію объ ихъ лѣности, въ рабочую пору очень трудолюбивы и дѣятельны, а ихъ мускульная сила не оставляетъ желать ничего лучшаго. Во всякомъ случаѣ лѣность ихъ нейдетъ ни въ какое сравненіе съ лѣностью крымскихъ Татаръ, о трудолюбіи коихъ у насъ вообще составилось совершенно невѣрное мнѣніе. На самомъ дѣлѣ Татары очень неподвижны, а въ горячую рабочую пору можно видѣть толпы ихъ праздно сидящія подъ навѣсомъ сакли или подъ тѣнью орѣховаго дерева, сборъ съ котораго иногда питаетъ и обезпечиваетъ цѣлую семью. Они не гонятся за высокою заработною платой; ихъ потребности ограничены и обычаями, и характеромъ народа, и вслѣдствіе того они лишены важнѣйшихъ возбужденій къ предпріимчивости. Если мы сравнимъ что̀ сдѣлано для нихъ, и что̀ они сами сдѣлали для края, то итоги окажутся весьма неравные, принимая во вниманіе необычайныя, исключительно-благопріятныя условія земледѣльческаго труда въ этомъ благословеннѣйшемъ уголкѣ европейской Россіи. Можно сказать съ увѣренностью что система баловства, которой держались у насъ до сихъ поръ относительно крымскихъ Татаръ, значительно препятствовала успѣхамъ винодѣлія и садоводства въ краѣ. Ослабленное постоянною эмиграціей и въ то же время своимъ привилегированнымъ присутствіемъ какъ бы налагающее запретъ на приливъ русскихъ рабочихъ, татарское населеніе создало чрезмѣрную дороговизну рабочихъ рукъ, лежащую тяжелымъ бременемъ на мѣстной производительности; отсутствіе въ этомъ населеніи духа предпріимчивости до сихъ поръ сильно препятствуетъ промышленному развитію края и осуждаетъ его на экономическій застой. Пока привилегированное положеніе крымскихъ Татаръ будетъ продолжаться, пока мы не сдвинемся съ ошибочнаго представленія о необходимости

удержать ихъ въ Крыму, нельзя ожидать чтобы началось движеніе рабочихъ изъ малороссійскихъ губерній: при нынѣшнемъ неравенствѣ условій и при искусственномъ покровительствѣ Татарамъ, наши крестьяне туда не потянутся; между тѣмъ Татары будутъ попрежнему выселяться, населеніе еще болѣе порѣдѣетъ, рабочія руки еще болѣе вздорожаютъ, и подвергнется именно тому самому кризису, предотвратить который мы всячески стремимся. Только съ радикальнымъ измѣненіемъ отношеній къ „татарскому вопросу“ возможно, какъ мы полагаемъ, помочь дѣлу. Намъ нѣтъ никакой надобности удерживать покровительственными мѣрами населеніе очевидно упорствующее въ своемъ отчужденіи отъ насъ и могущее при усложненіяхъ на Востокѣ создать намъ немаловажныя затрудненія, чему мы и были свидѣтелями въ Крымскую войну. Мы не нуждаемся въ этихъ крымско-татарскихъ эскадронахъ зараженныхъ язвой дезертирства и представляющихъ только компромиссъ съ цѣлію приличнымъ образомъ обойти основный принципъ всеобщей воинской повинности. Мы полагаемъ что лучше всего было бы предоставить Татарамъ полную свободу выселяться изъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать вызовъ переселенцевъ изнутри. Опасаться запустѣнія края рѣшительно нѣтъ основаній. Мы понимали бы эти опасенія еслибы дѣло шло о Лопаряхъ и Самоѣдахъ покидающихъ сѣверныя тундры; но когда рѣчь идетъ о благодатномъ уголкѣ надѣленномъ самыми счастливыми природными условіями, объ этой русской Италіи, то мы полагаемъ что всѣ наши заботы должны быть направлены къ тому чтобъ открыть этотъ край для кореннаго русскаго населенія, а не къ искусственному поддержанію его обособленности. Крымъ такъ хорошъ что грѣхъ навязывать его инородческому племени которое всегда будетъ чуждо и въ сущности враждебно Россіи.

№ 175.

Москва, 10-го Іюля.

А.

Кельнская Газета, съ самаго начала затрудненій на Востокѣ сочувствовавшая Туркамъ, продолжаетъ и теперь ревниво охранять интересы Блистательной Порты. Закрытіемъ Клекской гавани для Турецкихъ судовъ она положительно недовольна, видя въ томъ якобы „сильный ударъ нанесенный Турціи“, „совершенное уничтоженіе“ существенныхъ частей стратегическаго плана Турціи. „Нельзя не признать,“ говоритъ прирейнскій политикъ, „что Австро-Венгрія дѣйствительно имѣла право „на такую мѣру, потому что Клекская гавань и ведущіе въ нее водяные пути признаются за *mare clausum*, и безъ позволенія Австрійскаго правительства Турецкія суда не имѣютъ права тамъ плавать. „Но до сихъ поръ это право охотно предоставлялось Турціи; если же теперь, во „избѣжаніе самаго вида какого-либо вмѣшательства въ борьбу, тотчасъ послѣ „Рейхштадтскаго свиданія, право это отнято у Турокъ, то на такое дѣйствіе со „стороны Австро-Венгріи должно смотрѣть „какъ на жертву принесенную сближенію „съ Россіей,“ по мнѣнію *Кельнской Газеты*, какъ на жертву въ пользу Славянскаго дѣла и во вредъ Турціи. Мудрыхъ рейнскихъ политиковъ не останавливаетъ даже открытое заявленіе австрійскихъ офиціозныхъ органовъ что закрытіе Клекской гавани не есть прямой результатъ Рейхштадтскихъ соглашеній, что, напротивъ, мѣра эта давно уже замышлялась Австро-Венгерскимъ правительствомъ, и что отъ этой мѣры Славянамъ будетъ хуже чѣмъ Туркамъ.

„Вѣнскіе офиціозные органы ищутъ ослабить впечатлѣніе произведенное закрытіемъ Клека,“ говоритъ *Кельнская Газета*, „и утверждаютъ что запрещеніе провоза чрезъ Австрію и вывоза всякаго рода „военной контрабанды на протяженіи всей „сухопутной и морской Австро-Турецкой „границы должно быть весьма чувствитель„но и для противниковъ Турціи, особен„но въ случаѣ продолжительности войны. „Мы не оспариваемъ доводовъ приводи„мыхъ въ пользу такого сужденія,“ прибавляетъ туркофильская германская газета, „но всѣ они говорятъ только о будущихъ „затрудненіяхъ для Сербіи и Черногоріи и „относятся къ разряду *можетъ-быть* и *вѣроятно*, а Турція уже испытываетъ всю „тяжесть мѣры принятой Австріей въ видахъ локализаціи борьбы, начиная хотя „бы съ усиленія Черногорскихъ войскъ „шеститысячнымъ отрядомъ Пеко-Павло„вича до того блокировавшимъ Клекскую

„гавань и занимавшимъ путь ведущій отъ „нея въ Герцеговину. Отрядъ этотъ тутъ „уже болѣе не нуженъ; онъ обратитъ свое „оружіе противъ Турецкихъ войскъ."

На самомъ дѣлѣ, закрытіе Клека какъ часть „общей мѣры" принятой Австро-Венгерскимъ правительствомъ скорѣе полезно нежели убыточно для Турокъ. Факты на которые указываютъ вѣнскіе офиціозные органы и отъ которыхъ такъ легко отдѣлывается прирейнская газета весьма вѣски. Изъ нихъ прямо можетъ быть сдѣланъ выводъ совершенно противоположный: если разрушенъ въ существенныхъ своихъ частяхъ стратегическій планъ которой-либо изъ воюющихъ сторонъ, то ужь конечно не Турціи. „Сербія", говоритъ тотъ рукописный (handschiftlich vorliegende) офиціозный источникъ на который ссылается *Кельнская Газета*, „Сербія правда имѣетъ „пороховой заводъ и даже не одинъ; но „ихъ недостачно для продолжительной борь„бы и для удовлетворенія потребностей „такого числа войскъ какое поставлено „тамъ на военную ногу. Черногорія вовсе „не имѣетъ пороховаго завода и получаетъ „весь порохъ изъ-за границы. Еще недавно „она заказала въ Австріи нѣсколько мил„ліоновъ патроновъ, которые теперь уже „не могутъ быть доставлены закащику. „Въ военныхъ кругахъ всѣ увѣрены что „Сербія и Черногорія почувствуютъ недо„статокъ въ порохѣ весьма скоро. Даже „невозможность ввоза оружія должна быть „чувствительна для Сербіи и особенно для „Черногоріи. Запасъ хорошихъ скорострѣ„локъ въ сербскихъ арсеналахъ такъ малъ „что третій призывъ милиціи вооруженъ „дулозарядными ружьями и притомъ раз„личныхъ системъ и калибровъ. Это за„трудняетъ для сербскихъ арсеналовъ изго„товленіе патроновъ. Замѣна растрачен„наго въ дѣлахъ оружія причинитъ Сер„бамъ не маловажное затрудненіе, тѣмъ „болѣе что они не могутъ воспользоваться „захватываемыми турецкими ружьями Генри „Мартини для которыхъ нужны такіе ме„таллическіе патроны какихъ въ Сербіи „нѣтъ. Не менѣе затрудненій встрѣтитъ „Сербія и для снабженія своей артиллеріи „зарядами и снарядами."

Въ порохѣ Сербія можетъ быть еще не встрѣтитъ затрудненія. Она имѣетъ четыре довольно значительные пороховые завода: въ Страгарѣ (близь Крагуевца), въ Пожегѣ, въ Свято-Петкѣ близь Парачина и на рѣкѣ Рѣзовѣ. Но въ металлическихъ патронахъ недостатокъ дѣйствительно можетъ встрѣтиться, потому что патронное заведеніе въ Крагуевцѣ изготовляетъ ежедневно только 30.000 мѣдныхъ патроновъ. Запасъ же заранѣе приготовленныхъ не превосходитъ 2½ мил., чего недостаточно для 80.000 скорострѣлокъ Пибоди, которыми вооруженъ 1-й призывъ.

Въ порохѣ не встрѣтитъ недостатка даже Черногорія, которая также имѣетъ нѣсколько пороховыхъ заводовъ; но патронное производство въ ней только что развивается и, какъ видно, Черногорія еще не можетъ обходиться безъ заграничныхъ запасовъ.

Еще важнѣе для обоихъ Княжествъ невозможность получать оружіе изъ-за границы. У Сербовъ имѣются въ запасѣ 260.000 ружей, изъ коихъ 120.000 нарѣзныхъ заряжаемыхъ съ дула. Бо́льшая часть запаса израсходована на вооруженіе войскъ. Въ Черногоріи также нѣтъ излишняго оружія.

Между тѣмъ, весь планъ борьбы обоихъ Княжествъ съ Турціей основанъ на содѣйствіи возставшаго населенія Босніи, Болгаріи, Герцеговины, которое массами приходитъ къ сербскимъ и черногорскимъ войскамъ прося оружія. Въ Сербіи конечно есть вольные оружейники, имѣется и правительственный оружейный заводъ; но все это можетъ весьма мало пособить дѣлу, тѣмъ болѣе что казенный заводъ съ 1867 года былъ занятъ исключительно передѣлкою старыхъ нарѣзныхъ ружей въ казнозарядныя. Ежегодный же „нарядъ" ружей, который можетъ быть исполненъ даже довольно значительнымъ заводомъ не превосходитъ 30.000 ружей, а это капля въ морѣ для страны, которой нужны теперь не десятки, а сотни тысячъ ружей.

Потребности въ оружіи могъ бы удовлетворить только усиленный ввозъ его изъза границы котораго въ дѣйствительности нѣтъ, и не со времени закрытія Клекской гавани для турецкихъ военныхъ судовъ, а гораздо ранѣе: еще задолго до этого времени въ Черногорію, какъ мы говорили не давно, не пропускали чрезъ Которъ даже проданныхъ ей самимъ Вѣнскимъ правительствомъ ружей.

До 11 іюля, когда послѣдовало закрытіе Клекской гавани для Турокъ, они пользовались, какъ оказывается, не маловажною привилегіей и легко могли перевезти въ Боснію и Герцеговину достаточно и

войскъ, и снарядовъ. Но Турки не могли или не сумѣли этимъ воспользоваться какъ бы слѣдовало. Когда же наконецъ была принята „давно надуманная Австрійскимъ „правительствомъ“ мѣра справедливости относительно Турціи, благожелатели послѣдней начинаютъ говорить о разрушеніи этою мѣрою всего плана дѣйствій Турокъ и чуть ли не о лишеніи этой страны возможности управиться съ ся „мятежными“ подданными и вассалами, упрекаютъ Славянъ въ неблагодарности къ Австріи, отказываютъ имъ далѣе въ „правдолюбіи,“ которое, по словамъ *Кельнской Газеты*, „никогда не было чертою славянскаго характера.“

Увы! Менѣе всего отличаются правдолюбіемъ нынѣшніе противники Славянъ.

Б.

Извѣстіе полученное нами, почти прямо съ поля битвы отъ 7 (19) іюля, скорбно поразило насъ. Въ этой битвѣ палъ нашъ соотечественникъ Кирѣевъ—имя знакомое намъ, но еще было нѣкоторое сомнѣніе: въ сообщеніи генерала Черняева въ Славянскій Комитетъ онъ названъ Николаемъ *Александровичемъ*. Теперь не подлежитъ сомнѣнію что Кирѣевъ павшій смертію храбрыхъ, подъ знаменемъ Христовымъ, за единовѣрцевъ и братьевъ, есть намъ и многимъ хорошо извѣстный Николай *Алексѣевичъ* Кирѣевъ.

Онъ палъ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, прискорбною для близкихъ, но прекрасною и святою смертію. Никакая необходимость не влекла его на поле битвы гдѣ онъ палъ. Это было дѣломъ свободнаго рѣшенія, дѣломъ чистаго самоотверженія и любви: что̀ святѣе и лучше такой жертвы? Послышавъ призывъ къ борьбѣ, онъ оторвался отъ семьи, отъ родныхъ и друзей, и явился на арену подобную, въ худшемъ смыслѣ подобную, цирку древняго Рима гдѣ травили дикими звѣрями людей за имя Христово. Тогда развращенный, отживавшій, языческій народъ предавался этой потѣхѣ. Теперь высокопросвѣщенныя, гуманныя, христіанскія державы, дружелюбно и миролюбиво сомкнувшись, любуются на зрѣлище гдѣ къ дикому звѣрю присоединяется утонченность человѣческой злобы и вся гнусность разнузданныхъ страстей.

Прости, любезный, взятый Богомъ братъ нашъ! Твоя геройская смерть пребудетъ честью русскаго имени.

№ 177.

Москва, 12-го Іюля.

Прошедшая недѣля ознаменовалась въ Англіи „громкою“ манифестаціей по Восточному вопросу. Мы говоримъ о депутаціяхъ явившихся выразить лорду Дарби настроеніе страны по поводу событій на Балканскомъ полуостровѣ, и о рѣчи произнесенной симъ лордомъ, которую мы воспроизвели *in extenso* въ № 176 *Московскихъ Вѣдомостей*. Мы назвали эту манифестацію „громкою“ не потому чтобъ она представила что-либо новое, дотолѣ неизвѣстное, а лишь по той намѣренно-важной обстановкѣ какая ей была придана и по тому значенію которое приписала ей сначала англійская печать, а за нею услужливый европейскій телеграфъ. Въ дѣйствительности же мы имѣемъ здѣсь новое подтвержденіе тому что̀ мы давно и неоднократно объясняли, новый образчикъ удивительной дисциплины которой подчиняется тамъ общественное настроеніе когда рѣчь идетъ о вопросахъ иностранной политики.

Лордъ Дарби съ паоосомъ заявилъ депутаціи, во главѣ которой стоялъ г. Брайтъ, что онъ былъ съ ними „совершенно искрененъ.“ При всемъ желаніи мы не только не замѣтили этой искренности въ длинной рѣчи британскаго секретаря иностранныхъ дѣлъ, но судя по „полному удовольствію“ которое выразилъ г. Брайтъ отъ имени депутаціи по выслушаніи объясненій лорда Дарби, мы плохо вѣримъ и въ искренность этой „внушительной депутаціи.“ Несоотвѣтствіе между рѣчью лорда Дарби и желаніями выраженными въ меморіи депутаціи бросается въ глаза. Депутація и г. Брайтъ настойчиво указывали на то что Англія рискуетъ покрыть себя вѣчнымъ позоромъ оказывая *нравственную* поддержку Турціи въ ея борьбѣ съ возставшими христіанами, и требовали прекращенія всякаго вмѣшательства съ ея стороны въ это дѣло. „Нельзя „сомнѣваться,“ говорила депутація, „что „возстаніе вспыхнувшее въ Турціи было „вызвано системой управленія столь дурною и упорно продолжавшеюся что надежда на какое-либо улучшеніе не можетъ болѣе имѣть мѣста. Мы желаемъ,“ продолжаетъ депутація, „высказать вамъ, милордъ, и правительству ея „величества наше глубокое убѣжденіе что

„страна наша не имѣетъ основанія подъ „какимъ бы то ни было предлогомъ поддерживать *хотя бы только нравственно*, „а тѣмъ менѣе силой оружія, власть Турціи надъ ея возставшими подданными. „Намъ не было бы оправданія предъ собственною совѣстью и въ глазахъ всего „цивилизованнаго міра еслибы мы, признавая себя друзьями религіозной и политической свободы, употребили наше могущество на то чтобъ укрѣпить на порабощенныхъ племенахъ въ Турціи ярмо „котораго они, равно какъ и предки ихъ, „никогда терпѣливо не сносили. Мы не думаемъ чтобы Великобританія имѣла какой-либо истинный и прочный интересъ „быть союзницей столь жестокаго и безнравственнаго деспотизма, и тѣмъ навлечь на англійское имя презрѣніе и ненависть милліоновъ христіянъ въ Турціи." На все это лордъ Дарби отвѣчалъ успокоительнымъ увѣреніемъ что ни Англія, ни иная изъ великихъ европейскихъ державъ не имѣетъ въ виду начать общеевропейскую войну по поводу событій въ Турціи. Всѣ остались довольны этимъ объясненіемъ, и г. Брайтъ благодарилъ лорда Дарби и высказалъ увѣренность что страна приметъ съ радостью эти объясненія!!! Если все это эффектное представленіе, нарочито устроенное для успокоенія страны, не есть лицемѣріе, то гдѣ же здравый смыслъ? „Не будетъ общеевропейской войны." Что же могло бы причинить такую войну? Ни что иное, конечно, какъ стремленіе, съ одной стороны, произвести какія-либо перемѣны, болѣе или менѣе радикальныя, на Балканскомъ полуостровѣ, а съ другой — рѣшимость воспротивиться во что бы то ни стало такимъ перемѣнамъ. Вся суть дѣла именно въ этомъ разногласіи и заключается. Еслибы возможно было достигнуть общаго соглашенія Европы касательно способовъ уладить существующія въ Турціи затрудненія, тогда было бы конечно немыслимо опасеніе „общеевропейской войны." Но влiятельнѣйшія изъ великихъ державъ къ этому и направляли всѣ свои усилія въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, въ особенности со времени возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ. Еще въ началѣ мая этого года, послѣ Берлинскаго свиданія, Европейскій концертъ по этому предмету казался полнымъ, и объ этомъ возвѣщено было всему міру. Какъ вдругъ Англія отдѣлилась отъ общаго согласія, и съ этой минуты начались серіозныя тревоги и опасенія общеевропейской войны. Въ Константинополѣ совершился извѣстный переворотъ, приписываемый общимъ голосомъ проискамъ Англіи, и вслѣдъ затѣмъ на Балканскомъ полуостровѣ стали совершаться дѣла, ужасъ которыхъ превзошелъ самыя кровавыя страницы исторіи. Усмиреніе Болгарскаго „возстанія" съ помощью Черкесовъ и баши-бузуковъ показало намъ чего стóитъ нашъ „гуманный, цивилизованный" вѣкъ. Раздался крикъ ужаса и негодованія, и этотъ крикъ не могъ не проникнуть и въ Англію. И тамъ, какъ въ остальной Европѣ, связь событій была у всѣхъ на виду. Было невозможно не замѣтить роковаго совпаденія: дикая разнузданность турецкаго варварства и изувѣрства никогда не обнаруживались съ такою кровавою откровенностью какъ послѣ дипломатическаго „шага" Англіи по поводу Берлинскаго меморандума и послѣ прибытія англійской эскадры въ Безикскую бухту. Тѣ самыя англійскія газеты которыя съ гордостью вычисляли что силы этой эскадры равняются эскадрамъ всѣхъ остальныхъ державъ вмѣстѣ взятымъ, и кичились дипломатическою побѣдой одержанною надъ Россіей, стали сообщать подробности о томъ что творилось въ Болгаріи. Было бы shoking не поморщиться. И вотъ явились къ лорду Дарби двѣ депутаціи чтобы высказать ему измѣнившееся настроеніе страны. Онѣ требовали чтобъ Англія воздержалась даже отъ нравственной поддержки Турціи, доказывая что истинные интересы Великобританіи не могутъ быть солидарны съ вопіющимъ положеніемъ дѣлъ которое существуетъ въ Турціи, и что поэтому ей нѣтъ надобности поддерживать владычество Турокъ. Прямой выводъ изъ этихъ заявленій можетъ быть лишь одинъ — и онъ ясно высказанъ какъ тою, такъ и другою депутаціей — что Англія не должна противиться всему тому что можетъ способствовать сверженію магометанскаго ярма тяготѣющаго надъ милліонами христіанъ, и что сочувствіе Англіи должно быть на сторонѣ послѣднихъ. Казалось бы что представителей англійскаго общественнаго мнѣнія являющихся органами *подобнаго* взгляда не можетъ испугать то обстоятельство что есть и другая страна гдѣ существуетъ сильная и влiятельная партія, „глубоко сочувствующая турецкимъ инсургентамъ." А

между тѣмъ, въ ней-то, въ этой „Русской партіи,“ лордъ Дарби усматриваетъ единственную въ Европѣ опасность противъ общаго мира, и успокоиваетъ своихъ вопросителей тѣмъ что партія эта не имѣетъ силъ что-либо предпринять! И англійскіе друзья турецкихъ христіанъ вполнѣ успокоились такимъ увѣреніемъ! Не нашлось ни одного который указалъ бы лорду Дарби что онъ забылъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и что предъ нимъ были не друзья Турокъ, а напротивъ люди торжественно провозглашающіе что „цѣлость Оттоманской Имперіи есть химера“ и глубоко сожалѣющіе объ ошибкахъ англійской политики. Этимъ людямъ, если только они были искренни, не могло быть страшно указаніе на „Русскую партію,“ которая подобно имъ считаетъ химерой неприкосновенность Оттоманской Имперіи, подобно имъ различаетъ *Турцію* отъ *Турокъ,* подобно имъ взираетъ на господство магометанъ надъ христіанами какъ на вопіющую историческую неправду, опасную для европейскаго мира, такая Русская партія ни въ какомъ случаѣ не можетъ казаться опасною тѣмъ кто отъ имени Англіи высказываютъ убѣжденіе что ея интересы не могутъ быть солидарны съ возмутительнымъ владычествомъ Турокъ. И однако такова именно была сущность отвѣта даннаго лордомъ Дарби, и этимъ отвѣтомъ депутаціи остались вполнѣ довольны! Что же это все какъ не глубокое лицемѣріе?..

№ 178.

Москва, 13-го іюля.

На Кавказѣ, благодаря нашей безпечности и незоркости военной администраціи, которая не обращала вниманія на нравственную внутреннюю сторону борьбы, развилась долгая, ожесточенная и горячая религіозная война, которая стоила намъ столькихъ жертвъ. Всего замѣчательнѣе былъ переворотъ совершившійся въ этомъ отношеніи на сѣверовосточномъ предгорьи Кавказа, у Чеченцевъ, всегда слывшихъ самымъ смирнымъ и покорнымъ изо всѣхъ хищническихъ населеній Кавказа,—у Чеченцевъ, къ которымъ такъ успѣшно стало прививаться христіанство съ тѣхъ поръ какъ, въ 1759 году, поселился на сѣверозападной оконечности ихъ территоріи, между Терекомъ и Сунджей, принявшій христіанскую вѣру выходецъ Малой Кабарды, князь Кургокъ Канчокинъ. Подъ вліяніемъ религіознаго прозелитизма, Чеченцы стали послѣ едва ли не самыми яростными магометанскими фанатиками на всемъ Кавказѣ.

Кстати напомнить что этотъ переворотъ совершился не вдругъ, а исподволь, на глазахъ нашей администраціи, не только не обращавшей никакого вниманія на одиночные факты служившіе симптомами кризиса, и изъ совокупности фактовъ не дѣлавшей общихъ заключеній, а даже способствовавшей ускоренію кризиса, слѣпо довѣряясь туземцамъ, которые были въ заговорѣ противъ христіанъ.

Въ № 161 *Московскихъ Вѣдомостей* была сообщена корреспонденція одной петербургской газеты, *Голоса*, изъ Ассинской станицы, населенной нынѣ линейнымъ казачьимъ войскомъ Малой Чечни, совершенно замиренной уже назадъ тому лѣтъ пятнадцать, такъ что въ этой мѣстности, въ прежнее время почти ежедневно обагрявшейся кровью русскихъ баталіоновъ, установилась въ послѣднее время безопасность, какой, пожалуй, могли бы позавидовать окрестности Москвы. Однако, судя по этой корреспонденціи,—свѣдѣнія которой, впрочемъ, не только вполнѣ подтверждаются, но и значительно дополняются наведенными нами справками,—вдругъ стали безпрестанно повторяться злодѣянія загадочнаго характера, напоминающія „дѣла давно минувшихъ дней,“ тѣ самыя которыя нѣкогда такъ напрасно служили зловѣщими признаками приближавшагося кризиса. „У насъ только и разговоровъ,“ пишетъ корреспондентъ, „что объ убійствахъ Русскихъ „Горцами. *Замѣчательно что убійства „производятся вовсе не съ цѣлью грабежа...* „Это *не простыя убійства,* а какія-то „звѣрства, *съ явными признаками ненависти.*“ И въ самомъ дѣлѣ: тутъ на казака съ женой напали Горцы, изнасиловали казачку, съ казака содрали кожу, трупъ его страшно, съ адскою злобой обезображенъ, изрубленъ, оскверненъ. Тамъ, казака съ женой и семилѣтнею дѣвочкой, на бахчѣ, среди бѣлаго дня убили, изрубили на куски ихъ трупы, у дѣвочки отрѣзали уши, у казачки распороли животъ и покрыли внутренностями ея лицо. На почтовой дорогѣ Горцы подкарауливаютъ проѣзжаго офицера, стрѣляютъ по немъ, но онъ успѣваетъ спастись, отрѣзавъ постромки уби-

той пристяжной. Исчисленіе подобныхъ случаевъ выходитъ изъ предѣловъ нашей статьи; изо всего видно однако что Чеченцы вдохновляются подвигами которые ихъ бывшіе сосѣди, Черкесы, совершаютъ теперь въ несчастной Болгаріи.

Корреспондентъ справедливо замѣчаетъ что ни одно изъ этихъ злодѣяній *не имѣло цѣлью грабежа.* „Нѣтъ, — это не то!“ восклицаетъ онъ въ заключеніе, служа, какъ намъ положительно извѣстно, отголоскомъ впечатлѣнія производимаго всѣми этими случаями на русское населеніе края, особенно на его старожиловъ. „Ходятъ слухи, крайне упорные и распространенные,“ присовокупляетъ цитуемая корреспонденція, „будто *изъ Турціи на Кавказъ прибыло около 150 муллъ*, присланныхъ для возбужденія мусульманскаго населенія...“

Напрасно австрійскія газеты сопровождаютъ эти сообщенія вопросительными и восклицательными знаками; напрасно приправляютъ ихъ ироническими намеками. Исторія нашей Кавказской войны доказываетъ что каждый разъ когда между нами и Турціей отношенія принимали нѣсколько напряженный характеръ, каждый разъ какъ только Россія, — правительство или народъ, — нѣсколько громко выражали свои сочувствія къ угнетеннымъ въ Турціи христіанамъ, на Кавказѣ начиналось религіозное броженіе которое обнаруживалось сначала отдѣльными звѣрскими убійствами, а наконецъ, по сигналу изъ Константинополя, вооруженнымъ возстаніемъ; и всегда въ основаніи этихъ злодѣйствъ, этихъ возстаній, былъ магометанскій прозелитизмъ, который проповѣдывался тайными эмиссарами Порты, обыкновенно муллами. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила была послѣдняя наша война въ Крыму и въ Малой Азіи, благодаря тому, вопервыхъ, что воинственный фанатизмъ Горцевъ, доведенный до крайности при мюридизмѣ имѣвшемъ во главѣ своей ловкаго и счастливаго вождя, Шамиля, не нуждался въ поощреніяхъ, а вовторыхъ, что опираясь на предательскую относительно восточныхъ единовѣрцевъ поддержку христіанъ западной Европы, Турецкое правительство не могло затрогивать опасную для него въ то время струну мусульманскаго фанатизма. Но во всѣхъ остальныхъ столкновеніяхъ нашихъ съ Турціей, она воспламеняла кавказскихъ магометанъ непосредственно пока горскія племена Кавказа считались подданными султана, и посредствомъ подсылаемыхъ *муллъ* со времени уступки Портой своего нарицательнаго господства надъ этими племенами. Дѣйствительно, уступка эта совершилась въ 1774 году, въ силу трактата при Кучукъ-Кайнарджи, но уже въ 1775 году крымскій ханъ Девлетъ-Гирей сталъ подымать Кабардинцевъ къ возстанію противъ Россіи, а нѣсколько лѣтъ спустя, уже по завоеваніи Крыма, сама Порта подослала извѣстнаго дервиша шейхъ-Мансура чтобы проповѣдывать *газаватъ*, то-есть истребленіе всѣхъ христіанъ, уже не между Кабардинцами и жителями сѣверо-западнаго Кавказа, которыхъ десятилѣтняя пропаганда подготовила къ безусловному повиновенію велѣніямъ константинопольскаго калифа, а между Чеченцами и Ичкеринцами, по всему предгорію сѣверо-восточнаго Кавказа, отъ вершинъ главнаго снѣговаго хребта до Терека, не исключая и Татаръ Кумыкской плоскости, пославшихъ ему, нѣсколько лѣтъ спустя, печать съ надписью: „*Побѣдоносному, главному шейху Магометъ Мансуру; 1199 (1784) годъ.*“ Въ продолженіе восьми лѣтъ (1783—1791 годы), шейхъ-Мансуръ, провозглашенный имамомъ, свирѣпствовалъ по всей Кавказской линіи, пока не былъ ему нанесенъ первый жестокій ударъ, подъ Кизляромъ, далматинскимъ графомъ Войновичемъ, — прадѣдомъ нынѣшняго *подесты* Кастельново, о которомъ телеграфъ сообщилъ на дняхъ что онъ отправился въ лагерь Черногорцевъ съ нѣсколькими сотнями Далматинцевъ... Несмотря на всѣ лживыя извиненія Турецкаго правительства, наше правительство получило тогда несомнѣнныя доказательства что шейхъ-Мансуръ былъ подосланъ къ Чеченцамъ отъ тогдашняго великаго визиря Халиль-паши, снабдившаго возмущенныхъ имъ Горцевъ также и оружіемъ, и боевыми припасами...

Съ того времени Порта оставалась вѣрна этой традиціи Халиль-паши, и каждый разъ первые успѣхи подсылаемыхъ ею эмиссаровъ ознаменовывались случаями весьма сходными съ тѣми которые приведены въ цитованной нами корреспонденціи... Поэтому и теперь, хотя австрійскимъ газетамъ и кажется смѣшно что русскіе органы подмѣчаютъ эти факты, намъ сдается что кавказскому начальству, имѣющему въ своихъ рукахъ 12 арестантовъ, обвиняемыхъ въ сообщничествѣ по этимъ зло-

дѣяніямъ, слѣдуетъ привести въ полную ясность обстоятельства, а вмѣстѣ съ тѣмъ принять энергическія мѣры къ возстановленію общественной безопасности въ Чечнѣ и къ предупрежденію дальнѣйшихъ нарушеній ея какъ на сѣверномъ Кавказѣ, такъ и въ Закавказьи, на нашей турецкой окраинѣ, гдѣ постоянно усиливающійся религіозный фанатизмъ и разнузданность Турокъ грозятъ какимъ-нибудь внезапнымъ нарушеніемъ нашей границы и неистовствами подобными случившимся въ фортѣ Св. Николая осенью 1853 года, слишкомъ за мѣсяцъ до объявленія войны.

№ 179.

Москва, 14-го Іюля.

А.

Спѣшимъ обнародовать переданное намъ изъ достовѣрнаго источника извѣстіе что общество московскихъ старообрядцевъ пожертвовало значительную сумму денегъ на устройство походнаго лазарета во 100 коекъ для отправки въ Сербію. Онъ долженъ быть снабженъ войлочными непромокаемыми палатками, желѣзными складными койками, инструментами, перевязочными средствами, походною аптекой, кухонными принадлежностями, бѣльемъ и пр. Учредители обезпечиваютъ содержаніе лазарета на шесть мѣсяцевъ, по истеченіи коихъ предоставляютъ себѣ право распорядиться имъ смотря по обстоятельствамъ и по своему усмотрѣнію. Одинъ изъ московскихъ извѣстнѣйшихъ врачей-хирурговъ, Д. Г. Марконетъ, взялъ на себя устройство лазарета и завѣдываніе имъ. Онъ предполагаетъ пригласить еще врача, нанять фельдшеровъ (прислуга и сидѣлки будутъ взяты изъ мѣстныхъ жителей), и на дняхъ отправится на театръ войны.

Это предпріятіе есть первое серіозное дѣло русскаго общества въ помощь Сербіи надъ которою собралась теперь страшная туча со всего магометанскаго міра, такъ ярко изображаемая въ помѣщаемомъ у насъ сегодня письмѣ изъ Константинополя. Вся Россія, конечно, отзовется съ живѣйшимъ сочувствіемъ на это великодушное приношеніе московскихъ старообрядцевъ, и будемъ надѣяться что сочувствіе выразится дѣломъ, новыми приношеніями въ пользу оставленныхъ цѣлымъ міромъ турецкихъ христіанъ. Будемъ надѣяться также что это доброе дѣло получитъ и необходимую для его успѣха поддержку правительствъ и Женевскаго Центральнаго Комитета Краснаго Креста, уже изъявившаго, наконецъ, по свѣдѣніямъ полученнымъ нами изъ Петербурга, нѣкоторую готовность оказать Сербамъ и Черногорцамъ ту помощь, въ которой онъ такъ безчеловѣчно и упорно отказывалъ Герцеговинцамъ и Боснякамъ. А съ помощью, дабы она могла оказать пользу, необходимо поспѣшить. Кровь льется ежедневно; почти ежедневно сообщаютъ намъ телеграммы о недостаткѣ врачебной помощи въ сербской арміи, между тѣмъ какъ дѣла грозятъ принять громовой оборотъ для нашихъ несчастныхъ, обманутыхъ интригой и покинутыхъ братьевъ по Кресту и племени.

Въ самомъ дѣлѣ нельзя да и нѣтъ надобности скрывать что дѣла принимаютъ для Сербіи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе мрачный оборотъ. Описанное въ сегодняшнемъ письмѣ изъ Константинополя горячечное состояніе, возбужденное нынѣшнимъ Турецкимъ правительствомъ съ тѣмъ чтобъ удивить Европу „могуществомъ Турціи,“ и вызвать въ ней своего рода „93 годъ,“ разразится прежде всего надъ Сербіей, Герцеговиной, Босніей, Черногоріей. Противъ нихъ стягиваются всѣ силы доведенной до изступленія орды. Прибытіе Абдулъ-Керимъ-паши на театръ войны съ войсками стянутыми имъ изо всей Болгаріи, предоставленной нынѣ въ жертву однимъ башибузукамъ, прибытіе султанской гвардіи, Ливанскаго низама, египетскихъ войскъ, превосходно вооруженныхъ и хорошо обстрѣленныхъ, произвели внезапный поворотъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Намъ сообщаютъ изъ Петербурга что тамъ уже третьяго дня получено извѣстіе о рѣшеніи Турокъ предпринять общее наступательное движеніе по всей линіи противъ Сербіи; извѣстіе это дополняется нашею вчерашнею депешей, сообщавшею что Сербы рѣшились покинуть всѣ занятыя ими позиціи на турецкой территоріи, а другая депеша, правда офиціальная турецкая, извѣстила что Турки уже вступили на сербскую территорію и „сожгли три деревни:“ геройскій подвигъ, какимъ только Турки могутъ кичиться.

Таковы послѣдствія безчеловѣчной си-

стематической поблажи оказываемой правительствами Европы неистовствамъ Турокъ. Благодаря этимъ поблажкамъ, Сербіи, при первой неудачѣ ея защитниковъ, конечно грозитъ участь еще болѣе страшная чѣмъ та которой подверглись безоружные Болгары... Неужели однако Европа, неужели Россія, допустятъ чтобы Сербія, по примѣру Болгаріи, была превращена въ окровавленную и дымящуюся пустыню, какъ о томъ мечтаютъ турки? Неужели Сербіи не останется иной надежды кромѣ хромаго и безсильнаго дипломатическаго ходатайства?

Сейчасъ полученная телеграмма изъ Вѣны свидѣтельствуетъ что Турки готовятся къ „священной" войнѣ, и развертываютъ знамя Пророка. Это извѣстіе сообщаетъ вѣнская правительственная *Политическая Корреспонденція*, которую лондонскіе Турки не могутъ заподозрить въ желаніи преувеличивать...

Б.

Г. Дизраэли помогъ Турецкому правительству выпутаться изъ того неловкаго положенія въ какое ставили его въ глазахъ кабинетовъ и общественнаго мнѣнія Европы ужасы происходившіе въ Болгаріи. Подъ диктовку англійскаго премьера, Турки заявляютъ что извѣстія изъ Болгаріи крайне преувеличены, и что христіане сами дали поводъ къ совершенію тѣхъ „неодобрительныхъ поступковъ" которые были совершаемы въ Болгаріи.

Но Турка оказался не совсѣмъ послушнымъ ученикомъ и написалъ не совсѣмъ то что ему диктовали, и оказался правдивѣе г. Дизраэли. Онъ не рѣшился, какъ его учитель, сказать во всеуслышаніе что христіане первые напали на мусульманъ, которые только де оборонялись.

Вотъ какъ переданъ интересный турецкій документъ въ Константинопольской телеграммѣ отъ 21-го іюля, напечатанной въ полученной вчера *Кельнской Газетѣ*: „Въ газетахъ," сказано тамъ, „не справедливо „обвиняютъ стоящія въ Болгаріи и не при- „надлежащія къ регулярной арміи войска „въ разбоѣ, насиліяхъ и даже убійствахъ. „Эти волонтеры суть сами жители (маго- „метанскіе) Болгаріи; они вооружены и „отправлены на мѣсто возстанія защищать „свои семейства и имущество коимъ угро- „жаютъ возставшіе. Справедливо что ими „были совершены дѣйствія которыя слѣ- „дуетъ порицать, но очевидно и то что „извѣстія объ этомъ сильно преувеличены. „Магометане были вызваны на это отчая- „ніемъ, вслѣдствіе того что находили воз- „званія разныхъ революціонныхъ комите- „товъ, приглашающія истребить магоме- „танъ и разрушить Адріанополь, Филип- „пополь и Татаръ-Базарджикъ." Въ довершеніе внѣшняго сходства съ манерой англійскаго премьера, турецкій министръ прибавляетъ что „эти воззванія равно какъ и „другіе документы касательно всего не- „счастнаго возстанія будутъ вскорѣ опуб- „ликованы."

Но общественное мнѣніе Европы не можетъ быть успокоено обѣщаніями обнародовать документы. Извѣстія о неистовствахъ въ Болгаріи появились въ газетахъ всѣхъ европейскихъ націй, сообщались въ разное время лицами принадлежащими къ различнымъ національностямъ и партіямъ, даже враждебнымъ къ Болгарамъ. Уже одно это служитъ доказательствомъ ихъ достовѣрности. Извѣстія эти скорѣе смягчали нежели преувеличивали дѣло. Точное описаніе дѣйствій турецкихъ „волонтеровъ," по справедливому замѣчанію самихъ же англійскихъ газетъ, „не могло бы появиться на страницахъ изданія назначаемаго для публики."

Заявленіе Турецкаго правительства скорѣе доказываетъ нежели опровергаетъ то что писалось о событіяхъ въ Болгаріи. Христіане якобы „грозили" истребить магометанъ, а эти „въ отчаяніи" истребляли христіанъ. Одни были вооружены, другіе безоружны. Вотъ что видно изъ офиціальнаго турецкаго документа и что всѣми понимается одинаково. „Пусть всѣ извѣстія," говоритъ напримѣръ ультра-католическая газета *Germania*, „преувеличены, пусть „цифра избіенныхъ будетъ меньше 60, да- „же меньше 12 тысячъ, все-таки остается „справедливымъ что турецкое воинство на- „дѣлало въ Болгаріи звѣрствъ *безъ числа „и имени*," что, „по приказанію или по- „крайней мѣрѣ съ одобренія правитель- „ства велось *систематическое* истребленіе „Босняковъ, Герцеговинцевъ, Болгаръ," говоритъ газета совершено противоположнаго направленія, *National-Zeitung*: „Порта „ведетъ такую же истребительную войну „какая возможна еще развѣ только у аф- „риканскихъ негровъ." „Но что же дѣлаютъ европейскіе кабинеты для прекращенія этой бойни?" спрашиваетъ *Germa-*

nia. „До сихъ поръ все равно что ничего... „Турецкія войска жгутъ и убиваютъ, Европа смотритъ на это зрѣлище," хотя прибавляетъ другая газета, „повсемѣстно все „громче и громче изъявляются желанія положить конецъ тѣмъ звѣрствамъ о какихъ „каждый день сообщаютъ изъ Турціи." „Грубая сила которая теперь безгранично „дѣйствуетъ на Балканскомъ полуостровѣ," замѣчаетъ *National-Zeitung*, „можетъ смириться только предъ силой же," но употребить силу Европа не рѣшается, держась принципа невмѣшательства...

Едва ли Сербы пустятъ безъ отчаяннаго боя въ свою страну турецкія полчища, появленія коихъ на границѣ страны, по словамъ даже офиціальной турецкой депеши, немедленно выразилось сожженіемъ разомъ трехъ сербскихъ деревень. Этотъ фактъ заявленный самимъ Турецкимъ правительствомъ лучше всего свидѣтельствуетъ какую можно дать вѣру министерскимъ заявленіямъ что извѣстія о звѣрствахъ Турокъ въ Болгаріи преувеличены.

№ 180.

Москва, 15-го іюля.

А.

Народное чувство заговорило. Мы, въ Москвѣ, знаемъ его признаки; мы здѣсь хорошо научились отличать поверхностныя возбужденія его отъ тѣхъ глубокихъ и сильныхъ движеній въ которыхъ слышится душа народа, въ которыхъ сказывается его исторія. Такое движеніе начинается, оно началось, и оно пойдетъ чѣмъ далѣе тѣмъ выше, тѣмъ сильнѣе. Съ нимъ надобно будетъ считаться, и оно отзовется далеко...

Событія коснулись самыхъ глубокихъ основъ нашей народной души. Они заговорили языкомъ понятнымъ для всѣхъ, отъ нихъ содрогнулись сердца милліоновъ. А гдѣ разомъ забьются однимъ чувствомъ сердца людей въ народныхъ массахъ, тамъ ждите событій.

Но мы прервемъ нашу рѣчь...

Вотъ циркуляръ съ которымъ исправляющій должность старшины московскаго купечества (С. М. Третьяковъ) на дняхъ обратился къ членамъ этого почтеннаго сословія:

„Нѣтъ словъ для того чтобъ изобразить вполнѣ весь ужасъ, всѣ злодѣйства, козни и неистовства какія претерпѣваютъ единоплеменные и единовѣрные намъ Болгары отъ варварства и изувѣрства Турокъ.

„Сотни болгарскихъ селеній разграбляются и сожигаются до тла; десятки тысячъ Болгаръ всякаго пола и возраста, отъ младенца до старца, подвергаются неслыханнымъ въ наше время истязаніямъ и смерти. Многіе живыми сожигаются или зарываются въ землю. Дѣти, не исключая грудныхъ младенцевъ, звѣрски умерщвляются на глазахъ своихъ отцовъ и матерей; дочерей отнимаютъ отъ родителей, женъ отъ мужей, и предъ ними безчестятъ и убиваютъ ихъ или уводятъ на продажу въ гаремы; христіанскіе храмы, святыни алтарей оскверняются и предаются поруганію; православные служители алтаря подвергаются истязаніямъ, влекутся на распятіе и умираютъ на крестѣ.

„Православная христіанская кровь льется ручьями!

„Возможно ли чтобы христіанское сердце русскаго человѣка не содрогалось отъ ужаса такихъ страданій своихъ единовѣрцевъ? Возможно ли истинно Русскому, безъ слезъ и состраданія, безучастно смотрѣть на мученическія истязанія своихъ братьевъ по крови и по вѣрѣ во Христа? Нѣтъ!

„Надо перестать быть человѣкомъ чтобъ оставаться спокойнымъ, равнодушнымъ и безучастнымъ къ такимъ страшнымъ страданіямъ, напоминающимъ мучениковъ первыхъ вѣковъ христіанства.

„Настало время намъ, русскимъ православнымъ людямъ, показать не на словахъ, а на дѣлѣ нашимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ что мы слышимъ ихъ вопль и стоны, что мы живо чувствуемъ ихъ страданія, что они близки нашему русскому сердцу, что мы имъ и они намъ не чужіе. Кто, какъ ни Москва, ни московское купечество, вышедшее изъ коренной среды русскаго народа и всегда готовое идти на помощь дѣлу близкому русскому сердцу и русскому народному духу, отзовется съ большимъ состраданіемъ и участіемъ, съ большею готовностью придти на помощь своимъ многострадальнымъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ когда того требуетъ и честь русскаго имени, и наша народная, христіанская совѣсть."

Не успѣло это горячее, такъ хорошо

прочувствованное и такъ хорошо сказанное слово обойти купечество, едва успѣла открыться подписка, какъ уже въ рукахъ старшины собралась большая сумма денегъ, которая растетъ ежечасно. Мы не замедлимъ, по полученіи точныхъ цифръ, сообщить читателямъ о результатахъ подписки. Но движеніе простирается далеко въ глубь народа. Немудрено что за событіями слѣдятъ въ сферахъ болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, не мудрено что тамъ всѣ умы заняты ими. Важно то что они отзываются въ милліонахъ простыхъ людей. Одинъ духъ объемлетъ людей всѣхъ классовъ, всѣхъ степеней образованія. Горячее сочувствіе высказывается вездѣ, на каждомъ шагу, при всякомъ случаѣ. Вчера, во время засѣданія Славянскаго Комитета, у дверей стояла сплошная толпа женщинъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ; едва было закрыто засѣданіе, какъ толпа эта хлынула въ залу, со слезами моля всѣхъ встрѣчныхъ объ отправленіи ихъ на театръ войны, какимъ бы то ни было способомъ, лишь бы онѣ могли служить въ госпиталяхъ и на поляхъ сраженія „братьямъ пораженнымъ во брани съ нечестивыми." По выходѣ изъ залы засѣданія, одного изъ нашихъ друзей спросилъ ожидавшій его извощикъ: „Правда ли что плохо приходится нашимъ братьямъ Сербамъ?—„А что?"—„Да какъ что? Вѣдь это наши православные братья подъ Туркой тяжелый крестъ несутъ..."

Мы сообщили вчера извѣстіе о патріотическомъ пожертвованіи московскихъ старообрядцевъ въ пользу постояннаго госпиталя для Сербской арміи; сегодня извѣщаютъ насъ что на другія суммы, пожертвованныя В. В. Сапожниковымъ, Н. П. Матюнинымъ и Н. П. Бетлингомъ формируется нынѣ въ Москвѣ подвижной лазаретъ, который будетъ слѣдовать за сербскими арміями, оказывать раненымъ помощь на самомъ полѣ сраженія и отправлять ихъ затѣмъ въ болѣе безопасныя и болѣе удобныя для лѣченія мѣста. Первоначальная мысль объ этомъ лазаретѣ принадлежитъ Н. П. Бетлингу, нашему извѣстному хирургу, который пріобрѣлъ большую опытность въ продолженіе послѣдней Франко-Германской войны, гдѣ онъ дѣйствовалъ подъ знаменемъ Краснаго Креста. Опытность убѣдила г. Бетлинга что самая необходимая раненымъ помощь есть именно та которая оказывается на полѣ сраженія; а такъ какъ этимъ несчастнымъ, даже и въ европейскихъ войнахъ, часто приходится оставаться по два, по три дня безъ пищи и питья, то, по мнѣнію вышеупомянутаго уважаемаго врача, предполагаемый имъ лазаретъ долженъ быть снабженъ довольно большимъ запасомъ всякаго рода продовольствія, для чего, конечно, потребуются значительныя перевозочныя средства. Даже въ цивилизованныхъ странахъ, какъ Dr. Бетлингъ могъ убѣдиться во время Франко-Прусской войны, на мѣстахъ военнаго дѣйствія, покинутыхъ жителями, не возможно бываетъ найти съѣстныхъ припасовъ: чего же ожидать въ войнѣ съ Турками которые оставляютъ за собою совершенную пустыню?

Предпріятіе г. Бетлинга соотвѣтствуетъ самымъ настоятельнымъ потребностямъ всякой дѣйствующей арміи; нѣтъ сомнѣнія что турецкія арміи уже давно снабжены всѣмъ нужнымъ отъ Англичанъ. Какъ извѣстно, именно въ этомъ всего упорнѣе отказывала до сихъ поръ дипломатія борющимся уже безъ малаго годъ „усташамъ" Герцеговины и Босніи. Въ настоящее же время, какъ сообщаетъ намъ г. Бетлингъ, предложившій безвозмездно управлять проектируемымъ имъ лазаретомъ, управленіе Краснаго Креста встрѣтило его предложеніе съ большимъ сочувствіемъ. Это уже много, но далеко не все. До сихъ поръ на это дѣло, еще не извѣстное публикѣ, пожертвовано только тысячъ семь рублей. Будемъ надѣяться что съ оглашеніемъ этого проекта, потребные на него расходы будутъ немедленно покрыты. Мы съ своей стороны охотно беремся передавать Н. П. Бетлингу пожертвованія на это предпріятіе.

Нечего терять времени: если Европа будетъ чиниться съ Турками вскорѣ по переходѣ ихъ черезъ границу Сербіи, то при громадномъ численномъ перевѣсѣ оттоманскихъ армій, въ виду слѣдующей за ними орды Черкесовъ, Албанцевъ и всякаго рода баши-бузуковъ, увлекаемыхъ зеленымъ знаменемъ Пророка и надеждой превратить Сербію въ пустыню,—чрезъ нѣсколько недѣль, быть-можетъ даже чрезъ нѣсколько дней, для Сербіи, какъ и для Болгаріи всякая помощь будетъ безполезна.

Б.

Дѣла Сербовъ на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ еще плохи какъ казалось въ виду рѣшенія сербскаго генеральнаго штаба объ оставленіи тѣхъ позицій, которыя легко могутъ быть взяты Керимъ-пашей. Нашъ корреспондентъ, который, находясь на мѣстѣ и получая свои свѣдѣнія изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, не подтверждаетъ турецкой депеши о вступленіи войскъ Порты въ Сербію, на границахъ которой избраны оборонительныя позиціи и возведены укрѣпленія. Турки дѣйствительно пытались ворваться въ предѣлы княжества, но пока, слава Богу, безуспѣшно. Въ дѣлахъ у Пандирало (къ югу отъ Княжевца) и у Яньковой Клиссуры (на югъ отъ Крушевца), Турки потерпѣли неудачи, которыя доказываютъ, что вся южная граница еще во власти сербскихъ войскъ.

На западной границѣ Сербамъ также удалось одержать верхъ надъ Турками и взять нѣсколько укрѣпленій на пути отъ Новаго Базара въ Боснію. Дѣла у Сѣницы, о которыхъ извѣщаетъ сегодняшняя телеграмма изъ Парачина, доказываютъ что сербскія войска не оставили своихъ позицій и у Новаго Базара.

Однако положеніе воюющихъ сторонъ значительно измѣнилось съ начала военныхъ дѣйствій. Турецкія войска получили подкрѣпленія на всѣхъ пунктахъ и пытаются перейти въ наступленіе. Сосредоточеніе ихъ еще не окончено.

За то серіозную неудачу понесли Черногорцы. Одинъ проигранный бой лишилъ ихъ всего что было достигнуто въ теченіе нѣсколькихъ недѣль войны, и заставилъ отойти къ селенію Кориго въ сосѣдствѣ съ Черногорскою границей.

Но эта неудача произошла не по винѣ войскъ, а вслѣдствіе ошибки начальника Черногорскаго авангарда.

№ 181.

Москва, 16-го Іюля.

А.

Напечатанный въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* обзоръ успѣховъ школьнаго дѣла въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе, какъ и слѣдовало ожидать, вызвалъ немедленно полемическій отзывъ на страницахъ *Вѣстника Европы*, считающаго своимъ призваніемъ быть безсмѣннымъ органомъ оппозиціи противъ мѣръ нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія, хотя бы вопреки совершенной очевидности. За послѣднее десятилѣтіе нельзя не замѣтить два крупные факта: необычайно быстрое возрастаніе числа учебныхъ заведеній и успѣхъ реформы среднихъ учебныхъ заведеній, купленный цѣною долгой и ожесточенной борьбы. На эти два факта указано въ статьѣ *Русскаго Вѣстника*, и они не поставлены въ вину нынѣшнему Министерству Народнаго Просвѣщенія, а даже вмѣнены ему въ заслугу. Этого редакція *Вѣстника Европы* переварить уже не можетъ. Но какъ ни ухитряться, а факты остаются. Пусть и статистика плоха, и красной краски на картѣ учебныхъ заведеній, приложенной къ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія*, слишкомъ много въ ущербъ зеленой, и Ананьевская гимназія еще не открыта, и три ветеринарныя училища только преобразованы, а не вновь устроены, и Лицей Цесаревича Николая долженъ быть исключенъ не только изъ числа высшихъ учебныхъ заведеній, но и изъ книги живота,—пусть все такъ,—но фактъ громаднаго возрастанія числа учебныхъ заведеній остается фактомъ. Чтобъ умалить его значеніе потребовалось прибѣгнуть къ нѣкотораго рода мистицизму. Открыта масса школъ при нынѣшнемъ министрѣ народнаго просвѣщенія. Это (такъ поясняется на страницахъ *Вѣстника Европы*), „тотъ *таинственный растительный процессъ*, въ которомъ наростаніе, приливъ „новыхъ соковъ выгоняетъ на вѣтви почку, новый листъ, новый органъ дыханія „и жизненнаго развитія.“ Общество стволъ, оно „само производитъ листья.“ Какое дѣло Петръ или Иванъ были садоводами! Просто исполнилось то что „суждено“ было обществу „принесть на пользу человѣчеству.“ Какова галиматья, для того чтобъ умалить значеніе минувшаго десятилѣтія въ исторіи нашего просвѣщенія!

Разгромъ втораго факта, достался, повидимому, болѣе легко: оказалось достаточнымъ прибѣгнуть къ обычному способу лжи и искаженія фактовъ. Оказывается что гимназическое преобразованіе едва ли даже можетъ быть и названо таковымъ.

Вся эта громкая де какая-то „учебная реформа“ (вносные знаки въ подлинникѣ) есть простое прибавленіе нѣсколькихъ уроковъ по древнимъ языкамъ. Всѣ затрудненія при ея осуществленіи произошли де единственно отъ торопливости съ какою это прибавленіе сдѣлано. Ни о какой борьбѣ *Вѣстникъ Европы*, въ своей исторической невинности, никогда и не слыхивалъ и проситъ даже разказать ему когда это и какая такая была борьба, а онъ послушаетъ. Вотъ общественное мнѣніе, такъ оно де точно не довольно Министерствомъ (это доподлинно извѣстно *Вѣстнику Европы*) и блистательно заявляетъ свой протестъ противъ мѣропріятій этого вѣдомства.... чѣмъ бы вы думали? Значительными и возрастающими пожертвованіями!! Общество, видите ли, жертвуетъ *не только* на гимназіи и прогимназіи,—какъ оно должно бы дѣлать, по мнѣнію *Вѣстника Европы*, въ случаѣ одобренія мѣръ Министерства, — но и на реальныя училища Министерства, несомнѣнно де въ пику сему послѣднему. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, иначе объяснить что общество, пожертвовавъ 158 тысячъ на гимназіи, пожертвовало въ то же время 150 тысячъ на реальныя училища. По объясненію статьи *Вѣстника Европы*, (стоившей, повидимому, редакціи этого журнала не мало усилій и отдѣлки, такъ какъ нѣкоторыя страницы носятъ слѣды вырѣзки и перепечатки) такое значительное пожертвованіе общества на учрежденіе полезныхъ школъ,— возникшихъ по плану Министерства и благодаря его усиліямъ,—есть выраженіе не общественнаго довѣрія, а общественнаго порицанія! Во всякомъ случаѣ, полагаемъ, не *Вѣстнику Европы* съ братіей раскланиваться за эти пожертвованія, такъ какъ заведенія въ пользу коихъ они дѣлаются устроены прямо противуположно планамъ сихъ ревнителей просвѣщенія, между тѣмъ какъ реальныя гимназіи прежняго устройства, за которыя они ратовали, не вызывали пожертвованій. Это не смущаетъ усердныхъ противниковъ Министерства, и они даже дѣлаютъ математическій разчетъ, указывая что,—такъ какъ на 130 гимназій пожертвовано 158 тыс., а на 53 реальныя училища 150 тыс.,—то порицаніе Министерству (т.-е. пожертвованія на реальныя училища) относится къ похвалѣ (пожертвованія на гимназіи) какъ 2.830 относится къ 1.215 и слѣдовательно „выражается цифрой значительно болѣе чѣмъ двойною.“ Таковъ первый опытъ обличительной ариѳметики, имѣющей, полагать надо, составить новый отдѣлъ этой отрасли знаній, въ родѣ коммерческой ариѳметики. Какъ выходка шута, это слишкомъ пошло, неловко и грубо чтобы разсмѣшить, и слишкомъ глупо чтобы досадить.

Всякое дѣло имѣетъ, впрочемъ, свой конецъ. Читая статью *Вѣстника Европы* нельзя не замѣтить нѣкотораго утомленія почтенныхъ борцовъ противъ всякаго полезнаго начинанія, всякаго улучшенія въ дѣлѣ науки и процвѣтанія въ Россіи. Исчезла прежняя рьяность; тонъ становится мягче, бесѣда впадаетъ въ мечтаніе, мистицизмъ и идиллію. Въ дѣятельности Министерства признаются даже „личныя заслуги,“ но только выговаривается право отвести де имъ подобающее мѣсто и видѣть въ дѣйствовавшихъ лицахъ „скромныя орудія силы общественныхъ потребностей.“ Дѣлается весьма лестное для Министерства, даже при отрицательности заключенія, сравненіе учебной реформы послѣдняго десятилѣтія съ реформой Петра, причемъ въ утѣшеніе приводится что и самъ Петръ былъ только геніальный сынъ своего народа и времени. Но къ намъ почтенный журналъ не снисходителенъ по прежнему и думаетъ насъ сильно уколоть, объявляя что статья наша имѣетъ въ его глазахъ оффиціозный характеръ. Дѣйствительно, мы не вредили предпринятому Министерствомъ Просвѣщенія дѣлу, исторія котораго излагается въ статьѣ, и основанное на документальныхъ данныхъ изложеніе этой исторіи сочли вполнѣ умѣстнымъ на страницахъ нашего журнала. Рекомендуемъ недовольной нами редакціи помѣстить на страницахъ своего изданія другую исторію: исторію попытокъ повредить и воспрепятствовать, изъ разныхъ побужденій, святому дѣлу поднятія науки и образованія въ Россіи. *Вѣстникъ Европы* могъ бы разказать эту исторію на основаніи собственнаго опыта, и цитуя себя.

В.

„Дѣла Сербіи не такъ плохи какъ можетъ казаться съ перваго взгляда,“ сказали мы вчера. Полученныя сегодня телеграммы оправдываютъ высказанное нами мнѣніе. Новая попытка Турокъ прорваться въ Сербію у Зайчара,—сѣвернѣе его,—

не удалась. Дервишъ-паша совершенно разбитъ Ибарскою арміей, поступившею въ настоящее время подъ команду подполковника Чолокантича, извѣстнаго своею предпріимчивостью и пользующагося хорошею репутаціей въ войскахъ, которыя встрѣтили назначеніе его своимъ командиромъ „очень сочувственно."

Что дѣла Сербіи не дурны, думаемъ такъ не мы одни. Такое же сужденіе, повидимому, господствуетъ и между германскими офицерами внимательно слѣдящими за ходомъ военныхъ дѣйствій. Въ полученномъ сегодня нумерѣ *National-Zeitung*, отъ 25 іюля, въ статьѣ полученной „изъ военныхъ сферъ," проводится взглядъ сходный съ высказаннымъ нами вчера. Отступивъ отъ Бабиной Главы, сказано въ статьѣ *National-Zeitung*, генералъ Черняевъ пріобрѣлъ выгоду бо́льшаго сосредоточенія войскъ и занялъ позицію между Громадой и Пандиралло, весьма удобную для стойкой обороны. Правда, долина Моравы открыта для наступленія по пути изъ Ниша на Алексинацъ, но Турки не могутъ этимъ воспользоваться пока позиція между Громадой и Пандиралло въ рукахъ Сербовъ. Керимъ-паша только напрасно жертвуетъ де своими людьми атакуя сильныя позиціи Южно-Моравской арміи. Ему слѣдовало бы вести здѣсь бой съ исключительною цѣлью задерживать противника на позиціи, а главныя свои силы предоставить въ распоряженіе Османъ-паши, направивъ всѣ усилія противъ Зайчара. Прорвавшись здѣсь и пользуясь удобными путями ведущими отсюда въ долину Моравы, Турки могли бы появиться въ окрестностяхъ Парачина и Чупріи цѣлымъ днемъ раньше нежели генералъ Черняевъ даже въ томъ случаѣ еслибъ его отступленіе началось въ самый день занятія Турками Зайчара. Но прорывъ у Зайчара, спѣшитъ оговориться нѣмецкій офицеръ, будетъ имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ если у Сербовъ нѣтъ резервовъ въ долинѣ Большой Моравы. Только въ этомъ случаѣ пораженіе ихъ на границахъ южной или восточной можетъ поставить ихъ въ положеніе критическое. Но если есть резервы, то неудача на границахъ имѣетъ весьма малое значеніе.

Между тѣмъ извѣстно что Сербское правительство употребляетъ всѣ усилія на сформированіе сильныхъ резервовъ въ центрѣ страны.

Силы Турокъ оказываются также не столь велики какъ утверждали сначала. Къ 18 числу въ Виддинскомъ и Нишскомъ корпусахъ Турки имѣли не болѣе 60 или 70 тысячъ человѣкъ, т.-е. хотя и были сильнѣе Сербовъ, но не въ такой степени чтобъ это превосходство не могло быть уравновѣшено превосходствомъ Сербскихъ позицій.

Успѣхъ цѣлой войны не вполнѣ зависитъ отъ случайныхъ успѣховъ или неудачъ. Остается побѣдителемъ тотъ на чьей сторонѣ превосходство энергіи и рѣшимость вести дѣло до конца, „до послѣдней капли крови," до роковаго вопроса „быть или не быть."

№ 182.

Москва, 17-го Іюля.

А.

Сегодня прибыли въ Москву августѣйшіе представители старѣйшей въ Европѣ и славной въ исторіи Савойской династіи, старшій сынъ, наслѣдникъ и сподвижникъ короля Италіи, героя современной намъ италіянской національной эпопеи, принцъ Піемонтскій Гумбертъ и его супруга, принцесса Маргарита.

Москва не можетъ не привѣтствовать съ горячимъ сочувствіемъ будущаго государя Италіи, столь славной своимъ безсмертнымъ прошедшимъ.

Но привѣтъ, которымъ Москва встрѣчаетъ своихъ высокихъ посѣтителей, относится не къ одному прошлому ихъ прекраснаго отечества. Теперь, когда всѣ духовныя силы населенія первопрестольной столицы Россіи посвящены заботамъ о братьяхъ, судорожно и отчаянно стряхивающихъ съ себя гнусное иго, оно не можетъ не воодушевиться при видѣ царственнаго представителя того Піемонта, который освободилъ отъ иноплеменнаго же ига всю (*почти* всю) великую италіянскую семью. Возрожденная Италія подаетъ нашимъ злополучнымъ братьямъ на Востокѣ поученіе и образецъ. Да явятъ и они тотъ же просвѣщенный патріотизмъ, ту же настойчивость, ту же вѣру въ правоту своего дѣла, которыми ознаменовала себя, въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, возраждавшаяся Италія, не останавливаясь ни предъ какими пожертвованіями, не

унывая ни отъ какого погрома въ борьбѣ съ иноплеменнымъ игомъ.

Нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ Россіи, взрывъ угнетеннаго Славянства не нашелъ болѣе сочувственнаго чѣмъ въ Италіи отзыва. Всѣ значительные органы ея, по примѣру русскихъ, открыли подписку въ пользу борющагося за свое освобожденіе Славянства; люди всѣхъ политическихъ оттѣнковъ, люди съ громкими историческими именами какъ и вышедшіе изъ народныхъ массъ поспѣшили на помощь угнетеннымъ въ борьбѣ съ насиліемъ несравненно болѣе тяжкимъ чѣмъ то какимъ Австрія тяготѣла надъ Италіей...

Не вездѣ же сердца одебелѣли, не вездѣ же въ христіанской Европѣ угасло христіанское чувство, не вездѣ фарисейство убило любовь къ ближнему. Въ Италіи—отозвалось это святое чувство. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, инстинктивно, въ италіянскихъ сочувствіяхъ сказалось ея будущее когда національные интересы Италіи должны будутъ сблизить ее съ христіанскимъ и славянскимъ Востокомъ. Италіянская національная эпопея еще не завершилась. Еще не вся Италія собралась воедино... Къ тому же, славное прошлое Италіи связываетъ ее съ судьбами Востока и Византіи, отъ которой она заимствовала зачатки своего возрожденія,—съ судьбами побережья Средиземнаго, Эгейскаго и Мраморнаго морей, отъ Константинополя до Туниса,—побережья, которому она завѣщала свою благозвучную и выразительную рѣчь служащую и до сихъ поръ общимъ для всѣхъ населеній этого побережья языкомъ общенія съ остальною Европой.

Б.

Британское правительство сломило наконецъ печать молчанія. Оно не могло долѣе скрывать свои документы, и представители англійскаго народа получили теперь матеріалъ для приговора надъ образомъ дѣйствій своего правительства по Восточному вопросу. Увы, едва ли можно ожидать чтобы въ Британскомъ парламентѣ, при теперешнемъ его составѣ, нашлось достаточное количество людей достаточно свободныхъ отъ застарѣлыхъ преданій англійской дипломатіи, чтобы произнести правдивый и безпристрастный приговоръ, какой, подъ вліяніемъ ужасающихъ извѣстій съ Балканскаго полуострова, былъ произнесенъ всѣми честными голосами Европы. Уже то краткое извлеченіе изъ *Синей Книги*, сообщенное англійскими газетами и воспроизведенное нами въ № 180, достаточно характеризуетъ ту „самобытную" политику которая заставила Британское правительство отдѣлиться отъ прочихъ державъ. Причины побудившія лорда Дарби отвергнуть Берлинскій меморандумъ (онѣ приведены въ его депешѣ къ лорду Одо Росселю отъ 15 мая) обличаютъ безконечную заботливость англійскаго кабинета о „чести и достоинствѣ" Турціи. Министръ принимаетъ на себя даже изъявленія благодарности, отъ имени турецкаго султана, за фразы вѣжливости по отношенію къ нему употребленныя. Такъ „правительство ея величества съ удовольствіемъ встрѣтило выраженное княземъ Горчаковымъ убѣжденіе въ добрыхъ намѣреніяхъ одушевляющихъ новаго султана." Правительство ея Британскаго величества „вполнѣ раздѣляетъ"это убѣжденіе,—хотя султанъ Мурадъ съ самаго воцаренія своего остался миѳомъ для самихъ подданныхъ своихъ, и въ самой Турціи сомнѣваются въ его здоровьи и настойчиво поговариваютъ о замѣнѣ его другимъ. Продолжая отождествлять себя съ правительствомъ его величества султана, англійскій министръ умѣетъ говорить отъ имени Турціи внушительнымъ, почти угрожающимъ тономъ; онъ „откровенно" указываетъ Россіи, въ депешѣ къ лорду Лифтусу отъ 29 іюня, что истинными виновниками турецкихъ смутъ являются Славянскіе комитеты (лордъ Дарби усвоилъ себѣ даже *argot* турецкихъ баши-бузуковъ!) и агитаторы извнѣ... Но всего знаменательнѣе то что лордъ Дарби, въ той же депешѣ, писанной всего мѣсяцъ тому назадъ, считаетъ возможнымъ отвергнуть всякую мысль объ опасностяхъ угрожающихъ турецкимъ христіанамъ. „Правительство ея величества," замѣчаетъ лордъ Дарби твердо и рѣшительно, какъ подобаетъ турецкому министру сознающему необходимость оградить достоинство своего правительства, „не имѣетъ никакихъ основаній предвидѣть что подавленіе возстанія будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ истребленіе христіанскихъ племенъ. „*На это нѣтъ никакихъ указаній* въ намѣреніяхъ Порты или мусульманскаго населенія, и правительство ея величества „не думаетъ чтобы можно было питать какія-либо опасенія подобнаго рода."

Чтобы оцѣнить все безмѣрное бездушіе этой „увѣренности,“ столь смѣло навязываемой Европѣ британскими поборниками турецкой чести, мы укажемъ здѣсь лишь на то что въ англійскихъ же источникахъ, и преимущественно въ самой *Синей Книгѣ*, сообщается по поводу истребленія Болгарскаго народа продолжающагося уже болѣе трехъ мѣсяцевъ.

17 іюля, г. Дизраэли въ первый разъ цитировалъ по этому предмету подлинные документы предъ Палатой Общинъ. Объясненія были даны имъ послѣ неоднократныхъ запросовъ сдѣланныхъ ему въ Палатѣ, вслѣдствіе появившихся въ *Daily News*, въ концѣ іюня, корреспонденцій. Корреспондентъ сообщалъ что въ одномъ округѣ Филиппополя было зарѣзано до 25.000 невинныхъ людей, т.-е. людей ни въ чемъ непричастныхъ возстанію и не имѣвшихъ никакого оружія; болѣе 60 деревень были разграблены и сожжены. Множество болгарскихъ дѣвицъ и дѣтей были публично проданы въ рабство въ Филиппополѣ и въ другихъ мѣстахъ, и тысячи Болгаръ заключенныхъ въ тюрьмы были подвергнуты пыткамъ. Въ одномъ мѣстѣ, сообщалъ далѣе корреспондентъ, Болгары укрылись отъ Турокъ въ монастырѣ Новое Село; монастырь былъ взятъ, и 40 болгарскихъ дѣвушекъ были сначала изнасилованы, а затѣмъ живыми сожжены въ сараѣ съ соломой. Подобныя же звѣрства совершались и въ другихъ мѣстахъ съ вѣдома и одобренія турецкихъ властей. 13 іюля, въ *Daily News* появилась телеграмма въ которой сообщалось что при Габровѣ произошло страшное избіеніе Болгаръ, продолжавшееся два дня, и число убитыхъ превосходитъ 10.000. Этимъ избіеніемъ заправлялъ присланный для этого изъ Константинополя Ибрагимъ-бей. Около того же времени въ той же газетѣ, было сообщено что въ Татарбазарджикскомъ округѣ Турки разсылали по селамъ возы нагруженные головами женщинъ и дѣтей для острастки болгарскому населенію. Всѣ эти сообщенія англійскихъ газетъ лордъ Дарби препроводилъ къ сэръ-Генри Элліоту въ Константинополь требуя отъ него точныхъ донесеній, „дабы правительство имѣло возможность отвѣтить на запросы предлагаемые по сему предмету въ палатахъ.“ Кромѣ этого, лордъ Дарби потребовалъ чтобъ англійскій посолъ сдѣлалъ Турецкому правительству должное внушеніе о необходимости принять мѣры къ прекращенію злодѣяній. Но и тутъ лордъ Дарби остается себѣ вѣренъ; онъ смущенъ только тѣмъ что жестокости совершаемыя иррегулярными войсками *дискредитируютъ турецкое дѣло.* Онъ принялъ къ сердцу не страданія и гибель столькихъ жертвъ, а кредитъ Порты! Лордъ Дарби сознаетъ что посылка иррегулярныхъ войскъ, т.-е. черкесовъ и баши-бузуковъ, противъ инсургентовъ можетъ быть и необходима для подавленія возстанія, но онъ опасается что „польза отъ этого проистекающая для Турціи далеко не уравновѣшивается тѣмъ вредомъ который можетъ причинить общее негодованіе въ Европѣ противъ совершаемыхъ злодѣяній и порождаемое тѣмъ сочувствіе къ притѣсненному населенію.“ Отвѣты сэръ-Генри Элліота по тону своему вполнѣ соотвѣтствуютъ запросу его Лондонскаго шефа. Посолъ дѣлаетъ всѣ возможныя натяжки дабы ослабить силу впечатлѣнія производимаго извѣстіями изъ Болгаріи. Но ничто такъ не подтверждаетъ ихъ какъ именно эти усилія представить ихъ преувеличенными. Со словъ турецкихъ министровъ, коимъ сэръ-Генри Элліотъ „дѣлалъ неоднократныя представленія,“ онъ утверждаетъ что „Болгары первые подали поводъ къ неистовствамъ Черкесовъ;“ но ни *единаго факта*, хотя бы самого ничтожнаго, въ подтвержденіе этого англійскій посолъ не приводитъ, и въ концѣ концовъ признаетъ что „насилія Турокъ надъ христіанами были неизмѣримо больше нежели насилія послѣднихъ надъ первыми.“ Сэръ-Генри Элліотъ равнымъ образомъ не приводитъ ни одного факта, ни одного положительнаго указанія опровергающаго сообщенія корреспондента англійской газеты поставленныя ему на видъ. Онъ говоритъ только что „ему было невозможно убѣдиться въ дѣйствительности поголовнаго избіенія Болгарскаго населенія, такъ какъ Англія не имѣетъ повсюду на мѣстѣ своихъ консуловъ.“ Относительно продажи болгарскихъ женщинъ и дѣтей англійскій посолъ вначалѣ также отзывается невозможностью удостовѣриться въ этихъ фактахъ; но онъ приводитъ свое собственное соображеніе въ *подкрѣпленіе оныхъ.* Онъ замѣчаетъ что „такъ какъ Черкесы не гнушаются продажи собственныхъ дѣтей, то нѣтъ повода сомнѣваться что они это дѣлаютъ и

съ чужими.“ А что среди „націи,“ интересы и честь которой столь ревниво охраняетъ Англійское правительство, находятся „покупщики“ живаго товара, это само собою разумѣется. Въ дальнѣйшемъ своемъ донесеніи посолъ впрочемъ уже прямо подтверждаетъ фактъ продажи болгарскихъ женщинъ и дѣтей.

Общій смыслъ донесеній сэръ - Генри Эллиота, несмотря на видимыя усилія его представить дѣло въ наиболѣе благопріятномъ для Турецкаго правительства свѣтѣ, былъ такого рода что г. Дизраэли, въ своей рѣчи 17-го іюля, уже не рѣшился утверждать, — какъ это дѣлалъ прежде въ своихъ совершенно голословныхъ объясненіяхъ, — что сообщенія газетъ „страшно преувеличены.“ О какихъ бы то ни было преувеличеніяхъ на этотъ разъ не было и рѣчи: г. Дизраэли сдѣлалъ только одинъ выводъ — „что всѣ эти ужасающія обстоятельства все - таки не имѣютъ характера религіозной войны.“ Въ подтвержденіе этого заключенія, г. Дизраэли прочелъ телеграфное извѣщеніе англійскаго посла отъ 14-го іюля, который спѣшилъ донести своему правительству что въ Константинополѣ формируется отрядъ волонтеровъ изъ христіанъ и мусульманъ, коимъ де предполагается дать знамя съ изображеніемъ креста и полумѣсяца. Англійскій посолъ восторженно и умиленно добавляетъ въ телеграммѣ: „ничто не можетъ быть такъ „поразительно въ настоящее время какъ „*единодушная преданность* выказываемая „Турціи ея христіанскими подданными и „ненависть которую они чувствуютъ противъ Сербовъ.“

Таковы были объясненія данныя Англійскимъ правительствомъ 17 іюля, за 4 дня до представленія подлинныхъ документовъ, на которые г. Дизраэли постоянно ссылался въ своихъ объясненіяхъ выдавая ихъ за общій выводъ изо всего что̀ правительству офиціально извѣстно по этому предмету. Но вотъ мы пробѣжали первыя извлеченія поспѣшно и почти на удачу сдѣланныя англійскими газетами изъ обширнаго сборника. Газета *Daily News* приводитъ, между прочимъ, донесеніе сэръ-Генри-Эллиоту, отъ 16 іюля, англійскаго консула въ Рущукѣ, г. Рида. Вотъ сущность его донесенія:

„Не полагаясь на сообщенія христіанъ, „я постарался узнать отъ самихъ мусульманъ, справедливы ли тѣ извѣстія „которыя здѣсь получаются изъ Болгаріи. „Узнавъ что сюда прибылъ изъ Пѣвны „одинъ мусульманинъ, пробывшій въ томъ „мѣстѣ все время происходившихъ тамъ „смутъ, я нанялъ Болгара которому поручилъ узнать все что̀ этотъ Турокъ разсказываетъ. Болгаръ пробрался въ кофейню гдѣ тотъ Турокъ велъ бесѣду съ „другими Турками. Выслушавъ ихъ разговоръ, Болгаръ, немедленно по выходѣ „изъ кофейни, записалъ подслушанный имъ „разговоръ и передалъ записанное мнѣ.“ Въ запискѣ Болгара, приложенной къ донесенію г. Рида, читаемъ слѣдующее: „Разкащикъ былъ одинъ изъ тѣхъ что̀ „были посланы противъ инсургентовъ, и „вотъ что̀ я слышалъ: „Турки спросили „его можетъ ли онъ быть названъ *газіемъ* „(бойцомъ за вѣру); онъ отвѣтилъ: „„я „„не стану вамъ хвалиться своими дѣлами; но когда я скажу вамъ что каждый „„школьникъ у насъ убилъ не менѣе пяти Болгаръ, то вы можете представить „„себѣ что̀ *я* сдѣлалъ.““ Онъ восхвалялъ „Черкесовъ за *великія дѣла* ими сотворенныя, говоря что девизомъ ихъ было: „*Смерть гяурамъ, бей ихъ, да погибнутъ они.* „Присутствовавшій при разговорѣ бимъ-баши (майоръ) спросилъ, много ли они забрали ружей съ убитыхъ; на это Турокъ отвѣтилъ что у нихъ не было даже палокъ, не только что ружей. Одинъ „изъ присутствовавшихъ замѣтилъ что число убитыхъ ими простирается вѣроятно „до 5 или 6 тысячъ. — Вѣрнѣе сказать отъ „20 до 26 тысячъ, былъ отвѣтъ.“

Г. Ридъ сообщаетъ далѣе что онъ на другой день отправился къ Рущукскому генералъ-губернатору и показалъ ему добытыя имъ свѣдѣнія. Генералъ-губернаторъ, точь въ точь какъ англійскій премьеръ, не отрицая того что Черкесы совершили много жестокостей, утверждалъ однако что свѣдѣнія полученныя г. Ридомъ весьма преувеличены. „Отвѣтъ турецкихъ властей всегда таковъ,“ наивно замѣчаетъ г. Ридъ. „Но,“ продолжаетъ тотъ же англійскій консулъ, „вчера я слышалъ отъ „моего французскаго товарища что и онъ „собиралъ свѣдѣнія, и что эти свѣдѣнія „подтверждаютъ все разказанное мною... „Изо всего что̀ я слышалъ,“ оканчиваетъ свое донесеніе г. Ридъ, „я рѣшительно „склоненъ думать что *Турецкое правительство стремится къ тому чтобы по „возможности уменьшить Болгарское на-*

„селеніе, ибо говорятъ что Черкесы со-„вершаютъ все это съ вѣдома и одобре-„нія властей.“

Итакъ, вотъ образчикъ тѣхъ *официальныхъ* донесеній на коихъ основаны приводимыя выше объясненія г. Дизраэли и его посла въ Константинополѣ! Вотъ тѣ данныя которыя заставили англійскаго премьера, подобно рущукскому губернатору, думать что свѣдѣнія о злодѣяніяхъ Черкесовъ преувеличены! Вотъ факты сообщаемые самими агентами Англійскаго правительства, которые дали смѣлость министрамъ ея британскаго величества увѣрять свою страну и всю Европу что въ несчастной Болгаріи все шло какъ надо, и все обстоитъ благополучно!..

Въ добавленіе къ приведеннымъ офиціальнымъ даннымъ, вотъ что мы читаемъ въ письмѣ корреспондента *Daily News* изъ Константинополя отъ 11 іюля, того самого корреспондента чьи сообщенія подали поводъ къ запросамъ въ парламентѣ и къ сказанной выше официіальной перепискѣ:

„Съ тѣхъ поръ какъ появилось мое первое письмо возбудившее вниманіе Англичанъ къ ужасамъ совершающимся въ „Болгаріи, я получилъ многочисленныя под„твержденія того что я сообщалъ. Можетъ„быть виды нашего правительства требуютъ „чтобъ истина была скрыта; можетъ-быть „ему нужно отрицать что подобное совер„шалось; но несомнѣнно что оно объ этомъ „знаетъ. Я не встрѣтилъ въ Константи„нополѣ ни одного человѣка который бы „въ этихъ фактахъ сомнѣвался. Мнѣ при„ходилось слышать замѣчаніе, логика ко„тораго недоступна моему уму, что обна„родовать подобные факты значило бы „дѣйствовать на руку Россіи; но и тѣ „кто такими аргументами возражали про„тивъ опубликованія столь ужасающихъ „дѣлъ и тѣ признавали что самые факты „не подлежатъ сомнѣнію. То что я сооб„щилъ въ первомъ моемъ письмѣ заим„ствовано мною изъ официальнаго источ„ника, отнюдь не враждебнаго Турціи, а „также изъ опубликованныхъ здѣсь сооб„щеній коихъ Турецкое правительство не „опровергло. Съ тѣхъ поръ я имѣлъ слу„чай ознакомиться съ дальнѣйшими сооб„щеніями по этому предмету, и я могъ бы „теперь составить списокъ разрушенныхъ „городовъ и деревень, коихъ оказывается „не тридцать семь, какъ я сначала сооб„щалъ, а около девяноста... Теперь, по „прошествіи достаточнаго времени къ опро„верженію того что могло быть опроверг„нуто, я вновь подтверждаю каждый фактъ „мною сообщенный и утверждаю что я ско„рѣе не договорилъ чѣмъ преувеличилъ что„либо въ разказѣ моемъ о злодѣяніяхъ „совершенныхъ надъ *вторгшимися* Болга„рами миролюбивыми *обывателями* изъ „Черкесовъ и баши-бузуковъ.“

Вспомнимъ о чемъ шла рѣчь въ этихъ первыхъ корреспонденціяхъ, за правдивость коихъ ручается англійскій корреспондентъ; не забудемъ что рѣчь шла о многихъ десяткахъ тысячъ невинно-зарѣзанныхъ людей, о городахъ и селахъ преданныхъ огню десятками, о женщинахъ обезчещенныхъ и живыми сожженныхъ, о дѣтскихъ головахъ коими нагружались возы, о повсемѣстной торговлѣ болгарскими дѣвицами и дѣтьми!..

Вопросъ не въ томъ, правда ли все это или нѣтъ. Во сто разъ болѣе нежели Англичане, хотя изъ побужденій совершенно противоположныхъ, мы желали бы убѣдиться что извѣстія изъ Болгаріи исполнены преувеличеній. Увы, это невозможно! Къ позору нашего вѣка нельзя болѣе сомнѣваться ни въ чемъ. Но вопросъ въ томъ, кто главный и истинный виновникъ этого внезапнаго разнузданія гнуснѣйшихъ инстинктовъ азіятской орды? Очевидна или нѣтъ связь между этими рѣдкими въ исторіи злодѣяніями и торжествомъ сэръ-Генри Элліота въ Константинополѣ и съ прибытіемъ къ турецкимъ берегамъ „внушительной“ англійской эскадры?

Подождемъ что скажетъ Англійскій парламентъ. А пока приведемъ сообщеніе корреспондента *Times* изъ Константинополя отъ 20 іюля, который, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, сообщаетъ что *баши-бузуки въ Болгаріи считаютъ себя состоящими на англійской службѣ и обращаются къ англійскому консулу въ Адріанополь съ требованіемъ скорѣйшей уплаты имъ жалованья...*

Этотъ фактъ, засвидѣтельствованный Англичаниномъ, столь краснорѣчивъ что къ нему прибавить болѣе нечего. Баши-бузуки жгли, рѣзали, безчестили женщинъ и продавали ихъ и дѣтей въ неволю,— въ турецкую неволю! состоя на службѣ у министровъ ея Британскаго величества! Г. Дизраэли терять нечего. Но лорду Дарби слѣдовало бы вспомнить что онъ носитъ имя своего отца...

B.

Черногорцы уже грозили взять Мостаръ—столицу Герцеговины—когда прибытіе Мухтаръ-паши поспѣшившаго изъ Босніи на выручку Мостара на нѣсколько дней дало иной оборотъ военнымъ дѣйствіямъ въ Герцеговинѣ.

Двинувшись на встрѣчу Черногорцамъ, Мухтаръ-паша атаковалъ ихъ 23-го іюля и занялъ Невесинье. Черногорцамъ пришлось отступать форсированнымъ маршемъ. 24-го они прибыли въ Корито, на пути въ Черногорію. Но здѣсь они остановились.

Увлеченный легкимъ успѣхомъ, Мухтаръ-паша бросился за ними и „ловкимъ" маневромъ, пройдя незамѣченный въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Черногорскихъ войскъ, сталъ съ 15-ю баталіонами (10.000 чел.) у Билека, отрѣзавъ имъ путь отступленія.

Забывая что „кто обходитъ тотъ самъ обойденъ," Турки уже заранѣе торжествовали побѣду надъ Черногорцами и протрубили о полномъ „разсѣяніи" ихъ арміи.

На дѣлѣ вышло иначе: Мухтаръ-паша проигралъ бой у Вербицы, селенія лежащаго между Коритомъ и Билекомъ, оставилъ въ рукахъ Черногорцевъ „пашу" и „большое число плѣнныхъ."

Бой очевидно былъ горячій, и Турки понесли полное пораженіе, всѣхъ результатовъ котораго пока еще нельзя предвидѣть... Мухтаръ-пашѣ оставался свободный путь отступленія—къ Требиню или въ Клобукъ — которымъ онъ вѣроятно и воспользовался для спасенія остатковъ своей арміи.

Такимъ образомъ, не Черногорцы, а Турки находятся теперь въ критическомъ положеніи. Черногорцамъ остается только „воспользоваться" своею побѣдой и извлечь изъ нея наибольшія выгоды.

Бой у Вербицы еще разъ доказалъ что несмотря на временныя неудачи окончательная побѣда всегда склоняется на сторону нравственнаго превосходства, котораго нельзя замѣнить ни лучшимъ обученіемъ, ни численнымъ превосходствомъ войскъ.

То же самое нравственное превосходство Черногорцевъ помогло имъ выиграть у Турокъ еще бой, на южной границѣ Черногоріи, у Медуна, гдѣ Турки, разбитые близъ Подгорицы на голову, не только побросали ружья, но оставили въ рукахъ побѣдителя и артиллерійскія орудія, которыми можетъ-быть Черногорцы сумѣютъ воспользоваться для новыхъ побѣдъ надъ Турками, дѣла которыхъ и на другомъ театрѣ войны не подвигаются къ лучшему. Турки теряютъ день за днемъ, давая Сербамъ время окончательно сформировать свои резервы и пріучить неопытныхъ ратниковъ къ боевымъ движеніямъ и къ свисту пуль...

Турки чуютъ свое безсиліе, и это сознаніе выражается местью и жестокостями противъ всего христіанскаго населенія, которое осуждено на поголовное истребленіе формальнымъ приказомъ одного изъ высшихъ генераловъ Блистательной Порты, вымещающаго на безоружныхъ жителяхъ свои неудачи въ открытомъ бою съ сербскими войсками.

Приказъ Дервишъ-паши есть лучшая иллюстрація турецкихъ порядковъ и турецкой офиціальной лжи. Съ одной стороны проектъ конституціи и министръ будто не одобряющій „поведенія" иррегулярныхъ войскъ въ Болгаріи, съ другой — корпусный командиръ предписывающій даже регулярнымъ войскамъ заняться систематическимъ истребленіемъ христіанъ!

Газета была уже отдана въ печать какъ мы получили телеграмму изъ Цетинья, съ извѣстіемъ отъ самого князя Николая, о блистательной одержанной имъ при Вербицѣ побѣдѣ. Телеграмма эта подтверждаетъ все вышесказанное.

№ 184.

Москва, 19-го Іюля.

Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію совершенное истребленіе турецкой дивизіи предводимой Мухтаръ-пашой: начальникъ штаба, офицеры и масса солдатъ легли въ рукопашной схваткѣ подъ Черногорскими *ханджарами*. Что не добито, то разбѣжалось нравственно разбитое и неспособное къ дальнѣйшему сопротивленію. Изъ дивизіи Турокъ въ составѣ 16 баталіоновъ уцѣлѣли только четыре, вмѣстѣ съ Мухтаръ-пашой бѣжавшіе въ Билекъ.

Это бѣгство не отвратило, но только отсрочило ихъ истребленіе, о которомъ вѣроятно мы узнаемъ на дняхъ. Черногор-

скіе начальники быстро сообразили значеніе одержанной побѣды, и приняли мѣры для ея довершенія. Бплекъ съ Мухтаромъ и жалкими остатками его войска уже окруженъ Черногорцами.

Благодаря неотразимому натиску, сразу сокрушившему сопротивленіе, блистательная побѣда куплена Черногорцами не дорого. Уронъ ихъ ничтоженъ сравнительно съ побѣдой; число убитыхъ и раненыхъ не достигаетъ у нихъ и двухъ сотенъ.

Турки отличались бывало стойкостью въ тяжелыхъ положеніяхъ боя. Дѣло у Вербицы обнаруживаетъ упадокъ духа въ турецкихъ войскахъ. Въ самомъ дѣлѣ, разбойники не бываютъ хорошими воинами. Турецкіе солдаты, развращенные неистовствами которыми они такъ долго забавлялись въ Босніи и Герцеговинѣ, утратили дисциплину и оказались негодными въ бою, особенно въ бою „лютомъ,“ по выраженію князя Николая, какой пришлось выдержать у Вербицы.

Герцеговина очищена отъ турецкихъ войскъ; но разгромъ Мухтаръ-паши долженъ имѣть и другое, болѣе важное, значеніе. Вѣсть о немъ разнесется въ турецкихъ войскахъ, и едва ли она подниметъ въ нихъ духъ; она и въ Константинополѣ не останется безъ вліянія на военныя соображенія и на весь ходъ войны.

Если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, въ высшихъ военныхъ кругахъ Турціи смотрятъ съ большимъ недовѣріемъ на будущее, инстинктивно сознавая слабость арміи, и матеріальную и нравственную. Только недовѣріе къ своимъ силамъ могло внушить Турецкому правительству мысль организовать корпусъ волонтеровъ изъ подонковъ общества, изъ „негодяевъ для которыхъ,“ какъ выразилась *Correspondance Orientale*, „война есть только случай къ грабежу.“

Дѣйствительно въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій совѣта министровъ, разказываетъ *Daily News*, „великій визирь обнаружилъ упадокъ духа близкій къ отчаянію.“ У насъ нѣтъ денегъ, сказалъ онъ, и за недостаткомъ ихъ мы не можемъ собрать наши резервы...“ И вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ въ такую минуту получаютъ въ Константинополѣ извѣстіе о совершенномъ уничтоженіи цѣлой дивизіи предводимой генераломъ котораго всегда считали однимъ изъ наиболѣе способныхъ турецкихъ генераловъ. Но вѣсть о пораженіи Мухтаръ-паши дошла въ Константинополь не одна; вмѣстѣ съ нею великій визирь увѣдомленъ что Турки разбиты у Медуна гдѣ потеряли пушки, Махмедъ-Али окруженъ Сербскими войсками въ Сѣницѣ чѣмъ окончательно прегражденъ доступъ турецкихъ подкрѣпленій въ Боснію и Герцеговину; что Османъ-паша начальствующій Виддинскимъ корпусомъ прогнанъ съ позиціи у Зайчара, что попытки атаковать Сербовъ съ юга не удались.

Турецкій главнокомандующій, Керимъ-паша, какъ опытный генералъ, понимаетъ слабость внутреннихъ силъ ввѣреной ему арміи и не рѣшается предпринимать противъ Сербовъ серіозныхъ дѣйствій, хотя число его войскъ совершенно достаточно для этого. Судьба Мухтаръ-паши едва ли усилитъ его рѣшимость.

А между тѣмъ Сербы не теряютъ времени. Въ Алексинцѣ собраны уже значительные резервы, которые обучаются подъ руководствомъ и наблюденіемъ генерала Черняева. Резервы эти, послѣ пораженія Мухтаръ-паши, можетъ-быть окажется возможность усилить притянувъ часть войскъ изъ корпуса Алимпича, и на помощь ему могутъ теперь явиться Черногорцы, сдѣлавъ диверсію въ тылъ Турецкаго отряда дѣйствующаго у Бѣлины.

Еще подобный рядъ частныхъ успѣховъ для Сербовъ и Черногорцевъ, частныхъ пораженій для Турокъ, и Сербская армія собранная на южной границѣ получитъ возможность перейти къ рѣшительному наступленію изъ Алексинца на юго-востокъ.

№ 185.

Москва, 20-го іюля.

А.

Англійскія газеты сообщаютъ выдержки изъ дополнительныхъ документовъ по восточнымъ дѣламъ, представленныхъ парламенту. Эти документы касаются только салоникскихъ убійствъ, но содержатъ весьма мало новаго объ этой катастрофѣ, давно уже извѣстной во всѣхъ подробностяхъ. Касательно собственно англійской политики, изъ этихъ новыхъ документовъ мы узнаемъ только ту любопытную черту что въ салоникскихъ убійствахъ Англійское правительство нашло первый предлогъ къ

сосредоточенію сильной эскадры въ Безикѣ. Первый вызовъ ближайшихъ судовъ былъ немедленно сдѣланъ на свою отвѣтственность британскимъ посломъ въ Константинополѣ, сэръ-Генри Элліотомъ, а черезъ четыре дня послѣ убійства консуловъ въ Салоникахъ уже послѣдовалъ приказъ изъ адмиралтейства о сосредоточеніи флота въ Безикской бухтѣ. Поводомъ къ этому приказу было де телеграфное увѣдомленіе сэръ-Генри Элліота что „есть основанія опасаться серіозныхъ столкновеній въ Константинополѣ, и что тамъ господствуетъ большое безпокойство. Въ теченіе нѣсколькихъ дней мусульмане закупали оружіе, но ничего достовѣрнаго неизвѣстно о замышляемыхъ ими намѣреніяхъ.“ Сэръ-Генри Элліотъ, вмѣстѣ съ послами другихъ державъ, былъ того мнѣнія что „присутствіе военныхъ судовъ въ Безикской бухтѣ могло бы послужить огражденіемъ для христіанъ и внушить имъ довѣріе.“ Это было 10 мая, а на слѣдующій день, 11 числа, британскій посолъ вновь телеграфировалъ что положеніе христіанъ въ Константинополѣ „весьма критическое,“ и что присутствіе Британскаго флота послужитъ къ обезпеченію христіанъ, „которые теперь считаются въ большой опасности.“

То же говорилъ недавно лордъ Дарби являвшейся къ нему депутаціи, объясняя что флотъ былъ отправленъ для огражденія британскихъ подданныхъ. Не ясно только зачѣмъ для этого понадобилось отправлять громадный флотъ изъ 20 военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 11 броненосцевъ, когда для цѣли было бы достаточно двухъ или трехъ кораблей. Не видно также чтобы присутствіе этой грозной силы обезпечило сколько-нибудь христіанъ въ Болгаріи, подвергавшихся поголовному избіенію въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Константинополя. Факты говорятъ противное, и самою англійскою печатью было дано совсѣмъ иное толкованіе отправленію флота. Мы знаемъ что его присутствіе, хотѣло ли того Англійское правительство или нѣтъ, внушило Туркамъ увѣренность въ поддержкѣ Англіи и ускорило перевороты въ Константинополѣ. Англійскія же газеты привѣтствовали эту мѣру какъ смѣлую инииціативу своего правительства, показавшаго де что оно не забываетъ блюсти интересы страны, и какъ отпоръ враждебнымъ интригамъ направленнымъ противъ Турціи. Теперь, когда страшные скандалы рѣзни въ Болгаріи, неопровержимо обнаружены, нѣкоторыя англійскія газеты, какъ *Daily News*, признаютъ что присутствіе Британскаго флота въ Безикѣ имѣло несчастное вліяніе на ходъ событій, а *Saturday Review* замѣчаетъ что „никакія увѣщанія не произведутъ практическаго вліянія въ Константинополѣ пока правительство и нація не убѣдятся что этотъ союзъ не имѣетъ никакого отношенія къ борьбѣ между султаномъ и его подданными. Можетъ-быть не было бы неблагоразумно отозвать изъ Безики могущественный флотъ, который, по объясненію лорда Дарби, былъ туда посланъ безъ всякой понятной причины.“

Если допустить объясненіе лорда Дарби, то онъ очутился въ совершенномъ противорѣчіи съ дипломатическими документами. Если салоникскія убійства и опасенія новыхъ волненій, вслѣдствіе разгара мусульманскаго фанатизма, дали поводъ къ этой мѣрѣ, то почему же газета *Times*, обнародовавъ впервые Берлинскій меморандумъ, такъ возмутилась тѣмъ что въ немъ много толкуется о салоникскомъ происшествіи, и доказывала что этотъ одиночный случай, не давалъ права сѣвернымъ державамъ выступать съ фантастическими предложеніями? Почему то что встревожило сэръ-Генри Элліота и лорда Дарби не могло встревожить другія державы? Почему тотчасъ послѣ салоникскаго происшествія, англійская печать хоромъ смѣялась надъ тревогой въ Константинополѣ, называя ее выдумкой русскаго посла, въ то время какъ англійскій посолъ подъ этимъ самымъ предлогомъ по телеграфу призывалъ свою эскадру? Почему, наконецъ, самъ заботливый лордъ Дарби, много времени спустя послѣ того, въ депешѣ къ своему послу въ Петербургѣ, утверждалъ что нѣтъ повода опасаться избіенія христіанъ, такъ какъ „на это нѣтъ никакихъ указаній въ намѣреніяхъ Порты или *мусульманскаго населенія.*“ А между тѣмъ, по его словамъ, именно изъ этихъ опасеній и былъ посланъ британскій флотъ.

Сколько лжи и недостойныхъ увертокъ! Но почему Англія можетъ въ турецкихъ водахъ сосредоточить столь громадныя силы, а всякая другая держава не могла бы выставить соотвѣтственную силу на турецкой границѣ?

Документы которыхъ заставлялъ такъ

долго ожидать г. Дизраэли для объясненія своей политики, теперь обнародованы. Англійскія газеты на этотъ разъ были скупѣе обыкновеннаго въ приведеніи выдержекъ изъ документовъ, но конечно ими приведено все что могло выставить въ благопріятномъ свѣтѣ англійскую политику. Но они нисколько не разъясняютъ намъ ея грубѣйшихъ противорѣчій. Нисколько не разъясняютъ они намъ и того почему Англія нашла нужнымъ разстроить общеевропейское соглашеніе, устранившись отъ участія въ Берлинскомъ меморандумѣ. Общее впечатлѣніе обнародованные документы, какъ мы недавно говорили, производятъ такое что Англія выступила борцомъ за достоинство Порты, и что лордъ Дарби усиливался говорить въ своихъ депешахъ совершенно какъ подобало бы только турецкому министру. Но газета *Times* на дняхъ выступила съ объясненіемъ которое дѣлаетъ столь же мало чести англійской политикѣ. Она приписываетъ неудачу плановъ задуманныхъ на материкѣ главнымъ образомъ „претензіямъ того имперскаго союза который былъ освященъ въ Берлинѣ въ 1872 году и съ большимъ парадомъ выставлялся на видъ послѣ того при многихъ случаяхъ. Дѣйствительно, лондонская газета подбираетъ много выдержекъ изъ депешъ лорда Дарби и англійскихъ пословъ, въ коихъ явно сказывается что Англійское правительство было *оскорблено* приглашеніемъ дать согласіе на меморандумъ, содержаніе коего было сообщено ему по телеграфу и въ составленіи коего оно не было приглашено принять участіе. Какое жалкое объясненіе! Но сѣверныя державы не имѣли претензіи диктовать свое рѣшеніе другимъ: онѣ только сообщали придуманныя ими мѣры на обсужденіе всей Европы.

Полученныя сейчасъ телеграммы весьма скудно излагаютъ пренія бывшія въ обѣихъ палатахъ англійскаго парламента о восточныхъ дѣлахъ. Изъ нихъ видно только что пренія эти остались безъ опредѣленнаго результата. Ораторы оппозиціи, какъ видно, также не находили достаточныхъ причинъ для отклоненія Берлинскаго меморандума, но они не рѣшились высказать ни одобренія ни порицанія правительству. Едва не наканунѣ закрытія сессіи и при консервативномъ большинствѣ, пренія повидимому были чисто формальныя.

Б.

Сегодняшнія телеграфныя сообщенія скудны. Одинъ изъ нашихъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Сербіи, имѣющій возможность имѣть вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, сообщаетъ намъ утѣшительныя извѣстія, что желѣзное кольцо турецкихъ войскъ окружавшихъ Сербію наконецъ разорвано, и разорвано притомъ въ пунктахъ очевидно могущихъ имѣть важное значеніе для хода войны. При бѣгломъ взглядѣ на карту, читатели замѣтятъ что Сербію отъ Черногоріи отдѣляетъ узкій перешеекъ турецкихъ владѣній составляющихъ южную часть Босніи. Въ этомъ перешейкѣ расположены города Новый Варошъ, Сѣница и Новый Базаръ. Сообщенія между турецкими войсками занимающими эти города прервано Сербами. Эти города укрѣплены, конечно,—Турція имѣетъ ту особенность что всѣ ея границы даже съ вассальными ей владѣніями унизаны цѣпью укрѣпленныхъ городовъ, кулъ, карауловъ, блокгаузовъ. Стѣснивъ турецкія войска въ укрѣпленіяхъ Новаго Вароша, Сѣницы и Новаго Базара, Сербы получатъ возможность подать руку Черногорцамъ.

Сегодняшнюю константинопольскую телеграмму, несмотря на ея грозный тонъ, нельзя читать безъ усмѣшки. Константинополь до сихъ поръ ни слова не повѣдалъ намъ о боѣ у Вербицы, гдѣ на голову разбитъ Мухтаръ-паша, ни слова о боѣ бывшемъ въ тотъ же день у Медуна, гдѣ Турки потеряли свои пушки; но министры мусульманскаго террора лаконически сообщаютъ что они побили какихъ-то Черногорцевъ у Антивари. Это городъ лежащій на узкомъ перешейкѣ между моремъ и Скутарскимъ озеромъ, перешеекъ вдоль котораго тянется хребетъ непроходимыхъ, скалистыхъ горъ. Какъ могли бы зайти сюда черногорскія войска, и зачѣмъ? Намъ до сихъ поръ не было слышно о движеніи ихъ въ эту сторону. Горы къ сѣверу отъ Антивари населяетъ племя Кучи, подчиненное султану и приставшее къ Черногорцамъ.

Константинопольскія депеши увѣряютъ насъ что турецкія Нишская и Виддинская арміи перешли въ наступленіе и направляются къ Княжевцу. Если это вѣрно, то значитъ Нишская и Виддинская арміи желаютъ соединиться.

Но имъ придется совершать движеніе

вокругъ сербскихъ войскъ и дѣлать болѣе длинную хорду чѣмъ потребовалось бы сдѣлать сербскимъ войскамъ для своего соединенія.

Итакъ, положеніе дѣлъ продолжаетъ являться благопріятнымъ для христіанъ, а вскорѣ должны произвести свое дѣйствіе послѣднія побѣды Черногорцевъ.

№ 186.

Москва, 21-го іюля.

А.

На дняхъ обращали мы вниманіе на сообщенныя корреспондентами петербургскихъ газетъ и подтвержденныя нашими справками свѣдѣнія о злодѣйствахъ совершаемыхъ магометанскими обитателями сѣвернаго предгорія Кавказа, именно Малой Чечни (а теперь оказывается и Большой Чечни, Терской области), гдѣ уже лѣтъ пятнадцать господствовали полное спокойствіе и безопасность.

Свѣдущіе люди на мѣстахъ свидѣтельствуютъ что этими проявленіями неистовой злобы въ замиренныхъ населеніяхъ восточнаго Кавказа мы обязаны стамбульскому правительству, которое принялось раздувать магометанскій фанатизмъ. Какъ извѣстно, оно занимается этимъ въ самомъ Константинополѣ, на глазахъ цѣлой Европы, присутствующей при этомъ зрѣлищѣ съ благодушнымъ спокойствіемъ. Слава Богу, въ настоящее время по крайней мѣрѣ не присутствуетъ при этомъ нашъ русскій посолъ! Теперь онъ уже въ Петербургѣ, и остается желать чтобъ отпускъ его продлился до той поры когда пребываніе его въ Константинополѣ будетъ совмѣстно съ достоинствомъ Россіи.

Но если въ самомъ Константинополѣ, гдѣ Порта все-таки принуждена сохранять *приличіе*, возбуждается магометанскій фанатизмъ и проповѣдуется истребленіе христіанъ, то легко представить себѣ въ какихъ размѣрахъ творится эта пропаганда въ глуши Малой Азіи, откуда идутъ всѣ эти алчущія крови и грабежа варварскія полчища наполняющія Стамбулъ. Не надо упускать изъ вида что пропаганда производится Турціей на самой нашей границѣ, среди сплошнаго мусульманскаго населенія. Мы сообщали что старожилы кавказскіе въ одинъ голосъ приписываютъ злодѣянія, такъ часто теперь повторяющіяся въ Чечнѣ, дѣйствію той же пропаганды, занесенной въ самые предѣлы Россіи эмиссарами Порты, которые всегда прибѣгали къ этому средству при напряженныхъ отношеніяхъ къ Россіи.

Мы обращали вниманіе на признаки показывающіе что дѣйствіе *газавата* уже замѣчается по всей нашей закавказско-турецкой границѣ, и вообще между магометанскими населеніями Закавказскаго края. Съ тѣхъ поръ почти каждый день получаются изъ Закавказья свѣдѣнія о новыхъ убійствахъ: въ урочищѣ Кусары, Бакинской губерніи, звѣрскимъ образомъ зарѣзаны кинжалами двое Русскихъ: „въ убійствѣ подозрѣваются мусульмане," присовокупляетъ сообщившій этотъ фактъ *Тифлисскій Вѣстникъ*. На самой турецкой границѣ, въ Новобаязетскомъ уѣздѣ, по свѣдѣніямъ той же газеты, „грабежи и разбои усиливаются съ каждымъ днемъ;" въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ разгуливаетъ на свободѣ извѣстный разбойникъ Керъ-Исмаилъ; посланные за нимъ казаки и земскія стражи не могутъ отыскать его, очевидно потому что его скрываетъ тамошнее магометанское населеніе. По болѣе обстоятельнымъ свѣдѣніямъ *Русскаго Міра*, вслѣдствіе вывода изъ Малой Азіи всѣхъ турецкихъ войскъ направляемыхъ противъ Сербіи, въ пограничныхъ съ нами малоазіятскихъ санджакахъ образовались многочисленныя шайки разбойниковъ, которые не только грабятъ туземныхъ *христіанъ*,—противъ магометанъ эти *разбойники*, повидимому, не воюютъ,—но и вторгаются въ наши предѣлы. По слухамъ, присовокупляетъ названная газета, Аджаны съ одной стороны, а съ другой Курды готовятся къ серіозному вторженію въ Закавказскій край, гдѣ турецкіе эмиссары, повидимому, уже заняты возбужденіемъ магометанскаго населенія къ возстанію. По мнѣнію *Русскаго Міра*, если бы все это подтвердилось, Россія, нисколько не нарушая нейтралитета, могла бы потребовать чтобы Порта возвратила въ Малую Азію достаточно регулярнаго войска дабы положить предѣлъ этимъ разбоямъ.

Пора, давно пора обратить вниманіе на открытую проповѣдь *газавата* по всей Турціи, которая никогда не ограничивается предѣлами *одной* Турціи, но распространяется и на сосѣднія владѣнія.

По обѣ стороны Кавказа, въ Крыму, въ Заволжьи, наконецъ на всемъ огромномъ протяженіи нашей Среднеазіятской окраины, до подножія Гинду-Куша,—гдѣ интересы наши, въ этомъ отношеніи, сливаются даже съ интересами псевдо-христіанской Англіи,—живутъ подъ сѣнію нашего правительства милліоны магометанъ, для коихъ искра раздуваемая Портой въ Малой Азіи можетъ послужить поводомъ къ страшному пожару.

Въ то время какъ набирались эти строки получено нами письмо г. Зиссермана. Старослуживый кавказскій, г. Зиссерманъ счелъ патріотическимъ долгомъ подкрѣпить свидѣтельствомъ своей опытности первую статью нашу объ опасностяхъ грозящихъ намъ на Кавказѣ со стороны разсвирѣпѣвшаго магометанскаго фанатизма. „Неужели же уроки, такъ дорого оплаченные,“ говоритъ онъ, „должны пройти безслѣдно?.. „Туркамъ ничего не стоитъ набрать изъ „переселившихся съ Кавказа десятокъ другой муллъ, снабдивъ ихъ нѣсколькими „англійскими гинеями и благословеніемъ „шейхъ-юль-ислама, и отправить ихъ на „Кавказъ, а если имъ удастся *заварить* „кашу... Не трудно набрать и нѣсколько „шаекъ черкесскихъ головорѣзовъ для высадки на кочермахъ на восточный берегъ „Чернаго Моря, гдѣ они, знакомые съ „мѣстностью и могущіе встрѣтить сочувствіе въ оставшихся соотечественникахъ, „пожалуй надѣлаютъ не мало кутерьмы... „Ради Бога, не давайте искрѣ раздуться „въ пламя!..“

Что Турціей замышляется что-то въ нашихъ предѣлахъ, на это очевидно намекаетъ константинопольская телеграмма *Correspondenz Bureau*. Одна турецкая газета, которая печатается армянскими буквами, обнародовала на дняхъ извѣстіе будто на Кавказѣ *уже вспыхнуло возстаніе*, другая такая же газета опровергала это извѣстіе. Противъ этой послѣдней толпа константинопольскихъ Армянъ, повидимому желавшихъ выслужиться предъ Турецкимъ правительствомъ, сдѣлала уличную демонстрацію; правительство же, вмѣсто того чтобъ арестовать нарушителей общественнаго спокойствія, распорядилось арестованіемъ редактора не понравившейся имъ газеты, то-есть той которая опровергла извѣстіе о возстаніи. Турецкое правительство повидимому заинтересовано тѣмъ чтобы въ Константинополѣ распространилась увѣренность что эта пропаганда уже возымѣла свое дѣйствіе между кавказскими магометанами христіанской Россіи. Что-то такое тутъ есть. Замѣчательнѣе же всего то что это извѣстіе совпадаетъ съ безчисленными фактами которые сообщаются какъ нашими закавказскими газетами, такъ и кавказскими корреспондентами столичныхъ газетъ. Турецкое правительство, очевидно, ожидаетъ съ Кавказа извѣстія о результатахъ своихъ происковъ; въ своемъ нетерпѣніи, оно напередъ уже распускаетъ толки о достиженіи имъ этихъ результатовъ, а между тѣмъ въ Россіи уже группируются многочисленные факты которыми оправдываются ожиданія Турокъ.

Если даже допустить что во всемъ этомъ нѣтъ еще повода къ дипломатическому протесту, если со стороны Порты не будетъ сдѣлано ничего чтобы положить конецъ, хоть на границѣ ея съ Россіей, пожару раздуваемому ею до сихъ поръ въ магометанскомъ мірѣ, — то не время ли намъ обратиться къ *своимъ пожарнымъ* и сосредоточить на нашей турецко-азіятской границѣ достаточно сильный отрядъ нашихъ Кавказскихъ войскъ, чтобы предупредить нарушеніе нашей границы? Если въ 1853 году Кавказская армія, одна, безъ всякой изнутри Россіи помощи, (подоспѣвшей только къ веснѣ 1854 года), и имѣя Шамиля въ тылу, могла разбить и разсѣять *три* турецкія арміи, отбивъ у нихъ артиллерію и всѣ запасы, то въ 1876 году, при замиренномъ Кавказѣ, Кавказская армія, *усиленная почти вдвое противъ своего состоянія въ 1853 году*, будетъ достаточно сильна чтобъ образумить изувѣрную дурь азіятской орды.

Б.

Полученныя сегодня телеграммы изъ Алексинца и Константинополя не оставляютъ повода сомнѣваться въ серіозности предпріятія Турокъ со стороны Громады на Княжевацъ. Движеніе это приводится въ исполненіе съ большою осторожностью, но настойчиво. 28 (16) іюля Турки произвели рекогносцировку расположенія Сербовъ у Громады, а на другой день турецкій отрядъ изъ 9 баталіоновъ съ 6 орудіями двинулся ко Громадѣ. Такъ какъ удерживать этотъ постъ не входило въ разчетъ Сербовъ, то, въ силу полученнаго заранѣе приказанія, стоявшій тутъ на-

блюдательный сербскій отрядъ отступилъ къ Дервенту, урочищу на пути въ Княжевацъ. Черезъ день, 31 (19) іюля, Турки показались со стороны Громады уже въ „значительныхъ“ силахъ, вслѣдствіе чего наблюдательный отрядъ продолжалъ отступленіе на Княжевацъ.

Осторожность наступленія Турокъ, если вѣрить сегодняшней Константинопольской депешѣ, обусловливалась установленіемъ связи между корпусами Эйюбъ-паши со стороны Ниша и Сулейманъ-паши со стороны Софіи. Связь между ними, по словамъ упомянутой телеграммы, установилась уже въ предѣлахъ Сербіи. Вступивъ въ связь, турецкіе корпуса получили возможность приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Предстоитъ рѣшительный бой у Княжеваца, отъ исхода котораго будутъ зависѣть всѣ дальнѣйшія дѣйствія обѣихъ сторонъ.

Но уже теперь обнаруживается значеніе укрѣпленнаго лагеря устроеннаго Сербами у Алексинца и Делиграда, на сооруженіе котораго Сербами при началѣ войны было обращено большое вниманіе и употреблены большія усилія. Въ виду сербской позиціи Делиградъ-Алексинацъ Турки не рѣшились на предпріятіе внизъ по Моравѣ, которое могло бы имѣть для нихъ въ настоящую минуту серіозное значеніе, облегчая выполненіе задуманнаго ими плана.

До тѣхъ поръ пока укрѣпленія у Делиграда и Алексинца въ рукахъ Сербовъ, послѣдніе могутъ принимать рѣшительныя мѣры противъ всякаго вторженія Турокъ, даже со стороны Зайчара, хотя дорога оттуда въ долину Моравы и выходитъ нѣсколько сѣвернѣе Делиграда и Алексинца, слѣдовательно въ тылу сербской позиціи.

Депеши изъ Герцеговины сообщаютъ о дѣйствіяхъ Черногорцевъ свидѣтельствующихъ что они сумѣли воспользоваться своею побѣдой дабы сломить послѣднія усилія Турокъ къ сопротивленію. Черногорцы окружили Билекъ, прервали сообщенія этого города съ Требиньемъ и угрожаютъ этому послѣднему оплоту Мухтаръ-паши. Новая попытка его въ открытомъ полѣ не удалась, но Турки повидимому готовятся отстаивать Требинье до послѣдней крайности.

№ 187.

Москва, 23-го іюля.

А.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя, тамъ дѣйствительно установился новый и очень своеобразный государственный порядокъ. „Избранникъ Турецкаго народа,“ Мурадъ V, какъ слышно, уже замѣненъ новымъ „избранникомъ,“ а иные прибавляютъ что онъ, подобно Абдулъ-Азизу, уже „самоубитъ.“ Все это происходитъ на основаніи новаго порядка несомнѣнно и существенно отличающагося отъ прежняго: прежде быстро смѣнялись великіе визири, волей падишаха призывавшіеся къ правленію; теперь наоборотъ: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на Оттоманскій престолъ вступаетъ въ третій разъ новый преемникъ Магомета волей одного и того же „садразама.“

О томъ что Мурадъ V болѣе не царствуетъ сообщаютъ согласно всѣ корреспонденты изъ Константинополя. По словамъ *Neues Wiener Tagblatt*, новая перемѣна престола есть уже совершившійся фактъ. Министры отправились де къ султану Мураду и сообщили ему что, по заключенію врачей, страданія его не оставляютъ болѣе никакой надежды на его выздоровленіе, а потому, согласно новому государственному ученію турецкихъ министровъ, „воцареніе новаго главы государства не можетъ быть долѣе откладываемо.“ Султанъ Мурадъ, согласно тѣмъ же свѣдѣніямъ, принялъ съ покорностью это заявленіе министровъ, которые были однако такъ милостивы что не захотѣли навязать Мураду унизительной формальности публичнаго отреченія, а лишь заставили его фактически передать всю (?) свою власть въ руки его преемника, втораго сына султана Абдулъ-Меджида, Абдулъ-Гамида, такъ что сей послѣдній уже теперь правитъ Портой въ качествѣ регента впредь до смерти Мурада, дни котораго изочтены. О характерѣ новаго повелителя правовѣрныхъ передаютъ что въ турецкихъ придворныхъ сферахъ онъ пользуется прозваніемъ „строгаго,“ и надѣются что онъ рѣшительно выступитъ на борьбу за честь ислама, и будетъ ее продолжать неуклонно, до послѣдней крайности.

Борьбѣ этой уже теперь Турки придаютъ характеръ войны „ислама противъ христіанства;" зеленое знамя Пророка покоившееся подъ спудомъ со временъ янычаръ — вслѣдствіе воспоминаній объ ужасныхъ кровопролитіяхъ и фанатической рѣзнѣ съ нимъ связанныхъ, уже теперь развѣвается на площадяхъ Константинополя, призывая подъ свою сѣнь „борцевъ за вѣру," и тамъ уже идетъ рѣчь о томъ что изъ Остъ-Индіи, благодаря „невмѣшательству" Англіи, вскорѣ прибудутъ на помощь Туркамъ 150.000 магометанскихъ волонтеровъ. Но пока прибудетъ изъ глубины англійскихъ владѣній эта „священная рать Пророка," Турки съ понятною радостью открываютъ свои объятія мадьярскимъ волонтерамъ, неудержимо стремящимся, если вѣрить турецкимъ и туркофильскимъ органамъ, раздѣлить съ баши-бузуками честь собратства по оружію. „Генералъ" Клапка уже прибылъ въ Константинополь чтобы принять начальство надъ доблестными соплеменниками; онъ заявилъ великому визирю что „Мадьяры рѣшились отблагодарить теперь Турцію за добрыя услуги оказанныя ею въ 1849 году мятежнымъ Венграмъ, а также Полякамъ."

Въ Вѣнѣ нашлись, однако, газеты которыя не скрываютъ своего негодованія по поводу дошедшей до претупленія венгерской агитаціи въ пользу Турціи. Органы близкіе къ правительству, какъ напримѣръ *Presse*, упрекаютъ венгерскихъ волонтеровъ ополчившихся „за честь ислама" въ томъ что они причиняютъ немаловажныя дипломатическія затрудненія Австрійскому правительству, которое обязалось де въ Рейхштадтѣ къ строгому невмѣшательству. Но есть и другія газеты, которыя находятъ „совершенно естественною" слѣпую боязнь обуявшую Мадьяръ въ виду теперешняго движенія Славянъ. Любопытны соображенія высказываемыя вѣнскимъ керреспондентомъ *National-Zeitung* въ оправданіе венгерской тревоги. Рѣчь идетъ о присоединеніи Босніи къ Австрійской имперіи, на что имѣетъ де виды феодально-военная партія въ Вѣнѣ. Корреспондентъ названной газеты приводитъ энергическій протестъ противъ этого плана венгерской газеты *Pesti Naplo*, которая въ порывѣ особаго рода патріотизма, возможнаго только въ Австріи, вопіетъ что подобнаго пріобрѣтенія Австрія достигнетъ не иначе какъ перешагнувъ черезъ трупъ Венгріи, то-есть низвергнувъ венгерское министерство и венгерскую конституцію. Корреспондентъ берлинской газеты совершенно понимаетъ почему недопущеніе подобнаго усиленія Австрійской монархіи есть „жизненный вопросъ" для Венгріи. Его объясненіе заключается въ слѣдующемъ: по народной переписи 1869 года число Славянъ въ Австрійской монархіи простирается до 16.420.000; между тѣмъ какъ численность остальныхъ народностей простирается: Нѣмцевъ до 9.156.000, Мадьяръ до 5.553.000, Румыновъ до 3.492.000 и Евреевъ до 1.376.000. Въ одной Цислейтаніи 11.256.000 Славянъ, то-есть 53½ процента общаго числа населенія, тогда какъ Нѣмцевъ только 7.300.000, или 36 процентовъ. Въ венгерской половинѣ имперіи Мадьяры составляютъ лишь 35½ процентовъ общаго числа населенія, и количество Славянъ (4.746.000) съ Румынами (2.673.000), которые также подлежатъ мадьярскому гнету, равнымъ образомъ значительно превосходитъ численностью господствующее племя. „При такихъ обстоятельствахъ, замѣчаетъ корреспондентъ, всякое, хотя бы малѣйшее увеличеніе численности Славянъ входящихъ въ составъ Австрійской имперіи должно повести къ преобладанію славянскаго элемента надъ всѣми прочими." Нѣмцы и Мадьяры вмѣстѣ взятые уже теперь не достигаютъ численности австрійскихъ Славянъ. Если же допустить чтобъ ихъ стало еще больше, хотя бы цѣной территоріальнаго увеличенія „общаго отечества," то это грозитъ столь серіозною опасностью Мадьярамъ что они не могутъ не противиться подобному плану всѣми зависящими отъ нихъ способами. Газеты объясняющія соображеніями подобными приведеннымъ выше инстинкты самосохраненія пробудившіеся „съ такою силой" въ Мадьярахъ, упускаютъ при этомъ изъ виду что аргументы ими приводимые обоюдуостры, и что однѣхъ приведенныхъ цифръ, помимо новыхъ приращеній Австріи, достаточно для справедливой оцѣнки мадьярскихъ притязаній на безусловное господство надъ далеко превосходящимъ его по численности славянскимъ элементомъ. Но этимъ защитникамъ венгерскаго „патріотическаскаго пыла" не слѣдовало бы принимать химеру за дѣйствительность. Покамѣсть еще не видно какіе дѣйствительные шан-

сы имѣются для присоединенія Босніи къ Австріи. Объ этомъ могутъ мечтать тѣ или другіе кружки въ Вѣнѣ. На дѣлѣ же рѣчь идетъ вовсе не объ этомъ. На Балканскомъ полуостровѣ идетъ борьба между народностями полными жизни и одушевленными историческимъ призваніемъ съ одной стороны, и дикою ордой чуждыхъ христіанской Европѣ изувѣровъ, которые въ теченіе пяти вѣковъ своего владычества не сумѣли создать никакого прочнаго государственнаго порядка, а нынѣ окончательно обанкрутилась поразивъ міръ попыткой истребить поголовно цѣлый народъ. Не за политическое преобладаніе надъ кѣмъ бы то ни было подняли свое знамя турецкіе Славяне; они проливаютъ свою кровь за насущныя права всякаго человѣка, за семейный кровъ, за честь своихъ женъ, за жизнь дѣтей. Венгрія нашла возможнымъ высылать своихъ сыновей для участія въ этой святой борьбѣ, но не за угнетенныхъ, а за угнетателей, и нѣтъ лжи которую не пустили бы въ ходъ газеты этой страны чтобы представить въ превратномъ видѣ значеніе событій совершающихся на Балканскомъ полуостровѣ. Все это лишь съ тою цѣлью дабы не допустить такого усиленія славянскаго элемента который можетъ стать опаснымъ для „будущности“ Мадьярскаго племени. Но неужели эти мадьярскіе патріоты такъ ослѣплены, неужели такъ заглохло въ нихъ чувство исторической правды, чтобы не уразумѣть что политическое преобладаніе можетъ быть лишь результатомъ нравственнаго превосходства и что сообщничество съ баши-бузуками и Черкесами плохой оплотъ противъ тѣхъ опасностей которыя дѣйствительно угрожаютъ башкирской ордѣ господствующей въ Венгріи въ ея будущемъ историческомъ соревнованіи со славянскими племенами, которыя нельзя же истребить поголовнымъ избіеніемъ и которыя рано или поздно возьмутъ же свое.

Б.

„Положеніе дѣлъ Сербіи вообще трудное, но не столь неблагопріятно, какъ распространяютъ Турки.“ Такъ говоритъ телеграмма изъ Землина, отъ 3 августа. Полученныя сегодня официальныя сербскія и даже турецкія депеши вполнѣ подтверждаютъ такую оцѣнку.

Турецкія войска, какъ увѣряютъ Турки, перешли сербскую границу 30 іюля у Пандирало и 31 у Громады, наступая по дорогѣ на Княжевацъ. Отъ Громады и Пандирало до Княжевца считается (судя по картѣ нашего генеральнаго штаба) около 30 верстъ, а между тѣмъ Туркамъ еще не удалось подойти къ Княжевцу 3 августа, то-есть дѣлать въ день даже и по 10 верстъ.

Турки „медленно двигаются,“ говорится въ депешѣ нашего корреспондента; медленность эта обусловливается тѣмъ стойкимъ отпоромъ который они встрѣтили со стороны сербскаго наблюдательнаго отряда Іовановича и бригады Хорватовича, отступавшихъ предъ ними шагъ за шагомъ, съ боемъ.

Но и это *медленное* движеніе Турокъ 2 августа было вовсе задержано Сербами остановившимися далеко предъ Княжевцомъ на выгодной позиціи, давшей имъ возможность не только выдержать бой 2 августа, но и возобновить его на слѣдующій день.

Турки перешли границу у Громады (9 баталіоновъ) и Пандирало „въ большихъ силахъ,“ говорилось въ депешѣ нашего корреспондента, и корпусамъ Эйюбъ-и Сулейманъ-пашей, какъ бы досказывало турецкое извѣстіе, „удалось войти между собою въ связь на сербской территоріи.“ Силы Сербовъ задерживающія турецкія массы значительно малочисленнѣе, они состоятъ изъ бригадъ Хорватовича и Іовановича отъ дивизіи Уруна Мирковича, составленной, какъ извѣстно, изъ людей уже нѣсколько окуренныхъ порохомъ и при взятіи Бабиной главы, и въ послѣдующихъ стычкахъ.

Что сопротивленіе сербскихъ войскъ было весьма серіозно, это доказывается предположеніемъ Турокъ о присутствіи въ Княжевцѣ или за нимъ всѣхъ силъ южно-моравской арміи.

Предположеніе это поддерживается турецкими депешами весьма настойчиво, несмотря на то что Туркамъ должно быть положительно извѣстно о присутствіи значительныхъ сербскихъ силъ въ сторонѣ Ниша, такъ какъ сербскіе аванпосты на Алексинацко-Нишской дорогѣ 2 августа были расположены у Топольницы, слѣдовательно на турецкой территоріи. Отряды сербскихъ волонтеровъ Милоевича подались впередъ повидимому еще далѣе: 2 числа они „въ виду турецкой линіи“

заняли Сѣченицу, Дудулайцу и Крайковецъ — селенія на турецкой территоріи. Полученная сейчасъ офиціальная депеша возвѣщаетъ что Сербамъ удалось продвинуться еще далѣе, до Мрамора (въ 5 верстахъ отъ Сербской границы) и даже ворваться въ Турецкій лагерь.

Гдѣ дѣйствительно находятся главныя силы арміи генерала Черняева и въ чемъ заключаются намѣренія обѣихъ сторонъ, положительно неизвѣстно, а потому нельзя судить о томъ какое значеніе можетъ возымѣть уже одержанный Сербами успѣхъ. До сихъ поръ ясно лишь то что укрѣпленія у Делиграда и Алексинца внушаютъ Туркамъ уваженіе, побуждающее ихъ быть много осторожнѣе чѣмъ они того желаютъ.

№ 188.

Москва, 24-го іюля.

A.

Безъ малаго мѣсяцъ назадъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, отъ 25-го іюня, нашъ лондонскій корреспондентъ, ручаясь за безусловную точность своихъ свѣдѣній, сообщалъ намъ что вслѣдствіе *тайныхъ распоряженій* морскаго и военнаго министерствъ въ Англіи поспѣшно были приняты всѣ мѣры къ снаряженію и отправленію въ Мальту 27-тысячнаго дессантнаго корпуса, со всѣми необходимыми ему жизненными и боевыми припасами, для чего де уже были зафрахтованы правительствомъ и потребныя для перевозки всего этого груза купеческія суда. Куда именно окончательно предназначалась эта высадка, объ этомъ корреспондентъ нашъ не получилъ въ то время положительныхъ свѣдѣній; всякому было понятно, однако, что такою цѣлью дессанта не могла быть Мальта, нисколько въ немъ не нуждающаяся, и мы невольно спросили себя не замышляется ли coup de main чтобы захватить Дарданеллы.

Нѣсколько времени спустя, наши свѣдѣнія были воспроизведены французскими газетами, присовокуплявшими что въ Портсмутѣ уже готовы къ отправленію восемь линейныхъ полковъ и 20 батарей. А также въ корреспонденціи изъ самой Мальты въ аугсбургскую *Всеобщую Газету* читаемъ слѣдующее: „По всей вѣроятности, однако,“ продолжаетъ корреспондентъ, подтвердивъ всѣ вышеозначенныя свѣдѣнія, „отправленіе всѣхъ этихъ силъ отсрочено „только на время, вслѣдствіе обѣщанія „Россіи сохранить нейтралитетъ. Намъ положительно извѣстно что лондонское адмиралтейство уже зафрахтовало множество транспортныхъ судовъ, но такимъ „образомъ чтобы въ случаѣ объявленія „войны они немедленно были готовы къ „перевозкѣ войскъ и артиллеріи. Такимъ „образомъ Мальта, очевидно, предназначена служить сборнымъ мѣстомъ для войска и складомъ оружія и припасовъ, которые немедленно можно будетъ отправить либо *для занятія Босфора*, либо въ „Портъ-Саидъ, для занятія Суэзскаго Канала. Здѣшній губернаторъ взялъ было „кратковременный отпускъ, но при настоящихъ обстоятельствахъ ему невозможно будетъ воспользоваться имъ. Почти каждую недѣлю прибываютъ сюда „изъ Англіи паровые фрегаты, которые „немедленно отправляются далѣе, на присоединеніе ко флоту стоящему въ Безикской бухтѣ; для ускоренія же постройки „имѣющихся въ виду новыхъ кораблей, „многіе изъ нихъ сданы на частныя верфи. Англія хочетъ быть готова на всякій „случай.“

Однако неужели она все еще не совсѣмъ „готова на всякій случай?“ Англійскія газеты кичились тѣмъ что флотъ Англіи, стоящій у самаго входа въ Дарданеллы, въ Безикской бухтѣ, лишь въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Константинополя, гораздо сильнѣе чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые флоты цѣлой Европы. Это было при самомъ прибытіи европейскихъ флотовъ въ воды Турціи. Съ тѣхъ поръ одно за другимъ отзываются оттуда суда всѣхъ великихъ державъ кромѣ Англіи, а со стороны Англіи, напротивъ, то и дѣло прибываютъ новыя военныя суда на усиленіе ея флота въ Турецкихъ водахъ, и все-таки Англія не „готова на всякій случай,“ и англійское правительство все еще имѣетъ духъ обвинять другихъ въ готовности нарушить миръ, обвинять даже самую невинность...

Но когда же Англія будетъ готова? Развѣ когда къ этому флоту подоспѣютъ, на купеческихъ судахъ, еще тѣ 8 линейныхъ полковъ и 20 батарей, уже сосредоточенныхъ въ Портсмутѣ, о которыхъ такъ положительно извѣщалъ тому назадъ

мѣсяцъ нашъ лондонскій корреспондентъ и извѣщаютъ нынѣ и корреспонденты другихъ газетъ? Но при тѣхъ громадныхъ морскихъ силахъ, коими располагаетъ Англія въ Безикской бухтѣ, ей не трудно будетъ собрать изъ однихъ моряковъ весьма почтенный дессантъ, во всякомъ случаѣ весьма достаточный для какого-нибудь *coup de main*, тѣмъ болѣе что этотъ дессантъ, по всей вѣроятности, никакъ не можетъ имѣть въ виду какой-нибудь дальній походъ, а долженъ будетъ ограничиться занятіемъ какого-нибудь мѣста на самомъ берегу, подъ прикрытіемъ флота...

Такимъ образомъ выходитъ, что если мальтійскому корреспонденту аугсбургской газеты кажется очень кстати упомянуть, даже съ нѣкоторымъ удареніемъ, будто Англія „только на время" отсрочила отправленіе приготовленныхъ ею сухопутныхъ силъ изъ уваженія къ „обѣщанію Россіи сохранить нейтралитетъ," то для насъ должно быть очевидно что Англія, въ этомъ случаѣ, дѣлала въ пользу этого столь нужнаго ей нейтралитета уступку которая ей ничего не стóитъ и нисколько не ослабляетъ аггрессивнаго положенія принятаго ею у самаго входа въ Дарданеллы,—закрытыя для цѣлой Европы, но конечно открытыя настежь для Англіи,—въ Дарданеллы, а слѣдовательно и въ Босфоръ. По всему видно, напротивъ, что Англія только потому оставила до поры до времени въ Портсмутѣ назначенныя въ подкрѣпленіе ея флоту сухопутныя войска что продолжительное содержаніе ихъ на судахъ не только стоило бы ей очень дорого, но и было бы сопряжено со всякаго рода неудобствами, особенно въ санитарномъ отношеніи, между тѣмъ какъ обойтись безъ этихъ войскъ, на первое время, будетъ ей, по всей вѣроятности, очень легко. Отсрочкой этою, слѣдовательно, нисколько не умаляется совсѣмъ не нейтральное положеніе принятое Англіей почти у воротъ самаго Константинополя... Первымъ предлогомъ сосредоточенія ея флота была защита англійскихъ подданныхъ. Для этой защиты Англія могла бы ограничиться высылкой такого же числа судовъ какое отправили для подобной цѣли конечно не менѣе ея заботящіяся о безопасности своихъ подданныхъ Германія и Франція. Но теперь Англія, очевидно, даже и не ищетъ предлоговъ... Присутствіе столь громаднаго британскаго флота въ турецкихъ водахъ, у самаго Босфора, есть уже угроза, есть само по себѣ нарушеніе мира...

Но если не существующая для англійскихъ подданныхъ опасность на Босфорѣ послужила правительству Англійскому предлогомъ къ тому чтобы сосредоточить въ турецкихъ водахъ громадную военную силу, имѣющую явно наступательный характеръ, то можемъ ли мы оставлять наши закавказскія населенія безъ защиты въ виду *дѣйствительной* опасности угрожающей имъ со стороны мусульманскаго фанатизма раздуваемаго Портой? Можемъ ли мы оставить безъ обезпеченія нашу азіятскую границу? Не слѣдуетъ ли намъ принять мѣры къ огражденію христіанскаго Кавказа отъ бѣдствій накликаемыхъ на него Портой? Не слѣдуетъ ли оградить наши магометанскія населенія отъ грозящей имъ же самимъ, опасной для нихъ же самихъ, духовной заразы? Эти требованія нашего положенія кажутся намъ настоятельными. Россія имѣетъ по крайней мѣрѣ право принимать мѣры оборонительнаго свойства. Требуется сосредоточить своевременно, то-есть немедленно, достаточныя силы на нашей азіятской границѣ чтобъ обезпечить Грузію отъ повторенія страшныхъ сценъ не только временъ шахъ-Надира, но и 1853 года, когда наша безпечность и слѣпая вѣра въ Европу навлекли на наше Закавказье несовмѣстныя съ честью Россіи бѣдствія.

Б.

Предъ началомъ наступательныхъ дѣйствій, войска арміи Абдулъ-Керима охватывали почти всю южную и восточную границы Сербіи отъ Виддина до такъ-называемой Петровой горы, гдѣ былъ расположенъ ихъ лѣвый флагъ, находившійся въ связи съ войсками расположенными у Пристины и лѣвѣе Салоникско-Митровицкой желѣзной дороги.

На всемъ протяженіи южной Сербской границы охваченной войсками Абдулъ-Керима имѣются четыре наиболѣе удобные прохода въ Сербію: у Янковой-Клиссуры—противъ лѣваго фланга Турокъ, долиною Моравы—въ центрѣ, и два—у Пандиралло и Громады.

Наступленіе начатое Турками въ двухъ послѣднихъ пунктахъ подвигается медленно, вслѣдствіе удачнаго отпора сербскихъ

войскъ, а потому, вѣроятно съ цѣлью развлечь вниманіе Сербовъ и облегчить Эйюбъ-пашѣ дальнѣйшія дѣйствія, Турки рѣшились перейти въ наступленіе и у Янковой-Клиссуры, отъ которой ведетъ отличная дорога на Крушевацъ, въ обходъ Делиградско-Алексинацкой позиціи Сербовъ.

На проходъ у Янковой-Клиссуры Турки обратили вниманіе съ самаго начала военныхъ дѣйствій и уже два раза предъ симъ производили нападеніе на этотъ пунктъ, однако были отбиваемы. Дефиле у Янковой-Клиссуры весьма узко; оно образуется двумя горными хребтами Лепенцемъ и Ястребцемъ и тянется нѣсколько верстъ. Извѣстный знатокъ этой мѣстности, г. Киппертъ, говоря объ этомъ проходѣ замѣчаетъ что тутъ даже съ небольшими силами можно задержать цѣлую армію.

Главный путь сообщенія турецкихъ войскъ атакующихъ Янкову-Клиссуру составляетъ шоссе проложенное Омеръ-пашою чрезъ Куршумле и Прокопль (Уркубъ) въ долинѣ Тополицы и далѣе на Мраморъ къ Нишу.

Этотъ путь сообщенія прерванъ теперь сербскими войсками, которыя 3-го августа взяли лагерь у Мрамора и заняли нѣсколько селеній лежащихъ къ сѣверу отъ шоссе и вдоль его.

Допустивъ Сербовъ занять съ боя столь важные пункты, Турки тѣмъ самымъ высказали свою слабость въ этомъ пунктѣ, что̀ дало право считать линію Турокъ „прорванною въ центрѣ,“ какъ о томъ свидѣтельствуетъ телеграмма изъ Землина отъ 4-го августа, хотя еще нельзя сказать положительно дѣйствительно ли находятся тутъ главныя силы генерала Черняева. Нашъ корреспондентъ телеграфируетъ отъ 3-го августа изъ Алексинца, слѣдовательно въ самый день занятія Мрамора, что большихъ передвиженій на театрѣ войны нѣтъ.

Черногорцы доканчиваютъ съ Мухтаръпашой, который теперь уже на столько ослабленъ и деморализованъ предшествовавшими пораженіями что не рѣшается атаковать христіанскія войска обложившія Требинье. Полковникъ Алимпичъ уже готовится воспользоваться успѣхомъ Черногорцевъ и приступаетъ къ движенію на Сераево. Таково положеніе обѣихъ сторонъ на театрѣ войны въ настоящее время.

№ 190.

Москва, 26-го іюля.

А.

„Турецкія войска сожгли вчера вечеромъ „бараки у Клека и затѣмъ сѣли на воен„ный пароходъ *Фетиль*,“ гласила телеграмма изъ Зары, отъ 5 августа (24 іюля). *Фетиль* турецкій военный пароходъ; онъ преспокойно крейсеровалъ въ австрійскихъ водахъ и присталъ къ Клеку; турецкія же войска, находившіяся у Клека, были отрѣзаны отъ всякихъ сообщеній съ прочими войсками и со всею Герцеговиной; имъ приходилось положить оружіе,—и вотъ турецкій пароходъ въ австрійскихъ водахъ выручилъ ихъ изъ бѣды...

Что̀ же значитъ такъ громко провозглашенное закрытіе Клекской гавани, которое поставлялось на видъ какъ доказательство безпристрастнаго нейтралитета Австро-Венгріи?

По весьма благонадежнымъ свѣдѣніямъ, графъ Андраши увѣрялъ нашего государственнаго канцлера въ Рейхштадтѣ, что, вопреки всѣмъ моленіямъ и настояніямъ турецкой дипломатіи, онъ запретилъ выгрузку въ Клекѣ даже послѣдняго турецкаго судна, хотя турецкіе дипломаты и увѣряли что оно слишкомъ тяжело нагружено и не можетъ отплыть обратно не выгрузившись, и что впредь они не будутъ и домогаться о повтореніи подобнаго разрѣшенія. Графъ Андраши былъ де неумолимъ...

Между тѣмъ, нѣсколько дней спустя, отъ 21 іюля, писали изъ Вѣны въ аугсбургскую *Всеобщую Газету:* „Вслѣдствіе „настояній Порты, ей *дружественнымъ об„разомъ* (in freundschaftlicher Weise) раз„рѣшена выгрузка въ Клекѣ еще одного „судна которому нельзя было бы возвра„титься съ его тяжелымъ грузомъ; а впро„чемъ Порта формально признала закры„тіе Клекской гавани...“

Но въ то самое время когда графъ Андраши давалъ приведенныя выше объясненія касательно безпристрастія своего нейтралитета, кто именно занималъ Клекское побережье? Герцеговинскій вождь, Пеко Павловичъ, съ 6.000 отборнаго войска, лучшаго во всей черногорско-герцеговинской арміи. Туркамъ, слѣдовательно, нечего было и думать тогда о сообщеніи съ

моремъ; сообщеніемъ этимъ могли воспользоваться тогда не Турки, а Славяне...

Такимъ образомъ оказывается что Клекскій портъ былъ дѣйствительно закрытъ *только для Славянъ*, былъ закрытъ только на то время пока Славяне владѣли Клекскимъ побережьемъ. Едва оставили они эти мѣста чтобы присоединиться къ князю Черногорскому, запретъ былъ снятъ съ Клекскаго порта: Турки разгрузили въ немъ свое пресловутое „послѣднее судно," о которомъ была рѣчь въ Рейхштадтѣ...

Но если Клекскій портъ былъ закрытъ для транспортныхъ и купеческихъ судовъ пока въ немъ стояли Славяне, то омывающія его *австрійскія* воды все-таки не были закрыты въ то время для турецкихъ *военныхъ* судовъ, которымъ, какъ извѣстила насъ тогда телеграмма, Австрійцы нисколько не помѣшали громить Славянъ своею артиллеріей.

Немедленно по объявленіи Черногоріей войны, графъ Андраши объявилъ что Австро-Венгрія будетъ держаться относительно обѣихъ воюющихъ сторонъ строгаго нейтралитета и невмѣшательства. Съ этою программой пріѣхалъ онъ въ Рейхштадтъ, этою программой открылъ онъ путь къ соглашенію: оно составляло де его долю уступокъ, дававшую ему право требовать и отъ Россіи нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу австрійской политики.

Но почему въ такомъ случаѣ, графъ Андраши не объявилъ тогда же, то-есть немедленно по объявленіи войны, Клекскій портъ закрытымъ? Даже по мнѣнію одного изъ весьма рьяныхъ защитниковъ его политики, вѣнскаго корреспондента аугсбургской *Всеобщей Газеты*, графъ Андраши оказалъ отсрочкой этого объявленія огромную услугу Туркамъ, принудивъ князя Черногорскаго отрядить къ Клеку 6.000 лучшаго войска, вмѣсто того чтобы предпринять рѣшительное наступленіе со всѣми своими силами противъ Турокъ, еще не успѣвшихъ сосредоточить свои силы... Только благодаря этому успѣлъ Мухтаръ-паша стянуть всѣ свои силы разбросанныя по мелкимъ укрѣпленіямъ. Первымъ результатомъ этой отсрочки было, слѣдовательно, отступленіе Черногорцевъ отъ Невесинья.

Итакъ, по объявленіи войны, о закрытіи Клекской гавани нѣтъ и рѣчи: это вынуждаетъ Черногорцевъ занять Клекскую гавань, и доставляетъ Туркамъ возможность сосредоточиться; едва успѣли Черногорцы занять Клекъ, Клекъ объявленъ закрытымъ, а между тѣмъ турецкій военный корабль допускается въ австрійскія воды чтобъ обстрѣливать Черногорцевъ. Полагаясь на дѣйствительное закрытіе гавани, занимавшій ее Черногорскій отрядъ удаляется; но едва успѣлъ онъ отойти, въ Клекѣ выгружается турецкое судно съ жизненными и боевыми припасами; нѣсколько дней спустя, вслѣдствіе побѣды при Вербицѣ, турецкія войска въ окрестностяхъ Клека оказываются отрѣзанными, имъ грозитъ капитуляція, и вотъ къ Клеку пристаетъ военный турецкій корабль который выручаетъ ихъ изъ бѣды...

Эти факты не требуютъ объясненій. Они вопіютъ громко. А между тѣмъ, повторяемъ, закрытіе Клекской гавани выставлялось большою уступкой со стороны Австріи въ пользу Славянъ,—уступкой, будто бы дававшею ей право требовать также и со стороны Россіи какой-нибудь уступки въ пользу Австріи...

Но, слава Богу, все это не помѣшало Черногорцамъ управиться съ Турками въ Герцеговинѣ. Еще нѣсколько дней и,—дастъ Богъ,—Герцеговина будетъ быть-можетъ совсѣмъ очищена отъ орды, самъ Мухтаръ (если не поможетъ Австрія) будетъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Османомъ отдыхать въ Цетиньѣ, гдѣ голова его конечно не подвергнется той же участи которой онъ подвергъ, минувшею зимой, голову *единственнаго* попавшагося ему въ руки тѣла герцеговинскаго главаря, приказавъ ее отрубить, посолить и отправить на показъ сначала въ Мостаръ, а затѣмъ въ Константинополь...

Съ такою же несправедливостью относится Австро-Венгрія и къ несчастной Сербіи, противъ которой сосредоточены нынѣ всѣ силы Турецкой орды... Австро-Венгрія безусловно отрѣзала Сербію отъ сообщеній съ цѣлымъ міромъ. Заказанные ею и оплаченные изъ послѣднихъ средствъ 100.000 ружей задержаны Австро-Венгріей; даже пропускъ хирургическихъ инструментовъ, лѣкарствъ съ перевязочными средствами былъ запрещаемъ Вѣнскимъ Кабинетомъ пока русская дипломатія не исхлопотала этой уступки правамъ человѣчества; Венгры перехватываютъ даже письма и телеграммы коихъ содержаніе не благопріятствуетъ Туркамъ; на австрійскихъ пароходахъ задерживаются даже безоружные Болгары и предаются на мученическую

смерть въ руки турецкихъ властей; а между тѣмъ, какъ видно изъ газетъ преданныхъ политикѣ графа Андраши, многочисленныя турецкія войска, стянутыя изъ Болгаріи къ границамъ Сербіи, садились въ Рущукѣ на пароходы австро-венгерскаго Ллойда (получающаго субсидіи отъ правительства), и высаживались въ Виддинѣ, который съ начала войны имѣлъ ничтожный гарнизонъ и гдѣ нынѣ сосредоточена армія Османа-паши, едва ли не самая многочисленная изъ всѣхъ оцѣпляющихъ Сербію турецкихъ армій...

Обезоруживать и морить голодомъ одну изъ воюющихъ сторонъ и снабжать оружіемъ и войскомъ другую,—это развѣ нейтралитетъ?

Въ странѣ кичащейся своею конституціей якобы ограждающею свободу лицъ, запрещать подписываться на Сербскій заемъ, и арестовать въ Новомъ Садѣ дерзнувшихъ подписаться на этотъ заемъ,—развѣ это нейтралитетъ? Развѣ тутъ есть справедливость?

Давать выходъ разбитымъ турецкимъ войскамъ черезъ портъ который объявленъ закрытымъ, и арестовать въ Рагузѣ герцеговинскаго вождя Луку Петковича, развѣ это дозволительно?

А между тѣмъ всѣ мадьярскія газеты то и дѣло сѣтуютъ на несправедливость вѣнской политики въ ущербъ Турціи! Зачѣмъ это гнусное глумленіе? Неужели для того чтобъ еще разъ потребовать какихъ-нибудь уступокъ отъ Россіи на основаніи лжи о безпристрастномъ нейтралитетѣ Австро-Венгріи?...

Б.

Митингъ созванный въ Лондонѣ 27 іюля Христіанскою Лигой на помощь Турецкимъ христіанамъ, отчетъ о коемъ приведенъ въ № 186 нашей газеты, свидѣтельствуетъ что въ англійской публикѣ начинаютъ наконецъ пробиваться болѣе честные взгляды которые можетъ быть отзовутся со временемъ и на политикѣ англійской. Этотъ митингъ есть *первая* помощь оказываемая Лигой турецкимъ христіанамъ, а о собранныхъ ею пожертвованіяхъ что-то не слышно. Недавно отъ этой Лиги являлась депутація къ лорду Дарби, и вотъ къ концу сессіи ей удалось собрать первый общественный митингъ въ Лондонѣ. Все это слабо, особенно въ сравненіи съ тѣми средствами какія были пущены въ ходъ чтобы ввести общественное мнѣніе въ заблужденіе. Хотя нѣкоторыя газеты теперь измѣнили тонъ и стали говорить съ нѣкоторымъ сочувствіемъ о страданіяхъ христіанъ, но за Турокъ ратуетъ гораздо болѣе многочисленная и вліятельная фаланга органовъ печати. Само Британское правительство употребило, какъ извѣстно, все свое вліяніе въ пользу Порты, и подъ разными предлогами отсрочивало обсужденіе восточныхъ дѣлъ въ Парламентѣ до послѣдней минуты когда это обсужденіе уже не можетъ оказать практическую пользу. Оппозиція же противъ потерявшей смыслъ рутины политической выражалась слабо, и на самомъ митингѣ присутствовавшіе члены Палаты Общинъ не говорили рѣчей, сберегая свои силы для преній въ Палатѣ.

Тѣмъ не менѣе начало сдѣлано. Спасибо Лигѣ хоть и на этомъ. На митингѣ были, кромѣ членовъ Парламента, многія извѣстныя и почтенныя личности, а предсѣдалъ лордъ Шафтесбери. Говорились вещи необычныя для англійскаго слуха. Самъ благородный предсѣдатель заявилъ что онъ вѣритъ до слова всѣмъ корреспонденціямъ *Daily News* которыя подтверждаются и осторожными сообщеніями *Синей Книги*. *The reverend* Дентонъ заявилъ что англійскіе консулы находятся въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ князю Сербіи, и что англійскимъ консуламъ вообще „предписывается закрывать глаза на жестокости чтобы министры могли говорить что они не имѣютъ свѣдѣній.“ Столь же презрительно отозвался объ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ извѣстный историкъ Фриманъ, сказавшій что онъ болѣе вѣритъ газетнымъ корреспондентамъ чѣмъ людямъ которые говорятъ что сообщить то или это неудобно, а если что̀ и сообщаютъ то не всю истину.

Было время когда англійское правительство кичилось своею правдивостью, по крайней мѣрѣ умѣло показывать видъ что отличается этимъ качествомъ. А теперь дошло до того что его сообщеніямъ не даютъ вѣры и въ самой Англіи.

Польза отъ митинга будетъ только тогда если онъ не останется одиночнымъ фактомъ, если за нимъ послѣдуютъ безъ долгихъ промежутковъ многіе другіе, какъ на это была выражена надежда многими изъ бывшихъ на митингѣ. Иначе голоса сказавшіеся на немъ будутъ скоро заглу-

шены хоромъ враждебнаго направленія. О томъ какъ сильно это направленіе можно заключать изъ недовольнаго сужденія большинства англійской печати о митингѣ. Съ большимъ цинизмомъ высказывается *Times*, печатая въ то же время письма своихъ специальныхъ корреспондентовъ сочувствующія Сербамъ. Эти письма не оказываютъ никакого вліянія на ея сужденія. Она соглашается что чувства выраженныя лордомъ Шафтесбери найдутъ отголосокъ въ сердцахъ большаго большинства британской публики, которое не можетъ смотрѣть на состояніе Оттоманской имперіи иначе какъ на скандалъ которому нельзя де долго продолжаться. Тѣмъ не менѣе затрудненія Восточнаго вопроса нельзя де уладить признаніемъ того что Турки завоевательная орда которая можетъ быть прогнана, ибо „малѣйшія и благоразумнѣйшія перемѣны возбуждаютъ зависть и „останавливаются непреодолимыми препятствіями. Напримѣръ, автономія сѣверныхъ „провинцій подъ верховною властью султана была бы вещь не дурная, но она „встрѣчаетъ рѣшительную оппозицію Венгерцевъ.“ Объ этой зависти Мадьяръ *Times* говоритъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ: „Поучительно что народъ который „оглашалъ всю Европу своими воплями по „поводу нарушенія его правъ Австрійскимъ „дворомъ, народъ коего патріоты были „предметами сочувствія и народнаго одобренія на англійскихъ митингахъ, точь-въ-точь похожихъ на вчерашній, нынѣ „заявляетъ съ величайшимъ простодушіемъ „что онъ воспротивится всякой попыткѣ „славянской общины освободиться отъ турецкаго владычества.“ И что же черезъ нѣсколько строкъ говоритъ та же *Times* о самой Англіи? „Что касается нашей „страны, то было бы лицемѣріемъ утверждать что зависть русскаго движенія „къ Константинополю не имѣетъ вліянія „на сужденіе нашихъ государственныхъ „людей и публики. Кто можетъ сомнѣваться что чувство и политика преобладавшія въ Англіи въ послѣднія сорокъ „лѣтъ были бы совсѣмъ иныя если бы „сцена борьбы между мусульманами и христіанами была въ какой-либо мѣстности „неважной для насъ и отдѣленной океаномъ отъ нашего задорнаго соперника.“ Въ *pendant* къ этому стóитъ указать что бывшій на митингѣ англійскій католикъ г. Невинзъ съ прискорбіемъ упомянулъ о недавнихъ демонстраціяхъ дружбы между Портой и Ватиканомъ.

На упомянутомъ митингѣ было высказано г. Луисомъ Фарлеемъ и потомъ еще опредѣлительнѣе историкомъ Фриманомъ въ письмѣ напечатанномъ въ *Daily News* предположеніе, которое хотя и относится къ Англійскому правительству, но основано на невѣрной посылкѣ. Гг. Фарлей и Фриманъ указываютъ что „человѣческія симпатіи нельзя удержать никакими преградами дипломатіи, и что можетъ наступить время когда Русскій народъ выступитъ на помощь сербскимъ христіанамъ.“ Поэтому, они желаютъ выяснить дозволитъ ли Британскій народъ Британскому правительству вступиться за угнетателей въ томъ случаѣ если „Русское правительство, движимое Русскимъ народомъ, выступитъ за угнетенныхъ?“ Рѣшеніе Британскаго правительства насъ не касается. Но въ понятіяхъ г. Фарлея и почтеннаго историка на отношенія нашего правительства и народа есть ошибка. Между Русскимъ правительствомъ и Русскимъ народомъ нѣтъ розни. Какъ сочувствіе къ восточнымъ христіанамъ, такъ и желаніе сохранить миръ единодушно раздѣляются тѣмъ и другимъ. Это сочувствіе къ страданіямъ, и въ то же время свое миролюбіе, наше правительство доказало своими усиліями отвратить войну и дать гарантіи христіанамъ,—усиліями которыя были разстроены Англіей. Теперь, когда началась брань, сочувствіе нашего народа неудержимо обратилось къ правому дѣлу и щедро проявляетъ себя помощью раненымъ воинамъ и безпріютнымъ жертвамъ семействъ бѣжавшихъ отъ истребленія. Россія не скрываетъ своихъ симпатій и желаній успѣха братьямъ-христіанамъ, но она не ищетъ европейской войны. Мы не скрываемъ отъ себя возможности и этой опасности. Россія можетъ быть вынуждена на войну, но если она вступитъ въ нее, то не по своей волѣ, и отвѣтственность за войну падетъ не на Русскій народъ.

Отвѣтственность будетъ на тѣхъ по чьей винѣ борьба все расширяетъ свои предѣлы. Теперь и въ Англіи сознаютъ скандалъ что поддержка Англіи разожгла фанатизмъ Турокъ и укрываютъ этотъ фактъ ревностію къ приближенію Россіи къ Константинополю, когда Россія пальцемъ не шевельнула. Зачѣмъ стоитъ грозный британскій флотъ въ Безикѣ? Г. Фриманъ

спрашиваетъ лорда Дарби: „Не должны ли мы какъ говорятъ иные, захватить Константинополь и удержать его въ интересѣ человѣчества? Любопытно бы знать что думаетъ лордъ Дарби о такой смѣлой политикѣ?“ Въ самомъ дѣлѣ любопытно.

Англія явно приняла сторону Турокъ. Это говоримъ не мы, а нѣкоторыя англійскія же газеты. Въ *Spectator* читаемъ: „Прочтя внимательно турецкіе документы „представленные Парламенту нельзя усомниться что лордъ Дарби враждебенъ уступкѣ автономіи Турецкимъ провинціямъ, „и что общая его политика та что если „Турки одолѣютъ, что онъ считаетъ достовѣрнымъ, то Турецкая имперія должна „остаться нетронутою и прямо управляемою турецкими пашами.“ А *Economist* находитъ что нравственное положеніе принятое лордомъ Дарби въ отношеніи къ возстанію и войнѣ вовсе нельзя считать нейтральнымъ. Ясно что лордъ Дарби, хотя онъ „не грозилъ и не имѣлъ въ виду войны, сдѣлалъ все что въ его власти помощью нравственнаго вліянія чтобы помочь Турціи и подавить возстаніе возникшее вслѣдствіе ея отвратительнаго управленія.“

В.

Полученныя сегодня депеши повидимому неблагопріятны для Сербовъ. Полковникъ Хорватовичъ, командиръ бригады боровшейся пять дней съ двумя напиравшими на нее турецкими курпусами, отступилъ на Банью; Княжевацъ занятъ Турками и по обычаю ихъ, какъ гласитъ ихъ же офиціальное извѣстіе, превращенъ въ груды пепла.

Княжевацъ расположенъ на берегу рѣки Тимока и представляетъ собою пунктъ пересѣченія двухъ путей: одинъ идетъ на Банью къ Алексинцу, другой внизъ по Тимоку, на Зайчаръ до котораго отъ Княжевца только 40 верстъ.

Хорватовичъ избралъ для отступленія первый изъ этихъ путей, ведущій къ Алексинцу и такимъ образомъ дорога на Зайчаръ, то-есть на правый флангъ позиціи Лешанина открыта. „Положеніе при Зайчарѣ становится опаснымъ;“ тамъ „ждутъ нападенія съ тыла,“ сообщаетъ телеграма полученная изъ Землина, съ оговоркой что „офиціальныхъ извѣстій еще нѣтъ.“

Сужденія корреспондента, телеграфировавшаго изъ Землина, основываются на соображеніи плана турецкаго главнокомандующаго Абдулъ-Керима, который, по словамъ австрійскихъ газетъ, отказался отъ наступленія со стороны Ниша на Алексинацъ за тѣмъ именно чтобы, войдя чрезъ Княжевацъ въ связь съ Османъ-пашей и, отбросивъ совокупными силами Лешанина отъ Зайчара, двинуться въ долину Моравы съ востока и притомъ сѣвернѣе Делиграда и Алексинца, штурма которыхъ старается избѣжать турецкій командиръ. Планъ этотъ, кажущійся туркофильскимъ органамъ весьма легкимъ, на самомъ дѣлѣ представляетъ большія трудности и опасность при исполненіи, какъ всякій планъ основанный на обходѣ сильно укрѣпленнаго лагеря. Выйти въ долину Моравы по пути съ востока верстахъ въ 30 или 50 къ сѣверу отъ Делиграда значитъ подставлять противнику свой флангъ и даже тылъ. Турки уже фактически испытали, и притомъ лишь недавно, что кто обходитъ, тотъ самъ обойденъ.“

Гдѣ въ настоящее время находятся силы Южно-Моравской арміи, какой планъ противодѣйствія Туркамъ составленъ Сербами объ этомъ ничего неизвѣстно, но достойно вниманія то обстоятельство что бой у Княжеваца все время вела *одна* бригада Хорватовича, то-есть лишь нѣсколько баталіоновъ.

Не менѣе заслуживаетъ вниманія и выборъ пути отступленія Хорватовича не на Зайчаръ для прикрытія угрожаемыхъ будто бы фланга и тыла Лешанина, а на Банью.

Планъ турецкаго генерала основанъ на предварительномъ занятіи долины Тимока, и съ его точки зрѣнія обладаніе Княжевцомъ имѣетъ большую важность. Возложивъ оборону столь важнаго для противника пункта на слабыя силы Хорватовича и заранѣе указавъ послѣднему путь отступленія на Банью, Сербскій штабъ дѣйствовалъ конечно не безъ цѣли, ибо невозможно же думать что стратегическое значеніе Княжевца для Турокъ не было оцѣнено Сербами.

Весь пятидневный упорный бой у Княжевца носитъ типичный характеръ боя для выигрыша нѣсколькихъ дней времени „во что бы то ни стало.“

Не достигнута ли уже теперь та цѣль ради коей главнокомандующій Сербскою Восточною арміей распорядился держать Княжевацъ и затѣмъ отступать на Алек-

синацъ, открывая Туркамъ широкую дорогу къ Зайчару у котораго теперь уже идетъ бой?..

№ 191.

Москва, 28-го іюля.

А.

Вчерашняя телеграмма изъ *Journal des Débats* извѣщала что, „по слухамъ, державы готовы вступиться и предложить перемиріе.“ Дѣйствительно, слухи о предстоящемъ вмѣшательствѣ державъ носятся уже давно въ европейской печати, особенно въ австро-венгерской и германской; но между воззрѣніями на этотъ предметъ австрійской, венгерской и германской печати есть большая разница, если не совершенное противорѣчіе. Съ точки зрѣнія мадьярской печати, вмѣшательство требуется единственно для скорѣйшаго возстановленія status quo ante bellum, то-есть полнаго господства Турціи надъ воюющими съ ними Славянами. Мадьяры признаются что они находятъ въ увѣковѣченіи этого позорнаго для всей Европы ига условіе существованія своей національности. Въ этомъ духѣ высказываются всѣ вліятельные венгерскіе органы издаваемые на мадьярскомъ языкѣ,—въ особенности же *Pesti Naplo* и *Ellenör*,—прямо обвиняя графа Андраши въ измѣнѣ своей національности и упрекая его за его мнимыя уступки требованіямъ Россіи касательно улучшенія быта турецкихъ христіанъ, и за соблюденіе безпристрастнаго нейтралитета, къ чему въ особенности подало поводъ „закрытіе Клекской гавани.“ Увы, обвиненіе это неосновательно; графъ Андраши остался истымъ мадьярскимъ патріотомъ. Пресловутое закрытіе Клека въ сущности было мѣрой направленною противъ Славянъ, нисколько не лишая Турокъ возможности снабжать черезъ Клекъ свои войска жизненными и боевыми припасами и даже спасать ихъ отъ необходимости капитулировать. Въ томъ же смыслѣ, но въ болѣе сдержанныхъ выраженіяхъ, высказываются мадьярскія газеты издающіяся на нѣмецкомъ языкѣ. Мадьярскіе политики понимаютъ что на нѣмецкомъ языкѣ азіятская жестокость ихъ задора могла вызвать въ Европѣ только отвращеніе и негодованіе. Впрочемъ, туркофильскій задоръ Мадьяровъ высказывается не въ газетахъ только: если и считать нѣсколько преувеличеннымъ свѣдѣніе будто въ рядахъ турецкой арміи сражаются венгерскія войска въ турецкихъ мундирахъ, то венгерскія газеты сами объявляютъ что въ Константинополѣ уже сформированъ цѣлый мадьярскій легіонъ, и принятъ въ турецкую службу извѣстный генералъ Клапка, ветеранъ 1849 года.

Въ иномъ духѣ высказываются о вмѣшательствѣ органы „австрійскаго патріотизма,“ и даже тѣ изъ нихъ которые, какъ напримѣръ *Fremdenblatt* и *Politische Correspondenz*, находятся въ близкихъ отношеніяхъ къ Вѣнскому правительству. По мнѣнію этихъ органовъ, вмѣшательство необходимо чтобы занять Боснію и присоединить ее къ Австріи. Этого требуетъ де безопасность Далматіи, состоящей изъ узкой полосы земли по Адріатическому побережью: эта полоса не можетъ де существовать и защищаться безъ присоединенія къ ней лежащей позади ея территоріи. Мысль объ этомъ захватѣ не новость въ Австріи: она высказывалась еще при графѣ Буолѣ; и всѣ усилія австрійской дипломатіи были направлены тогда къ тому чтобы сѣть турецкихъ желѣзныхъ дорогъ перерѣзала Боснію и уперлась въ Далматинское побережье Адріатическаго моря. Теперь офиціозная газета *Fremdenblatt* ставитъ прямо вопросъ о присоединеніи Босніи къ Австріи, чѣмъ и объясняется та тщательность, съ которою другой вѣнскій офиціозный органъ, *Politische Correspondenz*, считаетъ нужнымъ разглашать на весь міръ, по ироническому замѣчанію вѣнскаго корреспондента аугсбургской *Всеобщей Газеты*, „о всякомъ отдѣльномъ боснійскомъ католикѣ, изъявляющемъ желаніе присоединиться къ Австріи.“ Если вспомнить что въ продолженіи своего путешествія по Далматіи, въ апрѣлѣ 1875 года, императоръ Францъ-Іосифъ не разъ удостоивалъ офиціальной аудіенціи обращавшихся къ нему съ жалобой „депутатовъ“ боснійскихъ и герцеговинскихъ католиковъ, и что первыя вспышки въ Герцеговинѣ случились тотчасъ послѣ этого путешествія, и именно между боснійскими католиками по границѣ Далматіи, при крикахъ: „да здравствуетъ императоръ Францъ-Іосифъ,“ то стремленія Австріи присоединить Боснію должны получить немаловажное значеніе въ исторіи кровавыхъ собы-

тій, уже болѣе года происходящихъ на глазахъ недоумѣвающей Европы...

Такова существенная разница между воззрѣніями обѣихъ половинъ Австро-Венгерской имперіи на вопросъ о вмѣшательствѣ въ Турецко-Славянскую войну. Мадьяры не скрываютъ своей увѣренности что Турки восторжествуютъ надъ Славянами, и дѣлаютъ все возможное чтобъ ускорить и облегчить этотъ вожделѣнный результатъ; на всякій же случай,—то-есть, на случай побѣды Славянъ,—они считаютъ необходимымъ приготовить свою армію. Держать наготовѣ армію, этого хотятъ и Мадьяры и Австрійцы, хотя въ различныхъ видахъ. „Съ каждымъ днемъ возникаютъ новые слухи,“ пишетъ одинъ вѣнскій корреспондентъ, „что Австрія готовится на всякій случай;“ „для Австріи, повидимому,“ пишетъ изъ Вѣны другой корреспондентъ, „вскорѣ можетъ пробить часъ когда ей придется отказаться отъ признаннаго ею принципа невмѣшательства;“ „по всему видно,“ такъ вторятъ этимъ корреспондентамъ изъ Пешта, „что дѣлаются приготовленія къ военному вмѣшательству, но цѣлью его будетъ возстановленіе status quo на Балканѣ.“ А между тѣмъ въ газетахъ то и дѣло появляются,—постоянно „изъ самыхъ благонадежныхъ источниковъ,“—извѣстія слѣдующаго рода: „предполагаемые большіе маневры отказаны единственно потому что арміи предстоитъ доказать на *другомъ полѣ* свою боевую готовность;“ или: „подрядчикамъ по продовольствію войскъ предписано сдать все слѣдующее съ нихъ количество припасовъ непремѣнно къ концу августа;“ или: „къ 15 августа предписано государственной желѣзной дорогѣ имѣть въ готовности 400 санитарныхъ вагоновъ, и такое же приказаніе отдано всѣмъ венгерскимъ дорогамъ въ направленіи къ театру войны...“ „Послѣднее изъ этихъ извѣстій,“ присовокупляетъ аугсбургская *Всеобщая Газета*, „конечно далеко не миролюбиваго свойства, и публика съ удивленіемъ задаетъ себѣ вопросъ: чѣмъ же могло быть вызвано такое воинственное настроеніе немедленно послѣ свиданій въ Рейхштадтѣ и Зальцбруннѣ?“ Во всякомъ случаѣ, какая бы ни была цѣль военныхъ приготовленій Австро-Венгріи, въ дѣйствительности ихъ едва ли можно сомнѣваться. Въ этомъ отношеніи установилось единомысліе между графомъ Андраши и эрцгерцогомъ Альбрехтомъ; никто де изъ нихъ не желаетъ войны, но оба считаютъ долгомъ готовиться къ ней. „Вотъ причина,“ присовокупляетъ доказывающая эти факты одна вѣнская корреспонденція, отъ 4 августа, „почему маститый маршалъ эрцгерцогъ уже нѣсколько недѣль сряду занятъ и днемъ и ночью инспектированіемъ арміи по всѣмъ окраинамъ имперіи, чтобы лично освѣдомиться обо всемъ и изучить всѣ потребности арміи, которая, въ случаѣ войны, будетъ ввѣрена его испытанной геройской рукѣ...“

Совсѣмъ иначе смотрятъ въ Берлинѣ и въ большей части Германіи на необходимость вмѣшательства Европы въ Славяно-Турецкую войну. „Во взглядахъ на разрѣшеніе Восточнаго вопроса,“ сообщаютъ изъ Вѣны во *Всеобщую Газету*, „вслѣдствіе свиданія между императорами Австрійскимъ и Германскимъ совершилась перемѣна, конечно не въ пользу Турціи.“ Между тѣмъ, въ Берлинѣ, печать не перестаетъ требовать вмѣшательства великихъ державъ чтобы положить предѣлъ войнѣ которую Турки ведутъ для „истребленія цѣлой національности.“ По слухамъ, къ этому воззрѣнію присоединилась и Италія, будто бы взявшая на себя обратиться съ настояніями въ этомъ смыслѣ къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ. Въ Берлинѣ, для вспоможенія борющимся съ ордой христіанамъ, образовался дамскій комитетъ; по примѣру Россіи, изъ Берлина высылаются въ Сербію медики и врачебныя пособія. По свѣдѣніямъ полученныхъ сегодня газетъ, „съ нѣкоторыхъ поръ въ берлинскихъ политическихъ сферахъ идетъ рѣчь о проектѣ вмѣшательства... Со стороны Франціи возобновлено предложеніе созвать конференцію, но предложеніе это встрѣтило въ Англіи рѣшительное возраженіе. Да и прочія державы, не исключая и Россіи, отнеслись очень холодно къ проекту конференціи. Напротивъ, между державами уже установилось соглашеніе касательно вмѣшательства когда наступитъ благопріятный для того моментъ. Спрашивается, когда же наступитъ этотъ благопріятный моментъ...“ Событія съ каждымъ днемъ принимаютъ на Востокѣ все болѣе опасный для Славянъ оборотъ, и если Германія не хочетъ быть свидѣтельницей повторенія въ Сербіи ужасовъ происходившихъ въ Болгаріи, то не пора ли уже нынѣ благороднымъ сочувствіямъ высказывающимся въ Берлинѣ перейти въ дѣло? Въ доказанной

дружбѣ Россіи Германія сомнѣваться не можетъ. Россія не имѣетъ съ Германіей никакихъ спорныхъ вопросовъ и могла бы сойтись съ нею по главнымъ вопросамъ европейской политики...

Б.

Извѣстія о событіяхъ на театрѣ войны полученныя вчера и сегодня весьма неблагопріятны для Сербовъ. Съ оставленіемъ Княжевца и затѣмъ Зайчара Сербами, Турки окончательно утвердились на линіи Тимока, и такимъ образомъ первая часть плана турецкаго главнокомандующаго уже исполнена. Однако не безъ контръманевра со стороны Сербовъ. Офиціальная бѣлградская депеша прямо заявляетъ о перемѣнѣ операціонной линіи Сербовъ; изъ Землина досказываютъ о перемѣнѣ Сербами фронта къ югу, на что указывали косвеннымъ образомъ извѣстія полученныя уже за нѣсколько дней предъ симъ.

Замѣчательно что о мѣстѣ нахожденія главныхъ силъ Моравской арміи и о движеніяхъ ихъ по прежнему нѣтъ офиціальныхъ извѣстій. Молчатъ и наши корреспонденты, своевременно получающіе достовѣрныя свѣдѣнія.

Изъ послѣднихъ извѣстій можно впрочемъ видѣть что въ то время какъ Сербы уступаютъ Туркамъ Княжевацъ и Зайчаръ, ихъ войска продолжаютъ подвигаться впередъ и все болѣе утверждаться въ сторонѣ Ниша, такъ что теперь правый флангъ ихъ опирается на Мраморъ и близь лежащія деревни, а лѣвый стоитъ у Крупца (Крупацъ) на сѣверъ отъ Ниша, на турецкой территоріи, близь узла дорогъ идущихъ съ южной границы Сербіи на перерѣзъ пути изъ Княжевца въ Баню, къ этому городу и къ самому Княжевцу.

№ 192.

Москва, 29-го іюля.

Вопросъ о вмѣшательствѣ великихъ державъ съ цѣлью прекращенія кровопролитія на Балканѣ занимаетъ нынѣ печать большей части Европы. По свѣдѣніямъ *Deutsche Nachrichten*, „не можетъ быть сомнѣнія въ томъ что въ настоящее время князь Бисмаркъ занятъ изготовленіемъ программы имѣющей цѣлью прекращеніе войны на Балканѣ. Но дѣло это нынѣ сопряжено съ большими затрудненіями. Порта объявила что она выслушаетъ предложеніе державъ, но что она не намѣрена допустить чтобы переговоры имѣли немедленное дѣйствіе на ходъ военныхъ дѣйствій. Къ тому же изготовляемыя предложенія должны сообразжаться съ результатами достигнутыми обѣими воюющими сторонами. Неизвѣстно еще съ какой стороны получилъ Германскій кабинетъ побужденіе къ этой дипломатической работѣ.“ По свѣдѣніямъ *Memorial Diplomatique*, Россія и Австрія, въ согласіи съ Англіей, просили будто бы Германскій кабинетъ предложить проектъ посредничества. Въ томъ же смыслѣ, но еще болѣе категорически, высказывается и извѣстная по своему офиціозному характеру вѣнская корреспонденція *Karslruher Zeitung*, въ которой сообщается слухъ будто готовится вмѣшательство трехъ державъ, и что послѣднія не будутъ выжидать исхода рѣшительной битвы. Три союзныя державы пригласятъ де къ содѣйствію и Англію, но въ случаѣ уклоненія послѣдней это не остановитъ де предположеннаго дѣйствія. Однако въ противность этому „офиціозному извѣстію,“ выходящая въ Лондонѣ газета *Eastern Budget*, основанная съ цѣлью поддержанія на Лондонскомъ рынкѣ австрійскихъ финансовъ и получающая внушенія изъ тамошняго австрійскаго посольства, сообщаетъ что между Россіей и Англіей идутъ переговоры о томъ чтобы добиться перемирія между воюющими сторонами, но что Австрія считаетъ настоящій моментъ для вмѣшательства еще не благопріятнымъ; Франція же склоняется де охотно къ идеѣ о конгрессѣ.

Но въ то время когда писались приведенныя выдержки военныя дѣйствія вовсе не принимали еще того „рѣшительнаго оборота,“ который, какъ извѣстно, былъ признанъ въ Рейхштадтѣ необходимымъ условіемъ будущаго общаго соглашенія между державами съ цѣлью умиротворенія Востока. Дѣло еще недостаточно созрѣло, что, повидимому и было главнымъ источникомъ тѣхъ „большихъ затрудненій“ съ которыми оно, по мнѣнію *Deutsche Nachrichten*, оказалось сопряженнымъ.

Въ настоящее время это кровавое дѣло подвигается съ ужасною быстротой. Быть-можетъ не сегодня, такъ завтра придется признать его достаточно созрѣвшимъ

для начатія переговоровъ, особенно если въ самомъ дѣлѣ справедливо что со стороны Порты уже заявлена рѣшимость не допустить „чтобы переговоры имѣли *немедленное* дѣйствіе на ходъ военныхъ дѣйствій,“ другими словами—не обращать вниманія на представленія державъ, и вопреки имъ, продолжать войну пока Портѣ самой будетъ угодно прекратить ее, то-есть, вѣроятно, пока не осуществится заявленное офиціозною турецкою *Correspondance Orientale* вожделѣніе стамбульскихъ волонтеровъ „превратить Сербію въ пустыню.“

„Объ участи предстоящей Сербіи,“ пишетъ, отъ 5 августа, вѣнскій корреспондентъ аугсбургской *Всеобщей Газеты*, „еще ничего нельзя сказать, ибо хотя проектъ посредничества и устраненъ уже, но по всему видно что Россія сдѣлаетъ еще попытку, хотя бы въ послѣдній часъ, оказать помощь Сербіи.“

Между тѣмъ *Figaro*, отъ 6 августа, утверждаетъ будто бы идея о посредничествѣ въ видахъ положить конецъ борьбѣ обагряющей кровью Балканскій полуостровъ сдѣлала значительные успѣхи въ послѣдніе дни, и будто бы на этотъ разъ иниціативу приняла на себя Англія. „Лордъ Лайонсъ,“ говоритъ *Figaro*, „имѣлъ вчера свиданіе съ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и мы имѣемъ основаніе предполагать что между министромъ и посломъ рѣчь шла о положеніи основаній соглашенія которое могло бы быть безъ затрудненія принято всѣми державами.“

Что выйдетъ изъ этого хаоса разнорѣчивыхъ и противорѣчивыхъ свѣдѣній? Неужели то что осуществится сладкая мечта турецкаго либерализма:—обращеніе Сербіи въ пустыню?...

А что же военныя дѣйствія?

Полученныя сегодня извѣстія о движеніи Турокъ на Неготинъ и Кладово вполнѣ раскрываютъ намѣренія турецкаго главнокомандующаго.

Абдулъ-Керимъ базисомъ своихъ дѣйствій избралъ линію Нишъ-Виддинъ. Такъ какъ расположеніе Сербовъ у Бабиной Главы, затѣмъ у Громады и Пандиралло, и наконецъ у Княжевца, нарушало непрерывность этой линіи, то первою задачей Турокъ было оттѣснить Сербовъ отъ названныхъ пунктовъ.

По исполненіи этого маневра Туркамъ открылась возможность обрушиться всѣми силами на Зайчаръ и раздавить войска Лешанина. Во избѣжаніе этого Сербы оставили Зайчаръ, слѣдствіемъ чего было занятіе Неготина и появленіе Турокъ у Кладова на Дунаѣ.

Съ линіи Нишъ-Княжевацъ-Виддинъ идутъ четыре пути въ долину Моравы. Южный путь проходитъ отъ Княжевца чрезъ Банью на Алексинацъ и Делиградъ, слѣдующій за нимъ отъ Зайчара на Балевацъ и Кривой Виръ къ Парачину и Чупріи; третій путь также отъ Зайчара, ведетъ чрезъ Жагубицу, монастырь Манасія къ Свилайнцу на Моравѣ наконецъ четвертый отъ Зайчара или Неготина на Рудную Главу, Майданпекскіе рудники, Крушевицу,—къ Пожаревцу и Смедереву.

Каждый изъ этихъ путей имѣетъ свои выгоды и недостатки, однако болѣе безопаснымъ для Турокъ и самимъ краткимъ представляется послѣдній, вполнѣ обезпеченный съ праваго флага Дунаемъ, а съ лѣваго—занятіемъ хотя бы и незначительными силами остальныхъ путей, на протяженіи коихъ есть хорошія оборонительныя позиціи.

Сѣверный путь представляетъ естественную операціонную линію Турокъ. Такая линія должна удовлетворять тремъ главнымъ требованіямъ: быть наиболѣе безопасною, кратчайшею и вести къ достиженію важной цѣли. Турецкому главнокомандующему, какъ извѣстно, представлялось на выборъ одно изъ двухъ: или разбить сербскую армію у Алексинца и Делиграда, или же обойти ее, избравъ предметомъ дѣйствій столицу страны, Бѣлградъ. Абдулъ-Керимъ съ самаго начала отказался отъ предпріятій противъ Алексинца и Делиграда, и такимъ рѣшеніемъ ясно высказалъ свое намѣреніе избрать „объектомъ дѣйствій“ Бѣлградъ, а слѣдовательно и сѣверный путь какъ кратчайшее и удобнѣйшее направленіе отъ Виддина къ Бѣлграду.

Вотъ планъ парализовать который призвана въ настоящую минуту сербская армія. Повидимому Сербы принимаютъ рѣшительныя мѣры для противодѣйствія новому плану турецкой арміи. Вводится единство командованія войсками праваго берега Моравы, для чего Моравская и Тимокская армія подчинены генералу Черняеву; устраняется неудобство прежняго размѣщенія войскъ, обусловливавшаго раздробленіе силъ и лишившаго сербскаго главнокомандующаго возможности на рѣ-

шительномъ пунктѣ быть сильнѣе противника, наконецъ какъ результатъ всего этого, мѣняется операціонная линія и вмѣстѣ съ нею и цѣль дѣйствій.

№ 193.

Москва, 30-го іюля.

Пренія происходившія въ обѣихъ палатахъ Британскаго Парламента не имѣютъ существеннаго значенія, какъ можно было заключать уже по телеграфному сообщенію. Это было обѣщанное бенефисное представленіе предъ закрытіемъ театра, разочаровавшее однако публику которая ожидала удовлетворить свое возбужденное любопытство. Были произнесены довольно интересныя рѣчи; были ораторы которые выразили сочувствіе христіанамъ Турціи и немножко погремѣли о неисправимости Порты; были и такіе что произнесли ей панегирики, болѣе приличные турецкимъ министрамъ чѣмъ англійскимъ джетльменамъ (замѣчаніе это на сей разъ не наше, а одного изъ ораторовъ о рѣчи своего товарища). Слѣдовательно, соблюдено приличіе, умыты руки, — и дано новое поощреніе Портѣ.

Бо́льшая часть преній касалась прошедшаго; но такъ какъ не было постановлено ни одобренія, ни порицанія дѣйствій правительства, то они остались неразъясненными. Оппозиція, какъ видно, и не желала вынуждать къ тому правительство. Ея критика касалась не сущности, а подробностей. Такъ, лордъ Гранвиль, маркизъ Гартингтонъ, г. Гладстонъ, осуждали правительство не за то что оно не согласилось присоединиться къ Берлинскому меморандуму, а за то что оно отвергло его *en bloc*, вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ, хотя и не принимая онаго, для дальнѣйшихъ переговоровъ. Ничего не узнаемъ мы и о настоящихъ дѣйствіяхъ Англіи. Попрежнему не извѣстно зачѣмъ англійская армада стоитъ у входа въ Дарданеллы. Одинъ министръ говоритъ что это понадобилось для огражденія британскихъ подданныхъ; другой прибавляетъ что Англія обязана заботиться о свободѣ (!) Средиземнаго Моря, и что тамошняя эскадра есть эмблема могущества Англіи, и что Босфоръ всегда былъ сценой неожиданныхъ и быстрыхъ событій. Свобода Средиземнаго Моря, это на англійскомъ языкѣ значитъ порабощеніе Средиземнаго Моря англійскому флагу. Такъ точно на языкѣ англійской политики—заботиться о религіозной и гражданской свободѣ all over the world, это значитъ держать христіанскіе народы въ рабствѣ у Турокъ. Послушайте еще, съ какимъ благочестивымъ негодованіемъ говорятъ эти джентльмены о невольничествѣ и съ какою ревностію преслѣдуютъ торгъ неграми, и посмотрите въ то же время съ какимъ благодушіемъ и какъ поощрительно относятся эти политики, выставляющіе себя яко цвѣтъ человѣчества, къ продажѣ христіанскихъ женщинъ и дѣтей для удовлетворенія скотскихъ страстей, и вы поймете наглядно что фарисейскія заботы о прекращеніи невольничества служатъ только прикрытіемъ совсѣмъ другихъ цѣлей...

Изъ преній выяснилось одно: какъ одобрявшіе, такъ и осуждавшіе правительство были недовольны тѣмъ что оно съ самаго начала допустило три сѣверныя державы взять въ свои руки иниціативу переговоровъ касательно турецкихъ затрудненій. Ораторы оппозиціи старались побудить министерство чтобъ оно постаралось возстановить европейское согласіе для прекращенія междуусобной войны въ Турціи. Спасибо и на этомъ; но министры отозвались на это уклончиво. Г. Дизраэли находитъ вступательство въ настоящую минуту неудобнымъ, обѣщая что когда представится случай, правительство Англіи готово будетъ принять на себя долю отвѣтственности въ умиротвореніи. Лордъ Дарби болѣе опредѣлительно прибавилъ что можетъ-быть вскорѣ наступитъ минута когда возмущенныя провинціи умѣрятъ свои требованія, и тогда правительство ея величества сочтетъ де себя въ правѣ посовѣтовать Портѣ согласиться на нихъ.

Газета *Times* поддерживаетъ предложеніе ораторовъ оппозиціи о европейскомъ соглашеніи. А въ австрійскихъ и французскихъ газетахъ уже нѣсколько времени пускаются слухи о переговорахъ имѣющихъ цѣлью устроить конференцію; одна французская газета поторопилась даже возвѣщеніемъ что вскорѣ соберется въ Брюсселѣ конгрессъ по Восточнымъ дѣламъ.

Какая иронія! Дѣло возвращается къ той самой фазѣ на которой была прервана согласительная попытка трехъ сѣверныхъ державъ, а между тѣмъ сколько кро-

ви было пролито въ этотъ промежутокъ времени! Нейтралитетъ Европы образующей кольцо вокругъ воюющихъ дозволяетъ противникамъ драться неизвѣстно какъ долго, предоставляя однако рѣшеніе дѣла не жребію битвъ, а своему изволенію. Еслибы Турки, Боже сохрани, одержали верхъ, то предполагается что державы все-таки вступятся и предоставятъ себѣ окончательное рѣшеніе участи побѣжденныхъ. Положимъ что Богъ помогъ бы Сербамъ: побѣда не повела бы ни къ чему, и побѣдителямъ не дано было бы воспользоваться плодами своихъ жертвъ. Для чего же допускается этотъ безпощадный и безсмысленный бой?

Конференція! Но что̀ въ ней толку? Вспомнимъ неудачныя вѣнскія конференціи въ Крымскую войну, и лондонскія — въ Датско-Германскую. Даже такая скромная конференція какъ Брюссельская о законахъ и обычаяхъ войны осталась безъ результата, потому что не было заранѣе согласія въ основаніяхъ. Конференціи могутъ вести и къ обманчивымъ результатамъ, какъ это было при возстаніи на Критѣ: состоялся компромиссъ самый безполезный потому что Турки не исполняютъ его.

Times полагаетъ что возобновить переговоры не трудно: если Англія отвергла Берлинскій меморандумъ, то она только де вернулась къ тому самому положенію какое было при началѣ Герцеговинскаго возстанія. Остается де нота графа Андраши, которая была поддержана всѣми державами и принята Портой, и въ ней слѣдовательно Англійское правительство имѣетъ основаніе для переговоровъ и уже готовый аппаратъ для умиротворенія. Итакъ, опять нота графа Андраши! Но теперь и Берлинскій меморандумъ, еслибы захотѣли воскресить его, былъ бы анахронизмомъ. Когда баши-бузуки повсюду рыщутъ и неистовствуютъ во имя священной войны противъ невѣрныхъ, поздно выпрашивать у Порты новыя обѣщанія и устанавливать фальшивыя гарантіи подъ надзоромъ консуловъ.

А наконецъ предъ Европой стоитъ теперь вопросъ котораго не было въ то время какъ три сѣверныя державы совѣщались между собой объ умиротвореніи Герцеговины и Босніи. Возможно ли оставить безъ должнаго рѣшенія Болгарскій вопросъ? Болгарія страшною цѣной купила право на вниманіе Европы. Эти несчастныя раздавленныя населенія должны же наконецъ быть возвращены самимъ себѣ, должны же наконецъ быть обезпечены въ своихъ человѣческихъ правахъ, и, прежде всего, избавлены отъ внѣдренныхъ между ними разнузданныхъ и вооруженныхъ варваровъ. Ничьи интересы не могутъ оправдать то состояніе безправія, на которое такъ долго были обречены христіанскіе народы подъ гнетомъ государства представляющаго чудовищную аномалію въ современной Европѣ. Давно неслыханные ужасы которыми на виду у всѣхъ были постигнуты болгарскія населенія не могутъ, нѣтъ, не могутъ остаться безъ послѣдствій! Неужели недостаточно претерпѣнныхъ Болгарами бѣдствій для искупленія имъ лучшей участи? Или г. Дизраэли все еще будетъ настаивать что факты преувеличены? Англійскій посолъ въ Константинополѣ, для собранія свѣдѣній которыхъ требовалъ Парламентъ, отправилъ на мѣсто событій человѣка, котораго даже члены англійскаго парламента обличаютъ въ излишнемъ пристрастіи къ Туркамъ, — человѣка склоннаго преувеличить факты въ смыслѣ благопріятномъ для Турокъ, но не какъ не для Болгаръ, — и вотъ г. Берингъ тѣмъ не менѣе вынужденнымъ нашелся подтвердить разказы о злодѣйствахъ Турокъ и засвидѣтельствовать объ истребленіи 60 селеній и объ избіеніи 12.000 христіанъ! Эта цифра далека отъ дѣйствительнаго числа жертвъ, но неужели она недостаточна чтобъ удовлетворить англійскаго премьера? Неужели столько крови пролитой среди безоружнаго населенія, столько гнусныхъ утонченностей которыми сопровождалось избіеніе людей, столько жертвъ подвергшихся участи худшей чѣмъ самая смерть: неужели все это, въ глазахъ христіанской Европы недостаточный выкупъ за право человѣческаго существованія?

№ 194.

Москва, 31-го іюля.

А.

„Что такое Турція безъ султана?“ вотъ вопросъ коимъ по неволѣ задается европейская журналистика въ виду разнообразныхъ слуховъ изъ Константинополя о

теперешнемъ повелителѣ правовѣрныхъ,— слуховъ которые всѣ сводятся къ тому что Мурадъ V фактически перesталъ царствовать. Наименѣе туркофильскіе изъ органовъ печати справедливо замѣчаютъ что вопросъ этотъ имѣетъ теперь большое практическое значеніе. Турецкая имперія не можетъ быть приравнена къ какому-либо изъ прочихъ государствъ Европы. Европейское государство вездѣ (кромѣ Австріи) имѣетъ одну коренную народность. Но турецкое племя, эти вымирающіе Индѣйцы европейскаго материка, которые, какъ замѣчаетъ *National-Zeitung*, равно не сумѣли сродниться съ европейскою культурой какъ и воспротивиться ея вліянію, имѣетъ лишь одного выразителя своего политическаго существованія—султана. „Коль скоро нѣтъ султана," замѣчаетъ та же газета, „исчезаетъ и Турція „какъ политическій индивидуумъ, ибо для „новаго деспота, который могъ бы захва-„тить власть въ свои руки, не будетъ ни-„какого легальнаго основанія подданства „которое связывало бы разноплеменныя „части этой страны." Въ Турціи нѣтъ да и не можетъ быть идеи непрерывности верховной власти. Культурная комедія, разыгрываемая турецкимъ визиремъ чрезъ посредство султана не въ здравомъ состояніи обрѣтающагося, есть де нѣчто совершенно новое, не предусмотрѣнное въ международномъ правѣ, и во всякомъ случаѣ такой порядокъ не имѣетъ ни юридическаго, ни нравственнаго основанія. Названная газета сожалѣетъ что европейскія державы вовсе не предусмотрѣли этой случайности въ то время когда принимали Турцію въ число членовъ европейскаго международнаго союза. А между тѣмъ такой случай именно теперь наступилъ.

Вотъ что̀ сообщаетъ по поводу турецкой династіи спеціальный константинопольскій корреспондентъ аугсбургской *Всеобщей Газеты:* Султанъ Абдулъ-Азизъ получилъ нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о готовившейся демонстраціи софтъ, которая произошла 11-го мая; первымъ дѣломъ его было отдать приказъ объ арестѣ Мурада и его брата Абдулъ-Гамида. Ихъ подвергли самому строгому одиночному заключенію, которое продолжалось двадцать пять дней. Все это время Мурадъ, хорошо знакомый съ преданіями сераля, ждалъ ежеминутно насильственной смерти и ни разу не засыпалъ. Онъ старался заглушить въ себѣ страхъ спиртными напитками; въ нихъ ему не отказывали, да къ нимъ онъ еще и прежде привыкъ. Изъ этого заключенія Мурадъ вышелъ чтобы возсѣсть на султанскій престолъ; нѣсколько дней спустя случилось „самоубійство" Абдулъ-Азиса, а вскорѣ послѣ того убійство министровъ. Всѣ эти потрясающія катастрофы, быстро слѣдовавшія одна за другою, окончательно разстроили умственное здоровье новаго султана. Онъ сталъ страдать галлюцинаціями, и постоянно воображаетъ себѣ окруженнымъ убійцами. По словамъ корреспондента, здоровье Мурада однако поправилось, и можно де надѣяться что черезъ мѣсяцъ онъ окончательно выздоровѣетъ. Но это послѣднее сообщеніе опровергается сообщеніями туркофильскихъ газетъ какъ *Пештскій Ллойдъ* и *Neue Freie Presse*, которыя удостовѣряютъ что Мурадъ не свергнутъ до сихъ поръ съ престола, какъ того потребовали было нѣкоторые изъ министровъ, только потому что, по удостовѣренію великаго визиря и Мидхата-паши, которые одни имѣютъ доступъ къ султану, онъ не проживетъ и одного мѣсяца.

Но цитованный выше корреспондентъ *Всеобщей Газеты* сообщаетъ далѣе такія свѣдѣнія о возможныхъ преемникахъ теперешняго султана что нельзя обойти поставленный выше вопросъ. По его словамъ, Абдулъ-Гамидъ, ближайшій по возрасту братъ Мурада, также страдаетъ умственнымъ разстройствомъ и галлюцинаціями, и тоже видитъ себя окруженнымъ убійцами; слѣдующій за нимъ братъ совершенно лишенъ разсудка, а остальные больны чахоткой и долго не проживутъ. Въ такомъ же безнадежномъ состояніи здоровья находится и сынъ Абдулъ-Азиза, Юссуфъ-Иззединъ. „Словомъ," заключаетъ корреспондентъ, „вся султанская фа-„милія представляетъ собою поколѣніе вы-„родившееся вслѣдствіе неумѣренной жиз-„ни отцовъ и слабогрудыхъ матерей Чер-„кешенокъ. Оно можетъ служить симво-„ломъ подвластнаго ему государства."

Да не подумаетъ читатель что газета изъ которой мы заимствуемъ это враждебна Турецкому правительству. Совсѣмъ наоборотъ: *Всеобщая Газета*, одинъ изъ самыхъ старинныхъ и самыхъ видныхъ органовъ нѣмецкой печати, принадлежитъ къ числу новообращенныхъ туркофиловъ.

Еще недавно, во время Герцеговинскаго возстанія, эта газета отличалась безпристрастіемъ по отношенію къ турецкимъ Славянамъ; въ ней появлялись весьма полныя и оригинальныя корреспонденціи изъ Константинополя и съ мѣста возстанія, отличавшіяся сочувствіемъ къ Славянамъ, такъ какъ инаго взгляда на дѣло и быть не можетъ со стороны непосредственнаго наблюдателя пишущаго ради истины, а не по приказу и не за деньги, чему всего лучше могутъ послужить доказательствомъ спеціальныя корреспонденціи печатаемыя теперь въ англійскихъ газетахъ и сочувственныя Славянамъ. Спеціальные корреспонденты аугсбургской газеты до сихъ поръ, повидимому, остались вѣрны себѣ, что доказывается приведенною выше выпиской. Но тѣмъ разительнѣе перемѣна происшедшая въ самой редакціи названной газеты. Съ нѣкотораго времени, руководящія статьи ея, а также ея такъназываемыя „дипломатическія“ корреспонденціи, преимущественно изъ Вѣны, стали проводить тенденціи совпадающія по тону съ ярыми органами туркофильства въ Вѣнѣ и Пештѣ. На дняхъ мы прочли въ этой газетѣ руководящую статью, авторъ которой хотя и говоритъ въ первомъ лицѣ, но не названъ, какъ это дѣлается въ этой газетѣ со статьями случайныхъ сотрудниковъ коихъ взгляда редакція не принимаетъ на свою отвѣтственность. Статья озаглавлена: *Одно слово по поводу Восточнаго вопроса.* Авторъ заявляетъ что онъ долгое время хранилъ молчаніе и не принималъ участія въ пререканіяхъ по дѣламъ Востока. Это даетъ де ему возможность высказать свое „спокойное и хладнокровно взвѣшенное“ мнѣніе. И это мнѣніе заключается въ томъ что нынѣ поднятый восточный вопросъ есть не иное что̀ какъ плодъ долголѣтнихъ и коварныхъ происковъ Россіи. Для него всѣ событія послѣднихъ пятнадцати лѣтъ суть послѣдствіе русскихъ замысловъ: „изгнаніе“ Австріи изъ Германіи, Французская война, созданіе Германской имперіи, союзъ трехъ императоровъ, и наконецъ прошлогоднее путешествіе императора Франца-Іосифа въ Далматію, послужившее де ближайшимъ поводомъ къ Герцеговинскому возстанію, все это было дѣломъ Россіи. Видно не только султанская фамилія, и туркофилы страдаютъ галлюцинаціями! Даже убійства въ Салоникахъ „приключились какъ бы по командѣ“ и „принесли де пользу только Россіи,“ и потому авторъ произноситъ неумолимый вердиктъ: *is fecit cui prodest;*“ онъ не находитъ словъ чтобы достойно восхвалить Англію за то что она одна уразумѣла всѣ нити интриги и своимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій спасла остальную Европу отъ ловушки поставленной ей Россіей и оградила ее отъ ужасныхъ послѣдствій коимъ Европа подверглась бы неминуемо въ случаѣ осуществленія панславитскихъ стремленій. Авторъ упрекаетъ Германію въ слишкомъ „реальной“ политикѣ готовой де потворствовать Россіи изъ-за своихъ интересовъ, и требуетъ чтобъ она наконецъ отрѣшилась отъ столь узкаго пониманія своихъ реальныхъ выгодъ. „Стѣна сосѣда загорѣлась,“ восклицаетъ авторъ въ заключеніе, „и тотъ не нѣмецкій мужъ кто не поспѣшитъ затушить пожаръ.“

Съ тѣми же идеями какія скрываются въ этой изступленной филиппикѣ противъ Россіи и Славянъ встрѣчаемся мы въ большей части вѣнской и пештской печати. Вѣнское бюро печати, съ коимъ аугсбургская газета всегда находилась въ сношеніяхъ, командуетъ очень бойко.

Б.

Вотъ уже недѣля какъ генералъ Черняевъ назначенъ главнокомандующимъ Восточной Сербской арміи. Вмѣстѣ съ этимъ его назначеніемъ прекратились всѣ извѣстія о движеніяхъ и дѣйствіяхъ этой части Сербскихъ войскъ: не было даже офиціально сообщено о направленіи которое приняли отступившія отъ Зайчара войска бывшей Тимокской арміи. Любопытно что объ этомъ даже умалчиваютъ и константинопольскія депеши.

А изъ этого можно заключить что главнокомандующій принялъ энергическія мѣры для скрытія своего расположенія и движеній отъ непріятеля, до сихъ поръ всегда имѣвшаго чрезъ своихъ развѣдчиковъ и шпіоновъ довольно вѣрныя свѣдѣнія о сербскихъ движеніяхъ и намѣреніяхъ.

Извѣстно только что войска Восточной арміи Сербовъ приняли болѣе совокупное расположеніе и перемѣнили свою операціонную линію, а съ нею конечно и фронтъ расположенія, который въ настоящее время долженъ быть обращенъ къ востоку.

Нетрудно понять что линія Моравы становится главною оборонительною линіей Сербскихъ войскъ. На ней уже возведены сильные укрѣпленные лагери у Алексинца и Делиграда. Теперь предполагается принять дѣятельныя мѣры для укрѣпленія Бѣлграда и заготовленія тамъ большихъ складовъ провіанта.

Но избраніе Моравы главною оборонительною линіей не исключаетъ дѣйствій впереди ея—обороны доступовъ ведущихъ къ ней изъ долины Тимока. Въ нѣмецкихъ газетахъ передается даже весьма правдоподобное извѣстіе будто на нѣкоторыхъ изъ этихъ путей выбраны удобныя позиціи на которыхъ уже набрасываются укрѣпленія. Въ горахъ восточной части Сербіи не мало такихъ позицій оборона которыхъ потребуетъ лишь незначительныхъ силъ для задержанія весьма превосходнаго противника.

Туркамъ слѣдовательно не легко будетъ спуститься въ долину Моравы, и наступленіе ихъ потребуетъ значительнаго количества времени.

А между тѣмъ для Сербовъ въ настоящую минуту выигрышъ времени всего важнѣе. Онъ нуженъ для укрѣпленія Бѣлграда, для подготовки войскъ, для замѣщенія въ нихъ офицерскихъ вакансій.

Необходимость выиграть время исключаетъ возможность рѣшительныхъ дѣйствій.

№ 195.

Москва, 1-го августа.

Пасмурное небо стоявшее надъ нами эти дни вдругъ прояснилось, и солнце тепло и ласково проглянуло въ тотъ самый мигъ когда населеніе Москвы привѣтствовало Государыню Цесаревну прибывшую къ намъ съ своими Августѣйшими родными Гостями. Дай Богъ чтобъ это было знаменіемъ! Но вѣрно то что восторженныя привѣтствія народа, встрѣчающія Ея Императорское Высочество въ Москвѣ, идутъ отъ сердца. Народъ привѣтствуетъ въ Государынѣ Цесаревнѣ прекрасный символъ своего будущаго. Народное чувство вѣритъ свято въ это будущее, которое увѣнчаетъ полнымъ цвѣтомъ и плодомъ благодатный, столь обильный посѣвъ настоящаго, доскажетъ недосказанное, оправдаетъ начатое и разрѣшитъ ко славѣ Божіей и къ чести Русской державы вопросы и тревоги текущаго дня. И царства на землѣ, какъ люди, призваны на трудъ и борьбу. Да даруетъ Господь нашей Цесаревнѣ и Ея Августѣйшему Супругу, нашей надеждѣ, ясные дни своего благоволенія, да укрѣпитъ и утѣшитъ ихъ въ испытаніяхъ грядущаго, общихъ имъ съ Русскимъ народомъ и со всѣмъ православнымъ Востокомъ.

Слишкомъ девять лѣтъ минуло съ той поры когда, впервые встрѣчала, — и мы живо помнимъ съ какимъ умиленіемъ,— юную Цесаревну Москва, гдѣ все было такъ ново и необычно для Нея. Теперь Ея Высочество посѣтила первопрестольную столицу Россіи какъ хозяйка съ дорогими Гостями. Въ Кремлѣ Она окружена своею родительскою семьей.

Августѣйшіе Родители Государыни Цесаревны, которыхъ Москва благоговѣйно чествуетъ вмѣстѣ съ Нею, утѣшены въ судьбѣ своихъ дѣтей, и особенно можетъ порадовать ихъ благословеніе Божіе почіющее на Наслѣдницѣ Русскаго престола.

Москва съ радостью увидѣла Августѣйшую Дочь Царствующаго Дома Россіи, Королеву-Эллиновъ, Ольгу Константиновну, вмѣстѣ съ ея вѣнценоснымъ супругомъ. Русская Великая Княжна ставъ королевою Греціи не стала чужда намъ. Оба народа неразрывно связаны въ своихъ судьбахъ, и было бы грѣшно имъ расходиться въ мысляхъ. Что соединено Богомъ, того козни людскія разлучить не могутъ. Что на пользу Россіи, то и на пользу Грековъ. Они принадлежатъ къ одному міру и призваны къ одному великому общему дѣлу въ судьбахъ человѣчества.

№ 196.

Москва, 2-го августа.

А.

Возвращаемся къ пресловутой „Кавказской революціи.“ О ней заговорила печать цѣлой Европы; со всѣхъ сторонъ принесли электрическія проволоки въ Петербургъ и даже Тифлисъ спросы о ней. Отвѣты, конечно, были отрицательные; никакой революціи не оказалось.

Факты, на которые разсчитывали Турки, по всей вѣроятности, суть именно тѣ самые которые подмѣчены кавказскими кор-

респондентами русскихъ газетъ и на которые указывали кавказскіе старожилы какъ на признаки новаго пробужденія между мусульманскими населеніями Кавказа духовной заразы *газавата*, которая съ конца минувшаго столѣтія стоила намъ обильныхъ потоковъ русской крови.

Страшныя злодѣянія, звѣрскія увѣчья, поруганія надъ трупами павшихъ жертвъ, безо всякой вѣдомой цѣли, безъ личной ненависти, безъ намѣренія ограбить, совершенныя одновременно и по сѣверному предгорію Кавказа, и по закавказско-турецкой границѣ магометанами надъ христіанами, вотъ признаки появленія духовной заразы посреди магометанскихъ населеній.

Подобныя явленія повторялись при всѣхъ взрывахъ магометанскаго фанатизма на Кавказѣ. Кавказскіе старожилы имѣютъ опытность въ діагнозѣ этого духовно-политическаго недуга. Одинъ изъ нихъ, г. Зиссерманъ, высказался объ этомъ въ нашей газетѣ; онъ объяснилъ и весьма легкій способъ какимъ владѣютъ Турки чтобы заразить этимъ недугомъ мусульманскія населенія Кавказа. Турціи ничего не стоитъ высадить на восточномъ берегу Чернаго Моря нѣсколько десятковъ муллъ или софтъ для проповѣди *газавата*, и нѣсколько десятковъ Черкесовъ для поданія примѣра какъ исполнять требованія этой проповѣди...

И вотъ, едва сообщены въ Москву и въ Петербургъ факты указывающіе на успѣхъ этихъ призывовъ къ изувѣрству, оказывается что въ Константинополѣ уже ожидаютъ результата пропаганды.

Въ Крыму, въ разныхъ мѣстахъ, появляются турецкіе софты. Но Крымъ не великъ. Администрація имѣетъ средство производить, на всемъ протяженіи его, бдительный надзоръ. Иное дѣло Кавказъ: въ его лѣсныхъ и горныхъ трущобахъ, на разстояніи слишкомъ тысячи верстъ, можно развѣ только замѣтить признаки пропаганды, поймать же самихъ возмутителей — дѣло не легкое.

Но если теперь доказано что Турки подсылаютъ софтъ къ крымскимъ Татарамъ, отъ которыхъ ничего серіознаго ожидать нельзя, и гдѣ сами возмутители легко могутъ быть пойманы, то весьма естественно что такіе же возмутители высылаются и къ оставшимся на Кавказѣ Черкесамъ, Чеченцамъ и Лезгинамъ.

Изъ туркофильскихъ газетъ видно что именно Малая Азія есть главный кратеръ волкана, извергающаго на Болгарію, Сербію и Боснію воспламененныя изувѣрствомъ безобразныя массы варваровъ, страшное бѣдствіе для всѣхъ мирныхъ населеній самой Турціи, не исключая и магометанъ, по обѣ стороны Босфора. Изъ Смирны отъ 21 (9) іюля, — когда у насъ еще и рѣчи не было объ опасностяхъ грозящихъ Кавказу и Закавказью, пишутъ въ аугсбургскую *Всеобщую Газету*: „Всего болѣе „возбуждаетъ опасенія полнѣйшее разнузданіе фанатизма среди магометанскихъ „населеній въ нѣдрахъ Малой Азіи, гдѣ „всѣ не магометане отданы совершенно „беззащитно на свирѣпый произволъ до бѣшенства раздутаго изувѣрства массы дикарей...“ Но эта масса дикарей во многихъ мѣстахъ совершенно сплошная по обѣ стороны мало-азіятской границы: неужели одного факта, что на картѣ одна сторона этой границы называется Турціей, а другая Россіей, достаточно чтобы предъ нимъ остановилось „до бѣшенства раздутое изувѣрство?“ Что пропаганда идетъ, что Турки полагаются на ея успѣхи, чтобы подъ шумомъ ея дѣйствія скорѣе управиться съ Сербіей, — объ этомъ, согласно поговоркѣ „on n'est trahi que par ses amis,“ то и дѣло проговариваются псевдо-христіанскіе друзья Турокъ. „Между самими Турками,“ пишутъ изъ Перы, отъ 31 іюля въ туркофильскія нѣмецкія газеты, „обнаруживается также большое возбужденіе; въ „турецкихъ органахъ безпрестанно подни„мается вопросъ о томъ не можетъ ли и „Турція, съ точки зрѣнія международнаго „права, возбуждать и поощрять возстаніе „на Кавказѣ и въ Закавказьи, какъ возбуждала и поощряетъ Россія возстаніе въ „Герцеговинѣ, Босніи, Сербіи и Черногоріи?..“ „Такое возстаніе,“ дружески предупреждаетъ ихъ, отъ 30 іюля, туркофильскій вѣнскій корреспондентъ, „можетъ „дать дѣламъ весьма благопріятный оборотъ, принудивъ Россію озаботиться своими внутренними дѣлами и отказаться отъ „мысли о военномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Востока, вслѣдствіе чего будетъ изолирована война съ Сербіей, съ которою, „въ такомъ случаѣ, конечно скоро будетъ покончено...“

Откуда вдругъ взяли теперь Турки что Россія возбудила возстаніе христіанъ когда они же сами еще недавно отдавали спра-

ведливость миротворнымъ усиліямъ Россіи, а въ возбужденіи возстанія винили Австрію?

Между тѣмъ софты прогуливаются въ Крыму, а по всей вѣроятности и на Кавказѣ... Къ счастію, Намѣстникъ Кавказскій, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, выѣхалъ 2 августа изъ Бадена прямо въ Тифлисъ. *Allgemeine Zeitung* присовокупляетъ что внезапный отъѣздъ этотъ сократилъ на три недѣли предположенный Его Высочествомъ срокъ пребыванія въ Баденѣ. Будемъ надѣяться что съ прибытіемъ Августѣйшаго намѣстника будутъ приняты не только въ Чечнѣ, но особенно и на закавказско-турецкой границѣ мѣры для сохраненія достоинства Россіи и для безопасности ея подданныхъ, мѣры, которыми было бы доказано что внутреннія заботы, предательски причиняемыя Россіи Портой, могутъ имѣть и для самой Порты совсѣмъ не комфортабельные результаты противоположные тѣмъ на какіе она разчитывала. Подъ *предлогомъ* огражденія своихъ подданныхъ, Австрія уже давно сосредоточила большія силы на всемъ протяженіи своей турецкой границы; подъ тѣмъ же *предлогомъ* Англія выдвинула громадную морскую силу къ самымъ воротамъ Царьграда, и очень возможно что появленіе этой силы способствовало совершенно непредвидѣнному рѣшенію египетскаго хедива поспѣшить на помощь своему сюзерену. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія что появленіе британской *армады*,— которую Турки уже величаютъ: „нашъ флотъ,“—поддержалъ и оживилъ упавшій духъ магометанской орды. Вотъ къ чему послужилъ Англіи *предлогъ* защиты своихъ подданныхъ. Россія же не нуждается въ предлогахъ: жителямъ Кавказа грозитъ дѣйствительная опасность со стороны раздуваемаго Турціей фанатизма; этой опасности не только не скрываютъ отъ насъ, но и хвастаютъ ею сами Турки и ихъ европейскіе друзья, а между тѣмъ наша единственная граница съ Турціей до сихъ поръ занята войсками слабѣе чѣмъ Московская или Рязанская губерніи.

Пока мы дописывали эти строки, получены нами иностранныя газеты, уже обращающія серіозное вниманіе на весьма естественныя опасенія касательно успѣховъ турецкой пропаганды на Кавказѣ. Вѣнскій *Tagblatt* сообщаетъ будто со стороны Петербургскаго кабинета уже готовится по этому поводу дипломатическій меморандумъ; съ другой стороны, одинъ изъ вѣнскихъ корреспондентовъ аугсбургскаго турецкаго органа выражаетъ опасенія чтобы происходящая на Кавказѣ пропаганда магометанскаго изувѣрства не послужила Россіи предлогомъ къ столкновенію съ Портой...

Но аугсбургскіе Турки забываютъ что еслибы Россія хотѣла, то не только такихъ *предлоговъ*, но и серіозныхъ *поводовъ* и даже *причинъ* она могла бы найти довольно. Россія не желаетъ столкновенія ни съ кѣмъ; но она не можетъ допустить ущерба своему достоинству и нарушенія своей внутренней безопасности. Нѣтъ надобности въ меморандумѣ, а было бы весьма достаточно принять въ Чечнѣ нѣкоторыя полицейскія мѣры къ обезпеченію общественной безопасности, и выставить на нашей турецкой границѣ баталіоновъ двадцать.

Б.

„На войнѣ, какъ говорятъ, время цѣнится минутами,“ между тѣмъ такой опытный генералъ какъ сераскиръ Керимъ-паша проводитъ его въ бездѣйствіи недѣлями. Дѣйствительно, 7 августа Турки окончательно утвердились въ долинѣ Тимока и съ тѣхъ поръ не сдѣлали шагу впередъ. Надо думать что такъ дѣлается не безъ причины и не безъ цѣли.

Пораженіе Мухтаръ-паши у Вербицы произвело потрясающее впечатлѣніе въ высшихъ военныхъ кругахъ Турціи и особенно въ Константинополѣ, гдѣ энергически порицаютъ „опрометчивую торопливость“ Мухтаръ-паши и, если вѣрить австрійскимъ газетамъ, признаютъ необходимымъ дѣйствовать осторожно.

Утвердясь на Тимокѣ, Турки должны двинуться къ долинѣ Моравы, какъ главной оборонительной линіи Сербовъ. Но Туркамъ, какъ говорили мы на дняхъ, „не легко будетъ спуститься въ долину „Моравы“ если Сербы обратятся къ оборонѣ доступовъ ведущихъ къ ней изъ долины Тимока, такъ какъ „въ горахъ восточной части Сербіи не мало такихъ „позицій, оборона которыхъ потребуетъ „лишь незначительныхъ силъ для задержанія превосходнаго числомъ противника.“ Взглядъ этотъ проводится и въ напечатанномъ въ сегодняшнемъ нумерѣ *Neue*

Freie Presse письмѣ изъ Константинополя, принадлежащемъ, по словамъ этой газеты, „перу выдающагося военнаго спеціалиста.“ „Дефилеи,“ говоритъ онъ, „ведущіе съ Тимока къ Моравѣ легко укрѣпить и оборонять. Турецкимъ войскамъ придется выдержать здѣсь не одинъ горячій и безплодный бой.“

Не изыскиваетъ ли Абдулъ-Керимъ, въ своемъ кажущемся бездѣйствіи, мѣръ къ облегченію своего наступленія къ Моравѣ? Турки уже давно обратили вниманіе на дефиле у Янковой-Клиссуры, чрезъ которое проходитъ отличная дорога изъ долины Тополицы къ Крушевцу, въ тылъ войскъ расположенныхъ на Моравѣ, фронтомъ къ востоку. Ими было предпринято нѣсколько нападеній на войска Сербовъ охранявшія Янкову-Клиссуру, но нападенія эти были отражены, такъ какъ это узкое и длинное дефиле представляетъ большія выгоды обороняющемуся. Вторженіе со стороны Янковой-Клиссуры, какъ утверждаетъ теперь корреспондентъ *Neue Freie Presse* въ письмѣ изъ Ниша, входитъ въ планы Абдулъ-Керима. „Кромѣ „войскъ уже двинутыхъ противъ Сербовъ, говоритъ онъ, въ долинѣ Тополицы, у Уркуба, турецкій главнокомандующій располагаетъ бригадою Мустафы (6 баталіоновъ и 1 батарея), сверхъ того къ 3 августа ожидалось прибытіе въ Куршумле на Тополицѣ бригады изъ 7 баталіоновъ съ 3 батареями направляемой изъ Константинополя чрезъ Салоники и Митровицу. По сосредоточеніи этихъ войскъ съ придачею 6.000 Арнаутовъ, они будутъ направлены на Крушевацъ чрезъ Янкову-Клиссуру. Легко можетъ быть что войска направленныя сюда изъ Константинополя еще не прибыли, и Абдулъ-Керимъ просто выжидаетъ ихъ сбора.

Вообще линія Моравы имѣетъ тотъ существенный недостатокъ что оборона ся находится въ зависимости отъ успѣха дѣйствій Ибарской арміи Чолокантича и Дринской дивизіи Алимпича. Недостатокъ этотъ не ускользнулъ отъ вниманія Турокъ тѣмъ болѣе что уже въ самомъ началѣ, какъ утверждаетъ тотъ же константинопольскій „выдающійся военный спеціалистъ,“ Туркамъ былъ предложенъ планъ вторженія отъ Сѣницы и Вышеграда къ Чачаку на Сербской Моравѣ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, кажущееся бездѣйствіе Абдулъ-Керима весьма подозрительно...

№ 197.

Москва, 3-го августа.

А.

Съ самаго начала войны стали появляться въ газетахъ извѣстія будто Сербія ищетъ посредничества для примиренія съ Турціей, которая де съ негодованіемъ отвергаетъ даже самую мысль о мирѣ „съ мятежнымъ вассаломъ.“ Чрезъ день, чрезъ два получалась обыкновенно телеграмма опровергавшая подобные „слухи.“

Когда успѣхъ сталъ переходить на сторону Турокъ, когда войска послѣднихъ уже ворвались въ предѣлы Княжества, „утки“ о посредничествѣ смолкли, и только одна за другою разносились правдивыя вѣсти о рѣшимости князя и народа „держаться до послѣдней крайности.“

Но вотъ наступательное движеніе Турокъ пріостановилось предъ трудною задачей форсировать горныя дефилеи восточной Сербіи, и на тихую воду опять выплыли утки о томъ что Сербія ищетъ мира во что бы то ни стало.

Третьяго дня, въ воскресенье вечеромъ, мы получили обширную спеціальную телеграмму Международнаго Агентства, датированную изъ Землина и увѣрявшую что князь ищетъ мира, что предстоитъ отставка Ристича, который одинъ де въ Сербіи стоитъ за войну, что предстоитъ скорое созваніе Скупщины именно съ этою цѣлью, что хотя Турція отвергаетъ мысль о переговорахъ съ Обреновичемъ, но что въ Константинополь будто бы отправляется агентъ Сербскаго правительства съ повинною.

Мы не напечатали этой депеши, такъ какъ ложность сообщаемыхъ ею извѣстій была уже черезъ-чуръ очевидна. Почти всѣ свѣдѣнія которыя передавались въ этой депешѣ мы прочли въ тотъ же день, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, во всѣхъ туркофильскихъ газетахъ Австро-Венгріи, Германіи и даже Франціи. Мы имѣли и другія основанія не довѣрять этой телеграммѣ получая вѣрныя свѣдѣнія отъ нашихъ спеціальныхъ корреспондентовъ.

Но на другой день мы получили депешу отъ вѣнскаго агентства почти въ томъ же смыслѣ и ссылавшуюся на свѣдѣнія газеты *Politische Correspondenz* которую нельзя заподозрить, правда, въ пристрастіи къ Славянамъ, но которая неразъ сообщала

о непремѣнной рѣшимости Сербіи „держаться до послѣдней крайности." И эта депеша носила на себѣ явные признаки общей съ предыдущею фабрикаціи. Различіе было только въ рѣшительности выраженій. Мы дали мѣсто этой депешѣ помѣстивъ рядомъ съ нею присланное изъ Землина же и датированное днемъ раньше опроверженіе слуховъ о намѣреніи Сербіи мириться. . . . .

Полученныя сегодня депеши самымъ положительнымъ образомъ опровергаютъ всѣ Землинскія басни.

Басни эти были бы конечно безвредны, появись онѣ въ другую минуту, но не теперь. Общественное мнѣніе всей Европы склоняется въ пользу борцовъ за правое дѣло. *Добровольцы* всѣхъ національностей во множествѣ стекаются въ Бѣлградъ, туда шлются отовсюду сборы пожертвованій, ѣдутъ врачи, общественное сочувствіе растетъ повсемѣстно, и вотъ чтобъ охладить это движеніе бросается слухъ что народъ и правительство Сербіи потеряли даже и всякую надежду и молятъ о мирѣ...

Б.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенное ниже извлеченіе изъ появившихся въ началѣ прошлаго мѣсяца трехъ писемъ въ редакцію италіянской газеты *Opinione*, написанныхъ извѣстнымъ профессоромъ Томмази-Круделли и посвященныхъ вопросу о состояніи и желательныхъ преобразованіяхъ италіянскихъ университетовъ. Авторъ писемъ касается сторонъ университетскаго быта и вопросовъ имѣющихъ интересъ не для Италіи только, но въ высокой степени поучительныхъ и для насъ, въ виду предстоящей университетской реформы. Италіянскіе университеты не процвѣтаютъ; ихъ слава принадлежитъ давно прошедшему. Правительство объединенной Италіи застало въ своемъ государствѣ значительное число университетовъ и многочисленный учащій персоналъ, но научное преподаваніе крайне посредственное, ученую дѣятельность очень незначительную. Профессора, не пользующіеся гонораромъ отъ слушателей, получающіе одинаковое, не довольно обезпечивающее ихъ жалованье, отдаютъ университетскому преподаванію сколь могутъ менѣе времени, имѣя въ обыкновеніи посвящать его посторонним занятіямъ. Возникла задача возвысить университеты, дабы помощію ихъ поднять уровень высшаго образованія въ странѣ. Нашлись министры принявшіе задачу къ сердцу; упомянемъ между ними извѣстнаго ученаго, профессора Маттеуччи и предпослѣдняго министра Бонги. Въ краткій срокъ они успѣли многое сдѣлать, хотя еще большее предстоитъ сдѣлать, и университетскій вопросъ остается въ числѣ очередныхъ въ Италіи. Какой же путь избрали эти представители либеральнаго правительства, дѣйствовавшіе при общественномъ настроеніи несомнѣнно прогрессивномъ? Шли ли они путемъ какой по отношенію къ университетамъ у насъ принято нынѣ именовать либеральнымъ и какой усиленно рекомендуется нашему правительству отъ имени якобы общественнаго мнѣнія, и всякое отступленіе отъ него провозглашается реакціей враждебною прогрессу, просвѣщенію, наукѣ и другимъ хорошимъ вещамъ? Смотрѣли ли они, говоря словами автора писемъ, на университеты какъ на благотворительныя учрежденія, по отношенію къ коимъ роль государства состоитъ только въ томъ чтобы собирать съ плательщиковъ податей суммы потребныя для ихъ содержанія и признавать раздаваемыя ими степени? Полагали ли они въ основу университетскаго устройства начало невмѣшательства со стороны правительства, предоставляющаго профессорамъ самимъ пополнять свои ряды, выводя однихъ, устраняя другихъ? Заботились ли усиленно чтобы размалевать декорацію преподаванія, надѣлавъ какъ можно больше каѳедръ по предметамъ второстепеннымъ, существующимъ и даже не существующимъ? Стремились ли сохранить испытанія въ безконтрольномъ вѣдѣніи самихъ преподавателей; старались ли исходатайствовать у правительства какъ можно больше денегъ и распредѣлить ихъ возможно не экономическимъ образомъ, дабы была роскошь въ ненужномъ и нищенство въ необходимомъ? Принимали ли мѣры долженствующія парализовать свободное преподаваніе, сдѣлавъ приватъ-доцентство невозможнымъ? И въ Италіи, какъ можно усмотрѣть изъ писемъ г. Томмази, есть не малое число людей, особенно въ университетскихъ кругахъ, которые систему невмѣшательства и невниманія и порядки въ родѣ рекомендуемыхъ у насъ, считаютъ особенно пригодными для университетовъ. И въ Ита-

ліи министры гонявшіеся за дешевою популярностью легко могли купить и покупали ее цѣной уступокъ укоренившимся злоупотребленіямъ, между тѣмъ какъ настойчивость тѣхъ изъ нихъ кто дѣйствовали съ возвышенною цѣлью поднять уровень образованія въ странѣ возбуждала ропотъ и въ университетской средѣ, и между противниками государственнаго объединенія, и въ фальшиво-либеральныхъ кружкахъ. Къ счастію, уступчивость университетскому провинціализму и университетской распущенности были исключеніемъ, и большинство министровъ, нашедшихъ поддержку въ лучшей и серіознѣйшей части общественнаго мнѣнія, держались иной системы. Они, какъ указываетъ г. Томмази, имѣли, вопервыхъ, въ виду улучшить корпусъ преподавателей, сдѣлавъ избраніе независимымъ отъ „профессорскихъ олигархій" и мѣстныхъ вліяній. Далѣе, они желали поднять свободное преподаваніе щедро обставивъ *основные* предметы факультетовъ, предоставивъ другіе свободнымъ преподавателямъ. Они стремились чтобъ университетскія степени, дающія доступъ къ государственной службѣ, были даваемы *государствомъ* по опредѣленной нормѣ и чтобъ испытанія на нихъ были изъяты отъ факультетовъ. Такъ характеризуетъ г. Томмази цѣли отчасти достигнутыя, отчасти еще имѣющіяся въ виду, къ какимъ направлены были усилія большинства лицъ стоявшихъ во главѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія въ объединенной Италіи.

Вопросъ на которомъ съ особымъ вниманіемъ останавливается авторъ писемъ есть вопросъ о назначеніи профессоровъ. Онъ указываетъ на явленіе особенно интересное по своей аналогіи съ тѣмъ что̀ видимъ у насъ. Избраніе профессоровъ въ Италіи предоставлено министру, причемъ какъ нормальный порядокъ закономъ указывается конкурсъ производимый при министерствѣ предъ лицами не принадлежащими къ факультету гдѣ открылась вакансія. Факультетамъ по закону не предоставлено никакого участія въ дѣлѣ избранія преподавателей. Г. Томмази указываетъ какимъ образомъ законъ обходился и обходится чрезъ посредство учрежденія парализующаго вмѣстѣ съ тѣмъ свободное преподаваніе и дѣлающаго почти невозможнымъ институтъ приватъ-доцентовъ. Въ Италіи законъ признаетъ два разряда преподавателей: штатные (ординарные и экстраординарные профессора) и свободные. Но рядомъ съ тѣмъ, къ практикѣ допускаются такъ-называемые *incaricati*, которымъ *поручается* временно преподаваніе, такъ что они имѣютъ значеніе не приватъ-доцентовъ, а офиціальныхъ преподавателей, обыкновенно съ обязательнымъ для студентовъ курсомъ и съ участіемъ въ испытаніяхъ. Учрежденіе аналогическое съ нашими доцентами (причисляя къ нимъ и приглашаемыхъ факультетами стороннихъ преподавателей, неупоминаемыхъ и въ нашемъ уставѣ и иногда неправильно называемыхъ приватъ-доцентами). Разница въ одномъ; то что̀ въ Италіи есть злоупотребленіе, у насъ является правиломъ и освящено уставомъ. Благодаря системѣ *инкарикатовъ*, какъ указываетъ профессоръ Томмази, подавляется свободное преподаваніе, открывается дорога посредственностямъ и запирается талантамъ; студенты обременяются безъ нужды, второстепеннымъ подавляется главное въ преподаваніи и на экзаменахъ. Откроется профессорская вакансія, — какъ обойти *инкариката* много лѣтъ дѣйствовавшаго въ качествѣ офиціальнаго преподавателя излюбленнаго факультетомъ! Система конкурса парализуется; система избранія становится системой протекціи.

Система конкурса, независимаго отъ факультетовъ, не пользуется, какъ можно видѣть изъ писемъ профессора Томмази, расположеніемъ въ италіянскихъ университетскихъ кружкахъ. Профессора желали бы чтобъ и ихъ университеты, по образцу германскихъ, получили право рекомендаціи кандидатовъ на профессуру, также какъ и право выбора ректора и декановъ (какимъ въ Италіи пользуются лишь нѣкоторые университеты). Но и это скромное желаніе считается преждевременнымъ...

№ 198.

Москва, 4-го августа.

А.

Занятіемъ Кладовы сообщенія между Румыніей и Сербіей если не совсѣмъ прерваны, то затруднены, и теперь кстати припомнить положеніе принятое Румыніей при настоящихъ событіяхъ въ Турціи.

Правда, Румынія не имѣетъ надобности

въ территоріальныхъ расширеніяхъ; но Румынія нуждается въ радикальномъ измѣненіи своихъ отношеній къ Портѣ. Фактически почти независимая, она оскорбляется обращеніемъ съ ней Порты. И вотъ бывшій румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Когольничеано, пользуясь моментомъ, поспѣшилъ формуловать въ особомъ мемуарѣ румынскія требованія и представить ихъ какъ Портѣ, такъ и державамъ-порукамъ. Нынѣ этотъ кабинетъ уже замѣненъ другимъ; но вопросъ поднятый имъ остается въ силѣ. Порта, несмотря на всѣ свои затрудненія, рѣшается отказать Румыніи въ ея претензіяхъ. Въ первомъ ряду этихъ претензій стоитъ признаніе индивидуальности Румынскаго государства и его историческаго имени и принятіе представителя Румыніи въ дипломатическій корпусъ. Въ концѣ 1873 года Порта обратилась къ румынскому агенту въ Константинополѣ съ требованіемъ чтобъ онъ въ офиціальныхъ сношеніяхъ съ нею не называлъ болѣе своихъ земляковъ румынскими подданными, такъ какъ де они подданные султана и Румыніи никакой нѣтъ, а существуютъ лишь соединенныя княжества Молдавія и Валахія. Въ то же время, въ Букурештѣ, Порта заявила что она не признаетъ за румынскимъ представителемъ дипломатическаго характера. Онъ де не агентъ, но просто посланецъ провинціи, *капукехайя*. Турецкіе государственные люди до сихъ поръ пользовались каждымъ случаемъ чтобы дать почувствовать это румынскому представителю. Когда иностранные министры являлись для поздравленія султана со днемъ его вступленія на престолъ, румынскій агентъ также получалъ каждый разъ обычное приглашеніе, но ему не дозволялось вмѣстѣ съ другими представляться великому визирю. Онъ долженъ былъ пережидать во время церемоніи всѣхъ турецкихъ сановниковъ и только послѣ нихъ допускался къ великому визирю. При обыкновенныхъ аудіенціяхъ румынскій агентъ уступалъ первенство чиновникамъ посольствъ и драгоманамъ, хотя бы раньше ихъ явился во дворецъ. Свобода отъ таможенныхъ пошлинъ и неприкосновенность доставляемыхъ въ посольство вещей, обычная въ Турціи какъ и всюду, не была привилегіей румынскаго агента въ Константинополѣ; напротивъ, турецкіе таможенные обращали особенное вниманіе на его посылки, и два года назадъ пакетъ съ бумагами и брошюрами адресованный на его имя былъ преспокойно конфискованъ ими. Мемуаръ переходитъ далѣе къ регулированію положенія осѣдлыхъ въ Турціи румынскихъ подданныхъ по примѣру другихъ иностранцевъ и къ признанію юрисдикціи румынскихъ агентовъ надъ ихъ соотечественниками. Онъ ссылается на циркуляры визирей отъ 1844 и 1856 года, которые даютъ основаніе заключать что Румыны въ Турціи имѣютъ одинаковые съ прочими иностранцами права. Между тѣмъ, Румыны осѣдлые въ Турціи, семь лѣтъ назадъ платившіе только налогъ на недвижимыя имѣнія, принуждены теперь платить и прочіе налоги, такъ что единственная привилегія ихъ сравнительно съ остальными турецкими подданными состоитъ въ томъ что они избавлены отъ подушной подати. Особая юрисдикція, въ виду совершенной несостоятельности турецкаго правосудія, требуется также какъ необходимое для румынскихъ подданныхъ обезпеченіе. Четвертый пунктъ румынскихъ претензій касается неприкосновенности территоріи и новаго разграниченія острововъ на Дунаѣ. Мемуаръ перечисляетъ рядъ случаевъ когда толпы вооруженныхъ Турокъ переправлялись черезъ рѣку, по большей части для порубки лѣса на румынскомъ берегу, не уважая никакихъ правъ собственности, причемъ не обходилось безъ вооруженныхъ столкновеній. Далѣе, румынское правительство требуетъ заключенія съ Турціей торговой, почтовой, телеграфной, и о выдачѣ преступниковъ конвенціи; признанія румынскаго паспорта и удержанія турецкихъ консуловъ за границей отъ вмѣшательства въ дѣла касающіяся Румынъ; наконецъ, установленія границы между Румыніей и Турціей въ устьяхъ Дуная, причемъ основаніемъ должно служить теченіе главнаго рукава этой рѣки. Румынія требуетъ Сулинскаго рукава Дуная, и заявляетъ что дунайская дельта, оставаясь въ рукахъ Турціи, отрѣзываетъ нѣсколько румынскихъ общинъ отъ границы, что порождаетъ постоянныя пререканія и неудобства. Румынскій мемуаръ, впрочемъ, прибавляетъ оговорку что „вопросъ о Дунайской дельтѣ не можетъ быть обсужденъ въ настоящій моментъ: рѣшеніе его должно послѣдовать на европейскомъ конгрессѣ, и Румынія съ довѣріемъ ожидаетъ справедливаго рѣшенія этого ареопага.“

Формулованныя такимъ образомъ румынскія требованія встрѣтили полный, или почти полный, отказъ со стороны Порты, такъ какъ согласіе учредить смѣшанную коммиссію для разбора пограничныхъ жалобъ можно считать въ данномъ случаѣ не болѣе какъ насмѣшкой. Точно также мало нашли они сочувствія и у державъ-порукъ. По мѣстнымъ извѣстіямъ, отвѣтъ данъ покуда только изъ Берлина, и онъ состоитъ въ томъ что Германію вовсе де „не интересуютъ румынскія претензіи.“ Правительство Румыніи должно признать теперь что оно горько ошиблось похваляясь соблюденіемъ пресловутаго „нейтралитета,“ который оно къ тому же и соблюсти, напримѣръ въ австрійскомъ толкованіи этого слова, не было въ состояніи. Мелочныя придирки, аресты болгарскихъ добровольцевъ и конфискованіе оружія много помѣшали развитію возстанія въ Болгаріи; но Турки не считаютъ себя обязанными этимъ, и г. Когольничеано убѣдился только лишній разъ что Турція, какъ выражается румынскій мемуаръ, „охотнѣе соглашается на періодическія уступки тѣмъ кто приготовляетъ ей замѣшательства нежели тѣмъ кто избавляетъ ее отъ нихъ.“ Достигнуть независимости Румынія могла бы единственно дружнымъ съ Сербіей дѣйствіемъ, ибо державамъ пришлось бы тогда и въ этомъ отношеніи считаться съ совершившимся фактомъ, а угрожаемая Турція невольно помирилась бы съ нимъ. Этого требовалъ не только политическій разсчетъ, но и внутреннее положеніе страны, можно сказать династическіе интересы князя Карла. Извѣстно что Румыны разочарованы его правленіемъ. Нѣмцы принесли въ Румынію финансовую нужду, эксплуатацію такихъ желѣзнодорожниковъ какъ Струсбергъ, правленіе „камарильи,“ такъ какъ выборы въ Палаты уродуются подкупами и интригами приближенныхъ князя, несоотвѣтственную съ силами страны расточительность на дворъ и армію.

Войной съ Турціей князь Карлъ возстановилъ бы свой потрясенный въ странѣ кредитъ, доказалъ бы что вниманіе обращенное имъ на организацію румынской арміи не было простымъ тщеславіемъ, и что милліоны истраченные съ этою цѣлью не были расточительностью. Такая рѣшимость имѣла бы несомнѣнное вліяніе на дѣла въ Сербіи, Румыніи же она вѣроятно доставила бы полную независимость, а князю Карлу можетъ-быть королевскую корону.

Б.

Можно пожалуй подумать что въ послѣднюю недѣлю предъ закрытіемъ Британскаго Парламента, совѣсть зазрила его членовъ, и прежде чѣмъ разъѣхаться изъ Лондона послѣ замѣчательной по безплодію сессіи, они то и дѣло обращались къ правительству съ запросами по поводу болгарскихъ дѣлъ. Послышались болѣе рѣзкіе чѣмъ прежде протесты противъ скандала для современной Европы отъ допущенія подобныхъ злодѣйствъ въ ея предѣлахъ; а правительство, которое такъ расположено было видѣть въ разказахъ о томъ что̀ творится въ Болгаріи преувеличенія и результатъ интригъ, вынуждено было сообщить извлеченіе изъ полученнаго имъ донесенія отъ г. Беринга, посланнаго изъ Константинополя для разслѣдованія. Желаніе всячески смягчить истину явно видно и въ извлеченіи изъ донесенія г. Беринга, прочитанномъ въ Палатѣ Общинъ. Но скрыть ее было уже невозможно. Газета *Daily News*, задѣтая за живое сомнѣніями въ правдивости своего корреспондента, послала одновременно другаго спеціальнаго корреспондента, и въ то же время и съ такою же цѣлью выѣхалъ въ Болгарію изъ Константинополя секретарь американской миссіи, г. Скайлеръ. Дѣло Турокъ въ Болгаріи нынѣ внѣ всякихъ разспросовъ и розысковъ: сожженныя деревни и груды изуродованныхъ непогребенныхъ тѣлъ разбросанныхъ повсюду и лежащихъ съ мая мѣсяца! Корреспондентъ *Daily News* разказываетъ что зловоніе отъ міазмовъ въ иныхъ мѣстахъ такъ велико что приходится затыкать носъ табакомъ. Г. Берингъ, какъ сказано, всячески смягчаетъ докладъ, но принужденъ признать что не менѣе 12.000 Болгаръ погибли и 60 деревень сожжены. Докладъ его отъ 22 іюля, и онъ писалъ что „грабежи иррегулярныхъ войскъ еще продолжаются, и они отбираютъ и то малое что̀ было оставлено подавлявшими возстаніе.“ Провинція, по его словамъ, совершенно разорена.

Вотъ факты удостовѣренные наперекоръ желанію сэръ-Генри Эллiота и г. Дизраэли, и возбудившіе немалое негодованіе даже въ Британской Палатѣ Общинъ. Но это негодованіе не ведетъ ни къ чему и

ничѣмъ практическимъ выразиться не можетъ. Вопервыхъ, потому что торійскій кабинетъ имѣетъ надежное и слѣпо послушное большинство; онъ умѣетъ льстить тщеславію и предразсудкамъ массы и поддерживается хоромъ газетъ прославляющихъ традиціонную національную политику Англіи. Оппозиція же слаба и численно, и вслѣдствіе раздоровъ: въ ней, со времени паденія кабинета г. Гладстона, нѣтъ единодушія. Всего громче поднимаютъ голосъ за несчастныхъ Болгаръ, — къ своей чести, — радикалы, но это именно партія имѣющая всего менѣе вѣса въ Англіи въ настоящую минуту. Признанные же вожди либеральной оппозиціи возражаютъ правительству и осуждаютъ его съ такою осторожностью какъ будто не увѣрены что стали бы сами дѣйствовать иначе, будь власть въ ихъ рукахъ.

Вовторыхъ же, и главное, эти пустые протесты въ Англійскомъ Парламентѣ не имѣютъ значенія, потому что странно было бы надѣяться на какую-либо перемѣну политики г. Дизраэли и ожидать чтобы къ этому его принудилъ голосъ Британскаго народа, когда въ то же время нѣтъ никакого противодѣйствія этой политикѣ ни съ какой другой стороны. Мы по крайней мѣрѣ знаемъ что есть политика г. Дизраэли, но вовсе не видимъ ничьей другой политики. Развѣ Англія есть вся Европа? А Европы мы не слышимъ. Ниоткуда нѣтъ и слова протеста противъ неслыханныхъ звѣрствъ.

Скажутъ что европейскій концертъ разстроился вслѣдствіе отказа Англіи въ немъ участвовать. Но это отговорка ничего не оправдывающая и не объясняющая. Почему же всѣ другія державы должны подчиняться желаніямъ англійской политики?

10 августа н. ст. въ Манчестерѣ былъ созванъ митингъ для выраженія негодованія по поводу турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи, и на немъ прочтено письмо епископа Манчестерскаго, которое постановкой вопроса должно привести въ стыдъ государственныхъ людей не только Англіи, но и Европы. Онъ о соблюдаемомъ нынѣ невмѣшательствѣ выражается такимъ образомъ: „Дѣйствіе, коего страна ожидаетъ „отъ правительства, не есть политика невмѣшательства, которое, однако, очень „похоже на вмѣшательство за неправую „сторону, а политика вмѣшательства, въ „согласіи съ другими великими христіанскими державами, въ пользу порядка, „правосудія и гуманности.“

Но что станется съ „территоріальною цѣлостью Турціи“ при такомъ вмѣшательствѣ Европы? Вотъ что пишетъ объ этомъ епископъ Манчестерскій: „Признаюсь, не „безъ сожалѣнія прочелъ я выраженное „г. Гладстономъ мнѣніе, которое повидимому принимается на обѣихъ сторонахъ „Палаты, что *должно поддерживать территоріальную цѣлость Турецкой имперіи въ Европѣ*. Мы не всегда бывали „такъ ревнивы къ поддержанію территоріальной цѣлости. Мы были свидѣтелями „территоріальнаго раздробленія Даніи, Австріи, Папской Области, Франціи. Почему мы должны такъ особенно заботиться о *территоріальной цѣлости* Турціи? „Я, съ своей стороны, не думаю чтобъ „она могла быть поддержана. Каковы бы „ни были наши политическія желанія, „нравственныя силы дѣйствующія въ противоположномъ направленіи будутъ для „насъ слишкомъ сильны. Всѣ трактаты „въ мірѣ не смогутъ поддержать территоріальную цѣлость имперіи раздираемой „всѣми тѣми силами которыя по необходимости разлагаютъ, потому что прежде „всего деморализуютъ народъ.“

Необходимость „цѣлости Европейской Турціи“ держится только въ связи съ другою фикціей—страхомъ европейской войны. Но почему освобожденіе Босніи, Герцеговины и Болгаріи непремѣнно должно вызвать европейское столкновеніе? Какая держава потерпѣла бы отъ этого такой ущербъ, что была бы вынуждена ополчиться за вѣчное порабощеніе этихъ провинцій, то-есть за исламъ противъ христіанства? А если такая найдется, то неужели въ Европѣ нѣтъ столько согласія чтобъ образумить такую державу?

№ 199.

Москва, 5-го августа.

А.

Много было говорено о Клекской гавани. Да и было о чемъ. Закрытіе этой гавани прославлено было огромною уступкой со стороны Австріи сочувствіямъ Россіи въ пользу Славянъ. Объ этомъ протрубили на весь міръ правительственные орга-

ны Австро-Венгріи. Имъ вторилъ, съ притворнымъ негодованіемъ, легіонъ туркофильскихъ газетъ цѣлой Европы. Но въ то же время газеты эти сообщали что „Турція формально признала закрытіе Клекской гавани." Ни о какомъ протестѣ Турціи не было тогда рѣчи.

И дѣйствительно, Турція не имѣла причинъ жаловаться. Читателю извѣстно что Клекская гавань была въ самомъ дѣлѣ закрыта только пока ее занимали Славяне. Но и въ это время омывающее ее mare clausum не закрыто для турецкихъ военныхъ судовъ громившихъ Славянъ своею артиллеріей. Во все остальное время турецкія транспортныя суда преспокойно выгружали въ ней всякаго рода припасы и забирали войска которымъ приходилось плохо.

И вотъ, въ то самое время когда Клекская гавань оказывала Портѣ эту послѣднюю услугу, вдругъ выпущена „утка." Порта, формально признавшая сначала закрытіе этой гавани, вдругъ будто бы вознегодовала противъ этой мѣры! Заговорили даже о предстоящемъ протестѣ со стороны Турціи. Можно себѣ представить негодованіе вѣнскихъ и прочихъ газетныхъ баши-бузуковъ: въ угоду Россіи Вѣнскій кабинетъ навлекъ де на себя неудовольствіе Высокой Порты!...

И что же? Истина раскрыта теперь однимъ изъ самыхъ завзятыхъ туркофильскихъ органовъ цѣлой Европы, аугсбургскою *Allgemeine Zeitung*, и на основаніи документовъ отъявленнаго туркофильскаго правительства Европы,—британскаго. „*Изъ Вѣны* все еще продолжаютъ выставлять „послѣдовавшее вскорѣ послѣ Рейхштадтскаго свиданія закрытіе Клекской гавани для турецкихъ военныхъ подвозовъ „основаніемъ напряженности отношеній между Австріей и Турціей," пишутъ изъ Берлина, отъ 6 августа, въ названную газету, „хотя *давно уже извѣстно* что закрытіе Клекской Гавани было *только „предлогомъ* чтобы закрыть всѣ гавани и „мѣста выгрузокъ округа Бокки Которской, до самой турецкой границы, у „Спиццы, для присылки оружія и боевыхъ „припасовъ *въ Черногорію и Герцеговину*..." Въ доказательство этого истиннаго значенія закрытія Клекской гавани, цитуемый корреспондентъ приводитъ изъ англійской *Синей Книги* депешу лорда Дабри, отъ 24 іюня, въ коей сказано: „Г. Монсенъ" (англійскій консулъ въ Рагузѣ) „удостовѣряетъ что Которская гавань недавно вновь была открыта для выгрузки военныхъ припасовъ назначенныхъ въ Черногорію; что войска князя Николая снабжены оружіемъ купленнымъ въ Австріи и „перевезеннымъ на пароходахъ общества „получающаго отъ Австрійскаго правительства субсидію; что Рагузу ежедневно посѣщаютъ *вооруженные* инсургенты; что „всѣмъ извѣстно участіе австрійскихъ подданныхъ въ битвахъ въ Дужскомъ ущеліи (по слухамъ, въ три дня, убито до „197 Кривошинцевъ); наконецъ что возстаніе поддерживается славянскими комитетами, которые, пользуясь покровительствомъ австрійской территоріи, запасаются военными припасами и отправляютъ ихъ далѣе, и употребляютъ все „свое вліяніе чтобы не допустить выселенцевъ возвратиться на родину." На основаніи этихъ данныхъ, по свѣдѣніямъ цитуемой корреспонденціи, графъ Дарби поручилъ британскому послу въ Вѣнѣ обратить на эти обстоятельства вниманіе графа Андраши и просить его положить предѣлъ „этимъ злоупотребленіямъ..."

Какъ было бы, кажется, легко графу Андраши отвѣчать на это требованіе англійскаго премьера? Въ самомъ дѣлѣ: 7.000 ружей, о которыхъ доносилъ г. Мансонъ, были куплены воеводой Пламенцомъ уже нѣсколько мѣсяцевъ до того и выгружены пароходомъ Ллойда въ Которѣ, въ концѣ мая, согласно всѣмъ законамъ международнаго права, такъ какъ Черногорія въ то время не была въ войнѣ ни съ кѣмъ. Война была объявлена Черногоріей Турціи *слишкомъ мѣсяцемъ позднѣе* выгрузки этихъ ружей. Не разрѣшеніе, а запрещеніе этой выгрузки было бы, слѣдовательно, со стороны Вѣнскаго кабинета, „злоупотребленіемъ," вопіющимъ нарушеніемъ международныхъ законовъ и обычаевъ. Дѣйствительно. Вѣнскій кабинетъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ настаивалъ на этомъ запрещеніи, но отказался отъ него только когда С.-Петербургскій кабинетъ доказалъ ему всю несправедливость этой мѣры, въ силу которой, въ самомъ дѣлѣ, Австрія могла бы во всякое время запрещать провозъ оружія въ Цетинье, такъ что Черногорія, не имѣющая своихъ заводовъ, не могла бы добыть себѣ ни одного ружья, ни одного патрона, ни ножа! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, за

Австріей можетъ быть признано право лишать Черногорію всякой возможности самообороны? Что касается „вооруженныхъ“ инсургентовъ, будто бы навѣщавшихъ Рагузу, то это неправда: австрійскимъ властямъ, конечно, не менѣе чѣмъ намъ было извѣстно что ни одинъ *усташъ* не приходилъ въ Рагузу не оставивъ всего своего оружія по ту сторону Австрійской границы, на Турецкой территоріи, между тѣмъ какъ въ самой Рагузѣ не только турецкіе офицеры постоянно имѣли при себѣ свои сабли, но и простые Турки, изъ Требиня, носили на поясницѣ цѣлый арсеналъ оружія. Не болѣе основанія имѣли англійскія обвиненія по поводу Славянскихъ комитетовъ имѣвшихъ только благотворительныя цѣли; если имъ и случилось покупать патроны, то, какъ намъ положительно извѣстно, эти покупки дѣлались у *самихъ же Турокъ* и на Турецкой территоріи, такъ какъ ихъ гораздо легче было купить въ турецкихъ складахъ чѣмъ доставлять чрезъ Австрійскую границу; впрочемъ, около того времени къ которому относятся обвиненія лорда Дарби, давно уже были закрыты всѣ славянскіе комитеты въ Австріи. Уговаривать же выселенцевъ не возвращаться на родину не было надобности: сами Турки позаботились отнять у нихъ всякую охоту къ возвращенію, такъ какъ всѣ тѣ изъ этихъ несчастныхъ которые, сдаваясь на увѣщанія турецкихъ агентовъ и римско-католическаго епископа Босніи и Герцеговины, дерзнули возвратиться въ Турцію, были тотчасъ же изрублены ихъ магометанскими соотечественниками. Оставалось послѣднее обвиненіе, касавшееся участія Кривошинцевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Эти же самые Кривошинцы, нѣсколько лѣтъ назадъ, воевали съ самою Австріей, которая не иначе успѣла управиться съ ними какъ уступивъ всѣмъ ихъ требованіямъ. Какимъ же образомъ могла она не допускать ихъ идти на помощь своимъ братьямъ по племени и вѣрѣ?

Оказывается что ничего этого графъ Андраши, которому всѣ эти подробности конечно были извѣстны не хуже чѣмъ намъ, не нашелся сказать въ отвѣтъ британскому послу. Какъ видно изъ цитуемой корреспонденціи, онъ предпочелъ просто признать справедливыми всѣ сдѣланныя ему представленія и исполнить требованія Англіи. Но въ этомъ случаѣ, „чтобы избѣ„жать *вида* доброжелательства къ Турціи,“ утверждаетъ корреспондентъ, „графъ Ан„драши долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ за„претить и для Турокъ выгрузку войскъ „и военныхъ припасовъ въ Клекской га„вани, и эта связь была *оцѣнена по до„стоинству* въ Константинополѣ...“

Такимъ образомъ объясняется почему съ самаго начала Порта и не думала изъявлять неудовольствіе на закрытіе Клекской гавани: ей очень хорошо было извѣстно что это закрытіе есть „только *предлогъ*,“ — и предлогъ совершенно для нея безвредный, — къ мѣрѣ оказавшей ей дѣйствительную услугу, ибо съ тѣхъ поръ Бокка Которская строго-на-строго заперта для Черногоріи.

Напрасно думаютъ что закрытіе Клекской гавани направлено противъ Турокъ; оно направлено *единственно противъ Черногоріи и Герцеговины*. Такъ отзывался объ этой мѣрѣ, уже при самомъ объявленіи ея, вѣнскій корреспондентъ лондонской газеты *Times*...

Но какъ же, спрашивается, объяснить затѣмъ пущенные изъ Пешта и изъ Вѣны толки о неудовольствіи вдругъ изъявленномъ Портой противъ этой мѣры именно въ тотъ моментъ когда Клекская гавань оказываетъ турецкимъ войскамъ самую важную услугу? Видно опять понадобилось „избѣжать вида доброжелательства относительно Турціи...“

Б.

Полученныя за послѣдніе два дня телеграммы не оставляютъ болѣе сомнѣнія что князья Сербскій и Черногорскій рѣшились вести войну до послѣдней крайности и теперь имѣютъ полную надежду на успѣхъ, на „совершенное освобожденіе Сербскаго народа.“ . . . .

Послѣ всѣхъ толковъ распространяемыхъ туркофильскою печатью объ „отчаянномъ“ будто бы положеніи Сербіи, взглядъ ся правительства на ходъ войны получаетъ особое значеніе.

Безспорно что вторженіе Турецкихъ ордъ въ предѣлы Сербіи есть великое несчастіе, но это еще не свидѣтельствуетъ о безсиліи Сербской арміи отразить ихъ дальнѣйшее наступленіе и затѣмъ вытѣснить ихъ обратно. . . . .

Отступленіе Сербовъ изъ долины Тимока обусловливалось не превосходствомъ турецкой арміи или недостаточною стой-

костью Сербскихъ войскъ, а стратегическими условіями. На востокѣ Сербской арміи не доставало единства командованія, вслѣдствіе чего не было должнаго согласія въ дѣйствіяхъ бывшихъ Тимокской и Южно-Моравской арміи. Далѣе, въ моментъ перехода къ чисто оборонительнымъ дѣйствіямъ, Сербскія войска были черезъчуръ разбросаны, такъ что для наименованія тогдашняго ихъ расположенія пришлось въ послѣдствіи употребить давно уже забытое выраженіе „кордонная система,“ благодаря которой Сербы въ рѣшительномъ пунктѣ и въ рѣшительную минуту (у Княжевца напримѣръ) были несравненно слабѣе Турокъ.

Съ назначеніемъ генерала Черняева главнокомандующимъ восточною арміей и предоставленіемъ ему полной свободы дѣйствій, оба эти важнѣйшіе недостатка устранены, — единство командованія упрочено, войска расположены сосредоточенно.

Если въ нѣкоторыхъ дѣлахъ Сербы потерпѣли неудачи, то онѣ объясняются не нестойкостью войскъ, а опять-таки ошибками командованія, что̀ всего лучше видно изъ дѣла при Вратарницѣ. Здѣсь въ дѣлѣ приняли участіе отряды отъ двухъ сербскихъ армій; на полѣ сраженія присутствовали два независящіе другъ отъ друга начальники, а это отнюдь не способствовало правильному ходу дѣла; къ довершенію всего, полковникъ Лешанинъ задумалъ весьма сложный маневръ (дальній обходъ), несвоевременное окончаніе котораго и повлекло за собою потерю сраженія успѣшно начатаго, которое при удачѣ быть-можетъ рѣшило бы судьбу войны.

Напротивъ, въ дѣлахъ которыми руководила одна воля, гдѣ не затѣвались сложныя движенія, невыполнимыя для слишкомъ молодыхъ войскъ, почти не имѣющихъ офицеровъ, тамъ успѣхъ всегда былъ на сторонѣ Сербовъ, даже при численномъ превосходствѣ противника. При Княжевцѣ, напримѣръ, одна сербская бригада Хорватовича пять дней выдерживала натискъ сильнаго турецкаго корпуса (3 дивизіи) и отступила, безъ окончательнаго разстройства, на новую позицію, которую атаковать Турки не рѣшились.

Сербскія войска суть милиція, а не ополченіе въ старомъ русскомъ смыслѣ. Сербскій милиціонеръ „прямо отъ сохи“ взятъ. Въ рядахъ сербскихъ войскъ стоитъ нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, прошедшихъ правильную военную школу, прослужившихъ нѣсколько лѣтъ въ регулярныхъ войскахъ. *Войники* не состоявшіе на дѣйствительной службѣ все же въ мирное время обучались обращенію съ оружіемъ и элементарнымъ эволюціямъ при ежегодныхъ сборахъ, подъ руководствомъ инструкторовъ взятыхъ изъ регулярныхъ войскъ Сербіи.

Матеріалъ изъ котораго создана Сербская армія доброкачественный и даже нѣсколько обдѣланный, и если на поляхъ сраженій сербскія войска выказали малую способность къ маневрированіи, то вслѣдствіе почти совершеннаго отсутствія офицеровъ. Нашъ корреспондентъ находящійся при бывшей южно-моравской арміи видѣлъ бригады гдѣ было лишь по два офицера: командиръ и его адъютантъ, а между тѣмъ нынѣшній разсыпной бой требуетъ еще большаго числа офицеровъ чѣмъ прежній, сомкнутыми густыми массами.

Прибытіе въ Сербію значительнаго числа иностранныхъ офицеровъ и обученіе войскъ, на которое обратилъ серіозное вниманіе главнокомандующій, должны и въ этихъ отношеніяхъ усилить Сербскую армію, которая уже и теперь пугаетъ Турокъ, такъ что они находятъ невозможнымъ дѣйствовать иначе какъ съ величайшею осторожностью, уступая своему противнику то что̀ для него всего важнѣе, именно время. Каждый день который выигрываютъ такимъ образомъ Сербы увеличиваетъ ихъ силы. Въ настоящее время, въ Алексинцѣ расположенъ „резервный“ корпусъ въ 30.000 человѣкъ. Люди составляющіе это войско призваны подъ знамена позднѣе другихъ, обучались менѣе, а между тѣмъ ихъ военное образованіе уже настолько подвинулось впередъ что они могли отбыть блестящій парадъ въ общемъ строю въ честь новорожденнаго наслѣдника Сербіи.

Численное превосходство Турецкихъ войскъ, по самому щедрому счету ихъ, не велико. Сербы имѣютъ на всѣхъ театрахъ войны около 150 тысячъ, Турками противъ Сербіи выставлено около 200 тысячъ, изъ коихъ чуть ли не половина иррегулярныхъ войскъ, организація и дисциплина которыхъ гораздо ниже нежели сербской милиціи втораго призыва. Сербская артиллерія, наконецъ, сильнѣе и по общему отзыву гораздо лучше Турецкой.

Правдивую характеристику Турецкой арміи прочли мы въ польской газетѣ *Часъ*,

сочувствующей Туркамъ и скорбящей о неустройствѣ ихъ ордъ. „Турецкіе офи-„церы, безъ исключенія, отличаются уди-„вительнымъ невѣжествомъ... Главный „штабъ неспособенъ къ исполненію обя-„занностей и не имѣетъ даже географи-„ческихъ картъ.....Иррегулярныя войска „пришли не затѣмъ чтобы сражаться, а „чтобы грабить и друга и недруга," и подъ часъ содрать и тѣ „лохмотья" въ которыхъ ходятъ голодные солдаты низама.

Взаимное положеніе воюющихъ армій также не внушало Сербскому правительству большихъ опасеній. Восточная армія стоитъ твердою ногой на Моравѣ, впереди своей главной оборонительной линіи, на югозападѣ Яворская армія Чолокантича судя по послѣднимъ дѣламъ достаточно сильна и стойко выдерживаетъ напоръ Турокъ; на Дунаѣ, наконецъ, повидимому предпринимаютъ болѣе рѣшительныя дѣйствія, и полковникъ Алимпичъ сбирается продвинуться за Бѣлину.

Боснійскіе инсургенты, подъ общимъ начальствомъ полковника Деспотовича, въ сѣверо-западной части страны имѣли въ послѣднее время серіозный успѣхъ.

Положеніе Турокъ въ Босніи таково что въ Константинополѣ очень опасаются за эту провинцію. „Пока Абдулъ-Керимъ со „своими войсками будетъ давать безре-„зультатныя сраженія на Востокѣ," пишетъ въ *Neue Freie Presse* тотъ *выдающійся* австрійскій военный спеціалистъ о которомъ мы упоминали какъ-то на дняхъ — „западная Сербская армія, пользуясь раз-„стройствомъ силъ Мухтаръ-паши, можетъ „войти въ связь съ Черногорцами, пред-„принять въ Босніи рѣшительныя дѣйствія „и вырвать эту провинцію окончательно „изъ рукъ Турокъ."

Съ театра войны еще пока нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Въ главномъ штабѣ Сербскихъ войскъ поняли что прежняя излишняя откровенность касательно производимыхъ движеній и замышляемыхъ дѣйствій служила лишь въ пользу Турокъ. Осторожность Сербскаго штаба простирается теперь до того что онъ умалчиваетъ и о турецкихъ маневрахъ становящихся ему извѣстными, чтобы такою „нескромностью" не нависти турецкаго главнокомандующаго на мысль перемѣнить свои намѣренія и измѣнить направленіе данное имъ войскамъ корпусовъ Османъ-паши и Эйюба...

Положеніе Сербіи въ эту минуту можно назвать благопріятнымъ, еслибъ у Турокъ не нашелся надежный союзникъ въ лицѣ австро-венгерскихъ властей, которыя одною рукою выпускаютъ на свободу турецкихъ солдатъ перешедшихъ съ оружіемъ Австрійскую границу и подлежащихъ интернированію, а другою подписываютъ приказъ строго слѣдить чтобы въ Сербію не проникло чрезъ Австрію какое-нибудь ружье, не проскользнулъ какой-нибудь волонтеръ. И это уже не газетная „утка." Таковъ приказъ отданный 29 іюля министромъ торговли Хлумецкимъ, во имя принципа „невмѣшательства."

Невольно приходится повторить слова что такое „невмѣшательство очень похоже на вмѣшательство въ пользу Турокъ," какъ писалъ почтенный епископъ Манчестерскій.

№ 200.

Москва, 7-го августа.

Турецкія злодѣянія въ Болгаріи вызвали переворотъ въ общественномъ мнѣніи не одной только Англіи, на что мы на дняхъ указывали. Нашлись и въ Вѣнѣ (увы! немногіе) органы, преимущественно изъ тѣхъ которые стоятъ въ близкихъ отношеніяхъ къ правительству, высказавшіе ужасъ и негодованіе по поводу того что теперь подтверждается со *всѣхъ* сторонъ. Вотъ что мы читаемъ, по поводу представленнаго Британскому Парламенту отчета г. Беринга, въ *Fremdenblatt*, вѣнской газетѣ получающей внушенія изъ правительственныхъ сферъ: „Поднимающія во-„лосы дыбомъ, вопіющія къ небу злодѣянія „въ Болгаріи, систематическое разрушеніе „городовъ и селъ единственно для удовле-„творенія инстинктовъ разрушенія, избіе-„ніе массами невинныхъ людей, хладно-„кровная рѣзня женщинъ и дѣтей, все это „не можетъ быть не только оправдано, но „и объяснено даже въ томъ случаѣ если „допустить что тамъ происходила отчаян-„ная взаимная борьба за существованіе. „Ужасающею и непонятною загадкой гля-„дитъ на нашъ вѣкъ этотъ кровавый при-„зракъ *подавленнаго возстанія* въ Болга-„ріи; ошеломленные имъ, мы, высокообра-„зованные Европейцы, спрашиваемъ другъ „друга: какъ могло случиться подобное

„въ наши дни и въ нашей цивилизованной „части свѣта?“

Вѣнскій офиціозный органъ находитъ одинъ лишь отвѣтъ на этотъ вопросъ: „это могло случиться,“ замѣчаетъ онъ, „лишь потому что всѣ должны были считать подобное невозможнымъ.“ Европа была застигнута врасплохъ „потому лишь „что подобныя злодѣянія были для нея немыслимы.“

Такъ ли это? спросимъ мы въ свою очередь. Въ самомъ ли дѣлѣ мы такъ высокоцивилизованны, такъ утонченно-гуманны, что мы и въ мысли допустить не можемъ того чему до сихъ поръ продолжаемъ быть хладнокровными свидѣтелями? Не говоря уже о тѣхъ нечистыхъ элементахъ которые съ такою силой выступили наружу въ западной Европѣ отъ береговъ Дуная до береговъ Темзы, не говоря о тѣхъ кто, подъ видомъ какихъ-то воображаемыхъ національныхъ интересовъ упорно и съ наглостію долгое время отрицали эту Тамерлановскую бойню, — оставляя безъ вниманія издаваемые на всѣхъ европейскихъ языкахъ и во всѣхъ просвѣщенныхъ центрахъ Европы турецкіе органы, которые съ безстыдствомъ баши-бузуковъ до сихъ поръ отрицаютъ совершившееся и продолжаютъ утверждать что „Болгары первые подали поводъ къ рѣзнѣ,“ — неужели положа руку на сердце можно сказать что общественное мнѣніе Европы почувствовало наконецъ весь ужасъ грѣха такъ долго тяготѣющаго надъ цивилизованнымъ міромъ, тяжкаго, несмываемаго грѣха который принято называть Восточнымъ вопросомъ? Нѣтъ, мы этого не думаемъ. Еслибъ это было такъ, еслибы тотъ ужасъ который краснорѣчиво высказывается въ приведенныхъ выше словахъ вѣнской газеты дѣйствительно охватилъ всѣхъ не на словахъ а на дѣлѣ, то единственнымъ отвѣтомъ на вышеприведенный вопросъ былъ бы единодушный смертный приговоръ надъ Турціей какъ государствомъ и какъ членомъ Европейскаго международнаго союза. Страшной груды тѣлъ до сихъ поръ тлѣющихъ на поляхъ злополучной Болгаріи было бы слишкомъ достаточно для того „европейскаго равновѣсія“ которое будто пострадало бы съ прекращеніемъ политическаго существованія Турціи.

Но нѣтъ, не таково общественное настроеніе Европы! Мѣщанское равнодушіе, себялюбивая забота о мелкихъ интересахъ, о спокойствіи своего очага, и боязнь предъ призракомъ „всеобщей европейской войны“ который сами создали и приносятъ ему какъ Молоху *кровавыя* жертвы (ибо не можетъ быть *всеобщей* войны гдѣ нѣтъ повода ко всеобщему спору) заглушили голосъ исторической правды, и заслуженная кара не только не постигаетъ Турціи, но жизнь ея поддерживается искусственно, вопреки естественной силѣ вещей, и самыя предсмертныя конвульсіи этого „больнаго“ находящагося при послѣднемъ издыханіи сѣютъ смерть тамъ гдѣ молодая историческая жизнь усиленно пробивается на свѣтъ.

Нѣмецкій поэтъ какъ бы въ пророческомъ предвидѣніи настоящей минуты, удивительно охарактеризовалъ настроеніе теперешней Европы, вложивъ слѣдующія слова въ уста „шписсбюргера:“

Nichts Bessres weiss ich mir an Sonn-und Feiertagen,
Als im Gespräch von Krieg und Kriegsgeschrei,
Waun hinten weit in der Türkei,
Die Völker auf einander schlagen.
Man steht am Fenster, trinkt sein Gläschen aus
Und sieht den Fluss hinab die bunten Schiffe gleiten;
Danu kehrt man Abends froh nach Haus,
Und segnet Fried' und Friedenszeiten *)

Этотъ монологъ одного изъ „гражданъ“ въ первомъ дѣйствіи Фауста пришелъ намъ въ голову при чтеніи одной изъ послѣднихъ статей о Восточномъ вопросѣ въ берлинской *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, также слывущей органомъ правительства. Подобно вѣнской офиціозной газетѣ и берлинская приходитъ въ ужасъ отъ содержанія доклада г. Беринга и утверждаетъ что и Германія, „хотя и наименѣе матеріяльно заинтересованная изо всѣхъ вліятельныхъ европейскихъ державъ, чувствуетъ себя за одно съ другими когда „рѣчь идетъ объ охраненіи права и цивилизаціи тамъ гдѣ онѣ подвергаются опасности и о безостановочномъ расширеніи „ихъ круга... Вотъ почему,“ продолжаетъ названная газета, „общественное мнѣніе въ Германіи безъ сомнѣнія съ радо-

*) Ничего лучше нѣтъ для меня въ воскресные и праздничные дни какъ бесѣда о войнѣ и воинскомъ шумѣ, когда тамъ далеко въ Турціи, народы бьются между собой. Стоишь у окна, выпиваешь свой стаканчикъ, и смотришь на пестрыя суда скользящія внизъ по рѣкѣ. Затѣмъ возвращаешься вечеромъ довольный домой, благословляя миръ и мирныя времена.

„стію встрѣтитъ всякія мѣры направлен-„ныя къ тому чтобы положить конецъ по-„рядку вещей подъ прикрытіемъ коего, „лишь на разстояніи нѣсколькихъ сотъ „миль отъ центровъ цивилизаціи, совер-„шаются ужасы которые составятъ самыя „мрачныя страницы въ исторіи XIX сто-„лѣтія."

Если это не лицемѣріе — чего мы не хотимъ предполагать по крайней мѣрѣ со стороны берлинскихъ органовъ печати — то что̀ это какъ не мѣщански благодушное разсужденіе надъ кружкой пива о томъ что̀ творится „тамъ далеко, въ Турціи?" Мы знаемъ уже теперь какія „мѣры" приняты для того чтобы предупредить дальнѣйшее омраченіе страницъ исторіи XIX вѣка. Телеграфъ извѣстилъ насъ что его величество султанъ Турецкій даровалъ амнистію всѣмъ „мятежнымъ Болгарамъ," за исключеніемъ однако тѣхъ кои окажутся виновными въ подстрекальствѣ къ мятежу. По свидѣтельству самого г. Беринга, этихъ послѣднихъ продолжаютъ вѣшать въ его собственномъ присутствіи, а судитъ ихъ турецкій трибуналъ состоящій изъ тѣхъ самыхъ предводителей баши-бузуковъ, которые залили Болгарію моремъ невинной крови! Этотъ актъ высокаго милосердія со стороны Порты внушенъ ей гуманною Англіей. Въ числѣ дополнительныхъ дипломатическихъ документовъ представленныхъ на дняхъ Англійскому Парламенту, находимъ слѣдующую телеграмму сэръ-Генри-Элліота отъ 9-го августа:

„Я рѣшительнымъ образомъ настоялъ предъ Портой чтобы Болгары, до сихъ поръ содержавшіеся въ тюрьмахъ, были немедленно освобождены. Великій визирь обѣщалъ мнѣ это, добавивъ что исключеніе должно быть сдѣлано относительно тѣхъ кои были подстрекателями бывшихъ безпорядковъ. . . . .

Великій визирь сдержалъ свое обѣщаніе. Но этого мало. Вторженіе Турокъ въ предѣлы Сербіи сопровождалось такими же подвигами какіе совершены ими въ Болгаріи. Наши корреспонденты изъ Сербскаго лагеря сообщали намъ списокъ 53 сербскихъ деревень разрушенныхъ Турками. Корреспондентъ вѣнской *Politische Correspondenz*, котораго трудно заподозрить въ пристрастіи къ Славянамъ, описывая подвиги Турокъ на Сербской территоріи, выразился что если война продолжится еще двѣ, три недѣли и Туркамъ удастся проникнуть до Бѣлграда, то „необъятная груда развалинъ обозначитъ собою то мѣсто гдѣ когда-то была Сербія." Англійскіе государственные люди также это предусматриваютъ. И вотъ, стараясь согласить интересы гуманности „присущіе всей Европѣ" съ не менѣе близкими англійскому сердцу интересами турецкой независимотти отъ Европы (за исключеніемъ конечно Англіи), г. Боркъ пишетъ сэръ-Генри-Элліоту 8-го августа слѣдующія характерныя строки:

„Сэръ.—Вслѣдствіе взятія Зайчара можно предвидѣть что Турки займутъ значительную часть Сербской территоріи. Поэтому я прошу ваше превосходительство настойчиво внушить Портѣ чтобы войска вторгающіяся въ Сербію были удержаны подъ строгимъ наблюденіемъ, чтобы невооруженное населеніе было пощажено и чтобы всякое возобновленіе болгарскихъ звѣрствъ было энергически предотвращено. Ваше превосходительство должны разъяснить что повтореніе этого ужаснаго зрѣлища можетъ болѣе повредить Турціи нежели проигранное сраженіе, и что негодованіе Европы, которое нельзя будетъ долѣе сдерживать, неминуемо повлечетъ за собою вмѣшательство, столь для Турціи нежелательное. . . . .

Это внушеніе подѣйствовало. Мы знаемъ уже о распоряженіи турецкаго главнокомандующаго угрожающаго смертною казнію (вотъ какъ строго!) всякому кто дозволитъ себѣ нарушеніе Женевской конвенціи. Извѣстно что Турція, какъ и подобаетъ члену просвѣщеннаго европейскаго союза, состоитъ членомъ и этой гуманной конвенціи. Не извѣстно только имѣетъ ли приказъ Керимъ-паши обратное дѣйствіе, и будетъ ли онъ примѣненъ къ тому пашѣ, у котораго на глазахъ былъ недавно изрубленъ въ куски одинъ австрійскій врачъ имѣвшій на себѣ знакъ Женевской конвенціи, какъ сообщается во всѣхъ вѣнскихъ газетахъ?

Итакъ, вотъ тѣ мѣры которыя уже принимаются и какихъ можно конечно ожидать много впереди, коими „до глубины души" возмущенная гуманная Европа единодушно постарается предотвратить то что̀ совершилось! Туркамъ будутъ строго внушать что такъ поступать не годится, что этакъ пожалуй они накликаютъ на себя бѣду—Европа вмѣшается; а Турки немедленно распишутся въ полученіи англійскихъ и иныхъ внушеній: они издадутъ

разныя гуманныя воззванія къ своимъ баши-бузукамъ и будутъ грозить имъ смертною казнью за всякое отступленіе отъ обязанностей человѣколюбія, на нихъ возложенныхъ, а „дѣйствительной казни будутъ по прежнему подвергаться Болгары виновные въ подстрекательствѣ!“ Если есть что-либо еще болѣе вопіющее, болѣе поразительное чѣмъ Болгарская рѣзня, такъ это теперешній турецкій судъ надъ Болгарами. Турецкая кровожадность *еще* не насытилась; вопреки (или согласно) „заступничеству“ Англіи, Турки требуютъ еще новыхъ жертвъ, и г. Берингъ доноситъ что при немъ въ Филиппополѣ произнесено нѣсколько новыхъ приговоровъ и совершено нѣсколько новыхъ казней.

Самое донесеніе г. Беринга есть документъ въ высшей степени характеристическій для Англіи. Будучи на мѣстѣ и донося о фактахъ всплывшихъ помимо его на свѣтъ Божій, сопровождаемый корреспондентами газетъ изъ своихъ соотечественниковъ, г. Берингъ *долженъ* былъ сказать приблизительно истину. Но *какъ* высказалъ онъ эту истину? Онъ ограничивается статистическою цифрой: 60 разрушенныхъ деревень и 12 тысячъ зарѣзанныхъ. Но прежде чѣмъ привести эту цифру г. Берингъ вдается въ опроверженіе фактовъ еще болѣе чудовищныхъ, въ сравненіи съ которыми факты имъ подтверждаемые какъ бы умаляются; словомъ, и тутъ какъ въ прежнихъ случаяхъ явно проглядываетъ стремленіе теперешняго англійскаго правительства и его органовъ заглушить негодованіе и смягчить впечатлѣніе, точно рѣчь идетъ о собственной винѣ (что, впрочемъ, такъ и есть), и дается показаніе съ цѣлью смягчить грядущую кару, учиняется сознаніе, но вынужденное, изворотливое, съ недомолвками и умолчаніями.

Мы имѣемъ возможность дополнить не досказанное. Одновременно съ г. Берингомъ былъ въ Филиппополѣ человѣкъ, посланный одною изъ лондонскихъ газетъ для слѣдствія, который былъ прежде и будетъ теперь также и нашимъ корреспондентомъ. Первое письмо его мы помѣщаемъ ниже. Этотъ корреспондентъ также англійской породы человѣкъ. Онъ изъѣздилъ земной шаръ, отъ Сѣвернаго полюса до Хивы и отъ Кавказа до Испаніи и Тихаго Океана; это человѣкъ бывалый, съ крѣпкими нервами, и онъ явился на мѣсто вооруженный тою хладнокровною наблюдательностью которая столь свойственна англійскимъ и американскимъ корреспондентамъ. Но и его стойкость, его крѣпкіе нервы не выдержали; онъ не могъ сохранить свое обычное хладнокровіе. Крикъ ужаса и проклятія вырвался у него послѣ всего что̀ онъ видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ...

Письмо нашего корреспондента обрывается на его отъѣздѣ изъ Филиппополя въ Батокъ, куда онъ отправился вмѣстѣ съ Скайлеромъ 29-го іюля. Мѣсто это наканунѣ посѣтилъ г. Берингъ. Въ *Daily News* находимъ телеграфную корреспонденцію дополняющую полученное нами письмо. Вотъ что̀ сказано въ ней:

„Я только-что видѣлъ городъ Батокъ „вмѣстѣ съ г. Скайлеромъ. Г. Берингъ „былъ здѣсь вчера. Вотъ что̀ я видѣлъ. „Приближаясь къ городу мы замѣтили на „пригоркѣ нѣсколько собакъ. Онѣ разбѣ„жались, и мы нашли на этомъ мѣстѣ „груду скелетовъ, на коихъ сохранились „остатки одежды. Не слѣзая съ лошади „я насчиталъ до сотни череповъ обглодан„ныхъ собаками; это все были черепа „женщинъ и дѣтей. Мы въѣхали въ городъ. „Съ обѣихъ сторонъ валялись между гру„дами развалинъ скелеты съ остатками „одежды на нихъ. И тутъ были женскіе „скелеты; длинные русые волосы висѣли „съ черепомъ. Мы приблизились къ цер„кви. Тутъ трупы становились все чаще; „наконецъ вся почва была буквально усѣя„на скелетами, черепами и трупами гнію„щими въ одеждѣ. Между церковью и „школою были цѣлыя груды; зловоніе было „страшное. Мы вошли на кладбище. Здѣсь „видъ былъ еще ужаснѣе. Все кладбище „было покрыто слоемъ въ три фута тол„щины; руки, ноги и головы торчали изъ „этой страшной смѣси. Я видѣлъ ножки „и головки трехлѣтнихъ дѣтей и головы „дѣвушекъ покрытыя прекрасными воло„сами. Внутри церкви видъ былъ еще бо„лѣе страшный; совершенно голыя тѣла „гнили здѣсь, покрывая весь полъ церкви. „Такого ужаса я никогда не могъ себѣ „вообразить. На кладбищѣ и въ церкви „было не менѣе трехъ тысячъ тѣлъ. Мы „вынуждены были заткнуть носъ табакомъ. „Въ школѣ, были сожжены живыми двѣ„сти женщинъ и дѣтей, по всему городу „тотъ же видъ; тѣла зарытыя мѣстами въ „неглубокія ямы были отрыты собаками.

„Берега маленькой рѣчки сплошь покрыты „тѣлами. Городъ имѣлъ 9.000 жителей. „Ихъ осталось 1.200. Успѣвшіе спастись „отъ рѣзни возвратились въ свои разрушенные дома, и вопли ихъ слышны были „за полмили. Нѣкоторые отрывали своихъ „дорогихъ между грудами тѣлъ. Одна женщина плакала надъ тремя маленькими „черепами, на коихъ волосы сохранились. „Это она отыскала остатки своихъ зарѣзанныхъ дѣтей.“

Все это читаютъ добрые люди въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, въ... И выслушавъ все это, мы спокойно ложимся себѣ спать, „благословляя миръ и мирныя времена...“

№ 202.

Москва, 9-го августа.

Восточная политика г. Дизраэли, нынѣ графа Биконсфильда, дорого обошлась злополучнымъ Болгарамъ. Дѣйствіе ея еще не истощилось. Разнузданныя страсти свирѣпствуютъ повсюду до неистовства. Въ Босніи дервиши громко призываютъ мусульманское населеніе къ избіенію христіанъ; въ Болгаріи доведенный до отчаянія народъ снова берется за оружіе, гдѣ у кого оно уцѣлѣло. Понятенъ этотъ новый подъемъ народнаго движенія, но сжимается сердце при мысли что эта новая вспышка подастъ поводъ къ возобновленію неистовствъ, быть-можетъ еще въ ужаснѣйшихъ размѣрахъ, при бездѣйствіи Европы, которая согласна только въ томъ чтобы напирать на христіанъ же, пугать Сербовъ и понуждать ихъ покориться звѣрю...

Что это распаленіе гнусныхъ страстей есть плодъ политики торійскаго кабинета,—отрицать это невозможно. Это говоримъ не мы одни. Англійская политика внушила дерзкую увѣренность Туркамъ что они могутъ все позволитъ себѣ безнаказанно, а Европа своимъ положеніемъ подтвердила эту увѣренность. Это начали понимать и въ Англіи. Лордъ Гранвиль уже высказалъ мягкій упрекъ правительству что его нейтралитетъ былъ „дружественный къ Турціи,“ а константинопольскій корреспондентъ *Daily News* писалъ по этому поводу: „Кто только былъ въ Константинополѣ въ теченіе послѣднихъ девяти мѣсяцевъ, тотъ не станетъ отрицать что „нашъ нейтралитетъ былъ пристрастенъ „къ здѣшнему правительству. Ходячее убѣжденіе между всѣми классами то что Англія потворствовала Турціи. „Мы спасли „ее когда всѣ другія державы ее покинули.“ Чернь софтъ, привѣтствовавшихъ „адмирала Друммонда прямо объявила что „мы были ихъ единственными друзьями. Но „это покровительство оказываемое Турціи, „по сужденію всѣхъ національностей, „безразлично, означало поддержку мусульманамъ въ ихъ стараніи подавить христіанъ.“ „„Англія позаботится о нашихъ „иностранныхъ врагахъ,““ говорили турецкія газеты, „„и оставитъ намъ позаботиться о христіанахъ. Она не допуститъ „„вмѣшательства за нихъ, и поможетъ намъ „„подавить ихъ.““ И это мнѣніе объ англійской политикѣ не было неосновательно. Мы помогали Турціи противъ христіанъ. Чѣмъ болѣе становятся извѣстны „публичныя дѣйствія Англіи въ Турціи, „тѣмъ болѣе очевиднымъ становится что „мы были единственная нація въ Европѣ „которая была дружественна Турецкому „племени, и въ такой же именно мѣрѣ врагомъ прогресса въ Турціи.“

Враждуя такимъ образомъ противъ турецкихъ христіанъ и пособляя ихъ угнетенію поддержкой угнетателей, можетъ ли политика г. Дизраэли по крайней мѣрѣ сказать что принесла пользу нѣжно лелѣемой имъ Турціи? Увы! приходится признать что положеніе Оттоманской имперіи теперь безотраднѣе чѣмъ когда-либо, гораздо болѣе чѣмъ даже полгода тому назадъ. Неистовства коими Турки хотѣли задушить вопли христіанъ падаютъ на ихъ же голову, и лордъ Дарби вынужденъ былъ писать въ Константинополь что „повтореніе этого ужаснаго зрѣлища можетъ болѣе повредить Турціи чѣмъ проигранное сраженіе,“ ибо негодованіе Европы неминуемо де повлечетъ за собой вмѣшательство „столь для Турціи нежелательное.“ Но теперь уже эти увѣщанія и напоминанія о собственномъ интересѣ Турокъ болѣе не дѣйствуютъ. Обуздать разыгравшіяся страсти гораздо труднѣе чѣмъ распалить ихъ. Телеграфъ извѣщаетъ о продолжающихся убійствахъ и послѣ увѣщаній лорда Дарби. Да и какъ имъ теперь подѣйствовать когда въ высшихъ совѣтахъ Порты царитъ хаосъ? Что сталось съ ликованіями лондонской печати и британскихъ министровъ о безкровной революціи въ Константинополѣ, о новой эрѣ открыв-

шейся для имперіи, о либерализмѣ софтъ? Софты нынѣ ополчаются на убійства и разбои, а о либеральныхъ реформахъ, о равноправности христіанъ, запрещено и разсуждать въ Константинополѣ. Султанъ Мурадъ все равно что не существуетъ, и идетъ рѣчь о его замѣнѣ. Пока вмѣсто султана правятъ возведшіе его министры, которые принуждены подлаживаться къ черни ими же возбужденной.

Наконецъ возникло сомнѣніе и въ томъ, соотвѣтствовала ли политика г. Дизраэли истиннымъ интересамъ Англіи. Болѣе дальновидные Англичане понимаютъ что нынѣшній порядокъ вещей въ Европейской Турціи не можетъ долго длиться. Какъ ни заботливо поддерживаетъ ее европейская дипломатія, Оттоманская держава грозитъ рухнуть отъ собственной гнилости, и никакіе флоты Англіи, и никакіе трактаты не въ силахъ вдохнуть въ нее новую жизнь. Немного ранѣе или позднѣе наступитъ крушеніе, но оно неотвратимо, и на развалинахъ Турціи порабощенныя нынѣ народности выступятъ историческими дѣятелями. Не близоруко ли со стороны Англіи заранѣе создавать себѣ въ нихъ враговъ? Такъ говоритъ историкъ Фриманъ; это высказывалось и въ Парламентѣ. Газеты припоминаютъ рѣчь лорда Дарби въ 1864, изъ коей видно что въ то время такого же мнѣнія держался и нынѣшній статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, хотя этотъ взглядъ его ничѣмъ не оправдался въ его двукратное послѣ этой рѣчи управленіе иностранными дѣлами, ни въ Критскую войну, ни въ нынѣшнюю. Наконецъ, Англичане стали стыдиться своей роли, и реакція направилась прежде всего на англійскаго посла въ Константинополѣ. Англійская колонія въ Турецкой столицѣ давно негодуетъ на него за его явное пристрастіе къ Туркамъ, и, какъ пишутъ, ходатайствуетъ о его отозваніи. О необходимости этой мѣры для разубѣжденія Турокъ въ поддержкѣ Англіи прямо заявлено было въ Парламентѣ предъ его закрытіемъ.

Таковы блестящіе плоды для турецкихъ христіанъ, для самой Порты, наконецъ для дальнѣйшихъ интересовъ Англіи, отъ той „бодрой внѣшней политики" — *spirited foreign policy* — которою торійскій премьеръ обѣщалъ возстановить значеніе Англіи, будто бы утраченное робкою политикой кабинета г. Гладстона, который былъ до слишкомъ поглощенъ радикальными реформами внутри чтобы зорко блюсти достоинство и интересы Англіи.

Между тѣмъ, Парламентъ закрывается новымъ неожиданнымъ *coup de théatre*, секретъ коего хранился до послѣдней минуты. Блестящій романистъ, ловкій спорщикъ, цвѣтистый риторъ, изворотливый политикъ и неутомимый вождь партіи, словомъ, г. Дизраэли *in flesh and body* покидаетъ арену своей сорокалѣтней дѣятельности. Палата Общинъ не будетъ уже видѣть его въ своихъ стѣнахъ. *Лидеромъ* ея будетъ уже кто-нибудь другой. Кажется какъ будто г. Дизраэли исчезаетъ вовсе. Оригинальная личность его блѣднѣетъ въ сіяніи покрывшей ее графской короны. Ожидаются еще новыя почести ему; говорятъ о предстоящемъ пожалованіи ордена Подвязки. Если всѣ эти почести суть воздаяніе за его насмѣшки надъ разказами о болгарскихъ страданіяхъ, то да будутъ легки эти лавры новому графу! Но не имѣютъ ли они другаго значенія? Не прикрываютъ ли они почетнаго отступленія? Не есть ли это pont d'or? Въ виду результатовъ политики г. Дизраэли, его возведеніе въ перское званіе невольно производитъ такое впечатлѣніе. Германская печать обсуждаетъ это событіе какъ перемѣну фронта къ коей Британское правительство вынуждено общественнымъ мнѣніемъ, и лондонскій корреспондентъ парижской газеты *National* также утверждаетъ что г. Дизраэли удалился въ Палату Перовъ потому что его игривое отношеніе къ злодѣйствамъ въ Болгаріи неизгладимо повредило ему въ общественномъ мнѣніи, и что онъ предвидитъ распаденіе своего министерства въ будущую сессію.

Скоро увидимъ окажетъ ли превращеніе г. Дизраэли въ графа Биконсфильда какое-либо вліяніе на англійскую политику. Пока перемѣна въ министерствѣ ограничивается этимъ. Графъ Биконсфильдъ остается премьеромъ, но многіе признаки даютъ заключать что онъ едва ли долго сохранитъ значеніе какимъ пользовался будучи просто мистеромъ Дизраэли. Перское званіе обыкновенно завершаетъ карьеру, и не было еще примѣра чтобы глава партіи и правительства, пользуясь неограниченнымъ авторитетомъ и популярностью, пожелалъ ослабить ихъ покидая Палату Общинъ. Питтъ младшій, сэръ-Робертъ Пиль, лордъ Пальмерстонъ умерли коммо-

нерами. Лордъ Россель принялъ перство когда его политическая карьера давно уже завершилась, и хотя послѣ онъ и былъ премьеромъ, но въ сущности авторитетъ принадлежалъ г. Гладстону. Въ настоящемъ случаѣ были казалось особыя причины противъ перемѣщенія премьера. Въ Палатѣ Общинъ г. Дизраэли не имѣлъ въ своей партіи равнаго себѣ по опытности и авторитету, а въ числѣ перовъ у него есть товарищи по кабинету коихъ репутація въ странѣ не уступитъ лорду Биконсфильду: тамъ засѣдаютъ уже лордъ-канцлеръ, лордъ Карнарвонъ, лордъ Салисбери, наконецъ лордъ Дарби. Слѣдовательно, не могло быть никакой надобности усиливать кабинетъ въ Верхней Палатѣ и ослаблять его въ Нижней. Не менѣе загадочно принятіе графомъ Биконсфильдомъ должности хранителя малой печати (*Lord Privy Sial*), ставшей вакантною по болѣзни престарѣлаго лорда Мальмсбери. Совмѣщеніе этой синекуры, весьма пригодной для заслуженныхъ заштатныхъ политиковъ или когда не находится другаго мѣста для нужнаго приверженца, съ должностью премьера — фактъ, кажется, небывалый доселѣ. Имъ какъ будто подтверждается ожидаемое переустройство торійскаго кабинета.

Толки о раздорахъ въ этомъ кабинетѣ также не новость, и давно уже утверждали что разногласіе вызывается именно восточною политикой. Послѣднія пренія въ Палатѣ Общинъ о Болгарскихъ дѣлахъ, приведенныя во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты и бывшія за четыре дня предъ закрытіемъ сессіи, весьма характеристичны. Наканунѣ закрытія Парламента, нечего было ожидать безполезнаго заявленія порицанія правительству, но былъ высказанъ рѣзкій протестъ противъ солидарности Англіи съ Турціей. Замѣчательно что на этотъ разъ не слышалось ни одного руссофобскаго или туркофильскаго голоса, и въ протестѣ единодушно сошлись всѣ ораторы, консервативные и оппозиціонные, за единственнымъ исключеніемъ премьера, въ послѣдній разъ говорившаго въ Палатѣ Общинъ, когда, однако, его возвышеніе было еще тайной. Странно, необычно для насъ — читать пренія въ англійской Палатѣ выражающія хоръ обвиненія противъ Англійскаго правительства и оправданія Россіи. Мы не запомнимъ ничего подобнаго пылкому краснорѣчію сэръ-Вильяма Гаркорта, которое выразилось бурнымъ потокомъ негодованія: „Исторія болгарскихъ избіеній навсегда останется пятномъ въ исторіи Европы и упрекомъ въ исторіи Англіи...: Я надѣюсь что мы наконецъ покончили съ Турками... Не лицемѣріе ли проводить билли противъ вивисекцій животныхъ и охранять циркъ для избіенія безпомощныхъ Болгаръ?“ (Это все какъ бы повтореніе словъ давно сказанныхъ въ Москвѣ). „Говорятъ, Россія тревожитъ наши думы. Но развѣ дѣйствія Россіи не отличались умѣренностію?.. Если мы будемъ чуждаться рѣшенія этого вопроса, то мы будемъ осуждены предъ свѣтомъ какъ сообщники и укрыватели, а нынѣшняя Россія будетъ предъ свѣтомъ — ея величайшее завоеваніе — защитницей угнетеннаго христіанскаго племени.“ Дай Богъ чтобы такъ было, скажемъ мы по крайней мѣрѣ вслѣдъ за англійскимъ ораторомъ.

Вліятельнѣйшій членъ оппозиціи г. Форстеръ говорилъ нѣсколько тише, но въ томъ же духѣ, протестуя противъ ревности къ Россіи, указывая что для турецкихъ провинцій нѣтъ другой будущности кромѣ автономіи, и что если Англія будетъ противодѣйствовать Россіи, то можетъ утратить всякое вліяніе въ этой части свѣта. Въ осужденіи дѣйствій британскаго посла въ Константинополѣ болѣе или менѣе соглашались всѣ ораторы, и многіе находили настоятельно-нужнымъ его отозваніе чтобы Турокъ образумить. Не было недостатка и въ обвиненіяхъ на лорда Дарби: но его, какъ кажется, желали немножко выгородить, въ виду его послѣдней рѣзкой депеши къ Турецкому правительству, предостерегающей его что оно „навлечетъ на себя вмѣшательство.“ Замѣчательно что эта депеша была отправлена всего за два дня до преній и обнародована наканунѣ ихъ, какъ будто уже повѣяло новое дуновеніе въ Сентъ-Джемсскомъ кабинетѣ.

Г. Дизраэли хотѣлъ до конца быть вѣренъ себѣ, но рѣчь его вышла слабою. Юморъ измѣнилъ ему, и сарказмы были не кстати когда приходилось не отвѣчать на запросы, а оправдываться. Онъ уже уже не рѣшился заикнуться о революціонныхъ комитетахъ и тайныхъ обществахъ волнующихъ Турцію, и принужденъ былъ прибѣгнуть къ оправданію, самому жалкому, замѣчательно предугаданному нашимъ филиппопольскимъ корреспондентомъ: Онъ

былъ де въ правѣ считать преувеличеніями розказни въ *Daily News,* ибо что же оказалось? — вмѣсто 32,000 убитыхъ всего 12,000; вмѣсто 10,000 узниковъ въ тюрьмахъ только 3,000; и развѣ де избіеніе 12,000 лицъ можетъ обезлюдить провинцію съ 3.700,000 жителей!? Въ заключеніе же онъ сослался на обязанность правительства охранять „существованіе Англійской имперіи,“ какъ будто поддержка Турціи и охраненіе существованія Англіи одно и то же. Но это была уже лебединая пѣснь премьера въ Палатѣ Общинъ: на другой день стало извѣстно его возведеніе въ перство.

Предоставимъ же его соотечественникамъ самимъ проклинать его проклятую политику. Мы еще не знаемъ впрочемъ насколько лордъ Дарби, если онъ станетъ свободнѣе въ выраженіи своей политики, расположенъ вернуться къ своимъ взглядамъ 1864 года. Но теперь, когда Англія повидимому расположена подвергнуть пересмотру свою политику, ужели пребудетъ въ коснѣніи остальная Европа? Повторяемъ что мы говорили на дняхъ: кромѣ политики г. Дизраэли мы не видали въ послѣднее время ни чьей другой политики. Европы не слышно. Англія теперь сама себя осуждаетъ. Увы, не есть ли это вмѣстѣ съ тѣмъ косвенное осужденіе и другихъ? Теперь ли минута неблагопріятна для голоса правды? Заключимъ словами сэръ-Вильяма Гаркорта: „Волна европейскаго „мнѣнія поднимается, и напрасно противиться ей: она снесетъ песчаные замки „дипломатіи и понесетъ своею широкою „и неотразимою волной судьбы тѣхъ державъ, каковы бы онѣ ни были, которыя „освободятъ Европу отъ тяготѣющаго на ней проклятія и искупятъ христіанство отъ „позора столь долго его безчестившаго...“

№ 203.

Москва, 10-го августа.

„Турція удивитъ міръ своимъ могуществомъ!“ воскликнулъ, говорятъ, одинъ изъ нынѣшнихъ министровъ Порты немедленно по низложеніи Абдулъ-Азиза. Это восклицаніе заключало въ себѣ цѣлую политическую программу. Султанъ Абдулъ-Азизъ и его министръ Махмудъ-паша были низвергнуты за ихъ податливость на требованія Европы, особенно за ихъ наклонность послѣдовать совѣту Россіи и внять жалобамъ доведенныхъ до отчаянія христіанъ Босніи и Герцеговины. Подстрекаемое Англіей, новое Турецкое правительство выступило съ рѣшеніемъ противиться до послѣдней крайности всѣмъ требованіямъ христіанъ, залить кровью пожаръ, цѣлый годъ тлѣвшій въ Босніи и Герцеговинѣ, и разгромить Болгаръ чтобъ и имъ не было повадно предъявлять какія-либо требованія. На дняхъ, въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ* (мы нарочно цитуемъ преимущественно туркофильскіе органы) появился разказъ очевидца Нѣмца, г. Социна, который долго жилъ въ Болгаріи и былъ свидѣтелемъ происходившихъ тамъ ужасовъ. Г. Социнъ свидѣтельствуетъ что само Турецкое правительство, распуская слухи будто христіане готовы поднять оружіе чтобы добиться равноправности съ магометанами и заманивъ христіанъ ходатайствовать о томъ, въ то же время подстрекнуло магометанскія населенія къ истребленію христіанъ и наслало для этого десятки тысячъ башибузуковъ. Впрочемъ, напускать на христіанскія населенія толпы этихъ звѣрей всегда входило въ систему управленія Мидхата-паши. „Въ февралѣ 1866 года,“ такъ начинаетъ свой разказъ г. Социнъ, „Мидхатъ-паша былъ губернаторомъ Ду„найскаго виласта... и на всемъ протя„женіи его свирѣпствовали Черкесы и „другіе имъ подобные разбойники. Тогда, „какъ и нынѣ, порядокъ, право, справед„ливость, были пустыми словами. Въ пред„писаніяхъ всякаго рода не было недо„статка, но генералъ-губернаторъ не дѣ„лалъ ничего чтобы дать имъ какую-ни„будь силу...“

Такова политическая программа въ виду которой были низвергнуты Махмудъ съ Абдулъ-Азизомъ и приняли бразды правленія Гуссейнъ-Авни-паша и Мидхатъ-паша. Какъ ни далеко расходились эти лица въ воззрѣніяхъ касательно реформъ, но относительно христіанскихъ населеній мнѣнія обоихъ министровъ были согласны. Именно на счетъ этихъ населеній Турція должна была „удивить міръ своимъ могуществомъ...“

Но гдѣ же взять это „могущество?“ Турецкія арміи упали духомъ, предписанный правительствомъ сборъ редифовъ (резервовъ) потерпѣлъ *fiasco:* во многихъ

мѣстахъ не явилось и десятой, въ нѣкоторыхъ и сотой части стоящихъ на очереди людей; были и такія мѣста гдѣ губернаторы, опасаясь открытаго возстанія, не осмѣлились даже обнародовать фирманъ о призывѣ редифовъ. Кассы имперіи были пусты.

Надо было найти средство гальванизовать громаду раскинутую отъ Адріатическаго моря и Дуная до Персидскаго залива, Индійскаго Океана и верховьевъ Нила. Но какое? Столь чувствительная въ Европѣ національная струна, патріотизмъ, не дѣйствуетъ въ магометанскомъ мірѣ, особенно въ Турціи. Какъ свидѣтельствовало приведенное нами на дняхъ письмо Поляка туркофила, врага восточныхъ христіанъ, въ польскую газету *Часъ*, Турки рѣшительно не имѣютъ понятія о любви къ отечеству; самое слово *отечество* не существовало до сихъ поръ въ ихъ языкѣ, и только весьма недавно заимствовано ими, „pour les besoins de la cause,“ изъ арабскаго. Какое же иное средство оставалось затѣмъ Портѣ дать подвластному ей міру гальваническій толчокъ чтобъ удивить всѣхъ своимъ могуществомъ? Единственнымъ средствомъ было разнузданіе страстей на убійства и разбой, подъ видомъ религіознаго фанатизма. Отъ имени калифа, преемника Пророка, самимъ шейхъ-уль-исламомъ пущено изъ Стамбула воззваніе къ *газавату*. Зеленое знамя Пророка водружено по границамъ Черногоріи и Сербіи, во всей Болгаріи, въ Малой Азіи, въ Сиріи, въ Аравіи, въ Египтѣ, въ Тунисѣ; въ Салоники привезена магометанская святыня, мантія Пророка, и оттуда торжественно препровождена чрезъ всю Болгарію, на театръ войны... Потоки христіанской крови, ограбленныя, оскверненныя и разрушенныя христіанскія церкви, дымящіяся развалины христіанскихъ деревень означаютъ до сихъ поръ слѣдъ тріумфальнаго шествія этой магометанской святыни...

Десятками тысячъ повалили толпы изступленныхъ разбойниковъ, между тѣмъ какъ англійскій флотъ присутствіемъ своимъ ободрялъ и поощрялъ это движеніе, и внушительнымъ образомъ поддерживалъ настоянія британской дипломатіи въ Каирѣ. Оставался вопросъ о казнѣ: откуда вдругъ взялись у Турокъ капиталы которыхъ потребовало какъ вооруженіе всѣхъ этихъ полчищъ, такъ и продовольствіе и передвиженіе ихъ? Разрѣшеніе этой загадки едва ли можно искать гдѣ-нибудь кромѣ Британскаго казначейства...

И вотъ, дѣйствительно, „Турція удивила міръ своимъ могуществомъ.“ Она поставила на ноги весь магометанскій міръ на борьбу съ двумя славянскими княжествами, не насчитывающими вмѣстѣ и полутора милліона жителей и отрѣзанными Австро-Венгріей отъ сообщеній со всѣмъ остальнымъ міромъ. Турецкія полчища превратили въ пустыню безоружную Болгарію, но они бѣгутъ, бросая и своихъ пашей, и свои орудія, предъ горстью Черногорскихъ юнаковъ...

Взявшись удивить міръ могуществомъ Турціи, теперешніе министры обѣщали ей при этомъ „своего рода 93 годъ.“ Терроръ, но конечно не съ патріотическимъ оттѣнкомъ какъ въ 1793 году во Франціи, а простое разнузданіе гнусныхъ страстей отребья населенія уже достигло въ Турціи ужасающихъ размѣровъ. Мы приводили на дняхъ выдержки изъ самыхъ туркофильскихъ газетъ о неистовствахъ совершаемыхъ прибывающими изъ Азіи массами дикарей даже надъ магометанскими мирными населеніями обоихъ береговъ Босфора: въ Бруссѣ, въ Салоникахъ, въ Смирнѣ нѣтъ болѣе преградъ неистовствамъ разнузданной черни; въ Малой Азіи разсвирѣпѣвшія орды грабятъ армянскія церкви и деревни; по свидѣтельству даже аугсбургской газеты, „въ Малой Азіи всѣ не магометане отданы совершенно беззащитно на произволъ до бѣшенства распалившаго изувѣрства массы дикарей;“ наконецъ во всей Сиріи, въ Іерусалимѣ, въ Джеддѣ,—этомъ древнемъ гнѣздѣ кровожаднаго изувѣрства,—обнаруживается въ магометанскихъ населеніяхъ зловѣщее броженіе.

„Движеніе турецкихъ волонтеровъ,“ пишутъ изъ Перы въ передовой туркофильскій органъ *Пештскій Ллойдъ*, „принимаетъ съ каждымъ днемъ все большіе „размѣры и болѣе опасный характеръ; „съ каждымъ днемъ возрастаетъ наплывъ „этихъ разнузданныхъ ватагъ, и прибрежные города переполнены нынѣ Черкесами „и всякаго рода иррегулярнымъ сбродомъ, „который вопреки всѣмъ усиліямъ правительства, предается всевозможнымъ неистовствамъ. Какъ вороны чующіе падаль, „появились у самаго входа въ Босфоръ „пираты; они грабятъ купеческія суда и

„избиваютъ ихъ экипажи... Не только „флоты, но вѣроятно и сухопутныя вой„ска Европы, конечно, не останутся здѣсь „безъ дѣла...“

Къ этому политическому и соціальному хаосу присоединяются опустошенія чумы и холеры, изъ коихъ послѣдняя, какъ видно изъ лондонской телеграммы въ нѣмецкія газеты, въ одну недѣлю вырвала изъ населенія Дамаска до 12.000 жертвъ.

Турціи предстоитъ пожинать то что посѣяли ея нынѣшніе правители по совѣтамъ британскихъ дипломатовъ и на британскія деньги. Они вызвали небывалыя въ Турціи уличныя манифестаціи. Низвергнувъ Махмуда, они убили султана. Вся Европа увидѣла въ этомъ торжество Англіи, тѣмъ болѣе что эта катастрофа сопровождалась обѣщаніемъ Турціи „либеральной“ конституціи. Поручился за исполненіе этого обѣщанія Мидхатъ-паша, уже доказавшій въ Болгаріи что онъ именно „либераленъ“ насколько нужно Англіи, то-есть насколько того требуетъ окончательное порабощеніе и истребленіе христіанскихъ славянскихъ населеній. Весьма характеристично то что восторгу вызванному этимъ обѣщаніемъ „либеральныхъ“ реформъ въ туркофильскихъ сферахъ Великобританіи никто не вторитъ такъ усердно какъ мадьярскіе органы, также заклятые враги восточныхъ христіанъ. „Во всей либеральной Европѣ,“ восклицалъ на дняхъ *Пештскій Ллойдъ* о грядущей для Турціи, подъ управленіемъ Мидхатъ-паши, *либеральной эры*, „пробудилось симпатическое движеніе въ пользу новаго правительства предпринявшаго порвать традицію прошлаго и начать новую систему...“ Но на первомъ шагу Мидхатъ встрѣтилъ рѣшительнаго противника: убійца Абдулъ-Азиза, Гуссейнъ-Авни-паша, энергически выступилъ на защиту старыхъ порядковъ. Его газета, *Бассиретъ*, категорически объявила что равноправность христіанъ съ магометанами противорѣчитъ *Шаріату*, и вызывала на борьбу за него всѣхъ правовѣрныхъ мусульманъ. Всѣ признали эту статью за объявленіе Гуссейномъ непримиримой войны замысламъ Мидхата. Два дня спустя, Гуссейнъ убитъ въ конакѣ Мидхата. Но на пути Мидхата встрѣтилось вскорѣ новое препятствіе: великій визирь, Рюшди-паша, оказался тоже врагомъ реформъ. Въ первое время, по словамъ *Пештскаго Ллойда*, „Мидхатъ былъ „популяренъ... Рюшди не считалъ себя „въ силахъ противодѣйствовать напору „выдвинутыхъ *интеллигентными началами* Турціи (!) новѣйшихъ идей (!)...“ Другими словами, Мидхатъ „находилъ тогда надежную опору въ султанѣ Мурадѣ, „но теперь Мурадъ боленъ, онъ лишился „всякаго значенія.“ Аугсбургская *Всеобщая Газета* дошла до того что обвиняла генерала Игнатьева въ изобрѣтеніи „утки“ о душевной болѣзни султана. Но оказалось что эта „утка“ есть дѣло великаго визиря Рюшди-паша. Онъ опирался на брата и наслѣдника Мурада, Абдулъ-Гамида, и пока Мидхатъ въ своихъ газетахъ доказывалъ что султанъ выздоравливаетъ, что либеральныя реформы и національное представительство вполнѣ совмѣстны съ Шаріотомъ и Кораномъ и вызывалъ въ пользу своихъ затѣй всевозможныя уличныя демонстраціи, Рюшди объявлялъ въ своихъ газетахъ что Мурадъ неизлѣчимъ и провозглашалъ измѣнникомъ всякаго кто осмѣлится говорить о какихъ бы то ни было реформахъ; въ то же время устраивалъ въ пользу своихъ идей петиціи съ безчисленными подписями и уличныя демонстраціи въ которыхъ главную роль играли тѣ же софты, которые такъ недавно служили орудіемъ „либерализму“ Мидхата и были провозглашены за это въ *Пештскомъ Ллойдѣ* „интеллигентными началами,“ двигателями „новыхъ идей!..“

А между тѣмъ по всему видно что нынѣ недалекъ и конецъ кровавой борьбы на Балканѣ. Въ Герцеговинѣ Черногорцы одержали рѣшительныя побѣды; въ Сербіи идутъ теперь рѣшительныя битвы подъ Алексинцемъ. Здѣсь сосредоточены главныя силы обоихъ противниковъ, и все даетъ надежду что окончательная побѣда останется за сербами. Послѣ трехдневнаго боя Турки отбиты на всѣхъ пунктахъ, и Сербы перешли къ наступленію. На правомъ флангѣ Сербами взятъ обратно Княжевацъ и снова заняты вершины Тресибабы, и Турки уже не отступаютъ, а „бѣгутъ.“ Нашъ корреспондентъ, прямо съ поля битвы, свидѣтельствуетъ что молодыя и только-что организованныя сербскія войска ведутъ себя превосходно. Впрочемъ, еслибъ еще оставались у насъ сомнѣнія касательно хода дѣла, то они исчезли бы при возобновившихся извѣстіяхъ объ усиліяхъ будто бы дѣлаемыхъ дипломатіей къ склоненію князя Милана

на мирные переговоры. Намъ уже извѣстно что эти усилія, или слухи о таковыхъ, возобновляются каждый разъ когда дѣла принимаютъ оборотъ благопріятный для Сербовъ...

Какую грустную роль эти коварныя слухи приписываютъ Европѣ, заставляя ее, вмѣсто того чтобы смирить и убрать дикаго звѣря, напирать на горсть его геройскихъ противниковъ и понуждать ихъ покориться ему...

№ 204.

Москва, 11-го августа.

А.

Одинъ только параграфъ тронной рѣчи королевы Викторіи, прочитанной при закрытіи Парламента, обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Параграфъ этотъ вкратцѣ уже сообщенный намъ по телеграфу, конечно касается восточныхъ затрудненій, и полное его изложеніе таково:

„Усилія сдѣланныя мною, вмѣстѣ съ другими державами, чтобы привести ихъ къ улаженію раздора, къ несчастію существующаго между Портой и ея христіанскими подданными, до сихъ поръ были безуспѣшны, и борьба начатая въ этихъ провинціяхъ распространилась на Сербію и Черногорію. Если представится благопріятный случай, я буду готова, въ согласіи съ моими союзниками, предложить мои добрыя услуги съ цѣлью посредничества между враждующими сторонами, принимая при этомъ одинаково во вниманіе обязанности налагаемыя на меня трактатами, такъ равно и внушаемыя соображеніями гуманности и политики.“

Первая половина этой рѣчи вложенной въ уста королевы Викторіи звучитъ ужасною ироніей, припоминая объ *усиліяхъ сдѣланныхъ Англіей* для улаженія распри въ Босніи и Герцеговинѣ. Но интересъ представляетъ, само собою разумѣется, не эта, а послѣдняя часть параграфа, заявляющая о готовности Англіи предложить свои добрыя услуги воюющимъ. Всѣ поняли, несмотря на осторожность и туманность выраженій, что Англія хочетъ выступить на первый планъ и возбудить вопросъ о переговорахъ; англійская печать поспѣшила подтвердить такое заключеніе. Лондонскія газеты истолковали этотъ параграфъ рѣчи такимъ образомъ что „предложеніе Англіей добрыхъ услугъ предполагается сдѣлать вскорѣ.“ Прошла, однако, цѣлая недѣля по закрытіи Парламента, и лишь вчера, одновременно съ извѣстіями изъ разныхъ источниковъ объ успѣхахъ Себскаго оружія, телеграфъ возобновилъ вѣсть о посредничествѣ съ большею противъ прежняго настойчивостью.

Уже одно это обстоятельство внушаетъ недовѣріе къ безкорыстію и безпристрастію „добрыхъ услугъ.“ Изъ сужденій и сообщеній корреспондентовъ англійскихъ газетъ мы въ состояніи составить себѣ нѣкоторое понятіе о предполагаемомъ посредничествѣ.

Вопервыхъ, намъ разъясняютъ что „благопріятный случай“ означаетъ де то чтобы по крайней мѣрѣ одна изъ воюющихъ сторонъ *попросила* интервенціи Англіи въ пользу мира, и что въ настоящемъ де случаѣ не можетъ быть и сомнѣнія какой сторонѣ подобаетъ обратиться съ этою просьбой. Жребій войны показалъ де Сербіи что она по меньшей мѣрѣ сдѣлала величайшую ошибку начавъ войну; она должна, наконецъ, понять всю несоразмѣрность своихъ силъ противъ Турціи; вмѣсто наступленія она сама подверглась вторженію, и продленіе войны грозитъ ей окончательнымъ разореніемъ. Продолжая войну, доказываютъ далѣе разные англійскіе корреспонденты изъ Вѣны и Бѣлграда, Сербія ничего де не можетъ выиграть, ибо каковъ бы ни былъ исходъ битвъ, условія мира во всякомъ случаѣ будутъ зависѣть отъ рѣшенія великихъ державъ. Все это, конечно, должны де понимать въ Бѣлградѣ, и потому собственная выгода побудитъ де Сербское правительство принять предлагаемую ей возможность окончить войну безъ необходимости просить мира у своего противника, въ особенности если посредничество державъ выговоритъ ей условія которыя не будутъ унизительны.

Съ другой же стороны, продолжали разсуждать миролюбцы, дѣйствовать на Турцію гораздо затруднительнѣе. Она показала де что армія ея не утратила своей доблести; она отразила ничѣмъ де невызванное нападеніе и сама перенесла войну на непріятельскую территорію, словомъ одержала де уже не маловажные успѣхи. Такъ разсуждалось во время двѣнадцатидневнаго бездѣйствія Турецкой арміи по занятіи Княжевца и Зайчара. Уже тогда могло ка-

заться подозрительнымъ почему Турецкая армія такъ долго оставалась въ бездѣйствіи и не старалась воспользоваться плодами своихъ блестящихъ успѣховъ. Притомъ же, говорили далѣе, Турція была вынуждена на большія усилія и расходы, и не совсѣмъ несправедливо было бы съ ея стороны желаніе имѣть гарантію противъ новаго подобнаго нападенія со стороны ея вассала. Ходили слухи что въ Константинополѣ намѣрены потребовать низложенія князя Милана въ наказаніе за его возмущеніе противъ его сюзерена, и затѣмъ, занятія снова Турецкими войсками главныхъ городовъ Сербіи, въ томъ числѣ и Бѣлграда. Но, прибавлялось въ заключеніе, Турція не можетъ забывать что она сама существуетъ подъ охраной державъ, которыя не могутъ не допустить такого скандала какъ водвореніе вновь Турокъ тамъ откуда они принуждены были удалиться; также и низложеніе князя Милана могло бы повести къ династическимъ междуусобіямъ въ Сербіи и, слѣдовательно, это условіе несогласимо съ прочнымъ успокоеніемъ. Продолженіе войны также не въ интересѣ и Турціи, ибо ея дальнѣйшіе успѣхи могутъ усилить для нея опасность вмѣшательства, и потому Порта должна будетъ уступить желаніямъ державъ и согласиться на переговоры на условіяхъ *statu quo ante bellum*, а эти условія при настоящемъ положеніи дѣлъ, при безнадежности успѣха для Сербіи, при невозможности не ожидать оборота войны въ другую сторону, самыя для Сербіи выгодныя.

Таковы, по общему увѣренію, добрыя услуги которыя въ настоящее время убѣдительно предлагаются Англіей, въ согласіи и съ содѣйствіемъ другихъ державъ, для скорѣйшаго прекращенія войны, или, по крайней мѣрѣ, для заключенія предварительнаго перемирія. Во всѣхъ этихъ толкахъ о предполагаемыхъ переговорахъ прежде всего поражаетъ то что они выставляются какъ благодѣяніе для Сербіи, которой иначе грозятъ бѣдствія отъ занятія ея непріятелемъ коему она не въ силахъ противиться, что вовсе не было доказано. Затѣмъ, не менѣе страненъ самый способъ переговоровъ. Лордъ Дарби, какъ передаютъ, прислалъ инструкцію сэръ-Генри Эллиоту въ Константинополь, и англійскому консулу въ Бѣлградѣ, г. Уайту, съ предложеніемъ добрыхъ услугъ Англіи, но настоянія дѣлались только въ Бѣлградѣ. По увѣренію корреспондентовъ, Сербскій народъ уже обезкураженъ, самъ князь желаетъ де мира, и есть полная надежда что князь и его министры возьмутъ желаніямъ державъ положить конецъ войнѣ, „представляющей опасность для европейскаго мира.“ Въ то же время нѣтъ никакихъ вѣстей о томъ какъ дѣйствуютъ въ Константинополѣ эти увѣщанія, есть ли тамъ партія желающая мира. Словомъ, мирное посредничество является избавленіемъ Сербіи отъ послѣдствій ея опрометчивости, а со стороны Порты принятіе его будетъ лишь уступкой, снисхожденіемъ на желаніе державъ.

Теперь спросимъ, почему о посредничествѣ не было рѣчи когда Турки громили Зайчаръ и Княжевацъ, и почему они усиленно возобновляются наканунѣ оживленія военныхъ дѣйствій обнаруживающихъ боевую готовность Сербовъ, и послѣ страшныхъ пораженій понесенныхъ Турками на другомъ театрѣ войны отъ Черногорцевъ? Почему эти толки поднимаются теперь когда сербскія войска, состоявшія главнымъ образомъ изъ милиціи, поустроились и обстрѣлялись во множествѣ дѣлъ, когда недостатокъ въ офицерахъ пополнился и съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпилась дисциплина? Дѣйствительно, сербская армія въ короткое время стала уже не та какою она въ началѣ вторглась было въ Турцію, въ разчетѣ, который оказался ошибочнымъ, на немедленное поднятіе всей Болгаріи. Между тѣмъ турецкая армія въ теченіи двѣнадцати дней оставалась неподвижно у Княжевца и Зайчара; у нея не было запасовъ которые съ трудомъ доставлялись изъ Софіи на вьючныхъ лошадяхъ по горнымъ тропинкамъ, при опасеніи что съ наступленіемъ дождей и это сообщеніе прекратится. Турецкой арміи потребовалось пять недѣль чтобы только ступить на Сербскую территорію и занять линію Тимока которую Сербы не могли не оставить при перемѣнѣ образа войны. Между тѣмъ если Сербія не будетъ окончательно побѣждена до октября мѣсяца, то-есть въ шесть недѣль, то осенніе дожди парализуютъ всякое движеніе и затянутъ войну на всю зиму. Содержать же еще въ теченіе восьми или девяти мѣсяцевъ 300.000 войска было бы для Турціи совершеннымъ разореніемъ и соціальнымъ разложеніемъ. Это пишетъ константинопольскій корреспон-

дентъ газеты *Times*. Даже въ столицѣ денежныя бѣдствія вслѣдствіе войны даютъ себя всѣмъ сильно чувствовать. Состояніе же провинцій станетъ отъ продленія войны на зиму невыразимо бѣдственно, въ особенности въ чисто-мусульманскихъ округахъ, гдѣ всякія работы почти прекратились и населеніе отъ нищеты предается разбоямъ.

Эти невольныя обмолвки свидѣтельствуютъ что перемиріе нужно всѣхъ болѣе для Турціи, дабы снова собраться съ силами для угнетенія доведенныхъ до отчаянія ея христіанскихъ подданныхъ.

Наконецъ, надобно же принять въ разсчетъ блистательные успѣхи одержанные Черногорцами, которые, съ одной стороны, должны воодушевить Сербовъ, а съ другой облегчить ихъ дѣйствія, отвлекая часть турецкихъ силъ въ отдаленныя отъ Сербіи мѣстности. О Черногоріи въ толкахъ о посредничествѣ вовсе и рѣчи не было.

Объ участи же христіанъ въ Босніи, Герцеговинѣ, Болгаріи, также нѣтъ въ поминѣ при посредничествѣ. Вѣроятно, имъ пришлось бы удовольствоваться либерально-конституціонными проектами Мидхата...

Б.

Долго ожидаемыя рѣшительныя битвы подъ Алексинцемъ начались 19 (7) августа атакой 20.000 Турокъ на сербскія позиціи у Суповца защищаемыя шестью баталіонами Протича. Съ тѣхъ поръ онѣ длятся четвертый день, одна другой кровопролитнѣе и упорнѣе. Полученныя сегодня изъ Бѣлграда депеши указываютъ на значительное численное превосходство Турокъ. По прежнимъ свѣдѣніямъ полученнымъ въ Вѣнѣ и сообщаемымъ въ *Политической Корреспонденціи*, центръ турецкихъ силъ, армія Ахметъ-Эйюбъ-паши, двинувшаяся противъ Алексинца отъ Дервента долиной Топольницы, въ моментъ выступленія состояла изъ 58.000 человѣкъ пѣхоты, 17 эскадроновъ кавалеріи и 112 орудій. Она была усилена именно въ послѣдній моментъ дивизіей Фазли-паши состоящей изъ 12 баталіоновъ, 3 батарей и 6 эскадроновъ и отдѣленной отъ праваго крыла турецкихъ силъ арміи Османъ-паши расположенной у Зайчара и насчитывающей 20.000 человѣкъ. Армія Али-Саибъ-паши двинувшагося противъ Алексинца изъ-за Моравы состояла изъ 12.000 пѣхоты, 6 эскадроновъ кавалеріи и 4 батарей. Такимъ образомъ силы двинутыя Турками въ настоящую битву достигаютъ по меньшей мѣрѣ до 100.000. Черняевъ могъ противопоставить этимъ турецкимъ силамъ до 85.000 человѣкъ, и 170 орудій, но за то онъ опирается на крѣпко вооруженную позицію у Алексинца. Турецкій главнокомандующій не упустилъ изъ виду важности обладанія сербскими укрѣпленіями у Алексинца и употребляетъ теперь для этого всѣ усилія, на что указываетъ упорство его нападеній. Но движеніемъ Эйюбъ-паши уже поспѣшилъ воспользоваться Хорватовичъ, и отъ Бани куда онъ отступилъ для прикрытія пути на Парачинъ, онъ снова двинулся впередъ и занялъ тѣ же позиціи въ которыхъ стоялъ 4 августа. Сегодня бой у Алексинца возобновился еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. До сихъ поръ Сербы держались геройски, и Черняевъ былъ правъ извѣщая что его армія, въ началѣ столь неопытная, теперь готова къ бою.

№ 205.

Москва, 12-го августа.

О „болгарской рѣзнѣ“ едва ли можно сказать что-нибудь новое. Повѣсть объ этомъ новомъ нашествіи Гунновъ на безоружную и беззащитную область, которое Европѣ довелось видѣть въ своихъ предѣлахъ въ XIX вѣкѣ, неистощима, и каждый новый фактъ потому только усугубляетъ трагическое значеніе возмутительныхъ, невообразимыхъ дѣяній что для раскрытія ихъ, для утвержденія ихъ подлинности, даже теперь приходится бороться противъ лжи нагло распространяемой передовыми представителями цивилизаціи.

Обнародованныя *Правительственнымъ Вѣстникомъ* свѣдѣнія изъ Филиппополя, отъ 3 августа, и воспроизведенныя вчера въ нашей газеты, имѣютъ, однако, особое значеніе. Разказъ написанъ гораздо спокойнѣе по тону чѣмъ многія корреспонденціи послѣдняго времени въ англійскихъ газетахъ, но отличается такою точностью и обстоятельностью подробностей какія возможно собрать только при тщательномъ изслѣдованіи фактовъ на мѣстѣ. Въ приложеніяхъ помѣщены поименно списки мѣстностей разоренныхъ и сожженныхъ баши-бузуками и оттоманскими войсками,

съ перечнемъ разрушенныхъ церквей, домовъ и училищъ, съ поименованіемъ многихъ священниковъ и другихъ лицъ подвергшихся лютой смерти, даже съ исчисленіемъ во многихъ случаяхъ ограбленнаго имущества и уведеннаго скота. Списокъ этотъ, конечно, не можетъ быть полонъ, но онъ показываетъ что возможно было узнать мѣстнымъ агентамъ безъ громогласной посылки особыхъ коммиссій...

Къ характеру звѣрскаго разгула ордъ нахлынувшихъ на Болгарію разказъ *Правительственнаго Вѣстника* не прибавляетъ какой-либо новой черты. Но разкащикъ сообщаетъ одинъ весьма важный фактъ, изобличающій англійскихъ министровъ въ новой неправдѣ. Во время послѣднихъ преній о болгарскихъ событіяхъ въ Палатѣ Общинъ, подсекретарь иностранныхъ дѣлъ, г. Боркъ, защищая сэръ-Генри Элліота отъ нападокъ на него за недонесеніе объ этихъ происшествіяхъ, замѣтилъ что „если упрекать британскаго посла въ Константинополѣ за то что онъ не имѣлъ свѣдѣній о положеніи Болгаріи, то онъ не одинъ былъ въ этомъ положеніи, и его невѣдѣніе раздѣляли и послы другихъ державъ.“ Затѣмъ, самъ премьеръ, г. Дизраэли, отвергалъ упреки будто Англійское правительство подлежитъ отвѣтственности за дѣйствія Турокъ, ибо „оно не несетъ на себѣ никакой отвѣтственности которой бы оно не раздѣляло съ другими державами.“ Англійское правительство, говорилъ г. Дизраэли, вовсе не находится въ особенномъ союзѣ съ Турками, и оно де лишь такой же союзникъ султана какъ и прочія державы, не болѣе. Однако, неужели всѣ другіе послы въ Константинополѣ, также какъ и англійскій, не хотѣли знать того что̀ всѣмъ было извѣстно? Нашъ константинопольскій корреспондентъ уже въ маѣ мѣсяцѣ писалъ о начавшемся тогда систематическомъ избіеніи Болгаръ подъ предлогомъ подавленія небывалаго возстанія. Объ этомъ же писали и въ нѣмецкихъ газетахъ. Неужели ни одно изъ европейскихъ правительствъ не знало объ этихъ фактахъ, пока не появились корреспонденціи въ *Daily News* и пока Англійское правительство не спохватилось и не отправило г. Беринга на мѣсто?

Въ филиппопольскомъ донесеніи *Правительственнаго Вѣстника* читаемъ: „Удивительно что англійской коммиссіи не была извѣстна бо́льшая часть фактовъ о „которыхъ сообщалось въ посольства русское, австро-венгерское, французское и „греческое находящимися здѣсь иностранными агентами. Между тѣмъ совершенное согласіе, почти тождество этихъ донесеній, какъ нельзя болѣе доказываетъ „справедливость фактовъ.“ И далѣе: „Съ „возникновенія смутъ прошло уже три мѣсяца; въ теченіе этого времени находящіеся здѣсь иностранные агенты и правительства въ Константинополѣ тщетно „ходатайствовали о подавленіи безпорядковъ и о принятіи нѣкоторыхъ мѣръ для „огражденія безопасности несчастныхъ христіанъ.“

Итакъ, англійскіе министры не постыдились сказать въ Парламентѣ завѣдомую неправду.

Неправда и то будто сэръ-Генри Элліотъ не зналъ или не имѣлъ возможности знать о происходившемъ. Англійское правительство умышленно скрывало свѣдѣнія, и это поощреніе самоувѣренности Турокъ что имъ все позволено было причиной неуспѣха представленій другихъ державъ. Въ *Manchester Guardian*, отъ 18 августа, мы прочли письмо одного Англичанина, откуда узнаемъ слѣдующее: „Бо́льшая „часть Англичанъ и христіанъ здѣсь живущихъ, подобно мнѣ въ негодованіи отъ „апатіи обнаруженной въ этомъ страшномъ дѣлѣ посольствомъ ея величества. „Всякій знакомый съ турецкою администраціей не станетъ отрицать что турецкіе чиновники всегда поддаются вліянію „той европейской державы у которой въ „данную минуту имъ приходится заискивать. При Абдулъ-Азизѣ и Махмудѣ несомнѣнно Россія преобладала. Со времени фіаско Берлинскаго меморандума и „прибытія Британскаго флота въ Безику „совѣты Великобританіи стали господствовать. *Болгарскія избіенія случились именно когда господствовало британское вліяніе...* Какимъ образомъ сэръ-Генри Элліотъ былъ въ невѣдѣніи и ввелъ въ заблужденіе наше правительство? Здѣсь „нѣтъ никого столь ослѣпленнаго чтобы „не видѣть что *сэръ-Генри Элліотъ умышленно закрывалъ глаза предъ фактами.* „Мнѣ достовѣрно извѣстно что ему были „посланы подробныя и цифровыя свѣдѣнія „объ избіеніяхъ Европейцами самыхъ почтенныхъ свойствъ и положенія, взявшими на себя большія хлопоты потому что

„они относились по-человѣчески къ окружавшимъ ихъ страдальцамъ. Эти доклады были доставлены сэръ-Генри Эллioту „*въ началѣ iюня*. Онъ продержалъ ихъ у „себя *двѣ недѣли*, и затѣмъ возвратилъ „пославшимъ, заявляя что ему *некогда* „читать ихъ. Между тѣмъ его секретарь „говорилъ о выгодѣ *набросить покровъ* „на жестокости, потому что обнародовать „ихъ значило бы играть на руку Россiи.“

Весьма естественно что филиппопольскiй корреспондентъ *Правительственнаго Вѣстника* удивился услышавъ отъ г. Беринга простодушное признанiе: „Между нами: мы не знали что̀ здѣсь происходило.“

На правительствѣ г. Дизраэли лежитъ вся отвѣтственность и позоръ за пытки и мученическую смерть тысячъ Болгаръ, и вопiющей къ Небу крови ихъ не смоютъ съ него никакiе титулы. Имя графа Биконсфильда останется прославленнымъ въ исторiи.

Поздняя посылка г. Беринга, предпринятая ради приличiя, не умаляетъ тяжкой вины англiйскихъ министровъ. Да она не принесла и той пользы какой еще можно было бы отъ ней ожидать. Она могла бы по крайней мѣрѣ повести къ облегченiю и освобожденiю несчастныхъ томящихся въ тюрьмахъ, которыхъ продолжаютъ судить и казнить, на основанiи будто бы ихъ собственныхъ признанiй исторгнутыхъ пыткой. Ничто „не можетъ сравниться съ пародiей на правосудiе, жертвой котораго стали тысячи несчастныхъ, обвиняемыхъ въ принятiи участiя въ мнимомъ возмущенiи. Измученныхъ пытками и заключенiями Болгаръ призываютъ на судъ коммиссiй составленныхъ изъ заклятыхъ враговъ ихъ и мѣстной сволочи; показанiя обвиняемыхъ записываются на турецкомъ языкѣ, непонятномъ для большинства подсудимыхъ, затѣмъ подписываются ими по приказанiю суда. Турки, желая отдѣлаться отъ той или другой личности, заставляютъ свидѣтелей давать ложныя показанiя, подделываютъ протоколы, составляютъ ложные документы. И на такiя судоговоренiя приглашаютъ Турки англiйскую коммиссiю и европейскихъ консуловъ. Американскiй консулъ Скайлеръ на вопросъ Кiани-паши о впечатлѣнiи вынесенномъ имъ изъ одного изъ такихъ допросовъ отвѣчалъ: „Мнѣ было стыдно, это вовсе не судъ.“ И самому г. Берингу „этотъ судъ показался комедiей.“

Но въ донесенiи своемъ г. Берингъ этого не говоритъ. Онъ сообщаетъ только что при немъ допрашивались нѣкоторыя лица, что ими были сдѣланы признанiя, прибавляя что они повидимому были запуганы, и затѣмъ... были казнены въ его присутствiи.

№ 206.

Москва, 13-го августа.

Вѣнскiе театральные рецензенты изъ коихъ, по свидѣтельству *National-Zeitung*, почти исключительно состоитъ „корпусъ“ спецiальныхъ корреспондентовъ на „театрѣ войны“ и которые черпаютъ всѣ свои свѣдѣнiя въ бѣлградскихъ кофейняхъ предпочитая это привычное вѣнскому „литератору“ торжище пребыванiю въ военномъ лагерѣ, эти типическiе вѣстовщики на всѣ руки давно уже порѣшили съ судьбою Сербской кампанiи. Согласно *ихъ* сообщенiямъ и стратегическимъ соображенiямъ, исходъ войны не можетъ уже подлежать никакому сомнѣнiю: Сербамъ остается лишь отдаться на милость и великодушiе своего побѣдителя.

Объ условiяхъ на коихъ можетъ быть заключенъ миръ толкуютъ въ европейской печати на всѣ лады. Вопросъ лишь въ томъ кто изъ европейскихъ державъ возьметъ на себя починъ посредничества, и можно ли надѣяться на великодушную умѣренность со стороны Турцiи при окончательномъ установленiи условiй мира. Услужливая вѣнская печать даетъ намъ возможность ближе познакомиться съ „умѣренною“ программой великодушнаго „побѣдителя.“ *Politische Correspondenz* воспроизводитъ статью появившуюся по этому предмету въ турецкой газетѣ *Иттихадъ*, статью выражающую, по словамъ редакцiи этого турецкаго органа, не личное мнѣнiе, а взгляды всѣхъ влiятельныхъ классовъ „турецкой нацiи,“ равно какъ и правительства. Вотъ общiй смыслъ этой знаменательной статьи: Международныя конвенцiи на коихъ основаны всѣ привилегiи Сербiи какъ вассальнаго Турцiи государства и самая ея автономiя упразднены фактомъ возстанiя. Вопросъ въ томъ въ какой мѣрѣ Турцiя должна воспользоваться своимъ правомъ побѣдителя, и какъ въ особенности должна она поступить отно-

сительно главнаго виновника возстанія, „мятежнаго“ князя Милана? Что касается послѣдняго, то турецкая газета не колеблясь произноситъ что онъ долженъ быть подвергнутъ суду (разумѣется турецкому) и наказанъ какъ мятежникъ. Что же касается судьбы самой Сербіи, то относительно ея могутъ быть два пути: строгой справедливости безъ всякой примѣси великодушія, или путь турецкаго великодушія. Въ первомъ случаѣ Высокая Порта прекратитъ существованіе Сербіи. Нѣкоторые округа этой страны, смотря по ихъ географическому положенію, будутъ де присоединены къ прилегающимъ губернаторствамъ Ниша, Виддина и Яни-Базара; изъ остальной части будетъ образована особая провинція подъ именемъ „Бѣлградскаго вилаета.“ Такъ Турція поступитъ по строгой справедливости лишивъ Сербію всѣхъ ея привилегій коими она такъ злоупотребила, и Европа должна де будетъ согласиться съ этимъ, тѣмъ болѣе что „Высокая Порта можетъ поручиться предъ нею что она лучше будетъ „управлять Сербіей нежели то было до сихъ „поръ, и сумѣетъ болѣе дѣйствительнымъ „образомъ поддержать въ ней внутреннее „спокойствіе.“ Тутъ очевидно намекается на Болгарію, которая также имѣла поползновеніе возстать и тѣмъ нарушить спокойствіе. Высокая Порта сумѣла энергически подавить болгарское движеніе въ самомъ его зародышѣ, и нельзя не согласиться съ турецкою газетой что Порта сумѣла бы не хуже распорядиться и въ Сербіи: баши-бузуковъ у нея довольно, и въ ея доброй волѣ сомнѣваться нельзя...

Но доблестный „побѣдитель“ сумѣетъ быть и милостивымъ. Для этого Сербскому народу надобно показать смиреніе. Въ этомъ случаѣ Турція *будетъ* великодушна, хотя не безгранично. Она не можетъ не принять во вниманіе что Сербскій народъ, хотя и неохотно, но все-таки послѣдовалъ за своимъ мятежнымъ вождемъ и не оказалъ ему должнаго сопротивленія. Вотъ почему Турція не можетъ оставить за Сербіей всѣ тѣ привилегіи коими она пользовалась. Сербской скупщинѣ будетъ пожалуй предоставлено выбрать новаго „воеводу“ на мѣсто князя Милана; но Сербія не должна на будущее время имѣть армію, за исключеніемъ жандармской команды для полицейскихъ надобностей. Всѣ укрѣпленныя мѣста въ Сербіи, а также вся граница ея со стороны Австріи, будутъ заняты „императорскими“ войсками. Правосудію въ Сербіи будетъ предоставлена самостоятельность, но важнѣйшія дѣла, по коимъ можетъ быть постановлена смертная казнь, должны разбираться въ Константинополѣ. Кромѣ того, Турція сохранитъ за собою право, коимъ она нѣкогда пользовалась по отношенію къ Румыніи, смѣнять по своему усмотрѣнію „воеводу.“ Турецкая газета благоразумно предусматриваетъ что найдутся державы которыя станутъ возражать противъ этихъ условій; но она увѣрена что большинство Европы пойметъ справедливость ихъ, „а въ „такомъ случаѣ несогласнымъ останется лишь „отстаивать свое мнѣніе силой оружія.“ Опираясь на „правоту дѣла“ и на сочувствіе Европы, турецкая газета этого не боится.

Вотъ какимъ языкомъ говорятъ еще Турки, вотъ какія притязанія осмѣливается заявить предъ лицомъ Европы то самое Оттоманское правительство, объ ужасающихъ дѣйствіяхъ котораго именно теперь со всѣхъ сторонъ обнародываются показанія очевидцевъ, видѣвшихъ слѣды злодѣяній... Скажутъ что это не болѣе какъ фанфаронада. Но развѣ эта заносчивость обагреннаго кровью злодѣя не характеристична для нашего времени? Никогда варварская орда, душившая въ теченіи пяти вѣковъ всѣ зародыши жизни въ прекраснѣйшей изъ странъ Европы, не проявляла въ такой мѣрѣ своихъ инстинктовъ разрушенія и смерти. О томъ что такое турецкое владычество Европа узнала вполнѣ лишь теперь. Только въ наше время, благодаря широкому развитію печатнаго слова, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и телеграфамъ, образованное человѣчество созерцаетъ полную картину человѣческаго звѣрства. Памятники исторической старины свидѣтельствующіе объ эпизодахъ подобныхъ тѣмъ какіе разыгрались въ наши дни въ Болгаріи скудны; краски ихъ поблекли, и воображеніе современнаго человѣка черезчуръ изнѣжено и смягчено созерцаніемъ картинъ „мирнаго прогресса“ чтобы постигнуть во всей ихъ ужасающей рельефности, кровавые призраки Аттилъ и Тамерлановъ. Туркамъ нашего времени суждено было освѣжить эти краски, и дать намъ, сынамъ XIX вѣка, наглядное представленіе кровавыхъ событій глубокой старины. *Локомотивъ желѣзной дороги* (о, злая иронія истори-

ческой судьбы!) примчалъ газетныхъ репортеровъ къ тому мѣсту гдѣ Гунны нашихъ дней вчера только отпраздновали свой пиръ, и городъ Батокъ съ его тысячами гніющихъ труповъ женщинъ и дѣтей былъ описанъ цивилизованному міру путемъ... *электрическаго телеграфа!..*

Послѣ всего этого трудно чему-либо удивляться. И всего менѣе можно удивляться приведенному выше образчику заносчивости Турокъ. Эта орда варваровъ, лишенная теперь даже сдерживающей власти одного всѣми признаннаго главы, отовсюду слышитъ что Европа нуждается въ нихъ, что *они* служатъ тѣмъ цементомъ коимъ скрѣпляется европейское равновѣсіе, что *безъ нихъ* весь цивилизованный міръ, сонмъ христіанскихъ народовъ, ринутся другъ на друга въ братоубійственной войнѣ. Какъ же имъ не заноситься? И откуда они могутъ почерпнуть сознаніе совершенныхъ ими злодѣяній и страхъ предъ справедливымъ возмездіемъ, если этого сознанія нѣтъ и въ цивилизованной Европѣ?

Вотъ примѣръ до чего перепутались понятія, до чего притупилось нравственное чувство, простое пониманіе добра и зла въ органахъ „европейскаго общественнаго мнѣнія."

Кельнская Газета послала также своего спеціальнаго корреспондента для собранія свѣдѣній о злодѣяніяхъ въ Болгаріи. Изъ отчета обнародованнаго въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, мы знаемъ что корреспондентъ этой газеты принималъ дѣятельное участіе въ изслѣдованіи этого дѣла вмѣстѣ съ официальными представителями „дружественныхъ" Турціи державъ. Письма этого корреспондента уже напечатаны. Въ нихъ описано все то что нашимъ читателямъ уже извѣстно изъ нашей корреспонденціи изъ Филиппополя, а также изъ донесенія обнародованнаго въ официальномъ органѣ нашего правительства. Разница лишь въ томъ что картина нарисованная г. Шнейдеромъ еще болѣе ужасна, еще болѣе потрясаетъ. Онъ не только присутствовалъ при судѣ надъ „мятежными" Болгарами въ Филиппополѣ, какъ о томъ разказано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*; онъ видѣлъ на другой день и казнь четырехъ изъ этихъ несчастныхъ; онъ видѣлъ съ какимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ баши-бузуки вздернули одного изъ нихъ на бревно выдававшееся изъ стѣнъ дома надъ входомъ турецкой булочной. Турокъ ни на минуту не оторвался отъ своей торговли во время казни, а какъ разъ насупротивъ была турецкая кофейня, и правовѣрные, предававшіеся въ ней „кейфу," съ видимымъ наслажденіемъ взирали на смерть гяура продолжая попивать свой кофе и курить папиросы. Около того же времени преданы были казни и два баши-бузука за грабежи и разбои; но эта казнь, по свидѣтельству корреспондента, происходила при иной обстановкѣ: никто изъ публики не былъ допущенъ такъ близко чтобы разсмотрѣть въ лице осужденныхъ; кругомъ висѣлицы былъ растянутъ кордонъ войскъ никого не пропускавшихъ, и г. Шнейдеръ вполнѣ раздѣляетъ подозрѣніе мѣстныхъ жителей что *были повѣшены не осужденные баши-бузуки, а два Болгарина!* И можно ли сомнѣваться въ томъ что турецкое *правосудіе* прибѣгаетъ къ подобнымъ шалостямъ, если принять во вниманіе что главный виновникъ Батокской рѣзни, Ахметъ-ага, о коемъ писалъ уже нашъ корреспондентъ, произведенъ въ паши именно за эту рѣзню, которая по словамъ г. Шнейдера, *искупила его прежнія грѣшки предъ турецкимъ правительствомъ*. Тотъ же корреспондентъ посѣтилъ и Батокъ, вопреки всяческимъ стараніямъ мѣстныхъ турецкихъ властей, удержать его отъ этой поѣздки. Онъ видѣлъ это страшное мѣсто смерти, онъ слышалъ душу разрывающія причитанія, *напѣвы*, какъ онъ выражается, въ коихъ оставшіяся въ живыхъ и бродящія между трупами болгарскія женщины передавали посѣтителямъ о своихъ мукахъ. Все это передано яркими красками.

И что же! Въ томъ самомъ нумерѣ *Кельнской Газеты* гдѣ помѣщена эта корреспонденція, передовая статья старается разсѣять предразсудокъ будто теперешняя война есть борьба свободы, права и цивилизаціи противъ варварства и жестокости. „Изо всѣхъ полуварварскихъ" народовъ Балканскаго полуострова, „истый Турокъ," по словамъ *Кельнской Газеты*, есть „наиболѣе способный ко владычеству." Общее заключеніе этой статьи, преисполненной обычныхъ выходокъ противъ *панславизма*, есть то что Турція необходима *какъ оплотъ западно-европейской культуры*.

Турція *спасаетъ* Европу отъ русскаго варварства!

№ 207.

Москва, 14-го августа.

А.

Сегодняшнія телеграммы радостію отзовутся во всѣхъ углахъ Россіи, во всемъ Славянскомъ мірѣ. Главныя силы Сербовъ одержали блистательную побѣду надъ главными силами Турокъ. Шестидневный бой вкругъ Алексинца кончился безпорядочнымъ отступленіемъ Турокъ—„дикимъ бѣгствомъ,“ какъ сказано въ помѣщаемой ниже телеграммѣ.

Побѣда Сербской арміи не есть счастливый случай, а прямой результатъ обдуманной, послѣдовательной системы дѣйствій принятой ея главнокомандующимъ. Главный опорный пунктъ обороны, Алексинецъ съ Делиградомъ, выбранъ вполнѣ вѣрно. Занявъ Княжевацъ и Зайчаръ, Турки пытались обойти Алексинецъ съ сѣвера, но безуспѣшно: имъ все-таки пришлось ударить на Алексинецкія укрѣпленія. Не удалось также и обходное движеніе съ запада, на Янкову-Клиссуру. Между тѣмъ, пока Турки тратили время на неудавшіеся обходы, генералъ Черняевъ въ Алексинцѣ организовалъ и обучалъ войска, выжидалъ пріѣзда русскихъ офицеровъ, восполнившихъ собою главный недостатокъ Сербской арміи. И когда подъ Алексинцемъ начался шестидневный кровавый бой, сербскія войска были уже не тѣ что дрались подъ Мраморомъ въ началѣ войны. Со всѣхъ сторонъ свидѣтельствуютъ не объ одной ихъ храбрости, но и объ ихъ стойкости.

Вмѣстѣ съ войсками бывшими подъ прямою командой Черняева, славу побѣды раздѣлитъ также и бригада Хорватовича, который быстрымъ движеніемъ вновь занялъ Княжевацъ, и затѣмъ обезпокоилъ если не тылъ, то флангъ Турокъ, что кажется и порѣшило битву. Бригада Хорватовича та самая что геройски въ теченіе пяти дней отстаивала Княжевацъ отъ напора главныхъ силъ Эйюбъ-паши.

Турки, полагающіеся на свое численное превосходство, не отказались еще, повидимому, отъ нападеній на Алексинецъ. Они укрѣпляются на лѣвомъ берегу Моравы. Предстоятъ значитъ новыя битвы, новыя жертвы. Но духъ Сербскихъ войскъ уже укрѣпленъ побѣдой и, Богъ дастъ, побѣда не оставитъ ихъ.

Мы не знаемъ еще въ точности потерь обѣихъ сторонъ въ Алексинецкой битвѣ. Если справедливо извѣстіе что Турки въ этой шестидневной битвѣ потеряли до 20.000, то имъ придется до полученія подкрѣпленій отказаться отъ наступленія и ограничиться обороной отъ Сербовъ, которымъ быть-можетъ представится случай рѣшительно повести дальнѣйшія военныя дѣйствія.

Въ Москвѣ одушевленіе всеобщее. Молніей распространилась сегодня по городу вѣсть о побѣдѣ сообщенная нами въ особомъ прибавленіи. У всѣхъ гора съ плечъ свалилась—за послѣдніе дни напряженное ожиданіе исхода битвы достигло крайней степени. То же происходитъ по всей Руси. Мы безпрестанно получаемъ изъ разныхъ городовъ телеграммы спрашивающія насъ объ исходѣ битвы.

Завтра въ Москвѣ будутъ отслужены благодарственные молебны за дарованіе побѣды Сербамъ и панихиды по павшимъ въ бою, въ числѣ коихъ, по словамъ телеграммъ, такъ много Русскихъ. Имена этихъ павшихъ героевъ навѣки останутся въ памяти Русскаго и Сербскаго народа. Да послужатъ они новымъ крѣпкимъ звеномъ соединяющимъ эти братскія славянскія племена.

Б.

Третьяго дня мы сообщили телеграмму полученную нами отъ доктора Моллова и извѣщавшую что Турки стрѣляли по перевязочному пункту, находившемуся въ четырехъ верстахъ отъ боевой линіи.

Всего два года прошло какъ представители различныхъ странъ Европы, а въ томъ числѣ и турецкій уполномоченный, засѣдали въ Брюсселѣ обсуждая русскій проектъ для опредѣленія законовъ и обычаевъ войны, для „огражденія войны отъ безполезныхъ жестокостей которыя, воспламеняя страсти, влекутъ за собой возмездіе и возбуждаютъ озлобленіе затрудняющее возстановленіе мирныхъ отношеній,“ какъ гласила инструкція данная русскому представителю на Брюссельской конференціи, барону Жомини. Мы невольно припоминаемъ теперь эти „человѣколюбивыя намѣренія“ и тѣ привѣтствія которыми всюду въ Европѣ была встрѣчена великодушная мысль Государя Императора. Извѣстно что проектъ Брюссельской конференціи по разнымъ причинамъ, и бо-

лѣе всего вслѣдствіе сопротивленія Англіи, опасавшейся ограниченія своего могущества на морѣ, не вошелъ въ силу закона. Но возможно ли сомнѣваться что основанія его составляютъ убѣжденіе каждаго цивилизованнаго народа? Даже дикіе народы не позволяютъ себѣ преступать нѣкоторые обычаи войны. Но Турки не хотятъ ничѣмъ стѣснять себя. Они совершенно свободны отъ всякихъ предразсудковъ человѣколюбія и цивилизаціи. Всѣ основанія Брюссельскаго проекта попраны ими. Какою ироніей является теперь то обстоятельство что Турецкій уполномоченный былъ призванъ засѣдать на конференціи и подавалъ въ ней свой голосъ! Турецкая „армія,“ на глазахъ своихъ командировъ, рубитъ въ куски раненыхъ и вырѣзываетъ у нихъ на рукахъ и груди куски мяса въ формѣ креста; на глазахъ Англійскаго генерала Кембалла бомбардируетъ перевязочный пунктъ!

Любопытно сопоставить положенія Брюссельской конференціи съ дѣйствіями Турокъ въ настоящую войну засвидѣтельствованными „достовѣрно.“

Понятія цивилизованныхъ народовъ полагаютъ что армія овладѣвающая частью непріятельской территоріи можетъ пользоваться на ней только собственностью вступившаго съ ней въ войну государства, но не частныхъ обществъ и жителей. Они повелѣваютъ щадить учрежденія посвященныя религіи, благотворительности, просвѣщенію, произведенія искусства и науки. Еще до вторженія турецкихъ войскъ въ предѣлы Сербіи, жители Тимокской долины кто могъ бросились бѣжать, унося то немногое что̀ можно захватить съ собою въ такія бѣдственныя минуты. Они знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Едва вступивъ въ Зайчаръ, очищенный Сербами безъ боя вслѣдствіе стратегическихъ соображеній, Турки (регулярныя войска заодно съ ополченіемъ) принялись грабить покинутое достояніе жителей, угоняя въ Виддинъ цѣлые транспорты лошадей навьюченныхъ награбленнымъ добромъ. Двери домовъ стояли настежь, но турецкія войска ломали и двери, и окна, и выбрасывали на улицу обломки того что̀ нельзя было взять съ собою, и поджигали дома. Это было не случайное послѣдствіе горячей битвы, а систематическое разрушеніе покинутаго непріятелемъ города, и объ этомъ свидѣтельствуютъ корреспонденты вѣнскихъ газетъ сопровождавшіе армію Османъ-паши, любезно получившіе отъ него позволеніе ему сопутствовать и для безопасности снабженные отъ него конвоемъ. Османъ-паша далъ разрѣшеніе на грабежъ, „сколько каждый солдатъ можетъ унести съ собою.“ Онъ спокойно взиралъ на разрушеніе и старался остановить его только когда увидѣлъ что оно превзошло всѣ предѣлы. Ему Зайчаръ былъ еще нуженъ какъ складочное мѣсто для провіанта и какъ операціонный пунктъ на который можно было бы опереться въ случаѣ дальнѣйшихъ неудачъ. Этого условія не было относительно открытой сельской мѣстности, и тамъ Турецкая армія могла безпрепятственно предавать все разрушенію. Нашъ корреспондентъ пересчитываетъ 53 селенія сожженныя и разграбленныя Турецкою арміей на пути ея слѣдованія отъ Ниша черезъ Громаду къ Княжевцу. Селъ сожженныхъ подъ Княжевцемъ, у Пандирало и въ Тимокской долинѣ онъ не знаетъ; но что такое разрушеніе происходило всюду, объ этомъ свидѣтельствуютъ корреспонденты вѣнскихъ газетъ слѣдующіе за Турецкою арміей. Глядя на огненные столбы вздымавшіеся ночью далеко вокругъ Зайчара, корреспондентъ вѣнской газеты *Presse* восклицаетъ: „Страшная была это картина въ вечерней темнотѣ!“ Оттоманскія войска не ограничиваются тѣмъ что жгутъ и разрушаютъ; даже въ мѣстностяхъ гдѣ они не встрѣчаютъ никакого сопротивленія, они похищали женщинъ, какъ свидѣтельствуетъ циркуляръ г. Ристича къ великимъ державамъ о способѣ веденія Турками войны. „Путь турецкихъ развѣдочныхъ отрядовъ сопровождается зрѣлищемъ изуродованныхъ труповъ на деревьяхъ, трупы валяются вокругъ, никто не заботится погребать ихъ,“ вторитъ циркуляру эхо корреспондентовъ. Традиціонною политикой Турокъ въ прежнія войны съ Сербами было уничтоженіе церквей, иконъ и фресокъ на ихъ стѣнахъ, чтобъ эти изображенія не напоминали угнетенной раіѣ прежней свободы и славы ихъ страны. Много художественныхъ произведеній древняго сербскаго искусства погибли такимъ образомъ. Эта политика руководитъ Турками и теперь: церкви поджигаются или разрушаются ядрами.

Обычаи принятые Европой при войнахъ не допускаютъ: „злоупотребленія національнымъ флагомъ или военными знаками

и непріятельскимъ мундиромъ," какъ средствами вредить непріятелю. Фактъ такого злоупотребленія со стороны Турокъ засвидѣтельствованъ въ Дринской арміи Сербовъ у Бѣлины. Парламентеры высылаемые съ бѣлымъ знаменемъ считаются неприкосновенными. Парламентеры высылались Сербами къ Османъ-пашѣ, а княземъ Николаемъ послѣ битвы у Билека и на Вучьемъ Долѣ къ Мухтаръ-пашѣ, чтобъ условиться о погребеніи убитыхъ; но Турки встрѣчали каждый разъ парламентеровъ выстрѣлами. Военноплѣнные и непріятельскіе раненые какъ въ Сербіи, такъ и въ Черногоріи, встрѣчаютъ человѣческое обхожденіе. Какъ обходятся Турки мы уже видѣли. Свидѣтели турецкаго способа вести войну живы, ихъ подтвердятъ нѣмые свидѣтели: слѣды разрушенія. Остается, наконецъ, припомнить тѣ избіенія мирныхъ жителей, тѣ грабежи и насилія, которыми всюду сопровождался походъ турецкихъ войскъ въ предѣлахъ самой Турецкой имперіи (примѣромъ можетъ служить Призрѣнскій санджакъ), чтобъ увѣриться въ справедливости извѣстій о турецкомъ способѣ вести войну.

Несетъ ли Турецкое правительство за все это отвѣтственность? Вопросъ этотъ намъ кажется излишнимъ. Мусульманскій фанатизмъ разожженъ самою Портой, призвавшею къ оружію всѣхъ мусульманъ отъ 17 до 70 лѣтъ. Черкесы и баши-базуки, на которыхъ сваливаютъ *всю* отвѣтственность, составляютъ часть арміи турецкой, въ нѣкоторыхъ пунктахъ изъ нихъ исключительно состоятъ турецкія силы. Они подчинены командѣ турецкихъ офицеровъ, которые въ свою очередь подчинены главной военной командѣ. Но если нельзя такимъ образомъ отрицать отвѣтственность Турецкаго правительства, то англійскіе и австрійскіе друзья его стараются *оправдать* дѣйствія подобныя указаннымъ выше. Они дѣлаютъ это намеками, изворотливыми выводами, но все-таки, къ стыду своему, дѣлаютъ. Нельзя де отрицать актовъ ужасной *мести* со стороны турецкихъ солдатъ, но турецкіе начальники не могли де остановить дѣла *мести*; оно есть естественное послѣдствіе тѣхъ насилій которыя были де въ началѣ совершены сербскими войсками (иногда вмѣсто этого, сербскими летучими отрядами) на Турецкой территоріи. Какое гнусное лицемѣріе! О сожженныхъ намѣренно турецкихъ деревняхъ, о насильствахъ надъ турецкими жителями ничего не было слышно пока Турки не ворвались въ Сербію и не начали неистовствовать въ ней. Какъ ради оправданія болгарской рѣзни Турки поспѣшили черезъ два слишкомъ мѣсяца сочинить „звѣрства инсургентовъ," такъ они, а за ними и ихъ европейскіе прихвостни, повторяютъ теперь эту комедію относительно Сербіи. Отчего, спросимъ мы, о жестокостяхъ Сербовъ на турецкой территоріи, еслибъ онѣ дѣйствительно были, Турки не поднимали голоса ранѣе? Отчего онъ раздался лишь тогда какъ англійскій кабинетъ вынужденъ былъ сдѣлать Портѣ предостереженіе что „ужасное зрѣлище турецкихъ звѣрствъ повторенное въ Сербіи повредитъ Турціи болѣе чѣмъ проигранная битва и неминуемо повлечетъ за собою вмѣшательство Европы," и когда онъ отрядилъ генерала Кембалла для наблюденія за веденіемъ войны? Оттого что всего разказываемаго теперь Турками никогда не было, и выдумано ими теперь для своего оправданія. Присутствіе генерала Кембалла въ турецкой главной квартирѣ и объявленіе смертной казни за нарушеніе дисциплины Абдулъ-Керимомъ не могутъ служить гарантіей что способъ веденія войны Турками измѣнится. Послѣ рѣзни въ Болгаріи мы знаемъ что значатъ дѣйствія англійскихъ агентовъ и турецкое правосудіе. Отряженіе агентовъ другихъ державъ въ турецкую главную квартиру можетъ-быть вызвало бы правду на свѣтъ, но не обуздало бы турецкаго варварства. Для этого необходимы болѣе энергическія мѣры...

Чтобъ охарктеризовать „пассивныя" отношенія Европы къ ужасному зрѣлищу нынѣшней войны, мы остановимся еще на одномъ фактѣ. Въ 1869 году, на международномъ конгрессѣ въ Берлинѣ по вопросу о врачебной помощи воюющимъ сторонамъ, генералъ-лейтенантъ Баумгартенъ отъ Россіи, баронъ фонъ-Лангенбекъ отъ Пруссіи и баронъ Мунди отъ Австріи, дѣлали разумное предложеніе чтобы нейтральныя державы во время войны посылали своихъ *военныхъ* врачей въ помощь. Если принять въ соображеніе какъ частная помощь въ этомъ отношеніи, при всей энергіи и энтузіазмѣ какъ въ настоящее время изъ Россіи, все-таки остается слабою и не можетъ имѣть правильной организаціи, то приведенную выше мысль

нельзя не признать полезною. Во Франко-Прусскую войну она отчасти и была приведена въ исполненіе. Но теперь тотъ же самый баронъ Мунди, отрадное исключеніе изъ большинства своихъ соотечественниковъ, напрасно призывалъ австрійскихъ военныхъ врачей. Австро-Венгерское правительство не благоразсудило внять ему. Сербія, при крайней скудости своихъ средствъ, должна довольствоваться *частною* помощью изъ Россіи и другихъ странъ, которая, несмотря на всю ея стоимость, останется все-таки недостаточною, такъ какъ она организована на спѣхъ и не обладаетъ всѣми усовершенствованными приспособленіями военно-врачебнаго дѣла. Вотъ, какъ нарочно, въ это самое время, въ Брюсселѣ открыта международная выставка усовершенствованныхъ орудій и снарядовъ для помощи раненымъ...

Какое позорное воспоминаніе оставитъ въ исторіи раздвоенность и лицемѣріе нашего времени!..

№ 209.

Москва, 16-го августа.

А.

Чего не придумывали до сихъ поръ чтобы не допустить никакого существеннаго измѣненія въ положеніи дѣлъ на Востокѣ? Тутъ по очереди являлись и пресловутые „обще-европейскіе (то-есть собственно англійскіе) политическіе и торговые интересы,“ и интересы романо-германской культуры, для которой Славянство должно де служить матеріаломъ подлежащимъ разложенію для того чтобы питать собою другія окружающія его народности, и интересы католицизма въ борьбѣ съ греко-славянскимъ православіемъ, наконецъ даже интересы цивилизаціи вообще, для которой Турція служитъ де оплотомъ противъ „русскаго варварства.“ Такимъ образомъ Турція очутилась стражемъ и передовымъ бойцомъ не только политическихъ и торговыхъ интересовъ Европы и свободы ея морей, но и европейской культуры, и самаго христіанства въ борьбѣ съ варварствомъ и ересью греко-славянскаго міра. Казалось бы довольно всего этого? Нѣтъ. Газетные баши-бузуки придумали новое препятствіе не только къ окончательному разрѣшенію Восточнаго вопроса, но и ко всякому дѣйствительному улучшенію быта турецкой райи, какъ естественному послѣдствію теперешней войны. Въ чемъ же состоитъ это препятствіе? Въ магометанскомъ фанатизмѣ! Предъ нимъ, предъ его ужасающими взрывами, должна де остановиться испуганная Европа... Идетъ ли рѣчь о постепенномъ расширеніи автономіи христіанскихъ населеній Оттоманской имперіи, „помилуйте!“ восклицаютъ въ одинъ голосъ лондонскіе, аугсбургскіе, кельнскіе, вѣнскіе, пештскіе, парижскіе туркофилы, „еслибы даже и согласился султанъ на это требованіе Европы, то согласится ли съ нимъ магометанское населеніе Европейской Турціи? Вы видите какъ отозвался для Болгаріи взрывъ фанатизма этого населенія! Не разразится ли онъ съ большею свирѣпостью когда будетъ поставленъ вопросъ о самомъ существованіи магометанскаго владычества въ Европѣ? А какія силы, не только Турецкаго правительства, но и всей вступившейся за христіанъ Европы, будутъ въ состояніи тогда обуздать магометанскій фанатизмъ и предупредить поголовное избіеніе всего христіанства въ Европейской Турціи?“ И вотъ, изъ „любви“ къ самимъ турецкимъ христіанамъ, испуганная Европа, положимъ, соглашается не возбуждать будто бы опаснаго для нихъ вопроса объ окончательномъ избавленіи ихъ отъ гнуснаго ига. Однако что-нибудь надо же сдѣлать для нихъ; нельзя же бросить и Болгарію и Герцеговину, и Боснію въ жертву разъяренной мстительности Турокъ... Нельзя ли по крайней мѣрѣ дать имъ какое-нибудь обезпеченіе хотя бы то какое сулилъ имъ Берлинскій меморандумъ? „Что вы дѣлаете?“ опять съ притворнымъ ужасомъ возражаютъ туркофилы: „а фанатизмъ тамошнихъ турецкихъ населеній? Вы забываете о немъ. Христіанъ всѣхъ до послѣдняго перерѣжутъ разсвирѣпѣвшіе Турки; ради Бога пощадите христіанъ! Вѣдь въ Босніи и Герцеговинѣ магометанъ насчитывается до 250.000! Какъ обуздаете вы эту страшную массу? Ни объ устройствѣ особой вассальной области, ни о присоединеніи этихъ провинцій къ Черногоріи и Сербіи, ни о дарованіи равноправности христіанамъ съ магометанами нечего и думать въ виду опасности грозящей первымъ отъ послѣднихъ!“ Наконецъ, что̀ будетъ съ Сербіей въ случаѣ если она изнеможетъ въ борьбѣ? Выписываемъ весьма харак-

теристичный отвѣтъ на это константинопольскаго корреспондента *Пештскаго Ллойда*, писавшаго тотчасъ по занятіи Турками Княжевца и Зайчара: „Люди имѣющіе „возможность высказать объ этомъ вполнѣ „сознательный приговоръ, а именно состоящіе при обѣихъ арміяхъ военные „агенты здѣшнихъ посольствъ далеко не „придаютъ этимъ успѣхамъ такого рѣшающаго значенія какое приписывается имъ „здѣсь. При всемъ томъ, я никому бы не „посовѣтовалъ высказать такое мнѣніе въ „здѣшнихъ турецкихъ сферахъ. Напряженность религіознаго, гораздо болѣе „чѣмъ національнаго, самолюбія достигла „здѣсь *ужасающихъ размѣровъ.* Поговариваютъ просто о присоединеніи Сербіи къ „имперіи и о превращеніи ея въ *Бѣлградскій вилаетъ...*"

Итакъ, въ самомъ Стамбулѣ невозможно возражать противъ этихъ бредней? Религіозное изувѣрство магометанъ достигло де „ужасающихъ размѣровъ." При теперешней разнузданности его, Европѣ ничего не остается какъ предоставить христіанъ великодушію и гуманности Турокъ. Примѣра Болгаріи достаточно для убѣжденія Европы что она можетъ полагаться въ этомъ отношеніи на Высокую Порту.

Магометанскій фанатизмъ! Но фанатизмъ этотъ, предоставленный самому себѣ, не страшенъ. Магометанство совершило свой историческій циклъ; само по себѣ оно не вспыхнетъ. Мало ли войска наши исходили турецкой земли не только въ Европѣ, но и въ Азіи? Гдѣ же въ Турціи встрѣчали они фанатизмъ который обнаружился бы народною войной подобною той какую вызвалъ въ Россіи 1812 годъ? При началѣ всѣхъ нашихъ войнъ съ Турціей, жители, судя о русскихъ арміяхъ по примѣру турецкихъ, покидали свои жилища; но нигдѣ не начинали народной войны. Потомъ они успокоивались, и сами приходили въ русскій лагерь торговать, доставляли продовольствіе и перевозочныя средства. Гдѣ же тутъ фанатизмъ? По свидѣтельству Прокешъ-Остена, отъявленнаго туркофила, исполнявшаго въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій должность представителя Австріи въ Константинополѣ, въ 1829 году, когда Русскіе приближались къ Адріанополю, султанъ Махмудъ, какъ калифъ и глава магометанской вѣры, обратился съ воззваніемъ къ фанатизму. Отозвались всего *8.000 оборванцевъ*, которые прибыли изъ Азіи въ Константинополь и начали свои подвиги съ того что ограбили самихъ магометанъ въ окрестностяхъ столицы. Въ настоящемъ же году, какъ только князь Черногорскій вступилъ въ Герцеговину, туземные магометане обратились къ нему съ адресомъ, въ которомъ молили о пощадѣ и даже предлагали свое вооруженное содѣйствіе...

Откуда же теперь взялся магометанскій фанатизмъ? И почему такъ страшно разразился онъ въ Болгаріи? Какъ поднялъ онъ вдругъ на ноги значительную часть населенія Малой Азіи и Сиріи, и доставилъ Портѣ эти толпища предъ которыми дрожатъ теперь мирные жители обоихъ береговъ Босфора какъ христіанскіе такъ и магометанскіе? Тутъ дѣйствовали совсѣмъ иныя побужденія, которымъ фанатизмъ служилъ только предлогомъ и личиной. Страсть къ грабежу, кровожадные и скотскіе инстинкты одичалаго человѣка, при полной увѣренности не только въ безнаказанности, но и въ покровительствѣ, даже въ благодарности правительства: вотъ тѣ духовные двигатели которые побудили отребье магометанскаго населенія пуститься въ походъ, въ надеждѣ превратить все въ пустыню. Прежде всего, этимъ новымъ Гуннамъ отдана была въ добычу безоружная Болгарія. Примѣръ этотъ послужилъ поощреніемъ для тѣхъ кто не рѣшились было явиться на первый зовъ шейхъ-юль-ислама. Но въ Сербіи былъ встрѣченъ суровый отпоръ,—и что же? Мы приводили на дняхъ корреспонденцію туркофильской аугсбургской газеты, свидѣтельствующую о томъ что теперь въ самой Болгаріи, несмотря на выдаваемый правительствомъ денежный задатокъ, волонтеровъ записывалось чрезвычайно мало съ тѣхъ поръ какъ стало извѣстно что въ Сербіи идетъ война, а не избіеніе беззащитныхъ и безоружныхъ жителей. Гдѣ же же тутъ фанатизмъ? Съ другой стороны, изъ разныхъ городовъ Азіятской Турціи телеграфировали на дняхъ въ *Правительственный Вѣстникъ* что денежныя пожертвованія выманиваемыя Турецкимъ правительствомъ у населенія чрезвычайно скудны, что въ Сиріи является на призывъ правительства ничтожное число редифовъ, что въ Трапезундѣ созваніе редифовъ встрѣтило всеобщее неудовольствіе, даже противодѣйствіе... Правда, послѣдняя телеграмма присовокупляла что это неудовольствіе магометане готовятся выме-

стить на туземныхъ христіанахъ. Да отчего бы и не порѣзать ихъ? Вѣдь этимъ окажется услуга Портѣ и ея *христіанскимъ* союзникамъ, а опасности нѣтъ никакой...

Виной зла не фанатизмъ. Въ возбужденіи Турокъ нѣтъ религіозной основы, хотя бы и ложной. Всѣмъ извѣстно что главный двигатель этого мнимаго фанатизма, Мидхатъ-паша, не имѣетъ никакой религіи, и даже не Турокъ, а Грекъ по происхожденію: просимъ обратить вниманіе на сегодняшнюю нашу корреспонденцію изъ Константинополя. Ужасы продолжающіеся въ Болгаріи и совершаемые въ другихъ мѣстахъ современными Гуннами суть не иное что какъ естественное послѣдствіе совершенной безнаказанности самой Порты даже послѣ полнаго изобличенія ея злодѣйствъ въ Болгаріи. Поблажка ей со стороны Европы каждый разъ отзывалась кровью турецкимъ христіанамъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто истинный виновникъ кровопролитій въ Джеддѣ, въ 1861 году, какъ не западныя *христіанскія* державы которыя поддерживали своимъ оружіемъ порабощеніе христіанъ и систематически отвергали всѣ показанія русской дипломатіи о неисполненіи Портой принятыхъ ею на Парижскомъ конгрессѣ обязательствъ? Впрочемъ, кровопролитія въ Джеддѣ вызвали негодованіе въ цѣлой Европѣ. Хотя бы только приличія ради, даже туркофильскія правительства признали невозможнымъ оставить эти кровопролитія совершенно безнаказанными. Но что значатъ кровопролитія въ Джеддѣ въ сравненіи съ рѣзней въ Болгаріи? Тамъ было нѣсколько сотъ жертвъ, тутъ ихъ нѣсколько десятковъ тысячъ! А между тѣмъ Европа теперь безмолвствуетъ, и значительная часть ея одобрительно и поощрительно подмигиваетъ Туркамъ; въ Венгріи даже органы правительства находятъ число жертвъ „ничтожнымъ.“ Отъ чего такая разница? Неужели отъ того что въ Джеддѣ, по большей части, жертвами были католики, а въ Болгаріи, Сербіи и Босніи истребляются православные? Или въ самомъ дѣлѣ Европа считаетъ себя заинтересованною въ окончательномъ истребленіи Славянъ, постоянныхъ жертвъ такъ называемаго магометанскаго фанатизма? Въ Джеддѣ онъ былъ непредвидѣннымъ, но естественнымъ результатомъ систематическихъ поблажекъ западной Европы; въ Болгаріи, въ Сербіи, въ Босніи, онъ имѣетъ характеръ орудія умышленно приводимаго въ дѣйствіе врагами Православія, Славянства, Россіи...

Б.

Въ настоящее время, слава Богу, уже извѣстны, — и изъ самыхъ благонадежныхъ источниковъ, — и благопріятный для Сербовъ ходъ шестидневнаго жестокаго боя предъ Алексинцемъ, и побѣдоносный для нихъ исходъ этого боя: на всемъ протяженіи сербскихъ позицій отчаянныя нападенія Турокъ, предводимыхъ, между прочимъ, англійскими офицерами, были отбиты, турецкія штурмовыя колонны опрокинуты и обращены въ бѣгство, Сербы перешли въ наступленіе и отогнали Турокъ къ границѣ. Всѣ въ Россіи отозвались радостнымъ привѣтомъ на эти вѣсти о побѣдахъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и по племени; вчера и сегодня, въ Москвѣ и Петербургѣ, совершались благодарственныя молебствія по случаю этихъ побѣдъ, — и вотъ въ эту минуту Международное Телеграфное Агентство разсылаетъ телеграмму—извлеченную изъ сообщеній доставляемыхъ изъ турецкаго лагеря въ нѣкоторыя лондонскія газеты, напримѣръ *Standard*, — которою вдругъ наводится уныніе на публику, такъ какъ эта телеграмма вывѣшена въ клубахъ! Увлекаясь первымъ впечатлѣніемъ публика не вникла въ подробности и въ сущность этой телеграммы. А между тѣмъ телеграмма эта возвращается къ тому что̀ было за десять дней, и повѣтствуетъ о прошедшемъ, котораго повѣрка теперь налицо; телеграмма повѣствуетъ, со словъ какого-то очевидца, почти объ окончательной гибели Моравской арміи и разрушеніи Алексинца, чего Турки дѣйствительно домогались, но безуспѣшно.

Спрашивается, какая надобность Международному Агентству угощать публику этими явно тенденціозными телеграммами, содержаніе которыхъ, сверхъ того, уже извѣстно изъ туркофильскихъ газетъ? Если землинскій агентъ, посылающій подобныя телеграммы въ редакцію *Голоса*, думалъ просто позабавить и обрадовать публику, то онъ вѣрно забываетъ что его телеграмма адресована въ Петербургъ, а не въ Вѣну или Пештъ, или въ Лондонъ? Сейчасъ прочли мы въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ* телеграмму: „Послѣ пятидневнаго „боя, Турки взяли Алексинецъ.“ Что̀ мудренаго, если мы завтра увидимъ въ Ан-

глійскомъ клубѣ телеграмму Международнаго Агентства, увѣдомляющую публику о семъ печальномъ событіи, совершившемся за недѣлю предъ симъ...

№ 210.

Москва, 17-го августа.

А.

Тяжелая задача выпала на долю туркофильскимъ органамъ. Имъ во что бы то ни стало надо прославлять побѣды Турокъ. Но что̀ дѣлать? Турокъ били Герцеговинцы, Турокъ бьютъ Черногорцы, Турокъ бьютъ теперь Сербы; послѣднимъ утѣшеніемъ оставалась Болгарія. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ Туркамъ было раздолье: все безоружные, все старики, женщины и дѣти. Но и тутъ не безъ горя! Не потрафили, пересолили бѣдные Турки. Въ своемъ кровожадномъ задорѣ они забыли поговорку: „surtout pas trop de zèle"! И вотъ туркофильскимъ редакціямъ пришлось уже оправдывать Турокъ, и умалять ихъ „подвиги." Съ этою цѣлью разосланы повсюду, какъ на театръ войны, такъ и на театръ избіеній, наконецъ въ Стамбулъ, безчисленные корреспонденты, все люди преданные, благонадежные, вполнѣ проникнутые догматомъ англійскаго правовѣрія о турецкой непогрѣшимости, и не менѣе проникнутые истиной что „бумага все терпитъ." И что̀ же? Являются эти люди въ Турцію, знакомятся съ сущностью дѣла, и гнусная, страшная истина беретъ свое: она возмущаетъ ихъ совѣсть; негодованіе и отвращеніе превозмогаютъ всѣ инструкціи какими снабдили ихъ редакціи туркофильскихъ газетъ... Не разъ уже обращали мы вниманіе на куріозное, но вмѣстѣ и возмутительное противорѣчіе, между извѣстіями корреспондентовъ туркофильскихъ газетъ и разглагольствіями самихъ редакцій этихъ газетъ. Особенно поразительно это противорѣчіе въ лондонской *Times*, и въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ*; тотъ же куріозъ встрѣчается нерѣдко и въ самомъ заклятомъ изо всѣхъ туркофильскихъ органовъ, въ *Пештскомъ Ллойдѣ*. До чего доходитъ это туркофильство, можно судить по слѣдующему факту: *Пештскій Ллойдъ* съ негодованіемъ отзывался на дняхъ о вопіющей „несправедливости" съ какою парламентъ и общественное мнѣніе Англіи опорочили столь досточтимую личность какъ сэръ-Генри Эллiотъ, представитель Англіи въ Стамбулѣ, „по поводу *незначительному*," то есть по поводу изобличеннаго нынѣ его потворства варварствамъ Турокъ въ Болгаріи... Та же газета, при первыхъ неудачахъ Сербовъ, воскликнула: „Слава Богу, теперь мы наконецъ можемъ быть спокойны: Сербы побиты... Пусть несутъ они до конца всю отвѣтственность за свою опрометчивость," и настоятельно требовала чтобы Сербія была предана Европой на произволъ побѣдителя!... Фетишъ этой газеты, ея герой—Мидхатъ-паша. Ему она молится, и больше чѣмъ онъ самъ трепещетъ въ виду необходимости замѣнить его *protégé* Мурада V Абдулъ-Гамидомъ. *Пештскій Ллойдъ* надѣется что бѣда эта минуетъ, и что Мурадъ усидитъ на престолѣ Османа, хотя константинопольскій корреспондетъ этой газеты пишетъ: „Мурадъ совершенно неспособенъ ни къ какому занятію; даже великій визирь и Мидхадъ-паша перестали ходить къ нему съ докладомъ съ тѣхъ поръ какъ Мурадъ, на дняхъ, посреди весьма серіознаго доклада, вдругъ разразился безумнымъ хохотомъ, повернулся спиной къ министрамъ и возвратился въ гаремъ..."

Но иногда эти противорѣчія корреспондентовъ съ редакціями туркофильскихъ газетъ становятся до крайности комическими. Сегодня, напримѣръ, прочли мы въ *Пештскомъ Ллойдѣ* корреспонденцію изъ Константинополя, какой могла бы пожелать любая русская газета. Корреспондентъ разрѣшаетъ загадку фальшивыхъ толковъ распускаемыхъ изъ Землина и изъ самого Бѣлграда, даже въ Бѣлградѣ, съ цѣлью не только посѣять въ Европѣ недовѣріе къ правительству, народу и арміи Сербовъ, но и закинуть какъ въ Сербіи, такъ и въ Россіи, зародыши розни и неудовольствія, возбудить Сербовъ противъ Россіи и подорвать довѣріе ихъ къ генералу Черняеву. „Турки знаютъ очень хорошо," пишетъ этотъ корреспондентъ, — „какія послѣдствія могутъ повлечь за собою въ настоящее время пущенные въ обращеніе фальшивые толки и брошенныя въ толпу клеветы, и этими средствами пользуются они очень усердно. Они распускаютъ и *поручаютъ друзьямъ своимъ распускать* что Россія предательски измѣнила Сербіи. Основаніемъ этихъ толковъ служитъ слѣдующая басня: Въ то самое время когда Россія высказывала Сербіи полнѣйшее сочув-

ствіе, она дѣлала де всевозможное съ цѣлью допустить это небольшое государство до такого усиленія чтобъ оно могло стать ядромъ и главой великой Славянской конфедераціи на Балканскомъ полуостровѣ. Съ этою цѣлью послала де Россія генерала Черняева въ Бѣлградъ, поручая ему провесть тамъ планъ кампаніи *совершенно противный интересамъ Сербіи.* Въ самомъ дѣлѣ, присовокупляютъ Турки, для успѣшной борьбы съ нами Сербы должны прежде всего были извлечь пользу изъ Герцеговинскаго возстанія пока мы не были готовы; затѣмъ напасть на Боснію, оживить въ ней возстаніе, что тогда было очень легко, и соединиться съ Черногорцами. При открытіи похода этотъ планъ былъ де лучше всѣхъ прочихъ."

Прерываемъ эту цитату. Дѣйствительно, въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ*, также какъ и во многихъ другихъ нѣмецкихъ, но особенно австровенгерскихъ газетахъ того же оттѣнка, не разъ встрѣчали мы упреки обращенные къ генералу Черняеву за непослѣдованіе имъ этому турецкому плану. *Друзья* Турокъ буквально исполняли возложенное на нихъ порученіе. Въ сущности же этотъ планъ открывалъ Сербію вторженію Турокъ, предоставлялъ ожидавшееся Болгарское возстаніе его участи, а Туркамъ полную свободу сосредоточивать свои силы къ юго-восточной границѣ Сербіи.

Но возвращаемся къ начатой выпискѣ. „Вліяніе Черняева," продолжаетъ корреспондентъ, приводя толки распускаемые Турками съ цѣлью возбудить противъ Россіи и русскаго генерала недовѣріе Сербовъ,—„устранило де этотъ столь благоразумный планъ и навязало Сербіи его собственныя идеи которыя въ сущности идеи самой Россіи. Такъ говорятъ Турки. Ихъ обвиненія находятъ отголосокъ въ *самой Сербіи*, гдѣ, по мнѣнію многихъ, а между прочимъ и бывшаго *австро-венгерскаго генеральнаго консула въ Бѣлградѣ, г. Каллая*, населеніе имѣетъ *лишь весьма небольшое довѣріе къ генералу Черняеву...*"

Г. Каллай, опытный, ловкій и отважный дипломатъ, всегда пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ Бѣлградѣ, ни съ того, ни съ сего вдругъ вернулся на мѣсто своей прежней службы, — гдѣ теперь генеральнымъ консуломъ Австро-Венгріи состоитъ князь Вреде, — какъ разъ предъ самымъ объявленіемъ войны, когда въ Венгріи, по сосѣдству, всякому было понятно что Сербія не можетъ долѣе выносить самоубійственный для нея миръ. Г. Каллай, какъ истый Мадьяръ, есть отъявленный врагъ Славянства и одинъ изъ самыхъ преданныхъ *друзей* Турціи. Заключеніе вывести не трудно. Присутствіе г. Каллая въ Бѣлградѣ, во время войны, могло быть очень полезно Туркамъ; имѣя всякаго рода порученія для своихъ *друзей* въ самой Сербіи, неужели Турки могли забыть о такомъ вѣрномъ и вліятельномъ *другѣ*, какъ г. Каллай, близко знакомомъ со всѣмъ бѣлградскимъ обществомъ, имѣющемъ доступъ къ самому князю и давно уже изучившемъ всѣ способы дѣйствія на массы бѣлградскаго населенія?...

Такимъ образомъ объясняются не только систематически распускаемыя изъ самаго Бѣлграда и Землина всякаго рода клеветы, но и раздоры въ правительствѣ Сербіи по вопросу о мирѣ и войнѣ, и тѣ извѣстія о враждебныхъ генералу Черняеву и самой Россіи уличныхъ манифестаціяхъ въ Бѣлградѣ, которыя такъ усердно разносились электрическими проволоками по всей Европѣ и доходили даже до Москвы. Въ настоящее время взаимное довѣріе и дружба между Россіей и Сербіей уже спаяны русскою кровью. Но да помнятъ же и на будущее время Сербы откуда идутъ всѣ распускаемыя между ними клеветы противъ Россіи и Русскихъ. Эти клеветы идутъ отъ злѣйшихъ враговъ всего Славянства, онѣ идутъ изъ Константинополя и распространяются Мадьярами...

Б.

Новая побѣда! Вчера на лѣвомъ крылѣ Моравской арміи кипѣлъ ожесточенный бой. Турецкія войска укрѣпившіяся на Катунскихъ высотахъ, вынужденныя принять рукопашный бой, были совершенно разбиты и выброшены изъ предѣловъ Сербіи, за рѣку Топольницу.

Между тѣмъ, въ числѣ полученныхъ нами сегодня телеграмъ есть одна поражающая своею *невѣроятностью*, хотя нѣтъ не малѣйшаго основанія сомнѣваться въ ея достовѣрности. Въ Пештѣ, задержаны проѣзжавшіе въ Сербію чрезъ этотъ городъ Русскіе! На какомъ основаніи, по какому праву? Австрія съ нами пока еще не воюетъ, и даже считается состоящею въ наилучшихъ къ намъ отношеніяхъ; Пештъ не

объявленъ въ осадномъ положеніи. Задержаніе русскихъ подданныхъ есть оскорбленіе ихъ государству. Коль скоро паспорты нашихъ соотечественниковъ были въ порядкѣ, то они имѣли право ѣхать куда имъ угодно. Соблюдать нейтралитетъ значитъ не пропускать войска черезъ свои владѣнія, а отнюдь не то чтобъ держать въ карантинѣ воюющую страну и не пропускать въ нее подданныхъ дружественной державы, снабженныхъ отъ своего правительства законными на проѣздъ видами. Такъ можно поступать только предъ разрывомъ. Отвѣтственность за подобное насиліе падаетъ не на однѣ мѣстныя власти. Какимъ образомъ австро-венгерскіе министры могутъ *допускать* такое безчинство мѣстныхъ властей, не замѣчая что тягость отвѣтственности падаетъ на правительство?... Или господа Мадьяры полагаютъ что съ Россіей можно поступать совсѣмъ безнаказанно?

№ 211.

Москва, 18-го августа.

А.

Послѣ жестокихъ битвъ, въ которыхъ, слава Богу, побѣда осталась за христіанами, пора опять обратить вниманіе на тѣ средства коими располагаютъ наши балканскіе братья чтобъ облегчить, по мѣрѣ средствъ науки и благотворительности, страданія раненыхъ.

Извѣстная нашимъ читателямъ телеграмма доктора Моллова, сообщившая что Турки направляютъ свой пушечный огонь на сербскіе перевязочные пункты, какъ ни возмутителенъ сообщенный ею фактъ, имѣла по крайней мѣрѣ ту утѣшительную сторону что извѣстила насъ о присутствіи, при самой арміи, на самомъ полѣ сраженія, перевязочныхъ пунктовъ, этой настоятельнѣйшей потребности санитарной части всякой воюющей арміи. Остается только пожелать чтобы Сербская армія имѣла отряды носильщиковъ, согласно напечатанному нами объ этомъ предметѣ письму доктора Добрякова.

Но до сихъ поръ въ Россіи тревожились только за Сербскую армію, когда стало извѣстно что она почти совершенно лишена врачебныхъ пособій, и всѣ были увѣрены что Черногорія, уже съ минувшаго января, достаточна снабжена всѣмъ нужнымъ по этой части. Къ несчастію, полученныя нами свѣдѣнія не оправдываютъ этой увѣренности. Хотя мы и не можемъ поручиться за это, но намъ кажется что при Черногорской арміи нѣтъ ничего такого что можно было бы назвать „перевязочнымъ пунктомъ,“ *une ambulance*. Мы выводимъ это заключеніе изъ слѣдующихъ фактовъ. Какъ извѣстно, центральный госпиталь нашего Краснаго Креста, въ Черногоріи, былъ расположенъ въ Цетинье. Но такъ какъ Цетинье отстоитъ слишкомъ далеко отъ границы Герцеговины, чтобы находящійся въ ней госпиталь могъ соотвѣтствовать потребностямъ дѣйствующей арміи, то вскорѣ по прибытіи въ Черногорію нашей санитарной экспедиціи были устроены два отдѣленія госпиталя, одинъ, главный, въ Граховѣ, другой въ Жуппѣ, оба на самой Турецкой границѣ; слѣдовать же за отрядами инсургентовъ нашимъ медикамъ и фельдшерамъ въ то время не было разрѣшено Женевскимъ Комитетомъ Краснаго Креста. Теперь все это измѣнилось. По мѣрѣ того какъ въ страшной пропорціи усиливалась потребность въ медицинскомъ пособіи, вмѣсто того чтобы *приближать* это пособіе къ театру войны, его *удаляли!* Правда, Жуппскій госпиталь былъ упраздненъ еще зимой, такъ какъ онъ подвергался опасности быть отрѣзаннымъ Турками. Но въ Граховѣ не могло быть такой опасности. Въ самомъ дѣлѣ, отъ Грахова до Австрійской границы не будетъ и трехъ четвертей часа ходьбы. На этомъ основаніи въ Граховѣ былъ оставленъ госпиталь до самаго объявленія войны. Теперь же снятъ и этотъ госпиталь, а въ Граховѣ оставленъ „перевязочный пунктъ,“ — и съ какими средствами? Съ *однимъ* врачемъ и *двумя* фельдшерами! Да можно ли величать „перевязочнымъ пунктомъ“ незначительную лѣчебницу въ *двухъ переходахъ* отъ ближайшаго поля сраженія? Но въ настоящее время главный театръ войны не въ Герцеговинѣ; онъ перенесенъ Черногорцами въ Албанію на берега Скутарскаго озера, *за южную* окраину Черногоріи, между тѣмъ какъ пресловутый „перевязочный пунктъ,“ въ Граховѣ, находится на *оконечности сѣверной* границы Черногоріи! Но этого мало: въ Цетиньѣ тоже снятъ госпиталь; онъ перенесенъ *еще далѣе отъ границы*, въ Негошъ, на полпути между Цетиньей,

и Которомъ, къ *самой Австрійской границѣ!* Зачѣмъ же это? Или въ самомъ дѣлѣ правда, какъ слышно, что причиной этого перенесенія почти всѣхъ удѣленныхъ Черногоріи санитарныхъ пособій нашихъ въ мѣстность гдѣ они не могутъ принести никакой существенной пользы для арміи, что причиной этой удивительной мѣры было простое соображеніе что въ Цетиньѣ лѣтомъ очень жарко, а на высотахъ Негоша лѣтній зной умѣряется пріятною горною прохладой?... Но если „перевязочный пунктъ" Черногорской арміи находится въ Граховѣ, то, значитъ такого пункта, нѣтъ при самой арміи? Почему же? Черногорія признается даже въ Константинополѣ воюющей стороной. Ни Женевскій комитетъ, ни сами Турки не могутъ, слѣдовательно, считать нарушеніемъ нейтралитета присутствіе отряда краснаго Креста при Черногорской арміи. Правда Красный Крестъ, какъ извѣстно, не имѣетъ никакого значенія въ войнѣ съ Турками. Они не признаютъ его на полѣ сраженія; они признаютъ его только на зеленомъ сукнѣ дипломатическихъ конференцій. Это не мѣшаетъ однако нашимъ медикамъ не отставать отъ сербскихъ армій, какъ свидѣтельствуетъ депеша Dr. Моллова. На какомъ же основаніи то что возможно для нашихъ санитарныхъ отрядовъ въ Сербіи невозможно при войскахъ черногорскихъ?

Б.

Во Франціи, въ концѣ іюля и началѣ августа, въ Палатѣ Депутатовъ обсуждался бюджетъ на 1877 годъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Бюджетная коммиссія назначенная палатой, обсуждая предложенія Министра, требующаго на 1877 годъ значительнаго увеличенія бюджета министерства—на десять милліоновъ франковъ—обнаружила большое сочувствіе къ планамъ г. Ваддингтона, и увеличеніе вотировано палатой. Предполагаются, между прочимъ, важныя измѣненія въ устройствѣ факультетскаго преподаванія которыя увы! не понравятся прогрессивнымъ служителямъ просвѣщенія въ Россіи и либеральнымъ охранителямъ упадка въ наукѣ. Для утѣшенія ихъ упомянемъ что предсѣдателемъ коммиссіи Палаты былъ г. Гамбетта. Въ чемъ же состоятъ предложенныя министромъ просвѣщенія реформы по отношенію къ факультетамъ? „Планъ преобразованія, сказано въ докладѣ коммиссіи, можетъ быть сведенъ къ тремъ пунктамъ: устройство большихъ университетскихъ центровъ, учрежденіе корпуса обучающихъ лицъ, представляющихъ то что въ Германіи называютъ *приватъ-доцентами* (maîtres des conférences representant ce qu'en Allemagne on nomme les *privat-docenten*) и установленіе стипендій для молодыхъ студентовъ не имѣющихъ состоянія." Такимъ образомъ, предполагается „устроить четыре или пять большихъ университетовъ" *по германскому образцу* съ извѣстною свободой по отношенію къ программамъ курсовъ (au point de vue des programmes des cours) и нѣкоторою долей самоуправленія (чего теперь совсѣмъ нѣтъ во Франціи). Предполагается помощію допущенія *maîtres des conférences* достичь, насколько возможно, тѣхъ цѣлей какихъ въ Германіи достигаютъ чрезъ приватъ-доцентство. Ввести учрежденіе приватъ-доцентовъ вполнѣ по германскому образцу, при дѣйствующихъ нынѣ во Франціи установленіяхъ, оказывается, замѣчаетъ коммиссія, невозможнымъ. „Мы должны засвидѣтельствовать это, прибавлено въ докладѣ, *съ сожалѣніемъ.*" Главное препятствіе заключается въ томъ что французскіе студенты не вносятъ платы за лекціи, но за то подлежатъ значительному налогу въ формѣ сбора за экзаменъ, дипломы и пр., черезъ что высшее обученіе обходится вообще довольно дорого. Чтобы ввести гонораріи надлежало бы или отмѣнить эти сборы приносящіе казнѣ большой доходъ, или чрезъ мѣру обременить студентовъ. Во всякомъ случаѣ, предполагается характеръ преподаванія приблизить къ германскому. Факультетскія чтенія во Франціи имѣютъ доселѣ по преимуществу характеръ публичныхъ лекцій; въ шестидесятыхъ годахъ введены, въ слабыхъ размѣрахъ, конференціи имѣющія характеръ практическихъ занятій, которыя теперь и предполагаютъ значительно усилить помощію сказаннаго учрежденія. Имѣется въ виду, какъ значится въ докладѣ, что высшее преподаваніе назначается не для развлеченія праздной публики, а должно „образовать учениковъ, готовить къ степенямъ и призваніямъ."

Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается расширить учебныя пособія, учредить при каждомъ факультетѣ особыя спеціальныя библіотеки подъ управленіемъ особыхъ руководителей, способныхъ дать направле-

ніе занятіямъ и изслѣдованіямъ учащихся.

Во французскихъ факультетахъ доселѣ вовсе не было стипендіатовъ. Предполагается учредить извѣстное число стипендій въ 1.200 франковъ каждая. Стипендіи будутъ раздаваться бѣднымъ учащимся *по конкуррентному испытанію;* распредѣляться онѣ будутъ по университетамъ правительствомъ, при чемъ наибольшую часть предполагается предоставлять университетамъ провинціальнымъ. Стипедіи назначаются только для словесныхъ и математическихъ факультетовъ (немногія для медицинскаго) и *вовсе не будутъ раздаваемы на юридическихъ.* Занятія стипендіатовъ будутъ подъ контролемъ. Студенты-стипендіаты должны образовать центры, около которыхъ группировались бы остальные слушатели; въ нихъ „должно быть зерно серіозной аудиторіи." Стипендій назначается 300, но такъ какъ онѣ должны быть предоставляемы лишь отличнѣйшимъ, то не требуется чтобы всѣ были постоянно заняты.

Такимъ образомъ, и во Франціи какъ въ Италіи, съ цѣлью поднятія университетскаго уровня, указываются и принимаются мѣры не только въ общемъ направленіи, но и во многихъ частностяхъ сходныя съ тѣми, за предложеніе которыхъ у насъ профессоръ Любимовъ вызвалъ такое противъ себя ополченіе.

Упомянемъ кстати о фактѣ касающемся правда не университетовъ, а гимназій, но также едва ли имѣющемъ доставить удовольствіе противникамъ реформъ совершенныхъ и предпринимаемыхъ у насъ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія. Мы говоримъ о рѣчи произнесенной французскимъ министромъ просвѣщенія, г. Ваддингтономъ, при раздачѣ наградъ въ Сорбоннѣ по случаю общаго годичнаго конкурса воспитанниковъ лицеевъ и коллегій,—рѣчи идущей въ разрѣзъ съ утвержденіемъ противниковъ нашей реформы о повсемѣстномъ якобы торжествѣ нынѣ въ Европѣ того что̀ они именуютъ реализмомъ. Вотъ что̀ сказалъ между прочимъ французскій министръ обращаясь къ воспитанникамъ: „Вы уносите съ собою драгоцѣнное сокровище; вы жили въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ общеніи съ древностію; вашъ умъ подвергался обаянію ея безсмертныхъ твореній; вы пріобрѣли, дабы,—надѣюсь,—не терять ее, ту общую возвышенную культуру ума, которую только классическое образованіе могло дать вамъ и которую наши предки назвали прекраснымъ именемъ гуманнаго образованія (humanités). Въ послѣдствіи, пойдете ли вы по пути частной дѣятельности, вступите ли на государственную службу,—вы съ радостію, я увѣренъ въ томъ, станете возращаться къ этой литературѣ которую вы полюбили, которую чествуете сегодня, и найдете въ ней и развлеченіе досуга, и утѣшеніе въ тяжелыя минуты. Нынѣ къ тому же, въ виду чудеснаго развитія современной промышленности, болѣе чѣмъ когда-либо необходимо поддерживать и укрѣплять это высшее ученіе безкорыстнаго, которое составляетъ славу націи и честь ума человѣческаго. Нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо оно должно сохранять первое мѣсто, озаряя всякаго рода ученія низшаго порядка, озаряя его своимъ чистымъ свѣтомъ, дабы напомнить наконецъ людямъ истинную цѣль и истинное величіе человѣческаго разумѣнія."

№ 212.

Москва, 19-го августа.

A.

Державы предложили свои „добрыя услуги" воюющимъ для посредничества, въ видахъ прекращенія дальнѣйшаго „безполезнаго кровопролитія." Начатіе этого дѣла какъ всѣмъ извѣстно, принадлежитъ Англіи. Но для успѣха посредничества считалось необходимымъ чтобы предварительно одна изъ сторонъ обратилась съ просьбой объ этомъ къ державамъ-порукамъ. Еслибы такъ, то англійскому вліянію, безраздѣльно нынѣ господствующему въ Константинополѣ, казалось бы, ничего не стоило понудить Порту къ этому предварительному шагу, который ни къ чему не обязывалъ, выражая лишь вниманіе къ желаніямъ великихъ державъ и предложеннымъ ими добрымъ услугамъ. Однако въ Константинополѣ дипломатія хранила молчаніе, а въ Бѣлградѣ неотвязчивыя предложенія „добрыхъ услугъ" посыпались на правительство Сербское въ самую критическую минуту когда кипѣлъ шестидневный жестокій бой, и нервы націи были тревожно напряжены въ ожиданіи его исхода. Замѣчателенъ при этомъ слѣдующій

фактъ: въ первые дни битвъ, когда Сербы отстаивали шагъ за шагомъ свои позиціи отъ напиравшаго превосходнаго числомъ непріятеля, когда въ иностранныя газеты разсылались телеграммы то объ обходѣ Турками позицій генерала Черняева, то чуть не о взятіи самого Алексинца,—вѣсти о посредничествѣ слабѣли, толковалось что партія войны, къ сожалѣнію, одерживаетъ де верхъ въ сербскомъ министерствѣ. Но вотъ Турки терпятъ пораженіе за пораженіемъ, отборныя войска султана, его гвардія, египетскіе низамы, все бѣжитъ предъ сербскими штыками,— и картина перемѣняется, и толки о посредничествѣ все громче, громче, „партія мира" въ Бѣлградѣ поднимаетъ голову, и дипломатія является съ предложеніемъ своихъ добрыхъ услугъ. Князь Миланъ, уступая желанію выраженному ему представителями державъ, изъявляетъ готовность воспользоваться ихъ предложеніемъ о посредничествѣ. Изъ одного этого факта можно судить какого рода сильныя дипломатическія атаки (кто знаетъ? можетъ-быть и съ серіозными угрозами)! пришлось выдержать бѣдному молодому князю въ минуты безъ того исполненныя для него великаго смятенія.

Да, въ Бѣлградѣ идетъ теперь игра можетъ-быть опаснѣйшая для Сербіи чѣмъ та которая рѣшается на поляхъ битвъ. Тамъ теперь самые опасные враги Сербіи, подъ личиной ея друзей. Стóитъ почитать письма корреспондентовъ австро-венгерскихъ и англійскихъ газетъ. Нѣкоторые изъ первыхъ, какъ извѣстно, недавно были высланы оттуда. Ихъ злоба противъ славянскаго движенія довела ихъ до крайняго азарта. Англійскіе корреспонденты народъ болѣе ловкій и опытный. Не всякій сразу распознаетъ куда они мѣтятъ,— такъ искусились они облекать въ благожелательную форму свои совѣты, сожалѣнія и отзывы обо всемъ что дѣется въ Бѣлградѣ. Корреспондентъ *Times*, напримѣръ, показываетъ себя человѣкомъ очень свѣдущимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего онъ не знаетъ! Онъ ежедневно телеграфируетъ о происходившемъ въ совѣтѣ министровъ, о томъ что говорилъ князь Миланъ и тотъ или другой министръ, чье мнѣніе одержало верхъ, какія распоряженія уже готовились и вдругъ были отмѣнены, — словомъ, этотъ джентльменъ знаетъ то о чемъ никто не долженъ знать кромѣ самого правительства. Откуда, казалось бы, такое всезнайство, если эти корреспонденціи не исходятъ отъ англійскаго консула или, по крайней мѣрѣ, отъ человѣка ежедневно получающаго изъ этого источника свѣдѣнія и инструкціи? А что касается настроенія страны, то корреспонденту извѣстно это лучше чѣмъ самимъ Сербамъ. Если вѣрить ему, то страна уже тяготится войной, и партія мира потому только не восторжествовала что опасалась унизительныхъ условій. Онъ писалъ что безпрерывныя колебанія правительства по вопросу о мирѣ или продолженіи войны приводили въ отчаяніе истинныхъ сербскихъ патріотовъ," которые хорошо де понимаютъ что если война затянется еще на двѣ или на три недѣли, то могутъ произойти европейскія усложненія въ коихъ интересы Сербіи пострадаютъ; они де, то-есть эти сербскіе патріоты, взираютъ съ негодованіемъ на помощь идущую изъ Россіи деньгами и волонтерами, опасаясь ея аггрессивности и отвращаясь отъ всеобщей воинской повинности и высокихъ налоговъ. Этимъ грубо намекается что русское сочувствіе клонится къ захвату Сербіи. Какъ это не глупо, но корреспондентъ старается убѣдить всѣхъ въ этой нелѣпости. Въ началѣ послѣднихъ битвъ когда будто бы успѣвали Турки, партія войны, пишетъ корреспондентъ, одолѣла въ совѣтахъ, и объ этомъ корреспондентъ жалѣлъ, ибо *послѣ успѣховъ* Турокъ труднѣе будетъ де побудить ихъ къ умѣренности. Но вскорѣ успѣхи эти оказались пораженіемъ, и вотъ блестящая побѣда Сербовъ титулуется *частнымъ успѣхомъ*, говорится что Сербы по крайней мѣрѣ защитой Алексинца отстояли честь страны, чѣмъ облегчается дѣло мира, и предлагается перемиріе.

Дипломатія снова принимается за лихорадочную работу, и ужь теперь Англія хлопочетъ впереди. Разстроивъ усилія другихъ предотвратить войну, она теперь берется все уладить,—но въ чьемъ интересѣ и какимъ образомъ? Заботится ли она оградить Сербію отъ турецкой мести? Но Сербія побѣдоносно отразила вторженіе, войска и народъ одушевлены послѣдними побѣдами, которыя радостно отозвались въ сердцахъ всѣхъ христіанъ въ Турціи. О положеніи Оттоманской имперіи вотъ какъ говоритъ сама газета *Times*: „Труднѣе всего понять какимъ образомъ Турецкая армія была собрана и поддержи-

„вались запасы для нея. Правда, рекруты „стянуты со всей имперіи. Мы слышали „о контингентахъ созванныхъ отъ всѣхъ „вассаловъ и о страхѣ вызываемомъ эти„ми новобранцами на пути ихъ слѣдова„нія. Они однако были собраны и въ та„кихъ силахъ что ужь не осталось вто„раго резерва." Коммиссаріатъ въ турецкой арміи, продолжаетъ газета, не существуетъ, и солдаты живутъ грабежомъ; военныя принадлежности быстро расходуются, а пополнить ихъ нечѣмъ за истощеніемъ средствъ и кредита. Наконецъ, въ провинціяхъ обнаженныхъ отъ войскъ, какъ въ Критѣ, начинаютъ шевелиться христіане и заявлять жалобы. Центральная власть въ нетвердыхъ рукахъ: султанъ безнадежно боленъ, а министры въ ежедневномъ страхѣ заговоровъ, и то и дѣло предписываютъ аресты. Къ этой картинѣ нарисованной лондонскою газетой, слѣдуетъ прибавить гомерическія побѣды Черногорцевъ и послѣдніе блестящіе успѣхи Сербовъ въ битвахъ съ лучшими войсками Турціи. Спрашивается для кого нужно перемиріе? Отвѣтъ ясенъ.

Но перемиріе, конечно, заключается не для того чтобы побѣжденной и истощенной сторонѣ дать время собраться съ силами. Оно должно быть предвѣстникомъ мира, и обыкновенно наступаетъ когда главныя основанія мира уже намѣчены. Англійскіе благопріятели Сербіи убѣждаютъ ее что наступила самая удобная для нея минута чтобы заключить миръ на почетныхъ условіяхъ. Въ чемъ же они состоятъ? Что бы ни случилось, успокоиваютъ ее, она не будетъ лишена своей самостоятельности. Такихъ успокоительныхъ обѣщаній не давалось когда Турецкія войска стояли на Сербской территоріи, и такъ великодушно даруются когда Сербія отразила вторженіе. Великодушіе идетъ далѣе и ограждаетъ Сербію отъ другихъ притязаній: отъ династической перемѣны, отъ занятія Сербскихъ крѣпостей Турецкими гарнизонами. Ей де придется только срыть крѣпости, уменьшить армію и увеличить платимую ею дань. Вотъ де и всѣ гарантіи для Турціи какія могутъ быть наложены на Сербію!

И эти условія именуются почетными, на основаніи *status quo ante bellum!*

Все это съ той точки зрѣнія что Турція показала де свою неодолимость. Поэтому и условія конечно будутъ поставлены Турціей, а великобританская дипломатія употребитъ де все свое вліяніе чтобъ умѣрить ихъ, чѣмъ и докажетъ свою безкорыстную дружбу къ Славянамъ и заботливость о нихъ.

Что сказать на это? Заключимъ словами Англичанина. Честный корреспондентъ *Daily News*, продолжая подробно описывать разореніе и поруганіе Болгаріи, оканчиваетъ одну изъ своихъ послѣднихъ корреспонденцій словами: „И вы, о государ„ственные люди Европы, говорите что *sta„tus quo* должно быть поддержано. А я „вамъ говорю что оно не продержится. Вы „должны найти другое рѣшеніе Восточна„го вопроса, или другое рѣшеніе само „найдетъ васъ. *Status quo* не продержит„ся, или цивилизація есть заблужденіе, „правосудіе—насмѣшка, а христіанство — „ложь."

Б.

Вчера, по поводу задержанія русскихъ волонтеровъ въ Венгріи и Румыніи, мы спрашивали: „что было бы еслибы подобныя насилія были совершаемы иностранными властями надъ германскими или англійскими подданными?" Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ помѣщенная ниже телеграмма изъ Петербурга. Русскій, г. Хлудовъ, покупалъ въ Венгріи лошадей для Сербіи; купленныхъ лошадей у него отобрали, а его самого арестовали и выпроводили *по этапамъ* (mit einem Zwangpass), словно каторжника, обратно въ Сербію. Одновременно съ нимъ сообщаютъ въ *Новомъ Времени*, покупалъ въ Венгріи же и для Сербіи же лошадей какой-то англійскій полковникъ, и мадьярскія власти „не посмѣли его арестовать..."

А жаль что не арестовали! А то бы вмѣстѣ съ извѣстіемъ о его арестѣ мы конечно получили бы и извѣстіе о какомъ-нибудь энергическомъ протестѣ которымъ ближайшій англійскій дипломатическій агентъ поднялъ бы на ноги всю европейскую дипломатію.

В.

Мы не запомнимъ такого всенароднаго воодушевленія какъ нынѣ въ Россіи, вызваннаго сначала страданіями и бѣдствіями, а теперь блестящими побѣдами нашихъ братьевъ на Балканскомъ полуостровѣ. Со всѣхъ концовъ получаемъ мы

каждый день телеграммы извѣстить объ исходѣ начавшейся битвы, письма и всякаго рода заявленія. Сейчасъ, напримѣръ, получили мы письмо начинающееся такъ: „Не нахожу словъ чтобъ благодарить васъ за радостное извѣстіе. Весь городъ ликуетъ,—поздравляютъ другъ друга какъ на Свѣтлый праздникъ. Дай Богъ здоровья Михаилу Григорьевичу. Вѣчная память павшимъ героямъ!"

№ 213.

Москва, 20-го августа.

А.

Некрасивую роль разыгрываетъ французская печать относительно событій на Востокѣ. Нѣкоторые изъ главныхъ органовъ ея, каковы напримѣръ *Journal des Débats*, *Temps* и пр. приняли на себя обязанность отстаивать всѣми силами интересы Оттоманской имперіи, опровергать всѣ извѣстія о неистовствахъ совершаемыхъ турецкими войсками въ славянскихъ земляхъ, обвинять Боснію, Герцеговину и даже несчастную облитую кровью Болгарію въ мятежѣ противъ законныхъ повелителей (это Французы-то укоряютъ Болгаръ въ мятежѣ противъ законныхъ повелителей!) и упрекать Сербію и Черногорію за то что онѣ осмѣлились поднять оружіе на защиту своихъ злополучныхъ братій. Французскія газеты шли сначала по слѣдамъ англійскихъ, но въ настоящую минуту, когда донесенія собственныхъ агентовъ Лондонскаго правительства подтвердили всѣ извѣстія о злодѣйствахъ совершенныхъ Турками въ Болгаріи, и когда даже въ Англіи общественное мнѣніе возмущено противъ дѣйствій съ такимъ тщаніемъ хранимой и оправдываемой ею Турціи, онѣ продолжаютъ идти тѣмъ же путемъ, дозволяя себѣ постоянное искаженіе истины и различныя умолчанія, равносильныя самой возмутительной лжи. Убѣдительнымъ доказательствомъ сказаннаго нами могутъ служить французскія газеты отъ 27 августа, когда уже несомнѣнно должны были дойти до нихъ извѣстія о побѣдѣ Сербовъ при Алексинцѣ. Но онѣ не хотятъ знать ее. Въ *Journal des Débats* находимъ только двѣ телеграммы съ театра войны, и въ одной изъ нихъ, отъ 24 августа, то-есть въ тотъ самый день когда была рѣшительная битва подъ Алексинцемъ, и въ побѣдѣ Сербовъ не могло быть сомнѣнія, сказано: „Ахмедъ-Эюбъ-„паша захватилъ редутъ Алексинца. Сербская колонна вышедшая изъ Алексинца „напала на корпусъ Али-Саибъ-паши; но „была отбита съ большими потерями." И только этою лживою телеграммой ограничиваются извѣстія *Journal des Débats* съ театра войны; между тѣмъ какъ въ *Indépendance Belge* отъ 26 августа уже напечатана офиціальная телеграмма изъ Бѣлграда, сообщающая отчетъ о побѣдѣ Сербовъ. Не получить и не знать этой телеграммы не могли французскія газеты (въ *Temps* впрочемъ упоминается о депешахъ генерала Черняева и о телеграммахъ Сербскаго правительства, извѣщающихъ о побѣдѣ, но съ выраженіемъ сомнѣнія), значитъ онѣ съ намѣреніемъ не знаютъ ея. За то съ какимъ усердіемъ занимаются онѣ всѣми толками о мирѣ или перемиріи, и какъ подробно обсуждаютъ телеграммы возвѣстившія о заявленіи княземъ Миланомъ представителямъ державъ о его готовности принять посредничество ихъ для заключенія мира съ Турціей! Замѣтимъ при этомъ что эти послѣднія телеграммы повсюду получены одновременно съ извѣстіями объ Алексинецкой битвѣ. Разсужденія эти до такой степени характеристичны, особенно съ *Journal des Débats*, что мы передаемъ нѣкоторыя изъ нихъ нашимъ читателямъ въ доказательство до какой степени униженія могъ дойти органъ печати нѣкогда честный и разумный, нынѣ измѣнившій всѣмъ своимъ преданіямъ и унижающійся до самаго наглаго искаженія истины. Сообщая телеграмму *Агентства Гаваса*, гласящую что 24 августа князь Миланъ созвалъ къ себѣ представителей державъ и пригласилъ ихъ „принять на себя „посредничество съ цѣлью возстановленія „добраго согласія между нимъ и Турціей и „содѣйствовать прекращенію враждебныхъ „дѣйствій повсюду, даже *въ Черногоріи*," *Journal des Débats* говоритъ слѣдующее: „Этотъ послѣдній пунктъ заслуживаетъ „особаго вниманія. Со времени открытія „враждебныхъ дѣйствій, Черногорія не „пощадила ничего (*n'a rien épargné*) чтобъ „отдѣлить свою участь отъ Сербіи, съ которою она заключила только союзъ вынужденный, мало искренній, который побѣда разстроила бы также какъ и пора-

„женіе. Такъ какъ настоящая война есть „война личнаго честолюбія (!!), а отнюдь „не война за національность и независи„мость, то ревность князей не могла не об„наружиться тотчасъ же. Всѣ слѣдившіе съ „нѣкоторымъ вниманіемъ за ходомъ событій „могли убѣдиться съ первыхъ же дней что „никакого соглашенія не было между двумя „арміями; каждая изъ нихъ исполняла свой „отдѣльный планъ, не заботясь о согласо„ваніи своихъ операцій со своею союзни„цей. Нынѣ еще князь Николай“ (Prince Nikita, какъ называетъ его *Journal des Débats* и многія другія газеты) „гордый сво„ими полупобѣдами (?) усиливается ускольз„нуть отъ участи постигшей Сербію; онъ „отказывается принять миръ если ему не „уступятъ южной Герцеговины и не предо„ставятъ полной независимости сѣверной „Герцеговинѣ и Босніи. Но мы видѣли „что князь Миланъ не только не поддер„живаетъ притязаній своего собрата, но „старается, напротивъ, вовлечь его въ „свое собственное несчастіе и заставить „его до конца раздѣлить его участь. Без„корыстіе поучительное, согласіе трога„тельное! Что сталось съ союзомъ этихъ „мнимыхъ крестоносцевъ, которыхъ сла„вянская печать представляла намъ без„завѣтно преданными торжеству христіан„скаго дѣла? Не очевидно ли что борьба „совершающаяся предъ нашими глазами „чисто политическая, и что религіи и ци„вилизаціи нечего выигрывать отъ успѣха „возставшихъ княжествъ?“

Не довольствуясь этимъ зложелательствомъ и злораднымъ разсужденіемъ, приправленнымъ презрительною выходкой о „полупобѣдахъ“ князя Николая, вѣроятно внушенною „полными блистательными побѣдами“ французскихъ армій въ 1870 году, *Journal des Débats* продолжаетъ утверждать что „возстаніе Герцеговины и Босніи было „не болѣе какъ сербскимъ маневромъ!“ Порта не могла де изъ уваженія къ трактатамъ подавить зло въ самомъ источникѣ, а потому она ограничилась сосредоточеніемъ нѣсколькихъ отрядовъ войска на границахъ Сербіи, дабы „предупредить „вторженіе космополитскихъ шаекъ (*ban„des cosmopolites*), быстрыя нападенія ко„торыхъ слыли во мнѣніи Европы возста„ніями угнетенныхъ населеній. Подъ пу„стымъ предлогомъ что эти войска угро„жали ея автономіи, Сербія и объявила „войну.“

Значитъ, во всемъ виновата Сербія, а потому, по мнѣнію *Journal des Débats*, дипломатія и должна принять мѣры чтобы предупредить на будущее время повторенія такихъ прискорбныхъ неразумій. Она тѣмъ болѣе обязана де это сдѣлать что „Турція доказала при защитѣ своихъ „законныхъ правъ“ свою силу и изобиліе „своихъ средствъ.“

Сила эта доказана, конечно, тѣмъ что громадныя ополченія Турокъ бѣгутъ предъ сравнительно малочисленными отрядами Сербовъ и Черногорцевъ, а обиліе средствъ грабежами которые поневолѣ дозволяетъ Турецкое правительство своимъ войскамъ, не получающимъ ни жалованья, ни продовольствія...

Но отстаивая силы Турціи, *Journal des Débats* вступаетъ даже въ полемику съ *Times*, дерзнувшею сказать: „Турція умираетъ!“ „Слово это повторяютъ часто,“ восклицаетъ съ азартомъ органъ французскихъ либераловъ, „но оно совсѣмъ не у „мѣста въ ту минуту когда военное могу„щество Порты обнаружилось столь не„опровержимымъ образомъ...“ на поляхъ Алексинецкихъ, прибавимъ мы, гдѣ войска турецкія, бросая оружіе и раненыхъ, спасались дикимъ бѣгствомъ

„Сербія *проситъ мира*,“ говоритъ въ свою очередь *Temps*, „но Турція, на сто„ронѣ которой успѣхъ оружія и которая „должна быть увѣрена, *что бы ни гово„рили сегодня сербскія депеши* (!) что она „скоро займетъ Алексинецкую позицію, „будетъ вѣроятно не слишкомъ располо„жена прерывать перемиріемъ ходъ сво„ихъ успѣховъ, и по международному пра„ву торжествующей сторонѣ принадле„житъ верховное рѣшеніе, даруетъ ли она „перемиріе или откажетъ въ немъ.“

Читаешь и не вѣришь глазамъ! Это пишется въ томъ же самомъ № газеты гдѣ помѣщено извѣстіе о побѣдѣ Сербовъ послѣ шестидневнаго боя, но какое дѣло до этого *Temps*, которая увѣрена что Турція возьметъ Алексинецкую позицію, что бы ни говорили сербскія депеши?... Вотъ до чего доводитъ parti pris!

Невольно задумаешься, какая причина такой ярой любви къ Турціи и такого ожесточенія противъ Славянъ въ органахъ печати такой страны какъ Франція, голосъ которой имѣетъ нынѣ ничтожное значеніе въ совѣтахъ Европы и которая даже отнюдь не заинтересована непосред-

ственно исходомъ настоящей борьбы? Едва ли можно найти иную причину кромѣ желанія поддержать на биржѣ потерявшія всякую цѣну турецкія облигаціи которыхъ такъ много во Франціи. Но что̀ сказать о странѣ гдѣ серіозные органы печати, считавшіеся руководителями общественнаго мнѣнія, принимаютъ на себя роль биржевыхъ агентовъ, спекулирующихъ на повышеніе потерявшихъ цѣну бумагъ и ни предъ чѣмъ не останавливающихся для достиженія такой цѣли?

Б.

„И вы, о государственные люди Европы, говорите что *statu quo* должно быть „поддержано! А я вамъ говорю что̀ оно не „продержится. Вы должны найти другое рѣшеніе Восточнаго вопроса, или другое „*рѣшеніе само найдетъ васъ!*“ Этими словами честнаго Англичанина заключили мы нашу вчерашнюю передовую статью. Въ дополненіе къ высказаннымъ нами вчера замѣчаніямъ, и въ полной увѣренности что всякое русское сердце отзовется на эти строки сочувствіемъ, воспроизводимъ слѣдующія по истинѣ патріотическія соображенія, внушаемыя петербургской *Agence Générale Russe* вопіющею несправедливостью перспективы возстановленія пресловутаго *statu quo ante bellum*, какъ единственнаго результата геройской борьбы христіанъ противъ гнуснаго ига магометанской орды. Доказывая необходимость словесныхъ совѣщаній, или конгресса, для согласной съ настоятельными потребностями дѣла быстроты разрѣшенія восточныхъ замѣшательствъ, и замѣчая что „то въ Лондонѣ,—по одной причинѣ, то въ Вѣнѣ,—по другой, если не по той же,“ настаиваютъ на систематическомъ затягиваніи этого разрѣшенія путемъ нескончаемыхъ дипломатическихъ переписокъ, означенное Агентство присовокупляетъ:

— „Но имѣлось ли въ виду при этомъ что послѣ двухъ или трехъ вмѣшательствъ этого рода, на берегахъ Дуная не останется болѣе въ живыхъ ни одного христіанина?.. Но тутъ является уже давно придуманный способъ *обойти вопросъ*. *Statu quo ante bellum*,—вотъ найденный идеалъ, вотъ исцѣленіе всѣхъ недуговъ, вотъ послѣднее утѣшеніе, приносимое дипломатіей опустѣвшему домашнему очагу, слезамъ вдовъ и сиротъ! *Statu quo ante bellum*, это значитъ Европа равнодушно взирающая на нагроможденныя кучи труповъ и отрубленныхъ головъ, коихъ послѣдній предсмертный вопль былъ не о мщеніи, а о справедливости. *Statu quo ante bellum*,—это значитъ христіанская вѣра, коею такъ кичится Англія, а апостольское величіе Австріи украшается какъ завѣщаннымъ ей вѣками титуломъ,—сознательно пожертвованная христіанскими державами бреду баши-бузуковъ! *Statu quo ante bellum*, это значитъ Русское правительство присутствующее хладнокровнымъ зрителемъ при избіеніяхъ совершаемыхъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его границы и лишенное возможности подать голосъ въ пользу избиваемыхъ, тогда какъ чувство негодованія овладѣло всѣмъ Русскимъ народомъ! Но обсудили ли кабинеты то странное положеніе какое было бы создано въ такомъ случаѣ для Русскаго правительства? Еслибъ одержало верхъ это *statu quo ante bellum*,—сохраненіе котораго признано столь опаснымъ, возстановленіе котораго признано столь гнуснымъ,—то не настанетъ тогда для Россіи пора задать себѣ вопросъ: въ интересахъ ли ея связывать себя долѣе и Парижскимъ трактатомъ, и Вѣнскими конференціями, и Берлинскимъ меморандумомъ? Если народной совѣсти Россіи противно видѣть какъ ея братьевъ по племени и по вѣрѣ принуждаютъ пройти подъ ярмомъ чтобы пріобрѣсть право похоронить своихъ убитыхъ, то неужели Императоръ Всероссійскій, царствованіе котораго есть образецъ лояльности, справедливости и умѣренности, долженъ будетъ ставить ни во что̀ эти единодушныя чувства Своего народа? Или точнѣе, при видѣ простирающихся къ нему, какъ къ могучему ходатаю предъ судилищемъ Европы, молящихъ рукъ восточныхъ христіанъ, не предпочтетъ ли Онъ отдѣлиться отъ державъ подписавшихъ эти трактаты, — для него одного обязательные,—скорѣе чѣмъ заявить Балканскимъ народамъ что Онъ безсиленъ сдѣлать для нихъ что̀ бы то ни было?

„И въ самомъ дѣлѣ, если Россіи, всякій разъ когда она подаетъ голосъ на защиту христіанской вѣры и чтобы требовать отъ Европы помощи угнетаемымъ суждено подвергаться ненавистнымъ подозрѣніямъ, тѣмъ болѣе для нея оскорбительнымъ что Тотъ Кто ею управляетъ далъ до сихъ поръ небывалыя въ исторіи

доказательства самоотверженія и самопожертвованія въ пользу общаго мира,—то не будетъ ли она роковымъ образомъ принуждена признать что долгъ ея къ самой себѣ предписываетъ ей скорѣе остаться изолированною чѣмъ продолжать руководиться уступками для нея одной тягостными и несогласными ни съ ея достоинствомъ, ни съ ея силой? Россія болѣе не нуждается въ союзникахъ, какъ только слово союзъ не означаетъ болѣе взаимности, а означаетъ одну солидарность бездѣйствія?...“

№ 214.

Москва, 21-го августа.

А:

„Болѣзнь Европы—не Турція, а Россія. „Когда союзники Россіи это поймутъ, когда для нихъ станетъ ясно съ какой стороны грозитъ опасность, тогда только „для Европы откроется настоящій путь ко „спасенію отъ зла принявшаго нынѣ столь „угрожающій видъ.“ Такъ резюмируетъ свое обсужденіе теперешняго политическаго положенія одна изъ англійскихъ газетъ, и *Кельнская Газета* вполнѣ присоединяется къ этому сужденію въ статьѣ отъ 27 августа, преисполненной самыхъ грубыхъ инсинуацій и клеветъ противъ Россіи. „Зло“ отъ котораго надлежитъ избавить Европу и котораго до сихъ поръ не уразумѣли, по мнѣнію туркофильскихъ органовъ, союзники Россіи, есть *панславизмъ*, грозное проявленіе котораго усматривается въ „высоко вздымающихся въ настоящее время волнахъ общественнаго настроенія Россіи“ и главнымъ образомъ въ массѣ волонтеровъ отправляющихся изъ Россіи на помощь Славянамъ. Наши волонтеры не даютъ покоя публицистамъ ратующимъ за „спокойствіе Европы.“ Нѣтъ той клеветы которую эти господа не покушались бы пустить въ ходъ когда рѣчь идетъ о русскихъ офицерахъ „расхаживающихъ открыто по улицамъ Бѣлграда.“ Всего болѣе смущаетъ ихъ то что Русскіе прибывающіе на помощь Сербамъ и не думаютъ скрывать цѣли своего прибытія. Нѣкоторые изъ бѣлградскихъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ удивляются даже тому что русскія дамы прибывшія въ Сербію въ качествѣ сестеръ милосердія открыто говорятъ о цѣли своего прибытія, столь же открыто выражая свое горячее сочувствіе „святому дѣлу Славянъ!“ Рядомъ съ этимъ пускаются всевозможные слухи о дипломатическихъ шагахъ уже предпринятыхъ будто бы съ цѣлью положить конецъ нашествію Русскихъ въ Сербію. Толкуютъ о „двухъ членахъ Англійскаго Парламента“ прибывшихъ въ Землинъ и остановившихся у тамошняго турецкаго консула съ цѣлью наблюденія и „констатированія фактовъ.“ По дальнѣйшимъ извѣстіямъ эти таинственные два члена Парламента уже прошли далѣе въ самую Сербію.

Впрочемъ, англійское правительство напрасно прибѣгаетъ къ экстреннымъ мѣрамъ и безъ всякой надобности облекаетъ ихъ въ такую таинственность. Свѣдѣнія о русскихъ волонтерахъ въ Сербіи и ихъ количествѣ она можетъ съ достаточною полнотой почерпнуть изъ русскихъ газетъ, которыя переполнены сообщеніями о волонтерахъ ежедневно отъѣзжающихъ въ Сербію и о матеріальной помощи Славянамъ притекающей со всѣхъ концовъ Россіи, отъ всѣхъ классовъ населенія.

Во время Италіянской кампаніи 1859 года, корреспонденціи съ театра войны разказывали объ Англичанахъ-волонтерахъ сражавшихся при Сольферино. Одинъ изъ нихъ сошелъ послѣднимъ съ французской батареи занятой вслѣдъ затѣмъ непріятелемъ, въ котораго онъ не переставая и съ большою мѣткостью стрѣлялъ изъ своего превосходнаго штуцера. На вопросъ, что внушило ему такую ненависть къ Австрійцамъ, этотъ джентльменъ отвѣчалъ что политика его очень мало интересуетъ, вопросъ объ освобожденіи Италіи ему совершенно чуждъ, но онъ явился сюда чтобы „поохотиться на бѣлыхъ мундировъ,“ такъ какъ всѣ другіе виды охоты имъ уже извѣданы. Наши волонтеры въ Сербіи не принадлежатъ къ числу такого рода „охотниковъ.“ Но тѣмъ менѣе имѣютъ они поводовъ, и тѣмъ менѣе поводовъ для русской печати, утаивать ихъ истинное количество и вообще умалять „высоту тѣхъ волнъ общественнаго настроенія Россіи“ котораго такъ пугаются европейскіе туркофилы и которое они именуютъ панславизмомъ. Тѣмъ хуже для нихъ если они не могутъ возвыситься до разумѣнія *историческаго* значенія той мо-

гучей силы которая сказалась въ этомъ горячемъ порывѣ 80 милліоннаго народа. Будущій историкъ отмѣтитъ какъ характеристическій признакъ нравственнаго упадка и старческой закоснѣлости западной Европы эти трусливые „доносы" на народное движеніе совершающееся открыто и у всѣхъ на глазахъ и не укрывающееся отъ Божьяго свѣта, потому что оно запечатлѣно Божьею правдой.

Но увы! дѣло не ограничивается этими змѣиными уколами *на словахъ* со стороны „пресмыкающихся" туркофильскаго лагеря. Возгласы стали переходить въ дѣло. Австрійскія и румынскія власти, какъ сообщалъ намъ телеграфъ въ послѣдніе дни, сочли себя въ правѣ задерживать русскихъ волонтеровъ отправляющихся въ Сербію, подъ предлогомъ „ихъ манифестацій несовмѣстныхъ съ нейтралитетомъ Австріи." Мы не знаемъ въ чемъ заключались эти манифестаціи нашихъ шестидесяти восьми соотечественниковъ въ Буда-Пештѣ задержанныхъ тамошними властями и освобожденныхъ лишь вслѣдствіе настоянія нашего посла въ Вѣнѣ. Напередъ можно сказать что русскіе волонтеры высказывались, если имъ представился къ тому случай, въ духѣ діаметрально-противоположномъ тѣмъ злобнымъ манифестаціямъ противъ Россіи и Славянства, которыя позволяетъ себѣ публика и печать въ столицѣ Мадьярства и которыя *не* считаются несогласными не только съ нейтралитетомъ Австріи, но и съ „тѣсными узами дружбы" связывающими ее съ Россіей. Однако мы твердо убѣждены что то нарушеніе народнаго права которое дозволили себѣ не въ мѣру усердствующія власти въ Пештѣ не могутъ и не должны остаться безнаказанными. „Нейтралитетъ" по отношенію къ двумъ воюющимъ державамъ есть понятіе вполнѣ опредѣленное въ международномъ правѣ. Пограничное съ воюющими государство обязано не пропускать чрезъ свою территорію военныхъ отрядовъ направляющихся на театръ войны. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ чтобы подобное огражденіе *своего* нейтралитета со стороны пограничнаго государства могло превратиться въ формальную *блокаду* одной изъ воюющихъ сторонъ. Австрійскія власти не имѣютъ ни малѣйшаго права, ссылаясь на нейтралитетъ своего государства, задерживать иностранцевъ, коихъ паспорты въ порядкѣ, хотя бы они открыто заявляли что они ѣдутъ въ качествѣ волонтеровъ. Нейтралитетъ государства никогда и никѣмъ не былъ простираемъ за предѣлы матеріальныхъ силъ коими располагаетъ *правительство*. Во всѣ войны нынѣшняго столѣтія, и особливо второй его половины, въ рядахъ сражающихся были волонтеры изъ нейтральныхъ государствъ и имъ не только никто не мѣшалъ проникнуть въ ряды сражавшихся армій, но присутствіе ихъ никогда не служило поводомъ къ рекламаціямъ противъ правительства ихъ отечества со стороны той изъ воюющихъ сторонъ противъ которой сражались эти волонтеры, и тѣмъ менѣе допускалось тутъ вмѣшательство, какого бы то ни было свойства, со стороны державы вовсе непричастной къ дѣлу, какъ въ данномъ случаѣ Австрія. Чтобы не ходить далеко, припомнимъ лишь послѣднюю Франко-Германскую войну. Гарибальди во главѣ многихъ тысячъ волонтеровъ-Италіянцевъ явился на помощь Французамъ, и это не только не возбудило никакихъ протестовъ противъ Италіи со стороны Германіи, но и не испортило нисколько взаимныхъ дружественныхъ отношеній между этими державами.

Волонтеры сражаются теперь не только *противъ* Турокъ. Къ стыду нашего вѣка, увы, не можетъ подлежать сомнѣнію что имѣются добровольцы и въ рядахъ Турокъ. Есть эксцентрическіе джентльмены которые проливаютъ свою кровь за знамя Пророка рядомъ съ баши-бузуками. Объ этомъ неоднократно свидѣтельствовали реляціи съ поля битвы. Что жь! Русскій народъ охотно предоставляетъ имъ эту честь. Но мы въ правѣ требовать чтобъ и у нашихъ соотечественниковъ не была отнята возможность проливать свою кровь за дѣло которое они считаютъ святымъ дѣломъ. И мы надѣемся что всякое стѣсненіе нашихъ соотечественниковъ въ этомъ отношеніи, со стороны органовъ иностраннаго правительства, встрѣтитъ отпоръ подобающій чести и достоинству нашего отечества.

Б.

Мы напечатали вчера официальное опроверженіе толковъ о звѣрскихъ убійствахъ будто бы совершаемыхъ въ послѣднее время въ Терской области и указывавшихъ на возобновленіе тамъ фанатическаго броженія. Въ сущности, опроверженіе это относилось къ намъ только косвенно, такъ

какъ приведенные нами факты были перепечатаны нами изъ петербургской газеты *Голосъ.* Что же касается нашихъ замѣчаній, то они остаются не опровергнутыми, такъ какъ въ послѣдней статьѣ нашей было сказано что серіозная сторона этого дѣла *вовсе не въ Терской области,*—до которой относится означенное опроверженіе,—и даже вообще не въ Кавказскомъ краѣ, гдѣ для предупрежденія развитія магометанскаго прозелитизма, говорили мы, весьма достаточно нѣкоторыхъ „полицейскихъ" мѣръ, а въ Закавказскомъ краѣ, говорили мы, именно по *нашей границѣ съ Турціей.* По обѣ стороны границы, во многихъ мѣстахъ, живутъ сплошныя массы магометанскаго населенія, гдѣ легко можетъ найти себѣ притонъ и пособіе то разбойничество, которое подъ личиной фанатизма, по свидѣтельству всѣхъ и даже самихъ туркофильскихъ газетъ, свирѣпствуетъ во всей Малой Азіи надъ тамошними христіанскими населеніями, и многочисленные факты, приводимые именно закавказскими газетами, какъ напримѣръ *Тифлисскимъ Вѣстникомъ,* казалось, начинали оправдывать наши опасенія...

Особенное вниманіе обращали мы при этомъ на то обстоятельство что изъ Малой Азіи нынѣ *выведены противъ Черногоріи и Сербіи всѣ регулярныя турецкія войска,* вслѣдствіе чего администрація въ этомъ краѣ,—и безъ того уже плохо управлявшемся,—лишена дѣйствительной власти. Это состояніе полнаго безначалія въ пограничномъ съ нами краѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, можетъ угрожать спокойствію нашихъ населеній. На этомъ основаніи мы полагали что слѣдовало бы оградить нашу азіятскую границу отъ случайностей грозящихъ ей вслѣдствіе пренебреженія Портой своихъ обязанностей, и что для этого нѣтъ иного средства, какъ выставить на нашей границѣ значительный отрядъ, подобно тому какъ сдѣлала Австро-Венгрія на всемъ протяженіи своей границы съ Турціей.

№ 216.

Москва, 28-го августа.

Тяжело отзовется повсюду въ Россіи вчерашняя телеграмма нашего корреспондента изъ Алексинца. Положеніе Моравской арміи, казавшееся довольно благопріятнымъ, вдругъ стало чрезвычайно серіозно. Турки, отбитые по всей линіи на правомъ берегу Моравы, обойденные съ праваго фланга успѣшнымъ движеніемъ Хорватовича, угрожавшимъ даже тылу ихъ арміи, въ безпорядкѣ бѣжали съ поля сраженія. Побѣды Сербовъ 11 и 12 августа, благодаря удачному сосредоточенію ихъ силъ противъ праваго фланга Турокъ, быстро изгладили всякіе слѣды постепенныхъ успѣховъ, одержанныхъ было Турками на правомъ берегу Моравы. Сербы перешли въ наступленіе. 13 и 14 августа они обратно овладѣли Катунскими высотами; послѣ одного дня отдыха, 16 августа, происходило ожесточенное сраженіе, завершившееся побѣдой Сербовъ.

Съ тѣхъ поръ телеграммы безмолствовали о военныхъ дѣйствіяхъ. Извѣстно было только что Турки получали безпрестанно подкрѣпленія, какъ вдругъ, будто громъ, вчерашняя депеша... Убѣдившись въ безплодности своихъ атакъ на правомъ берегу Моравы, Турки сосредоточили всѣ свои силы, слишкомъ 60,000 человѣкъ, противъ 20,000 Сербовъ на лѣвомъ берегу Моравы, и направили ихъ на деревню Адровацъ, съ очевидною цѣлью угрожать сообщеніямъ Моравской арміи съ Чупріей,—гдѣ устроены сильныя мостовыя укрѣпленія для прикрытія переправы черезъ Мораву,—и съ Бѣлградомъ. Огромное превосходство силъ Турокъ въ мѣстности скрывавшей ихъ движенія доставили имъ рѣшительный перевѣсъ надъ Сербами. А между тѣмъ истинный *стратегическій* ключъ сербской позиціи именно и находится на лѣвомъ берегу Моравы, такъ какъ оттуда Турки прямо могутъ дѣйствовать на дорогу къ Чупріи. Корреспондентъ нашъ уже предупреждаетъ насъ что въ виду огромнаго превосходства силъ непріятеля Сербамъ едва ли удастся удержать здѣсь свою позицію...

Повидимому, Турки, отойдя послѣ многодневной битвы съ праваго берега Моравы, имѣли въ виду стянуть всѣ свои силы на лѣвый берегъ чтобъ обойти Алексинацъ. Сербы, какъ видно, едва ли были приготовлены къ этому маневру и вынуждены были выдерживать атаку втрое сильнѣйшаго непріятеля.

Положеніе Сербовъ становится чрезвычайно серіознымъ. Между тѣмъ, свѣдѣнія приводимыя ниже сообщаютъ что Турки

нарочно затягиваютъ переговоры, въ надеждѣ *взять штурмомъ Алексинацъ*, къ чему ихъ громадное численное превосходство, при содѣйствіи имѣющагося въ Нишѣ осаднаго парка, могутъ представить имъ вѣроятность успѣха... Но знаетъ ли Европа что значитъ удавшійся, послѣ продолжительной и кровопролитной борьбы, штурмъ города Турецкими войсками? Это значитъ поголовное избіеніе побѣжденныхъ, не только войскъ съ оружіемъ въ рукахъ, но и раненыхъ, и больныхъ, и всѣхъ жителей города до послѣдняго груднаго ребенка... Для насъ, Русскихъ, это значитъ мученическая смерть всѣхъ нашихъ волонтеровъ, не только на полѣ битвы, но и въ госпиталяхъ, нашихъ врачей, нашихъ сестеръ милосердія.

Вотъ что значитъ удавшійся Туркамъ штурмъ! Пусть же знаютъ это впередъ и Россія, и вся Европа. Русское правительство уже предвидѣло это; оттого та настоятельность, съ какою оно обратилось къ державамъ требуя чтобы перемиріе было окончательно признано. Полученная сегодня *Agence Générale Russe* возвращается на прежнюю тему свою о необходимости немедленнаго съѣзда министровъ шести великихъ державъ для согласной съ потребностями дѣла быстроты рѣшенія вопроса о прекращеніи военныхъ дѣйствій и объ окончательномъ умиротвореніи Балканскаго полуострова. Но почтовыя свѣдѣнія наши, напротивъ, свидѣтельствуютъ что хотя отъ каждой потерянной минуты можетъ зависѣть жизнь десятковъ тысячъ жертвъ, дѣло должно слѣдовать черепашьимъ ходомъ дипломатической переписки.

Въ комъ же олицетворяется эта адская сила алчущая христіанской крови и ведущая дѣло такъ чтобы къ концу переговоровъ не осталось въ живыхъ ни одного христіанина на всемъ южномъ берегу Савы и Дуная?...

Опустошивъ и разоривъ въ конецъ широкое пространство на правомъ берегу Моравы,—когда дымъ отъ горѣвшихъ селъ и деревень такъ наполнялъ долину что казалось горѣлъ самъ Алексинацъ,—Турки теперь систематически продолжаютъ свою разрушительную работу на лѣвомъ берегу рѣки. „Зарево отъ сотни пылающихъ селъ освѣтило сегодняшнюю ночь,“ заключилъ нашъ корреспондентъ свою вчерашнюю депешу. И это послѣ того какъ лордъ Дарби писалъ британскому послу въ Константинополѣ что если турецкія войска позволятъ себѣ такія же безчинства въ Сербіи какія дѣлались въ Болгаріи, то для Турціи это будетъ хуже пораженія, ибо тогда можетъ стать неизбѣжнымъ вмѣшательство въ пользу христіанъ. Чтобы лучше предохранить это милое дѣтище отъ его неразумія, Британскій кабинетъ послалъ къ нему нянькой генерала сэръ-Арнольда Кембалла, который и присутствуетъ теперь въ лагерѣ Абдулъ-Керимъ-паши. Чего же смотритъ этотъ представитель цивилизованной державы? Или онъ такъ занятъ руководствомъ турецкихъ стратегическихъ движеній что ему некогда исполнять задачу для которой онъ былъ *офиціально* посланъ, и о которой въ Британскомъ Парламентѣ было возвѣщено для успокоенія возмущеннаго общественнаго мнѣнія?

А Болгарія? Думаютъ ли что ея терзанія прекратились, отъ того только что о нихъ такъ много повторялось одно и то же? Сербы по крайней мѣрѣ еще борются, отстаивая свою землю пядь за пядью, Болгарія же предана совершенно безпомощно на произволъ самыхъ гнусныхъ страстей. Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Daily News* мы прочли новое письмо болгарскаго корреспондента этой газеты, въ которомъ онъ обращаетъ вниманіе на ужасное положеніе этой злополучной страны. Жизнь и собственность въ ней рѣшительно ничѣмъ не обезпечены. Турецкое населеніе вооружено и дѣлаетъ все что ему угодно надъ безоружными христіанами. Каждый день Болгары подвергаются грабежамъ со стороны своихъ мусульманскихъ сосѣдей. Болгаръ заставляютъ работать безъ платы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они принуждены платить за позволеніе собирать свою жатву; у нихъ отнимаютъ скотъ и лошадей. Если они жалуются или оказываютъ хотя малѣйшее сопротивленіе, ихъ бьютъ и рубятъ. Женщины открыто оскорбляются самымъ возмутительнымъ образомъ. Жителямъ Турки безпрерывно грозятъ новыми поголовными избіеніями. Корреспондентъ заключаетъ что страна находится въ совершенной анархіи. Турецкія власти не заботятся ни о правосудіи, ни о поддержаніи порядка, и если де Европа не возьметъ дѣла въ свои руки, то массы населенія погибнутъ.

Все это говоритъ корреспондентъ англійской же газеты. И это совершается

послѣ всѣхъ разоблаченій, послѣ всѣхъ офиціальныхъ слѣдствій о прежнихъ звѣрствахъ, засвидѣтельствованныхъ Англичаниномъ Берингомъ и Американцемъ Скайлеромъ,—когда докладъ послѣдняго, уже обнародованный въ англійскихъ газетахъ, подтверждаетъ дословно подробное донесеніе напечатанное въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. И это въ то время когда въ Англіи собираются митинги для выраженія негодованія по поводу прежнихъ избіеній въ Болгаріи!.. Турки, конечно, считаютъ себя въ правѣ посмѣиваться надъ этимъ негодованіемъ, видя какъ въ то же время заботливая дипломатія, руководимая Англіей, силится сохранить *statu quo*...

№ 217.

Москва, 24-го августа.

А.

Пештскій корреспондентъ *National-Zeitung*, въ письмѣ отъ 29-го августа, передаетъ слѣдующія подробности о задержаніи пештскою полиціей нашихъ соотечественниковъ прибывшихъ туда на пути въ Сербію. Полиція не могла де не обратить вниманія на группы русскихъ путешественниковъ, съ каждымъ днемъ возраставшихъ въ числѣ и проѣзжавшихъ черезъ Пештъ въ Бѣлградъ. Двѣ такія группы были приглашены въ домъ городской полиціи; ихъ спросили о званіи, занятіяхъ и цѣли ихъ поѣздки. Если вѣрить корреспонденту, всѣ Русскіе единогласно заявили что они „хирурги“ и ѣдутъ въ Сербію чтобъ оказывать помощь раненымъ. Но по осмотрѣ паспортовъ оказалось де что за исключеніемъ трехъ изъ этихъ лицъ, значившихся студентами медицины, всѣ остальные были отставные военные. Полиція оставила путешественниковъ на свободѣ, то-есть не заключила ихъ въ тюрьму, а указала имъ гостиницы гдѣ они должны были жить впредь до новыхъ распоряженій, и отобрала у нихъ паспорты и бывшее при нихъ оружіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ пештская полиція телеграфировала въ Вѣну дабы узнать какъ ей поступить въ данномъ случаѣ, ибо сама она, по словамъ корреспондента, не имѣла яснаго понятія о томъ что предписывается въ такихъ случаяхъ международнымъ правомъ. Мы знаемъ уже что высшее правительство въ Вѣнѣ растолковало своимъ органамъ въ Пештѣ что они черезчуръ увлеклись въ своемъ усердіи, и предписало немедленно освободить задержанныхъ.

Но пештская печать зашла въ своемъ усердіи на пользу Турокъ еще далѣе чѣмъ пештская полиція. Мадьярскія газеты не угомонились и послѣ разъясненія изъ Вѣны, и сильно возроптали на распоряженіе правительства; онѣ обвиняли министерство Тиссы въ „непростительной слабости“ относительно Россіи, и оппозиціонная газета *Pesti Naplo* воскликнула, по поводу освобожденія русскихъ волонтеровъ: „да здравствуетъ тройственный союзъ Императоровъ! да здравствуетъ владычество Россіи въ Пештѣ!“ Напрасно офиціозныя газеты, *Hon* и другія, старались успокоить мѣстныхъ Гуго Гроціевъ доказывая что Австрійское правительство *не имѣло права* задерживать подданныхъ чужой державы, коихъ паспорты въ порядкѣ, и препятствовать имъ даже въ томъ случаѣ если доказано что они ѣдутъ въ качествѣ волонтеровъ. Не подѣйствовало и весьма интересное напоминаніе со стороны органовъ Пештскаго правительства (хотя оно для насъ не новость) что черезъ Пештъ безпрепятственно проѣхали многіе англійскіе и *французскіе* офицеры въ качествѣ волонтеровъ Турецкой арміи. Не приняли потомки Гунновъ въ Пештѣ въ соображеніе и того что въ турецкія войска волонтерами поступило не мало венгерскихъ офицеровъ, о чемъ офиціозная печать благоразумно умолчала, хотя и это очень хорошо извѣстно. Несмотря на все это, названныя газеты старались всевозможными ухищреніями доказать что обязанности нейтралитета предписываютъ Австріи поступать съ русскими волонтерами проѣзжающими чрезъ ея территорію точно также какъ она поступила съ лицами участвовавшими въ военныхъ дѣйствіяхъ и попавшимися въ руки австрійскимъ властямъ, какъ напримѣръ съ Любобратичемъ. Словомъ, пештскія газеты требуютъ чтобы русскіе волонтеры впредь задерживались и *интернировались* въ Австріи. Въ виду подобныхъ взглядовъ проповѣдуемыхъ въ Пештѣ на всѣхъ перекресткахъ, ничего нѣтъ удивительнаго что наши соотечественники не рѣшились прямо и откровенно заявить о цѣли своей поѣздки. Имъ слишкомъ дорога эта цѣль, и они

слишкомъ горячо стремятся на поле сраженія съ исконнымъ врагомъ своего роднаго племени, чтобы покориться участи которую имъ готовили „кузены“ Турокъ въ своей столицѣ. Наши соотечественники тѣмъ болѣе могли опасаться что угроза перейдетъ въ дѣло что и самое распоряженіе о задержаніи ихъ послѣдовало, какъ сообщаетъ вѣнскій корреспондентъ *Times*, *вслѣдствіе настоянія турецкаго генеральнаго консула предъ пештскою полиціей*. Дипломатическіе представители Оттоманской Порты въ Венгріи такъ увѣрены въ силѣ родственныхъ узъ между обоими народами что считаютъ возможнымъ обойти всѣ установленныя формы дипломатическихъ сношеній. Они „безъ чиновъ“ относятся прямо къ низшимъ органамъ администраціи, и послѣдніе столь же поспѣшно исполняютъ требованія Турокъ. Если такой порядокъ будетъ продолжаться и впредь, и турецкимъ дипломатамъ дозволено будетъ относиться непосредственно къ мѣстнымъ административнымъ властямъ въ Венгріи, то въ виду тамошняго „патріотическаго настроенія,“ чего добраго, можно опасаться что венгерская полиція прямо выдастъ Туркамъ волонтеровъ направляющихся изъ Россіи въ Сербію. Вотъ почему мы полагаемъ что высшее Австрійское правительство еще не все сдѣлало разъяснивъ пештской полиціи истинный смыслъ постановленій международнаго права о нейтралитетѣ. Не мѣшало бы также обратить вниманіе и на „панибратство“ турецкихъ консуловъ съ венгерскою полиціей. Во всякомъ случаѣ Россія имѣетъ полное право настаивать чтобъ эта родственная связь не отзывалась на ея подданныхъ вынужденныхъ проѣзжать чрезъ Австро-Венгерскую территорію.

Намъ пріятно было убѣдиться что берлинская печать, въ лицѣ лучшихъ ея органовъ, раздѣляетъ мнѣніе высказанное нами по поводу вопроса международнаго права возбужденнаго недавнимъ задержаніемъ русскихъ волонтеровъ въ Пештѣ. Вотъ какими замѣчаніями сопровождаетъ *National-Zeitung* указанное выше сообщеніе своего пештскаго корреспондента: „Знатоки международнаго права въ Пештѣ „сдѣлали новое открытіе утверждая что „нейтральное государство обязано задерживать обыкновенное движеніе путешественниковъ на пути въ одно изъ воюющихъ государствъ и подвергать ихъ „всѣмъ непріятностямъ сопряженнымъ съ „розыскомъ о томъ почему и для чего они „туда ѣдутъ. По признаннымъ всѣми началамъ международнаго права, обязанности нейтральной державы не простираются далѣе недопущенія чтобы нейтральная почва стала мѣстомъ сборища или „пунктомъ опоры для *вооруженныхъ* отрядовъ которые могли бы съ этого мѣста „непосредственно принять участіе въ военныхъ операціяхъ.“ Вотъ почему *National-Zeitung* привѣтствуетъ распоряженіе Австрійскаго правительства, въ силу коего нашимъ соотечественникамъ задержаннымъ въ Пештѣ предоставлена полная свобода ѣхать куда имъ угодно.

Намъ было бы пріятно думать подобно берлинской газетѣ, что распоряженіе это послѣдовало *propr o motu*, безо всякихъ настояній со стороны русскаго посла, такъ какъ рѣчь шла о вопросѣ относительно котораго нѣтъ противорѣчія между просвѣщенными людьми въ Европѣ и который впервые подвергнутъ сомнѣнію друзьями баши-бузуковъ въ Пештѣ. Еще пріятнѣе было бы предположить что если тутъ потребовалось „энергическое представленіе“ со стороны Россіи, то оно касалось не вопроса въ принципѣ, а своеволія пештской полиціи.

Во всякомъ случаѣ, нашимъ волонтерамъ отправляющимся въ Сербію не мѣшаетъ принять во вниманіе разъясненія вызванныя пештскимъ корреспондентомъ. Они имѣютъ полное и несомнѣнное юридическое право ѣхать куда ихъ влечетъ ихъ великодушное чувство, и имъ не зачѣмъ скрывать это предъ венгерскими властями.

Б.

Главныя силы Сербовъ оставили Алексинецъ. Оборона этой передовой твердыни Сербіи возложена на Хорватовича, всего съ десятью баталіонами. Главныя же силы генерала Черняева отступили, повидимому, на Делиградъ. По своему положенію, Делиградъ лучше прикрываетъ сообщенія Сербской арміи съ ея оборонительною линіей позади Моравы, именно съ центромъ и ключомъ этой линіи, мостовымъ укрѣпленіемъ у Чупріи. По силѣ своихъ верковъ, Делиградъ можетъ представить серіозное препятствіе наступающему непріятелю. Во всякомъ случаѣ позиціей у Делиграда генералъ Черняевъ обезпечиваетъ свое отступленіе.

Но, задерживая Турокъ предъ Делиградомъ, генералъ Черняевъ даетъ время Чолокъ-Античу подвинуться въ тылъ непріятелю. Это движеніе Ибарской арміи на помощь Моравской можетъ произвести рѣшительный поворотъ въ ходѣ военныхъ дѣйствій. Во всякомъ случаѣ, своевременнымъ занятіемъ укрѣпленнаго лагеря у Делиграда Сербы выигрываютъ время, а на войнѣ выигранное время и побѣда часто одно и то же.

Въ виду наступательнаго движенія Турокъ противъ праваго фланга Сербской арміи, главнымъ для нея дѣломъ было обезпечить свои сообщенія съ Чупріей. Слава Богу, дѣло это исполнено. Продержившись въ Делиградѣ, Сербы и въ случаѣ неуспѣха имѣютъ открытую предъ собою дорогу на Чупрію. А на всемъ протяженіи отъ Крушевца до Ягодина, Морава течетъ въ обрывистыхъ берегахъ, глубокая и быстрая; переправа въ бродъ черезъ неё невозможна; наведеніе походнаго моста крайне трудно. Постоянный же мостъ есть у Чупріи, но онъ защищенъ верками съ сильною профилью, а индѣ и съ каменными обшивками. Овладѣть сначала Делиградомъ, имѣя въ тылу съ одной стороны еще занятый Сербами Алексинецъ, а съ другой отборныя войска Чолокъ-Антича; затѣмъ форсировать линію Моравы между Крушевцомъ и Чупріей: таковы двѣ задачи предстоящія Туркамъ прежде чѣмъ они могутъ открыть себѣ путь на Бѣлградъ.

Итакъ, положеніе Сербіи еще далеко нельзя считать отчаяннымъ, еслибы не турецкій способъ веденія войны. Каждый шагъ турецкихъ войскъ оставляетъ за собою груду обгорѣвшихъ развалинъ. Но едва ли не болѣе серіознымъ является во всѣхъ отношеніяхъ положеніе Черногоріи. Съ юга, у Подгорицы, наступаютъ на нее 30.000 регулярнаго войска при 54 орудіяхъ; съ сѣвера у Гачко, Мухтаръ-паша съ 13 баталіонами и 6 орудіями; въ резервѣ у него, въ Мостарѣ, вновь прибывшіе на этотъ театръ войны 20 баталіоновъ при 26 орудіяхъ. Всего противъ Черногоріи направляется слишкомъ 50.000 регулярнаго войска, при 76 орудіяхъ и тысячъ десять баши-бузуковъ. Правда, значительная часть этихъ войскъ не очень благонадежна. Въ Албанской арміи много католиковъ дезертирующихъ цѣлыми массами. Къ тому же Мирдиты волнуются, и Турки уже нашлись вынужденными отрядить противъ нихъ регулярныя войска. Съ другой стороны, по свѣдѣніямъ корреспондента *Times*, Черногорская армія, отлично снабженная всѣми боевыми и жизненными припасами, отличается геройскимъ настроеніемъ; чтобы справиться съ нею нужно, говоритъ англійскій корреспондентъ, не менѣе статысячной Турецкой арміи...

При всемъ томъ, положеніе Черногорцевъ, имѣющихъ многочисленнаго непріятеля и спереди, и въ тылу, не можетъ быть признано безопаснымъ. По слухамъ, Мухтаръ-паша будто бы уже прорвался изъ Гачко на Граховъ, и самъ князь Николай, чтобы лучше слѣдить за обѣими непріятельскими арміями, возвратился въ Цетинье.

№ 218.

Москва, 25-го августа.

А.

Между тѣмъ какъ вооруженная борьба Сербовъ съ Турками продолжается и потоками проливается новая кровь,—проливается напрасно послѣ того какъ державы взялись остановить войну и опредѣлить ея результаты, начатые дипломатическіе переговоры затягиваются, и послѣ почти двухнедѣльной проволочки хорошенько неизвѣстно даже есть ли надежда на успѣхъ посредничества. На маленькую, вассальную Сербію не трудно было произвести дипломатическій напоръ чтобы побудить ее прибѣгнуть къ посредничеству. Не то съ независимою Турціей, „равноправнымъ членомъ“ европейской семьи. Тутъ-то стали оказываться затрудненія. Сперва понадобилось убрать нездраваго султана, потомъ совершить церемоніи вопаренія новаго, офиціальныя представленія ему, и пр. Затѣмъ явился вопросъ какъ увѣдомить Порту о принятомъ державами посредничествѣ: коллективно или порознь, и рѣшено послѣднее; потомъ опять вопросъ, толковать ли сперва только о болѣе или менѣе продолжительномъ перемиріи или начертать въ главныхъ основаніяхъ прелиминаріи мира. Въ то же время ходили слухи что Порта умышленно желаетъ затянуть переговоры, въ увѣренности скорыхъ успѣховъ какъ противъ Сербовъ, такъ и про-

тивъ Черногоріи, чтобъ имѣть право настоять на выгоднѣйшихъ для себя и болѣе тяжкихъ для княжествъ условіяхъ.

Что же отсюда должны мы заключить? Обращеніе державъ къ Портѣ не коллективно, а порознь (на чемъ настояла, какъ намъ извѣстно, Австрія), и увѣренность Турокъ что отъ нихъ самихъ можетъ зависѣть установленіе условій, не доказываютъ ли что дипломатія и теперь находится въ томъ же положеніи какъ до начала войны, когда она была безсильна предотвратить ее? Не значитъ ли это что между державами не установилось никакого опредѣленнаго согласія, и что у нихъ нѣтъ яснаго общаго плана дѣйствій. Еслибъ англійская дипломатія дѣйствительно хотѣла прекратить безполезное кровопролитіе, то одно ея слово въ Константинополѣ было бы равносильно приказу. Но это слово, въ теченіе двухъ недѣль, еще не было произнесено. Чтобъ рѣшиться сказать это слово, надо измѣнить свою политику, отречься отъ фикціи что Турція есть самостоятельное, равноправное съ другими государство, и взяться за вопросъ шире. Но на это англійская дипломатія не можетъ еще рѣшиться.

На что же она надѣется? Неужели утѣшается мечтой что дѣло какъ-нибудь обойдется и поправится само собой? „Ничего для возстановленія мира нельзя сдѣлать," говоритъ *Daily News*, „пока Турція и Сербія не убѣдятся что державы смотрятъ на ихъ распрю только какъ на часть великаго Восточнаго вопроса. Положеніе Босніи, Герцеговины и всего болѣе Болгаріи требуетъ принятія практическихъ мѣръ какъ и положеніе Сербіи." Такъ,—но до этого убѣжденія, которое постоянно высказывалось нами, повидимому, еще не дошла англійская дипломатія.

Между тѣмъ, необходимость соглашенія съ каждымъ днемъ сознается сильнѣе. Престарѣлый лордъ Россель, въ обнародованномъ письмѣ своемъ, смѣло заявилъ что Англіи слѣдовало бы войти въ соглашеніе съ Россіей. За эту же мысль теперь ухватилась газета *Times*. Въ добрый часъ! Но мы приходимъ опять къ тому же на чемъ были полгода тому назадъ. Положеніе Россіи съ самаго начала нынѣшняго кризиса на Востокѣ было самое тягостное; она съ великимъ самоотверженіемъ держалась соглашенія съ другими державами. Самоотверженіе это было плохо вознаграждено. Преступное (говоримъ: *преступное*) поощреніе англійскими (и другими) министрами надеждъ Турокъ усложнило дѣло до крайности. Теперь въ Англіи видятъ опасности порожденныя этой политикой.

Въ Англіи видимъ мы теперь явленіе почти небывалое. Дѣла внѣшней политики, въ особенности касающіяся предполагаемыхъ интересовъ страны или когда предвидится возможность столкновенія съ другими странами, считаются обыкновенно въ Англіи внѣ вопросовъ партій. Теперь, однако, либеральная партія рѣшительно отдѣляется отъ восточной политики правительства. Газета *Daily News* давно уже мужественно стала открытымъ глашатаемъ этой оппозиціи. Еще важнѣе возрастающее народное движеніе. Ежедневно въ разныхъ городахъ устраиваются митинги для выраженія негодованія противъ турецкихъ неистовствъ и осужденія политики кабинета возбудившей въ Туркахъ ложную надежду на поддержку Англіи; требуютъ отозванія англійскаго посла изъ Константинополя и англійскаго флота изъ Безики. Что въ Парламентѣ высказывалось робко, пока правительство оттягивало сообщеніе свѣдѣній, стало выражаться неудержимо когда не остается никакихъ сомнѣній въ страшной истинѣ болгарскихъ событій. Вліятельнѣйшіе и извѣстнѣйшіе члены либеральной оппозиціи, лордъ Россель, гг. Гладстонъ, Брайтъ, Фоссеттъ, Стансфельдъ, Монделла и прочіе, другъ за другомъ высказываются въ одномъ и томъ же смыслѣ: на всѣхъ митингахъ, во всѣхъ рѣчахъ и письмахъ въ газетахъ, выражается необходимость чтобъ общественное мнѣніе дало понять правительству что Англійскій народъ не желаетъ далѣе поддерживать гнусное турецкое управленіе; это же проповѣдуютъ пасторы въ храмахъ.

Такое положеніе, рѣшительно принятое либеральною партіей въ Англіи и приносящее ей честь, принуждаетъ и сторонниковъ нынѣшняго кабинета измѣнить свою тактику. Какъ преданные ему органы, такъ и ораторы его партіи заявляютъ что они не отстаютъ отъ своихъ противниковъ въ негодованіи противъ обнаруженныхъ жестокостей (о преувеличеніяхъ—теперь уже нѣтъ рѣчи), что въ ихъ ненавистномъ характерѣ никто де никогда не сомнѣвался, но что дѣло не въ томъ, а въ опасности распаденія Турціи, что теперь когда бол-

гарская исторія разъяснена и удостовѣрена, пора де обратить вниманіе на другіе болѣе важные предметы и не упускать изъ виду что политика Англіи руководится условіями ея національнаго существованія, а либеральная агитація по поводу турецкихъ безчинствъ дѣйствуетъ де на руку „замысламъ которые угрожаютъ нашимъ имперскимъ интерссамъ и нашему цивилизующему вліянію во всемъ свѣтѣ."

Но эти фразы потеряли смыслъ, и никто имъ не вѣритъ. „Признаемся," восклицаетъ въ честномъ негодованіи *Daily News*, „мы не въ состояніи вообразить „на какіе интересы цивилизаціи въ какой-„либо части свѣта можемъ мы претендо-„вать послѣ того какъ поддержимъ пра-„вленіе Турокъ, какимъ оно намъ теперь „извѣстно. Въ такомъ кризисѣ какъ на-„стоящій мы должны сдѣлать выборъ, и „сдѣлать его открыто предъ всѣми. Если „послѣ всей нашей похвальбы, дѣла наши „такъ плохи что наши имперскіе интере-„сы требуютъ чтобы самое существованіе „наше было связано съ турецкимъ вар-„варствомъ, то скажемъ это открыто и „смѣло и бросимъ лицемѣріе о нашемъ „цивилизующемъ вліяніи по всему свѣту. „Но наши имперскіе интересы не нахо-„дятся, какъ мы думаемъ, въ такомъ жал-„комъ положеніи чтобъ эта политика бы-„ла необходима, и мы сожалѣемъ что это „заявляется защитниками графа Бикон-„сфильда."

Остается видѣть достаточно ли сильно въ странѣ движеніе предпринятое либеральною партіей чтобы заставить кабинетъ отречься отъ всякой поддержки Порты, и въ состояніи ли нынѣшніе министры прямодушно принять рекомендуемую имъ иную политику. Признаемся, намъ трудно довѣрять искренности лорда Биконсфильда, а тѣмъ болѣе Эллiота (гадко даже произнести это имя). Повести иную рѣчь предъ Турками было бы для нихъ все равно что сознаться въ пораженіи, въ неудачѣ своей политики, а къ такой жертвѣ уязвленнаго тщеславія можетъ ихъ принудить только неотразимый напоръ.

А между тѣмъ время уходитъ, и плоды злополучной политики лорда Биконсфильда съ каждымъ днемъ все болѣе усложняются положеніе и отзываются все новыми вопіющими къ Небу страданіями христіанъ...

Б.

Еще не успѣло дойти до Тифлиса наше замѣчаніе на офиціальное „опроверженіе" газетныхъ толковъ о проповѣдываніи турецкими эмиссарами войны съ невѣрными „въ Терской области," какъ выражалось „опроверженіе,"—какъ телеграфъ и почта наперерывъ спѣшатъ подтвердить фактами наши предсказанія. Приведенная нами вчера тифлисская телеграмма извѣщала что на азіятской границѣ нашей съ Турціей разбоемъ занимаются уже не однѣ шайки баши-бузуковъ. „Пошаливавшія" до сихъ поръ въ Закавказьи отдѣльныя шайки разбойниковъ оказываются просто *развѣдчиками*. Теперь „шалостями" занимаются уже цѣлые отряды турецкой регулярной кавалеріи. Ихъ „маневры и эволюціи", гласитъ телеграмма, „возбуждаютъ *сильное подозрѣніе*." Слава Богу! Да и есть съ чего: въ одной изъ этихъ „эволюцій" эти господа кавалергарды напали на русское селеніе Ефремовку и угнали 800 штукъ скота и лошадей. Для начала не дурно и это. Въ отвѣтъ на эту эволюцію выслана въ Александрополь Кавказская гренадерская дивизія...

Только-то? А возмѣщеніе убытковъ понесенныхъ отъ этого нападенія регулярныхъ войскъ сосѣдняго государства на наши владѣнія? А необходимое для успокоенія нашихъ пограничныхъ населеній примѣрное наказаніе виновныхъ? А удовлетвореніе оскорбляющаго достоинство и честь Россіи нарушенія ея границы?...

Но это не все. Мѣстная администрація поспѣшила опровергнуть толки о звѣрскихъ убійствахъ, безъ всякой цѣли грабежа совершаемыхъ въ *Терской области*. Этимъ нисколько не опровергались слухи о турецкихъ эмиссарахъ, муллахъ и софтахъ, проповѣдывающихъ *газаватъ не въ одной Терской области*, но и по всему сѣверному Кавказу. Приводимое ниже письмо г. Хлюдзинскаго въ *Одесскій Вѣстникъ* указываетъ однако на факты которые, смѣемъ думать, было бы гораздо полезнѣе предупредить или прекратить чѣмъ опровергать. Если вѣрить этому письму, *зеленое* знамя Пророка прогуливается между кавказскими горцами также свободно какъ въ Болгаріи. Къ тому же удальцы изъ Черкесовъ, *по три съ каждаго аула*, уже отправляются въ Турцію, послужить своему калифу и въ волю порубить и пожечь стариковъ, женъ и дѣтей...

№ 219.

Москва, 27-го августа.

Чего другаго, а недоброжелателей всегда было довольно у восточныхъ христіанъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ дорожить тѣми рѣдкими голосами которые высказываютъ сочувствіе имъ. Приводя въ параллель отзывы о происходящей нынѣ на Востокѣ кровавой борьбѣ въ австро-венгерской и германской печати, мы уже не разъ имѣли случай отдавать должную справедливость послѣдней. Доброжелательные относительно турецкихъ христіанъ отзывы встрѣчаемъ мы въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, слывущей органомъ имперскаго канцлера, въ берлинской *Post*, въ *National-Zeitung*, вообще въ органахъ національно-либеральной партіи, также въ *Фоссовой Газетѣ*, передовомъ глашатаѣ прогрессистовъ, наконецъ въ *Крестовой Газетѣ*, органѣ консервативной партіи. Какъ ни различны политическіе оттѣнки этихъ партій, но что касается участи восточныхъ христіанъ, ихъ избіенія и систематическаго угнетенія, то первенствующіе органы всѣхъ этихъ партій согласны между собою, являя рѣзкую противоположность большинству газетъ не только Австро-Венгріи и Англіи, но и Франціи...

Конечно, и въ Германіи, во всѣхъ этихъ добрыхъ отзывахъ выражаются до сихъ поръ только платоническаго свойства сочувствія. Германія заговорила повелительнымъ голосомъ только когда потребовалось настоять на удовлетвореніи за убіеніе ея консула въ Салоникахъ, и до сихъ поръ ничего не сдѣлала чтобъ обуздать звѣря на Востокѣ и пресѣчь дѣла позорящія Европу. Но намъ ли, Русскимъ, гораздо ближе Германіи заинтересованнымъ въ участи турецкихъ христіанъ, намъ ли обращаться къ ней съ такимъ упрекомъ? Можемъ ли мы сѣтовать на Германію что она не беретъ на себя иниціативу въ этомъ вопросѣ? Иниціатива здѣсь должна не ей принадлежать.

Но и въ Германіи, какъ вездѣ, „въ семьѣ не безъ урода." Есть исключенія изъ этой общей характеристики органовъ общественнаго мнѣнія въ Германіи. *Кельнская Газета*, напримѣръ, этотъ всегдашній врагъ восточнаго христіанства, во время Критскаго возстанія рѣзко разногласившій съ органами національной партіи, которые высказывались единодушно за освобожденіе Кандіи, а также аугсбургская *Всеобщая Газета*, окончательно надѣвшая на себя австро-турецкій хомутъ, соперничаютъ своимъ туркофильствомъ съ политическими баши-бузуками Англіи, Австро-Венгріи и Франціи. Тутъ, очевидно, кроются какія-нибудь особыя побужденія. На лай *Кельнской Газеты* нельзя обращать болѣе вниманія чѣмъ обращалось на нее въ самой Пруссіи за шесть лѣтъ предъ симъ когда ходили тамъ слухи что эта газета была подкуплена Наполеономъ III. Во всякомъ случаѣ, эта газета составляетъ *исключеніе*, а исключеніемъ только подтверждается правило...

Есть однако большая партія въ Германіи которой органы дышутъ ненавистью къ христіанамъ Востока; но эта партія враждебная германскому правительству и вообще Германіи возрожденной и объединенной. Мы разумѣемъ римско-католическую клерикальную партію. По манію изъ Ватикана, ея органы съ одинаковымъ озлобленіемъ ратуютъ и противъ берлинскаго правительства, и противъ Россіи. Ватиканъ не постыдился стать явно на сторону противниковъ Христа въ борьбѣ съ восточными христіанами, и уже получилъ за это взятку въ лицѣ армяно-католическаго митрополита Гассуна. Передовой органъ этой партіи, *Germania*, своими неистовствами какъ будто соревнуетъ столь близкимъ ея „христіанскому" сердцу баши-бузукамъ и Черкесамъ.

Итакъ, въ Германіи злѣйшіе враги восточнаго христіанства суть вмѣстѣ и самые непримиримые враги объединенной Германіи. А гдѣ есть общій врагъ, тамъ есть и общіе интересы...

Но въ послѣднее время случилось обстоятельство которому придали въ Германіи совершенно незаслуженное значеніе. Одна петербургская газета, ни съ того ни съ сего, вдругъ разразилась и надъ германскою печатью и надъ германскимъ правительствомъ, и даже надъ всею германскою націей комическимъ гнѣвомъ, возлагая на нихъ отвѣтственность за статьи *Кельнской Газеты*, да еще какой-то вновь издающейся въ Берлинѣ газеты *Gegenwart*. Задѣтые органы, вслѣдствіе этихъ наивныхъ выходокъ, подняли, въ свою очередь, цѣлую бурю во имя оскорбленнаго „достоинства," „самолюбія" и даже „чести" германскаго народа. Благодаря ихъ усиліямъ, дѣло дошло до того

что даже газета слывущая органомъ германскаго имперскаго канцлера, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, признала нужнымъ сказать свое слово. Возраженія этой газеты отличаются достоинствомъ и сдержанною вразумительностью. „Германская печать," сказано въ этихъ отзывахъ, „никогда не скрывала своихъ сочувствій къ „участи восточныхъ христіанъ... но прежде всего она руководилась желаніемъ „оградить остальную Европу отъ замѣшательствъ по поводу событій на Востокѣ..." Названная газета справедливо замѣчаетъ при этомъ что „таково было общее направленіе статей германской печати о Восточномъ вопросѣ." Правда, она держала себя „объективно," но какъ уже сказано выше, не намъ, Русскимъ, упрекать ее въ этомъ; относилась же она къ разнымъ замѣшаннымъ въ Восточномъ вопросѣ державамъ согласно де тому, насколько политика каждой изъ нихъ соотвѣтствовала этимъ общимъ стремленіямъ Германіи. Съ этой точки зрѣнія, продолжаетъ органъ германскаго канцлера, нѣмецкая печать постоянно отдавала полную справедливость „заслугамъ" русской политики и искреннему миролюбію Русскаго Государя, не обращая никакого вниманія на лай съ которымъ „завзятые глашатаи „исключительно турецкихъ и магометанскихъ интересовъ, закала *Новой Свободной Прессы*, обращались за это противъ „германской политики вообще и противъ „германскихъ газетъ въ особенности..."

Мы понимаемъ удивленіе сказавшееся въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* при выходкахъ одной изъ петербургскихъ газетъ, но мы не понимаемъ какъ могла она обратить на нихъ большее вниманіе чѣмъ на лай вѣнскихъ „магометанскихъ" газетъ, или чѣмъ мы въ Россіи обращаемъ вниманія на ругательства *Кельнской Газеты*. Впрочемъ, самъ цитуемый органъ замѣчаетъ что „въ Германіи, конечно, никому „не вздумается возлагать на *всю русскую „печать, на русскій народъ* или даже на „*русское правительство* отвѣтственность „за разглагольствія" петербургской газеты. Съ другой стороны, органъ германскаго имперскаго канцлера выражаетъ убѣжденіе что заявленное петербургскою газетой „неудовольствіе" общественнаго мнѣнія Россіи противъ Германіи основано „на ошибкѣ, или на недоразумѣніи." „Взгляды „германской печати на русскія дѣла могли „быть не всегда правильны," присовокупляетъ берлинская газета, „но отъ различія воззрѣній до систематической враждебности, которая одна могла бы оправдать тяжкія обвиненія русской газеты,— „еще далеко." *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* рѣшительно отрицаетъ обвиненія взводимыя и *Русскимъ Міромъ* на германскую печать, по поводу положенія Германіи относительно Турціи, — обвиненія въ „какой-то болѣзненной и ничѣмъ необъяснимой ненависти противъ Россіи." Все дѣло въ томъ, по мнѣнію берлинской газеты, что нѣкоторыя русскія газеты смотрятъ на Восточный вопросъ какъ на „исключительно русское дѣло, между тѣмъ „какъ справедливымъ разрѣшеніемъ его „заинтересована вся Европа, весь *просвѣщенный міръ*..."

Европа! просвѣщенный міръ! Что же, однако, этотъ *просвѣщенный* міръ бездѣйствуетъ въ виду страшныхъ дѣлъ ежедневно происходящихъ у всѣхъ на виду?

„Въ числѣ своихъ лучшихъ заслугъ," между прочимъ говоритъ въ заключеніе органъ князя Бисмарка, „*Nordeutsche Allgemeine Zeitung* считаетъ свои постоянныя усилія упрочить узы дружбы соединяющіяся насъ съ нашимъ восточнымъ „сосѣдомъ, для чего старались мы прежде „всего распространить между нашими читателями болѣе вѣрныя воззрѣнія на обстоятельства и стремленія въ Россіи... „Германія уже слишкомъ давно вышла изъ „періода младенчества своего національнаго развитія чтобъ изъ обидчивости по „поводу какой-нибудь передовой статьи „забыть созданные самою природой и исторіей великіе интересы лежащіе въ основаніи многолѣтней и безусловно основанной *на взаимности* дружбы между „Германіей и Россіей..." Мы надѣемся что русское общественное мнѣніе, не менѣе германскаго, докажетъ что и оно вышло изъ „періода младенчества своего національнаго развитія," и что оно не нуждается даже въ томъ ударенія съ какимъ берлинская газета упоминаетъ о „взаимности" чтобы знать что именно на взаимности „великихъ интересовъ лежащихъ въ основѣ дружбы между Германіей и Россіей" должны быть основаны надежды и на благополучное разрѣшеніе Восточнаго вопроса, какъ выражается цитуемая нами газета, согласно „интересамъ всего *просвѣщеннаго міра*," то-есть, прежде всего

такъ чтобы „*просвѣщенному* міру“ не приходилось впредь краснѣть за свое просвѣщеніе...

№ 220.

Москва, 28-го августа.

А.

Недавнюю статью нашу по поводу громко поднимающагося, наконецъ, въ самой Англіи протеста противъ безчеловѣчной и безсмысленной политики ея нынѣшняго кабинета мы заключили сомнѣніемъ чтобы британскіе министры, по крайней мѣрѣ лордъ Биконсфильдъ и его клевретъ сэръ-Генри Элліотъ, были способны прямодушно отречься отъ прежнихъ дѣйствій и повести иную съ Турками рѣчь. Сомнѣніе наше было основательно: то же высказываетъ и оппозиція въ Англіи. Вотъ что̀ читаемъ въ послѣднемъ нумерѣ либеральнаго органа *Spectator*. „Во многихъ случаяхъ ораторы на публичныхъ митингахъ „созываемыхъ для протеста противъ дѣйствій правительства, для обвиненія его „въ укрывательствѣ Турокъ, повидимому, „не постигаютъ какъ глубока отвѣтственность Англійскаго народа за эти насилія, что продолженіе ихъ зависитъ единственно отъ дѣйствія Англіи, и какъ необходимо для ихъ прекращенія, или для „наказанія, или для предотвращенія, чтобы лордъ Бисконсфильдъ былъ предварительно удаленъ отъ власти. Эти преступленія продолжались три мѣсяца, а „между тѣмъ одного строгаго слова британскаго премьера, одной депеши лорда „Дарби, которая поставила бы пашамъ на „выборъ наказаніе за насилія или отозваніе британскаго посла и флота, было бы „достаточно чтобы положить имъ конецъ. „Не только слово это не было сказано, „но глава правительства ея величества, „министръ, чей приказъ двинулъ сильнѣйшій флотъ когда-либо виданный на волнахъ въ Безикскую бухту, открыто шутилъ въ Парламентѣ надъ разказами о „насиліяхъ. Что̀ же Турки должны были „думать? Они поняли, и вполнѣ вѣрно, „что когда глава правительства говорилъ „и дѣйствовалъ какъ говорилъ и дѣйствовалъ г. Дизраэли, то значитъ это „правительство на ихъ сторонѣ. Еслибъ „Англія отреклась отъ нихъ, то они „уступили бы угрозѣ или силѣ, ибо никакая другая держава, зная истину объ „обращеніи Турокъ съ христіанами, не „воспрепятствовала бы Русскому народу „оградить своихъ единовѣрцевъ. Отвѣтственность, поэтому, лежитъ единственно „на Англіи. Ничто не можетъ оградить „этихъ несчастныхъ людей кромѣ автономіи Болгаріи, и этой автономіи будетъ „упорно противиться Британское правительство, или вѣрнѣе тѣ его члены что̀ „отвѣтственны за иностранныя дѣла. Поэтому, они, и одни они во всей Европѣ, „отвѣтственны за ужасы которые, при болѣе здравомъ общественномъ сознаніи, „вызвали бы немедленное дѣйствіе; и слѣдовательно они должны быть сначала „устранены отъ власти если Англичане „дѣйствительно рѣшились прекратить эти „варварства.“

Итакъ, вотъ до чего доходятъ наконецъ протесты противъ политики лорда Биконсфильда! Говорятъ о необходимости прежде всего лишить его самого власти; — но какъ теперь это сдѣлать? Почему же эти такъ запоздалые протесты не раздались ранѣе? Вполнѣ ли неповинна и либеральная оппозиція въ политикѣ которую она нынѣ съ негодованіемъ отвергаетъ и изобличаетъ? Если правительство не хотѣло ничего сдѣлать для обузданія Турокъ, для разубѣжденія ихъ въ поддержкѣ Англіи, то чего же молчала оппозиція; почему она не понуждала правительство къ этому во̀время? Какъ понять что члены Парламента, теперь такъ смѣло порицающіе правительство на митингахъ, молчали или говорили робко и нерѣшительно въ палатахъ, и только наканунѣ ихъ закрытія послышались обличительныя слова г. Форстера и сэръ-Вильяма Гаркорта? Если либеральная оппозиція чувствовала себя численно слабою въ палатахъ, то почему же не искала она подкрѣпить себя могучимъ проявленіемъ мнѣнія на общественныхъ митингахъ, которые теперь собираются ежедневно въ разныхъ городахъ Великобританіи? Начнись это движеніе два мѣсяца тому назадъ, вліяніе его непремѣнно отозвалось бы на политикѣ министерства, и англійскій посолъ въ Константинополѣ не былъ бы всевластенъ дѣлать что̀ ему угодно.

Причина запоздалаго движенія кабинета противъ политики заключается въ томъ что у либеральной партіи у самой совѣсть

не совсѣмъ чиста въ отношеніи къ Турціи. Давно ли эта партія сама лелѣяла это чудовищное, упитанное англійскими деньгами дѣтище? Да и теперь эта партія еще гордится результатами Восточной войны. Она находитъ только что лордъ Биконсфильдъ неудачно взялся за подражаніе лорду Пальмерстону, не понимая будто бы его взглядовъ и не умѣвъ принять въ соображеніе измѣнившихся обстоятельствъ времени; но никто изъ либераловъ не хочетъ видѣть и сознаться что нынѣшнее положеніе вещей въ Турціи есть прямой результатъ той поддержки которую, въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ, всѣ англійскія правительства, торійскія и либеральныя, неизмѣнно оказывали Портѣ, при полномъ невниманіи къ положенію христіанъ, которое, какъ до сихъ поръ хвалятся Англичане, трактатомъ 1856 года было изъято изъ исключительнаго покровительства Россіи и поставлено подъ гарантію всей Европы. Этотъ колоссальный обманъ дипломатіи, эта насмѣшка въ видѣ не существующей гарантіи, и есть первоначальная причина нынѣшняго ужаснаго положенія дѣлъ. Зло до нѣкоторой степени скрывалось отъ глазъ Европы лишь благодаря ея собственному добровольному ослѣпленію и ловкости съ какою прежніе турецкіе министры пускали пыль въ глаза публикѣ. Но и въ то время, въ теченіе всѣхъ двадцати лѣтъ, Европѣ многократно дѣлались предостереженія періодическими взрывами, къ несчастію, безъ пользы... И вотъ теперь г. Гладстонъ издаетъ брошюру гдѣ доказываетъ что повтореніе случившагося можетъ быть предотвращено только изъятіемъ Босніи и Герцеговины изъ-подъ турецкаго управленія. Итакъ, нужны были всѣ ужасы постигшіе Болгарію, цѣлые потоки неповинной крови, чтобы высокочтимый г. Гладстонъ могъ наконецъ сказать: „да, правда: Турецкое правительство никуда не годится.“ Какая ужасная цѣна за убѣжденіе, отъ котораго пока еще нѣтъ никакой пользы христіанамъ! Ну, а прежде нельзя было этого видѣть? Неужели же Турки *вдругъ* превратились въ неукротимыхъ дикарей? Неужели позволительно было до сего утверждать что они обладаютъ всякими добродѣтелями и способностію къ прогрессу?

Но пусть либеральная партія въ Англіи поднимаетъ, хотя и запоздалый, голосъ оппозиціи противъ политики нынѣшняго кабинета. Она начинаетъ теперь агитацію о созваніи вновь парламента, гдѣ можно будетъ потребовать отъ министерства объясненій и предъявить ему требованія. Посмотримъ что изъ этого выйдетъ, а пока остается болѣе горькое сознаніе что и странное поведеніе англійскихъ правительственныхъ партій не исчерпываетъ непостижимыхъ недоразумѣній въ коихъ вращается восточный кризисъ. Что намъ дивиться тому что въ Англіи политика лорда Бисконсфильда только теперь начинаетъ встрѣчать серіозное противодѣйствіе? Остается болѣе невѣроятный фактъ, который будетъ занесенъ въ исторію не къ чести нашего времени. Англійская политика была возмутительна, безчеловѣчна, — но что же дало ей такой рѣшающій перевѣсъ въ Европѣ что она ранѣе не встрѣтила никакого отпора? Чѣмъ объяснить что въ то время когда она дѣлала что хотѣла, вся остальная Европа безмолвствовала при видѣ какъ Элліотъ поощрялъ Черкесовъ и баши-бузуковъ? Неужели вся континентальная Европа чувствовала себя безсильною предъ Безикскимъ флотомъ?

Но этого мало: исторія прошедшаго возбуждаетъ очень нерадостныя предчувствія. Газета *Times*, также недавно начавшая настаивать на перемѣнѣ англійской политики, говоритъ что теперь рѣшеніе зависитъ вполнѣ отъ Англіи. Къ сожалѣнію, это совершенно вѣрно, и утѣшительнаго въ этомъ мало. А что если вся эта оппозиція либераловъ окажется пуфомъ, если мнѣніе сторонниковъ торійскаго кабинета, доказывающихъ что отъ поддержки Турціи зависитъ самое существованіе англійскаго могущества, окажется сильнѣе. Тогда лордъ Бисконсфильдъ восторжествуетъ, и ничто не заставитъ его измѣнить политику. Значитъ, въ угоду Британскимъ министрамъ христіане въ Турціи будутъ вновь отданы на закланіе при торжествующихъ крикахъ баши-бузуковъ, и вся Европа опять преклонится предъ желаніемъ Англіи! Не хочется вѣрить этому, но увы!... и невѣроятное возможно въ наше мудреное время....

Теперь державы, повидимому, озабочены остановить безполезное кровопролитіе. Идутъ переговоры о перемиріи. Говорятъ, всѣ теперь согласны. Въ чемъ же согласны? Хотятъ показать великодушіе, оградить Сербію отъ мести Турокъ, оставить ей независимость и *statu quo*. Но она не

можетъ де быть вовсе избавлена отъ послѣдствій несчастной для нея (?) войны: она должна уплатить военныя издержки Порты, а также недоимочную трехлѣтнюю дань и очистить занятый ею при началѣ войны Малый Зворникъ (сербскую же крѣпость гдѣ еще до того оставался турецкій гарнизонъ). И въ этомъ, по словамъ вѣнской *Politische Correspondenz*, всѣ будто бы согласны! Нѣтъ, невозможно такое поруганіе надъ правдой и здравымъ смысломъ. Сербы должны платить за разоренные, разграбленные, сожженные сербскіе города и села, за неслыханныя неистовства которыя совершили Турки надъ стариками, женщинами и дѣтьми! Турція могла бы, конечно, сама предписать такія условія еслибъ ей предоставлена была свобода изъявлять волю побѣдителя, еслибъ она дѣйствительно была побѣдителемъ, чего еще, слава Богу, нѣтъ. Но чтобъ европейскія державы, которыя взялись предписать условія обѣимъ сторонамъ, уговорились дать денежную премію той изъ нихъ которая ведетъ войну самымъ варварскимъ возмутительнымъ образомъ, и мало того, дать еще ей нравственное торжество побѣды возвращеніемъ ея гарнизона въ сербскую крѣпость,—только этого позора еще не доставало Европѣ!

Нечего говорить что миръ на такихъ условіяхъ не можетъ быть проченъ: онъ вовсе невозможенъ, ибо новый отчаянный вопль пронесется надъ Балканскимъ полуостровомъ и заставитъ содрогнуться даже безчувственную дипломатію. Сочиненіе подобныхъ проектовъ показываетъ намъ что слѣдуетъ думать объ искренности стараній установить перемиріе. Такіе проекты сулятъ не умиротвореніе, а новую смуту, новые потоки крови, — и да падетъ она на голову тѣхъ кто за краснымъ сукномъ изощряются въ изобрѣтеніи остроумныхъ фокусовъ чтобы сохранить *statu quo* даже послѣ всего совершившагося....

Б.

Насколько рѣшительны и отважны Турки въ избіеніи безоружныхъ жителей и въ систематическомъ истребленіи беззащитныхъ селеній, настолько же медленны и нерѣшительны въ дѣйствіяхъ противъ вооруженнаго непріятеля. Послѣ сраженія 20 августа, казалось неизбѣжнымъ стремительное продолженіе натиска Турокъ противъ оконечности праваго фланга Моравской арміи, и естественнымъ послѣдствіемъ того былъ бы обходъ этого фланга и занятіе въ тылу его позиціи которая отрѣзала бы Сербовъ не только отъ Чупріи, но и отъ Делиграда. Что такое было намѣреніе у Турокъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться; заключеніе арміи Черняева въ Алексинцѣ и взятіе послѣдняго громко провозглашено цѣлію ихъ усилій во всѣхъ корреспонденціяхъ какъ изъ ихъ лагеря, такъ и изъ Константинополя. Турки, какъ видно, такъ были увѣрены въ успѣхѣ что вѣнскіе друзья ихъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о ихъ „побѣдѣ," поспѣшили телеграфировать что „Алексинецъ приведенъ въ невозможность обороняться, и отнынѣ Турецкой арміи открытъ путь внутрь Сербіи, на самый Бѣлградъ." Само собою разумѣется что при этомъ имѣлось въ виду отрѣзать Моравскую армію отъ ея второй оборонительной линіи, за Моравой. Но пока Турки льстили себя этою надеждой, генералъ Черняевъ, съ главными силами, успѣлъ благополучно отступить на Делиградъ, коего верки, хотя и полевые, способны удержать турецкія войска отъ движенія „внутрь страны." Что же касается Алексинца, то многочисленныя корреспонденціи изъ Турецкаго лагеря свидѣтельствуютъ что Турки убѣдились въ невозможности овладѣть имъ безъ осаднаго парка, который для этого и стягивается понемногу къ Нишу по желѣзной дорогѣ: на дняхъ еще отправлено туда изъ Адріанополя девять осадныхъ орудій, изъ коихъ каждое требуетъ не менѣе 24 лошадей чтобы тронуться съ мѣста...

Въ настоящее время общая позиція Моравской арміи не только не отодвинулась назадъ, но даже подвинулась впередъ, такъ какъ правый флангъ ея упирается на Ястрабацкій хребетъ, на самой границѣ, а лѣвый на Монастырь Св. Петра, правѣе и впереди Алексинца. Алексинецъ и Делиградъ служатъ теперь лишь укрѣпленными базами боевой линіи Моравской арміи. Какъ всегда, превознесенная турецкими и туркофильскими газетами „побѣда" Турокъ на правомъ берегу Моравы не привела ни къ какимъ результатамъ.

Теперь положеніе Моравской арміи обезпечено; ея фронтъ прикрытъ двумя сильными укрѣпленными позиціями, а линія отступленія внѣ опасности.

Гораздо труднѣе положеніе Черногорской арміи. Какъ ни блистательна последняя побѣда одержанная частью ея, оставленною на границѣ Албаніи, подъ начальствомъ воеводы Базы Петровича, надъ войсками Дервишъ-паши, но общее положеніе Черногоріи возбуждаетъ сильныя опасенія. Турки вторгаются въ нее съ трехъ сторонъ: съ юга, отъ Подгорицы, вверхъ по рѣкѣ Сетѣ на Бѣлопавличи наступаютъ арміи Дервишъ-паши и Махмудъ-паши, числомъ до 40.000 человѣкъ; съ сѣвера, изъ Требинья, Мухтаръ-паша съ 30 баталіонами идетъ на Грахово; Джелаледииъ-паша съ 10 баталіонами двинулся на Баньяны, замышляя вторгнуться въ Черногорію повидимому со стороны Никшича, и идти на соединеніе съ Дервишъ-пашой. Джелаледииъ-паша и Дервишъ-паша слѣдуютъ, какъ кажется, тому самому плану кампаніи, котораго держатся въ 1862 году Омеръ-паша, наступавшій отъ Подгорицы, тогда какъ Дервишъ-паша, подъ его начальствомъ, вторгался въ Черногорію со стороны Никшича. Планъ этотъ основанъ на томъ что рѣчкой Сѣтой Черногорія раздѣляется на двѣ части: собственно Черную Гору, состоящую изъ безплодной громады утесовъ, и восточную гдѣ разстилаются тѣ рѣдкіе клочки пахотной земли, коими продовольствуется вся Черногорія. Отрѣзавъ эту плодоносную полосу отъ Черной Горы, Омеръ-паша разчитывалъ дойти до Цетинья и заморить Черногорцевъ голодомъ.

Часть этого плана увѣнчалась успѣхомъ. Обѣ турецкія арміи соединились, плодоносная полоса была опустошена, всѣ селенія выжжены, всѣ деревья вырублены, но соединенныя турецкія силы встрѣтили такое отчаянное сопротивленіе со стороны горсти юнаковъ предводимыхъ княземъ Николаемъ и его отцомъ, воеводой Маркомъ Петровичемъ что должны были отступить къ рѣкѣ.

Но въ 1862 году во всѣхъ вторгавшихся въ Черногорію турецкихъ арміяхъ было всего 40.000 человѣкъ. Теперь же съ одного юга вторгается 40.000; съ сѣвера можно насчитать ихъ не менѣе 30.000. Какъ видно, самую страшную грозу ожидаютъ Черногорцы не съ юга, а съ сѣвера, и въ самомъ дѣлѣ, изъ полученныхъ сегодня газетъ видно что туда стянуты главныя силы ихъ, между тѣмъ какъ къ сторонѣ Албаніи оставленъ только наблюдательный отрядъ, чѣмъ и объясняется то незначительное число войскъ,— всего пять баталіоновъ,—которыя воевода Бизо Петровичъ могъ противопоставить Дервишъ-пашѣ, но которыхъ оказалось весьма достаточно чтобы разбить его.

Въ настоящее время уже извѣстно что Мухтаръ-паша уже дошелъ до Грахова. Отъ Грахова до Цетинья всего съ небольшимъ 35 верстъ; но Туркамъ по опыту извѣстно что съ достиженіемъ Грахова еще далеко не открытъ путь на Цетинье. Въ 1858 году дошелъ до Грахова Галиль-паша, но ни онъ, ни его армія не видѣли Цетинья, такъ какъ въ Граховѣ они на голову были разбиты и обращены въ бѣгство; также и въ 1862 году, вслѣдствіе побѣды Черногорцевъ при Загорицѣ, Турція принуждена была уступить Черногоріи 15 квадратныхъ миль нахій Грахова и Васоевичи.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, минувшаго 3 сентября снова завязалось жестокое сраженіе на Граховой Планинѣ между войсками князя Николая и арміей Мухтаръ-паши. Передаваемые горными отголосками перекаты грома орудій были слышны и 4 сентября даже въ Драгали, пограничномъ городѣ Далматіи...

№ 222.

Москва, 31-го августа.

Рѣчь произнесенная г. Гладстономъ въ субботу на митингѣ въ Блаккетѣ, предъ собраніемъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ, есть фактъ отрадный. Порадуемся ему безъ скептицизма, безъ заднихъ мыслей. Два мѣсяца тому назадъ многочисленная и вліятельная депутація отъ либеральной партіи, съ г. Брайтомъ во главѣ, явилась къ графу Дарби чтобы высказать ему желаніе и настроеніе большинства страны по поводу событій на Востокѣ. Уже тогда достовѣрныя извѣстія подтвердили міру чудовищныя подробности о позорящихъ нашъ вѣкъ злодѣяніяхъ Турокъ въ Болгаріи; уже тогда попытки представителей англійскаго правительства выставить эти разказы преувеличенными не находили ни въ комъ вѣры и встрѣчены были искреннимъ негодованіемъ со стороны многихъ органовъ англійской печати. Тѣмъ не менѣе депутація спокойно выслушала „разъясне-

ніе" министра иностранныхъ дѣлъ, которое было проникнуто глубокою фальшью съ начала до конца. Однако г. Брайтъ благодарилъ графа Дарби за это „разъясненіе;" послѣдовавшія затѣмъ пренія въ Парламентѣ были столь же безплодны, и сессія заключена была торжественнымъ увѣнчаніемъ г. Дизраэли графскою короной, причемъ общественное мнѣніе привѣтствовало это отличіе такимъ тономъ что можно было считать эту награду выраженіемъ національной благодарности за восточную политику г. Дизраэли. А теперь какая поразительная перемѣна! Тотъ же самый г. Брайтъ, который не нашелся ничего сказать лорду Дарби на его изложеніе программы правительства, проникнутую нѣжною заботливостью о судьбахъ Турціи и глубокою ненавистью къ тому національному движенію въ Россіи, которое одно въ то время возвышало голосъ за своихъ несчастныхъ братьевъ безнаказанно истязуемыхъ азіатскою ордой, — этотъ самый г. Брайтъ взываетъ теперь ко всѣмъ городамъ Британской монархіи чтобъ они спѣшили протестовать противъ туркофильства правительства. А г. Гладстонъ, столь робко и нерѣшительно высказавшійся въ Парламентѣ при преніяхъ о Восточномъ вопросѣ, заговорилъ теперь предъ страной совершенно инымъ языкомъ. Отбросивъ въ сторону всякіе предразсудки объ особенныхъ интересахъ Англіи тѣсно связанныхъ будто бы съ сохраненіемъ *status quo* въ Турціи, г. Гладстонъ смѣло поддерживаетъ свою програму которая заключается въ томъ чтобы не только Сербія и Черногорія сохранили свое положеніе, но чтобы Боснія, Герцеговина и Болгарія были также вполнѣ изъяты отъ турецкаго управленія и получили полную внутренюю автономію. Эту программу г. Гладстонъ развиваетъ въ появившейся на дняхъ брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ*. Онъ доказываетъ что избѣгнуть повторенія этихъ ужасовъ возможно только этимъ путемъ. Кромѣ того, онъ требуетъ чтобъ англійское правительство устроило денежные сборы въ Англіи для вспоможенія несчастному населенію Болгаріи. Вообще г. Гладстонъ, какъ видно изъ содержанія упомянутой брошюры и изъ рѣчи произнесенной имъ на недавнемъ митингѣ, приписываетъ злодѣянія въ Болгаріи какъ исходную точку той новой политики по отношенію къ Турціи которую стала проповѣдывать его партія. И нѣтъ никакого сомнѣнія что именно съ этой точки зрѣнія Восточный вопросъ не можетъ не явиться въ совершенно иномъ свѣтѣ даже для самыхъ закоренѣлыхъ доктринеровъ такъ-называемаго европейскаго равновѣсія.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ возможно теперь возвратиться къ „точкѣ зрѣнія ноты графа Андраши и даже Берлинскаго меморандума," какъ о томъ съ торжествомъ возвѣщаютъ берлинскія газеты которыя главнымъ образомъ по этой причинѣ „радуются" внезапному обороту наступившему въ общественномъ настроеніи Англіи? Нѣтъ, мы отказываемся вѣрить чтобъ еще теперь кто-либо искренно вѣрилъ въ дѣйствительность тѣхъ „гарантій реформъ" которыя придуманы для несчастныхъ страдальцевъ Балканскаго полуострова графомъ Андраши. Между тѣмъ временемъ и теперешнимъ, между наивными толками о способахъ *улучшенія* турецкой администраціи и теперешнею дѣйствительностью лежитъ цѣлая пропасть, наполненная кровью десятковъ тысячъ невинно-зарѣзанныхъ людей, женщинъ, дѣтей. Дикій звѣрь достаточно выказалъ свои кровожадные инстинкты. И теперь уже не можетъ быть рѣчи какъ устроить удобнѣе совмѣстное житіе этого звѣря съ ягнятами въ одной клѣткѣ. Если не хотятъ убить звѣря, то нужно по крайней мѣрѣ вырвать ягнятъ изъ когтей его и совершенно отдѣлить ихъ отъ него. Г. Гладстонъ, не обинуясь высказалъ тяжкое обвиненіе падающее на правительство его страны въ попустительствѣ турецкихъ злодѣяній. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратилъ вниманіе на ту сторону дѣла которая ставитъ событія въ Болгаріи на первый планъ въ возникающемъ теперь вопросѣ объ умиротвореніи: онъ указалъ на то что турецкое правительство было полнымъ и сознательнымъ виновникомъ рѣзни произведенной баши-бузуками и Черкесами. Это доказывается его лживыми опроверженіями, наградами коими оно осыпало главныхъ и истинныхъ виновниковъ злодѣяній и возмущающими душу судилищами надъ болгарскими „мятежниками." Можетъ ли еще быть рѣчь о „благихъ намѣреніяхъ" подобнаго правительства?

Будемъ надѣяться что г. Гладстонъ былъ столь же искрененъ говоря о томъ что вся Европа относится къ Восточному вопросу

съ примѣрнымъ единодушіемъ, и что всѣ державы готовы дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ заодно. Во всякомъ случаѣ это замѣчаніе можетъ относиться лишь къ будущему, но что этого единодушія не было до сихъ поръ, это болѣе всего доказываетъ сама Англія, да и теперь едва ли могучее проявленіе общественнаго настроенія, высказывающееся за послѣдніе дни, можетъ привести къ дѣйствительному повороту, если либеральная партія не сумѣетъ настоять на созваніи Парламента который одинъ могъ бы дѣйствительно направить на иные пути внѣшнюю политику Великобританіи по отношенію къ Востоку. До тѣхъ же поръ пока этого не будетъ мы плохо вѣримъ измѣнившимся отношеніямъ между кабинетомъ лорда Биконсфильда и Оттоманскою Портой о коихъ возвѣщаютъ услужливые органы этого кабинета, желая предотвратить надвигающуюся грозу общественнаго негодованія. Если такой поворотъ дѣйствительно наступилъ, то его слѣдуетъ скорѣе всего приписать, какъ увѣряетъ лондонскій корреспондентъ *National-Zeitung*, личной иниціативѣ королевы Викторіи являющейся въ этомъ случаѣ чуткою выразительницею благородныхъ побужденій своего народа.

Если вѣрить настойчиво повторяющемуся слуху, англійское правительство энергичнѣе всѣхъ другихъ настаиваетъ предъ Турціей на необходимости заключить перемиріе какъ можно скорѣе, предваряя что въ противномъ случаѣ она подвергается риску войны съ Россіей, при которой Турція не можетъ де разчитывать на помощь Англіи. Но чтобъ это внушеніе получило подобающее значеніе въ глазахъ Турокъ, для этого англійскому правительству слѣдовало бы пустить въ ходъ единственно убѣдительный аргументъ—отозвать свой флотъ изъ Безикской бухты. Пока англійская армада остается въ водахъ Босфора нельзя ожидать чтобы Турки увѣровали въ искренность англійскихъ внушеній. До тѣхъ поръ, признаемся, и мы не придаемъ особенной цѣны тѣмъ дружественнымъ манифестаціямъ относительно Россіи и рекомендаціямъ англійскому правительству идти рука объ руку съ нею коими газета *Times*, какъ извѣщаетъ насъ телеграфъ, вторитъ рѣчи г. Гладстона.

Дописавъ эти строки мы получили телеграмму изъ Лондона въ которой изложено содержаніе объясненій данное лордомъ Дарби двумъ депутаціямъ явившимся къ нему въ понедѣльникъ для выраженія „желаній страны.“ Слова графа Дарби даютъ явный отвѣтъ на вопросъ нами выше поставленный. Англійскій флотъ не будетъ отозванъ изъ Безикской бухты. Это значитъ, другими словами, что торійскій кабинетъ, „ничему не научился и ничего не забылъ.“ Но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ что турецкое правительство *не повѣритъ* никакимъ благонамѣреннымъ внушеніямъ идущимъ изъ Англіи пока будетъ чувствовать себя подъ охраной британскихъ „пловучихъ крѣпостей.“

№ 223.

Москва, 1-го сентября.

А.

Не одни мы, Русскіе, въ нашемъ великомъ отечествѣ, чествовали 30 августа тезоименитство Царя-Освободителя. Отпраздновали этотъ день также и наши Задунайскіе братья, какъ сообщала помѣщенная во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты телеграмма нашего корреспондента, побѣдой надъ Турками. Хотя мы еще не знаемъ подробностей этой новой побѣды, но и имѣющихся данныхъ весьма достаточно чтобъ оцѣнить ея значеніе. Для этого не излишнимъ будетъ оглянуться на прошлое. Нѣтъ сомнѣнія что Турки, во что бы то ни стало, намѣрены овладѣть не только Алексинцемъ, но и Делиградомъ, чтобы приступить къ переговорамъ о мирѣ лишь „послѣ разгрома *мятежнаго вассала*.“ Какъ видно изъ полученныхъ сегодня газетъ, великій визирь не разъ уже телеграфировалъ сераскиру Абдулъ-Керимъ-пашѣ поспѣшить исполненіемъ этой задачи. Но что же было дѣлать бѣдному сераскиру когда Сербы рѣшительно не соглашались съ этою совершенно не подходящею имъ, хотя и признанною въ Константинополѣ необходимостью, дать Туркамъ завладѣть обѣими передовыми твердынями сербской самостоятельности?

Послѣ долгаго бездѣйствія, вѣроятно подъ давленіемъ константинопольскихъ телеграммъ, Турки рѣшились попробовать обойти лѣвый флангъ Сербовъ, на правомъ берегу Болгарской Моравы; но всѣ эти попытки оказались безплодными, хотя

и стоили Туркамъ чрезвычайно дорого. Единственнымъ результатомъ для Турокъ былъ урокъ стратегіи; они убѣдились что ключъ позиціи Сербовъ вовсе не на правомъ берегу Моравы, а на лѣвомъ, на оконечности ихъ праваго крыла, обойдя который Турки могли бы угрожать главному сообщенію Сербской арміи—на Чупрію. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней готовился Абдулъ-Керимъ-паша къ тому чтобы воспользоваться этимъ урокомъ. Онъ стянулъ для этого къ своей арміи всѣ подкрѣпленія какими только могъ располагать.

1 сентября (20 августа) произошла, наконецъ, давно приготовлявшаяся турецкимъ главнокомандующимъ атака праваго фланга Сербовъ на лѣвомъ берегу Моравы. Сегодня помѣщаемъ мы извлеченное изъ письма очевидца, корреспондента *враждебной* славянскому дѣлу газеты *Deutsche Zeitung*, описаніе этой атаки. Описаніе это не требуетъ объясненій. Турки сдѣлали все возможное чтобъ овладѣть съ фронта позиціей Сербовъ, но до самаго конца сраженія, несмотря на огромное численное превосходство ихъ силъ, всѣ ихъ атаки были постоянно отбиваемы и съ большимъ урономъ. Побѣда окончательно осталась бы на сторонѣ Сербовъ, еслибы генеральный штабъ былъ болѣе знакомъ съ мѣстностью и еслибы Сербами была предварительно занята почти непроходимая лѣсная тропинка. Вслѣдствіе этого упущенія, нѣсколько баталіоновъ низама успѣли обойти правый флангъ Сербской арміи; высланные же съ ея лѣваго фланга, на подкрѣпленіе праваго, два баталіона съ орудіями подоспѣли только когда Сербская армія уже оставила свои позиціи и выжидала въ открытомъ полѣ новаго нападенія; но Турки, потерпѣвъ огромныя потери, не отважились возобновить его....

Таковъ ходъ и исходъ этой битвы, даже по словамъ репортера *враждебной Славянамъ* газеты. Спрашивается: гдѣ же тутъ то страшное пораженіе, которое, по словамъ туркофильскихъ газетъ, будто бы понесли въ тотъ день Сербы? Но газеты эти не довольствовались одною выдумкой: онѣ протрубили на весь міръ будто въ тотъ же день Сербы бѣжали изъ Алексинца, бросивъ его на произволъ „побѣдителя;“ на другой, на третій день, однако, онѣ должны были оговориться: оказалось что Сербы *только де готовятся* покинуть Алексинецъ. Въ полученныхъ сегодня туркофильскихъ газетахъ опять депеши: Сербы оставили де Алексинецъ, а *Deutsche Zeitung* присовокупляетъ къ этому извѣстію ядовитое замѣчаніе: „Алексинецъ *оставленъ* „Сербами, значитъ Алексинецъ *съ боя взятъ* „Турками, и *Сербы изъ него прогнаны!..*“

Въ настоящее время положительно извѣстно что Алексинецъ не только не „взятъ съ боя“ Турками, но и не оставленъ Сербами, хотя стратегическое значеніе его отодвинуто нынѣ на задній планъ: вся сила теперь въ Делиградѣ. Сербы занимаютъ отличную оборонительную линію, прикрытую съ фронта Моравой, которая нигдѣ не проходима въ бродъ; единственный мостъ чрезъ нее находится у Любеша, въ районѣ и подъ огнемъ Делиградскихъ укрѣпленій; лѣвый флангъ Сербовъ опирается на Алексинецъ, правый на Делиградъ, съ его раскинутымъ по холмамъ, на правомъ берегу Моравы, сильно укрѣпленнымъ лагеремъ. Вообще инженерная часть у Сербовъ въ отличномъ состояніи; объ этомъ свидѣтельствуютъ даже враги ихъ въ аугсбургской *Allgemeine-Zeitung*, утверждая что у генерала Черняева имѣются подъ рукой такіе опытные и искусные Русскіе военные инженеры, „лучше которыхъ онъ не могъ бы сыскать въ цѣломъ мірѣ.“ Особенно сильны укрѣпленія у деревни Дюнишъ, гдѣ находится самъ генералъ Черняевъ. Для вооруженія же Делиградскихъ верковъ привезены изъ Бѣлграда орудія большихъ калибровъ, отъ 23 до 72-фунтовыхъ. Впрочемъ и Алексинецъ далеко не въ такомъ беззащитномъ состояніи какъ увѣряютъ туркофильскія газеты; тамъ стоитъ 10.000 пѣхоты при десяти батареяхъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то что Турки рѣшились во что бы то ни стало форсировать линію Моравы вмѣсто того чтобъ обойти ее съ лѣваго фланга взятіемъ Алексинца. Но Турки отказались отъ этого намѣренія, судя по тому что они перевели всѣ свои силы на лѣвый берегъ Моравы, что и дало возможность генералу Хорватовичу, прикрывая правый флангъ свой Моравой, стать между Топольницей и Громадой и угрожать оттуда сообщеніямъ Турокъ съ Нишемъ.

Турки стоятъ на лѣвомъ берегу Моравы, отъ угла ея, противъ Алексинца, до рѣчки противъ Делиграда, упираясь тыломъ въ Ястребину Планину. Потери ихъ, какъ видно, были огромны, и армія Абдулъ-Керимъ-паши предъ Алексинцемъ

такъ и таетъ. Съ 5 сентября (24 августа), какъ разъ со дня полученія Абдулъ-Керимъ-пашой послѣдней стамбульской депеши, требующей чтобъ онъ дѣйствовалъ быстрѣе и поспѣшилъ бы занятіемъ Алексинца и Делиграда, начался рядъ попытокъ Турецкой арміи противъ Моравской линіи; первая атака была направлена на Дюнишъ, но была отбита съ сильною потерей. Какъ видно, гораздо рѣшительнѣе была атака поведенная Турками противъ Моравской линіи въ прошлое воскресенье. На этотъ разъ они серіозно пытались пробиться черезъ Мораву; противъ Перчиловцевъ затѣяли они навести мостъ, и бой продолжался два дня; но и это нападеніе было отбито Сербами 30 августа.

Всѣ эти пораженія Турки, въ безсильной злобѣ своей, вымещаютъ на несчастныхъ жителяхъ: ихъ рубятъ на куски, жгутъ живьемъ; грудныхъ дѣтей жарятъ и принуждаютъ родителей есть это жареное...

А между тѣмъ на настоянія великаго визиря чтобы сераскиръ поспѣшилъ покончить съ Сербами, послѣдній, какъ видно изъ константинопольской телеграммы во всѣ австро-венгерскія газеты (спасибо и за то что хоть постыдились послать ее русскимъ газетамъ), отвѣчалъ что „онъ и „впредь будетъ медленно подвигаться впередъ дабы дать Сербамъ время очистить „свои города и забрать съ собой свои пожитки; вслѣдствіе чего турецкіе солдаты „будутъ лишены всякаго повода къ *грабежамъ или кровопролитіямъ* возбуждающимъ *гнѣвъ Европы!*“

Дерзость этого глумленія доказываетъ то глубокое и впрочемъ вполнѣ заслуженное презрѣніе, коимъ Турки платятъ Европѣ за ея малодушныя и своекорыстныя поблажки ихъ инстинктамъ.

Но какъ объяснить самое требованіе великаго визиря чтобъ Абдулъ-Керимъ-паша поспѣшилъ покончить съ Сербіей, когда, несмотря на огромный перевѣсъ его силъ,— слава Богу съ каждымъ днемъ умаляющійся,— турецкій главнокомандующій въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ подвинулся впередъ лишь на нѣсколько десятковъ верстъ?

Объясненіе очень просто. Абдулъ-Керимъ также изолгался нынѣ какъ въ 1870 году французскіе главнокомандующіе. Онъ увѣрилъ свое правительство что положеніе Сербовъ совершенно отчаянное; что онъ ихъ то и дѣло бьетъ на голову и на правомъ и на лѣвомъ берегу Моравы, что Алексинецъ совершенно разоруженъ и беззащитенъ; турецкія телеграммы въ австро-венгерскія газеты увѣряли даже что Алексинецъ уже взятъ, что Османъ-паша наступаетъ изъ Виддина къ Парачину (когда тутъ нѣтъ и прохода для арміи), что Дервишъ-паша разбилъ Чолокъ-Антича и овладѣлъ Крушевцемъ; наконецъ что и на Link разбитъ Алимпичъ, и что Турки подвинулись уже до Шабца... Конечно еслибы все это было правда,— и бо́льшая часть австро-венгерскихъ и французскихъ газетъ, также какъ и нѣкоторыя германскія газеты какъ будто придаютъ всѣмъ этимъ нелѣпостямъ вѣру,—еслибъ это было правда, то теперь можно было бы удивляться только тому что Абдулъ-Керимъ не находится уже подъ самымъ Бѣлградомъ, а генералъ Черняевъ не отправленъ въ Стамбулъ маринованный въ уксусѣ.

Но, слава Богу, все это чистѣйшая ложь. За Моравой генералъ Черняевъ совершенро обезпеченъ. Еслибъ Османъ-паша могъ пройти къ Парачину, то онъ попытался бы сдѣлать это назадъ полтора мѣсяца; по занятіи Зайчара, онъ даже не направлялся на Парачинъ, а пошелъ было на Кладову, то-есть какъ разъ въ противоположную сторону. Дервишъ-паша не разъ пытался пройти къ Крушевцу, но былъ каждый разъ разбитъ Чолокъ-Античемъ; что же касается Дринской арміи, то она, говорятъ, слишкомъ слаба чтобы предпринять наступательное движеніе...

Положеніе Сербовъ, если не постигнетъ ихъ какое-нибудь непредвидимое несчастіе, можетъ нынѣ считаться удовлетворительнымъ. Распускаются же о нихъ слухи съ особенною настойчивостью и наглостью именно съ тѣхъ поръ какъ заговорили о мирѣ. Цѣль этого внезапнаго усугубленія туркофильской лжи очевидна: надо настращать, „обезкуражить“ друзей Сербіи; надо убѣдить европейскую дипломатію,—не разъ оказавшую уже въ этомъ дѣлѣ свое благодушное довѣріе къ турецкой лжи,—что Сербы находятся въ отчаянномъ положеніи, и что слѣдовательно Порта имѣетъ право предписывать ей законы...

Въ иномъ видѣ представляются дѣла Черногоріи. По свѣдѣніямъ изъ турецкихъ лагерей, противъ Черногорцевъ наступаютъ нынѣ, съ Сѣвера и Юга, до 96 баталіоновъ, съ десятью слишкомъ тысячами башибузуковъ. На этомъ театрѣ войны турецкіе офицеры, солдаты, баши-бузуки обор-

ваны, голодны, не получаютъ жалованья, живутъ почти однимъ грабежомъ, не щадя ни христіанъ, ни магометанъ. Дѣйствительно, на пути ихъ все горитъ, все разрушено, ограблено, перебито. На югѣ побѣда воеводы Бозы Петровича задержала наступленіе дикой орды; на сѣверѣ Мухтаръ-паша хотя и сжегъ нѣкоторыя черногорскія деревни, хотя и навелъ своимъ приближеніемъ ужасъ не только на выселившіяся въ Грахово семейства герцеговинскихъ инсургентовъ, но и на обитающія тамъ черногорскія семейства, которыя бѣжали въ ближайшій далматинскій фортъ Драгали, но до Грахова все еще не дошелъ и далъ окружить себя въ Граховцѣ. Изъ Даниловграда князь Черногорскій управляетъ движеніями своей сѣверной арміи, и на дняхъ, если дастъ Богъ, можно надѣяться на полученіе извѣстія о повтореніи для Турокъ Вербицкой кровавой катастрофы. Тѣмъ не менѣе положеніе Черногоріи нельзя не признать весьма серіознымъ...

Б.

Недѣли двѣ назадъ, въ № 212 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы сообщали доставленныя намъ прямо изъ Черногоріи свѣдѣнія о распредѣленіи въ ней санитарныхъ средствъ Черногорскаго отдѣленія нашего Краснаго Креста. Свѣдѣнія эти вызвали въ насъ весьма понятное изумленіе, такъ какъ изъ нихъ оказывалось что изъ Грахова былъ снятъ нашъ лазаретъ, а на мѣсто его учрежденъ лишь перевязочный пунктъ съ весьма недостаточными врачебными средствами и что изъ самого Цетинья главный госпиталь перенесенъ въ Негошъ. Мы упоминали при этомъ что еще зимой по справедливости былъ снятъ только что расположенный въ Жупѣ лазаретъ, такъ какъ онъ подвергался опасности быть отрѣзаннымъ и отъ Черногоріи, и отъ Австрійской границы, но что эта опасность, въ то время когда мы это писали, отнюдь не угрожала Граховскому лазарету.

Съ искреннимъ удовольствіемъ спѣшимъ исправить сегодня эти свѣдѣнія, оказавшіяся не точными. Директоръ Черногорскаго отдѣленія Краснаго Креста, тайный совѣтникъ Панютинъ сообщаетъ намъ по телеграфу гораздо болѣе утѣшительныя свѣдѣнія. По словамъ его, въ Жупѣ никогда не было лазарета, въ Цетиньѣ же вмѣсто одного лазарета теперь устроено ихъ два, и раненые, сверхъ того, занимаютъ 22 обывательскіе дома. Наконецъ, въ Негошѣ учрежденъ госпиталь для 80 раненыхъ; но каково бы ни было число прибывающихъ раненыхъ и больныхъ, принимаютъ всѣхъ. Но самое утѣшительное извѣстіе состоитъ въ томъ что при арміи Черногорцевъ, въ Албаніи, находятся три медика. Тѣмъ не менѣе въ Граховѣ едва ли не болѣе всего нужна теперь врачебная помощь: театръ войны перенесенъ въ самыя окрестности Грахова; если не въ Граховѣ, то въ Даниловградѣ, при штабъ-квартирѣ князя Николая, было бы не менѣе полезно чѣмъ въ Албаніи имѣть какія-нибудь врачебныя пособія. А между тѣмъ что сталось съ бывшимъ Граховскимъ лазаретомъ, и съ послѣднимъ медикомъ его, оставленнымъ въ Граховѣ какъ „перевязочномъ пунктѣ,“ — объ этомъ, къ сожалѣнію, умалчиваетъ полученная нами депеша...

№ 224.

Москва, 2-го сентября.

А.

Народное движеніе въ Англіи, по поводу раскрытыхъ, наконецъ, во всей наготѣ невообразимыхъ звѣрствъ Турокъ, звѣрствъ предъ которыми, по выраженію одного англійскаго оратора, возмутились бы злѣйшіе каторжники, даже людоѣды австралійскихъ острововъ,—несомнѣнно принимаетъ серіозный характеръ. Да и въ комъ не возмутилось бы человѣческое чувство? Движеніе поднявшееся въ Англіи уже не ограничивается одними протестами и выраженіями негодованія, а проявляется болѣе существенно: на множествѣ митинговъ, кромѣ принятія резолюцій въ томъ смыслѣ чтобы Турцію же поддерживать и подавать королевѣ адресы объ этомъ предметѣ, тутъ не постановляется организовать сборъ пожертвованій для пособія „жертвамъ турецкаго варварства“ и бывали уже примѣры что тутъ же и сбирались между публикой до 200 ф. ст. Сами англійскія газеты, какъ поддерживающія движеніе, такъ и осуждающія оное, признаютъ что ничего подобнаго настоящему движенію давно не было видано въ Англіи.

Не трудно повѣрить этому. Въ этомъ народномъ порывѣ мы видимъ нѣкоторое отраженіе того что совершается повсюду въ нашемъ отечествѣ. Мы знаемъ изъ иностранныхъ газетъ что за границей всѣ поражены величіемъ благороднаго порыва овладѣвшаго всѣмъ Русскимъ народомъ и устремляющаго его на помощь угнетеннымъ братьямъ. Впрочемъ, было бы диво еслибъ у насъ было иначе. Правда что угнетенные ближе всего намъ по крови и вѣрѣ: это наши братья, говоритъ всякій Русскій. Но правда и то что надо быть не человѣкомъ чтобы не содрогаться предъ тѣмъ что суждено было Европѣ увидѣть въ своихъ предѣлахъ въ послѣднюю четверть XIX столѣтія. И понятно что, послѣ Россіи, человѣческое чувство могло сильнѣе всего возмутиться именно въ Англіи которая такъ виновна въ происшедшемъ. Когда разказы объ ужасахъ, едва изобразимыхъ на бумагѣ, повторяясь день за днемъ, проникли во всѣ жилища, могли ли люди не содрогнуться при мысли: неужели это необходимо для нашихъ интересовъ, для нашего могущества? И реакція проявляется тѣмъ рѣзче что такъ недавно еще „бодрая внѣшняя политика" требовала себѣ рукоплесканій за поддержаніе чести и достоинства Англіи. Увы! разочарованіе было слишкомъ горько когда эта честь и достоинство Англіи, неразрывно якобы связанныя съ охраной Турціи, были поняты Турками за прямое поощреніе и отозвались болгарскою рѣзней...

Движеніе происходящее теперь въ Англіи подаетъ надежды, но не позволительно увлекаться одпѣми надеждами, особенно въ дѣлѣ неотложномъ, когда каждая лишняя минута потерянная въ недоразумѣніяхъ стоитъ множества жизней и невыразимыхъ страданій. Это народное движеніе въ Англіи должно много облегчить задачу дипломатіи, но оно налагаетъ на нее обязанность ускорить свою работу и какъ можно скорѣе привести въ ясность свои цѣли.

Чувство чувствомъ, а политика политикой. Мы вѣримъ искренности народнаго движенія въ Англіи, но трудно думать чтобы нынѣшніе министры Англіи перемѣнили образъ своихъ дѣйствій. Никто не высказываетъ этого недовѣрія такъ сильно какъ самъ Англичанинъ, историкъ Фриманъ, въ письмѣ напечатанномъ въ *Daily News*. Онъ не довѣряетъ не одному премьеру, а столько же и статсъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ графу Дарби, пользующемуся у друзей и противниковъ репутаціей человѣка разсудительнаго, здравомыслящаго и не увлекающагося пристрастіями. „Мудрый" графъ Дарби не кто иной какъ человѣкъ запретившій англійскимъ консуламъ и морскимъ офицерамъ, въ 1868 году, спасать критскихъ женщинъ и дѣтей отъ ярости ихъ турецкихъ притѣснителей. Дѣйствительно, и теперь переданная по телеграфу рѣчь графа Дарби вовсе не обличаетъ государственнаго человѣка постигающаго весь ужасъ положенія христіанъ въ Турціи. Отвѣчая явившимся къ нему депутаціямъ, онъ осуждалъ народное движеніе какъ весьма опасное, ибо его безпокоитъ болѣе всего то что обвиненіе Англійскаго правительства въ соучастіи съ турецкими злодѣяніями повторяется за границей и находитъ тамъ вѣру. О распространеніи же автономіи на турецкія провинціи онъ замѣтилъ что это дѣло встрѣчаетъ будто бы мѣстныя препятствія. Это показываетъ чего можно ожидать отъ иниціативы нынѣшнихъ англійскихъ министровъ.

Нельзя слишкомъ увлекаться мнѣніемъ что въ Англіи политика министерства зависитъ отъ народнаго одобренія. Во-первыхъ, теперь Парламентъ закрытъ, и мы не знаемъ удастся ли агитація о его созваніи осенью. Да еслибъ онъ и былъ созванъ, то развѣ кабинетъ не имѣетъ въ немъ надежнаго большинства? И пока это большинство не разстроится, что можетъ заставить его распустить нынѣшнюю послушную ему палату ранѣе какъ черезъ четыре года? А между тѣмъ начавшееся движеніе встрѣчаетъ сильный отпоръ; только тактика защитниковъ министерства теперь измѣняется. Они готовы какъ и всѣ негодовать противъ турецкихъ неистовствъ, но они наивно спрашиваютъ: что же могла Англія сдѣлать? Вѣдь не она управляетъ Турціей! Протесты противъ политики правительства объявляются не патріотическими, изобличаются какъ происки партій; въ сотый разъ повторяется что эта политика поддерживаетъ Турокъ вовсе не изъ сочувствія къ нимъ, а изъ заботы объ интересахъ самой Англіи. Наконецъ, доказываютъ что неприкосновенность Турціи во всякомъ случаѣ необходима, а если кто заведетъ рѣчь объ автономіи провинцій, то, подобно графу Дар-

би, говорятъ о мѣстныхъ затрудненіяхъ, и восклицаютъ: надо же имѣть въ виду и мусульманъ въ Босніи и Болгаріи; что всякое территоріальное распредѣленіе въ Турціи грозитъ европейскому миру, а для автономіи придется де насильно выселять Турокъ, что грозитъ вызвать еще болѣе ужасную чѣмъ нынѣ религіозную войну, и не въ одной Европейской Турціи, а во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Такимъ образомъ защитники нынѣшней политики Англіи далеко не считаютъ себя побѣжденными, и продолжаютъ отстаивать ея здравомысленность.

Что же? Всей ли Европѣ ждать чѣмъ разрѣшится эта борьба противоположныхъ мнѣній въ Англіи, и въ ожиданіи не предпринимать соглашенія съ Англіей? Соглашенія все нѣтъ, хотя о немъ хлопочетъ сама Англія. Но ея хлопоты видно не очень ревностны. Въ „Послѣдней Почтѣ" мы приводимъ изъ англійской же корреспонденціи толки объ условіяхъ какія умѣренная и крайняя партія въ Портѣ считаютъ возможными для Сербіи. Обѣ эти партіи смотрятъ на княжество какъ на побѣжденнаго мятежнаго вассала. Могла ли бы Порта такимъ языкомъ предъявлять свои условія державамъ заботящимся о прекращеніи кровопролитія, вмѣсто того чтобы покорно выслушивать ихъ предписанія, еслибы между ними было согласіе? Но Англія и теперь идетъ врознь съ другими: по слухамъ, Россія предлагала трехмѣсячное перемиріе чтобы лучше обсудить условія мира, Англія же стояла на одномѣсячномъ; она же поддерживала Порту въ требованіи чтобъ одновременно были начертаны основанія для условія мира; она же поощряла чтобы переговоры велись порознь съ Сербіей и Черногоріей, въ разсчетѣ разъединить княжества, то-есть въ интересѣ Турціи, а никакъ не Славянъ. Дипломатія очевидно отстаетъ отъ народныхъ движеній...

Но зачѣмъ предоставлять иниціативу исключительно Англіи когда ея министры не хотятъ внимать голосамъ протеста въ своей собственной странѣ? Народное движеніе въ Англіи можетъ принести большую пользу. Если ему не хочетъ внимать торійскій кабинетъ, то его въ правѣ принять къ свѣдѣнію другія европейскія державы, и согласившись между собой, заговорить инымъ языкомъ съ лордомъ Биконсфильдомъ и графомъ Дарби. Миръ на основаніи *status quo ante bellum* невозможенъ; для обезпеченія христіанъ необходимо изъять Боснію, Герцеговину и Болгарію изъ-подъ турецкаго управленія и дать имъ независимость, на подобіе Сербіи и Румыніи, то-есть съ сохраненіемъ номинальной власти султана и съ уплатой ему нѣкоторой дани. Кто теперь предлагаетъ этотъ планъ? Архіепископъ Йоркскій, епископъ Манчестерскій, историкъ Фриманъ, множество ораторовъ на публичныхъ митингахъ, наконецъ г. Гладстонъ въ своей брошюрѣ, наконецъ лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, рекомендующій учрежденіе ряда самостоятельныхъ государствъ отъ Чернаго моря до Адріатическаго. Въ самой Англіи лица непричастныя нынѣшнему кабинету, въ томъ числѣ всегдашній рьяный противникъ Россіи, какъ лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, рекомендуютъ то самое что всегда предлагали мы сами. Какая же надобность оставлять вопросъ въ рукахъ нынѣшняго Англійскаго кабинета? Континентальнымъ державамъ, и въ особенности тремъ сѣвернымъ имперіямъ, предоставляется теперь самый удобный моментъ развить и предъявить подобную программу, не дожидаясь обращенія лорда Биконсфильда или графа Дарби, и какимъ образомъ эти благородные лорды могли бы возражать противъ нея, въ виду громко высказывающагося мнѣнія своей страны, а тѣмъ болѣе поощрять Порту въ сопротивленіи. Это мнѣніе не можетъ вскорѣ понудить англійское правительство къ прямому дѣйствію въ пользу христіанъ; но оно теперь едва ли допуститъ противодѣйствіе своего правительства добрымъ стараніямъ другихъ державъ. А безъ поощренія со стороны Англіи, невозможно представить себѣ чтобы Порта, которая въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не могла справиться съ двумя маленькими княжествами, осмѣлилась помыслить о сопротивленіи общему желанію континентальныхъ державъ, которое ей было бы предъявлено какъ *ультиматумъ*...

Б.

Въ *Agence Générale Russe* пишутъ изъ Константинополя что участь несчастныхъ Болгаръ та же самая подъ игомъ башибузуковъ, изъ коихъ многіе исполняютъ даже *должность сборщиковъ податей*. При всемъ томъ, по словамъ корреспондента,

оттоманское правительство готовитъ нынѣ въ Болгаріи новую мистификацію Европѣ. Всѣ усилія его напряжены къ тому чтобы вызвать, или точнѣе вынудить у Болгаръ манифестацію, заявляющую о *благодарности Болгарскаго народа за всѣ благодѣянія, коими будто бы осыпала ихъ Порта*. До сихъ поръ однако подъ проектомъ этого благодарственнаго адреса не оказывается де ни одной подписи, но турецкіе чиновники настойчивы и средства которыми они орудуютъ также разнообразны какъ и внушительны. „Европѣ не мѣшаетъ знать," присовокупляетъ въ заключеніе названное Агентство, „какую новую комедію готовитъ ей турецкій чиновный людъ..."

Но къ извѣстію объ этомъ адресѣ насъ какъ будто уже приготовляютъ туркофильскія газеты. Дѣйствительно сегодня находимъ мы въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ*, телеграмму извѣщающую что какъ въ Нишѣ, такъ и въ самый лагерь Турокъ, въ Моравской долинѣ, *сотнями* прибываютъ *каждый день* Болгары съ просьбою вооружить ихъ и послать на бой съ Сербами и съ Русскими...

Другія телеграммы тѣхъ же газетъ на дняхъ извѣщали будто къ Османъ-пашѣ на Тимокѣ *тысячами* являются сербскія семейства, молящія о принятіи ихъ въ турецкое подданство и о водвореніи на жительство *въ Болгаріи*.

Но куріознѣе всего внезапная нѣжность, оказываемая нынѣ тѣми же газетными баши-бузуками Болгарамъ, Сербамъ и Боснякамъ. Всѣмъ имъ угрожаетъ де нынѣ страшная бѣда, но уже конечно не отъ Турокъ, а отъ Русскихъ. Дѣйствительно, того и смотри, Россія сорветъ де съ себя коварную личину и выступитъ во всеоружіи противъ Турціи. „Что станется тогда съ несчастными Болгаріей, Сербіей и Босніей, будущимъ театромъ этой суровой войны?" восклицаетъ нишскій корреспондентъ аугсбургской *Всеобщей Газеты*, „онѣ будутъ истощены ею до тла; несчастныхъ раіевъ этихъ странъ постигнетъ окончательное разореніе. Я прихожу въ ужасъ при мысли объ участи ожидающей тогда всѣ семейства. Можетъ ли допустить это просвѣщенный западъ, могутъ ли допустить это въ особенности Австрія и Англія?"

Эти цитаты не нуждаются въ коментаріяхъ. Европа пожинаетъ въ Турціи плоды того что она сама посѣяла. Она заслужила глумленіе Турокъ надъ ея довѣрчивостью къ нимъ...

№ 225.

Москва, 3-го сентября.

А.

Много и о многихъ отрасляхъ земской дѣятельности говорилось уже въ нашей печати. Вопросы о лѣсосбереженіи и лѣсосохраненіи, о земскомъ страхованіи, народномъ образованіи и т. п. не разъ уже были предметомъ толковъ и нѣкоторые, какъ напримѣръ лѣсной вопросъ, достаточно уже обсуждены и близки къ разрѣшенію. Но оставляется безъ вниманія не менѣе важная сторона земской дѣятельности, остается неразработаннымъ санитарный вопросъ. Было бы несправедливо сказать что по народному здравію до сего времени ничего не сдѣлано; мы хотимъ указать только на то что дѣятельность по санитарному вопросу была односторонняя и не обнимала его во всей полнотѣ. Какъ извѣстно заботы земскихъ управъ и земскихъ собраній до сего времени были направлены болѣе на внѣшнюю часть медицины; онѣ заняты были расширеніемъ больничныхъ помѣщеній, улучшеніемъ содержанія больныхъ, увеличеніемъ количества санитарнаго персонала и т. д. Дѣятельность же земскихъ врачей касалась ихъ спеціальности; на своихъ съѣздахъ они трактуютъ о способахъ изученія своихъ районовъ въ санитарно-топографическомъ отношеніи, изыскиваютъ средства къ прекращенію эпидемій, заботятся о распространеніи гигіеническихъ свѣдѣній въ массѣ простаго народа и т. п. Между тѣмъ наружу пробиваются другаго рода факты, заставляющіе обратить вниманіе на другую сторону санитарнаго дѣла.

Конотопская уѣздная земская управа, вопреки постановленію земскаго собранія, сдѣлала предписаніе прекратить отпускъ изъ земской аптеки безплатныхъ лекарствъ по рецептамъ врачей не состоящихъ на земской службѣ. Чѣмъ руководилась въ данномъ случаѣ управа сказать трудно, но во всякомъ случаѣ, не человѣколюбивымъ чувствомъ къ бѣдному населенію и не желаніемъ довести санитарную помощь до бо-

лѣе широкихъ размѣровъ. Мы не стали бы придавать этому факту особаго значенія если бы онъ стоялъ одиночно. Но недовольные голоса врачей раздаются теперь все чаще и чаще; жалобы на самоуправство земскихъ дѣятелей, на вмѣшательство ихъ не въ свое дѣло, на незаконную притязательность начинаютъ сливаться въ общій кличъ и дѣлаются повсемѣстными. „Долго ли медицинская часть будетъ находиться въ рукахъ произвола, каприза и страстей земскихъ дѣятелей? Неужели она никогда не дождется покровительства и санкціи закона? Неужели такъ трудно установить извѣстную норму отношеній земства къ медицинѣ вообще и къ врачамъ въ особенности?“ (*Здоровье* № 40.) Вотъ въ какую форму выливается недовольство врачей на существующія отношенія ихъ къ земскимъ учрежденіямъ. Эти учрежденія тоже видятъ безпорядочность организаціи медицинской части, но смотрятъ на это съ своей особой точки зрѣнія. Херсонское земское собраніе, по вопросу о регламентаціи отношеній между врачами и земскими учрежденіями, постановило что „эти отношенія не могутъ быть регламентированы, такъ какъ они зависятъ отъ *личныхъ качествъ* врачей и земскихъ дѣятелей“ (*Сборникъ Херсонскаго Земскаго Собранія*, № 11, 1875 г., стр. 78).

Въ то время какъ другія специальныя земскія учрежденія, какъ мировой институтъ, изъяты изъ вѣдѣнія земствъ и переданы въ болѣе компетентныя руки, земская медицина всецѣло подлежитъ власти земскихъ управъ и земскихъ собраній. Земскимъ Положеніемъ совсѣмъ не регламентированы отношенія врачей и земцевъ; тамъ не указано границы за которою оканчивается вмѣшательство земства въ медицинскую часть и начинается свободная дѣятельность врача; отъ того большинство медицинскихъ вопросовъ безаппелляціонно рѣшаются земскими управами и земскими собраніями, въ которыхъ большею частью врачъ не имѣетъ права участвовать какъ членъ рѣшающій, и не приглашается какъ членъ совѣщательный. Такимъ образомъ, дѣятельность врача ограничивается больничными стѣнами: у него не отнимается только прописываніе рецептовъ и посѣщеніе палатъ. Но и сюда вторгается по временамъ всезнающее земство. На одномъ изъ уѣздныхъ земскихъ собраній Херсонской губерніи порѣшено было для лѣченія чесотки выписать на 300 руб. петролеума, который врачами признанъ былъ совершенно негоднымъ для этой цѣли. Вслѣдствіе отказа врачей лѣчить петролеумомъ губернская управа сочла нужнымъ доложить о томъ земскому собранію, чуть ли не въ смыслѣ неподчиненія врачей рѣшенію собранія. Прибавимъ къ этому что контроль надъ дѣйствіями врачей опять-таки въ рукахъ земцевъ. Въ земскихъ собраніяхъ выслушиваются подробнѣйшіе отчеты о состояніи земской медицины, о родахъ и формахъ болѣзней, о теченіи ихъ и т. д. Приведемъ выдержку: „Случаевъ оспы,“ докладываетъ врачъ, „было 13: 12 случаевъ *variolae verae* и 1 *varioli*... Изъ осложненій встрѣчался часто enteritis... Съ rubeola былъ одинъ случай...“ Интересно знать, какое представленіе составилось при этомъ у земцевъ о всѣхъ этихъ: enteritis, rubeola и т. п.? (XI очередное губернское земское собраніе.) Мало того, Нижегородская губернская управа представила собранію отзывъ о результатахъ командировки врача Еще за границу съ ученою цѣлью...

Какъ тяжело такая организація земской медицины отзывается на народномъ здравіи, мы сейчасъ увидимъ. Дѣятельные и честные врачи не могутъ свыкнуться со своеобразными отношеніями къ нимъ земства, они бѣгутъ земской службы, и земскій медицинскій персоналъ переполняется людьми которымъ негдѣ уже главы приклонить. Вакантныя мѣста, по непривлекательности земской службы вообще, трудно замѣщаются, больницы нерѣдко въ теченіе довольно продолжительнаго времени остаются безъ врача. Въ Мамадышѣ, напримѣръ, въ послѣдніе четыре года перемѣнились три врача, всѣ они уходили вслѣдствіе спора или придирокъ со стороны земцевъ, и въ концѣ концовъ больница болѣе полугода остается въ вѣдѣніи фельдшеровъ. При такомъ положеніи дѣла можетъ ли какой-либо уѣздъ или городъ ручаться что онъ не останется безъ врача и во время оспы, холеры или другой эпидеміи? Кромѣ того, неусидчивость медиковъ на своихъ мѣстахъ мѣшаетъ имъ ознакомиться со своимъ райономъ въ санитарно-топографическомъ отношеніи, на что въ послѣднее время съѣздами врачей обращено столько вниманія и надеждъ. Къ недостатку благонадежныхъ дѣятелей на поприщѣ земской медицины присоединяется

еще некомпетентный контроль надъ дѣйствіями врачей и завѣдываніе медицинскою частію людьми не имѣющими понятія о медицинѣ. Сама дѣйствительность говоритъ о послѣдствіяхъ этого. Санитарное дѣло до сихъ поръ не можетъ похвалиться своими успѣхами, оно мало подвинулось впередъ несмотря на значительныя затраты (10% изъ всѣхъ земскихъ расходовъ). Статистическія данныя показываютъ что средняя продолжительность жизни въ нашемъ отечествѣ на десять лѣтъ менѣе чѣмъ въ западныхъ государствахъ. Земскіе сборники весьма некрасивыми чертами рисуютъ состояніе больницъ; управы жалуются на невнимательность врачей къ ихъ обязанностямъ, на безуспѣшность ихъ лѣченія и т. п. Все это не есть ли естественное слѣдствіе существующаго порядка вещей въ земской медицинѣ, и не будетъ ли это продолжаться до тѣхъ поръ пока продолжается этотъ порядокъ, пока санитарная часть не будетъ поставлена въ лучшее положеніе? При существующемъ контролѣ земцевъ надъ медицинскою частію, врачи чувствуютъ себя совершенно безконтрольными, они хорошо сознаютъ что на сколько сильны надъ ними земцы внѣ больницы, настолько безсильны, по непониманію дѣла, въ стѣнахъ ея. Самый ревностный земскій дѣятель не въ состояніи услѣдить за дѣйствіями врача; послѣдній всегда въ полной увѣренности что никто не провѣритъ метода его лѣченія, никто не укажетъ на ошибки съ его стороны, никто не можетъ просмотрѣть даже рецептовъ. Словомъ, съ этой стороны полная возможность для врачей пренебрегать дѣломъ; при самомъ незначительномъ запасѣ свѣдѣній, но при внѣшней аккуратности можно хорошо отводить глаза земскимъ дѣятелямъ и прослыть за исправнаго врача. Внѣшняя сторона врачебнаго дѣла, своевременное посѣщеніе врачами палатъ, соблюденіе чистоты въ больничныхъ зданіяхъ и т. п.,—вотъ одно что по силамъ земскимъ контролерамъ. Но и съ этой стороны контроль земцевъ оказывается недостаточно строгимъ и бдительнымъ; по крайней мѣрѣ, при такомъ контролѣ остается еще возможность для старшаго врача побывать въ нѣкоторыхъ больничныхъ отдѣленіяхъ всего только четыре раза въ годъ, остается еще возможность фельдшерицѣ прописывать рецепты вмѣсто доктора медицины, а дежурства вмѣсто уволеннаго въ отпускъ врача не исполняются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Такъ отзывается завѣдываніе земства санитарнымъ дѣломъ собственно на врачебной части; столь же неблагопріятно дѣйствуетъ оно и на хозяйственную. Здѣсь земцы считаютъ себя уже совсѣмъ полновластными; при всѣхъ постройкахъ и передѣлкахъ въ больницѣ они не признаютъ нужнымъ и полезнымъ обращаться за совѣтомъ ко врачамъ. Отъ этого нерѣдко самыя передѣлки обращаются въ источникъ заразы. (Журн. 11-й сессіи Рязанскаго губернскаго земскаго собранія стр. 34). Больницы самыхъ лучшихъ земствъ доведены до такой степени что вскрытіе простаго нарыва ведетъ за собою серіозную болѣзнь; палаты расположены нераціонально, душны и тѣсны. Что же можетъ сдѣлать въ такой больницѣ самый добросовѣстный врачъ? Не будетъ ли его лѣченіе парализоваться душною больничною атмосферой, а это, въ свою очередь, не заставитъ ли самого врача сложить руки и относиться къ дѣлу чисто формально. Насколько страдаетъ народное здравіе отъ неправильной организаціи медицинской части, на столько же терпитъ народное хозяйство отъ вмѣшательства земскихъ управъ въ ветеринарную часть. Вотъ краснорѣчиво говорящіе о томъ факты. Въ Купянскѣ, Харьковской губерніи, земство въ своихъ засѣданіяхъ рѣшило уничтожить ветеринарную часть въ то время когда въ уѣздѣ господствовала чума; повальныя болѣзни животныхъ, разсуждало земство, ни лѣчить, ни предотвращать не въ силахъ никакая ветеринарная медицина, потому что скотъ находится при неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Земство и не принимало при этомъ въ разчетъ что указать эти неблагопріятныя гигіеническія условія можетъ не оно само, а врачъ. Тридцать тысячъ головъ стоило населенію Купянскаго уѣзда вышеприведенное распоряженіе земства, и только послѣ такой катастрофы пришло оно къ сознанію необходимости ветеринарной медицины въ уѣздѣ. Это не исключительный случай земской распорядительности, и не въ одномъ только Купянскѣ встрѣчаются такіе примѣры. Олонецкое земство, при постоянныхъ въ томъ краѣ скотскихъ падежахъ, причиняющихъ мѣстному населенію ежегодно на сотни тысячъ убытковъ, ограничило свои мѣры къ прекращенію эпизо-

отій только отпечатаніемъ 6.000 экземпляровъ наставленій о средствахъ противъ сибирской язвы.

Собственно врачебная часть земской медицины могла бы быть отдана подъ контроль особыхъ санитарныхъ совѣтовъ, которыхъ могло бы быть по одному на каждую губернію. На членахъ этого совѣта лежала бы обязанность слѣдить за дѣятельностію земскихъ врачей, для чего они объѣзжали бы нѣсколько разъ въ годъ свои участки, а врачи ежемѣсячно давали бы имъ отчеты о состояніи подвѣдомой больницы. Конечно, члены санитарнаго совѣта не должны выбираться изъ земскихъ врачей коихъ они должны контролировать. Санитарный совѣтъ, въ свою очередь, могъ бы быть подчиненъ общему губернскому медицинскому управленію, въ чемъ была бы гарантія противъ нерадѣнія о своемъ дѣлѣ. Что касается хозяйственной части, то ее, кажется, слѣдовало бы поручить особой коммиссіи состоящей изъ врачей и членовъ отъ земства; такая коммиссія была бы въ каждомъ уѣздѣ; она обсуждала бы необходимые расходы по больницѣ, нужныя постройки и указывала бы какъ онѣ должны быть лучше произведены. Вотъ, по нашему мнѣнію, на какихъ основаніяхъ могла бы организоваться земская медицина для того чтобы быть свободною отъ тѣхъ недостатковъ, которыми тормозится она въ настоящее время.

Б.

На дняхъ, въ вѣнской корреспонденціи газеты *Times*, было сказано слѣдующее:

Въ дипломатическихъ кругахъ передается сообщеніе сдѣланное княземъ Горчаковымъ въ Варшавѣ. Оно было сдѣлано такимъ способомъ который обличаетъ намѣреніе чтобъ оно стало извѣстно и, какъ передаютъ, оно было слѣдующее: „Россіи „нуженъ отдыхъ еще на нѣсколько лѣтъ, „и кромѣ того Императоръ рѣшительно „желаетъ мира, а также желаю и я.“

Мы прочли эту странную и по оборотамъ и по смыслу фразу влагаемую корреспондентомъ въ уста нашего государственнаго канцлера, и оставили ее безъ вниманія, какъ слишкомъ очевидную фальсификацію: кого могло ввести въ заблужденіе это будто бы офиціозное сообщеніе русскаго дипломата, сфабрикованное въ *Вѣнѣ* и пущенное въ оборотъ изъ *Лондона?* Но дѣло на этомъ не остановилось. Къ лондонской газетѣ спѣшитъ присоединиться *Moniteur Universel*, слывущій органомъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Заявивъ въ № отъ 9 сентября что ею ежедневно получаются изъ Россіи самыя формальныя увѣренія въ сохраненіи мира, эта газета приводитъ въ подтвержденіе изъ *Times* приписываемыя князю Горчакову слова, и сопровождаетъ ихъ такимъ замѣчаніемъ: „Мы не знаемъ, дѣйствительно ли произнесъ знаменитый канцлеръ приведенныя нами слова, но достовѣрно то что они могли быть произнесены имъ, и что они строго сообразуются со всѣми дѣйствіями Россіи со времени открытія Восточнаго вопроса.“

Какъ ни ядовито подобное замѣчаніе, вступать въ препирательство съ *Moniteur Universel* значило бы оказывать этой газетѣ слишкомъ много чести, особенно въ виду слѣповраждебнаго отношенія къ Россіи принятаго почти всею французскою печатью. Но, вотъ, выходитъ въ свѣтъ нумеръ газеты *Nord*, отъ 10 сентября, и воспроизводитъ на своихъ столбцахъ, безо всякой оговорки, и слова будто бы сказанныя княземъ Горчаковымъ въ бытность его въ Варшавѣ, и замѣчаніе которое счелъ умѣстнымъ сдѣлать *Moniteur Universel*. Что въ виду этого можетъ подумать публика привыкшая смотрѣть на газету *Nord* какъ на офиціозный органъ Русскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ?

Сочинителямъ сообщенія князя Горчакова не безызвѣстенъ характеръ настроенія которое овладѣло всѣмъ Русскимъ народомъ, въ виду тѣхъ звѣрствъ которыя совершались и еще совершаются на Балканскомъ полуостровѣ. Имъ, очевидно, хотѣлось бы смутить это настроеніе и дать ему фальшивое направленіе, увѣряя будто государственный человѣкъ стоящій во главѣ русской дипломатіи, въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Россіи, говоритъ во всеуслышаніе: „Россія нуждается въ мирѣ *еще въ „продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ;* сверхъ „того имперія рѣшилась сохранить миръ, „и я держусь того же мнѣнія.“ *)

Никто въ Россіи не повѣритъ чтобы князь Горчаковъ сказалъ подобныя слова. Что-нибудь въ этомъ родѣ могло быть имъ

*) По французской редакціи словъ будто бы сказанныхъ княземъ Горчаковымъ,—редакція нѣсколько отличающейся отъ англійской.

сказано, но не то и не такъ. Невозможно представить себѣ дипломата какой бы то ни было страны который бы, въ сознаніи своихъ обязанностей, заявилъ что его страна будетъ сохранять миръ во что бы то ни стало и не рѣшится на войну ни при какихъ обстоятельствахъ...

Война есть бѣдствіе. Всякая страна желаетъ сохраненія мира,—но совмѣстнаго съ ея существенными интересами, съ ея честью и достоинствомъ. Правда, при неблагопріятныхъ условіяхъ, иное государство вынуждено бываетъ мириться и съ ослабленіемъ своего вліянія, и съ нарушеніемъ его интересовъ, даже, въ крайнемъ случаѣ, переносить оскорбленія своей чести; но ни одна страна не будетъ увѣрять что она ни при какихъ обстоятельствахъ не обнажитъ меча въ защиту того что ей дорого. Говорить это значило бы искусственно вызывать обстоятельства при которыхъ сохраненіе мира сдѣлалось бы положительно невозможнымъ, значило бы поощрять другихъ на такія дѣйствія при которыхъ живое тѣло не можетъ оставаться спокойнымъ.

Что Россія и ея правительство желаютъ мира, въ этомъ едва ли кто можетъ сомнѣваться. Россія дала такъ много несомнѣнныхъ фактическихъ доказательствъ своего миролюбія что для подкрѣпленія общей увѣренности въ ея нерасположеніи нарушать миръ не было надобности ни въ какихъ словесныхъ заявленіяхъ. Тѣмъ менѣе могла предстоять надобность въ заявленіи что Россія миролюбива только до поры до времени, лишь „въ продолженіи еще нѣсколькихъ лѣтъ...“ Сдѣлать такое заявленіе въ дипломатическихъ кругахъ значило бы сказать: пользуйтесь временемъ чтобъ унизить и ослабить Россію, торопитесь устраивать дѣла свои въ ущербъ ея интересамъ,—пройдетъ нѣсколько лѣтъ и будетъ поздно...

И при какихъ обстоятельствахъ вложены эти слова въ уста русскому государственному канцлеру? Въ то время когда разслѣдованія произведенныя въ Болгаріи не оставили сомнѣнія въ размѣрахъ и свойствѣ турецкихъ неистовствъ; въ то время когда въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* печатались извлеченія изъ донесеній русскихъ дипломатическихъ агентовъ объ этихъ безчисленныхъ звѣрствахъ, повергающихъ въ трепетъ людей съ самыми крѣпкими нервами; въ то время когда во всѣхъ слояхъ Русскаго народа нѣтъ иной мысли какъ о томъ чтобы поскорѣе, пока не поздно, помочь несчастнымъ еще уцѣлѣвшимъ отъ избіенія и дать имъ возможность человѣческаго существованія,—и когда русскіе люди дали несомнѣнное доказательство что они готовы не отступать ради этой цѣли ни предъ какими жертвами ни деньгами, ни кровью; въ то самое время, наконецъ, когда, ради той же цѣли, велись самые дѣятельные переговоры...

Найдетъ ли Русское правительство возможнымъ уладить дѣло посредствомъ соглашеній или оно будетъ вынуждено прибѣгнуть къ оружію, это вопросъ еще нерѣшенный... Увѣрять же всѣхъ что Россія ни въ какомъ случаѣ не обнажитъ меча, значило бы именно вести дѣло къ войнѣ...

№ 226.

Москва, 4-го сентября.

А.

Телеграммы о ходѣ мирныхъ переговоровъ повергаютъ насъ въ великое смущеніе. Или турецкіе министры лишились смысла, или они разчитываютъ что настоянія державъ не искренни, и что не всѣ онѣ желаютъ одного и того же. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣли мы подивиться газетнымъ толкамъ о предполагаемыхъ мирныхъ условіяхъ вырабатываемыхъ Портой, какъ вчера константинопольская телеграмма, почти въ тѣхъ же словахъ, извѣстила насъ о сообщенномъ уже отвѣтѣ Порты съ изложеніемъ ея условій, почти въ тѣхъ же основныхъ чертахъ какъ предупреждали различные корреспонденты.

Порта отвергаетъ мысль о простомъ перемиріи, но изъявляетъ готовность принять миръ на основаніи поименованныхъ ею шести пунктовъ, болѣе или менѣе обременительныхъ для Сербіи. Входить въ оцѣнку этихъ послѣднихъ нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе что, по словамъ вѣнской *Politische Correspondenz*, эти пункты изложены Портой только какъ желанія, а впрочемъ де она предоставляетъ самимъ державамъ опредѣленіе мирныхъ условій.

Какого бы кто ни былъ мнѣнія объ этихъ условіяхъ, но отказъ Порты отъ перемирія иначе какъ на основаніи одновременной постановки прелиминарій окончатель-

наго мира показываетъ намъ какъ она смотритъ на посредничество державъ и въ какомъ духѣ ведутся съ нею переговоры. Порта очевидно не смущается всѣми ужасами и звѣрствами совершаемыми повсюду ея полчищами, и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на возбужденное ими въ Европѣ негодованіе, невозмутимо считаетъ себя въ правѣ трактовать съ державами какъ будто она есть такое же государство какъ другія. Но непонятно какимъ образомъ державы, принявъ въ свои руки дѣло умиротворенія, могутъ оставлять Порту въ такомъ ослѣпленіи, и это внушаетъ мысль: нѣтъ ли какой ошибки въ самомъ направленіи переговоровъ?

Одно изъ двухъ: или хотятъ продолжать фикцію что Порта принята въ европейскую систему и что она такое же цивилизованное государство, или же она находится въ положеніи исключительномъ и обязана безпрекословно подчиняться рѣшеніямъ державъ. Но повидимому въ дипломатическихъ переговорахъ принято какое-то странное смѣшеніе этихъ двухъ взаимно исключающихся взглядовъ, и оттого является путаница которая затягиваетъ вопросъ совершенно ясный.

Но Порта, говорятъ, принята въ европейскій концертъ... Кто осмѣлится серіозно повторить эту грубую фикцію въ виду управленія Порты и того способа какимъ она ведетъ войну? По трактатамъ, Порта приступила и къ Женевской конвенціи и стала подъ знамя Краснаго Креста. Но развѣ это значитъ что-нибудь кромѣ грубаго кощунства. Развѣ она сама серіозно смотритъ на это? Развѣ ея войска не нарушаютъ ежедневно самымъ наглымъ образомъ всѣхъ основаній международной конвенціи заключенной въ Женевѣ? Ея солдаты не только стрѣляютъ по лазаретамъ, но и цинически ругаются надъ Краснымъ Крестомъ, обрубая руки санитарамъ попавшимся имъ въ руки. Каждый шагъ турецкихъ войскъ знаменуется дѣлами гунскихъ и татарскихъ нашествій; все предается ими огню и мечу; села сплошь пылаютъ; населеніе, гдѣ только можетъ, спасается бѣгствомъ, а несчастныя жертвы застигнутыя врасплохъ предаются мучительной смерти и гнуснѣйшимъ поруганіямъ худшимъ чѣмъ смерть; нѣтъ пощады ни возрасту, ни полу; попавшихся раненыхъ, въ особенности Русскихъ. Турки жгутъ на медленномъ огнѣ. Возможно ли считать орду, дозволяющую себѣ вести войну такимъ звѣрскимъ и гнуснымъ образомъ, равноправною съ цивилизованными странами? Можно ли соблюдать относительно ея „политическую деликатность?“ Можно ли дозволить чтобъ она предъявляла свои желанія и отказы? Каково бы ни было по трактатамъ положеніе Порты, но уже одними своими дѣйствіями въ Босніи, Болгаріи и, теперь въ Сербіи она поставила себя внѣ международнаго закона обязательнаго для всѣхъ европейскихъ странъ. Къ чему ведетъ дипломатическая формальность съ Турками когда она для нихъ самихъ есть пустой звукъ на который они не обращаютъ никакого вниманія? Лордъ Дарби, напримѣръ, формально предупредилъ Порту что если она дозволитъ себѣ и въ Сербіи тѣ же дѣйствія какія совершила въ Болгаріи, то это для нея будетъ хуже пораженія, ибо „возбудитъ въ Европѣ такое негодованіе которое сдѣлаетъ вмѣшательство неизбѣжнымъ.“ А для вящей дѣйствительности увѣщаній приставленъ къ турецкимъ войскамъ надсмотрщикомъ генералъ Кембаллъ. Но ни увѣщанія не помогли, ни око англійскаго генерала ничѣмъ своей зоркости не обнаружило. Державы наконецъ отказались отъ удовольствія присутствовать на зрѣлищахъ цирка. Борьба затянулась долѣе чѣмъ вѣроятно ожидали друзья и недруги той и другой стороны. Рѣшительныхъ дѣйствій едва ли можно вскорѣ ожидать. Окончательное рѣшеніе во всякомъ случаѣ не можетъ зависѣть отъ успѣховъ оружія воюющихъ, такъ какъ Европа взяла въ свои руки рѣшеніе вопроса, и дальнѣйшія битвы были бы вслѣдствіе того безсмысленнымъ пролитіемъ крови. Каково бы ни было рѣшеніе державъ, оно не можетъ не потребовать нѣкотораго времени, нѣкотораго обсужденія. Весьма возможно что, при всей доброй волѣ и твердомъ рѣшеніи дѣйствовать согласно, полное согласіе по всѣмъ пунктамъ не сразу установится. Вопросы поднятые въ послѣднее время такъ усложнились что не могутъ быть рѣшены въ одну минуту. Должно надѣяться что, умудренная страшными событіями цѣлаго года, дипломатія примется за дѣло съ большею чѣмъ прежде рѣшимостью преодолѣть всѣ затрудненія. Но какая же изъ державъ можетъ желать продолженія, хотя бы на одинъ лишній день, варварской бойни, дикаго опустошенія и

омерзительныхъ гнусностей совершаемыхъ Турками? Въ этомъ *кажется* всѣ требованія должны быть согласны.

Замѣчательно, однако, что Порта позволяетъ себѣ говорить тономъ побѣдителя и диктовать условія мира въ то время когда ея войска терпятъ пораженія, когда Сербы только что одержали побѣду подъ Алексинцемъ, когда Османъ-паша, сбитый съ позиціи, вынужденъ былъ оставить Зайчаръ, конечно спаливъ его, и когда въ то же время, на противоположной сторонѣ театра войны, Турки также сбиты съ позиціи новымъ предводителемъ Сербскихъ войскъ наДринѣ...

Наша статья ужь сдана была въ печать какъ мы получили телеграмму изъ Вѣны, излагающую взглядъ *Wiener Abendpost*, газеты слывущей официозною, на мирныя предложенія турецкаго правительства.

Есть нѣчто хуже дерзости стамбульскихъ условій: это посредничество Вѣны. Вѣнская официозная газета находитъ турецкія условія серіозными, и въ своей сердобольной заботѣ о турецкихъ христіанахъ, она дозволяетъ державамъ побесѣдовать между собою объ улучшеніи ихъ участи, безъ нарушенія конечно державныхъ правъ Порты, не внося оскорбительныхъ для ея достоинства гарантій по этому предмету въ самый *инструментъ* мира, то-есть въ международныя обязательства Порты...

Б.

Въ австро-венгерскія газеты, отъ 11-го сентября, константинопольскія телеграммы сообщаютъ содержаніе „гатта" новаго султана. Въ немъ выговаривается удержаніе великаго визиря и всѣхъ министровъ въ ихъ настоящихъ должностяхъ, установленіе національнаго совѣта, которому поручается разработка законовъ и надзоръ за исполненіемъ ихъ и контроль надъ финансами, обѣщается чиновникамъ что они не будутъ смѣняемы безъ особенно уважительныхъ причинъ, но умалчивается о реформахъ въ пользу *райевъ*. Что же касается Сербіи, Босніи и Герцеговины (о Черногоріи и о Болгаріи въ гаттѣ не упоминается), то „гаттъ" требуетъ принятія „рѣшительныхъ мѣръ, коими былъ бы положенъ конецъ кровопролитію между сынами того же отечества..."

На другой же день подоспѣла новая телеграмма, дополнившая эти свѣдѣнія. Всѣ бѣдствія Турціи, продажность ея судей, финансовое банкротство, отсталость ея промышленности и торговли,—все это, по мнѣнію „гатта," есть не иное что какъ результатъ несоблюденія *шери*, „того самаго основнаго религіознаго закона Турокъ," замѣчаетъ по этому поводу вѣнская *Presse*, „который проповѣдуетъ господство Ислама, порабощеніе *райевъ* и вообще истребленіе христіанства огнемъ и мечомъ..." Въ самомъ дѣлѣ, этимъ дополненіемъ объясняется многое что могло казаться загадочнымъ въ султанскомъ „гаттѣ," какъ напримѣръ „рѣшительныя мѣры" для прекращенія кровопролитія. Въ Болгаріи тоже приняты были и принимаются съ этою „миролюбивою" цѣлью „рѣшительныя мѣры:" стóитъ истребить все православное славянство, *et le combat finit faute de combatants*. Оно и просто и рѣшительно, да къ тому же и вполнѣ согласно съ законами турецкаго *шери*, а пожалуй и съ сокровенными надеждами нѣкоторыхъ дипломатій, притворно озабоченныхъ нынѣ дерзкимъ отказомъ Порты принять перемиріе предложенное ей шестью державами, изъ которыхъ каждой отдѣльно было бы весьма достаточно чтобы прогнать въ Азію всю Стамбульскую орду, съ ея гаремами, евнухами, софтами и баши-бузуками...

Не потому ли умалчивается въ „гаттѣ" о Болгаріи что именно въ ней это своего рода *примиреніе* уже считается „благополучно" оконченнымъ?

В.

На предварительномъ митингѣ въ Лондонскомъ Сити, предъ ожидаемымъ созваніемъ тамъ же публичнаго митинга, г. Мерриманъ, осуждая министровъ и британскаго посла въ Константинополѣ, между прочимъ, сказалъ: „Далѣе, по моему мнѣ-„нію національный характеръ нашъ позо-„рится тѣмъ что имя турецкаго паши зна-„чится въ нашемъ спискѣ. Гобартъ-паша „долженъ быть приглашенъ или отказать-„ся отъ своего положенія въ британскомъ „флотѣ, или отказаться отъ турецкаго па-„шалыка." Итакъ, пресловутый Гобартъ-паша, стерегущій теперь Критъ, продолжаетъ числиться на службѣ въ англійскомъ флотѣ!

Какъ же мы должны понять что въ Англійскомъ Парламентѣ позволили себѣ дѣ-

лать запросъ о генералѣ Черняевѣ и другихъ русскихъ офицерахъ вступившихъ въ Сербскую армію? Генералъ Черняевъ былъ въ отставкѣ когда отправился въ Сербію, и всѣ другіе русскіе добровольцы вступающіе въ ряды сербскаго воинства или, подобно ему, уже были въ отставкѣ, или жертвуютъ своимъ положеніемъ въ отечествѣ, уступая внушенію неудержимаго чувства. Это люди вполнѣ свободные ѣхать куда угодно, и наше правительство не имѣетъ повода и надобности подавлять благородные порывы своихъ подданныхъ. Но любопытно знать какимъ побужденіемъ руководится честный Англичанинъ за жалованье служащій баши-бузукамъ, и въ то же время продолжающій числиться на службѣ во флотѣ ея британскаго величества?

№ 228.

Москва, 6-го сентября.

А.

Съ театра войны приходятъ извѣстія одно другаго поразительнѣе. Князь Миланъ провозглашенъ королемъ, подписано перемиріе на десять дней, затѣмъ дальнѣйшая подробная депеша нашего корреспондента изъ Делиграда разказываетъ гдѣ и какъ совершилось провозглашеніе Милана королемъ Сербскимъ. Изъ сообщенія корреспондента нашего выходитъ что это было дѣломъ арміи, что въ Бѣлградѣ къ этому были не приготовлены. Можно подумать что этотъ торжественный актъ арміи является какъ бы протестомъ противъ переговоровъ о мирѣ. Въ то время когда Турки хотѣли бы умалить независимость Сербіи и усилить ея вассальныя отношенія къ Портѣ, Сербская армія провозглашаетъ полную независимость Сербіи и ея подчиненнаго Портѣ князя самостоятельнымъ государемъ. Кромѣ того, Сербская армія выражаетъ рѣшимость не полагать оружія до совершеннаго изгнанія Турокъ изъ Сербскихъ предѣловъ. Что должны мы заключить изъ этого факта? Онъ свидѣтельствуетъ намъ не только объ одушевленіи Сербской арміи, которое не покидало ея даже въ минуты неудачи, но что еще важнѣе—о ея укрѣпившейся увѣренности. Мы знаемъ что съ часу на часъ ожидалась рѣшительная битва. Сербскіе полководцы повидимому разчитываютъ на успѣхъ въ этой рѣшительной битвѣ. Еще прежде нашъ корреспондентъ сообщалъ намъ что Сербская армія исполнена наилучшаго духа, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ стойкость и опытность и находится подъ начальствомъ многихъ русскихъ офицеровъ. Къ этому присоединяется извѣстіе что Хорватовичъ занялъ Суповацъ въ тылу Турецкой арміи. Съ другой стороны, поспѣшность съ какою Турки, до сихъ поръ отвергавшіе всякую мысль о перемиріи, вдругъ согласились заключить его на десять дней, поспѣшность эта свидѣтельствуетъ что оно имъ гораздо нужнѣе чѣмъ Сербамъ.

Во всякомъ случаѣ перемиріе на десять дней не имѣетъ смысла. Когда перемиріе предлагалось державами и отвергалось Портой, то имѣлось въ виду прекратить напрасное кровопролитіе и дать время державамъ условиться между собою касательно положенія дѣлъ въ Турціи для чего необходимо перемиріе не на десять дней, а мѣсяца на два, на три. Въ десять дней столь же невѣроятно ожидать полнаго соглашенія Европы какъ и въ десять часовъ. Еслибъ это было возможно, то державы могли бы давнымъ давно уладить дѣло. Но безуспѣшность прежнихъ продолжительныхъ переговоровъ показываетъ что и теперь это дѣло потребуетъ гораздо болѣе десяти дней. Въ десять дней державы не столкуются для окончательнаго рѣшенія вопроса, и кровопролитіе возобновилось бы послѣ того. По прошествіи десяти дней, турецкая армія можетъ-быть выпуталась бы изъ неловкаго положенія. Странная судьба дипломатіи: всѣ ея усилія обращаются въ ущербъ сербамъ.

Б.

Сообщенная нами третьяго дня официальная депеша изъ Константинополя объ отвѣтѣ данномъ Портой на предложеніе державъ показываетъ что Порта не очень вѣритъ въ „единодушіе“ европейской дипломатіи. Весь вопросъ лишь въ томъ насколько Порта имѣетъ дѣйствительно дѣло съ единодушнымъ, безо всякихъ заднихъ мыслей, твердымъ рѣшеніемъ Европы, или же рядомъ съ официальными внушеніями умѣренности и смиренія, она втайнѣ подстрекается къ совершенно противоположному образу дѣйствій. Недавно мы приводили сообщеніе вѣнскаго корреспон-

дента *National-Zeitung*, за достовѣрность котораго послѣдній ручается, что сэръ-Генри Эллiотъ играетъ двуличную роль, и что его таинственному влiянiю, прикрываемому офицiальнымъ соглашенiемъ съ представителями прочихъ державъ, слѣдуетъ приписать то дерзкое упрямство которое внезапно стала обнаруживать Порта предъ „соединенною Европой."

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *National-Zeitung* находимъ новое письмо того же корреспондента, которое, по связи съ упомянутою телеграммой нашею изъ Константинополя, еще болѣе обнаруживаетъ присутствiе въ этомъ дѣлѣ закулисной игры. Тѣ самыя условiя мира которыя нынѣ офицiально заявлены Портой были сообщены заранѣе различными офицiозными корреспонденцiями. Притязанiя Порты возбудили всеобщее негодованiе, если о томъ судить по отзывамъ газетъ всѣхъ оттѣнковъ, за исключенiемъ развѣ тѣхъ которыя, потерявъ стыдъ и совѣсть, открыто объявляютъ себя органами турецкихъ интересовъ. И вотъ корреспондентъ *National-Zeitung*, въ письмѣ отъ 11 сентября, сообщаетъ что Порта поколебалась въ своей рѣшимости, и пользуясь тѣмъ что отвѣтъ ея сообщенъ покамѣсть лишь частнымъ образомъ представителямъ державъ, рѣшилась повременить передачей этого отвѣта и еще разъ обсудить дѣло прежде чѣмъ рѣшиться на столь важный шагъ. По этому поводу имѣлъ быть созванъ новый совѣтъ министровъ, въ которомъ, по словамъ корреспондента, Мидхатъ-паша надѣялся побудить своихъ товарищей-министровъ къ большей умѣренности. Но благiя намѣренiя Мидхатъ-паши не увѣнчались успѣхомъ и Порта рѣшилась бросить вызовъ цѣлой Европѣ. Неужели только потому что „либеральный" Мидхатъ не обладалъ достаточнымъ краснорѣчiемъ и убѣдительностью!.. Да и что побудило бы насъ усомниться въ сообщенiи берлинской газеты о двуличiи англiйской политики въ Константинополѣ? Англiйскiе митинги? Мы уже имѣли случай высказать нашъ взглядъ на этотъ „поворотъ въ общественномъ настроенiи Англiи," о которомъ такъ много толкуютъ въ послѣднее время, и который съ такимъ усердiемъ „капитализируютъ" въ свою пользу англiйскiя газеты. Мы отнюдь не сомнѣваемся въ добрыхъ намѣренiяхъ отдѣльныхъ личностей заявившихъ свое негодованiе противъ Турокъ и противъ теперешняго Британскаго правительства, равно какъ и въ нескромности многочисленныхъ слушателей рукоплескавшихъ ихъ рѣчамъ. Но не должно забывать что Англiя есть страна самой строгой политической дисциплины. Общественное движенiе, на видъ рѣзко оппозицiонное, иногда является какъ нельзя болѣе кстати и служитъ свою службу. И теперь всеобщiе протесты противъ турецкихъ звѣрствъ спасаютъ помраченную репутацiю Великобританiи. Но сколько бы ни толковали о реакцiи наступившей въ политикѣ самого правительства, которое будто бы не въ силахъ противиться движенiю общественнаго мнѣнiя, мы не видимъ никакихъ признаковъ перемѣны, если не считать таковыми извѣстiй объ „офицiальныхъ" усилiяхъ сэръ-Генри Эллiота въ Константинополѣ, остающихся, ко всеобщему удивленiю, гласомъ вопiющаго въ пустынѣ. Мы не знаемъ какого рода въ дѣйствительности были „усилiя" англiйскаго посла; но намъ извѣстна рѣчь лорда Дарби произнесенная имъ при прiемѣ депутацiй какъ разъ наканунѣ рѣшительнаго засѣданiя совѣта министровъ въ Константинополѣ, и нѣтъ сомнѣнiя что категорическое заявленiе британскаго министра что англiйскiй флотъ не будетъ отозванъ изъ Босфора подѣйствовало на турецкихъ министровъ сильнѣе всякихъ коллективныхъ настоянiй на словахъ и на письмѣ. Это не мы одни говоримъ. Въ полученномъ нами сегодня нумерѣ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, отъ 13-го сентября, та же самая мысль выражена со свойственною этому офицiозному органу дипломатическою сдержанностiю, но въ намекахъ весьма прозрачныхъ. Приводя разсказы англiйскихъ же газетъ о новыхъ злодѣянiяхъ совершенныхъ Турками на театрѣ войны и, такъ-сказать, на глазахъ всей Европы, названная газета говоритъ: „Въ „виду подобныхъ фактовъ ежедневно умно„жающихся, а не уменьшающихся, несмо„тря на увѣщанiя англiйскаго правитель„ства — *увѣщанiй которыя впрочемъ по „меньшей мѣрѣ, парализуются присут„ствiемъ англiйскаго флота въ Безикской „бухтѣ*—вопросъ *Quousque tandem?* съ „каждымъ днемъ настойчивѣе выступаетъ „предъ европейскими державами."

Въ другомъ мѣстѣ та же газета сообщаетъ весьма любопытное извѣстiе изъ Константинополя, отъ 9 сентября, что черезъ нѣсколько дней отправится въ Сред-

нюю Азію посольство чтобы заявить о восшествіи на престолъ новаго султана ханамъ Бухарскому, Хивинскому и Кашгарскому и для передачи султанскихъ подарковъ последнему изъ нихъ, который еще при Абдулъ-Азизѣ призналъ себя вассаломъ Турціи. Это извѣстіе *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* сопровождаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Завязываніе сношеній со средне-азіатскими ханами доказываетъ что Турція имѣетъ добрыхъ совѣтниковъ, ибо едва ли можно предположить „чтобы подобная мысль родилась въ турецкой головѣ...“

Вотъ какъ смотрятъ на роль которую до сихъ поръ разыгрываетъ Англія въ Константинополѣ благоразумные и ужъ конечно безпристрастные органы германской печати.

Совсѣмъ иное толкуютъ венгерскіе баши-бузуки. Они не только одобряютъ рѣшительный тонъ принятый ихъ забалканскими братьями, но стараются убѣдить мадьярскую публику что Порта дѣйствительно рѣшилась на борьбу со всею Европой и въ томъ числѣ противъ Англіи. „Турецкіе государственные люди,“ сказано въ сенсаціонной статьѣ газеты *Hon*, отъ 10 сентября, „приготовились къ тому „что европейскія державы попытаются вытѣснить Турокъ изъ Европы; но борьба „эта оставитъ по себѣ кровавые слѣды; „весь магометанскій міръ будетъ спущенъ „на Европу. Турки въ особенности угрожаютъ Англіи и въ случаѣ надобности разожгутъ всю силу магометанскаго фанатизма противъ англійскаго владычества въ „Индіи.“ Статья эта, по увѣренію пештскаго корреспондента *National-Zeitung*, внушена упомянутой газетѣ „самимъ“ генераломъ Клапкой, вернувшимся изъ Константинополя въ Пештъ для пропаганды въ пользу Турокъ. „Подобныя сказки,“ замѣчаетъ корреспондентъ, „принимаются „въ Венгріи серіозно, и ни одинъ благородный Мадьяръ пожалуй уже оттачиваетъ свою саблю дабы придти на помощь своимъ азіатскимъ братьямъ въ рѣшительный часъ ихъ расправы съ Европой.“

Охотно и мы повѣрили бы этой сказкѣ, и пусть бы „благородные Мадьяры“ оттачивали свои сабли на помощь мусульманскому нашествію, еслибы только, кромѣ этихъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, Турки не имѣли иныхъ явныхъ и тайныхъ друзей въ Европѣ.

№ 229.

Москва, 7-го сентября.

Сегодняшняя телеграмма изъ Вѣны утверждаетъ что извѣстія газетъ о провозглашеніи Сербскою арміей Милана королемъ Сербскимъ объявляются будто бы со свѣдущей стороны лишенными основанія. Свѣдущая сторона ошибается, фактъ провозглашенія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы получили о немъ извѣстіе независимо отъ вѣнскихъ газетъ. Еще третьяго дня намъ телеграфировалъ обо всемъ корреспондентъ нашъ изъ Землина, а вчера другой нашъ корреспондентъ, бывшій въ Делиградѣ самъ очевидцемъ событія, возвратясь въ Бѣлградъ, прислалъ намъ по телеграфу подробную реляцію о томъ какъ провозглашеніе совершилось.

Самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію, но иное дѣло значеніе этого факта.

Провозглашеніе, очевидно, было дѣломъ арміи. 4 сентября, къ генералу Черняеву явилась въ Делиградѣ депутація отъ всѣхъ сражающихся подъ его начальствомъ войскъ, и выразила желаніе провозгласить князя Милана королемъ Сербскимъ, въ знаменіе полной независимости Сербіи отъ Турціи. Главнокомандующій исполнилъ это желаніе, и послѣдовала описанная нашимъ корреспондентомъ сцена провозглашенія при всеобщемъ восторженномъ настроеніи. Вся армія тотчасъ послѣ того принесла присягу на вѣрность королю Милану. Но, какъ сказано, это было чисто дѣломъ арміи. Въ столицѣ Сербіи не только не раздѣляютъ одушевленія арміи, но смущены этимъ неожиданнымъ событіемъ. Сегодняшняя телеграмма изъ Землина утверждаетъ что провозглашеніе арміей Милана королемъ Сербскимъ произвело весьма тяжелое впечатлѣніе на сербскихъ политическихъ людей всѣхъ оттѣнковъ. Сербскіе политики, надо думать, смущены тѣмъ что контроль событій касающихся Сербской націи какъ бы вырывается изъ ихъ рукъ военными властями; они встревожены также несвоевременностью такого дѣйствія въ минуту переговоровъ съ державами, опасаясь что на нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности на Австрію, оно произведетъ дурное впечатлѣніе. Въ Бѣлградѣ, какъ кажется, хотятъ замять этотъ случай, умолчать его, todtschweigen. Эта противоположность настроенія была подмѣчена еще вчера на-

шимъ корреспондентомъ, который по прибытіи въ Бѣлградъ былъ удивленъ спокойствіемъ столицы, повидимому еще не знавшей, но собственно не *желавшей знать* о совершившемся 4 сентября въ Делиградѣ. Въ Бѣлградѣ даже не хотѣли принять на телеграфѣ депешу нашего корреспондента объ этомъ предметѣ, и онъ принужденъ былъ отправить свою телеграмму изъ Землина.

Далѣе, подтверждается что провозглашеніе совершилось какъ разъ наканунѣ перемирія, которое однако еще короче чѣмъ извѣщалось вчера, и заключено не на десять, а на восемь дней. Вѣнская телеграмма увѣдомляетъ что Порта предписала командующимъ войсками ограничиться соблюденіемъ оборонительнаго положенія, и что по увѣдомленіи о семъ князь Миланъ отдалъ такой же приказъ и предводителямъ сербскихъ войскъ. Итакъ, военныя дѣйствія пріостановлены на недѣлю, какъ разъ наканунѣ ожидавшихся рѣшительныхъ дѣйствій. Въ какомъ положеніи это кратковременное перемиріе застаетъ враждебныя войска, объ этомъ мы получили сегодня чрезъ Агентство Краевскаго весьма загадочныя депеши изъ Землина. Вчера намъ казалось что одушевленіе Сербской арміи свидѣтельствовало о ея увѣренности въ успѣхѣ неминуемо ожидавшагося рѣшительнаго столкновенія со врагомъ, и такой же увѣренности повидимому были исполнены и сербскіе полководцы. Основательность этого предположенія подтверждалась и затруднительнымъ положеніемъ турецкихъ силъ, стѣсненныхъ въ въ долинѣ лѣваго берега Моравы, и въ тылу коихъ Сербами только-что былъ занятъ Суповацъ. Дѣйствительно, одна изъ телеграммъ Агентства Краевскаго изъ Землина извѣщаетъ насъ сегодня что положеніе Турокъ предъ Алексинцемъ весьма плохое: они почти окружены сербскими войсками и питаются исключительно кукурузой собираемою съ полей; сообщеніе съ Нишемъ имъ отрѣзано. Наканунѣ перемирія Турки были разбиты и понесли большія потери въ жаркомъ дѣлѣ при Златниборѣ и Янковой Клиссурѣ. Все это конечно оправдываетъ увѣренность Сербовъ въ близкомъ успѣхѣ. Но въ то же время, тотъ же или другой корреспондентъ Агентства Краевскаго утверждаетъ что и положеніе арміи Черняева будто бы почти такое же отчаянное, ибо въ ней ощущается де недостатокъ въ ружьяхъ, пушкахъ и боевыхъ припасахъ, коихъ всего остается на 12—14 дней, да и то развѣ при избѣжаніи рѣшительныхъ операцій. Какимъ же образомъ армія въ такихъ условіяхъ можетъ быть исполнена того неподдѣльнаго и высокаго одушевленія о которомъ свидѣтельствовалъ нашъ корреспондентъ-очевидецъ? Которая изъ двухъ телеграммъ Агентства Краевскаго правдивѣе? Если же онѣ обѣ не были лишены основанія, то конечно рѣшительныя дѣйствія невозможны для обоихъ воюющихъ, и въ такомъ случаѣ державамъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ настаивать на перемиріи продолжительномъ, не обращая вниманія ни на прежнія, ни на новыя турецкія условія мира, о коихъ передаетъ парижская телеграмма бельгійской *Indépendance*.

Нашъ корреспондентъ подаетъ надежду что перемиріе будетъ продолжено. Надо желать также чтобы перемиріе было яснѣе опредѣлено, и чтобы воюющимъ было строго предписано державами соблюдать его. А пока и это перемиріе не соблюдается Турками, ихъ войска не только продолжаютъ стратегическія движенія, но и жечь деревни въ Алексинскомъ округѣ. Сербское правительство обращаетъ вниманіе представителей державъ на эти нарушенія. Не доказываетъ ли этотъ фактъ въ сотый разъ какъ давно пора дипломатіи отказаться отъ „деликатности“ въ отношеніи къ Портѣ, и заговорить съ нею инымъ языкомъ, то-есть твердо заявить ей волю Европы?

Но есть ли у Европы воля не переносить болѣе возмутительныхъ надъ нею насмѣшекъ Турокъ? Въ полученномъ сегодня *Times* есть донесеніе сэръ-Генри Эллліота въ отвѣтъ на телеграфный запросъ графа Дарби о неистовствахъ Турокъ въ Сербіи. Посолъ заявляетъ что британскій генералъ при Турецкой арміи сэръ-Арнольдъ Кемьаллъ доноситъ что „большіе грабежи совершаются турецкими иррегулярными войсками,“ противъ чего онъ сильно де протестовалъ, но что о насиліяхъ надъ женщинами или объ изуродованіи плѣнныхъ онъ, Кемболлъ, не имѣлъ свѣдѣній!! А вотъ что читаемъ въ телеграммѣ изъ Бѣлграда въ *Daily News*, тоже сегодня полученной:

„Дѣвица, которая была изнасилована и „изранена Турками, умерла въ Крушевацкомъ округѣ, гдѣ г. Виллирзъ, корреспондентъ *Graphic*, видѣлъ ее и слышалъ

„ея разказъ. Она несла пищу своему отцу въ Янковой Клиссурѣ, когда отрядъ „турецкой кавалеріи схватилъ ее. Двѣнадцать солдатъ совершили надъ нею гнуснѣйшее насиліе, и затѣмъ, какъ видно, „была сдѣлана попытка изрубить ее въ „куски. Большой кусокъ мяса былъ вырванъ у нея на спинѣ, оставивъ обнаженными мышцы и плечи. Другая широкая „зіяющая рана была на лѣвомъ плечѣ, „сдѣланная оружіемъ промахнувшимся по „головѣ, и еще ужасная рана ниже. Бѣдная дѣвочка лежала въ госпитальной кроватѣ на животѣ. Она была въ полномъ „сознаніи, и разказывала свою исторію „слабымъ голосомъ, но внятно, вполнѣ понимая свою близкую кончину.“

И въ то же время новая гроза виситъ надъ окровавленною и стонущею Болгаріей. Корреспондентъ той же лондонской газеты телеграфируетъ изъ Константинополя что въ Татаръ-Базарджикѣ и Филиппополѣ Турки грозятъ Болгарамъ новыми избіеніями въ скоромъ времени. „Мусульмане вооружены, христіане безоружны; я извѣстилъ объ этомъ фактѣ сэръ-Генри Эллiота,“ заключаетъ корреспондентъ. Вотъ какъ отвѣчаютъ Турки на громкія негодованія г. Гладстона съ товарищами. Они понимаютъ можетъ-быть лучше насъ что̀ значатъ эти протесты и увѣщанія лорда Дарби, Эллiота и генерала Кембалла.

По доколѣ же будетъ длиться эта мистификація *quasi*-согласной Европы, безсильной предъ баши-бузуками?...

№ 230.

Москва, 9-го сентября.

Полученныя сегодня берлинскія и вѣнскія газеты принесли намъ текстъ тѣхъ шести пунктовъ условій которыя выставлены Портой какъ основанія на коихъ она соглашается приступить къ переговорамъ о мирѣ, отказываясь въ то же время на отрѣзъ отъ всякаго формальнаго перемирія. На этомъ отказѣ Порта повидимому настаиваетъ до сихъ поръ, ибо позднѣйшее переданное намъ по телеграфу извѣстіе о „перемиріи“ на восемь дней въ сущности не есть перемиріе (armistice), а лишь боевая передышка (trêve d'armes), которую Турки вдобавокъ успѣли уже два раза нарушить. Упомянутые шесть пунктовъ переданы 16 сентября изъ Константинополя въ вѣнскую официозную *Политическую Корреспонденцію* текстуально. Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о заносчивости обуявшей Оттоманскую Порту, мы воспроизводимъ ихъ:

1) Облеченное достоинствомъ князя Сербскаго лицо (Порта, стало-быть, оставляетъ еще открытымъ вопросъ о князѣ Миланѣ) должно прибыть въ турецкую столицу для изъявленія своей покорности султану.

„2) Четыре сербскія крѣпости, охраненіе коихъ было ввѣрено князю Сербскому фирманомъ отъ 1283 года (1876 г.), но которыя *ab antiquo* принадлежали и принадлежатъ императорскому правительству, будутъ попрежнему заняты турецкими войсками, и въ этомъ отношеніи будутъ соблюдены вполнѣ постановленія протокола 8 сентября 1862 года.

„3) Сербскія милиціи упраздняются. Число войскъ необходимыхъ для поддержанія внутренняго спокойствія въ Княжествѣ не будетъ превышать 10.000 человѣкъ и 2 батарей.

„4) Согласно опредѣленіямъ фирмана 1249 года (1832 г.) Сербія будетъ обязана выслать обратно на родину всѣхъ переселенцевъ изъ сосѣднихъ турецкихъ провинцій, и, за исключеніемъ тѣхъ крѣпостей которыя существуютъ *ab antiquo*, всѣ позднѣе воздвигнутыя крѣпости въ Сербіи должны быть срыты.

„5) Если Сербія не будетъ въ состояніи немедленно уплатить военную контрибуцію, размѣръ которой будетъ установленъ, то количество оной будетъ возвышено на всю сумму причитающихся до полной уплаты процентовъ.

„6) Оттоманское правительство получитъ право соединить Бѣлградъ съ Нишемъ желѣзною дорогой, которую оно будетъ эксплуатировать чрезъ своихъ агентовъ и посредствомъ Турецкой компаніи.“

Эти шесть пунктовъ Порта выставляетъ въ мемуарѣ, коимъ они сопровождаются, какъ „единственное средство предотвратить повторенія теперешняго бѣдствія.“ Она считаетъ ихъ „необходимымъ послѣдствіемъ существующаго теперь положенія вещей *съ точки зрѣнія справедливости*,“ и „совершенно полагается на просвѣщенное сужденіе всѣхъ шести великихъ державъ.“

Этотъ замѣчательный документъ пере-

данъ державамъ, согласно тѣмъ же извѣстіямъ, въ понедѣльникъ, 18 сентября. Но это была лишь формальная передача; съ „просвѣщеннымъ же сужденіемъ державъ" Порта имѣла случай познакомиться ранѣе, такъ какъ требованія ея формулованы не сразу, и она довольно долго колебалась прежде чѣмъ рѣшилась выступить съ ними предъ лицо „соединенной" Европы. Каковъ будетъ офиціальный отвѣтъ на турецкія притязанія, и послѣдуетъ ли таковой коллективно отъ имени всѣхъ державъ—пока неизвѣстно. Но общественное мнѣніе высказалось почти единодушно. Мы не знаемъ ни одной газеты которая не отозвалась бы порицательно объ ослѣпленіи и заносчивости Турецкаго правительства. Даже *Neue Freie Presse*, которая попробовала было отстаивать „справедливость" турецкихъ требованій, перемѣнила затѣмъ тонъ и стала вторить общему хору.

Но если такъ, если общественное мнѣніе въ Европѣ съ такимъ замѣчательнымъ единодушіемъ высказалось противъ Турокъ, то въ этомъ казалось бы надо видѣть лишь доброе предзнаменованіе, и что чѣмъ болѣе ослѣплены Турки, и чѣмъ менѣе они замѣчаютъ готовящееся общее сопротивленіе Европы ихъ притязаніямъ, тѣмъ хуже для нихъ и тѣмъ лучше въ интересахъ Славянъ. Однако, въ дѣйствительности, дѣло далеко не обстоитъ такъ благополучно какъ кажется съ перваго взгляда.

„По надежнымъ извѣстіямъ идущимъ „изъ Константинополя, на англійскаго по„сла сэръ-Генри Эллiота должна пасть вся „отвѣтственность за упорство обнаружен„ное до сихъ поръ Портой," такъ телеграфируетъ, отъ 16 сентября, парижскій корреспондентъ *National - Zeitung*. Вотъ уже второй разъ встрѣчаемся мы съ этимъ изобличеніемъ англійской двуличной политики въ Константинополѣ, и признаемся что оно намъ представлялось несравненно болѣе вѣроятнымъ комментаріемъ къ турецкому упрямству нежели „внезапное ослѣпленіе" поразившее будто бы турецкихъ государственныхъ людей, или самоувѣренность внушенная будто бы имъ последними „блестящими" успѣхами турецкаго оружія. Подобно намъ, и *National-Zeitung* не придаетъ особеннаго значенія англійскимъ митингамъ. Газета эта замѣчаетъ что было бы весьма ошибочно думать что „при всемъ состраданіи къ южнымъ Славянамъ Англичанинъ забудетъ „высчитывать пользу которую онъ можетъ „извлечь отъ Турка, и бросить его въ „Мраморное Море... Г. Гладстонъ," продолжаетъ та же газета, „рекомендуетъ „Англіи идти рука объ руку съ Россіей „и восклицаетъ: „„Честь и слава странѣ, „„кто бы она ни была, которая возьметъ „„на себя умиротвореніе Балканскаго по„„луострова."" Но еслибы завтра этимъ „*кто* оказалась Россія, то мы весьма „склонны думать что другіе 12.000 слу„шателей стали бы очень выразительно „поддакивать другому оратору въ Блак„гедѣ, который говорилъ бы въ пользу „Турціи." Лондонскій корреспондентъ той же газеты также предваряетъ противъ мнѣнія будто митинги доказываютъ что общественное мнѣніе въ Англіи приняло направленіе діаметрально-противоположное политикѣ правительства по Восточнымъ дѣламъ, „хорошо знакомому съ англій„скими порядками," замѣчаетъ онъ, „из„вѣстно что проявляющееся тотчасъ мо„гучее общественное настроеніе далеко не „всегда отражаетъ въ себѣ то что въ дѣй„ствительности существуетъ." Онъ припоминаетъ что предъ Крымскою войной императоръ Николай былъ введенъ въ заблужденіе устроенными въ то время отъ Манчестерской школы и Лиги Мира общественными демонстраціями противъ Турціи.

И не одна Англія, до сихъ поръ держащая свой флотъ близь Константиполя и имѣющая тамъ своимъ представителемъ вожака баши-бузуковъ, возбуждаетъ въ благоразумныхъ людяхъ справедливое недовѣріе ко всему что выдается за измѣнившуюся политику относительно Турціи. Поговариваютъ и объ интимныхъ отношеніяхъ установившихся въ послѣднее время между австрійскимъ посломъ, графомъ Зичи, и турецкими государственными людьми. Это сближеніе нѣкоторые корреспонденты выставляютъ какъ военную хитрость со стороны Турціи съ тою будто бы цѣлью чтобы разстроить тройственный союзъ. Есть еще другія болѣе важныя и позднѣйшія указанія по коимъ можно заключить что въ „военной хитрости" со стороны Турціи не было надобности. Такъ изъ Вѣны сообщаютъ въ берлинскія газеты, отъ 16 сентября, что графъ Андраши, получивъ свѣдѣніе о мирныхъ условіяхъ заявленныхъ Турціей, *поздравилъ* предста-

вителя Турціи по поводу *умѣренности* выказанной его правительствомъ, такъ какъ оно отказалось отъ первоначально заявленнаго требованія о смѣщеніи князя Милана. Вѣнскія офиціозныя газеты, какъ напримѣръ *Wiener Abendpost*, хотя также возстаютъ противъ требованія Турціи о занятіи Сербскихъ крѣпостей (главнымъ образомъ потому что такое занятіе несогласно съ торговыми интересами Австріи), однако не отвергаютъ ихъ вовсе и не возмущаются наглостью этихъ требованій. *Wiener Abendpost* хлопочетъ только о томъ чтобы не была забыта пресловутая нота графа Андраши, и чтобы реформы въ ней предложенныя и принятыя тогда въ принципѣ Турціей, но о коихъ ни однимъ словомъ не упомянуто въ новѣйшемъ турецкомъ меморандумѣ, были включены въ будущій „инструментъ" мира. Наконецъ, и это всего знаменательнѣе, Австрія одна не пристала къ дипломатическому дѣйствію предпринятому на дняхъ всѣми великими державами, настаивающими предъ Турціей о необходимости формальнаго перемирія и возлагающими на нее всѣ могущія для нея возникнуть послѣдствія отказа отъ перемирія.

Есть еще одно не менѣе важное указаніе: Берлинскія газеты сообщаютъ что Россія въ концѣ прошедшей недѣли заявила европейскимъ державамъ что если вновь предпринятые коллективные шаги снова встрѣтятъ сопротивленіе со стороны Порты, то Россія вынужденною найдется одна выступить противъ Порты. Заявленіе это считается основаннымъ на статьѣ VIII Парижскаго трактата, въ силу коей держава предъ разрывомъ съ Портой обязывается предварительно довести о томъ до свѣдѣнія великихъ державъ, дабы дать послѣднимъ возможность употребить въ дѣло свое посредничество. Берлинская печать обсуждаетъ это извѣстіе какъ несомнѣнный фактъ. Очевидно что наступила важная перемѣна.

Нельзя не порадоваться этой перемѣнѣ развязавшей руки Россіи въ рѣшительную минуту. Россія отнынѣ будетъ дѣйствовать самостоятельно, по собственнымъ побужденіямъ и рѣшеніямъ, обезпеченная въ добрыхъ къ ней отношеніяхъ Германіи

Какъ прежде, такъ и нынѣ Германія не имѣетъ интересовъ которые могли бы поставить ее въ прямое противорѣчіе съ Россіей. Германія остается въ несомнѣнно дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи, которыя становятся и могутъ стать еще тѣснѣе. Таковъ результатъ миссіи генерала Мантейфеля въ Варшаву.

№ 231.

Москва, 10-го сентября.

„Наконецъ, блеснулъ лучъ мира," восклицаетъ газета *Times*, въ полученномъ сегодня нумерѣ, по поводу извѣстія о согласіи данномъ Портой на кратковременную пріостановку военныхъ дѣйствій. Правда, сама же эта лондонская газета находитъ что промежутокъ слишкомъ коротокъ, но она полагаетъ вѣроятнымъ что перемиріе будетъ продолжено, и что тѣмъ временемъ державы убѣдятъ Порту что „миръ есть для нея единственный исходъ изъ опасностей неизмѣримо бо́льшихъ чѣмъ опасности войны съ вассальнымъ владѣніемъ."

Очень желали бы мы раздѣлять эти надежды органа Лондонскаго Города, но, къ сожалѣнію, телеграммы послѣднихъ дней, опередившія приведенное сужденіе, внушаютъ большія сомнѣнія, и подтвержденіе этихъ сомнѣній мы находимъ въ той же самой статьѣ *Times*, нещадно изобличающей неискренность англійскихъ министровъ. По поводу движенія въ Англіи, которое обнаруживается на публичныхъ митингахъ и требуетъ чтобы Англія не поддерживала болѣе Турціи, — движенія, которымъ, какъ жалуются приверженцы нынѣшняго министерства, будто бы парализуется вліяніе Англіи,—газета *Times* замѣчаетъ: „Лордъ Дарби могъ бы одною „рѣчью умирить бурю еслибъ онъ осу„дилъ съ неподдѣльною искренностью за„коренѣлое злоуправленіе Турціи, и объ„явилъ бы что употребитъ все вліяніе „Англіи для обезпеченія христіанамъ Бос„ніи, Герцеговины и Болгаріи столь об„ширной мѣры самоограждeнія какая толь„ко можетъ быть допущена при поддержа„ніи остова *(framework)* Турецкой импе„ріи. Пусть онъ скажетъ это откровенно, „ясно, рѣшительно, и ему нечего будетъ „жаловаться что страна отказывается до„вѣрять правительству. Но онъ говорилъ „холодно, или вовсе не говорилъ, о неправ„дѣ претерпѣваемой христіанскими поддан„ными Турціи; онъ самымъ неблаговиднымъ

„образомъ извинялъ поведеніе Порты; и „слишкомъ много правды въ обвиненіи „г. Гладстона что *Синяя Книга* указы-„ваетъ на очевидное сочувствіе съ какимъ „лордъ Дарби перечисляетъ всѣ затруд-„ненія возбуждаемыя Австріей противъ „административной независимости Босніи „и Герцеговины.“ Въ заключеніе, *Times* убѣждаетъ англійскихъ министровъ что нѣтъ другаго способа дать полный ходъ вліянію Англіи какъ согласиться съ мнѣніемъ своего народа прежде чѣмъ пытаться придти къ соглашенію съ иностранными государствами.

Итакъ, изъ словъ вліятельной лондонской газеты выходитъ что нынѣшнее Англійское правительство въ данную минуту не выражаетъ мнѣнія страны, и газета *Times* даже оправдываетъ недовѣріе государственныхъ людей Европы къ дѣйствіямъ Англійскаго правительства встрѣчающимъ столь сильный протестъ въ самой Англіи.

Но какимъ образомъ возможно что англійскіе министры дѣйствуютъ наперекоръ мнѣнію своей страны? Въ настоящую минуту, говоритъ *Times*, они властвуютъ надъ положеніемъ; Парламентъ закрытъ, шумные публичные митинги могутъ только принимать резолюціи, а большинство въ Палатѣ Общинъ за министровъ. Все это такъ. Но въ иностранныхъ дѣлахъ министры не руководятся своими личными желаніями, а проводятъ такъ или иначе понимаемую ими политику страны, имѣя въ виду ея интересы. Если они измѣняютъ или вредятъ этимъ интересамъ, хотя бы ложнымъ пониманіемъ ихъ, несогласнымъ съ мнѣніемъ страны, то имъ придется дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Однако мы видимъ что нынѣшнее министерство отнюдь не боится быть въ отвѣтѣ, и несмущенно продолжаетъ дѣйствовать попрежнему, въ одно время съ протестами противъ его поступковъ. Не доказываетъ ли это что въ протестахъ либеральныхъ митинговъ есть нѣчто неискреннее, и что въ сущности они не только не стѣсняютъ политики правительства, но напротивъ помогаютъ ей. При помощи ихъ достигается двоякая цѣль: съ одной стороны эти шумные митинги, какъ признался канцлеръ казначейства въ рѣчи произнесенной имъ въ Эдинбургѣ, весьма полезны, указывая что „Англія не руководится чувствомъ простаго эгоизма,“ а съ другой стороны правительство продолжаетъ себѣ исключительно заботиться объ отдаленныхъ цѣляхъ всегдашней англійской политики. Ему нѣтъ ни малѣйшей надобности смущаться резолюціями митинговъ, проповѣдями нѣкоторыхъ священниковъ и филантропическими рукоплесканіями нѣкоторыхъ въ самомъ дѣлѣ искреннихъ ораторовъ, когда въ то же время всѣ вліятельныя лица оппозиціи прямо заявляютъ что министры могутъ быть спокойны за свои мѣста, и что оппозиція далека отъ намѣренія свергнуть ихъ въ настоящую минуту. Для оппозиціи очевидно выгоднѣе чтобы при настоящихъ обстоятельствахъ прежнюю политику виговъ относительно Турціи проводило торійское министерство, между тѣмъ какъ либералы отстаиваютъ „честь Англіи“ отъ нареканій шумными протестами которые приводятъ въ недоумѣніе всю Европу. Выходитъ такъ что на словахъ, то-есть на шумныхъ митингахъ, Англія изъявляетъ сочувствіе христіанамъ Востока и негодуетъ на Турокъ, а на дѣлѣ всячески помогаетъ и потворствуетъ Туркамъ въ ихъ неистовствахъ противъ христіанскихъ населеній.

Но вотъ, послѣ нѣкотораго молчанія, заговорилъ самъ оракулъ нынѣшняго кабинета—благородный графъ Биконсфильдъ... Что же новаго услышали мы въ словахъ его переданныхъ намъ вчера по телеграфу? Вопервыхъ, вопреки прямымъ заявленіямъ вождей оппозиціи, лордовъ Гранвиля и Гартингтона и самого г. Гладстона, премьеръ прикидывается что видитъ въ ихъ протестахъ маневръ партіи, „вредный для интересовъ Англіи и для поддержанія мира.“ Но никакого намека на перемѣну политики или взглядовъ правительства; напротивъ, первый лордъ казначейства повторяетъ намекъ, сказанный имъ прежде въ Парламентѣ, на какія-то тайныя общества въ коихъ якобы все зло, и въ заключеніе указываетъ что Англія возвращается теперь къ положенію принятому ею до войны, съ тѣмъ чтобъ установить соглашеніе между державами касательно улучшенія быта христіанъ Турціи. Но отчего же Англія не искала прежде этого соглашенія? Въ то время когда Россія энергически старалась предотвратить сербско-турецкое столкновеніе, лордъ Дарби находилъ въ своихъ депешахъ кровопусканіе не излишнимъ, въ разчетѣ что послѣ обѣ стороны умѣрятъ свои претензіи. А теперь находятъ ли англійскіе министры

кровопусканіе достаточнымъ? Изъ ихъ словъ видно только что въ сущности имъ весьма мало нужды до удовлетворительнаго положенія христіанъ, и что вся ихъ заботливость сосредоточена на неприкосновенности нынѣшняго положенія Турціи, якобы нужнаго для какихъ-то англійскихъ интересовъ...

Вотъ еще тому доказательство. Телеграфъ извѣщаетъ о появленіи въ свѣтъ доклада г. Беринга о злодѣяніяхъ въ Болгаріи. Онъ, какъ извѣстно, былъ посланъ вслѣдствіе негодованія возбужденнаго въ самой Англіи корреспонденціями газеты *Daily News*. Самъ англійскій посолъ теперь объявляетъ негодованіе справедливымъ, ибо докладъ г. Беринга находитъ „подавленіе возстанія" самымъ безчеловѣчнымъ, такъ какъ за одного виновнаго пострадали 50 невинныхъ. Турокъ было убито только 200, а христіанъ до 12.000. Поэтому г. Берингъ требуетъ... примѣрнаго наказанія двухъ чиновниковъ Порты отвѣтственныхъ за рѣзню и между тѣмъ награжденныхъ правительствомъ. И только! Вотъ мѣра негодованія Англіи. Между тѣмъ, въ отчетѣ г. Скайлера упоминаются по крайней мѣрѣ еще два высшіе агента, столь же виновные и также награжденные Портой, да еще одинъ изъ нихъ сопровождалъ г. Беринга въ его объѣздѣ. Впрочемъ требуется не столько наказаніе трехъ или четырехъ чиновниковъ, а существенное измѣненіе самаго положенія Болгаріи и прекращеніе неистовствъ и понынѣ продолжающихся тамъ.........

Все это убѣждаетъ насъ въ безнадежности искать соглашенія съ Англіей, и мы не желали бы вѣрить сегодня вѣнской телеграммѣ сообщающей свѣдѣніе появившееся въ *Политической Корреспонденціи* о томъ что державы опять будутъ дѣйствовать сообща, и притомъ на основаніи англійскихъ предложеній. Будемъ надѣяться что держава дѣйствительно желающая спасти христіанъ на Востокѣ не будетъ болѣе дожидаться соизволенія Англіи, а предъявитъ Портѣ неопровержимые аргументы. Тогда по крайней мѣрѣ мы увидимъ насколько искренни протесты англійской оппозиціи, и рѣшится ли лордъ Биконсфильдъ поддерживать противодѣйствіе Порты справедливымъ требованіямъ другихъ державъ, и такимъ образомъ открыто предъ всѣмъ свѣтомъ выступить патрономъ башп-бузуковъ.

№ 232.

Москва, 11-го сентября.

А.

Теперь мы имѣемъ отзывы почти всѣхъ главнѣйшихъ органовъ европейской печати объ условіяхъ мира измышленныхъ совѣтниками Порты. Вчера мы сообщили мнѣніе англійской *Times*. Очередь за органами германской печати. Вотъ что говоритъ по этому поводу важнѣйшій органъ ея, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, слова которой въ извлеченіи уже сообщены намъ телеграфомъ: „Порта простымъ невниманіемъ къ важнѣйшимъ касающимся Восточнаго вопроса пунктамъ и безмѣрными требованіями относительно Сербіи идущимъ вспять къ *status quo* 1857 года бросаетъ перчатку державамъ, освобождая ихъ отъ всѣхъ условій которыя онѣ еще считали нужнымъ соблюдать относительно Порты изъ политическихъ причинъ и политической деликатности." Въ томъ же смыслѣ выражается итальянскій офиціозный органъ *Diritto*. Вотъ его слова: „Мы полагаемъ что условія на которыхъ Порта изъявляетъ готовность къ заключенію мира невозможны. Миръ при этихъ условіяхъ былъ бы не миромъ, но постояннымъ поддержаніемъ военнаго положенія; онъ былъ бы ухудшеніемъ положенія вещей создавшаго настоящую войну. Вмѣсто того чтобы привести спокойствіе на Востокѣ, онъ создалъ бы новые поводы къ нарушенію тишины." Граціозною неловкостью отличаются рѣчи австрійскихъ газетъ по поводу тѣхъ же мирныхъ условій. „Пароль Австріи," такъ телеграфируютъ изъ Вѣны въ *Пештскій Ллойдъ*, „гласитъ что условія мира предложенныя Портой не могутъ быть приняты, хотя могутъ быть обсуждаемы (unannehmbar aber diskutirbar), и что миръ можетъ быть заключенъ только на основаніи обезпеченной реформы." Въ этомъ смыслѣ офиціозная *Wiener Abendpost* выражается такъ: „Формулованными Портой условіями мира мирная миссія предпринятая европейскими державами получила первое конкретное основаніе; очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ серіозными предложеніями, но нельзя сомнѣваться что они не могутъ быть прямо приняты, и что умѣряющему и поправляющему вліянію кабинетовъ остаст-

ся еще много дѣла; по меньшей мѣрѣ можно покуда замѣтить что формулованіе Портой условій чрезвычайно не полно. По всему вѣроятію, ручательства которыя вынуждена будетъ дать Порта относительно улучшенія судьбы христіанскаго населенія въ возставшихъ провинціяхъ, то-есть исполненія реформаторской ноты графа Андраши отъ 30 декабря прошлаго года, займутъ свое мѣсто въ мирныхъ переговорахъ." Яснѣе выражается другой офиціозный органъ Австрійскаго правительства, *Fremdenblatt*. „Мирныя условія предложенныя Портой," говоритъ эта газета, „всѣми кабинетами признаются невозможными какъ основаніе для мира, а потому не можетъ быть допущено и обсужденіе частностей. Вслѣдствіе этого восточныя дѣла вступили въ критическую, рѣшительную фазу. Державамъ, съ Англіей во главѣ, ничего не оставалось дѣлать какъ потребовать пріостановки военныхъ дѣйствій какъ въ Сербіи и Черногоріи, такъ и въ возставшихъ провинціяхъ. Слѣдствія отклоненія этихъ требованій понесетъ одна Турція. Она должна знать что если Россія вынуждена будетъ приступить къ дѣйствіямъ, то Турція не можетъ разчитывать на поддержку Англіи. Можно надѣяться на мирный оборотъ дѣлъ собственно потому что Турція отказывается отъ дальнѣйшаго наступленія на Сербію (?). Пункту турецкихъ условій относительно проведенія желѣзной дороги здѣсь придаютъ значеніе, но предполагаемая къ построенію линія отнюдь не предполагается какъ турецкая съ турецкимъ управленіемъ или какъ пополненіе турецкой сѣти желѣзныхъ дорогъ. Сербія должна сама выстроить эту дорогу, а если она окажется для этого слабою, то съ австрійской стороны не замедлитъ вмѣшательство и помощь." Франція только жалуется на свое безсильное и униженное положеніе: „Общественное мнѣніе, говоритъ *Temps*, въ высшей степени возбуждено событіями которыя происходятъ или предстоятъ на Востокѣ, но еще болѣе тѣмъ что происходитъ по поводу этихъ событій въ Европѣ, и особенно въ Англіи. Теперь особенно болѣзненно чувствуемъ мы лишенную значенія роль до которой довела насъ внутренняя и внѣшняя политика второй имперіи, и которую мы теперь вынуждены играть въ Восточномъ вопросѣ. Мы не простили бы нынѣшнему правительству нашему еслибъ оно, по тщеславію или легкомыслію, довело насъ до какого-либо столкновенія; напротивъ, вѣрный инстинктъ самосохраненія говоритъ намъ что Франціи въ ея настоящемъ положеніи не слѣдуетъ предаваться тѣмъ бурнымъ изъявленіямъ общественнаго мнѣнія которыя приносятъ честь сосѣднимъ народамъ. Мы, конечно, думаемъ о Туркахъ, о способѣ ихъ дѣйствій въ Болгаріи, о призваніи ихъ управлять и цивилизовать христіанскихъ подданныхъ, точно также какъ думаютъ объ этомъ по ту сторону Альпъ, за каналомъ или въ Россіи; но менѣе чѣмъ всѣ другіе мы имѣемъ право громко заявлять объ этомъ, по той простой причинѣ что намъ не достаетъ къ тому нужнаго авторитета. Что такая сдержанность не лестна для національной гордости, никто не станетъ оспаривать, но не менѣе для каждаго разсуждающаго человѣка ясно что мы въ виду настоящаго положенія, предписаннаго намъ необходимостью, и въ виду нашего достоинства, не можемъ заявлять высшихъ притязаній. Но это отчужденіе должно и можетъ быть только преходящимъ. Мы должны и можемъ стремиться къ тому чтобъ играть активную роль въ европейскихъ дѣлахъ. Намъ кажется даже что этотъ день не далекъ, и чтобъ онъ наступилъ требуются двѣ причины. Первая—это ясно каждому простому человѣку—чтобы насъ не затрудняли ничѣмъ для приведенія нашей военной силы въ прежнее положеніе. Вторая, не менѣе необходимая и не менѣе затруднительная, хотя слишкомъ часто забываемая, есть та чтобы сама нація старалась пріобрѣсти тѣ качества которыя придаютъ ей моральный авторитетъ. Въ разумѣ и благородныхъ чувствованіяхъ у насъ никогда не было недостатка, и они привлекали къ намъ симпатіи или благодарность народовъ; теперь же мы должны развитіемъ политическихъ доблестей, въ собственномъ смыслѣ этого слова, усвоить себѣ практическій взглядъ, умѣренность, выдержку и уваженіе къ учрежденіямъ...." Увы! мы не видимъ чтобы практическій смыслъ и политическое разумѣніе пріобрѣтали силу во Франціи.

На этомъ мы оканчиваемъ выписки изъ иностранныхъ газетъ о турецкихъ условіяхъ мира.

А что собственно побудило Порту предложить пріостановку военныхъ дѣйствій, это объясняетъ константинопольская те-

леграмма вѣнской *Deutsche Zeitung*: „пріостановленіе военныхъ дѣйствій послѣдовало собственно потому что *Порта боялась что Россія объявитъ войну если перемиріе будетъ отвергнуто*.“

Въ этомъ простомъ обзорѣ мнѣній мы умышленно воздерживались отъ всякихъ съ своей стороны замѣчаній чтобы виднѣе выступила несостоятельность того что̀ называется Европой. Нынѣшнія событія показываютъ что̀ значитъ и чего сто̀итъ этотъ столь общеупотребительный терминъ. Европа есть отвлеченность. Гдѣ Европа что-либо гарантируетъ тамъ никто ничего не гарантируетъ; гдѣ Европа якобы дѣйствуетъ, тамъ никакого дѣйствія не происходитъ. Европа есть идея, а не сила рѣшающая и дѣйствующая. Ссылка на Европу въ дипломатическихъ актахъ есть или пустая фраза, или обманъ; рѣшаютъ и дѣйствуютъ живыя силы, народы и государства. Пора кончить это странное самообольщеніе именуемое Европейскимъ дѣйствіемъ; пора живой силѣ выступить изъ тумана. Державы связывали одна другую, парализуя себя взаимно, и вотъ при совершенномъ бездѣйствіи могущественнѣйшихъ силъ міра, ничтожество пріобрѣтаетъ силу и творитъ свою волю, посмѣиваясь надъ такъ-называемою Европой. Потребовать Турцію къ отвѣту можетъ не Европа, а одна изъ державъ ея. А если наступила пора дѣйствовать, то кому же какъ не Россіи?...

Б.

Газета *Кавказъ*, „заранѣе увѣренная въ томъ что мы не обратимъ на нее вниманія, „не перепечатаемъ ея объясненія“ съ нами относительно турецко-русской границы, отчасти ошиблась. Оставляя въ сторонѣ неудачно приведенный газетой эпиграфъ изъ Горація, мы на этотъ разъ посмотримъ что̀ хочетъ сказать этотъ русскій, не лишенный офиціальнаго значенія, органъ, который по своему положенію долженъ быть зоркъ къ тому что̀ дѣлается на нашей азіятской границѣ съ Турціей.

Пользуясь случаемъ что разглашенные петербургскими газетами слухи о загадочныхъ убійствахъ въ Закавказьѣ оказались невѣрными, *Кавказъ* не допускаетъ даже ихъ возможности. Фанатической агитаціи на нашихъ границахъ съ Турціей нѣтъ, говоритъ газета; да такой агитаціи и быть не можетъ, хочется сказать ей...

Мы говорили что по обѣ стороны нашей границы съ Турціей во многихъ мѣстахъ живутъ сплошныя массы магометанскаго населенія, гдѣ легко можетъ найти себѣ пріютъ и пособіе разбойничество подъ личиной фанатизма. Мы указывали что изъ Малой Азіи выведены противъ Черногоріи и Сербіи всѣ регулярныя турецкія войска; вслѣдствіе чего администрація въ этомъ краѣ, и безъ того плохо управлявшемся, лишена дѣйствительной власти. Мы говорили что это состояніе полнаго безначалія въ пограничномъ съ нами краѣ, *при настоящихъ обстоятельствахъ*, можетъ угрожать спокойствію нашихъ населеній. Мы полагали что слѣдовало бы оградить нашу азіятскую границу отъ случайностей грозящихъ ей вслѣдствіе пренебреженія Портой своихъ обязанностей...

А кавказская газета величественно указываетъ намъ на таможенную стражу, на пикеты да кордоны.

Забывъ о развѣвающемся зеленомъ знамени Пророка, объ истребленіи десятковъ тысячъ христіанъ послѣдователями Ислама, *Кавказъ* говоритъ намъ что именно для охраненія границъ отъ турецкихъ бродягъ и разбойниковъ, а также для наблюденія за контрабандистами существуетъ *съ незапамятныхъ временъ* кордонная линія и таможенная стража, а для разбора жалобъ пограничныхъ жителей особые коммиссары, о существованіи коихъ *Московскія Вѣдомости* не имѣютъ де ни малѣйшаго понятія...

Каемся что мы, въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ, не положились, какъ *Кавказъ*, на существующую съ незапамятныхъ временъ таможенную стражу и пикеты...

Но газета, забывъ что опровергаетъ насъ, говоритъ: „появленіе Турокъ и персидскихъ разбойниковъ въ предѣлахъ Закавказскаго края для насъ не диковинка: это случается весьма часто... Персидскіе и турецкіе кочаги какъ прежде, такъ и теперь, врываются въ Закавказье съ цѣлію грабежа и воровства.“ Мы знали это, и припоминали еще недавнюю упорную борьбу здѣсь магометанства съ Россіей и въ виду нынѣшняго положенія Турціи гальванизуемой фанатизмомъ и англійскими деньгами предполагали нѣчто недоброе. Но для близорукой газеты это не имѣетъ значенія.

Для нея не можетъ имѣть значенія и религіозная пропаганда турецкихъ эмис-

саровъ, проповѣдь коихъ стоила столькихъ лѣтъ Кавказской войны.

Признавая что „бродячіе муллы-фанатики и разнообразные дервиши тоже не рѣдкость“ въ Закавказскомъ краѣ, соглашаясь что „муллы и дервиши посѣщаютъ деревни и кочевья населенныя поклонниками Пророка, для распространенія въ народѣ разныхъ нелѣпостей,“ газета считаетъ ихъ безопасными, и свидѣтельствуетъ что *на нихъ, откровенно говоря, никогда не обращалось особеннаго вниманія*.

Невольно пожмешь плечами отъ такой откровенности... Неужели нужна болгарская рѣзня или появленіе новаго Шамиля для убѣжденія въ необходимости предосторожности?

№ 234.

Москва, 13-го сентября.

Сегодня истекъ срокъ кратковременнаго перемирія, и военныя дѣйствія возобновляются, если Сербы не согласятся принять новую милость Порты даруемую имъ въ видѣ шестидневнаго перемирія. Таковъ результатъ „уступки“ которая была де исторгнута у Порты англійскою дипломатіей.

Англійское правительство, оправдываясь отъ нападокъ направляемыхъ на него въ его собственной странѣ, ставило это себѣ въ особую заслугу, указывая что оно такимъ образомъ болѣе чѣмъ всякая иная держава сдѣлало въ пользу мира. Утверждали также что теперь всѣ державы согласно дѣйствуютъ на основаніи англійскихъ предложеній.

Извѣстно что при самомъ началѣ посредничества державъ, Россія прежде всего настаивала на формальномъ перемиріи на два или три мѣсяца, прежде всякаго постановленія мирныхъ условій, которое не могло не потребовать болѣе или менѣе продолжительнаго обсужденія и переговоровъ, причемъ необходимо принять во вниманіе не однѣ воюющія стороны, а также положеніе Босніи, Герцеговины и Болгаріи. Такой планъ былъ самый разумный, но Турція воспротивилась. Почему же Англія, въ интересахъ мира, не сочла нужнымъ поддержать предложеніе Россіи? Единственно потому что этимъ было бы сдѣлано нѣкоторое давленіе на Порту, тогда какъ согласіемъ на восьмидневную отсрочку военныхъ дѣйствій Порта, какъ бы по собственной волѣ, дѣлала уступку желаніямъ державъ. Для практической цѣли прекращенія кровопролитія, обстоятельство это могло казаться не такъ важнымъ, но оно указываетъ на продолжающійся коренной антагонизмъ во взглядахъ, дѣлающій безнадежнымъ искреннее согласіе между всѣми державами, о коемъ телеграммы послѣднихъ дней такъ много толковали.

Англія заботится о формальностяхъ въ переговорахъ съ Турціей, охраняетъ ея достоинство и вообще дипломатически трактуетъ ее не какъ только терпимое зло, а какъ независимое и равноправное государство. Она не желаетъ чтобы нынѣшнія замѣшательства разрѣшились какими-либо выгодами для славянскихъ населеній Турціи, и эта цѣль тѣмъ скорѣе будетъ достигнута, съ сохраненіемъ декорума, чѣмъ болѣе дипломатія будетъ церемониться съ Портой. При такомъ обращеніи съ нею, всякое предложеніе, всякая практическая мѣра на пользу христіанъ встрѣчаетъ пассивное противодѣйствіе, и англійская дипломатія еще восхваляетъ умѣренность Порты что она соглашается на нѣкоторыя уступки. Но если Англіи угодно чтобы дипломатія разыгрывала такую роль предъ Турціей, то что̀ же можетъ побудить къ столь унизительному и недостойному положенію другія державы, принявшія на себя посредничество между Портой и христіанами?

Вопросъ о посредничествѣ заключается именно въ этомъ пунктѣ. Нельзя забывать что война Сербовъ и Черногорцевъ противъ Турціи есть результатъ ужаснаго положенія сосѣднихъ и одноплеменныхъ съ ними христіанъ. Прекратить только эту войну и бросить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи было бы безуміемъ, было бы преступленіемъ. А именно относительно серіозныхъ мѣръ въ пользу этихъ провинцій и можно ожидать рѣшительнаго сопротивленія Порты. Корреспондентъ *Times*, сообщаетъ изъ Константинополя что англійская дипломатія поддерживаетъ сопротивленіе Порты всякимъ требованіямъ автономіи для христіанскихъ провинцій. Да это прямо говоритъ и самъ глава нынѣшняго британскаго кабинета. Не сказалъ ли онъ что учрежденіе славянскихъ государствъ невозможно и можетъ повести только къ великой войнѣ?

Рѣчь лорда Биконсфильда, какъ видно

изъ текста ея въ полученныхъ сегодня газетахъ, еще гораздо возмутительнѣе чѣмъ можно было судить по телеграфному сообщенію. Съ Сербіей англійскій министръ не церемонится какъ съ Турціей. Объявленіе ею войны онъ находитъ „гнуснымъ и ненавистнымъ поступкомъ“ и говоритъ что это было дѣломъ тайныхъ обществъ, „имѣющихъ своихъ агентовъ повсюду, которые поощряютъ убійство, и даже, если „имъ то нужно, могутъ возбудить избіенія.“ Онъ, этотъ лордъ Биконсфильдъ, осмѣливается пугать кого-то фантастическими избіеніями, относясь благодушно, кротко и снисходительно къ избіеніямъ дѣйствительно совершающимся при его собственномъ содѣйствіи! Какая ужасная шутка! Онъ пугаетъ тѣмъ что дѣлаетъ самъ и чего никакія на свѣтѣ тайныя общества не могли бы сдѣлать... О предпринятомъ посредничествѣ онъ разказываетъ что Сербія, разбитая, истощенная и въ отчаяніи, обратилась къ Англіи и просила ее сдѣлать для Сербіи что возможно. И тогда де Англія добилась труднѣйшаго дѣла— перемирія, ибо „Турція уже торжествовала и сокрушила неблагодарныхъ подданныхъ сюзерена.“

Вотъ какъ открыто заявляютъ свои взгляды англійскіе министры на Турцію и на преданныя ей въ жертву христіанскія населенія. И при этомъ насъ увѣряютъ что всѣ державы пришли будто бы къ соглашенію на почвѣ англійскихъ предложеній. Какія же это предложенія? Премьеръ въ своей рѣчи сообщилъ что его товарищъ завѣдующій иностранными дѣлами, лордъ Дарби, такъ много будто бы уже сдѣлавшій (!) для умиротворенія, вернулся къ положенію которое онъ занималъ до Сербской войны, то-есть къ попыткѣ уладить, въ согласіи со всѣми другими европейскими державами, будущія отношенія между христіанскими подданными Порты и Турецкимъ правительствомъ. Какого рода эта попытка лордъ Биконсфильдъ не объяснилъ, и остается судить о томъ изъ его отзывовъ о геройствѣ Турокъ и изъ презрительнаго отношенія его къ христіанамъ.

Туркофильскій органъ *Daily Telegraph* увѣряетъ что англійская программа, формулованная достойнымъ сэръ-Генри-Эллiотомъ, поддерживается державами, и что онѣ де охотно примутъ ее. По смыслу вчерашней телеграммы нашей изъ Землина, Австрійское правительство идетъ еще далѣе Англіи въ защитѣ турецкихъ интересовъ, и поддерживаетъ по крайней мѣрѣ три изъ требуемыхъ Турціей мирныхъ условій, а именно: срытіе Алексинацкихъ укрѣпленій, уплату Сербіей военной контрибуціи и письменное признаніе княземъ Миланомъ турецкой верховной власти. Послѣднее условіе есть очевидно отвѣтъ со стороны Австріи на провозглашеніе Милана королемъ Сербіи. Но почему же англійская и австрійская дипломатія, сказывая притворное раболѣпство предъ желаніями Турціи, такъ кавалерски распоряжается съ Сербіей? Желанія послѣдней по крайней мѣрѣ столь же законны, а въ рыцарскомъ порывѣ Сербской арміи сказалось чувство одушевляющее весь Сербскій народъ, протестующій противъ продолженія вассальныхъ отношеній къ Портѣ: провозглашеніе утверждено Скупщиной, и адресъ князю о принятіи королевскаго титула не подписанъ только какими-то двумя членами Скупщины принадлежащими къ крайней партіи. Какъ объяснитъ этотъ фактъ лордъ Биконсфильдъ, объявившій все сербское движеніе дѣломъ соціалистовъ и тайныхъ обществъ.

Не доказываютъ ли эти англійскія и австрійскія предложенія навязываемыя Европѣ что нельзя ожидать чего-либо путнаго отъ такъ называемаго дипломатическаго дѣйствія Европы, которое, какъ мы выразились недавно, есть или пустая фраза, или обманъ...

№ 235.

Москва, 15-го сентября.

Лежащіе къ югу отъ главной цѣпи Балканскихъ горъ подвергшіеся неслыханному разгрому и залитые потоками невинной крови Филиппопольскій и Базарджикскій округи не были единственнымъ театромъ возмутительныхъ неистовствъ турецкой орды. Подобныя же звѣрства, правда, не въ столь грандіозныхъ размѣрахъ, совершались почти по всему пространству земель заселенныхъ Болгарами, хотя, благодаря принятымъ турецкою администраціей мѣрамъ, далеко не отовсюду могли своевременно доходить о томъ сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія. Дѣло повсемѣстнаго разоренія болгарскихъ селеній и избі-

нія беззащитныхъ Болгаръ разъясняется лишь постепенно и мало-по-малу. Новый свѣтъ на это дѣло проливаетъ, между прочимъ, воспроизведенный нами изъ *Правительственнаго Вѣстника* „Протоколъ отъ 12 (24) августа 1876 года, подписанный княземъ Церетелевымъ, вторымъ секретаремъ Императорскаго Русскаго посольства въ Константинополѣ, и Евгеніемъ Скайлеромъ, секретаремъ Американскаго посольства и генеральныхъ консуломъ въ Константинополѣ." Въ этотъ протоколъ занесены результаты дознанія произведеннаго означенными двумя лицами въ округахъ лежащихъ къ сѣверу отъ Балканскихъ горъ,—Сливенскомъ, Тырновскомъ и Казѣ-Казанлыкскомъ. Производилось это дознаніе при обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ для полнаго раскрытія истины, спустя два-три мѣсяца послѣ совершенія тѣхъ ужасныхъ дѣйствій которыя выставляются Турецкимъ правительствомъ какъ мѣры вызванныя необходимостью подавить вспыхнувшее будто бы въ Болгаріи возстаніе, и въ теченіе этихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ турецкими чиновниками было сдѣлано многое для уничтоженія, по возможности, слѣдовъ того что̀ они натворили. Мертвые не говорятъ, а оставшихся въ живыхъ Болгаръ такъ застращали что они опасались высказывать князю Церетелеву и г. Скайлеру полную правду. Естественно что при такихъ обстоятельствахъ многое вовсе не могло быть обнаружено. Но уже и одни тѣ факты которые, несмотря на всевозможныя мѣры принятыя турецкими властями съ цѣлію сокрытія истины, могли быть заявлены въ офиціальномъ документѣ составленномъ дипломатическими агентами русскимъ и американскимъ, представляютъ дѣло въ такомъ ужасномъ видѣ что даже простаго разказа о немъ нельзя читать безъ невольнаго содраганія. Въ общемъ ходѣ дѣла, оно мало развилось отъ того что̀ совершалось на югѣ отъ Балкана: то же предварительное обезоруженіе христіанъ, затѣмъ призывъ къ оружію всѣхъ мусульманъ, разграбленіе и сожженіе съ помощью петролея селеній, домовъ, церквей и монастырей, избіеніе мирныхъ сельчанъ съ ихъ женами и дѣтьми, тюремное заключеніе множества людей и мучительная смерть множества безвинно арестованныхъ отъ варварскаго съ ними обращенія и пытокъ. Какъ на южной, такъ и на сѣверной сторонѣ Балканъ, взорамъ изслѣдователей представлялись однѣ и тѣ же возмущающія душу картины: тотъ же полный разгромъ, тѣ же развалины и пожарища на мѣстѣ цвѣтущихъ нѣкогда селеній, кости и черепа гніющіе непогребенными на поляхъ, груды полуобуглившихся остатковъ людей сожженныхъ въ церквахъ... И тамъ, и тутъ болгарскія женщины и дѣвицы сотнями подвергались гнуснымъ насиліямъ, и тамъ, и тутъ, для внушенія страха населенію, турецкіе офицеры развозили по городамъ и селамъ отрубленныя болгарскія головы, и три изъ нихъ, какъ бы въ насмѣшку надъ Европой, были брошены на улицу предъ домомъ италіянскаго консула въ Бургасѣ. Сердце обливается кровью читая, напримѣръ, краткій отчетъ о томъ что̀ было совершено въ Новомъ Селѣ, гдѣ, даже по тѣмъ свѣдѣніямъ какія удалось собрать, число убитыхъ опредѣляется цифрой 691, въ томъ числѣ 350 женщинъ и дѣтей...

Разслѣдованіе подтвердило что всѣ эти звѣрства отнюдь не были вызваны дѣйствіями болгарскаго населенія; немногія разрозненныя вспышки возмущенія вызванныя невыносимыми притѣсненіями, нигдѣ не имѣли сколько-нибудь серіознаго характера; быстро и безпощадно истребленныя маленькія группы „возстанниковъ" нигдѣ не совершили ничего такого что̀ могло бы представлять для турецкой администраціи хотя тѣнь оправданія, на что̀ она могла бы указать какъ на актъ вызывавшій мусульманъ на возмездіе. Они не сдѣлали ничего что̀ могло бы оправдать, напримѣръ, оскверненіе христіанской святыни, доходившее до того что Турки „совершали свои естественныя отправленія въ священные сосуды..." Не дозволяли себѣ эти несчастные возстанники и никакихъ насилій надъ мусульманами. „Мы не могли," пишутъ князь Церетелевъ и г. Скайлеръ въ составленномъ ими протоколѣ, „раскрыть никакихъ жестокостей будто бы совершенныхъ въ этихъ мѣстахъ Болгарами. Нѣсколько убитыхъ Турокъ, всего около десяти, пали съ оружіемъ въ рукахъ въ схваткахъ съ инсургентами. Мусульмане взятые въ плѣнъ были освобождены Цанкомъ Дустабановымъ, съ выдачей имъ охранительнаго листа за его подписью." Эта офиціально засвидѣтельствованная разница въ образѣ дѣйствій Болгаръ и Турокъ не служитъ ли лучшимъ

отвѣтомъ тѣмъ кто имѣлъ безстыдство громко выражать убѣжденіе что при дарованіи автономіи славянскимъ областямъ Турціи, магометанскія населенія подверглись бы, будто бы, тѣмъ же притѣсненіямъ и жестокостямъ, въ коихъ де слишкомъ строго обвиняютъ Турокъ?

Весь народъ Русскій, безъ различія классовъ и званій, горячо принялъ къ сердцу неслыханныя бѣдствія христіанскихъ подданныхъ Оттоманской Порты. Всѣ исполнены негодованія противъ угнетателей и истребителей Славянскаго населенія Балканскаго полуострова и ихъ сообщниковъ; всѣ горятъ желаніемъ оказать этимъ бѣдствующимъ населеніямъ братскую помощь. Нѣтъ уголка въ Русской землѣ, гдѣ бы не собирались для оказанія этой помощи болѣе и менѣе обильныя денежныя пожертвованія. На ряду съ денежною помощью идетъ помощь людьми, и число добровольцевъ готовыхъ жертвовать своею жизнію ради своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Но по стеченію разныхъ обстоятельствъ, вся эта благотворительность, всѣ эти самопожертвованія приняли слишкомъ исключительное направленіе. Вся эта помощь и деньгами и людьми идетъ почти исключительно въ одинъ пунктъ, въ Сербію, и почти ничего не выпадаетъ на долю болѣе всѣхъ обдѣленной судьбою, многострадальной Болгаріи...

Говоримъ это не въ укоръ и не въ предосужденіе кому бы то ни было; мы только заявляемъ фактъ.

Нѣтъ сомнѣнія что Сербы нуждались и нынѣ нуждаются въ дѣятельной помощи своихъ русскихъ собратій; нельзя не радоваться что она оказывается имъ, и нельзя не желать чтобы помощь оказывалась имъ и впредь, пока не прекратится въ ней надобность. Но не въ большей ли еще мѣрѣ чѣмъ Сербы нуждаются въ помощи Болгары, и не больно ли видѣть что ихъ нужды остаются какъ бы совсѣмъ забытыми и пренебреженными?

Невозможно вообразить себѣ положеніе болѣе тяжкое чѣмъ то въ какомъ находятся нынѣ Болгары. Въ разоренныхъ областяхъ, спасшіеся отъ поголовнаго избіенія Болгары, будучи лишены всего: своего имущества, средствъ для возобновленія домовъ, возможности собрать жатву и обработать поля, не имѣя ни скота, ни лошадей, вынуждены ко всему этому входить въ долги для уплаты податей и „добровольныхъ" контрибуцій на войну. Никакой безопасности для жизни и имущества. Заптіи, набираемые большею частію изъ баши-бузуковъ, братаются съ преступниками чтобы вмѣстѣ съ ними заниматься грабежомъ, и шайки всякаго сброда то и дѣло грабятъ болгарскія селенія пользуясь разоруженіемъ жителей. Тяжесть всего этого еще болѣе увеличивается всеобщимъ и постояннымъ опасеніемъ новаго мусульманскаго возстанія. И эти опасенія каждую минуту могутъ осуществиться. Корреспондентъ лондонской газеты *Graphic* телеграфировалъ недавно изъ Константинополя что въ Татаръ-Базарджикѣ и Филиппополѣ Турки грозятъ Болгарамъ новыми избіеніями. Изъ Букурешта отъ 6 (18) сентября намъ телеграфировали что „въ Болгаріи снова подготовляется рѣзня." Каково жить при такихъ условіяхъ, каждую минуту трепеща за жизнь свою и своихъ семействъ, за честь своихъ женъ и дочерей и за скудныя средства необходимыя для поддержки ихъ существованія, жить ежеминутно подвергаясь обидамъ, притѣсненіямъ и насиліямъ, ни откуда не видя ни защиты, ни помощи, которая имѣла бы значеніе хотя того „слышу," которымъ Тарасъ Бульба, въ повѣсти Гоголя, поддержалъ изнемогавшія нравственныя силы своего сына во время мученій!

Скажутъ что обстоятельства не позволяютъ оказывать Болгарамъ помощь въ томъ видѣ какъ она оказывается Сербамъ. Пусть такъ; но можно ли сказать чтобы вообще не могла быть оказана имъ дѣятельная и серіозная помощь? Много ли сдѣлано для правильной организаціи оказанія помощи хотя бы тѣмъ несчастнымъ болгарскимъ семействамъ которымъ удалось спасти свою жизнь бѣгствомъ, напримѣръ, въ Сербію, гдѣ они, оставаясь безъ всякихъ средствъ, влачатъ жалкое существованіе? Помѣщаемая ниже статья „Русская помощь Болгарамъ"—даетъ отвѣтъ на эти вопросы. Дѣло оказанія помощи Болгарамъ взяли на себя „Международный" комитетъ въ Филиппополѣ, „не представляющій гарантіи независимости" Дамскій Болгарскій Комитетъ, да Комитетъ въ Константинополѣ состоящій подъ предсѣдательствомъ такого доброжелателя Болгаръ какъ.. столь прославившійся въ этомъ отношеніи англійскій посолъ сэръ - Генри Эллiотъ. Кромѣ этихъ комитетовъ, учре-

жденъ, правда, Комитетъ при Русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, представляющій всѣ гарантіи правильнаго распредѣленія пособій между пострадавшими,— но онъ располагаетъ до сихъ поръ лишь ничтожною суммой 32.300 франковъ... Въ Сербіи же только теперь начинаютъ помышлять объ организаціи Комитета который, въ числѣ другихъ занятій, будетъ, между прочимъ, оказывать помощь и Болгарамъ.

Нельзя возлагать на Сербовъ обязанность пещись объ этихъ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ Болгаръ: у Сербовъ въ настоящее время слишкомъ много своихъ заботъ, своихъ нуждъ. Притомъ, у Болгаръ и Сербовъ исторически сложилось чувство взаимнаго нерасположенія. Скрывать это отъ себя, умалчивать объ этомъ невозможно: это должно быть принимаемо къ соображенію. А въ какой мѣрѣ тяжело отзывается это на несчастныхъ Болгарахъ можно судить по слѣдующему отрывку изъ дышущаго правдой письма одной дамы которое мы прочли въ полученномъ третьяго дня нумерѣ *Новаго Времени*. „Уже въ Семендріи", пишетъ она,—„начали попадаться по дорогѣ возы съ домашнею утварью, сопровождаемые цѣлыми семьями, со стариками, женщинами и дѣтьми, а въ Чупріи всѣ площади и даже улицы полны ими. Отъ Чупріи же до Парачина и далѣе вплоть до Делиграда обѣ стороны дороги буквально покрыты бѣглецами, которые расположились тутъ на голой землѣ и на открытомъ воздухѣ провести можетъ-быть всю зиму, если война не кончится и не позволитъ имъ вернуться домой и хоть кое-какъ устроиться на своихъ пепелищахъ. Предоставляю вамъ самимъ нарисовать себѣ картину положенія этихъ людей теперь, когда начались осенніе дожди и страшно холодныя ночи. Къ сожалѣнію, я должна замѣтить что девять десятыхъ этихъ несчастныхъ безпріютныхъ скитальцевъ—Болгары. Въ одну изъ многочисленныхъ остановокъ я вышла изъ колы, и давая немного денегъ собравшимся вокругъ меня женщинамъ и дѣтямъ, спросила одну женщину, кто они и откуда. „Старо-Сербы, отвѣчала она, изъ „Старой Сербіи," и стала разказывать какъ Турки истребили и разорили ихъ, сожгли ихъ село и вынудили искать спасенія въ бѣгствѣ. Совершенно болгарскій типъ лицъ и болѣе мягкій, болѣе подходящій къ русскому языку говоръ заставили меня усумниться въ ихъ происхожденіи.—„Зачѣмъ ты обманываешь меня, вы вовсе не Старо-Сербы, вы Болгары," замѣтила я. Бѣдная женщина съ испугомъ оглянулась вокругъ и вдругъ залилась слезами. „Что съ тобою, о чемъ ты плачешь, чего ты боишься? Не бойся, я вѣдь Русская."—„Я васъ не боюсь, Русскіе добрые, они намъ всѣмъ помогаютъ, я знаю, наши говорили. Только не говорите что мы не Старо-Сербы. Сербы не любятъ Болгаръ, и если узнаютъ что мы Болгары, намъ ничего не дадутъ." Я не обратила бы особеннаго вниманія на этотъ фактъ и не придала бы ему значенія, еслибы мнѣ не пришлось увидѣть нѣчто подобное въ лагерѣ, что я и разкажу тутъ же, чтобы болѣе не возвращаться къ этому вопросу. Въ Делиградѣ устроились три болгарскіе баталіона подъ командой русскихъ офицеровъ. Два изъ этихъ баталіоновъ, первые по времени образованія, прямо объявили себя Болгарами и до сихъ поръ остаются въ чемъ пришли; имъ все еще не давали не только шинелей, но даже и мундировъ. Третій, послѣдній, объявилъ себя старосербскимъ и получилъ суконные мундиры. Это не много въ такой холодъ, но все же лучше чѣмъ однѣ рубахи да воздухомъ подбитыя коротенькія куртки."

Приведенный разказъ не нуждается въ комментаріяхъ. Не ставимъ сообщаемыхъ въ немъ фактовъ въ упрекъ Сербамъ, вѣроятно вынужденнымъ обстоятельствами руководиться правиломъ что своя рубашка къ тѣлу ближе. Но не должны ли мы, кому равно близки всѣ славянскія племена подвергающіяся гнету турецкаго ига, мы, не имѣющіе поводовъ отдавать предпочтеніе однимъ предъ другими, дѣлать для Болгаръ то что не хотятъ или не могутъ сдѣлать для нихъ ближайшіе сосѣди ихъ?

Нѣтъ положительной невозможности къ оказанію Болгарамъ нѣкоторой помощи и людьми. Развѣ часть русскихъ добровольцевъ, партія за партіей прибывающихъ въ Сербію, не могли бы составить изъ себя кадровъ для отдѣльнаго болгарскаго отряда, и сослужить для Болгаръ ту же службу какую сослужили они для сербской милиціи? Развѣ такой отрядъ не могъ бы быть сформированъ въ тылу сербской арміи и доведенъ до такой численности чтобы предпринять самостоятельныя дѣйствія въ Болгаріи?

Позволимъ себѣ указать и другое, тоже немаловажное упущеніе въ дѣлѣ распредѣленія идущихъ изъ Россіи вспоможеній. Мы разумѣемъ полузабытыхъ Черногорцевъ, о которыхъ вспоминаютъ лишь при извѣстіяхъ объ одержанныхъ ими побѣдахъ. Геройскіе подвиги совершаемые ими въ этой неравной борьбѣ отнюдь не лишаютъ ихъ права на помощь изъ Россіи и деньгами, и людьми, и санитарными средствами. Въ послѣднемъ отношеніи, оказываемая имъ помощь ограничивается чуть ли не однимъ санитарнымъ отрядомъ посланнымъ въ Черногорію Обществомъ Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ, да двумя-тремя врачами посланными отъ Московскаго Славянскаго Комитета. А между тѣмъ положеніе Черногоріи требуетъ самаго серіознаго вниманія и участія. Съ сѣвера и съ юга грозятъ ей громадныя полчища. Турецкія войска угрожавшія Алексинцу и Делиграду, по послѣднимъ извѣстіямъ, переводятся на Ибаръ, въ близкое сосѣдство къ Черногоріи, и могутъ еще болѣе затруднить ея положеніе. Внутри эта бѣдная страна вотъ уже болѣе года дѣлился братски своими скудными достатками съ десятками тысячъ герцеговинскихъ переселенцевъ. Не видна ли изо всего этого необходимость оказать этому геройскому и издавна беззавѣтно преданному Россіи населенію Черной Горы болѣе энергическую помощь чѣмъ до сего времени?

№ 236.

Москва, 16-го сентября.

Переданная намъ по телеграфу нота г. Ристича отъ 26-го (14-го) сентября, въ которой Сербія отказывается отъ дальнѣйшаго такъ-называемаго перемирія, произведетъ вѣроятно не малую сенсацію въ „миролюбивой“ Вѣнѣ, откуда въ послѣдніе дни то и дѣло разсылались по всему міру „успокоительныя“ телеграммы. Эти телеграммы всѣ до одной оказывались изобрѣтеніемъ Вѣнскаго телеграфнаго бюро. На это обстоятельство нельзя не обратить вниманія, хотя трудно догадаться какая новая игра скрывается за этимъ внезапнымъ припадкомъ австро-венгерскаго оптимизма. Вслѣдъ за извѣстіемъ о провозглашеніи Сербскаго королевства, изъ Вѣны посылались телеграммы въ коихъ сначала вовсе отрицался самый фактъ, а затѣмъ всячески доказывалось что это „пронунсіаменто“ арміи генерала Черняева возбудило крайнее неудовольствіе князя Милана и всѣхъ вліятельныхъ политическихъ людей въ Бѣлградѣ. Министръ Николичъ, сообщалось далѣе, отправленъ былъ въ Делиградъ для производства строгаго дознанія о главныхъ виновникахъ демонстраціи и для „примѣрнаго ихъ наказанія.“ О предстоящей отставкѣ Черняева говорилось какъ о фактѣ не подлежащемъ сомнѣнію. Теперь мы знаемъ насколько во всемъ этомъ было правды. Оказывается что и Скупщина, и весь Сербскій народъ единодушно и съ восторгомъ вторятъ патріотической демонстраціи арміи, которую можно считать неблаговременною или поспѣшною, но которую совершенно безмысленно вѣнская печать (а съ нею, увы, и одна петербургская газета) приравниваетъ къ революціоннымъ пронунсіаментамъ въ Испаніи. Въ этой демонстраціи не только не было ничего революціоннаго внутри государства, но и съ точки зрѣнія международнаго права она не представляетъ собою ничего незаконнаго. Съ того момента какъ Сербія объявила Турціи войну, фактически прекратились ея вассальныя отношенія, и это состояніе Сербіи легализовано, по крайней мѣрѣ на время войны, признаніемъ ея воюющею стороной; а въ независимомъ государствѣ, какимъ въ настоящее время нельзя не считать Сербію, перемѣна титула верховной власти есть прежде всего вопросъ внутренней политики.

Столь же лживымъ оказалось и сообщеніе о томъ будто бы Сербія приняла восьмидневную отсрочку пріостановки военныхъ дѣйствій. Это извѣстіе сообщалъ третьяго дня архи-туркофильскій органъ *Journal des Débats*, на основаніи телеграммы полученной будто бы изъ Бѣлграда, а Вѣнское телеграфное агентство поспѣшило распространить это лживое извѣстіе.

Придавать ли, послѣ этого, бо́льшую вѣру идущимъ оттуда же извѣстіямъ о томъ что по вопросу о мирной программѣ между державами установилось окончательное соглашеніе, и что въ виду этого, какъ выражается офиціозная *Wiener Abendpost*, „трудно сомнѣваться въ скоромъ осуществленіи мира.“ Австрійскія и англійскія газеты сообщили уже въ общихъ чертахъ эту мирную программу. По ихъ словамъ,

она требуетъ *statu quo* для Сербіи и Черногоріи и дарованія автономіи Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи. Для всякаго понятно что „административная автономія," по рецепту изобрѣтенному Англійскимъ кабинетомъ и вполнѣ одобренному въ Вѣнѣ, есть понятіе слишкомъ эластичное. Для соглашенія по этому предмету было бы необходимо болѣе точное опредѣленіе того что̀ подъ сказаннымъ терминомъ разумѣется. Но изъ свойства извѣстій вчера нами полученныхъ несомнѣнно вытекаетъ что такого соглашенія пока еще нѣтъ. Еслибъ оно дѣйствительно было, то-есть еслибы державы успѣли установить по общему соглашенію характеръ и основныя черты автономіи обѣщаемой тремъ турецкимъ провинціямъ и Турція приняла бы эту программу, тогда было бы непонятно изъ какихъ видовъ она продолжаетъ отказываться отъ установленія правильнаго перемирія съ демаркаціонною линіей и нейтральнымъ поясомъ между воюющими сторонами? Лишь такое перемиріе и при томъ на срокъ гораздо болѣе продолжительный нежели теперешняя „передышка" могло бы представить достаточно времени и спокойствія необходимыхъ дипломатіи дабы подготовить и выработать „инструментъ" мира для Востока. Но изъ того что такое перемиріе, котораго добивается Сербія и на коемъ, по словамъ вѣнскихъ газетъ, настаивалъ и графъ Андраши предъ турецкимъ посломъ въ Вѣнѣ съ которымъ онъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе 23-го сентября, не состоялось, нельзя не заключить что державы далеки еще отъ полнаго и окончательнаго соглашенія. Подтвержденіе этому мы находимъ и въ только что полученномъ нумерѣ *Кельнской Газеты*, которой телеграфируютъ изъ Парижа отъ 23-го сентября что извѣстіе о томъ будто бы мирныя условія уже установлены есть преждевременное. Соглашеніе по этому предмету хотя де и состоялось въ принципѣ, но чрезвычайно трудно установить условія будущей административной автономіи трехъ турецкихъ провинцій, особенно тѣ гарантіи которыя могутъ быть потребованы державами. Нельзя сказать чтобы трудность заключалась именно въ этомъ, и чтобы нельзя было придумать условія какъ оградить христіанскія населенія Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ гнета турецкихъ властей, отъ фанатизма мусульманъ и отъ повторенія тѣхъ ужасовъ, коимъ они подверглись отъ азіятскихъ полчищъ собранныхъ Оттоманскою Портой для своей охраны. Но вопросъ въ томъ, всѣ ли державы въ одинаковой мѣрѣ искренно этого желаютъ? Въ послѣдніе дни вѣнскія и берлинскія газеты съ особенною настойчивостью указываютъ на какой-то поворотъ наступившій будто бы въ политикѣ Австріи, которая рѣшилась приступить къ предложеніямъ выработаннымъ Англіей, противъ коихъ она первоначально возставала. Графъ Андраши, разказываютъ, „превозмогъ свое отвращеніе въ виду перспективы совокупнаго съ Россіей дѣйствія, могущаго дойти до военнаго занятія турецкихъ провинцій на случай еслибы Турція оказала упорство." И въ то самое время когда предвидится возможность насильственныхъ мѣръ противъ Турціи, австрійскій посолъ въ Константинополѣ, графъ Зичи, первый вручившій свои новыя грамоты новому султану, выражаетъ ему чувства участія питаемыя Австріей къ Турціи, — участія тѣмъ живѣйшаго чѣмъ затруднительнѣе ея положеніе въ теперешнихъ критическихъ обстоятельствахъ." Всѣ эти любезности не только высказаны графомъ Зичи, но, что̀ болѣе знаменательно, Вѣнскій телеграфъ поспѣшилъ офиціозно разнести по всему міру эти медовыя рѣчи!

Возможно ли послѣ всего этого придавать какое-либо значеніе, кромѣ лишь подтвержденія той фальши которая именуется „совокупнымъ усиліемъ „Европы—слухамъ усердно повторяемымъ разными вѣнскими корреспондентами берлинскихъ и лондонскихъ газетъ будто графъ Андраши снова становится во главу дипломатическаго дѣйствія, и что Австрія снова выходитъ изъ того изолированнаго положенія которое она еще недавно занимала по Восточному вопросу. На этотъ поворотъ графъ Андраши рѣшился будто бы вопреки своимъ пештскимъ друзьямъ. Эти послѣдніе попрежнему продолжаютъ свои филиппики противъ тройственнаго союза вообще и противъ Россіи въ особенности; но графъ Андраши, видите ли, рѣшился идти наперекоръ общественному мнѣнію Венгріи и всѣми средствами добиться осуществленія *своей* мирной программы. Пештскій корреспондентъ *National-Zeitung* увѣщеваетъ неразумныхъ и закоснѣлыхъ Мадьяръ, говоря что имъ оставалось бы лишь поздравить себя еслибъ оказалось справедливымъ что графу Андраши снова пре-

доставлено будетъ играть первенствующую роль въ дѣлѣ умиротворенія Востока.

Съ такимъ поворотомъ дѣйствительно можно было бы поздравить... Мадьяръ.

№ 237.

Москва, 17-го сентября.

Читателямъ уже извѣстенъ перепечатанный нами на дняхъ протоколъ дознанія о болгарскомъ разгромѣ, произведеннаго вторымъ секретаремъ Русскаго посольства въ Константинополѣ, княземъ Церетелевымъ, совмѣстно съ секретаремъ Американскаго посольства, г. Скайлеромъ. Почти одновременно англійскія газеты принесли намъ пространное изложеніе доклада секретаря Англійскаго посольства въ Константинополѣ, г. Беринга. Сличеніе обоихъ докладовъ весьма любопытно и нагляднѣе всего характеризуетъ взгляды коихъ упорно продолжаетъ держаться Англійское правительство. Само собой разумѣется докладъ г. Беринга подтверждаетъ справедливость ужасовъ которыхъ онъ волей-неволей былъ свидѣтелемъ, но которые прежде горячо оспаривалъ его начальникъ, сэръ-Генри Эллiотъ, нынѣ такъ великодушно ставшій во главѣ комитета для помощи пострадавшимъ Болгарамъ. Описаніе г. Берингомъ, напримѣръ, видѣннаго имъ въ Батакѣ, немного уступаетъ описанію корреспондента *Daily News.* Г. Берингъ не могъ скрыть видѣнныхъ имъ кучъ череповъ и труповъ. Онъ подтверждаетъ и насилованіе и похищеніе женщинъ, и избіеніе дѣтей, и сожженіе деревень и церквей, и грабежи, а главное разгромъ множества селеній гдѣ вовсе не было и признака волненія. Тѣмъ не менѣе докладъ г. Беринга отличается отъ доклада князя Церетелева и г. Скайлера. Съ начала и до конца онъ характеризуется старaніемъ найти что-либо сказать съ другой стороны. Онъ негодуетъ, возмущается, но прежде всего подыскиваетъ либо смягчить чѣмъ-либо впечатлѣніе, либо уравновѣсить его другимъ.

Такъ, онъ прежде всего энергически объявляетъ невѣрными распространившіеся было въ Англіи разказы будто по улицамъ различныхъ городовъ возились повозки съ отрубленными головами, будто женщины и дѣти *публично* продавались въ Филиппополѣ и Татаръ-Базарджикѣ, будто узники подвергались ужаснымъ пыткамъ, будто 40 дѣвушекъ были сожжены живыми въ сараѣ. Онъ заботливо доказываетъ что число избіенныхъ было не 25.000, а должно быть 12.000, и истреблено де не до 100 селеній, а что-то около 40. Для строгой статистики это можетъ быть интересно, но вѣдь и данныя г. Беринга выдаются имъ не какъ точныя цифры. Для характеристики же турецкихъ злодѣяній, послѣ всего видѣннаго и разказаннаго имъ самимъ, право рѣшительно не важно возились ли *отрубленныя* головы въ телѣжкахъ или нѣтъ. Развѣ какія-либо преувеличенія способны что-либо прибавить къ ненавистному характеру турецкихъ злодѣйствъ, или поправки умалить ихъ? Забавно только что г. Берингъ, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ противорѣчія: онъ отрицаетъ употребленіе Турками пытокъ, а въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ что въ Батакѣ двое Болгаръ были изжарены, а у третьяго обрублены уши, носъ, руки и ноги! Или можетъ-быть эти истязанія г. Берингъ не считаетъ пыткой? То онъ готовъ вѣрить что турецкія власти сами не знали о совершавшихся ужасахъ, ибо иначе „трупы были бы убраны до его пріѣзда,“ то негодуетъ что одинъ изъ главнѣйшихъ злодѣевъ, Шевкетъ-паша, получилъ въ награду за свои подвиги мѣсто гофмаршала.

Гораздо важнѣе, однако, этихъ оговорокъ и смягченій старанія г. Беринга набросить тѣнь на Болгаръ, и въ особенности доказать что Турки какъ бы вызваны были на звѣрства, ибо сами были въ страшной паникѣ отъ „революціи“ въ которой онъ винитъ болгарскую интеллигенцію и иностранныхъ агентовъ. Съ этого начинаетъ и этимъ оканчиваетъ г. Берингъ свой докладъ. По его словамъ, дѣятельное участіе въ „революціи“ принимали школьные учителя и священники. Онъ пишетъ: „Изъ школьныхъ учителей многіе „были воспитаны въ Россіи. Они возвратились домой съ поверхностнымъ образова„ніемъ и множествомъ идей въ головахъ о „панславизмѣ.“ Затѣмъ онъ разказываетъ подробнѣйшимъ образомъ, очевидно съ турецкихъ показаній, о сборищѣ 80 агитаторовъ, о планахъ ихъ разрушить желѣзныя дороги, сжечь Андріанополь, Филиппополь, Софію, перебить всѣхъ мусульманъ и разграбить ихъ достояніе. Нечего и говорить что все это ничѣмъ не оправ-

далось; только кое-гдѣ появились ничтожныя шайки, человѣкъ по 200 и менѣе. Тѣмъ не менѣе г. Берингъ въ заключеніе доклада говоритъ что возстаніе было хорошо задумано, хотя плохо исполнено. Онъ присовокупляетъ что главные зачинщики пришли извнѣ, и что „безъ иностранной интриги революція не вспыхнула бы.“ Онъ продолжаетъ: „Не легко сказать до какой „степени имъ удалось вкоренить въ народѣ свои революціонныя и панславистскія „идеи. Болгаринъ вообще не такого склада изъ коего выходятъ революціонеры; „онъ скорѣе консервативенъ, трудолюбивъ, „бережливъ, нѣсколько апатиченъ и далеко не храбръ. Священники и школьные „учителя вѣроятно охотнѣе всѣхъ внимали революціоннымъ поученіямъ.“ Докладъ оканчивается слѣдующимъ общимъ выводомъ: „Кровавыя дѣла о коихъ я говорилъ и бѣдствія коихъ я былъ свидѣтелемъ должны возбудить справедливое негодованіе въ душѣ всякаго; но безсовѣстное поведеніе тѣхъ агитаторовъ которые, чтобъ услужить корыстнымъ видамъ „государствъ коихъ единственная цѣль „есть территоріальное увеличеніе, не поколебались подстрекать бѣдныхъ, невѣжественныхъ крестьянъ къ возмущенію, „такимъ образомъ опустошая тысячи очаговъ и оставляя прекрасной, богатой провинціи наслѣдіе слезъ, не должны избѣгнуть своей доли общественнаго проклятія (*public execration*).“

Что можетъ быть возмутительнѣе этого лицемѣрнаго негодованія? Точно также и лордъ Биконсфильдъ, въ недавней рѣчи своей, умалчивая о болгарскомъ разгромѣ и вовсе не приходя отъ него въ *справедливое негодованіе*, обрушился всею силой своего гнѣва на Сербію, которая будто бы войной противъ Порты нанесла оскорбленіе чести державъ, благодаря участію коихъ Бѣлградъ былъ избавленъ отъ турецкаго гарнизона. Въ глазахъ англійскихъ политиковъ, южные Славяне суть неблагодарные вассалы и подданные султана, и всякое стремленіе ихъ подняться изъ своего ужаснаго положенія есть преступленіе, ибо для спокойствія Англіи нужно ихъ угнетеніе и рабство.

Еслибы даже на минуту допустить справедливость словъ г. Беринга объ иностранныхъ агитаторахъ и интригахъ государствъ стремящихся къ увеличенію территоріи (по отношенію къ Болгаріи; мы не говоримъ о Босніи: тамъ дѣйствительно были такія интриги), то спрашивается, какимъ образомъ за это могутъ страдать неповинныя населенія ни въ чемъ не принимавшія участія? Правительство должно было преслѣдовать агитаторовъ, карать и казнить ихъ, а не опустошать и разорять цѣлую провинцію, избивать мирныя населенія, женщинъ и дѣтей. Своими апологіями Турокъ англійскіе министры и ихъ агенты роняютъ не только себя, но всю свою цивилизацію. Цинизмъ г. Беринга столь возмутителенъ что даже одна англійская газета, обыкновенно защищающая нынѣшнее правительство Англіи, замѣчаетъ что „политическія интриги, какъ бы ни „были преступны, принадлежатъ къ совершенно иной категоріи чѣмъ грабежи, „поджоги, насилованія и убійства. Иностранные агенты которые могли вызвать „необходимыя мѣры строгости не отвѣтственны за ужасныя преступленія агентовъ Турецкаго правительства. Основательнѣе было бы утверждать что гнусное „варварство господствующаго меньшинства „ретроспективно оправдывало всякую попытку къ возмущенію.“

Но дѣло въ томъ что слова г. Беринга—неправда. Возстанія въ Болгаріи, собственно говоря, и не было, а было только кое-гдѣ движеніе разрозненное, безъ связи, безъ общаго плана, и нѣтъ доказательствъ участія въ немъ иностранныхъ подданныхъ. Такъ говоритъ докладъ г. Скайлера и князя Церетелева, коимъ мы не имѣемъ повода вѣрить менѣе чѣмъ г. Берингу. Послѣдній, говоря о сборищѣ изъ 80 агитаторовъ и подробно разказывая ихъ планы, однако не приводитъ именъ ихъ, а только говоритъ о появленіи нѣкоего Бенковскаго въ Отлукіойѣ, но кто такой этотъ господинъ и куда онъ дѣлся—остается неизвѣстнымъ.

Всего же болѣе непостижимо какимъ образомъ г. Берингъ рѣшается бросать камень въ бѣдныхъ болгарскихъ священниковъ и школьныхъ учителей. Ихъ безславитъ и проклинаетъ просвѣщенный Англичанинъ,—и за что? Невообразимо-ужасное положеніе Болгаріи, гдѣ собственность, честь и жизнь каждаго, отъ малаго ребенка до стараго и хвораго, не обезпечены ни на одинъ мигъ, кажется теперь хорошо всѣмъ извѣстно, и онъ самъ во очію убѣдился въ этомъ. Естественно что люди, поднявшіеся изъ мрака, позорящаго

современную цивилизацію, составившіе ядро зарождающейся интеллигенціи въ народѣ, начинаютъ тяжело чувствовать положеніе въ коемъ они томятся подъ варварскимъ игомъ и подъ ударами башибузуковъ. И вотъ Англичанинъ, гордящійся своимъ просвѣщеніемъ, своею свободой, объявляющій войну невольничеству на всѣхъ океанахъ, обвиняетъ болгарскихъ священниковъ и учителей за то что они мечтаютъ высвободить свой народъ изъ гнуснѣйшаго невольничества когда этотъ же Англичанинъ считаетъ своею обязанностію поддерживать дѣйствительно революціонное движеніе во всѣхъ другихъ странахъ...

№ 238.

Москва, 18-го сентября.

„Для Сербіи — *status quo ante bellum*, для остальныхъ Славянъ—административная автономія," вотъ что̀ сулитъ восточнымъ христіанамъ, какъ сообщаетъ телеграфъ, „успѣхъ" коимъ „увѣнчалось коллективное дѣйствіе державъ *по иниціативѣ Англіи*." Чего иного и ожидать было отъ этой иниціативы? Послѣдняя рѣчь лорда Биконсфильда не оставляетъ никакого сомнѣнія: ничего честнаго для турецкой *райи* отъ него идти не можетъ.

Уже нѣсколько дней назадъ въ *Agence Générale Russe* была напечатана слѣдующая зловѣщая телеграмма: „Все заставляетъ ожидать что програма начертанная *общественнымъ мнѣніемъ* Англіи объ „административной автономіи и поддержанная англійскимъ кабинетомъ *наконецъ* „восторжествуетъ." Но развѣ этого требовало общественное мнѣніе Англіи устами Гладстона, Стратфорда, Редклифа и Росселя? Предложеніе Англійскаго кабинета подтверждаетъ только справедливость замѣчанія что по Восточному вопросу англійскіе министры не безъ основанія считаютъ себя въ правѣ не обращать вниманія на агитацію митинговъ въ пользу турецкихъ христіанъ.

Но какую роль разыгрываетъ въ этомъ *Agence Générale Russe?* Чему она радуется предсказывая что „наконецъ"-то восторжествуетъ программа англійскаго кабинета? Не шепнули ли ей таинственный лозунгъ изъ газеты *Голосъ*, которой статьи такъ усердно переводятся названнымъ Агентствомъ, какъ живое выраженіе общественнаго мнѣнія Россіи? Не это ли Агентство, однако, еще не такъ давно, въ порывѣ мало свойственнаго ему патріотизма, выставляло въ самыхъ яркихъ краскахъ нечестность и нелѣпость положеннаго нынѣ въ основаніе англійской программы *status quo ante bellum?* Или, въ самомъ дѣлѣ, *Agence Générale Russe* не понимаетъ что *status quo ante bellum* предполагается не только для Сербіи, но и для остальныхъ славянскихъ земель, для Герцеговины, Босніи и Болгаріи, лишь съ тою разницей что въ этихъ провинціяхъ оно будетъ прикрыто давно изношенною личиной „*административной* автономіи?"

Чтобъ оцѣнить по достоинству эту старую турецкую уловку, сто̀итъ заглянуть въ дипломатическіе архивы Восточнаго вопроса съ 1860 по 1868 годъ. Казенный терминъ: „*административная* автономія," здѣсь господствуетъ. Вотъ то спасительное средство которое постоянно предлагалось Портой и ея европейскими друзьями для врачеванія всѣхъ язвъ обличавшихся русскою дипломатіей въ политическомъ организмѣ „больнаго." Что̀ такое, напримѣръ, учрежденіе *вилаетовъ*, подъ сѣнью котораго покоились до сихъ поръ Герцеговина, Боснія и Болгарія? Что такое учрежденіе *меджлисовъ*, гдѣ сами убійцы и разбойники сидятъ судьями своихъ дѣлъ? Вилаеты, меджлисы и прочія учрежденія были въ свое время введены Турціей и провозглашены въ восторженныхъ депешахъ Тувенеля, Лавалетта, Мустье и Элліота какъ самое широкое и безпристрастное примѣненіе *административной* автономіи въ областяхъ гдѣ большинство жителей состояло изъ христіанъ. Первый опытъ этихъ учрежденій былъ сдѣланъ Мидхатъ-пашой, въ Тунскомъ (Дунайскомъ) вилаетѣ, то-есть въ Болгаріи, и успѣхъ опыта привелъ въ неописанный восторгъ доносившихъ о немъ французскихъ и англійскихъ дипломатовъ, такъ что, по мнѣнію ихъ, даже подданнымъ многихъ просвѣщенныхъ европейскихъ державъ оставалось только завидовать щедротамъ коими эта административная автономія осыпала христіанскихъ подданныхъ султана. Напрасно русская дипломатія изобличала лживость этихъ реформъ. Что̀бъ она ни говорила ей отвѣчали все то же: христіане пользуются повсюду полною административною автономіей, основанною на выборномъ началѣ и

на совершенной равноправности обѣихъ религій. Послѣдній отвѣтъ въ этомъ родѣ былъ данъ по поводу Критскаго возстанія.

Критъ, дѣйствительно, былъ надѣленъ тогда „*административною* автономіей,“ въ которую провалились всѣ блестящія обѣщанія Порты. Изо всѣхъ уловокъ какими Порта такъ долго морочитъ Европу, самою удачною до сихъ поръ была эта пресловутая „*административная* автономія.“ Предлагая ее только въ принципѣ, англійская дипломатія, въ сущности, *ничего не предлагаетъ*. Когда дѣло дойдетъ до подробностей, она пожалуй можетъ сказать что, по ея мнѣнію, весьма достаточно устроенной нѣкогда Мидхатомъ автономіи *вилаетовъ*. Дѣйствительно, графъ Андраши не хочетъ и слышать о расширеніи „автономіи“ далѣе предѣловъ его пустозвонной *ноты*...

Автономія которая можетъ считаться дѣйствительнымъ обезпеченіемъ для христіанъ есть та которою издавна пользовались Дунайскія княжества; всякія иныя отношенія христіанскихъ группъ къ магометанской центральной власти должны считаться простымъ возвращеніемъ ихъ къ *status quo ante bellum*.

Къ чести русской дипломатіи надо замѣтить что она постоянно держалась этого взгляда и не скрывала своего презрѣнія къ англо-турецкимъ мистификаціямъ. Будемъ надѣяться что и нынѣ русская дипломатія останется вѣрна своему завѣщанному ей исторіей взгляду на этотъ вопросъ.

Лордъ Биконсфильдъ, въ порывѣ великодушія, поспѣшитъ спасать Сербію. Но гдѣ же тотъ страшный погромъ который, по его словамъ, нанесенъ Портой Сербіи. Еще недѣли четыре-пять, и султанскія полчища, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ не прошедшія и двадцати пяти верстъ отъ границы, вдругъ пожалуй разбѣгутся безъ боя чтобы не перемереть съ голоду и холоду и отъ тифозной заразы...

Позиція Сербовъ на правомъ берегу Моравы, между Алексинцемъ и Делиградомъ, достаточно сильна, и всѣ попытки Турокъ прорвать эту линію были побѣдоносно отбиты. Сербы уже перешли въ наступленіе по всей линіи, перешли на лѣвый берегъ Моравы и заняли позицію противъ Тешицы, угрожая единственному пути отступленія Турокъ. На своемъ правомъ флангѣ, Сербы зашли даже въ тылъ голодающей и упавшей духомъ турецкой арміи...

На другомъ театрѣ войны, въ долинѣ Тимока, Османъ-паша, предавъ пламени Зайчаръ, отступилъ къ Великому Извору. Оплакивая эту неудачу, туркофильская *Deutsche Zeitung* приписываетъ ее „совершенной деморализаціи его арміи и константинопольскимъ интригамъ противъ этого самаго энергическаго изъ всѣхъ оттоманскихъ генераловъ...“

Если въ настоящее время будетъ заключенъ миръ, то въ основаніи его европейскою дипломатіей долженъ быть признанъ фактъ что Сербія побѣдоносно отбила всѣ нападенія на нее турецкихъ полчищъ...

И въ Черногоріи, которой еще недавно грозилъ повидимому почти неотразимый погромъ,—и въ Черногоріи нынѣ, слава Богу, дѣла съ каждымъ днемъ принимаютъ болѣе благопріятный оборотъ. Изъ Каттаро, отъ 19 сентября, пишутъ въ *Politische Correspondenz* что „сопряженныя съ огромными потерями пораженія Дервишъ-паши принудили сераскеріатъ послать ему послѣднія имѣвшіяся у него подъ рукой подкрѣпленія.“ Какъ, уже? Куда же дѣвалось его сорокатысячное войско вышколенное по нѣмецкому уставу? Въ Антивари, дѣйствительно, прибыло до 8 баталіоновъ *Аравитянъ*; но вся армія Дервишъ-паши, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, такъ деморализована что она „привѣтствовала извѣстіе о перемиріи какъ свое спасеніе;“ о возобновленіи же наступленія ей, какъ гласятъ тѣ же свѣдѣнія, и думать нечего. Нуждаясь въ продовольствіи, турецкая армія думала перебиваться реквизиціями, но Мирдиты взялись за оружіе, разбили и прогнали фуражировъ и стали угрожать самому городу Скутари. Турки отрядили противъ нихъ наблюдательный отрядъ въ 8 баталіоновъ съ артиллеріей. Еще бѣдственнѣе положеніе арміи Мухтаръ-паши. Онъ оставилъ Граховецъ, напрасно истощивъ свои силы въ безчисленныхъ попыткахъ отбить у Черногорцевъ единственную годную для питья воду. Главная квартира его перенесена въ Клобукъ на самую границу; войска его заняли сильныя позиціи у Заслапа. Но тутъ сторожатъ его 12.000 Черногорцевъ, занимающихъ еще болѣе сильныя позиціи и выжидающихъ его перваго движенія чтобы повторить катастрофу при Вербицѣ. Главная квартира князя Черногорскаго, попрежнему, въ Даниловградѣ. Итакъ, геройскія битвы на югѣ и ловкіе маневры, поддержанные несокруши-

мою стойкостью, на сѣверѣ, чудеснымъ образомъ избавили Черногорію отъ грозившаго ей нашествія громадной арміи. Но вотъ приближается осеннее ненастье. Не только въ Черногоріи, но и на возвышенныхъ плоскостяхъ Сербіи начинаются холода. Какъ выдержать ихъ египетскія, сирійскія и аравійскія войска, составляющія главную часть турецкой арміи и никогда не испытывавшія ни одного градуса мороза, когда въ Черногоріи морозъ часто достигаетъ до 26 и даже до 28 градусовъ Реомюра?..

Сербія и Черногорія могутъ еще продолжать войну. Совсѣмъ въ иномъ положеніи Порта. Всѣ ея напряженія оказались безплодными. „Положеніе Турціи," пишутъ изъ Стамбула въ *Deutsche Zeitung*, „совершенно критическое. Мы стоимъ наканунѣ войны съ Россіей; повидимому ея уже нельзя избѣгнуть, но это „уже не будетъ война, потому что у Тур„ціи нѣтъ болѣе войскъ, да нѣтъ и средствъ „сформировать новыя войска..."

№ 240.

Москва, 20-го сентября.

Мы недавно говорили объ идущихъ къ намъ съ Запада увѣреніяхъ что соглашеніе между державами касательно условій мира установилось, и что дѣло идетъ къ развязкѣ.

Дѣйствительно въ Вѣнѣ торжествуютъ побѣду. *Deutsche Zeitung*, отъ 23 сентября, провозглашаетъ что миръ обезпеченъ, и согласно съ официозною *Политическою Корреспонденціей* сообщаетъ условія принятыя всѣми державами по программѣ предъявленной Англіей:

1) Для Сербіи и Черногоріи—*status quo ante*.

2) Сербія не платитъ военной контрибуціи.

3) Для Босніи, Герцеговины и Болгаріи—*административная* автономія.

„Слову *административная*, продолжаетъ помянутая газета, слѣдуетъ придать особое удареніе, ибо тутъ идетъ рѣчь не о *политической автономіи*, въ смыслѣ учрежденія новыхъ вассальныхъ княжествъ, *чего нельзя было допустить*, но собственно объ административныхъ реформахъ *въ смыслѣ и духѣ ноты графа Андраши*; реформы которыя утверждали бы муниципальное, мѣстное самоуправленіе, съ сохраненіемъ въ неприкосновенности политической правительственной власти Порты."

„Австрія, читаемъ мы далѣе, смутилась было словомъ *автономія*, но Англія поспѣшила ее успокоить касательно дѣйствительнаго значенія этого, для нея не благозвучнаго термина, и соглашеніе установилось."

Итакъ, мы возвращаемся безъ оговорокъ къ послѣднимъ днямъ прошлаго года, къ пресловутой нотѣ графа Андраши! Все что произошло въ эти послѣдніе восемь мѣсяцевъ, всѣ злодѣянія, всѣ неистовства, всѣ запечатлѣнныя кровью десятковъ тысячъ жертвъ свидѣтельства правительственныхъ способностей турецкой орды, все это, говоримъ мы, признается какъ бы никогда не бывшимъ, *comme non avenu*, и послѣ всѣхъ пережитыхъ христіанскими населеніями ужасовъ, имъ предлагается автономія обусловленная пятью пунктами лишенной всякаго значенія, ничтожной, признанной въ своемъ интересѣ и отвергнутой въ свое время ноты Андраши!

Вотъ основы того что обозначено громкимъ заглавіемъ „административной автономіи," и на что Австрія изъявляетъ свое согласіе!

Графъ Андраши, въ considerans своей ноты, изволилъ разсуждать такъ: „Поло„женіе вещей которое сдѣлало бы возмож„нымъ совмѣстное жительство населеній „бившихся между собой съ такимъ оже„сточеніемъ можетъ быть обезпечено лишь „въ томъ случаѣ *если христіанская ре„лигія будетъ, de jure* и *de facto, поста„влена въ полное равенство съ исламиз„момъ*; если она будетъ *признана* и *ува„жаема*, а не *терпима только*, какъ нынѣ."

Въ самомъ дѣлѣ, отрекись мусульмане отъ Корана, перестань Турки быть Турками, и вопросъ Восточный разрѣшенъ благополучно.

Но пока Турки остаются Турками, турецкія реформы — обманъ, хотя бы ихъ рекомендовалъ австрійскій имперскій вице-канцлеръ.

Всѣ это знаютъ, всѣ въ этомъ убѣждены. Если же кому изъ членовъ европейской семьи пригодно прибѣгать къ обману изъ-за тѣхъ или другихъ не выговариваемыхъ, хотя и ясно проглядывающихъ цѣлей, то не отъ Россіи конечно можно требовать чтобъ она участвовала въ этой игрѣ.

Требуя не обмана, а правды, то-есть прямой автономіи для Босніи, Герцеговины и Болгаріи, Россія еще разъ заявляетъ міру о добросовѣстности своего миролюбія; ибо одно лишь это можетъ положить конецъ волненіямъ ежедневно подвергающимъ опасности жизненные интересы христіанства и цивилизаціи.

Вѣнскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*, въ письмѣ отъ 25 сентября, изложивъ всѣ новѣйшія заслуги графа Андраши на пользу неприкосновенности Порты и воздавъ хвалу Берлинскому кабинету, будто бы оказавшему Австріи существенныя услуги своимъ посредничествомъ, не ударяетъ, однако подобно своимъ вѣнскимъ собратьямъ, въ мирный тимпанъ, а подъ конецъ своего письма переходитъ даже въ минорный тонъ, выражая сомнѣніе чтобъ этотъ измѣненный проектъ былъ одобренъ Россіей. При этомъ корреспондентъ совершенно забываетъ что своимъ заключительнымъ замѣчаніемъ онъ опровергаетъ и самое извѣстіе о посредничествѣ Германіи. Если Россія еще не изъявила согласія на измѣненія будто бы уже включенныя въ проектъ, то проектъ не можетъ еще считаться измѣненнымъ, и неизвѣстно въ такомъ случаѣ между кѣмъ посредничала Германія? Для соглашенія съ Англіей насчетъ лишнихъ гарантій въ пользу Турціи графу Андраши было бы, конечно, совершенно достаточно непосредственнаго „дружескаго обмѣна мыслей;“ въ посредничествѣ тутъ не было надобности. Корреспондентъ повидимому не разчитываетъ и въ будущемъ на согласіе Россіи, такъ какъ онъ оканчиваетъ свое письмо слѣдующими мрачными предсказаніями: „Въ здѣшнемъ дипломатическомъ мірѣ не мало есть голосовъ высказывающихся въ томъ смыслѣ что не смотря на толки о мирѣ мы теперь ближе чѣмъ когда-либо къ грозной развязкѣ, къ которой будетъ поданъ сигналъ не изъ Константинополя, а изъ Петербурга.“

Итакъ, вѣнскія газеты не были правдивы возвѣщая о достигнутомъ полномъ согласіи между державами и о томъ что графъ Андраши, съ согласія всѣхъ прочихъ державъ, опять взялъ въ свои руки дѣло умиротворенія Балканскаго полуострова. Относительно Россіи это подтверждается приведенною корреспонденціей изъ Вѣны, отмѣченною обычнымъ въ *Кельнской Газетѣ* офиціознымъ значкомъ.

Но есть указанія на то что пущенные изъ тѣхъ же вѣнскихъ источниковъ слухи о поддержкѣ оказанной Австріей со стороны Германіи также лишены основанія. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, отъ 27 сентября, обсуждая приведенныя выше возраженія Австріи противъ первоначальной редакціи мирнаго проекта и ея заботы о Турціи, называетъ эти заботы „консервативными до крайности“ и находитъ что „эта черезмѣрная заботливость о Турціи, „которую стали обнаруживать въ послѣднее время въ Вѣнѣ, можетъ привести въ „концѣ концовъ къ тому что въ Турціи „нечего будетъ болѣе сохранять“. „Въ особенности,“ замѣчаетъ далѣе берлинская министерская газета, „не должно упускать „изъ виду что заботливое огражденіе авторитета султана не поведетъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ, такъ „какъ событія послѣдняго времени доказали въ чьихъ собственно рукахъ находится этотъ авторитетъ въ Турціи, и что „султанъ теперь не болѣе какъ декорація, „которая можетъ быть замѣнена другою „смотря по надобности. Для этого достаточно одной фетвы шейхъ-юль-ислама; „потребное же количество народныхъ криковъ, пушечныхъ выстрѣловъ и фейерверковъ въ честь вновь назначеннаго падишаха, всегда имѣется наготовѣ.“

Эти замѣчанія берлинской офиціозной газеты совсѣмъ не гармонируютъ съ дальновидными оговорками графа Андраши въ огражденіе неприкосновенности и авторитета Оттоманской Порты.

№ 241.

Москва, 21-го сентября.

А.

Рѣчь лорда Дарби, произнесенная имъ въ отвѣтъ депутаціи явившейся представить правительству резолюціи принятыя на митингѣ въ Лондонскомъ Сити, не оставляетъ сомнѣній касательно характера англійскихъ мирныхъ предложеній, — „*англійскихъ*, какъ ихъ къ стыду нашему называютъ,“ восклицаетъ съ негодованіемъ *Daily News*. Сущность рѣчи была намъ вкратцѣ передана телеграфомъ на прошедшей недѣлѣ. Теперь газеты принесли полный текстъ рѣчи лорда Дарби, вполнѣ подтвер-

ждающій все что сообщалось прежде корреспондентами объ англійской программѣ. Она такова какъ будто бы англійская дипломатія, взявъ на себя иниціативу переговоровъ, поставила себѣ задачей всячески избѣжать удовлетворительнаго рѣшенія. Чтобы читатели могли судить сами, изложимъ главные пункты рѣчи британскаго министра.

Вопервыхъ, онъ увѣрялъ своихъ слушателей будто Британское правительство глубоко тронуто страданіями Болгаръ, и считаетъ дѣломъ простой справедливости чтобы виновные были должнымъ образомъ наказаны. Съ этою де цѣлью сэръ-Генри Элліоту поручено потребовать аудіенціи у султана, изложить ему не стѣсняясь всѣ факты, изобличить поименно лицъ указанныхъ г. Берингомъ какъ виновниковъ жестокостей, потребовать ихъ наказанія и настоять на крайней необходимости оказать помощь пострадавшимъ. Великодушіе благороднаго лорда къ этимъ несчастнымъ не знаетъ границъ, и онъ присовокупляетъ еще что „вниманіе должно быть обращено „на случаи въ коихъ, какъ утверждаютъ, „женщины были похищены изъ домовъ; „онѣ должны быть отысканы, и *если воз„можно* возвращены.“ Этого, по всему вѣроятію, онъ считаетъ болѣе чѣмъ достаточнымъ для Болгаріи, такъ какъ о ней уже ни разу болѣе не упоминаетъ въ своей рѣчи.

Относительно взаимнаго положенія воюющихъ лордъ Дарби держится нѣсколько инаго взгляда чѣмъ его глава по кабинету. Между тѣмъ какъ лордъ Биконсфильдъ недавно восхвалялъ умѣренность Порты, согласившейся на представленія державъ о прекращеніи кровопролитія въ ту минуту когда она „восторжествовала надъ мятежными подданными и вассалами,“ статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ болѣе расположенъ считать игру „ничьей,“ а потому полагаетъ почетнымъ и справедливымъ возвращеніе къ *status quo*. Но нѣжность къ Портѣ трепещетъ въ его словахъ. „Нельзя же,“ говоритъ онъ, „требовать отъ Турціи уступокъ для пораженныхъ враговъ;“ только онъ находитъ и для нея самой „болѣе благоразумною и болѣе великодуш„ною политикой чтобъ она воздержалась „налагать на противниковъ какое-либо на„казаніе за неудачную для нихъ войну.“

Но самая интересная часть рѣчи графа Дарби, конечно, должна быть та гдѣ ему пришлось говорить о предстоящей участи христіанъ въ турецкихъ провинціяхъ, о томъ какія огражденія выработаны для христіанъ отъ варварскаго безправія долговременною мудростью британской дипломатіи, наученной событіями послѣднихъ мѣсяцевъ. Въ этомъ отношеніи полный текстъ рѣчи лорда Дарби почти ничего не прибавляетъ къ тому что передано намъ телеграфомъ. Онъ толкуетъ что вопросъ не въ томъ чего кто-либо *желаетъ*, а что при настоящихъ обстоятельствахъ *можетъ* быть сдѣлано. И единственнымъ „возможнымъ и практическимъ“ рѣшеніемъ онъ находитъ идею „мѣстной или административной автономіи,“ то-есть, поясняетъ онъ, мѣстное, *self government*. Каждой странѣ приходится де такъ или иначе рѣшать проблему согласованія центральной власти съ мѣстными учрежденіями, и, по увѣренію лорда Дарби, лучшіе изъ Турокъ сами хорошо знаютъ что ихъ система чрезмѣрной централизаціи, притомъ введенная лишь въ недавнее время и занесенная изъ Европы, была несчастіемъ и ошибкой. Какъ образецъ подобной реформы, имѣющей доставить благоденствіе всей Турецкой имперіи, графъ Дарби указываетъ на мѣстныя учрежденія Крита (которыя однако, какъ свидѣтельствовалъ графъ Дарби недавно самъ, не дѣйствуютъ, и противъ которыхъ протестуютъ Критскіе христіане). „Одинаковая свобода и для мусульманъ и для христіанъ; лучшая администрація для тѣхъ и другихъ; обезпеченіе жизни и собственности; дѣйствительныя гарантіи (слова эти вызвали смѣхъ среди слушавшей лорда Дарби депутаціи) противъ повторенія подобныхъ насилій — таковы практическія цѣли къ коимъ и мы стремимся.“

Итакъ, опять пустыя фразы, новыя обѣщанія, но какъ все это должно быть исполнено при „реформированномъ мѣстномъ управленіи“ (новый терминъ придуманный для ублаготворенія Австріи), подъ властію турецкихъ пашей, этого лордъ Дарби вовсе не поясняетъ. Умолчаніе его на этотъ разъ нельзя объяснить дипломатическою сдержанностью, ибо, по словамъ вѣнскаго корреспондента *Times*, уже за два дня сообщавшаго дословно содержаніе англійскихъ предложеній, они были представлены Портѣ до истеченія срока перемирія, и въ нихъ дѣйствительно были намѣчены только общія черты требуемыхъ реформъ, согласныхъ съ пресловутою нотой Андра-

ши, съ замѣчаніемъ что „онѣ должны быть примѣнены, насколько осуществимо, также и къ Болгаріи." Точныя же подробности плана предоставлялись дальнѣйшему обсужденію. И вотъ этотъ-то планъ выставляется какъ величайшее торжество дипломатіи, сумѣвшей наконецъ добиться согласія „всѣхъ державъ!" Теперь впрочемъ и австрійскія и англійскія газеты допускаютъ что согласіе достигнуто только въ *принципѣ*, и что остается большой просторъ для толкованія *как* разумѣть эту мѣстную автономію. То-есть на дѣлѣ выходитъ что ничего не было достигнуто. Нельзя не удивляться искусству дипломатіи въ изобрѣтеніи все новыхъ фокусовъ.

При всей туманности и неопредѣленности англійскихъ плановъ реформы, при всей сдержанности лорда Дарби въ разъясненіи ихъ онъ однако совершенно опредѣлительно высказался о томъ что не предполагается и не будетъ сдѣлано дипломатіей для тѣхъ провинцій въ коихъ встрѣчается главное затрудненіе. Имъ отказывается въ единственномъ средствѣ которое можетъ дѣйствительно спасти ихъ отъ турецкаго дикаго произвола,—въ средствѣ которое предлагалось Россіей, на которое наконецъ указали и бывшіе противники русской политики, г. Гладстонъ и лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, въ пользу котораго принимались резолюціи на множествѣ англійскихъ митинговъ. Мы говоримъ о полной автономіи, то-есть о совершенномъ изъятіи Босніи, Герцеговины и Болгаріи изъ-подъ турецкаго управленія, хотя и съ сохраненіемъ ихъ связи съ Турецкою имперіей, на подобіе Дунайскихъ княжествъ. Въ газетахъ прежде уже сообщалось что, въ угоду Австріи и вслѣдствіе ея возраженій, въ англійскихъ предложеніяхъ было прямо сказано, въ поясненіе термина „мѣстной автономіи," что при этомъ нѣтъ и рѣчи о созданіи новыхъ вассальныхъ владѣній. Теперь самъ лордъ Дарби подтверждаетъ что „планъ полной „автономіи, то-есть созданіе новой группы вассальныхъ владѣній представляется „внѣ сферы практической политики." Онъ приводитъ множество возраженій которыя можно сдѣлать противъ какого угодно плана. Онъ указываетъ на раздробленность и антагонизмъ племенъ и религій, на глубокую антипатію между римско-католиками и православными, между Греками и Славянами, на могущественное и вліятельное меньшинство турецкой аристократіи въ этихъ провинціяхъ, и пугаетъ страшною рѣзней и жестокостями. Еслибъ это не было слишкомъ гадко, то было бы забавно слышать отъ англійскихъ министровъ эти постоянные страхи предъ *возможностью* будущей рѣзни, между тѣмъ какъ ихъ вовсе не смущаетъ *дѣйствительная* рѣзня христіанъ, продолжающаяся понынѣ въ этихъ трехъ провинціяхъ. Важнѣе однако два другія возраженія предъ коими преклоняется графъ Дарби; сама Порта, а затѣмъ еще *одно* государство никогда де не согласятся на такой планъ. Приводимъ буквально слова графа Дарби: „Есть по „крайней мѣрѣ одна европейская держа„ва, которая несомнѣнно воспротивится, „даже цѣной войны, замѣнѣ Турецкаго „государства Славянскимъ."

Держава эта, само собою разумѣется, есть Австрія. Итакъ, лордъ Дарби, утверждая что въ Восточномъ вопросѣ предстоитъ сдѣлать не то чего кто-либо желаетъ, а лишь возможное, самъ однако преклоняется предъ желаніями... Турціи и Австріи! Въ угоду этимъ желаніямъ, христіане Босніи, Герцеговины и Болгаріи должны оставаться въ порабощеніи, между тѣмъ какъ британская политика выставляется безкорыстною и заявляетъ что она одна не можетъ ничего сдѣлать, а должна дѣйствовать въ согласіи съ другими. Но для сужденія о достоинствѣ политики лорда Дарби мы передаемъ слово англійскому органу. Вотъ что читаемъ въ лондонской газетѣ *Daily News*: „Въ глазахъ лорда „Дарби, Австрійское и Турецкое прави„тельство вотъ кого надо имѣть въ виду „когда обсуждается положеніе христіанъ „Оттоманской имперіи. Право Австрійскаго „правительства объявлять что оно скорѣе „начнетъ войну чѣмъ дозволитъ Славянамъ „Турціи имѣть автономію основывается съ „откровеннѣйшимъ цинизмомъ на полити„ческой гнилости этой имперіи. И съ та„кимъ-то государствомъ мы хотимъ свя„зать себя, къ его подлымъ потребностямъ „*(ignoble necessities)* мы должны приноров„лять свою политику... Слишкомъ очеви„дно что Восточное затрудненіе все рас„ширяется въ слабыхъ рукахъ которыя „до сихъ поръ пытались съ нимъ спра„виться. Пора его атаковать не въ симп„томахъ, но въ причинахъ его."

Странное дѣло: дипломатія ищетъ умиротворить, успокоить, предотвратить по-

втореніе такихъ ужасныхъ происшествій какія были въ Болгаріи, а рѣчь идетъ только о какихъ-то возможностяхъ въ виду тѣхъ или другихъ желаній, отнюдь не о томъ что настоятельно *должно* предпринять для западной цѣли. Что именно прежде всего должно сдѣлать для огражденія христіанъ въ Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ, это теперь всѣмъ извѣстно; указаніе на эту крайне неотложную мѣру дано англійской дипломатіи, и дано ея собственнымъ агентомъ, г. Берингомъ. О его докладѣ мы недавно имѣли случай говорить. Мы видѣли предъ какими недостойными инсинуаціями не останавливался г. Берингъ чтобы какъ-нибудь, хотя нѣсколько, выгородить Турокъ и набросить тѣнь на Болгаръ. Но есть одинъ пунктъ въ коемъ его отчетъ обнаруживаетъ замѣчательное единогласіе съ докладомъ князя Церетелева и г. Скайлера: это необходимость отобранія оружія у мусульманъ. Въ протоколѣ князя Церетелева и г. Скайлера читаемъ: „Самая первая мѣра которую слѣдовало „бы принять для возстановленія хотя нѣ„которой безопасности и для успокоенія „умовъ заключается въ обезоруженіи му„сульманъ, какъ это было сдѣлано съ хрі„стіанами. Дѣло состоитъ не въ запреще„ніи носить оружіе, но въ совершенномъ „его отобраніи.“ А вотъ что сказано у г. Беринга: „Единственное средство поло„жить конецъ этому прискорбному поло„женію дѣлъ—обезоружить Турокъ, осо„бенно Черкесовъ,“ и далѣе: „Пока му„сульмане расхаживаютъ вооруженные, ме„жду тѣмъ какъ христіане совершенно без„защитны, до тѣхъ поръ дѣла насилія не„избѣжны.“

Эта самая мысль о необходимости разоруженія мусульманъ, а также о выводѣ самихъ турецкихъ войскъ изъ провинцій высказывалась нами еще въ февралѣ нынѣшняго года, задолго до событій обагрившихъ неповинною кровью Болгарію. И вотъ се повторяютъ теперь люди бывшіе на мѣстѣ, не находя другаго, болѣе дѣйствительнаго, средства къ умиротворенію. Почему же англійская дипломатія оставила ее безъ вниманія? Не потому ли что эту мѣру невозможно исполнить при управленіи турецкихъ пашей, то-есть безъ дарованія провинціямъ дѣйствительной и широкой автономіи?

Впрочемъ, сейчасъ полученная нами телеграмма сообщаетъ о рѣшеніи Порты которая повидимому полагаетъ конецъ всей этой дипломатической комедіи англійскихъ предложеній. Сама Порта освобождаетъ христіанъ Востока отъ благодѣяній лорда Биконсфильда и графа Андраши...

Желательно знать въ какой мѣрѣ предусматривалась эта развязка самими авторами комедіи?

Б.

Благодаря позорнымъ поблажкамъ Европы, повальное избіеніе христіанъ Турками продолжается въ Болгаріи, распространяется на всю Боснію и не ограничивается нынѣ одною Европейскою Турціей. По свѣдѣніямъ туркофильской *Deutsche Zeitung*, такое же избіеніе затѣяно нынѣ и въ Малой Азіи; въ Эрзерумскомъ и Карсскомъ пашалыкахъ оно началось избіеніемъ 600 Армянъ... И странное дѣло,— извѣстіе это какъ разъ совпадаетъ съ извѣстіемъ о прибытіи туда,—будто бы на случай войны съ Россіей,—17.000 регулярныхъ войскъ, уже готовившихся отправиться въ Нишъ противъ Сербіи, но поспѣшно направленныхъ къ русской малоазіятской границѣ, благодаря свѣдѣніямъ о сосредоточеніи русскихъ войскъ въ окрестностяхъ Александрополя...

На этотъ разъ Портѣ не придется, какъ въ Болгаріи, складывать вину за неповинно-пролитую христіанскую кровь на „мстительность“ и „разнузданность“ мѣстныхъ баши-бузуковъ. Напротивъ, полученныя изъ Эрзерума свѣдѣнія присовокупляютъ что вмѣстѣ съ 600 христіанами-Армянами убито и нѣсколько человѣкъ туземныхъ магометанъ, „пытавшихся противиться этому побоищу...“ Итакъ, мѣстные магометане защищали своихъ христіанскихъ согражданъ; сигналомъ же для избіенія послужило появленіе регулярныхъ турецкихъ войскъ...

И все это происходитъ уже въ не отдаленныхъ отъ насъ Болгаріи и Босніи, а на самой нашей границѣ, на глазахъ русскихъ пограничныхъ населеній, въ виду русской арміи, предъ русскимъ знаменемъ, которое, благодаря Богу, наконецъ-то развѣвается уже на Турецкой границѣ.

В.

Не одни лавры ожидаютъ въ Турціи многочисленныхъ ренегатовъ, выставляемыхъ на защиту Ислама разными наро-

дами христіанской Европы. Некрасивымъ обращикомъ является въ этомъ отношеніи участь постигшая бывшаго главнокомандующаго албанской арміи, польскаго Еврея Фрейнда, величаемаго Махмудъ-пашой. За пораженіе при Медунѣ онъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ въ Константинополѣ суду. Вотъ чрезвычайно характеристичныя для турецкой арміи и вообще для турецкихъ порядковъ подробности, сообщаемыя по этому поводу, изъ Перы, въ *Deutsche-Zeitung*: 14 августа, въ 2 часа пополудни, по словамъ этой корреспонденціи, Махмудъ-паша выступилъ съ 14 баталіонами низама, 4.000 Арнаутами и Зейбеками и 14 орудіями по дорогѣ къ Тузинѣ, на выручку осаждаемаго Черногорцами Медуна. Недалеко отъ Медуна вся эта сила была атакована нѣсколькими тысячами Черногорцевъ; при первомъ ихъ натискѣ 13 баталіоновъ и всѣ баши-бузуки „безъ оглядки побѣжали къ чорту,“ оставивъ въ сторонѣ отъ поля сраженія своего главнокомандующаго съ однимъ триполійскимъ баталіономъ и всею артиллеріей. Нечего было и думать остановить бѣгущихъ: добѣжавъ до лагеря, они увлекли за собою и оставшіяся тамъ войска; горсть Черногорцевъ преслѣдовала бѣгущихъ до самой Подгорицы, на пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости. Черногорцы должно-быть не замѣтили оставшагося въ сторонѣ Махмудъ-пашу съ однимъ баталіономъ и 14 орудіями, которые поспѣшили воспользоваться наступившею ночью чтобы возвратиться въ Подгорицу...

Такъ вотъ они эти герои, воодушевленные „фанатизмомъ,“ безстрашіе которыхъ превозносится англійскими министрами, газетами Австро-Венгріи, парижскимъ *Journal des Débats!* Но не менѣе характеристична и для турецкихъ порядковъ резюмируемая нами корреспонденція. Какъ видно изъ нея, Махмудъ-паша, по возвращеніи въ Подгорицу, немедленно предалъ струсившихъ офицеровъ полевому военному суду. На дѣлѣ вышло иначе. Въ силу султанскаго фирмана преданные суду трусы-офицеры были помилованы и освобождены, а суду преданъ самъ Махмудъ-паша. Его подъ конвоемъ отправили въ Стамбулъ, гдѣ онъ немедленно былъ арестованъ и посаженъ „въ темную комнату, *безъ свѣчи, на хлѣбъ на воду,*“ точно провинившійся школьникъ. Къ нему никого не допускаютъ. „По слухамъ,“ присовокупляетъ корреспондентъ, „вліятельныя личности въ Стамбулѣ имѣютъ съ нимъ какіе-то старые счеты, такъ что ему остается мало надежды избѣгнуть висѣлицы!“

Дай Богъ чтобы Турки давали бы почаще такія поучительныя назиданія многочисленнымъ вѣроотступникамъ, которыми снабжаютъ ихъ австрійскіе Нѣмцы, Поляки и Мадьяры...

№ 242.

Москва, 22-го сентября.

А.

Послѣдніе нумера берлинскихъ газетъ принесли намъ весьма важныя извѣстія, которыя получаютъ еще большее значеніе въ виду выразительнаго сообщенія изъ Константинополя, переданнаго намъ вчера по телеграфу, что Турція отклонила англійскія предложенія, и не соглашается даже на ту мизерную автономію для трехъ возставшихъ турецкихъ провинцій какую предлагаютъ англійскіе министры. Мы приведемъ эти извѣстія въ томъ порядкѣ какъ они сообщаются упомянутыми газетами:

Въ *National-Zeitung* помѣщена спеціальная телеграмма изъ Вѣны, отъ 30-го сентября, слѣдующаго содержанія: „Генералъ-адъютантъ Сумароковъ-Эльстонъ возвращается прямо въ Ливадію (прежде сообщалось что онъ поѣдетъ изъ Вѣны въ Бѣлградъ) какъ только получитъ отвѣтъ императора Франца-Іосифа на собственноручное письмо Императора Александра. Объ этомъ отвѣтѣ императоръ Францъ-Іосифъ имѣлъ сегодня совѣщаніе съ графомъ Андраши. Повидимому рѣчь идетъ о совокупномъ австро-русскомъ дѣйствіи съ цѣлью прекращенія турко-сербской войны. Есть вѣроятіе что вопреки нежеланію здѣшнихъ дипломатическихъ круговъ рѣшеніе будетъ принято въ смыслѣ предложенія Россіи.“ Редакція *National-Zeitung*, считая это извѣстіе достовѣрнымъ, замѣчаетъ слѣдующее: „Важное вмѣшательство, которое такъ давно носилось въ воздухѣ, облекается наконецъ въ осязательный образъ съ плотью и кровью. Рѣшеніе которое будетъ принято сегодня въ Вѣнѣ о совокупномъ дѣйствіи съ Россіей не имѣетъ еще характера непосредственной катастрофы: воюющимъ сторонамъ еще предоставляет-

ся возможность подчиниться этому рѣшенію. Но коварная медлительность Порты и смѣлое движеніе впередъ Сербіи въ одинаковой мѣрѣ побуждаютъ державы перейти наконецъ отъ увѣщаній и нотъ къ дѣлу. Словъ потрачено довольно, и нужно надѣяться что дѣйствія теперь приготовляющіяся поведутъ къ мирному разрѣшенію вопроса.“

Въ дополненіе къ приведенной телеграммѣ, *National-Zeitung* отъ 1-го октября сообщаетъ письмо своего вѣнскаго корреспондента слѣдующаго содержанія: „Мы находимся наканунѣ весьма важныхъ рѣшеній, и политическихъ мудрецовъ, которые въ теченіе года предавались всевозможнымъ мечтаніямъ ожидаютъ великія и непріятныя разочарованія. Вопросъ о мирѣ и войнѣ зависитъ теперь отъ отвѣта который дастъ императоръ Францъ-Іосифъ на письмо Императора Александра. Императоръ прибудетъ сегодня вечеромъ (29 сентября) въ Шенбруннъ для совѣщанія объ отвѣтѣ съ графомъ Андраши. Послѣзавтра генералъ Сумароковъ уѣдетъ отсюда. Онъ имѣлъ разговоръ съ графомъ Андраши, и при немъ высказалъ что сердце его Государя переполнилось бы горестью еслибы Россіи пришлось отказаться отъ дружбы съ Австріей. Смыслъ этого разговора можетъ быть выраженъ въ слѣдующей дилеммѣ: или война (Россіи съ Австріей), или совокупное занятіе турецкихъ провинцій. Какъ мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, предложеніе Россіи о совокупномъ съ Австріей военномъ занятіи энергически поддерживается Германіей. Король Саксонскій находится теперь въ Вѣнѣ съ порученіемъ въ этомъ смыслѣ. Завтрашній день, по всему видимому, будетъ днемъ важныхъ рѣшеній, и судьба Австріи опредѣлится на долгое время.“

Neue Freie Presse, отъ 30-го сентября, въ свою очередь сообщаетъ что письмо Императора Всероссійскаго къ Австрійскому было послѣднею попыткой сохранить европейскій миръ. Россія пригласила де Австрію къ соглашенію касательно гарантій къ осуществленію мирныхъ условій между Портой и воюющими государствами Балканскаго полуострова. По предложенію Россіи, гарантіи эти должны де заключаться въ военномъ занятіи турецкихъ провинцій, именно: Босніи и Герцеговины Австріей, а Болгаріи Россіей. Далѣе та же газета сообщаетъ что императоръ Францъ-Іосифъ прибылъ 30 сентября ночью въ Вѣну, и тотчасъ же имѣлъ совѣщаніе съ графомъ Андраши. Весьма де вѣроятно что иностраннымъ кабинетамъ сообщено о новомъ проектѣ. Послы иностранныхъ державъ находящіеся въ Вѣнѣ имѣли 29 сентября совѣщаніе у англійскаго посла г. Бьюканана. Генералъ Сумароковъ, намѣревавшійся первоначально проѣхать въ Бѣлградъ, отправилъ туда одного русскаго офицера, а самъ уѣзжаетъ прямо въ Ливадію.

Кромѣ того *National-Zeitung*, отъ 1-го октября, сообщаетъ, на основаніи спеціальной телеграммы изъ Вѣны, не ручаясь впрочемъ за достовѣрность извѣстія, что Австрія пожелала, прежде чѣмъ дать отвѣтъ на предложеніе Россіи о совокупномъ военномъ занятіи турецкихъ провинцій, получить на это согласіе отъ прочихъ державъ. Вслѣдствіе де этого произошелъ дѣятельный обмѣнъ телеграфныхъ сношеній между кабинетами. Германія и Италія будто изъявили свое полное согласіе, Франція еще колеблется отвѣтомъ, а Англія будто отвѣтила несогласіемъ, о чемъ заключаютъ изъ возраженій лорда Биконсфильда русскому послу, который отъ имени своего правительства доказывалъ невозможность предоставить безсильной Портѣ самой осуществить реформы необходимыя для христіанъ.

Признаемся откровенно что всѣ эти важныя извѣстія представляются намъ еще весьма нуждающимися въ подтвержденіи, въ виду дальнѣйшихъ телеграфныхъ извѣстій что Порта, отъ которой не могла же совершенно укрыться эта важная перемѣна въ дипломатическомъ созвѣздіи, все-таки упорствуетъ и не только не сдѣлала никакого шага на встрѣчу настояніямъ Россіи о дѣйствительной автономіи для трехъ славянскихъ провинцій, но отклонила и предложеніе сэръ-Генри Элліота, поддержанное державами (Россіей только въ принципѣ), которое, еслибъ и было принято, далеко не устраняло опасности столкновеній, такъ какъ англійскій проектъ „автономіи“ требуетъ существенныхъ дополненій и измѣненій.

Б.

Въ то самое время какъ англійскій премьеръ оправдывалъ отправку сильнаго англійскаго флота въ Безикскую бухту при-

мѣромъ другихъ державъ пославшихъ, послѣ убійства европейскихъ консуловъ въ Салоникахъ, по нѣскольку кораблей въ воды Архипелага, шутливо замѣчая что не его вина если каждый разъ какъ дѣло коснется морскихъ силъ Англія оказывается сильнѣе всѣхъ другихъ державъ,—англійская военно-морская *United Service Gazette* не находила нужнымъ соблюдать подобную дипломатическую сдержанность въ бесѣдахъ со своими преимущественно военными читателями. Эта газета, нисколько не церемонясь, тогда же прямо объяснила посылку англійскаго флота въ Безикскую бухту необходимостью оказать „нравственную поддержку султану, котораго десятки милліоновъ англійскихъ подданныхъ въ Остъ-Индіи признаютъ единственнымъ наслѣдникомъ Пророка.“ Недавно эта газета высказалась еще откровеннѣе, разочаровывая тѣхъ кто, въ простотѣ души, готовы были бы склониться къ мысли что Англія въ самомъ дѣлѣ руководится въ своей политикѣ желаніемъ сообразоваться съ чувствами десятковъ милліоновъ своихъ мусульманскихъ подданныхъ. Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Кронштадскаго Вѣстника* мы находимъ выдержку изъ статьи помѣщенной въ *United Service Gazette*, отъ 23 (11) сентября, разъясняющую цѣль посылки британскаго флота въ Безикскую бухту безъ всякихъ околичностей: „Если Россія,“ сказано въ этой статьѣ, „займетъ турецкія провинціи, то нашъ флотъ можетъ держать въ своей власти Дарданеллы, Босфоръ и Константинополь. Безъ сомнѣнія что если этотъ древній историческій городъ Константина долженъ достаться въ руки какой-либо иностранной націи, то разумѣется по всей *справедливости* онъ долженъ сдѣлаться достояніемъ такой морской державы какъ Англія.“

Не удивительно что въ виду такихъ стремленій всѣ старанія разрѣшить Восточный вопросъ мирнымъ путемъ оказывались и оказываются безуспѣшными. Нечему будетъ удивляться если Англійское правительство не сочтетъ себя оскорбленнымъ и отказомъ Порты, вообще покорно слѣдующей его указаніямъ, принять англійскія предложенія мира. Принявъ ихъ, Порта не подвинула бы Англіи къ той цѣли какая имѣлась въ виду при посылкѣ флота въ Безикъ и 27.000 войска въ Мальту...

В.

Читатели бѣлградскихъ корреспонденцій газеты *Times* должны быть поставлены въ странное недоумѣніе свѣдѣніями которыя въ нихъ сообщаются. Корреспондентъ, по тону нѣкоторыхъ сообщеній, человѣкъ очевидно близкій къ англійскому консульству въ Бѣлградѣ и повидимому оттуда почерпающій свои главныя свѣдѣнія, до такой степени кидается изъ одной крайности въ другую что трудно распознать что выдается имъ за вѣрное. Давно ли этотъ господинъ утверждалъ что всѣ истинные сербскіе патріоты пламенно желаютъ мира и какъ нельзя болѣе обрадовались предложенному Англіей посредничеству, и главною причиной такого желанія сербскихъ патріотовъ выставлялъ будто бы сильныя сомнѣнія и даже опасенія возбуждаемыя въ нихъ наплывомъ русскихъ офицеровъ. Не взирая на помощь которую они приносятъ, Сербы видѣли де что такимъ образомъ армія ускользаетъ изъ ихъ рукъ и становится авангардомъ Россіи для ея собственныхъ цѣлей, а не въ интересахъ Сербіи. Для вящей убѣдительности корреспондентъ даже позволилъ себѣ, въ объясненіе большой смертности русскихъ офицеровъ въ битвахъ, сдѣлать намекъ будто „не всѣ русскіе офицеры пали отъ турецкихъ пуль!“

Въ послѣдней корреспонденціи онъ сообщаетъ совсѣмъ другое. Вотъ что читаемъ въ его телеграммѣ, отъ 28-го сентября: „Даже говорить что вы думаете о „мирѣ можетъ сдѣлать васъ подозрительнымъ въ Бѣлградѣ; говорить же что онъ „былъ бы желателенъ значитъ сдѣлаться „ненавистнымъ.“ Затѣмъ положеніе иностранныхъ консуловъ въ Бѣлградѣ корреспондентъ изображаетъ, особенно для нѣкоторыхъ консуловъ, самымъ тягостнымъ. „Клевета здѣсь господствуетъ,“ пишетъ онъ. „Трудно, почти даже невоз„можно, для кого-либо исполнять свой „долгъ не подвергаясь ея стрѣламъ, и нѣ„которые консулы наименѣе того заслу„живающіе становятся жертвами этого под„лаго оружія. Я не знаю чѣмъ можетъ „быть Бѣлградъ въ обычныя времена, но „именно въ настоящую минуту ни этотъ „городъ, ни какая другая часть Сербіи не „есть желательное мѣсто для пребыванія „какъ для австрійскихъ, такъ и для британскихъ подданныхъ.“

Послѣ этого невольно вырвавшагося признанія, понятно что остается думать о прежнихъ сообщеніяхъ этого господина касательно взглядовъ Сербовъ на русскихъ офицеровъ-добровольцевъ, жертвующихъ жизнью за братскій имъ народъ. Въ Россіи конечно никто ни на минуту не могъ повѣрить лживымъ сообщеніямъ англійскаго корреспондента, которыя рѣшительно противорѣчили всѣмъ доходящимъ до насъ извѣстіямъ.

№ 243.

Москва, 23-го сентября

На дняхъ приводили мы мнѣніе правительственной вѣнской *Politische Correspondenz* будто князь Черногорскій не особенно настаиваетъ на пріобрѣтеніи отъ Турціи какой-нибудь гавани на Адріатическомъ побережьи. Для всякаго кому извѣстно то безвыходное положеніе, въ какое ставитъ Черногорію неимѣніе такой гавани, то-есть лишеніе свободнаго сообщенія съ остальнымъ міромъ, это мнѣніе, конечно, должно было показаться по меньшей мѣрѣ куріознымъ. Дѣйствительно, за неимѣніемъ такой гавани Черногорія не только лишена свободнаго сбыта своихъ произведеній, изъ коихъ вино и табакъ могли бы появиться на европейскихъ рынкахъ, но лишена въ сущности и права самообороны, такъ какъ по ограниченности своихъ матеріальныхъ средствъ, она не имѣетъ возможности завести у себя всѣ тѣ разнородныя военныя лабораторіи которыя необходимы для вооруженія страны...

Черногорскіе владыки и князья никогда не упускали случая возбудить предъ Портой этотъ жизненный для Черногоріи вопросъ объ уступкѣ гаваней Спиццы и Антивари на Адріатическомъ морѣ. Сама Порта не разъ, въ минуты опасности, возбуждала надежды Черногорцевъ на это пріобрѣтеніе, обѣщая, въ видѣ награды за ихъ нейтралитетъ, уступку имъ этого клочка земли. Еще въ началѣ настоящаго года, а затѣмъ и въ началѣ минувшей весны, Порта, предчувствуя приближавшуюся грозу, возобновляла свои обѣщанія въ этомъ смыслѣ.

Князь Черногорскій *не имѣетъ права* не настаивать на этомъ требованіи; въ настоящее же время онъ не имѣетъ и основанія оказывать въ этомъ дѣлѣ большую сговорчивость: всѣ напряженныя усилія Турціи подвергнуть Черногорію той же участи какъ Болгарію оказались напрасными. На дняхъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* помѣщено было подробное обозрѣніе военныхъ дѣйствій Черногорцевъ съ Турками. Обозрѣватель, владѣющій очевидно весьма основательными свѣдѣніями съ мѣста, изо дня въ день прослѣдилъ всѣ сраженія и движенія обѣихъ сторонъ и не могъ не признать что положеніе Турокъ до пріостановки военныхъ дѣйствій было отчаянное. Сгарая местью за пораженіе на Вучьемъ Долѣ, давая клятвы что разоритъ Черногорію или не выйдетъ изъ нея живымъ, Мухтаръ-паша двинулся къ Грахову-полю, но дойти не могъ. Онъ былъ разбитъ у мѣстечка Граховца, а затѣмъ его съ трехъ сторонъ окружили Черногорцы; залегая за камнями, прячась за утесами, они разомъ поставили Мухтара въ положеніе оборонительное. „Къ началу перемирія,“ говоритъ военный обозрѣватель *Русскаго Инвалида*, „положеніе Мухтара оказалось такимъ образомъ еще болѣе стѣсненнымъ чѣмъ бывшее его положеніе въ Требиньѣ. Его главная квартира находится теперь въ укрѣпленіи Клобукъ, армія же расположена въ пяти верстахъ вверхъ по рѣчкѣ Заслапѣ въ укрѣпленіяхъ гдѣ 12.000 Черногорцевъ со всѣхъ сторонъ его обложили. Движеніе въ Черногорію ему преграждено укрѣпленіями Черногорцевъ, пути же отступленія чрезъ Клобукъ въ Баняны или по рѣчкѣ Заслапѣ въ Билечъ и Требинье перехвачены отрядами Герцеговинцевъ и Черногорцевъ.“

Командующимъ турецкими войсками на югѣ Черногоріи назначенъ былъ, наконецъ, Дервишъ-паша, посѣдѣвшій въ бояхъ съ Черною Горой. Онъ составилъ планъ нападенія хорошо обдуманный и въ военномъ смыслѣ справедливо одобряемый *Русскимъ Инвалидомъ*. Но все искусство Дервишъ-паши ничего не сдѣлало противъ страшныхъ черногорскихъ атакъ холоднымъ оружіемъ, которыя, по мнѣнію нашей военной газеты, доказали что въ европейскихъ арміяхъ вообще преувеличиваютъ теперь значеніе ружейнаго огня. Черногорцы стараются какъ можно скорѣе прекратить перестрѣлку и бросаются въ рукопашь со своими ятаганами, нанося непріятелю громадныя потери, какихъ не причиняетъ и артиллерійскій огонь. От-

битый на всѣхъ пунктахъ, Дервишъ-паша заперся въ Подгорицѣ. „Пріостановка военныхъ дѣйствій," читаемъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*, „застала турецкую армію Дервишъ-паши у Подгорицы въ плохомъ положеніи. Постоянныя неудачи испытываемыя здѣсь оттоманскими войсками значительно расшатали ихъ военную дисциплину и поселили въ ихъ рядахъ деморализацію. Назначеніе опытнаго Дервишъ-паши пока мало принесло пользы, такъ какъ и онъ ничего не можетъ сдѣлать съ такимъ трусливымъ матеріаломъ какой ему достался въ Подгорицѣ. Не только при появленіи Черногорцевъ, но даже при слухѣ объ ихъ приближеніи паническій страхъ овладѣваетъ императорскими оттоманскими войсками, которыя бѣгутъ, бросая оружіе и не слушаясь своихъ командировъ. Дервишъ-пашѣ не разъ приходилось стрѣлять по своимъ войскамъ чтобы заставить ихъ идти противъ Черногорцевъ, но и это средство не помогло. Въ виду такого состоянія своей арміи, Дервишъ-паша потребовалъ замѣны хотя части находящихся подъ его начальствомъ войскъ свѣжими полками изъ Сиріи, но получилъ отказъ съ объясненіемъ что правительство не имѣетъ пока свободныхъ войскъ."

А между тѣмъ отношенія Турокъ съ Мирдитами становятся все хуже, и Дервишъ-паша долженъ былъ отправить противъ этихъ воинственныхъ племенъ около восьми баталіоновъ.

Если только Европа не благоразсудитъ выступить во всеоружіи на помощь Туркамъ, Черногорцы также успѣшно управятся съ ними какъ управлялись прежде съ не менѣе сильными турецкими арміями.

Какимъ же образомъ объяснить выраженное выше сообщеніе австрійской правительственной газеты?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ органахъ двухъ партій, стоящихъ нынѣ у кормила правленія Габсбургской монархіи, партіи мадьярской и партіи нѣмецкой. Онѣ повелительнымъ тономъ требуютъ отъ графа Андраши чтобъ онъ не допустилъ уступки ни одной пяди турецкаго побережья на Адріатическомъ морѣ въ пользу Черногоріи. „Вопреки предостереженіямъ покойнаго Омеръ-паши," говоритъ напримѣръ *Deutsche Zeitung*, „Порта пожалуй уступитъ Черногоріи требуемыя ею пастбища; но противъ уступки гавани на Адріатическомъ морѣ Австрія *обязана* (курсивъ въ текстѣ) предостеречь Турцію. Мы говоримъ: Австрія *обязана*. Она *обязана*, потому что отъ этого зависитъ ея будущее морское значеніе (!), отъ этого зависитъ ея территоріальная цѣлость на ея юго-славянской границѣ (!). Стоитъ открыть гавань Спиццы *русскимъ* подвозамъ въ Черногорію, и учрежденіе юго-славянской державы уже приведено въ систему (!). Тріединое Королевство освободится отъ короны Св. Стефана. Вмѣсто экспериментовъ съ *дуализмомъ* мы пустимся въ эксперименты съ *тріадой*. Тогда приблизится къ осуществленію планъ Суворова въ 1799 (!?) колонизовать *для Россіи* (?) Черногорію, Боку Которскую и Рагузу съ тѣмъ чтобъ *оттуда* (?) направиться на Константинополь..."

Что это такое? Горячечный ли бредъ, или обезумѣвшая трусость? Какъ? отъ того что въ полномъ смыслѣ слова *клочокъ* земли на берегу Адріатики будетъ уступленъ умирающему съ голоду княжеству со 160.000 населеніемъ, отъ этого могутъ подвергнуться опасности и морское значеніе, и территоріальная цѣлость, и весь государственный строй имперіи въ 40 милліоновъ промышленнаго, богатаго и просвѣщеннаго населенія?... Что же это за держава которая распадется въ прахъ отъ малѣйшаго улучшенія быта его разрозненныхъ, угнетенныхъ и нищенствующихъ сосѣдей?...

Какъ ни унизительно, какъ ни позорно это сознаніе собственнаго ничтожества, но оно господствуетъ во всѣхъ органахъ обѣихъ національныхъ группъ управляющихъ нынѣ судьбами Австро-Венгріи. Въ ихъ отзывахъ о Славянахъ высказывается доведенный до безумія страхъ. Съ силой настоящаго взрыва высказалось это малодушное чувство по поводу предположенія объ уступкѣ Портой какой-нибудь гавани на Адріатикѣ въ пользу Черногоріи. Для успокоенія его и пущена приведенная выше статейка *Politische Correspondenz*, а между тѣмъ, подъ рукой, распущенъ слухъ будто князь Черногорскій, въ этомъ случаѣ, сдался настояніямъ русскаго генеральнаго консула въ Рагузѣ, г. Іонина; значитъ де тутъ австрійскою дипломатіей уже одержана рѣшительная побѣда: не по собственной же иниціативѣ русская дипломатія вдругъ, ни съ того ни съ сего, связала по рукамъ и по ногамъ своего „любимца," князя Черногорскаго, по во-

просу, въ которомъ она сама не разъ признавала его право и поддерживала его...

Само собою разумѣется, вся эта фарса увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ: встревоженное общественное мнѣніе австрійскихъ Нѣмцевъ не только успокоилось, но и самодовольно пріосанилось...

Но вопросъ этотъ все-таки остался по-прежнему *жизненнымъ* вопросомъ для Черногоріи, а слѣдовательно весьма серіознымъ и для Россіи, нравственно заинтересованной въ обезпеченіи жизненности послѣдняго оплота православно-славянской независимости на югѣ Европы. Мало того, вопросъ этотъ важенъ и для самой Порты, для которой безвыходное экономическое состояніе Черногоріи составляетъ постоянную опасность. Дѣйствительно, томимая голодомъ и отсутствіемъ всякой торговли, а слѣдовательно и промышленности, Черногорія постоянно была для Турціи сосѣдомъ въ высшей степени безпокойнымъ, даже грознымъ. „Чтобы закрыть навсегда храмъ Януса,“ писалъ объ этомъ дѣлѣ извѣстный изслѣдователь народовъ Востока, Убичини, „для Черногоріи необходимъ „выходъ въ Адріатическое море. Для этого „недостаточно чтобы Черногорія могла свободно сбывать свои произведенія въ Антивари,—необходимо чтобъ Антивари сталъ „тѣмъ чѣмъ оно было прежде, *Черногорскою гаванью*, какъ при владыкѣ Даніилѣ „Петровичѣ (1697 и 1737 годъ).“

№ 244.

Москва, 23-го сентября.

На дняхъ мы передали, со словъ мѣстныхъ газетъ Новороссійскаго края, содержаніе адреса поднесеннаго въ Ливадіи Государю Императору крымскими Татарами и въ которомъ это мусульманское населеніе Таврическаго полуострова благодаритъ за царскія милости и изъявляетъ свою преданность Государю и великому Русскому отечеству. Такое настроеніе, засвидѣтельствованное особою депутаціей слишкомъ изъ 280 человѣкъ туземцевъ татарскаго племени и магометанскаго исповѣданія, предводимыхъ своимъ имамомъ-мудерисомъ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени облегчитъ задачу Высочайше учрежденной въ Петербургѣ коммиссіи по устройству быта крымскихъ Татаръ, изыскивающей способы охраненія мѣстнаго туземнаго населенія отъ овладѣвшаго имъ вновь порыва эмиграціи. Мы ужь имѣли случай высказать мнѣніе что нѣтъ особой надобности искусственными мѣрами удерживать въ Крыму Азіятцевъ, вторично уже поднимающихся для перекочевки и которые не только безъ ущерба, а даже съ пользою для края, могли бы быть замѣнены иными сельско-хозяйственными элементами. Едва ли окажется въ нихъ недостатокъ. Русскіе внутреннихъ губерній вереницами тянутся на Кавказъ; тысячи ограбленныхъ Турками скитающихся Болгаръ готовы были бы искать убѣжища въ настоящемъ и прочной осѣдлости въ будущемъ подъ сѣнію русскаго орла; въ Чехіи, по иниціативѣ извѣстнаго агронома Фр. Доубровы, автора недавно вышедшей брошюры *Чешскій колонистъ въ Россіи*, начинается движеніе, имѣющее цѣлію свернуть ежегодно выѣзжающую массу переселенцевъ съ американской и бразильской дороги на русскую; въ Швейцаріи образовалось товарищество для покупки въ Крыму и для отправленія туда земледѣльцевъ и садоводовъ. Вопросъ о заселеніи Крыма является въ довольно благопріятныхъ условіяхъ.

Но это — вопросъ будущаго, а теперь естественно желать огражденія Татаръ отъ тѣхъ возбужденій которыя влекутъ ихъ къ разлукѣ съ ихъ родиной. Въ нашей печати высказывается иногда мнѣніе, будто отвѣтственность за выселеніе Татаръ изъ Крыма должна падать главнымъ образомъ на мѣстныхъ помѣщиковъ. Такого мнѣнія отчасти держится газета *Голосъ*, полагающая (№ 241) что „крымскіе помѣщики смотрятъ на Татаръ не какъ на людей, а исключительно какъ на рабочую силу и не рѣшаются поступиться ни одною изъ своихъ выгодъ для ослабленія выхода.“ Такое мнѣніе раздѣляетъ и *Недѣля* (1875 годъ, № 51), прямо объясняющая эмиграцію Татаръ „безвыходными экономическими условіями, въ которыя они поставлены“ и проповѣдующая что „положеніе Татаръ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, хуже бывшихъ крѣпостныхъ въ Россіи.“ Почти нѣтъ надобности говорить что въ этихъ quasi-либеральныхъ сужденіяхъ нѣтъ ни малѣйшей доли истины. Положеніе Татаръ въ Крыму не было и не могло быть „хуже“ положенія крѣпостныхъ въ Россіи, не можетъ

быть даже и приравниваемо къ последнему; „экономической безвыходности“ оно не могло представлять, и помѣщики не могли эксплуатировать Татаръ, трактуя ихъ „исключительно какъ рабочую силу,“ по той простой причинѣ что Татары—свободные люди, и живутъ на помѣщичьихъ земляхъ не по принужденію и не потому чтобъ имъ некуда было дѣваться въ этой, нынѣ безлюдной, всегда мало населенной мѣстности, а по уговореннымъ, выгоднымъ для обѣихъ сторонъ условіямъ. Повинности ихъ не могли быть „обременительны,“ какъ полагаетъ *Голосъ:* размѣры ихъ опредѣлены особымъ закономъ. И существовали они не на одной только „бумагѣ,“ какъ думаетъ та же газета. Системой управленія краемъ во времена генералъ-губернаторства князя М. С. Воронцова было всяческое такъ-сказать приручeніе Татаръ къ Россіи, и система эта, иногда доводимая до крайности, до пристрастія къ Татарамъ даже въ ущербъ русскимъ землевладѣльцамъ, исключала всякую возможность злоупотребленій со стороны послѣднихъ. Съ того времени, если правительственныя отношенія къ инородческимъ населеніямъ Россіи стали нормальнѣе, то административная забота не перестала ограждать ихъ благосостояніе, а коснувшіяся и Крыма полицейскія и судебныя реформы обезпечили ихъ отъ притѣсненій со стороны землевладѣльцевъ. Мы можемъ привести лично извѣстный намъ фактъ, показывающій находится ли двукратная крымская эмиграція въ связи съ дѣйствіями помѣщиковъ или нѣтъ. Владѣлецъ одного крымскаго имѣнія, рѣдко даже посѣщавшій его, управлявшій имъ чрезъ любимаго всѣми поселянами односельца ихъ и единовѣрца старика-прикащика, извлекавшій изъ своей земли умѣренные доходы, не пользовавшійся даже всѣми опредѣленными закономъ повинностями, находился со своими Татарами въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ: послѣ войны (въ теченіи которой поселяне пользовались землею по своему усмотрѣнію) *они выѣхали въ Турцію почти поголовно.* Нѣкоторая часть ихъ въ послѣдствіи возвратилась; ни они, ни оставшіеся поселяне въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не отбывали ровно никакихъ повинностей, пользуясь землею безмездно; потомъ они взяли эту землю въ аренду, внося за нее умѣренную плату и хозяйничая на ней полными господами, безо всякаго вмѣшательства собственника, тѣмъ не менѣе теперешняя эмиграція *увлекаетъ и ихъ....*

Дѣло въ томъ что въ 1860 году Татары, чувствовавшіе себя не совсѣмъ правыми относительно Россіи, вообразили что, какъ бы въ наказаніе за ихъ поведеніе въ военное время, правительство *желаетъ* удаленія ихъ изъ Крыма. Не понявъ закона объ общей воинской повинности, они представили себѣ что и *вся* двадцатилѣтняя молодежь будетъ забираема въ солдаты и притомъ разсыпана по арміи безо всякой возможности исполнять обряды своей религіи. Въ обоихъ случаяхъ, къ этому слѣдуетъ прибавить еще пропаганду турецкаго фанатизма. Внутреннее недоразумѣніе и подстреканія извнѣ, вотъ двѣ причины прежняго и нынѣшняго движенія Татаръ вонъ изъ Крыма. Сообразно съ этимъ, упомянутая выше Высочайше учрежденная коммиссія, изыскивающая средства къ прекращенію зла, признала необходимыми слѣдующія мѣры: Помилованіе возвратившихся эмигрантовъ. Изданіе и распространеніе особаго сборника на татарскомъ языкѣ, содержащаго въ себѣ всѣ узаконенія, касающіяся крымскихъ Татаръ. Запрещеніе турецкимъ судамъ рыбной ловли въ крымскихъ територіальныхъ водахъ и недозволеніе имъ приставать къ крымскимъ берегамъ для жиротопленія, подъ предлогомъ котораго производится пропаганда и увозъ сбитыхъ съ толку жителей. Учрежденіе крейсеровъ и усиленіе береговой стражи....

Первая изъ этихъ мѣръ, амнистія въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ извѣстно, уже осуществлена въ торжественный день тезоименитства Государя Императора: она-то мгновенно и вызвала со стороны татарскаго населенія благодарственную манифестацію, послѣдовавшую 4 сентября и подающую надежду на прекращеніе продолжающагося съ 1873 года неразумнаго движенія. Остальныя предположенія коммиссіи вѣроятно будутъ постепенно приводимы въ исполненіе.

Однимъ изъ нихъ порождено очевидное недоразумѣніе въ петербургской печати. Учрежденіе крейсеровъ и усиленіе береговой стражи кажется *Голосу* „совершенно несостоятельнымъ.“ Названная газета полагаетъ что морской надзоръ ограничится „тремя крейсерами“ и находитъ что исчисленный на содержаніе этихъ „трехъ

судовъ" расходъ во 140.000 рублей слишкомъ великъ; съ другой стороны — что „три суда не въ состоянiи будутъ услѣдить за всѣмъ берегомъ на протяженiи болѣе 900 верстъ." Сколько намъ извѣстно, „тремя судами" надзоръ не долженъ ограничиться. Предполагается цѣлая особая система. Три парохода составятъ лишь первую обсерваціонную линію, которая предназначена для постояннаго плаванія, развѣдки о приближающихся турецкихъ кочермахъ и опроса подозрительныхъ, которые, еслибы проскользнули между ними, наткнутся на вторую, уже болѣе тѣсную, линію береговыхъ лодокъ, и затѣмъ встрѣтятъ еще третью линію: усиленную береговую сухопутную стражу. Существованія такой системы достаточно для предупрежденія турецкихъ покушеній, и исчисленный для ея организаціи расходъ едва ли можетъ считаться преувеличеннымъ.

Какъ бы то ни было, „не крейсеры, говоритъ *Голосъ*, и не усиленная таможенная стража могутъ отнять у Татаръ охоту бѣжать въ Турцію и привязать ихъ къ родной почвѣ." И упомянутая газета съ своей стороны предлагаетъ для достиженія требуемой цѣли, между прочимъ, слѣдующія мѣры: Обращеніе серіознаго вниманія на устройство путей сообщенія въ горахъ и по берегу моря отъ Алушты до Судака; безмездное надѣленіе всѣхъ наличныхъ безземельныхъ Татаръ свободною землею. Первое уже сдѣлано. Мы знаемъ изъ вѣрнаго источника что не только давно уже „обращено вниманіе" на рекомендуемыя цитованною газетою пути, но уже произведены изысканія по различнымъ направленіямъ и даже состоялось утвержденіе наиболѣе удобной вѣтви.

Что касается втораго предложенія (находящагося въ очевидной связи съ возложеніемъ отвѣтственности за эмиграцію на помѣщиковъ), то какъ его осуществить? „Свободной земли въ Крыму теперь столько," говоритъ *Голосъ*...

Казенной свободной земли въ Крыму теперь, если не ошибаемся (извѣстно какъ сбивчивы у насъ цифры), не болѣе 20.000 десятинъ: этого количества для проектируемаго *Голосомъ* надѣла разумѣется недостаточно. Не станетъ же почтенная газета „безвозмездно" надѣлять крымскихъ Татаръ свободною *помѣщичьею* землей....

Но дѣйствительно было бы не безполезно содѣйствовать прекращенію эмиграціи и иными, именно нравственными, мѣрами. Одна изъ признанныхъ причинъ эмиграціи — возбужденіе мусульманскаго фанатизма, который проявляется въ Крыму въ такой сравнительно-невинной формѣ, каковъ уходъ въ Турцію, единственно потому что крымскіе Татары — тихій, мирный, кроткій народъ. Проводники мусульманскаго фанатизма, — турецкіе пропагандисты, проникающіе въ край для проповѣди о требованіяхъ Корана и о величіи Оттоманскаго царства. Все ли дѣлаютъ мѣстные крымскіе муллы для предохраненія своей паствы отъ опаснаго миража? Или они способствуютъ ихъ помраченію если не ученьемъ своимъ, то своимъ равнодушіемъ къ ученію приходящему *извнѣ?* И не можетъ ли быть поставлено имъ на видъ что равнодушіе въ такомъ важномъ дѣлѣ не способствуетъ сохраненію за магометанскимъ духовенствомъ находящихся въ его распоряженіи обширныхъ вакуфныхъ участковъ, поступленіе коихъ въ казну, съ замѣною этого дохода казеннымъ содержаніемъ, ни мало не нарушило бы чувства справедливости и исторической правды.

№ 245.

Москва, 25-го сентября.

Извѣстіе о томъ что Порта отклонила предложеніе державъ полученное въ Парижѣ 2 октября произвело тамъ, какъ сообщаютъ въ берлинскія газеты, совершенную панику, такъ какъ еще наканунѣ тамошнія официозныя газеты сообщали самыя успокоительныя извѣстія и увѣряли что отвѣтъ Порты въ существенныхъ чертахъ уже извѣстенъ, и что онъ заключаетъ въ себѣ новое согласіе Порты на предложенія державъ.

Сущность этихъ предложеній давно извѣстна, но для полноты, а также для характеристики „духа независимости" еще разъ обнаруженнаго Портой кстати будетъ воспроизвести здѣсь текстъ этихъ предложеній въ томъ видѣ какъ они изложены въ инструкціи лорда Дарби сэръ-Генри Эліоту. Документъ этотъ появился впервые въ *Кельнской Газетѣ* 3 октября. Вотъ что въ немъ сказано:

„Турецкія мирныя „пунктаціи" не могутъ быть допущены. Поэтому вы предложите,

какъ основаніе къ соглашенію, слѣдующее: 1. *Status quo* для Сербіи и Черногоріи. 2. Одновременно съ этимъ Порта подпишетъ протоколъ заключенный между ею и тремя державами, по которому она обязывается создать для Босніи и Герцеговины систему *мѣстной административной* автономіи, подъ каковымъ названіемъ должно разумѣть систему мѣстныхъ учрежденій которыя дали бы населенію контроль надъ ихъ мѣстными должностными лицами и гарантіи противъ злоупотребленій и произвола властей. *Объ образованіи вассальныхъ государствъ нѣтъ рѣчи*. 3. Однородныя съ предыдущими гарантіи противъ дурнаго управленія будутъ даны и Болгаріи. Вы должны присовокупить что ожидаютъ чтобы реформы на которыя Порта уже изъявила согласіе, вслѣдствіе обмѣна нотъ отъ 30 декабря и 13 февраля, были включены въ учрежденія даруемыя Босніи и Герцеговинѣ, и что онѣ должны также по возможности быть распространены и на Болгарію. Мы не сомнѣваемся что остальныя державы поддержатъ настоящую инструкцію которую поручается вамъ привести въ исполненіе. Вы обязываетесь указать Портѣ на всю серіозность теперешняго положенія, равно какъ на тѣ выгоды которыя проистекутъ для нея въ случаѣ принятія нашихъ предложеній съ быстротой и готовностью. Вы должны также констатировать что продолженіе военныхъ дѣйствій во время переговоровъ съ державами, какъ само собою разумѣется, не можетъ быть допущено, и что должно быть немедленно установлено соглашеніе о формальномъ перемиріи".

Порта, какъ теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію (вопреки усиліямъ туркофильскихъ газетъ представить дѣло въ менѣе рѣзкомъ видѣ), отвергла и то, и другое предложеніе: она не соглашается и теперь на формальное перемиріе, а изъявляетъ лишь готовность на новое кратковременное продолженіе той пріостановки военныхъ дѣйствій которая уже была отвергнута Сербіей. Что касается *административной* автономіи которая достаточно характеризуется приведеннымъ текстомъ, носящимъ на себѣ явные слѣды передѣлокъ коимъ эта жалкая палліативная мѣра подвергалась вслѣдствіе щепетильныхъ возраженій графа Андраши, то Порта и этого не принимаетъ, подъ тѣмъ предлогомъ что нѣтъ надобности создавать исключительное положеніе для трехъ провинцій, въ виду „обширныхъ и коренныхъ преобразованій" предпринимаемыхъ Турціей, *по собственной иниціативѣ*, для всѣхъ христіанскихъ подданныхъ имперіи.

Спрашивается: неужели эта внезапная оппозиція Порты противъ мѣры задуманной и выработанной путемъ сложныхъ и продолжительныхъ переговоровъ, подвергшаяся многочисленнымъ передѣлкамъ внушеннымъ исключительно заботливостью объ интересахъ Турціи, мѣра признаваемая всѣми *за минимумъ* того что должно быть потребовано отъ Турціи даже съ англійской и австрійской точки зрѣнія и принятіе которой далеко не покрыло бы требованій предъявленныхъ Россіей,—неужели оппозиція Порты можетъ быть приписана исключительно ея собственной смѣлой рѣшимости? Извѣстія идущія изъ турецкихъ источниковъ всячески насъ въ томъ увѣряютъ. Говорятъ что самъ султанъ не властенъ теперь въ своихъ рѣшеніяхъ, и что фанатизмъ мусульманъ въ Константинополѣ достигъ теперь такого напряженія что всякая излишняя уступка въ пользу христіанъ можетъ повести за собою революціонный взрывъ противъ султана, который и теперь уже потерялъ де значительную долю популярности среди своихъ мусульманскихъ подданныхъ. Ходатаи Порты, усиливающіеся приведенными соображеніями смягчить впечатлѣніе послѣдняго ея рѣшенія и вмѣстѣ съ тѣмъ предотвратить готовящіяся будто бы энергическія мѣры державъ противъ нея направленныя, въ своемъ ослѣпленіи не замѣчаютъ что этими соображеніями доказывается какъ разъ противоположное. Годъ тому назадъ, Русское правительство, въ замѣткѣ появившейся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, указало на безплодность обѣщаній которыя не переставала давать Порта, никогда ихъ не исполняя, и на необходимость чтобы державы взяли дѣло реформъ въ свои руки. Между тѣмъ временемъ и теперешнимъ, кромѣ цѣлаго ряда дипломатическихъ попытокъ, окончившихся полною неудачей, лежатъ внутренніе перевороты въ Константинополѣ, доказавшіе всю эфемерность и безсиліе султанской власти, и ужасающая рѣзня въ Болгаріи, кровавыми чертами запечатлѣвшая въ умѣ изумленнаго міра картину турецкаго владычества. Но дипломатія и до сихъ поръ все еще только *собирается* перейти отъ

словъ къ дѣлу и взять въ свои руки улучшеніе быта турецкихъ христіанъ, а Порта, несмотря на свою, очевидную теперь для всѣхъ, немощь, по старой привычкѣ выступаетъ съ новыми *обѣщаніями*: „Зачѣмъ эта автономія для трехъ провинцій, спрашиваетъ она, „въ виду общихъ реформъ которыя готовятся для всѣхъ провинцій, реформъ, благодѣянія коихъ далеко превзойдутъ программу выработанную державами!“ Таковъ предлогъ Порты чтобы вторично отклонить „коллективное“ требованіе державъ. А когда повидимому серіозно заводится рѣчь о принудительныхъ мѣрахъ противъ Порты, намъ указываютъ на невозможность для султанскаго правительства рѣшиться на уступки въ пользу христіанъ, такъ какъ де оно должно опасаться взрыва мусульманскаго фанатизма. Но если послѣднее справедливо, то этимъ доказывается, вопервыхъ, что обѣщанія новыхъ реформъ для христіанъ, по собственной инниціативѣ Порты, суть новая турецкая ложь, а вовторыхъ, что теперь, въ виду возрастающаго фанатизма мусульманскаго населенія, невозможно болѣе откладывать тѣ мѣры коими предполагается положить конецъ порядку вещей господствующему на Балканскомъ полуостровѣ. Военное занятіе турецкихъ провинцій, о коемъ такъ много говорилось въ послѣдніе дни, есть единственное средство предупредить готовящуюся тамъ новую, еще болѣе ужасающую рѣзню. Туркофильскія газеты совершенно правы указывая на безсиліе Турецкаго правительства противъ фанатизма своихъ подданныхъ, и если предположить самое лучшее, то-есть что оно не солидарно съ ними въ ихъ преступныхъ замыслахъ, то военное занятіе должно быть для него самого желательно. Помимо всякихъ политическихъ соображеній и дальновидныхъ плановъ насчетъ будущаго, немедленное занятіе турецкихъ провинцій европейскими войсками предписывается простыми соображеніями человѣколюбія. Все указываетъ на то что разнузданныя страсти дикой орды далеко не утолились еще моремъ болгарской крови до сихъ поръ пролитымъ. Въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, отъ 4 октября, напечатанъ доставленный изъ Константинополя текстъ воззванія разосланнаго софтами по случаю наступившаго теперь мусульманскаго праздника Рамазана. Въ этомъ воззваніи, дышащемъ неукротимымъ фанатизмомъ и ненавистью къ „невѣрнымъ,“ проповѣдуется во имя Корана поголовное избіеніе христіанъ, и всѣ мусульмане призываются къ оружію на борьбу съ народами Европы. Въ вѣнскихъ газетахъ, которыя нельзя заподозрить въ пристрастіи къ турецкимъ христіанамъ, сообщаются ужасающія вещи о звѣрствамъ совершаемыхъ Турками и турецкими войсками въ Босніи. На дняхъ намъ сообщенъ былъ по телеграфу текстъ донесенія генерала Черняева свидѣтельствующаго объ истязаніяхъ коимъ подвергаются попадающіе къ Туркамъ плѣнные. Всѣ эти зловѣщіе симптомы служатъ только предвѣстниками новыхъ поголовныхъ избіеній, и горе нашимъ несчастнымъ братьямъ если дипломатія цивилизованной Европы и на этотъ разъ затянетъ дѣло своими переговорами, и если рѣшеніе, о коемъ вотъ уже недѣлю толкуютъ на всѣ лады какъ о событіи „всемірно-историческомъ,“ будетъ снова отложено...

Указаній на новую отсрочку и теперь уже довольно. Берлинскія и вѣнскія газеты уже не столь рѣшительно говорятъ о состоявшемся между Австріей и Россіей соглашеніи насчетъ военнаго занятія турецкихъ провинцій, а съ другой стороны телеграфъ извѣщаетъ насъ о новой комбинаціи. Идутъ будто бы переговоры о „коллективной морской демонстраціи“ державъ противъ Порты, и лишь въ томъ случаѣ когда соглашеніе по этому предмету не состоится, предлагается де вступленіе австро-русскихъ войскъ въ турецкія провинціи. Въ чемъ будетъ заключаться эта морская демонстрація телеграфъ не объясняетъ, но неужели вступленіе флотовъ, то-есть преимущественно англійскаго флота, въ Босфоръ можетъ въ чемъ-либо *замѣнить* военное занятіе Балканскаго полуострова?

Или насъ въ самомъ дѣлѣ хотятъ увѣрить будто ничего болѣе не требуется какъ принятіе Портой „автономіи“ предложенной въ приведенной выше инструкціи британскому послу, и будто бы этого нельзя достигнуть иначе какъ военно-морскою демонстраціей англійскаго флота противъ Константинополя?

Совершенно иначе объясняетъ теперешнее упрямство обнаруженное Турціей одинъ турецкій паша, игравшій видную роль въ царствованіе Абдуль-Азиза и живущій те-

перь въ Парижѣ. Вотъ что сказалъ этотъ паша корреспонденту *National-Zeitung*, по полученіи извѣстія объ отказѣ Порты: „Сколько я знаю людей въ Турціи, мнѣ „кажется совершенно невѣроятнымъ что- „бы въ Константинополѣ рѣшились отверг- „нуть ультиматумъ какимъ нельзя не счи- „тать инструкціи сэръ-Генри Эллліоту, если „предположить что державы дѣйствитель- „но дѣйствовали вполнѣ единодушно. Коль „скоро Турція, зная опасность которая „грозитъ ей со стороны Россіи, все-таки „рѣшилась на столь смѣлый шагъ, то я „въ этомъ вижу доказательство того что „въ Константинополѣ увѣрены что не всѣ „державы ее покинутъ. Тамъ полагаютъ „что *локализованная* война между Турці- „ей и Россіей немыслима. Европейская же „война представляется теперешнимъ руко- „водителямъ турецкой политики далеко не „бѣдствіемъ для Турціи.“

National-Zeitung раздѣляетъ приведенное мнѣніе, въ свою очередь добавляя что рѣшившись вызвать европейскую войну, турецкіе государственные люди не могутъ не желать ея именно теперь, такъ какъ въ будущемъ они рискуютъ потерять поддержку Англіи еслибъ увѣнчалась успѣхомъ теперешняя агитація о созваніи англійскаго парламента и мѣсто кабинета Биконсфильда заступилъ бы кабинетъ Гладстона.

И намъ это объясненіе послѣдняго шага Порты кажется болѣе вѣроятнымъ нежели толки о турецкомъ ослѣпленіи и о турецкихъ „родомонтадахъ.“

№ 247.

Москва, 27-го сентября.

La diplomatie n'a plus grand'chose à se dire, недавно сказалъ кто-то изъ сильныхъ міра сего. Въ самомъ дѣлѣ, что еще остается предпринять европейской дипломатіи когда даже англійскія предложенія, измѣненныя и исправленныя ad usum Delphini, отвергнуты Портой? Не разчитывали ли графы Андраши и Биконсфильдъ именно на такой результатъ ихъ безкорыстнаго посредничества?

Теперь, когда дипломатія истощила всѣ свои средства, когда у всѣхъ на глазахъ результаты ея усилій въ теченіе цѣлаго года, приходитъ время свести имъ счетъ и выяснить къ какой же цѣли она стремилась? Припоминая исторію этого скорбнаго года, трудно не придти къ заключенію что еслибы съ самаго начала была объявлена премія за наилучшее средство помѣшать мирному разрѣшенію возникшихъ затрудненій и усилить ихъ до степени опасной для европейскаго мира, то едва ли можно было бы придумать мѣры дѣйствительнѣе тѣхъ кои были на самомъ дѣлѣ испробованы. Можно думать что дипломатія болѣе всего безпокоющаяся опасностями отъ возбужденія Восточнаго вопроса во всемъ его объемѣ, какъ бы нарочно пустила въ ходъ все возможное для его возбужденія.

Въ концѣ іюля прошедшаго года вспыхнуло волненіе въ Герцеговинѣ, быстро распространившееся на Боснію. Есть люди, въ родѣ сумазброднаго сэръ-Чарлза Дилка, которые по сіе время готовы утверждать что это была интрига Россіи. Возраженіе подобнымъ господамъ мы предоставляемъ рагузскому корреспонденту *Times*, письмо коего въ отвѣтъ на рѣчь эксцентрическаго баронета мы недавно воспроизвели въ нашей газетѣ: онъ опровергаетъ эту басню на основаніи не только здраваго смысла, но и личнаго знакомства съ ходомъ событій въ теченіе цѣлаго года. Онъ удостовѣряетъ что Россія черезъ своихъ консуловъ употребляла всѣ усилія чтобъ успокоить волненіе. Онъ отвергаетъ подстрекательство и со стороны Сербіи и Черногоріи, которыя даже годъ спустя оказались недостаточно приготовленными къ войнѣ, и напротивъ свидѣтельствуетъ что съ самаго начала волненіе встрѣчало поддержку со стороны австрійскихъ властей. Вотъ показаніе лица посторонняго и безпристрастнаго. Какъ бы то ни было, но волненіе вскорѣ приняло размѣры потребовавшіе вниманія дипломатіи. Когда Турки принялись укрощать возстаніе по своему, и десятки тысячъ бѣглецовъ наполнили сосѣднія провинціи Австріи, а также Сербію и Черногорію, нужно было что-нибудь предпринять. Назначено было консульское дознаніе, которое однако не привело ни къ чему кромѣ удостовѣренія бѣдственнаго положенія провинцій. Въ это время господствовала удивительная идиллія во взаимныхъ отношеніяхъ державъ: всѣ были согласны, никто не помышлялъ возбуждать Восточный вопросъ. Были попытки смутить этотъ хоръ,

но попытки нелѣпыя, которыя сами себя изобличали. Говорили, напримѣръ, будто Австрія стоитъ за автономію, а Россія противится этому, такъ какъ де полунезависимыя владѣнія на Балканскомъ полуостровѣ были бы преградой ея властолюбію. Еслибы такъ, то казалось бы легче всего было разстроить интриги Россіи именно этою мѣрой. Но теперь мы знаемъ изъ устъ самого лорда Дарби что именно Австрія, „даже цѣной войны,“ готова противиться учрежденію всякихъ новыхъ вассальныхъ владѣній въ Турціи.

Въ то время, однако, это обстоятельство тщательно скрывалось. Во всякомъ случаѣ, иниціатива переговоровъ была предоставлена именно Австріи, державѣ, казалось, наиболѣе заинтересованной въ прекращеніи волненій. Результатомъ ея заботливости явилась нота графа Андраши, та нота которую, по признанію англійскихъ министровъ, они поддержали въ предвидѣніи что она не будетъ имѣть успѣха. Хорошо признаніе! Нельзя не припомнить, по поводу этой ноты, что австрійскій генералъ Родичъ, убѣждая инсургентовъ Босніи принять ее, говорилъ имъ что они не должны ожидать ничьего покровительства и заступничества кромѣ Австріи, а между тѣмъ австрійская нота отказывала имъ въ самыхъ скромныхъ гарантіяхъ, безъ коихъ немыслимо было возвращеніе болѣе 30.000 выходцевъ бѣжавшихъ отъ ярости Турокъ и имѣвшихъ полное основаніе страшиться ихъ ужасной мстительности. Имъ предоставлялось довольствоваться новымъ бумажнымъ обязательствомъ Порты предъ державами!

Фіаско ноты графа Андраши неизбѣжно усложняло дѣло, вело къ продленію возстанія на зиму и къ опасности его развитія. Дипломатія вновь засуетилась. На этотъ разъ изъ Вѣны громогласно было возвѣщено всему міру что дополненіе ноты будетъ сдѣлано Россіей, и что умѣренность русскаго канцлера много способствовала всеобщему соглашенію. Явился на свѣтъ и тотчасъ же умеръ Берлинскій меморандумъ, бѣдный младенецъ, который разнился отъ ноты Андраши только одною невинною мыслію поручить надзору консуловъ исполненіе распоряженій ноты, съ коими почти во всемъ былъ согласенъ и новый гаттъ уже изданный султаномъ Абдулъ-Азизомъ.

За отказомъ Англіи присоединиться къ Берлинскому меморандуму, событія пошли ускореннымъ ходомъ. Какъ нельзя болѣе кстати, для дипломатіи желавшей бездѣйствовать, въ Константинополѣ начался рядъ театральныхъ переворотовъ; сперва смѣна министровъ которые считались слишкомъ податливыми на дипломатическія увѣщанія, потомъ низложеніе и смерть самого султана, потомъ убійство новыхъ министровъ, сумашествіе новаго султана. Въ столицѣ Турціи водворилась странная диктатура: невидимая рука самовластно низводитъ и возводитъ султановъ.

Еще до паденія злополучнаго Абдулъ-Азиза случилось событіе причинившее новыя хлопоты дипломатіи: то было убійство двухъ консуловъ въ Салоникахъ. Оно естественно побудило всѣ державы отправить по нѣскольку судовъ въ турецкія воды. Но, ко всеобщему удивленію, чрезъ недѣлю оказалось что Англія собрала цѣлый флотъ не въ Салоникахъ, а въ Безикской бухтѣ, въ сосѣдствѣ Дарданеллъ. Министры англійскіе объявили что флотъ этотъ былъ отправленъ для защиты „англійскихъ интересовъ.“ Всѣми эта мѣра была принята какъ угроза. Правда, много спустя, въ концѣ іюля, было объяснено что это было сдѣлано для огражденія христіанъ отъ опасности, но въ маѣ появленіе этого флота отозвалось послѣдствіями совершенно противоположными. Турки, получивъ увѣренность въ поддержкѣ Англіи, задумали показать „энергію.“ Подъ предлогомъ ничтожнаго движенія въ немногихъ пунктахъ Болгаріи, началась страшная рѣзня во всей провинціи, продолжающаяся и понынѣ. И, что всего возмутительнѣе, цѣлые два мѣсяца въ Европѣ не хотѣли вѣрить тому что происходило у всѣхъ предъ глазами! Дипломатія бездѣйствовала, и расширеніе смутъ, о предотвращеніи коего такъ прежде заботились, стало неизбѣжно.

Неравная борьба, предпринятая двумя маленькими княжествами на защиту своихъ братьевъ, шла съ перемѣннымъ счастіемъ. Но поразительнѣе всего въ этой войнѣ было съ каждымъ днемъ все болѣе выяснявшееся убѣжденіе что сколько бы крови ни было въ ней пролито, рѣшеніе вопроса все-таки будетъ дѣломъ дипломатіи. Наконецъ, для приличія, найдено было нужнымъ прекратить безполезное кровопролитіе. На этотъ разъ Англія взялась орудовать дипломатіей и повела дѣло съ

такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ что легко заставивъ княжества принять ея благодѣтельное посредничество, встрѣтила противодѣйствіе со стороны послушной ей и ею оберегаемой Порты!

Дѣйствительно, дипломатіи ничего болѣе не остается сказать.

Въ теченіи цѣлаго года, съ каждымъ новымъ шагомъ ея дѣло все болѣе усложнялось и становилось все труднѣе. Противодѣйствіе являлось со стороны именно двухъ державъ которыя казалось бы не должны желать возбужденія Восточнаго вопроса,—Австріи и Англіи.

Политика ихъ, скрывая свои цѣли, была виной гнуснѣйшихъ злодѣяній когда-либо позорившихъ человѣчество. Она наконецъ привела къ тому что дипломатіи дѣйствительно нечего болѣе дѣлать. Дипломатія покончила. Теперь требуются не ноты, а быстрыя, энергическія мѣры...

Требуется предотвратить, требуется остановить поголовное истребленіе христіанъ на Востокѣ!

№ 248.

Москва, 28-го сентября.

Недѣлю тому назадъ, еще прежде чѣмъ было получено извѣстіе объ отклоненіи Портой послѣдняго предложенія державъ, все указывало на то что Европа находится наканунѣ рѣшительнаго кризиса. Почти за вѣрное сообщалось, по поводу миссіи генерала Сумарокова въ Вѣну, что между Россіей и Австріей состоялось соглашеніе о военномъ занятіи Турецкихъ провинцій въ предотвращеніе новой рѣзни христіанъ, которая впрочемъ не прерывается, а во время Рамазана можетъ принять ужасающіе размѣры: еще вчера офиціальный органъ Германскаго правительства, сообщалъ что въ виду возрастающаго фанатизма мусульманъ во время теперешнихъ праздниковъ, предписано нѣмецкимъ военнымъ судамъ вернуться къ берегамъ Турціи. Что же измѣнилось съ тѣхъ поръ какъ сами австрійскіе газеты возвѣстили о принятомъ Австріей рѣшеніи, придавая ему „всемірно-историческое значеніе“ и замѣчая что съ принятіемъ его будущія судьбы Австріи опредѣлились надолго? Съ тѣхъ поръ получено извѣстіе что Порта отклонила предложеніе державъ какъ о перемиріи, такъ и о предложенныхъ ей реформахъ. *Повидимому* этотъ „продерзостный“ поступокъ Порты былъ неожиданностью для всѣхъ. Австрійскія газеты находящіяся въ связи съ правительственными сферами, какъ напримѣръ *Fremdenblatt*, стали метать громы и молніи противъ Порты. Она де во всемъ виновата; ея упрямство есть единственная причина того что миръ не можетъ быть возстановленъ. Австрія не можетъ де придать ни малѣйшей цѣны тѣмъ реформамъ которыми Порта обѣщаетъ осчастливить своихъ христіанскихъ подданныхъ по собственной инціативѣ. Если Порта въ объясненіе своего отказа ссылается на давленіе со стороны фанатиковъ-мусульманъ, то Россія имѣетъ де несравненно большее право указывать на возбужденіе русскаго національнаго чувства настойчиво требующаго войны съ Турціей. И вотъ для предупрежденія такой войны, а также для прекращенія войны турецко-сербской, Австрія, хотя и съ крайнимъ сожалѣніемъ, вынуждена де приступить къ энергическимъ *дѣйствіямъ* противъ Турціи, а дипломатическіе *переговоры* должны считаться оконченными.

Въ виду такихъ рѣчей со стороны органовъ австрійскаго правительства казалось чего же было и ожидать какъ не осуществленія той мѣры, на которую Австрія изъявила согласіе еще прежде, когда никто не ожидалъ турецкаго отказа? И что же? Въ теченіе этой недѣли телеграфъ и иностранныя газеты передали намъ массу слуховъ о настоятельныхъ отъ Порты требованіяхъ, о демонстраціи флотовъ противъ Порты, о конференціи европейскихъ державъ и о томъ что конференціи не будетъ. Объ одномъ лишь всѣ разомъ замолкли, именно о той мѣрѣ которая провозглашена была дѣломъ рѣшеннымъ. А между тѣмъ та самая *National-Zeitung*, которая неоднократно и настойчиво увѣряла что миссія генералъ-адъютанта Сумарокова-Эльстона увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, сообщаетъ теперь, устами того же вѣнскаго своего корреспондента что отвѣтъ Австріи на сдѣланное ей предложеніе былъ уклончивый, причемъ корреспондентъ доказываетъ что онъ и не могъ быть инымъ доколѣ дѣлами Австріи заправляетъ графъ Андраши, ибо послѣдній какъ Венгерецъ, ни коимъ образомъ не могъ согласиться на занятіе Босніи и Герцеговины австрійскими войсками съ пе-

респективой окончательнаго присоединенія (?) этихъ провинцій къ Австріи, какъ того добиваются военные круги въ Вѣнѣ. Этого мало: въ венгерской палатѣ внесенъ былъ цѣлый рядъ щекотливыхъ запросовъ относящихся къ Восточнымъ дѣламъ. На эти запросы министръ-президентъ Тиса обѣщалъ дать отвѣтъ 5 октября; въ дѣйствительности онъ далъ этотъ отвѣтъ лишь 6 октября, отсрочивъ оный по просьбѣ графа Андраши, какъ сообщаютъ пештскія газеты. Пештскій корреспондентъ *National-Zeitung*, въ письмѣ писанномъ на другой день послѣ „предварительнаго" отвѣта г. Тисы, придаетъ оному важное политическое значеніе какъ указаніе на то что соглашеніе между Австріей и Россіей не состоялось. Г. Тиса предпослалъ своему заявленію увѣреніе что между венгерскимъ министерствомъ и графомъ Андраши нѣтъ ни малѣйшаго разногласія и этимъ де придалъ своимъ дальнѣйшимъ объясненіямъ такое значеніе какъ бы они исходили изъ устъ самого графа Андраши. По Восточному вопросу, г. Тиса сказалъ что *status quo* есть крайняя степень требованій какія могутъ быть поставлены Портѣ, прибавивъ при этомъ что „Венгрія желаетъ мира, но что она не продастъ будущности за чечевичную похлебку." Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи корреспондентъ усматриваетъ явное подтвержденіе что Австрія *не* согласилась на военное занятіе турецкихъ провинцій...

Въ берлинскихъ газетахъ, отъ 7 сентября, находимъ еще одно подтвержденіе этому отрицательному факту. Уже неоднократно за послѣднее время въ этихъ газетахъ появлялись телеграммы изъ Петербурга, безъ обезпеченія источника, но трактующія офиціознымъ тономъ о текущихъ вопросахъ. Такая телеграмма передана въ Берлинъ 7 октября (25 сентября); въ ней сказано слѣдующее: „Извѣстіе, „*сообщенное здѣшними газетами* будто бы „уже состоялось соглашеніе всѣхъ державъ „о занятіи Русскими войсками Болгаріи, „а австрійскими Босніи и Герцеговины, „считаются въ здѣшнихъ политическихъ „сферахъ слухомъ еще требующимъ под„твержденія. Точно также совершенно оши„бочно извѣстіе сообщенное англійскими „газетами будто при демонстраціи флотовъ „будутъ участвовать лишь русскія и ав„стрійскія суда, такъ какъ въ этомъ слу„чаѣ напередъ предусматривалось содѣй„ствіе всѣхъ великихъ державъ. Какъ до „сихъ поръ, такъ и впредь, по Восточ„нымъ дѣламъ будутъ избѣгать всякаго „односторонняго дѣйствія, и дальнѣйшіе „шаги будутъ предприниматься не иначе „какъ по совокупному соглашенію всѣхъ „державъ."

Однако вопреки этимъ „офиціознымъ" манифестаціямъ исходящимъ будто бы изъ русскихъ правительственныхъ сферъ и которыя приводятся какъ аргументъ въ пользу того что мысль о военномъ занятіи Турецкихъ провинцій совершенно оставлена и замѣнена предположеніемъ о праздной демонстраціи совокупныхъ флотовъ—о которой *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* согласно съ нами заявляетъ что это была бы демонстрація не флотовъ, а англійскаго флота—вопреки всѣмъ этимъ опроверженіямъ слухъ который первоначально распространили тѣ же берлинскія и вѣнскія газеты, а вовсе не русскія, мы находимъ въ нихъ же указаніе на то что Россія настаиваетъ на занятіи этихъ провинцій и при томъ въ *видахъ насущныхъ потребностей минуты*, а не для *отдаленныхъ политическихъ цѣлей*: *Fremdenblatt* отъ 6 октября сообщаетъ что одновременно съ миссіей генералъ-адъютанта Сумарокова-Эльстона князь Горчаковъ разослалъ циркулярную депешу ко всѣмъ представителямъ Россіи въ которой онъ настаиваетъ на необходимости военнаго занятія, ссылаясь при этомъ на прецедентъ 1860 года, во время борьбы Друзовъ съ Маронитами, когда французскія войска заняли Ливанъ и затѣмъ въ продолженіи нѣкотораго времени англійскій и французскій коммиссары держали контроль подъ управленіемъ страны коимъ завѣдывалъ Фуадъ-паша. *Fremdenblatt* теперь возражаетъ противъ этой ссылки. Совершенно забывъ свою филиппику противъ Турціи и свои вчерашнія рѣчи объ энергическихъ мѣрахъ, *Fremdenblatt* съ непринужденностью свойственною однимъ лишь вѣнскимъ „офиціозамъ," доказываетъ что для занятія Сиріи въ 1860 году существовали несравненно болѣе вѣскіе мотивы нежели теперь для европейскихъ провинцій Турціи, такъ какъ тогда происходила борьба племенъ, между которыми невозможно было иначе установить согласіе.

„А Болгарія?.." спрашиваетъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, приводя указанную выписку изъ вѣнской газеты Но

органъ германскаго канцлера ограничивается многоточіемъ послѣ столь умѣстнаго восклицанія. А было бы чрезвычайно любопытно услыхать искреннее мнѣніе берлинскихъ вліятельныхъ органовъ.

Но берлинская печать, какъ и берлинская политика, изобилуетъ многоточіями, и заговоривъ о берлинской политикѣ вынужденными находимся кончить многоточіемъ...

№ 249.

Москва, 29-го сентября.

Порта, отвергая условія столь „деликатно“ предложенныя ей, высокомѣрно и цинически объявляетъ державамъ свой ультиматумъ.

Отвергнувъ „англо-австрійскія“ предложенія, Порта отвергаетъ и шестинедѣльное перемиріе, находя его неудобнымъ для себя по *краткости срока.* А недавно она не хотѣла и слышать объ иномъ перемиріи какъ на восемь или на шесть дней! То шесть дней, то шесть мѣсяцевъ! Но именно ни тотъ, ни другой срокъ для перемирія не имѣетъ смысла. Перемиріе имѣетъ смыслъ какъ предвареніе мира. Оно заключается для того чтобы воюющія могли попытаться заключить миръ. Въ шесть дней нельзя этого сдѣлать, а если нельзя и въ шесть недѣль, то значитъ продолженіе войны неизбѣжно, и Порта предлагая полугодовой срокъ хочетъ только прекратить войну на зимнее время для того чтобы возобновить ее весною. Ея войскамъ изъ Египта, Аравіи, Сиріи, не удобно держаться въ полѣ зимою на Дунаѣ, и она желаетъ чтобы противная сторона благодушно отказалась бы въ пользу ей отъ своихъ преимуществъ.

Итакъ, надежды на скорое прекращеніе войны которыя на дняхъ возбуждались извѣстіями будто дипломатія усиленно хлопочетъ объ установленіи правильнаго перемирія вновь становятся сомнительными. Замѣткѣ Гавасова Агентства будто „условія Порты будутъ приняты“ мы не можемъ придавать значенія. Кѣмъ приняты? Княжествами? Но едва ли они будутъ заботиться о тѣхъ „важныхъ опасностяхъ для Турціи“ которыя предусматриваются чрезвычайнымъ совѣтомъ Порты отъ военныхъ дѣйствій въ зимнее время года. Будутъ ли приняты эти условія державами? И этому трудно вѣрить. Посредничество державъ было предпринято (по крайней мѣрѣ такъ заявлялось) для прекращенія кровопролитія, а вовсе не за тѣмъ чтобы ставить одну изъ воюющихъ сторонъ въ болѣе выгодное предъ другою положеніе и лишить выгоды другую. Полугодовое перемиріе со всею тяжестью и неопредѣленностью военнаго положенія, въ теченіе столь долгаго срока, было бы крайнею несправедливостью для того изъ воюющихъ къ явной невыгодѣ коего оно направлено, и при томъ въ такое время когда противникъ находится еще на его почвѣ.

Толки послѣднихъ дней сосредоточивались на порученіи съ которымъ ѣздилъ въ Вѣну генералъ-адъютантъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ. Утомленная безплоднымъ долготерпѣніемъ, Россія не могла наконецъ не заявить что миновала пора переговоровъ, столь долго длившихся и не достигавшихъ ни одной изъ предположенныхъ цѣлей.

Война есть безъ сомнѣнія великое бѣдствіе... Но миръ который прикроетъ зло обманомъ, который послѣ кроваваго растравленія всѣхъ страстей оставитъ христіанскія населенія во власти Турокъ, такой миръ не бѣдственнѣе ли, не злѣе ли самой войны?

„Cela durera bien autant que moi,“ говорилъ Лудовикъ XV, когда ему раскрывали язвы его правленія. Но это эгоистическое слово едва ли можетъ быть лозунгомъ для сонма христіанскихъ державъ когда дѣло идетъ о борьбѣ безнадежнаго варварства съ правами человѣчества, съ началами вѣчной нравственности, съ самимъ христіанствомъ.

Предположимъ даже что все болѣе или менѣе уляжется. Найдутся и правители христіане, въ родѣ Иванчо, Блакъ-беевъ, Коста-пашой и другихъ, которые будутъ заправлять участью облагодѣянныхъ населеній Болгаріи, Босніи и Герцеговины, не хуже, съ точки зрѣнія Порты, любаго изъ природныхъ мусульманскихъ пашей. За ихъ дѣйствіями будутъ надзирать и, положимъ даже, добросовѣстно слѣдить, въ качествѣ соглядатаевъ, мѣстные консулы или другіе агенты; но этотъ надзоръ европейскаго глаза развѣ возможенъ въ безчисленныхъ случаяхъ жизни, и не въ однихъ только большихъ центрахъ, а повсюду внутри страны?

О какихъ тутъ гарантіяхъ можетъ идти рѣчь, да и въ какомъ видѣ придумать ихъ?

Нѣтъ! скажемъ прямо: всѣ эти колебанія, всѣ эти изыскиванія невозможныхъ условій чтобы обойти сущность дѣла и отыскать такое разрѣшеніе при коемъ волки *остались* бы сыты, а овцы *казались* бы цѣлы,—все это дышетъ явною недобросовѣстностью, которой пора бы устыдиться, и вопіющею неправдой, которой пора бы положить конецъ.

Внѣ серіозной политической автономіи нѣтъ и не можетъ быть *гарантіи* которая обезпечила бы судьбы не только христіанъ, но даже самой Турецкой имперіи если ей суждено еще существовать. Пора взглянуть прямо и смѣло въ глаза этой истинѣ, не отговариваясь, какъ это на дняхъ дѣлалъ графъ Дарби, мнимыми *трудностями* задачи.

Еще труднѣе человѣчеству, еще опаснѣе для Европы переживать то что̀ они переживаютъ въ это время!

№ 250.

Москва, 30-го сентября.

Потерпѣвъ неудачу вслѣдствіе отказа Порты принять „англійскія“ предложенія, дипломатія однако не хочетъ сознаться что ею сказано послѣднее слово, и опять пошли нескончаемые толки о переговорахъ и планахъ. Европа хлопочетъ теперь о перемиріи. Какъ смотритъ Порта на эти хлопоты извѣстно изъ предлагаемыхъ ею невозможныхъ условій. Вчера мы замѣтили что согласіе Порты не иначе какъ на перемиріе полугодовое (до 15-го марта, какъ гласитъ сегодняшняя телеграмма) есть насмѣшка надъ дипломатіей, показывающая что Порта заботится вовсе не о мирѣ, а о своихъ выгодахъ. Но державы должны отвергнуть это дерзкое требованіе еще по другой причинѣ: оно грозитъ новыми страшными бѣдствіями для христіанъ Турціи, ибо Порта, освобожденная на полгода отъ заботъ о войнѣ, конечно примется *усмирять* недовольныхъ своими хорошо извѣстными способами, какіе и теперь употребляются новыми коммиссарами Порты, Блакъ-беемъ и Иованчо-эфенди, которые пытками добываютъ отъ Болгаръ заявленія что они „довольны своимъ положеніемъ и не желаютъ перемѣнъ въ своемъ управленіи.“ Прекратить безполезное кровопролитіе между воюющими дѣло похвальное, но это лишь половина задачи взятой на себя посредничествомъ державъ, и дипломатія не въ правѣ упускать изъ виду что война между княжествами и Портой не есть просто проба силъ, а имѣетъ болѣе широе значеніе борьбы христіанъ за освобожденіе отъ гнета ставшаго невыносимымъ. А сколько можно судить изъ газетъ, поспѣшность съ какою дипломатія ухватилась теперь за установленіе перемирія, на которое такъ недавно еще казалось невозможнымъ было склонить Турокъ, вызвана не инымъ чѣмъ какъ желаніемъ предотвратить *дѣйствительное* вмѣшательство для прекращенія избіенія христіанъ.

Одновременно съ толками о перемиріи, для той же цѣли, выдвигается врачующее средство дипломатіи въ крайнихъ случаяхъ—конференція. О ней заводится рѣчь уже не впервые. Мысль о конференціи періодически выплывала въ теченіи года послѣ каждой новой неудачи дипломатіи. Но теперь очевидно почему она до сихъ поръ не могла осуществиться: на конференціи ярко и сразу выступили бы тѣ разногласія которыя тщательно укрывались при отдѣльныхъ переговорахъ, обнаруживаясь только при неудачѣ тѣхъ или другихъ плановъ. Существуетъ ли въ данную минуту главное условіе для успѣшности конференціи—возможность установить общій планъ? Это болѣе чѣмъ сомнительно. По крайней мѣрѣ, для этого потребовалась бы радикальная перемѣна въ политикѣ нѣкоторыхъ правительствъ, на что̀ до сей минуты мы не имѣемъ указаній.

Трудность задачи конференціи, въ случаѣ ея созванія, при настоящихъ обстоятельствахъ усложняется еще необходимостію предварительно условиться о томъ *какъ* привести ея рѣшенія въ исполненіе? Можно ли утверждать еще послѣ стольких фіаско дипломатіи, что Порта не дерзнетъ противиться волѣ соединенной Европы, торжественно выраженной на ея ареопагѣ? Увы! Порта успѣла уже очень хорошо постигнуть что̀ значитъ *согласіе* Европы. Вотъ на дняхъ, утверждали что вся Европа согласно предъявила Портѣ рѣшенія для возстановленія мира, переданныя въ тождественныхъ нотахъ представителями державъ. Порта отвергла ихъ, хотя переговорами орудовала Англія, и первый голосъ былъ предоставленъ ея послу. И затѣмъ не послѣдовало ни экзе-

купіи, ни даже угрозъ. Англія и Австрія нашли отвѣтъ Порты, отвергшій требованіе державъ, какъ нельзя болѣе удовлетворительнымъ. Объясненіе просто: теперь уже не тайна что согласіе было только *на словахъ* даже касательно такихъ неопредѣленныхъ предложеній каковы были формулованныя лордомъ Дарби, которыя, по словамъ г. Гладстона, допускаютъ разнообразнѣйшее толкованіе; согласія же *въ дѣйствіи* не было, и державы дѣйствовали врознь.

Нашъ константинопольскій корреспонодентъ, на свѣдѣнія коего мы вполнѣ можемъ полагаться, писалъ на дняхъ. „Между Турками господствуетъ убѣжденіе что „они будутъ имѣть на своей сторонѣ Австро-Венгрію при всѣхъ возможныхъ въ „будущемъ случаяхъ;" этимъ, добавляетъ онъ, подтверждается общее подозрѣніе что австро-венгерская дипломатія втайнѣ потакаетъ Туркамъ. То же слѣдуетъ разумѣть и объ Англіи. Турецкіе министры ставили на видъ опасность взрыва фанатизма, ссылаясь на получаемыя ими анонимныя письма, грозящія будто бы смертію членамъ правительства если они осмѣлятся принять условія несовмѣстныя съ правами Ислама и достоинствомъ Оттоманской имперіи. Бо́льшая часть дипломатовъ, по разказу корреспондента *Times*, видѣли въ этомъ обычную уловку турецкихъ министровъ. *Ils se font écrire des lettres anonymes*, говорили они; но сэръ-Генри-Эліотъ придалъ этимъ аргументамъ серіозное значеніе, и принялся убѣждать своихъ товарищей чтобъ они умѣрили требованія которыя онъ, Эліотъ, выразилъ и предъявилъ. Казалось бы этотъ самый аргументъ Турецкаго правительства о мусульманскомъ фанатизмѣ долженъ былъ побудить дипломатію къ совершенно противоположному дѣйствію; такое сознаніе Портою своего безсилія доказывало, напротивъ, неотложную необходимость принятія болѣе дѣйствительныхъ гарантій для огражденія христіанъ. Но въ томъ-то и дѣло что для энергическихъ настояній необходимо согласіе, а сопротивленіе Порты, какъ писалъ тотъ же корреспондентъ *Times*, „проистекаетъ изъ убѣжденія что со„вокупное дѣйствіе всѣхъ державъ, въ осо„бенности Англіи и Россіи, есть невозмож„ность." Да и какъ Туркамъ не имѣть такого убѣжденія? Рѣчь лорда Биконсфильда и заявленіе лорда Дарби противъ политической автономіи трехъ провинцій были телеграфированы въ Константинополь, гдѣ въ нихъ увидѣли доказательство что Англія продолжаетъ видѣть свой національный интересъ въ томъ чтобъ отстаивать и поддерживать Турокъ, и что представленія сэръ-Генри-Эліота не имѣютъ серіознаго значенія, что они не болѣе какъ „невинная дань преходящей необходимости." Корреспондентъ *Daily News* по этому поводу писалъ: „Общее мнѣніе „здѣсь (въ Константинополѣ) таково что „несмотря на избіенія, несмотря на всѣ „преступленія какія можетъ позволять се„бѣ Турецкое правительство Англія все„таки останется его другомъ." А отъ корреспондента *Times* мы также узнаемъ что сэръ-Генри-Эліотъ „ласкалъ Турокъ на„деждой что они могутъ во всякомъ слу„чаѣ разчитывать на поддержку Англіи, и „что соглашаясь на какія бы то ни было „требованія, они могутъ имѣть въ виду „только собственную волю и свои удоб„ства."

И это называлось „согласнымъ" дѣйствіемъ державъ! Въ то самое время когда Австрія и Англія, совокупно съ прочими, предъявляли Портѣ послѣднія требованія, изложенныя самымъ неопредѣленнымъ образомъ по ихъ же настоянію, онѣ же обнадеживали Порту что она *во всякомъ случаѣ* можетъ разчитывать на ихъ поддержку? Для какой же цѣли, при такихъ отношеніяхъ державъ, при такой неискренности и тайной недостойной игрѣ, соберется конференція? Какой пользы можно ожидать отъ нея? Еслибы даже, наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, былъ принятъ какой-либо ни къ чему не ведущій планъ въ родѣ послѣднихъ предложеній лорда Дарби, то гдѣ порука что Порта вновь не противопоставитъ свое *non possumus?* Есть ли основаніе надѣяться что державы на конференціи условятся касательно принудительныхъ мѣръ? Наконецъ конференція только затянула бы дѣло, а прекращеніе ежедневныхъ варварскихъ избіеній христіанъ въ Болгаріи и Босніи требуется немедленно. Поэтому, конференція о будущемъ устройствѣ этихъ провинцій только тогда и можетъ принести пользу когда ей будетъ предшествовать военное занятіе ихъ, требуемое сознаніемъ, истиннымъ или притворнымъ, самою Портой ея безсилія противъ мусульманскаго фанатизма. Между тѣмъ, сколько извѣст-

но, переговоры какъ о перемиріи, такъ и о конференціи, начаты именно съ цѣлью предотвратить предложенное Россіей военное занятіе провинцій. Австрія, какъ пишутъ въ англійскихъ газетахъ, тогда согласится на русское предложеніе совокупнаго военнаго занятія не иначе какъ съ согласія всѣхъ шести державъ, а Англія не изъявитъ согласія. Если же Россія, несмотря на то, будетъ стоять на своемъ, то австрійскія войска не только де займутъ Боснію, какъ было предложено Россіей, но станутъ дѣйствовать также и *противъ Сербовъ.*

Когда же наступитъ конецъ этой страшной траги-комедіи?

№ 251.

Москва, 2-го октября.

Съ недѣлю тому назадъ мы получили изъ Бѣлграда отъ извѣстнаго публициста нашего, князя В. П. Мещерскаго, телеграмму въ которой онъ честнымъ словомъ увѣряетъ что русскіе госпитали въ Сербіи терпятъ крайнюю нужду въ бѣльѣ и перевязкахъ: „раненые безъ сорочекъ, постели безъ простынь, перевозятъ раненыхъ на простыхъ телѣгахъ безо всякихъ приспособленій.“ Наконецъ, онъ положительно заявляетъ что въ Сербіи обнаруживается вообще общее неудовольствіе противъ начальника Русскаго Отдѣла Краснаго Креста тайнаго совѣтника Токарева.

Эта депеша не могла не озадачить насъ. Мы имѣли всѣ основанія вѣрить добросовѣстности отзыва князя Мещерскаго, но съ другой стороны свѣдѣнія въ ней сообщенныя шли совершенно въ разрѣзъ со всѣмъ что было заявлено въ газетахъ Русскимъ Отдѣломъ Общества Краснаго Креста. Еще въ іюлѣ циркуляръ Общества совѣтовалъ русской частной благотворительности пріостановиться отправкой лазаретовъ, такъ какъ де медицинская и санитарная части въ Сербіи уже достаточно организованы. Второй циркуляръ Общества увѣдомлялъ публику что нѣтъ надобности въ отправкѣ отдѣльныхъ лицъ медицинскаго и санитарнаго персоналовъ, но что нужна лишь отправка вполнѣ организованныхъ лазаретовъ. Послѣдовавшимъ вскорѣ третьимъ циркуляромъ Общество рекомендовало прекратить посылку и лазаретовъ, такъ какъ уполномоченный Общества въ Сербіи увѣдомилъ что въ нихъ уже нѣтъ надобности. Одновременно съ тѣмъ Общество пріостановило вполнѣ готовые въ путь лазареты саратовскій, тамбовскій, и другіе. Общество отказывало даже въ позволеніи пользоваться его охранительными знаками и листами госпиталямъ организованнымъ безъ его участія. Можно ли было думать послѣ того что госпитальная часть въ Сербіи не организована вполнѣ удовлетворительно, даже съ избыткомъ? И вдругъ мы узнаемъ что русскіе госпитали Краснаго Креста существуютъ на половину на бумагѣ, что у нихъ нѣтъ ни бѣлья, ни перевязокъ, ни перевязочныхъ средствъ! Зачѣмъ же было останавливать и лишать охраны Краснаго Креста госпитали имѣвшіе всѣ приспособленія: и бѣлье, и перевязки, и средства на покупку транспортныхъ повозокъ? Какимъ образомъ заявленія уполномоченнаго нашего Общества въ Сербіи могли до такой степени разойтись съ дѣйствительностью и ввести Главное Управленіе Общества въ такія большія ошибки?

Вслѣдъ за телеграммой князя Мещерскаго мы получили отъ начальника штаба арміи генерала Черняева депешу изъ которой также оказалось что организація русскихъ госпиталей Краснаго Креста въ Сербіи весьма недостаточна, что даже для тяжко раненыхъ русскихъ офицеровъ нѣтъ лазарета вблизи театра военныхъ дѣйствій. Начальникъ штаба просилъ насъ выслать на устройство госпиталя часть пожертвованій поступившихъ въ пользу Славянъ въ редакцію нашей газеты, и прибавлялъ лаконически: „Ожидать помощи отъ здѣшняго Отдѣла Краснаго Креста, занятаго одною формальною стороной дѣла, *нечего.*“

Мы опубликовали депеши полученныя отъ князя Мещерскаго и изъ штаба генерала Черняева, и онѣ тотчасъ оживили въ нашей печати толки о дѣятельности Русскаго Отдѣла Краснаго Креста въ Сербіи. Въ полученномъ вчера № *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* находимъ статью писанную, очевидно, кѣмъ-либо изъ лицъ близко стоящихъ къ Обществу. Авторъ статьи старается разъяснить и оправдать его дѣятельность. Статья полемизируетъ съ довольно давно уже напечатанною замѣткой одной изъ петербургскихъ газетъ, но явно имѣетъ болѣе широкую задачу.

Но изъ собственныхъ объясненій автора

статьи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* выходитъ что дѣло далеко не благополучно. Общество учредило вещевой госпитальный складъ въ Бѣлградѣ не только для своихъ госпиталей, но и для присланныхъ частною, не организованною благотворительностью въ Россіи. Оказывается однако что этотъ складъ не рѣдко не можетъ удовлетворить немедленно обращаемыхъ къ нему требованій „за неимѣніемъ въ наличности тѣхъ или другихъ предметовъ въ которыхъ встрѣчается надобность.“ Но вѣдь все дѣло и состоитъ въ неимѣніи того что̀ слѣдовало бы имѣть, и что̀ при громадныхъ средствахъ Общества можно было имѣть. А что если это „неимѣніе“ доходитъ до полнаго отсутствія бѣлья и перевязочныхъ средствъ въ госпиталяхъ самого Краснаго Креста?

Общество упрекали что оно упустило изъ виду отправку въ Сербію правильно организованныхъ ротъ носильщиковъ. Авторъ статьи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* отвѣчаетъ что „во всѣхъ арміяхъ роты носильщиковъ обыкновенно формируются изъ уволенныхъ отъ службы солдатъ, привыкшихъ къ строю и дисциплинѣ; отправлять же такія роты подъ Краснымъ Крестомъ Общество, конечно, не имѣло никакого права безъ особаго разрѣшенія на пропускъ этихъ людей чрезъ Австро-Венгрію.“

Неужели такой отвѣтъ свидѣтельствуетъ объ искусномъ разрѣшеніи вопроса? Кромѣ Австріи, есть и другой путь въ Сербію. Вообще наше Общество Краснаго Креста очень много хлопотало за разрѣшеніями Австріи. Въ свое время мы имѣли случай сообщить что первые русскіе врачи отправившіеся въ Сербію не могли получить охраны и содѣйствія Общества Краснаго Креста, потому что оно не имѣло разрѣшенія сперва изъ Женевы, потомъ отъ Австріи и пр. Сколько времени было потеряно на эти сношенія. Лишь прямое участіе Августѣйшей Покровительницы Общества дало дѣлу благопріятный исходъ.

Во всѣхъ этихъ недостаткахъ нельзя винить людей участвующихъ въ управленія Общества. Причина зла заключается въ организаціи Общества, въ его формальныхъ канцелярскихъ порядкахъ. Нельзя не признать что въ Сербіи Общество встрѣтилось съ задачей слишкомъ серіозною и обширною, переходящею за урочный кругъ дѣятельности Общества Краснаго Креста. Сербская армія—армія милиціонная, и Русскому отдѣлу Краснаго Креста приходилось организовать почти всю медицинскую и санитарную службу этой арміи. Надо было устраивать госпитали, организовать перевязочные пункты, снабжать ихъ врачебнымъ персоналомъ и всякими принадлежностями, пріобрѣтать палатки и перевязочныя средства, строить бараки и даже заботиться о прокормленіи больныхъ. Нужна была живая, чуткая организація чтобы совладать съ задачей устройства вновь всей медицинской части нѣсколькихъ армій. Разрозненная благотворительность отдѣльныхъ учрежденій и лицъ высылавшихъ въ Сербію свои госпитали и врачебные отряды не могла, конечно, совладать съ такимъ дѣломъ Оказалось не подъ силу оно и нашему Отдѣлу Общества Краснаго Креста Между тѣмъ порядки этого Общества имѣютъ для насъ высокій интересъ. Мы сами быть-можетъ наканунѣ войны, и отъ нашего Отдѣла Краснаго Креста потребуется, правда, исполненіе иной задачи, но и большое напряженіе силъ. Пожелаемъ же ему духа жизни, дѣятельности, управленія обстоятельствами, вмѣсто канцеляризма.

Что же касается дѣятельности нашего Отдѣла въ Сербіи, то надо ждать что сами лица принимающія въ ней главное участіе пожелаютъ полнаго разъясненія ея. Нареканія на этихъ лицъ идутъ со всѣхъ сторонъ, но трудно сказать гдѣ главная причина общаго неудовольствія, въ порядкахъ ли Отдѣла или въ дѣйствіяхъ его уполномоченнаго въ Сербіи? Въ *Новомъ Времени* сообщаютъ что г. Токаревъ дѣйствуетъ слишкомъ медленно, что онъ „слишкомъ начальнически“ обращается со врачами болѣе его понимающими дѣло, что тотъ же тонъ проглядываетъ въ его сношеніяхъ съ сербскими министрами, „которые не могутъ быть ему подчинены.“ Съ другой стороны, лица компетентныя сообщаютъ намъ что выборъ врачей посланныхъ нашимъ Отдѣломъ Краснаго Креста былъ неудаченъ: набралось будто бы много лицъ заботящихся лишь о двухъ стахъ рубляхъ мѣсячнаго жалованья получаемаго отъ Общества; Поляки и Евреи-врачи, присланные Обществомъ, безпрестанно де ссорятся и враждуютъ.

За двѣ тысячи верстъ трудно судить гдѣ вина. Несомнѣнно лишь что русскіе госпитали Краснаго Креста въ Сербіи не-

удовлетворительны. Сегодня мы помѣщаемъ замѣтки русскаго врача объѣхавшаго эти госпитали и дающаго о нихъ дурной отзывъ. Въ интересахъ дѣла нельзя не пожелать чтобъ оно было освѣщено слѣдствіемъ. Въ депешѣ князя Мещерскаго заключались пропущенныя нами слова что такое слѣдствіе необходимо. Теперь въ виду скопившихся данныхъ мы должны присоединиться къ этому заявленію въ интересахъ какъ самаго дѣла, такъ и лицъ входящихъ въ составъ Русскаго Отдѣла Краснаго Креста въ Сербіи.

Наша статья была уже окончена когда мы получили отъ Главнаго Управленія Общества слѣдующую телеграмму присланную уполномоченнымъ Общества въ Сербіи г. Токаревымъ.

„Всѣ безъ исключенія лазареты организованные Обществомъ Краснаго Креста снабжены всѣми необходимыми принадлежностями и тремя перемѣнами бѣлья по числу больныхъ. Сербскіе госпитали находящіеся въ завѣдываніи русскихъ врачей хорошо организованы и также не встрѣчали нужды во всякаго рода принадлежностяхъ. По первому требованію врачей, всѣ необходимыя принадлежности немедленно высылаются изъ Бѣлграда. Военный министръ Сербіи, осмотрѣвъ наши лазареты между 10 и 15 сентября, сообщилъ мнѣ нѣсколько замѣчаній исключительно по врачебной части, причемъ нашелъ русскіе лазареты хорошо организованными. Такимъ образомъ телеграмма князя Мещерскаго лишена всякихъ основаній.“

Врядъ ли покажется кому-либо убѣдительнымъ такое голословное отрицаніе, тѣмъ болѣе что въ полученныхъ сегодня петербургскихъ газетахъ напечатаны извлеченія изъ писемъ самого г. Токарева въ Общество Краснаго Креста изъ коихъ оказывается несомнѣннымъ что русскіе госпитали не имѣли перевозочныхъ средствъ.

№ 253.

Москва. 4-го октября.

Предлагая невозможное перемиріе на пять мѣсяцевъ, Порта не включаетъ въ него инсургентовъ Босніи и Герцеговины, а напротивъ требуетъ чтобы въ теченіе этого срока Сербія и Черногорія оставались въ полномъ бездѣйствіи, не принимая никакого участія въ дѣлахъ обѣихъ возставшихъ провинцій и такимъ образомъ совершенно предоставили бы ихъ Туркамъ, которые, освободившись со стороны Сербіи и Черногоріи, навалились бы всѣми своими силами на Боснію и Герцеговину.

Нельзя сомнѣваться въ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ Порты. Со всѣхъ сторонъ, изъ совершенно независимыхъ одинъ отъ другаго источниковъ приходятъ вѣсти о новыхъ попыткахъ распалить мусульманскій фанатизмъ. „Настоящее время очень благопріятно для политической агитаціи въ среднихъ и низшихъ слояхъ турецкаго населенія,“ пишетъ корреспондентъ *Кельнской Газеты*, „мѣсяцъ Рамазанъ съ его продолжающимися до поздней ночи кутежами способствуетъ болѣе или менѣе многолюднымъ сходкамъ и служитъ предлогомъ для посѣщенія и вечеринокъ, поэтому косвенно побуждаетъ къ политическимъ толкамъ и совѣщаніямъ. Этому преимущественно слѣдуетъ приписать то обстоятельство что фанатическое движеніе охватившее мусульманское населеніе все усиливается.“ Софты дѣйствительно воспользовались Рамазаномъ и изъ Константинополя разсыпались во всѣ стороны для новой проповѣди войны противъ невѣрныхъ. Въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* доставленъ списокъ одной изъ такихъ проповѣдей который раздавался въ Филиппополѣ на руки правовѣрнымъ послѣ того какъ головы ихъ были разгорячены зажигательною рѣчью. Во имя Бога и Пророка слушатели призывались воевать съ невѣрными, что де есть ихъ долгъ предписываемый вѣрою. Слава магометанъ въ постоянной войнѣ съ невѣрными, и кто де изъ правовѣрныхъ погибнетъ въ войнѣ тотъ станетъ святымъ мученикомъ и имя его запишется въ книгѣ безсмертія. По предписаніямъ магометанской религіи слѣдуетъ де *убивать христіанъ которые живутъ съ мусульманами*. Войну де слѣдуетъ вести такъ: предложить непріятелю обратиться къ Магомету; если откажется пусть платитъ *харачъ*, а не то предать его смерти. Священники исповѣдающіе христіанство сказали де невѣрнымъ: „свершились времена, пришелъ Христосъ; кто изъ васъ умретъ, того воскреситъ Онъ.“ Но пришелъ де не Христосъ, пришелъ Пророкъ который исходилъ вселенную, избилъ сотни тысячъ христіанъ, и Османы нашли покой себѣ. Махмудъ-паша (низложенный

визирь), продавшій имперію, схваченъ и наказанъ ангелами. Русскіе де ходятъ съ головой не покрытою и трусы, а Англичане и Французы безсовѣстны и безбожны. Восемь раевъ уготовано для восьми имперій Турокъ, семь преисподнихъ для семи христіанскихъ державъ. Кто вѣритъ де въ святость софтъ, становится самъ святъ. *Шаріатъ* желаетъ чтобы Французы и Англичане стали Турками (за этимъ кажется дѣло не стало). *Шаріатъ* извлекъ мечъ чтобы умерщвлять невѣрныхъ. Это дѣло угодное Богу. Религія Магомета истинная, христіанская ложная; міръ созданъ для мусульманъ, а не для христіанъ. Нынѣ Богъ чрезъ Магомета сжалился надъ магометанскими семействами, обогативъ ихъ имуществомъ невѣрныхъ.

Можно представить себѣ какое дѣйствіе должна производить подобная проповѣдь пересыпанная изреченіями изъ Корана, полная дикаго невѣжества, среди еще болѣе дикой толпы. Суля награды рая, она еще болѣе дѣйствуетъ земными поблажками: грабежомъ достоянія невѣрныхъ и твердитъ одно: убивайте, убивайте христіанъ.

Занимаясь переговорами и прикрывшись перемиріемъ, Порта спуститъ своихъ псовъ на беззащитныхъ. Наступаетъ зима, воевать трудно, но тѣмъ легче расправиться съ беззащитными и прокормить на ихъ счетъ армію. Выпадетъ снѣгъ. Онъ не позволитъ уйти отъ преслѣдованій въ лѣса и горы, онъ же замететъ слѣды звѣрствъ, такъ что ихъ не найдутъ никакія европейскія коммиссіи. Не даромъ же говорилось Турками: „Истребимъ всѣхъ христіанъ, а тамъ пусть Россія приходитъ спасать кого хочетъ!“

Надо ли еще доказательствъ что подготовляется новое избіеніе христіанъ? На дняхъ телеграммы извѣщали что Мухтаръ-паша отрубилъ головы двумъ раненымъ Черногорцамъ потому что магометанская религія не велитъ щадить невѣрныхъ! И это гдѣ же? *Въ госпиталѣ* куда ихъ доставили для врачебной помощи! Въ Ливнѣ пролита ручьями кровь мирныхъ жителей; населеніе бѣжитъ въ лѣса и горы или готовится бѣжать въ Далматію. Ливенскій паша отдалъ приказъ рѣзать христіанъ потому что падишахъ желаетъ чтобы возстаніе было подавлено во что бы то ни стало...

Страшно! Неужели и теперь останутся безъ защиты тысячи людей виновныхъ лишь въ томъ что исповѣдуютъ Христа?...

№ 254.

Москва, 5-го октября.

Во Франціи, за исключеніемъ эксцентрическаго г. Эмиля де-Жирардена, не слышно ни одного голоса за христіанъ Востока, и вся печать, какъ выразительница общественнаго мнѣнія, обнаруживаетъ крайнее озлобленіе противъ нихъ и ихъ *революціонныхъ* стремленій освободиться отъ управленія Порты. Въ этомъ озлобленіи, съ замѣчательнымъ единодушіемъ, невозможнымъ ни на какой другой почвѣ, сходятся и клерикальные органы *Monde* и *Univers*, и умѣренно-либеральные *Journal des Débats*, *Temps* и *Revue des Deux-Mondes*, и республиканскіе какъ органъ г. Гамбетты *République Française*. Послѣдній удивляется противоположному движенію происходящему въ Англіи всѣмъ этимъ митингамъ и рѣчамъ сочувствующихъ Болгарамъ ораторовъ, и г. Гамбетта, раболѣпствующій предъ массами, убѣждаетъ торійское правительство не обращать вниманія на народные возгласы, а продолжать, заботясь объ интересахъ Англіи и всей Европы, защиту Оттоманской имперіи отъ *революціи!* Другія французскія газеты хвалятъ Англію за то что, поддерживая Турцію, она защищаетъ де „цивилизацію“ противъ русскаго варварства и деспотизма. Фактъ курьозный: отъ Франціи никто не и ждалъ заступленія за турецкихъ христіанъ,—но откуда такое озлобленіе противъ нихъ? Политическіе люди Англіи конечно не чета г. Гамбеттѣ. Они успѣли поставить дѣло такъ что въ то время какъ Франція срамится предъ всѣмъ свѣтомъ безо всякой нужды и пользы для себя, гдѣ сильнѣе всего, послѣ Россіи, высказывается народное сочувствіе къ турецкой райѣ?—въ Англіи! Гдѣ, въ какой странѣ было такое множество митинговъ для заявленія сочувствія Болгарамъ, раздавались такія горячія изобличенія турецкаго звѣрства?—въ Англіи! Даже собрано 10.000 ф. ст. для помощи умирающимъ съ голоду семействамъ, и вотъ уже двое Болгаръ пріѣхали въ Лондонъ благодарить за это сочувствіе и помощь.

Мы не сомнѣваемся въ искренности множества лицъ участвующихъ на этихъ митингахъ и произносящихъ рѣчи, такихъ людей, напримѣръ, какъ г. Джонъ Брайтъ,

который теперь повторяетъ то что онъ съ неменьшею силой правдивости доказывалъ во время Крымской войны и за что подвергался тогда великимъ нареканіямъ. Тѣмъ не менѣе, все это народное движеніе въ Англіи никакъ нельзя считать серіознымъ. Лордъ Биконсфильдъ знаетъ что какъ ни гремятъ противъ него безотвѣтственные ораторы оппозиціи, но они ничего не предпримутъ чтобы принудить его къ перемѣнѣ политики. Будь лордъ Биконсфильдъ или лордъ Дарби въ оппозиціи, они въ случаѣ надобности дѣлали бы то же самое. Можно доказать это положительнымъ образомъ: въ 1864 году, нынѣшній лордъ Дарби (тогда лордъ Станлей), въ рѣчи предъ избирателями, горячо возставалъ противъ политики которая связываетъ интересы Англіи съ отжившею Турціей и дѣлаетъ врагами Англіи христіанскіе народы коимъ принадлежитъ будущность Востока. Теперь, когда политикой заправляетъ лордъ Дарби, роль протеста выпадаетъ на долю противной партіи, а люди отвѣтственные, люди во власти, мало стѣсняются прежде высказанными ими мнѣніями.

Доказательство несеріозности краснобайства либеральныхъ ораторовъ въ Англіи представляетъ рѣчь произнесенная на дняхъ г. Форстеромъ предъ своими избирателями въ Брадфордѣ. Г. Форстеръ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ вождей либеральной партіи. Онъ самъ ѣздилъ въ Константинополь чтобы лично ознакомиться съ положеніемъ и вернувшись держалъ рѣчь. Въ этой рѣчи онъ говоритъ какъ разъ то же что говорилъ лордъ Дарби въ 1864 году: „Мы старались охранять „разслабленное правительство и враждо„вали противъ неизбѣжныхъ будущихъ на„слѣдниковъ его. Намъ слѣдовало бы, „изъ чисто эгоистической заботы объ ан„глійскихъ интересахъ, всѣми силами поо„щрять эти христіанскія общины къ образо„ванію независимыхъ христіанскихъ госу„дарствъ.“ Г. Форстеръ смѣется надъ „тайными обществами“ лорда Биконсфильда и надъ иностранными эмиссарами доклада г. Беринга, онъ видѣлся съ двумя изъ „болгарскихъ заговорщиковъ,“ бесѣдовалъ съ ними, и свидѣтельствуетъ что на мѣстѣ Болгаръ всякій Англичанинъ давнымъ бы давно возсталъ чтобы свергнуть невыносимое иго. Г. Форстеръ находитъ также вполнѣ понятнымъ и извинительнымъ объявленіе войны Сербіей. Онъ находитъ, наконецъ, вполнѣ естественнымъ и энтузіазмъ въ Россіи, обнаружившійся пожертвованіями до милліона фунт. стерл. и приливомъ массы русскихъ добровольцевъ въ Сербію. Хотя этотъ послѣдній фактъ очень не нравится г. Форстеру, но онъ понимаетъ его какъ выраженіе неподдѣльнаго, всеобщаго и восторженнаго движенія въ Россіи. Послѣ этого, казалось бы, можно ожидать что г. Форстеръ энергически заступится за права христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи, послѣ всѣхъ вынесенныхъ имъ страданій, получить самобытное устройство, тѣмъ болѣе что самъ же онъ свидѣтельствуетъ объ ихъ успѣхахъ въ цивилизаціи, и не отрицаетъ что они были бы способны хорошо управлять не только сами собой, но и живущими между ними мусульманами. Когда однакоже рѣчь доходитъ до этого плана, то г. Форстеръ встрѣчаетъ только разныя затрудненія. Онъ говоритъ что предпочелъ бы этотъ планъ всякому другому „еслибы только можно было исполнить его безъ войны,“ а онъ не думаетъ чтобъ это было возможно (какъ будто не Англія была бы виновницей войны!). Кромѣ того онъ указываетъ что, съ дарованіемъ автономіи тремъ провинціямъ, Турецкая имперія въ Европѣ была бы слишкомъ урѣзана, затѣмъ что нельзя дать автономіи славянскимъ провинціямъ, не даровавъ того же самаго Грекамъ Ѳессаліи и Эпира, а мусульмане въ этихъ провинціяхъ никогда де не согласятся быть подъ управленіемъ христіанъ, и потому введеніе тамъ полной автономіи невозможно безъ иностраннаго занятія. Наконецъ, говоритъ онъ, надо же подумать о христіанахъ не въ одной Европейской, а также и въ Азіятской Турціи, а „насильственное „занятіе христіанскихъ провинцій въ Евро„пейской Турціи, кромѣ того что сильно „раздражитъ Турокъ, подвергло бы Ар„мянъ и другія страны въ Малой Азіи „большимъ опасностямъ.“ А потому, въ виду всѣхъ этихъ затрудненій, г. Форстеръ приходитъ къ тому что считаетъ планъ лорда Дарби „благоразумнѣйшимъ“ изо всѣхъ возможныхъ, то-есть тотъ планъ который, по словамъ г. Гладстона, допускаетъ разнообразнѣйшее толкованіе и который отвергается самими Турками.

Итакъ, всѣ эти краснорѣчивыя негодованія противъ турецкой администраціи,

всѣ эти громкіе протесты противъ политики поддерживающей Турцію, сводятся къ нулю. Не въ правѣ ли мы не считать этихъ англійскихъ демонстрацій за что-либо серіозное? И дѣйствительно, на митингахъ требовали, напримѣръ, созванія парламента, но теперь уже рѣшено что онъ не будетъ созванъ ранѣе обыкновеннаго, то-есть ранѣе будущаго года; требовали отозванія британскаго посла изъ Константинополя и англійскаго флота изъ Безики, но негодованіе противъ сэръ-Генри Элліота улеглось, и ему теперь посылаются деньги для раздачи Болгарамъ, въ избіеніе коихъ онъ не хотѣлъ вѣрить, а что касается до эскадры въ Безикѣ, то самъ г. Форстеръ теперь одобряетъ ея присутствіе тамъ; ораторы на митингахъ требовали изъятія трехъ провинцій изъ-подъ турецкаго управленія, а лордъ Дарби положительно заявилъ, и г. Форстеръ подтверждаетъ, что „полная автономія ихъ внѣ сферы практической политики."

Ясно что отъ Англіи нечего ожидать согласія на мѣру которая одна только дѣйствительно способна исправить ужасное положеніе трехъ провинцій. Военное занятіе для осуществленія этой мѣры, такъ смущающее будто бы Англичанъ, есть только предлогъ съ ихъ стороны для возраженій. Англія устраняется даже отъ всякаго дипломатическаго принужденія Порты. Теперь вся англійская печать, съ самымъ горячимъ одобреніемъ, встрѣчаетъ предложеніе Порты о пятимѣсячномъ перемиріи, и говоритъ что на Сербію, и даже на Россію, падетъ отвѣтственность если это предложеніе будетъ отвергнуто. Только одна газета во всей Англіи продолжаетъ честно сочувствовать христіанамъ. *Dayly News*, по поводу этого предложенія, замѣчаетъ: „Шестимѣсячное перемиріе означаетъ для многихъ тысячъ мущинъ, женщинъ и дѣтей еще полгода изгнанія и бѣдствій."

Но какое до этого дѣло лордамъ Биконсфильду, Дарби, г. Форстеру *e tutti quanti*, сытымъ, тепло одѣтымъ и умѣющимъ говорить прекрасныя рѣчи, трогающія до слезъ слушателей!...

№ 255.

Москва, 6-го октября.

Между тѣмъ какъ съ Кавказа продолжаютъ приходить одно за другимъ извѣстія далеко не успокоительнаго свойства, газета *Кавказъ* не перестаетъ разсыпаться въ увѣреніяхъ что на всемъ пространствѣ этого края все обстоитъ совершенно благополучно. Публицистъ *Кавказа* не скупится на строгія внушенія и предостереженія обращаемыя къ столичной печати каждый разъ какъ она дозволитъ себѣ молвить слово о положеніи дѣлъ въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ и на русско-турецкой границѣ. Эти дѣла, по мнѣнію тифлисской газеты, суть такого рода „Quark," говоря словами приведенной ею нѣмецкой цитаты, въ который никто, кромѣ ея самой, не долженъ смѣть „seine Nase begraben." Эта газета настойчиво требуетъ, чтобы никто не обращалъ вниманія ни на нарушенія нашей границы турецкими разбойниками и даже отрядами турецкихъ войскъ, ни на возможность турецкой пропаганды среди сплошныхъ магометанскихъ населеній Кавказа. Ни того, ни другого, ни турецкихъ вторженій въ русскіе предѣлы, ни возможности пропаганды *Кавказъ* не отрицаетъ, но онъ непремѣнно хочетъ чтобы во всемъ этомъ не усматривали ничего выходящаго изъ обычнаго порядка вещей, чтобы со всѣмъ этимъ русская публика благодушно мирилась. Что жь такое что Турки появляются и разбойничаютъ въ нашихъ предѣлахъ?—Это „не диковинка, это случается весьма часто." Вѣдь отсюда еще далеко до опасеній чтобы „Закавказскій край былъ завоеванъ вѣроломною Туркой,"—ну, значитъ, и нечего безпокоиться; предоставьте заботу о турецкихъ разбойникахъ пограничной кордонной стражѣ. Что жь такое что муллы-фанатики и разнообразные дервиши посѣщаютъ деревни и кочевья населенныя поклонниками Пророка для распространенія въ народѣ разныхъ нелѣпостей?—это „не рѣдкость" и „на нихъ, откровенно говоря, никогда не обращалось особеннаго вниманія." Вѣдь „бродячее мусульманское духовенство не въ состояніи возбудить свою „паству къ открытому возстанію:" такъ изъ-за чего же тутъ тревожиться?

Итакъ, по мнѣнію *Кавказа*, русская публика была бы въ правѣ озаботиться по-

ложеніемъ дѣлъ на Кавказѣ лишь въ томъ случаѣ еслибы Закавказью грозила серіозная опасность обратиться изъ русской въ турецкую провинцію, или еслибы тамъ вспыхнуло поголовное возстаніе всего мусульманскаго населенія! *Кавказъ* признался что на бродячихъ муллъ-фанатиковъ не обращалось особеннаго вниманія; на это мы замѣтили: „невольно пожмешь плечами отъ такой откровенности," —и что же? публицистъ *Кавказа* въ свою очередь пожимаетъ плечами отъ изумленія что мы „ставимъ газетѣ *Кавказъ* въ упрекъ лучшую изъ добродѣтелей—откровенность!" „Мы," говоритъ съ достоинствомъ этотъ тифлисскій публицистъ, „сочли нужнымъ „говорить истинную и неприкрашенную „правду, какъ она есть въ дѣйствительности."

Характеръ тѣхъ дышущихъ убійствомъ и грабежомъ проповѣдей съ какими нынѣ обращаются къ своей паствѣ турецкіе муллы достаточно извѣстенъ. Образчикъ такихъ проповѣдей представляютъ между прочимъ приведенныя нами выдержки изъ *Norddeutshe Allegemeine Zeitung*, которую нѣтъ повода заподозрить въ какихъ-либо пристрастіяхъ относительно Восточнаго вопроса. Что подобная проповѣдь не остается на Кавказѣ безъ послѣдствій, это не подлежитъ сомнѣнію. Мы можемъ между прочимъ указать на мусульманъ отправляющихся съ Кавказа въ Турцію на помощь Туркамъ въ ихъ борьбѣ противъ нашихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ. И если до публициста *Кавказа* еще не дошли вѣсти объ этомъ, мы можемъ сообщить ему что чрезъ одну Керченскую таможню было пропущено въ Турцію нѣкоторое число вооруженныхъ Черкесовъ съ лошадьми, и что затѣмъ, какъ освѣдомился керченскій градоначальникъ, до 800 горцевъ изъ одной Кубанской области предполагали отправиться въ Турцію тоже съ оружіемъ и лошадьми... Но мы должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, взять на себя защиту администраціи противъ возводимаго на нее тифлисскою офиціальною газетой нареканія будто она не обращаетъ вниманія на пропаганду бродячаго мусульманскаго духовенства. Мы поставлены въ возможность заявить что администраціей обращено вниманіе на результаты турецкой пропаганды, и что въ виду ея еще 10 минувшаго сентября состоялся по Департаменту Полиціи Исполнительной,—если не ошибаемся, за № 111,—циркуляръ, коимъ предписывается губернаторамъ не пропускать за границу Турціи вооруженныхъ Черкесовъ съ лошадьми...

Никто, конечно, не думаетъ чтобъ эти вооруженные Черкесы отправляющіяся съ Кавказа въ Турцію, или чтобы Турки вторгающіяся въ наши Закавказскія провинціи для убійства и грабежа могли грозить опасностью Россіи, ея государственной области. Но можно не имѣть подобныхъ нелѣпыхъ опасеній и все-таки не мириться съ подобными фактами. На публициста газеты *Кавказъ*, можетъ быть, не производитъ никакого впечатлѣнія сообщенное на дняхъ *Тифлисскимъ Вѣстникомъ* извѣстіе что въ Тифлисской и Эриванской губерніяхъ разгуливаютъ нѣсколько разбойничьихъ шаекъ и что, „по слухамъ, изъ Турціи прибыли еще двѣ шайки," —но русской публикѣ позволительно не считать подобныхъ фактовъ пріятными. Еще менѣе можно требовать чтобъ она равнодушно читала разказы о чинимыхъ въ предѣлахъ Русской земли разбояхъ напоминающихъ подвиги Черкесовъ и другихъ башибузуковъ въ Болгаріи. Одинъ изъ такихъ разказовъ былъ приведенъ въ № 249 *Московскихъ Вѣдомостей.* Позволимъ себѣ повторить его. Вотъ что писали изъ пограничной съ Турціей Гуріи въ *Тифлисскій Вѣстникъ*, отъ 18 сентября: „Въ послѣднее время жизнь у насъ стала невыносимою. На это, между прочимъ, указываютъ нѣкоторые факты злодѣйствъ совершенныхъ въ послѣдніе три дня: два крестьянина Шемокмедскаго общества, Глахунъ Саджая и Зеворъ Месхайшвили, работали въ канашѣ (кукурузовомъ полѣ) недалеко отъ Озургетъ, и 1 сентября найдены тамъ убитыми; оба они убиты ружейными выстрѣлами и затѣмъ изрублены кинжалами; мѣсяцъ назадъ убитъ въ Шемокмеди Маминайшвили, а на дняхъ мальчикъ, Глахунъ Ваковъ Тавди-швили, единственный сынъ вдовы, находящійся на работѣ въ канашѣ, недалеко отъ Озургетъ, *взятъ оттуда въ плѣнъ въ Турцію*; третьяго дня, въ городѣ Озургеты, со двора князя Георгія Накашидзе увели осѣдланную лошадь; нѣсколько дней назадъ уведены ворами изъ конюшни Озургетской кадровой каманды нѣсколько лошадей со взломомъ дверей конюшни; въ Джуреведскомъ и Чочхатскомъ обществахъ ни у одного крестьянина не найдется лошади,

ибо буквально всѣ лошади уведены оттуда ворами въ разное время.“

Можетъ-быть, публицистъ *Кавказа* найдетъ что всѣ подобные грабежи, убійства и уводы дѣтей русскихъ подданныхъ „въ плѣнъ въ Турцію,“—не диковинка, что все это дѣло обычное въ краѣ. Но позволительно не раздѣлять этого мнѣнія и не возлагать на отвѣтственность кавказской администраціи того что̀ есть результатъ исключительныхъ политическихъ обстоятельствъ. И въ виду того что разгаръ фанатизма въ сосѣдней турецкой ордѣ,—фанатизма ищущаго себѣ исхода въ крови и разореніи христіанъ,—влечетъ за собою дерзкое и безнаказанное нарушеніе имущественной и личной безопасности на русской территоріи, позволительно не согласиться съ тѣмъ чтобы для полнаго успокоенія русской публики было достаточно удостовѣренія въ существованіи пограничной кордонной стражи и въ нахожденіи на турецкой границѣ, въ Александрополѣ, учебнаго лагеря одной гренадерской дивизіи... Мы не думаемъ умалять заслуги храбрыхъ казачьихъ кордоновъ которые, по свидѣтельству *Кавказа*, даютъ время отъ времени хорошія острастки Туркамъ врывающимся въ Закавказье съ цѣлію убійства и воровства,—но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ однѣ эти обычныя острастки чинимыя кордонною стражей не сопровождаются, да едва ли и могутъ сопровождаться желаемыми результатами. И мы не видимъ ничего предусудительнаго въ томъ если кто-нибудь найдетъ что въ такомъ положеніи дѣлъ представляется для Россіи достаточный поводъ сдѣлать въ Константинополѣ согласное съ ея достоинствомъ серіозное заявленіе, не походящее на тѣ болтливыя и старчески-безсильныя увѣщанія которыя вотъ уже болѣе года дѣлаются тамъ по Восточному вопросу европейскою дипломатіей, разыгрывающею въ лицахъ Крыловскую басню *Котъ и Поваръ*, безъ всякаго вниманія къ сопровождающему эту басню нравоученію...

№ 256.

Москва, 7-го октября.

Ни откуда еще не послѣдовало официальнаго извѣщенія о томъ какъ принято различными державами предложенное Портой шестимѣсячное перемиріе, а телеграмма Гавасова Агентства передаетъ намъ сегодня что уже теперь идетъ рѣчь о „трехмѣсячномъ“ перемиріи. Значитъ, вопреки похваламъ которыя расточались туркофильскими органами всѣхъ странъ Оттоманскому правительству за то что оно своимъ великодушіемъ далеко превзошло желанія великихъ державъ, настаивать на шестимѣсячномъ срокѣ уже оказалось невозможнымъ; значитъ, если не всѣми, то нѣкоторыми державами была достойно оцѣнена эта дерзкая насмѣшка турецкихъ министровъ и ихъ совѣтниковъ надъ европейскою дипломатіей. Дѣло, однако, этимъ не подвигается, ибо Порта, устранивъ дипломатическое вмѣшательство объ участи Босніи, Герцеговины и Болгаріи, теперь думаетъ только о томъ какъ бы избавиться отъ затрудненій зимней кампаніи, и является съ новымъ предложеніемъ перемирія трехмѣсячнаго. Въ сущности, это предложеніе не отстало отъ предыдущаго. Пока еще окончатся переговоры о перемиріи, да потомъ пройдутъ еще три мѣсяца, Порта, при кратковременности зимы на югѣ Европы, все равно достигла бы своей цѣли.

Еслибы серіозно шла рѣчь о мирѣ, еслибы дѣйствительно о немъ такъ искренно заботились какъ сама Порта, такъ и поблажающія ей державы, то дѣло давно было бы улажено. Почему же нельзя было принудить Порту согласиться на перемиріе въ шесть недѣль когда она находитъ возможнымъ принять таковое на три мѣсяца? Говорятъ, нужно болѣе продолжительное время для сговора между державами; а между тѣмъ время тратится на вздорные переговоры по поводу разныхъ фантазій турецкихъ министровъ или ихъ патроновъ. Вотъ уже около мѣсяца прошло безо всякой пользы для дѣйствительнаго мира пока Порта сначала отмѣривала перемиріе днями, пока ей потомъ заблагоразсудилось мѣрить его временами года, съ тѣмъ чтобы цѣлые полгода держать всю Европу въ нерѣшительности и неизвѣстности. Роль разыгрываемая между тѣмъ дипломатіей похожа на дѣтскую забаву если только тутъ нѣтъ съ чьей-нибудь стороны безсовѣстнаго обмана.

Наконецъ, перемиріе или пріостановка военныхъ дѣйствій и такъ уже существуетъ на дѣлѣ. Столкновенія между воюющими становятся, въ виду наступающей

зимы, все рѣже, а о какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствіяхъ ничего не слышно. Поэтому, военныя дѣйствія не могутъ мѣшать державамъ уговориться объ условіяхъ прочнаго мира, такого въ которомъ, конечно, не было бы забыто и обезпеченіе будущности возмущенныхъ провинцій. Въ этомъ послѣднемъ условіи единственный ключъ къ умиротворенію. Но его хотятъ обойти, и это одна изъ причинъ почему Порта желаетъ затянуть переговоры о мирѣ и выиграть время. Въ Константинополѣ забавляются сочиненіемъ конституцій которыя должны ублаготворить не только три провинціи, но всю имперію, христіанъ и магометанъ вмѣстѣ. И туркофильская печать уже провозглашаетъ съ умиленіемъ что эти новыя реформы далеко превосходятъ все до чего могли бы простираться самыя смѣлыя требованія дипломатіи. Смыслъ этого грубаго обмана слишкомъ очевиденъ. Разоблачая его, газета *Daily News* говоритъ: „Главное дѣло въ „томъ что если проектъ Высокой Порты „будетъ принятъ, то это значитъ что Тур„ція должна быть оставлена въ покоѣ и „что она сама будетъ наблюдать за дѣй„ствіемъ своихъ реформъ.“ Да этого желанія чтобы Порта въ самомъ дѣлѣ была оставлена въ покоѣ не скрываютъ туркофильскіе органы. Вся французская печать выражаетъ желаніе чтобы Портѣ, при ея новыхъ правителяхъ (то-есть нынѣшнемъ султанѣ съ Мидхатъ-пашой), дано было время оправдать себя въ глазахъ Европы. Этому вторитъ и лондонская *Times*, говоря что „какой бы ни былъ характеръ „предполагаемыхъ Портой реформъ, нуж„но время чтобъ обсудить ихъ, и также „чтобы видѣть ихъ практическое испол„неніе.“ Эта же газета, забывая что она прежде сама рекомендовала автономію для турецкихъ провинцій, говоритъ теперь что реформу турецкаго управленія нельзя еще считать неосуществимою. Словомъ, заводится старая, хорошо знакомая пѣсня.

А вотъ другая причина затягиванья дѣлъ Портой: ей нужно время приготовиться. Она желаетъ помѣстить войска на теплыя квартиры и свободнѣе заняться *усмиреніемъ* еще непокорныхъ христіанъ, но конечно перемиріе не прекратитъ приготовленій къ войнѣ. По неволѣ должна будетъ озаботиться о томъ же и Сербія, а такія приготовленія съ обѣихъ сторонъ, по вѣрному замѣчанію *Daily News*, сдѣлаютъ возобновленіе войны лишь болѣе вѣроятнымъ.

Итакъ, очевидно, что продолжительная отсрочка нужна Портѣ вовсе не для мира, а для новыхъ приготовленій въ то время какъ ея друзья постараются, несмотря на болгарскую рѣзню, вновь оправить ее въ глазахъ Европы.

Съ этою послѣднею цѣлью, англійская печать безъ зазрѣнія совѣсти начинаетъ выставлять Россію возмутительницей спокойствія Европы. Съ одной стороны, министерскіе органы давно уже изобличаютъ движеніе въ Россіи. Это неудержимое сочувствіе всего Русскаго народа къ страдающимъ въ Турціи братьямъ своимъ, эти посылки денегъ голодающимъ и приливъ добровольцевъ въ Сербію, англійская печать выставляетъ какъ революціонную гидру, вырвавшуюся изъ-подъ всякаго контроля. Что̀ можетъ быть грубѣе этой клеветы? И кого можно обмануть или запугать ею? Почему же то что̀ возможно въ Англіи предосудительно въ Россіи? Въ Англіи конца нѣтъ митингамъ по поводу Болгаріи, и хотя они большею частью разрѣшаются празднословіемъ, но и тамъ собрано до 10.000 ф. стер. для посылки Болгарамъ. Г. Гладстонъ издаетъ брошюры, г. Ло и герцогъ Аргайль громятъ на митингахъ правительство, а консервативъ маркизъ Ботъ провозгласилъ что скорѣе готовъ видѣть даже Константинополь русскимъ чѣмъ продолженіе Оттоманскаго ига надъ Болгаріей! Мы очень хорошо понимаемъ всю фальшивость англійскихъ демонстрацій, но онѣ выставляются какъ протестъ противъ Англійскаго правительства. Выходитъ стало-быть что въ Англіи народъ и правительство идутъ врозь. Въ Россіи же нѣтъ ничего подобнаго; нѣтъ и тѣни противоположности между офиціальною и неофиціальною Россіей, —противоположности, о которой толковалъ и г. Форстеръ въ своей рѣчи. Нынѣшнее русское движеніе есть завѣтъ русской исторіи и вполнѣ соотвѣтствуетъ тому положенію какое всегда занимала Россія въ Восточномъ вопросѣ. Оно не нуждалось въ искусственномъ возбужденіи, а воспрянуло при видѣ неслыханныхъ звѣрствъ, возмущающихъ всякое человѣческое чувство. Это неподдѣльное сочувствіе Русскаго народа къ угнетеннымъ братьямъ своимъ по вѣрѣ находится въ живой гармоніи съ традиціонною политикой правительства на-

шего, и въ немъ выражается готовность на всякую жертву по первому слову Монарха.

Но еще возмутительнѣе этой клеветы на Русскій народъ стараніе газеты *Times* заранѣе обвинить Россію въ замѣшательствахъ которыя она предвидитъ. По поводу шестимѣсячнаго перемирія она говоритъ: „Не слишкомъ много будетъ сказать что если Россія не приметъ шестимѣсячнаго перемирія, или будетъ причиной отказа, то она станетъ врагомъ Европы.“ Это верхъ наглости. Это говоритъ органъ страны которая болѣе всѣхъ мутила и ссорила Европу, и была первою причиной возгорѣвшейся войны. Россія, во все продолженіе кризиса, дѣйствовала постоянно заодно съ другими державами, даже съ Австріей, съ которою у нея интересы во многомъ различны и даже противоположны. Благодаря миролюбію и уступчивости Россіи, былъ сообща выработанъ планъ, извѣстный Берлинскій меморандумъ, который, каковъ бы онъ ни былъ, представлялъ во всякомъ случаѣ актъ соглашенія трехъ державъ. Онъ былъ одобренъ и другими державами. Оставалось дать ему ходъ и тѣмъ предотвратить послѣдовавшія ужасныя бѣдствія, войну и рѣзню. Кто же воспротивился этому? — Англія. Кѣмъ было сказано не хочу? — графомъ Биконсфильдомъ. Кѣмъ были заранѣе указаны Портѣ возраженія на каждый пунктъ меморандума когда онъ и представленъ не былъ? Графомъ Дарби. Кѣмъ поощралась агитація Мидхата и софтъ, которая повела къ переворотамъ въ Стамбулѣ, чтобы парализовать хотя на время дипломатію, и кѣмъ былъ вызванъ флотъ въ Безику? — сэръ-Генри Элліотомъ. Кто упорно отклонялъ послѣ того всякое совокупное дѣйствіе пока не вспыхнула война и пока не была залита кровью и усѣяна трупами Болгарія? — англійскіе министры. Вотъ стало-быть кто враги Европы, и не имъ пугать насъ коалиціей.

Эти угрозы — не болѣе какъ также одна изъ уловокъ употребляемыхъ съ цѣлью чтобы въ Турціи по возможности осталось все по старому.

№ 257.

Москва, 8-го октября.

Вчерашняя телеграмма изъ Лондона извѣстила насъ что англійскія общества морскихъ страховокъ требуютъ добавочной пятипроцентной страховой пошлины съ судовъ плавающихъ между Англіей, Востокомъ и ея колоніями, въ виду возможныхъ случайностей войны. Итакъ, несмотря на всѣ успокоительныя телеграммы о ревностныхъ усиліяхъ дипломатіи, а можетъ-быть благодаря именно этимъ усиліямъ, въ публикѣ повидимому вездѣ господствуетъ тревожное ожиданіе войны. И вотъ чуткіе торговые интересы Англичанъ явно показываютъ намъ ихъ ожиданіе что въ вѣроятной войнѣ приметъ участіе Англія, вопреки всѣмъ протестамъ либеральныхъ митинговъ, будто Англійская нація рѣшилась не выступать болѣе на защиту Турціи.

Вопросъ о войнѣ и мирѣ, что бы ни писали въ англійскихъ газетахъ, какую бы ложь и клевету онѣ ни распускали противъ Россіи, вопросъ этотъ, однако, весь въ рукахъ англійскихъ министровъ. Отъ нихъ зависитъ прекратить неистовства Турокъ единственнымъ возможнымъ способомъ — изъятіемъ изъ-подъ турецкаго управленія трехъ провинцій поверженныхъ въ анархію и дарованіемъ имъ полной автономіи: иначе не предвидится мирнаго разрѣшенія замѣшательствъ, ибо нельзя же отдать огромное большинство христіанъ на убой въ угоду самолюбію лорда Биконсфильда.

Возможность участія Англіи въ войнѣ заранѣе вызываетъ многіе интересные вопросы, которые возбуждались уже не разъ въ самой Англіи. При ея участіи, война конечно не ограничится сухопутными дѣйствіями, а будетъ также и морскою войной. Каковъ будетъ ея характеръ, и каковы, при настоящихъ условіяхъ, съ одной стороны интересы, а съ другой средства какъ наступленія, такъ и обороны въ такой войнѣ? Вотъ вопросы интересующіе весь міръ, и всего болѣе самихъ Англичанъ. Рѣчь идетъ не объ однихъ усовершенствованіяхъ морской техники, не о сравнительныхъ достоинствахъ различныхъ системъ броненосцевъ, орудій и торпедъ, а о самомъ характерѣ столкновенія между державами преимущественно морскими съ преимущественно сухопутными, о ихъ

взаимныхъ средствахъ причинять вредъ другъ другу и обороняться.

По этому поводу, минувшимъ лѣтомъ, въ англійскихъ газетахъ шла довольно любопытная полемика о томъ выгодно или нѣтъ для Англіи держаться Парижской декларацін, приложенной къ трактату 1856 года. Этою декларацісй, какъ извѣстно, введены два существенныя измѣненія въ обычай морскихъ войнъ: вопервыхъ, воюющія державы отказались отъ права осмотра нейтральныхъ судовъ, и признано что „флагъ прикрываетъ грузъ;" вовторыхъ, отмѣнено каперство, то-есть выдача воюющимъ государствомъ каперскихъ свидѣтельствъ частнымъ крейсерамъ. О вліяніи этихъ перемѣнъ на морскія войны до сихъ поръ нельзя было произнести опредѣленнаго сужденія на основаніи опыта. Въ войнахъ 1859, 1866 и 1870 эти ограниченія не имѣли значенія ибо жребій ихъ рѣшался на поляхъ „большими баталіонами." Опытъ Американской междуусобной войны показалъ страшное значеніе каперства при нынѣшнемъ развитіи морской торговли, но это не была война международная, къ тому же Соединенные Штаты не приняли Парижской деклараціи.

Участіе Англіи въ войнѣ, еслибъ она стала неизбѣжною, должно дать первую практическую пробу этой деклараціи, и въ то же время рѣшить возможно ли ея соблюденіе въ интересахъ обороны. Есть англійскіе шовинисты которые утверждаютъ, не знаемъ искренно или притворно, будто Парижскою деклараціей нанесенъ непоправимый ударъ могуществу Англіи, а именно ея добровольнымъ отказомъ отъ права осмотра, за что отмѣна каперства не даетъ до полной компенсаціи. Аргументы ихъ такого рода что Англія, въ случаѣ войны, не можетъ вредить противнику иначе какъ парализуя его торговлю. Конечно, она и сама не подвергается тому же, и весь вопросъ въ томъ кто окажется сильнѣе, кто можетъ причинить наибольшій вредъ и скорѣе истощить противника. Англія несомнѣнно сильнѣе всѣхъ на морѣ, но и ея грозный флотъ не въ состояніи давать конвой каждому торговому кораблю; невозможно ей также держать въ дѣйствительной блокадѣ всѣ непріятельскіе порты, а потому между тѣмъ какъ англійскія торговыя суда всетаки будутъ подвержены нападенію если не каперовъ, то немногихъ непріятельскихъ военныхъ судовъ, Англія будетъ безсильна подорвать торговлю противника, которая только перейдетъ на нейтральныя суда. Поэтому, утверждаютъ многіе Англичане, необходимо возстановить права осмотра и захвата собственности непріятеля гдѣ бы то ни было, слѣдовательно и подъ нейтральнымъ флагомъ. Только такимъ образомъ, доказывали нѣкоторыя газеты, Англія была бы способна истощить противника, окончательно разоривъ его торговлю. Каперство же не такъ ей страшно для Англіи, такъ какъ она сама можетъ выслать каперовъ болѣе чѣмъ кто-либо.

Многіе и въ Англіи оспариваютъ основательность этихъ соображеній, и говорятъ что Парижская декларація, напротивъ, выгодна именно для Англіи. Не позволительно взглянуть на вопросъ съ противоположной стороны, и обсудить что выгодно для страны которой пришлось бы быть въ войнѣ съ Англіей. Въ Парижской деклараціи, по недосмотру, смѣшаны два совершенно разнородные пункта, изъ коихъ одинъ касается главнымъ образомъ нейтральныхъ, другой самихъ воюющихъ. Въ войнѣ съ Англіей право осмотра для противника ея не такъ важно. Этимъ правомъ можетъ пользоваться только сильнѣйшій противникъ, который и безъ него всетаки останется сильнѣйшимъ. Къ тому же оно болѣе затрогиваетъ нейтральныхъ, и нынѣ не такія времена какъ въ прошедшемъ столѣтіи чтобы нейтральныя государства стали переносить такое пиратство и дозволили Англіи подъ предлогомъ поисковъ за непріятельскимъ товаромъ, уводить къ себѣ чужія нейтральныя суда. Принудить же этимъ способомъ всѣхъ нейтральныхъ прекратить всякую торговлю съ противникомъ Англіи невозможно, ибо тогда торговля только перемѣнитъ путь и направится по желѣзнымъ дорогамъ. Такимъ образомъ, отказъ отъ права осмотра не доставляетъ никакой выгоды для противника Англіи въ войнѣ, и скорѣе только освобождаетъ ее самое отъ непріятностей съ нейтральными.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется вопросъ о каперствѣ. Этимъ орудіемъ одинаково въ состояніи пользоваться какъ сильнѣйшая, такъ и слабѣйшая сторона, и значеніе его для той и другой измѣряется не числомъ каперовъ, а степенью вреда какой они могутъ причинить. Для Россіи, напримѣръ, при сравнительно незна-

чительности ея торговаго флота и при неимѣніи отдаленныхъ колоній, каперство вовсе не такъ страшно, хотя бы всѣ моря и океаны были усѣяны враждебными каперами. Для Англіи совершенно наоборотъ. Десятокъ смѣлыхъ крейсеровъ, коимъ были бы выданы *lettres de marque*, доказалъ бы Англіи что и она уязвима. Примѣръ *Алабамы* показываетъ что косвенный ущербъ отъ этой грозы неисчислимо превышаетъ прямую потерю отъ добычи достающейся крейсерамъ. Присутствіе ихъ на морѣ неимовѣрно возвышаетъ морскія страховки, рискъ и цѣны транспорта товаровъ, и направляетъ на иностранныя нейтральныя суда торговлю воюющей страны, хотя бы она сама обладала хорошимъ флотомъ. Такъ было съ Соединенными Штатами, которые до сихъ поръ не могутъ возстановить кораблестроенія и прежней цвѣтущей транспортной торговли убитой всего четырьмя крейсерами.

Противъ Англіи каперство можетъ быть грознымъ оружіемъ. Отмѣной его Парижская декларація отняла у противниковъ Англіи въ войнѣ единственное средство чувствительно вредить ей. Англія своимъ громаднымъ военнымъ флотомъ можетъ вредить противнику не одною только блокадой портовъ. Извѣстно что Англичане въ войнѣ не церемонятся: они бомбардируютъ и жгутъ открытые беззащитные приморскіе города, чего не позволяютъ себѣ сухопутныя арміи цивилизованныхъ государствъ. Спрашивается чѣмъ же противникъ можетъ отвѣчать Англіи какъ не выдачей каперскихъ свидѣтельствъ? И мы убѣждены что для всякаго континентальнаго государства, въ случаѣ войны съ Англіей, эта мѣра явится неизбѣжною необходимостью.

Но возразятъ: а Парижская декларація? Вопервыхъ, эта декларація не есть спеціальное обязательство *ad hoc*, а приложеніе къ Парижскому трактату; война же прекращаетъ дѣйствіе прежнихъ трактатовъ между воюющими. Обязательства именно на случай войны тогда только могутъ имѣть нравственную силу когда удобства и неудобства ихъ обоюдны. Гуманныя стремленія нашего вѣка побудили освятить характеромъ международнаго обязательства нѣкоторыя смягченія жестокостей войны. Таковы Женевская конвенція Краснаго Креста и конвенція о неупотребленіи разрывныхъ пуль. Обязательства въ этихъ случаяхъ совершенно одинаковы для воюющихъ и не даютъ такихъ преимуществъ какими не пользовался бы и другой. Парижская же декларація объ отмѣнѣ каперства не имѣла въ себѣ никакого филантропическаго мотива. Это былъ компромиссъ между интересами Англіи и континентальныхъ державъ, воюющихъ и нейтральныхъ, и отмѣна каперства была какъ бы возмѣщеніемъ за отказъ Англіи отъ права осмотра. Но условія эти, какъ мы показали, далеко не равнозначительны. Правительство Соединенныхъ Штатовъ поняло это, и хотя оно само всегда протестовало противъ права осмотра, но не согласилось купить обезпеченіе отъ него цѣной отказа отъ такого на случай войны оружія противъ Англіи какъ каперство, и этому примѣру въ правѣ слѣдовать всякое государство которому пришлось бы вступить въ вооруженное столкновеніе съ Англіей.

Если же бы Англія вздумала въ качествѣ репрессалій за выдачу каперскихъ свидѣтельствъ, возвратиться ко праву обыска непріятельскихъ товаровъ на нейтральныхъ судахъ, то это уже ея дѣло. Но въ такомъ случаѣ ей придется подумать о столкновеніяхъ съ нейтральными, напримѣръ, съ Соединенными Штатами.

№ 258.

Москва, 9-го октября.

Телеграфъ передалъ намъ вкратцѣ содержаніе статьи появившейся въ *Times* 16 октября, въ которой первенствующій органъ англійскаго общественнаго мнѣнія, разсыпаясь лестью предъ руководителемъ германской политики и доказывая что судьба вопроса о мирѣ и войнѣ находится исключительно въ рукахъ князя Бисмарка, приглашаетъ Германію сказать теперь же рѣшительное слово дабы предотвратить грозящую европейскому миру опасность предъ которою блѣднѣютъ де всѣ прежнія войны и перевороты этого столѣтія. Эта замѣчательная статья теперь у насъ предъ глазами. Германія, доказываетъ лондонская газета, болѣе нежели Англія заинтересована въ томъ чтобы грозящая теперь война не возгорѣлась. Англія хлопочетъ де въ сущности совершенно безкорыстно, чисто изъ человѣколюбія, тогда какъ Россія видимо стремится завладѣть нижнимъ те-

ченіемъ Дуная, что было бы для Германіи не меньшимъ чѣмъ для Австріи ударомъ. Что же касается судьбы Константинополя, въ которой главнымъ образомъ заинтересована Англія, то послѣдняя, опираясь на свой могущественный флотъ, въ этомъ отношеніи совершенно де спокойна. И вотъ для обсужденія честолюбивыхъ замысловъ Россіи, угрожающихъ міру небывалымъ кровопролитіемъ, лондонская газета рекомендуетъ князю Бисмарку сдѣлать Россіи энергическое и твердое, хотя и дружеское представленіе, и этого было бы де достаточно чтобъ удержать Россію отъ ея замысла „превратить Дунай въ русскую рѣку.“ Затѣмъ *Times* предлагаетъ Германіи союзъ Англіи для осуществленія тѣхъ реформъ на Балканскомъ полуостровѣ которыя признаны будутъ необходимыми для предотвращенія въ будущемъ новыхъ замѣшательствъ и проистекающихъ изъ нихъ опасностей для европейскаго мира. Такую рѣчь ведутъ теперь въ Англіи послѣ пресловутаго отвѣта Порты на послѣднее предложеніе державъ, которое было по преимуществу англійскимъ предложеніемъ, и ея встрѣчнаго предложенія о перемиріи на шесть мѣсяцевъ, о коемъ вся европейская печать, купно съ официознымъ телеграфомъ, и не исключая англійскихъ газетъ, прямо говорятъ что оно есть „шахматный ходъ“ противъ Россіи. Никто также не отрицаетъ что этотъ „ходъ“ внушенъ Портѣ Англіей, тою самою Англіей которая *официально* выступала въ противоположномъ смыслѣ и для которой отказъ Порты, заключающійся въ ея встрѣчномъ предложеніи, казалось бы, долженъ имѣть значеніе дипломатическаго пораженія. Однако *Times* не только не возражаетъ противъ новаго предложенія Порты, но находитъ что оно доказываетъ искреннее стремленіе Порты къ мирному разрѣшенію замѣшательствъ на Востокѣ, и если Россія этого предложенія не приметъ, то *Times* заранѣе провозглашаетъ ее „врагомъ Европы.“

По поводу всѣхъ этихъ наглыхъ выходокъ лондонской газеты мы на дняхъ уже имѣли случай высказать наше мнѣніе, и не было бы надобности къ нимъ возвращаться еслибы насъ не интересовалъ вопросъ о томъ какъ германская печать приняла эти подходы со стороны Англіи? За исключеніемъ явно-туркофильскихъ органовъ нѣмецкой печати, большинство встрѣтило предложеніе *Times* холодно и сдержанно, а иныя газеты возразили съ энергіей противъ „чечевичной похлебки“ которую сулитъ Англія Германіи. Въ числѣ послѣднихъ намъ было пріятно встрѣтить *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* слывущую до сихъ поръ органомъ князя Бисмарка. Вотъ что отвѣчаетъ эта газета на выходку *Times*: „Мы должны напомнить „лондонской газетѣ что какъ на берегахъ „Шпре, такъ и на берегахъ Дуная еще „живутъ люди которые свое мнѣніе о томъ „должно ли считать Россію другомъ или „недругомъ основываютъ не на воззрѣніяхъ газеты *Times* мѣняющихся съ каждымъ днемъ. Что же касается союза съ „Англіей предлагаемаго Германской имперіи, то *Times* повидимому не хочетъ знать „о союзѣ трехъ императоровъ къ коему „Англія могла бы присоединиться во всякое время. Мы конечно не можемъ сказать что думаетъ князь Бисмаркъ о предложеніи названной газеты, очевидно внушенномъ обуявшимъ эту газету великимъ „страхомъ; не знаемъ также насколько въ „немъ выражается взглядъ Англійскаго „правительства. Но одно мы знаемъ: князь „Бисмаркъ имѣетъ привычку сообразоваться при своей внѣшней политикѣ съ чувствами одушевляющими Германскій народъ, а это настроеніе народа, въ виду „поведенія Англіи въ 1870 году и позднѣе, отнюдь не благопріятствуетъ союзу „съ Англіей *противъ* Россіи. Германскій „народъ всего менѣе благопріятствовалъ бы „политикѣ направленной къ тому чтобы „выгребать для Англіи жареные каштаны „изъ огня; и если *Times* считаетъ необходимымъ *реформы въ Турціи*, то она съ „этимъ обратилась не по надлежащему „адресу. Германія не имѣетъ никакого интереса жертвовать своею кровью по поводу Восточнаго вопроса, и Англія не можетъ разчитывать на то чтобы Германія „подѣлилась съ нею выгодами и потерями „англійской политики на Востокѣ.“

Вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ на искусительныя рѣчи идущія изъ Англіи берлинская официозная газета заговорила вновь съ особеннымъ удареніемъ о тройственномъ союзѣ императоровъ по случаю наступавшей 18 октября годовщины битвы подъ Лейпцигомъ, на которую съ высоты „холма трехъ монарховъ“ взирали, въ качествѣ союзниковъ, государи тѣхъ же трехъ державъ. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* твердо вѣритъ въ непоколебимость этого

союза и въ настоящее время, и выражаетъ надежду что узы дружбы нынѣ соединяющія три могущественнѣйшія государства Европы перейдутъ по наслѣдству и къ слѣдующему поколѣнію ихъ монарховъ.

Нашъ берлинскій корреспондентъ, въ письмѣ ниже помѣщаемомъ, въ свою очередь увѣряетъ насъ что въ Берлинѣ остались глухи къ заискиваньямъ со стороны Англіи, и что отвѣтомъ князя Бисмарка на нихъ послужило обнародованіе въ Германскомъ *Имперскомъ Указателѣ* оффиціозной телеграммы изъ Ливадіи отъ 14 октября, въ которой выраженъ категорическій отказъ на шестимѣсячное перемиріе съ изложеніемъ причинъ побудившихъ къ тому Россію. Нашъ корреспондентъ не безъ основанія придаетъ особенное значеніе обнародованію этой телеграммы въ оффиціальной газетѣ, которая до сихъ поръ хранила глубокое молчаніе по вопросамъ иностранной политики.

Наконецъ и изъ Вѣны мы получаемъ извѣстія, въ коихъ тройственный союзъ и значеніе его въ виду теперешней рѣшительной минуты снова выдвигается на первый планъ. Оффиціозная газета *Fremdenblatt*, еще дней пять тому назадъ, высказалась въ томъ смыслѣ что каковъ бы ни былъ исходъ переговоровъ настоящей минуты, коихъ средоточія находятся въ Ливадіи и Лондонѣ, и что бы ни случилось въ будущемъ, выступленіе Австріи изъ тройственнаго союза лишено всякой вѣроятности. Сегодняшнія телеграммы изъ Вѣны высказываются въ томъ же смыслѣ, но еще болѣе рѣшительно. По словамъ *Политической Корреспонденціи*, въ вѣнскихъ свѣдущихъ кругахъ считаютъ лишенными основанія слухи о томъ будто бы оказалась надобность повторить миссію графа Сумарокова-Эльстона, такъ какъ соглашенія между Австріей и Россіей, которое уже достигнуто, вполнѣ достаточно на случай совокупнаго дѣйствія. И далѣе повторяется увѣреніе въ ненарушимости тройственнаго союза.

Мы не можемъ не принять къ свѣдѣнію и не отмѣтить съ удовольствіемъ всѣхъ этихъ увѣреній которыя указываютъ несомнѣнно на какой-то новый поворотъ, ибо еще весьма недавно не только большинство вѣнскихъ, но и многія берлинскія газеты, въ томъ числѣ и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, или вовсе умалчивали о союзѣ трехъ имперій, или же прямо указывали на распаденіе его вслѣдствіе выхода Австріи. Послѣ слуховъ о томъ что Австрія рѣшительно отклонила всякое совокупное дѣйствіе съ Россіей и въ вопросѣ о дальнѣйшихъ шагахъ относительно Турціи окончательно стала въ сторонѣ Англіи, нельзя не усмотрѣть добрыхъ симптомовъ въ тонѣ и содержаніи полученной сегодня телеграммы изъ Вѣны.

Но возвращаясь къ приведенной выше выпискѣ изъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, не можемъ не замѣтить почтенной берлинской газетѣ что событія послѣдняго года мало оправдываютъ умѣренный тонъ съ которымъ она указываетъ на тройственный союзъ какъ на символъ активнаго противодѣйствія себялюбивой и своекорыстной политикѣ Англіи. Если подвести итоги всему тому что достигнуто дипломатіей за все время съ начала возстанія турецкихъ провинцій, то нельзя не придти къ печальному выводу что всѣ усилія исходившія отъ „союза“ оказались безплодными и не привели ни къ чему, между тѣмъ какъ всѣ стремленія и замыслы Англіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. До сихъ поръ, увы, тройственный союзъ не только не обнаружилъ никакой творческой силы и не привелъ ни къ какимъ добрымъ результатамъ, но положительно парализовалъ Россію во всемъ что составляетъ ея прямое историческое призваніе, и связывалъ ее по рукамъ и ногамъ въ такія минуты когда неслыханныя страданія ея соплеменниковъ на Балканскомъ полуостровѣ призывали ее къ исполненію ея обязанности, отъ которой Россія не можетъ отречься не отрекаясь въ то же время отъ самой себя. Напротивъ, Англія, не связанная никакими союзами, до сихъ поръ праздновала одну политическую побѣду за другою и въ сущности господствуетъ надъ положеніемъ.

Если таковы результаты союза до сихъ поръ,—а это едва ли кто-либо станетъ серіозно отрицать,—то позволительно спросить, на какихъ же фактическихъ данныхъ опирается берлинская газета отвергая съ такою „эмфазой“ союзъ Англіи съ Германіей и утверждая что совокупное дѣйствіе этихъ державъ *противъ* Россіи было бы несогласно съ истиннымъ настроеніемъ Германскаго народа? Отъ души желаемъ чтобъ это было такъ и чтобы въ будущемъ союзъ оказался дѣйствительнымъ союзомъ. Но пока результатами его

воспользовалась одна лишь Англія, то лондонскій публицистъ напрасно „не хочетъ знать его,“ ибо для того чтобы Россія оставалась пассивною зрительницей того что творится на Балканскомъ полуостровѣ, а Англія имѣла бы полную свободу вынимать для себя „жареные каштаны,“ ей совсѣмъ нѣтъ надобности въ особомъ союзѣ съ Германіей, а достаточно сохранить теперешнюю политическую комбинацію...

№ 260.

Москва, 11-го октября.

Полученныя нами вчера и сегодня иностранныя газеты изображаютъ политическое положеніе достигшимъ самаго крайняго напряженія, и все указываетъ на то что рѣшительнаго кризиса можно ожидать съ часа на часъ. Тѣмъ не менѣе извѣстія эти можно считать благопріятными, такъ какъ въ нихъ не только нѣтъ рѣчи о европейскомъ столкновеніи, но напротивъ все сводится къ тому что опасность такого столкновенія устранена. Сообщаютъ за вѣрное что отвѣтъ Россіи, въ коемъ она отклоняетъ предложеніе Порты о шестимѣсячномъ перемиріи—причемъ замѣчательно что Италія *первая* присоединилась къ этому отклоненію—формулованъ Россіей въ видѣ ультиматума Портѣ, который предварительно сообщенъ державамъ. При требованіи перемирія на мѣсяцъ и до шести недѣль, Россія становится на почву послѣдняго англійскаго предложенія о гарантіяхъ которыя должна дать Порта относительно автономіи возставшихъ турецкихъ провинцій, угрожая въ противномъ случаѣ немедленнымъ занятіемъ этихъ провинцій своими войсками. Англія изъявила де согласіе на подобный ультиматумъ, что между прочимъ доказывается статьей *Times*, появившеюся 19 октября, въ которой органъ Лондонскаго Города, внезапно перемѣнивъ фронтъ, съ развязностью одному ему свойственною, доказываетъ что Англія не можетъ и не имѣетъ надобности проливать свою кровь за Турцію.

Но важнѣе всего извѣстія относящіяся къ Австріи. Тутъ снова произошелъ поворотъ, и на этотъ разъ повидимому рѣшительный. На другой день послѣ циркуляра который разослалъ на прошедшей недѣлѣ графъ Андраши къ представителямъ Австріи,—циркуляра въ которомъ предложенія Турціи признаются удобопріемлемыми,—въ Вѣнѣ принято рѣшеніе дѣйствовать съ Россіей заодно и не только допустить занятіе русскими войсками турецкихъ провинцій, но принять участіе въ экзекуціи противъ Порты. Въ настоящее время идутъ де лишь переговоры для соглашенія о томъ какъ далеко долженъ простираться районъ турецкой территоріи гдѣ можетъ происходить „экзекуція“ съ согласія европейскихъ державъ. Австрія такимъ образомъ, становится, какъ признаютъ всѣ корреспонденціи изъ вѣнскихъ свѣдущихъ сферъ, прямымъ союзникомъ Россіи въ духѣ и смыслѣ тройственнаго союза императоровъ, причемъ добавляютъ что рѣшеніе это принято не безъ дѣятельнаго участія Берлинскаго кабинета. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается на то что этотъ поворотъ обличаетъ полную эманципацію вѣнскихъ политическихъ сферъ отъ мадьярскихъ вліяній до такой степени что положеніе самаго графа Андраши считается весьма поколебленнымъ. 18 октября на Вѣнской биржѣ уже распространился было слухъ что графъ Андраши подалъ въ отставку, а *National-Zeitung* уже прочитала австрійскому канцлеру политическій некрологъ. Слухъ этотъ былъ затѣмъ опровергнутъ офиціозными вѣнскими газетами, и объ этомъ передано и намъ по телеграфу. Тѣмъ не менѣе слухи эти продолжаютъ упорно держаться, и офиціозное опроверженіе объясняютъ тѣмъ что въ Вѣнѣ еще находятся въ большой нерѣшимости насчетъ того кѣмъ замѣнить графа Андраши. Нельзя не согласиться что если вѣрно извѣстіе о новѣйшемъ рѣшеніи принятомъ въ Вѣнѣ, то графъ Андраши сталъ невозможенъ какъ руководитель австрійской политики. Графъ Андраши слишкомъ тѣсно связанъ со специфически-мадьярскими интересами. Если тройственный союзъ такъ мало обнаружилъ плодотворный дѣятельности въ критическія минуты послѣдняго времени, то нѣтъ сомнѣнія что графъ Андраши былъ тутъ главною парализующею силой и теперь, когда дѣло дошло до активнаго вмѣшательства Австріи и Россіи, какъ членовъ союза, положеніе канцлера, еще наканунѣ офиціально высказавшагося за Турцію, стало очень двусмысленнымъ.

О союзѣ между Австріей и Россіей ранѣе другихъ сообщило Рейтерово Агент-

ство, причемъ упоминалось что соглашеніе состоявшееся между обѣими державами относится не только къ политическому положенію вызванному отказомъ Порты, но что предусмотрѣны и дальнѣйшія послѣдствія военныхъ событій и въ томъ числѣ самая передѣлка карты Турецкой имперіи. Извѣстіе это объявлено преувеличеннымъ, но вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung* въ письмѣ отъ 18 октября, увѣряетъ что сущность онаго вѣрна, и что союзъ между Австріей и Россіей должно считать фактомъ совершившимся. Продолжавшееся нѣкоторое время болѣзненное колебаніе Вѣнскаго кабинета, какъ сообщаетъ корреспондентъ, прекратилось и уступило мѣсто здоровому инстинкту истинныхъ австрійскихъ интересовъ; мадьярскія же внушенія должны были умолкнуть. Австрія не ограничится простымъ наблюденіемъ, но приметъ въ дѣлѣ участіе въ качествѣ союзника Россіи. Что касается вопроса о возможныхъ послѣдствіяхъ совокупнаго занятія турецкихъ провинцій, то въ этомъ отношеніи корреспондентъ, въ противность сообщенію Агентства Рейтера, утверждаетъ что оно выработано лишь въ принципѣ, а не въ подробностяхъ.

Весьма интересны соображенія которыя высказываетъ по поводу этого новаго оборота дѣлъ самая вліятельная изъ берлинскихъ газетъ, *National-Zeitung*.

„Ни одна изъ европейскихъ державъ,“ говоритъ названная газета, „не будетъ „имѣть права обвинять Россію въ томъ „что она, предъявляя свой ультиматумъ „Портѣ, выступаетъ изъ концерта европейскихъ державъ. Возвращаясь въ рѣ„шительную минуту къ англійскому пред„ложенію, Россія чрезвычайно удачно от„рѣзала всякую возможность къ тому что„бы кто-либо поощрилъ Порту дать и те„перь уклончивый отвѣтъ. Неизвѣстно какъ „поступитъ въ этомъ случаѣ Англія, кото„торую ея собственная честь, казалось „бы, обязываетъ настоять предъ Портой „на принятіи Русскаго ультиматума, и „еслибъ она такъ поступила, то можно „было бы почти навѣрное разчитывать на „успѣхъ. Но если Порта отклонитъ уль„тиматумъ, то вмѣшательство коимъ гро„зитъ въ такомъ случаѣ Россія напередъ „очищено отъ всякаго упрека въ своеко„рыстной и своевольной политикѣ. Нель„зя упрекать Россію въ томъ что она при„нимаетъ на себя принудительное осуще„ствленіе того что вся Европа въ совокуп„ности сочла справедливымъ потребовать. „Вотъ почему слѣдуетъ съ увѣренностью „ожидать что всѣ державы, въ томъ чи„слѣ Англія и Австрія, будутъ взирать по „крайней мѣрѣ пассивно на вооруженное „вмѣшательство Россіи, пока послѣднее „ограничится тою цѣлью, предѣлы коей „обозначены требованіями выраженными „въ ультиматумѣ. А матеріяльное содер„жаніе этихъ требованій есть прочное и „надежное обезпеченіе христіанскихъ под„данныхъ Порты на Балканскомъ полу„островѣ отъ турецкой администраціи бла„годѣянія которой обнаружились въ по„слѣдній годъ столь ужасающимъ обра„зомъ. Если вслѣдствіе отказа Порты под„чиниться требованіямъ не Россіи только, „а всей Европы, дѣло дойдетъ до военна„го занятія ея территоріи, то вопросъ о „томъ насколько могутъ быть сохранены „въ этихъ провинціяхъ верховныя права „Порты будетъ зависѣть отъ степени и „размѣра замѣшательствъ кои будутъ по„рождены занятіемъ. Кто ставитъ свои по„литическія притязанія на остріе меча, „тотъ заранѣе отказывается отъ права „требовать чтобы спорные вопросы, по„слѣ неблагопріятнаго исхода войны были „поставлены на ту же исходную точку, на „которой они стояли предъ войной. Война „же которою грозитъ теперь Россія Тур„ціи не есть обыкновенное столкновеніе „державы съ державой съ цѣлью рѣшить „силою оружія возникшее несогласіе. Въ „этомъ дѣлѣ судъ уже имѣлъ мѣсто и „европейскій ареопагъ уже произнесъ свое „рѣшеніе, и теперь рѣчь идетъ объ его „исполненіи которое добровольно приняли „на себя, отъ имени Европы, Россія, а „за нею повидимому и Австрія. Все это „придаетъ дѣйствію предпринимаемому Рос„сіей особенную силу.“

Все это прекрасно, и если вѣрны тѣ извѣстія на коихъ почтенная берлинская газета съ такою рѣшительностью основываетъ свои выводы, то съ этими выводами нельзя не согласиться. Но еслибъ дѣйствительно съ самаго начала мнѣніе Европы было такъ единодушно какъ его выставляютъ теперь, еслибы ничего болѣе не требовалось какъ приведеніе въ исполненіе приговора „европейскаго ареопага“ надъ осужденною по заслугамъ Турціей, то едва ли была бы потребность въ теперешнемъ ультиматумѣ; едва ли приклю-

чились бы тѣ вопіющія злодѣянія кои нынѣ осуждены будто бы по единодушному приговору Европы.

Итакъ, если вѣрить всему что передаютъ иностранныя газеты дѣло казавшееся нескончаемымъ вступило въ окончательную и рѣшительную фазу, и остается лишь выждать каковъ будетъ отвѣтъ Турціи на Русскій ультиматумъ, который сегодня имѣлъ быть переданъ въ Константинополѣ генераломъ Игнатьевымъ. Судя по извѣстіямъ идущимъ изъ Константинополя слѣдуетъ думать что Порта отвѣтитъ отказомъ. Константинопольскій корреспондентъ *National-Zeitung* увѣряетъ, на основаніи свѣдѣній полученныхъ имъ изъ самаго достовѣрнаго источника, что Порта ни добровольно, ни по принужденію (?), не согласится на предоставленіе Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ исключительнаго положенія съ облеченіемъ обязательствъ по этому предмету въ международный актъ. Въ этомъ согласны де между собою всѣ нынѣ управляющіе Турціею государственные люди, ибо они убѣждены де что такой международный актъ „былъ бы гильйотиной которую Турція воздвигла бы сама для себя.“

Далѣе парижскій корреспондентъ той же газеты сообщаетъ будто въ Турціи есть партія которая не только не боится войны съ Россіей, но напротивъ желаетъ этой войны по многимъ соображеніямъ, изъ коихъ одно высказано въ письмѣ полученномъ на дняхъ въ Парижѣ отъ одного изъ турецкихъ министровъ „который принималъ наиболѣе дѣятельное участіе въ удачныхъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ Турціи последняго времени, хотя онъ самъ не состоитъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“ (рѣчь идетъ очевидно о Мидхатѣ-пашѣ). Вотъ слова которыя корреспондентъ самъ читалъ въ письмѣ и воспроизводитъ ихъ буквально: „Три дня послѣ объявленія намъ войны Россіей, англійскій флотъ будетъ стоять предъ Константинополемъ и... у насъ будутъ деньги, единственное что намъ не достаетъ для успѣшной обороны противъ нападенія Россіи.“

Если Мидхатъ это дѣйствительно написалъ, то очевидно что Порта и теперь не потеряла надежды на дѣйствительную поддержку Англіи.

А если предположеніе турецкаго министра, высказанное съ такою увѣренностью, не лишено основанія, то пришлось бы опять усомниться съ полной гармоніи европейскаго *концерта*.

Но, такъ или иначе, несомнѣнно то что наступаетъ послѣдняя минута: военныя событія въ Сербіи угрожаютъ страшною развязкой, и одинъ Богъ знаетъ что творится теперь во мракѣ надъ христіанскими населеніями Болгаріи...

№ 261.

Москва, 12-го октября.

„Со врагами ничего нѣтъ исцѣлительнѣе какъ ихъ бить,“ писала въ исходѣ сентября 1789 года Екатерина Великая Потемкину, поглощенному событіями сдѣлавшими его княземъ Таврическимъ. Простая истина! Но вотъ болѣе сложный вопросъ: какъ относиться къ такъ-называемымъ „друзьямъ,“ когда они съ одной стороны распространяются о своей пріязни, съ другой же знаменуютъ свое расположеніе чуть не враждебными заявленіями? Съ нѣкотораго времени, именно съ войны 1870 года и вызваннаго ею погрома, Франція одушевленно кокетничаетъ съ Россіей. Парижское общество выражаетъ вниманіе ко всему русскому, парижскія лирическія и драматическія сцены ставятъ пiесы съ русскими сюжетами, журналы предаются уже не прежнему злостному, преднамѣренно-пасквильному, а посильно-добросовѣстному изученію русской жизни, газеты сокрушенно каются въ прежнихъ національныхъ увлеченіяхъ и въ прежней политикѣ своихъ правительствъ, оплакиваютъ крымскую экспедицію, горюютъ объ ошибкахъ по польскому вопросу и болѣе или менѣе горячо, но громогласно проводятъ мысль что Франко-Русскій союзъ — самая естественная и самая солидная гарантія европейскаго будущаго.

Отчего же это заискиванье сопровождается такими фактами которые казалось бы не должны имѣть мѣста, если допустить искренность пріязни, столь краснорѣчиво поставляющей себя на видъ и желающей пріобрѣсти взаимность? Мы имѣли уже случай показать двусмысленное, или лучше сказать нисколько не двусмысленное отношеніе Франціи къ славянскому горю. Положимъ Франція теперь, говоря словами одного ея публициста, похожа на раненаго боеваго коня, который слышитъ

трубу и долженъ оставаться неподвижнымъ: но никто и не требуетъ отъ нея чтобъ она летѣла на призывъ страдальцевъ. Достаточно было бы еслибъ она отозвалась на него охотою войти въ ихъ положеніе, политическимъ сочувствіемъ, нравственнымъ содѣйствіемъ той державѣ, предъ которою она все открываетъ свои союзныя перспективы и которая до сихъ поръ одна является предъ лицомъ Европы заступницею за христіанскія населенія Востока проданныя въ тяжкую неволю и преданныя варварскому произволу. Между тѣмъ что мы видимъ теперь во Франціи? Чѣмъ она показала себя въ этомъ святомъ и дорогомъ для Россіи дѣлѣ? Новымъ повтореніемъ сплетень о мнимомъ завѣщаніи Петра Великаго да безсмысленными заботами о „цѣлости Оттоманской имперіи“ выражаемыми даже такимъ изданіемъ каковъ *Journal des Débats*, органъ г. Леона Сея, за которымъ всякій въ правѣ видѣть и министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Деказа. Теперь же другой органъ, находящійся въ близкой связи съ значительною парламентскою и правительственною фракціей, журналъ *Correspondant*, вдругъ счелъ необходимымъ, въ особой длинной статьѣ, говоря его собственнымъ выраженіемъ, „прослѣдить рядъ насилій сопряженныхъ съ ложью и уже болѣе вѣка чинимыхъ...“ надъ католическою церковью въ Польшѣ!

Почему? для чего? Что новаго случилось? Какая новая клевета выращена на клерикальной почвѣ и пущена въ ходъ нашими доброжелателями?

Ничего не случилось, и даже не пущено въ оборотъ никакой новой выдумки. *Correspondant*, перомъ г. де-Шампаньи, просто счелъ умѣстнымъ, безъ малѣйшей тѣни какой бы то ни было фактической придирки, *de but en blanc*, собрать воедино всѣ давнишніе, отжившіе свой вѣкъ, выдохшіеся поклепы на наше правительство и общество, и бросить къ ногамъ Россіи эту старую грязную перчатку! Поднимать ее не стóитъ. Послѣ почти всеобщаго, болѣе или менѣе откровеннаго сознанія французской печати въ ея минувшихъ заблужденіяхъ по Польскому вопросу, не стóитъ обращать вниманія на эти дышащіе злобою, но вмѣсто сильнаго производящіе лишь комическое впечатлѣніе навѣты, завирающіеся до того что не стыдятся увѣрять будто „русская полиція палками заставляетъ крестьянъ пить водку,“ будто „всѣ Русскіе причащаются въ одинъ и тотъ же день, указанный распоряженіемъ свѣтской власти,“ или будто „преступники католическаго вѣроисповѣданія, приговоренные за воровство и убійство, если согласятся перейти въ православіе, получаютъ не только прощеніе, *но еще и награду особо установленною медалью и орденомъ Св. Анны...*“ Во всемъ этомъ дикомъ повѣтствованіи, разчитывающемъ на трагическій эффектъ и возбуждающемъ презрѣніе къ себѣ замѣчательна лишь одна черта и одна обмолвка. Черта — это плохо скрываемая ненависть къ извѣстной книгѣ графа Д. А. Толстаго о католицизмѣ въ Россіи, — книгѣ страшной своею убѣдительностью. Обмолвка, это нѣсколько грустное воспоминаніе о томъ какъ въ XVIII столѣтіи одни лишь Турки, устами тогдашняго великаго визиря Ахметъ-паши, „говорили за одно съ папою“ и заодно съ нимъ горевали о судьбахъ Польши.... Турецкіе паши, польскіе католики и французскіе клерикалы, — объ ихъ ли стачкѣ грезитъ Франція въ своихъ союзныхъ мечтаніяхъ?

Итакъ, сама по себѣ статья *Correspondant*—вздоръ; это не что иное какъ неприличный фарсъ,—но чему она служитъ симптомомъ? Съ какою цѣлью внезапно, безо всякой надобности, безъ малѣйшаго фактическаго повода или даже предлога, *Correspondant* неожиданно прервалъ молчаніе о Польшѣ даже клерикальныхъ органовъ, и вдругъ ощутилъ потребность нарисовать фантастическую картину испытуемыхъ польскими католиками гоненій, называя то замиреніе которое начинаетъ водворяться въ этомъ уставшемъ отъ безплодныхъ волненій краѣ — „торжествомъ неправды опирающейся на лицемѣріе?“ Французы могутъ имѣть большіе недостатки, но они обладаютъ тактомъ. Едва ли *Correspondant* можетъ считать за собою эту „національную добродѣтель“ своего народа, помѣщая на своихъ страницахъ выходки о которыхъ идетъ рѣчь въ ту самую минуту когда ходили слухи о замѣнѣ французскаго посла въ Петербургѣ, Ле Фло — герцогомъ де-Броль, считающимся, *à tort ou à raison*, однимъ изъ столповъ партіи названнаго журнала и однимъ изъ его вдохновителей. Слухи не оправдываются: но не знаменательно ли для характеристики данной партіи совпаденіе ихъ

съ помѣщеніемъ въ *Correspondant* вызвавшаго эти строки безобразнаго пасквиля?

№ 262.

Москва, 13-го октября.

Во все время трудной и неравной борьбы которую два небольшія княжества на Балканскомъ полуостровѣ ведутъ за своихъ братьевъ христіанъ противъ безчисленныхъ полчищъ вербуемыхъ Оттоманскою имперіей въ трехъ частяхъ свѣта, ни одно обстоятельство не возбуждало большаго удивленія какъ блестящіе успѣхи Черногорцевъ въ битвахъ напоминающихъ воспѣтыя Гомеромъ,—успѣхи остававшіеся однако безъ результата. Иногда Черногорцы оказывались послѣ побѣдъ чуть даже не въ худшемъ положеніи. Такъ, однажды, почти тотчасъ за побѣдами на сѣверѣ надъ Мухтаръ-пашой и на югѣ надъ Махмудъ-пашой, Черногоріи грозило вторженіе турецкихъ войскъ съ обѣихъ сторонъ. Также казалось страннымъ что когда Сербія отклонила продолженіе десятидневнаго перемирія, въ Черногоріи безмолвно продолжалась пріостановка военныхъ дѣйствій, съ тѣмъ лишь результатомъ что ею вѣроломно воспользовался Мухтаръ-паша, къ счастію на свою голову, потерпѣвъ новое пораженіе при Клобукѣ. Тутъ что-то казалось не ладнымъ, и естественно было предположить не дипломатія ли стѣсняла дѣйствія Черногорцевъ. Дипломатическое давленіе такого рода могло быть производимо на Черногорію только со стороны Австріи, и до насъ доходили не разъ указанія въ этомъ смыслѣ. Но мы остерегались давать имъ вѣру не имѣя возможности провѣрить ихъ и опасаясь что эти свѣдѣнія были не чужды нѣкотораго преувеличенія и пристрастія. Теперь, однако, мы имѣемъ несомнѣнное подтвержденіе этого печальнаго факта. Его подтверждаетъ спеціальный корреспондентъ газеты *Times*, пишущій изъ Рагузы.

Корреспондентъ этотъ отличается отъ своихъ собратій имѣющихъ мѣстопребываніе въ Бѣлградѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, тѣмъ что не прибѣгаетъ къ инсинуаціямъ, а добросовѣстно исполняетъ свое дѣло сообщая лишь факты. Послѣднее письмо его изъ Рагузы, весьма запоздавшее и помѣченное отъ 8 октября нов. ст., имѣетъ печальный тонъ. „Посреди козней „дипломатіи и неизвѣстностей войны," начинаетъ онъ свое письмо, „смуты по сю „сторону Балканъ все усиливаются, и я „начинаю отчаиваться придется ли мнѣ „видѣть какъ узелъ будетъ распутанъ. „Я давно слѣжу за дипломатическимъ „вмѣшательствомъ, и до сей поры мнѣ „кажется что оно сдѣлало, поскольку это „касается жителей Босніи и Герцеговины, „все зло какое было возможно." Затѣмъ онъ сообщаетъ факты изумительные, какимъ трудно было бы вѣрить еслибъ ихъ сообщалъ не корреспондентъ газеты вовсе не пристрастной къ Славянамъ и отнюдь не враждебной къ Австріи. Предъ началомъ войны, говоритъ онъ, Австрійское правительство обнаруживало благосклонность къ Черногоріи, но какъ только началась дѣятельная кампанія, благосклонность эта быстро охладѣла, а когда войско князя Николая, вторгнись въ Герцеговину, дошло уже до Невосинья, то князю было прямо сказано что „ему не „позволятъ занять Мостаръ, и что если „онъ попытается на это, то будетъ из„гнанъ австрійскими войсками, и затѣмъ „князь былъ приглашенъ очистить Герце„говину внушеніемъ что успѣхъ его уси„лій въ этомъ направленіи не будетъ до„пущенъ." Такова была причина отступленія черногорскихъ войскъ въ Баньяны когда они уже находились подъ Бишиной. Этимъ однако не ограничилось доброжелательное вмѣшательство Австріи. Дозволеніе данное Черногоріей снабдить продовольствіемъ блокируемыя черногорскими войсками турецкія крѣпости было исторгнуто, по словамъ корреспондента, Австріей же, „наперекоръ совѣту болѣе дружественныхъ державъ," а также и движеніе окружившее Мухтаръ-пашу и отрѣзавшее его отъ базиса операцій было остановлено продолженіемъ перемирія, на которое князь Николай согласился протестуя противъ него, и это самое перемиріе, еще вновь продолженное, дозволило Мухтару неожиданно атаковать Черногорцевъ, чѣмъ онъ конечно самъ нарушилъ перемиріе. Такимъ образомъ, пишетъ корреспондентъ, „князю Николаю остается только „благодарить дипломатію, въ особенности „австрійскую, за стѣсненіе его движеній обя„зательствами которыя не налагали никакой „взаимной отвѣтственности на непріятеля."

Удивляться тому что Черногорцы такъ легко подчинялись явно невыгоднымъ для нихъ требованіямъ рѣшительно нечего. Помимо того что нельзя бѣдному маленькому княжеству идти наперекоръ волѣ могущественнаго сосѣда, есть особыя причины ставящія его въ совершенную зависимость отъ капризовъ Австріи. Корреспондентъ *Times* вѣрно изображаетъ это безвыходное положеніе Черногоріи: „Нѣтъ вліянія „тяжеле чѣмъ вліяніе нужды, и Черно„горцы въ такомъ географическомъ плѣну „у Австріи что приказаніямъ ея трудно „перечить; ни одинъ мѣшокъ муки, ни „одинъ тюкъ товара какого-либо рода не „можетъ попасть въ Черногорію иначе какъ „съ согласія Австріи, и въ послѣднее „время мнимая дружба этой имперіи по„степенно перешла въ тираннію которая „лишаетъ княжество всякой свободы дѣй„ствій.“ Возмутительнѣе же всего эта тираннія проявляется тѣмъ что она, по словамъ корреспондента, заранѣе желаетъ отнять у Черногоріи всякую надежду на результатъ борьбы. „По вопросу объ окон„чательномъ рѣшеніи,“ пишетъ корреспондентъ, „Австрія сбрасываетъ наконецъ „маску и противится всякому дѣйстви„тельному улучшенію положенія княже„ства. Она согласится на присоединеніе „къ нему округа Кучей, но ни за что на „присоединеніе Никшича, Спужа или пор„та,—ничего такого что могло бы сдѣ„лать его сколько-нибудь зажиточнѣе или „независимѣе; княжество не получитъ ни „моря, ни равнинъ; оно должно де остать„ся тѣсно запертымъ и зависимымъ отъ „произвола Австріи.“

Что же это все значитъ? Дѣйствія Австріи относительно Черногоріи представляются совершенно непостижимыми и для корреспондента *Times*, потому что со стороны австрійскихъ политиковъ не можетъ быть ни малѣйшаго опасенія чтобы Черногорія могла когда-либо сдѣлаться для нихъ опасною. Очевидно стало-быть что эти дѣйствія внушены были предосудительнымъ разчетомъ, и тѣмъ болѣе это вѣроятно что и въ отношеніи къ боснійскому затрудненію Австрійское правительство настаиваетъ лишь на такомъ рѣшеніи которое, подъ именемъ „административной автономіи,“ истолкованной въ наиболѣе благопріятномъ для Турокъ смыслѣ, оставило бы попрежнему старый механизмъ магометанскаго правленія. Всѣ эти столь положительныя сообщенія невольно повергаютъ насъ въ сомнѣніе относительно *рѣшительнаго* будто бы поворота въ политикѣ Австріи, о которомъ гласили недавнія извѣстія. Правда, свѣдѣнія корреспондента *Times* относятся къ прежнему времени, но вѣдь и тогда думали что Австрія дѣйствовала согласно съ другими державами, а между тѣмъ дѣйствія ея явно были враждебны княжествамъ, и ея одностороннее вмѣшательство, парализовавшее Черногорію, втихомолку шло прямо въ разрѣзъ съ пресловутымъ дипломатическимъ согласіемъ. Пока другіе вели переговоры, Австрія попросту распоряжалась военными дѣйствіями и направляла ихъ по своему желанію. Что же порукой что и теперешній поворотъ Австріи не скрываетъ въ себѣ новаго обмана, новой ловушки для несчастныхъ христіанъ Турціи?

Въ самомъ дѣлѣ, роль дипломатіи въ нынѣшнихъ затрудненіяхъ представляетъ что-то неслыханное, и ляжетъ неизгладимымъ позоромъ на исторіи нашего вѣка. Идетъ борьба. Съ одной стороны горсть людей отстаивающихъ все что дорого для христіанина, для Европейца, для человѣка; съ другой, громадная варварская сила, безнадежный мракъ, попраніе всего что свято для человѣческаго чувства. Съ одной стороны, два маленькія княжества съ населеніемъ едва превышающимъ милліонъ, безъ регулярныхъ армій, безъ оружія, безъ средствъ; съ другой, могущественная орда повелѣвающая въ трехъ частяхъ свѣта, обладающая всѣми усовершенствованными орудіями разрушенія, которыя только и могла она перенять у европейской цивилизаціи,—располагающая организованными арміями и несмѣтными полчищами иррегулярныхъ войскъ, не признающая никакихъ нравственныхъ стѣсненій, хуже чѣмъ дикій звѣрь... И что же? Христіанскія, европейскія, гордящіяся своею цивилизаціей націи, либералы рукоплещущіе всякому движенію подъ знаменемъ свободы, трепетно сочувствуютъ не слабымъ, не угнетеннымъ, не подавленнымъ, а насилію и варварству, и помогаютъ сильному противъ слабаго, исламу противъ христіанства, звѣрю противъ человѣка!

Что можетъ быть ужаснѣе минутъ переживаемыхъ теперь цивилизованною Европой? Что творится въ ней, и какимъ именемъ заклеймить ея дѣйствія? Какіе же

это проклятые интересы которые могутъ требовать такого поруганія справедливости и совѣсти? и когда же наступитъ конецъ всему этому?..

Страшныя бѣдствія и небывалыя потрясенія готовитъ дипломатія для всей Европы...

№ 263.

Москва, 14-го октября.

Современная цивилизація блистательно показала себя въ теперешнихъ оскорбляющихъ человѣческое чувство событіяхъ на Востокѣ. Она заявила и свою состоятельность, и свое могущество. Она такъ богата внутреннимъ содержаніемъ что не нашла въ себѣ побужденій для единодушнаго дѣйствія на турецкую орду, дѣянія которой, казалось бы, состоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ ея „драгоцѣннѣйшими принципами; она до того крѣпка и вліятельна что до сихъ поръ не смогла положить предѣлъ свирѣпости затесавшихся въ Европу варваровъ. Въ странахъ слывущихъ главнѣйшими средоточіями ея „просвѣщенія“ достаетъ лишь на какое-то натянутое, призрачное теоретическое „соболѣзнованіе“ объ участи замученныхъ звѣрскимъ образомъ людей. Практически, Франція издавна имѣющая своею спеціальностью такъ или иначе, войнами или бунтами, переворачивать Европу верхъ дномъ, сѣтуетъ о сопряженныхъ съ укрощеніемъ Турціи опасностяхъ для европейскаго равновѣсія, и устами такого консерватора какъ г. Гамбетта остерегаетъ міръ отъ „революціоннаго характера“ славянскаго движенія. Англія, захватившая въ свои руки морскую полицію подъ предлогомъ преслѣдованія торговли невольниками, покровительствуетъ въ Турціи гнусной продажѣ христіанскихъ женщинъ и дѣтей. И вотъ, тогда какъ европейскіе правительственные элементы, люди государственные, оффиціальные представители цивилизаціи никакъ не могутъ придти даже къ своевременному соглашенію о конференціи, которая занялась наконецъ устроеніемъ доли восточныхъ христіанъ, разлагающіе европейское общество элементы, безъ малѣйшаго колебанія, дружно собираются для выработки своихъ плановъ и своей организаціи. На дняхъ, въ Парижѣ составился „рабочій конгрессъ“ (congrès des ouvriers), соединившій въ себѣ триста шестьдесятъ делегатовъ отъ различныхъ французскихъ городовъ и селъ, говорившій именемъ милліона двухсотъ тысячъ мѣстныхъ рабочихъ. Въ послѣдніе два-три года во Франціи незамѣтно было соціалистскаго движенія: вотъ оно возобновляется. Поучительно это пробужденіе какъ-будто угомонившихся было страстей. Во Франціи, и общественная благотворительность, и сами производители пытаются всячески упростить то что постоянно подвергается въ этой странѣ броженію подъ именемъ „рабочаго вопроса.“ Ліонская и орлеанская компанія желѣзныхъ дорогъ, знаменитый литейный заводъ Крёзо, фабриканты и промышленники, каковы Кайль и Паризо въ Парижѣ, Мамъ въ Турѣ, Обертуръ въ Реннѣ, А. Жуберъ въ Анжерѣ и т. д. заинтересовали въ эксплуатаціи своихъ мастеровыхъ, которымъ предоставляется извѣстный процентъ съ дохода; для рабочихъ заведены больницы и пріюты, дѣтскія и старческія убѣжища, школы и вспомогательныя кассы. Трудъ ихъ, или отсутствіе заработковъ въ данное время, стараются обезпечить. Но агитація рабочаго класса во Франціи имѣетъ въ виду не столько улучшеніе своего положенія отъ случайностей, сколько химеру соціально политическую. Французскій рабочій пренебрегаетъ заботами объ его участи и отвѣчаетъ на нихъ насмѣшками. Ему мало возможно-лучшей обстановки *его* роли: онъ хочетъ присвоенія себѣ *всѣхъ* ролей, ищетъ господства и перекройки общества по своей мѣркѣ и своему вожделѣнію.

Послѣ урока даннаго парижскою коммуной, казалось, рабочій соціализмъ во Франціи угомонился. Какъ-то въ началѣ этого года, въ Парижѣ, новобранцы прогуливались по бульварамъ со знаменемъ и съ виватами коммунѣ, да въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ Роаннѣ появились прокламаціи возвѣщавшія что „пролетаріатъ не станетъ больше вдаваться въ обманъ,“ и грозившія „всѣми мѣрами“ передѣлки общества на новый ладъ. Болѣе ничего не произошло, кажется, особеннаго. Многіе начинали думать что „Интернаціоналка“ отказалась отъ своей работы во Франціи, и что пропаганда ея прекратилась. Въ сущности, она только преобразилась. Такъ какъ „международная ассоціація рабочихъ“ подверглась во Франціи запрещенію, то она стала дѣйствовать

косвенными путями, подъ чужимъ именемъ, подъ маской „синдикатовъ,“ которые стоятъ во главѣ всѣхъ мѣстныхъ ремеслъ, и наполнены ея сочленами. Такъ какъ въ настоящую минуту не было бы допущено открытое исповѣданіе ея цѣлей, то она признала за лучшее проводить свои размашистыя ученія подъ скромною личиной, и вотъ первый плодъ ея „новой манеры“: рабочій конгрессъ, собраніе делегатовъ изъ рабочаго класса, будто бы внѣ всякихъ радикально-соціальныхъ вліяній и цѣлей явившихся пообсудить свои нужды. Должно признаться что конгрессъ тщательно старался въ началѣ „хоронить концы.“ Послѣдовало торжественное заявленіе что „рабочіе-соціалисты“ отнюдь не имѣютъ въ помыслахъ улучшать свое положеніе путемъ обобранія другихъ классовъ.“ Рѣчи произносились въ сравнительно умѣренномъ тонѣ. Тѣхъ рѣзкихъ, кроваво-радикальныхъ доктринъ, къ которымъ привыкли обращаться современные соціалисты, высказано не было. Ораторы не слишкомъ вдавались даже въ политику. Очевидно, конгрессомъ управляли умѣлые, искушенные опытомъ головы, такъ-сказать дипломаты соціализма.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю ихъ осторожность и на все стараніе отвести глаза отъ этого съ нѣкоторыхъ поръ перваго во Франціи соціальнаго почина, цѣль конгресса прорвала оболочку въ которой она была закутана. Вопреки кроткимъ завѣреніямъ о миролюбивомъ расположеніи рабочихъ къ другимъ классамъ конгрессъ формально показалъ свое отчужденіе ото всего что не носитъ блюзы. Въ этомъ горделивомъ выдѣленіи себя отъ общества есть нѣчто комическое.

Но въ немъ скрывается также и нѣчто мрачное. Рабочіе очевидно считаютъ себя во Франціи чуждыми обществу и общество — чуждымъ себѣ: какая же можетъ быть послѣ этого съ ихъ стороны рѣчь о примиреніи взаимныхъ интересовъ? Враждебность конгресса свидѣтельствуется тѣмъ что, несмотря на все стараніе воздержать себя, все-таки на немъ говорилось. Одинъ изъ ораторовъ сильно настаивалъ на томъ чтобы женщинамъ было даваемо исключительно свѣтское образованіе „дабы подавить (étouffer) въ нихъ восторженность возбуждаемую религіей.“ Другой требовалъ чтобы религія вообще не была допускаема въ обученіе рабочаго класса, особенно же поселянъ, которыхъ „нужно освободить отъ суевѣрія, дабы они могли соединиться съ городскимъ населеніемъ противъ капитала...“ Вотъ этотъ миролюбивый конгрессъ объявляетъ войну христіанству и обществу! Замѣчательно что вся программа была составлена какъ будто именно въ виду пріисканія средствъ для какой-то борьбы. Обсуждался прямой доступъ рабочихъ въ парламентъ, то-есть возможность прямаго вліянія на политическія судьбы страны, обсуждалась организація синдикатовъ, то-есть увеличеніе числа разсадниковъ дѣйствія „интернаціоналки;“ обсуждалась наконецъ, организація, сношеній между городскими рабочими и земледѣльцами, то-есть распространеніе соціальной пропаганды на деревни. Изъ сотенъ французскихъ провинціальныхъ городовъ и четырехъ тысячъ селъ только тридцать шесть отозвались на созваніе конгресса и прислали отъ себя сто пять делегатовъ (остальные 255 даны Парижемъ): конгрессу желательно всю провинцію покрыть сѣтью своихъ единомышленниковъ, ясно что конгрессъ есть пріуготовительное боевое орудіе въ рукахъ „Международной ассоціаціи рабочихъ.“ Для произнесенія рѣчей на немъ записалось множество ораторовъ. Даже тѣ парижскія газеты, которыя сочувственно относились къ его почину, были увѣрены что „на немъ будетъ высказано многое, прямо идущее въ разрѣзъ съ наукой, опытомъ и здравымъ смысломъ.“

Въ этомъ не было возможности сомнѣваться и это оправдалось на дѣлѣ. Научная и политическая безсмыслица лились ручьями. И этимъ словоизверженіемъ положено начало возрожденію активнаго соціализма во Франціи; эта безсмыслица потечетъ изъ Парижа въ остальную Европу. Замкнутый въ самомъ себѣ, тяжелый германскій соціализмъ не составляетъ такого продукта политическаго вывоза какъ это парижское „всемірное“ рабочее краснобайство.“ Оно уже удостоилось поздравительныхъ телеграммъ отъ иностранныхъ радикаловъ; въ одной изъ своихъ заключительныхъ рѣчей оно напрямки выразило что работаетъ для всей Европы, въ видахъ „всемірной республики,“ и работаетъ настойчиво: назначенъ уже новый конгрессъ, въ другомъ радикальномъ центрѣ, въ Ліонѣ. Практическій соціализмъ очевидно приготовляется къ новой схваткѣ. Надъ

европейскою цивилизацiей понемногу собирается опять гроза.

Что жь, пусть вѣдается эта пресловутая цивилизацiя со своими врагами. Да и чѣмъ она ихъ лучше? Они враги христiанства? Да развѣ Турки, которымъ вы порабощаете цѣлые народы христiанскiе, менѣе враждебны Христовой вѣрѣ чѣмъ ваши рабочiе? Ваши рабочiе прибѣгаютъ къ петролею и не прочь поиграть гильйотиной: что значитъ эта мелкая игра, „ce petit jeu," въ сравненiи съ тѣмъ что систематически производится вашими друзьями и союзниками баши-бузуками, свирѣпствующими въ христiанскихъ провинцiяхъ Турцiи? Чего стоитъ, наконецъ, ваша цивилизацiя если для нея необходимо существованiе Турцiи?

№ 264.

Москва, 15-го октября.

Изъ Сербiи въ послѣднiе дни приходятъ весьма тревожныя... чтобы не сказать болѣе, вѣсти. Въ Бѣлградѣ, какъ очевидно изъ телеграммъ нашего корреспондента, ходили разнорѣчивые слухи то о бѣдственныхъ пораженiяхъ понесенныхъ сербскою армiей, то опять успокоительныя что Турки отражены, наконецъ, молва прошла о министерскомъ кризисѣ. Въ отчаянiи всѣ обращаютъ де взоры на Россiю, и какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ тревоги, считаютъ гибельнымъ каждый часъ промедленiя. На сколько основательна была эта паника отъ которой, повидимому, не свободны были нѣкоторые и въ армiи, рѣшить теперь не трудно. Она объясняется отсутствiемъ офицiальныхъ или, по крайней мѣрѣ, точныхъ, частныхъ извѣстiй о томъ что происходило на мѣстѣ военныхъ дѣйствiй. Это отсутствiе офицiальныхъ извѣстiй намекаетъ на то что на полѣ битвы еще „не было сказано последнее слово," но вмѣстѣ съ тѣмъ оно-то и поощряло волненiе умовъ, тѣмъ болѣе что въ Бѣлградѣ нѣтъ недостатка въ людяхъ, для которыхъ всякое сенсацiонное извѣстiе есть кладъ. Какъ легко распространяется паника свидѣтельствуетъ уже имѣвшiй мѣсто случай въ настоящей войнѣ когда испугавшiеся корреспонденты англiйской газеты и русская барыня произвели страшную тревогу въ тылу армiи увѣривъ всѣхъ что Алексинацъ взятъ Турками.

Чтобы вникнуть въ ходъ дѣла необходимо ясное представленiе о позицiяхъ которыя занимали обѣ стороны до начала послѣднихъ битвъ, которымъ, какъ извѣстно, предшествовала довольно долгая пауза.

Послѣ того какъ Турки оставили правый берегъ Моравы и двинулись по лѣвому берегу выбивъ Сербовъ изъ ихъ первой оборонительной линiи у Суповца, имъ предстояли два способа дѣйствiй: или вновь перейти Мораву между Алексинцемъ и Делиградомъ, причемъ укрѣпленiя перваго незащищенныя съ сѣвера доставались въ ихъ руки, или оставя Мораву вправѣ, двинуться на Крушевацъ и обойти сильно укрѣпленную Делиградскую позицiю Сербовъ. Въ битвахъ 20 сентября они пробовали то и другое, но безуспѣшно. Сербамъ удалось отстоять отъ Турокъ переправу черезъ рѣку у Бобовища, благодаря отчасти смѣлому подвигу русскихъ добровольцевъ разрушившихъ хотя и не вполнѣ турецкiй мостъ. Съ другой стороны, ихъ наступленiю на Крушевацъ воспрепятствовала бригада Харватовича, отстоявшая позицiи у Дюниша и монастыря Св. Нестора (Николая). Хорватовичъ сдѣлалъ даже болѣе; именно смѣлымъ обходнымъ движенiемъ зашелъ въ тылъ Турокъ занявъ высоты Шелеговца и Гредитина. Такимъ образомъ турецкая армiя очутилась въ неловкомъ положенiи, съ трехъ сторонъ окруженная Сербами, занимавшими линiю Шелеговацъ-Дюнишъ-Делиградъ-Алексинацъ-Буимиръ. Свойство позицiй занятыхъ сербской армiей явствуетъ изъ слѣдующаго описанiя ихъ, которое мы заимствуемъ изъ статьи г. Артамонова *Турецко-Сербская война* (въ *Русскомъ Инвалидѣ*). Еще въ 1806 году, въ началѣ только что разгоравшейся тогда борьбы Сербовъ за независимость, воевода Петръ Добринецъ, которому выпала трудная задача оборонять долину рѣки Моравы со стороны Ниша, воспользовался для этого мѣстностью въ 10—11 верстахъ сѣвернѣе Алексинца, и здѣсь, у перекрестка дорогъ изъ Алексинца въ Чупрiю и изъ Крушевца въ Княжевацъ, построилъ укрѣпленiе въ видѣ редута которое было названо турецко-сербскимъ словомъ Делиградъ, то-есть „городъ отчаянныхъ" въ виду небольшаго числа его защитниковъ, рѣшившихся обороняться до послѣдней крайности противъ многочисленныхъ турецкихъ армiй. Потомъ укрѣпле-

ніе это было покинуто, и предъ настоящею войной Делиградомъ называлась почтовая станція съ двумя домиками, расположенная очень близко отъ мѣста прежняго укрѣпленія. Нынѣ Сербы опять выбрали это мѣсто для загражденія Туркамъ пути наступленія изъ Ниша въ Чупрію по правому берегу Моравы, и устроили тутъ укрѣпленную позицію, которая правымъ флангомъ опирается на высоты праваго берега, подходящія къ самой рѣкѣ Мораве, напротивъ селенія Витковца и идетъ далѣе на востокъ поперекъ шоссе, черезъ почтовую станцію Делиградъ, верстъ на семь отъ нея, а лѣвымъ флангомъ опирается на высоты лежащія нѣсколько впереди общаго направленія позиціи. Позиція укрѣплена по фронту непрерывною цѣпью батарей и ложементовъ съ длинными линіями засѣкъ. На высотахъ праваго и лѣваго фланговъ, кромѣ того, были выстроены редуты съ засѣками во рву, съ проволочными сѣтями на гласисѣ и съ волчьими ямами впереди. Обойти эту позицію съ лѣваго ея фланга очень трудно по свойству ея гористой мѣстности, хотя несомнѣнно что высоты лѣваго фланга командуютъ позиціей и служатъ ей ключомъ. Туркамъ не пришлось попытаться разрѣшить задачу какъ овладѣть этою позиціей, потому что имъ не удалось перейти на правый берегъ Моравы. Они обратили свои усилія въ другую сторону. Делиградскія укрѣпленія Сербовъ входятъ въ связь съ укрѣпленіями лѣваго берега, расположенными по гребню высотъ покрытыхъ дубовымъ лѣсомъ и густымъ кустарникомъ и идущихъ отъ границы прямо на сѣверъ; западные склоны хребта омываются рѣчкою Дюнишкой до ея впаденія въ Мораву у моста на шоссе изъ Делиграда въ Крушевацъ, а восточные склоны Гредитинскою рѣчкою Людокою впадающею въ Мораву у деревни Терняне. Эти склоны *оканчиваются* въ углу между Дюнишкою и Моравою, гдѣ на нихъ расположенъ *монастырь Св. Нестора* (Николая). Чрезъ эти лѣсистыя высоты нѣтъ вовсе хорошихъ сообщеній; очень плохія дорожки соединяютъ деревни Любешъ и Дюнишъ, деревни Гредитинъ и Шилеговацъ. Дорожки эти преграждены на гребнѣ сербскими укрѣпленіями связанными какъ между собою, такъ равно и съ укрѣпленіями преграждающими береговую дорожку проложенную по лѣвому берегу Моравы. Эти-то лѣсистыя высоты и защищалъ Хорватовичъ расположившись со своимъ отрядомъ у Гредитина и Шилеговца. . . . .

Положеніе сербской арміи было бы дѣйствительно отчаянное еслибъ оправдались извѣстія распространившіяся въ Бѣлградѣ. Къ счастію, они оказались ложною тревогой. . . . .

Корреспондентъ *Neue Freie Presse* въ главной турецкой квартирѣ телеграфируетъ что Турки начали наступленіе 19 (7) октября. Главная атака направлена была на линію рѣчки Дюнишки. Крайнимъ лѣвымъ крыломъ Турокъ командовалъ Селами-паша у Крушье. Когда въ 6 часовъ вечера, по причинѣ глубокой темноты, огонь пріостановился, всѣ сербскія позиціи южнѣе Дюниша были въ рукахъ Турокъ. Между 40 плѣнными находится до одинъ русскій майоръ. Сербы заблаговременно увозили артиллерію изъ своихъ шанцевъ, иначе потеряли бы много орудій. На фронтѣ къ Моравѣ, кромѣ незначительныхъ схватокъ пѣхоты у моста, былъ поддерживаемъ горячій артиллерійскій огонь. Турецкая армія ночевала въ далеко выдвинутыхъ позиціяхъ. Всю ночь шелъ проливной дождь. Эта турецкая реляція довольно правдоподобна и подтверждается свѣдѣніями изъ сербскаго лагеря, которыя сообщаютъ что дѣло началось въ 9 ч. утра перестрѣлкой изъ орудій, а въ полдень перешло въ положительную битву. Въ 3 часа Турки получили подкрѣпленіе, Хорватовичъ же предоставленный самому себѣ, долженъ былъ очистить Гредитинъ и Шилеговацъ и отступить къ Каонику. Въ отрядѣ Хорватовича, повидимому, приписываютъ неудачу позднему вступленію (въ 4 часа дня) въ дѣло главныхъ силъ генерала Черняева со стороны Делиграда. Главная квартира была перенесена въ Каоникъ, хотя нападенія Турокъ въ эту сторону и съ такою силой главнокомандующимъ повидимому не ожидалось, что свидѣтельствуетъ делиградскій корреспондентъ *Politik*, говоря отъ 17 октября, то-есть за два дня до нападенія Турокъ, что въ главномъ штабѣ Черняева, бездѣйствуя, опасались главнымъ образомъ движенія Османъ-паши изъ Зайчара и направляли туда подкрѣпленія.

Такъ прошелъ четвергъ 7 октября. Изъ телеграммъ мы знаемъ что битвы длились затѣмъ всѣ четыре слѣдующіе дня: пятницу, субботу, воскресенье и понедѣль-

никъ. Въ этотъ день Сербамъ, благодаря черногорскому отряду Маши Вербицы, удалось окончательно отбить Турокъ отъ Каоника и Креветскаго ущелья, высоты котораго неоднократно переходили изъ рукъ въ руки. Въ то же время, для замаскированія своей цѣли, Турки поддерживали сильный артиллерійскій огонь изъ Перчиловца по Алексинцу. Имъ удалось также, повидимому, оттѣснить Сербовъ съ позицій на правомъ берегу Моравы у Буймира. Успѣхъ Турокъ грозилъ разорвать сербскую армію на двое. Сербамъ отъ Дюниша оставался бы только безнадежный путь отступленія къ Крушевцу, а войскамъ въ Делиградѣ пришлось бы быстро переносить свою оборону на третью линію отступленія къ Чупріи; въ крайнемъ же случаѣ они могли быть даже отрѣзаны отъ нея.

Но, слава Богу, Сербамъ удалось отстоять Дюнишскую позицію и дѣла ихъ поправятся, особенно если имъ удастся снова отбить Гредитинъ и Шилеговацъ.

№ 265.

Москва, 16-го октября.

Какъ между частными лицами, такъ и въ международныхъ пререканіяхъ, бываютъ противники съ которыми гораздо полезнѣе твердость и рѣшительность чѣмъ уступчивость. Особенно вѣрно прилагается это къ гордой Великобританіи. Замѣчательно что англійскіе министры неизмѣнно понижаютъ тонъ встрѣчая твердый отпоръ если только не могутъ разчитывать навѣрняка. Не перечисляя многихъ примѣровъ которые можно бы привести въ подтвержденіе этого положенія, достаточно припомнить съ какою *bonne grace* подчинились они всѣмъ требованіямъ Соединенныхъ Штатовъ въ дѣлѣ объ *Алабамѣ*, а еще болѣе, какъ быстро понизили они свой тонъ и исчезли со сцены въ 1863 году когда Россія, противъ всякаго ожиданія, приняла положеніе соотвѣтствующее ея достоинству. Другой примѣръ такой же быстрой перемѣны тона показали намъ лордъ Биконсфильдъ съ товарищами въ послѣдніе дни.

Весь разчетъ изворотовъ англійской политики, въ теченіе цѣлаго года, былъ основанъ исключительно на всѣмъ извѣстномъ миролюбіи Русскаго правительства. Не имъ были вызваны смуты начавшіяся въ Герцеговинѣ и Босніи, не въ его интересахъ было ускорять рѣшеніе Восточнаго вопроса, и естественно что оно обнаружило желаніе дѣйствовать въ совокупности со всею Европой, даже до готовности жертвовать своими завѣтными интересами ради общаго спокойствія; результатомъ же было лишь то что отъ Россіи только съ каждымъ днемъ требовали какихъ-то все еще новыхъ доказательствъ ея миролюбія.

Уступчивости наконецъ наступилъ предѣлъ. Когда Порта отклонила даже предложенія формулованныя Англіей и предъявленныя сэръ-Генри Эллiотомъ, и взамѣнъ того сдѣлала *свои* предложенія, якобы идущія далѣе „самыхъ смѣлыхъ требованій какія могла сдѣлать дипломатія," достоинство Россіи не могло позволить ей участвовать долѣе въ этой комедіи, и она рѣшительно прекратила всякую рѣчь о шестимѣсячномъ перемиріи. Само собою разумѣется что отказъ и предложенія Порты не могли быть ея собственными изобрѣтеніями. Это теперь мы видимъ изъ сожалѣнія константинопольскаго корреспондента *Times* о томъ что англійскій посолъ слишкомъ былъ „пристрастенъ" къ Туркамъ и не сумѣлъ съ большею твердостью настоять на принятіи сдѣланныхъ имъ предложеній. Но и прежде можно было убѣдиться въ этомъ по тону съ какимъ англійская печать отнеслась ко встрѣчнымъ турецкимъ предложеніямъ, находя ихъ „умѣренными и разсудительными," и по задору съ какимъ она заранѣе провозглашала что если Россія отвергнетъ ихъ, то она де покажетъ себя врагомъ спокойствія Европы. Вопросъ ставился такъ что отвѣтъ Россіи дастъ пробу ея миролюбію, и насъ даже заранѣе стращали коалиціей. Говорили что Италія, будто бы прежде другихъ, затѣмъ Австрія и Франція уже приняли турецкое перемиріе; относительно же Германіи въ Англіи почти не сомнѣвались, ибо она де гораздо болѣе самой Англіи заинтересована спокойствіемъ на Востокѣ. Телеграммы сообщавшія объ этихъ перипетіяхъ озаглавливались въ англійскихъ газетахъ крупнымъ шрифтомъ: „Изолированное положеніе Россіи." Всѣ ждали ея отвѣта.

И все это было только фокусъ. Несмотря на готовую коалицію,—шутка сказать всей Европы!—какъ только отвѣтъ Россіи сталъ

извѣстенъ, неописанный страхъ обуялъ англійскую печать, и газета *Times* съ жалостною мольбой и лестью обратилась къ князю Бисмарку, сравнивая его положеніе съ таковымъ Наполеона I и говоря что одно слово его въ состояніи образумить Россію и удержать ее отъ военнаго занятія Болгаріи. Въ этомъ призывѣ сказалась и тревога Англичанъ, и вся пустота ихъ угрозъ. Когда въ отвѣтъ на то Германія отказалась „вынимать каштаны изъ огня“ для Англіи, завѣса сотканная для легковѣрной публики изо лжи пала, и оказалось совершенно противное тому что писали и телеграфировали предъ тѣмъ: оказалось что Италія *прежде* всѣхъ другихъ присоединилась не къ турецкому, а къ русскому взгляду на перемиріе; заявленіе Германіи было какъ разъ противоположное ожидавшемуся въ Англіи; наконецъ, даже корыстно-туркофильская Австрія и Франція, туркофильская безкорыстно, заявили что они не то что принимаютъ турецкія условія, а только находятъ что условія эти „могли бы быть приняты,“—это теперь подтверждаютъ англійскіе корреспонденты. Такимъ образомъ оказывается что турецкія предложенія были безусловно приняты *только* Англіей; *только* она одна заручилась, двѣ другія державы высказали условно свое мнѣніе и поспѣшили взять его назадъ, а двѣ другія прямо и безусловно согласились съ Россіей. Такова была европейская коалиція которою насъ пугали.

Чтобы прикрыть фіаско этого куріознѣйшаго обмана, англійская печать немедленно облеклась въ сознаніе собственнаго достоинства, заявляя что Англія сдѣлала все возможное для мира и можетъ умыть себѣ руки, что такъ какъ ей не удалось образумить ни Турцію ни Россію, то ихъ дѣло развѣдываться между собою, Англія же не станетъ воевать за Турцію, а можетъ хранить нейтралитетъ, заботясь лишь о своихъ интересахъ. Начались, правда, слухи о какихъ-то спѣшныхъ приготовленіяхъ Англіи, и *Times* загадочно замѣтилъ что можетъ быть придется англійскіе интересы въ Египтѣ оберегать на Босфорѣ; но какъ понимать эту послѣднюю угрозу, этотъ камень брошенный изъ-за угла, не пояснялось.

Было бы однако совершенно ошибочно вѣрить такому самоотреченію Англіи, такой покорности ея силѣ обстоятельствъ. Пріемы англійской дипломатіи бываютъ весьма разнообразны. Когда не удаются угрозы, она умѣетъ сама дѣлать мнимыя уступки, чтобъ ими устранить все ей непріятное. Всѣ дѣйствія лорда Биконсфильда въ нынѣшнихъ замѣшательствахъ на Востокѣ и отношенія его политики къ Россіи были таковы что даютъ намъ полное право не довѣрять его намѣреніямъ. Въ его рукахъ политика Англіи является какимъ-то хамелеономъ, хотя цѣль остается одна и та же и ежедневнымъ сенсаціямъ нѣтъ конца.

Послѣдніе слухи сообщаемые англійскими газетами таковы: Порта сама де желаетъ вступить въ прямые переговоры съ Россіей. Турки убѣждаются де что „европейское покровительство стало для нихъ опасностью, ибо не только при настоящемъ положеніи Европы державы *не могутъ* болѣе охранять Турцію, но самые интересы этихъ державъ, опредѣляющіе ихъ отношенія къ Турціи, суть для нея опасность и препятствіе къ заключенію мира. Такъ, въ предполагаемой программѣ Россіи, есть де пункты на которые Порта могла бы безъ труда согласиться, но коимъ воспротивятся посредствующія державы, и наоборотъ, есть такіе противъ коихъ державы не стали бы возражать, но сама Порта отвергнетъ ихъ въ отчаяніи. Прямыми переговорами миръ можетъ де быть заключенъ „въ полчаса,“ ибо Порта можетъ сдѣлать гораздо болѣе уступокъ Россіи сама, откровенно изложивъ ей лишь какого рода уступка для нея не возможна какъ равносильная „самоубійству.“ Такъ Турки полагаютъ что державы-поруки болѣе всего дорожатъ закрытіемъ Дарданеллъ и Босфора, и ради этого готовы пожертвовать даже Болгаріей. Для Порты же иное дѣло: она безъ опасности можетъ дать полную независимость Сербіи, уступить безъ неудобства и Боснію съ Герцеговиной, дать гавань Черногоріи, наконецъ открыть проливы, что даже оживило бы и обогатило бы Константинополь, — но она одного не можетъ—не можетъ отказаться отъ своихъ „великолѣпныхъ Болгарскихъ провинцій.“

Извѣстіе это сообщаетъ парижскій корреспондентъ *Times* на основаніи „самыхъ авторитетныхъ“ свѣдѣній полученныхъ имъ изъ Константинополя. Но самое любопытное не въ томъ что вся англійская печать даетъ вѣру этому извѣстію, а что она принимаетъ его какъ бы съ радостью. „Пра-

„вительство бывшаго султана,“ разсуждаетъ сама газета *Times* по этому поводу, „полагало что умѣетъ ладить съ Россіей „лучше чѣмъ черезъ посредство своихъ „офиціозныхъ друзей, западныхъ державъ. „Почему же Портѣ не возвратиться къ „этой идеѣ и не встрѣтить въ Россіи по-„ощренія своимъ предложеніямъ? Русскій „дипломатъ такого закала какъ генералъ „Игнатьевъ приметъ пашей съ распола-„гающею откровенностью и поздравитъ ихъ „со счастливою мыслью уладить все дѣло „конфиденціально, безъ зловреднаго вмѣ-„шательства посторонней державы.“ И въ этомъ обстоятельствѣ *Times* усматриваетъ радостный лучъ надежды.

Sic tempora mutantur! Бѣдный Абдулъ-Азисъ! Его всячески поносили и даже свергли за слабоуміе которое привело, какъ тогда доказывали, имперію на край гибели, потому что онъ слушался коварныхъ внушеній Россіи. И вотъ его слабоуміе признается мудростью коей воздается посмертная похвала, и она же рекомендуется его преемнику! Съ тѣхъ поръ какъ установленныя имъ добрыя и довѣрчивыя отношенія Порты къ Россіи были разрушены рядомъ насильственныхъ переворотовъ, дипломатія всей Европы блуждала во мракѣ, и теперь нѣтъ другаго исхода какъ вернуться къ его политикѣ, — этого требуетъ собственный интересъ Порты: такъ говорятъ ей англійскіе друзья!

А сколько напрасно пролитой крови, сколько безвинныхъ жертвъ и ужасныхъ страданій понадобилось чтобы къ этому взгляду пришли теперь англійскіе политики! Но они ошибаются если полагаютъ что все пережитое въ эти ужасные пять мѣсяцевъ можетъ быть предано забвенію и оставлено безъ вниманія. И не безъ основанія принуждены мы остеречься отъ довѣрія ко внезапнымъ вольтамъ англійской печати. Не даромъ тотъ же самый парижскій корреспондентъ *Times*, сообщая о цѣли поѣздки англійскаго посла въ Петербургѣ, лорда Лофтуса, въ Ливадію, говоритъ что ему поручено увѣдомить Русское правительство что Англія, не находя болѣе нужнымъ принимать на себя иниціативу переговоровъ въ виду безполезности ея прежнихъ усилій, и считая себя въ правѣ ожидать дальнѣйшихъ сообщеній какія ей могутъ быть сдѣланы, можетъ однако теперь же объявить что она до тѣхъ поръ только не будетъ считать себя затронутою пока въ переговорахъ Россіи съ другими державами не будутъ касаться тѣхъ частей трактатовъ 1856 года кои не были измѣнены Лондонскою конференціей 1871 года, и слѣдовательно сочтетъ за прямое нападеніе на Англію если эти трактаты будутъ подвергаться новымъ измѣненіямъ. Корреспондентъ поясняетъ что это увѣдомленіе относится именно къ Болгаріи и имѣетъ въ виду совершенно исключить изъ всякихъ переговоровъ „не только занятіе, но даже автономію Болгаріи,“ ибо это „первая линія прикрывающая Константинополь,“ а потому она должна де крѣпко оставаться въ турецкихъ рукахъ.

Итакъ, опять мы встрѣчаемъ удивительное единомысліе собственныхъ желаній Турокъ съ интересами Англичанъ. Россіи предоставляется полная свобода вести переговоры и требовать уступокъ, лишь бы дѣло не касалось Болгаріи. Но на этой почвѣ слѣдовало бы вести переговоры прошедшею зимою, а не послѣ того какъ эти несчастныя провинціи подверглись неслыханному погрому, и въ такую еще минуту когда неистовства Турокъ надъ отверженнымъ въ глазахъ Англичанъ племенемъ усугубляются съ новою яростью. Болгарію, не менѣе чѣмъ Боснію и Герцеговину, невозможно оставлять долѣе подъ этимъ варварскимъ управленіемъ и не установить въ ней инаго порядка совмѣстнаго съ признаніемъ человѣческихъ правъ. Поступить иначе было бы вопіющимъ грѣхомъ.

№ 267.

Москва, 16-го октября.

Насъ, какъ и всѣхъ нашихъ читателей и всѣхъ Русскихъ, не могла не поразить полученная нами немного дней тому назадъ телеграмма отъ нашего корреспондента отправившагося въ Черногорію. Прибывъ въ Цетинье, онъ телеграфировалъ, отъ 9-го октября, что послѣ блистательныхъ побѣдъ одержанныхъ Черногорцами, его поразила „страшная бѣдность, совершенный недостатокъ хлѣба и одежды.“ Зная вообще о бѣдности Черногоріи, которая и въ мирное время не даетъ достаточныхъ средствъ для прокормленія ея населенія, мы легко могли представить себѣ каково должно быть, въ войну подобную

настоящей, положеніе этого маленькаго, но геройскаго княжества, когда, кромѣ собственнаго населенія, поголовно взявшагося за оружіе, на него легло еще бремя обезпечивать отъ голодной смерти множество пріютившихся въ немъ выходцевъ изъ разоренной Герцеговины. Весьма естественно, Черногорія, предоставленная собственнымъ силамъ, не имѣетъ возможности содержать 25.000 войска, 70.000 выходцевъ и множество плѣнныхъ. Прискорбны были слѣдующія затѣмъ слова телеграммы: „Славянскіе благотворительные „комитеты съ самаго начала почти забыли Черногорію. Умоляють выслать сюда „какъ можно скорѣе деньги, одежду, хлѣбъ. „При недостаткѣ средствъ, война Черногорцевъ будетъ парализована. Передаю „вамъ и Славянскимъ благотворительнымъ „комитетамъ всеобщую вопіющую просьбу „о помощи. Обратитесь съ воззваніемъ объ „этой помощи ко всѣмъ братьямъ Славянамъ.“

Мы помѣстили эту телеграмму въ № 259 нашей газеты безо всякихъ замѣчаній. На другой же день мы получили отъ секретаря Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ Москвѣ заявленіе что Черногорія не была забыта и Комитетъ постоянно высылалъ денежныя пособія въ Черногорію по мѣрѣ своихъ средствъ и что за одинъ послѣдній мѣсяцъ Московскимъ Отдѣломъ Комитета было переведено для Черногоріи, черезъ русскаго генеральнаго консула въ Рагузѣ А. С. Іонина, 15 сентября—12.000 руб., 30 сентября—5.580 руб., 10 октября—13.000; всего же 30.580 руб. Заявленіе секретаря Славянскаго Комитета присовокупляетъ что въ Сербію и Болгарію деньгами высылалось не болѣе, и что самыя пожертвованія въ послѣдніе два съ половиной мѣсяца присылались преимущественно на спеціальныя назначенія: на помощь добровольцамъ, на походныя церкви, на походный телеграфъ, одѣяніе и обувь для ратниковъ въ распоряженіе генераловъ Черняева и Новоселова, и т. п.

Заявленіе это слагаетъ упрекъ со Славянскаго Благотворительнаго Комитета, тѣмъ болѣе что, кромѣ нынѣшней экстренной помощи бѣдствующимъ Южнымъ Славянамъ, Комитетъ не въ правѣ прекратить свои обычные расходы, о которыхъ въ обыкновенное тихое время мало слышно, но которые всегда были значительны, именно на содержаніе и воспитаніе многихъ славянскихъ юношей обучающихся въ различныхъ заведеніяхъ въ Россіи.

Кромѣ Славянскаго Комитета, пожертвованія стекаются въ Обществѣ Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ, и Главное Управленіе Общества также поспѣшило заявить что и оно, въ распредѣленіи пособій, не забывало Черногоріи, переславъ для *семействъ* пострадавшихъ Славянъ находящихся въ Черногоріи—31.500 р.; въ Сербіи—21.300, и для Болгаръ—20.000.

Наконецъ, много приношеній въ пользу Славянъ поступаютъ въ редакціи газетъ. Чрезъ одну нашу редакцію было переслано въ разныя мѣста болѣе 65.000 руб. Помимо приношеній со спеціальнымъ назначеніемъ, всѣ остальныя, обозначаемыя вообще „въ пользу Славянъ,“ мы, по мѣрѣ накопленія ихъ, отправляли на мѣста прилагая стараніе о возможно равномѣрномъ распредѣленіи ихъ тамъ гдѣ есть нужда. Но нужда, и великая нужда, чувствуется повсюду, и мы по себѣ знаемъ какъ не легко дознаться гдѣ именно всего болѣе требуется помощь.

Тѣмъ не менѣе, помимо упрека, сообщенный нашимъ корреспондентомъ фактъ ужасной нужды поразившей его въ Черногоріи остается во всей своей силѣ. При такой нуждѣ, даже блестящіе успѣхи на полѣ брани отдаются Черногорцамъ новыми чувствительными тягостями. Такъ, капитуляція Медуна удвоила ихъ расходы на содержаніе плѣнныхъ, и корреспондентъ нашъ извѣщаетъ что, за недостаткомъ продовольствія, Черногорцы нашлись вынужденными освободить плѣнныхъ.

Одновременно съ телеграммой изъ Цетинья, мы воспроизвели въ томъ же нумерѣ нашей газеты изъ *Одесскаго Вѣстника* письмо новаго начальника Ибарской арміи въ Сербіи, генерала Новоселова, который обращаетъ вниманіе на крайне скудныя средства этой арміи. Армія эта расположена на горахъ, часть которыхъ уже покрыта снѣгомъ, а люди ея не имѣютъ теплой одежды; только часть солдатъ, и весьма малая, вооружены скорострѣльными ружьями, остальные при старыхъ ружьяхъ заряжаемыхъ съ дула. „У насъ мало русскихъ добровольцевъ, оружія, лошадей и денежныхъ средствъ,“ пишетъ генералъ Новоселовъ, „но мы все-таки не унываемъ, и въ борьбѣ съ Турками за святую вѣру и правое дѣло возлагаемъ всѣ

наши надежды на Господа Бога и добрыхъ русскихъ людей." На другой день, телеграмма нашего бѣлградскаго корреспондента черезъ Землинъ, отъ 11 октября, сообщала также о большихъ нуждахъ въ Дринской арміи, гдѣ офицеры-добровольцы одѣты въ парусинные казакины и сильно страдаютъ отъ стужи, и что „начальство „Дринской арміи проситъ довести о томъ „до свѣдѣнія русской публики и Славян-„скаго Комитета въ надеждѣ на помощь." Наконецъ, можно ли забыть Болгарію, гдѣ до сей поры совершаются ужасныя дѣла, о коихъ съ трудомъ доходятъ до насъ отрывочныя смутныя вѣсти? На отчаянное положеніе болгарскихъ населеній вновь обращаетъ вниманіе и спеціальный корреспондентъ *Daily News*.

Итакъ, отовсюду мы слышимъ одно и то же о нуждѣ ужасной, безвыходной. Отовсюду несутся вопіющія мольбы о помощи неотложной, недостатокъ и замедленіе въ коей отзываются гибелью тысячъ страдальцевъ. И не откуда имъ ждать болѣе помощи какъ изъ братской Россіи. Славянскіе комитеты, Общество Попеченія о Раненыхъ Воинахъ, редакціи газетъ, суть только каналы коими доставляется помощь подаваемая отъ сердца русскими людьми. До сихъ поръ, благодаря Бога рука жертвователей не оскудѣваетъ: жертвуетъ всякій, богатый отъ своего достатка, бѣдный отъ скудости, и мы отъ всей души уповаемъ что усердіе не погаснетъ, а возгорится сильнѣе тронутое скорбными мольбами. Приближается зима, *вторая* зима бѣдствій и страданій. Нужды удесятерились, и теперь ихъ раздѣляетъ множество Русскихъ безкорыстно жертвующихъ собою ради святаго общаго дѣла. Соотечественники ихъ, остающіеся дома въ мирѣ, вспомнятъ о нихъ... Однако и при усиленномъ приливѣ частныхъ пожертвованій, мы содрогаемся при мысли что помощь эта будетъ не достаточна. Недавно одинъ изъ нашихъ бѣлградскихъ корреспондентовъ писалъ: „Все что получается здѣсь „изъ Россіи положительно *капля въ морѣ* „*въ сравненіи съ нуждами*. Помощь нужна „рѣшительная, крупная, и не одними людь-„ми, а преимущественно деньгами."

Въ самомъ дѣлѣ, удивительное и странное творится теперь на нашихъ глазахъ! Въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, при пожарѣ цѣлыхъ городовъ, при неурожаѣ въ цѣлой губерніи, не въ первый уже разъ частная благотворительность отзывалась щедрымъ пособіемъ. Но какъ ни обширны бывали подобныя бѣдствія, размѣры ихъ не выходили за предѣлы возможнаго для частной помощи. Теперь же, какъ мы все болѣе и болѣе убѣждаемся получаемыми изъ Сербіи, Болгаріи и Черногоріи извѣстіями, помощь требуется въ размѣрахъ совершенно необычайныхъ, небывалыхъ, все возрастающихъ, и потребность въ ней можетъ продлиться не малое время. Нуженъ хлѣбъ, нужна теплая одежда для сотенъ тысячъ разоренныхъ семействъ, для десятковъ тысячъ ратниковъ. Правительствамъ двухъ маленькихъ слабыхъ княжествъ, ведущихъ почти безъ средствъ борьбу противъ обширной имперіи, совершенно не по силамъ удовлетворить всѣмъ вопіющимъ нуждамъ. Въ силахъ ли будетъ частная помощь дать правительствамъ княжествъ средства продолжать войну, отъ исхода которой зависитъ будущность Юго-Славянскаго міра? Возможно что весьма вскорѣ для частной помощи станетъ и уже теперь становится совершенно непосильною эта громадная задача. Для дѣйствительной помощи нужны не десятки, не сотни тысячъ, а вѣроятно милліоны. Нужна помощь организованная, правильно поставленная, къ которой частныя усилія могли бы примкнуть лишь дополнительно.

Но мы не въ силахъ продолжать. Умолкаемъ при громѣ извѣстія, сію минуту полученнаго отъ нашего бѣлградскаго корреспондента...

ЗЕМЛИНЪ, 30 (18) октября. Роковое свершилось: Дюнишскія высоты вчера утромъ взяты Турками, которые сосредоточили здѣсь огромныя силы. Сербская артиллерія отказалась драться и очистила Дюнишскія высоты, вообще отказывая въ повиновеніи, несмотря на увѣщанія Черняева противъ котораго собственно она возстала. Турки атаковали Дюнишъ, и лишь одни Русскіе защищали эту позицію, за то половина ихъ и легла тамъ. Турки разорвали армію Черняева и самого его откинули въ Ражаны, откуда онъ потомъ возвратился. Хорватовичъ былъ принужденъ отступить къ Крушевцу. Войска Хорватовича защищались отчаянно, и лишь превосходство силъ Турокъ заставило его отступить. Положеніе Сербской арміи ужасное. Вчера въ Бѣлградѣ господствовала

паника: ночью по городу разъѣзжали конные патрули собиравшіе русскихъ офицеровъ въ военное министерство, гдѣ имъ отданъ приказъ отправиться немедленно въ армію. Карцовъ, русскій консулъ, неоднократно былъ приглашаемъ къ князю на совѣщаніе. Сегодня утромъ князь уѣхалъ изъ Бѣлграда въ армію подъ конвоемъ русскихъ офицеровъ.

Повторяю: положеніе Сербіи самое критическое. Какъ лица высокостоящія, такъ и народъ въ совершенномъ унынiи.

Телеграмма эта сопровождается воплемъ изъ Бѣлграда объятаго паникой:

БѢЛГРАДЪ, 30 (18) октября. Все что дорого каждому изъ насъ гибнетъ. Взываемъ во имя святой вѣры, свободы: спасите! Одно упованіе на васъ, русскихъ братьевъ нашихъ.

№ 268.

Москва, 19-го октября.

Роковое совершилось! Моравская армія разбита на голову во всѣхъ пунктахъ. Заняты высоты Дюниша, сербская линія разорвана, Хорватовичъ отброшенъ къ Крушевцу, палъ Алексинацъ... Боже! что ожидаетъ несчастную страну открытую теперь для Турокъ!

Турки воспользовались продолжительными пререканіями между державами чтобы сосредоточить громадныя силы для рѣшительнаго удара. Обнаруженная ими при этомъ энергія представляетъ рѣзкій контрастъ съ ихъ медлительностью во все время кампаніи. Сербская армія, и безъ того численно гораздо слабѣйшая, занимала линію вдвое длиннѣйшую чѣмъ линія Турокъ, и притомъ сербскіе отряды, вынужденные отстаивать растянутую оборонительную линію, были еще расположены по обѣ стороны рѣки Моравы, тогда какъ вся турецкая армія была стянута на лѣвомъ берегу ея. По всему вѣроятію, отрядъ Хорватовича, одного изъ способнѣйшихъ сербскихъ генераловъ, находившійся на крайнемъ правомъ флангѣ, не могъ вовремя получить подкрѣпленія. Впрочемъ, при скудости данныхъ какія мы теперь имѣемъ, лучше воздержаться отъ сужденія о стратегическихъ условіяхъ несчастнаго боя. Но нельзя умалчивать о прискорбномъ фактѣ который подтверждается всѣми извѣстіями.

Нѣтъ ничего удивительнаго что у Сербовъ, не испытавшихъ государственной школы, еще не могло выработаться той дисциплины которою познается духъ націи въ минуты тяжкихъ испытаній. Еще прежде сообщалось намъ о размолвкѣ и неудовольствіяхъ между главнокомандующимъ, генераломъ Черняевымъ, который былъ приглашенъ самимъ же Сербскимъ правительствомъ, и военнымъ министромъ. Входить въ разбирательство этой распри, о которой мы толкомъ не могли дознаться кто въ ней правъ кто виноватъ, мы не имѣемъ возможности. Знаемъ только что раздоръ этотъ грозилъ министерскимъ кризисомъ въ Бѣлградѣ, и что найдено было нужнымъ отправить министра внутреннихъ дѣлъ въ армію. Результатъ этой поѣздки былъ однако неблагополучный. Одна изъ сегодняшнихъ телеграммъ, извѣщая о внезапномъ отъѣздѣ въ Делиградъ самого князя Милана, приводитъ его отъѣздъ въ связь „съ раздоромъ между партіями гражданскою и военною, обнаружившимся въ лагерѣ вслѣдствіе присутствія министра внутреннихъ дѣлъ.“ Этими раздорами вѣроятно и объясняется почти невѣроятный фактъ, переданный во вчерашней телеграммѣ нашего корреспондента и подтвержденный всѣми сегодняшними газетами, что въ битвѣ подъ Дюнишемъ сербская артиллерія „отказалась драться и очистила высоты, отказывая въ повиновеніи, несмотря на увѣщанія Черняева, противъ котораго она возстала.“ Такимъ образомъ эту важнѣйшую позицію, взятіе которой Турками разорвало сербскую армію, пришлось защищать, безъ артиллеріи, одному русскому баталіону, половина котораго и легла при этомъ. Сегодняшняя телеграмма подтверждаетъ о страшныхъ потеряхъ въ средѣ Русскихъ. При всемъ великомъ прискорбіи этого извѣстія, мы не можемъ не гордиться геройскимъ мужествомъ нашихъ соотечественниковъ, которое вызываетъ невольную дань удивленія даже отъ недоброжелательныхъ къ намъ англійскихъ корреспондентовъ. Въ послѣднихъ нумерахъ англійскихъ газетъ бѣлградскіе корреспонденты ихъ сообщаютъ о какомъ-то неудовольствіи между Сербами противъ русскихъ волонтеровъ, и этотъ фактъ удивляетъ Англичанъ, коихъ безъ сомнѣнія должна была радовать рознь въ рядахъ движенія имъ вовсе не сочувственнаго. Корреспондентъ *Times* отзывается при этомъ о

русскихъ волонтерахъ что „они сражались на Сербской почвѣ съ величайшимъ мужествомъ, и не будь ихъ Турки давно были бы въ Бѣлградѣ.“ Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ пишетъ корреспондентъ *Daily News*: „Въ Бѣлградѣ большое раздраженіе противъ Русскихъ, которое по меньшей мѣрѣ замѣчательно, такъ какъ Турки были бы сегодня въ Бѣлградѣ безъ этихъ самыхъ Русскихъ которые такъ храбро сражались для защиты своихъ союзниковъ. Русскіе страшно потерпѣли въ послѣднихъ битвахъ вслѣдствіе ихъ отчаянной храбрости, которою они старались восполнить недостаточность стойкости въ массѣ сербской пѣхоты.“

Но вмѣстѣ съ тѣмъ телеграмма агентства Рейтера въ англійскихъ газетахъ сообщаетъ что „Сербское правительство сильно раздражено противъ генерала Черняева и имѣетъ большія сомнѣнія въ его военныхъ способностяхъ, такъ какъ послѣдняя потеря Шилеговца приписывается оплошности со стороны генерала.“ Сообщеніе это согласуется и съ нашими послѣдующими телеграммами на которыя мы выше уже обратили вниманіе, и нельзя не признать что послѣдующій образъ дѣйствій сербскихъ министровъ и поощреніе раздоровъ поѣздкой одного изъ нихъ въ лагерь обнаруживаетъ большое малодушіе. Въ критическую минуту, предъ лицомъ непріятеля, слѣдовало или тотчасъ же смѣнить главнокомандующаго, или энергически поддержать его если онъ былъ необходимъ. Пагубнѣе всего было поступать именно такъ какъ случилось: оставлять начальника арміи въ должности и въ то же время колебать его власть и подрывать довѣріе къ нему, нарушая гармонію между имъ и войсками, среди ежедневныхъ битвъ.

Какъ бы то ни было, катастрофа постигшая Сербію еще наглѣднѣе выставляетъ всю ненормальность явленія о которомъ мы упомянули вчера и ярко рисуетъ бѣдственную картину малаго княжества предпринявшаго непосильную войну которую оно ведетъ на частныя пособія...

Свобода и искупленіе не достаются безъ тяжкихъ жертвъ и усилій. Обманчивое посредничество Европы подъ руководствомъ Англіи было направлено главнымъ образомъ къ тому чтобы высвободить Порту изъ ея затрудненій, но оно ничего не сдѣлало ни для княжествъ, ни для христіанскихъ провинцій Турціи, ужасное положеніе которыхъ и было причиной всѣхъ нынѣшнихъ замѣшательствъ. Этимъ посредничествомъ Порта воспользовалась чтобы собраться съ силами для нанесенія рѣшительнаго удара. Предоставленныя самимъ себѣ княжества должны изнемочь въ неравной борьбѣ, а вмѣстѣ съ ихъ паденіемъ еще горшая участь должна постигнуть христіанскія провинціи Порты.

Этого, однако, съ помощію Бога не будетъ. Въ эту самую, столь горестную, столь тяжелую минуту, послышалось наконецъ давно ожидаемое твердое слово Россіи. Сейчасъ намъ передано по телеграфу изъ Петербурга извѣщеніе *Правительственнаго Вѣстника* о томъ что Государь Императоръ повелѣлъ русскому послу предъявить Портѣ двухдневный срокъ для принятія предложенныхъ Россіей условій перемирія и для немедленной пріостановки военныхъ дѣйствій, а въ случаѣ отказа выѣхать изъ Константинополя.

Было бы тяжко подумать что кровь пролитая за Дунаемъ была напрасною и безсмысленною жертвой. Рѣшеніе Россіи даетъ этой страшной жертвѣ великое значеніе. Она послужитъ началомъ всемірныхъ событій и благословится въ плодахъ своихъ.

Увы! Великое въ мірѣ не совершается безъ жертвъ, и исторія человѣчества какъ Молохъ требуетъ крови...

Пора рѣшающихъ событій приближается. Русская земля готова на дѣло судебъ Божіихъ...

№ 269.

Москва, 20-го октября.

Иностранная почта принесла намъ подлинный текстъ замѣчательнаго письма о несомнѣнныхъ, дипломатически признанныхъ правахъ Россіи въ Восточномъ вопросѣ, письма помѣщеннаго на дняхъ въ брюссельской газетѣ *le Nord*, и о появленіи котораго мы ужь извѣщали читателей. Извѣстно что туркофильская печать, не зная чѣмъ отвратить отъ славянскаго дѣла пробудившіяся къ нему, увы! лишь частныя симпатіи Европы, всячески старается вкоренить въ европейскую публику убѣжденіе будто событія на Балканскомъ полуостровѣ составляютъ какую-то неожиданность, и будто судороги, въ которыхъ бьется тамъ славянское тѣло, суть нѣчто ис-

кусственное, такъ что европейскіе кабинеты естественно должны относиться къ движенію съ равнодушною холодностью и оберегать Турцію отъ подозрѣваемыхъ въ немъ чужихъ видовъ. Какъ ни дики подобныя внушенія сами-по-себѣ, какъ ни омерзительно хладнокровное противопоставленіе ихъ зареву пожаровъ и рѣкамъ льющейся христіанской крови, они существуютъ: авторъ названнаго письма такъ-сказать выбрасываетъ ихъ изъ оборота. „Можно ли было предвидѣть катастрофу? Можли было предохранить отъ нея человѣчество?“ спрашиваетъ онъ, и доказываетъ что не внезапно поднялся истребляющій несчастныхъ Славянъ ураганъ, что заранѣе и съ давнихъ уже поръ европейскимъ кабинетамъ была указана его неизбѣжность, что и средства спасенія отъ него давно уже пріисканы. Еще въ 1860 году Россія поняла какими бѣдами чреватъ мусульманскій фанатизмъ для будущаго, и не скрывая своихъ опасеній, требовала разслѣдованія положенія христіанскихъ населеній Европейской Турціи, остерегая отъ тѣхъ послѣдствій которыми можетъ сопровождаться упорное уклоненіе Порты отъ исполненія обѣщанныхъ ею реформъ. „Безмятежно ожидаемъ мы,“ писалъ 29 апрѣля 1860 князь Горчаковъ русскому послу въ Лондонѣ, барону Бруннову, „отвѣта великихъ державъ на наши заявленія по „Восточному вопросу. Каковъ бы ни былъ „этотъ отвѣтъ, за нами останется сознаніе что мы исполнили долгъ человѣколюбія и *политической прозорливости*. Мы „основываемъ свои предостереженія не на „смутныхъ данныхъ и не на преувеличеніяхъ. Однимъ намъ извѣстно какихъ усилій и пожертвованій стоило намъ, и до сихъ „поръ стóитъ, стараніе удержать взрывъ „отчаянія христіанскихъ населеній. *Если „Европа пойметъ требованія благоразумія, она приметъ мѣры.*“ 20 мая того же года, циркулярное предложеніе Министерства ко всѣмъ русскимъ посольствамъ и миссіямъ вновь обращало вниманіе европейскихъ кабинетовъ на тяжкое положеніе христіанскихъ провинцій, *„особенно Босніи, Герцеговины и Болгаріи.“* Сирійская рѣзня придавала этому положенію еще болѣе грозное значеніе. Не скрывая отъ себя что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и европейскіе христіане Турціи могутъ подвергнуться такой же участи какая постигла населеніе Джедды и Дамаска, Россія рѣшилась не скрывать своихъ опасеній и отъ конференціи собравшейся тогда въ Парижѣ для обсужденія Ливанскихъ событій. Нашему послу, графу Киселеву, было предписано не иначе укрѣпить своею подписью конвенцію о занятіи Французами Сиріи какъ съ тѣмъ чтобъ *она послужила прецедентомъ относительно всѣхъ восточныхъ христіанъ, безъ различія вѣроисповѣданія*, могущихъ испытать на себѣ такую же катастрофу.

Какъ отозвалась на это Европа?— Предложеніе русскаго уполномоченнаго *встрѣтило упорное сопротивленіе со стороны Англіи...*

„Въ чемъ отказываютъ намъ для угнетенныхъ христіанъ Европейской Турціи,“ писалъ по этому поводу, 7 іюля, князь Горчаковъ графу Киселеву, „то считается умѣстнымъ когда дѣло идетъ о христіанахъ Азіи. Оттого это что въ Малой „Азіи водятся торговые порты, или оттого что Марониты — католики? Намъ достаточно замолвить слово о своихъ восточныхъ единовѣрцахъ чтобы намъ отвѣтили соображеніями о независимости и цѣлости Порты! Быть-можетъ возразятъ что „въ Сиріи произошелъ взрывъ, населенія „же Болгаріи, Босніи и Герцеговины до „сихъ поръ еще не прибѣгли къ этой крайности. Но это обстоятельство не уменьшаетъ постоянныхъ и неимовѣрныхъ страданій которымъ они подвергаются, и *развѣ не въ томъ состоитъ самая элементарная предосторожность чтобы не допустить до взрыва въ этихъ мѣстностяхъ...*“ Черезъ двѣ недѣли, 21 іюля, князь Горчаковъ прибавлялъ: „Европѣ нельзя быть „застигнутою въ расплохъ въ христіанскихъ провинціяхъ Европейской Турціи, „какъ она была застигнута въ расплохъ „въ Малой Азіи, ибо вторичное повтореніе подобнаго факта *подорвало бы всякое „довѣріе къ ея могуществу и ея цивилизаціи.*“ И въ тотъ же день, русскій министръ писалъ барону Бруннову слѣдующія строки, которыя авторъ разбираемаго нами письма по справедливости называетъ пророческими: *„Мы желали бы избавить „Европу отъ печальныхъ и постыдныхъ „событій* которыя, послѣ недавняго (сирійскаго) опыта, были бы вдвойнѣ *виновны „и опасны.*“

Послѣ продолжительныхъ и затруднительныхъ переговоровъ, правда одержала верхъ: конференція приняла формальный

протоколъ въ смыслѣ русскихъ предложеній. Этимъ предусмотрительность русскаго кабинета и его желаніе предостеречь Европу и предохранить ее отъ „постыдныхъ" событій не ограничились. Россія предложила державамъ *заранѣе вступить въ соглашеніе* о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ на случай осуществленія ея опасеній. „Мы никому ничего не навязываемъ," объяснялъ князь Горчаковъ 5 августа барону Бруннову. „Пусть всякій дѣйствуетъ по своимъ убѣжденіямъ и выигрываетъ время какъ знаетъ, но пусть всякій вспомнитъ три вещи: 1) время въ нашъ вѣкъ не упрочиваетъ, а разрушаетъ; 2) Оттоманская имперія можетъ быть спасена единодушною рѣшимостью державъ *заставить* ее слѣдовать на практикѣ путями справедливости; 3) мы желаемъ совмѣстнаго дѣйствія державъ, его-то мы и вызываемъ съ первой минуты: но да не упускается изъ виду положеніе, въ которомъ мы очутимся, *еслибъ единовѣрцы наши были умерщвляемы по близости нашихъ границъ, а намъ пришлось бы взирать на эту рѣзню сложа руки...*"

Своевременныя дипломатическія заклинанія Россіи остались, какъ извѣстно, безъ практическихъ результатовъ, и состоялись „печальныя и постыдныя" событія, о неминуемости которыхъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ нашъ кабинетъ предупреждалъ Европу... Вотъ выводъ дѣлаемый почтеннымъ авторамъ письма изъ этихъ грустныхъ для европейской чести историческихъ воспоминаній:

1) „Россія *предвидѣла* болгарскую рѣзню.

2) „Она въ правѣ *напомнить* объ этомъ Европѣ.

3) „Европа *обязана* фактически вступиться за европейскія провинціи Турціи, какъ она вступалась за ея провинціи мало-азіатскія. Къ этому принуждаетъ ее Сирійскій прецедентъ, обставленный тѣми комментаріями и обобщеніями, которыхъ предъ лицомъ всего міра добилась тогда Россія и которые Европа скрѣпила своею подписью на Парижской конференціи..."

Да, Европа могла предупредить катастрофу, ибо и герцеговинское возстаніе, и даже сербская борьба могли быть замирены своевременнымъ единодушнымъ и прямодушнымъ дѣйствіемъ кабинетовъ на Порту. Европа этого *не* сдѣлала, она дождалась „крайностей" которыхъ будто поджидала; дождалась „взрыва" неистово разгулявшагося мусульманскаго фанатизма, передъ которымъ блѣднѣютъ кровавыя сцены сирійской рѣзни: она въ немъ виновата, она обязана загладить свою вину, если не хочетъ чтобы окончательно былъ „подорванъ" кредитъ ея „цивилизаціи;" ея конференція должна рѣшить занятіе Болгаріи, какъ было рѣшено французское занятіе Сиріи. И если она этого не сдѣлаетъ,— неужели же намъ въ самомъ дѣлѣ „взирать на рѣзню сложа руки?" и молча внимать раздирающимъ душу воплямъ: „во имя святой вѣры и свободы, спасите!"

№ 270.

Москва, 21-го октября.

Тотъ фактъ что интрига посѣявшая разладъ и недовѣріе въ рядахъ сербской арміи была важнымъ факторомъ въ сцѣпленіи несчастныхъ случайностей приведшихъ къ Дюнишской катастрофѣ теперь не подлежитъ сомнѣнію. Скрывать и умалять его нѣтъ никакой надобности.

Еще за нѣсколько дней полученная нами телеграмма сообщала что интригѣ удалось возбудить раздоръ между Сербскимъ правительствомъ и генераломъ Черняевымъ. До насъ дошли также свѣдѣнія что раздоръ былъ вызванъ какимъ-то письмомъ министра къ генералу, который отвѣчалъ на него обращеніемъ къ князю съ требованіемъ отставки г. Николича. Насъ смутили эти свѣдѣнія полученныя въ весьма критическую для Сербовъ минуту. Мы ждали чѣмъ разрѣшится недоразумѣніе и оно разрѣшилось роковою катастрофой. Теперь фактъ этотъ разглашенъ. Разказъ о немъ мы находимъ уже въ лондонскихъ газетахъ.

Бѣлградскій корреспондентъ *Times* повѣствуетъ о немъ такъ. Послѣ провозглашенія въ Делиградѣ князя Милана королемъ Сербскимъ, военный министръ Николичъ отправился въ лагерь со спеціальною миссіей. Взаимныя неудовольствія между имъ и русскимъ генераломъ, какъ оказывается, длились уже давно, съ тѣхъ поръ какъ г. Николичемъ былъ составленъ планъ кампаніи которому однако былъ предпочтенъ планъ генерала Черняева. Что̀ дѣлалъ военный министръ въ лагерѣ неизвѣстно, но достовѣрно что по возвращеніи въ Бѣлградъ г. Николичъ представилъ князю докладъ о томъ „что̀ онъ видѣлъ и слы-

шалъ въ лагерѣ," а князь препроводилъ копію съ этого доклада Черняеву, который въ отвѣтъ потребовалъ увольненія министра. Это вызвало министерскій кризисъ, вслѣдствіе коего въ лагерь отправился уладить разногласія министръ внутреннихъ дѣлъ; но его поѣздка еще болѣе раздула раздоръ, до того что наконецъ часть войска отказалась отъ повиновенія въ самый разгаръ боя.

Грустно припоминать эти факты бывшіе причиной напрасной гибели нѣсколькихъ тысячъ храбрыхъ людей; прискорбно убѣдиться въ успѣшномъ дѣйствіи интриги столь грубой, столь очевидной. Телеграммы англійскихъ газетъ разказываютъ объ упомянутыхъ событіяхъ еще до роковаго дѣла подъ Дюнишемъ, и бѣлградскій корреспондентъ *Times*, по поводу требованія генерала Черняева объ отставкѣ военнаго министра, замѣчаетъ: „Вотъ новое доказательство что онъ (генералъ Черняевъ) „властвуетъ положеніемъ, и что министерство безсильно противъ его воли." Чтобъ оцѣнить значеніе этой инсинуаціи достаточно припомнить что въ послѣднее время этотъ самый корреспондентъ постоянно убѣждалъ своихъ читателей отрѣшиться отъ „заблужденія" будто Сербія еще имѣетъ свою волю; онъ утверждалъ на всѣ лады что теперь уже дѣло не въ томъ чего хочетъ или не хочетъ Сербія, а въ рѣшеніяхъ *русскихъ* добровольцевъ и генерала Черняева, которые де завладѣли страной и распоряжаются ею диктаторски. Этотъ корреспондентъ изобрѣлъ показавшееся ему весьма остроумнымъ различіе между „Сербскими Сербами" и „Русскими Сербами." Приливъ русскихъ добровольцевъ, по его словамъ, совершенно измѣнилъ характеръ и цѣль войны превративъ княжество въ авангардъ Россіи: война де ведется вовсе не въ интересахъ Сербіи, а лишь для того чтобы, когда Россія выступитъ открыто, ей заранѣе имѣть армію въ предѣлахъ Турціи. Если все это писалось для англійской публики, то легко себѣ представить какого рода навѣты распространялись изъ того же источника въ Бѣлградѣ и внушались ежедневно сербскимъ правителямъ. Близость корреспондента *Times* къ англійскому консульству въ Бѣлградѣ, откуда онъ явно почерпалъ главный матеріалъ для своихъ извѣстій и разсужденій, намъ давно была извѣстна и на этотъ фактъ мы уже обращали вниманіе. Кромѣ того, извѣстно что именно въ послѣднее время англійскій консулъ, г. Уайтъ, весьма часто совѣщался съ сербскими министрами и самимъ княземъ, и что въ Бѣлградъ прибылъ и также часто совѣщался съ княземъ и его министрами г. Гваррачино, бывшій драгоманъ г. Беринга, извѣстный своимъ туркофильствомъ. О томъ что̀ говорилось на этихъ совѣщаніяхъ, обыкновенно свѣдущіе англійскіе корреспонденты, имѣющіе претензію знать что̀ происходитъ въ совѣтахъ сербскихъ министровъ, конечно не передаютъ ни слова, но кто же можетъ подумать чтобъ этими офиціозными англійскими друзьями Сербіи говорилось что-нибудь не съ цѣлью посѣять недовѣріе къ Россіи. Но грустно видѣть что эти внушенія прямо отъ враговъ имѣли успѣхъ.

Теперь, когда дѣло сдѣлано, англійскіе корреспонденты прикидываются удивленными будто бы замѣчаемому ими раздраженію Сербскаго правительства противъ Русскихъ и генерала Черняева. Послѣднія неудачи они объясняютъ теперь не столько ошибками главнокомандующаго, сколько плохими качествами сербской арміи: „Генералу Черняеву," пишетъ теперь корреспондентъ *Times*, „пришлось командовать войсками коихъ главную отличительную черту составляетъ наклонность бѣжать при одномъ видѣ непріятеля." Упоминается также вновь о господствующемъ между сербскими ополченцами обычаѣ наносить себѣ нарочно легкія раны чтобъ уклониться отъ битвы. „Одинъ заслуженный офицеръ," пишетъ корреспондентъ, „бывшій въ битвѣ подъ Креветомъ, привелъ полбаталіона Русскихъ въ критическую минуту, и когда его спросили „отчего онъ не привелъ остальной половины, онъ сказалъ что принужденъ былъ „оставить ее позади чтобъ удержать Сербовъ отъ бѣгства. Что̀ же можетъ Черняевъ или кто другой сдѣлать съ подобными *„войсками?"*

Тѣ изъ Сербовъ которые поддались коварнымъ внушеніямъ могутъ видѣть изъ приведенной выдержки, если только они знаютъ что̀ пишется въ англійскихъ газетахъ, какъ надъ ними же самими смѣются тѣ самые люди которые всячески старались возбудить въ нихъ опасенія какихъ-то замысловъ будто бы питаемыхъ Русскими къ Сербіи. Россія не вовлекала Сербовъ въ войну; напротивъ, она настойчиво

убѣждала ихъ не горячиться, не хвататься за оружіе. Поднимать Восточный вопросъ вовсе не было въ видахъ Россіи въ настоящее время, и если Сербы предприняли дѣло не по силамъ, то за это они могутъ пенять лишь на самихъ себя. Но продолжая войну, въ надеждѣ на помощь которая единственно получалась отъ добровольныхъ жертвъ изъ Россіи, не слѣдовало предаваться малодушнымъ и гибельнымъ колебаніямъ. Если Сербское правительство не одобряло распоряженій своего главнокомандующаго, то оно могло, какъ мы уже замѣтили на дняхъ, смѣнить его, а если онъ былъ необходимъ, то предъ лицомъ непріятеля оно должно было поддержать его всѣмъ своимъ авторитетомъ. Въ Бѣлградѣ было извѣстно что Россія отвергла турецкія условія и настаивала на безусловномъ шести- или восьминедѣльномъ перемиріи. Еще немного дней твердости, и Сербское правительство вышло бы изъ затрудненія и возвратило бы себѣ свободу дѣйствій. Положеніе принятое Россіей было для Сербовъ порукой что они, также какъ и прочіе христіане Турціи, не будутъ пожертвованы...

Мы говоримъ все это съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, а не въ упрекъ. Мы обязаны были выяснить случившееся по долгу правды, и увѣрены что чувства Русскаго народа къ Сербамъ не измѣнятся вслѣдствіе успѣха враждебной обѣимъ сторонамъ интриги. Если англійскіе корреспонденты, заступающіеся теперь за русскихъ добровольцевъ и генерала Черняева и упрекающіе Сербовъ въ постыдной трусости, ожидаютъ видѣть охлажденіе въ Россіи къ Сербіи, то они ошибутся въ разсчетѣ. Сербы Княжества народъ земледѣльческій, мирный, успѣвшій въ теченіе долгаго мира забыть свои воинственныя преданія и не успѣвшій взамѣнъ ихъ выработать твердаго народнаго сознанія, связующаго всякую историческую націю. Наконецъ, Сербы Княжества не могутъ и народомъ назваться: это лишь отрывокъ народа, не имѣющій органическаго значенія. Но мы не можемъ забыть что Сербы восторженно и единодушно встали на помощь своимъ единокровнымъ братьямъ, злодѣйски мучимымъ. Что сербское ополченіе, собранное изъ людей никогда не имѣвшихъ ружья въ своихъ рукахъ, не могло въ нѣсколько недѣль пріобрѣсти свойства крѣпко организованныхъ и сильныхъ духомъ армій, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но мы знаемъ что и это ополченіе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, выдерживало три мѣсяца неравную жестокую борьбу; съ каждымъ днемъ пріобрѣтало стойкость и дисциплину и способно было выдерживать битвы по нѣскольку дней къ ряду.

Русскій народъ не оставитъ Сербовъ въ эту грозную для нихъ минуту, и кровь Русскихъ людей показала какъ чисто было ихъ участіе, какъ геройски безкорыстна была ихъ жертва и какъ безсмысленны вражескіе навѣты что Россія хочетъ извлечь для себя какія-то выгоды изъ положенія Сербіи. Да послужитъ же память доблестныхъ Русскихъ людей, павшихъ за Сербію, звеномъ братской любви двухъ народовъ столь близкихъ по крови и вѣрѣ.

№ 271.

Москва, 23-го октября.

Предъявленіе Россіей ультиматума Турціи, съ двухдневнымъ срокомъ для согласія на немедленное, безусловное и краткосрочное перемиріе, было совершенною неожиданностью для дипломатіи. Правда, положеніе принятое Россіей уже достаточно ясно опредѣлилось съ той минуты какъ она отвергла Турецкія условія, чѣмъ такъ встревожилась было англійская печать; правда, что и положеніе Сербской арміи становилось съ каждымъ днемъ все болѣе критическимъ, и одно это могло достаточно объяснить энергическое настояніе Россіи на томъ что ею уже прежде было ясно высказано. Но замѣчательно что одновременно съ отчаянными усиліями Турокъ, которые отвлекли къ Сербіи часть своихъ войскъ дѣйствовавшихъ съ юга противъ Черногоріи, до послѣдней минуты, изо всѣхъ центровъ и всѣми агентствами разсылались самыя успокоительныя телеграммы касательно предстоявшаго соглашенія. Утверждали что Порта обнаруживаетъ готовность согласиться на русскія требованія, передавали что и послы другихъ державъ поддерживаютъ настоянія Россіи на шестинедѣльномъ перемиріи. И вдругъ ультиматумъ съ двухдневнымъ срокомъ для отвѣта! Чѣмъ могла быть вызвана эта мѣра если и безъ того соглашеніе ожидалось неизбѣжно въ самое короткое время?

Но удивляться этому нечего. Рѣшитель-

ное дѣйствіе Россіи вынуждено было *именно* разчетомъ солидарной съ Турками дипломатіи будто Россія никогда не *рѣшится* на крайнюю мѣру. Послѣдняя фаза переговоровъ, какъ извѣстно, была та что Россія и Турція были будто бы оставлены, въ виду прежняго неуспѣшнаго коллективнаго дѣйствія державъ, лицомъ къ лицу, развѣдаться между собою какъ онѣ сами знаютъ. Мыслимо ли казалось, при такихъ условіяхъ, сопротивленіе Порты оставленной всѣми на кого она могла бы разчитывать? Но Порта продолжала тянуть переговоры чтобы выиграть время для нанесенія Сербамъ рѣшительнаго удара....

Порта принимала русское требованіе шестинедѣльнаго перемирія, желая только получить отъ державъ обязательство что оно дважды будетъ продолжено на такой же срокъ. Она и ея совѣтники желали имѣть увѣренность что военныя дѣйствія ни въ какомъ случаѣ не возобновятся ранѣе какъ черезъ пять мѣсяцевъ. Послѣднія усилія сосредоточенныя ею чтобы какъ можно скорѣе разгромить Сербію изобличаютъ во лжи разсылавшіяся одновременно съ извѣстіями о ежедневныхъ битвахъ примирительныя телеграммы изъ Константинополя. Нескончаемая проволочка пререканій объ условіяхъ перемирія и страшные удары посыпавшіеся на Сербію достаточно объясняютъ рѣшительное дѣйствіе Россіи. Рѣшеніе Россіи вынуждаетъ Порту и поблажающія ей державы теперь же обнаружить свои дѣйствительныя намѣренія.

Разчеты Турокъ при этой двойной игрѣ совершенно ясны. Они проглянули теперь въ туркофильскихъ корреспонденціяхъ англійскихъ газетъ. Такъ, бѣлградскій корреспондентъ *Times*, 29 октября, наканунѣ предъявленія русскаго ультиматума, телеграфируетъ: „Турки дѣйствовали съ непонятною медленностью; но если они совершатъ то что теперь имъ „стало возможно, то едва ли что удержитъ „ихъ на пути къ Бѣлграду, если только „Россія не объявитъ войны и не доставитъ сюда свои войска въ весьма немного дней послѣ того какъ Турки пройдутъ „за Делиградъ на правомъ, и за Дюнишъ „на лѣвомъ флангѣ.“ Вѣнскій корреспондентъ той же газеты, отъ того же числа, сообщаетъ что „мотивъ Турокъ добиться, „если возможно, перемирія срокомъ до начала весны, довольно понятенъ: они хотятъ избѣгнуть альтернативы или заключить миръ по принужденію, или же возобновлять кампанію зимой, что съ ихъ „точки зрѣнія совершенно естественно.“ Другими словами, Турки вовсе де не намѣрены подчиняться справедливымъ требованіямъ, и въ то же время разчитывали приготовиться для отпора принужденію. Наконецъ, едвали не откровеннѣе всѣхъ объясняетъ цѣль послѣднихъ энергическихъ дѣйствій Турокъ слѣдующее замѣчаніе берлинскаго корреспондента той же газеты: „Мрачный пунктъ на горизонтѣ въ настоящее время есть положеніе принятое Румыніей и Греціей; но есть основаніе полагать что послѣднія, послѣ пораженія „Сербовъ и уже полученныхъ предостереженій, менѣе чѣмъ когда-либо наклонны „приступить къ дѣйствію однѣ безъ Россіи.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ газеты, наканунѣ русскаго ультиматума, толкуютъ о необходимости уступокъ со стороны Россіи, какъ послѣдствіи несчастныхъ для Сербіи событій. Парижскій корреспондентъ *Times* пишетъ: „Ясно что каждый день дѣлаетъ „дипломатическое положеніе Россіи болѣе „затруднительнымъ. Какимъ образомъ ей „можно будетъ потребовать для Сербіи „уступокъ какія могли бы послѣдовать за „побѣдой, если эта страна во власти Турокъ, которые, конечно, сохранятъ свои „позиціи во время перемирія? Въ дѣйствительности теперь Россія должна ускорить „первую фазу прямыхъ переговоровъ съ „Турціей (то-есть о перемиріи), и потому „слѣдуетъ ожидать что она окажется менѣе несговорчивою чѣмъ немного дней „тому назадъ. Въ прямыхъ переговорахъ „она можетъ надѣяться на успѣхъ только „если окажется расположенною къ уступкамъ, то-есть если она откажется отъ „большей части своихъ условій.“

Эти разчеты, однако, не оправдались. Россія ускорила перемиріе не отказомъ отъ своихъ требованій, а рѣшительнымъ словомъ, которое должно убѣдить ея недоброжелателей что она столь же твердо сумѣетъ настоять и на всѣхъ остальныхъ пунктахъ своей программы.

Твердость Россіи оказала доброе дѣйствіе. Телеграмма изъ Вѣны сегодня передаетъ намъ что въ дипломатическихъ сферахъ теперь уже осуждаютъ Порту за ея коварный образъ дѣйствій. Нельзя не замѣтить что неудовольствіе дипломатиче-

скихъ сферъ на упорство Порты нѣсколько запоздало, и не пожалѣть что оно не дало себя знать нѣсколько дней ранѣе когда Турки громили Сербскія позиціи...

№ 273.

Москва, 25-го октября.

Изъ послѣднихъ нумеровъ иностранныхъ газетъ узнаемъ что первое извѣстіе о русскомъ ультиматумѣ произвело переполохъ на биржахъ Лондона, Парижа, Франкфурта и особенно въ Вѣнѣ, гдѣ это извѣстіе какимъ-то образомъ было получено послѣ другихъ городовъ. Вотъ лучшій комментарій тѣмъ лживымъ успокоительнымъ телеграммамъ которыя предъ тѣмъ разсылались о готовности будто бы Порты заключить перемиріе въ то время какъ она напрягала всѣ силы чтобы сломить Сербовъ.

Немедленно однакоже туркофильскіе агенты оправились и теперь стараются истолковать въ свою пользу настоящее положеніе дѣлъ. Въ иностранныхъ телеграммахъ только и рѣчи что о „блестящихъ" побѣдахъ Турокъ, и съ трогательнымъ паѳосомъ возвѣщается что теперь Порта подпишетъ перемиріе въ превосходныхъ для нея обстоятельствахъ. Она побѣдоносна; она поддержала честь своего оружія; она „великодушно" соглашается пощадить противника. А потому Европа должна де принять во вниманіе „какъ ея побѣды, такъ и жертвы ею принесенныя ради мира."

Толкующіе такимъ образомъ туркофильскіе корреспонденты или не успѣли еще, или умышленно не хотятъ оцѣнить значеніе рѣшительнаго слова сказаннаго Россіей. Заблужденіе это не можетъ однако быть продолжительно, и они должны будутъ понять что предъявленіе Россіей ультиматума не только было вызвано дѣйствительно критическимъ положеніемъ сербской арміи, а означало также что терпѣніе Россіи истощилось, что она не могла долѣе дозволить чтобъ ее проводили безсмысленными проволочками. Русскій ультиматумъ долженъ показать всей враждебной какъ Россіи, такъ и турецкимъ христіанамъ, дипломатіи что обманамъ и изворотамъ долженъ наступить конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, не возмутительно ли что до послѣдней минуты все ожидались еще новыя доказательства миролюбія Россіи, и даже безцеремонно возглашалось что она будетъ вынуждена дать таковыя, между тѣмъ какъ Порта не обращала никакого вниманія на представленія Европы, и между тѣмъ теперь воспѣваются ея „блестящія побѣды," превозносится ея великодушіе?

Говоря о „блестящихъ побѣдахъ" Турокъ, почему ничего не упоминаютъ о блестящихъ пораженіяхъ ими понесенныхъ? Почему говоря о войнѣ совершенно забываютъ о Черногоріи? Горсть героевъ-бойцовъ, въ рукопашныхъ бояхъ, истребляла десятки тысячъ регулярныхъ войскъ устремлявшихся одновременно съ разныхъ сторонъ чтобы покорить племя вѣками борьбы отстоявшее свою независимость. Предъ самымъ заключеніемъ перемирія Черногорцы овладѣли крѣпостью которая нарочно была построена близь ихъ границы какъ постоянная противъ нихъ угроза, а на сѣверной ихъ границѣ турецкій главнокомандующій Мухтаръ, потерпѣвшій цѣлый рядъ пораженій предъ перемиріемъ былъ загнанъ какъ дикій звѣрь въ свою берлогу. Почему же все это не принимается во вниманіе при сужденіи о положеніи воюющихъ сторонъ въ какомъ ихъ застало перемиріе?

Но и относительно Сербіи ликованія о блестящихъ побѣдахъ Турокъ лишены смысла. Сербы понесли чувствительныя потери, положеніе ихъ въ послѣднюю минуту было тяжкое. Этого мы не станемъ отрицать. Но мы не видимъ *блестящей* побѣды. Въ Сербіи и мѣстность, и характеръ войны, и характеръ самаго народа представляли совершенно иныя условія чѣмъ въ Черногоріи. Сходство развѣ было только въ несоразмѣрности силъ. Но и въ Сербіи импровизованные ратники бодро и съ одушевленіемъ ринулись въ борьбу и четыре мѣсяца мужественно отстаивали пядь за пядью родную землю отъ турецкихъ полчищъ....

И какіе же успѣхи одержали надъ ними Турки если взглянуть на карту? Съ самаго начала, малому княжеству съ четырехъ сторонъ грозило вторженіе. Терпѣли, правда, не разъ Сербы пораженія, но ихъ оборона на всѣхъ пунктахъ была успѣшна. Турки разграбили, сожгли много сербскихъ деревень, но они подвинулись не болѣе какъ на нѣсколько миль на сербской территоріи. При всей неопыт-

ности и невыдержанности сербскихъ войскъ, плохо вооруженныхъ старымъ разнокалибернымъ оружіемъ, они съ 20 августа по 1 сентября выдерживали въ теченіе десяти дней почти ежедневныя битвы подъ Алексинцемъ, на обширномъ пространствѣ по обоимъ берегамъ Моравы, и съ такимъ успѣхомъ что на правомъ берегу непріятель былъ побѣдоносно отраженъ и принужденъ очистить занятыя имъ прежде позиціи. Послѣ Турки задумали обойти Алексинецкую позицію съ лѣваго берега Моравы. И тутъ Сербы долго держались, отбиваясь отъ безпрерывно возраставшихъ силъ врага, и отступили лишь подавленныя численностью. Они оставили Алексинецъ, обойденный съ фланга. Но взглядъ на карту показываетъ что со времени своего перваго успѣха у Житковца, на лѣвомъ берегу Моравы въ началѣ сентября, до взятія Дюниша, Турки подвинулись впередъ всего на десять англійскихъ миль. И это называется блестящими побѣдами, которыя будто бы Европа должна будетъ принять въ разчетъ!

Кажется нѣтъ еще мѣсяца какъ лордъ Дарби адресовалъ депешу англійскому послу въ Константинополѣ, поручая ему потребовать отъ Турецкаго правительства строгаго наказанія виновниковъ болгарскихъ избіеній, поименованныхъ въ докладѣ г. Баринга. И что же? Одинъ изъ этихъ палачей Шевкетъ-паша, все время разгуливавшій на свободѣ въ Стамбулѣ, теперь безпрепятственно выѣхалъ въ Бельгію, откуда можетъ-быть даже заѣдетъ въ Англію, гдѣ ему пожалуй устроятъ оваціи, а г. Барингъ, посѣтивъ снова Болгарію, нашелъ что для пострадавшихъ до сихъ поръ ничего не сдѣлано. Съ такою же наглостью и при такомъ же потворствѣ Порта все время вела и переговоры о перемиріи. Когда послѣ удачныхъ для Сербовъ многодневныхъ боевъ подъ Алексинцемъ, 20 августа (1 сентября) державы, по иниціативѣ Англіи, предложили посредничество для прекращенія напраснаго кровопролитія; Порта тотчасъ же (3 сентября) отвергла было тождественную ноту о перемиріи и предложила свои шесть пунктовъ коими она тогда еще хотѣла распорядиться Сербіей какъ завоеванною страной. Но это было лишь пустое хвастовство: перемиріе тогда было выгодно и какъ видно по теперешнимъ событіямъ, необходимо Портѣ чтобы притянуть къ Абдулъ Кериму новыя войска, и на другой же день 4 сентября англійскій и итальянскій консулы передали Сербскому правительству желаніе Порты сговориться о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, и по истеченіи восьмидневнаго перерыва она хотѣла продлить его еще на шесть дней, конечно, чтобы докончить свои приготовленія. Но это было отклонено. Россія настаивала на заключеніе правильнаго перемирія достаточнаго для обсужденія условій мира. Тогда явились такъ-называемыя англійскія предложенія, съ шестинедѣльнымъ перемиріемъ и административною автономіей для христіанскихъ провинцій. Порта отвергла и англійскія предложенія, и вотъ дипломатія вдругъ спряталась, а съ Турціей осталась наединѣ Россія которая продолжала настаивать на безусловномъ шестинедѣльномъ перемиріи. Это было 20 сентября, а съ тѣхъ поръ болѣе мѣсяца Порта все затягивала дѣло пустыми отговорками, а съ какою цѣлью, мы это теперь очень хорошо видимъ. И послѣ того осмѣливаются говорить что русскій ультиматумъ былъ вовсе не нуженъ въ виду примирительности Порты.

Во вниманіе можетъ и должна быть принята только первоначальная причина войны. Въ этой войнѣ право было и остается не на сторонѣ Блистательной Порты, а на сторонѣ слабыхъ, ничтожныхъ силой, но крѣпкихъ духомъ княжествъ. Это право, вопреки всѣмъ клеветамъ и нареканіямъ, теперь признано самою Европой. Оба княжества вступились за угнетенныхъ, звѣрски мучимыхъ, братьевъ, когда ихъ бросила дипломатія. Посредничество державъ должно включить въ свою программу судьбу христіанъ подвластныхъ Портѣ. Ультиматумъ Россіи есть, какъ мы уже говорили, ручательство что эта часть программы будетъ ею твердо поддержана.

№ 274.

Москва, 26-го октября.

Справедливую оцѣнку русскаго ультиматума дѣлаетъ *National-Zeitung*. Для нея, какъ и для всѣхъ другихъ въ Европѣ, онъ былъ неожиданностью. Но видя его успѣхъ, берлинская газета находитъ нужнымъ предложить вопросъ: почему же въ такой силѣ не поддержала своихъ требова-

нiй Европа, не поддержала Англiя въ то время когда два мѣсяца назадъ предъявляла свои мирныя предложенiя? Какая политическая логика оправдываетъ что перемирiе не было потребовано тогда какъ оно потребовано теперь, и что Туркамъ надо было взять Алексинацъ и Дюнишъ прежде чѣмъ положить конецъ кровопролитiю? Цѣлая часть свѣта вздыхаетъ не двигаясь съ мѣста въ вопросѣ о перемирiи, пока одна изъ державъ не одумалась и грозно не заставила прекратить кровопролитiе. Спокойствiе тотчасъ же и возстановилось. Англiя могла бы сдѣлать два мѣсяца назадъ то что̀ теперь сдѣлала Россiя. Но можетъ быть друзья Турцiи думаютъ что теперь положенiе Порты стало лучше чѣмъ при дипломатическихъ обстоятельствахъ существовавшихъ два мѣсяца назадъ, что послѣднiя турецкiя побѣды могутъ повлiять на уменьшенiе требованiй заявленныхъ уже какъ minimum Европой? Въ такомъ случаѣ они ошибаются. Матерiально сегодня будетъ потребовано то же что̀ требовалось тогда. Была лишь пролита лишняя кровь на Востокѣ и потеряно нѣсколько миллiоновъ имущества въ Европѣ. Отъ промедленiя миръ не обезпеченъ. Берлинская газета полагаетъ, однако, что примѣръ русскаго ультиматума при послѣдующихъ переговорахъ о мирѣ придастъ имъ такой характеръ что даже друзья Турцiи поймутъ въ чемъ состоитъ ихъ польза и въ чемъ вредъ для Турцiи. „Европа отъ этой хронической распри изъ-за Турокъ,“ говоритъ берлинская газета, „потеряла уже болѣе чѣмъ сколько значитъ сама Турцiя для кого-либо изъ европейскихъ государствъ. Европа похожа на хозяина который разрушаетъ свое благосостоянiе, свои хорошо воздѣланныя поля и луга, въ стремленiи прiобрѣсть и воздѣлать островъ ежегодно опустошаемый наводненiемъ.“

Какъ ни соблазнительна такая надежда что „Европа,“ наконецъ, одумается и поступитъ какъ Россiя, мы затрудняемся раздѣлять эту надежду съ берлинскою газетой. Мы убѣждены что задачею пресловутой „Европы“ будетъ попрежнему мѣшать Россiи, которая руководится лишь однимъ интересомъ—*дѣйствительно* обезпечить участь христiанъ Турцiи. При первомъ появленiи извѣстiя о русскомъ ультиматумѣ мы высказали между прочимъ, что: „рѣшенiе Россiи вынуждаетъ Порту и поблажающiя ей державы теперь же обнаружить свои дѣйствительныя намѣренiя.“ Въ намѣренiяхъ и разсчетахъ Порты въ этомъ отношенiи сомнѣваться невозможно уже и теперь, судя по тѣмъ старанiямъ какiя употреблялись въ Константинополѣ чтобъ уменьшить значенiе русскаго ультиматума. Не осмѣлившись бросить вызовъ Россiи, Порта приняла перемирiе, но въ то же время, какъ то свидѣтельствуютъ константинопольскiя телеграммы въ Вѣну, увѣряла что считаетъ ультимитумъ какъ бы не существующимъ, non avenu. Принятiе перемирiя послѣдовало де на основанiи извѣстныхъ, *всѣми* державами сдѣланныхъ предложенiй вслѣдствiе *настоянiй* и *мирныхъ увѣренiй посредничествующихъ державъ* (sur l'insistance et les assurances pacifiques des puissances médiatrices). Порта еще не отказалась отъ разсчета на своихъ покровителей и отъ двусмысленной игры которую она вела до сихъ поръ. Надо чтобъ у нея не оставалось и тѣни сомнѣнiя въ твердости намѣренiй Россiи.

Покровители ея также спѣшатъ высказаться. Обращаемъ вниманiе на статью вѣнской *Montags-Revue*, отъ 6-го ноября, содержанiе которой было передано по телеграфу. Этотъ официозный органъ пускается въ ходъ въ случаяхъ особенной важности. Вѣрный характеру официозныхъ изданiй, онъ и теперь увѣряетъ что „нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо существуютъ основательные виды на упроченiе мира,“ но мотивируетъ эти виды весьма прозрачными намеками по адресу Россiи. Упомянувъ о перемирiи которое „устранило опасности (для кого? для Турцiи) зимней компанiи,“ официозный органъ спѣшитъ заявить что регулированiе вопроса о демаркацiонной линiи уже опредѣлено международными конференцiями, такъ что Петербургскому кабинету не легко де будетъ уклониться. Основанiе территорiальнаго status quo не подлежитъ препятельствамъ точно также какъ основные пункты вопроса о реформахъ, заключающiеся въ нотѣ графа Андраши и Берлинскомъ меморандумѣ, даютъ переговорамъ опредѣленное направленiе. Пока Россiя избѣгаетъ очутиться въ изолированномъ положенiи, до тѣхъ поръ нельзя опасаться серiознаго кризиса. Россiя еще не отдѣлилась отъ прочихъ державъ. Она настаиваетъ пока, правда, на отдѣльномъ, но не на совершенно различномъ отъ прочихъ кабине-

товъ положенія." Телеграфное извлеченіе, конечно, не дастъ полнаго понятія о статьѣ, но смыслъ ея яснъ. Если перевести ее на простой языкъ, то выйдетъ что за Россіей признаютъ заслугу возстановленія спокойствія, но затѣмъ... приглашаютъ ее возвратиться къ нотѣ графа Андраши.

Россія избѣгаетъ изолированнаго положенія и стало-быть кризисъ еще не наступилъ... Но не пора ли оставить этотъ обветшалый пріемъ возлагать отвѣтственность за кризисъ на Россію? Напротивъ, не тайное ли противодѣйствіе честно заявленнымъ намѣреніямъ Россіи было причиной только что миновавшаго кризиса? Россіи нечего бояться остаться изолированною, ей приходится болѣе бояться содѣйствія иныхъ друзей.

Перемиріе, какъ извѣстно, составляетъ только первую стадію въ дѣлѣ умиротворенія. Англійскія предложенія, заключаютъ въ себѣ между прочимъ два пункта: административную автономію для Болгаріи, Босніи и Герцеговины, и гарантіи. Опредѣленіе этихъ условій представитъ безъ сомнѣнія наибольшія трудности и дастъ поводъ ко многимъ проволочкамъ со стороны друзей Турціи. Они уже теперь намекаютъ на то что организація подобная автономіи въ Молдавіи и Валахіи, потребовала конференцій въ теченіе болѣе чѣмъ года послѣ заключенія мира 30 марта 1856 года, и совѣтуетъ, поэтому, Портѣ не опасаться новой конференціи, хотя бы даже и безъ ея участія. Такіе намеки въ устахъ недруговъ не могутъ быть оставлены безъ вниманія.

№ 275.

Москва, 27-го октября.

Устами своего министра иностранныхъ дѣлъ, Франція, какъ извѣстно, выразила намѣреніе соблюсти нейтралитетъ въ Восточномъ вопросѣ. Такое рѣшеніе весьма естественно съ ея стороны. Претерпѣвшая погромъ и далеко еще неоправившаяся страна, озабоченная приведеніемъ въ порядокъ своего домашняго хозяйства, разумѣется не въ состояніи была бы, еслибъ и захотѣла, возобновить подвиги Наваринской битвы и Морейской экспедиціи. Но и въ настоящую минуту внутреннее и внѣшнее ея положеніе позволяетъ ей, говоря словами *Revue des Deux Mondes*, „быть полезною посредницей и способствовать всему что ведетъ къ сохраненію мира." Чего Европа въ правѣ ожидать отъ ея роли въ этомъ отношеніи? Недавно газета *France* передавала что герцогъ Деказъ „энергически отстаивалъ на совѣтѣ министровъ Россію отъ обветшалыхъ подозрѣній въ честолюбіи." Петербургская литографированная газета *Agence Générale Russe*, относительно французскихъ дѣлъ, прибавляетъ къ этому, въ своей парижской корреспонденціи, что и не въ этотъ лишь разъ, но постоянно, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ „выражалъ глубочайшую вѣру въ прямыя и великодушныя намѣренія Императора Александра и его знаменитаго канцлера." Можно полагать что это заявленіе герцога Деказа вызвано недоумѣніемъ которое порождалось тѣмъ обстоятельствомъ что нѣкоторые органы французской журналистики, считающіеся въ связи съ правительственными и парламентскими сферами, многократно проповѣдывали своимъ читателямъ идеи несовмѣстныя со здравымъ пониманіемъ Восточнаго вопроса.

Какъ бы то ни было, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ разсѣеваетъ это недоумѣніе. Сомнѣваться въ искренности его декларація нѣтъ причинъ. Слѣдовательно, возвѣщенный имъ нейтралитетъ Франціи, въ сопоставленіи съ приведеннымъ его заявленіемъ, долженъ обозначать нравственное „способствованіе" русской политикѣ въ ея заботахъ о христіанскихъ народахъ Востока... Тѣмъ непостижимѣе тактика французской журналистики, продолжающей возбуждать мѣстное общественное мнѣніе въ турецкомъ смыслѣ! Какъ понимать, напримѣръ, выходки *Revue des deux Mondes*, которая въ своихъ послѣднихъ книжкахъ то называетъ Боснійскихъ возстанцевъ „переодѣтыми Сербами," то отзывается о событіяхъ на Дунаѣ, Длинѣ и Тимокѣ какъ о „трагикомедіи," о „смѣшномъ и кровавомъ маскарадѣ," то, наконецъ, вспоминаетъ, по поводу славянскихъ комитетовъ, о средневѣковомъ дьяволѣ, — да, о дьяволѣ! „Баши-бузуки, разсуждаетъ это почтенное изданіе, суть дикіе звѣри, нѣкоторые изъ пашей очень злобны, но попасть подъ ножъ баши-бузуковъ и нѣкоторыхъ пашей не болѣе опасно чѣмъ вѣдаться съ славянскими комитетами. Въ средніе вѣка честолюбцы продавали свою душу дьяволу

для достиженія своихъ цѣлей, и кончалось тѣмъ что въ одинъ прекрасный день грозный пособникъ являлся за расплатой; славянскіе комитеты подобны дьяволу (sont comme le diable); они не пропустятъ срока и подадутъ свой счетъ къ уплатѣ...“ Каково это употребленіе! Каковъ этотъ игривый тонъ въ вопросѣ обагренномъ потоками крови!

Но не въ этомъ дѣло. Итакъ, „нейтральное способствованіе“ вліятельнаго французскаго органа заключается пока въ томъ что онъ неприличнымъ намекомъ набрасываетъ тѣнь на дѣятельность славянскихъ комитетовъ. Пойдемъ дальше. Уже не Россія, а г. Гладстонъ въ своей извѣстной брошюрѣ предлагаетъ дарованіе Болгаріи политической автономіи, подобной той какою пользуются Сербія и Румынія. *Revue des deux Mondes* (называющая брошюру г. Гладстона „памфлетомъ человѣка у котораго разлилась желчь!“) возстаетъ противъ этого рѣшенія и провозглашаетъ его „непрактическимъ,“ на томъ основаніи что Болгары „невѣжественны и суевѣрны,“ что они —„малолѣтніе, которые не въ состояніи сами смотрѣть за собою“ и что „имъ долго еще будетъ нуженъ опекунъ,“ лучшаго же не найти, какъ Турція съ ея баши-бузуками...

Какъ и послѣ всего происшедшаго Блистательная Порта должна оставаться безотчетнымъ опекуномъ измученныхъ, истерзанныхъ христіанскихъ населеній? — Отчего же нѣтъ? *Revue des deux Mondes* находитъ что если Турецкое владычество до сихъ поръ существуетъ, то на это есть „законныя причины,“ что „падишахъ конечно суровый повелитель, но вмѣстѣ съ тѣмъ искусный и справедливый посредникъ, въ которомъ нуждается соперничество славянскихъ племенъ, языковъ и исповѣданій,“ что турецкая политика отличается „замѣчательнымъ здравымъ смысломъ.“ И цитуемый нами журналъ ссылается въ подтвержденіе своихъ словъ на нѣкоего венеціанскаго кавалера Квирини, который, живя въ старину по своей должности въ Константинополѣ, говаривалъ что еслибъ у него былъ сынъ, то онъ поставилъ бы ему оттоманскій кабинетъ въ образецъ дипломатическаго умѣнья.

Пожалѣемъ что почтенному изданію не пришло въ голову сослаться на самихъ Болгаръ и прочихъ Славянъ для оцѣнки этого „умѣнья.“ Съ этой точки зрѣнія оно отстаиваетъ турецкое владычество лишь соображеніемъ что „сами Болгары не гонятся за политическою независимостью.“ Быть можетъ; но они, какъ и Герцеговинцы и Босняки, гонятся за безопасностью своей личности и имущества, за неприкосновенностью своихъ женъ и дѣтей. Сама *Revue des deux Mondes* говоритъ: „Настоящаго уравненія христіанъ въ правахъ съ мусульманами, серіозныхъ преобразованій въ администраціи, въ правосудіи, въ раскладкѣ и системѣ взиманія податей, вотъ чего желаютъ Болгары.“ Спрашивается же: могутъ ли они достигнуть своихъ *desiderata* подъ рекомендуемою названнымъ изданіемъ турецкою опекой? Не само ли оно признаетъ коренныя реформы — несовмѣстными съ исламизмомъ? Не само ли оно напоминаетъ какъ Селимъ III поплатился жизнью за такія сравнительно безразличныя для мусульманскаго фанатизма нововведенія каковы штыкъ и легкая артиллерія? Не сама ли она признается если Мидхатъ-паша, въ свое управленіе Дунайскимъ вилаетомъ, улучшилъ положеніе христіанскихъ населеній (что̀ еще составляетъ вопросъ), то его за это свергли, а заступившіе его мѣсто сановники „испортили все имъ совершенное?“ Какой неповрежденный умъ въ правѣ разчитывать на возможность турецкихъ реформъ, еслибы подъ давленіемъ Европы Порта и дѣйствительно на нихъ согласилась, когда по свидѣтельству французскаго же Агентства Гавасъ, послѣдній константинопольскій заговоръ имѣлъ цѣлью „воспрепятствовать введенію *какихъ бы то ни было* преобразованій, и для этого *уничтожить* (supprimer) преобразователей.“ Даже константинопольскій корреспондентъ газеты *Temps*, въ письмѣ отъ 24-го октября, говоритъ напрямки: „Турецкое правительство доказало свою неспособность осуществить ожидаемое отъ него улучшеніе доли христіанъ. Всякій любящій правду, знакомый съ мусульманами, съ ихъ идеями и стремленіями, съ тѣмъ что̀ для нихъ доступно и что̀ невозможно, обязанъ неумолчно повторять Европѣ что безъ постояннаго нравственнаго давленія на Порту, изо всѣхъ ея новыхъ проектовъ ничего не выйдетъ.“ И притомъ, прибавляетъ корреспондентъ, „никакія рѣшенія не должны быть приняты *по* предварительному соглашенію съ Портой; если спрашивать ея мнѣнія, то это должно быть единственно для формы, на-

значить же подлежащее къ осуществленію должна сама Европа." Этого мало, корреспондентъ заключаетъ предостереженіемъ, что „и декретируй Порта реформы въ пользу христіанъ, то эти реформы лишь въ такомъ случаѣ будутъ дѣйствительны, если за примѣненіемъ ихъ станутъ наблюдать иностранные христіане." Изъ сознанія всѣхъ этихъ обстоятельствъ и вытекаетъ необходимость автономіи. „*Сомнѣваемся*, иронизируетъ *Revue des deux Mondes*, чтобы христіанскіе правители, которыми могутъ снабдить Славянъ, устроили ихъ положеніе: по всей вѣроятности, они меньше займутся администраціей чѣмъ интригами въ пользу иноземцевъ, которые такимъ образомъ явятся офиціозными агентами..."

И мы тоже „сомнѣваемся:" сомнѣваемся чтобы „способствующій миру" нейтралитетъ соблюдался пропагандой подобныхъ инсинуацій, пускаемыхъ въ оборотъ когда смыслъ желаемой для Болгаръ, Босняковъ и Герцеговинцевъ автономіи еще не выясненъ практически, и когда печать дѣйствительно доброжелательныхъ „посредниковъ" должна была бы стремиться къ широкому его истолкованію, а не суживать его заранѣе своими подозрительными внушеніями. По замѣчанію той же *Revue des deux Mondes*, „въ Восточномъ вопросѣ державы болѣе озабочены взаимнымъ наблюденіемъ другъ съ другомъ чѣмъ стараніемъ придти другъ съ другомъ въ соглашеніе;" способствовать этому „соглашенію", а не подстрекать къ подозрительному „наблюденію" слѣдовало бы порядочной печати, тѣмъ болѣе французской. Сама *Revue des deux Mondes* напоминаетъ что „не Англія отстаивала весной прошлаго года Францію въ Берлинѣ." Дѣйствительно, не Англія, а Россія... Тѣмъ замѣчательнѣе что теперешній „нейтралитетъ" Франціи сопровождается столь непріязненнымъ отношеніемъ ея печати къ потребностямъ христіанскихъ народовъ Востока.

№ 276.

Москва, 28-го октября.

А.

Въ великую, торжественную, святую для Русскаго народа минуту встрѣчаетъ нынѣ его Боговѣнчаннаго Вождя наша первопрестольная столица. Никогда въ судьбахъ народовъ не проявлялась съ большею очевидностію воля Божія какъ въ эту минуту. Напрасны были всѣ человѣческія усилія измѣнить ходъ событій, предотвратить или пресѣчь ихъ. Все человѣческое самоотверженно приносилось въ жертву. Никакое личное или національное побужденіе со стороны Россіи не ускоряло событій которыя призвали ее теперь къ рѣшенію великаго и грознаго вопроса, таящаго въ себѣ залогъ будущихъ судебъ человѣчества и начало его обновленія...

Нѣтъ, еще разъ, не Россія возбудила эти событія, которыя роковою чередой совершаются на нашихъ глазахъ; все, напротивъ, было сдѣлано ею чтобъ отречься отъ своей воли и предать себя въ руки Божіи. Кѣмъ бы ни была брошена искра, все было сдѣлано ею чтобы потушить пожаръ. Всѣ интересы и страсти политическаго свойства, которые могли бы вызвать Россію на дѣйствіе были ею подавляемы въ себѣ. Ни честолюбіе, ни славолюбіе, ни жажда пріобрѣтенія и господства не участвовали ни въ одномъ изъ ея рѣшеній въ это время. Ей было всѣхъ ближе и среднѣе поднять этотъ роковой вопросъ, за который она уже пролила столько своей крови, и вотъ она болѣе и искреннѣе всѣхъ заботилась о томъ чтобъ отсрочить его, успокоить волненіе, уладить затрудненія, сохранить миръ. Но чѣмъ самоотверженнѣе и безкорыстнѣе были ея усилія, тѣмъ болѣе разгорался пожаръ. Кто не хотѣлъ возбужденія вопроса, тотъ возбуждалъ его; кто всѣми инстинктами своей жизни рвался къ дѣйствію, тотъ истощался въ усиліяхъ сдержать теченіе событій. Такъ всегда бываетъ въ историческихъ *теофаніяхъ*. Все убѣждаетъ насъ и успокоиваетъ въ чувствѣ вѣры что въ эту минуту великихъ рѣшеній мы творимъ не свою, а Божью волю.

Не въ этомъ ли смиреніи сердца, не въ этомъ ли отреченіи отъ своей воли заключается тайна величія нашего народа, внутренняя сила его исторіи и его призваніе въ человѣчествѣ? Но никогда съ большею ясностію не отпечатлѣвалась воля Провидѣнія въ судьбахъ нашего народа какъ въ нынѣшнее благословенное Царствованіе, и никогда съ такою ясностью, какъ въ эту минуту. Видимо благословеніе Божіе почіетъ надъ Державнымъ Обновите-

лемъ нашей жизни. Все, подъ рукою Царя Освободителя обращалось во благо и всякая опасность становилась торжествомъ. Да будетъ такъ и въ нынѣшнее трудное время!

Порадуемся всего болѣе тому что ни одинъ изъ нашихъ народныхъ интересовъ не сталкивается съ требованіями справедливости; ни одинъ, слава Богу, не вынужденъ прибѣгать къ темнымъ и оскорбительнымъ для человѣческой совѣсти средствамъ, чего къ сожалѣнію не могутъ признать за собою просвѣщенныя и могущественныя націи съ которыми доводится намъ вести счеты. Торжество всякаго истинно-русскаго дѣла есть торжество человѣчества: не есть ли эта благодать выше всякаго преимущества, и не служитъ ли это ручательствомъ за успѣхъ всякаго дѣла предпринимаемаго нами въ духѣ и чувствѣ нашего народа? И съ особенною для всѣхъ убѣдительностію свидѣтельствуетъ объ этой благодатной особенности нашего народнаго призванія такъ внезапно и грозно возникшій великій Восточный вопросъ.

Порадуемся еще тому что во всей силѣ и крѣпости сохранилось древнее единеніе нашего народа съ его Верховнымъ Вождемъ. Никогда быть-можетъ такъ не требовалось это святое единодушіе какъ въ настоящій переживаемый нами историческій моментъ. Что̀ бы ни было суждено нашему отечеству, война или миръ, довѣримся вполнѣ и безусловно мудрости управляющей нашими судьбами, и будемъ молить только о томъ чтобы въ дѣлахъ нашихъ творилась не наша, а Божья воля.

Б.

„До созванія конференціи предстоитъ разрѣшить не мало вопросовъ касательно ея цѣли и основъ ея обсужденій, а это можетъ повести къ долгимъ и труднымъ преніямъ если съ общаго согласія не удалось бы поставить вопросъ *въ самыхъ упрощенныхъ выраженіяхъ,* хотя бы такъ:

„Основою конференціи принимается: *охраненіе независимости и неприкосновенности* Оттоманской Имперіи;

„Цѣлью ея признается улучшеніе судьбы христіанскихъ подданныхъ султана."

Вотъ формула которою *Morning Post,* забѣгая въ область еще не открывшихся совѣщаній, заранѣе какъ бы полагаетъ имъ тѣ границы въ которыхъ Англія хотѣла бы замкнуть всемірные христіанскіе интересы подлежащіе обсужденію Европы.

Читая выписанное выше офиціозное заявленіе не трудно, конечно, уразумѣть его значеніе и цѣль въ которую оно мѣтитъ. Но не пора ли наконецъ взглянуть прямо въ глаза тому высокопарному обману который кроется подъ личиною выдуманнаго въ 1856 году и столь громко возглашаемаго принципа *независимости и неприкосновенности* Оттоманской Имперіи?

Уже двадцать лѣтъ живемъ мы подъ обаяніемъ этихъ двухъ фикцій созданныхъ вступленіемъ Турціи въ систему европейскихъ государствъ, причемъ за нею были признаны всѣ права и обязанности лежащія на членахъ европейской семьи. Вопросъ въ томъ какъ были поняты и какъ были соблюдаемы и самими Турками и ихъ воспреемниками на Парижскомъ конгрессѣ эти права и обязанности, составляющія непремѣнное условіе того что̀, по международному закону, признается *внутреннею независимостью* государства.

Подъ этимъ терминомъ разумѣли досихъ подъ то право какое имѣетъ каждое государство, большое или малое, чинить внутри своихъ владѣній все что̀ можетъ быть признано верховною властью и ея органами полезнымъ или необходимымъ, съ тѣмъ единственнымъ ограниченіемъ чтобъ оно не нарушало чужихъ правъ обусловленныхъ международными соглашеніями. Въ свою же очередь эти международныя соглашенія, свято хранимыя и исполняемыя, служатъ самою прочною охраной внутренней независимости благоустроеннаго государства, и доселѣ въ европейскихъ соглашеніяхъ не приходилось постановлять вопросъ объ охраненіи чьей-либо независимости. Такого рода охраненіе всякимъ государствомъ считалось бы за оскорбленіе и было бы именно нарушеніемъ его независимости.

Есть государства которыя, по своей относительной слабости, должны были выговорить себѣ преимущества нейтральности на случай могущихъ возникнуть между ихъ болѣе сильными сосѣдями столкновеній. Таковы Бельгія и Швейцарія, которымъ Европа гарантировала неприкосновенность ихъ территорій и права которыхъ, въ этомъ смыслѣ, она обязалась охранять международнымъ соглашеніемъ. Охраняютъ же *свою независимость* они сами, какъ и всѣ европейскія государства,

благодаря взаимному уваженію всѣхъ къ правамъ каждаго и каждаго къ правамъ всѣхъ.

Такъ была понимаема, говоримъ мы, до 1856 года независимость государствъ въ международномъ правѣ Европы, пока членами европейской государственной системы были націи христіанскія. Но что общаго съ ними могла имѣть азіятская орда набѣжавшая, четыреста лѣтъ тому назадъ, на юго-восточную окраину Европы, и не знавшая другаго права кромѣ права меча, другаго закона, кромѣ истребленія иновѣрцевъ?

И эту-то орду, оставшуюся неизмѣнною въ своихъ вѣрованіяхъ и въ своемъ внутреннемъ складѣ, какъ и въ своихъ отношеніяхъ къ порабощеннымъ ею христіанскимъ племенамъ, эту орду, державы представляющія собою цивилизацію XIX вѣка, торжественно принимаютъ въ свой сонмъ и объявляютъ необходимымъ элементомъ европейскаго равновѣсія! И обманъ всей этой *mise en scène* не прикрывается никакою личиной; ибо ни Франція, ни Англія, ни Австрія не отрекаются и не считаютъ возможнымъ отказаться отъ всѣхъ тѣхъ гарантій которыя, подъ именемъ капитуляцій, судебной экстерриторіальности и т. п., продолжаютъ считаться необходимымъ и единственнымъ обезпеченіемъ жизни и чести ихъ единовѣрцевъ въ предѣлахъ государства признаннаго ими равноправнымъ членомъ европейской системы! Этимъ опредѣляется и истинное значеніе той *независимости* и *неприкосновенности* которая гарантирована Оттоманской имперіи синклитомъ ея западныхъ друзей, и которая въ теченіи времени обнаружилась между прочимъ тѣмъ что Аденъ сталъ англійскимъ Гибралтаромъ въ Красномъ Морѣ, Сирія была поприщемъ для гуманныхъ штыковъ Франціи, а Безикская бухта служитъ пристанью для вооруженныхъ морскихъ силъ Англіи? Да и можетъ ли быть рѣчь о *независимости* тамъ гдѣ Европѣ приходится слѣдить за каждымъ шагомъ правительства въ его внутреннихъ дѣлахъ, чтобы по возможности ограждать подвластныя ему населенія отъ поруганія священнѣйшихъ правъ человѣчества?..

№ 277.

Москва, 29-го октября.

А.

Слово сказанное сегодня въ Георгіевской залѣ Кремлевскаго Дворца есть событіе всемірнаго значенія, быть-можетъ самое рѣшающее изо всѣхъ въ это тревожное и столь полное событій время. Оно отзовется во всемъ Русскомъ народѣ также глубоко и мощно какъ и въ сердцахъ людей которымъ дано было счастіе слышать его изъ устъ Монарха. Да и гдѣ не отзовется оно, гдѣ оно не подѣйствуетъ такъ или иначе!..

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается внутренній смыслъ великаго вопроса, взволновавшаго нынѣ міръ и потрясающаго до послѣдней глубины всякую русскую душу. Для насъ этотъ вопросъ есть „дѣло святое," въ немъ наше призваніе. Мудрено ли что вся живая сила Русскаго народа встрепенулась когда послышался призывъ съ Востока? Все слилось въ одинъ непреодолимый порывъ. Но мудрость управляющая судьбами нашего Отечества не могла слѣпо ринуть его въ водоворотъ событій, не могла предать его увлеченію страсти какъ бы ни были глубоки ея источники, какъ бы ни были возвышенны ея стремленія. Что значитъ каждый изъ насъ, трепещущій и бьющійся порывомъ общей жизни? Восьмидесятимилліонный атомъ великаго цѣлаго. Каждый несетъ отвѣтственность только за себя и за немногихъ, и какъ тяжело подчасъ бываетъ нести ее. Какъ же тяжко должно быть бремя на раменахъ того кто представляетъ собою все великое цѣлое, чье одно слово, чье одно маніе рѣшаетъ участь милліоновъ? Сколько любви къ своему народу сказалось въ этихъ словахъ могущественнаго Монарха: „Для Меня истинные интересы Россіи дороже всего, и Я желалъ бы до крайности щадить дорогую Русскую кровь!"

Россія не торопила событій. Она медлила дѣйствіемъ. И теперь еще мечъ ея покоится, и теперь еще заботится она о сохраненіи мира. Она свято исполнила обязательства международнаго договора чтобы всякая держава, прежде чѣмъ начнетъ самостоятельно дѣйствовать на Востокѣ, обращалась къ Европѣ и дѣйствовала совокупно съ другими. Была надежда что это

совокупное дѣйствіе приведетъ къ умиротворенію, и требовалось исчерпать всѣ возможности прежде чѣмъ начать дѣйствовать самостоятельно. Теперь остается послѣдняя возможность, а затѣмъ „да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе!“

Россія не спѣшила дѣйствіемъ. За то она и можетъ съ чистою совѣстію призвать себѣ на помощь Бога. Поспѣшность ея дѣйствія не предотвратила бы пролитія крови. Увы, и теперь, съ какою бы поспѣшностію ни бросились мы на помощь нашимъ братьямъ на Востокѣ, кровь прольется прежде чѣмъ подоспѣетъ наша помощь!.. Отвѣтственность за эту кровь падетъ на тѣхъ кто создали и поддерживаютъ существующее на Востокѣ положеніе дѣлъ, на тѣхъ кто и доселѣ ставятъ выше всего неприкосновенность Турціи и лишь затѣмъ допускаютъ для виду вопросъ объ улучшеніи участи ея христіанскихъ населеній. Вчера, на политическомъ банкетѣ лондонскаго лорда-мера, именно такъ высказался первенствующій министръ Англіи. За неприкосновенность Турціи онъ грозитъ войной,—войной, противъ которой протестуетъ совѣсть его собственной страны...

Б.

Съ принятіемъ Портой перемирія представители державъ въ Константинополѣ тотчасъ же приступили къ совѣщаніямъ объ установленіи демаркаціонной линіи, нейтральнаго пояса и другихъ правилъ которыя должны соблюдать воюющія стороны во время перемирія. Мы знаемъ что конференціи пословъ происходили у сэръ-Генри Элліота начиная съ пятницы, и что въ понедѣльникъ послы уже согласились относительно инструкцій международнымъ коммиссарамъ, которые теперь уже и выѣхали на мѣста военныхъ дѣйствій. Ожидать серіознаго разногласія при составленіи инструкцій военнымъ агентамъ державъ не было основанія, да еслибъ и обнаружилось разногласіе, то, какъ справедливо замѣтилъ *Nord*, возникшія отсюда затрудненія были бы не такого характера чтобъ ихъ нельзя было устранить.

Теоретически установить въ подробностяхъ демаркаціонную линію не такъ затруднительно какъ обусловить точное соблюденіе ея и вообще соблюденіе всѣхъ правилъ перемирія. Въ этомъ отношеніи поведеніе турецкихъ войскъ, достаточно выяснившееся во время войны, даетъ существенный поводъ къ сомнѣніямъ. Останутся ли коммиссары державъ наблюдать на мѣстѣ за перемиріемъ и въ чемъ будутъ состоять репрессаліи за его нарушеніе? Гдѣ средства для такихъ репрессалій? Наконецъ, гдѣ гарантіи что Турки, оставаясь на Сербской территоріи, не воспользуются перемиріемъ чтобы довершить дѣло разрушенія? Надо думать что эти вопросы не забыты при составленіи инструкцій. Что задача предстоящая коммиссарамъ не такъ легка, это уже доказываетъ извѣстіе изъ Рагузы что предложенная со стороны Черногоріи демаркаціонная линія отвергнута Турками.

Есть еще одно обстоятельство которымъ усложняется дѣло: это положеніе боснійскихъ и герцеговинскихъ инсургентовъ. Извѣстно что Деспотовичъ, въ виду того что боснійскіе инсургенты не включены въ перемиріе, заявилъ что онъ долженъ продолжать войну; Герцеговинцы въ свою очередь заявляютъ что они считаютъ себя Черногорцами, и все что клонится къ ущербу или выгодѣ Черногорцевъ, то касается и ихъ. Не признавать этихъ притязаній значило бы создавать затрудненія въ томъ самомъ дѣлѣ умиротворенія возставшихъ провинцій Турціи которое дипломатія предоставила себѣ. Порта, безъ сомнѣнія, будетъ настаивать на формальной сторонѣ дѣла и утверждать что инсургенты не воюющая сторона, а потому и не могутъ быть включены въ перемиріе. Но державы не въ правѣ забывать что онѣ вступали въ сношенія съ инсургентами и выслушивали ихъ доводы и жалобы, послужившія основаніемъ для требованій предъявленныхъ Портѣ, слѣдовательно какъ бы признали инсургентовъ воюющею стороной. А между тѣмъ Герцеговинцы дѣйствительно составляли часть черногорской арміи, и вожди ихъ были черногорскими воеводами; боснійскіе же инсургенты, признавъ своимъ княземъ Милана, *два года* держали въ страхѣ войска Порты и въ настоящую минуту отдыха имѣютъ болѣе чѣмъ кто-либо право на этотъ отдыхъ и не должны быть выдаваемы съ головой Туркамъ, которые не замедлятъ воспользоваться перемиріемъ чтобы раздавить ихъ. Это несомнѣнно, особенно въ виду того что перемиріе для того и заключается чтобы согласиться насчетъ будущей участи этихъ

самыхъ людей и ихъ несчастной родины. Между тѣмъ проведеніе демаркаціонной линіи здѣсь дѣло чрезвычайно трудное. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ, именно *Голосъ*, мы встрѣтили такое предложеніе: Такъ какъ турецкіе оборонительные пункты и боснійскія четы заходятъ другъ за друга, образуя ломаную линію съ клиньями и острыми углами въ ту и другую сторону, то казалось бы справедливымъ установить въ Босніи слѣдующій порядокъ вещей: 1) Турки остаются на своихъ мѣстахъ и во время перемирія не имѣютъ права увеличивать число войскъ которое находилось въ Босніи въ моментъ заключенія перемирія; 2) четы остаются въ своихъ главныхъ квартирахъ, съ нейтральною почвой вокругъ въ три версты. „При этомъ," прибавляетъ *Голосъ*, нельзя не дозволить одиночнаго выхода людей входящихъ въ составъ четъ въ другія мѣстности, но запрещеніе появленія вооруженныхъ четъ за демаркаціонную линію ихъ стоянокъ слѣдуетъ охранять всею строгостью международнаго правительства и военныхъ правилъ, точно также какъ и появленіе Турокъ въ демаркаціонныхъ пунктахъ четъ."

Можно ли это предложеніе принять за серіозное? Для боснійскихъ инсургентовъ въ перемиріи существенный вопросъ состоитъ не въ томъ чтобъ удержать занятыя ими позиціи, что имѣется въ виду въ Сербіи и Черногоріи, гдѣ тылъ арміи закрытъ, и гдѣ поэтому могутъ быть приняты всѣ средства для реорганизаціи армій, довольствія ихъ, укрѣпленія позицій и поддержанія сношеній между отдѣльными отрядами войскъ. При партизанской войнѣ, которую вели инсургенты, тактика ихъ заключалась въ томъ чтобы вовремя появляться въ слабыхъ пунктахъ противниковъ, вообще же держаться границы, откуда и добывать по возможности средства для продолженія борьбы. Планъ ихъ не имѣлъ ничего точно опредѣленнаго, и мѣнялся также какъ и позиціи съ каждымъ отдѣльнымъ случаемъ успѣха и неуспѣха борьбы. Оттого-то перемиріе и застаетъ ихъ разсѣянными на отдѣльные отряды, въ срединѣ занятыхъ непріятелемъ мѣстъ. Для инсургентовъ существенный вопросъ: какъ пережить перемиріе? Какъ добыть средства для продовольствія и прочно устроить кровъ въ зимнюю пору? Заставить ихъ держаться въ случайно занятыхъ позиціяхъ, разсѣянныхъ отдѣльными отрядами, отрѣзавъ взаимныя сношенія и окруживъ взамѣнъ трехверстнымъ нейтральнымъ поясомъ значило бы оказывать имъ плохую услугу, которой они несомнѣнно предпочтутъ продолженіе борьбы; ибо та доставляла имъ отчасти и средства къ жизни, такъ какъ имъ удавалось перехватывать турецкіе обозы съ провіантомъ. Мы не говоримъ уже о такихъ фразахъ какъ „строгость международнаго правительства и военныхъ правилъ," которыя вовсе не примѣнимы въ данномъ случаѣ. Ясно что вопросъ въ этомъ отношеніи можетъ быть разрѣшенъ только возможно скорымъ умиротвореніемъ возставшихъ провинцій, то-есть дарованіемъ имъ автономіи...

№ 278.

Москва, 30-го октября.

А.

„Россія поняла что необходимо было отказаться отъ вооруженной демонстраціи, „опасности которой становились такъ значительны что не разумно было бы навлекать ихъ на себя. Въ виду этого новаго „положенія, она приняла свое рѣшеніе съ „мужествомъ, искусствомъ и ловкостью „заслуживающими всякой похвалы. Вмѣ„сто военной демонстраціи она попыталась „произвести демонстрацію дипломатиче„скую. Успѣхъ ея былъ полный. Турки сло„жили оружіе, какъ только она вступи„лась въ дѣло энергически, и Сербія, глав„ныя крѣпости которой пали и столица „была открыта, спаслась отъ общаго за„нятія." Такъ заговорилъ главный туркофильскій органъ французской печати *Journal des Débats*, при извѣстіи объ ультиматумѣ представленномъ Портѣ генералъ-адъютантомъ Игнатьевымъ. Такой отзывъ со стороны газеты поставившей себѣ цѣлью, съ самого открытія волненій на Балканскомъ полуостровѣ и вызванныхъ ими дипломатическихъ переговоровъ, порицать всякое дѣйствіе Россіи, заслуживаетъ вниманія, хотя объяснить его и не трудно. Вся дипломатическая кампанія, начиная съ пресловутой ноты Андраши, исполнена была такихъ колебаній, изворотовъ и уклоненій, что первый твердый и энергическій голосъ, раздавшійся посреди цѣлаго хора трескучихъ и безсодержатель-

ныхъ фразъ не производившихъ никакого впечатлѣнія, долженъ былъ подѣйствовать потрясающимъ образомъ. Онъ такъ и подѣйствовалъ: услышавъ его, всѣ поняли что время уловокъ и проволочекъ миновало, и что наступила пора и прочимъ державамъ высказаться ясно и опредѣленно. Какъ ни старались потомъ различные органы доказывать что Порта была согласна и прежде на перемиріе, и что русскій ультиматумъ былъ не нуженъ, но фактъ все-таки остается фактомъ, и тонъ русскаго ультиматума уже свидѣтельствовалъ что онъ не можетъ быть пустымъ звукомъ, и что за словомъ Россіи неизбѣжно послѣдуетъ дѣло... „Болѣзнь, которою нынѣ страдаетъ Европа,“ замѣчаетъ *Nord*, „есть неизвѣстность; говорить ясно и дѣйствовать рѣшительно значитъ оказывать „ей услугу.“ Русскій ультиматумъ говоритъ ясно и обѣщаетъ дѣйствовать рѣшительно—вотъ почему даже такая отъявленная туркофильская газета какъ *Journal des Débats* какъ бы невольно высказывается о немъ одобрительно.

Но и прочіе органы французской печати также начинаютъ измѣнять свой враждебный Россіи тонъ. Вотъ что̀ говоритъ въ одной изъ своихъ константинопольскихъ корреспонденцій газета *Temps*, отличавшаяся также туркофильствомъ: „Россія „стоитъ на доброй почвѣ, требуя отъ Высокой Порты серіозныхъ гарантій для „улучшенія быта христіанъ. Дипломатія „сумѣла только поддержать иллюзію о „способности Турокъ къ усовершенствованію. Добытые сю результаты и нынѣшнія „затрудненія даютъ возможность оцѣнить „безплодность ея усилій и ея дѣла. Рѣчь „идетъ не объ изгнаніи Турокъ, но о томъ „чтобы видѣть ихъ каковы они въ дѣйствительности, и требовать только того „что̀ они могутъ дать; требовать отъ нихъ „чтобъ они сами собой и искренно допустили равенство христіанъ, значитъ требовать невозможнаго. Ихъ слѣдуетъ принудить къ этому и тщательно наблюдать „за исполненіемъ реформъ, противорѣчащихъ ихъ инстинктамъ, ихъ желаніямъ и „ихъ волѣ,—реформъ, которыя они провозглашаютъ потому только что не могутъ поступить иначе, и съ твердымъ намѣреніемъ никогда не примѣнять ихъ къ „дѣлу.“

Такъ нынѣ говорятъ французскія газеты, еще такъ недавно прославлявшія Турцію, еще такъ недавно злобно-враждебныя всѣмъ дѣйствіямъ и намѣреніямъ Россіи. Какое же положеніе занимаетъ офиціальная Франція? Изъ приведеннаго ниже текста декларацін герцога Деказа въ засѣданіи Французской Палаты Депутатовъ 3 ноября читатели увидятъ что Франція прежде всего желаетъ мира, необходимаго ей для ея внутренняго переустройства, что этою идеей она постоянно руководствуется въ своей иностранной политикѣ, воздерживаясь отъ вмѣшательства и не принимая на себя никакихъ обязательствъ въ будущемъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ она де употребляетъ все свое нравственное вліяніе въ пользу христіанъ Востока и гдѣ возможно служитъ ихъ дѣлу своими совѣтами и убѣжденіями. Министръ иностранныхъ дѣлъ утверждаетъ что доказательство словъ его представитъ дипломатическая переписка которую Франція вела по дѣламъ Востока со своими дипломатическими агентами и которая будетъ обнародована какъ только позволятъ обстоятельства. Впечатлѣніе произведенное рѣчью герцога Деказа г. Джонъ Лемуанъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ въ *Journal des Débats*, отъ 7 ноября (замѣтимъ кстати что въ названной газетѣ одинъ только г. Джонъ Лемуанъ писалъ по временамъ разумныя статьи о военныхъ дѣлахъ, и это до такой степени противорѣчило общему направленію газеты что даже разнесся слухъ будто онъ отказался отъ участія въ ней):

„Рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ по„видимому вызвала за границей общее „одобреніе, но она не могла и не должна „была удивить тѣхъ кто слѣдилъ со вни„маніемъ за движеніемъ общественнаго „мнѣнія во Франціи. Герцогъ Деказъ, дѣ„лая формальное заявленіе о сдержанности „и нейтралитетѣ, только выразилъ твер„дую волю страны. Это положеніе совер„шенно новое для Франціи, весьма необыч„ное для націи которая такъ сказать все„гда дышала общею жизнью всѣхъ осталь„ныхъ, и вотъ доказательство громаднаго „переворота, совершившагося у насъ мед„ленно и упорно. Мы рѣшились на выздо„ровленіе и не хотимъ нарушать его не„осторожностями... Это необыкновенное по„ложеніе нѣсколько смущаетъ сужденіе о „насъ иностранцевъ; говорятъ что мы при„творяемся и что Франція все-таки будетъ „принуждена принять участіе въ общемъ

„движенія. Это возможно, но тѣмъ болѣе „основаній имѣетъ она желать въ настоящую минуту сохраненія мира.“

О благопріятномъ впечатлѣніи произведенномъ за границей заявленіемъ герцога Деказа говоритъ также *France*, присовокупляющая что представители всѣхъ державъ въ Парижѣ получили отъ своихъ правительствъ предписаніе прямо или косвенно выразить министру иностранныхъ дѣлъ все удовольствіе, доставленное имъ его словами.

Что же касается благопріятной и быстрой перемѣны тона французской печати относительно Россіи и христіанъ Востока, то это всего вѣрнѣе объясняется рѣшительностью и твердостью послѣдняго шага Россіи.

Б.

Въ Московскомъ Окружномъ Судѣ окончилось дѣло о крушеніи Коммерческаго Ссуднаго Банка, которое съ памятнаго дня 11 октября прошедшаго года не переставало привлекать къ себѣ живѣйшее вниманіе всей Россіи. Затронутые этимъ дѣломъ денежные интересы до такой степени возбуждали страсти что лишь немногіе воздерживались приговоромъ надъ лицами привлеченными къ уголовной отвѣтственности въ ожиданіи пока произнесено будетъ рѣшительное слово суда. Но въ этой неумѣстной поспѣшности мы не можемъ упрекнуть себя. Мы не вторгались въ дѣло правосудія и не позволяли себѣ произносить свои приговоры, обвинительные или оправдательные прежде чѣмъ это сдѣлано судомъ. Мы и теперь еще не можемъ считать себя вполнѣ свободными въ своихъ сужденіяхъ по этому дѣлу, такъ какъ приговоръ суда надъ признанными виновными подсудимыми еще не объявленъ.

Но самая значительная часть судебной процедуры уже завершена; приговоръ присяжныхъ произнесенъ, и мы не можемъ не высказать нѣкоторыхъ недоумѣній которыя просились у насъ подъ перо еще подъ первымъ впечатлѣніемъ этого приговора. Нѣтъ сомнѣнія что приговоръ этотъ обманулъ ожиданія многихъ, особенно надѣявшихся на полное удовлетвореніе убытковъ понесенныхъ тысячами людей. Полагали что Совѣтъ бывшаго Банка будетъ признанъ виновнымъ въ небреженіи къ своимъ обязанностямъ бывшимъ причиною потери семи милліоновъ. Такое обвиненіе, не затрогивая чести бывшихъ членовъ Совѣта и не угрожая имъ уголовною карой, обратилось бы однако въ весьма чувствительное для нихъ возмездіе, такъ какъ имъ пришлось бы расплатиться деньгами за громадный ущербъ причиненный такъ или иначе вслѣдствіе неисполненія ими своихъ обязанностей. Но вопросъ о небреженіи Совѣта именно отвергнутъ присяжными. Совѣтъ признанъ виновнымъ, если можно такъ выразиться о лицѣ собирательномъ, въ цѣломъ рядѣ другихъ, болѣе тяжкихъ и умышленныхъ дѣяній въ тѣ дни которые предшествовали крушенію Банка. Можно было бы думать что *денежная* отвѣтственность членовъ Совѣта этимъ обвиненіемъ подкрѣплена еще болѣе чѣмъ еслибъ было признано только небреженіе. Но обвинивъ Совѣтъ *in corpore*, присяжные каждаго изъ членовъ Совѣта оправдали въ тѣхъ самыхъ корыстныхъ и умышленныхъ дѣяніяхъ въ коихъ обвиненъ безличный Совѣтъ. Обвиненъ Совѣтъ въ идеѣ, а въ дѣйствительности оправданъ.

Изъ 21 подсудимыхъ обвинены пятеро, въ томъ числѣ гг. Борисовскій и Шумахеръ. Г. Борисовскій признанъ виновнымъ въ томъ что онъ имѣлъ преступную цѣль (доставить себѣ или другимъ лицамъ возможность обманнымъ образомъ сбыть ничего не стоящія акціи) при совершеніи извѣстнаго дѣянія (участіи въ указанныхъ выше преступныхъ дѣйствіяхъ Совѣта), но самаго этого дѣянія г. Борисовскій какъ значится въ вердиктѣ присяжныхъ, не совершилъ, равно какъ не сбывалъ и своихъ собственныхъ акцій. Онъ цѣлился и попалъ, но не стрѣлялъ и даже ружья въ рукахъ не держалъ! Онъ имѣлъ преступную цѣль при совершеніи дѣянія котораго не совершалъ!

Въ числѣ прочихъ членовъ Совѣта, присяжнымъ предложено было отвѣтить о виновности г. Сорокоумовскаго въ преступленіяхъ совершенныхъ Совѣтомъ послѣ 5 октября прошедшаго года. Въ заключительномъ словѣ своемъ предсѣдатель засвидѣтельствовалъ предъ присяжными что невиновность г. Сорокоумовскаго *доказана*, такъ какъ въ дѣлѣ имѣется несомнѣнное подтвержденіе того что его *не было въ Москвѣ* въ октябрѣ прошедшаго года, и что онъ былъ за границей. Предсѣдатель высказалъ увѣренность что присяжные отвѣтятъ отрицательно на вопросы о г. Сорокоумовскомъ. Но къ чему было

спрашивать о томъ что̀ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію? А вотъ почему: г. Сорокоумовскаго предали суду по обвиненію въ этихъ преступленіяхъ *упустивъ изъ виду* представленное обвиняемымъ доказательство его *alibi*; его отсутствія, а обвиненіе получившее санкцію обвинительной камеры не можетъ быть устранено судомъ, и должно быть рѣшено присяжными. Вотъ тѣ *законныя* причины почему г. Сорокоумовскій, безъ вины виноватый, могъ очиститься не иначе какъ перегорѣвъ въ горнилѣ судебной процедуры, и долженъ былъ *вымаливать* оправдательный приговоръ у присяжныхъ.

Г. Шумахеръ также оправданъ по всѣмъ тѣмъ обвиненіямъ которыя тяготѣли надъ прочими членами Совѣта. Онъ не виновенъ въ злоупотребленіяхъ погубившихъ Банкъ; онъ оправданъ и въ злокозненныхъ дѣйствіяхъ которыя поставлены въ вину Совѣту вообще. За нимъ признана лишь вина въ томъ что онъ послѣ 6 октября 1875 года, узнавъ объ утратѣ значительной части капиталовъ Банка и пользуясь своимъ положеніемъ какъ члена Совѣта, поспѣшилъ взять свой вкладъ, сознавая что для полнаго удовлетворенія прочихъ кредиторовъ Банкъ не будетъ имѣть средствъ. Мы недоумѣваемъ предъ этимъ обвиненіемъ, которое прокуратура, на основаніи ст. 1.198 Улож. о Наказ., приравниваетъ къ мошенничеству. Мы недоумѣваемъ предъ нимъ главнымъ образомъ потому что въ вопросѣ на который отвѣтили присяжные вовсе обойденъ тотъ несомнѣнный и всѣми признанный фактъ что г. Шумахеръ возвратилъ черезъ три-четыре дня весь взятый имъ изъ Банка капиталъ, и не только возвратилъ, но и другихъ убѣдилъ сдѣлать то же.

Въ томъ же обвинялись еще два другіе члена совѣта, гг. Лѣнивовъ и Вишняковъ. Они также и въ то же время взяли изъ Банка свои вклады и не возвратили или возвратили не сполна. Они оправданы, а г. Шумахеръ обвиненъ.

Много еще требовалось бы сказать, но болѣе подробный разборъ будетъ умѣстнѣе послѣ окончательнаго произнесенія судебнаго приговора.

№ 280.

Москва, 1-го ноября.

Извѣстная уже читателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* лондонская депеша сообщаетъ что въ Лондонѣ, 29 октября (10 ноября), на банкетѣ лорда-мера графъ Биконсфильдъ выразилъ надежду на возможность улучшенія участи восточныхъ христіанъ съ сохраненіемъ мира, заявляя притомъ что еслибы послѣдовала война, то Англія, *наилучшимъ образомъ къ ней приготовленная, будетъ сражаться только за правое дѣло...*" Англія „будетъ сражаться только за правое дѣло:" не должны ли эти слова порадовать всѣхъ добрыхъ людей, не знаменуютъ ли эти слова рѣшительный поворотъ въ восточной политикѣ Сентъ-Джемскаго кабинета? „Только за правое дѣло:" нуждаются ли эти слова въ поясненіи? Съ одной стороны Турція, съ другой—христіанскія населенія. На чьей сторонѣ человѣческая и божеская правда? Балканскій полуостровъ порабощенъ, угнетенъ, изможденъ, облитъ кровью. Болгары, Герцеговинцы, Босняки простираютъ руки къ Европѣ, взывая о помощи. Европа, внявъ ихъ мольбамъ, вознамѣрилась облегчить ихъ положеніе, вывести ихъ изъ неволи, обезпечить имъ человѣческое существованіе. Обезпеченія необходимы, при оттоманскомъ обыкновеніи все обѣщать, ничего не исполнять и, прикрывшись бумажными реформами, неистовствовать. Турція быть-можетъ хуже прежняго опомнится, разглядитъ уготованную ею себѣ опасность и, устрашившись стократно заслуженнаго возмездія, быть-можетъ вновь „покорится" справедливости требованіямъ.

Но если она заупорствуетъ, если она уклонится отъ слѣдованія добрымъ совѣтамъ и отринетъ справедливыя требованія?

Въ такомъ случаѣ ей предстоитъ вѣдаться съ Россіею, но Россія не останется одинокою въ своемъ подвигѣ: Англія станетъ объ руку съ нею: не таковъ ли смыслъ обѣщанія ея первенствующаго министра „сражаться только за правое дѣло?"

Увы, рѣчь лорда Биконсфильда имѣетъ не это, „утѣшительное" для человѣчества, а иное, „устрашительное" для Россіи, значеніе. „Правое дѣло," это только прикраса; а сила въ томъ что Англія „наилучшимъ образомъ приготовлена" къ войнѣ. „Правою" стороною считается Турція,

и объ англійской наилучшей готовности упомянуто для того чтобы показать Россіи съ кѣмъ еще кромѣ Блистательной Порты можетъ столкнуться заступничество за христіанъ Востока. И не потому ли лордъ Биконсфильдъ кичится теперь готовностью своей страны что считаетъ Россію *не* готовою? Это послѣднее соображеніе болѣе чѣмъ вѣроятно. Развѣ наканунѣ рѣчи англійскаго министра, именно 7 ноября (26 октября), *Times* не опубликовалъ депеши изъ Вѣны, которая, извѣщая „о приготовленіяхъ Россіи ко всякимъ случайностямъ,“ прибавляетъ что русскія власти до сихъ поръ скрывали всѣ военныя приготовленія и выражаетъ сомнѣніе въ искренности ихъ внезапной откровенности? Русскія власти ничего не скрывали; предъ глазами у всѣхъ производились передвиженія войскъ, заготовленіе снарядовъ, подвозъ припасовъ; русскія газеты ежедневно сообщали о томъ свѣдѣнія. Но въ Англіи почему-то не вѣрятъ этимъ справкамъ. Да, положительно, въ Англіи составилось убѣжденіе—и можно наслѣдить, какимъ образомъ оно составилось—будто военныя средства Россіи не позволяютъ ей вступить въ борьбу съ могущественнымъ врагомъ. Не въ этомъ ли убѣжденіи вся сущность теперешней англійской политики по Восточному вопросу? Не въ этомъ ли убѣжденіи она препятствовала всѣмъ попыткамъ замирить поднявшійся Восточный вопросъ? Не потому ли она отвергла Берлинскій меморандумъ? Англійскіе государственные люди почему-то вообразили что въ настоящую минуту Россія не вполнѣ еще совладала со своими военными силами, что нужно еще нѣсколько лѣтъ для приведенія ихъ въ надлежащій порядокъ, что поэтому Россія боится восточной распри, что она станетъ избѣгать теперь серіознаго рѣшенія, откладывая заботу о таковомъ на дальнѣйшее время, что слѣдовательно если теперь пригрозить ей, она отступитъ...

Лордъ Биконсфильдъ не очень опытенъ въ правительственномъ дѣлѣ. Ему болѣе доводилось фигурировать въ оппозиціи чѣмъ во власти. Онъ больше парламентскій спорщикъ нежели государственный человѣкъ, чѣмъ отчасти и объясняются безтактности его политики. Онъ не сообразилъ что относительно государствъ какъ Россія невыгодно прибѣгать къ угрозамъ, что тутъ-то они и окажутся готовыми... И не слишкомъ ли легкомысленно поддались въ Англіи увѣреніямъ въ неготовности Россіи? Такъ ли она не готова какъ воображаютъ британскіе министры. Вѣрно то что пока лордъ Биконсфильдъ занималъ своею игривою рѣчью гостей лондонскаго головы, въ Московскомъ Кремлѣ сказано слово послѣ котораго со стороны Россіи отступленія не будетъ. Это слово удостовѣритъ, мы надѣемся, британскихъ министровъ что Россія готова, и наконецъ они поймутъ быть-можетъ какъ ошибочны были ходы ихъ политической игры.

Въ Берлинѣ умные люди нашли что рѣчь графа Биконсфильда, сама по себѣ не имѣетъ серіознаго значенія, но также справедливо замѣчаютъ что она можетъ имѣть серіозныя послѣдствія, какъ вызовъ брошенный Россіи и какъ новое поощреніе Турціи противиться необходимости... Кто же Турцію губитъ?

№ 281.

Москва, 2-го ноября.

А.

Событія пошли теперь быстрою чередою. Уже началась мобилизація нѣкоторой части нашей арміи, и черезъ нѣсколько дней войска наши будутъ готовы выступить въ поле. Прорванъ заколдованный кругъ дипломатіи, въ которомъ, ко всеобщему соблазну и смущенію, было заперто все земное могущество, были связаны всѣ силы цивилизованнаго міра, а на глазахъ у всѣхъ совершались дѣла поражавшія ужасомъ всякое человѣческое сердце, и не было свободной силы остановить и пресѣчь ихъ. Кругъ этотъ теперь разомкнутъ, и безплоднымъ препирательствамъ и царству обмана положенъ конецъ. Не нарушая европейскаго мира и никого не вызывая, Россія обнажаетъ свой мечъ для того чтобы требованія общественной совѣсти цѣлаго міра получили силу и чтобы слово стало вѣско. Циркулярная депеша нашего государственнаго канцлера объясняетъ значеніе предпринятыхъ Россіей вооруженій. Россія требуетъ того чего повидимому хотятъ и всѣ державы, въ чемъ онѣ согласились и что онѣ неоднократно и прежде предъявляли и теперь предъявляютъ Портѣ. Всѣ согласны въ необходимости положить конецъ

состоянію порабощенія и безправія въ которомъ томятся христіанскія населенія Востока. Даже Турція признала эту необходимость и неоднократно обязывалась удовлетворить ее, чего однако не могла или не хотѣла исполнить. Европа, связавъ себя дипломатическими фикціями, ограничивалась безсильными представленіями и увѣщаніями, которыя не производили никакого дѣйствія и только ухудшали положеніе дѣлъ на Востокѣ. Послѣдній кризисъ принялъ такіе размѣры и обнаружилъ зло въ такой силѣ что потребовалось наконецъ рѣшительное дѣйствіе. Невозможно долѣе благодушно многословить о наилучшемъ для Турціи способѣ ужиться съ ея христіанскими подданными,—невозможно въ виду крови которая льется на Балканскомъ полуостровѣ, въ виду этихъ дикихъ ордъ, на которыя указываетъ депеша канцлера, свирѣпствующихъ среди безоружныхъ населеній и напоминающихъ, въ XIX вѣкѣ, времена Тамерлана и Батыя. Циркулярная депеша князя Горчакова ставитъ вопросъ на высоту недоступную для злонамѣренныхъ толкованій. Его выслушаетъ и тотъ кто слушать не хочетъ. Положеніе принятое Россіей сразу дало себя почувствовать. Комедія кончилась. Вліятельные органы общественнаго мнѣнія въ Англіи вдругъ измѣнили свой тонъ. Уже идетъ рѣчь о томъ чтобъ изъ Константинополя отозвать наконецъ главнаго руководителя политической интриги, тамошняго Британскаго посла, и не успѣла еще прозвучать въ воздухѣ такъ мало достойная рѣчь сказанная на банкетѣ лорда-мера, какъ она уже стала смѣшнымъ и жалкимъ анахронизмомъ...

Б.

Ниже мы приводимъ объявленную вчера резолюцію Московскаго Окружнаго Суда по дѣлу Коммерческаго Ссуднаго Банка. Резолюція эта не мотивирована и о соображеніяхъ коими руководился судъ при постановленіи оной мы узнаемъ лишь 16 ноября, когда приговоръ этотъ будетъ объявленъ въ окончательной формѣ, то-есть мотивированный. Съ этого только дня начнется и теченіе кассаціоннаго срока для обѣихъ сторонъ, срока истекающаго во вторникъ 30 ноября.

Это опредѣленіе въ окончательной формѣ будетъ имѣть далеко не одно формальное значеніе, какъ это бываетъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, оно разрѣшитъ много вопросовъ и недоумѣній возбужденныхъ резолюцией Суда, которая принесла много новаго и неожиданнаго, о чемъ нельзя было съ достовѣрностью заключать основываясь на одномъ вердиктѣ присяжныхъ.

Воздерживаясь пока отъ всякихъ сужденій по поводу приговора Суда, мы постараемся лишь выяснить то что въ этомъ приговорѣ заключается.

Струсбергъ подлежалъ наказанію по 3 и 4 степени ст. 31 Улож. о Наказ., то-есть ссылкѣ на житье въ Сибирь. Но Судъ счелъ возможнымъ смягчить слѣдующее Струсбергу наказаніе на двѣ степени по собственной власти, такъ какъ присяжными онъ не признанъ заслуживающимъ снисхожденія. При этомъ пониженіи, Судъ перешелъ къ ст. 33 Уложенія, въ которой имѣется 4 степени: ссылка на житье въ отдаленныя губерніи кромѣ Сибирскихъ съ лишеніемъ правъ лично и по состоянію присвоенныхъ (кромѣ правъ семейственныхъ и права собственности). Но по ст. 75 Улож., наказанія положенныя въ ст. 33 замѣняются *de jure*, для тѣхъ изъ иностранцевъ которые изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, высылкой за границу съ воспрещеніемъ возвращаться въ предѣлы государства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по примѣч. къ той же ст. 75, судебныя мѣста, приговаривая иностранцевъ къ высылкѣ за границу, должны опредѣлить имъ и то общее наказаніе коему подвергаются русскіе подданные за такія же преступленія, на случай еслибы по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось что иностранцы сіи не могутъ быть приняты въ прежнее свое отечество. Вотъ почему Струсбергъ приговоренъ *эвентуально* къ ссылкѣ въ Олонецкую губернію.

Борисовскій осужденъ судомъ по стт. 1.666 и 117 Улож. о Нак.; это значитъ что судъ призналъ въ томъ вопросѣ о немъ на который присяжные отвѣтили утвердительно признаки *участія* въ мошенничествѣ и притомъ на сумму свыше трехсотъ рублей. Наказаніе смягчено ему на двѣ степени, въ силу ст. 828 Уст. Угол. Суд., такъ какъ онъ признанъ заслуживающимъ снисхожденія, и поэтому онъ приговоренъ къ ссылкѣ на житье не въ Сибирь, а въ Олонецкую губернію. Соображенія Суда по поводу Борисовскаго будутъ особенно любопытны, такъ какъ

до сихъ поръ ни для кого не выяснилось вполнѣ въ чемъ собственно признанъ Борисовскій виновнымъ присяжными, и возможно ли придать значеніе утвердительному отвѣту на такой вопросъ который поставленъ въ зависимость отъ другаго, отвергнутаго присяжными вопроса, какъ было въ данномъ случаѣ. Намъ приходилось слышать по поводу этого недоразумѣнія будто бы ошибка допущена здѣсь не присяжными, а переписчикомъ вопросовъ, пропустившимъ какія-то слова, такъ что въ сущности дѣяніе въ коемъ обвиненъ Борисовскій составляетъ, какъ говорятъ, самостоятельное обвиненіе, поставленное въ зависимость не отъ утвердительнаго, а отъ отрицательнаго отвѣта на вопросъ 47-й. Насколько это справедливо, мы не знаемъ, и разрѣшенія этого недоразумѣнія слѣдуетъ ожидать отъ окончательнаго приговора, хотя и тогда, конечно, вопросъ о томъ, подлежитъ ли Борисовскій осужденію или оправданію, будетъ окончательно разрѣшенъ Сенатомъ.

Дѣяніе, въ коемъ обвиненъ г. Шумахеръ, Судъ подвелъ подъ ст. 1.198 Уложенія. Эта статья, карающая за умышленное употребленіе во зло полномочія или довѣрія общества, товарищества или компаніи, ко вреду послѣднихъ, не именуетъ такого дѣянія мошенничествомъ, но лишь приравниваетъ оное по наказанію къ мошенничеству. Но мошенничество существенно различается нашимъ закономъ относительно наказанія, смотря по тому простирается ли обманъ на сумму свыше или ниже трехсотъ рублей. Мошенничество на сумму менѣе 300 рублей наказывается вообще, по ст. 173 Устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, тюремнымъ заключеніемъ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ; но такъ какъ для лицъ привилегированныхъ сословій и эта низшая мѣра наказанія за мошенничество и за другія корыстныя преступленія сопровождается лишеніемъ правъ, т.-е. правъ сословныхъ, чиновъ и орденовъ и приписной въ сословіе мѣщанъ, то лица привилегированныхъ сословій за всѣ преступленія этого рода судятся окружнымъ судомъ съ присяжными. Защитникъ г. Шумахера указалъ Суду, послѣ объявленія приговора присяжныхъ, что въ вопросѣ о немъ, на который данъ утвердительный отвѣтъ, нѣтъ указаній на сумму ущерба причиненнаго г. Шумахеромъ Банку взятіемъ своего вклада (такъ-какъ ущерба вовсе не причинено) и неизвѣстно простирался ли этотъ фиктивный ущербъ свыше или ниже трехсотъ рублей. Судъ очевидно руководился въ этомъ случаѣ общимъ правиломъ, по которому всякое сомнѣніе истолковывается въ пользу подсудимаго. Сенату же и въ этомъ случаѣ будетъ принадлежать послѣднее слово по вопросу о томъ, насколько дѣяніе въ коемъ обвиненъ г. Шумахеръ заключаетъ въ себѣ признаки дѣянія наказуемаго.

Считаемъ нужнымъ замѣтить относительно всѣхъ подсудимыхъ приговоренныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи что ссылка всякаго рода есть по нашему закону наказаніе пожизненное. Наказаніе это прежде усиливалось, смотря по различнымъ своимъ степенямъ, тюремнымъ заключеніемъ на мѣстѣ ссылки. Теперь это дополнительное заключеніе замѣнено срочнымъ интернированіемъ на мѣстѣ ссылки, то-есть воспрещеніемъ выѣзда изъ мѣста ссылки въ другіе города той же губерніи или области на извѣстное число лѣтъ. О такомъ интернированіи упомянуто въ приговорѣ о Ляндау, Струсбергѣ и Борисовскомъ. Мы сочли нужнымъ указать на значеніе интернированія, такъ какъ оно часто подаетъ поводъ къ предположенію будто бы самая ссылка опредѣлена лишь на извѣстное число лѣтъ.

Другое недоразумѣніе, часто повторяющееся, заключается въ слѣдующемъ: Судъ обязанъ вступившій въ законную силу приговоръ о дворянахъ и чиновникахъ, священнослужителяхъ и имѣющихъ ордена и знаки отличія, присужденныхъ къ лишенію правъ, представить чрезъ министра юстиціи на усмотрѣніе Императорскаго Величества. Оговорка объ этомъ, всегда включаемая въ приговоръ, обыкновенно истолковывается въ смыслѣ ходатайства суда о помилованіи или смягченіи наказанія. Такія представленія *обязательны* для суда каждый разъ когда лицо принадлежащее къ указаннымъ разрядамъ подлежитъ лишенію правъ, между тѣмъ какъ ходатайство о помилованіи есть *право* предоставленное суду, коимъ онъ можетъ пользоваться по своему усмотрѣнію основанному на обстоятельствахъ дѣла. Въ рѣшеніи суда, о коемъ рѣчь, ходатайства о помилованіи нѣтъ, а есть лишь обычная формула о представленіи на Высо-

чайшее утвержденіе приговора о Полянскомъ, Шумахерѣ и Борисовскомъ (о послѣднемъ какъ объ имѣющемъ чинъ мануфактуръ-совѣтника).

Что касается гражданскаго иска, то въ этомъ отношеніи резолюція суда далеко не для всѣхъ и не во всемъ будетъ ясна. Нѣкоторые пункты и намъ не совсѣмъ понятны. Въ общихъ чертахъ руководящія мысли суда при разрѣшеніи гражданскихъ взысканій заключаются, какъ намъ кажется, въ слѣдующемъ: Въ виду того что члены совѣта признаны во всемъ невиновными и отвергнутъ самый фактъ небреженія съ ихъ стороны, отвѣтственность ихъ за убытки не можетъ быть распространена на время предшествовавшее 5 октября 1875 года, то-есть за всю растрату по ссудамъ сдѣланнымъ Струсбергу. Лица ввѣрившія до этого дня свои капиталы Банку въ качествѣ вкладчиковъ и кредиторовъ его или акціонеровъ имѣютъ право на вознагражденіе съ тѣхъ только лицъ кои признаны въ томъ виновными, то-есть съ Ляндау, Полянскаго и Струсберга, которые отвѣтствуютъ въ этомъ всѣмъ своимъ имуществомъ. Но эти вкладчики и акціонеры, ставшіе таковыми до 5 октября, понесли убытки не только вслѣдствіе сдѣлокъ со Струсбергомъ, но и потому что послѣ 5 октября, то-есть когда раскрыты были сдѣлки со Струсбергомъ, совѣтъ не закрылъ Банка и своими неправильными и умышленными дѣйствіями способствовалъ расхищенію кассы Банка посредствомъ неправильной выдачи вкладовъ нѣкоторымъ лицамъ полнымъ рублемъ. Такихъ выдачъ насчитываютъ, какъ извѣстно, на 2.428.000 р., и на эту сумму Судъ возложилъ отвѣтственность на всѣхъ членовъ совѣта, за исключеніемъ гг. Волкова, Прена и Сорокоумовскаго, такъ какъ присяжными признано что совѣтъ былъ главною причиной этихъ неправильныхъ выдачъ. Изъ этихъ $2^1/_2$ милліоновъ имѣютъ право на *преимущественное* удовлетвореніе вкладчики и кредиторы Банка, а за ними уже акціонеры.

Но такъ какъ извѣстно что дефицитъ по однимъ вкладамъ простирается до 4 милліоновъ рублей, то изъ этого слѣдуетъ тотъ печальный для акціонеровъ выводъ что они изъ указаннаго взысканія въ $2^1/_2$ милліона съ членовъ совѣта ничего не получатъ, ибо онаго не хватитъ и на полное покрытіе дефицита для вкладчиковъ. Предъ акціонерами этого періода, то-есть предъ огромнымъ большинствомъ акціонеровъ Банка вообще, являются единственными отвѣтчиками Ляндау, Полянскій и Струсбергъ; но Судъ самъ указываетъ что имущества у нихъ на покрытіе этихъ взысканій нѣтъ.

Затѣмъ Судъ установилъ вторую категорію истцовъ изъ лицъ вносившихъ въ Банкъ вклады и покупавшихъ акціи *послѣ* 5 октября. Тутъ уже не установлено различія между вкладчиками и акціонерами и преимущества однихъ надъ другими, ибо послѣ 5 октября 1875 года Банкъ, согласно вердикту присяжныхъ, уже перестал легально существовать, и все что было сдѣлано отъ 5 до 11 октября было послѣдствіемъ признанныхъ злоупотребленій Банка. Совѣтъ Банка отвѣтствуетъ *in corpore* за эти злоупотребленія предъ тѣми кто внесъ въ эти дни свои деньги въ Банкъ или покупалъ акціи онаго, отвѣтствуетъ полнымъ рублемъ, ибо не будь указанныхъ злоупотребленій, не было бы уже самого Банка, и стало-быть никто не внесъ бы туда своихъ денегъ, и акціи его потеряли бы всякую цѣну. Но этотъ второй разрядъ кредиторовъ ставшихъ таковыми вслѣдствіе злоупотребленій, а не по естественному и правильному ходу вещей, и имѣющіе право на полное вознагражденіе съ членовъ совѣта за свои убытки,— тогда какъ первый разрядъ получаетъ лишь 2.428.000 р., то-есть удовлетвореніе далеко не полное, — этотъ второй разрядъ лицъ вступившихъ въ связь съ Банкомъ лишь послѣ 5 октября не можетъ претендовать на удовлетвореніе изъ суммы предназначенной для перваго разряда, ибо эти $2^1/_2$ милліона, выданные неправильно нѣкоторымъ вкладчикамъ, принадлежали всецѣло *прежнимъ* вкладчикамъ и акціонерамъ. Вотъ почему второй разрядъ долженъ получить свое вознагражденіе отъ членовъ совѣта лишь по взысканіи съ нихъ суммы причитающейся въ пользу перваго разряда.

Таковъ, по нашему мнѣнію, смыслъ резолюціи Суда по вопросу о гражданскомъ искѣ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что огромное число вопросовъ возбужденныхъ этимъ дѣломъ далеко еще не получили окончательнаго разрѣшенія.

№ 282.

Москва, 3-го ноября.

Мы получили отъ начальника артиллеріи сербской Тимокско-Моравской арміи, полковника Груича, депешу заключающую въ себѣ горячій протестъ противъ распространившагося повсюду, телеграфированнаго чрезъ Землинъ также и въ *Московскія Вѣдомости* однимъ изъ нашихъ бѣлградскихъ корреспондентовъ, извѣстія о томъ что въ битвѣ при Дюнишѣ артиллерія отказалась повиноваться распоряженіямъ главнокомандующаго и самовольно покинула позицію. Полковникъ Груичъ, отъ имени всѣхъ своихъ товарищей по оружію, объявляетъ это извѣстіе „вымысломъ и клеветой.“ Онъ свидѣтельствуетъ что въ Дюнишской битвѣ обвиняемая въ ослушаніи и бѣгствѣ артиллерія „до послѣдней „минуты не прекращала огня, стойко выдерживая натискъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля и прикрывая отступленіе „войскъ.“ Да и „въ продолженіе всей войны,“ прибавляетъ депеша, „не было ни „одного случая непослушанія; въ самыхъ „критическихъ моментахъ артиллерія всегда соблюдала свой долгъ, всегда была готова, — какъ готова и теперь, если обстоятельства того потребуютъ,—идти за „своимъ доблестнымъ и обожаемымъ вождемъ...“ И полковникъ Груичъ, „отъ имени офицеровъ и всѣхъ очевидцевъ,“ выражаетъ негодованіе „противъ взведенной на сербскихъ артиллеристовъ чудовищной неправды.“

Странно что телеграмма полковника Груича приписываетъ извѣстіе, противъ котораго она протестуетъ, *Московскимъ Вѣдомостямъ*, тогда какъ оно одновременно появилось и въ иностранныхъ, и въ петербургскихъ газетахъ. Если начальникъ сербской артиллеріи не читаетъ русскихъ газетъ, то вѣроятно въ штабѣ генерала Черняева онѣ получаются...

Но мы сердечно сочувствуемъ негодованію выраженному въ депешѣ полковника Груича, понимая какъ глубоко должны быть тронуты, какъ больно должны быть оскорблены превратною выдумкой воины честно исполнявшіе свой долгъ. Сочувствуемъ также и выраженному въ депешѣ естественному желанію доискаться источниковъ лживаго извѣстія, и съ своей стороны готовы тому способствовать... Да, не хотѣлось вѣрить сообщенному намъ факту. Мы выражали сомнѣніе въ его возможности, но, къ сожалѣнію, не могли сказать ничего положительнаго въ опроверженіе. За нѣсколько дней до распространенія этой вѣсти, нашъ бѣлградскій корреспондентъ предупреждалъ насъ (и мы напечатали его предостереженіе) о сильной англійской интригѣ, работавшей въ сербской столицѣ, успѣшно сѣявшей тамъ смуту и обнаружившейся между прочимъ въ столкновеніи сербскаго военнаго министра съ начальникомъ Тимокско-Моравской арміи. Намъ *не чѣмъ* было обличить неправду... Сербское правительство упорно молчало, ни однимъ словомъ не опровергая столь оскорбительныхъ для его арміи извѣтовъ,—какъ и до сихъ поръ оно молчитъ, ничего не сообщая о послѣднихъ катастрофахъ на Моравѣ. Только въ *Русскомъ Мірѣ* проскочило какое-то краткое голословное опроверженіе. Къ слову сказать, не странно ли (мы говоримъ не объ одномъ только этомъ эпизодѣ, но и вообще обо всей кампаніи), не странно ли что въ дѣлѣ столь важномъ ни сербское правительство, ни сербское военное начальство не позаботились устранить правильное сообщеніе вѣрныхъ свѣдѣній о происходящихъ событіяхъ, и противодѣйствовать непріязненнымъ интригамъ? Мы, съ своей стороны, принимали всѣ мѣры чтобы получать правильнымъ порядкомъ вѣрныя справки. Мы и на мѣстѣ отыскивали, и посылали нарочныхъ въ Сербію корреспондентовъ; мы адресовали ихъ къ правительству, къ главному штабу; мы старались обставить ихъ такъ чтобы всякая новость получалась ими изъ первыхъ рукъ и изъ вѣрныхъ источниковъ, и чтобы сообщенія ихъ могли служить въ пользу дѣлу. Въ самомъ штабѣ мы имѣли корреспондентовъ: бывшій начальникъ штаба отправился въ Сербію нашимъ корреспондентомъ. Мы въ правѣ были разчитывать на успѣхъ своихъ стараній.

Но ни заботы и хлопоты, ни значительныя затраты, не повели ни къ чему. Задуманная нами организація, долженствовавшая замѣнить отсутствіе таковой со стороны самого Сербскаго правительства, не удалась. Штабъ отнесся къ задачѣ вяло, небрежно, несостоятельно. Англійскіе корреспонденты получали извѣстія въ изобиліи и писали изъ Бѣлграда обширные, исполненные интереса, послѣдовательные, направленные въ извѣстномъ смыслѣ, от-

четы, чего, увы! нельзя сказать о русскихъ оттуда корреспонденціяхъ. Вѣдь не странно ли что мы до сихъ поръ не получили отъ штаба отвѣта о судьбѣ нѣкоторыхъ русскихъ добровольцевъ бывшихъ въ бою при Дюнишѣ? Не странно ли что до сихъ поръ не обнародованъ списокъ убитыхъ въ этомъ дѣлѣ русскихъ офицеровъ? Естественно что при такой обстановкѣ интрига легко могла пустить въ ходъ коварную сплетню, противъ которой протестуетъ полковникъ Груичъ со своими боевыми товарищами...

Тѣмъ съ большею настойчивостью слѣдуетъ доискиваться источника этой сплетни. Но и искать нечего. Онъ открывается самъ собою. Въ *Новомъ Времени,* отъ 19-го ноября (№ 231) телеграмма изъ Землина, отъ 18-го октября, полученная отъ собственнаго корреспондента названной газеты гласитъ слѣдующее:

„Турки напали одновременно на Дюнишъ „и Хорватовича, послѣдній отброшенъ къ „Крушевцу, потерявъ послѣднія укрѣпленія, Дюнишъ взятъ. *Не только сербская „пѣхота* (о ней ничего не говорилось въ „нашихъ извѣстіяхъ), *но и сербская артиллерія отказалась драться. Это было „нѣчто въ родѣ открытаго возмущенія.* „Русскіе дрались отчаянно противъ непріятеля который превосходилъ ихъ во сто „разъ силами, и дрались почти одни. Вы „можете себѣ представить много ли осталось изъ этихъ бойцовъ. Говорятъ, легло на мѣстѣ болѣе половины. *Всѣ эти „подробности получены мною изъ министерства.*“

Итакъ, изъ самого сербскаго министерства вышелъ позорный для Сербской арміи слухъ... Въ сербскомъ министерствѣ или въ его канцеляріяхъ таятся люди предающіе свою страну посрамленію. Что это такое? Измѣна? Легкомысленное обращеніе съ фактами воспитанныхъ парижскими бульварами вѣтрогоновъ? Во всякомъ случаѣ, вотъ гдѣ зло, въ этихъ людяхъ, которые очевидно утратили вѣру въ свое національное дѣло, утратили самый смыслъ его. Въ интеллигенціи сербской зло, а никакъ не въ этомъ бѣдномъ, внезапно охваченномъ бурей народѣ, который бьется изо всѣхъ силъ и обливается кровью. Сербы, Герцеговинцы, Босняки, Черногорцы, это одинъ и тотъ же народъ, одинъ и тотъ же языкъ. Вся бѣда въ этой интеллигенціи Сербовъ Княжества, пустой, лишенной духа и силы, преданной интригѣ и способной стать игралищемъ всякаго вѣтра...

Однако, почему же начальство Сербской арміи не поспѣшило и не спѣшитъ опроверженіемъ лживаго извѣстія столь оскорбительнаго для чести арміи? Почему до сихъ поръ не появляется его реляція о Дюнишской битвѣ?

№ 283.

Москва, 4-го ноября.

Наконецъ лондонскія газеты принесли намъ полный текстъ покойной рѣчи лорда Биконсфильда. Бѣдная рѣчь! Она скончалась прежде чѣмъ прозвучала...

Ноябрьскій банкетъ у новаго лорда-мера Лондона есть обычное ежегодное событіе, но на этотъ разъ онъ обставленъ былъ особою торжественностью. Присутствовали не два-три министра, какъ обыкновенно бываетъ, но кабинетъ въ полномъ составѣ. Самъ хозяинъ банкета, новый лордъ-меръ, въ первой же рѣчи, предлагая тостъ за армію, возвѣстилъ что онъ не сторонникъ „мира во что бы то ни стало,“ а военный министръ, г. Гарди, отвѣчая на это, воспѣлъ храбрость Англичанъ явленную ими во столькихъ битвахъ и которую они снова явятъ де если представится случай. Но не одною храбростью отличаются Англичане; также „въ механической и химической изобрѣтательности“ Англія поспоритъ де со всѣми другими націями, и ораторъ заключилъ что „можетъ наступить время когда въ защиту національныхъ интересовъ величайшей важности Англіи придется обнажить свой мечъ.“

За этою воинственною прелюдіей уже послѣдовала рѣчь самаго премьера, который и пояснилъ какіе именно „эти національные интересы величайшей важности.“ Уже изъ телеграммы передавшей вкратцѣ его слова извѣстно въ чемъ полагаетъ ихъ лордъ Биконсфильдъ. Предметъ величайшей важности и единственная гарантія Европейскаго мира суть трактаты обезпечивающіе „независимость и территоріальную цѣлость Турецкой имперіи!“ Это должно быть поставлено превыше всего, этому все должно быть принесено въ жертву, и хотя далѣе лордъ Биконсфильдъ допускаетъ и другую цѣль дипломатическихъ усилій въ

практическомъ улучшеніи быта населеній этой имперіи, но онъ съ удивительнымъ цинизмомъ объявляетъ что цѣль эта менѣе важна чѣмъ первая. Какое улучшеніе — этого онъ не объясняетъ, объ автономіи не упоминаетъ вовсе, а распространяется только о какихъ-то учрежденіяхъ для контроля мѣстныхъ дѣлъ въ Босніи и Герцеговинѣ, прибавляя что „положеніе Болгаріи также надо принять во вниманіе."

Заговоривъ о перемиріи, глава британскаго кабинета совсѣмъ преобразился въ великаго визиря. Но объ этомъ не стóитъ теперь говорить. De mortuis aut bene aut nihil. Жалу рѣчи предполагалось быть въ концѣ. Въ концѣ объясняется что Англія готова къ войнѣ какъ ни одна страна въ мірѣ, и не только къ одной войнѣ, а къ двумъ, къ тремъ...

Не напоминаетъ ли эта бравада чудовищныхъ драконовъ изображаемыхъ Китайцами на ихъ знаменахъ, и достойна ли такая выходка въ устахъ главнаго министра великой державы? Можетъ ли она убѣдить кого-нибудь въ Европѣ что ради „англійской свободы, независимости и господства (empire), милліоны людей должны томиться въ скотскомъ порабощеніи? И какой отвѣтъ онъ дастъ своей странѣ когда она увидитъ что всѣ его рѣчи были не болѣе какъ пустая похвальба, способная только уронить значеніе Англіи въ глазахъ всего міра?

Всѣ дѣйствія нынѣшняго торійскаго кабинета были систематически направлены къ тому чтобы ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе собственной страны. Лордъ Дарби, еще въ минувшемъ іюлѣ, въ успокоеніе одной явившейся къ нему депутаціи, во всеуслышаніе объявилъ что войны нечего опасаться потому что Россія *не готова* къ войнѣ, и затѣмъ цѣлый сонмъ министерскихъ газетъ *Morning Post*, *Standard*, *Saturday Review*, *Pall Mall Gazette*, въ особенности же нашъ давнишній благопріятель, берлинскій корреспондентъ газеты *Times*, на всѣ лады безпрерывно доказываютъ что Россія не рѣшится дѣйствовать, потому де что у нея нѣтъ союзниковъ, нѣтъ денегъ, нѣтъ войска, что она кромѣ того подкопана соціальною революціей. И это доказывается помощью систематической лжи и скрытія истины. Напримѣръ, чтобъ убѣдить читателей во враждебности будто бы Германіи къ Россіи, берлинскій корреспондентъ *Times* постоянно приводитъ выдержки изъ извѣстныхъ туркофильствомъ *Кельнской Газеты* и аугсбургской *Всеобщей Газеты*, систематически умалчивая о томъ что̀ пишется въ другихъ органахъ; въ доказательство силы тайныхъ обществъ въ Россіи указывается на вовсе не тайные, а всѣмъ извѣстные своею дѣятельностью славянскіе благотворительные комитеты, и прочее въ томъ же родѣ.

Спрашивается, для кого же это все пишется? Вѣдь прежде всего это читается англійскою публикой. Для чего же въ теченіе цѣлаго года такъ безсовѣстно обманывать ее?

Утверждаютъ что русская политика руководится враждой къ Турціи столь дорогой лорду Биконсфильду, что она неуклонно стремится къ разрушенію Оттоманской имперіи. Нѣтъ это не правда; не враждой къ Турціи, а участіемъ въ судьбѣ христіанскихъ населеній живущихъ въ Турціи всегда руководилась и теперь руководится политика Россіи. Нѣтъ, не изъ вражды къ кому бы то ни было вступается Россія за христіанскія населенія Востока, а святое призваніе освободить ихъ побуждаетъ ее къ борьбѣ и будетъ побуждать все сильнѣе. Еслибы можно было согласить существованіе политическаго тѣла подъ именемъ Оттоманской имперіи съ благомъ этихъ населеній, съ ихъ свободой и процвѣтаніемъ, то Россія могла бы пребывать въ добромъ согласіи съ такою имперіей. Не Россія ли первая предложила единственную возможную формулу терпимаго существованія Турціи: автономія христіанскихъ народовъ подъ скипетромъ султана?

Насколько интересы самой Англіи требуютъ солидарности съ Турецкою ордой и порабощенія милліоновъ людей, предоставляемъ это судить самимъ Англичанамъ. Мы видимъ только что англійскій министръ находитъ такую политику приличною для страны славящейся просвѣщеніемъ и свободой. Между самими его соотечественниками не всѣ такого мнѣнія. Извѣстно что есть въ Англіи люди высокаго авторитета, какъ г. Гладстонъ, маркизъ Гартингтонъ, герцогъ Аргайль, маркизъ Батъ, лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, и многіе другіе, которые разсуждаютъ что отнюдь не въ интересѣ Англіи создавать себѣ враговъ въ молодыхъ силахъ рвущихся къ жизни на Востокѣ. Такого же мнѣнія, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, былъ и графъ

Дарби, нынѣшній секретарь иностранныхъ дѣлъ Англіи. Но онъ измѣнилъ свое мнѣніе и вмѣстѣ со всѣми товарищами раздѣляетъ взглядъ своего главы, графа Биконсфильда. Какой взглядъ вѣрнѣе и согласнѣе съ интересами Англіи, пусть это рѣшитъ Англійскій народъ. Но вѣрно то что желая отстаивать варварство подъ именемъ „цѣлости и независимости Турецкой имперіи,“ англійскіе министры ищутъ не умиротворенія Востока, не согласія Европы, а новыхъ смутъ, раздора, войны, въ которой можетъ (и должна) погибнуть и Оттоманская имперія и солидарные съ нею, по убѣжденію британскихъ министровъ, интересы Британской имперіи...

№ 284.

Москва, 5-го ноября.

Тотчасъ за произнесеніемъ рѣчи лорда Биконсфильда, въ офиціальной *London Gazette* была обнародована и затѣмъ перепечатана и всѣми англійскими газетами весьма пространная депеша статсъ-секретаря лорда Дарби къ британскому послу въ С.-Петербургѣ лорду Лофтусу, помѣченная отъ 30 октября н. ст. Она имѣетъ характеръ историческаго документа, излагая во всѣхъ подробностяхъ ходъ переговоровъ съ тѣхъ поръ какъ, 24 августа, Англія взяла на себя посредничество для прекращенія борьбы.

Начнемъ по порядку. Послѣ того какъ Порта, отклонивъ формальное перемиріе, предложила свои невозможныя условія, и когда затѣмъ Россіей было сдѣлано предложеніе о военномъ занятіи, Англія встревожилась и поспѣшила выступить впередъ чтобъ образумить Порту и энергически расправиться съ ней. И вотъ 5 октября изъ Лондона былъ отправленъ Портѣ... ультиматумъ! Да, ультиматумъ! Сэръ-Генри Эллиоту было поручено „настоять на перемиріи не менѣе какъ на мѣсяцъ (вслѣдствіе предложенія Русскаго правительства о немедленномъ перемиріи на шесть недѣль)... и въ случаѣ отказа оставить Константинополь.“

Порта очень хорошо понимала значеніе и силу этого англійскаго ультиматума, и потому вовсе не спѣшила отвѣтомъ, который былъ данъ не ранѣе семи дней. Въ это время, однако, графъ Дарби не терялъ времени. Покорно и терпѣливо выжидая отвѣта Порты и не торопя ея, онъ обращается съ усиленными настояніями... къ Россіи о прекращеніи прилива русскихъ добровольцевъ въ Сербію, такъ какъ ихъ содѣйствіе будто бы препятствуетъ скорому и мирному окончанію войны, ибо оно „возбуждаетъ раздраженіе и подозрѣ„ніе въ умахъ турецкихъ министровъ и „въ то же время поддерживаетъ надежды „Сербскаго правительства и должно дѣ„лать его менѣе наклоннымъ внять раз„судительнымъ условіямъ.“ Кромѣ того была будто бы опасность что „присутствіе „иностраннаго элемента въ Сербской ар„міи можетъ возбудить духъ неповиновс„нія и превратить ея командировъ въ во„енныхъ вождей независимыхъ отъ кон„троля княжескаго правительства.“

Замѣчательно что почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ и англійскіе корреспонденты изъ Бѣлграда твердили объ опасностяхъ вызываемыхъ наплывомъ русскихъ добровольцевъ. Видите какую стройную и согласную организацію составляютъ въ Англіи дипломатія и печать. Стóитъ министру конфиденціально высказать свои соображенія другимъ кабинетамъ какъ это же самое начинаютъ развивать газеты въ передовыхъ статьяхъ и въ корреспонденціяхъ съ мѣста событій.

Что же касается инсинуацій графа Дарби противъ русскихъ добровольцевъ, то онѣ проливаютъ новый свѣтъ на англійскую интригу, такъ успѣшно посѣявшую потомъ прискорбные раздоры въ Сербіи.

Но возвращаемся къ депешѣ лорда Дарби. 12 октября явился наконецъ отвѣтъ Порты. Вмѣсто шестинедѣльнаго, она предложила шестимѣсячное перемиріе, притомъ съ условіями чтобы державы обязались принять мѣры для прекращенія привоза оружія и зарядовъ, а также прилива добровольцевъ въ княжества. Одновременно она возвѣстила о предполагаемыхъ ею для всей Оттоманской имперіи реформахъ. И такъ, отвѣтомъ на англійскій ультиматумъ былъ турецкій ультиматумъ. Какъ же принялъ его графъ Дарби? Забывъ о своей угрозѣ разрывомъ сношеній съ Портой и отозваніемъ своего посла, онъ немедленно присоединяется къ ней, и *въ тотъ же самый день* (замѣтьте!) убѣждаетъ русскаго и австрійскаго пословъ *побудить* Сербію къ принятію турецкаго перемирія; въ тотъ же день посылаетъ онъ телеграммы о томъ

же въ британскія посольства въ Парижѣ, Берлинѣ, Петербургѣ и Римѣ, отправляетъ инструкціи въ томъ же смыслѣ въ Бѣлградъ и Черногорію. Усердіе англійскаго министра исполнить требованія Порты превосходитъ всякія границы приличія. Русскій посолъ въ Лондонѣ высказываетъ ему сомнѣніе въ возможности принятія турецкихъ предложеній. Графъ Дарби на это „находитъ нужнымъ предостеречь" что отклоненіе Россіей турецкихъ условій будетъ понято всѣми въ Англіи за твердое намѣреніе начать войну, за угрозу Константинополю! И это говорилось въ тотъ самый день какъ были получены турецкія условія. Видите какая поспѣшность! Да и чего и было размышлять, когда эти условія предъявленныя Портой были продиктованы ей самимъ же этимъ графомъ Дарби или его агентомъ въ Константинополѣ?

Чрезъ два дня Россія и Италія дѣйствительно отвергаютъ эти условія, настаивая на первоначальномъ требованіи. Тогда, въ тревогѣ, лордъ Дарби кидается къ князю Бисмарку съ просьбой употребить все его вліяніе чтобъ убѣдить Россію къ принятію какого-либо компромисса. Въ это же самое время въ газетѣ *Times* появляется передовая статья (на которую мы въ свое время и обращали вниманіе), гдѣ къ князю Бисмарку возносится жалостная мольба о томъ же, хотя публикѣ еще не было извѣстно объ офиціальномъ обращеніи графа Дарби къ германскому канцлеру. Но получается отвѣтъ что Германское правительство не считаетъ себя въ правѣ оказывать давленіе на рѣшенія другихъ державъ, съ замѣчаніемъ что шестинедѣльное перемиріе могло бы уладить дѣло. Тогда Англійское правительство умываетъ себѣ руки, говоря что оно сдѣлало все возможное.

Такъ повѣствуетъ самъ графъ Дарби о своихъ *искреннихъ* усиліяхъ въ пользу мира.

Англія предъявила Портѣ ультиматумъ, съ угрозой разрывомъ. Порта медлитъ отвѣтомъ, и потомъ предъявляетъ встрѣчныя требованія, и мгновенно Англія кидается ко всѣмъ дворамъ съ хлопотами о принятіи турецкихъ требованій, а Россія выставляется врагомъ общаго спокойствія если не подчинится турецкому капризу.

Говорить о существенной разницѣ между обоими предложеніями, между перемиріемъ въ шесть недѣль и шесть мѣсяцевъ нѣтъ надобности. Это уже было достаточно разъяснено. А если не было разницы, то зачѣмъ бы Англіи такъ хлопотать объ исполненіи каприза Порты? А между тѣмъ переговоры дали время Туркамъ собрать до 100.000 войска, чтобы раздавить сербскихъ ополченцевъ на Моравѣ!

Ужасно подумать чего стоила эта страшная игра! Какъ наконецъ могутъ спать спокойно эти лорды Биконсфильдъ и Дарби, какъ не смутятъ ихъ сна сцены такъ красиво и обстоятельно изображаемыя артистами *Лондонской Иллюстраціи* и *Графика* рисующими съ натуры! Какъ не подавятся они сознаніемъ что ихъ *искреннія* усилія увѣнчались нѣсколькими тысячами жертвъ убитыхъ, сожженныхъ, изувѣченныхъ, опозоренныхъ, разоренныхъ! Теперь говорятъ, какіе то добродѣтельные Англичане ходятъ по Бѣлграду съ елеемъ помазывать эти страшныя, вопіющія къ Богу язвы...

Чего же и ожидать отъ подобнаго союзника въ общемъ дѣлѣ? Лучше уже имѣть такую злодѣйскую политику открытымъ противникомъ. Россія уже объявила что не будетъ долѣе терпѣть безчинствъ надъ христіанами. Но безъ военнаго занятія нельзя помочь этимъ населеніямъ. Посмотримъ осмѣлится ли Англія выступить открыто на общее съ баши-бузуками дѣло. Неофиціально, и теперь уже множество англійскихъ офицеровъ приравняли себя къ нимъ, и помогаютъ дѣлу варварскаго истребленія, наводя турецкія орудія и управляя турецкими кораблями, хотя къ лорду Дарби никто еще не обращался съ замѣчаніями объ этихъ добровольцахъ...

Страшно подумать что и двухмѣсячное перемиріе вырванное у Порты слишкомъ продолжительно, и что теперь ежедневно совершаются по глухимъ селеніямъ Босніи, Старой Сербіи, Македоніи дѣла ужаса и крови... На дняхъ еще мы привели, со словъ англійскихъ же корреспондентовъ, что въ Болгаріи разгулъ гнусныхъ страстей попрежнему не знаетъ удержа. Нѣтъ, пора словопреній миновала. Только сила можетъ образумить дикаго звѣря.

№ 285.

Москва, 6-го ноября.

Третьяго дня парижская телеграмма *Times* сообщала что Австрія предполагаетъ

мобилизовать часть своей арміи. Съ какою цѣлью и гдѣ будутъ сосредоточены австро-венгерскія войска? Объ этомъ предоставляется каждому догадываться по своему. Нѣсколько времени предъ тѣмъ туркофильскія газеты въ Вѣнѣ, и преимущественно *Neue Freie Presse*, настойчиво распространяли слухъ о послѣдовавшемъ наконецъ будто бы тѣсномъ сближеніи, если не союзѣ, Австріи съ Англіей. Графъ Бейстъ, австро-венгерскій посолъ въ Лондонѣ, долго де отклонялъ уловки Англіи увлечь Австрію въ союзъ, но наконецъ ему были будто бы представлены такія неопровержимыя доказательства истинныхъ цѣлей русской политики (понимай: завоевательныя намѣренія) что союзъ явился необходимостью. Черезъ день мы дождались опровержения этихъ слуховъ. Офиціозная газета *Fremdenblatt*, еще недавно, какъ припомнятъ читатели, сама вопіявшая противъ русскаго ультиматума, заявила что для Австріи нѣтъ повода къ принятію чрезвычайныхъ мѣръ, что въ дипломатическихъ кругахъ (ужь эти дипломатическіе круги!) ничего неизвѣстно о тѣсномъ сближеніи Австріи съ Англіей вызванномъ якобы для противодѣйствія Россіи. Пусть все это такъ. Мы готовы повѣрить этому. Но что же это за политика, то заявляющая о солидарности съ дѣйствіями Россіи, то кидающаяся въ сторону и постоянно подающая поводъ къ подозрѣніямъ и превратнымъ слухамъ въ собственной странѣ?

Австрійскіе государственные мужи говорятъ: не судите нашей политики по тому что говорится въ нашихъ газетахъ. Печать де наша кормится сенсаціонными извѣстіями и ложными слухами, и мы сами недавно разослали прокурорамъ циркуляръ чтобъ они не церемонились съ конфискаціей газетъ. Таковъ смыслъ отвѣта на недавнюю интерпелляцію въ Рейхсратѣ по поводу вышеупомянутаго министерскаго циркуляра. Слѣдуетъ согласиться съ такимъ отзывомъ австрійскаго министерства объ австрійской печати; но сенсаціонныя извѣстія и ложные слухи распускаются же съ какою-нибудь цѣлью. Что можетъ быть, напримѣръ, нелѣпѣе разныхъ выдумокъ распускаемыхъ венгерскою печатью относительно славянскаго дѣла въ Турціи? Но нельзя же сказать чтобы венгерская печать не выражала при этомъ взглядовъ самихъ Венгерцевъ. Когда пештскіе „софты“ шумѣли на улицахъ во славу Турціи „исполняющей дѣло цивилизаціи,“ возили почетную саблю Абдулъ-Кериму во славу турецкаго оружія, и пилигримствовали на могилу турецкаго дервиша въ Офенѣ, причемъ произносились рѣчи на французскомъ, англійскомъ, польскомъ и мадьярскомъ языкахъ, и взявшій на себя роль Француза хвалилъ либерализмъ Турокъ дарующій конституцію, Англичанинъ относился восторженно объ ихъ экономическихъ способностяхъ, Полякъ ругалъ Россію, а Мадьяръ заявлялъ о своемъ кровномъ родствѣ съ Турками,—развѣ при всемъ этомъ „восторженная молодежь“ не была выразительницей мадьярскихъ восторговъ? Для приличія можно пожалѣть о „необдуманныхъ поступкахъ юношества,“ можно не одобрить печать за ея „выходки,“ но это не измѣняетъ сущности дѣла. Когда венгерская печать полѣзла на стѣну отъ „восторга“ по поводу рѣчи лорда Биконсфильда и рукоплещетъ „британскому льву за то что онъ потрясъ гривой и этимъ заставитъ сѣвернаго медвѣдя спрятаться въ берлогу,“ развѣ и это не выходка?

Въ Австріи, однако, камертонъ настроенъ еще не исключительно (къ сожалѣнію или нѣтъ?) по венгерской ноткѣ. Цѣлая коллекція мнѣній, напримѣръ, была высказана въ недавнихъ преніяхъ по Восточному вопросу въ австрійскомъ Рейхсратѣ „народными представителями,“ причемъ каждый ратовалъ за „истинные“ интересы Австріи. Не здѣсь ли искать и объясненія восточной политики этой державы? Говорилъ, напримѣръ, депутатъ Демель и заслужилъ одобреніе не только большинства своей партіи, но и поздравленіе министра-президента, князя Ауэрсперга. Смыслъ рѣчи оратора былъ тотъ что Австрія вступила въ тройственный союзъ, потому что ея интересы затронуты на южномъ Дунаѣ и не ей одной предначертана тамъ цивилизаторская миссія. Довѣріе слѣдовало предпочесть изолированному положенію, и потому было приступлено къ рѣшенію вопроса, но съ самаго начала не было послѣдовательности въ дѣйствіяхъ Австріи. Заблужденіе состояло въ избыткѣ вѣры въ мирное рѣшеніе вопроса. Теперь довѣрія уже не существуетъ. Государство которому предоставлена была водительская роль (Führung) не могло принять ее въ томъ направленіи куда его толкали. Война значитъ для Австріи ужасное затрудненіе, бѣдствіе для ея населенія, и

она можетъ быть оправдана только великою цѣлью. Нести культуру на Востокъ— не дѣло Австрійцевъ. Но если придетъ другой и скажетъ: въ такомъ случаѣ я возьмусь за цивилизаторскую миссію отъ которой ты отказываешься, то Австріи слѣдуетъ спросить: чья культура лучше? Если Австріи придется воевать, то магнитная стрѣлка укажетъ ей на *сѣверъ*, откуда ей грозитъ наибольшая опасность.

Эта рѣчь своею безхарактерностью характеризуетъ восточную политику Австріи. Пока событія не грозили всеобщимъ пожаромъ, Австрія не прочь была отъ „культурной миссіи“ на Востокѣ. Она поддерживала подъ рукой возстаніе и все толковала о тройственномъ союзѣ которымъ ей была предоставлена „водительская роль“. Но вотъ нити событій стали ускользать изъ рукъ Австрійскаго правительства. Черногорія и Сербія должны были вступить въ борьбу. Австрія пустила въ ходъ всѣ свои интриги противъ нихъ, и заговорила о „цѣлости и неприкосновенности“ Турецкой имперіи. Наконецъ наступилъ часъ когда Россія должна была выступить съ рѣшающимъ словомъ, и вотъ Австрія дѣлаетъ еще послѣднее усиліе прокричать о своихъ „интересахъ“ на Востокѣ.

Если Австрія боится войны, если въ нѣдрахъ ея таятся начала разложенія, то пусть она не прекословитъ ходу событій свершающихся на Востокѣ. „Австрія должна свыкнуться съ мыслью,“ умно говоритъ ей германская газета *Schlesische Zeitung*, „что на границахъ ея возникнутъ мелкія славянскія государства. Поддержать турецкую власть въ Европѣ невозможно. Если Австрія не хочетъ сама присоединеній и желаетъ предотвратить будущія русскія завоеванія, той ей не остается другаго выбора. Она не имѣетъ никакого права воспрещать сосѣднимъ славянскимъ народамъ образовать свои государства, какъ ни одно государство не имѣло права изъ эгоистическихъ видовъ сопротивляться единству Италіи или Германіи. Австрія полагаетъ что изъ такихъ государственныхъ новообразованій создадутся для нея невыносимыя затрудненія внутри: если такъ, то она должна устроить у себя такой порядокъ при которомъ она могла бы преодолѣть эти затрудненія. *Non possumus* было бы здѣсь отреченіемъ отъ своего права на государственное существованіе.“

№ 287.

Москва, 8-го ноября.

Впечатлѣніе произведенное въ Берлинѣ рѣчью Государя Императора и нотой князя Горчакова отъ 1 ноября и сужденія вызванныя въ тамошней печати этими событіями, сразу измѣнившими политическій горизонтъ Европы, довольно вѣрно резюмированы въ письмѣ нашего берлинскаго корреспондента, хотя берлинская печать, по обыкновенію своему, говоритъ съ крайнею сдержанностію и въ выраженіяхъ Дельфійскаго оракула обо всемъ что касается будущихъ намѣреній Германіи на случай европейскихъ замѣшательствъ. Одно только мы можемъ поставить съ удовольствіемъ на видъ: вліятельнѣйшія берлинскія газеты самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ встрѣтили рѣчь нашего Государя тономъ доброжелательнаго сочувствія, тогда какъ австрійская, въ особенности мадьярская печать, толкуютъ знаменательныя слова Русскаго Монарха какъ прямой вызовъ брошенный Австріи (?!) и не сомнѣваются въ томъ что Австрія приметъ этотъ вызовъ и вступитъ въ тѣсный союзъ съ Англіей, для которой Австрія, по словамъ тѣхъ же газетъ, послужитъ въ качествѣ ея континентальной арміи. Не слѣдуетъ, однако, думать чтобъ Австрійское правительство было солидарно съ этимъ воинственнымъ наѣздничествомъ пештскихъ поборниковъ ислама. Находящіяся въ офиціозныхъ отношеніяхъ къ графу Андраши вѣнскія газеты,—а таковыхъ не мало, — отличаются умѣренностью и сдержанностью. *Fremdenblatt*, самая офиціозная изъ нихъ, поспѣшила даже заявить что всѣ извѣстія о томъ будто Австрія приступила къ мобилизаціи своей арміи лишены основанія, и что Австрія не имѣетъ къ тому пока ни малѣйшаго повода.

Но возвращаясь къ толкамъ берлинскихъ газетъ о рѣчи Государя Императора мы не можемъ не остановиться на одномъ недоразумѣніи. И *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* и *National-Zeitung* говорятъ о „славянской идеѣ“ возвѣщенной нынѣ съ высоты Россійскаго престола, и замѣчаютъ что эта „идея“ получила нынѣ несравненно болѣе реальное значеніе нежели прежде. Но берлинскія газеты упускаютъ изъ виду что слова Вѣнценоснаго Представителя Россіи относились

къ христіанамъ Востока и въ равной мѣрѣ ко *всѣмъ*. „Святое призваніе“ Россіи на Востокѣ о коемъ возвѣщено въ рѣчи Государя Императора не исчерпывается отношеніями племеннаго родства и не совпадаетъ съ нимъ. Достаточно напомнить для этого что въ прежнее время, когда рѣчь шла о той же мертвящей силѣ подавляющей въ теченіе вѣковъ свободное развитіе исторической жизни на Востокѣ, сочувствіе и содѣйствіе Россіи было въ одинаковой мѣрѣ на сторонѣ Грековъ и Румынъ, и что связь наша съ Греками составляетъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ и существеннѣйшихъ элементовъ нашего историческаго бытія.

Какъ бы то ни было, но въ Берлинской печати мы продолжаемъ до сихъ поръ встрѣчать сочувственные Россіи отзывы, и нѣкоторые изъ органовъ ея продолжаютъ настойчиво обличать всѣ фальшивыя и недобросовѣстныя заключенія какими туркофильскія газеты стараются сбить съ толку своихъ читателей и затемнить сужденія объ истинныхъ интересахъ Европы въ турецкихъ дѣлахъ. Особенно любопытенъ рядъ статей неизвѣстнаго автора печатающійся теперь въ *National-Zeitung*, подъ заглавіемъ *Дипломатическіе комментаріи къ теперешнему положенію Восточнаго вопроса*. Въ этихъ статьяхъ, прежде всего, очень мѣтко опровергается аргументъ въ пользу „жизненности“ Турціи, выводимый изъ какихъ-то ея „военныхъ успѣховъ“ надъ Сербіей. Авторъ сравниваетъ Сербско-Турецкую войну съ войной какую вздумала бы напримѣръ предпринять провинція Померанія противъ Германской имперіи, и приходитъ къ заключенію что побѣда Германіи, хотя бы самая полная и рѣшительная, не могла бы ни въ чемъ возвысить ея кредитъ. Но побѣды Турціи, располагающей 30 милліонами населенія надъ маленькою Сербіей, не только не были полны и рѣшительны, но въ сущности ихъ вовсе не было. Авторъ думаетъ что для безпристрастнаго наблюдателя послѣдняя кампанія дала матеріалъ для выводовъ діаметрально-противоположныхъ тѣмъ какіе дѣлаютъ туркофилы въ разныхъ странахъ Европы: доказано, напротивъ, что Турція не сумѣла вполнѣ справиться со скудною и плохо организованною военною силой населенія, которое заключаетъ въ себѣ лишь малую часть всего враждебнаго турецкому владычеству населенія Балканскаго полуострова. Что же будетъ когда всѣ христіане Балканскаго полуострова возстанутъ вмѣстѣ и одновременно? Соединенныхъ усилій всего этого населенія, безъ посторонней помощи, было бы болѣе нежели достаточно чтобы нанести смертельный ударъ владычеству Турокъ, и рано или поздно это единеніе настанетъ. Авторъ думаетъ что это соображеніе играло несравненно бóльшую роль въ послѣдней „перемѣнѣ“ англійской политики по отношенію къ Турціи нежели движенія человѣколюбія вызванныя злодѣяніями въ Болгаріи. Далѣе авторъ опровергаетъ другое фальшивое мнѣніе которое всячески старались распространить, пользуясь сообщеніями корреспондентовъ иностранныхъ газетъ изъ Сербіи, о разладѣ между Сербами и русскими добровольцами, и что будто бы обаяніе и авторитетъ Россіи въ глазахъ южныхъ Славянъ подорваны теперь надолго, если не на всегда. Намъ въ Россіи, конечно, можетъ показаться страннымъ что *подобныя* мнѣнія обращаютъ на себя вниманія и удостоиваются возраженій. Но недруги Россіи охотно вѣрятъ всему что клонится ей во вредъ, а потому имъ не особенно будетъ по вкусу выводъ автора указанной статьи, который доказываетъ что главнымъ и самымъ существеннымъ результатомъ Сербской войны слѣдуетъ признать огромное возвышеніе авторитета Россіи въ глазахъ южныхъ Славянъ. Было де время, и еще весьма недавно, когда Австрія мечтала о томъ что она вытѣснитъ вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ принявъ на себя роль покровительницы и будущей освободительницы турецкихъ Славянъ. Теперь послѣдніе знаютъ чего они могутъ и должны ожидать отъ монархіи Габсбурговъ, и *кто* можетъ разчитывать на дружелюбныя услуги Мадьяръ. Съ другой стороны, южные Славяне увидѣли какъ одного повелительнаго мановенія Россіи было достаточно для того чтобы вынудить у Турціи перемиріе коего не могла добиться вся остальная Европа, и благодаря русскому *Quos ego!* Сербія была спасена отъ вторженія турецкихъ полчищъ.

Въ той же берлинской газетѣ мы встрѣтили интересныя соображенія экономическаго свойства на случай войны между Россіей и Англіей. Война эта будетъ де имѣть несравненно болѣе сильное вліяніе

на экономическія условія всей Европы нежели всѣ другія войны въ послѣднія 15 лѣтъ. Англія можетъ воевать съ Россіей прежде всего посредствомъ блокады ея береговъ; этимъ будутъ де отрѣзаны важнѣйшіе пути вывоза и привоза для Россіи, и они должны направиться преимущественно чрезъ Германію и Австро-Венгрію; а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится обмѣнъ сырыхъ произведеній Россіи на произведенія англійской промышленности, то Германія и Австрія могутъ де извлечь изъ этого весьма существенныя для себя выгоды. То же явленіе имѣло мѣсто и во время Крымской войны; но размѣры его въ настоящее время будутъ неизмѣримо больше. Въ Крымскую войну морской провозъ замѣненъ былъ на западной нашей границѣ гужевымъ способомъ перевозки. Россія не имѣла еще ни одной желѣзной дороги кромѣ Николаевской, и въ зимнее время, когда прекращалось и рѣчное судоходство по Нѣману и Вислѣ, безконечные обозы тянулись изъ Россіи въ Германію нагруженные пенькой, саломъ и другимъ сырьемъ, и обратно тѣ же обозы привозили изъ прусскихъ портовыхъ городовъ хлопокъ. Но это сообщеніе могло простираться сравнительно лишь на небольшой районъ Россіи, ибо этотъ дорогой способъ былъ возможенъ не для всѣхъ продуктовъ и не для всѣхъ частей столь обширной страны. Вотъ почему въ Крымскую войну Германія могла воспользоваться лишь малою долей того оборота Россіи который могъ выдержать замѣну дешеваго морскаго сообщенія обознымъ. Условія теперь совсѣмъ иныя. Европейская Россія обладаетъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ которая связываетъ самыя отдаленныя ея части, и эта сѣть во многихъ пунктахъ соединена съ германскими желѣзными дорогами. Этимъ дана возможность полной замѣны морскаго провоза для всѣхъ продуктовъ которые могутъ выдержать издержки желѣзнодорожной перевозки. Нѣмецкая газета придаетъ особенное значеніе тѣмъ выгодамъ которыя можетъ извлечь изъ такого положенія дѣлъ металлическое производство Германіи, которому предстоитъ двойная выгода: вопервыхъ, спросъ на металлическія произведенія для военныхъ надобностей и для желѣзныхъ дорогъ самъ собою возрастаетъ и уже возросъ при одныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ, и притомъ не въ одной Россіи; а вовторыхъ, въ случаѣ войны, германской промышленности предстоитъ замѣнить въ этомъ отношеніи англійскую. Отъ конкурренціи послѣдней она совершенно избавится на время войны и притомъ не на одномъ только русскомъ рынкѣ, но и въ остальной Европѣ, ибо англійскіе металлическіе заводы будутъ поглощены усиленнымъ производствомъ военныхъ принадлежностей, и Англія вынуждена будетъ значительно сократить свой вывозъ за границу; а это дастъ де возможность и случай германскому желѣзному производству укрѣпиться на всемірномъ рынкѣ и оправиться отъ тѣхъ бѣдственныхъ условій въ которыя оно было поставлено въ послѣдніе годы.

Всѣ эти соображенія показываютъ что въ случаѣ войны съ Россіей Англія своими тяжкими усиліями только истощала бы себя не вредя Россіи, и что блокада нашихъ гаваней была бы въ сущности блокадой англійской торговли и судоходства.

№ 288.

Москва, 9-го ноября.

А.

Сегодня въ Петербургѣ и въ Москвѣ открылась подписка на новый выпускъ 5% банковыхъ билетовъ на сумму сто милліоновъ рублей. Билеты эти выпускаются по 92 р. за сто, съ разсрочкой платежа отъ ноября 1876 по 11 апрѣля 1877.

Итакъ вопросъ о пріобрѣтеніи финансовыхъ средствъ, необходимыхъ въ виду теперешняго политическаго положенія Россіи, уже рѣшенъ. Наше правительство, даже теперь, въ минуту предстоящаго ему исполненія „святаго призванія“ Россіи, не нашло нужнымъ прибѣгать къ какимъ-либо исключительнымъ средствамъ; оно не объявило даже займа съ выигрышами, а ограничилось обыкновеннымъ выпускомъ 5% банковыхъ билетовъ. Такіе выпуски дѣлались въ обстоятельствахъ обыкновенныхъ. Первый выпускъ сдѣланъ былъ во время банковой реформы для изъятія изъ обращенія билетовъ прежнихъ Государственныхъ Банковъ: Заемнаго и Коммерческаго, Сохранныхъ Казенъ и Приказовъ Общественнаго Призрѣнія. Второй выпускъ имѣлъ цѣлію способствовать выкупной опе-

раціи крестьянскихъ надѣловъ. Третій выпускъ сдѣланъ былъ для того чтобъ извлечь изъ обращенія часть (ничтожную, на 12 милліоновъ) кредитныхъ билетовъ и предать ихъ сожженію. Если въ теперешнихъ обстоятельствахъ правительство прибѣгаетъ къ обычному выпуску банковыхъ билетовъ, то это значитъ что оно не усматриваетъ въ ближайшемъ будущемъ никакихъ особыхъ финансовыхъ затрудненій.

Открывающаяся сегодня подписка есть лучшій отвѣтъ на слова англійскихъ министровъ и корреспондентовъ англійскихъ газетъ, увѣряющихъ что Россія воевать не можетъ, что она не готова къ войнѣ, не имѣетъ ни оружія, ни снарядовъ, ни запасовъ, ни наконецъ денегъ. Вопреки имъ, наши дороги дѣятельно заняты перевозкой всякаго рода военныхъ запасовъ и снарядовъ, а теперь, когда дошло дѣло до средствъ, правительство ограничилось приглашеніемъ публики принять участіе въ самомъ обыкновенномъ займѣ.

Но, кромѣ займовъ, правительство можетъ имѣть въ виду еще и спеціальные налоги въ случаѣ войны. Знаменательно что иниціатива установленія такихъ налоговъ идетъ отъ самого общества. Такъ многія земства предлагаютъ казнѣ спеціальныя обложенія на случай войны, а петербургское биржевое купечество изъявляетъ готовность на добровольное повышеніе платы за гильдейскія свидѣтельства 1 и 2 гильдіи до двойной суммы на пять лѣтъ. Лордъ Дарби объявившій еще въ іюнѣ одной изъ представлявшихся ему депутацій что Россія ни въ военномъ, ни въ финансовомъ смыслѣ не готова къ войнѣ, не предвидѣлъ, конечно, того, что мы уже видимъ и того, что, полагать надо, увидимъ еще.

Выпуская четвертую серію 5% банковыхъ билетовъ, наше финансовое управленіе повидимому увѣрено въ успѣхѣ. Оно открываетъ четырехдневную подписку на заемъ, хотя легко могло бы исподоволь помѣстить его на биржѣ, какъ это было сдѣлано напримѣръ со вторымъ 5% займомъ съ выигрышами. Финансовое управленіе обращается къ патріотизму русскаго народа. Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появилось офиціальное сообщеніе, гдѣ мы читаемъ:

„Правительство... приступая къ займу... вполнѣ увѣрено что цѣль кредитной операціи, съ Высочайшаго соизволенія предпринимаемой, безъ сомнѣнія сочувственна всѣмъ классамъ Русскаго народа. *Министерство Финансовъ надѣется*, что это сочувствіе выразится общимъ участіемъ въ займѣ.“

Пятипроцентные банковые билеты въ денежномъ хозяйствѣ, это все равно что мѣдная посуда въ хозяйствѣ домашнемъ. Ни при какихъ обстоятельствахъ ничего имъ не дѣлается, и они не теряютъ своей цѣны. Даже въ годы акціонерной горячки, когда все бросалось на разныя спекулятивныя бумаги, столь жестоко теперь павшія, въ 1869 и 1870 годахъ, банковые билеты не рѣдко стояли по 90½%. Новый выпускъ уронилъ, конечно, цѣны на находящіеся въ обращеніи билеты, но они пали лишь до 93¾%. Даже биржа повидимому имѣетъ стремленіе принять участіе въ подпискѣ. Спекулятивныя бумаги: акціи Московско-Рязанской дороги пали до 290—295, Рыбинско-Бологовской до 77½ и 78 руб. Спекуляція удержала за собой лишь выигрышные билеты: пошатнувшись сегодня до 174, они дошли въ концѣ биржи до 177.

Вотъ какъ легко перенесла биржа новый внутренній заемъ. Это добрый знакъ.

Б.

Въ № 308 *Голоса* помѣщена корреспонденція изъ Бѣлграда, на которую названная газета обращаетъ „особенное вниманіе“ своихъ читателей. Эта корреспонденція, съ торжественною грустью говоритъ отъ себя редакція, посвящающая ея истолкованію цѣлую статью, „многое объясняетъ и о многомъ заставляетъ задуматься...“

Почему такъ?

Потому что она „даетъ ключъ къ объясненію тѣхъ недоразумѣній, той неправды и даже лжи, которую распространяли нѣкоторыя изъ русскихъ газетъ съ театра Сербско-Турецкой войны...“

Ложь въ русскихъ газетахъ съ театра славянской борьбы? Какимъ образомъ это могло случиться?

А вотъ какимъ: У генерала Черняева, кромѣ его штаба, была де еще „особая личная канцелярія,“ составлявшая спеціальное „корреспонденцъ-бюро,“ которое „посылало *въ три русскія газеты* завѣдомо ложныя телеграммы и корреспонденціи,“ съ цѣлью, прибавляетъ *Голосъ*, „под-

держивать, при помощи *трехъ русскихъ газетъ*, возбужденіе въ русскомъ народѣ, въ надеждѣ что это возбужденіе заставитъ русское правительство объявить войну Турціи." И въ подтвержденіе своего извѣта, *Голосъ* присовокупляетъ что, по свидѣтельству возвращающихся русскихъ добровольцевъ, „не только телеграммы, но и корреспонденціи съ театра войны, печатавшіяся въ нѣкоторыхъ газетахъ, заключаютъ въ себѣ или реляціи *о небывалыхъ побѣдахъ*, или *умышленно-преувеличенные* ужасы." По словамъ *Голоса*, оказывается что „тѣ знаменитыя десятидневныя алексинацкія побѣды Сербовъ, при извѣстіи о которыхъ мы служили благодарственные молебны—завѣдомая ложь делиградскихъ корреспондентовъ." Такая же ложь и извѣстія о свирѣпствахъ Турокъ. Все это—выдумки Черняевскаго „корреспонденцъ-бюро," стакнувшагося съ „тремя русскими газетами..."

И такъ, сочувствіе русскаго народа къ погибающимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ есть искусственное возбужденіе, порожденное нѣсколькими „завѣдомо ложными" извѣстіями! Итакъ, рѣшительное заступничество русскаго правительства за Славянъ, это не результатъ національной политики Россіи, не призваніе историческое, а нѣчто „вынужденное!" „Три русскія газеты" провинились участіемъ „въ организованномъ и систематическомъ обманѣ" делиградскаго „корреспонденцъ-бюро!.." Обличать нелѣпость двухъ первыхъ, оскорбительныхъ для русскаго чувства обвиненій, нѣтъ надобности. Все это мы уже читали въ мадьярскихъ газетахъ...

Остановимся на третьемъ. „Три" русскія изданія служили какъ бы органомъ Черняевскаго „корреспонденцъ - бюро" и распространяли по Россіи завѣдомую ложь съ театра военныхъ дѣйствій, повѣствуя о небывалыхъ побѣдахъ Сербовъ, разказывая о вымышленныхъ жестокостяхъ Турокъ. *Голосъ* не называетъ прямо заподозрѣнныя имъ въ сношеніяхъ съ делиградскою фабрикою фальшивыхъ новостей изданія, но даетъ понять что это — *Русскій Міръ*, *Новое Время* и *Московскія Вѣдомости*... Газета г. Краевскаго забываетъ прибавить къ нимъ еще четвертый русскій листокъ: *Голосъ*. Газета г. Краевскаго забываетъ что „знаменитыя алексинацкія побѣды," напримѣръ, которыя она провозглашаетъ теперь выдумкою небывалаго Черняевскаго „корреспонденцъ-бюро," въ свое время засвидѣтельствованы и воспѣты ея собственными корреспондентами. Беремъ коллекцію *Голоса* за августъ, и въ ней, подъ рубрикою „телеграммъ, доставленныхъ *Голосу* международнымъ агентствомъ и спеціальнымъ агентствомъ самого же Краевскаго, читаемъ: № 219 — „*Бѣлградъ, воскресенье, 20 августа (н. ст.) вечеромъ*. 20.000 Турокъ изъ Ниша напали въ субботту, 19 (7) августа, на сербскія позиціи при Суповцѣ, Голешницѣ и Тѣшицѣ. Бой продолжался 12 часовъ. Турки были отброшены." — № 220 — „*Землинъ, понедѣльникъ, 21 августа*. Сегодня Сербы перешли въ наступленіе и напали на Турокъ при Суповцѣ и Тѣшицѣ. Сраженіе продолжалось весь день и имѣло благопріятный для Сербовъ результатъ." — № 221 — „*Оттуда же, 22 августа*. Сраженіе въ мѣстности между Нишемъ и Алексинцемъ продолжается безпрерывно. Вчера въ 4 часа утра, сербскія войска предприняли нападеніе на Турокъ. Послѣ сильнаго сраженія Турки были оттѣснены на 2 километра въ долину рѣки Моравы. Самыя большія турецкія силы сосредоточиваются съ различныхъ сторонъ противъ Алексинца. Хотя Турки и въ превосходномъ числѣ, но выгоды все-таки остаются на сторонѣ Сербовъ." — № 222 — „*Оттуда же 23 августа, вечеромъ*. Въ сегодняшнемъ сраженіи при Суповцѣ находится въ дѣлѣ 160.000 человѣкъ. До 4 часовъ пополудни преимущество было на сторонѣ Сербовъ." № 223 — „*Бѣлградъ, 24 августа*. Вчерашнее нападеніе всѣхъ турецкихъ силъ на сербскія позиціи у монастыря Св. Стефана было отражено съ величайшею храбростью. Потери Турокъ громадны. Послѣдовавшее пополудни нападеніе Турокъ на лѣвый берегъ Моравы—также отбито. Сегодня утромъ непріятель снова выступилъ противъ сербскихъ укрѣпленій, но вскорѣ былъ принужденъ отступить." № 224. „*Землинъ, 25 августа*. Вчера на шестой день сраженія между соединенными турецкими силами и Моравскою арміей сербское оружіе одержало *полнѣйшую побѣду* надъ вдвое сильнѣйшимъ непріятелемъ." Развѣ эти телеграммы не заключаютъ въ себѣ того же самаго что сообщали депеши и письма трехъ караемыхъ теперь *Голосомъ* русскихъ газетъ? Развѣ эти побѣдоносныя извѣствія не были „распространяемы" въ отдаленнѣйшихъ провинціяхъ

на отдѣльныхъ листочкахъ за подписью г. Краевскаго? Развѣ они не были подтверждаемы собственными корреспондентами *Голоса* (напримѣръ въ № 232)? Развѣ въ самыхъ передовыхъ статьяхъ своихъ *Голосъ* не подсмѣивался надъ „офиціальными турецкими извѣстіями о пораженіи Сербовъ" (№ 222), не „ожидалъ" вѣсти объ окончательномъ погромѣ Турокъ (№ 223), не свидѣтельствовалъ о достовѣрности сербскаго торжества надъ ними надежностью источника изъ котораго получено о немъ извѣстіе (№ 224)? Развѣ онъ не посвящалъ Алексинацкой побѣдѣ обстоятельнаго описанія на цѣлыхъ шести столбцахъ, подробно разказывая его фазисы, изображая бѣгство превосходнаго въ силахъ непріятеля и сопровождая его ретираду восторженнымъ соображеніемъ, основаннымъ на побѣдоносномъ исходѣ битвы и на проникнувшемъ оттого сербскую армію духѣ,—соображеніемъ что „такія сраженія оказываютъ громадное вліяніе на исходъ всей войны," что „такъ было подъ Марсъ-ла-Туромъ гдѣ оказалось что Базенъ запертъ; подъ Седаномъ когда Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ" (№ 226)? И развѣ подобнымъ же образомъ *Голосъ* и съ своей стороны не доводилъ до свѣдѣнія русской публики о совершаемыхъ Турками звѣрствахъ,—ну хоть въ № 218 чтобы не прерывать коллекціи: „*Бѣлградъ, суббота, 19 августа.* Избіеніе христіанъ въ Босніи въ полномъ разгарѣ.... Кто только можетъ бѣжитъ. Положеніе ужасное..."

Причемъ же тутъ „три русскія газеты" и какое-то „корреспонденцъ-бюро?"

Причемъ онѣ, когда турецкія неистовства засвидѣтельствованы даже англійскими офиціальными рапортами?

Голосъ инсинуируетъ о какихъ-то даже даровыхъ телеграммахъ Черняевскаго корреспонденцъ-бюро.

Не знаемъ получалъ ли отъ кого *Голосъ* даровыя телеграммы, но мы напримѣръ не можемъ этимъ похвалиться. Мы старались получать свѣдѣнія отовсюду и не пренебрегали даже специальными депешами агентства Краевскаго, платя за нихъ четверную противъ общей таксы цѣну. Нѣсколько разъ телеграфировалъ намъ начальникъ штаба Моравской арміи; но г. Комаровъ отправился въ Сербію въ качествѣ нашего корреспондента, на счетъ нашей газеты, и каждое слово его телеграммъ (хотя онъ посылалъ ихъ не только въ нашу, но и въ другія русскія и иностранныя газеты) обошлось намъ не дешево. Въ одно и то же время было у насъ въ Сербіи до пяти корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ, что требовало значительныхъ затратъ, которыхъ къ сожалѣнію результатъ не всегда соотвѣтствовалъ.

Что касается вымышленнаго бѣлградскимъ корреспондентомъ *Голоса* „корресподенцъ-бюро," то оно не существуетъ. Нѣтъ, не въ *хитрой* организаціи передачи извѣстій слѣдуетъ винить сербскій штабъ, а слѣдуетъ упрекнуть его въ отсутствіи всякой для этого организаціи. Мы уже имѣли случай сѣтовать на упущеніе этой стороны дѣла главнымъ штабомъ.

Съ какою же цѣлью написана корреспонденція *Голоса,* взводящая совершенно напрасный поклепъ на главнокомандующаго Мораво-Тимокской арміи, и въ то же время распространяющаяся о заслугахъ бывшаго сербскаго военнаго министра? Не отрицаемъ этихъ заслугъ полковника Николича, и не сомнѣваемся что онъ „по двѣнадцати часовъ въ сутки" просиживалъ въ своемъ бюро: но плоды его дѣятельности едва ли слишкомъ ослѣпительно бросаются въ глаза... Онъ ли изъ нескладной милиціи создалъ армію и пріучилъ ее къ бою?

Впрочемъ, время ли теперь взвѣшивать обоюдныя достоинства не поладившихъ личностей? Теперь нѣтъ болѣе ни полковника Николича, ни генерала Черняева, ни ихъ антагонизма. Теперь на сценѣ Восточный вопросъ, и Россія взявшая на себя попеченіе о дальнѣйшей судьбѣ его. Всякія пререканія и лживые намеки теперь по меньшей мѣрѣ неумѣстны...

№ 289.

Москва, 10-го ноября.

Ниже читатели найдутъ два важные документа обнародованные въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и въ *Journal de St.-Pétersbourg.* Главный интересъ представляетъ первый; это только что отправленная депеша государственнаго канцлера къ русскому послу въ Лондонѣ и служащая отвѣтомъ на послѣднюю депешу

лорда Дарби, отъ 18 (30) октября о которой мы уже имѣли случай говорить. Соображая время которое потребовалось для полученія депеши лорда Дарби англійскимъ представителемъ при Русскомъ Дворѣ и для ея сообщенія, мы видимъ что отвѣтъ нашего правительства не заставилъ себя ждать. Еще знаменательнѣе обстоятельства обнародованія англійскаго и русскаго документовъ. Депеша лорда Дарби, заключавшаяся немощнымъ сознаніемъ что ничего болѣе не остается дѣлать, появилась въ *London Gazette* десять дней спустя послѣ ея даты, въ тотъ самый достопамятный день когда были произнесены въ Московскомъ Кремлѣ незабвенныя и полныя великаго значенія слова. Послѣ этихъ словъ, наше правительство еще менѣе чѣмъ прежде имѣетъ надобность избѣгать гласности. Мобилизація русской арміи производится открыто и объявлена всѣмъ кабинетамъ въ циркулярѣ князя Горчакова, объясняющемъ ея значеніе. Точно также и отвѣтъ канцлера на депешу британскаго секретаря иностранныхъ дѣлъ, помѣченный 7 ноября, вчера, 9 ноября, уже обнародованъ оффиціально.

О мирномъ исходѣ продолжаются еще переговоры, но они приняли теперь иной характеръ; они ведутся открыто, предъ лицомъ всего міра. Всякій можетъ судить гдѣ право, гдѣ справедливость, гдѣ дѣйствительно искреннее желаніе мира, гдѣ вниманіе къ интересамъ человѣчества и спокойствія Европы. Мы можемъ спокойно ожидать безпристрастнаго сужденія. Депеша князя Горчакова ставитъ съ неопровержимою ясностью въ чемъ разнятся взгляды Англіи и Россіи. На словахъ между ними согласіе: оба правительства признаютъ необходимымъ „возстановить миръ на Востокѣ и сохранить его въ Европѣ, положивъ предѣлъ плачевному состоянію Турціи.“ Оба признаютъ для сей цѣли необходимость улучшить положеніе христіанъ на Востокѣ. Но въ средствахъ—радикальная разница. Англійскій кабинетъ хочетъ подчинить вопросъ буквѣ договоровъ устарѣлыхъ, осужденныхъ жестокимъ опытомъ двадцати лѣтъ и нарушенныхъ или обезсиленныхъ самою Портой. Несмотря на то что въ теченіе истекшаго періода сами державы нѣсколько разъ отступали отъ этихъ договоровъ и вмѣшивались прямо въ дѣла Турціи, теперь, послѣ всѣхъ гнусныхъ дѣяній поразившихъ ужасомъ всю Европу, даже Англія, ея правительство хочетъ тормозить всякія мѣры этими договорами, то-есть въ сущности отвергаетъ ту самую цѣль которую оно признаетъ и выставляетъ на словахъ.

Россія, дѣйствительно, а не на словахъ только, стремясь къ умиротворенію и къ прекращенію омерзительнаго поруганія человѣчества, не можетъ соглашаться на „возобновленіе опытовъ съ палліативами,“ на ту комедію которая разрѣшилась столь ужасною кровавою драмой.

Всякій въ комъ живо чувство правды, простое человѣческое чувство, не можетъ не принять ея взгляда.

Англійская политика нынѣшняго кабинета непостижима, и не для насъ только. Если лордъ Дарби своею депешей хотѣлъ оправдать дѣйствія своей дипломатіи показывая усилія какія она дѣлала, то онъ не достигъ своей цѣли и не оправдалъ себя даже въ глазахъ своихъ соотечественниковъ.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Daily News* мы прочли письмо герцога Аргайля, посвященное параллельному анализу этой депеши и рѣчи графа Биконсфильда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, герцогъ припоминаетъ прежде обнародованные документы, и сличая хронологически факты изобличаетъ неправду показаній лорда Биконсфильда объ усиліяхъ сдѣланныхъ его правительствомъ въ пользу мира. Вопервыхъ, относительно усилій въ пользу мира предъ объявленіемъ войны Сербіей, которое будто бы, по словамъ англійскихъ министровъ, разстроило ихъ, герцогъ Аргайль указываетъ что въ *Синей Книгѣ* нѣтъ ни малѣйшаго слѣда такихъ переговоровъ; напротивъ, Англійское правительство положительно отклоняло всякіе о томъ переговоры. Отвергнувъ Берлинскій меморандумъ, оно спеціально напомнило серъ-Генри Элліоту что оно постоянно противилось всякому дипломатическому вмѣшательству въ дѣла Турціи; 12 іюня лордъ Дарби объявилъ русскому послу что „ничего болѣе не остается какъ допустить возобновленіе борьбы;“ 22 іюня онъ повторилъ то же самое австрійскому послу; а 29 іюня высказалъ русскому послу что „инсуррекціонныя движенія должны быть подавлены и порядокъ возстановленъ прежде чѣмъ могутъ быть съ выгодой обсуждаемы какіе-либо планы лучшей администраціи провинцій.“

30 іюня началась война.

Касательно позднѣйшей фазы переговоровъ начатыхъ для прекращенія войны, герцогъ Аргайль, изъ самой депеши лорда Дарби, показываетъ что предложенный имъ проектъ основаній мира потерпѣлъ неудачу только вслѣдствіе отказа Порты принять его во вниманіе, а отнюдь не по какой другой причинѣ, ибо къ 21 сентября всѣ державы согласились касательно основаній умиротворенія, причемъ подразумѣвалось вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи, но Порта еще *до сообщенія* ей этихъ основаній возразила что это нарушитъ ея независимость; она не дала офиціальнаго отвѣта державамъ до возобновленія военныхъ дѣйствій послѣ первой пріостановки ихъ; она воспользовалась неопредѣленностью угрозы лорда Дарби 5 октября и сдѣлала встрѣчное предложеніе о перемиріи болѣе продолжительномъ чѣмъ требовалось, но не принимая предложенныхъ ей Европой основаній мира, а напротивъ замѣняя ихъ новыми обѣщаніями своихъ реформъ, а Англійское правительство тотчасъ же согласилось на это и старалось убѣдить къ тому и другихъ; но это не удалось, и Россія взяла въ свои руки основанія мира брошенныя Англіей послѣ того какъ они были приняты Европой.

Все это мы прочли въ депешѣ лорда Дарби, въ чемъ и отдали отчетъ нашимъ читателямъ.

Указывая точную хронологію событій, герцогъ Аргайль воздерживается отъ комментарія, да онъ и ненуженъ.

Но что же думать объ этой политикѣ, какъ понимать ее?

Англія повидимому болѣе всѣхъ заинтересована тѣмъ чтобы не было смутъ въ Турціи и чтобы не поднимался Восточный вопросъ. Никто повидимому такъ не опасается Европейской войны, такъ не заботится о сохраненіи мира. А между тѣмъ она одна, все это время, отклоняла всѣ мѣры къ прекращенію смутъ. Потомъ она была вынуждаема предлагать мѣры болѣе рѣшительныя, о коихъ прежде и рѣчи не было, но которыя становились неизбѣжными. Но стоило только всѣмъ другимъ согласиться съ нею, какъ она вдругъ отступала, бросала свои предложенія и вновь разстраивала общее согласіе. Мѣстныя смуты она довела до полнаго возстанія, возстаніе до войны, до болгарскихъ ужасовъ, до Восточнаго вопроса...

Что же значитъ это? Или Англійское правительство желало этого и умышленно вело къ поднятію Восточнаго вопроса, или политика лорда Биконсфильда есть политика безпримѣрной слѣпоты и безсмыслія.

№ 290.

Москва, 11-го ноября.

Можно ли было подумать что еще остается сказать что-нибудь новое о несчастной, облитой слезами и кровью Болгаріи? Конечно, далеко не всѣ жертвы перечислены, разоренію и опустошенію не подведены статистическіе итоги: полная исторія постигшей ее кровавой оргіи демонской орды потребовала бы цѣлые томы. Но развѣ послѣ всѣхъ возмущающихъ душу подробностями корреспонденцій, послѣ офиціальныхъ донесеній, разказы о нѣсколькихъ новыхъ сотняхъ, даже тысячахъ жертвъ не упомянутыхъ прежде, о какихъ-либо разграбленныхъ селахъ, не посѣщенныхъ прежде любознательными туристами, могутъ что-либо прибавить къ общему негодованію возбужденному адскимъ дѣломъ?

Скорбѣть должно только о томъ что оставшаяся послѣ бури часть населенія остается совершенно безъ помощи: ничего не дѣлается для возстановленія разрушенныхъ домовъ, жители коихъ бродятъ безъ крова и пріюта, почти безъ одежды и хлѣба. Болитъ сердце слыша со всѣхъ сторонъ что злодѣянія надъ несчастными все еще продолжаются повсюду и повседневно: гроза раздробилась и сокрушительный ураганъ разрѣшился въ полную анархію.

Это однако не все; это не даетъ полнаго представленія объ истинномъ положеніи Болгаріи въ эту минуту. Его трудно вообразить себѣ, потому что ни одного примѣра ему еще никогда не бывало въ исторіи. Печатаемыя нами уже третій день, доставленныя намъ изъ Константинополя, замѣтки мѣстнаго туриста, объѣхавшаго съ опасностью жизни въ костюмѣ турецкаго чиновника всю разоренную мѣстность, даютъ новыя черты для характеристики злополучнаго края. Мы не хотимъ останавливаться на сценахъ злодѣяній которыхъ не выдерживаетъ печать. Но принято ли во вниманіе то обстоятельство что

Болгарія обращена теперь поголовно въ полное *рабство*—рабство ужасное, въ какомъ быть-можетъ не былъ ни одинъ народъ въ мірѣ. Каждый Болгаринъ есть рабъ и полная собственность каждаго Турка; положеніе этого раба въ тысячу кратъ хуже прежняго положенія рабовъ-Негровъ въ Америкѣ, хуже даже положенія рабочаго скота. Невольникомъ, какъ и скотомъ, владѣлецъ его все-таки дорожитъ: это его собственность. Въ Болгаріи не то: тамъ каждый Турокъ имѣетъ раба въ первомъ попавшемся Болгаринѣ, а если этотъ изнеможетъ, беретъ другаго и заставляетъ не только работать, но и дѣлать все что можетъ вообразить гнусная фантазія. „Болгаринъ теперь," пишетъ туристъ, „полный рабъ Турка, со всѣмъ своимъ семействомъ. Онъ пашетъ, жнетъ, молотитъ, но все для Турка, который, въ возмездіе за его работу, врывается въ его домъ, насилуетъ его жену и дѣтей и нерѣдко убиваетъ его съ безпримѣрною жестокостью." Непостижимо какъ можно еще жить при такихъ условіяхъ? Какъ можно переносить ихъ? Увы! Болгары не только подавлены четырехсотлѣтнимъ гнетомъ, не только безоружны предъ своими притѣснителями, но они мрутъ съ голода и холода, у нихъ отняты средства существованія. Ихъ, какъ скотовъ, сгоняютъ убирать хлѣбъ для Турокъ, между тѣмъ какъ свой остается неубраннымъ. Ихъ участь хуже чѣмъ паріевъ: тѣми только гнушаются, а у этого отверженнаго народа звѣри отнимаютъ женъ, дочерей, юношей... Боже! Все это творится на виду у всѣхъ, и даже сопровождается рукоплесканіями зрителей...

Есть люди, и люди гордящіеся своею цивилизаціей, которые еще смѣютъ возражать противъ необходимости военнаго занятія для обузданія звѣрей. Имѣютъ безстыдство и дерзость говорить что это нарушило бы трактаты обезпечивающіе „цѣлость и независимость Оттоманской имперіи." Но развѣ эти трактаты освящаютъ нынѣшнее положеніе христіанскихъ населеній Турціи? Не хвасталась ли европейская дипломатія напротивъ что замѣнила этими трактатами протекторатъ Россіи надъ турецкими христіанами протекторатомъ всей Европы. И вотъ результаты! Положеніе христіанъ подъ мусульманскою властью никогда не было хорошо. Христіане всегда были отягощены непомѣрными поборами, ихъ жизнь и собственность не были обезпечены, но все-таки они не были рабами во всей силѣ этого слова; они могли работать на себя и умѣли, даже при тѣхъ условіяхъ, не только достигать извѣстной степени благосостоянія, но и образованія и заводили у себя школы. Русское покровительство не было безплодно. Когда же оно было замѣнено въ сущности ничего не значащимъ протекторатомъ всей Европы, дѣла съ года на годъ пошли все хуже, и вотъ наконецъ достигли кульминаціонной точки: цѣлый народъ порабощенъ поголовно и самымъ ужаснымъ образомъ.

Трактаты, говорятъ, обезпечиваютъ „цѣлость и независимость Турціи" и потому не допускаютъ иностраннаго занятія чтобы дать вздохнуть несчастнымъ населеніямъ и высвободить ихъ изъ страшнаго невольничества предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ ужасы *Дяди Тома*. Но видно эти трактаты, въ глазахъ дорожащихъ ими политиковъ, не запрещаютъ самой Турціи дѣлать новыя завоеванія. Болгарія, правда, и прежде принадлежала Турецкой имперіи, но не въ томъ смыслѣ какъ теперь. Это была богатѣйшая провинція и житница имперіи, теперь это адъ кромѣшный. Пусть намъ покажутъ какіе трактаты гарантируютъ это положеніе.

Но мы еще не кончили съ ужаснымъ положеніемъ Болгарскихъ страдальцевъ. Намъ остается упомянуть еще объ одномъ страданіи которое они испытываютъ. Въ довершеніе всѣхъ золъ, пострадавшіе Болгары подвергаются утонченной нравственной пыткѣ, не оставляющей въ покоѣ даже ихъ душу. Они лишены столь необходимаго для нихъ въ настоящее время утѣшенія церкви; ни въ одномъ изъ разоренныхъ селъ не совершается священнодѣйствія: храмы сожжены или разграблены, священники перебиты или содержатся въ тюрьмахъ; рождающіеся дѣти остаются безъ крещенія, умирающіе лишены церковнаго погребенія. И это бѣдственное положеніе эксплуатируется для того чтобы вдобавокъ къ ихъ страданіямъ смущать ихъ душу. Туристъ посѣтившій ихъ отдаетъ справедливость Русскимъ что только они одни помогаютъ несчастнымъ не задаваясь посторонними цѣлями. Не такъ поступаетъ благотворительность Англичанъ. Помощь приносятъ они скудную и оказываютъ ее не даромъ. Ихъ миссіонеры даже кусокъ хлѣба подаютъ не даромъ, а въ видахъ

совращенія. Эти добрые миссіонеры внушаютъ поселянамъ что „бѣдствіе постигло „ихъ потому что Христосъ оставилъ ихъ, „ибо они не слѣдуютъ Его истинному ученію." Въ Батакѣ, напримѣръ, протестантскіе миссіонеры открыли больницу и при ней молитвенный домъ, въ коемъ проповѣдуютъ уцѣлѣвшимъ отъ избіеній жителямъ что они „должны покаяться и сдѣлаться *истинными* христіанами, дабы „Богъ помиловалъ ихъ и избавилъ на будущее время отъ несчастія какое ихъ „постигло." Такого рода утѣшеніями позволяютъ себѣ терзать душу несчастныхъ тѣ самые люди которые постоянно кричатъ о нетерпимости будто бы Восточной церкви. Можно подивиться только почему же эти люди, въ своей ревности, не обращаются съ проповѣдью къ тѣмъ кому она болѣе всего нужна и не стараются просвѣтить Турокъ Христовымъ ученіемъ любви и милосердія?

Отъ пропаганды религіозной не отстаетъ и политическая. Англичане не изъ миссіонеровъ, съ своей стороны, толкуютъ пострадавшимъ что всѣ ихъ бѣды произошли отъ того что они возлагали надежды на Россію, и потому совѣтуютъ имъ ничего болѣе отъ нея не ожидать, а лучше „покориться своей судьбѣ и примириться съ Турками."

Ни лицемѣрныя утѣшенія, ни ироническіе совѣты, однако, не облегчаютъ печальной участи Болгаръ. Имъ нужна помощь иного рода и помощь быстрая, рѣшительная, которая избавила бы ихъ отъ рабства и позора, которая укротила бы терзающихъ ихъ дикихъ звѣрей. Съ каждою минутой военное занятіе Болгаріи требуется все настоятельнѣе. Россія давно уже объявляла всѣмъ державамъ о крайней необходимости этой мѣры, и никакія дипломатическія ухищренія, никакіе давно всѣми нарушенные трактаты не могутъ помѣшать ей въ ея исполненіи.

№ 291.

Москва, 12-го ноября.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемую ниже необычную корреспонденцію изъ Константинополя. Авторъ ея сообщаетъ весьма любопытные факты, доселѣ не бывшіе извѣстными, и нѣкоторые ему удалось добыть совершенно исключительнымъ случаемъ. Обстоятельный разказъ его о тѣхъ ухищреніяхъ коими турецкая дипломатія, подъ руководствомъ Мидхадъ-паши, и не безъ поощренія со стороны западныхъ друзей его, тянула переговоры предъ заключеніемъ перемирія, послѣдовавшимъ наконецъ по настоятельному требованію Россіи, не оставляетъ сомнѣнія относительно цѣлей съ коими это дѣлалось. Конечно, не при настоящихъ обстоятельствахъ Портѣ было думать о столкновеніи съ Россіей, и потому перемиріе было для ней самой „якоремъ спасенія," особенно когда обнаружилось что вмѣшательство Россіи станетъ неизбѣжнымъ. Портѣ было нужно выиграть время. Отсюда двоякая игра: вопервыхъ, во что бы ни стало продлить перемиріе непремѣнно до весны чтобъ имѣть время для военныхъ приготовленій, а вовторыхъ, самые переговоры объ этомъ перемиріи затягивать елико возможно, чтобы тѣмъ временемъ разгромить Сербовъ сокрушительнымъ ударомъ.

Цѣли эти были очевидны, и мы давно указывали на нихъ. Поэтому нетрудно согласиться съ авторомъ письма изъ Константинополя что Россія могла бы потребовать и настоять на перемиріи двумя недѣлями и даже цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе ея послѣдняго успѣшнаго ультиматума. Но полагаемъ что онъ не совсѣмъ правъ объясняя замедленіе рѣшительнаго съ нашей стороны шага „незнакомствомъ нашей дипломатіи съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Турціи." Понять разчеты и уловки турецкихъ дипломатовъ—дѣло не хитрое; гораздо труднѣе противодѣйствовать производимымъ позади ихъ махинаціямъ. Не слѣдуетъ забывать что Россія дѣйствовала не одна, а въ совокупности и по уговору съ другими. Руки ея были связаны *quasi*-согласнымъ дѣйствіемъ всей Европы.

Депеша лорда Дарби отъ 30 октября, о которой мы уже говорили и которой авторъ корреспонденціи очевидно не имѣлъ въ виду, пролила совершенно новый свѣтъ на бывшіе переговоры. Когда лордъ Дарби, еще 5 октября, увѣдомилъ Порту что если она не приметъ его предложеній, то англійскій посолъ будетъ отозванъ изъ Константинополя, ибо она этимъ докажетъ что „всѣ усилія спасти ее отъ гибели безполезны,"—кто былъ въ правѣ думать что это не серіозно? Оказалось однако что надо было понимать слова Англіи въ об-

ратномъ значеніи. Россія гораздо ранѣе того указала всѣмъ державамъ на необходимость военнаго занятія. Это встревожило Англію, и казалось что для предотвращенія этой непріятной для нея необходимости она рѣшилась сама заговорить съ Портой угрожающимъ тономъ. Вотъ какимъ дипломатическимъ обманомъ было замедлено рѣшительное дѣйствіе Россіи. Послѣ предъявленія грознаго англійскаго ультиматума, кто могъ предвидѣть что прождавъ спокойно три недѣли, и въ ту минуту когда Турки начали громить Сербовъ впятеро превосходнѣйшими силами, Англія скажетъ что ей уже болѣе нечего дѣлать, такъ какъ державы не хотятъ принять турецкаго шестимѣсячнаго перемирія, то-есть дать Портѣ воспользоваться плодами ея побѣдъ, одержанныхъ по указанію англійскаго же генерала Кембалла? Остается порадоваться что Россія наконецъ отрѣшилась отъ путъ наложенныхъ на нее притворнымъ согласіемъ съ нею, и въ Англіи плохо скрываютъ досаду что поторопились показать игру. По крайней мѣрѣ досада эта проглядываетъ въ недостойной насмѣшкѣ которую позволилъ себѣ ея премьеръ надъ русскимъ ультиматумомъ.

И теперь опасенія возбуждаются не новыми ухищреніями Порты, а проволочками европейской дипломатіи въ ея пользу. Ожидается созваніе конференціи, но прошли уже три недѣли со времени заключенія перемирія, и еще неизвѣстно когда она соберется. Говорятъ что она соберется въ концѣ этого мѣсяца, или въ началѣ декабря, то-есть какъ разъ къ концу перемирія. Послѣ столькихъ горькихъ опытовъ, позволительно подозрѣніе что ничтожными предлогами затягивается время чтобы доставить Портѣ именно ту отсрочку до весны какая ей нужна.

Само собою разумѣется что насъ отнюдь не тревожитъ мысль чтобы дѣло конференціи могло затянуться и усложниться такими нелѣпостями какъ документъ которымъ Порта намѣрена предъявить Россіи международный искъ касательно ущерба причиненнаго будто бы русскими волонтерами, сражавшимися въ рядахъ Сербовъ, въ нарушеніе закона запрещающаго русскимъ подданнымъ вступать въ иностранную службу безъ разрѣшенія правительства.

Трудно воздержаться отъ улыбки читая подробное изложеніе приготовляемаго Портой изобличительнаго документа который, повидимому, она считаетъ въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то серіознымъ. Неужели Мидхадъ-паша въ самомъ дѣлѣ считаетъ возможнымъ что въ конференціи можетъ зайти рѣчь о подобномъ предметѣ? Въ такомъ случаѣ ея работа окончилась бы съ первымъ же днемъ, и уполномоченнымъ на нее представителямъ пришлось бы тотчасъ же разойтись. Не говоря уже о томъ что это вопросъ совершенно посторонній цѣлямъ для коихъ имѣется въ виду созваніе конференціи, подобныя пререканія никогда не могутъ быть предметомъ международнаго обсужденія. Всякое независимое государство вольно издавать у себя законы какіе находитъ нужнымъ и соблюдать или не соблюдать ихъ, не отдавая въ томъ отчета другимъ. А неудовольствіе между двумя государствами рѣшается или дипломатическимъ между ними объясненіемъ или войной. Если Порта находила что присутствіе русскихъ добровольцевъ въ Сербіи причиняетъ ей ущербъ, никто не запрещалъ ей объявить за это войну Россіи, но совершенно небывалое дѣло предъявленіе такого рода „международныхъ исковъ.“ Еще не существуетъ такого трибунала къ которому государства могли бы быть подобно частнымъ лицамъ призываемы къ отвѣту. Примѣры третейскаго разбирательства между державами бывали, но то были случаи когда обѣ стороны соглашались въ принципѣ, и только примѣненіе къ данному вопросу добровольно предоставляли третьей сторонѣ.

Что же касается нашихъ добровольцевъ, то они ѣхали не на чужую службу. Они не были на службѣ Сербскаго правительства. Цѣль ихъ поѣздки не скрывалась, и была извѣстна всему свѣту. Они отправлялись жертвовать своею жизнью не ради страсти къ приключеніямъ, не для славы, почестей или богатствъ, а чтобы подать помощь жертвамъ ужасныхъ, неслыханныхъ въ нашъ вѣкъ звѣрствъ. Правительство наше не только не имѣло повода сдерживать эти благородные порывы, но само въ томъ же смыслѣ, въ томъ же духѣ, съ тою же святою цѣлію, двинуло теперь вооруженныя силы Россіи...

№ 292.

Москва, 13-го ноября.

Таинственная миссія маркиза Сáлсбери и (Salisbury) англійскаго делегата на Константинопольскую конференцію, въ Парижъ, Берлинъ и Вѣну, возбуждаетъ всеобщее любопытство. Распространяются всевозможные слухи и высказываются всякаго рода догадки о значеніи этой новой попытки Англіи установить чуть ли не въ десятый разъ „общность взглядовъ“ на Восточный вопросъ. То обстоятельство что пріѣздъ британскаго министра въ Берлинъ совпалъ съ возвращеніемъ туда князя Бисмарка изъ его пятимѣсячнаго Фарцинскаго уединенія послужило конечно новою пищей для толковъ и догадокъ. Маркизъ Сáлсбери прибылъ въ Берлинъ 21 ноября вечеромъ и уѣхалъ оттуда въ Вѣну вчера (въ пятницу) утромъ. Судя по тому что телеграфъ сообщилъ намъ, эти два дня пребыванія въ Берлинѣ не даромъ прошли: маркизъ Сáлсбери имѣлъ нѣсколько продолжительныхъ совѣщаній съ княземъ Бисмаркомъ, и два раза былъ принятъ въ аудіенціи императоромъ. Въ Лондонѣ и на материкѣ не было недостатка въ вѣстовщикахъ которые усматривали въ этомъ объѣздѣ столицъ англійскимъ делегатомъ готовящуюся противъ Россіи коалицію въ отвѣтъ на ея заявленіе о готовности дѣйствовать въ случаѣ надобности самостоятельно. Такого рода толкованія исходятъ отъ тѣхъ кому это желательно. Иначе говорятъ о цѣли пріѣзда маркиза Сáлсбери въ Берлинъ. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* воспроизводитъ извѣстіе сообщенное *Кельнскою Газетой*, будто инпціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ не Англійскому кабинету, а князю Бисмарку, который самъ де пригласилъ лорда Сáлсбери въ Берлинъ дабы имѣть съ нимъ объясненіе. *Times*, въ свою очередь, возлагаетъ большія надежды на эти личные переговоры, такъ какъ „князь Бисмаркъ вѣроятно выяснитъ со свойственною ему откровенностью англійскому министру какъ взглядъ Германскаго правительства, такъ и *намѣренія Россіи.*“ Если въ Англіи вліятельнѣйшая газета разчитываетъ на князя Бисмарка какъ на откровеннаго и компетентнаго истолкователя намѣреній Россіи, то едва ли въ то же время имѣютъ тамъ на него виды какъ на союзника *противъ* Россіи. Но неужели можно еще придавать какую-нибудь цѣну скептицизму Британскаго правительства относительно истинныхъ намѣреній Россіи? Англійскій кабинетъ имѣетъ въ рукахъ своихъ документъ первостепенной важности: это донесеніе лорда Лофтуса объ аудіенціи коей онъ удостоился у Государя Императора въ Ливадіи. Представитель Англіи не могъ не сообщить своему правительству слова Русскаго Царя что Россія въ настоящее время озабочена только участью христіанскихъ населеній Турціи и не имѣетъ никакихъ другихъ видовъ. И однако объ этомъ донесеніи своего посла Британскій кабинетъ счелъ нужнымъ умолчать предъ своею страной, между тѣмъ какъ его органы въ печати и самъ глава кабинета не поскупились на намеки о завоевательныхъ замыслахъ Россіи! Не ясно ли отсюда что не неизвѣстность о намѣреніяхъ Россіи, а что-нибудь иное, можетъ-быть совершенно противоположное этой неизвѣстности, породило эту новую дипломатическую кампанію которая открывается „циркулярною“ поѣздкой маркиза Сáлсбери?

Лондонскія газеты, отъ 20 ноября, напутствовали уѣхавшаго въ тотъ день министра перемѣной фронта въ примирительномъ духѣ: всѣ онѣ, какъ бы по уговору, вдругъ убѣдились что требованія выставленныя Россіей „могутъ подлежать обсужденію.“ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, по поводу этого измѣненія тона, справедливо замѣчаетъ что настроеніе публики и печати въ Англіи столько разъ и такъ многообразно измѣнялось что нельзя придавать большаго значенія этому успокоительному повороту. Но берлинская офиціозная газета ограничивается этимъ отрицательнымъ замѣчаніемъ, добавляя лишь „добрыя пожеланія“ касательно благополучнаго исхода будущей конференціи, неуспѣхъ коей повелъ бы прямо къ войнѣ.

Нѣсколько откровеннѣе на этотъ разъ другая берлинская газета *National-Zeitung*. И она плохо вѣритъ въ успѣхъ конференціи, несмотря на то что формально всѣ державы приняли основныя положенія ея совѣщаній, положенія выработанныя никѣмъ инымъ какъ Англіей. Тѣмъ не менѣе, полагаетъ упомянутая газета, виды сторонъ наиболѣе заинтересованныхъ такъ противоположны что никто не вѣритъ въ благіе результаты конференціи. Сгладить и примирить эти противоположности было

бы возможно лишь „посредствомъ перемѣщенія силъ и давленіемъ вновь заключенныхъ союзовъ." Но *National-Zeitung* не думаетъ чтобы въ ближайшемъ будущемъ предстояло такое измѣненіе союзныхъ отношеній которое могло бы дать иной оборотъ ходу и развитію Восточнаго вопроса. Если Россія заявила о готовности своей дѣйствовать самостоятельно противъ Турціи, то и Англія останется де одна въ томъ случаѣ если пожелаетъ во что бы то ни стало защищать цѣлость Турціи. Но берлинская газета полагаетъ что Англія имѣетъ двоякую цѣль, и что въ то время какъ Россія прямо и открыто предъ цѣлымъ міромъ вооружается противъ Турціи, Англія, также дѣятельно вооружающаяся какъ будто для защиты ея, имѣетъ въ то же время и иное въ виду, именно захватъ Египта и Суэзскаго канала на тотъ случай еслибы дѣло дошло до раздѣла Турціи. Берлинская газета увѣрена что каковъ бы ни былъ исходъ конференціи война Турціи съ Россіей останется мѣстною войной, и что ни одна изъ континентальныхъ державъ, не исключая и Австріи, не приметъ въ ней участія.

Несмотря однако на эту увѣренность въ изолированности предстоящей войны, та же газета, въ тотъ же день, обратила вниманіе на тронную рѣчь короля Итальянскаго, произнесенную 20 ноября при открытіи Палатъ, придавая этой рѣчи смыслъ который какъ бы подтверждаетъ слухъ о союзѣ между Россіей и Италіей на случай войны. Говоря объ отношеніяхъ Италіи къ иностраннымъ державамъ и выразивъ надежду что эти дружескія отношенія будутъ содѣйствовать миролюбивому исходу существующихъ затрудненій, итальянская тронная рѣчь прибавляетъ слѣдующее: „Вѣрная всѣмъ своимъ обязательствамъ, Италія никогда не забудетъ что, принявъ „положеніе великой державы, она вмѣстѣ „съ тѣмъ приняла на себя призваніе по- „священное развитію цивилизаціи." Берлинская газета такъ комментируетъ это мѣсто итальянской тронной рѣчи: всякая держава входящая въ европейскій союзъ должна быть представительницей европейской цивилизаціи, и государство неспособное къ тому не должно имѣть притязаній на равноправность съ прочими и на тѣ преимущества кои присвоены полноправному члену союза. Вотъ почему *National-Zeitung* усматриваетъ въ приведенныхъ выраженіяхъ прямой намекъ на Турцію, намекъ тѣмъ болѣе знаменательный что одновременныя съ этою рѣчью заявленія Россіи прямо указываютъ на необходимость, во имя прогресса и цивилизаціи, лишить Турцію тѣхъ правъ самобытности и самоопредѣленія на которыя она, какъ страна варварская, не должна имѣть притязаній.

Казалось бы, такимъ образомъ, что положеніе дѣлъ далеко не благопріятно для Турціи. Германія и Австрія рѣшились, какъ увѣряютъ, соблюдать безусловный нейтралитетъ и притомъ благопріятный для Россіи, такъ какъ тройственный союзъ Императоровъ остается попрежнему въ силѣ. Франція при всякомъ удобномъ случаѣ громко заявляетъ о своей рѣшимости избѣгать всякаго вмѣшательства въ европейскія дѣла, а заявленіе Италіи толкуется въ смыслѣ благопріятномъ для Россіи и вражденомъ къ Турціи. Одна Англія „потрясаетъ мечомъ," какъ бы приготовляясь къ дѣятельной защитѣ Турціи, но военныя приготовленія, дѣйствительно ею предпринимаемыя, истолковываются безпристрастными наблюдателями какъ направленныя не только на защиту, но и на пагубу Турціи...

И однако, какъ разъ въ послѣдніе дни, „бряцаніе оружія" раздалось особенно громко изъ Константинополя. Не только въ англійскихъ, но и въ нѣмецкихъ газетахъ мы читаемъ корреспонденціи о томъ что Порта рѣшилась безусловно отвергнуть все что могло бы въ чемъ-либо измѣнить *statu quo* турецкой самостоятельности. Ничего иного, кромѣ общихъ реформъ проектированныхъ для всѣхъ частей имперіи, Турція не намѣрена даровать тремъ провинціямъ, а что касается гарантій отъ нея требуемымъ, то онѣ могутъ де быть лишь нравственнаго свойства. И эти свои притязанія и воззрѣнія Порта будто бы твердо рѣшилась отстаивать, въ случаѣ надобности, съ оружіемъ въ рукахъ.

Положимъ что къ турецкимъ фанфаронадамъ намъ не привыкать стать. Но если заявленія въ этомъ смыслѣ дѣйствительно сдѣланы Турціей, а европейскія державы тѣмъ не менѣе желаютъ обсудить требованія объявленныя Россіей, то въ этомъ одномъ заключается оцѣнка по достоинству турецкихъ притязаній.

№ 294.

Москва, 15-го ноября.

А.

Потрясающія событія на Востокѣ, исключительно занимавшія общественное вниманіе въ теченіе всего нынѣшняго года, отодвинули на второй планъ внутреннюю жизнь отдѣльныхъ государствъ, слишкомъ блѣдную въ виду громадныхъ интересовъ, связанныхъ съ пробужденіемъ Восточнаго вопроса. Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить переворота совершившагося на дняхъ въ одномъ изъ государствъ, недавно еще вступившемъ въ концертъ европейскихъ великихъ державъ. Мы разумѣемъ Италію. Не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ образовавшееся изъ маленькаго Піемонта, и только въ 1870 году окончательно завершившее свой государственный строй пріобрѣтеніемъ Рима, Италіянское королевство должно было выдержать много тяжкихъ испытаній, чтобы совокупить воедино тѣ многоразличные элементы которые постепенно вошли въ его составъ. Неаполь, Тоскана, Папскія Владѣнія и нѣсколько мелкихъ княжествъ, каковы: Лукка, Модена, Парма и пр., жившія отдѣльною жизнью, наконецъ Ломбардія и Венеція, состоявшія подъ австрійскимъ владычествомъ, представляли столько разнообразныхъ интересовъ мѣстныхъ и династическихъ что сліяніе первыхъ воедино и устраненіе послѣднихъ требовали не мало времени, и нельзя не подивиться что въ столь относительно краткій промежутокъ идея національнаго единства успѣла восторжествовать не только во всѣхъ отдѣльныхъ земляхъ и владѣніяхъ Италіи, но даже надъ свѣтскою властью папства, освященною вѣковыми преданіями и естественно находившею себѣ защитниковъ между католиками всего міра. Естественно что при сліяніи воедино различныхъ областей не могли разомъ сойти со сцены многочисленныя партіи существовавшія въ этихъ областяхъ, и что новому Италіянскому Парламенту необходимо было пройти тяжкую школу прежде чѣмъ онъ могъ стать дѣйствительнымъ представительствомъ. Съ самаго начала оказалась необходимость устранить радикальные и революціонные элементы и упрочить монархическое правленіе. Правильно организованная партія не могла разомъ образоваться въ новомъ Парламентѣ, и этимъ объясняется та безпрерывная перемѣна кабинетовъ которою ознаменовалось начало конституціонной жизни Италіи. Министерства смѣнялись не потому чтобы торжествовала та или другая партія, но вслѣдствіе личныхъ отношеній, и всѣ они до нынѣшняго года составлялись изъ одной такъ-называемой умѣренной партіи: перемѣнялись только лица стоявшія во главѣ правительства, но въ Парламентѣ ихъ поддерживало одно и то же большинство, то увеличивавшееся, то уменьшавшееся смотря по характеру этихъ лицъ и по числу ихъ приверженцевъ. Риказоли, Ламармора, Менабреа, Ланца, Селла, Мингетти—всѣ были люди одной партіи, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такого большинства, съ помощью котораго онъ могъ бы провести тѣ реформы которыя становились необходимыми, и въ особенности организовать правильно финансы новаго королевства; каждый изъ нихъ усердно принимался за дѣло, и нѣкоторые, казалось по ихъ опытности и дарованіямъ, въ состояніи были дѣйствовать съ успѣхомъ, какъ вдругъ какое-нибудь ничтожное, чисто личное обстоятельство производило министерскій кризисъ, и приходилось все начинать сызнова. Нація страдала отъ этихъ перемѣнъ, которымъ не предвидѣлось конца; она потеряла всякое довѣріе къ членамъ этой партіи застоя, и вотъ съ паденіемъ министерства Мингетти въ нынѣшнемъ году, въ первый разъ со времени возникновенія единой Италіи, стала во главѣ управленія такъ-называемая прогрессистская партія со своими корифеями, гг. Депретисомъ и Никотерой. Парламентъ былъ распущенъ и новые, только что на дняхъ окончившіеся, выборы доставили новому министерству громадное большинство, неслыханное въ Италіи; на его сторонѣ въ новомъ парламентѣ 423 голоса, тогда какъ противники его, несмотря на всѣ ихъ усилія, о которыхъ нѣсколько разъ и очень подробно сообщалъ нашъ римскій корреспондентъ, успѣли провести только 85 своихъ кандидатовъ. Это громадное большинство объясняется только общимъ недовольствомъ противъ господствовавшей партіи и недовѣріемъ къ ней. Вопросъ заключается теперь въ томъ, прочно ли новое большинство и способно ли будетъ министерство движенія совершить тѣ реформы которыя входили въ программы прежнихъ кабинетовъ и сохранились и въ программѣ нынѣшняго, за-

явленной новымъ министромъ-президентомъ г. Депретисомъ предъ его избирателями въ Страделлѣ не задолго до распущенія Парламента. Прочно ли будетъ новое большинство, за это трудно теперь поручиться потому что оно сложилось изъ слишкомъ разнообразныхъ элементовъ; но во всякомъ случаѣ ошибочно было бы предполагать чтобы въ числѣ ихъ былъ силенъ радикальный элементъ; онъ не встрѣчаетъ уже никакого сочувствія въ Италіи, даже Гарибальди является теперь не болѣе какъ историческимъ воспоминаніемъ... Всѣ прогрессистскіе кандидаты, выступавшіе на послѣднихъ выборахъ, изъявляли въ своихъ professions de foi только непоколебимую преданность единой Италіи и королю Виктору-Эммануилу съ обѣщаніями, разумѣется, содѣйствовать по мѣрѣ силъ поддержанію общественнаго порядка и къ облегченію націи отъ налоговъ надъ нею тяготѣющихъ.

20 ноября послѣдовало открытіе новыхъ палатъ тронною рѣчью короля Виктора-Эммануила, въ которой выразилась программа новаго правительства.

Король выразилъ увѣренность что новые представители націи изучили потребности и желанія населеній, воздалъ похвалу прежнимъ легислатурамъ за ихъ ревность къ упроченію Италіянскаго единства. Затѣмъ царственный ораторъ объявилъ что онъ съ полнымъ довѣріемъ призвалъ къ управленію государствомъ новыхъ министровъ, и поручилъ имъ внести на обсужденіе собранія проектъ новыхъ законовъ. „Прежнія администраціи," продолжалъ король, „старались въ эти послѣдніе годы достигнуть „равновѣсія между расходами и доходами. „Равновѣсіе это не есть уже отдаленная „цѣль; оно есть близкое благо; мы начнемъ скоро пользоваться его послѣдствіями. Мы даже можемъ надѣяться постепенно устранить потрясенія произведенныя принудительнымъ курсомъ. Нынѣшней легислатурѣ предстоитъ ускорить это „дѣло освобожденія."

Король сказалъ затѣмъ что правительство его приметъ всѣ мѣры для достиженія этой цѣли, и выразилъ желаніе чтобы прежде всего подверглись обсужденію мѣры къ облегченію сбора налоговъ и справедливому распредѣленію повинностей; причемъ его величество замѣтилъ что содержаніе арміи и флота не можетъ быть сокращено, а равно не могутъ быть брошены работы имѣющія цѣлію распространить по всему полуострову блага наилучшихъ путей сообщенія и даровать странѣ силу необходимую для довершенія ея экономическаго преобразованія. Сверхъ того, правительство представитъ проекты о расширеніи самоуправленія въ провинціяхъ и общинахъ и объ улучшеніи быта государственныхъ чиновниковъ. Кодексы уголовный и коммерческій будутъ также предметомъ обсужденій Парламента и завершатъ великое дѣло законодательнаго объединенія Италіи. Король выразилъ желаніе чтобъ избирательный законъ снова подвергся разсмотрѣнію въ видахъ постепеннаго увеличенія числа гражданъ призываемыхъ къ исполненію важнѣйшаго акта политической жизни; съ тѣмъ вмѣстѣ правительство представитъ предложеніе о совершенномъ преобразованіи народныхъ школъ, такъ какъ требуется придать преподаванію болѣе стройный характеръ и распространить на всѣхъ гражданъ обязательство приготовить ихъ умы къ исполненію гражданскихъ обязанностей, также какъ всѣ они должны участвовать и въ военномъ обученіи.

„Намъ остается," продолжалъ король, „приступить къ задачѣ, которая до сихъ „поръ была рѣшена не вполнѣ. Льготы „предоставленныя церкви въ Италіи въ „размѣрахъ болѣе широкихъ чѣмъ въ какомъ-либо другомъ католическомъ государствѣ отнюдь не могутъ нарушать общественныя вольности или уменьшать права національнаго верховенства. Мое правительство представитъ на ваше разсмотрѣніе ограниченія и условія, выраженныя въ самомъ законѣ утвердившемъ церковныя гарантіи."

Въ заключеніе приводимъ то мѣсто тронной рѣчи, которое, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, должно обратить на себя особенное вниманіе; исчисливъ занятія предстоящія палатамъ, король Викторъ-Эммануилъ слѣдующимъ образомъ коснулся внѣшней политики Италіи.

„Можно было опасаться что угрожающія обстоятельства отвлекутъ насъ отъ „этихъ полезныхъ проектовъ; но вполнѣ „дружественныя отношенія которыя мы постоянно поддерживали ко всѣмъ державамъ позволяютъ намъ питать надежду „на успѣхъ совѣтовъ умѣренности, которымъ мое правительство оказывало самое „усердное содѣйствіе. Вѣрная своимъ обязательствамъ, Италія никогда не забудетъ

„что, занявъ мѣсто между великими державами, она приняла на себя миссію прогресса и цивилизаціи."

Дополненіемъ къ этому послѣднему заявленію короля Виктора-Эммануила можетъ служить статья органа нынѣшняго Италіянскаго кабинета, газеты *Diritto*, появившаяся 21 ноября, то-есть на другой день по произнесеніи тронной рѣчи. Въ статьѣ этой, посвященной положенію Италіи относительно Восточнаго вопроса, сказано:

„Мы полагаемъ что долгъ Европы присоединить свое дѣйствіе къ дѣйствію Россіи дабы принудить Турцію даровать все „что человѣчество и цивилизація требуютъ „для всеобщаго мира."

Б.

Объявленный на дняхъ 5% заемъ во сто милліоновъ уже состоялся. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ что онъ покрытъ съ избыткомъ.

Но едва ли успѣшность его достигла размѣровъ какихъ можно было ожидать. Дѣло въ томъ что заемъ состоялся слишкомъ скоропостижно. Офиціальное извѣщеніе о немъ Государственнаго Банка появилось лишь наканунѣ (въ Москвѣ только 8 ноября), тогда какъ въ странахъ, болѣе привычныхъ къ подобнымъ операціямъ, за *недѣли* до выпуска извѣщается о немъ публика. Такимъ образомъ, подписка будетъ уже закрыта когда извѣстіе о ней дойдетъ до иныхъ мѣстностей внутренней Россіи, гдѣ и теперь еще это финансовое обращеніе къ публикѣ навѣрно не проникло въ массы, которыя у насъ, при громадныхъ разстояніяхъ, при маломъ развитіи грамотности и публичности, нуждаются въ большемъ подготовительномъ для подобныхъ операцій срокѣ. Такимъ образомъ, операція, сосредоточенная въ двухъ столицахъ и нѣсколькихъ большихъ городахъ могла привлечь къ себѣ лишь капиталистовъ располагавшихъ въ данную скоротечную минуту свободными деньгами. Для скромныхъ же капиталовъ, для мелкихъ народныхъ сбереженій, подписка на заемъ какъ бы не существовала.

Между тѣмъ, изъ этихъ мелкихъ народныхъ сбереженій, финансовыхъ ручьевъ государства, составляется при извѣстныхъ обстоятельствахъ — море. Россія можетъ завтра же объявить новый внутренній заемъ хоть въ пятьсотъ милліоновъ, онъ, мы надѣемся, будетъ покрытъ также съ избыткомъ, лишь бы дана была широкая возможность участвовать въ немъ не однимъ банкирамъ и столичнымъ капиталистамъ, но народу.

№ 295.

Москва, 16-го ноября.

Обнародованные Англійскимъ правительствомъ дипломатическіе документы, и въ особенности депеша его посла при Императорскомъ Дворѣ, лорда Лофтуса, изъ Ялты отъ 2 ноября, воспроизведенная въ послѣднемъ нумерѣ нашей газеты, должны произвести сильное впечатлѣніе въ цѣломъ мірѣ, тѣмъ болѣе что обнародованіе послѣдняго документа произошло не добровольно, а было вынуждено настоятельнымъ желаніемъ Императорскаго кабинета, выраженнымъ въ послѣдней депешѣ князя Горчакова. Всякій въ правѣ спросить почему документъ такой важности оставался скрытъ отъ англійской публики въ то время какъ была обнародована депеша лорда Дарби отъ 30 октября?

Еще болѣе поражаетъ всѣхъ другой непостижимый фактъ. Депеша посла была сообщена въ Лондонъ по телеграфу, и на другой день, 3 ноября, лордъ Дарби уже далъ отвѣтъ на нее. Слѣдовательно, торжественныя заявленія нашего Августѣйшаго Государя были извѣстны Англійскому правительству за *шесть* дней до произнесенія воинственной рѣчи британскаго премьера на банкетѣ лорда-мера, возбудившей повсюду тревогу. Зачѣмъ же была произнесена эта рѣчь?

Позволительно ли было послѣ сообщеній лорда Лофтуса изъ Ялты еще сомнѣваться въ миролюбивыхъ видахъ русской политики? Возможно ли было даже самому подозрительному политическому уму все еще думать что Россія теперь, именно теперь, замышляетъ захватить Константинополь? Если такъ думать было невозможно, то что же значилъ въ это время рѣзкій тонъ англійскаго министра, что значили эти хвастливыя удостовѣренія его въ готовности Англіи немедленно обнажить свой мечъ на защиту Константинополя?

Руководители англійской политики обманывали свою страну и хотѣли возбудить

въ ней опасенія въ то время когда и тѣнь опасеній должна была исчезнуть. Но при этомъ они дали новое, совершенно убѣдительное, доказательство что добромъ подѣйствовать на англійскихъ политиковъ нельзя, что они не чувствительны къ слову прямодушія и чести, и что приводитъ ихъ въ разумъ только ударъ по головѣ или по карману; они чувствительны только къ страху, и сговорчивы только когда боятся.

Пусть англійскіе политики думаютъ что интересы Россіи требуютъ захвата Константинополя, пусть они остаются убѣжденными что интересы Россіи связаны съ Восточнымъ вопросомъ; но несомнѣнно, и для нихъ несомнѣннѣе чѣмъ для кого бы то ни было, что Россія теперь не только не возбуждаетъ этого вопроса, но дѣлала и дѣлаетъ все съ своей стороны чтобы не дать ему возникнуть и разыграться, и что именно со стороны Англіи Россія встрѣчаетъ самое ожесточенное противодѣйствіе своимъ миротворнымъ усиліямъ. Вѣрная своимъ международнымъ обязательствамъ, Россія, въ виду замѣшательствъ на Востокѣ, дѣйствовала не иначе какъ въ соглашеніи съ другими державами; но благодаря англійской политикѣ усилія Европы предотвратить возбужденіе Восточнаго вопроса остались тщетны. Англія сдѣлала все чтобы возбудить его. Она отклоняла самыя умѣренныя предложенія другихъ державъ, она поощряла сопротивленіе Порты, она разожгла мусульманскій фанатизмъ, она вызвала рядъ переворотовъ въ Константинополѣ, она добилась войны въ самой Турціи, она стала причиной массы злодѣяній, предъ которыми блѣднѣютъ всѣ ужасы на памяти исторіи. Она не отступала не предъ какими средствами и какъ видимъ, не гнушалась никакимъ обманомъ. Правительство лорда Биконсфильда употребляетъ всѣ усилія чтобы подавить въ Англіи движеніе, которое должно было бы сблизить ее съ Россіей и соединить ихъ въ общемъ дѣйствіи на Востокѣ. Его усиліямъ въ этомъ смыслѣ конечно надобно приписать то что движеніе это слабѣетъ и истощается въ средствахъ. Недавно г. Фарлей, главный зачинщикъ агитаціи, писалъ намъ что она изнемогаетъ, и что лига въ пользу восточныхъ христіанъ лишена всякихъ средствъ и не можетъ поддерживать свою агитацію въ Англіи.

Каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы Восточнаго вопроса, Россія теперь дѣйствуетъ единственно въ видахъ улучшенія участи христіанскихъ населеній Турціи. Никакой честный человѣкъ, никакой здравый умъ, повторимъ, не можетъ сомнѣваться въ этомъ. Развѣ всѣмъ извѣстныя, на виду всѣхъ происходившія дѣла, изобличившія въ самыхъ яркихъ чертахъ страшное положеніе христіанскихъ населеній Турціи, недостаточно объясняютъ движеніе овладѣвшее Россіей сверху до низу, отъ Престола до послѣдняго изъ подданныхъ? Если въ самой Англіи, и наперекоръ ея правительству, обнаружилось движеніе, въ пользу христіанъ Востока, то могла ли остаться чуждою ему Россія, такъ тѣсно связанная съ Востокомъ всею своею исторіей и преданіями?

Въ Россіи человѣческое чувство, слава Богу, не ограничилось платоническими изъявленіями, потому что въ ней правительство и народъ чувствуютъ согласно и заодно. Вотъ причина почему она выступила наконецъ впередъ и настоятельно потребовала прекращенія невозможнаго положенія. „Его Величество,“ пишетъ лордъ Лофтусъ, „горячо желаетъ не отдѣлять „себя отъ европейскаго концерта, но те„перешнее положеніе вещей становится не„выносимымъ и нельзя допустить его про„долженія. Если Европа не приготовилась „дѣйствовать твердо и энергически, то „Его Величество вынужденъ будетъ дѣй„ствовать одинъ.“ Это было сказано Государемъ Императоромъ въ Москвѣ, но еще ранѣе это было сказано англійскому послу.

Скажутъ что Россія, движимая желаніемъ пособить турецкимъ христіанамъ, можетъ воспользоваться этимъ для своихъ цѣлей, что она черезъ это пріобрѣтетъ значеніе и силу на Востокѣ. Но что же мѣшаетъ Англіи присоединиться къ ней, раздѣлить съ нею честь ея стараній и сочувствіе христіанскихъ населеній, которымъ принадлежитъ здѣсь будущность? Россія и призывала другихъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нею. Она приглашала Австрію, ближе другихъ заинтересованную въ спокойствіи Востока, приглашала Англію и представляла имъ выдающуюся роль. Если Англія отказывается отъ содѣйствія, то не вина Россіи что она одна является защитницей страждущаго человѣчества на Востокѣ. Сама Англія уступаетъ ей это преимущество.

Вводя въ заблужденіе свою страну скрывая отъ нея все что̀ должно было произвести впечатлѣніе благопріятное для мира, и вмѣсто того поднимая крики о Константинополѣ, Англійское правительство разжигаетъ Восточный вопросъ. Но пусть же оно и приметъ на себя всю отвѣтственность за нарушеніе мира, и не пытается обманомъ сложить ее на другихъ...

№ 296.

Москва, 17-го ноября.

Общество для Содѣйствія Русскому Торговому Мореходству обратило, какъ было сообщено въ № 292 нашей газеты, серіозное вниманіе на вопросъ о каперствѣ. Вопросъ этотъ имѣетъ существенную важность. Надежды на мирный исходъ нынѣшнихъ замѣшательствъ на Востокѣ еще не совсѣмъ исчезли; но онѣ будутъ тѣмъ вѣрнѣе чѣмъ яснѣе будутъ наши средства на случай столкновенія именно съ Англіей.

Какъ же предстоитъ намъ, между прочимъ, дѣйствовать если мы будемъ имѣть Англію противъ себя? Ограничиться ли исключительно обороной нашей растянутой береговой линіи въ нѣсколькихъ моряхъ? Такъ какъ мы не обладаемъ достаточно сильнымъ для борьбы съ Англіей готовымъ военнымъ флотомъ, то каперство естественно приходитъ всякому на мысль какъ единственное средство уравнять шансы. Общій взглядъ нашъ на каперство мы уже имѣли случай высказать въ № 257 *Московскихъ Вѣдомостей*. Вопросъ этотъ слѣдуетъ заранѣе поставить на истинную почву, тѣмъ болѣе что у насъ не только въ публикѣ, но и между учеными спеціалистами, мнѣнія касательно его не установились. Большинство не даетъ себѣ труда разсмотрѣть его всесторонне. Знаютъ только въ общихъ чертахъ что каперство было отмѣнено деклараціей приложенною къ Парижскому трактату, и считаютъ это какимъ-то прогрессомъ современной цивилизаціи, новымъ торжествомъ гуманности въ веденіи войнъ, полагая что отмѣнено нѣчто равносильное *морскому разбою*.

Дѣйствительно ли каперство есть морской разбой, и гуманнѣе ли стали безъ него морскія войны? На первый вопросъ отвѣтъ даютъ факты. Во время междуусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ опытъ примѣненія каперства совершался на нашихъ глазахъ. Южные штаты, не имѣя флота, прибѣгли къ каперскимъ свидѣтельствамъ. Ихъ каперы причиняли Сѣверо-Американской республикѣ громадный вредъ. Но считались ли каперы разбойниками? Ни чуть. Кромѣ противной воюющей стороны, никто отъ нихъ не потерпѣлъ никакого вреда. Напротивъ, нейтральнымъ они принесли большія выгоды, и у нейтральныхъ каперы находили себѣ пособничество. *Алабама* и другіе каперы прорывали блокаду портовъ, провозили и вывозили товары; они почти совершенно уничтожили морскую торговлю Соединенныхъ Штатовъ, чѣмъ также воспользовались нейтральные, и болѣе всѣхъ Англія, не говоря уже о томъ что четыре, притомъ главные изъ этихъ каперовъ, вышли изъ ея портовъ (хотя она не была въ войнѣ съ Соединенными Штатами). Наконецъ, во все время междуусобія, каперы находили себѣ пріютъ въ портахъ нейтральныхъ. Какъ могло бы это быть еслибы каперы были пираты? Итакъ, послѣ Парижской деклараціи, на каперовъ вовсе не смотрѣли какъ на морскихъ разбойниковъ цивилизованныя нейтральныя страны притомъ принявшія эту самую декларацію. Еслибы каперство было равносильно морскому разбою, то державы объявившія его таковымъ должны бы строго держаться этого взгляда и въ отношеніи къ чужимъ каперамъ. Г. Мартенсъ, напечатавшій въ № 311 *Голоса* статью противъ каперства, невѣрно говоритъ что Соединенные Штаты *сожалѣли* что не приняли Парижской деклараціи. Ни во время междуусобной войны, ни послѣ, Соединенные Штаты не обнаружили ни малѣйшаго желанія присоединиться къ ней. Несмотря на весь ущербъ понесенный ими отъ южныхъ каперовъ, они признаютъ каперство дѣломъ полезнымъ и не желаютъ отказываться отъ него.

Что̀ же такое каперы? Это иррегулярныя морскія силы дополняющія и замѣняющія собою регулярный военный флотъ, совершенно также какъ иррегулярныя сухопутныя войска, казаки, партизанскіе отряды, народныя ополченія, служатъ дополненіемъ и замѣной регулярныхъ армій. Это сказывается и въ англійскомъ названіи капера: *privateer*, то-есть частное судно, однако снаряжаемое не самовольно кѣмъ угодно, а съ дозволенія воюющаго правительства, на основаніи выданнаго имъ

каперскаго свидѣтельства, *lettre de marque.* Эти иррегулярныя морскія силы, уважая нейтральныхъ, дѣйствуютъ въ ущербъ противнику совершенно также какъ и регулярныя военныя суда. Чтобъ убѣдиться въ этомъ стóитъ вникнуть въ характеръ морскихъ войнъ. Обычаи морскихъ войнъ, установленные главнымъ образомъ Англіей, существенно отличаются отъ военныхъ обычаевъ на сушѣ, и Парижская декларація, хотя и отмѣнила каперство, не внесла въ морскія операціи никакихъ гуманныхъ идей нашего вѣка, въ родѣ тѣхъ коими внушены Женевская конвенція о раненыхъ (которая, однако, возмутительно нарушалась Турками) и С.-Петербургская—о неупотребленіи разрывныхъ пуль (которыя однако употребляются Турками, и по всему вѣроятію изготовляются для нихъ въ Англіи). Сухопутныя войска дѣйствуютъ только противъ военныхъ же силъ непріятеля, противъ его армій и крѣпостей, но щадятъ мирныхъ жителей, частную собственность и открытые города. Морская война не знаетъ этого различія, и преимущественно состоитъ въ нанесеніи ущерба частной собственности. Военные флоты блокируютъ, бомбардируютъ и предаютъ огню открытые и беззащитные порты, а главное преслѣдуютъ и захватываютъ непріятельскія торговыя суда, парализуя такимъ образомъ морскую торговлю противника. *Во время войны частная собственность воюющихъ сторонъ на морѣ не ограждена ни трактатами, ни обычаями,* и никто такъ не ратуетъ противъ этого огражденія какъ Англія. Для державы обладающей громаднымъ военнымъ флотомъ нѣтъ надобности прибѣгать еще къ каперамъ. Ея военныхъ судовъ будетъ достаточно для совершеннаго уничтоженія частной собственности противника на морѣ, между тѣмъ какъ *ея* частная собственность, при отсутствіи каперовъ, будетъ пользоваться полнѣйшею безопасностью. Какимъ же образомъ поправить это неравенство? Очевидно что государству не имѣющему военнаго флота который могъ бы противостоять англійскому, для того чтобы вести войну ея же оружіемъ, то-есть наносить ущербъ ея частной собственности, не остается другаго средства какъ прибѣгнуть къ иррегулярнымъ морскимъ силамъ, то-есть выдавать каперскія свидѣтельства. Такъ точно на сухомъ пути государства никогда не стѣснялись пользоваться помощью партизанскихъ отрядовъ, вольныхъ стрѣлковъ, охотниковъ и пр. Каперство есть вынужденная мѣра самообороны, необходимая для того чтобъ и Англіи дать почувствовать тяжесть войны и тѣмъ заставить ее быть умѣреннѣе въ своихъ претензіяхъ. Это тотъ ударъ который всего лучше, по нашему мнѣнію, можетъ образумить англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Безусловно чураться этого *единственнаго* средства самозащиты противъ Англіи на морѣ есть доказательство не „гуманности," а слабости...

Противъ сравненія каперовъ съ иррегулярными сухопутными отрядами иной спорщикъ пожалуй возразитъ что аналогія не совсѣмъ вѣрна, ибо партизанскіе и тому подобные отряды, дѣйствуя въ совокупности съ регулярною арміей и подкрѣпляя ее, ведутъ войну все-таки противъ *военныхъ* силъ непріятеля, ослабляя его, захватывая военные обозы, прерывая сообщенія, нападая на аванпосты, и т. под., но не нападаютъ, по крайней мѣрѣ не должны нападать, на частную собственность, тогда какъ каперы преслѣдуютъ только таковую. Но въ виду дѣйствительнаго характера морскихъ войнъ, возраженіе это падаетъ само собою, и аналогія остается совершенно вѣрною: въ обоихъ случаяхъ иррегулярныя силы дѣлаютъ то самое что и регулярныя. Аналогія исчезла бы только тогда еслибы частная собственность на морѣ была признана неприкосновенною для *военныхъ судовъ*. Тогда конечно каперство потеряло бы всякую *raison d'être*. Но иниціатива уваженія къ частной собственности должна исходить отъ регулярныхъ силъ, которыя составляютъ постоянную организацію, а не отъ партизанскихъ отрядовъ которые должны дѣлать то чтò дѣлаетъ армія и пополнять ее собою. Во время заключенія Парижскаго трактата, послѣ долгой войны, когда всѣ державы искали долгаго мира, при обсужденіи приложенной къ нему деклараціи, это было упущено изъ виду, и никто изъ договаривающихся не замѣтилъ что односторонняя отмѣна каперства ведетъ только къ выгодѣ Англіи. Но Соединенными Штатами тогда же было на это указано. Они не признали Парижской деклараціи, совершенно справедливо требуя предварительно признанія неприкосновенности частной собственности на морѣ во время войны. Ихъ требованіе встрѣтило

безусловный отказъ со стороны Англіи, а они въ свою очередь отказали въ согласіи на отмѣну каперства.

Отмѣна каперства вовсе не есть шагъ на пути къ признанію святости частной собственности на морѣ, какъ полагаетъ г. Мартенсъ въ *Голосѣ*, а развѣ шагъ назадъ. Отмѣняя каперство, мы именно увѣковѣчиваемъ морской разбой, предоставляя Англіи привилегію захватывать плывущую по морю частную собственность. Только каперство заставитъ Англію отказаться отъ разбоя подъ видомъ морской войны. Только Англія и развѣ еще совершенно подчинившаяся во всемъ ея взглядамъ Франція, утратившая повидимому всякую самостоятельность и смыслъ въ политикѣ, не хотятъ уважать частной собственности въ морскихъ войнахъ. Другіе державы не видятъ къ тому затрудненій. Австрія и Италія съ Германіей въ 1866 году, Германія (но не Франція) въ 1870—71, объявили что будутъ уважать частную собственность. Французскія военныя суда въ послѣднюю войну взяли нѣсколько призовъ, которые однако не послужили ей въ пользу: стоимость ихъ была послѣ включена въ тяжелую контрибуцію. Блестящія побѣды Германіи были такъ рѣшительны что ей не было и надобности прибѣгать къ каперству. Въ войнѣ же съ Англіей иное дѣло, и Англію ничѣмъ нельзя такъ хорошо образумить какъ выдачей каперскихъ свидѣтельствъ.

Но, скажутъ, всѣ доводы въ пользу каперства теперь излишни, потому что мы подписались подъ Парижскою деклараціей. Нѣтъ, едва ли этотъ международный актъ имѣетъ ту сила какую хотятъ приписать ему. Мы не замедлимъ возвратиться къ этому вопросу.

№ 297.

Москва, 18-го ноября.

Что такое эта пресловутая Парижская декларація которою будто бы отмѣняется каперство? Она не имѣетъ ничего общаго съ Парижскимъ трактатомъ хотя и приложена къ нему, хотя и подписана „за однимъ и тѣмъ же столомъ и одними и тѣми же чернилами.“ Мы съ этимъ совершенно согласны; но она не имѣетъ ничего общаго ни съ какими мирными трактатами, которые имѣютъ силу только отъ войны до войны. Это не трактатъ, и ни отъ какого трактата не заимствуетъ обязательной силы. Трактатами опредѣляются условія мира, а Парижская декларація хочетъ регулировать войну; она принадлежитъ къ разряду тѣхъ международныхъ соглашеній которыя имѣютъ силу только при условіи признанія всѣми цивилизованными государствами безъ исключенія.

Но Парижская декларація роковымъ образомъ лишена главнаго и единственнаго условія обязательности подобныхъ соглашеній. Весьма сильное морское государство, Соединенные Штаты, не признало отмѣны каперства, и тѣмъ лишило эту декларацію силы всеобщей конвенціи. Выходитъ нѣчто совершенно нелѣпое. Предположимъ, напримѣръ, столкновеніе между Россіей и Соединенными Штатами: оказалось бы что мы были бы нравственно обязаны соблюдать на войнѣ извѣстное правило, между тѣмъ какъ Американцы были бы правы не соблюдая его. Возражать что въ отношеніи къ Соединеннымъ Штатамъ дѣло стоитъ иначе, что мы въ отношеніи къ нимъ свободны въ томъ самомъ въ чемъ связаны предъ Англіей, значило бы считать Парижскую декларацію не тѣмъ въ чемъ только и можетъ состоять ея сила, не общеобязательною конвенціей, а видѣть въ ней часть Парижскаго трактата, которая стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ; но этимъ она по самой сущности своей быть не можетъ.

Международныя соглашенія подобнаго рода возможны только при условіи всеобщаго признанія. Въ этомъ одномъ заключается вся ихъ санкція. Въ государствѣ исполненіе законовъ обезпечивается верховною властью; въ международныхъ отношеніяхъ принудительной силы нѣтъ, и она замѣняется только всеобщимъ признаніемъ. Коль скоро такого признанія не послѣдовало, то вмѣсто правила остается простое заявленіе, постулатъ теоріи, не имѣющій практической силы. Въ Парижской деклараціи державы могли имѣть прекрасныя цѣли, которыя однако суть не болѣе какъ *pia desideria*. Имѣлось въ виду привлечь къ соглашенію всѣ государства. Еслибъ это состоялось, тогда поднятый вопросъ получилъ бы общее утвержденіе и могъ бы стать предметомъ конвенціи, какова Женевская о нейтрализаціи лазаретовъ и о международной помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, или

Петербургская о неупотреблении рызрывныхъ пуль.

Какъ въ государствѣ общій законъ теряетъ силу и перестаетъ быть закономъ если одни признаютъ его, а другіе нѣтъ, такъ и въ международныхъ дѣлахъ правило не можетъ быть обязательно коль скоро оно не признается всѣми. Парижская декларація стала празднымъ словомъ съ той минуты какъ Соединенные Штаты отказались приступить къ ней. Если другія державы принявшія оную дорожили отмѣною каперства, то онѣ, по строгой логикѣ и въ своемъ интересѣ, должны были бы объявить войну Соединеннымъ Штатамъ и принудить ихъ силой отказаться отъ каперства. А какъ этого не было сдѣлано, то декларація осталась только декларацiей. Примѣръ яснѣе покажетъ что Парижская декларація не имѣетъ силы обязательнаго акта. Предположимъ напримѣръ, случай коалиціи Франціи и Соединенныхъ Штатовъ противъ Англіи. Соединенные Штаты прибѣгли бы къ помощи каперовъ: спрашивается, должна ли будетъ Англія, не связанная ничѣмъ предъ ними и могущая имъ отвѣчать тѣмъ же, предписать, однако, своимъ каперамъ дѣйствовать только противъ одного изъ враждебныхъ ей союзниковъ, щадя и уважая другаго, а если это различие невозможно, то развѣ не будетъ и Франція вынуждена прибѣгнуть къ той же мѣрѣ?

Помимо этой чисто формальной стороны вопроса, которая не подлежитъ сомнѣнію, есть еще причины почему въ особенности Россія отнюдь не можетъ считать себя связанною этимъ заявленіемъ. На Парижскомъ конгрессѣ былъ затронутъ лишь отчасти и весьма односторонне вопросъ о регулированіи обычаевъ войнъ. На обсужденіе былъ поставленъ принципъ справедливый: прекращеніе морскаго разбоя и уваженіе частной собственности на морѣ какъ она давно уважается въ войнахъ на сушѣ. Но разрѣшенъ этотъ вопросъ односторонне: морской разбой не отмѣненъ, а предоставленъ какъ привилегія странамъ имѣющимъ сильнѣйшій военный флотъ. Россія не находила нужнымъ возражать противъ этого частнаго рѣшенія вопроса потому конечно что имѣла въ виду со временемъ расширить его. Она и доказала это въ послѣдствіи своимъ проектомъ кодификаціи вообще законовъ и обычаевъ войнъ, обсуждавшимся на Брюссельской конференціи. Проектъ этотъ имѣлъ въ виду гуманизировать войну безъ стѣсненія ея операцій, не парализуя ея цѣлей, и къ обсужденію были приглашены не однѣ великія державы, а всѣ государства, чтобы всякіе интересы имѣли возможность высказаться. Англія, какъ извѣстно, съ самаго начала, потребовала чтобъ изъ програмы совѣщаній была исключена морская война, и затѣмъ проектъ остался безъ осуществленія вслѣдствіе ея же отказа, такъ какъ она инстинктивно предвидѣла что огражденіе частной собственности, если оно будетъ утверждено международнымъ актомъ, рано или поздно распространится и на морскія войны.

Собственно противъ принципа отмѣны каперства, если считать ее ограниченіемъ морскаго разбоя, мы ничего сказать не можемъ, но признать ея обязательность можно только въ томъ случаѣ если вообще будетъ признана неприкосновенность частной собственности на морѣ и прекратится морской разбой чинимый регулярными военными судами. Пусть будетъ это признано всѣми державами, и именно Англіей, какъ требовали Соединенные Штаты когда ихъ приглашали присоединиться къ Парижской декларацін, и тогда въ каперахъ не будетъ надобности. Но тогда морскія войны потеряютъ значеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ потеряетъ смыслъ и громадный военный флотъ Англіи...

№ 298.

Москва, 19-го ноября.

А.

Предъ разсвѣтомъ завтрашняго утра Его Императорское Высочество, Главнокомандующій дѣйствующею арміей, прибудетъ въ Москву и прямо со станціи отправится въ Троицкую лавру. Тѣмъ же утромъ возвратившись въ Москву и поклонившись ея святынямъ, Великій Князь Главнокомандующій отправится далѣе по Курской дорогѣ къ мѣсту своего великаго назначенія. 23-го Его Высочество будетъ уже въ Кишиневѣ, близъ границы...

Оживаютъ давнія эпохи нашей исторіи. Вспоминается тотъ великій моментъ ея, когда побѣдитель Мамая, идя на бой, принималъ благословеніе святаго заступника

Русской земли. Да осѣнитъ и нынѣ Преподобный Сергій своимъ побѣдоноснымъ благословеніемъ преклоненную предъ Его гробницей главу Великаго Князя, вождя Русскихъ воиновъ, идущихъ на борьбу за крестъ Христовъ и за спасеніе нашихъ во Христѣ братьевъ!

Б.

О Французахъ можно сказать по справедливости то что̀ говорилось о послѣднихъ Бурбонахъ: „они ничего не забыли и ничему не научились.“ Республиканская организація, установившаяся послѣ столь долгихъ усилій, съ Сенатомъ, Палатой Депутатовъ, съ либеральнымъ министерствомъ и пр. доставила Франціи спокойствіе на три, на четыре мѣсяца парламентскихъ вакацій, но вотъ возобновилась сессія палатъ, и снова тревога, раздоръ партій, министерскій кризисъ... А между тѣмъ, открывшаяся нынѣ сессія есть спеціальная, назначенная только для утвержденія бюджета, который палаты не успѣли утвердить въ очередную сессію, и благоразумные люди выражали надежду что она будетъ дѣловая, исключительно посвященная обсужденіямъ финансоваго закона. Но партіи во Франціи, повидимому, только ожидали предлога чтобы начать борьбу, которая и возгорѣлась въ засѣданіяхъ Палаты Депутатовъ 23 и 24 ноября, отличавшихся шумомъ и безурядицей свойственными французскимъ собраніямъ. Цѣлію интриги, задуманной въ средѣ радикаловъ, было низверженіе министерства Дюфора, которое они находили слишкомъ консервативнымъ и даже клерикальнымъ; предлогомъ къ борьбѣ было обстоятельство само по себѣ ничтожное, но раздутое газетами до размѣровъ важнаго событія. Случалось нѣсколько разъ что военные начальники отказывались сопровождать на кладбища, для отданія установленныхъ почестей, тѣла кавалеровъ Почетнаго Легіона, принадлежавшихъ къ такъ-называемымъ „вольнодумцамъ.“ Это нарушеніе стараго постановленія вызвало много толковъ въ публикѣ и много запальчивыхъ статей въ газетамъ крайней лѣвой, что̀ представило радикаламъ удобный случай повести атаку на министерство. Одинъ изъ нихъ, г. Флоке, сдѣлалъ по этому поводу запросъ правительству, на который оно отвѣчало въ засѣданіи 23 ноября внесеніемъ законопроекта чтобы военныя почести воздавались при погребеніи только военно-служащимъ кавалерамъ Почетнаго Легіона, умершимъ на дѣйствительной службѣ. Страшнымъ ропотомъ негодованія былъ встрѣченъ этотъ проектъ, прочитанный въ Палатѣ Депутатовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Всѣ оттѣнки лѣвой возстали противъ него, и г. Жерменъ, президентъ лѣваго центра, потребовалъ признать его не терпящимъ отлагательства, а одинъ изъ членовъ, г. Дешапель, немедленной отсылки въ отдѣленія. Правительство принуждено было согласиться на первое требованіе, обусловливающее устраненіе формальности троекратнаго обсужденія законопроекта, но успѣло устранить требованіе г. Дешапеля: еслибъ оно было принято, то означенный проектъ подвергся бы обсужденію въ тотъ же день, и при тогдашнемъ настроеніи Палаты былъ бы отвергнутъ огромнымъ большинствомъ. Но этимъ министерство только отсрочило кризисъ, ибо при избраніи членовъ коммиссіи для обсужденія его законопроекта изъ числа одиннадцати членовъ восемь высказались противъ проекта, а трое допустили его со значительными измѣненіями.

Предлогъ къ нападенію на министерство былъ выбранъ очень ловко, потому что г. Гамбетта, сдерживавшій радикаловъ и въ послѣднее время сблизившійся съ правительствомъ, не могъ оказать ему помощи въ настоящемъ случаѣ: онъ самъ возбудилъ этотъ вопросъ въ своей газетѣ *République Française*, а вслѣдъ за нимъ затрубили и другія газеты того же оттѣнка. Отречься отъ своихъ слишкомъ рѣзко высказанныхъ взглядовъ значило бы уронить себя въ глазахъ своей партіи, которая и безъ того начала смотрѣть на него съ недовѣріемъ послѣ того какъ онъ обмѣнялся любезностями съ маршаломъ Макъ-Магономъ, когда представлялся президенту республики при открытіи новаго зданія Севрской мануфактуры, причемъ г. Ваддингтонъ, министръ народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ, засвидѣтельствовалъ главѣ государства о заслугахъ бюджетной коммиссіи и президента ея г. Гамбетты, ревностно старающихся поддержать искусство во Франціи.

Министерскій кризисъ въ настоящую минуту, очевидно, не входилъ въ разчеты г. Гамбетты, который, если имѣлъ виды на министерскій портфель, то въ болѣе

или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда его заслуги, въ качествѣ президента бюджетной коммиссіи, были бы признаны общественнымъ мнѣніемъ. А кризисъ считается неизбѣжнымъ, и удаленіе г. Дюфора, какъ увѣряютъ почти всѣ газеты, уже рѣшено; преемникомъ его называютъ г. Жюля Симона, какъ единственнаго человѣка который въ настоящее время можетъ стать главой кабинета. Онъ принадлежитъ къ лѣвой, и никто не сомнѣвается въ его республиканскихъ убѣжденіяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, уваженіемъ къ религіи, умѣренностью своего характера, своею уживчивостью, онъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ сторонниковъ въ консервативныхъ рядахъ. Вѣроятность его назначенія президентомъ совѣта возбуждаетъ ироническія замѣчанія нѣкоторыхъ газетъ что возвышеніе его будетъ какъ бы предвѣстіемъ возвращенія г. Тьера ко власти, идеями котораго онъ всегда руководился. Возвышеніе Жюля Симона нанесло бы ударъ надеждамъ г. Гамбетты. „Только одинъ человѣкъ," говоритъ парижскій корреспондентъ *Nord* отъ 24 ноября, „можетъ „разрушить союзъ различныхъ элементовъ „лѣвой подъ авторитетомъ г. Гамбетты; „человѣкъ этотъ г. Жюль Симонъ, под„держиваемый вліяніемъ г. Тьера. Для то„го чтобъ ограничить положеніе г. Гам„бетты, необходимо противопоставить ему „республиканца, оратора и правительствен„наго человѣка, которому его чисто рес„публиканскія мнѣнія, его роль въ оппо„зиціи во время имперіи, даютъ возмож„ность не только защищаться съ успѣхомъ „противъ крайней лѣвой, но перейти от„носительно ея изъ оборонительнаго по„ложенія въ наступательное, опираясь на „истинные интересы республики. Г. Жюль „Симонъ первый министръ сдѣлался бы „настоящимъ главою лѣвыхъ и отодви„нулъ бы г. Гамбетту на второй планъ. „Г. Жюль Симонъ имѣлъ бы большинство „въ обѣихъ палатахъ; онъ руководился „бы либеральною программой и вмѣстѣ съ „тѣмъ успокоилъ бы религіозные интере„сы и упрочилъ бы настоящія учрежде„нія. Вотъ почему умѣренная лѣвая и „хлопочетъ о предоставленіи ему прези„дентства въ кабинетѣ."

Состоится ли назначеніе г. Жюля Симона и оправдаетъ ли онъ эти надежды не знаемъ, но сомнѣваемся чтобы какія бы то ни было личныя перемѣны могли въ политической жизни Франціи сопровождаться прочными и добрыми послѣдствіями. Засѣданіе 24, ноября отчетъ о которомъ былъ сообщенъ во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты, старая погудка даже не на новый ладъ.

Вчерашняя телеграмма изъ Парижа подтверждаетъ что кризисъ дѣйствительно открылся, и министерство рѣшило только что г. Дюфоръ не долженъ выходить въ отставку пока обѣ палаты не утвердятъ бюджета.

№ 299.

Москва, 20-го ноября.

Напутствуемый благословеніями Москвы и поклонившись ея святынямъ, Великій Князь Главнокомандующій поспѣшилъ въ дальнѣйшій путь на югъ чтобы принять начальство надъ войсками уже готовыми къ дѣйствію. Черезъ два дня Его Высочество будетъ въ Кишиневѣ, гдѣ располагается главная квартира, пока наши войска еще не перешли границы для огражденія христіанскихъ населеній Турціи, надъ которыми совершились и теперь творятся не запамятныя въ исторіи дѣла.

Слово сказано, и дѣло начато. Минута дѣйствія Россіи, возвѣщенная въ Московскомъ Кремлѣ незабвенными словами Государя Императора, наступаетъ, наступила. Лишь малое время отдѣляетъ насъ отъ событій. Порученіемъ подвига своему Августѣйшему Брату Государь Императоръ даетъ новое доказательство непоколебимой рѣшимости исполнить до конца волю Божію на пути сю ясно указанномъ.

Отъѣздъ Августѣйшаго Главнокомандующаго уже есть первый моментъ начинающагося дѣйствія.

Правительство безостановочно и дѣятельно продолжало приготовленія для исполненія принятаго Государемъ Императоромъ рѣшенія „добиться" истинныхъ обезпеченій для христіанъ въ Турціи. Приготовленія требовали нѣкотораго времени, и протекшій съ тѣхъ поръ краткій срокъ еще болѣе покажетъ что наступила пора дѣйствія на которое вызвана Россія.

Новыхъ доказательствъ миролюбія Россіи никто уже не въ правѣ ожидать. Ею были истощены всѣ условія предотвратить неизбѣжное. Россія обязана предъ стонущими христіанами, взоры которыхъ

обращены къ ней. Идолу дипломатическихъ обмановъ, подъ именемъ европейскаго соглашенія, было уже принесено слишкомъ много жертвъ, такъ что искусившіеся мастера политики изворотовъ и теперь притворяются, что не вѣрятъ въ твердость рѣшенія Россіи и будто не считаютъ ея приготовленій дѣломъ серіознымъ. Нѣтъ, жертвы понесенныя Россіей очень серіозны. Мы не говоримъ о суммахъ какихъ стоятъ военныя приготовленія; мы особенно имѣемъ въ виду тягость неопредѣленнаго положенія въ которомъ находятся всѣ дѣла нашей промышленности и торговли. Мы безъ войны воюемъ болѣе года. Посреди заботъ о сохраненіи мира, мы несли на себѣ всѣ тяжести военнаго времени. Мы должны выйти какъ можно скорѣе изъ этого положенія; а какъ выйти, это уже не подлежитъ вопросу. Еслибы военное занятіе, необходимое какъ первая гарантія для прекращенія злодѣйствъ, вслѣдствіе сопротивленія Турціи привело къ войнѣ, и еслибъ у Турціи нашлись союзники, Россія въ состояніи, съ Божіей помощью, выдержать ее. Но она не можетъ долѣе оставаться въ пагубной для нея неизвѣстности и безплодно изнурять себя пока будутъ длиться новые обманные переговоры для того чтобы до войны изнурить ее. Положеніе принятое правительствомъ въ настоящее время столь же рѣшительно сколь было до сихъ поръ миролюбиво и долготерпѣливо.

Все что было предпринято непріязненною дипломатіей со времени перемирія является новымъ аргументомъ вынуждающимъ Россію къ дѣйствію. Половина срока перемирія уже истекла, и пройдетъ еще болѣе недѣли прежде чѣмъ откроется конференція, хотя она могла бы уже давно открыться. Въ виду неистовствъ продолжающихся въ христіанскихъ провинціяхъ Турціи казалось бы слѣдуетъ дорожить минутами. Къ чему же понадобилась проволочка, и на что она была употреблена? Англійская дипломатія, очевидно, хотѣла парализовать дѣйствіе Россіи. Возвѣщено было торжественно что Британское правительство отправитъ на конференцію спеціальнымъ делегатомъ одного изъ членовъ кабинета, и выборъ палъ на статсъ-секретаря Индіи, маркиза Салсбери, бывшаго нѣкогда во враждѣ съ нынѣшнимъ премьеромъ, но давно съ нимъ примирившагося, такъ что многіе видятъ въ немъ главнаго внушителя нынѣшней политики лорда Биконсфильда. Маркизъ Салсбери, дѣйствительно, обладаетъ административными способностями и отличается независимостью взгляда и твердостью характера. Странно только что на основаніи этихъ давно и хорошо извѣстныхъ качествъ маркиза Салсбери всѣ газеты сразу заключили о надеждѣ на мирный исходъ конференціи, на которой будто бы будутъ устранены всѣ поводы къ разногласіямъ. Скорѣе можно опасаться противнаго. Политика лорда Биконсфильда достаточно себя показала, и можно ли думать что человѣкъ какъ маркизъ Салсбери согласился служить ей еслибы не раздѣлялъ ея вполнѣ? Будь онъ инаго взгляда, онъ вышелъ бы въ отставку, какъ вышелъ изъ кабинета покойнаго лорда Дарби въ 1867 году по вопросу о парламентской реформѣ. Дѣйствительно, назначеніе маркиза Салсбери спеціальнымъ делегатомъ Англіи имѣло далеко не мирную цѣль. Вопервыхъ, оно отсрочило собраніе конференціи. Послѣ торжественныхъ сборовъ, маркизъ Салсбери еще торжественнѣе выѣхалъ изъ Лондона съ конвоемъ въ 15 человѣкъ, не считая секретарей, и не прямо въ Константинополь, а пустился въ объѣздъ по всѣмъ дворамъ Европы. Наружная цѣль этого каравана, вызвавшаго насмѣшки въ Берлинѣ, была та чтобы разъяснить вездѣ взгляды Англіи и, въ свою очередь, ознакомиться со взглядами прочихъ державъ, якобы для того чтобъ облегчить и ускорить работы конференціи. И въ самомъ дѣлѣ, изо всѣхъ столицъ по слѣдамъ странствующаго министра разсылались успокоительныя телеграммы. Но это никого не вводило въ заблужденіе. Для миротворной цѣли секретарю Индіи не зачѣмъ было бы ѣздить. Во всѣхъ столицахъ находятся представители Англіи, давно аккредитованные и хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ, отъ коихъ Англійское правительство конечно получало всѣ нужныя свѣдѣнія. Во Франціи, съ 1867 года, состоитъ лордъ Ляйонсъ, бывшій прежде въ Константинополѣ; въ Берлинѣ одинъ изъ способнѣйшихъ англійскихъ дипломатовъ Одо-Россель; въ Вѣнѣ сэръ-Андру Бьюкананъ, бывшій прежде въ С.-Петербургѣ.

Истинная цѣль разъѣздовъ маркиза Салсбери уже не тайна: онъ ѣздилъ не затѣмъ чтобъ ускорить дѣло конференціи,

а пріискать союзниковъ противъ Россіи. Въ Берлинѣ, какъ мы имѣемъ свѣдѣнія, эта цѣль была сочтена даже оскорбительною для правительства императора Вильгельма, и при должномъ соблюденіи дипломатическаго этикета, Германіей было положительно заявлено что она не будетъ поддерживать англійскіе взгляды, а въ случаѣ войны будетъ сохранять нейтралитетъ. Францію странствующій маркизъ еще прежде заманивалъ, и въ Берлинѣ для него объяснилась причина сдержанности Французскаго правительства. Въ Вѣнѣ маркизъ былъ принятъ радушнѣе чѣмъ въ Берлинѣ, но особенныхъ надеждъ и оттуда не вывезъ. Австрія сама рада была бы найти средство отклонить военное занятіе Болгаріи, но воспротивиться ему повидимому также не расположена. Что касается Италіи, то нечего и говорить что ей нѣтъ повода выходить изъ нейтральнаго положенія.

Поѣздка маркиза Салсбери по дворамъ Европы бросала нѣкоторый свѣтъ на политику лорда Биконсфильда. „Разорвать союзъ трехъ императоровъ,“ говоритъ *Daily News*, „было одною изъ немногихъ ясныхъ цѣлей политики лорда Биконсфильда.“ Въ ея неудачѣ министерскіе органы конечно не сознаются, но та же газета замѣчаетъ что „попытка изолировать Россію окончилась изолированіемъ Англіи.“ Итакъ, всѣ усилія Англіи, столь замедлившія дѣло конференціи, были направлены не къ обсужденію будущаго устройства несчастныхъ провинцій, а къ противодѣйствію единственной мѣрѣ которая, въ ожиданіи этого устройства, необходима безусловно и немедленно. Какъ настоятельна эта мѣра, о томъ свидѣтельствуетъ даже корреспондентъ туркофильской *Кельнской Газеты*, описывающій положеніе Болгаріи.

Послѣ такихъ стараній Англіи, мы не можемъ приписывать значенія разнымъ толкамъ о новыхъ дипломатическихъ планахъ предлагаемыхъ все съ тою же цѣлью предотвратить занятіе. Говорятъ что Англія готова допустить и эту мѣру, но только въ принципѣ и на случай если де Турція, которая на этотъ разъ „обяжется“ предъ всею Европой исполнить реформы, не сдержитъ обѣщанія въ „извѣстной срокъ;“ говорятъ также будто лордъ Дарби намѣренъ предложить чтобы занятіе было ограничено какою-то „полицейскою силой“ для охраненія международной коммиссіи которая будетъ вводить реформы. Все это праздные толки, и пора ихъ миновала. Конференція можетъ обсуждать будущую организацію провинцій, но оставить потоки ежедневно проливаемой христіанской крови требуется немедленно...

№ 301.

Москва, 22-го ноября.

А.

Отъѣздъ Августѣйшаго Главнокомандующаго къ дѣйствующей арміи полагаетъ ясную черту между тѣмъ что̀ было и тѣмъ что̀ теперь начинается. Одинъ Богъ знаетъ что̀ послѣдуетъ; но вѣрно то что отнынѣ наступаетъ строгое время. Періодъ легковѣснаго слова кончился въ дипломатіи; онъ долженъ кончиться и въ печати. Спѣшимъ съ удовольствіемъ засвидѣтельствовать что за немногими исключеніями русская печать съ замѣчательнымъ согласіемъ отражаетъ настроеніе общества. Теперь всякій можетъ убѣдиться что дурныя явленія которыя замѣчались на поверхности нашего общества и увлекали нашу молодежь не были признакомъ глубокаго внутренняго зла. Мы дурили отъ скуки, отъ нечего дѣлать, отъ пустоты. Дурь исчезла какъ только почувствовалось живое дѣло. Все напускное и налганное замолкаетъ предъ народнымъ чувствомъ, и люди перерабатываются имъ могущественно и быстро. Когда для Россіи наступитъ пора дѣйствія, она, можемъ мы сказать съ увѣренностью, будетъ дѣйствовать буквально какъ одинъ человѣкъ.

Но важность момента налагаетъ на печать особенную обязанность. Свою честность и свой умъ она должна доказать прежде всего своею воздержностью. Теперь всякое лишнее слово о военныхъ приготовленіяхъ, расположеніи войскъ, о планахъ дѣйствій, было бы дѣломъ предосудительнымъ и даже преступнымъ. Но если честь обязываетъ органы гласности соблюдать воздержность, то патріотизмъ и желаніе успѣха великому дѣлу, призывающему страну нашу къ оружію, облегчаетъ исполненіе этой обязанности. Преждевременное оглашеніе всякихъ догадокъ

и частныхъ свѣдѣній было бы дѣломъ легкомыслія и пустаго любопытства, не достойнаго важности минуты, и тотъ приметъ на себя тяжкую отвѣтственность кто прямо или косвенно, открыто или намекомъ, разгласитъ что-либо въ этомъ отношеніи лишнее. Успѣхъ военнаго дѣла много зависитъ отъ воздержности слова. Военные планы всего лучше зрѣютъ и исполняются въ безмолвіи. И не даромъ Германія чествуетъ своего знаменитаго стратига, которому она обязана блистательными успѣхами послѣдней войны, знаменательнымъ именемъ „молчальника.“

Б.

Все что мы говорили въ послѣдній разъ по поводу результатовъ поѣздки лорда Салсбери подтверждается какъ нельзя болѣе признаніями самой англійской печати. Нигдѣ не удалось ему получить какихъ-либо „связывающихъ обѣщаній;“ ни одна изъ континентальныхъ державъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не расположена обращаться къ Россіи съ представленіями и совѣтами. Англія и Россія остаются лицомъ къ лицу. Въ какомъ же духѣ встрѣтятся онѣ на предстоящихъ рѣшительныхъ совѣщаніяхъ?

Газета *Times* указываетъ, очевидно на основаніи свѣдѣній добытыхъ поѣздкой маркиза Салсбери, что на материкѣ вообще господствуетъ увѣренность что соглашеніе между Англіей и Россіей едва ли возможно. Лондонская газета не хочетъ признать это, и замѣчаетъ что „на „материкѣ могутъ ошибаться, ибо, такъ „какъ практическое рѣшеніе принадлежитъ „Англіи и Россіи, то онѣ могутъ согла„ситься если захотятъ; между тѣмъ какъ „недовѣрчивость на материкѣ порождена „фантазіей будто онѣ слишкомъ враждеб„ны другъ къ другу для того чтобы по„ладить между собою.“ Это внушаетъ органу Лондонскаго Города мысль что „еслибъ этикетъ не возбранялъ лорду Сал„сбери посѣтить С.-Петербургъ, или еслибъ „онъ встрѣтилъ на своемъ пути русскаго „дипломата должнымъ образомъ уполно„моченнаго, то онъ могъ бы въ одинъ „часъ сдѣлать болѣе чѣмъ въ недѣлю „проведенную въ разговорѣ съ нейтраль„ными.“ Какое печальное сознаніе безполезной потери времени!

Но дѣйствительно ли такъ легко было бы прямое соглашеніе Англіи съ Россіей? Намъ извѣстно что „дипломатическій этикетъ“ воспрепятствовавшій маркизу поѣздку въ С.-Петербургъ не помѣшалъ ему, однако, объѣзжать всю Европу съ непріязненною къ Россіи цѣлью. Можемъ ли мы надѣяться что Англійское правительство откажется наконецъ отъ своей политики? Газета *Times*, ежедневно готовая мѣнять свои мнѣнія, для насъ въ этомъ отношеніи не можетъ служить авторитетомъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ принимать въ разчетъ и тѣ негодующія протестаціи противъ политики торійскаго кабинета какія снова начинаютъ раздаваться въ Англіи со стороны лицъ настаивающихъ на необходимости соглашенія Англіи съ Россіей. Россіи приходится въ этомъ вопросѣ имѣть дѣло не съ тѣми почтенными личностями въ Англіи которыя отдаютъ ей справедливость, а съ политикой Англійскаго правительства. Но съ видами этой политики, хорошо извѣстной намъ по ея прежнимъ дѣйствіямъ, всего лучше знакомятъ насъ сужденія министерскихъ органовъ. *Standard* утверждаетъ насъ въ убѣжденіи что миссія маркиза Салсбери вполнѣ солидарна со всею прежнею политикой Британскаго правительства. Торійскій органъ настаиваетъ что нѣтъ ни малѣйшаго разногласія между членами кабинета по Восточному вопросу, и что „есть одна турецкая политика, за которую „отвѣтственность прежде всего принадле„житъ лорду Биконсфильду какъ главѣ „правительства, и для поддержки кото„рой лордъ Салсбери отправился въ Кон„стантинополь.“ Съ другой стороны, всѣ извѣстія сводятся къ тому что Англія будетъ всячески стараться не допустить военнаго занятія турецкихъ провинцій. На словахъ Англія готова на „уступки,“ но взамѣнъ ихъ потребуетъ *отсрочить* занятіе до тѣхъ поръ пока Турція докажетъ *еще разъ* неспособность исполнить реформы въ администраціи провинцій. На необходимости „дать Турціи время привести предполагаемыя реформы въ исполненіе“ особенно настаиваетъ газета *Morning Post*, считающаяся прямымъ органомъ лорда Биконсфильда. „Почему не „предложить на конференціи,“ говоритъ она, „чтобы державы устранились пока „не увидятъ принимаетъ ли Турція или „нѣтъ необходимыя и достаточныя мѣ„ры для установленія новыхъ реформъ?

„Если Россія искренно желаетъ мирнаго „рѣшенія затрудненій, то пусть она со„гласится дать Турціи, такъ сказать, „послѣдній шансъ исправиться."

Ожидать возможности соглашенія на такой почвѣ конечно безнадежно. Это-то и было бы полнымъ торжествомъ турецкой политики.

Одинъ изъ вождей либеральной партіи, г. Форстеръ, въ рѣчи произнесенной имъ 27 ноября въ Эбердинѣ при поднесеніи ему почетнаго гражданства этого города, замѣтилъ что „опасность предстоитъ не со стороны Россіи, а со стороны Турціи," то-есть, какъ пояснялъ онъ далѣе, вслѣдствіе увѣренности Турціи въ поддержкѣ со стороны Англіи. Поэтому-то г. Форстеръ и осуждалъ очень сильно послѣднюю рѣчь лорда Биконсфильда на банкетѣ лорда-мера. Что касается Россіи, то г. Форстеръ не поколебался сказать что главнѣйшее препятствіе къ искреннему соглашенію между ею и Англіей есть „совершенно неосновательное недовѣріе къ Россіи." Онъ имѣлъ смѣлость высказать, по поводу послѣднихъ заявленій Русскаго правительства, что оно вполнѣ было въ правѣ сдѣлать ихъ, и наоборотъ спрашивалъ: „Какое право имѣемъ мы жаловаться на эти заявленія?" Напомнивъ своимъ слушателямъ ужасное положеніе христіанъ на Востокѣ и изъявленную Русскимъ Государемъ рѣшимость добиться удовлетворительнаго рѣшенія вопроса мирными средствами или войной, г. Форстеръ снова спросилъ: „Какое право имѣемъ мы жа„ловаться на это? Я желалъ бы только „того чтобы не Россія, а мы явились за„щитниками христіанскихъ племенъ. Во „всякомъ случаѣ не наше дѣло протесто„вать противъ рѣшенія Русскаго Государя „освободить эти народы." Въ заключеніе своей рѣчи г. Форстеръ сказалъ: „если „дойдетъ дѣло до войны съ цѣлью сохра„нить власть Турціи надъ ея христіански„ми подданными для дурнаго управленія „ими, то я и всѣ одинаково со мною мыс„лящіе прибѣгнемъ ко всѣмъ возможнымъ „конституціоннымъ средствамъ чтобы не „допустить нашу страну совершить то что „я считаю самымъ тяжкимъ преступле„ніемъ какое когда-либо совершено было „нами или другою націей."

Когда правота русской политики такъ очевидна что ее открыто признаютъ въ самой Англіи люди столь высокаго авторитета какъ г. Форстеръ, притомъ, какъ онъ, не имѣющіе особеннаго пристрастія къ нашему отечеству, то ради чего же правительство лорда Биконсфильда можетъ добиваться продленія невыносимыхъ терзаній христіанскихъ населеній подъ мишурнымъ покровомъ фантастическихъ проектовъ Мидхата? Развѣ промедленіе не будетъ преступленіемъ?

Въ одномъ только рѣчь г. Форстера, заслуживающая вниманія по своей благородной прямотѣ, погрѣшаетъ неясностью. Находя что Россія совершенно въ правѣ не полагаться на обѣщанія Порты и требовать необходимыхъ гарантій, и что она въ правѣ также подчинять этому вопросу о гарантіяхъ „независимость Турціи," онъ остерегается отъ всякаго намека на сущность самыхъ гарантій. Онъ не рѣшается назвать вещи прямымъ именемъ и упомянуть о главной и первой гарантіи—военномъ занятіи. Можетъ-быть это слово еще слишкомъ пугаетъ Англичанъ. Можетъ-быть и самъ г. Форстеръ еще питаетъ надежду что можно обойтись безъ него, и ради этого побуждаетъ лорда Салсбери изыскать способъ соглашенія съ Россіей.

По поводу этого ожидаемаго „иностраннаго занятія," англійскій историкъ Фриманъ, давно и смѣло ратующій за освобожденіе христіанъ отъ турецкаго управленія, написалъ весьма интересное письмо въ *Times*, отъ 28 ноября. Онъ указываетъ на то какъ укоренились въ дипломатіи условныя фразы, совершенно не соотвѣтствующія настоящему положенію дѣлъ. Постоянно говорятъ объ „интересахъ Турціи," о „цѣлости Турціи," и т. п., разумѣя совершенно противоположное тому что эти слова означаютъ въ примѣненіи къ западнымъ странамъ. „Интересы Турціи," напримѣръ, обыкновенно означаютъ интересы Турокъ. Но если подъ Турціей разумѣть земли и народы юго-восточной Европы, то ихъ интересы совершенно противоположны интересамъ Турокъ, и „первый интересъ Турціи есть тотъ чтобъ освободиться отъ управленія Турокъ." То же самое и съ иностраннымъ занятіемъ: воображаютъ что относительно Турціи это имѣетъ такое же значеніе какъ и въ отношеніи ко всякой другой странѣ. Но въ юго-Восточной Европѣ иностранное занятіе (Россіей, Австріей, Англіей, Франціей или иною державой) по просту означаетъ замѣну одного иностраннаго занятія дру-

гимъ. „Гдѣ только есть турецкія войска, „въ греческой или славянской землѣ," вѣрно замѣчаетъ г. Фриманъ, „тамъ есть „иностранное занятіе при томъ такое на „которое сами жители смотрятъ какъ на „наихудшую форму занятія."

Вотъ именно *этого* рода иностранному занятію и долженъ быть положенъ конецъ, и г. Фриманъ ясно понимаетъ что обезоруженіе Турокъ и прекращеніе „турецкаго военнаго занятія" христіанскихъ провинцій невозможно совершить безъ замѣны его инымъ въ интересѣ христіанъ.

№ 302.

Москва, 23-го ноября.

Мы не разъ имѣли случай указать на двойственность которая замѣчается во Франціи по вопросу о христіанскихъ населеніяхъ Турціи, Французское правительство, офиціальною деклараціей своего министра иностранныхъ дѣлъ, громко заявляетъ о своемъ намѣреніи отстаивать единственнымъ открытымъ для него въ настоящую минуту путемъ, то-есть дипломатическимъ, дѣло восточныхъ христіанъ. За то не проходитъ дня чтобы французская печать не сказала чего-нибудь омерзительнаго объ этомъ дѣлѣ. И *Journal des Débats* и *Temps* согласны что на Турокъ „нельзя полагаться," что всѣ ихъ обѣщанія „призрачны," что „безъ прямаго вмѣшательства европейскихъ державъ никогда договорныя преобразованія не будутъ приведены въ исполненіе:" но какъ только рѣчь коснется вопроса объ осуществленіи ими же самими высказаннаго принципа, они тотчасъ вооружаются противъ русскихъ предложеній и начинаютъ порочить русскую политику, усиливаясь заподозрить ее въ глазахъ Европы. „Россія имѣетъ въ виду не христіанъ, а Средиземное море" (*Temps*, 22 ноября); „она хочетъ не замиренія, а войны, смерти больнаго и раздѣла его наслѣдства" (*id*, 19 ноября). Только честолюбіе Россіи можетъ помышлять о чемъ-либо иномъ, кромѣ „скромныхъ реформъ" (des réformes modestes) на Балканскомъ полуостровѣ (*Journal des Débats*, 16 ноября). *Patrie* доходитъ въ своихъ филиппикахъ до завѣреній будто Россія вовсе и не помышляетъ о восточныхъ христіанахъ, а просто хочетъ „помѣряться съ кѣмъ-нибудь силами въ славолюбивомъ исканіи лавровъ, и опасаясь такихъ соперниковъ каковы Германія и Австрія выбрала себѣ въ жертвы слабую Турцію..." Такъ настойчивы вопли этихъ листковъ о русскомъ честолюбіи что Парижская публика вообразила-было что само Французское правительство, увѣровавъ въ зловредность русскихъ плановъ, вопреки своей недавней деклараціи, несмотря на слабость своего военнаго положенія, мобилизируетъ противъ Россіи, и на биржѣ, недѣли двѣ-три тому назадъ, произошла паника...

Но оказалось недостаточнымъ противодѣйствовать восточной политикѣ Русскаго правительства во Франціи и чернить ее въ Европѣ. Парижскіе публицисты задумали компрометировать ее *въ самой Россіи*,— и вотъ выдуманъ маневръ совершенно невѣроятный... *Journal des Débats* (23 ноября) внезапно „успокоился насчетъ мнимаго честолюбія Россіи;" онъ внезапно ощутилъ въ себѣ глубокое „убѣжденіе что Россія не мечтаетъ ни о какихъ матеріальныхъ пріобрѣтеніяхъ отъ Турціи." Онъ нисколько не сомнѣвается что „ни малѣйшее эгоистическое побужденіе не водитъ Россіей." Но въ этомъ-то и состоитъ опасность! „Лучше было бы (plût à Dieu) еслибы Русское правительство было одушевлено грубою страстію къ завоеваніямъ! Лучше было бы еслибы Россія имѣла въ виду единственно раздѣлъ Турціи и взятіе Константинополя: положеніе было бы менѣе важно, менѣе грозно."

Отчего?

Отъ того что въ такомъ случаѣ Европа имѣла бы дѣло съ Русскимъ правительствомъ, которое можно было бы „уговорить," тогда какъ теперь на сцену выходятъ въ Россіи „тенденціозныя стремленія," „гарибальдизмъ," „революціонныя силы," съ которыми никому не сладить. Россіей „овладѣлъ нравственный порывъ," и конечно де не Франціи, „столько разъ проливавшей свою кровь за освобожденіе угнетенныхъ народностей," заподазривать безкорыстіе увлеченія, которому она сама не разъ поддавалась:" на бѣду, внушаетъ *Journal des Débats*, „въ положеніи теперешней Россіи замѣчается поразительное сходство съ положеніемъ Франціи въ годы предъ революціей...". Тогда во Франціи, „не ограничиваясь внутреннимъ обновленіемъ, все стремилось къ доставленію счастія всему человѣчеству; Франклинъ про-

силъ помочь американскимъ *инсургентамъ*, страна преисполнилась всеобщимъ энтузiазмомъ; напитанное новыми идеями дворянство поспѣшило предложить свой мечъ „рабамъ" свергающимъ иго своихъ „тирановъ;" увлеченный общественнымъ мнѣнiемъ Лудовикъ XVI разстроилъ свои финансы вмѣшательствомъ въ дѣло „снятiя оковъ съ угнетенныхъ," и вскорѣ дошелъ до того что единственное спасенiе состояло въ созванiи Нацiональнаго Собранiя." Теперь въ Россiи „произведенныя реформы, какъ онѣ ни значительны, считаются лишь первымъ шагомъ общественнаго возрожденiя, русская литература и печать повторяютъ, преувеличивая ихъ, избитыя соцiальныя и революцiонныя темы, и къ экономическимъ утопiямъ присоединились утопiя политическiя..."

Читатель легко догадается о какихъ политическихъ утопiяхъ говоритъ *Journal des Débats*, самъ поставившiй приведенной цитатѣ во вносные знаки слова „инсургенты," „рабы свергающiе его тирановъ," „снятiе оковъ съ угнетенныхъ..." Понятенъ ли намекъ, и съ какою цѣлью сдѣлано это уподобленiе которое слѣдовало бы назвать злостнымъ еслибъ оно не было слишкомъ глупо? Россiя сочувствуетъ возстанiю,—смотрите же что выходитъ изъ подобныхъ сочувствiй!

Христiанская борьба въ Турцiи приравнивается къ французской революцiи! C'est impayable! Выходитъ что Сербы и Черногорцы возстали противъ государственнаго и общественнаго порядка! А русское общество этому сочувствуетъ, русское правительство увлечено этимъ потокомъ! Оно принимаетъ сторону бунта противъ баши-бузуковъ, и само втягивается въ революцiю... Эти открытiя и сближенiя дѣлаютъ честь прозорливости нынѣшняго главнаго редактора газеты которая когда-то имѣла репутацiю солиднаго органа. Намъ жаль бѣднаго г. де-Молинари, который пописывалъ и въ нашихъ изданiяхъ. Онъ знаетъ въ чемъ дѣло, но принужденъ писать перомъ которое очинили ему ad hoc. Онъ принужденъ тревожиться за нашу внутреннюю безопасность! Онъ обязанъ заботливо предостерегать насъ отъ революцiи! Онъ открылъ что у насъ есть свой Луи Бланъ: это князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Въ своей циркулярной депешѣ отъ 1 (13) ноября нашъ государственный канцлеръ, увлеченный революцiоннымъ движенiемъ, замѣтилъ что Порта, воспользовавшись временемъ переговоровъ, возбудила мусульманскiй фанатизмъ и призвала изъ глубины Азiи свои полчища для подавленiя христiанскихъ населенiй Какой ужасъ! *Journal des Débats* выписываетъ эти строки и восклицаетъ: „Еслибы г. Луи Блану и г. Виктору Гюго пришлось писать депешу которая имѣетъ своею цѣлiю оправдать войну за освобожденiе народовъ, могъ ли бы онъ выразиться иначе?"

Но мы не имѣемъ духа смѣяться въ виду дѣйствительно ужаснаго нравственнаго состоянiя современныхъ обществъ, гордящихся своею цивилизацiей. Нѣтъ, эта цивилизацiя дѣйствительно обречена разрушенiю, которое безпощадно работаетъ въ ея нѣдрахъ, и жалѣть ее нечего; это повапленный гробъ...

Намъ невольно приходитъ на память мѣсто въ недавней рѣчи одного изъ извѣстныхъ политическихъ людей Англiи, г. Форстера, — не той о которой упоминали мы вчера, а сказанной нѣсколько прежде, также въ Эбердинѣ, студентамъ тамошняго университета по поводу выбора его въ почетную должность лорда-ректора. Рѣчь эта не политическая; она посвящена обзору предметовъ входящихъ въ кругъ университетскаго преподаванiя. Но поразившiя насъ слова въ ней получаютъ глубокiй смыслъ въ виду событiй которыя теперь совершаются:

„Никакое улучшенiе умственныхъ способностей," говоритъ г. Форстеръ, не „научаетъ самоотреченiю; никакое образованiе, никакое воспитанiе ума, не даютъ „силы противостоять искушенiямъ; никакая побѣда надъ природой не даетъ человѣку власти надъ самимъ собою. И „потому могутъ быть эры когда матерiальная и умственная цивилизацiя достигаетъ бóльшаго развитiя, но безъ духовнаго прогресса, — когда каждый человѣкъ „вообще становится сильнѣе — такъ сказать крупнѣе, но не лучше — имѣетъ, „правда, бóльшую силу, но не всегда волю „праведно пользоваться этою силой. И тогда порокъ и порождаемое имъ зло уменьшаются по скольку сильные менѣе угнетаютъ слабыхъ, потому слабые стали „сильнѣе. Но не то бываетъ въ эпохи великаго духовнаго развитiя. Когда люди „имѣли вѣру въ невидимое, имѣли они и „власть надъ самими собою, и слѣдова-

„тельно власть надъ другими; и міръ тогда шелъ впередъ. Только народы проникнутые этою вѣрой, внемлющіе призванію свыше, видящіе предстоящее имъ „дѣло, только въ такіе эпохи своей жизни двигали міръ впередъ."

Совершенно ли ясно сознавалось оратору кого осуждалъ онъ этими хорошими словами, и кого привѣтствовалъ?

№ 303.

Москва, 24-го ноября.

Князь Бисмаркъ удовлетворилъ наконецъ всеобщее любопытство и далъ вчера, 5 декабря, въ Рейхстагѣ свои разъясненія по вопросамъ иностранной политики Германіи, особенно относительно теперешней фазы Восточнаго вопроса. Берлинскія газеты давно подготовили публику къ этой офиціальной манифестаціи изъ устъ имперскаго канцлера, сообщивъ что князь Бисмаркъ желаетъ воспользоваться „первымъ удобнымъ случаемъ" чтобъ изложить въ Рейхстагѣ свой взглядъ на Восточный вопросъ. Этотъ „удобный случай" представился вслѣдствіе интерпелляціи одного изъ вождей партіи прогрессистовъ, г. Рихтера, по поводу новаго распоряженія Русскаго правительства касательно уплаты таможенныхъ пошлинъ, съ 1 января 1877 года, золотомъ. Г. Рихтеръ сдѣлался органомъ недовольства всѣхъ торговыхъ классовъ Германіи противъ этой новой мѣры. Вліятельнѣйшія берлинскія газеты, оставивъ свой обычный сдержанный тонъ, въ одинъ голосъ возопили противъ возвышенія русскаго таможеннаго тарифа на 35 процентовъ по крайней мѣрѣ, какъ высчитываютъ онѣ принимая въ соображеніе теперешній курсъ русскихъ бумажныхъ денегъ и доказывая что Россія поступила „не по сосѣдски" еще болѣе усиливъ ту экономическую отчужденность въ которой она и безъ того стоитъ къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, въ противность не только духу времени и интересамъ Германіи, но интересамъ своего народа. Князь Бисмаркъ, какъ и слѣдовало ожидать, сумѣлъ обуздать своего интерпеллятора, указавъ ему на неумѣстность подобнаго рода запросовъ, и на то что всякія попытки извнѣ вліять на внутреннія дѣла дружественнаго государства могутъ только повредить добрымъ отношеніямъ.

Послѣ этой оговорки князь Бисмаркъ изложилъ отношеніе Германіи къ тому жгучему вопросу на который обращено теперь вниманіе всего міра, въ трепетномъ ожиданіи предстоящей со дня на день рѣшительной катастрофы. Помимо обычнаго и совершенно соотвѣтствующаго положенію вещей увѣренія имперскаго канцлера въ заботахъ Германіи о сохраненіи мира, смыслъ этого заявленія сводится къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) что Германія вполнѣ сочувствуетъ стремленію Россіи улучшить участь христіанъ Балканскаго полуострова; 2) что дружба Германіи и Россіи, при данныхъ условіяхъ, нерушима; 3) интересы и виды Россіи таковы что она не требуетъ матеріальнаго содѣйствія Германіи; 4) что союзъ трехъ императоровъ остается въ полной силѣ; 5) что на случай какихъ-либо территоріальныхъ измѣненій и завоеваній, Германія удерживаетъ за собой свободу дѣйствій; 6) что положеніе занимаемое Германіей даетъ ей возможность ограничить размѣры предстоящей войны, и наконецъ 7) что, по мнѣнію князя Бисмарка, еще возможно соглашеніе между Россіей и Англіей, на основаніи ихъ взаимныхъ интересовъ въ которыхъ обѣ державы непосредственно соприкасаются.

Таково было заявленіе имперскаго канцлера сдѣланное имъ офиціально въ Рейхстагѣ. Но еще въ пятницу, 1-го декабря, князь Бисмаркъ высказался о томъ же предметѣ въ частномъ собраніи у себя дома, о чемъ вкратцѣ извѣстилъ насъ телеграфъ, и объ этомъ мы находимъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ полученныхъ нами сегодня прусскихъ газетахъ. Въ этотъ день былъ у имперскаго канцлера одинъ изъ тѣхъ обѣдовъ даваемыхъ имъ во время парламентскихъ сессій, которые прославились непринужденностью тона на нихъ господствующаго и „искренними бесѣдами" о текущихъ вопросахъ. Князь Бисмаркъ отличается особеннымъ умѣньемъ вести эти „задушевныя бесѣды" со своими парламентскими гостями всѣхъ оттѣнковъ партій, не исключая и враговъ, ибо тутъ обыкновенно сидятъ рядомъ юнкера съ прогрессистами и національ-либералы съ членами Центра. Бесѣда ведется съ трубками и за кружками пива, единственнаго напитка допускаемаго на этихъ парламентскихъ вечерахъ. Такая же обстановка имѣла мѣсто и на вечерѣ 1-го декабря. На этотъ разъ князь Бисмаркъ не только

не исключилъ иностранной политики изъ програмы своихъ бесѣдъ, но напротивъ говорилъ почти лишь объ одномъ Восточномъ вопросѣ, ради котораго былъ обойденъ совершеннымъ молчаніемъ даже великій интересъ внутренней политики Германіи — судебная реформа усиленно разрабатываемая теперь Имперскимъ Сеймомъ. Эта домашняя бесѣда у князя Бисмарка во многомъ дополняетъ его вчерашнюю рѣчь. Вотъ что мы находимъ по этому поводу въ рефератахъ *Національной Газеты* и въ телеграфной корреспонденціи *Кельнской Газеты* отъ 2-го декабря: Князь Бисмаркъ указалъ на что въ тронной рѣчи при открытіи Рейхстага было поставлено задачей Германіи поддерживать ея добрыя отношенія ко всѣмъ державамъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ кои по сосѣдству и исторически ей близки, и „чтобы своимъ посредничествомъ предотвращать нарушеніе между ними мира еслибы таковое угрожало.“ Князь Бисмаркъ пояснилъ что въ числѣ этихъ державъ близкихъ Германіи, по сосѣдству и исторически, слѣдуетъ разумѣть и Англію. Но хотя роль Германіи преимущественно миротворная, однако ей де не подобаетъ держать другимъ націямъ „академическія проповѣди“ о мирѣ съ цѣлію удерживать ихъ отъ предпріятій въ которыхъ онѣ видятъ свое жизненное призваніе. Еслибы война между Россіей и Турціей стала неизбѣжною, и Россія одержала бы рѣшительныя побѣды, тогда можно де ожидать что Англія, не объявляя войны, выступитъ на подмогу Турціи. Корреспондентъ *Кельнской Газеты* понялъ эти слова князя Бисмарка въ томъ смыслѣ что „Англія не будетъ открыто воевать съ Россіей, а поведетъ противъ нея *офиціозную* войну подобно Россіи въ Сербіи.“ Дѣло приняло бы болѣе опасный оборотъ еслибъ Австріи приходилось отстаивать свою цѣлость. Призваніемъ Германіи было бы въ этомъ случаѣ оградить цѣлость Австріи и вообще отстоять теперешнюю карту Европы въ ея общихъ и крупныхъ чертахъ (im Grossen und Ganzen).“

Положеніе Германіи относительно прочихъ державъ, говоритъ канцлеръ, таково что ее можно уподобить той свинцовой подставкѣ, которая заставляетъ извѣстныя игрушечныя фигурки изо всякаго положенія становиться на ноги. Но это выгодное свойство проистекаетъ главнымъ образомъ изъ того что Германія сама для себя ничего не ищетъ въ Восточномъ вопросѣ, и она бы сразу испортила свое положеніе еслибы теперь связала себя въ какую бы то ни было сторону. Спустя извѣстное время послѣ начала войны воюющія стороны, утомленныя принесенными жертвами, будутъ де болѣе доступны посредничеству, и тогда отъ Германіи будетъ зависѣть избрать благопріятный моментъ для посредническаго вмѣшательства. Но, прибавилъ князь Бисмаркъ, въ Англіи ошибались предполагая что тѣсныя отношенія между тремя императорскими дворами болѣе не существуютъ.

Всѣ эти замѣчанія князя Бисмарка сообщенныя берлинскими газетами далеко не въ такой формѣ чтобы можно было поручиться за полную достовѣрность ихъ, подали поводъ газетѣ *Times*, отъ 3 декабря, къ восторженнымъ отзывамъ о великомъ авторитетѣ князя Бисмарка въ дѣлѣ политики. Не оспаривая этого мнѣнія объ авторитетѣ князя Бисмарка, мы думаемъ однако что Лондонская газета воспользовалась лишь случаемъ для повторенія своихъ лицемѣрныхъ искательствъ и льстивыхъ восхваленій, въ которыхъ она уже не разъ упражнялась въ послѣднее время. Едвали можно думать чтобы бесѣды князя Бисмарка съ парламентскимъ собраніемъ почти *in corpore* засѣдающимъ, хотя бы и у него на дому и за кружкой пива, могли быть приняты за полное изложеніе фактическаго состоянія вопроса въ данную минуту. Князь Бисмаркъ знаетъ что эти бесѣды его становятся на другой день достояніемъ печати; онъ не только это знаетъ, но, какъ замѣчаетъ корреспондентъ *Кельнской Газеты*, онъ именно предназначалъ свои слова для публики. При такихъ обстоятельствахъ, слова государственнаго человѣка могутъ быть лишь болѣе или менѣе принужденнымъ выраженіемъ того что высказывается отъ имени правительства офиціально. И дѣйствительно, вчерашнее публичное заявленіе князя Бисмарка ни въ чемъ существенно не разнится отъ того что сообщаютъ газеты о его „частной бесѣдѣ“ въ пятницу.

Мы можемъ довольствоваться тѣмъ что князь Бисмаркъ счелъ нужнымъ или возможнымъ высказать какъ въ частномъ разговорѣ, такъ и въ парламентѣ. Князь Бисмаркъ, и въ частной бесѣдѣ, и офиціально, подтвердилъ что тройственный союзъ

существуетъ въ прежней силѣ, замѣтивъ что въ Англіи относительно этого пункта ошибались. Указаніемъ этимъ подтверждается слухъ что цѣль путешествія маркиза Салсбери въ Берлинъ и Вѣну заключалась въ томъ чтобы, воспользовавшись воображаемымъ распаденіемъ союза, установить новую комбинацію направленную противъ Россіи. Теперь можно съ большою достовѣрностью сказать что миссія маркиза Салсбери потерпѣла въ этомъ отношеніи фіаско.

Далѣе князь Бисмаркъ полагаетъ что Англія ограничится такою же *офиціозною* помощью Турціи какую Россія оказала Сербіи. Но эту помощь Англія не переставала оказывать Турціи съ самаго начала теперешнихъ замѣшательствъ на Балканскомъ полуостровѣ, и въ размѣрахъ несравненно болѣе значительныхъ нежели Россія Сербіи, хотя и гораздо болѣе скрытно. Что такъ будетъ продолжаться, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но вопросъ въ томъ, не замышляетъ ли Англія болѣе рѣшительнаго coup de main, и не воспользуется ли она вступленіемъ Русскихъ войскъ на Турецкую территорію для захвата Константинополя какъ бы для обезпеченія его отъ Россіи, а въ дѣйствительности для того чтобы заручиться этимъ „совершившимся фактомъ“ и затѣмъ уже открыть совершенно новую и неожиданную фазу Восточнаго вопроса, который тогда уже сталъ бы англійскимъ вопросомъ? Если политика графа Биконсфильда имѣетъ какой-либо смыслъ, то надо думать что въ этомъ именно и заключается ея конечная цѣль. Этимъ, и только этимъ, можетъ быть объяснено столь упорное и явное стараніе Англійскаго кабинета всячески раздувать пламя вспыхнувшее на Балканскомъ полуостровѣ, и не допускать его погашенія, о чемъ хлопотали остальныя державы. Кабинетъ графа Биконсфильда, повидимому, полагаетъ что Англіи въ послѣдствіи было бы труднѣе достигнуть осуществленія завѣтной мечты британской политики...

Россія торжественно отреклась отъ всякихъ замысловъ на Константинополь. Но если она сама не замышляетъ захвата, то еще менѣе можетъ она дозволить захватъ другимъ. Сила ея отреченія за себя должна служить мѣрой ея противодѣйствія другимъ.

Россія, по заявленію князя Бисмарка, ничего отъ Германіи не требуетъ пока задача ея ограничивается предѣлами какіе намѣчены теперешнимъ политическимъ положеніемъ. Но положеніе это существенно измѣнится съ той минуты какъ осуществится замыселъ коего вещественнымъ выраженіемъ служитъ присутствіе съ іюня мѣсяца британскаго флота въ Безикской бухтѣ.

Слѣдуетъ думать что дружба связывающая Россію и Германію выдержитъ и эту пробу, но что взаимныя ихъ отношенія въ этомъ случаѣ опредѣлятся еще точнѣе и примутъ болѣе опредѣленную и положительную форму.

№ 304.

Москва, 25-го ноября.

Лордъ Салсбери прибылъ наконецъ въ Константинополь. Объ его циркулярной поѣздкѣ еще продолжаются толки, особенно въ Вѣнѣ. Чего онъ домогался? Догадываются что цѣлію его поѣздки въ Вѣну, какъ и въ Берлинъ, было разстроить союзъ трехъ Императоровъ. Сущность объясненій данныхъ княземъ Бисмаркомъ въ Рейхстагѣ какъ будто подтверждаетъ эти догадки. Германскій канцлеръ засвидѣтельствовалъ торжественно о дружбѣ соединяющей обѣ державы и о тщетѣ попытокъ внести въ нее разладъ. Полагаемъ что и въ Вѣнѣ такія попытки были бы напрасны. Скажемъ болѣе: въ Вѣнѣ онѣ были бы безсмысленны. Союзъ трехъ Императоровъ есть для Австріи жизненное условіе, и графъ Андраши имѣетъ полное право гордиться существенною предъ своею страной заслугой, если дѣйствительно онъ главнымъ образомъ способствовалъ установленію этой столь счастливой для Австріи комбинаціи. Россія съ своей стороны очень дорожитъ добрыми отношеніями къ Габсбургской монархіи; но для этой послѣдней союзъ трехъ Императоровъ есть законъ существованія. Эта комбинація упрочиваетъ ее внутри и даетъ ей достойное положеніе въ Европѣ. Внѣ этой комбинаціи, Австро-Венгрія вся подвергается вопросу. Разорвать этотъ союзъ значило бы нанести ей самый рѣшительный ударъ. Неужели англійскій министръ могъ разчитывать что правительство Австріи согласится само нанести себѣ этотъ ударъ? Да и какими соблазнами могъ бы онъ подѣй-

ствовать въ Вѣнѣ? Что предложилъ бы онъ Австро-Венгріи въ замѣнъ тройственнаго союза который имѣетъ для нея столь несомнѣнную важность? Союзъ съ Англіей? Но для чего онъ Австріи? Можетъ ли онъ считаться прочною политическою комбинаціей? Наконецъ, какія имѣлъ бы онъ послѣдствія для Европы и какую услугу лордъ Салсбери оказалъ бы тѣмъ своей странѣ? Интересно знать какъ судятъ объ этомъ въ самой Англіи. „Неоднократно „говорилось въ европейской печати будто „лордъ Дарби,“ такъ разсуждаетъ лондонская газета *Daily News*, „разчитываетъ „на союзъ съ Австріей для того чтобъ англійская политика пріобрѣла рѣшительное вліяніе на континентальныя дѣла. „Товарищи маркиза Салсбери могли заранѣе обсудить возможность и значеніе „такого союза. Немного изученія и размышленія требуется для того чтобъ понять какъ обманчиво было бы довѣриться такому союзу. Слабая связь частей „Австро-Венгерской монархіи не устоитъ „въ войнѣ которая, угождая одной половинѣ населенія, глубоко оскорбила бы „чувство другой. Поголовное дезертирство, „народныя возстанія, военныя манифестаціи, вотъ случайности которыя никакъ „не пожелаетъ вызвать Австрійское правительство. Еслибъ оно, однако, сдѣлало такую ошибку, то для насъ это былъ „бы плохой союзникъ. Это значитъ выступить въ поле съ оружіемъ которое „изломится въ нашихъ рукахъ, и мы очутимся съ глазу на глазъ съ *Австрійскимъ* вопросомъ, въ добавокъ къ *Турецкому*.“ Князь Бисмаркъ, на своемъ парламентскомъ обѣдѣ, если вѣрить газетамъ, выражалъ напротивъ мнѣніе что Австрія представляетъ собою весьма крѣпкій національно-политическій организмъ. Можетъ-быть. Въ десять лѣтъ послѣ 1866 года могла сплотиться Австрія, ставшая впрочемъ съ тѣхъ поръ Австро-Венгріей. Но какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія что ни Австрія ни Англія ничего не выиграли бы отъ этого союза, и что дѣйствительно Австрійскій вопросъ былъ бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ той фальшивой комбинаціи которая вывела бы Австрію изъ союза трехъ Императоровъ или поставила бы ее противъ Россіи. Правда, нигдѣ не высказывается столько вражды противъ Россіи какъ въ Австро-Венгріи; неистовство многихъ органовъ ея можетъ быть поставлено въ параллель развѣ съ дѣйствіями турецкихъ баши-бузуковъ, которые въ мадьярской печати имѣютъ столь сочувственный себѣ органъ. Неистовства этой мадьярской интеллигенціи доходитъ до того что даже одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ и наиболѣе цивилизованныхъ органовъ мадьяризма, находящійся, какъ говорятъ, въ прямыхъ отношеніяхъ ко графу Андраши, именно *Pester Lloyd*, одобряетъ употребленіе Турками разрывныхъ пуль въ бояхъ противъ Сербовъ и Русскихъ, употребленіе удостовѣренное международными врачами въ Бѣлградскихъ госпиталяхъ... Но какія бы ни были партіи въ Габсбургской монархіи, какимъ бы ни были онѣ одержимы духомъ и что бы ни говорилось на рынкахъ ея печати, вѣрно то что пока въ совѣтахъ имперіи господствуетъ благоразуміе и ея правительство удерживаетъ власть за собою, Австро-Венгрія не откажется отъ тройственнаго союза.

Но если не коалиція противъ Россіи, то что же было серіозною цѣлью объѣзда лордомъ Салсбери Европейскихъ столицъ и посѣщеніе Вѣны? Если другая версія утверждающая будто Англійское правительство желало заручиться согласіемъ прочихъ кабинетовъ на занятіе Константинополя въ случаѣ если русскія войска займутъ Болгарію. Это было бы очень странно, но признаемся для того чтобы найти смыслъ въ нынѣшней политикѣ Англіи, дѣйствительно, приходится приписывать ей то самое намѣреніе, въ которомъ она обвиняетъ Россію. Не Англія ли хочетъ покончить съ Турціей? Не она ли хочетъ захватить тѣ пункты въ которыхъ заключается вся сила и трудность Восточнаго вопроса? Она дѣлала все возможное чтобъ усилить возникшія на Востокѣ затрудненія; она становилась поперекъ всѣмъ миротворнымъ попыткамъ. Очень можно предположить что она желала бы воспользоваться и неизбѣжнымъ занятіемъ Турецкихъ провинцій Русскими войсками какъ предлога для захвата Константинополя. Но еслибы на самомъ дѣлѣ таковы были ея намѣренія, то трудно думать чтобъ она могла разчитывать на простодушное согласіе другихъ державъ. Военное занятіе турецкихъ провинцій есть необходимость для прекращенія зла которое долѣе терпимо быть не можетъ. Оно оправдывается прецедентомъ занятія Сиріи, въ подобныхъ

обстоятельствахъ, французскими войсками. Русскія войска въ настоящемъ случаѣ, какъ тогда французскія, суть войска всего христіанскаго міра, имѣющія своимъ назначеніемъ обезпечить исполненіе того что всѣ признаютъ необходимымъ и справедливымъ. Но что̀ означало бы со стороны Англіи занятіе Константинополя и подобныхъ пунктовъ? Обезпеченіе ея интересовъ? Но занятіе въ этомъ смыслѣ было бы самовольнымъ захватомъ. Захватить что-нибудь въ своемъ интересѣ, это именно то, противъ чего ожесточенно ратуетъ Англія, обвиняя въ подобныхъ замыслахъ Россію. Занятіе Англіей Константинополя сниметъ съ него тотъ запретъ, то Стигійское заклятіе, которое казалось такъ необходимымъ для равновѣсія и спокойствія Европы.

Мы не знаемъ имѣетъ ли что-нибудь на умѣ кабинетъ Биконсфильда-Дарби. Если имѣетъ, то развѣ что-нибудь недоброе... Впрочемъ, не хотятъ ли нынѣшніе руководители политики Англіи, украсившіе корону ея королей императорскимъ титуломъ, присоединить къ ней еще титулъ калифа?...

№ 305.

Москва, 26-го ноября.

Съ сегодняшнею почтой мы получили *Times*, отъ 4 декабря, и прочли ту статью по поводу заявленій князя Бисмарка на бывшемъ у него парламентскомъ обѣдѣ, о которой намъ было на дняхъ вкратцѣ сообщено по телеграфу. Статья эта есть замѣчательный образчикъ политической эквилибристики. Хотя мы до сихъ поръ не имѣемъ вполнѣ достовѣрнаго отчета о бесѣдѣ которую германскій канцлеръ велъ у себя дома со своими парламентскими гостями, и хотя въ разныхъ газетахъ сообщались не совсѣмъ сходныя версіи, однако общій смыслъ ихъ достаточно ясенъ. Онъ согласуется со всѣмъ что̀ прежде было извѣстно объ общемъ направленіи германской политики. Лондонская газета ухитряется, однако, истолковать эти заявленія по своему, и все что̀ могло въ нихъ быть не особенно пріятнымъ для Англіи объяснить, напротивъ, какъ нѣчто очень для нея пріятное.

Въ *Times* сообщена ея берлинскимъ корреспондентомъ своя версія о бесѣдѣ князя Бисмарка. Выходитъ что князь Бисмаркъ началъ прямо свою рѣчь такими словами: „Благодаря стараніямъ Германіи поддер„жать миръ, Англія вѣроятно допуститъ „чтобы неизбѣжная Русско-Турецкая вой„на была локализована.“ Затѣмъ онъ говорилъ о нейтральности Германіи, о ея нежеланіи мѣшаться въ чужія дѣла, и о томъ что въ благопріятную минуту она всегда будетъ имѣть возможность употребить свой вѣсъ.

Кто бы подумалъ что именно выше приведенныя слова, приписанныя князю Бисмарку, были причиной чрезмѣрнаго восторга лондонской газеты? Слова эти, въ особенности если какъ полагаетъ *Times* видѣть въ нихъ результатъ разговоровъ князя Бисмарка съ лордомъ Салсбери, очевидно значатъ что рѣшеніемъ Германіи вынуждается къ нейтралитету и Англія. Совѣтовать чтобъ Англія не мѣшала локализовать Русско-Турецкую войну, значитъ совѣтовать не принимать въ войнѣ участія и не втягивать въ нее другихъ. Замѣчательно что въ такомъ смыслѣ и понимаетъ ихъ сама газета, утѣшая себя однако потомъ совершенно произвольнымъ заключеніемъ. Высказывая надежду что Англія и такъ не втянулась бы въ войну, „даже если бы Германія и не положила „своего вліянія на сторону мира,“ *Times* продолжаетъ: „относительно долга нашей „страны князь Бисмаркъ не говоритъ намъ „ничего такого чего бы мы уже не зна„ли. Тѣмъ не менѣе, интересно и важно „послушать въ чемъ состоятъ долгъ и ин„тересы Англіи по мнѣнію человѣка обла„дающаго столь замѣчательнымъ практи„ческимъ умомъ. Есть люди чье простое „мнѣніе имѣетъ болѣе цѣны нежели утон„ченнѣйшія разсужденія другихъ, коль „скоро это простое мнѣніе подкрѣпляется „продолжительною, неизмѣнно успѣшною „дѣятельностью. Такое положеніе въ по„литическомъ мірѣ занимаетъ князь Бис„маркъ, такъ какъ во всѣхъ международ„ныхъ спорахъ гдѣ ему приходилось дѣй„ствовать сужденіе его никогда не оши„балось. Онъ величайшій изъ живущихъ „авторитетовъ по иностранной политикѣ... „и совѣтъ его слѣдуетъ принять съ долж„нымъ почтеніемъ къ величайшему масте„ру государственнаго искусства.“ Затѣмъ, съ невозмутимымъ лицемѣріемъ, лондонскій публицистъ отыскиваетъ въ заявленіяхъ князя Бисмарка то чего до сихъ

поръ никто еще въ нихъ не замѣтилъ— явное будто бы предостереженіе и угрозу по адресу Россіи, изъ чего серьезно дѣлается выводъ о полной солидарности политики Германіи и Англіи. „Германія, мы „можемъ предположить,“ докторально разсуждаетъ *Times*, „не останется совершен„но равнодушною зрительницей если бу„детъ сдѣлана попытка обратить нижнее „теченіе Дуная въ русскою рѣку; она, „также какъ другія державы, сумѣетъ нѣ„что сказать если окупаціонная армія „будетъ угрожать Константинополю.“ Отсюда газета заключаетъ что Англія совершенно спокойно можетъ пока сохранять нейтралитетъ, ибо Россія предупреждена что какъ Англія, такъ и Германія употребятъ всѣ свои усилія „локализовать“ войну, а „въ союзѣ“ обѣ эти націи могутъ „провести кругъ около воюющихъ,“ и „не допустить взрыва всеобщей войны.“

Весь этотъ туманъ фразъ имѣетъ, очевидно, цѣлію прикрыть неудачу переговоровъ англійскаго министра съ германскимъ имперскимъ канцлеромъ. Но всякій въ недоумѣнія спроситъ, гдѣ же поводъ къ этимъ толкамъ? Развѣ шла рѣчь о чемълибо подобномъ? Нѣтъ ни малѣйшаго на это намека въ заявленіяхъ князя Бисмарка. Но лондонская газета даетъ намъ поясненіе. По ея словамъ, „князь Бисмаркъ „ясно предостерегаетъ Россію что Германія „не допуститъ раздробленія Австріи,“ а что „если положеніе Австріи будетъ за„тронуто присоединеніями или вторженія„ми, то онъ найдетъ необходимымъ всту„питься.“ Это выводится изъ замѣчанія германскаго канцлера о затруднительномъ положеніи Австріи, съ которою Германія желаетъ сохранить дружескія отношенія и о томъ что еслибы ходъ событій отозвался жизненнымъ для Австріи ущербомъ, то Германія сочла бы своимъ долгомъ предложить ей содѣйствіе.

Какъ ни затѣйливо стараніе *Times* отыскать въ этомъ угрозу противъ Россіи, но любопытно что другой англійскій органъ, *Daily News*, находитъ совершенно иное толкованіе словамъ князя Бисмарка объ Австріи, и видитъ въ нихъ скорѣе предостереженіе ея правительству отъ опрометчивой политики и особенно отъ союза съ Англіей. По мнѣнію *Daily News*, князь Бисмаркъ хотѣлъ успокоить тревогу Австріи и увѣрить ее что ей нечего искать спеціальныхъ союзовъ съ другими державами для огражденія себя отъ опасности, такъ какъ де въ наихудшемъ случаѣ Германія озаботится чтобы жизненные интересы Австріи не пострадали.

Какой бы ни было угодно англійскимъ газетамъ придавать смыслъ замѣчаніямъ князя Бисмарка по поводу Австріи, положеніе Россіи отъ того не измѣнится. Только странно и смѣшно читать о „раздробленіи“ Австріи какъ будто есть теперь какой-нибудь поводъ опасаться такихъ замысловъ со стороны Россіи!

№ 306.

Москва, 27-го ноября.

Лордъ Салсбери уже представился султану, имѣлъ у него аудіенцію и приступилъ къ частнымъ совѣщаніямъ порознь съ представителями другихъ державъ. Эти подготовительныя къ формальной конференціи занятія въ сущности и будутъ главнымъ дѣломъ. Если они будутъ успѣшны, то задача будетъ рѣшена; ибо выяснится что собственно останется постановить на формальной конференціи, которая должна предписать Портѣ условія принятыя Европой.

Между тѣмъ пріѣзду англійскаго спеціальнаго уполномоченнаго въ Константинополь предшествовали слухи весьма страннаго свойства, и въ письмѣ о нихъ нашего корреспондента, которое читатели найдутъ ниже, отражается уныніе возбуждаемое ими въ христіанскихъ населеніяхъ. Эти слухи не болѣе какъ турецкое толкованіе фактовъ уже извѣстныхъ и отнюдь не подходящихъ подъ турецкія толкованія.

Извѣстно что во время объѣзда лордомъ Салсбери европейскихъ столицъ, послѣ каждой изъ его дипломатическихъ бесѣдъ разсылались самыя успокоительныя телеграммы, возвѣщавшія надежды на возможность мирнаго исхода конференціи. Въ Стамбулѣ это было понято такъ что иностраннаго занятія турецкихъ провинцій не будетъ, или что по крайней мѣрѣ державы не согласились на эту мѣру благодаря настояніямъ и интригамъ Англіи. Турки обрадовались, а христіане встревожились. И радость, и тревога напрасныя.

Чтобы турецкія толкованія имѣли вѣроятіе необходимо допустить слѣдующія предположенія: вопервыхъ, что цѣль по-

поѣздки лорда Салсбери была совершенно согласна съ турецкими желаніями; вовторыхъ, что ему дѣйствительно удалось склонить всѣ державы въ пользу этихъ взглядовъ; и втретьихъ, что мирная развязка затрудненій несовмѣстима съ военнымъ занятіемъ.

Что касается цѣли поѣздки лорда Салсбери, то она и доселѣ остается дѣломъ темнымъ. За то положительно извѣстно что онъ нигдѣ не встрѣтилъ желанія поддерживать Порту въ ея сопротивленіи, и въ этомъ смыслѣ результатъ его поѣздки дѣйствительно можетъ назваться благопріятнымъ для мира.

Если, какъ есть нѣкоторыя весьма основательныя вѣроятія думать, Англія и сама не расположена воевать безъ союзниковъ и не будетъ поощрять къ войнѣ Турцію, то конференція кончится благополучно. Когда Порта убѣдится что ей не откуда ждать поддержки, она принуждена будетъ уступить не на бумагѣ только, а въ дѣйствительности. Мирное разрѣшеніе затрудненій и временное военное занятіе не только совмѣстимы, но безъ занятія нельзя уладить затрудненій, нельзя исполнить то чего всѣ хотятъ, нельзя обезпечить участь христіанскихъ населеній Турціи. Занятіе Сиріи французскими войсками произошло же мирно, и не встрѣтило никакого сопротивленія со стороны Турціи. То же самое предстоитъ и теперь, съ тою лишь разницей что обстоятельства еще болѣе требуютъ подобной мѣры. Но занятіе не означаетъ непремѣнно войны и не имѣетъ ничего враждебнаго противъ самой Турціи. Весь вопросъ только въ томъ совершится ли оно мирнымъ образомъ, или же поведетъ къ войнѣ, что и рѣшитъ конференція. Война наступитъ только при сопротивленіи Порты. Но къ сопротивленію она не можетъ имѣть предлога если между всѣми державами дѣйствительно установится согласіе. Доказывать еще разъ крайнюю необходимость занятія излишне. Съ каждой почтой приходятъ все новыя вѣсти о продолжающихся неистовствахъ. Три сѣверныя державы и всѣ другія государства присоединившіяся къ Берлинскому меморандуму уже давно признали необходимость существенной гарантіи, и означеннымъ документомъ уже предусматривалась эта мѣра, что и было главною причиной уклоненія Англіи отъ принятія меморандума. Послѣ того, однако, само Англійское правительство, предложеніями графа Дарби объ административной автономіи возмущенныхъ провинцій, на основаніи коихъ и имѣютъ открыться совѣщанія конференціи, признало необходимость особой организаціи для этихъ провинцій, которая должна избавить ихъ отъ турецкаго управленія. А какъ ввести эту особую организацію безъ военной силы, достаточно внушительной для обузданія магометанскаго фанатизма? Мы видимъ изъ лондонскихъ телеграммъ что такъ судятъ и въ Англіи люди не связанные съ политикой лорда Биконсфильда. Вчера въ Лондонѣ состоялась „національная конференція,“ созванная для обсужденія Восточнаго вопроса, въ которой принимали участіе лучшіе люди англійской интеллигенціи. Въ числѣ участниковъ находятся извѣстнѣйшія имена Англіи во всѣхъ отрасляхъ ея жизни; тутъ были государственные люди, члены парламента, представители аристократіи, профессоры и ученые, духовные, художники, писатели и публицисты, меры многихъ городовъ, наконецъ представители рабочихъ. Первый политическій авторитетъ Англіи, г. Гладстонъ, которому интересы и честь его страны конечно не менѣе дороги чѣмъ лорду Биконсфильду, сильнѣе чѣмъ кто-либо и когда-либо настаивалъ именно на военномъ занятіи, находя его „безусловно необходимымъ для прекращенія оттоманскаго господства въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи,“ и воздавая хвалу Русскому Государю и Русскому народу, настаивалъ что Англія должна содѣйствовать дѣлу освобожденія. Къ аргументамъ г. Гладстона намъ прибавлять нечего. И если въ виду столь важныхъ и рѣшительныхъ заявленій можно надѣяться что и со стороны Англіи не послѣдуетъ возраженій которыя могли бы поощрить Турокъ, то военное занятіе можетъ совершиться мирнымъ образомъ. Русскія войска вступятъ въ Болгарію какъ войска Европы для исполненія ея рѣшеній.

№ 308.

Москва, 29-го ноября.

Рѣчь князя Бисмарка, произнесенная во вторникъ 5 декабря въ Рейхстагѣ, гораздо значительнѣе по своему содержанію

нежели можно было предположить на основании переданнаго по телеграфу извлеченія. Рѣчь эту мы воспроизвели *in extenso* въ воскресномъ нумерѣ нашей газеты. Вся европейская печать полна теперь самыхъ разнообразныхъ сужденій и толковъ подъ часъ куріозныхъ по своей противоположности — по поводу этого перваго публичнаго изложенія германской политики по Восточному вопросу, и нужно отдать справедливость князю Бисмарку: его вѣское слово, раздающееся рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, вполнѣ заслуживаетъ того напряженнаго вниманія съ какимъ прислушивается къ нему весь цивилизованный міръ. Князь Бисмаркъ не ораторъ, внѣшней отдѣлки въ его рѣчахъ нѣтъ никакой, а въ первоначальныхъ, не выправленныхъ еще стенографическихъ отчетахъ, появляющихся на другой день, стилистическая небрежность часто затемняетъ самый смыслъ его длинныхъ періодовъ переполненныхъ капризными отступленіями. Тѣмъ не менѣе рѣчи его всегда производятъ сильное впечатлѣніе не только на слушателей, но и на читателей. Самая безыскусственность ихъ еще болѣе возвышаетъ достоинства его *живаго* слова. Какъ бы ни былъ остороженъ князь Бисмаркъ въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ по поводу щекотливыхъ политическихъ вопросовъ, его публичное слово ни въ чемъ не напоминаетъ языка дипломатическихъ документовъ, и по этой причинѣ они и привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе въ несравненно большей мѣрѣ чѣмъ какія бы то ни было дипломатическія „révélations." Не удивительно поэтому, что рѣчь 5 декабря есть событіе дня для всей Европы.

Припомнимъ главнѣйшіе мотивы этой знаменательной рѣчи.

Князь Бисмаркъ прежде всего постарался разсѣять ошибочную мысль, раздѣляемую по его мнѣнію очень многими, будто Россія требуетъ отъ Германіи матеріальнаго содѣйствія. Россія въ томъ не нуждается по той простой причинѣ что она не имѣетъ никакихъ своекорыстныхъ замысловъ. Князь Бисмаркъ въ послѣднемъ убѣжденъ вполнѣ; впрочемъ, есть денныя правительства" которыя были бы „весьма благодарны" еслибъ имъ доставлено было доказательство противнаго. По увѣренія Русскаго Монарха, данныя въ столь торжественной формѣ, составляютъ для Германіи доказательство столь полное что сомнѣваться въ немъ, по мнѣнію князя Бисмарка, никто не имѣетъ права. Политика Россіи такова что ей и нѣтъ никакой надобности предлагать Германіи что-либо въ замѣнъ того чего она отъ Германіи требуетъ. Она требуетъ прежде всего поддержанія на предстоящей конференціи для достиженія цѣли, которая есть также цѣль Германіи, поставляемая высоко какъ ея императоромъ, такъ и всѣмъ Германскимъ народомъ, а именно навсегда избавить христіанъ Европейской Турціи отъ повторенія тѣхъ ужасовъ коихъ сценою была недавно Болгарія. Въ этомъ Германія такъ солидарна съ Россіей что было бы недостойно требовать какого-либо вознагражденія за содѣйствіе ей въ облегченіи участи турецкихъ христіанъ, ибо это дѣло есть задача всей Европы, всего цивилизованнаго міра. Но князь Бисмаркъ предвидитъ однако возможность что конференція державъ ни къ чему не поведетъ, вслѣдствіе разногласія о способахъ достиженія цѣли. Въ такомъ случаѣ онъ предвидитъ что Россія приступитъ къ самостоятельному дѣйствію и постарается силой принудить Турцію къ тому чего та не согласилась уступить добровольно. И въ этомъ случаѣ Россія не требуетъ отъ Германіи ничего кромѣ нейтралитета, и пока Россія остается въ предѣлахъ ею самою намѣченной задачи Германія не только не можетъ возразить что-либо противъ предстоящаго дѣйствія Россіи, но не можетъ и требовать отъ ней какихъ бы то ни было компенсацій за свой нейтралитетъ, ибо и въ этомъ случаѣ Россія будетъ лишь исполнительницей того что вмѣстѣ есть цѣль стремленій Германіи. Князь Бисмаркъ знаетъ что въ Германіи обрѣтаются элементы которые желали бы чтобы дружескія отношенія между Германіей и Россіей испортились; такъ было и во время послѣдняго Польскаго возстанія. „Но, господа," прибавилъ князь Бисмаркъ, „ваши хлопоты въ этомъ отношеніи будутъ напрасны. Могу васъ положительно „увѣрить что пока мы стоимъ на этой „точкѣ вамъ не удастся измѣнить въ чемъ „бы то ни было добрыя и прочныя отно„шенія существующія въ теченіи столѣтій „между Россіей и Германіей. Для этого „потребовались бы люди болѣе сильные „чѣмъ вы. Для этого нужно было бы же„ланіе самой Россіи. Говоря это я выска„зываю не только свое личное мнѣніе,

„но, какъ положительно мнѣ извѣстно, „мнѣніе обоихъ союзныхъ правительствъ „и особенно императора Германскаго.“ Эти враждебныя союзу съ Россіей усилія далеки отъ своей цѣли не только по отношенію къ Германіи, но, утверждаетъ князь Бисмаркъ, и по отношенію къ Австріи. Вопреки возгласамъ противъ Россіи раздающимся въ австрійской печати, онъ положительно удостовѣряетъ что союзъ трехъ императоровъ до сихъ поръ стоитъ твердо и „вполнѣ заслуживаетъ своего названія.“ Но этотъ союзъ не направленъ противъ какой-либо внѣ его стоящей державы. Англія также связана де съ Германіей узами вѣковой дружбы, и это даетъ де Германіи полную возможность быть посредницей между встрѣчными интересами державъ наиболѣе въ дѣлѣ Востока замѣшанныхъ. Эти дружескія отношенія къ каждой изъ нихъ могли бы измѣниться и испортиться лишь въ томъ случаѣ еслибы та или другая изъ нихъ стала притягивать Германію на свою сторону въ ущербъ ея пріязни къ другой сторонѣ. Въ такомъ положеніи Пруссія находилась въ 1852 и 1854 году, когда ее всячески старались отвлечь отъ Россіи и притянуть на сторону враждебной Россіи коалиціи. Князь Бисмаркъ удивлялся тогда долготерпѣнію короля Прусскаго и рѣшительно не одобрялъ политики тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ. На мѣстѣ послѣдняго онъ далъ бы энергическій отпоръ попыткамъ завлечь Пруссію въ войну противъ своего вѣковаго союзника изъ-за посторонныхъ и чуждыхъ ей интересовъ. Онъ сдѣлалъ бы это въ формѣ не совсѣмъ пріятной для тѣхъ кто заманивали Пруссію, хотя бы онъ рисковалъ черезъ это увидѣть Пруссію исключенною изъ тогдашняго Парижскаго конгресса. Князь Бисмаркъ думаетъ что Пруссія не много потеряла бы отъ этого. Въ настоящее время, впрочемъ, увѣряетъ князь Бисмаркъ, никакихъ подобныхъ предложеній Германіи не было сдѣлано, и она вполнѣ де можетъ воспользоваться своимъ посредническимъ положеніемъ чтобы предупредить войну если это окажется возможнымъ, а если нѣтъ, то локализовать ее и тѣмъ предупредить чтобъ изъ войны на Востокѣ не возгорѣлась европейская. Ему, князю Бисмарку, подобная война, то-есть столкновеніе между Россіей и Англіей, не кажется неизбѣжною; соглашаясь что интересы Англіи и Россіи во многихъ пунктахъ могутъ быть лишь съ трудомъ согласованы, онъ думаетъ что война между обѣими этими державами вовсе не облегчила бы этихъ затрудненій даже въ случаѣ рѣшительной побѣды одной надъ другою, такъ какъ одно ихъ взаимное географическое положеніе исключаетъ возможность обоюднаго принужденія. Вотъ почему ему кажется что Германія можетъ употребить свое посредничество уже теперь для содѣйствія мирному разрѣшенію существующихъ между Россіей и Англіей затрудненій.

Таковъ точный смыслъ рѣчи князя Бисмарка. Несмотря на то что мы не встрѣчаемъ въ ней ни одного новаго факта или заявленія, она даетъ поводъ къ цѣлому ряду выводовъ о теперешнемъ политическомъ положеніи. Мы знаемъ теперь положительно что не только Германія, но и Австрія осталась въ прежнихъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи; союзъ трехъ императоровъ не пересталъ существовать, несмотря на заявленную Россіей рѣшимость дѣйствовать самостоятельно если Турція не подастся на ея требованія въ пользу турецкихъ христіянъ. Въ случаѣ занятія Россіей Болгаріи, намъ не только обезпеченъ доброжелательный нейтралитетъ двухъ союзныхъ намъ державъ, но Германія будетъ всячески стараться о томъ чтобы война Россіи съ Турціей не перешла въ войну европейскую, то-есть, какъ надо полагать, чтобы предупредить столкновеніе между Россіей и Англіей. Германія безусловно вѣритъ въ безкорыстную политику Россіи и считаетъ ея дѣло своимъ дѣломъ, дѣломъ всего цивилизованнаго міра, и никакая сила въ мірѣ не въ состояніи поколебать существующихъ между ею и Германіей добрыхъ отношеній.

Мы принимаемъ всѣ эти заявленія во всей ихъ силѣ, во всемъ ихъ объемѣ.

Отъ государственнаго человѣка говорящаго публично о міровомъ вопросѣ нельзя требовать чтобъ онъ давалъ показаніе подобно свидѣтелю на судѣ. Вотъ почему мы и не думаемъ ни въ чемъ упрекать князя Бисмарка. Мы убѣждены что онъ сказалъ правду и только правду,—но *всю* ли правду? Въ этомъ мы позволяемъ себѣ усомниться.

Германія, подобно Россіи, искренно желаетъ того чего не можетъ не желать весь цивилизованный міръ — облегченія участи христіанскихъ народовъ изнемогающихъ

подъ гнетомъ нигдѣ не терпимаго въ наше время порабощенія. Германія знаетъ что кромѣ этой цѣли у Россіи нѣтъ иныхъ; она это знаетъ, и отрицаетъ за кѣмъ бы то ни было право въ томъ усомниться. И, несмотря на это, вотъ уже болѣе года столь простая задача не только не разрѣшена, но страшно усложнилась. Болѣе года дипломатія толчетъ воду чтобы найти для нея разрѣшеніе. *Всѣ великія державы*, совокупно и порознь, стремятся къ этой цѣли, — а въ результатѣ что же? Хроническое зло принимаетъ острый характеръ; предъ глазами могущественнѣйшихъ державъ совершаются ужасающія злодѣянія, маленькія княжества бьются до истощенія силъ, сотни тысячъ людей изнемогаютъ безъ крова и пищи... А могущественныя державы, совершенно между собою согласныя, продолжаютъ толочь воду, и будучи солидарны въ общей цѣли опасаются какой-то всеобщей войны, *которая невозможна если онѣ согласны*...

Дружба между Германіей и Россіей представляетъ собою союзъ попрежнему тѣсный и незыблемый. Прекрасно. Но мы спрашиваемъ: есть ли теперь земная сила которая могла бы воспротивиться соединеннымъ силамъ Германіи и Россіи? Не достаточно ли было бы ихъ общаго требованія, *серіозно* заявленнаго, въ дѣлѣ столь справедливомъ, чтобы сразу прекратить всякое своекорыстное сопротивленіе? Почему же все-таки до сихъ поръ вы не приблизились ни на одинъ шагъ къ той цѣли, которую князь Бисмаркъ провозгласилъ *общею* цѣлью Россіи и Германіи? Не въ правѣ ли мы сказать что заявленія князя Бисмарка, сами вызывая эти вопросы, не даютъ на нихъ отвѣта? Есть стало-быть что-то неопредѣленное и недосказанное въ отношеніяхъ обоихъ союзныхъ державъ. Князь Бисмаркъ говоритъ правду, только правду, но не всю правду...

№ 309.

Москва, 30-го ноября.

Изъ помѣщеннаго въ нашемъ послѣднемъ нумерѣ изложенія рѣчи произнесенной г. Брайтомъ въ Бэрмингамѣ, читатели могли видѣть до какой степени лучшіе люди въ самой Англіи возмущены ложнымъ положеніемъ въ какое поставлена ихъ страна своею циническою политикой. Г. Брайтъ, съ характеризующимъ его мужествомъ, которое всегда побуждало его высказывать правду какъ бы ни была она непріятна слушателямъ, безпощадно раскрываетъ скаредные и неумные мотивы этой политики. Дѣло не въ территоріи, говоритъ онъ, не въ Константинополѣ, а только въ проливахъ, и Турція поддерживается, охраняется, оберегается единственно для того чтобы не пропускать русскихъ военныхъ судовъ изъ Чернаго Моря въ Средиземное. Онъ считаетъ невозможнымъ чтобъ это могло длиться, чтобы Россія вѣчно оставалась запертою въ угоду Англіи. Самая цѣль такой политики представляется г. Брайту безмысленною. „Развѣ небеса упадутъ или британскій флагъ будетъ обезчещенъ, спрашиваетъ онъ, если русскіе корабли будутъ проходить черезъ проливы, которые созданы не Турціей, не Англіей, но природой, и конечно предназначены быть открытымъ для всего міра проходомъ между двумя морями?“ И еслибъ еще дѣло шло только о цѣли! Но она покупается ужасною цѣной. Для этой цѣли поддерживается гнуснѣйшее управленіе, основанное на попраніи человѣка; жертвуются милліоны людей, христіанъ, обрекаемыхъ на состояніе худшее самаго суроваго рабства; наконецъ, жертвуются добрая слава и честь Англіи, интересы коей связываются съ увѣковѣченіемъ такого позора для Европы.

Но г. Брайтъ негодуетъ теперь не одинъ, какъ было предъ Крымскою войной: онъ со справедливою гордостью указываетъ на бывшихъ противниковъ своихъ, лорда Росселя и лорда Стратфорда де-Редклифа, которые пришли къ его взглядамъ и отрекаются отъ Турціи. Въ настоящую минуту въ Англіи реакція противъ старой политики поднимается еще сильнѣе чѣмъ въ августѣ. Политическая рутина еще держится, но ей приходится считаться съ возрастающею реакціей, и лучшіе умы понимаютъ что эта политика не имѣетъ будущности. Мы уже знаемъ съ какою силой, наконецъ, высказался противъ нея такой важный государственный авторитетъ какъ г. Гладстонъ, на конференціи созванной въ Лондонѣ подъ именемъ національной и очень торжественной, такъ какъ на нее собрались до 1.000 человѣкъ со всѣхъ концовъ Англіи, и между ними, кромѣ представителей многихъ городовъ и всѣхъ

классовъ общества, значатся извѣстнѣйшія имена по всѣмъ отраслямъ дѣятельности.

Еще сегодня, въ только что полученныхъ газетахъ, прочли мы письмо одного изъ вождей либеральной партіи, сэръ-Вильяма Вернона Гаркорта, который энергически протестуетъ не только противъ политики правительства, но и противъ „зловредныхъ и недостойныхъ рѣчей, нѣ„которыми изъ министровъ и всѣми мини„стерскими газетами ежедневно изрыга„емыхъ противъ Россіи.“ Онъ отрицаетъ чтобы политика Россіи могла возбуждать подозрѣнія: Россія не требовала ничего сверхъ предложеннаго самимъ Англійскимъ правительствомъ; но Русское правительство, говоритъ онъ, рѣшилось настоять на справедливыхъ требованіяхъ, между тѣмъ какъ Англійское удовольствовалось болтовней.

Итакъ, мы видимъ, противъ политики Англіи возмущается ея собственная совѣсть. Какая же еще страна можетъ быть солидарна съ интересами этой политики, откуда тревога за сохраненіе европейскаго мира? Какая возможна война? Война между кѣмъ? Что̀ значатъ утѣшенія что война, если окажется неизбѣжною, будетъ локализована нейтралитетомъ другихъ? Что̀ значитъ этотъ нейтралитетъ?

Невольно мысль возвращается къ рѣчи князя Бисмарка, о которой мы говорили вчера...

Еслибы Россія искала чего-нибудь *для себя,* еслибъ и въ самомъ дѣлѣ рѣчь шла хотя бы, напримѣръ, о свободѣ проливовъ, о чемъ говорилъ г. Брайтъ, мы понимали бы нейтралитетъ. Какъ бы ни уважительны были интересы Россіи, но мы понимаемъ что никакая другая держава не обязана заботиться о нихъ или чѣмъ-либо жертвовать для удовлетворенія и обезпеченія ихъ. Тогда возможно было бы ожидать столкновенія; понятны были бы и посредничество, и локализація борьбы, и нейтралитетъ, и услуги за услуги...

Но ничего подобнаго на дѣлѣ нѣтъ.

Рѣчь шла только о томъ чтобы вывести милліоны людей изъ состоянія несовмѣстнаго ни съ какими понятіями, ни съ какими, здравыми и уважительными интересами. Это не есть дѣло исключительно русское; это вопросъ европейской цивилизаціи, человѣчества, христіанства. Германія, какъ свидѣтельствуетъ ея канцлеръ, въ этомъ интересѣ совершенно солидарна съ Россіей. Какимъ же образомъ Германія можетъ держать нейтралитетъ между политикой которую она признаетъ своею, которую высоко ставитъ и ея императоръ, и вся германская нація, и другою которая ей противоположна? Что̀ значитъ нейтралитетъ между своею и чужою, ей противною политикой?

Сэръ-Вильямъ Гаркортъ, осуждая свое правительство за то что оно въ іюнѣ пропустило случай, съ выгодой для себя и человѣчества, употребить свое вліяніе, пишетъ: „Россія подала мысль объ админи„стративной автономіи, не несовмѣстное „съ верховенствомъ Турціи, что̀ послѣ то„го и было принято. Но въ то время лордъ „Дарби отвергъ эту мысль. Его отказъ „былъ прямою и непосредственною причи„ной войны и всѣхъ бѣдствій съ тѣхъ „поръ случившихся. Робость и неспособ„ность которыя въ то время парализовали „дѣйствіе Англійскаго правительства и раз„строили европейскій концертъ навсегда „покрываютъ его позоромъ. То что̀ теперь „предпринимается въ Константинополѣ мог„ло быть испытано, при болѣе благопрі„ятныхъ условіяхъ, полгода тому назадъ. „Все кровопролитіе и все совершившееся „зло можно и должно было предотвратить.“

№ 310.

Москва, 1-го декабря.

По настоянію „дружественныхъ“ державъ, Высокая Порта рѣшилась отсрочить созваніе своего проектируемаго парламента, какъ слышно, до марта мѣсяца. Ей было представлено что державы сочтутъ для себя оскорбленіемъ если въ то время какъ представители ихъ будутъ разсуждать о реформахъ на конференціи, бокъ-о-бокъ съ нею разные софты и улемы будутъ въ парламентѣ произносить рѣчи проклинающія тѣ же реформы и самую конференцію. Но авторъ новой турецкой комедіи, Мидхатъ-паша, поддерживаемый своимъ пріятелемъ, сэръ-Генри Элліотомъ, упрямо настаивалъ чтобы до собранія конференціи новая конституція по крайней мѣрѣ была торжественно *возвѣщена*. Въ этомъ отношеніи между имъ и великимъ визиремъ уже давно обнаруженъ расколъ, и, повидимому, Мидхатъ одерживаетъ верхъ, такъ какъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ,

Савфетъ-паша, въ отвѣтъ на депешу князя Горчакова о мобилизаціи части русскихъ войскъ, ссылается въ своемъ циркулярѣ на намѣреніе Порты приступить къ исполненію реформъ общихъ для *всей* имперіи и имѣющихъ удовлетворить *всѣхъ* ея подданныхъ. Желаетъ ли Порта этимъ актомъ поддержать свой авторитетъ въ глазахъ мусульманъ, или дѣйствительно думаетъ парализовать имъ конференцію, не въ томъ дѣло; но интересно знать какъ смотрятъ *сами подданные* Порты на возвѣщаемыя сю либеральныя реформы, и откуда чаютъ они свое спасеніе.

Извѣстно что одинъ изъ пріемовъ Турецкаго правительства для доказательства что все у него обстоитъ благополучно, что возстанія вызываются „иностранными" эмиссарами и что вмѣшательство Европы излишне, состоитъ въ отбираніи подписей у жителей подъ адресами заранѣе сочиненными. Въ глазахъ Порты подобный документъ имѣетъ силу доказательства, такъ какъ и сама она удовлетворяется такою продѣлкой при слѣдствіяхъ надъ ея чиновниками. Надо только чтобы документъ заключающій въ себѣ изъявленія благодарности и восхваленія былъ подписанъ тѣми же загнанными жертвами которыя осмѣлились прежде подать жалобу. Жалоба получаетъ тогда названіе клеветы. Такъ точно поступилъ въ послѣднее время Шафкетъ-паша, виновникъ болгарскихъ убійствъ. И вотъ этотъ пріемъ употребляется теперь самою Портой, когда она очутилась въ положеніи обвиняемаго предъ трибуналомъ европейскихъ державъ. По ея распоряженію, власти Боснійскаго вилаета уже давно старались то прельщеніемъ, то угрозами и насиліемъ, добыть подъ петицію мусульманскихъ беговъ, свидѣтельствующихъ что Боснія совершенно довольна своею судьбой и не нуждается въ реформахъ, также рядъ христіанскихъ подписей. Нынѣ, какъ пишутъ изъ Сараева въ вѣнскія газеты, имъ удалось это: петицію украшаютъ подписи Евреевъ и христіанъ въ размѣрѣ нѣсколькихъ сотъ къ 9.000 мусульманскимъ; дѣло стало лишь за выборомъ депутаціи для поданія адреса султану. Понятно что христіане эти главнымъ образомъ купцы, жители городовъ, вполнѣ находящіеся во власти Турокъ и не нашедшіе въ себѣ твердости промѣнять мірскія блага на неизбѣжное мученичество. Но параллельно съ этимъ, въ средѣ собственно христіанскаго населенія Босніи, приготовленъ меморандумъ съ перечисленіемъ всѣхъ турецкихъ злодѣяній какъ вызвавшихъ возстаніе, такъ и послѣдовавшихъ за нимъ. Меморандумъ этотъ уже отправленъ окольнымъ путемъ въ Константинополь для внесенія въ европейскую конференцію, и когда представитель Порты, Савфетъ-паша, вздумаетъ сдѣлать употребленіе изъ своей петиціи, будетъ предъявленъ другой документъ, раскрывающій истину.

Изъ немусульманскихъ подданныхъ Порты солидарны съ нею въ интересахъ только Фанаріоты и ихъ клевреты. Они повергаютъ къ „ступенямъ трона всемогущаго султана" протестъ противъ *исключительныхъ* привилегій для Славянъ Турціи. По мнѣнію выраженному въ протестѣ Фанаріотовъ, если кому и можетъ быть даровано исключительное положеніе въ имперіи, то развѣ только имъ, потомкамъ Византійцевъ, отъ коихъ „славной памяти" султанъ Мехмедъ завоевалъ имперію. Но они отказываются отъ исключеній и просятъ осуществить лишь императорскіе *гатты* дарующіе всѣмъ христіанскимъ племенамъ имперіи полное и всеобщее равенство. Корреспондентъ аугсбургской *Allgemeine Zeitung*, приводя, кромѣ этого документа, другой, именно Армянскій меморандумъ, не можетъ удержаться отъ сравненія и замѣчаетъ: „Въ армянскомъ документѣ возвышаетъ голосъ подавленное и попранное человѣчество въ лицѣ Армянскаго народа, рисуя вѣковыя страданія и требуя отъ европейскаго ареопага не привилегій или преимуществъ, но лишь человѣческихъ правъ, тогда какъ другой печальный документъ составлялъ какой-то Терситъ и, къ несчастію, не имѣется Улисса чтобъ уяснить его точку зрѣнія." Такое впечатлѣніе произвелъ онъ и на Турокъ. Но корреспондентъ напрасно считаетъ этотъ адресъ отраженіемъ взглядовъ греческаго населенія Турціи. Петиція составлена въ Фанарѣ, и этимъ все сказано. Никто не смѣшиваетъ Эллиновъ съ выродившимися Фанаріотами, которые всегда были покорнымъ орудіемъ угнетенія и насилія. Въ Эпирѣ, Ѳессаліи и на Критѣ недовольство турецкимъ господствомъ такъ велико что въ этихъ мѣстахъ уже давно бы вспыхнуло возстаніе еслибы не усилія Греческаго правительства опасающагося преждевременною вспышкой подорвать свои силы.

До сихъ поръ все толковали о немусульманскихъ населеніяхъ Европейской Турціи, но Евреи и Армяне живущіе преимущественно въ азіатскихъ провинціяхъ подаютъ также свой голосъ. 11 декабря предполагается въ Парижѣ созвать конгрессъ делегатовъ отъ всѣхъ израильскихъ корпорацій чтобъ обсудить какія принять мѣры чтобы Константинопольская конференція, при реформахъ требуемыхъ отъ Турціи для восточныхъ христіанъ, не забыла Евреевъ. Инціатива этого конгресса исходитъ отъ *Anglo-Jewish Association*, которая обратилась къ *Alliance universelle israélite* имѣющей мѣстопребываніе въ Парижѣ, а этотъ союзъ рѣшилъ созвать конгрессъ. Съ тою же надеждою обратить на себя вниманіе конференціи, константинопольскіе Армяне выработали меморандумъ о положеніи ихъ соплеменниковъ подъ турецкимъ владычествомъ въ Азіи. Самыя краснорѣчивыя строки Армянскаго меморандума суть тѣ гдѣ разказывается объ ежедневныхъ въ теченіи вѣковъ страданіяхъ народа. Нѣтъ такого *случая* самыхъ неистовыхъ злодѣйствъ, который ни былъ бы совершенъ въ средѣ Армянскихъ населеній Турками, Курдами, Авгарами, Черкесами и другими мусульманскими ордами при содѣйствіи или попущеніи Оттоманской администраціи. Всѣ эти „случаи“ записанные и засвидѣтельствованные „бережно сохраняются каждый въ особой связкѣ въ Армянскомъ патріархатѣ.“ Вотъ показаніе Армянъ:

„Окруженные на своей родинѣ многочисленнымъ турецкимъ, курдскимъ и авгарскимъ населеніемъ, по большей части кочевыми ордами, всегда фанатическими и варварскими, Армяне были до сихъ поръ подвержены всякаго рода насильственнымъ вымогательствамъ. Можно сказать, эти дикія племена, живущія единственно грабежомъ, находятъ себѣ поблажку въ мѣстной администраціи. Не проходитъ дня чтобы мирные и трудолюбивые Армяне не были оскорбляемы и поруганы въ ихъ религіи, въ ихъ свободѣ, чести и имуществѣ. Присвоенія законно пріобрѣтенной земли, кощунство въ церквахъ и монастыряхъ, насильственное обращеніе женщинъ и дѣтей въ Исламъ, поджоги, контрибуціи, изнасилованія, убійства вотъ чему постоянно подвергаются Армяне. Турки, Курды и Авгары, къ которымъ нынѣ присоединились еще Черкесы, господствуютъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ какъ не ограниченные владыки. На глазахъ мѣстныхъ властей они взимаютъ невозможные поборы и доводятъ наглость до того что устрашающими средствами вмѣшиваются въ самыя внутреннія отношенія христіанъ... Анархія, такъ сказать, есть постоянное состояніе Арменіи. Мѣстное правительство лишь изрѣдка безпокоитъ преступниковъ, и часто совершенно безразлично относится къ повторительнымъ жалобамъ жертвъ. Подстрекаемые систематическою безнаказанностью, изверги съ новымъ рвеніемъ приступаютъ къ своимъ звѣрствамъ. Носить оружіе позволено только мусульманамъ; поэтому, кочевыя орды, эти, большею частію не платящія никакой дани и не подчиненныя никакому закону, носятъ оружіе и употребляютъ его какъ главное средство къ существованію, съ вѣдома властей. Если же Армянинъ самъ добивается своего права или подымаетъ жалобу, то онъ только тогда можетъ достичь своего когда поддерживается мусульманскими свидѣтельствами, какъ-то предписываетъ *шаріатъ*. Но такъ какъ ни одинъ мусульманинъ изъ боязни преступить Коранъ, не станетъ свидѣтельствовать противъ правовѣрнаго, то отсюда истекаютъ всевозможныя нарушенія правосудія какія можно только вообразить. Безъ постояннаго жилища, безъ промышленности, безъ какого-либо законнаго промысла, существуетъ нынѣ въ Арменіи почти милліонъ Курдовъ, Авгаръ и Черкесовъ, живущихъ на счетъ земледѣльческаго населенія. При издѣвательствахъ съ одной стороны этихъ организованныхъ шаекъ разбойниковъ, при фанатизмѣ и бездѣйствіи турецкихъ губернаторовъ, Армянамъ не остается другаго средства какъ жаловаться своему патріарху въ Константинополѣ. При каждомъ новомъ насиліи (а эти насилія слѣдуютъ одно за другимъ ужасающе часто), патріархъ обращается къ Высокой Портѣ чтобъ обратить ея вниманіе и добыть у ней приказъ объ оказаніи справедливости. Высокая Порта или не обращаетъ никакого вниманія на подобныя жалобы, или посылаетъ приказанія провинціальнымъ властямъ чтобы нарядить слѣдствіе надъ обвиняемымъ въ небрежности или соучастіи офиціальнымъ лицомъ. Легко вообразить себѣ результатъ слѣдствія предпринятаго при такихъ обстоятельствахъ. Часто случается даже что жители подписавшіе жалобу вынуждаются

противорѣчить себѣ въ другомъ документѣ; этотъ второй документъ вымогается отъ жителей обвиняемою властью посредствомъ обѣщаній или угрозъ. Христіанинъ принесшій жалобу и въ концѣ концовъ избавившійся отъ наказанія за такую смѣлость можетъ считать себя счастливымъ...

Удовлетвореніе требованій боснійскихъ, герцеговинскихъ и болгарскихъ христіанъ, улучшеніе участи ихъ дипломатическимъ или другимъ путемъ, при исключеніи христіанъ Азіатской Турціи передвинетъ только театръ насилій, потушитъ огонь только на одной сторонѣ чтобы дать пожару большее распространеніе. Предполагая что удастся вырвать значительную часть Европейской Турціи изъ мусульманскаго владычества, развѣ нельзя представить себѣ что герои совершившіе свои звѣрства въ Болгаріи и въ другихъ мѣстахъ возвратятся или выселятся въ Азію съ ненавистью къ христіанамъ въ сердцѣ? И не будетъ ли та ненависть тѣмъ ужаснѣе что они будутъ смотрѣть подозрительно на всѣхъ послѣдователей Христа? Сколько чудовищнаго злодѣйства свершатъ они надъ этими безоружными и вполнѣ беззащитными населеніями? Что касается правительства авторитетъ котораго упалъ даже въ глазахъ мусульманъ, казна котораго истощена, вспомогательные источники котораго ограничены, то оно никогда не въ состояніи будетъ исполнить назначенныя мѣры для основательнаго улучшенія участи христіанъ. Армяне отнюдь не успокоены обѣщаніями реформъ которыя Османское правительство склонно предпринять въ своей системѣ администраціи и которыя выпадутъ на долю всѣхъ христіанскихъ населеній въ Европѣ и Азіи. Извѣстно что со времени *гатти-гумаюна* отъ 18 февраля 1856 года оно не скупилось на подобнаго рода обѣщанія. Еслибъ оно на этотъ разъ въ порывѣ искренности пожелало само исполнить совѣты дружественныхъ державъ, то ему было бы чрезвычайно тяжело, если не невозможно, въ одинъ день преобразовать систему администраціи такъ глубоко вкоренившуюся въ обычаяхъ. Оно постоянно будетъ наталкиваться на невѣжество и предубѣжденіе. Еще болѣе. Между османскими государственными людьми, которые въ настоящій моментъ держатъ въ своихъ рукахъ судьбы имперіи, находится не мало такихъ которые лишь послѣ крайняго сопротивленія подпишутъ равноправность всѣхъ подданныхъ, ибо они убѣждены въ нравственномъ и умственномъ превосходствѣ христіанскихъ народовъ надъ природными Османлы. Это внутреннее убѣжденіе нѣкоторыхъ Турокъ, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовало тому духу исключенія который былъ съ давнихъ временъ основой правительственной системы.

Армяне находятъ себя теперь въ правѣ завидовать Болгарамъ, а между тѣмъ положеніе Армянъ въ Турецкой имперіи было привилегированное. Органическій статутъ, о которомъ упоминаетъ меморандумъ, создавалъ для Армянъ какъ бы государство въ государствѣ. Въ лицѣ своего патріарха и банкировъ въ Константинополѣ, съ которыми обнищалую Порту постоянно связывали денежные интересы, Армяне имѣли представителей которыхъ вовсе была лишена балгарская и сербская райя. Но всѣ эти вольности, конечно искреннѣе дарованныя Портой чѣмъ настоящія вынуждаемыя обстоятельствами реформы, не привели ни къ чему. Поперекъ пути къ улучшеніямъ становилась и будетъ становиться „абсолютно осужденная на проклятіе система турецкаго управленія,“ какъ выражается меморандумъ.

Итакъ, всѣ, кромѣ Фанаріотовъ, немусульманскіе подданные Порты аппеллируютъ въ конференцію, и только отъ ней чаютъ своего избавленія.

№ 311.

Москва, 2-го декабря.

Газета *Times*, какъ извѣщаетъ полученная сейчасъ телеграмма, дала новыя прорицанія. Припоминая прежнія не однократныя въ этомъ родѣ изреченія Лондонскаго оракула, которыя, какъ впослѣдствіи оказывалось, замѣчательно совпадали съ дипломатическими дѣйствіями Англійскаго правительства, можно смѣло заключать что и въ настоящемъ случаѣ дѣло не безъ боговъ обошлось. *Times* газета самая независимая на земномъ шарѣ. Она независима отъ своихъ собственныхъ мнѣній: для нея ни по чемъ сегодня яростно нападать на то что она же вчера горячо защищала, и на оборотъ. Но ни одна изъ другихъ англійскихъ газетъ, ниже изъ завѣдомо министерскихъ,

не оказывается столь хорошо свѣдущею о вещахъ о коихъ по временамъ въ ней возвѣщается со свойственною оракулу таинственностью. Дабы не ходить далеко за примѣрами достаточно припомнить всѣхъ позабавившее въ свое время патетическое воззваніе органа Лондонскаго Города къ посредничеству князя Бисмарка съ цѣлью воздержать Россію отъ единоличнаго и самостоятельнаго дѣйствія послѣ извѣстнаго, Портой сдѣланнаго предложенія о шестимѣсячномъ перемиріи,—предложенія, которое готова была принять Англія отказавшись отъ своего первоначальнаго предложенія принятаго всѣми державами и послужившаго тогда основой общеевропейскаго соглашенія. И что же? Вскорѣ, изъ обнародованной депеши графа Дарби, оказалось что именно такого рода офиціальное обращеніе къ германскому канцлеру было сдѣлано Англійскимъ правительствомъ за *два* дня до появленія статьи въ *Times*.

Въ настоящемъ же случаѣ мы тѣмъ болѣе въ правѣ обратить на предположеніе газеты *Times* нѣкоторое вниманіе что та же мысль высказывается уже не въ первый разъ. О ней уже былъ разъ, нѣсколько времени тому назадъ, сдѣланъ намекъ въ англійской печати, притомъ именно въ качествѣ возможнаго предложенія со стороны графа Дарби. Что же это за мысль? А вотъ что: недостаточно де оспаривать предлагаемыя Россіей мѣры, а надо чтобъ Англія, съ своей стороны, предложила какъ обезпечить удовлетворительное устройство возмущенныхъ турецкихъ провинцій, — и отличною гарантіей могла бы послужить вооруженная иноземная полицейская сила, поддержанная присутствіемъ соединенныхъ флотовъ въ Босфорѣ.

Но для чего Англія должна дѣлать такое предложеніе? Вѣнскій корреспондентъ той же газеты сообщаетъ что, настаивая тверже чѣмъ когда-либо на своей рѣшимости относительно военнаго занятія какъ безусловно необходимой, при настоящихъ обстоятельствахъ, гарантіи для прекращенія анархіи въ Болгаріи, Россія въ то же время употребляетъ всѣ старанія успокоить Европу. По словамъ корреспондента, увѣренія уже данныя прежде Россіей въ томъ что она не имѣетъ въ виду никакихъ пріобрѣтеній, никакихъ территоріальныхъ перемѣнъ, въ послѣднее время были повторены въ Вѣнѣ снова и самымъ положительнымъ образомъ. Кромѣ того, Россія готовится де дать такое заявленіе въ формѣ еще болѣе торжественной. Помимо объясненія намѣреній Россіи въ нотѣ къ державамъ, будетъ де издана прокламація къ самому населенію провинцій, и въ этой прокламаціи будутъ объяснены предѣлы и цѣль русскаго занятія. Въ ней будетъ де отвергнута всякая идея ограничить верховную власть султана или нарушить цѣлость Оттоманской имперіи, но въ то же время будетъ выставлена на видъ обязанность Европы и Россіи на первомъ планѣ, добиться улучшенія участи христіанскихъ населеній Турціи. Будетъ также разъяснено что исполненіе со стороны Россіи этой обязанности отнюдь не означаетъ враждебныхъ противъ Турціи намѣреній, что напротивъ, Россія беретъ на себя задачу мира и не желаетъ объявлять Турціи войну, которая станетъ неизбѣжною только въ томъ случаѣ если Турки сами захотятъ воспрепятствовать миротворному дѣйствію Россіи.

Чего же болѣе? Между тѣмъ встрѣчное предложеніе Англіи, если дѣйствительно о немъ серіозно идетъ рѣчь, показываетъ что Англійское правительство, несмотря на неудачу дипломатическихъ странствій маркиза Салсбери, несмотря на горячую оппозицію противъ политики британскаго премьера въ самой Англіи, все еще ставитъ своею главною задачей не столько изысканіе мирнаго способа уладить затрудненія сколько устраненіе гарантій требуемыхъ Россіей. Если въ этомъ состоитъ примирительность лорда Салсбери, о которой такъ настойчиво толковали ежедневно телеграммы, то надежды на мирный исходъ Константинопольскихъ совѣщаній весьма слабы. Необходимость военнаго занятія очевидна всякому. Ее признаютъ политическіе люди самой Англіи. На нее указывалъ г. Гладстонъ на національной конференціи въ Лондонѣ, и еще сильнѣе говорилъ о ней предсѣдавшій на этомъ собраніи герцогъ Вестминстерскій, напомнившій о французскомъ занятіи Сиріи. Въ то время британскимъ коммиссаромъ былъ посланъ лордъ Дофферинъ, нынѣ генералъ-губернаторъ Канады, и первымъ дѣломъ его по прибытіи было повѣсить виновнаго въ избіеніяхъ турецкаго пашу. Но почему теперь энергическія настоянія Французскаго и Германскаго пра-

вительствъ не могли добиться достаточнаго наказанія за убійство двухъ европейскихъ консуловъ въ Салоникахъ, и почему строгая депеша самого графа Дарби о примѣрномъ наказаніи виновниковъ кровавой бани въ Болгаріи, прямо поименованныхъ, остается клочкомъ не нужной бумаги? Единственно потому что въ Сиріи требованія опирались на присутствіе 12,000 французскихъ войскъ, коими было обезпечено и введеніе болѣе удовлетворительнаго устройства въ этой провинціи.

Что же тутъ можетъ сдѣлать какая-то иностранная полиція? Развѣ могутъ нѣсколько десятковъ или сотенъ полисменовъ обуздать фанатическое населеніе? Какимъ образомъ полицейскіе чиновники, безъ надлежащей силы, могутъ обезпечить чтобы введеніе новыхъ реформъ не было новымъ обманомъ? Для этого пришлось бы увеличить полицію до состава цѣлой арміи. Не проще ли достигнуть того же называя вещи прямо ихъ именемъ и признавъ неизбѣжность военнаго занятія?

Военное занятіе не есть война, и изъ сообщенія вѣнскаго корреспондента *Times* видно что въ такомъ смыслѣ оно объясняется Россіей не только державамъ, но и самимъ населеніямъ. Французское занятіе совершилось безъ войны, безъ сопротивленія. Такъ должно бы быть и въ настоящемъ случаѣ относительно занятія Болгаріи. Еслибъ оно послѣдовало въ качествѣ европейскаго, по совокупному рѣшенію державъ, то о сопротивленіи Порты и рѣчи быть не могло бы.

Англійское предложеніе есть только новая поблажка Портѣ. Оно показываетъ, кромѣ того, какъ мало надо придавать значенія громкимъ фразамъ о святости Парижскаго трактата, о цѣлости и независимости Турціи. На словахъ и Англія, какъ сама Турція, готова на какія-угодно отступленія отъ этихъ фразъ, лишь бы не тронуто было главное о чемъ она заботится — мусульманское преобладаніе. Развѣ присутствіе иностранной полиціи менѣе нарушило бы принципъ независимости Турціи чѣмъ военное занятіе? Но въ своемъ дѣйствіи на мусульманъ, также какъ и на христіанъ, то и другое будетъ конечно огромною разницей. Для Турокъ главное въ томъ чтобы сохранить свое господство и не дать христіанамъ возможности выйдти изъ порабощенія, чему, конечно, не можетъ помѣшать присутствіе иностранной полиціи и что должно быть послѣдствіемъ и цѣлью временнаго военнаго занятія. А фантастическіе планы англійскихъ министровъ только поощрятъ Турокъ къ сопротивленію мирному исполненію мѣры которая сама по себѣ не угрожаетъ ни цѣлости Турціи, ни верховной власти султана.

№ 312.

Москва, 3-го декабря.

Съ самаго открытія борьбы на Балканскомъ полуостровѣ, французская печать съ рѣдкимъ единодушіемъ выступила на защиту Турціи (исключеніемъ была только *France* г. Эмиля де-Жирардена, да еще можетъ-быть *Moniteur Universel*, органъ министерства иностранныхъ дѣлъ, соблюдавшій сдержанность въ своихъ сужденіяхъ), и съ ожесточеніемъ ополчилась не только противъ всѣхъ недовольныхъ турецкими порядками, но и противъ всѣхъ кто осмѣливался говорить правду о страшныхъ звѣрствахъ которымъ подвергались христіанскія населенія въ Турціи. Французская печать слышать ничего не хотѣла о неистовствахъ баши-бузуковъ; органы самые республиканскіе, то и дѣло толкующіе о великихъ принципахъ 89 года, наполнялись порицаніями Славянамъ Балканскаго полуострова, осмѣлившимся возстать противъ „законнаго" правительства турецкихъ султановъ, и даже г. Гладстона объявили мятежникомъ за осужденіе политики нынѣшняго англійскаго министерства.

Разумѣется, предметомъ порицаній французской либеральной печати была и Россія, и мы не беремся перечислять всего что говорилось о ея панславистскихъ замыслахъ и о миѳѣ завѣщанія Петра Великаго.

Печальное зрѣлище націи утратившей самый смыслъ своего положенія! Какой въ самомъ дѣлѣ смыслъ въ этой агитаціи французской печати противъ стремящихся къ освобожденію христіанскихъ населеній Востока, противъ Славянъ, противъ Россіи? Что значатъ въ устахъ Француза опасенія панславизма? Что ему до панславизма еслибъ и въ самомъ дѣлѣ эта химера, выдуманная Нѣмцами, имѣла ка-

кое-нибудь реальное значеніе? Чего Французъ-то въ ней испугался? Во всякомъ случаѣ какія побужденія могутъ имѣть вожаки общественнаго мнѣнія во Франціи, поддерживая свою безсильную и безсмысленную агитацію? Еслибъ еще Франція могла принять дѣятельное участіе въ разрѣшеніи такъ-называемаго Восточнаго вопроса, еслибъ еще слово ея имѣло вѣсъ, можно было бы по крайней мѣрѣ считаться съ этимъ лженаправленнымъ задоромъ. Но въ настоящемъ своемъ положеніи Франція не можетъ предпринять ничего ни въ какую сторону, и никому въ сущности не нужно знать ея мнѣніе. Французскіе политики, послѣ разгрома который постигъ ихъ страну, стали было очень дорожить симпатіями Россіи и даже основывать на нихъ свои надежды. Но какими бы химерами не увлекались Французы въ своихъ видахъ на будущее, они впрочемъ имѣли уже случай испытать на дѣлѣ пользу Россіи. Прошло не болѣе полутора года съ тѣхъ поръ какъ Франція, въ виду новаго угрожавшаго ей удара, молила о русской помощи и униженно благодарила за нее. Теперь французская печать могла бы самымъ дешевымъ образомъ поддержать доброе расположеніе къ себѣ съ русской стороны. Сочувствіемъ къ справедливому и святому дѣлу угнетенныхъ Исламомъ христіанскихъ народностей она подняла бы себя нравственно, и хотя ея сочувствіе, также какъ и несочувствіе, не имѣетъ никакого значенія для дѣла, все же оно могло бы посѣять и на Востокѣ, и въ Россіи тѣ симпатіи въ которыхъ Франція нуждается, между тѣмъ какъ ея печать употребляетъ всѣ усилія для того чтобы сдѣлать французское имя ненавистнымъ и на Востокѣ, и въ Россіи, и подавить все что могло еще оставаться дружелюбнаго ко Франціи въ русскомъ національномъ чувствѣ.

Но, говорятъ, Французы не могутъ желать поднятія Восточнаго вопроса въ настоящее время, такъ какъ теперь онъ былъ бы рѣшенъ безъ участія Франціи, и стало-быть интересъ ихъ требуетъ всячески чтобъ онъ былъ замятъ и чтобъ окончательное рѣшеніе его было отсрочено. Но развѣ болтовня французскихъ газетъ можетъ остановить ходъ событій или переладить ихъ?

Нѣтъ, напрасно было бы думать что Франція будетъ когда-либо способна къ самостоятельному дѣйствію въ разрѣшеніи всемірныхъ вопросовъ каковъ Восточный. Это страна отжившая, страна прошедшаго... Напрасно было бы опасаться ея въ будущемъ, напрасно было бы и ожидать отъ нея поддержки. Ей предстоитъ безвыходный кругъ безсмысленныхъ переворотовъ и пустаго броженія.

Въ послѣдніе дни, впрочемъ, французская печать мало говоритъ о восточныхъ дѣлахъ. Она занята почти исключительно министерскимъ кризисомъ, который въ самомъ дѣлѣ не лишенъ своего рода интереса, особенно теперь когда французскія газеты съ жаромъ превозносятъ пресловутую конституцію Мидхатъ-паши. Остается только предложить Туркамъ послѣдовать образцу французскаго парламентарнаго устройства: нынѣшній кризисъ не лишенъ интереса и съ этой точки зрѣнія.

Рѣшающимъ обстоятельствомъ паденія кабинета Дюфора было постановленіе Сената въ засѣданіи 1 декабря касательно утвержденнаго уже Палатой Депутатовъ законопроекта объ отмѣнѣ преслѣдованій противъ участниковъ въ мятежѣ коммуны. Сенатъ устранилъ этотъ проектъ, не переходя даже къ обсужденію отдѣльныхъ статей его, и вотъ вслѣдствіе этого кабинетъ подалъ въ отставку. Едва ли найдется въ парламентскихъ лѣтописяхъ другой подобный случай: министерство выходитъ въ отставку вслѣдствіе устраненія закона не имъ предложеннаго и изготовленнаго, противъ котораго оно энергически ратовало, и на который согласилось лишь по настоятельному требованію Палаты Депутатовъ. Еслибы министерство не сдѣлало такой уступки, то оно потерпѣло бы пораженіе въ Палатѣ Депутатовъ и принуждено было бы подать въ отставку. Оно спасло тогда свое положеніе, но за эту уступку Сенатъ нанесъ ему ударъ низвергнувшій его окончательно. Случай этотъ вполнѣ характеризуетъ положеніе правительства, постоянно находящагося между двухъ огней. Пусть мѣняются кабинеты, но какія бы министерскія комбинаціи ни придумывалъ маршалъ Макъ-Магонъ со своими ближайшими совѣтниками, едва ли ему удастся организовать правительство которое могло бы просуществовать долѣе одной сессіи при палатахъ, изъ которыхъ ни одна не хочетъ знать о томъ что дѣлается въ другой.

№ 313.

Москва, 4-го декабря.

Мудрено ли что правительство Англійское всячески старается помѣшать осуществленію дѣйствительныхъ и серіозныхъ гарантій какихъ требуетъ Россія для христіанъ въ турецкихъ провинціяхъ, когда изъ Англичанъ даже стоящіе въ оппозиціи къ правительству и протестующіе противъ его политики и противъ поддержки Турціи обнаруживаютъ въ своихъ сужденіяхъ непонятное, въ связи съ ихъ собственными словами, пристрастіе къ сохраненію турецкаго господства надъ христіанами и не искоренимое предубѣжденіе противъ Россіи? Эти два чувства описываютъ какой-то заколдованный кругъ въ которомъ вращаются ихъ сужденія и изъ котораго нѣтъ выхода. Просто изъ стыда они соглашаются что слѣдуетъ вывести христіанъ изъ безправнаго состоянія, но какъ-то выходитъ что всѣ мѣры, даже повидимому радикальныя, приводятся ими къ тому чтобы господство мусульманъ осталось неприкосновеннымъ. Они понимаютъ что освобожденіе христіанъ будетъ торжествомъ идеи которую всегда проповѣдывала Россія,—*ergo*, заключаютъ они про себя, освобожденіемъ христіанъ усилится значеніе и вліяніе Россіи. Съ другой же стороны, самый страхъ передъ Россіей, страхъ опасностей будто бы неизбѣжныхъ для всей Европы отъ ея усиленія, въ сущности есть не болѣе какъ миражъ чтобы съ нѣкоторымъ приличіемъ прикрывать своекорыстный цинизмъ желанія оставить въ Турціи буде можно все по старому.

Пишемъ это подъ впечатлѣніемъ вышедшей на дняхъ въ Лондонѣ книги подъ страннымъ заглавіемъ: „Ручная книга по Восточному вопросу; весьма недавній взглядъ на Турцію.“ Авторъ ея, сэръ-Джорджъ Кампбеллъ, членъ парламента, принадлежитъ къ передовой группѣ англійскихъ либераловъ, слѣдовательно противникъ нынѣшняго кабинета и его политики. Это человѣкъ большой административной опытности, такъ какъ онъ много лѣтъ провелъ на службѣ въ Индіи, гдѣ занималъ важныя должности, и подъ конецъ былъ лейтенантъ-губернаторомъ Бенгаліи, гдѣ подъ его управленіемъ было до 20 милліоновъ мусульманъ. Наконецъ, онъ, подобно многимъ другимъ Англичанамъ, недавно посѣщалъ сцены ужасовъ въ Болгаріи. Отъ него мы въ правѣ были бы ожидать серіознаго слова. Каковъ же, однако результатъ его мудрости! Увы! Книга его представляетъ самую странную путаницу противорѣчій и импотентныхъ заключеній, приправленныхъ самыми старыми парадоксами.

Начать съ того что бо́льшая часть книги посвящена апологіи Ислама какъ религіи. Съ любовью и усердіемъ авторъ разъясняетъ что хотя магометанская религія радикально стоитъ много ниже истиннаго христіанства, но что „на практикѣ она по крайней мѣрѣ не хуже, если не лучше, испорченныхъ формъ христіанства.“ Затѣмъ онъ поучаетъ что „магометанская религія проникнута демократическимъ духомъ,“ „охраняетъ свободу женщинъ и обезпечиваетъ равенство мущинъ,“ что ошибочно думаютъ будто магометанскіе правители суть деспоты, тогда какъ напротивъ это „государи конституціонные,“ что „магометанскіе законы многое заимствовали изъ Римской юриспруденціи и даже опередили кое въ чемъ *Code Napoléon*; паче же всего что магометанство особенно замѣчательно своею терпимостью, и что мнѣніе будто религія предписываетъ мусульманамъ избивать христіанъ есть чистѣйшій пасквиль.“

Въ *pendant* къ этому оправданію Ислама, читаемъ восхваленіе національнаго характера Турокъ, „которые одарены многими добродѣтелями господствующаго племени, хотя и деморализованы дурнымъ управленіемъ коего они въ одно и то же время суть орудія и жертвы.“ Все это, можетъ-быть, и очень назидательно, но мы недоумѣваемъ куда же мѣтитъ эта горячая апологія? Казалось бы, при столь добрыхъ качествахъ господствующей религіи и племени, Турція должна бы представлять рай земной. Но сэръ-Джорджъ былъ самъ свидѣтелемъ совершенно противнаго, и нельзя не скрыть это. Главная его идея, однако, та что бѣдствія христіанъ въ Турціи не ограничиваются ими одними, но раздѣляются и магометанами, и что эти бѣдствія зависятъ не отъ спеціальнаго порока мусульманской религіи или турецкаго характера, но отъ „невыразимо дурной системы управленія.“ По той или по другой причинѣ, но христіанамъ отъ того однако не лучше. Серъ-Джорджъ Кампбеллъ пишетъ: „Подумайте только о системѣ при

„которой христіанинъ не можетъ носить „оружія ни въ какомъ качествѣ, ни даже „палки полисмена, ни пользоваться какою-„либо исполнительною властью, даже ни-„чтожнѣйшею; систему при которой не „только вся армія, но вся исполнительная „администрація, вся полиція, до сельска-„го сторожа, все это въ рукахъ господ-„ствующаго магометанскаго меньшинства, „между тѣмъ какъ христіанское большин-„ство совершенно и безъ исключенія со-„ставляетъ населеніе подчиненное." Онъ выражаетъ увѣренность что избіенія въ Болгаріи были совершены по приказу Константинопольскаго правительства, которое имѣло обдуманное намѣреніе „не только искоренить мятежъ, но показать примѣръ который на долго укротилъ бы Болгаръ." Онъ передаетъ слышанный имъ въ Болгаріи разказъ что Абдулъ-Керимъ-паша (нынѣшній главнокомандующій) былъ въ то время въ Адріанополѣ, и самъ распоряжался дѣйствіями войска. Систематическое и полное разрушеніе болгарскихъ городовъ само по себѣ представляетъ сэръ-Джорджу положительное доказательство что „способъ подавленія возстанія былъ предпи-„санъ изъ столицы. Не было безразбор-„чиваго избіенія, грабежа и разрушенія, „которое могло бы быть дѣломъ нестройной „толпы. Ни одна душа не была тронута, „кромѣ тѣхъ на комъ правительство же-„лало показать примѣръ. Ни одинъ Бол-„гаръ-католикъ, ни одинъ протестантъ, ни „одинъ Грекъ, ни одинъ иностранецъ не „были тронуты, только Болгары болгар-„ской церкви." Это подтверждается и только что вышедшимъ полнымъ отчетомъ г. Скайлера, который говоритъ что „быв-„шій военный министръ Гуссейнъ-Авни-„паша и Мидхатъ-паша знали о болгар-„скихъ избіеніяхъ если не сами предписыва-„ли ихъ."

Не знаемъ какъ неистовства въ Болгаріи и подобныя имъ въ Сиріи вяжутся съ прославленіями турецкаго характера и мусульманской терпимости; но насъ болѣе интересуетъ знать какой же рекомендуетъ сэръ-Джорджъ Кампбеллъ исходъ изъ положенія которое онъ самъ признаетъ ненормальнымъ. Эта часть его книги переполнена противорѣчіями. Такъ какъ онъ всю вину видитъ въ „бюрократической оли-„гархіи господствующей въ Константино-„полѣ и въ самой Портѣ,"—то, конечно, онъ весьма естественно останавливается на мысли объ автономіи, планъ коей, по его мнѣнію, долженъ быть основанъ на развитіи предложеній лорда Дарби; онъ желалъ бы „локализовать власть до крайности, прежде всего предоставивъ каждой деревнѣ выбирать своихъ старшинъ и вести свои дѣла." Переходя отъ сельскаго управленія къ провинціальному, и онъ отдаетъ предпочтеніе системѣ введенной въ Ливанѣ, гдѣ порядокъ поддерживается мѣстною милиціей и не допускаются турецкія войска. Рядомъ же съ этимъ встрѣчаемъ такого рода мысли: хотя Болгары де и замѣчательно способны къ самоуправленію, но тамъ гдѣ христіане въ большинствѣ „было бы рискованно дать имъ „гражданскую и религіозную равноправ-„ность изъ опасенія что они будутъ го-„раздо менѣе терпимы чѣмъ Турки и ста-„нутъ тиранствовать надъ нехристіанскимъ „меньшинствомъ." Далѣе, хотя по мнѣнію сэръ-Джорджа Кампбелла, введеніе органическихъ реформъ въ провинціяхъ должно быть подчинено надзору европейской коммиссіи, но онъ готовъ „поручить турецкой арміи обязанность охранять эту коммиссію." Онъ не желалъ бы слишкомъ многихъ наказаній за болгарскую рѣзню, такъ какъ главная вина лежитъ на самомъ Турецкомъ правительствѣ которое будетъ достаточно наказано введеніемъ реформъ. Онъ не одобряетъ также ни выселенія Черкесовъ, ни обезоруженія. Наконецъ, совершенно неясно что же останется предпринять если Порта откажется отъ налагаемыхъ на нее условій. Словомъ, за всѣми оговорками и умолчаніями, ясно только то что рекомендуемая автономія будетъ далеко даже не та что была введена въ Ливанѣ. Тамъ—мѣстная вооруженная милиція и запрещеніе присутствія турецкихъ войскъ; здѣсь же, въ Болгаріи, мусульманское меньшинство, показавшее свою религіозную терпимость, не можетъ быть сравнено съ христіанскимъ большинствомъ, дабы послѣднее не стало тиранствовать; здѣсь и наказаній не нужно, и разоруженій не нужно, удаленія Черкесовъ не нужно, а нужна только *турецкая* военная оккупація; но за то поселяне будутъ выбирать себѣ старостъ! И это пишетъ серіозный политикъ, самъ правившій провинціей съ 20 милліонами жителей, самъ видѣвшій своими глазами до чего доведена Болгарія турецкими войсками! Не ясно ли что какъ ни протестуетъ этотъ либералъ-лицемѣръ

противъ поддержки Турціи, но ему было бы очень пріятно чтобы въ Турціи ничего не трогали и не мѣняли.

Съ такимъ завѣтнымъ желаніемъ автора гармонируетъ и взглядъ его на Россію. Онъ не только не довѣряетъ ей, но высказываетъ „глубокое убѣжденіе что если „эта великая держава уладитъ и упрочитъ свои внутреннія дѣла, сохраняя деспотическій и военный характеръ, значительно разовьетъ свое богатство и въ то „же время пріобрѣтетъ большія и хорошо „устроенныя владѣнія въ Западной Азіи, „и если ей удастся примирить и подчинить суровыя и воинственныя племена „исповѣдующія тамъ магометанскую вѣру „и завербовать ихъ въ свои арміи, между „тѣмъ какъ европейскія государства разъединяетъ взаимная ревность и ненависть, „тогда свобода Европы можетъ подвергнуться въ самомъ дѣлѣ серіозной опасности.“ Однако, онъ совѣтуетъ примирительную политику въ отношеніи къ Россіи на томъ основаніи что „если вы желаете удерживать дикаго слона въ порядкѣ, вы должны поставить его между ручными.“ Другими словами, согласное дѣйствіе Англіи съ Россіей рекомендуется такими политиками лишь затѣмъ чтобы парализовать тѣ требованія Россіи которыя всѣми признаются справедливыми. Хороша примирительность! Но вѣдь это, кажется, и дѣлаетъ теперь всѣми довѣряемый и восхваляемый лордъ Салисбери, если вѣрить вѣнскому корреспонденту *Times*, который въ послѣднемъ нумерѣ этой газеты сообщаетъ будто Англія дѣлаетъ уступку насчетъ принципа военнаго занятія, только чтобъ оно было не теперь, а когда-нибудь послѣ, а пока надо де дать время Портѣ привести въ исполненіе желаемыя реформы, и только въ случаѣ неудачи прибѣгнуть уже къ оккупаціи.

Послѣ заключеній примирительнаго сэръ Джорджа Кампбелла нельзя не усмѣхнуться читая его азартныя, запальчивыя нападки на бѣднаго сэръ-Генри Элліота за его „филотурецкое и антирусское направленіе.“ Вотъ какъ онъ отзывается объ англійскомъ послѣ: „Я полагаю что если „мы желаемъ сохранить миръ Европы, то „первымъ шагомъ къ этой цѣли должно „быть отозваніе сэръ-Генри Элліота... Я „думаю что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ „сэръ-Генри лично заслуживаетъ порицанія; но если нѣтъ, если онъ только дѣйствовалъ по порученію правительства, сдѣлайте его перомъ, пусть даже герцогомъ; „дайте ему пенсію въ пять, въ десять, въ „двадцать тысячъ въ годъ; это окажется „самою лучшею экономіей... Я увѣренъ „что онъ все время имѣлъ въ мысляхъ „дѣйствовать добросовѣстно и честно. Но „въ то же время я думаю что онъ былъ „несправедливъ къ Русскимъ и не основательно поощрялъ Турокъ.“ Не звучитъ ли въ этомъ озлобленіи *jalousie de métier?* Въ сущности, по нѣжному чувству къ Исламу, по пренебрежительному отношенію къ „испорченнымъ формамъ“ христіанства, и, наконецъ, по злобному (даже въ своей примирительности) чувству къ Россіи, оба они, какъ сэръ-Генри, такъ и сэръ-Джорджъ, отлично годились бы быть Элліотъ-пашой и Кампбеллъ-пашой, по примѣру своего доблестнаго соотечественника Гобартъ-паши.

№ 315.

Москва, 7-го декабря.

Берлинскія газеты предостерегаютъ публику противъ извѣстій изъ Константинополя, которыя съ особенною поспѣшностью распространяетъ *агентство Гаваса* Агентство это, свидѣтельствуютъ берлинскія газеты, неоднократно уже уличено въ сообщеніи вымышленныхъ извѣстій относительно Восточнаго вопроса. Весьма де печально что въ подобныхъ продѣлкахъ, которыя не могутъ имѣть иной цѣли кромѣ своекорыстныхъ биржевыхъ разчетовъ и спекуляцій, участвуютъ учрежденія близко стоящія къ правительствамъ; но умышленныя искаженія истины несомнѣнны. Такою выдумкой *National-Zeitung*, основываясь на спеціальной телеграммѣ изъ Вѣны изъ „достовѣрнаго источника,“ отъ 14 декабря, объявляетъ телеграмму *Гавасова агентства* изъ Константинополя, отъ 12 декабря, въ которой сообщалось что предварительная конференція пришла къ окончательному и полному соглашенію касательно условій мира между Турціей съ одной стороны и Сербіей и Черногоріей съ другой. Эта телеграмма была передана намъ не совсѣмъ точно; въ ней сказано что Черногоріи предполагается уступить 12 округовъ Герцеговины, которыя перечислены въ телеграммѣ, и изъ коихъ ни одинъ не примыкаетъ къ морю. Уступ-

ка эта будто бы дѣлается Портой подъ условіемъ сохраненія надъ уступленными округами верховной власти султана, и признаніе *этой* верховной власти со стороны Черногоріи должно будто бы выразиться въ поѣздкѣ князя Черногорскаго въ Константинополь для засвидѣтельствованія своей подчиненности въ этой новой части своихъ владѣній. Что же касается Сербіи, то относительно ея будто бы рѣшено чтобы западная ея граница проведена была по долинѣ рѣки Дрины, и такимъ образомъ вопросъ о Маломъ Зворникѣ окончательно де разрѣшенъ въ пользу Сербіи. Это-то извѣстіе, много способствовавшее мирному настроенію послѣднихъ дней, вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung* объявляетъ вымышленнымъ, утверждая что предварительная конференція „до сихъ поръ,“ то-есть до 14 декабря, вовсе еще не имѣла сужденія ни о территоріальныхъ уступкахъ Черногоріи, ни о присоединеніи Малаго Зворника къ Сербіи.

Какое изъ этихъ взаимно исключающихъ себя „достовѣрныхъ“ извѣстій достовѣрно и какое нѣтъ не рѣшаемъ; но еслибы сопоставить всѣ сообщенныя въ послѣдніе дни въ разныя агентства и отдѣльныя газеты свѣдѣнія о томъ чѣмъ предварительная конференція въ Константинополѣ *не* занималась, то въ результатѣ оказалось бы что не только не состоялось никакого соглашенія, но что ни одинъ изъ вопросовъ подлежащихъ обсужденію еще и не тронутъ.

А между тѣмъ и берлинскія газеты настойчиво поддерживаютъ слухъ о значительномъ сближеніи во взглядахъ совершившемся будто бы между Россіей и Англіей со времени прибытія въ Константинополь маркиза Салсбери и его личныхъ объясненій съ генераломъ Игнатьевымъ. Такъ въ *National-Zeitung* пишутъ изъ Лондона что маркизъ Салсбери прислалъ тамошнему кабинету подробныя донесенія о своихъ переговорахъ съ генераломъ Игнатьевымъ, изъ коихъ видно де что между обоими дипломатами установилась общность взглядовъ относительно всѣхъ пунктовъ подлежащихъ разрѣшенію конференціи и даже составленъ формальный проектъ мирнаго трактата, сообщенный маркизомъ Салсбери своему правительству. По этому проекту, для Сербіи принятъ будто бы *status quo ante*, а для Черногоріи исправленіе границъ. По вопросу объ административной автономіи, генералъ Игнатьевъ дѣлаетъ де различіе между Босніей и Герцеговиной, съ одной стороны, и Болгаріей, съ другой, и требуетъ обезоруженія населенія лишь тамъ гдѣ часть его уже до сихъ поръ отвыкла отъ ношенія оружія (?); относительно назначенія губернаторовъ и способа контроля населенія надъ администраціей также установлено де различіе между Болгаріей и остальными двумя провинціями. Наконецъ, по свидѣтельству того же корреспондента Россія будто бы не ставитъ болѣе на первый планъ требованія военнаго занятія ея войсками! Это значило бы что Россія отказывается отъ самой сущности дѣла, и что Англія безъ войны наноситъ ей пораженіе...

Въ томъ же духѣ излагаетъ положеніе переговоровъ и вѣнская *Presse*. И эта газета сообщаетъ будто личные переговоры между генераломъ Игнатьевымъ и маркизомъ Салсбери привели къ тому что Россія *готова* не настаивать на занятіи русскими войсками, а готова согласиться или на условную оккупацію на случай еслибы Турція не исполнила своихъ обязательствъ или же на занятіе войсками какого-либо нейтральнаго государства!..

Казалось бы, однако, послѣ такого самоотреченія Россіи, о какомъ повѣствуютъ эти корреспонденты, нѣтъ уже мѣста опасеніямъ о нарушеніи мира. Но вотъ намъ говорятъ что Оттоманская Порта рѣшилась во что̀ бы то ни стало воспротивиться всякому чужеземному вмѣшательству въ ея внутреннія дѣла, хотя бы ей пришлось для этого выдержать борьбу противъ цѣлой Европы!

Турецкія родомонтады явленіе слишкомъ привычное и имъ нельзя придавать серіозное значеніе. Если справедливо что миръ все еще не обезпеченъ, то вѣрнѣе всего искать этому причины не на берегахъ Босфора, а на берегахъ Темзы. Берлинскія газеты этого и не скрываютъ. *National-Zeitung*, отъ 14 декабря, находитъ болѣе вѣроятную причину миролюбія маркиза Салсбери въ томъ что его „циркулярное“ путешествіе убѣдило Англію въ невозможности заручиться союзниками противъ Россіи. Но Англія до сихъ поръ не превозмогла своего недовѣрія къ Россіи и не можетъ примириться съ мыслью о вступленіи русскихъ войскъ въ предѣлы Тур-

ціи несмотря на то что маркизъ Салсбери, въ бытность свою въ Берлинѣ, какъ свидѣтельствуетъ *National-Zeitung*, получилъ такія увѣренія касательно намѣреній Россіи которыя должны были бы устранить всякія опасенія. Въ 1849 году, лордъ Пальмерстонъ, на вопросъ русскаго посла о цѣли тогдашней посылки англійскаго флота въ Безикскую бухту, отвѣчалъ что эта экспедиція имѣетъ для султана такое же значеніе какъ поднесеніе флакона къ носу испуганной дамы. Англія и теперь считаетъ нужнымъ „держать свои капли у носа султана," и берлинская газета думаетъ что это-то главнымъ образомъ и „укрѣпляетъ нервы султана противъ Россіи."

Вообще берлинская печать стала высказываться гораздо свободнѣе со времени знаменитой рѣчи князя Бисмарка 5 декабря, но языкъ имъ развязанъ лишь насколько высказался князь Бисмаркъ. Онѣ признаютъ фактомъ не подлежащимъ сомнѣнію что цѣль поѣздки маркиза Салсбери въ Берлинъ и другія столицы было исканіе союзниковъ противъ Россіи, и что въ этомъ англійскій делегатъ потерпѣлъ полную неудачу не только въ Берлинѣ, но и въ Вѣнѣ и въ Римѣ. Этимъ, какъ сказано, объясняютъ онѣ и перемѣну въ политикѣ Англіи, наступившую будто бы въ послѣднее время, и тѣ успокоительные слухи которые идутъ изъ Константинополя со времени прибытія туда британскаго уполномоченнаго. Далѣе, берлинская печать, не исключая и официозной *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, отзываются съ совершеннымъ пренебреженіемъ о турецкихъ притязаніяхъ на неприкосновенность верховныхъ правъ Порты, и доказываютъ что принудительный способъ исполненія задуманныхъ реформъ неизбѣженъ.

Берлинскія газеты не считаютъ мира обезпеченнымъ наиболѣе серіозныя изъ нихъ не скрываютъ при этомъ что Турція сопротивляется лишь насколько это допускается Англіей. Тактика принятая противною намъ политикой, очевидно, состоитъ въ томъ чтобы Порта протестовала противъ всякаго иностраннаго занятія ея провинцій, хотя бы бельгійскими войсками; а потомъ она сдѣлаетъ какъ бы уступку согласившись допустить къ себѣ два-три баталіона бельгійскихъ или швейцарскихъ войскъ, Россія же въ свою очередь sera censée сдѣлать тоже уступку....

№ 316.

Москва, 8-го декабря.

Было бы странно возлагать серіозныя надежды на Константинопольскую конференцію какъ и на всѣ подобныя формальныя международныя совѣщанія. Они неспособны создать что-нибудь; они могутъ только формуловать то что уже создано событіями или что̀ дѣйствительно опредѣлилось во взаимныхъ отношеніяхъ державъ. Если взаимные интересы державъ не выяснились достаточно внѣ конкурренціи, если не установились соглашенія и уговоры независимо отъ ней, если во взаимныхъ отношеніяхъ державъ остается бо́льшая или меньшая неопредѣленность, то конференція не пособитъ, а пожалуй только запутаетъ и испортитъ дѣло.

Едва только начались засѣданія предварительныхъ совѣщаній въ Константинополѣ, которыя должны приготовить почву для самой конференціи, какъ пошли толки о примирительномъ духѣ господствующемъ между уполномоченными и объ уступкахъ къ которымъ они расположены. Уже одно это показываетъ что дѣло приняло неправильный тонъ. О какихъ въ данномъ случаѣ уступкахъ можетъ идти рѣчь на Константинопольской конференціи? Если державы сошлись въ духѣ дѣйствительно примирительномъ для разрѣшенія возникшихъ на Востокѣ вопро́совъ, то никакихъ уступокъ не требуется, а нужно только обезпечить исполненіе того что̀ рѣшено слишкомъ за двадцать лѣтъ предъ симъ, что̀ въ принципѣ утверждено Парижскимъ трактатомъ и подтверждено, въ виду послѣднихъ событій, всеобщимъ согласіемъ Европы. Въ этой конференціи не можетъ быть никакого торга, а стало-быть и никакихъ компромиссовъ. Турція должна исполнить свои обязательства. Ей должны быть предписаны условія. Она должна согласиться на требуемыя гарантіи. Вотъ все дѣло конференціи, если она не есть ложь, и если собравшіеся на ней уполномоченные дѣйствительно проникнуты духомъ примирительнымъ, а уполномочившія ихъ правительства не имѣютъ никакихъ заднихъ мыслей.

Какія, напримѣръ, могла бы сдѣлать уступки Россія? Она торжественно отказалась отъ всякихъ своекорыстныхъ въ настоящемъ дѣлѣ видовъ; она не добивается

никакихъ пріобрѣтеній, никакихъ присоединеній, никакихъ политическихъ выгодъ. Изъ чего же она будетъ дѣлать уступки? Она имѣетъ только одинъ интересъ, который побуждалъ ее дѣйствовать и который она приноситъ на конференцію; это ея честь, это ея достоинство. Кто же осмѣлится требовать чтобы въ этомъ интересѣ могла быть сдѣлана ею какая-нибудь уступка? Честь Россіи, какъ впрочемъ полагаемъ мы и всякой другой великой христіанской державы, требовала чтобы она вступилась за христіанскія населенія Востока. Ея достоинство требуетъ чтобы дѣло взятое ею въ свои руки не было изъ нихъ вырвано и обращено въ ничто или поставлено противъ нея. Россія не щадила жертвъ для того чтобы придать своему слову дѣйственность. Можетъ ли она удовольствоваться фальшивою сдѣлкой? Можно ли допустить чтобы Россія, послѣ этихъ громадныхъ жертвъ которыхъ уже стоили ей не ею вызванныя событія, вышла изъ дѣла еще съ ущербомъ своего достоинства, оскорбленная, униженная, ослабленная въ духѣ, который такъ необходимъ ей для плодотворнаго внутренняго развитія? А между тѣмъ всякая уступка въ настоящемъ вопросѣ была бы именно такимъ ущербомъ.

Но, скажутъ намъ, рѣчь идетъ о взаимныхъ уступкахъ. Если намъ дѣлаютъ уступки, то не должны ли и мы отвѣчать тѣмъ же? Мы не знаемъ кто и въ чемъ дѣлаетъ намъ уступки. На этихъ дняхъ сказано было въ Берлинѣ умное слово, которое засвидѣтельствовало что Россія ничего не требуетъ для себя, а потому нѣтъ никакого основанія ожидать отъ нея какихъ-либо уступокъ. Развѣ въ Константинопольской конференціи идетъ рѣчь о томъ чтобы предоставить намъ какія-либо выгоды, напримѣръ свободу проливовъ, территоріальное присоединеніе или важный стратегическій пунктъ, какихъ домогается напримѣръ Англія? Весьма естественно что въ такомъ случаѣ Россія, при полюбовномъ соглашеніи, должна была бы въ свою очередь гарантировать соотвѣтственныя выгоды другимъ державамъ. Но о подобныхъ сдѣлкахъ нѣтъ и помину. Какія же и кому должна сдѣлать уступки Россія? Турціи ли, въ томъ чтобъ оставить на ея произволъ такъ много пострадавшія христіанскія населенія, надъ которыми и теперь продолжаются возмутительнѣйшія неистовства, въ то время какъ уполномоченные державъ любезно бесѣдуютъ между собой въ Стамбулѣ, исполненные примирительнаго духа и взаимной уступчивости...

Наши собесѣдники запаслись невозможными запретами и несеріозными отказами. И вотъ въ этой-то фантастической области намъ дѣлаются уступки за которыя мы должны расплачиваться чистою монетой. Англія не дозволяла заводить рѣчь о внутреннихъ дѣлахъ Турціи во имя независимости ея верховныхъ правъ. Теперь Англія дозволяетъ это. Поймите и оцѣните всю важность этой великой уступки и спѣшите приготовить за нее достойное вознагражденіе! Если такъ уступчива Англія, дозволяющая Россіи интересоваться судьбой христіанскихъ населеній Востока, то Россія, въ свою очередь, должна отказаться отъ назойливаго притязанія серіозно обезпечить ихъ участь.

Достоинство Оттоманской имперіи, говорятъ, не дозволяетъ ей допустить иностранное занятіе. Но развѣ ея достоинство помѣшало занятію Сиріи французскими войсками? Порта, говорятъ, хочетъ теперь сама управиться со своими дѣлами и не дозволяетъ присутствія никакихъ иностранныхъ военныхъ силъ въ своихъ владѣніяхъ. Но присутствіе иностранныхъ военныхъ силъ въ ея владѣніяхъ есть фактъ наличный. Огромный военный Англійскій флотъ давно стоитъ въ ея бухтѣ. Въ чьемъ интересѣ и съ какою цѣлію произошло это занятіе? Не должна ли и за это Россія заплатить какою-либо уступкой? Пусть еще Англія займетъ проливы, займетъ Константинополь, а Россія, въ видѣ компенсаціи, пусть согласится отступить въ своихъ владѣніяхъ подальше отъ моря...

Рѣчь идетъ о занятіи Турецкихъ провинцій австрійскими, французскими, итальянскими войсками, наконецъ швейцарскими стрѣлками и бельгійскою жандармеріей. Итакъ, всѣ государства Европы, по очереди, приглашаются улаживать восточныя затрудненія. Устраняется только Россія, и она должна, въ видахъ примирительности и уступчивости, безропотно отойти въ сторону и отдать дѣла Востока въ руки своихъ противниковъ которые съ тѣмъ вмѣстѣ были и будутъ противниками христіанскихъ народовъ Турціи. Россія и только она *одна*, должна быть устранена отъ

рѣшительнаго участія въ дѣлѣ человѣчества, цивилизаціи и христіанства, ради котораго принесено столько жертвъ и только она одна въ цѣломъ мірѣ защищала и поддерживала его!...

Сейчасъ только получили мы телеграмму передающую сущность отвѣта *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* на замѣчанія наши по поводу объясненій не давно данныхъ княземъ Бисмаркомъ въ Рейхстагѣ о текущихъ событіяхъ и объ отношеніяхъ Россіи къ Германіи. Мы сказали что въ отношеніяхъ этихъ двухъ великихъ державъ остается нѣчто недосказанное. Органъ германскаго канцлера повидимому хочетъ досказать это недосказанное; но телеграмма недостаточно ясна и вразумительна: подождемъ самой статьи. Неопредѣленное и недосказанное между Россіей и Германіей, по мнѣнію германской газеты какъ оно сообщено телеграфомъ, заключается въ томъ что Россія въ своихъ заботахъ объ улучшеніи участи восточныхъ христіанъ движима политическимъ и религіознымъ интересомъ, а Германія только общимъ христіанскимъ и человѣческимъ, что Восточный вопросъ имѣетъ для Германіи второстепенное и третьестепенное значеніе, и что за дѣло не касающееся непосредственно ея жизненныхъ интересовъ она не пожертвуетъ здоровыми костями ни одного померанскаго мушкатера. Но мы полагаемъ что при совершенной солидарности, засвидѣтельствованной германскимъ канцлеромъ, въ видахъ безкорыстной политики Россіи и политики германской одушевляемой христіанскимъ и человѣческимъ интересомъ, не потребовалось бы жертвовать костями ни одного померанскаго мушкатера. При полной солидарности между ними, дѣла оскорбляющія человѣческое чувство и христіанскую совѣсть не совершились бы въ Турціи, многое было бы предотвращено, и все справедливое и должное совершилось бы безъ сопротивленія.

Не въ томъ ли заключается не досказанное что Германія, для рѣшительнаго дѣйствія въ одномъ направленіи съ Россіей, требуетъ болѣе близкаго соглашенія которое касалось бы жизненныхъ для нея интересовъ? Россія въ христіанскомъ и человѣческомъ интересѣ который соединяетъ ее съ судьбой восточныхъ христіанъ находитъ свой жизненный интересъ. Германія такого интереса *до сихъ поръ* себѣ не находитъ и потому, дѣйствіе ея было слабое. Противъ этого мы ничего возразить не имѣемъ.

№ 317.

Москва, 9-го декабря.

А.

Мѣсяца два тому назадъ мы обратили вниманіе читателей на то обстоятельство что французская печать, еще такъ недавно любезничавшая съ Россіей и безпрестанно развивавшая предъ ней какіе-то отвлеченныя перспективы сердечнаго соглашенія *in spe*, вдругъ начала враждебно противодѣйствовать русской политикѣ и стараться всякими инсинуаціями компрометтировать Россію въ общественномъ мнѣніи Европы. Особенно характеристичною тогда показалась намъ выходка извѣстнаго клерикальнаго органа *Correspondant*, который безо всякой видимой надобности, безъ малѣйшаго повода къ тому со стороны событій, ощутилъ потребность расплакаться надъ горькою участью Польши, и посвятилъ особую большую статью описанію претерпѣваемыхъ ею гоненій. Мы упомянули объ этой статьѣ, не столько касаясь содержащихся въ ней, давно уже сданныхъ въ архивъ клеветъ на русское общество и правительство, сколько ставятъ на видъ назидательность самаго факта ея внезапнаго появленія въ странѣ заискивающей въ Россіи, въ органѣ партіи имѣющей парламентскія и правительственныя связи.

Послѣ долгаго раздумья, *Correspondant*, въ своемъ послѣднемъ выпускѣ (10 декабря, стр. 932—935), отозвался наконецъ на наши замѣчанія. Съ перваго взгляда, почтенный журналъ относится къ нимъ чрезвычайно добросовѣстно. Онъ отвѣчаетъ на нихъ, повидимому, не выдергивая изъ нихъ то что ему понадобилось „pour les besoins de la cause,“ а дѣлая видъ какъ будто переводитъ ихъ цѣликомъ, дабы читатель самъ могъ судить объ основательности нашихъ словъ и о доказательности его реплики. Переводъ, правда, очень плохъ (русскіе révérends pères ордена іезуитовъ очевидно разучились по-русски, но не пріобрѣли мастерства во

французскомъ), тѣмъ не менѣе онъ вручаетъ читателю „pièces justificatives," даетъ ему самый документъ въ руки, слѣдовательно, для того кто не имѣетъ возможности сличить его съ текстомъ, онъ долженъ не опровержимо свидѣтельствовать о голубиной bonne foi почтеннаго журнала.

Ближайшее сличеніе представляетъ опытный органъ нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, выдвигая на первый планъ его змѣиную мудрость. Оно показываетъ что „документъ" препарированъ по извѣстному рецепту, бывшему въ большомъ употребленіи во время польскаго возстанія. Изъ него, послѣ приглашенія читателя „послушай что пишутъ *Московскія Вѣдомости*, вслѣдъ за переводомъ начальныхъ словъ ихъ, безъ малѣйшей оговорки, сплошною цитатою, безъ перерыва вносныхъ знаковъ, точно ничего не выпущено изъ текста,—выброшено сорокъ пять строкъ нашей статьи, говорившихъ о странномъ разладѣ между словами и дѣлами французской печати, между тѣмъ обстоятельствомъ что она кается въ своихъ прежнихъ увлеченіяхъ и ошибкахъ напримѣръ по польскому вопросу и рекомендуетъ франко-русскій союзъ на будущее время, а на практикѣ по прежнему грѣшитъ противъ Россіи, относясь враждебно къ восточнымъ христіанамъ и къ русской политикѣ. Выброшены строки, которыя могли навести читателей *Correspondant* на нѣкоторое невыгодное для усилій этого журнала размышленіе.

Это уже ловкій пріемъ. Дальнѣйшее обращеніе съ „документомъ" еще искуснѣе. *Correspondant оправдывается* довольно неудачно. Онъ отрекается, напримѣръ, отъ упоминаній „о завѣщаніи Петра Великаго," въ которомъ мы его и не обвиняли. Онъ отпирается отъ своего озлобленія противъ извѣстной книги графа Д. А. Толстаго, *Католицизмъ въ Россіи*, на томъ основаніи что говорилъ о ней въ своей статьѣ „всего одинъ разъ:" какъ будто нужно много распространяться чтобы выдать свое чувство и какъ будто одного слова не бываетъ иногда для этого достаточно. Точно также неудачны его увертки относительно нелѣпыхъ поклеповъ, которые онъ взвелъ на русскую дѣятельность въ Польшѣ, и которые мы привели чтобы пристыдить его собственнымъ его же писаніемъ. Одинъ изъ нихъ, увѣреніе будто русская полиція палками заставляетъ крестьянъ пить водку, онъ подтверждаетъ ссылкою на авторитетъ автора *Правды о Россіи*, знаменитаго своимъ процессомъ съ княземъ С. М. Воронцовымъ, уличеннаго въ шантажѣ и принужденнаго скрыться изъ Парижа. А вотъ другая пасквильная выдумка. Въ *Correspondant* было сказано: „Преступники католическаго вѣроисповѣданія, приговоренные за воровство и убійство, если согласятся перейти въ православіе, получаютъ не только прощеніе, *но еще и награду особо установленною медалью и орденомъ св. Анны.*" Мы нарочно привели этотъ комическій навѣтъ, чтобы показать до чего можетъ договориться не умѣющая сдержать себя злоба. „Да, смущенно лепечетъ теперь *Correspondant*, они точно получаютъ прощеніе,"—но о медали и объ орденѣ уже не заикается, хотя, вѣроятно по забывчивости, и не выпустилъ упоминаніе о нихъ изъ перевода нашей статьи, такъ что въ глазахъ внимательнаго читателя онъ самъ же себя и изобличаетъ. *Такъ* оправдываться значитъ ретироваться, спуская флагъ.

За то какое мастерство въ общихъ маневрахъ, приготовляющихъ эту ретираду! Давая переводъ нашей статьѣ, съ какимъ умѣньемъ *Correspondant*, тутъ же, въ своихъ соображеніяхъ о ней, переиначиваетъ ея смыслъ! Онъ притворяется будто не понимаетъ въ чемъ дѣло, будто дѣло идетъ не *объ отношеніи* французской печати къ Россіи, наглядно рисуемомъ, между прочимъ и выходкой *Correspondant* о Польшѣ, а о *самой* Польшѣ, и будто мы обвиняемъ его „въ симпатіи къ бывшему польскому возстанію и къ желанію воскресить таковое же въ будущемъ." „Вотъ какъ изображаютъ насъ читателямъ Москвы," жалуется *Correspondant*, и поставивъ такимъ образомъ вопросъ по своему, горячо протестуетъ, прибавляя что онъ не самъ выдумалъ содержаніе своей статьи, а заимствовалъ его изъ книги Лескера о католической церкви въ Польшѣ. Именно въ этомъ заимствованіи мы и винимъ *Correspondant*. Мы винимъ его въ *побужденіи* внезапно заставившемъ его составлять обвинительный актъ противъ Россіи, изъ книги *нѣсколько лѣтъ тому назадъ* вышедшей въ свѣтъ (о чемъ *Correspondant* умалчиваетъ)...

Б.

Представленный оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода проектъ положенія о пра-

вахъ и преимуществахъ лицъ служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и лицъ получившихъ ученыя богословскія степени и званія, согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, удостоился Высочайшаго утвержденія. Такимъ образомъ служащіе въ этой многочисленной и важной группѣ учебныхъ заведеній, какъ-то въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, уравниваются по классамъ должностей, пенсіи и другимъ служебнымъ правамъ съ лицами занимающими соотвѣтственныя должности въ университетахъ, гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства народнаго просвѣщенія. Можно надѣяться что прекращеніе сиротскаго, малоправнаго положенія духовно-учебныхъ заведеній посреди другихъ такого же рода, будетъ сопровождаться добрыми послѣдствіями во внутренней ихъ жизни: преподаватели духовныхъ училищъ, семинарій и академій не будутъ уже считать себя обиженными въ сравненіи съ товарищами своими въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Привѣтствуя совершившееся, не можемъ не пожелать дальнѣйшаго развитія духовно-учебныхъ заведеній въ духѣ того же уравненія. Измѣнившееся юридическое положеніе педагогическихъ силъ этихъ заведеній принесетъ свои плоды только въ томъ случаѣ если будутъ устранены и другія неблагопріятныя для дѣятельности этихъ силъ условія.

На преподавательскія должности по большинству предметовъ общеобразовательнаго курса поступаютъ въ семинаріи люди богословской спеціальности безъ надлежащей основательной подготовки къ предметамъ ихъ преподаванія; а духовныя училища, соотвѣтствующія прогимназіямъ, большею частію должны бываютъ довольствоваться преподавателями не имѣющими высшаго образованія. Такое неравенство духовно-учебныхъ заведеній съ гимназіями становится еще тяжеле по тому что въ общеобразовательномъ курсѣ первыхъ нѣтъ того единства, нѣтъ той послѣдовательности и сосредоточенности, какая ясна въ курсѣ послѣднихъ. Спросите, какимъ въ общеобразовательныхъ классахъ семинарій предметамъ принадлежитъ господствующее значеніе? Вамъ отвѣтятъ: классическимъ языкамъ, что видно и изъ росписанія часовъ учебныхъ занятій. Но вглядитесь въ семинарскія программы, большею частію превышающія средне-учебный курсъ, вникните въ ходъ самаго обученія, и вы увидите что оно двоится, что центръ его тяжести колеблется. Въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ господствуетъ теперь убѣжденіе что капитальный недостатокъ семинарій заключается въ упадкѣ составляемыхъ учениками сочиненій. Изыскиваютъ мѣры къ поднятію уровня семинарскаго авторства, но при этомъ не обращаютъ вниманія на главный корень этого упадка, на непослѣдовательность и шаткость самой учебной системы. Въ старыхъ семинаріяхъ до сороковыхъ годовъ процвѣтало логическое мышленіе и писались хорошія для своего времени сочиненія; оттуда выходили солидные ученые; но отъ чего? Отъ того что тогда изучались хоть и немногіе предметы, но изучались основательно, и духъ этой основательности жилъ въ тѣхъ добрыхъ школахъ. Усиленіе теперь письменныхъ упражненій, быть-можетъ подниметъ нѣсколько уровень семинарскихъ сочиненій, но безъ существеннаго измѣненія учебнаго плана не дастъ семинарскому сочинительству того твердаго фундамента, который заключается въ умственномъ развитіи воспитанниковъ.

В.

Невѣроятная, глупая выходка происшедшая 6-го декабря въ Петербургѣ предъ Казанскимъ соборомъ, доказываетъ съ совершенною для всякаго убѣдительностью что наша такъ-называемая революція есть искусственное издѣліе. Мы никогда не сомнѣвались въ этомъ, и всегда въ подобныхъ случаяхъ указывали на очевидную поддѣлку. Возможно ли подумать чтобъ именно въ настоящее время какая-нибудь революціонная партія вздумала сдѣлать подобную не имѣющую ни цѣли, ни смысла демонстрацію? Какое могла она имѣть для этого побужденіе? Почему ничего подобнаго не затѣвалось никогда прежде, при обстоятельствахъ которыя могли казаться благопріятными для такого рода выходки? Эта толпа барановъ исполняла маневръ, въ которомъ ей принадлежитъ только глупость исполненія.

Случай этотъ встрѣченъ негодованіемъ всей петербургской печати. Въ газетѣ *Новое время* читаемъ:

„Этотъ безпорядокъ, можетъ быть не существенный самъ по себѣ, является

крайне прискорбнымъ именно въ настоящее время, когда наши враги въ Европѣ ловятъ самые ничтожные предлоги чтобы раздуть ихъ въ пламя, чтобъ указать что русское общество разъѣдается будто бы враждебными внутренними элементами.

„Мы почти не сомнѣваемся что европейская печать воспользуется этимъ случаемъ чтобы раздуть его въ нѣчто грозное и постарается умолчать о противоположной и единственно важной сторонѣ медали, то-есть о томъ, какъ къ этому явленію относится общество. А оно относится къ нему съ полнѣйшимъ негодованіемъ и недоумѣніемъ, ибо самый фактъ безпорядка является какимъ-то диссонансомъ, какою-то шумихой среди общества и народа, настроенныхъ серіозно, готовыхъ помогать всѣми зависящими отъ нихъ средствами своему правительству въ его начинаніяхъ. Надо не имѣть самыхъ элементарныхъ понятій о долгѣ, чтобы въ такое трудное время рѣшиться отвлечь вниманіе общества и правительства къ явленіямъ столь прискорбнымъ и въ то же время столь ничтожнымъ по своей внутренней сущности, по своей совершенной дисгармоніи съ настроеніемъ всей Россіи."

С.-Петербургскія Вѣдомости такъ отзываются о томъ же случаѣ:

„То, что произошло третьяго дня, въ Николинъ день, передъ Казанскимъ соборомъ, по свойству своему, еще болѣе карикатурно, чѣмъ прискорбно. Чего хотѣли, на что надѣялись сумасброды обоего пола, затѣявшіе эту „демонстрацію?" Кого думали они возбудить или устрашить? Какъ относится къ подобнымъ дикимъ выходкамъ тотъ *народъ*, на который, повидимому, разчитывалось произвести впечатлѣніе, —они могли видѣть теперь во очію... Послужитъ ли это урокомъ этимъ послѣднимъ могиканамъ умственнаго сумбура только что пережитыхъ нами лѣтъ;—если только все это не дѣло жалкихъ безвольныхъ куколъ, движимыхъ нитями, концы которыхъ держатъ, внѣ нашихъ предѣловъ, враждебныя Россіи руки?..."

№ 318.

Москва, 10-го декабря.

Если когда-нибудь, то именно теперь, въ виду случая бывшаго 6 декабря на паперти Казанскаго собора, въ Петербургѣ, становится для всякаго очевидною истинная сущность революціонной пропаганды которая у насъ, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, работаетъ среди учащейся молодежи. Она не могла не обратить на себя вниманія правительства и всего русскаго общества. Неоднократно произведенныя слѣдствія обнаружили дѣйствительно нѣкотораго рода организацію; но для людей мыслящихъ было очевидно что эта организація есть дѣло искусственное, не имѣющее ничего общаго съ народною жизнію, совершенно ей чуждое, ничего о ней не свидѣтельствующее. Она служила признакомъ только дурнаго состоянія нашей школы, съ одной стороны, а съ другой— существованія нѣкоторыхъ интригъ, имѣющихъ надобность пугать Россію революціей. Школа, слава Богу, поставлена въ недавнее время въ лучшія условія, которыя отнимутъ охоту у интриги искать въ ней орудій годныхъ для ея цѣлей; но интрига еще имѣетъ у себя достаточный запасъ порченыхъ людей, которыми она и продолжаетъ пользоваться, пока игра ея не будетъ совершенно раскрыта и чрезъ то не потеряетъ для ней самой интереса. Вотъ почему должно пользоваться всякимъ случаемъ который можетъ бросить свѣтъ на это дѣло. Если дурная школа давала единственный годный матеріалъ для политической интриги, то спрашивается какими способами могла интрига обрабатывать этотъ матеріалъ для своихъ цѣлей? Способами этими весьма естественно служатъ тѣ отрицательныя доктрины какія порождаетъ всякая историческая эпоха и какими обильно и наше время. Для подобныхъ доктринъ всего податливѣе умы незрѣлые и вмѣстѣ возбужденные. Мальчикъ, незнакомый съ жизнію, еще не имѣвшій времени освоиться съ ея практическими условіями, и въ то же время ни умственно, ни нравственно не дисциплинованный, не пріученный къ основательному логическому мышленію, неспособный къ самостоятельной критикѣ, ничего не знающій, а считающій себя всезнающимъ, такой легко повѣритъ всему и пойдетъ за всякимъ вожакомъ. Молодость впрочемъ всегда наклонна къ увлеченіямъ, но годы берутъ свое, и самые взбудораженныя въ молодости головы отрезвляются предоставленные естественнымъ условіямъ общественнаго быта. Съ другой стороны, отрицательныя идеи, какъ бы ни было вредно

ихъ дѣйствіе на незрѣлые умы, сами по себѣ еще не дѣлаютъ ихъ революціонерами. Дурная книга можетъ поколебать нравственныя правила въ молодомъ человѣкѣ, развратить его, сдѣлать его негодяемъ, уголовнымъ преступникомъ. Но для того чтобы сдѣлать его революціонеромъ, надобно, пользуясь его незрѣлостію и фальшивою умственною возбужденностію, еще фанатизировать его, распалить въ немъ честолюбіе и заставить его повѣрить въ какое-то великое дѣло которому онъ призванъ послужить. Занумерованный и посаженный въ клѣтку таинственной организаціи, онъ окончательно теряетъ власть надъ собой и становится готовою жертвою всякаго обмана; вокругъ него образуется искусственная атмосфера которая разобщаетъ его съ остальнымъ міромъ и въ которой все представляется ему въ извѣстной окраскѣ. Онъ теряетъ всякій смыслъ дѣйствительности, всякое чувство господствующихъ въ ней отношеній. И вотъ довольно нѣсколькихъ сотенъ такимъ образомъ набранныхъ и подготовленныхъ безумцевъ чтобы создать призракъ революціи и потомъ вызывать его по мѣрѣ надобности. Интересы пользующіеся этимъ революціоннымъ аппаратомъ могутъ не имѣть ничего общаго съ сумбуромъ который бродитъ въ головѣ несчастныхъ фанатиковъ высылаемыхъ ими на улицу. Мы не отрицаемъ что ближайшіе возбудители нашихъ революціонеровъ сами находятся подъ властію нелѣпыхъ идей о всеобщемъ соціальномъ переворотѣ, который будто бы они призваны произвести; но мы совершенно убѣждены что весь этотъ вздоръ не былъ бы самъ по себѣ достаточенъ для того чтобы поддерживать интересъ игры которая продолжается такъ упорно и такъ настойчиво. Надо думать, и мы въ этомъ совершенно увѣрены, что въ игрѣ замѣшано нѣчто болѣе серіозное, и что нити главной интриги уходятъ далеко за горизонтъ людей одурманенныхъ революціонными идеями. Безумцы исправляющіе должность русскихъ революціонеровъ сами не знаютъ и не предчувствуютъ чье дѣло они дѣлаютъ выкрикивая на улицахъ свой сумбуръ, и чьи затѣи приводятъ въ исполненіе губя себя такъ безсмысленно, такъ наконецъ нерасчетливо и не сообразно съ интересами исповѣдуемыхъ ими ученій.

Скажите, изъ какого побужденія могла бы революціонная партія,—еслибы такова дѣйствительно существовала въ Россіи, существовала не какъ поддѣлка, а какъ естественный продуктъ ея жизни,—изъ какого побужденія могла бы она подбить своихъ адептовъ на нелѣпую демонстрацію 6-го декабря? Какимъ разчетомъ могла она руководиться для того чтобы такъ позорно выставить себя? Было ли въ ея интересѣ затѣять этотъ фарсъ, который не могъ разчитывать ни на какой успѣхъ? Для чего революція могла бы толкать своихъ людей на явную для нихъ пагубу, безо всякой для себя надобности?

Нѣтъ, если была надобность произвести эту демонстрацію, то разчетъ ее вызвавшій не имѣетъ ничего общаго съ порывами безумцевъ которые были ея исполнителями.

Почему-то въ праздникъ 6 декабря, въ день не ознаменованный никакими революціонными преданіями, никогда прежде не подававшій повода къ какимъ-либо революціоннаго характера демонстраціямъ, собралась въ Казанскомъ соборѣ толпа, какъ слышно, во сто или полтораста человѣкъ, мущинъ и женщинъ извѣстнаго пошиба, неприлично вела себя въ церкви, и при выходѣ, къ удивленію и негодованію выходившаго вмѣстѣ съ ними народа, принялась кричать и приподняла нарочно для того взятаго и прирученнаго ad hoc крестьянскаго мальчишку, съ краснымъ флагомъ, на которомъ красовались слова *Земля и Воля*, такъ часто повторявшіяся во времена польскаго возстанія и съ тѣхъ поръ забытыя. Ватага эта, конечно, надѣялась справиться съ тремя-четырьмя городовыми, и разчитывала, учинивъ скандалъ, разойтись по добру по здорову; но она не сообразила что ее окружала еще болѣе многочисленная толпа народа съ которою трудно было справиться... Сумасброды пустились бѣжать, но въ рукахъ народа осталось не мало плѣнныхъ которые будутъ помнить день 6 декабря...

Спрашиваемъ еще разъ какую надобность могли имѣть эти безумцы или ихъ ближайшіе вожаки чтобы произвести свою глупую и вмѣстѣ такъ глупую демонстрацію? Хотѣли ли они испытать какое впечатлѣніе произведетъ ихъ кощунство на народъ выходившій изъ храма? Желательно ли имъ было извѣдать дѣйствительность патріотическаго одушевленія которое соединяетъ, особенно теперь, всѣ сословія нашего народа? Но если ничто окружающее этихъ людей не поощряло ихъ къ

учиненной ими выходкѣ, то въ искусственной атмосферѣ среди которой они живутъ они легко могли повѣрить что подобная выходка требуется теперь интересами всемірной революціи.

Но кому же была надобность, предъ открытіемъ международной конференціи въ Константинополѣ, вызвать призракъ революціи якобы разъѣдающей нѣдра Россіи. Мы не знаемъ кому именно, но мы знаемъ навѣрное что есть такіе интересы которымъ понадобилось именно теперь морочить міръ и пугать Русское общество этимъ призракомъ. Еще лордъ Биконсфильдъ, при самомъ началѣ русскаго народнаго движенія въ пользу христіанъ избиваемыхъ въ Турціи, объяснялъ его дѣйствіемъ тайныхъ обществъ. Тогда же было это подхвачено и развиваемо на всѣ лады въ заграничной печати. А вотъ,— зачѣмъ ходить далеко?—именно въ тотъ самый день какъ получили мы извѣстіе объ уличной демонстраціи въ Петербургѣ, получили мы и нумеръ *Journal des Débats*, весь наполненный сказаніями и разсужденіями о революціи кипящей въ нѣдрахъ Россіи и охватившей ея правительство. Большая, тщательно написанная статья трактуетъ о недавнемъ назначеніи князя Черкасскаго. „Имя князя Черкасскаго, восклицаетъ *Journal des Débats*, бросаетъ намъ лучъ свѣта." Все стало теперь ясно. Это тѣ самыя разрушительныя начала которыя Россія насылала на бѣдную Польшу послѣ ея несчастнаго возстанія. Это тѣ самыя разрушительныя начала которыя въ Царствѣ Польскомъ подкапывались подъ историческія основы цивилизованнаго общества. До сихъ поръ всѣ, даже враги Россіи, отдавали справедливость благодѣтельнымъ реформамъ совершеннымъ въ Царствѣ Польскомъ, впервые поставившимъ массы тамошняго народа въ правильныя условія цивилизованнаго общества, даровавшимъ гражданскую полноправность всѣмъ его классамъ, обезпечившимъ независимость и собственность милліоновъ людей, покрывшимъ страну улучшенными учебными заведеніями съ университетомъ во главѣ, даровавшимъ ей правильное судоустройство, какое дѣйствуетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, и положившимъ конецъ всему что стѣсняло жизнь этой страны, вело къ злоупотребленіямъ и порождало смуты которыя такъ дорого ей обходились. Но авторъ статьи представляетъ дѣятельность Русскаго правительства въ этомъ краѣ какъ нѣчто соотвѣтствующее видамъ парижской коммуны, и заключаетъ сѣтованіемъ что то же самое можетъ повториться и въ Болгаріи, что нигилизмъ, возобладавшій теперь въ Россіи, имѣя во главѣ своей князя Черкасскаго и его сотрудниковъ, точно также внесетъ революціонную смуту и въ мирную идиллію Оттоманской имперіи и поколеблетъ въ ней основы цивилизаціи и общественнаго порядка. Но, грозитъ намъ *Journal des Débats*, это не обойдется Россіи даромъ. Въ случаѣ ея успѣха, ей придется разчитываться съ революціонною партіей, которая, подкопавъ основы общественнаго порядка въ Турецкой имперіи, возвратится во свояси съ вящею силой... *Journal des Débats* мрачно предостерегаетъ „консервативную партію" въ Россіи и ея правительство...

Все нами переданное изъ разсужденій серіознаго европейскаго органа покажется невѣроятнымъ; но все это вѣрно.

Скажите, не въ правѣ ли мы видѣть въ подобной выходкѣ серіознаго органа коррелатъ той уличной демонстраціи которая такъ неожиданно поразила всѣхъ насъ? Не такая ли же это грубая ложь? А между тѣмъ ложь эта серіозно обдумывалась и писалась, и это стоило большаго труда чѣмъ подговорить сотню готовыхъ сумасбродовъ на уличную демонстрацію...

Кто-нибудь нанимаетъ же рыцарей пера писать тенденціозную ложь? Труднѣе ли, дороже ли стóитъ нанять погонщиковъ чтобы бросить на улицу настеганныхъ барановъ? Если именно въ эту минуту считается нужнымъ пугать Россію революціей, если нагло увѣряютъ ее въ глаза что побужденія заставляющія ее дѣйствовать въ интересѣ христіанскихъ населеній Востока, за которыя столько разъ проливала она кровь свою, есть движеніе субверсивное, противообщественное, опасное для ея внутренняго спокойствія; если хотятъ увѣрить ее что польскіе жандармы-вѣшатели были органами цивилизаціи, мѣры ея правительства, пересоздавшія польскій край, были дѣломъ революціоннаго нигилизма, если послѣ Болгарскихъ ужасовъ находятъ возможнымъ говорить предъ цѣлымъ міромъ что Россія угрожаетъ Турціи противуобщественною революціей,—то почему же не попытаться произвести эффектъ въ томъ же направленіи

посредствомъ уличной демонстраціи, какъ бы ни была она безсмысленна?

Демонстрація вышла не такъ удачна какъ было бы желательно тѣмъ кому она могла понадобиться. Исходъ ея доказалъ совершенно противное тому что повидимому предполагалось доказать. Посмотримъ, однако, какъ будутъ эксплутировать ее въ заграничной печати....

№ 319.

Москва, 11-го декабря.

Нельзя не обратить вниманія на извѣстія, сообщаемыя уже нѣсколько дней телеграфомъ, о дипломатическомъ столкновеніи между Австріей и Сербіей, принимающемъ повидимому серіозный характеръ, судя по тому что имъ, съ одной стороны, причиненъ министерскій кризисъ въ Сербіи, а съ другой, дѣло дошло до прерванія дипломатическихъ сношеній съ Сербіей австрійскимъ уполномоченнымъ княземъ Вреде, какъ извѣщаетъ телеграфъ изъ Землина отъ 10 (22) декабря.

Изъ-за чего сыръ-боръ загорѣлся? Что случилось такого чтобы вызвать со стороны могущественной державы столь энергическую демонстрацію противъ маленькаго беззащитнаго владѣнія, и безъ того находящагося въ самомъ критическомъ положеніи наканунѣ возобновленія враждебныхъ дѣйствій съ Турціей, и конечно весьма далекаго отъ того чтобы намѣренно накликать на свою голову новую бѣду отъ другаго, еще болѣе могущественнаго сосѣда?

Припомнимъ обстоятельства этого казуснаго дѣла. Недѣли двѣ тому назадъ, у Бѣлграда остановился австрійскій пассажирскій пароходъ *Радецкій*, шедшій внизъ по Дунаю. Въ ту минуту какъ пароходъ причалилъ къ берегу, съ борта соскочили нѣсколько человѣкъ одѣтыхъ Черногорцами и закричали стоявшимъ на пристани Сербамъ что Австрійцы везутъ ихъ въ Виддинъ чтобы выдать ихъ тамъ Туркамъ. Слова эти произвели на сербскую толпу потрясающее дѣйствіе; полицейскій коммисаръ потребовалъ у австрійскаго капитана объясненій и получилъ въ отвѣтъ что Болгары находящіеся на пароходѣ отправляются въ Галацъ, но что они могутъ остаться и здѣсь если того желаютъ. Обрадованные „плѣнники" поспѣшили воспользоваться этимъ предложеніемъ и стали торопливо спускаться съ парохода на пристань. Тогда капитанъ приказалъ немедленно отчалить, и матросы бросились снимать трапъ, еще покрытый тѣснившимися на немъ людьми. Сербскій коммисаръ остановилъ матросовъ, какъ онъ объясняетъ, дабы предупредить несчастные случаи отъ внезапнаго принятія трапа, и такимъ образомъ всѣ Болгары находившіеся на пароходѣ успѣли сойти на берегъ. Такъ разказываютъ Сербы; съ австрійской же стороны утверждаютъ что толпа самовольно освободила болгарскихъ „плѣнниковъ," и въ этомъ усматриваютъ тяжкое оскорбленіе австрійскому флагу. Допустимъ полную достовѣрность австрійской версіи. Ею вполнѣ подтверждается тотъ замѣчательный фактъ что австрійскія власти принудительнымъ образомъ везли куда-то внизъ по Дунаю нѣсколько десятковъ Болгаръ, и подали поводъ послѣднимъ придти къ единственному возможному заключенію что ихъ везутъ для выдачи турецкимъ властямъ.

Болгары эти были бѣглецы изъ Турціи, служившіе въ началѣ войны въ рядахъ Черногорцевъ, а затѣмъ отправившіеся, во время перваго перемирія, въ Сербію. Отправились они моремъ въ Тріестъ; но тутъ были задержаны австрійскими властями въ противность всякому праву. Болгаръ не только задержали и обезоружили, но посадили всѣхъ въ тюрьму, гдѣ и продержали пока не перевели на пароходъ *Радецкій*. И вотъ, послѣ такихъ беззаконій, сербскимъ властямъ ставится въ тяжкую вину то что онѣ не обуздали толпы, до сердца которой проникъ отчаянный крикъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ о спасеніи! Сербы не могли не содрогнуться при мысли что эти Болгары черезъ нѣсколько часовъ попадутъ въ руки Турокъ. Попустить совершеніе такого вопіющаго, ничѣмъ не оправдываемаго преступленія, они сочли выше силъ своихъ, и они дали возможность этимъ несчастнымъ спастись на сербскую почву. Допустимъ, говоримъ мы, что толпа Сербовъ дѣйствительно совершила все это. Спрашивается, кому болѣе подобаетъ оправдываться? Кто дѣйствительно попралъ въ этомъ случаѣ требованія народнаго права? Сербскія ли власти у которыхъ не достало духа остановить великодушное движеніе людей про-

тянувшихъ руку погибавшимъ, или представители австрійскихъ властей присвоившимъ себѣ неслыханное право, основанное будто бы (о злая иронія!) на обязанностяхъ нейтралитета—продавать Туркамъ Болгаръ... И вотъ представитель Австріи громитъ бѣдное Сербское правительство грозными нотами, и энергически требуетъ „блистательнаго" удовлетворенія за оскорбленіе нанесенное австрійскому флагу. Грозныхъ словъ считаютъ недостаточнымъ и въ подкрѣпленіе соммацій князя Вреде отправляются подъ стѣны Бѣлграда два австро-венгерскіе монитора. Послушайте какимъ надменнымъ тономъ, преисполненнымъ сознанія величія Австріи предъ ничтожествомъ Сербіи, говоритъ по этому поводу „высоко-офиціозная" *Fremdenblatt*: „эти два монитора, крейсерующіе предъ „Бѣлградомъ подъ австрійскимъ флагомъ, „говорятъ языкомъ всюду понятнымъ. Если „они разъ откроютъ ротъ, въ переводчикахъ не будетъ надобности; аргументы „ихъ имѣютъ ударяющую силу и не терпятъ возраженія. Будемъ надѣяться что „имъ не придется открывать своего рта, „и что они предоставятъ князю Вреде одному говорить и одному отстоять австрій„скую честь." Но удовлетвореніе со стороны Сербіи, доказываетъ далѣе офиціозная газета, должно быть полное и громкое, чтобы „сербскія деревья не могли безнаказанно рости до неба." Надо де показать Сербіи что, несмотря на пріобрѣтенныхъ ею друзей и покровителей, ей не дадутъ зазнаваться.

Само собою разумѣется что этой истинно-мѣщанской выставки австрійскаго „могущества и гордыни" было болѣе нежели достаточно чтобы напугать бѣдную Сербію. Въ чемъ именно заключалось требованіе Австріи объ удовлетвореніи, предъявленное въ Бѣлградѣ, мы пока не знаемъ; но телеграфъ уже извѣстилъ насъ что Сербія обѣщала все исполнить. Но вдругъ новая бѣда и новый поводъ къ австрійскимъ придиркамъ. 7 (19) декабря, на одномъ изъ австровенгерскихъ мониторовъ, *Марошъ*, гордо маневрировавшемъ по Дунаю подъ Бѣлградомъ случился взрывъ боевыхъ снарядовъ, и осколки лопнувшей гранаты ударились въ амбразуру крѣпостной стѣны. Сербскій часовой изъ крѣпости отвѣтилъ на это нѣсколькими ружейными выстрѣлами, иные же утверждаютъ что, кромѣ того, этотъ самый часовой выстрѣлилъ въ мониторъ и прежде взрыва. Во всякомъ случаѣ грозный мониторъ, надо думать, не особенно пострадалъ отъ ружейныхъ пуль; но часовой былъ тотчасъ же арестованъ, а вмѣстѣ смѣненъ и комендантъ крѣпости. Австрійская же граната, хотя и вырвавшаяся невольно, исполнила свое дѣло не хуже чѣмъ нарочно пущенная, и оставила неизгладимые слѣды на стѣнахъ бѣлградской крѣпости. Казалось бы что и тутъ болѣе повода для Австріи „выражать свое сожалѣніе" о случившемся, ибо нельзя же серіозно утверждать что стрѣлявшій часовой получилъ на то приказаніе отъ своего начальства и ставить его поступокъ въ вину Сербскому правительству! Наказаніе часоваго и смѣна коменданта крѣпости, повидимому, не удовлетворили достоинства Австро-Венгрія, и вотъ послѣдовалъ было перерывъ дипломатическихъ сношеній.

Вся эта исторія очень напоминаетъ басню о волкѣ и ягненкѣ, и едва ли можетъ обмануть кого-нибудь. Нѣкоторые изъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ успѣли уже проговориться что Австріи просто нуженъ предлогъ, дабы такъ или иначе наложить руку на Сербію, Боснію и Герцеговину въ случаѣ если вспыхнетъ война между Турціей и Россіей.

№ 321.

Москва, 13-го декабря.

Сколько извѣстно, въ послѣднемъ засѣданіи предварительной конференціи дѣйствительно установилось полное согласіе между представителями державъ. Но какъ только собрались они на настоящую конференцію, которая открылась подъ предсѣдательствомъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, Савфетъ-паши, раздался громъ пушекъ и правовѣрный предсѣдатель поздравилъ этихъ господъ съ оттоманскою конституціей, которая повидимому затѣмъ и сочинена, и обнародована съ такою помпой въ самый часъ открытія конференціи чтобъ обратить ее въ благовидное ничто.

На предложенія державъ Порта будетъ, конечно, отвѣчать пуфомъ своей конституціи: Здѣсь, скажетъ она, дано несравненно больше чѣмъ вы требуете, Но задача конференціи не въ томъ чтобы получить отъ Порты новый гатти-гумаюнъ.

Она должна согласиться безусловно на предъявленныя требованія, которыхъ исполненіе должно быть *гарантировано*.

Толки объ этой оттоманской конституціи въ теченіе цѣлаго полугода то затихали, то становились громче, по мѣрѣ того какъ замирали или оживлялись надежды на возможность совокупнаго настоянія со стороны державъ. И вотъ когда открытіе конференціи стало наконецъ неизбѣжнымъ, закипѣла лихорадочная конституціонная работа, всѣ препятствія устранены, великій визирь смѣненъ, на его мѣсто назначенъ самъ авторъ конституціи, и конференція открывается... единственно затѣмъ чтобы выслушать отъ турецкаго министра о провозглашеніи оттоманской конституціи, и потомъ отсрочить свои засѣданія на неопредѣленное время. Не слѣдуетъ ли отсюда заключить о рѣшимости Порты, основанной на какихъ-либо разчетахъ, отпарировать дипломатическое вмѣшательство въ отношенія между ею и подвластными ей христіанами?

Дѣйствительно, съ разныхъ сторонъ, одновременно мы только и слышимъ о рѣшительномъ сопротивленіи Порты всякимъ требованіямъ въ пользу христіанъ трехъ провинцій, въ особенности Болгаріи. Порта, говорятъ, и слышать не хочетъ ни объ отобраніи оружія у мусульманъ, ни объ образованіи полковъ изъ христіанъ, ни о переселеніи въ Азію Черкесовъ, ни о какомъ бы то ни было иностранномъ занятіи, ни даже о международной коммиссіи для контроля надъ исполненіемъ реформъ. Пока дипломаты, „ради избѣжанія войны,“ судили и рядили о „формахъ“ возможнаго иностраннаго занятія, искали даже комбинаціи нельзя ли вовсе устранить его другими „равносильными“ гарантіями, Турки очень хорошо понимали это толченіе воды, видѣли что эти пересуды и „примирительные компромиссы“ внушаются не столько заботами о мирѣ сколько желаніемъ устранить то „недовѣріе“ и ту „ревность“ которыя будто бы возбуждалъ проектъ русскаго занятія. Не даромъ, самая туркофильская изъ англійскихъ газетъ *Pall Mall Gazette* осмѣяла потомъ даже проекты занятія Болгаріи нейтральными государствами и иностранной жандармеріи, а вмѣсто нихъ предлагала ввѣрить охраненіе порядка *турецкимъ* регулярнымъ войскамъ, только подъ начальствомъ „европейскихъ офицеровъ,“ само собою разумѣется англійскихъ, венгерскихъ и какихъ угодно, только не русскихъ, которые, конечно, и не согласятся поступить на службу Исламу чтобъ исполнять гуманныя распоряженія турецкихъ министровъ.

Неужели однако заботливость о турецкихъ интересахъ такъ превозмогла въ Европѣ надъ обязанностью обезпечить участь христіанъ?

Константинопольскій корреспондентъ газеты *Times* справедливо замѣчаетъ, по поводу еще готовившейся турецкой конституціи, что „если лордъ Салсбери и его „товарищи не настоятъ на весьма солидныхъ гарантіяхъ, то никакія реформы, „будутъ ли онѣ добровольно даны Портой „или вырваны у нея, не будутъ стоить „той бумаги на которой пишутся хартіи, „статуты и пр.“ Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ болѣе, объясняя что всѣ аргументы выставляемые Турками противъ требуемыхъ отъ нихъ реформъ и гарантій почерпаютъ силу „всего болѣе въ поощреніи которое Турки находятъ въ нѣкото„рыхъ изъ самозванныхъ истолкователей общественнаго мнѣнія Европы.“ Корреспондентъ особенно изобличаетъ одну изъ „вліятельныхъ французскихъ газетъ,“ которая ратовала противъ обезоруженія мусульманъ, и совершенно вѣрно замѣчаетъ: что же значитъ Мидхатова конституція, основанная будто бы на равенствѣ правъ, если не можетъ быть сдѣланъ первый шагъ къ этому желательному порядку вещей отнятіемъ оружія, коимъ одинъ классъ гражданъ терроризуетъ другихъ?

Но со стороны однихъ ли французскихъ газетъ встрѣчали Турки поощренія? Вотъ интересный фактъ: Чтобъ ознакомить лорда Салсбери съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, къ пріѣзду его были вызваны въ Константинополь всѣ англійскіе консулы въ Турціи. Не былъ вызванъ только отправившійся въ Филиппополь для присутствія при новомъ, едва ли не пятомъ турецкомъ слѣдствіи, г. Барингъ, который, хотя его докладъ о болгарскихъ ужасахъ и не вполнѣ безпристрастенъ, лучше кого бы то ни было могъ, послѣ своей поѣздки, дать понятіе о положеніи Болгаріи. Говорятъ, не ловко было отбирать у консула показанія противъ его прямаго начальника, сэръ-Генри Эллiота, который долго обманывалъ свое правительство отрицая фактъ избіенія Болгаръ.

Корреспондентъ *Times* замѣчаетъ что „Англія и Россія одинаково обязаны добиться чтобы положеніе христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи было улучшено существенными реформами, и чтобъ „эти реформы были поставлены подъ весьма солидную европейскую гарантію.“ Безъ сомнѣнія такъ, и безъ сомнѣнія онѣ могли бы это сдѣлать. Но по какой-то роковой судьбѣ дипломатія въ этомъ несчастномъ Восточномъ вопросѣ поражена неотвязною немощью, ведущею ее не къ цѣли, а въ сторону отъ нея...

№ 322.

Москва, 14-го декабря.

Мы получили наконецъ тотъ нумеръ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, отъ 21-го декабря, въ которомъ напечатано возраженіе на наши замѣчанія по поводу рѣчи князя Бисмарка отъ 5-го декабря. Вотъ что̀ говоритъ берлинская официозная газета послѣ воспроизведенія заключительныхъ словъ нашей статьи: „Это недоговоренное и неопредѣленное усматриваемое „*Московскими Вѣдомостями* въ отношеніяхъ между Германіей и Россіей состоитъ именно въ томъ что для Россіи улучшеніе положенія христіанскихъ населеній „Турціи есть интересъ политическій и религіозный, тогда какъ для Германіи оно „заключаетъ въ себѣ лишь обще-христіанскій и человѣческій интересъ. Вотъ та „вся правда которую такъ трудно повидимому постигнуть московской газетѣ. Вопросъ о томъ существуетъ ли земное „могущество которое могло бы воспротивиться соединеннымъ Россіи и Германіи, „мы не беремся рѣшать. Но дѣло обстоитъ для Германіи такимъ образомъ что „въ настоящее время, когда миновала эпоха „Крестовыхъ Походовъ, для нея нѣтъ повода *жертвовать здоровыми костями „хотя бы одного Померанскаго мушкатера* „для цѣлей которыя до сихъ поръ затрогиваютъ жизненный интересъ Германскаго народа лишь на второй или на „третьей линіи.“

Напрасно почтенная берлинская газета думаетъ что говоря о невозможности воспротивиться союзу Россіи и Германіи мы имѣли въ виду поддержку германскаго оружія. Мы думали и продолжаемъ думать что вся Сизифова работа, которую вотъ уже болѣе года совершаетъ европейская дипломатія подъ видомъ „разрѣшенія“ Восточнаго вопроса, имѣетъ своею главною причиной глухую борьбу своекорыстныхъ интересовъ противъ интересовъ обще-христіанскихъ и обще-человѣческихъ, и никому неизвѣстно какіе виды имѣетъ при этомъ Германія. Пока эта борьба не вышла за предѣлы дипломатическихъ пререканій, Германія выражаетъ сочувствіе Россіи. Но какова будетъ ея политика когда отъ словъ перейдутъ къ дѣлу, и языкъ событій замѣнитъ кислосладкую рѣчь дипломатіи? Германія предоставляетъ себѣ въ этомъ случаѣ полную свободу дѣйствій, а указаніе на то что Восточный вопросъ *до сихъ поръ* не представляетъ Германіи такого жизненнаго интереса для котораго ей стоило бы пожертвовать „здоровыми костями хотя бы одного Померанскаго мушкатера“ даетъ право заключать что еслибъ она усмотрѣла въ развитіи событій такой для себя интересъ за который стоило бы рискнуть костями Померанскаго мушкатера, то она могла бы очутиться и на той сторонѣ которая противоположна ея христіанскимъ и человѣческимъ сочувствіямъ.

Въ этомъ-то мы и усматриваемъ „недомолвки и неопредѣленность“ въ отношеніяхъ между Германіей и Россіей,—неопредѣленность, которая и была причиной безплодности дипломатіи. Мы полагаемъ что не будь недоразумѣній въ Европѣ касательно отношеній Россіи и Германіи, Берлинскій меморандумъ не встрѣтилъ бы того противодѣйствія которое повлекло за собою всѣ дальнѣйшія катастрофы. Было бы болѣе нежели достаточно еслибы существовала твердая увѣренность что Германія дѣйствительно заинтересована въ достиженіи цѣли по истинѣ христіанской и общечеловѣческой, хотя не имѣющей ничего общаго съ Крестовыми Походами, цѣли, къ которой ни одна изъ державъ европейской семьи не должна бы быть равнодушна, тѣмъ менѣе противодѣйствовать ей.

Было время когда Россія, пользуясь установленнымъ трактатами правомъ покровительства Турецкимъ христіанамъ, могла дѣйствовать относительно Турціи съ полною самостоятельностью. Теперь Оттоманская имперія есть членъ Европейскаго союза. Но принявъ эту варварскую страну въ сонмъ цивилизованныхъ государствъ по трактату 1856 года, Европа, и въ томъ

числѣ Пруссія (или теперешняя Германія), имѣли въ виду приблизительно данное Портой обязательство установить у себя порядокъ вещей сообразный съ ея положеніемъ въ семьѣ цивилизованныхъ государствъ. Двадцатилѣтній опытъ показалъ чего стóили эти обѣщанія и каковъ результатъ пресловутаго гатти-гумаюна. Болгарская рѣзня переполнила мѣру долготерпѣнія. Россія не могла не откликнуться на отчаянный вопль на который отозвались даже въ Англіи. Но Россія ни разу не отреклась отъ солидарности въ этомъ дѣлѣ со всею остальною Европой, и все что есть въ Европѣ честнаго и справедливаго сознало себя солидарнымъ съ нею. Почему же Россія не можетъ быть увѣрена что держава ей дружественная, довѣряющая ея правительству и сочувствующая той цѣли для которой она готова понести и уже понесла значительныя жертвы, не очутится противъ нея?

Въ развитіи событій могутъ быть затронуты или вызваны національные интересы Германіи. Но почему бы обѣимъ странамъ не сосчитаться заранѣе своими интересами и не установить между ними солидарность. Это было бы дѣломъ дальновидной политики.

А между тѣмъ французская печать изо всѣхъ силъ мститъ Россіи за то что она, въ минувшемъ году, своимъ ходатайствомъ въ Берлинѣ спасла Францію отъ новаго грозившаго ей удара. Такъ и слѣдуетъ! Стараніе сказать чтò-нибудь во вредъ или въ поруганіе Россіи доходитъ теперь у Французовъ до страсти, а безсиліе ихъ безсмысленной вражды до комизма. Недавно *Journal des Débats* внушалъ Туркамъ что имъ бояться войны съ Россіей нечего, что у нихъ до полумилліона превосходной арміи, тридцать броненосцевъ съ 173 пушками и десятитысячнымъ экипажемъ, да 76 деревянныхъ паровыхъ судовъ, съ 468 пушками и 15.000 человѣкъ экипажа, не считая 24 судовъ парусныхъ. „Съ такими силами," убѣждала Турокъ почтенная газета, „нельзя подставлять шею „подъ петлю." А чтобы петля не была наброшена чужими руками *Journal des Débats* преподаетъ совѣтъ какъ отъ нея увернуться. Поставивъ на видъ турецкимъ главнокомандующимъ что при средствахъ теперешней артиллеріи Виддинъ можно бомбардировать изъ Калафата, парижскій стратигъ учитъ Порту поскорѣе занять этотъ опасный для нея пунктъ. „Турки," говоритъ онъ, „очевидно должны поспѣ„шить занятіемъ Калафата для предупре„жденія нападенія, противостоять которому „въ послѣдствіи они будутъ не въ состо„яніи." Какимъ образомъ Турки, внѣ войны, и въ самое время переговоровъ, могли бы рѣшиться на рекомендуемое занятіе, въ обсужденіе этого вопроса, проникнутый воинственнымъ азартомъ, *Journal des Débats* не вдается. Для дѣйствій Россіи бережетъ онъ запасъ своихъ свѣдѣній по международному праву, Туркамъ же отъ него дарується *carte blanche.*

Но если нельзя воспламенить Порту миражемъ ея собственныхъ силъ, то не удастся ли подвинуть ее умаленіемъ силъ противника съ которымъ ей придется считаться. Выступаетъ другой парижскій подстрекатель, газета *Liberté.* Она доказываетъ что русскій солдатъ никуда не годится. Дѣло въ томъ что русскіе солдаты „ходятъ въ паровую баню," кромѣ того „*всѣ* они принадлежатъ къ упорной (inflexible) сектѣ старообрядцевъ, которая неуклонно соблюдаетъ всѣ посты... Баня разслабляетъ русскаго солдата, постная пища лишаетъ его силъ, и онъ является къ строю изнуренный, неспособный на порывъ..."

Все это напечатано буквально такъ какъ приведено нами во вносныхъ знакахъ.

Забавно, но и грустно. На чтò похожи эти кривлянія? Въ нравственной сферѣ не тѣ же ли это баши-бузуки?

№ 323.

Москва, 15-го декабря.

Въ Англіи никто уже не пытается защищать существующее положеніе дѣлъ въ Турціи; никто не отрицаетъ что этотъ порядокъ невыносимъ. И либералы и консерваторы въ этомъ сходятся, и, по замѣчанію *Times*, „сами Турки сознаются въ этомъ фактѣ изданіемъ своей бумажной конституціи." Требуется оградить христіанскія населенія не только отъ произвола турецкихъ властей, но еще болѣе отъ фанатизма и произвола ихъ мусульманскихъ согражданъ. Словомъ, требуется прежде всего измѣнить тотъ невозможный порядокъ вещей при которомъ каждый мусульманинъ есть полновластный гос-

водинъ каждаго христіанина. Поэтому нѣтъ повода сомнѣваться что касательно перемѣны въ организаціи христіанскихъ провинцій Турціи между представителями державъ собравшимися на конференцію легко могло установиться согласіе во взглядахъ. Согласіе, впрочемъ, идетъ еще далѣе. Всѣ признаютъ что недостаточно условиться въ планѣ реформъ, который самъ по себѣ ничего не значитъ, также какъ и бумажныя обѣщанія и реформы Порты безъ гарантій исполненія. Необходимость „дѣйствительныхъ, существенныхъ гарантій" также признается всѣми какъ и общій характеръ требуемыхъ реформъ. Лордъ Салсбери столько же признаетъ необходимость ихъ какъ и генералъ Игнатьевъ. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ на дняхъ въ своей рѣчи товарищъ лорда Салсбери по кабинету, его личный другъ, лордъ Карнарвонъ. „Лордъ Салсбери," говорилъ онъ, „озаботится чтобы даны были существенныя гарантіи реформъ, и чтобъ онѣ не были, какъ прежде, блуждающими ночными огнями которые только ведутъ на ложный путь."

Но вопросъ о гарантіяхъ не такого рода чтобы допускать свободное поле для безчисленныхъ соображеній. *Дѣйствительная* гарантія! Въ чемъ же должна состоять она? „Для прекращенія системы „безправія, которая дѣлаетъ Турцію опасностью для всей Европы," свидѣтельствуетъ теперь газета *Times*, „ей необходимы „помощь или принужденіе какою-либо иностранною властью." Это какъ нельзя болѣе вѣрно. Если гарантіи должны быть „существенныя," мы неизбѣжно приходимъ къ иностранному занятію провинцій. Была рѣчь предоставить занятіе Болгаріи которому-либо изъ малыхъ нейтральныхъ государствъ, Бельгіи или Швейцаріи, даже Румыніи,—но развѣ это серіозная гарантія? Говорили еще о „турецкомъ занятіи подъ начальствомъ европейскихъ офицеровъ," или о „европейскомъ занятіи подъ начальствомъ турецкихъ офицеровъ", — но развѣ это не шутка? О румынскомъ занятіи рѣчь также замолкла безъ дальнѣйшихъ разсужденій: оно для Порты было бы унизительнѣе всякаго другаго вмѣшательства. Но и планъ бельгійскаго или швейцарскаго занятія считается *окончательно* оставленнымъ. Помимо практическихъ затрудненій въ его исполненіи, онъ не достигъ бы цѣли, въ чемъ теперь сознаются и изобрѣтатели этого плана. Что же еще остается изобрѣтать? Европейская жандармерія? Но для того чтобъ эта мѣра была серіозною гарантіей, необходимо чтобы жандармерія имѣла уважительные размѣры, и слѣдовательно была бы иностраннымъ занятіемъ только подъ другимъ названіемъ.

Для вопроса о „существенной гарантіи," послѣ всѣхъ толковъ и пересудовъ, мы не видимъ другаго рѣшенія кромѣ прецедента занятія Сиріи французскими войсками въ качествѣ европейской экзекуціи.

Что же касается Оттоманской конституціи изобрѣтенія Мидхата, то это грубая насмѣшка надъ Европой. Это не просто увертка отъ предъявленныхъ Европой требованій,—это, повторяемъ, насмѣшка надъ ней. Вопросъ не въ томъ имѣетъ ли эта конституція какое-ли существенное значеніе и достаточна ли она. Она была бы пагубна для христіанскихъ населеній участью которыхъ озабочена Европа. Не только нельзя довольствоваться этою продѣлкой турецкихъ либераловъ, но нельзя допустить ея примѣненія безъ особыхъ гарантій. Турецкая конституція, — это было бы новымъ и еще худшимъ порабощеніемъ не мусульманскихъ населеній подвластныхъ Турціи. Главное зло въ этой варварской имперіи состоитъ не въ томъ что населенія ея подчинены произволу власти: надобно прежде всего обезпечить христіанскія населенія отъ господствующей мусульманской касты. А новоизмышленная конституція только легализируетъ это рабство; она освободитъ оттоманскія власти и отъ той доли отвѣтственности которую онѣ еще несутъ предъ Европой. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ послы или консулы могли болѣе или менѣе вмѣшиваться въ турецкія дѣла для огражденія безправныхъ населеній; конституція же послужила бы для Турецкаго правительства средствомъ избѣгать этого вмѣшательства, ссылаясь на механизмъ учрежденій ограничивающихъ его дѣйствія. Словомъ, эта выдумка, если только въ самомъ дѣлѣ предоставлено ей будетъ такъ или иначе осуществиться, еще хуже и злѣе запутаетъ положеніе дѣлъ на Востокѣ.

Для провинцій обагренныхъ кровью нѣтъ иныхъ дѣйствительныхъ гарантій кромѣ иностраннаго занятія, и надо желать только чтобъ Европа серіозно понудила Порту согласиться на эту неизбѣжную мѣру, и

чтобы занятіе провинцій, и дѣйствительное, а не шуточное, совершилось мирно по добру, по здорову, что много будетъ зависѣть отъ согласія державъ и отъ твердости ихъ требованій. Но кромѣ этихъ провинцій въ Турціи есть еще огромныя области населенныя христіанами. Нельзя же отдать ихъ на жертву затѣямъ Мидхадъ-паши. Если провинціальныхъ Турокъ нельзя поголовно разоружить, то христіанамъ должно быть поголовно дозволено тоже носить оружіе подобно Туркамъ. Эта послѣдняя мѣра въ самой Англіи находитъ теперь убѣжденныхъ партизановъ. Извѣстный бельгійскій юристъ Ролленъ Жакменъ, авторъ недавно вышедшей въ Брюсселѣ книги *Международное право и Восточный вопросъ* (Le Droit international et la Question d'Orient) приводитъ выписку изъ письма, адресованнаго къ нему однимъ англійскимъ „пріятелемъ и собратомъ." „Европейскія державы, говоритъ авторъ цитуемаго письма, особенно же Англія и Франція, заслуживаютъ порицанія за то что въ теченіе всего времени, протекшаго отъ Крымской войны, они не добились для христіанъ права *ношенія оружія въ мирное время наравнѣ съ мусульманами*."

№ 324.

Москва, 16-го декабря.

Уполномоченные великихъ державъ въ Константинопольской конференціи пришли, говорятъ намъ, къ полному согласію по всѣмъ пунктамъ какъ мирныхъ договоровъ Турціи съ Черногоріей и Сербіей, такъ и тѣхъ реформъ которыя должны улучшить участь христіанскихъ населеній въ турецкихъ провинціяхъ, столько пострадавшихъ и обратившихъ на себя наконецъ заботливое вниманіе Европы. Константинопольскій корреспондентъ австрійской газеты *Deutsche Zeitung* сообщаетъ будто Англія согласилась потребовать даже морской портъ для Черногоріи, именно Спужъ, а для Сербіи уступку послѣдняго турецкаго укрѣпленія на Сербской землѣ, Малаго Зворника. Относительно реформъ также, говорятъ, установилось полное согласіе, и маркизъ Салсбери высказывался будто бы совершенно въ томъ же смыслѣ и также рѣшительно какъ и генералъ Игнатьевъ; но мы смѣемъ думать что подробности реформъ могутъ всего лучше быть разработаны на мѣстахъ Европейскою коммиссіей. Намъ кажется что главный вопросъ теперь состоитъ не въ подробностяхъ реформъ, а прежде всего въ гарантіяхъ дѣйствительнаго исполненія ихъ, безъ которыхъ всякія реформы въ Турціи будутъ пустымъ словомъ; а нѣтъ иной гарантіи кромѣ иностраннаго занятія провинцій. Только эта мѣра можетъ дать реформамъ серіозное значеніе; только она успокоитъ христіанскія населенія и отрезвитъ мусульманъ; только она убѣдитъ наконецъ Турцію въ существованіи союза державъ солидарныхъ въ общемъ интересѣ христіанства и человѣчества. Касательно согласія уполномоченныхъ относительно этого пункта слухи колеблются, и все что намъ извѣстно о предположеніяхъ, на которыхъ сошлись въ этомъ отношеніи уполномоченные державъ, едва ли можетъ считаться удовлетворительнымъ результатомъ. Но такъ или иначе, они согласились и въ этомъ пунктѣ, и вотъ предъявили Портѣ свои единодушныя требованія. Но Порта, говорятъ, колеблется принять эти требованія. Таковы по крайней мѣрѣ всѣ полученныя доселѣ извѣстія о пріемѣ сдѣланномъ Портой предложеніямъ державъ. Быть-можетъ завтра, быть-можетъ сію минуту, получимъ мы телеграмму о рѣшительномъ отказѣ Порты. Что же тогда дѣлать? Вопросъ этотъ, конечно, уже задавали себѣ уполномоченные, и по извѣстіямъ имѣющимъ полный характеръ достовѣрности, рѣшено между ними, въ случаѣ отказа, прервать немедленно дипломатическія сношенія съ Портой. А затѣмъ что?

Послы выѣдутъ изъ Константинополя, и оставятъ Турцію наединѣ съ ея христіанскими подданными и предъ двумя малыми княжествами которыя находятся въ войнѣ съ ней, имѣющей возобновиться черезъ три дня. Очевидно что однимъ дипломатическимъ протестомъ державъ дѣло ограничиться не можетъ. Нельзя же думать что эта конференція, эти единодушныя требованія Европы, отзывъ пословъ, будутъ безсильною и ничтожною демонстраціей, будутъ комедіей. Нѣтъ, немедленнымъ послѣдствіемъ отказа Порты должно быть принятіе принудительныхъ мѣръ. Если она не приметъ добровольно требованій соединенной Европы, то Европа должна ее къ тому принудить. Война становится неизбѣжною. Кто же будетъ вести ее? На кого падаетъ тяжесть этой необходимой экзекуціи?

Державы прервутъ дипломатическія сношенія съ Портой и предоставятъ ей вѣдаться съ Россіей. Но Россія, предпринимая эту войну, будетъ дѣйствовать не въ своемъ исключительномъ интересѣ. Она заранѣе отказалась отъ исполненія какихъ-либо своихъ частныхъ видовъ, отъ всякихъ пріобрѣтеній и присоединеній. Она обнажаетъ свой мечъ только отъ имени Европы. Можно ли сказать что другія державы будутъ соблюдать только нейтралитетъ въ войнѣ при такихъ обстоятельствахъ? Нѣтъ, не Россія будетъ вести эту войну, а Европа русскимъ оружіемъ. Русская кровь будетъ пролита не въ исключительномъ интересѣ Россіи, а для исполненія рѣшеній всей соединенной Европы. Неужели, въ дополненіе къ тѣмъ жертвамъ которыя должна понести наша страна чтобъ исполнить общія христіанскія и человѣческія требованія, она должна еще бороться съ недоброжелательствомъ державъ и покупать у нихъ благоволительный нейтралитетъ? Неужели она должна оглядываться, не готовится ли ей ударъ во флангъ или съ тыла? Неужели и теперь будутъ оказывать Турціи если не явную, то тайную помощь? Неужели Англія будетъ помогать ей своими субсидіями, своими офицерами, своими матросами? Неужели Россія не будетъ ограждена отъ своекорыстныхъ интересовъ той или другой державы, которая захочетъ воспользоваться войной для достиженія своихъ цѣлей, въ то время какъ Россія будетъ проливать кровь свою за дѣло христіанства и человѣчества и въ исполненіе рѣшеній Европы? Но обстоятельства таковы что Россіи надо быть готовою на всякую случайность. Россія, — всѣ это знаютъ, — не возбуждала этого роковаго Восточнаго вопроса, ни чѣмъ съ своей стороны не вызывала его. Напротивъ, она старалась всячески предотвратить его, и отнюдь не помышляла о раздѣлѣ Турціи. Не въ ея интересѣ было ускорять смерть „больнаго человѣка“ и наносить ему *coup de grace*. Однакожь были въ Европѣ интересы которые возбуждали этотъ вопросъ, торопили событія, и которые стало-быть находятъ настоящую минуту особенно благопріятною для себя чтобы покончить съ этимъ вопросомъ. А потому не слѣдуетъ ли намъ съ своей стороны принять мѣры чтобы предупредить неблагопріятное для насъ рѣшеніе, и сосчитаться своими политическими интересами съ тою или другою изъ союзныхъ намъ державъ?

№ 325.

Москва, 17-го декабря.

Странныя дѣла творятся на свѣтѣ! Звѣрства совершенныя въ Болгаріи и другихъ мѣстахъ Турціи, повторяющіяся въ ней періодически, возмутили наконецъ совѣсть всей Европы, и въ Англіи отозвались какъ въ Россіи. Воля ваша, гг. европейскіе политики, старающіеся въ этомъ дѣлѣ обособить Россію, мы не видимъ въ чемъ тутъ разница между интересами русскими и чьими-либо другими.

И вотъ Турція, стоящая въ качествѣ подсудимой предъ Европой, Турція которая самимъ существованіемъ своимъ обязана европейской дипломатіи, въ самомъ простомъ дѣлѣ не допускающемъ никакого разногласія ни въ людяхъ, ни въ государствахъ цивилизованныхъ, можетъ противопоставлять свое *veto* совокупной волѣ всѣхъ великихъ державъ! Возможно ли это?

Фактъ самъ по себѣ непостижимый, но объясненіе какое даютъ ему еще поразительнѣе. Упорство Турокъ объясняютъ тѣмъ что они *не вѣрятъ* въ согласіе Европы. Въ нихъ, говорятъ, неискоренимо убѣжденіе что при переходѣ отъ словъ къ дѣлу это согласіе рушится. Каковы бы ни были совѣты, увѣщанія, даже требованія Британскаго правительства, Турки остаются де въ увѣренности что въ случаѣ войны Англія своими интересами будетъ вынуждена стать на ихъ сторону. Мало того, они будто бы убѣждены что какъ начнется борьба, то не только Англія и Австрія, но и Германія, въ своихъ интересахъ станутъ на сторону Турціи.

Въ Лондонѣ, впрочемъ, утверждаютъ что такое убѣжденіе Турокъ есть заблужденіе, и что оно можетъ только ихъ самихъ привести къ конечной гибели, ибо, говорятъ органы общественнаго мнѣнія въ Англіи, „каковы бы ни были британскіе интересы и гдѣ бы и какимъ бы образомъ ни понадобилось ихъ отстаивать, они вовсе не требуютъ союза съ Турками;“ что въ случаѣ даже полнаго крушенія Турціи, для Англіи требуется только „чтобы нѣкоторыя, чрезвычайно важныя *(pre-eminent)*, географическія позиціи не были заняты къ

ея невыгодѣ," что, конечно, можно понимать такъ что Англія сама поспѣшитъ предупредительно занять ихъ для себя изъ предосторожности.

Странный коментарій на мирную работу конференціи которая имѣла въ виду именно предупрежденіе войны.

Еслибы дѣйствительно между державами установилось согласіе полное и искреннее, то неужели въ интересахъ мира, о которомъ идутъ нескончаемые фарисейскіе толки, невозможно было бы увѣрить въ томъ Турокъ. Не только теперь, но въ гораздо болѣе ранней стадіи вопроса, Порта давно уступила бы предъ твердо выраженнымъ требованіемъ даже трехъ, даже двухъ, какъ Россія и Германія, державъ, еслибы солидарность ихъ была внѣ всякаго сомнѣнія. Тѣмъ менѣе могло быть мыслимо сопротивленіе теперь предъ совокупнымъ требованіемъ всей Европы. Упорство Порты подвергаетъ сомнѣнію, что же ошибочно: убѣжденіе ли Турокъ въ неискренности европейскаго дипломатическаго дѣйствія, или увѣренія въ согласіи державъ? Турки думаютъ что конференція съ ея соглашеніями и единодушными требованіями есть только парадъ, только представленіе, что за сценою затаены совсѣмъ иные побужденія и замыслы, и что какъ только начнется война, выйдетъ наружу антагонизмъ интересовъ скрытыхъ теперь подъ наружнымъ согласіемъ. Не то ли же, скажутъ, было въ Берлинѣ когда составлялся пресловутый меморандумъ. Казалось, не было сомнѣнія въ солидарности трехъ великихъ державъ, которыхъ рѣшеніе не могло не быть для Турціи обязательно; а что вышло?... Турецкіе политики понимаютъ впрочемъ что другія державы заботятся вовсе не о Турціи, а о своихъ интересахъ.

Во всеобщихъ изъявленіяхъ желанія охранить миръ чувствуется что-то фальшивое. Война была бы невозможна еслибъ Европа дала почувствовать турецкимъ министрамъ что она не шутитъ. Обошлось же подобное дѣло мирнымъ порядкомъ когда потребовалось занять Ливанъ французскими войсками. Порта не очень была рада этому требованію, но она не подумала сопротивляться великимъ державамъ которыя тогда дѣйствительно были согласны и которыхъ настояніе было серіозное. Еслибъ и теперь великія державы дѣйствительно хотѣли мира, миръ былъ бы сохраненъ, и Турція не посмѣла бы прекословить. А такъ какъ, вопреки мирнымъ увѣреніямъ, все-таки ожидается война, то стало-быть есть интересы которые именно желаютъ чтобы миръ былъ нарушенъ, чтобы дѣло дошло до войны..

Если вѣрить слухамъ сообщаемымъ изъ Вѣны, Порта будто бы уже ссылается на „представительство турецкаго народа," отъ котораго должно де зависѣть принятіе или непринятіе требованій Европы. Вотъ какъ скоро оправдалось только что высказанное нами мнѣніе о смыслѣ конституціонной затѣи придуманной Мидхатъ-пашой! Едва успѣли обнародовать эту пресловутую конституцію, какъ она уже служитъ предлогомъ для отвода Европейскаго вмѣшательства. Мы теперь, говорятъ турецкіе министры, ничего не можемъ сдѣлать сами собою; все зависитъ отъ рѣшенія представителей націи. Что въ самомъ дѣлѣ грубѣе подобной насмѣшки? И могла ли допустить ее Европа еслибъ она въ настоящемъ случаѣ дѣйствовала серіозно? Теперь остается только ожидать что Турецкое правительство сошлется на революцію; говорятъ будто не только Мидхатъ, но и султанъ ставилъ уполномоченнымъ на видъ опасность народнаго движенія. Очень можетъ быть что Мидхатъ-паша еще разъ разыгрываетъ революціонную траги-комедію, и снова, какъ послѣ Берлинскаго меморандума подниметъ своихъ улемъ и софтъ и устроитъ бунтъ на Стамбульскихъ улицахъ. Какъ нарочно ни отъ вчерашняго, ни отъ сегодняшняго числа нѣтъ телеграммъ изъ Константинополя: чего добраго? быть-можетъ революціонный спектакль уже начался въ Константинополѣ.

Неужели все это было бы возможно еслибы Турки не были увѣрены что Европа играетъ съ ними комедію?

№ 326.

Москва, 18-го декабря.

Мы все еще въ неизвѣстности о ходѣ и исходѣ Константинопольской конференціи. Двухдневное неполученіе никакихъ извѣстій изъ турецкой столицы возбудило и въ Петербургѣ опасенія въ томъ же родѣ какія были высказаны нами. Распространились даже слухи будто въ Стамбулѣ вспыхнула революція. Но такъ далеко дѣла не пошли, и перерывъ извѣ-

стій объясняется простою бурей, которая испортила телеграфные столбы близъ Константинополя.

Послѣ этого перерыва сообщеній, вдругъ пришло черезъ вѣнское *Correspondenz-Bureau* извѣстіе которому мы едва рѣшаемся давать вѣру. Оно утверждаетъ что затрудненія уменьшились и передаетъ надежду на мирный исходъ; но это успокоительное увѣреніе основано на томъ что будто конференція третьяго дня рѣшила продлить перемиріе до 1 марта. А какъ Турція отнеслась къ требованіямъ предъявленнымъ ей совокупно делегатами всѣхъ державъ, мы еще ничего опредѣлительнаго не знаемъ, а равно и о томъ какъ намѣрены поступить европейскія державы. Телеграмма гласитъ только что турецкіе делегаты передали свои замѣчанія на многія изъ заключеній конференціи, въ особенности о гарантіяхъ, и что уполномоченные державъ обсуждали эти требованія.

Если допустить достовѣрность этихъ извѣстій, то ими достаточно оправдываются высказанныя нами сомнѣнія объ искренности согласія державъ состоявшагося на предварительныхъ совѣщаніяхъ. Изъ этихъ извѣстій выходитъ что Турціи дозволяется критически относиться къ рѣшеніямъ принятымъ согласно всею Европой, что эти критическія замѣчанія турецкихъ министровъ покорно принимаются къ обсужденію, и что въ сущности все дѣлается по желанію Порты. Что же, въ самомъ дѣлѣ, означало бы продолженіе перемирія до 1 марта какъ не исполненіе того самаго чего требовала Порта еще въ октябрѣ своимъ пятимѣсячнымъ перемиріемъ, которое тогда было принято за насмѣшку и вызвало нашъ ультиматумъ. Зачѣмъ же теперь могла понадобиться такая долгая отсрочка для окончательнаго рѣшенія? Неужели, послѣ двухмѣсячныхъ переговоровъ, въ теченіи коихъ, какъ насъ постоянно увѣряли, всѣ были одушевлены наилучшими намѣреніями, всѣ изъявляли полную готовность на уступки, все еще нельзя покончить дѣло не продолжая тревожной и напряженной неизвѣстности? Почему бы прямо не заключить мира если не только всѣ согласны, но искренно заботятся о сохраненіи мира? Неужели для обсужденія турецкихъ возраженій непремѣнно нуженъ такой продолжительный срокъ какъ два мѣсяца? Если между державами нѣтъ болѣе недоразумѣній, то развѣ изъ вниманія къ Портѣ, впрочемъ казалось бы совершенно излишняго и только утверждающаго ее въ разчетѣ на рознь между державами, для разсмотрѣнія ея возраженій въ крайнемъ случаѣ было бы достаточно двухъ недѣль.

Къ чему же эта новая комедія проволочекъ? Еще двухмѣсячное перемиріе, безъ опредѣленной цѣли, означаетъ только продолженіе неизвѣстности до весны: неужели все это время Россія принуждена будетъ не только нести всю тягость расходовъ военнаго времени, но и страдать отъ застоя дѣлъ и потерь неизбѣжныхъ при неизвѣстности въ вопросѣ о сохраненіи мира?

Неужели столь тягостное для Россіи, мучительное для христіанъ Турціи и тревожное для всей Европы положеніе создается только ради щепетильности Порты, для сохраненія ея мнимаго достоинства въ которое никто не вѣритъ?

Телеграммой нашего бѣлградскаго корреспондента подтверждается вѣнское извѣстіе о продолженіи перемирія до 1 марта; она притомъ свидѣтельствуетъ объ уныніи которое распространилось въ Бѣлградѣ между Сербами и среди нашихъ добровольцевъ. По офиціознымъ сообщеніямъ которыя передавались телеграфомъ о ходѣ константинопольскихъ совѣщаній можно было надѣяться на заключеніе удовлетворительнаго мира; были съ другой стороны основанія ожидать возобновленія войны при новыхъ условіяхъ и въ болѣе серіозныхъ размѣрахъ. Но двухмѣсячное перемиріе — совершенная неожиданность. Во всякомъ случаѣ можно ли успокоиться на мысли что продолженіе перемирія на столь отдаленный срокъ служитъ какъ бы преддверіемъ мира и гарантіей мирнаго разрѣшенія затрудненій которыя такъ долго занимаютъ и тревожатъ Европу. Вѣнская депеша своимъ тономъ прямо ведетъ къ такому успокоительному заключенію. Но на извѣстія этого рода нельзя очень полагаться, особенно же нельзя довѣрять ихъ тону. Нерѣдко имъ придается тотъ или другой тонъ въ интересахъ биржевой игры на пониженіе или повышеніе.

Еслибы все на конференціи было ладно, то не было бы надобности прибѣгать къ такой двусмысленной мѣрѣ какъ продолженіе перемирія на два мѣсяца? А потому вопросъ о войнѣ и мирѣ остается

все еще вопросомъ. Русскій уполномоченный могъ принять перемиріе въ виду опасности которая угрожала Сербіи прежде чѣмъ русскія войска могли бы подойти къ ней на помощь; но принятіе перемирія не связываетъ насъ. Еслибы Россія была вынуждена обнажить мечъ теперь же, то срокъ перемирія не могъ бы стѣснить ее. Еслибъ оказалось что Порта увертывается отъ исполненія того что̀ Россія и Европа признали справедливымъ и необходимымъ, то перемиріе точно также можетъ быть прервано объявленіемъ войны, какъ былъ бы имъ прерванъ самый миръ.

Во всякомъ случаѣ будемъ ожидать болѣе опредѣленныхъ извѣстій которыя теперь конечно не замедлятъ и дадутъ намъ лучше опознаться въ образовавшемся теперь положеніи дѣлъ.

№ 328.

Москва, 20-го декабря.

Вчерашняя летучая корреспонденція изъ Константинополя, полученная нами изъ надежнаго источника, передаетъ факты поразительные, въ которыхъ однако нѣтъ ничего невѣроятнаго; напротивъ, они какъ нельзя болѣе согласуются съ тѣмъ чего и слѣдовало ожидать когда начались толки объ ожидаемомъ сопротивленіи Турокъ совокупному рѣшенію европейской дипломатіи. Оказывается, Турки были какъ нельзя болѣе правы, не вѣря про себя въ пресловутое *согласіе*. Да и какъ было ему вѣрить когда въ то самое время какъ лордъ Салсбери дружелюбно условливался съ генераломъ Игнатьевымъ о какихъ-то „взаимныхъ“ уступкахъ, сэръ-Генри Эллiотъ и нарочно присланный темный неофиціальный агентъ увѣряли Турокъ въ совершенно противномъ, и совѣтовали имъ отвергать всякія предложенія не опасаясь послѣдствій! Говорятъ эти закулисные происки и были поводомъ къ отпуску сэръ-Генри Эллiота по болѣзни; но что̀ изъ этого? Было ли все это комедіей, или лордъ Салсбери несвѣдома служилъ ширмами тайныхъ происковъ, въ результатѣ это безразлично. Фактъ остается тотъ что Англійское правительство *не желало* согласія, и потому не только ожидало, но и вызывало сопротивленіе Порты. Всѣ министерскія газеты, *Pall Mall Gazette*, *Morning Post*, *Daily Telegraph*, осмѣивая телеграмму Рейтерова агентства о предъявленіи будто бы лордомъ Салсбери ультиматума султану, откровенно поясняютъ что „политика Британскаго правительства уже рѣшена, и какъ бы ни поступили другія державы, но нынѣшнее министерство не прерветъ дипломатическихъ сношеній съ Портой и не приметъ участія ни въ какой попыткѣ принужденія или устрашенія султана.“

Такой искренній образъ дѣйствій одного изъ нашихъ дипломатическихъ союзниковъ не остался безъ соревнованія и съ другой стороны, болѣе намъ близкой. Достойною сподвижницей Великобританіи въ поощреніи турецкихъ претензій выступила Австро-Венгрія. Мы имѣли уже случай обращать вниманіе на нѣкоторыя неблаговидныя обстоятельства указывавшія на отдѣльный образъ дѣйствій Австро-Венгріи въ дѣлѣ конференціи. Теперь мы получаемъ интересныя поясненія и подтвержденія. Берлинскій корреспондентъ *Times*, увѣдомляетъ, на основаніи положительныхъ свѣдѣній, что „графъ Андраши не поддерживалъ князя Горчакова въ Константинополѣ.“ Далѣе онъ поясняетъ что „загадочный образъ дѣйствій австрійской дипломатіи“ произвелъ впечатлѣніе въ Петербургѣ, и что эта новая (будто бы *новая*!) австрійская политика имѣла большой успѣхъ въ Константинополѣ и повліяла на независимое положеніе принятое Портой.

Вотъ въ какомъ видѣ раскрывается теперь фактически соглашеніе которымъ такъ долго морочили общественное мнѣніе всей Европы и въ которомъ насъ заставляли видѣть твердую надежду на мирное разрѣшеніе затрудненій. Да, они, повидимому, и будутъ мирнымъ образомъ улажены, согласно съ желаніями Турокъ. Всего этого, признаемся, можно было заранѣе опасаться, но не въ такой степени. Турецкимъ министрамъ, какъ видно, даже не было надобности въ особенной проницательности чтобы догадаться что совокупное дѣйствіе предпринимается только на показъ, и чтобъ они какъ-нибудь ненарокомъ не впали въ заблужденіе, имъ весьма предупредительно подъ рукой было разъяснено и растолковано что̀ слѣдуетъ. Трудно было бы и не однимъ Туркамъ повѣрить въ состоявшееся согласіе слыша о разныхъ фантастическихъ планахъ которые придумывались единственно

затѣмъ чтобъ устранить одну существенную гарантію—иностранное занятіе. Однако, насъ хотѣли увѣрить въ этомъ. Ради вѣчной заботы о мирѣ, который и не былъ бы нарушенъ при согласіи Европы въ дѣлѣ столь простомъ и законномъ какъ интересъ „общечеловѣческій и христіанскій," условились наконецъ будто бы замѣнить занятіе—чѣмъ же?—дозволеніемъ навербовать, для охраненія порядка, отрядъ иностранной жандармеріи въ Бельгіи или Швейцаріи, завести словомъ нѣчто въ родѣ бывшихъ папскихъ жандармовъ, отрядъ куда стеклись бы разные авантюристы всѣхъ странъ и который былъ бы все-таки въ полномъ распоряженіи Порты, находясь на ея содержаніи. Но Турки, какъ видно, умнѣе, и предпочитаютъ чужимъ авантюристамъ, коимъ надо будетъ платить содержаніе, своихъ, которые и надежнѣе, и въ добавокъ ничего не стóятъ. Понявъ фальшь соглашенія, они отвергаютъ и бельгійскую жандармерію, и предлагаютъ гарантію чуть-чуть не баши-бузуковъ и чуть-чуть не подъ начальствомъ знаменитаго Шевкетъ-паши...

Теперь, когда касательно соглашенія, маска сброшена, упомянутый берлинскій корреспондентъ *Times*, говоря о вышесказанной игрѣ Австріи поясняетъ что она „была бы безполезна еслибъ Австрійскій „кабинетъ былъ убѣжденъ въ рѣшимости „Россіи не отступать предъ войной," въ увѣренности же что Россія въ сущности намѣрена только удовольствоваться угрозами, и сочтено де было полезнымъ дать понять что она встрѣтитъ сопротивленіе, а это де и произвело благое впечатлѣніе какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Константинополѣ.

Въ самомъ ли дѣлѣ вѣрно это показаніе нашего давнишняго благопріятеля, берлинскаго корреспондента *Times*? Мы полагаемъ, впрочемъ, что многія фазы дипломатіи еще остаются скрытыми. Многое можетъ-быть умышленно умалчивается. Во всякомъ случаѣ, корреспонденту не мѣшало бы пояснить вопросы внушаемые его словами: если въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ увѣряетъ, Россія заботится только о томъ чтобъ избѣжать войны, то стали ли бы держать на границѣ мобилизованную армію и нести ненужные расходы? Не слишкомъ ли наши друзья самоувѣренны въ своихъ разсчетахъ?...

№ 329.

Москва, 21-го декабря.

Берлинскія газеты отъ 28 декабря, обсуждая извѣстіе объ обнародованіи турецкой конституціи, отзываются объ этомъ „актѣ либерализма" Мидхатъ-паши съ крайнимъ скептицизмомъ, и единственное серіозное значеніе которое онѣ придаютъ торжественному возвѣщенію этой комедіи заключается въ томъ что она обличаетъ рѣшимость Турціи не подчиняться „единодушному рѣшенію" Европы которое наконецъ де достигнуто. *National-Zeitung* твердо вѣритъ въ это соглашеніе, которое не отступаетъ и предъ войною Россіи съ Турціей, и даже весьма де можетъ быть что Россіи будетъ оказана поддержка и „съ другой стороны." Словомъ, берлинскія газеты, не зная еще о продолженномъ перемиріи, считаютъ такое продолженіе невѣроятнымъ въ виду „полнаго соглашенія" державъ и полагаютъ войну Россіи съ Турціей неминуемою.

Берлинскія газеты совершенно правы считая невозможнымъ допущеніе дальнѣйшаго сопротивленія Турокъ соединеннымъ усиліямъ Европы; но онѣ немного увлеклись (если только онѣ были искренни) признавая несомнѣннымъ фактомъ пресловутое единодушіе Европы. И дѣйствительно, вотъ мы получили берлинскія газеты отъ 30-го декабря въ коихъ рѣчь идетъ уже о перемиріи какъ о предположеніи болѣе или менѣе достовѣрномъ, и достойно удивленія съ какимъ апломбомъ та же газета (*National-Zeitung*), вчера еще ожидавшая войны какъ неминуемаго послѣдствія единодушія Европы, съ одной стороны, и упрямства обнаруженнаго Турціей, съ другой, самое перемиріе считаетъ теперь уже признакомъ уступчивости... со стороны Турокъ, на томъ основаніи что послѣдніе занимая въ настоящее время столь выгодное военное положеніе относительно Сербіи, которая теперь болѣе чѣмъ когда-либо лишена всякихъ средствъ къ сопротивленію, могли бы только значительно выиграть отъ прекращенія перемирія въ ночь съ 1 на 2 января. И тутъ же рядомъ *National-Zeitung* упоминаетъ о какихъ-то переговорахъ имѣвшихъ своимъ предметомъ дѣятельное вмѣшательство Австріи съ цѣлью сломить сопротивленіе Турціи,—переговорахъ вслѣдствіе коихъ былъ спѣш-

но вызванъ въ Вѣну графъ Карольи, австрійскій посолъ при Берлинскомъ дворѣ. Казалось бы что если единодушіе между державами дѣйствительно существуетъ, и программа мира имѣющаго быть заключеннымъ выработана представителями державъ во всѣхъ подробностяхъ, то оно не можетъ не касаться и Сербіи, и если послѣдней грозитъ опасность единственно потому что миръ не можетъ состояться вслѣдствіе сопротивленія Турціи совокупнымъ усиліямъ Европы, то одной изъ согласившихся державъ, наиболѣе близкой къ Сербіи, не трудно было бы такъ или иначе защитить ее отъ вторженія Турокъ. Стало-быть одно изъ двухъ: либо Турки не могутъ имѣть никакой выгоды отъ возобновленія военныхъ дѣйствій противъ Сербіи, напередъ зная что каковы бы ни были ихъ „военные подвиги" на сербской территоріи, соединенная Европа, уже выработавшая свою программу будущаго мира, не дозволитъ имъ воспользоваться какими бы то ни было плодами ихъ побѣдъ, либо... либо самое это соглашеніе, о коемъ возвѣщалось въ послѣдніе дни столь громко и внушительно, есть не что иное какъ „звукъ пустой."

Но мы имѣемъ и другія, болѣе прямыя, фактическія доказательства того на сколько искренни всѣ эти заявленія объ единомысліи державъ. Это недавній инцидентъ по поводу „оскорбленія австрійскаго флага" со стороны Сербіи. Объ этомъ дѣлѣ мы уже имѣли случай говорить. Но мы не можемъ не возвратиться къ нему имѣя теперь подъ рукою новыя свѣдѣнія сообщаемыя не русскими и не славянскими газетами, а офиціозною *Сѣверо-Германскою Газетой*. Названная газета приводитъ корреспонденцію изъ Бѣлграда, въ которой изложенъ весь ходъ дѣла, и не считаетъ себя въ правѣ не сообщить оной своимъ читателямъ „въ виду того источника коему газета обязана этими свѣдѣніями." Изъ этой корреспонденціи оказывается что тѣ факты, на основаніи коихъ мы пришли къ заключенію что вся эта исторія была ни чѣмъ инымъ какъ придиркой Австріи къ Сербіи, были еще весьма далеки отъ дѣйствительности. Изъ корреспонденціи видно что 57 Болгаръ сошедшихъ 2 декабря съ парохода *Радецкій* на бѣлградскую набережную, въ чемъ имъ содѣйствовали Сербы находившіеся на набережной, были дѣйствительно задержаны венгерскими властями, которыя отняли у нихъ выданные имъ въ Черногоріи паспорты *на проѣздъ въ Бѣлградъ* и насильственно посадили ихъ на пароходъ отправленный внизъ по Дунаю. Австрійскій уполномоченный князь Вреде, въ грозной нотѣ адресованной имъ Сербскому правительству, утверждалъ, правда, что Болгаръ везли „по ихъ собственному желанію" въ Галацъ. Но фактъ тотъ что Болгары съ воплемъ и ломаніемъ рукъ умоляли Сербовъ освободить ихъ, утверждая что ихъ везутъ въ Виддинъ; этого не отрицаютъ и австрійцы. Возможно ли было бы такое заблужденіе со стороны Болгаръ еслибъ они находились на пароходѣ не въ качествѣ плѣнниковъ, а въ качествѣ свободныхъ пассажировъ? А затѣмъ, если они были свободными пассажирами, то какое дѣло капитану парохода до того гдѣ они высадятся? Самое насиліе со стороны сербской толпы, если таковое было, не доказываетъ ли лучше всего что несчастные Болгары были дѣйствительно плѣнниками и что не напрасны, а совершенно основательны были ихъ опасенія что австро-венгерскія власти готовятъ ихъ въ новую жертву ненасытному Молоху ихъ злополучной родины? И вотъ по поводу этого-то „насилія" со стороны Сербіи противъ австрійскаго флага не только предпринимается самый грозный дипломатическій походъ австрійскимъ генеральнымъ консуломъ, но въ подкрѣпленіе его словъ поспѣшно высылаются изъ Офена подъ стѣны Бѣлграда два монитора. 19 декабря, въ 11 час, утра, одинъ изъ этихъ мониторовъ, *Марошъ*, предпринялъ „прогулку" по Дунаю, и при этомъ подошелъ такъ близко къ стѣнамъ бѣлградской крѣпости что одинъ изъ часовыхъ, руководствуясь строгими правилами военнаго положенія, сначала нѣсколько разъ окликнулъ мониторъ, а когда это не подѣйствовало выстрѣлилъ два раза изъ ружья, но не въ корпусъ судна, а выше его, въ видѣ предостереженія, и при этомъ пуля задѣла верхушку мачты. Черезъ три часа послѣ этого мониторъ снова сталъ предъ стѣнами крѣпости и сдѣлалъ по ней два выстрѣла гранатами; первый выстрѣлъ попалъ въ крѣпость и разрушилъ крышу одного строенія, въ коемъ, къ счастію, не было людей; при второмъ выстрѣлѣ также предназначавшемся для крѣпости, гранату разорвало на самомъ мониторѣ, причемъ пострадало нѣсколько человѣкъ, и самое

судно оказалось неспособнымъ къ продолженію боя. Съ австрійской стороны утверждаютъ что выстрѣлы послѣдовали „случайно;“ но вотъ фактъ удостовѣренный корреспондентомъ: еще въ 10 час. утра того самого дня, т.-е. за часъ до того какъ началась прогулка *Мароша*, корреспондентъ одной австрійской газеты, прибывшій изъ Землина въ Бѣлградъ, говорилъ что австрійскіе мониторы будутъ бомбардировать Бѣлградскую крѣпость. Кромѣ того, корреспондентъ берлинской газеты припоминаетъ что еще въ августѣ корреспондентъ одной вѣнской газеты надѣлалъ большую тревогу телеграммой о томъ будто бы съ сербской крѣпости стрѣляли по австрійскимъ мониторамъ. Извѣстіе это, по тщательномъ изслѣдованіи, оказалось совершенно ложнымъ. Въ добавленіе ко всему этому и чтобы получить совершенно ясное понятіе о значеніи дипломатическаго столкновенія Австріи съ Сербіей стóитъ только просмотрѣть любую изъ мадьярскихъ газетъ за время *послѣ* „удовлетворенія“ полученнаго отъ Сербіи. Венгерская печать крайне недовольна тѣмъ что австрійское правительство приняло это удовлетвореніе и всячески настаиваетъ на томъ что этимъ случаемъ слѣдовало воспользоваться для *военнаго занятія Сербіи*.

Австрійское правительство оказалось благоразумнѣе своихъ мадьярскихъ совѣтчиковъ и покамѣсть не дало дальнѣйшаго хода тѣмъ замысламъ которые очевидно сказались въ грубомъ едва прикрытомъ вызовѣ, гдѣ роль *agents-provocateurs* возложена была на рѣчную флотилію. Но кто можетъ поручиться что подобныя затѣи не возникнутъ вновь въ сферахъ австрійской политики которую даже изъ Берлина не перестаютъ упрекать въ измѣнчивости и вѣчномъ шатаніи!

Но если такъ, если вопреки торжественнымъ увѣреніямъ въ единомысліи и твердо установившемся соглашеніи, и какъ разъ во время установленія этого соглашенія, одна изъ державъ „наиболѣе дружественныхъ“ Россіи обнаруживаетъ поползновенія столь рѣзко противорѣчащія ея „офиціальнымъ“ стремленіямъ, то что же остается думать?

№ 330.

Москва, 22-го декабря.

Journal de St.-Petersbourg дѣлаетъ намъ замѣчаніе по поводу нѣкоторыхъ словъ нашихъ вызванныхъ извѣстіемъ о продолженіи перемирія до 1 марта.

Первое извѣстіе объ этомъ было получено нами изъ Вѣны. Для всѣхъ оно было неожиданностью, и многими было принято за ballon d'essai, тѣмъ болѣе что за нѣсколько дней до того шла рѣчь о томъ чтобъ отсрочить перемиріе лишь на двѣ недѣли. Впрочемъ, мы признавали возможность рѣшенія конференціи въ этомъ смыслѣ и необходимость для русскаго уполномоченнаго согласиться на такое рѣшеніе. Дѣло затянулось такъ долго благодаря разъѣздамъ англійскаго уполномоченнаго ко всѣмъ европейскимъ дворамъ и продолжительнымъ предварительнымъ переговорамъ о вопросѣ, элементы котораго уже были достаточно всѣмъ извѣстны и всѣми взвѣшены. Перемиріе истекало, а конференція еще только приступала къ торгу съ Портой. Еще день-два, и Сербія подвергалась страшной опасности. Турецкимъ полчищамъ открывался свободный путь внутрь этой страны, и не было бы возможности вовремя пособить ей. Лучше было отсрочить еще на два мѣсяца перемиріе чѣмъ допустить эту ужасную альтернативу. Не Россія виновата въ томъ; виною тому двоедушіе другихъ державъ, и грѣха этого таить нечего. Мы увѣрены что Россія такъ или иначе выйдетъ съ честью изъ кризиса, и защищаемое ею дѣло не потерпитъ ущерба; но для этого намъ нѣтъ надобности обходить или скрывать очевидный фактъ. Мы были увѣрены и остаемся увѣрены что при совершенно твердомъ и искреннемъ согласіи державъ, Порта уступила бы требованіямъ и не было бы надобности длить нерѣшительное и тягостное для всѣхъ положеніе.

Journal de St.-Petersbourg говоритъ что между настоящимъ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ и положеніемъ ихъ въ октябрѣ есть значительная разница, причемъ указываетъ на то что въ октябрѣ миръ былъ установленъ безусловно и безъ всякихъ гарантій, между тѣмъ какъ теперь онъ гарантированъ. Такую гарантію онъ видитъ въ томъ что въ настоящее время Европа „въ конференціи высказалась от-

носительно теребуемыхъ ею реформъ и гарантій.“ „Такимъ образомъ, продолжаетъ *Journal de St.-Petersbourg*, миръ, въ случаѣ его заключенія, былъ бы почетный и серіозный.“

Справедливо. Но обратимся къ исторіи, и не далѣе какъ къ 1856 году. Въ то время Европа не только высказалась относительно желаемыхъ ею реформъ, но даже участвовала, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, въ составленіи знаменитаго гатти-гумаюна. А помогло ли это? Реформы „желаемыя“ Европой были исполнены на Ливанѣ, но единственно благодаря занятію его французскими войсками. То же видно изъ событій 1859 года, когда даже Порта *согласилась принять представителей державъ* для преобразованія ея финансовой системы, и однако работы смѣшанной коммиссіи не привели ни къ чему. Тѣмъ труднѣе ожидать какой-либо пользы отъ настоящей конференціи когда не только согласіе державъ не обезпечено, но самыя реформы и гарантіи формулованы лишь „въ принципѣ,“ и когда Порта рѣшительно противится какому бы то ни было вмѣшательству Европы въ ея дѣла. *Journal de St.-Petersbourg* самъ сознается что надо будетъ еще не мало хлопотъ чтобы „преодолѣть“ сопротивленіе Порты“ и превратить „желанія“ въ „факты,“ и что для этого едва будетъ достаточно двухъ мѣсяцевъ. Совершенно вѣрно; думаемъ даже что не только двухъ мѣсяцевъ, а двухъ лѣтъ едва ли было бы достаточно для этого при той „умѣренности“ съ которою относятся державы къ вопросу о превращеніи своихъ благихъ желаній въ факты. „Не вдаваясь въ оптимистическія мечты,“ заключаетъ *Journal de St.-Petersbourg*, „мы думаемъ что миръ, „какимъ его желаетъ Россія, можетъ быть „достигнутъ, если державы останутся твердо соединенными на занятой ими теперь „почвѣ *умѣренности*.“ Но Порта только того и желаетъ чтобы державы оставались на почвѣ „умѣренности,“ и не безпокоили ее требованіемъ какихъ-то гарантій. Она конечно не затруднится издать, кромѣ своей конституціи, еще новый гатти-гумаюнъ, она всегда обнаруживала полную готовность *обѣщать* даже болѣе того чего отъ нея требовали, но никогда ничего не исполняла добровольно.

Завтра, наконецъ, должны мы узнать окончательное рѣшеніе конференціи если только оно еще разъ не будетъ отложено для новаго обсужденія турецкихъ предложеній. Судя по телеграммамъ, это будетъ рѣшительное и послѣднее засѣданіе, и мы получимъ пробу европейскаго *согласія*. Мы первые отъ всей души порадуемся если оно выдержитъ пробу.

Между тѣмъ, положеніе до сихъ поръ принятое Портой показываетъ какую пользу принесла та умѣренность которая рекомендовалась какъ необходимое условіе для сохраненія мира. Порта, которой щекотливость была такъ нѣжно щадима дипломатіей, отвергаетъ все что ей кажется несогласнымъ съ ея достоинствомъ: она не можетъ допустить даже иностранной помощи для организаціи мѣстной полиціи, даже не можетъ обсуждать вопросъ о компетенціи международной коммиссіи для введенія реформъ. Вотъ плодъ поблажекъ Порты по единственно важному вопросу о гарантіяхъ. Возможно еще что въ послѣднюю минуту Турки уступятъ въ чемъ-нибудь. Но возможно и то что поблажки далеко перешли свою цѣль и такъ разожгли страсти что теперь уже и въ самомъ дѣлѣ турецкимъ министрамъ трудно сдѣлать даже незначительныя уступки. Если вѣрить слухамъ, то самъ султанъ будто бы выражалъ маркизу Салсбери опасеніе что софты убьютъ его. Если фактъ вѣренъ, то значитъ въ самомъ правительствѣ Порты наступила дезорганизація, съ которою трудно считаться.

Невольно опять припоминается что дѣло было совсѣмъ иначе въ 1860 году при занятіи Сиріи иностранными войсками. Тогда съ самаго начала заговорили съ Портой твердо, и тогда не было рѣчи ни о ея достоинствѣ, ни о безсиліи султана предъ софтами. Но тогда Европа *дѣйствительно хотѣла* избѣжать войны, и войны не произошло.

№ 331.

Москва, 23-го декабря.

Ежегодные отчеты Государственнаго Контроля по исполненію государственныхъ росписей доходовъ и расходовъ, съ тѣхъ поръ какъ они стали появляться въ свѣтъ, всегда обращали на себя заслуженное вниманіе всѣхъ интересующихся ходомъ нашего государственнаго хозяйства и финансоваго управленія. Но вышедшій недавно

въ свѣтъ отчетъ Государственнаго Контроля за смѣтный періодъ 1875 года отличается особеннымъ интересомъ. 1875 годъ былъ послѣднимъ въ ряду лѣтъ когда государственные бюджеты исполнялись при нормальныхъ обстоятельствахъ, не испытывая вліянія чрезвычайныхъ событій, и контрольный отчетъ за этотъ годъ заключаетъ собою цѣлый рядъ послѣдовательныхъ, фотографически вѣрныхъ снимковъ съ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ государственной жизни въ ея спокойномъ теченіи. Приближающійся къ концу високосный 1876 годъ былъ уже совсѣмъ иного характера. Онъ былъ полонъ треволненій, которыя не могли остаться безъ послѣдствій ни для одной изъ сторонъ народнаго быта, не могли не отозваться и на государственномъ бюджетѣ этого года, и потому будущій контрольный отчетъ объ исполненіи этого бюджета представитъ важный матеріалъ для сужденія о томъ во что обошлись Россіи дипломатическія перипетіи Восточнаго вопроса, но едва ли послужитъ для изученія нашихъ государственныхъ финансовыхъ средствъ и ихъ употребленія. И тѣмъ кого интересуютъ подобныя изслѣдованія можетъ-быть долго придется довольствоваться данными 1875 года, принимая слѣдующіе годы только къ соображенію.

Въ указанномъ отношеніи, вышедшій недавно контрольный отчетъ, конечно, имѣетъ особенное значеніе преимущественно для тѣхъ кто спеціально интересуется изученіемъ финансовыхъ вопросовъ. Но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ интересенъ и для публики.

Въ виду настойчивыхъ толковъ разчитанныхъ на то чтобы въ самой Россіи породить сомнѣніе въ ея силахъ и средствахъ, а въ ея противникахъ отвагу вызывать ее на борьбу, публика заинтересована чтобъ узнать каково въ дѣйствительности наше финансовое положеніе. Правдивый отвѣтъ на это даютъ отчеты Государственнаго Контроля. Это не бюджеты, въ коихъ предполагаемые доходы могутъ не поступить въ дѣйствительности, а предположенные расходы могутъ на дѣлѣ выросги, при помощи сверхсмѣтныхъ кредитовъ, до неузнаваемыхъ цифръ. Это тщательно провѣренные отчеты о дѣйствительно поступившихъ доходахъ и произведенныхъ расходахъ, — это истинная, вѣрная до послѣдней копѣйки, а не воображаемая картина государственныхъ финансовъ. И въ ряду этихъ никогда не лишенныхъ значенія, фотографическихъ картинъ нашего финансоваго положенія, особенный интересъ представляетъ контрольный отчетъ за 1875 годъ, рисующій положеніе нашихъ государственныхъ финансовъ именно наканунѣ того времени какъ Восточный вопросъ сталъ принимать острый характеръ.

Какъ и за прежніе годы, въ цифрахъ этого отчета можно найдти не мало указаній на многія темныя стороны нашего государственнаго хозяйства. Эти указанія заставляютъ желать многихъ серіозныхъ улучшеній въ системѣ нашихъ налоговъ, — улучшеній которыя усилили бы средства казны и вмѣстѣ уменьшили бы тягости лежащія на населеніяхъ. Но не эти указанія, даваемыя разборомъ разныхъ частностей государственнаго бюджета и его исполненія, не реформы тѣхъ или другихъ отраслей нашего государственнаго хозяйства и финансоваго управленія составляютъ главный интересъ текущей минуты. Обо всемъ этомъ можно потолковать послѣ, на досугѣ. Намъ нуженъ теперь не разборъ частностей, а общій выводъ; намъ нуженъ прямой отвѣтъ на вопросъ каково именно нынѣшнее положеніе нашихъ финансовъ, при существующихъ условіяхъ. Идутъ толки о крайнемъ разстройствѣ нашихъ финансовъ. Отличительный, спеціальный признакъ разстройства финансовъ составляютъ хроническіе дефициты. Интересно знать, прежде всего, какъ велики эти дефициты въ которыхъ наглядно выражается разстройство нашихъ финансовъ?

Хроническаго дефицита у насъ не оказывается. Говорящіе о крайнемъ разстройствѣ нашихъ финансовъ судятъ о нихъ заднимъ числомъ. Контрольные отчеты свидѣтельствуютъ что несмотря на всѣ сверхсмѣтные кредиты, разрушающіе иной разъ всѣ бюджетныя предположенія, вотъ уже пять лѣтъ какъ мы вышли изъ эпохи хроническихъ дефицитовъ. 1866 годъ, когда исполненіе бюджета обнаружило дефицитъ въ 60.600.000 руб., равно какъ и слѣдующіе четыре года, давшіе, въ общей сложности, хотя и меньшій чѣмъ одинъ 1866 годъ, но все же крупный дефицитъ 41.013.025 руб. *), уже канули въ вѣч-

*) Собственно 37.294.887 р., такъ какъ остальные 3.781.138 рублей должны были пасть не на государственное казначейство, а на желѣзнодорожный фондъ.

ность. Начиная съ 1871 года, только одинъ 1873 годъ окончился превышеніемъ расходовъ надъ доходами на 1.198.014 руб. Но что значитъ этотъ ничтожный дефицитъ, если въ остальные четыре года, 1871, 1872, 1874 и 1875, въ общей сложности, доходовъ было больше чѣмъ расходовъ на сумму 56.770.853 руб. Что значитъ случайный дефицитъ въ милліонъ двѣсти тысячъ рублей, когда непосредственно вслѣдъ за нимъ, въ 1874 году, перевѣсъ доходовъ надъ расходами простирался на 14.416.557 руб., а въ ближайшемъ 1875 году даже на 33.271.631 руб.

Но и въ эпоху хроническихъ дефицитовъ, особенно въ ея послѣдніе годы, наше финансовое положеніе далеко не было такъ печально какъ хотятъ насъ увѣрить. Послѣ займовъ вызванныхъ дефицитомъ 1866 года, какъ оказывается изъ контрольныхъ отчетовъ, наше казначейство въ теченіи девяти лѣтъ, до минувшаго ноября мѣсяца, ни разу не было вынуждено прибѣгать къ займамъ для подкрѣпленія своихъ средствъ, даже при вышеупомянутыхъ дефицитахъ 1867—1870 годовъ. Единственный заемъ занесенный въ государственную книгу за это время—въ 1869 году, въ размѣрѣ 15.000.000,—былъ сдѣланъ не ради нуждъ казны для покрытія текущихъ расходовъ, а для изъятія изъ обращенія нѣкоторой части кредитныхъ билетовъ. Въ теченіе девяти лѣтъ, начиная съ 1867 года, долги русскаго государственнаго казначейства не росли, а уменьшались, и въ одно пятилѣтіе, начиная съ 1871 года наше казначейство уплатило ихъ слишкомъ на пятьдесятъ милліоновъ рублей (на 52.805.898 руб.), уменьшивъ итогъ оныхъ съ 1.855.876.927 руб. (цифра къ 1-му января 1871 года) до 1.802.971.029 руб. къ 1-му января 1876 года) *).

Помимо этого уменьшенія суммы государственныхъ долговъ, постепенный, медленный, но неуклонный переходъ отъ 60-милліоннаго дефицита въ 1866 году къ 33-милліонному избытку доходовъ надъ расходами въ 1875 году есть главный общій непререкаемый выводъ изъ исторіи нашихъ финансовъ за послѣднее десятилѣтіе. Чтобъ ослабить значеніе этого столь бросающагося въ глаза результата, могутъ сказать что онъ не довольно проченъ, что постоянно возрастающіе итоги расходовъ въ нашихъ бюджетахъ, особенно при эластичности сверхсмѣтныхъ кредитовъ, могутъ повернуть его вверхъ дномъ. Дѣйствительно, контрольные отчеты свидѣтельствуютъ что государственные расходы растутъ у насъ въ непрерывной прогрессіи. Съ 424.904.090 руб. въ 1867 году, они къ 1874 году постепенно доросли до 543.317.034 руб. и только въ 1875 году не сдѣлали еще шага впередъ, а напротивъ даже понизились на ничтожную цифру 95.000 руб. Но тѣ же контрольные отчеты показываютъ что параллельно съ ежегоднымъ возрастаніемъ расходовъ идетъ еще въ большей прогрессіи возрастаніе доходовъ, поднявшихся съ 419.838.426 руб. въ 1867 году до 576.493.152 руб. въ 1875 году. Такимъ образомъ, въ теченіе девяти лѣтъ, на увеличеніе расходовъ на огромную сумму 118.412.944 руб., финансовыя средства, при всей нераціональности эксплуатаціи оныхъ, отвѣтили увеличеніемъ доходовъ на сумму еще болѣе почтенную — на 156.654.726 руб. Затѣмъ, что касается сверхсмѣтныхъ кредитовъ, этого существеннаго зла нашихъ бюджетовъ, отчеты Государственнаго Контроля свидѣтельствуютъ что и это зло не представляетъ собою неизцѣлимой язвы. До 1872 года, годовой итогъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ на обыкновенные расходы упорно держался на цифрѣ 30—37 милліоновъ рублей. Но съ 1873 года этотъ застарѣлый недугъ нашей бюджетной системы началъ наконецъ уступать лѣченію, и итогъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ, съ 34.488.164 руб. въ 1872 году, сталъ постепенно понижаться

въ 1873 году	до 26.367.822	руб.
1874 „	„ 23.695.125	„
1875 „	„ 15.703.821	„

Не будемъ пока входить въ дальнѣйшія подробности. Сказаннаго достаточно чтобы видѣть при какихъ ауспиціяхъ въ области своихъ финансовъ вступила Россія въ 1876 годъ, въ который роковымъ ходомъ исторіи сдѣланъ ей призывъ къ дѣятель-

*) Въ эти итоги долговъ входятъ какъ долги по займамъ Царства Польскаго, такъ и безпроцентный долгъ Государственному Банку за ту часть находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ которая не покрыта металлическимъ фондомъ, но не входятъ ни 5% билеты 1-го и 2-го выпусковъ, ни консолидированныя облигаціи желѣзныхъ дорогъ, погашаемыя не изъ средствъ государственнаго казначейства, а изъ особыхъ источниковъ.

ному участію въ рѣшеніи судебъ христіанскаго Востока. При всѣхъ неправильностяхъ въ ходѣ своего государственнаго хозяйства, при всѣхъ несовершенствахъ въ системѣ своего финансоваго управленія, Россія встрѣтила 1876 годъ въ сознаніи что за долгій періодъ времени ея финансовое положеніе ни разу еще не было столь благопріятно какъ нынѣ. Неуклонно развивающіяся силы страны дозволили ей перейти отъ дефицитовъ къ удовлетворенію обычныхъ нуждъ текущими доходами. За удовлетвореніемъ этихъ нуждъ, она вотъ уже девять лѣтъ, вмѣсто заключенія новыхъ займовъ, занята уплатою прежнихъ. При возрастаніи государственныхъ расходовъ, средства на ихъ удовлетвореніе растутъ еще въ большей прогрессіи. Благодаря сокращенію сверхсмѣтныхъ ассигновокъ, въ 1875 году удалось, наконецъ, въ первый разъ положить предѣлъ самому возрастанію нормальныхъ государственныхъ издержекъ. За всѣмъ этимъ, наконецъ, государственная казна къ 1-му января 1876 года, сверхъ 10 милліоновъ не израсходованныхъ суммъ, оставляемыхъ въ распоряженіи Военнаго и Морскаго вѣдомствъ на случай превышенія ими ихъ нормальныхъ бюджетовъ, располагала совершенно свободными отъ всякаго назначенія образовавшимися отъ избытка доходовъ остатками суммъ въ размѣрѣ слишкомъ *сорока милліоновъ* рублей,—обстоятельство, на которое не безъ гордости указано въ объяснительной запискѣ къ послѣднему контрольному отчету ея составителями, замѣтившими что „едва ли и „въ другихъ государствахъ Европы министръ финансовъ вступалъ въ новый „годъ съ такимъ блистательнымъ состояніемъ государственной казны."

Таковы въ общихъ чертахъ, главные, документально засвидѣтельствованные факты для сужденія о положеніи русскихъ финансовъ. Они такъ краснорѣчивы сами по себѣ, что было бы смѣшно доказывать какъ неосновательны сужденія пессимистовъ трубящихъ о крайне печальномъ состояніи финансовыхъ средствъ Россіи. Да едва ли и сами эти пессимисты вѣрятъ въ то что говорятъ.

№ 332.

Москва, 24-го декабря.

Приведенные нами вчера изъ отчетовъ Государственнаго Контроля документальные цифровые выводы не оставляютъ сомнѣнія во лживости безпрестанно повторяемыхъ увѣреній что финансы Россіи находятся чуть ли не на краю пропасти. Но при всемъ краснорѣчіи, при всей убѣдительности утверждающихъ противное цифръ контрольнаго отчета, онѣ сами по себѣ не устраняютъ одного возраженія которое, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, можетъ показаться весьма серіознымъ. Можно сказать что хотя эти цифры и свидѣтельствуютъ объ относительно благопріятномъ состояніи русскихъ финансовъ, но—только для мирнаго времени. Очень хорошо, скажутъ, что у насъ при нормальныхъ условіяхъ государственной жизни нѣтъ дефицитовъ, а напротивъ значительный избытокъ доходовъ надъ расходами; очень хорошо что, благодаря возрастанію народнаго благосостоянія и нѣкоторымъ мѣрамъ въ сферѣ финансоваго законодательства, поступленіе доходовъ постоянно на большія суммы превышаетъ ожиданія составителей бюджетовъ, такъ что графа „на недоборъ въ податяхъ" становится почти излишнею. Но этимъ можно де довольствоваться только при условіяхъ мирнаго времени. Примѣры недавнихъ лѣтъ показываютъ какихъ громадныхъ издержекъ требуютъ войны при нынѣшнихъ условіяхъ ихъ веденія. Государства съ несравненно лучшими финансами чѣмъ наши не могутъ разчитывать на покрытіе такихъ издержекъ изъ средствъ текущихъ доходовъ, а должны прибѣгать къ займамъ. Въ случаѣ войны, не миновать займовъ и намъ. Но во что, спросятъ, обойдутся намъ эти займы при нынѣшнемъ положеніи нашего кредита? Да и удадутся ли намъ займы даже на самыхъ тяжкихъ условіяхъ? По израсходованіи прошлогоднихъ остатковъ свободныхъ суммъ на укрѣпленіе черноморскихъ береговъ, намъ понадобился заемъ при мобилизаціи части нашей арміи. И что же? Какой де урокъ даетъ намъ эта первая проба заключенія займовъ для военныхъ надобностей? Какъ далеко,—воскликнутъ въ заключеніе наши совопросники,—какъ далеко не оправдали эти 123.590.000 руб-

лей, данные подпиской, тѣхъ ожиданій которыя на нее возлагались!

Не отрицаемъ: ожиданія многихъ были обмануты. Но какія ожиданія? Обманутыя ожиданія бываютъ разнаго рода. Многіе ожидаютъ непремѣннаго выигрыша двухсотъ тысячъ рублей на свой билетъ въ предстоящій тиражъ 2 января; многіе съ наивною вѣрой ожидаютъ что въ день взятія Русскими Константинополя начнется свѣтопреставленіе. Преувеличенныя ожиданія возлагавшіяся на ноябрьскую подписку относятся къ категоріи мечтаній позволительныхъ только людямъ совершенно невиннымъ въ дѣлѣ финансовъ и государственнаго кредита. Люди способные здраво судить объ этихъ предметахъ отнюдь не раздѣляли такихъ мечтательныхъ ожиданій. Когда стали извѣстны условія подписки, мы не могли защититься отъ опасенія, чтобы при томъ огромномъ рискѣ съ которымъ она была объявлена, слишкомъ вѣроятная неудача ея не произвела тяжелаго впечатлѣнія на публику. Мы не высказывали нашихъ сужденій въ то время чтобы не повредить подпискѣ. Иное дѣло теперь, post factum, послѣ того какъ нашъ государственный кредитъ съ торжествомъ вышелъ изъ испытанія, послѣ того какъ подписка на заемъ, которую, судя по ея условіямъ, могло постигнуть полное фіаско, съ избыткомъ покрыла всю объявленную сумму.

При ноябрьскомъ займѣ, выпускались на биржу не какія-нибудь новыя невѣдомыя публикѣ цѣнныя бумаги; выпускались столь знакомые всѣмъ пятипроцентные государственные билеты. Чтобы достойно оцѣнить условія на которыхъ такъ благополучно совершился послѣдній ноябрьскій выпускъ этихъ билетовъ, не мѣшаетъ сравнить ихъ съ тѣми условіями на которыхъ состоялся предыдущій, третій выпускъ ихъ, въ 1869 году. Выпускъ тогда производился въ самомъ скромномъ размѣрѣ, всего на 15 милліоновъ рублей — цифра относительно ничтожная, которая должна была потонуть въ массѣ находившихся уже въ обращеніи пятипроцентныхъ билетовъ перваго и втораго выпусковъ (на сумму около трехсотъ милліоновъ рублей), и потому не могла своимъ появленіемъ на биржѣ много понизить установившуюся цѣну этихъ бумагъ. Цѣны пятипроцентныхъ билетовъ на Петербургской биржѣ, въ предшествовавшемъ выпуску мѣсяцѣ, стояли такъ:

	Высшія.	Низшія.	Среднія.
1-го выпуска	92	88	90
2-го выпуска	$90^1/_2$	86	$88^1/_4$
Въ среднемъ выводѣ. . . .	$91^1/_4$	87	$89^1/_8$

По какой цѣнѣ, въ виду указанныхъ биржевыхъ цѣнъ, найдено было возможнымъ выпустить въ обращеніе новую партію билетовъ на какіе-нибудь пятнадцать милліоновъ рублей? По 83 за сто; на $6^1/_8$ ниже существовавшихъ цѣнъ въ среднемъ выводѣ; на 3 ниже самой низшей изъ всѣхъ цѣнъ до которыхъ опускались на биржѣ эти билеты.

Въ минувшемъ ноябрѣ понадобилось выпустить разомъ пятипроцентныхъ билетовъ не на пятнадцать, а на сотню милліоновъ, то-есть такую массу, отъ появленія которой на биржѣ слѣдовало ожидать большаго пониженія цѣнъ на находившіеся уже въ обращеніи билеты прежнихъ выпусковъ. Цѣны на нихъ (почти одинаковыя для всѣхъ трехъ выпусковъ), въ предшествовавшемъ новому выпуску октябрѣ мѣсяцѣ, стояли такъ:

	Высшая.	Низшая.	Средняя.
На Петербургской биржѣ.	98	93	$95^1/_2$
На Московской биржѣ.	$97^1/_2$	$92^1/_2$—$91^1/_2$	$94^1/_2$

По какой цѣнѣ, въ виду такихъ биржевыхъ отмѣтокъ, рѣшено было бросить въ обращеніе почтенную массу новыхъ билетовъ на цѣлую сотню милліоновъ рублей? По 92 за сто; не на $6^1/_8$, какъ при 15 милліонномъ займѣ, а только на $3^1/_2$ ниже среднихъ цѣнъ существовавшихъ на Петербургской биржѣ; не на 3, а только на 1 ниже низшихъ цѣнъ на той же биржѣ!

Похожи ли эти условія на такія которыя обезпечивали бы успѣхъ довольно крупнаго займа и давали бы основанія ожидать блестящей на него подписки? Такое ли отношеніе выпускной цѣны къ биржевой было принято, напримѣръ, при заключеніи нашего втораго Англо-Голландскаго пятипроцентнаго займа (4 ноября 1866 г.), сходнаго по своимъ условіямъ съ первымъ Англо-Голландскимъ займомъ 1864 года? Нѣтъ, второй Англо-Голландскій заемъ (на сумму 31.357.000 гульденовъ и 3.342.000 ф. стерл.), несмотря на невыгодность нашего вексельнаго курса далеко меньшій по суммѣ чѣмъ послѣдній ноябрьскій внутренній заемъ, найдено было возможнымъ

выпустить лишь при значительномъ пониженіи выпуской цѣны противъ биржевой, гораздо большемъ чѣмъ то пониженіе какое было допущено при внутреннемъ 15 милліонномъ займѣ 1869 года. Наканунѣ заключенія втораго Англо-Голландскаго займа, въ октябрѣ 1866 года, первый Англо-Голландскій заемъ на Берлинской биржѣ стоялъ твердо, безъ малѣйшихъ колебаній на 93% за сто, а на Лондонской биржѣ колебался лишь между $92_{,58}$% и $91_{,69}$%,—и въ виду такихъ отмѣтокъ, второй Англо-Голландскій заемъ былъ реализованъ всего по 83 за сто, на $9_{,58}$—$8_{,69}$% ниже лондонскихъ и на 10% ниже берлинскихъ биржевыхъ отмѣтокъ по первому займу. Какой контрастъ съ вышепоказанною мизерною сбавкой противъ биржевой цѣны при объявленіи подписки на недавній ноябрьскій, болѣе крупный, стомилліонный внутренній заемъ!

Могутъ сказать что взятые для сравненія примѣры слишкомъ далеки отъ насъ по времени, что послѣ 1866 года, когда заключался второй Англо-Голландскій заемъ, и послѣ 1869 года, когда происходилъ третій выпускъ пятипроцентныхъ государственныхъ билетовъ, слишкомъ много воды утекло. При тогдашнемъ состояніи нашихъ финансовъ, при нашемъ тогдашнемъ кредитѣ, можно было радоваться и тому что удавалось занимать деньги изъ 5% по 83 за сто; но теперь, спустя отъ семи до десяти лѣтъ съ того времени, при достигнутомъ за этотъ періодъ улучшеніи финансовъ и укрѣпленіи государственнаго кредита, что, скажутъ, за радость заключить стомилліонный пятипроцентный заемъ по 92 за сто, правда, безъ особыхъ хлопотъ, но и безъ желаннаго блеска? Что̀ сравнивать его съ займами 1866 и 1869 годовъ? Сравнивайте его съ послѣдними, болѣе близкими намъ по времени, желѣзнодорожными займами. Возьмите въ разчетъ что послѣдній, пятый выпускъ консолидированныхъ желѣзныхъ облигацій (29 марта 1875 года), уже не пятипроцентныхъ какъ первые четыре выпуска, а $4^1/_2$ процентныхъ былъ реализованъ за границей по 90 за сто, а частію ($6^1/_2$ милл. ф. стерл. изъ 15 милл.) въ самой Россіи по 92 за сто.

Успѣшность заключенія послѣднихъ желѣзнодорожныхъ займовъ есть фактъ общеизвѣстный. Мы очень хорошо знаемъ что, напримѣръ, облигаціи 3-го выпуска (27 марта 1872 года) консолидированныхъ облигацій (5%) были реализованы за границей по курсу не ниже 87 за сто, что такія же облигаціи 4-го выпуска (14 ноября 1873 года) были реализованы частію въ Лондонѣ и Парижѣ по 91 за сто, частію чрезъ нашъ Государственный Банкъ, по 93 за сто, частію, наконецъ, по разнымъ курсамъ, и что реализація облигацій 5-го выпуска была еще выгоднѣе. Но мы знаемъ также что ни въ условіяхъ срочности подписки и денежныхъ взносовъ, ни въ обширности денежныхъ рынковъ участвовавшихъ въ займахъ, ни въ иныхъ обстоятельствахъ мѣста и времени между желѣзнодорожными займами и послѣднимъ ноябрьскимъ выпускомъ пятипроцентныхъ государственныхъ билетовъ нѣтъ ничего общаго. Не говоримъ уже о томъ что, напримѣръ, $4^1/_2$ процентные займы не могутъ быть сравниваемы съ пятипроцентными, ибо малопроцентные займы, въ разчетѣ на тиражъ, вообще всегда цѣнятся противъ крупнопроцентныхъ относительно выше, на чемъ и была основана въ не очень давнее время столь извѣстная финансовая операція одного изъ Наполеоновскихъ министровъ. Мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ другія обстоятельства.

Сроки реализаціи желѣзнодорожныхъ облигацій были самые льготные; облигаціи не разобранныя сразу могли быть даже, по особымъ распоряженіямъ министра финансовъ, пріобрѣтаемы въ послѣдствіи „по разнымъ курсамъ.“ Срокъ подписки на ноябрьскій выпускъ государственныхъ билетовъ былъ строго ограниченъ какими-нибудь четырьмя днями для Москвы и Петербурга и семью днями для прочихъ городовъ гдѣ имѣются конторы и отдѣленія Государственнаго Банка.

Суммы поступавшія по желѣзнодорожнымъ займамъ подолгу оставались на текущемъ счету въ тѣхъ самыхъ рукахъ чрезъ посредство которыхъ были заняты *). Это не маловажная выгода: иначе не было бы такой конкурренціи между банками и банкирскими конторами по возвышенію процентовъ для привлеченія къ себѣ капиталовъ на текущіе счеты. При послѣднемъ ноябрьскомъ займѣ о такой выгодѣ для кредиторовъ казны не могло быть и рѣчи.

*) По счету суммъ состоящихъ въ распоряженіи Министерства Финансовъ у банкировъ къ 1 января 1876 года, по отчету Государственнаго Контроля, значилось 81.044 172 руб.

Разсрочка во взносахъ при реализаціи желѣзнодорожныхъ консолидированныхъ облигацій допускалась неслыханная. Условія реализаціи пятипроцентныхъ облигацій 3-го выпуска (1872 года), напримѣръ, выпускавшихся чрезъ посредство банкирскихъ домовъ Н. М. Ротшильдъ въ Лондонѣ и братьевъ Ротшильдъ въ Парижѣ по 87 за 100, допускали уплату въ *десять* сроковъ *равными частями*. Выпущенные въ ноябрѣ, по 92 за сто, пятипроцентные билеты имѣли быть оплачены не въ десять, а только въ *шесть* сроковъ, причемъ первый взносъ равняется не десятой долѣ подписной цѣны, а *четверти* цѣны номинальной, не 9 р. 20 к., а 25 р. на билетъ: разница весьма ощутительная.

Еще важнѣе разница въ обширности денежныхъ рынковъ на которыхъ помѣщались облигаціи желѣзнодорожныхъ займовъ и билеты ноябрьскаго займа. Первые выносились для сбыта одновременно и на всемірные денежные рынки Лондона и Парижа, и на внутренніе рынки, причемъ, благодаря продолжительности реализаціи, участіе въ займахъ было доступно для всего населенія Россіи. Билеты послѣдняго ноябрьскаго займа были вынесены для сбыта только на тѣсномъ денежномъ рынкѣ двухъ нашихъ столицъ и тѣхъ городовъ гдѣ есть конторы и отдѣленія Государственнаго Банка. При полной неожиданности для публики условій на которыхъ объявлена была подписка на заемъ,—многіе ожидали почему-то лотерейнаго займа, почему выигрышные билеты сильно падали въ цѣнѣ, а въ день объявленія займа тотчасъ же поднялись въ цѣнѣ на три рубля,—и въ виду краткаго срока назначеннаго для подписки, населенія другихъ городовъ и уѣздовъ почти вовсе лишены были возможности принять въ ней участіе. Не вѣдать этого могутъ только кабинетные люди, воображающіе что съ постройкой желѣзныхъ дорогъ пространство уже не существуетъ, и не имѣющіе понятія о нашихъ средствахъ сообщенія. Вотъ что недавно писалъ о нихъ нашъ корреспондентъ изъ провинціи.

„Чтобы судить о положеніи нашихъ внутреннихъ сообщеній достаточно сказать что уѣздные города одной и той же губерніи, хотя бы напримѣръ Полтавской, не имѣютъ, за ничтожными исключеніями, никакого прямаго почтоваго между собою и съ губернскимъ городомъ сообщенія, хотя разстоянія между ними не болѣе 50—80 верстъ. Письмо изъ Лохвицы въ Лубны, напримѣръ, должно совершать чуть ли не кругосвѣтное путешествіе: на дняхъ я получилъ два письма въ Золотоношѣ, одно изъ Вѣны, другое изъ роднаго Зенькова, Полтавской губерніи. Первое шло шесть сутокъ, послѣднее странствовало восемь... Воспользоваться приглашеніемъ г. Ламанскаго участвовать въ подпискѣ на внутренній заемъ — въ уѣздахъ немыслимо. Подписка въ уѣздныхъ казначействахъ пока еще не придумана, а сроки подписки, какъ видно не терпящіе отлагательства, таковы (всего 5 — 6 дней) что не позволяютъ провинціаламъ, по недостатку почтовой гоньбы, добраться до счастливой *губерніи*, гдѣ есть контора Государственнаго Банка, подвѣдомая тому же самому министерству что и уѣздныя казначейства. Захватъ билетовъ въ руки спекулянтовъ Петербургской биржи вполнѣ обезпеченъ.“

Но есть еще болѣе важное различіе въ условіяхъ при которыхъ заключались желѣзнодорожные займы и послѣдній государственный: условія эти заключаются въ измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ. При подпискѣ на займы разчеты подпищиковъ не ограничиваются помѣщеніемъ сбереженій за такой-то процентъ; въ разчеты входитъ еще другой элементъ— выиграть въ непродолжительномъ времени на подъемѣ курса выпускаемыхъ по пониженному курсу бумагъ. Но такой разчетъ имѣетъ мѣсто только въ мирныя времена, когда политическій горизонтъ не омрачается грозовыми тучами, столь чувствительно отзывающимися на биржевыхъ операціяхъ. Въ такія-то мирныя времена выпускались 3, 4 и 5-й выпуски консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій. Совсѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ шла ноябрьская подписка на 5 процентные билеты, производившаяся одновременно съ мобилизаціей нашихъ войскъ, въ ожиданіи что не сегодня, завтра наша армія перейдетъ черезъ Дунай, и вспыхнетъ война, коей размѣровъ и продолжительности никто не можетъ опредѣлить даже гадательно. Въ виду такихъ обстоятельствъ, условія ноябрьскаго займа слѣдуетъ сравнивать не съ тремя послѣдними желѣзнодорожными займами мирныхъ временъ, а со вторымъ ихъ выпускомъ 17 февраля 1871, предпринятымъ въ то время когда еще не умолкли громы Франко-Прусской

войны. Сколько хлопотъ нужно было тогда чтобы, въ виду приходившихъ къ концу политическихъ замѣшательствъ нисколько насъ не касавшихся, реализовать наши 5-процентныя желѣзнодорожныя облигаціи по 79 за сто! И вотъ теперь, въ виду политическихъ замѣшательствъ непосредственно насъ касающихся и могущихъ завлечь насъ въ долгую и упорную войну, мы дѣлаемъ дѣйствительно блистательный заемъ по 92 за сто, и еще удивляемся какъ подписка на такой заемъ не дала какихъ-то блистательныхъ результатовъ!

Намъ мало удачи въ дѣлѣ, которое было поставлено такъ что удача была почти невозможна: намъ нуженъ еще блескъ громаднаго наплыва въ конторы Банка подписчиковъ на маловыгодный заемъ, съ разверсткой между ними чуть ли не по одному на десять подписанныхъ билетовъ! Но откуда же можно было ожидать подобнаго наплыва? Для мелкихъ сбереженій, помимо публики столицъ и банковыхъ городовъ, участіе въ подпискѣ, какъ объяснено выше, было почти недоступно; да кромѣ того эта публика могла одновременно и вовсе не рискованно находить отличное помѣщеніе для своихъ сбереженій въ пользующихся прекрасною репутаціей облигаціяхъ столичныхъ городскихъ обществъ, приносящихъ тѣ же 5%, покупая ихъ не по 92, а съ небольшимъ по 80 за сто. Купцы, употребляющіе часто 5% государственные билеты при взаимныхъ разчетахъ вмѣсто наличныхъ денегъ? Но для такихъ разчетовъ имъ достаточно и тѣхъ билетовъ которые уже находились въ обращеніи; помѣщать же свои наличныя средства на 5% по 92 за сто имъ вовсе не разчетъ, когда наличныя деньги такъ имъ дороги что они учитываютъ свои векселя въ банкирскихъ конторахъ не ниже 12%, и когда надобность въ наличныхъ средствахъ особенно возрасла для нихъ въ виду предстоящей съ Новаго Года уплаты таможенныхъ пошлинъ звонкою монетой, причемъ интересъ вынуждаетъ торговцовъ очистить пошлиной находящуюся нынѣ въ таможенныхъ складахъ массу привозимыхъ товаровъ ранѣе 1 января, а для этого, говорятъ, въ одномъ декабрѣ придется разомъ внести въ казну болѣе 30 милліоновъ. Банкирскія конторы? Но для нихъ вся выгода прямаго участія въ займахъ заключается въ перспективѣ повышенія курса. А какова была эта перспектива въ моментъ объявленія ноябрьскаго займа? Впереди—война чуть не на носу, а вмѣстѣ съ нею, при неизбѣжности новыхъ займовъ, не повышеніе, а пониженіе бумажныхъ цѣнностей. Позади—ровно за мѣсяцъ до объявленія займа, состоявшіяся на Московской биржѣ сдѣлки на 5% государственные билеты не только по $92^1/_2$, но и по $91^1/_2$ за сто. Нечего сказать, большая находка пріобрѣсти, наканунѣ весьма возможной войны, по 92 за сто бумаги которыя въ мирное время, до новаго займа, продавались по $91^1/_2$! Есть изъ-за чего ломиться толпой въ двери Государственнаго Банка!

Въ виду всего этого можно только подивиться и порадоваться что заемъ не только не потерпѣлъ фіаско, но напротивъ былъ покрытъ съ избыткомъ. Подписка на 123.590.000 есть не просто удача,—это блестящая удача, свидѣтельствующая о такомъ обиліи капиталовъ въ рукахъ публики и о такой готовности помѣщать ихъ въ государственные займы какихъ почти невозможно было ожидать.

Насъ упрекнутъ можетъ-быть за то что мы судимъ о результатахъ ноябрьскаго займа съ точки коммерческихъ разчетовъ. Въ данномъ случаѣ, скажутъ намъ, побужденіемъ къ участію въ займѣ должны были служить не одни разчеты денежныхъ выгодъ, но и высшія патріотическія соображенія. Цѣль съ какою дѣлался заемъ столь сочувственна всѣмъ классамъ Русскаго народа что позволительно де было надѣяться что это сочувствіе выразится всеобщимъ участіемъ въ займѣ, хотя бы и не предоставлявшемъ особенныхъ выгодъ. Нѣтъ, подобныя сужденія и соображенія въ дѣлѣ государственнаго кредита не могутъ быть допущены. Биржа не знаетъ патріотизма, и въ послѣдніе годы царствованія Наполеона I доказала это самымъ нагляднымъ образомъ. Патріотизмъ можетъ выражаться пожертвованіями имущества, личныхъ удобствъ, собственной крови и жизни, но онъ не выражается биржевыми или кредитными операціями. Если не разчетъ денежныхъ выгодъ, а патріотическія соображенія должны были играть первенствующее значеніе въ побужденіяхъ къ подпискѣ на заемъ, то зачѣмъ было объявлять его по 92 за сто? Почему не по 100 за 100? Ужь жертвовать, такъ жертвовать.

И русскій народъ въ своей исторіи до-

казалъ свою способность и готовность къ принесенію жертвъ когда государство вынуждалось обращаться съ призывомъ къ жертвамъ, а въ настоящемъ случаѣ и необходимости еще не было, и самая война еще представляетъ только возможность. Въ 1812 году, помимо того что дворянство вооружило на свой счетъ до 300.000 ратниковъ, общій итогъ пожертвованій на военныя издержки простирался до ста милліоновъ рублей, сумма, по тогдашней цѣнѣ денегъ, несравненно болѣе крупная чѣмъ въ наше время та сотня милліоновъ на которую шла подписка въ минувшемъ ноябрѣ. Но жертвы эти приносились прямо, не черезъ биржу. При всемъ энтузіазмѣ патріотизма выразившемся во всѣхъ помянутыхъ жертвахъ, еслибы недавній заемъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ былъ объявленъ въ тогдашнее время, — смѣло можно сказать что онъ потерпѣлъ бы фіаско. Никого изъ отказавшихся участвовать въ недавнемъ займѣ или участвовавшихъ лишь на малыя суммы невозможно упрекать за недостатокъ патріотизма, какъ никто не упрекнетъ въ этомъ недостаткѣ тѣхъ купцовъ которые торопятся нынѣ вносить пошлины въ прежнемъ размѣрѣ чтобы не вносить ихъ черезъ недѣлю въ увеличенномъ. А вѣдь они знаютъ конечно что казна получила бы нѣсколько лишнихъ милліоновъ еслибъ они отсрочили внесеніе пошлинъ до 1 января.

У насъ хотятъ видѣть недостатокъ сочувствія къ цѣли займа въ томъ что этотъ маловыгодный заемъ былъ покрытъ съ избыткомъ противъ требованія всего на 23.590.000 руб. Но въ какомъ несочувствіи интересамъ государства пришлось бы упрекать Нѣмцевъ за результаты займа который былъ объявленъ Пруссіей при объявленіи ею въ 1870 году войны Наполеону, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Кениггреца и сдѣланнаго вслѣдъ за нимъ перваго шага къ объединенію Германіи, такъ высоко поднявшаго патріотическое настроеніе Германскаго народа? Заемъ былъ объявленъ на сумму близко подходящую къ суммѣ недавняго нашего ноябрьскаго, — именно на сумму 120 милліоновъ талеровъ. Былъ онъ объявленъ не по 92 за сто какъ у насъ, — а по 88 за сто: замѣтьте! Подписка на столь выгодныхъ сравнительно условіяхъ, шла при самыхъ восторженныхъ патріотическихъ демонстраціяхъ, при пѣніи гимна Wacht am Rhein въ самыхъ стѣнахъ Берлинской биржи. И что же? Подписка не покрыла сполна даже одной четверти объявленнаго займа, не дала даже полныхъ тридцати милліоновъ! Можно ли послѣ этого не признавать результатъ нашего послѣдняго займа положительно блестящимъ?

№ 333.

Москва, 28-го декабря.

Еще въ пятницу на прошедшей недѣлѣ должны мы были ожидать, какъ положительно увѣдомляли телеграммы, окончательнаго рѣшенія Константинопольской конференціи. Предполагалось что засѣданіе въ четвергъ, 23 декабря (4 января нов. ст.), будетъ послѣднимъ, и что въ случаѣ рѣшительнаго отказа Порты державы исполнятъ свою угрозу, отзовутъ своихъ уполномоченныхъ и пословъ изъ Константинополя, и такимъ образомъ послѣдуетъ дипломатическій разрывъ Европы съ Портой. Прошла еще почти недѣля, и мы ни на шагъ не подвинулись къ мирному исходу, котораго ревностно добиваются дѣйствующіе въ полномъ единодушіи дипломаты. Телеграммы этихъ дней только повторяли намъ сбивчивыя извѣстія о продолжающихся безконечныхъ переговорахъ которые вертятся все на одномъ и томъ же; европейскіе делегаты съ такимъ же терпѣніемъ продолжаютъ убѣждать Турокъ къ уступчивости, подавая имъ примѣръ собою, съ какимъ упорствомъ Турки повторяютъ свое *non possumus*. Послѣ четверга, окончательное рѣшеніе было отложено до понедѣльника, а сегодня телеграфъ извѣщаетъ что вчера оно было вновь отсрочено до среды, и присовокупляетъ что, по общему убѣжденію, конференція будетъ имѣть еще „лишь немного засѣданій.“ Другая телеграмма возвѣщаетъ что конференція, по всему вѣроятію, окончится на этой недѣлѣ.

Въ теченіе этихъ затянувшихся переговоровъ, „умѣренность“ соединенной Европы, которая рекомендовалась какъ лучшее средство достигнуть мира почетнаго, какимъ можетъ желать его Россія, была простерта до послѣдней крайности. Конференція не только допустила со стороны Порты самое широкое обсужденіе европейской программы выработанной для улучшенія быта христіанъ,—программы самой

умѣренной и далеко сокращенной и пониженной въ своихъ требованіяхъ даже противъ первоначальныхъ англійскихъ предложеній послужившихъ основаніемъ къ созыву конференціи, — но, во вниманіи къ достоинству Порты, соглашалась урѣзывать и видоизмѣнять даже эту програму. Напримѣръ, утверждаютъ будто бы конференція уже отказалась отъ требованія чтобы турецкія войска въ провинціяхъ о которыхъ идетъ рѣчь были сосредоточены лишь въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ и главныхъ городахъ. Уступка важная, которою не упрощается, а усложняется рѣшеніе вопроса о гарантіи. Но уступчивость европейскихъ уполномоченныхъ шла еще далѣе. Они терпѣливо переносили всѣ проволочки Турокъ; когда, напримѣръ, турецкіе делегаты, уже зная въ точности предъявленную имъ программу, являлись на третье и четвертое засѣданіе съ заявленіемъ что не имѣютъ полномочій для рѣшительнаго отвѣта, имъ давалась еще новая отсрочка. Наконецъ, конференція снисходила къ обсужденію турецкихъ встрѣчныхъ предложеній. Съ турецкими министрами, великимъ визиремъ, самимъ султаномъ, европейскіе уполномоченные говорили твердо, ими уже вытребованы суда для отъѣзда изъ турецкой столицы, но на дѣлѣ они были удивительно мягки, предупредительны, уступчивы. Далѣе этого оставалось бы только развѣ довести умѣренность до того чтобы вовсе отказаться отъ программы европейскаго концерта и признать превосходство надъ нею либерализма самой Порты.

Замѣчательно, какъ съ каждою новою уступкой, съ каждымъ новымъ доказательствомъ умѣренности, расточавшіяся прежде въ каждой телеграммѣ надежды на благопріятный и мирный исходъ конференціи становились слабѣе, наконецъ вовсе замолкли, и теперь уступили мѣсто тревожнымъ ожиданіямъ. Турки и сегодня, какъ недѣлю тому назадъ, отвергаютъ рѣшительно всякіе переговоры на почвѣ европейскаго вмѣшательства въ ихъ управленіе христіанами. До сихъ поръ ими даже въ принципѣ не принятъ ни одинъ пунктъ программы конференціи. Вслѣдствіе этого, если только дипломатическая уступчивость предъ Портой не дошла еще до послѣдней границы, то разрывъ теперь повидимому считается болѣе вѣроятнымъ чѣмъ мирный исходъ.

Чѣмъ же можно объяснить себѣ это непонятное ослѣпленіе и упорство Порты, приводящее въ удивленіе даже нѣкоторыя туркофильскія газеты, когда державы расположены оказать ей всевозможную, совершенно незаслуженную ею снисходительность, и когда въ то же время представители ихъ дѣйствуютъ повидимому единодушно? Мы уже высказывали сомнѣніе въ этомъ единодушіи, возбуждаемое проволочками Порты и дипломатическими поблажками ей, и эта мысль приходила не намъ однимъ. Даже въ англійской печати замѣчалось что-то не ладное, и она находитъ что Порта врядъ ли стала бы противиться требованіямъ конференціи не будучи никѣмъ къ тому поощряема. „Здѣсь, въ Перѣ, пишетъ корреспондентъ *Times*, удивительное согласіе между европейскими уполномоченными; но мы ничего не знаемъ объ истинныхъ намѣреніяхъ кабинетовъ, и не увѣрены въ томъ что тайныя внушенія ихъ представителямъ соотвѣтствуютъ ихъ явнымъ инструкціямъ.“ А если Порта была поощряема въ своемъ упорствѣ, то по словамъ корреспондента *Daily News*, подозрѣніе не могло пасть ни на кого кромѣ сэръ-Генри Элліота или Австріи. Однако въ томъ или другомъ корреспондентъ еще не увѣренъ, и даетъ другое объясненіе которое ему кажется по крайней мѣрѣ не менѣе, если не болѣе, правдоподобнымъ. Интриги со стороны сэръ-Генри Элліота противъ своего начальника, лорда Салсбери, представляются корреспонденту слишкомъ „чудовищною“ возможностью и онъ отвергаетъ это предположеніе, „несмотря на нѣкоторые факты указывающіе на то.“ Онъ не находитъ также достаточныхъ основаній подозрѣвать Австрію, „хотя она недовольна, видя такое доброе согласіе между лордомъ Салсбери и генераломъ Игнатьевымъ.“ Объясненіе же корреспондента таково:

„Дѣло въ томъ, повидимому, что Порта „видитъ въ примирительномъ расположеніи Россіи, и въ уступкахъ ею сдѣланныхъ, желаніе избавиться вовсе отъ этого дѣла... Въ легкости съ какою Россія „согласилась на двухмѣсячное перемиріе „Порта видитъ подтвержденіе этой мысли, „и вотъ причина ея внезапнаго воинственнаго настроенія. Съ своей узкой точки „зрѣнія Турки разсуждаютъ что чѣмъ болѣе Россія уступаетъ и чѣмъ примирительнѣе она себя показываетъ, тѣмъ буд-

„то бы очевиднѣе что она слишкомъ слаба „для войны. Наилучшій планъ, поэтому, „есть отвергать все.“ Итакъ, по сужденію англійскаго публициста, именно уступчивость и примирительность Россіи могутъ повести къ войнѣ....

№ 334.

Москва, 29-го декабря.

Сегодняшнія телеграммы подтверждаютъ все что мы говорили вчера. Уступчивость европейскихъ дипломатовъ предъ Турками на конференціи, какъ видно, *еще* не дошла до послѣднихъ предѣловъ. Дипломатія, если вѣрить сообщеніямъ телеграфныхъ агентствъ, готова возвратиться просто-на-просто къ проекту реформъ заключающемуся въ пресловутой нотѣ графа Андраши,—къ тому что̀ болѣе года тому назадъ было отвергнуто населеніями Босніи и Герцеговины, и самими принявшими его державами признано недостаточнымъ, такъ что потомъ пришлось дополнять этотъ проектъ другими мѣрами, изложенными въ Берлинскомъ меморандумѣ. Дополненіе признавалось необходимымъ когда задача была менѣе значительна, когда еще не было пролито столько крови, не было еще войны, и Болгарскія населенія еще не подвергались расправѣ неслыханной въ наши дни на европейской почвѣ. Теперь, послѣ всего совершившагося, а главное по достиженіи, какъ увѣряютъ, всеевропейскаго концерта, другаго средства не оказывается какъ возвратиться къ мѣрѣ оказавшейся невыгодною съ самаго начала. Турки не соглашаются вступить въ переговоры на основаніи проекта Андраши, но вѣдь этотъ проектъ годъ тому назадъ былъ ими принятъ безусловно!...

Но и этимъ не исчерпывается *примирительность* европейскихъ делегатовъ. Въ сущности, конференція готова идти назадъ даже отъ ноты Андраши. Въ послѣдней, какъ гарантія исполненія, проектировалась международная коммиссія для надзора за исполненіемъ реформъ безъ срока. Теперь же, говорятъ, конференція уступаетъ и въ этомъ пунктѣ, довольствуясь учрежденіемъ надзора консульской коммиссіи всего на одинъ годъ.

Достигается ли этимъ, однако, цѣль поставленная торжественнымъ собраніемъ европейскихъ уполномоченныхъ для водворенія порядка въ христіанскихъ провинціяхъ Порты для огражденія жизни, чести, собственности христіанъ? Судя по тому что̀ дѣется на этомъ собраніи, трудно найти оправданіе самому факту конференціи въ Константинополѣ. Въ самомъ дѣлѣ, приходится стать на турецкую точку зрѣнія и спросить, по какому праву, ради чего, докучаетъ Туркамъ конференція? Развѣ мертворожденныя реформы Андраши, да и тѣ урѣзанныя, могутъ удовлетворить и успокоить христіанскія населенія? Но не объ успокоеніи, не объ огражденіи христіанъ, кажется, теперь главнымъ образомъ рѣчь. На конференціи роли страннымъ образомъ извратились. Европа не судитъ Турціи и не предписываетъ ей, а хлопочетъ какъ бы сдѣлать все ей пріятное и угодное. Очень можетъ-быть наконецъ что сами Турки предпишутъ свои условія конференціи, предъявятъ своего рода ультиматумъ европейской дипломатіи, и потребуютъ *для себя* гарантій противъ подобнаго непрошеннаго вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла, въ ихъ кровавую расправу съ Босняками, Болгарами, Сербами, потребуютъ—чего добраго!—кстати и вознагражденія, а для вящаго подкрѣпленія требованій пригрозятъ и войной...

Когда дѣло поставлено такимъ образомъ что рѣшеніе зависитъ исключительно отъ произвола Турокъ, то обманывать себя болѣе нечего. Несмотря на готовность конференціи къ неумѣренной уступчивости, разрывъ и затѣмъ война могутъ стать неизбѣжны. Не говоря уже о томъ что новое изданіе, въ турецкомъ духѣ, ноты графа Андраши не можетъ внушить никакого довѣрія христіанскимъ населеніямъ, нельзя имѣть увѣренности что это изданіе появится на свѣтъ изъ рукъ Турокъ. Въ *Кельнской Газетѣ* пишутъ что Турки тянутъ переговоры для того только чтобы выиграть время, и это весьма похоже на правду. Нѣкоторыя заграничныя газеты объясняли себѣ легкость съ какою Россія согласилась на двухмѣсячное продленіе перемирія будто бы желаніемъ съ ея стороны выиграть время. Но всѣ понимаютъ что если зимнее время вообще неудобно для военныхъ дѣйствій, то неудобство тяжеле для сирійскихъ и египетскихъ баталіоновъ чѣмъ для привычнаго къ стужѣ русскаго солдата. А

что Порта ищетъ только выгадать время,—это согласуется со всѣмъ происходящимъ, и по мѣрѣ проволочекъ ея въ переговорахъ не утихаетъ ея воинственное настроеніе, ея военныя приготовленія усиливаются съ лихорадочнымъ рвеніемъ. Благопріятный ли это признакъ для избѣжанія войны?...

Какъ много ни толковали объ европейскомъ концертѣ, сколько ни было принесено жертвъ для поддержанія его, концертъ этотъ остается призракомъ, и въ сущности дѣло стоитъ только между Россіей и Турціей. Не въ одномъ Константинополѣ, гдѣ засѣдаетъ конференція, но во всѣхъ главныхъ центрахъ Европы, какъ видно изъ газетъ и корреспонденцій, почему-то сложилось мнѣніе будто въ самой Россіи всѣ, какъ государственные люди, такъ и военные, думаютъ теперь единственно о томъ „какъ бы избѣжать войны во что бы ни стало.“ Причинъ приводится множество: и неудача будто бы мобилизаціи, и что будто гдѣ-то завязли въ снѣгу какія-то пушки, и распутица, и недостаточность вагоновъ, и трудности переправы за Дунай, и финансовое и торговое разстройство, даже банкротство Баймакова. Всего не перечтешь. Нужно ли останавливаться на самомъ фактѣ извѣстій подобнаго рода? Правда, умные люди у насъ любятъ отзываться обо всемъ своемъ свысока, и щеголяютъ на всѣхъ перекресткахъ своимъ презрѣніемъ къ Русскому народу и къ его государству. Но интересно какъ отзываются по этому поводу въ Европѣ? Сводъ всѣхъ сужденій находимъ въ газетѣ *Times*, которая въ послѣднее время отзывается о Россіи даже съ нѣкоторою жалостію. Статья въ ней заключается слѣдующими словами: „Можно полагаться что эти соображенія „(о невыгодѣ для Россіи вести войну) „постепенно пріобрѣтали вѣсъ въ глазахъ „русскихъ политиковъ, и мы можемъ надѣяться что они окажутъ благодѣтельное дѣйствіе.“

Въ чемъ же благодѣтельное? Какъ проговорилось въ одномъ этомъ словѣ двоедушіе! Сама же англійская печать признаетъ что уступчивость Россіи только поощряетъ сопротивленіе Порты, и въ то же время видитъ въ уступчивости „благодѣтельное“ послѣдствіе нерѣшительности. Но вѣрятъ или не вѣрятъ наши друзья въ слабость Россіи и въ ея желаніе во что бы то ни стало избѣжать войны, мнѣніе это дастъ имъ благовидное средство обяснять свое равнодушіе, чтобы не сказать недоброжелательство, къ успѣху конференціи. Если Россія, принимающая къ сердцу дѣло христіанъ, разсуждаютъ они, не настаиваетъ на исполненіи общей программы, то зачѣмъ же мы будемъ настойчивѣе ея? И Турки очень хорошо знаютъ это; они знаютъ что конференція могла имъ пригрозить только Россіей.

Изъ толковъ заграничной печати приходится заключить что, вопервыхъ, уступчивость не располагаетъ Турокъ къ сговорчивости, не поддерживаетъ европейскаго концерта и не обезпечиваетъ отъ войны.

№ 335.

Москва, 30-го декабря.

Нельзя сказать чтобы насъ очень любили въ Европѣ, чтобы намъ желали успѣха въ нашихъ предпріятіяхъ, чтобы сочувствовали нашимъ интересамъ, чтобы желали нашего процвѣтанія и усиленія въ мірѣ. Увы, напротивъ! Мы не можемъ шагу ступить, не можемъ пошевелиться, не возбуждая со всѣхъ сторонъ подозрѣній и махинацій враждебнаго свойства. Мы имѣемъ даръ соединять противъ себя самые противоположные интересы и страсти. Но въ то же время,—поймите это противорѣчіе!—ни о комъ въ мірѣ такъ много не заботятся какъ о насъ, ни за чье благосостояніе такъ не трепещутъ какъ за наше. Тѣ же самыя сердца въ одно и то же время волнуются и при мысли о нашемъ успѣхѣ, и при мысли о нашемъ неуспѣхѣ! Выраженіе искренней неприязни куріозно смѣшивается на однихъ и тѣхъ же лицахъ съ гримасой нѣжнѣйшаго намъ доброжелательства. Посмотрите, тѣ самые органы, которые съ неистовствомъ достойнымъ баши-бузуковъ чернятъ дѣло которое мы защищаемъ на Востокѣ и съ которымъ мы связаны всѣмъ существомъ нашимъ, въ то же время умоляютъ насъ, ради нашего благополучія, не трогаться съ мѣста. Тѣ же самые органы, такъ враждебные намъ во всѣхъ нашихъ интересахъ, истощаются въ заботахъ о нашихъ финансахъ и нашемъ внутреннемъ спокойствіи. Боже упаси Россію, восклицаютъ эти друзья наши, начинать теперь войну съ Турками,

Россія не готова къ войнѣ. У нея нѣтъ ни вооруженія, ни арміи, ни денегъ; финансы ея въ самомъ плачевномъ состояніи; въ нѣдрахъ ея кипитъ революція. Россія разоритъ себя, она будетъ отброшена на столѣтіе назадъ, она погибнетъ. Нашего канцлера учатъ faire la bonne politique. Въ послѣдней книжкѣ *Revue des deux Mondes*, въ статьѣ автора съ извѣстнымъ и до сихъ поръ хорошо звучавшимъ именемъ, сейчасъ прочли мы заключеніе что войны въ Россіи желаетъ какая-то либеральная партія, помышляющая путемъ разоренія страны и разстройства ея финансовъ дорваться до либеральныхъ учрежденій въ родѣ французскихъ бумажныхъ издѣлій и Мидхатовой конституціи. Такихъ глупыхъ партій у насъ нѣтъ; наши глупцы смотрятъ совсѣмъ въ другую сторону. Но сколько требуется безстыдства чтобъ утверждать будто движеніе овладѣвшее всѣми сердцами въ Россіи было возбуждено какою-то политическою партіей! Никто въ Россіи не желалъ и не желаетъ войны. Но въ Россіи, слава Богу, живутъ люди еще съ неизвращенною христіанскою совѣстію, еще съ неиспорченными инстинктами сердца. Могли ли живые люди остаться равнодушны при страшномъ воплѣ раздавшемся въ ихъ сосѣдствѣ, при видѣ ужасовъ совершавшихся среди бѣлаго дня!..

Ничто не ново подъ луною. Не впервые Россія борется съ непріязнію которая старается сбить ее съ пути клеветою, обманомъ и всякими кознями. Мы умолкаемъ предъ великимъ авторитетомъ творившимъ исторію Россіи, и предоставляемъ ему слово которое изъ глубины прошедшаго звучитъ такъ живо какъ бы вызвано было событіями текущаго дня.

Въ перепискѣ Екатерины II съ Циммерманомъ есть одно письмо, содержаніе котораго очень идетъ къ современнымъ обстоятельствамъ. Письмо это не есть что-нибудь новое, но оно остается въ забвеніи, на полкахъ библіотекъ, въ книгѣ *Zimmermann's Verhältnisze mit der Kayserin Cathaina II, von Marcard* (Bremen, 1803). Вотъ оно въ точномъ переводѣ, съ малыми пропусками, со списка провѣреннаго по подлинной рукописи и доставленнаго намъ однимъ изъ особенно уважаемыхъ нами друзей:

С.-Петербургъ, 26 январл 1791.

„Я только что получила ваше письмо отъ 8 января новаго стиля, доставившее мнѣ удовольствіе чувствованьями которыя вы изъявляете мнѣ. Если событія слѣдовавшія одно за другимъ въ продолженіи XVIII столѣтія были славны для Россіи, если ея завистники часто приходили отъ того въ изумленіе, какъ вы говорите, то причину тому слѣдуетъ искать единственно въ самихъ же интригахъ и махинаціяхъ враговъ этой имперіи, которые желая причинить ей какъ можно болѣе зла ставили ее въ необходимость развивать силы какихъ никто въ ней не подозрѣвалъ; потому что и наиболѣе заинтересованные плохо однако знаютъ Россію, а еще менѣе ея средства. Никогда войны противъ насъ возбуждаемыя не имѣли иного послѣдствія какъ только то что наши войска закалялись, а дѣла наши подвигались впередъ, такъ что послѣ Семилѣтней Войны я имѣла честь возвратить королю Прусскому его королевство и часть Помераніи, а послѣ войны съ Портою имѣла честь возвратить ей завоеванныя мною три провинціи вдвое болѣе обширныя чѣмъ Прусское королевство и несравненно лучшія его по своей почвѣ и географическому положенію, не считая Тавриды и островов Архипелага, и однако, тогда какъ и теперь, всѣ говорили будто мы не имѣемъ ни денегъ, ни арміи, ни средствъ; тогда какъ и теперь нанимали газетчиковъ чтобы разказывать о нелѣпыхъ проектахъ приписываемыхъ Россіи, и увѣрять что она потрясаетъ всѣ государства интригами, деньгами и силой. Тутъ они противорѣчатъ самимъ себѣ. Если у насъ нѣтъ ни денегъ, ни силы, то какія же деньги мы даемъ и какія же силы употребляемъ? Интрига—орудіе слабыхъ; клевета—орудіе злыхъ. Ни то, ни другое не прилично великой державѣ (вѣроятно намекъ на Англію и Пруссію) и не соотвѣтствуетъ прямодушію, честности и душевной высотѣ которыя подобаютъ лицамъ поставленнымъ надъ судьбами людей. И вотъ, однако, все это считается позволительнымъ противъ насъ. Богу извѣстно что не я интригую, и что въ видахъ моихъ нѣтъ ничего низкаго и злаго. Но за то навѣрное никакое могущество человѣческое не заставитъ меня сдѣлать что-либо не соотвѣтствующее интересамъ моей Имперіи или достоинству носимой мною короны, и въ подобныхъ случаяхъ я отдаюсь на волю Бога. Озлобленіе противъ Россіи у нѣкоторыхъ доходитъ до того что падаетъ даже на лица. Послушать что го-

ворятъ или что пишутъ о насъ можно подумать что у насъ нѣтъ людей ни на какое дѣло, даже на войну... Быть-можетъ потому полагаютъ что у насъ нѣтъ денегъ что когда мы беремъ деньги изъ нашихъ сундуковъ, то дѣлается это безъ формальностей придающихъ тому особенную важность. Правда также что сундуки не стоятъ въ подвалахъ подъ моими комнатами, и такъ какъ подвалы эти, полагаю я, пусты, то конечно можно сказать что въ нихъ нѣтъ ничего; но доселѣ, благодаря Бога, когда требовались деньги мы ихъ давали. Налоговъ для этого мы не устанавливали, а войска наши всегда на военномъ положеніи, и иного положенія не знаютъ. Впрочемъ, я миролюбива, и желаю мира со всѣми моими сосѣдями; я не имѣю намѣренія начинать войну ни съ кѣмъ изъ нихъ, но за то, если на меня нападутъ, я полагаю мною доказано что я умѣю защищаться. Я думаю что ни съ кѣмъ такъ не ловко тягаться какъ съ неблагодарными. Правое дѣло вотъ первая ступень славы. И что ни дѣлай, ничѣмъ на свѣтѣ нельзя прикрыть неправоту дѣйствій въ глазахъ современниковъ и еще болѣе потомства. Въ случаѣ нападенія на меня, буду ли я одна или съ союзниками, вы можете быть увѣрены что надежду мою я буду возлагать только на благословеніе Божіе и опоры искать только въ правотѣ моего дѣла и въ ревности моего народа, котораго я представительница и который конечно не подчинится ничьему иному велѣнію кромѣ моего, основаннаго на интересахъ и достоинствѣ моей Имперіи. Наконецъ, должно надѣяться что спокойствіе, какъ вы говорите, смѣнитъ собою коварныя махинаціи политики и громъ сраженій. Никто такъ не нуждается въ этомъ какъ бѣдные Турки, которые теперь при послѣднемъ издыханіи. Они пойдутъ навѣрное ко дну если война продлится,—какъ бы кто не обманывалъ себя относительно ихъ,—ибо кто не находитъ себѣ помощи въ самомъ себѣ, тотъ не найдетъ ее въ помощи другаго. Какихъ сокровищъ ни расточай, мертваго не воскресишь...“

Б.

Кому-то положительно необходимо завѣрить всѣхъ и каждаго что Россія есть страна обуреваемая въ настоящую минуту самыми ужасными революціонными страстями. Къ этому, очевидно, напрягаются чьи-то усилія, и старанія въ этомъ отношеніи доходятъ до невыразимо смѣшнаго. *Агентство Гаваса*, напримѣръ, распространило по Франціи слѣдующее „сенсаціонное“ извѣстіе, заимствованное имъ изъ вѣнской *Tagblatt*, и нѣкоторыя парижскія газеты напечатали его подъ громкимъ заглавіемъ: *Заговоръ въ Москвѣ:* „Въ Москвѣ „открыто тайное общество, по всей вѣ„роятности имѣющее развѣтвленія въ боль„шей части Русской имперіи и называю„щееся *Червоннымъ Валетомъ* (le Valet „rouge). Цѣль этого общества состоитъ въ „низверженіи правительства, въ провоз„глашеніи республики и въ раздѣлѣ Рос„сіи на пять независимыхъ государствъ, „соединенныхъ между собою лишь феде„ральными узами...“

Общество „Червонныхъ Валетовъ“ возведенное на степень таинственнаго политическаго фактора!

Но съ какою цѣлью пускаются теперь въ оборотъ подобныя штуки?

Ключъ къ этой загадкѣ не находится ли въ слѣдующихъ строкахъ телеграммы того же *Агентства Гаваса*, сообщенной французскимъ листкамъ и полученной имъ будто бы изъ Петербурга, отъ 22 декабря, въ разъясненіе загадочной манифестаціи послѣдовавшей тамъ на Николинъ день: „...Манифестація, состоявшаяся предъ Казанскимъ соборомъ, *началась криками ура въ честь Сербіи.*“ *Кому-то* непремѣнно требуется всѣхъ увѣрить что Россія волнуется революціонными стремленіями соединенными съ сочувствіемъ къ дѣлу восточныхъ христіанъ. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи *Journal des Débats*. Эта газета, на дняхъ внушавшая своимъ читателямъ что требованія конференціи „естественно“ должны возбуждать въ Портѣ „законное раздраженіе,“ эта утратившая всякій стыдъ заступница баши-бузуковъ, какъ извѣстно, проповѣдывала недавно что трогаться участью избиваемыхъ христіанскихъ населеній Турціи могутъ лишь революціонеры, и что охватившее Русскій народъ состраданіе къ христіанамъ Балканскаго полуострова грозитъ Россіи величайшими бѣдствіями, чуть не кровавымъ внутреннимъ переворотомъ *à bref délai*. Разумѣется этотъ органъ чьей-то политической стратегіи не могъ не ухватиться за фактъ какъ бы совпадающій съ его великодушными предостереженіями. *Jour-*

nal des Débats благосклонно „сознается“ что „сама по себѣ“ петербургская демонстрація „не имѣетъ никакого значенія.“ „Во всякой иной странѣ, поучительно говоритъ онъ, не стали бы обращать на нее ни малѣйшаго вниманія.“ Но Россія—это совсѣмъ другое дѣло! Въ Россіи есть „рабочій классъ, поселяне“ (которыхъ въ другихъ странахъ не обрѣтается), и между ними-то можетъ распространиться „опасное“ движеніе! „Должно быть глубокая смута проникла въ умы если нигилисты осмѣлились учинить предъ Казанскимъ соборомъ свою смѣшную выходку,“ ужасается *Journal des Débats*, и съ соболѣзнованіемъ прибавляетъ: „Таковы *первые* плоды *панславистской пропаганды...*“

Слышите ли, *первые* плоды! То ли еще будетъ въ послѣдствіи!.. Но какъ должна досадовать изобрѣтательная газета когда ей пришлось собственными руками затушевать изображенные ею горизонты. А совершить это пришлось. Нельзя же слишкомъ ужъ не осмотрительно маневрировать на такомъ скользкомъ операціонномъ полѣ, и *Journal des Débats* принужденъ былъ помѣстить корреспонденцію изъ Петербурга, которая отзывается о происшествіи 6-го декабря такимъ образомъ: „Безсмысленность этой выходки заставляетъ предполагать что она имѣла скрытую цѣль извѣстную однимъ коноводамъ. На этотъ счетъ есть тысячи гипотезъ. Самая вѣроятная состоитъ въ томъ что исторія сочинена по распоряженію *иностранныхъ революціонныхъ комитетовъ* съ цѣлью *разъединить и сбить съ пути* охватившее Россію *патріотическое* движеніе. Эта догадка подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ что органы русскихъ заграничныхъ революціонныхъ кружковъ выражали, въ свое время, *неудовольствіе* противъ патріотизма своихъ соотечественниковъ: легко можетъ статься что они прибѣгли къ манифестаціи въ качествѣ *противоядія.* На удачу разумѣется разсчитывать они не могли, и очевидно имѣли одну цѣль: *произвести впечатлѣніе на правительство*, на общественное мнѣніе и на Европу.“

Итакъ, *Journal des Débats*, это Наполеонъ самъ себя побѣждающій, долженъ вытряхнуть изъ своихъ столбцовъ „плоды панславистской пропаганды“ и замѣнить ихъ „распоряженіемъ русскихъ заграничныхъ революціонныхъ комитетовъ.“ Объясненіе нѣсколько *подходящее* къ истинѣ. Остается подождать какъ разъяснитъ самъ *Journal des Débats* то обстоятельство что одна изъ его наиболѣе грозящихъ Россіи революціей статей напечатана 5-го (17-го) декабря, какъ разъ наканунѣ демонстраціи; какъ разъяснитъ австро-венгерская газета *Pesti-Naplo* ту странность что его петербургская корреспонденція отъ 1-го декабря предсказала манифестацію за шесть дней до нея, не ошибившись ни въ числѣ, ни въ мѣстѣ. И если эти разъясненія когда-нибудь получатся, тогда мы будемъ имѣть уже *всю* истину, тогда мы подлинно узнаемъ *кто*, черезъ заграничные революціонные комитеты, подносилъ русскому патріотизму „противоядіе.“

2007052016